Còàâðî ï îëüñêèé
ãîñóäàðñòâåí íûé
óíèâåðñèòåò

Ñòàâðî ï îëüñêàÿ êðàåâàÿ
óíèâåðñàëüíàÿ íàó÷íàÿ áèáëèîòåêà
èìåíè Ì. Þ. Ëåðì î íòîâà

Ñòàâðî ï îëüñêèé ãîñóäàðñòâåí íûé
èñòîðèêî-êóëüòóðíûé
è ïðèðîäí î-ëàíäøàôòíûé
ìóçåé-çàï îâåäíèê
èìåíè Ã. Í. Ïðîçðèòåëåâà è Ã.Ê. Ïðàâå

Ãîñóäàðñòâåí íûé àðõèâ
Ñòàâðî ï îëüñêîãî êðàÿ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Ставропольского
государственного
университета

2011

Опальные русские писатели открывают Кавказ

Ïîä ðåäàêöèåé
äîêòîðà ñîöèîëîãè÷åñêèõ íàóê ïðîôåññîðà
Âëàäèìèðà Àëåêñàíäðîâè÷à Øàïîâàëîâà,
äîêòîðà ôèëîëîãè÷åñêèõ íàóê ïðîôåññîðà
Êëàðû Ýðíîâíû Øòàéí

Â ÒÐÅÕ ÒÎÌÀÕ

ÒÎÌ 3

УДК 882.091
ББК 84.83.3 (2Рос=Рус)
О-60

Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. / Под ред. д-ра социол. наук проф. В.А. Шаповалова, д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. — Т. 3. — 1104 с.

ISBN 978-5-88648-800-5

В трехтомной антологии публикуются произведения писателей, публицистов, деятелей культуры: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.И. Одоевского, А.А. Бестужева-Марлинского, В.И. Соколовского, И.В. Бентковского, Я.В. Абрамова, С.В. Фарфоровского, Н.И. Воронова, К.Л. Хетагурова, Г.Н. Прозрителева, Г.А. Лопатина, Н.Я. Динника, В.А. Романовского, — в разное время живших на Северном Кавказе, в Ставрополе, подвергшихся ссылке на Кавказ или гонениям со стороны властей, а также исследования Н.А. Котляревского, Л.П. Семенова, И.П. Лейберова, Н.В. Маркелова и др. о них и об их творчестве. Произведения «опальных» связаны с нашим краем, Северным Кавказом. Русские писатели проложили пути к взаимопониманию народов России, их произведения способствуют строительству мира в многонациональном регионе. В третьем томе печатаются малоизвестные произведения Я.В. Абрамова, С.В. Фарфоровского, Г.Н. Прозрителева, Г.А. Лопатина, Н.Я. Динника, а также работы о них.

Книга снабжена справочным материалом.

Руководитель проекта «Филологическая книга СГУ»:
ректор Ставропольского государственного университета, доктор социологических наук профессор В.А. Шаповалов

Научные редакторы: доктор социологических наук профессор В.А. Шаповалов, доктор филологических наук профессор К.Э. Штайн

Составители: К.Э. Штайн, Д.И. Петренко

Подготовка текста: Д.И. Петренко (ответственный за подготовку текста), К.Э. Штайн, Е.Н. Золоторева, В.П. Ходус, Т.С. Шевченко, Ф.Р. Одекова, А.И. Темирболатова, Е.Д. Черникова

Корректор: Б.Я. Альтус

Дизайн, обложка: С.Ф. Бобылев

Верстка: Е.Н. Золоторева, Д.И. Петренко

Издание подготовлено в проблемной научно-исследовательской лаборатории «Текст как явление культуры» Ставропольского государственного университета

ISBN 978-5-88648-800-5

© Издательство Ставропольского государственного университета, 2011
© К.Э. Штайн, Д.И. Петренко, составление, 2011
© С.Ф. Бобылев, дизайн, обложка, 2011

Óâàæàåì ûå ÷èòàòåëè!

Новый проект серии «Филологическая книга СГУ», в которой выпущено уже несколько десятков книг, открывающих неизвестные страницы в познании языка, литературы, истории, в том числе и истории нашего края, знакомит нас с произведениями русских писателей, очеркистов, которые волей судьбы были заброшены на Кавказ в разные периоды времени — с XIX по XX век. Это более чем столетие плодотворного труда писателей и культурных деятелей, сосланных по политическим мотивам в «теплую Сибирь» — на Кавказ.

Кавказ — благословенная страна с мягким климатом, великолепным ландшафтом, богатой и разнообразной культурой. Не случайно и до сих пор здесь располагаются лучшие курорты России, прекрасные места для отдыха. Русские писатели, интеллигенция, ученые прилагали и прилагают много сил, с тем чтобы наладить диалог между многочисленными народами Кавказа и России и в XIX, XX, и в XXI веке. Успехи здесь налицо: совместными усилиями были изучены языки народов Кавказа, созданы алфавиты для бесписьменных народов, в XX веке произошел значительный подъем литературы, искусства, науки на Северном Кавказе.

Беспримерным подвигом всегда были и остаются произведения русских писателей, которые первыми «открыли» для всего мира самобытную культуру народов Кавказа, живущих в экзотическом горном крае. В произведениях А.С. Пушкина, А.А. Бестужева-Марлинского, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого были запечатлены яркие картины Кавказа и его обитателей — смелых и свободолюбивых горцев, воссозданы их быт, ментальность, характер, нравы, народная философия и этика. Произведения русских писателей — лучшие путеводители, учебники и энциклопедии Северного Кавказа, которые были когда-либо созданы.

Сейчас мы переживаем важный исторический момент: правительство России вновь и вновь обращает серьезнейшее внимание на ситуацию в нашем регионе, создан Северо-Кавказский федеральный округ, в котором Ставропольский край призван сыграть важную роль в упрочении диалога между народами, живущими на Кавказе. Как нельзя более актуальными становятся произведения русских писателей о Кавказе, позволяющие учесть исторический опыт взаимодействия наших народов в новых условиях жизни в многонациональном регионе.

Мы представляем читателям большую трехтомную антологию «Опальные: Русские писатели открывают Кавказ», тем самым отдавая дань памяти русским писателям, в том числе и тем, которые связали всю жизнь с Северным Кавказом и нашим краем, неутомимо трудились над изучением языков, истории, культуры, географии, этнографии и т.д. Эти книги, аккумулирующие опыт столетия, являются по-настоящему патриотическими, учат терпимости, раскрывают богатство диалога между народами Кавказа для ума, души, сердца наших современников.

О Кавказе, и в частности о нашем крае, написано много, но эти сведения разрозненны, многие книги практически вышли из научного обихода. Всегда было такое чувство, что мы обязаны выявить лучшие произведения о Северном Кавказе. Ученые нашего университета собрали множество рукописей, редких книг, перевели в новую орфографию старые, практически недоступные издания. В результате собраны уникальные сведения о Северо-Кавказском регионе, которые аккумулируют опыт прошлого и могут быть использованы как основа для разработки инновационных проектов будущего.

Антология строится по следующему принципу. Мы печатаем произведения русских писателей, которые отбывали наказание на Кавказе, в особенности на Северном Кавказе и в нашем крае, трудились здесь, дополняем их работами, написанными об этих авторах, их произведениях в разное время. В первом томе печатаются книги русских классиков: А.С. Пушкина, А.А. Бестужева-Марлинского, М.Ю. Лермонтова, — а также исследования о них. Во втором томе — произведения известных и малоизвестных писателей, поэтов, публицистов В.И. Соколовского, Н.И. Воронова, И.В. Бентковского, К.Л. Хетагурова, не только сосланных, но и впоследствии проживавших, служивших в нашем крае. В третьем томе собраны сочинения, а также работы о творчестве Я.В. Абрамова, С.В. Фарфоровского, Г.Н. Прозрителева, Г.А. Лопатина, Н.Я. Динника, В.А. Романовского, живших в нашем крае, внесших огромный вклад в культуру. Некоторые писатели и публицисты, такие как В.И. Соколовский, С.В. Фарфоровский, Н.И. Воронов, Я.В. Абрамов, Г.А. Лопатин, Н.Я. Динник, практически забыты, но в их произведениях много ценных исторических, этнографических сведений, художественных подробностей о Северном Кавказе, о Ставрополье.

Сила классического университета — в фундаментальном знании, имеющем инновационные перспективы. Мы понимаем, что невозможно строить будущее без глубокого познания прошлого, без обращения к опыту, накопленному нашими писателями, публицистами. Демократия учит нас формам совместной жизни, когда главное условие развития личности — способность активно создавать собственное понимание мира и одновременно конструктивно откликаться на идеи, выдвигаемые социумом, принимать чужую точку зрения как иную, требующую понимания. В этом у нас есть ценный исторический опыт русских писателей, который мы стремимся осмыслить.

Ректор Ставропольского государственного университета,
доктор социологических наук профессор В.А. Шаповалов

Ñîäåðæàíèå

В.А. Шаповалов. Предисловие 7

ß.Â. Àáðàìîâ

Мещанский мыслитель. 11
Корова (очерк) 24
Хлудовщина 31
Босая команда 40
Мещане и «город» 54
Забытое сословие 64
Очерки Северного Кавказа (путевые заметки) 81
Кавказские горцы (из летних экскурсий) 109
Обзор новостей газеты «Приазовский край» за 1901—1902 годы.
Рубрика «Ставрополь-Кавказский» 128
Дети-преступники 158
Железнодорожные поселки 161
Великий писатель всех народов [Лев Николаевич Толстой] 163
Лев Николаевич Толстой 165

Èññëåäîâàíèÿ, ïîñâÿùåííûå ß.Â. Àáðàìîâó

Яков Васильевич Абрамов. Материалы из энциклопедических и биографических словарей 172
Э.В. Кемпинский. Интеллигент из Ставрополя 177
С.Я. Новак. Я.В. Абрамов — исследователь народной жизни 179
С.Я. Новак, Э.В. Кемпинский. Общественно-политическая деятельность
Я.В. Абрамова в конце XIX — начале XX века 185
В.Е. Черникова. Проблема бытия человека в творчестве Якова Абрамова 190
Современники о Якове Васильевиче Абрамове 194
Библиография 197

Ñ.Â. Ôàðôîðîâñêèé

Полукочевые народы Северного Кавказа (опыт историко-культурной монографии).
Калмыки Ставропольской губернии 205
Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк 220
Народное образование у ногайцев Северного Кавказа в связи с их современным бытом 234
Народно-юридические обычаи туркмен Ставропольской губернии.
Этнографический очерк 249
Народное образование в Кавказском учебном округе 256
Из быта чиновничества в дореформенное время на Кавказе (по архивным документам) 276
Из истории первого театра в Ставрополе 278
В степи (из дневника этнографа) 279

Èññëåäîâàíèÿ, ïîñâÿùåííûå Ñ.Â. Ôàðôîðîâñêîìó

М.С. Коршунов. Несколько эпизодов из жизни С.В. Фарфоровского 280
Формулярный список о службе учителя истории Майкопского реального училища
Сергея Васильевича Фарфоровского 283
Заметки в газетах об увольнении С.В. Фарфоровского из Ставропольской гимназии 285
Библиография 286

Ã. Í. Ïðîçðèòåëåâ

Из жизни старого холостяка (святочный рассказ) **288**
Легенда о происхождении реки Томузлова Ставропольской губернии
Александровского уезда (из записной книжки 1900 года) **291**
Дела и нравы. Каменные дела **293**
Железноводск (из записной книжки 1903 года) **296**
Из эпохи народных движений **299**
Рельсовый путь по Ставропольской губернии **307**
К событиям 1905 года в Ставропольской губернии (воспоминания очевидца) **311**
Архивы Ставропольской губернии **326**
Древние христианские памятники на Северном Кавказе **334**
К истории артезианских колодцев и первых постоялых дворов
в Ставропольской губернии **339**
Мажары. Один из древнейших городов Северного Кавказа **347**
Память о Н.В. Гоголе в захолустье Полтавской губернии **351**
Воронцов и Заводовский (по воспоминаниям современников) **355**
К истории Ставропольского и Тифлисского театра **363**
Казанский кафедральный собор в Ставрополе-на-Кавказе **365**
Необходимость борьбы против пьянства **373**
Из прошлого Северного Кавказа **375**
Необходимо охранять памятники прошлого **378**
Александр II в Ставрополе-на-Кавказе **381**
К 125-летию губернского города Ставрополя-на-Кавказе **387**
Источник Карабин. К истории губернского города Ставрополя **390**
К истории Тмутараканского камня **394**
Первые русские поселения на Северном Кавказе
и в нынешней Ставропольской губернии **399**
В дороге. По Ставропольской губернии в 1914 году **412**
Шамиль в городе Ставрополе **419**
Из прошлого Северного Кавказа. Воспоминания старого кавказца
отставного вахтера Мефодия Степановича Солодуна **424**
Кавказское оружие (оружие кавказских горцев) **433**
О военнопленных поляках на Северном Кавказе в войну 1812 года **439**
Из истории города Ставрополя **441**
Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношениях **455**
К 50-летию Ставропольского окружного суда. 17 апреля 1868 года — 17 апреля 1918 года **542**
Историко-археологический путеводитель по городу Ставрополю-на-Кавказе
и его окрестностям **545**
Гибнущий народ. Туркмены и их судьба **576**
В горах и ущельях близ Кисловодска **586**
Преступные типы Ставропольской губернии **594**
Две жертвы. Ольга Нестерова и Анюта Брагунова. Из прошлого Северного Кавказа **605**
Посольство от Шамиля к Абадзехам **610**
Из воспоминаний «В народе, в тюрьме и в суде» **613**
Памяти кавказского историка генерала Попко и судьба его архива **653**

Èññëäîâàíèÿ, ïîñâÿùåííûå Ã. Í. Ïðîçðèòåëåâó

Н.А. Охонько. Общественный деятель, просветитель, краевед **658**
М.Е. Колесникова. Историк-краевед на грани эпох: Григорий Николаевич Прозрителев **662**
В.В. Белоконь. Вклад Г.Н. Прозрителева в развитие архивного дела на Ставрополье **675**
Библиография **677**

Ã.À. Ëîïàòèí

Г.А. Лопатин: Автобиография. Показания и письма.
Статьи и стихотворения. Библиография **687**
Письма Г.А. Лопатина к матери и сестре Ольге. 1862–1863 годы **776**

Èññëäîâàíèÿ, ïîñâÿùåííûå Ã.À. Ëîïàòèíó

Г.Н. Прозрителев. Герман Лопатин в Ставрополе-на-Кавказе. Материалы к биографии **792**
А.В. Попов. Герман Александрович Лопатин **797**
М.С. Коршунов. Жизнь прожить – не поле перейти.....**809**
Ю.В. Суслов. Исследование родословной Германа Александровича Лопатина.....**815**

Í.ß. Äèííèê

Горы и ущелья Терской области.....**825**
Горы и ущелья Кубанской области.....**845**
Медведь и его образ жизни на Кавказе.....**868**
Верховья Большого Зеленчука и хребет Абишира-Абуха.....**887**
Верховья Малой Лабы и Мзымты.....**902**
Кавказский олень (Cervus elaphus maral Ogilby).....**931**
По Чечне и Дагестану.....**947**
Общий очерк фауны Кавказа **979**
Статьи Н.Я. Динника, опубликованные в «Энциклопедическом словаре Ф.А. Брогкауза и И.А. Ефрона»
Ставрополь Кавказский **984**
Ставропольская губерния..... **985**

Èññëäîâàíèÿ, ïîñâÿùåííûå Í.ß. Äèííèêó

С.М. Федоров. Выдающийся исследователь Кавказа Николай Яковлевич Динник.....**993**
А.Н. Хохлов, М.Ф. Тертышников. Кавказскими тропами **1008**
В.Х. Хе. «Чувствую природу сердцем, люблю Кавказ до самозабвения...»: Материалы к биографии Н.Я. Динника (1847 – 1917)..... **1011**
К.Э. Штайн, Д.И. Петренко. Выдающийся кавказовед Н.Я. Динник: Открытия и прозрения спустя сто лет..... **1020**

Â.À. Ðîìàíîâñêèé

Солдаты-декабристы на Кавказе **1033**
Восстание в селе Маслов Кут в 1853 году **1045**
Обзор диссертаций по истории Ставрополья за 40 лет Советской власти..... **1068**
В.П. Крикунов. «Крестьянская реформа 1861 года в Ставропольской губернии». Рецензия В.А. Романовского **1084**
Виктор Александрович Романовский. Автобиография..... **1087**

Èññëäîâàíèÿ, ïîñâÿùåííûå Â.À. Ðîìàíîâñêîìó

А.А. Аникеев. В.А. Романовский – основатель школы по отечественной истории на Ставрополье..... **1089**
В.А. Захаров. Виктор Александрович Романовский (1890–1971)..... **1092**
Э.В. Кемпинский. Виктор Александрович Романовский **1102**

Я.В.Абрамов

ÌÅÙÀÍÑÊÈÉ ÌÛÑËÈÒÅËÜ

I

Я познакомился с Григорием Петровичем совершенно случайно.

Раз как-то, шляясь по ярмарке родного города, я услышал страшный шум и рев, из которого явственно выдавались слова: «лови» и «бей!». Я бросился в ту сторону, откуда раздавались крики, и увидел следующую сцену. В изорванной холстинной рубахе, таких же портах и в поршнях, без шапки, с дубинкой в руке, бежал мужик и страшно кричал: «Сторонись, убью!». За ним, с ревом, гамом и каким-то нечеловеческим гоготаньем, бежала громадная толпа. Преследуемый с неестественною быстротою и ловкостью перепрыгивал через встречающиеся ему препятствия — оглобли телег, кучки всякого товара, лежащих быков, — ловко увертывался от преследовавших его, разгонял своею дубиною, своим криком и своим страшным видом тех, кто становился ему на дороге, и несся вперед. Однако, видимо, он начинал уставать: крик его становился все слабее, бежал он медленнее, грудь тяжело поднималась. А число преследователей все увеличивалось: всякий, мимо кого проносилась толпа, считал своею обязанностью присоединиться к ней и принять участие в общем крике. Многие бросали бревна под ноги преследуемому мужику; другие хватали его за куски изорванной рубахи. Наконец, какой-то мещанин ухитрился кубарем подкатиться под ноги преследуемого и таким образом свалил его на землю.

Тогда началось побоище. Упавшего били решительно все; били чем попало — кулаками, кнутовилами, дрючками; били не на живот, а на смерть. Слышны были только тяжеловесные удары, сыпавшиеся со всех сторон несчастному на голову, грудь и живот, да крики: «Так его, не воруй!». Несчастный сперва кричал, потом только стонал, наконец совсем смолк. А удары все сыпались. Какое-то зверское озлобление охватило всех присутствующих, и всякий старался нанести побольше ударов, да ударить посильнее. Просто жутко становилось смотреть на это зверство. Мои усилия остановить расходившуюся толпу не привели ни к чему. На мои уговоры и просьбы оставить несчастному хоть жизнь мне отвечали:

— А он не воруй!..

— Ничего, не сдохнет!..

— Не мешайся, барин, это не твое дело — это у нас свой суд... Не в полицию же его тащить: там ворам потачку дают...

Как на грех нигде не было видно ни одного полицейского; не было даже ни одного военного мундира, который мог бы устрашить толпу и остановить ее свирепость. Я уже отчаялся в спасении мужика и хотел уйти от страшной сцены, как вдруг раздался чей-то взволнованный голос:

— Братцы, да он, может, с голоду украл!

Разом опустились поднятые руки, палки и дрючки. Бойня прекратилась. Все заговорили:

— Может, и вправду... Голод-то не тетка...

— Ну, да и то сказать: проучили, и будет; не убивать же его из-за голенищ...

Мало-помалу толпа разошлась. На месте происшествия остались только я, откуда-то взявшаяся баба, которая тоненьким голосом заголосила на всю ярмарку, и молодой человек, по-видимому, мастеровой, вмешательство которого остановило бойню.

Мы подняли избитого. Все тело его было покрыто синяками и запекшеюся кровью. На лицо было страшно взглянуть. От рубахи и портов остались одни клочки.

Мне казалось, что он лишился всех сил. Однако он чрез несколько минут оправился и медленною походкою, шатаясь как пьяный, пошел вглубь ярмарки. Баба, голося и причитывая, пошла за ним: она была из одной деревни с ним.

Мы остались вдвоем с мастеровым. Я внимательно осмотрел своего соседа. Это был человек лет двадцати с небольшим, бледный, с задумчивым выражением лица. Одет он был в длиннополый мещанский сюртук, глухой жилет и брюки «навыпуск». На голове у него был традицонный тяжеловесный мещанский картуз, одинаково пригодный летом и зимою.

Находясь еще под влиянием только что кончившейся сцены битья, я невольно обратился к мастеровому со словами:

— А ведь они убили бы его, если б вы не подоспели…

— Да разве это люди? Это идолы, какие-то оголтелые истуканы… За голенищу человека жизни лишают!.. Сказано: не осуждай, да не осужден будеши, а иной раз, право, нельзя и удержаться от осуждения. Только и удерживает притча о сучке в чужом глазу и о бревне в своем… Да, хитрое это дело: у одного есть нечего — он и крадет голенищу, а у другого только и есть что голенища — поневоле будешь драться: кого ж судить? Кто виноват?

Он начал с злобою, а кончил с тихою грустью.

Меня крайне заинтересовали слова моего собеседника, и мне очень захотелось узнать, что это за человек. Видя, что он собирается уходить, я схватился за первую пришедшую мне в голову мысль.

— Знаете что, не согласитесь ли вы зайти со мною в трактирчик и выпить по стакану чаю? — предложил я.

Он сперва удивился неожиданному приглашению, но потом согласился.

За чаем мы, прежде всего, отрекомендовались друг другу. Его, оказалось, зовут Григорий Петрович Востряков. По профессии он столяр, живет по найму у подрядчика, занимающегося преимущественно постройкой церквей. У хозяина живут до пятидесяти мастеровых: столяров, плотников, кровельщиков, иконописцев и других.

Григорий Петрович оказался очень разговорчивым человеком и после нескольких вопросов с моей стороны откровенно рассказал мне свою биографию. К такой откровенности, по его словам, его побудило то, что «уж очень много накипело у него на сердце, так что через край хватает», и что ему «давно хочется поговорить с кем-нибудь по душе». Биографию Григория Петровича читатель и найдет на следующих страницах.

II

Детство и отрочество Григория Петровича ничем не отличались от детства и отрочества тысячи лиц, находившихся в одном положении с ним. Сперва он был отдан своим отцом, отставным солдатом и по профессии ямщиком, «в мальчики» к бакалейному торговцу. Потом, когда он, вследствие своей неповоротливости оказался негодным для торговой деятельности, он попал «в науку» к столярному мастеру. Здесь первые два года он только бегал на посылках: ходил на базар за провизиею, аккуратно два раза в день ходил в кабак за водкой для хозяина, подметал полы, топил печи и вообще исполнял разные мелкие поручения. Этот двухлетний период жизни был самым тяжелым временем для мальчика. Он был каким-то общим рабом, которого имела право посылать куда угодно и заваливать всякого рода работой целая масса лиц: столяр-хозяин, члены его многочисленной семьи, его рабочие-подмастерья, наконец, его кухарка. Он исполнял обязанности лакея, горничной, дроворуба, водовоза, кучера, помощника кухарки и многие другие. И при исполнении всех этих обязанностей от него требовались аккуратность и уменье сделать все как следует. А наградой за все труды и старания служили брань и побои. Его не ругал и не бил только тот, кому было лень или недосуг. Всякий же, кому приходила охота и у кого было для того свободное время, мог, сколько ему было угодно, «чесать» свой язык над мальчиком и расправлять над ним свои мускулы. Его били кулаками, колотили «струментом», секли плетью о пяти ремнях с узелками на конце («пятихвостка»), драли за уши, вырывали волоса. Удивительно — как он остался жив, так как жизнь его была настоящею каторгою.

Неизгладимые следы оставили в душе Гриши первые два года «ученья» или, вернее, колоченья. Детская живость, развязность, откровенность исчезли. Он ушел в себя, затворился в самом себе и избегал, по мере возможности, людей. Глядел он постоянно исподлобья, за что и был прозван «волчонком». Детская мягкость характера заменилась в нем упрямством и злостью. Он страшно ненавидел своих мучителей и постоянно мстил им чем мог: портил работу, марал краскою расписанный под орех комод, царапал отполированный стол, ломал нежные украшения рамок и т.п., бил стекла в окнах хозяйской квартиры, мазал какою-нибудь гадостью платье хозяина или подмастерьев и т.д. За всякою такою его проделкою следовала, конечно, кулачная расправа или порка «пятихвосткою».

Но Гриша не унимался. Мало-помалу он научился так ловко устраивать свои проказы, что его никак не могли уличить в них, и если его тем не менее пороли всякий раз, то единственно потому, что, по общему мнению, сделать данную проказу «больше было некому».

Не раз Гриша пробовал бегать от хозяина. Собственно, определенной цели побеги его не имели. Семья его была далеко от того города, где он страдал, и он не имел ни малейшего понятия о том, как добраться до нее; притом он по горькому опыту знал, что в семье его ждет та же порка, после которой он будет опять возвращен к тому же хозяину или отдан к какому-нибудь другому. Родных и знакомых в городе у него не было. Поэтому, если он бегал от хозяина, то с единственною целью — несколько отдохнуть от брани и колотушек. Обыкновенно, пробродив дня два по городу и съев украденный у хозяина хлеб, он снова возвращался в мастерскую, где и водворялся после усиленной порки.

На третий год пребывания Гриши в «науке» хозяин начал «приучать» его к столярному делу. «Приучивание» шло самым нелепым образом: первые полгода Грише давали только одно занятие — тереть «песчанкой» (бумага, на которую наклеен песок) предназначавшиеся к полировке вещи; на второе полугодие ему дали другое занятие — долбить и сверлить. Так же медленно тянулось обучение Гриши и прочим частям столярного дела: пилке, стружке, клейке, полировке и т.д. Не раз Гриша порывался опередить своего учителя-хозяина и самовольно начинал такие работы, которые ему хозяин еще не «показывал»; но эти порывы Гриши охлаждались бранью хозяина или подмастерьев, отбиранием инструмента и колотушками.

Вообще, побои практиковались по отношению к Грише в прежних размерах. Разница состояла только в том, что теперь побои наносились ему почти исключительно различными столярными инструментами, как предметами, постоянно находившимися под руками у тех, кому хотелось бить Гришу. В этом отношении, стало быть, жизнь Гриши представляла мало утешительных перемен. Но зато в другом отношении жизнь его очень изменилась, и притом в хорошую сторону: дело в том, что теперь он был почти совершенно избавлен от всяких работ помимо мастерской, и потому, по окончании обязательных столярных работ, он имел теперь свободное время. В это-то свободное время он и начал думать.

Думы Гриши, естественно, сперва остановились на нем самом и его тяжелом положении. Он невольно сравнивал свое положение с положением хозяйского сына, Вани, любимого и балуемого отцом и матерью. Отчего его никто не любит так, как любят Ваню его родные? Отчего его бьют, тогда как Ваню никто пальцем не трогает? Часто, страшно измучившись после шести- и семичасового беспрерывного трения «песчанкою» какого-нибудь гардероба или комода, или до страшной боли в ручных мускулах намахавшись пилою, едва волоча свои ноги, затекшие кровью от продолжительного стояния, и с трудом разминая измученные, повисшие как плети руки, он пробирался в глухой угол хозяйского сада и там «напрямки» ставил перед собою вопрос: отчего это он должен нести такую муку непосильного труда, тогда как его сверстник, Ваня, может в то же время беззаботно предаваться играм?

Грише было около пятнадцати лет, когда ему впервые пришел в голову последний вопрос. Он тщетно ломал голову над его решением, тщетно искал в своей короткой жизни вины, которая оправдывала бы то тяжелое положение, в котором он находился. Он сравнивал себя с окружающими и нисколько не находил себя хуже их. За что же он страдает?.. И, не находя ответа, Гриша впадал в безнадежно-отчаянное состояние, становился апатичным ко всему, и только уходя по вечерам в сад, он отводил душу в страшных рыданиях.

Не раз в такие минуты отчаянья Гриша думал о самоубийстве. Он с любовью останавливался на этой мысли и подробно развивал ее. Единственный способ самоубийства, который он мог себе представить, было повешение, и притом непременно в саду. Вот он стащит из конюшни толстую бечеву, которая висит там на стене, сделает на ней петлю, потом взлезет на самую вершину вот этой дули или — лучше — вот этой яблони и привяжет к ветке другой конец бечевы. Затем останется надеть петлю на шею и из всей силы прыгнуть с дерева: тело закрутится, несколько раз подпрыгнет, как подпрыгивают и крутятся кули с мукой, подымаемые на канатах во второй этаж провиантского магазина, — и затем все кончено… На другой день его хватаются: «Где Гришка, где он, такая-сякая каналья?». Нет Гришки, нет канальи. Кто-то вам будет теперь инструмент точить?.. Начинаются поиски. «Убежал, беспутный мальчишка!..». Наконец, кто-нибудь приходит случайно в сад и видит труп Гриши, раскачиваемый ветром. Увидавший закричит, непременно закричит («Ага, испугался!») и убежит на двор. Являются все: хозяин, его жена, Ваня, его сестры, подмастерья и даже другой «ученик» — Колька, мальчик лет десяти… «А хозяйка-то испугается: она на сносях», — злорадствует Гриша. «А хозяину возни со мной много будет: в одну полицию сколько придется денег переплатить — страсть!..».

Но молодость брала свое. Мысли о самоубийстве приходили только по временам, в наиболее тяжелые минуты. В остальное время, напротив, хотелось жить, хотелось изведать то, что доселе было недоступно Ване: хотелось любить и быть любимым. Страстная жажда любви и ласки охватила в это время все существо Гриши. Не встречая любви ни в ком из окружающих и не любя в свою очередь никого, Гриша привязывался не раз к животным: собакам и кошкам. По целым часам возился он с своими любимцами: бегал с ними «наперегонки», позволял им прыгать через

себя, украшал их лентами и тряпками и тому подобным. И животные любили его: завидев его издалека, они весело бежали к нему навстречу, прыгали вокруг него, радостно лаяли или мяукали. Но привязанность животных не могла удовлетворить Гришу: ему нужно было перед кем-нибудь излить свое горе, с кем-нибудь поделиться своими тяжелыми мыслями, а такого человека, с которым он мог бы быть откровенен, у него не было. Он был один, постоянно один. Страшная тоска щемила его сердце, и он нередко проводил целые часы в саду, уткнув лицо в землю и сдавливая судорожно поднимавшуюся от рыданий грудь.

В этом положении застал его однажды новый квартирант хозяина, гимназист седьмого класса Ворохов.

Ворохов был самый обыкновенный гимназист: он с грехом пополам «зубрил» гимназическую мудрость, кое-как исполнял требования гимназической дисциплины и успешно обманывал учителей и начальство. Никакими особенными качествами — ни дурными, ни хорошими — он не отличался. Поэтому, если встреча с ним Гриши имела, как увидит читатель ниже, громадное влияние на развитие последнего, то это произошло решительно помимо воли гимназиста, единственно в силу резкого различия их положений.

Гуляя по саду в первый же раз по переезде на квартиру к столяру, Ворохов услышал в углу сада, за кустом крыжовника, сдержанные рыдания. Он поспешил на звуки и увидел Гришу, лежащего вниз лицом. Он подсел к плачущему и начал ласково утешать его. Гриша сначала оторопел; ему было крайне стыдно, что его застал в слезах незнакомый человек, — он вытер гдаза, насупился и хотел уходить. Но ласковые слова гимназиста взяли верх над Гришей, и чрез минуту он, рыдая сильнее прежнего, захлебываясь от слез и едва успевая выговаривать слова, рассказывал Ворохову про свое горе, свои страдания, свою тоску.

Гимназист слушал эту скорбную, страстную исповедь Гриши и решительно недоумевал, как помочь этому страдающему мальчику. Когда Гриша кончил, воцарилось долгое молчание. Гимназист грыз ногти и все думал: «Что же сделать, что сделать?». Наконец, он неожиданно произнес:

— Хочешь, я буду учить тебя читать и писать?

Гриша сначала крайне изумился: не того он ожидал и не то ему нужно было в данную минуту. Но мысль научиться грамоте очень улыбнулась ему. В мастерской грамотным был только один подмастерье, и Гриша видел, как возвышала его грамотность над остальным составом мастерской: к нему обращался хозяин, когда последнему нужно было сводить счеты или писать какие-нибудь условия и расписки; к нему же обращались товарищи-подмастерья, когда им нужно было написать или прочитать письма; он же наполнял досуги длинных зимних вечеров, читая вслух какие-нибудь «страшные» рассказы или рассказывая прочитанное. И за все это он пользовался многими льготами по мастерской, и благодарные товарищи исполняли многие работы за него. Была и другая причина, заставлявшая Гришу сильно жаждать грамоты. Раз в церкви он слышал проповедь священника; витиевато составленная, она, конечно, была совершенно непонятна для Гриши, — но конец ее он понял отлично. Священник закончил проповедь приблизительно следующими словами: «Итак, читайте Евангелие: в нем вы найдете утешение в горе и разъяснение того, чего вы не понимаете». Эти слова глубоко запали в душу Грише, и он не раз мечтал о том, чтобы узнать, что такое написано в этом Евангелии, обладающее такою чудодейственною силою. К этому присоединилось еще одно обстоятельство. На одном дворе с мастерской жила старуха-портниха, считаемая всем околотком за святую. Это была женщина суровой наружности и строгого, аскетического образа жизни. Она пользовалась необыкновенным уважением за свой ум и житейскую опытность: каждый вечер к ней приходила масса народа за разными советами. Тут была жена, не любимая мужем, и муж, у которого жена распутничала; сюда шли родители, оскорбляемые детьми, и дети, страдающие от несправедливости родителей. Всех портниха наделяла советами, всех умела утешить, она мирила мужей с женами и улаживала дурные отношения родителей и детей. Недовольные ею — были и такие —иронически называли ее «мировым судьею», и это название могло быть дано ей без всякой иронии. Свой дар — быть общею примирительницею — портниха получила, по мнению всего околотка, от чтения Библии. И действительно, она каждое утро посвящала около часу чтению Библии. Гриша не раз видел эту седовласую портниху, сидящую в очках под окном и читающую громадную, в аршин длины, старопечатную Библию в деревянном переплете. И ему чрезвычайно хотелось прочитать эту Библию, чтоб сделаться таким же умным, как старуха-портниха, и пользоваться таким же всеобщим уважением и любовью. Все это вспомнилось Грише теперь, когда Ворохов предложил ему учиться грамоте, и он с радостью согласился на предложение.

Учитель и ученик принялись за дело с рвением. Каждый вечер Гриша приходил к гимназисту, и они садились за чтение и письмо. Но, несмотря на старания учителя и прилежание ученика, дело подвигалось вперед весьма туго. В чтении они еще делали кое-какие успехи, но письмо совсем хромало: толстые пальцы Гриши, привыкшие к сильному механическому труду, положительно отказывались выводить тонкие очертания букв. Через полгода усидчивых занятий Гриша едва мог читать почти по складам и выводил какие-то странные иероглифы, долженствовавшие обозначать буквы.

Рядом с обучением чтению и письму Ворохов занимался «развиванием» своего ученика. Для

этого он читал ему наших беллетристов, преимущественно из числа писавших о народе. Так они прочитали Помяловского, Слепцова, Решетникова, А. Левитова и первые рассказы Гл. Успенского. Чтение это производило громадное влияние на впечатлительную и изболевшую душу Гриши. Здесь в первый раз представилась ему возможность объективно отнестись к людским страданиям, которые он доселе испытывал только субъективно, на собственной шкуре. Результаты этой перемены точки зрения на горе получились громадные. Однажды, когда Ворохов читал «Подлиповцев», Гриша невольно воскликнул:

— Что же это такое, Господи! Да неужто везде жить так скверно, как у нас?

— А ты думал как? — ответил Ворохов. — В других-то местах люди живут еще хуже тебя.

— Еще хуже? — волновался Гриша.

— Хуже, куда хуже. Ты хоть сыт, а в других местах людям и поесть вволю никогда не приходится… Да вот, дослушай до конца…

С этого момента начался новый фазис развития гришиного миросозерцания. Он начал внимательно всматриваться в жизнь окружающих его людей и везде подмечал скрытое горе, прячущиеся муки, везде видел несчастье, нужду и страданья. Вот, например, один из подмастерьев, Яковлевич. Он получает большое жалованье — двадцать рублей на хозяйском содержании; он занимает самое видное положение в мастерской, ему все завидуют. Но что такое его жизнь, как не бесконечная, безрезультатная, бессмысленная мука? У него нет ни детей, ни жены, ни родных. Он вечно одинок: нет у него ни друзей, ни близких приятелей. Все свободное время он проводит в пьянстве. Он пьет с каким-то ожесточением. Целые дни он молча и сосредоточенно работает, и работает так, что все любуются на его изделия; а вечером он так же молча напивается. В праздники он пьет целый день, пока не свалится где-нибудь в канаву. Пьяный, он начинает разговаривать сам с собою и вспоминает об умерших жене и сыне; в такие минуты он плачет, проклинает и винит себя в их смерти. Больно смотреть тогда на этого несчастного человека… И ему еще завидуют!..

Или хотя бы взять самого хозяина. Он работает сам целые дни; обманывает и обсчитывает при расчете своих подмастерьев; надувает всячески заказчиков. Он сколотил малую толику деньжат, имеет дом и сад. Но разве он не несчастный человек? Он вечно грызется с женой; его дочери пользуются самою дурною славою в околотке; его любимый сын вышел балбесом, не умеющим делать ничего, кроме того как гонять волчки да пускать змея. Нет, несчастье заставляет хозяина предаваться по целым месяцам запою, недовольство своею судьбою гонит его из семьи и побуждает иногда до поздней ночи играть в карты с подмастерьями.

Или взять всю мастерскую. Как часто в ней происходят всеобщие драки, так себе, без всякой причины. Скажет один: «Ну!» — а другой сейчас обижается: — «Чего-ну? Ты не очень-то нукай!».

— А ты не мешайся, пока не спрашивают; а то живо загвоздку получишь…

— От кого? Не от тебя ли? Ах ты косорылая свинья! Поди сперва рожу-то выпрями!..

— А, так ты вот как!.. Так вот же тебе!..

Бац в ухо, тот — сдачи, и пошла потеха. В драку вмешиваются другие, и чрез минуту вся мастерская усердно тузит друг друга чем попало: рубанком, шершебнем, коловоротом, доской. Прибегает хозяин, и ему едва удается унять расходившихся бойцов.

— Что это вы, черти, чего не поделили?

А «черти» и сами не знают, что им нужно было делить…

Нет, не от счастья такое зверство!..

Заглядывал Гриша и за пределы мастерской — и всюду видел несчастье, горе, нужду. Вот в подвальном этаже соседнего дома мается прачка с тремя детьми: сколько несчастная терпит муки, полоская зимою белье в проруби, таская страшно тяжелые узлы, иногда на пятый этаж, обваривая себе руки кипятком и т.п. Или вот напротив целые дни сидит, согнувшись над работой, сапожник и едва зарабатывает хлеб семье…

Да, всюду несчастье, всюду горе…

Но нужно ж как-нибудь помочь этому, непременно нужно. Но как?

Этот вопрос Гриша поставил Ворохову. Но учитель Гриши оказался пессимистом: он полагал, что для исцеления мира от царящих в нем зол нет радикальных средств, и что поэтому нужно жить, как живется, делая, по мере возможности, добро вокруг себя. Но Гриша не мог удовлетвориться подобною философиею. Ему страстно хотелось найти средство, с помощью которого можно было бы сделать всех счастливыми. Он пока не видел такого средства, но верил, что оно есть и что его можно найти. Забившись где-нибудь в угол, он думал: «Бог ведь добрый: как же это Он сотворил людей на вечную муку? Нет, тут что-нибудь не так». И Гриша, читавший в это время уже более или менее свободно, обратился к Евангелию.

Он давно хотел попросить Ворохова почитать ему Евангелие. Но гимназист несколько раз выражал пред Гришей отрицательное отношение к религии, и Гриша решился дождаться того времени, когда он сам будет в состоянии читать Евангелие. Теперь это время наступило, и Гриша, давно запасшийся русским Евангелием, с страстною жадностью набросился на него. Перечитывая историю земной жизни Христа, Его притчи и проповеди, историю жизни первых христианских общин и по-

слания апостолов, Гриша искал исключительно указаний на причины дурных порядков, царящих в мире, и на средства к их изменению в лучшую сторону и останавливался, главным образом, на тех местах Евангелия, которые, по его мнению, имеют отношение к мучившим его вопросам.

Сначала его внимание было привлечено тем местом Евангелия, в котором рассказывалось, как Христос сказал богатому юноше, чтобы он роздал все свое имущество бедным. Гриша с крайним интересом и любовью прочитал это евангельское повествование и глубоко задумался над ним. «Ах, как бы это было хорошо, — думал он, — если б все сделали так». И в его воображении пронеслась восхитительная картина: его хозяин, богатые соседи, заказчики, которые поражали его всего более своими шубами, кабачник — все стоят на улице и раздают желающим все, что у них имеется: деньги, одежду, мебель и прочее. А улица вся запружена нищими, калеками, бедными, оборванными женщинами и детьми — и все получают все, что им нужно, все счастливы, у всех радостные лица… Но вот раздается суровый голос хозяина, настоящего, а не воображаемого, и восхитительная картина исчезает. «Нет, никогда он никому ни копейки не даст», — думает Гриша, глядя на красный лоснящийся нос и жирные отвислые щеки хозяина. «Ну, а если я буду, помимо прочих, делать так, как сказано в Евангелии? Вот я буду раздавать свои семь рублей (он состоял в то время уже на жалованье), что из этого выйдет? Отдам я деньги Федору — сапожнику, а другие — прачка, Матрена, Семен-шорник — останутся по-прежнему? Да и Федор, ведь он пропьет мои деньги, да еще меня дураком обругает… А Яковлевич? Ведь он двадцать рублей получает, ему деньгами не поможешь». И Грише представляется не раз виденная им картина: в грязной луже около забора лежит Яковлевич и ведет разговор сам с собой: «Ведь ты, Яковлевич, подлец, подлец ты… Ты мастер хороший, золотой мастер — цены тебе нет, только… подлец ты… Ты ведь убил жену?.. Говори, скотина, убил? Да хвостом не финти, а говори прямо, шельма пьяная, свинья, с позволения сказать…». Затем начинался плач, страшный плач взрослого человека. Яковлевич рыдал, рвал себя за виски, бился головой о землю, и это продолжалось до тех пор, пока Яковлевича не поднимал кто-нибудь и не приводил в мастерскую, или пока он не засыпал тут же в луже… Какими деньгами поможешь Яковлевичу?..

Останавливался затем Гриша и над многими другими местами Евангелия, задумывался над выраженными в них нравственными требованиями. Высота этих требований невольно покоряла ум Гриши, он чувствовал благоговейное уважение к святой книге и решился построить свою личную жизнь на евангельских предписаниях нравственности. Но, перенося дело на чисто практическую почву, имея постоянно в виду окружающих его людей с их скорбями и страданиями, Гриша долго не мог найти такого всеобъемлющего принципа, проведение которого в жизнь спасло бы людей от страданий. Прочитывая и перечитывая многие места Евангелия, задумываясь над ними, толкуя их на разные лады, Гриша все-таки не находил того, что ему было нужно. Он похудел, как-то осунулся, стал еще более прежнего избегать людей, перестал даже посещать Ворохова и все свободное время сидел с Евангелием в руках. Хозяин и особенно подмастерья сначала смеялись над «святошеством» Гриши, издевались над ним во всевозможных плоских шутках и всячески изощряли над ним свое остроумие. Но упорство, с которым он воздерживался от всякого ответа на шутки и остроты, настойчивость, с которою он искал чего-то в Евангелии, бледность его лица и болезненный блеск глаз — все это прекратило мало-помалу всякие шутки со стороны хозяина и подмастерьев: они начинали относиться к Грише с каким-то особенным чувством, состоящим из смеси сожаления и уважения. О побоях и брани теперь, конечно, не могло быть и речи, так как Грише в это время было около семнадцати лет…

А Гриша, между тем, все искал. Часто после долгого чтения Евангелия и после продолжительной работы мысли, не приведшей ни к какому результату, он впадал в полное отчаяние: ему казалось в такие минуты, что мир обречен на вечное страдание и что нет средств вывести его из этого положения. В такие минуты он вспоминал Ворохова и начинал думать о нем как о великом человеке, который давно пришел к такому же мрачному выводу, к какому приходил теперь Гриша. Но он был слишком живой человек, слишком близко принимал к сердцу интересы жизни, чтоб удовлетвориться своим отрицательным выводом. Прислушиваясь к плачу детей, запертых в маленькой каморке Матреною, которая пошла разносить белье давальцам; наблюдая на улице, как сапожник колотил свою жену; присутствуя безмолвным свидетелем при ожесточенных драках, происходивших в мастерской, Гриша всем своим существом чувствовал, что «нельзя же так» и что «надо что-нибудь придумать». И снова его мысль начинала работать, снова он перечитывал Евангелие.

Узнал, наконец, Ворохов, почему ученик перестал его посещать, и принес ему несколько книг, в которых описывалось скверное житье русского человека — в деревне, в мастерской и на фабриках. Гриша внимательно прочитал книги и, возвращая их Ворохову, заявил:

— Мне не это нужно.

— Как так? — удивился Ворохов.

— Да так: тут напечатано, как люди живут, а мне хочется знать, как нужно жить.

Ворохов не нашелся, что отвечать, и Гриша возвратился к Евангелию.

И, наконец, он нашел, что искал!

Не раз останавливался он на словах Христа о всеобщей любви, о любви не только к ближнему, но и к врагу. Сначала ему казалось, что в этих словах кроется разрешение мучившего его вопро-

са. Любовь! Да, это именно то, чего недоставало ему в жизни, чего он так страстно жаждал, что могло осветить всю его жизнь. Да, именно любви недостает в людских отношениях: если бы хозяин и подмастерья любили его, разве они бранили и били бы его? Вон хозяин любит своего сына — и никогда его не бьет. Если б хозяин любил подмастерьев, разве б он обсчитывал их? Если б давальцы любили прачку Матрену, разве б они платили ей так мало, что она едва может прокормить детей?.. Да, именно любви недостает миру, именно любовь может исправить мир!.. Но отчего же люди не любят друг друга, когда дело так просто и ясно? Присматриваясь к пьяным, суровым и жестоким фигурам окружающих его, Гриша решал, что люди не могут любить друг друга, что они слишком дурны для всеобщей взаимной любви…

Однажды Гриша сидел у Ворохова и слушал, как тот читал книгу о важности гигиены. В книге приводилась масса примеров того, как люди губят свое здоровье, а иногда и самую жизнь, исключительно вследствие незнания самых простых гигиенических правил.

— Отчего ж это, в самом деле, люди не делают так, как написано в этой книжке? Разве люди — вороги себе? — спросил Гриша.

— А оттого, — отвечал Ворохов, — что они не знают того, что я тебе прочитал, не понимают того, что это нужно делать.

— Ну, а если это им рассказать?

— Тоже, наверно, долго не будут понимать и даже верить не будут.

— И никогда не поверят?

— Поверят, когда поймут. Только долго нужно будет им все разъяснять, потому что они не привыкли вообще что-либо понимать — это во-первых, а во-вторых, они уж слишком привыкли к грязи и вообще к своей скверной обстановке, чтобы скоро расстаться с ней. А все-таки, если как следует повести дело и упорно не оставлять его, то можно будет добиться того, что они поймут и сделают так, как сказано в этой книге…

Гриша задумался. Эти лениво сказанные Вороховым слова — «не знают», «не понимают», «если повести дело как следует, то поймут», — вдруг натолкнули Гришу на целый ряд мыслей относительно занимавшего его предмета. «А ведь и насчет любви люди не знают: не знают, что нужно любить друг друга, не понимают, что им от этого будет лучше. Да и откуда им знать это? Разве им кто-нибудь когда говорил? Никто и никогда. Возьмем хоть подмастерьев: были они ребятишками — били их не на живот, а на смерть, про любовь тут и помину не было; выросли они — сами начали бить, а спроси — почему? Один ответ: «Надо, нас самих учили». И не понимают они, что нужно не бить, а любить. Так же и все другие, прочие: и хозяин, и прачка Матрена, и Федор-сапожник, и Ворохов, и всякие давальцы — все, все они не знают, не понимают того, что нужно любить… Значит, нужно сделать, чтобы они знали это».

Но как? И Грише представились знакомые лица: вот Иван-косой, главное достоинство которого состоит в том, что он берет верх в драке надо всеми подмастерьями, вот фабричный Петр, приходящий иногда в мастерскую в гости к одному из подмастерьев, — он несколько лет сидел в остроге за убийство жены и теперь вспоминает с удовольствием о том, как он «хлобыстнул» жену; вот хозяин, который недавно самым бессовестным образом «зажилил» часть небольшого жалованья Гриши. Как добиться того, чтобы все эти люди поняли, что нужно не драться, не резать, не обсчитывать, а любить?.. Гриша не знал, как ответить на этот вопрос, но решил, что он должен, непременно должен додуматься до удовлетворительного ответа.

И он додумался. Однажды он пришел к Ворохову и спросил его:

— Вот, вы мне читали и рассказывали про разные машины… Или, вот, говорили, как какой-то ученый узнал про обращение крови… Прочитайте мне теперь или расскажите, как жили они сами, кто выдумал машины, и кровообращенье, и электричество, и железные дороги, и все…

— С удовольствием, — согласился Ворохов. — Только почему тебе захотелось узнать именно это?

— Да мне хочется знать, скоро ли им поверили…

— Ну, нет, брат, не очень-то скоро. Иной так и умирал, не добившись, чтоб ему поверили, и только после смерти об нем добром вспомнили. А иного целую жизнь преследовали и даже заставляли отказываться от того, до чего он додумался…

— Вот-вот, это самое мне и почитайте!..

И они в течение нескольких недель занимались чтением биографий «благодетелей человечества».

Гриша с напряженным вниманием слушал это чтение. Мысль о том, что только любовь может спасти мир, что об этом знает только он один и больше никто и что он в скором времени должен выступить с проповедью любви, возвышала его в собственных глазах и даже побуждала его считать себя равным тем великим людям, жизнеописания которых он слушал. Сначала ему даже было стыдно смотреть на себя как на человека, выходящего «из ряда вон». Но потом, сравнивая себя с окружающими, он находил, что он решительно выше всех: ведь никто не понимает, как спасти мир, решительно никто, даже самый умный человек, какого только он знал, Ворохов, и тот не понимает этого, а он, Гриша, доселе бывший таким ничтожным человеком, понимает это. И потому Гриша слушал чтение

биографий с каким-то особенным, родственным сочувствием: ведь и ему придется перенести то же, что перенесли все эти изобретатели и мыслители, и он будет делать то же, что делали они.

Две черты особенно поразили Гришу во всех биографиях великих людей: постоянство и упорство, с которыми они преследовали раз намеченные цели, и страдания и преследования, которым они подвергались. Черты эти были общи всем биографиям и являлись чем-то необходимым в деятельности людей, вносящих новую мысль в мир. И Гриша решился подготовить себя к предстоящей ему деятельности, выработав в себе, во-первых, уменье вести дело проповеди любви, а во-вторых, способность переносить всякие страдания.

«Иначе нельзя, — думал Гриша, — стану я говорить какому-нибудь пьянице, а он еще осмеет меня: «Ты, скажет, молокосос, и еще лезешь учить меня!». А вот как я буду пятью головами выше его, как я буду знать столько, сколько десятеро таких-то, как он, не знают, как я буду ему нужен каждую минуту — тогда другой разговор пойдет, тогда ему и в голову не придет, и язык не повернется сказать мне что-нибудь дурное; да и слушать он меня будет иначе — обоими ушами, а не так, что одним ухом слышит, а в другое выпускает. Это раз. А другое: взбучка мне будет — и ругаться будут многие, и даже иной раз отколошматят. Это как Бог свят. Вот и нужно приучиться».

И Гриша начал «приучаться».

«Приучивание» это, сообразно с поставленными Гришею целями, распадалось на две части: во-первых, на приобретение знаний, решение различных возбуждаемых наблюдением природы и жизни вопросов и вообще на приобретение умственной силы; а во-вторых, на выработку привычки переносить голод, холод, нравственные страдания и т.д.

Для выполнения первой части программы Гриша, или, вернее, Григорий Петрович, так как ему в это время было уже 19 лет и окружающие его уже перестали называть его уменьшительным именем, обратился к усиленному чтению и стал искать общения с «учеными» людьми. Он записался в библиотеку и все свободное время употреблял на чтение книг, в которых описывалось, «как в разных местах люди живут». Каждый день аккуратно, окончивши в 8 часов вечера работы по мастерской, он бежал в библиотеку и там читал газеты. Так как Ворохов в это время уже уехал в университет, то Гриша познакомился с некоторыми оставшимися в городе приятелями Ворохова, из гимназистов и семинаристов, и часто посещал их. Гриша задавал им вопросы, возбуждаемые в нем чтением, просил объяснений непонятным местам книг, охотно слушал их рассуждения о различных предметах, касающихся «политики» и тому подобного. Сначала он принимал их объяснения на веру, но потом мало-помалу начинал относиться к ним критически. Вообще, умственное развитие его в это время сделало довольно значительные успехи: приобретенные знания и выработка определенных взглядов на различные явления жизни давали ему иногда перевес над знакомыми гимназистами и семинаристами в спорах по поводу того или другого явления.

Другая намеченная Григорием Петровичем цель — выработка в себе выносливости — побуждала его вести аскетический образ жизни. Он отказался от употребления спиртных напитков, к которым он привык еще в первые годы пребывания в мастерской; ел столько, чтоб только быть в состоянии работать; одевался так легко, как только мог вынести, и тому подобное.

Добровольные лишения, которым подвергал себя Григорий Петрович, и умственное превосходство, которое теперь ощутительно чувствовалось и хозяином, и подмастерьями, мало-помалу вызвали глубокое уважение к нему в людях, окружающих его. Множество мелких услуг, которые он оказывал как членам своей мастерской, так и посторонним лицам из числа бедняков околотка: писание писем и просьб, указания, куда и к кому обратиться в случае какой-либо житейской нужды, необходимости получения метрического свидетельства, какой-нибудь справки из казенной палаты или из мещанской управы и тому подобного, разъяснение значения какого-нибудь закона и постановления — все это заставляло окружающих Григория Петровича еще более уважать его и дорожить им. Мало-помалу он сделался положительно необходимым для всего околотка и начинал приобретать авторитет между обывателями. К нему приходили для благочестивых бесед и для слушания чтения божественных книг; к нему же шли и потерпевшие какое-либо несчастие, жаждавшие утешения и успокоения. Старуха-портниха, прозванная «мировым судьею», уже умерла года за два перед этим, и Григорий Петрович мало-помалу начинал заменять ее.

Теперь Григорий Петрович полагал, что ему пора выступить с открытою проповедью о необходимости всеобщей любви.

В это-то самое время я и познакомился с ним, как описано выше.

III

Наше знакомство не ограничилось беседою в трактире. Напротив, я, крайне заинтересованный личностью Григория Петровича, старался видеться с ним как можно чаще, и скоро между нами установились весьма дружеские отношения. Мне очень хотелось узнать, каких религиозных убеждений и каких взглядов на современное общественное устройство держится мой новый друг. При ближай-

шем знакомстве с ним я убедился, что он никогда еще не задумывался ни над чем, что не имело прямого отношения к двум, правда, всеобъемлющим идеям: «мир во зле лежит» и «только любовь может спасти мир». На этих двух идеях Григорий Петрович построил все свое миросозерцание; из них же он выводил и правила, которыми руководился в практической деятельности.

«Мир во зле лежит». Это — отрицательный принцип: все в мире скверно и заслуживает только одного полного уничтожения. «Только любовь может спасти мир» — это принцип положительный: нужно все силы направлять на то, чтобы жизнь была построена на любви. Само собою, Григорий Петрович развивал оба принципа, ссылаясь на Евангелие и подкрепляя их массою цитат из Священного Писания.

Как я уже сказал, он решил приступить к проповеди всеобщей любви, когда я познакомился с ним. Сошедшись с ним поближе, я однажды спросил его:

— Ну, что, вы начали свою проповедь?

— Начал, — отвечал он, широко улыбаясь.

— Каким же, именно, образом?

— Посредством обличений…

— Это как же так?

— Да так, обличаю—и все тут.

— Ей-богу, не понимаю.

— А вот, не хотите ли когда-нибудь обличать вместе со мною?

— Да я не могу…

— Ну вот, велика хитрость… Ну, а если не хотите, так послушайте, как я буду обличать.

Я согласился. И вот однажды Григорий Петрович пришел ко мне поздно вечером и предложил мне отправиться на обличенье.

Дорогою я спросил Григория Петровича:

— Кого же вы будете сегодня обличать?

— Василия Петрова, портного, не знавали?

— Нет, знаю. Я был у него несколько раз, — отвечал я.

— Ну, так вот… У него жена умерла, а он там безобразия творит… Дочка пропадет…

«Умерла! — подумал я. — Бедная девочка, и впрямь пропадет!». И мне представилась жалкая обстановка, какую я видел, бывая у Василия Петрова.

Тесная комната в подвальном этаже. Два окна, о шести шибок каждое. Стекла целы только в двух шибках; в одной — совсем нет стекла, а в остальных девяти — стекла разбиты, остались одни кусочки. Отсутствующие стекла заменены или наклеенною бумагою, или просто тряпкою. Обстановка комнаты вполне гармонирует с бумагой и тряпками в окнах. Половина комнаты занята печкою, а в другой половине помещаются два стула и нечто, служащее постелью Василию Петрову с женою. Петров зовет это нечто «кроватью», хотя нельзя не сказать, что это слишком оригинальный вид кровати: «кровать» эта состоит из двух досок, один конец которых прибит к подоконнику, а другой опирается на два простых деревянных бревна. На «кровати» лежат две подушки, старая шуба и одеяло. Под кроватью стоит сундук или, попросту, ящик из-под спичек; из него видны какие-то лохмотья и голенища сапога. На стене, над стульями, прибита полка, на которой стоят чайник, два стакана с блюдечками, деревянная чашка с такими же ложками и два горшка. Больше в комнате ничего нет.

И в этой-то обстановке должна начинать самостоятельную жизнь восьмилетняя девочка, имея единственным покровителем вечно пьяного отца!..

— Ну, пришли! — сказал вдруг Григорий Петрович, и мы взошли в квартиру Петрова.

Сальная свеча лишь в слабой степени разгоняла темноту, и мы только мало-помалу рассмотрели находившихся в комнате. Прямо перед нами, на «кровати», с которой было снято все, стало быть, просто на голых досках лежала несчастная жена Василия Петрова. Ее маленькое личико сделалось еще меньше, цвет лица до невероятной степени был черен. Губы были сильно сжаты, как будто она все еще чувствовала боль и старалась сдержать крик. Глаза страшно впали. Все ее лицо носило следы недавней муки. Одета она была в свое «вечное» платье, на котором был целый слой грязи и сала. В ногах у нее сидела дочь и с ужасом сморела на мать. Несчастный ребенок оцепенел и не понимал, что делается вокруг него. Худенькие ручонки сжимали маленькую головку, положенную на колени матери; глаза малютки смотрели испуганно и так широко были раскрыты, что, казалось, готовы были выскочить из орбит; все тело девочки дрожало…

А тут же, около печки, опечаленный муж, Василий Иванович Петров, уже устраивал поминки: на столе, занятом у квартирной хозяйки, были расположены штоф очищенной и косушечка «ратафии» «для дам», две колбасы и французская булка. Денег для покупки всего этого, как мы узнали после, Василий Иванович достал следующим остроумным способом: зная, что соседки, знакомые и незнакомые, непременно придут проститься с покойницей, он поставил возле трупа жены тарелку: «не имея, дескать, средств для погребения любезнейшей супруги, покорнейше прошу уделить, что можете». Собранных таким образом денег было достаточно, по мнению Василия Ивановича, не

только для погребения супруги, но и для почтения ее памяти приличными поминками. На поминки он пригласил Марью Петровну, свою квартирную хозяйку, с супругом, и «отнюдь никого более, ибо все прочие — свиньи». До нашего прихода хозяин и гости, видимо, успели «осушить по рюмочке, по другой». По крайней мере, когда мы отворили дверь, пирующие уже расчувствовались и обнимали друг друга. Занятые своим делом, они не заметили нашего прихода, и мы свободно могли наблюдать эти своеобразные поминки. Сначала Марья Петровна соболезновала горю Василия Ивановича и утешала его, по мере сил и способностей своих; но затем, мало-помалу, пересчитав сперва все хорошие качества покойницы, Марья Петровна коснулась ее недостатков и после долгих рассуждений на тему: «Чего только вы, Василий Иванович, не перенесли от покойницы!» — пришла к решительному выводу, что Василию Ивановичу не только нечего печалиться, но, напротив, нужно радоваться, так как он теперь свободен и может начать снова жизнь. Василий Петрович обнял Марью Петровну и заплакал.

— Правда, кума, правда! Загубила покойница, царствие ей небесное, мою молодость… Эх, какой я был молодец до женитьбы!.. А теперь я что?.. Эх, эх!.. «Сила, моя сила!..» Не воротишь…

И он принялся рыдать.

— Ничего, кум, — утешал квартирный хозяин, — женишься на молодой жене — вот и воротишь.

— Да за меня никто не пойдет; скажут —старик…

— Ну, вот, вздор еще, — подхватила Марья Петровна, — какой же вы старик? Совсем еще молодец… Вот постойте: такую я вам невесту найду, что только ахнете…

— Да у меня уж есть на примете невеста…

— Ну, так чего же лучше!.. А теперь помянем-ка покойницу. Эх, кума, кума, зачем помирала? Теперь бы выпили с тобой…

Говоря это, Марья Петровна поднялась и подошла к трупу.

— Хочешь водочки? Ну, выпей!

И она поднесла рюмку к губам умершей.

— Кушай на здоровье!

И, выпив залпом рюмку, она захохотала. Захохотали и остальные пирующие.

— Ишь ведь что выдумала — покойницу надувать: ей подносит, а сама пьет… Ха, ха! шутница!..

И вдруг среди этой бесшабашной оргии раздался страшный голос Григория Петровича:

— Проклятые!

Эффект вышел поразительный: все трое пирующих повернулись в нашу сторону и бледные, дрожащие, с страшно выпученными глазами, смотрели на нас. Марья Петровна даже вскрикнула и уронила рюмку.

— И не стыдно тебе, Василий Иванович, — дрожащим голосом начал Григорий Петрович, — да есть ли в тебе совесть? Ну если ты Бога не боишься, людей не стыдишься, так пожалел бы хоть ребенка-то! Ты посмотри на нее — на что она похожа? У нее мать умерла, а ты при ней мать-то поносишь да еще позволяешь над мертвой издеваться… Плохо тебе будет: Бог все видит и накажет тебя, страшно накажет. Будешь ты после плакаться, да поздно будет, помяни ты мое слово… А вы, Марья Петровна, вы — лицемерка: ходите аккуратно в церковь, служите постоянно молебны, а теперь что вы делаете? Сказано: милости хочу, а не жертвы. И будет вам на том свете геенна вечная!..

Весь хмель, видимо, вылетел из голов пировавших. Они с ужасом слушали Григория Петровича: впечатление, производимое его словами, увеличивалось еще страшным выражением его лица, взволнованным голосом и торжественным тоном речи. Словно нечаянно проник свет в ту тьму, в которой они доселе находились, и осветил им всю мерзость совершенного ими поступка. Стыд, видимо, овладел ими, и они сидели молча, понурив головы.

— Слушай, Василий Иванович: девочку-то ты сгубишь, если она останется при тебе. Ты лучше отдай ее барыне, Власовой; знаешь ведь? Я уже говорил ей о девочке, и она согласна взять ее…

— Нет, нет, Григорий Иванович, — каким-то болезненным голосом закричал Василий Иванович, — я буду кормить ее, растить, верь совести…

— Была у тебя совесть когда-то, это я помню, только теперь ты ее пропил. Ну да об этом мы поговорим с тобою завтра, а теперь я все-таки девочку уведу до завтра: что ей здесь мучиться да на ваше безобразие смотреть… Да вот еще что: пьянство-то ты отложи до времени. Или лучше вот что мы сделаем…

И Григорий Петрович взял со стола посуду с водкой, вынул из рамы тряпку и выбросил в разбитое окно штоф и косушку.

— Так-то лучше, — добавил он и затем обратился к девочке: — Ну, а теперь, Поля, пойдем со мною.

Поля ухватилась за колени матери и начала кричать: «Мама, мама!».

— Ах ты, вот еще грех… Поля, да мы завтра придем, а теперь тебе спать нужно, а мать нужно обмыть… Пойдем же, голубчик!

И он, нежно обняв девочку, поднял ее с трупа. Девочка продолжала всхлипывать, но уже едва слышно.

— А ты, Василий Иваныч, подумай насчет девочки, что я тебе сказал, а завтра ответ дай…

И мы вышли. Дорогою я спросил Григория Петровича:

— Это и есть обличение?

— Оно самое… Только все: и Полю берите во внимание… все, от начала до конца…

IV

Раз как-то я пришел к Григорию Петровичу в гости. Он, как это всегда бывает с нашими мастеровыми, не имел особой квартиры, а жил в той же мастерской, в которой работал: верстак служил ему и письменным столом, и постелью. В одной комнате с ним помещались еще человек восемь мастеровых. Воздух в комнате был постоянно испорченный, вонь невыносимая. Поэтому окна мастерской никогда не закрывались в течение всего лета, а иногда случалось, что их открывали по целым дням и зимою, когда «уж очень невтерпеж становилось».

Когда я вошел в мастерскую, она была полна мастеровыми, находившимися в самых разнообразных позах: кто лежал на верстаке, кто на полу, кто сидел, кто ходил. Занятия мастеровых также были разнообразны: одни пели песни, другие наигрывали на гармониках, один стучал в бубен, а некоторые просто слушали. При моем входе все вдруг умолкло, и взоры всех обратились на меня. Через секунду с одного из верстаков поднялся Григорий Петрович и с добродушной улыбкой приветствовал меня. Остальные мастеровые тоже поднялись и начали уходить из комнаты.

— Зачем же они уходят? — обратился я к Григорию Петровичу.

— А это уж они всегда так делают: как только кто-нибудь придет ко мне, они и уходят в другие мастерские, к кровельщикам, либо к «богомазам»… Ведь у нашего хозяина на одном дворе несколько мастерских.

— Значит, мы их стесняем? Лучше ж пойдемте ко мне, — предложил я.

— Какое там стеснение! Я им не раз говорил, чтоб оставались: зачем им уходить? Так нет: мы, говорят, из уважения… Да нынче и идти-то мне нельзя: у меня нынче собрание.

— Какое собрание?

— А так, наши соберутся.

— Кто это ваши?

— А те, кто по любви хочет жизнь устроить.

— И много ваших?

— Пока немного. Да вы сами увидите…

Действительно, чрез некоторое время в мастерскую начал приходить народ. Здесь были самые разнообразные личности: отставной солдат, торговки сальниками, мещане-огородники и, к моему удивлению, портной Василий Петров. Всех было двенадцать человек. Из них только один старик, а все остальные в возрасте от 20 до 30 лет.

Каждый входивший в комнату здоровался с Григорием Петровичем, приветливо кланялся мне и шепотом спрашивал:

— А насчет кассы сейчас?

— Можно и сейчас, — отвечал Григорий Петрович.

Спрашивавший лез в карман, доставал оттуда деньги и отдавал их Григорию Петровичу, приговаривая улыбкой:

— Сорок копеек! — или: — Полтина!

Оказывалось, что вновь образовавшаяся «братия» имела уже кассу.

Приходившие рассаживались как кому было удобнее — на верстаках, на недоделанной мебели, а то и просто на досках — и вступали в разговоры друг с другом. Тем временем Григорий Петрович устраивал на одном из верстаков чай.

Мало-помалу разговор сделался общим. Предметом разговора служило происшедшее за несколько дней перед этим убийство. Жертвою убийства был немец, бывший пастор. Убийцы подвергли сперва его пытке — поджигали подошвы, а потом отрезали ему голову. Все удивлялись жестокости убийц и делали догадки, кто бы они могли быть.

— Непременно солдаты, — говорил один мещанин.

— Ну уж солдаты, — обиделся отставной солдат, — то же и из мещан есть…

— А ты, Ильич, не обижайся: теперешние солдаты-то не вам, старикам, чета — сущая дрянь… И из мещан — это ты верно — есть такие ухари, что просто от них житья нет.

— Да, нынче народ, — заметил солдат, — нечего сказать, охулки на руки не кладет. В старину-то, когда я еще не служил, живали в нашем же городе не так, а тихо, смирно, по-божески: не нужно было ни замков, ни собак злых. Одно слово — жили хорошо, по-дружески, по-соседски… Ну и насчет франтовства, или там фанаберии какой — тоже ничего не было: у нас, у троих братьев, одни

штаны были… Да, — подтвердил солдат, видя, что все улыбнулись, — истинно говорю, что одни штаны были — по очереди надевали… А чтоб насчет выпивки или табаку молодые баловались — этого и в помине не было: бывало, пойдет по городу какой-нибудь старый солдат, вот как я теперь… ну, идет он и трубку курит, а мы, уж большие ребята были, целою гурьбою бежим за ним: так нам табак-то в диковинку был… Ну, и соседство, тоже было настоящее, а не то чтобы так себе: случись какая беда, сейчас помогут. Да что: колодцы копать — никогда не нанимали, а все соседскою помощью; крышу крыть — тоже… А теперь-то… Эх!..

— Это верно: теперь скорей с несчастного еще что-нибудь сдерут, чем помогут ему, — отозвалась торговка сальниками.

— А молодые-то ребята теперь какие: идет парнишка лет пятнадцати, курит папироску, за барышнями ухаживает — настоящий франтик…

— А воровство-то теперь пошло, грабеж какой…

— Совесть за деньги продают…

— Да что и говорить: хороши нынче все, — заключил Василий Петров. — Взять хоть меня! Как подумаю, до чего было я дошел, если б не Григорий Петрович, дай Бог ему…

— А вот что, братцы, — перебил Григорий Петрович, видимо боявшийся похвал, — отчего же это нынче люди так дурно живут?

— Отчего? — повторил вопрос Василий Петров. — А от нужды, верное слово, от нужды. Я это дело вот как знаю: все сам испытал. С чего я пить-то начал? С хорошей жизни, что ль? Бывало, сидишь, сидишь целый день согнувшись, а вечером разогнешь спину, оглядишься кругом — нужда: жена сидит измученная, какие-то тряпки чинит; девочка булочки просит, а ее нет; квартира хуже всякого погреба; поужинал бы — да нечего… Такая тоска возьмет, что схватишь шапку, да в кабак: там и светло, и тепло, и разговор веселый…

— Нужда, что и говорить, всему корень…

— Голод не тетка: и грабить заставит…

— Ну, не всегда нужда-то виновата: у иного и в кармане густо, а он все норовит какую ни на есть пакость выкинуть, — возразила торговка сальниками.

— Ну, а я думаю, что и здесь виновата нужда, — отвечал Григорий Петрович, — ведь если разобрать такого человека, кто при густом-то кармане живет не по-божески, да подумать, отчего он стал дурным человеком, так и окажется, что опять-таки нужда… Либо он сам нужду терпел, да остервенел, либо его отец с матерью испортили — не досмотрели, а иной раз и просто учили грабить; бывает ведь и так…

— Чего не бывает, бывает… Грех так-то поминать родителя, а все-таки скажу: покойник, бывало, нарочно посылал к соседям в огород капусту промышлять, или картошку, или там редьку, бураки… Только тут уж подлинно нужда причиною была…

— Да, всюду нужда, — горячо заметил Григорий Петрович.

— Это, что ж, верно! — отозвался солдат.

— Это верно, это так, — раздалось со всех сторон.

— Ну, а если это так, — продолжал Григорий Петрович, — так и давайте нужду-то эту искоренять… Отчего нас нужда подолевает? А оттого, что мы живем врассыпную: всякий, кто сильнее нас или хитрее, и грабит сколько его душеньке угодно. А попробовал бы кто-нибудь нас тронуть, когда мы все вместе, небось, осекнулся бы… Или случится с кем-нибудь несчастие — погорел, деньги потерял или заболел — ну и беда, и пропал человек: ложись в гроб да умирай. А как мы вместе, так нам всякое несчастье наплевать… Вот слушайте, как жили первые христиане.

И Григорий взял Евангелие, раскрыл «Деяния апостолов» и прочитал:

«Не было между ними нуждающагося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного, и полагали к ногам Апостолов, и каждому давалось, в чем кто имел нужду» (глава 5, страницы 34 и 35).

— Хорошее это дело, — произнес доселе молчавший огородник, — много я думал об нем… Хорошее дело, и вся душа лежит к нему… Только мы-то годимся ли? Ведь дрянь мы, страшная дрянь… Уживемся ли?

— А вот посмотри ты на нашу мастерскую, — отвечал Григорий Петрович, — согнал нас сюда хозяин — кто с сосенки, кто с бору, а посмотри, как мы живем: дружно, честно, по-товарищески. В других мастерских, хоть у «богомазов», каждый божий день драка, а у нас бранного слова не услышишь. А прежде-то что было, не приведи Господи!.. Вот ты и смотри…

Воцарилось молчание. Все задумались.

— Трудное это дело, — начал опять Григорий Петрович, — это что и говорить! И делать это дело нужно не сразу, а нужно друг к дружке присмотреться: сойдемся ли?..

— Это так, — заметил солдат, — семь раз примерь, а один раз отрежь.

— Вот мы и будем понемногу примерять: сперва касса, потом братские обеды, а там еще кое-что… И увидим, годимся ли мы…

— Так и нужно, так и будем, — подтвердили со всех сторон.

— Ну, теперь у кого мы соберемся следующий раз?

— У меня, други, у меня, — сказал один из огородников, — больно уж охотятся соседи мои побывать у нас на собрании, ведь про нас говорят бог весть что…

— Да, уж языки-то насчет нас чешут, это верно, — заявила одна из торговок.

— Пускай чешут, — ответил солдат, — почешут и перестанут.

Все распрощались со мною и Григорием Петровичем. Я спросил его:

— И вы надеетесь довести дело до конца?

— Непременно.

— А слухов не боитесь?

— Я ничего не боюсь…

V

Судьба заставила меня оставить родной город, и скоро, увлеченный вихрем жизни, я совсем забыл о Григории Петровиче. Только через два года я получил от сестры известие о его судьбе.

И как-то странно было среди известий о свадьбах, крестинах, похоронах и других событиях в жизни родных и знакомых, среди рассказов о театре, балах и гуляньях, среди жалоб на недостаточность средств, не хватающих на «приличную» жизнь, читать следующие строки:

«Недавно в нашем окружном суде судился какой-то сектант, Григорий Востряков. Он обвинялся в том, что смеялся над церковью, отвергал таинства и, наконец, завел какую-то секту. Говорят, что в секте этой богослужение совершалось таким образом: становили среди комнаты кадушку и плясали вокруг нее. Простонародье верит, что из кадушки вылезал черт и давал пляшущим деньги. Рассказывают еще такие мерзости про этих хлыстов или шалапутов (их так зовут), что мне просто стыдно про это писать. На суде, однако, Востряков держал себя гордо и с достоинством, говорил, что мир полон зла, что все — мошенники, забыли правду и что он и не ждет справедливого суда. Его приговорили к ссылке на поселение…

P.S. Да, и забыла сказать: Востряков обвинялся еще в том, что, пользуясь невежеством своих последователей, обирал их в свою пользу».

Федосеевец

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èñòî÷íèêó:
Абрамов Я.В. Мещанский мыслитель // Слово. — 1881. — № 4. — С. 65—91.

Ê Î Ð Î ÂÀ (Î ×ÅÐÊ)

I

На самом краю Желубянки стоит домик мещанина и гражданина города N-ска Петра Андреевича Власова с покосившимися стенами, с крышей из камыша, прогнившего во многих местах, и с небольшим итальянским окном на улицу. Домик настолько наклонен в одну сторону, что, кажется, каждую минуту готов упасть в громадный яр, начинающийся в нескольких шагах от него. Но Петр Андреевич недаром слывет человеком изобретательным: целым рядом подпорок укрепил он одну из падающих стен; около другой вбил глубоко в землю несколько толстых кольев и за них привязал ненадежную стену; наконец, самый плохой угол был прикован железною цепью к толстому стоявшему около домика грушевому дереву. Не так счастлив был Петр Андреевич в своих попытках хотя несколько поправить крышу: несмотря на то, что он щедрою рукою наклал на все сомнительные места крыши навозу, единственного доступного ему строительного материала, дождь свободно проникал на чердак и образовывал на потолке громадные лужи воды, которая, просачиваясь сквозь потолок, ручьями падала внутрь домика.

Несмотря на последнее неудобство, внутренность домика представляла вообще очень уютный вид: все было чисто, прибрано, во всем была видна рука заботливой хозяйки. Два стола и столик, стоявшие в большой комнате, покрыты всегда вязаными скатертями; стены увешаны разнообразными литографиями и фотографиями, большею частью в рамках; угол занят несколькими большими образами, блиставшими позолотою и украшенными множеством искусственных цветов. В маленькой комнате, служившей и кухней и спальней, главное место занимают печь и постель, и на них отражается всего лучше заботливость хозяйки: печь всегда необыкновенной белизны, так как все сомнительные места ежедневно забеливаются; постель представляет собой гору подушек и покрыта живописным одеялом, составленным из разноцветных, симметрично расположенных лоскутьев.

Обитают в этом уютном домике Петр Андреевич, жена его Татьяна Васильевна и дочь Саша.

Сам Петр Андреевич пользуется славою человека умного и честного. И действительно, это человек с необыкновенными способностями и феноменально честный. Вырасти он при других условиях, получи образование — из него, наверно, вышел бы замечательный ученый или, по крайней мере, замечательный изобретатель. Теперь же его способностям приходилось проявляться в мелочах, и таких проявлений было бесчисленное множество. Будучи до двадцатилетнего возраста безграмотным, он выучился читать и писать сам, с крайне незначительною помощью полуграмотного солдата, жившего у него в работниках. Будучи городским поверенным по земле, он, наблюдая работы землемера, научился чертить планы и высчитывать пространства, занимаемые самыми неправильными и многосторонними многоугольниками. Он знал множество ремесел, был сапожник и портной, каменщик и плотник, столяр и токарь, кузнец и слесарь, огородник и садовник и т.д. Что бы полезное он ни видел, он всегда старался перенять, и всегда с успехом. Раз у него стоял на квартире казачий офицер, умевший ловко прострачивать золотом башлыки, папахи и черкески. Петр Андреевич решился тотчас же научиться этой работе и через несколько дней превзошел в ней учителя. Двор и огород были полны свидетельств его изобретательности. Над колодцем был устроен какой-то необыкновенный ворот, с помощью которого даже малый ребенок мог легко вытащить ведро воды, несмотря на то, что глубина колодца была более десяти саженей. От колодца в разные места огорода были проведены желоба, так что не было необходимости таскать воду для поливки капусты и других огородных растений, а можно было поливать весь огород прямо от колодца. Двери как в дом, так и в сарай и погреб затворялись сами. На огороде были расположены какие-то особенные парники, благодаря которым у Петра Андреевича овощи поспевали раньше всех в городе. Все, что было на дворе Петра Андреевича, в сарае, в доме, — все это было сделано его руками. Он сам делал новую ось к повозке, взамен старой, испортившейся; сам чинил оконные рамы, сам шил себе сапоги, а жене и дочери башмаки и т.д.

Но способности Петра Андреевича проявлялись не в одних только механических изобретениях и усовершенствованиях. Он отлично понимал положение своих сограждан, ясно сознавал причины их бедствий, много проектировал мер для поднятия их благосостояния, хотя почти ни одной из них не провел в действительность благодаря противодействию богатой части горожан. К нему постоянно приходили его сограждане за советами по разным вопросам: то просили прийти и сделать прививку молодым деревьям, то спрашивали совета, как поступить с пьяницей-сыном, то просили указать, куда надо обратиться с просьбою о том-то. И Петр Андреевич делал, что мог, указывал, давал советы. Особенно часто обращались к нему за юридическими советами, так как он имел судебные уставы и хорошо знал их. Нередко к нему обращались как к третейскому судье в случае споров по поводу границ усадебной земли или полевых участков: он измерял участки и указывал спорящим границы их владений, каковому решению спорящие беспрекословно подчинялись.

Благодаря своему уму и необыкновенной честности Петр Андреевич много лет нес трудные и щекотливые обязанности поверенного по земле, дело которого заключалось, главным образом,

в правильном распределении между жителями пахотной земли и покосных угодий. Это было еще до введения у нас Городового положения, когда наши горожане пользовались землею на общинных началах. С введением Городового положения земля сделалась собственностью города, а не горожан, и город стал отдавать ее в аренду своим же жителям. Вместе с этим уничтожилась и должность поверенного по земле, так что Петр Андреевич был последним поверенным, чем он очень гордился, и любил, когда его, по старой привычке, называли поверенным. «Поверенный — человек непотерянный», — говорил он, и не без основания: несмотря на всю трудность обязанностей поверенного и на то, что распределение земель затрагивало самые существенные интересы горожан, он с честью прошел свою должность и никогда никаких нареканий на него не было.

Но несмотря на все свои способности, Петр Андреевич был, как у нас говорится, человек простой, то есть непрактичный. Простотою его пользовались многие из его сограждан, а один даже совершенно разорил его. Петр Андреевич был прежде человек довольно зажиточный и получил от отца в наследство большой дом с несколькими флигелями. Один из его друзей попросил его оказать ему услугу — заложить свой дом в банке, взять денег и передать их ему, другу, взамен чего друг предлагал Петру Андреевичу свой вексель на соответствующую сумму. Петр Андреевич исполнил дружескую просьбу. Но когда пришел срок взносить в банк деньги, друг оказался несостоятельным, и дома Петра Андреевича пошли в продажу с аукциона, а сам он остался с ничего не стоящим векселем друга.

Благодаря простоте же Петр Андреевич нес безвозмездно много лет обязанности различных общественных должностей — депутата в квартирной комиссии, члена магистрата, поверенного по земле и тому подобное; а когда, с введением городового положения, общественные должности стали оплачиваться, он не попал ни на одну из них. Простотою же Петра Андреевича объясняли его сограждане и то обстоятельство, что он «знает законы, а не хочет адвокатствовать: много, говорит, мошенства нужно на душу принимать».

Таков был Петр Андреевич. Жена его во многом уступала ему, но тем не менее была женщина замечательная. Татьяна Васильевна была очень трудолюбива, знала толк в домашнем хозяйстве и вела его в совершенстве. Но главное ее достоинство состояло в том, что она умела сплетничать. Скука захолустной жизни невольно заставляет наших горожанок прибегать к этому средству развлечения. Но их сплетня груба, нелепа и даже отчасти скучновата: ни передающая сплетню, ни выслушивающая ее не верят ни одному слову своего разговора, и потому он часто прерывается обоюдными зевками. Не такова сплетня Татьяны Васильевны: она всегда проста, изящна и, главное, правдоподобна. То, что Татьяна Васильевна выдумает про какого-нибудь Тит Титыча, про «благородную вдову из чиновниц» или про захолустного денди, приказчика купца Васильева, до того похоже на этих лиц, так вяжется с их, известным всем характером, что сплетня Татьяны Васильевны всегда кажется правдою. Несмотря на то, что все знали Татьяну Васильевну как злейшую сплетницу, слушающие ее невольно подчинялись ее таланту и верили. При других условиях жизни из Татьяны Васильевны вышел бы беллетрист, а теперь она была только сплетницей.

Наконец, дочь Петра Андреевича и Татьяны Васильевны Саша представляла из себя полную краснощекую семнадцатилетнюю девушку. Она, как и все девушки-мещанки, умела кое-как читать и писать, умела шить, варить, доить корову и понимала кое-что в огородном хозяйстве. Сверх того, она была мастерица, умела искусно вязать крючком и в течение зимы исполняла на несколько рублей заказов по этой части.

Я был довольно близко знаком с семьею Власовых и любил бывать у них. Как-то отрадно чувствовалось мне в этом уютном домике после дня, проведенного в канцелярии с надоевшими хуже горькой редьки товарищами-канцеляристами, с опротивевшими вереницами столов и стульев, с бесконечными кипами бумаг, с раздражавшим нервы скрипом перьев и шелестом листов. Обыкновенно я приходил к Власовым по вечерам, напившись в своей холодной, холостой квартире чаю. Петра Андреевича я всегда заставал за какою-нибудь работою: то сапог шьет, то сюртук свой чинит, то поправляет свои стенные часы, то делает еще что-нибудь в этом роде. Татьяна Васильевна перебирает какие-то лоскуты и все что-то шьет. Саша постоянно сидит за бесконечным вязаньем. Меня принимали всегда радушно, весело встречали, сажали в почетный угол, под образа — и тут начинались у нас бесконечные беседы.

Любил я слушать, когда Петр Андреевич рассказывал про городские дела, про наших именитых купцов, про подвиги администрации и тому подобное. Особенно любимою темою его было неумелое и часто недобросовестное отношение городской управы к своим обязанностям.

— Ведь вот у меня половина поместья пала в яр, да и дом того и гляди упадет, — говорил он, беря самый близкий пример. — Да что! Я тут хоть один страдаю, а вон в Подгорном целая улица полетела в яр… А все через кого? Через них, через идолов-то наших!.. Ведь тут у нас никогда яров не было; а это, изволите видеть, они дождевую воду, что из верхней части города течет, к нам направили. Прежде эта вода через Большую улицу текла, и вреда никому никакого не было, потому что Большая улица плитами выстлана. Так им, видите ли, грязно через воду ходить… А нас теперь эта вода совсем разоряет — это ничего, потому мы — мелюзга, дрянь…

Другою любимою темою Петра Андреевича были именитые купцы.

— Ведь вот Семенкин, — говорил он про самого богатого N-ского купца, — миллионщик, а какие грошовые плутни выкидывает! Торгует он, между прочим, кожами. И больше всего у него этих кож

покупают приезжие из сел, мелкие торговцы. Ну, выберет человек кожу, какую получше, сторгуется, заплатит деньги и говорит: «Пусть у вас пока полежит, а я пойду куплю кое-чего по мелочи». И что же вы думаете? Семенкин не утерпит — непременно переменит кожу, положит похуже… Раз какой случай был. Узнал один торговец про этакий обычай Семенкина, да не будь плох — пока торговался, и пометь кожу карандашом: свою фамилию написал. Заплатил деньги и пошел, куда ему нужно было. А Семенкин, конечно, переменил. Ворочается торговец, видит — не та кожа, начал кричать, хочет посылать за полицией. Семенкин видит, что дело плохо — такой именитый купец, и вдруг такое мошенство откроется, — мириться предлагает. И заплатил сто рублей… Так вот они какие, купцы-то наши именитые!..

Рассказы Татьяны Васильевны были в другом роде. Это были или пересуды всего случившегося в околотке, или жалобы на бедность, на неудачи попыток выбраться из этой бедности. Зная все решительно, что делается на всей Желубянке: когда, кто и на ком женится, сколько у кого зарыто денег, сколько получают барышей лавочник и кабатчик, какой муж бьет жену и какой нет, сколько приданого дают за Машей Серпуховой, сколько за Лизой Петровой, — зная все это, Татьяна Васильевна была положительно неистощима: рассказы так и сыпались из ее уст, и она, наверное, не дала бы нам с Петром кинуться словечком, если бы время от времени Петр Андреевич не удерживал свою расходившуюся супругу полусердитым замечанием:

— Ну, привяжи мочалку на язык! Ишь затараторила!..

Саша представляла полную противоположность матери: она почти всегда молчала, изредка только предлагая какой-нибудь вопрос или вставляя свое замечание в рассказы матери.

В свою очередь приходилось рассказывать и мне; а иногда я приносил с собою газеты и читал. Петр Андреевич очень интересовался газетными известиями, и всякий раз, когда я приходил, он задавал мне вопрос или в общей форме: «Не пишут ли чего хорошего в газетах?» — или в более частной, например: «Правда ли, что вышел указ, чтоб всем холостым отрезать по семи десятин, а женатым — по пятнадцати?»

Всего более интересовали Петра Андреевича газетные известия, относящиеся до земли. Потребность в земле очень сильно чувствовалась жителями нашего города, издавна жившего почти исключительно земледельческим трудом и не имеющего ни одного мало-мальски заметного промышленного заведения. В старину, «при прежних порядках», земля каждому давалась даром; теперь же, когда появились «новые» порядки, достать землю становилось трудным делом, так как, отдаваемая в аренду крупными участками, она попадала в руки скупщиков, которые раздавали ее по мелочам уже за баснословно высокие цены. Неудивительно, что наши мещане чутко воспринимали все периодически распространяющиеся слухи, переделывали их сообразно со своим положением и необузданно предавались по этому поводу мечтам. Петр Андреевич зло смеялся над этими мечтами, но тем не менее передавал мне все слухи и всякий раз спрашивал, — нет ли чего в газетах по этому поводу.

Татьяну Васильевну и Сашу интересовали в газетах новости другого рода. Известие о морском змие, сообщение о двуголовом ребенке, рассказ о сорокадневном посте Таннера — вот что любили они послушать. Нередко чтения о подобных диковинках сопровождались веселыми замечаниями вроде того, что «это еще неудивительно, что он сорок дней голодал, а вот у нас, на Желубянке, есть такие, что всю жизнь сидят впроголодь, никогда досыта не ели». Иногда, выслушав рассказ о каком-нибудь необыкновенном происшествии, Татьяна Васильевна впадала в меланхолию и томно произносила: «Как это все премудро устроено на свете». В таких случаях Петр Андреевич обыкновенно хохотал до упаду, и притом так заразительно, что мы с Сашей тоже не могли удержаться от смеха, а скоро к нам присоединялась и сама Татьяна Васильевна, несмотря на то, что сначала она старалась казаться обиженною хохотом Петра Андреевича.

Вообще, приятные вечера проводил я в уютном домике.

II

В то время, к которому относится мой рассказ, в уютном домике царила сильная нужда. Были тут руки, способные и готовые к работе, да не к чему было приложить ни рук, ни способностей. Город N-ск принадлежит к числу тех многочисленных на Руси жалких городов, которые существуют только потому, что в них находятся присутственные места, да потому, что обывателям жалко и боязно расстаться с насиженными местами и разбежаться в разные стороны куда глаза глядят. Никаких верных и постоянных источников доходов N-ские обыватели не имеют, а перебиваются «кое-как», «как Бог даст», «как случится» и т.п. Одни из них берут нахлебников из числа гимназистов и семинаристов или мелкотравчатых холостяков-чиновников и «пропитываются около квартирантов». Другие поставляют чиновникам капусту, картофель, бураки и прочую овощь. Иногда удастся выручить «малую толику» с случайного проезжего, Бог весть зачем забравшегося в нашу глушь. Словом, способов добывания средств к жизни существует очень мало, да и те шатки и ненадежны. Прежде хоть земля была даровая и каждый обыватель запасался на целый год собственным картофелем, которым и питался по преимуществу в ущерб всем другим суррогатам: хлебу, мясу и прочему, как недоступным по своей цене. Некоторые из обывателей в это блаженное время ездили даже по со-

седним селам и выменивали на картофель хлеб. Теперь же, когда и за землю приходится платить, да еще необыкновенно высокие цены, — и картофель бывает далеко не у всякого обывателя.

Неудивительно поэтому, что мне приходилось часто слышать в уютном домике сетования на нужду. Больше всех сетовала Татьяна Васильевна.

— Что наша жизнь, —говорила она, — бьемся, колотимся, а поесть даже сытно не приходится. Только и знаем, что картошку: и утром картошка, и в обед картошка, и вечером картошка. Так всю жизнь, и в праздник, и в будни — все картошка... Вы не поверите, — обращается она ко мне, — сколько разных хитростей делаешь, чтоб обмануть себя. Вот послушайте, сколько мы разных кушаньев готовим из картошки: картошку крошим в щи, из картошки варим суп; делаем из нее котлеты, приготавливаем винегрет; едим просто вареную картошку целую; потом толченая картошка с солью да с перцем, толченая с квасом; потом пироги с картошкой двух сортов: большие печем почти без масла, маленькие жарим в постном масле; потом просто жарим картошку, печем в золе; потом толченая картошка, вареная в бурашном соке... да всего и не перечтешь!

— Ведь вот горе-то! — говорила она в другой раз: — Одежонки совсем нет. Платьишки-то чинишь, чинишь — латок больше, чем живого места... А насчет верхней одежды и не спрашивай: у меня пальтишко, а у Саши только кофточка, да и те так истрепаны, будто решето... Мне-то еще с полгоря, а вот Саше — беда, шубки нет: семнадцати лет девка, а без шубки! Просто хоть ложись да помирай...

Мало-помалу в жалобах Татьяны Васильевны стали время от времени появляться выражения вроде следующих: «Эх, кабы у нас была корова!», «Кабы корова — была б и шубка!», «Петровым хорошо — у них две коровы», «Куда нам до Семеновых — у них корова!» — и так далее.

Словом, корова оказывалась каким-то могучим рычагом, с помощью которого можно было моментально изменить печальную обстановку уютного домика. Видимо, молоко было в большом требовании и давало хороший доход.

Петр Андреевич, которому страшно надоели все эти причитанья Татьяны Васильевны о корове, наконец не вытерпел и как-то раз сказал ей:

— И чего ты зубы точишь про то, чему не быть!

— А может, и быть? — отгрызнулась она.

— Ополоумела ты, что ли? Где ж ты денег на корову возьмешь?

Татьяна Васильевна молчала. Я полюбопытствовал узнать, сколько стоит корова.

— Да дойная стоит рублей сорок, — ответил Петр Андреевич, — ну, где нам таких денег взять? А она все стрекочет: корова да корова! Страсть не люблю, как если кто зря болтает...

— А почем ты знаешь, что я болтаю зря? — вступилась за себя Татьяна Васильевна.— Я буду собирать деньги...

Петр Андреевич расхохотался.

— Да с чего собирать-то? С чего экономить?

— Не с чего? А я вот уж десять рублей собрала!..

Татьяна Васильевна произнесла эти слова необыкновенно важно и торжественно, в полном сознании, что они произведут чрезвычайный эффект. И действительно, Петр Андреевич даже сапог, который он чинил, отложил в сторону от удивления и спросил:

— Да где ж ты их взяла?

— Где? По копеечке набирала: за мясом к празднику пойду — четверть фунта не доберу, — вот две копейки и сберегла; масло покупаю — копеечку выторгую у лавочника; да вот Саша что заработает — не все на себя истратит, а и мне что-нибудь даст. Вот и насбирала.

— Ну, баба! — произнес в удивлении Петр Андреевич.

Но скоро он оправился от неожиданного изумления и начал трунить над женою.

— Ну, что ж, — говорил он, — небось года три собирала? Ничего, старайся: авось, лет через десять и у нас будет корова!

— Ладно, смейся! А вот посмотрим, как ты другое запоешь! — говорила Татьяна Васильевна, но таким неуверенным тоном, что ясно было, что и она не особенно доверяет своим мечтам насчет коровы.

И действительно, вряд ли была бы у Власовых корова, если б им не помогло одно счастливое обстоятельство. Однажды, только что я вошел в уютный домик, Саша, не дав мне ни с кем поздороваться, закричала:

— А у нас будет корова!

— Как так? — удивился я, пожимая три протянутые мне руки.

— Да, нам счастье! — подтвердили в один голос Андрей Петрович и Татьяна Васильевна.

Оказалось, что купец Семенкин, намереваясь выдать замуж свою дочь, заказал Саше целый ворох скатертей, поддонников, кружев для простынь и тому подобное. Всю эту массу вещей Саша должна была связать в течение зимы, так чтобы к Пасхе все было готово, так как свадьба дочери Семенкина была назначена на Красную горку. Материал для вязанья Семенкин давал свой, а за труды обещал Саше целых двадцать пять рублей!

— Теперь только дай Бог сил Саше! — закончила рассказ Татьяна Васильевна.

— Да еще дай Бог, чтоб Семенкин отдал деньги, не смошенничал, — добавил Петр Андреевич.

— Ну, мы трудовые-то денежки из глотки вырвем! — решительно произнесла Татьяна Васильевна.

— Вырвешь! Смотри, держи шире карман!

Как бы то ни было, Саша принялась за вязание. Целые дни сидела она, не разгибая спины, истребляя целые вороха «бумаги» и производя взамен кучу кружев. По мере того, как запасы «бумаги» истощались, она бегала в лавку Семенкина и брала там новые запасы; а по мере накопления кружев она относила их к заказчице-невесте. Много тяжелого труда пришлось Саше вынесть за это время. Не раз она увлекалась до того в своем желании непременно окончить заказ к сроку, что просиживала за работой напролет целые ночи, то есть работала без отдыха целые сутки. После таких бессонных ночей у нее кружилась голова, болела до невозможности поясница, ныли буквально все кости, она шаталась как пьяная. Кроме физического труда и физических страданий, немало выпало на ее долю за это время горя, страданий нравственных. Семенкин упрекал ее, что она «слишком часто бегает за бумагой», и бесцеремонно выражал подозрение, что она крадет «бумагу», то есть употребляет в свою пользу. Дочь Семенкина не раз браковала принесенное Сашею вязание, заставляла распускать и вязать снова. Много наплакалась за это время Саша. Не раз Петр Андреевич, видя ее слезы, требовал, чтобы она «бросила все это к черту», не раз грозил он, что выбросит куда-нибудь в грязь и «бумагу», и кружева, если она не откажется от заказа. Все это вынесла Саша и, наконец, в средине Великого поста отнесла последние кружева и получила деньги, все полностью: Семенкин остался доволен и не обманул.

Я как раз в это время долго не был в уютном домике. Сперва было некогда — канцелярские занятия увеличились так, что приходилось работать и дома по вечерам; на Страстной неделе не пошел, потому что знал, что в уютном домике идут в это время приготовления к празднику: все скребется, чистится, моется, белится, и я мог только мешать; на Пасху время уходило на официальные и неофициальные визиты, вечеринки, гулянья и т.п. Собрался я к Власовым уже накануне Красной горки.

Петра Андреевича не было дома. Татьяна Васильевна и Саша, лишь только увидали в окно, что я вошел на двор, выскочили из комнаты и, едва успевши произнесть: «Христос воскресе!» — сообщили мне, обе вместе, перебивая друг друга, что они купили корову. Их радость была так искренна, они так всецело предавались ей, совершенно забывши о прежних лишениях и о тех трудах, которых стоила купленная корова, что я невольно был увлечен этим радостным настроением и с величайшим интересом стал расспрашивать, когда, у кого и за сколько куплена корова. Едва отвечая на мои вопросы, они потащили меня в сарай смотреть виновницу их радости. Корова была как корова, а теленок — просто дрянь. Но они находили в той и другом бесчисленное множество достоинств, указывали мне на них и спрашивали мое мнение. Я поддакивал, старался давать ответы, что называется, «в тон», и насилу уговорил перейти из сарая в комнату.

В это время пришел Петр Андреевич и, похристосовавшись со мною, начал подтрунивать над женою.

— Ну, что, — говорил он, — обновку-то вам показали?

— Показывали, — отвечаю.

— Ну, а планы-то свои не расписывали? Тут у нас от коровы просто горы золотые ожидаются: и шубка, и приданое…

— Э, да будет тебе издеваться! — сердито перебила его Татьяна Васильевна. — Ну, вот посудите сами, — обратилась ко мне она, — как же без шубки девушке быть? Уж она на том возрасте, что и женихам пора быть, а кто ее без шубки посватает?.. И насчет приданого тоже: кто ее без него возьмет? Разве такой же голяк, как она сама. А человек мало-мальски с хозяйством попросит приданого… Хоть маленькое, хоть рублей пятьдесят, а нужно…

И в самом деле, думал я, нельзя без шубки и без приданого. Ведь вот никто же не сватается за Дашу Луханину, за Евгешу Меркулову и за многое множество других Даш, Евгеш и Наташ, и все потому только, что у них нет шубок. Шубка, сама по себе, конечно, мало значит; но она обличает некоторое довольство, хотя тоже, по правде сказать, в большинстве случаев обманчивое. Тем не менее беда тем девушкам, у которых нет шубок: они, наверное, навсегда останутся в девушках. А участь мещанской старой девы — ужасная участь. И вообще-то нашим мещанам живется не сладко; но жизнь старой девы-мещанки вдесятеро тяжелее. Хорошо еще, если она мастерица — умеет шить барские платья, искусно вязать, вышивать золотом и тому подобное. Как ни жалок заработок такой мастерицы, все же она хоть кое-как проживет свой век. Но беда той старой девы, которая знает только то, что знают и все: умеет варить, доить коров, шить домашнее платье и тому подобное. Волей-неволей ей придется жить у одного из братьев, всячески угождать ему и его жене, постоянно слышать от них упреки в том, что она объедает их, переносить тысячи незаслуженных оскорблений и ежеминутно дрожать, боясь быть выгнанною на улицу. А то приходится идти за рубль-два в няньки, в горничные, переносить все прелести жизни прислуги у самодурки-чиновницы, попавшей в это звание из кухарок, подвергаться всякого рода оскорблениям, а иногда и насилию. А нередко приходится идти на улицу, продавать себя и тонуть в омуте разврата…

Подумав все это, я невольно начинал сочувствовать Татьяне Васильевне, развивавшей предо мною свои мечты насчет шубки и приданого.

— Теперь какие деньги соберу за молоко, — все сберегу; к осени, я думаю, рублей тридцать соберу — вот Саше и будет шубка… А будущей весной продадим телка — уж он большой будет, — это отложим Саше на приданое… Авось и нас Господь вспомнит.

И, говоря это, Татьяна Васильевна набожно перекрестилась.

— Дай Бог! — замечал в свою очередь Петр Андреевич. — Только на мой взгляд лучше было бы на эти деньги, что на корову пошли, прямо шубку купить. А то деньги-то вы затратили, а будет ли доход от коровы, — еще неизвестно…

Но разочаровать Татьяну Васильевну и Сашу в их надеждах не было никакой возможности: они в это время были, что называется, на седьмом небе.

С этого дня всякий раз, когда я приходил к Власовым, Петр Андреевич считал своею обязанностью рассказать мне в ироническом тоне о том, как Татьяна Васильевна и Саша ухаживают за коровой.

— Утром, чуть свет, — говорил он, — еще пастух спит, а они уже на ногах и хлопочут вокруг коровы: вместе подоят, обмоют, вычистят, покормят солью, напоят и ждут пастуха. Только что услышат, что пастух гонит стадо, сейчас выгонят корову и сами выходят на улицу, — и стоят до тех пор, пока все стадо скроется за косогором: это они любуются, как их корова бежит… Потом принимаются за телка: чистят его, купают, гоняют для моциона по огороду, кормят молоком с мукой. И так до самого вечера. А вечером придет из стада корова, опять начинают хлопотать вокруг коровы… Так целый день и пропадает. Хозяйство все позапустили; варят так, что есть нельзя, потому все наускорях, лишь бы было сварено…

Татьяна Васильевна и Саша слушают и блаженно улыбаются.

— Ври, ври, — замечает Татьяна Васильевна, — а за коровой ходить нужно: она нам все предоставит…

Однажды корова заболела. Сколько горя было Татьяне Васильевне и Саше!

Лишь только я пришел, как они бросились ко мне и стали расспрашивать, не знаю ли я кого-нибудь, кто умел бы лечить скотские болезни. Я, конечно, не знал. Они чуть не расплакались. Оказалось, что дня два тому назад Татьяна Васильевна заметила, что у коровы распухло вымя. «Непременно змея укусила!» — заключила Татьяна Васильевна и бросилась искать человека, знающего по этой части. К несчастью, все отказывались, и даже сам коновал сказал, что он не знает такой болезни; а опухоль между тем усиливалась и сделалась наконец такою большою, что на нее стало «страшно смотреть». «Что делать теперь, что делать?» — закончила Татьяна Васильевна свой рассказ и заплакала.

В следующие дни болезнь все усиливалась. И Татьяна Васильевна, и Саша все это время не спали ночей, почти не ели и проводили большую часть дня, смотря на свою больную любимицу и придумывая, как бы ей помочь. Сюда к ним приходили соседки, ахали, горевали вместе с ними, но ничего путного посоветовать не могли. Наконец, Татьяна Васильевна от кого-то из соседей прослышала, что на другом конце города, на форштадте, есть старичок, который «маракует по этим делам». Татьяна Васильевна бросилась за старичком и привела его к себе. Старичок осмотрел корову, потребовал нож и одним взмахом глубоко прорезал ей вымя. Из раны брызнул целый фонтан гною. Корова взвыла от боли, шарахнулась и сбила с ног Татьяну Васильевну. Старичок сказал, что такие надрезы нужно делать каждый день, а потом промывать ранки чистою водою. Жаль было Татьяне Васильевне корову, да делать было нечего, и она в течение двух недель усердно резала свою любимицу. Обезумевшая от боли корова брыкала ногами, норовила поднять на рога и вообще всячески старалась не подпускать к себе никого. Приходилось пускаться на хитрости: Татьяна Васильевна подходила к корове с куском хлеба, густо посоленным в одной руке и с ножом — в другой. Подошедши близко, она быстро вонзала нож в вымя коровы и еще быстрее отскакивала от нее, боясь, что корова подымет ее на рога. Случалось, что рассвирепевшее животное бросалось вдогонку за Татьяной Васильевной… Вообще, много горя перенесли за это время Татьяна Васильевна и Саша. А если к этому присоединить еще постоянные опасения, что корова падет, и тогда прощай все надежды! — то нисколько не удивительно, что Татьяна Васильевна и Саша сильно похудали за время болезни коровы или, как у нас говорят, спали с лица.

Наконец, корова стала поправляться: опухоль опала и гной исчез. А чрез некоторое время она уже ходила в стадо.

Татьяна Васильевна и Саша ожили и опять начали предаваться фантазиям. Раз как-то я их застал за счетом выручки от продажи молока.

— Ну, что, — спросил я, — много выручаете каждый день?

— Да, благодаря Богу, довольно: копеек тридцать, либо сорок. Ведь это рублей десять в месяц… Если дело так пойдет до конца лета, так у нас не только шубка, а и еще кой-что будет.

И они весело смеялись. Смеялся и Петр Андреевич, хотя он время от времени и трунил над увлечениями жены и дочери; смеялся и я, глядя на их общее веселье. Вообще, все были счастливы.

Так продолжалось почти до конца лета.

III

Пришедши на Успенье в уютный домик, я застал одного Петра Андреевича. Он был необыкновенно пасмурен.

— Где же ваши? — спросил я.

— Пошли искать корову: вот уж четвертый день пропала…

— Как пропала? — удивился я.

— Да так — не пришла из стада... Спросили пастуха, а он говорит: я почем знаю, где она пропадает...

— Как же так: разве он не отвечает за пропавших?

— Нечем ему отвечать-то. Ведь у нас как? Если б был какой-нибудь порядок, выбрали б старосту, собрали б за коров деньги, да ему и отдали бы, — ну, тогда можно было бы из этих денег за пропавших коров вычитать. А то у нас каждый двор отдельно за свою корову полтинник отдает пастуху... А у него самого нет ничего: он гол как сокол. Ну чем он будет отвечать?.. Нет у нас с ним ни контрактов, ни записи, все на словах... Теперь он хоть полстада растеряет — ему нельзя ничего сделать. Еще хороший человек, не пользуется этим: другой на его месте уж сколько скотины ворам спустил бы...

И Петр Андреевич сердито замолчал. Молчал и я. Да и что бы я мог сказать ему в утешение?

Молчание продолжалось довольно долго, пока не пришли Татьяна Васильевна и Саша.

Они имели совершенно убитый вид. Красные глаза и опухшие веки у обеих ясно свидетельствовали о том, что они проводят бессонные ночи и много плачут.

— Вот горе-то у нас какое! — произнесла Татьяна Васильевна, поздоровавшись со мною. — Пропали наши головушки!..

И она расплакалась. Я попробовал утешить ее и сказал:

— Не плачьте, Татьяна Васильевна, может быть, корова еще найдется...

— Нет уж, где найтись! — произнесла она с отчаяньем и махнула рукой: — Что с возу упало, то пропало!..

Снова воцарилось молчание, тягостное, щемящее за сердце.

— Вышла я утром нынче за ворота, — начала снова Татьяна Васильевна, — все-то хозяйки выгнали коровушек да стоят, смотрят на них. Одна я, как оглашенная, стою столб столбом... Так у меня руки и опустились... Пришла я в комнату — все мне противно, ни за что браться не хочется. Попадись мне на глаза веревка — сейчас бы, кажется, повесилась!..

И она зарыдала.

— Тут не веревка нужна, а ум, — раздраженно заметил Петр Андреевич. — Говорил я тебе: не покупай коровы, а купи прямо шубку. Так нет: доход да доход! Вот теперь и без коровы, и без шубки...

— Да ты чего тиранишь?! — закричала вдруг Татьяна Васильевна с такою злобою, какой я от ней никак не ожидал. — Какое тебе-то дело? Твои, что ли, эти были деньги? Наши с Сашей, наши трудовые! И не лезь ты не в свое дело! А то туда же: ум нужен!.. Да вот у тебя и ум, да черт ли из тебя толку!..

— Как черт ли толку? — закричал в свою очередь Петр Андреевич. — А кто же вас-то, идолов, содержит?..

— Что как собаки проголодь живем, так уж, значит содержишь!..

— Да где ж мне взять денег на разносол вам?

— А где хочешь! На то ты умный человек... А то сейчас уж: я содержу!.. А ты посмотри на дочь-то, ведь ее замуж пора отдавать!.. Вон Ванька Галкин ходил, ходил, совсем хотел посвататься, а как узнал, что корова пропала, нынче встречается с нами, так не то чтобы поклониться, а прямо отворотил рыло в сторону от нас. «Что же ты это, говорю, Ваня?». А он: «Проезжай, — говорит, — мимо!». Ты, умный человек, что об этом думаешь?.. Или тебе некогда об этом подумать? Газетами занят?.. Какой же ты отец после этого?!

Мое положение, положение невольного свидетеля семейной сцены, было очень неловкое. Неловкость увеличивалась еще от того, что я, постоянно видя семью Власовых дружною, никак не ожидал, что в уютном домике когда-нибудь, даже при большем несчастье, может разыграться подобная сцена. Я попробовал вмешаться.

— Успокойтесь, Татьяна Васильевна, — начал было я, но тотчас же принужден был раскаяться в своей попытке.

Расходившаяся Татьяна Васильевна не дала спуску и мне.

— А вы, батюшка, не в свое дело не мешайтесь! — решительно заявила она. — Коли вы пришли в гости, так и сидите смирно, а в наши дрязги не лезьте. Свои собаки грызутся, чужая не встревай!..

Мне оставалось распрощаться и уйти.

Уходя, я взглянул на Сашу: она сидела, упав лицом на стол, и горько рыдала...

Грустно и тоскливо чувствовалось мне, когда я возвращался домой...

Федосеевец

Òåêñò ïåðâîèñòî÷íèêó:
Абрамов Я.В. Корова // Устои. — 1882. — № 6. — С. 41—61.

ÕËÓÄ Î ÂÙ È Í À

Удивительное зрелище представляет современное состояние русского общества. С одной стороны, куда ни посмотришь, кого ни послушаешь, всюду и везде, у всех на языке «народ», «народная польза», «народные нужды», все просто дышат любовью к народу, все готовы принести всякие жертвы для народа; все партии желают называться народниками, так что иной раз даже неловко становится, когда услышишь это слово; появились даже такие странные слова, как «лженародники», «истинные народники», «последовательные народники» и т.д. Словом, как будто все только и живут для народа, только о нем одном и думают, будто для всех и жизни без народа и вне народа нет и быть не может. Но это только с одной стороны. С другой же — всякий раз, когда является нужда перейти от слов к делу, когда нужно оказать быструю и решительную помощь столь любимому народу, когда нужно ради народа раскошеливаться или серьезным образом выступить на защиту народа, тогда наше общество забывает все свое «народничество», хранит глубокое молчание и не желает пальца о палец ударить в интересах своего кумира.

Именно таким лицемерным оказалось наше общество в истории, которую я намерен рассказать и которая произошла очень недавно, стало быть, в самый разгар «народной» политики, когда наши «самобытники» и «народники», с господами Аксаковым и Катковым во главе, в каком-то экстазе кричат: «Наша взяла!». История эта, оттеняя самыми мрачными красками лицемерие этих торжествующих «народников», вместе с тем освещает пропасть истинных народных нужд.

Сгорела громадная фабрика господина Хлудова в Ярцеве. Несколько десятков человек сгорело живьем, еще более осталось калеками на всю жизнь; у тех и других остались семьи, которым теперь нечем кормиться. Фабрика давала работу нескольким тысячам человек и, стало быть, так или иначе поддерживала существование нескольких тысяч семейств, которые теперь остались без куска хлеба. Какое широкое поле открылось для деятельности всех народолюбцев, если только их фразы о народе искренны! Какой удобный случай принести пользу столь любимому народу и тем на деле показать свое народолюбие!..

В действительности же все общественные группы обнаружили самое позорное невнимание к пострадавшим рабочим. Газеты ограничились краткими сообщениями о катастрофе, как будто это было такое же маловажное событие, как и описываемые рядом с ним разного рода скандалы и явления театрального мира[1]. Никто не позаботился об организации дела приискания работы нескольким тысячам рабочих, и они были предоставлены самим себе бродить и нищенствовать, пока не навернется какая-нибудь работа. Мало того, когда столь вопиющее дело, благодаря которому погибли десятки людей и притом погибли такою ужасною смертью, грозит быть замятым и виновники этого ужасного преступления должны остаться безнаказанными, *только одно* общественное собрание (собрание духовщинского земства) выражает по этому поводу свое негодование.

А между тем хлудовская катастрофа должна бы привлечь к себе внимание общества не только потому, что на обществе лежит обязанность оказать помощь пострадавшим, обязанность, обусловливаемая — не говоря уже о других причинах — прямо «народничеством» самого общества, так и потому, что эта катастрофа развернула перед обществом ужаснейшую картину положения наших фабричных рабочих. Пожар фабрики Хлудова обрисовал царящие на наших фабриках порядки гораздо лучше, чем это могли бы сделать годы кропотливых исследований. В настоящей статье мы и намерены представить результаты этого «самобытно-русского» способа исследования народных нужд…

Первые подробные известия о порядках фабрики Хлудова относятся к концу 1879 года, когда духовщинское земство, принимая во внимание, что «хлудовщина» представляет собою гнездо всяких эпидемий, произвело, через особую земскую комиссию, осмотр здания фабрики и выстроенных при ней помещений для рабочих[2]. Сведения эти в значительной степени были пополнены на 6-м губернском съезде врачей московского земства доктором Михайловым, пробывшим на фабрике Хлудова 1879—1881 года[3]. Как земская комиссия, так и господин Михайлов говорят, главным образом, о санитарном состоянии фабрики и о влиянии его на здоровье рабочих; экономической стороны дела они не касаются. Недостаток этот только отчасти пополняется сведениями, опубликованными в газетах в конце 1880 года по поводу так называемого «бунта» хлудовских рабочих, и фактами, добытыми на разбирательстве у мирового судьи дела об этом «бунте»[4]. Наконец, в речи духовщинского предводителя дворянства, князя Гурко, произнесенной им на последнем духовщинском земском собрании, очерчиваются отношения фабричной администрации и местной полиции к рабочим[5]. К концу концов, все эти сведения рисуют перед нами довольно яркую картину положения рабочих на фабрики купца Хлудова.

После пожара господин Хлудов получил одной страховочной суммы 1700000 рублей. При этом нужно заметить, что сгорел только главный фабричный корпус; все же соседние пристройки от казарм для рабочих и до палаццо Хлудова-сына уцелели. Значит, стоимость фабрики значительно

превышает упомянутую выше сумму. Между тем, как удостоверяет земская комиссия, господин Хлудов получал со всего своего капитала, как оборотного, так и основного, до 45% дохода. Казалось бы, что при таких *миллионных* барышах можно бы хоть несколько позаботиться и о рабочих. Посмотрите же, что было в действительности.

Земская комиссия начала свой осмотр с селения Ярцев-Перевоз, возникшего одновременно с фабрикой господина Хлудова и представляющего собою сплошную массу лавок, трактиров, питейных заведений и жалких лачужек, служащих жилищами рабочих. Что это за жилища, можно видеть из следующего примера: «При доме духовщинского мещанина Скоробогатого, на дворе которого помещается бойня, на этом дворе, представляющем одну сплошную помойную яму, помещаются 27 человек рабочих в 9-аршинной избе, половину которой занимает огромная русская печь, углы завалены мешками с мукой, а под полом хранится запас картофеля. Вместо столов — бочки из-под селедок и грязные скамейки из неструганых досок. Окна выходят на тусклый, тесный двор, т.е. вместо света и воздуха пропускают лишь зловоние и заразу» («Неделя», 1880, № 39). Но еще хуже жилища рабочих, живущих при самой фабрике. Они помещаются в громадном сыром корпусе, в три этажа, разделенном, как гигантский зверинец, на клетки или каморки, грязные, смрадные, пропитанные вонью отхожих мест. Каморки эти набиты жильцами до того, что рабочие, остря над своим положением, сравнивают себя с сельдями в бочке. Комиссия приводит такой пример: камора в 13 куб. саж. служит помещением в будни во время работ для 17 человек, а в праздники или во время чистки машин — для 35—40 человек. Вообще, по словам г. Михайлова, в каморах приходилось по 0,6 куб. саж. зараженного всякими испарениями и газами воздуха на человека. Самая работа обставлена крайне неблагоприятными условиями: рабочим приходится вдыхать хлопчатобумажную пыль, находиться под действием удушливой жары и переносить невыносимый запах, распространяющийся из дурно устроенных ретирад. Относительно чрезвычайно высокой температуры мастерских заведующие фабрикой объяснили комиссии, что обработка хлопка возможна только при температуре не ниже 25°. В действительности же, по свидетельству г. Михайлова, работы на фабрике Хлудова производились при 28,2° Р. Что же касается дурного устройства ретирад, то фабричная администрация потому не устраивает их иным способом, что *с уничтожением миазмов эти места превратились бы в места отдохновения для рабочих и их пришлось бы выгонять оттуда силой*. Можно представить себе удобства работы и жизни рабочих господина Хлудова, если даже ретирады могут сделаться «местами отдохновения»! Ко всему этому нужно добавить еще ночную работу и дурное устройство смен: рабочие сменяются через каждые 6 часов, причем каждый рабочий должен отстоять в сутки две смены: так что, к концу концов, рабочий никогда не может вполне выспаться.

Нечего и говорить о том, как гибельно действуют на здоровье рабочих условия работы на фабрике господина Хлудова, принимая во внимание в особенности то обстоятельство, что *до половины хлудовских рабочих — малолетние*. Из общего числа рабочих (4000) около $^1/_4$ (24,6%) составляли дети до 14 лет; другую $^1/_4$ (25,6%) составляли подростки до 18 лет. Болезненность среди хлудовских рабочих была необыкновенно велика: несмотря на то, что, по словам земской комиссии, большинство заболевших рабочих получают расчет, не испытав удобств больницы, так как их просто-напросто увольняют при первых признаках болезни, все-таки за три года пребывания господина Михайлова на фабрике *в больнице перебывало 700 человек, а амбулаторных посещений было 23817, то есть по 2,4 посещения на каждого рабочего в год.* Еще рельефнее обнаруживают небрежность фабриканта относительно здоровья и жизни рабочих цифры несчастных случаев, имевших место на хлудовской мануфактуре. Так, в течение 1879—1880 годов общее число повреждений, нанесенных рабочим действующими машинами, равнялось 633, то есть одно повреждение приходилось на 6,5 рабочих в год. В 1881 г. повреждений было 360, причем всего более страдали дети: в то время, как одно повреждение приходилось на 12 взрослых и подростков, из детей подвергались повреждениям 2 на каждые 7 человек. Нужно отметить еще тот факт, что все возрасты, как днем, так и ночью, получают повреждения значительно чаще во вторую половину работы (последние 3 часа шестичасовой смены), когда организм рабочего начинает уставать («Врач», 1882, № 13).

Таково было положение хлудовских рабочих с санитарно-медицинской стороны. Не в лучшем виде является и экономическая сторона их положения. К сожалению, у нас нет точных цифр заработной платы, получаемой хлудовскими рабочими. Но тем не менее многочисленные данные свидетельствуют о том, что и в этом отношении положение рабочих представляет мало утешительного. Рабочие нанимаются на год, обыкновенно от Пасхи до Пасхи. Существуют особые рабочие книжки, которые рабочим не выдаются, а хранятся в конторе фабрики. В книжках этих обозначается срок найма рабочего, непременно годовой; место же, где должна быть обозначена плата, оставляется пустым. Затем в книжке точно обозначается обязанность рабочего не покидать фабрику до истечения годичного срока; что же касается другой договаривающейся стороны, фабричной конторы, то она всегда может прогнать с фабрики рабочего, коль скоро она, как сказано в рабочей книжке, «недовольна» рабочим. Вообще, рабочие зависели всецело от произвола фабричной администрации: плата удерживалась за целые месяцы; штрафы были так велики и многочисленны, что они положительно отравляли всю жизнь рабочих: на некоторых насчитывали по десяти и по пятнадцати рублей в ме-

сяц штрафов и разных вычетов. «Иной раз работаешь, работаешь, ан тебя в одной рубашке выпустят», — жаловались рабочие при разборе мировым судьею дела о хлудовском «бунте». Наконец, нередко рабочих гнали с фабрики без всякого расчета («Смоленский вестник», 1880 г., сентябрьские номера; «Неделя», 1881, № 27).

Фабрикою управлял англичанин Миленч. Это крайне жестокий человек, для которого рабочие были такими же машинами, как и какие-нибудь чесальные снаряды, ватеры, мотовилы и прочее. Сказанное, впрочем, не совсем справедливо, так как Миленч ценил машины несравненно выше рабочих и гораздо более дорожил ими. Он хорошо понимал, что машины стоят больших денег, тогда как рабочий почти ничего не стоит фабриканту, и потому совсем не церемонился с рабочими. Вот как охарактеризовал господина Миленча рабочий Живов на разбирательстве у мирового судьи: «Директор наш не руский, по-русскому не понимает; как кто за расчетом пришел, он сейчас в руки плеть или ремень, а то просто кулаком… Разве какой человек сам посильнее…». Благодаря особого рода отношениям фабрики к местной полиции, о чем я буду говорить ниже, Миленч был вполне уверен в своей безнаказанности. Вот что, например, рассказывал господин Гурко в заседании духовщинского земского собрания: «Года три-четыре тому назад его бывшие крепостные крестьяне села Горок явились к нему, жалуясь, что им вскоре придется кормить сирот их односельчанина Тараса, которого забил англичанин Миленч. На вопрос князя Гурко, как это произошло, крестьяне рассказали следующее. Однажды, когда Тарас, работая на фабрике, мостил полы, лежа на животе, Миленч принес дощечку с мышьяком и знаками стал объяснять Тарасу, что с этой дощечкой надо сделать. Тарас, столько же понимавший по-английски, как сам Миленч по-русски, ничего не понял и, кроме того, находясь в неудобном лежачем положении, рассыпал мышьяк. Кажется, преступление небольшое, но директору оно показалось ужасным, и Миленч (здоровеннейший приземистый детина), освирепев, бросился на лежавшего Тараса… Произошла отвратительная сцена. Тарас подал жалобу в суд, но еще до разбора дела помирился с Миленчем на двадцати пяти рублях. Удостоверившись лично в тяжком положении больного Тараса, князь Гурко сообщил об этом факте смоленскому прокурору, а прокурор поручил произвести об этом дознание духовщинскому полицейскому управлению. В это время исправником в Духовщину был только что назначен Милитинский. На просьбу князя не передавать дознание ярцевскому становому Дьякову новый исправник, еще не успевший ничем себя прославить, хотя и обещал произвести дознание лично, но тем не менее оно попало к Дьякову и в его опытных руках кончилось тем, что и дощечка с мышьяком, и побои, и все прочее оказалось чистейшим вздором, пустяками, вымыслом горкинских крестьян. Но что это был не вымысел и не вздор, засвидетельствовал сам Тарас: несколько дней спустя после дознания он умер; его сироты остались на руках крестьян, а Миленч получил уверенность, что с русскими рабочими можно делать все что угодно и ни за что не отвечать» («Неделя», 1882, № 14). Многих ли еще Тарасов, Иванов и Петров отправил на тот свет господин Миленч, это, конечно, остается тайною прикрывавшей его полиции; но что бесчеловечный англичанин и после описанного случая стал ценить жизнь рабочего дешевле жизни какого-нибудь цыпленка, видно из следующих слов князя Гурко, сказанных им по поводу того обстоятельства, что сгоревшие во время пожара рабочие были *нарочно заперты* директором Миленчем: «Уже не в первый раз практикует, как слышно, англичанин Миленч подобный неслыханный способ тушения пожара; на фабрике, где существует склад горючих материалов, случались пожары и прежде, и *каждый раз директор запирал двери на ключ*, имея в виду, во-первых, побудить рабочих, из чувства самосохранения, тушить пожар проведенною внутри здания водою; во-вторых, чтобы предупредить расхищение хозяйского добра в суматохе, неизбежной при каждом пожаре» (Id.). Как видите, расчет был очень простой: запертые в горящем здании, окруженные со всех сторон пламенем, рабочие будут отчаянно бороться за свою жизнь и, спасая себя, спасут и хозяйские машины. Чем-то невероятным, немыслимым, невозможным кажется все это. Но, увы! сомнения и вопросы могли иметь место до катастрофы. Теперь же, ввиду нескольких возов обгоревших трупов, ввиду этих нелицеприятных свидетелей, никакие сомнения неуместны и остается место одному негодованию…

А что же полиция? Или ее нет в Духовщинском уезде, в котором находилась фабрика? Или она имеет местопребывание так далеко от фабрики, что не могла ничего ни видеть, ни слышать? Нет, читатель, полиция в Духовщинском уезде есть и находится на своих местах: есть исправник Милитинский, есть становой пристав Дьяков, живущий в Ярцеве, есть, наконец, урядник Юдинич, имевший местопребывание на самой фабрике. Но по отношению к фабрике полиция не только оказалась слепа и глуха, но еще не раз помогала фабричной администрации заминать разные темные делишки, как это мы видели в деле Тараса, убитого Миленчем. Угодливость полиции по отношению к фабричной администрации доходила до того, что она, даже в наше строгое относительно паспортов время, смотрела сквозь пальцы на присутствие на фабрике беспаспортных рабочих и терпела их по целым годам, как это мы увидим из приводимого ниже дела Сергея Лебедева. Что же заставляло полицию быть не только снисходительною, но прямо угодливою по отношению к фабрике Хлудова? Очень понятно, что: во-первых, господин Хлудов человек богатый и сильный — лучше пользоваться его благорасположением, чем нерасположением; а во-вторых… Но о второй причине

я прямо говорить не буду, а лучше расскажу один факт, который и разъяснит все. У исправника Милитинского (ныне отставленного), или, по местной кличке, «Георгия Победоносца», есть превосходная серебряная солонка, работы Сазикова; она представляет крестьянскую избу с окнами, дверями, трубой — и все из чистого серебра. Величины эта солонка такой, что ее с трудом можно приподнять. При солонке — образ Георгия Победоносца в честь ангела исправника: сияние вокруг венчика бриллиантовое. Понятное дело, что на исправницкое жалованье подобной вещи не приобретешь, и господин Милитинский заработал ее усердием: ее поднес исправнику господин Хлудов, сын собственника фабрики, постоянно живущий возле нее в великолепном палаццо. Так, по крайней мере, писали сначала в газетах; потом было опровержение, согласно с которым солонку вместе с образом поднесли исправнику *рабочие*, а господин Хлудов только взялся передать…

Как видит читатель, рабочие на фабрике Хлудова были окружены каким-то железным кольцом и их положение было самое безнадежное. Работа — адская, не дающая возможности ни отдохнуть и выспаться, ни подышать чистым воздухом; условия работы и жизни — самые убийственные; уйти с фабрики, как бы ни было невыносимо оставаться на ней рабочему, невозможно в течение целого года, тогда как быть прогнанным с фабрики можно каждую минуту. В расчетах полнейший произвол фабричной администрации; штрафы и вычеты поглощают чуть не всю заработную плату; при малейшем заявлении неудовольствия прогоняют с фабрики без расчета или избивают до полусмерти, а то и совсем насмерть. Жаловаться некому, так как полиция стоит на стороне фабриканта, а мировой судья живет далеко, так что идти к нему — значит сделать прогул, подвергнуться штрафу, изгнанию с фабрики и т.п. К тому же, наш рабочий горьким опытом узнал, что жаловаться на хозяина — значит напрасно подвергаться неприятностям. И вот рабочие терпят. Да и как не терпеть: ведь на фабрику идут не с хорошего житья; стерпишь все, как есть нечего…

Казалось бы, при таких условиях Хлудов мог целые века не слышать ни одного выражения неудовольствия, ни одной жалобы, ни одного стона. Но он сумел-таки вызвать выражение недовольства даже со стороны своих забитых, голодных полурабов. Выражение недовольства было, впрочем, немедленно же обращено в «бунт», и «дерзкие бунтовщики» были наказаны.

История этого «бунта» очень характерна и именно тем, что он, как две капли воды, сходен со всеми «бунтами» нашего рабочего люда, нередко оканчивающимися очень печально для последнего. Из последующего изложения читатель увидит, кто в этих «бунтах» является истинным бунтовщиком — рабочие или хозяева.

Господин Хлудов (отец), наживая миллионы, в то же время, по купеческому обычаю, старался кое-что делать и для спасения своей грешной души. Как известно, наши купцы, делая богатые пожертвования на колокола, соборы, разные приюты и т.п. и таким образом спасая свои души, вместе с тем умеют этими пожертвованиями приобретать расположение важных лиц. Делал ли господин Хлудов пожертвования на колокола — я не знаю; но зато общеизвестный факт составляет то обстоятельство, что немало хлудовских денег ушло на дело спасения душ раскольников и обращения их в лоно православной церкви. Господин Хлудов поддерживал миссионерские общества, был сам членом противораскольничьего братства св. Петра, имел чрезвычайно богатое собрание раскольничьих рукописей и т.п. Когда в Москве некоторые господа задумали отнять у старообрядцев-единоверцев типографию, печатавшую богослужебные книги для старообрядцев, господин Хлудов явился на помощь этому предприятию и ассигновал для типографии 120000 рублей.[3] Сделавши это пожертвование, он 8 сентября 1880 года явился в Ярцево, сделал распоряжение о скидке 10% с получаемого рабочими жалованья и на другой день уехал обратно в Москву. Вот с этого-то и начался «бунт» хлудовских рабочих.

Казалось бы, что и по здравому смыслу, и по закону, рабочий имеет полное право отказаться от работы, коль скоро ему дают плату, меньшую против той, по которой он договорился. Неужели он обязан работать и тогда, когда, вместо договоренных 15 рублей, ему предлагают плату, уменьшенную на 10%? Но, как известно, наши законы остаются иногда в забвении, и вот из нежелания рабочих работать по уменьшенной цене выходит бунт.

Когда 9 сентября на стенах внутри хлудовской фабрики появились объявления о десятипроцентной сбавке с рабочей платы, рабочие в недоумении столпились вокруг них. Никто не хотел верить, чтобы можно было ни с того ни с сего уменьшить плату, особенно в такую тяжелую пору, какою была осень 1880 года, когда цены на предметы первой необходимости страшно поднялись. Но факт был налицо: объявления висели на всех стенах. Вспомнили, вероятно, рабочие все обиды и все притеснения, которые они переносили на фабрике, и порешили не работать больше на Хлудова. Однако, прежде чем уйти с фабрики, рабочие потребовали для объяснений директора Миленча. Но этот последний неизвестно куда скрылся; вероятно, он вспомнил одну очень неприятную для него историю: говорят, что, встретив его где-то одного, рабочие накрыли его зипуном и «своими средствиями» отплатили ему за все штрафы и побои. Вместо Миленча явился «хозяйский сын» Михаил Хлудов. Рабочие потребовали расчета или уничтожения сбавки. Хлудов заявил, что расчета не будет, но что и сбавка останется; вместе с тем, желая отвлечь толпу от зданий фабрики и машин, он предложил рабочим идти «погулять» в Ярцев-Перевоз, приказал принести два ящика орехов и

пряников из своей лавки и стал бросать эти сладости с балкона в толпу. Господин Хлудов проявил столько доброты по отношению к рабочим, что громогласно приказал отпустить в трактире каждому рабочему по *одному* стакану чая, чем вызвал даже негодование в толпе. «Я за пятачок сколько хочу пить буду», — отвечали ему. Насколько добродушно была настроена толпа рабочих и как мало было в ее поведении чего-либо похожего на «бунт», видно из следующего эпизода. Когда Михаил Хлудов бросал в толпу орехи и пряники, один из рабочих, Максим Балакирев, вынул жилейку (род дудки) и начал на ней играть (впоследствии этот добродушный любитель музыки фигурировал в качестве главного бунтовщика). Толпе это очень понравилось; понравилось и Хлудову, который дал музыканту рублевую бумажку. После этого рабочие отправились в селение Ярцев-Перевоз. Само собою разумеется, что в тысячной толпе дело не обошлось без шуму и гаму; кабаки растворили свои двери, кабатчики принялись за свое дело у стоек; рабочие шумели и пили. Все эти явления были вполне обычными, когда на фабрике не было работы, и ни в каком случае не могут быть названы ни «бунтом», ни «беспорядком». Между тем оказалось, что Хлудов, лаская рабочих, в то же время послал за урядником. Явившийся урядник начал стегать рабочих плетью. Само собою разумеется, что рабочим не понравилось такое обращение урядника, и они подняли против него крик; урядник схватился за револьвер. Крики усилились; толпа оттеснила урядника, и в то же время бывшие в толпе мальчишки осыпали его камнями. Урядник Юдинич вообразил, что рабочие «хотят разорвать его на части», но был «спасен» Хлудовым, свободно ходившим среди рабочих, и спрятан им на чердаке одного здания, где он и пробыл до 11 часов вечера. Но так как нет худа без добра, то оказалось, что добровольное заключение Юдинича не осталось без «пользы для службы», так как ему, как он сам объяснял впоследствии у мирового судьи, «с чердака было видней», кто главные бунтовщики.

После эпизода с урядником «бунт» перешел в новый фазис своего развития. Заработал телеграф; из Ярцева полетели телеграммы — сперва в Духовщину, потом в Смоленск, а отсюда в столицу; потребовано войско. Между тем рабочие никак не хотели разыграть навязанной им роли «бунтовщиков» и продолжали вести себя самым мирным образом. Были, конечно, и шалости: на некоторых огородах были повыдерганы репа и картофель, в еврейской молельне были разбиты стекла. Были, наконец, просто глупости: навязали на палку платок, дали его мальчику в руки и носили его с криками «ура». Но сколько нужно иметь бессовестности, чтобы подобные факты, совершаемые, по существу дела, немногими членами рабочей массы, поставить в вину всей тысячной толпе рабочих, признать эти факты «бунтом» и требовать войско для усмирения «бунтовщиков»? Правда, в явившегося на бунт помощника исправника из толпы был пущен камень: но, согласитесь, как справедливо заметил корреспондент «Недели», что «в тысячной массе, возбужденной вином и криками, всегда найдется несколько единиц, безрассудные поступки которых нельзя вменить всему населению, тем более что самые поступки были вызваны несправедливой и произвольной мерой фабричной администрации».

Ночью 9 сентября приехал на фабрику смоленский губернатор. Он сразу понял, в чем дело, и убедил Хлудова отменить сбавку; Хлудов согласился. 10 числа губернатор объявил собранным рабочим, что господин Хлудов согласился оставить прежнюю плату; Хлудов тут же это подтвердил. Рабочие обрадовались, но, не доверяя хозяину, попросили, чтобы об отмене сбавки были вывешены на фабрике объявления; по распоряжению губернатора, было сделано и это. После этого губернатор уехал. Часть рабочих направилась было к станкам, но большинство желало, чтобы за прогульные дни не было вычетов и чтобы были уничтожены произвольные штрафы, и потому оттеснило с фабрики соглашавшихся начать работы. Извещенный об этом губернатор снова явился на фабрику. Что он сделал в этот свой приезд, остается неизвестным. Известно только, что вскоре после этого явились войска, а губернатор возвратился в Смоленск. Вот тут-то и разыгралась драма.

«Хозяйский сын» Михаил Хлудов, доселе дрожавший за фабричные здания и машины и потому старавшийся ладить с рабочими, бросая им сладости и даже великодушно жертвуя по одному стакану чаю, теперь, с прибытием войска, сразу переменил тон и повел себя совсем иначе. Лишь только губернатор уехал, Хлудов приказал сорвать объявления об отмене сбавки и затем пригрозил рабочим, что он сбавит с заработной платы вместо десяти — 15%. В то же время, как бы для подкрепления угроз Хлудова, войска заняли фабрику, разместились у входа, на лестницах, в конторе, у кассы, на телеграфной станции и т.д. Вместе с тем начались аресты «главных бунтовщиков». С каким разбором производились аресты, можно видеть из того, что самым главным бунтовщиком был тот самый Максим Балакирев, который забавлял рабочих и Хлудова игрою на жилейке и за это получил даже рубль серебра из рук «хозяйского сына». Другой «главный бунтовщик» Здоровенко был арестован по следующему поводу: он обратился к исправнику Милитинскому с заявлением о своем желании получить расчет; исправник велел ему идти за собою в контору; но лишь только Здоровенко взошел на крыльцо конторы, он ни с того ни с сего был арестован. Нечто подобное было и с другими «главными бунтовщиками»...

Хлудов торжествовал, а рабочие потеряли всякую смелость. Год трудный, заработков нет, надеяться на уступки со стороны фабриканта после всего происшедшего было бы крайне наивно, и вот рабочие-смольняне решились смириться. 12 сентября в 6 часов утра машины были пущены в ход,

и часть рабочих, правда, очень небольшая, стала за станки. При следующих сменах число рабочих возрастало и к вечеру дошло до одной трети всех фабричных; на другой день работало уже большинство, и только около 800 рабочих, подмосковных крестьян, предпочли получить расчет и были отправлены на родину. Фабрикант победил: «бунт» был усмирен, и в газетах появились телеграммы о том, что «спокойствие восстановлено» («Смоленский вестник», 1880 г., сентябрьские номера; «Неделя», 1880, № 39 и 1881, № 27).

Арестованные рабочие, все молодые парни лет около 20, просидели в тюрьме около 5 месяцев, пока тянулось следствие, и были выпущены на свободу в конце января 1881 года, так как Московская судебная палата, куда было передано прокурором Смоленского окружного суда следственное производство по этому делу, не нашла в деянии обвинявшихся признаков противодействия властям, а усмотрела лишь нарушение общественной тишины, почему и определила передать настоящее дело мировому судье Духовщинского уезда. Таким образом, страшное дело о «бунте» кончилось скромным разбирательством у мирового судьи, которое и состоялось 10 июня 1881 года. Обстоятельства самого разбирательства мы передадим словами корреспондента «Русского курьера» (1881 г., № 163). Обвинителем со стороны полиции явился исправник города Духовщины (все тот же г. Милитинский), который настоятельно и поддерживал обвинение подсудимых в шуме и неповиновении полиции. Защищать подсудимых никто не нашелся. Обстановка суда выдавалась своею односторонностью. На одной стороне обвинитель, исправник, человек знающий и хорошо приготовившийся к обвинению, и целая линия свидетелей, вызванных им, начиная с хозяина — Хлудова-сына, его управляющего, приказчиков, мастеров, подмастерьев (все эти лица находятся в настоящее время на службе у Хлудова), и кончая урядником. Обвиняемые же не выставили от себя ни одного свидетеля, и они, как оказалось впоследствии, когда уже приговор был постановлен, и не знали, что можно и им вызвать свидетелей. Свидетели к присяге не приводились по неимению священника, как объяснил мировой судья. Дело производилось несколько домашним образом. Так, свидетели не отводились в отдельную комнату, а пребывали вместе как до своих показаний, так и после того, как некоторые из них уже дали показания. Второй свидетель (управляющий фабрикою[7]) был налицо и слышал хорошо, когда мировой судья читал записанное показание спрошенного перед ним свидетеля, его хозяина — Хлудова. Все свидетели, конечно, показывали стройно и не расходились в своих показаниях. Особенной стройностью отличались показания урядника (того самого Юдинича, который спрятался на чердак) и одного из приказчиков (Глинки), которые прямо указывали на некоторых подсудимых, что они видели этих рабочих, как зачинщиков, предводителей беспорядков, тогда как эти же свидетели у судебного следователя, 9 месяцев тому назад, при свежести дела, следовательно, и памяти, не указывали на этих рабочих. Когда мировой судья предложил, после прений, слово исправнику, то этот сказал, что он считает дело хорошо выясненным, и ничего не прибавил. В последнем своем слове подсудимые ничего не могли сказать. Только один подсудимый громко произнес: «За язык они жалованье получают», — явно относя эти слова к вызванным свидетелями. Другой обвиняемый указал, что они, подсудимые, все люди необразованные и не могут всего выяснить. До суда подсудимые отсидели по 5 $^1/_2$ месяцев (это не совсем верно: подсудимые сидели несколько менее 5 *месяцев*) в тюрьме, а в последнее время находились под надзором полиции. Мировой судья из шести подсудимых, находящихся налицо, обвинил четырех. Двоих он приговорил к *месячному* тюремному заключению и двоих — к *двухнедельному*…

Таков был финал хлудовской истории. Если у Хлудова, Миленча, Щербакова, Глинки и других могли быть до этой истории сомнения относительно того, могут ли они делать безнаказанно все, что им угодно, то после нее — всякие сомнения должны были исчезнуть. И эта уверенность Хлудова и его сподручных довела до страшной катастрофы, стоившей жизни нескольким десяткам людей.

23 января настоящего года в 6 часов вечера загорелась огромная Хлудовская мануфактура, и к полночи от громадного пятиэтажного корпуса остались одни каменные стены. Обстоятельства, сопровождавшие ход пожара, выяснены корреспондентами «Смоленского вестника» и «Недели», прибывшими на пожарище и собиравшими сведения по горячим следам от рабочих, находившихся еще под впечатлением ужасов предшествующего дня.

Пожар начался в так называемом трепальном отделении, где загорелся хлопок. Начал распространяться дым, по выражению одного рабочего, едкий-преедкий, горький-прегорький, захватывающий дыхание человеческое. Между тем машины были в полном ходу, рабочие продолжали свое дело у станков, и среди оглушительного грохота машин никто не подозревал о грозившей опасности до тех пор, пока огонь не пробился из трепального отделения в другие. Тогда, задыхаясь от дыма, спасаясь от огня между двигающимися колесами и рычагами, бросились рабочие в животном ужасе к единственному выходу. Наконец, передние ряды бегущих достигают выхода, спасение кажется близким. Но двери оказываются запертыми… Нет слов для передачи того, что испытала эта тысячная толпа, стоявшая перед запертыми дверями, слыша сзади себя грохот машин, не перестававших действовать до одиннадцати часов, и задыхаясь от дыма и копоти. Настал тот ужасный момент, когда в инстинкте самосохранения люди забывают все, теряют последнюю искру рассудка и лишаются способности думать о чем-либо, кроме грозящей опасности. Безумные крики ужаса и отчаяния

огласили фабрику с одного конца до другого. Многие стали бросаться в окна, не разбирая этажей, и разбивались насмерть. Многие попадали в обморок; иные, совершенно ошалевшие, лезли прямо на стены. Одну беременную женщину совсем раздавили, причем она тут же родила. Один парень бросался, как безумный, от окна к окну и, наконец, крикнув: «Прощайте, братцы! Я погибаю!» — пропал в пламени…

Между тем *снаружи* в запертые двери бились и стучались те, кто не был в это время на фабрике и прибежал на пожар. Это были отцы и матери, дети и братья несчастных, сгоравших в запертой фабрике. Они желали предупредить своих кровных об опасности, желали помочь им, спасти их. Но стоявшие около дверей сторожа гнали их прочь, чтобы они «не сгорели». Долго ли продолжалось бы такое положение вещей, неизвестно. Но в это время на помощь запертым явились слесаря: они бросились на сторожей и, оттеснив их, выбили двери. Как снежная лавина, бросилась толпа из внутренности фабрики и, как обезумевшая, бежала дальше от нее. Многие до того одурели от ужаса, что не могли найти выхода и их пришлось выводить силою с фабрики. Один мальчуган, с пылающими волосами и в горящей рубашонке, бегал взад и вперед, не умея попасть в дверь….

Но по какому же поводу двери оказались запертыми и с какой стати сторожа снаружи не пускали желавших помочь сгоравшим? А очень просто: двери запер и приказал сторожам отгонять всех прочь все тот же англичанин Миленч, директор фабрики, которого, после пожара, из опасения народной расправы, отвезли под конвоем на станцию железной дороги и, продержав целую ночь в каком-то чулане, отправили инкогнито в Москву, откуда он возвратился уже по миновании всякой опасности. Но что же побудило Миленча отдать такое дикое приказание? «А думали народом огонь погасить!» — объяснял корреспонденту «Недели» один рабочий. Директор так полагал, что можно будет машины отстоять.

Корреспондент «Недели», прибывший на пожарище, как я уже упоминал, на другой же день, говорит по этому поводу следующее: «Все слышанные нами факты приводили к такому заключению, что единственною причиною гибели, мучений и искалечения стольких людей было варварское приказание директора Миленча. Имея в виду спасти машины, дорожа хозяйским добром, он обрекал на мучительную смерть сотни русских рабочих, беременных женщин, подростков и детей. Вместо того, чтобы уведомить о пожаре в начале, когда он еще не принял больших размеров, остановить машины, прекратить этот адский рев, мешающий сосредоточить внимание на чем бы то ни было, директор, зная все условия фабричной обстановки, зная, кроме того, что соприкосновение газа и паров с огнем может иметь гибельные последствия для целого населения, не только оставляет рабочих на произвол судьбы, но, преграждая единственный путь к спасению, устраивает такую давку, в которой люди идут по телам других людей, как по мосту, и, достигнув наконец выхода, находят двери запертыми» («Неделя», 1882, № 6).

В ответ на приведенные слова и на аналогичные сообщения корреспондента «Смоленского вестника» *служащие* на фабрике господина Хлудова напечатали письмо, в котором они развязно заявляют, что «они вынуждены восстановить о пожаре истину, как люди, близко стоящие к фабричному делу, и очевидцы события». Истина эта, по мнению господ служащих, заключается в том, что *двери заперты не были*, а что рабочие погибли просто по своей глупости; ни с того ни с сего столпились на лестнице и давили друг друга; при этом господа служащие, как бы мимоходом, сообщают, что господин Миленч намерен притянуть к суду органы печати, сообщившие позорящие его доброе имя сведения. Чтобы читатель мог оценить по достоинству это заявление, я приведу те свидетельства о запертых дверях, которые уже успели проникнуть в печать. Именно, корреспондент «Смоленского вестника», прибывший на место тотчас же после катастрофы, слышал, *по крайней мере, от 50 рабочих*, что двери фабрики, по приказанию директора, были заперты; то же самое сообщали корреспонденту «Недели» все спрошенные им рабочие, как из числа бившихся внутри, за запертыми дверями, так и из числа старавшихся отворить двери снаружи. Князь Гурко в своей речи, произнесенной им в последнем Духовщинском земском собрании, сообщил, что, возвращаясь из Москвы в Смоленск, он встретился там с чинами смоленской полиции, ехавшими с места пожара, и от одного из них (которого в случае надобности назовет) слышал, что двери на фабрике хотя и не были *заперты*, но были *затворены*, и их *держали снаружи*, заграждая выход толпе, стремящейся вон из горящего здания. Но особенно любопытно в этом отношении показание некоего Лебедева, и мы остановимся на нем поподробнее. «При посещении духовщинского острога директоры отделения общества попечительного о тюрьмах (князь Гурко, протоиерей Сеньковский, инспектор городского училища Вахтеров и городской голова Горбатов) нашли в одной из камер арестанта по имени Сергей Лебедев. Арестант этот, сын дьячка Прилепы Краснинского уезда, на вопрос князя Гурко о причине заключения объяснил, что, не совершив никакого преступления, он попал в острог единственно за то, что, потеряв бессрочное свидетельство смоленской консистории, проживал с дубликатом, выданным ему смоленским полицейским управлением. В продолжение двух последних лет он работал поденно на фабрике Хлудова и только после пожара был арестован урядником, который отправил его в духовщинское полицейское управление, откуда, оставив его дубликат, его самого препроводили в острог. Этот Лебедев, упрятанный в острог за бесписьменность, которая, однако, не помешала ему

работать на фабрике в течение двух лет сряду, оказался сущей находкой: он видел пожар от начала до конца и подтвердил вполне *факт запертых дверей*. По приказанию Миленча, *рабочие были заперты в горевшем здании* — чтобы не разбежались и лучше тушили — огромным внутренним замком наружной массивной двери, представлявшей *единственный выход из двух корпусов*, так как другая дверь из нового корпуса на двор была постоянно заперта. Лебедев видел, как *выломали дверь*, как люди бросались в окна 3-го и 4-го этажей, как в отворенную народом дверь вытаскивали задавленных и увечных; он слышал отчаянные вопли и крики обезумевшей массы и ко всем этим давно известным подробностям прибавил новую: приказав запереть наружную дверь, Миленч *собственноручно запер* железную дверь в третьем этаже, в катушечной, где работали женщины и девушки. Вот эту-то железную дверь, которую запер Миленч, отворил механик Перлов, отняв у Миленча ключи и ударив его в лицо» («Неделя», 1882, № 14). Любопытно, что имя механика Перлова стоит в числе других подписей под заявлением господ служащих, в котором, как мы видели выше, так оригинально «восстанавливается истина». А между тем, что именно Перлов, а не кто другой отнял у Миленча ключи и отпер ими железную дверь, подтверждается показаниями не одного только Лебедева; то же самое сообщил корреспонденту «Недели» крестьянин деревни Плешкова Яков, у которого погибла на пожаре пятнадцатилетняя дочь… Наконец, помимо всех этих прямых показаний, нужно принять во внимание еще следующее обстоятельство: фабрика загорелась в 6 часов, а машины работали до 10 или 11 часов; казалось бы, за это время можно было безопасно увести с фабрики целую армию. А между тем после хлудовского пожара осталось семь возов трупов.

В одной газете было напечатано, что всего погибло на пожаре 18 человек. Но, судя по всему, эта цифра слишком уменьшена против действительности. Рабочие видели семь возов трупов; затем, они говорят о множестве костей, найденных на полу фабричного корпуса, под остатками машин, и до того перегоревших, что они рассыпаются от прикосновения. Когда два года тому назад сгорела фабрика Гивартовского в Москве, число сгоревших рабочих не могло быть определено, так как конторские книги, лежавшие вместе с деньгами в несгораемом ящике, как-то ухитрились тоже сгореть, хотя деньги уцелели. На фабрике господина Хлудова в настоящее время делается тоже нечто в этом роде, только еще в гораздо больших размерах. Так, подмосковные рабочие, которые смелее местных смольнян, не так забиты и запуганы и, стало быть, могли оказаться опаснее для фабричной администрации в случае следствия, были немедленно же, с необыкновенною поспешностью, отправлены на родину, для чего приготовлялись даже особые экстренные поезда железной дороги. Всякая попытка разъяснить дело встречает самый резкий отпор: так, корреспондент «Смоленского вестника» при первых попытках узнать подробности катастрофы был приглашен становым приставом удалиться как *постороннее лицо*, хотя совершенно непонятно, почему господин становой пристав, который благодаря своему невниманию к порядкам хлудовской фабрики несет долю вины в катастрофе, ближе к погибшим, нежели всякий другой человек. Наконец, самые трупы исчезли неизвестно куда, так что даже родственники погибших не могут их отыскать. Вот, например, какие мытарства перенес тот самый Яков из деревни Плешкова, о котором упоминалось выше, разыскивая труп своей дочери: из конторы его послали к уряднику, урядник к становому, становой в становую квартиру, из становой квартиры отправили на кухню Хлудова, а оттуда вытолкали в шею. Кончилось, однако, тем, что за пятнадцатилетнюю убитую девочку, у которой были переломаны ребра и во многих местах пробит череп ногами бежавших по ней рабочих, несчастному отцу дали 25 рублей и отпустили на все четыре стороны…

И, что всего ужаснее, такие истории стали у нас довольно частым явлением. Давно ли сгорело более сорока человек на фабрике Гивартовского? Вслед за тем произошла катастрофа, стоившая многих жизней, на петербургской табачной фабрике братьев Шапшал, на которой работницы были *тоже заперты* во время пожара, с целью предупредить расхищение хозяйского табаку…

Вся эта история не могла не взволновать общественное мнение той местности, которая имеет несчастие видеть в своем соседстве господина Хлудова. И вот на последнем духовщинском земском собрании местное общественное мнение выразило свое негодование. Местный предводитель дворянства князь Гурко произнес прочувствованную речь, из которой мы взяли многие сведения о фабрике господина Хлудова и которая действительно рисовала пред слушателями ужасную картину порабощения рабочих. Затем, согласно предложению господина Гурко, земское собрание постановило: 1) вторично ходатайствовать об учреждении на фабрике купца Хлудова должности земских комиссаров, обязанных наблюдать за исполнением санитарных правил, обязательных для местных фабрик[8], и 2) ходатайствовать о допущении к участию одного или нескольких уполномоченных от земства при следствии по поводу бывшего на фабрике пожара. Вместе с тем собрание выбрало четырех уполномоченных из числа гласных для передачи губернатору просьбы собрания о возможно скорейшем с его стороны представлении ходатайства земства господину министру внутренних дел.

Мы вполне сочувствуем ходатайству духовщинского земского собрания и желаем ему полного успеха. Необходимо, чтобы безобразия, освещенные заревом страшной катастрофы, были прекращены раз навсегда.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. Исключение представляют только газеты «Смоленский вестник» и «Неделя», интересовавшиеся хлудовской катастрофой и помещавшие подробные известия о различных перипетиях этой драмы. На сообщениях этих газет, главным образом, и построена предлагаемая статья.
2. «Неделя», 1880, № 39.
3. «Врач», 1882, № 13.
4. «Неделя», 1881, № 27.
5. Id., 1882, № 14.
6. «Русские ведомости», 1881, № 69.
7. Петр Иванович Щербаков. Прошу читателя запомнить имя и этого героя, так как он фигурирует в нижеследующей истории.
8. Такое постановление духовщинское собрание сделало еще в прошлом году.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:
Абрамов Я.В. Хлудовщина // Отечественные записки. — 1882. — № 5. — Май. — С. 36–53.

Á Î Ñ À ß Ê Î Ì À Í Ä À

I

В наших городах существует особый класс людей, дошедших до последней ступени бедности, на какой только может существовать человек. Вернее сказать, класс этот стоит на такой ступени бедности, при которой, казалось бы, невозможно самое существование. Эти парии современного общества не только не имеют буквально ничего, но и не могут даже рассчитывать на заработок. Существование этих париев положительно загадочно. Наш народ метко определил положение этих несчастных, прозвав их *босяками,* или *босой командой*. Название это, впрочем, не повсеместно и в некоторых местах заменяется другими именами; чаще же всего разные названия этих подонков городского населения существуют рядом. Одними из этих названий характеризуется положение «босяков»; так, например, в *Темрюке* они известны под именем *голяков*, в *Рыбинске* их величают *зимогоры* (так как им приходится *зимой горевать*) и т.п. Другие названия указывают на способы добывания средств «босяками», на образ жизни, на их характер и т.д.; таковы названия — *жулябия* (в *Ишиме*), *жиганы* (в *Тобольске*), *воровские люди* (в *Пинеге* и других северных городах), *ночные птицы* (в Одессе) и др. Иногда название «босой команды» происходит от предместья, в котором ютятся ее члены: таковы — *красноярцы* в *Балте* (от предместья *Красный Яр*). Некоторые названия представляют собою просто продукт народного остроумия: например, *золотая рота* (*портовые города Юга*), *мартышки* (*Рыбинск*) и др., — наконец, некоторые названия совсем необъяснимы: например, *галаховцы* (*Саратов*). Со времени сербской войны возникло новое название «босяков» и в настоящее время все более и более распространяется: это — *добровольцы золотой роты босого батальона.*

Уже из предыдущих указаний видно, что «босая команда» — явление очень распространенное. И действительно, едва ли в России есть какой-нибудь город, в котором не было бы представителей этого общественного класса. По крайней мере, те данные, которые удалось собрать мне относительно «босой команды», указывают на существование ее членов в большей части губернских городов и во многих уездных Европейской России, а также в некоторых городах Сибири. В маленьких глухих городках число «босяков» достигает всего нескольких десятков; но зато в больших городах, особенно таких, которые постоянно или временно требуют значительного числа рабочих рук, каковы фабричные центры, портовые города, места пересечения железных дорог и т.п., — в таких городах «босая команда» считает своих членов тысячами.

Точных цифровых данных о численности «босяков», как вообще в России, так и в частности в отдельных пунктах, конечно, не существует. Статистика наша вообще хромает, а «босая команда» до сих пор совсем не подвергалась серьезному исследованию и изучению[1]. Тем не менее существует масса данных, указывающих на то, что численность «босой команды» чрезвычайно громадна. Мы приведем некоторые из этих данных, касающихся отдельных местностей.

Прежде всего, сообщим цифры о количестве нищих в некоторых городах. При этом заметим, что нищенство, как это мы увидим ниже, далеко не единственный промысел «босой команды» и количество «босяков» в несколько раз больше числа собственно нищих (я говорю о городских нищих).

По данным особой комиссии, состоящей при министерстве внутренних дел, общее число нищих в 54 губерниях, 9 областях и 8 больших городах определяется, как передают «С.-Петербургские ведомости», в 293500 человек обоего пола[2]. Очевидно, что приведенная цифра не заслуживает никакого доверия. Всякому, кто хоть несколько знаком с делом, понятно, что число нищенствующих далеко не может быть уложено в скромную цифру трехсот тысяч. Грубая ошибка «особой комиссии» (ошибка, к слову сказать, не сознаваемая самою комиссиею и не помешавшая ей строить разные выводы и соображения о мерах к искоренению нищенства) произошла от того, что сведения комиссией получались чрез полицию. А какую цену могут иметь добытые этим путем сведения, наглядно видно из следующего примера. В 1879 году архангельский тюремный комитет запрашивал кольского исправника о количестве нищих в городе *Коле*. Исправник ответил, что в Коле «открытого нищенства нет» и что вообще «нищих нет», потому что и дети, и старые — *все* работают около промысловых шняк и *в хорошие промысловые годы зарабатывают иногда даже (!) по 25 рублей на человека* в четыре летние месяца (а жить приходится на эти 25 рублей целый год), а не способные к работе «призреваются родными, родственниками и благотворителями». Надо полагать, что «особая комиссия» получила немало сведений, подобных доставленным кольским исправником. В действительности же Кола битком набита нищими: при 800 жителях она имеет, как сообщает кольский городской голова, 58 *постоянных* нищих. Цифра эта представляет собою минимальную численность нищих, которая имеет место только в лучшие промысловые годы; при малейшей же неудаче мурманских промыслов число нищих в Коле страшно возрастает. «Крестьяне Кемского уезда, возвращающиеся осенью с морских промыслов, придя в Колу, нередко не имеют более возможности продолжать путь до места своего жительства за отсутствием денег и остаются в Коле нищенствовать. Так бывает почти каждый год,

разница только в количестве: в год с худым уловом число таких *временных* нищих сильно увеличивается, в годы же среднего улова число таких нищих меньше, но оно редко доходит до нуля, потому что простые рабочие — покрутчики — всегда получают очень ничтожный заработок. То же явление повторяется и весною; только тогда покрутчики идут через Колу на промыслы, проевшись дома за зиму окончательно и не имея ни копейки в кармане. Значительная часть их остается на некоторое время в Коле и побирается на дорогу. В это время с ними идут туда же — на Мурманский берег — мальчики от 10—15 лет, так называемые «зуйки». Приходя сюда до ледоплава в Кольской губе, они остаются в Коле нередко на две и более недели и побираются»[3]. А господин кольский исправник все-таки говорит, что нищих в Коле «нет». Такие-то «сведения» собрала «особая комиссия».

Чтобы дать хоть приблизительное понятие о количестве нищих в наших городах (о сельских нищих я не говорю), возьмем для примера несколько первых попавшихся городов и поищем сведений о числе нищенствующих в них лиц. В *Казани,* например, считается официально 90000 жителей, а по обывательскому счету около 140000; 15 лет тому назад здесь считалось около 8000 нищих, а в 1881 году число их достигло 20000 человек, что составляет $^1/_7$ часть общего населения города[4] (принимая даже обывательскую цифру жителей). В *Ставрополе-Кавказском*, при 30000 жителей, в зиму 1879—1880 годов нищих было более тысячи[5]. В *Ярославле* нищими набита целая слобода — *Ямская*[6]. Такие же известия о многочисленности нищих получаются и из множества других городов, например, *Рязани*[7], *Харькова, Киева*[8] и других. В столицах нищенство также страшно развито, несмотря на все репрессивные меры: так, еще недавно старшина московского мещанского общества требовал устройства особых исправительных и работных заведений для нищенствующих[9].

Но если число одних только городских нищих несравненно выше цифры, указанной «особою комиссиею», то число лиц, стоящих вообще в рядах «босой команды», должно быть громадно. Для некоторых городов мы имеем цифровые данные. В *Кронштадте* численность пролетариата достигает до 30000[10]. Из *Ростова-на-Дону*, после беспорядков 1879 года, два раза высылали лиц, «не имеющих определенных занятий», по нескольку тысяч каждый раз, и тем не менее численность золоторотовцев в Ростове и теперь громадна: ими набиты госпитали, богадельни, больницы, ночлежные приюты и т.п. Ночлежных приютов в Ростове официально насчитывается 40, и все они постоянно переполнены[11]. Кроме того, огромное количество ростовских «босяков» живет в Яру, расположенном между Ростовом и Нахичеванью, и на кладбищах. В *Саратове* в течение 1879 года в двух городских ночлежных домах перебывало более 35000 посетителей (по 2 копейки за ночь)[12], но, кроме того, здесь масса частных ночлежных домов — «галаховок», «въезжих дворов» и т.п.[13] В *Киеве* еще в 1879 году было 16 ночлежных домов и 12 «заезжих дворов», и все они постоянно переполнены[14]. Кроме того, по сообщениям местных газет, здесь масса «босяков» ночует под открытым небом. В *Одессе* насчитывается до 40000 человек, которые постоянно или временно, во время безработицы (явления очень частого, повторяющегося ежегодно), стоят в рядах «босой команды»[15]. «Босая команда» в Одессе представляет собою целую армию, служащую предметом постоянных забот тамошнего полицейского и городского управления, тщетно изыскивающих какие-либо меры против нее[16]. Из 12500 душ мещанского общества города *Шлиссельбурга* «до 12000 болтаются где-то без паспортов по матушке Руси»[3]; очевидно, эти 12000 стоят в рядах «босой команды». Даже в таких мирных и глухих городах, как *Пенза*, «босяки» очень размножились: здесь «полиции нередко приходилось зимою встречать скитающихся по улицам бездомных нищих или наталкиваться на ночлежников в холодных ларях на базарной площади», а потому «городская дума ассигновала 5000 рублей на устройство ночлежного приюта, примерно на 100 человек»[17]. Немало «босяков» и в сибирских городах. Так, из Томска жалуются, что там, с закрытием ночлежного дома, бывшего единственным приютом «бездомного люда», «пролетариат рассыпался по всему городу», число бродяг увеличилось и начались повальные кражи[18]. Такие же жалобы несутся из *Иркутска*[19].

Все эти отрывочные данные, взятые из массы цифр и сведений, имеющихся в нашем распоряжении, приведены для того, чтобы показать хоть приблизительно распространенность и численность «босой команды». Данные эти, несмотря на всю их случайность и бессистемность, ясно показывают, что «босая команда» заслуживает самого серьезного внимания.

II

Что же за люди — эти «босяки»? Что это за мир — «босая команда»?

Под Одессой тянутся длинными рядами катакомбы. Это так называемые *ломки*, из которых вынут камень и которые затем заброшены. Значительная часть Одессы стоит именно над такими катакомбами, что вызывает даже серьезные опасения, как бы в один прекрасный день верхний пласт одесской почвы не опустился и часть Одессы не рухнула. «Ломки» эти образуют извилистый, запутанный лабиринт, отдельные галереи которого идут в самых разнообразных направлениях и имеют множество сообщений между собой и ходов. Все это представляет массу удобств для лиц, которым, по тем или другим причинам, приходится укрываться от рук полиции. Неудивительно, что одесская «босая команда» сделала «ломки» своею штаб-квартирою и отсюда угрожает мирным одесситам.

О каких-либо жизненных удобствах таких оригинальных жилищ, какими являются «ломки», не может быть и речи. И лето, и зиму одесским «босякам» приходится жить в сырых, вонючих пещерах, спать на голой земле, мокрой весною и осенью и замерзшей зимою, и подвергаться простудным и всякого рода иным болезням. Оборванные, не только без теплого, но и без всякого платья, они должны переносить трескучие морозы, должны мокнуть и зябнуть, валяясь в грязи, должны отогревать свои коченеющие члены одним моционом и могут позволить себе единственную роскошь — принести в свое жилище украденную где-нибудь солому и ею хоть слегка прикрывать свое грешное тело. Это место, где наживаются мучащие потом всю жизнь ревматизмы, где свирепствует тиф, где чуть не каждый обитатель страдает легочными болезнями. Здесь теплые дни, когда можно отогреться на солнце, вылезши из пещеры, являются праздниками, а день, когда можно быть сытым, служит исключением.

Но одесские «ломки» являются роскошным жилищем сравнительно с теми дырами, в которых обитают ростовские «золоторотовцы». Между Ростовом и Нахичеванью, в местности, известной под именем «Богатый колодезь», есть яр, в который сваливается из города навоз и всякие нечистоты, и вот здесь-то, в этом навозе, «босяки» роют дыры и живут в них… Жизнь *собачья*, в буквальном смысле слова. «Мне каждый день приходилось, — пишет один наблюдатель ростовской жизни, — проходить мимо одной ямки под набережными. Кто ее первоначально выкопал — не знаю, но я всегда заставал там или спящую бродячую собаку, или рабочего. Аналогия сама невольно напрашивается…»[21].

Ум отказывается верить, воображение — представить, чтобы было возможно подобное ужасное существование! Нужно самому видеть эти навозные дыры, самому наблюдать, как в них ворочаются и копошатся, как муравьи в своих норах, обрюзглые, испитые, оборванные, загрязненные до последней степени люди, чтобы не заподозрить в фантастичности все рассказы о жизни «босяков»…

А между тем люди, находящиеся в таком ужасном положении, встречаются всюду по городам. Так, из Рязани пишут, что тамошний пролетариат имеет «пристанище свое под открытым сводом неба»[22]. В Казани «босяки» живут в плотах на Казанке, под мостами, на пристани[23]. Рыбинские «зимогоры» ютятся зимой в стогах, стоящих на полях вокруг города[24]. В Пензе, как мы видели, голь живет под заборами или в базарных ларях. В *Ялте* положение поденщиков таково: «Все они едят и спят, несмотря ни на какую погоду, под открытым небом. К этому вынуждает дороговизна помещений, в которых за один только ночлег рабочий должен заплатить от 15 до 25 копеек; горячей пищи рабочие не едят, так как за один только борщ хозяйки берут 12 копеек, а за горячее с кашей — 20 копеек»[25]. Для воронежской бедноты пристанищем долго служили, а может быть, служат и теперь, холодные темные сараи при городских весах на Щепной площади[26]. В *Варшаве* жилищами бедняков являются бочки и брошенные старые вагоны[27]. Такую же роль играют во многих городах склепы на кладбищах[28]. Наконец, всюду «босяки» живут «у генерала Лопухова», то есть попросту в какой-нибудь канаве под лопухом.

Людям, привыкшим к теплым квартирам, невозможно даже представить себе весь ужас положения несчастных, живущих в ломках, ютящихся в навозных дырах, проводящих зиму в стогах, ночующих в канавах, под заборами, в базарных ларях, под мостами и т.д. Нужно самому все это видеть, чтобы признать все это возможным, а не взятым из области фантазии. Я и не пытаюсь поэтому нарисовать картину страданий этой самой последней категории пролетариев. Поднимемся одною ступенью выше и посмотрим на жизнь тех счастливцев из «босой команды», которые могут расходовать ежедневно по 2—5 копеек за ночлег и, таким образом, по крайней мере, зимою, проводить ночи не под открытым небом. Познакомившись с обстановкой жизни этих *счастливцев*, читатель может сам попытаться представить картину жизни менее счастливых.

Вот перед нами *ярославские* ночлежные дома. «Отвратительнее этих убийственных клоак трудно себе что-либо представить… Плесень, грязь, стужа — вот главные основания этих помещений, за которые бедняки должны уплачивать пятикопеечный сбор. Мне привелось взглянуть нечаянно на *лучший* приют для ночлега (в одном из постоялых дворов, помещающемся на *центральной* улице). В небольшой грязной избе помещалось вповалку на печи, полатях и полу до 30-ти человек… Спертый воздух был весь пропитан испарениями сырой и преющей обуви, таких же полушубков и т.п. принадлежностей. Можно было свежему человеку задохнуться, а это еще лучшее помещение, оплаченное пяти- и даже десятикопеечным сбором лицами, более или менее счастливыми, как обладающими и средствами уплаты, и паспортами… Что же, спрашивается, испытывают те, кто лишены и того, и другого и вынуждены ютиться в трущобных приютах — страшно и подумать»[29]. Ничуть не лучше ночлежные дома в *Ростове-на-Дону*: «Санитарные условия их ужасны. Помещения низки и малы, отделений для полов и возрастов нет никаких, надзор отсутствует, разврат там самый грубый»[30]. В *Самаре* ночлежными домами служат так называемые *въезжие*, или въездные дворы, на которые, кроме босяков, набиваются еще приезжающие в город крестьяне. Обстановка этих въездных дворов так же скверна и отвратительна, как и в ярославских и ростовских ночлежных домах, но имеет и свои особенности. «Чуть-чуть мерцает висящая на потолке лампа с опущенным фитилем и тускло освещает лежащие вповалку фигуры, без различия пола и возраста, на полу, на лавках, на печке, полатях — словом, везде, где только можно человеку приткнуться, хотя бы и в полусогнутом положении. Вот лежат под полушубками — это приезжие с хлебом и овсом крестьяне; там расположились под кучами неопределенного цвета тряпья — значит, здешние, самарские пролетарии. Запах невы-

носим и положительно сшибает свежего человека. Слышатся порою стоны, скрежет зубов, храп. По потолку и стенам разгуливают тучи тараканов, нередко сваливаясь и падая на спящих, на их лица. Клопы повылезли из своих убежищ и отправились на мародерство, но их кусанье мало кого беспокоит; трезвые обтерпелись и привыкли к ним и другим паразитам, разве только почешется кто, не просыпаясь, а о пьяных и говорить нечего». Забираются ночлежники в избу обыкновенно часов с 8-ми вечера; «в избе в это время стон стоит от собравшейся толпы — сразу и не поймешь, что это такое: крик, гул, песни, ругань так и слились в один сплошной неумолчный шум, и только привычный к такому дикому шабашу на въездных дворах кое-как еще может ориентироваться в этом дьявольском крике и гаме. Часть присутствующих закусывает за столом, остальные, дожидаясь своей очереди, сгрудились по лавкам, уселись, где можно, даже на полу; некоторые стоят кучками, а кто успел уже улечься на печь и полати и жадно следит оттуда за ужинающими, не имея возможности предаться, со своей стороны, такой роскоши. Чад и дым от тютюна с махоркой, выкуриваемых из трубок и носогреек, свернутых из бумаги, зловоние от преющей одежды, от портянок переобувающихся… Наконец, все отужинали и, охая, ухая, почесываясь и позевывая, приготовляются ко сну; в это время из хозяйской боковушки и небольшой темной комнатки против нее выползает хозяйская семья и постояльцы, занимающие в комнатке кровати, с платой от 1 рубля до 1 рубля 50 копеек и 2 рублей в месяц, смотря по тому, стоит ли кровать у окна или в темном углу. Таких кроватей полагается на комнатку от пяти до шести». Занимает эти кровати «аристократия общественных подонков», живущая обыкновенно с «сожительницами». Теперь эта «аристократия» приступает к ужину. Неказист, однако, оказывается и «аристократический» ужин в ночлежных трущобах: водянистые щи с «бараньими башками», продуктом весьма дешевым, или с «гусаком»; иногда то и другое заменяется отвратительной солониной с «душком»; изредка за этим кушаньем следует каша. После ужина пьют чай из громадного самовара; чаевничать *могут* и ночлежники, если в состоянии заплатить 3 копейки серебром, за что им полагается от хозяев кусок сахару и жиденький чай мерзейшего достоинства. Пьют много и долго, добавляя самовар по нескольку раз. После чая все укладываются, свет в лампах уменьшают, и все успокаивается, впрочем, до тех пор, пока кто-либо не вздумает прогуляться из избы или же взглянуть на лошадей и подбавить им корму. Как ни ухитряются эти люди пробраться между сплошной массой спящих как можно осторожнее, не задевая никого — это им редко удается: то ногу отдавит кому, то в рыло заедет. Поднимается ругань, просыпаются более чуткие и порою, в пылу раздражения, бьют ругающихся или разнимают их, если они разодрались, и опять все стихает до нового приключения подобного рода»[31]. Такова жизнь в самарских въезжих дворах.

Еще хуже положение обитателей киевских ночлежных домов. В 1879 году ночлежные дома Киева были осмотрены медиками, и то, что они видели там, превосходит по своему ужасу все, что может создать самая пылкая фантазия. Вот образчик лучшего киевского ночлежного дома — еврейки Мощихи: «Комната, где спали босяки, буквально была битком набита ими. Лежали босяки и вповалку на голом полу один возле другого, и на диванчиках и скамьях, и под ними. Было до того тесно, что, прежде чем ступить, приходилось сперва искать места для ноги, опасаясь в противном случае наступить на нос или руку спавшего. Диванчики и скамьи были крайне узки и коротки. Особенно скамьи: спавшие на них могли лежать только в положении покойника, на спине, вытянувшись и скрестив руки на груди, ноги же их, начиная с верхней трети голеней, торчали в воздухе. При таком неестественном положении вряд ли возможен отдых для тела. Воздух в приюте спертый, тяжелый и зловонный». А вот образчик худшего ночлежного дома — Яцунова: «Двор — это слои искони невывозимого навоза и зловонной грязи. Возле входной двери приюта — месиво из грязи и клоачной жидкости, так что пробираться в приют приходится с большой осторожностью по проложенной доске. По крутой лестнице, ступени которой покрыты слоем не сходящей с них грязи, вы спускаетесь в глубокий погреб, на 4 аршина ниже поверхности земли. Погреб довольно обширный, но низкий (вышина 3 аршина). На улицу два узких окошечка; верхние края оконных рам на одном уровне с тротуаром улицы. У внутренней стены русская печь, посредине погреба печь железная. Стены сыры, мокрый земляной пол покрыт грязью. Вокруг стен сплошные нары. Воздух тяжелый, спертый, чувствуется гниль и сырость, резкий запах человеческого пота, разопревшего грязного тела, сапог, махорки и всякой нечисти. Одним словом, дух захватывает у непривычного человека при входе, и позывает на рвоту. И немудрено, если вспомним, что здесь к порче воздуха нормальными выделениями легких и кожи жильцов, а равно к запаху их неопрятной одежды примешивается и почвенный воздух усадьбы Яцуновых, естественно проникающий через земляной пол и в самый погреб. Погреб тускло освещается каким-то огарком подле худой человеческой фигуры, перебирающей лохмотья. На нарах, без всякой подстилки, и под ними, на голом мокром полу, положив под голову ветхую одежонку, спят босяки. Местами видны фигуры сидящих и беседующих ночлежников, разбросанные котомки, голенища сапогов, лапти и т.п. Всех босяков было 30 человек. Бездомность, крайняя нищета и тяжелый труд так и бьют в глаза в этом приюте. Одежда на всех ветхая; лица бледные, исхудалые. На расспросы наши отозвавшиеся голоса босяков были хриплые, глухие: так и слышался в них ларингит или хроническое страдание легких. Несмотря на это, они заявляли, что здоровы и здесь им «ничего». Кто-то из нас, врачей, сказал, что такой ночлежный дом немыслим и его следует закрыть. Точно

электрическая искра, пробежало последнее слово по босякам. Даже иные из лежавших до того неподвижно повскакали. Раздались хриплые, полугневные, полуизумленные возгласы: «Закрыть… А куда мы денемся?! На улицу нас, что ли, выбросить?..». Им предложили перейти в другие приюты. «Все переполнены, — был ответ босяков, — а то разве лежали бы мы здесь? В других хоть и тесно, да не так сыро…». До какой степени набиты ночлежные приюты босяками, видно из того, что в них чаще всего приходится на ночлежника $^1/_3$ куб. саж. воздуха, нередко $^1/_4$, в двух приютах $^1/_5$ и $^1/_6$, а в одном (дом Иващенко) всего немного более $^1/_9$ куб. саж. на человека»[32].

Не в лучшем положении находятся и столичные ночлежные дома. В *московских* ночлежных приютах иногда «приходится на человека всего $^1/_6$ кубическая сажень воздуха, а если вычесть место, занимаемое телами людскими, то придется еще менее». В *петербургских* ночлежных домах иногда приходится 5—6 кубических метров пространства на человека, а в большинстве случаев 3—4 кубических метра. «В иных же помещениях рабочие живут до того тесно, что на каждого приходится не более 2 кубических метров пространства, или $^1/_5$ куб. саж.»

Образцом трущоб, в которых ютится столичная голь, может служить знаменитый дом князя Вяземского. Представьте себе в центре, в одном из бойких мест Петербурга (по Обуховскому проспекту № 4, в двух шагах от Сенной площади) обширный, до 3500 кв. саж. величины, двор, полузамощенный, грязный и местами загаженный всякой дрянью, через который проходят Большой и Малый Полторацкие переулки, наполненные в большинстве случаев ветхими, полуразрушающимися или крайне запущенными зданиями — это и есть пресловутый дом князя Вяземского. Это словно целый равелин старинных полуразрушенных казарм какой-то давно упраздненной крепости. Всех корпусов, составляющих, так сказать, городок князя Вяземского, 13, из них под жильем находится 7. Каждый корпус имеет свое название: четвертаковый, полтинный, большой полторацкий, малый полторацкий, корзинкин, обуховский и 7-й без названия, в нижнем этаже которого находятся бани, упраздненные в ноябре 1881 года. Эти знаменитые некогда полторацкие бани содержались до такой степени грязно, что в мыльнях от гнилости и грязи завелись громадные черви. Такою же чистотою отличается и весь дом. Лицевой флигель, выходящий на Обуховский проспект, занят сравнительно более зажиточными жильцами; но и он представляет собою неописуемо безобразное зрелище. Жильцы набиты в квартиры, как сельди в бочке, особенно в третьем этаже. Стены пропрели и сыры, как внутри, так и снаружи. Все в каком-то хаотическом запустении. Вонь ужасная, несмотря на то, что окна или повыбиты, или открыты. В подворном флигеле, выстроенном в pendant к лицевому, в верхних трех этажах никто не живет, так как там нет полов и этажи отделяются друг от друга одними балками. В нижнем этаже этого флигеля помещается зловонное *гусачное* заведение. Кроме того, в доме Вяземского есть еще одно подобное же заведение; в обоих варятся и приготовляются требуха, рубцы, печенка — продукты, которые потом продаются по всему городу на лотках. Приготовление этих съедобных продуктов производится в невероятной грязи и в такой отвратительно вонючей атмосфере, что с некоторыми членами комиссии, осматривавшей руины Вяземского 12 января 1882 года, делалось дурно. В следующем флигеле, вверху, живет не менее 300 душ, а лестница — одна: по мнению господина Латкина, члена комиссии, осматривавшей дом Вяземского 20 марта 1882 года, в случае пожара в этом флигеле жильцам его нет спасения. Следующий, малый полторацкий флигель, или так называемая «стеклянная галерея», «пропрел, провонял и проржавел насквозь» (слова господина Латкина). Во всех этих флигелях занятых квартир сто с небольшим, в которых помещаются более 3000 человек. Квартиры состоят или из одной комнаты, или из двух; в однокомнатных скучено от 16 до 30 человек, в двухкомнатных — от 25 до 40. Иногда набивается и вдвое более указанной цифры. Каждый жилец занимает крайне ничтожное пространство, дыша сырой, промозглой и зараженной миазмами атмосферой. Промозглость эта слышна уже на «чистом воздухе», когда вы входите во двор, а о лестницах и вспоминать трудно без омерзения, до того пропитались они вонью, которая благодаря сырости въелась в стены и скользкие, неровные и изрытые ступеньки. Внутренность квартир представляет крайне непривлекательный вид. По обеим сторонам комнаты находятся нары, на которых лежит нечто, напоминающее комок грязи, вместо подушки, рогожка вместо тюфяка, какие-то разноцветные тряпки, и то не везде, вместо одеяла. Под нарами протянуты тонкие веревки, на которых висит кое-что, а что именно — разобрать трудно, так ветхо, изношено, загрязнено. А вот и самые обитатели: на их лицах лучше всяких слов изображаются бесконечная нужда, отчаяние, а чаще — полная апатия. Об их костюмах говорить много не приходится, так как они едва прикрыты. Спят и на нарах, и под нарами; под нарами спать дешевле. Вообще плата за ночлег колеблется от 3 копеек до 10. Квартиры содержатся хозяйками, из которых большинство — крестьянки Смоленской губернии. Хозяйки платят домовладельцу по 20 рублей в месяц за квартиру в одну комнату и по 40 рублей — в две. Платя такие неслыханные цены за вонючие конуры, хозяйки стараются всячески выжать затраченные деньги, и, конечно, с барышом, из жильцов; они набивают как можно более квартиры жильцами, заставляют жильцов покупать обязательно у них — и, конечно, за тройную цену — выпиваемую в квартирах водку, отбирают или покупают за бесценок все, что им понравится у жильцов, а в случае отказа избивают строптивых или самолично, или чрез своих сожителей и т.д. Тяжесть, налагаемая домовладельцем на содержательниц квартир,

перелагается ими, разумеется, на жильцов, и в конце концов за все про все отдуваются последние. Хозяйки являются аристократическим элементом населения. В каморках, которые они отгораживают для себя в квартирах, можно видеть образа в ризах, самовары и многое другое, свидетельствующее о зажиточности. В противоположность жильцам, хозяйки — бабы тучные, здоровые, бойкие. Но жильцы и жилички имеют жалкий, испитой вид. Особенно ужасно положение детей, которых здесь довольно обоего пола и всех возрастов, начиная с грудных. И этим несчастным малюткам приходится расти в такой ужасающей атмосфере (физической и нравственной), в такой разрушающей обстановке, в такой адской яме, в которую зачастую не проникает даже луч солнечный: есть квартиры, в которых нет окон, и они освещаются днем и ночью огнем[33]...

А между тем дом Вяземского, сравнительно с другими петербургскими ночлежными трущобами, считается еще находящимся в лучших условиях!..

Надо заметить вообще, что «босяки» платят за право переночевать в отвратительных трущобах далеко не дешево. В Киеве с ночлежников берут за ночлег на полу, на нарах или под нарами, без подстилки 2—3 копейки, с подстилкою пучка соломы 5 копеек, за диванчик 10—15 копеек, и за кровать в комнате для привилегированных 12—30 копеек. Цены очень высокие, если принять во внимание, что они платятся за $^1/_3$, $^1/_4$, $^1/_6$ и даже $^1/_9$ куб. саж. пространства. В конце концов, босяку ночлег обходится в месяц около 1 рубля 50 копеек, а хозяин, владелец какого-нибудь погреба в 10 куб. саж. или комнаты в 7—8 куб. саж., получает от 30 до 35 рублей в месяц, то есть не менее 300 рублей в год. Понятное дело, что такою суммою вполне может окупиться содержание ночлежного дома, устроенного в соответствующих размерах и с несравненно большими удобствами — на общественный счет. К сожалению, об устройстве подобных домов что-то мало слышно; да и те немногие ночлежные дома, которые кое-где устроены городскими думами, содержатся ничуть не в лучшем состоянии, чем то, в каком находятся дом Вяземского и ему подобные. Но зато нередко приходится слышать о закрытии существующих ночлежных домов. Так, недавно был закрыт ночлежный дом в Томске; хотели было в начале настоящего года закрыть дом Вяземского, хотя помещение, куда было бы можно перевести 3000 с лишком обитателей этого дома, не было приготовлено; в Одессе, в ноябре прошлого года, полицмейстер приказал всем приставам обязать хозяев частных ночлежных приютов подписками в том, что они не будут пускать к себе ночлежников, так как общественных ночлежных приютов очень много (?!)[34], и т.д.

Чем же питаются завсегдатаи ночлежных приютов? Читатель уже сам может представить себе, какая мерзость идет в пищу обитателей таких трущоб, как дом Вяземского или киевские ночлежные дома, и потому я не буду входить в подробности по этому предмету, а ограничусь сообщением одного факта. Во время ветлянской эпидемии в газетах нередко встречались известия вроде следующих: «На бориспольскую ярмарку была привезена в большом количестве рыба, которая почти вся оказалась испорченной; по распоряжению станового пристава, она вся была облита керосином и зарыта в землю. Но нашлись люди, которые отрыли облитую керосином рыбу и хотели ее стащить. Эти любители рыбы пойманы и преданы суду». Я помню, какое изумление вызывали тогда известия такого рода. «Как это можно решиться есть заведомо гнилую рыбу?» — удивлялись все. Между тем, такие факты вовсе не являются чем-либо исключительным, а представляют собою постоянное явление: все съестные продукты, оказавшиеся по полицейско-медицинском осмотре вредными для употребления и выброшенные куда-нибудь в яр, в место свалки нечистот, подбираются и потребляются в пищу. Мне пришлось довольно близко ознакомиться с этим предметом в *Ставрополе-Кавказском*; здесь многие бедняки прямо говорят, что прежде они «совсем не знали, какой вкус у рыбы», а теперь, познакомившись ближе с местами свалки негодных продуктов, они «часто бывают с рыбкой». Вообще собирание гнилых, испорченных выбросов — факт, очень распространенный среди босяков. Его можно наблюдать и в Петербурге, в местах свалки сгнивших фруктов и многих других продуктов.

Неудивительно, что, живя в такой невозможной обстановке и питаясь всевозможною гадостью, босяки страшно болеют и страшно мрут. К сожалению, точных цифровых данных о смертности в ночлежных домах нет. Приходится, поэтому, довольствоваться отрывочными заявлениями медиков, которые тем не менее очень характерны. Привожу одно из таких заявлений. Доктор Мачушковский свидетельствует, что одесские ночлежные дома «служат одним из главнейших источников распространения тифозной эпидемии в городе»; на 31 случай тифозных больных, поступивших в течение одной недели в городскую больницу, «24 падает на ночлежные дома, то есть 77% тифозных больных получилось за сказанную неделю из приютов, а остальные 23% из целого города с двухсоттысячным почти населением»[35].

III

Чем же живет «босая команда»? Как ни скромно ее существование, как ни мало она тратит и потребляет, все же ей приходится пить, есть, приходится платить за ночлег, приходится носить хоть какие-нибудь лохмотья; откуда же она берет средства для всего этого?

Способы добывания средств к жизни в среде «босяков» крайне разнообразны. Здесь встречаются всевозможные профессии, и даже такие, которые на первый взгляд кажутся совершенно невозможными. Мы не будем останавливаться на всех этих профессиях, а коснемся только важнейших.

Прежде всего отметим *нищенство*. Выше мы уже приводили данные о численности лиц, занятых этим промыслом. Теперь заметим только, что нищие, занимающиеся исключительно одною этою профессиею, — самая жалкая часть «босой команды», — это или люди совершенно беспомощные, калеки, дряхлые старики (преимущественно из старых отставных солдат и солдаток-вдов), сироты-дети и т.п., или люди без всякого сознания личного достоинства, тряпки, лентяи. Люди более самостоятельные из «босяков» ищут работы, а при отсутствии ее — воруют. Чаще всего нищенство является подсобным промыслом к другим занятиям. Так, например, в Самаре мещане, занимающиеся поденными работами, осенью, с прекращением работ на Волге и Самарке, обращаются к нищенству. Зимою 1881—1882 годов нищенство здесь до такой степени развилось, что по улицам, как сообщали «Русские ведомости», ходили толпы в 100—150 человек, толпились у папертей церквей, осаждали дома и магазины богатых купцов. Но по городу ходит только небольшая часть самарских мещан-нищих; большинство же устремляется в уезды. Как только осенью наступает безработица, сотни самарских обывателей выезжают на подводах и отправляются пешком в уезды Самарской губернии, пробираются в хлебородные уезды — Челябинский, Оренбургской губернии, Шадринский, Пермской губернии и в Зауралье. Там, выдавая себя за погорельцев, «конные» нищие получают изобильные подачки хлебом, который и продают нуждающимся в нем киргизам и башкирам. Конный нищенский промысел иногда дает за зиму промышленнику рублей 100—150. Нищий этого рода отправляется обыкновенно с женою и взрослыми детьми. Менее выгоден «пеший» нищенский промысел. «Пеший» нищий за зиму может насбирать никак не более 60 рублей. Еще менее выгоден промысел нищих, побирающихся в городе: они рады, если проживут зиму подаянием.

В портовых городах, каковы Одесса, Ростов, Рыбинск, Саратов и другие, где «босяков» всего более, главным источником, доставляющим «босой команде» средства к жизни, являются работы на пристанях, по нагрузке и разгрузке судов, а также вагонов. С началом весны в этих городах начинаются жизнь и движение, о которых нельзя иметь никакого понятия, глядя на них во время зимней спячки. Тысячи судов разных типов, конструкций и размеров спускаются к ним по речкам со всевозможными товарами, а главным образом, с хлебом, этим столпом нашей внутренней и внешней торговли. В то же время является масса судов из-за границы, привозящих к нам разные заморские товары и забирающие от нас наше сырье. По железным дорогам идет беспрерывная цепь поездов все с тем же сырьем и, главным образом, опять-таки с хлебом. Начинается работа. На протяжении двух или трех верст идет бесконечная суетня, толкотня, шум, гам. Тысячи рабочих разгружают судна и нагружают их. По доскам, положенным с судов на берег, беспрерывно пробегают рабочие с нагруженными тачками или с кулями на плечах. На самом берегу выгружают вагоны. Тут же, невдалеке, на гигантских ситах просевается и очищается зерно. На огромных ряднах рассыпан подмокший хлеб и сушится на солнце. Целые горы, или «бунты», шерсти возвышаются немного в стороне. Подъезжают и уезжают тысячи повозок, подвозя и сваливая, или наоборот, забирая и увозя всевозможные товары. В этой суетне идут беспрерывные спекуляции, торги, продажа и купля, наживаются тысячи и миллионы, и все это, в конце концов, выражается в цифре 150 миллионов рублей годового оборота порта, как это имеет место, например, в *Ростове-на-Дону*[36].

В это время на пристанях бывают заняты тысячи и даже десятки тысяч рабочих. В *Самаре*, например, в прошлом году пристань привлекла более 6000 рабочих, хотя самарская пристань не из важных[37]; в *Рыбинске* одних лоцманов, представляющих собою высшую категорию судовых рабочих, собирается до 7000 человек[38] и т.д. Значительную часть этой рабочей массы составляют люди, принадлежащие именно к тому классу, который называется «босой командой». В прежние годы заработки портовых рабочих были очень значительны. Так, например, в *Самаре* лет восемь тому назад рабочий, таскающий кули, зарабатывал 2—3 рубля в день; в Рыбинске двадцать лет тому назад крючники получали иногда до 15 копеек с куля и всегда не менее 6 копеек, и зарабатывали до 5 рублей в сутки[39]. Труд рабочих на пристанях крайне тяжел, и потому вполне заслуживает такого высокого вознаграждения. Вот слова одного крючника о своем труде: «Тяжелее нашей работы нет! Лошадь возьми, и та не вынесет... Посчитайте сами: в куле девять, не то и целых десять пудов; нужно его сперва вызволить из нутра суда, потом взвалить на плечи и нести в гору по досочке, сколько там сажен... Пока несешь, кость в тебе хрустит, плеч и шеи не чувствуешь — занемеют, ровно отшибет их, в руках и ногах — лом... Тепереча, как отмахаешь за день сто эдаких-то поносок — останешься вполне доволен. Ведь это без малого по тысячи пудов на брата придется... После такой работы, только дай Бог до койки добраться...»[40]. В последние годы вознаграждение за этот труд стало сильно понижаться и теперь стоит на такой ничтожной цифре, при которой не оплачивается даже существование работающих. Правда, и теперь возможны на пристанях очень большие заработки. Так, например, в настоящем году в *Ростове* весною рабочий на тачке получал 1 рубль 50 копеек, подавальщик — от 2 рублей до 3 рублей 50 копеек, а на второй день Пасхи один коммерсант, торопясь нагрузкой, платил по 5 рублей. Но последний факт — исключитель-

ное явление, и на другой же день цена была понижена до нормы; вообще весенние цены держались недолго и скоро пали очень низко[41]. В *Самаре* летом 1882 года поденщику, работающему на пристани, платили всего 50 копеек в день; крючники, таскающие пятипудовые мешки, получали только четыре рубля с тысячи[42]. В *Могилеве-Подольском* заработная плата в апреле того же года понизилась до 30 копеек в день (при собственных харчах работника, как и во всех приводимых случаях)[43]. В *Рыбинске* в 1881 году платили крючникам 2 и даже 1 $^1/_2$ копейки с куля, так что рабочие проедали более, чем зарабатывали[44]. Причина такого страшного падения цен заключается в том, что предложение рабочих рук повсюду в городах превосходит спрос на них. Откуда произошло такое несоответствие между предложением труда и спросом на него, мы это рассмотрим в другой раз; теперь же отметим только факт *повсеместности* этого несоответствия. Так, по словам «Одесского вестника», в *Одессе* прошлым летом наблюдалось следующее: «Рабочая биржа около толкучего рынка переполнена рабочими, прибывшими из окрестных местностей; в особенности громадное количество прибыло деревенских женщин, рассчитывающих на полевые работы; малая часть их за ничтожную плату нанимается для работ на местных баштанах. Каменщики и плотники тоже ходят без дел вследствие малого числа построек в городе». Из *Могилева-Подольского* в «Новое время» сообщали прошлогоднею весною, что там «крайне трудно приходится существовать рабочему люду, который не находит совсем работы». В *Ростове* в прошлом году «стечение рабочих было чрезвычайно велико», а «нагрузка шла вяло»: год «очень плох в отношении заработков»[45]. Из *Самары* писали, что «неурожаи и безработица согнали к Волге столько голодного люда, что спрос превышается, по крайней мере, в несколько раз предложениями». Пришлым рабочим пришлось нищенствовать. «Целыми семьями, иногда человек до двадцати, ходят они, собирая милостыню. Все улицы запружены голодным людом. Бледные, худые лица не говорят в пользу их здоровья. Многие желали бы наняться в дворники, лишь бы прокормиться»[46]. Работы было мало и летом, в самый разгар навигации. Положение рабочих было таково: они, «не имея удобных квартир, живут или на тесных и грязных постоялых дворах, или же ночуют под открытым небом на берегу Волги. При дороговизне мясной пищи, они питаются большею частью сухоядением или едят разную попорченную мясную пищу, сваренную из внутренностей животных и продаваемую в «обжорном» ряду. Большею же частью рабочий класс, особенно во время постов, питается только хлебом, квасом и фруктами. Такая пища, конечно, влияет неблагоприятно на состояние здоровья, и весьма многие рабочие заболевают дизентерией и холериной»[47].

Тяжелое положение портовых рабочих, обусловливаемое низкою заработною платою, иногда заставляет их принимать некоторые меры самозащиты. Так в 1881 году рыбинские крючники устроили стачку с тем, чтобы не брать за работу менее 6 копеек за куль. Стачка удалась, и батыри, берущие подряды от хозяев товаров и судовщиков и потом передающие эти подряды артелям крючников, принуждены были поднять плату до 6 копеек. Но вскоре цены были опять понижены, и чрез несколько недель крючники снова получали по 2 копейки. В *Самаре* в 1882 году имел место кровавый эпизод, вызванный все тою же безработицею. Ввиду страшного падения цен, рабочие-поденщики условились не брать менее 80 копеек. Подряжалась толпа рабочих грузить хлеб. Рабочих было гораздо более, чем требовалось. Приказчик выбирал только самых здоровых на вид и сильных. Двое забракованных татар просили принять их за полцены. Это предложение голодающих бедняков оказало влияние на понижение условленной с приказчиком платы. Русские рабочие с остервенением кинулись на виновников сбавки и избили их; один татарин умер на пути в больницу[48]. Нечто подобное имело место в 1881 году в *Таганроге*. «В былое время в здешнем порте находили работу тысячи пеших и конных рабочих-мещан; теперь же, с проведением ветви железной дороги и с учреждением рабочих артелей, работы в порте для поденщика совсем не стало. К этому присоединилось то обстоятельство, что арестанты местных арестантских рот оказались опасными конкурентами мещан и понизили поденную плату до такой степени, что вольному человеку стало совсем трудно. 26 мая прошлого года арестанты явились в гавань в числе приблизительно человек пятидесяти. Мещане, видя такую массу конкурентов, стоящих притом в лучших сравнительно условиях, так как арестанты пользуются казенным помещением и казенным содержанием, начали их упрекать; арестанты ответили тем же; попреки перешли в ругань, а ругань окончилась дракой. Дело приняло такой серьезный оборот, что полиция одна ничего не могла поделать, и пришлось прибегнуть к помощи войск, и только с содействием военной силы удалось разогнать бушующих и восстановить порядок»[49]...

Но если так неудовлетворительны заработки городского пролетариата летом, то осенью, а в особенности зимою и вовсе нет никаких заработков. Вот что, например, делалось осенью 1880 года в *Саратове*: «Цены на рабочие руки падают с каждым днем. Не далее, как недели две тому назад, чернорабочие нанимались на винокуренные и маслобойные заводы по 4—5 рублей в месяц на хозяйских харчах из щей и каши, а теперь поступают за 2 рубля в месяц. Некоторые же, прожившись в городе, поступают на масленки *без жалованья, лишь бы иметь хлеб и жить в тепле*. Ввиду этого заводчики понизили цену нанятым ранее рабочим и ухудшили харчи, заменив кашу картофелем»[50]. Но и без жалованья, из-за одного хлеба и тепла могут пристроиться далеко не все пролетарии; оставшимся без хлеба и без тепла приходится или изобретать самые невероятные промыслы, или прибегать к воровству.

В числе промыслов, которые я назвал невероятными, первое место занимает собирание всякой дряни, всяких негодных отбросов. Самый большой заработок доставляет собирание костей и тряпья, из которых первые идут на сахарные заводы, а второе — на писчебумажные фабрики. Промысел этот кормит очень многих «босяков». Так, например, в *Киеве* число занимающихся этим промыслом доходило в 1880 году до 1000 человек. Это были преимущественно вдовы-солдатки, мещанки, отставные немощные солдаты, все дряхлый или больной народ, и их дети. За пуд костей в складах, куда они сбываются, платится от 25 до 40 копеек, за пуд тряпья — от 25 до 35 копеек и за пуд битого стекла, которое собирается вместе с костями и тряпьем, — 6 копеек. Какой заработок получают кустарники и тряпичники, можно видеть из того, что взрослый человек никак не может собрать в день более пуда костей[51].

Кроме костей, тряпок и битого стекла, «босяки» собирают много другой, весьма разнообразной дряни, для которой, с первого взгляда, невозможно придумать и назначения. В *Ставрополе-Кавказском* мне пришлось познакомиться с тремя промыслами, направленными на собирание углей, скотского помета и сена. Угли выбираются из выброшенной в яры золы; труд этот кропотливый и весьма неприятный: поднимающаяся из золы пыль набивается в рот и нос, заставляет чихать и разъедает глаза. Особенно плохо собирателям угольков зимою, когда приходится в страшные морозы, по нескольку часов, рыться голыми руками в снегу, отрывая золу, и потом копаться в промерзшей золе. Собранные угли продаются чуть не за грош в слесарные заведения. Скотский помет собирается на рыночной площади, сушится и продается на топливо беднейшим жителям, а чаще идет на отопление тех рублевых (в месяц) «квартир», которые нанимаются самими пролетариями, собирающими навоз. Сено собирается тоже на рыночной площади, после базарных дней, собирается по клочкам, упавшим с возов, и затем продается.

Есть и еще множество промыслов, посредством которых «босяки» стараются поддержать свое существование; но они занимают сравнительно ничтожное число рук, и потому распространяться об них мы не будем.

Все упомянутые промыслы суть, так сказать, промыслы низшего разряда, не требующие никаких специальных знаний. Но «босяки» занимаются и такими промыслами, которые требуют, по крайней мере, грамотности, а часто и известной суммы знаний. Так, во всех губернских и уездных городах около «присутствий» постоянно трутся испитые, позеленевшие, с сизым или багровым носом личности; они ждут безграмотного, которому нужно почему-либо расписаться в какой-нибудь официальной бумаге и который за пятак наймет их расписаться за себя. Подобные же личности держатся каждым нотариусом, но только более приличные по внешнему виду — в сюртуке, при галстуке и белой рубашке, к которой, впрочем, естественнее приложить слово «черная». Над этими личностями возвышаются босяки-адвокаты, которые так и известны под именем «подпольных» адвокатов. Они делятся на два разряда: одни повыше, поважнее, рыщут по трактирам и по камерам мировых судей и ловят мужика, которому нужно просьбу написать. Другие, пониже, помельче, сидят постоянно в кабаке и здесь же сочиняют кляузы. В *Ставрополе-Кавказском* я узнал о существовании особого союза из четырех «подпольных» адвокатов низшего разряда. Их постоянной резиденцией служит один и тот же кабак (на Верхнем базаре). Сюда к ним приводят их товарищи-босяки лиц, которым нужно написать просьбу или получить юридический совет. Прежде всего «клиент» требует полуштоф «проствейну». Весь синклит присаживается вокруг полуштофа и, выпив «по одной», придумывает, «какую бы закорючку пустить, чтоб было позаконнее». Гонорар за «закорючку» (обыкновенно 20—30 копеек и очень редко полтинник, сверх полуштофа) мирно делится между членами союза.

IV

Как ни разнообразны промыслы, к которым прибегает пролетарий, все же они могут прокормить только немногих членов «босой команды»; огромному же большинству осенью и зимою приходится прибегать к воровству. И действительно, в городах летом кражи довольно редки, а о грабежах почти совсем не слыхать; затем, осенью кражи и грабежи учащаются, и число их растет crescendo всю осень и зиму, до первых весенних дней, и тогда сразу падает. Связь между безработицей и воровством замечается повсюду. Так, относительно рыбинских зимогоров пишут следующее: «Зимогоры прошедшим летом (1878 год) остались без работы, потому что доставки хлеба снизу не было». «Между тем наступили холода, а у «зимогоров» ни хлеба, ни денег — вот они и принялись за новое, легчайшее ремесло. Оборванные, голодные «как волки», они целыми толпами ходят в Рыбинске по улицам и тащат все, что под руку попадется. Не проходит дня, чтобы где-нибудь не произошло воровства; смелость их в этом отношении доходит до дерзости»[52]. В *Иванове-Вознесенске* осенью 1880 года, вследствие неудачного для местных фабрикантов исхода Нижегородской ярмарки, многие из них сократили производство, заработная плата значительно пала, и большое число рабочих осталось без работы; тотчас же «число краж, и притом самых дерзких, значительно увеличилось»[53].

«В *Иркутске* спрос на рабочий труд значительно уменьшился… Нет сомнения, что с этим печальным явлением тесно связаны часто повторяющиеся в последнее время грабежи и убийства»[54]. Из *Рязани* в ноябре 1881 года писали: «Здешний пролетариат, имевший летом и осенью пристанище под открытым сводом неба, теперь занялся воровством, и в городе происходят нередко даже случаи открытого разбоя»[55]. Из *Ярославля* сообщают, что «нищенство и воровство развиты здесь если не больше, так уж никак не меньше самых тяжелых по условиям местностей России… Главным поводом почти всех преступлений у нас служит безвыходная нужда и борьба за существование»[56]. «В *Туле* в прошлый год произошло сильное сокращение работ на казенном оружейном заводе, так что с лишком 3000 мастеров оказались вдруг вне всякой возможности добыть кусок хлеба; тотчас же нищенство и воровство достигли таких размеров, что против первого тульский губернатор нашел нужным принять особые полицейские меры, а от второго плачется весь город»[57].

В некоторых местностях воровство и грабежи, обусловливаемые недостатком работы, принимают такие громадные размеры, что вопрос о принятии мер для уменьшения воровства становится главным общественным вопросом, поглощающим все внимание как обывателей, так и общественного управления. Так, например, из *Николаева*, Херсонской губернии, писали в «Южный край»: «57 граждан города подали заявление в думу, прося избавить их от повальных грабежей, которые «упразднили» в течение $1^1/_2$ недели 19 лавок на базаре… При этом грабежи поражают как своею дерзостью, так и безбоязненностью, доходящею до шутливой нахальности действующих лиц. Например, вынимают рамы из окон, разбирают стены, крыши, распоряжаются на почтовом дворе, где предполагается и много народа, и постоянная бдительность. Мало того: наберут, например, «добра» на воз, увезут куда-то, потом приезжают за новым транспортом; или заберут часть имущества и оставляют записочку: «Не беспокойтесь, мы придем еще»; или, если не удастся проникнуть в дом в одну ночь, они приходят на другую, на третью… Ввиду таких «повальных обысков» многие обыватели чередуются в дежурствах и не спят часов до трех-четырех утра»…[58] «В *Одессе* кражи и грабежи растут с каждым годом. «Воровской» вопрос здесь настолько важен, что для разрешения его думою избрана даже особая «комиссия о мерах к предупреждению воровства»[59]. Каким характером отличается воровская деятельность одесских «босяков», можно видеть из следующего сообщения «Одесского вестника»: «В окрестностях Одессы с наступлением темных ночей весьма часто стали повторяться случаи нападения на проходящие по вечерам вагоны конножелезной дороги. Обыкновенно «бандиты» выскакивают из-за скал, где они устраивают засады, останавливают вагоны и вступают в препирательства с кондуктором, чтобы иметь возможность воспользоваться удобным моментом и сорвать с кондуктора саквояж с дневной выручкой. Если пассажиров в вагоне много, «бандиты» остаются в приличном расстоянии; если же число проезжающих незначительно, «бандиты» делаются очень дерзки: нередко, вероятно, с целью произвести переполох между пассажирами, герои каменоломен подкладывают большие камни на рельсы. По всей вероятности, замечает газета, дирекции «конки» придется хлопотать о разрешении вооружить кондукторов и кучеров на этой линии револьверами, да и пассажирам не мешает позаботиться об этом»[60]. «В *Казани*, где масса рабочих лишена работы и перебивается изо дня в день чем Бог послал, мелкие кражи — явление заурядное. Но печальнее всего, что для преступных целей эксплуатируются дети от 7 (даже 5 лет) и до пятнадцатилетнего возраста; из них организуются шайки в 10 человек и даже в 40. Одна из таких громадных шаек детей воров практикует на так называемых первой и второй горах в Казани, которые держит она буквально в осадном положении. Большинство членов этой шайки перебывало уже у судебного следователя, у мирового судьи, отдававшего их по приговору «на исправление родителям». Но родителям, очевидно, не до исправления»[61]. Относительно *Ростова-на-Дону* один наблюдатель пишет, что он, «за исключением Троицы-Сергия, не видел города, где грабежи были бы так смелы и нахальны. Сейчас за городом, у тюремного замка, есть здесь кладбище; это, так сказать, резиденция жуликов. Они там днюют и ночуют, не брезгуют обирать покойников и, с наступлением ночи, не дают проходу живым». «Кладбище отстоит от города всего шагов на 200, но ни один извозчик не возьмется вас везти мимо позже 10—11 часов. Один извозчик рассказывал мне, как его товарища здесь зарезали и обобрали. Крики о помощи — бесполезны, потому что жулики никогда не задумаются пырнуть ножом всякого, кто сунется на выручку. Народ вообще отчаянный. Однажды, при мне, пастух погнал стадо коров к кладбищу; дело было часов в 5 утра. Через несколько времени пастух прискакал как угорелый за помощью. Оказалось, что жулики отняли у него корову и потащили к себе, на кладбище. Вот каковы здесь нравы. Но жулики, разумеется, не ограничиваются добычей, которая сама идет к ним в руки. Они организуют целые экспедиции в город. Об одной такой экспедиции я слыхал от знакомых. Жулики подъехали к их дому с несколькими возами, ночью, разумеется, и, очевидно, предполагали весьма свободно заняться промыслом. Но только что они принялись за нагрузку, во дворе проснулись, поднялась тревога, побежали за полицией. Жулики пустились бежать на своих возах. За ними погнались. К погоне скоро присоединилась и полиция, но жулики все-таки ушли благополучно»[62]. «В *Рязани* в 1881 году кражи страшно размножились и вызвали особые «меры». Кражи совершались чрезвычайно дерзко и необыкновенно остроумно. Так, «в верхнем этаже дома Кондаковой, на «Скоморошей горе» были заперты ворами ночью квартиранты обеих половин дома, и мошенники, вследствие такой ловкой

проделки, безбоязненно стали ломать замки на кладовых, находящихся между квартирами, но разбуженные сильным стуком постояльцы выломали скоро двери у своих квартир; тогда мошенники с хохотом убежали… На Певческой улице был ограблен в своем доме чиновник, а на Липецкой, из лавки Ларцева, утром был выкраден через взлом конторский ящик и сундук за стойкой с выручкой 150 рублей; последняя кража совершена была посредством взлома толстого ставня, снаружи, в окне, запертом двумя прочными замками, на глазах полицейского и двух ночных сторожей, так как лавка эта находится на перекрестке двух улиц. Ввиду малочисленности штата здешней полиции город ассигновал уже значительную сумму на наем полицейских служителей, вдобавок к имеющимся, и на устройство в некоторых местностях города новых постовых будок…»[63].

Что все эти кражи, грабежи и даже убийства, совершаемые «босяками», действительно являются продуктом голода, лучше всего доказывается многочисленными случаями краж, совершаемых единственно для того, чтобы попасть в тюрьму. Так, в той самой *Рязани*, о сильном развитии воровства в которой только что говорилось, воры «не стараются хоронить концы проступка и откровенно заявляют, что воруют собственно для того, чтобы попасть на зиму в «казенную палату»[64]. В *Рыбинском* окружном суде 6 сентября 1879 года рассматривалось «дело о 12 подсудимых, обвинявшихся в краже со взломом: один — двух колес, другой — бочонка с гвоздями, третий — двух ложек, четвертый — куля овса, остальные в столь же незначительных, по сумме, присвоениях чужой собственности. Шесть подсудимых, содержавшихся до суда под стражей, были в арестантской одежде, а 6, бывшие на свободе, — костюмировались более чем легко: на ином рубаха, порты и только, несмотря на суровую осеннюю погоду… Большая часть этих краж совершена в августе и сентябре прошлого года, как раз в то время, с которого на рыбинских пристанях прекращается работа, а крестьяне из бездомных или безземельных, пришедших весною на заработки, еще продолжают оставаться в Рыбинске, где, кроме того, постоянно находится до 300 человек под надзором полиции, высланных сюда из арестантских рот года на 2—3. До какой крайности доходят подобные люди, может служить доказательством следующий случай: месяц тому назад «один» сотский привел «семерых» человек в город, взяв их без всякого сопротивления с их стороны, в поле, где они в стогах сена устроили себе местопребывание, не имея пристанища в городе; чем они питались — объяснить затрудняются»[65]. Вот еще один факт, имевший место в Петербурге. Не так давно, в здешнем окружном суде слушалось дело дворянина Михневича, обвинявшегося в краже. Обстоятельства дела состояли в том, что обвиняемый, войдя в кухню одного дома, похитил стенные часы, которые продал в ближайшем кабаке, а затем, дней десять спустя, из швейцарской другого дома украл чернильницу, перо и снял уже стенное зеркало, но был захвачен на месте преступления. На суде Михневич объяснил, что «он — дворянин Витебской губернии, оставшись сиротою, не получил никакого воспитания, только научился полуграмотно читать и писать. С ранней молодости он поступил в писаря по вольному найму, но, как плохо пишущего, его неохотно держали, и ему приходилось часто менять места. Сначала, пока на писарский труд был большой запрос, он кое-как, впроголодь, кормился, а когда пошли сокращения, так ему совсем стало плохо. Ремесла он никакого не знает, в писаря не берут, везде протекция, знакомство, родство, а у него никого нет. Пробовал сделаться чернорабочим, дворником; но нигде не берут — дворянин, говорят. Пробовал работать в порту и т.п., но тяжелый труд превосходил его силы, и наниматели неохотно брали его, находя слабым. Пробовал рубить камни, но от первого удара молотом у него сделалось воспаление надкостной плевы. Положение ухудшилось, с этою болезнью в больницу не брали, приходилось лечиться дома, а дома-то у него не было. Строчил иногда жалобные просьбы разному люду, но эта работа случалась не часто, да и то давала только рюмку водки и пятачок на ночлег. «Пьяницей я никогда не был, — говорил подсудимый, — но в моем положении водки можно достать скорее, чем хлеба. За труд водку дают, встретится товарищ — из сожаления даст водки, и пьешь поневоле, с голоду да холоду — так и запьешь, да и пускают-то только в кабак да в ночлежный дом, да и то если есть пятак, иначе замерзай на улице. Я много раз замерзал — и отдохнул только в тюрьме»[66].

Иногда такие «воры», совершив преступление, *доносят сами на себя*. Так, недавно разбиралось в Одесском окружном суде дело еврея Верника, обвинявшегося *в краже со взломом*. Подсудимый, не имея средств к существованию, отправляется в первый попавшийся дом, выдергивает в дверях квартиры кольцо, похищает оттуда пару чулок и затем отправляется с поличным в полицейский участок, заявляет о совершенном им преступлении и просит его арестовать. Верник был чрезвычайно доволен, когда его отправили в тюрьму. На суде он заявил, что «лучше перезимовать в грязной тюрьме, чем умереть от голода и холода под открытым небом». Представитель обвинительной власти констатировал на суде, что желающих попасть «на казенную квартиру» немало. Большею частью они объявляют себя бродягами и упорно скрывают свое настоящее звание; таким образом, трудное зимнее время они сидят в тюрьме, а с наступлением весны сообщают свое настоящее звание, и их освобождают[67].

Но за кражу держат сравнительно недолго. И вот несчастные, чтобы дольше пользоваться «казенной квартирой», прибегают к совершению других, более тяжких преступлений. Для примера можно указать на случай, имевший место в начале 1832 года в Рыбинске. Был произведен поджог лавки, наполненной кульем, рогожами, канатами, куделей и т.п. Пожар был замечен в

начале и скоро потушен. Поджигатель, какой-то рабочий, явился после пожара и отдал себя в руки правосудия, объясняя, что он поджег лавку, чтобы попасть за этот поступок в тюрьму и тем избавиться от безвыходного бедственного положения, так как он, не имея никаких заработков, буквально голодал и не знал, где приклонить голову[68].

Как ни тяжелы условия существования босяков, есть между ними люди, которые ни в каком случае не могут совершить кражи или какого-нибудь другого преступления. Отсюда — случаи голодной смерти. Какой-либо статистики голодных смертей, само собою разумеется, не существует, и вообще наше общество смотрит на эти случаи, как на нечто крайне исключительное. Я помню, сколько удивления вызвало пять лет тому назад то обстоятельство, что в Одессе однажды утром в одной из полицейских будок был найден мертвый человек, при вскрытии которого в желудке оказалась *абсолютная пустота*, а в пищеводе были найдены *кусочек подошвы и небольшой уголек*[69]. В действительности же, подобные случаи нередко попадают в газеты, в хронику происшествий. Кому из нас не приходилось встречать в газетах заметок, вроде следующей: «Городовой поднял на тротуаре в болезненном состоянии неизвестного звания человека, одетого в рубище. По доставлении его в приемный покой неизвестный вскоре умер. К открытию имени и звания неизвестного приняты меры». Но едва ли такие заметки привлекают к себе внимание. Бывают случаи и самоубийства. Вот что, например, писали из Костромы в прошлом году: «В сентябре, когда река готовилась уже замерзнуть, к группе рабочего народа, толпившегося на берегу Волги, подошел тоже рабочий, знакомый, Манулеев. Оборванный, босой, дрожа от холода, он обратился к товарищам с просьбой поднести косушку: «А то ведь холодно, братцы, умирать, вода-то посмотри какая»... Рабочие смеются, косушки никто не подносит. Манулеев еще раз обращается к ним, еще раз заявляет, что умирать он надумал «всерьез — все равно ведь с голоду да с холоду закоченеешь зимой», и, поклонясь на все четыре стороны, перекрестился и вошел в воду. Смех продолжается, никто не придает серьезного значения тому, что происходит на глазах, а Манулеев все идет да идет по страшно обмелевшей Волге... Но вот и глубокое место — он опустился, но через несколько мгновений вынырнул... Еще раз оборачиваясь, бросил он взгляд на берег, нырнул и... уже больше не показывался... Рабочие бросились на лодки, начали искать несчастного, но все было напрасно. Только через полтора часа удалось отыскать самоубийцу сажен за 700 ниже...»[70].

V

Как ни тяжелы жизненные условия, доводящие босяков до краж, грабежей и даже убийств, «босая команда» далеко не представляет собою собрания каких-то зверей, как это принято думать. В этой среде отверженцев, отщепенцев общества возможны люди, которые благодаря своему закаленному характеру делаются героями народной массы и попадают в народные легенды. Для примера можно указать на Григория Николаева, судившегося в начале 1882 года в Тульском окружном суде. Григорий Николаев объявил себя непомнящим родства и назвался Николаевым, лишь бы называться как-нибудь. Он еще очень молодой человек. Обвинялся в совершении 28 краж, большею частью со взломом и при помощи организованной шайки. «Несмотря на его запирательство в показаниях о своем происхождении, он, видимо, человек не простой среды: при всей напускной его грубости, в нем проглядывают весьма часто манеры и речь образованного человека. Николаев неоднократно сидел в остроге, но все делал побеги, так что в последний раз его заключили в особенно приготовленном для него здании из шпал, вроде клетки, устройство которой обошлось в 840 рублей. Последним его подвигом была грандиозная кража 180000 рублей у тульского купца Добрынина. Замечательно отношение к нему массы тульских мещан-«казюков» и вообще низшего класса. Все они очень сожалеют «Гришку», так как он делал много благодеяний беднякам: на свой счет выдавал бедных невест замуж и гарантировал их соответствующим приданым; помогал убогим, впавшим в крайность рабочим. О нем уже и теперь ходит много легенд и рассказов, в которых «Гришка» является каким-то добрым гением, а отнюдь не злым «вором-мошенником». По словам этих легенд, «Гришка» никогда не обидел бедняка и не загубил чужой души»[71].

Но если даже не брать таких исключительных личностей, а обратить внимание лишь на заурядных членов «босой команды», то и в них мы найдем чрезвычайно много любопытных черт. Зная по ежедневному опыту, что такое горе и нужда, «босяки» симпатично относятся ко всякому новому человеку, попавшему в то же бедственное положение, в каком находятся они сами. Только благодаря той симпатии, с которою «босая команда» встречает нового члена, и той поддержке, которую она оказывает ему, и возможно на первых порах существование человека, очутившегося вдруг, по каким бы то ни было причинам, на мостовой, без крова и пищи, без гроша в кармане и без всякой связи с обществом; только благодаря помощи «босой команды» он не гибнет, не умирает с голоду, не замерзает на морозе. Многого «босая команда» не имеет сама и многого она не в состоянии дать. Но все, что находится в ее распоряжении, она разделит с пришлецом. Она накормит его, конечно, тою дрянью, которою сама питается, она приведет его с собою в ночлежный дом и там выпросит для него у хозяина право переночевать несколько ночей в кредит. За все это «босая команда» не по-

требует от новичка никакого вознаграждения и обяжет его только соблюдать те обычаи и правила, которые являются законом в среде босяков. Такое отношение босяков к бедствующим распространяется и на животных. Так, в доме Вяземского, на большой галерее одного из корпусов, постоянно можно видеть целую стаю бездомных собак, которых приводят сюда из жалости завсегдатаи дома и с которыми они делятся последним куском хлеба.

Там, где босяков мало, все босяки города составляют одну общину; в городах же, имеющих значительное число босяков, такую общину составляет каждый отдельный ночлежный дом, каждый притон. Вот для примера *тамбовская* община «босой команды». «Это чрезвычайно любопытная корпорация, существующая на общинных началах. Доходы и заработки каждого члена поступают в общую кассу к казначею, избираемому всем наличным составом этой общины. Из кассы производится расход на содержание и квартиру всех членов, независимо от доходов каждого. Больные лечатся и содержатся на счет общей кассы. В состав этой разнохарактерной, но сплоченной образцовой солидарностью и дисциплиною общины входят: спившиеся чиновники, выгнанные из службы, разорившиеся купцы и мещане и т.п. люд, потерявший почему-либо под собою почву оседлой гражданственности»[72]. Во главе таких общин часто стоят выборные старосты. В общине царят свои особые законы, нарушать которые не дозволяется никому.

Что же касается общин босяков в ночлежных домах, то один наблюдатель сообщает следующие сведения об одной из таких общин (в московском городском ночлежном доме). Уважение к порядку в палатах между ночлежниками замечательное. Вся эта клика бродяг и беспаспортных бездомников следит за порядком и тишиной в палатах чуть ли не лучше любого домовитого рабочего. В каждой палате выбран из ночлежников же старшина — звание, считающееся в высшей степени почетным и ответственным; старшина должен уметь вовремя прекратить всякое поползновение к беспорядку, должен уследить, чтобы в палате не оказалось пьяного, чтобы ничего не пропало из нее». Как сами ночлежники смотрят на дело «старшинствования», можно видеть из следующего факта. Попал в старшины расстриженный поп и долго старшинствовал, все были довольны им. Только вдруг он, при столкновении общины со сторожем ночлежного дома, принял сторону сторожа, в ущерб интересам общины. Тотчас же попа сменили из старшин и, кроме того, легонько высекли, «для сраму»...[73]

Вообще в ночлежных домах царит свое особое законодательство. Комиссия, осматривавшая 12 января настоящего года дом Вяземского, встретила в одной из квартир полупьяную оборванную плачущую женщину. На вопрос, о чем она плачет, соседи ее ответили, что ее побила квартирная хозяйка за то, что она украла булку у какой-то Аксиньи, у которой есть паренек, и для него-то и была приготовлена булка. «Воруй где хошь, только не здесь, не промеж своих», — наставительным тоном пояснил один ночлежник[74].

Такова «босая команда».

Ïðèìå÷àíèÿ

1. Насколько известно, существует только один небольшой труд, имеющий предметом положение «босяков». Труд этот — докладная записка, поданная начальству и доступная публике только по кратким выдержкам в «Русском курьере» за 1879 г.
2. «Русский курьер», 1882 г., № 168.
3. «Страна», 1881 г., № 26 и «Русский курьер», 1881 г., № 9. Корреспонденции из Колы.
4. «Русские ведомости», 1881 г., № 247.
5. «Русский курьер», 1880 г., № 150.
6. «Русские ведомости», 1879 г., № 2.
7. «Русский курьер», 1881 г., № 215.
8. «Киевлянин», 1879, № 3.
9. «Русский курьер», 1882 г., № 144.
10. «Русский курьер», 1882 г., № 118.
11. «Дело», 1882 г., № 8. Ст. К—а, стр. 30.
12. «Московские ведомости», 1880 г., апрель.
13. «Новое время», 1880 г., № 1566.
14. «Киевлянин», 1879 г., № 42. Ст. д-ра Н. Щербины.
15. «Русский курьер», 1882 г., № 268 и «Неделя», 1879, № 5.
16. См., напр., «Голос», 1882 г., № 252.
17. «Голос», 1882 г., № 100.
18. Id., № 74.
19. «Русский курьер», 1882 г., № 143.
20. «Новое время», 1882 г., № 2210.
21. «Дело», 1882, № 8. С низовьев Дона, К-ва, стр. 303.
22. «Русский курьер», 1881, № 215.

23. «Страна», 1881, № 132.
24. «Русская правда», 1879. Ноябрь.
25. «Голос», 1874 г., № 4.
26. Id., февраль.
27. Id., февраль.
28. См., напр., «Дело», 1882 г., №7. С низовьев Дона. И. Кольцова.
29. «Новое время», 1882 г., № 2187.
30. «Русский курьер», 1882 г., № 95.
31. «Волга», 1882 г., № 572.
32. «Киевлянин», 1879 г., № 44. Ст. д-ра Ж. Щербины.
33. «Новое время», 1862 г., № 2085, и 1882 г., № 2111. «Голос», 1882 г., № 75.
34. «Страна», 1881, № 149. Из «Одесского вестника».
35. «Одесский вестник», 1879 г., № 40.
36. «Ведом. Ростов-на-Дону Городск. упр.», 1879 г., № 35.
37. «Русский курьер», 1882, № 122.
38. В.П. Безобразов: «Народное хозяйство России», стр. 132.
39. «Голос», 1882, № 106; Безобразов, стр. 131: «Сборник материалов об артелях», т. 1.
40. «Русский курьер». 1882. № 183. Перепеч. из «Новостей».
41. «Дело», 1882, № 9. С низовьев Дона, Кольцова, стр. 79.
42. «Голос», 1882, № 106.
43. «Русский курьер», 1882, № 122. Из «Нового времени».
44. «Русская мысль», 1882, № 8, Эксплуатация артелей. Г. С.
45. «Дело», 1882, № 9, стр. 78.
46. «Русский курьер», 1882, № 122.
47. «Голос», 1882 г., № 231.
48. «Русский курьер», 1882, № 122 и «Голос», 1882, № 106.
49. «Русский курьер», 1881, № 153.
50. «Саратовский дневник», 1880, октябрь.
51. «Киевлянин», 1880, февраль.
52. «Русские ведомости», 1879 г., № 2.
53. Id., 1880, сентябрь.
54. «Новое время», 1882, № 2210.
55. «Русский курьер», 1881, № 215.
56. «Новое время», 1882, № 2187.
57. «Русский курьер», 1882. № 159 и 220.
58. «Голос». 1882, № 137.
59. Id., № 252.
60. «Новое время», 1882, от 21-го августа.
61. «Страна», 1881, № 132.
62. «Дело» 1882 г., № 9. «С низовьев Дона» Кольцова, стр. 81.
63. «Русский курьер», 1881 г., № 215.
64. Id.
65. «Русская правда», 1879.
66. «Новое время», 1882, № 2181.
67. «Русский курьер», 1882, № 137. Из «Голоса».
68. «Голос», 1882, № 18.
69. «Неделя», 1878, № 5.
70. «Русский курьер», 1882 г., № 297.
71. «Голос», 1882, № 98. Перепеч. из «Рус. ведом.»
72. «Молва», 1880, январь.
73. «Русский курьер», 1880.
74. «Новое время», 1882, № 2111.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:
Абрамов Я.В. Босая команда // Отечественные записки. — 1883. — № 4. — Отд. 2. — С. 121—149.

Ì ÅÙ À Í Å È «Ã Î Ð Î Ä»

В числе вопросов переустройства местного управления, рассматриваемых ныне особою комиссиею, состоящею под председательством статс-секретаря Каханова, есть вопрос, доселе оставляемый нашею литературою в тени. Я разумею вопрос о городском самоуправлении. Правда, в последнее время появилось несколько статей, имеющих темою указанный вопрос; но в статьях этих речь идет о сравнительно маловажных сторонах и подробностях городского вопроса: об учреждении лучшего контроля за городскими банками, о допущении к участию в заведовании городскими делами *квартирантов* и т.п. Самое же важное — вопрос об отношениях между массою городского населения, мещанством, и «городом», доселе совершенно игнорируется. Вопрос этот очень сложен, и пытаться решить его в одной журнальной статье было бы излишнею смелостью. Поэтому в настоящей статье я остановлюсь лишь на главнейшем пункте этого вопроса — на отношении мещан и «города» по городским хозяйственным делам, причем главное внимание обращу на вопрос о распоряжении городскими землями.

До введения «Городового положения», создавшего существующее ныне городское «самоуправление», собственно хозяевами наших городов были два сословия — купцы и мещане; они же были собственниками городской земли, городских общественных зданий и городских капиталов, как принадлежащих обоим сословиям сообща, так и специально сословных, купеческих или мещанских. Все остальные жители городов — чиновники, проживающие в городе дворяне, отставные военные чины и прочие — считались, в некотором роде, гостями города и никакого отношения к городским делам и городскому хозяйству не имели, хотя бы и имели в городах дома и владели усадьбами. Все заботы о городском благоустройстве лежали на купцах и мещанах, и им же принадлежали все права, которые давали звание члена городского общества. Из этих прав самым реальным было право пользования городскими землями.

Чтобы понять всю важность для мещан последнего права, нужно обратить внимание на следующее. Всех мещан считается около 6000000 человек. В городах с развитою промышленностью и торговлею (таких городов у нас не особенно-то много) значительная часть мещан находит заработки на фабриках и заводах, на пристанях и в торговых заведениях; затем, известный процент мещан во всех городах занят ремеслами; но большая часть упомянутых миллионов живет, главным образом, доходами от земледелия, занимаясь преимущественно культурой огородных растений: картофеля, капусты и др. Цифровых данных относительно числа мещан-земледельцев, при полном отсутствии статистических работ в этом направлении, представить, конечно, нельзя; но что действительно большинство мещан — земледельцы, это знает всякий, живший в провинциальных городах и присматривавшийся к быту местного населения. Достаточно указать на тот факт, что многие губернские города и большинство уездных образовались из сел, слобод и посадов только волею начальства, пожелавшего устроить губернский или уездный центр, и существуют в качестве городов только потому, что в них находятся правительственные учреждения и учебные заведения. Перенесите из таких городов эти учреждения и заведения, выселите чиновников, и завтра же эти города будут отличаться от сел только костюмами обывателей да десятком-другим не деревенских зданий. Ввиду такого значения для мещанства земледельческих занятий, как главного источника средств к жизни, не будет никакого преувеличения, если мы скажем, что и *для мещан, как и для крестьян, земельный вопрос есть главный вопрос их существования, и что вопрос об эксплуатации городских земель должен обратить на себя особенное внимание при пересмотре «Городового положения»,* окончательно уничтожившего городскую поземельную общину и лишившего земли миллионы мещан.

До последнего времени способы эксплуатации земли в большинстве наших городов (за исключением важнейших торговых и промышленных центров, где поземельная община погибла давно и где земля давно является только источником, доставляющим доходы городскому фиску) почти ничем не отличались от способов эксплуатации в деревенских общинах: большая часть земли находилась в непосредственном пользовании у самих горожан на общинных началах, и только земли, оказавшиеся лишними или неудобными для горожан, отдавались в аренду.

Земельные порядки внутри городских общин варьировались в различных местностях сообразно с природными и экономическими условиями края, как это наблюдается и в сельских общинах. Для примера, мы опишем земельные порядки, имевшие место в нескольких городах, стоящих в различных, а часто и прямо противоположных условиях, как природных, так и экономических. При этом остановимся подробно только на одной городской общине, а других коснемся лишь слегка.

В Ставрополе-Кавказском до 1878 года существовала поземельная община со следующими земельными порядками:

Все земли и угодья, принадлежащие городу, распределялись на следующие семь групп, для каждой из которых были установлены особые порядки эксплуатации: а) выгон, б) пахотная земля, в) огороды, г) сенокосы, д) лес, е) камыши и ж) дальние участки.

а) Пользование *выгоном*, окружающим город с четырех сторон, не было обставлено какими-либо особенными правилами; каждый мог выгонять домашний скот, в каком угодно количестве, бесплатно. Плата за выпас бралась только с гуртов скотопромышленников. Жители отдельных частей города нанимали общего пастуха, и, таким образом, образовалось пять стад, причем никогда не было делаемо особого постановления о том, где какому стаду ходить, а стадо каждой части города ходило по прилегающей части выгона. Эти порядки пользования выгоном существуют без всяких изменений и доселе.

б) *Пахотною землею пользовались исключительно одни мещане.* Купцам не отводилась пахотная земля на том основании, что им, как людям, занятым торговлею, она *не нужна*. Вообще, среди ставропольцев господствовал такого рода взгляд на пользование землею: «Бог дал землю для того, чтобы ею кормиться, а не для того, чтобы спекулировать ею». На основании такого взгляда, не одни только купцы были лишены права на пахотную землю, но также те из мещан, которые, ради торговых дел, переселились из Ставрополя в села и другие города, продолжая числиться в ставропольском обществе. Исходя из того же положения, ставропольцы смотрели косо даже на тех немногих состоятельных мещан, которые, занимаясь торговыми делами в самом Ставрополе, сами не обрабатывали надельных участков, а сдавали их в аренду; нередко поднимался даже вопрос об отобрании у таких членов общества земельных наделов. Только в том случае допускали ставропольцы отдачу надела в аренду, если она вызывалась крайнею нуждою и полною невозможностью самому обработать землю.

Право на надел имел всякий мещанин (с указанным выше исключением), платящий казенные налоги и подати, причем количество отводимой земли зависело от числа ревизских душ, которые числились на его семье и за которые он платил подать. Раз отведенная семье земля оставалась в ее пользовании до новой ревизии, когда производился общий передел земли.

Пахотной земли отводилось от $^3/_8$ до $^1/_2$ десятины на ревизскую душу, что составит средним числом немного более десятины на семью. На этой земле большею частью садился картофель; но многие домохозяева сеяли гречу, горох, ячмень, пшеницу, просо и пр.

в) Под *огороды* отводились небольшие участки земли, расположенные на всех четырех сторонах города. Обыкновенно раннею весною все желающее получить участок заявляли о том мещанскому старосте, и затем, в назначенный день, все выезжали на огородники и делили их по жребию. Огородники служили для посадки капусты и имели приспособления для поливки.

г) *Сенокосы* делились ежегодно. Участие в сенокосах принимали и мещане, и купцы, причем последним отводилось покосной земли более, чем мещанам, в вознаграждение за то, что они не получали пахотной земли; именно купцы получали от 3,33 до 5,75 десятин, а мещане от 1,5 до 1,7 десятин на двор. Сравнив тогдашние арендные цены на пахотную землю и покосы, мы найдем, что купцы в увеличенном размере покосного надела получали менее половины стоимости пахотного надела.

д) Через каждые 10—15 лет некоторые части городского *леса* делились между мещанами и купцами и вырубались. На двор приходилось около 100 квадратных сажен лесного пространства, что давало от 5 до 10 кубических сажен дров.

е) *Камыши* делились следующим образом: в назначенный день к озеру съезжались все мещане, желающие принять участие в дележке и, по знаку мещанского старосты, начинали жать камыши; каждому доставалось то, что он успевал нажать.

ж) Несколько участков земли, удаленных от города на 10, 12, 15 и более верст, пользоваться которыми для большинства жителей было неудобно по их отдаленности, отдавались в аренду, преимущественно, скотопромышленникам, под выпас скота. Вырученными деньгами покрывались земские сборы с городской земли.

Таковы были порядки пользования землею в Ставрополе-Кавказском. В городах, находящихся в иных природных и экономических условиях, и порядки землепользования были иные. Так, например, в Камышине, владеющем громадным количеством земли (более 40000 десятин), существовала система свободной распашки: каждый горожанин распахивал какой ему угодно участок земли (лишь бы он не был занят ранее другим горожанином), и затем, когда распаханный участок истощался, он был «запускаем» и заменялся новым участком «целинной» или «отдохнувшей» земли. В северных городах поземельные порядки имели все те особенности, которыми отличаются северные сельские общины. Вот что, например, говорит один наблюдатель относительно прежних поземельных порядков, имевших место в городе Кадникове[1]: «В недавнем прошлом мещанское общество города Кадникова ничем не отличалось от обыкновенного сельского общества здешнего края. Главным занятием служило земледелие: это была та же крестьянская община, со всеми характерными особенностями, выработанными условиями на нашем севере. Обычай свободного занятия земель, так много способствовавший культуре здешних бесплодных пространств, подсечное хозяйство, постепенное увеличение пахотных земель посредством системы «чищоб» и «новинок» — все эти характерные особенности составляли необходимую принадлежность и кадниковской мещанской общины. Внутренние распорядки также не представляли никаких отличий от существующих обычаев крестьянских общин: разверстка земель производилась по душам, с известной системой тягловых

повинностей, с принятием в расчет рабочих сил и потребностей отдельных семей. Свобода расчисток пустующих земель и периодические переделы окончательно устраняли всякое различие между общинами крестьянской и мещанской».

Обращаясь теперь к тому влиянию, которое оказывали эти поземельные порядки на благосостояние массы городского населения, то есть мещанства, мы остановимся только на Ставрополе-Кавказском, так как в этом отношении он является типическим для всех земледельческих городов.

1) Каждая мещанская семья имела достаточное количество картофеля для прокормления. Кроме того, большинство мещан возило картофель, а иногда и капусту, в села и меняло там эти продукты на хлеб. Затем огромное количество картофеля, капусты и других овощей продавалось мещанами привилегированным жителям города и крестьянам за деньги, и в выгодах этой торговли принимали участие почти все мещанские семьи. Наконец, многие семьи получали хлеб непосредственно со своих наделов. Вообще в то время ставропольцы в продовольственном отношении были вполне обеспечены.

2) Благодаря тому, что мещане имели свое, непокупное сено, каждая семья могла иметь лошадь и держать круглый год одну или несколько коров. Молочные продукты шли в пищу самих мещанских семей, а также продавались чиновничьей части городского населения, составляя, таким образом, значительное подспорье в мещанских доходах. Имея лошадь, мещанин мог в течение зимы заниматься извозом, доставлять дрова в город из казенных лесов, расположенных в нескольких верстах от Ставрополя, *рыбасить*, то есть ездить в Ростов или Черноморию за рыбой и потом продавать ее в Ставрополе или в селах губернии, и т. д. Вообще лошадь доставляла мещанину хороший заработок.

3) Имея даровой камыш, мещане избавлялись от расходов по починке крыш домов и дворовых построек, которые у большинства ставропольских мещан крыты камышом.

4) Периодически повторявшиеся разделы городского леса доставляли мещанам, на известный период времени, даровое топливо и, таким образом, значительно сокращали расходы мещанской семьи.

Благодаря описанным выше поземельным порядкам мещане пользовались значительным благосостоянием, которое всецело покоилось на земельном наделе. Совсем другое видим мы теперь, после разрушения городской поземельной общины.

Разложение городских поземельных общин началось давно. К сожалению, полное отсутствие исторических изысканий в этом направлении лишает нас возможности составить более или менее ясное представление о причинах, поведших к уничтожению поземельной общины в тех городах, где это явление имело место до введения «Городового положения». Поэтому мы ограничимся лишь сообщением кратких сведений о ходе разложения в двух упоминавшихся выше поземельных общинах; в городах Кадникове и Камышине, а главное внимание остановим на влиянии, которое имело в деле уничтожения городских поземельных общин «Городовое положение».

В Кадникове, представлявшем собою, как уже было говорено, типическую северную поземельную общину, разложение общинного строя началось лет 30 тому назад. К этому времени в кадниковской общине «развитие торговли постепенно выделило небольшую группу мещан-кулаков, мелких торговцев, для которых занятие земледелием отошло уже на задний план». Эта небольшая группа, эксплуатируя своих однообщественников, мало-помалу все более и более выделялась из остальной массы мещан-земледельцев. Общинные порядки с круговой порукой, с равенством всех перед «миром», начали уже тяготить этих немногочисленных, но сильных своим богатством и влиянием кулаков-мещан. Община мешала им, стесняя свободное проявление их «коммерческих» стремлений. И вот, «под предлогом увеличения городских доходов, представителям капитала удалось изменить порядок пользования землею, несмотря на все протесты более бедной и многочисленной части мещан-земледельцев». Последние долго хлопотали, подавали разные прошения, но, в конце концов, должны были покориться. Решено было сдавать всю городскую землю в аренду с торгов, с платой подесятинно. Земля вся была поделена на участки различной величины, не боле 6 десятин в каждом… Через известные промежутки времени, вначале через шесть лет, теперь через двенадцать, производятся в городской думе торги для сдачи земли в аренду. Каждый участок оценивается сообразно качеству почвы, существующим арендным ценам и т.п.; с этой минимальной суммы и начинается торг. Контракт на арендное содержание городской земли заключается каждым отдельно, причем вносится причитающейся платы за два года вперед. Половина поступает как аренда за текущий год, другая служит залогом и засчитывается за последний, двенадцатый год контрактного срока. Землю могут брать только члены городского общества, и притом не более двух участков. Высший размер доли каждого члена ограничен десятью-двенадцатью десятинами, как пахотных, так и сенокосных земель. Все-таки это громадный максимум, если принять во внимание, что всей удобной земли во владении города находится лишь около 700 десятин. Плата вносится раз в год, вперед, к началу нового года; не внесший в срок аренды платит пени от 2 до 5 % с рубля до полного покрытия долга. Запрещается передавать взятые в аренду участки посторонним лицам, крестьянам соседних деревень… Впрочем, правило это не совсем строго соблюдается.

Уничтожение старых общинных порядков и замена их новыми порядками городского «хозяйствования» имели самые печальные последствия. Разные уступки, допущенные при новом порядке в пользу горожан (например, предоставление горожанам исключительного права на аренду городской земли,

ограничение максимума арендуемой земли и др.) не имеют никакого значения, так как легко нарушаются и нисколько не изменяют печального положения дел. «Участки все-таки слишком крупны, не всегда под силу желающим их взять. Попадают они не тем, кто в них больше нуждается, кто имел бы больше прав на них при прежних обычаях, а в руки того, кто больше даст на торгах. Понятно, на чьей стороне все шансы воспользоваться подобным положением дел, извлечь всю выгоду из разных случайностей». «При сравнении с прошлым, замечается несомненный упадок хозяйства. Число земледельцев-мещан уменьшается с каждым годом. Хотя почти все берут участки, но далеко уже не каждый возделывает их сам. Более зажиточные обыкновенно нанимают соседних крестьян для полной обработки своих участков. Вместе с тем остановилось и увеличение культивированной площади посредством «подсек». «Обычай свободной заимки земель падает. Новых расчисток производится мало»[2].

Еще более печальные последствия имело уничтожение поземельной общины в Камышине. Здесь начало разложения общинно-земельных порядков относится к 1845 году, когда бывший в то время городской голова обложил мещан-хлебопашцев, по своему личному усмотрению, налогом в пользу города. Налог этот мещане должны были платить не с десятины, а с плуга; права же распахивать землю, где и сколько угодно, они не лишились. Затем, несколько лет спустя, земля была размежевана, разделена на участки и стала уже сдаваться в аренду с торгов. Сначала арендаторами земли являлись одни мещане-земледельцы, которые, при отсутствии конкуренции, могли снимать одни лучшие земли и потому собирали хорошие урожаи. Но мало-помалу в среду хлебопашцев примешались купцы и мещане-торговцы, которые, «как более сильные по материальному и общественному положению», стали постепенно отодвигать на задний план коренных хлебопашцев, набивая на хорошие земли цены и, тем самым, отнимая их у мещан. Таким образом, на долю бедняков-мещан стали доставаться участки, в производительном отношении никуда не годные. Понятное дело, что мещанские участки земли не могли, даже при обильных дождях, вознаграждать с избытком труды пахаря, а при бездождии не собирали и потраченных на посев семян… «Теперь (это писалось в начале 1881 года) мы видим, как сотни прежде состоятельных мещан-хлебопашцев то и дело являются в город просить пособия, оставляя голодать свои семьи в хуторах»[3].

Приведенные примеры показывают нам, что разложение городских поземельных общин началось, по меньшей мере, несколько десятков лет тому назад и что причиною этого разложения было вторжение в общину капитала. Но этим путем поземельная община исчезла только в меньшей части городов; огромное же большинство городских поземельных общин погибло под давлением «Городового положения». На этом обстоятельстве мы остановимся подольше.

«Городовое положение», взамен прежних общественных групп, бывших хозяевами города, мещанства и купечества, создало новый бессословный институт, который также получил имя «города», хотя он не имеет ничего общего с прежним городом. Мы не будем сравнивать прежнего городского устройства и настоящего, указывая достоинства и недостатки того и другого; это не входит в нашу задачу. Мы отметим только тот факт, что новый «город» не имеет никакой связи с массою населения и является для нее лишь как излишнее бремя, как институт, специальное назначение которого — изобретать всевозможные налоги. В самом деле, жизнь «города» сосредоточивается исключительно в городских думах; а думы, созданные «Городовым положением», являются представительницами вовсе не всего городского населения, а только наиболее состоятельной его части. По «Городовому положению» членами города считаются и пользуются избирательными правами все городские жители, к каким бы сословиям и званиям они ни принадлежали, под тем, однако, непременными условием, чтобы они владели в пределах города недвижимым имуществом или платили за промысловое свидетельство, то есть вели торговлю. Таким образом, от участия в городских делах устраняются все жители города не домовладельцы и не торговцы. Кроме того, лишаются избирательных прав те домовладельцы, за которыми числится недоимка по городским сборам, а такими является значительная часть беднейших жителей, владеющих какою-нибудь завалюшкою. Таким образом, большинство городских жителей оказалось вне созданного «Городовым положением» «города». До чего ничтожен процент новых «хозяев» города относительно общего числа городских жителей, можно видеть на примере Петербурга, где лица, пользующиеся избирательными правами, составляют всего 2% населения. Если даже допустить, что каждый из этих избирателей является главою семейства в 5 человек, все-таки окажется, что петербургская дума служит представительницею лишь 10% населения, а 90% петербургских жителей являются как бы гостями «города», и интересы этих $^{9}/_{10}$ населения совсем не представляются в думе. В захолустных городах отношение между избирателями и массою городского населения, конечно, несколько благоприятнее, чем в Петербурге: так, в Екатеринодаре избиратели составляют 4,2 %, или с семействами — 21% населения, в Саратове — немного больше, и т.д, но это благоприятное отношение совершенно парализуется существованием «разрядов» избирателей. Дело в том, что самые домовладельцы и торговцы, то есть часть городского населения, имеющая право на участие в городских делах, разделяются, для избрания гласных думы, на три разряда, так чтобы общие суммы налогов, платимые каждым разрядом избирателей в пользу города, были приблизительно равны; каждый разряд избирает одинаковое число гласных. Вследствие этого, например, в Саратове 43 избирателя состоятельнейшего первого разряда, 453 среднесостоятельных избирателей второго

разряда и 5614 избирателей-бедняков третьего разряда представляются в думе одинаковым числом гласных; в Екатеринодаре избирателей первого разряда 30, второго — около 140 и третьего — около 1500. Таким образом, тысячи семей мещан избирают вдвое менее гласных, чем 200—500 состоятельных домовладельцев и торговцев, избирателей первого и второго разрядов.

Итак, место прежних хозяев городских земель и других имуществ — купеческого и мещанского сословий — заняла новая общественная группа «город», и хозяевами городских земель стали горожане всех сословий, то есть попросту (при тех ограничениях права участия в городских делах, которые поставлены «Городовым положением») домовладельцы и торговцы. «Городовое положение» перенесло право собственности на земли и другие городские имущества с одной общественной группы на другую, дало участие в праве собственности таким лицам (чиновникам, дворянам и пр.), которые до тех пор никакого участия в этом праве не имели, и лишило этого права тех мещан, которые не имеют недвижимого имущества и не ведут торговли. Факт этот прошел совершенно незамеченным литературой и юристами. А между тем было бы в высшей степени любопытно, если бы юристы занялись вопросом, насколько справедливо и законно перенесение права собственности с одной общественной группы (мещанского и купеческого сословий) на другую («город»), которая состоит в значительной степени из иных элементов и в которой самые составные элементы сгруппированы совсем иным способом (в сословиях голоса отдельных членов были равнозначными, а в «городе» избиратели разделены на разряды по величине платимого в пользу города налога, то есть по величине имуществ). Чтобы мой вопрос был яснее, я приведу такой гипотетический пример. Представьте себе компанию из пяти лиц, владеющих сообща каким-нибудь имуществом, ну хоть, положим, участком земли. Представьте также, что рядом образовалась другая компания, тоже из пяти лиц, в состав которой вошло два члена первой компании. Неужели новая компания имеет право завладеть имуществом первой компании и, таким образом, сделать собственниками его трех новых лиц, не имевших доселе участия в этой собственности, а трех прежних собственников лишить принадлежащих им долей имущества? А между тем именно это и было сделано «Городовым положением». Я понимаю, что бывают случаи, когда, *ради общего блага*, не только извинительно, но даже обязательно отбирать у частных лиц или у общественных групп тот или другой вид собственности; но дело в том, что в данном случае отчуждение сословной собственности произошло не только не в интересах общего блага, а прямо *вопреки* ему, так как путем обезземеления мещан создан в городах, как это будет сейчас выяснено, многомиллионный пролетариат. Кроме того, всякое отчуждение собственности, хотя бы во имя общего блага, обязательно сопровождается равнозначным вознаграждением; между тем прежние собственники городских земель и других имуществ никакого вознаграждения не получили.

Тотчас же по введении «Городового положения» «город» или, вернее, кучка лиц, захватившая в свои руки заведывание городскими делами (что повсюду очень легко достигалось благодаря указанным выше особенностям «Городового положения»), отобрала из ведения сословий земли, здания и капиталы, как прямо «сословные», так и принадлежавшие обоим городским сословиям вместе, и повела «городское» хозяйство совершенно независимо от интересов массы городского населения. Вот, например, как совершился этот переворот в Ставрополе-Кавказском.

Здесь «Городовое положение» введено всего 9 лет тому назад. Гласными первого состава думы были, по преимуществу, мещане и купцы, так как чиновная и дворянская часть городского населения еще не вошла во вкус распоряжения городскими делами. Поземельные порядки оставались прежние, и потому положение мещан не изменилось. Но «Городовое положение» давало возможность изменить прежние порядки, и это изменение не замедлило произойти. Дума второго состава, состоявшая из служащих и отставных чиновников разных ведомств и крупных торговцев, уничтожила общинные порядки пользования землею, отобрала ее у мещан и стала отдавать в аренду. В аренду пошли как пахотные земли, так и покосы, леса, огородники и даже камыши. Сделано это было в видах увеличения городских доходов. И действительно, сравнивая росписи городских доходов за прежние года, когда еще оставались прежние поземельные порядки, с росписями последних лет, когда земли поступили в арендное содержание, мы видим увеличение доходов от городских земель на 9000 рублей. Из-за этих-то 9000 и потерпели тысячи мещанских семей.

Произошло обезземеление мещан. Они лишились искони принадлежавшего им права собственности на землю, и из собственников-землевладельцев, владевших землею на общинном праве, превратились в безземельных пролетариев. Вышла несообразность: город, обязанный заботиться о благосостоянии своих членов, вместо того лишает их основных средств производства.

Чтобы эта несообразность выступила для читателя рельефнее, я приведу еще один гипотетический пример. У нас много говорится о всесословной волости. Предположим же, что она учреждена. Предположим также, что делами волости будет заведовать какое-нибудь учреждение, ну хоть волостная дума, для избрания членов которой жители волости будут делиться на разряды, так же как теперь делятся жители города. Представьте себе, что волостная дума будет пользоваться теми же правами, какими пользуется городская дума, и что она отберет у крестьян всю землю, находящуюся в их общинном владении (частновладельческих земель волостная дума не тронет, подобно тому, как городская дума не имеет права трогать земель частного владения, лежащих в пределах городских

владений), разобьет ее на участки и станет отдавать в аренду. Не правда ли, это такая нелепость, которую трудно представить себе даже в виде предположения?

Результаты получились самые плачевные, как это можно видеть на примере того же Ставрополя-Кавказского. Городская земля стала отдаваться в аренду участками таких размеров, что снимать их большинству мещан было не под силу. При культуре огородных растений средняя семья может обработать своими силами лишь от 1 до 1 $^1/_2$ десятин земли. Между тем городская управа считает для себя затруднительным раздавать землю такими мелкими участками. В результате явился класс посредников между городом и земледельцами, берущих у города землю в аренду большими участками по 3—5 рублей за десятину и раздающих ее мелкими кусками мещанам по 10, 12, 15 и даже 20 рублей за десятину. Многие мещанские семьи, не будучи в состоянии платить за землю таких высоких цен, принуждены вовсе оставить занятие земледелием; другие сократили запашки вдвое и втрое (но зато иные стали обрабатывать большие участки *наемным* трудом). Тысячи семей лишились главного источника своих доходов. Нечего было и думать о продажи картофеля или промене его на хлеб, когда его не хватало и для собственного продовольствия. Необходимость покупать сено заставила продавать на зиму коров или отдавать их «на зимовку» за приплод крестьянам окрестных селений; вообще, большинству мещан пришлось уменьшить число коров, а некоторым семьям вовсе отказаться от них. Это не замедлило отразиться на питании и на доходах мещан. Многим пришлось расстаться с лошадьми и, таким образом, лишиться и тех доходов, которые им доставляла лошадь. Словом, произошло обеднение.

Это обеднение всего сильнее отразилось на пище. Мясо для большинства ставропольских мещан в настоящее время является роскошью, доступною только в праздники. Для многих является роскошью даже хлеб. Это особенно должно быть сказано про годы 1879—1880 и первую половину 1881, когда в Ставропольской губернии урожаи были плохие и цена за хлеб доходила до 1 рубля 80 копеек—2 рублей за пуд пшеничной муки. Такие бедняки, для которых хлеб доступен лишь в ограниченных размерах, питаются почти исключительно картофелем, собираемым на огородах, которые в Ставрополе есть при каждом дворе. Чтобы несколько разнообразить свою пищу, ставропольские мещане придумали целую массу разнообразных по форме кушаний, главною составною частью которых остается все тот же картофель.

Ухудшение в пище отразилось и на здоровье. Вслед за отобранием земли у мещан началось в Ставрополе распространение разных заразных болезней — дифтерита, оспы, гриппа, коклюша и других, и последовало увеличение смертности. Дело дошло до того, что число умерших берет перевес над числом родившихся, и нет сомнения, что это печальное явление в значительной степени зависит от ухудшения условий жизни массы городского населения.

Описанное положение ставропольских мещан есть общий удел наших городов. Вот, например, пред нами город Херсон. Пахотной земли он имеет 30238 десятин. Казалось бы, что, обладая таким громадным богатством, жители Херсона должны благоденствовать; а между тем масса херсонского населения бедствует. Дело в том, что и в Херсоне, как и везде, поземельная община уничтожена и городская земля сдается с торгов. Вся пахотная земля разделена на 1000 участков, по 30 десятин в участке в среднем выводе. Большинство участков, впрочем, имеет по 15 десятин; участков меньших размеров очень мало; но зато много участков больше тридцатидесятинного размера; есть участки даже в 500 и 1000 десятин[4]. Понятное дело, что большинство участков разбирается лицами, вовсе не занимающимися земледелием; беднякам же приходится или совсем оставаться без земли, или получать ее из вторых рук и, конечно, втридорога.

Отдав хозяйничанье в городах кучке торговцев и домовладельцев и предоставив этим путем возможность повсюду уничтожить городскую поземельную общину, «Городовое положение» вместе с тем представило полный простор для всяких злоупотреблений в области городского хозяйства. Вот прекрасный образчик этих злоупотреблений: дума города Сквиры, Киевской губернии, из 2000 принадлежащей городу пахотной земли выделила 72 участка (по числу 72 гласных думы), по 12 десятин в каждом участке, и затем каждый гласный приобрел по одному такому участку в аренду на 12 лет, с платою по 3 рубля в год за десятину, тогда как minimum местных арендных цен равняется 10—12 рублям за десятину. Земледелием сквирские гласные не занимаются, и взяли они землю затем, чтобы переарендовать ее мещанам-пахарям[5].

Самый распространенный вид злоупотреблений, допускаемых городскими думами при распоряжении городскою землею, это растраты и расхищения этой городской собственности, которая должна бы служить обеспечением не только настоящему поколению горожан, но и следующим. Такие случаи расхищения и растраты земельных угодий — явление самое обыкновенное в наших городах. В этом деле принимают одинаковое участие и бойкие промышленные города и глухие, большие и малые, ничем не отличающееся от деревень, губернские и уездные. Вот, например, город Екатеринослав преподносит *в подарок* криворожской железной дороге городской земли под устройство станции и проложение пути железной дороги «в том количестве, какое для сего потребуется»; потребовалось *пятьдесят десятин,* и они были отданы «на бедность» железнодорожникам[6]. Вот маленький городок Сычевка (Смоленской губернии): здесь в один прекрасный день была обнаружена пропажа 76 десятин городской земли. Курьезнее всего то, что вместе с землею исчезла также

состоящая за нею недоимка в 4402 рубля: «по справкам в архиве и настольных книгах городской управы, не нашли, за кем она числится»[7]. В Саратове «пропали» 2270 десятин городской земли. Замечательно, что саратовские воротилы, «не заметившие» исчезновения такого громадного участка городской земли, привлекли к уголовной ответственности грошовых базарных торговцев и торговок за *самовольный захват* мест под столы и лотки на рыночной площади[8], и так далее…

Но, впрочем, не всегда городские думы расточают городское достояние; случается, что они и «собирают». Но массе городского населения от этого не только не легче, но еще горше. Земельные приобретения, делаемые «городами», делаются не для того, чтобы дать населению возможность добывать кусок хлеба, а единственно в спекулятивных видах. Городские воротилы занимаются спекуляциями на городские деньги, и за их спекуляции приходится отдуваться массе горожан. Для примера можно указать на плачевное состояние города Жиздры, Калужской губернии, погибающего от спекуляций городской думы. Здесь лет семь тому назад «город» купил у соседней помещицы Бенардаки земли пахотной, луговой и под лесом около 6000 десятин за 210000. В кассе города в это время было около 35000 рублей сбережений, накопленных в дореформенное время, до «Городового положения». Денег, как видите, было мало для уплаты за купленное имение. Ввиду этого было продано три участка векового городского леса; но и вырученных от этой продажи денег оказалось мало. Тогда был сделан заем в Калужском обществе взаимного кредита в 25000 рублей. «Миллионное» имение оказалось совершенно бездоходным и едва покрывало расходы по заведыванию и охранению леса. А между тем нужно было платить проценты за долг и последние взносы госпоже Бенардаки. «Продали еще 400 десятин леса за 50000 рублей, но и эти деньги куда-то улетучились. Выпустили на 150000 рублей облигаций для того, чтобы выпуском их рассчитаться с г-жею Бенардаки и Калужским обществом, но эти злосчастные облигации с рук не пошли и лишь только штук 30 взяли: городской голова, член управы и думский секретарь, и затем облигации на сумму 127000 приобрел городской общественный банк по нарицательной их стоимости 100 рублей, не имея на это, согласно банковому уставу, никакого права, и в то время, когда частные лица не давали за облигации по восьмидесяти рублей, несмотря на заманчивый процент 7 копеек на рубль. Городская управа сама стала разрабатывать лес на строительные материалы и дрова. Но рабочим нужны деньги, а в городской кассе дефицит, и вот члены городской управы пустили в ход облигационные купоны для расчета с рабочими, но наши коммерсанты не стали их брать, а если некоторые и брали, то со скидкой 10 % на рубль, и купоны так-таки и не пошли в обращение. А тут управа должна платить банку по ним 7 %, превышающий одною копейкой на рубль против прежних займов. Бурею повалило много сырого леса. Вместо того, чтобы, не затрачивая денег на его разработку, продать его лесопромышленникам на месте, городская управа не захотела упустить от себя излюбленного занятия — разделывания леса на материалы, на что потребовались новые займы. Лес попилен на кряжи, бревна, дрова, тес и доски. Продано Мальцовскому торгово-промышленному товариществу дров с доставкою на заводы за 7500 рублей, но за доставку их запросили 8000 рублей, так дрова и теперь гниют в лесу.

Мы еще забыли сказать о долге городского управления местному земству. Управа несколько лет не платит земству налога в пользу его с недвижимого городского имения, и теперь долг этот составляет 16000 рублей, и на него нарастает пеня. «При таком жалком состоянии городских финансов, наши воротилы чисто одурели и по пословице: «хоть рожа в крови, а наша берет», — задумали хлопотать о проведении железной дороги для соединения города с городами Калугою и Брянском»[9].

В таком печальном положении, до которого дошла Жиздра, благодаря спекуляциям своих заправил, находится значительная часть наших городов. Случаи спекуляции землею, впрочем, встречаются сравнительно редко, большинство городов гибнет от железнодорожных и банковых спекуляций. Немало городов надели себе на шею цепь в виде гарантии доходности той или другой железной дороги. Еще большее число городов (если не все) запуталось в банковых сетях. Распространяться об этом предмете я, однако, не буду, так как на эту тему у нас писалось довольно. Я остановлюсь только на одной стороне дела, которая обыкновенно остается без внимания. Как известно, за все предприятия, которые затеваются городскими думами, будет ли это открытие банка, участие в постройке железной дороги, земельная спекуляция или что другое, город отвечает «своим достоянием». Но собственно «общественные» достояния наших городов не особенно велики, а спекулятивные наклонности лиц, повсюду захвативших заведывание городскими делами в свои руки, не знают удержу. Легко может случиться, что когда придется городам действительно отвечать своим достоянием за проделки городских заправил (как это имеет место в настоящее время в Саратове, который оказался несостоятельным уплачивать несколько сот тысяч ежегодной гарантии железной дороге и в котором для пополнения этой недоимки прошлым летом была объявлена продажа городской пристани), собственно общественно-городского «достояния» не хватит на уплату долгов, которые заправилы накладывают на города, и несчастным жителями придется поплатиться своими домишками. Пример у всех перед глазами: двенадцатимиллионное расхищение, совершенное Рыковым и компаниею из скопинского банка, висит в настоящее время, как дамоклов меч, над головами скопинских мещан. Государство отказывается, да и не должно принимать на себя ответственность за расхищение; между тем, по закону, за действие банка отвечает «город», то есть жители.

После всего сказанного можно было бы уже подвести итоги. Но нам хочется сказать еще несколько слов об одной части низшего городского населения, которая, терпя все неудобства современного городского устройства наравне со всей вообще массой мещанства, находится еще под особым давлением со стороны «города». Мы говорим о жителях городских предместий. Благодаря описанным выше способам избрания гласных городских дум, предместья, обыкновенно, совсем не имеют в них своих представителей. Поэтому в думах никогда не заходит и речи о том, чтобы сделать то или другое для предместий. Все, что делается думами общеполезного: мостовые, освещение, школы, все это устраивается в центральных частях города и никогда не проникает в предместья. Какая бы нужда ни царила в этих «китайских» кварталах, в каком бы ужасном положении ни находились их обитатели, никогда в наших думах не раздается голоса о помощи несчастным. Об этих отверженных кварталах вспоминают лишь при собирании разных городских сборов и налогов.

Чтобы было яснее безотрадное положение предместий наших городов и вместе с тем выяснилась полная бесполезность для них существующего городского «самоуправления», я опишу положение двух предместий — одного в Таганроге, другого в Киеве, и полагаю, что отношение «города» к этим предместьям можно признать типическим.

В бытность в Таганроге императора Александра I им был пожалован тогдашнему таганрогскому городничему Касперу довольно значительный участок земли под самым городом. Очень долго участок этот оставался пустым и не приносил Касперу никакого дохода. Но вот, по мере того, как дела таганрогского порта принимали широкие размеры, население города стало быстро расти и городская земля застроилась вплоть до участка Каспера; небогатые люди, преимущественно рабочие разных отраслей ручного труда, стали селиться и на землях Каспера, снимая у него небольшие участки на определенный срок за недорогую сравнительно цену. Прошло более десяти лет, и на земле Каспера оказалось до тысячи домиков «с необходимыми постройками, садиками и маленькими огородами при каждом домике. Собственниками домиков и арендаторами участков земли Каспера являются почти исключительно люди физического труда — извозчики, перевозчики тяжестей, рыбаки, молочники, огородники, служащие на низших должностях в таможне, рабочие с прилегающих табачных, кирпичных, клеевых заведений, мелкие торговцы и разносчики. В сущности, все население Касперовки состоит из пролетариев чистейшей воды. Есть работа в порте, пролетарии Касперовки могут существовать, нет — хоть умирай. Последние годы, дурно отражавшиеся своими неурожаями на торговле порта, лишили многих обитателей Касперовки единственного их источника к существованию — работы в порте; к этому присоединилось проведение ветви железной дороги от вокзала вплоть до места нагрузки на суда и выгрузки с судов товаров. В былое время, когда не было означенной ветви, обитатели Касперовки, и пешие, и конные, в изобилии находили работы при порте; а теперь большинство рабочих оказалось лишним и сидит без дела. Нечего и говорить, какая страшная нужда царит среди этих «оставшихся за штатом» пролетариев. Печальнее всего, что единственная собственность обитателей Касперовки, домики, хотя и носит громкое название «недвижимой» собственности, в действительности движимее иной колымаги. Чтобы составить себе понятие о положении касперовцев, достаточно ознакомиться с теми условиями, на которых арендуются ими участки земли под дома и дворы. Вот некоторые из пунктов контракта: 2) «Срок найма участка должен быть десятилетний. 4) Платить арендатор должен за каждый год вперед и не позже месяца по наступлении года. Если в течение сего месяца не заплатит, то обязывается заплатить Касперовой (наследнице городничего) каждый раз годовую арендную плату, вдвое; если же неплатеж продолжается целый год, то Касперова может участок этот передать другому лицу. 5) На нанимаемом участке арендатор имеет право построить один только дом и службы, не иначе, как с деревянными и железными крышами и деревянными заборами, но в службах ни в каком случае не должны быть устраиваемы печи. 6) До истечения условленного срока арендатор принадлежащие ему дом и прочие службы ни в каком случае не должен ломать и сносить с участка без уплаты Касперовой, до сноса, сполна арендной платы за остальные года. 7) Арендатор предоставляет принадлежащие ему на Касперовке строения застраховывать Касперовой, от огня на ее счет и имя и в ее, Касперовой, пользу. 9) Арендатор имеет право копать две ямы: одну для погреба не более четырех квадратных аршин, а другую — для отхожего места не более двух квадратных аршин; других же ям в предупреждение порчи участка не рыть, а за каждую яму, вырытую без разрешения Касперовой, обязан заплатить неустойки десять рублей. 10) На нанимаемом участке и вообще на даче Касперовой арендатор не имеет права без особого условия с Касперовой производить торговлю и вообще устраивать какие-либо торговые заведения, заводы и фабрики, иначе договор сей прекращается; но арендатор *имеет право заниматься беспрепятственно* (!) на Касперове всякого рода ремеслами. 11) На нанимаемом участке арендатор обязывается на улице и около дома посадить и развести четыре каких-либо дерева, на что дается год времени от совершения сего договора, иначе Касперова имеет право на счет арендатора это сделать»[10]. Пояснений к этим пунктам, кажется, не требуется.

Если бы между «городом» и населением существовала какая-нибудь связь, то «город» непременно должен был бы помочь обитателям Касперовки выкупить свои усадьбы, но таганрогскому «городу» никогда и мысли не приходило о том, что он обязан оказать какое-либо содействие касперовцам.

Напротив: когда лет десять тому назад Касперов предлагал городу купить его участок, тогда еще мало заселенный, всего за 8 тысяч рублей, город отказался от этого выгодного предложения, хотя имел свободные денежные средства, и предпочел истратить эти деньги на так называемые «общеполезные» дела, каковы: устройство бульвара, городского сада, улучшение освещения и другие. И это совершенно понятно, так как «городом» Таганрогом заправляют люди, интересы которых прямо противоположны интересам обитателей предместьев.

Еще характернее отношение «города» Киева к своим предместям: Соломенке и Протасову Яру. Выше мы уже видели много примеров того, что отношения «города» к горожанам ничем не отличаются от отношений к крестьянам помещика, стремящегося к тому, чтобы «вогнать в цену» землю. Но чтобы «город» спекулировал *чужою* землею в видах прижимания своих обитателей, тому чуть ли не единственный пример представляет Киев.

Более 20 лет тому назад[11], во внимание к недостаточности выгонной земли в городе Киеве, из «вакантных» казенных земель отдано Киеву в *беспереоброчное* (то есть навсегда с одним и тем же оброком) пользование около 900 десятин земли, смежной с городом. Оброк, платимый городом казне за отданную ему землю, назначен в 486 рублей 82 $^1/_2$ копейки, то есть несколько более 50 копеек за десятину. С 1864 года часть этой земли стала раздаваться городом под усадьбы. Таким образом, образовались Соломенка и Протасов Яр, составляющие одно предместье. Всего в 1879 году здесь усадьбами было занято 29 десятин; усадебных участков — 196. Жителей Соломенки и Протасова Яра еще при переписи 1874 года насчитано было 3910 человек. Жители эти представляют собою самую бедную часть населения Киева. Город платит казне за землю, находящуюся под предместьем (29 десятин), около 15 рублей, а сам брал в 1879 году за усадьбы предместья 2128 рублей в год оброку, да около 400 оценочного сбора. Едва ли какой-нибудь арендатор казенных земель в Херсонской или Самарской губернии берет такие барыши при переарендовании земель крестьянам! Этого мало. Казна отдала городу земли в беспереоброчное содержание, следовательно, плата казне не может быть увеличена; город же отдает арендуемые им у казны земли в аренду от себя с *переоброчкою*, то есть с увеличением платы чрез небольшие (6 лет) промежутки времени. Увеличение платы имело своим последствием накопление недоимок, и в 1880 году за Соломенкой «город» считал до 3 $^1/_2$ рублей недоимки.

Тяжелое положение обитателей Соломенки, эксплуатируемых «городом» Киевом, заставило их неоднократно обращаться с ходатайством разрешить им произвести *выкуп* тех казенных земель, которые сданы им в аренду под усадьбы. Возникшая по этому делу переписка в одно время чуть было не пришла к благоприятному окончанию; но потом было найдено, что, так как земли в Соломенке, отданные Киеву *для выгона*, не переставали быть казенными, то будет правильнее обложить владельцев усадеб на Соломенке выкупными платежами не в пользу города, а в пользу казны, уменьшив при этом платимую городом аренду пропорционально количеству земли, которая отойдет из пользования города. В 1879 году по этому поводу требовалось заключение Киевской городской думы, которая, само собою разумеется, не пожелала упустить из своих рук этот «кусочек» и отвечала, что осуществление меры, предложенной министерством государственных имуществ, было бы нарушением Высочайшего повеления, по которому соломенские земли переданы в пользование города не на срок, а *навсегда*. А в следующем 1880 году уже сама Киевская дума обратилась с ходатайством о предоставлении ей права выкупа казенной земли на Соломенке. Если этот фортель удастся, то мы будем иметь следующее: «город» выкупает соломенские 29 десятин, капитализируя из 5% платимый им казне оброк (как это всегда делается при выкупе), то есть, платя около 10 рублей за десятину или около 300 рублей за всю землю; тогда как сам «город» берет с соломенцев *ежегодного* оброка около 2$^1/_2$ тысяч! Если после выкупа «городом» соломенской земли соломенцы тоже пожелают выкупить у «города» свои усадьбы, то они принуждены будут заплатить, капитализируя платимый ими «городу» оброк тоже из 5%, не более не менее как около 50000 рублей.

Все вышесказанное дает нам право сделать следующие выводы.

1) *Положение большинства городского населения требует радикальных преобразований в городском устройстве*. Если оставить городское устройство в его настоящем виде, то обезземеленная масса городского населения неминуемо обратится поголовно в тот бездомный пролетариат, образчики которого и теперь уже в изобилии имеются всюду по городам и известны под именем «босой команды». Нечего и объяснять, насколько желательно, даже с точки зрения сохранения общественного порядка и спокойствия, такое превращение домовитых и зажиточных мещан в бездомных «босяков».

Среди самих мещан господствует убеждение в нецелесообразности существующего городского устройства. Оно и понятно: неприглядная действительность дает чувствовать себя слишком тяжело. Мысль работает над отысканием средств для улучшения положения. И вот мы видим примеры, как мещане начинают легальную борьбу как против дурных сторон современного городского устройства, так и против злоупотреблений городских воротил. Так, в Кадникове все более и более растет стремление к возврату прежних общинных порядков пользования городскою землею[12]. То же самое заметно и в Ставрополе-Кавказском. Здесь, как и во многих других городах, мещане лишились, вместе с землями, мещанских общественных зданий и мещанских общественных капиталов, которые также были отчуждены в пользу «города». Сначала мещане были совершенно ошеломлены этой

экспроприацией. Но затем они мало-помалу сообразили, что можно возвратить кое-что из отнятого. И в настоящее время ставропольское мещанское общество укрепило за собою судебным порядком одно большое здание, в котором теперь помещаются мещанская общественная управа и мещанская богадельня. Затем мещане решились начать иск о возврате им от города ряда лавок, построенного на общественные мещанские деньги и в настоящее время приносящего последнему значительный доход. Тогда испуганные городские воротилы прибегли к следующему довольно некрасивому средству. Было составлено от имени мещан прошение об упразднении мещанского общественного управления, как совершенно бесполезного для мещан ввиду существующего городского управления (!). Прошение это сперва было подписано мещанами, служащими в канцелярии при городской управе, и затем было отправлено путешествовать по кабакам для собирания подписей. Несмотря на такие приемы, подписей было собрано мало и прошение, хотя было подано, осталось без всяких результатов.

Приведенные примеры показывают, что в наших городах идет глухая борьба между мещанами и привилегированным населением, представителями которого являются разные банковые и думские деятели.

2) Пока право на участие в городских делах будет обставлено теми ограничениями, которые существуют ныне в «Городовом положении», до тех пор интересы большинства городского населения будут оставляемы городскими думами в пренебрежении, что ясно доказывается тем, как думы распоряжаются городскими землями.

3) В настоящее время миллионы мещан фактически лишены права на землю, тогда как право это искони принадлежало им и на этом праве основывалось все их благосостояние. Такое лишение чисто имущественного права без всякого вознаграждения и перенесение его с мещанского и купеческого сословия на новую общественную группу «город» едва ли может быть признано справедливым. Городская земля, служащая для миллионов мещан главным и часто единственным источником добычи средств к жизни, не может быть рассматриваема наряду с другими видами городских имуществ. Распоряжение городскою землею должно зависеть не от воли нескольких десятков человек, большею частью прямо не заинтересованных в том или другом употреблении городской земли, а от большинства городского населения, как это и было прежде, до «Городового положения», когда все вопросы, относящиеся до распоряжения городскою землею, решались на сходках горожан.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. «Русский курьер», 1881 г., № 163.
2. «Русский курьер», 1881 г., № 163.
3. Id. № 22-й.
4. «Московский телеграф», 1881, № 299.
5. «Страна», 188, № 118.
6. «Страна», 1881, № 106.
7. «Голос», 1882, № 69.
8. «Русский курьер», 1881, № 196.
9. «Русский курьер», 1882, № 218.
10. «Страна», 1881, № 77.
11. «Русский курьер», 1881, № 54.
12. «Русский курьер», 1881, № 163.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:
Абрамов Я.В. Мещане и «город» // Отечественные записки. — 1883. — № 3. — Отд. 2. — С. 1—21.

ÇÀÁÛÒÎÅ ÑÎÑËÎÂÈÅ

I

Сословие, которому посвящается настоящая статья, является самым многочисленным сословием в России после крестьянства. Сословие это — мещане. Общее количество их исчисляется в 2665841 ревизскую душу мужеского пола и 380 дворов. Переводя это на обыкновенный язык, получим общую численность мещанского сословия примерно в 7 миллионов душ обоего пола. Такая многочисленность мещан, казалось бы, должна привлекать к их положению и быту внимание интеллигентного общества и законодательных сфер. В действительности, однако, имеет место совсем иное: нет другой группы населения, которой литература посвятила бы так мало внимания, как мещанству; интеллигентному обществу положение мещанства, в огромном большинстве случаев, совсем неизвестно; наконец, в законодательном порядке положение мещанства осталось совершенно неопределившимся. Такое пренебрежение условиями быта и нуждами многочисленного сословия, однако, всего менее зависит от того, чтобы мещане благоденствовали и не нуждались во внимании к ним интеллигенции и государства. Напротив, положение мещан — одно из худших, какие только существуют в России.

Было время, когда огромному большинству мещан жилось, сравнительно с их настоящим положением, очень недурно. Это было, надо признаться, дореформенное время. Большинство мещан тогда имело в своем распоряжении городские земли, обрабатывало и получало от земледелия и огородничества все или большую часть необходимого содержания. Не занимавшиеся земледелием и не получавшие всех необходимых средств к жизни от обработки земли имели разнообразные заработки. В городах процветали ремесла. Извозный промысел или занимал мещан непосредственно, или давал хороший заработок в виде содержания постоялых дворов, которых благодаря обширности извозного промысла была масса в каждом городе. Городские промышленные заведения имели рабочими тоже почти исключительно мещан. Наконец, благодаря малому развитию крупной торговли того времени мещане имели хороший заработок и в этой отрасли деятельности. Благодаря всем этим обстоятельствам мещанство жило вполне безбедно, а значительная часть его — и очень зажиточно. С течением времени, однако, все это резко изменилось. «Городовое положение» лишило мещан земли — этого базиса их благосостояния — и сделало ее совсем недоступною для них или доступною за необыкновенно высокую плату. Железные дороги убили извоз и постоялый промысел. Развитие крупной промышленности и машинное производство стеснили до крайности ремесла. К тому же времени масса крестьян, вытесняемых из сел и деревень малоземельем, безземельем, высокими платежами и многими другими причинами, ринулась в сторонние заработки, наводнила города и понизила заработную плату во всех отраслях трудовой деятельности до невозможного minimum'а, на котором мещанство, как имевшее несколько более развитые потребности, сравнительно с крестьянством, и не обладавшее ресурсами в виде деревенского хлеба, не могло удержаться. Таким образом, мещанство было сбито со всех пунктов занимаемой им прежде позиции. В то же время расходы, требуемые жизнью, росли. Городская жизнь быстро дорожала. Предметы первой необходимости поднялись в цене до чрезмерности. За удовольствие жить в городе приходилось платить очень дорого. В 1870 году доходы всех городов России, за исключением Кавказского края, Средней Азии и Финляндии, равнялись 19997000 рублей, а в 1880 году — уже 42563000 рублей. И вся эта громадная сумма, в виде прямых и косвенных налогов, падала на массу городского населения — мещанство. И мещанство страшно обеднело. Там, где особенно сильно была развита какая-нибудь ремесленная специальность — кузнечная, кожевенная, ткацкая, веревочно-прядильная и т.д., — мещане еще доселе стараются не расставаться со своим ремеслом и в нем ищут честных способов существования, работая в своих городах или перекочевывая из деревни в деревню. Но заработок этих тружеников так мал, что существовать на него нет никакой возможности. Можно было бы привести массу цифр в доказательство, но я ограничусь только одним типичным примером. В Кадникове мещанки, занимающиеся шитьем мешков, заготовляемых крупными торговцами для отправки в Рыбинск и другие места, получают с каждого мешка по полкопейки, причем лучшая швея, являющаяся исключением, может сшить 50 мешков в день, а обыкновенные шьют от 15 до 30 мешков; но и этот ничтожный заработок существует не всегда и не для всех, и получившие его считаются счастливицами. То же и в других городах и в других промыслах. Неудивительно, что число мещан-ремесленников с каждым годом уменьшается. Большинство же, не находя заработка на рынке, принуждено пускать в ход свою изобретательность и набрасываться на такие средства приобретения, которые уже граничат с уголовщиной. Масса мещан бросилась в деревни и начала жить эксплуатацией крестьянской бедности и невежества. Отсюда явились знаменитые коршуны, кабачики, шибаи и прасолы — скупщики сырья и т.д. Оставшиеся в городах тоже взялись за кабаки или занимаются *маячничеством* и *маклачеством*, то есть являются непрошеными посредниками между производителем-крестьянином,

привозящим свои произведения на городской рынок, и купцом-промышленником, скупающим эти произведения, и стараются сорвать хоть клок с крестьянина за свое ненужное и насильно навязанное посредничество. Наконец, значительное число мещан принуждено было стать в ряды *босой команды* — этого бездомовного, бесприютного и бессемейного городского пролетариата, которым мы теперь так богаты и который летом еще кое-как перебивается разными заработками, а зимою принужден искать средств для своего жалкого существования в кражах и грабежах, заставляющих, своею все усиливающеюся многочисленностью и дерзостью, стонать наши города[1].

Чтобы показать объективно степень бедственного положения массы мещанства, я приведу несколько цифр. В 1882 году, ввиду предстоявшей отмены подушной подати с мещан, были собраны сведения о недоимках по этому сбору; при этом оказалось, что, несмотря на то, что по высочайшему указу 19 февраля 1880 года была сложена значительная часть недоимок с мещан, в 1881 году числилось, однако, в недоборе: по Виленской губернии — 276% годового оклада, по Гродненской — 150%, по Минской — 143%, по Витебской — 131%, Смоленской — 257%, Уфимской — 123%, Самарской — 141% и т.д. Уже эти цифры достаточно характеризуют положение дел; но не надо забывать, что подушный оклад составлял лишь ничтожную долю повинностей, лежащих на мещанстве, и по всем этим повинностям существуют громаднейшие недоимки. Укажу для примера на Тулу, где недоимка на мещанах по одним общественным мещанским сборам достигает 70000 рублей. Я ничего уже не говорю о тех долговых тягостях, которые мещанство несет вместе с остальным городским населением, как составная часть городской общины, и которые навалены на мещанство городскими думами, без всякого участия в том его самого и даже против его желания и воли.

II

Из того бедственного положения, в котором находятся в настоящее время мещане, для них нет и не может быть никакого выхода, если в их экономическом и юридическом быту не будут произведены радикальные реформы. Мещанство поставлено в самые странные условия, и как составная часть городских общин, и как самостоятельное, самоуправляющееся общество. И в том, и в другом отношении, на Руси положительно нет бесправия, подобного тому, которое тяготеет над мещанством. Это бесправие уничтожает всякую надежду на возможность изменить положение мещан к лучшему. Я именно и займусь рассмотрением этого бесправного положения мещан и вытекающих из него последствий.

«Городовое положение» 1870 года в корень подрезало всякую самостоятельность мещанства и превратило его в бесправную часть городской общины. Это бесправие мещанства выражается как в сфере управления городскими делами, так и в сфере владения городскими имуществами.

До введения «Городового положения», создавшего существующее ныне городское «самоуправление», собственно хозяевами наших городов были: купеческое, мещанское, а в некоторых городах еще и ремесленное сословия. Каждое из этих сословий представляло самостоятельную, самоуправляющуюся общественную группу, а вместе с тем все они соединялись в одно целое в делах общегородских. Все заботы о городском благоустройстве лежали на этих общественных группах, и им же принадлежали все права, которые давало звание члена городского общества. При этом все члены помянутых сословий пользовались полною равноправностью: всем принадлежал равный голос в управлении и все имели одинаковые права в пользовании городскими имуществами. С введением «Городового положения» картина радикально изменяется. «Город», созданный «Положением», не имеет ничего общего с прежнею городскою общиною. Активными членами «города» являются только плательщики *прямых* городских налогов, то есть домовладельцы, платящие сбор с недвижимых имуществ, и торговцы, вносящие промысловый налог. Таким образом, масса мещан, не имеющих недвижимого имения и не ведущих торговли, была выкинута из членов городской общины. Такую же участь потерпели и мещане-домовладельцы, которые по бедности не могут выплачивать городских сборов и состоят недоимщиками. Зато в состав городской общины введены новые элементы — лица, не принадлежащие к прежним городским сословиям, но владеющие недвижимым имуществом в пределах городской черты или ведущие здесь торговлю. Таким образом, состав городских общин радикально изменился, и вместе с тем число активных членов этих общин сильно уменьшилось. Так, например, в Петербурге активные члены городской общины, члены-избиратели, составляют 2%, или с семействами 10% всего городского населения, в Екатеринодаре — 4,2% (с семействами 21%), в Саратове — 5% (с семействами 25%) и т.д. Все же остальное население поставлено в бесправное положение. Кроме того, взаимные отношения членов городских общин также радикально изменились. Вместо прежней равноправности, все активные члены общины разделены на разряды по количеству уплачиваемых налогов, и каждый разряд пользуется одинаковыми правами. Таким образом, например, в Саратове первый разряд избирателей в 73 человека, второй — в 453 и третий — в 5614 человек избирают в думу, ведающую все городские дела, одинаковое число гласных (по 24 от каждого разряда). Таким образом, несколько тысяч беднейших членов общины имеют в думе вдвое менее

представителей, чем несколько сот состоятельных избирателей первого и второго разряда, и благодаря этому управление городскими делами и распоряжение городскими имуществами повсюду всецело перешло в руки небольших кучек богатых домовладельцев и торговцев. Последние, однако, предоставленными им преимуществами не довольствуются и, по мере возможности, стараются еще более уменьшить и без того уже слишком сокращенные права беднейшей части городского населения. Любопытный пример в этом отношении представляет мать русских городов — Киев.

Здесь на более нежели стотысячное население избирателей оказывается всего 3893 человека. Избиратели эти распределяются по разрядам следующим образом: в первом разряде — 96 человек, во втором — 144 человека и в третьем — 3353 человека. Так как каждый разряд избирает по 24 гласных, то выходит, что один гласный приходится на 4-х избирателей первого разряда, на 18 — второго и на 140 — третьего. Казалось бы, что такое положение вещей должно вполне удовлетворять дельцов 1-го и 2-го разрядов. Но они пошли еще дальше и задумали выделить из среды избирателей 3-го разряда наиболее зажиточных, как своих союзников, и наделить их особыми преимуществами пред остальною массою третьеразрядных избирателей. С этою целью избиратели 3-го разряда были разделены на пять групп, причем и здесь была приложена мерка уплаты платежей, и, таким образом, первая группа третьего разряда в 552 человека должна избирать 11 гласных, вторая в 564 человека — 6 гласных, третья в 638 человек — 4, четвертая в 638 — 2 и пятая, самая многочисленная, в 1005 человек — всего 1 гласного. Таким образом, целых две трети избирателей представляются в думе всего 7 гласными, и распоряжение городскими делами отошло к кучке людей, едва составляющих 1% всего городского населения.

Понятное дело, что благодаря такой организации городского представительства ход городских дел направился не только не в интересах массы городского населения — мещанства, но сплошь и рядом в прямую противоположность этим интересам. Прежде всего изменение положения вещей выразилось в повсеместном обезземелении мещан.

Я уже сказал выше, что в дореформенное время правами членов городской общины пользовались купцы, мещане и ремесленники. Самым ценным из этих прав было право пользования городскими землями. Обыкновенно дело устанавливалось так, что право это принадлежало преимущественно мещанству как самому многочисленному городскому сословию и менее занятому специальными занятиями — торговлею и ремеслами. Это-то право и служило краеугольным камнем мещанского благосостояния, так как большинство мещанства жило, главным образом, доходами от земледелия, занимаясь культурою разного рода хлебов, а преимущественно огородных растений: картофеля, капусты и т.д. Способы эксплуатации земли в большинстве тогдашних городов почти ничем не отличались от эксплуатации в деревенских общинах: большая часть земли находилась в непосредственном пользовании у самих горожан *на общинных началах*, и только земли, оказавшиеся лишними или неудобными для горожан, отдавались в аренду. Влияние, которое оказывали такие поземельные порядки на благосостояние мещанства, то есть массы городского населения, было громадное. Каждая мещанская семья имела для своего прокормления достаточное количество продуктов собственного хозяйства. Кроме того, масса таких продуктов продавалась мещанами привилегированным жителям города, а продукты огородной культуры продавались так же или обменивались на хлеб крестьянам соседних местностей. Благодаря тому, что мещане имели свое непокупное сено, каждая семья могла иметь лошадь и держать одну или несколько коров. Молочные продукты шли в пищу самих мещанских семей, а также продавались чиновничьей части городского населения, составляя, таким образом, значительное подспорье в мещанских доходах. Имея лошадь, мещанин мог в течение зимы заниматься извозом. Наконец, периодически повторявшиеся разделы городского леса доставляли мещанам, на известный период времени, даровое топливо и, таким образом, значительно сокращали расход мещанской семьи. Благодаря описанным поземельным порядкам мещане пользовались значительным благосостоянием, которое всецело покоилось на земельном наделе. «Городовое положение», отдав распоряжение городскими имуществами, в том числе и землями, городским думам, способ избрания которых изображен выше, лишило мещан принадлежавшей им земельной собственности и превратило ее в собственность городского фиска. Под предлогом увеличения доходов этого фиска городские думы повсеместно уничтожили городские земельные общины и прекратили бесплатное пользование городскими землями. Городские земли были разделены на участки и розданы в аренду. Вместе с тем городские деятели, по самой своей принадлежности к имущественным классам, нисколько не заинтересованные в благосостоянии массы городского населения, сочли для себя слишком затруднительным иметь дело непосредственно с мещанами-земледельцами и потому стали раздавать в аренду городские земли большими участками, снимать которые мещанам не под силу. Вследствие этого явился класс посредников между городом и земледельцами, берущих у города землю большими участками по 3—5 рублей за десятину и раздающих ее мелкими кусками мещанам по 10, 15 и даже 20 рублей за десятину. Масса мещан, не будучи в состоянии платить таких высоких цен за землю, принуждена была вовсе оставить занятие земледелием; другие сокращают запашки вдвое, втрое (зато явилась обработка городских земель *наемным трудом*). Приходится отказаться и от продажи продуктов собственного земледельческого хозяйства, так как их не хватает для соб-

ственного продовольствия. Недостаток сена заставляет продавать коров или отдавать их на «зимовку» за приплод крестьянам окрестных селений; многим приходится расстаться и с лошадью и, таким образом, лишиться тех доходов, которые доставляла им лошадь. Словом, произошло повсеместное обеднение мещанства. Таким образом, получилась какая-то возмутительная нелепость: для того чтобы благоденствовал городской фиск, оказалось нужным разорить само городское население[2]…

Хотя «нужды и пользы» города, попечение о которых было возложено «Городовым положением» на созданное им городское представительство, всего менее требовали обезземеления и разорения мещан, городские деятели, производя это обезземеление и разорение, все же оставались на *легальной* почве, созданной «Положением». Но так как «Городовое положение» отдало распоряжение городскими делами кучке лиц, имущественный ценз которых всего менее гарантирует их нравственный ценз, то неудивительно, что скоро городские деятели перестали стесняться легальностью в своих действиях и стали пользоваться своим привилегированным положением в личных своекорыстных интересах. Из множества имеющихся в моем распоряжении фактов этого рода приведу один характерный, имевший место в городе Бобринце. Заштатный город Херсонской губернии, Бобринец имеет в своем распоряжении 5 тысяч с лишком десятин пахотной земли. Жители города, за исключением евреев и незначительного числа русских торговцев, — мещане-земледельцы. В 1880 году, перед торгами на городскую землю, дума, в которой торговцы, само собою разумеется, составляют преобладающий элемент, сделала такого рода постановление: жители *планных* мест города (то есть евреи и другие торговцы) на торгах пользуются тем преимуществом перед жителями *запланных* мест (мещане-хлебопашцы), что берут землю *первые*. Таким образом, мещане-хлебопашцы могли воспользоваться только худшей и удаленной от города частью городской земли, которая осталась не разобранной за удовлетворением *неземледельческой* части населения. Значительная часть городской земли очутилась в руках людей различных профессий, не имеющих ничего общего с земледелием: евреи и не евреи торговцы, адвокаты, нотариус, служащие в думе и даже пристав Бобринецкого пригорода — все заполучили участки городской земли. Мещане обжаловали распоряжения думы, как незаконные. В апреле 1881 года, в соседний с Бобринцем город Елисаветград прибыл херсонский губернатор, по случаю бывших в последнем городе еврейских беспорядков. Бобринецкие мещане воспользовались случаем и послали к губернатору двух ходоков из своей среды, с целью ходатайствовать об отмене приведенного выше распоряжения думы. 25 апреля ходоки возвратились от губернатора, а на другой же день на них напали на улице бобринецкие городовые с криками: «Пори их — они вчера только приехали от губернатора!» — и так избили несчастных ходоков, что те навсегда заклялись стоять за общественное дело…[3]

Распоряжаясь городскими землями без всякого внимания к нуждам массы городского населения, а исключительно в своекорыстных личных или классовых интересах, кучка лиц, захвативших в свои руки заведывание городскими делами, распоряжается в том же направлении и прочими видами городских недвижимых имуществ и городскими капиталами. Любопытный образчик в этом отношении представляет город Тула. В этом несчастном городе находится до 20 тысяч так называемых *казюков* (от слова «казенный», так как они потомки оружейников, обязанных в былое время казенной службой при оружейном заводе). Это мастера-кустари, преимущественно самоварщики, оружейники, гармонщики и т.д. Было время, когда не только вся Россия, но даже и Западная Европа была знакома с произведениями тульских мастеров. Продукты, вырабатываемые ими, наполняли собою все рынки; спрос превышал предложение, и казюки пользовались благосостоянием. Но затем мало-помалу положение дел изменилось. Невежественные тульские мастера не имели возможности следить за усовершенствованиями техники, за возрастающими и изменяющимися потребностями и развивающимся вкусом потребителей. Они по необходимости держались традиционных форм и приемов раз навсегда определившегося производства и не делали шага вперед. Неудивительно, что они должны были уступить почву произведениям крупных заведений и заграничных мастеров, пользовавшихся всеми указаниями техники и умевших более приспособиться к потребностям времени. Запрос на тульские произведения пал. Пало и благосостояние казюков. Началась ужасная конкуренция между мастерами из-за оставшегося спроса. Каждый мастер старался сделать заказ как можно дешевле, отчего естественно страдало достоинство изделий и что подорвало всякое доверие к тульским произведениям. Значительным подспорьем для казюков служили работы на местном казенном оружейном заводе. Но теперь с каждым годом работы эти сокращаются, и с каждым годом число мастеров, соперничающих друг с другом из-за куска хлеба, все увеличивается. Нужда, парящая между казюками, просто не поддается описанию. Нужно самому видеть положение этого трудолюбивого и не без технических способностей люда, чтобы понять весь ужас такого положения. Чтобы помочь казюку, нужно дать ему технические знания, познакомить его с черчением и рисованием и развить в нем эстетический вкус. Тогда явилась бы возможность для казюка усваивать всякое изобретение и усовершенствование в области производства и придавать своим произведениям изящный вид, требуемый потребителем. Лучшие люди Тулы давно это сознали и положили начало капитала, необходимого для устройства ремесленного училища со специальною программою, соответствующею потребностям местного производства. Капитал этот уже три года тому достиг суммы в 73 тысячи, то есть уже по-

лучилась возможность устроить училище. Но так как капитал этот, как и все городские капиталы, находится в распоряжении думы, то и никакого училища не устраивается, да, вероятно, и не будет никогда устроено. И это совершенно понятно: тульским городским деятелям нет ровно никакого дела до благосостояния массы населения, и они предпочитают держать училищный капитал в городском банке, интересы которого им, само собою разумеется, ближе и понятнее.

Положение дел в Туле ровно ничем не отличается от положения дел во всяком другом городе. Везде насущнейшие интересы массы городского населения оставляются думами в полном пренебрежении. Везде заботы городских деятелей о беднейшей части городского населения, мещанстве, ограничиваются исключительно аккуратным взысканием городских налогов, причем, в случае несостоятельности мещан к уплате этих налогов, деятели не останавливаются и перед продажей жалких мещанских пожитков. Даже внешнее благоустройство городов, на которое с гордостью указывают защитники настоящей организации городского управления (прежде этого не было!), имеет место исключительно в центральных частях городов, занятых наиболее зажиточною частью населения. В предместьях же, «слободах», «сторонах», разных «ярах» и «кутках», где сосредоточена масса городского населения, ровно никакого благоустройства не полагается: здесь нет ни освещения, ни мостовых, ни водопроводов, ни полиции, словом, как никакого благоустройства не было в дореформенное время, так нет ничего и теперь, и десятки миллионов, собираемых ежегодно с городского населения, тратятся совершенно без всякой пользы для него.

Страдательное положение массы городского населения, при настоящем устройстве городского управления, объясняет нам, почему жители богатых сел страшно боятся превращения своих поселений в города. И страх жителей вполне понятен и совершенно основателен: теперь они являются хозяевами своих поселений, а тогда превратятся в бесправных плательщиков налогов. Что именно такая судьба ждет население в городах, это отлично понималось населением еще при самом введении «Городового положения». Так, когда в 1871 году происходило превращение селения Иванова и посада Вознесенского в город Иваново-Вознесенск, обыватели села были крайне обескуражены. «Независимо от бед, ниспосланных Богом, — писал тогда один обыватель, — жителей селения Иванова ожидает еще беда, *и едва ли не большая, чем холера и лесные пожары с неурожаем.* Эта беда — соединение селения Иванова с Вознесенским посадом в одно городское общество»[4]. Последствия вполне оправдали резкость выражений обывателя. Надо заметить, что во многих богатых селах существуют партии, жаждущие превратить свои поселения в города. Это наиболее зажиточная часть населения, богачи, которым городское устройство крайне выгодно, так как отдает в их полное распоряжение заведывание местными делами. Но масса населения везде против этого производства сел в чин города. В таком положении дела находятся в таких селах, как Беково, Павлово, Кривой Рог и т.д. В последнем селе, например, пришлые торговцы обратились недавно с ходатайством о превращении села в посад и пустили даже маленькую агитацию в пользу этого ходатайства в печати. Было бы, однако, желательно, чтобы подобные ходатайства, как явно противные интересам и желаниям массы населения, оставались без удовлетворения.

Любопытный образчик борьбы населения за сохранение своей самостоятельности представляет столкновение петербургского пригорода Охты с Петербургскою думою. Благодаря своей независимости от последней Охта обстроилась, вымостилась, обзавелась богадельнею, скопила себе изрядный капитал и соорудила пристань для хлебных судов и амбары для склада в них грузов. Несмотря на непосредственное соприкосновение с Петербургом, жизнь здесь очень дешевая и население живет зажиточно. Но вот на самостоятельность пригорода стала делать покушения Петербургская дума. Охтяне страшно встревожились. Понятно, что для них крайне невыгодно присоединение к Петербургу, так как на них тогда падут громадные петербургские городские налоги, и к тому же они лишаются всякой самостоятельности в делах внутреннего устройства своего пригорода. Спор, начавшийся со времени введения «Городового положения», длился долго и только в настоящем году решен государственным советом, в пользу самостоятельного существования пригорода.

III

Находясь в совершенно бесправном положении, как составная часть городской общины, мещанство является таким же бесправным и как самостоятельное самоуправляющееся общество. Мещанское самоуправление обставлено самыми странными условиями. Начать с того, что в «Городовом положении», уничтожившем прежнее городовое устройство и взаимное отношение его отдельных частей и создавшем новое городское самоуправление, организации мещанского самоуправления посвящено всего 7 статей (14—20) приложения к 6-му пункту 2-й статьи «Положения». Эти семь статей приложения к пункту статьи «Положения» определяют способ приписки к мещанским обществам, порядок выдачи паспортов, наряд понятых, утверждение приговоров об отпуске мещанскому старосте денег на канцелярские расходы, способ созвания мещанских сходов, порядок жалоб на неправильности при мещанских выборах и порядок утверждения выборов мещанских старост — и только.

Затем другие законоположения, относящиеся к мещанскому обществу, раскиданы в разных томах и отделах свода законов — в уставе о выборах, в законах о состояниях, в гражданских законах, в общих положениях о губернских учреждениях и т.д. Но все эти законоположения касаются лишь частностей и мелочей мещанского общественного устройства и притом нередко находятся в несоответствии, а иногда и в прямом противоречии со статьями «Городского положения», каковое несоответствие законов, изданных в разное время, остается до сих пор несоглашенным. Важнейшие же стороны мещанского устройства и управления остались без всякого законодательного нормирования, что привело к целому ряду недоразумений, принесших мещанству большие ущербы и страдания.[5]

Отметим, прежде всего, отсутствие законодательного нормирования взаимных отношений мещанского общественного управления и городского, мещанского общества и городской общины. Составители «Городового положения» имели в виду совершенно изъять мещанское общественное управление из заведывания городского управления[6], но так как городское и общественное управления функционируют на одной и той же территории, а в ведении последнего находятся лица, подчиненные и первому, наконец, то и другое соприкасаются на тысячах пунктов, то, очевидно, одного указания на изъятие мещанского управления из ведения городского было слишком недостаточно, и нужно было строго определить взаимные отношения того и другого. К сожалению, этого-то и не было сделано до сих пор.

Неопределенность отношений мещанского общества и городского управления привела к тому, что в первое время по введении «Городового положения» почти всюду мещанские общества попали в полное подчинение городскому управлению. Представитель последнего, городской голова, распоряжался действиями мещанского управления, вмешивался в дела мещанского общественного устройства и вообще играл роль начальника мещанского общества. Самостоятельность последнего была совершенно фиктивная. Мещанское управление не могло ничего предпринять без утверждения городской управы. Мещанские сборы собирались вместе с городскими налогами, мещанская касса не отделялась от городской, и из мещанских доходов сплошь и рядом удовлетворялись расходы, лежавшие на городском управлении. Так, на общество мещан города Ставрополя-Кавказского с 1875 по 1878 год были совершенно неправильно взвалены расходы по содержанию городской обывательской почты и половинная часть расходов по возке этапа и поставке подвод для проходящих войск, каковые расходы возложены законом на общегородские средства. Эти неправильно возложенные на мещанское общество расходы стоили последнему почти 12 тысяч рублей, то есть суммы очень значительной для мещанского общества, крайне ограниченного в источниках своих доходов и имеющего весь годовой бюджет всего в 15 тысяч. Небезынтересны также факты, имевшие место в городе Вязьме. Здесь один городской голова забрал из «неприкосновенного», продовольственного мещанского капитала, *хранившегося в городской управе,* 993 рубля на свои личные коммерческие операции; другой голова, наследник первого, состоя агентом банкирской конторы Крапоткина и К° (в Москве), послал в эту контору помянутый неприкосновенный капитал (4000 рублей), но так как контора Крапоткина обанкротилась, то и «неприкосновенный» капитал исчез бесследно. Факты эти ясно показывают, какою самостоятельностью пользовались мещанские общества по введении «Городового положения». Такое положение дел вызвало в период 1877—1878 годов ряд циркулярных распоряжений министерства внутренних дел, категорически воспрещавших вмешательство городского управления в дела мещанского общества. Эти циркуляры действительно в значительной степени избавили мещанские общества от опеки городского представительства, но так как все-таки не было точно определено, где оканчиваются городские дела и начинаются мещанские, то положение мещанских обществ мало улучшилось.

Всего больнее отозвалась на мещанах неопределенность взаимных отношений мещанских обществ и городских общин в вопросе о городских и сословных имуществах и капиталах. Мы уже видели выше, что мещане были лишены всякого участия в пользовании городскими имуществами и капиталами. Но в дореформенных городах, кроме капиталов и имуществ городских, то есть принадлежавших всем городским сословиям вместе, были еще капиталы и имущества (здания и земли) сословные, принадлежавшие какому-либо отдельному сословию — купечеству, мещанству или ремесленникам. Тотчас же по введении «Городового положения» городские деятели пожелали заполучить в свое ведение и сословные имущества, чему сословия, конечно, воспротивились. Так как в «Городовом положении» для решения этого вопроса не было никаких данных, то понадобилось особое правительственное разъяснение. Разъяснение это появилось в 1873 году[7]. В разъяснении было указано на то, что дореформенная городская дума заведовала всем, что было принадлежностью целого городского общества или соединенных сословий оного. Из этого порядка заведования были изъяты только капиталы и имущества, принадлежавшие не совокупности этих сословий, а которому-либо из них в отдельности, для чего было допущено образование особых сословных учреждений: отдельно для купцов, отдельно для мещан и отдельно для ремесленников. Затем, с устройством общественного управления на началах «Городового положения», не создано ни нового городского общества, ни новых городских учреждений (?), а лишь расформированы они таким образом, что в состав общества введены новые элементы, не бывшие в нем прежде, и устранен сословный его характер...

Отсюда не остается никакого места сомнению в том, что преобразованные по «Городовому положению» городские учреждения должны получить в свое заведование безраздельно все те имущества и капиталы, коими, как городскими общественными, заведовали общественные управления в прежнем их составе и *которые составляли доселе собственность городских сословий, взятых вместе, а не одного которого-либо из них в отдельности*. Таким образом, этим разъяснением было точно указано, что реформенные городские управления имеют право получить в свое заведование только те городские имущества и капиталы, которые в дореформенных городах принадлежали всем городским сословиям вместе, и не имеют никаких прав на капиталы и имущества, составлявшие собственность отдельных сословий. Однако благодаря полному отсутствию законодательного нормирования прав мещанских обществ, мещанские имущества и капиталы были почти всюду захвачены городскими управлениями. Дело дошло до того, что, например, городское управление Ставрополя-Кавказского, захватив мещанское имущество в виде корпусов торговых лавок, сослалось в подкрепление своих притязаний на вышеприведенное правительственное разъяснение 1873 года! Ввиду типичности этой истории, повсеместного вторения аналогичных фактов и, наконец, общей важности для мещанства вопроса о сословных имуществах, я остановлюсь на указанном факте несколько долее.

В 1857 году общество ставропольских купцов и мещан, приговором от 14 июня, постановило построить корпус лавок на купеческие и мещанские добровольно-складочные суммы. Лавки строились в течение 1857—58 годов. Деньги были добыты путем добровольного сбора, и, кроме того, 3000 рублей были заняты мещанским и купеческим обществами. В 1859 году лавки эти приговором общества были разделены на две части: одна должна была находиться в распоряжении мещанского общества, другая — в распоряжении купеческого. Доходы с мещанских лавок предназначались на арендование земли для раздела между членами мещанского общества, на покупку имуществ, доходы которых могли бы употребляться на вспомоществование бедным мещанам, на уплату за них податей и на ссуды хлебом; доходы с купеческих лавок должны были идти на устройство какого-либо общеполезного заведения. В 1870 году мещанское и купеческое общества постановили приговор о постройке нового корпуса из 11 лавок на доходы от прежде выстроенных лавок, с тем чтобы 6 новых лавок принадлежали мещанскому обществу, а 5 — купеческому. Наконец, в 1871 году было решено построить еще большой корпус лавок на Александровской площади, на средства из доходов прежде выстроенных корпусов и на занятие из городского банка 15000 рублей; в действительности, сообразно с расширением первоначального плана постройки, было занято 49000 рублей

Таким образом, возникли в Ставрополе-Кавказском значительные имущества. О размере их можно судить по тому, что одна мещанская часть в 1878 году дала 9571 рубль дохода, то есть ровно две трети бюджета ставропольского мещанского общества. Как мы видели, корпуса были выстроены исключительно на сословные средства; городских денег на постройку не было употреблено ни копейки. Сами лавки были разделены между купеческим и мещанским обществами и записаны в городовую обывательскую книгу отдельно за тем и другим. Счет доходам с мещанской и купеческой частей лавок велся отдельно, и назначение мещанских и купеческих доходов было различное. Таким образом, все данные указывают на то, что пред нами специально-сословные имущества именно такого рода, которые не должны перейти в ведение реформированного городского управления по правительственному разъяснению 1873 года.

Между тем Ставропольская городская дума постановлением от 30 июня 1878 года решила отобрать от мещанского общества принадлежавшие ему лавки, как якобы городские, причем дума ссылалась именно на разъяснение 1873 года, которое будто бы давало ей право на владение помянутыми лавками. Постановление это было немедленно приведено в исполнение, и лавки у мещанского общества отобраны. При этом нельзя не отметить одного странного обстоятельства. Если бы спорные лавки и действительно были «городскими» и владение ими мещанским обществом действительно нарушало право «города», то и тогда восстановление прав города, по закону, могло бы быть произведено не иначе, как при посредстве суда. Между тем в данном случае ничего подобного не было. Городское управление просто само, собственною властью, отбирает у мещанского общества лавки и, таким образом, без всякой церемонии нарушает законы, по которым всякий иск может быть обращен к исполнению только по постановлению суда. Аналогичные факты мы увидим ниже. И это вопиющее самоуправство городского управления не обратило на себя ни малейшего внимания лиц, на обязанности которых лежит наблюдение за исполнением законов. Удивительно вообще, как просто можно делать у нас дела!..

Понятное дело, что ставропольское мещанское общество осталось недовольно самоуправным отобранием у него принадлежавшего ему имущества и решилось искать восстановления своих прав судебным порядком. Ставропольский окружной суд, куда мещанское общество обратилось с иском к городскому управлению, в иске отказал на том основании, что *мещанские общества владеть недвижимыми имуществами не имеют права*. К такому заключению суд пришел, основываясь на статьях 414 и 698 т. X, ч. I, свода законов гражданских, изд. 1857 года.

Ст. 414 указывает разные роды общественных имуществ, признаваемые законом. О мещанских общественных имуществах здесь не упоминается, но зато во 2-м пункте указываются «имущества,

городским обществам принадлежащие». В ст. 698 указывается, кто может приобретать права на имущество; здесь о мещанских обществах опять нет ни слова; но в пункте 4-м снова упомянуты *городские общества*. Таким образом, на то, чтобы мещанские общества имели право владеть имуществом, прямых указаний нет, как нет указаний на такое же право обществ купцов и ремесленников. Между тем мещанские, купеческие и ремесленные общества всегда владели, а во многих городах и доселе владеют недвижимыми имуществами. Выходит, таким образом, что владение это совершенно незаконное.

Но вот вопрос: о каких «городских обществах» упоминается в 414 и 698 статьях? Ставропольский окружной суд истолковал эти выражения в том смысле, что они относятся к существующим ныне городским автономиям. Но суд забыл, что существующие ныне городские бессословные общины организованы в 1870 году, а статьи 414 и 698 редактированы в 1857 году, когда никто не мог даже предвидеть возможности появления такого коллектива, каким является нынешний «город». Ясно, что выражения «городские общества» в помянутых статьях могут относиться только к обществам, существовавшим в дореформенных городах, а такими обществами являются купеческое, мещанское и ремесленное сословия. Таким образом, оказывается, что сословные общества имеют законное право владеть недвижимыми имуществами и толкование Ставропольским окружным судом статей 414 и 698 было только софистикой, к которой суд прибегал в угоду городскому управлению.

Любопытно, что тот же окружной суд, по другому делу ставропольского мещанского общества, высказал прямо противоположные воззрения на право мещанского общества владеть недвижимым имуществом. Под помещение мещанской богадельни мещанское общество приобрело в 1880 году на торгах дом, продававшийся за долги приказу общественного призрения. Торги эти утверждены наместником кавказским. В 1881 году под двор к упомянутому дому городская дума подарила мещанскому обществу кусок городской земли. Старший нотариус, именно основываясь на упомянутых 698 и 414 статьях, не утвердил дарственной записи. Дело перешло в окружной суд, и суд сентября 22-го 1882 года утвердил за мещанским обществом и дом и землю. Высказавшись так категорически в пользу права мещанского общества владеть недвижимым имуществом, тот же суд вслед за тем отказал тому же мещанскому обществу в иске о лавках на том основании, что мещанское общество не имеет права владеть недвижимым имуществом.

Подобная несообразность, очевидно, могла иметь место только потому, что в законе не выражено ясно и категорически право мещанских обществ владеть имуществами, как это сделано, например, относительно земства. Этим же законодательным пропуском только и можно объяснить то обстоятельство, что приговор Ставропольского окружного суда утвержден Тифлисскою судебною палатою, куда дело переносилось по жалобе мещанского общества. В настоящее время дело это находится в сенате, от которого и зависит разъяснить закон и восстановить нарушенное право мещанского общества.

Я остановился так долго на этом частном случае именно ввиду повсеместности подобных фактов. Почти всюду мещанские общества лишены принадлежавших им имуществ и, не имея поэтому для удовлетворения возложенных на них расходов никаких источников, кроме обложения своих членов, несут непосильные налоговые тягости. Я уверен, что благоприятное решение сената по делу ставропольских мещан с «городом» вызовет целый ряд аналогичных процессов по всей России.

Как ни печальны случаи захвата городскими управлениями имуществ, принадлежащих мещанским обществам, все же в данном случае мещане могут питать хоть надежду (может быть, и фиктивную) на то, что их права будут восстановлены судебным порядком. Но когда дело касается имуществ, принадлежащих не целым мещанским обществам, а их частям, то и указанной надежды почти не может быть. Подобные имущества, принадлежащие частям мещанских обществ, существуют во многих городах, и повсюду городские управления стремятся завладеть ими. Укажу для примера на Тулу. Здесь есть небольшой выгон, пространством около 8 десятин, издавна принадлежавший обществу местных оружейников. С давних пор этим выгоном пользовались беднейшие из семейств оружейников, выгоняя туда свой скот. «Город» не предъявлял претензии на выгон вплоть до 1883 года; тогда «город» сдал этот клочок земли, как бы свою собственность, в арендное содержание купцу Беляеву. Но едва последний успел вспахать две десятины, как громадная толпа окрестных жителей, преимущественно жены и матери оружейников, выступили энергично против такого незаконного захвата их имущества, требуя немедленного удаления пашущих. Благодаря вмешательству начальника губернии выгон остался пока за оружейниками, но окончательное решение дела едва ли будет в их пользу. Приведу еще более любопытный пример.

В начале XVII столетия,[8] при основании Хоперской крепости, обязательно переселенному туда населению была пожалована земля с лесом около 5000 десятин. Земля эта находится при городе Новохоперске, и ею с тех пор владеют потомки первых переселенцев, составляющие часть городского общества, под названием *старожилов*; последние пользовались и распоряжались землею на праве общинном, совершенно независимо от остального городского общества. Еще в начале настоящего столетия об означенной земле был спор между старожилами и дореформенным сословным городом; спор этот был окончательно решен в 1812 году в пользу старожилов правительствующим сенатом.

По введении «Городового положения» старожилы продолжали владеть и пользоваться своею землею на прежних основаниях, для чего имели свои особые собрания, ни в какой связи с общим городским представительством не стоявшие. В 1873 году возник вопрос о том, составляют ли старожилы в отношении сказанной земли отдельную общественную единицу или они входят в состав городского общества, то есть попросту вопрос о том, можно ли городскому управлению отобрать землю у старожилов или нет. Вопрос этот был внесен на разрешение министерства внутренних дел, но разрешения до сих пор не последовало, и общинные порядки на старожильских землях существовали до последнего времени. Но вот в октябре 1880 года Новохоперская городская дума постановляет отобрать у старожилов землю и передать ее в ведение города. Вследствие протеста губернатора это постановление было отменено губернским по городским делам присутствием, которое нашло, что город не может самовольно отбирать старожильскую землю, а со своими претензиями на эту землю должен обратиться к суду. По жалобе города, дело перешло в сенат, который отменил постановление губернского по городским делам присутствия на том основании, что присутствие не имеет права вмешиваться в распоряжения думы, касающиеся имущественных интересов частных лиц. Сенат в этом случае основывался на ст. 148 «Городового положения», которая гласит: «Частные лица, общества и установления, в случае нарушения их гражданских прав действиями городского общественного управления, имеют право иска на общем основании», — то есть могут, если хотят, добиваться восстановления своих нарушенных прав судебным порядком. Жаль только, что сенат не порекомендовал того же пути действий Новохоперской городской думе. Между тем последняя в сентябре 1881 года вновь постановила отобрать у старожилов землю в пользу города; но губернское присутствие опять отменило это распоряжение думы, ссылаясь на то, что вопрос, кому должна принадлежать земля, может быть разрешен только судом; сенат во второй раз отменил постановление присутствия. Наконец, городская дума в третий раз постановила отобрать землю у старожилов, и на этот раз губернское присутствие уже вмешиваться не стало. И вот, 15-го сентября 1883 года городская управа привела в исполнение распоряжения думы: уполномоченный от города *в сопровождении полицейского чиновника* объявил старожилам, что земля их отходит к городу, и на другой же день на этой земле был поставлен от города караул.

Здесь, как видит читатель, мы имеем дело с таким же самоуправством городского управления, как и в приведенном выше деле ставропольских мещан. Новохоперская дума, конечно, может иметь притязания на то или другое имущество и делать постановления о восстановлении ей прав на это имущество, если такие права она считает нарушенными. Но, сделав постановление об отобрании земли, дума должна была обратиться в суд и просить о восстановлении своих прав, и только на основании решения суда могло произойти отобрание земли, и притом только указанным в законе порядком. Между тем Новохоперское городское управление самоуправно отбирает у старожилов землю, и в этом самоуправстве ему оказывает содействие полиция! И тогда как самоуправство городского управления остается безнаказанным, старожилы ни за что ни про что должны подвергнуться целому ряду лишений и страданий.

В самом деле, что должны делать старожилы, которых насчитывается до 400 семей, чтобы получить обратно землю, которую у них самоуправно отобрало городское управление и без которой они должны обратиться поголовно в нищих и пролетариев? Последовать примеру городского управления, то есть отобрать землю самоуправно назад они не смеют, так как знают, что это им не обойдется так же безнаказанно, как обошлось городскому управлению. Остается обратиться в суд. Но тут с первых же шагов старожилов постигает целый ряд неприятностей и лишений. Старожилы не представляют собою общества, установленного законом, коллективной личности, юридического лица; они являются простою совокупностью лиц, владеющих землею на праве общей собственности. Они не могут, поэтому, общественным приговором уполномочить одно или нескольких лиц из своей среды для защиты своих интересов; каждому из них пришлось выдавать доверенному особое полномочие, засвидетельствованное нотариусом. За каждую доверенность они заплатили нотариусу по 2 рубля, да гербовая марка стоила 60 копеек. Таким образом, одно совершение доверенностей для ведения процесса с городом должно обойтись старожилам около 1000 рублей. А сколько будут стоить копии, сколько уйдет на уплату гербовых пошлин, сколько придется заплатить адвокату и во что вообще обойдется судьбище? И есть ли хоть какая-нибудь надежда на выигрыш дела, при полном отсутствии законодательного нормирования отношений «города» к составным его частям и при существующем пренебрежении к интересам мещанства?...

Лишенные тем или другим путем принадлежавших им имуществ, мещанские общества, как самоуправляющиеся единицы, влачат в настоящее время самое жалкое существование. Лишенные всяких источников дохода, кроме личного обложения своих членов — источника крайне ограниченного, вследствие поголовной бедности, и с каждым годом все более и более иссякающего, мещанские общества не имеют никакой возможности проявить живую, активную деятельность. Взаимопомощь, поддержка и призрение слабых, немощных и престарелых, разные общеполезные мероприятия и учреждения — словом, все то, что придавало прежде цену мещанскому самоуправлению, ныне исчезает или уже исчезло. Орган мещанского самоуправления, мещанские управы, превратились мало-помалу в

простые канцелярии, ведающие выдачу мещанам паспортов и производящие с них сборы, необходимые для покрытия обязательных расходов. Самые сборы эти делаются с каждым годом все тяжелее и ведут к накоплению громаднейших, неоплатных недоимок за отдельными мещанами. Здесь мы снова имеем дело с одним из проявлений мещанского бесправия, на котором следует остановиться.

Законом предоставлено мещанским обществам одно очень важное право, по которому новые члены могут входить в состав мещанского общества только с согласия самого общества. Право это, однако, обставлено такими ограничениями, которые сводят его к нулю. Именно, по ст. 522 IX т. зак. о состояниях, к мещанским обществам могут приписываться, без их согласия и даже против их воли, питомцы воспитательного дома, законные дети, воспитанные в сиротских домах, незаконнорожденные дети, сыновья вольноотпущенных жен и дев, иноверцы и тептяри, принявшие христианскую веру, дети церковнослужителей, не имеющие прав высшего состояния, дети канцелярских служителей, служители, исключенные из придворного ведомства, разного звания люди, к городам не принадлежащие, ссыльные, которым указом 22 июня 1837 года дозволено возвратиться во внутренние губернии, лица, исключенные из цеха вольных матросов, и раскольники, переселившиеся или сосланные в Закавказский край. Кроме того, казенным палатам предоставлено право — лиц, не имеющих какой-нибудь оседлости, ни родства, ни близких, не избравших рода жизни, высылать для приписки в мещанские общества, не испрашивая согласия последних. За таких насильно приписанных членов мещанские общества должны отвечать по уплате государственных и общественных повинностей, за лечение их в больницах, за доставление этапным порядком и т.д. Все это большею частью голытьба, опустившиеся босяки, ничего не имеющие и ни к чему не способные. Никаких повинностей они никогда не платят, и вся тягость числящихся на них платежей всецело падает на общество, к которому они насильно приписаны. Между ними масса стариков, больных, немощных, особенно много отставных солдат, и все эти расслабленные большею частью лежат в больницах и богадельнях и накапливают за лечение громадные долги, которые затем взыскиваются с мещанских обществ. Большая часть этих казенно-приписных членов мещанских обществ немедленно после приписки скрывается неизвестно где и бродяжничает по всей России, пока их полиция снова не арестует и не доставит в место приписки, причем расходы по доставке взыскиваются опять-таки с мещанского общества. Словом, здесь мы имеем дело с явлением, совершенно невероятным и диким. Навязывают мещанскому обществу вовсе не желательных ему членов и потом заставляют оплачивать за них громадные расходы. И с каждым годом число этих насильно приписанных членов в мещанских обществах увеличивается. Особенно тяжело приходится некоторым мещанским обществам, поставленным в этом отношении в особенно неблагоприятные условия. В таком положении находится, например, шлиссельбургское мещанское общество. Положение Шлиссельбурга близ Петербурга привело к тому, что все безродные, не избравшие рода занятий и т.п., арестованные в столице, препровождаются в Шлиссельбург и приписываются к здешнему мещанскому обществу. В течение, например, двух лет, 1880 и 1881 годов, шлиссельбургское мещанское общество приобрело таких приписных членов 1600 душ мужского и 1300 женского пола. Вообще в шлиссельбургском мещанском обществе числится около 12500 членов, но из них на месте живет не более 500 человек; остальные 12000, в том числе 3250 женщин и 2700 отставных нижних чинов, болтаются без паспортов по всей России. Несчастным 500 коренным членам шлиссельбургского мещанского общества приходится, таким образом, выносить на своих плечах повинности за 12000 человек, которых они часто и в глаза не видали, платить за них больничные расходы, за доставку их по этапу и т.д. Не удивительно поэтому, что мещанские общества нередко оказываются несостоятельными к уплате налагаемых на них платежей, и тогда эти платежи взыскиваются экзекуционным порядком. Такие экзекуционные взыскания имели место, например, в Ставрополе-Кавказском, в Самаре и других.

Таково положение мещанского общества как самостоятельной, самоуправляющейся единицы. Отличительная черта этого положения — полное бесправие. Отношения мещанского общества к «городу» совершенно не определены, и «город» может делать с мещанским обществом все что угодно. Неизвестно даже, представляет ли мещанское общество юридическое лицо и имеет ли оно право владеть имуществом. Мещанские общества лишены всяких источников доходов, и в то же время на них налагаются непосильные податные тягости. Все это отзывается на положении мещанства самым гибельным образом.

IV

Описанное печальное положение мещанства как составной части «города» и самостоятельного общества привело к тому, что мещане попали в полную зависимость от городского управления. Последнее может буквально казнить и миловать мещан и вообще распоряжаться самым их существованием. Эта зависимость мещан от городского управления наглядно выступает *в усадебном вопросе.*

Существующие ныне «города» возникли не ad hoc, а образованы из существовавших ранее поселений. Таким образом, городские усадебные места заняты жителями несравненно ранее, чем

возникли города, и со времени этого занятия прошли десятки и более земских давностей. И тем не менее усадебные места оказываются собственностью не хозяев усадеб, а городов.

Здесь мы имеем дело с одним из тех многочисленных на Руси явлений, в которых ровно ничего понять нельзя. Казалось бы, раз существует закон земской давности, он должен применяться и к владению городскими усадебными местами. Но этого почему-то нет, и городские усадебные места оказываются принадлежащими городам. Хозяева усадеб должны выкупать у «города» занятые ими усадебные места, а там, где выкуп не производится, им постоянно приходится бояться, что «город сгонит их с занятых мест».

Условия выкупа определяются городскими думами. И здесь-то масса населения оказывается в полном распоряжении городских деятелей. Городские думы, как составленные, главным образом, из представителей малочисленной, но наиболее зажиточной части городского населения, нисколько не заботятся о том, как отразится выкуп на массе этого населения, и преследуют только одну цель — увеличение доходов городского фиска. Отсюда выкуп городских усадеб повсюду производится на чрезвычайно тягостных условиях. В центральных частях больших городов, где усадебные места и устроенные на них здания служат источником доходов, тягость выкупа перелагается на жильцов и съемщиков промышленных и торговых заведений, в отдаленных же кварталах и в мелких городах, где усадьбы служат только местом жительства хозяев и где живет беднейшее население, выкуп падает всецело на хозяев усадеб. При этом «город» по отношению к массе населения является таким же бессердечным «хозяином», знающим только свои собственные интересы и не обращающим никакого внимания на интересы жильцов, как и разные Касперовы, Потоцкие, Гагарины и другие, владеющие на правах частной собственности населенными местечками. Любопытный образчик таких бессердечных отношений представляют отношения «города» Киева к предместьям Соломенке и Протасову Яру: «город», платя в казну около 15 рублей оброку за 29 десятин казенной земли, занятых названными предместьями, берет с обитателей этих предместий 2128 рублей арендной платы (не считая оценочного сбора); вместе с тем «город» хлопочет о предоставлении ему права выкупа у казны означенной земли, принимая за основание платимый ныне городом оброк казне, с тем чтобы заставить обитателей предместья выкупать свои усадьбы уже от «города», тоже на основании платимого ими ныне громадного оброка.

Введя выкуп за существующие уже усадьбы, городские управления отводят землю под новые усадьбы только за плату. Плата эта назначается или по таксе, обыкновенно очень высокой, или чаще с торгов, причем цены на усадебные места поднимаются еще выше. В результате такого положения вещей получилось печальное явление, состоящее в том, что пространство, занятое городскими усадьбами, расширяется далеко не пропорционально увеличению числа городских жителей, то есть происходит *скучение* городского населения. Какое значение имеет это явление в жизни городского населения, об этом я не буду распространяться, как о вещи, более или менее общеизвестной. Иногда эта скученность делается совершенно невыносимою для населения, и тогда становятся возможными такие факты, как возникновение *Нахаловки* в Ростове-на-Дону.

В 1882 году один из ростовских жителей выстроил самовольно дом на принадлежащем городу пустопорожнем месте. Факт этот каким-то образом прошел совершенно незамеченным городским управлением. Примеру первого смельчака последовали некоторые другие бездомные граждане Ростова, и мало-помалу пустопорожнее место стало быстро заселяться, что уже, конечно, не могло остаться незамеченным. Городская управа решилась остановить дальнейшую застройку местности. Были поставлены от управы сторожа, и приглашена для содействия им полиция. Однако, несмотря на приставленную стражу, местность продолжала заселяться и застраиваться новыми постройками. Препятствия, выставляемые городскою управою, всячески обходились. Были случаи, что к сложенному материалу для будущей постройки приставлялись караульные или полицейские, но новые поселенцы нашли способ обходить и это. В известном месте заготовлялся материал так, чтобы только привезти его и сложить хату. Ночью нанимался десяток-два ломовых, складывался материал, бесшумно подвозился к намеченному для застройки месту, где уже ожидали плотники, и по мере прибытия материала складывался дом. Таким образом, несмотря на все препятствия со стороны городской управы, постройки с каждым днем росли, как грибы. И таким образом образовалась «Нахаловка» (так окрестил народ это местечко), имеющая до 850 домов и 8—10 тысяч населения. Явление это не новое даже в истории Ростова, так как здесь в начале 70-х годов таким же образом была захвачена земля за Темерником и местность, известная под названием «Богатый источник», на которых в сложности стоит в настоящее время до 1500 домов.

Ростовское городское управление, истощив бывшие в его распоряжении меры противодействия заселению Нахаловки, не решилось прибегнуть к крайней мере — снесению нового поселения. Оно ограничилось тем, что переименовало Нахаловку в Новостоевку, обложило население ее арендным сбором за землю и объявило нахаловцам, что земля, самовольно занятая ими, никогда не будет отчуждена им в собственность. Таким образом, положение Нахаловки — самое ненадежное, и само существование ее всецело зависит от того или иного состава городского представительства: при достаточно решительном и бессердечном составе городской думы целое поселение с десятитысячным населением может быть снесено без всякой церемонии.

К сожалению, в таком же положении находится и масса коренного городского населения там, где усадебная земля им не выкуплена. В этом случае существование целых кварталов зависит исключительно от благоволения городских заправил, которые всегда могут снести эти кварталы. И это снесение не остается только в области возможности, но переходит и в практику. В Самаре, например, есть так называемый 12-й, самый бедный квартал, занятый 22 дворами коренных самарских мещан. В 1882 году местная городская дума решила снести с лица земли этот квартал под тем предлогом, что находящаяся под ним земля нужна городу на случай проведения ветви железной дороги к Волге и для постройки амбаров и других общественных зданий. Решение это уже начало приводиться в исполнение: несчастным мещанам строиться вновь и поправлять свои домишки уже не дают. Бывают случаи еще печальнее. На городском выгоне Минусинска (Енисейской губернии) расположены три деревни — Малая Минуса, Оторваловка и Самодуровка. Деревни эти населены минусинскими мещанами. Из трех названных деревень Малая Минуса — самое древнее поселение, существовавшее еще до основания города Минусинска, а Оторваловка и Самодуровка — поселения более поздних времен. Деревни эти были прежде обыкновеннейшими крестьянскими деревнями и попали на городской выгон в силу каких-то странных обстоятельств: городу отводился выгон, и под него попали земли, на которых расположены деревни, и с этих пор обитатели деревень превратились в минусинских мещан. Возведенные в чин городского сословия оторваловцы и самодуровцы, однако, остались неизменными мужиками-пахарями. Живут они, как и все крестьяне, землевладением, и живут зажиточно: постройки хорошие, по дворам большие клади хлеба, на протекающей мимо деревень реке Минусинке много водяных мельниц. Жители пользуются широким простором: река, тучные земли, под боком дровяной лес, верстах в 8—10 строевая тайга. Все, таким образом, сложилось для того, чтобы обитателям трех названных деревень жить да поживать. К несчастью, обитатели деревень находятся в зависимости от минусинского городского управления, которое и решило уничтожить эти поселения, состоящие из 304 дворов. Именно, 12 апреля 1833 года Минусинская дума постановила: 1) в продолжение пяти лет обыватели деревень Малая Минуса, Оторваловка и Самодуровка обязываются или войти в состав города, образовав из себя отдельный квартал, или переселиться *куда угодно;* 2) в течение пяти лет данного им срока обыватели деревень должны платить по $1^1/_2$ копеек за квадратную сажень, то есть в год 6060 рублей, а за 5 лет 30300 рублей, и затем могут идти на все четыре стороны…[9] Такова необеспеченность самого мещанского существования!

V

Из предыдущих глав уже достаточно видно, как неприглядно и тяжело живется мещанству вообще, но в общей массе мещан есть группные, безотрадное положение которых далеко оставляет за собою все сказанное выше. Это мещане безземельных городов, мещане-*десятинщики*, крестьяне, превратившиеся в мещан незадолго до крестьянской реформы и вскоре после нее, и, наконец, крестьяне-переселенцы, записавшиеся в мещанство. В настоящей главе мы поговорим о каждой из этих групп отдельно.

Есть на Руси немало городов, которые переведены в это звание из сел исключительно в административных видах. Население таких городов как было чисто земледельческим, так и осталось таковым. Большинство таких городов имеет, однако, полевую землю, и население, хотя за довольно значительную плату городскому фиску и перекупщикам земли, может иметь пашню и покосы близ места своего заселения. Но есть немало городов, которые, кроме земли, занятой городскими постройками, улицами и площадями, имеют лишь ничтожные выгоны или не имеют совсем полевой земли. Таковы Ейск, Кологрив, Орехов, Ногайск и др. Наконец, есть города, которые, неся массу расходов, связанных с их пребыванием на городском положении, как-то: расходы по содержанию городского управления, пожарной команды, местной полиции и многие другие, — не имеют в то же время ни пяди собственной земли; даже обывательские постройки стоят на чужой земле, которая принадлежит или казне (город Илецкая Защита), или частным лицам (8 городов в юго-западном крае и несколько в северо-западном). Положение мещан в городах последних двух категорий самое безотрадное.

Мещанство городов, лишенных полевой земли, будучи чисто землевладельческим населением, не имеет между тем даже выгонов, где оно могло бы пасти своих коровенок. Необходимую себе землю такие мещане должны добывать арендою. Если вблизи городов имеется свободная, отдающаяся в аренду земля, то положение мещан еще сравнительно сносно, хотя им обыкновенно приходится платить цены, стоящие несравненно выше нормальных. Для примера укажу на город Ейск. Мещанство этого города занимается исключительно земледелием. Между тем у города своей земли нет, и мещане-земледельцы до 1883 года обрабатывали арендовавшиеся с 1863 года от казачьего войска 34123 десятины; но так как этой земли не хватало (в городе 30000 населения), то мещане-земледельцы занимали еще несколько соседних «панских» участков и те из войсковых, которые арендуются у войска разными Колупаевыми и Разуваевыми, с тем, чтобы сдавать их мещанам. Войско до 1883 года получало за свою землю по 60 копеек за десятину, Колупаевы же брали по

4 и 5 рублей за десятину (по местному это — огромные цены), платя войску сами от 75 копеек до 1 рубля 50 копеек. В марте 1883 года срок аренды войсковой земли кончился. Город хлопотал о получении этой земли в собственность, но получил отказ на том основании, что войсковые земли ни в каком случае не могут быть отчуждаемы. В продлении срока аренды войсковое хозяйственное правление тоже долго отказывало, но потом согласилось лишь на крайне тяжелых для мещан условиях. Именно, оно предложило возобновить контракт только на 6 лет, с платою по 1 рублю 50 копеек за десятину вместо прежних 60 копеек и с условием распахивать только третью часть арендуемой земли. Таким образом, мещане получали право возделывать только 11300 десятин земли, истощенной 20-летним пользованием, платя за них 51000 арендной платы, то есть по 4 рубля 50 копеек за десятину, и, уплатив в течение 6 лет 306000 аренды, должны были остаться ни при чем, а войско получило бы обратно землю, две трети которой, пробыв шесть лет в состоянии залежи, получали значительную ценность[10]. Но как ни стеснительны условия, на которых в подобных случаях достается мещанам земля, все же они могут иметь ее около города, то есть близ своих жилищ. Но положение сильно ухудшается, когда возле города не имеется свободных земель и мещанам приходится арендовать землю где-нибудь чрезвычайно далеко, а иногда и совсем не находить ее. Нужда таких мещан в земле настолько велика, что среди них распространяются всевозможные толки и слухи, имеющие отношение к наделу землею, и происходят различные движения. Так, среди мещан города Ногайска (Бердянского уезда Таврической губернии) в 1882 году распространялись слухи, что все безземельные могут получить землю где угодно, что для этого нужно только «записаться» и что об этом есть особый циркуляр от министра. Всполошенные этими слухами мещане стали массами стекаться в городскую управу и требовать от городского головы и членов управы записки их с семьями. Несмотря на уверения управы, что слухи о наделе землею лишены всякого основания, мещане остались при своем и заподозрили обман со стороны управы[11]. В другом безземельном городе, Орехове (Таврической губернии), мещане возбудили ходатайство об образовании из них крестьянского сельского общества (желание мещан превратиться в крестьян — явление очень распространенное) и наделении землею из соседнего казенного участка «Большой Табал». Но министерство внутренних дел отклонило это ходатайство ввиду того, что министерство государственных имуществ не нашло возможным отвести мещанам г. Орехова казенную землю, так как они не относятся к числу лиц, которым, по существующим узаконениям, разрешено отводить свободные казенные земли. Тогда ореховские мещане возбудили ходатайство об отдаче им этой земли в аренду, но и это ходатайство отклонено ввиду того, что казна уже отдала эту землю в долгосрочную аренду. Таким образом, ореховские мещане оказались в самом безотрадном положении[12].

Еще безотраднее положение мещан владельческих городов и местечек. В одном юго-западном крае частным лицам принадлежат 8 городов (Бердичев, Липовец, Староконстантинов, Заслав, Дубно, Ямполь, Ровно и Острог) и 322 местечка. К этому числу нужно присоединить еще однородные поселения северо-западного края. В поселениях этих вся земля, даже находящаяся под улицами и дворами, принадлежит частным лицам, которые и собирают с населения особые платежи за право жительства. Эти платежи колеблются по городам от 3 рублей 30 копеек до 24 рублей 8 копеек за каждую десятину земли. Кроме того, владельцы городов и местечек собирают с населения в свою пользу разные налоги. Налоги эти крайне разнообразны и многочисленны. В Бердичеве, например, они представляют собою 28 наименований. Налогами этими обложено буквально все, что только может подлежать обложению, и даже то, с чего, казалось бы, никак нельзя взыскивать налогов. Для характеристики этих налогов укажем на сборы, существующие в Бердичеве. Здесь взимается в пользу владельцев (графини Тышкевич, княгини Чарторыйской и прусских подданных братьев Тенни) — с убоя скота, с продажи заграничного вина, свечей, дрожжей, дегтя и смолы, с кирпичных заводов, с выделки крупы на домашних заводах для мелочной продажи, с трактиров, «лядовое» и «торговое» со всех привозимых товаров; независимо от того, с каждой лошади и вола, запряженных под товары, а также с продавца и покупщика при продаже товара с возов, со стекла бондарской и гончарной посуды, гонта, угольев и со всех барышников вообще, чем бы они ни промышляли. В других городах существуют еще другие виды сборов, например, «мостильный», «рогатковый», «копытковый», «каменный», «дышловый», «въездной», «поленный» и другие. Владельцы берут сборы при возведении новой постройки, при молотьбе хлеба, при открытии промышленного или торгового заведения и т.д. Неудивительно, что при таком положении вещей во владельческих городах и местечках царит такая ужасающая бедность, подобную которой трудно встретить где-либо в другом углу России[13].

До сих пор я говорил о безземельных мещанах, имеющих, однако, определенное местожительство. Но есть многочисленные группы мещанства, члены которых не имеют постоянного местопребывания и сплошь и рядом принуждены менять свои жилища. Это мещане-десятинщики и мещане-переселенцы.

Именем десятинщиков[14] обозначается на юге России особый класс земледельцев. Это мещане, живущие по селам и хуторам на помещичьей земле и занимающиеся хлебопашеством. По образу жизни эти «мещане» ровно ничем не отличаются от соседних крестьян, кроме того, что у последних есть

своя земля, а первые совершенно безземельны и потому находятся в полной зависимости от землевладельцев. Происхождение десятинщиков относится ко временам крепостного права. В состав этого класса вошли беглые и вольноотпущенные крестьяне. Ввиду чрезвычайной малонаселенности Новороссийского края в первой половине настоящего столетия, здесь смотрели сквозь пальцы на беглых крепостных крестьян, стремившихся сюда со всех концов России; им предоставлялась возможность, конечно, нелегальная, достижимая только за приличные даяния, — записываться в мещане южнорусских городов. Вольноотпущенные, выкупившиеся из крепостного права, тоже стремились сюда, манимые земельным простором. К обществам государственных крестьян, ввиду стесненного положения последних, находившихся почти в крепостной зависимости от своего «барина»-чиновника, вольноотпущенные избегали приписываться и предпочитали входить в состав мещанских обществ, ввиду ничтожности податной тягости, лежавшей тогда на мещанах, и их сравнительной самостоятельности. То обстоятельство, что, записавшись в мещане, десятинщики оставались безземельными, мало тревожило их, ввиду дешевизны арендной платы. Огромные пространства Новороссии были крайне мало заселены, и владельцы, получившие здесь пустынные имения, были рады получить хоть какой-нибудь доход и отдавали десятинщикам землю за бесценок. По-видимому, платою за землю служила десятая часть урожая, откуда и название «десятинщик». Землевладельцы дорожили десятинщиками, не притесняли их, да и не могли притеснять, так как десятинщики всегда могли подняться и уйти на землю другого «пана». Поэтому поставленные в благоприятные условия десятинщики обыкновенно не имели нужды менять часто свое местопребывание и прочно устраивались на раз облюбованных местах. Таким образом, возникли хутора и деревни десятинщиков, достигавшие иногда очень значительных размеров.

С течением времени, однако, положение дел резко изменилось. Новороссия все более и более заселялась. Ценность земель возросла. Соискателей на арендование земель явилось крайне много, и арендная плата повысилась до чрезмерности. Землевладельцам уже не было никакой надобности дорожить десятинщиками, так как они всегда могли найти съемщиков. Вот тогда-то и дали себя знать десятинщикам их безземелие и особенное положение как мещан.

Современное положение десятинщиков крайне печально. Вот несколько цифровых данных, ярко обрисовывающих это положение.

В Коблевском имении (Одесского уезда) десятинщики арендуют панские хаты и землю. За первые она платят — за ординарные по 9 рублей, за двойные — 16 рублей. За пастьбу скота с десятинщиков взыскивается по 2 рубля 50 копеек с головы — большой и малой одинаково. Если десятинщик покажет неверно число своего скота, то за каждую скрытую штуку скота он уплачивает по 6 рублей штрафа. По отношению к пахотной земле открывается одно обстоятельство, ясно указывающее, до какой степени положение десятинщика хуже положения всякого другого арендатора: не десятинщик арендует у землевладельца землю в том размере, в каком она ему нужна, а землевладелец назначает, сколько земли должен обработать десятинщик, и если последний не успеет обработать всего назначенного ему урока, то платит штраф. «Мы *должны* занимать землю у г. Г. под озимые и яровые посевы, — говорится в контракте, — где нам экономия укажет, и занимаемую землю мы должны хорошо обработать по-хозяйски и засевать своими средствами разными хлебами, если окажется у кого-либо из нас остаток из занимаемой им земли, то за каждую десятину, оставленную без употребления, мы обязываемся уплатить штраф в пользу Коблевской школы по 10 рублей за каждую десятину и, сверх того, отдать еще скопщину (приходящуюся землевладельцу долю урожая) за незасеянную землю». Таким образом, десятинщикам приходится оплачивать не только ту землю, которою они пользуются, но и ту, которою не пользуются, и последнюю значительно дороже. Это уродливое положение идет еще дальше. Десятинщики по контракту не имеют права арендовать землю под пахоту или пастьбу скота у какого бы ни было землевладельца, кроме собственника Коблевского имения, а если они совершат это преступление, то платят штраф от каждой десятины и от каждой головы скота. Г. Воропонов[15] поэтому был совершенно прав, приравнивая положение десятинщиков к крепостному состоянию; различие этих двух положений состоит только в том, что десятинщики лишены права на помощь со стороны землевладельца, в случае нужды и несчастия, тогда как помещики в собственных интересах должны были оказывать эту помощь крепостным.

Положение коблевских десятинщиков характерно вообще для всего этого класса людей. Отличие положения десятинщиков других имений заключается разве лишь в том, что в них более разработана система штрафов да арендная плата вносится не долею урожая, а деньгами. Вот, например, пред нами имение Кошарка, Тираспольского уезда. Здесь за упуск скота и других домашних животных на владельческие поля или покосы берется по рублю штрафу с каждой штуки, причем до уплаты штрафа животные держатся по нескольку дней запертыми; если же владельческий скот войдет на поля десятинщиков, то, понятное дело, штрафа никакого не полагается. Арендная плата вносится в два срока: 29 июня и 1 октября; кто не заплатит, у того управляющий отбирает скот, запирает его в экономический загон, морит скот голодом и не дает пить до тех пор, пока хозяин не заплатит денег.

В юго-западной части Одесского уезда аренда обыкновенно платится деньгами, причем арендная плата достигает страшно высоких размеров. Надо заметить, что в Одесском уезде красная покупная цена земли 50 рублей за десятину. Между тем десятинщики платят по 12 рублей годовой арендной платы за десятину. Такие цены установились в Александровке (Арнаутское), Грибовке (имение Ингистова), Любоминовке (Медзиховского), Бугазе (Ингистовой), а также и на казеннооброчной земле при Дальницком хуторе. Земля, годная под огороды, идет по 15—20 рублей, а песчаная коса в Бугазе, между Днепропетровским лиманом и Черным морем, доставляет землевладелице Ингистовой невероятную годовую арендную плату — 60 рублей с десятины. Это плантация капусты. При плохом урожае мещане не в силах выдержать таких платежей, а потому принимаются надлежащие меры: «Плати деньги вперед, а не то убирайся вон!..».

Арендная плата и штрафы взыскиваются с десятинщиков самым беспощадным образом, и в случае несостоятельности к уплате продается их последнее имущество. Как велики бывают эти взыскания, можно судить по следующему примеру: с одного десятинщика взыскивалось квартирной платы 10 рублей, за пастьбу скота 33 рубля, за 15 десятин земли 120 рублей — итого 163 рубля; а так как по контракту, в случае неисправности, плата взыскивается вдвое, то десятинщик, с прибавкою процентов, должен был уплатить 332 рубля. Так дорого платятся современные десятинщики за ошибку своих отцов, приписавшихся в мещане.

Ко всему этому нужно присоединить еще нравственную зависимость от землевладельцев, которую приходится испытывать десятинщикам. Дело доходит до того, что владельцы вмешиваются в дела совести десятинщиков и предписывают им верования. Один из землевладельцев Одесского уезда, господин Значково-Яворский, даже печатно похвалялся тем, что, заметив в своих десятинщиках наклонность к штундизму, он предложил им или возвратиться в лоно православия, или убираться вон из имения.

Неудивительно, что при таком стеснительном положении десятинщики сплошь и рядом меняют свое местопребывание. То самим десятинщикам станет невтерпеж, и они пойдут искать лучших условий; то десятинщик окажется несостоятельным к уплате аренды и штрафов, и его выгонят из имения; то владельцу не понравятся верования десятинщиков, и он прогонит их; то, наконец, имение перейдет в руки лица, которое обрабатывает землю за свой счет, и в аренду ее не сдает. Особенно плохо приходится десятинщикам, когда какое-нибудь имение переходит в руки немцев-колонистов, каковое явление очень распространено на юге России: в этом случае десятинщикам приходится немедленно же выбираться из имения. Такие выселения десятинщиков, часто целыми деревнями в полсотни и более дворов, — факты самые обыкновенные в Новороссии.

Стеснительные условия аренды и необеспеченность завтрашнего дня привели десятинщиков к ужасающей бедности. Бедность эта всего нагляднее отражается на их жилищах. Поселения десятинщиков всегда можно отличить по первому же взгляду от крестьянского поселения. Куча беспорядочно разбросанных землянок, глубоко сидящих в земле, неокопанные дворы, развалившиеся сараи, сделанные большей частью из навоза и кое-как прикрытые сверху, ни одного деревца вокруг жилья, огород, заросший бурьяном, бурьян на крыше землянок — вот характерные черты поселений десятинщиков. Сами их жилища, землянки, до того отвратительны, что носят название «гадючников», от слова «гадюка», змея: таким образом, здесь человеческое жилье сравнивается даже не со звериною берлогою, а со змеиною норою.

И при такой бедности десятинщики лишены всякой сторонней помощи, даже такой, которою пользуются крестьяне. Так, в случае неурожая крестьяне могут получить ссуду из сельских хлебных запасных магазинов, а десятинщикам, как мещанам, такой ссуды получить неоткуда. Точно так же обходит десятинщиков Крестьянский земельный банк, как учреждение, существующее специально для крестьян, а десятинщики, будучи с ног до головы крестьянами, имеют несчастье числиться мещанами. Мало того, крестьянский банк может даже вредить десятинщикам. На последнем херсонском губернском земском собрании член губернской управы господин Андреевский сообщил о любопытном случае покупки крестьянским обществом имения при содействии Крестьянского банка. Оказалось, что на покупаемой земле стояла деревня десятинщиков и что крестьяне покупали землю с тем, чтобы выжить десятинщиков, проживших на этой земле 15 лет, и в оставшиеся после них хаты выселить часть своего общества (Сборник Херсонского земства, 1884 г., № 1).

Этот несчастный класс десятинщиков очень многочислен. Десятинщики наполняют губернии Херсонскую, Бессарабскую, Таврическую и встречаются в губерниях Подольской и Екатеринославской. Общая численность десятинщиков неизвестна даже приблизительно, так как статистика в Новороссийском крае только зарождается. Подворная перепись была сделана только в Одесском уезде, причем оказалось на 23000 дворов, имеющихся в уезде, десятинщиков 4640 дворов, то есть $^1/_6$ населения.

В однородном с десятинщиками положении находится группа мещан, образовавшаяся из крестьян, освобожденных от крепостной зависимости незадолго перед 19 февраля 1861 года. Отпуская на волю таких крестьян, помещики оставляли себе все свои земли. Образовалось, таким образом, безземельное население, которое записалось в мещанские общества, а жить оставалось на своих

прежних землях, платя теперь и владельцу арендную плату. Эта группа мещан имеет представителей по всей России. О положении их может дать понятие следующий пример. Года за три до уничтожения крепостного права владелец деревни Таракановки (Рязанской губернии) князь Вяземский отпустил крестьян своих на волю, а землю с постройками продал тогда же купцам Клопову и Политову. Крестьяне, выйдя на свободу, приписались в мещане и за условленную плату с владельцами продолжали пользоваться по-прежнему своими домами и усадебною землею. Так продолжалось до 1870 года, когда купцы Клопов и Политов предъявили в Рязанский окружной суд иск об изъятии из владения мещан домов и усадеб, как принадлежащих им по купчей крепости. Приговор состоялся в смысле выселения мещан. Но когда было приступлено к приведению в исполнение судебного приговора, мещане заявили, что они и сами бы вышли из домов, в которых выросли их отцы и деды, но беда в том, что им некуда деться самим и некуда девать больных стариков и детей, а потому они и решили не выходить из домов. Составлен был акт о неповиновении мещан, и одиннадцать из них были преданы суду[16]. История эта является далеко не исключительною. По крайней мере, мне известно много дел, аналогичных рассказанным.

Иногда этим «новоявленным» мещанам приходится терпеть испытания особого рода, которые приличествуют более XVII веку, чем нашему. Об этих испытаниях можно составить понятие по участи некоторых гороховецких мещан. Крестьяне пелагинского общества, Неверо-Слободской волости, Гороховецкого уезда, Владимирской губернии, числом до 100 душ, бывшие временно-обязанные наследников Головина, лет шесть тому назад отказались, по 128-й статье местного положения, от земельного надела и перечислились, большею частью, в гороховецкие мещане. Землю они сдали доверенному владелицы имения, дома и все хозяйственные надворные строения, скот, земледельческие орудия, хлеб на корню и в зерне, сено и весь корм для скота распродали за бесценок и разъехались на жительство в Пермь, Оренбург, Иркутск, Барнаул и другие места. Между тем в 1880 году опекунша над имением наследников Головина возбудила дело о неправильном увольнении крестьян и ходатайствовала о возвращении их в первобытное состояние, доказывая, что волостным старшиною не были соблюдены все требуемые законом для увольнения формальности. В 1881 году по этому делу гороховецкое уездное по крестьянским делам присутствие решило «признать неправильно уволенными и возвратить в первобытное состояние» 54 души (до половины всех уволенных крестьян), а волостного старшину оштрафовать и предоставить владелице искать с него убытки. Старшина апеллировал в губернское по крестьянским делам присутствие и в сенат, но оба эти учреждения утвердили постановление гороховецкого присутствия, и полиция принялась за энергический розыск «неправильно уволенных» мещан для обращения их «в первобытное состояние»...[17]

Наконец, последнюю группу мещан, заслуживающую особого внимания, составляют мещане-переселенцы. Всем известно, с какими затруднениями и расходами крестьяне-переселенцы достигают причисления в сельские общества своего нового местожительства. Ввиду этих трудностей многие переселенцы, живя где-нибудь на Кавказе или в Сибири, продолжают числиться в сельских обществах внутренних местностей России, посылают туда подати и получают оттуда паспорта. Такой порядок вещей, однако, очень неудобен для переселенцев, и многие из них предпочитают причисляться к местным мещанским обществам, что сравнительно легко: так образовался в губерниях Уфимской, Оренбургской, Томской и на Северном Кавказе обширный класс мещан, не живущих в городах и обрабатывающих арендуемую землю. Численность этого класса очень значительна, особенно в областях, занятых казаками, так как в состав казачьих станичных обществ крестьяне совсем не могут входить. Оттого здесь замечается ненормальный рост городского населения. Так, в городах Илецке, Верхнеуральске и Орске в 1868 году числилось жителей 2370, 6100 и 3590 душ обоего пола, а в 1881 — уже 5769, 10354 и 14341, то есть за 14 лет население этих городов возросло в 1 $^1/_2$, 2 и 4 раза, что только и может быть объяснено припиской к ним переселенцев[18]. То же наблюдается и относительно городов Северного Кавказа, особенно Екатеринодара и Майкопа. Положение этих мещан-переселенцев, при обилии земель и низком стоянии арендных цен в местностях, в которых они поселились, пока *сносно*, но в будущем им грозит участь десятинщиков.

Таково неприглядное житье мещанства.

Что же нужно сделать, чтобы изменить положение мещан к лучшему? Для обстоятельного ответа на этот вопрос понадобился бы новый трактат; тем не менее, я думаю, что после всего вышесказанного нижеследующие указания по этому предмету не окажутся неожиданными.

Для улучшения положения мещан необходимо:

а) реформировать радикально «Городовое положение», в смысле уничтожения имущественных разрядов избирателей и предоставления всем обывателям одинакового права участия в городском управлении;

б) распоряжение городскими землями, как основой благосостояния массы городского населения, предоставить непосредственному ведению общих сходок горожан, как то было до введения «Городового положения», а не представительных учреждений;

в) строго и всесторонне определить отношения городского и мещанского общественного управлений, городской общины и мещанского общества;

г) точно определить законодательным порядком права мещанского общества как юридического лица и самоуправляющегося общества и восстановить их там, где они нарушены, и

д) изыскать способы наделения землею мещан безземельных городов, десятинщиков, мещан-переселенцев и т.д.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. См. о нашем городском пролетариате мою статью: «Босая команда» в «Отечественных записках» 1883 г., № 4.

2. Я коснулся здесь вопроса об уничтожении городской поземельной общины и о безземелии мещан лишь слегка, ввиду того, что мною была посвящена этому вопросу особая статья — «Мещане и «город», «Отечественные записки»1883 г. №3.

3. «Русский курьер» 1881 г., № 187.

4. «Отечественные записки» 1872 г., №1. стр. 70.

5. Считаю нужным оговориться, что во всей этой статье я не имею в виду мещан столичных обществ, стоящих в значительно особом положении.

6. См. стр. 9 «Городового положения» с объяснением, изд. Хоз. департ.

7. «Правительственный вестник» 1873 г., № 251.

8. «Русские ведомости» 1883 г.

9. «Сибирь» 1883 г., № 23.

10. «Донская пчела».

11. «Одесский вестник» 1882 г., № 83.

12. «Русский курьер» 1883 г., № 82.

13. Подробнее о владельческих городах и местечках см. в моей статье — «Некоторые особенности поземельных отношений», «Отеч. зап.», 1883 г., № 11.

14. О десятинщиках любопытные данные собраны в вышедшем в прошлом году первом томе «Материалов для оценки земель Херсонской губернии», собираемых статистическим отделением при Херсонской губернской земской управе. Я пользуюсь именно этим изданием, а также некоторыми другими источниками, преимущественно местными газетами.

15. «Вестник Европы» 1884 г., № 3.

16. «Голос» 1882 г., № 30.

17. «Русский курьер» 1832 г., № 156.

18. «Русская мысль» 1884 г., № 4, статья Григорьева, стр. 50.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:
Абрамов Я.В. Забытое сословие // Наблюдатель. — № 1. — 1885. — С. 269–302.

Î ×ÅÐÊÈ ÑÅÂÅÐÍ ÎÃÎ ÊÀÂÊÀÇÀ (ÏÓÒÅÂÛÅ ÇÀÌÅÒÊÈ)

I

Был конец мая, когда я, окончивши все свои дела в Петербурге, выехал, наконец, из этого, слишком неблагоухающего летом, «центра» России и с быстротою железнодорожных поездов двинулся на далекую окраину — Кавказ. Быстро пролетел я расстояние между Петербургом и Ростовом-на-Дону и на четвертые сутки несся уже по степям Северного Кавказа.

Часть Кубанской области, по которой проходит Ростово-Владикавказская железная дорога, до сих пор представляет собою вид первобытной страны. Огромные степи, раскинувшиеся по обе стороны рельсового пути и продолжающиеся затем вплоть до Черного и Каспийского морей, по-видимому, во многих местах не знали еще прикосновения плуга и представляют пространства, заросшие высокою, пестреющею разнообразными цветами травою. Только изредка попадаются места, занятые посевами хлебов — преимущественно пшеницы, ячменя и проса, — и еще реже — населенные места. Благодаря долгому состоянию края на военном положении население расселилось большими группами, чтобы иметь возможность отражать неприятельские нападения. Поэтому здесь села и станицы с десятью тысячами населения — обычный тип населенных пунктов. Нередко встречаются деревенские поселения в двадцать и даже тридцать тысяч жителей. Зато самые поселения весьма часто отстоят одно от другого на тридцать и даже сорок верст.

Со мной ехал один поляк. Вид северной части Кубанской области, как края, резко отличающегося от его родины, поразил его необыкновенно сильно. Его удивляли отсутствие не только гор, но даже каких-либо самомалейших возвышений, полное безлесье края, его некультурность, скученность населения и т.д. Особенно почему-то он не мог примириться с тем обстоятельством, что здесь здания строятся из битой глины с соломой (так называемый *саман*) и покрываются не только соломой, но даже камышом. Когда же он увидел, что даже железнодорожные будки покрыты камышом, удивлению его не было конца, и он мог только повторять:

— Неужели здесь и железная дорога так бедна?..

Чудак не мог никак понять, что камыш шел на крыши не вследствие бедности населения и что невзрачный вид построек Северного Кавказа вовсе не свидетельствует о нищете жителей.

По внешнему виду здешний край действительно резко отличается от местностей внутренней России; если он походит на что, то разве только на прилегающие к нему Донскую область и Астраханскую губернию и на другой «новый» край — Уфимско-Оренбургский. Так же резко отличается этот край от внутренней России и своим населением, и своей жизнью.

Еще с Козлова начинают появляться представители сложившихся на юго-востоке России порядков. Ни на одной большой железнодорожной станции в России нельзя встретить такого обилия упитанных, здоровенных, в косую сажень ростом и с саженными плечами людей, как на Козловской. Это большею частью «операторы», как часто величают они сами себя, или, попросту, крупные и мелкие скупщики хлебных продуктов. К нам в вагон сели именно два таких «оператора» и ехали до Каменской станицы. Это были здоровые детины с красными лоснящимися лицами, выражение которых наверно испугало бы и неробких людей при встрече с ними наедине. Одеты они были «как следует». Один, впрочем, был, по-видимому, «образованнее» другого и отличался крахмальной рубахой и невозможных размеров и цветов галстуком. Говорили они о своих «операциях» довольно откровенно и весело улыбались, предвидя хорошую поживу от предстоящей жатвы. Из Ростова этими «операторами» буквально наполнился поезд. Они ехали на юг Северного Кавказа, где уже начиналась жатва ячменя и проса. Здесь были русские, армяне, евреи и греки, но все они, по-видимому, чувствовали свое внутреннее сродство и дружно беседовали друг с другом, не разбирая национальностей. Материалом для разговора служили, конечно, все те же «операции». Тут же шла купля и перепродажа еще некупленного зерна. Говорили и о плутнях, допускаемых при «операциях», но приписывали эти плутни только «операторам» отсутствующим.

Мне приходилось неоднократно ездить по Ростово-Владикавказской железной дороге в разные времена года, и здесь в некоторые периоды времени, например, в конце июля и начале августа, когда господа «операторы» рассыпаются из Ростова по всему Северному Кавказу, или в конце сентября и начале октября, когда они возвращаются с подвигов, от этих господ буквально некуда деваться. Только и слышишь: «Почем купили?» — «Восемь семьдесят». «Двугривенный наживете?» — «Может, и четвертак». «50 фунтов среднего веса?» «Какой сорт?» и т.д. Тут же показывают друг другу «пробу» купленного зерна, торгуются, хлопают по рукам и тому подобное. Затем идут — особенно, если год был «удачный», — рассказы о замечательных случаях из «практики». При этом обнаруживается такое беззаветное бесстыдство, такое невероятное бахвальство, которые возможны только при полном отсутствии понятий о честности и каких-либо представлений о приличии. Хвастаются

не только тем, что обокрали самым мошенническим образом производителя, но еще и тем — и главным образом этим, — что мошенничество было произведено артистически-тонко. «Иголки не подсунешь», — с гордостью заявляет «оператор», рассказав какую-нибудь возмутительнейшую проделку, учиненную им над простоватым продавцом-крестьянином или казаком. Впрочем, в последние годы появился и начинает все более и более «входить в моду» тип более приличного оператора, который не только не станет рассказывать о своих мошеннических подвигах, но еще старается выставить себя благодетелем обираемого им труженика. «Куда бы он делся без меня со своим хлебом или шерстью?» — победоносно спрашивает такой оператор. Это большею частью люди, уже тронутые «цивилизациею», побывавшие в учебных заведениях. Одеваются они весьма прилично, иногда носят даже лайковые перчатки и прыскаются духами. Они говорят литературным языком, выписывают журналы, почитывают и иной раз являются страшными либералами.

«Операторы», и по своей роли посредников между производителями и крупными хлеботорговыми фирмами, и по приемам, которыми они сопровождают свои «операции», являются страшною язвою Юга России. Впрочем, распространяться об этом предмете я не буду ввиду недавнего помещения в «Деле» написанной специально на эту тему статьи господина Щербины («Шабаи и шабайство», «Дело», 1883 г., № 5).

Следующими оригинальными типами Юга России, которых встречает путешественник, едущий на Кавказ, являются «арендатор» и родственный ему «тавричанин». «Арендатор» начинает встречаться с Донской области. Тип этот очень распространен по всему юго-востоку. Дело в том, что здесь масса земель, отдающихся в аренду. Это — громадные войсковые «запасы» Донского, Кубанского и Терского войск, казенные и удельные земли, особенно в Ставропольской губернии, и необъятные пространства земель, отведенных казачьим офицерам, пожалованных гражданским и военным чинам и розданных «в интересах культуры». Земли эти отдаются в аренду обыкновенно за бесценок, особенно войсковые земли. Для примера можно указать на следующее: в области войска Донского, с 1879 по 1883 год, было отдано в арендное содержание 689289 десятин на разные сроки, от 1 года до 12 лет, за 358903 рублей в год, следовательно, средняя арендная плата за десятину — 52 копейки в год. Во втором Донецком округе земля еще дешевле: здесь, с 1879 по 1883 год, было отдано Донским войском в арендное содержание 427434 десятин за 143088 рублей 36 копеек в год, то есть по $33^1/_2$ копеек за десятину. Наконец, громадные пространства земель отдаются в аренду еще дешевле: в Кубанской области по $20^3/_4$ копеек за десятину, а в Донской — даже по 12 копеек. Это земли, отдаваемые табунозаводчикам, «для поддержания коневодства». Такая низкая арендная плата, однако, никакой пользы не приносит собственно трудовой части населения, так как земля отдается исключительно крупными участками и попадает лишь в руки господ «арендаторов», разбив затем арендованную землю на мелкие участки, они раздают их земледельцам на самых обременительных условиях, о чем будет сказано подробно ниже. Контингент «арендаторов» крайне разнообразен: между ними есть и помещики, и казачья знать, и юркие мещанинишки, и разбогатевшие мужики, и «восточные человеки», преимущественно из греков, и, наконец, евреи. Одни из этих арендаторов заводят на всей или части арендованной земли собственное хозяйство, другие занимаются исключительно переоброчкою земли. Это крайне резко очерченный тип «живорезов», людей без стыда и совести, знающих только одну наживу во что бы то ни стало.

За несколько станций до Ростова в вагон сели трое таких «арендаторов». Двое из них были в крестьянских костюмах, а третий — в городском. Особенно типичны были фигуры первых двух. Спины настолько широкие, что из них можно выкроить, по меньшей мере, три спины обыкновенных смертных, до ужаса толстые шеи, необыкновенно развитые затылки, корявые, буро-красного цвета лица, руки необычайной толщины, кулаки величиною чуть ли не с голову, гигантские ноги, обутые в настоящие «корабли», — все это производило очень импонирующее впечатление. Третий их товарищ, несмотря на свои солидные размеры, казался рядом с ними совершенным мальчишкой. Разговаривали они между собою громко, нисколько не стесняясь, и даже с сознанием собственного достоинства. Говорили, конечно, о хозяйстве, так как никаких других разговоров эти господа не понимают и не ведут. Оказалось, что все трое арендуют участки земли по берегу Азовского моря и у всех ведется собственное полевое хозяйство.

— Трудно нынче с рабочими ладить, — начал один из мужикообразных арендаторов, когда они вошли в вагон и уселись, — рабочий стал бесчувственный, неблагодарный…

— Ну, это как повести дело, — возразил одетый в городское платье, — ежели ты будешь мирволить ему да ждать от него благодарности, он тебя и подведет: ты к нему с добром, а он, глядь, на сене в сарае лежит да махорку курит, — того и гляди подожжет…

— И поджигают. Вон у моего соседа, Юдина, летось триста копен хлеба сгорело, — нарочно работник поджег.

— Вот то-то и есть. А как ты держишь его в строгости, и ходит он у тебя в струне, и за собой блюдет…

— Да как ты его нынче будешь в строгости держать? Прежде, бывало, отваляешь его, — у меня и плеть для этого особая была заведена, — ну, он и понимал, что нельзя ему нюни распускать али хордыбачиться. А нонче с судами этими поди-ка, тронь; сам же виноват останешься…

— Да еще нынче-то и работник сам сдачи сдаст. Со мной тоже был грех: зазвал я в горницу к себе одного работника — избаловался он дюже — поучить захотелось. И мужичонко-то ледащенький, никак не думал, что у него сила есть... Что же ты думаешь? Только это я его раза два-три благословил через лоб, как он рявкнет: «А, так ты вот как!». Да как схватит меня за руки, взял их в одну руку — словно клещами сдавил, — а другой рукой как начал меня гвоздить! Уж он меня дул, дул — я его и так-то, и этак-то умасливаю — а он знай сыпет мне и в голову, и в грудь-то, и по шее. Бил, пока не натешился, а потом как жмякнет меня обземь, а сам марш сейчас же из экономии. Так, что ж вы думаете, дня три я лежал, поворохнуться больно было...

Слушатели сочувственно помычали и покачали головами.

— Избаловался нынче народ, совсем от рук отбился, это что и говорить!..

— Нет, я с ними иначе поступаю, — заявил одетый по-городскому. — Я, чуть замечу что-нибудь за каким рабочим, сейчас другим по стаканчику и говорю: «Поучите, ребята, молокососа». Так они так ему всыпят, что он потом три года помнить будет. А в случае чего — я в стороне, потому сами рабочие били, за что, не знаю...

Слушателям это очень понравилось, и они загрохотали.

— Ловко, брат, ты придумал, надо и себе так-то приспособствовать...

Разговор в этом духе велся вплоть до самого Ростова, куда господа арендаторы отправлялись для покупки каких-то жней-вязалок.

В ростовском поезде я уже встретил «тавричан».

«Тавричанин» — тип родственный с арендатором, но это далеко не одно и то же. Правда, значительная часть тавричан арендует землю. Но как не все «арендаторы» — тавричане, так и не все тавричане — «арендаторы». Идеал тавричанина — сделаться собственником земли, чего они и достигают успешно. К тому же преобладающее занятие тавричан — овцеводство.

Название свое тавричане получили потому, что они выходцы из Таврической губернии. Они — потомки молокан, в конце прошлого и начале нынешнего столетий переселенных насильно или переселившихся добровольно в Таврическую губернию. Собирались сюда они со всех концов России. В Таврической губернии они были поставлены в благоприятные материальные условия, получив значительные земельные наделы; благодаря этому обстоятельству, а также своему чрезвычайному трудолюбию, бывшему догматом их верований, они скоро представляли собой сплошное, чрезвычайно зажиточное население. Благодаря хорошим материальным условиям жизни и царившей среди них строгости нравов из них выработалась совершенно особенная, крепкая, чрезвычайно развитая физически, умная, энергическая, трезвая и крайне умеренная раса людей. К сожалению, они сосредоточили все силы своей души исключительно на достижении возможно больших материальных выгод. К этому в значительной мере толкало их бесправное положение, при котором их грабили и обдирали все, кто хотел, и благодаря которому они могли спокойно существовать, только пуская в ход деньги. Суровая действительность давно научила их видеть в богатстве главную силу, покоряющую себе все на свете. Те же суровые условия действительности, сплотив их в крепкое, тесное общество, заставили их относиться ко всему остальному миру, всегда к ним враждебному, с крайнею неприязнью; всех, кто не принадлежит к их обществу, они не признают даже за людей. Здесь мы видим одно из печальнейших последствий той несчастной политики, которая так долго практиковалась по отношению к раскольникам.

В некоторых местах «тавричан» до сих пор по старой памяти зовут молоканами. Но в действительности они в настоящее время не принадлежат ни к какой секте и вовсе не заботятся о выработке каких-либо религиозных понятий и создании какого-либо религиозного культа. Они — атеисты чистейшей воды, видящие божество только в деньгах. Некоторые из них «числятся» православными, но это только «политика». Все их мысли направлены исключительно к наживе, и у них нет времени заниматься религиею.

Вообще тавричане резко отличаются от остальной массы населения. У них особенный, своеобразный костюм, особенная домашняя обстановка, особенные экипажи. Впрочем, в последние годы на Северном Кавказе тавричане так вошли в моду, что Разуваевы местного происхождения стараются всячески подражать им во внешности.

Во взаимных отношениях тавричане, по крайней мере большинство, представляют прекрасный пример сплоченности, единодушия и взаимной поддержки. Но зато по отношению к остальной массе населения они являются злейшими эксплуататорами.

На родине, в Таврической губернии, они занимались почти исключительно овцеводством. В этой отрасли хозяйства тавричане достигли громадных успехов. Все, что относится к овцеводству, они изучили, конечно, практически, превосходнейшим образом. Они и сделались ботаниками, зоологами, ветеринарами. Тавричанину достаточно раз взглянуть на степь, чтобы определить ее пригодность для овцеводства. Тавричанские «отары» (овечьи стада) почти не знают эпизоотий. Между тавричанами-то и распространилась преимущественно выписанная Канкриным из Испании мериносовая порода овец. Скоро тавричане так увеличили свои стада, что для них не хватило места в Таврической губернии, и они расползлись со своими стадами по всей южной России, начиная с Бессарабии и кончая Терской

областью. Здесь они сперва продолжали свое исконное занятие. Но затем увидели, что можно, не оставляя овцеводства, заняться другим, более выгодным делом — скупкою земель. Дело в том, что в течение настоящего столетия на юге, и в особенности на юго-востоке России насаждалось в самых широких размерах частное крупное землевладение. Огромные пространства земли получили казачьи офицеры, вообще военные чины, гражданские чиновники и, наконец, частные лица всех сортов и званий, начиная с представителей старинных русских дворянских фамилий и кончая сапожниками из Германии и Богемии, превратившимися в России в техников и агрономов. Последняя категория лиц получила землю с обязательством «насаждать культуру». Тем же желанием «насаждать культуру» мотивировалась, главным образом, раздача земель и первым двум категориям счастливцев. Но так как у лиц, получивших земли, не было ни капиталов, нужных для того, чтобы завести на полученной земле хозяйство, ни необходимых для того знаний и умения, ни желания возиться с таким кропотливым и хлопотливым делом, то культуры никакой не насаждалось и не насаждается, а разобранные земли просто сдаются в аренду первому встречному, а то прямо продаются, каковой исход всего приятнее для свежеиспеченных землевладельцев, так как сразу дает им в руки более или менее значительный куш денег. При обилии частновладельческих земель, с которыми хозяева рады развязаться, и при отсутствии покупателей цены на земли стояли — да и теперь еще стоят — очень низкие. Средняя продажная цена земли на Северном Кавказе до сих пор ниже 15 рублей за десятину, а еще не так давно выше 10 рублей и цен не было. Тавричане воспользовались такими благоприятными условиями; они скупили и продолжают скупать за бесценок громадные пространства земли, и этим-то путем создался своеобразный южно-русский лендлордизм. Богатейшие землевладельческие фамилии южной России — все эти Фальц-Фейны, Мазаевы, Петрики, Николенко и другие, произошли именно таким путем, и в предшествующем поколении, а часто и в лице нынешних их представителей являлись простыми пастухами, «чабанами». Некоторые из этих бывших чабанов в настоящее время — настоящие лендлорды. Для примера достаточно упомянуть фамилии Фальц-Фейна (в Новороссии) и Петрика (в Кубанской области). В Кубанской области есть местность, где на протяжении почти ста верст не слышно никакого другого звука, кроме слова: «Петрик». «Чья это земля?» — «Петрика». «Чьи овцы?» — «Петриковы». «Чей хлеб?» — «Петриков». «Чей хутор?» — «Петриков». «Чей скот?» — «Петриков». «Чья мельница?» — «Петрикова». Словом, все и вся оказывается окрещенными одним и тем же магическим словом: «Петрик».

Всепожирающая деятельность тавричан на Северном Кавказе всего сильнее проявляется в Кубанской области, где они утвердились уже очень прочно, и затем в Ставропольской губернии. В Терской области деятельность эта пока значительно слабее, но и здесь уже начинает принимать солидные размеры, как это можно видеть из того факта, что из сорока с лишком офицерских участков Терской области, окончательно отчужденных лицам других сословий, почти половина приобретена одним тавричанином.

Пожирание земель тавричанами и их союзниками из местных Разуваевых с каждым годом увеличивалось и, наконец, приняло такие ужасающие размеры, что невольно внушает самые серьезные опасения всем тем, кто так или иначе задумывается над будущим этого края. Если и теперь положение беднейшей части северо-кавказского населения (туземцев и переселенцев) из рук вон плохо, то что же будет, когда все частновладельческие земли Северного Кавказа попадут в руки таких опытных «выжимателей соков», какими являются тавричане? Страшно и подумать.

Лично я питаю к тавричанам нечто вроде суеверного ужаса. Причиною тому — картина, виденная мною в детстве и произведшая на меня неизгладимое впечатление. Это было мое первое знакомство с тавричанами. Самое событие происходило лет 15 тому назад и имело место недалеко от Ставрополя, где в то время тавричане были еще в редкость. Я ехал в одно из сел Ставропольской губернии. Дело было в начале мая, когда здесь в самом разгаре весенний период дождей. Мы подъехали к речке и остановились. Наши степные реки имеют ту особенность, что летом они превращаются в еле заметные ручейки или совсем пересыхают. Но зато при таянии снега или в период дождей они делаются многоводными, бурливыми, сносят мосты, размывают «гребли», уносят мельницы и т.д. Переезд через реку в это время бывает опасен и часто невозможен: приходится дожидаться, пока не спадет вода. Мой возница слез с повозки и подошел к реке, чтобы определить, насколько опасен переезд. Было раннее утро. Солнце только что поднялось над горизонтом и еще не могло рассеять скопившиеся на востоке облака. Густой туман поднимался с реки и окутывал все предметы малопрозрачною дымкою. Самый туман поднимался с поверхности воды как бы широкими лентами, которые, переплетаясь, затем образовывали вверху черную массу. Все имело какой-то фантастический вид и настраивало на чудесный лад. Вдруг на противоположном берегу показались две огромные, в несколько саженей росту, лошади, запряженные в огромнейший экипаж, в котором, казалось, сидел страшный гигант. Мой возница до того перепугался, что отскочил от реки и начал креститься. Меня тоже оторопь взяла. Между тем гигантский экипаж, без всякой остановки, прехладнокровно шлепнулся в воду и поехал по реке. По мере того, как он приближался к нам, размеры его все уменьшались, и когда, наконец, экипаж выехал на наш берег, пред нами были хотя и очень рослые, но самые обыкновенные лошади и обыкновенный человек. Выехав на

берег, проезжий остановился на минуту, чтобы дать возможность лошадям отряхнуться, и в это время я внимательно рассмотрел его. Это был здоровый, плечистый человек, в мерлушечьей шапке и каком-то сером, невиданной мною формы, пиджаке. Экипаж, в котором он сидел, представлял собою огромный зеленого цвета ящик, остов которого был железный. Оси экипажа, спицы колес и основы ступиц были тоже железные. Словом, все, начиная с хозяина и кончая последней мелочью упряжи, было солидно, основательно и прочно. Простояв минуты две, проезжий, кстати сказать, величественно игнорировавший наше присутствие, словно нас совсем здесь и не было, собрался было уезжать и уже поднял на лошадей кнут, как вдруг пред ним очутился, словно из земли вырос, маленький, оборванный, весь в грязи мужичонко.

— Егор Яковлич, — начал он дрожащим голосом, сняв шапку и низко кланяясь сидевшему в экипаже, — яви божескую милость, возьми опять к себе!..

— А, теперь так «возьми!» — как-то злорадно отвечал ему тот, — а то на поди, расходился: «свет не клином сошелся!». Ну, вот и ищи себе хозяина…

— Возьми, Егор Яковлич, будь благодетелем, два дня не ел…

— И издохнешь: собаке собачья смерть!

— Возьми… услужу… во-как!..

— Так услужишь?

— Услужу… по гроб жизни…

— Аль взять тебя и вправду?

— Возьми, сделай милость!

— И пить не будешь?

— Не буду, видит Бог!

— И не уйдешь с работы?

— Куда ж мне идти? Сам видишь — пропадаю…

— И живодером не будешь ругать? Не будешь кричать, что жилы из вас мотаю?

— Ты уж прости, с дурости болтал, а теперь и на детей заклятье наложу, чтоб ни-ни…

— Так, значит, взять?

— Возьми, ради самого Создателя!.. Я те в ножки поклонюсь…

И действительно мужичонко шлепнулся на колени и ткнулся лбом прямо в грязь. Но лишь только он поднял голову от земли, как сидевший в экипаже замахнулся кнутом и с криком: «ах, ты сволочь, стервец этакой!» — ударил три раза несчастного мужичонку прямо по лицу, затем крикнул на лошадей и быстро понесся от реки.

Все это произошло так неожиданно и так быстро, что мы с возницей стояли, как вкопанные. Через минуту экипажа уже не было видно, и пред нами был только не успевший подняться мужик.

Еще через минуту мужик поднялся и повернулся к нам. На его лицо было страшно взглянуть: три багрово-красных рубца шли через все лицо, верхняя губа была рассечена, вся нижняя часть лица была в крови. Он подошел к реке и стал умываться. Тут только мой возница очнулся и выругался: «оце бисов молоканин!..».

Такова была моя первая встреча с тавричанином, и с тех пор я питаю к этим господам инстинктивный страх: при встречах обхожу, в вагоне сажусь от них дальше, в тавричанский дом ни за что не зайду и т.д. Мне кажется, что каждому тавричанину так же легко зарезать человека, как курицу. И, по-видимому, это предубеждение против тавричан разделяет со мною масса населения. По крайней мере, почти обо всех тавричанах среди населения циркулируют слухи, что хотя жить в работниках у тавричан выгодно, но опасно: будто бы все работники, скопившие ту или другую сумму денег на службе у тавричан и пожелавшие затем возвратиться на родину, *пропадают без вести* в пути вместе с деньгами. Сколько правды в подобных слухах, не знаю, но что вообще тавричане не церемонятся в выборе средств с целью наживы — доказывает вся их деятельность.

Неудивительно, что мыслящая часть северо-кавказского общества не может думать иначе как с ужасом о возможности перехода всех частных земель Северного Кавказа в руки тавричан и их союзников, господ «коммерсантов».

Господа «коммерсанты» — происхождения местного. Население зовет их «живодерами», но сами себя они величают торговцами, а наиболее цивилизованные из них — именно «коммерсантами». Тип этот знаком всей России, и если он чем отличается на Северном Кавказе, то необыкновенною силою, которою он обладает здесь, распоряжаясь судьбою тысяч людей.

«Коммерсант» — прежде всего, действительно, торговец. У него есть несколько кабаков (с кабака он и начинает свою карьеру), есть спиртовой склад, есть бакалейная лавка. Затем он занимается *ссыпкой* хлеба. Последнее дело он ведет, однако, на иных основаниях, чем «операторы», являющиеся к нам из Ростова. Эти покупают хлеб за деньги, тогда как «коммерсант» берет у населения хлеб, шерсть, скот и другое за долги. Дело в том, что он отпускает населению водку из кабака и всякий товар из лавки в долг. Бакалейная лавка «коммерсанта» совсем не то, что обыкновенная городская лавка. В ней, кроме бакалеи, есть и скобяной товар, и шорный, и посудный, и *лекарства*, и обувь, и одежда, и множество других предметов. Кроме того, двор «коммерсанта» представляет собою

громадный склад необходимых в деревенском быту вещей. Двор этот очень широк и просторен. Он составился, по меньшей мере, из трех мужицких дворов, хозяева которых «устранены» куда-нибудь на окраину села, подальше от «торговой» площади, хотя и по «добровольному» соглашению, но не без содействия сельских властей. Входя на двор, поражаешься обилием и разнообразием сложенных на нем предметов. Тут груды ободьев, ступиц и целых колес; вот целая пирамида досок; деревянные вилы и грабли стоят, упираясь друг в друга своими концами и образуя конус, ящики с кабацкой посудой; громадная куча кирпичей; железные полосы, оси, оглобли, кули, рогожи, скорняжные изделия и многое, многое другое. Все это лежит и ждет покупателя. Крестьянину, по своим нуждам, частенько приходится заглядывать в лавку и на двор коммерсанта, а кстати уж и в кабак, — и все он получает в долг; кроме того, тот же коммерсант при нужде выручает и деньгами. В конце концов не должен коммерсанту разве один из сотни крестьян.

Долг уплачивается натурой и трудом. Крестьянин везет коммерсанту зерно всех сортов, овечью шерсть, кожи; весною «приставляет» овец и приплод рогатого скота; уделяет ему часть своего мускульного и скотского труда. Коммерсант берет все; ему все нужно. Зерно он ссыпет в необъятные амбары, окружающие со всех сторон его двор, затем отправит в Ростов; так же он поступит с шерстью и кожами. Овец и рогатый скот он разобьет на «отары» и «гурты», будет пасти их целое лето, а затем скот продаст гуртовщикам, поставляющим его на московский и петербургский рынки; овец «поколет», мясо посолит, а сало и шерсть отправит в Ростов. Ему нужен также труд: нужны работники на дворе, нужны чабаны и табунщики, нужны резники, нужны люди и скот для перевозки всяких товаров. И потому он берет у крестьянина все, что тот может продать, вплоть до самого себя.

Само собою разумеется, что при отпуске крестьянину в долг товаров всякого рода и при приеме от него его произведений коммерсант назначает цены, какие ему заблагорассудится, и, конечно, себя не обижает. Тут совершаются деяния, которым не может быть иного имени, кроме разбоя. Но крестьянин ничего не может поделать против этого, так как коммерсант принял все нужные меры.

В каждом селе или станице есть по несколько коммерсантов, но они друг другу не мешают: владей каждый тем, что успел захватить, или, как они сами говорят, знай всяк свою *параху* — вот принцип, которым они руководствуются во взаимных отношениях. Разделив между собою мужиков, коммерсанты спокойно и независимо владеют ими, и каждый из коммерсантов не считает себя вправе продать что-либо в долг мужику из чужой «парахи» или купить что-либо из его произведений. Это, по-ихнему, значит соблюдать честь. Такая стачка господ коммерсантов продолжается даже в случае их взаимной ссоры.

Можно, конечно, мужику отвезти свои продукты «операторам» ростовского происхождения, которые устраиваются по станциям железной дороги, но это значит вооружить против себя не только своего «благодетеля», но и всех его сотоварищей и навсегда лишиться «благодеяний кредита», без которого мужику чистая смерть. И потому, если задолженный крестьянин решается иногда отвезти воз пшеницы на станцию, то он это делает не иначе, как *ночью, воровски*, словно он везет не свое добро, а краденое.

II

Благодаря такой постановке дела роль, которую играет коммерсант в жизни края, чрезвычайно громадна. Решительно все, что покупает население, оно покупает у коммерсанта, и решительно все, что оно продает, оно продает ему же. Происходит, таким образом, как бы меновая торговля, дважды выгодная для коммерсанта и дважды убыточная для населения (покупается все *дороже*, а продается *дешевле*, чем следует). *Наличных же денег большинство населения не видит почти никогда.* Если же ему понадобятся наличные деньги на подати, попу и т.п., то и таковые получаются все от того же коммерсанта.

Этой громадной ролью, однако, господа коммерсанты не довольствуются, и с каждым годом их значение все увеличивается. Так, например, в настоящее время почти у каждого коммерсанта имеется паровая молотилка, при помощи которой он «облегчает» труд крестьянина, а вместе с тем облегчает его и от хлеба (за молотьбу на молотилке берется от $^1/_8$ до $^1/_6$ общего количества зерна). Затем многие коммерсанты завели мельницы, так называемые *машинные*, а некоторые — даже паровые. Но главное, на что в настоящее время устремлены взоры коммерсантов, это земля; стать землевладельцем — заветнейшее желание коммерсанта. Благодаря указанным выше условиям желание это не остается одним желанием, но мало-помалу приводится в исполнение. И в настоящее время наши степи запестрели свежеиспеченными помещиками самого, так сказать, сырьевого происхождения: это разные Маслениковы, Меснянкины, Демины, Ивановы, Краснояровы и т.д. На купленной земле коммерсанты, в подражание тавричанам, разводят овцеводство, а главное — «пускают» к себе переселенцев из внутренних губерний России. И если, в качестве торговцев, коммерсанты «жмут масло» из населения, то уж из своих арендаторов они выжимают последние соки…

Чтобы закончить галерею владетелей здешнего края, представителей его, так сказать, высшего сословия, нужно остановиться еще на «кулаках». «Кулаки», или «мироеды» здесь очень оригиналь-

ны. В поездках по краю мне не раз указывали мои спутники или извозчики на огромные, тянущиеся беспрерывно на несколько верст загоны и говорили, что эти загоны принадлежат какому-нибудь крестьянину или казаку. Сначала мне не верилось, чтобы могли существовать крестьяне или казаки — такие богачи, но при ближайшем знакомстве с краем я узнал, что такие *земледельцы* — явление, едва ли не повсеместное в здешнем крае. Обыкновенно таких земледельцев в селе или станице несколько, смотря по величине населения. Землю они получают различным способом. Прежде всего во многих станицах до сих пор земля не делится между общественниками, а, при обилии земли, каждому предоставляется запахивать столько, сколько он успеет захватить, благодаря чему богачи захватывают громадные пространства. До последнего времени обычай этот был повсеместен в Кубанской и Терской областях. Но теперь против него борется масса станичного населения, и в северной части Кубанской области, во многих станицах земля поделена на *паи*. Но зато в остальных местностях обычай захвата не только остался неприкосновенным, но кулакам удалось еще провести на сходах разные крайне выгодные для них дополнения. Так, во многих станицах Терской области каждый казак, имея право производить запашки, сколько хочет, может нанимать для этой цели посторонних рабочих, сколько может, но с тем ограничением, чтобы наем производился *за наличные деньги*. Правило это направлено как будто против переселенцев, которые наполняют станицы и к которым станичники относятся крайне враждебно. На самом же деле терпят от этого правила как масса казачьего населения, которая, не имея денег, не может нанимать работников для производства запашек, так и переселенцы, которые, при отсутствии указанного правила, могли бы наниматься из части посева. Выигрывают только богачи, которые, имея всегда возможность нанимать рабочих на наличные деньги, могут запахивать огромные пространства, оставшиеся свободными, и иметь дешевых рабочих из переселенцев, которым все одно некуда деться. Надо вообще заметить, что станичное общество далеко не та идеальная община, в которой все делается «по равнению». Военная служба приучает казаков к полному повиновению начальству; это с одной стороны, а с другой — станичный атаман и прочие станичные чины, будучи военными начальниками станичного населения и обладая широкою дисциплинарною властью, могут творить в станице все что им угодно и без боязни встретить протест. Вот почему, между прочим, внутренние порядки станичных общин выгодны для чиновных и богатых и невыгодны для заурядных казаков. Например, сенокосами во многих станицах пользуются так, что каждый собирает сено с того участка, который он успеет обкосить в определенный день, причем как обкашивание участка, так и собирание сена должны производиться собственными силами семьи. В действительности же правила эти соблюдаются только бедняками; богачи же бесцеремонно нанимают по 20 и 30 рабочих и выкашивают не только свои участки, но и чужие, несмотря на то, что они уже обкошены. Бесцеремонность богачей доходит до того, что они просто сгоняют бедняков с их участков, и те принуждены косить сено только там, где богачи считают для себя это невыгодным.

Кроме указанного пути, кулаки во многих станицах получают нужную для их громадных посевов землю еще иначе. Дело в том, что благодаря отводу огромного пространства земель казачьим офицерам и другим лицам многие общества могли получить возле самых станиц только часть следуемого им надела; другая же часть — в виде так называемых *дополнительных участков* — отведена за 30, 50, 100 и даже 150 верст от станиц. Понятное дело, что эти дополнительные участки, составляющие иногда от половины до двух третей общего станичного надела, по своей отдаленности эксплуатироваться массою станичного населения не могут и обыкновенно отдаются табунозаводчикам по нескольку копеек за десятину, причем станичное общество выговаривает еще право для своих членов производить запашки на участках в каких угодно размерах. Право это, однако, имеет значение лишь для богачей, которые устраивают на дополнительных участках хутора и делают здесь обширные запашки.

Наконец, во многих станицах, и в особенности в селах Северного Кавказа, «кулаки» занимаются ростовщичеством и, опутав долгами своих однообщественников, отбирают у них их наделы. А так как таких должников у этих кулаков немало, то из отобранных наделов получаются значительные участки, десятин в 500 и более.

Добытую тем или другим путем землю кулаки обрабатывают частью постоянными наемными рабочими, частью только летними рабочими, приходящими к нам из внутренних губерний на страдную пору, частью, наконец, местными сельскими жителями, урывающими время для работ на кулака, иногда теми самыми должниками, у которых кулак отобрал надел.

Сколько именно засевают кулаки, это, конечно, и приблизительно определить нельзя. Но что вообще их посевы занимают видное место в общей массе посевов Северного Кавказа, в этом не может быть никакого сомнения.

Таким образом, здесь мы имеем любопытный пример обширного *капиталистического хозяйства на общинных землях*. Обстоятельство это, между прочим, показывает, насколько основательны все толки о преобладании мелкой производительности над крупной в земледельческой сфере...

Обо всем этом я припоминал, сидя у окна вагона и любуясь на мелькавшие предо мною широкие, покрытые высокою травою степи.

«Итак, — думал я, — вот представители господствующего здесь класса: операторы, арендаторы, тавричане, коммерсанты и кулаки. Им живется здесь очень привольно; для них дары природы

не пропали даром. А каково живется здесь массе населения, кормящей и поящей помянутых особ?». Вспоминая все, что я знал об этом предмете, я пришел к тому заключению, что и масса, большинство коренного населения (кроме туземцев) живет здесь недурно и во всяком случае несравненно лучше, чем внутри России. Причинами благосостояния являются многоземелье, благоприятные климатические и почвенные условия, способствующие урожайности, и рабочие руки, доставляемые нам «Рассеею» в виде переселенцев и летних отхожих рабочих, которые здесь страшно эксплуатируются, и притом не отдельными лицами, а именно *массою населения*...

Между тем поезд пришел на станцию К., где мне нужно было слезать, так как отсюда лежал мой путь в станицу N-скую, куда меня пригласил погостить тамошний батюшка.

III

Отец Никанор принадлежит к новой формации священников. Имеет ли он строгие религиозные убеждения или нет, я не знаю, так как разговоров на эту тему отец Никанор избегает. Но что он смотрит на свою должность просто как на запасный ресурс, которого следует держаться на всякий случай, ввиду возможных случайностей жизни, это едва ли может подлежать какому-нибудь сомнению. К своим обязанностям он относится крайне оригинально: все службы и требы он отправляет, как он сам выражается, сокращенным чином. Так, во время Успенского поста, когда среди деревенских женщин бывает столько охотниц поговеть, отец Никанор заставляет отправлять, в течение недели, все службы дьячка Иваныча, ветхого старичка, а сам появляется в церкви только в пятницу вечером и воскресенье утром, чтобы исповедать и причастить говельщиц; получивший право читать с клироса всю службу, Иваныч, как большой любитель церковного чтения, очень доволен; очень довольны и бабы, которых Иваныч держит в церкви часа по три. Крещение отец Никанор совершает тоже упрощенным способом: окунет ребенка три раза в воду, произнесет: «Во имя Отца, Сына и Святаго Духа» — и готово.

Прихожане, однако, любят его; он не только не вымогательствует, но нередко прямо отказывается от платы за требы. Он не нуждается в «новинах» и прочем, так как получает порядочные доходы от хозяйства. Хозяин он прекрасный, то есть умеет зашибить копейку. Двор его представляет полную чашу. Он делает обширные запашки и занимается коневодством. Лошади — его страсть. Из него вышел бы прекрасный табунщик. Он может усмирить какую угодно лошадь; из седла его не выбьет самая дикая лошадь. Он умеет ходить за лошадьми, знает, как нужно их выкармливать, как лечить и прочее. Понимает толк он и в полевом хозяйстве.

Мы с отцом Никанором давнишние приятели, и он любит похвастаться передо мной своею хозяйственностью. В этот раз он едва успел поздороваться со мной, как уже потащил меня на огород, где под особо устроенным навесом стояла паровая молотилка.

— Вот она, моя матушка, — с любовью произнес отец Никанор, обводя меня вокруг молотилки и похлопывая ее как дорогого приятеля, — прошлый год обзавелся...

— И выгода есть? — спросил я.

— Выгода? Господи ты, Боже мой! Да, прямо сказать, я через нее лопатой деньги загребаю!

— Ну?

— Вот вам и ну! Знаете, сколько я за молотилку заплатил и как я ее купил? Куплена она за четыре с половиною тысячи, причем две тысячи я заплатил прошлогоднею весною, а остальные две с половиною тысячи позднею осенью, уже после «кампаний». А знаете сколько я прошлый год выручил на молотилке?

Я, конечно, не знал.

— Ну, а все-таки, как вы предполагаете: сколько?

Я выразил предположение о тысяче рублей и сам испугался величины цифры.

Отец Никанор только засвистал.

— Стал бы я мараться из-за тысячи!.. Пятьсот четвертей пшеницы, это на деньги составит не менее пяти тысяч рублей — вот сколько-с!

— А расходы?

— Расходы пустые: машинисту пятьсот рублей жалованья, на рабочих выйдет столько же — вот и все. Топится машина соломой от того хлеба, который молотится, перевозит ее хозяин хлеба на своих волах... Так и осталось четыре или, самое меньшее, три с половиною тысячи. И выходит, что молотилка-то мне почти окупилась, и буду я теперь денежки даром загребать...

— Однако ведь это очень выгодно! Главное, и деньги не все вперед требуют... Каждый бросился бы на такую штуку...

— И бросаются! У нас нынче все умные люди этим занялись. Теперь почти в каждой станице молотилки есть. И кто только ими не занялся! И казачьи офицеры, и бывшие чиновники, и купцы, и духовенство — словом, все, у кого в голове мозги... Да иначе и нельзя! Ведь это просто деньги даром идут. Ну, конечно, со временем выгоды-то понизятся; прошлый год я брал шестую меру,

а нынешний придется брать только седьмую, а там и до восьмой и даже до десятой дойдешь — конкуренция является. А все же выгодно…

— И много теперь в здешнем крае молотилок?

— Страсть, много! Ну, больше всего, конечно, конных, но и паровых немало. Сколько именно, я не могу сказать вам и приблизительно, а много. Да вот, если вы желаете иметь об этом предмете подробные сведения, то вам даст их мой помощник…

— Ваш помощник?

— Да, помощник, или вернее, товарищ. Да вы, вероятно, слышали о нем: это — Веретьев.

Я действительно слышал кое-что.

— Он теперь на поле, — продолжал отец Никанор, — часам к пяти приедет. Познакомьтесь, он прелюбопытный господин. Для меня он — просто находка! Он-то мне и внушил мысль выписать молотилку… Да, впрочем, мало ли чего он не внушил мне, он мне все хозяйство перестроил. И начал я сеять благодаря ему… Вот вы увидите, что это за замечательный человек! Ума на пятерых хватит, энергия невероятная, привычки спартанские…

И батюшка пустился выхвалять своего помощника-товарища.

Веретьев, судя по тому, что я о нем слышал, действительно замечательная личность. Учился он в Кавказской духовной семинарии, откуда, не окончив курса, вышел вместе с несколькими товарищами с целью устроить земледельческую колонию. Это было лет пятнадцать тому назад. Будущие колонисты первым делом завели однообразный костюм — калмыцкую шапочку, пиджак и брюки из верблюжьего сукна и высокие сапоги. Затем они приступили к «пополнению своего образования». С этою целью они наняли себе учителей, конечно, по разным естественным наукам. К несчастью, в Ставрополе в то время было слишком мало людей, знакомых с естественными науками, так что, например, в преподаватели химии попал погребщик, изучивший химию практически, при подделке вин.

Колонисты скоро сами увидели, что с такими учителями далеко не уйдешь, и отправились заводить хозяйство. Землю они арендовали у казны. Принялись за дело энергично. Работали, не жалея себя. Но хлеб почему-то уродился из рук вон плохо. К довершению несчастия, их кассир стащил осенью остатки кассы и бежал в Москву, где и поступил в университет. Остальная компания кое-как перебилась зиму и с весны решилась идти на заработки. У одного из членов компании был дядя — священник, занимавшийся хозяйством; к нему-то компания и поступила в работники. Работали целое лето, работали на славу, как истые рабочие, но осенью батюшка не только не заплатил им ничего, но еще погрозил довести до сведения кого следует «вольные слова», которые господа компанейцы произносили в его присутствии. Компания разошлась. Один поступил в работники к богатому крестьянину, другой — в приказчики на пивной завод, третий занялся сапожным ремеслом, четвертый стал домашним учителем, наконец, несколько каким-то чудом добрались до университетских городов и поступили в высшие учебные заведения.

Веретьев был в числе последних. Он поступил сперва в университет (тогда, как известно, в высшие учебные заведения принимали семинаристов без аттестатов зрелости), пробыл здесь год и перешел в Медико-хирургическую академию. Здесь он тоже пробыл не долго и поступил в гремевшую тогда Петровскую земледельческую академию. В последней оказалось тоже «не то», что ему было нужно, и он распрощался навсегда с «высшим» образованием. В следующие затем десять лет он исколесил весь Кавказ, побывал и в степной его полосе, и в горной, жил и среди русских, и среди туземцев. Он был учителем, конторщиком на одном горном заводе, управляющим имением одного из туземных «князей», рабочим на нефтяных промыслах и т.д. Но все эти занятия служили ему только для добывания куска хлеба; главной же, всецело поглощавшей его мыслью было разыскание разных естественных богатств Кавказа и их разработка. Он искал на Кавказе золото, пытался поддержать мареноводство, производя разные опыты над экстрактом марены и добывая из него новые красильные вещества; искал нефть там, где о ней никогда не было слышно, анализировал малоизвестные минеральные источники, пробовал усовершенствовать местные виноделие, табаководство, шелководство и т.д. Теперь, как оказалось из слов отец Никанора, Веретьев увлекся льном, предсказывал великую будущность местному льноводству, изобрел какой-то особенный пресс для выжимки льняного масла и старался все придумать какое-нибудь употребление для льняного ствола, который здесь идет исключительно для отопления и тому подобного.

Таков был господин, к которому отец Никанор рекомендовал мне обратиться за сведениями, и неудивительно, что я ждал его с нетерпением. В пять часов он, как и говорил отец Никанор, действительно явился. Это был высокий мускулистый человек лет тридцати пяти, с загорелым смуглым лицом и с рабочими красными руками. По всему видно было, что он не брезгует мускульным трудом. Одет он был в *бешмет* — едва ли не удобнейший костюм в мире. Отец Никанор отрекомендовал нас друг другу. Веретьев оказался очень разговорчивым; чрез несколько минут мы с ним вели оживленный разговор, а затем, напившись чаю, уже сидели в мезонине, который отец Никанор отвел своему «помощнику-товарищу», и рылись в груде лежавших на столе бумаг, газетных вырезок, чертежей и тому подобного.

— Вы хотите знать о том, как распространены на Северном Кавказе сельскохозяйственные машины? — спрашивал Веретьев, вынимая из груды бумаг один листок. — Собственно говоря, точные цифровые данные относительно этого предмета имеются крайне скудные, да и те относятся к 1881 году. Именно, по сведениям Кубанского статистического комитета, в этом году в Кубанской области действовало 387 конных молотилок и 114 паровых. В Ставропольской губернии, по сведениям Ставропольского статистического комитета, в том же году было конных молотилок 148 и паровых — 28. В настоящее время цифры эти значительно ниже действительности, так как иметь молотилку — дело крайне выгодное, и на него набросились все, имеющие хоть маленькие деньги... Многие чиновники оставили даже службу, чтоб заняться этим делом. Я, по крайней мере, знаю многих таких, которые выписали машины в нынешнем году. Значительная часть конных молотилок принадлежит зажиточным казакам и крестьянам, но зато почти все паровые молотилки принадлежат так называемым «иногородним», то есть купцам, попам, чиновникам и прочим. Господа эти берут у населения обмолачивать хлеб и зарабатывают порядочные деньги, как вы можете видеть на примере нашего отца Никанора. Что же касается таких случаев, чтоб целое сельское или станичное общество или порядочная компания крестьян заводили паровую молотилку для себя, этого я не видел. Слышал про подобный случай в Терской области, где, под влиянием интеллигентных лиц, станичное общество завело молотилку, но потом сдало ее в аренду одному лицу, которое и наживается.

— А что вы скажете относительно распространения других сельскохозяйственных усовершенствованных орудий?

— Таковых здесь теперь несметное число. В северной части Кубанской области, особенно в Приейском районе и в местностях, прилегающих к железной дороге, в настоящее время почти совсем нельзя встретить старинного малороссийского плуга-сабана, в который по здешней почве приходилось запрягать иногда пар по восьми волов. Теперь он исчез и заменился легким плугом местного изобретения. Встречаются плуги так называемые «болгарские» или «одесские». Много экстирпаторов. Затем масса веялок, сортировок, жатвенных машин, сенокосилок. Чтобы вы могли наглядно видеть степень распространенности в здешнем крае усовершенствованных земледельческих орудий, вот вам несколько цифр, которые я заимствую у знатока здешнего края господина Щербины. Цифры эти относятся к 1881 году, и потому ниже настоящей действительности.

И Веретьев вынул еще один листок из груды бумаг и начал читать:

«В станице Камышеватской, при 576 дворах, насчитывалось в 1881 году более 100 так называемых немецких плугов для двух и трех пар быков, такое же количество веялок, около 50 «пукарей», или экстирпаторов и 6 жатвенных машин. В станице Ясеневской, при 276 дворах, около 10 «пукарей» и столько же веялок. Что касается плугов, то старинных плугов-сабанов здесь совсем нет; казаки пашут усовершенствованными плугами этой же системы, приспособленными к распашкам в две и три пары быков вместо пяти и шести, как это велось прежде. В станице Староминской, при 1101 дворе, до 20 плугов «болгарских», около 100 экстирпаторов, более двухсот веялок. В станице Новоалександровской, при 417 дворах, 12 конных молотилок, 3 жатвенные машины, около 15 веялок-чистилок, усовершенствованных плугов разных систем и «плужниц», то есть экстирпаторов больше, чем старинных плугов. В станице Расшеватской, при 340 дворах, «железных», то есть местных усовершенствованных плугов больше, чем «деревянных», то есть старой системы плугов, одна паровая молотилка, около 60 конных, 6 жатвенных машин, около десяти экстирпаторов и чрезвычайное обилие веялок-чистилок («просто и сосчитать нельзя», по выражению жителей). В станице Ильинской, при 676 дворах, паровых молотилок 9, экстирпаторов 5, жатвенная машина одна, плуги железные преобладают над деревянными. В станице Дмитриевской, при 397 дворах, одна жатвенная машина, 4 экстирпатора, плуги железные встречаются у каждого хозяина, 6 конных молотилок. Иногородним принадлежат: 2 паровые молотилки, 2 конные и 3 веялки».

— Уже из этих цифр, — начал Веретьев, окончив чтение, — вы видите, в каком большом количестве здесь распространены усовершенствованные орудия. Само собою разумеется, что в Закубанье, как в местности менее заселенной и не особенно давно перешедшей на мирное положение, распространение усовершенствованных орудий гораздо слабее. В Ставропольской губернии машины распространены тоже значительно меньше, чем в северной части Кубанской области. Именно в Ставропольской губернии, по сведениям местного статистического комитета, в 1881 году было жатвенных машин 43, сенокосилок — 13, конных грабель — 19, одна рядовая сеялка, одна сортировка и 19 веялок; о числе молотилок я уже говорил прежде. Я подозреваю, что эти цифры и в 1881 были значительно ниже действительности, а теперь они слишком отстали от нее. С какою интенсивностью распространяются сельскохозяйственные машины в Ставропольской губернии и вообще на Северном Кавказе, можно видеть из того, что до 1876 года в Ставропольской губернии совсем не было сельскохозяйственных машин, в том году была выписана одна жатвенная машина, затем в следующем — 8 машин и затем последовательно по годам — 17, 62 и 180 различных машин. Нет сомнения, что в последние два года число машин против 1881 года, по меньшей мере, удвоилось, так как к выписке машин побуждают, с одной стороны, чрезвычайная дороговизна и даже недостаток рабочих рук и громадное, из года в год, прогрессирующее развитие хлебопашества, а с другой — очевидные выгоды от машин...

— Однако это очень отрадный факт, — заметил я.

— Какой факт?

— А вот именно широкое распространение усовершенствованных сельскохозяйственных орудий.

— Гм… отрадный факт… Мне, признаться, он не кажется особенно отрадным.

— Почему же?

— Есть причины, и очень серьезные. Во-первых, благодаря этим усовершенствованным орудиям многие функции земледельческого хозяйства постепенно переходят в руки капиталистов, и с каждым годом число таких функций увеличивается…

— Это как же так?

— А очень просто. Прежде, если вы ездили по северной части Кубанской области и по Ставропольской губернии, вы могли возле каждого села и станицы видеть массу «ветряков», маленьких ветряных мельниц. По крайней мере, у третьей части дворов были свои мельницы, на которых перемалывался как свой хлеб, так и соседский. Но вот появились «купеческие», огромнейшие «машинные» ветряки, а затем и паровые мельницы; на них хлеб мелется и лучше, и скорее. И мелкие ветряки стали исчезать, и если теперь, где стоят, то большею частью пустые, в бездействии, а скоро они и совсем исчезнут. Таким образом, эта функция всецело переходит в руки капиталистов. Та же судьба грозит и молотьбе. В настоящее время здесь благодаря обилию конных и паровых молотилок ручная молотьба и молотьба повозками и скотом начинают выходить из употребления. В некоторых местах уже почти весь хлеб обмолачивается машинами. А между тем молотилки принадлежат не земледельцам, большинство которых не в состоянии приобрести конной молотилки (о паровой, конечно, и говорить нечего), а богатым казакам, крестьянам-кулакам или лицам, совершенно посторонним деревенскому миру. Таким образом, и эта функция переходит в руки капиталистов. То же влияние оказывают машины-сортировки и даже веялки-чистилки. Затем, бывали уже случаи, что земледельцы нанимали хозяев жатвенных машин для снятия жатвы с их полей. И нет сомненья, что с распространением машин, с одной стороны, и с расширением запашек, а это — важнейшие явления настоящей земледельческой жизни края, — при недостатке рабочих рук, а он и теперь сильно ощущается, — населению придется все чаще и чаще прибегать к жатвенным машинам и сенокосилкам. Таким образом, в будущем и эти функции отойдут в руки капиталистов. Наконец, я уверен, что и самая пахота не всегда будет производиться силами самих земледельцев, а в более или менее отдаленном будущем не минет загребущих рук того же капитала, особенно с введением паровых плугов, над чем у нас уже делались опыты…

— Ну, насчет пахоты-то вы, кажется, напрасно опасаетесь, — перебил я Веретьева.

— Напрасно? Вы думаете? — загорячился Веретьев. — Нет, не напрасно!.. Да вы знаете ли, что у нас и теперь нередко случается, что *бедняки нанимают богачей* вспахивать их поля?

— Ну, этого я совсем не понимаю, — растерянно произнес я.

— А дело очень просто: у бедных нет рабочего скота или его так мало, что нельзя составить полного плуга. В последнем случае несколько бедняков обыкновенно «спрягаются» и пашут по очереди, но бывает, что и «спрячься» нечем, и в таком случае бедняк, если он хочет сеять хлеб, принужден нанимать богача для вспашки своего поля…

— Все это для меня очень странно, — не мог не заметить я, — по обычным представлениям, край этот по преимуществу скотоводческий, да и я, насколько знаю край, представляю его очень богатым скотом, а вы вдруг говорите о бедняках, совсем не имеющих скота…

— Видите ли, обычные представления о нашем крае, как о скотоводческом по преимуществу, верны для прошлого, но никак не для настоящего, так как в настоящее время здесь земледелие берет несомненный перевес над скотоводством. Ну, а затем наш край действительно до сих пор чрезвычайно богат скотом, но дело-то в том, кому этот скот принадлежит. У нас скот все более и более концентрируется…

— То есть, как это?

— Ну, сосредоточивается в руках меньшинства и ускользает из рук большинства. С одной стороны, число лиц, у которых очень много скота, значительно увеличилось против прежнего. Затем коммерсанты, которые составляли только временные отары и гурты из отобранных весною у должников овец и рогатого скота, теперь завели постоянные отары, преимущественно из мериносов, и постоянные гурты. Наконец, явились тавричане со своими многочисленными стадами. А с другой стороны — у массы населения количество скота ежегодно уменьшается. В Ставропольской губернии в настоящее время половина крестьянских дворов не имеет овец, лошадей имеет только третья часть дворов, у значительного процента нет и рогатого скота. По станицам везде не меньше десяти процентов домохозяев не имеет никакого скота или имеет какую-нибудь одну коровенку, и иногда этот процент доходит до двадцати пяти!.. Вообще скота у нас по-прежнему много, но зато мелкое скотоводство страшно падает, а на его счет развивается скотоводство крупных хозяев… А знаете ли, — вдруг переменивши тон, обратился ко мне Веретьев, — когда я думаю об экономической жизни нашего края, когда смотрю на громадные посевы наших арендаторов и кулаков, когда вижу, какое громадное значение получают здесь хозяева сельскохозяйственных машин, когда, наконец, наблюдаю чрезвычайное развитие крупного скотоводства, — какую злобу чувствую я против вас, господа столичные литераторы!

— Против нас?

— Ну да, по крайней мере, против тех из вас, которые с таким апломбом заявляют и о невозможности капитализму развиться в сфере земледелия, и о полном его отсутствии в этой области нашей промышленности. Да помилуйте, когда я здесь собственными глазами видел и его зарождение, и его необычайное развитие, грозящее поглотить «мелкую промышленность». Я вижу, как эта «мелкая промышленность» на всех парах стремится в объятия капитализма, а мне толкуют: «Здесь не место капитализму!». Да что вы, господа, помилосердствуйте! Приезжайте к нам хоть на годик, посмотрите, что здесь делается, — тогда другое запоете.

Ужасно неприятно бывает иногда чувствовать себя принадлежащим к какой-нибудь корпорации; говорят о других, а кажется, что речь идет именно о тебе. Чтобы отклонить Веретьева от неприятной темы, я остановил его вопросом:

— Скажите, пожалуйста, давеча, говоря о том, что распространение машин не особенно отрадный факт, вы выразились, «во-первых», и затем разъяснили это «во-первых»; но ведь «во-первых» предполагает «во-вторых»?..

Веретьев понял мой маневр.

— А во-вторых, — ответил он, улыбаясь, — это «во-вторых» состоит в том, что все усовершенствования земледельческой техники, которые перенимает наш край, слишком односторонни, имеют в виду лишь одну цель — так или иначе извлечь возможно больше из почвы. И в то же время никаких забот не прилагается к тому, чтобы возвращать почве хоть часть отнимаемого у нее. Это очень важный вопрос. Мы заменили сабан усовершенствованным плугом с исключительною целью запахивать большие пространства с прежними рабочими силами. Затем мы завели жнеи и косилки, чтобы иметь возможность сжать те необъятные пространства, которые мы засеяли, совсем не сообразуясь с имеющимися у нас рабочими силами. Затем, обратите внимание на то обстоятельство, что самое большее число распространившихся у нас машин составляют молотилки. Зачем бы, кажется, они земледельцу? Разве он не может смолотить хлеб постепенно в течение зимы, когда он все равно ничего не делает? И действительно, собственно земледельцу нет никакой нужды спешить с молотьбой. Но это необходимо коммерсантам и операторам; им нужно, чтобы большая часть жатвы, немедленно же по снятии с корня, была обращена в зерно, для того чтобы иметь возможность немедленно же отправить хлеб в Ростов, Ейск и другие порты, а оттуда за границу до окончания навигации. Горе этого края состоит в том, что он работает для вывоза. И с каждым годом эта роль его усиливается. В последние годы количество хлеба, отправляемого за границу из южной полосы средней России, сильно упало, и этот недостаток должен пополняться нашим краем. Все развитие наших сил уходит исключительно на увеличение хлебной промышленности. Мы двигаемся только в этом направлении. Все остальное у нас стоит неподвижно. Мы не имеем обрабатывающей промышленности, мы не имеем ремесленников, случается, что у нас бывает один печник на уезд. Все, кроме съестных припасов, мы получаем из внутренней России. Смешно сказать, мы получаем по Волге оконные рамы с вставленными в них стеклами, и не рамы прилаживаем к дому, а дома строим, прилаживаясь к рамам. Мало того, с упадком молочного хозяйства мы получаем из Саратова масло коровье, и в Ставрополе оно оказывается дешевле местного...

Веретьев на минуту замолчал.

— Нашему краю грозят страшные бедствия, — продолжал он, немного передохнув. — Задолженность населения разным коммерсантам и кулакам растет с каждым годом, во многих местах долги населения сделались просто неоплатными; это тенета, из которых населению уже не выбраться и которые переходят по наследству от одного поколения к другому. А так как долги уплачиваются исключительно сырьем, то с увеличением долгов пришлось увеличить и производство сырья. Прежде значительная, если не большая, часть долгов оплачивалась продуктами скотоводства — шерстью, шкурами, живыми овцами и скотом; теперь же, так как рынок увеличил свои требования, главным образом, на хлеб и вообще на зерновые продукты, все увеличение производительности края пало исключительно на хлебопашество, которое, расширившись, захватило бывшие прежде свободные земли, сузило простор для скотоводства, уменьшило сенокосы и вообще сократило собственно крестьянское и казачье скотоводство. Результатом этого явилось уменьшение доли долгов, которая оплачивается продуктами скотоводства; сами коммерсанты жалуются, что им теперь «приставляется» весною овец в несколько раз меньше, чем прежде, — это-то, между прочим, и побудило их завести постоянные отары. Увеличение доли долгов, которую теперь необходимо оплатить исключительно хлебом, вызывает увеличение распашек и, стало быть, новое сокращение скотоводства, новое уменьшение доли, оплачиваемой продуктами скотоводства и, стало быть, новое расширение распашек. Словом, это заколдованный круг, из которого нет выхода. Количество распаханной земли увеличивается, количество лугов и степи уменьшается, почва истощается, скотоводство падает. И знаете, к чему все это в конце концов приведет? Когда почва истощится — признаки чего уже являются — и явится необходимость в удобрении, его не найдется, так как собственно у населения его или вовсе не будет, или будет слишком мало сравнительно с массою запашек. А истощается почва у нас ужасно...

— Позвольте, — перебил я Веретьева, — на меня этот край, когда я проезжаю по Ростово-Владикавказской железной дороге, производит впечатление малокультурного, в котором слишком мало запашек…

— Это объясняется тем, что у нас масса незаселенных земель — войсковых и розданных офицерам и другим лицам, и земли эти, по какой-то *случайности*, прилегают как раз к железной дороге. Земли эти пока еще не попали в указанный круговорот, которому подверглись, главным образом, общинные земли. Но мало-помалу, по мере заселения переселенцами, и упомянутые земли начинают подвергаться общей участи. Кроме того, не забывайте, какие громадные наделы получило наше население — казаки по 30 десятин, а крестьяне по 15 на душу, — неудивительно, что у нас еще много нераспаханных земель. Но я говорю не столько о современном состоянии края, сколько о *направлении*, которое приняла его экономическая жизнь, о пути, по которому она идет. И чтобы показать вам, что я нисколько не преувеличиваю, ожидая бедствий — вроде самарских голодовок — для нашего края, я приведу вам некоторые цифры.

И, порывшись в куче бумаг, Веретьев достал новый листок.

— Вот в станице Стародеревянковской, Ейского уезда, в 1870 году под распашками было 2500 десятин, а в 1881 году — уже 3800. В Каневской станице в 1872 году было распахано 5275 десятин, в 1875 году — уже 5980, а в 1881 году — 6200 десятин. Но здесь увеличение распашек еще довольно умеренное сравнительно с другими станицами. Так, в станице Крыловской, того же Ейского уезда, в 1872 году пахотной земли было 2025 десятин, в 1876 году —2053 десятин, а в 1881 году — уже распахано 8185 десятин. То же и в других уездах! Так, в станице Кореновской, Екатеринодарского уезда, в 1872 году было распахано 7700 десятин, в 1876 году пахотной земли было 8283 десятины, а в 1881 году под посевами было земли уже 13000 десятин. Само собою разумеется, что чем ближе к торговым центрам и торговым путям, тем увеличение запашек идет интенсивнее. Вот, например, как возрастало количество запашек в станице Камышеватской, лежащей близ города Ейска: в 1871 году здесь распахивали 4155 десятин, в 1875 — 6640 десятин, в 1880 — 10000 десятин, в 1882 — 17369 десятин.

Увеличивая так быстро запашки, жители тем самым сильно уменьшили свои сенокосы и выгон. Вот несколько цифр. В станице Кореновской в 1872 году под толокой и сенокосом вместе состояло земли около 36500 десятин, в 1875 году угодья эти занимали уже около 25000 десятин, а в 1881 году они занимали уже только 20000 десятин, то есть в девять лет уменьшились почти наполовину. В станице Камышеватской толока в 1871 году занимала 11277 десятин, в 1875 году — 9297 десятин, в 1880 году — 7000 десятин, а в 1882 году — уже только 3033. Сообразно с этим уменьшается и собственно общинное скотоводство. Так, например, в станице Стародеревянковской числилось:

	Лошадей	Рогатого скота	Овец
В 1870 году	1770	5846	15000
В 1875 году	376	4500	10000
В 1881 году	570	4200	6800

Точно так же и в станице Пластуновской: в 1872 году числилось 7570 штук рогатого скота, в 1878 году — 3200 и в 1881 году — 3505.

— Не подумайте, что эти цифры характерны только для одной местности. Нет, они характеризуют направление экономической жизни всего края. Так, я знаю в Ставропольской губернии села, которые распахали всю свою землю, кроме необходимого выгона, конечно, и затем арендуют землю везде, где только можно: у соседних казачьих станиц, у частных землевладельцев, ездят за землею даже верст за 70—100 в калмыцкие степи и там сеют хлеб. Словом, здесь, несмотря на многоземелье, является такая жадность к земле, которую поискать да поискать еще в других местах…

— И знаете ли, — продолжал чрез несколько минут Веретьев, — даже культурный немец, попавши к нам, поддается влиянию движущегося здесь заколдованного круга и забывает всю свою культуру, оставляет свою солидность и начинает плясать по-беличьему. Вот, не угодно ли прослушать краткую историю колонии Михельсталь, расположенную в 15 верстах от Ейского порта. Это пишет профессор Линдеман, посетивший наши палестины летом прошлого года.

«Колония Михельсталь была основана одновременно с городом Ейском, в 1852 году, и заселена колонистами (немцами) из Острогожского уезда, Воронежской губернии. Переселившись сюда из Воронежской губернии, колонисты сначала весьма старательно и хорошо обрабатывали свою землю, придерживаясь порядков и обычаев, усвоенных ими в Воронежской губернии. Почву для посева озимого хлеба они пахали во время Петровского поста, двоили осенью и сеяли под борону. При такой тщательной обработке они могли распахивать только часть своего надела, состоявшего из 30 десятин на двор. Но получавшиеся при этом прекрасные урожаи вполне обеспечивали коло-

нистов, так что значительная часть их земли оставалась под сенокосами. Но с постепенным развитием одновременно с колонией заложенного Ейского порта все это изменилось. Мало-помалу, расширяя свои распашки, колонисты, наконец, распахали всю свою землю. Сенокосы исчезли; толокой служат заросшие бурьянами перелоги; за неимением времени для тщательной обработки, прежние обычаи были оставлены; озимый хлеб стали сеять под рало по жнивью только что убранной яровой пшеницы; яровой хлеб многие сеют прямо по нераспаханной поверхности поля, только запахивая семена плугом. Так, говорят, лучше, меньше вырастает сорных трав. Впрочем, у некоторых еще сохранился старый обычай пахать землю на зябь для посева яровой пшеницы. Сами колонисты говорят, что распахивают они теперь и засевают земли больше, чем прежде, а хлеба получают вообще меньше, чем прежде. Но возвратиться к старым порядкам стало уже трудно. Уже сложилась новая рутина, представляющая свои удобства, требующая меньше труда и работы. Колонисты говорят, что улучшение их хозяйства возможно только чрез увеличение их надела. Расширение запашек, ухудшение обработки довело поля колонистов до такого состояния, какое представить себе трудно для хозяина среднерусского. Сорные травы (как, например, осот) разрослись так, что нередко делают невозможною уборку хлеба. Вредные насекомые начинают размножаться в большом количестве…».

— Эти печальные явления, которые господин Линдеман наблюдал в колонии Михельсталь, — общее достояние всего нашего края. Повсюду идет страшное истощение почвы. Подумайте только, что ежегодно из нашего края вывозятся десятки миллионов пудов зерна всякого рода и миллионы пудов шерсти, сала, кож и так далее, и разве только десятая часть увезенного возвращается к нам обратно уже в переработанном виде, — в виде спирта, печений, сукна, сапожного товара и др. Собственно же почве ничего не возвращается. Поэтому расширение хлебной производительности нашего края возможно лишь до тех пор, пока есть возможность распахивать новые земли. Но как только эта возможность исчезнет, расширение производительности края прекратится, она начнет падать с невероятною быстротою — и тогда настанет ужаснейший кризис. И кризис этот, судя по тому, как мы спешим распахать все имеющиеся у нас запасы целинных земель, очень и очень недалек…

— Собственно населению усиление хлебной производительности края никакой пользы не приносит. Прежде, если население собирало хлеба в два, три или четыре раза меньше, то зато он весь или, по крайней мере, большая часть его оставалась в пользу земледельца; почти весь хлеб собирался силами самого населения, и долгов было мало. Теперь совсем не то. Вот я представлю вам маленький расчет, из которого вы увидите, как мало остается в пользу населения из собираемого им хлеба. Прежде всего, много тратится на уборку хлеба. При тех громадных запашках, которые делаются теперь, большая часть хлеба может быть убрана только наемными рабочими. Цены на труд в страдное время, в последние годы, стояли очень высокие, так что уборка хлеба становилась в треть его (у нас сплошь и рядом плата натурою). Из остающегося хозяину хлеба приходится отдать шестую часть за молотьбу на машине. Затем, когда земледелец повезет коммерсанту хлеб, он потеряет ровно половину его стоимости, так как коммерсант, при отпуске товаров в долг, накидывает на их цену не менее 25 % «за одолжение», при приеме зерна уменьшает его ценность тоже не менее как на 25 %. Таким образом, к концу концов в пользу земледельца остается только 5/18 стоимости жатвы. Таково положение земледельца коренного жителя, входящего в состав здешних общин и, стало быть, имеющего свою землю. Земледельцу-переселенцу, живущему на чужой земле, приходится еще меньше, так как за землю он отдает половину урожая; ему приходится, по точному расчету, всего не более 5/36 жатвы. И если тем не менее коренные жители-земледельцы несравненно зажиточнее крестьян внутренних губерний, то это указывает только на то, как много здесь собирается хлеба, что его хватает и на долю земледельца, несмотря на все изъяны. Отчасти, впрочем, зажиточность населения зависит и от того, что наши коммерсанты и кулаки — народ умный. Это, действительно, крепачи, «вышедшие в люди» благодаря своему уму и чрезвычайной энергии. Опутать долгами зажиточное население несравненно труднее, чем бедное. Но еще труднее суметь остановиться вовремя и не разорять население без нужды. Наши коммерсанты отлично поняли, что их интересы требуют, чтобы у массы населения было полное хозяйство. У нас никогда не было случая, чтобы «свой» кулак, то есть живущий в том самом селе, которое он эксплуатирует, — взыскивал долг с крестьянина судебным порядком, чрез продажу имущества должника и т.д. Если что-нибудь подобное делается, то лишь «чужими» ростовщиками, преимущественно городскими. Напротив, коммерсант старается «недобирать» долга: этим путем долги крестьян все увеличиваются, а вместе с тем увеличивается и количество «приставляемого» коммерсанту хлеба. Потому-то меня в особенности и страшит предстоящий кризис хлебной промышленности края, что с упадком ее переменится радикально и тактика коммерсантов. Увидев, что более уже нельзя надеяться на увеличение дани, ежегодно собираемой ими с населения, коммерсанты сообразят, что им выгоднее будет получить сразу громадные, лежащие на населении, долги, чем собирать по грошику, тем более что с каждым годом будет все меньше надежды получить что-нибудь с обнищавшего населения. И тогда начнется великое разорение. Тогда-то…

— Что же еще будет тогда? — спросил я, видя, что Веретьев остановился.

— Тогда-то и получат практическое значение маленькие пунктики о праве двух третей сельского схода переменять общинное владение землею на подворное, а также о праве сельских обществ отчуждать свою землю. Тогда и столичные литераторы увидят, что может сделать капитализм в области земледелия, да будет поздно!..

Мне стало немного обидно за столичных литераторов.

— А зачем же вы сами служите капиталистам? — спросил я. — Ведь отец Никанор тоже капиталист…

Его оживленное лицо вдруг как-то осунулось, и он медленно произнес упавшим голосом:

— Пробовал и я прать против рожна и… Впрочем, и говорить об этом не стоит…

И он безнадежно махнул рукой.

— У попа мне все же лучше, чем было в других местах.

— Почему?

— Не мешает он мне делать опыты… Сколько добра я у него перевожу на эти опыты — страсть!..

— Да вы как у него, за управляющего?

— Официального титула никакого не ношу, а делаю все что могу.

— И вознаграждение?

— Определенного ничего нет, а беру сколько мне нужно. Ну, конечно, такой порядок существует потому, что хозяин хорошо знает, что я многого не возьму…

На этом мы с Веретьевым распрощались, и я сошел вниз. Постель для меня оказалась приготовленною в «зале», и так как было уже поздно, то я лег спать. Во сне я увидел два ряда людей: в одном ряду все толстые, неповоротливые, с красными рожами, с толстыми шеями и затылками, а в другом — тонкие, шустрые, юркие; но на лбах у тех и других была одна и та же надпись: «капитализм насадить в области земледелия мы не можем, но оседлать «производителя» можем превосходно». На другой день я увидел тех, кого эти господа седлают…

IV

Когда я проснулся, оказалось, что чья-то заботливая рука затворила рамы и ставни окон, которые с вечера были открыты. Однако и сквозь затворенные ставни до меня доносились со двора разнообразные звуки, показывавшие, что там уже давно начались ежедневные хлопоты и движение. Слышался басоватый голос отца Никанора, солидно делавшего какие-то распоряжения; Веретьев пискливо кричал на весь двор; женский голос оппонировал ему тоже самыми высокими нотами; на коридоре, окружавшем дом, звенели стаканы — значит, происходило чаепитие; наконец, со стороны станицы несся какой-то неопределенный шум, напоминавший и рев бури в лесу, и гомон толпы народной.

Я оделся и вышел на коридор. Отец Никанор, думая сострить, заявил, что я сплю, вероятно, по-петербургски. Веретьев похвалился, что он уже успел осипнуть от крику. Матушка справилась, не помешало ли мне что спать. Я поспешил успокоить сердобольную подругу отца Никанора и подсел к чайному столу. Отец Никанор заявил, что ему нужно приготовиться «отмахать» обедню, и оставил нас. За ним отправилась и матушка, которой тоже нужно было принарядиться. Мы остались с Веретьевым вдвоем.

— Знаете ли, — обратился он ко мне, — я уже составил программу нашей деятельности на нынешний день; не знаю только, одобрите ли вы ее?

— В чем же состоит ваша программа?

— А вот после чаю отправимся побродить по станице, посмотрим косарей, а после обеда, когда немного спадет жара, съездим на хутор Иванова — это в 8 верстах отсюда — там теперь живут переселенцы. Согласны?

Мне, конечно, оставалось только выразить удовольствие.

Так мы и сделали, как предложил Веретьев: напились чаю и вышли из дому.

Дом отца Никанора выходил на площадь. На одной стороне этой площади стояла церковь, на другой рядом, бок о бок, приютились «правление» и училище. Училище представляло собою очень красивое и просторное здание — и лучше, и больше правления. Другие стороны площади были заняты частными постройками, преимущественно дворами местных «богатеев» торговцев, которые выдвинули здесь на вид свои лавки и кабаки, нисколько не смущаясь установленными законом расстояниями от церкви и правления. Тут-то, около помянутых торговых заведений, и стояла громадная толпа народа, гул которой доносился ко мне, когда я еще лежал в постели. Сюда мы и направились с Веретьевым.

Толпа состояла из нескольких сот человек. Одни из них сидели на ступеньках, ведущих к кабакам и лавкам, другие лежали возле стен, третьи стояли кучами. Почти все они были одеты одинаково — в белые посконные рубахи, а сверху накинуты армяки. Только кое-где виднелись бешметы и изредка подобия сюртуков. Толпа состояла из крестьян внутренних губерний, ежегодно являющихся

сюда в огромном количестве на летние заработки; были также «мещане», то есть те же крестьяне, переселившиеся на Кавказ и приписавшиеся к здешним мещанским обществам. У всех, стоявших в толпе, торчали из-за плеч «косья»; это значило, что они не имеют определенного пристанища и «пребывают» на площади, пока не будут кем-нибудь наняты.

До окончания обедни кабаки не открываются, но пускать народ с заднего хода понемногу, «по очереди», можно. И действительно, время от времени от толпы отделялись небольшие партии и скрывались в широких дворах «коммерсантов».

Мы подошли к одной лавке и подсели к кучке рабочих. Тут уже было несколько нанимателей-казаков, ведших с косарями оживленные переговоры.

— Глядите-ка, что они говорят! — подскочил к Веретьеву один казак. — Меньше двух рублей, говорят, не возьмем.

— Да и нельзя нам меньше, милый человек! — возразил косарь, сосед Веретьева.

— За один-то день два рубля! Жирно будет!

— А много ли таких-то дней? Неделя, другая, да и обчелся…

— Ну, нет, не бывать по-вашему, — заволновался казак, — ишь ведь что выдумали: стакнулись все и думают, что могут с нами делать все что угодно… И мы тоже не плохи: вот как обедня кончится, сейчас приговор составим, чтоб никто из хозяев не смел нанимать дороже рубля двадцати, а кто наймет — с того штраф. Тогда посмотрим, чья возьмет!..

И, энергично махнувши рукою, казак ушел.

— Ишь, расходился, *чига востропузая!*[1] — добродушно рассмеялся косарь. — Нашел, чем напугать: не видали мы их приговоров! Тоже не впервой мы тут…

— А часто *они* такие приговоры делают? — спросил Веретьев.

— Не то чтобы часто, а бывает… Да только мало толку из этих приговоров. Бывало, так-то целый день *валандаемся; они* на своем стоят, а мы на своем; ну, а к вечеру, глядь, *они* и уступят…

— А вы не уступаете?

— Бывает, что и мы сбавляем. Это глядя по работе и по народу. Вот нынче-то мы уж не сбавим; нынче-то дело подошло так, что *они* не знают, за что и браться: и покос не кончили, и ячмень налился, да и рожь уж готова. Другой-то как угорелый мечется; то сенца немного скосит, то угол ячменя свалит, то на рожь бросается, а там опять к сену бежит — ворошить или в копны складывать. Вот тут-то уж мы себе господа: что хотим, то и возьмем. Так-то вот бывает, что и рубля три в день наш брат получает… Ну, только год на год не находит. Иной-то раз народу сюда набьется страсть как много, а тут, глядь, сена выгорели, хлеба пропали, работы нет — вот когда горя набираемся мы. Красная цена нашему брату шесть гривен в самую *косовицу,* да и за эту цену не все работу находят. Иной-то ходит, ходит без работы, есть нечего; и приходится протягивать руку да Христово имя петь — вот до чего дело доходит. Да если и хороший год взять, тоже много ли мы заработаем-то? Приходим мы сюда рано, потому хлеб-то у нас дома к весне приестся; ну, как отпахали да отсеялись, так и бежим. А тут работы пока никакой: так только по домашности что сделать и берут нас из-за одного хлеба, а мы и тому рады. Разве кто найдет работу — *кизяки* резать, аль колодцы рыть — ну, за эту работу деньгами платят — двадцать, тридцать копеек в день… Настанет потом покос — тут уж, действительно, в хороший год цена безобидная, только долго ли? А потом опять цена падает… Как разберешь все, и выходит одна *проволочка…*

— Ну, а сколько вы зарабатываете в хороший год и сколько в дурной?

— Да как тебе, барин, сказать? Разно зарабатываем. Работаем мы тут два, два с половиною и три месяца и зарабатываем и тридцать, и пятьдесят, и восемьдесят рублей… Только ведь домой этих денег не принесешь: дорога сюда да обратно домой дорого стоит, оборвешься, обносишься тут, поправиться нужно, ну, и выпьешь иной раз — нельзя же без того, и начальство любит немножко нас пораструсить — тоже разное бывает. Ну, и принесешь домой красную аль две, а уж много три. А как плохой-то год, так не то что что-нибудь домой принесть, а и сам-то еле Христовым именем до дому доберешься. Вот как, барин, бывает!.. Ну-ка, дядя Митряй, поскорее вставай, да пойдем косарское горе заливать! — вдруг, переменивши тон, обратился наш собеседник к своему соседу, косарю почтенных лет, и оба они поднялись и отправились в гостеприимно растворенные ворота купца Распоясова.

Мы с Веретьевым тоже поднялись.

— Знаете ли что, — обратился ко мне Веретьев, — пока обедня не кончилась, особенно интересного ничего не будет. Так вот пойдемте-ка мы пока на толоку (выгон), я вам покажу «машинную» мельницу одного здешнего купца, а потом вернемся как раз к самой сути.

Я изъявил согласие, и мы отправились. Дорогою разговор естественно вертелся на косарях.

— Скажите, пожалуйста, — начал я, как только мы отошли от косарей, — много этого народа приходит сюда на заработки?

— Ужасно много. Точное число, конечно, определить нельзя, потому что исчислением косарей никто не занимается да и трудно было бы приложить статистику к этому крайне подвижному элементу, постоянно перекочевывающему из одной местности в другую. А только ужасно много, судя по всему. Вы видели, какая громадная толпа их собралась в нашей станице, то же повторяется почти в каждой стани-

це, в каждом селе. Посмотрели бы вы, какие громадные массы этих рабочих собираются в Ростове и в Ейске, этих исходных пунктах, откуда они уже рассыпаются по всему краю! В Ейске ими буквально бывают засыпаны выгон и базарная площадь. Чтобы составить себе хоть приблизительное понятие о числе этих летних полевых рабочих, высылаемых к нам внутренними губерниями, надо иметь в виду следующее: здесь крайне редкая семья обходится без найма рабочих во время уборки трав и хлебов, а большею частью каждая семья нанимает по два и по три рабочих, богачи же — по десяти и значительно более. Таким образом, из числа занятых на наших полях во время страды рабочих рук, большая часть принадлежит пришлым рабочим, и только меньшая — местным, это может дать понятие, с одной стороны, о размере рабочих сил, поставляемых нам «Рассеею» и о значении, которое имеют эти силы в общем строе жизни края, а с другой — достаточно характеризует возгласы казачьих патриотов, часто даже из образованных, которые с гордостью говорят, что *они* кормят внутреннюю Россию, давая такие громадные заработки выходцам оттуда. Заработки здесь, конечно, хорошие, не в пример тем грошам, которые получает земледельческий рабочий внутри России. Здесь, например, уборка десятины хлеба стоит 20 рублей, а бывает и выше — 25 и 30, а в исключительных случаях поднимается и до 40 рублей. Но надо же знать, за что даются такие цены. Здесь десятина, при обыкновенном урожае, дает 10 четвертей, то есть до 100 пудов зерна, а часто урожай бывает выше — 120, 150 и даже 200 пудов на десятине. Бывают урожаи, конечно, крайне редкие и только местами, в 240 пудов на десятине. Ведь это, значит, десятина дает 240 рублей! Понятно, что при таких условиях можно заплатить и 40 рублей за уборку десятины, и все-таки еще останется 200 рублей. И эти громадные барыши население получает исключительно благодаря пришлым рабочим, так как вовсе не редкость, что при их недостатке много хлеба остается неубранным или продается на корню. Только именно благодаря труду пришлых рабочих население и может делать такие громадные посевы, какие оно делает теперь. При таких условиях говорить, что *мы* кормим рабочих, даже неловко, так как в действительности *они* кормят нас…

— И, собственно говоря, заработки пришлых рабочих далеко не так велики, как кажутся, — продолжал Веретьев, переждавши минутку. — Вы слышали давеча от косаря, какие вычеты из этого заработка нужно сделать, чтобы определить настоящую величину. А косарь далеко не все сказал. Слыхали ли вы, например, что казаки грабят пришлых рабочих?

— То есть, как грабят? — удивился я.

— Самым обыкновенным образом, или, вернее, не совсем обыкновенным образом, так как для этого здесь выработаны особые приемы. Обыкновенно делом этим заправляет кто-нибудь из местных казачьих блюстителей порядка. Наберет такой блюститель порядка дружину из молодых ребят-казаков и отправляется туда, где много пришлых рабочих, главным образом, конечно, в кабак. Здесь, придравшись к кому-нибудь из косарей, особенно если последний под хмельком, молодцы схватывают его и тащат в «холодную». При этом самое любопытное, *как* именно они тащат такого несчастного: волокут его всю дорогу по земле за ноги или за волосы, и сколько ни есть при блюстителе порядка людей, составляющих его дружину, каждый «из них считает священным долгом своим ударить бедняка, и ударить посильнее, так что, пока дотащат его до места назначения, он совершенно одуреет от побоев и представляет из себя какую-то безжизненную массу. Сдав в таком виде свою жертву в «холодную», грабители ждут час-два, пока избитый мужик не придет в себя, и затем предлагают ему заплатить целковый «за труды». Получив деньги, несчастного выпускают. Если этим господам попадется опытный косарь, бывавший уже в переделках и знающий, чего собственно добивается блюститель порядка, то обыкновенно дело оканчивается еще в кабаке тем, что косарь платит рубль и покупает «начальнику» стакан водки, за которым тот и дает слово не трогать откупившегося, по крайней мере, в тот день. Глядя на подобных «начальников», начинают практиковаться в этом промысле и молодые казаки уже от себя. Собравшись гурьбою, они вбегают в кабак, нападают на первого попавшегося косаря, избивают его, насколько хватит сил и желания, и если он не согласится на требование дать им на выпивку, то казачата тащат его в «холодную» уже по своей личной инициативе. Начальство благосклонно раскрывает двери «холодной» для таких жертв, и, просидев здесь ни за что, ни про что более или менее продолжительное время, мужик выплачивает казачатам полтинник на водку, да кроме того рубль в станичное правление, и затем его выпускают на свободу.

— Однако, ведь это черт знает что! — невольно закричал я. — Настоящая охота на краснокожих!

— Совершенно верно. Однако в нашем крае ветречаются факты, еще более рельефные в этом отношении; поезжайте-ка немного далее на юг, посмотрите на положение туземцев — там вы найдете настоящую охоту на краснокожих со всеми ее атрибутами… Впрочем, возвратимся к нашим косарям. Говоря об их заработках, нужно принять во внимание также, какая масса времени пропадает у них даром по причине болезней, какое множество их умирает здесь и как вообще тяжела и скверно обставлена их жизнь и работа. Высадятся, например, они в Ейске и ждут, на наймет ли их кто, так как много рабочих нанимают для полевых работ ейские мещане-земледельцы, засевающие громадный арендуемый ими у Кубанского войска участок земли, в 34000 с лишком десятины, и, кроме того, много «панских» участков. Каких-либо приютов для рабочих в Ейске, конечно, не имеется, и рабочие располагаются просто на выгоне, под мельницами, или на базаре, под ларями и лавками. Здесь они лежат и в дождь, и в грязь, так как деться больше некуда. Ейской думе и мысль не приходит о

том, что на ней лежат какие-нибудь обязанности по отношению к этим рабочим, создающим своим трудом благосостояние города. Проскользнула как-то раз мысль об устройстве бараков для рабочих и отхожих мест на базаре, что крайне необходимо в санитарных интересах самого города, но мысль так и осталась мыслью и теперь совсем забыта. Провалявшись в ейской грязи неделю или две, рабочие отправляются внутрь страны, так как в Ейске нанимается только некоторая часть общего количества прибывающих сюда рабочих. Внутри страны они нанимаются или к казакам-земледельцам или в «панские» экономии; и здесь, и там положение их одинаково безобразно. Летний полевой труд у нас — каторжный труд. Встают еще почти впотьмах в 2—3 часа утра, а спать ложатся, когда уж совсем стемнеет, в 10—11 часов ночи, и все это время работают, исключая краткие промежутки для принятия пищи и небольшого отдыха после обеда. Работы много, все быстро зреет, хозяева спешат с уборкой и изо всех сил стараются выжать возможно больше из труда рабочих. Для этого пускаются в ход разные хитрости: так, например, во время косьбы ставится последним косцом самый сильный и опытный косарь, и впереди идущие косцы, из боязни, что он подкосит им пятки, напрягают все свои силы, чтобы работать на одном уровне с ним; бывает, что заднему косцу платится даже особая плата, чтобы он «подгонял» своих товарищей. Все это делает труд рабочих, и без того крайне тяжелый, совсем невыносимым. Промахать косою без перерыва полтора месяца и более — это не шутка! К тому же нет никакой возможности хоть сколько-нибудь оправиться и восстановить свои силы. Спать во все время работ приходится крайне мало. Местом отдыха служит то же поле, на котором происходит работа; здесь же под телегою, а в лучшем случае в соломенном шалаше, приходится проводить рабочему и ненастные, мокрые дни. Если же иной раз рабочие и возвратятся в станицу, то здесь к их услугам, в лучшем случае, хлева, где они проводят ночи вместе с животными, а то так и просто улицы и площади.

С обстановкой гармонирует и питание рабочих. Завтракают рабочие одним хлебом, обыкновенно дурно испеченным, прокислым, грязным, иногда с молоком; обедают и ужинают борщом с плохим и в микроскопическом количестве салом и жидкою пшенною кашею с зацветшими сухарями. Это в скоромные дни. А в пост все питание рабочего состоит из хлеба, лука, кваса и каши с постным маслом. А не забудьте, что весь июнь — самая горячая пора работы — обыкновенно длится Петровский пост. Неудивительно, что рабочий совершенно обессиливает за страду, худеет так, что от человека остаются только кожа да кости. А болезни? Они преследуют рабочего на каждом шагу. В Кубанской области масса рабочих страдает от «корчия», то есть лихорадки. Тут много значит непривычка к климату, к болотистому воздуху. Затем бывает, что рабочий уж слишком объется дешевых овощей — арбуза, дыни, огурцов, что вполне естественнно при плохом, недостаточном питании. Часто также рабочий простуживается, выпивая после каждой «ручки» покоса почти по полуведра воды, что не может не отразиться крайне вредно на здоровье рабочего при 40-градусных жарах. И вот, в каждой станице во время покоса и уборки хлеба непременно лежит по несколько человек пришлых рабочих, одержимых ужаснейшею лихорадкою. Лежат они просто под забором, под плетнем, где-нибудь на улице, и никому до них нет дела, никто не ухаживает за ними, никто не заботится о них. Здесь они и умирают нередко, оставленные всеми, без всякого призрения. В Ставропольской губернии другое зло — кровавые поносы. Дело в том, что большая часть этой губернии безводная. Для того чтобы иметь какую-нибудь воду, перегораживают «греблей», состоящею большею частью из навоза и соломы, степные балки и получают таким образом запруды, в которые собирается вода, стекающая весною, при таянии снега, с боков балки; сюда же собирается дождевая вода. Вода эта стоит целое лето, гниет, покрывается зелеными водорослями, кишит мириадами всевозможных живых существ, головастиками, водяными насекомыми и инфузориями. Зачастую в этой же запруде целое лето мочится конопля. Вонь от таких запруд невыносимая. И эту-то воду пьют и люди, и скот. Можете себе представить, какое влияние оказывает эта вода на желудки. Летом положение еще ухудшается. Так как полевые работы производятся на огромной площади, принадлежащей каждому селу, тогда как вода находится только в одном каком-нибудь месте, то крестьяне принуждены брать на поле воду с собою. Испорченная вода, пробыв целую неделю в бочке под палящим летним солнцем, делается отвратительною до невозможности — в ней заводятся даже черви. Неудивительно, что здесь летом страшно свирепствуют кровавые поносы со смертельным исходом. Но, как ни странно, местное рабочее население страдает от этой болезни сравнительно менее, словно оно приучило свой организм к невозможным гигиеническим условиям. Пришлые же рабочие буквально валятся от кровавых поносов. Проезжая в это время по губернии, почти в каждом селе можно найти по несколько человек, только что умерших от этой болезни. Это какая-то ужасная и бесконечная гекатомба, которую мы приносим своему невежеству и неумению сделать что-нибудь для устранения безводия в этом крае… Затем нужно еще упомянуть о солнечных ударах, которым подвергаются рабочие, работая под раскаленным небом, на 40- и 50-градусной жаре. Вы и представить не можете, какая масса народа гибнет здесь этим путем! Летом только и слышно: там рабочий косил да вместе с косою и упал, там сразу несколько. Бывает, что целая артель падает, словно молниею пораженная, — и потом только часть ее приходит в себя. И опять здешние уроженцы и в этом отношении страдают значительно меньше пришлых рабочих… Таково-то положение одной из

опор благосостояния нашего края — косаря. Что же касается другой опоры, переселенца, то и его положение неблистательно. Но об этом нам придется говорить, вероятно, уже на возвратном пути, так как вот и мельница!..

И действительно мы уже подходили к мельнице.

Это был громадный «машинный ветряк», пред которым его соседи, обыкновенные казачьи «ветряки», казались совсем пигмеями. В городе такой высоты постройки не производят никакого впечатления, но в станице, среди мелких одноэтажных, приземистых зданий, машинный ветряк казался каким-то колоссом. Крылья его имели саженную ширину, а дверь, до которой нужно было подниматься по лестнице, казалась снизу такою же маленькою, как какое-нибудь отверстие в голубятне. Мы вошли внутрь мельницы, осмотрели механизм, посмотрели, как быстрою струею сыплется смолотая мука — и вышли снова на воздух. Какое-то странное впечатление производили гул от движения жернова и зрелище происходившего на наших глазах пожирания мельницею зерна. Чувствовалась какая-то жуткость.

— Знаете ли, — начал Веретьев: — когда я бываю на этом ветряке, мне всегда кажется, что это — эмблема.

— Эмблема чего?

— А того, что делается в этом крае. Как эта госпожа, — Веретьев ткнул в мельницу, — пожирает целую уйму зерна и все ей мало, все подай нового, так и ее хозяин, купец Красноносов, жрет людей без сожаления, и все ему мало, все аппетит его растет. Если б вы знали, сколько он разорил и сгубил народа!.. А когда я стою возле крыльев (мы подошли под мельничные крылья), мне кажется, что это тоже эмблема, изображающая один период моей жизни. Как вы думаете, что произойдет, если ухватиться за эту громадину?

Веретьев указал на крыло.

— Думаю, — отвечал я, — что громадина так оттолкнет дерзкого, что он отскочит на десяток саженей и раза три перевернется…

— Вот то же самое происходило со мной всякий раз, когда я пытался остановить знаменитое «колесо», как называют свою деятельность господа коммерсанты и иные кровопийцы нашего края; меня отталкивало так, что я переворачивался и летел вверх ногами. Удивительно даже, как я остался цел. Это ответ на ваш вчерашний недоумевающий вопрос: зачем я служу капиталистам… А теперь отправимся в станицу и продолжим наш прежний разговор…

И Веретьев заговорил о переселенцах. На этот раз, впрочем, он не сообщил мне ничего нового. Переселенческий вопрос на Кавказе давно интересовал меня, и по мере сил я собирал о нем сведения, где и как только возможно. Для меня было любопытно послушать Веретьева только для того, чтобы проверить свои выводы и обобщения, и, к моему удивлению, в этом отношении я совершенно сошелся с ним.

V

Вопрос, действительно, очень любопытен. Северный Кавказ принадлежит к числу тех обетованных местностей, в которые издавна стремится утесненный в земле крестьянин северных, средних и даже южных губерний России. «Ставропольская» губерния и «Закубань» — эти термины означают для русского крестьянина настоящую страну молочных вод и кисельных берегов. Представления крестьян об этой благодатной стране выражаются словами: «земли воля» и «арбузы—во». Под влиянием таких представлений о свободных, никем не занятых землях и необыкновенных богатствах природы Кавказа, а главным образом, конечно, под влиянием тяжелого положения, в которое поставлено малоземельное население «российских» губерний, с началом весны начинается усиленное движение переселенцев по направлению к Северному Кавказу. До чего сильно это стремление «на Кавказ», может показать следующий факт, имевший место летом 1881 года. Несколько семейств села Подола, Прилукского уезда, Полтавской губернии, отправились в переселение на Кавказ по паспортам, не получив предварительно увольнения из своего общества и перечисления в то общество, куда они отправлялись на жительство. Переселенные подобного рода всячески стесняются и даже просто останавливаются местным начальством, так как в противном случае население Полтавской и Черниговской губерний от прекрасных местных порядков могло бы уйти поголовно все в переселение. Таким образом и наши переселенцы были задержаны в городе Зенькове, Полтавской губернии; паспорта от них были отобраны, а им выдано было от зеньковского полицейского управления одно общее проходное свидетельство на проход обратно домов. Паспорта были отправлены в соответствующее волостное правление, и, вместе с тем, предписано этому правлению водворить переселенцев на прежнем месте их жительства. Каково же было удивление местной администрации, когда переселенцы вдруг известили свое волостное правление, что они, несмотря на то, что у них отобрали в Зенкове паспорта, благополучно прибыли без всяких письменных видов в Ставропольскую губернию и теперь оттуда просят волостное начальство выслать им письменные виды на проживательство

в Ставропольской губернии. Местной власти приходилось только руками развести ввиду полного бессилия бюрократических «мер» парализовать стремление переселенцев «на вольные места»...

Отправляющиеся на Кавказ переселенцы частью едут по железным дорогам, а частью совершают весь, иногда тысячеверстный путь «на своих на двоих», бредя за дрянненькою телегою, запряженною жалкою клячонкою, — и все затем собираются в Ростове-на-Дону. Здесь весною и летом скопляется громадное количество переселенцев, представляющих собою самое разнообразное смешение племен, наречий и костюмов. Здесь есть «четвертные» крестьяне Курской и Тамбовской губерний, избавленные от своих наследственных земель каким-нибудь Разуваевым; «десятинщики» Херсонской губернии, прогнанные с «панской» земли; хохлы из Черниговской и Полтавской губерний, лишившиеся земли благодаря подворному владению; великорусские крестьяне, облагодетельствованные «даровым» или «нищенским» наделом, и т.д. Преобладающее большинство представляет собою самую ужасную бедность: оборванные костюмы, испитые, измученные лица, почти полное отсутствие хозяйственного скарба, жалкая скотина, кучки голодных, ревущих детей — все это ясно говорит, что несладко жилось этим людям на «старых» местах, да едва ли сладко будет житься и на «новых». Большинство переселенцев живет в Ростове или поденными работами, или просто нищенством. «Отдохнув» в Ростове после долгого, томительного пути, переселенцы вступают в обетованный край или по Ростово-Владикавказской железной дороге, или на своих клячонках параллельно полотну дороги.

Переселения на Северный Кавказ начались издавна. Но прежде они носили совсем другой характер, чем теперь, так как совершались на счет казны, со всяческим содействием правительства и на отводимые переселенцам земли. Был, впрочем, и другой вид переселений: это бегство от помещиков крепостных, которые, достигнув Кавказа, объявляли себя «непомнящими родства» и спокойно селились, где им было угодно. Ввиду важности заселения Северного Кавказа в целях полного покорения его, местные власти смотрели сквозь пальцы на этих «непомнящих родства» и даже принимали в них участие. Этим путем освободилось от крепостного права, а вместе с тем и переселилось на Кавказ очень и очень много народу. Собственно же переселение в том виде, в каком они существуют теперь, то есть легальные и в то же время «свободные», предоставленные самим себе, начались в широких размерах с конца 60-х годов и с тех пор идут, прогрессивно увеличиваясь каждый год, и, наконец, в последние годы достигли громадных размеров. Главная масса переселенцев до сих пор оседала в пределах Кубанской области, как ближайшей к «Рассее» местности Кавказа и обладающей притом наибольшим земельным простором. Сначала переселенцы расходились преимущественно в так называемой Черномории, но в последние годы масса их устремилась особенно в Закубанье, где в настоящее время колонизованы громадные пространства еще недавно совершенно пустынной земли Общее количество переселенцев, или, как их называют на местном жаргоне, «городовиков», живущих в Кубанской области, достигало еще в 1881 году, *по официальному счету,* 236807 человек, но в действительности было значительно больше, теперь же число это ни в каком случае не ниже 300000. При этом нужно заметить, что число собственно переселившихся несравненно выше указанной цифры, так как очень значительная часть переселенцев, почти половина, мрет здесь в первые же годы своего пребывания от разных болезней, преимущественно от убийственных лихорадок. Число переселенцев, направляющихся в Ставропольскую губернию, конечно, менее, но и здесь оно все-таки громадно: число лиц, живущих постоянно в пределах Ставропольской губернии и в то же время принадлежащих к сельским обществам других губерний внутренней России, доходит никак не менее как до 100000 человек. В Терской области переселенцев пока еще сравнительно мало. Несколько лет тому назад здесь о них и совсем почти не было слышно; но в настоящее время в северо-западной части области, в станицах, лежащих вблизи железнодорожного пути, переселенцев уже очень много, по крайней мере, настолько много, что из их отношений к казакам-станичникам возникает серьезный вопрос. В последние два года переселенцы стали проникать и вовнутрь Терской области; это особенно должно быть сказано относительно настоящего года. Так, летом этого года в станицу Пришибскую прибыли ходоки от двух сельских обществ Курской губернии для покупки в Кабарде земли и уже купили у полковника Ц. 600 десятин. В Пятигорском округе нынешний год переселенцы также сторговали несколько «офицерских» участков. Наконец, в настоящем году переселенцы проникли даже в Хасавюртовский, самый восточный округ области.

Переселения на Кавказ, в огромном большинстве случаев, имеют крайне беспорядочный характер. Обыкновенно переселенцы идут на «авось», не имея никаких определенных данных о новом крае, в который они движутся, и никаких оснований рассчитывать, что там им будет лучше, чем на старых местах. Просто доходит слух, что там, где-то, хорошо живется простому человеку, а здесь, дома, слишком уж плохо, — ну, и идут. Тем любопытнее присмотреться к тем немногим случаям, когда переселение получает некоторый организованный вид. Один случай такого переселения, имевший место в настоящем году, я расскажу здесь.

Для крестьян Фатежского уезда, Курской губернии, как и вообще для всей этой губернии, прошлый год был страшно тяжел. Хлеб был съеден еще зимою; корма для скота не было; многие крестьяне продали своих лошдей в апреле и даже мае, так как все равно нельзя было пахать на скелетах, обтянутых кожею, еле стоявших от бескормицы на ногах. Озимая солома достигла баснос-

ловной цены к весне; пуд ее продавался в Курске по 40 копеек. Малоземелье заставляло обращаться к аренде чужой земли; между тем арендные цены за один посев колеблются в Фатежском уезде для частных земель между 25—30 рублями за озимую десятину; даже истощенные крестьянские земли не сдаются ниже 20 рублей. Принимая во внимание, что покупная цена десятины полевой земли здесь 100—175 рублей, ясно станет, что арендные цены стоят так высоко исключительно благодаря густоте крестьянского населения. Естественно, что единственным исходом из такого положения вещей является уход на «сходцы», как говорят здесь, то есть переселение.

Самое движение началось следующим образом. Крестьянин деревни Хотимль Чернышев, занимавшийся извозом в Курске, посадил однажды двух прохожих, ехавших на место своего жительства в Ставропольскую губернию. Разговорившись с седоками, Чернышев узнал, что они родом из Курской губернии, но «сошли на сходцы» уже давно и отлично устроились на новом месте, именно на реке Куме, в Новогригорьевском уезде, Ставропольской губернии. Заинтересовавшись рассказом, Чернышев начал подробно расспрашивать о новом крае. Сведения оказались настолько благоприятными, что, сдавши седоков, Чернышев пригласил двух других крестьян и вместе с ними в феврале текущего года отправился на реку Куму искать свободных земель. Здесь эти ходоки, или, по-курскому, «осадчие», нашли продающимся большое имение Маслов-Кут, принадлежащее разным лицам, и сторговали часть имения, принадлежавшую господину Архипову. Часть эта состоит из 2977 десятин земли (в том числе 400 десятин лесу и 30 десятин сада), при ней барский дом, 8 хат-служб, постоялый двор, кузня и водяная мельница на 8 поставах. Тотчас же была сделана запродажная запись, по которой крестьяне разных селений Фатежского уезда покупали у господина Архипова за круговой порукой имение за 80000 рублей, с рассрочкой платежа на 3 года. Затем Чернышев с товарищами возвратились на родину и объявили землякам о заключенной ими сделке. Крестьяне, однако, прежде чем приступить к переселению, послали еще 9 человек из разных селений осмотреть выбранную ходоками местность. Посланные, возвратившись, подтвердили все рассказы ходоков. Тотчас же началось усиленное движение по всему Фатежскому уезду: до 130 семей из разных волостей заявили свое желание идти на купленную землю, и в какую-нибудь неделю все 2977 десятин были разобраны; покупали от 5 до 50 десятин, давая задатку по 15 рублей за десятину. Деньги на покупку земли получались, большею частью, от продажи наделов. Большинство переселявшихся были четверники и потому продавали свою землю без затруднения; «душевые» крестьяне, бывшие помещичьи, сдавали «души» на 9—12 лет, получая сразу плату; было два случая раздела общинной земли на подворные участки (две небольшие общины государственных крестьян, перешедших в казну от мелкопоместных владельцев), чтобы дать возможность желавшим уйти домохозяевам продать свои участки и, таким образом, реализировать нужный для переселения капитал. Одни крестьяне собственники почти не могли принять участия в этом движении, будучи прикреплены к месту выкупными платежами…

От переселенцев требовался взнос податей и повинностей за год вперед; от «осадчих» — не только предъявление запродажной записи, но и удостоверения, что ко вводу крестьян во владение имением нет препятствий; все это было предусмотрительно заготовлено. Закон о необходимости приемного приговора от того общества, к которому идут переселенцы, обходился тем, что все переселенцы пошли по годовым паспортам, как будто на заработки. Таким образом, все препятствия были устранены, и в конце апреля и в начале мая из Фатежского уезда потянулись «на Куму» длинные вереницы переселенческих будок, обтянутых рогожею или клеенкою, запряженных в одну или две лошади, с привязанными сзади клетками с курами и утками и часто с лохматыми собаками на веревках…[2]

Здесь мы имеем прекрасный образчик правильно организованного переселения. Но огромное большинство переселенцев идет далеко не при таких благоприятных условиях. Вместе с теми же фатежскими переселенцами пошло очень много семей, не купивших земли вследствие бедности, пошло «на волю Божию», «куда Бог укажет». Так же на «волю Божию» идет и большинство переселенцев. У многих из них на родине нет ничего, что они могли бы продать для получения капитала на переселение; другие — крестьяне-собственники — не могут развязаться со своими наделами, так как на них лежат выкупные платежи. Идти, таким образом, приходится без всяких средств.

Неудивительно поэтому, что положение огромного большинства переселенцев, добравшихся до Кавказа, который на родине рисовался им в самых радужных красках, самое незавидное. Никаких «вольных» земель, неразрывно связанных в представлениях переселенцев с «новыми местами», не оказывается. Незнание местности и ее условий дает себя знать крайне печальными последствиями, очень тяжело отражающимися на положении переселенцев. Куда идти, где искать земель, пригодных для поселения, какие продажные и арендные цены существуют в крае — все эти и подобные им вопросы переселенцам приходится решать совершенно случайно, путем расспросов первых встречных и поневоле доверять последним. Неудивительно, что большинство переселенцев положительно не в состоянии ориентироваться в новом крае, бродит с места на место, попадается на удочку разным «дельцам», попадает в кабальное состояние к нашим лендлордам, болеет и мрет от непривычных условий климата, часто долго не умеет примениться к местным условиям труда, и т.д.

Самые главные бедствия для переселенцев зависят, без сомнения, от их незнания всего того, что имеет то или другое отношение к переселениям, от их ненормального положения, как членов

далеких общин, лежащих в «Рассее», и от недостатка у них материальных средств, лишающего их возможности приобретать в собственность землю.

К каким печальным результатам приводит подобное незнание, ясно можно видеть из нижеследующих, иллюстрирующих дело примеров.

На Северном Кавказе нередко встречаются особого рода «дельцы», сумевшие сделать для себя доходную статью из эксплуатации переселенцев. Так, например, в прошлом году во Владикавказе появился один господин, который обращался к лицам, жаждущим «вольных» земель, с сообщением о том, что около Пятигорска находится 258500 десятин свободной земли, которую ему, дельцу, будто бы поручено заселить, записывал желающих переселиться на эти свободные земли и затем взыскивал с них на «хлопоты и издержки» порядочные суммы. Таким путем этому мошеннику удалось обмануть в одном Владикавказе до 150 лиц, не считая тех, кто поддался на его удочку в станицах.

Еще более наглое надувательство переселенцев имело место в той же Терской области. Переселенцы купили у казачьего офицера пожалованный ему участок. При этом в заключенном сторонами условии была помещена фраза, гласившая, что земля продается «в собственность на пять лет». Крестьяне-переселенцы понимали эту фразу так, что земля приобретается ими в вечную собственность, а деньги они обязаны уплатить в течение пяти лет. Собственник же продаваемой земли истолковал это выражение в том смысле, что он сдал землю в аренду на пять лет, и, когда прошли эти пять лет и следуемые деньги были уплачены переселенцами, он без всякой церемонии прогнал их с купленной ими земли.

Не менее тяжело отзывается на переселенцах незнание ими тех правительственных мероприятий и законов, которые имеют прямое или косвенное отношение к переселенческому делу. В этом случае даже те меры правительства, которые имеют в виду хоть несколько облегчить положение переселенцев, теряют для них всякое значение и остаются как бы несуществующими. Поясню это примером, имевшим место в Ставропольской губернии. Для здешних переселенцев, со времени прекращения образования новых сельских обществ на свободных казенных землях, был издан (в 1874 году) специальный закон, по которому переселенцы, обзаведшиеся в пределах Ставропольской губернии усадебною оседлостью, несмотря на свою принадлежность к сельским обществам внутренних губерний, имели «право получить земельный надел в местах настоящего их водворения». Закон этот остался совершенно неизвестным переселенцам, что, впрочем, и неудивительно, так как он не был известен и ставропольской администрации. По крайней мере, когда в 1879—1881 годах происходило наделение бывших государственных крестьян землею (вернее, отмежевание крестьянских земель от государственных), на основании закона 1874 года, то ни при приведении в известность крестьянских земель, ни при составлении, предъявлении и выдаче сельским обществам владенных записей вопрос о крестьянах-переселенцах, обзаведшихся усадебною оседлостью, и об их праве на надел совсем не поднимался; переселенцы же, конечно, знать о существовании закона, предоставляющего им право на надел, не могли и потому никаких заявлений о своих правах во все время хода межевых работ не делали. И таким образом поземельное устройство губернии было кончено, владенные записи предъявлены и выданы сельским обществам, а переселенцы остались без земли. Между тем сельские общества, получив владенные записи, обложили переселенцев за пользование усадебною землею и за право пасти скот на выгонах налогом, в пользу мирских сумм, в размере от 10—100 рублей в год. Обиженные переселенцы бросились в город за советами к сведущим людям и здесь узнали о своем праве на надел. К губернатору посылались просьбы о восстановлении нарушенного права на надел. Губернатор потребовал от волостных правлений сведений о числе лиц, записанных по ревизии в других губерниях, но проживающих и имеющих усадебную оседлость в селениях Ставропольской губернии (о переселенцах, не имеющих в Ставропольской губернии усадебной оседлости, а также о живущих не в селениях, а на хуторах и заимках частных лиц, на арендуемой казенной земле и т.д., речи не было совсем). Таких лиц оказалось 3738 ревизских душ мужского пола. Цифра эта принадлежит всецело к числу так называемых «писарских» и нисколько не соответствует действительности, что известно всякому, более или менее знакомому со Ставропольскою губерниею. Но если даже принять эту цифру, все же она соответствует десятитысячному наличному населению, и потому дело заслуживало самого серьезного внимания. Между тем местное губернское по крестьянским делам присутствие, заслушав поданные губернатору оседлыми переселенцами просьбы, постановило оставить их без последствий на том основании, что переселенцы не заявляли о своем праве на надел при составлении и выдаче владенных записей, хотя в этом переселенцы были виноваты всего менее и хотя закон о трехмесячном сроке, в который можно протестовать против владенных записей, относится к обществам, которым предъявляются записи, а никак не к данному случаю. Обиженные переселенцы обратились с просьбами в главное управление Кавказского края, которое признало право оседлых переселенцев на получение надела, но решило дело, однако, совсем не согласно закону 1874 года. Именно, вместо того чтобы отвести наделы оседлым поселенцам в местах их оседлости, главное управление предоставило в течение года приписаться к обществам и получить земельное обеспечение из наделов многоземельных селений: Куршавского, Больше-Джалгинского, Здвиженского, Митрофановского, Бурукшунского, Вознесенского, Кистинского, Киевского, Арзгирского и

Тахтинского. К сожалению, оседлые переселенцы воспользоваться предоставленным им правом не могли по нескольким очень серьезным причинам. Прежде всего, оседлым переселенцам для того, чтобы перебраться в одно из означенных селений, приходилось бросать свои усадьбы и совершенно расстраивать заведенные ими на местах поселения хозяйства. Затем, наделы значительной части помянутых селений, как Кисты, Бурукшуна и другие, представляют собою песчаную пустыню, откуда разбежалось немало ранее приписанных поселенцев, и потому особенно прельщать оседлых переселенцев перспектива жизни на песках не могла. Наконец, излишних земель помянутых селений могло хватить на удовлетворение только незначительной части оседлых переселенцев. В конце концов переселенцы остались на тех же местах, где поселились ранее, и таким образом совершенно потеряли предоставленное им законом 1874 года право на надел.

Столь же печальные последствия для переселенцев влечет за собою их ненормальное положение, как лиц, принадлежащих к далеким сельским обществам внутренних губерний. Как известно, у нас перечисление из одного сельского общества в другое обставлено чрезвычайно большими затруднениями. Перечисляющийся должен получить увольнительный приговор от общества, к которому принадлежит, и приемный от того, к которому желает приписаться, что сопряжено с очень большими расходами на угощенье сельских сходов, на «подмазывание» писаря и старосты, на взносы в мирские суммы и т.д. Затем он должен уплатить все числящиеся за ним недоимки и подати вперед за год, должен уплатить выкупные платежи за землю вперед за все остающееся время сорокадевятилетнего срока (если перечисляющийся — бывший помещичий крестьянин) или должен найти охотника, который взял бы на себя его надел с обязательством уплачивать за него выкупные платежи или оброчную подать (если перечисляющийся — бывший государственный крестьянин); он должен приобрести в месте нового своего жительства земельный надел в высшем размере, существующем для данной местности и т.д., и т.д. Следует отметить еще одно затруднение, очень существенное для переселенцев, едущих на Северный Кавказ: станичные общества Терской и Кубанской областей не могут принимать в свой состав новых членов из крестьян, а крестьянские сельские общества, большею частью, не желают этого, дабы не делиться землею с новыми членами. Благодаря всем этим затруднениям большинство переселенцев не перечисляется из прежних своих обществ в новые, а живет на «новых местах» по паспортам. Этим путем создается крайне уродливое явление: проживая иногда десять лет где-нибудь в Ставропольской губернии, переселенцы в то же время числятся в составе сельских обществ какой-нибудь Курской, Костромской или Вологодской губернии, обязаны ежегодно получать оттуда паспорта, посылают туда подати, имеют там земельный надел, которым не пользуются и за который тем не менее обложены платежами, и т.д. Все это влечет громадные лишние затраты для переселенцев и ставит их в положение, подверженное всяким случайностям. Одни хлопоты по получению паспорта чего стоят! Приходится обязательно безнедоимочно уплачивать все платежи, посылать взятки писарю и старшине, чтоб не задержали паспорта, посылать деньги на угощение общества, чтоб не выбрало, например, в церковные сторожа, в случае замедления высылки паспорта входить в сделку с местною полицейскою властью, чтоб не арестовала как беспаспортного и, в конце концов, все-таки всецело зависеть от каприза писаря, старшины, урядника, станового и т.д.

Таково положение большинства переселенцев. Меньшинство, так или иначе разделавшееся с сельскими обществами, к которым оно принадлежало на родине, приписывается на Северном Кавказе к местным мещанским обществам. Такие мещане в городах не живут; они селятся на арендуемых ими казенных, удельных и частных землях, или поступают работниками к коммерсантам и другим благодетелям края, или, наконец, толкутся по селам и станицам, не имея определенных занятий, а делая все, что попадется под руку. Северокавказские города, как Темрюк, Екатеринодар, Майкоп, Ставрополь и другие, насчитывают десятки тысяч таких членов своих мещанских обществ…

Но главнейшею причиною бедствий переселенцев является, однако, полное отсутствие у большинства переселенцев всякой возможности приобретать в собственность землю. Такие случаи, как описанная выше покупка курскими переселенцами имения Маслов-Кут, представляют собою явление крайне редкое. Большинство же переселенцев является на Северный Кавказ совершенно нищими, которым, конечно, не до земельных приобретений.

Даровой отвод казенных земель на Северном Кавказе под поселение выходцев из внутренних губерний прекращен уже более 10 лет. Да в настоящее время и отводить почти нечего, так как казенные земли на Северном Кавказе остались едва ли не под лесами только. Почти все земли Северного Кавказа в настоящее время распределены между станичными, сельскими и аульными обществами, войсками — Кубанским и Терским и частными собственниками. Очевидно, что земли первых двух категорий, то есть принадлежащие обществам и войскам, не могут сделаться собственностью переселенцев, и остаются только частновладельческие земли. Последних земель на Северном Кавказе очень много — миллионы десятин. Это земли, отведенные казачьим и иных родов оружия офицерам и туземцам высших сословий, а также пожалованные чиновникам и другим лицам. По качеству это лучшие земли в крае, как это можно видеть, например, для офицерских земель Терской области, из следующей таблицы:

	Количество принадлежащей		То же в процентах	
	удобной земли:	неудобной:	удобной:	неудобной:
Станичным обществам отведено	1499497 дес.	191 647 дес.	88,7 %	11,3 %
Приходским церквам	17785 дес.	1743 дес.	91,1 %	8,9 %
В запасе войска осталось	103534 дес.	6411 дес.	94,1 %	5,9 %
Священно-церковнослужителям	8577 дес.	330 дес.	96,3 %	3,7 %
Офицерам	116817 дес.	3270 дес.	97,2 %	2,8 %

Таблица эта ясно показывает, насколько офицерские земли стоят выше земель прочих разрядов. Такие же результаты получатся, если бы мы произвели сравнение земель разного рода по другим местностям Северного Кавказа.

Вот эти-то частновладельческие земли только и могут стать достоянием переселенцев. Собственники этих земель в огромном большинстве сами положительно не в состоянии извлекать никаких выгод из принадлежащего им имущества и ищут только случая обратить его в деньги. К сожалению, большинство переселенцев, как я уже говорил, находится в таком бедственном положении, что без посторонней помощи не может воспользоваться указанным благоприятным положением вещей. И так как никакой помощи извне к переселенцам не приходит, то пожалованные земли с необыкновенною быстротою концентрируются в руках «тавричан» и «коммерсантов», а переселенцы образуют собою громадный, почти полумиллионный, безземельный пролетариат…

Чем же и как живут эти пролетарии? Прежде всего отметим тот факт, что значительную часть общей массы переселенцев составляют лица мужского пола рабочего возраста. Объясняется это тем, что переселяться легче всего разного рода бобылям, одиночкам, сиротам, у которых все равно на родине нет ничего — ни двора, ни кола, ни угла. Затем многие семьи посылают молодых рабочих членов своих «проведать места». Наконец, многие приходят сюда только на полевые работы да и застревают навсегда. Как много среди переселенцев такого рода лиц, наглядно показывает следующий пример: в то время, как обыкновенно во всяком обществе число лиц женского пола превосходит число мужчин, среди северо-кавказских переселенцев дело стоит совершенно наоборот; так, в станице Новоминской из 1263 «городовиков» женщин только 546, а мужчин 717, то есть мужчин на 33% более, чем женщин. Все эти одиночки эксплуатируются непосредственно населением, живя в работниках у тавричан, арендаторов, коммерсантов, кулаков и просто у крестьян и казаков средней зажиточности. Точно так же живут в работниках и многие семейные переселенцы, целыми семьями, причем обыкновенно эксплуатируется труд всех членов семьи, чуть не до грудных детей включительно. Затем другая часть переселенцев живет «самостоятельно», поселяясь на частной, удельной и т.д. земле на известных условиях или живя в станицах и селах, где они тоже арендуют станичную землю, занимаются ремеслами или добывают себе пропитание на целый год, нанимаясь на полевые работы в течение весны и лета, а зимою перебиваясь работишкой, какая под руки попадется.

Живущие в работниках переселенцы получают, как это ни может показаться странным, цены очень не высокие, 80—120 рублей обыкновенная цена годовому работнику; поднимаются цены и до 200 рублей, но крайне редко и притом за труд более или менее специальный — овчару, приказчику и т.д. Женский труд ценится еще дешевле. Плата целой семье мало разнится от платы взрослым рабочим, хотя, как я уже сказал, наниматели умеют находить работу всем членам нанявшейся семьи. Цены на труд вообще очень варьируются в зависимости от разнообразных условий: случается, например, что работник нанимается с условием «отходить» на месяц «косовицы»; нанимаются рабочие «с одеждою» (то есть хозяйскою) или «без одежды»; кроме денежной платы, работник иногда получает право засеять в свою пользу десятину хозяйской земли, право выпасти на хозяйском луге несколько голов скота и т.д. Положение таких работников почти ничем не отличается от положения вообще русского деревенского батрака. У мелких хозяев работнику живется лучше, чем у крупных. У последних, несмотря на то, что у них бывает по нескольку десятков и даже сотни рабочих, никаких приспособлений для их жилья не полагается; работники живут, то есть спят, где придется: на дворе, под навесами, в сараях, хлевах и т.д. У мелкого хозяина работник питается тем же, чем и хозяйская семья; у крупных — для работников, конечно, готовится отдельно и готовится скверно, пища такая же, какая дается косарям. Личные отношения хозяев к рабочим тоже значительно лучше в мелких хозяйствах, чем в крупных; в последних практикуются и насилия, и обсчитывания при расчете, и простое «туряние по шее»… Вообще незавидна жизнь этой части переселенцев…

Но не лучше, если еще не хуже, положение «самостоятельных» переселенцев, поселившихся на частновладельческих землях или участках, арендуемых разными лицами у войск, казны или удела. Положение это в значительной степени напоминает положение старой памяти крепостного права, а во

многих отношениях даже значительно хуже. Несмотря на то, что «господа землевладельцы» из тавричан и коммерсантов приобрели земли крайне дешево, разные «арендаторы» арендуют войсковую, казенную и удельную землю совсем за бесценок, они «пускают» к себе переселенцев на невероятно тяжелых условиях. Цены, по которым достается земля крестьянам, сравнительно с ценами, за которые получают ее «арендаторы», крайне высоки. Положение переселенцев самое необеспеченное: не только весь строй их жизни, но и самое их пребывание на месте зависят от воли и даже просто каприза «хозяина». Переселенцы живут как бы на бивуаках, будучи постоянно готовыми оставить насиженное место и идти далее. Поэтому они не заботятся о прочном обзаведении: не роют колодцев, не устраивают запруд, ставят самые жалкие постройки, потому что все равно пришлось бы все бросить.

Чтобы нагляднее обрисовать положение переселенцев на частновладельческих землях, я скажу несколько слов о порядках, которые сложились во многих имениях, составившихся из скупленных «коммерсантами» и «тавричанами» жалованных земель. Здесь переселенцы селятся на следующих условиях: хозяин имения дает переселенцам одну голую землю, переселенцы должны обработать ее своими средствами — своими орудиями, своим скотом и своим трудом, засеять своими семенами, убрать своими силами и, когда собранный хлеб будет уже превращен в зерно, отдать собственнику земли от $^1/_3$ до $^1/_2$ урожая. Но этого мало: по условию, *все возведенные переселенцами постройки делаются через пять лет собственностью землевладельца.* Тут мы уже видим порядки, далеко оставляющие позади себя все ужасы положения ирландских фермеров. И подобные факты вовсе не представляют собою исключительного явления. Напротив, бывает еще хуже. Иногда восстановляются даже внешние формы крепостничества, например, по праздникам арендаторы-переселенцы являются с поздравлениями к «барину», роль которого играет разжиревший кулак, приносят ему и «барыне» подарки: лукошко яиц, кусок свиного сала, куделю и прочее, получают из рук «ее степенства» (сажень в обхвате) по чарке водки, даже целуют «барскую» руку и т.д. Можно себе представить, каково экономическое положение переселенцев, находящихся в таком полном рабстве, какой каторжный труд несут они, в какой гигиенической обстановке живут, каково их нравственное состояние, какой простор открывается здесь для проявлений самодурства и всяких мерзостей со стороны «хозяина» и т.д.

Подобное положение вещей влечет за собою нередко очень печальные факты. Приведу один из них без всяких комментариев. Около юрты станицы Крыловской, Ейского уезда, лет двенадцать тому назад поселился целый поселок, так называемый Средне-Челбомский. Поселок этот образовался из переселенцев, которых «пустили» арендаторы войсковых земель, коннозаводчики, получившие землю на льготных условиях, по 20 $^3/_4$ копейки за десятину и отдававшие ее переселенцам по 2 и 3 рубля. В настоящее время поселок этот насчитывает несколько тысяч жителей, беднейших выходцев из внутренних губерний, преимущественно Харьковской. Опираясь на то, что они прожили на занятых ими землях десять лет (земскую давность), переселенцы отказываются платить аренду арендаторам-коннозаводчикам и вместе с тем отказываются переселиться с занятых ими земель, признавая их своею собственностью и требуя официального закрепления их за собою. Для удаления этих переселенцев с войсковых земель принимались разные судебные и административные меры, но ничто не помогало: переселенцы упорно стояли на своем. Одно время, в 1882 году, хотели прибегнуть к мерам военной экзекуции, для чего уже были определены два казачьих полка и назначен главнокомандующим один старый казачий генерал. Экспедиция эта, однако, не состоялась, чему помешала, кажется, наступавшая осень, когда дороги Кубанской области делаются совершенно недоступными для передвижения войск благодаря страшной, невылазной грязи. В каком положении находится это дело в настоящую минуту, мне, к сожалению, неизвестно…

Положение переселенцев, поселившихся в селах и станицах, тоже не блестящее. Лишенные земли, они находятся в полной зависимости от сельских и станичных обществ и даже отдельных членов их. Выше уже я упоминал, что сельские общества Ставропольской губернии обложили переселенцев за право иметь усадьбы и пасти скот на выгоне особым налогом от 10 до 100 рублей в год. Но еще хуже отношения между обществами и переселенцами в казачьих станицах. Высочайше утвержденное мнение государственного совета 21 апреля 1868 года установило, что «во всех без изъятия казачьих войсках русские подданные невойскового сословия имеют право приобретать в собственность существующие на войсковых, городских и станичных землях дома и всякого рода строения, на общем основании, не испрашивая согласия ни войскового начальства, ни городского и станичного общества». Затем мнением государственного совета от 13 мая 1870 года установлено, что собственники таких недвижимых имуществ пользуются правом содержать свой домашний скот бесплатно на выгонах, за что они наравне с казаками обязаны нести общие земские повинности — постойную, подводную, содержание мостов, переправ, дорог и т.д. Эти законодательные акты определили отношения между казаками и оседлыми переселенцами и поставили некоторую защиту для последних. К сожалению, воспользоваться этою защитою может только меньшинство переселенцев, так как большинство их не имеет никакой оседлости и обыкновенно ютится на задворках казачьих дворов, в каких-нибудь клетушках или в сараях. В некоторых станицах редкая казачья семья не имеет у себя на задворках таких жильцов, которые за право занимать какой-нибудь сарай

и за клочок земли из казацкого «пая» превращаются в бесправных рабов приютившего их двора, исполняют в пользу его все хозяйственные работы и дают возможность казаку разыгрывать из себя барина и предаваться сладкому кейфу.

Приведенные выше мнения государственного совета, получившие силу обязательного для казаков закона, очень непопулярны среди казачества, и при всякой возможности закон этот нарушается станичными обществами. Так, часто станичные общества не позволяют «городовикам» покупать в станицах недвижимость, сгоняют их скот с выгонов или заставляют платить за каждую штуку скота, наваливают на них исполнение всех лежащих на станице натуральных повинностей и привлекают к несению этих повинностей и таких переселенцев, которые по закону не обложены ими, именно переселенцев, не имеющих оседлости, и крестьян, приезжающих только на заработки. В станицах можно сплошь и рядом видеть сцены вроде следующих. В станичном правлении стоит крестьянин, а лошадь его держит десятник; это значит, что на крестьянина наваливается исполнение какой-нибудь натуральной повинности. «Господин атаман, — просит мужик, — я только вчера приехал из России, дети сидят без хлебушка, позвольте купить им булку, я сейчас поеду». «Без тебя накормят», — грозно отвечает властитель станичных судеб. Так и не пустят. Или другая сцена: нужно во дворе школы вырыть яму для ретирада; посылается десятник, который вскоре приводит двух мужиков; одного из них трясет сильная лихорадка. Люди эти приехали на покос. Это, однако, не помешало назначить их на работы, а чтобы не ушли рабочие, здоровенный десятник лежит на боку, покуривает и «надзирает».

Мойка полов в школе и церкви во многих станицах взваливается исключительно на «иногородних» женщин. Был случай, что женщина на другой день после мойки полов в церкви родила ребенка, она просила, чтоб ее отпустили, но беременность не была признана уважительной причиной…

Даже священники за крестины, венчание, погребение и другие требы взыскивают с «иногородних» больше, чем с казаков. Тут батюшки рассуждают следующим образом: «казак наш постоянный плательщик, а мужик сегодня был, а завтра его уже нет. Ну, а с паршивой собаки хоть шерсти клок»…

Вообще отношения между казаками и «городовиками» крайне обострены. Рознь между этими двумя частями населения растет и увеличивается с каждым годом. Многие станичные общества составляют приговоры о выселении «городовиков» из станиц, ходатайствуют о том же перед начальством, а иногда просто изгоняют из своей среды всех «городовиков». В некоторых местах Кубанской области дело дошло до того, что «городовику» просто небезопасно ходить по станичным улицам, так как каждый станичник считает своею обязанностью толкнуть, ударить или, по крайней мере, обругать «городовика». Дело доходит до формальных облав на «городовиков» и избиения их, как каких-нибудь бешеных собак, причем достается даже казакам, променявшим свой казачий костюм на «городскую» одежду.

Иногда нападения на «городовиков» и тех казаков, которые заступаются за них, отличаются невероятною жестокостью, к которой способно только одичавшее казачество, привыкшее безнаказанно издеваться над «городовиками» как ему угодно. Вот, например, какой факт имел место в станице Темижбекской, Кавказского уезда. «Казак Иван Батагов, рассчитываясь с рабочими людьми, послал своего работника в питейное заведение за водкой, чтобы выпить «магарыч». Работник возвратился домой и сказал хозяину, что его обидели в кабаке какие-то два казака. Батагов, чтобы не дать в обиду своего работника, отправился в кабачок сам. Обидчиками оказались казаки — Дымов и Пеньков. Батагов вступил с ними в спор и, махнув рукою, нечаянно выбил из рук Дымова рюмку водки. Вследствие этого Дымов и Пеньков, остервенясь как звери, бросились на Батагова с криком: «А, ты за мужиков стоишь! Мы ж тебе дадим!..» — и стали бесчеловечно колотить несчастнаго Батагова. Когда удалось унять драку, то Батагов, весь окровавленный, лежал полумертвым на земле, с откушенным пальцем правой руки и переломанными ребрами; состояние изувеченнего почти безнадежно»[3].

Я приведу еще один факт, чтобы показать, какою безнаказанностью пользуются казаки при своих нападениях на иногородних и как эта безнаказанность подстрекает их еще к большим буйствам. Двадцать второго августа прошлого года в станице Брюховецкой, Екатеринодарского уезда, четыре казака, определенные в артиллеристы, справляли свой выход на службу в Закавказье и на этом основании ходили по станице, ища кого бы побить ни за что ни про что, а так себе: «На тоби, бисова душа, та знай, що мы выходым». Попался им некий урядник Ус, *одетый не в казачье, а в статское платье,* стало быть, человек, побить которого есть все основания: «Не ходы, сякый такый сын, по-городовицьки». И вот один из этих ревнителей казацкой славы и казацкого платья, не говоря ни слова, нанес сильный удар Усу по лицу. Видя, что товарищи напавшего хотят последовать его примеру, Ус пустился бежать, но был нагнан и безжалостно избит буянами, пустившими в ход все восемь кулаков и восемь каблуков. Видевшие эту безобразную сцену несколько иногородцев бросились на помощь к Усу и освободили его из рук остервеневших артиллеристов, но уже с разбитой головой, с разорванными ноздрями и губами и всего в крови. В это время на место действия является станичная полиция в лице «дежурного» (особый станичный чин) и нескольких казаков-полицейских. На просьбу иногородцев арестовать главного буяна, Марченко, дежурный, ничего не ответил, а вступил в препирательство с иногородцами о том, имеют ли они право вмешиваться в

это дело, и тем дал возможность Марченке уйти. Когда последний скрылся, дежурный произнес: «Ну, догоните его и оряштуйте, колы вам так дуже хочется». Но когда несколько человек, отделившись от толпы, догнали и задержали Марченка, дежурный освободил его. Артиллеристы, видя свою полную безнаказанность, присоединили к себе еще несколько товарищей и на глазах самого дежурного напали на заступавшихся за Уса иногородцев. Произошло и настоящее сражение: казаки вооружились кинжалами, а иногородцы железными поддосками, шкворнями и револьверами. Битва шла долго; иногородцы засели в торговых лавках, которые нападающие и штурмовали, но были отбиты с уроном: один из нападающих был ранен в голову каким-то холодным оружием. Дежурный во все время битвы был в стороне и спокойно ждал ее исхода. Когда битва кончилась, несколько иногородцев отправились в станичное правление, требуя составления протокола о случившемся. Бывший в правлении помощник атамана составить протокол наотрез отказался, ссылаясь на отсутствие писаря. К счастью, писарь скоро явился, и протокол был составлен; но толку из этого не вышло никакого. На другой же день станичный атаман протокол уничтожил и дело прекратил, да еще пригрозил иногородцам, что им может «влететь»[4].

Я ограничусь приведенными фактами, хотя список их можно было бы удлинить до бесконечности, не выходя притом за пределы того, что опубликовано в «Кубани». А, понятное дело, в печать попадает разве только один факт из тысячи, так что по опубликованным фактам можно составить только *приблизительное* понятие о положении дел в станицах. Нужно самому пожить в станице, чтобы прочувствовать весь ужас положения переселенцев, имеющих несчастие жить среди казаков…

Рознь между казаками и переселенцами грозит в будущем очень серьезными осложнениями и затруднениями в жизни края. Пока переселенцы робки и покорно переносят террор, практикуемый по отношению к ним казаками. Но с каждым годом число переселенцев растет, и растет чрезвычайно быстро. Уже в настоящее время в некоторых станицах переселенцев столько же, сколько и казаков. Настанет день, когда переселенцы сознают свою силу, и этот день — если только к тому времени положение дел не изменится к лучшему — будет сопровождаться большими несчастиями для края. Признаки этого грозного грядущего уже начинают появляться, так, например, в одной из закубанских станиц Темрюкского уезда переселенцы отказались платить плату за арендуемые ими у станичного общества земли на том основании, что земля «Божья и Царева», а так как и они тоже «Божьи и Царевы», то они имеют столько же прав на землю, как и казаки…

VI

Когда мы вернулись в станицу, здесь все уже было кончено. Оказалось, что дело обошлось без приговора, так как большинство хозяев сообразило, что по обстоятельствам нельзя не дать косарям хорошей цены. Казаки предложили цену — рубль восемьдесят копеек в день, косари сбавили двугривенный со своей цены, и, таким образом, соглашение было заключено. По этой цене все косари и были разобраны хозяевами, и когда мы пришли на площадь, здесь уже началось в самых широких размерах выпивание «магарычей». Так как вид пьянствующей толпы представлял мало интересного, то мы направились домой.

Здесь нас уже ждали отец Никанор с матушкой, чтобы садиться за стол. Обед был, как и все обеды деревенской знати: начинался он пирогом с «гусачком», кончался жареным поросенком и состоял из длинного ряда мясных и жирных кушаний. После обеда все легли спать, даже Веретьев. Мне советовали сделать то же, говоря, что это очень полезно. Я решился, однако, воздержаться. Но когда я, сидя в зале, молча глазел на площадь и движущуюся по ней толпу, я невольно поддался влиянию жары и впал в какое-то полусонное состояние. Действительные сцены, проходившие пред моими глазами, смешивались с продуктами воображения, и все это образовало какую-то удивительную чепуху. По-деревенскому это значило, что я *переел.* Пробыл я в этом странном состоянии довольно долго и вышел из него от удара по плечу. Предо мной был Веретьев, успевший уже проснуться и умыться. Он объявил, что жара немного спала и можно ехать на Ивановские хутора.

Чрез несколько минут мы отправились и после часа езды были на месте.

Собственно Ивановские хутора ничем не напоминали всего того, что связано с понятием о хуторе. Хутор — это обширное хозяйство одного или нескольких членов станичной или сельской общины, которым тесно жить в станице или селе и которые выбрались на простор. Хуторянин — человек по преимуществу богатый, у него обстоятельное хозяйственное обзаведение, он много высевает, но всего более богат он скотом. Хутор и обширное скотоводство — это явления, неразрывно связанные между собою. Ничего подобного не было на Ивановских хуторах. Это были просто десятка два с небольшим жалких землянок, едва возвышавшихся над поверхностью земли и очень напоминавших собачьи конуры. Кругом не было никаких хозяйственных построек: ни сарайчиков, ни закут, ни базов. Не было видно ни скота, ни домашней птицы, ни даже собак. Все говорило о такой ужасной, невероятной бедности, в самое существование которой как-то трудно верилось. Обитатели землянок были какие-то мелкие, исхудалые, желтые; видно было, что много нужды перенесли они и к довер-

шению всего все переболели лихорадкою. Они глядели как-то робко, говорили особенно осторожно и мягко, словно боялись каждую минуту обидеть чем-нибудь своего собеседника. В их глазах так и светилась просьба: «Не троньте нас, ради Бога, — мы люди маленькие»…

Из расспросов мы узнали, что переселенцы прибыли сюда еще прошлою осенью. Поселились они на земле Иванова (из породы «коммерсантов») на обычных условиях — отдавать половину урожая и, кроме того, платить по рублю за каждую голову крупного скота и полтинник за штуку мелкого. Зиму они прожили в тех же землянках, как и теперь. Как они здесь жили — это одному Богу известно. Умерло за зиму ровно восемнадцать человек, что на 22 семьи составляет ужасный процент. Весною они приступили к посевам. Но так как у них не было никакого скота — последних лошадей они продали с осени, потому что кормить нечем было, — то они нанимали для вспашки и бороны соседних казаков и потому посеяли очень мало. Иванов, видя, что ему мало поживы от «половины» урожая переселенцев, наложил на них еще особую контрибуцию — по 25 рублей с землянки, за право «жительства» на его земле. Теперь большинство переселенцев работает на полях соседних станиц, причем на уборку хлеба они думают наниматься не за деньги, а «из части» и этим путем надеются запастись хлебом на следующую зиму. Что ожидает этих переселенцев в будущем, это покрыто мраком неизвестности и для них самих.

— А что, не хотите назад вернуться? — спросил я одного переселенца. — Смотрите, сколько здесь вас перемерло…

— Зачем назад? Тоже не от сладкого ушли… Тут от лихорадки народ мрет, а там нам с голоду приходилось умирать — все равно. Тут хоть хлебушка вволю ешь.

— Да вы откуда?

— Воронежские, Нижедевицкого уезда, слыхал, может?

— Слыхал. Что же у вас там мало земли было?

— Земли-то? А так прямо сказать — в пригоршню можно собрать землю нашу-то… Вот, послухай, что я тебе скажу: у нас в деревне было тридцать восемь дворов, а пахали мы пять десятин. Много тут хлеба съешь?

— Что же это у вас так мало земли?

— А ты слухай дальше… Были мы помещичьи. Ну, как освободились мы из-под помещиков, нарезали нам сорок десятин. Только пятнадцать десятин — самый песок, даром его не нужно, а двадцать десятин пошло под дворы да под выгон. Стало быть, пять десятин осталось, под пахоту-то?

— Пять, верно.

— Вот тридцать восемь дворов и пахали пять десятин — заработок аль нет?

— Как же вы жили?

— А так, промышляли чем кто умел. Я вот ходил к вам на заработки, а иной раз и за Кубань, под Майку[5] промахивал… А были и такие, что дома кой-чем перебивались. У нас там есть село такое, что в нем все от мала до велика только и знают, что чулки вяжут: и дома сидят — вяжут, и в гости идут — вяжут, и едут куда-нибудь — все вяжут. Кого ни встретишь, все с чулком… А то есть деревня, вся, как есть, пряхами занимается: наделают прях да сюда на ярмарки и привозят… Только плохи нынче стали такие заработки, не прокормишься ими. Вот весь народ и идет оттуда сюда… И мы пошли, не пропадать же! Тут и трудно сначала, да, даст Создатель небесный, потом поправимся…

Пожелав переселенцам от души, чтобы их надежды на поправку не оказались тщетными, мы распрощались с ними и двинулись в обратный путь.

Было как-то жутко и скверно на душе от всего виденного и слышанного. Разговоры не вязались…

Ïðèìå÷àíèÿ

1. Так дразнят собственно донских казаков, но косари, побывавшие на Дону, применяют это слово ко всем казакам вообще.

2. См. об этих переселенцах интересную статью А. Мурашкинцева в «Новостях», за настоящий год, № 151. Здесь, между прочим, имеются крайне любопытные данные о степени зажиточности выселившихся и о влиянии на изменение экономических условий.

3. «Кубань», 1882 г., № 37

4. Ib., № 42

5. Майкоп.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Абрамов Я.В. Очерки Северного Кавказа (путевые заметки) // Дело. — 1883. — № 11. — С. 39—71; № 12. — С. 1—31.

ÊÀÂÊÀÇÑÊÈÅ ÃÎÐÖÛ (ÈÇ ËÅÒÍÈÕ ÝÊÑÊÓÐÑÈÉ)

I

Медленно, очень медленно шел поезд Ростово-Владикавказской железной дороги. Путь был размыт во многих местах весенними разливами наших степных «балок», совершенно пересыхающих летом, но зато бурно бушующих весною. Никаких работ к исправлению пути не принималось, так как в то время, когда я ехал по железной дороге — конец мая, — рабочие руки здесь очень дороги, а железнодорожники решили чинить «полотно» только осенью, дешевыми руками. Теперь же только кое-как были положены шпалы и рельсы, слегка уравнено полотно, а кое-где насыпь заменялась какими-то клетками из шпал, по которым поезд шел с мучительною, заставлявшею страшно биться сердца пассажиров медленностью. Не было видно на всем протяжении пути ни малейшего признака намерения серьезно исправить повреждения, и только изредка попадались один-два рабочих, напрасно пытавшихся где-нибудь в глубине балки засыпать громадные образованные половодьем пропасти.

Только что начиналось утро. Я проснулся от толчка соседа, который ехал по Ростово-Владикавказской дороге в первый раз и от медленной езды испытывал какую-то жуткость. Я поспешил успокоить пугливого соседа, сообщив ему, что состояние полотна дороги каждый год одинаково печально, а между тем со времени открытия дороги, в течение десяти лет, было всего два-три «серьезных» случая с десятками убитых и раненых. Чтобы определить, где мы находимся, я выглянул в окно вагона и увидел перед собой Татарскую гору. Тогда, чтобы окончательно успокоить своего спутника, я предложил ему выйти на площадку вагона и полюбоваться странным феноменом, каким является Татарская гора.

Солнце еще не всходило. Заря тоже только начинала алеть на дальнем востоке. Царил полумрак, при котором очертания предметов различались не совсем ясно, словно приходилось смотреть сквозь синие очки. В воздухе еще чувствовалась ночная свежесть, но в то же время с востока неслись теплые воздушные волны, которые, ударяясь о тело, вызывали в нем чрезвычайно приятные ощущения.

Мы смотрели на стоявшую перед нами Татарскую гору. Странная эта гора. На совершенно ровной местности вдруг выдвигается отдельный, не стоящий ни в какой связи с какими-либо горными кряжами холм, чрезвычайно узкий и чрезвычайно высокий, высота которого превосходит ширину его основания, — и вся эта длинная земляная колонна венчается громадной каменной шапкой. Бока Татарской горы покрыты жалкой степной растительностью, вершина представляет совершенно обнаженный камень, а у подножья расположился маленький Султановский аул. Странное впечатление производила эта выпяченная из земли, словно сосец, гора, сразу уничтожая все установившиеся понятия о постепенности перехода из одного рода местности в другой. Мне уже неоднократно приходилось бывать в здешних краях, и тем не менее я всегда смотрю на Татарскую гору с особенным чувством восхищения и неудовлетворенного любопытства. Спутник же мой, в первый раз попавший сюда, просто не мог оторвать глаз от чудной картины и страшно досадовал на поезд, который, хотя медленно, но уносил нас от Татарской горы.

Когда это странное явление природы исчезло из наших глаз, мы стали осматриваться по сторонам: степь привольная, бесконечная, как и прежде, тянулась по обеим сторонам рельс. Промелькнули два-три аула, станица — и только. Изредка попадались засеянные поля, скошенное сено и стада. Все говорило о малой культурности края, о малой заселенности его, хотя некогда прежде этот край кормил очень и очень большое население. Предаваться на эту тему размышлениям, впрочем, было некогда, так как на горизонте показались очертания пятигорских гор, что означало близость цели путешествия — станции «Минеральные Воды», а затем Пятигорска, Ессентуков, Кисловодска и Железноводска.

Пятигорские горы, подобно Татарской горе, тоже «выпячиваются» из земли. Но они далеко не производят такого впечатления, потому что их обыкновенно приходится видеть после Татарской горы и потому еще, что форма каждой из них далеко не напоминает той странной колонки, какою является Татарская гора: основания пятигорских гор во много раз превосходят их высоты. Тем не менее на пятигорские горы смотришь с любопытством и удовольствием, которые становятся тем сильнее, чем ближе подходит поезд и чем ярче выступает растущий на их боках лес, отливающий какою-то особенно прелестною зеленью и прерываемый огромными камнями, которые на зеленом фоне горы образуют разнообразные серовато-белые сочетания. Горы эти имеют такой прелестный вид, что на них сосредоточивается общее внимание, вплоть до той минуты, когда поезд останавливается и раздается крик кондуктора:

— Станция Минеральные Воды! Поезд стоит тридцать минут!

II

Началась суматоха. Одни поспешно выносили вещи из вагона, другие так же поспешно лезли в вагон. Толкали друг друга, кричали, ругались. Я имею счастливую привычку ездить без всякого багажа и потому, как только поезд подошел к станции, спрыгнул с площадки вагона на платформу. Осматривая толпу суетившихся и бегавших по платформе в надежде встретить знакомое лицо, я невольно обратил внимание на группу людей, совершенно не принимавших участия в общей суете, хотя, судя по тому, что у них в руках и вокруг них были их пожитки, они должны были отправиться с этим же поездом.

Эта были кабардинцы. Тут были дети, женщины, взрослые мужчины, старики. Дети были довольно оборванные. Женщины в обычных туземных костюмах: в шароварах и с закрытыми лицами. Мужчины были одеты в черкески и при оружии. Но всего более выделялись из толпы старики. Их было более десятка. Это были достойные представители своего племени. Высокие, стройные, несмотря на свою старость, в живописных кавказских костюмах, с большими седыми бородами, с умными, выразительными лицами, они производили импонирующее впечатление и внушали невольное уважение к себе. Их лица дышали благородством и сознанием своего личного достоинства; было ясно, что эти люди умеют постоять за свое личное достоинство, но в то же время умеют уважать и в другом это достоинство. В толпе своих более молодых соплеменников они казались настоящими патриархами. Это были живые памятники того времени, когда кабардинец не подчинялся ни русскому чиновнику, ни своему «князю» и когда для него единственным законом являлись его собственные понятия о правде и неправде.

Группа кабардинцев стояла совершенно неподвижно, словно окаменелая. Их лица были угрюмы, глаза горели, губы были судорожно сжаты. Видно было, что какое-то общее горе тяготело над этою толпою, но она сдерживалась и не хотела выказать свои страдания пред русскими, *гяурами*, на которых из толпы бросались далеко не дружественные взгляды.

Крайне заинтересованный представившеюся мне сценою, я поместился недалеко от толпы кабардинцев и стал наблюдать за нею. Чрез несколько времени к толпе подошел кондуктор и закричал:

— Ну, татарва! Идите занимать места… вон в тот вагон…

Вслед за этим произошло нечто неописуемое. Дети и женщины заголосили, хватаясь друг за друга, взрослые мужчины зарыдали, старики бросились на землю, стали ее целовать и поливать своими слезами. Эта ужасная сцена продолжалась минуты две; затем вся толпа быстро бросилась в указанный вагон и скрылась в нем. Оттуда послышались глухие рыдания.

На меня эта непонятная сцена произвела чрезвычайно сильное впечатление. Не понимая ее значения, но в то же время будучи тронут до слез этим бурно проявившимся выражением горя целой толпы людей, я растерянно осматривался по сторонам, как бы ища человека, который бы мог объяснить мне, что все это значит. Стоявший недалеко от меня крестьянин, по-видимому, заметил мое недоумение и как-то лениво произнес:

— Переселенцы это… в Турцию, значит, едут, — ну и прощаются с родной землей… Знамо жалко: это хоть на кого придись…

Мне стало все ясно…

III

Да, это были переселенцы в Турцию. Я неоднократно слышал о переселениях в Турцию кавказских горцев; приходилось мне видеть и лиц, собиравшихся в это переселение. Но никогда еще я не видел самого момента расставания переселенцев с родною землею и никогда так ясно не понимал, как тяжело этим несчастным покидать родную сторону.

Странное дело: в то время как из внутренних губерний масса переселенцев стремится на Кавказ, несмотря на то, что непривычный климат губит их здесь чуть не наполовину, — бренное население Кавказа бежит в Турцию…

Переселение кавказских горцев в Турцию — явление далеко не новое: оно началось еще в конце пятидесятых годов. Связь горцев с Турциею была давнишняя. Это была связь политическая, религиозная, торговая. Турки имели крепости по берегу Черного моря, откуда горцам доставлялись военные принадлежности и деньги. Значительное число горских племен номинально подчинялось Турции. Союз закреплялся общею борьбою с одним и тем же врагом — русскими. К этому присоединялось единство религии и признание турецкого султана религиозным главою всего мусульманского мира. Единственные торговые сношения, которые вели горцы, были с Турциею. При турецком дворе постоянно фигурировали черкесские князья, а в гаремах — черкешенки. Часто те и другие отлично устраивались в Порте и иногда получали большую силу, приглашая к себе оставшихся в горах родичей; такие временщики не находили слов для описания прелестей жизни в Турции. Среди горцев издавна составилось и сохранялось крайне преувеличенное представление о могуществе

султана и богатстве Турецкой империи. В своей борьбе с Россией горцы постоянно рассчитывали на турецкую помощь и до известной степени получали ее. Когда же после Крымской войны борьба с русскими для горцев сделалась совершенно невозможною и им приходилось покориться России, естественно, что среди них нашлись люди, решившиеся переселиться в Турцию, жизнь в которой представлялась им в самом розовом свете, и навсегда покинуть свои горы, лишь бы только не покоряться неверным, гяурам.

Лишь только кончилась Крымская война и Россия могла направить все усилия на окончательное покорение Кавказа, как начались переселения кавказских горцев в Турцию. Сначала это движение началось на западной части Кавказских гор, прилегающей к Черному морю, жители которой издавна имели непосредственные торговые и иные сношения с Турциею. Шли почти исключительно богачи и члены туземной аристократии со своими присными. В таком виде переселение не имело особенного значения ни для Кавказа, ни для Турции. Но в таком скромном виде переселение горцев оставалось недолго и скоро перешло в выселение целых народностей. Выселились — джигиты, убыхи, шапсуги, натухайцы, абадзехи, абазинцы, башильбаевцы, тамовцы, кизыльбековцы, шегиреевцы, баговцы, егерукаевцы и темиргоевцы, бесленеевцы, мохошевцы, бжедухи и закубанские ногайцы. Всего выселилось с 1858 по 1865 год, только по официальному счету, 493194 души, причем много горцев выселялось без ведома русского правительства и, стало быть, в официальный счет не попало.

Такие громадные размеры переселенческое движение горцев приняло благодаря некоторым приемам русской политики. Из официальных документов, содержание которых опубликовано председателем Кавказской археографической комиссии, господином Берже[1], видно, что в это время кавказские деятели решились радикально изменить прежнюю систему борьбы с горцами и поставили себе две цели: с одной стороны, ослабить численный состав горского населения, всячески содействуя переселению горцев в Турцию и даже прямо вызывая его, а с другой — выселить всех остающихся горцев из гор на плоскость, а места, занятые прежде горским населением, заселить казачьими станицами. Для достижения указанных целей всякий раз, когда какое-либо горское племя Западного Кавказа покорялось русскому оружию, перед ним категорически ставилась дилемма: или переселиться к Кубани и безусловно подчиниться русскому управлению, или выселиться в Турцию. Прикубанские болота, отводимые горцам, могли всего менее прельстить их; представления о русском управлении, которому горцев приглашали безусловно подчиниться, слагались у них на основании действий получивших историческую известность кавказских чиновников; неудивительно поэтому, что горцы предпочитали бегство в Турцию выселению на плоскость. К тому же их прямо подстрекали к переселению в Турцию: обещали казенную помощь, допускали к ним турецких эмиссаров, приглашавших переселяться, принимали и другие меры, как это мы увидим ниже, говоря о переселении чеченцев.

Горцы, уходя со своих мест поселения, покидали свои жилища, оставляли скот и запасы хлеба, а иногда и неубранные нивы. Все это досталось поселившимся на месте горцев казакам. Сами же горцы, без всякого имущества, скапливались частью в Анапе и Новороссийске, частью во многих мелких бухтах северо-восточного берега Черного моря, тогда еще не занятых русскими. Отсюда их перевозили в Турцию турецкие кочермы, а также отчасти заарендованные специально для этой цели русским правительством суда. Но так как всего этого транспортного флота было крайне недостаточно для перевозки почти полумиллиона человек, то массе горцев пришлось ждать своей очереди по полугоду, году и более. Все это время они оставались на берегу моря, под открытым небом, без всяких средств к жизни. Страдания, которые приходилось выносить в это время горцам, нет возможности описать. Они буквально тысячами умирали с голоду. Зимою к этому присоединялся холод. Весь северо-восточный берег Черного моря был усыпан трупами и умирающими, между которыми лежала остальная масса живых, но до крайности ослабевших и тщетно ждавших, когда их отправят в Турцию. Очевидцы передают ужасные сцены, виденные ими в это время. Один рассказывает о трупе матери, грудь которой сосет ребенок; другой — о матери же, носившей на руках двух замерзших детей и никак не хотевшей расстаться с ними; третий — о целой груде человеческих тел, прижавшихся друг к другу, в надежде сохранить внутреннюю теплоту, и в этом положении застывших, и т.д.

Помощь, оказанная переселенцам казною, была очень ограниченна. Всего издержано по переселению горцев 289678 рублей 17 копеек. Большая часть этой суммы пошла на уплату судовладельцам за провоз переселенцев — и только незначительные суммы были отпущены на пособие переселяющимся. Но и эта помощь не всегда доходила до нуждающихся, так как и это дело, как и все, совершавшееся тогда на Кавказе, сделалось «доходною статьею» для чиновников. Даже официальная комиссия, проверявшая счеты по переселению горцев, нашла многие представленные ей квитанции «сомнительными». Местное же предание, сохранившееся среди русского населения, передает ужасные вещи. Так, по преданию, многие барки, нагруженные горцами, имели пробуравленное дно и, будучи выведены в море, тонули вместе с переселенцами, а деньги, назначенные на расходы, оставались в карманах заведовавших делом лиц. Предание это — если принять жестокость нравов тогдашнего кавказского чиновничества и такие факты позднейшего времени, как сапоги с картонными

подметками у сидевших на Шипке солдат, — очень правдоподобно и отчасти подтверждается тем обстоятельством, что официально констатированы случаи затопления барок с горцами «от бурь».

С такими ужасными лишениями добивались горцы возможности сесть на суда. Но и на пути бедствия горцев не уменьшались. Их набивали на суда до последней возможности. Теснота и давка с присоединением недостатка съестных припасов производили страшный мор среди переселенцев. Но, наконец, они достигали турецкого берега, и здесь их ждало главное разочарование.

Сначала Турция принимала черкесов очень охотно. Большинство первых переселенцев были люди состоятельные и никаких особенных забот о себе не требовали. К тому же все черкесы были от природы воины — и это было очень на руку туркам, видевшим в этом обстоятельстве возможность пополнить ряды своего войска. Турецкое правительство мечтало о поселении черкесов среди христианских народностей Балканского полуострова, чтобы они были постоянными представителями турецкого режима для этих народностей и постоянною грозою для них. Но когда стремление к переселению охватило целые кавказские народности и в Турцию прибыли сотни тысяч горцев, то оказалось, что у турок не было ни средств для содержания этой массы людей, ни уменья более или менее сносно устроить их. Черкесы, высаживаясь на турецкий берег, не встречали ни материальной помощи, ни указаний, куда идти и где поселиться. Большею частью они становились лагерем на том самом месте, где высаживались, и здесь бедствовали по несколько лет. В каких ужасных условиях находились черкесы, высадившись на турецкий берег, можно видеть из следующих данных, которые сообщал в письме от 10 июня 1864 года русский консул в Трепизонде генералу Карцеву. В Батум прибыло, — писал консул, — около 6000 черкесов, — смертность 7 человек в день; в Трепизонде высадилось 247000, из них умерло 19000 душ; ко времени написания письма оставалось в Трепизонде 63290 черкесов, и из них умирало 180—250 человек в сутки; в Самсуне и окрестностях было 110000 душ, ежедневная смертность достигала 200 человек; из 4650 человек, отправленных из Трепизонда в Константинополь и Варну, умирало в день 40—60 человек; всего с начала переселения до мая 1864 года из прибывших в Трепизонд переселенцев умерло более 30000 человек.

В таких ужасных условиях очутились черкесы в пределах турецких владений, которые раньше казались им каким-то обетованным раем. Мало-помалу, однако, переселенцы были размещены по разным частям Турции, преимущественно на Балканском полуострове, но в то же время были поставлены в самые ненормальные условия: они не получили ни определенных участков для жительства, ни каких-либо ресурсов для поддержания своего существования. Озлившиеся от целого ряда бедствий, одичавшие, изголодавшиеся, они волею-неволею должны были вести постоянную войну с местными жителями, сделаться отчаянными разбойниками, чтобы как-нибудь существовать. К тому же всю накопившуюся у них злобу против русских, гяуров, выгнавших их из родных гор, они перенесли на таких же гяуров, соплеменных русским балканских славян. Таким-то образом создался тот ужасный тип башибузука, который причинил столько ужасных страданий болгарскому народу и так памятен и нам, русским. Филиппопольская резня и другие подобные ей события подготавливались именно еще в первой половине шестидесятых годов…

Такова одна сторона последствий выселения горцев в Турцию, но не менее печальны эти последствия и с другой стороны. Места, прежде занятые многочисленным горским населением, пустуют до сих пор. Только незначительная часть этой местности занята казачьими станицами, а другая роздана разным чиновникам и нечиновным культуртрегерам. Казачье население, однако, оказалось очень непригодным для условий горной местности, и его приходилось, и отчасти приходится и теперь, содержать на казенный счет. Многие станицы пришлось даже упразднить, так как русскому населению оказалось совершенно невозможным жить в местах, занятых этими станицами; так, в одном 1868 году состоялось упразднение целых 12 станиц Кубанской области, «по крайнему неудобству относительно хозяйства, путей сообщения и отчасти климата», как сказано в официальном приказе. Земли, розданные в частную собственность, также остаются до сих пор совершенно пустыми и некультивированными. Наконец, огромные пространства, прежде занятые горцами, не вызывают даже ни в ком желания приобретения: так мало кажутся они пригодными для культуры. А между тем эти пространства были прежде заняты многочисленным населением и прекрасно культивированы. Теперь же превосходнейшие нивы и луга, буквально созданные руками человеческими на голых каменных скалах, заросли мелким колючим кустарником и совершенно пропали для культуры. Богатейшие сады и виноградники заросли дикими деревьями и погибли. И только одичавший виноград, встречающийся по склонам гор, да редкие остатки черкесской архитектуры свидетельствуют о деятельной жизни, царившей в этом крае, превратившемся ныне в пустыню, и о чрезвычайном трудолюбии аборигенов страны, превратившихся впоследствии в диких башибузуков…

С половины шестидесятых годов взгляд кавказских властей на значение переселения черкесов радикально изменяется: предвидя, что этим путем все Закубанье превратится в совершенную пустыню, подобно тому, как это уже случилось с Черноморским округом, местная власть стала всячески затруднять переселение черкесов в Турцию, а в 1867 году безусловно запретила выезд горцев за границу. Стремление к выселению, однако, не исчезало среди черкесов, даже тех, которые сначала подчинились безусловно русской власти и выселились из гор в кубанские болота. Не останавливали

их и доходившие до них известия об ужасном положении переселенцев в Турции. Таким образов, всякими правдами и неправдами еще в 1873 году выехало в Турцию несколько сот черкесских семейств. Но когда в том же году остававшиеся на Кавказе бжедухи и абадзехи просили позволения выселиться поголовно, им это не только было запрещено, но наиболее влиятельные из них были арестованы и сосланы. Когда же они тем не менее настаивали на своем желании, против них были двинуты войска и они силою оружия были остановлены на местах своего поселения. Этот факт прекратил переселения горцев Западного Кавказа в Турцию, исключая, конечно, единичных случаев.

На Восточном Кавказе дело выселения горцев в Турцию было поставлено несколько иначе. Частные переселения начались здесь также с пятидесятых годов. Выселялись кабардинцы, осетины-мусульмане, чеченцы, дагестанцы. В Дагестане была даже установлена до 1873 года особая норма численности переселенцев, которым дозволялось выселяться легальным образом. Именно, ежегодно 150 семействам выдавались паспорта на путешествие в Мекку и Медину и затем им объявляли, что, по выходе за русскую границу, их уже не впустят обратно. Самое большое число горцев Восточного Кавказа выселилось в Турцию в 1865 году и было вызвано к тому чисто искусственным путем. Здесь руководствовались тем же принципом, под влиянием которого было произведено изгнание горцев Западного Кавказа. Хотели ослабить чеченское племя, которое казалось наиболее опасным из всех восточно-кавказских народностей. С этою целью был отправлен в Константинополь чеченец, полковник русской службы, Муса Кундухов для переговоров с турецким правительством от имени чеченского народа относительно переселения чеченцев в Турцию. Турецкое правительство изъявило согласие отвести новым переселенцам землю в Малой Азии. Возвратившись во Владикавказ, Муса Кундухов получил в награду несколько десятков тысяч рублей, с обязательством вызвать переселение 5000 чеченских семейств. К этому делу тем же путем были привлечены еще двое влиятельных чеченцев. Эти «агитаторы» стали подстрекать чеченцев к выселению, рисуя самыми мрачными красками их будущность под русскою властью и расписывая прелести жизни в Турции. Для большего убеждения Кундухов и его товарищи отправили прежде всех в Турцию свои семейства. Были пущены в ход и другие, более решительные средства. Насколько переселение чеченцев было всецело делом рук местной власти, можно видеть из того, что стремление к переселению охватило именно то самое количество чеченских семейств, выселить которое решено было заранее, и те самые отрасли чеченского народа, которые казались местной власти самыми опасными. Всего двинулось в переселение 5008 семейств, состоявших из 22491 души. Переселенцы несколькими партиями отправились чрез Закавказье в Турцию. Здесь с ними повторилась та же история, что и с черкесами Западного Кавказа: не было приготовлено ничего для приема переселенцев; они болели, голодали и умирали массами; земли, отведенные им, оказались никуда не годным камнем и песком и т.д. Большинство переселенцев от этих бедствий повернуло назад, к русской границе. Они изъявляли безусловную покорность русской власти, соглашались нести воинскую повинность, предлагали даже принять православие, лишь бы им позволили возвратиться в родные горы. Принципы тогдашней нашей политики на Кавказе предписывали, однако, совсем другое, и чеченцев отогнали от границы выстрелами. Кроме того, по требованию русского правительства, турки отправили против чеченцев войско, которое артиллерийскими выстрелами заставило их отправиться на отведенные им земли.

В следующем 1866 году предполагалось отправить в Турцию новые массы чеченцев, но турки отказались принять их, находя, что и с прежними переселенцами слишком много хлопот.

Положение чеченцев, переселившихся в Турцию, оказалось крайне ужасным: поселенным в совершенно безводной пустыне, им приходилось или бежать с мест поселения, или умирать. Они делали и то и другое. Так как открыто их не пускали чрез русскую границу, то они проходили ее тайно, небольшими партиями, и затем проселочными дорогами направлялись в Чечню. Их, конечно, перехватывали по дороге, иногда в Закавказье, а иногда уже во Владикавказе и, большею частью, высылали обратно в Турцию. Несколько сот человек этих беглецов, однако, получили позволение возвратиться в Чечню. Эти выходцы из Турции принесли с собою, между прочим, семена турецкого табаку и знание табачной культуры: от них-то и началось разведение табаку в Чечне, которое ныне приняло здесь очень значительные размеры.

Оставшиеся в Турции чеченцы оказались в таком ужасном положении, что к 1871 году их осталось всего около 10000 человек: остальные перемерли.

Таков был печальный финал этой печальной с самого начала истории.

IV

Меня всегда занимал вопрос о том, из каких побуждений кавказские администраторы устраивали выселения кавказских горцев в Турцию. Официальный историк этих выселений, господин Берже объясняет дело так, что изгнание горцев было вызвано их постоянными разбоями, что усмирить их не было никакой возможности иначе как или истребив совершенно, или выселив из гор на плоскость или в Турцию. Обращаясь, однако, к фактам, из которых некоторые сообщаются тем

же официальным историком, мы находим, что не «гениальный план» заселения казаками занятых горцами местностей и изгнания последних из гор является следствием разбоев горцев, а, наоборот, самые разбои являлись следствием «гениального плана». Известно, например, что при изъявлении покорности чеченцами в 1857 году тогдашний главнокомандующий на Кавказе, князь Барятинский издал прокламацию, в которой сказано, что земли, занятые чеченцами в момент принесения покорности, останутся вечным достоянием чеченского народа. Прокламацию эту чеченцы берегут и хранят как зеницу ока и к ней всегда апеллируют. Между тем, вопреки этой прокламации, значительная часть чеченской земли была отведена под поселение казачьих станиц, а также роздана кумыкским князьям и другим лицам. Все население чеченского округа, состоявшее из 81360 душ, «стеснилось» (выражение господина Берже) на пространстве 76 квадратных миль, и на каждую семью приходилось всего 5—10 десятин (расчет того же господина Берже). Не говоря уже о нравственной обиде, которую должны были чувствовать чеченцы, оставленное им количество земли положительно не давало им возможности существовать, особенно если принять во внимание, что в то время чеченцы вели исключительно скотоводческое хозяйство. Вот и объяснение происхождения разбоев. Сам господин Берже очень наивно проговаривается на этот счет. Именно, говоря о выселении чеченцев в 1865 году, он сообщает, что русские власти прежде всего решились выселить «всех карабулаков» (одно из подразделений чеченского народа), в числе 1500 семей, которые всегда слыли за *отъявленных разбойников,* и которые притом, будучи стеснены поселением на их землях второго Владикавказского казачьего полка, почти *не имели других средств к существованию, кроме хищничества*[2]. Кажется, ясно…

Еще более интересовал меня вопрос о причинах современного переселения кавказских горцев в Турцию. Ежегодно значительное число кабардинцев, чеченцев и дагестанцев распродает все свое имущество, конечно, за бесценок, берет иностранные паспорта «для свидания с родственниками в Турции» или для поклонения гробу пророка в Мекке и затем бесследно исчезает с кавказского горизонта. Иногда некоторые из этих лиц снова появляются чрез несколько лет на родине, обнищавшие до последней возможности и проклинающие день, в который им пришла в голову несчастная мысль искать счастья на чужбине. Это обстоятельство, однако, нисколько не влияет на остальную массу горского населения, которое продолжает ежегодно выделять из своей среды значительное число переселенцев.

Прошло уже от 25 до 27 лет с тех пор, как горские народы Кавказа покорились русской власти. За это время успело уже народиться целое поколение, которому пришлось жить под русскою властью с самой колыбели и которое, казалось бы, должно привыкнуть к новым условиям жизни. А между тем туземцы кавказских гор до сих пор предпочитают бросать родину, как это им ни тяжело, и уходить в Турцию, как ни скверно живется им там. И с течением времени это движение не только не ослабевает, но еще усиливается, как это, например, имело место во второй половине 1883 года. Что же означает это явление?

Проводя три последних лета в Терской области, я неоднократно задавал вопрос о причинах современного выселения горцев членам администрации, местным ученым и просто обывателям. Большинство из них в ответ говорили о дикости горцев, о том, что, по общему историческому закону, при столкновении двух народностей менее культурная должна неминуемо, так или иначе, погибнуть, о лености, нерадении и тупости туземцев Терской области и тому подобном. Действительно, таково ходячее наиболее распространенное мнение о причинах выселения горцев. Но, присматриваясь ближе к делу, я убедился, что все приведенные ламентации, направленные против горцев, не имеют решительно никаких оснований в действительности.

Если сравнить то, что сделано на Кавказе туземцами, и нами, русскими, то менее культурною и менее трудолюбивою нациею придется признать именно русских. Я уже говорил о запустении под русским владычеством огромных пространств на Западном Кавказе, которые были покрыты прежде горскими нивами, лугами и виноградниками. То же явление приходится наблюдать и в Терской области. Все три лета, которые я провел здесь, я жил по несколько времени в Нальчике, русской слободке и в то же время центральном пункте Большой Кабарды, и здесь мне пришлось вволю насмотреться на то, с каким бесстыдством русские истребляли продукты кабардинской культуры и многолетнего труда. Около самого Нальчика находится так называемый Атажукин сад, от которого теперь остались только жалкие остатки. Это был один из тех громадных садов, подобные которым можно встретить только на Кавказе. Это был сад-лес. Он разделялся на две части, из которых одна представляла полукруглую террасу, довольно круто спускающуюся в долину, а другая — самую долину, по которой протекает река Нальчик. Терраса была искусственно разделена на несколько малых террас, которые, представляя каждая правильный полукруг, возвышались друг над другом порогами. Все эти террасы были превращены в великолепные виноградники. Нижняя часть сада была засажена самыми разнообразными плодовыми деревьями — грушевыми, яблонями, «шишками», лычою, вишнями, черешнями, барбарисом, персиком, тутовником и т.д. Были здесь великолепные аллеи из лип и акаций, была превосходная круглая лужайка, обсаженная огромными персиками и тутовыми деревьями, и т.д. Для поливки виноградников и некоторых частей нижнего сада был

проведен из-за нескольких верст канал. В таком виде находился сад в кабардинских руках. Совсем иной вид получил он с тех пор, как русские получили возможность хозяйничать в нем. Канал заброшен. Виноградники не обрабатываются, и зеленые лозы одичавшего винограда скашиваются на корм скоту, вместе с травою, которою заросли террасы. Плодовые деревья — молодые вырыты и пересажены в обывательские сады, а более старые — срублены на топливо. Липовые и акацийные аллеи истреблены самым беспощадным образом, и я лично был свидетелем того, как истреблялись остатки этих аллей, причем в этом расхищении общественного достояния не церемонились принимать участие наиболее интеллигентные члены местного русского населения. Один из этих «интеллигентов», вырубивший много липовых и акацийных деревьев, чтобы не покупать дров, на мой вопрос о том, не чувствует ли он некоторой неблаговидности в своем поступке, ответил мне, что «здесь этим деревьям стоять *не полагается».* Громадные деревья, входившие в состав великолепного «круга», тоже большею частью вырублены, а оставшиеся потеряли боковые ветви и полузасохли. В настоящее время Атажукин сад представляет огромное заброшенное пространство, заросшее мелким вишняком, колючим кустарником и сорными травами, и только кое-где остались большие деревья, напоминающие о прежней кабардинской культуре. Несомненно, однако, что участь и этих памятников старины очень непрочна.

Верстах в 7—8 от слободы Нальчика, вверх по реке того же имени, некогда был кабардинский аул, а при нем рос прекрасный сад, значительно превосходивший своими размерами Атажукин. Сад этот подвергся такому же расхищению со стороны русских, как и Атажукин, и в настоящее время представляет еще большую мерзость запустения, чем последний.

Такова здесь русская культура, и образцы этой культуры можно видеть повсюду в Терской области. Лицам, говорящим о некультурности горцев и недостатке у них трудолюбия, следовало бы обратить внимание на эти факты, а также на некоторые другие, характеризующие степень культурности и трудолюбия кавказских туземцев, каковыми фактами могут служить развитие у горцев архитектуры, образцы которой можно видеть на башнеобразных зданиях Горной Осетии или на башнях по Военно-Грузинской дороге; на скотоводство у горцев вообще и карачаевцев в особенности, ухитрившихся развести огромные стада рогатого скота на неприступных высотах у подошвы Эльбруса; на ирригацию на Кумыкской плоскости, отчасти у чеченцев и, в особенности, в Закавказье, ирригацию, подобную которой русские здесь никак не могут устроить, несмотря на содействие научной техники и капитала; на широкое распространение среди горцев кустарных промыслов, на превосходнейшие местные кустарные изделия из шерсти, шелка и металлов и т.д. Останавливаться на всех перечисленных фактах я не буду, так как это завело бы нас слишком далеко от предмета статьи — выселения горцев. Не могу, однако, не поговорить об одном предмете, знакомство с которым даст читателю понять и о горской культуре, и о трудолюбии горцев, а вместе с тем покажет, насколько должны быть серьезны причины, изгоняющие горцев из родной страны на чужбину. Я говорю о земледелии в горах.

V

Кавказские горы имеют мало террас, пригодных для земледелия. Большая часть площади, занятой горами, состоит из крутых стремнин и спусков, на которых может расти только лес или мелкая трава. Во многих же местах бока гор настолько круты, что текущими во время таяния снега или дождей ручьями с них сносится малейшая песчинка земли, и бока эти представляют собою сплошной очищенный камень. Пашни даже на менее крутых склонах непременно невозможны, так как неминуемо уничтожались бы при первой весне или даже при первом сильном дожде. Вот почему горные пастбища и леса, почва которых держится на склонах гор благодаря корням растений, не могут быть обыкновенно обращаемы в пашни. Для этой цели могут служить только немногие редкие клочки земли, случайно представляющие не особенно большой наклон, настолько небольшой, что на нем может держаться искусственно созданная почва, конечно, при помощи различных сооружений. Такие клочки земли дорого ценятся и нарочно разыскиваются. Отыскав такой участок земли, горец очищает его от камней и устраивает снизу стену, часто из собранных на участке же камней. Затем он направляет течение какого-нибудь горного ручья на избранный участок. Ручей оставляет на участке мелкие камешки и песок и, таким образом, выравнивает его и вместе с тем создает подпочву участка. Тот же ручей, протекая сквозь отверстия между крупными камнями, из которых сложена стена, забивает их мелкими камешками и песком и, таким образом, цементирует стену, делает ее крайне устойчивою, могущею выдержать самые сильные горные потоки и сохранить созданную на участке почву. Затем в обгороженный участок загоняет на ночлег скот, который и удобряет почву. Это продолжается несколько лет. Если хозяин участка желает по возможности скорее привести участок в такой вид, чтобы получать с него доход, то он приносит, большею частью на себе, снизу, из долин, черную землю и покрывает ею участок. Сначала такой участок запускается под траву. Трава на нем родится низкая, не выше фута, но зато густая, как щетина на щетке, так что в нее трудно просунуть

руку. Собирается трава три раза в год. Сено в горах ценится чрезвычайно высоко, и участок в одну четверть десятины дает сена не менее как на 60 рублей. Вообще участки удобной земли в горах крайне мелки. Больше четверти десятины участки встречаются крайне редко, и чем дальше в горы, тем участки меньше. Нередко встречаются участки не более обыкновенной средней величины комнаты. Земли удобной здесь мало, и она ценится чрезвычайно дорого. Двор, имеющий полдесятины пашни, считается вполне обеспеченным; выше начинается уже богатство. Десятина пашни (конечно, обыкновенно в нескольких клочках) стоит до *тысячи* рублей. Мне передавали, что один горский аристократ, получив в наследство несколько участков, составлявших в общей сложности около *четырех* десятин, продал их и на вырученные деньги купил на плоскости *четыреста* десятин земли, и у него еще остались деньги. И это совершенно понятно, так как в Терской области на плоскости цены на землю не выше *десяти* рублей, в Нальчикском округе еще недавно земли продавались по *пяти* рублей, а в Хасавюртовском округе еще в 1883 году заключились сделки по *четыре* и даже *три* рубля за десятину, покрытую лесом.

Сеют в горах на искусственно созданной земле обыкновенно ячмень и просо. Другие хлеба не родятся. Почва удобряется очень тщательно навозом. Кроме того, устроено искусственное орошение. Орошение часто устраивается обществом. Условия местности иногда не позволяют проводить оросительные каналы по земле, и тогда их устраивают на воздухе, сооружая из дерева громадные желоба. Это имеет место, например, в балкарских обществах (Нальчикского округа). Там, где орошение общественное, наблюдатель встречается с очень оригинальными картинами. Обыкновенно, когда русский приезжает в горский аул, что бывает вообще редко, его окружает всегда толпа аульных жителей. Объясняется это как любопытством этих «детей природы», так и тем обстоятельством, что хозяин, у которого останавливается проезжий, для соблюдения обычая гостеприимства, обязательно режет барана и в съедении этого барана имеют право принять участие все обитатели аула. В аулах *балкарцев* (маленький народец, живущий неподалеку от Нальчика) такие любопытные летом собираются смотреть на приехавшего непременно с заступами в руках. Время от времени отдельные члены толпы собравшихся удаляются куда-то и затем снова появляются лишь чрез некоторое более или менее продолжительное время. Оказывается, что весною и в начале лета балкарцы, куда бы они ни шли, что бы ни делали, непременно имеют при себе заступы. Дело в том, что в это время производится орошение пахотных полей, имеющее громадное значение для урожая: так как каждый член общества имеет право только в течение определенного времени пользоваться водою из общего канала для орошения своего поля, то он и носит при себе постоянно заступ, и, где бы и за каким бы делом ни застало его наступление момента, с которого начинается его право на воду, он тотчас же устремляется к каналу и пускает из него воду на свои клочки земли. Неудивительно, что при тщательной обработке (рукою, заступом) земли, при постоянном удобрении и орошении, урожаи получаются здесь очень значительные — до сам 20. Тем не менее ничтожные клочки земли не могут прокормить население, и оно принуждено прикупать хлеб на плоскости…

Из этого краткого описания состояния земледелия в горах читатель может видеть, сколько справедливости в обвинениях горцев в лености. Вместе с тем, я полагаю, читателю становится понятным, что, создавая себе на голых скалах землю исключительно своим трудом, буквально до кровавого пота, горец должен страстно привязаться к своей земле. И если тем не менее он покидает ее и идет заведомо на страдания в Турцию, то причина тому уж во всяком случае заключается не в его лени.

VI

Во время моего пребывания в Терской области меня страшно поразила взаимная ненависть, которую питают друг к другу два главные элемента населения области — казаки и туземцы. Ненависть эта проявляется в чувствах и воззрениях казаков и туземцев и в тысячах столкновений тех и других друг с другом. Для казака туземец является не человеком, а так «тварью» какою-то, церемониться с которою решительно нет никакого резона. В свою очередь и туземец видит в казаке только «неверную собаку». Стычки и столкновения между казаками и туземцами — самое обыденное явление здесь. Ветреча казака с туземцем где-нибудь в поле или нескольких казаков с туземцем и нескольких туземцев с казаком — редко обходится без истории: самое меньшее, если в этом случае произойдет драка и избиение слабейшей стороны, а сплошь и рядом случается убийство. Убийство здесь вообще настолько заурядное явление, что к нему решительно все привыкли и оно не вызывает ничьего удивления. Истина заставляет сказать, что казаки, как поставленные в привилегированное положение, пользующиеся поддержкою администрации и сделанные даже в некотором роде начальством над туземцами вообще, гораздо чаще злоупотребляют силою и проявляют по отношению к туземцам невероятное нахальство. Само собою, что это ужасно возбуждает и озлобляет туземцев и они мстят казакам при всяком удобном случае. Кроме мелких стычек и столкновений, имеющих место ежедневно повсюду, во время моего пребывания летом 1883 года в Терской области здесь

произошел целый ряд очень крупных столкновений и недоразумений между обеими половинами населения, столкновений, которые еще более разожгли их взаимную ненависть. Я остановлюсь на некоторых из этих печальных фактов, чтобы рельефнее выяснить отношения, сложившиеся здесь между казаками и туземцами.

Недалеко от Владикавказа находятся по соседству друг с другом казачья станица Архонская и осетинское село (аул) Тулатовское. Земли этих обществ разделяются рекой Тереком: по правому берегу тянется земля тулатовского общества, а по левому — земля архонских казаков. Несколько лет тому назад Терек — как это здесь бывает часто — изменил свое течение в сторону земли архонцев и отрезал от нее кусок в 200 десятин, которые в настоящее время прилегают к земле тулатовского общества и отделяются от последней старым руслом Терека. Чтобы обрабатывать эту землю, казаки должны переезжать Терек, что сопряжено с большими неудобствами во время половодья. Ввиду такого неудобства, а также ввиду избытка земли, архонцы отдали этот кусок земли в аренду осетину-кулаку, жителю Тулатовского селения, некоему Бадоеву. Арендатор выговорил право соединить арендуемый им участок с общим владением архонцев посредством моста и взимать деньги за проезд. Нужно заметить, что тулатовцам отвели лесной участок за Тереком, и, чтобы пользоваться этим лесом, им приходится переезжать бурную реку вброд. Бадоев, пользуясь тем, что переезд вброд через Терек во время весенних половодий сопряжен с большим риском, объявил своим односельцам-тулатовцам, что если они желают пользоваться правом проезда через его мост, то каждый «дым» должен доставить ему, Бадоеву, по одной сажени хворосту и платить по одной мере пшеницы. Сажень хворосту стоит 4 рубля, а мера пшеницы — 1 рубль 20 копеек — что составит с «дыма» 5 рублей 20 копеек, а со всего селения (120 дымов) — 624 рубля. Эту контрибуцию тулатовцы платили Бадоеву до тех пор, пока не сообразили, что им выгоднее иметь свой мост, и решились выстроить таковой всем обществом. Для этой цели они выбрали место повыше моста Бадоева, где издавна пролегала проселочная дорога, шедшая чрез Архонскую станицу в лес, отведенный тулатовцам. Весною 1883 года мост этот был готов и стоил жителям Тулатовского общества во много раз дешевле того, что они платили Бадоеву: именно, каждому дыму пришлось доставить 2 арбы хворосту и на 10 дымов по одному бревну в 1 рубль 30 копеек. Бадоев, который, таким образом, с постройкой общественного моста лишился солидного дохода, стал подстрекать архонских казаков, чтобы они воспретили тулатовцам проезжать чрез свою землю в том случае, если последние будут иметь свой мост. Казаки 12 мая приехали целым кагалом к мосту тулатовцев и не только воспретили по нему проезд, но и угрожали разбросать самый мост. Некоторые тулатовцы, ехавшие в этот день в лес, вынуждены были возвратиться назад, во избежание столкновения с казаками. 15 и 16 мая, во время коронационных празднеств, тулатовцы постановили в память этих дней позволить горцам, гнавшим свои стада в горы на лето, перегнать бесплатно через мост до 12 тысяч овец. Но казаки и тут показали свою власть: они не пропустили ни одной овцы. Таким образом, труд тулатовцев по постройке моста оказался совершенно напрасным. Так как к улажению этого дела местною администрациею не принимается никаких мер, то не будет ничего удивительного, если оно окончится резнею.

Приведенный факт представляет собою пример, так сказать, экономического давления, которым казаки хотели насолить «поганой твари». Но сплошь и рядом дело обходится проще. Так, например, в ночь на 20 июля около Пришибской станицы ехали на базар 5 кабардинцев; пришибские парубки, от 15 до 18 лет, напали на них и ограбили, отняв у них все, что они везли, и даже сняв с них одежду: шапки, бешметы, бурки и прочее. Не подумайте, что помянутые парубки — какие-нибудь грабители по профессии! Напротив, это самые заурядные парни, в начале же следствия сознавшиеся в грабеже и возвратившие ограбленное, кроме того, что было пропито. Просто их толкнуло на грабеж то соображение, почему же не ограбить «поганую татарву», раз к тому представляется случай. Туземцы, проезжающие чрез станицы, нередко подвергаются бомбардировкам камнями со стороны парубков, опять-таки, в силу того же соображения, почему же не поколотить татарву. И колотят. Вот, например, какая история разыгралась прошлым летом в Умахан-юртовской станице. Умахан-юртовская станица расположена на берегу реки Сунжи, на которой существует мост. Станица находится между аулами Брогуны и Гудермес. В Брогунах живет известный своею ученостью мулла, который образовал там маленькую аудиторию для *муталимов* (учеников) из разных мест Кавказа, стекающихся сюда для изучения Корана и вообще правил мусульманской веры. Так как муталимы в большинстве случаев дети круглых бедняков, то они, чтобы поддержать свою труженическую жизнь, периодически отправляются по окрестным аулам и там собирают подаяние от своих братьев по вере. Партия таких муталимов, возвращаясь из аула Гудермес в Брогуны, чрез помянутый мост, повстречалась с двумя казаками, шедшими в станицу с рыбной ловли. Казаки, заметив нищенский вид оборванных муталимов, сперва подняли их на смех, а потом один из них подставил ногу одному оборвышу, который растянулся на мосту. Старший из муталимов, видя обиду своего товарища, подошел к неосторожному шутнику и, хотя он не знал ни одного слова по-русски, однако, схватив его за грудь, мимикой требовал удовлетворения. Но казак, в свою очередь, держа одною рукою за ножны кинжал муталима, другою запалил ему в ухо. Муталим ответил тем же. В то время другой казак вытащил кол из ближайшего плетня, зашел сзади к муталиму и нанес ему в голову такой полновес-

ный удар, от которого последний присел на колени. Когда муталим почувствовал, что из полученной им раны течет по лицу его кровь, то он, точно уязвленный змеей, выхватил из ножен кинжал и нанес две раны своим противникам: одному в ногу, а другому в руку. Раздались призывные голоса о помощи, поднялась общая суматоха, вслед за этим гам и крик: «Наших режут!». Народ, работавший на токах, и праздный люд, шатающийся по станице, пустился бежать к мосту, откуда неслись голоса о помощи; кто бежал с граблями в руках, кто с вилами, а некоторые и с ружьями. Маленькие муталимы оставались все это время простыми свидетелями, но, видя приближение толпы казаков, в испуге бросились бежать в разные стороны. Приближающаяся же толпа, не понимая, в сущности, ни повода ссоры, ни ее последствий, но видя убегающих туземцев, пустилась за ними в погоню и по мере того, как настигала кого-нибудь из отступающих неприятелей, била его нещадно по чем попало и как попало. В это время было сделано даже несколько выстрелов, которые, к счастью, никого не зацепили. Но все-таки на поле сражения после этой травли оказался старший муталим с пробитым черепом и на краю могилы, трем-четырем его товарищам перебили по несколько ребер, и все они доставлены в станичное правление в полном беспамятстве. Что же касается до казаков, то один из них находится в положении опасно больного, а товарищ его отделался пустой раной[3].

Еще более рельефный факт имел место в городе Грозном. Сюда, на местный рынок, постоянно привозятся из окрестных аулов сельские произведения. Обстоятельство это очень не нравится казакам соседних станиц, тоже поставляющим на грозненский рынок сельские произведения, а также и местным торговцам. К этому присоединяется еще общее враждебное отношение русских и чеченцев друг к другу. И вот не проходит ни одного базара без мелких стычек и столкновений между представителями обоих элементов населения. 15 августа столкновения эти завершились громадным побоищем. Дело началось, как и всегда, с пустяка. Один чеченец обменял часть привезенных им на базар дров на арбузы, одна часть которых лежала на телеге, а другая возле нее. Забравши с телеги арбузы, чеченец хотел было забирать и те арбузы, которые лежали возле телеги, полагая, что и они пошли в обмен, но продавец — русский, видя это, ударил чеченца кулаком в лицо: таков здесь разговорный язык с туземцами. Стоявший возле другой чеченец — товарищ побитого, дал в свою очередь удар горожанину. Вслед за этим началась общая свалка. Вооружившись кинжалами, как чеченцы, так и русские, бросились к месту катастрофы; кулачные и палочные удары сыпались градом; пыль, топот и крик — все смешалось в невообразимом хаосе, — и только энергическое вмешательство полиции и чеченца-генерала Арцу Чермоева остановило стычку.

Я привел лишь незначительную часть известных мне фактов, приводить все факты нет никакой нужды, так как мне хотелось только охарактеризовать отношения, существующие между двумя половинами населения Терской области, и полагаю, что для этой цели достаточно приведенных фактов. Отношения эти натянуты и враждебны до последней степени и постоянно грозят перейти в свалку. Невольно возникает вопрос о причинах этой враждебности. Когда я поставил себе этот вопрос и стал собирать данные для его решения, то, по мере выяснения причин существующей розни между русскими и туземцами, я начинал понимать, что те же самые причины, делая невыносимою жизнь горцев на родине, заставляют их переселяться в Турцию. Одни и те же ненормальные условия, которыми обставлена жизнь горцев, ставят их во враждебные отношения к казакам и вместе с тем побуждают их покидать родину. В этих же условиях — секрет кавказских восстаний.

VII

Каковы же причины, поставившие туземцев Терской области и казаков в такое положение, что они постоянно готовы резать друг друга? Среди местных русских обывателей (исключая небольшой группы интеллигенции), и не только их одних, а и среди многих столичных публицистов наибольшею популярностью пользуются мнения, рассматривающие ныне существующую взаимную вражду казачьего и туземного населения Северного Кавказа как остаток прежних военно-враждебных отношений или как продукт национальной обособленности той и другой половины населения. Мнения эти могут казаться до известной степени основательными лишь до тех пор, пока мы будем ограничиваться рассмотрением положения дела в небольшой области, но раз мы перенесем вопрос на более широкую почву, несостоятельность указанных объяснений вражды между туземцами и казаками станет вполне очевидною.

В самом деле, вражда между туземцами и казаками существует не только в Терской и Кубанской областях, где военные действия окончились не особенно давно, но решительно всюду, даже там, где война с туземцами прекратилась более ста лет тому назад. Так, донские казаки враждуют с калмыками, уральские и оренбургские — с киргизами, казаки сибирских казачьих войск — тоже с киргизами, тунгузами, бурятами и т.д. Здесь, по окончании военной вражды, сменилось уже несколько поколений, и самая память о бывшей некогда военной вражде утратилась. А между тем, вражда туземцев и казаков повсюду одинаково сильна и выражается в тех же самых формах, как и в Терской области, начиная с мелких столкновений, переходя к широко развитому конокрадству

и кончая даже убийствами. Значит, это явление представляет собою не переживание прежних военных отношений, а продукт причин более постоянных, существующих доселе. Это, если хотите, война, но уже не прежняя, а *социальная.*

Также не состоятельно мнение, по которому вражда между казаками и туземцами должна рассматриваться как продукт национальной обособленности тех и других. Уже один тот факт, что русские очень спокойно живут рядом с инородцами во многих местах России, совершенно опровергает это мнение. Но в областях, занятых казаками, мы встречаемся с фактом, еще резче противоречащим высказанному мнению; я говорю о резко враждебных отношениях, существующих между казаками и переселенцами. Вражда эта особенно сильно проявляется в областях Уральской, Донской и Кубанской и совершенно тождественна как по существу, так и по формам своего проявления, с враждой казаков и туземцев. В Терской области такой резкой вражды между казаками и переселенцами пока не замечается, так как здесь и самых переселенцев еще очень мало, но в степных станицах этой области, где всего более приютилось переселенцев, начинают замечаться проявления тех враждебных отношений, которые царят во всей силе между казаками и переселенцами в соседней Кубанской области. Для объяснения этого явления уже нельзя ссылаться на национальные особенности, так как и казаки и переселенцы принадлежат к одной и той же народности. Очевидно, что причины взаимной вражды разных элементов населения не имеют ничего общего с национальностью.

Аналогия между взаимными отношениями казаков и переселенцев, с одной стороны, и казаков и туземцев, с другой, дает нам ключ к разрешению вопроса. Сходство между положением туземцев и переселенцев по отношению к казакам состоит исключительно в том, что как переселенцы, так и туземцы поставлены в несравненно менее выгодные экономические условия, чем условия экономической жизни казаков. Это сходство положений туземцев и переселенцев влечет за собою и сходственные последствия в виде одинаковых отношений первых и вторых к казакам. Об экономическом положении здешних переселенцев мне уже приходилось говорить на страницах «Дела»[4]. Что же касается туземцев, то нижеследующие данные могут дать понятие об их экономическом положении, сравнительно с положением казаков. По положению 23 апреля 1870 года, казаки должны были быть наделены землею в размере 30 десятин на душу мужеского пола. В действительности же казаки Терского войска получили несколько менее указанной нормы, именно по 24 десятины *на душу.* В то же время при устройстве поземельного быта туземцев на плоскости они наделялись землею в размере лишь 12—18 десятин *на дым*[5]. Что же касается туземцев, живущих в горах, то им принадлежат лишь самые небольшие клочки земли, о чем уже было говорено выше. В Кубанской области казаки получили полный 30-десятинный душевой надел; в то же время черкесы наделены по 7 десятин на душу, и притом преимущественно никуда не годными плавнями по Кубани. В Донской области, где казачий надел еще выше, у калмыков отрезаны громадные пространства и обращены в общий войсковой юрт; этим путем калмыки крайне стеснены в землепользовании и принуждены сократить до minimuma свое скотоводство, основу всего своего благосостояния. В Оренбургской губернии отрезки земли киргизов происходили несколько раз. Кроме того, здесь казаки самовольно захватили до 3000000 десятин киргизской земли, дело об этом захвате тянулось очень долго и кончилось возвращением киргизам одного миллиона десятин земли и оставлением остальных двух миллионов во владении казаков. Все эти однородные факты ясно показывают, с какими неравными силами должны бороться туземцы и казаки на экономической почве и в чью пользу должен быть перевес. И действительно, факт экономической зависимости туземцев от казаков очень распространен. Прежде всего, эта зависимость отражается на рынке, где туземец, побуждаемый нуждою, должен продавать свои произведения ниже их действительной стоимости и ниже цен, получаемых казаками. Затем туземцу приходится продавать свой труд казаку, тогда как обратное явление может встречаться лишь как крайне редкое исключение. Наконец, туземцы, нуждаясь в земле, вынуждены брать в аренду земли казаков и вследствие того поступать еще в большую зависимость от последних. Аренда туземцами казачьих земель очень распространена в Кубанской и в Терской областях. Даже станицы, наделы которых признаются крайне неудобными, сдают земли туземцам; так, например, у Галашевской станицы (Владикавказского округа), не могущей прокормиться от своего надела и потому получающей «паек», арендуют землю до 200 дымов туземцев.

Неудивительно, что при такой экономической зависимости одной части населения от другой отношения их друг к другу обостряются и приводят к крайне печальным результатам. Это общий факт, имеющий место всюду, где средства к жизненной борьбе распределены неравномерно, — и к чему может приводить подобное положение вещей, ясно показывает чрезвычайно широкое распространение за последние годы аграрных преступлений во внутренних губерниях России.

К этому в Терской области присоединяется неудачное расположение населенных мест. Область населялась исключительно сообразно с военно-стратегическими целями; неудивительно поэтому, что когда пришлось перейти к мирной жизни, многие поселения оказались совсем не у места. Всматриваясь в карту населенных мест Терской области с обозначением прирезанных к ним наделов, невольно поражаешься неудачным положением первых относительно вторых: наделы разных поселений нередко тянутся на далекое расстояние узкими полосами, окружают друг друга и врезыва-

ются одни в другие, переплетаются и т.д. Нечего и говорить, что здесь постоянный источник ссор, споров, недоразумений, неудовольствий и вражды.

Такова основная причина враждебных отношений казаков и туземцев — экономическая. Ею одною, однако, суть дела не исчерпывается, и рядом с этою причиною действует целый ряд других, менее важных, но действующих все в одну и ту же сторону возбуждения розни между казаками и туземцами. Такими причинами являются особенности горского сельского управления, оригинальное отношение представителей полиции и судебной следственной власти к преступлениям против личности туземцев, странный порядок ответственности туземцев за преступления, правила об обезоружении туземцев, отсутствие школ для туземцев и т.д. Все эти причины ставят туземное население в какое-то особенное, исключительное положение, невольно приводящее к разрыву между туземцами и русскою частью населения.

Собственно говоря, поставить какую-нибудь часть населения в исключительные общественные условия — значит неминуемо раздражить эту часть населения против остальной массы, и наоборот. Поставленная в исключительные условия часть населения неминуемо должна чувствовать себя особенною от остального населения, а свои интересы не только не солидарными с интересами остального населения, но и прямо противоречащими им. В свою очередь, и остальная масса населения неминуемо должна видеть в обособленной части населения нечто, чуждое себе; исключительные меры, принятые по отношению к одной части населения, неизбежно заставляют прочее население относиться к ней враждебно. Это одинаково справедливо как относительно того случая, когда исключительные условия благоприятны той части, к которой они относятся, так и в случае их неблагоприятности. Когда действие общих законов нарушается в пользу или ущерб части населения, эта часть необходимо должна сделаться подозрительною в глазах остального населения и, в свою очередь, стать враждебною ему, или из боязни за свои привилегии, или из ненависти за права, которых она лишена и которыми пользуется остальное население. Это именно имеет место в Терской области благодаря целому ряду особенностей положения туземцев сравнительно с положением другой части населения — казаков.

Первою такою особенностью является «Положение об аульных обществах». В то время, когда русское население *выбирает* свободно из своей среды сельского старосту или станичного атамана, аульные старшины *назначаются* начальством. Аульный старшина, по «Положению», пользуется очень широким объемом власти. Он обязан по делам полицейским объявлять правительственные распоряжения и наблюдать за распространением подложных указов и вредных слухов; заботиться о сохранении порядка и безопасности лиц и имущества, а также принимать меры для восстановления нарушенного порядка; задерживать бродяг и беглых; доносить о самовольно отлучившихся из общества; принимать меры к предупреждению преступлений; а также открывать и задерживать виновных в преступлениях и приводить в исполнение приговоры аульного схода. По делам общественным аульный старшина сзывает и распускает аульный сход и охраняет порядок на нем; предлагает на рассмотрение схода вопросы; наблюдает за деятельностью прочих аульных должностных лиц, за целостью меж и межевых знаков, за исправным содержанием дорог, мостов и прочего, за исправным отбыванием жителями повинностей, за порядком в училищах и других общественных заведениях, за торговыми заведениями и вообще за торговлей, за составлением камеральных списков; побуждает к исполнению условий и договоров, заключенных жителями; заведует общественным хозяйством и общественными суммами и охраняет от растраты имущества неисправных плательщиков. Наконец, аульный старшина обладает еще дисциплинарной властью: ему предоставлено право за маловажные проступки подвергать виновных назначению на общественные работы на время до двух дней, денежному взысканию до одного рубля или аресту до двух дней. Такие сложные обязанности, возложенные на аульных старшин, и такие широкие права, какие даны им, требуют в лице, занимающем эту должность, соединения самих разнородных качеств. Избранник должен обстоятельно и всесторонне знать все местные обстоятельства и условия, должен пользоваться уважением населения и влиянием в среде, должен, наконец, отличаться личными высокими качествами. Несомненно, что лицо, представляющее в своей персоне все необходимые условия, встречается лишь как редкое явление. И несомненно, что отыскать такое лицо всего менее может полицейская власть.

В самом деле, назначение аульных старшин всецело зависит от участковых приставов. Иного порядка вещей быть не может. Ни начальник округа, ни тем более начальник области по сложности и разносторонности своих обязанностей не могут знать, какие лица в каком ауле могут быть кандидатами на должности аульных старшин. Но могут ли это знать участковые пристава? В ведении пристава находится целая масса поселений, и ознакомиться обстоятельно со всем подчиненным ему населением приставу невозможно даже после многих лет пребывания на одном месте; по необходимости ему приходится ограничиваться ознакомлением с лицами, с которыми сталкивает его исполнение его обязанностей. Между тем характер деятельности пристава таков, что контингент лиц, с которыми ему приходится сталкиваться, всего менее может поставлять кандидатов в хозяева аулов. То обстоятельство, что данное лицо оказало приставу услугу в кругу его деятельности и тем привлекло к себе его особенное внимание и даже симпатии, скорее может служить указанием на

непригодность этого лица к исправлению столь важной для населения должности, как должность аульного старшины, и уж во всяком случае не может служить гарантией обладания данным лицом нужными для этой должности качествами. А между тем пристава необходимо должны искать кандидатов на должности аульных старшин именно в среде таких лиц, как потому, что с лицами другого рода им приходится знакомиться очень мало или даже совсем не приходится знакомиться, так и в силу того психического закона, по которому мы человека, пригодного к близкому нам делу, считаем пригодным и ко всякому другому. Да, наконец, что такое участковые пристава? Это те же становые, те же «куроцапы», только с более широкою властью и с большею фанабериею, с большим нахальством и с большим невежеством. Умственное развитие их крайне ничтожно, нравственных понятий не имеется никаких. Для оценки людей у них свой крайне своеобразный масштаб. Неудивительно, что они назначают старшинами просто отребье горских обществ.

Ко всему этому присоединяется еще одно очень важное обстоятельство. Назначение аульных старшин вызвано желанием иметь в аулах своих людей, могущих предупредить правительство о враждебных замыслах и бунтовщических намерениях туземного населения. Это источник, из которого возник существующий порядок назначения аульных старшин, и главный мотив, в силу которого этот порядок поддерживается доселе. Дело в том, что до сих пор царит взгляд, по которому туземное население усматривается как скопище бунтовщиков и разбойников; до сих пор не хотят понять, что масса туземного населения представляет собою тружеников, думающих не о бунтах и восстаниях, а лишь о том, как добыть себе кусок хлеба, тружеников, какие составляют большинство всякой народности; до сих пор не сделалось общим достоянием то простое соображение, что если в туземном населении, как и во всяком другом, могут встречаться беспокойные головы, то делать ответственным за них все население и несправедливо, и нецелесообразно. И вот под влиянием этих печальных недоразумений старшинами нередко назначаются лица, заявившие себя лишь доносами на своих соплеменников, доносами, сплошь и рядом совершенно неосновательными и вызванными лишь желанием получить вознаграждение.

Последствия такого порядка вещей крайне печальны. Недовольство аульных обществ своими старшинами — факт положительно общий. И это недовольство вполне понятно, так как в старшины обыкновенно попадают лица, занимавшие до того последнее место в обществе, лица, презираемые или ненавидимые всем обществом, лица, у которых в прошлом лишь несколько доносов или даже просто воровская практика. Аульные старшины сплошь и рядом совершают самые невероятные злоупотребления своею широкою властью, или мстя своим врагам, или укрывая преступления; случается, что они состоят членами воровских шаек и безнаказанно совершают самые дерзкие грабежи. И так как эти старшины назначаются представителями русской власти и ею поддерживаются, то неудивительно, что ненависть туземного населения против старшин переносится и на русский режим, который кажется туземцам воплощением насилий и беззаконий. Пользуясь своею властью, старшина может буквально отравить существование целого аульного общества, и вся горечь и злоба, которые накопятся в таком обществе, всецело падают на русских.

С другой стороны, туземцы, видя возле себя русское население, пользующееся большею самостоятельностью в своих внутренних делах, невольно начинают чувствовать себя в бесправном положении и завидовать своим соседям. Подобное неравенство особенно сильно отзывается на туземцах при том развитии чувства собственного достоинства, какое мы замечаем у кавказских народов. Вместе с тем и русское население начинает свысока относиться к туземцам, как к людям, которым не доверяют власти и которые, вследствие того, как бы поставлены ниже русского населения. Понятно, что это только подливает масла в огонь.

К еще более печальным результатам приводит отношение власти к случаям нападения на личность туземца. Когда на казачьей земле находят труп убитого туземца, то власти, от которых зависит первоначальное дознание, всегда склонны объяснять причину убийства или самообороной казака, или же тем, что туземец был застигнут на краже, и дело, получив с первого же раза такое неправильное направление, представляется впоследствии судебным следователем к прекращению. Таким образом, до сих пор убийства горцев казаками оканчивались почти всегда ничем, благодаря чему среди казачьего населения установился взгляд, что туземцы стоят вне закона и всякий самосуд против них возможен. Между тем при существующей кровной мести у туземцев родственники убитого, считая себя неудовлетворенными, являются мстителями за своего сородича и обыкновенно подстреливают казака той станицы, где пал их сородич. Это вносит в среду казачьего населения понятное чувство раздражения против горцев, и казаки, в свою очередь, ждут счастливого момента ухлопать туземца. Получается, таким образом, какой-то заколдованный круг, из которого нет и не будет выхода до тех пор, пока не станут видеть в горцах людей и подданных русского государства, а не зверей, которых можно истреблять совершенно безнаказанно.

Но если преступления против личности туземцев в большинстве случаев остаются безнаказанными, то совсем иначе стоит дело относительно преступлений, которые совершены или предполагаются совершенными туземцами. Ответственность туземцев Терской области за преступления обставлена такими условиями, которые не имеют ничего себе подобного на всем протяжении Россий-

ской империи. Порядок, установленный законом для раскрытия преступников, привлечения их к ответственности и наложения самой ответственности, редко применяется по отношению к туземцам. Ответственность туземцев определяется совершенно особыми началами, которые могут быть сведены к двум следующим основным пунктам: 1) всякий раз, когда совершится какое-либо преступление в области, и в каком бы месте оно ни совершилось, предполагается, что оно совершено непременно туземцами, а никак не русскими, и 2) за всякое преступление отвечают все живущие вблизи места его совершения туземцы, за круговою порукою, как в том случае, когда виновник преступления не открыт, так и тогда, когда он открыт, но не имеет средств пополнить причиненный им убыток. На этих началах основаны особые административные «правила», которые заменяют по отношению к туземцам «Судебные уставы» и сущность которых состоит в следующем.

Все дороги области разделяются на участки, и к каждому из этих участков приписываются аулы, которые и подвергаются ответственности — в виде штрафов, содержания караулов и административных ссылок — за всякий случай убийства, разбоя или грабежа, происшедший на приписанном участке. Проходящая по области Ростово-Владикавказская железная дорога тоже разделена на участки, и к каждому из них приписаны аулы, которые и обязаны заботиться о целости и неповрежденности пути, для каковой цели аулы содержат на свой счет особую стражу. Если преступление совершится внутри аула и виновный не будет открыт, то ответственности подвергается весь аул. В случае воровства из русских поселений и с полей скота или другого имущества, когда следы доводятся до юрта какого-либо аула, старшина последнего обязан принять следы и вести их далее. Когда следы кончаются на юрте какого-либо аула, жители последнего обязаны за круговою порукою уплатить всю стоимость украденного. Если по совершении кражи из русского поселения или с принадлежащего ему юрта следы не могут быть открыты, ответственности подвергаются окрестные аулы, для чего последние расписаны по группам с обозначением, какие аулы за какие русские поселения ответствуют. Когда виновный в краже будет обнаружен, взыскание всех причиненных им убытков обращается на его имущество; если же последнего будет недостаточно, то взысканию подлежит имущество ближайших родственников последнего, и, наконец, в случае их несостоятельности взыскание налагается на все аульное общество, к которому принадлежит виновный. Таков habeas corpus Терской области.

Само собою разумеется, что странный взгляд, по которому все преступления в области приписываются исключительно туземцам, не имеет решительно никаких оснований. Русские, живущие здесь, далеко не ангелы и тоже не прочь и поживиться на счет чужого добра, и пырнуть сгоряча ножом. В последнее лето здесь бывали очень характерные в этом отношении случаи. Так, например, казаки одной станицы (кажется, Калиновской) подняли однажды ночную тревогу, полагая, что чеченцы похитили у них скот. В подобных случаях, как водится, преследуют врагов ружейною пальбою. Одного из хищников зацепила пуля. Но каково было удивление всех, когда кровавый след привел казаков в дом своего одностаничника, оказавшегося раненым, и в особенности когда этот последний сознался, что он совместно с тремя другими товарищами совершил помянутый угон скота. Значит, соседнее туземное население только благодаря счастливой случайности избавлено от лишнего поклепа и нарекания и, что самое главное, от тяжелых последствий круговой ответственности. Другой случай: в станице Сунженской разводчик ночных секретов был убит своими же казаками на воровстве. Желая совершить кражу, разводчик оставил одно место открытым и без дозора, а казаки, вспомнив, что не поставлен секрет, засели там и самовольно стали стеречь. Когда вор гнал чрез это самое место скотину и когда после опроса «кто идет?» вор бросился бежать, то был убит наповал. В убитом воре казаки узнали наутро своего разводчика[6]. Факты эти далеко не единичны. Конокрадство (и скотокрадство) — это страшное зло сельской жизни Северного Кавказа организовано так удачно, что в нем с успехом подвизаются представители всех живущих здесь национальностей. Например, лошадь, украденная в калмыцких степях, передается чрез русские селения Ставропольской губернии и казачьи станицы Кубанской области за Кубань, и наоборот, из Кубанской области ворованные лошади переправляются чрез Ставропольскую губернию в Астраханскую: в этой воровской корпорации принимают одинаковое участие закубанские черкесы, казаки, крестьяне и калмыки. В таком же отношении друг к другу стоят ногайцы, казаки, ингуши и другие туземцы Терской области. Между тем все эти факты совершенно игнорируются, и, вопреки им, вся ответственность за преступления в Терской области ложится исключительно на туземцев, что бьет их и морально, и материально.

Исключительный взгляд на туземцев как на воров и разбойников по преимуществу влечет за собой крайне печальные результаты. Русский, совершая преступление, может всегда надеяться, что он избегнет наказания, так как он знает, что подозрение в совершении преступления падет прежде всего на туземцев и именно в эту сторону направятся розыски. Нетрудно представить, какое развращающее влияние на русское население оказывает эта уверенность в возможности скрыть следы преступления и свалить его на туземное население. Вместе с тем в среде русского населения неизбежно должно развиваться высокомерное отношение к туземцам, как к чему-то низшему, поставленному в бесправное положение. Что же касается самих туземцев, то сознание, что ко всем им поголовно относятся как к ворам и разбойникам, едва ли может содействовать развитию в них нравственности.

В русском населении они должны видеть какое-то привилегированное сословие и неизбежно питать к нему враждебные чувства. Неизбежные при существующем порядке розыскания преступников случаи, когда туземцам приходится отвечать за преступления, заведомо совершенные русскими, неминуемо будут возбуждать в туземном населении крайне печальные мысли о справедливости наших законов и равноправности подданных Российской империи.

Еще менее может быть оправдано введение круговой ответственности за преступления. В самом деле, чем виновато известное туземное общество, что на земле его или соседнего аула или даже в соседнем русском поселении совершилось преступление? Создавая круговую ответственность туземцев, хотели заставить их выдавать преступников. Но, во-первых, воры не всегда так просты, что о совершенных ими преступлениях непременно знают их соседи. Во-вторых, лицо, к которому переходит административная власть туземного общества и которое производит первоначальные розыски, старшина, выбирается не обществом, и потому нередко его интересы не только не совпадают с интересами общества, но бывают и прямо противоположны им: иному старшине выгоднее не отыскивать вора. В-третьих, каким образом известное общество может знать, что делается в соседнем ауле, а между тем оно должно отвечать даже и в том случае, когда преступник принадлежит к соседнему обществу? Наконец, в-четвертых, с какой стати туземцы станут выдавать преступника, когда им, во всяком случае, приходится отвечать за преступление, если даже виновник его открыт? К тому же все эти экстраординарные меры, направленные против туземцев, невольно сплачивают их, как и всех гонимых, заставляют их питать к русской власти недобрые чувства, и понятно, что при таких условиях выдача русской власти туземцами своего единоплеменника должна являться в их глазах преступлением.

Чтобы еще нагляднее представить читателю всю нелепость существования круговой ответственности, я приведу такой гипотетический пример. Представьте себе, что через три дома от вашей квартиры совершена кража, затем через несколько дней к вам является полиция и описывает вашу мебель для вознаграждения собственника украденного. Не правда ли, это такая нелепость, которую трудно даже представить? А между тем такая нелепость имеет место в Терской области ежедневно. Случится, например, кража в станице А, немедленно же власти отправляются в соседний аул, хватают там скот и продают на пополнение украденного. Нечего и говорить о том, какие многочисленные и разнообразные злоупотребления возможны при этом. Ценность похищенных вещей всегда является необыкновенно высокою. За лошадь стоимостью в 30 рублей взыскивается 100 рублей.

Мне передавали даже случай, когда один обыватель «поправил» свои дела, пользуясь правами об ответственности туземцев. Именно, он поджег свой дом и, так как поджигатель не был открыт (!), получил учетверенную стоимость сгоревшего дома, взысканную с соседних туземцев. Представители казачества нередко высказывают претензии на то, что туземцы обложены лишь небольшими налогами в пользу государства; но круговая ответственность, наложенная на туземцев, является самым страшным налогом, какой только можно придумать. Суммы, выплачиваемые туземцами в силу круговой ответственности, превосходят во много раз всякие подати и налоги, платимые русским населением. Круговая ответственность положительно разоряет туземцев.

Какие последствия имеет подобный порядок вещей, об этом нечего распространяться.

Теперь мы перейдем к очень щекотливому вопросу, возбуждающему много озлобления среди разных элементов кавказского населения, — к вопросу об обезоружении туземцев. Всякий если не видел, то по крайней мере слышал, что принадлежностью туземного кавказского одеяния является оружие. К оружию кавказец привык до того, что почти никогда не расстается с ним. Мало того, вопрос о ношении оружия является для кавказских горцев вопросом чести и они смотрят на обезоружение как на обесчещение. Между тем обезоружение туземцев является давнишнею целью деятельности кавказской администрации. Не решаясь, однако, произвести полное обезоружение, а быть может, и понимая, что такое обезоружение невозможно, администрация довольствуется некоторыми паллиативными мерами, которые, не достигая никакой цели, только бесплодно раздражают туземцев и сеют раздоры между ними и казаками. Именно туземцам Терской области предоставлено носить оружие только в пределах земельных юртов; на землю же казачьих станиц или в город они могут являться только безоружные. Не соблюдающих эти правила полиция должна арестовывать. Отобрание у туземцев оружия в силу этого правила — явление заурядное, причем туземцам не возвращаются даже ножны и ручки кинжалов, нередко богато обделанные. В полицейских управлениях навалены целые кучи кинжалов и пистолетов, отобранных у туземцев, причем, конечно, в кучках этих лежит одна дрянь, а порядочное оружие исчезает неизвестно куда. Право обезоружения туземцев почему-то предоставлено и всем казакам, что ведет к постоянным стычкам и даже убийствам. Бывают случаи, когда даже казачки принимают на себя обязанности обезоруживать туземцев. При существующих у горцев понятиях о женщине и взгляде их на обезоружение подобные случаи неминуемо всегда должны вести к катастрофам. Если к этому прибавить, что в то время, как туземцы обезоруживаются, другой элемент населения области, казаки, сохраняет право свободного ношения оружия, то будет вполне понятно, сколько ненужного зла и страданий причиняют правила о ношении туземцами оружия, сколько несчастий вызывают они и как отравлена ими вся жизнь туземцев.

Необходимость обезоружения туземцев доказывается тем, что с проведением этой меры будто бы уменьшится число преступлений в области: при горячем темпераменте туземца и при существующих здесь вредных обычаях (например, кровной мести) — говорят сторонники обезоружения — истинным несчастьем является то обстоятельство, что у туземца всегда под руками оружие: отнимите его, и вы тем во много раз уменьшите число преступлений в крае. Мнение — детски-наивное, чтобы не сказать хуже. Дело ведь именно в «темпераменте» туземцев и господстве у них вредных обычаев, а не в том, что у туземца у пояса болтается кинжал. С обезоружением темперамент и вредные обычаи не исчезнут, а останутся те же; значит, не уменьшится и число преступлений. Теперь идет в ход кинжал и пистолет — тогда пойдут топор, кол и др. — в этом вся разница. Причины кровавых преступлений, имеющих место в области, таятся глубоко в условиях жизни населения и особенностях его характера; и только с изменением этих условий и с улучшением народного характера уменьшатся и преступления. Улучшите экономическое положение населения, не раздражайте его мелочною и ненужною опекою, устраните вражду между разными элементами населения, распространите среди туземцев образование и при его помощи выведите вредные обычаи и смягчите «темперамент» — и тогда ужасный кинжал будет болтаться у пояса всякого кавказца как самое безвредное украшение.

Таковы, в самом общем виде, важнейшие причины существования враждебных отношений между двумя половинами населения Терской области. Причины эти, отравляя каждую минуту существования туземцев, делают буквально невозможною для них жизнь на родине и заставляют их бежать в Турцию, что положительно равняется самоубийству. Такое положение вещей, всего менее желательное для России (достаточно, казалось бы, одного обезлюдения Крыма и всеобщих сожалений о выселении отсюда татар), создано совершенно искусственно, является продуктом грубого непонимания интересов России на Кавказе, а во многих отношениях и прямых злоупотреблений, и может быть легко изменено к лучшему, лишь бы была на то охота. Причины, создавшие существующее ненормальное положение дела на Кавказе, — дело рук человеческих, и теми же руками они могут быть устранены.

Остановимся, например, на основном зле, на экономической необеспеченности туземцев. Устранить ее вовсе не трудно. Да не подумает, однако, читатель, что я для указанной цели проектирую отобрание земли у казаков. Отнюдь нет; я не желаю зла ни туземцам, ни казакам, и думаю, что вопрос может быть разрешен безобидно для той и другой стороны. Конечно, теперь, когда значительная часть государственного и общественного земельного достояния на Северном Кавказе сделалась, тем или другим путем, частною собственностью, решение вопроса несколько осложняется. Но и теперь, при существующей в области дешевизне земель, легко произвести выкуп частной земельной собственности для наделения земледельцев, имеющих недостаточное количество земли. Произвести это тем легче, что землевладельцы Терской области вовсе не держатся за свои земли и при всяком удобном случае охотно продают их в другие руки.

Вопрос о выкупе частных земель для наделения земледельцев стоит в России на очереди. Первым шагом на этом пути является учреждение земельного банка для содействия крестьянам в покупке земли. Открытие отделения этого банка в Терской области было бы истинным благодеянием для края. Несомненно, однако, что для успеха дела, сообразно с местными условиями, действия отделения должны будут получить специальный характер, наиболее пригодный для намеченной выше цели. Это одинаково относится как до размеров капитала, которым будет располагать отделение и который должен быть очень велик, так и относительно размеров ссуд туземному населению, которые должны равняться полной стоимости покупаемой земли, и, наконец, относительно способов возвращения ссуд, которое должно быть рассрочено на возможно большее время. Ввиду обостренности вопроса нужно будет позаботиться о том, чтобы он был решен возможно скорее, и допустить всякие возможные льготы. Необходимо будет также принять специальные меры против возможности повышения цен на землю спекуляцией.

Несомненно, что все это потребует значительных затрат; но так как благосостояние края невозможно, пока отношения между главными элементами населения не примут нормального характера, и так как в прекращении недовольства туземцев своим положением заключается важный государственный интерес, то никакие жертвы не должны смущать. Они окупятся с лихвою.

Как ни важен вопрос о восстановлении экономической самостоятельности туземцев, удовлетворительное решение его, однако, еще не устранит всех причин ненормального положения дел в крае. Так как большинство этих причин сводится к исключительным мерам, принимаемым по отношению к туземцам, то для достижения полного умиротворения края эти меры должны быть устранены и туземное население должно быть поставлено в общие условия. Только пользуясь всеми правами русского гражданина, туземец может примириться с русскими порядками.

Но несомненно, что лучшим средством для ассимиляции туземного населения с пришлым русским и прекращения враждебных отношений между этими двумя элементами народонаселения Кавказа является, после улучшения общих экономических условий жизни туземцев, распространение среди них образования. Единство экономических интересов и единство образования представляют собою такую почву, на которой смешиваются и сливаются народности с самыми различными эт-

ническими особенностями. И в самом деле, с какой стати станут волноваться и восставать против русских или бежать в Турцию кавказские народы, когда им будет хорошо житься под русскою властью? В то же время образование и только одно образование может дать туземцам способность понимать, что многие из переносимых ими бедствий, которые они всецело относят теперь на счет своего порабощения русскими, происходят от причин более общего, социального характера, вести борьбу с которыми приходится совсем другим оружием, чем то, которым они привыкли бороться против русских.

К сожалению, насколько много сделано нами на Кавказе для того, чтобы всячески ухудшить экономическое положение туземного населения, настолько же мало сделано для распространения образования среди горцев. Собственно говоря, в этом отношении нами не сделано еще даже начального шага.

Правда, в некоторых местах (в Осетии) для туземного населения устроено с десяток школ обществом восстановления христианства на Кавказе, а затем существуют особые, специально *горские* школы. Но и те, и другие нисколько не изменяют общего печального положения дел.

Школы общества восстановления христианства представляют не что иное, как простые школы грамотности, то есть такой тип школ, который всего менее вызывает симпатии к себе даже среди русского населения. На Кавказе среди туземцев, которые, кроме обычного простому народу недоверия к школе, подозрительно относятся к ней, как к русскому учреждению, тип школ чистой грамотности еще менее может пользоваться успехом, чем среди русского населения. Если к этому присоединить неудачную практическую постановку дела в школах общества восстановления христианства, которое (общество) по самому существу рядом с целями образовательными преследует в своих школах и другие цели, не имеющие никакого отношения к образованию, то будет совершенно понятно, почему школы «общества» не имеют ровно никакого значения в смысле распространения образования среди туземцев[7].

Еще ничтожнее значение горских школ. Здесь приходится даже отметить очень печальный факт. Если школы общества восстановления христианства бесполезны, зато их можно признать и безвредными (кроме того общего вреда, который они приносят, дискредитируя в глазах туземного населения вообще школьное образование). Относительно же *горских* школ далеко нельзя сказать того же: они положительно вредны.

Горские училища по своим программам не что иное, как блаженной памяти уездные училища, преобразованные ныне в так называемые городские. Кому не известно, какое всеобщее неудовольствие вызывали и вызывают эти училища, как в своем первом издании (уездные), так и реформированные (городские). Не давая никаких практических, пригодных к жизни сведений, училища эти не дают и законченного общего образования, предлагая взамен того и другого груду отрывок и обломков разных «наук». Вместе с тем училища эти не стоят ни в какой связи с общею системою образования, и потому те из их учеников, которые желали бы продолжить свое образование, не имеют возможности прямо поступать с вынесенными из училищ знаниями в школы высшего разряда. И этим-то типом школы, окончательно дискредитованным уже среди русских, облагодетельствованы туземцы. К тому же простою пересадкою этого школьного типа не ограничились и присоединили к нему еще русские курьезы. Так, например, в нальчикской горской школе цивилизуют диких маленьких кабардинцев *французским* языком. Недостает еще, чтоб мальчуганам-туземцам преподавали теорию и практику танцевального искусства и науку о том, «как держать себя в обществе». Впрочем, неофициально последняя наука внушается питомцам нальчикской горской школы…

5—6 лет, проведенные мальчиком-туземцем в горской школе, — совершенно бесполезно потерянное для него время. Из школы он выходит с таким же пониманием явлений жизни, каким обладал он до поступления в школу, и не выносит отсюда никаких таких знаний, которые могли бы послужить для него точкою опоры в предстоящей ему жизненной борьбе и которыми он мог бы принести пользу своим сородичам. Единственное приобретение, которое дает ему школа, состоит в том, что он научается говорить по-русски, но это приобретение не настолько важно, чтобы ради него стоило губить 6 лет лучшей поры жизни, и достижимо за меньшую цену.

Правда, при горских школах существуют мастерские для обучения учеников ремеслам и даже агрономические отделения. Но и то, и другое поставлено так неудовлетворительно, что не достигает решительно никаких путных результатов; при мастерских на сотню учеников состоит по одному мастеру, который, понятное дело, может научить немногих и немногому. К тому же обучение ремеслам рассматривается не как нечто важное, заслуживающее особого внимания и стараний, а как в некотором роде «вводный эпизод», который если идет — хорошо, а не идет — так и не надо. Еще курьезнее преподается в горских школах «агрономия»: при школе заводится десяток грядок и садится сотня ростков капустной рассады, и на таком-то огороде приходится изучать сотне учеников «практические приемы земледелия». Насколько можно понять этот кунштюк, «агрономия» введена в программу горских школ исключительно для увеличения средств содержания господ смотрителей этих школ. Какие при этом возможны курьезы, можно видеть из того, что смотритель нальчикской школы (господин Фролков) несколько лет получал по 500 рублей ежегодно за заведывание огоро-

дом стоимостью в 20 рублей! В том же училище из сумм, собираемых с кабардинского народа на технико-агрономическое отделение, платится жалованье учительнице французского языка.

Во время шестилетнего пребывания в горской школе ученик-туземец отвыкает от труда, изленивается, избаловывается и совершенно отчуждается от той среды, из которой он вышел и в которую ему придется возвратиться. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что ученики горских школ живут в устроенных при последних пансионах, где все условия жизни совершенно не похожи на условия жизни трудовой массы туземцев и где ученики превращаются в барчат, пренебрежительно смотрящих на обстановку жизни своих родных и вовсе не желающих обратиться к их трудовому образу жизни. Поэтому самый лучший исход для бывшего ученика горской школы — это забыть все то, что под видом науки набивалось ему в голову в течение шести лет, сбросить налипшую на него за это время грязь якобы цивилизации (вернее — «чихвилизации», как говорят полированные казаки) и превратиться в такого же заурядного туземца, каким бы он был, если б не поступал в школу. Но этот «лучший» исход доступен только немногим, которых школьная «полировка» не могла окончательно изуродовать. Большинство же предпочитает избегать труда и становится в ряды паразитов: отсюда выходят безграмотные «писаря», городские лакеи и просто шалопаи, живущие всю свою жизнь трутнями. Быть может, лично подобным господам горские школы принесли пользу, научив их «легким» средствам борьбы за существование, но собственно туземному населению они, кроме ущерба, ничего не дают. И потому можно только порадоваться, что во всей Терской области горских школ всего три.

Кроме школ «общества восстановления христианства» и горских школ, были еще и некоторые другие попытки облагодетельствования туземного население образованием. Так в Кабарде некогда были устроены три начальные школы, в которые были посажены учительницы и куда ученики сгонялись полициею, но так как эти школы, помимо обучения мальчиков, служили и для другого назначения — быть местом «сладкого отдыха» для лиц начальствующих, то они, возбудив в населении общее омерзение к себе, принуждены были закрыться.

В последнее время явился еще один проект облагодетельствования горцев (собственно кабардинцев) по части образования. Проект этот состоит в превращении нальчикской горской школы в реальное училище. Устраивать реальное училище для населения, которое не имеет буквально *ни одной начальной школы,* — это такая нелепость, которую трудно и нарочно придумать и которая заставляет усомниться даже в нормальном состоянии умственных способностей авторов проекта. Было бы весьма желательно, чтобы эта дикая затея, исполнение которой потребует больших материальных затрат со стороны и без того небогатого кабардинского народа (так как проект благодетельствует кабардинцев на их же счет), осталась навсегда в области «баронских фантазий»...

Таковы грустные итоги нашей просветительной деятельности среди горцев...

В последнее время много тревоги и волнений возбудила среди горцев весть о привлечении их к отбыванию общей воинской повинности. Не то чтобы горцы боялись военной службы — совсем нет. Во время последней русско-турецкой войны горцы сформировали на свой счет особые отряды, и эти отряды лихо дрались под русским знаменем за Дунаем. Пугает горцев собственно солдатская служба, с ее муштровкой и дисциплиной, с ее казарменной жизнью, с затруднениями относительно исполнения религиозных обрядов. Горец, по своему характеру, всего менее способен выносить солдатскую выправку; ему, с детства свыкшемуся с лошадью, кажется чем-то ужасным служба в пехоте; магометанин, он не может и представить себе, как он будет есть из общего котла с православными солдатами, причем его могут кормить свиным салом. Если вводить воинскую повинность среди горцев, то нужно непременно сделать уступки местным особенностям. Не берут же в строй молокан и духоборцев, а размещают их по нестроевым частям — в обозы, больницы и тому подобное; менониты отбывают военную повинность в местных командах; почему же не сообразоваться и с особенностями быта и убеждений горцев, тем более что при введении воинской повинности при иных условиях дело не обойдется без печальных последствий? По-видимому, проект введения воинской повинности среди кавказских туземцев действительно принимает во внимание некоторые местные особенности. К сожалению, все это дело покрыто почему-то покровом таинственности; лица, объявлявшие туземцам о привлечении их к отбыванию воинской повинности, как будто чего-то не договаривали, не могли почему-то сообщить подробностей и нередко противоречили друг другу. Все это вызвало вполне понятную тревогу среди горского населения. Вот как описывает один очевидец настоящее настроение горцев: «После объявления горцам, населяющим Северный Кавказ, о привлечении их к отбыванию общей воинской повинности край непривычно оживился. В каждом из аулов, расположенных на плоскости и высотах Кавказского хребта, можно было наблюдать в продолжение долгого времени, изо дня в день, с ранней зари и до поздней ночи, густые толпы аульчан всех возрастов, начиная малыми детьми и кончая дряхлыми стариками, стоящими небольшими группами, по 10—30 человек, у сакель или у мечетей, шумно и оживленно говорящими о предстоящей реформе. По господствующему разноречию видно было, что лица, объявлявшие горцам о реформе, не стояли на высоте своей задачи: не умели или не хотели ознакомить народ со всею важностью вводимой реформы и с теми видами правительства, которые последнее связывало с применением воинской

повинности к горцам. Понятно, формальное отношение людей, стоящих у самого народа, не могло создать истинного понимания горцами важности этой реформы, напротив, породило массу недоразумений, ненужных, а пожалуй, и небезопасных толков, могущих вызвать такие или иные замешательства. Никто из объявлявших реформу не ответил на жгучий для горца вопрос: будет ли он взят в пехоту или, как лихой наездник, выросший, так сказать, на коне, уйдет на сформирование легкой кавалерии, к которой он так сильно тяготеет. Эта же самая недомолвка вызвала обсуждение горцами вопроса, имеющего важное государственное значение, — о выселении в Турцию. Ввиду того, что некоторые начальники в крае, знающие край только по входящим и исходящим бумагам, явили себя ярыми защитниками выселения горцев в Турцию, не мешает припомнить последствия выселения хотя бы татар из Крыма»[8].

К этому можно прибавить еще одно напоминание: русская политика на Кавказе, так же как и в Туркестане, является тем пробным камнем, на котором азиатские народы знакомятся с русской политикой вообще, и печальные результаты этой политики нанесут такой удар русскому авторитету в Западной и Средней Азии, загладить который не будут в состоянии никакие военные успехи.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. «Русская старина», 1882 г., №№ 1, 2, 10, 12.
2. «Русская старина», 1882, № 10, стр. 16.
3. «Терек», 1883 г., № 102.
4. 1883 г., № 12.
5. «Дым» — семья, но обыкновенно семья родовая, большая, состоящая из нескольких мелких семей, связанных кровными узами.
6. «Терек», 1883 г., № 102.
7. Чудное вообще это «общество восстановления христианства на Кавказе», и странна его деятельность. Можно ли поверить, что это общество затратило 600 тысяч рублей на такое громадное коммерческое предприятие, как орошение Караязской степи? А между тем это так. Казалось бы, какое отношение между «восстановлением христианства» и сомнительными опытами коммерческих предприятий? Впрочем, Кавказ по преимуществу страна невероятностей.
8. «Русские ведомости», 1883 г., № 321.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:
Абрамов Я.В. Кавказские горцы // Дело. — 1884. — № 1. — С. 62–104.

ÎÁÇÎÐ ÍÎÂÎÑÒÅÉ ÃÀÇÅÒÛ «ÏÐÈÀÇÎÂÑÊÈÉ ÊÐÀÉ» ÇÀ 1901–1902 ÃÎÄÛ. ÐÓÁÐÈÊÀ «ÑÒÀÂÐÎÏÎËÜ-ÊÀÂÊÀÇÑÊÈÉ»

Ñòàâðîïîëü-Êàâêàçñêèé, ¹ 117, 4 ìàÿ 1901 ãîäà

Важным недвижимым имуществом, принадлежащим городу, вторым по ценности после городских земель, является городской лес. Лес этот, расположенный в нескольких дачах, занимает в общем площадь до тысячи десятин. Когда-то городской лес был доведен до самого жалкого положения, будучи превращен почти в сплошной кустарник. Еще немного лет такого хозяйничанья в городском лесу, и от него осталось бы лишь одно воспоминанье. С 1878 года, по введении в нашем городе городового положения 1870 года, по отношению к городскому лесу были приняты некоторые меры охраны, а затем лесное хозяйство города мало-помалу было упорядочено. В лесу была принята сорокалетняя система рубки, лес стал подчищаться, против самовольных порубок приняты систематические меры, и теперь наш городской лес имеет прекрасный вид и представляет собой очень ценное имущество.

Однако как много еще предстоит работы по отношению к городскому лесу, видно из того, что он до сих пор дает лишь очень скромный доход. По смете на 1901 год ожидается дохода от продажи леса 12961 рубль 90 копеек. Между тем еще в 1893 году по этой статье было получено дохода 16536 рублей. В следующем 1894 году тот же источник дал дохода 16196 рублей, в 1896 году — 11804 рубля, в 1897 году — 5533 рубля, в 1898 году — 12811 рублей, в 1899 году — 12882 рубля. На 1900 год ожидалось 10270 рублей (в действительности поступило значительно более) и на 1901 год — 12961 рубль 90 копеек. Таким образом, сравнительно с началом 90-х годов не замечается никакого движения вперед в поступлении дохода от городского леса, и хотя к настоящему времени падение дохода из этого источника, имевшее место в средине 90-х годов, остановилось и доход в последние годы систематически возрастает, все же он далеко не соответствует тем размерам, в которых он мог бы выражаться.

Надо еще принять во внимание, что чистый доход от лесного хозяйства далеко не соответствует приведенным цифрам, так как значительная часть лесного дохода поглощается расходами по лесу. В самом деле, в 1898 году на расходы по охране леса и лесоразведению было истрачено 5250 рублей, в 1899 году — 5561 рубль, на 1900 год было назначено на тот же предмет 6566 рублей и на 1901 год — 6440 рублей 60 копеек. Исключив эти цифры расхода из цифры дохода, найдем, что огромная площадь городских лесов дает уже прямо до смешного ничтожный доход.

Причин незначительности дохода, получаемого от городского леса, много. На первом плане здесь должна быть поставлена крайне неудачная эксплуатация городского леса путем ежегодной сдачи на сруб части леса с торгов. В результате получается, что городской лес дает очень солидный доход дровопромышленникам, берущим на сруб городские лесные делянки. Между тем, если бы город сам эксплуатировал свой лес, сам разделывал делянки на дрова, он, с одной стороны, имел бы значительно больший доход, нежели какой имеет теперь, а с другой, имел бы возможность влиять на цены на топливо в городе. В истекшую зиму городское управление сделало опыт и само разделало несколько делянок, причем полученные дрова, однако, на рынок не поступили, а идут исключительно для потребностей городского хозяйства (ранее город, имея громадные леса, для отопления своих зданий приобретал дрова от дровопромышленников). Опыт этот удался как нельзя лучше и наглядно показал и возможность, и выгодность непосредственной эксплуатации городским управлением городских лесов, как я об этом своевременно сообщал на страницах «Приазовского края».

Затем важным обстоятельством является принятый городом 40-летний оборот рубки леса. Сведущие люди давно убедились в том, что при наших почвенных и климатических условиях лес, перешедший за тридцатилетний возраст, уже почти не дает прироста древесины, и, таким образом, лес является вполне поспевшим к рубке уже к 30-летнему возрасту. Держать деревья еще лишних 10 лет — значит терпеть прямой убыток. В этом смысле ушедшим в прошлом году городским лесничим господином Буравчинским был составлен проект перехода к 30-летней рубке, и проект этот одобрен местным ревизором лесного департамента. К сожалению, часть гласных стоит против этого проекта по совершенно непонятным соображениям (некоторые даже откровенно заявляют, что они против проекта из «эстетических» побуждений), и эта разумная реформа городского лесного хозяйства, имеющая увеличить доходность этого хозяйства на целую треть, до сих пор остается в проекте.

Нельзя не сказать также, что значительные расходы, производимые городом на лесоразведение, являются совершенно бесцельными. При существующей доходности леса расходы эти никогда не окупятся, и их можно было бы оправдать лишь в том случае, если бы они вызывались соображениями об улучшении климатических условий. Последнее, однако, могло бы иметь место лишь в

том случае, если бы у нас чувствовался недостаток в древесной растительности. Между тем, кроме значительного городского леса, возле самого Ставрополя расположены огромные лесные дачи казенные и Архиерейская. Кроме того, наш город весь покрыт садами, и мы богаты древесной растительностью, как никакой другой город в России, по крайней мере из тех, которые приходилось мне видеть. При таких условиях два-три десятка десятин, которые могут быть засажены древесными саженцами возле городских лесов ежегодно, не имеют никакого значения в смысле влияния на местные климатические условия. Между тем на этот предмет тратится ежегодно довольно значительная сумма — на 1901 год на этот предмет, например, назначено 1404 рубля 60 копеек, не говоря уже о том, что на лесокультурные работы тратится немало времени и труда персоналом служащих по лесному хозяйству.

Улучшение положения лесного хозяйства принадлежит к числу задач, которые должна будет поставить на первом плане будущая дума, и от удачного разрешения этой задачи будет зависеть увеличение городских доходов на довольно значительную сумму.

Ñòàâðîïîëü-Êàâêàçñêèé, ¹ 124, 12 ìàÿ 1901 ãîäà

Еще несколько лет тому назад в Ставропольской губернии продавалось значительное количество имений и не находилось покупателей. Цены стояли невысокие, но и по ним покупать земли не было охотников. Таким образом, например, в Ставропольском уезде владельцы нескольких имений тщетно искали покупателей, продавая свои земли по 50 и даже 45 рублей за десятину. В Новогригорьевском уезде всего 5—6 лет назад имели место случаи продажи имений по 20—25 рублей за десятину. Но вот в последние два года это положение вещей резко изменилось. Цены на землю поднялись с поразительною быстротою. В том же Ставропольском уезде состоялись и имеют состояться сделки по 80 рублей за десятину, а были уже случаи продажи имений и по цене выше ста рублей. Что касается Медвеженского уезда, то там уже и за 150 рублей нет возможности найти продающееся имение. В соответствующих размерах поднялись продажные цены на имения и в других частях губернии.

Арендные цены также повышаются по всей губернии. Даже в глубине калмыцких степей, где еще недавно арендные цены определялись десятками копеек за десятину, теперь цены эти поднялись до 2—3 рублей за ту же десятину. Что же касается местностей внутри губернии, то здесь уже обычными оказываются цены под распашку земли в 10—15 рублей и даже выше за десятину.

Причинами этого чрезвычайного повышения арендных и продажных цен на землю — повышения, имевшего место в столь короткий промежуток времени, являются, с одной стороны, увеличение населения губернии, а с другой, несколько счастливых сельскохозяйственных кампаний, выпавших на долю губернии за последние годы. После большого неурожая 1897 года наша губерния три года подряд имела очень значительные урожаи, совпавшие притом с подъемом цен на зерновые продукты, и вот в результате появился чрезвычайный спрос на землю для расширения посевов. И землевладельцы, и арендаторы крупных участков, и крестьяне — все расширяют запашки и усиливают посевы, благодаря чему растут и арендные, и продажные цены на землю. Как, однако, ни сильно действие этой причины повышения земельных цен, очевидно, она имеет лишь временный характер и легко может исчезнуть, так как и урожаи, и цены на зерновые продукты представляют собою легко изменяющиеся факторы. Гораздо большее значение имеет быстрое заселение губернии. Заселение нашей губернии шло довольно быстро до начала восьмидесятых годов, когда было прекращено образование новых селений, за распределением всех свободных земель по назначению. В восьмидесятые годы прилив переселенцев в нашу губернию значительно сократился, но затем, с памятной голодовки 1891—92 годов он идет снова, все усиливаясь. Тяжелый 1897—98 год еще более усилил волну переселенцев, и в последние два года (1899 и 1900) эта переселенческая волна положительно заливает губернию. В настоящее время в каждом селении губернии имеется громадный контингент крестьян, числящихся по паспортам в разных внутренних губерниях, но уже обзаведшихся некоторою недвижимостью на усадебных землях местных крестьянских обществ. Еще больше таких крестьян, живущих по квартирам или в работниках у местных богатых крестьян. В имениях частных землевладельцев также имеется большой контингент пришлых крестьян, проживающих как в качестве работников, так и еще более в качестве арендаторов, обыкновенно половинников. Во многих имениях образовались громадные поселки — по несколько сот дворов, состоящих из таких арендаторов, берущих землю как в имениях, в которых они живут, так и по соседству. Такие же поселки образовались на удельных землях и даже на землях кочующих инородцев. Всего в настоящее время, по официальным сведениям, насчитывается в Ставропольской губернии немного менее миллиона жителей, но в действительности должно быть значительно более.

Благодаря этому заселению губернии, земельный простор, которым она некогда славилась, уже отходит в область преданий. Это обстоятельство, между прочим, неизбежно отражается на хо-

зяйственном строе губернии. В настоящее время благодаря высоким арендным ценам овцеводство делается уже невыгодным, и эта важная отрасль местного хозяйства неизбежно должна значительно сократиться. Овцеводы начинают переводить свои отары на земли Терской области и Астраханской губернии или готовятся совсем прекратить свое занятие, перейдя к земледелию. Едва ли не то же будет иметь место и по отношению к рогатому скоту, и наша губерния, бывшая до сих пор по преимуществу скотоводческой, неизбежно, по-видимому, превратится в чисто земледельческую.

Ñòàâðîïîëü-Êàâêàçñêèé, ¹ 130, 18 ìàÿ 1901 ãîäà

Кроме дохода от сдачи в аренду городских пахотных и сенокосных земель и дохода от городского леса, наш город имеет еще довольно значительный доход от сдачи разных других мелких оброчных статей, связанных с правами города на городскую территорию. Сюда относится целый ряд мелких поступлений от сдачи под торговые и промышленные заведения, постоянные и временные, мест на городских площадях и выгоне. Этот отдел городских доходов в общем представляет тенденцию к возрастанию. Таким образом, в то время как в 1893 году с оброчных статей этого рода поступило всего в доход города 11624 рубля, на 1901 год ожидается к поступлению 25251 рубль. Объясняется это увеличение доходов частью увеличением обложения (например, за места под стоянки извозчиков), частью появлением новых оброчных статей, еще недавно неизвестных (например, с мест под амбарами для ссыпки хлеба назначено 3414 рублей — источник дохода, появившийся только с проведением Ставропольской железнодорожной ветви). В общем, рассматривая этот отдел городских доходов, невольно поражаешься ничтожностью доходов, поступающих в городскую кассу от сдачи в пользование городских земель под промышленные заведения. По смете 1901 года сюда относятся только: доходы с мест под кирпичными заводами в размере 698 рублей 75 копеек, под кожевенными заводами — 115 рублей, под кузнями — 51 рубль, под заводом для выделки поташа — 20 рублей — все цифры ничтожные до смешного и в общем не составляющие и одной тысячи рублей. Объясняется это печальное явление почти полным отсутствием в городе промышленных заведений. Вся промышленность города (если не считать ремесленных заведений, в большинстве случаев крайне мелких) сводится к одному винокуренному заводу, трем паровым мельницам, трем маслобойням, одной крупорушке да нескольким мелким заведениям, вроде вышеупомянутых кирпичных и кожевенных заводов и заводика для выделки поташа. Несомненно, что городское управление в общем бессильно в деле развития местной промышленности, которая, конечно, увеличила бы и городские доходы. Единственное, что могло бы сделать городское управление в данном отношении, — это предоставить те или иные льготы для предпринимателей при найме ими городских земель под промышленные заведения, если бы, конечно, такие предприниматели сочли нужным устраивать свои предприятия на городских землях. Однако, в силу общих причин, имеющих значение для всей губернии, до сих пор местная промышленность находится лишь в зародыше, несмотря на то, что губерния представляет значительный рывок для продуктов самых разнообразных отраслей промышленности, а самый город богат рабочими руками, не знающими, к чему приложить свой труд.

Однако есть и в данном отделе статьи, которые могли бы дать увеличение городских доходов против существующих теперь. Мы имеем в виду возможность эксплуатации самим городским управлением некоторых из принадлежащих ему естественных богатств. Для примера, укажем на возможность самому городскому управлению эксплуатировать залежи глины на городской земле. В настоящее время, как упомянуто, сдача месторождений глины под частные кирпичные заводы дает городской кассе всего 698 рублей. Устройство собственного кирпичного завода городским управлением [вызывается] и потребностями местной жизни. Дело в следующем. Издавна преобладающим, почти исключительным материалом для построек в нашем городе служил местный известняк, добывавшийся в больших размерах на городских землях. Материал этот был всегда невысокого качества, и употребление его имело своим последствием то, что в Ставрополе сухие дома являются редкостью. Другие строительные материалы до последнего времени почти не были в употреблении; строительные лесные материалы всегда были дороги, так как они привозятся издалека, а кирпич в качестве строительного материала стал употребляться лишь в самые последние годы. Теперь, однако, известняки, годные для построек, почти совсем выбраны из мест их залегания, и, таким образом, на очереди вопрос о новом материале для построек. До сих пор на частных кирпичных заводах изготавливался кирпич весьма невысокого качества, пригодный лишь для печей под древесное топливо (при устройстве печей под каменный уголь приходится употреблять огнеупорный кирпич, привозной и потому очень дорогой). Попытки изготавливать строительный кирпич дали до сих пор материал невысокого качества, и притом слишком дорогой в продаже. Устройство городского кирпичного завода шло бы, таким образом, навстречу назревшей потребности городской жизни, давая населению возможность иметь хороший строительный материал, и притом по ценам, значительно более низким, нежели существующие теперь. Вместе с тем для города выгодно было бы иметь свой кирпичный завод и потому, что он производит ежегодно строительные работы на значительные

суммы. Так, в нынешнем году предположено строить здания для двух городских школ и дом для жительства бедных (последний стоимостью в 25 тысяч рублей на средства, завещанные городу для этой цели покойным Павловым) и должен быть произведен разнообразный ремонт существующих городских зданий. Затем городской кирпичный завод имел бы значение еще и в том отношении, что дал бы возможность произвести опыт (уже, впрочем, произведенный во многих городах) замощения городских улиц кирпичом особенно твердых качеств (железняком). Дело в том, что до сих пор наши мостовые изготавливались все из того же известняка. Благодаря его мягкости мостовые быстро приходят в совершенно негодный вид, и ежегодно приходится тратить значительные по нашему бюджету средства на их ремонт (на 1901 год на этот предмет назначено 24575 рублей, а по смете 1900 года было назначено 27 тысяч рублей), притом почти бесполезно, так как отремонтированные мостовые снова должны неизбежно быстро приходить в негодный вид благодаря все той же мягкости известняка. А между тем громадные суммы, требуемые перемощением и ремонтом существующих мостовых, не дают возможности производить устройство новых мостовых (на 1901 год назначено на этот предмет всего 7859 рублей, да эта сумма пойдет собственно не на устройство новых мостовых, а на замену на двух небольших кусках улиц существующей известняковой мостовой булыжною), благодаря чему большая часть нашего города тонет в грязи. В последнее время сделаны опыты устройства мостовых из булыжника, который привозится по железной дороге с Кубани; однако перевозка его обходится так дорого, что, очевидно, применение этого материала к устройству мостовых в нашем городе широкого распространения получить не может. Вот здесь-то и мог бы помочь разрешению вопроса городской кирпичный завод, изготавливая кирпич, пригодный для мостовых.

Во всяком случае, со всех точек зрения ясно, что устройство городского кирпичного завода представляет назревшую нужду города и разрешение этого вопроса должно войти в программу деятельности будущей думы.

Ñòàâðîïîëü-Êàâêàçñêèé, ¹ 136, 26 ìàÿ 1901 ãîäà

Из хозяйственных предприятий, принадлежащих нашему городу, только три имеют серьезное значение для городского населения и городской кассы: городской водопровод, скотобойня и городской банк. Городской водопровод в настоящее время, к счастью, никакого дохода городской кассе не приносит. Было, однако, время, когда для погашения долга, вызванного сооружением городского водопровода, население было облагаемо особым сбором; точно так же и за отпуск воды из бассейнов и водоразборных будок взималась особая плата. К чести нашего городского управления, все эти сборы исчезли давно и пользование водою из городского водопровода совершенно безвозмездное. Таким образом, с городским водопроводом мы встречаемся лишь в смете городских расходов, и мы еще будем говорить об этом предприятии нашего городского управления, собственно о необходимости расширения его сети или, точнее, проведения второго водопровода из так называемого Холодного родника.

Совсем иным должно быть управление городского управления к городскому банку. Извлекать доход из городского водопровода значило бы облагать одну из насущнейших потребностей населения; получать же доход от пользования населением кредитом, и притом преимущественно для коммерческих и вообще хозяйственных операций, для городского управления ровно ничего предосудительного не представляет. Правда, городской банк преследует не только цель доставления доходов городской кассе, но также и цель открытия населению общедоступного кредита. В этом последнем отношении наш городской банк выполняет свою функцию довольно удовлетворительно, так как он сумел развить мелкий кредит до очень широких размеров, и число векселей, учитываемых в городском банке ежегодно, определяется во многие тысячи, причем между ними преобладают мелкие — на суммы ниже ста рублей и даже ниже 25 рублей. Зато другая цель существования городского банка — служить одним из источников городских доходов — с каждым годом выполняется им все слабее и слабее. В самом деле, в 1893 году из прибылей банка отчислено в городские доходы 14051 рубль 26 копеек, в 1894 году тот же источник дал 10747 рублей 64 копейки, в 1895 году — 9000 рублей, в 1896 году — 8139 рублей 63 копейки, в 1897 году — 9995 рублей 24 копейки, в 1898 году — 10282 рубля 88 копеек, в 1899 году всего 342 рубля 61 копейку (по смете ожидалось 10360 рублей), по смете 1900 года назначено 2000 рублей и на 1901 год назначено также 2000 рублей (но уже теперь выяснилось, что в действительности поступит значительно менее — что-то сто рублей с небольшим).

Падение прибылей банка, поступающих в городские доходы, объясняется, конечно, прежде всего, тем обстоятельством, что в настоящее время в городе действуют, кроме городского банка, еще три кредитных учреждения: отделения Государственного и Азовско-Донского коммерческого банков и Общество взаимного кредита, которых в начале девяностых годов не имелось. Естественно, что часть клиентов городского банка отошла к названным учреждениям. Тем не менее это обстоятельство, конечно, не может вполне объяснить то обстоятельство, что городской банк работает почти впустую, только лишь покрывая расходы и убытки и почти не давая прибыли. В самом деле, крайне

обидно видеть, что городской банк, имеющий собственный значительный капитал (по последнему отчету за 1899 год, банк имел к 1 января 1900 года основного капитала 277230 рублей 57 копеек и запасного 57894 рубля 79 копеек, а всего собственного капитала 329125 рублей 36 копеек), который мог бы приносить городу значительный доход, будучи положен в какое-либо кредитное учреждение или обращен в процентные бумаги (даже в ренте он приносил бы более 13 тысяч рублей), почти не дает дохода, пользуясь кроме своего капитала, еще и вкладами. Любопытно, что в городском банке постоянно лежат без употребления громадные средства. Таким образом, к 1 января 1900 года банк имел процентных бумаг, помимо 51894 рублей запасного капитала, еще на 164964 рубля 77 копеек, приобретенных на оборотные средства банка, да еще 256060 рублей на текущем счету в Государственном банке. Именно в том обстоятельстве, что такие громадные суммы лежат в банке без обращения, не принося никакого дохода или принося лишь небольшой процент, даваемый процентными бумагами, и является основною причиною бездоходности городского банка. Здесь же лежит объяснение того странного факта, что в то время, когда местное отделение Азовско-Донского банка и Общество взаимного кредита всячески стараются привлечь к себе вклады, городской банк вынужден смотреть на вклады как на зло и принимать меры против их поступления в кассу банка (что и дает результаты: например, к 1 января 1900 года вкладов против предыдущего года было менее на 99868 рублей). То обстоятельство, что городской банк не может дать движения своим капиталам, тем менее понятно, что местное общество взаимного кредита, существующее всего два года, бойко развивает свою деятельность и, не будучи в состоянии удовлетворить собственными средствами спрос на кредит со стороны членов, вынуждено прибегать к переучету векселей в других кредитных учреждениях на довольно значительные суммы…

Вопрос о падении доходов городского банка не раз поднимался в заседаниях думы нынешнего состава. Однако никогда этому вопросу не было уделено должного внимания и ни разу причины падения прибылей банка и сокращения его деятельности не подверглись надлежащему выяснению. Соответственно этому нынешняя дума и не могла принять каких-либо мер, которые отразились бы благоприятно на положении городского банка, вызвали оживление его деятельности и обратили его в источник значительных доходов для городской кассы. И эта задача, как и многие другие, переходит от теперешней думы к думе нового состава, имеющей сформироваться на предстоящих выборах.

Ñòàâðîïîëü-Êàâêàçñêèé, ¹ 139, 29 ìàÿ 1901 ãîäà

18 мая Ставропольским окружным судом по уголовному отделению рассматривалось характерное дело по обвинению ветеринарного врача Стасюка в вымогательстве. По делу было вызвано 47 свидетелей, явившихся в суд за 150 верст. Обвинительным актом подсудимому ставилось в вину 19 совершенных им деяний, сущность которых сводилась к следующему: когда к Стасюку являлись крестьяне брать удостоверения о благополучии принадлежащего им скота для прогона их в одно из соседних сел на продажу на базарах и ярмарках, Стасюк требовал за выдачу удостоверения плату в размере 10 или 20 копеек, причем некоторым крестьянам, спрашивавшим, за что берется этот сбор, отвечал: «За бумагу и чернила». Из 19 случаев отмеченного в обвинительном акте вымогательства в большинстве крестьяне требуемых гривенников и двугривенных не платили, ссылаясь на то, что у них нет денег в данный момент; в таких случаях Стасюк, по словам обвинения, оставлял у себя в залог так называемые «регистрационные» книжки, которые имеются в нашей губернии у каждого скотовладельца и в которых отмечается количество имеющегося у него скота. Однако крестьяне не спешили выкупать эти книжки и в большинстве получили их обратно уже через волостное правление после того, как начато было дело против Стасюка. В конце концов обвинительный акт мог насчитать только несколько случаев получения Стасюком неустановленной платы за удостоверения — в общей сумме 1 рубль 24 копейки.

На судебном разбирательстве это обвинение, плохо установленное и на предварительном следствии, несмотря на массу допрошенных лиц, уже и совсем пошатнулось. Некоторые из свидетелей обвинения отказались от своих прежних показаний; другие дали довольно неопределенные показания. К тому же выяснилось, что утверждения свидетелей о том, что подсудимый требовал с них гривенники и двугривенные, легко могло явиться результатом недоразумения. Дело в том, что имеется особый сбор (так называемый «процентный»), собираемый ветеринарами при продажах и покупках скота с промышленною целью — для убоя или для выпаса с целью отправки на рынки. Сбор этот берется только с скотопромышленников, но в силу разных циркуляров это понятие о «скотопромышленнике» до такой степени распространилось, что ретивые ветеринары, вроде господина Стасюка, стали взимать сбор даже с скота крестьян, который крестьяне колят, причем часть мяса продают, в чем и усматривается «промышленная» цель убоя. Расспросы о цене продажи скота при выдаче удостоверений на прогон и предупреждение о том, что в случае назначения скота на «промышленные» цели необходимо платить процентный сбор, действительно,

могли породить толки о том, что ветеринар требует деньги в свою пользу, тем более что предшественники господина Стасюка не проявляли такого чрезмерного рвения по взиманию процентного сбора в случаях, когда он явно не должен взиматься.

Во всяком случае, дело, как ясно было и с самого начала — еще с дознания, а тем более при предварительном следствии, как говорится, яйца выеденного не стоило, и нужно только удивляться, как оно дошло до суда, чего ради по такому вздорному обвинению было потрачено так много усилий, были оторваны от своего дела полсотни свидетелей, был устранен от должности обвиняемый и вообще подвергся ряду неприятностей. Защитник подсудимого господин Прозрителев объяснял возможность возникновения обвинения против господина Стасюка неудовольствием населения против пребывания в его среде ветеринара, так как, по словам защитника, в нашей губернии по отношению к противоэпизоотическим мерам создалось такое положение, что от ветеринаров зависит если не жизнь крестьян, то их экономическое благополучие, и чем дальше от населения ветеринар, тем лучше для населения. В этих словах, к сожалению, слишком много правды, и тем удивительнее, что искупительною жертвою такого положения избран не кто-либо из тех, кто создал такую изумительную репутацию ветеринарам, а человек, против которого только и могли выставить в качестве обвинения утверждение в том, что он собрал за два года службы незаконным образом 1 рубль 24 копейки, причем и это оказалось крайне сомнительным.

Само собою разумеется, суд оправдал господина Стасюка.

Однако судебное разбирательство выяснило некоторые в высшей степени любопытные факты, свидетельствующие о том, что правовой порядок в наших селах совершенно отсутствует и здесь творятся самые невероятные вещи. Любопытно, что приводимые ниже и многие другие факты, которых мы не приводим ввиду их однородности с приводимыми, были установлены стараниями самого подсудимого, который до такой степени лишен элементарного правового сознания, что полагал, что эти факты говорят в его пользу. Так, мы с крайним удивлением узнали из уст подсудимого и одного из выставленных им свидетелей, что ветеринарный врач Стасюк считал возможным и позволительным для себя принимать участие в сборе со скота, приводимого на базар в селе, в котором врач имел местопребывание, особой платы, установленной местным сельским обществом в свою пользу за прогон скота по его земле. Таким образом, ветеринарный врач являлся в роли сельского десятского, или сборщика, что, конечно, всего менее могло воспитывать в населении уважение к его деятельности. При этом, как установили тот же господин Стасюк и выставленный им свидетель, господин Стасюк взимал этот сбор нередко в отсутствие представителей сельской власти и затем сдавал собранные деньги сельскому десятскому, то есть действовал, значит, бесконтрольно, что, конечно, и могло породить сомнения в населении относительно бескорыстия исполнения им обязанностей сборщика мирского сбора.

Еще с большим удивлением прослушали мы рассказ господина Стасюка о том, как он сдавал на хранение сельскому старосте за печатями свои вещи, уезжая из селения, за ненахождением в нем квартиры. Напрасно мы стали бы искать во всех существующих законоположениях, касающихся сельского управления, такой странной обязанности, которую, неизвестно в силу какого права или, вернее, лишь в силу господствующего у нас бесправия, господин Стасюк мог возложить на сельского старосту.

Но самым любопытным эпизодом, выяснившимся на судебном разбирательстве, явился эпизод найма господином Стасюком квартиры «с понятыми». Этот эпизод поразил даже суд, которому, конечно, приходилось встречать в своей практике всякого рода беззакония, и председательствующий в судебном заседании попросил господина Стасюка выяснить подробнее этот оригинальный способ найма квартир. Из объяснений господина Стасюка и показаний ряда свидетелей выяснилось следующее: господин Стасюк по приезде на место службы в село Яшалты сначала жил на общественной квартире, содержимой крестьянином Островским, у которого господин Стасюк и столовался. Так как затем между господином Стасюком и Островским вышли недоразумения из-за расчетов по содержанию, то господина Стасюка одни крестьяне села Яшалты не захотели совсем пускать к себе на квартиру, а другие просили несообразную, по мнению господина Стасюка, плату. И вот, он обращается к земскому начальнику с просьбой «о содействии». Последний предписывает оказать просимое «содействие» сельскому старосте, и в результате господин Стасюк отправляется к одному из местных крестьян «с понятыми», которые оценивают стоимость квартиры (четыре комнаты за 5 рублей в месяц), и, таким образом, господин Стасюк водворяется на квартире против воли хозяина дома и по той цене, какую определили «понятые». Как видит читатель, проклятый вопрос об отсутствии квартир и их невероятно высокой цене, так сильно тяготеющий над обитателями больших городов всего мира и возбуждающий столько недоразумений и такую страстную борьбу, разрешен господами земским начальником и ветеринарным врачом весьма удобно в селе Яшалты, заброшенном в глубь калмыцких степей, и именно тем самым способом, какой предлагают для разрешения этого мучительного вопроса самые передовые партии Западной Европы и Америки, — путем оценки стоимости квартиры представителями общества и принудительного отвода квартир нуждающимся в них…

Ñòàâðîïîëü-Êàâêàçñêèé, ¹ 150, 9 èþíÿ 1901 ãîäà

Отовсюду идут самые печальные известия о влиянии стоящих уже долгое время жаров на полевую растительность. Даже в самом Ставрополе, стоящем довольно высоко на отрогах Кавказского хребта, жары действуют самым гибельным образом на сады. Клубника и малина сохнут, и доход от этой статьи получится нашими садоводами лишь в скромных размерах сравнительно с предыдущими годами. На землях, прилегающих к городу, сенокосы почти погибли, и то же угрожает и посевам. Еще более печальные сведения приходят из уездов, где также население осталось почти без трав и где озимые хлеба, по-видимому, в значительной мере могут быть признаны погибшими или погибающими. Между прочим, во многих местах на озимой пшенице заметен какой-то грибок, заполнивший колосья, так что зерно, сохранившее свою оболочку, при растирании превращается в черный порошок. Яровые тоже не в важном состоянии, и население опасается, что нынешний год окажется столь же тяжелым, как и памятный 1897, когда губернию постиг полный неурожай. Уныние овладело крестьянами, уныние царит и среди всей той массы людей, которые кормятся за счет урожая хлебов — продавцов сельскохозяйственных орудий и машин, скупщиков хлеба и вообще среди коммерческого люда, так как местная торговля находится в полной зависимости от размеров урожая хлебов.

В последнем заседании нашей думы рассматривался, между прочим, отчет городского банка, причем внимание думы было остановлено на факте падения прибылей этого банка. Дело, однако, ограничилось постановлением обсудить в одном из последующих заседаний думы вопрос о необходимости избрать комиссию, которая выяснила бы причины этого падения прибылей. Очевидно, при таком откладывании вопроса не скоро мы доберемся, наконец, до причин упадка деятельности городского банка, и еще менее скоро будут выработаны меры, которые поднимут эту деятельность.

В том же заседании были избраны представители от города в комиссию, имеющую рассмотреть вопрос о том, нужно ли преобразовывать местное реальное училище в техническое или последнее должно быть открыто с сохранением реального училища.

Обсуждался также вопрос о пособии семейству старшего рассыльного городской управы Хартовича, недавно умершего. Это в высшей степени значительная личность, хорошо известная всем, кто имел дело с нашим городским управлением. Занимая скромное место рассыльного, он играл, однако, в действительности несравненно более важную роль. В высшей степени толковый и честный, отличавшийся поистине благородным характером, Хартович фактически был экзекутором городской управы, смотрителем городского дома и исполняющим всевозможные поручения более или менее деликатного свойства. Ему спокойно доверяли городскую кассу с несколькими десятками тысяч рублей для доставки в казначейство, и вообще ему поручалось все, что может быть поручено безусловно честному и толковому исполнителю. Несмотря на свое скромное положение, он сумел заслужить глубокое уважение как всех состоящих на городской службе, так и гласных думы, и смерть его была встречена большим сожалением. Он оставил калеку-жену и целую кучу малолетних детей. К сожалению, помощь, оказанная осиротевшему семейству городским управлением, совсем не соответствует той пользе, которую он приносил этому управлению в течение своей долгой службы. Именно, на настоящий год семье Хартовича назначено пособие в размере 10 рублей в месяц, а затем предположено обсудить вопрос о дальнейшем пособии при рассмотрении сметы на 1901 год. Полезная деятельность маленького, но в высшей степени полезного городского работника вознаграждена, таким образом, поистине по-нищенски.

Ñòàâðîïîëü-Êàâêàçñêèé, ¹ 166, 25 èþíÿ 1901 ãîäà

Я только что вернулся из поездки на северо-восток Ставропольского уезда — на реку Большую Кугульту. Ближайшею целью моей поездки было ознакомиться с состоянием урожая настоящего года; попутно я по возможности обращал внимание и на другие стороны местной жизни. Кое-что из того, что мне пришлось видеть, я и намерен здесь изложить.

Я проехал около 90 верст — через селения Михайловское, Дубовское и Кугульту и затем по землям частных владельцев и трех немецких колоний, — и всюду на этом пространстве в нынешнем году урожай дал весьма плачевные результаты. Травы были так плохи, что собрано лишь самое незначительное количество сена, да и то крайне плохого качества. Что касается хлебов, то озимая пшеница дала урожай ниже среднего — всего от 20 до 30 пудов на десятину. Яровые хлеба несколько получше, но и они дают урожай много ниже предшествующих лет. Вообще нынешний год должен быть признан очень неудовлетворительным в сельскохозяйственном отношении.

Во время нашего проезда как раз шла уборка озимой пшеницы и ячменя. Кое-где делали даже уже и пробные обмолоты. Бросалось в глаза то обстоятельство, что нигде не видели уборки хлебов косою. Всюду работали жнейки, а кое-где и жнейки-сноповязалки. Распространенность в крае жнеек да и вообще разного рода машин поразительна. В одном поселке, расположенном на частнов-

ладельческой земле и состоящем из 60 дворов, жнейки оказались в третьей части дворов. Дворы, которые не имеют собственных жнеек, берут таковые напрокат у соседей, платя им за пользование по рублю в день. Благодаря употреблению жнеек уборка хлебов производится чрезвычайно быстро, и, таким образом, хлеб никогда не перестоит и исчезает опасность утери зерна. Немало встречалось нам по дворам и косилок, а также конных граблей. Обмолачивается хлеб также по преимуществу на молотилках, и лишь в крайне редких случаях можно видеть обмолот при помощи рогатого скота, запряженного в тяжелые телеги.

Край производит громадное количество хлебов разного рода, идущих в значительных размерах в экспорт. Распахана большая часть земель, так что под сенокосами и выгонами остается лишь сравнительно небольшая часть. Большая часть нашей дороги шла между полями, на которых чередовались пшеница, ячмень, просо, овес, подсолнухи, бахчи. Картина получалась преинтересная. Куда только ни проникал взор, всюду виднелись желтеющие нивы пшеницы, ячменя и овса, зеленые поля проса, а иногда еще и более темно-зеленые участки конопли. Лен, еще несколько лет игравший видную роль в местном хозяйстве, на этот раз нам совсем не встречался: несколько лет неурожая отбили всякую охоту заниматься этим капризным растением, хоть и очень выгодным при урожае. Встречались на частновладельческих землях и сплошные участки в несколько сот десятин, занятые одним каким-либо хлебом. Вид этих морей пшеницы или ячменя, волнуемых ветром, представляет действительно замечательную картину. В одном месте мы встретили сплошной участок в 300 десятин, засеянный подсолнухом. Цветущие головки этого растения, расположенные непрерывно миллионами штук, производят крайне оригинальное впечатление.

Мне приходилось быть в тех же самых местах ровно десять лет назад. Тогда распахано было несравненно менее земли, и местности, расположенные по реке Большой Кугульте, производили впечатление настоящей нетронутой степи. Огромные пространства были покрыты одною лишь травою, и здесь бродили бесчисленные стада овец. Все это в значительной мере уже отошло в область прошлого. Край заселяется. Селения неудержимо растут, выкидывая новые улицы, а на землях частных владельцев возникают поселки крестьян, купивших эти земли или поселившихся на них в качестве половников.

Прежде всего резко бросилось в глаза отсутствие в крае древесной растительности. Единственное село на данной дороге, имевшее сады, было Михайловское, где садоводство развито издавна. В настоящее же время древесная растительность имеется и в селах Дубовке и Кугульте. Гуляя по последнему селению, я просто поразился обилием в нем садов, причем многие из них поражают своими размерами. Особенно бросилось в глаза то обстоятельство, что сельское кладбище, весьма обширное, было засажено деревьями почти сплошь. На землях частных владельцев также появились садики, иногда в несколько десятин величиною. Остатки лесов, некогда росших в данной местности, по балкам, и затем беспощадно истребленных, также начинают оберегаться и кое-где уже представляют весьма ценное имущество. Наконец, ко всему этому нужно присоединить распространение по реке Большой Кугульте виноградников, которые особенно значительных размеров достигают в немецких колониях. Я видел виноградники в трех из этих колоний, где они занимали десятин по полутораста в каждой. Эти колонии, однако, представили так много интересного даже при обозрении их с птичьего полета, что мы поговорим о них отдельно в следующий раз.

Ñòàâðîïîëü-Êàâêàçñêèé, ¹ 196, 25 èþëÿ 1901 ãîäà

Ставропольскою городскою управою получено на днях от заведующего церковно-приходскими школами села Безопасного Ставропольской губернии и уезда священника Невтонова предложение выслать несколько городских стипендиаток в учрежденную в названном селе «практическую женскую школу ткачества», причем в своем отношении отец Невтонов приводит и сведения о школе и ее задачах. Так как подобная школа на нашем юго-востоке возникает впервые, то я полагаю, что немногие сведения о школе, которые мы заимствуем из помянутого отношения, должны представлять интерес для читателей.

Мысль об устройстве школы ткачества явилась под влиянием неурожая 1897 года и последовавшей за ним тяжелой для населения зимы. Это время наглядно показало, что возлагать все обеспечение населения на одно земледелие невозможно и что необходимо оказать содействие к распространению среди населения разного рода промыслов. Священник Невтонов с этою целью и решился основать в селении Безопасном помянутую школу ткачества. Школа была разрешена синодом 12 октября 1899 года. Изыскание средств и организация отняли еще год, и школа стала действовать только с января настоящего года.

В школу принимаются девицы не моложе 14 лет и грамотные; глухонемые, горбатые, с уродливыми ногами или с одной ногой принимаются и без знания грамоты. Девицы последней категории, кроме глухонемых, изучают специально ковровое производство. Общий же курс для лиц, свободных от указанных физических недостатков, составляется из следующих предметов обучения.

1) Тканье гладкого и салфеточного полотна, разного рода бумажных, пеньковых и шерстяных материй.

2) Тканье бумажного и шерстяного трико и неворсованного сукна.

3) Тканье тканевых одеял.

4) Тканье простых и бархатных ценных ковров: персидских, текинских, бухарских и других.

5) Рисование по клеткам, прядение нитей, мытье шерсти и составление красок для пряжи.

Начало занятий с 15 августа; конец — 15 мая. Курс двухлетний.

В объяснение изложенной программы отец Невтонов пишет следующее.

«В основу своей деятельности школа полагает систематическое обучение ткачеству с разнообразным курсом. Основанием такой постановки дела послужили следующие соображения. Широкий местный сбыт — весьма важное условие выгодности и прочности кустарного промысла. Чтобы иметь широкий сбыт и прежде всего — местный, изделия ткачества должны быть не только общеупотребительными, не только удовлетворять нуждам масс, но и отвечать, по возможности, большему числу потребителей, то есть должны быть разнообразны. Заработок ткачих тем обеспеченнее, чем больше сортов она работает. Разнообразные знания дадут ей возможность самостоятельно приспособиться к любой специальности по ткачеству».

Обучение в школе ведется чисто практически, по так называемой «финской системе». В Финляндии, как указывает отец Невтонов, школы ткачества получили широкое распространение: в 1890 году там было таких школ 2, а в 1895 году — 40. К этому мы можем присоединить, что в Финляндии имеются еще так называемые «странствующие» учительницы ткачества, которые, переходя с места на место по стране и останавливаясь на более или менее продолжительные сроки, собирают местное женское население по вечерам и обучают их улучшенным приемам ткачества, вводят новые рисунки и вообще совершенствуют промысел. Отец Невтонов сообщает, что в Финляндии замечается любопытный факт вытеснения из деревни фабричных тканей ручными. Лично мы нисколько не удивляемся этому, так как видели несколько лет назад в Петербурге выставку финляндских кустарных изделий и были поражены совершенством и дешевизною изделий финских ткачих.

Обучение ткачеству в безопасенской школе ведется под руководством двух специалисток, имеющих дипломы на звание «ученых ткачих». Школа снабжена всем необходимым инвентарем. Поставлено 17 ручных станков, из них 5 станков «Самолет» с двумя машинами «Жаккард».

За обучение никакой платы не взимается. В будущем имеется в виду построить здание для общежития приезжих учениц. Пока же такие ученицы должны помещаться на частных квартирах. По сообщению отца Невтонова, у крестьян можно иметь помещение со столом для девочки (конечно, в условиях крестьянской жизни) за 3–5 рублей в месяц.

Будет очень интересно проследить дальнейшее развитие этого совершенно нового для нашего края дела. Присланные отцом Невтоновым в городскую управу образцы работ школы вполне удовлетворительны, и, если местное население научится изготовлять подобные ткани, это, несомненно, даст ему известный заработок.

Ñòàâðîïîëü-Êàâêàçñêèé, ¹ 215, 14 àâãóñòà 1901 ãîäà

В ряде предыдущих корреспонденций мы рассмотрели важнейшие источники доходов нашей городской кассы и указали те важнейшие мероприятия, которые должны быть осуществлены нашим городским управлением в интересах столь необходимого увеличения городских доходов и которые должны составить программу деятельности будущей думы, имеющей сформироваться через несколько месяцев. Нам остается остановиться еще на одном источнике городских доходов — на оценочном сборе.

Сбор этот дает городской кассе из года в год почти одну и ту же сумму. Таким образом, в 1893 году оценочный сбор дал городской кассе 30718 рублей, в 1894 году — 29735 рублей, в 1896 году — 31547 рублей (по смете предполагалось 32735 рублей), в 1898 году — 29726 рублей (по смете ожидалось 34107 рублей), в 1899 году — 31235 рублей (по смете ожидалось 35302 рубля), на 1900 год было назначено к поступлению по смете 37393 рубля и на 1901 год — 38173 рубля.

В приведенных цифрах бросаются в глаза, с одной стороны, беспрерывное увеличение сметного назначения по оценочному сбору, а с другой — почти не изменяющаяся сумма действительного поступления сбора. Очевидно, все увеличение суммы сбора, ожидаемое по сметам, фактически остается в недоимке. Это дает очень печальные перспективы относительно возможности увеличения этой статьи городских доходов. И действительно, надо иметь в виду, что в Ставрополе домовладение не принадлежит к числу выгодных занятий. Несколько лет тому назад, когда пролагалась Ставропольская железнодорожная ветвь и от нее ожидались процветание торговли и развитие промышленности в нашем городе, цены на дома значительно возросли и вместе с тем усиленно строились новые дома. Надежды на ветвь, однако, совершенно рухнули. С проведением ветви торговое значение города не только не возросло, но еще пало, так как значительная часть ставропольской торговли (по снабжению ближайших селений привозимыми товарами и по сбыту на местном рынке сельскохозяйствен-

ных продуктов) перешла на ближайшие станции ветви. Постройка домов сильно затормозилась, а цены на дома крайне упали, и в настоящее время дома продаются за половинную стоимость. На деле, в настоящее время очень много желающих продать дома и совсем нет желающих купить. Дома, заложенные в банках, идут в продажу с торгов, несмотря на всякие льготы и отсрочки, какие даются банками их владельцам, и обыкновенно остаются за банками, которые затем не знают, что с ними делать. Цены на квартиры, также возросшие было во время проведения железнодорожной ветви, в настоящее время стоят очень низко, а много домов стоят совсем без квартирантов, принося их владельцам лишь убытки по охране домов, их ремонту и уплате за них сборов. Таким образом, хотя общая стоимость домов, подлежащих оценочному сбору, благодаря постройкам и увеличилась в последние 8 лет, сумма фактически поступающего сбора почти не возросла.

Тем не менее нельзя не признать, что при более правильной оценке недвижимых имуществ города Ставрополя сумма оценочного сбора может возрасти в большем или меньшем размере. Дело в том, что до сих пор в нашем городе никогда не производилось правильной оценки недвижимых имуществ, хотя имущества и переоценивались каждые 4 года. Техника оценки была более чем примитивная. Обыкновенно избиралась оценочная комиссия из 8 лиц, частью гласных, частью просто избирателей. О том, насколько подготовлены такие лица к производству оценки, заботились мало. Фактически в комиссию попадали лица, которые соглашались взять на себя труд оценки за ту сумму, какая ассигновывалась на производство оценки. Избранные делились на четыре группы, по числу полицейских частей, и каждая группа из двух лиц производила оценку по своей части. Вся работа оценки состояла в том, что члены оценочной комиссии проходили по улицам со списком домовладений, в котором показывалась предыдущая оценка домов, и по глазомеру увеличивали, уменьшали или оставляли прежнюю оценку. Никаких общих принципов, которыми члены оценочной комиссии должны были бы руководствоваться, никогда не было выработано. Точно так же оценочная комиссия не собирала никаких объективных данных, на основании которых как оценочная комиссия в полном составе, так и дума могли бы проверять правильность произведенной оценки. Само собою разумеется, что при таком ведении дела слишком много места оставалось для ошибок, случайностей и всякого рода личных снисхождений. В результате оценка недвижимых имуществ для взимания оценочного сбора прямо поражает своею неравномерностью и неправильностью, и если есть имущества, которые обременены оценочным сбором, то имеется еще больше имуществ, которые обложены оценочным сбором слишком льготно.

Нынешний состав думы, по инициативе нескольких гласных, порешил положить конец такому печальному положению вещей. Была избрана особая комиссия, которая разработала план переоценки имуществ и выработала инструкцию для оценочной комиссии. По этому плану должны быть собраны по известной программе подробные сведения о недвижимых имуществах — сведения, которые, с одной стороны, могли бы послужить материалом для суждения о правильности производимой оценки, а с другой — дали бы возможность составить работу, которая обрисовала бы истинное положение нашего домовладения. Собирание этого сырого материала возложено на вольнонаемных лиц, под контролем членов оценочной комиссии, которые на основании этого материала и личного осмотра недвижимых имуществ уже имеют выработать оценку. В настоящее время собирание материалов уже заканчивается. Однако предстоит еще много работы, и, нет сомнения, окончательная оценка недвижимых имуществ Ставрополя выпадет на долю новой думы.

Если работа по переоценке недвижимых имуществ на этот раз будет произведена соответственно тем намерениям, которые вызвали создание нового плана этой переоценки, то, несомненно, она даст возможность распределить оценочный сбор с большею справедливостью, чем это имело место до сих пор, а вместе с тем общая оценочная стоимость недвижимых имуществ города должна будет подняться, благодаря чему и сумма оценочного сбора также поднимется.

Нельзя, однако, возлагать особенных надежд на возрастание этого источника городских доходов, да при нынешнем положении домовладения в Ставрополе едва ли было бы справедливо особенно увеличивать сумму этого сбора. Увеличение городских доходов должно идти преимущественно в направлении усиления выгод, получаемых городом от хозяйственных предприятий, к чему, как это мы старались выяснить в предыдущих корреспонденциях, особенно благоприятствует то обстоятельство, что наш город владеет столь значительным количеством всякого рода угодий, как пахотная и сенокосная земля, лес, сады, раскопки глины, ценные источники и другое, а также имеет возможность обзавестись, не боясь конкуренции, разного рода общественными хозяйственными предприятиями.

Ñòàâðîïîëü Êàâêàçñêèé, ¹ 116, 4 ìàÿ 1902 ãîäà

28 апреля состоялись выборы гласных нашей думы. На выборы явилось 155 избирателей, располагавших 160 голосами. К удивлению всех, число явившихся избирателей не превышало такого же числа, имевшего место при производстве выборов четыре года назад. И на этот раз значительная часть избирателей уклонилась от участия в выборах. Выбрано было только 28 гласных, тогда как

по городовому положению для Ставрополя назначены 41 гласный и 8 кандидатов. Таким образом, через две недели должны быть произведены дополнительные выборы. Баллотировке было подвергнуто 137 лиц, и огромнейшее число баллотировавшихся было забаллотировано.

Из общего числа избранных гласных 16 входили в состав думы предшествующего четырехлетия, и 12 человек избрано в гласные вновь. Довольно большое число гласных предшествующего четырехлетия было забаллотировано. Именно, забаллотированными оказались следующие гласные думы предшествующего четырехлетия: А.И. Васильев, А.О. Груби, И.П. Кувшинский, Е.Г. Маслов, И.И. Месинев, А.Г. Никитин, К.А. Росляков, В.Н. Сергиевский и К.Е. Фредерикс. Кроме того, семь гласных предшествующего четырехлетия: М.О. Бржезицкий, А.И. Евдокимов, М.Н. Ежовский, С.А. Никитин, Ф.А. Пеньковский, А.И. Соколов и А.Л. Тулупов — отказались от баллотировки на новых выборах. Таким образом, состав новой думы, по производстве дополнительных выборов, будет значительно обновлен против бывшего в предшествующее четырехлетие.

Избраны нижеследующие лица: Я.В. Абрамов, Г.И. Алафузов, И.И. Борисов, П.В. Беликов, И.С. Волков, И.Т. Горошко, Н.Я. Динник, Ф.И. Дураков, Д.М. Желяев, Н.М. Зозулевский, И.И. Зубрилин, П.Д. Извозчиков, Андр.Н. Ларионов, Алекс.Н. Ларионов, А.Г. Литвинов, П.К. Любомирский, Н.С. Мокин, И.С. Мокин, А.Ф. Нестеров, М.А. Поваляев, Г.К. Праве, П.В. Розанов, П.Ф. Рощин, В.П. Рощин, С.И. Ртищев, А.И. Руднев, И.П. Сердюков и И.М. Степин.

Подводить итоги новым выборам пока еще рано, так как на дополнительных выборах предстоит избрать еще 13 гласных и, таким образом, характер выборов еще может значительно измениться.

Во время выборов произошел крайне печальный эпизод, который мы здесь изложим лишь с его фактической стороны, совсем не касаясь его оценки. В числе забаллотированных оказался К.А. Росляков, получивший 67 избирательных и 91 неизбирательный голос. Когда листок, на котором была отпечатана фамилия господина Рослякова, который лежал на баллотировочном ящике и на котором было отмечено число полученных господином Росляковым голосов, был доставлен к столу, на котором по таким листкам составлялся общий избирательный лист, господин Росляков заявил, что числа полученных им голосов записаны на листке неправильно, так как он получил 91 избирательный и 67 неизбирательных голосов. К столу было приглашено лицо, считавшее число голосов в данной группе ящиков, — П.Ф. Рощин, подпись которого стояла на листке, также два его ассистента, и все трое подтвердили, что голоса на листке господина Рослякова отмечены правильно. То же подтверждали и лица, не принимавшие непосредственного участия в счете шаров, но наблюдавшие производство счета шаров в ящиках данной группы. Тем не менее господин Росляков стоял на своем, указывая на нижеследующее обстоятельство в подкрепление своего утверждения. Листки, на которых были отпечатаны фамилии лиц, подвергавшихся баллотировке, имели в самом низу на углах следующие две надписи: «Избирательных» и «Неизбирательных».

Надписи эти предназначались именно для отметки при них соответствующих чисел, полученных кандидатами избирательных и неизбирательных голосов. Когда эти листки положили на баллотировочные ящики, оказалось, что угол листка с надписью «Избирательных» приходится на черной половине ящика, а угол с надписью «Неизбирательных» — на белой половине. На это обстоятельство некоторые избиратели обратили внимание, и, ввиду того что это обстоятельство могло бы подать повод к недоразумениям при кладке шаров, еще до начала голосования у всех листков нижний край был завернут, так что помянутые надписи перестали быть видимыми и, таким образом, уже не могли никого смущать. При этом некоторые из лиц, поставленных за ящики для раздачи шаров, желая помочь избирателям ориентироваться в различении избирательной и неизбирательной стороны ящика, сделали на части листков надписи карандашом: «Избирательные» и «Неизбирательные», причем эти надписи приходились уже по соответствующим частям ящика, то есть «избирательные» — на белой половине ящика, а «неизбирательные» — на черной. Вместе с тем эти новые надписи были помещены уже прямо на противоположных углах листка, нежели прежние печатные. Когда баллотировка была окончена, то при счете голосов листки были отогнуты и число полученных шаров отмечалось возле печатных надписей, а на надписи карандашом не было обращаемо совсем внимания. Так было сделано и по отношению ко всем шести листкам той группы ящиков, которую считали счетчики во главе с П.Ф. Рощиным. При этом из шести этих листков на двух оказались эти вышеупомянутые карандашные надписи, причем по отношению к одному листку никто не возбуждал сомнения в правильности записей числа шаров, и только по отношению к листку господина Рослякова им было возбуждено сомнение о том, не относятся ли цифры полученных им голосов (написанные, кстати сказать, чернилами) к карандашным надписям, а не к печатным. Несмотря на то, что и трое счетчиков и другие лица, наблюдавшие счет шаров в ящиках данной группы, единогласно утверждали, что запись полученных господином Росляковым шаров была произведена правильно, и решительно никто не утверждал, что видел, что счет шаров дал противоположный результат, причем этого не утверждал с положительностью и сам господин Росляков, председатель собрания, городской голова И.Т. Горошко, предложил произвести перебаллотировку господина Рослякова, но последний от перебаллотировки отказался, почему в избирательный список и было занесено то количество голосов, которое он получил, то есть 67 избирательных и 91 неизбирательный.

Ñòàâðîïîëü Êàâêàçñêèé, ¹ 119, 7 ìàÿ 1902 ãîäà

С большим интересом прочитал я возражение господина Коневского (№101 «Приазовского края») на мою корреспонденцию, коснувшуюся одной из сторон положения инородцев Ставропольской губернии. Оказывается, что все источники, из которых я черпал свои сведения о положении инородцев, сообщают неверные сведения. Неверными оказываются даже сведения, заимствованные из официальных изданий местного статистического комитета и входящие в «Обзоры Ставропольской губернии», прилагаемые к всеподданнейшим отчетам ставропольских губернаторов. Цифра инородческого населения за 1880 год, взятая мною как исходный пункт для суждения о степени вымирания инородцев из «Статистики населенных мест и поземельной собственности в Ставропольской губернии», составляющей IX выпуск официального издания Ставропольского губернского статистического комитета, напечатанной по распоряжению председателя комитета, то есть ставропольского губернатора, и составленной покойным И. Бентковским, единственным официальным деятелем губернии, который действительно много и плодотворно поработал в деле изучения Ставропольской губернии и труды которого заслуживают самого уважительного отношения к ним, — не только заподазривается господином Коневским, но и прямо отвергается им. Основанием для такого отношения к этой цифре инородческого населения за 1880 год служит единственно то обстоятельство, что законом было запрещено подвергать переписи инородцев Ставропольской губернии и что поэтому только в 1897 году эти инородцы в первый раз были подвергнуты переписи. Однако господин Коневский приводит цифру караногайцев, отошедших в 1889 году в состав Терской области, и признает эту цифру, хотя она получена при существовании запрещения производить перепись инородцев, верною. Точно так же он ссылается на цифру населения инородцев за 1899 год, хотя в этом году никакой переписи не производилось. Очевидно, кроме получения цифр населения путем поголовной переписи, имеются и другие способы приведения в известность численности населения известной территории, и, как это всем известно, эти способы ежегодно практикуются, в том числе и управлением ставропольских инородцев, и доставляемые последним цифры и включаются в официальные документы, в том числе и в ту «Статистику населения и поземельной собственности Ставропольской губернии», из которой мы и заимствовали цифру инородцев за 1880 год, причем сравнение этой цифры с нынешнею численностью тех же инородцев привело нас к выводу о вымирании этой части населения Ставропольской губернии.

Но если господин Коневский совершенно напрасно заподозрил цифру инородческого населения, взятую нами из труда И. Бентковского и имеющую за собою санкцию официальной достоверности, то мы имеем возможность прямо указать на неверность приводимых им самим цифр. Господин Коневский утверждает, что инородческое население Ставропольской губернии не только не вымирает, а напротив, размножается прямо с положительною быстротою. Именно, по словам господина Коневского, инородцев в 1897 году было всего 39964 человека, а в 1899 году уже 42038, то есть за два года прирост равнялся 2074 человекам, или 5,1%. С такою феноменальною быстротою, как известно, не размножается население даже в самых счастливейших уголках мира, и вдруг оказывается, что наши кочевые инородцы дают прирост населения, превышающий прирост населения даже в таких странах, как Канада, Соединенные Штаты и Австралия, не говоря уже о всей Европе. В действительности, однако, имеет место совсем иное. В «Обзорах Ставропольской губернии» за 1898 и 1899 годы, прилагаемых к всеподданнейшим отчетам ставропольского губернатора, прямо отмечено вымирание инородческого населения губернии за указанные два года: именно, за 1898 год перевес числа умерших над числом родившихся у инородцев Ставропольской губернии составил 799 человек, и в 1899 году — 73 человека, а всего убыло инородческого населения за два года 872 человека, или около 2% этого населения. А между тем сведения о движении инородческого населения для «Обзоров Ставропольской губернии» 1898 и 1899 годов доставлял тот же самый главный пристав кочующих народов Ставропольской губернии господин Коневский, который в своем возражении констатирует прямо феноменальное увеличение инородческого населения за те же годы.

Господин Коневский возражает мне и по поводу моего утверждения относительно «толстого покрова тайны». Он ссылается в опровержение меня на то обстоятельство, что «самый подробный отчет обо всем, что касается инородческой территории и ее населения, ежегодно посылается в министерство государственных имуществ и земледелия». Думаем, что такое возражение решительно ничего не опровергает. Конечно, никто и не мог сомневаться в том, что главное приставство кочующих народов Ставропольской губернии, как и всякое учреждение, представляет своему начальству отчеты; но для общества эти отчеты совершенно недоступны, так как они не публикуются, и, таким образом, для общества, несмотря на эти отчеты, положение инородцев все-таки остается покрытым «толстым покровом тайны». Поэтому странным является упрек господина Коневского мне за то, что я не беру сведений об инородцах из отчетов главного приставства: публикуйте эти отчеты, и мы, «статистики и публицисты», непременно воспользуемся ими.

Господин Коневский указывает на еще один источник, из которого можно получить сведения об инородцах Ставропольской губернии, — на исследование профессора Арк.И. Якобия, который летами 1896 и 1897 годов изучал быт ставропольских инородцев при содействии главного при-

ставства. Но вот вопрос: было ли это исследование опубликовано? Господин Коневский упоминает только о сообщении профессора Якобия о ставропольских инородцах, сделанном им «в аудитории Харьковского университета и в Императорском географическом обществе». В бытность свою на Пасху в Харькове мы наводили справки в Харьковской общественной библиотеке и в библиотеке Харьковского университета — и ни в одной, ни в другой не оказалось отдельного труда профессора Якобия, посвященного ставропольским инородцам, хотя имеются остальные работы того же автора, посвященные исследованию инородцев Севера. Точно так же мы пересмотрели «Известия Императорского русского географического общества», «Труды Харьковского общества испытателей природы» и «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете» (господин Якобий — профессор сперва Харьковского, а затем Казанского университетов), в которых помещались другие работы профессора Якобия, и ни в одном из этих изданий исследования профессора Якобия, посвященного инородцам Ставропольской губернии, не оказалось. Таким образом, и исследование профессора Якобия, как не опубликованное, не снимает нисколько «толстого покрова тайны» с положения ставропольских инородцев. Оговоримся, что, зная почтенные труды профессора Якобия по исследованию инородцев Севера и его в высшей степени сочувственное отношение к инородцам вообще, мы очень сомневаемся, чтобы исследование этого ученого могло подкрепить основную тенденцию господина Коневского в его отношении к ставропольским инородцам, которая сводится к тому, что в инородческом вопросе все обстоит в высшей степени благополучно. В этом нас убеждает и то обстоятельство, что господин Коневский, ссылаясь на профессора Якобия, ни одним словом не обмолвился о том, что же именно высказал этот исследователь относительно современного экономического и правового положения ставропольских инородцев.

Не могу не отметить и того обстоятельства, что, вспомнив об исследовании профессора Якобия, господин Коневский не упоминает о другой работе, единственной в своем роде и дающей действительно в высшей степени ценные сведения о положении ставропольских инородцев, — о книге действительного члена Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете Я.П. Дубровы «Быт калмыков Ставропольской губернии», составляющей XV-й том «Известий» названного общества (Казань, 1899 год). Не потому ли об этой книге умолчено, что она всецело подтверждает мои выводы относительно положения дела на инородческой территории Ставропольской губернии? Отсылая интересующихся вопросом к книге господина Дубровы, повторяю, единственной в своем роде, дающей подробные сведения о многих сторонах жизни инородцев Ставропольской губернии, я позволю себе привести здесь несколько выдержек из этого труда, которые покажут, на чьей стороне стоит автор — на моей или на стороне господина Коневского.

Вот что мы находим на странице 8 книги по поводу юридического и экономического положения кочевых народов Ставропольской губернии: «Свободные сельские обыватели» (то есть инородцы) не имеют прав на общественные сходки без предварительного на то разрешения, не имеют права распоряжаться по своему усмотрению отведенной в их пользование землей и доходностью с нее, состоят под полной чиновничьей опекой и пользуются своими средствами и землей не по праву и свободно, а с разрешения, получают свои собственные деньги не тогда, когда нужно, а когда признается благовременным, когда строго канцелярским путем решится вопрос, что и калмык за свои же деньги имеет право покупать хлеб и одежду… Они вместе со своим скотом и мрут с голоду, мрут, несмотря на то, что имеют громаднейший собственный капитал и родовые суммы… Свободно калмыки только нищенствуют, вымирают и лишаются последней своей скотины — этой единственной бесконтрольной статьи их дохода».

Далее читаем: «Чтобы судить об экономическом благосостоянии калмыков, достаточно раз проехать Большедербетовский улус, не расспрашивать никого и ни о чем, а только смотреть на калмыцкие кибитки. В иных местах они представляют из себя сплошную кучу черного и серо-грязного тряпья, кое-как держащегося на деревянном остове кибиточной решетки, и только изредка мелькают целые, не ободранные кибитки. За недостачей войлока, дыры заштопываются чем попало: и кусками старой рубахи, и полой бешмета, и обрывками мешка. Только осенью, с наступлением ненастной погоды и холодов, калмыки, жертвуя иногда последним теленком, покупают кусок полсти, чтобы залатать ту сторону кибитки, у которой спит семья. Вид таких жалких жилищ немо, но вполне доказательно свидетельствует о нищете народа, имеющего около четырехсот тысяч общественного капитала (ныне значительно больше), родовые суммы и тридцать десятин душевого надела» (стр. 53). «В былую пору, когда калмыцкая степь изобиловала большими табунами лошадей, гуртами скота и массою овец, каждый калмык ел мясо вдоволь и не знал, что значит нужда в молоке. Теперь же молока у него не всегда достаточно, а у многих и совсем его нет; мясом же калмык редко лакомится, да и то добывает его большею частью воровским путем. В общем же почти все калмыки живут впроголодь, томимые вечной жаждой раздобыть где-либо семье и себе кусок хлеба и «махану» (мяса), для чего постоянно и шляются по русским селам и хуторам, выпрашивая и покупая под покосы и посев муку и собирая объедки. После заговенья всегда можно встретить в селах десятки ободранных, жалких, изможденных бедняков, мужчин и женщин, шныряющих из избы в избу с целью выпросить «погана кусок», то есть остатки скоромной пищи, в каком бы виде она ни была. «Хурсак голодна» (желудок

пустой) и «кушай нема» (есть нечего) — вот обычная тема калмыков при встрече с посторонним человеком, раз последний заведет речь о его житье-бытье... И до такой степени нищенства дошел когда-то гордый, дикий, властный народ, считавший свой скот тысячами табунов, овец десятками тысяч, не знавший, что такое нужда, делавший хищнические набеги ради удали, а не куска хлеба, как то есть теперь» (стр. 57—58).

Таково положение инородцев в обычное время. Во сколько же раз оно делается более тяжелым в момент столь обычных в степях наших инородцев бедствий — недорода трав, скотской чумы, повальных болезней на людях и тому подобных? Господин Дуброва указывает, например, на следующий поразительный факт: в зиму 1892—93 года от бескормицы пало, по официальным сведениям, у населения, находящегося в ведении главного пристава кочующих народов, 1201187 голов разного скота и лошадей (стр. 231). Господин Коневский в своем возражении упоминает о ссудах инородцам из их общественных и родовых капиталов; господин Дуброва говорит о тех же ссудах следующее: «Положим, в том году (1892—93) калмыкам выдана была ссуда из общественного капитала по одному рублю на голову скота. И без объяснений понятно, что на один рубль в течение зимы невозможно прокормить даже овцу, тем более во время голодовки, когда сажень соломы продавалась за двадцать и более рублей, сажень же сена — за 70 и даже за 80 рублей». К тому же надо иметь в виду и следующее:

«Корм и приют для скота нужен и сейчас же, в момент застигнувшей беды; следовательно, сейчас же нужны и деньги для приобретения корма. Получить же деньги из улусного управления можно только по выполнении медлительных канцелярских проволочек и формальностей. Нужно: 1) испросить разрешение главного пристава на право созыва общественной сходки; 2) выждать требуемые законом две недели, когда, получив разрешение, можно созвать сход и составить общественный приговор об отпуске денег; 3) отослать приговор на просмотр улусного управления и утверждение главного пристава; 4) получить предписание о выдаче денег; 5) взять их из казначейства и 6) раздать всем нуждающимся под их расписки, — короче говоря, на выполнение всех этих необходимых формальностей затрачивается самое нужное время, и калмыки свои собственные деньги, крайне потребные в известный момент, получают тогда, когда нужда в них проходит и бедствие, обрушившись всей силой своей тяжести на находящийся под опекой народ, успеет причинить ничем не поправимый вред. То же самое, что со скотом, случалось и с людьми во время повальных заболеваний калмыков оспой, брюшным тифом и другими болезнями» (стр. 232—233).

Изучая быт калмыков в течение целых шести лет, стоя за это время близко к этому народу, входя в его интересы, знакомясь с его физическими и нравственными силами, господин Дуброва пришел к заключению, что попечители улуса разными распоряжениями, побуждающими калмыков к занятию земледелием, скорее убивают, а отнюдь не развивают земледельческую культуру среди опекаемого ими народа и в сильной степени замедляют усвоение калмыками русского быта и связанную с ними перемену образа жизни. И если калмыцкий народ действительно находится накануне преобразования гражданского своего строя, то таковое должно начаться с корня, то есть с радикальной реформы инородческого управления, целым столетием доказавшего, и притом вполне, всю практическую свою непригодность для народа. В настоящее время управление калмыцким народом среди общих административных управлений представляет какую-то археологическую редкость, сохранять обособленность которой равносильно обречению калмыков на верный измор и в нравственном, и в экономическом отношениях (стр. 184).

Прибавим только, что инородческое управление, которому произнесен столь строгий приговор, совершенно одинаково как в Большедербетовском улусе (калмыки), так и в Трухмянском и Ачикулакском приставствах (трухмяне, ногайцы, эдишкульцы, эдисанцы и джембулакцы).

Ñòàâðîïîëü Êàâêàçñêèé, ¹ 150, 9 èþíÿ 1902 ãîäà

Осенью прошлого года мною была помещена в «Приазовском крае» корреспонденция, посвященная описанию крайне интересного новообразования в рельефе ставропольского выгона — так называемого Песочного яра, угрожающего в своем росте снести две городские улицы, Батумскую и Крайнюю, и оказывающего самое печальное влияние на количество и качество воды в городском водопроводе, так как яр этот перерезывает именно те водоносные слои, по которым вода поступает из Круглого леса в Карабин — источник, снабжающий водою городской водопровод. Корреспонденция эта вызвала, по распоряжению местной администрации, образование при губернском правлении особой комиссии по исследованию влияния Песочного яра на водоснабжение города. Комиссия эта в составе двух врачей, горного инженера, городского агронома, представителя от города и полицмейстера осматривала недавно Песочный яр. Свои заключения комиссия имеет изложить в своем следующем заседании, имеющем быть уже не на месте, а где-либо в кабинете.

Искренно радуясь тому обстоятельству, что на Песочный яр наконец обращено внимание, и надеясь, что теперь будут приняты меры к остановке его дальнейшего роста, а вместе с тем и

к его постепенному уничтожению, не можем не пожелать, чтобы вопрос о влиянии яра на водоснабжение Карабина был подвергнут более обстоятельному исследованию. Вопрос этот настолько важен и вместе с тем настолько сложен, что при разрешении его, очевидно, невозможно ограничиться получасовою экскурсиею по дну яра, а необходимо произвести целый ряд гидрогеологических исследований, которые точно выяснили бы те районы, из которых поступает вода в Карабин, установили точно соотношение между Круглым лесом, находящимся выше Карабина, и выяснили роль, какую играет Песочный яр, стоящий на пути между названным лесом и Карабином. Такое исследование всего естественнее произвести городскому управлению, которое не может не быть заинтересованным в том, чтобы население города получало питьевую воду из водопровода в достаточном количестве и надлежащего качества.

— На 2 июня городская училищная комиссия проектировала устройство загородной прогулки учащихся в городских начальных училищах. Были сделаны все необходимые приготовления к осуществлению этой мысли: закуплены съестные припасы и лакомства для учащихся, приглашен хор военной музыки, ученики оповещены о дне и месте прогулки и т.д. Прогулка, однако, не состоялась, так как накануне дня прогулки городским головою была получена бумага от местного губернатора, предлагавшая отменить прогулку ввиду невозможности допустить скопление на сборном пункте значительной толпы учеников (до 500 человек) и ввиду того, что программа прогулки не была представлена на утверждение директора народных училищ.

— 3 июня новый состав нашей думы вступил в отправление своих обязанностей, так как в этот день, по принесении гласными присяги, были произведены выборы лица, председательствующего в думе в случаях, указанных в статье 120-й городового положения. Был избран закрытой баллотировкою М.О. Бржезицкий, местный уездный предводитель дворянства. При этом имел место крайне редкий случай: все шары оказались белыми. Надо сказать, что почтенный М.О. Бржезицкий своею добротою и постоянною готовностью сделать для каждого все что только в его власти приобрел общее и заслуженное уважение, выражением которого и явилось единогласное избрание его в председательствующие в думе.

Ñòàâðîïîëü-Êàâêàçñêèé, ¹ 152, 11 èþíÿ 1902 ãîäà

В настоящее время, куда бы ни прийти в нашем городе, всюду слышатся жалобы на невозможность найти место в средних учебных заведениях для детей. В местные мужскую гимназию и реальное училище, соединенные вместе (в одном здании и под одним начальством), явилось до 200 желающих поступить, между тем теснота здания учебного заведения (оно первоначально предназначалось для 300 человек, затем, с пристройками, может поместить, самое большее, около 500—600 человек, а в нем учится почти тысяча) побудила сократить в настоящем году прием новых учащихся до крайнего минимума. Конкурсные экзамены для поступления в первый и даже приготовительный классы были в нынешнем году особенно строги, и из жаждавших попасть в эти классы поступила лишь самая ничтожнейшая часть, хотя, несмотря на все строгости, значительное число державших экзамены сдало их удовлетворительно. Мало того, за недостатком помещения пришлось даже значительное число детей, выдержавших переходные экзамены из приготовительного класса в первый, оставить снова в том же приготовительном классе или удалить из гимназии. И в результате плач и стон стоят как между жаждущими учения, так и между их родителями. Последние говорят о подаче прошения по учебному начальству о приеме их детей, выдержавших экзамены, но, очевидно, дело тут не в прошениях, так как нельзя же помещать в классы двойное количество учащихся.

На Северном Кавказе вообще чувствуется давно недостаток в средних учебных заведениях. В частности, на всю Ставропольскую губернию имеется всего одно среднее учебное заведение — соединенные гимназия и реальное училище, причем в это учебное заведение дети поступают не только из Ставропольской губернии, но также из Кубанской и Терской областей. Недостаток мест в этом единственном для огромного района учебном заведении чувствуется давно, и давно уже приемные экзамены в Ставропольскую гимназию стали столь же трудными, как конкурсные экзамены в какое-либо привилегированное высшее специальное учебное заведение, в которое на 100 вакансий является держать экзамены несколько сот молодых людей. Дело дошло до того, что даже для поступления в приготовительный класс приходится держать конкурсные экзамены. Подготовка детей для поступления в первый и приготовительный классы Ставропольской гимназии давно уже стала делом нелегким, за которое могут браться только люди, искусившиеся в нашпиговании детей разными требуемыми на подобных экзаменах тонкостями. И все-таки в конце концов в гимназию попадает лишь незначительная часть толкающихся у ее двери, а большинство остается за этими дверями и вынуждено или оставаться без образования, или ехать в другие города для поступления в какое-нибудь учебное заведение.

Необходимость открытия в Ставрополе хотя бы еще одного среднего учебного заведения давно уже назрела. Год назад шли толки о возможности открытия в нашем городе среднего промышлен-

ного учебного заведения. По этому поводу бывший директор мужской гимназии, по поручению попечителя Кавказского учебного округа, собирал представителей города и сведущих людей для выработки проекта такого нового учебного заведения. Совещание наметило тип учебного заведения (сельскохозяйственного с преобладанием преподавания сведений о переработке сельскохозяйственного сырья) и выработало даже подробную программу желательного учебного заведения и составило смету расходов как по устройству и оборудованию заведения, так и по содержанию его. До сих пор, однако, неизвестно, какая судьба постигла всю эту работу, и даже участники совещания не знают, дошла ли эта работа, по крайней мере, до учебного округа.

Рано или поздно, без сомнения, в Ставрополе придется устраивать новое среднее учебное заведение. Но пока такое будет открыто, немало поколений детей будут напрасно толкаться в существующую гимназию и получать отказ в приеме. Необходимо было бы поэтому немедленно прибегнуть хотя бы к паллиативной мере — к расширению помещений существующей гимназии. Говорят, что бывший директор местной мужской гимназии, господин Гнипов, отличавшийся склонностью к экономии, скопил до 150 тысяч рублей специальных средств гимназии. Не знаем, насколько указанная цифра соответствует действительности, но, несомненно, гимназия имеет специальные средства, достаточные для того, чтобы значительно расширить свое помещение. Вместе с тем, конечно, и казна могла бы отпустить средства, необходимые для такого рода расширения единственного в Ставропольской губернии среднего учебного заведения. Нельзя же мириться с тем печальным фактом, что детей приходится готовить, словно в высшее учебное заведение, к конкурсному экзамену в приготовительный класс. Ведь и по отношению к высшим школам говорят об уничтожении этих пресловутых конкурсных экзаменов. Да к тому же, раз нет помещения в единственном учебном заведении, никакая подготовка не гарантирует ребенку поступление в него.

Ñòàâðî ï î ëü-Êàâêàçñêèé, ¹ 155, 14 èþ íÿ 1902 ãî äà

На 8 июня было назначено в уголовном отделении Ставропольского окружного суда слушание дела по обвинению лишенного всех прав и преимуществ, причисленного к мещанам города Тары Лисецкого в том, что он, называясь бароном Медемом и выдавая себя за отставного военного судью и присяжного поверенного, снабженного притом особыми полномочиями от высшей власти и присланного в Ставрополь для отыскания отставных солдат и казаков, брал с последних разные суммы на расходы по исходатайствованию им пенсий. По делу было вызвано около сорока свидетелей, принадлежащих к числу лиц, которые платили Лисецкому разные суммы на «пошлины» и иные расходы по получению пенсий и большинство которых выступило в роли гражданских истцов по делу. Огромнейшее большинство свидетелей представляло из себя старых отставных, увешанных многими знаками отличия. Немало между ними совершенно дряхлых людей, еле передвигающихся. Отвечая на вопросы председательствующего, Лисецкий с апломбом заявил, что он никогда не был под судом, а когда ему был предложен вопрос, каким же образом он оказывается лишенным всех прав и преимуществ, он скромно ответил, что судился один раз в Витебском окружном суде. Подсудимого спросили, не судился ли он в Гродненском окружном суде, и он согласился, что и в Гродненском суде он действительно судился. Тогда ему предложили вопрос, не судился ли он также и в Ковенском суде, на что последовал ответ, что и в Ковенском суде он также был судим. Начало дела, таким образом, очень заинтересовало присутствующую в суде публику, но так как не явился свидетель, показание которого оказалось имеющим существенное значение для дела, и притом не явился без законных причин, так что его показание, данное на предварительном следствии, не могло быть прочитано, то суд, согласно ходатайству представителя обвинения, постановил слушание дела отложить.

— Недавно между известною фирмою «Стуккен и К°» и обществом села Надеждинского, Ставропольского уезда, заключено условие о постройке означенною фирмою водопровода. Первоначальная смета по устройству водопровода была составлена на сумму в 96 тысяч рублей, но фирма «Стуккен» взялась на торгах построить водопровод за 73 тысячи рублей. Водопровод будет проведен на протяжении 18 верст из источника, находящегося на земле того же селения Надеждинского. Это будет самый длинный водопровод в Ставропольской губернии, в которой уже несколько сел обзавелись водопроводами. Сумма в 73 тысячи рублей, за которую фирма «Стуккен» взялась устроить водопровод, выдается в беспроцентную ссуду обществу селения Надеждинского из капитала обязательного страхования Ставропольской губернии, с уплатою в течение 10 лет. Для погашения ссуды будет служить доход, получаемый обществом селения Надеждинского от сдачи в аренду запасного участка земли, принадлежащего этому селению.

Проведение водопровода в селах Ставропольской губернии имеет особенно важное значение ввиду недостатка в губернии воды, годной для питья. В частности, селение Надеждинское, в котором будет устроен вышеупомянутый водопровод, принадлежит к числу еще не наиболее страдающих от недостатка воды, так как через это селение проходит хотя небольшая речонка, и, таким образом, население может пользоваться текучею водою. В губернии имеется немало селений, в которых нет

ни текучих, ни колодезных вод и население вынуждено пользоваться для домашних нужд водою из прудов, образуемых талыми и дождевыми водами, стоящими неподвижно и загнивающими в течение лета, а для питья привозить воду из колодцев, отстоящих за многие версты от селения. Однако и речонка, протекающая чрез село Надеждинское, несет так мало воды, что летом вода в ней задерживается почти исключительно благодаря запрудам, и вода эта так же сильно портится в жаркое время года. Вообще снабжение наших селений водопроводами является одною из разумнейших мер, имеющих значение не только и даже не столько в противопожарных целях, сколько в санитарно-гигиенических, так как с рациональным устройством водопроводов, несомненно, должны будут уменьшаться столь распространенные в нашей губернии желудочно-кишечные заболевания, лихорадки и накожные болезни.

— На днях состоялось при мужской гимназии совещание представителей учебного ведомства и города по вопросу о типе желательного к открытию в Ставрополе нового среднего учебного заведения. Как я уже писал по этому поводу, совещания по данному вопросу имели место уже несколько раз в течение последних полутора лет, причем участниками совещаний были выработаны подробные планы и программы нового учебного заведения и даже составлена смета расходов по оборудованию и содержанию его. При этом единодушно было признано необходимым, сохранив существующие гимназию и реальное училище, открыть совершенно самостоятельное среднее сельскохозяйственное учебное заведение. Теперь почему-то, почти при том же составе совещания, оно пришло к заключению о желательности отделения реального училища от гимназии (ныне оба учебные заведения помещаются вместе и имеют один и тот же состав преподающих и начальствующих) и открытия при нем сельскохозяйственного отделения. Таким образом, теперь делается существенный шаг назад, так как сельскохозяйственные дополнительные классы при реальном училище никак не могут заменить собою специальное среднее сельскохозяйственное училище, в котором так сильно нуждается наш край. Было бы желательно, чтобы осуществление получил именно первоначальный проект, в котором имелось в виду создание нового сельскохозяйственного училища, которое должно было сохраниться, и притом имелось в виду придать училищу характер преимущественно сельскохозяйственно-технический, о чем и думать нельзя при учреждении двух-трех дополнительных классов при реальном училище.

Ñòàâðîïîëü Êàâêàçñêèé, ¹ 159, 18 èþíÿ 1902 ãîäà

10 июня состоялся акт в местном шестиклассном городском училище. Обыкновенно о событиях из жизни таких скромных учебных заведений, как городское училище, не приходится встречать сведений в печати, и об этом нельзя не пожалеть. Начать с того, что в той или иной постановке дела городского училища заинтересовано весьма значительное число семей. В нашем, например, городском училище учится 420 учеников, и, таким образом, училище представляет огромный интерес для весьма значительной части местного населения. Затем, училищем пользуются те слои населения, которые, по своему культурному состоянию, мало способны как контролировать деятельность училища, так и постоять за его нужды, и, таким образом, внесение гласности в жизнь такого училища приобретает особенно серьезное значение. Наконец, самая постановка дела в училищах, подобных городскому, как лишенная целого ряда стеснительных условий, в которых живет средняя школа, является особенно поучительною в наше время, когда на очередь поставлен вопрос о серьезном преобразовании самых основ нашей школы. Многим покажется странною сама мысль о том, чтобы при преобразовании средней школы можно было позаимствовать кое-что полезное у такой маленькой школы, как городское училище, а между тем, эта мысль настойчиво преследовала меня во все время акта 10 июня, произведшего на меня самое отрадное впечатление.

Акт производил отрадное впечатление уже тем, что на нем было слишком мало официальности, которая решительно никому не нужна, но которая так всех всегда стесняет. Не было на акте почетных гостей, но зато был такой элемент, который невозможно встретить на актах наших средних школ: родители учеников, те простолюдины, дети которых учатся в городском училище. Было даже как-то странно видеть рядом с детьми их матерей, местных мещанок и крестьянок, одетых в скромные, чересчур даже скромные, деревенские костюмы, в платочках на головах, а также отцов учащихся в бешметах и пиджаках — мастеровых, чернорабочих и земледельцев. И в то время как посетители актов наших средних школ скучают на них, разговаривают между собою и совершенно не обращают внимания на то, что происходит на акте, посетители акта в городском училище были воплощенное внимание и слушали даже с каким-то благоговением все, что читалось и пелось на акте. Было так приятно видеть эти радостные лица, эти веселые улыбки, появлявшиеся при чтении отрывков из произведений Гоголя, это умилительное настроение, которое отражалось на лицах родителей при слушании ими прекрасного пения ученического хора.

Не было на акте 10 июня и длинных «речей» и отчетов. Все это было заменено на акте городского училища коротенькою, но содержательною и теплою речью законоучителя училища, который,

поздравив окончивших курс в училище в настоящем году (огромный выпуск — целых 48 человек) с осуществлением поставленной ими себе при поступлении в училище цели, весьма остроумно сравнил предстоящую им новую «школу», школу жизни, с тою, из которой они выходят. Как в училище, где от учащихся требуются добросовестное исполнение обязанностей и добросовестный труд, и в жизни молодых людей ожидают труд и обязанности, которые они и должны выполнять добросовестно. Честное поведение, честный труд, исполнение обязанностей, общение с честными людьми, дальнейшее самообразование путем чтения книг, обращение в затруднительных случаях к руководству Евангелия — вот что рекомендовал законоучитель своим питомцам, — и все это было изложено в прочувствованных и вместе с тем простых словах, прослушанных учениками с видимым вниманием и, несомненно, хорошо ими усвоенных.

За словом законоучителя началось исполнение программы акта. Хор учеников, организованный одним из учителей училища, человеком, несомненно, обладающим недюжинными музыкальными дарованиями и, очевидно, большим любителем своего дела, исполнил целый ряд пьес разнообразного характера. При этом, несмотря на самые неблагоприятные акустические условия, представляемые тесною залою, битком наполненною учениками и их родителями, пение доставило всем присутствующим огромное удовольствие. Учащиеся, а равно и посторонние, присутствовавшие на акте, поощряли хор громкими рукоплесканиями, а одна из пьес, пропетых хором, была повторена им вследствие настойчивых требований присутствовавших.

Между номерами пения происходило чтение учениками литературных произведений — прозаических и поэтических. Учениками, оканчивающими курс, были прекрасно прочитаны «Кубок» Жуковского, «Влас» Некрасова, отрывок из драмы Пушкина «Борис Годунов» (сцена в келье); ученики пятого и четвертого классов также прекрасно прочитали басню Крылова «Вельможа», «Море» Жуковского и отрывки из «Старосветских помещиков» и «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголя. Особенно хорошо были прочитаны отрывки из произведений Гоголя учениками пятого класса Оголовцом и Челядиновым. С неподражаемою серьезностью, не мешающею им тонко подчеркивать наиболее юмористические места, оба исполнителя читали прекрасные страницы великого писателя, вызывая во всей зале взрывы беспрерывного смеха. Особенно задушевно смеялись взрослые — родители учеников, очевидно, испытывавшие самое неподдельное удовольствие.

Раздачею аттестатов и евангелий и исполнением народного гимна был закончен акт. Я уходил из училища с самыми отрадными впечатлениями, и только одно смущало меня: отсутствие на акте представителей города. Не было ни членов управы, ни членов городской училищной комиссии. Было только два гласных думы, попавших сюда, однако, не в качестве гласных: один близок к училищу, как его врач, а другой имеет среди учеников училища племянника. Городское управление, таким образом, совсем не имело представителя на акте училища.

А между тем городское училище является единственным учебным заведением, доступным для большинства городского населения, единственною школою, в которой дети этого населения могут получить образование, превышающее уровень начального. Казалось бы, при таком исключительном положении училища на него должно быть обращено особенное внимание городского управления и училище должно бы быть предметом особенно внимательного попечения этого управления. На деле же училище находится как бы в полном и преднамеренном пренебрежении со стороны городского управления. Неужели это нормально и не пора ли изменить это отношение городского управления к городскому училищу на прямо противоположное? К этому, впрочем, должен представиться случай в непродолжительном времени, так как на очередь снова будет поставлен вопрос о расширении помещения училища, ныне совершенно невозможного.

Ñòàâðîïîëü Êàâêàçñêèé, ¹ 163, 22 èþíÿ 1902 ãîäà

В заседании нашей думы 14 июня было рассмотрено несколько вопросов, имеющих известное общественное значение.

— По предложению ставропольского губернатора был утвержден составленный управою проект обязательного постановления о торговле дичью. Наиболее любопытным пунктом этого обязательного постановления, являющегося дополнением к существующим законам об охоте, является воспрещение подачи в гостиницах, клубных буфетах и трактирах дичи, кроме северной привозной и консервированной, в те сроки, когда охота на данный род дичи воспрещена законом. К изданию обязательного постановления гласные отнеслись вообще довольно равнодушно, так как собственно вокруг нашего города почти нет никакой дичи, да к тому же и существующие строгие законы об охоте оказываются не достигающими цели (за отсутствием специального надзора за их соблюдением).

— По прошению служащих в торгово-промышленных заведениях города Ставрополя об установлении ограничения часов работы торговых служащих и о распространении правил существующего в нашем городе постановления об ограничении торговли в праздничные дни на все городские лавки во

время местных ярмарок, дума постановила уважить второе из ходатайств служащих, а относительно первого ходатайства дала поручение управе собрать сведения об основаниях ограничения часов работы торговых служащих, существующего в некоторых городах. Дело в том, что, по мнению управы, подкрепленному ссылками на городовое положение, городским думам не предоставлено права издавать постановления, регулирующие продолжительность работы торговых служащих; между тем такие постановления изданы думами некоторых городов. Для выяснения данного вопроса дума и поручила управе снестись с городскими управлениями, издавшими подобные постановления, для выяснения вопроса о праве думы регулировать продолжительность работы служащих в торговых заведениях.

— Большие прения возбудил вопрос об удовлетворении ходатайства об утверждении торгов на отдачу мест на Ярмарочной площади под склады строевого леса. Выяснилось, что дело это находится в довольно хаотическом положении, почему дума избрала комиссию из гласных, долженствующую определить, какую именно часть Ярмарочной площади следует отвести под склады леса, какие цены назначить за эти места и какого рода контракты заключать с лесоторговцами. Любопытно, что этот вопрос оставался неразработанным до сих пор, хотя лесные склады на Ярмарочной площади существуют многие десятки лет.

— Упомянем еще, что дума разрешила управе произвести позаимствование из пенсионного капитала для выдачи пособия городским служащим, которое было назначено думою еще к Пасхе, но до сих пор не было выдано ввиду того, что не найден источник, из которого можно было бы произвести выдачу пособия. Само собою разумеется, что вопрос о позаимствовании из пенсионного капитала мог быть разрешен еще при самом постановлении думы о назначении пособия и, таким образом, служащим не пришлось бы ждать три месяца получения назначенного им пособия.

Ñòàâðîïîëü-Êàâêàçñêèé, ¹ 165, 24 èþíÿ 1902 ãîäà

Большую сенсацию произвело между многочисленными отставными военными, проживающими в нашем городе, и неожиданно отразилось на местных выборных учреждениях циркулярное отношение канцелярии военного министерства на имя казенных палат от 29 минувшего мая, за №6200, о прекращении производства эмеритальной пенсии лицам, вновь поступающим на государственную службу. Дело в том, что, согласно статье 75-й «Положения об эмеритальной кассе военно-сухопутного ведомства» 1894 года, «пенсионерам эмеритальной кассы, поступающим снова на государственную службу в военное или какое-либо другое ведомство, производство эмеритальной пенсии прекращается впредь до нового выхода в отставку». Во многих местах, а в том числе и в Ставрополе, правило это истолковывалось в том смысле, что выдача пенсии из эмеритальной кассы прекращается только лицам, поступившим на государственную службу в тесном смысле этого слова, что же касается лиц, поступивших на службу по выборам (городским и дворянским), то таким лицам выдача эмеритальной пенсии продолжалась, тем более что некоторые виды этой службы (например, предводители дворянства) не оплачиваются никаким жалованьем. Между тем, вышеупомянутым отношением канцелярии военного министерства казенные палаты приглашаются тщательно следить, чтобы эмеритальная пенсия не выдавалась и тем из отставных военных, которые займут должности по выборам, не исключая и тех почетных должностей, по которым содержания не полагается. Таким образом, отставным военным, занимающим должности по выборам, теперь предстоит или отказаться от получения эмеритальной пенсии, или оставить должности, на которые они избраны.

В Ставрополе и губернский, и уездный предводители дворянства, а также и весь состав дворянской опеки состоит именно из отставных военных, которым предстоит сделать указанный выбор, за исключением уездного предводителя, который вышел в отставку до 1 января 1895 года. Губернский предводитель дворянства уже подал в отставку, и обязанности его исполняет уездный предводитель дворянства, обязанности которого, в свою очередь, приглашен исполнять его помощник. На городской службе в качестве члена городской управы также состоит отставной военный, который также заявил в последнем заседании думы, что и он оставляет свою должность. Таким образом, городской думе, избравшей недавно одного члена управы, предстоит заместить выборами должность еще одного члена управы. Обновление городской управы, следовательно, оказывается более полным, чем то предполагалось ранее, так как из лиц, избранных в состав управы в предыдущее четырехлетие, в ней останется всего один член.

— Благоприятные виды на урожай хлебов, о которых я сообщал недавно, начинают ослабевать. Во многих местах появились в значительном количестве хлебный жук и «кузнец», которые производят кое-где столь значительные повреждения хлебов, что их уже скосили на солому; кое-где даже была возложена на население обязанность собирать руками хлебного жука, причем семья собирала по несколько пудов. Затем в некоторых местностях хлеба пострадали от «зоны» — паразита, распространение которого в губернии не может не быть признанным крайне опасным. Наконец, начался восточный иссушающий ветер, который обыкновенно приносит с собою «захват», особенно опасный в период наливания хлебов, имеющий место как раз в настоящее время. Во всяком случае, размеры гибельного влияния всех этих факторов должны обнаружиться в самое ближайшее время.

Ñòàâðîïîëü-Êàâêàçñêèé, ¹ 173, 2 èþëÿ 1902 ãîäà

Характерною чертою заселения наших южных и восточных городов является продолжающийся до сих пор процесс самовольного захвата городских выгонных земель выходцами из внутренних губерний и возведение на них целых предместий. Редкий южнороссийский город не имеет своих «Нахаловок», «Самоволок», «Кавказов», «Амуров» и других предместий, возникших в сравнительно недавнее время путем именно самовольного захвата городских земель. В нашем городе этот процесс до сих пор еще в самом разгаре. На моих глазах возникли предместья Новый Форштадт, Новая Каменная Ломка, Кабардинская группа, Армавир, Шародранка, Лягушевка, Скомороховка, Архиерейская слободка. Армавир и Архиерейская слободка организуются даже именно в настоящее время, с каждым днем оказываясь все более широкими, и мало-помалу превращаются из ничего в целые поселения. Наше городское управление относилось всегда, и совершенно правильно, с известного рода терпимостью к такого рода захватам городской земли, видя в них проявление существенной потребности возрастающего населения города. Обыкновенно некоторое время вновь возникшее путем захватов поселение совершенно игнорируется городским управлением и находится как бы на нелегальном положении, а затем строения, возведенные захватчиками, вносятся в городские описи, подвергаются оценке и облагаются оценочным сбором, и таким образом самовольно возникшее поселение превращается в легальное. В настоящее время большая часть самовольно возникших предместий уже легализирована, и, несомненно, то же придется сделать и с теми возникающими самовольно поселениями, которые пока еще рассматриваются городским управлением как бы несуществующими, как, например, Армавир — огромное поселение, возникшее на городском выгоне и дошедшее ныне до самого так называемого Мамайского леса.

Плохо только то, что все эти самовольные поселения в большинстве случаев, как возникающие из случайно поставленных домиков, представляют собой нечто в высшей степени хаотическое. Улицы и переулочки здесь до невозможности узенькие и перепутаны самым прихотливым образом. О соблюдении строительного устава здесь, конечно, никто не заботился. Санитарное состояние всех этих поселений самое плачевное. Упорядочение этих поселков в будущем потребует и много времени, и массу усилий со стороны городского управления.

Само собою разумеется, что перечисленными выше поселениями не может закончиться процесс расширения нашего города. И в будущем неизбежно будут возникать такие же «самовольные» поселения. И городскому управлению следовало бы в предупреждение именно той беспорядочности, с какою производится ныне заселение выгонных земель, пойти навстречу данному явлению и принять меры к его урегулированию. Я имею в виду здесь отнюдь не какие-нибудь запретительные меры, которые уничтожали бы возможность возникновения новых городских кварталов. Это было бы всего менее в интересах города. Увеличение городского населения вообще крайне желательно для каждого города; увеличение же населения путем присоединения к нему тех элементов, которые образуют новые поселения вокруг нашего города, является особенно желательным. Это не какие-нибудь потерянные, бездомовые элементы; напротив, самое стремление обзавестись своим домком, хотя бы в виде жалкой хатенки из каменной ломи или же землянки, и иметь огородик и садик показывает, что в данном случае мы имеем дело с элементами домовитыми, семейными, желающими иметь свой угол, свое хозяйство. И действительно, новые поселения составляются из элементов, почти исключительно трудовых, работящих. Пока эти элементы не устроятся надлежащим образом, не положат основания своему благосостоянию, они имеют значение для города лишь как рабочие руки и как потребители разного рода товаров. И это значение новых поселенцев является очень существенным для города. Но затем по мере устройства на месте, по мере накопления сбережений от заработков новые поселенцы мало-помалу обзаводятся хозяйством, обстраиваются и делаются как плательщиками городского оценочного сбора, так и съемщиками городских земель, принося, таким образом, и непосредственный доход городской кассе. Стоит только сравнить самовольно возникшие кварталы более раннего происхождения с возникающими в настоящее время, чтобы видеть, как упорно, путем ревностного труда, эти самовольные поселенцы создают свое благосостояние, а отсюда и богатство города.

Таким образом, на увеличение города путем заселения его пришельцами из внутренних губерний, путем образования новых кварталов на выгонных землях надо смотреть как на явление вполне желательное. Ввиду этого городскому управлению следует пойти навстречу данному явлению и заранее распланировать площади, которые могли бы быть отведены под такое заселение, образовав на них улицы и переулки достаточной величины и правильной формы и разбив проектируемые кварталы на правильной формы и должного размера усадьбы, с предоставлением права застраивать таковые каждому желающему, с тем чтобы выкуп усадеб в новых кварталах был распределен на значительное число лет. Таким путем городское управление предупредило бы образование тех невозможных в строительном и санитарном отношении поселков, которые образовались почти на всех его окраинах и которые будут возникать и вновь. Земель у нашего города достаточно, и жалеть их для отвода под поселения нет никакого резона. Для города, и в частности для городского управления, желательнее, чтобы оседающие в нем переселенцы обзаводились собственными домами, нежели ютились бы в

каких-либо притонах в качестве временных жильцов, так как обладание собственным углом, в связи с возможностью иметь усадебное место для огорода и сада, несомненно, отразится самым благотворным образом на этого рода элементах населения и спасет многих от опасности обратиться в бездомных босяков, с которыми придется много хлопотать и населению, и городскому управлению.

Ñòàâðîïîëü Êàâêàçñêèé, ¹ 178, 7 èþëÿ 1902 ãîäà

В «Приазовском крае» было помещено циркулярное письмо, с которым недавно обратился к провинциальным книгопродавцам владелец одного из ставропольских книжных магазинов Т.М. Тимофеев и в котором он, изобразив нынешнее неприглядное положение книжной торговли в провинции, предлагает для улучшения этого положения образование «общества провинциальных книгопродавцев», организованного по образцу обществ взаимного кредита и имеющего целью устройство в Москве центрального книжного склада и организацию кредита для провинциальных книгопродавцев. Очевидно, обращение господина Тимофеева попало в самое больное место провинциальных книгопродавцев, и они отовсюду шлют инициатору дела сочувственные отзывы, соглашаясь с его предложением и сообщая о своей готовности примкнуть к проектируемому обществу. Нарисованная в письме господина Тимофеева неприглядная картина современного положения нашей книжной торговли задела многих книготорговцев за живое, и они сообщают множество фактов в подтверждение верности этой картины. Но лучше всего верность ее подтверждается содержанием бланков, на которых книгопродавцы шлют свои ответы господину Тимофееву. Из этих бланков с наглядностью видно, что книжная торговля в провинции является лишь побочным делом при всякого рода другой торговле. У одного книгопродавца на бланке значится: «Книги, картины, календари, рамы, багеты». У другого дело обстоит еще лучше: «Торговля иконами, книгами, картинами. Большой выбор багета, клеенки и обоев». У третьего: «Книжный и писчебумажный магазин. Продажа бумажного белья и детских игрушек». У четвертого: «Книжная и мануфактурная торговля». «Страхование жизни в обществе «Нью-Йорк». Еще у одного: «Письменно-галантерейный и книжный магазин». У другого: «Склад бумаги, письменных материалов и галантерейных товаров и книжный магазин». О соединении книжной торговли с нотною, с торговлею канцелярскими принадлежностями, с содержанием типографий и литографий, мастерских световых картин, переплетных мастерских и тому подобным — и говорить не нужно: так часто встречаются подобные комбинации.

Любопытно, что жалкое положение книжной торговли многих из книгопродавцев очень тяготит, и они очень бы желали изменения этого положения к лучшему так, чтобы иметь возможность всецело отдаться именно одной продаже книг, оставив все остальные свои предприятия в стороне. Ввиду этого предложение господина Тимофеева оказалось им очень по душе и многих из провинциальных книгопродавцев прямо привело в восторг. Некоторые из них приветствуют начинание господина Тимофеева даже стихами. Но есть и скептики, которые не верят в возможность осуществления плана господина Тимофеева, находя, что провинциальные книгопродавцы «еще не доросли» до осуществления подобных проектов, требующих общих солидарных действий. Известный скептицизм является уже потому, что, как видно из тех же ответов книгопродавцев господину Тимофееву, наша книжная торговля находится преимущественно в руках людей без образования, в большинстве случаев совершенно малограмотных — для которых книжная торговля ничем не отличается от торговли галантерейным и другими товарами.

На 10 июля в Москве назначен съезд членов «Русского общества книгопродавцев и издателей». На этом съезде будет прочитан доклад одного из членов общества, касающийся именно вопроса о положении провинциальной книжной торговли и средств улучшения его. Таким образом, мысль об объединении провинциальных книгопродавцев в целях улучшения состояния книжной торговли в провинции будет обсуждаться и на этом съезде. Вместе с тем, пользуясь съездом книгопродавцев в Москве, как на упомянутый съезд, так и для закупок товара перед началом учебного года инициаторы учреждения «общества провинциальных книгопродавцев» попытаются подвинуть данную мысль на пути практического осуществления, и, таким образом, очень может быть, что в ближайшем будущем данная мысль получит разработку и приблизится к осуществлению в действительности. Тот, кто, живя в провинции и нуждаясь постоянно в книгах, знает, как трудно бывает своевременно приобретать здесь нужные книги, может только порадоваться осуществлению проекта господина Тимофеева, обещающего некоторое улучшение в положении книжной торговли в провинции.

Ñòàâðîïîëü Êàâêàçñêèé, ¹ 187, 16 èþëÿ 1902 ãîäà

Городские попечительства о бедных, открытые с конца марта настоящего года, в течение трех месяцев, по 1 июля, проявили не особенно широкую деятельность, что объясняется как новизною дела, так и тем обстоятельством, что в летнее время население имеет возможность получать больший или меньший заработок на разнообразных работах, почему и предъявляет меньший спрос на благотворительную помощь. Таким образом, все четыре участковых попечительства оказали помощь в течение

апреля 35 лицам, в мае — 53 и в июне — 56 лицам. Израсходовано на помощь всеми четырьмя попечительствами за апрель 110 рублей 44 копейки, за май — 249 рублей 25 копеек и в июне — 177 рублей 60 копеек. Всего израсходовано за три месяца 537 рублей 19 копеек. Помощь оказывалась как единовременная, так и постоянная. Последняя оказывается в очень скромных размерах от 1 рубля 50 копеек до 5 рублей в месяц, причем последний размер помощи имеет место лишь в исключительных случаях. Постоянною помощью пользуются исключительно престарелые старики, неспособные к труду, а порою даже к движению, и женщины, в такой мере обремененные малолетними детьми, что они никоим образом не могут содержать их. Единовременные пособия выдаются в самых разнообразных случаях: здесь и пособие на погребение, и на улучшение питания больных, и на одежду, и на починку хаты, на проезд из Ставрополя до какого-либо другого пункта — на родину или на место работ — и т.д. В четырех случаях пособие оказано в виде ссуды (всего на сумму 118 рублей): из них в трех на приобретение лошадей лицам, у которых таковые пали или сгорели (в одном случае). Пособия последнего рода, как предохраняющие от потери способности к заработку, являются, конечно, особенно желательными, так как гарантируют попечительства от будущей необходимости оказывать помощь семьям, могущим, с потерею лошади, впасть в нужду. К сожалению, средства попечительства пока настолько ограниченны, что они не могут развить ссудной операции до размеров, при которых она могла бы оказать существенную помощь населению. В последнее время, впрочем, явилась мысль пользоваться для выдачи ссуд нуждающимся помощью городского банка, который может учитывать векселя членов попечительств, выдаваемых ими как частными лицами, обращающимися в попечительства с просьбами о ссудах. Само собою разумеется, что и этот вид помощи нуждающимся может получить лишь скромное развитие, так как выдача членами попечительств векселей для учета нуждающимися в помощи, очевидно, возможна лишь в особых случаях доверия членов попечительств к нуждающимся, на имя которых могут выдаваться векселя.

Надо надеяться, что более состоятельная часть местного населения не откажет в своем содействии деятельности попечительств, посвященной столь благим целям. Пока же это содействие проявляется слабо. Достаточно сказать, что до сих пор только три участковых попечительства имеют организацию, так как для попечительства третьей городской части до сих пор не может быть найден участковый попечитель, и все лица, избиравшиеся на эту должность городскою думою, отказывались от исполнения обязанностей попечителя. Таким образом, попечительством третьей части приходится временно заведовать попечителям остальных частей, что, конечно, не может и не отражаться самым неблагоприятным образом на положении оказания помощи нуждающимся третьей части города.

Ñòàâðîïîëü-Êàâêàçñêèé, ¹ 198, 27 èþëÿ 1902 ãîäà

20 июля состоялось общее собрание членов общества для содействия распространению народного образования в городе Ставрополе, созванное для обсуждения вопроса об изменении устава общества, согласно требованию господина ставропольского губернатора. Уполномоченный губернатора, правитель губернаторской канцелярии господин Хозяинов изложил устно собранию те изменения, которые, по мнению господина губернатора, необходимо сделать в уставе общества. Существеннейшие из этих изменений касаются организации комитета общества и порядка вступления в члены общества. В настоящее время комитет общества состоит из 12 членов, избираемых общим собранием членов общества. Оставляя прежнее число членов комитета, господин губернатор настаивает на необходимости введения в состав комитета в качестве обязательных его членов местных директора и одного из инспекторов народных училищ. Затем остальные 10 членов комитета имеют быть избираемыми общим собранием членов общества, но должны подлежать утверждению губернатора, чего в настоящее время нет. Если избранные общим собранием члены комитета не будут утверждены губернатором, то должны иметь место вторичные выборы. Если и избранные вторично не будут утверждены губернатором, то взамен их члены комитета назначаются губернатором по его усмотрению. Что касается порядка вступления в члены общества, то в настоящее время в члены общества, как это вообще бывает в благотворительных обществах, вступает всякий внесший в кассу общества годовой членский взнос. По предложению же губернатора, лицо, желающее вступить в число членов общества, должно будет обратиться с заявлением о том в комитет, который и решает вопрос, может ли данное лицо быть принятым в состав общества или не может. И только лица, получившие одобрение комитета, могут записываться в члены общества и делать членские взносы в его кассу.

Выслушав предложение господина губернатора относительно изменений устава общества, общее собрание избрало особую комиссию для рассмотрения вопроса об этих изменениях и, вместе с тем, поручило комитету обратиться к господину министру внутренних дел с ходатайством об оставлении устава общества без изменения. Комитет отправил это ходатайство по телеграфу, а затем посылает в дополнение к телеграмме и письменное, более подробное ходатайство. В своем ходатайстве комитет, указывая на 24-летнюю деятельность общества, утверждает, что проектируемые изменения устава общества отнюдь не вызываются этою деятельностью, всегда соответствовавшей утвержденному уставу и принесшей немало пользы местному населению.

Ñòàâðîïîëü-Êàâêàçñêèé, ¹ 203, 1 àâãóñòà 1902 ãîäà

Недавно у нас имел место случай, ясно свидетельствующий о том, какими опасностями окружена такая, казалось бы, безопасная служба, как служба почтовых чинов. Погибла жизнь человека, как говорится, прямо ни за понюх табаку. От нашей почтовой конторы, находящейся в центре города, путь до железнодорожного вокзала, расположенного на восточной окраине города, идет по очень удобной дороге, представляющей на всем своем протяжении легкий склон. Весь путь идет по главным улицам города (Театральной и Николаевскому проспекту), прекрасно вымощенным; точно так же вымощен и тот небольшой кусок пути, который расположен за городом. При таких условиях, казалось бы, переезд почты от конторы до вокзала не может угрожать никакою опасностью для сопровождающих ее почтовых чинов. На деле оказалось, однако, не то. На днях во время перевозки почты из конторы на вокзал лошади пошли несколько ускоренным бегом; ямщик, чтобы сдержать лошадей, натянул вожжи. И вот одна из вожжей немедленно лопнула, а коренник, направляемый другой натянутой вожжой, тотчас свернул круто в сторону, колесо подвернулось под почтовую повозку, и несчастный почтальон вылетел из повозки и разбил себе череп. После умершего осталась жена без всяких средств.

Аналогичный случай имел место за месяц перед этим, когда так же лопнула одна вожжа у почтовых лошадей и почтовый чиновник выпал из телеги и настолько расшибся, что проболел около двух недель.

Очевидно, необходимо обратить серьезное внимание на условия, которыми сопровождается провоз почты на лошадях. Если переезд в две версты по городу на почтовых телегах оказывается могущим сопровождаться столь печальными последствиями, то, очевидно, дело поставлено крайне неправильно. В самом деле, кто не знает почтовые телеги, эти орудия пытки, как бы нарочно изобретенные для того, чтобы калечить людей? Не пора ли заменить эти допотопные сооружения экипажами более современного устройства, а главное, более устойчивыми? Затем, и факт возможности двукратного лопанья вожжей в течение месяца при езде по такой удобной дороге, как та, по которой в нашем городе возится почта, свидетельствует о том, что упряжь, употребляемая при перевозке почты в нашем городе, должна быть заменена более прочною, при которой невозможны были бы столь печальные случаи, могущие влечь за собою гибель людей. Казалось бы, столь то немудреное дело, как перевозка почты по городу на расстоянии двух верст, можно было бы урегулировать надлежащим образом, по крайней мере, настолько, чтобы не было случаев гибели людей…

28 июля в городском саду было устроено гулянье в пользу местного городского попечительства о бедных. Гулянье очень удалось. Одних входных билетов продано на 200 с лишним рублей. Так как цена билета — 20 копеек для взрослых и 10 копеек для детей и учащихся, то, очевидно, гулянье посетило до полуторы тысячи человек, что для нашего городка представляет огромную цифру. При этом надо еще иметь в виду, что часть публики была отвлечена в частный сад, имеющийся при одной из местных гостиниц, где давалось открытое представление на открытой сцене, и в народный дом попечительства о народной трезвости, где также имело место исполнительное собрание. О последнем нельзя не пожалеть. Так как народные гулянья, устраиваемые с благотворительными целями в городском саду, в сущности, достигают тех же целей, с какими устраиваются разные увеселения в народном доме попечительства о народной трезвости, в смысле отвлечения народной публики от маложелательного времяпрепровождения, то, очевидно, устраивать этим гуляньем конкуренцию устройством в дни гуляний каких-либо увеселений в народном доме, по меньшей мере, нерационально, не говоря уже о некотором подрыве, который бесцельно делается в этих случаях благотворительным гуляньям. Факт этот тем более непонятен, что попечительство о народной трезвости охотно оказало содействие гулянью в пользу попечительства о бедных уступкою для этого гулянья своей сцены и участием в гулянье организованной при одной из чайных попечительства о трезвости труппы любителей с господином Горбачевым во главе, любезно принявшим на себя постановку во время гулянья водевиля на открытой сцене. Необходимо отметить, что гулянью было оказано содействие значительным числом дам и девиц из местного общества, принявших на себя довольно утомительный труд по продаже билетов при входах в городской сад, при «бочке счастья», при кукле «Угадай меня», по заведыванию чайным столом, продаже бутоньерок, собиранию платы с катающихся на пони и ослике, по организации детских игр и т.д. Всем этим лицам деятели попечительства просят нас выразить их благодарность.

Ñòàâðîïîëü Êàâêàçñêèé, ¹ 209, 8 àâãóñòà 1902 ãîäà

Избранный 7 июня нашею думою на должность городского головы Г.И. Алафузов подал на днях заявление об отказе. Таким образом, городской думе снова предстоит избрание лица для замещения должности городского головы. Вопрос этот по местным условиям не легок для разрешения. Не то чтобы у нас не было лиц, из среды которых могло бы быть избрано лицо, отвечающее тем требованиям, которые могут быть представляемы к городскому голове со стороны его соответствия городским интересам. К сожалению, большинство таких лиц, по разным причинам, не выступит

кандидатами на предстоящих выборах, как это имело место и при производстве выборов 9 июня, когда был избран Г.И. Алафузов. И нашей думе предстоит разрешить нелегкую задачу — избрать городского голову, отвечающего всем условиям, при которых избранное лицо могло бы действительно занять названную должность и вместе с тем отвечало бы в известной степени тем требованиям, которые могут быть предъявляемы к нему с точки зрения городских интересов.

Между тем потребность в избрании на должность городского головы лица, которое могло бы поставить наше городское хозяйство на надлежащую дорогу, в настоящее время сильнее, чем когда-либо. С одной стороны, освобождение нашего города от обязательств по отношению к Обществу Владикавказской железной дороги, проектируемое особой правительственной комиссией, о чем мы писали недавно, открывает для города возможность приступить наконец к удовлетворению целого ряда назревших нужд, как нужда во втором водопроводе, в расширении шестиклассного городского училища, в создании приюта для рожениц и т.д., а с другой, давно уже назрел у нас вопрос об отыскании новых источников городских доходов, так как прежние источники уже не в состоянии удовлетворять все растущие потребности города. При таких условиях наличность во главе городского управления человека деятельного и проникнутого общественными стремлениями является безусловною необходимостью.

Во всяком случае, вопрос о том, кто будет избран городским головою, сильно занимает в настоящее время наших обывателей, и выборы ожидаются с большим нетерпением.

— Я получаю, устно и письменно, от лиц, знакомых мне и совершенно неизвестных мне, запросы о положении дела по жалобе моей на редактора газеты «Северный Кавказ» господина Евсеева за оклеветание меня в печати. К сожалению, я не могу сообщить ничего удовлетворительного в ответ на эти запросы.

Жалоба мною подана в начале апреля. На 3 мая я был приглашаем судебным следователем 1-го участка Ставропольского уезда для склонения к миру. Само собою разумеется, примирение не состоялось. Жалоба моя до сих пор в окружной суд не представлена.

Мне остается просить моих друзей, известных мне и неизвестных, интересующихся моим делом, вооружиться терпением, подобно тому, как приходится вооружаться терпением и мне. Конечно, для меня и моих друзей данное дело является слишком важным, и понятно наше желание видеть его возможно скорее предметом гласного судебного разбирательства.

Ñòàâðîïîëü Êàâêàçñêèé, ¹ 224, 24 àâãóñòà 1902 ãîäà

Приводим небезынтересные сведения, обрисовывающие падение розги в практике волостных судов Ставропольской губернии. Сведения эти заимствуются нами из официальных «обзоров» губернии за 1896—1900 годы.

В 1896 году всеми волостными судами Ставропольской губернии было присуждено к телесному наказанию 110 человек, причем по отношению к 39 человекам телесное наказание было заменено другими взысканиями; в 1897 году приговоры о телесном наказании состоялись по отношению к 73 человекам, с заменою этого наказания другими видами взысканий по отношению к 34 человекам; в 1898 году число приговоров к телесному наказанию еще уменьшилось и состоялось только по отношению к 63 человекам, и телесное наказание заменено другими по отношению к 23 человекам; в 1899 году присуждено к телесным наказаниям всего 39 человек, и наказание это заменено другими по отношению к 13 человекам, и, наконец, в 1900 году присуждено к телесному наказанию только 14 (из них один оправдан съездом), и телесное наказание заменено другими по отношению к трем лицам. Таким образом, телесное наказание по приговорам волостных судов применено: в 1896 году относительно 71 лица, в 1897 году относительно 39 лиц, в 1898 году — 40, в 1899 году — 26 и в 1900 году — относительно 10 лиц.

Это падение розги в практике волостных судов Ставропольской губернии станет еще нагляднее, если сравнить число случаев применения телесного наказания с числом уголовных дел, рассмотренных теми же судами за указанные годы. Именно, в 1896 году один случай применения телесного наказания по приговорам волостного суда приходился на 222 уголовных дела, рассмотренных волостными судами; в 1897 году — на 419 дел, в 1898 году — на 342 дела; в 1899 году — на 532 дела и в 1900 году — на 1420 дел.

Одно лицо, подвергнутое телесному наказанию по приговорам волостных судов, приходилось в 1896 году на 19033 души обоего пола населения губернии, в 1897 году — на 23564 душ, в 1898 году — на 23684, в 1899 году — на 35965 и в 1900 году на 96231 душу обоего пола.

Наконец, небезынтересно сопоставить отмеченное падение розги в практике волостных судов с ростом народного образования по губернии. Рост этот выражается в следующих цифрах: в 1896 году всех учебных заведений (министерства народного просвещения и епархиального ведомства) в губернии было 473 с 22993 учащимися, в 1897 году — 581 с 30078 учащимися, в 1898 году — 578 с 30006 учащимися, в 1899 году — 595 с 31252 учащимися и в 1900 году 643 учебных заведения с 32089 учащимися. Так как число среднеучебных заведений в губернии за указанный период

времени оставалось без изменения, а число низших городских учебных заведений, находящихся в городах, увеличилось лишь на ничтожную величину (в губернии имеется только один город, если не считать заштатного города Святого Креста, представляющего собой скорее просто аул), то указанный рост числа учебных заведений и числа учащихся падает исключительно на села. Связь распространения народного образования с падением розги в практике волостных судов становится, таким образом, очевидною.

Приведенные данные, обрисовывающие падение розги в практике волостных судов нашей губернии, совершенно аналогичны данным, время от времени опубликовываемым и по другим губерниям. Как известно, везде в настоящее время розга применяется все реже и реже волостными судами. Очевидно, чувство личного достоинства и уважения к чужой личности неизбежно растет в массе нашего сельского населения, и в этом отношении пример наших крестьян должен бы устыдить якобы «образованных» господ, которые не стыдятся до сих пор защищать розгу. По отношению собственно к Ставропольской губернии надо еще отметить такое поразительное падение розги в практике волостных судов, какого не наблюдается ни в какой другой губернии; как указано выше, в 1900 году были постановлены приговоры с применением телесного наказания волостными судами Ставропольской губернии только по отношению к 14 лицам, из которых по отношению к 4 лицам наказание это не применялось. В этом году один случай применения приходился почти на 100000 душ обоего пола населения губернии. Очевидно, близок день, когда практика телесного наказания совсем выйдет из употребления на волостных судах губернии. По отдельным уездам применение телесного наказания волостными судами в 1900 году выражалось в следующих цифрах: в Ставропольском уезде было приговорено к телесному наказанию одно лицо, но было оправдано съездом, так что по этому уезду случаев применения телесных наказаний по приговорам волостных судов не было; в Прасковейском уезде приговорено к телесному наказанию одно лицо, и приговор этот не отменен; в Александровском уезде приговорены к телесному наказанию 3 человека, и ни в одном случае телесное наказание не заменено другими видами взысканий; в Благодарненском уезде приговорены пять человек, но по отношению к двум телесное наказание заменено другими видами взысканий; и в Медвеженском уезде приговорены к телесному наказанию 4 человека, но относительно одного состоялась замена этого наказания другим. Таким образом, в 1900 году по Ставропольскому уезду совсем не было случаев применения телесного наказания по приговорам волостных судов, в Прасковейском такому наказанию подвергся один и в остальных трех уездах — по 3 человека в каждом.

Нельзя не пожелать, чтобы господа земские начальники более широко воспользовались своим правом замены телесных наказаний, применяемых по приговорам волостных судов, другими видами взыскания, и этим путем окончательно изгнали из практики волостных судов телесное наказание, являющееся ныне настоящим пережитком, уже не соответствующим ни понятиям, ни нравственным чувствам массы населения. Надо не забывать, что чем реже применяется телесное наказание под давлением роста личности в народной массе, тем тягостнее падает это наказание на лиц, подвергшихся ему. И к настоящему времени тягость этого наказания совершенно не соответствует маловажности тех правонарушений, которые подведомственны волостным судам.

Отметим здесь еще одну любопытную черту из деятельности волостных судов губернии — значительное число дел, оканчиваемых примирением сторон. В 1900 году волостными судами губернии разрешено уголовных и гражданских дел всего 56134, и из них окончено примирением 14480, или почти 25%. Между тем в том же 1900 году из 4567 гражданских и уголовных дел, разрешенных земскими начальниками губернии, окончилось примирением сторон только 334, или всего 7,6%; из судебных дел всякого рода, рассмотренных уездными съездами губернии, в числе 5897, окончилось миром 503, или только 8,6%, и, наконец, из 421 уголовных и гражданских дел, разрешенных ставропольским губернским присутствием, окончено примирением только 4, или менее 1%.

Ñòàâðîïîëü Êàâêàçñêèé, ¹ 250, 21 ñåíòÿáðÿ 1902 ãîäà

12 сентября состоялось экстренное собрание нашей думы, в котором были произведены выборы городского головы, члена присутствия по городским делам от думы и членов учетного комитета при городском банке. Перед выборами городского головы был разрешен вопрос о содержании по этой должности. До сих пор городской голова получал 2 тысячи рублей да, кроме того, по должности председателя сиротского суда еще тысячу рублей, а всего 3 тысячи рублей. По закону, совмещение должности городского головы и председателя сиротского суда вполне зависит от желания городского головы. Дума, находя, что при указанном совместительстве председательство головы в сиротском суде является совершенно фиктивным и фактически при таком порядке решение дел по сиротскому суду принадлежит его канцелярии, роль же головы сводится лишь к подписыванию бумаг, выразила желание, чтобы имеющий быть избранным городской голова не принимал на себя должности председателя сиротского суда; вместе с тем дума постановила увеличить содержание собственно по должности городского головы на одну тысячу рублей, то есть до 3000 рублей. Таким образом, в случае исполнения

избранным головою желания городской думы относительно отделения обязанностей головы от обязанностей председателя сиротского суда, городской голова будет получать те же три тысячи рублей, какие получал голова раньше, совмещая и обязанности председателя сиротского суда.

Избранным на должность городского головы оказался П.Д. Извозчиков, получивший 26 избирательных голосов против 7 неизбирательных. П.Д. Извозчиков по образованию юрист; одно время служил судебным следователем, а затем несколько четырехлетий исполнял обязанности директора городского банка.

На должность члена губернского по городским делам присутствия баллотировались Г.И. Алафузов и Е.Г. Маслов, причем оба получили больше избирательных голосов, нежели неизбирательных, но первый — большее число избирательных. Г.И. Алафузов был уже два четырехлетия членом присутствия от думы; в последнее время он был избран городским головою, но не был утвержден в этой должности.

Членами учетного комитета при городском банке избраны В.П. Рощин, И.С. Волков и А.Г. Никитин.

— В городскую думу подано заявление, подписанное 25 гласными, предлагающими преобразование городской врачебной части. В настоящее время город содержит две амбулаторных лечебницы, в которых, помимо низшего медицинского персонала, работают два врача для бедных и женщина-врач. Те же врачи для бедных посещают тяжелобольных на дому, и на их же обязанности лежит санитарно-врачебный надзор за городскими школами. Затем город содержит еще одного санитарного врача. Гласные, подавшие заявления, указывают на недостаточность существующей врачебной организации ввиду все усиливающегося спроса на врачебную помощь со стороны бедного населения города. Так, в 1898 году лечебницы для приходящих имели 36945 посещений больных, в 1900 году 42847, в 1901 году 44,168 и, наконец, за первые семь месяцев настоящего года 28765, что обещает дать за настоящий год цифру более 49 тысяч посещений. Еще более быстро возрастают посещения врачами для бедных больных — больных на дому: в 1900 году, когда эта мера впервые была введена, врачи для бедных сделали всего 1384 посещения больных на дому, в 1901 году — 2841 и за семь месяцев 1902 года 1921 посещение, что дает годовую цифру для настоящего года около 3300 посещений. Так как на женщину-врача, заведующую гинекологическими приемами при одной из лечебниц, падает от 5 до 6 тысяч приемов в год, то на каждого из двух врачей для бедных в настоящее время приходится около 22 тысяч приемов в лечебнице и около 1650 посещений на дому. Огромность этой работы увеличивается еще благодаря тому, что участки врачей чрезвычайно велики, и врачам для бедных приходится делать огромные концы при посещениях больных на дому, преимущественно на окраинах города, где нет мостовых и где в распутицу часто совершенно нет проезда. К сказанному нужно добавить, что и посещение лечебниц приходящими больными, и требования на посещение больных врачами для бедных на дому чрезвычайно сильно колеблются по временам года и отдельным дням, причем нередко врачу для бедных приходится принимать до 150 больных в лечебнице и затем делать 10—15 посещений больных на дому в разных концах города.

Таким образом, нельзя не признать, что работа врачей для бедных уже перешла границы, при которых она может быть выполняема с пользою для дела, и дальнейшее увеличение ее, неизбежное ввиду возрастания спроса на помощь этих врачей, просто превышает физическую возможность выполнения этой работы наличным врачебным персоналом.

Само собою разумеется, что, выполняя указанную работу, врачи для бедных уже не имеют возможности уделять санитарно-врачебному надзору за школами, столь важному в интересах охранения здоровья населения, столько внимания, сколько это требовалось бы нуждами дела. Вместе с тем в случае болезни одного из врачей для бедных для городского управления представляет немалое затруднение заместить его временно приглашенным врачом, как это имело место недавно, когда по случаю болезни одного из врачей для бедных городское управление лишь с трудом отыскало временного заместителя его, и то лишь в лечебнице, причем, однако, лечебница несколько дней оставалась без врача, а посещения больных на дому по участку пришлось возложить на другого врача для бедных, и без того обремененного работою по своему участку. Еще затруднительнее положение в случае эпидемий, как это имеет место теперь, когда в городе царит скарлатина; городское управление лишь с трудом нашло временного эпидемического врача.

Что касается санитарного врача, то при крайне ограниченном содержании, получаемом им от города (всего 60 рублей в месяц), он не имеет никакой возможности всецело отдаться городской службе, благодаря чему его деятельность далеко не приносит тех результатов, ради которых только и имеет смысл иметь особого санитарного врача.

Все это побудило 25 гласных предложить думе изменить городскую врачебную организацию следующим образом: оставив по-прежнему для гинекологических приемов в одной из лечебниц женщину-врача, отделить работу в лечебницах для приходящих от посещений больных на дому и увеличить число состоящих на службе города врачей; два врача, кроме женщины-врача, должны принимать больных в лечебницах для приходящих и иметь санитарно-врачебный надзор за школами, а два других должны посещать больных на дому и исполнять обязанности санитарных врачей. По мнению 25 гласных, при предлагаемой организации исчезнут все изложенные неудоб-

ства. Врачи, заведывающие лечебницами, будучи освобождены от обязанности посещать больных на дому, будут в состоянии употреблять больше времени и труда на прием приходящих больных, и, таким образом, явится возможность удовлетворять все возрастающий спрос на амбулаторную помощь без вреда для дела и переутомления врачей. Разъездные и санитарные врачи, имея возможность отдавать посещениям больных на дому все часы дня, будут иметь возможность удовлетворить все возрастающий спрос со стороны населения на помощь на дому, а вместе с тем для них явится возможность исполнять и обязанности санитарных врачей. В случае болезни или отпуска одного из врачей явится возможность распределять работу между остальными тремя врачами, состоящими на городской службе. Наконец, в случае эпидемий городское управление не окажется в том беспомощном положении, в каком оно оказалось при нынешней эпидемии скарлатины, так как, располагая четырьмя врачами, оно будет иметь возможность бороться с эпидемией наличными врачебными силами.

Расход на указанное преобразование врачебной части потребуется небольшой. В настоящее время два врача для бедных получают по 1500 рублей и санитарный врач 720 рублей, а всего на трех врачей тратится 3720 рублей. При осуществлении предлагаемой 25 гласными организации потребуется: двум врачам, заведывающим лечебницами для приходящих (они же школьные врачи), по 1200 рублей каждому и двум врачам разъездным (они же санитарные) по 1500 рублей каждому, а всего 5400 рублей, то есть на 1680 рублей больше против указанной выше цифры производимого ныне расхода.

Это предложение 25 гласных имеет быть обсуждаемо в заседании думы 20 сентября.

Ñòàâðîïîëü-Êàâêàçñêèé, ¹ 269, 11 îêòÿáðÿ 1902 ãîäà

В последнее время наша дума приняла насчет города целый ряд новых расходов, что обеспокоило некоторых из гласных, ставших высказывать опасения относительно возможности удовлетворения этих расходов ввиду стесненности городских финансов. Однако опасения эти оказываются малоосновательными ввиду естественного роста городских доходов. Таким образом, на состоявшихся, например, недавно торгах на аренду городских пахотных и сенокосных земель земли эти сданы с прибылью против предыдущего года на целых 8 тысяч рублей. Имеется увеличение городских доходов и по другим статьям городского бюджета.

С наступившего учебного года у нас открывается наконец учительская семинария. До сих пор потребность в учителях для сельских школ губернии удовлетворялась самыми разнообразными элементами, из которых наиболее ценным являлись учительницы, окончившие курс местных женских гимназий. Таковые, однако, составляли лишь небольшой процент среди всех учащих в сельских школах, большинство которых имело далеко не достаточную подготовку, что не могло не отражаться на положении школьного дела. Особенно неудовлетворительна подготовка именно учителей. Из 102 учителей, служащих в ставропольской дирекции, как видно из отчета за 1900 год, только 19 получили специальную педагогическую подготовку в учительских семинариях. Затем 51 окончили курс в городских училищах; о них в отчете дирекции заявляется, что они не обладают достаточным образованием. Некоторые избирают учительскую деятельность на время, дабы избавиться от отбывания воинской повинности, и дирекция должна принимать и таких учителей ввиду недостатка подготовленных кандидатов. Из 151 учительницы 41 получила специальную педагогическую подготовку в VIII классах женских гимназий и институтах; за ними следуют окончившие 7 классов гимназии, а затем идут имеющие еще меньшую подготовку, преимущественно не окончившие курс гимназии. Таким образом, учреждение в Ставрополе учительской семинарии отвечает вполне назревавшей потребности местной жизни.

— В Ставрополе несколько времени тому назад образовалось отделение Императорского русского музыкального общества. Отделение это образовано специально с целью открытия и содержания музыкальных классов, которые и были открыты 6 октября. Этим учреждением наше общество всецело обязано энергии и любви к делу И.Г. Попова, который, радея о музыкальном образовании родного города, два года тому назад устроил в собственном доме частную музыкальную школу, а затем добился открытия в Ставрополе отделения Русского музыкального общества и, наконец, открытия музыкальных классов. Идея открытия отделения Русского музыкального общества встретила особенно большое сочувствие в местном судебном мире, представители которого и вошли в состав дирекции отделения. Пожелаем новому учреждению полного успеха.

— Того же 6 октября состоялось открытие новой народной аудитории попечительства о народной трезвости на одной из окраин города — Старом Форштадте. Попечительством здесь была первоначально открыта чайная, в которой устраивались также и народные чтения. Затем, ввиду тесноты помещения, с владельцем дома было заключено условие, в силу которого он перестроил и значительно расширил помещение чайной, так что образовалась довольно поместительная зала, в которой и будут устраиваться народные чтения, народные спектакли, танцевальные вечера и т.д. Чайная уже

успела приобрести довольно широкую популярность среди окраинного населения, и, нет сомнения, с расширением помещения и превращением чайной в настоящую народную аудиторию деятельность ее еще расширится и будет привлекать еще большее число посетителей. При чайной была организована труппа любителей, которая имеет возможность исполнять спектакли для народной публики со значительно большими удобствами. По случаю открытия новой народной аудитории в ее помещении 6 были октября поставлены «деревенские сцены» в трех действиях «На пороге к делу». Цены были назначены умеренные: именно, места первого ряда стоили 30 копеек, следующих двух по 20 копеек, а остальные по 15 копеек и места без сиденья по 10 копеек. Нельзя, однако, не сказать, что попечительство о народной трезвости, располагая определенным бюджетом, пополняемым из средств казны, могло бы давать на содержание форштадтской аудитории настолько достаточные средства, чтобы аудитория могла или совсем не брать никакой платы за вход, или понизить цены до минимума, например, до пяти копеек.

— Избранная городскою думою комиссия для выработки условий, на которых имеет быть приглашен вместо господина Пеньковского новый городской поверенный по судебным делам, пришла к заключению о необходимости назначения поверенному определенного содержания, совсем устранив предоставление поверенному получение в свою пользу вознаграждения за ведение дела, присуждаемого с противной стороны, дабы тем устранить возможность преувеличения оценок исков со стороны поверенного. Кстати, по поводу полемики, которая возникла в печати относительно деятельности господина Пеньковского в качестве поверенного Ставропольского городского управления. По поводу оглашенных в печати фактов местная прокуратура производит расследование. Затем доклад ревизионной комиссии, производившей ревизию отчета городской управы за 1901 год и обревизовавшей и деятельность господина Пеньковского как городского поверенного за тот же 1901 год, в настоящее время оканчивается составлением.

— Злобою дня у нас является дороговизна овощей, и в особенности картофеля. Теперешняя осенняя ярмарка — время ликвидации трудов наших огородников, и обыкновенно эта ликвидация разочаровывает последних. Овощи здесь всегда бывают очень дешевы. Картофель, например, в прошлом году покупался для зимних запасов по 25—30 копеек за меру, и многие жаловались при этом на дороговизну. Нынешнюю же ярмарку картофель продается по 50—55 и даже 60 копеек мера. Таким образом, наши мещане заработают в нынешнем году порядочные деньги. Хорошая ликвидация урожая отразилась уже на арендных ценах на городскую землю, и город, сдающий в нынешнем году около трети своей пахотной земли (обыкновенно земля эта сдается на 3 года), получил около 8 тысячами рублей на торгах больше сравнительно с ценами, по которым та же земля была сдана на предыдущее трехлетие.

— Городским агрономом вносится в городскую думу проект производства опыта улучшения части городского выгона путем посева трав таких сортов, которые наименее страдают от вытаптывания их скотом и объедания травы последним. Опыт должен обойтись рублей в 500, но зато на много лет сделает кусок выгона прекрасным пастбищем для скота. В настоящее время наши выгоны вытоптаны городскими стадами до последней возможности, так что ходящие по ним коровы местного населения почти не находят здесь корма. Между тем под выгонами занята очень значительная часть площади городской земли. Таким образом, улучшение выгонов путем посева на них подходящих трав имеет существенное значение, так как, создав возможность для городских стад иметь прекрасный корм, травосеяние на выгонах даст возможность вместе с тем сократить общую площадь выгонов, отделив часть их под сенокосы или распашку, в чем местное население также крайне нуждается.

— Местный городской садовник, господин Новак, получил отпуск для ознакомления с некоторыми заграничными городскими садами и парками с целью дальнейшего переустройства городского сада. Надо заметить, что наш город обладает в самом центре превосходным садом, открытым для публики. К сожалению, сад этот в прежнее время был сильно запущен. Семь лет назад городу посчастливилось найти на должность городского садовника человека, который любит свое дело и всецело отдается ему и вместе с тем обнаруживает большой эстетический вкус. Он превратил наш городской сад в любимое место гуляний публики, которая летом толпится здесь целыми днями. Господин Новак провел по саду много новых аллей, сделал массу подсадок молодых деревцев, озаботился благоустройством дорожек и освещения, устроил фонтан, держит сад в педантической чистоте, засеял лужайки травами, развел огромный розариум и устраивает прямо чудные ковровые цветники. Вместе с тем господин Новак развел значительные питомники как плодовых, так и декоративных деревьев, имеет в своем заведении городские бульвары и так называемую Павлову дачу — на одной из окраин, где им разбиты большие питомники. До сих пор, однако, оставалась без устройства нижняя часть городского сада, приобретенная городом много лет назад из частного владения и представлявшая собой плодовый сад, сдававшийся городом ежегодно в аренду. В настоящее время этот плодовый сад уже начинает гибнуть, и господин Новак проектирует устроить здесь английский парк, пруды, место для катания на велосипеде, катания на лодках на прудах, купальни и т.п. Чтобы поставить дело образцово, он и отправился в настоящее время для ознакомления с некоторыми заграничными общественными садами.

Ñòàâðîïîëü Êàâêàçñêèé, ¹ 276, 18 îêòÿáðÿ 1902 ãîäà

В заседании 11 октября наша городская дума приняла несколько важных постановлений.

Ввиду распространения в городе эпидемии скарлатины, принявшей огромные размеры и беспрерывно уносящей в могилу все новые и новые жертвы, городская дума, в заседании 19 сентября, приняла предложения совещания практикующих в Ставрополе врачей относительно временного приглашения на городскую службу для борьбы с названной эпидемией нескольких врачей и устройства дезинфекционной камеры для производства дезинфекции вещей из домов, в которых оказываются заболевшие скарлатиною. На осуществление этих мероприятий требуется около 8 тысяч рублей: 3 тысячи рублей на приглашение врачей и фельдшера-дезинфектора и уплату вознаграждения за испорченные вещи и 5 тысяч рублей на приобретение дезинфекционной камеры. Так как этот расход является чрезвычайным и непредвиденным, то, согласно статье 3-й «Правил о составлении, рассмотрении и исполнении городских смет», дума постановила отнести этот расход на запасный капитал, существующий именно «для покрытия непредвиденных и чрезвычайных издержек». Однако губернское по городским делам присутствие нашло, что устройство дезинфекционной камеры представляет собою постоянную потребность, которая могла быть предвидена при составлении годичной городской сметы, и потому не нашло возможность разрешить израсходование на означенный предмет 5 тысяч рублей из запасного капитала; что же касается 3 тысяч рублей, нужных для приглашения эпидемических врачей и фельдшера-дезинфектора, а также уплаты за испорченные дезинфекцией вещи, то присутствие нашло возможным допустить израсходование указанной суммы из запасного капитала, но лишь под условием возмещения ее по смете будущего 1903 года. Городская дума в заседании 11 октября, заслушав постановление присутствия и находя, что устройство дезинфекционной камеры, как мера борьбы с существующей эпидемией, является расходом непредвиденным и потому долженствующим быть отнесенным на запасный капитал, а также не находя в городовом положении указания на то, чтобы суммы, расходуемые из запасного капитала на непредвиденные потребности, должны быть затем возмещаемы тому капиталу, постановила на постановление присутствия по городским делам принести в установленном порядке жалобу.

По отношению директора Ставропольской мужской гимназии о принятии со стороны города участия в содержании одного параллельного отделения при классах гимназии отпуском из городских средств 2000 рублей дума постановила в отпуске просимой субсидии отказать, ввиду того, что, как видно из самого отношения директора, стоимость содержания отделения обходится в 2000 рублей, между тем как с учащихся в таком отделении, если их не менее 40 человек, плата за ученье составляет сумму, превышающую означенные 2000 рублей, а также ввиду того, что город не имеет возможности удовлетворить еще потребности населения в начальном образовании, на развитие которого и должны быть обращаемы свободные средства города.

Большие прения вызвал доклад комиссии по обсуждению вопроса об улучшении освещения городских улиц, причем в конце концов дума постановила установить на нескольких улицах 22 фонаря системы Галкина для керосино-калильного освещения, а из освободившихся при этом фонарей с обыкновенными керосиновыми лампами 60 перенести на окраины и, таким образом, расширить площадь освещения.

Для увеличения и улучшения выгонов, на которых выпасаются городские стада, дума постановила возвратить в общее пользование поляну у Воробьевского леса, прирезанную два года назад к лесной площади и предполагавшуюся к засадке лесными насаждениями, а также посеять травы на другой поляне у Круглого леса с тем, что через год эта поляна поступит в общее пользование как выгон.

Протокол комиссии для выработки условий договора с поверенным города, в котором комиссия рекомендует назначить поверенному 1000 рублей содержания и по 250 рублей за каждую поездку по городским делам в Тифлисскую судебную палату, с тем чтобы вознаграждение за ведение дела, поступавшее до сих пор в пользу поверенного, поступало теперь в кассу города, думою был принят, и, таким образом, отныне городской поверенный уже не будет заинтересован в преувеличении оценок исков.

Доклад комиссии по преобразованию городской врачебной части возвращен думою в ту же комиссию для переработки, ввиду того, что возникла мысль о более значительном расширении городской врачебной организации, нежели какое предлагала комиссия. В настоящее время город имеет только двух врачей для бедных, которые принимают больных в амбулатории и посещают труднобольных на дому. Комиссия предлагала, согласно заявлению 25 гласных думы, пригласить на городскую службу четырех врачей для бедных, причем двое из них должны были только заведовать амбулаториями, а двое других — посещать больных на дому. Дума постановила поручить комиссии рассмотреть к следующему заседанию, имеющему быть 25 октября, нельзя ли будет, по состоянию средств города и другим обстоятельствам, теперь же увеличить число амбулаторий до четырех, с тем чтобы приглашенные врачи в своем участке принимали больных и в амбулаториях, и навещали их на дому.

Надо вообще сказать, что наша новая дума, по крайней мере на первых порах, проявляет значительное внимание к нуждам населения, и ни одно из предложений, имеющих целью удовлетворение действительных нужд этого населения, до сих пор не встречало в этой думе никакой серьезной оппозиции. Будем надеяться, что в таком же духе дума будет действовать и далее.

Ñòàâðîïîëü-Êàâêàçñêèé, ¹ 280, 22 îêòÿáðÿ 1902 ãîäà

Проживающий в Ставрополе постоянный сотрудник посвященного вопросам народного просвещения журнала «Русская школа» Я.В. Абрамов получил на днях от французского правительства через отдел промышленности русского министерства финансов медаль и диплом за участие во Всемирной выставке 1900 года в Париже. Медаль и диплом выполнены с тем замечательным изяществом, на которое так способны французы. Медаль имеет на обеих сторонах изображения: на одной — ангел, держащий венок и пальмовую ветвь, несет на себе гения мира, а в перспективе видны здания всемирной выставки; на другой стороне — прекрасная головка женщины в фригийском колпачке — Эмблема французской республики, а в перспективе — вид Парижа. Все это выполнено удивительно тонко и детально до такой степени, что многие подробности выступают только при рассматривании медали в лупу. На дипломе изображены аллегорические фигуры «Силы», «Труда», «Мира», «Искусств», «Мысли» и «Идеала». Медаль и диплом присланы господину Абрамову не как экспоненту, а как «сотруднику» («collaborateur») в устройстве выставки. «Сотрудничество» господина Абрамова выразилось в доставлении им на выставку больших таблиц и диаграмм, изготовленных им специально для выставки и наглядно представляющих историю и современное положение дела воскресных школ в России, а также составленных им книг и брошюр, обрисовывающих разные стороны народно-образовательного дела в России и знакомящих с русскою народною литературою, в том числе десятка брошюр, составленных господином Абрамовым для ознакомления иностранной публики с положением народного образования в России и напечатанных в переводах на языки: английский, французский и немецкий.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Абрамов Я.В. Ставрополь-Кавказский // Приазовский край. — Ростов н/Д. — 1901. — №№ 117, 124, 130, 136, 139, 150, 166, 196, 215. — 1902. — №№ 116, 119, 150, 152, 155, 159, 163, 165, 173, 178, 198, 203, 209, 224, 250, 269, 276, 280.

ÄÅÒÈ-ÏÐÅÑÒÓÏÍÈÊÈ

На днях в Тифлисском окружном суде было рассмотрено дело по обвинению целой шайки малолетних воров, числом в 15 человек, в длинном ряде краж. На скамье подсудимых сидели, в буквальном смысле этого слова, ребятишки: самому старшему из них было 17 лет, остальные были моложе — вплоть до двенадцатилетнего возраста.

Удивительную картину представляла эта «шайка». Маленькие фигурки, большею частью выглядящие моложе даже своих юных лет, совершенно детские лица, напуганные грозившею им карою, дрожащие голоса, чистосердечно признающиеся во всех преступлениях, в которых к ним предъявлено обвинение, соединение такой массы «преступников» на одной скамье — все это производило самое безотрадное впечатление. Большинство малолетних преступников, бывших пред судом, принадлежало к числу детей переселенцев, попавших на Кавказ в ожидании лучших условий жизни, приписавшихся в мещане городов Баку и Тифлиса и не сумевших мало-мальски сносно устроить свою жизнь. Были тут и дети туземцев — до персидско-подданного айсора. Были, наконец, и дети, знавшие лучшее прошлое, например, сын майора. Весь этот разнообразный люд совершал в течение полугода систематические кражи из жилых домов, из торговых помещений и со дворов. Крали со взломами, с подбиранием ключей, крали и то, что плохо лежит, и то, что хорошо охраняется, крали ночью, крали и днем, крали тайно, крали и чуть ли не на глазах у хозяев. Крали товары, домашние вещи, деньги, животных. Как всегда в подобных случаях, делом руководили взрослые, пользовавшиеся плодами преступлений и оставлявшие малолетним преступникам лишь крохи. Фактическим главою шайки был пристанодержатель, у которого, в случае удачной «работы», несчастные преступники находили приют и пищу. Пользовались результатами краж лавочники, которым за бесценок сбывали украденное малолетние воры, продавая вещи, стоившие 50 рублей, за рубль, за полтора.

Признаюсь, я читал отчет о тифлисском процессе с большою печалью и с чувством известного рода стыда. В сущности, мы все — члены общества, равнодушно пробегающие подобные отчеты, — именно и виноваты в тех преступлениях, которые ставились в вину малолетним тифлисским ворам. Когда я знакомился с подробностями тифлисского процесса и перед моим умственным взором обрисовывались фигуры юных «преступников», я невольно вспоминал целую галерею других детей, которых я близко знаю и из которых судьба, несомненно, готовит также немалое количество будущих клиентов разных судов, и не потому, чтобы они были склонны к преступным действиям, а единственно потому, что равнодушие общества неизбежно готовит этим несчастным детям путь в тюрьму и суд.

В качестве товарища председателя Ставропольского общества помощи бедным, а затем в качестве председателя одного из участковых городских попечительств о бедных города Ставрополя, я вынужден был познакомиться с целою сериею семей, которых придавила нужда и дети которых в значительной мере обречены именно на то, чтобы рано или поздно пойти по дороге, ведущей к скамье подсудимых. Ежегодно на благословенный юго-восток из внутренних губерний появляются десятки, если не сотни тысяч несчастных, которым не повезла судьба на родине и которые ищут возможности пристроиться в наших краях. Часть этих переселенцев оседает в селах и на частновладельческих хуторах, арендуя землю, нанимаясь в батраки и просто перебиваясь случайною работою. Другая часть попадает в города и здесь или тоже устраивается по найму, или чаще живет случайною работою, не обеспечивающею даже уверенность в том, что и завтра будет кусок хлеба. Много этих переселенцев умирает от непривычного климата, многие болеют, многие возвращаются назад на родину. Недавно мне пришлось на одной из площадей Ставрополя натолкнуться на оригинальных «путешественников»: переселенец из Таврической губернии, разорившийся окончательно в Терской области и изболевший лихорадкою, до такой степени напугался условий местной жизни, что решился возвратиться на родину и, не имея средств для проезда, идет с женою пешком, везя в ручной тележке четырех маленьких детей. На той же площади мне пришлось затем сделать и другое открытие: муж и жена, переселившиеся в нынешнем году в Ставропольскую губернию, искупавшись, заболели острым ревматизмом сочленений, и оба лежат беспомощные, а рядом с ними — двое маленьких детей, из которых один даже грудной. Несчастные лежали возле своей повозки, в которой они приехали искать счастья, а рядом паслась их жалкая клячонка, на которую не польстились даже конокрады, несмотря на то, что лежащие хозяева не могли уже никак защитить свою животину. И в таком положении находится ежегодно великое множество несчастных переселенцев. В огромном крае, в который ежегодно поступают десятки тысяч переселенцев и который эксплуатирует их труд, буквально нет ни одного учреждения, которое проявляло бы хоть малейшее внимание к их нуждам, заботилось бы хотя бы об организации врачебной помощи для этих несчастных, не говоря уже о руководительстве или материальной помощи им при устройстве в новом крае.

Я близко ознакомился с положением многих семей из этих переселенцев, осевших в Ставрополе. Одни из них смастерили кое-какие хатенки из каменной ломи или землянки на городской

земле, другие снимают угол у таких счастливцев. Здесь можно видеть такие жилища, в которых хороший хозяин не стал бы держать свою собаку. Здесь имеют место такие цены на квартиры, о которых читатель, наверно, никогда не слыхал: например, 40 копеек в месяц или обязанность за квартиру присматривать за детьми хозяев хатенки во время их ежедневного отсутствия для приискания или исполнения поденной работы. Особенно тяжело положение вдов, обремененных детьми, а таких вдов здесь масса. При постройке железнодорожного пути от Петровска до Баладжар (у Баку) по лихорадочному побережью Каспийского моря умерла масса рабочих из переселенцев, осевших в Ставрополе. Одно время местное общество помощи бедным постоянно натыкалось на семьи, кормильцы которых умерли на «петровской дороге» или, отправившись туда на заработки, затем «пропали без вести», то есть тоже, как выяснилось позднее, поумирали там. Такая несчастная женщина, пока она здорова, должна, отправляясь на работу, просто-напросто запирать своих малолетних детей, чтобы они не наделали какой беды себе или соседям, причем, конечно, это нисколько не гарантирует детишек от того, что они все-таки наделают какой-либо беды себе. И вот такие несчастные дети по целым дням сидят часто в нетопленой хатенке, пока мать заработает что-либо и явится домой с куском хлеба. Можно себе представить, что делается с детьми, когда мать заболеет, а еще более, когда она умрет…

Но не только переселенцы поставляют контингент беспомощных беспризорных детей. И из местных жителей, порою занимавших более или менее обеспеченное положение, судьба нередко многих превращает в бедняков, дети которых нуждаются в общественном попечении и не находят такового. Ставропольскому обществу помощи бедным пришлось однажды встретить семью, которая когда-то, при жизни его главы, жила вполне обеспеченно, а затем, с его смертью, мало-помалу дошла до последней степени нужды. Мать семейства не вынесла зрелища голодных мук детей и сделалась психически больною. И вот возле этой женщины, страдавшей мрачною меланхолией, ютилось пять человек детей, из которых самому старшему было 11 лет, а младшему два года. Жила эта семья помощью соседки-поденщицы, также обремененной детьми, да тем, что умел выпрашивать иногда на базаре у торговцев съестными припасами старший мальчик…

Нередки и такого рода случаи, что измучившиеся, впавшие в отчаяние бедняки начинают пить, махнув рукою на судьбу и совершенно переставая заботиться о детях. Последним волей-неволей приходится помышлять самим о себе, и они делают то, что могут, — просят на улицах милостыню, выманивают у публики деньги кривляньем, выдаваемым за пение, наконец, начинают заниматься кражами. Бывают и такие случаи, когда родители находят более удобным эксплуатировать своих детей, посылая их на улицы и по дворам просить милостыню, а при случае поощрять их и на кражу. Начинается это обыкновенно с мелочей: то дети утащат немного хмыза из леса, то случайно украдут что-либо съестное на рынке, а затем мало-помалу начинается и профессиональное воровство. Для девочек является и еще способ что-либо заработать — торговля телом…

Что же делает общество в интересах этих несчастных детей — для ограждения и их и себя от возможности превращения детей этой бедноты в воров? Да ровно ничего. Огромнейшее большинство этих несчастных людей, этих пауперов, перебивается кое-как, совершенно не встречая никакой организованной помощи. В Ставрополе, например, да, конечно, и в других городах, особенно живущих сезонными работами, как Ростов, зимою страшно сокращается предложение работы — и вот тысячи вполне здоровых людей сидят без дела, не имея возможности приложить к чему-либо свой труд. Летние заработки в большинстве случаев вовсе не таковы, чтобы из них можно было бы что-либо откладывать на жизнь зимою, даже при желании быть столь бережливым, не говоря уже о трудности делать такие сбережения даже при хороших заработках, в силу естественной всем людям, а нам, русским, в особенности, непредусмотрительности. И вот ежегодно тысячи и десятки тысяч людей в наших городах оказываются в положении голодающих лишь потому, что им некуда приложить своих рук. Мысль создать какой-либо заработок для этой массы людей, насадив в наших городах какие-либо промыслы, которыми население могло бы заниматься в зимние месяцы, по-видимому, даже не возникала ни у кого…

Точно так же ничего не делается и непосредственно в интересах тех детей, которые остались без родителей, имеют одну мать, не могущую их содержать, или имеют больных, калек или, наконец, опустившихся отцов. Все эти несчастные дети оставляются на жертву случайностям борьбы за существование, и так как они по возрасту не могут предлагать серьезного труда и конкурировать на рабочем рынке, где и взрослые часто не находят работы, да к тому же эти дети и не обучены какому-либо систематическому труду, то им остаются только два пути для того, чтобы добывать себе средства к жизни, — нищенство, а затем воровство. Мне приходилось искать возможности пристроить куда-либо в ремесло детей, остававшихся на попечении общества помощи бедным, и это оказывалось нередко не только крайне затруднительным, но и прямо невозможным. Всюду, где можно поместить ребенка, — в мастерских, в торговых заведениях, — набито битком, и на каждое место имеется ряд желающих занять таковое. Никакого общественного учреждения, куда можно было бы пристроить ребенка и где его могли бы обучить чему-либо, что затем дало бы ему возможность иметь заработок, почти не имеется. А если и имеются какие-нибудь «приюты», то обыкновенно можно поместить кан-

дидата еще с большими трудностями (за недостатком вакансий), нежели в классическую гимназию, куда, как известно, нередко поступает лишь один из десяти желающих.

И вот, дети, которым надо же жить, надо есть и пить, волей-неволей начинают заниматься кражами, вступают в «шайки», попадают в руки разных пристанодержателей и скупщиков краденых вещей, попадают на скамью подсудимых, идут в приюты для малолетних преступников или чаще, за неимением таковых, в тюрьмы, здесь проходят «курс обучения», в котором им отказывало общество, под руководством более опытных сверстников или взрослых преступников и окончательно делаются погибшими людьми, мстящими обществу за равнодушие к их судьбе уже преступлениями более крупными, чем кража каких-либо павлинов, барашков, водопроводных кранов, узлов белья и тому подобных предметов, кражею которых занимались члены тифлисской «шайки».

Неужели же это так и должно быть? Неужели мы, вместо того, чтобы судить двенадцатилетних «преступников», не обратимся к тем условиям, которые порождают этих «преступников» и не позаботимся облегчить положение тех многочисленных бедняков, которые вынуждены самою жизнью выбрасывать своих детей на улицу — на жертву самой ужасной борьбы за существование? Вон в Новой Зеландии уже додумались до организации пенсиона для всех престарелых, неужели мы не сумеем додуматься, по крайней мере, до доставления заработка всем нуждающимся в нем и до организации призрения и обучения полезным знаниям детей, остающихся без родителей или не получающих от родителей по тем или иным причинам пропитания? Все это, конечно, требует общественных средств, и средств немалых, но ведь вся эта беднота, остающаяся без работы, и все эти дети, вынужденные идти на преступления, в конце концов также живут на общественные средства — будут ли они добывать средства к жизни нелегальными путями или получать пропитание самым легальным образом — в тюрьме. Гораздо выгоднее организовать пропитание этой массы людей таким образом, чтобы они были производительными членами общества, нежели предоставлять им содержание путем совершения ими краж или путем кормления их в тюрьмах.

Все это, конечно, так просто и так понятно, и тем не менее не подлежит сомнению, что нынешнее печальное положение вещей, в результате которого являются процессы вроде тифлисского, будет и впредь оставаться в совершенно неизменном виде. Мы удивительно равнодушны к судьбам наших ближних, и даже такая простая и всем доступная форма помощи беднякам, в том числе и несчастным детям, как поддержка, оказываемая им благотворительными обществами, остается делом рук очень немногих лиц. Большинство же нашего общества ограничивается лишь критикою деятельности благотворительных учреждений, не считая нужным оказать содействие этим учреждениям и направить их на более рациональный путь деятельности материальными пожертвованиями или личным участием в работе этих учреждений. О широкой же организации попечения о детях, нуждающихся в таком попечении, можно, конечно, только мечтать. В действительности же, без сомнения, по-прежнему мы еще много раз будем видеть на улицах детей-нищих, будем удивляться раннему возрасту встречающихся на тех же улицах девочек, продающих свое тело, и будем присутствовать при процессах детей-преступников, образующих «шайки» и проявляющих свою преступную деятельность на пользу скупщиков краденых вещей и пристанодержателей, при благосклонном участии общественного равнодушия…

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èñòî÷íèêó:
Абрамов Я.В. Дети-преступники: Фельетон // Приазовский край. — Ростов н/Д. — 1902. — № 180. — 9 июля. — С. 3.

ÆÅËÅÇÍ ÎÄÎÐÎÆÍÛÅ ÏÎÑÅËÊÈ

Проезжая через станцию Лозовую и осматривая огромный железнодорожный вокзал, устроенный на этом узловом пункте, я всегда думал, что широкое железнодорожное движение, сосредоточивающееся здесь, должно было вызвать образование при станции значительного поселка, в котором должно жить многочисленное население, удовлетворяющее разнообразные нужды означенного движения. Однако, пока я не осмотрел этого поселка, я не представлял себе всей его громадности. Оказалось, что это целый город: огромные магазины с самыми разнообразным товаром, масса хлебных амбаров, бесконечные улицы и многочисленные площади, постройки, рядом с жалкими хатенками, такие, каким не стыдно было бы помещаться и в любом городе средней руки; обширное движение подвод свидетельствует о широком торговом обмене, а переполнение торговых заведений покупателями указывает на важное значение поселка для окрестных местностей как поставщика всевозможных продуктов, не производимых соседним населением. К сказанному должно добавить еще, что поселок все растет с поразительною быстротою, постоянно застраиваются новые площади и будущий город все расширяется во все стороны.

Как известно, таких железнодорожных поселков возникло по всему югу России великое множество. Всякая железнодорожная станция с торговым значением, а тем более узловой железнодорожный пункт служат основанием новых железнодорожных городков. Даже на такой маленькой веточке, как Ставропольская, уже возникли поселки при станции Пелагиада и в особенности при станции Изобильной. На станции Кавказской, где пересекаются пути Ставрополь—Екатеринодар, Ростов—Владикавказ и Царицын—Новороссийск, при станице Тихорецкой. За Ростовом я встретил такие же городки при станице Харцызской, Никитовке, Краматоровке и, наконец, Лозовой. Такие крупные железнодорожные поселки встречаются и на всех других железнодорожных линиях.

Все эти поселки имеют между собою то общее, что они представляют собою соединения людей, ничем юридически не связанных между собою. Расположены железнодорожные поселки чаще на частновладельческой земле, иногда на землях станичных или сельских обществ, но всегда на земле, чужой населению поселков. Жители поселков — только арендаторы усадебных мест, платящие всегда довольно солидную дань владельцам земли, будут ли то частные лица или сельские общества. Владельцы земли озабочены лишь извлечением доходов из образовавшихся на их землях поселков и всего менее думают о благоустройстве последних и об удовлетворении многочисленных нужд и потребностей населения поселков. Само это население, юридически не объединенное, не имеющее никакого общественного органа, лишено также возможности сделать что бы то ни было для упорядочения и улучшения жизни железнодорожных поселков.

Как раз на станции Лозовой я купил номер «Южного края» от 23 сентября, в котором какой-то обыватель поселка при этой станции описывает благоустройство поселка такими чертами:

«Засоренные до нельзя площади и улицы служат не только для проезда, но и свалочными пунктами; все сваленное разлагается и гниет, заражая воздух, — отсюда не прекращающиеся заразные болезни, пыль неимоверная — летом, грязь невылазная — осенью и зимой; отсутствие тротуаров, улицы с выбоинами, мрак, царящий ночью, если только луна не светит, — все это и многое другое отравляет существование здесь…».

Кто бывал в наших железнодорожных поселках, тот согласится, что слова лозовского обывателя целиком приложимы ко всякому из этих поселков: везде внешнее благоустройство совершенно отсутствует в наших железнодорожных городках.

Но не только от отсутствия мостовых, тротуаров, освещения и вообще внешнего благоустройства страдают железнодорожные поселки. Население такого поселка нуждается в школе, но, не имея никакого общественного органа, не имея права даже собираться на сход и, вообще, обсуждать сообща свои общественные нужды, оно не может открыть общественной школы. Население поселка нуждается во врачебной помощи, но оно не имеет возможности ни пригласить на службу общественного врача, ни, тем более, устроить больницу. Население поселка страдает от недостатка питьевой воды, но оно совершенно лишено всякой возможности удовлетворять эту насущную потребность путем устройства общественного водопровода. И какую бы сторону местной жизни мы ни взяли, на какой бы потребности местного населения мы ни остановились, мы наталкиваемся всюду и везде на один и тот же факт: население железнодорожных поселков лишено какой бы то ни было возможности заботиться об удовлетворении своих нужд и о благоустройстве своих поселков, благодаря отсутствию какого-либо общественного устройства в поселках и расположению их на чужой земле.

В положении, одинаковом с положением железнодорожных поселков, находятся и многие другие населенные пункты, каковы: фабричные городки, портовые поселения, образовавшие на частновладельческих землях дачные пункты, курортные поселения и другие. На ненормальное положение всех этих поселений не раз обращалось внимание и в печати, и в правительственных сферах. Одно время была образована даже особая комиссия для обсуждения вопроса об урегулировании

положения железнодорожных поселков. Газеты сообщали, что комиссия выработала проект выкупа земель, находящихся под важнейшими железнодорожными поселками и фабричными городками, и введения в них упрощенного городского управления. Почему работы комиссии остались без практических результатов, нам неизвестно. Правда, в газетах сообщалось, что проекту комиссии не было дано движения потому, что найдено, будто владельцы земель под фабричными городками и железнодорожными поселками сами в достаточной мере заботятся о благоустройстве этих поселений. Но, очевидно, это только одна из газетных уток, так как о «благоустройстве» фабричных городков и железнодорожных поселков можно говорить только в тоне злой иронии. Надо еще заметить, что если в фабричных городках владельцы фабрик и заводов иногда и делают кое-что для благоустройства поселения и удовлетворения нужд жителей ввиду того, что ядро населения фабричного городка составляют рабочие фабрики, владельцу которой обычно принадлежит и земля под фабричным городком, то в железнодорожных поселках, население которых не связано ничем с владельцем земли, кроме аренды последней, обыкновенно решительно ни в чем не проявляется забота землевладельца о возникшем на его земле поселении и его жителях.

Уже к настоящему времени в бесправных железнодорожных поселках, а равно и других поселениях, находящихся в аналогичном положении, живут миллионы жителей. С каждым годом это бесправное население возрастает в численности. С проведением новых железнодорожных путей возникают новые железнодорожные поселения, в старых поселках этого рода население возрастает с поразительною быстротою, все чаще устраиваются портовые поселки на частных землях и т.д. Таким образом, вопрос о бесправных поселениях, об урегулировании их положения, о предоставлении населению таких поселений возможности заботиться об удовлетворении своих нужд и потребностей, с каждым днем делается все более и более жгучим, и разрешение его все более настоятельным.

Ясное дело, что пока земля под бесправными поселениями будет чужою для населения этих поселений, никакое урегулирование их положения невозможно. Необходимо, таким образом, начинать с выкупа земли, находящейся под поселками и прилегающей к ней (в интересах дальнейшего расширения поселков). И так как пока поселки стоят на чужой земле, в них невозможно никакое общественное управление, которое явилось бы представителем населения в деле выкупа земли, то выкуп этот должен быть произведен государством, которое, образовав затем в поселках общественное управление, передает выкупленные земли последнему. В свою очередь образованное общественное управление имеет дело с каждым отдельным поселенцем, выкупающим землю под своею усадьбою на тех же началах, на которых выкупаются земли в городах.

Что касается общественного устройства в бесправных поселках, то лучшим разрешением вопроса явилось бы введение в них обычного городского управления — в более крупных полного, а в менее значительных — упрощенного. Таким путем население железнодорожных и подобных им поселков получило бы возможность привести эти поселки в благоустроенный вид и заботиться об удовлетворении своих нужд, могущих быть удовлетворенными только путем общественной организации…

Путем естественного отбора железнодорожных и иных бесправных поселков оседает наиболее энергичная часть населения страны, и тем обиднее, что именно эта-то часть населения и лишена возможности общественной самодеятельности при нынешнем положении этих поселков.

Во всяком случае, вопрос о бесправных поселениях настолько обострился к настоящему времени, что дальнейшее промедление с его разрешением является крайне нежелательным.

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Абрамов Я.В. Железнодорожные поселки // Приазовский край. — Ростов н/Д. — 1902. — № 260. — 1 октября. — С. 2.

ÂÅËÈÊÈÉ ÏÈÑÀÒÅËÜ ÂÑÅÕ ÍÀÐÎÄÎÂ

Сегодня, 6 сентября, исполняется 50 лет со дня появления в печати первого литературного произведения Л.Н. Толстого: 6 сентября 1852 года вышла IX (сентябрьская) книжка «Современника» за указанный год, в которой была напечатана «История моего детства», подписанная инициалами Л.Н.[1] Чуткий к художественной красоте и радостно приветствовавший всякое истинное дарование, Некрасов писал автору по поводу его первого литературного произведения, что «у автора есть талант». Этот отзыв, несомненно, приятный для начинающего писателя, однако, очень сдержанный, перешел скоро в полный восторг, и по поводу следующих произведений Л.Н. Толстого тот же Некрасов писал уже Толстому: «Я не знаю писателя теперь, который бы заставлял любить себя и так горячо сочувствовать себе, как тот, которому пишу».

Прошло пятьдесят лет. Росло дарование писателя, росло его влияние, росла любовь, возбуждаемая им, росло сочувствие к нему. Если первые произведения Л.Н. Толстого встретили должную оценку (и оценку единодушную) в наших литературных кругах, то последующие мало-помалу покорили всю русскую читающую публику, а последние двадцать лет Толстой уже перестал быть только русским писателем и стал достоянием всего культурного мира. В истории литературы положительно нет другого случая, чтобы писатель еще при жизни своей приобрел такую широкую популярность во всем человечестве, как это имеет место по отношению к Л.Н. Толстому. Слова Тургенева, которыми он характеризовал Л.Н.: «великий писатель земли русской», — ныне являются уже слишком узкими и не соответствующими ни мировой популярности нашего писателя, ни его значению для жизни всего человечества. Толстой стал «нашим» уже не только для русского народа, но решительно для всех культурных наций, для всех цивилизованных людей. Им гордится весь культурный мир, он близок всему культурному человечеству.

Необычайная мировая популярность Толстого в известной степени характеризуется бесчисленным множеством переводов его произведений на разные языки. Положительно нет языка, на котором имелись бы хотя зачатки печатной литературы и на котором в то же время не было бы перевода какого-либо из произведений Толстого. Не говоря уже о всех европейских языках, произведения Толстого имеются в переводах почти на все азиатские языки (татарский, турецкий, персидский, индустанский, китайский, японский и другие), а равно и на те из языков африканских народов, которые имеют печатную литературу. Известный библиограф господин Венгеров произвел подсчет переводов произведений Толстого, имеющихся в Британском музее в Лондоне и в отделении Rossica Петербургской публичной библиотеки, и получил прямо поразительные результаты. Оказалось, что только *отдельно вышедших* переводов произведений Толстого на немецком языке появилось более 200, на французском — около 150, на английском — 120, на датском и шведском по 50 и на всех других языках, имеющих литературу, вплоть до индустанского и ему подобных, — от 1 до 20 на каждом. А между тем, отдельные издания переводов произведений Толстого составляют лишь незначительную часть того, что переводится из Толстого в газетах и журналах всего мира. Здесь, помимо всего прочего, нельзя не отметить громаднейшей заслуги Толстого перед родиною: он популяризировал русский язык, русскую литературу и заставил народы всего мира относиться с уважением к русскому народу. Народ, из среды которого вышел такой колосс, как Л.Н. Толстой, уже не мог казаться человечеству народом диким, некультурным, не заслуживающим числиться в семье цивилизованных наций, каким еще так недавно считали русский народ многие представители цивилизованного мира. В этом отношении Толстой сделал для России несравненно более, чем кто-либо другой из ее сынов.

Другим мерилом необычайной популярности Толстого может служить обширность литературы, посвященной его литературной деятельности. Создалась положительно целая литература о Толстом как на русском, так и на многих иностранных языках. Литература эта так обширна, что едва ли хватило бы жизни человеческой для ее изучения. Тот же господин Венгеров насчитывает *отдельно изданных книг о Толстом* на русском языке около ста, на немецком языке 30, на английском 18, на французском — 11, на шведском — 5 и т.д. Что же касается статей, посвященных Толстому в сборниках, журналах и газетах, выходящих на всех языках мира, то, само собою разумеется, нет даже никакой возможности привести в известность численность этих статей.

Далеко не все, что писалось о Толстом, писалось с сочувствием к нему. Художник — и в особенности такой художник, как Толстой, который считал своею первою обязанностью говорить всегда правду, и притом правду, ничем не прикрашенную, — не может не возбуждать отрицательного отношения к себе, и именно в силу своей безусловной правдивости. И чем сильнее дарование такого художника, чем огромнее его влияние, тем, естественно, и значительнее ненависть, возбуждаемая художником во всех тех, кому неприятна и страшна изображаемая им правда. Литературы, возникшей по поводу Толстого, значительная часть падает именно на долю произведений полемического характера. Но и те, кто восстает против Толстого, кто относится к его произведениям отрицательно,

кто настроен по отношению к Толстому враждебно, не могли избежать влияния его мощи: сила, с которою Толстой изображал правду жизни, его обаятельность, которая невольно действует на всех его читателей, оригинальность его воззрений и беспощадная последовательность, с которою он доводит высказываемые им воззрения до логического конца, — все это невольно действует и на его противников, будит их мысль, влияет на их чувства, заставляет пересматривать то, что считалось ими ранее незыблемой истиной.

Влияние Толстого как художника на современное ему человечество положительно не имеет равного себе в современной жизни. Ни один из современных Толстому художников мира — а между ними немало очень крупных величин — не может идти в данном отношении ни в какое сравнение с нашим великим писателем. Он стоит совершенно одиноко среди своих товарищей по оружию, возвышаясь над ними настолько, что никому и в голову не приходит поставить кого-либо рядом с ним. Какую крупную величину ни представляет, например, Ибсен, из всех современных художников наиболее приближающийся к Толстому и по величине таланта, и по размерам популярности, все же никто серьезно не вздумает проводить параллель между этим крупным писателем и Львом Толстым. Еще менее могут претендовать на равенство с нашим великим писателем остальные современные Толстому корифеи всемирной литературы, как Бьернсон, Гауптман и Зудерман, Золя, Мопассан и Доде, Тургенев и другие. Только один Достоевский может состязаться с Толстым по силе дарования, но, конечно, отнюдь не по обширности своего влияния. Точно так же и из мыслителей, современных Толстому, нет ни одного, которого можно было бы поставить рядом с ним по размерам влияния, оказанного им на современников.

В истории не раз употреблялась фраза о гордости, которую испытывают современники того или иного великого человека только потому, что они живут в одно время с этим великим человеком. Эта фраза особенно уместна по отношению к Толстому: мы действительно можем с полным правом гордиться тем, или, вернее, должны чувствовать особенное счастье, оттого что мы — современники и соотечественники такого великого художника, оказавшего такое огромнейшее влияние на все человечество, как Лев Толстой…

Само собою разумеется, что даже лишь попытаться охарактеризовать в одной газетной статье такую колоссальную силу, как Толстой, будем ли мы рассматривать его лишь только как художника или лишь только как мыслителя, совершенно невозможно. Для того, чтобы дать хотя беглую характеристику лишь одного художественно творчества Толстого, необходимо посвятить ему в газете целый ряд фельетонов. И мы попытаемся дать такую беглую характеристику того, что дал Толстой в своих художественных произведениях, в нескольких статьях, имеющих появиться в ближайших номерах «Приазовского края».

Ïðèìå÷àíèå

1. Некоторые газеты поспешили приурочить пятидесятилетний юбилей литературной деятельности Л.Н. Толстого к 31 августа; однако в этот день пятьдесят лет назад состоялось лишь цензурное разрешение печатания повести Толстого. Едва ли день цензурного разрешения печатания первого произведения автора можно считать в каком бы то ни было смысле началом его литературной деятельности.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèå ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Абрамов Я.В. Великий писатель всех народов // Приазовский край. — Ростов н/Д. — 1902. — 6 сентября.

ËÅÂ Í ÈÊ Î ËÀÅÂÈ× ÒÎ ËÑÒÎ É

I. Ïåðâûå øàãè

Когда 6 сентября 1852 года вышла сентябрьская книга «Современника» с первым произведением Л.Н. Толстого — «Историей моего детства» (в собрании сочинений автора названа просто «Детством»), вся тогдашняя критика, без различия направлений, приветствовала нового автора единодушным одобрением. Рецензент «Отечественных записок» С.С. Дудышкин, не имевших ничего общего с теми «Отечественными записками», какими они стали позднее под редакцией Некрасова, Салтыкова и Елисеева, писал, что ему «давно не приходилось читать произведения, более прочувствованного, более благородно написанного» и что автор рецензии первоначально имел в виду и познакомить читателей с лучшими местами «Детства», но это оказалось невозможным, так как «*лучшего* в произведении нет: все оно, с начала до конца, истинно прекрасно».

В таком же роде были отзывы критики и по поводу других первых произведений Л.Н. Толстого. Когда появилось «Отрочество» (в 1854 году), П.В. Анненков поместил в «Современнике» целую критическую статью, переполненную похвалами автору. Когда в 1856 году вышли два томика, содержавшие «Детство и отрочество» и рассказы из кавказской военной жизни и Севастопольской обороны, Н.Г. Чернышевский в том же «Современнике» посвятил Толстому критический этюд, в котором, кроме самых лестных похвал по адресу автора, поместил еще следующее многознаменательное предсказание о его будущности: «Мы предсказываем, что все, данное доныне Толстым нашей литературе, — только залоги того, что совершит он впоследствии, но как богаты и прекрасны эти залоги!»

Этот отзыв-предсказание замечателен своей справедливостью. Действительно, то, что нам дал Толстой в зрелом возрасте, настолько превосходит его первые произведения, что эти последние являются только «залогами» его дальнейшей литературной деятельности. Такие бессмертные произведения Л.Н. Толстого, как «Смерть Ивана Ильича», «Власть тьмы», «Крейцерова соната», «Воскресенье», еще менее можно ставить рядом с «Детством», «Отрочеством», «Юностью», кавказскими и севастопольскими рассказами, нежели «Братьев Карамазовых» Достоевского с его «Бедными людьми». Но, вместе с тем, первые произведения Толстого являются действительно «прекрасными и богатыми залогами», поразительно прекрасными по форме и изумительно богатыми по содержанию.

В трилогии «Детство, отрочество и юность», написанной в 1852, 1854 и 1856—57 годах, уже виден весь Толстой, каким мы его знаем в его последующих произведениях, создавших ему мировую славу, хотя, конечно, лишь в виде эмбриона. В каждой странице чувствуется сила мощного таланта, и всюду раскиданы зародыши того настроения, которое сделалось затем господствующим в литературной деятельности Толстого и привлекло к нему симпатии мировой публики.

Содержание трилогии просто и незамысловато. Здесь рассказываются события жизни ребенка, начиная с раннего детства и до 17-летнего возраста. События эти самые обыкновеннейшие, имеющие место в каждой семье, в жизни каждого из нас: отношения к родителям, братьям и сестрам, к учителям и гувернерам, поездки, перемена места жительства, приготовление к университету и поступление в него, первые проблески любви к женщинам, детские и юношеские мечты, дружба, первый бал, экзамены и т.д. Кто не переживал всего этого? Когда о вещах подобного рода начинает говорить малодаровитый автор, какою смертельною скукою веет от описаний этих обыденнейших фактов! Не думаем, чтобы можно было одолеть целый том, в который вместилась трилогия, раз он был бы написан второстепенным писателем. Между тем книгу Л.Н. Толстого, посвященную тем же обыденнейшим событиям, вы читаете не отрываясь, с увлечением. В этом и заключается отличие истинного таланта от таланта фиктивного. Последнему, чтобы заинтересовать читателя, необходимо избрать какой-нибудь вычурный сюжет, какие-нибудь необычайные положения действующих лиц, что-либо такое, что привлекало бы внимание читателя именно своею экстраординарностью. Иное дело действительный талант. Ему не нужно морить свою героиню путем заражения ядом бешенства, не нужно вешать своего героя за волосы. Напротив, истинный талант только и может посвящать свои силы тому, что есть в действительности, той жизни, какою живут все люди, изображению тех событий, какие переживаются всеми. Истинный талант сделает изображение этой обыденной жизни ярким, выпуклым, близким всякому, а потому и трогающим каждого; он осмыслит эти обыденнейшие события, покажет их важность, их значение, заставит читателя думать над ними и понимать их ценность.

Читая трилогию Толстого, постоянно находишься под обаянием крупного таланта. Пятьдесят лет, прошедших с момента появления трилогии, нисколько не уменьшают ее интереса. Общечеловеческие черты, составляющие рисунок трилогии, делают и будут всегда делать это произведение одинаково близким и интересным для всех. Перечитывая это произведение Толстого, читатель всегда неизбежно будет возвращаться к своей ранней молодости, неизбежно будет сравнивать то, чем он был, с тем, что из него вышло, и всегда это сравнение будет являться для него глубоко поучительным. Вечный интерес к трилогии обеспечен и тем обстоятельством, что уже в ней видны все

особенности творчества Толстого. Он рассказывает события трилогии так же просто, как говорит впоследствии о событиях, изложенных в «Войне и мире», «Воскресенье», так же просто, как проста сама жизнь. Никаких символов, вычурностей, искусственно красивых положений и преднамеренно выбранных форм изложения — ничего этого вы не найдете в трилогии, как не найдете и в последующих произведениях Толстого. И в то же время это спокойное изложение дает Толстому, благодаря его сильному таланту, возможность краткими словами обрисовывать всех действующих лиц с такою определенностью, с такою выпуклостью, что они все стоят перед читателем, как живые. Каждая фигура имеет свои отличительные черты, и вы никогда не ошибетесь в том, кто из действующих лиц совершает данный поступок и говорит какие-либо, хотя бы и малозначительные слова. Обычная манера Толстого — вводить в рассказ множество действующих лиц, — отвечающая действительности, так как в жизни мы неизбежно приходим в соприкосновение со множеством людей, — дает себя знать и в трилогии, в которой на сцене многие десятки действующих лиц, и тем не менее каждое из них имеет настолько определенную физиономию, что вам кажется, как будто вы видите их перед собою, и по окончанию чтения остаетесь с чувством близости, близкого знакомства со всеми этими Иртеньевыми, Ивиными, Нехлюдовыми и всей бесконечной галереей типов, наполняющей трилогию.

Но, читая трилогию Толстого, составленную из его первых произведений, вы чувствуете не только силу таланта Толстого, но также и то настроение, которое составляет отличительную черту литературной деятельности Толстого и которое, с каждым новым его произведением делаясь все более определенным, в такой же, если еще не в большей мере, было причиною его всемирной популярности, как и могущество его таланта. На этой стороне дела необходимо остановиться несколько подробнее.

Виды литературного творчества можно группировать по разным признакам. Можно разделить их и на объективное и субъективное творчество. Есть писатели, которые могут передавать читателю — и часто с чрезвычайным талантом — только то, что они переживают сами, и когда они пытаются «творить» в обыденном смысле этого слова — путем воссоздания образов из данных, собранных объективным наблюдением, наблюдением жизни, лежащей вне их, их талант как бы меркнет, и созданное таким путем произведение оказывается несравненно ниже тех, которые дали те же писатели, изображая свой внутренний мир, пережитое ими самими. К таким писателям принадлежал, например, симпатичнейший Гаршин, субъективность творчества которого просто поразительна. Большая часть его произведений представляет собою воспроизведение тех фазисов развития, какие пережил сам автор, и эти-то произведения составили славу этого так безвременно погибшего автора.

Лишь в немногих случаях Гаршин пытался прибегать к объективному творчеству, и попытки эти оказались очень слабыми сравнительно с произведениями того же писателя первого рода. Сравните, например, «Надежду Николаевну», представляющую собою именно попытку объективного творчества, с такими безусловно субъективными вещами, как «Четыре дня», «Трус», «Встреча», «Художники», «Ночь» или «Attalea princeps»; кажется, как будто эти вещи написаны разными авторами: так слабо первое из названных произведений и так сильны все остальные.

Есть писатели иного рода, которые способны только к объективному творчеству. Порою объективизм их доходит до того, что читатель даже не догадается, каково отношение автора к изображаемым им явлениям. Беря материал для творчества из внешней жизни, писатели этого типа устраняют свой собственный мир, оставляя его совершенно неизвестным читателю. Примером такого отношения к творчеству может служить Зола с его натурализмом.

Л.Н. Толстой обладает в одинаковой мере способностью к обоим видам творчества. Для тех, кто читал поразительные по своей правдивости картины из судебного мира, составляющие содержание первых глав «Воскресенья», не может быть ни малейшего сомнения в громаднейшей способности Толстого к объективному творчеству. Никогда не будучи судьею, никогда лично не переживая того, что переживают судьи, Толстой тем не менее дал такую правдивую картину внутреннего процесса, происходящего в душе как профессиональных судей, так и присяжных во время отправления ими своих обязанностей, что она крайне больно ударила по душам тысяч лиц, отправляющих судейские обязанности и ранее и не задумывающихся над значением своей деятельности. Однако большинство произведений Толстого — создания чисто субъективного творчества — отражают преимущественно то, что пережил сам автор. Субъективность произведений Толстого настолько велика, что биографы его пополняют свои сведения о его жизни данными, заимствуемыми из его произведений, а критики последних для выяснения их значения обращаются к фактам из жизни автора.

Трилогия, заключающая первые произведения Толстого — «Детство», «Отрочество» и «Юность», принадлежит к числу субъективнейших произведений Толстого. Она отражает жизнь Толстого не только с внешней стороны, не только тем, что в ней рассказываются действительные события, имевшие место в жизни автора, что в ней изображены те самые лица, которые окружили автора в первые 17 лет его жизни, но также и с внутренней, открывая перед нами процесс духовного развития автора. И в этом отношении трилогия является поразительно любопытным документом, рисуя перед нами картину духовного развития гениального человека и вместе с тем давая нам возможность изучить зачатки того настроения и тех воззрений, которые, сделавшись более определенными, и дали впоследствии Толстому его славу, приобретенное им влияние на весь мир.

II. Âîåííûå ðàññêàçû

Личные обстоятельства — необходимость поправить материальное положение, расстроенное карточною игрою, — побудили Толстого, как и многих русских людей того доброго старого времени, отправиться на Кавказ и поступить в тамошнюю армию. Это было в 1851 году. Позднее, когда началась война сперва с турками, а затем с французами и англичанами, Толстой перевелся в Дунайскую армию и отсюда попал в Севастополь, осаду которого и выдержал. Результатом военной службы Толстого явилось несколько рассказов из кавказской военной жизни («Набег» — 1852 год, «Рубка леса» — 1854—55 годы, «Встреча в отряде с московским знакомым» — 1856 год и повесть «Казаки» — 1852 год) и три рассказа о Севастополе и его защитниках («Севастополь в декабре 1854 года», «Севастополь в мае 1855 года» и «Севастополь в августе 1855 года»), написанные в 1854—56 годах. Повесть «Казаки», отражая общие с остальными военными рассказами черты дарования Толстого и имея во многом сходное с ними содержание, в то же время резко отличается от них тем обстоятельством, что она посвящена преимущественно развитию внутреннего мира главного героя произведений Толстого, фигурирующего то под именем Иртеньева, то под фамилией Оленина, то под фирмою Левина, то с титулом князя Нехлюдова, а в действительности представляющего самого Толстого, то есть того человека, который рос и развивался в нашем великом романисте. Таким образом, о повести этой мы будем говорить позднее, в связи с другими произведениями Толстого, посвященными тому же герою. Пока же остановимся на остальных военных рассказах автора.

В свое время рассказы Толстого из кавказской военной жизни прошли малозамеченными. Совсем иная участь постигла его «Севастопольские рассказы». Уже первый рассказ из этой серии, появившийся в самый разгар Севастопольского сидения, произвел огромное впечатление на всю тогдашнюю читающую Россию. Рассказ был замечен и Императором Николаем I, который приказал беречь даровитого автора, что, впрочем, оказалось невозможным, так как Толстой не пожелал изменить своего положения одного из самых передовых защитников Севастополя (он был на знаменитом 4-м бастионе, сражался на реке Черной и защищал Малахов курган от штурма союзников). Когда же появились два остальных севастопольских рассказа Толстого, общий восторг читателя и успех автора в тогдашнем обществе достигли чрезвычайных размеров. Конечно, до известной степени увлечение тогдашнего общества «Севастопольскими рассказами» объяснялось тем, что рассказы эти касались слишком животрепещущей темы, которая не могла не затрагивать сердца каждого из русских, современников Крымской войны. Однако и в настоящее время, полвека спустя, «Севастопольские рассказы» Толстого производят потрясающее впечатление, так что успех их должен иметь объяснение не только во временных, преходящих обстоятельствах, но и в высоких достоинствах самих рассказов, в ценных особенностях их содержания и изложения. И действительно, военные рассказы Толстого замечательны и в том, и в другом отношениях.

По форме военные рассказы Толстого явились предвестниками огромной, колоссальной эпопеи, созданной Толстым и посвященной одной из замечательных страниц русской истории — нашествию Наполеона I — и обусловленным этим нашествием последствиям в русской жизни, — «Войны и мира». Уже в военных рассказах первого периода творчества Толстого царит неподражаемая манера говорить о вещах, о которых обычно говорят не только беллетристы, но и историки особым, возвышенным тоном, — в форме самого спокойного повествования, как о вещах самых обыденных. Просмотрите все шесть военных рассказов Толстого — и ни в одном из них вы не найдете ни одного восклицания, ни одного громкого слова. Он говорит о набеге на черкесский аул, об отступлении, о бомбардировке, о штурме, об убитых и раненых все время в таком же спокойном тоне, как и о походном обеде, о покупке лошади, о гулянье на бульваре, совершаемом офицером за несколько часов до того времени, как его убьет неприятельское ядро. И это спокойное, действительно чисто эпическое изложение не только не ослабляет ужасающего впечатления того, что описывает Толстой, не только не уменьшает трагизма излагаемых им событий, но делает их еще более трагическими — именно потому, что совершенно устраняет характер неестественности, театральности, который получают все великие исторические события, излагаемые в приподнятом тоне. Этот спокойный тон, совершенно одинаковый как при изложении обыденнейших фактов из жизни «героев», так и при описании их действительно героических деяний, героизм которых они всего менее замечают, вполне отвечает действительности, правде жизни, где нет черты между великим и малым, обыденным и героическим и где человеческие деяния и поступки зависят не столько от тех или иных качеств человека, сколько от обстоятельств, вызывающих эти поступки.

Иной формы изложения, кроме той, какой держится Толстой в своих военных рассказах, для него и не могло быть, именно потому, что рассказы эти были посвящены исключительно выяснению правды, действительного положения вещей. Второй севастопольский рассказ Толстого так и заканчивается словами: «Герой моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красе его, который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда». И эта-то правда, сказанная впервые в нашей литературе о войне, военных людях и военных поступках, и была причиною громадного успеха севастопольских рассказов в свое время и является также причиною сильного впечатления, производимого военными рассказами Толстого и в настоящее время.

До Толстого война и военный быт изображались или в необычайно приподнятом тоне искусственного патриотизма («турки валятся, как чурки»), или в особом романтическом освещении на манер Марлинского и Лермонтова. Действительного реального характера войны, военных действий и военного быта как-то и не думали касаться и не считали нужным и интересным. Всего менее имелось в виду знакомить читателей с действительною правдою изображаемых событий. Напротив, эта действительность полностью приносилась в жертву другим целям. Одни хотели военными изображениями исключительно влиять на «патриотический» дух читателя и потому рисовали ему каких-то трехсаженных героев; другие желали представить в лице героев своих военных рассказов небывалых по интересности людей, разочарованных Чайльд-Гарольдов, людей, бежавших на Кавказ из презрения к обществу и его условностям. То, что все эти герои и разочарованные таинственные незнакомцы ели и пили, как все смертные, и совершали решительно все, что делают и последние, были так же добры и злы, имели друзей и врагов, были обременены в одинаковой степени со всеми заботами о жалованье, чинах и орденах, о жизненных удобствах, так же болели, играли в карты, пили мадеру и прочие напитки, были любимы и ненавидимы, оказывали друг другу всякого рода помощь и интриговали друг против друга, словом, были как две капли воды похожи на всех людей, — совершенно забывалось. Точно так же, описывая геройское поведение своих персонажей, авторы военных повествований совсем не интересовались тем, чем были заняты эти герои за минуту до совершения геройского поступка и через минуту после него и как в действительности чувствовали они себя в самый момент проявления своего героизма. Все это казалось таким ничтожным и никому не нужным. Нужным считались только изображение внешней позы, искусственная, придуманная фраза, произнесенная в подходящий момент, да громкие слова, которыми пересыпал свой рассказ автор. Толстой своими военными рассказами навсегда положил конец всей этой литературе. После той правды, какую он сказал о войне, военных людях и военных поступках, вся эта псевдопатриотическая и искусственно романтическая литература сделалась навсегда невозможною, и о военных событиях и военном быте с тех пор стали писать совершенно так же, как и о всей остальной жизни.

Молодой семнадцатилетний Володя Козельцов, экспромтом выпущенный из военного училища офицером, ввиду недостатка офицеров в Севастопольской армии, спешит добраться до места своей службы и по дороге встречает своего брата, капитана, уже раненного в начале осады Севастополя и теперь снова возвращающегося туда после выздоровления. Восторженный юноша так объясняет брату причины, побудившие его проситься в действующую армию: «совестно жить в Петербурге, когда тут умирают за отечество». На брата он смотрит как на героя и ждет не дождется, когда тот расскажет ему о всех сражениях, в которых он участвовал, и о героизме, который тот проявлял и свидетельством которого является рана, полученная братом. И вот, старший Козельцов выливает целый ушат холодной воды на восторженного юношу, ответив ему, что он ни разу не участвовал в схватках с неприятелем, и объясняя ему: «У нас две тысячи человек из полка выбыло, все на работах, и я ранен тоже на работе. Война совсем не так делается, как ты думаешь, Володя». И вот в этом-то и значение военных рассказов Толстого и причина их успеха, что он показал с очевидностью обществу, что война «делается совсем не так», как это обществу представлялось по Марлинскому и «патриотическим» романистам.

В военных рассказах Толстого есть персонажи, которым хотелось бы попозировать, поизображать из себя «героя нашего времени» Лермонтова или одного из героев Марлинского. Они не прочь и произнести фразу à la Napoleon и даже вспоминают о последнем в тот или иной трагический момент, когда, например, мимо пролетает неприятельское ядро и когда, казалось бы, каждому совсем не до поз и не до великих фраз. Но вся эта искусственная позировка делается совершенно невозможною и только заставляет конфузиться героев, когда рядом с ними какой-нибудь Антонов (в рассказе «Рубка леса») произносит именно то, что только и можно сказать в данное время: «Тьфу ты проклятая: трошки по ногам не задела» (по адресу ядра).

Не пропустил без внимания Толстой и тип, желающий какой-нибудь набег на черкесский аул опоэтизировать и превратить во что-то величественное, но тут же он показывает, как это мало удается, когда после изгнания населения из аула перед любителями величественного раскрывается такая малопоэтическая картина: «Через минуты драгуны, казаки, пехотинцы с видимою радостью рассыпались по кривым переулкам, и пустой аул мгновенно оживился. Там рушится кровля, стучит топор по крепкому дереву и выламывают дощатую дверь; тут загорается стог сена, забор, сакля и густой дым столбом подымается по ясному воздуху. Вот казак тащит куль муки и ковер; солдат с радостным лицом выносит из сакли жестяной таз и какую-то тряпку; другой, расставив руки, старается поймать двух кур, которые с кудахтаньем бьются около забора; третий нашел где-то огромный кумган с молоком, пьет из него и с громким хохотом бросает потом на землю» («Набег»).

Во втором севастопольском рассказе один офицер, желая до конца вести себя, как подобает герою, обменивается самыми изысканными, самыми вычурными фразами с таким же героем-французом, но невольно начинает чувствовать всю смешную сторону своего положения, когда рядом с ним русский солдат выпускает весь заряд своих знаний французского языка в беседе с солдатом-французом: «Рус-бун, франсе нет бун, бонжур мусье».

Было бы, однако, напрасно думать, что Толстой, уничтожая старые «патриотические» и «романтические» традиции в изображении войны и военного быта, не заметил в нем того, что является

действительным героизмом. Но он нашел его там, где нет ни позировки, ни громких фраз, нашел его в той обстановке, в тех условиях, в которых он проявляется в действительности.

Вот фигура капитана Хлопова во время действия, того самого капитана Хлопова, которого никто не принял бы за героя, когда он курил свой «сомбраталический табак» и по пальцам рассчитывал, как ему протянуть месяц на свое жалованье и еще послать старухе-матери: «В фигуре капитана было очень мало воинственного; но зато в ней было столько истины и простоты, что она необыкновенно поразила меня. «Вот кто истинно храбр», — сказалось мне невольно. Он был точно таким же, каким я всегда видел его: те же спокойные движения, тот же ровный голос, то же выражение бесхитростности на его некрасивом, но простом лице: только по более, чем обыкновенно, светлом, светлому взгляду можно было заметить в нем внимание человека, спокойно занятого своим делом. Легко сказать: таким же, как и всегда: но сколько различных оттенков я замечал в других: один хочет казаться спокойнее, другой суровее, третий веселее, чем обыкновенно; по лицу же капитана было заметно, что он и не понимает, зачем казаться» («Набег»).

Еще более героическою фигурою является солдат Веленчук, который, умирая, заботился не о том, чтобы сказать что-либо достопамятное для потомства, а том, чтобы из его двух с половиною «монет» отдали полтину поручику Сулимовскому, которому он не успел возвратить сдачу с двух рублей, данных на покупку пуговиц (герой был портной). А что Веленчук был настоящий герой, это он многократно показал своим пренебрежением к величайшей опасности, раз это было нужно для дела («Рубка леса»).

Толстой сбросил с пьедестала господ, драпировавшихся в мантии титанов, показав всю смешную сторону этого показного героизма и истинную подкладку его, но зато он заставил ценить истинно человеческое мужество, настоящее, подлинное, не нуждающееся ни в красивых позах, ни в громких фразах. То же он сделал впоследствии, конечно, в несравненно более крупных размерах, в «Войне и мире», когда место Калугиных из «Севастополя в мае 1885 года» и Крафтов из «Рубки леса» заняли позеры мировой сцены, которых Толстой, однако, не постеснялся поставить рядом с солдатом Платоном Каратаевым и отдать предпочтение последнему…

III. Áèîãðàôèÿ Êîíñòàíòèíà Ëåâèíà

Через целый ряд произведений Л.Н. Толстого («Детство», «Отрочество», «Юность», «Утро помещика», «Люцерн», «Записки маркера», «Казаки», «Анна Каренина» и «Воскресенье») проходит одна и та же фигура, носящая различные имена (Иртеньев, Нехлюдов, Оленин, Левин), но представляющая собою только разные моменты в развитии одной и той же личности. Уже давно биографы Л.Н. Толстого установили тесную связь между этим персонажем произведений великого писателя и собственной его личностью. Действительно, даже внешние события, наполняющие жизнь этого персонажа (будем звать его для краткости одним из данных ему имен — Левиным), удивительным образом напоминают известные события из жизни Л.Н. Толстого. Что же касается внутренней жизни Левина, раскрываемой Л.Н. Толстым в его перечисленных выше произведениях, то она так же удивительно совпадает с той внутренней жизнью самого писателя, которую он так откровенно обнажал перед миром в своих небеллетристических произведениях нелитературного характера. Таким образом, знакомство с названным излюбленным героем произведений Л.Н. Толстого, давая возможность ознакомиться с одним из замечательнейших созданий художественного творчества, какие только имеются во всей всемирной литературе, вместе с тем дает в значительной мере ключ к пониманию той умственной и моральной эволюции, какую прошел Л.Н. Толстой и которая отразилась в его произведениях небеллетристического характера. Вместе с тем, в истории жизни и духовного развития Константина Левина отразилась и вся жизнь русского общества за последние 50 лет, все наши общественные течения, все направления общественной мысли. Он пережил и передумал все те великие вопросы, какими жило и волновалось русское общество за полстолетия. Константин Левин был наблюдателем всех тех событий, которые составляют содержание этой полувековой жизни нашего общества, и не только наблюдателем, но и в большей или меньшей мере участником этих событий. Таким образом, биография Константина Левина и его двойников есть, помимо всего прочего, и летопись общественной жизни России за целое полстолетие.

Детство и отрочество Левина—Иртеньева падает на очень мрачную эпоху русской жизни — время 30-40-х годов. Само собою разумеется, что именно детский и отроческий возраст спасал ребенка от непосредственного воздействия условий тогдашней общественной жизни. Вместе с тем семья Левина—Иртеньева, как и самого Толстого, к его счастью, принадлежала к числу тех немногих счастливых семей из высшего класса, в которых дети были спасены от воздействия ужасов крепостного права благодаря гуманности членов этих семей, умевших поставить свои отношения к крепостным на почву, на которой не было места для этих ужасов. Однако ненормальные условия жизни не могли не отражаться и на ребенке, поставленном в такие счастливые условия. В конце концов это влияние тогдашних общественных условий жизни отразилось на раннем умственном развитии молодого Левина—Иртеньева и на возбуждении в его душе таких важных вопросов, которые возникают обыкновенно лишь в возрасте более зрелом, а у многих не возникают и в течение всей жизни. И эта черта, наиболее характерная для молодого Левина—Иртеньева, выступающая яркою нитью во

всех главах «Отрочества» и «Юности», замечательно верна вообще для своей эпохи. Из биографии целого ряда замечательных людей нашей родины, детство и отрочество которых относится к той же эпохе, известно, что все они чрезвычайно рано развивались и чрезвычайно рано начинали думать о важнейших вопросах жизни. Пирогов поступил в университет 14-ти лет, Тургенев — 16-ти, Салтыков — уже 18-летним юношей окончил курс лицея и выступил в жизнь. Константина Аксакова мы видим студентом Московского университета уже в 15 лет, другой Аксаков, Иван, 19-ти лет окончил курс института правоведения и т.д. И все эти люди, и многие другие, биографии которых известны, начинали уже в самом раннем возрасте задумываться над важными вопросами жизни и мысли человеческой, над вопросами о добре и зле, о задачах человека вообще и члена тогдашнего русского общества в частности, над вопросами общественной жизни. То же было с Л.Н. Толстым, то же переживает и Левин—Иртеньев, еще юношей, почти ребенком, начертывающий себе программу жизни и пытающийся осуществлять ее без уступки человеческим слабостям и условиям жизни.

Неясные мечты, желания, мысли делаются все более и более определенными по мере роста нравственной личности Левина, и в 19 лет мы видим его покидающим третий курс университета (в «Утре помещика») и пишущим своей тетушке письмо, в котором он сообщает ей о принятии «решения, от которого должна зависеть участь всей его жизни». Он оставляет университет и посвящает себя «жизни в деревне», так как «чувствует, что рожден для нее». Он чувствует, что его призвание — «делать добро и любить его». Он «открыл, что главное зло заключается в самом жалком, бедственном положении мужиков, и зло такое, которое можно исправить только трудом и терпением».

«Не моя ли священная и прямая обязанность заботиться о счастье этих семисот человек, за которых я должен буду отвечать Богу? Не грех ли покидать их на произвол грубых старост и управляющих из-за планов наслаждения или честолюбия? И зачем искать в другой сфере случаев быть полезным и делать добро, когда мне открывается такая благородная, блестящая и ближайшая обязанность? Я чувствую себя способным быть хорошим хозяином, а для того, чтобы быть им, как я разумею это слово, не нужно ни кандидатского диплома, ни чинов, которых вы желаете для меня».

Однако попытка послужить народу в роли благодетельного помещика оказалась совершенно неудавшейся. Старая форма отношений, приспособленная для совершенно иных целей, оказалась непригодною для «забот о счастье семисот человек». Между помещиком и его крестьянами оказалась целая пропасть в положении, понятиях, чувствах, привычках. Когда Левин—Нехлюдов пожелал облагодетельствовать беднейшего из своих крестьян, Чуриса, у которого завалилась хатенка и который вообще разорился дотла, и с этой целью предложил ему все необходимое для постановки нового дома и построек и для обзаведения хозяйством, с одним лишь условием, чтобы Чурис переселился на новое место, так как старое местонахождение села Левину—Нехлюдову показалось неудобным и нездоровым, — Чурис взмолился избавить его от барского благодеяния, приводя в оправдание своего нежелания быть облагодетельствованным соображения, казавшиеся барину совершенно бессмысленными: «Здесь на миру место веселое, обычное: и дорога, и пруд тебе, белье что ли бабе стирать, скотину ли поить, — и все наше заведение мужицкое, тут искони заведенное, и гумно, и огородишко, и ветлы — вот что мои родители садили, и дед, и батюшка наши здесь богу душу отдали, и мне только бы век свой тут кончить, ваше сиятельство, больше ничего не прошу. Буде милость твоя избу поправить — много довольны вашею милостью останемся, а нет, так и в старенькой свой век как-нибудь доживем. Заставь век Бога молить — не сгоняй ты нас с гнезда нашего, батюшка...».

И так же неудачно оканчивались и все остальные начинания Левина—Нехлюдова в интересах его крестьян. Пытался устроить помещик училище, а крестьяне приходили к нему с просьбою «уволить малого насчет училища»: «Ведь какой у него разум, ваше сиятельство? Он еще млад, ничего не смыслит». Устроил помещик больницу, а в нее крестьяне не идут лечиться. Хотел помещик помочь богатому мужику увеличить свой капитал и предложил ему пополам с ним, помещиком, купить лес, а мужик понял это предложение как попытку отнять у него его деньги. Хотел помещик предоставить крестьянскому сходу решать все вопросы внутренней жизни села, а отдельные крестьяне, которых эти вопросы касались, категорически заявляли помещику: «Коли на двор леску ублаготворите, так мы и поправимся... А уж у мира я просить не стану». Напрасно разъяснял помещик крестьянам: «Я поселился в деревне и посвятил свою жизнь для вас, я готов сам лишить себя всего, лишь бы вы были довольны и счастливы», — все такие излияния и уверения еще увеличивали ту пропасть, какая лежала между помещиком и его крепостными...

И в конце концов перед Нехлюдовым—Левиным выросла настоящая стена, которую, как он понял, ему не разрушить. И он спрашивает себя: «Зачем? За что? Кому от этого стало легче?» «Зачем он не испытал наслаждений? За что он несет тяжкий крест?». И тайный голос шепчет ему, чтобы он бросил все, признал «вздором все мечты о цели и обязанностях его жизни». И он поддается этому голосу и... уезжает за границу.

Но уехать от себя никуда невозможно. И, странствуя по заграничным курортам, Левин—Нехлюдов страдал и мучался от неудовлетворенности своею жизнью. Ему недоставало деятельности, которая отвечала бы его настроению, требованиям его совести, его убеждениям. Он раздражался от невозможности этой деятельности, видя причину ее не в самом себе, а в других, и раздражался против всех и всякого. И он придирался к каждому факту, как бы он ни был мелочен, раз он го-

ворил против людей, против их порядочности, против наличности в них элементарной гуманности. В своих записках он, между прочим, отмечает: «Седьмого июля 1857 года в Люцерне перед отелем Швейцергофом, в котором останавливаются самые богатые люди, странствующий нищий-певец в продолжение получаса пел песни и играл на гитаре. Около ста человек слушали его. Певец три раза просил дать ему что-нибудь. Ни один человек не дал ему ничего, и многие смеялись над ним».

И затем продолжает: «Вот событие, которое историки нашего времени должны записать неизгладимыми буквами».

Событие это оказывается важнее войны, которую вели тогда англичане с Китаем, важнее войны французов с кабилами, важнее тысячи других мировых событий. Оно настолько важно в глазах Левина—Нехлюдова, как симптом упадка цивилизованного человечества, что, исходя из него, он произносит отрицательный приговор над европейскою цивилизациею, над формами современной общественной жизни, над всеми человеческими законами. Он спрашивает: «Что дала цивилизация людям в сфере их взаимных отношений? Равенство перед законом? Да разве вся жизнь людей происходит в сфере закона? Только одна тысячная доля ее подлежит закону, остальная часть происходит вне его в сфере нравов и воззрений общества. А в обществе лакей одет лучше певца и безнаказанно оскорбляет его. Я лучше одет лакея и безнаказанно оскорбляю лакея. Швейцар считает меня выше, а певца ниже себя; когда я соединился с певцом, он счел себя равным с нами и стал груб. Я стал наглым с швейцаром, и швейцар признал себя ниже меня. Лакей стал наглым с певцом, и певец признал себя ниже его. И неужели это — свободное, то, что люди называют — положительно — свободное государство, то, в котором есть хоть один гражданин «уличный певец», которого сажают в тюрьму за то, что он, никому не вредя, никому не мешая, делает одно что может, для того чтобы не умереть с голоду?».

И, придя к таким важным выводам, разочаровавшись в людях и учреждениях, Левин—Нехлюдов попадает в омут, так ярко изображенный в «Записках маркера». Он наполняет свою жизнь чадом разгула, кутит, играет, прожигает жизнь самым бесшабашным образом. Краток был этот период жизни Левина, и он скоро очнулся и ужаснулся его. И вот, чтобы экономией жизни поправить свои запутавшиеся материальные обстоятельства, а еще более чтобы убежать от приевшихся и надоевших до последней степени условий жизни так называемого «порядочного» общества, Левин, теперь уже именуемый Олениным, едет на Кавказ, поступает в армию юнкером, селится в станице, пытается сблизиться с казаками, чуть даже не женится на казачке («Казаки»). Однако пропасть, лежащая между чутким, получившим утонченное воспитание, носящим на всем своем существе печать той цивилизации, которую он проклинает, Левиным—Олениным и почти зоологическим миром станицы, оказывается слишком великою, и эта пропасть при первом же случае напоминает Оленину—Левину о себе и выкидывает его из чуждого ему мира снова в тот мир, к которому он принадлежит по рождению, всем своим отношениям и своему образованию.

Подоспевает крестьянская реформа, и Левин делается мировым посредником. Открываются земские и судебные учреждения, и Левин увлекается и ими: насаждает просвещение, строит больницы, судит. Скоро, однако, он во всем этом разочаровывается, не видя тех результатов, которых он ждал от новых учреждений. Начинается полоса личной жизни: Левин женится, устраивает свое семейное гнездо, отдается всецело своему хозяйству. Но и весь этот период жизни он остается все тем же: по-прежнему идет в его душе внутренняя работа, по-прежнему все те же вопросы о человеке, его назначении, об отношениях к людям встают перед ним все в новом и новом освещении и требуют все более властно своего решения. Левин мучается, ищет разрешения этих вопросов, читает, говорит о занимающих его предметах с умными и образованными людьми, разочаровывается в людях и книгах, увлекается разными учениями, отвергает их, снова ищет, снова мучается и в конце концов создает собственную систему, которая должна разрешить мучившие его всю жизнь вопросы, мучащие и миллионы других людей («Анна Каренина»).

Однако жизнь не дает успокоиться Левину и выдвигает перед ним все новые и новые стороны тех вопросов, которые он считал поконченными, и эти вопросы снова выступают перед ним уже в своей общественной форме. И если в «Анне Карениной» он решал общественные вопросы с личной точки зрения, то в «Воскресенье» жизнь заставляет Левина—Нехлюдова решать личные вопросы с общественной точки зрения, и цикл заканчивается выставлением неразрешенными тех же проблем, которые вставали перед юношей Иртеньевым в «Юности», но уже, конечно, несравненно более осложненными и получившими несравненно более важное значение.

Такова биография Левина, набросанная в самых общих чертах. И чем в этой биографии мы подходим ближе к нашему времени, тем важнее становятся события в жизни Левина, ввиду все более тесной связи их с жизнью всего русского общества, и тем более эти события жизни Левина заслуживают более детального рассмотрения, что мы и сделаем в дальнейших наших статьях, начав с рокового разлада между двумя мирами: интеллигенцией и народом, — разлада, от которого всю жизнь страдал Левин и который наполнял постоянно жизнь нашего общества вообще целым рядом страданий.

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Абрамов Я.В. Лев Николаевич Толстой // Приазовский край. — Ростов н/Д. — 1902. — № 244. — 14 сентября. — С. 3; № 257. — 28 сентября. — С. 3; № 284. — 27 октября. — С. 2.

Исследования, посвященные Я.В. Абрамову

ßêîâ Âàñèëüåâè÷ Àáðàìîâ. Ìàòåðèàëû èç ýíöèêëîïåäè÷åñêèõ è áèîãðàôè÷åñêèõ ñëîâàðåé

Ðóññêèå ïèñàòåëè XI—XX âåêîâ. Áèîãðàôè÷åñêèé ñëîâàðü. Ò. 1—5. — Ì îñêâà: Ñîâåòñêàÿ ýíöèêëîïåäèÿ, 1989—2007. — Ò. 1. — Ñ. 12—13

Абрамов Яков Васильевич [21.10(2.11).1858, Ставрополь-Кавказский — 18.9(1.10).1906, там же], публицист, очеркист, критик. Из мещан. Учился в Ставропольской гимназии, из шестого класса перешел в Кавказскую духовную семинарию, окончил ее в 1877 году. В 1878 году поступил в петербургскую Медико-хирургическую академию, в 1879 вышел из академии (по болезни); предполагал поступить в Киевский университет, но был привлечен в Ставрополе к дознанию за хранение нелегальной литературы (Центральный государственный архив Октябрьской революции, фонд 109, 3 экспедиция, 1879 год, дело 524). В июле 1880 года подвергнут домашнему аресту, затем состоял под негласным надзором полиции. В декабре 1880 года вернулся в Петербург, где познакомился с Г.И. Успенским, а через него с Г.З. Елисеевым и Н.К. Михайловским, который рекомендовал его М.Е. Салтыкову-Щедрину в журнал «Отечественные записки»; здесь Абрамов опубликовал первые статьи, очерки, участвовал в работе библиографического отдела. В 1882 вошел в кружок, который занимался революционной пропагандой в городах Северного Кавказа. После ареста (январь 1884) С.Н. Кривенко вел в «Отечественных записках» отдел «Внутреннее обозрение» (№ 3—4). Печатался также в журнале «Устои» (входил в состав издательской артели), «Дело», «Слово». После закрытия «Отечественных записок» (апрель 1884) служил в статистическом бюро при Петербургской земской управе.

В начале 80-х годов в ряде произведений Абрамов выражал веру в творческие силы народа, в его свободолюбие: рассказы «Механик» («Устои», 1881, № 1), «Как мелентьевцы искали воли» («Отечественные записки», 1882, № 7), очерк «Хлудовщина» («Отечественные записки», 1882, № 5). Одна из главных тем Абрамова — деревня и судьбы крестьян в пореформенный период. Не чуждый идеализации крестьянских общинных отношений (рассказы и очерки «Бабушка-генеральша», «Отечественные записки», 1881, № 6;«Ищущий правды», «Отечественные записки»,1882, № 5; «В степи», «Устои», 1882, № 1, 3, 4, 5; «Антикабацкое движение», там же, № 9, 10), Абрамов в то же время изображал социальное расслоение деревни и его социально-нравственные последствия. Показывая жизнь обитателей городских окраин («Корова. Очерк», «Устои», 1882, № 6; «Полместа. Мещанская драма», «Детское чтение», 1885, № 2; «Мещане и город», «Отечественные записки», 1883, № 3), стремился привлечь внимание общества к «забытому сословию» — массе бездомных и нищих людей в го-родах («Босая команда», «Отечественные записки», 1883, № 4; «Забытое сословие», «Наблюдатель», 1885, № 1, и др.). Автобиографический оттенок имеет рассказ

«Гамлеты — пара на грош. (Из записок лежебока)» («Устои», 1882, № 12), проникнутый настроениями усталости и разочарования, характерными для части русской интеллигенции. В этот период Абрамов много писал также о расколе и сектантах (в том числе «Программа вопросов для собирания сведений о русском сектантстве», «Отечественные записки», 1881, № 4, 5; редактура Салтыкова-Щедрина). Позднее Л.Н. Толстой интересовался статьями Абрамова о сектантах (его послесловие к одной из них опубликовано: «Литературное наследство», т. 69, ч. I, с. 476).

Со второй половины 80-х годов выступает преимущественно на общественно-экономические темы: в журналах «Северный вестник» (в 1888—89 вел отдел «Из провинциальной печати»), «Русский курьер», в ряде газет. Одной из главных тем публицистики Абрамова становится народное образование. В 1885—99 ведущий сотрудник газеты «Неделя», на страницах которой проповедовал «теорию малых дел» (получила также название «абрамовщина»), став одним из главных ее выразителей. С ним остро полемизировал Н.В. Шелгунов, защищавший наследие революционных традиций 60—70-х годов. В своих статьях и книгах Абрамов призывал интеллигенцию к просветительской деятельности среди народа, к «тихой культурной работе» в земствах, школах и т.д. («Что сделало земство и что оно делает», СПб., 1889; «Частная женская воскресная школа в Харькове и воскресные школы вообще», Харьков, 1890; 4-е издание, СПб., 1897; «Наши воскресные школы», СПб., 1900, и др.), издавал брошюры популярного и рекомендательного характера по вопросам правовых отношений, развития естественных наук, астрономии, начального преподавания грамоты и арифметики, подготовил для крестьян первые в своем роде «Сельские календари» (выпуски 1—5, СПб., 1888—1892), приложив к трем последним выпускам составленные им сборники поэзии А.С. Пушкина, А.В. Кольцова, И.С. Никитина. Абрамов участвовал в подготовке «Обзора детской литературы за 1885—1888 годы» (СПб., 1889), предпринятого по инициативе В.М. Гаршина, с которым Абрамов познакомился еще в начале 80-х годов, в 1889 — в издании художественно-литературного сборника «Памяти В.М. Гаршина» (СПб.), где поместил свою вступительную статью, явившуюся первой биографией писателя (см. отзыв Шелгунова, резко выступившего против Абрамова, писавшего о «христианской любви» Гаршина к человеку, — Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания, М., 1967, стб. 515).

С мая 1890 жил в Ставрополе, работал юристом и торговым агентом ряда промышленных предприятий, банков, обществ. С 1895 гласный Ставропольской городской думы, деятельный член Общества для распространения народного образования. Продолжал выпускать популярные брошюры, в том числе в сериях издательства Ф.Ф. Павленкова «Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека» (в 1891—93 годах книги о Х. Колумбе, Б. Франклине, В.Н. Каразине, М. Фарадее и др.) и «Популярная библиотека» («Ибсен и Бьернсон», СПб., 1897; «Певец тоски. Ги де Мопассан», СПб., 1897; «Памяти Белинского», СПб., 1898, и др.). Активно печатался в газетах «Северный Кавказ» (1890), «Книжки «Недели» (в том числе статьи «Люди больной совести» <к 10-летию со дня смерти Гаршина>, 1898, № 4; «Наша жизнь в произведениях Чехова», 1898, № 6), в изданиях либерально-народнического направления — журнале «Новое слово» (1895—96), газете «Сын отечества» (1897—98), до конца жизни сотрудничал в журнале «Русская школа» (в 1890—1905 годах вел «Хронику народного образования» и «Хронику народных библиотек»). С 1900 в газете «Приазовский край» вел обозрение «Ставрополь-Кавказский», публиковал рецензии, публицистические и литературно-публицистические статьи, представляющие интерес некоторыми социально-психологическими наблюдениями, — о Н.В. Гоголе, Н.А. Некрасове, Л.Н. Толстом, Г.И. Успенском, М. Горьком, Л.Н. Андрееве, В.Г. Короленко, А.П. Чехове, С.С. Юшкевиче, Е.Н. Чирикове. С либеральных позиций ратовал за со-вершенствование местного управления, развитие и распространение земских учреждений. По отзывам местных властей, Абрамов проявлял как в литературной, так и в общественной деятельности «крайне нежелательное направление», состоял в оппозиции к губернской администрации, руководил «всеми противоправительственными явлениями» в Ставрополе; резко выступал против черносотенного движения (см. «Приазовский край», 1905, 8 октября, 28 октября, 4 ноября; 1906, 20 апреля).

Издания: Памяти Г.И. Успенского. — В кн.: Г. Успенский в жизни. По воспоминаниям, переписке и документам, М.—Л., 1935; Памяти М.Е. Салтыкова. — В кн.: Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников, 2-е издание, М., 1975.

Литература: Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т. II, с. 530, 543—544; Г. Успенский. Материалы и исследования, М.—Л., 1938, т. 1 (указатель); Г. Успенский, М., 1939 (указатель); Успенский Г.И. Полное собрание сочинений, М.—Л., 1940—1954, т. XIV (указатель); Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений и писем, М., 1965—1977, т. XIX—XX (указатель); Елисеев Г.З. Письма к М.Е. Салтыкову-Щедрину, М., 1935 (указатель); Гаршин В.М. Полное собрание сочинений, М.—Л., 1934, т. 3 (указатель); Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни, СПб., 1895, стб. 132—134, 188—189, 515, 518, 786—787, 846—850, 858, 889—890, 1043, 1092; Короленко В.Г. Собрание сочинений, М., 1953—1956, т. VIII (указатель); его же, Дневник, т. 3, [Полтава], 1927 (указатель); Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений, М.—Л., 1928—1958, т. LXXXVII (указатель); Алчевская Х.Д. Передуманное и пережитое, М., 1912, с. 263, 339; Бялый Г.А. В.М. Гаршин и литературная борьба восьмидесятых годов, М.—Л., 1937, с. 187—188; Козьмин Б.П. Из истории револю-

ционной мысли в России, М., 1961 (указатель); Очерки истории русской культуры второй половины XIX века, М., 1976, с. 228. ♦ Некрологи, 1906: «Русские ведомости», 22 сент.; «Приазовский край», 19 сент.; «Русская школа», № 10. Русские ведомости 1863—1913. Сборник статей, М., 1913; Новый энциклопедический словарь. Издание Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (в 48 тт.), СПб., 1911—1916; Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней), СПб., 1889—1904; Венгеров С.А. Источники словаря русских писателей, СПб.—Пг., 1900—1917; Венгеров С.А. Русские книги, СПб., 1895—1899; Энциклопедический словарь Русского библиографического института «бр. А. и И. Гранат и Ко», 7-е издание, переработанное, М., 1910—1948; Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма, М., 1927—1934; Большая советская энциклопедия, 3-е издание, М., 1970—1978; Советская историческая энциклопедия, М., 1961—1976; Боград В.Э. Журнал «Отечественные записки». 1868—1884, М., 1971; Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века, 2-е издание, М., 1981—1982; Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей, М., 1956—1960 (не учтен псевдоним Обыватель).

Архивы: Институт русской литературы (Пушкинский Дом), фонд 377; Центральный государственный архив октябрьской революции, фонд 102, 3 делопроизводство, 1883 год, дело 111; 1888 год, дело 349; 1897 год, дело 937; 1905 год, дело 1350; Особый отдел, 1905 год, дело 2351 [справка З.И. Перегудовой]; Государственный архив Ставропольского края, фонд 95, опись 1, дело 8695; фонд 101, опись 5, дело 285 [справка С. И. Несмачной].

Т.П. Агапкина

Ñ.À. Âåíãåðîâ. Êðèòèêî-áèîãðàôè÷åñêèé ñëîâàðü ðóññêèõ ïèñàòåëåé è ó÷åíûõ (îò íà÷àëà ðóññêîé îáðàçîâàííîñòè äî íàøèõ äíåé). Ò. 1—6. — Ñàíêò-Ïåòåðáóðã, 1889—1904. — Ò. 1. — Ñ. 21—23

Абрамов Яков Васильевич, современный публицист и исследователь народной жизни, пишущий под псевдонимом «Федосеевца». По сведениям, от него полученным, родился 21 октября 1858 года в Ставрополе-Кавказском. Первоначальное образование получил под руководством отца, мещанина-самоучки. Затем поступил в Ставропольскую гимназию, но из шестого класса, вследствие неприятностей с гимназическим начальством, перешел в местную духовную семинарию и по окончании в ней курса «общеобразовательных наук» поступил в 1877 году в Медико-хирургическую академию.

Медицинского образования Абрамову, однако, не удалось завершить, потому что в 1878 году он был привлечен к делу о распространении книг преступного содержания и по объявлении Высочайшего выговора выслан на родину. В декабре 1880 года ему было разрешено вернуться в Петербург, и с этих пор начинается журнальная деятельность молодого писателя (в газеты он писал корреспонденции, еще будучи в гимназии). Первым его произведением был этнографический рассказ 1) «Среди сектантов», напечатанный в «Слове», 1881 (№ 2), под псевдонимом «Федосеевца». В том же журнале появился следующий рассказ его 2) «Мещанский мыслитель» («Слово», 1881, № 4). Со средины 1881 года Абрамов становится постоянным сотрудником «Отечественных записок». Здесь им напечатаны: 3) «Программа вопросов для собирания сведений о сектантах» (1881, № 4 и 5). 4) «Бабушка-генеральша». Рассказ (Ib. № 6). 5) «К вопросу о веротерпимости» (1882, № 1 и 2). 6) «Из фабрично-заводского мира» (Ib. № 3 и 4). 7) «Хлудовщина» (Ib. № 5). 8) «Ищущий правды». Рассказ (Ib.). 9) «Как мелентьевцы искали воли». Рассказ (Ib. № 7). 10) «Шалапуты» (Ib. № 9 и 10). 11) «Духоборцы» (1883, № 1). 12) «Мещане и «город» (Ib. № 3). 13) «Босая команда» (Ib. № 4). 14) «Некоторые особенности наших поземельных отношений» (Ib. № 10). 15) «Крестьянский кредит» (1884, № 1). 16) «М.М. Ковалевский о землевладении у кавказских горцев» (Ib. № 2). 17) «Виговские пионеры» (Ib. № 3 и 4).

Кроме того, Абрамов принимал постоянное участие в библиографическом отделе «Отечественных записок», и после ареста в начале 1884 года С.Н. Кривенко составлял вместо него внутренние обозрения. С 1882 года он стал также сотрудником в «Устоях» и «Деле». В «Устоях», где он был одним из участников издательской артели этого журнала, Абрамов поместил: 18) «В степи». Рассказ (1882, № 1, 3 и 4). 19) «Уголок старообрядческого мира» (Ib. № 5). 20) «Корова». Рассказ (Ib. № 6). 21) «Гамлеты пара на грош». Рассказ (Ib. № 10), несколько внутренних обозрений и много библиографических заметок в «Деле»: 22) «Иван Босый». Рассказ (1882, № 11). 23) «Прошлое и настоящее штунды» (1883, № 1 и № 2). 24) «Статистические экспедиции». Из истории раскола (Ib. № 9). 25) «Очерки Северного Кавказа» (Ib. № 11 и 12). 26) «Кавказские горцы» (1884, № 1).

В июне 1884 года, когда «Отечественные записки» были закрыты, Абрамов вступил в статистическое бюро при петербургской земской управе и по поручению его составил статистическое описание Шлис-

сельбургского и Петербургского уездов, занявшее три тома (два тома вышли в 1884 году, третий появится осенью 1886 года); но с 1885 года он возвращается к журнальной деятельности. В № 1 «Наблюдателя» помещено его: 27) «Забытое сословие» (мещанство). В «Детском чтении» того же года: 28) «Полместа». Рассказ (№ 2) и 29) «Сванетия и сванеты» (№ 5). С возникновением осенью 1885 года «Северного вестника» Абрамов принял в нем постоянное участие: ведет отдел «Из провинциальной печати» и занимается разбором вновь выходящих книг по земской жизни России, а также по этнографии и географии. Кроме того, он поместил в этом журнале: 30) «Хизаны» (1886, № 1). 31) «Женские врачебные курсы» (Ib. № 2), вышедшие затем отдельною брошюрою. 32) «Вопрос о Чиншевиках» (Ib. № 3). 33) «Еще о Чиншевиках» (Ib. № 5) и 34) «Нужды, желания и стремления сословий в эпоху Екатерининской комиссии», обширная статья, занявшая пять номеров журнала (№ 4, 6, 7, 8).

С июля 1885 года Абрамов принимает также постоянное участие в «Неделе», составляя для каждого номера передовые и отдельные статьи по внутренним и научным вопросам. Сверх всего перечисленного, неутомимый публицист за шесть лет своей литературной деятельности поместил еще ряд статей в «Русском курьере», «Московском телеграфе», «Тереке», «Тифлисском вестнике», «Новом обозрении», «Экономическом журнале» и приготовил множество объемистых статей для издаваемой товариществом Вольф «Живописной России», в печати еще не появившихся.

Литературною своею деятельностью Абрамов примыкает к той же фракции новейшей русской интеллигенции, которая, отодвигая на второй план вопросы общественно-политические, считает основною задачею современной государственной жизни России — энергическую работу на помощь народу в его трудной борьбе с доморощенным кулачеством и быстро нарождающейся под влиянием все более и более тесного общения с западом буржуазии русской. Но не только экономические потребности русского простолюдина занимают молодого публициста. Как можно было видеть из перечня его статей, половина их посвящена расколу. В русских раскольниках, в особенности в последователях рационалистических сект, Абрамов видит людей «ищущих правды», людей богатых, правда, несколько болезненным идеализмом, но который, при мягком к нему отношении, не будет, как теперь, весь уходить в мистицизм и фанатизм, а напротив того, вольет в народный организм струю бодрого, деятельного и творческого настроения.

Помимо раскола и земской, в широком смысле этого слова, жизни России, Абрамов интересуется также делами своей родины — Кавказа, относительно которых проводит тот взгляд, что внутренняя жизнь многочисленных горских народов должна быть регулируема не по общему административному шаблону, а сообразно индивидуальным особенностям каждого из этих народов. По мнению Абрамова, именно при такой постановке дела русская государственная власть, отнюдь не теряя в своем престиже и верховном главенстве, даст наиболее полезный для России исход богатым природным силам кавказской окраины.

Íàñòîëüíûé ýíöèêëîïåäè÷åñêèé ñëîâàðü òîâàðèùåñòâà «À. Ãðàíàò è Êî». ×åòâåðòîå ïåðåðàáîòàííîå èçäàíèå. Ò. 1—8. — Ì îñêâà, 1896—1901. — Ò. 1. — Ñ. 17

Абрамов Яков Васильевич, современный публицист и исследователь народной жизни, родился в 1858 году в Ставрополе. Кавказское образование получил в местной гимназии и духовной семинарии, затем поступил в Медико-хирургическую академию, но в 1878 году должен был оставить Петербург и курса не окончил, с 1881 года начал деятельно работать в «Слове», «Устоях», «Деле» и «Отечественных записках». Он поместил в них ряд статей под псевдонимом «Федосеевец», касающихся различных сторон народной жизни и, особенно, раскольников, в которых он видит людей, «ищущих правды», богато одаренных, с несколько болезненным идеализмом, который при мягком отношении к ним не уходил бы в фанатизм и мистицизм, а влил бы здоровую, живую струю в народную жизнь. В последнее время Абрамов писал в «Наблюдателе», «Неделе», «Северном вестнике» и других изданиях. В 1884 году поступил в статистическое бюро петербургского земства, по поручению которого составил описание Шлиссельбургского и Петербургского уездов (3 тома).

Ýíöèêëîïåäè÷åñêèé ñëîâàðü. Èçäàíèå Ô.À. Áðîêãàóçà è È.À. Åôðîíà. Ò. 1—41À. — Ñàíêò-Ïåòåðáóðã, 1890—1904. – Ò. 1. – Ñ. 41

Абрамов, Яков Васильевич, псевдоним Федосеевец, родился 21 октября 1858 года в Ставрополе-Кавказском — публицист и исследователь народной жизни. С 1880 года неутомимый и плодовитейший сотрудник многих журналов и газет, как столичных, так и провинциальных. В 1881—1884 годах постоянный сотрудник «Отечественных записок», автор многих статей о сектантах.

Äåÿòåëè ðåâîëþöèîííîãî äâèæåíèÿ â Ðîññèè. Áèîáèáëèîãðàôè÷åñêèé ñëîâàðü. Îò ïðåäøåñòâåííèêîâ äåêàáðèñòîâ äî ïàäåíèÿ öàðèçìà: Â 5 ò. — Ì îñêâà, 1929. — Ò. 2. — Âûï. 1. — Ñ. 2—3

Абрамов, Яков Васильевич, мещанин. Публицист 1880-х годов. Родился 21 октября 1858 года в Ставрополе-Кавказском. Вышел из шестого класса Ставропольской гимназии вследствие столкновения с начальством и поступил в местную духовную семинарию. По окончании ее поступил в 1877 году в Медико-хирургическую академию. В 1878 году арестован и привлечен 23 августа того года по делу о распространении революционных книг; по высочайшему повелению, выслан на родину под надзор полиции. Проживая в Ставрополе, принимал участие в местном кружке, организованном для пропаганды. Осенью 1879 года обыскан и привлечен к дознанию за имение у себя запрещенных сочинений. По высочайшему повелению, 29 июля 1880 года подвергнут домашнему аресту на шесть недель и негласному надзору полиции. В начале 1881 года получил разрешение возвратиться в Петербург, где принял участие в современной журналистике. Сотрудничал в «Слове», «Отечественных записках», «Устоях» и «Деле», с июля 1885 года принял деятельное участие в «Неделе» и был одним из главных деятелей течения, называвшегося «абрамовщиной», сущность которой состояла в проповеди малых дел и «тихой культурной работы». В начале 1890-х годов отошел от публицистики и писал преимущественно по вопросам народного образования. Состоял редактором газеты «Северный Кавказ». Умер в Ставрополе-Кавказском в 1906 году.

Справки (Я. Абрамов, Липина, М. Михайлова, С. Никитина, Полюхов) — Всеподданнейшие доклады по министерству юстиции, 1880, т. III, с. 917—927 [Рукопись. Хранится в Центральном государственном историческом архиве]. — Справочный листок об обвиняемом в государственном преступлении [Рукопись. Хранится в Центральном государственном историческом архиве]. — Бурцев Вл. За сто лет (1800—1896). Сборник по истории политических и общественных движений в России, Лондон, 1897, т. II, с. 93. — Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней), т. 1—6, СПб., 1889—1904. — Новый энциклопедический словарь. Издание Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (в 48 тт.), СПб., 1911—1916. — Венгеров С.А. Источники словаря русских писателей, т. 1—4, СПб.—Пг., 1900—1917. — Русские ведомости 1863—1913. Сборник статей, М., 1913. — Большая советская энциклопедия. Издание акционерного общества «Советская энциклопедия», М., 1926.

Ñîâåòñêàÿ èñòîðè÷åñêàÿ ýíöèêëîïåäèÿ: Â 16 ò. — Ì îñêâà: Ãîñóäàðñòâåííîå íàó÷íîå èçäàòåëüñòâî «Ñîâåòñêàÿ ýíöèêëîïåäèÿ», 1961—1976. — Ò. 1. — Ñ. 45

Абрамов, Яков Васильевич (псевдоним — Федосеевец) (1858—1906) — либеральный народник, публицист. В 1878 году за революционную пропаганду был исключен из Медико-хирургической академии и выслан из Петербурга. С 1881 года печатался в «Слове», «Отечественных записках», «Деле». Изучал историю раскола и сектантства. В середине 80-х годов стал одним из основных сотрудников «Недели», со страниц которой пропагандировал отказ от революционной борьбы и «культурничество» — так называемую «теорию малых дел» («абрамовщина»).

Сочинения: Сельский календарь, вып. 1—2, СПб., 1888—89, «Что сделало земство и что оно делает?», СПб., 1889, «Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее», СПб., 1900, «Популярная юридическая библиотека», вып. 1—6, 8—10, СПб., 1895—1903, «Памяти Белинского», СПб., [1898].

Литература: Ленин В.И. Сочинения, 4 издание, т. 2 («От какого наследства мы отказываемся?»); Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. 1, СПб., 1889. Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни, СПб., 1895.

Ý.Â. Êåì ïèíñêèé
È íòåëëèãåíò èç Ñòàâðî ïîëÿ

Яков Васильевич Абрамов родился 21 октября (2 ноября) 1858 года в городе Ставрополе в семье мещанина. Первоначальное образование получил под руководством отца. Обучался в Ставропольской мужской гимназии и Кавказской духовной семинарии. В 1878 году он поступает в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию, но по болезни оставляет ее. Несколько позднее Абрамов пытался поступить в Киевский университет. Однако получить высшее образование ему так и не удалось.

Литературная деятельность Якова Васильевича началась в 1881 году и сразу же — с участия в журнале «Отечественные записки», где в это время трудились также Г.И. Успенский, Н.К. Михайловский и другие. Редактор журнала М.Е. Салтыков-Щедрин обратил внимание на молодого писателя. Он возлагал на него большие надежды, видел в нем дарование большее, чем у остальных сотрудников редакции, за исключением Михайловского. Михаил Евграфович морально, да и материально поддерживал Абрамова, редактировал его произведения, много работал над формированием стиля писателя. Именно по предложению Салтыкова-Щедрина в марте 1884 года, в трудное для журнала время, Яков Васильевич возглавил отдел «Внутреннее обозрение».

В течение восьмидесятых годов с небольшим перерывом, связанным с закрытием «Отечественных записок» в 1884 году, Яков Васильевич являлся активным сотрудником ряда столичных журналов. Его произведения о русском сектантстве, народном образовании, разработка им «теории малых дел», анализ общественно-экономической ситуации в России вызывали широкий отклик в обществе.

В зените своей известности, в 1890 году, Яков Васильевич отходит от активной публицистической деятельности и переезжает к себе на родину, в Ставропольскую губернию, где пытается осуществить на практике некоторые из проповедуемых им идей «малых дел», занимается «тихой культурной работой» среди трудящегося населения. Им были организованы общественные школы, народная библиотека. Абрамов издавал популярные брошюры по вопросам правовых отношений, развития естественных наук, астрономии, начального образования, очерки об известных личностях. Он являлся юристом и торговым агентом ряда промышленных предприятий, банков, обществ, корреспондентом провинциальных газет.

В общественно-политической деятельности Якова Васильевича Абрамова отразились характерные для российской интеллигенции черты: отношение к народу, взаимоотношения внутри самой демократической интеллигенции, менталитет политически активной, «мыслящей» части общества.

Озабоченный общественными проблемами, остро воспринимающий социально-экономическое и политическое положение народа, он откликался на эти вопросы, хотел быть полезным обществу. В этом стремлении его деятельность не всегда была последовательной. В выборе средств достижения поставленной цели он ориентировался то на решение «малых дел», то на политическую борьбу.

Восприятие демократических идей Абрамовым не было случайностью. Ставропольская мужская гимназия, как центр политического воспитания, дала во второй половине XIX века таких представителей освободительного движения, как Г.А. Лопатин, М.Ф. Фроленко, А.Ф. Михайлов, И.И. Бруснев. В семидесятые годы XIX века гимназисты издавали рукописный журнал «Люцифер», одним из авторов которого являлся Яков Абрамов, подписывающийся псевдонимом «Федосеевец».

В студенческие годы, в конце семидесятых годов, он участвовал в «хождении в народ», за что был подвергнут аресту и высылке в городе Ставрополь.

Во второй половине восьмидесятых–девяностых годов Абрамов — активный сторонник «теории малых дел». Отодвигая на второй план решение общественно-политических вопросов, он считал главной задачей решение практических задач, способных улучшить экономическое и социальное положение трудящегося народа через приобщение к культуре в широком значении этого слова.

Ему было свойственно откликаться на последние события в России. Политический кризис начала XX века не мог не отразиться на его деятельности. Абрамов стал одним из лидеров общественно-политического движения в Ставропольской губернии в 1904–1905 годах.

При его непосредственном участии проводились общественные собрания, на которых он выступал с осуждениями действий неспособного справиться с внутренними и внешними проблемами правительства и местной администрации. Он был инициатором принятия городской думой ряда политических резолюций, что выходило за пределы компетенции органов местного самоуправления. При этом он воспринимал идеи левой демократии; по свидетельству жандармерии, выступал сторонником «крайних политических убеждений». В частности, в стенах городской думы и за ее пределами он поддерживал идеи созыва Учредительного собрания, немедленного увеличения крестьянских земельных наделов. Являясь членом кадетской партии, он критиковал ее руководство за умеренность, за отход вправо, в то время когда демократическое общество шло вперед в своих требованиях. В период черносотенных погромов в конце октября

1905 года Абрамов возглавил комиссию самообороны города, результатом деятельности которой стало создание народной милиции. Интересны его взаимоотношения с молодым поколением «освободительного движения». Бывший воспитанник местной мужской гимназии Яков Васильевич постоянно выступал в защиту гимназистов, их действий и интересов. Он был автором одного из проектов реформы средней школы, предусматривающего ослабление дисциплинарного контроля и наделение учащихся большими правами. Уместно отметить, что большинство членов ставропольских комитетов социал-демократов и эсеров являлось выходцами из стен местных средних учебных заведений. Абрамов лично приглашал на заседание городской думы в качестве публики учащуюся молодежь и рабочих представителей левой демократии, которые активно поддерживали предлагаемые им проекты.

Можно сказать, что своими действиями Яков Васильевич способствовал становлению ставропольских социал-демократов и эсеров. Однако со временем неизбежны были конфликты между ними. Разделяя по некоторым вопросам позиции социал-демократов и эсеров, их средства и методы борьбы, Абрамов в то же время сохранил нравственный критерий политической деятельности, стремился не допустить напрасных жертв. В ноябре 1905 года он выразил категорическую уверенность в бессмысленности дальнейшей радикализации борьбы, вовлечения крестьянства в революцию: «Аграрное движение будет залито кровью... у правительства достаточно еще для этого сил». В декабре 1905 года он заявил, что конкретной задачей современности является не свержение самодержавия, а установление государственного социализма, что со временем подготовит «наступление нового социалистического строя». Эти положения Абрамова уже не могли удовлетворить бывших его единомышленников, началась жесткая критика народника со стороны левых сил.

Яков Васильевич отошел от кадетов, социал-демократов, эсеров. Революционеры не прислушались к его предостережениям. В 1906 году крестьянское движение на Ставрополье приняло большие размеры, потребовало в августе 1906 года применения вооруженных сил.

В период подавления революции в губернии, в ночь на 18 сентября 1906 года Яков Васильевич ушел из жизни...

Òåêñò ðóêîïèñè ïðåäîñòàâëåí àâòîðîì.

Ñ.ß. Í îâàê
ß.Â. Àáðàì îâ — èññëåäîâàòåëü íàðîäíîé æèçíè

Яков Васильевич Абрамов является заметной фигурой в общественном движении России. С середины 80-х по начало 90-х годов XIX века он — идейный лидер правого течения в либеральном народничестве («абрамовщины»), активный пропагандист «теории малых дел», имевшей в этот период сильное влияние в среде интеллигенции[1].

Несмотря на известность в прошлом, Абрамов мало известен сегодня. После уничтожающей критики либерально-народнической идеологии В.И. Лениным[2], имя видного народнического публициста стало или замалчиваться или упоминаться только в контексте — «реакционер». (Не нашлось ему места среди персоналий, помещенных в Большой советской энциклопедии, за исключением 1-го издания 1929 года). До настоящего времени нет специальных исследований, посвященных Абрамову, мало места уделяется и в общих работах по истории общественной мысли, весьма скудны и разбросанны биографические сведения о нем[3].

Я.В. Абрамов родился 21 октября 1858 года в Ставрополе-Кавказском. Первоначальное образование получил под руководством отца, мещанина-самоучки. Учился в Ставропольской гимназии, но из шестого класса, вследствие неприятностей с гимназическим начальством, перешел в Кавказскую духовную семинарию, где и окончил «курс общеобразовательных наук». Среди учеников Абрамов выделялся незаурядными способностями. В 8-м классе, по его собственным словам, он считался лучшим учеником: «Мог читать à livre invert чуть не всех классиков, мог свободно писать сочинения на греческом языке, а по-латыни мог даже речи говорить и особенно преуспевал в математике»[4]. Вместе с тем он отмечает, что девятилетнее пребывание в гимназии имело крайне отрицательное влияние на формирование его характера, а огромные нагрузки пагубно отразились на его здоровье. Главное зло он усматривает в нравственном давлении на личность, не позволяющем раскрыть свою индивидуальность[5].

В 1878 году Абрамов поступает в Медико-хирургическую академию, но в 1879 году по болезни вынужден оставить ее. Его намерение поступить в Киевский университет было прервано привлечением к дознанию за хранение и распространение нелегальной литературы. В июле 1880 года он подвергся домашнему аресту, а затем находился под негласным надзором полиции.

В начале 1881 года двадцатидвухлетний Яков Абрамов, успевший уже принять участие в народническом движении и претерпевший за это наказание, приехал в Петербург. Не имея никаких знакомств и рекомендаций, он обращается к господину Успенскому, а через него заводит знакомство с Г.З. Елисеевым и Н.К. Михайловским, который рекомендовал его Салтыкову-Щедрину в журнал «Отечественные записки»[7]. С этого времени начинается журнальная деятельность Я.В. Абрамова. С марта 1884 года вел в журнале отдел «Внутреннее обозрение». Параллельно он печатается в «Слове» и «Деле», «Устоях». В журнале «Устои» Абрамову было поручено вести отдел беллетристики. В беллетристике редакция намеревалась дать ряд картин действительной жизни. В очерках он делает зарисовки народной жизни, которую он изучал не по книгам, не обходя при этом острых социальных вопросов, что иногда приводило к конфликтам с властями. В частности, из 8-го номера «Устоев» была изъята заметка Я. Абрамова «Жертва Молоху», в которой автор, описывая стачку рабочих на Кренгольмской мануфактуре, не скрывал своей симпатии к ним[8]. Исследование народного быта стало ведущей темой в творчестве Абрамова.

Проживая постоянно в столице, он проявлял живейший интерес к делам своей родины — Северному Кавказу, использовал любую возможность для посещения родных мест. Собранные им в провинции материалы и вынесенные впечатления отразились в большинстве его произведений этого периода.

В последний период жизни Абрамов постепенно отходит от публицистики и сосредотачивается на вопросах народного образования. Кроме занятий журналистикой, он работал юристом и торговым агентом на промышленных предприятиях, в банках и обществах; с 1895 года гласный Ставропольской городской думы, деятельный член Общества для распространения народного образования. Находился в оппозиции к губернской администрации, резко выступал против черносотенного движения[9].

Умер Я.В. Абрамов 18 сентября 1906 года почти забытым.

Абрамов принадлежал к тому поколению интеллигентов, которое приобщилось к литературному процессу в начале восьмидесятых, поколению, разочарованному неудачными попытками революционеров изменить жизнь страны к лучшему. К этому времени ему было всего 24 года. «Я увидел, — пишет он в автобиографическом произведении «Гамлеты — пара не грош», — такие картинки народных страданий, бедствий, несчастий, которые мне не забыть никогда и после которых мне уже не быть никогда довольным и счастливым»[10].

В отличие от многих народников-восьмидесятников он избежал идеализации реформы 1861 года, видел ее губительные последствия. Благом он считал только личное освобождение крестьян. Все остальное:

обезземеливание крестьян, малые наделы, «отрезки», выкупные платежи — неблагоприятно. Весьма скептически оценивал и результаты земской, судебной и школьной реформ, которые дошли до народа главным образом в виде новых налогов[11].

Отмена крепостного права вызвала грандиозное перераспределение собственности. Для большинства населения это обернулось абсолютным обнищанием. И Абрамов на конкретных фактах из своей жизни приводит этому доказательства. «Двадцать лет тому назад, — пишет он в рассказе «В степи», — в нашей местности не было мужицкого двора, который не имел бы, по крайней мере, десять овец, а теперь более половины имеют одну овечку». «Бедственное положение тем ужаснее, что оно постигает не заурядных мужиков, а знатоков своего дела, специалистов...»[12].

Бедность коснулась даже внешне благополучного сословия казаков. Абрамов, учительствуя в казачьей станице, сам столкнулся с этим единичным, как выяснилось, явлением. Впечатляет его описание страданий несчастного казака с больной лихорадкой бабушкой, занятого неимоверным трудом и, тем не менее, испытывающего страшную нужду. Но особенно тяжелым было положение переселенцев. Последующие после 1861 года экономические процессы привели к сезонным миграциям огромных масс населения. Абрамов указывает, что почти на каждую казацкую семью приходились одна-две семьи переселенцев. Они были настоящими рабами[13]. Еще более низкий уровень жизни в центральных губерниях по сравнению с Северным Кавказом заставляет людей срываться с насиженных мест. Из рассказа мужика-отходника своему визавистатистику о его жизни в Воронежской губернии, случайно услышанном автором в поезде, выясняется, что зарплата всего лишь 0,5 рублей в день (!) является причиной его поездки на Кавказ, где заработки выше (рассказ «Неожиданная встреча»)[14].

Хорошо знаком Абрамов и с нелегкой жизнью городских низов. Тяжелому «житию-бытию» некоего Петра Андреевича Власова, «мещанина и гражданина города N-ска», человека разносторонних способностей, изобретателя, не могущего себе заработать честным трудом и жена которого из-за нужды мечтала о корове ценой в 40 рублей, посвящен очерк «Корова»[15].

Одновременно с процессом обнищания, охватившим значительную часть населения страны и захватившим различные социальные слои, происходило обогащение немногочисленного нового класса. Абрамов выражает глубокие опасения в связи с появлением и быстрым распространением в России мироеда (очень точное название буржуа). Он указывает на рост могущества новых хозяев жизни: «Наш кулак (на Северном Кавказе. — *С.Н.*) и по названию не кулак, а коммерсант; по существу своей власти, силы и влияния он является влиятельным князем прошлого столетия, который зачастую распоряжается судьбою двадцати тысяч человек»[16].

Злейшим хищником, эксплуатирующим народ, Абрамов считает кулака-ростовщика, все скупающего и дающего товары в долг, а в последнее время начинающего прибирать к рукам и землю[17]. Главная цель этого класса — добывание денег. Средства наживы при этом любые, не церемонясь с совестью, оставляя общественные дела на втором плане. Не ограничиваясь властью капитала, новый класс подчиняет себе народные учреждения: суды, сходы и т.д.[18].

Нашествие капитала постепенно расшатывало нравственные устои крестьянского «мира». Все это происходило на глазах Абрамова. В первые годы, прожитые им в деревне, он только и делал, что восхищался. Восхищался как всем строем деревенской жизни, так и его «частностями». В деревне не знали слова «процент». И в отличие от города говорили «обманом не проживешь», «совесть не порог — через нее не перейдешь», «на миру с голоду не умрешь» и тому подобное. Когда попадал к мужику на постой, хозяйка отказывалась брать плату. Но эти прекрасные обычаи стали исчезать. «Таким образом, — с сожалением констатирует Абрамов, — то под влиянием посредника, то под еще более сильным влиянием господ коммерсантов, не только разоривших деревню, но и развративших ее, падал на моих глазах старый строй деревенской жизни. Вместе с этим исчезло и мое восхищение деревней. Печальнее всего было то, что утрата деревнею человечности, гуманных обычаев и привычек не вознаграждалась ничем»[19].

Все возрастающая роль денег в деревне подрывала вековые общинные традиции. Интересы «мира» стали не только солидарны, но и противоположны, отмечает автор в рассказе «Ищущий правды»[20].

Для Абрамова становится очевидным тот факт, что сельская община, существующая для того, чтобы всем заботиться о каждом, всем защищать каждого, «всем помогать каждому, в этом — смысл круговой поруки», не может служить надежной преградой установлению капиталистических порядков. И «в действительности мир со своей круговой порукой существует только для того, чтобы удобнее было карать их за недоимки в волостном правлении». Натиск капитала был настолько разрушительным, что потряс само основание общества — семью, увеличил пропасть между властью и народом и что, естественно, заставляло задуматься мужика. «Что такое семья? — задает он себе вопрос. И рассуждает так: — По идее, это союз экономический, но вместе с тем и союз дружбы и любви! В действительности семья — ни то, ни другое: каждый член бежит из семьи, каждый тянет в свой карман... Для чего человек землю пашет? — спрашивает он. И отвечает: — По идее для того, чтобы быть сытым. Ну, а в действительности для со-

блюдения каких-то «высших» интересов да для набивания мошны Колупаевых и Разуваевых, Фишеров и Бобринских...». «Что же это такое? — невольно задумался мужик»[21]. И даже официальная церковь разлагалась властью золотого тельца[22].

Этими вопросами Абрамов подводит нас к истокам народной критической мысли, которая стала проникать в деревню «рядом с нуждой и зарождением среди мужиков крайне эгоистических инстинктов» и в результате работы которой «возникло желание устроить жизнь на лучших основаниях» и «начались поиски этого лучшего». Подытоживая свои прежние наблюдения, он приходит к весьма проницательному выводу, что «критическая мысль, начавшая свою работу, обратилась естественно, прежде всего, туда, где разлад между идеей и ее осуществлением был особенно резок – в церковную область. Туда, где проповедь бессеребрия и «сдирание с живого и мертвого», проповедь нравственности и полное отсутствие таковой в проповеднике; святость богослужения и совершения таинств и формальное отношение к ним со стороны священника — все это не могло не поразить мужика»[23].

Конечно, критически мыслить могли немногие. Большинство терпело и мечтало о «вольных землях». Но самые сильные — отщепенцы: одни ограничивают отношения с миром; другие уходят; третьи идут в секты, что отмечал Я.В. Абрамов в «Секте шалапутов»[24].

Наиболее позитивную форму самоорганизации народа Яков Васильевич, как и другие народнические исследователи, увидел в сектантских общинах. Он часто использует метод личного наблюдения. Путевые заметки отразили впечатления Абрамова, прожившего целую неделю в одной из станиц близ Моздока на постоялом дворе с Марьей Евграфовной (вдова казачьего полковника), руководителем местной секты шалапутов[25].

Абрамова поразило бесплатное проживание на постоялом дворе. Удивление у него также вызвало совместное проживание и ведение хозяйства двух семей, которые в течение семи лет ни разу не ссорились, и то, что детей шалапуты пускают в школы. Переехав в станицу Петровскую, он обнаружил в общине шалапутов полнейшую солидарность, существование призрения сирот, выдач пособий из общинной кассы неработающим. Работали шалапуты сообща, а полученное зерно делили на четыре части: для будущего посева, про запас, на продовольствие (по едокам) и продажу (часть денег в общую кассу областной общины).

Абрамов в общине шалапутов обнаружил действительно новую форму социальной организации, основанную по существу на социалистических началах. Эта форма существенно отличалась от старого бога народничества — сельской общины. «Узы, связующие отдельных членов сектантской общины, — писал впоследствии Абрамов в очерке «К вопросу о веротерпимости», — не ограничивались совместным сожительством, круговой порукой по уплате податей да общностью землевладения», как в сельской общине[26].

Теперь Абрамов пытается узнать, каким путем люди приходят к новой форме общежития и хозяйствования. В следующем своем рассказе «Мещанский мыслитель» он старается проследить у своих героев этот путь. Интересно здесь описание эволюции сознания Гриши. К нему приходит мысль, что только любовь может спасти мир. Две черты особенно поразили Гришу во всех биографиях великих людей: постоянство и упорство, с которыми они преследовали свои цели, и страдания, которым они подвергались. Черты эти были общи всем биографиям и являлись чем-то необходимым в деятельности людей, вносящих новую мысль в мир, и Гриша решился подготовить себя к предстоящей деятельности, выработать в себе, во-первых, умение вести дело проповеди любви, а во-вторых, — способность переносить всякие страдания.

Все свое миросозерцание Григорий Петрович держит на двух идеях: «Мир во зле лежит» и «Только любовь спасет мир». Свою деятельность он начал с обличения. Затем Григорий Петрович проводит собрание. Открывается касса взаимопомощи. Через два года Григорий Петрович организовал секту шалапутов (хлыстов)[27].

Первые впечатления от встреч с сектантами, узнавание их образа жизни произвели на Абрамова столь сильное впечатление, что он серьезно задумывается над этим новым общественным явлением, обобщает свои наблюдения и самым тщательным образом разрабатывает программу изучения этого явления, и в четвертом номере «Отечественных записок» за 1881 год публикует ее с пространным предисловием.

Абрамов, как мыслящий народник, пытается по-новому взглянуть на проблему «интеллигенция — народ». Интеллигенции он не придает самостоятельного значения как классу. «Существовать сама для себя, — отмечает он, — интеллигенция не может; ее существование возможно только в том случае, если она является представительницей интересов народа, трудящейся массы (здесь интересно заметить, что Абрамов вслед за Михайловским включает в понятие «народ» только людей, живущих своим трудом) или интересов тех классов, которые веками находились над народом»[28].

Говоря о незнании интеллигенцией своего народа, Абрамов в первую очередь имеет в виду незнание сектантства. По его мнению, «интеллигенция прозевала сектантское движение». А между тем, возникновение и распространение сектантства Абрамов считает самым крупным и знаменательным фактом народной жизни пореформенной России. «В сектантском движении, — пишет он, — нашли выход стесненные силы и способности русского народного духа, в нем проявилась умственная деятельность русского народа, в нем обнаружилась способность русского народа к творчеству новых форм жизни, в нем проявилась успеш-

ная борьба народных принципов с влиянием капитала...»[29]. Всего раскольников и сектантов в России, по утверждению Абрамова, около 15 миллионов человек[30]. На Кубани и Ставрополье, например, шалапуты составляют примерно 10 % населения[31].

Автор приводит примеры многочисленных «перерождений» людей. Он показывает, как у них происходит переход от вопросов нравственности к социально-экономическим вопросам, к осознанию необходимости переустройства людских отношений. «А главное, все это не только сознается, но и неминуемо применяется к делу»[32]. Очень важный вывод Абрамова о самоорганизации народа на первичном уровне, когда идеи и дело неразрывно связаны между собой. По всей видимости, на этой стадии он уже приходит к пониманию преимущества созидательной практической работы снизу — «малых дел».

В создании новых форм общественно-экономических отношений он видит только первый, непосредственный результат этой работы, который в свою очередь вызывает, как необходимое свое следствие, новые явления: равноправие в семье, гуманизм (во главу угла ставится не общественное и имущественное положение человека, а его нравственные достоинства).

Развивая далее свою мысль, Абрамов говорит, что сознание необходимой солидарности в людских отношениях, развиваясь, превращается в сознание братства всех людей.

Это сознание до такой степени сильно в некоторых сектах, что, по словам исследователя, идея братства является единственно ясной идеей таких сект. Из идеи братства всех людей вытекает осознание обязательной пропаганды сектантского учения: «Чтобы все люди знали, как можно хорошо жить» (слова шалапута). Из этой же идеи вытекает осознание необходимости организации всех «верных» или «духовных». Та же идея, расширяя свое содержание, превращается в идею братства всех народов и вызывает отрицание войн. И здесь как всегда идея переходит в дело[33].

Абрамов показывает, что учение сектантства, опирающееся на Евангелие, неминуемо ведет к равноправию в юридическом и экономическом смысле, по сути, к социалистической организации общества. «Идея братства людей, — пишет он, — влечет за собою идею равноправности всех людей. Отсюда отрицание чьих-либо исключительных прав на землю, воду, леса и прочее (штундисты). Отсюда же — стремление к устройству общин с общим, артельным трудом и распределением продуктов по потребностям»[34].

Анализируя жизнь сектантской общины, он выстраивает довольно четкую схему ее эволюции. Стремление людей жить по совести, по установленным богом законам приводит их к осознанию равенства перед богом (по Энгельсу, это исторически первая форма социализма, провозглашенная ранним христианством), которое, в свою очередь, приводит к равенству имущественных и социальных прав, то есть к народническому социализму.

Рассматривая внутренний слой сектантской общины, Абрамов в качестве общей характеристики указывает на общность материальных и нравственных интересов.

Нравственный идеал пронизывает все сферы деятельности общины. Автор высоко оценивает устройство общественной жизни, в центре которой находится собрание.

Общественное мнение заменяет власть. Одобрение общественного мнения — высшая награда для сектанта.

Замечательным является существование сектантского суда наряду с официальным судом. В основе общинного правосудия апостольское правило суда, то есть улаживание спорных дел между собою самими. Наказание носит нравственный характер (раздача 40 милостынь, вклад на сирот, вдов и сирот и другое). Крайняя мера — исключение из общины. Право суда в одних сектах принадлежит главе, в других — собранию[35].

Умственное состояние раскольников, по утверждению Абрамова, заслуживает всяческой похвалы. Они основывают свои школы (в том числе тайные). Распространяют книги самого различного содержания: богословско-нравственные, светские (иногда даже первоклассных европейских мыслителей), исторические, а также периодическую прессу. В целом их грамотность заметно выше, чем у православных.

Абрамова впечатляет то, что всего добивались сектанты, опираясь только на собственные силы, — им отказывают в гражданских правах, а при переселении они становятся чуждыми народам-аборигенам.

Большую надежду в борьбе с развивающимся российским капитализмом Абрамов возлагает на сектантскую общину с присущими ей нравственным совершенством, свободным развитием личности и своеобразной организацией экономических отношений[36].

Отмечая громадное значение сектантского движения в его позитивной работе по перестройке человеческих отношений и совершенствованию личности, Абрамов видит в нем общественную силу, союзника интеллигенции. «Да поймет наша интеллигенция, — пишет он, — что сектантство представляет собой самую крупную народную силу и в количественном и в качественном отношении, и что наша интеллигенция из самосохранения должна сблизиться с народной интеллигенцией»[37].

Абрамов — не просто бесстрастный аналитик и наблюдатель, он глубоко переживает за свой народ, осознает свой долг ему. В нем пробуждается страстное желание помочь ему. Что же он может сделать для

народа?! Он понимает, что народу нужны медицинские, ветеринарные, гигиенические, агрономические знания. И он стал покупать книги по указанной тематике и распространять их среди крестьян[38]. Вот они, первые «малые дела» Абрамова!

Опыт изучения народной жизни убедил Абрамова в том, что созидательная социальная сила народа, когда идея и дело не разъединены, дает поразительные результаты.

Так подводит итог своего развития в конце 1882 года народник Абрамов. Можно сказать, что к этому времени в основном сформировалось его мировоззрение, которое оставалось неизменным до конца жизни. В основе его была мысль о потенциальной способности самоорганизации народа на социалистических началах без навязывания чуждых ему форм и вера в то, что практические меры помощи народу приведут к постепенному изменению жизни людей и построению справедливого общества.

С июля 1885 года Абрамов — ведущий сотрудник газеты «Неделя», со страниц которой проповедовал «теорию малых дел», вызвавшую широкий резонанс в просвещенном обществе. Она провозглашала отказ от «больших дел», звала к пересозданию общественного строя и призывала интеллигенцию к «тихой культурной работе», указывала на необходимость практической помощи народу со стороны правительства и интеллигенции, пропагандировала общинные и артельные формы хозяйствования и была направлена на борьбу с кулачеством и буржуазией.

В своих статьях и книгах Абрамов призывал интеллигенцию к просветительской работе в земствах, школах. Сам издавал брошюры рекомендательного характера по вопросам начальной грамоты и арифметики, правовых отношений, естествознанию; подготовил для крестьян «Сельские календари». Кроме того, он печатается в «Русской мысли», «Русском курьере», «Новом обозрении», «Экономическом журнале», «Московском телеграфе», «Тереке», «Тифлисском вестнике», «Наблюдателе», «Детском чтении».

В мае 1890 года Абрамов переезжает в Ставрополь, где продолжает свою литературную и общественную деятельность. Написал ряд очерков о жизни и деятельности выдающихся ученых и изобретателей. Печатается в «Книжках недели», газете «Северный Кавказ» (1890), «Новом слове» (1895—1896), «Сыне Отечества» (1897—1898), до конца дней в «Русской школе», с 1900 года ведет обозрение Ставрополя-Кавказского в газете «Приазовский край».

Ï ðè ì å÷à í èÿ

1. См. статьи «Абрамов Я.В.» — Критико-биографический словарь русских писателей и ученых С.А. Венгерова, 1889—1895; Новый энциклопедический словарь Брокгауз-Эфрон под ред. С.А. Арсеньева; Энциклопедический словарь тов-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°», 7-е изд. О влиянии «абрамовщины» свидетельствует острая полемика с ней представителей народничества и зарождающейся социал-демократии Н.К. Михайловского, Н.В. Шелгунова, П.Б. Струве, В.И. Ленина.

2. Ленин В.И. От какого наследства мы отказываемся? // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 2. — С. 530, 543—544; Перлы народнического прожектерства // Там же; Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Т. 1. — С. 125—346.

3. Наибольшую научную ценность представляет материал об Абрамове в работах: Харламов В.И. Из истории либерального народничества в России в конце 70-х — начале 90-х гг. XIX в. Общественно-политические воззрения Каблица (Юзова): Дисс. канд. ист. наук. — МГУ, 1980; Харламов В.И. Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70-80-х годах XIX века // Революционеры и либералы России. — М., 1990. Отдельная глава в 20 с. посвящена Абрамову и К.В. Лаврскому в работе: Канаева Т.М. Газета «Неделя» в общественном движении пореформенной России: Дисс. канд. ист. наук. — М., 1981. Ряд ценных замечаний содержат исследования: Ю. Мартов. Общественные и умственные течения в России 1870—1905. — М.; Л., 1924; Г.А. Бялый. В.М. Гаршин и литературная борьба восьмидесятых годов. — М.; Л., 1937; Б.П. Козьмин. Из истории революционной мысли в России. — М., 1961; А.И. Клибанов. Народные социальные утопии в России. — М., 1978.

4. Абрамов Я.В. Гамлеты — пара на грош // Устои. — 1882. — № 12. — С. 59.

5. Там же.

6. ЦГАОР, ф. 109. 3 эксп., 1879 г., д. 524.

7. Абрамов Я. Памяти М. Е. Салтыкова // Неделя. — 1889. — № 9. — С. 69.

8. Переселенков С. К истории журнала «Устои» // Современник. — 1923. — Кн. 2. — С. 157.

9. См.: Приазовский край, 1905, 8, 28 октября, 4, 20 ноября.

10. Абрамов Я. Гамлеты — пара на грош // Устои. — 1882. — № 12. — С. 68.

11. Абрамов Я. Секта шалапутов // Отечественные записки. — 1882. —№ 9. — С. 41.

12. Федосеевец (Абрамов Я.) В степи // Устои. — 1882. — № 1. — С. 142, 147—148, 145.

13. Абрамов Я. Гамлеты..., с. 68—71.

14. Абрамов Я. Неожиданная встреча // Устои. — 1882. — № 9. — 172—178.
15. Федосеевец. Корова // Устои. — 1882. — № 6. — С. 41—61.
16. Федосеевец. В степи..., с. 133.
17. Там же, с. 142.
18. Абрамов Я. Секта..., с. 41.
19. Федосеевец. В степи..., с. 162.
20. Федосеевец. Ищущий правды // Отечественные записки. — 1882. — № 5. — С. 37.
21. Федосеевец. Программа вопросов для собирания сведений о русском сектантстве // Отечественные записки. — 1881. — № 4. — С. 260.
22. Федосеевец. Ищущий правды..., с. 60—63.
23. Федосеевец. Программа..., с. 260.
24. Абрамов Я. Секта..., с. 42—43.
25. Федосеевец. Среди сектантов // Слово. — 1881. — С. 8.
26. Абрамов Я. К вопросу о веротерпимости // Отечественные записки. — 1882. — № 1. — С. 33.
27. Федосеевец. Мещанский мыслитель // Слово. — 1882. — № 4. — С. 80, 82, 84—85, 91.
28. Федосеевец. Программа..., с. 256.
29. Там же, с. 257.
30. Абрамов Я. К вопросу..., с. 167—168.
31. Абрамов Я. Секта..., с. 139.
32. Федосеевец. Программа..., с. 265.
33. Там же, с. 266.
34. Там же, с. 267.
35. Абрамов Я. К вопросу..., с. 33—36.
36. Федосеевец. Программа..., с. 256.
37. Там же.
38. Федосеевец. В степи..., с. 97—98.

Òåêñò ðóêîïèñè ïðåäîñòàâëåí àâòîðîì.

Ñ.ß. Í îâàê, Ý.Â. Êåì ïèíñêèé
Î áùåñòâåíí î-ï îëèòè÷åñêàÿ äåÿòåëüí îñòü ß.Â. Àáðàì îâà â êî íöå XIX — íà÷àëå XX âåêà

В конце XIX — начале XX века имя писателя, публициста, общественного деятеля Якова Васильевича Абрамова (1858—1906 годы) было широко известно в России. В середине 80-х—начале 90-х годов прошлого века он являлся идейным лидером правого течения в либеральном народничестве — «абрамовщины», активным пропагандистом «теории малых дел», имевшей в этот период сильное влияние среди интеллигенции. О влиянии «абрамовщины» свидетельствует острая полемика с ней представителей народничества и зарождающейся социал-демократии Н.К. Михайловского, Н.В. Шелгунова, П.Б. Струве, В.И. Ленина. Несмотря на известность в прошлом, Абрамов сегодня практически не известен. После уничтожающей критики либерально-народнической идеологии В.И. Лениным имя видного народного публициста стало или замалчиваться, или упоминается в контексте «реакционер».

Уже современники обращались к биографии Абрамова, давали оценку его деятельности в энциклопедиях, воспоминаниях[1]. В первые десятилетия Советской власти к его личности и работе обращались Ю. Мартов, Г.А. Бялый и другие[2]. В 60-е годы в своих работах уделяли место Я. Абрамову такие исследователи, как Б.П. Козьмин, Л.М. Добровольский[3]. С конца 70-х годов внимание к Абрамову несколько возросло. Большую научную ценность представляют материалы кандидатских диссертаций В.И. Харламова и Т.М. Канаевой[4]. Ряд ценных замечаний содержится в работе А.И. Клибанова[5], в сборнике «Революционеры и либералы России»[6]. Однако до сих пор нет специальных исследований, посвященных Я.В. Абрамову. Практически не освещается его деятельность в ставропольский период жизни, связанный с событиями первой российской революции.

В деятельности Якова Васильевича Абрамова отразились тенденции, характерные для российской интеллигенции: отношения интеллигенции и народа, отношения внутри самой демократической интеллигенции, менталитет политически активной, мыслящей части общества.

В статье авторами предполагается осветить следующие вопросы: народнические воззрения Я.В. Абрамова, деятельность его как гласного Ставропольской городской думы, отношение к идее реформирования государственного устройства, взаимодействие с политическими партиями и движениями, место и роль Якова Абрамова в событиях первой российской революции на Ставрополье.

Я.В. Абрамов родился 21 октября (2 ноября) 1858 года в городе Ставрополе в семье мещанина. Первоначальное образование получил под руководством отца. Учился в Ставропольской мужской гимназии.

Восприятие политических идей Абрамовым не было случайностью. Это учебное заведение как центр политического воспитания дало во второй половине XIX века следующую плеяду деятелей освободительного движения: Г.А. Лопатин, М.Ф. Фроленко, М.И. Бруснев, А.Ф. Михайлов. В 70-е годы гимназисты издавали рукописный журнал «Люцифер», одним из авторов которого являлся Яков Абрамов, подписывавшийся псевдонимом «Федосеевец». Из-за конфликтов с начальством в 6-м классе Абрамов вынужден был покинуть гимназию и перейти в духовную семинарию. После окончания ее в 1877 году он в течение года учительствует в одной из станиц Северного Кавказа. Тщетно пытаясь самостоятельно найти ответы на мучившие его вопросы, Яков Васильевич уезжает в Петербург.

В 1878 году Абрамов поступает в Медико-хирургическую академию, но в следующем году, по болезни, ее оставляет. Его намерение поступить в Киевский университет было прервано привлечением к дознанию за хранение и распространение нелегальной литературы[7], за что он был выслан в город Ставрополь.

Однако и здесь он продолжает активно участвовать в народническом движении. По утверждению жандармерии, в это время Абрамов являлся одним из организаторов «сходок лиц противоправительственного направления». Его общественно-политическая деятельность распространялась за пределы Ставропольской губернии. В частности, в конце 70-х—начале 80-х годов он неоднократно бывал в Нальчике, административном центре Кабарды и Балкарии, где проводил агитационно-пропагандистскую работу.

В конце 1880 года Абрамову было разрешено вернуться в столицу. Через Глеба Успенского он заводит знакомство с Г.З. Елисеевым и Н.К. Михайловским. Последний рекомендовал его М.Е. Салтыкову-Щедрину в журнал «Отечественные записки». С этого времени начинается журнальная деятельность Я.В. Абрамова. Он сотрудничает с журналом «Устои», печатается в «Слове», где вел отдел беллетристики, «Северном вестнике», «Русских мыслях» и других изданиях.

Литературная деятельность не принесла ему значительных успехов. Абрамов вскоре обратился от беллетристики к публицистике. Исследование народного быта стало ведущей темой в его творчестве.

В отличие от многих народников-восьмидесятников Яков Васильевич избежал идеализации реформы 1861 года, видел ее губительные последствия: обезземеливание крестьян, малые наделы, «отрезки»,

выкупные платежи. Обуржуазивание села, нашествие капитала постепенно расшатывали нравственные устои крестьянского «мира».

Современную ему деревню он противопоставлял сектантским общинам. Жизни сектантских общин и расколу посвящена большая часть написанного им в первой половине восьмидесятых годов. К одной из статей написал послесловие Лев Николаевич Толстой[8].

Возникновение и распространение сектанства Абрамов считает самым крупным и знаменательным фактом народной жизни пореформенной России. Анализируя жизнь сектантской общины, Абрамов выстраивает довольно четкую схему ее эволюции. Стремление людей жить по совести, по установленным богом законам приводит их к осознанию равенства перед богом, которое в свою очередь приводит к равенству имущественных и социальных прав, то есть к народническому социализму.

Абрамов не просто бесстрастный аналитик и наблюдатель, он глубоко переживает за народ, осознает свой долг. В нем пробуждается страстное желание помочь ему. Писательница Х.Д. Алчевская в своих дневниковых записях отмечает то впечатление, которое произвела на нее брошюра Абрамова: «Боже мой! Сколько ума, самоотвержения, энергии во всем этом деле! Сколько мысли о народе, сколько заботы и попечения о нем!»[9]. Яков Васильевич как мыслящий народник рассматривает проблему «интеллигенция и народ». Интеллигенции им не придается самостоятельного значения как классу. «Существовать сама для себя, — отмечает он, — интеллигенция не может; ее существование возможно только в том случае, если она является представительницей интересов народа, трудящейся массы или интересов тех классов, которые веками находились над народом»[10]. При этом интересно заметить, что Абрамов следом за Михайловским включает в понятие «народ» только людей, живущих своим трудом.

В конце 70-х—начале 80-х годов Яков Васильевич был близок к революционно-демократическому лагерю. Однако он был разочарован попытками революционеров изменить жизнь страны к лучшему. Изучая различные политические теории, Абрамов никак не мог соотнести их с жизнью. Особенно негативное отношение у него было к революционной доктрине К. Маркса, полной жестокости и «направленной против всего мира»[11]. Встреча с марксистами, по образному заявлению Якова Васильевича, «сразу отучила от бегания по проповедникам»[12].

Опыт познания народной жизни убедил Абрамова в том, что созидательная социальная работа народа, когда идея и дело соединены, дает поразительные результаты. Он понимает, что народу нужны практические знания по медицине, ветеринарии, гигиене, астрономии. Он стал покупать книги по указанной тематике и распространять их среди крестьян.

На страницах газеты «Неделя» Абрамов проповедовал «теорию малых дел». Она провозглашала отказ от «больших дел» по переустройству общественного строя и призывала интеллигенцию к «тихой культурной работе», указывала на необходимость практической помощи народу со стороны правительства и интеллигенции, пропагандировала общинные и артельные формы хозяйствования и ориентировала на борьбу с кулачеством и буржуазией. В своих статьях Яков Васильевич призывал образованную часть общества к просветительской работе в земствах. Особенно большое внимание автор обращал на народное образование.

Его многочисленные статьи о частных воскресных школах содействовали распространению этой формы служения народу. Он сам издавал брошюры рекомендательного характера по вопросам начальной грамоты и арифметики, правовых отношений, естествознанию; подготовил для крестьян «Сельские календари». В качестве примеров для подражания Абрамов опубликовал ряд биографий великих людей, описывая постоянство и упорство, с которыми они преследовали свои цели, и страдания, которым они подвергались. Черты характера их, по мнению Абрамова, помогут людям прийти к новой форме общежития и хозяйствования.

В мае 1890 года в условиях наступления политики реакции Я.В. Абрамов перебрался к себе на родину, в город Ставрополь. Здесь он работал юристом и торговым агентом ряда промышленных предприятий, банков, обществ, выступал с лекциями, организовал общественные школы. При его участии была создана народная библиотека. Он являлся активным членом общества содействия распространению народного образования. Печатался в газетах «Северный Кавказ» (город Ставрополь) и «Приазовский край» (город Ростов-на-Дону).

Ему было свойственно откликаться на последние события в стране. Политический кризис начала XX века не мог не отразиться на его деятельности. В это время происходит существенная эволюция его взглядов. Предшествующий период его деятельности, накопленный авторитет вывели Абрамова в число лидеров общественного движения накануне и в годы первой российской революции. Тем более это справедливо применительно к периоду 1904—1905 годов. С 1899 года он находился под негласным надзором полиции. Его статьи носили «явно противоправительственное содержание»[13]. По свидетельству жандармерии, Яков Абрамов накануне революции — «человек прямо-таки вредный для политического спокойствия губернии»[14]. Идейный представитель правого течения в либеральном народничестве в прошлом теперь становится одним из лидеров демократической общественности города Ставрополя. Если ранее он отодвигал на второй план общественно-политические вопросы, то теперь именно их решение Я.В. Абрамов видел основной задачей современной государственной жизни.

Ставропольский период его деятельности связан с местным самоуправлением. С 1895 по 1906 годы Абрамов являлся гласным Ставропольской городской думы, одного из центров общественно-политической

жизни губернского города. Он с либеральных позиций выступал за совершенствование местного управления, критиковал ставропольскую администрацию, ратовал за решение социально-экономических вопросов: благоустройства города, благотворительности, социального обеспечения, здравоохранения, народного образования, развития промышленности и торговли.

Большое влияние на Я.В. Абрамова произвела русско-японская война, собственно — неудачи русских войск, политика самодержавия, не способного справиться с внутренними и внешними проблемами.

Он участвует в частных собраниях, в банкетной компании, где выступает с осуждениями действий правительства. 15 января 1905 года по его инициативе городским самоуправлением было принято ходатайство на имя царя о скорейшем прекращении войны.

По утверждению жандармерии, Абрамов в представительном органе местного самоуправления выступает сторонником «крайних политических убеждений», «прямо-таки терроризирует Ставропольскую думу». По мнению ротмистра В.К. Фридрихова, именно благодаря ему Ставропольская дума приняла нежелательный оппозиционный характер.

Неоднократно предпринимались попытки ограничить свободу Я.В. Абрамова, но он как «человек очень умный и осторожный ведет свои дела так, что не дает оснований для привлечения его к уголовной или административной ответственности».

Яков Абрамов являлся инициатором приглашения в стены органов самоуправления учащейся молодежи и рабочих, которые «поддерживают все поднятые Абрамовым вопросы рукоплесканиями, и наоборот... попытки остановить иногда Абрамова встречаются шипением и чуть ли не свистами»[15]. После того, как его все-таки лишили слова, «публика, присутствовавшая в зале, встает и уходит»[16].

Ставропольская городская дума зимой-летом 1905 года неоднократно принимала резолюции о прекращении войны, созыве народного представительства, об установлении свободы слова, печати, союзов, собраний, неприкосновенности личности и жилища, прекращении исключительных законов. Яков Васильевич был в числе активных проводников этих проектов.

Под давлением общественной борьбы самодержавие решилось ограничить свою власть. В Высочайшем Манифесте 17 октября 1905 года провозглашались неприкосновенность личности, свобода слова, собраний, союзов совести; содержалось обещание созвать Государственную думу с законодательными правами и привлечь к участию в избирательной компании трудящихся.

По мнению Я.В. Абрамова, Манифест появился благодаря деятельности «тех смелых борцов, которые соорганизовали это великое движение пролетариата»; следом за ним в борьбу вступили широкие слои крестьянства. «Правительству оставалось или дать населению требуемое, или же расстрелять... всю многомиллионную, многострадальную родину»[17]. Вместе с тем Яков Васильевич предупреждал общественность от чрезмерных надежд, возлагаемых на Манифест: сохранялась угроза свободам и правам граждан. По Абрамову, самодержавие уже обещало свободы, что не мешало ему переполнять тюрьмы, вешать, ссылать, расстреливать. С данной оценкой документа Абрамов выступил на заседании городской думы, на котором обсуждался вопрос о посылке благодарственного адреса по случаю Высочайшего утверждения Манифеста. Его яркая речь повлияла на мнение рядовых гласных. Адрес был принят, но с весьма незначительным перевесом голосов.

В конце октября изменилось общее настроение общественности. Первые радости по случаю Манифеста сменились страхом. По России шла волна погромов. Реальна была угроза погрома и в губернском городе Ставрополе. Абрамов публикует посвященные теме погромов в России статьи[18], выступает на общественных собраниях. 24 октября народное собрание поддержало его предложение об организации самообороны в городе Ставрополе[19]. 27 числа городская дума создала комиссию по организации самообороны во главе с Я.В. Абрамовым. К концу месяца формирование народной милиции было завершено. В состав ее вошли члены боевых дружин левых партий. Просуществовав несколько дней, в начале ноября по решению губернатора Свечина самооборона была распущена.

После Манифеста 17 октября активизировалось партийное строительство, политическая дифференциация. По свидетельству газеты «Северный Кавказ», «уже с первых шагов свободного обмена мыслями в нашем обществе довольно рельефно выделились три течения: одни горячо отстаивали в своих речах точку зрения общеземского съезда, другие — социально-революционные положения, а третьи — социально-демократические»[20].

Политическое сознание Якова Васильевича затрудняло попытки властей четко определить его партийную принадлежность. Народник и социалист по убеждениям Яков Абрамов в силу социального положения и личных связей вступил во вновь организованную партию «народной свободы» конституционных демократов.

С конца 1904 года содержанием движения местных органов самоуправления стала идея созыва общероссийского съезда городских голов. По мнению ряда дум, в том числе и Ставропольской, предстоящий Съезд должен был обсудить вопросы о расширении прав городского самоуправления, о пересмотре избирательного закона, об изменении общих условий деятельности дум. В ноябре 1905 года состоялся съезд земских и городских деятелей, призванный обсудить отношение к правительству. Ставропольскую думу

на нем представлял Яков Васильевич Абрамов. По документам жандармерии, он там «высказывал самые крайние революционные взгляды»[21]. В том числе он отстаивал идею немедленного увеличения крестьянского надела[22]. Однако поддержки он не получил. В то время, когда прогрессивное общество шло в своих требованиях вперед, как отмечал Яков Васильевич, деятели съезда повернули направо[23].

По возвращении в Ставрополь Абрамов подверг жесткой критике съезд и его кадетское руководство, чем вызвал недовольство своих товарищей по партии. Как заявил лидер ставропольских кадетов Г.К. Праве, некоторые постановления съезда действительно являются позорными, «но взвалить за это ответственность на кадетскую партию рискованно»[24].

В отличие от кадетов, Абрамов встретил поддержку со стороны левых сил. Большое впечатление на них произвел доклад Якова Васильевича о работе органа демократии — Совета рабочих депутатов, его целях, намерениях и средствах борьбы[25].

Согласно материалам жандармерии, Яков Абрамов в течение зимы — лета 1905 года характеризуется следующим образом: «...около него группируются все политически неблагонадежные лица... он является руководителем всех антиправительственных проявлений», стоит «во главе оппозиционной партии»[26].

Ротмистр В.К. Фридрихов, вероятно, возвеличивал личность Я.В. Абрамова. Но, даже имея это в виду, надо отметить, что роль и место Якова Васильевича в общественно-политической жизни губернского центра были значимыми.

Озабоченный общественными проблемами, остро воспринимающий социально-экономическое и политическое положение народа, он откликался на эти вопросы, хотел быть полезным обществу. В этом стремлении его деятельность не всегда была последовательной. В выборе средств достижения поставленной цели он ориентировался то на решение «малых дел», то на политическую борьбу.

В конце 1905 года его стали одолевать сомнения в перспективе борьбы. В ноябре он выразил категорическую уверенность в бессмысленности дальнейшей радикализации борьбы, вовлечения крестьянства в революцию: «Аграрное движение будет подавлено военной силой, залито кровью... у правительства достаточно для этого сил»[27].

В декабре 1905 года Яков Абрамов заявил, что конкретной задачей современности является установление муниципального, государственного социализма, предусматривающее учреждение касс взаимопомощи, производственной и потребительской кооперации, концентрацию производства. «Социализм — не утопия, не фантазия, социализм — это реальная действительность». По его мнению, эти мероприятия подготовят «наступление нового социалистического строя», установление которого сейчас насильственным путем невозможно[28]. Таким образом, в последний период жизни и деятельности Яков Васильевич вновь вернулся к идеям теории «малых дел». Это вызвало жесткую критику со стороны социал-демократов. По мнению последних, осуществление идей, поддерживаемых Абрамовым, не облегчит задач революции, а затормозит свержение самодержавия[29].

Яков Абрамов отошел от кадетов, социал-демократов и эсеров. На выборах в Государственную думу он выставил свою кандидатуру как независимый кандидат, но ставропольские крестьяне не оказали ему доверия. 23 марта 1906 года он сложил с себя полномочия гласного Ставропольской городской думы[30].

Последние месяцы Яков Васильевич не принимал активного участия в общественно-политической жизни губернии. Он не осуществил своего намерения издавать ежедневную газету «Наш край». Ухудшилось его эмоциональное и физическое состояние.

Эсеры не прислушались к предостережениям Абрамова. В 1906 году крестьянское движение на Ставрополье приняло большие размеры, потребовавшие в августе 1906 года применения вооруженных сил для его подавления.

В ночь на 18 сентября 1906 года Яков Васильевич Абрамов ушел из жизни.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Деятельность Я.В. Абрамова следует разделить на три периода: 70—90-е годы XIX века — время участия в народническом движении, разработка теории «малых дел»; начало XX века—конец 1905 года — активное участие в общественно-политической жизни страны, восприятие идей левой демократии; конец 1905 — осень 1906 годов — отход от политической деятельности, возвращение к идеям «малых дел».

В восьмидесятые годы XIX века формировалось мировоззрение Я.В. Абрамова. В основе его была мысль о потенциальной способности самоорганизации народа на социалистических началах без навязывания ему чуждых форм и вера в то, что практические меры помощи народу приведут к постепенному изменению жизни людей и построению справедливого общества.

В начале XX века, в период первой российской революции, произошла радикализация взглядов Якова Васильевича. Он стал одним из лидеров общественно-политического движения в губернском городе Ставрополе. Разделяя по некоторым вопросам позиции социал-демократов и эсеров, их средства и методы борьбы, Абрамов в конце 1905 года выступил с предостережениями от дальнейшего обострения борьбы. Оставшись убежденным социалистом и защитником интересов народа, он считал возможным улучшить социально-экономическое положение трудящегося населения без свержения самодержавия на современ-

ном этапе. В конце 1905 года после периода активного участия в политическом движении Яков Абрамов вновь обратился к проповедуемой им в восьмидесятые-девяностые годы XIX века теории «малых дел».

Он не был последователен в своих воззрениях. Опыт его общественно-политической деятельности был печален. Занятия литературой не принесли успехов. Политические симпатии потерпели крушение. Ставропольские крестьяне не поддержали его кандидатуру в члены Государственной Думы.

Через полгода со дня смерти Якова Васильевича Абрамова ставропольская газета «Народная речь» горестно отмечала: «Стыдно, что наше городское управление, столь многим обязанное ему, ничего не устроило в память его. Неужели он этого не заслужил?»[31].

Ïðèìå÷àíèÿ

1. Венгеров С. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1889. Т. 1. С. 21—22; Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. М., 1891. Т. 1. С. 29—30; Большая энциклопедия. — Под ред. С.Н. Южакова. Т. 1. СПб., 1902. С. 25—26; Северо-кавказский альманах. Екатеринодар, 1908, с. 248—273.
2. Мартов Ю. Общественные и умственные течения в России в 1870—1905 гг. Л.—М. 1924; Бялый Г.А. В.М. Гаршин и литературная борьба восьмидесятых годов. М.—Л., 1937.
3. Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России. Избранные труды. М., 1961; Добровольский Л.М. Запрещенная книга в России, 1825—1904: Архивно-библиографические разыскания. М., 1962.
4. Харламов В.И. Из истории либерального народничества в России в конце 70-х — начале 90-х гг. XIX в. Общественно-политические воззрения Коблица (Юзова). — М.: МГУ, 1980; Канаева А.И. Газета «Неделя» в общественном движении пореформенной России. М., 1981.
5. Клибанов А.И. Народные социальные утопии в России. М., 1978.
6. Революционеры и либералы России. М., 1990; Русские писатели: Библиографический словарь. М., 1989. Т. 1. с. 12—13.
7. ЦГАОР. Ф. 109. 3 эксп. 1879 г. Д. 524.
8. Литературное наследство. Т. 69. Кн. 1. М., 1961. С. 476.
9. Алчевская Х.Д. Передуманное и пережитое. Дневники, письма, воспоминания. М., 1912. С. 339.
10. Отечественные записки. 1881. №4. С.256.
11. Абрамов Я.В. Гамлеты — пара на грош // Устои. 1882. №12. С. 77—78.
12. Козьмин Б.П. Указ. соч. С. 472.
13. ГАСК. Ф. 1008. Оп. 1 Д. 57. Л. 60.
14. ГАСК. Копии документов о революции 1905—1907 гг. на Ставрополье. — Т. 1. Л. 16—17.
15. Там же.
16. Северный Кавказ. — Ставрополь, 1905. 1 февраля. С. 3.
17. Там же. 27 октября. С. 2.
18. Приазовский край. — Ростов-на-Дону, 1905. 20 сентября, 8 октября, 28 октября, 4 ноября.
19. Северный Кавказ. 1905. 27 октября. С. 2.
20. Там же. 20 октября. С. 2—3.
21. ГАСК. Ф. 1008. Оп. 1. Д. 57. Л. 60.
22. ГАСК. Копии... — Т. 1. Л. 252.
23. Северный Кавказ. 1905. 29 ноября. С. 2.
24. Там же. 24 ноября. С. 3.
25. Вестник труда. Ставрополь, 1906. 26 сентября. С. 1.
26. ГАСК. Ф. 1008. Оп. 1. Д. 60. Л. 108; Там же. Копии... Т. 1. Л. 252.
27. Северный Кавказ. 1905. 29 ноября. С. 2.
28. Там же. 21 декабря. С. 2.
29. Там же. 23 декабря. С. 1.
30. ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 1854. Л. 23.
31. Народная речь. Ставрополь, 1907. 18 марта. С. 3.

Òåêñò ðóêîïèñè ïðåäîñòàâëåí àâòîðàìè.

Â.Å. ×åðíèêîâà
Ïðîáëåìà áûòèÿ ÷åëîâåêà â òâîð÷åñòâå ßêîâà Àáðàìîâà

Яков Васильевич Абрамов — выдающийся писатель и мыслитель второй половины XIX века. Его произведения проникнуты гуманизмом, состраданием к простому российскому народу, своей родине, природе. Его путь в литературе — это настойчивость беспрерывных поисков. Будучи конкретным и лаконичным, он смог в небольших по объему произведениях вместить и повествование о событиях российской действительности, и глубокое исследование человеческих чувств. Стиль Якова Абрамова отличается гармоническим объединением реализма с философской глубиной и лиричностью повествования. Он будто присутствует на месте каждого действия, всю картину видишь его глазами.

Литературное творчество Я. Абрамова относится к тому периоду, который в гуманитарной науке принято называть временем поиска истинного пути, формирования либеральных взглядов на происходящее. Проведенные Александром II в 1863—1874 годах реформы: земская, городская, судебная, цензурная, военная, в области народного образования, финансов и т.д. — разрядили на некоторое время в глазах либеральной части публики общественную обстановку. Однако все перечисленные реформы имели более или менее куцый, половинчатый характер и не могли удовлетворить ни народные массы, ни наиболее серьезно мыслящих представителей демократической интеллигенции.

В 70-е годы русское освободительное движение переживает период бурного расцвета, действенного революционного народничества. На смену по-своему цельной и последовательной, хотя и ошибочной исторически, народнической доктрине 60—70-х годов, основанной на вере в нерушимость основ общинного строя русской народной жизни, возможность непосредственного перехода в результате победы русских революционеров над самодержавием от крестьянской поземельной общины (с общим владением землей) к социализму, приходит эклектическое, либеральное народничество 80—90-х годов.

В середине 1880-х годов, самого реакционного времени второй половины XIX века, Я. Абрамов начинает деятельную работу в «Неделе» и становится одним из главных выразителей течения, которое часто называлось «абрамовщиной» — по его имени. Общественные надежды, разбуженные реформами 1860-х годов, оказались не соответствующими ожиданиям, прогрессивные умы уже не надеялись на их осуществление. Известная теория «непротивления злу» Льва Толстого становилась все более популярной в обществе. Теория же Я. Абрамова, «теория малых дел» противопоставлялась теории больших дел, революционных свершений. Он призывал к народничеству, к сосредоточению внимания и энергии на «малых делах», на «тихой культурной работе» — нужно идти в «народ», в земские врачи, учительствовать и т.п. Учение это стало пользоваться успехом. Впрочем, в начале 1890-х ситуация снова меняется, общество опять склоняется к вектору кардинальных изменений в России, и «теория малых дел» начинает терять популярность.

Литературное творчество второй половины XIX века характеризуется сближением философского и художественного познания в области человековедения. Эпоха становления и развития реализма как в русском, так и в мировом искусстве характеризуется ориентацией литературы на науку. Л. Толстой выразил эту тенденцию предельно лаконично: «Искусство — там, где была истинная наука», где «искусство служило учению о жизни». У художников «психологического течения» это выразилось в глубинном интересе к законам внутренней жизни человека, отражавшей условия социального бытия, у «социологов» — в усилении художественного анализа общественных закономерностей. В философии и литературе одновременно формировалась концепция человека, в основе которой лежало «практически-деятельное» мироотношение. Развитие реализма во всех его типологических разновидностях во второй половине XIX века было связано с углублением образного раскрытия противоречивой взаимосвязи человека и общества. Эта тема нашла свое отражение во многих произведениях Я. Абрамова, в числе которых и «Мещанский мыслитель». Вот, какими автор видит внутренние переживания героя, своего современника: «Грише было около пятнадцати лет, когда ему впервые пришел в голову последний вопрос. Он тщетно ломал голову над его решением, тщетно искал в своей короткой жизни вины, которая оправдывала бы то тяжелое положение, в котором он находился. Он сравнивал себя с окружающими и нисколько не находил себя хуже их. За что же он страдает?.. И, не находя ответа, Гриша впадал в безнадежно-отчаянное состояние, становился апатичным ко всему, и только уходя по вечерам в сад, он отводил душу в страшных рыданиях» (5, с. 67).

Литературное постижение диалектической связи «человек — общество» определило устойчивый интерес Я. Абрамова к деятельной сущности человека, утверждение в ней социально-этического идеала, который воплощался в идее духовного и нравственного развития личности. Это объяснялось тем, что обострившиеся социальные отношения в отечественной действительности до предела драматизировали жизнь личности, которая воспринималась как определенный детерминированный продукт сложнейших конфликтных процессов «внутренней жизни» общества.

Я. Абрамов не мог не почувствовать этих изменений в парадигме «человек — общество», «личность — коллектив», он пришел к осознанию необходимости показа человека в более драматизированных, «спрессованных» обстоятельствах. В результате драматизации жизненных обстоятельств, особого напряжения внутреннего мира человека в его отношениях ко времени и событиям, личностное стало интенсивно включаться в общественные процессы, привнося в многообразный литературный мир субъективно-философское начало. Тип мироотношения, который стал методологической основой реалистического искусства, базируется на понимании человека как существа детерминированного, но относительно свободного, имеющего возможность для личностного самоопределения. «Но, перенося дело на чисто практическую почву, имея постоянно в виду окружающих его людей с их скорбями и страданиями, Гриша долго не мог найти такого всеобъемлющего принципа, проведение которого в жизнь спасло бы людей от страданий» (там же, с. 68).

Идея поиска истинного пути, поиска «высшей правды» приводит героев Я. Абрамова к религиозному мировосприятию и духовному осмыслению сущности своего бытия. Религиозно-философский подход к проблеме бытия человека в творчестве Я. Абрамова позволяет увидеть художественное явление в адекватной ему системе эстетических и этических координат: универсальный контекстный подход помогает найти ключ к нетрадиционному прочтению известных явлений, выявить глубинные закономерности литературного процесса прежде всего за счет реконструирования «диалога» литературного явления с явлениями философии, религии, культуры и т.д.: «Прочитывая и перечитывая многие места Евангелия, задумываясь над ними, толкуя их на разные лады, Гриша все-таки не находил того, что ему было нужно. Не раз останавливался он на словах Христа о всеобщей любви, о любви не только к ближнему, но и к врагу. Сначала ему казалось, что в этих словах кроется разрешение мучившего его вопроса. Любовь! Да, это именно то, чего недоставало ему в жизни, чего он так страстно жаждал, что могло осветить всю его жизнь. Да, именно любви недостает в людских отношениях: если бы хозяин и подмастерья любили его, разве они бранили и били бы его?.. Да, именно любви недостает миру, именно любовь может исправить мир!.. Но отчего же люди не любят друг друга, когда дело так просто и ясно? Присматриваясь к пьяным, суровым и жестоким фигурам окружающих его, Гриша решал, что люди не могут любить друг друга, что они слишком дурны для всеобщей взаимной любви…» (там же, с. 69).

Герои произведений Я. Абрамова — простые люди, жизнь которых наполнена проблемами, иногда почти неразрешимыми. Их бытие проявляется в разных онтологических парадигмах, таких например, как вера, любовь, свобода, одиночество. Именно в таком подходе раскрывается талант писателя как величайшего гуманиста. Например, в рассказе «Корова» в каждой строке чувствуется теплое отношение автора к своим героям: «Сам Петр Андреевич пользуется славою человека умного и честного. И действительно, это человек с необыкновенными способностями и феноменально честный. Но, несмотря на все свои способности, Петр Андреевич был, как у нас говорится, человек простой, то есть непрактичный» (4). И далее, объясняя, в чем состоит его непрактичность, Я. Абрамов пишет: «Простотою его пользовались многие из его сограждан, а один даже совершенно разорил его. Петр Андреевич был прежде человек довольно зажиточный и получил от отца в наследство большой дом с несколькими флигелями. Один из его друзей попросил его оказать ему услугу — заложить свой дом в банке, взять денег и передать их ему, другу, взамен чего друг предлагал Петру Андреевичу свой вексель на соответствующую сумму. Петр Андреевич исполнил дружескую просьбу.

Но когда пришел срок взносить в банк деньги, друг оказался несостоятельным, и дома Петра Андреевича пошли в продажу с аукциона, а сам он остался с ничего не стоящим векселем друга. <…> Простотою же Петра Андреевича объясняли его сограждане и то обстоятельство, что он «знает законы, а не хочет адвокатствовать: много, говорит, мошенства нужно на душу принимать. Таков был Петр Андреевич» (там же).

Таким образом, Я. Абрамов как бы живет в континууме бытия своей эпохи, впитывает его не только в творческом процессе, но и личностно, на уровне быта, в доставшейся ему духовной и культурной ситуации. Как отметил М. Бахтин, «бытие формирует индивидуальное мышление, при этом художник одновременно воплощает и создает культурное бытие эпохи собственными творческими усилиями. Таким образом, бытие эпохи и бытие художника находятся в динамических взаимодействиях и взаимовоплощениях, перетекают одно в другое и творят друг друга» (6, с. 73).

Рассмотрев философско-эстетические особенности творчества Я. Абрамова, можно отметить, что художественное пространство его произведений составляют два мира, которые мы можем условно обозначить как мир «реальный» и мир «идеальный».

«Реальный» мир автор строит, воссоздавая современную ему действительность российской жизни, стремясь к максимальной широте охвата. Отстранившись от глубокого психологизма, художник занят достоверностью создаваемого мира. Мир этот уродлив, страшен. Это мир перевернутых ценностей, духовные ориентиры в нем извращены, законы, по которым он существует, аморальны. Но живя внутри этого мира, родившись в нем и восприняв его законы, трудно понять причины, вызывающие духовную деградацию, нравственный распад общества. «Идеальный» мир — это совершенный мир, к которому стремились его герои, это ориентация на избранничество, мессианство, поиск новых форм веры. Основными константами бытия человека в этом мире являются: свобода, творчество, любовь: « При ближайшем знакомстве с ним я убедился, что он никогда еще не задумывался ни над чем, что не имело прямого отношения к двум, правда, всеобъемлющим идеям:

«мир во зле лежит» и «только любовь может спасти мир». На этих двух идеях Григорий Петрович построил все свое миросозерцание; из них же он выводил и правила, которыми руководился в практической деятельности. «Мир во зле лежит». Это — отрицательный принцип: все в мире скверно и заслуживает только одного полного уничтожения. «Только любовь может спасти мир» — это принцип положительный: нужно все силы направлять на то, чтобы жизнь была построена на любви. Само собою, Григорий Петрович развивал оба принципа, ссылаясь на Евангелие и подкрепляя их массою цитат из Священного Писания» (5, с. 90).

Экзистенциальные мотивы, связанные с поисками высшего смысла существования, выражают идею высшей Истины, поиском которой заняты герои Я. Абрамова. Смысл существования, экзистенции обусловил в рассказах Я. Абрамова мотивы бездомья, неудовлетворенности («Мещанский мыслитель»), поиска лучшей жизни («Кавказские горцы»), в реализации которых преобладает значение духовного подвижничества, утверждающего высшее благо на Земле. Такая форма повествования способствует воссозданию во всей сложности и исторически неповторимой конкретности реальной атмосферы, образов и событий русской жизни с углубленной философской постановкой основных, «вечных», наиболее сложных вопросов человеческого бытия.

Важное место в творчестве Я. Абрамова занимает изображение быта различных сословий, населявших юг России, жизнь и настроение горцев, картины южной природы. Создается впечатление, что для творчества Я. Абрамова такие выразительные художественные подробности, как элементы пейзажа, отдельная вещь, работа, поступок, особенно важны, так как, будучи элементом единого целого, эти детали сами по себе являются микрообразами.

Пейзаж в его рассказах как бы снят с действительности, что чувствуется в подробных описаниях, а множество лиц, выступающих в них, придают им печать реальности: «Солнце еще не всходило. Заря тоже только начинала алеть на дальнем востоке. Царил полумрак, при котором очертания предметов различались не совсем ясно, словно приходилось смотреть сквозь синие очки. В воздухе еще чувствовалась ночная свежесть, но в то же время с востока неслись теплые воздушные волны, которые, ударяясь о тело, вызывали в нем чрезвычайно приятные ощущения.

Мы смотрели на стоявшую перед нами Татарскую гору. Странная эта гора. На совершенно ровной местности вдруг выдвигается отдельный, не стоящий ни в какой связи с какими-либо горными кряжами холм, чрезвычайно узкий и чрезвычайно высокий, высота которого превосходит ширину его основания, — и вся эта длинная земляная колонна венчается громадной каменной шапкой. Бока Татарской горы покрыты жалкой степной растительностью, вершина представляет совершенно обнаженный камень, а у подножья расположился маленький Султановский аул. Странное впечатление производила эта выпяченная из земли, словно сосец, гора, сразу уничтожая все установившиеся понятия о постепенности перехода из одного рода местности в другой. Мне уже неоднократно приходилось бывать в здешних краях, и тем не менее я всегда смотрю на Татарскую гору с особенным чувством восхищения и неудовлетворенного любопытства. Спутник же мой, в первый раз попавший сюда, просто не мог оторвать глаз от чудной картины и страшно досадовал на поезд, который, хотя медленно, но уносил нас от Татарской горы» (4).

Поистине поэтический образ природы создает Я. Абрамов, описывая северо-восток Ставропольского края: «Большая часть нашей дороги шла между полями, на которых чередовались пшеница, ячмень, просо, овес, подсолнухи, бахчи. Картина получалась преинтересная. Куда только ни проникал взор, всюду виднелись желтеющие нивы пшеницы, ячменя и овса, зеленые поля проса, а иногда еще и более темно зеленые участки конопли. Лен, еще несколько лет игравший видную роль в местном хозяйстве, на этот раз нам совсем не встречался: несколько лет неурожая отбили всякую охоту заниматься этим капризным растением, хоть и очень выгодным при урожае. Встречались на частновладельческих землях и сплошные участки в несколько сот десятин, занятые одним каким либо хлебом. Вид этих морей пшеницы или ячменя, волнуемых ветром, представляет действительно замечательную картину. В одном месте мы встретили сплошной участок в 300 десятин, засеянный подсолнухом. Цветущие головки этого растения расположенные непрерывно миллионами штук, производят крайне оригинальное впечатление» (3).

Таким образом, авторские наблюдения облачены в поэтическую форму и представляются не публицистическим очерком, а художественным слепком с действительности, который сочетает в себе как этнографические, так и художественные элементы.

Образы, представленные Я. Абрамовым, отличаются разнообразием. В живых, красочных картинах жизни кавказских городов и станиц, горских аулов и промышленных мест Ставрополья действуют у писателя и дышат полной жизнью мелкие и средние люди: мещане, казаки, жители аулов.

Так, «безотрадное» положение мещан в рассказе «Забытое сословие» Я. Абрамов объясняет их зависимостью от различного рода налогов, которые не позволяют людям иметь жизненный достаток: «Кроме того, владельцы городов и местечек собирают с населения в свою пользу разные налоги. Налоги эти крайне разнообразны и многочисленны. В Бердичеве, например, они представляют собою 28 наименований. Налогами этими обложено буквально все, что только может подлежать обложению, и даже то, с чего, казалось бы, никак нельзя взыскивать налогов» (2).

Болью и своеобразным внутренним протестом наполнены картины жизни горцев, факты их выселения, особенности трудовой деятельности, быта. Складывается впечатление, что для Я. Абрамова здесь больше вопросов, чем ответов. Повествуя о жизни горцев в рассказе «Кавказские горцы», писатель очертил тот круг вопросов, на которые он сам пытался ответить, показал те темные пятна российской политики и хозяйствования, которые, по его мнению, нужно было показывать. Вопрос «Почему?» прочитывается в каждой строчке рассказа. Например, автор отмечает, что его «всегда занимал вопрос о том, из каких побуждений кавказские администраторы устраивали выселения кавказских горцев в Турцию» (3). Взаимоотношения казаков и горцев Я. Абрамов считал «печальными», писатель пытался увидеть истоки неприязни, которая длилась веками. Я. Абрамов пишет: «Я остановлюсь на некоторых из этих печальных фактов, чтобы рельефнее выяснить отношения, сложившиеся здесь между казаками и туземцами. Во время моего пребывания в Терской области меня страшно поразила взаимная ненависть, которую питают друг к другу два главные элемента населения области — казаки и туземцы. Ненависть эта проявляется в чувствах и воззрениях казаков и туземцев и в тысячах столкновений тех и других друг с другом» (там же).

С особым уважением относится Я. Абрамов к труду горского народа, его культуре, народным промыслам. Несмотря на отсутствие грамотности, горцы демонстрировали образцы ирригационного искусства и инженерного дела в орошении земель и выращивании агрокультур. Заслуживает внимания личная оценка автором практических способностей горцев: «Лицам, говорящим о некультурности горцев и недостатке у них трудолюбия, следовало бы обратить внимание на эти факты, а также на некоторые другие, характеризующие степень культурности и трудолюбия кавказских туземцев, каковыми фактами могут служить развитие у горцев архитектуры, образцы которой можно видеть на башнеобразных зданиях Горной Осетии или на башнях по Военно-Грузинской дороге; на скотоводство у горцев вообще и карачаевцев в особенности, ухитрившихся развести огромные стада рогатого скота на неприступных высотах у подошвы Эльбруса; на ирригацию на Кумыкской плоскости, отчасти у чеченцев и, в особенности, в Закавказье, ирригацию, подобную которой русские здесь никак не могут устроить, несмотря на содействие научной техники и капитала; на широкое распространение среди горцев кустарных промыслов, на превосходнейшие местные кустарные изделия из шерсти, шелка и металлов и т.д.» (там же).

Специфические черты жизни российской глубинки наиболее рельефно показаны Я. Абрамовым в его коротких очерках. В очерке «Железнодорожные поселки» автор, изображая небольшие фрагменты российской действительности, стремится отразить особенности социальной жизни, неповторимые, сменяющиеся черты быта населения, пытается художественно запечатлеть и исследовать сущность явлений, происходящих в экономике, государственном и социальном строе России: «Жители поселков — только арендаторы усадебных мест, платящие всегда довольно солидную дань владельцам земли, будут ли то частные лица или сельские общества. Владельцы земли озабочены лишь извлечением доходов из образовавшихся на их землях поселков и всего менее думают о благоустройстве последних и об удовлетворении многочисленных нужд и потребностей населения поселков. Само это население, юридически не объединенное, не имеющее никакого общественного органа, лишено также возможности сделать что бы то ни было для упорядочения и улучшения жизни железнодорожных поселков» (1). На правах полноценного героя очерка выступает население такого поселка, которое «нуждается в школе, во врачебной помощи, страдает от недостатка питьевой воды, лишено какой бы то ни было возможности заботиться об удовлетворении своих нужд и о благоустройстве своих поселков» (там же). Сюжет очерка, овеянный ореолом сострадания к простому человеку, основывается на полноценных реальных земных деталях и дает представление о тех проблемах, которые были присущи всей стране, о том жизненном укладе, против которого выступал сам автор и который он искренне хотел изменить.

Прошло много лет, но проблемы, затронутые в творчестве Якова Васильевича Абрамова, не только не исчезли, но и обострились. Теми же самыми тревогами и заботами мы живем и сегодня, сложные проблемы и впечатляющие контрасты не потеряли актуальности. Основным объектом исследования Якова Абрамова является человек, его внутренний мир, его помыслы, поступки, ценности. Созданные им образы актуальны во все времена, так как человечность и гуманизм — вечны.

Ëèòåðàòóðà

Абрамов Я.В. Железнодорожные поселки // Приазовский край. — Ростов н/Д. — 1902. — № 260. — 1 октября.

Абрамов Я.В. Забытое сословие // Наблюдатель. — 1884. — № 1.

Абрамов Я.В. Кавказские горцы // Дело. — 1884. — № 1.

Абрамов Я.В. Корова // Отечественные записки. — 1882. — № 6.

Абрамов Я.В. Мещанский мыслитель // Слово. — 1881. — № 4.

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Эпос и роман. — СПб., 2000.

Òåêñò ðóêîïèñè ïðåäîñòàâëåí àâòîðîì.

Ñîâðåìåííèêè î ßêîâå Âàñèëüåâè÷å Àáðàìîâå

Ñ.À. Âåíãåðîâ

«Литературной своей деятельностью Абрамов примыкает к той фракции новейшей русской интеллигенции, которая, отодвигая на второй план вопросы общественно-политические, считает основной задачей современной государственной жизни России энергичную работу на помощь народу в его трудной борьбе с доморощенным кулачеством и быстро нарождающейся, под влиянием все более и более тесного общения с западом, русской буржуазией».

Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых: (От начала русской образованности до наших дней). — СПб., 1889. — Т. 1. — С. 23.

Í.Â. Øåëãóíîâ

«Понятное движение этой «фракции» объясняется весьма просто — ее практичностью и желанием оказать народу существенную ближайшую помощь; но существенная помощь народу не должна бы, казалось, вести к той страстности, с какой фракция относится к недавнему движению <революционно-демократической> мысли, из которого она сама вышла и в которой она как бы видит себе помеху...

Зачем же эта проповедь о «малых делах»... Они совершенно искренно, подобно г. Абрамову и другим, считают желательным, чтобы люди не занимались никакими так называемыми идейными вопросами и оставили бы в покое «идеи высшего порядка», то есть такое мышление, которое между сапожным ремеслом и государственно-общественным строительством видит и умеет найти связь и при котором каждый, кроме своего маленького, делаемого им, дела, знает и понимает, какое место и оно, и он сам занимают в общем строе гражданской жизни. Они просто выкорчевывают общественное сознание, учат тому, чтобы не думать и не глядеть дальше своего носа... Они, как г. Абрамов, признают только физический и мещанский идеал и свою боязнь мысли хотят сделать общею, но уже не боязнью, а руководящим принципом».

Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни. — СПб., 1895. — С. 851, 1091—1092.

Ì.Å. Ñàëòûêîâ — Í.Ê. Ìèõàéëîâñêîìó. 18 ôåâðàëÿ 1881 ãîäà. Ïåòåðáóðã

«Многоуважаемый Николай Константинович.

В газетах факты появляются в разрозненном виде, а у нас <в «Отечественных записках»> — целый букет. Вот почему я сделал сокращения в статье Абрамова <«Программа вопросов для собирания сведений о русском сектантстве»>, хотя бы даже в цитатах. Факты остаются в своей силе, а исчезнет только некоторая назойливость. Куцости я не вижу. Вообще, я просил бы Вас согласиться на эти изменения. Правда, из-за статьи, может быть, и не будет прямой истории, но непременно останется впечатление и мнение. *Ваш М. Салтыков*»

Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 20 т. — М., 1976. — Т. 19. Кн. 1. — С. 209.

Ì.Å. Ñàëòûêîâ — Í.Ê. Ìèõàéëîâñêîìó. 6 ôåâðàëÿ 1884 ãîäà. Ïåòåðáóðã

«...«Внутр<еннего> обозр<ения>» нет... Не найдете ли полезным приспособить к этому делу Абрамова? Он все-таки толковый человек. Ежели согласитесь, то вызовите его и перетолкуйте. Надо, по моему мнению, и о фактах говорить. Необходимо самую рубрику «Внутр<еннее> обозр<ение>» сохранить...

Пожалуйста, подумайте о «Внутр<еннем> обозрении». Я боюсь, что ежели мы постепенно будем обращаться в альманах, то и еще больше подписчиков растеряем. Надо с этим делом поспешить, потому что февральская книжка уже готова и предстоит готовиться к мартовской». <С марта 1884 г. «Внутреннее обозрение» в «Отечественных записках» вел Я.В. Абрамов>.

Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 20 т. — М., 1977. — Т. 19. Кн. 2. — С. 278.

Ì.Å. Ñàëòûêîâ — Ã.Ç. Åëèñåâóó. 12 ìàðòà 1884 ãîäà. Ïåòåðáóðã

«...В мартовской книжке «Внутр<еннее> обозр<ение>» писал Абрамов. Когда получите (если выйдет), то прочтите и скажите Ваше мнение. Кажется, что Абрамов будет дельнее Кривенко и в тысячу раз талантливее Южакова...»

Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 20 т. — М., 1977. — Т. 19. Кн. 2. — С. 293.

Ì.Å. Ñàëòûêîâ — Ã.Ç. Åëèñåâó. 31 ìàðòà 1885. Ïåòåðáóðã

«<Закрытие «Отечественных записок»...>. Все работали, мнили себя чем-то — и вдруг все оказались за флагом и убедились, что никому до них дела нет... Михайловский, Абрамов и проч. положительно нигде места себе найти не могут. И все это люди в полном цвете лет. Прежде хоть надежда на просвет была, а теперь все, положительно все заглохло... Скабичевский, Абрамов и Южаков почти нищенствуют...»

Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 20 т. — М., 1977. — Т. 20. — С. 164—165.

Áîëüøàÿ ýíöèêëîïåäèÿ (ÑÏá., 1902)

«Отсутствие художественного таланта должно было явиться причиной, что автор скоро обратился от беллетристики к публицистике. Пробовал он себя и в критике, и в календарях, и в истории, и на почве разных практических предприятий, состоял и редактором-издателем провинциальной газеты, но, несмотря на это, ни на замечательную плодовитость, А.<брамову> не удалось достигнуть больших успехов».

Большая энциклопедия / Под ред. С.Н. Южакова. — СПб., 1902. — Т. 1. — С. 25—26.

Ã.È. Óñïåíñêèé — ß.Â. Àáðàì îâó. 1886 ãîä

«Любезнейший Яков Васильевич! При этом письме прилагается очень любопытная и интересная рукопись, которую положительно надо бы поместить либо в «Неделе», либо в «С<еверном> вест<нике>». В «Неделе» в последнее время очень часто пишут о необходимости работать в народе. Это так. Но надо же и заступиться за этих работников, надо же, чтобы жизнь и работа в народе не была тиранством и мученичеством... Если бы Вы сделали маленькое предисловие к этой рукописи и посократили ее, то есть поисправили бы вообще в литературном отношении, то я думаю, что она бы могла быть напечатана в книжках «Недели» или в «Сев<ерном> вестнике»... Будьте добры, не откажите обратить внимание на мою покорнейшую просьбу. *Ваш Г. Успенский*».

Успенский Г.И. Собрание сочинений: В 9 т. — Л., 1957. — Т. 9. — С. 400.

Â.È. Ëåíèí

«Есть целый ряд несомненных представителей и хранителей «наследства», которые не имеют ничего общего с народничеством, вопроса о капитализме вовсе и не ставят, в самобытность России, крестьянской общины и т.п. вовсе не верят, в интеллигенции и в юридико-политических учреждениях никакого фактора, способного «свернуть с пути» не усматривают... Наоборот, есть люди, подходящие по своим воззрениям под указанные основные принципы народничества и при этом прямо и открыто «отрекающиеся от наследства», — назовем хоть того же господина Я. Абрамова...»

Ленин В.И. От какого наследства мы отказываемся // Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 2. — С. 530.

Õ.Ä. Àë÷åâñêàÿ

«— Боже мой. Боже мой! — говорила она мне под свежим впечатлением брошюры Абрамова <«Частная женская воскресная школа в Харькове и воскресные школы вообще»>. — У нас, во Франции, нет ничего подобного. Сколько ума, самоотвержения, энергии во всем этом деле! Сколько мысли о народе, сколько заботы и попечения о нем!..

Кроме дамы из провинции... ко мне каждое воскресенье являлся молодой человек-учитель, в высшей степени заинтересовавшийся характеристикой воскресной школы в России. Брошюра Абрамова произвела на него такое глубокое впечатление, что он начал изучать русский язык...»

Алчевская Х.Д. Передуманное и пережитое: Дневники, письма, воспоминания. — Л., 1912. — С. 339—340.

Ë.Í. Òîëñòîé

«Этим кончается правдивый обзор истории гонений духоборов <до их переселения на Кавказ>. Но история их гонений не кончается этим... Огонь так сильно разгорелся в последнее время среди духоборов, что мирские власти почувствовали себя в опасности и были вынуждены тушить его, и начались новые, усиленные гонения, продолжающиеся до сих пор...»

Толстой Л. Послесловие к статье Я. Абрамова о гонениях на духоборов, 1895 г. // Литературное наследство. — М., 1961. — Т. 69. Кн. 1. — С. 476.

Í.È. Êóëÿáêî-Êîðåöêèé

«Да, г. Абрамов, вы напечатали первую статью о сектантстве, воспользовавшись исследованием другого лица, без согласия последнего, и выдавали этот труд за результат собственных исследований и наблюдений. Лишь при помощи такого средства вы проложили себе путь в литературу. Но так как по самому его свойству средство это таково, что им нельзя пользоваться вечно, то теперь вы и превратились из сотрудника крупного журнала в корреспондента провинциальной газеты».

Кулябко-Корецкий Н.И. Открытое письмо г. Абрамову // Северный Кавказ. — 1902. — 9 апреля. — С. 2.

Â.Ê. Ôðèäðèõîâ

«Он <Абрамов> принадлежит к категории лиц крайне вредных в политическом отношении. Состоя гласным Ставропольской городской думы, состоит на стороне оппозиции губернской администрации, ведет знакомство со всеми лицами, политически неблагонадежными, посещал собрания у поднадзорных, где в дерзкой форме осуждал правительство по поводу войны <русско-японской>, сотрудничает в местном органе печати «Северный Кавказ», в газете «Приазовский край» и др., помещал статьи тенденциозного содержания... Является руководителем всех антиправительственных проявлений».

Фридрихов В.К., помощник начальника Терского областного жандармского управления по городу Ставрополю, 1904 г.

Ôëàíåð (ñîöèàë-äåìîêðàò, îïïîíåíò Ø. Àáðàìîâà)

«Неужели господин Абрамов не знает, что тот социализм настоящий, научный, интернациональный, под знаменем которого идут партии социал-демократов и социал-революционеров, не имеет ничего общего с муниципальным социализмом. Последний может процветать и в монархии. Между тем как первый отрицает государственную организацию... Государственный социализм... не только не имеет ничего общего с социализмом, но и враждебен ему».

Некто Фланер, социал-демократ, оппонент Я. Абрамова // Северный Кавказ. — 1905. — 23 декабря. — С. 1.

Ñîñòàâèòåëè: Ì.Â. Àãàðêîâà, Ý.Â. Êåìïèíñêèé.

Áèáëèîãðàôèÿ

Ïðîèçâåäåíèÿ ß.Â. Àáðàìîâà

Абрамов Я.В. Аренда и наем имуществ. — СПб., 1897. — 58 с.

Абрамов Я.В. Брак и семья. — СПб., 1900. — 69 с.

Абрамов Я.В. В поисках за правдой: Сб. рассказов. — 2-е изд. — СПб.: Тип. А.М. Котомина и К°, 1884. — 192 с.

Абрамов Я.В. В.П. Каразин: (Основатель Харьковского ун-та). Его жизнь и обществ. деятельность: Биогр. очерк. — СПб., 1891. — 96 с.

Абрамов Я.В. Вниманию интеллигентных провинциалов: (Из обществ. жизни г. Харькова). — СПб., 1889. — 15 с.

Абрамов Я.В. Вселенная: Попул. астроном. очерк. — СПб., 1900. — 132 с.: ил.

Абрамов Я.В. В. Франклин: Его жизнь, общественная и научная деятельность: Биогр. очерк. — СПб., 1891. — 80 с.: портр.

Абрамов Я.В. Г.М. Стэнли: Его жизнь, путешествия и геогр. открытия: Биогр. очерк. — СПб., 1891. — 93 с.

Абрамов Я.В. Два великих француза: Благодетель человечества Луи Пастер и апостол образования Жан Масэ. — СПб., 1897. — 46 с.

Абрамов Я.В. Женские врачебные курсы. — СПб., 1886. — 28 с.

Абрамов Я.В. Ибсен и Бьернсон: Лит. характеристики. — СПб., 1897. — 55 с.: 2 л. портр.

Абрамов Я.В. Микроскопические друзья и враги человечества. — СПб., 1898.

Абрамов Я.В. Наши воскресные школы: Их прошлое и настоящее. — СПб., 1900. — 351 с.

Абрамов Я.В. Новейшие успехи знания. — СПб., 1890.

Абрамов Я.В. Памяти Белинского. 1. Избранные мысли Белинского. 2. Роман Белинского. — СПб., Б. г. — 90 с.

Абрамов Я.В. Певец тоски: Ги де Мопассан. — СПб., 1897. — 63 с.

Абрамов Я.В. Песталоцци: Его жизнь и педагогическая деятельность: Биогр. очерк. — СПб., 1893. — 88 с.: портр.

Абрамов Я.В. Популярная юридическая библиотека. Вып. 1—10. — СПб., 1896—1898.

Абрамов Я.В. Сельский календарь. Вып. 1—5. — СПб., 1888—1892.

Абрамов Я.В. Старый и новый свет: Один из итогов XIX века и один из важнейших вопросов XX столетия. — СПб., 1901. — 88 с.

Абрамов Я.В. Стефенсон и Фультон: (Изобретатели паровоза и парохода): Их жизнь и науч.-практ. деятельность: Биогр. очерк. — СПб., 1893. — 78 с.

Абрамов Я.В. Фарадей: Его жизнь и научная деятельность: Биогр. очерк. — СПб., 1892. — 80 с.: портр.

Абрамов Я.В. Хр. Колумб: Его жизнь и путешествия: Биогр. очерк. — СПб., 1891. — 80 с.: портр.

Абрамов Я.В. Частная женская воскресная школа в Харькове и воскресные школы вообще. — 2-е изд. — Ставрополь, 1894. — 91 с.

Абрамов Я.В. Что сделало земство и что оно делает: (Обзор деятельности русского земства). — СПб., 1889. — 288 с.

Абрамов Я. Американская печать: [Фельетон] // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 94. — 11 апреля. — С. 2. — (Под псевдонимом А.).

Абрамов Я. Антикабацкое движение // Устои. — 1882. — № 9,10.

Абрамов Я. Аттестация средней школы // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1901. — № 118. — 5 мая. — С. 1.

Абрамов Я.В. Бабушка-генеральша: Очерк // Отеч. записки. — 1881. — № 6. — С. 509—524. — Отд. 1.

Абрамов Я. Бавария и наш край // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 160. — 19 июня. — С. 2.

Абрамов Я. «Бессознательная» душа // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 166. — 25 июня. — С. 2.

Абрамов Я. Бескровная война с немцами // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 103. — 20 апреля. — С. 2.

Абрамов Я. Бесплатный проезд: [Фельетон] // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 301. — 13 ноября. — С. 2; № 302. — 14 ноября. — С. 3.

Абрамов Я. Близость решительных действий // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 99. — 16 апреля. — С. 2.

Абрамов Я. Борьба за мировую гегемонию // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 141. — 29 мая. — С. 3.

Абрамов Я. Борьба с неурожаем // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1901. — № 231. — 31 августа. — С. 1—2.

Абрамов Я.В. Босая команда // Отеч. записки. — 1883. — № 4. — С. 121—149. — Отд. 2.
Абрамов Я. Бытовая сторона в последнем романе Л.Н. Толстого // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1900. — № 188. — 17 июля. — С. 2—3.
Абрамов Я. В степи: Очерк // Устои. — 1882. — № 1, 3, 4, 5.
Абрамов Я. В чем сила Соединенных Штатов // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 203. — 1 августа. — С. 1—2.
Абрамов Я. «Вместо венка» // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 187. — 16 июля. — С. 2.
О сборе средств для увековечения памяти А.П. Чехова — открытии школ и библиотек его имени.
Абрамов Я. Вниманию городских управлений [Об организации в Москве всеобщего доступного обучения] // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1901. — № 140. — 30 мая. — С. 1; № 144. — 3 июня. — С. 2.
Абрамов Я. Внутреннее обозрение // Отеч. записки. — 1884. — № 3. — С. 81—97. — Отд. 2; № 4. — С. 256—274. — Отд. 2.
Абрамов Я. Война: Письма из Петербурга // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 35. — 7 февраля. — С. 2; № 36. — 8 февраля. — С. 2; № 38. — 11 февраля. — С. 2.
Абрамов Я. Война: Письмо с дороги // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 41. — 14 февраля. — С. 2.
Абрамов Я. Война и мир // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 63. — 7 марта. — С. 2—3.
Абрамов Я. Война и мировая жизнь // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 69. — 13 марта. — С. 2.
Абрамов Я. Всяк кулик свое болото хвалит [О просвещении в Кабарде и Балкарии. Рец. на ст. А. Фролкова «Милостивый государь, г. Редактор» (Терек, Владикавказ. — 1883. — № 87, 88)] // Терек, Владикавказ. — 1883. — № 89.
Абрамов Я.В. Выговские пионеры: (К вопросу о роли раскола в деле колонизации России) // Отеч. записки. — 1884. — № 3. — С.89—126. — Отд. 1.; № 4. — С. 347—384. — Отд. 1.
Абрамов Я. Высшее женское образование // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 62. — 6 марта. — С. 2.
Абрамов Я.В. Гамлеты — пара на грош: (Из записок лежебока): Рассказ // Устои. — 1882. — № 12.
Абрамов Я. Героизм и непотизм: [О войне южноафриканских буров] // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1901. — № 147. — 6 июня. — С. 1.
Абрамов Я. Городская реформа // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 176. — 5 июля. — С. 2.
Абрамов Я. Городское кредитное общество // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 114. — 2 мая. — С. 2.
Абрамов Я. Государственный банк и земледельческие орудия и машины // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 207. — 5 августа. — С. 2.
Абрамов Я. Два творчества: [О повести С. Юшкевича «Ита Гайне» и рассказе Л. Андреева «Мысль»] // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 194. — 23 июля. — С. 3.
Абрамов Я. Дети-преступники: Фельетон // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 180. — 9 июля. — С. 3.
Абрамов Я.В. Доклад [о съезде земских и городских деятелей и о крестьянском съезде в Москве, где он был представителем от Ставроп. губ.] // Сев. Кавказ, Ставрополь. — 1905. — № 139. — 29 ноября. — С. 2.
Абрамов Я. Доходность русских железных дорог // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 116. — 4 мая. — С. 2.
Абрамов Я. Драмы Зудермана // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 121. — 9 мая. — С. 3.
Абрамов Я.В. Духоборцы // Отеч. записки. — 1883. — № 1. — С. 23—53. — Отд. 2.
Абрамов Я. Европа и Америка // Приазов. край. Ростов н/Д. — 1901. — № 132. — 20 мая. — С. 2.
Абрамов Я. Естественные препятствия сельскому хозяйству // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 133. — 23 мая. — С. 2.
Абрамов Я. Еще о Нальчикской школе // Терек, Владикавказ. — 1883. — № 97.
Абрамов Я. Еще об аптечной монополии // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 189. — 18 июля. — С. 3.
Абрамов Я. Железнодорожные поселки // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 260. — 1 октября. — С. 2.
Абрамов Я. Железнодорожные тарифы и хлебные грузы // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 171. — 30 июня. — С. 2.
Абрамов Я. Женское медицинское образование // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 203. — 1 августа. — С. 3.
Абрамов Я. За детей убитых // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 152. — 11 июня. — С. 2.
Абрамов Я. Забытое сословие // Наблюдатель. — 1885. — № 1.
Абрамов Я. Земства в неземских местностях // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 272. — 14 октября. — С. 2.

Абрамов Я. Земство на нашем юго-востоке // Приазов. край, Ростов н/д. — 1901. — № 128. — 16 мая. — С. 1—2.
Абрамов Я. Значение хлебной торговли // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 278. — 20 октября. — С. 2.
Абрамов Я.В. Из фабрично-заводского мира: Сборник стат. сведений по Московской губернии. Т. 3. Вып. 1. Санитарное исследование фабричных заведений Клинского уезда. Ф.Ф. Эрисмана. М., 1881; Вып. 2. Кирпично-гончарное производство Московского уезда. Я.В. Погожева. М., 1881; Вып. 3. Санитарное исследование фабричных заведений Верейского и Рузского уезда. Его же. М., 1882; Вып. 4. Санитарное исследование фабричных заведений Московского уезда. Ф.Ф. Эрисмана. М., 1882 // Отеч. записки. — 1882. — № 3. — С. 1—37. — Отд. 2; № 4. — С. 181—212. — Отд. 2.
Абрамов Я. Интересный доклад: [О быте торговых служащих] // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 144. — 3 июня. — С. 2.
Абрамов Я. Историческое значение нынешней войны // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — №101. — 18 апреля. — С. 2—3.
Абрамов Я.В. Ищущий правды. — Нелюдимец. — Странник // Отеч. записки. — 1882. — № 5. — С. 35—72. — Отд. 1.
Абрамов Я.В. К вопросу о веротерпимости // Отеч. записки. — 1882. — № 1. — С. 1—42. — Отд. 2; № 2. — С. 141—175. — Отд. 2.
Абрамов Я. К вопросу о мирном покорении Кавказа: (О столкновении между аланами и казаками) // Терек, Владикавказ. — 1883. — № 68, 69, 71, 79.
Абрамов Я.В. Кавказские горцы // Дело. — 1884. — № 1.
Абрамов Я.В. Как мелентьевцы искали воли: (Эпизод из доброго старого времени): Рассказ // Отеч. записки. — 1882. — № 7. — С. 227—236. — Отд. 1.
Абрамов Я. Каменноугольный трест // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 148. — 7 июня. — С. 2—3.
Абрамов Я. Китай и война // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 121. — 9 мая. — С. 2.
Абрамов Я. Книжная торговля и народное просвещение // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — №194. — 23 июля. — С. 1—2.
Абрамов Я. Колонизация Дальнего Востока // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 94. — 11 апреля. — С. 2—3.
Абрамов Я. Корова: Очерк // Устои. — 1882. — № 6. — С.41—61.
Абрамов Я. Крестьяне и мировая жизнь: [О романе нем. писателя фон Поленца «Крестьянин»] // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 152. — 11 июня. — С. 3.
Абрамов Я.В. Крестьянский кредит // Отеч. записки. — 1884. — № 1. — С. 1—34. — Отд. 2.
Абрамов Я. Кубанский съезд // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 265. — 7 октября. — С. 1.
Абрамов Я. Культурные вопросы нашего народного хозяйства // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 131. — 21 мая. — С. 2.
Абрамов Я. Лев Николаевич Толстой // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 244. — 14 сентября. — С. 3; № 257. — 28 сентября. — С. 3; № 284. — 27 октября. — С. 2.
Абрамов Я.В. Люди больной совести: [К 10-летию со дня смерти Гаршина] // Неделя. — 1898. — № 4.
Абрамов Я. Международное право: [Фельетон] // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 219. — 19 августа. — С. 2.
Абрамов Я.В. Механик: Рассказ // Устои. — 1881. — № 1.
Абрамов Я. Мещане: [О пьесе М. Горького «Мещане»] // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — №124. — 12 мая. — С. 2.
Абрамов Я.В. Мещане и «город» // Отеч. записки. — 1883. — № 3. — С. 1—21. — Отд. 2.
Абрамов Я.В. Мещанский мыслитель: Рассказ // Слово. — 1881. — № 4.
Абрамов Я. Мир в Южной Африке // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 141. — 29 мая. — С. 1.
Абрамов Я. Мировой урожай // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 243. — 13 сентября. — С. 2.
Абрамов Я. Мировой урожай хлебов // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 248. — 19 сентября. — С. 2.
Абрамов Я.В. [Рец. на кн.: М.М. Ковалевский. О сословно-поземельных отношениях у горцев Северного Кавказа] // Отеч. записки. — 1884. — № 2. — С. 163—167. — Отд. 2.
Абрамов Я. Молочное хозяйство в нашем крае // Приазов. край. — 1904. — № 221. — 21 августа. — С. 2—3.
Абрамов Я. Муниципальные съезды // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1901. — № 154. — 13 июня. — С. 1.
Абрамов Я. «На усиление флота» // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 142. — 1 июня. — С. 2.
Абрамов Я. Нальчик: [Слободская школа] // Терек, Владикавказ, 1883. — № 99.
Абрамов Я. Напряженное состояние // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 48. — 21 февраля. — С. 2.

Абрамов Я. Народное образование в Японии // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 77. — 21 марта. — С. 2.
Абрамов Я. Народное образование и общество // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 273. — 15 октября. — С. 2.
Абрамов Я. Народное просвещение и частная инициатива // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1901. — № 139. — 29 мая. — С. 2; № 142. — 1 июня. — С. 1; № 145. — 4 июня. — С. 1.
Абрамов Я. Настоятельная нужда: [О вопросах орошения земель на Северном Кавказе] // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 237. — 6 сентября. — С. 3—4.
Абрамов Я. Наш новый конкурент: [О строительстве керосинопровода от Баку до Черного моря] // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1901. — № 270. — 12 октября. — С. 1.
Абрамов Я. Наша бедность: [Низкая производительность труда — причина бедности России] // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1901. — № 276. — 18 октября. — С. 1.
Абрамов Я. Наша внешняя торговля накануне войны // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 156. — 15 июня. — С. 2—3.
Абрамов Я. Наша железная промышленность // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1901. — № 228. — 28 августа. — С. 1—2.
Абрамов Я.В. Наша жизнь в произведениях Чехова //Неделя. — 1898. — № 6.
Абрамов Я. Наша отсталость: [Отставание в экспорте мяса с Сев. Кавказа за границу] // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 283. — 26 октября. — С. 2.
Абрамов Я. Наша праздность // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 318. — 1 декабря. — С. 1—2.
Абрамов Я. Наше виноградарство // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 52. — 24 февраля. — С. 3.
Абрамов Я. Наше пчеловодство и его нужды // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 51. — 24 февраля. — С. 2; № 59. — 3 марта. — С. 2.
Абрамов Я. Наше телеграфное агентство // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 209. — 8 августа. — С. 2.
Абрамов Я. Наши бойни // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 204. — 2 августа. — С. 2—3; № 212. — 11 августа. — С. 2.
Абрамов Я. Наши воскресные школы и их нужды // Русская школа. — 1896. — № 4.
Абрамов Я. Наши яйца на мировом рынке: [Торговля] // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1901. — № 160. — 19 июня. — С. 1.
Абрамов Я.В. Некоторые особенности низших поземельных отношений // Отеч. записки. — 1883. — № 11. — С. 1—42. — Отд. 2.
Абрамов Я. Немного статистики: [О результатах переписи населения в Российской империи и на Кавказе] // Сев. Кавказ, Ставрополь. — 1897. — № 50. — 22 июня. — С. 2—3. — (Под псевдонимом А.).
Абрамов Я.В. Неожиданная встреча // Устои. — 1882. — № 9. — С. 172—178.
Абрамов Я. Нефтяной кризис // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1901. — № 120. — 7 мая. — С. 1.
Абрамов Я. Новая группировка держав // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 108. — 25 апреля. — С. 2.
Абрамов Я. Новая крестьянская реформа // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 19. — 21 января. — С. 2; № 21. — 23 января. — С. 2; № 25. — 27 января. — С. 2.
Абрамов Я. Новая угроза нашему отпуску // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 117. — 5 мая. — С. 2.
Абрамов Я. Новый аптекарский устав // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 173. — 2 июля. — С. 2.
Абрамов Я. Новый закон о народных чтениях // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1901. — № 125. — 13 мая. — С. 2.
Абрамов Я. Новый политехникум: [О политехникуме в Тифлисе] // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 242. — 12 сентября. — С. 2.
Абрамов Я. Общественные агрономы // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 284. — 27 октября. — С. 2.
Абрамов Я. Общественные склады сельскохозяйственных орудий и машин // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 123. — 12 мая. — С. 1—2.
Абрамов Я. Община и закон // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 152. — 11 июня. — С. 2.
Абрамов Я. Объединение двух ведомств: [О правилах открытия начальных школ Министерством нар. образования и духовных ведомств] // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 67. — 11 марта. — С. 2.
Абрамов Я. Овраги и борьба с ними // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. , № 211. — 10 августа. — С. 2.
Абрамов Я. Одна из погрешностей нашей поземельной политики на Кавказе // Терек, Владикавказ. — 1883. — № 64, 65.
Абрамов Я. Опытные станции по виноградарству и виноделию в нашем крае // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 65. — 9 марта. — С. 2.

Абрамов Я. Организация мелкого кредита // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 164. — 23 июня. — С. 2.
Абрамов Я. Оценка синдикатов // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 180. — 9 июля. — С. 1—2.
Абрамов Я.В. Очерки Северного Кавказа // Дело. — 1883. — № 11, 12.
Абрамов Я.В. Памяти М.Е. Салтыкова // Неделя. — 1889. — № 19. — С. 69.
Абрамов Я. Первый месяц войны // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 57. — 1 марта. — С. 2—3.
Абрамов Я. Переселенческий вопрос на Северном Кавказе // Терек, Владикавказ. — 1883. — № 84, 85, 86.
Абрамов Я. Пересмотр городового положения // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 317. — 30 ноября. — С. 2.
Абрамов Я. Пересмотр законов о печати // Приазов. край. Ростов н/Д. — 1904. — № 322. — 5 декабря. — С. 2.
Абрамов Я. Пересмотр законодательства о крестьянах: [Фельетон] // Приазов. край. Ростов н/Д. — 1904. — № 15. — 17 января. — С. 2.
Абрамов Я. Петушиный бой: [О судебном заседании по рассмотрению дела ставроп. купца П. Месснянкина] // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1901. — № 162. — 21 июня. — С. 2.
Абрамов Я. По железным дорогам // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 280. — 22 октября. — С. 2.
Абрамов Я. Подвиги ума человеческого: [О книге К.Д. Покровского «Успехи астрономии в XIX столетии»] // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 208. — 6 августа. — С. 3.
Абрамов Я. Политический союз и экономические отношения // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 124. — 12 мая. — С. 2—3.
Абрамов Я.В. Полместа: Мещанская драма // Дет. чтение. — 1885. — № 2.
Абрамов Я. Положение начального образования в разных странах: (По Левассеру) // Сев. Кавказ, Ставрополь. — 1899. — № 23. — 23 февраля. — С. 2; № 27. — 4 марта. — С. 2—3. — (Под псевдонимом А.).
Абрамов Я. Поражение в хлебной войне // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 147. — 6 июня. — С. 2.
Абрамов Я. Призыв к святому делу // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 333. — 17 декабря. — С. 2.
Абрамов Я. Провинциальная печать // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1901. — № 198. — 27 июля. — С. 1—2; № 216. — 15 августа. — С. 2; № 226. — 26 августа. — С. 2; № 244. — 14 сентября. — С. 2.
Абрамов Я.В. Программа вопросов для собирания сведений о русском сектантстве // Отеч. записки. — 1881. — № 4. — С. 255—280; № 5. — С. 123—162. — Отд. 2.
Абрамов Я. Рекламная поэзия // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 117. — 5 мая. — С. 2. — (Под псевдонимом Я.А.).
Абрамов Я. Реформа местного самоуправления // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 338. — 22 декабря. — С. 2.
Абрамов Я. Реформа опеки // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 206. — 4 августа. — С. 2.
Абрамов Я. Решительный момент // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 58. — 2 марта. — С. 2.
Абрамов Я. Россия в Японии // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 292. — 4 ноября. — С. 1—2.
Абрамов Я. Россия и Англия // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 119. — 6 мая. — С. 2.
Абрамов Я. Рост милитаризма и маринизма // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 154. — 13 июня. — С. 2—3.
Абрамов Я. Русская жизнь в 1903 г. // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 1. — 1 января. — С. 2—3.
Абрамов Я. Русский хлеб в Америке // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 307. — 19 ноября. — С. 2.
Абрамов Я. Самопомощь в сельском хозяйстве // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 161. — 20 июня. — С. 2.
Абрамов Я. Сахарный вопрос // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 266. — 8 октября. — С. 2.
Абрамов Я.В. Секта шалапутов // Отеч. записки. — 1882. — № 9. — С. 35—58. — Отд. 2; № 10. — С. 157—193. — Отд. 2.
Абрамов Я. Сельскохозяйственное образование на Кавказе // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 286. — 29 октября. — С.1—2.
Абрамов Я. Семья и школа // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1901. — № 120. — 7 мая. — С. 2.
Абрамов Я. Серьезный вопрос: [О развитии сети железных дорог в России] // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 107. — 25 апреля. — С. 2.
Абрамов Я. Слобода Нальчик // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1901. — № 190, 194.
Абрамов Я. Справедливая мера: [О расходах на содержание волостных правлений и сельской полиции] // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 251. — 22 сентября. — С. 2.
Абрамов Я.В. Среди сектантов: [Этногр. рассказ] // Слово. — 1881. — № 2.

Абрамов Я. Средняя школа и местные условия // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 153. — 12 июня. — С. 2.

Абрамов Я. Срочная и вечная аренда // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 248. — 19 сентября. — С. 3; № 251. — 22 сентября. — С. 2; № 261. — 3 октября. — С. 2.

Абрамов Я. Ставрополь-Кавказский: [Обзор новостей] // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1901. — № 117. — 4 мая. — С. 3; № 136. — 26 мая. — С. 3; № 139. — 29 мая. — С. 3; № 150. — 9 июня. — С. 3; № 166. — 25 июня. — С. 3—4; № 196. — 27 июля. — С. 3; № 215. — 14 августа. — С. 3; № 227. — 27 августа. — С. 3—4; № 237. — 6 сентября. — С. 3; № 238. — 7 сентября. — С. 3—4; № 241. — 11 сентября. — С. 3; № 244. — 14 сентября. — С. 3; № 253. — 24 сентября. — С. 3—4; 1902. — № 52. — 24 февраля. — С. 3; № 111. — 29 апреля. — С. 4; № 116. — 4 мая. — С. 3; № 119. — 7 мая. — С. 3; № 142. — 30 мая. — С. 3—4; № 150. — 9 июня. — С. 3; № 152. — 11 июня. — С. 3; № 155. — 14 июня. — С. 3; № 158. — 17 июня. — С. 4; № 159. — 18 июня. — С. 3; № 163. — 22 июня. — С. 3; № 165. — 24 июня. — С. 4; № 173. — 2 июля. — С. 3; № 178. — 7 июля. — С. 3; — 181. — 10 июля. — С. 3; № 186. — 15 июля. — С. 4; № 187. — 18 июля. — С. 3; № 192. — 21 июля. — С. 2; № 198. — 27 июля. — С. 3; № 209. — 8 августа. — С. 3; № 224. — 24 августа. — С. 3—4; № 248. — 19 сентября. — С. 3; № 250. — 21 сентября. — С. 3; № 268. — 10 октября. — С. 3; № 269. — 11 октября. — С. 3; № 277. — 19 октября. — С. 4; № 280. — 22 октября. — С. 2; № 281. — 24 октября. — С. 3; № 345. — 31 декабря. — С. 3; 1904. — № 2. — 3 января. — С. 3; № 4. — 5 января. — С. 4; № 5. — 6 января. — С. 2; № 16. — 18 января. — С. 3; № 19. — 21 января. — С. 4; № 20. — 22 января. — С. 3; № 49. — 22 февраля. — С. 2—3; № 53. — 26 февраля. — С. 3; № 55. — 28 февраля. — С. 4; № 56. — 29 февраля. — С. 3; № 62. — 6 марта. — С. 3—4; № 63. — 7 марта. — С. 4; № 67. — 11 марта. — С. 3; № 75. — 19 марта. — С. 4; № 76. — 20 марта. — С. 3; № 84. — 1 апреля. — С. 3—4; № 93. — 10 апреля. — С. 3; № 98. — 15 апреля. — С. 3; № 99. — 16 апреля. — С. 3; № 106. — 23 апреля. — С. 3; № 119. — 6 мая. — С. 2; № 120. — 8 мая. — С.3—4; № 128. — 16 мая. — С. 2; № 133. — 23 мая. — С.3; № 137. — 27 мая. — С. 3; № 139. — 29 мая. — С. 3; № 145. — 4 июня. — С. 3; № 147. — 6 июня. — С. 3; № 150. — 9 июня. — С. 3; № 152. — 11 июня. — С. 3; № 162. — 21 июня. — С. 4; № 163. — 22 июня. — С. 3; № 187. — 16 июля. — С. 4; № 189. — 18 июля. — С. 2—3; № 241. — 11 сентября. — С. 3; № 257. — 28 сентября. — С. 3; № 260. — 1 октября. — С. 2; № 271. — 13 октября. — С. 3; № 272. — 14 октября. — С. 3; № 273. — 15 октября. — С. 3—4; № 292. — 4 ноября. — С. 3; № 304. — 16 ноября. — С. 3; № 309. — 21 ноября. — С. 3; № 312. — 25 ноября. — С. 3; № 323. — 6 декабря. — С. 3; № 330. — 14 декабря. — С. 3; № 337. — 21 декабря. — С. 3.

Абрамов Я. Старый и новый свет // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1900. — № 182. — 11 июля. — С. 2; 1904. — № 22. — 24 января. — С. 2.

Абрамов Я. Странствующие лекторы // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 258. — 29 сентября. — С. 2.

Абрамов Я. Супруг: [Фельетон] // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 205. — 3 августа. — С. 2. — (Под псевдонимом А.).

Абрамов Я. Техасская нефть и наш будущий керосинопровод // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1901. — № 173. — 2 июля. — С. 2.

Абрамов Я. Торговое посредничество и городские управления // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1901. — № 238. — 7 сентября. — С. 1.

Абрамов Я. Торжество правосудия // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 56. — 29 февраля. — С. 2—3.

Абрамов Я. Третейский суд // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 310. — 23 ноября. — С. 2.

Абрамов Я. Трудовые артели // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 194. — 23 июля. — С. 1—2.

Абрамов Я. Угольный голод и его вероятные последствия // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1900. — № 22. — 24 января. — С. 2; № 33. — 5 февраля. — С. 2.

Абрамов Я. Упорядочение хлебной торговли // Празов. Край, Ростов н/Д. — 1902. — № 243. — 13 сентября. — С. 1.

Абрамов Я. Устранение несправедливости: (Гл. 2) // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 190. — 19 июля. — С. 1—2; № 192. — 21 июля. — С. 2.

Абрамов Я. Учительские прибавки: [Об изнурительном учительском труде и необходимости его должной оплаты] // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 106. — 23 апреля. — С. 2.

Абрамов Я. Феодосия (Таврической губ.) // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 258. — 29 сентября. — С. 3.

Абрамов Я. Хлебная инспекция // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1901. — № 159. — 18 июня. — С. 1.

Абрамов Я. Хлебная неурядица // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1901. — № 150. — 9 июня. — С. 1.

Абрамов Я. Хлебный огород // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 254. — 25 сентября. — С. 2.

Абрамов Я. Хлебный экспорт Северного Кавказа // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 311. — 24 ноября. — С. 2.

Абрамов Я.В. Хлудовщина: Очерк // Отеч. записки. — 1882. — № 5. — С. 36—53. — Отд. 2.

Абрамов Я. Хороший опыт // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 329. — 13 декабря. — С. 2.

Абрамов Я. Чествование 40-летия педагогической и общественной деятельности Х.Д. Алчевской // Приазов. край. Ростов н/Д. — 1902. — № 263. — 5 октября. — С. 2.

Абрамов Я. Чеховские миниатюры // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1900. — 19 ноября. — С. 2.

Абрамов Я. Чеховский мир // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 206. — 4 августа. — С. 2; № 214. — 13 августа. — С. 2; № 229. — 29 августа. — С. 3; № 239. — 8 сентября. — С. 2; № 260. — 1 октября. — С. 3; № 298. — 10 ноября. — С. 3.

Абрамов Я. Что может дать нам война // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1904. — № 75. — 19 марта. — С. 2; № 80. — 25 марта. — С. 2; № 84. — 1 апреля. — С. 3; № 85. — 2 апреля. — С. 2; № 86. — 3 апреля. — С. 2; № 87. — 4 апреля. — С. 2.

Абрамов Я. Школьная реформа // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1901. — № 163. — 22 июня. — С. 1.

Абрамов Я. Эмиль Золя: [О смерти писателя] // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 251. — 22 сентября. — С. 2.

Ставропольская городская дума. [Выступление г-на Абрамова на заседании Ставроп. гор. думы. Обсуждался вопрос о земельном хозяйстве] // Сев. Кавказ, Ставрополь. — 1895. — № 104. — 2 сентября. — С. 2—3.

Ставропольская городская дума. Думское заседание 16 сентября: [Выступление г-на Абрамова при обсуждении вопроса об отчуждении земель под строительство железной дороги и строительстве торговых заведений]; Думское заседание 28 октября: [Выступление г-на Абрамова при обсуждении вопроса о приглашении для ведения гор. земельного хозяйства ученого агронома]; Думское заседание 25 и 26 ноября: [Выступление г-на Абрамова по вопросу о передаче участка земли мужской гимназии] // Сев. Кавказ, Ставрополь. — 1899. — № 111. — 18 сентября. — С. 3; № 112. — 21 сентября. — С. 3; № 129. — 30 октября. — С. 3; № 130. — 2 ноября. — С. 3; № 142. — 30 ноября. — С. 2—3.

Ëèòåðàòóðà î æèçíè è òâîð÷åñòâå ß.Â. Àáðàìîâà

Абрамов Яков Васильевич // Большая энциклопедия / Под ред. С.Н. Южакова. — СПб., 1902 — Т. 1. — С. 25—26.

Абрамов Яков Васильевич // Венгеров С. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых: (От начала русской образованности до наших дней). — СПб., 1889. — Т. 1. — С. 21—23.

Абрамов Яков Васильевич // Сидоров В. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. — Ростов н/Д, 1994. — Т. 1. — С.5—8.

Абрамов Яков Васильевич // Сов. ист. энцикл. — М., 1961. — Т. 1. — С. 43.

Абрамов Яков Васильевич // Энцикл. словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°». — СПб., 1910. — Т. 1. — С. 59.

Агапкина Т.П. Абрамов Яков Васильевич // Русские писатели, 1800—1917: Биогр. словарь. — М., 1989. — Т. 1. — С. 12—13. — Библиогр.: С. 13.

Алчевская Х.Д. Передуманное и пережитое: Дневники, письма, воспоминания. — М., 1912. — 467 с.

С. 263, 339: [О брошюре Я.В. Абрамова «Частная женская воскресная школа в Харькове и воскресные школы вообще» и о впечатлении, произведенном ею на читателей].

Апухтин В.С. Материалы по истории первой российской революции 1905 года в Ставрополье: Перлюстрация (тайное вскрытие): [О письме Я.В. Абрамову от городового врача из Владикавказа И.М. Долгата, перехваченном жандармским управлением] // Ставрополье. — 1924. — № 9. — С. 108—109.

Воскресные школы: [О статье Я.В. Абрамова, помещенной в апрельской книжке «Русской школы» за 1896 г.: «Наши воскресные школы и их нужды»] // Сев. Кавказ, Ставрополь. — 1896. — № 44. — 2 июня. — С. 3.

Господин Я. Абрамов загрустил...: [О корреспонденциях г-на Абрамова с «погибельного» Кавказа и описаниях собственных душевных ощущений в № 83 «Приазов. края»] // Сев. Кавказ, Ставрополь. — 1896. — № 29. — 11 апреля. — С. 4.

Городская хроника: [Об избрании 3 ноября 1896 г. Я.В. Абрамова в состав комитета Общества распространения народного образования в Ставрополе] // Сев. Кавказ, Ставрополь. — 1896. — № 89. — 7 ноября. — С. 3.

Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России: Избр. труды. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — 767 с.

С. 157—158: [Я.В. Абрамов об открытии воскресных школ в Москве].

С. 452—454, 464—469, 472—476: [Об Абрамове как одном из авторов ж-ла «Устои», его рассказах «Механик», «Гамлеты — пара на грош», очерке «В степи»].

Корецкий Н. Ответ г. Абрамову: [По поводу публикации в «Приазов. крае» от 28 июня] // Сев. Кавказ, Ставрополь. — 1901. — № 88. — 26 июля. — С. 2—3.

Корецкий Н. Открытое письмо г. Абрамову: [по поводу присвоения Абрамовым чужих литературных трудов] // Сев. Кавказ, Ставрополь. — 1902. — № 43. — 9 апреля. — С. 2.

Корецкий Н. По поводу лекции г. Абрамова // Корецкий Н. Несколько статей и речей. — Ставрополь, 1901. — С. 134 — 138; Сев. Кавказ, Ставрополь. — 1899. — № 118. — 5 октября. — С. 3.

Обзор лекции Я.В. Абрамова о народном образовании в конце XIX века, прочитанной 29 сентября 1899 г. в ставроп. помещении кружка любителей изящных искусств. Автор лекции особенно подчеркивал ценность технического образования.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 2. — М., 1958. — 677 с. С. 530, 543, 544, 629: [О Я.В. Абрамове].

Отголоски печати: [О публикации г. Я.В. Абрамова в «Приазовском крае»; О судебном преследовании г. Абрамова за ложную информацию в прессе (столичной и провинциальной)]; [Критика позиции Я.В. Абрамова в полемике с «Сев. Кавказом»] // Приазов. край, Ростов н/Д. — 1902. — № 43. — 9 апреля. — С. 2; № 47. — 20 апреля. — С. 1—2.

Очерки истории русской культуры второй половины XIX века: Пособие для учителя / Под ред. Н.М. Волынкина. — М.: Просвещение, 1976. — 430 с.: ил.

С. 228: [О рассказе Я.В. Абрамова «Гамлеты — пара на грош», где проводится аналогия взаимоотношений между марксистами и народниками].

Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 19. Кн. 1. — М.: Худож. лит., 1976. — 240 с.

С. 209. — [Письмо Н.К. Михайловскому об Абрамове].

Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 19. Кн. 24 — М.: Худож. лит., 1977. — 352 с.

С. 278: [Письмо Н.К. Михайловскому об Абрамове]; С. 293: [Письмо Г.З. Елисееву об Абрамове].

Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 20. М.: Худож. лит., 1977. — 623 С.

С. 164—165: [Письмо Г.З. Елисееву об Абрамове].

Ставрополец. Свет и тени: [О статье Я. Абрамова «Великие и малые дела», опубл. в газ. «Неделя»] // Сев. Кавказ, Ставрополь. — 1896. — № 65. — 15 августа. — С. 3.

Ставрополь, 30 января. [В «Рус. ведомостях» от 23 января напечатана заметка по поводу выхода г. Абрамова из числа гласных Ставропольской городской думы] // Сев. Кавказ, Ставрополь. — 1901. — №13. — 30 января. — С. 1—2.

Ставрополь, 27 февраля. [Хроника; Критика публикаций Я. Абрамова в «Приазов. крае»] // Сев. Кавказ, Ставрополь. — 1901. — № 25. — 27 февраля. — С. 1.

Толстой Л.Н. Послесловие к статье Я. Абрамова о гонениях на духоборов, 1895 г. // Лит. наследство. — М., 1961. — Т. 69. Кн. 1. — С. 476.

Туккаев, Урусбиев С. Письмо в редакцию: (По поводу статьи Я.В. Абрамова «М.М. Ковалевский». — Отеч. записки. — 1884. — № 2) // Отеч. записки. — 1884. — № 4. — С. 275—276. — Отд. 2.

Успенский Г.И. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 9. — Л., 1957. — 824 с.

С. 400: [Письмо Я.В. Абрамову].

[Характеристика Абрамова] // Сев. Кавказ, Ставрополь. — 1902. — № 43. — 9 апреля. — С. 2.

Шелгунов Н. Очерки русской жизни. — СПб., 1895. — 1098 стб. Стб. 851, 1091—1092: [О Я.В. Абрамове].

Я. Абрамов и его полемические приемы: [Конфликт с «Сев. Кавказом»] // Сев. Кавказ, Ставрополь. — 1901. — № 119. — 6 октября. — С. 2—3.

Яков Васильевич Абрамов. К 135-летию со дня рождения: [Крат. биогр. справка] // Памятные даты Ставроп. края на 1993 год: Библиогр. указ. лит. — Ставрополь, 1992. — С. 59—63.

Ñîñòàâèòåëè: Ì.Â. Àãàðêîâà, Ý.Â. Êåìïèíñêèé.

С.В.Фарфоровский

ÏÎËÓÊÎ×ÅÂÛÅ ÍÀÐÎÄÛ ÑÅÂÅÐÍÎÃÎ ÊÀÂÊÀÇÀ (ÎÏÛÒ ÈÑÒÎÐÈÊÎ-ÊÓËÜÒÓÐÍÎÉ ÌÎÍÎÃÐÀÔÈÈ). ÊÀË ÌÛÊÈ ÑÒÀÂÐÎÏÎËÜÑÊÎÉ ÃÓÁÅÐÍÈÈ

Ââåäåíèå

В Ставропольской губернии насчитывается более 40 тысяч душ различных племен, ведущих полукочевую полуоседлую жизнь. Быт этих народностей очень интересен для этнографии ввиду того, что он очень мало изучен. В литературе по этнографии почти не встречается в настоящее время исследований этих полуномадных народов. В настоящее время заметен очень интенсивный переход от кочевой жизни к оседлой, особенно среди калмыков. Эти побуждения заставили предпринять прилагаемое исследование быта калмыков.

Ãëàâà I. Èñòîðè÷åñêèé î÷åðê ïðîèñõîæäåíèÿ êàëìûêîâ Ñòàâðîïîëüñêîé ãóáåðíèè

Калмыки Ставропольской губернии имеют общее происхождение с монголами Северной и Средней Азии. После переворота, произведенного в средней Азии Чингис-ханом, большая часть монголов кочевала по северной и северо-западной частям Китая. В половине XIV века возникли в Китае беспорядки, окончившиеся низвержением монгольской династии. Для поддержания своей независимости три монгольских племени: Чорос, Хойт и Хошот, кочевавшие на границах Азиатской России, — образовали союз. К нему присоединилось еще племя Торгоут; союз этот получил название Дербен-Ойрат (союз четырех племен).

Главой этого союза был тайша из чоросского племени; в начале XVII века первенство в союзе перешло к тайшам хошотовского поколения. Тайша Хора-Хул, желая восстановить прежнее влияние чоросского поколения, стал стеснять права союзников. Результатом этих стеснений было то, что множество тайшей и нойонов с подвластными им племенами отделялись от союза и перекочевывали к монголам или в пределы Сибири. В числе этих беглецов были торгоуты, выведенные из Зюнгарии влиятельным их тайшею Хо-Урлюком. В 1621 году они расположились кочевьем по берегам Оби, Иртыша и Тобола. Здесь их стали теснить киргиз-кайсаки, назвавшие их калма, калмаклык (по-тюркски значит: отсталые, отделившиеся), и Хора-Хул и его сын, Эрдени Батыр-Убуши. Разведав об удобствах степей юго-восточной России, Хо-Урлюк перекочевал сюда с 6-ю сыновьями и 50000 кибиток. В 1630 году он перешел в пределы Европейской России[1]; подчинив себе кочевавших татар, калмыки захватили все пространство между Уралом и Волгой до Самары.

Хо-Урлюк был главным тайшею (ахалакчи-тайша) и имел свою ставку по берегу Актубы, в низовьях Волги. Русское правительство думало из калмыков сделать надежный оплот южных границ от набегов различных орд, но тайша Хо-Урлюк начал мечтать о восстановлении независимого ханства. Приняв под свое покровительство татар, он нападает на Астрахань[2]. В 1655 году сын Хо-Урлюка Шукур-Дайчин клянется через послов быть в вечном послушании правительству и помогать ему против крымцев, азовцев и др. Эту же клятву повторяет его сын Бунчук, призывая Бога и прикладывая нож к горлу в знак нерушимости клятвы.

В 1672 году управление калмыками перешло к тайше Аюку. Этот тайша оказал большую услугу русским. По плану Петра I намечалась царицынская линия колонизации края (1694); затевается целая экспедиция. В 1722 году сам Петр во главе 40000 войска, поддержанный преданностью Аюка, двигается к устью Терека и закладывает там укрепление.

Аюк оказал большую помощь русским.

Тайша Аюк правил 50 лет, получив от далай-ламы титул хана. По смерти его русское правительство заботится о назначении калмыцких ханов[3]. В 1731 году избранный ханом Церен-Дондок утверждается в этом звании и получает грамоту и знаки своего достоинства[4]. После того, как окончил жизнь печально вследствие несогласий в улусах и столкновений, избирается на ханство Дондок-Омбо[5].

Число калмыков в России возрастает и ко второй половине XVIII века доходит до 80 тысяч кибиток, подвластных наместнику хана и подчиненным ему на вассальных правах нойонов. По смерти Дондока-Даши возникают раздоры из-за ханского достоинства. Внук хана Дондок-Омбо, тайша Цебек Дорджи, желает достигнуть ханского достоинства и склоняет калмыков к уходу из России. Русское правительство пытается в то же время ограничить права наместника ханства и водворить военную линию по берегам Волги, Урала, Самары и Терека. Калмыки, боясь, что правительство обратит их в военное сословие и принудит к оседлой жизни, решились убежать из России в 1771 году. Большая часть их откочевала за Урал к границам Китая. В пределах России осталось около 13 тысяч кибиток, не успевших присоединиться к беглецам.

После этого указом 19 октября 1771 года (№ 13) было уничтожено звание калмыцких ханов и наместников. Оставшиеся калмыки были распределены между нойонами *торгоутовскими* (полковник князь Алексей Дондуков), *хошоутовскими* (Замьян и Теке), *дербетовскими* (Цебек-Убаши и Ценден-Дорджи) и *зюнгарскими* (Тюмень Джиргалань, Джиргал и Рюбджюр). Некоторая часть калмыков досталась мелкопоместным нойонам: Цагалаю, Цагану, Джальчину, Нохон-Кюбену и брату его Габунг-Намке и Санджилю. При этом распределении некоторые роды достались на долю разным владельцам. Один и тот же род впоследствии, при образовании улусов, оказался в нескольких улусах. Только дербетовские улусы сохранили состав своих родов в целости. Нойонам было предоставлено правительством право начальствовать каждому над своим улусом как в судебном, так и в административном отношениях. Правительство, кроме того, усилило над калмыками свой надзор.

Ãëàâà II. Îòíîøåíèå ïðàâèòåëüñòâà ê êàëìûêàì è îðãàíèçàöèÿ óïðàâëåíèÿ

Интересно проследить *характер отношений правительства к калмыкам за два столетия* по законодательным памятникам, историческим актам и переписке, сохранившейся в архивах калмыцкого управления.

До бегства калмыков правительство почти не вмешивалось в управление народом, в его сословные отношения, предоставив этот народ тайшам, ханам и их наместникам. Характер распоряжений правительства — дипломатический. Власть ханов и нойонов поддерживалась правительством до такой степени, что даже тех калмыков, которые совершили преступление на русской территории, отсылали на суд к ханам[6]. Для разбора дел калмыков с русскими были назначаемы в так называемые калмыцкие канцелярии и управления *боодокчеи* по выбору ханов, с судебными функциями[7].

Правительственный надзор за калмыками состоял в том, что в 1729 году было предписано астраханскому губернатору иметь при хане Аюке и главных нойонах доверенных-надзирателей. До 1797 года существовал эскадрон драгун в качестве почетной стражи. Калмыцкими делами заведовала коллегия иностранных дел сначала через Астраханскую контору, потом посредством особых *командующих при калмыцких делах*. Для извещения о делах эти командующие с 1752 года имеют особых *дворян*[8], живущих в улусах и пограничных пунктах. Этот надзор плохо гарантировал спокойное поведение калмыков, а также не достигал своей цели. Калмыки грабили и разоряли русские города и селения, брали в плен русских, угоняли скот[9].

Были случаи, когда ханы вели переговоры с Крымом против России[10] и отказывались выставлять на помощь правительству войска, что были обязаны делать по договору с послами Шукур-Дайчина и с ханом Аюком.[11]

Не имея возможности оружием усмирить эту дикую орду, являвшуюся живым оплотом от других азиатских орд, правительство не обращало большого внимания на такое поведение калмыков. Напротив, издавались указы, дававшие им права и привилегии (беспошлинная торговля, свобода от уплаты мостовщины и под.[12]). Бегство калмыков изменило эти отношения. Звание калмыцкого хана было уничтожено. Была открыта Экспедиция калмыцких дел при Астраханской губернской канцелярии и при ней зарго (суд) из трех представителей главных родов (Торгоутова, Дербетова, Хошоутова) под контролем астраханского губернатора[13] в 1772 году.

Потемкин, будучи генерал-губернатором Кавказского наместничества, открыл Астраханскую калмыцкую войсковую канцелярию.

Нойонам было предоставлено неограниченное правление над оставшимися в России калмыками. В 1786 году были взяты в казенное ведомство калмыки по смерти нойона полковника князя Дондука, из улусов Багоцухуровского и Эркетеневского, в количестве 3086 кибиток. В этом году в казенное ведомство перешли и дербетовские улусы[14].

Некоторые из дербетовских калмыков вследствие притеснений стали переходить из приволжской местности в область войска Донского.

Оставшиеся дербетовцы разделились: одни избрали нойоном Хапчука, другие — Чучея тайши Тундутова. Этот раздел послужил началом образования Большедербетовского улуса в Ставропольской губернии. Переходы из приволжских степей в область войска Донского закончились, когда калмыки были в 1798 году причислены к войску Донскому, чтобы нести казачьи обязанности[15]. Это вызвало обратный переход калмыков в Малодербетовский улус.

Указом Императора Павла от 14 октября 1800 г. малодербетовский нойон был возведен в звание наместника хана, лама Соебынг — в звание главного ламы. Калмыки получили следующие права: зависеть непосредственно от Государя, избирать себе начальника, переписываться с Государем, по делам иметь сношения с иностранной коллегией, по землям сноситься с генерал-прокурором[16]. Восстановлен и зарго из 8 членов;. земли, по которым они кочевали, предоставлены были в их владение; дозволена была свобода вероисповедания[17]. Эти права были подтверждены Александром I, но по смерти Чучея звание наместника хана не возобновлялось. Калмыки были подчинены астраханскому военному губернатору[18]. Крайне тяжелое положение калмыков и неограниченный произвол нойонов, доходящий до грабежей, вызвали мысль ввести Цааджин-Бичик (устав взысканий) — калмыцкое уложение, составленное в 1640 году на съезде ойратских тайшей и нойонов. Министерство иностранных дел поручило в 1821 году рассмотреть с нойонами, ламой и духовенством это уложение и выяснить, насколько оно соответствует духу калмыцкого народа. Этим дело и кончилось.

В 1824 году кавказские калмыки были отчислены в состав особого управления магометанскими породами, под начальством главного пристава. Заведование калмыками перешло в Министерство внутренних дел.

По правилам 1825 года главное управление калмыками принадлежало Министерству внутренних дел под ближайшим надзором главноуправляющего Кавказским краем.

Областное управление сосредоточивалось в Астраханской комиссии калмыцких дел под председательством гражданского губернатора. В комиссию, кроме главного калмыцкого пристава, входили два депутата от народа: один от владельцев, другой от духовенства. Кроме распорядительных функций, комиссия имела и судебные, рассматривая тяжебные дела по жалобам на решения суда зарго, на сумму свыше 400 рублей ассигнациями. Комиссии был предоставлен разбор жалоб зайсангов на зарго в неправом решении дел по управлении аймаками. Обязанности окружного управления соединялись в суде зарго, состоящем из 8 членов (двух от духовенства, шести от народа). Зарго имел исключительно судебный характер, рассматривая жалобы на улусные управления по делам не свыше 200 рублей, а также дела тяжебные по имениям, по личным обидам, по управлению аймаками; ему, наконец, были подсудны дела о преступлениях, которые не считались калмыками особенно тяжкими (угон скота, захват имущества, воровство, мошенничество на сумму не выше 400 рублей и не более трех раз).

Управление в улусе состояло из частных приставов, улусных судей и владельцев правителей. Частные приставы, наблюдая за благоустройством улусов, разбирали споры калмыков с соседями о земле и потравах хлеба на сумму до 200 рублей. В случае потравы свыше этой суммы или если тяжущиеся были недовольны на пристава, то можно было приносить жалобы по порядку. Пристава производят следствия по всем происшествиям, носившим характер уголовных преступлений.

На год избирались улусные судьи из зайсангов и вообще почетных лиц; они являлись посредниками на правах словесных судей, рассматривали исковые дела и решали их окончательно (если цена их не была выше 200 рублей). Внутреннее управление калмыками в улусах возлагалось на нойонов; а в казенных — на правителей. Все дела, подлежащие разбирательству духовного или гражданского суда, решались по древним калмыцким законам, обычаям и обрядам, но дела по преступлениям уголовным (измена, неповиновение власти, возмущение, смертоубийство, грабеж, насилие, делание фальшивой монеты, воровство (свыше трех раз) рассматривались в русских присутственных местах, по общим государственным установлениям.

На обязанность комиссии калмыцких дел возложено было поручение рассмотреть и исправить древнее законоположение калмыков и приспособить его к общему законодательству.

Император Николай I своей грамотой, при вступлении на престол, утвердил права калмыков, пожаловав суду зарго золотую печать.

Этот порядок управления калмыками не оправдал возлагаемых на него ожиданий. Калмыки видимо беднели и вырождались[19]. В 1827 году для изучения калмыцкого вопроса был командирован сенатор Энгель, который должен был изыскать меры «для водворения среди калмыков тишины, право-

судия и хозяйственного благоустройства». Главной причиной вырождения калмыков, по его мнению, являлась неограниченная власть нойонов. Положение 1825 года, назвав их без всякого основания «владельцами», придало им большую власть. Другими факторами обеднения калмыцкого народа служило сильное влияние размножившегося духовенства, нравственный разврат народа от невежества и бедности и, наконец, порядок управления, не соответствовавший положению и привычкам народа.

Под руководством астраханского военного губернатора Пяткина было составлено новое положение и учреждено было попечительство над калмыцким народом[20]. Главное управление по-прежнему принадлежало Министерству внутренних дел. Местное губернское управление составляли астраханский военный губернатор и главный попечитель калмыцкого народа, на обязанности которого лежал надзор за благоустройством и ходатайство о делах и нуждах калмыков; учрежден был совет калмыцкого управления, состоявший под председательством главного попечителя из двух его товарищей, одного асессора из нойонов и двух депутатов из сословия зайсангов. Совет, как распорядительное управление, заведовал всеми делами, относящимися до благоустройства и благочиния.

Судебною частью калмыков заведовал суд зарго, пользуясь правами судебной инстанции второй степени. Этот суд состоял из председателя, двух советников, определяемых от правительства, и двух асессоров из нойонов.

Религиозными делами заведовало ламайское духовное управление; под председательством ламы состояло четыре члена калмыцкого духовенства.

Управление улусное составляли нойоны (владельцы), а в казенных улусах правители, на обязанности которых лежал хозяйственный порядок. Улусные приставы были переименованы в попечителей и вместе с помощниками заведовали следственно-полицейскою частью.

На правах судебных инстанций первой степени были учреждены улусные суды, состоявшие в каждом улусе из председателя (нойона-владельца или правителя улуса), из улусного попечителя, помощника его и двух заседателей, зайсангов. Ведению суда зарго подлежали все уголовные дела калмыков, их тяжбы между собою и с посторонними лицами, дела калмыков по несогласию родителей с детьми. Эти дела решались по общеимперским законам, все тяжбы — по древнекалмыцким постановлениям, а в случае недостатка таковых — по законам империи.

Такое громадное управление назначалось для незначительного, сравнительно по количеству народа. В отношении судебном — оно не выдерживало даже самой поверхностной критики. Улусные попечители и их помощники были в одно и то же время следователями и судьями под председательством безграмотного, а часто и полупьяного нойона или зайсанга, как правителя улуса.

Когда было образовано Министерство государственных имуществ, в его ведомство отданы были и калмыки. Сообразно с порядком и правилами нового Министерства изменено было и положение 24 ноября 1834 года. Для управления калмыками было издано положение в 1847 году, которое в главнейшей своей части действует и доселе.

Этим положением все дела по управлению калмыками, кочующими в Астраханской и Ставропольской губерниях, были сосредоточены в Астраханской палате государственных имуществ, управляющий которою и был главным попечителем калмыцкого народа. Совет калмыцкого управления закрыт, вместо которого образовано ордынское отделение при палате, под наблюдением и руководством астраханского губернатора на том же основании, как по управлению бывшими государственными крестьянами.

Местное управление калмыками в улусах возложено на улусные управления на правах окружных управлений государственных крестьян, а делами тяжебными и о проступках заведовали улусные зарго на правах судов 1-й степени (инстанции); вторая же степень суда есть Астраханская палата уголовного и гражданского суда, куда поступают на ревизию как дела тяжебные и исковые, превышающие 30 рублей серебром, так и дела уголовные. Председателями в улусных управлениях и зарго в улусах владельческих являются владельцы-найоны, а по их малолетству — опекуны; члены улусных управлений и зарго — попечители улусов и их помощники[21]. Существовавшее по положению 1834 года ламайское духовное правление было упразднено, а его обязанности сосредоточены в лице ламы, избираемого из начальствующих в больших хурулах (молитвенные дома) бакшей и утверждаемого в звании Высочайшим указом, по представлению министра внутренних дел[22].

Обязанности управления по делам веры разделялись между Палатою государственных имуществ и ламою. В Большедербетовском улусе (Ставропольской губернии) улусное управление состояло из улусного попечителя, одного помощника, письмоводителя, переводчика, толмача и писца[23]. Из Малодербетовского улуса в Ставропольской губернии кочевало несколько сот кибиток под начальством помощника улусного попечителя с жалованьем 285 рублей.

С 1849 по 1854 год при дорогах, пролегающих через калмыцкие степи для обеспечения путей сообщения и оживления промышленной деятельности калмыков, учреждаются станицы из государственных крестьян-переселенцев и калмыков[24]. В степях Ставропольской губернии было основано 8 станиц: в Большедербетовском улусе 4 (Дивная из 33 семейств, Дербетовка из 33 семейств, Винодельная из 16 семейств, Предтеча из 70 семейств) и столько же в отдельной части Малодербетовского улуса: Величавая из 65 семейств, Урожайное из 34 семейств, «Рагули» из 78 семейств и «Пробитый колодец» из 21 семейства)[25].

Ãëàâà III. Ñîâðåìåííîå ïîëîæåíèå êàëìûêîâ

À. Íàñåëåíèå è ïðîñòðàíñòâî êàëìûöêîé ñòåпè

В настоящее время главным пунктом, где сосредоточиваются калмыки, является Большедербетовский улус, расположенный в северной части Ставропольской губернии. На севере граница этого улуса совпадает с землями войска Донского, на востоке с Благодарненским и на юге и западе с Медвеженским уездами Ставропольской губернии.

Пространство, занимаемое улусом, исчисляется в 286916 десятин земли. На этом пространстве живет население из коренных калмыков (9872 души) и других народов (950 душ).

Территорию улуса составляют земли: а) душевой надел калмыцких родовых обществ 210418 десятин, б) надел привилегированного сословия 3796 десятин, в) надел ламайского духовенства 3765 десятин, г) отведенные для поселения крещеных калмыков Князе-Михайловского поселка 7744 десятины, д) 50173 десятины запасной земли (из нее 49880 десятин составляют оброчные участки, 225 десятин находятся под хутором, лесом и прудом на участке «Башанта» (бывшее имение нойона Гахаева), 68 десятин неудобной земли). Наконец, калмыкам принадлежит и 5020 десятин, находящихся под частью озера Маныч[26].

Á. Ìàòåðèàëüíûå ñðåäñòâà êàëìûêîâ

Материальные общественные средства калмыков получаются из так называемых *оброчных статей*.

Свободная калмыцкая земля в количестве 49880 десятин разделяется на 21 оброчный участок. Эти участки отдаются в аренду с торгов под выгон скота, сенокошение и распашку для посева хлеба не более $^1/_3$ всего участка на сроки от 6 до 12 лет по цене от 60 копеек до 5 рублей за десятину[27].

Кроме этих оброчных статей, доход с которых поступает в калмыцкий общественный капитал, у каждого из 13 отдельных калмыцких родов улуса имеются арендные участки, выделенные из общественных душевых наделов по аймачным приговорам как излишек, свободный от личного пользования калмыков. Участки эти тоже сдаются в аренду по шестилетний срок под выпас скота, сенокошение, распашку хлеба (не более $^1/_4$ части всего участка) с торгов в улусном управлении при участии доверенных от обществ. Цена колеблется от 70 копеек до 5 рублей за десятину в год, в зависимости от качества почвы и способа эксплуатации. Арендаторами участков заключаются нотариальные договоры, и плата вносится попечителю улуса. Расход из родовых капиталов происходит только по общественным приговорам, утверждаемым главным приставом.

Главные предметы расхода: уплата кибиточного сбора и воинского налога, содержание обывательских лошадей, выдача пособий бедным калмыкам, вдовам, сиротам. На эти суммы производятся и постройки общественных хлебных амбаров, плотин, прудов и колодцев; покупаются земледельческие орудия и лесной материал[28].

Â. Íàðîäíîå îáðàçîâàíèå ó êàëìûêîâ

Среди десятитысячного калмыцкого населения Большедербетовского улуса до 1904 года функционировало 5 школ; четыре министерских в родах и одна церковно-приходская в Князе-Михайловском поселке крещеных калмыков. С 1904 года открыты еще 8 новых родовых одноклассных училищ и на ставке Башанта открыта двухклассная школа на 40 человек, с интернатом на 25 человек и со столярно-плотничным отделением. В общем школьная сеть среди населенных пунктов Большедербетовского улуса доведена до больших размеров. Намечается к открытию целый ряд школ для осуществления идеи всеобщего обучения, причем оклад жалованья повышен до 600 рублей; устраиваются ежегодные курсы для учителей. Все расходы на народное образование падают не на личные средства калмыков, а на специальный фонд. Обучение в школах бесплатное, с бесплатной раздачей учебных пособий. Можно сказать, что все школы образцово оборудованы и обставлены учебными пособиями.

Двухклассное училище находится в урочище Башанта, а одноклассные в калмыцких родах: Багабуруловом, Икитуктуповом (первом и втором), Бюдермис-Кюбетовом, Икичиносовом, 1 и 2 Багатуктуновом, Хаджинкиновом, Цоросво-Шеретво-Таранчиперовом, Будульчинеровом, Абганер Гаханкиновом[29].

Открыто 10 стипендий для калмыцких мальчиков в Ставропольской учительской семинарии; это будущие учителя калмыков.

В общем, среди калмыков заметна сильная жажда образования, которая и поддерживается местной администрацией. Калмыки учатся и в Ставропольской гимназии, и в духовном училище, и в высших учебных заведениях.

Ã. Íàðîäíîå çäðàâèå ó êàëìûêîâ

Для медицинской помощи калмыкам имеются: врач, три фельдшера и одна акушерка. В центре улуса (Башанте) имеется больница на 24 кровати с необходимыми пристройками[30].

Среди калмыков часты глазные заболевания вследствие тяжелых условий жизни и оспа, уносящая много жертв.

Ãëàâà IV. Ðåëèãèÿ êàëìûêîâ

В религиозном отношении калмыки придерживаются *ламайского вероучения* и только очень немного их перешло в православие.

Для удовлетворения их религиозных потребностей в улусе имеется одна православная церковь в Князе-Михайловском поселке крещеных калмыков и при ней причт, состоящий из священника-миссионера и псаломщика. Успехи миссии более чем скромны и не оправдывают затрат.

Для удовлетворения духовных нужд остальной части калмыков имеются два больших и три малых *хурула* и при них до 180 человек духовенства под начальством *бакшей* (из которых один старший). Духовенство ламайское состоит из 26 гелюнгов, 23 гецюлей, 21 манджика; при хурулах состоит до 180 учеников.

Ламаизм калмыков является видоизменением буддизма; секта эта основана реформатором Цгонкавою.

Ламайское духовенство в России, удаленное из Тибета и почти не имеющее общения с главой религии далай-ламой, изменило не только религиозную обрядность, но даже догматическую и каноническую сторону вероучения.

Цгонкава составил свое учение из целого ряда исповеданий в тибетско-буддийских сектах. Догматика Цгонкавы признается всеми буддийско-тибетскими сектами, которые отличаются между собою своими ритуалами.

Ламаизм калмыков признает миры духовный (нирвана) и материальный (сансара) и сущность обоих их объединяет в понятии пустоты конечной по отношению к миру материальному и бесконечной по отношению к миру духовному. Все предметы мира материального пусты по своей сущности, не вечны, подвержены изменению и разрушению, а внешние формы их призрачны и обманчивы. Характерной чертой всего материального мира является мучение. Мир духовный, или нирвана, непостижима формам человеческого мышления, ибо сам свободен от всяких форм. Человек помещен между этими мирами; окруженный материей, он постоянно заблуждается и, прилепляясь к материи, идет навстречу постоянным страданиям и скорби.

Для блаженства необходимо полное отрешение от всего материального и достижение состояния чистой духовности, чуждой материи и страданий. Это состояние приобретается добродетельной жизнью, ведущей к обладанию истинной святостью «боди-хутук». В состоянии высшего совершенства дух достигает божественной премудрости, сливается с первобытным разумом, вечно покоящимся в чистейшем отвлеченном, безмятежном состоянии. Это состояние есть конечная цель бытия; приобретение святости — цель человеческого существования. Усвоить святость самостоятельно человек не в силах. Возможность ее приобретения обусловливается существованием в нас частицы божественного духа. Эта частица способна развиваться под условием добродетельной жизни.

Духовная природа животного тоже способна к развитию и совершенствованию.

Спасение возможно только для ламаита; прочие люди свойствами души не превосходят животных.

Основа добродетели — *благоговение*, состоящее из веры, стремления и глубокого почтения.

Ламаит обязан признавать, что наградой за дела добродетельные будет блаженство и счастье, а возмездием за дела греховные — мучения. Дальнейшим условием для приобретения святости является «добрый друг» или «надежный руководитель» — лама. В период пребывания существа под мрачным покровом материи, оно может быть руководимо единственно «добрым другом обуреваемого грехами человечества» — ламою.

«Исполняйте приказания ламы», — как будто говорит Будда.

Дух человека после его смерти вступает в «промежуточную» — область, где пребывают души в момент разлучения с телом до получения возрождения в другом.

Блуждая среди утесов, эти души испытывают страдания вследствие своих прежних «дел». Все имеет причины; как добродетель приносит благо, так и грех служит залогом грядущего зла.

Деятельность человека разделяется — на духовную (мысли и чувствования) и физическую (внешняя деятельность).

Цгонкава, изучив все, чему только в его время можно было научиться, не мог не видеть в грубых и наглых проделках шаманства жалкого состояния веры и народа. Он остановился на мысли, что человек может возвыситься, когда ему будет указан путь, по которому он должен следовать в этом мире, — путь *обетов*. «Если кто болен, — говорит Цгонкава, — то, желая избавиться от болезни, принимает лекарство; почему же мы, испытывая болезнь мирских сует, не можем излечиться от них путем обетов?» Вот почему исполнение обетов, как выражение доброй воли, есть нравственное лекарство. Цгонкава установил 3 обета для мирян, а для духовенства разных степеней — 5; 8 для простых тойонов, 40 для гегнулей и 220 для гелюнгов.

По его учению, миряне обязаны исполнять следующие обеты: 1) должны жить чисто и не прелюбодействовать; 2) не должны брать того, чего не дали; 3) не должны никого лишать жизни.

Тойоны (монахи), сверх этих обетов, должны еще соблюдать следующие: 4) не должны говорить лжи; 5) не должны употреблять ничего опьяняющего, 6) не должны плясать и играть;

7) должны избегать несвоевременной вечерней еды; 8) не должны лежать на высоком ложе и сидеть на высоком седалище.

Если кто при этом соблюдает пост[31] 3 раза в месяц, тот освободится в настоящем перерождении от болезней и других несчастий мирской жизни, избегнет трех злополучных перерождений, не впадет в 10 черных грехов и вечно будет наслаждаться.

В буддийском служебнике изложены обеты гецулей и гелюнгов, в исполнении которых последние должны исповедоваться в каждый «мацак», исповедь происходит в хуруле в присутствии не менее 4 лиц. После приведения хурула в порядок, зажжения светильников и приготовления воды и седалищ начинается сама исповедь.

Первым действием всеобщей исповеди является изъявление: 1) согласия, 2) чистоты, 3) времясчисления, 4) счисление духовных и 5) увещание.

В буддийском служебнике поступки духовных лиц разделяются на следующие категории: 1) смертные грехи, 2) 13 грехов отпускаемых, 3) неопределенные действия, 4) 30 отбрасываемых проступков, 5) 92 вида проступков, 6) грехи, искупаемые покаянием и 7) наставления о жизни.

Считается грехом, если духовный станет рыть землю или сознательно станет поливать траву водой с живыми существами[32]. Епитимия следует за покаянием; неисправимый грешник удаляется в мир.

Буддизм, предписав духовенству безбрачие, тем самым сплотил его в одну цельную массу, сильно влияющую на мирян путем проповеди и поучений: «нет подаяния, равного проповеди» — и каждый духовный за поданную ему милостыню должен по обету вознаградить благодетеля проповедью. В руках духовенства сосредоточивается и воспитание молодого поколения, и хранение религиозных преданий. По народному обычаю, молодого калмыка родители отдают гелюнгу для поступления в духовное звание. Он изучает монгольскую и тибетскую грамоту, религиозную музыку и канон молитв, арифметики, живописи, астрологии и медицины.

Каждая специальность имеет своего наставника. Срок учения не определен. В духовенстве Большедербетовского улуса есть ученики за 40 лет возраста.

Родители раньше отдавали детей в учение от 17—20 лет, теперь же нередко можно встретить семилетних учеников в желто-красной одежде, гордящихся своим званием «манджика» (ученика веры). «Учитель по отношению к ученику должен быть отцом, а ученик истинным сыном, тогда только закон может процветать» — вот девиз отношений учеников к учителям (Протимокша сутра, стр. XX, перевод Миняева. С.-П. 1869 г.)

Встав рано, келейник подает учителю воду для омовения и метет кибитку. Когда учитель идет в путь, ученик следует за ним на почтительном расстоянии и не может без его разрешения отлучаться. Первый долг ученика — это подчиненность и уважение.

Посвящение в духовный сан совершается ламою и сопровождается обрядами: 1) наречением имени, 2) пострижением, 3) облачением в чивару и 4) вручением чаши.

В духовном отношении калмыцкое духовенство делится на:
1) Лама — верховный жрец,
2) Царджи — старший жрец,
3) Бакша — учитель веры,
4) Гелюнг — жрец,
5) Гецул — учитель веры,
6) Манджи — ученик веры.

В хурулах (молельнях) служат:
1) Гебке — благочинный,
2) Геик — казначей,
3) Кирбо — эконом,
4) Гунзуд — начальник музыкального хора,
5) Бурхачи — блюстители чистоты помещения.

Должность гебке — выборная на год; ему повинуются беспрекословно даже старшие его по сану. Он следит за поведением духовенства.

Из ученого духовенства среди калмыков есть: зурхачи — астролог и предсказатель и эмчи — лекарь.

Существует ряд «даянджинеров» (отставных стариков), читающих в хурулах молитвы; слепые читают наизусть, глухие служат при храмах поварами или «варителями чая».

Духовенство не должно иметь личной собственности, кроме трех перемен одежды, размеры и цвет которой определены законом. Эта одежда состоит из короткой до пояса рубашки, короткой до колен юбки и красного или желтого кафтана. Бритая голова покрывается круглою и плоскою шляпой; на ногах красные или желтые сапоги. В руках должны быть четки из 108 шариков, деревянная чашечка (знак бедности), а через левое плечо перекидывается красная лента.

Служба в хурулах отправляется летом; звонят на нее в морскую раковину (дунг) с резким, протяжным звуком.

Во время службы употребляются колокольчики разных размеров; вместо ушка у них имеется рукоятка. Гелюнги держат эти колокольчики в левых руках, а в правых — небольшие скипетры, которыми и ударяют в колокольчики, когда произносят имя «скиптродержца Будды».

В каждом хуруле имеются две больших трубы около трех аршин длины из меди или серебра и небольшая труба из берцовых человеческих костей, перевязанная человеческими волосами.

Ассортимент труб заканчивается трубами «бишкюр» с 8 дырочками, без клапанов.

Кроме этого, употребляются: тарелки «цанг», которыми производят разные звуки от нежного до оглушительного. Эти тарелки делаются в Тибете. На длинных рукоятках укреплены барабаны.

Цель музыки — возвысить религиозные чувства молящихся, необходимые для борьбы с дьяволом.

Внутри хурулов на северной стороне стоят на столиках статуэтки бурханов, около стоит резной позолоченный столик с жертвоприношениями в круглых серебряных чашечках... Тут есть и пшеница, и сарачинское пшено, и калмыцкий чай, и кренделя, и конфеты, и пряники, и вода.

Зажигаются благовонные, курительные свечи «куджи». Рядом с бурханами встречаются фотографии Государя.

Ламайское богослужение тянется от 3 до 15 дней сряду, причем в сутки молятся до 18 часов. Служба обязательно сопровождается трапезой.

Ïðèëîæåíèå ïåðâîå. Èçâëå÷åíèå èç äåéñòâóþùåãî ñ 1892 ãîäà ïîëîæåíèÿ îá èíîðîäöàõ

Ðàçäåë òðåòèé. Îá èíîðîäöàõ â ãóáåðíèÿõ Ñòàâðîïîëüñêîéè Àñòðàõàíñêîé

372. Инородцы Ставропольской губернии: калмыки, ногайцы и других наименований управляются особым начальством, на основании их степенных обычаев, и обрядов, и правил, изложенных ниже.

373. В государственном управлении кочевые инородцы Ставропольской губернии принадлежат к ведомству Министерства государственных имуществ. Ставропольскому губернатору принадлежит надзор за образом действия начальства кочевых инородцев Ставропольской губернии.

374. Кочевым инородцам разных наименований, в пределах Ставропольской губернии кочующим, предоставляется право принимать в число обывателей своих желающих быть причисленными к ним: 1) ногайцев, переходящих из-за Кубани, но не иначе как семействами: 2) ногайцев, переходящих из Крыма, по увольнении тамошним начальством; 3) абазинцев и других народов; 4) киргизов, за Астраханью обитающих.

376. Обществам кочующих инородцев Ставропольской губернии не возбраняется об общественных нуждах представлять как через главного пристава кочующих народов, так и через особых поверенных ставропольскому губернатору и главноначальствующему гражданской частью на Кавказе.

377. Предоставляется сим обществам составить и иметь у себя общественные суммы независимо от сборов денег на повинности.

378. Предметы доходов для составления общественной суммы могут быть: 1) с рыбных ловель, если оные в землях общества имеются; 2) со скота, пасомого на степях общества посторонними людьми.

Î äîëæíîñòÿõ ïî âûáîðó êî÷åâûõ èíîðîäöåâ Ñòàâðîïîëüñêîé ãóáåðíèè

379. Из должностей по общественному управлению инородцев, кочующих в пределах Ставропольской губернии, замещаются по выбору должности: голов, старшин, казначеев, старост и десятских. Головы, старшины и казначеи выбираются обществом особо по каждому роду или ведомству и утверждаются в должностях главным над сими инородцами приставом. Аульные старшины или старосты и десятские или нарядчики избираются из среды своего аула.

380. Выборы во все означенные должности делаются на три года; к ставкам же, состоящим при инородцах приставов собираются ежегодно, по назначению их начальством, только одни должностные лица, с ограниченным числом почетных людей, не для выборов, а для совещания по разным общественным нуждам.

381. Не воспрещается обществам и при новых выборах подтвердить кого-либо из прежних в тех же званиях, или избрать в другое высшее.

385. Никто из ногайцев не изъемлется от отправления служб общественных, кроме духовенства, их мурз и их семейств и вновь поступающих в общества, согласно статье 374.

386. Головы, старшины, казначей, аульные старосты и десятские увольняются от общественных повинностей на то время, пока в должностях состоят.

Î á óïðàâëåíèè êî÷åâûõ èíîðîäöåâ

387. Инородцы разных наименований, в пределах Ставропольской губернии кочующие, для единства надзора и доставления им лучшего управления подчиняются одному главному приставу.

388. В помощь главному приставу, по делам полицейским, для ближайшего надзора и для удобности управления, сообразно местному положению кочевьев, определяются в кочевья инородцев частные приставы, состоящие в точной подчиненности главного.

391. Внутреннее управление инородцами составляется из них самих, по выборам, и исполняет в их кочевьях обязанности волостного правления. В каждом роде, или ведомстве (волости), кочующих в Ставропольской губернии инородцев для наблюдения благочиния и порядка и для действий по части полиции, состоит один голова, два старшины и казначей, избираемые обществом через каждые три года посредством народных собраний. Но в ведомстве караногайцев и едишкульцев, по многочисленности их, допускается иметь двух голов, четырех старшин и одного казначея. Впрочем, число сих должностных лиц по мере необходимости может быть увеличено или уменьшено и в других родах с разрешения Министерства государственных имуществ.

392. Каждому аулу предоставляется иметь аульного старосту и десятского, буде аул состоит не менее как из десяти кибиток.

395. Главный пристав подчиняется ставропольскому губернатору и состоит в непосредственном его распоряжении.

396. Предметы главного пристава суть: охранение прав и собственности инородцев вообще и каждого в особенности, ограждение, защищение их, как мало ведающих права русские, от всяких обид и притязаний, кои могут им причинены быть по имуществу или по владению земель; попечение об улучшении благосостояния их; внушение им в пристойных случаях преимуществ и выгод жизни постоянной перед кочевою, не подавая, однако, вида принуждения.

398. Главный пристав наблюдает за точностью и порядком исполнения и вообще за поведением подчиненных ему частных приставов, их помощников, голов и старшин; и для того в обязанность его вменяется почасту и, по крайней мере, два раза в год, обозревать состояние всех подведомственных ему народов. Он поправляет ошибки и упущения подчиненных ему, делает им внушения, подтверждения и выговоры и, буде не исправляются или же оказываются в пристрастном исправлении должности, либо в злоупотреблении, доносить ставропольскому губернатору, голов же и старшин увольняет, или, по состоянию вины, отрешает от должности, не представляя начальству.

399. Главный пристав получает непосредственно от частных приставов все потребные сведения и донесения о состоянии вверенных им частей управления и чинит на оные пристойные разрешения; в случаях же власть его превышающих, и в происшествиях, особенного внимания и уважение заслуживающих, наипаче по предметам появления на людях или на скоте заразительной болезни и т.п., доносит тотчас же ставропольскому губернатору и приемлет к прекращению зла деятельные меры.

400. Главный пристав по дошедшем жалобам и сведениям обязан пещись о скорейшем решении производящихся в присутственных местах дел подведомственного ему народа, и для того, в случаях медленности или неправильного производства, он сносится с уездными исправниками, ходатайствует в местах губернских и, в случаях неуважения, представляет ставропольскому губернатору.

401. Главный пристав без предписания Министерства государственных имуществ или ставропольского губернатора никаких нарядов делать, ни повинностей налагать с народов, ему подведомых, сам собою не может, напротив, бдительно смотрит, чтобы из подчиненных никто и ничего самовольно с них не взимал, и ни людей, ни скот, инородцам принадлежащий, в работы для частной пользы не употреблял.

402. Главный пристав вообще имеет попечение об изыскании доходов в обществах и об умножении их от таких предметов, кои не составляют налога, или сбора с народа. Он наблюдает, дабы суммы общественные употреблялись не иначе, как по согласию и приговору общества на предметы прямой надобности, и чтоб остатки сумм находились в наличности.

403. В особую обязанность главного пристава вменяется собирание сведений о законах и обычаях сих степных народов, расположение оных в приличном порядке, обнародование и охранение.

404. Постоянное местопребывание главному приставу определяется ставропольским губернатором, соображаясь со временами года и с надобностями, где наиболее присутствие его может быть нужно; но в зимнее время обязан он являться в губернский город, как для дел, в губернском управлении до его подведомственных народов касающихся, так и для получения предварительных распоряжений от ставропольского губернатора относительно исправления повинностей, во время летнее народом выполняемых.

Î á îáÿçàííîñòÿõ ÷àñòíûõ ïðèñòàâîâ

405. Частный пристав, при кочующих инородцах состоящий, непосредственно подчиняется главному приставу и в точности исполняет его предписания.

407. Полиция в кочевьях инородцев не имеет власти; сохранение благочиния, порядка и тишины во всех аулах мерами предупреждения и пресечения принадлежит к обязанностям частных приставов.

408. Частный пристав бдение имеет, дабы в народе его ведомства не были укрываемы беглые и другие подозрительные и к аулам тем не принадлежащие люди, равно и подведомые ему не делали самовольных отлучек вне своего ведомства. Он внимательно надзирает над людьми неблагонадежного поведения, над их образом жизни, связями и сношениями, и по уважению обстоятельств доносит главному приставу.

409. На попечении частного пристава возлагается охранение и защищение польз и выгод народа, направление оного к трудолюбию и промышленности, внушение преимуществ постоянного жительства как средства благонадежного к лучшему сохранению скотоводства их во время зимнее, но сии внушения не должны иметь вид принуждения.

410. Частный пристав во всех случаях, превышающих власть его, и о всех происшествиях, внимание начальства заслуживающих, входит с донесением к главному приставу и поступает по его разрешению.

411. В случаях появления опасной болезни на людях или падежа скота в местах ведомства инородцев и о других предметах, требующих мер осторожности, частный пристав, не ограничиваясь донесением начальству своему, в то же время извещает соседственное управление и приемлет меры к пресечению зла.

412. Частный пристав не иначе вмешивается в разбирательство дел тяжебных между инородцами его ведомства, как в качестве посредника.

413. Частный пристав во всех общественных собраниях и совещаниях народа может присутствовать как блюститель порядка и тишины, но в приговорах общества не участвует. Равно не участвует он и в выборах в должности, обществами производимых, но наблюдает и предварительно внушить обязан, чтобы не были избираемы в должности люди неблагонадежные и коих порочное поведение обществу известно, хотя бы и под судом не были.

414. Для совещаний по разным общественным нуждам собираются ежегодно к ставке частного пристава одни только должностные лица, с ограниченным числом почетных людей, по назначению их начальства.

415. По окончании выборов во все должности частный пристав составляет список избранным лицам и их кандидатам и за подписанием всех избравших представляет оный главному приставу.

417. Частный пристав по отправлению повинностей и раскладок и сборов денег с общества не делает никаких внутренних распоряжений и не вмешивается в оные, но имеет обязанность действовать и побуждать, как посредством голов и старшин, так и через посылку, в случае мешкотности, нарочных с подтверждением, дабы повинности или сбор каждым родом и аулом исправлены и выполнены были в назначенное время.

421. Частный пристав не имеет постоянного жительства, но обязан находиться в кочевьях своего ведомства там, где требует надобность присутствия его или предписано от главного пристава.

Îáÿçàííîñòè ðîäîâîãî èëè âîëîñòíîãî è àóëüíîãî íà÷àëüñòâà

1. Ïî ïîëèöèè

424. Голова, старшины, казначей общества, старшины аульные и десятники или нарядчики состоят в подчиненности частного пристава и обязаны исполнять все его приказания относительно полицейского устройства.

425. Голова и старшины общества имеют сведение о числе кибиток или семейств своего ведомства и о местах их кочевок или жительства.

427. Голова и старшины наблюдают за порядком в их ведомствах и пресекают все вражды, несогласия и несправедливые притязания как между простым народом, так и со стороны мурз и духовенства.

2. Ïî ñóäó

429. Исковые дела инородцев, на которые не распространено действие общего положения о крестьянах, разбираются первоначально через посредников и внутренним управлением инородцев, на основании их обычаев и обрядов; когда тяжущиеся будут недовольны решением, если иск превышает 30 рублей, кочевые инородцы разбираются, по принадлежности, в мировых и общих судебных установлениях. Решения по сим делам основываются на степных законах и обычаях инородцев. При недостатке сих законов прилагаются общие постановления. Разбор частных дел между инородцами в спорах, обидах и притязаниях производится по законам гражданского судопроизводства, а порядок судопроизводства о преступлениях и проступках определяется законами уголовного судопроизводства.

3. Ïî õîçÿéñòâó

430. Раскладка повинностей в аулах по семействам производится старостами аульными в присутствии голов и старшин вследствие общественного приговора.

433. Раскладка повинностей и сборов в народе, по введенному порядку, должна падать не на число душ в кибитке или семействе, а на имущество, то есть скотоводство или промысел.

434. Ногайцы обязаны отправлением повинностей. Одни беднейшие вдовы, больные и калеки имеют право на временное снисхождение в отправлении повинностей, что предоставляется собственно попечению общества. Изъемлются также от повинностей общества в течение трех лет лица, вновь поступившие в оные.

435. Не подлежат отправлению повинностей мирских мурзы и их семейства, буде они до 6 февраля 1827 года в оных не участвовали.

436. Повинности простолюдинов в пользу духовенства и мурз, будучи приведены в известность и на основании народных обычаев утверждены высшим начальством, выполняются с ведома головы и старшины в количестве, правилом определенном.

Î êàëì ûêàõ, êî÷óþ ùèõ â Àñòðàõàíñêîé è Ñòàâðîïîëüñêîé ãóáåðíèÿõ

440. Калмыцкий народ разделяется на семь улусов. Каждый улус состоит из нескольких родов, или аймаков, а каждый аймак делится на хотоны, которые должны быть в составе не менее пятнадцати кибиток или семейств.

Îòäåëåíèå ïåðâîå

Î ïðàâàõ êàëì ûêîâ

442. Калмыки, кочующие в губерниях Астраханской и Ставропольской, находясь под покровительством общих законов империи, наравне с прочими подданными, пользуются, сверх того, особыми правами, определенными в законах о состояниях и следующих статьях.

443. Земли, отведенные калмыкам от казны, считаются состоящими у них на праве общего пользования.

444. Распределение земель между калмыками для кочевьев производится поулусно; из сего исключаются только места, известные под названием мочагов и Калмыцкого базара, где собираются калмыки для найма на работы и продажи своих изделий и скота. Оба сии места предназначаются для общего кочевья и пользования калмыков всех вообще улусов.

445. Близ соляных озер, в коих вырабатывается соль, и около дорог, по которым производится перевозка оной, калмыкам не дозволяется иметь кочевья или пасти скот.

447. По праву пользования землями, калмыки могут на отведенных им землях строить дома, учреждать фабрики и заводы, разводить сады, леса, огороды, упражняться в хлебопашестве и пользоваться всеми угодьями; но в рыболовных водах, отдаваемых от казны в откупное содержание, калмыкам дозволяется ловить бреднем не более десятисаженной меры и в указанных откупщиками местах одну чистяковую рыбу, и притом только для собственного употребления, а отнюдь не на продажу.

450. Калмыки имеют право составлять улусные и аймачные сходы для совещаний по делам общественной надобности и для выбора в общественные должности.

452 Улусный сход собирается в каждом улусе раз в три года, а в случаях особенной надобности и более, но не иначе, как по назначению главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии или попечителя калмыцкого народа. Сход сей составляется из улусных попечителей и их помощников, всех аймачных старшин и хотонных старост и, наконец, выборных из хотонов калмыков-простолюдинов, полагая одного из четырех участвующих в аймачных сходах, что составит одного выборного на двадцать кибиток или семейств.

453. Предметы улусного схода, собираемого через каждые три года, суть: 1) выбор на предстоящее трехлетие должностных лиц, как то: двух заседателей в улусный зарго, трех демчеев и трех присяжных ценовщиков в улусное управление, старшины для управления частью своего улуса, находящегося в мочагах, бодокчея на Калмыцкий базар и двух кандидатов на каждую из означенных должностей; 2) совещание о способах уравнения натуральных повинностей и составление о том общественного приговора для предоставления оного через улусного попечителя начальству; 3) совещание по предметам, относящимся к общественным надобностям. В сем случае улусное правление сообщает письменно сходу сведения, о каких именно предметах необходимо совещание схода; составленный по сему предмету приговор также представляется начальству через улусного попечителя.

454. Порядок собрания улусного схода следующий: сход открывается в присутствии улусного попечителя, который, прежде всего, внушает собравшимся лицам о важности предстоящего им действия; напоминает, чтобы выбор должностных лиц произведен был из людей достойных, без лицеприятия и вообще общественные дела обсуждены были по совести. После сего улусный попечитель составляет сход и остается до окончания оного для сохранения порядка, но без всякого участия в выборах и совещаниях схода.

455. Сход аймачный собирается в своем аймаке в присутствии аймачного старшины в сроки, назначаемые управлением калмыцкого народа, смотря по общественным надобностям. Аймачный сход составляют хотонные старосты и выборные от хотонов калмыки, полагая по одному от пяти кибиток или семейств. Предметы аймачного схода суть: 1) выбор на предстоящее трехлетие старшины для управления аймаком, хотонных старост и кандидатов по два на каждую из означенных должностей; 2) раскладка суммы сбора, причитающегося с аймака, между отдельными кибитковладельцами и уменьшение причитающегося с них по раскладке платежа или освобождение их от оного на основании правил, изложенных в уставе о податях; 3) совещание о способах уравнения на каждое трехлетие между хотонами натуральных повинностей, следующих на часть их аймака, и составление о том приговора аймачного общества; 4) назначение к малолетним сиротам опекунов и учет их; 5) составление приговоров о предоставлении буйной и развратной жизни калмыков в распоряжение правительства и 6) совещание по всем вообще предметам общественной надобности.

457. Те из калмыков, кои моложе 25 лет или хотя и старые, но не имеют собственного хозяйства, а также все те, кои состоят под следствием и судом или опорочены судом и вообще оглашены в дурном поведении, не могут участвовать на сходах, а тем более быть избраны в какую-либо общественную должность.

458. Никто из обязанных быть на сходе не может без уважительных причин уклониться от явки на оный или от выбора в общественные должности. Кто без законной причины не явится на сход, с того взыскивается один рубль в пользу общественного сбора.

461. Приговоры аймачного суда представляются в улусное управление одним из выборных.

462. Заседатели от калмыков в улусные зарго избираются из зайсангов, не имевших в своем управлении родовых аймаков, или бывших владельцев, а по неимению их или по неспособности — из калмыков-простолюдинов.

463. Старшины в мочагах и бодокчеи на Калмыцком базаре избираются улусными, а хотонные старосты аймачными сходами из калмыков-простолюдинов, известных хорошим поведением. Аймачные старшины избираются из зайсангов или из калмыков-простолюдинов аймачным сходом.

Îá îáùåñòâåííîì êàïèòàëå êàëìûêîâ

466. Общественный капитал предназначается для пособия калмыкам в случаях голода, повальных болезней и падежа скота, для устройства улусных домов и разных общеполезных заведений, для наград и пособия в видах поощрения калмыков к улучшению хозяйства и введению хлебопашества, огородничества и ремесел и вообще для всех предметов по устройству калмыцкого народа.

467. В состав общественного капитала поступают: 1) суммы, выручаемые за оброчные статьи, учрежденные на землях, отведенных в пользование калмыков; 2) сбор за билеты, выдаваемые калмыкам на отлучку для найма в работы; 3) штрафные деньги по решению улусных зарго, также штрафы, взыскиваемые за неявку на сход, за оставление на прокормлении у калмыков скота, принадлежащего посторонним лицам, и пр.

468. Калмыцкий общественный капитал состоит в ведении и распоряжении Министерства государственных имуществ.

470. Расходы из общественного капитала производятся управлением калмыцкого народа по назначению главного попечителя до 300 рублей ежегодного, а на большую сумму с разрешения Министерства государственных имуществ.

Îòäåëåíèå ÷àòâåðòîå

Î ÿðìàðêàõ â óëóñàõ êàëìûêîâ

471. Для доставления калмыкам Астраханской и Ставропольской губернии легчайших средств снабжать себя всем нужным назначаются три годовые в их улусах ярмарки: одна при Александровском улусе, на правом берегу реки Волги, другая в Малодербетовском, в урочище Китык-Булук при реке Аксае, а третья на реке Куме, при Большедербетовском улусе.

475 Улусный попечитель, по представлении торговцами паспортов, назначает каждому из них особое место для производства торга.

477. Для разбирательства дел, могущих возникнуть в продолжение ярмарок, собственно по мене, продаже и покупке товаров, также в случае производства торговли после ярмарочного срока, улусный попечитель составляет под председательством своим из двух зайсангов, по назначению самого попечителя, и двух торговцев, по избранию торгующих на ярмарке, словесный суд, который разрешает означенные дела по большинству голосов и налагает взыскание на виновных.

478. Тот, кто разбором суда недоволен, может приносить жалобу, если противная сторона из калмыков, в улусный зарго; если же оная из людей, не принадлежащих калмыцкому народу, то в место, коим они подведомы.

Îòäåëåíèå ïÿòîå

Î ñîñòàâå óïðàâëåíèÿ

482. Местное управление калмыками в улусах возложено на улусные управления, а делами тяжебными и о проступках заведуют улусные зарго.

483. В мочагах и на Калмыцком базаре полагается по одному попечителю; к ним в пособие назначаются в мочагах старшины, а на Калмыцком базаре-бодокчей по числу находящихся в каждом месте частей улусов.

484. В аймаках управление принадлежит аймачному старшине, в хотонах же — хотонному старосте.

485. Делами по духовной части заведует лама.

486—494. Статьи относятся к управлению калмыками Астраханской губернии.

495. Предметы управления калмыцким народом по управлению калмыками суть: 1) дела по устройству управления; 2) ведомство народоисчисления; 3) попечение об охранении благоустройства и благочиния по делам веры; 4) попечение об охранении общественного порядка и учреждений правительства; 5) содействие к охранению постановлений, относящихся до гражданского состояния калмыков; 6) меры к улучшению их нравственности; 7) содействие к охранению безопасности личной и имущества; 8) дела по части паспортной; 9) содействие мерам по части врачебного благоустройства; 10) дела по части обеспечения народного продовольствия; 11) дела по пожарным случаям; 12) распоряжения по строительной части; 13) распоряжения по сохранению чистоты и порядка; 14) устройство путей сообщения; 15) дела хозяйственного управления; 16) распоряжения по части податей; 17) распоряжения по части натуральных повинностей.

Îòäåëåíèå øåñòîå

Î á óëóñíûõ óïðàâëåíèÿõ

499. В каждом улусе учреждается по одному улусному управлению.

500. Улусные управления состоят из улусных попечителей и их помощников.

501. Канцелярия в улусном управлении состоит из письмоводителя, переводчика, толмача и писца.

502. Сверх того, при каждом улусном управлении полагаются три демчея для сбора денежных повинностей и три присяжных ценовщика для оценки вещей, убытков и проч.

506. Улусные управления получают название свое от того улуса, в котором имеют свое местопребывание.

512. Предметы занятий улусных управлений каждого в кругу своего улуса суть одни и те же, какие относятся до управления калмыцким народом.

513. Улусные управления принимают к засвидетельствованию всякого рода акты, заключаемые калмыками, наблюдая, дабы в них не было допущено ничего противного положению о них.

Îòäåëåíèå ñåäüìîå

Î á óëóñíûõ çàðãî

516. В каждом улусе зарго состоит из председателя, двух членов: старшего и младшего — и двух заседателей от калмыков.

517. Место председателя в улусном зарго занимает улусный попечитель; членами же назначаются старшим и младшим помощники попечителя.

518. Делопроизводство и письмоводство в улусном зарго возлагается на чиновников канцелярии улусных управлений.

519. Улусные зарго составляют первую ступень суда для разбора всех вообще дел по тяжбам, проступкам и уголовным преступлениям калмыков, а также для дел по опекам над малолетними калмыками.

520. Заседания для выслушания и разбора дел в улусном зарго назначаются не менее одного раза в неделю; но являющихся с просьбами и жалобами улусный попечитель, а в его отсутствие помощник, обязан выслушивать каждодневно.

521. Улусные зарго обязаны представлять в управление калмыцким народом ежемесячные именные ведомости о производящихся в них делах и списки о содержащихся арестантах с показанием причин содержания, а также годовые ведомости по образованию опекунских отчетов и перечневые ведомости о движении дел и о числе калмыков, подвергшихся суждению.

522. При улусных зарго должны быть заведены штрафные книги о калмыках, подвергшихся за какие-либо преступления и дурное поведение наказаниям. Книги сии ведутся по установленной форме.

Ïðèëîæåíèå âòîðîå. Ïîëîæåíèå îò 19 ìàÿ 1806 ãîäà îá îòâîäå çåìåëü êàëìûêàì è äðóãèì íàðîäàì, êî÷óþùèì â ãóáåðíèÿõ Àñòðàõàíñêîé è Êàâêàçñêîé

Ïîëíîå ñîáðàíèå çàêîíîâ 1806—1807 ãîäîâ. 22135

1. Для общего кочевья калмыцкого народа определяется нагорная степь, от реки Волги на запад лежащая, ограничивающаяся с одной стороны дачами помещичьими, казачьими и казенных поселян, с другой — Каспийским морем и рекой Кумою до селения Володимировки и оттуда даже до реки Маныча, а от оной рубежом земель войска Донского до пределов владения селений Чупурников и Цацы, в Саратовской губернии лежащих.

Сверх пространства земли, всем калмыкам назначенного, дозволяется Дербетовскому улусу, по многочисленности его, иметь кочевья и за Манычом по реке Калаусу до Большого Егорлыка. Река Кума полагается границею между калмыками и другими кочующими народами магометанского исповедания.

По уважению тому, что на землях, трухменам отводимых, верблюды их при реке Куме и Мочагах не могут летом выносить овода, местное губернское начальство не оставит распорядиться, дабы народ сей и калмыки как можно безобиднее в кочевьях своих тут расположены были. Вследствие чего, если крайняя необходимость потребует, дозволить им переходить, как сие до сего времени было, через реку Куму и кочевать по следам калмыков по Калаусу и Ергеням. Переход сей, однако, должен быть только в местах при урочищах Джилан-Кишу и Гожаин Гутцак.

Для успешного приведения в действие всех положений, в предыдущих статьях означенных, в губерниях Астраханской и Кавказской утверждаются особые временные комиссии.

Èñòî÷íèêè

Предлагаемое исследование разработано на основании архивного материала инородческого управления, любезно доставленного А.А. Польским, главным приставом кочующих народов.

Из печатных трудов в распоряжении автора находились:

Дуброва. Быт калмыков. Казань, 1898.

Костенков. Исторические и статистические сведения о калмыках. СПб., 1870.

Бентковский. Статьи из Сборников статистических сведений о Ставропольской губернии за 1868, 1869, 1870 годы.

Остальные сочинения и статистики цитируются в тексте.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. Полн. собр. законов т. XXIX № 22, 135 § 1.
2. Астрахан. губ. вед. № 19 за 1861 год. История калмыцких ханов. Соч. Батыр-Убаши Тюменя.
3. В делах Арх. калмыц. управл. за 1725 год хранится наказ астраханскому губернатору, «чтобы не выбирали себе хана, а просили бы об этом Его Имп. Велич.».
4. Полное собр. законов т. VIII № 5699.
5. Полное собр. законов т. X № 7191.
6. Дела Арх. кал. упр. № 55 (за 1735 год) и № 267 (за 1747 год) и др.
7. См. Арх. кал. упр. дела № 267 (за 1747 год) и 279 (за 1748 год).
8. В «дворяне» назначались разных сословий лица (см. Дело Арх. калм. упр. № 361 в истор. отделе 1763 года).
9. Дело А. К. У. 1731 № 55, 1748 № 267—279
10. Дела А.К.У. 1731 № 55.
11. Полн. собр. зак. Т. I № 145, III № 12, 207, IV № 2291 т. № 1581.
12. Пол. собр. зак. т. I, № 540, II № 672, 990, 1245, IV № 1822, т. V № 2958, 3076, 3314, VII № 4216 и мн. др.
13. Попытка образования зарго была сделана в 1761 году при утверждении наместниками ханства Убаши. Зарго состоял из 8 членов, в число которых наместник назначал только *трех*, а остальные выбирались нойонами.
14. См. Пол. собр. зак. Т. XXII 1786 года. № 16387.
15. Полное собр. зак. Т. XXV № 18651 и 18860.
16. По указу требовалось отвести калмыкам все те земли, на которых до ухода за границу предки их имели кочевье (П. С. З. XXVII 20, 271; 20511).

17. Пол. собр. зак. Т. XXVI 1800 №№ 19512, 19536, 19575, 19599, 19600, 19921.

18. П. С. З. Т. XXVII, 1803 № 21011.

19. 28 апреля 1828 года церемониал вручения грамоты и печати обошелся в 1500 рублей (Дел. Арх. кал. упр. 1828 года № 7155).

20. Это положение утверждено было 24 ноября 1834 года и приведено в действие с 1 января 1836 года. П. С. З. Т. X № 7560. Д. А. К. Упр. 1825 № 943 по Арх. № 6991.

21. Хотя по положению 1847 года (§ 153) предоставлено улусным зарго разбирать тяжебные дела между калмыками об имуществе «по древним калмыцким постановлениям», но в настоящее время эти постановления не только не применяются к делу, но даже едва ли известны народу; тщетно разыскивался по улусам с научною целью в течение многих лет этот источник калмыцкой премудрости, о котором так хлопотали калмыки.

22. В избрании ламы наблюдался такой порядок. Главный попечитель (управляющий Астраханской палатой государственных имуществ) список всех начальствовавших в больших хурулах бакшей представляет со своим мнением и отзывами управляющих улусами владельцев или опекунов начальнику Астраханской губернии, а тот входит с представлением к Министру внутренних дел.

23. На содержание управления назначалось 1590 руб. в год из сбора с калмыков, определенного положением от 23 апреля 1847 года, с калмыков казенных улусов по 7 рублей 58 копеек, а владельческих по 24 копейки с кибитки (семейства). Недостаток сбора в Большедербетовском улусе (812 кибиток = 357 рублей 28 копеек) был очень велик и равнялся 1232 рублей 72 копеек. Он покрывался остатками сбора с калмыков других улусов и преимущественно казенных.

24. По Высоч. указу 30 декабря 1846 года.

25. Крестьяне этих семейств по платежу податей причисляются к Ставропольской губернии, а в прочих отношениях подчинены астраханскому начальству.

26. Цифры взяты из отчета главного пристава за 1907 год.

27. За 1907 год из арендной платы поступило недоимки 14587 рублей 53 копеек и оклада 69016 рублей 13 копеек. (См. в архиве отчет главн. прист.).

28. В 1907 году таких сумм было: недоимки 17465 рублей и оклада 83643 рублей. (См. отчет глав. пристава за 1907 год).

29. В 1907 году обучалось до 408 калмыцких детей (в том числе 49 девочек). Для заведывания школьным инородческим районом открывается должность отдельного инспектора.

30. В 1907 году израсходовано на это дело 6159 рублей 36 копеек.

31. «Мацак» 8, 15 и 30 числа ежемесячно.

32. Это одна из причин нерасположения калмыков к земледелию.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Фарфоровский С.В. Полукочевые народы Северного Кавказа (опыт историко-культурной монографии). Калмыки Ставропольской губернии. — Ставрополь-Губернский: Медицина, 1908.

Í ÎÃÀÉÖÛ ÑÒÀÂÐÎ Ï ÎËÜÑÊÎÉ ÃÓÁÅÐÍÈÈ. ÈÑÒÎÐÈÊÎ-ÝÒÍÎÃÐÀÔÈ×ÅÑÊÈÉ Î×ÅÐÊ

Ââåäåíèå

О номадах Северного Кавказа мы совсем не имеем исследований в современной литературе. А между тем быт их очень интересен. Они переживают ту стадию развития, которую другие народы давно уже пережили: они переходят из кочевого состояния в оседлое. По своим законам и обычаям, они живут особняком от окружающего их населения, будучи изолированы даже своим языком.

В Ставропольской губернии насчитывается до 47000 душ подобных народов. Среди них до 10000 калмыков, до 18000 туркмен и до 19000 ногайцев. К ним можно отнести и караногайцев Терской области, похожих по образу жизни.

Из этих номадов около 21000 трухмен и ногайцев обоего пола доселе жили statu quo ante, оставаясь верными исконному образу жизни — кочевому.

Остальная часть их, а также и все почти калмыки живут оседло или переходят к оседлости.

Все инородцы Ставропольской губернии, как оседлые, так и кочевые, занимают территорию до 1288000 десятин земли, несколько больше одной четвертой части губернии.[1] Из них 195000 десятин отрезано под оброчные участки, а остальное количество распределялось в 1904 году так: 595000 десятин занято было оседлыми инородцами, 498000 десятин находилось в пользовании кочевников.[2]

В настоящее время очень усиленно идет вымирание этих народностей. Когда прекратилась борьба с русскими и окончено было завоевание Кавказа, началась другая борьба — борьба культурная. В этой борьбе ногайцы оказались побежденными от своих энергичных соседей — крестьян, которые втиснули их в степи, где они, жалкие, полуголодные, и вымирают.

I. Èñòîðè÷åñêèé î÷åðê[3]

Ногайцы делятся на племена едисанские (джетысанские), джембойлуковские (энбуйлук-джембойлук) и едишкульские (джетыскул).

Россия познакомилась с ними в начале XIII века. По народному преданию, вначале они были огнепоклонниками. Султан Бабаткуль был проповедником магометанства среди них, обратив в половине XIII века едишкуль, едисан, кипчак и другие роды в магометанство. Но только лучшие люди усвоили эту религию. Другие роды их прокляли, назвали *неунгай* (*будьте прокляты*).

Вернее всего, название ногайцев представляет перевод слова *нохай* (по-монгольски *собака*, как символ дружбы). Всего же вернее, как и говорят сами ногайцы, название это родовое — от сына Чингисхана Ногая, из рода Джучи.

В первый период их истории ногайцев как отдельного племени не существует. Они теряются в массе полчищ Батыя, Тохтамыша, Тамерлана и других. Только после процесса распадения Орды мы встречаемся с ногайцами как самостоятельной единицей. Любопытна в этом отношении записка от 1754 года[4], где упоминаются ногаи, пославшие к Грозному послов от племен джетышкул, больших ногаев, малых ногаев и джетысан (едисан). Из больших ногаев несколько сот семейств ушли за Яик к реке Эмбе (по-монгольски и калмыцки *Джем*). Так как они стали кочевать вдоль ее (*полюнбуйлук*), то и были прозваны джембойлукскими.

Остатки этих орд и представляют собою современные ногайцы.

Далее история ногайцев совпадает с историей калмыков.

В начале XVII века ойратские тайши прислали к Михаилу Федоровичу послов с просьбою о подданстве. В 1621 году калмыки появляются в верховьях рек Ишима, Тобола, даже Эмбы, где встречаются с джембойлукцами. Хо Юрлук возвращает джембойлукцев на Волгу, куда в 1636 году перекочевывает до 50000 калмыцких кибиток. Ногайцы были порабощены калмыками.

Интересна шертная грамота калмыцких послов от 1655 года, заключающая клятву в верности царю Алексею от калмыков, которые обязуются не брать в полон и не грабить ногайских и едисанских татар. Хан Аюка, преемник Кунчука, добившись единовластия среди калмыков, принял в свое подданство малого ногая с договором уплаты дани, а едисанцев и большого ногая с верховьев Кубани перевел силою на Волгу. Вместе с тем Аюка завязывает переговоры с Константинополем, что не мешает ему трижды клясться в верности России. Большой ногай, захватив с собою часть едисанцев и джембойлуков, вместе с малым ногаем перешел на сторону крымского хана. Остальные едисанцы бежали в Бессарабию.

Этот период ногайцы проводят в бесконечных странствованиях от устьев Волги и Терека до Кубани и Дона. При крымском хане постоянно служили телохранителями ногайские мурзы; шест-

надцать едисанцев, десять джембойлуков и одиннадцать едишкульцев служили при Шагин-гирее. Крымские ханы титулуются в своих договорах так: «Гиреево Царское Величество, Великого Юрта, Кипчакской степи и многих несчетных татар и многих несчетных *ногай* повелитель».

Великая северная война, которой предшествовали неудачные голицынские походы на Крым и полуудачные походы Петра Великого на Азов, отодвинула надолго вопрос о подчинении ногайцев. В это время мы встречаем ногайцев на Волге, на Кубани и, наконец, в Бессарабии; части народа, увлекаемые мурзами, кочуют то туда, то сюда. В записке московского архива говорится, что в 1715 году на Аюку напал гирей-солтан с Кубани Бахта и перевел к себе на Кубань ногайцев, едисан и джембойлуков. В 1719 году, то есть через четыре года, Аюка сделал нападение на него и перевел ногайцев на Волгу. В 1723 году эти племена обратно переселились на Кубань. Астраханский губернатор тщетно старается распределить их по калмыцким улусам, и в 1724 году с калмыков берется присяга, что они возвращенных по государеву указу татар (то есть ногаев) не будут держать вместе, а будут распределять по своим улусам. В 1728 году едисанцы от калмыков переводятся за Перекоп и за Днепр. Численность ногайцев записка исчисляет до 15000 кибиток, из них 3000 кибиток джембойлукских, а остальные — едисанские. Калмыцкий владелец Бату, участвовавший в походе Петра Великого на Персию, на своем возвратном пути увел до 1000 кибиток ногайцев на Волгу.

Старые акты упоминают, что в Астраханской губернии около Дербента и в предгорьях Главного Кавказского хребта существовало до тридцати родов ногайцев. Одни роды стремились к Волге, другие из-за Урала передвигались на Куму и Кубань. Все эти осколки Золотой Орды испытывали сильное тяготение к Турции и Крыму.

В 1770 году к графу Панину прибывает ногаец из едисанцев с предложением пяти мурз перейти на сторону России. Когда Бендеры были нами взяты, граф Панин отпустил из плена до 800 ногайцев, захваченных в Бессарабии в плен.

Ногайцы переселились на Северный Кавказ в качестве наших союзников. В 1771 году орды их заняли земли бывшего черноморского войска по рекам Кубани, Ее, Есени, Киринлею, Бейсугу и другим. Всего их считалось до 80000. Екатерина Великая дает им милостивую грамоту вместе со свободой управляться по древним своим законам и обычаям. Девлет-гирей с сорокатысячной турецкой армией, делая попытку снова отвоевать Крым, хотел привлечь на свою сторону ногайцев. Этому помешал Джан-Мамбет-бей, едисанский владелец, убедив свой народ в рискованности борьбы с русскими. «Как щенят, — говорил он, — я перенес свой народ через Дон на здешние места, данные нам Россией. Могу ли я воевать против нее? Нет, я никогда не забываю ее благодеяний и скорее соглашусь умереть, чем нарушить свою клятву». В 1773 году кн. Долгоруков-Крымский заключил в Карасубазаре договор с ханом Крыма Сагиб-гиреем, причем тут присутствовали представители едисанцев, едишкульцев и джембойлуков. Этот договор был подготовкой по содержанию и целям к Кючук-Кайнарджийскому трактату, обеспечившему независимость орд. В то время кочевья едисанцев были на левом берегу Кагальника, по Чубуру и на правом берегу Еи и по реке Калалы. Джембойлуковцы кочевали между Челбасом и вершиной Еи. Едишкульцы делились на три *куба* (поколения). Мийский куб кочевал между левым берегом Кирпили и правым Аганлы, китаинский куб — между Англы и Кара-Кубанью, и бурлацкий — между Ачуевым и Копылом.

В дальнейшей своей истории ногайцы повторяют прежнее колебание между Турцией и Россией, склоняясь более на сторону первой, особенно по смерти преданного России предводителя едисанцев Джан-Мамбет-бея. В Крыму борются две партии. Представитель русской Шагин-гирей, поддержанный Суворовым, захватывает ханство. Он был последним ногайским сераскиром. В своей деятельности он подражал Петру Великому, заводя при дворе европейские порядки и преобразования, устраивая свой флот и т.д. В конце концов вследствие возмущения ногайцев ему пришлось бежать. Восстановленный вторично с помощью русских, он не мог справляться. Под давлением настойчивых требований Потемкина он отказывается в пользу России от власти. Интересна грамота Шагин-гирея, объявляющая об этом. Ногайцы были приведены Суворовым к присяге на алкоране при чрезвычайно торжественной обстановке вблизи Ейского укрепления. Многие ногайцы были приняты на русскую службу; мурзам были пожалованы офицерские чины. На последующем пире было съедено сто быков, восемьсот овец, выпито пятьсот ведер водки. Вследствие вполне понятной боязни измены ногайцев Суворов задумал перевести их к Дону. Возникает столкновение между ногайцами и русскими войсками, а вместе с тем борьба между верными России и неверными ей ногайцами. Часть ногайцев прорвалась через русский кордон и бежала за Кубань, оставив в наших руках до 30000 лошадей, 40000 голов рогатого скота и 200000 овец. Другой отряд ногайцев Суворов разбил, взяв в плен более тысячи человек. Интересно изменение численности ногайцев: в 1754 году их было 80000, в 1782 — уже 56000, в 1783 — только 3000.

В 1801 году государь повелевает «удобными и кроткими средствами стараться склонять кочующих людей к перемене образа жизни, к хозяйственному заведению порядочных селений» и т.д. Пытались было из ногайцев образовать что-то вроде казачества, но эти попытки все оказались неудачными. Ришелье, будучи новороссийским генерал-губернатором, назначил начальником ногайских орд Де-Мезона, при котором прикрепление ногайцев к земле шло особенно энергично. Расска-

зывают, что он даже сжег кибитки ногайцев, 67 ногайских деревень были построены им в два года. К 1810 году там было 4043 дома и только 669 кибиток. В 1822 году вследствие ряда непрекращающихся волнений среди ногайцев император Александр I дал Ермолову повеление соединить в лице одного пристава управление ногайцами, сложив обязанность с султана Менгли-гирея, определить уставом действия администрации, права и обязанности ногайцев, которые переводились в Министерство внутренних дел. Император Николай приказал наказывать непокорных ногайцев, тревоживших часто постовую кордонную линию, а виновные семейства должны были быть переселяемы в Саратовскую губернию малыми партиями, водворяемыми небольшими группами среди крестьян.

Во времена барона Розена обитали следующие народцы: калаусо-саблинский, бештово-кумский, калаусо-джембойлуковский, едисанский, едишкульский, караногайский и трухменский. В 1830 году всех их считалось 39595 мужчин и 35011 женщин, из них 311 мурз, 196 духовных лиц и 758 ясырей (крестьян); земли в их распоряжении было до 2277135 десятин. Они были разделены на пять приставств. Калаусо-саблинцы, бештово-кумцы и калаусо-джембойлуковцы ушли навсегда в Турцию под официальным предлогом — поклониться гробу Магомета. Ввиду этого князь Барятинский разрешил пускать в Мекку из каждого народа не более пяти человек. Брожение умов росло под влиянием слухов, что те, кто останется в России, будут отданы в казаки, и приготовления к переселению ногайцами велись весь 1858 год, они распродавали имущество и т.д. Эти приготовления сильно встревожили местное население, которое пользовалось услугами ногайцев по уборке хлеба и винограда и по перевозке тяжестей, как хорошими рабочими руками. Довершение покорения Кавказа взятием Гуниба и пленом Шамиля дало сильный толчок эмиграции. После их ухода поднялись цены на личный труд и местные продукты сельского хозяйства.

С 1870 года началась обратная иммиграция. Отставших и возвратившихся было очень трудно устроить, так как земли их были распределены. Администрация решила их перечислять в податное сословие до определения места их поселения. Образование из них отдельных селений признано было неудобным; их приселили к существующим селам и станицам. Новые помещики, получившие ногайские земли, пытались было закрепостить ногайцев. Это вызвало опять ряд волнений, пока они не были отведены в аул Канглы в ведомство государственных имуществ, где страшно бедствовали в низменной и сырой местности.

В настоящее время ногайцы представляют вполне спокойное население, живущее в Ачикулакском приставстве Ставропольской губернии под ведением главного пристава кочующих народов, проживающего в Ставрополе.

II. Ìàòåðèàëüíàÿ êóëüòóðà ñîâðåìåííûõ íîãàéöåâ

Ногайская степь, где живут ногайцы, представляет собою холмистую равнину, покрытую невысокою травой, достигающей в высоту от $^1/_4$ до $^1/_2$ аршина. С северной и западной сторон эта степь граничит со Ставропольской губернией, с южной и восточной примыкает к Терской области. В северной части граница идет с землями туркмен и по реке Куме. С Терской областью до 1908 года не существовало определенной границы: здесь ногайцы соприкасались с землями караногайцев, и границей служила полицейско-административная межа. Это было неудобно, потому что вызывало столкновения ногайцев-кочевников с караногайцами Терской области. Вследствие этого была составлена смешанная разграничительная комиссия, которая и определила границу между Ставропольской губернией и Терской областью.

Проезжая по степи, путешественник то и дело встречает песчаные бугры, на которых нередко растут колючки и бурьян. От ветра песок клубами подымается вверх. На оголенных ветром от песка местах часто встречаются человеческие кости, разные древние монеты, стальные наконечники стрел и другие обломки древнего оружия, что ясно показывает на некогда происходившие здесь кровавые схватки. В степи нет ни рек, ни ручейков, ни больших постоянных озер, и только изредка встречаются небольшие озерки. Таких озерков очень много можно встретить весною, с соленою, а иногда и пресною водою. Осенью во время дождей более низкие места тоже наполняются водой и образуют ряд маленьких временных озер, где можно встретить и болотную птицу.

Климат степи по временам года значительно разнообразен. Самое приятное время года бывает весною и осенью; летом же здесь бывает очень жарко, и комары в летние вечера ни людям, ни скоту положительно не дают покоя. Под влиянием летней жары озера высыхают и распространяют болотный запах; зимою же бывают страшные холода с метелями и буранами, от которых погибает масса лошадей, рогатого скота и овец: 1888, 1889 и 1893 годы в этом отношении надолго будут памятны кочевникам, так как в эти годы у них во время буранов погибла половина всех домашних животных. Такие бураны причиняют страшное экономическое разорение ногайцам. Горе тому, кого в степи застигнет буран! Все стихии мешаются, кругом только вой ветра, песчинки и снег с силою ударяют в вас, проникают сквозь вашу одежду, царапают лицо. Все живое тогда прячется куда только можно.

Ногайцы — народ кочевой, народ скотоводов в большей своей массе. Скотоводство заключается у них в разведении лошадей, рогатого скота, овец, коз и верблюдов. Лошади, хотя и невысокого роста, но отличаются выносливостью. Коровы и быки средней величины; быки вполне годны для полевых работ и сильны, а коровы достаточно молочны. Овцы большею частью с курдюками, хотя есть и русские бараны с хвостами. Верблюды встречаются белые и рыжие, но все поголовно двугорбые. Козы простой породы, не дают шерсти и не отличаются величиною. У ногайцев вообще нет стремления улучшать породу животных. Хотя в степи есть много богачей, имеющих животных сотнями, но они никогда не выписывают заводских жеребцов и бугаев[5]. В летнее время из лошадиного молока приготовляют кумыс. Сыр приготовляется исключительно из коровьего молока, но он вообще незавидный; специально сыроварением никто не занимается. Овцы и козы не доятся, и сыра овечьего не приготовляется. Верблюжье молоко употребляется в пищу; с этим молоком варят калмыцкий чай.

Хлебопашеством ногайцы стали заниматься только в последние годы; в настоящее время, проезжая по степи, можно видеть кое-где посевы ржи, овса и пшеницы. Хотя часто ногайцы и сеют пшеницу, но они не возят ее на мельницу, а продают, овес же и ячмень сохраняют на зиму для продажи и для себя.

В общем, надо сознаться, что, несмотря на все старания администрации насадить в ногайских степях земледелие, это удается очень плохо вследствие беспечности ногайца, его неумелости, малой приспособленности почвы для земледелия и так далее.

Очень мало садят и сеят овощей; почти не разводят деревьев, хотя попытки облесения степи со стороны администрации показали, что лес может расти. Облесение должно оказать благотворное влияние и на климат степи, сделав его более подходящим для жизни. Леса будут задерживать порывы ветра, останавливать бураны и т.д.

Из домашних женских занятий обращают на себя внимание валяние войлоков, выделка шкур и курпеев и вязание из шерсти сум и мешков, а из мужских занятий — сапожное ремесло, устройство кибиток, свадебных и простых арб, шорное и седельное мастерства. Но вообще специальных мастерских нельзя найти по всей степи: мастер то в городе на работе, то скотину гонит продавать, то занят другим каким-нибудь делом, а когда садится за свою работу, то все-таки не на долгое время: он заболевает, если хотя раз в месяц не проедется верхом по степи. Понятно, что при таких условиях говорить о развитии и специализации ремесла трудно.

При школах, заводимых в степях, делаются попытки открыть ремесленные отделения для обучения детей ремеслам. Так как это дело новое, то говорить о результативности этих попыток преждевременно.

Ногайцы, занимаясь, главным образом, скотоводством, знают отчасти и способы лечения своих животных. Но как они лечат и приносит ли пользу их лечение, вообще мало известно, хотя между ними насчитывается несколько скотоводов, которые пользуются репутацией хороших народных ветеринаров.

И при благоприятных условиях скотоводство не дает бедному сыну степей довольства: ногаец плохо ест, плохо одевается и живет в плохом, ободранном жилище, как увидим. Отсюда общий жалкий болезненный вид их, отсюда вымирание их. Сильное обеднение вызывает у них отсутствие энергии, вялость, какую-то пассивность ко всему окружающему.

Самую главную пищу у ногайцев составляет кирпичный чай (калмыцкий), без которого они не могут обойтись. По мнению ногайцев, калмыцкий чай исцеляет от многих болезней и придает силу утомленному человеку. Достав из сундука кусочек этого чая, ногаянка топором крошит его, между тем как в это время в котле, который стоит посредине кибитки на тагане, нагревается вода; накрошенный чай она бросает в котел и закрывает деревянною крышкой. Пока закипает чай в котле, ногаянка толчет черный перец, потом поднимает крышку котла и вскипевший чай процеживает через сплетенный камыш в отдельную деревянную чашку; остатки чая (*чама*) остаются на камыше, а чистая жидкость стекает в посуду. Процеженный чай выливается обратно в котел, куда всыпается толченый перец и вливается молоко: затем все это закрывается крышкой. Насчет молока для калмыцкого чая следует упомянуть, что верблюжье молоко считается лучшим, чем коровье. Так, когда угощают особенно дорогого гостя чаем, то прибавляют, что чай с верблюжьим молоком (*туэ-сут*). Верблюжье молоко имеет то преимущество перед коровьим, что оно сладкое и густое, как сливки. Когда чай готов, то ногаянка переливает его из котла в посуду, кладет туда масло, соль (по вкусу) и ковшом с длинной ручкой охлаждает его: ногаец не пьет и не ест ничего горячего; сын степи привык только к холодному; поев горячего, часто он заболевает. Пока ногаянка нальет чай в деревянные ковши, хозяин дома берет рукомойник с теплою водою, который всегда стоит около огня, и дает мыть руки каждому из гостей. По окончании этой обязательной церемонии хозяйка раздает чай в ковшах на деревянном подносе вроде скамейки, раскрашенном в разные пестрые цвета, и разломанный в куски хлеб-пышку. Выпив чай, гости поднимают руки вверх, читают молитву, потом проводят руками по лицу и говорят хозяину: «Аллах берекет берсын», — то есть «Бог да вознаградит взамен», а хозяин отвечает: «Аш-болеун», — то есть «Пусть будет пищей». Эти выражения со стороны как гостей, так и хозяина, высказываются вообще после еды. После еды и благодарственной

молитвы хозяин подает гостям воду из того же рукомойника для умывания рук. Все эти церемонии проделываются с замечательно важным и чинным видом. Присутствуя при церемонии чаепития, мы воображали постоянно, что присутствуем при каком-то священнодействии, — так важны были все окружающие нас.

Хлеб-пышку ногаянки приготовляют самым простым способом. Прежде всего, они из муки и воды приготовляют тесто, положив взамен дрожжей сыворотку от кислого молока (айран). Вымесивши его и придав ему форму шара, они кладут его на доску; каталкой раскатывают в лепешку величиною в сковороду; укатанную лепешку кладут на сковороду, накрывают другой сковородой и зарывают в огонь. Приблизительно минут чрез 10—15 достают сковороды, и пышка уже готова.

Другое национальное кушанье — *беш-бармак* (по-русски *пять пальцев*). Оно называется так потому, что его едят руками. «Беш-бармак» есть не что иное, как русская лапша, очень густая. Она приготовляется следующим образом: сперва варят мясо в котле, а пока оно сварится, приготовляют тесто и делают лапшу; затем сваренное мясо достают из котла и, положивши в бульон лапшу, раздают домашним, которые проворно отделяют ножами от костей мясо, разрезают его на мелкие кусочки и кладут в большую деревянную чашку; кости же раздаются гостям, которые обгрызают их в ожидании, пока будет готов «беш-бармак». Когда лапша готова, ее выливают в чашку, в которую перед тем положено было мясо, прибавляют немного красного перца, соли, а если есть, то и луку, и «беш-бармак» готов. По окончании еды «беш-бармака», который у наших ногайцев считается первым питательным кушаньем, все гости в доказательство того, что они вполне насытились, стараются рыгнуть, и чрез несколько времени кибитка наполняется звуками отрыжки[6].

Весною, когда имеются молодые барашки, «беш-бармак» уступает место «куюрме». «Куюрма» приготовляется из ягнятины, изжаренной на масле с перцем и, если есть, с луком. Калмыцкий же чай остается неизменным и незаменимым во всякое время года.

Кроме вышеназванных кушаний, употребляют в пищу кобылятину; мясо это у них считается самым лакомым и почетным кушаньем; им украшают даже изнутри кибитки, повесив куски кобылятины на стенах, чтобы показать гостям, что они не пожалели ничего и готовы угостить дорогих гостей на славу. Из кобылятины приготовляют колбасы (*казы*), беш-бармак и шашлык. Из лучших лакомств обращает на себя внимание «бабурсак», или, по-русски, *жареное тесто*. Бабурсак приготовляют исключительно на праздниках, во время свадеб и в других торжественных случаях. Из редко употребляемых кушаний еще можно указать на плов и молочную пшенную кашу.

Вообще питание ногайца крайне негигиенично. Да и этими кушаньями питаются более богатые. Более бедные питаются в высшей степени плохо: просяная лепешка с чашкой скверного чая — вот пища обыкновенного ногайца (не бедного). Редко-редко этот обед сдабривается кусками сала или мясом прирезанной перед моментом издыхания лошади или рогатой скотины.

Собрание нескольких кибиток вроде маленького хутора называется аулом. Аулы состоят — самое большое — из 30 или 40 кибиток при среднем количестве в 8 или 10. В аулах всегда можно встретить арбу, загороды для загона животных; около пасутся стада рогатого скота, овец и табун лошадей. Во многих аулах можно встретить *куй-ме* (свадебную арбу). Свадебная арба отличается от обыкновенных арб тем, что она имеет форму арбы с кибиткою, причем кибитка сделана не из рогожи или войлока, а из досок; кибитка эта сзади и спереди прикреплена к арбе дощечками, раскрашенными в разные пестрые цвета. Позади арбы имеется маленькое квадратное отверстие, а спереди двустворчатые дверцы. В таких арбах возят невест в дом женихов, чтобы на дороге никто не мог их видеть; да и они сами сидят в них, как в темнице. Зимою кибитки огораживаются с запада, севера и востока стенами из бурьяна для защиты от холодных ветров; такие стены делаются для загона скота, овец и лошадей во время буранов и метелей. Те аулы, в которых встречаются подобные бурьяновые изгороди, называются по-ногайски *кышлав*, в переводе значит *зимовка*. В зимовках ногайцы живут только зимою, а с наступлением весны перекочевывают в другое место; с наступлением же следующей зимы они опять возвращаются в эти зимовки. Ногаец в течение всего теплого периода перекочевывает несколько раз — то туда, где корм хороший, то где воды много. Вообще постоянство места обитания ногайцу надоедает. У него все приспособлено для передвижения; и арба, и несложное имущество бедного сына степей легко передвигаются с места на место. Решетки стен, палочки крыш, войлоки и остальные принадлежности при перекочевывании разбираются, располагаются на арбе и перевозятся на новое место, а *отовы* поднимаются целиком и ставятся на арбу, причем колеса арбы не касаются стенок отова, потому что диаметр основания его в полтора раза больше ширины арбы с колесами. После перевозки частей кибиток женщины первым делом моют все палки и решетки кибиток и затем снова укрепляют решетки стен, обивают их войлоком, прикрепляют палки крыши и располагаются таким образом на новом месте. Устанавливаются кибитки ногаянками чрезвычайно быстро; это можно заключить из того, что снятие с места кибиток, перевозка их на десять и более верст, мойка и новая установка делаются в течение одного дня. У бедняков войлоки кибитки бывают дырявы и грязны до невозможности. Часто дождь и снег свободно проникают в кибитку.

Попытки сделать ногайцев оседлыми не принесли больших результатов, хотя ногайцы и наделялись землею и получали пособие на построение избушек и т.д. Живущие в постоянных жилищах

ногайцы колоссально нечистоплотны. И в постоянном своем жилище ногаец остался с замашками и привычками степняка. У него дома грязь и невыносимое зловоние, везде масса паразитов; около нечистоты ногаец, живущий в кибитке, так же беспечен и нечистоплотен; но его подвижный домик целое лето проветривается; в нем нет сырости и духоты; наконец, ему ничего не стоит бросить загаженное место и переселиться с кибиткой в другое, более чистое, что он часто делает. Таким образом, оседлый ногаец стоит в неизмеримо худших условиях, чем его кочующий собрат.

Жилища, в которых живут ногайцы, представляют собою шатры цилиндрической формы с крышею, оканчивающеюся усеченным конусом. Окружность основания цилиндра — самое большое — равняется 12 саженям, а высота его — одной сажени. Наверху усеченная часть конуса образует отверстие около 1 кв. аршина, в которое и выходит дым. Стены жилища составляют деревянные решетки красноватого цвета, обтянутые войлоком. Эти жилища не имеют окон, а только дверь, всегда обращенную на юг. В темные ночи они для проезжающих могут служить некоторого рода компасом. Крыши кибиток образуют также деревянные палки красного цвета; палки эти своими нижними концами кладутся и укрепляются на перекрестках решеток стен, а верхними прикрепляются войлоком к верхнему кругу. Верхний круг представляет отверстие, которое одновременно служит и единственным окном, и трубою для выхода дыма. Днем это отверстие бывает открыто, а ночью оно затягивается войлоком, чтобы в шатер не проникал холод. Вот эти жилища называются *тэрмэ*, но по-русски они называются просто кибитками. Кибитки их бывают двух видов — большие и малые; большие называются *тэрмэ*, а малые — *отов*. Как *тэрмэ*, так и *отов* почти не отличаются наружностью: те же решетки, те же палки, те же войлоки, то же отверстие наверху и прочее, — только в отовах крыши имеют кругловатую форму. Дверцы у кибиток бывают одностворчатые и двустворчатые, деревянные, крашенные в разные пестрые цвета. В зимнее время на дверцы снаружи навешивают вышитый войлок, чтобы холодный воздух не проникал в кибитку, а ветер не разносил внутри дыма очага. Снизу кибитка веревками прикрепляется к колышкам, вбитым в землю, хотя эта предосторожность не всегда помогает ей устоять на месте при порывистых ветрах. Нижние войлоки, которыми обтянуты стены кибиток, можно приподнимать и опускать, чем и пользуются летом, когда бывает душно в кибитках, чтобы освежать в них воздух; войлоки же крыши неподвижны и всегда туго прикреплены к палкам веревками или тесьмою самодельной работы. В жилище ногайца все говорит, что это жилище номада, так как все приспособлено к передвижению.

Войдемте теперь внутрь кибитки. При входе вас отталкивает сильный запах дыма. В кибитке целый день горят кизяки (сушеный навоз, употребляемый как топливо) и готовится чай. Непривычному трудно высидеть в кибитке несколько минут. Между тем ногаец проводит там целые дни и ночи, чувствуя себя лучше, чем в светлой комнате. Переступив порог кибитки, на северной стороне ее можно увидеть зеркало (*биала*) с какой-нибудь пестрой рамкой и набитые разным платьем сумки (*ярган-торба*), которые с наружной стороны обтягиваются шкурою жеребенка или материями с разными узорами. Направо находится кровать (*орынь-дык*), раскрашенная разными яркими красками; на кровати бывает несколько подушек (*ястык*) с пестрыми ситцевыми наволочками (*ястык-тыс*), тюфяк (*миндар*) и одеяло (*юркан*). Над кроватью обыкновенно бывает привязана веревка с навешанными на ней разными мужскими и женскими костюмами (*гиим*). Около кровати, ближе к дверям, есть полка (*ундрук*), на которой ставятся глиняные и деревянные чашки (*айяк*), ложки (*кашык*) и ковши (*чумыч*). Полка эта прикрепляется к стенам кибитки и поддерживается колом. Под этой полкой всегда находится раскрашенный сундук (*кобан-сандык*), с дверцами впереди и наглухо забитым верхом. В этом сундуке сохраняется сало или масло (*май*), калмыцкий чай (*калмык-шай*), перец (*бурш*), чеснок (*сармысак*) и пр. По той же стене расположены котлы (*козан*), кастрюли (*тава*) и сплетенный веревочкой тонкий камыш (*сутлык*), который заменяет сито для процеживания кирпичного чая; в левой стороне кибитки, около самых дверей, помещается большой сундук (*уйкен-сандык*), а на сундуке собрана ничем не покрытая постель (*орын*); дальше на стене навешана разная сбруя: хомут (*хомыт*), возжи (*люген*), кнут (*ялав*), гребень для расчески шерсти (*юн-тарак*). Вот все внутреннее богатство ногайца обеспеченного. В бедной кибитке этого вы не встретите.

В кибитке нет ни стульев, ни скамьи, и это прямо дает знать, что надо присесть на корточки. С трех сторон только внутри кибитки постлан на земле плетеный камыш (*орэ*), на камыше разостланы вышитые и простые войлоки (*гииз*), которые уставлены несколькими подушками. Почетным местом в кибитке является северная сторона, приходящаяся прямо против дверей, и это место более других обставлено подушками. Хозяйка, или старшая жена, всегда сидит в кибитке по правую сторону ее, где котлы, съестные припасы и все добро, а остальные жены большею частью ей прислуживают — приносят кизяки, разводят огонь и приготовляют кушанья. В середине кибитки помещается таган (*очаг*), на котором варят свой неизменный калмыцкий чай, лапшу и другие кушанья; около тагана бывает кочерга (*косов*), щипцы (*маша*), кизяки и обязательно рукомойник с узким горлышком и соском (*кумган*); рукомойник этот ставится около огня, для разогревания воды. Этой водой они моют руки перед едой и после нее и совершают омовение пред намазом. У некоторых ногайских богачей и у имевших сношения с русскими можно найти самовар, чайник и

стаканы для русского чая, который у них считается лакомством и лекарством против кашля. Но это редкость у очень и очень немногих ногайцев; большинство же, повторяем, не имеет даже и этих простых приспособлений домашнего обихода.

Кибитка, в которой ногайцы принимают гостей, обставляется лучше других. В приемной кибитке живет аул-бай, то есть богатый житель аула. В кибитке аул-бая живут только аул-бай с женами и детьми, а женатые его братья живут в отдельных кибитках. Старшая жена аул-бая всегда остается в кибитке и работает мало, а больше всего работы достается младшим женам или снохам; в обязанности молодых жен лежит собирать в степи кизяки, варить чай, доить коров, верблюдов, приготовлять масло, производить стирку белья — заниматься, вообще, черной работой.

Костюм ногайца не представляет собою почти ничего отличительного от туземного вообще, но только он на нем сидит мешком, свободно охватывая все тело. На широкий бешмет с широкими рукавами, из пестрой материи, надевается черкеска без газырей[7], но с широкими рукавами, полами и талией. На бешмет для взрослого человека почти всегда закупается ситцевой материи 10 аршин, а на черкеску 6—8 аршин сукна; из этого же можно заключить, насколько объемисты костюмы. Мужские рубахи шьются по форме обыкновенных, но застегиваются ниточными пуговицами собственной работы; штаны же шьются широчайшие и даже внизу они достигают в диаметре 10—12 вершков. Летом ногайцы носят одни кальсоны, без верхних штанов, а зимою, кроме того, надевают короткие овчинные штаны, обшитые снизу кожей. На ногах носятся валяные войлочные чулки (*уюк*), собственного приготовления. Обувь состоит из сафьяновых чулок с короткими голенищами, на которые надеваются кожаные калоши (*бабыш*) на высоких каблуках. На калошах иногда нашиваются разные узоры из зеленого сафьяна; носят также сапоги и кожаные чевяки. Шапка (*папах*) очень велика и тяжела и напоминает собою киргизские шапки, но с плоским верхом. Под шапкой надевают колпачок, который по-ногайски называется *тобытай* или *рахчин.* Тобытай шьется из простой материи, а рахчин — из сукна и вышивается серебряными и золотыми нитками. Зимою носят теплые овчинные и курпейчатые шубы, башлык из простого фабричного сукна и изредка рукавицы и перчатки. Весь запас костюмов, которые имеет ногаец, он надевает на себя; в зимнее время на нем можно видеть несколько бешметов (*каптал*) и шуб (*тон*), а сверху их еще черкеску (*чепкен*), и в кибитке в зимнее холодное время остается только незначительная часть его туалета.

Костюм богатой женщины представляет собою нечто оригинальное: он состоит из бешмета, сшитого из красного или зеленого шелкового канауса, с серебряными крючками (*тос-туймэ*) и пуговицами, в которые вделаны простые камни разных цветов; бешмет охватывает широкий ременный пояс (*кусак*), который спереди отделан полосой серебра. *Каптал* (бешмет) у бедных женщин бывает из красного или пестрого кумача, без всяких украшений.

Волосы у пяти-шестимесячной ногаянки бреются, но потом они отпускаются на всю жизнь; несмотря на это, волосы у женщин коротки и жестки.

По общему обычаю, женщины не ходят с открытой головой; на голове у них, по крайней мере, должна быть какая-нибудь шаль. У мало-мальски состоятельной женщины можно встретить следующий головной убор: высокая суконная шапка, спереди обшитая *кундузом* (мех речной выдры); верх шапки также делается из сукна, в большинстве случаев красного; эта женская шапка (*кундуз-борк*) покрывается *тастаром* — большой белой простыней; сзади тастар доходит почти до земли. У девушек покрывало на шапке обязательно бывает красного цвета и называется *явлык*. Цветом головных покрывал только и можно отличить девушку от замужней женщины, так как очень часто ногаянка 12—14 лет бывает уже замужем. Обувь как женщин, так и девушек состоит из *месей* красного сафьяна (сафьяновые чулки), на которые надевают черные сафьяновые калоши с высокими каблуками.

Украшения их состоят из больших серебряных или металлических ушных серег, которые продеваются в левую ноздрю (*тога*). Серьги как ушные, так и носовые бывают большие и тяжеловесные; отверстия для серег в ушах и в левой ноздре делаются в шести-семилетнем возрасте. Из других женских украшений можно встретить у ногаянок кольца и перстни (*юзук*), с большими вделанными в них простыми камнями, и браслеты (*блезык*) из простых и драгоценных металлов; все эти украшения довольно грубой работы. Кроме того, они носят ожерелья из серебряных монет или из бус (*моенлык*). Впрочем, такую коллекцию уборов и украшений можно встретить только у жен богатых ногайцев. Бедные же украшений почти не носят или носят очень мало.

Костюм изменяется только в знак печали. Во время траура женщины белый тастар заменяют желтым, а красную рубашку — темною. У мужчин же не бывает признаков траура на костюмах. В это время женщины и мужчины не ходят на свадьбы, не бывают в увеселительных местах и не участвуют в скачках.

Детские костюмы ничем не отличаются внешностью от костюма взрослых: они сшиты тоже широко, бесформенно и некрасиво. На бешметах и черкесках мальчиков пришиваются талисманы треугольной и четырехугольной формы. В подобные талисманы ногайцы очень верят, надеясь предохранить ими себя от порчи, дурного глаза и злого духа-шайтана, который любит зло подшучивать над детьми степей.

III. Ñîöèàëüíûé ñòðîé ñîâðåìåííûõ íîãàéöåâ

Для сватовства ногайцы не имеют определенных сроков. Родители часто сватают своих дочерей с самого раннего их детства. Мы знаем случаи сватовства даже в младенческом возрасте, особенно у богачей.

Часто два богача, желая подружиться и укрепить свои связи, дают друг другу слово быть сватами, засватывают своих малолетних детей и после торгуются о калыме[8]. Пока дети вырастут, калым уплачивается совершенно. Такие обещания даются иногда и на случай рождения детей у бездетных. В случае смерти малолетнего жениха или невесты калым возвращается родителям жениха. Если же свадебный обряд совершен, то возвращается половина калыма при смерти жениха или невесты; а при детях-сиротах отцу остается одна четвертая, тестю одна шестая часть, а остальная часть калыма достается детям-сиротам. Это правило строго исполняется и у бедных; этого требует и шариат.

Девушек обыкновенно выдают замуж с тринадцатилетнего возраста. У ногайцев почти нельзя встретить 22—23-летней девушки; это у них считается стыдом. О такой девушке распространяются дурные слухи. Остаются незамужними те девушки, которые болеют и не в состоянии работать, ибо ногаец ценит жену как рабочую силу.

Мужчинам женитьба разрешается с пятнадцатилетнего возраста, а иногда и раньше. На возраст жениха не обращается никакого внимания; часто можно видеть у 50—60-летнего старика вторую или третью жену лет 14—15. Одним словом, при выдаче замуж девушек более всего обращается внимание на количество калыма, а каков жених и скольких он лет, не принимается во внимание.

В таких ранних браках отчасти и заключается причина вырождения ногайцев: двенадцатилетняя жена не может вынести тяжести супружеской жизни и родов и умирает. В настоящее время администрация принимает некоторые меры, чтобы предотвратить это раннее замужество. Но этот вопрос очень трудно урегулировать, поскольку он представляет собою соглашение. Муллам запрещается благословлять такой брак, но ведь венчание в нашем смысле этого слова не представляет необходимой части брака ногайцев.

Так как ногайцы исповедуют магометанско-суннитскую религию, то им разрешается многоженство. Количество жен часто доходит до четырех. По смерти одной из них муж имеет право взять другую. Таким образом, на долю пожилого и притом богатого ногайца приходится, при сильной смертности жен или разводе с ними, десяток и более жен.

Калымом называется известная сумма денег, рогатый скот и лошади, которые даются женихом отцу невесты. Калым, собственно, приданое, которое приносит не невеста в дом жениха, а жених в дом невесты. Количество калыма бывает разнообразно, но никогда никому не позволено жениться, не уплативши калыма: этого требует шариат. Приплачивать за невесту жених может одними деньгами или же рогатым скотом, лошадьми и другим добром[9]. Овцами и козами не принято уплачивать калыма. Калым от жениха получает тесть его, если же невеста не имеет отца, — старший брат ее, одним словом, старший из мужчин — родственников невесты. Если невеста сирота и живет у посторонних людей, то она лично может распорядиться калымом, уделив часть его тем, у кого она жила, а остальную может дать своему мужу на хранение; часть эта составляет ее неотъемлемую собственность, а по смерти мужа она может взять ее с собою (при выходе замуж за другого). Выходя вторично замуж, вдова берет вторичный калым, который тоже считается ее собственностью. Таким образом, она может себя обогатить. Бывали также примеры обогащения родителей, имевших несколько дочерей, при выдаче их замуж, в особенности во второй или третий раз. В случае, если жена убегает от мужа, не пожелав долее жить с ним, муж вправе взять от родителей жены или калым, или хоть часть его. Когда умирает женщина, имеющая хорошее состояние, бездетная, то мужу остается половина ее богатства, а если остаются дети по смерти жены, то мужу ее достается одна шестая часть, а остальная часть остается ее детям, согласно требованию шариата.

Такими обычаями нормируются семейные отношения у ногайцев. Нельзя сказать, чтобы они были правильными. Тяжелое положение современных ногайцев особенно отражается на судьбе девушек и женщин. Поэтому среди ногайцев очень высока смертность женщин, и число их уменьшается с каждым годом более и более.

Женщина у ногайцев находится в порабощении, ее положение приниженное: она не имеет права при старших говорить, рассуждать, называть по имени мужа. Да и сам ногаец считает для себя унижением и стыдом называть свою жену по имени: он к ней обращается грубо: «эй», «ой». Когда у молодого ногайца умирает жена, то он не только не должен плакать, но даже показывать вид, что он грустит об умершей. Женщина считается товаром, который при желании всегда можно достать покупкой. Большим уважением мужа пользуется старшая жена: она работает мало, принимает гостей и распоряжается дома. Муж, пожелав сделать что-нибудь, советуется с нею, и при выдаче дочерей замуж испрашивает согласие жены. Старшая жена иногда поддерживает разговор с гостями и заменяет хозяина дома. Младшие же жены все время работают (кизяки собирают, шьют, полсти валяют, коров доят, масло бьют и исполняют другие работы). Хотя и есть мужья,

предоставляющие первенство и старшинство второй или третьей жене, смотря по тому, как кого полюбят, но таких примеров весьма мало. Что же касается девушек, то они не имеют права говорить при гостях, выбирать себе женихов и даже отказаться выйти замуж за старика или нелюбимого жениха. Примеры сопротивления родительской воле очень редки; такие девушки ногайцами называются бесстыдницами[10].

Бездетность считается стыдом; всякий имеющий детей ими гордится. Поэтому бездетный ногаец берет вторую или третью жену, чтобы иметь детей. Среди них можно встретить много бездетных супругов: причина та, что не обращают внимания на соответственность возрастов жениха и невесты (много случаев женитьбы стариков, имеющих трех жен, на четырнадцатилетней девушке). Бездетность можно объяснить и тем, что среди ногайцев многие страдают разными венерическими болезнями.

Венерические болезни, усиливающиеся и распространяющиеся вследствие невежества и нечистоплотности ногайцев, — вот вторая причина вырождения этого народа. Нельзя сказать, чтобы администрация не заботилась о достаточной медицинской помощи ногайцам; но эта помощь часто является запоздалой и паллиативной при общем безотрадном положении этого народа.

Родовой быт у ногайцев очень развит, как у всех народов-скотоводов. Каждое из обществ состоит из нескольких крупных и мелких родов, внутри которых господствует принцип патриархальности, сохранившийся местами во всей первобытной его чистоте. Кроме старшего, все другие члены рода — равноправные братья, старший же является родовым начальником. Так как эта народность подчинена другой — господствующей, то старший в большинстве случаев не имеет материальной власти. Тем не менее его власть сильна в моральном отношении. Авторитет его велик, и он вполне властвует над младшими соплеменниками. Если род велик, то свою власть он разделяет с другими старейшими лицами. Решение их — закон для всех. Любопытно, что, несмотря на это, старейшины не злоупотребляют своим значением, не преследуют узко эгоистических целей. Поэтому среди них редко можно натолкнуться на споры и разлад.

Вне рода начинается простое сожительство в форме соседства с различными группами одного племени.

Разделения на сословия нет; все фамилии равноправны и независимы друг от друга. Хотя уже намечается разница фамилий, гордящихся своими предками, или своей многочисленностью, или силой, или богатством. Любопытно, что общность интересов, политических и экономических условий не влияет на внеродовое сближение фамилий друг с другом. Каждая фамилия до известной степени обособлена от другой, живя своими преданиями, связанными с фамильными прозвищами.

Первобытное право ногайцев почти не исследовано, хотя в данном случае исследование было бы очень любопытно. Вместе с тем, подчиняясь господствующей народности, ногайцы теряют свои правовые обычаи, приспособляясь к нормам права этой народности. Ввиду этого желательно было бы полно и всесторонне описать правовые нормы ногайцев.

IV. Äóõîâíàÿ êóëüòóðà ñîâðåìåííûõ íîãàéöåâ

Язык у ногайцев смешанный: в него вошли и татарские слова, и позднейшие, под русским влиянием, наслоения, и влияние арабского языка. Они не имеют своей письменности: письменность их заимствована у арабов. Сложность и трудность обучения арабской грамоте сильно тормозит развитие ногайцев. По религии ногайцы — магометане. Интересно проследить влияние этой религии на характер и нравственность народности. Ногаец смирен и покорен: историческая жизнь забила его; только крайне грубое обращение может взволновать его, но и в этом случае он только краснеет и уходит глубоко в себя. Предвидя опасность, он спешит укрыться; при внезапном наскоке врага он не пробует защищаться, а пугливо бежит. Но, когда ногайцев много, а враг малочислен, то, если толпа их проникается чувством негодования и злобы, они способны со слепой дерзостью кинуться на противника и мять и крошить все без разбора. Очень сильно развиты у них инстинкты стадной общественности. Жители одного юрта живут как одна семья. Вместе плачут по покойнику, вместе веселятся, вместе садятся при перекочевках и вместе, как птицы, снимаются с места. То, что знает один, знают и все. Тайн нет. Тревожный лай псов заставляет вскакивать все население. Этот инстинкт общественности очень понятен в людях беззащитных, живущих рядом в войлочных, незащищенных кибитках. Вместе с тем здесь действуют также дисциплина рода и дисциплина религии. Ногайцы ранее кавказских горцев приняли мусульманство (может быть, еще с XIII века). В течение шести веков мусульманство вытесняло из их жизни все прежние верования и обычаи: требования ислама превращались в закон у смирных и апатичных ногайцев. Убийств между ними почти нет. Воровство, ссоры, драки крайне редки. Гостеприимство искренне и тепло. Старшие пользуются благоговейным уважением, особенно если они являются в ореоле *хаджи*, то есть лица, бывшего в Мекке. Родители и дети живут в согласии. Женщины — не рабыни, как у многих восточных народов, а полноправные члены, часто советницы своих мужей.

Одною из отрицательных сторон ногайца часто является отсутствие совестливости, так что его трудно пристыдить; лживость, изворотливость и упрямство также характерны для сына степей; нередко он склонен и к цинизму.

В умственном отношении ногаец стоит низко. Думать он не привык. Какая-то неподвижность мысли чувствуется в нем; он замкнут в узком кругу приобретенных сведений. У него отсутствует и любопытство: он не хочет знать ничего нового, довольствуясь прежним запасом сведений. Их у него очень мало. Кроме обиходных истин религии он знает о существовании шайтана, который часто смеется над ним, заводя в степи далеко от кочевья. Знает он, наконец, обиходные требования жизни, обычаи сватовства, похорон, гостеприимства. Знает, что пред силой должно преклоняться. Умеет строить кибитку, пасти и стричь баранов, валять из шерсти полсти. Больше он не хочет ничего знать. Небо и земля с ее обитателями не привлекают его внимания. Когда смотришь на типичного ногайца, чувствуется, что это народ застывший, неподвижный, инертный, как будто отживший и очень старый. Он живет многовековыми традициями, тщательно отстраняясь от всего нового, чуждого ему.

У ногайцев мало развиты также поэзия, танцы, пение. Редко-редко можно увидеть ногайца танцующим под заунывные звуки пастушьего рожка. Что это за жалкие и смешные кривляния — танцы ногайцев! Для танцев у ногайца не хватает веселости, бойкости; зато национальным их удовольствием является проба силы. Старые и молодые ногайцы составляют круг, посреди которого бойцы, схватив друг друга за талии, балансируют. Побежденным считается тот, кто упадет на спину. Песни их состоят в быстро текущем речитативе: не то поют, не то говорят, но слова производят приятное музыкальное впечатление; такое впечатление получаешь от игры на цитре. Конец монолога произносится медленно и нараспев, и в напеве слышится бесконечная грусть. Закончив строфу, певец тонкой фистулой издает громкий и протяжный оклик, как сигнал степняка. Слушатели отвечают ему. Чувствуется что-то старое, сигнал беспокойства, тревоги степняков. Отклики произносятся в конце монологов, то коротко и резко, то протяжно, в несколько темпов.

Песни называются *казак-ир* (казачьи). Вот наиболее типичная из них.

«Хорошо, если у тебя есть плодородный верблюд и жена; хорошо, если родятся пять сыновей; хорошо кочуя все добро сложить на верблюда, — жена поведет его, дети пойдут по бокам. Если встретишь врага, дети прогонят его. Если же враг их обратит в бегство, то пусть лучше они не родятся».

В других песнях казак-степняк хвастает аргамаком с терновыми глазами. Он поет о своей участи — о вечном бродяжничестве, когда он, переплывая широкие реки, гонится за счастьем и богатством.

Все песни крайне примитивны, просты и наивны. Певцы то солируют, то поют по два, замедляя и усиливая речь. Когда устанет один, начинает другой, в свободной импровизации изливая свои жалобы. Приятным тенором начинают строфу, причем первая ее половина произносится громко и отчетливо, с возвышением голоса на некоторых строфах, а другая медленнее, и каждая строфа кончается пианиссимо: «О, Орак! О, дели Орак[11]. У тебя натянута тетива: когда ветер коснется ее, она издает стон. Когда твоя рука бросает стрелу, стрела поет и, впившись в камень, дробит его. Ты скоро завоюешь Крым, весь Крым, — о, Орак! О, дели Орак! Когда ты в гневе махаешь шашкой, враг бежит, не помня себя от страха. Твоя дорога — дорога белого лебедя. Твой голос в гневе ужаснее аждага[12]. Помнишь ли ты, народ, помнишь ли своего льва, Орака, своего льва, победителя ханов?»

У ногайцев богатый эпос. Они имеют своих эпических героев: это хан Тохтамыш, хан или темник Мамай. К сожалению, песни ногайцев являются отрывками. Очень силен в песнях исторический элемент, много фактического материала. Эти песни проникнуты своеобразной прелестью туранской поэзии. Пению этих песен ногайцы предпосылают целые рассказы. Рассказ сменяет песню, песня — рассказ. Поются они народными певцами, с аккомпанементом домры.

Из обрядов особенно интересны свадебные обряды. Свадебный обряд исполняется торжественно и с большой церемонией. Решив женить своего сына, ногаец приглашает всех своих близких знакомых и родственников и сообщает им свое решение. Гости предлагают имеющихся на примете невест. Избрав одну из невест в жены для своего сына, отец ведет переговоры о калыме и, согласившись дать известное количество денег или скотины, посылает *хабар* (известие) родителям или близким родственникам избранной невесты, что в такой-то день приедут сваты. Жениху неизвестно часто, на ком хотят его женить; о своей женитьбе он ничего не слышит от своих родителей; об этом он узнает только от посторонних людей. Кровные родственники, согласно шариату, не имеют права вступать в брак, а свойственники могут, и то в известных случаях: так, например, если умрет старший брат, то сноху свою имеет право взять младший; это даже считается добродетелью и обязанностью всякого порядочного человека.

Когда отец невесты извещен о сватовстве, в назначенный день сваты, оседлав своих коней и одевшись как можно лучше, отправляются в аул невесты. Отец невесты приготовляет для ожидаемых дорогих гостей барана, дабы угостить получше и не ударить лицом в грязь. У ногайцев есть обычай платить вперед деньги за невесту, а после отдавать скотину и другое добро. Отец жениха,

отправляясь сватать сына, везет с собою денежную часть калыма и явлык — кашемировый платок или, у богатых, шелковый, в углу которого завязываются деньги — от 8 до 10 рублей, а у иных богачей и более. У бедных тоже существует этот обычай, но вместо шерстяного или шелкового платка везут ситцевый с 2—3 рублями. Этот явлык и завязанные в нем деньги являются подарком невесте и не входят в счет уплаты калыма. Когда приезжают сваты в аул, к ним подбегают юноши и помогают слезть с коней, а после водят усталых лошадей. Отец невесты подходит к сватам со словами: «кош-гельды» (*здорово прибыл*), — и, получив от них добрые пожелания, вроде «Алла разы босун» (*да поблагодарит тебя Бог*), «сав бол» (*будь здоров*) и пр., приглашает их в кибитку. Выпив калмыцкого чаю и поев мяса, сваты достают явлык и деньги отдают отцу невесты, который, взяв их, взамен дарит гостям — кому *рахчин* (шитый серебряными нитками колпачек под шапку), кому курпейчатую шубу, кому зипун и другие предметы. Гости, получив подарки и назначив время для уплаты остальной части калыма скотиной, возвращаются обратно домой. С этого момента девушка уже считается невестой, просватанной. Она вступает уже в известные обязательства с родными жениха. Дальнейшим шагом в сватовстве является тот, когда чрез известное время приезжают сваты со стороны невесты к отцу жениха для получения скотины и других животных. Затем дело остается за свадьбой, то есть за перевозкой невесты в дом жениха.

По уплате сполна калыма за девушку исполняется следующий обряд. Выбираются со стороны жениха знакомые мужчины, а со стороны невесты — женщины для расспроса обоих о согласии вступить в брак. При этом жених и невеста говорят: «Атай эткен куллукэ разиман» (*что отец сделает, я доволен — благодарен*)[13], а после мулла читает известную молитву пред родителями молодых. Этот обряд называется по-местному «некке-къяр», что значит по-нашему *венчание*. Обряд венчания исполняется обязательно в кибитке невесты. При исполнении венчального обряда жених и невеста не присутствуют. Со времени исполнения обряда «неккер-къяр» девушка считается уже замужней, хотя она часто после венчания остается месяцами в доме отца до празднования свадьбы. У некоторых принято, чтобы, пока калым за жену не будет уплачен, она жила в доме отца.

У некоторых ногайцев, пока не выплачен калым, жених не ездит к невесте; у других же и до выплаты калыма жениху разрешается после совершения обряда венчания ездить к невесте, жить у нее днями и даже неделями. Когда девушка обручена, то в кибитке с восточной стороны навешивается пестрая занавеска, за которой сидит и работает невеста во время приезда жениха. При людях она не может показаться жениху и должна быть за занавеской. Как только жених уедет, она выскакивает оттуда, как заключенная в душную темницу. До перевозки невесты в дом жениха красный девичий платок не заменяется белым. В то время, когда назначено вести невесту к жениху, что бывает всегда вечером, с обеих сторон приглашаются родственники и знакомые на свадебный пир. Следовательно, венчание иногда совершается месяцами раньше свадебного празднества. Гости, отправляясь в дом жениха, гонят в подарок лошадей, привозят куски материй на платье, а в дом невесты — шубы и другие подарки. В известный час невесту усаживают в *куймэ* (свадебная арба) вместе со свахами и подругами невесты; сваты садятся верхом, остальные приглашенные родственницы — на простые арбы, и вся эта процессия с криком и гиком направляется в сторону аула жениха. Увидав издали куймэ, скачущих людей, жених вместе с друзьями и родственникаи садятся на коней и скачут навстречу гостям. Интересны бывают в это время женщины, присутствующие на свадьбе. Грязный *тастар* (белый головной платок) заменяется чистым, одежда надевается чистая и, как только им скажут, что везут невесту, они все вместе стремительно выбегают из кибиток и с визгом кричат: «Кудалар-геле-ятыр» (*сваты едут*)! Встречающие невесту сваты и жених, опередив других, скачут по степи, показывая свою ловкость и удаль. Опередившие получают от сватов со стороны невесты платки и другие подарки. Доехав до аула жениха, сваты слезают с коней, женщины с арб, а «куймэ» с невестой и подругами ее останавливается вблизи «отова» жениха. (В первое время жених живет месяца 2—3 в «отове», а после может переселиться в «тэрмэ»). Приезжие женщины кричат, поднимают гвалт, требуют «дарей» (шелковые материи), «теры» (овчины), «акча» (денег) и до того времени не выдают жениху невесту, пока путь от «куймэ» до женихова «отова» не застелют овчинами, а сверху материями и не усыпят деньгами. Получив вышеназванные предметы, свахи отпускают со свадебной арбы невесту, и она в сопровождении подруг направляется по овчинам и разостланным материям к «отову» мужа.

В день свадьбы невеста надевает шелковый зипун, шапку покрывает белым «тастаром», а на «тастар» надевает «буркончик» (шелковое покрывало, которое закрывает голову спереди и сзади). На вдову не надевается «буркончик», ее не возят в «куймэ» и за нее у жениха не требуется в день свадьбы ни денег, ни овчин, ни материй.

Войдя к жениху, невеста прячется за занавеску. В это время в «отов» входит женщина, чтобы развести для гостей огонь, за что получает подарок[14]. Со входом невесты в кибитку в «отове» устанавливается высокий кол, называемый «сурук», который выходит наружу отова из верхнего отверстия, и на нем укрепляется треугольная полсть, вышитая разными пестрыми материями (*тунглык*). «Тунглык» вывешивается снаружи, чтобы служить знаком того, что в том «отове» живут новобрачные. На ночь на свадьбу приглашаются и песенники с неизменными балалайками (*домрами*). Эту

ночь гости пьют, едят, а на следующее утро отец жениха или старший брат его раздают подарки гостям: кто привезет шубы, тем шубы, и проч. Вслед за тем часто устраивают призовые скачки; скачут иногда на расстоянии 20—25 верст, причем призами служат лошади, коровы, молодые верблюды. Таким образом, прогуляв всю ночь на свадьбе и получив подарки, гости отправляются восвояси.

Мать невесты зовет в «отов» ее свекра и свекровь, показывает им свою дочь, называет ее имя и сама с женщинами отправляется назад. По истечение восьми-десяти дней опять возвращается мать невесты к своей дочери и везет ее домой погостить на недельку и больше.

Желающие видеть невесту заходят в «отов» и, увидев ее, дают ей подарки. Этим кончается свадьба.

Надо, впрочем, сказать, что современное экономическое положение ногайцев отзывается на свадьбах: уменьшается число гостей, не так дороги подарки и т.д.

Из других ногайских обрядов менее интересны обряды и обычаи при появлении на свет детей. Ногайцы в данном случае не выработали особого ритуала. Мальчики считаются особенно желанными у ногайцев. Хотя родители получают большой доход от своих дочерей в виде освященного законом калыма, но рождение мальчика более радует их, нежели девочки. Девочка считается «йолавчи» (*путником*). Она выходит замуж и оставляет родительский дом. Рождение ребенка не сопровождается никакими увеселениями, даже не исполняются священные обряды и не читаются молитвы. Конечно, бывают редкие случаи, когда рождение дитяти сопровождается празднествами, вроде свадьбы. Если, например, у богача долго не было детей и, наконец, рождается сын, то отец приглашает муллу и других гостей, режет им барана и другую скотину и угощает их, причем устраиваются также скачки; те люди, которые ходят с поздравлением и приглашением близких родственников, часто вознаграждаются последними скотиной и другими подарками. Но такие случаи бывают только у богачей, а у бедных никаких особенных церемоний не исполняется: приходят к ним только родственники, поздравляют родителей, пьют чай и этим кончается дело. Имена, которые даются новорожденным, весьма оригинальны. Можно встретить часто имена: Сарыйтай (*рыжий жеребенок*), Алыб-кач (*бери да беги*), Бек-болат (*крепкая сталь*), Бий-болат (*дворянская сталь*) и проч. Есть много имен и из священной истории, например: Моисей (Муса), Илия (Илияс), Авраам (Ибрагим), Исаак (Исхак), Иаков (Якуб). Имена даются не муллами, а самими родителями. Иногда встречается обычай мыть детей для здоровья соленой водой.

Очень характерно воспитание детей. С появлением на свет ребенка-мальчика у отца является забота, как бы научить сына арабской грамоте. Так как они не имеют собственной письменности, и все их священные книги написаны на арабском языке, то, вне знания арабской грамоты, невозможно ни письмо, ни чтение. Грамоте учатся только дети мужского пола, а девочки остаются безграмотными. Хотя у ногайцев и разрешается женское образование, но оно не применяется на деле, потому что малолетние девочки уже считаются невестами и почти все время заняты шитьем и прочими работами. Обучение девочек грамоте разрешается в 10—11-летнем возрасте, замужние же женщины и при желании не могут учиться: это считается стыдом. Говорят, что есть несколько женщин-караногаек, знающих арабскую грамоту.

На обязанности отца, конечно, более или менее зажиточного, лежит хотя бы один год обучать ребенка грамоте: по истечении года он освобождается от этой повинности, и дальнейшее образование зависит уже от желания мальчика и его способностей. Возраст, с которого начинается обучение, преимущественно 7—8-летний. Обучаются дети или отдельным учителем, нанятым для одного мальчика, или же нанимают учителя родители нескольких учеников и, таким образом, образуется мусульманская школа; отдельно нанимают учителя богачи, а бедные сообща.

Школы грамоты (мектебе) помещаются часто в кибитках, представляя собою что-то ужасное по своей антигигиеничной обстановке.

Переходя к вопросу о школьном обучении детей, прежде чем сказать об обучении грамоте, сообщу о личности народного учителя, об его положении и о способе найма его.

Всякий мало-мальски грамотный человек называется *муллою*, а *мулла* значит *учитель*. Но так как недостаточно быть грамотным, чтобы быть учителем, то не всякий мулла нанимается для обучения детей. Вообще, дают своих детей обучать только тем муллам, которые уже известны своею нравственностью, не пьют водки и приобрели репутацию хорошего учителя. Мулла же, который только вступает на это поприще и еще не известен, должен взять от кадия (старшего из духовенства) удостоверение о нравственности своей, о знании им своего дела; иногда же он просто приглашается по личной рекомендации.

Учителя разделяются на два разряда: эфенди и мулл. Эфенди — учитель начитанный, знающий все священные книги, опытный в деле обучения детей; мулла — учитель грамотный и знающий из священных книг главнейшие. Таким образом, положение эфенди выше и почетнее, нежели положение мулл. Эфенди и муллы пользуются уважением и почетом, в особенности в глазах тех родителей, с детьми которых они занимаются.

Сообразно с этим и школы разделяются: школы при мечетях называются *мэдресэ* (это более лучшие школы); школы грамоты (в кибитках) называются *мэктэбэ*; условия для занятий здесь ужасны.

Выработана долгой практикой у ногайцев такса платы учителю (эфенди и мулле) за обучение детей. Учитель с каждого ученика получает обыкновенно в течение года два рубля денег и годовалого теленка; при этом отопление, освещение и доставка пищи мулле или эфенди лежат на обязанности родителей учеников.

Занятия с учениками бывают, большею частью, в мечетях, если они имеются в ауле, и в таких случаях мулла живет в маленькой пристройке, находящейся около мечети.

Не достигши еще школьного возраста, ребенок уже видит в мулле идеал всего хорошего. Родители всегда стараются запечатлеть в ребенке о муллах понятия в высшей степени высокие. Вот несколько выражений, характеризующих положение муллы: «Кто не верит мулле, тот не верит Богу» («Ким инанмаидр маллаха, ол инанмаидр Аллаха»), «Кто не признает муллы, тот не признает Бога» («Ким бильмейдр моллады, ол бильмейдр Аллахды»); «Кто не любит муллы, тот не любит Бога» («Ким суймеидр моллады, ол суймеидр Аллахды») и проч.

Перед началом занятий с учеником мулла читает известную молитву в присутствии его родителей, после чего и начинается обучение грамоте.

Достав из кармана чернильницу, а из шапки ручку, мулла пишет на бумаге арабскую азбуку чернилами. Чернила приготовляются из проса: на сковороде жарят дочерна просо, потом его толкут и просеивают чрез сито: просеянное и пережженное просо кипятят в воде, вследствие чего вода испаряется и остается густая черная масса; масса сохраняется в маленькой жестянке или коробочке, где она остывает и твердеет. В случае надобности берется кусочек отвердевшей пережженной просяной массы, кладется в чернильницу, наливается туда вода и мешается; там образуется темно-коричневая мутная жидкость, что и составляет чернила. Чернильница делается из рога, с деревянным дном и крышкой; в чернильницу опускается кусочек какой-либо материи, чтобы она просачивала чернила и не давала им проливаться. Перья употребляются гусиные или делаются из камыша (тростника). Вообще в школах все крайне примитивно.

Процедура изучения азбуки крайне долгая, очень медленная. Много труда и мучений испытают бедные школьники, прежде чем научатся азбуке. Когда ученик выучит наизусть все буквы, ему дается книжка «Абдиек» на арабском языке; она читается нараспев. Ученики не понимают ничего, так как читаемое не переводится. Мулла читает, за ним повторяет ученик, и этим кончается урок. Часто случается, что кроме пройденного и прочитанного урока ученик не в состоянии прочитать нечитанного, так как от него требовалось только заучивание наизусть. «Абдиек» повторяется три раза. Потом дается «Коран», который тоже читается нараспев и без перевода. Коран тоже повторяется три раза. После того как ученик повторит три раза «Абдиек» и «Коран», ему дается книга «Иман-Ислам-Китаб», которая уже написана на понятном для ногайцев языке; в ней излагаются правила для правоверного мусульманина: как веровать и во что, какие исполнять обряды, как совершать намазы. Все вышеупомянутые книги — священные; таким образом, обучение грамоте начинается священными книгами и кончается ими (за «Иман-Ислам-Китаб» даются: «Шурутиссалат», «Ильмильял» и пр.). В ногайских школах нет ни одного учебника на родном языке, да и способ обучения весьма неудобный и притупляющий умственные способности. Ученик все время почти выучивает наизусть и не понимает прочитанного. Надо упомянуть и о том, что мулла не отвечает за успехи своих учеников. Он всегда учит с палкой в руке, чтобы при случае наказать ею учеников. Наказания, практикуемые муллами, следующие: бьют палкой по ладони, по пятам и часто куда попало, оставляют без пищи. В этом отношении бедным детям приходится очень тяжело, много побоев выпадает на их долю.

Через год или два только в состоянии ученик разбирать некоторые очень нетрудные арабские слова при механическом заучивании букв. Когда же мальчик не в состоянии выговорить известные выражения или буквы, то мулла берет с родителей ученика 20 копеек, кладет на язык мальчика и выкручивает его, затем эти деньги поступают в пользу муллы (этот способ муллы выдумали для своего дохода).

Что же касается до отношения к русской грамоте, то нельзя не заметить, что у ногайцев, в особенности в последнее время, стараются дать своим детям и русское образование, и некоторые из них даже просят давать их детям частные уроки.

В заключение нужно сказать, что все ногайцы строго исполняют все свои национальные обряды, носят свои национальные костюмы, едят свои родные кушанья.

Ï ðè ì å÷à í èÿ

1. Теперь эта площадь уменьшилась вследствие отвода части земли переселенцам из России.

2. Цифровые данные взяты из отчета главного пристава кочующих народов. Арх. инор. упр., № 2540.

3. Кроме архивного материала при составлении этого очерка были использованы: 1) *Бентковский,* Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии, 1883; 2) *Дебу,* О Кавказской линии, СПб., 1829; 3) *Неболсин,* Очерки волжск. Низовья, 1852;

4) «Акты археографической комиссии»; 5) *Бутков*, Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год, СПб., 1869; 6) *Самойлов*, Сведения об инородцах-магометанах Ставропольской губернии.

4. Хранится в московском архиве.

5. В настоящее время администрация стала заботиться об улучшении породы скота, покупая производителей.

6. Вообще рыганье после еды — обязательный акт вежливости, показывающий полноту насыщения, а следовательно, гостеприимство хозяина.

7. Газыри — нашивка на груди у черкески для патронов, идущая полукругом.

8. Калым играет громадную роль у ногайцев. Желание скорее получить его и избавиться от лишнего рта заставляет ногайца торопиться выдавать дочь замуж.

9. Все обусловливается частным соглашением с родителями.

10. Положение их в высшей степени тяжелое, так что многие даже прибегают к самоубийству.

11. Мифический племянник Мамая, герой ногайского эпоса.

12. Крылатый змей ногайских сказок.

13. Этот обряд — пустая формальность, так как случаев несогласия почти не бывает; никто не решается нарушать волю родителей.

14. Обыкновенно шелковую вышитую шапку.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Фарфоровский С.В. Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. — Тифлис: Типография К.П. Козловского, 1909. — Книжка XXVI. — Вып 7. — С. 1—34.

Í ÀÐÎÄÍÎÅ ÎÁÐÀÇÎÂÀÍÈÅ Ó Í ÎÃÀÉÖÅÂ ÑÅÂÅÐÍÎÃÎ ÊÀÂÊÀÇÀ Â ÑÂßÇÈ Ñ ÈÕ ÑÎÂÐÅÌÅÍÍÛÌ ÁÛÒÎÌ

Ногайцы представляют в настоящее время полукочевой народ, бродящий по Северному Кавказу и мало по малу переходящий к оседлости. Быт этого народа изучен довольно плохо, хотя изучение его, несомненно, представляет большой интерес в виду тех многочисленных особенностей, какими он отличается и какие мало по-малу исчезают вследствие соприкосновения ногайцев с другими народностями.

У этого народа, как и у туркмен[1], особенно интересно, кроме общего их быта, отношение к детям, их первоначальное обучение, его методы. Вместе с тем любопытно проследить те пути, какими насаждается администрацией народное образование, представляющее особые трудности в виду полукочевых условий жизни этого народа, говорящего на своеобразном языке давно прошедших времен.

Уже из этого видно, какой большой интерес представляет вопрос о быте и положении этих народов. Интерес вопроса увличивается еще потому, что в данное время происходит очень интенсивно переход этих народов к оседлой жизни. Интересно проследить процесс и условия этого оседания народов. Между тем в существующей литературе вопрос об этих народах или совсем не разработан, или разработан крайне недостаточно. Эти соображения и были главными побуждающими мотивами данного исследования быта этих народов на основании архивного материала, освещенного личными наблюдениями.

I. Èñòîðèÿ íîãàéöåâ

Ногайцы представляют остаток татарского населения южнорусских степей, получившего свое название от известного темника Ногая, который явился родоначальником и правителем отдельных орд, кочевавших на просторе степей. Несомненно, это обяснение имеет за собой больше вероятности, чем остальные обяснения происхождения названия этого народца.

Есть другое любопытное обяснение этого названия. По народным преданиям ногайцы вышли из Бухарии и прежде были идолопоклонниками, исповедуя религию, изложенную в «Яссах» Чингисхана. С половины XIII в. среди них распространяется магометанство, преимущественно среди ханов (первым ханом-магометанином был Берге 1257 г.). Только с первой четверти XIV в. эта религия проникает в народ; принимавшие ее подвергались от своих единоверцев проклятию «неунгай» (да будете вы несчастными). В противуположность этому проклятию они называли себя ногай (счастливые)[2].

Первый период истории этого народа — монгольский, когда ногайцы теряются в массе полчищ Батыя, Тохтамыша, Тамерлана. По распадении Золотой орды они выступают яснее, как известная политическая единица.

В 1552 году из ногаев, кочевавших при Волге, шлется посольство к Ивану Васильевичу с просьбою оборонить их от Ямургея хана, жившего в Астрахани. Посол наш Николай Бровцин приводит ногайцев к присяге, и в 1554 году русские завоевывают Астрахань.

В выписке о ногайцах, хрнящейся в Московском архиве (за 1754 год), откуда мы заимствуем эти сведения, встречаются указания на состав ногайской орды. Там упоминаются большие ногаи, малые ногаи и Джетысан[3] (= Едисан). Большие ногаи называются Джетышке-улу (=едишкуль). Малые ногаи состояли из кубов (родов) Солтан, Наврюз, Касбулат; их мурзы по происхождению назывались детьми Касая[4]. Но и между этими родами шел процесс распадения. Из Большого Ногая несколько сот семейств пошли за Яик к р. Эмбе (по-татарски или калмыцки = Джем) и назвались Джембойлукцами, т. е. кочующими вдоль (байлук) Эмбы. Упоминаются и Джетыскуль (= Едискуль), народ, происходящий от рабов («куль») Джетыса или Едеша.

Эти племена и были родоначальниками современных ногайцев, ушедших в своем развитии сравнительно очень недалеко по отношению к своим родоначальникам.

В следующий период ногайцы теряют свою самостоятельность и подчиняются калмыкам.

Для характеристики их положения интересна грамота от 4 февраля 1655 года. Калмыцкие послы Шухур-Дайчина признают калмыков подданными России, клянутся быть в вечном послушании и «государевых людей, холопей ногайских, едисанских и юртовских татар в полон не имать и не грабить».

Хан Аюк, сосредоточивший в своих руках всю власть над калмыками с 1669 года, принял в свое подданство малого ногая с договором платить с семьи в год по кумачу. Большого ногая и едисанцев, живших по Кубани, он забрал на Волгу. Часть малого ногая осталась кочевать на Тереке.

Аюк пользовался такой свободой, что входил в переговоры не только с Крымом, но даже и с Константинополем, оставаясь по внешности подданным России и давая клятвы в верности (15 января 1677 г. перед князем Щербатовым и в 1683 г. перед князем Голициным).

Под влиянием крымского хана большой ногай с частью едисанцев и джемболуковцев, соединившись с малым ногаем, переходят на сторону крымцев.

Остальные едисанцы, выведенные из-за Урала Хо-Урлюком, бежали от калмыков с Волги в Бессарабию. Одна часть их заняла земли между Днестром, Днепром и Черным морем (угол = буджак по-турецки) и оттого называлась буджаками. Другая часть кочевала около Аккермана (Белгорода)[5].

Далее трудно проследить передвижения ногайцев. Почти в одно время мы встречаем их то на Волге, то на Кубани, то в Бессарабии. Часто вследствие несогласия мурз орда распадалась; часть ее шла на Волгу, другая в Бессарабию.

В 1696 году влиятельные мурзы увлекли на Кубань Большого Ногая с частью едисанцев и джембойлуковцев, а некоторые едисанцы бежали в Бессарабию. В 1715 году Кубанский Бахтагирей[6] солтан приходит на Волгу и забирает на Кубань остальных едисан и джембойлуковцев.

В 1719 г. сын Аюки-хана, Чакдоржан со многими калмыцкими войсками идет на Кубань, разоряет татар Большого Ногая и возвращает на Волгу едисан и джембойлуков. В 1723 году едисанцы и джембойлуковцы опять возвращаются на Кубань, пользуясь междоусобиями калмыков. Оставшаяся часть их грабили и разбойничали на Волге и торговали пленниками. Поэтому по указу Петра Великого Астраханский губернатор Волынский требует, чтобы эти едисанцы и джембойлуковцы были расселены по калмыцким аулам.

В 1724 году с калмыцких ханов берут присягу, чтобы татар никаких в улусах не держали, а если они есть, то должно их раскассировать по отдельным улусам. В 1728 году едисанцы с Кубани переведены за Перекоп и далее за Днепр к Аккерману[7].

В персидском походе Петра Великого участвовал и калмыцкий владелец Бату. На возвратном пути из Дербента он увел с собою более 1 000 кибиток ногайцев на Волгу.

В Астраханской губернии на Северном Кавказе, около Дербента и даже за Кубанью, в предгорьях главного хребта, существовало более 30 родов большого и малого ногая. Между ними замечалось сильное брожение: одни из-за Кумы и Кубани стремились за Волгу, другие из-за Урала и Волги шли на Куму и на Кубань[8]. Политическое тяготение ногайских орд было к Крыму и к Турции. После подчинения нами Крыма можно было расчитывать и на окончательное присоединение к России и ногайцев.

Это подчинение совершается не путем насилия, а через убеждения[9]. 25 июля 1770 года ногаец Танай-ага, старшина едисанцев, изъявляет покорность от себя и от 5 главных ногайских мурз. Затем получается подобное же письмо от 27 буджацких и 20 едисанских мурз. Ведутся переговоры.

Граф Панин отпускает из плена 809 ногайцев, захваченных во время войны в Бессарабии. Орды ногайцев для временного кочеванья водворяются в степях от р. Каменки до Азова, куда они отправляются под начальством главы буджакского народа Джан-Мамбет-мурзы[10]. Кроме мурз и 809 человек пленников, на новые кочевья отправилось 11 794 душ ногайцев обоего пола из орд джембойлуковской и едишкульской.

В мае 1771 г. орды едисанская, едишкульская, джембойлуковская и буджацкая, переправившись через Дон, заняли земли бывшего Черноморского войска, по правую сторону Кубани; на берегах речек: Еи, Есени, Кириплей, Бейсуга, Кагалиника и др., в количестве около 80 тысяч. При этом войска под начальством генерал-майора Медема должны были их защищать. В это время наши солдаты одерживали в Крыму одну победу за другой. В течение одного месяца генерал-аншеф князь Долгорукий взял Перекоп, Козлов, Кафру, Керчь, Еникале, Тамань и Темрюк.

В декабре 1771 года из Крыма и ногайских племен Россией была образована свободная татарская область под управлением хана Сагиб-Гирея и под покровительством России. Сюда вошли и кубанские ногайцы[11].

Эти отношения, созданные мечом и пером русской дипломатин, были недолговечны. Ногайцы разделились на две враждебные партии. К брожению подстрекала их политика крымского хана Девлет-Гирея, которому Мустафа III, султан Турции, дал фирман на достоинство крымского хана и 40 тысячную армию, чтобы возвратить Крым от России.

Девлет-Гирей 21 августа 1773 года потерпел поражение от русского флота под начальством Синявина, когда переправлял турецкие войска. Остатки этих войск высадились в Суджуке; на их сторону перешли многие ногайские мурзы, но все планы Девлет-Гирея были расстроены отказом едисанского владельца Джан-Мамбет-бея. Последний убедил других мурз остаться верными России. Крымским ханом в это время был избран Сагиб-Гирей (сын Ахмед-Гирея султана) из русофильской партии. С ним был заключен князем Долгоруковым Крымский договор 29 января 1773 года, послуживший основанием для Кучук-Кайнарджийского трактата (10 июля 1774 г.[12]). Орды были при-

знаны независимыми. Буджаки кочевали на Ейской косе, едисанцы — на левом берегу Кагальника, по Чубуру, на правом берегу Еи и по р. Калалы, джембойлуковцы — между Челбасом и вершиной Еи. Едашкульцы делились на три куба (поколения). Китаинский куб кочевал между Аганлы и Кара-Кубанью, Мийский куб — между левым берегом Кирпиги и правым Ангалы, Бурлацкий — между Ачуевым и Копылом. Всего считалось до 80 000 кибиток (семейств).

По Кучук-Кайнарджийскому договору с Турцией эти все ногайцы считались пребывающими под самодержавной властью собственного их хана, «чингизского поколения всем татарским обществом избранного и возведенного, который да управляет ими по древним их законам и обычаям, не отдавая отчета ни в чем, никакой посторонней державе и для того ни Российский Двор, ни Оттоманская Порта не имеют вступаться, как в избрание и возведение помянутого хана, так и в домашние, политические, гражданские и внутренние их дела, ни под каким видом; но признавать и почитать оную татарскую нацию в политическом и гражданском состоянии по примеру других держав под собственным правлением своим состоящую, ни от кого, кроме единого Бога, не зависящую». (Третий пункт Кучук-Кайнарджийской хартии).

Эта хартия недолго регулировала отношения России и Порты; последняя сейчас же нарушает договор, возведя своего визиря Девлет-Гирея в ханское достоинство. Девлет-Гирей склоняет на свою сторону часть едишкульцев и изгоняет Сагиб-Гирея. Турецкие войска занимают очищенные ими по договору крепости. В то же время умер престарелый Джан-Мамбет-бей, предводитель едисанцев, известный своею приверженностью к России.

Войска наши под начальством Суворова (заменявшего больного князя Прозоровского) заняли Крым; под их давлением ханом был провозглашен Калга Шагин-Гирей, брат изгнанного Сагиба-Гирея. Шагин-Гирей отстаивал русскую политику[13]. Он был последним ногайским сераскиром. Он подражал Петру I, вводя при своем дворе европейские порядки и преобразования, повелел обучать татарских детей русскому и европейскому языкам, дворец свой убрал великолепно в европейском вкусе. Это вызвало волнения среди подвластных ему народов. До 18 тысяч буджакских ногайцев перешли в Турцию; едисанцы, оставшиеся на кубанской стороне, без ведома хана избрали себе сераскира. Среди ногайцев растет волнение, и Шагин-Гирей просит переселить с Кубани на Перекоп джембойлуковцев.

Восстание против Шагин-Гирея так разрослось, что в мае 1782 года он вынужден был бежать из Бахчисарая в Еникале под защиту русских. Восторжествовавшая партия провозглашает ханом Батыр-Гирея. Россия опять занимает войсками Крым, восстановляя власть хана, который и расправляется с восставшими. Между ногайцами волнения не утихали.

По предположению Потемкина в 1782 г. формируется 6 корпусов, из которых два для действий против ногайцев и черкес. Суворов донес Потемкину, что непослушные ногайцы не подчиняются ханскому каймакану, что черкесы отбили у ногайцев 1 500 лошадей и едисанские, и едишкульские мурзы со всем их имуществом до 4 000 семейств из Суджука на кораблях отправились морем на Бендерскую степь.

Потемкин, видя неспособность Шагин-Гирея управиться со всем этим, уговаривает его отказаться от престола в пользу России, обещая именем императрицы до 200 000 р. ежегодного дохода. Шагин-Гирей подписывает акт отречения, и Екатерина II 8 апреля издает манифест о присоединении к России Крыма, Тамани и Кубанской стороны. Суворову поручается привести ногайцев в подданство России, что он и исполняет 28 июля в день восшествия на престол Екатерины II. Многие ногайцы приняты были на русскую службу, а мурзам были пожертвованы штаб- и обер-офицерские чины[14].

В 1783 г. ногайцев решили перевести на север в приуральские степи к киргизам и калмыкам. Узнав об этом, ногайцы собрали свои кибитки и бежали на Кавказ. Кое-как удалось вернуть в ейские степи до 1 000 семей беглецов. Потом вернулись до 2 000. В 1790 г., опасаясь присоединения ногайцев к Турции, с которой возникло осложнение на Кавказе, правительство перевело едисанцев частью к туркменам, частью на левый берег молочных вод (между устьем р. Берды, Молочного озера и верховья р. Токмака).

В начале XIX века в едисанской орде числится до 4 655 мужчин в 26 аулах, в джамбуйлукской — 1 922 мужчин в 11 аулах, в едичкульской — 1 188 мужчин в 6 аулах.

В 1806 г. во время войны с Турцией Буджакская орда переселилась в Россию в числе 6 404 душ обоего пола. В 1801 г. Павел разрешил ногайцам нести конную военную службу, но в 1804 г. это было отменено вследствие неспособности ногайцев.

В конце XVIII века принимаются меры к обращению ногайцев к земледелию. Пристав ногайцев эмигрант граф де Мезон приказал сжечь все ногайские кибитки, чтобы скорее обратить их к земледелию. На устье р. Обыточной был основан в 1821 г. в 3 верстах от моря город Ногайск с лесной и садовой плантациями. Место города было неудачно. В 1830 г. был заложен в устьях Берды город Бердянск. По бухарестскому эдикту было постановлено, что татары едисанской орды, перешедшие в Россию из Бессарабии, могут вернуться в пределы Оттоманской империи; поэтому до 1 892 кибиток и ушло в Турцию. После Крымской войны ушло очень много ногайцев.

II. Ïåðåõîä íîãàéöåâ ê îñåäëîñòè

До начала шестидесятых годов все инородцы Ставропольской губернии вели исключительно кочевой образ жизни. В их распоряжении была обширная территория, в ту пору целиком входившая в состав так называемых «калмыцких» земель малодербетовского улуса.

С одной стороны, пример крестьян, с которыми инородцы входили в сношения, а с другой стороны — климатические условия восточной части степных кочевьев, мало по-малу приводили их к сознанию преимуществ оседлого быта, как более обеспечивающего сохранность скота от снежных метелей и продолжительных зим. Особенное стремление к оседлости проявили ачикулак-джембойлуковские ногайцы, кочевавшие в восточном улусе Малого Дербета.

Вместе с тем и сам закон (ст. 532, 546 и 712 т. II, ч. 2, изд. 1857 г.) возлагал на чины инородческого управления обязанность разъяснять инородцам преимущества оседлого быта и содействовать их переходу к этому строю жизни.

Поэтому главный пристав кочующих народов Ставропольской губернии Мевес, которому удалось пробудить у инородцев интерес к более прочной постановке своего хозяйства путем перехода от кочевого быта к оседлому, представил в 1861 году ставропольскому губернатору соображения о том, на каких основаниях он полагал устроить водворение инородцев на основах оседлости. Предполагалось прежде всего нарезать в избранных самими инородцами местах по 30 десятин на каждую мужскую душу. При этом он считал целесообразным руководить выбором земель так, чтобы выбирались инородцами места для поселения не в глухой степи, а вблизи от сел и от дорог, для сближения их с русскими поселенцами, от которых они могли бы перенять и способы обработки земли и образ их жизни. Для ачикулак-джембойлуковцев было избрано пустопорожнее пространство на 50 верст между селами Сотниковым, Покойным и Бургон-Маджарами.

Вопрос о воздействии на кочевников в сторону постепенного их перехода к оседлому быту сразу был поставлен на твердую почву. Без всяких мер давления совершался переход к оседлой жизни путем примера, который всюду и всегда в деле изменения бытовых и экономических форм жизни был наилучшим фактором. Что же касается порядка самоуправления поселенных групп, то в этом отношении Мевес предполагал, что время и условия общежития подскажут такие нормы общественной жизни, которые окажутся пригодными для инородцев, заменивших кочевой быт оседлым. В своем докладе губернатору[15] он предлагал «не пугать инородцев на первое время формами сельского управления по образцу государственных крестьян, потому что это может быть поводом к отречению их от оседлой жизни». По его мнению, необходимо между оседлыми народами вводить преобразование исподволь, избегая резкого принуждения.

Эти предположения главного пристава Мевеса, по представлению губернатору, были утверждены наместником кавказским и сделались основою для всех последующих распоряжений по устройству поселенных аулов.

Постепенное усвоение кочевниками приемов хозяйства, свойственных оседлому быту, шло далее своим чередом. Обставленные в земельном отношении лучше сельского населения они довольно быстро ассимилируются с последним. Почти в каждом ауле и роде преобладающее большинство инородцев усвоили себе приемы хлебопашества и вообще оседлого сельскохозяйственного быта, и у огромного большинства поселенных жителей есть свой хлеб, солома, сено, а работы по общественным запашкам производятся общественными земледельческими орудиями и машинами. С каждым годом приобретаются молотилки, жнеи, сенокосилки, плуги и т.п. На общественные средства проводятся оросительные канавы на протяжении более 20 верст, делаются посадки леса на пространстве многих десятин, приобретаются ценные производители для улучшения скота, учреждаются общественные хлебозапасные магазины.

В настоящее время осело уже около 30% ногайцев, остальные же продолжают вести кочевой образ жизни, потому что безводность и неплодородие большей части земель сильно препятствуют оседанию ногайцев. Этим и объясняется сравнительно небольшой процент оседлости.

Но и поселившиеся не оставляют скотоводства, потому что земледелие не может вполне обеспечить их существования. Процесс оседания ногайцев задерживается еще тем, что территория их не разграничена с территорией, находящейся в пользовании у караногайцев Терской области.

Вместе с тем правительство предполагает часть земель ногайцев отвести для переселенцев, исходя из того соображения, что земельный надел для ногайцев очень велик и не вполне используется ими[16].

В деле заселения степи большим недостатком является то обстоятельство, что не хватает воды. Поэтому ведутся энергичные работы по бурению артезианских колодцев. Работы ведутся хозяйственным способом, под руководством инженера, буровыми инструментами, приобретенными на средства ногайского общества. К 1907 году имелось 7 законченных буровых скважин; каждая из них дает в сутки в среднем до 20 000 ведер доброкачественной воды, бьющей фонтаном. Население поэтому не страдает от безводья, как раньше. Продолжение дальнейшего обводнения ногайских степей составляет одну из главнейших забот инородческой администрации. В настоящее время работы ведутся в ауле Камыш-Бурун.

III. Ñîâðåìåííîå ïîëîæåíèå íîãàéöåâ

Границы, территория, пути сообщения. В настоящее время ногайцы живут в Ачикулакском приставстве Ставропольской губернии, занимая пространство земли более 200 тысяч десятин (в числе которых около половины — земли неудобной). Это приставство расположено в восточной части губернии и занимает часть степной полосы. Границами приставства служат: на севере — туркменский поселенный аул Озек-Суат, зимние туркменские кочевья и река Кума; на востоке и юге Терская область, Сухопаденские казенные участки и надел крестьян села Степного, на западе Грокобалковские казенные участки и надел крестьян селений Прасковейского и Правокумскаго. Таким образом, граница, отделяющая Ачикулакское приставство от Караногайскаго, проходит от восточного угла участка аула Озек-Суат к восточной стороне участка аула Кашаноева и от юго-восточного угла этого участка на северо-западный угол Караногайского аула Тугунчи.

До сих пор эта граница точно не определена. В настоящее время этим разграничением занята смешанная комиссия из администрации Ставропольской губернии и Терской области.

Не определено точно и пространство. По вычислениям землемера Колоколова в 80-х годах прошлого столетия оно равнялось 290 765 десятин. При этом едисанский народ располагает до 71 699 десятин, аул Камыш-Бурун 11 150 десятин, аул Ильяс-Кишлау 24 500 десятин, аул Кашкаева 13 505 десятин, кочевники джембойлуковского и едишкульского народов 169 911 десятин[17].

Постоянно из года в год идут межевые работы по хозяйственному устройству аульных и кочевых земельных участков. Нарезываются земли и для тех, кто желает перейти к оседлой жизни.

Путями сообщения являются грунтовые дороги, пролегающие большей частью по песчано-глинистой и солончаковой почве. Кроме них между аулами и кочевками пролегают также дороги к городам Терской области: Кизляру, Моздоку, Георгиевску и прикумским селам Ставропольской губернии: Прасковеи, Воронцово-Александровскому, Правокумскому и др. По этим дорогам, проходящим мимо Ачикулакской ставки, постоянно тянутся обозы с шерстью, с кожами и зерновыми продуктами.

Íàñåëåíèå, ñîñëîâèÿ, äóõîâåíñòâî

Ногайцы разделяются на три народа: едишкульцы, едисанцы и джембойлуковцы[18]. Едишкульцы и джембойлуковцы — до сих пор кочуют; едисанцы же перешли к оседлой жизни на своей, надельной земле. Кроме того есть два поселенных, оседлых, аула у джембойлуковцев: Камыш-Бурун и Ильяс-Кишлау.

Всех ногайцев к 1908 году около 18 185 душ, в том числе 10 055 душ мужского пола и 8 130 — женского. Вероисповедания ногайцы магометанского сунитского толка.

В 1906 году в Ачикулакском приставстве числилось до 3 570 ногайцев мужского пола оседлыми с 30-ти десятинным душевым наделом[19]. На каждую семью приходится до 112 десятин. Из этого запаса под распашкой находится в среднем 5,7 десятин на семью и под сенокосом 2,4 десятины, или всего 8,1 десятины. Из 240 домохозяев Ачикулакского приставства 7,1% не имеют ни посевов, ни покосов, 61,7% имеют названных угодий менее чем по 8,1 десятины, составляющих среднюю норму посевных и сенокосных участков оседлых ногайцев, половина же посевной и сенокосной площади приходится на долю остальных 31,2 домохозяев[20].

Земли, занятые кочевьями инородцев, и те значительныя площади, которые состоят в действительном пользовании населенных аулов, находятся большей частью в руках небольшой группы богатых. Около 104 десятины (на семью) у ногайцев сдается в аренду.

Большая часть ногайцев простолюдины, привилегированного сословия очень мало; к последнему относится и духовенство.

Кроме этого постоянного элемента, среди ногайцев встречается и пришлый элемент. Его составляют армяне и крестьяне в числе 613 душ мужского пола и 377 — женскаго. Главным занятием армян служит мелкая торговля в аулах. Крестьяне же занимаются овцеводством и хлебопашеством.

Духовенство ногайцев составляют три кадия, три наиб-кадия и 14 духовных мулл. Муллы избираются по приговорам общества из числа грамотных по-татарски и знакомых с шариатом. Для богослужения имеются 50 мечетей, из них только 16 — правильно устроены, а все остальныя представляют собой обыкновенную ногайскую саклю с небольшой на верху ее вышкой (минарет). В 1907 году закончены постройкой большие мечети в ауле Махмут-Мектебе (у едишкульского народа) и в ауле Ильяс-Кичилау (у джембойлуковцев).

Êà÷åñòâî çåìëè, êëèìàò

Степь, занимаемая джембойлуковцами и едишкульцами, состоит преимущественно из солонцеватого, песчаного грунта и больших пространств, покрытых сплошными переносными песками. Местами попадаются участки, покрытые тонким слоем бурой земли, дающей подножный корм самого

низкого качества. Только в южной части степи есть пространство, пригодное для хлебопашества, на котором кочевники, ногайцы сеют рожь, пшеницу и просо.

Степь покрыта бывает травой, достигающей в некоторых местах от $^1/_4$ аршина до $^1/_2$ аршина. Проезжая по ней, то и дело встречаешь песчаные бугры, на которых растет колючка и бурьян. От ветра песок поднимается вверх, на оголенных местах попадаются человеческие кости, древние монеты, наконечники стрел, свидетели происходивших здесь кровавых схваток. Изредка встретится небольшое Озеро. Весною и осенью более низкие места наполняются водою и образуют маленькие временные озера, где иногда встретишь и болотную птицу: уток, гагар, куликов. Озера эти бывают с пресной или солоноватой водой.

Земля, отведенная в надел едисанскому народу, хотя и глинисто-солонцеватая, но большей частью пригодна для хлебопашества и для пастьбы скота. На ней нет ни одного проточного ручья с пресной водой. Водопоями служат копани, из которых получается вода большей частию горькая. Жители многих аулов ездят за водой для пищи и питья верст за восемь и более от аула. Водопоями и здесь служат копани, недостатка в воде нет, и она добывается в песках лучшего качества, чем в грунте солонцеватом.

Участок аула Кашкаева отличается от остальной земли едишкульцев только тем, что на нем нет сыпучих песков, но почва его малопригодна для хлебопашества. Находившееся в исключительном пользовании этого аула урочище Кулак Али (пространством до 35 666 десятин) с конца 1878 года передано в общее пользование всего едишкульского народа.

Участок Камыш Бурун хотя и изобилует водою, потому что примыкает северо-западною стороной к р. Куме, но грунт земли не годится для хлебопашества и количество отведенной этому аулу земли недостаточно.

Недостаток земли вследствие малогодности ее даже для выпаса скота заставляет едишкульцев перекочевывать зимою в караногайское приставство и даже в Кизлярский округ к Каспийскому морю; весною же, по уходе трухмен с Кумы, они занимают их кочевья.

Джембойлуковцы, пожелавшие в 1872 году принять душевой надел на 412 душ мужского пола на местности Ильяс-Кишлау, прилегающей к р. Куме, впоследствии отказались от надела и остались кочевниками, что доставило некоторое удобство кочующим джембойлукцам, так как не лишило их возможности прогонять скот для водопоя к р. Куме.

Климат степи в разныя времена года разнообразится. Летом здесь страшно жарко, озера высыхают и распространяют болотный запах. Миллиарды комаров не дают покоя ни людям, ни скоту. Зимой здесь бывают страшные холода с метелями и буранами, отчего погибает масса лошадей, рогатого скота и овец. Весна и осень самые приятные времена года.

Доходы и расходы ногайцев, мирские капиталы, оброки.

При эксплуатации своих земель ногайцы много терпят от овцеводов, свободно производивших на общественной земле выпас многотысячных отар овец. Общественный надзор отсутствовал, а затруднения, встречавшиеся со стороны отдельных членов общества, овцеводы легко обходили. Вся едисанская земельная площадь одно время была покрыта отарами овец, причем едисанский общественный капитал не получал от овцеводов ни одной копейки[21].

Оброчных статей в приставстве 13, из них 7 из надела едисанцев, площадью до 6 044 десятины 1 800 кв. сажен; 2 площади в 4 308 десятин из надела Ильяс-Кишлау и 4 площадью в 7 366 десятин из надела едишкульских и джембойлуковских ногайцев. Эти все участки сдаются с торгов на 6 лет, и доход с них поступает по принадлежности в едисанский, едишкульско-джембойлуковский и ильяс-кишлавский домашние мирские капиталы[22].

Арендаторами участков заключаются нотариальные контракты с доверенными ногайских обществ. Арендная плата вносится ачикулакскому приставу, который ведет счет мирских сумм по шнуровым денежным книгам, периодически проверяемым главным приставом кочующих народов вместе с выборными от ногайских обществ.

Мирские ногайские капиталы обращаются в процентные бумаги и хранятся в сберегательной кассе при ближайшем прасковейском казначействе. Едишкульско-джембойлуковский общественный капитал хранится в управлении кочующих народов.

В виду громадных расходов из инородческого капитала на постройку больниц, школ, мечетей, хлебозапасного магазина, зданий для племенного разсадника, случного пункта и других общественных сооружений, а также на обводнение ногайских степей, — сильно уменьшились размеры ачикулакского общественного капитала. Получаемые с него проценты не в состоянии обслуживать вновь назревающие земские нужды ногайцев.

В целях образования фонда для удовлетворения общественных потребностей общество едисанских ногайцев выделило четыре оброчных участка. Первый в 946 десятин 600 кв. саженей; второй в 858 десятин 1.200 кв. саженей.; третий в 1 031 десятин 700 кв. саженей и четвертый в 920 десятин 1200 кв. саженей[23]. Участки эти отданы с торгов в шестилетнюю аренду, и оброчная плата поступает в едисанский общественный капитал.

Расходы из мирских капиталов производятся по общественным приговорам, утверждаемым главным приставом. Предметами расходов являются общественные надобности, как то: содержание учеб-

ной, медицинской и ветеринарной частей и обывательской почтовой станции, уплата содержания общественным должностным лицам (старшим писарям, рассыльным) на выдачу денежного пособия беднейшим и неспособным к труду ногайцам[24], устройство общественных зданий и колодцев, покупка земледельческих орудий и другие мирские надобности. Так, в 1906 году открыта лечебница на восемь кроватей со всеми необходимыми службами и квартирами для врача и фельдшерского персонала.

Кроме лечебницы потребности народного здравия обслуживают два фельдшерских пункта с аптеками, в ауле Махмут-Мектебе и в ауле Ильяс-Кишлау, содержимые на общественные суммы.

Санитарный надзор за населенными пунктами лежит на выборных должностных лицах (народном голове, старшине и десятниках), местном приставе, его помощнике и медицинском персонале под руководством врача. В 1907 году медицинский расход выразился в сумме 4 115 руб. 97 коп.[25]

Правительство пыталось несколько раз привлечь ногайцев к исправлению военной службы. В 1801 году Павел I предложил ногайцам нести военную службу на конях. Они должны были содержать на свой счет полк в 1 000 человек. Опыт этот оказался неудачным, и в 1804 году военная служба ногайцев была отменена. В настоящее время ногайцы никакой натуральной повинности не отправляют, кроме службы в выборных должностях: голов, старшин, казначеев, десятников и аксакалов, по которым они получают жалованье из домашних мирских капиталов. Вместо отбывания воинской повинности ногайцы платят в казну воинский налог[26]. Налог этот вносится ими пропорционально повинности, уплачиваемой со скота. Кроме этого налога ногайский скот обложен еще особой повинностью в доход казны[27]. С каждого верблюда бралось по 1 рублю, с каждой штуки рогатого скота и лошадей по 40 коп. и с каждой штуки мелкого скота (овец и коз) по 5 коп. Вследствие прибыли скота эта повинность с каждым годом увеличивается (в 1907 году по сравнению с предыдущим она увеличилась на 375 руб. 80 коп.).

Ãëàâíîå çàíÿòèå íîãàéöåâ

Ногайцы — скотоводы по преимуществу. Они разводят лошадей, рогатый скот, овец, коз, верблюдов. Других животных у них нет. Ногайские лошади, хотя и не высокого роста, отличаются выносливостью и поставляются в казачьи войска. Коровы и быки караногайцев средней величины: быки вполне годны для полевых работ и сильны, а коровы достаточно молочны. Овцы, большей частью, с курдюками, хотя есть и русские бараны с хвостами. Верблюды встречаются белые и рыжие, но все поголовно двухгорбые, козы простой породы не дают шерсти и не отличаются величиною.

У ногайцев мало развита потребность в улучшении породы животных, и богачи, имеющие сотни животных, не выписывают заводских производителей. В летнее время ногайцы приготовляют кумыс. Сыр приготовляется исключительно из коровьего молока. Он вообще — незавидный. Специально сыроварением никто не занимается. Овцы и козы не доятся ими, и сыра овечьяго не приготовляется. Верблюжье молоко употребляется в пищу; с этим молоком варят калмыцкий чай.

Кое-где в степи видишь посевы ржи, овса и пшеницы; последнюю в пищу не употребляют, а возят для продажи. Ногайцы не садят и не сеют овощей и не разводят деревьев, хотя опыт показывает, что деревья разводить довольно легко.

Из домашних женских занятий обращает на себя внимание валяние войлоков, выделка шкур и курпеев и вязание из шерсти сум и мешков, а из мужских занятий — сапожное и седельное ремесла, устройство кибиток, свадебных и простых арб, шорное и седельное производство. Но специальных мастерских нельзя найти в степи. Ногаец не любит долго и усидчиво работать, его тянет то степь, по которой он ездит, то другие занятия.

Ногайцы сами лечат своих животных. Между ними есть опытные скотоводы, пользующиеся репутацией хороших ветеринаров, хотя в настоящее время ветеринарный надзор усиливается. Теперь у ногайцев функционируют, под наблюдением ветеринарного врача, — рассадник племенного калмыцкого скота и случные пункты[28]. Рассадник имеет целью улучшить породу домашнего рогатого скота. Случные пункты устроены с целью поднять культуру коневодства, составляющего одну из главнейших отраслей хозяйства ногайцев. Случный пункт имел в 1907 году 8 производителей — жеребцов, приобретенных на лучших конских заводах. Весной 1907 года, по просьбе ногайцев, производители были розданы для косячной случки, причем результаты этой случки оказались очень хорошими.

Едисанское общество ногайцев, как наиболее обеспеченное надельной землей и, в качеетве оседлого общества, наиболее заинтересованное в лучшей постановке племенного рассадника и случной конюшни, отвело для надобности этих предприятий земельный участок[29].

Сильным бедствием для ногайцев являются эпизоотии, часто уносящие скот — источник богатства. На рогатом скоте часто бывает кровавая моча, на овцах — оспа. Зимой погибает много животных от холода и недостатка корма.

Ветеринарной частью заведует ветеринарный врач и фельдшер, живущий в Ачикулаке, где имеется и ветеринарная аптека[30].

Скот и продукты животноводства ногайцы сбывают на рынках соседних селений: Урожайном, Владимировском, Прасковее, Воронцово, Александровском и в ближайших городах Терской об-

ласти— Моздоке, Георгиевске. Хлеб и зерно продаются приезжающим скупщикам. В 1907 году ногайцами, как видно из доставленных статистических сведений, продано крупного и мелкого скота на 54 125 руб., шерсти на 221 445 руб., хлеба 1976 четвертей на 15 810 р.

Среди ногайцев торговых лавок мануфактурных и мелочных в 1907 году было 41, с валовым оборотом на 55 220 руб.

Для того чтобы обеспечить едисанский народ в его продовольственных и семенных потребностях, ежегодно производятся общественные запашки на случай неурожая и других бедствий. Собранное зерно ссыпается в специально построенный хлебозапасный магазин, откуда и выдается в ссуду нуждающимся ногайцам[31]. Для производства показательных опытов посева трав и хлебов едисанское общество (оседлое) отвело участок более 2 тысяч десятин, чтобы доходы с него служили постоянным фондом для общественных нужд.

В 1907 году был произведен посев люцерны и американского овса, но вследствие продолжительной засухи сбор травы ожидается в будущем году.

Ногайские аулы. Зимовки и перекочевки.

Собрание нескольких кибиток вроде маленького хутора называется ногайцами аулами. Самый большой аул состоит из 30—40 кибиток. В аулах вы встречаете арбу, загороды для загона животных. Около аулов пасутся стада рогатого скота, овец и табун лошадей. Во многих аулах встречается еще «куй мэ» (свадебная арба).

«Куй мэ» отличается тем, что имеет форму арбы с кибиткою, причем последняя сделана не из рогожи или войлока, а из досок. Кибитка эта сзади и спереди прикреплена к арбе дощечками, раскрашенными в разные пестрые цвета. Позади арбы имеется маленькое квадратное отверстие, а спереди двухстворчатые дверцы. В таких арбах возят невест в дом женихов, чтобы никто не мог видеть, да и они сами сидят в них, как в темнице. Зимой кибитки огораживаются с запада, севера и востока стенами из бурьяна, для защиты от холодных ветров. Такие стены делаются для загона скота, овец и лошадей во время буранов и метелей.

Те аулы, где встречаются бурьяновые изгороди, называются «кышлав» (зимовка). С наступлением весны ногайцы перекочевывают в другие места, возвращаясь в зимовки с наступлением холодов. В течение теплого периода ногаец перекочевывает несколько раз, ища хорошего корма и воды для скота.

Решетки стен, палочки крыш, войлоки и остальныя принадлежности при перекочевке разбираются, располагаются на арбе и перевозятся в другое место. Остовы поднимаются целиком на арбу. После перевозки женщины первым делом моют все палки и решетки кибиток. Затем они укрепляют решетки стен, обивают их войлоком, прикрепляют палки крыши, располагая кочевку на новом месте. Кибитки устанавливаются очень быстро. Снятие кочевья с места, перевозка его на 10 верст, мойка и установка его совершилась на наших глазах в течение дня. У бедных ногайцев войлоки кибиток часто бывают так дырявы, что снег и дождь проникает внутрь.

Попытка правительртва сделать ногайцев оседлыми нельзя сказать, чтобы увенчалась успехом. Часто рядом с саклей оседлого ногайца стоит кибитка, где живет сам хозяин, кочуя недалеко от своего дома.

Íàðóæíûé è âíóòðåííèé âèä êèáèòêè. Äîìàøíÿÿ îáñòàíîâêà íîãàéöà

Жилища ногайцев представляют шатер цилиндрической формы с крышей в виде усеченного конуса. Самая большая окружность основания цилиндра = 12 сажен; высота его до сажени. Наверху в отверстие около 1 кв. аршина выходит дым. Стены жилища состоят из деревянных решеток красного цвета, обтянутых войлоком. Окон нет, двери обращены на юг. Крыши кибиток образуют также деревяные палки красного цвета. Нижними своими концами эти палки кладутся на перекрестках решеток стен, а верхними прикрепляются войлоком к верхнему кругу. Верхний круг представляет собою и окно, и трубу для выхода дыма. Днем это отверстие бывает открыто, а ночью, чтобы не проникал холод, затягивается войлоком. Это жилище называется «тэрмэ» (кибитка).

Кибитки называются еще и «отов» — маленькие. По наружности они мало отличаются друг от друга. Те же решетки, те же палки, те же войлоки. Но в «отовах» крыши имеют кругловатую форму. Дверцы кибиток бывают одно- и двухстворчатые, деревянные, крашенные в разные пестрые цвета.

Зимой на дверцы навешивают вышитый войлок, чтобы холодный ветер не проникал в кибитку и не разносил внутри дыма. Снизу кибитка веревками прикрепляется к камешкам, вбитым в землю, хотя это не всегда помогает кибитке устоять от ветра. Нижние войлоки, которыми обиты стены кибиток, можно приподнимать и опускать. Летом, чтобы в кибитках не было душно, ногайцы поднимают их. Войлоки крыш неподвижны и всегда туго прикреплены к палкам веревками или тесьмой самодельной работы.

При входе в кибитку вы чувствуете сильный дымный запах, и это очень естественно: в кибитке целый день горят кизяки (топливо из навоза) и готовится калмыцкий чай.

Весь дым не выходит наружу, и непривычному очень трудно сидеть в шатре. Ногайцы же так привыкли, что сидят с большим удовольствием в дыму. Переступив порог кибитки, вы на северной

стороне ее видите «биала» (зеркало) в очень пестрой рамке, рядом висят «яргап торба» — сумки с платьем, обтянутые снаружи шкуркой жеребенка или козы, с вышитыми на них разными узорами из пестрых материй. По правую сторону находится «орын дык» — кровать с наклонными сторонами, раскрашенная яркими красками. На кровати «ястык» — подушки с пестрыми ситцевыми наволочками (ястык тыс), тюфяк (миндар) и одеяло (юркан). Часто над кроватью висит веревка с навешенными на ней мужскими и женскими костюмами (гиим). Около кровати, ближе к дверям, есть полка (ундрюк), где ставятся глиняные и деревянные чашки (айяк), ложки (кашик) и ковши (чумыч). Полка эта прикрепляется к стенам кибитки и поддерживается колом. Под ней всегда находится раскрашенный сундучек (кобан сандык), с дверцами впереди и глухо забитым верхом. В нем сохраняется сало или масло (май), калмыцкий чай (калмык-шай), перец (бурч), чеснок (сармысак) и прочее. По той же стене расположены котлы (казан), кострюли (тава) и сплетенный веревочкой тонкий камыш (сутлык), являющийся ситом для процеживания чая.

В левой стороне кибитки, около самых дверей стоит большой сундук (уйкен сандык), на нем постель не покрытая (орын). На стене вешается и сбруя: хомут (хомыт), возжи (лючен), кнут (ялав) и гребни для чесания шерсти (юнтарак). В кибитке сидят на корточках. С трех сторон постилается на землю плетеный камыш (орэ), а на нем вышитые и простые, войлоки (гииз), уставленные подушками. Почетное место на северной стороне, против дверей, где лежит много подушек. Хозяйка или старшая жена всегда сидит на правой стороне кибитки, где помещаются котлы, съестные припасы и все добро; остальные жены ей прислуживают: приносят кизяк, разводят огонь, приготовляют еду. В средине кибитки стоит таган (очаг), где варится калмыцкий чай, лапша и другие кушанья. Около тагана стоит кочерга (косов), щипцы (маша), кизяки и рукомойник с узким горлышком (кумган); он служит для разогревания воды, которой моют руки перед едой и после нее и совершают омовение перед намазом. У некоторых ногайских богачей встретите и самовар, и чайник, и стаканы для русского чая, который у них считается лакомством и лекарством против кашля.

Таково убранство приемной кибитки у состоятельных лиц. Приемная кибитка это та, где живет «аул бай», то есть богатый житель аула, или же отдельная кибитка, где принимаются гости. В кибитке аул-бая живет только он один с женой и детьми. Женатые братья его живут в отдельных кибитках или отовах. Старшая жена аул-бая всегда остается в кибитке и работает мало. Больше всего достается младшим женам, на обязанности которых лежит собирание в степи кизяков, варенье чая, доенье коров и верблюдов, приготовление масла, стирка белья и т.д.

Êóøàíüÿ íîãàéöåâ. Ñïîñîá èõ ïðèãîòîâëåíèÿ

Самую главную пищу ногайцев составляет кирпичный чай, без которого они не могут обойтись. Он, по их мнению, исцеляет от многих болезней и придает силы утомленному человеку. Достав из сундука кусочек чая, ногаянка крошит его топором; между тем в котле, который стоит посредине кибитки на тагане, нагревается вода. Накрошенный чай бросают в котел и закрывают деревянной крышкой, пока не закипит в котле вода; ногаянка толчет черный перец, потом, подняв крышку котла, процеживает вскипевший чай через сплетенный камыш в деревянную чашку. Остатки чая (чама) остаются на камыше, а чистая жидкость выливается в посуду. Процеженный чай выливается обратно в котел, туда всыпается толченый перец и наливается молоко. Все это закрывают крышкой. Для калмыцкого чая предпочитают верблюжье молоко коровьему. Чай с верблюжьим молоком (ту э-суть) подается особенно почетным гостям. Верблюжье молоко — сладкое и густое, как сливки. Готовый чай ногаянка переливает в посуду и добавляет масла и соли; она охлаждает чай ковшом с длинной ручкой. Ногайцы не едят и не пьют ничего в горячем виде.

Пока все это происходит, хозяин дома берет рукомойник с теплой водой, который всегда стоит около огня, и дает мыть руки каждому из гостей. Эта церемония обязательна; по окончанию ее хозяйка раздает чай в ковшах, на деревянном подносе, вроде скамейки, раскрашенном в разные пестрые цвета. Чай пьют с пышкой. По окончании чаепития гости поднимают вверх руки, читают молитву, потом проводят руками по лицу и говорят хозяину: «Аллах берекет берсын», т.е. Бог да вознаградит взамен. Хозяин должен ответить «ат-болсун», т.е. пусть будет пищей. Этот обязательный этикет соблюдается вообще после каждой еды. Затем следует умовение рук.

Хлеб-пышка ногаянками приготовляется очень просто. Из муки и воды делается тесто; вместо дрожжей кладут сыворотку из кислого молока (айран). Вымесив тесто и придав ему вид шара, они кладут его на доску и раскатывают каталкой в лепешку, величиною в сковородку, ставят, накрыв сковородою, на огонь, и через 10—15 минут печенье готово.

Другим национальным кушаньем является «беш-бармак» (пять пальцев); его едят рукою. Это — густая лапша. Вот его рецепт.

В котле варится мясо; в это время из теста приготовляется лапша, которая кладется в бульон. Сваренное мясо раздают домашним, которые быстро отделяют его от костей, разрезают очень мелко и кладут в деревянную чашку. Кости раздаются гостям, которые в ожидании «беш-бармака» об-

грызаюсь их. Готовую лапшу выливают в чашку с мясом, прибавляют сюда соли, красного перца и лука. По окончании еды «беш-бармак», гости должны рыгнуть в знак полного насыщения.

Весною, когда у ногайцев есть молодые барашки, готовят «куюрму» из ягнятины, изжаренной на масле с перцом и луком.

Почетным и лакомым мясом считается кобылятина, куски ее ногайцы вешают по стенам, чтобы показать гостям, что они не пожалели для них ничего. Из кобылятины готовят колбасы (казы), беш-бармак и шашлык, жаря куски мяса, нанизанные на вертеле.

Лакомством считается бабурсак, т.е. жареное тесто, приготовляемое исключительно на праздниках, свадьбах и других торжествах. Редко ногайцы едят плов и пшенную молочную кашу.

Êîñòþìû è óêðàøåíèÿ íîãàéöåâ

Костюм ногайца очень сходен с туземными костюмами. На широкий бешмет с широкими рукавами из пестрой материи, надевается черкеска без газырей, но с широкими рукавами, полами и талией. Как объемисты эти костюмы, можно видеть из того, что на бешмет для взрослого закупается до 10 аршин ситцу, а на черкеску от 6 до 8 аршин сукна. Мужские рубахи ногайцев — обыкновенного фасона, застегиваются ниточными пуговицами собственной работы. Штаны шьются широчайшие, в самом низу они достигают 10—12 вершков в диаметре. Летом носят одни подштанники без верхних штанов, а зимой надевают короткие овчиные штаны, обшитые снизу кожей. Все носят валеные войлочные чулки (уюк), собственного приготовления. Обувь состоит из сафьяновых чулок с короткими голенищами, на который надеваются кожаные калоши (бабыш) на высоких каблуках. На калошах часто нашиваются узоры из зеленого сафьяна, носят и сапоги и чевяки. Шапка (папах) у ногайцев очень велика и тяжела с плоским верхом. Под шапкой надевают колпачок (тобытай — из простой материи, рахчин — из сукна). Колпачок вышивается серебряными и золотыми нитками собственной работы. Зимой ногайцы носят теплые овчиные и курнейчатыя шубы, башлык из простого сукна и рукавицы. Весь запас костюмов ногаец надевает на себя. Зимой на нем можно видеть несколько бешметов (каптам) и шуб (тон), а сверх них — черкеску (чепкен). Костюм богатой женщины очень оригинален. Он состоит из бешмета, сшитого из красной или зеленой шелковой материи с серебряными крючками (тос туйме) и пуговицами, в которые вделаны простые камни разных цветов. Бешмет охватывается широким ременным поясом (кусак), отделанным полосой серебра. «Хаптал» (бешмет) у бедных ногаянок бывает из красного цвета или другого пестрого кумача без всяких украшений. Волосы у шестимесячной ногаянки бреются; потом они отпускаются на всю жизнь и не стригутся. В большинстве случаев они бывают короткие и жесткие. С открытой головой женщины не показываются. Оригинальны их головные уборы. Высокая суконная шапка спереди обшивается кундузом, т.е. мехом речной выдры. Верх шапки делается из сукна красного цвета. Вся шапка (кундуз борк) покрывается «тастаром» — большой белой простыней; сзади «тастар» доходит почти до земли, и у девушек эта покрышка бывает красного цвета и называется «явлык». Только по цвету покрывала можно отличить девушку; часто ногаянка 12—14 лет уже замужем. Обувь у женщин состоит из месей — красных сафьяновых чулок, на которые надеваются черные сафьяновые калоши с высокими каблуками.

Из украшений ногаянки носят большие серьги, которые продеваются в левую ноздрю (тога). Как ушные, так и носовые серьги отличаются массивностью. Они продеваются с 6—7 лет; носят еще и перстни (юзук), кольца с большими камнями, браслеты (блезык) из простых и драгоценных металлов. Все эти украшения довольно грубой работы. В ходу и ожерелья из серебряных монет или бус (моенлык).

При трауре белый тастар сменяется желтым, а красная рубашка — темной. Женщины в это время не ходят на свадьбы и другие увеселения. Детские костюмы похожи на костюмы взрослых, так же бесформенны и некрасивы. На бешметах и черкесках пришивают талисманы.

Çàìóæåñòâî, ìíîãîæåíñòâî, êàëûì è ñâàäåáíûå îáðÿäû

Срока для сватовства у ногайцев не положено. Родители сватают дочерей с младенческого даже их возраста. Часто два богача, желая подружиться и укрепить дружбу, дают слово быть сватами и засватывают своих малолетних детей и после торгуются о калыме. Такие обещания иногда даются на случай рождения детей у бездетных. В случае смерти маленького жениха или невесты калым возвращается родителям жениха. Если же свадебный обряд уже совершен, то возвращается половина калыма, а при детях сиротах отцу остается $^1/_4$, тестю $^1/_6$, остальная часть — детям. Этого требует и шариат.

Девушек выдаюсь замуж с 13 лет. У ногайцев считается стыдом, если есть двадцатидвухлетняя, двадцатитрехлетняя девушка: она или порочна, или больна и не может работать. Мужчины женятся тоже рано. На возраст жениха внимания не обращается, часто можно видеть шестидесятилетнего старика, имеющего нескольких жен по 13, 14 лет. При выдаче замуж важно количество калыма.

Количество жен доходит до четырех и более, при большой смертности их вследствие раннего замужества на долю старого ногайца приходится до 10—15 девушек. Калым состоит из денег, рогатого скота и лошадей. Это приданое, приносимое женихом за невеету тестю или старшему родственнику — мужчине. Невеста-сирота, живущая у посторонних, может сама распоряжаться калымом, отдав часть его тем, у кого она жила, а часть, взяв в личную собственность.

В случае бегства жены от мужа, калым или его часть возвращаются. При смерти жены, если она была бездетна, муж получает $^1/_2$ ее богатства, а если были дети, то $^1/_6$, остальное, по требованию шариата, идет детям.

Свадебные обряды исполняются очень торжественно. Решив женить своего сына, ногаец приглашает всех родственников. Гости предлагают каждый свою кандидатку, невесту. Избрав ее, отец ведет переговоры о калыме и, по окончании их, посылает хабар (известие) родителям или родственникам о дне приезда сватов. Жених сам не знает часто, на ком его женят, о свадьбе он узнает от посторонних. По шариату, кровные родственники не имеют права вступать в брак. Если умрет старший брат, сноху имеет право взять младший — это у ногайцев считается очень хорошим делом.

В назначенный день сваты на лучших конях и в лучших одеждах отправляются в аул невесты. Отец ее старается получше угостить их.

Деньги за невесту платят вперед, отец жениха везет с собой денежную часть калыма и явлык — кашемировый или шелковый платок с завязанными в углу его деньгами от 8 до 10 руб. Это подарок невесте. Молодые ногайцы помогают в ауле сватам слезть с коней и водят усталых лошадей. Отец невесты приветствует их: кош гелды (здорово прибыл) и слышит от них «Аллы разы босун» (да поблагодарить тебя Бог), «сав бол» (будь здоров). Выпив в кибитке калмыцкого чаю, поев мяса, сваты достают явлык и отдают деньги отцу невесты, который взамен дарит им «рахчин» (вышитый серебром колпачок под шапку), курпейчатую шубу, зипун и др. Получив подарки и условившись о времени уплаты остальной части калыма, сваты возвращаются обратно. С этого времени девушка уже невеста. Через некоторое время от невесты приезжают сваты за оставшейся частью калыма (за скотом).

Со стороны жениха выбираются знакомые мужчины, а со стороны невесты — женщины для распроса о согласии выйти замуж. Жених и невеста говорят: атай эткен куллукэ разиман (что отец сделал — я согласен), мулла читает молитву перед родителями молодых. Это есть венчанье «некке къяр», исполняемое обязательно в кибитке невесты в отсутствие венчающихся. Девушка с этого времени считается уже замужней, хотя после этого остается месяцами у отца до празднования свадьбы, жених ездит к невесте, живет у нее неделями. Когда девушка обручена, в кибитке с ее восточной стороны навешивается пестрая занавеска, за которой сидит и работает невеста во время приезда жениха; она при людях не может показаться жениху. До перевозки ее в дом жениха красный девичий платок не сменяется белым.

В день отвода невесты приглашаются вечером на пир все родичи. Гости привозят в подарок жениху лошадей, куски материи на платье, а невесте — шубы. Невесту усаживают в куймэ (свадебную повозку) вместе со свахами и подругами невесты; сваты садятся верхом, остальные приглашенные родственницы — на простые арбы, и вся эта процессия с криком и гиком направляется в сторону аула жениха. Увидав издали «куймэ», жених с друзьями скачет навстречу. Интересны бывают в это время женщины: грязный тастар[32] заменен чистым, равно и вся их одежда. Встречающие невесту скачут наперегонки, и получают от сватов подарки.

Доехав до аула, все слезают с коней, «куймэ» с невестой останавливается вблизи отова жениха, где он живет 2—3 первых месяца. Приезжие женщины кричат и требуют «дарей» (шелковая материя), тезы (овчины), акча (денег) и до тех пор не выдают невесту, пока путь от куймэ до женихова отова не застелят овчинами, а сверху материями и не усыпят деньгами. Невеста в сопровождении подруг направляется к отову мужа.

В день свадьбы она наряжается в шелковый зипун и покрывает шапку белым тастаром, поверх которого надевает «буркончик» (шелковое покрывало). На вдову буркончика не надевают, ее не возят в «куймэ».

Войдя в отов, невеста прячется за занавеску (чемядык), а подруги садятся около нее. В это время в отов входит женщина, разводит там огонь, за что получает от свах шелковую вышитую шапочку. В это же время в отове устанавливается высокий кол (сурук), который из верхнего отверстия выходит наружу отова, и на нем укрепляется треугольная полость, вышитая пестрыми материями (тунглык), в знак того, что здесь живут новобрачные.

На ночь приглашаются музыканты, песенники с балалайками. Эту ночь пьют и едят; на следующий день отец жениха отдаривает гостей шубами и т.д. Часто устраивают призовыя скачки на 20—25 верст; призами являются лошади, коровы, верблюды.

Мать невесты зовет в отов свекра или свекровь, показывает им свою дочь, называя ее имя, а сама отправляется домой. По истечении недели она возвращается и везет дочь гостить к себе. Желающие видеть невесту заходят в ее отов и платят подарки ей.

Ñåìåéíîå ïîëîæåíèå æåíùèíû. Áåçäåòíîñòü

Женщины у ногайцев находятся в порабощении; они не имеют права при старших говорить, рассуждать, звать по имени мужа и т.д. Да и сам муж считает для себя унижением звать жену по имени, он говорит «ей», «ой». Женщина — товар, который всегда можно купить; и ногаец не должен плакать, если она умрет. Большим уважением пользуется старшая жена; она принимает гостей, распоряжается, мало работает; муж с ней советуется о выдаче дочерей замуж и т.д.

Младшие жены все время в работе, собирают кизяки, шьют, валяют полости, доят коров, бьют масло и т.д. Девушки лишены права выбирать женихов, они не могут отказаться от замужества со стариком.

Бездетность позорна, бездетный ногаец женится на второй или третьей жене. Бездетность среди них очень велика вследствие несоответствия возрастов брачующихся. Часто старики женятся на двенадцати-, тринадцатилетних девушках. Сильно развиты здесь и венерические болезни.

IV. Äîìàøíåå îáðàçîâàíèå äåòåé ó íîãàéöåâ. Íàðîäíîå îáðàçîâàíèå èõ

Появление на свет ребенка радует ногайца, особенно если это — мальчик, хотя девушка более выгодна для него; она приносит калым. Девочку считают «йолавчи» — путником; выходя замуж, она оставляет родительский дом. Рождение ребенка не сопровождается никакими обрядами, даже не читают молитв. Иногда только зовут гостей, если, например, у богача долго не было детей, то отец режет барана, устраивает скачки при появлении ребенка. Имена у ногайцев очень оригинальны. Наши знакомые ногайцы назывались: сарытай = рыжий жеребенок, алыб кач = бери да беги; танг болат = хорошая сталь и т.д.

С появлением ребенка у отца ногайца появляется забота, как бы научить сына арабской грамоте. Ногайцы не имеют собственной письменности и пишут на арабском языке; грамоте в большинстве случаев учатся только мальчики. Каждый должен, хоть год, учить своего мальчика. Начиная с 7 или 8 лет ребенок уже учится. Девушки в эти годы — уже просватаны или замужем; замужняя не может учиться.

Обучаются в большинстве случаев в мусульманской школе, наняв учителя вскладчину, если дети бедные. Богачи же нанимают себе учителя отдельно.

У ногайцев мало-мальски грамотный человек называется мулла, т.е. учитель. Но так как недостаточно быть грамотным, чтоб быть учителем, то не всякий мулла нанимается для обучения детей. Детей отдают муллам, известным своей нравственностью, не пьющим и имеющим хорошую репутацию. Мулла же, который только вступает на это поприще и мало известен, должен взять от кадия (старшого духовного лица) удостоверение о нравственности и знании своего дела.

Учителя делятся на два разряда: эфенди и муллы. Эфенди — учитель начитанный, знающий все священные книги, опытный, мулла — учитель грамотный и знающий главнейшие священные книги. Эфенди и муллы пользуются глубоким уважением у ногайцев.

Существует и такса платы. Учитель получает с каждого ученика в течение года по 2 руб. денег и годовалого теленка. Отопление, освещение и доставка пищи — обязанности родителей учеников. Занятия ведутся большею частью в мечети, если она есть; мулла живет в маленькой пристройке около мечети.

С самого детства ребенку внушается почтение мулле как образцу всего хорошего. Интересны ногайские поговорки: «кто не верит мулле, не верит Богу; кто не признает муллу, не признает Бога; кто не любит муллы, не любит Бога».

Начало занятий ознаменовывается чтением, в присутствии родителей, молитвы. Достав из кармана чернильницу, а из шапки ручку, мулла с важностью пишет на бумаге арабскую азбуку чернилами. Чернила приготовляются из проса, жаренного на сковороде до черна, истолченного и вскипяченного в воде. Они представляют густую черную массу, сохраняемую в коробочке и быстро твердеющую. В случае надобности эта масса разводится водой и образует темнокоричневую мутную жидкость. Чернильница делается из рога с деревянным дном и крышкой. Туда опускается кусочек материи, чтобы чернила не проливались. Перья употребляются гусиные или из тростника.

Когда ученик выучит все буквы, ему дается книжка «абдэк» на арабском языке, которая читается нараспев. Ученики не понимают читаемого, потому что оно не переводится. Мулла читает, за ним повторяет ученик, и этим кончается урок. Часто случается, что, кроме пройденного и прочитанного урока, ученик не в состоянии прочитать ничего, так как от него требовалось лишь заучивание наизусть. «Абдэк» повторяется три раза, потом читают Коран, тоже нараспев и без перевода. Коран читается три раза. Следующей ступенью обучения является книга «Имам ислам китаб», написанная на понятном для ногайцев языке: в ней изложены правила для правоверного мусульманина: как и во что веровать, какие обряды исполнять, как совершать намаз. Эти книги — священного характера. За «Имам ислам китаб» идет чтение Шурутиссалат, Ильмильял и др.

У ногайцев нет ни одного учебника на своем языке. Способ их обучения — неудобен и притупляет умственные способности. Ученик все время учит наизусть и не понимает ничего; надо

упомянуть и о том, что мулла не отвечает за успехи учеников. Он всегда учит с палкою в руке, чтобы при случае наказать ею учеников. Вот виды наказаний: бьют палкой по ладони, по пяткам или куда ни попало; оставляют без пищи.

Когда мальчик не в состоянии выговорить известного выражения или буквы, мулла берет у родителей его 20 копеек, кладет их на язык ему и выкручивает его. Деньги идут в пользу муллы.

Довольно хорошо настроены ногайцы и к преподаванию русского языка.

До 1903 года ногайский народ, состоящий из 18 тысяч душ, обслуживался одним одноклассным училищем с 25 учащимися, несмотря на то, что ногайцы проявляют интерес к образованию. С открытием при школах интернатов, количество учащихся возрасло[33]. Открыто плотнично-столярное отделение при школе, которое также сильно привлекает учеников.

В некоторых аулах открыты в 1906 и 1907 годах одноклассные училища, преподавание идет по естественному методу. Наконец, существует и двухклассная школа, где введены уроки животноводства и открыты слесарно-кузнечное и сапожное отделения. Эта школа имеет своей целью подготовление учителей для аульно-татарских медресе, которые при помощи этих учителей из народа могли бы со временем преобразоваться постепенно в школы русско-татарской грамоты.

Одной из мер для интеллектуального развития инородцев необходимо считать открытие народных библиотек. Первая такая библиотека открыта в Ачикулаке в собственном здании на домашние мирские капиталы. Все школы помещаются в общественных зданиях, построенных в 1906 году со всеми удобствами, и хорошо обставлены учебными принадлежностями. В них преподается русская, татарская и арабская грамота русскими учителями со специальным образованием и татарами. В 1907 году обучалось в этих школах: в училище при ставке 71 (в их числе 13 детей чиновников и др. жителей ставки), в Махмут-Мектебском — 35 и в Ильяс-Кишлавском — 48. На содержание школ, ремесленных отделений, интернат и пособия истрачено до 8 818 р. 65 коп.[34]

Из всех ногайских школ Ачикулакское училище занимает центральное место относительно других сел ногайской народности; в нем и обучается больше, чем в других школах — до 70 человек. В настоящее время заканчивается постройка роскошного здания для двухклассного училища с тремя классными комнатами, могущими вместить до 140 человек. При училище имеется ремесленное отделение.

Кроме вышеупомянутых школ существует около 50 школ грамоты, с преподаванием татарской грамоты и мусульманского вероучения. В них обучается около 418 детей. Преподавание ведется муллами и грамотными ногайцами, получающими вознаграждение за свой труд непосредственно от родителей учеников. Школы эти помещаются в простых саклях и мало приспособлены для преподавания. Иногда же дети собираются для обучения в подвижную школу — кибитку. В медресе дети обучаются родному языку, по окончании их родители отдают своих детей к муллам для подготовки их в такие же должности, а другие берут домой. Стремление родителей отдавать детей в специальные медресе объясняется тем, что в русско-татарских школах преподаватели родного языка не обладали хорошими познаниями в своей специальности; к тому же обучение русской грамоте отнимает у них лучшее учебное время и утомляет ученика так, что он не в состоянии изучать родной язык. К тому же русский язык для детей очень труден: многие едва успевают изучить его в 3 года.

В 1908 году в ачикулакском приставстве существовали школы грамоты в едисанском народе, 11 мектебе, 14 медресе с 103 мальчиками и 9 девочками. В едишкульском народе 11 мектебе и 12 медрессе с 145 мальчиками и 47 девочками. В жембойлуковском народе 1 мектебе и 5 медресе с 39 мальчиками. В поселенном ауле Камыш-Бурун 1 мектебе и 3 медресе при 82 мальчиках и 32 девочках; в Ильяс-Кишлау 3 мектебе и 4 медресе с 38 мальчиками и 52 девочками. Всего 47 мектебе и 38 медресе с 407 мальчиками и 126 девочками. Татарскую грамоту преподавали духовные муллы и грамотные ногайцы.

В ауле Камыш-Бурун девочек обучали две ногаянки. Школы эти содержатся на добровольные пожертвования учащихся и состоятельных ногайцев.

Нельзя не констатировать возрастание доверия инородческих племен к русской школе. Вместе с тем некоторые причины мешают правильной организации руководительства и надзора за школами инородческого района со стороны учебного начальства. До осени 1907 года школы инородцев состояли в ведении 3 различных инспекторов народных училищ, вследствие чего педагогические требования предъявлялись не во всех районах одинаковые. Школы, удаленныя от крестьянских сел, не посещались директором и инспекторами по целым годам.

В 1908 г. дирекция народных училищ Ставропольской губернии объединила надзор за инородческими школами в лице одного инспектора 3 района, который кроме 29 инородческих школ должен ревизовать 122 школы Медвеженского уезда. Возникает очень важный вопрос об учреждении особой должности инспектора инородческих школ, не подчиненного дирекции народных училищ. Средства на это уже изысканы в количестве 2 500 рублей.

Учителям приходится затрачивать много сил на борьбу с манкировками учеников. С одной стороны этому мешают тяжелые экономические условия жизни: дети с ранних лет являются помощниками отцов. Вернувшись с кочевки в сентябре, пасут овец, жнут камыш до ноября месяца. Много манкировок происходит вследствие разбросанности местожительства ногайцев. Бывает в тех

школах, где интернаты отсутствуют, что ученикам 10—11 лет приходится ходить за 2, 4 версты; во время осенних туманов и грязей и зимних метелей и сильных ветров — это очень трудно. Ученикам приходится проделывать часто по 4 конца, когда они ходят обедать домой; родители жалуются, что ученики много изнашивают одежды и обуви, и не пускают поэтому детей весной, когда начинается перекочевка (с апреля месяца) и ученики не могут посещать школы, потому что кибитки уходят очень далеко. Поэтому учебный год продолжается за вычетом праздников не более 4 месяцев. Устройство интернатов — единственный выход из такого ненормального положения школы.

Суровая с обильными снегами зима тоже имеет часто влияние на уменьшение числа учеников в школах при аулах. Многие даже организовали перевозку в школу учеников в зимнее время и в ненастье. По этой причине и вследствие разбросанности мест жительства родителей учеников необходимо при школах устраивать пансионы. Судя по ревизионным записям инспектора народных училищ[35], учреждение пансионов благотворно отражается на физическом и умственном развитии учеников, не говоря уже о том, что эта мера — лучшая для привлечения учеников в школу.

К сожалению, трудно найти учителей с хорошей подготовкой для преподавания в школах естественным методом. Вместе с тем является настоятельная необходимость в периодическом устройстве учительских съездов как для практического ознакомления учителей с преподаванием, так и в целях согласования деятельности педагогического персонала вообще и приемов обучения в частности. Нельзя не констатировать того отрадного факта, что инородческое управление очень занято вопросом о правильной постановке образования, не жалея материальных издержек. Результаты его деятельности очень хороши.

Ï ðè ì å÷à í è ÿ

1. Смотри статью С. Фарфоровского в IX книге Журнала министерства народного просвещения «Народное образование у туркмен».

2. Третье объяснение производит это название от монгольского «нохо», «нохай» — собака.

3. «Семь поколений».

4. На границе Ставропольской губернии и Тверской области есть местечко Касаева яма. Существует село Касаево (новоразведенное) на р. Куме, родина Касая (по преданию).

5. Причиною перехода ногайцев на сторону крымцев материальные интересы мурз, получавших от хана жалованье. Иначе трудно объяснить это явление, тем более что русское правительство не облагало ногайцев ни данью, ни службой (смотри статью Скальковского: «Занятие Крыма в 1783 году» в 1 выпуске памятной книжки Таврической губернии, где есть ведомость расходов Крымского ханства).

6. По данным в письме графа Остермана от 12 апреля 1736 г. к турецкому верховному визирю это был Дели Солтан, сын крымского хана. «Санкт-Петербургские ведомости» от 2 июля 1728 г. № 53 называют: Бахта-гирея Дели-солтана.

7. Сведения взяты из вышеупомянутой записки Московского архива. Там приводится число этих народов в бытность их на Волге (едисанцев около 12 000 кибиток, джембойлуковцев более 300 кибиток).

8. Из этих племен кундровцы давно уже осели и слились с русским населением, солтанаульцы поселены в Казанской губернии и только едисанцы, джембойлуковцы, едиликульцы и казаногайцы — до сих пор не осели совсем.

9. Любопытно письмо гр. Панина от 12 октября 1769 г. к кошевому атаману, где предлагается некоторым из запорожцев дезертировать в Крым и Буджацкую орду, чтобы возбудить там недовольство: «Ежели они кого пришлют ко мне с приступлением их орды под скипетр и защищение Государыни, то их орда не только останется без всяких от российских войск нападений, но и на все будущие времена будут свободны от турецкого ига и останутся по всей воли и свободности, особым народом»...

10. Для наблюдения за переправой отряжен войсковой старшина Третьяк и полковник Сукур с 11 лодками и 165 казаками. Заготовлены были съестные припасы. Кошевой пишет в Сечь войсковому судье: „Татары переправились через Днепр и будут следовать на песчаный брод и на мост через Самар... народ сей теперь голодный, и зимовать они будут по Калмиусу» (8 октября 1770 года).

11. Интересна грамота Екатерины II «главному начальнику ногайскому Джан-Мамбет-бею». «Нашею Императорскою грамотою обнадеживаем и удостоверяем оные народы... всеми силами сохранять и защищать будем... Все оные народы при таких обстоятельствах со стороны Нашей Всероссийской Империи имеют пользоваться не только покровительством, охранением и самой действительною обороною, но и сверх того, все возможные выгодности и уважения им оказываемы будут» (28 января 1772 года).

12. При заключении договора от едисанской орды присутствовал уполномоченный Темир шах-мурза; от едишкульской — Кара-шах-мурза, от джембойлукской — Эль-мурзах-мурза и от буджакской — Катыр-шах-мурза.

13. Екатерина писала про него Вольтеру, что он умен, кроток, сочиняет арабские стихи и в бытность в Петербурге научился хорошо говорить по-русски. В адрес-календаре за 1782 г. он показан в числе капитанов гвардии Преображенского полка.

14. Церемония присяги была очень торжественна. по свидетельству очевидцев (Аттинга) было зарезано 100 быков, 800 овец, выпито 500 ведер водки.

15. Архив инородческого управления, № 510, за 1862 год, 20 января.

16. Более подробно этот взгляд освещен в очерке о туркменах, где приведены выдержки из журнала совещания при департаменте государственных земельных имуществ от 19—22 октября 1906 г.

17. В 1880 году в этих кочующих племенах числилось 9 992 души мужского пола (на душу приходилось 17,1 десятина, из нее половина под песками).

18. В древних актах едисанцев называли джетысан этсан, джембойлуковцев-эйнбойлук, дженбойлук, едишкульцев-джентыскуль.

19. Кочуют до 6 647 ногайцев мужского пола.

20. Аналогичное явление заметно у кочевников. Из 32 807 голов скота 39,7% принадлежат 100 домохозяевам из 2 246. (Цифры уменьшены в виду того, что ногайцы уменьшают число скота, служащего предметом обложения).

21. Смотри дело 1900 года 30 октября о самовольном выпасе овец Волковым.

22. В 1907 году, как видно из отчета, хранящегося в Архиве инородческого управления, оброчной платы со всех участков поступило до 30 313 руб. 73 коп. (с едисанских 8 008 р. 63 к., ильяс-кишлавских 10 446 р. 90 коп., с едишкул-джембойлуковских — 11 858 руб. 20 коп.)

23. Смотри приговор общины от 12 февраля 1907 года в архиве.

24. Как видно из отчета, в 1907 году оказано пособие 191 ногайцу на сумму 6 702 руб., аулу Ильяс-Кишлау вследствие недорода хлебов выдано 1 724 руб.

25. Смотри отчет ачикулакского пристава 1907 г., Архив инородческого управления.

26. В 1907 году этот налог равнялся 1 377 руб. 27 коп., как видно из архивных дел.

27. В 1907 году такой повинности исчислено было 14 886 руб. 25 коп. («Дело об обложении», Архив).

28. В 1907 году содержание их обошлось в 1 703 руб. 33 коп.

29. Смотри в Архиве приговор едис. общ. от 27 ноября 1907 года.

30. В 1907 году на нее было израсходовано 273 руб. 62 коп. (отчет главного пристава).

31. В 1907 году, как видно из отчета, в магазине хранилось 636 четвертей хлеба.

32. Головной белый платок.

33. В виду условий кочевой жизни значение интернатов особенно велико для кочующих ногайцев. Всего школ с интернатами и ремесленными отделениями — три: одна на ставке, другая в ауле Ильяс-Кишлау и третья среди едишкульского народа в ауле Махмут-Мектеб.

34. Смотри отчет ачикулакского пристава за 1907 в Архиве инородческого управления.

35. Дело Канцелярии главного пристава № 12 1909 года. Архив инородческого уезда.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Фарфоровский С.В. Народное образованаие у ногайцев Сверного Кавказа в связи с их современными бытом // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Часть XXIV. — СПб., 1909. — Декабрь. — С. 179—212.

Í ÀÐ Î Ä Í Î - Þ ÐÈÄÈ × ÅÑÊÈÅ Î Á Û × ÀÈ ÒÓÐÊ Ì Å Í ÑÒÀÂÐ Î Ï Î ËÜÑÊ Î É ÃÓÁÅÐ Í È È. ÝÒ Í Î ÃÐÀ Ô È × ÅÑÊÈÉ Î × ÅÐÊ

О туркменах Северного Кавказа можно сказать то же самое, что мы говорили вообще о номадах; современный быт их почти не изучен.[1] Правда, в этнографической литературе существует ученое исследование И.В. Бентковского «Историко-статистическое описание инородцев магометан», но это исследование, во-первых, не закончено, во-вторых, касается только ногайцев, в-третьих, относится к 1883 году и содержит в себе только исторические материалы по колонизации Северного Кавказа.[2] Ввиду этого крайне любопытно исследовать быт этих номадов, а особенно их правовые понятия. Изолированные законом и обычаями, они живут особняком от окружающего их населения, переживая ту стадию развития, которую другие народы давно уже пережили.

В Ставропольской губернии туркмен насчитывается до 18 тысяч[3]; причем большая часть их живет statu quo ante, другая часть оседает и переходит к более высшей культуре. Туркмены живут в западной половине степей Ставропольской губернии и в восточной до линии от угла границы аула Озек-Суат близ кургана Магомет Турды через курган Кутламат Сулла к мечети Нурмагомета, а оттуда до вдающегося угла Астраханской губернии.

Туркменские степи находятся под 60° 30' 59 $^1/_3$'' — 60° 25' 42 $^1/_7$'' восточной долготы и 45° 56' 35 $^1/_3$'' — 44° 35' 49 $^2/_3$'' северной широты.

Западная половина туркменского приставства несколько возвышена и по грунту сходна с бурым черноземом. В этой местности нарезаны участки поселенных аулов и оброчные.

Туркмены, покинув хивинское ханство в 1653 году, отдались в русское подданство и поселились на землях кочевавших здесь калмыков Малодербетовского улуса (ныне территория туркменского приставства Ставропольской губернии).

Отдельного отвода земель им не было сделано; им предоставили «кочевать по следам калмыков»[4].

В 1850-х годах вследствие постоянных споров калмыков с туркменами о пастбищах калмыкам было запрещено кочевать южнее реки Маныча, и с тех пор лежащая в этой части калмыцких земель площадь стала заниматься исключительно туркменами.

Права туркмен на занимаемые ими земли определяются уставом 1827 года об управлении бывшей Кавказской областью (Полн. собр. зак. 1827 № 878) и Высочайше утвержденным 13 мая 1853 г. Положением о размежевании земель магометанского народа и Кавказского линейного войска (Полн. собр. зак. 1863 № 27239). Земли, как говорит устав, магометанским инородцам «предоставляются по той степени ограничения, какое высшим правительством определено будет».

Положение 1853 года (§70 и примечания) предписывает «по определении потребного количества десятин для оседлых аулов остальную землю предоставить в нераздельное пользование тем магометанам, которые не имеют еще никакой оседлости и со стадами переходят с места на место». (Положение это вошло в примечание 2 ст. 433 действующего закона об инородцах (т. II изд. 1892)).

Вместе с тем оно возлагает на обязанность учрежденной для размежевания земель комиссии «по неизвестности настоящей потребности кочевых инородцев в земле и образа пользования ею, вникнуть в домашний быт инородцев и, согласно их надобностям, составить проект распределения сих земель».

Приведенные указания закона комиссией фактически не были выполнены, и границы и объемы землепользования туркмен остались неопределенными. Лишь в начале 60-х годов, в целях усиления процесса оседания магометан, ставропольское губернское начальство, с утверждения Наместника Кавказского, распорядилось отводить им во временное пользование 30-десятинные на душу наделы. Отвод этот совершался не в силу каких-либо узаконений или актов, а на почве чисто экономических и бытовых соображений[5].

При этом ставилось условием нарезки земель выполнение следующих обязательств со стороны инородцев: «если правильно будут обрабатывать землю под хлебопашество и сенокошение, если будут разводить сады и рощи и если ими устроены будут хозяйственные усадьбы».

По образу жизни жителей Трухменского приставства можно разделить на поселенцев в полном смысле этого слова, лиц — в переходной стадии и кочевников.

К поселенцам должно отнести жителей Казанского аула — Малый Барханчак, состоящих из казанских татар, поселившихся в 1863 году. Поселки сходны с русскими, занимаются они земледелием, ремеслами и торговлей.

В переходной стадии находятся поселенцы, принявшие душевой надел из собственно туркмен и кизлярских татар, которые с 1862 года получают 30-десятинные наделы и образуют аулы: Чур, Маштак, Куликовы Копани, Юсуп-Кулак, Большой Барханчак, Кучерли, Шархалсун и Озек-Суат.

Причиной стремления кочевников к оседлости является уменьшение скотоводства. Получая землю, они передавали ее под распашку крестьянам по условию, получая за это $^1/_3$, $^1/_4$, $^1/_5$ сбора.

Рассматривая экономическое положение туркмен, мы видим, что они довольно хорошо были обставлены землею. Результатом этого было то, что некоторые туркмены хотели жить, ничего не делая, не обрабатывая земли; сдача ими земель в аренду давала им необходимые средства существования. Поэтому образовались новые населенные аулы не в силу естественного хода вещей, а просто в силу этого стремления, ничего не работая, получать средства к существованию. Туркмены не изменили своих взглядов на хозяйство, не признавали превосходства оседлой жизни; они желали при формировании аулов воспользоваться даровыми наделами, чтобы земля давала им доход путем аренды. Поэтому на призыв обоседлиться откликнулся не лучший элемент кочевников трухмен, а, к сожалению, худший. Предложение воспользоваться определенным наделом почти не коснулось зажиточных кочевников и людей с более уравновешенными взглядами на свой исконный склад жизни. На призыв откликнулась, главным образом, праздная голытьба, подонки номадов, сбившиеся с пути и стремившиеся к дармоедническому образу жизни.

Нельзя при этом не отметить темных сторон этой искусственно привитой оседлости.

Поселенцы трухмены редко пользовались надельной землей для возделывания ее личным трудом, а нашли работников за себя в лице своих арендаторов. Способ эксплуатации земли был очень примитивен. Хотя спрос на землю был сильно поднят наплывом в Ставропольскую губернию овцеводов-тавричан и усилением запашек со стороны местных крестьян, трухмены отдавали свою землю за ничтожную денежную плату и не пользовались ею для личного хозяйства. Таким образом, ничто не отличало от кочевников туркмен оседлых.

Раздача земель часто совершалась без согласия аульного или родового общества, келейным образом, несколькими наиболее влиятельными мироедами и горланами, разумеется, предварительно задобренными теми, кто снимал общественную землю. Приговоры об отдаче земли в аренду составлялись нередко в ущерб аульных и родовых обществ, крайне не ясно, без точного обозначения границ участков и числа десятин в них, чем давалась возможность арендаторам захватывать пространство вдвое и даже вчетверо больше против имевшегося в виду при заключении условий, вследствие обозначения границ участков степными дорогами.

Нельзя не упомянуть, что процесс оседлости туркмен был задержан на 14 лет запрещением образовывать новые аулы; разрешалось только приписываться к уже существующим; причем род разбивался на несколько частей, между тем, у туркмен родовые связи были особенно сильны.

Само благосостояние трухмен резко изменяется с 1892 года. До этого времени деньги за оброчные статьи и за выпас скота получали и расходовали по своему усмотрению совершенно бесконтрольно доверенные обществ и аульные или родовые старшины, причем деньги эти ежегодно расплывались по их рукам без всякого остатка. Для записи приходов и расходов существовали небольшие тетрадки, выдававшиеся за скрепою главного пристава.

Это вместе с уничтожением хищнических арендных договоров на туркменскую землю подняло экономическое состояние туркмен. Так, после изменения порядка сдачи общественных денежных сумм, по истечении только лишь трех-четырех лет оказалось в Благодаренском казначействе аульных туркменских денег 191738 рублей. Хлебный магазин трухменского приставства в 1891 году был совершенно пуст, в 1895 году в нем было налицо свыше 7000 пудов.

Для выяснения современного положения туркмен приведем некоторые данные из отчетов инородческого управления.

В 1906 году считались оседлыми около 6641 трухмен мужского пола[6], причем каждый имел по 30 десятин на душу. В населенных аулах приходилось в среднем на семью до 117 десятин. Под распашкой было в среднем около 2,9 десятины, под сенокосом 5,3 десятины, то есть всего 8,2 десятины на семью. Из 1 540 домохозяев 15% не имеют ни посевов, ни сенокосов, 54,4% имеют посевов менее чем по 8,2 десятины, составляющих среднюю норму посевных и сенокосных участков оседлых трухмен. Большая же часть посевной и сенокосной площади (64%) приходится на долю остальных 24,7% домохозяев. В то время как $^1/_3$ домохозяев имеют всего $^1/_4$ всех посевов и сенокосов, остальная $^1/_4$ домохозяев пользуется $^3/_4$ всех упомянутых угодий[7]. Так труден для кочевника переход к оседлости. Земли, занятые кочевьями инородцев, и те площади, которые состоят в действительном пользовании населенных аулов, находятся большею частью в руках небольшой группы богатых туркмен.

Общая картина материального благосостояния трухмен может быть названа не особенно благоприятною[8].

Нельзя не пожалеть в интересах общего дальнейшего развития трухмен, что доселе не решен еще правильно вопрос о характере землепользования у них. Доселе еще за ними не признано право собственности в отношении той части инородцев, которая ведет еще кочевой образ жизни[9], выпасая свой скот на пространстве земель, отведенных кочевникам. Одним из наглядных доказательств этого служит поселение в 1906—1907 годах крестьян на землях Верхне-Чограйской и Северо-Мажарской дач.

Вывоз в трухменском приставстве заключается в крупном и мелком скоте, в курпеях и шерсти овечьей и верблюжьей. Сбыт верблюдов производится главным образом в Тифлисе. Продавцы верблюдов нанимаются в городах Моздоке и Владикавказе для перевоза тяжестей в Тифлис. Там и продают верблюдов от 40 рублей за штуку. Лошади, рогатый скот, овцы и козы продаются на ярмарках в городах Ставрополе и Георгиевске.

Предметы ввоза заключаются в недорогом красном товаре, плисе, сукне, хлебе, калмыцком чае и соли.

Из промыслов существует лишь извозный. Более зажиточные туркмены перевозят тяжести из Моздока и Владикавказа в Тифлис.

Из других доходных статей мог бы развиться соляной промысел, если бы на это обращали серьезное внимание; к сожалению, выварку соли производят в самых незначительных размерах на летних кочевьях на ур. Чограе, и только во время летних жаров. Интересно, что для домашнего употребления соль покупают на соседних ярмарках и базарах у армян.

При выяснении юридических обычаев туркмен необходимо кроме историко-экономического быта их выяснить и сословно-родовые условия туркмен.

Прежде всего, чрезвычайно трудно определить количество магометан без переписи, которая не разрешается нашим законом (см. примечание 1 к 572 ст. II т., II ч., изд. 1857 г.). Единственным (ненадежным) источником для получения сведений о числе магометан служат показания народного головы и старшин, уменьшающих число народонаселения.

Трудно установить и число первых выходцев трухмен из Мангишлака. Из донесения главного пристава государственной иностранной коллегии[10] видно, что трухмен считалось до 815 кибиток, и в том числе 54 кибитки киргизов. Комиссия 1845 года определяет число трухмен 13772 души (мужчин 7226 и женщин 6546 душ); полагая в среднем на кибитку 6,7 душ — не менее 2 000 кибиток.

В 1860 году трухмены имели 2340 кибиток и 13604 души (7162 муж., 6442 жен.). В последующие годы численность туркмен увеличивается. В 1880 году она дошла до 22510 человек (мужч. 12168, жен. 10342), из них кочевников 13942 души, поселенцев 8568 душ. Кочевых туркмен в 1882 году было до 13943 души обоего пола. Они разделялись на 4 рода: чавдуров (4723 души), игдыров (4303 д.), соин-аджиев (4204 д.), киргизов [227 д.]. Подразделение на роды [кроме рода киргизов] произошло не вследствие племенного различия. Роды получили название от имени древнейших родоначальников, поэтому между родами нет резкого наружного отличия. По характеру соин-аджиев род отличается предприимчивостью, смелостью и решительностью; чавдуров род — типичные кочевники, развившие большое скотоводство; игдыров — рассудительные, меркантилисты по своим наклонностям.

Каждый род, кочуя вместе, разделяется на *«кубы»*. «Кубы» — это большие семьи, получившие название от своего родоначальника. *Чавдуров род* разделялся на следующие кубы: аладжа-баш, калым, себи, чакчак, этт, соки; *соин-аджиев* — на кубы: суюндук, яры, абламып, дурдак, акберды; *игдыров род*: тебер, якши-ходжа, салыр и дузмиш.

У туркмен нет сословий. Управлялись туркмены до принятия русского подданства ханами с неограниченной властью на деспотических началах.

Высшими начальниками были после хана особые правители и беки. Обязанность первых была собирать войско, охранять хана и воевать с неприятелем. Вторые управляли народом. Повинностей они не признавали.

По принятии туркменами русского подданства разбор судебных дел производился по большей части Кадиями; административной же частью ведали «старшины». Большое влияние на ход дел имели тарханы — это почетные заслуженные старики.

Это звание не было наследственным. Русское правительство этим званием удостоило трухменов казакчиева рода: Боромбая Дурдыева, Теркмамбеда Аллабердыева, Мерета Кутлымамбетова, Гульджимана Новбатова[11].

Кадии обладали большой властью — судебной; некоторые преступления они могли наказывать смертью. Помощниками их были имам-муллы, контролировали же их действия «мухтасины». Присутствуя при разборе дела, они должны были в случае неправильности писать другим кадиям. Последние в случае согласия с мухтасином уничтожали первое решение. Высшей юридической инстанцией был муфтий. При разборе дел руководствовались устными законами, переходившими от поколения к поколению[12].

В настоящее время согласно 429 статье, II тома, 2 части Свода законов Российской империи, исковые дела у трухмен разбираются посредниками и внутренним управлением инородцев, в случае же, если иск превышает 30 рублей, — в мировых и общих судебных учреждениях.

Для разбора гражданских дел у трухмен есть гражданский третейский суд «маслахад». Истец, желающий разобрать дело по маслахаду, первоначально заявляет об этом трухменскому приставу; последний дает приказ на имя старшины того аула, где живет проситель. Истец и ответчик должны выбрать по равному числу «почетных стариков», которые и разбирают дело, склоняя обе стороны к примирению. Бракоразводные дела, раздел наследства и др. судятся по шариату. Дела эти должны представляться закавказскому муфтию на заключение. Суды маслахадный и шариатный — устные.

Внимательно просматривая главнейшие правила и законоположения туркмен, часто тождественные с обычаями других народностей, обитающих на Кавказе, проникаешься убеждением, что одни из них должны быть признаны коренными или основными обычаями, другие же не что иное, как позднейшие наслоения на эти первоначальные обычаи. К основным обычаям должно отнести те, которые и доныне составляют главный источник всех выдающихся добродетелей и пороков, всех кавказских народностей, живущих родовым бытом. Таковы: обычай обязательной солидарности

однофамильцев, как членов группы, связанных общностью происхождения; обычаи братства, общности симпатии и гостеприимства; обычаи мщения, похищения женщин и свободного посягательства на чужое имущество. В основе всего этого лежит преувеличенное представление о чести и достоинстве мужчины и пренебрежительный взгляд на женщину, преследующий ее с момента рождения.

Обычаи, наслоившиеся на коренные, часто имеют очень мало общего с коренными обычаями и по источнику своего происхождения и по целям.

Большею частью основою их существования является идея общественного благоустройства, часто бывающая противоположностью идеи личного или родового эгоизма, проникающей в родовые обычаи.

Народ состоит из обособленных групп, агнатических союзов, живущих друг около друга. Каждый союз внутри себя устраивается на тех или других началах. Для отношений же одного союза к другому, вследствие соседства, столкновения и т.д. не существует еще определенных норм. Подчиняясь инстинкту самосохранения и ограждения себя и своих интересов, каждый союз решает вопрос об отношении к другому в духе самообороны и самовозмездия. Образуется ряд самоуправных государств, причем каждое игнорирует интересы своего соседа и даже посягает на них, чтобы достигнуть большего благополучия. Таким образом, каждый союз очутится врагом другого. Стремясь другому союзу причинить как можно больше зла, он будет беспощадно мстить за зло, причиненное ему[13], не заботясь о величине мести и не вникая в причины злого поступка, в его намеренность или случайность. Под влиянием такого порядка в самом народе создаются воззрения, получающие значение общих принципов права. Преступления, по воззрениям народа, не существует в безусловном смысле; всякое действие может быть им, смотря по тому, против кого оно направлено: если против члена своей фамилии или союза, то преступно; если же против члена другого союза, то похвально.

Далее, если в самом союзе от этого преступления пострадал только один, то он только и должен преследовать нарушителя своих прав; никто не может вмешиваться в его поступки. В союзе все должны быть за каждого и каждый за всех, как мстители за правонарушение, так и подлежащие мести; не только взрослые, но и дети, и даже не родившиеся. При этом мотивы преступления не принимаются в расчет.

Возмездие за преступление определяется родом преступления, будь оно случайное или намеренное.

В эпоху агнатических союзов образ мужчины-воина, защитника союза возводится на степень народного идеала. Истинный воин-мужчина должен быть равнодушен к жизни, должен любить не покой, а войну с ее тревогами и опасностями, должен быть отважен, тверд, терпелив и вынослив.

Как член союза, он должен презирать материальные блага и беззаветно проникнуться преданностью к союзу, не останавливаясь ни перед какими жертвами, не стесняться никакими средствами. С врагами он должен быть храбрым, находчивым, сильным, ловким, изворотливым, коварным, хитрым и даже жестоким.

По отношению же к своим он должен быть снисходительным, помогать слабому, покрывать виновного, делиться с неимущими и бедными, быть правдивым и верным раз данному слову. Мужчина как хранитель рода проникается чувством гордого самомнения и самообожания, на весь мир он смотрит, как на арену его действий; все существует лишь для него и его союза.

Таким путем создаются критерии народных обычаев. Туркмен радостно приветствует рождение мальчика, горюет, если родилась девочка. Мальчика он рассматривает как будущего защитника союза, воплощение идеала, дорогого народу, а девочка — только обуза; ее придется самому защищать и охранять; эти же взгляды проникают и в брачные обычаи туркмен. Женщины — товар, который продают даже без ее согласия. Жених и невеста часто до свадьбы не знают о том, что они должны вступить в союз. Молодой муж видится с женой тайком, ночью, стараясь это делать, как вор, возможно незаметнее и т.д. Муж не должен плакать о смерти жены; он обращается к ней в безличной форме, или с восклицанием к ней: «Ну!» — муж даже не должен смотреть на жену, а должен глядеть в пространство. Он обижается, если спросят о здоровье жены и детей.

Домашний очаг истинного мужчины должен быть на поле войны, его семья — товарищи по союзу. Акт вступления в брак является как бы изменой союзу, отсюда стремление его скрыть, утаить и т.д.

В обиходной жизни женщина не смеет сесть в присутствии мужчины, не может сама заговорить с мужчинами, она не может даже есть с ними и т.д. Опять тут — остатки воззрения воина агнатического союза.

В случаях соединения таких групп в одно целое, в союз, упорядочиваются взаимные отношения их на основе *существующих уже* обычаев.

Останется, например, кровомщение, но оно урегулируется: за убийство одного убить одного же, за похищения имущества похитить столько же. В сомнительных случаях выступает суд стариков для примирения и т.д.

Родится мысль о возможности мирным путем решать дела, устанавливается и форма вознаграждения потерпевших.

Оставив неприкосновенным принцип ответственности за вину одного члена всех остальных членов союза, собрание выработает градацию в этом отношении. Первым ответчиком должен быть совершитель преступления, потом его отец, братья и т.д.

В лице стариков-судей народ отводит широкое место моральному элементу.

Таким образом, из принципа, что для воина, охранителя союза, посягательство на его материальное достояние есть акт пренебрежения к его доблести, создают ряд обрядов, направленных к нравственному удовлетворению потерпевшего, испрашивание прощения, унижение, угощение и т.д.

В жизни первобытных агнатических союзов господствовал коммунизм, союзы затем вступают друг с другом в федерации и растворяются в союзах племенных и междуплеменных. Тогда крепнет союз семейный, и коммунизм вырождается в гостеприимство. Гость, будет ли это враг или друг, независимо от его национальности и религии, должен быть всегда желанным. Он располагается в доме как полноправный хозяин. Властно приказывает он напоить и накормить своего коня и себя; объявляет, что ему надо, и располагается в помещении, как ему вздумается. Хозяин прислуживает ему…

Он не считает своим долгом поблагодарить хозяина, сказать ему свое имя и т.д. Он может поменяться с хозяином своей одеждой и оружием и, похвалив что-нибудь, получить это в подарок. Это скорее коммунальный союз, чем вежливое гостеприимство. Гость является «старшим братом», членом семьи, куда он вступил.

Туркмены подверглись влияниям других народностей, отсюда у них возникла масса обычаев — наносных, т.е. не находящихся в тесной связи с прежними обычаями народа, а иногда даже и противоречащих им. Таковы обычаи, сложившиеся под влиянием мусульманского права, таковы обычаи, искусственно созданные административной властью.

Гражданские дела решаются по *шариату.* В делах брачных, семейных и наследственных шариат вытесняет народные обычаи. В исковых делах тоже видно его влияние.

Значительное влияние на изменение обычаев туркмен имели действия и распоряжения административной власти. С течением времени многие из этих законоположений должны были потерять свою силу или же измениться согласно духу времени согласно с общеимперскими судебными законоположениями. При недостатке туркменских законов дела решаются по общеимперским постановлениям. Разбор частных дел между туркменами в спорах, обидах и притязаниях производится по законам гражданского судопроизводства, а порядок уголовного судопроизводства по преступлениям и проступкам определяется соответствующими законоположениями. Часто представители администрации не знали обычаев народа и применяли к делам русские нормы; обычаи урезывались, народные постановления дополнялись, изменялись.

Кроме штрафов, применялись кары уголовного характера по личному усмотрению властей.

Наказания по усмотрению были заменены наказаниями по общим законам империи. И все это делалось в насильственной спайке с народными юридическими обычаями.

Таким образом, можно сказать, что современные народные и преимущественно юридические обычаи туркмен заключают в себе правовые нормы, родившиеся в недрах первобытного общества в пору существования его в условиях агнатических союзов, получившие потом дальнейшее развитие в период слияния этих союзов в общий посемейный союз и подвергшиеся изменению и слиянию с чуждыми правовыми нормами, установленными шариатом и привитыми администрацией.

Þ ðèäè÷åñêèå îáû÷àè òóðêìåí î ñâèäåòåëÿõ

Истец и ответчик должны доставить свидетелей.

Обвинение и оправдание основываются на присяге и на показаниях этих свидетелей.

Если свидетелей нет, то ответчик должен присягнуть, если он не желает, — присягает назначенный им сторонний человек, лишь бы он не был врагом другой стороны. Этот человек должен отличаться хорошим поведением и нравственностью и уважением обществом. Истцу же присяга воспрещается. Что же касается выставленных им свидетелей, то они могут присягать.

Наружные знаки не могут быть считаемы доказательством.

Враг к свидетельствованию не допускается.

Если обвиняемый через несколько времени после суда представит доказательства своей невиновности, то делается вновь разбирательство и решение. Прежняя присяга и показания свидетелей обвинявшего считаются недействительными и допускаются вновь доставленные свидетели.

Свидетели обвинявшего, принявшие при первом разбирательстве дела присягу, не подвергаются наказанию, хотя бы и были изобличены во лжи.

Каждый свидетель должен быть приведен к присяге при истце и ответчике. Устранение той или другой стороны принимается только тогда, когда будут заслуживающие уважения обстоятельства. Выставленный какой-либо стороною свидетель прежде привода к присяге спрашивается, может ли свидетельствовать, если же он откажется, то к присяге не допускается.

Свидетели во время разбирательства кадием тяжущихся, пока дело не касается их, не должны там находиться.

Свидетелями могут быть лица честного поведения и совершеннолетние (не менее 16 лет). Они должны быть хорошей нравственности. Малолетние ни в коем случае не могут свидетельствовать.

Один свидетель ни в коем случае не считается достаточным.

При выборе свидетелей должны быть собраны справки об их поведении и о том, что они не враги между собой и с тяжущимися.

Один мужчина и две женщины (совершеннолетние и честного поведения) принимаются за двух свидетелей, кроме случаев прелюбодеяния и смертоубийства, при этих случаях должно быть от трех до четырех свидетелей.

Показания свидетелей заменяют обыски.

Показание тем прочнее, чем больше свидетелей.

Свидетелями не могут быть лица, наказанные и изобличенные в ябедничестве и обмане.

Дети не могут свидетельствовать за родителей, но могут показывать против родителей, если они совершеннолетние и мужского пола.

Если дети имеют спор против родителей, к свидетельским показаниям их допускать нельзя.

Î ïðèñÿãå

Обязанный в неважных случаях принять присягу должен к ней приготовиться, как к молитве, вымыв руки и ноги. Взяв в руки Коран, он должен стать перед кадием и призвать в знак справедливости имя Божие, а в случае несправедливости — просить наказания от Бога, заклинать жену и детей.

В более важных случаях употребляется другая присяга. Кадий ведет присягающего на кладбище; вымыв руки и ноги, он должен обнять надгробный камень и сделать заклинание.

К присяге допускаются честные люди, сторонние тяжущимся. Допускаются родственники и родные братья, если они живут отдельно. Малолетние не могут допускаться к присяге.

Отец за сына и сын за отца не могут присягать. Женщины не могут быть свидетелями, если у них не выставлены свидетели мужчины.

Истцу присягать нельзя, только в одном случае он может присягать, если он имеет иск на умершем. Тогда, если он имеет и свидетелей, все-таки должен присягнуть, что долга от умершего не получал.

Присяга назначается кадием.

Î ïðîöåññå

При разбирательстве в первый раз дела решение не должно оставаться без исполнения до доставления доказательства. Если доказательства впоследствии будут доставлены и обвиняемый окажется правым, то прежнее решение уничтожается и приводится в исполнение новое.

Î ïðåñòóïëåíèÿõ ïðîòèâ ðåëèãèè

За отступление от веры и противозаконное учение на кадии лежит обязанность делать виновному увещание. Виновный должен быть под арестом. Если увещания не подействуют, то должно прибегнуть к немедленной смертной казни. За несоблюдение обрядов религии кадий, смотря по вине и раскаянию, наказывает плетьми от 1 и не более 39, повторяя это наказание за каждым разом.

Лицо, изобличенное в несоблюдении обрядов религии, не может быть принято свидетелем, ни в каких делах не может участвовать в совещаниях общества.

Î ïðåëþáîäåÿíèè

Лица, еще не вступившие в брак, будучи уличены в прелюбодеянии, наказываются каждый раз по 100 ударов плетей.

Женатый мужчина и замужняя женщина за прелюбодеяние побиваются камнями.

Четыре свидетеля, доказывающие прелюбодеяние, должны присягнуть, что они видели совокупление их.

Если совокупление не последовало, то обвиняемый не наказывается, хотя бы видели его лежащим на женщине.

Четыре свидетеля, доказавшие прелюбодеяния, должны первыми бросить камни в присужденных к смерти.

Если же один из них не пожелает этого сделать, то обвиняемый остается без наказания, а свидетели наказываются 80 ударами плетей и после уже не могут быть свидетелями никогда.

Áðàê è îòíîøåíèÿ ñóïðóãîâ

При побеге одного из супругов кадий должен сделать увещание.

Если жена будет иметь претензию на мужа за неудовлетворение ее калымом или за неисполнение условий брака, кадий должен приказать удовлетворить.

Жена может просить развода, если муж не содержит ее прилично и со времени брака не имел с ней совокупления.

Муж может и без всяких причин развестись с женой.

Î á óáèéñòâå

За убийство смертная казнь.

Казнить убийцу, право выбрать оружие для этого возлагается на родственников убитого.

Прах лишенного жизни преступника хоронится наравне с прочими магометанами.

Несовершеннолетний должен за убийство заплатить родственникам убитого: за мужчину 100 верблюдов, за женщину — 50 верблюдов. Плату эту вносят родственники убийцы.

Î äåòÿõ íåñîâåðøåííîëåòíèõ

За все преступления, кроме убийства, они не наказываются.

За неповиновение, буйство, дерзость и угрозы против родителей дети наказываются по вине от трех до 39 ударов плети. Наказание повторяется по жалобам родителей; ударов более 39 не может быть.

39 ударами наказываются дети за побои, нанесенные родителям.

По жалобам родителей на детей свидетелей не полагается.

Óãðîçû è ïîñÿãàòåëüñòâî

За посягательство на жизнь кадия наказываются плетями.

За дерзость по отношению к старейшим и начальствующим удары плетью или выговор от кадия.

За угрозы на жизнь и побои старейшинам и уважаемым виновные наказываются плетьми, но не более 39 ударов.

Âîðîâñòâî è ìîøåííè÷åñòâî

За воровство на значительную сумму денег, скота и имущества, проломы сундуков и кладовых преступник наказывается отрезанием кисти правой руки. За маловажное воровство наказывают плетьми.

Если вор убьет кого-нибудь, то наказывается смертью.

За мошенничество наказываются смотря по вине, как и за воровство.

За насилие при воровстве девушки или женщины преступник побивается камнями.

Воровство или увоз девушки по ее согласию, но без воли родителей, считается преступным, если девушка была засватана за другого. Тогда наказывают плетьми.

К сожалению, у нас под руками не было материалов по вопросу об имущественных отношениях туркмен, право наследования и т.д., но и вышеприведенные отношения очень характерны.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. См. статью С. Фарфоровского в журнале Мин. народн. просв. за 1909 г. IX Кн.: «Народное образование среди кочующих народов Сев. Кавказа в связи с современным их бытом»

2. См. прекрасное исследование деятельности И.В. Бентковского, принадлежащее Г.Н. Прозрителеву во II т. Сборник сведений о Сев. Кавказе.

3. Цифровые данные в прилагаемом очерке заимствованы из отчета главн. прист. коч. народов. Архив Инор. упр. № 2540.

4. См. положение об отводе земель калмыкам и др. инородцам 1806 г.

5. Поэтому совещание при Департаменте госуд. земельн. имуществ и решает отрицательно вопрос о праве владения магометан землею (См. «Журнал совещ. от 19—22 окт. 1906 г.)

6. Кочевало 2 748 трухмен обоего пола.

7. Аналогичное явление наблюдается и у кочевых инородцев. Из всего количества скота кочевых туркмен (26 286 голов в переводе на крупные единицы) 69,9% принадлежит 89 домохозяевам из 817 человек.

8. В настоящее время в предупреждение эксплуатации инородцев при сдаче земель в аренду земли сдаются с публичных торгов. Архив Инор. упр. Дело от 20 янв. 1892 г.

9. Всего оседло 70%, кочует 30%.

10. От 30 декабря 1802 г.

11. Екатерина II пожаловала это звание за возвращение их с 81 семейством под власть России от Киргиз-кайсаков.

12. К сожалению, печати и хорошей записи их нет; существует крайне неточная запись в 1836 году.

13. За одного убивают десять человек.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Фарфоровский С.В. Народно-юридические обычаи туркмен Ставропольской губернии. Этнографический очерк // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. — Ставрополь, 1910.— Вып. II.

Í ÀÐ Î Ä Í Î Å Î ÁÐÀÇ Î ÂÀ Í È Å Â Ê À Â Ê À Ç Ñ Ê Î Ì Ó × Å Á Í Î Ì Î Ê Ð Ó Ã Å[1]

Русская школа на Кавказе имеет такие задачи и встречает на своем пути такие трудности, какие не встречает, может быть, ни одна школа. Являясь проводником культуры в чисто азиатских условиях жизни, она, прежде всего, должна быть национальной в широком *культурном* смысле этого слова. Мировой закон прогресса состоит в том, что всегда должна побеждать более высшая культура. Русская культура и является такой — более высшей здесь, на Кавказе. Понимая национализм как проявление любви, уважения и почтения к той нации, которая является более культурной, — русская школа должна воспитать в туземцах желание славы России, благоденствия, — должна выработать в них преданность, доходящую до самопожертвования на благо России. Перед русской школой на Кавказе открывается трудная, но высокоблагородная задача: воспитать массу разнообразных народностей Кавказа в духе любви к России, в бесконечной преданности ей и готовности к самопожертвованию.

Национальное *здоровое* чувство — признак жизнеспособности. Каждая нация — живой орган тела человечества — выполняет свою функцию во всемирной истории. Национальное чувство поднимает, развивает самостоятельность народности, как органа всечеловеческого организма.

Сама природа ребенка является доказательством стремления его к своему[2], к тому, что он полюбил. Начиная с любви к более близкому — к родному дому, к школе, это чувство переходит в любовь к отечеству, и едва ли найдется сколько-нибудь мыслящий человек, который не признавал бы той истины, что любить родину, служить ей, как полезный член общества, составляет одну из основ нашей жизни.

Развиваясь и расширяясь, любовь к родине образует из ребенка не только гражданина, но и человека. Чувство любви своим могущественным влиянием на душу, на духовное развитие ребенка производит то, что ребенок, по мере развития его, все более усваивает гуманные начала, теплое чувство к людям вообще, вырабатывает в себе честные правила, делается отзывчивым и сострадательным и проникается желанием служить по мере сил не только своим соотечественникам, но и всем людям.

Влечение к своему отечеству — это голос природы, говорящий человеку, что он только часть целого. Это влечение имеет многие и глубокие корни во всех естественных условиях телесно-духовной жизни человека. Любовь к отечеству имеет первообразом семейную любовь детей к родителям. Нужно только выработать из ребенка хорошего, честного гражданина, любящего свою родину здоровой, разумной, настоящей любовью, и можно поручиться, что он будет гуманным и отзывчивым человеком вообще.

Способствовать разумному, правильному развитию национального чувства составляет задачу всякой школы и тем более школы на Кавказе.

Национальный инстинкт присущ всем культурным нациям. Англичанин, как носитель современной культуры, глубокий и яркий националист.

Условия русской культуры и истории способствовали атрофированию национализма, который у нас является каким-то чудищем, и назвать человека, который претендует на имя образованного, — назвать *националистом*, — значит оскорбить его. Поэтому и перед современной школой стоит великая задача: атрофированное и находящееся в рудиментарном состоянии инстинктивное, физическое национальное чувство поднять и укрепить — национальным воспитанием и национальным образованием и превратить его в форму сознательного национализма.

Можно предвидеть, что возразят нам люди, которым данные утверждения покажутся неудобными, которые бы желали полного разложения школы — космополитизмом, беспочвенностью и т.п. злом, так давно въевшимся в нашу школу и через нее в нашу интеллигенцию. Поэтому приведем мнение К.Д. Ушинского: «Каждый народ имеет свой собственный идеал человека и требует от своего воспитания воспроизведения этого идеала в отдельных личностях. Идеал этот у каждого человека соответствует характеру, определяется его общественною жизнью, развивается вместе с его развитием и выяснение его составляет главнейшую задачу каждой народной литературы. Этот идеал всегда выражает степень самосознания народа».

Что такое человек вне сознания национальности? Космополит это не живой человек, а «существо метафизическое», как метко сказал Карамзин. Тургенев, наблюдавший этих космополитов, заметил, что космополит — это нуль, хуже нуля; вне народности ни художества, ни истины, ни жизни — нет.

Если воспитание и образование детей русской народности должно производиться в духе русской народности и быть чисто русским, национальным, то образование и воспитание детей русских граждан других народностей должно производиться в национально-патриотическом направлении, т.е. в духе уважения и преданности своей родине и той народности, которая составляет основу государства.

Воспитать — значит внедрить в человека известные душевные качества, как питать — напитать, то есть ввести в его организм питательные соки — физические, материальные вещества.

Воспитать в национальном духе — значит внедрить в человека такие духовные свойства, которые присущи той или другой народности. Школа должна быть органом национального воспитания.

Школа, говорит Д.И. Менделеев, «представляет громадную силу, определяющую быт и судьбу народов и государств. Наши желания, наша воля, наши идеалы слагаются в школе». За границей это давно понято. В Бельгийской школе (смотри нашу статью «Народное образование по данным Брюссельской выставки» в *Журн. Мин. нар. просв.* 1910, № 12, 1911, № 1 и др.) все предметы, не говоря про историю Бельгии, и язык — строго национальны[3]. Особенно национальны коммунальные светские школы. То же можно сказать и про итальянскую школу (см. нашу статью об итальянской школе там же 1911, № 9). «L'idée national» во французской школе должна быть идеалом школы; она есть ничто иное как укоренение в душе французского ребенка с ранних лет привычки думать и чувствовать, что «Франция — лучшая страна мира, Париж — лучший город всего света» (буквальная выдержка из ряда учебников для низшей школы)[4].

Инструкция учителям народных школ говорит прямо: «Школьнику нужно показать, что только в нации человек осуществляет свою природу, что только в ней он делается истинным человеком»... Интересен закон 30-го октября 1886 г., требующий, чтобы «заведующий и обучающий персонал народных школ принадлежал к французской нации». Это требование абсолютно; в республиканской Франции вы не найдете ни одного аспиранта, ни одного преподавателя не француза.

Знания всегда можно пополнить, но любовь к родине, самопожертвование и преданность никогда не насадишь, если их нет. Германский учитель победил при Седане, потому что он был национален и патриотичен.

Какую роль играет в нашей школе изучение родной страны, географии России, истории России? В средней школе отводится два или один час в неделю в одном — двух классах этим предметам проходятся они à propos, считаются третьестепенными. А в низшей школе они, существуя в отчетах, на бумаге, de facto отсутствуют.

Прежде всего потому, что учителя этих школ сами не знают этих предметов. Возьмите Германию, Японию, Италию, Англию; там родиноведение — первый и главный предмет школы. Как знают школьники свою родину, показал, например, на Брюссельской выставке образцовый школьный музей «Эльба и ее значение для Дрездена»[5].

Не стыдно и нам взять пример с этих стран и приняться за тщательное и всестороннее изучение своей родины. Знание и познание родины вселит в детях любовь к ней, желание ей добра и решимость на самопожертвование.

Позволим себе напомнить великие слова Александра II: «В отношении педагогическом главною заботою правительства должно быть распространение в юношестве здравых познаний, развитие к дельному труду и основательному научному образованию. Не позволяя ни себе, ни кому бы то ни было превращать рассадники науки для достижения политических целей, учебные начальства должны иметь в виду одно лишь бескорыстное служение просвещению, постоянно улучшая систему общественного воспитания, возвышая уровень преподавания».

Если так велики и так трудны эти задачи для русской школы вообще, то кавказская школа в частности должна всегда следовать им.

Бедны и убоги кавказские аулы. Непроглядный мрак и грубое невежество со всех сторон окутывает их. Еле слышно биение пульса жизни в застывшей деревне нашего края.

Крайне тяжелы условия неблагоприятного экономического положения кавказских народов. Некультурность и массовая безграмотность населения, незнание даже своего языка (для массы языков письменности не существует), отсутствие общественно-народной организации, крепостное право, которое еще царит в Закавказье, крайне скудное земельное довольствие, переживаемое хизанами и временно обязанными крестьянами, гнетущее их семьи зависимое положение, созданное нашим помещичьим бытом (до сих пор еще феодальным), — вот та тяжелая почва, каменистая почва, которую должен взрыхлить плуг образования, чтобы посеять зерно.

Отсюда масса убийств на Кавказе, где убить муху так же легко, как убить человека; отсюда неуважение к жизни и личности человека, неуважение к жизни учителя; отсюда частые угрозы учителю, покушенья и убийства учителей.

Тяжела работа народного учителя, сеющего разумное, доброе, вечное, но никогда не получающего ни при жизни, ни по смерти «сердечного спасибо», которое обещал ему поэт.

В десять раз тяжелее доля кавказского народного учителя. Поэтому все заботы, все старания должны быть направлены к тому, чтобы облегчить эту его работу, чтобы устранить от него все заботы, мешающие его «подвигу», чтобы дать ему возможность вне рамки официальных, чиновничьих отношений делать свое святое дело.

×èñëî óèèèù

К 1 января 1910 года в 8 дирекциях (Бакинско-Дагестанской, Елисаветпольской, Кубанской, Кутаисской, Ставропольской, Терской, Тифлисской и Эриванской) и 2 инспекциях (Черноморской и Карсской — последняя разделяется на 2 самостоятельных района) состояло 2616 училищ: приходских по уставу 1828 года 54 (5 двухклассных городских, 22 одноклассных городских, 10 двухклассных

сельских, 17 одноклассных сельских), сельских училищ по инструкции 1875 года — 1284 (40 двухклассных городских, 179 одноклассных городских, 329 двухклассных сельских, 836 одноклассных сельских); училищ, по местным законоположениям — 1042 (29 двухклассных городских, 66 одноклассных городских, 136 двухклассных сельских и 811 одноклассных сельских); училищ в селениях поселян-собственников — 15; иноверческих школ при церквях христианских исповеданий 71 (городских 21, сельских 50); училищ по особым уставам или положениям 50.

В Бакинско-Дагестанской дирекции было 173 училища, Елисаветпольской — 135, Кубанской — 824, Кутаисской — 359, Ставропольской — 389, Терской — 236, Тифлисской — 217, Эриванской — 135, Карсской инспекции — 72, Черноморской — 76.

На Северном Кавказе было 1449 училищ, в Закавказье — 1167.

Двухклассных училищ было 579: мужских 181, женских 36, смешанных 362; одноклассных 2037: мужских 427, женских — 245; смешанных — 1365.

К 1-му января 1911 г. число училищ достигло до 2836, увеличившись на 220.

По приблизительному вычислению на миллион населения приходится около 200 училищ; одно учебное заведение обслуживает около 4 тысяч человек на пространстве около 148 кв. верст (принимая пространство Кавказа в 416028 кв. верст).

По типам 2 836 начальных училищ округа распределялись следующим образом:

1. Приходских училищ по уставу 1828 г. — 85 (за год увеличилось на 31): городских двухклассных — 6, городских одноклассных — 23, сельских двухклассных — 17, сельских одноклассных — 39.

2. Сельских училищ по инструкции 1875 года — 1067 (уменьшилось на 217 вследствие перечисления некоторых училищ в иные типы): городских двухклассных — 34, городских одноклассных — 124, сельских двухклассных — 176, сельских одноклассных — 733.

3. Училищ по местным законоположениям было 1552 (увеличилось на 510): городских двухклассных — 51, городских одноклассных — 113, сельских двухклассных — 336, одноклассных сельских — 1 052.

4. Иноверческих школ при церквях христианских исповеданий 85 (увеличилось на 14): городских 23, сельских 62[6].

5. Училищ по особым уставам или положениям 47 (уменьшилось на 3).

6. Всего городских училищ 386, сельских 2450.

7. Двухклассных училищ было 622 (число их возросло за год на 43).

8. Одноклассных училищ было 2214: мужских 473, женских 270 и для детей обоего пола 1471.

По количеству двухклассных училищ первое место принадлежит Кубанской дирекции, насчитывающей 207 училищ, Черноморская инспекция имеет 5 училищ.

В Ставропольской дирекции всего 26 двухклассных училищ.

Пансионы для учеников существовали при училищах: 1 — в Кубанской дирекции, 7 — в Ставропольской, 8 — в Терской, 3 — в Тифлисской и 1 — в Эриванской (*см. таблицу 1*).

Интересно, что из 2836 училищ в собственных помещениях были 2 153 училища (75,8%). В 1908 г. процент этих училищ равнялся 78,1%; в 1909 — 76,3%.

Снабжение училищ собственными помещениями идет медленнее увеличения числа самих училищ. Оно и понятно: жажда образования возрастает более, чем позволяет бюджет обществ, поэтому открывают школу в частных помещениях.

Ввиду бедности большей части поселков и аулов Кавказа, необходима широкая правительственная помощь населенно в постройке и устройстве школ. Неумелое ведение хозяйства, неприспособленность к климату, все это пагубно влияет на материальную обеспеченность жителей, при всем желании не могущих иногда дать средства на открытие и содержание школы.

К 1 января 1911 г. в начальных училищах округа обучалось 261683 учащихся, на 20780 более прошлого года. На одно училище приходилось по 93,3 учащегося, на один класс 44,3 ученика.

Если мы будем высчитывать число училищ на каждые 10000 душ, то встретим более 5 в Кутаисской губернии и 0,44 в Дагестане. Число учащихся по отношению к общему количеству населения немного превысит 2%.

Вычисляя число учащихся на каждые 10000 душ населения, получим от 31 в Дагестане до 420 в Кутаисской губернии (т.е. от 0,31 до 4,2%).

На Северном Кавказе одно училище приходится более чем на 4100 душ, на пространстве более 200 кв. верст, в Закавказском крае на 4017 душ, на пространстве более 260 кв. верст.

Если будем рассматривать школы по народностям Кавказа, то одно училище приходится более чем на 3500 русских, 4800 грузин, 5400 армян, 17200 татар, 11400 горцев (вообще) и среди мелких народностей на 3700 душ.

Показатель образования на Кавказе ниже 2%.

По числу учащихся дирекции и инспекции округа распределяются так:

1. Кубанская	104507 учащихся
2. Кутаисская	36742 учащихся

Таблица 1

Начальные училища	Наименование типов училищ. Помещения																						
	Приходские училища по уставу 1828 г.				Сельские училища по инструкции 1875 г. Инородческие школы по правилам 1870 г.				Училища по Положению 1874 г. и по местным законоположениям				Училища в сел. пос.-собствен. (б. кол.), мин. гос. им. в вед. мин. нар. просв. по зак. 2 мая 1881 г. и не преобразов.	Иноверческие школы при церк. христ. испов.:		Магометанские школы		Училища по особым уставам или положениям	Всего		Общее число начальных училищ к 1 января 1911 г.	В том числе в помещениях	
	городские		сельские		городские		сельские		городские		сельские			городские	сельские	мектебе	медресе		городские	сельские		собственных	наемных
	двухклассные	одноклассные	двухклассные	одноклассные	двухклассные	одноклассные	двухклассные	одноклассные	двухклассные	одноклассные	двухклассные	одноклассные											
Дирекции: Бакинская Бакинской губ.	—	—	—	—	—	—	—	—	6	38	6	90	—	4	1	—	—	2	50	97	147	79	68
Дагест. Дагестан. губ.	—	1	—	—	—	—	—	—	3	4	4	20	—	—	—	—	—	1	9	24	33	26	7
Елисаветпольская	—	—	—	—	10	6	41	103	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	16	144	160	57	103
Кубанская	—	3	2	2	—	—	—	—	29	47	181	550	—	3	8	—	—	39	82	782	864	750	114
Кутаисская	—	1	1	—	6	8	47	—	3	16	81	224	—	3	3	—	—	—	37	356	393	321	72
Ставропольская	2	1	1	—	1	34	21	328	—	—	—	—	—	4	14	—	—	1	44	363	407	385	22
Тверская	3	16	11	37	7	22	44	89	—	—	—	—	—	4	31	—	—	2	53	213	266	218	48
Тифлисская	1	1	2	—	8	36	12	156	2	1	7	6	—	5	5	—	—	—	54	188	242	152	90
Эриванская	—	—	—	—	—	—	—	—	6	6	47	92	—	—	—	—	—	—	12	139	151	64	87
Инспекции: Карсская	—	—	—	—	1	—	9	—	—	1	10	70	—	—	—	—	—	1	7	85	92	42	50
Черноморская	—	—	—	—	1	18	2	57	2	—	—	—	—	—	—	—	—	1	22	59	81	59	22
Всего	6	23	17	39	34	124	176	733	51	113	336	1052	—	23	62	—	—	47	386	2450	2836	2153	683
В 1909 году	5	22	10	17	40	179	329	836	29	66	136	811	15	21	50	—	—	50	370	2246	2616	1997	619

3. Ставропольская	24805 учащихся
4. Терская	24526 учащихся
5. Тифлисская	20454 учащихся
6. Бакинско-Дагестанская	17121 учащихся
7. Эриванская	11392 учащихся
8. Елизаветпольская	11066 учащихся
9. Карсская	6274 учащихся
10. Черноморская	4796 учащихся

В Кубанской дирекции число учащихся увеличилось на 4908, в Кутаисской на 3504, в Терской на 1838, в Ставропольской на 2125, в Тифлисской на 1508, Бакинско-Дагестанской на 1479, в Эриванской на 1800, в Елизаветпольской на 1586, в Карсской на 1395 и Черноморской на 564.

Мальчиков училось 185747, девочек 75936.

По национальностям: русских было 159477 (т.е. 60,9%), менее 1909 г. на 1,7%, грузин 41046 (т.е. 15,7%), на 0,6% более 1909 г., армян 25005, или 9,5% (на 0,7% более 1909 г.), татар 12837, или 4,9% (на 0,7% более 1909 г.), горцев 6933, или 2,7% (на 0,1% более 1909 г.), других национальностей 16385, или 6,3% (на 0,4% менее 1909 г.).

По вероисповеданиям: православного мужского пола 138904, женского пола 61574; римско-католического мужского пола 1914, женского пола 1546; армяно-григорианского мужского пола 18269, женского пола 5321; иных христианских мужского пола 8063, женского пола 5224; иудейского мужского пола 1004, женского пола 854; магометанского мужского пола 16767, женского пола 1159; иных нехристианских исповеданий мужского пола 926, женского пола 258.

В начальных училищах Северного Кавказа обучалось 153838 человек (107248 мужского пола и 46590 женского пола), в начальных училищах Закавказья — 107845 (78499 мужского пола и 29346 женского пола).

Окончило в 1910 году курс 17732 человека, на 1368 более. 2694 кончили курс со свидетельством на льготу второго разряда, 7088 — третьего разряда.

До окончания курса выбыло 30270 человек, более чем 1909 г. на 2929 человек.

Несмотря на заметный рост школ и учащихся в последние годы, положение народного образования на Кавказе надо считать очень плохим. После Сибири и Туркестана Кавказ занимает последнее место в пределах Российской империи.

Даже в таких отдаленных от умственных центров и малокультурных местностях, как Приамурский край и Архангельская губерния, народное образование более чем в 2 раза выше Кавказа. По сравнению же с европейскими странами, Соединенными Штатами и Японией — народное образование на Кавказе в 5, 10, 12 и 14 раз стоит ниже. Даже в таких отсталых государствах, как Болгария и Португалия, начальное народное образование в 5 и 3 раза выше Кавказа.

Возьмем Турцию; показатель народного образования в ней выше 2 (на Кавказе ниже двух). В малокультурных Сербии и Румынии показатель образования в 1873 г. был выше (в 1,3 раза), чем показатель образования Кавказа в 1910 году.

Такие же малоутешительные цифры будут получены, если мы проведем параллель между Кавказом и другими местностями России в отношении числа учащихся, приходящегося на каждые 10000 жителей. В то время, как в земских губерниях число это возрастает до 5 (и даже более), в северо-западном крае оно падает (равно и в неземских губерниях) до 2,5—3, на Кавказе оно оказывается ниже Сибири, доходя до 2,4.

Но и эти проценты для некоторых местностей (напр., Дагестанской области) являются идеалом, на осуществление которого трудно рассчитывать в недалеком будущем.

Если принять общее количество детей школьного возраста (8—11 лет) равным 9% всего населения, и тогда окажется, что менее $^1/_4$ детей школьного возраста обучается в начальных училищах и более $^3/_4$ находится за порогом школы.

Для достижения всеобщего обучения цифру учащихся Дагестанской области надо увеличить чуть ли не в 30 раз, цифры учащихся Эриванской и Елизаветпольской губерниях до 10 раз. В наиболее благоприятных условиях находятся Кубанская область, Черноморская, Кутаисская и Ставропольская губернии, но даже и в Кубанской области число детей, обучающихся в начальных школах, гораздо менее половины всех детей школьного возраста.

Что же касается остальных местностей, то в них количество обучающихся детей колеблется от 1% до 2%.

В отношении начального образования после Степного и Туркестанского краев Кавказ занимает последнее место в империи. По сравнению же с европейскими государствами, Кавказ занимает 39-е место из 44 стран. Кроме Парагвая, Эквадора, Бразилии, Турции, Венесуэлы и Египта, процент учащихся везде выше Кавказа (от 1,2 — до 14 раз).

В селениях Кавказского края на одно училище приходится от 2000 до 12000 жителей. В Дагестанской области на одно училище приходится более 38000 (*см. таблицу 2*).

Таблица 2

Начальные училища	Общее число учащихся к 1 января 1911 г.		Всего	Количество населения в 1910 г.
	Мужчин	Женщин		
Дирекции: Бакинская Бакинской губ.	9574	5429	15003	1013315
Дагестанская Дагестанской губ.	1505	613	2118	658865
Елисаветпольская	9358	1708	11066	895403
Кубанская	71123	33384	104507	2469829
Кутаисская	28219	8523	36742	1166152
Ставропольская	18782	6023	24805	1088800
Тверская	17343	7183	24526	1075923
Тифлисская	12322	8132	20454	1196113
Эриванская	9649	1743	11392	892433
Инспекции: Карсская	5011	1263	6274	302829
Черноморская	2861	1935	4796	117427
Всего	185747	75936	261683	10877089
К 1 января 1910 г.	171795	69108	240903	

Уже из этой таблицы видно, что только 2 с небольшим процента населения находит себе место в начальных школах.

Признавая за женщиной могущественное влияние в деле воспитания подрастающего поколения, мы замечаем, что и количество учащихся девочек невелико сравнительно с количеством мальчиков (девочек 75 936, а к 1-му января 1910 г. 69 108; мальчиков 185 747, а к 1-му января 1910 г. 171 795 чел.). Всего больше учится девочек в Кубанской дирекции (33 384) и всего менее в Дагестане (613). Если количество женщин будем считать равным 50% населения, то процент учащихся девочек будет очень низок. Более благоприятное отношение между полами замечается в Черноморской губернии (2 861 мальчиков, 1 935 девочек), затем в Тифлисской дирекции (12 322 мальчиков, 8 132 девочек), Бакинской дирекции и Кубанской области. Наименьшее количество учащихся девочек в Елизаветпольской дирекции и Эриванской, населенных преимущественно мусульманами.

Низкий уровень женского образования преграждает путь к развитию индивидуальных качеств женщины. Умственная неразвитость суживает духовные интересы женщины, препятствуя совершенствованию чуткой женской натуры, парализуя мягкость и грацию ее души.

Невежественная женщина не может сознательно относиться к своей роли в общественной жизни и в должной мере понимать свою высокую миссию, как матери семейства и как гражданки. Поэтому, помимо общих неблагоприятных условий, влияние невежественной матери сильно отражается на подрастающем поколении, которое растет черствым, мало отзывчивым на хорошие проявления человеческой души.

Îáðàçîâàòåëüíûé öåíçó÷àùèõ

Вышеприведенные цифровые данные констатируют крайне тяжелое положение народного образования на Кавказе... Это состояние умственного уровня населения усугубляется еще тем, что ответственное дело народного образования вверяется, за недостатком учителей, лицам, стоящим на низкой ступени образования. Из отчета господина попечителя округа за 1910 год видно, что преподавательский персонал не особенно велик.

К 1-му января 1911 года в начальных училищах округа состояло всего 8 790 человек учащих, на 947 более чем в начале года.

Законоучителей и вероучителей было 2307; учителей — 4 141: с высшим образованием 4 (0,5%), с специальными подготовкой и образованием 1826 (44,2%), с средним и начальным образованием — 2025 (48,7%), без образовательного ценза — 286 (6,6%); учительниц 2.342: с высшим образовани-

ем — 9 (0,4%), со специальными подготовкой и образованием — 802 (34,2%), с средним и начальным образованием — 1 414 (60,4%), без образовательного ценза — 117 (5%).

Больше всего учащих было в дирекции Кубанской (3 312), меньше всего — в Черноморской инспекции (170).

Число учительниц, по сравнению с предотчетным годом, увеличилось на 280, и в общем числе учащих они составляли 26,6% (против 26,2% 1909 года и 25% 1908 года).

Число учителей без образовательного ценза, по сравнению с предотчетным годом, увеличилось на 113, число учительниц — на 55.

Вот как они распределялись по дирекциям и как были обеспечены (*см. таблицу 3*).

Таблица 3

Начальные училища	Число учащих								Размер получаемого содержания					
	В том числе									Учащих, получающих содержания в год:				
	учителей:				учительниц:									
	с высшим образованием	со специальными подготовкой и образованием	со средним и специальным образованием	без образовательного ценза	с высшим образованием	со специальными подготовкой и образованием	со средним и специальным образованием	без образовательного ценза	Обучающих бесплатно	менее 50 р.	от 50 до 100 р.	от 100 до 150 р.	от 150 до 200 р.	более 200 р.
Дирекции: Бакинская Бакинской губернии	1	42	130	—	3	222	77	—	8	6	16	53	34	496
Дагестанская Дагестанской области	—	23	12	3	—	17	9	2	—	—	1	22	7	62
Елисаветпольская	—	90	80	31	—	4	38	1	—	—	—	78	35	265
Кубанская	—	701	845	168	5	175	651	43	14	51	423	175	110	2539
Кутаисская	1	236	373	17	—	49	96	13	7	120	102	45	34	778
Ставропольская	—	158	61	35	—	91	167	18	—	—	202	118	20	542
Тверская	—	194	227	9	—	115	95	1	4	5	92	81	43	626
Тифлисская	2	109	131	5	—	92	171	34	28	8	136	30	26	521
Эриванская	—	83	143	11	—	17	29	1	4	2	66	35	3	289
Инспекции: Карсская	—	134	5	2	—	13	27	2	2	—	55	14	—	177
Черноморская	—	56	18	5	1	7	54	2	—	3	17	6	8	136
Всего	4	1826	2025	286	9	802	1414	117	67	195	1110	657	320	6441
В 1909 г.	1	1752	1761	173	13	1106	881	62	110	126	963	600	310	5734

К сожалению, таблица не дает подробных сведений, характеризующих степень обеспеченности и необеспеченности педагогического персонала: понятие о жаловании более 200 руб. очень растяжимо.

Но и из приведенных цифр ясно, что получаемое учительским персоналом вознаграждение по своей незначительности существенно препятствует привлечению лучшего элемента преподавателей на ответственную должность воспитателя подрастающего поколения, особенно в крайне тяжелых условиях кавказской жизни и обстановки.

По имеющимся у нас сведениям наибольшая часть получает жалованья от 300 руб. до 500 руб. в год. Всего лучше обеспечено положение учителей в Кубанской дирекции[8].

Не забудем, что в упраздненных в 1896 году, по распоряжению г-на главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, армянских церковно-приходских школах учащие получали от 450 до 600 рублей в год в школах 2-го разряда и до 900 рублей в школах 1-го разряда.

Во внутренней России maximum учительского содержания достигаете до 900 руб.

Приведем данные материальной обеспеченности учителей по Лавассеру[10].

Во Франции. Штатные учителя получают от 357 руб. до 750 руб. в год, а учительницы от 375 до 600 руб.; директор же высшего начального училища получает до 1050 руб. и, кроме того, квартиру или квартирные деньги. В тех местах, где население превышает 1000 человек, размер квартирных денег составляет от 38 до 750 руб., смотря по числу жителей.

В Англии. Лет десять тому назад в статистике английских школ оклады были показаны от 493 руб. и менее до 2 837 руб. и более для главных учителей; от 378 до 1892 руб. для главных учительниц. Среднее вознаграждение определялось от 946 до 1419 руб.

В Ирландии. Учитель 1-го разряда получает 662 руб., а учительница — 569 руб.

В Голландии. Минимум жалованья определяется в 546 руб. для директоров школ, не считая помещения, и в 312 руб. для простых учителей. Среднюю цифру можно определить в 546—780 руб. для мужчин и в 468 — 546 руб. для женщин.

В Бельгии. Минимум жалованья составляет 450 руб., не считая помещения для учителей, и 375 руб. для их помощников.

В Пруссии. Жалованье определяется в среднем в 586 руб. в деревнях и в 732 руб. в городах, не считая квартиры и отопления.

В Берлине. Оклады директоров школ доходят до 1784 руб., не считая квартиры.

В Норвегии. В 1890 г. жалованье составляло 386 — 693 руб.

В Дании. Минимум оклада равняется 312 руб. Сверх того учителям полагается квартира с отоплением, 50 тонн ячменя и часть платы за учение. В деревнях учителям полагается участок земли для прокормления двух коров и 6 овец.

В Британской Австралии. В Новом южном Валлисе полагается учителям от 937 до 3783 руб., а учительницам от 832 до 3 121 руб. в год. Эти оклады выше всех, зарегистрированных статистикой.

В Соединенные Штатах в 1890—1891 г. общий средний оклад в городах равнялся в месяц от 85 до 173 руб. для мужчин и от 70 до 126 руб. для женщин; в Нью-Йорке в год доходит от 4370 до 5826 руб. для главных учителей грамматических школ и от 1942 до 3399 руб. для помощников; в Атланте от 1262 руб. до 3107 руб. для главных учителей и от 975 до 1165 руб. для помощников. В Сев. Каролине в 1892—1893 гг. оклад был для учителей по 48 руб. 55 коп. и для учительниц по 44 руб. 67 коп. в месяц. В Калифорнии по 126 руб. 33 коп.; в среднем месячное жалованье было 90 руб. 9 коп. для учителей и 75 руб. 39 коп. для учительниц.

В Японии. По указу 29 июля 1814 г., то есть еще 98 лет тому назад, каждый сельский учитель получал 6 тонн (372 пуд.) ржи; 25 тонн (1550 пуд.) ячменя; 6 кубов ясеневых дров, 1024 килограмма (64 п.) сена и 1 536 килограммов (96 пуд.) соломы для корма скота, затем бесплатную квартиру и право пользования участком земли, достаточным для пастьбы 2-х коров и 6 овец. Кроме того с каждого ученика учитель получал по 52 коп. в год, служившие же певчими в церквах учителя получали еще 21 руб. в год.

Жалованье помощников должно быть не менее 420 рублей.

Вознаграждение учителей на Кавказе значительно меньше такового в цивилизованных странах, несмотря на то, что условия жизни в этих странах в общем дешевле, чем на Кавказе, и покупная стоимость денег здесь гораздо выше. Так, покупная стоимость марки в Берлине более 1 рубля на Кавказе.

Тяжелый и ответственный труд сеятелей знания среди подрастающего поколения в среднем оплачивается хуже, чем труды даже низших полицейских агентов и писцов в канцеляриях.

Ясно, что при таких условиях трудно думать об улучшении состава педагогического персонала (*см. таблицу 4 на следующей странице*).

Ðàñõîäû íà ñîäåðæàíèå ó÷èëèù

На содержание начальных училищ израсходовано 5130497 руб. 30 коп., на 509476 руб. 33 коп. более 1909 года.

Содержание одного училища обошлось в 1809 руб. (против 1528 руб. — 1907 г., 1648 руб. — 1908 г., 1766 руб. — 1909 г.). Содержание одного класса — 869 руб. (в 1907 г. — 804 руб., в 1908 т. — 824 руб., в 1909 г. — 868 руб.).

Таблица 4

Начальные училища	Материальная обеспеченность учебных заведений																	
	Расходы на содержание																	
	Из средств государственного казначейства		Из земских соборов		Из общественных и сословных сборов и капиталов		Из городских сумм		Из пожертвований частных лиц и обществ		Из платы за учение		Из прочих источников		Из остатков специальных средств за предыдущие годы		Итого	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Дирекции: Бакинская Бакинской области	46372	59	26266	96	150	—	247721	07	24310	37	22347	04	190823	04	—	—	584991	07
Дагестанская Дагестанской губернии	19900	—	6060	—	15010	—	5590	51	450	—	1069	87	2789	66	—	—	50870	04
Елисаветпольская	75675	48	12349	—	55389	—	7438	—	3252	—	18912	—	—	—	—	—	173015	48
Кубанская	321497	—	—	—	124072	69	552669	—	214022	50	68060	—	780014	48	70409	—	2130744	67
Кутаисская	166260	12	20240	13	106847	66	38301	01	8119	62	36077	60	14984	96	2793	24	393624	34
Ставропольская	91080	—	31754	—	242717	02	32559	35	4696	69	2248	—	7553	46	9096	93	421745	45
Тверская	171000	—	—	—	201051	—	83826	—	42522	—	16218	—	29679	—	2139	—	546435	—
Тифлисская	141571	54	17042	63	24815	35	143220	68	6415	15	19879	96	37098	34	1876	66	391920	31
Эриванская	77575	66	33700	—	51033	90	23420	—	50	—	10631	—	1259	16	—	—	197669	72
Инспекции: Карсская	78067	19	24819	64	22911	19	3108	—	—	—	4924	40	1614	80	1614	—	135445	22
Черноморская	48794	—	4302	—	11857	—	30202	—	2982	—	4914	—	985	—	985	—	104036	—
Всего	1237793	58	176534	36	855854	81	1195095	62	306820	33	205281	87	1066801	90	86314	83	5130497	30
В 1909 г.	948732	83	251812	14	1660191	88	754487	16	155811	23	170260	78	591082	27	83645	68	—	—

Государственное казначейство израсходовало на содержание начальных училищ 1237793 руб. 58 коп., на 289060 руб. 75 коп. более чем в предыдущем году.

На начальные училища Северного Кавказа израсходовано из средств казны 583577 руб., Закавказья — 654216 руб. 58 коп. Maximum расхода казны на начальные училища падает на Кубанскую область — 321479 руб. (при общем расходе 2130744 руб. 64 коп., что составляешь 15%), далее идет Терская — 171000 руб. (31% общего расхода), Кутаисская — 166260 руб. 12 коп. (42% общего расхода), Тифлисская — 141571 руб. 54 коп. (36% общего расхода), Ставропольская — 91080 руб. (22% общего расхода), Карсская инспекция — 78067 руб. 19 коп. (58% общего расхода), Эриванская дирекция — 77575 руб. 66 коп. (39% общего расхода), Елисаветпольская — 65675 руб. 48 коп. (43% общего расхода), Бакинско-Дагестанская — 66272 руб. 59 коп. (14%) и Черноморская инспекция — 48794 руб. (47% общего расхода).

Из земских сборов израсходовано 176534 руб. 36 коп., на 75277 руб. 78 коп.[11] менее чем в предыдущем году. Наибольший расход из этого источника произведен на начальные училища Эриванской дирекции (33700 руб.).

Из общественных и сословных сборов и капиталов израсходовано 855854 руб. 81 коп.

Из городских сумм израсходовано 1195095 руб. 62 коп.

Из пожертвований частных лиц и обществ израсходовано 306820 руб. 33 коп.

Из платы за учение израсходовано 205281 руб. 87 коп.

Из прочих источников израсходовано 1066801 руб. 90 коп.

Из остатков специальных средств за предыдущие годы израсходовано 86314 руб. 83 коп.

По сумме расхода на начальные училища, дирекции и инспекции располагаются в следующем порядке:

1. Кубанская 2130744 руб. 67 коп.
2. Бакинско-Дагестанская 635861 руб. 11 коп.
3. Терская 546433 руб. — коп.
4. Ставропольская 421745 руб. 45 коп.
5. Кутаисская 393624 руб. 34 коп.
6. Тифлисская 391920 руб. 31 коп.
7. Эриванская 197669 руб. 72 коп.
8. Елисаветпольская 173015 руб. 48 коп.
9. Карсская 135445 руб. 22 коп.
10. Черноморская 104036 руб. — коп.

Из этого видно, что необходимо увеличить участие казны в сумме, тратимой на народное образование. Сравнивая участие правительств других стран в расходах на народное образование, мы видим (см. таблицу 5):

Таблица 5

Страны*	Год	Общая сумма доходов	Правительственные субсидии в рублях	Какой % составляет правительственная субсидия к общему доходу и расходу
Новая Австралия	1892	—	859356	Расходы всецело лежат на государстве
Квисленд	1891	—	166338	
Ирландия	1894—1895	10787830	10018793	92,9
Западная Австралия	1894	132623	118815	89,5
Новая Зеландия	1892	4531225	3886582	85,7
Британская Колумбия	1892	336702	245056	72,8
Аргентинская республика	Государство выдает провинциям субсидии от $^1/_3$ до $^3/_4$ того, что сама ассигнует на школьные знания, жалования учителей, на покупку книг и школьного инвентаря.			
Румыния	1892—1893	4022134	2810419	69,9
Англия и Валлис	1894	86802618	60850302	68,7
Франция	1892	69864779	47236121	67,6
Алжир	1891	1623396	1069106	65,9
Пруссия	1886	71827500	40338750	56,2
Капская колония	1893—1894	2965882	1669107	56,2
Бельгия	1893	11348825	4257666	37,5
Голландия	1888	10300046	3540141	34,4

Лавассер, ibid.

Среди других стран Кавказ занимает 22-е место (среди 30 стран). В Европейской России правительственная помощь народному образованию гораздо выше. Лишь в Италии, Португалии, Бадене и Испании двадцать с лишним лет тому назад правительственная помощь была немного меньше, чем на Кавказе в 1910 году.

На последнем месте стоит Кавказ по расходу на начальное образование, выпадающему на одного жителя. Вот как это представляется по Лавассеру (*см. таблицу 6*).

Таблица 6

№№ по порядку	Государства и страны	Годы*	Расход на 1 жителя в рублях
1	Манитоба	1892	9,07
2	Виктория	1892	6,68
3	Новая Зеландия	1892	5,74
4	Новая Южная Валенсия	1894	5,70
5	Соединенные Штаты	1890	4,86
6	Гессен	1894	3,92
7	Квебек	1893	3,75
8	Онтарио	1891	3,55
9	Новая Шотландия	1892	3,17
10	Британская Колумбия	1892	3,06
11	Аргентина	1888	2,64
12	Саксония	1888	2,46
13	Пруссия	1888	2,45
14	Швейцария	1887	2,43
15	Англия и Валлис	1889	2,36
16	Новый Брауншвейг	1892	2,34
17	Голландия	1888	1,99
18	Тасмания	1891	1,91
19	Ирландия	1889	1,83
20	Канская Колония	1894	1,81
21	Франция	1885	1,66
22	Баден	1887	1,64
23	Уругвай	1892	1,56
24	Дания	1892	1,52
25	Западная Австралия	1891	1,37
26	Бавария	1889	1,34
27	Швеция	1889	1,33
28	Норвегия	1889	0,91
29	Румыния	1892	0,80
30	Сальвадор	1892	0,80
31	Венгрия	1889	0,79
32	Италия	1895	0,76
33	Гватемала	1892	0,74
34	Испания	1887	0,62
35	Япония	1892	0,54
36	Алжир	1893	0,51
37	Португалия	1883	0,26
38	Россия	1898	0,53
39	Кавказ		

*Условия провинциальной работы не дали нам возможности оперировать с более свежими цифровыми данными. Но и при этих данных картина получается очень наглядная.

С каждым годом увеличивается процент школ с преподаванием на русском языке, да это и понятно. При громадном количестве языков на Кавказе, при отсутствии письменности на многих языках, русский язык является единственно связующим эти народности языком, — татарин и грузин, армянин и черкес, немец и горец могут понимать друг друга, разговаривая по-русски.

Особенно велик процент школ с преподаванием исключительно на русском языке на Северном Кавказе, где господствующим элементом являются русские.

В Закавказском крае, где наблюдается большая пестрота в национальностях численно преобладающего туземного населения (*см. таблицу 7*), говорящего при том на разнообразных наречиях, увеличение процента школ с преподаванием на русском языке тем более желательно, чтобы изъять туземца из цепких и хищных рук его же собратьев — толмачей-переводчиков. Последние, пользуясь полной беспомощностью туземцев в русской речи, в высшей степени эксплуатируют их. Слишком много об этом писалось в местной прессе и слишком велико это зло, чтобы не порадоваться от глубины души увеличению у туземцев знания русского языка.

Таблица 7

Начальные училища	Общее число учащихся		По национальностям					
	Мужского пола	Женского пола	Русских	Грузин	Армян	Татар	Горцев	Других национальностей
Дирекции: Бакинская Бакинской губернии	9574	5429	6081	200	2630	3595	—	2497
Дагестанская Дагестанской губернии	1505	613	882	10	18	76	1089	43
Елисаветпольская	9358	1708	550	10	4624	4461	—	1421
Кубанская	71123	33384	100223	29	800	274	1489	1692
Кутаисская	28219	8523	765	32519	761	490	784	1423
Ставропольская	18782	6023	22339	—	172	720	—	1547 (калм. — 397)
Тверская	17343	7183	18644	370	243	303	2684	2282
Тифлисская	12322	8132	4060	7808	4554	518	496	3018
Эриванская	9649	1743	707	34	8521	1832	207	90
Инспекции: Карсская	5011	1263	1138	20	2604	568	163	1781
Черноморская	2861	1935	2382 — 1686	35 — 11	56 — 22	—	21	367 — 197
Северный Кавказ	107248	46590	141206	399	1215	1297	4173	5548
Закавказье	78499	29346	18271	40647	23790	11540	2760	10837
Всего	185747	75939	159477	41046	25005	12837	6933	16385
В 1909 году	171795	69108	150777	36377	21173	10136	6288	16152

Насколько велики успехи, достигнутые в распределении русского языка в народной школе, благодаря усилиям и заботам управления округа и дирекции народных училищ, видно из того, что еще в 1879 и 1880 гг. число начальных школ с русским преподаванием составляло всего $^1/_2$ общего числа училищ, училищ со смешанными преподавательскими языками около $^1/_3$, а число училищ с преподаванием на одном туземном языке более $^1/_6$. В настоящее время повысилось число школ первого рода,

и совсем уничтожены школы третьего рода (если не считать школ грамоты среди кочующих инородцев Северного Кавказа, которые не внесены даже в списки училищ Кавказского учебного округа)[12].

Кавказское население так успешно усваивает русский язык в виду его практической необходимости, что в школах с преподаванием на туземных языках почти нет надобности.

Вот таблица прогрессивного увеличения с 1879 года начальных училищ с преподаванием на русском языке (*см. таблицу 8*).

Таблица 8

Начальные училища	1879 г.	1880 г.	1881 г.	1882 г.	1883 г.	1884 г.	1885 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.	1890 г.*
Язык преподавания. Процент школ с преподаванием												
На туземном языке	17,9	16,3	13,8	8,1	9,6	1,2	2,5	2,0	1,0	0,6	0,6	0,6
На туземном с участием русского	32,3	32,9	34,0	36,4	35,1	27,5	25,1	33,2	37,0	28,4	28,1	27,5
На русском исключительно	49,8	50,8	52,2	55,1	55,3	71,3	72,4	64,8	62,0	71,0	71,9	71,9

Начальные училища	1891 г.	1892 г.	1893 г.	1894 г.	1895 г.	1896 г.	1897 г.	1898 г.	1899 г.	1900 г.	1901 г.*
Язык преподавания. Процент школ с преподаванием											
На туземном языке	Упразднены										
На туземном с участием русского	26,9	26,4	26,6	20,8	16,0	16,3	15,7	9,0	14,5	13,3	11,8
На русском исключительно	73,6	73,6	73,4	79,2	84,0	83,7	84,3	91,0	85,5	86,7	88,2

Приведенные данные указывают, что с 1879 до 1883 г., в течение 5 лет, школы с преподаванием на туземных языках с 17,9% сокращены до 9,6% (почти вдвое). С 1883 до 1884 г. эти школы с 9,6% падают до 1,2% (сокращаясь в 8 раз). С 1885 по 1888 год они сокращаются до 0,6% (более чем в 4 раза). В 1891 г. они упраздняются.

Начальные училища с преподаванием на туземном языке с участием русского с 1879 по 1887 г. находятся в периоде наибольшего колебания. С 1887 г. идут на сокращение; до 1901 г. они уменьшаются на 25,2%.

Школы с преподаванием на русском языке с 1879 г. увеличиваются, доходя в 1885 году до 72,4% (увеличение на 22,6%). В 1886—1887 гг. заметно небольшое уменьшение их до 64,8% и 62,0%. С 1888 до 1901 г. за 14 лет увеличиваются на 26,2%. С 1901 года данных у составителя не имеется.

Особенно это увеличение заметно для Закавказья (это не касается церковно-приходских школ Закавказья).

Успешность русского языка можно, кроме деятельности многих директоров (напр., Ф.З. Левитского в Елизаветпольской дирекции), объяснить применением в начальных училищах так называемого «натурального метода» преподавания (см. Отчет попечителя учебного округа за 1901 г., стр. 10), когда учитель может обходиться без родного языка учащегося.

Кавказской школе в ее многотрудной деятельности приходится бороться и с несочувственным отношением населения. Число лет обучения в школе — крайне мало, если принять во внимание

*Дальнейших данных у составителя не имеется.

«прогульные дни» учеников, помогающих родителям в работе. Для кавказской школы представляется и та трудность, что школа должна обучать русскому языку человека, который часто не знает ни одного русского слова. Немудрено, рецидивы безграмотности, так частые во внутренней России, встречаются и у нас, на Кавказе. Современная школа, при всем стремлении ее дать как можно больше ученику, принуждена выпускать детей едва грамотными и малоразвитыми. Остатки знаний тонут в той темной среде, куда опять ребенок уходит.

Кавказскому жителю трудно мириться и с тем, что в течение 1—2 лет семья его непроизводительно теряет лишних работников в лице детей, отвлеченных школьными занятиями.

Пусть школа даст своему питомцу истинные знания, как теоретические, так и практические, пусть она разовьет его ум, пусть она станет истым рассадником света и знаний.

Для насаждения истинной культуры в крае надо большое понимание народной души, естественное отношение к явлениям народной жизни, теплота, сердечность, беспристрастие и искренность при служении великому делу народного просвещения.

Сельский учитель должен быть лучшим советником, другом крестьян в их житейских делах. При этих условиях он приобретет популярность среди крестьянского населения и установлением тесной связи с сельчанами может воздействовать на пробуждение их самосознания, что весьма благоприятно отразится на интересах школы. Он, как в Германии, должен быть первым лицом общины.

В таком случае учитель всегда в состоянии будет повлиять на крестьян и в отношении оказания школе материальной поддержки, и в смысле убеждения их в необходимости дать образование крестьянским детям, и в отношении увеличения числа народных училищ на средства сельских обществ. Должно поддерживать запросы его души, развивать его индивидуальные проявления. Для кавказской школы пусть будет идеалом американская школа, о которой позволю привести слова Лавассера[13].

«Нет ни одной страны в мире, — говорит он, — где бы начальное образование получило такое широкое развитие, как в Соединенных Штатах. И по числу учеников, и по издержкам на дело народного образования, это государство, бесспорно, занимает первое место. Из многочисленного его населения, в общем искренно расположенная к школе, в 1892—1893 гг. в общественных и частных начальных школах было записано 14500000 учеников — такого числа не знает ни одна страна в мире. Ни одно даже из передовых государств Европы не имеет для школьного возраста таких широких рамок, как большинство Американских Штатов. Ни одно государство также не отводит под начальные школы такого числа зданий, как Соединенные Штаты, где их насчитывается 237000, и не имеет такого обширного контингента преподавателей, число которых здесь доходит до 388000 человек. В 1893—1894 гг. на дело начального образования в Соединенных Штатах было истрачено 330140000 руб. Нигде начальные школы не располагают таким большим бюджетом.

«Если эта страна стала тем, что она есть, — говорил 16 лет тому назад Бюиссон в своем отчете о положении начального образования на всемирной выставке в Филадельфии, — то исключительно благодаря своей общественной школе».

Население Кавказа малокультурно. Положение дела становится более безотрадным, если принять во внимание тяжелые условия экономического состояния нашего крестьянства, при весьма скудном земельном довольствии, в большинстве находящегося в угнетенном порабощении от задолженности.

Для беспристрастного наблюдателя местной жизни не может не открыться удручающая картина бедственного положения населения и массовой его безграмотности.

Крупным дефектом общественной жизни Кавказа, несомненно, должны мы признать отсутствие в крае в значительной степени наиболее необходимых факторов цивилизации. Особенно чувствуется в деле народного образования отсутствие земства.

Ни крестьянские ссудо-сберегательные кассы, ни кооперативные учреждения, ни введение усовершенствованных способов сельскохозяйственной техники не могут привиться в крае до тех пор, пока народ безграмотен и невежествен. Интересно, что по отчету попечителя округа за 1901 г. детей школьного возраста оставалось вне всякого, даже элементарного образования до 700000, то есть 75,8% общего числа детей школьного возраста. Кавказское население, вследствие массовой безграмотности, коснеет в невежестве. Необходимым фактором, могущим вывести его на светлый путь культуры, может послужить введение на Кавказе всеобщего начального обучения.

Принимая во внимание ежегодный расход на одного учащегося в начальных училищах в 15,43 руб., на обучение около 700000 детей, остающихся вне всякой школы, потребуется сверх расходуемой суммы еще около 10800000 руб. в год[14].

Вопрос о том, из каких источников удовлетворить такую насущную потребность населения, стоит перед кавказской школой непреодолимым призраком. При существующем строе жизни нашего края и при отсутствии у нас земских учреждений не представляется возможным самолично разрешить этот вопрос в положительном смысле, так как распределение земских средств изъято из компетенции населения.

Ввиду таких обстоятельств на долю общества выпадает лишь обязанность указать на неотложные нужды края в тех соображениях, чтобы правящие сферы обратили должное внимание на

существующее положение дела. Признавая удовлетворение такой важной нужды, как народное образование, первою необходимостью, надо полагать, что для нее изыщутся средства так же, как при необходимости находятся таковые и для иных потребностей.

Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что по смете земского хозяйства Закавказья на народное образование тратится немного более 3% общего бюджета, тогда как земская стража поглощает до 60% общего бюджета[15]. Между тем институт земской стражи, несмотря на прямое свое назначение, не оправдывает своей задачи в смысле борьбы с таким бичом кавказской жизни, как грабежи и разбои.

Посмотрите криминальную хронику грабежей, подлогов и разбоев Елизаветпольской губернии, и вас поразит количество дел, перешагнувшее 20000.

Это объясняется малокультурностью населения. Введение всеобщего обучения и подъем процента грамотных будут способствовать значительному ослаблению преступности на Кавказе. В подтверждение такого взгляда сошлемся на мнение бывшего попечителя учебного округа К.П. Яновского, дух которого и доселе чувствуется в кавказской школе. Он, в подкрепление высказанного им соображения об устранении преступности путем школы, приводит средние данные, выведенные из числа осужденных в течение 10 лет восемью кавказскими окружными судами (Тифлисским, Кутаисским, Бакинским, Елисаветпольским, Владикавказским, Ставропольским и Екатеринодарским) и уголовными департаментами Тифлисской судебной палаты[16]. Вот эти данные:

Название преступлений, за которые виновные были осуждены:	Грамотных		Неграмотных	
	м.	ж.	м.	ж.
1) За смертоубийство	227	6	1030	46
2) Поранение	119	1	383	20
3) Разбой	34	—	239	1
4) Грабежи	45	—	136	3
5) Кражи	317	4	735	42
Все роды преступлений	1426	22	3543	220

«Приведенные данные, — говорит г. Яновский, — наглядно показывают, что неграмотных преступников в 2 $^1/_2$ раза больше, чем грамотных, а неграмотных преступниц в 10 раз больше, чем грамотных».

«Для смягчения нравов, — поясняет г. Яновский (в отчете за 1897 год), — проявляющихся на Кавказе нередко в разбоях, грабежах, захватах имуществ частных и казенных и пр., обыкновенно здесь применялись и применяются разного рода меры, с помощью усиления земской стражи, а иногда и войска. Но одни эти средства, несмотря на значительную стоимость их медленно приводят к желанной цели, если только они к ней приводят. Результаты получились бы совсем иные, когда бы большая часть расходов на земскую стражу была употребляема на устройство и содержание школ, но только школ правильных, с дополнительным обучением учащихся земледелию, садоводству, пчеловодству, шелководству, и вообще тем профессиям, распространение коих в населении способствовало бы улучшению его материального благосостояния; тогда, без сомнения, улучшилось бы и нравственное состояние разноплеменных обитателей Кавказа»[17].

Вместе с увеличением числа начальных училищ необходимо увеличить число учительских институтов и семинарий для подготовки нужного контингента преподавателей.

Настоятельно необходимо открытие в крае высшего учебного заведения, удовлетворяющего естественным условиям Кавказа, как страны сельскохозяйственной и горнопромышленной. Наиболее подходящим типом такого высшего учебного заведения нужно признать политехникум, с сельскохозяйственным и горным отделениями, об открытии которого давно уже ходатайствует гор. Тифлис. В интересах поднятия умственного уровня сельского населения весьма важно открывать при сельских училищах библиотеки и читальни, с допущением в обращение произведений, как на русском, так и на туземных языках, а равно организовать при сельских училищах воскресные курсы грамоты для взрослых обоего пола.

Большую услугу народному образованию также оказало бы разрешение сельским учителям устраивать в селениях народные чтения. Осуществлением указанных мероприятий, возможно, будет достигнуть подъема производительных сил населения, его умственного и нравственного совершенствования.

С чувством удовольствия можно констатировать отрадное явление, выразившееся все в большем и большем пробуждении общественного самосознания в отношении признания необходимости введения всеобщего обучения. Общественное самосознание ратует за обязательное всеобщее обучение.

«Обязать родителей учить своих детей — также законно в цивилизованной стране, — говорит Лавассер в своей интересной книге о народном образовании в цивилизованных странах, — как обязать кормить их и воспитывать, и, вводя обязательность обучения, государство не нарушает прав семьи, потому что семья не исполнила бы своего долга относительно ребенка, если б не позаботилась о средствах развить их ум».

При существующем строе кавказской жизни, до поры до времени не приходится говорить о всеобщем *обязательном* обучении населения. Переход к нему возможен лишь по введении в крае предварительно всеобщего обучения, о существенной важности которого не может быть двух мнений.

Воспринимать путем грамоты духовную пищу так же необходимо каждому гражданину, как и ежедневное его питание. Как без солнца и воздуха мрет все живущее, так и без грамоты гибнут лучшие сокровища человеческой индивидуальности.

Когда яркие лучи просвещения широкой волною засветят над населением Кавказа, когда всеобщее обучение даст возможность каждому крестьянину стряхнуть с себя оковы невежества, когда высшее учебное заведение прольет истинный свет специальных знаний на темный фон сельскохозяйственной жизни кавказского края, когда при трудовой жизни и убогой обстановке крестьянской семьи грамотная мать первая поведает своему ребенку о могучем влиянии просвещения в деле улучшения незавидной доли бедняка, тогда лишь рассеются мрачные тучи царящего в крае невежества.

Большое внимание начальство округа уделяет ремесленным отделениям и классам[18]. Существуют отделения при школах столярный, токарные, слесарно-кузнечные, сельскохозяйственные, шелководные, молочного хозяйства и др.

В Дагестанской области отделений было	3
В Елизаветпольской губернии отделений было	29
В Тифлисской губернии отделений было	4
В Карсской области отделений было	1
В Эриванский губернии отделений было	4
В Кутаисский губернии отделений было	21
В Батумской области отделений было	6
В Сухумском округе отделений было	6
В Черноморской губернии отделений было	2
В Ставропольской губернии отделений было	3
В Кубанской области отделений было	12
В Терской области отделений было	20

Здесь упомянуты только такие классы и отделения, которые имеют уже достаточное развитие в своей организации. Занятия же отраслями сельского хозяйства и видами ручного труда ведутся при многих училищах.

Классы рукоделия существовали в: *Ставропольской* дирекции при училищах Ставропольском двухклассном, Новодимитриевском, Воронцово-Александровском, Новогригорьевском; в *Терской* дирекции: при Георгиевском, Минераловодском, Кисловодском, Пятигорском, Владикавказских, Александровском и Общества распространения грамотности среди грузин, Хасавюртовском училищах; в *Кубанской* дирекции: при 10 училищах г. Екатеринодара, 5 училищах Майкопа, Приморско-Ахтарском, Полтавском (курсы кройки), Александровском, Дондуковском, Новолабинском; в *Тифлисской* дирекции при училищах: Белоключинском, Манглисском, Сурамском, Земочальском (ткацкое); в *Кутаисской* дирекции при училищах: Кулашском, Самтредском, Янетском (шелкоткацкое и башмачное), Диди-Джихаишском (ковровое, шелкоткацкое и другие рукоделия), Насирском, Харагаульском, Озургетском, Асканском, Чуруксуйском, Ортабатумском, Зугдидском, Хетском и Цаишском; в *Эриванской* дирекции при Эриванском и Нахичеванском русско-татарских училищах. Здесь также не приведен перечень значительного числа училищ, где занятия рукоделием ведутся, но не выделены в дополнительные классы и отделения.

В 477 начальных училищах *Кубанской* дирекции велись занятия пением, в 434 — гимнастикой, в 210 — рукоделием, в 114 — садоводством, в 3 — шелководством, в 40 — огородничеством и 47 — пчеловодством. В *Терской* дирекции пением занимались 19382 учащихся, гимнастикой 9855, рукоделием 3733, переплетным делом 65, садоводством и огородничеством 4445.

È íñïåêöèÿ ó÷èëèù

Начальные училища округа находились в непосредственном заведывании 8 директоров и 29 инспекторов (Бакинско-Дагестанской — 3, Елисаветпольской — 2, Кубанской — 6, Кутаисской — 4, Ставропольской — 3, Терской — 3, Тифлисской — 3, Эриванской — 2, Карсской — 2, Черноморской — 1), из них 3 самостоятельных инспекторских района (1 Черноморской губернии, 2 Карсской области).

На одного инспектора народных училищ приходилось в среднем по 974 училищ: в Бакинско-Дагестанской дирекции — по 60, Елисаветпольской — по 80, Кубанской по 144, Кутаисской — по 98» Ставропольской — по 136, Терской — по 89, Тифлисской — по 81, Эриванской — по 76, Карсской — по 46, Черноморской — 81[19].

Почетные блюстители существовали при 257 училищах (в 1908 г. — при 180, в 1909 г. — при 238) и сделали взносов на нужды училищ 19406 р., более чем в предыдущем году на 3055 р.

Коллективные местные попечительства существовали при 900 училищах (1908 г. — при 732, в 1909 г. — при 920): в Кубанской дирекции 703, Бакинской — 15, Кутаисской — 104, Ставропольской — 8, Терской, — 34, Тифлисской — 15, Карсской — 14 и Черноморской — 7.

Как и в предыдущие годы, не было попечительств при училищах Елисаветпольской и Эриванской дирекций.

Особенно недостаточно число инспекторов Черноморского округа. Этот округ быстро развивается в хозяйственно-экономическом отношении, а вместе с тем растет и число школ.

Работа персонала инспекции, уже значительно возросшая, неизбежно увеличивается все дальше и дальше.

Кроме развивающейся школьной сети, на обременение инспекции влияет все усиливающееся стремление населения крупных местечек к учреждению частных учебных заведений II и даже I разряда, которые требуют за собою неустанного наблюдения.

В настоящее время начальные училища Сухумского округа подчинены Кутаисской дирекции и обслуживаются одним инспектором, которому вверен и Зугдидский уезд, и, таким образом, инспектору приходится наблюдать за 98 училищами на площади 9599 кв. верст.

Бакинская дирекция, коей подчинены и училища Дагестанской области, занимает пространство в 60382 кв. верст.

В означенной дирекции, кроме директора, имеется лишь 3 инспектора, при чем одному из них подчинены все училища Дагестанской области, раскинутые на пространстве 26105 кв. верст.

В Терской дирекции на одного директора и трех инспекторов приходится пространство 63497 кв. верст. Средний район инспектора 21000 кв. верст.

Из этих данных рисуется с достаточной ясностью и необходимость увеличения инспекторского штата на Кавказе в интересах учебного дела.

Однако, самой значительной по числу учебных заведений является Кубанская дирекция, насчитывающая на пространстве 92819 кв. вер. — 859 школ. Обслуживают эти школы один директор и 6 инспекторов народных училищ, при чем на содержание двух из означенных 6 инспекторов средства отпускаются из сумм Кубанского казачьего войска.

На одного инспектора во внутренних губерниях России, в среднем, приходится около 75 училищ, в Кубанской области на одного инспектора приходится 144 училищ, раскинутых на громадном пространстве.

Àðìÿíñêèå è ìóñóëüìàíñêèå øêîëû

Церковно-приходские школы армяно-грегорианской церкви функционировали на основании правил 19-го июля 1874 г. Церковно-приходских школ было:

а. В *Эриванской* епархии 165 школ; учащих: учителей 283, учительниц 101; учащихся: мужского пола 9 524, женского пола 3 764.

б. В *Шемахинской* епархии 18 школ; учащих 57; учащихся: мужского пола 1 039, женского 555.

в. В *Грузино-Имеретинской* епархии 75 школ; учащих 311: учителей 195, учительниц 116; учащихся: мужского пола 4 586, женского пола 3 971.

г. В *Карабахской* епархии 65 школ; учащих: учителей 78, учительниц 26; учащихся: мужского пола 2 884, женского 1 145.

От епархии Астраханской, в пределы которой входят губернии и области Северного Кавказа, сведений о числе училищ не получено.

Всего в округе было 323 школы; учащих 856, учащихся: мужского пола 17025, женского 9425, всего 26450,

Мусульманских школ было:

а. В *Терской* области было 115 медресе и 138 мечетских школ. Огромное большинство учащих не имеет никакого образовательного ценза. В некоторых ведется преподавание русского языка русскими учителями (при мечети Кизлярских тезиков и др.). Учащихся 3 596.

б. В *Кубанской* области 54 мечетских школы с 926 учащимися.

в. В *Батумской* области 193 медресе, 1 мектеб и 156 мечетских школ. Учащих 353 (почти все окончили курс в мектебах, 193 — в Константинопольском высшем духовном мусульманском училище, 1 — окончила курс в Батумской женской гимназии и 1 в турецкой прогимназии в Трапезонде). Учащихся 7587.

г. В *Дагестанской* области 697 школ, с 6 736 учащимися. Учащими состояли, почти исключительно, сельские кадии, муллы и частные лица без образовательного ценза.

д. В *Ставропольской* губ. 40 мектебов, 48 медресе. Учащихся 510. Обучают муллы, не имеющие образовательного ценза.

е. В *Тифлисской* губ. 123 мектеба. Учащихся 3563. Обучают муллы.

Сведения о мусульманских школах в губерниях Эриванской и Елизаветпольской не получены.

Всего мусульманских школ было в округе 1565, с 22918 учащимися.

Î á ù è å â û â î ä û

Сравним число начальных школ за 1907—1910 гг. вместе с другими данными.

В 1907 году начальных училищ было 2 386
В 1908 году начальных училищ было 2 454
В 1909 году начальных училищ было 2 616
В 1910 году начальных училищ было 2 836

За те же года армянских церковно-приходских училищ за 1907 г. = 222; 1908 г. = 179; 1909 г. = 185; 1910 г. = 323; мусульманских вероучительных школ за 1907 г. = 1 144; 1908 г. = 1 013; 1909 г. = 1 666; 1910 = 1 565. Число начальных училищ увеличилось на 450, церковно-приходских училищ на 101, мусульманских школ на 412.

Вот общий расход на содержание народных школ:

За 1907 год он был равен 3 646 831 руб.
За 1908 год он был равен 4 045 061 руб.
За 1909 год он был равен 4 621 023 руб.
За 1910 год он был равен 5 130 497 руб.

Расход на содержание народных школ возрос на 1 483 666 руб. Из средств казначейства выдавалось 1 237 793 руб., из сбора за ученье 205 281 руб., из общественных и сословных сумм 855 854, из городских сумм 1 195 095, из земских сборов — 176 534, из единовременных пожертвований 306 820, из других источников — 1 066 801; остальное — остатки специальных средств за предыдущее годы.

Общая стоимость ученика в 1907 году = 12 руб. 80 коп., в 1908 г. = 18 руб. 24 коп., в 1909 г. = 19 руб. 12 коп., в 1910 г. = 19 руб. 60 коп. Интересно сравнить стоимость эту со стоимостью ученика промышленного училища (низшего). В 1907 году она = 132 руб.; в 1908 г.=176 руб.; в 1909 г.=129 руб.; в 1910 г. = 160 руб. 40 коп. В технических низших и средних в 1910 г. эта стоимость = *361 руб. и 358 руб. 54 коп.*

Судя по последним отчетам округа, начальная школа составляла предмет забот ее руководителей. В 1909 году были составлены школьные сети по Кутаисской и Эриванской дирекциям и Карсской инспекции, а также городам: Баку, Тифлисом, Георгиевском, Майкопом, Анапой, Темрюком и Александрополем.

Понемногу устраняются те дефекты, какие там были указаны. В 1910 году на дело народного образования, вместо отпущенных в предыдущем году дополнительно 59020 руб., отпущено 376720 р., что, помимо открытия новых училищ, дало возможность более развить школьное строительство (на это уделено 251147 руб.).

К отпускаемым на трехлетие (1912—1914 гг.) 796428 руб. управление округа испрашивает дополнительно 1204314 руб.

В 1910 году состоялся отпуск казенных средств на расходы по преобразованию 11 педагогических классов из одногодичного в двухгодичный состав.

Это до некоторой степени удовлетворит нужду в начальных учителях, испытываемую дирекциями Кавказа. В вопросе о достижении наилучшего усвоения грамотности детьми, проходящими начальную школу, округ встречает, помимо общего для всей Империи препятствия — недостаточного числа специальных учебных заведений для подготовки учителей — еще в трудности установления 4-го года обучения в начальной школе. За отсутствием земских учреждений, местные сельские общества не могут принимать участия в расходах, города по стесненности и незначительности своего бюджета то же отказываются нести расходы по содержанию 4-го отделения. В случае отпуска на 1912—1914 гг. новых ассигнований из сумм земских сборов, училища, содержащиеся на совместные средства казны и земства, будут постепенно переведены на 4-летний курс в одноклассных училищах и 6-летний в двухклассных. Это увеличение крайне необходимо в виду того, что более продолжительный по климатическим условиям период полевых работ отрывает детей на большее время, чем в России, и кроме того, трудность обучения русской речи в школах Закавказья — очень велика, как мы уже писали об этом.

«Начальная школа, имеющая конечною целью не только научить читать и считать, т.е. грамоте в узком значении этого слова, но и пользоваться ею в применении к практической жизни, такая

школа может выработать условия, при которых население за порогом школы будет стремиться закрепить воспринятую грамотность и даже развивать ее. Ныне при создании школы, доступной массе населения, — надо не быть слепым: нельзя видеть благо народной массы *лишь в численном росте,* — необходимо, прежде всего, обратить внимание на *качественную* сторону дела. Нельзя учить чему-нибудь и как-нибудь. Вот почему настойчиво необходимо иметь подготовленных соответственным образом учителей, но необходимо и установление такой программы курса начального училища, которая могла бы в данный промежуток времени дать и наибольший эффект, которая могла бы приохотить население к школе и сделала бы ее, наконец, *привлекательной* не только для подрастающего, но и *для взрослого* населения. Ждать же смены старого безграмотного поколения новым — грамотным — значит отдалять благо народа на долгие, долгие годы.

Но, какая школа могла бы удовлетворить таким требованиям?

На этот, до крайности трудный, вопрос можно ответить лишь с оговоркой: посягательства на достижение каких либо двойственных целей быть не должно, *нельзя умалять объем общего образования за счет прикладных знаний и умений.* Эти последние необходимо обосновать на прочном фундаменте той общей грамотности, которая должна лечь в основу четырехгодичного курса начального училища. Это тем более необходимо, что мы еще пока не можем мечтать о том, чтобы курсу начального образования предшествовала материнская школа: для этого у нас нет ни средств, ни подготовленных руководителей».

Нельзя не согласиться с этими словами отчета за 1910 год. Кавказская школа одинаково нуждается и в общем образовании, и в образовании техническом, но последнее, являясь крайне необходимым на Западе при существовании более развитой школы, у нас на Кавказе, при его еще большей необходимости, не должно уменьшать значения общеобразовательной школы, проводника общей культуры гуманитарных идей.

Ï ðè ì å÷à í èÿ

1. При составлении статьи приняты во внимание лишь данные отчетов г-на попечителя учебного округа (с 1879 до 1910 года). О школах, не состоящих в ведении округа, автор лишен возможности говорить вследствие отсутствия отчетов об их состоянии. Впрочем, число их так незначительно, что общая картина народного образования не изменяется.

2. См.: профессор И.И. Ковалевский, Национальное воспитание и образование в России.

3. «Programme de l'enseignement à donner dans ces écoles primaires communa-les, dans les écoles d'application annexées aux écoles normales et dans les sections préparatoires des écoles moyennes» 1909 г. говорит: «Детям должно внушать почтение к национальным учреждениям. Чтобы сделать учеников хорошими гражданами, учитель должен действовать на их чувство, возбуждать любовь к отечеству рассказами о красоте его» и т. д. (См. наш разбор этой программы в. журнале: Начальное обучение. Казанский учебный округ. 1911, № 7, стр. 217 и др.).

4. Смотри об этом нашу статью о французской школе в журнале «Народное образование в Виленском учебном округе». 1911 г. сентябрь—октябрь.

5. См. нашу статью, стр. 187.

6. В это число не входят церковно-приходские школы армяно-григорианской церкви, существующая по особым правилам.

7. Эти цифры показывают, что из поступающих в школы большая часть выбывает, не пробыв в школе и 3 года.

8. В виду отсутствия точных данных населения Кавказа и даже его пространства, цифры и проценты мы принуждены брать приблизительные.

9. В городских училищах до 51% получают 576 руб. в год; до 48,9% по 402 руб., а получающих 357 руб., в год 20%.

10. Лавассер, «Народное образование в цивилизованных странах». Данные кое-где исправлены по материалам, изученным автором в отделе народного образования на Брюссельской всемирной выставке 1910 года.

11. Уменьшение произошло вследствие иной классификации источников поступления по Кубанской дирекции.

12. См. статьи С. Фарфоровского, Народное образование среди кочующих народов Северного Кавказа. Народное образование у ногайцев, народное образование у калмыков. (Журнал Министерства народного просвещения. 1909, кн. 9, 12, 1910, кн. 6). Об этом же: «Русская Школа» 1910, № III, VIII, 1911, II. «На Кавказе» № 7, 8. 1910 г.

13. См. Э. Лавассер, Народное образование в цивилизованных странах, I.

14. По вычислению Вл. Фармаковского (Журнал Министерства народного просвещения. 1901, II) на обучение всех детей на Кавказе в 1901 г. надобно было 9 837 000 руб.

15. По смете на трехлетие 1901—1903 г., ежегодный бюджета земского хозяйства Закавказья, выражающийся в сумме 3 966 081 руб., распределяется по следующим статьям (см. доклад агронома А. Саакова «О необходимости введения земских учреждений в Закавказье»).

§ I. Участие в расходах правительственных учреждений 2 675 718 руб. или 67,45%.

В том числе на содержание полицейской земской стражи 2 361 460 руб. или 59,5%.

§ II. Содержание земского управления 14 682 руб. или 0,4%.

§ III. Устройство и содержание мест заключения 101 966 руб. или 2,6%.

§ IV. Дорожная повинность 476 728 руб. или 12%.

§ V. Народное образование 121 324 руб. или 3,06%.

§ VI. Общественное призрение 48 198 руб. или 1,2%.

§ VII. Медицинская часть 402 098 руб. или 10,1%.

§ VIII. Ветеринарная часть 37 105 руб. или 0,9 %.

§ IX. Уплата долгов 17 802 руб. или 0,4%.

§ X. Разные расходы 2 210 руб. или 0,1 %.

§ XI. Непредвиденные потребности 68 250 руб. или 1,9%.

16. Из отчета попечителя за 1898 год.

17. Был организован ряд совещаний об устройстве школьной сети, но результатов этих совещаний пока не видно. Несмотря на все горячее желание принять посильное участие в этих совещаниях, лицу, пишущему эти строки, — это не удалось, хотя, изучая народное образование за границей и дав ряд очерков по этому вопросу в Журнале Министерства народного просвещения, в «Народном образовании» при Виленском учебном округе и других журналах, это лицо могло оказаться до некоторой степени полезным.

18. Предполагая посвятить особую статью этому вопросу, приводим лишь общие данные.

19. На пространстве 7501 кв. верст.

20. См. Отчет попечителей Кавказского учебного округа. 1910 г., стр. 222.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Фарфоровский С.В. Народное образование в Кавказском учебном округе // Журнал Министерства народного просвещения. — 1912. — Часть 38. — Апрель. — С. 157—190.

ÈÇ ÁÛÒÀ ×È Í Î Â Í È×ÅÑÒÂÀ Â Ä Î ÐÅÔ Î Ð Ì Å Í Í Î Å ÂÐÅ Ì SS Í À ÊÀÂÊÀÇÅ[1] (Ï Î ÀÐÕÈÂ Í Û Ì Ä Î ÊÓ Ì Å Í ÒÀ Ì)

В Ставропольском архиве хранится очень любопытное дело за № 750, относящееся к первой четверти прошлого века и яркими красками рисующее тяжелое положение чиновничества на Кавказе.

Дело начинается донесением Кавказского областного прокурора об устройстве (или, вернее, переустройстве) Ставропольского и Георгиевского окружных судов. «Во всех почти уездных городах присутственные места находятся в беднейшем положении», — с горечью констатирует прокурор. — Члены и приказные служат с очень ограниченными познаниями и не похвальными правилами». Далее развертывается целая картина порядков в чисто гоголевском духе. Дела идут медленно, при решении их значение имеют деньги и т.д. Ко всему этому присоединяются и климатические особенности, вредно отзывающиеся на здоровье служащих. Особенно этим отличался город Георгиевск, по фигуральному выражению прокурора, там распространены «повальные болезни и мертвенность, свидетельствующие об убийственности климата».

Разрисовав такими мрачными красками положение чиновничества, прокурор возбуждает вопрос о переводе присутственных мест в Горячеводск и о прибавлении жалованья чиновникам. Двум повытчикам — 60 рублей, и двум приказным — 50 рублей — в Ставрополе. А в Горячеводске повытчикам 70 рублей, а приказным — 50 рублей. Те суммы, какие отпускаются ежегодно для Областного совета — 20120 рублей, для Областного правления — 20120 рублей, для Казенной палаты — 26214 рублей и для Областного суда — 11670 рублей, очень недостаточны ввиду особенно тяжелых условий службы на Кавказе и дороговизны жизни.

Поэтому, говорит прокурор, командируемые на Кавказ чиновники не могут быть усердными, а «видя великую беспорядочность и запущенность в делах с давнего времени, избегают затруднительности службы и возвращаются обратно».

Выяснив в общих чертах психологию тогдашнего чиновничества, прокурор приводит и отдельные характеристики их. Вот судья — это совсем гоголевский тип, «противозаконничает, растрачивает казенное добро, нетрезв и не способен к делу». Секретарь суда заслуживает такой краткой характеристики: «беспечен и ворует казенные деньги».

Исправник суда Земского сам находится под судом за то, что берет с казенных крестьян поборы и за другие дела.

В суде — хаос; даже следственные и уголовные дела не рассортированы друг от друга. Что же касается заседателей, то они все, по словам прокурора, «крайне нетрезвого поведения, без всяких познаний, бесполезны совсем: под видом производства следствий разъезжают из одного села в другое на обывательских подводах и пьют водку на счет крестьян, делая им притом всяческие притеснения». Бумага подана, дело пошло в ход. Первым делом проверили формуляр исправника; в бумаге, где о нем находятся справки, он характеризуется так: «Исправник состоял под судом за чинимые им притеснения и взятки с обществ, за разорение удельных крестьян, за истязание приказчиков». «В течение 10 месяцев он удерживал у себя четыре пары быков, взятых у крестьян». Далее выясняется, что он отпускал за деньги бродяг, брал под арест виноторговцев и держал их без всякой причины. Счастливый случай помог энергичному исправнику выпутаться из всех этих историй; он попал под Всемилостивейший Манифест 22 августа 1826 года.

О других чиновниках тоже было произведено детальное дознание. Оно не только подтвердило донесение прокурора, но и усилило те темные краски, какими он обрисовал быт и положение чиновничества, заброшенного волею судеб в глухие и нездоровые уголки Кавказа. «Чиновники представляют предметы нищеты», — фигурально начинается описание их быта.

Вот молодой юноша; он стремится на Кавказ потому, что ему здесь легче выслужиться и получить чины, кроме того, здесь вообще легче и получить место.

Он приехал на место службы. Жалованья ему едва хватает на канцелярские расходы; он получает от 2 рублей до 7 рублей в месяц. Если у него остались на дорогу деньги, он сейчас же едет обратно. Но у многих даже выехать не на что. Попал — так служи. Бедняк бьется, просится перевестись; но таких просьб много, и он принужден смириться и остается там, куда его забросила судьба.

И вот «без семейственного и родственного надзора по молодости лет увлекается к предосудительным страстям и лишается доброй нравственности», — говорится пессимистически в дознании. Далее мы видим, что не все выдержали и скуки, и тяжелых материальных условий. Многие бросали службу, предпочитали даже за это претерпеть наказание и бежали чуть ли не пешком отсюда.

Другие же вдавались в другую крайность, «находясь в таком бедственном положении, люди сии перед отчаянием изыскивали случаи писать частным лицам жалобы и склонять их к распрям

и просьбам, затрудняя начальство перепиской; получая за сии труды малейшую плату, обращали ее на предосудительное употребление, ослабляющее умственные способности», — так повествует спокойным языком дознание. В скобках дается стыдливое пояснение «предосудительное поведение, ослабляющее умственные способности» — это пьянство.

Наконец, в дознании подтверждаются и слова прокурора «о мертвенности чиновников». Среди чиновничества распространены сильно болезни; в земском суде сейчас здоровы только двое, а остальные — кто болен, а кто и умер.

А вот и вывод, делаемый автором дознания: «заставить служить людей с отличными способностями и нравственностью не представляется никакой возможности, по бедности»; нельзя, чтобы талантливый человек сознательно обрекал себя на бедность чиновничьей службы. Долго тянулось дело; исписано было много бумаги.., но ничего из него не вышло.

Из заключительной бумаги мы узнаем, что дело прекращается впредь до выработки новых штатов... Так и остались служить с двухрублевыми окладами! Едва ли кто дождался новых штатов, тем более что смертность между чиновниками была громадная.

Ïðèìå÷àíèå

1. Считаю своим приятным долгом выразить благодарность господину Председателю Ставропольской Ученой Архивной комиссии Г.Н. Прозрителеву за его любезное содействие мне в деле ознакомления с древними актами.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Фарфоровский С.В. Из быта чиновничества в дореформенное время на Кавказе (по архивным документам) // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. — 1910. — Вып. II.

ÈÇ ÈÑÒÎÐÈÈ ÏÅÐÂÎÃÎ ÒÅÀÒÐÀ Â ÑÒÀÂÐÎÏÎËÅ (ÀÐÕÈÂÍÀß ÊÀÐÒÈÍÊÀ)

В местном архиве хранится очень любопытное дело за № 5781 от 6 марта 1831 года под названием «По прошению коллежского регистратора Ковтулова о претензии на канцеляриста Виноградского о театральных материалах».

За этим мало говорящим названием скрывается целая маленькая трагедия, очень любопытная и типичная для всех ставропольских благих начинаний. Жил коллежский регистратор Ковтулов, и подумал он устроить театр. На последние гроши своего более чем скромного бюджета нашел он сарай… Денег не хватило, а желание было большое… Тогда Ковтулов занимает 200 рублей у своего товарища Виноградского, еще кое у кого и начинает, как пишет автор прошения, «производить действия и игры». Но ставропольцам не удалось полюбоваться театральным зрелищем. Собралась публика… Ждут спектакля… Артисты волнуются… Но в этот момент явился кредитор Виноградский, чем-то прогневанный, пригласил полицию… Публику разогнали, представление запретили… Мало того, погибли не только старания артистов, был продан сарай, и бедный театральный предприниматель совершенно разорился со всей своей семьей.

В деле имеется очень красноречивое прошение его жены, начинающей свою просьбу словами: «Надежда в жизни есть упование на особ, творящих суд и правду, а потому я осмеливаюсь пасть к стопам и просить»… и т.д. Далее жена жалуется: «Мы пришли в разорение за то, что хотели завести маленькое увеселение в Ставрополе и найти от почтеннейшей публики пропитание с семьей, а кроме притеснений и угнетений, ничего не нашли и не имеем дневного пропитания».

Неизвестно, чем кончилось дело, да это и не важно. Важно то, как трудно у нас и везде сделать хорошее дело.

Когда мы рассматривали эти прошения, то за маленькой трагедией маленького канцеляриста перед нами развертывалась большая трагедия — трагедия задуманных хороших дел, которые не выполнены вследствие препятствий, трагедия благих начинаний, оконченных после первого шага, и стало жалко русское общество, где и теперь очень часто силы уходят не на осуществление хорошего дела, а на преодоление этих препятствий и личных несогласий.

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èñòî÷íèêó:
Фарфоровский С.В. Из истории первого театра в Ставрополе (архивная картинка) // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. — 1910. — Вып. II.

Â ÑÒÅÏÈ (ÈÇ ÄÍÅÂÍÈÊÀ ÝÒÍÎÃÐÀÔÀ)

Красно-желтая степь. Ей нет конца и края. Пусто на небе и земле.

Далеко, далеко не видно вокруг ничего живого. Уныло на небе молчит точка. Степной орел ищет себе добычу… Кибитки кочевников стояли на берегу балки, а самой крайней была кибитка Якшембе. Великие духи разгневались на бедных туркмен и посылали бурю. Ветер налетал из степи и гудел, шелестя сухим камышом…

А потом пошел снег и заносил кибитки кочевников… Настала хмурая, жестокая зима с ее буранами и бурями. Богачи с своими стадами откочевали далеко-далеко к более теплым местам, куда ветер не приносит стужи.

Остался один Якшембе. Падежи, богачи соседи и подати давно уже растаскали весь скот. Вот Якшембе сидит в своей кибитке у очага и смотрит, как синее пламя лижет мелкими язычками кизяки, а дым тихо, задумчиво ползет вверх… Огонь вздрагивает, когда буйные порывы ветра свистят над кибиткой и сквозь дыры войлока врывается снег. Кибитка дрожит и кажется, что вот-вот злые духи унесут ее всю в бесконечный простор степи.

Сидит Якшембе и думает… Медленны, однообразны его думы: хорошо — когда у тебя много овец, думает он, хорошо — когда молодая, здоровая жена, хорошо — когда сыто брюхо, хорошо — когда есть водка — хорошо, когда убьешь врага…

Но ничего этого нет… Жена умерла уже давно, скота нет, осталось несколько баранов, брюхо пусто, а врагов у Якшембе много; — все обижают его, все пользуются его беззащитностью…

Издали доносится в кибитку странный звук, точно плач. Он растет и ширится, в нем чувствуется гнев и жалоба, голод и холод и одиночество… Это степной волк ищет добычи… «Как бы не съел баранов», — думает Якшембе — последних баранов, которых он так тщательно спрятал.

Не хочется покидать тепло кибитки и выходить на холод, и долго думал Якшембе… Потом сразу поднялся и вышел. Далеко на снегу было черное пятно… Это волк стоял на сугробе снега, подняв свою морду… и ветер разносил его песню тоски и гнева. Бараны были целы…

Якшембе думал, что еще несколько дней пойдет снег и животные должны погибнуть от голода, так как трудно будет им доставать траву из под снега… И опять донесся до Якшембе вой волка; и в бессильной злобе стал Якшембе подражать ему, кричать и выть, скалить зубы… и тоже жаловался он на свою бедную долю… Мысли тягучие, медленные тянулись одна за другой и вызывали в памяти однообразным картины прошлого. Вот Якшембе молод, едет на степяке-скакуне к себе из соседнего аула со свадьбы. Дома его встречает молодая жена, за которую он заплатил 700 баранов. Сытая жизнь так приятна, жена сварила калмыцкий чай, зарезали барашка.

В степи весна, и степь убралась цветами. Как хорошо и привольно в ней… Как мать, она рождает и кормит и греет своей широкой грудью детей степняков, и благословляют они ее… Но приходят злые духи и своим холодным дыханием все губят, и дети степи гибнут слабые и беспомощные…

Погибли почти все бараны в одну зиму…

Злым духам принес жертву Якшембе, но не смиловались они, напрасно зарезал он черных баранов и кровью их кропил стадо. Пел и плясал колдун и старался напугать злых духов, но злые духи крепко сидели и не хотели уходить…

Пали и лошади, не на чем работать Якшембе… Осталось идти наняться батраком или пастухом к другим… Сидит Якшембе на снегу и думает свои думы… Тяжело будет ему жить батраком, покинуть степь и ее приволье; а может, заставят ковырять землю его — свободного, вольного степняка…

А буран бушевал и бушевал…

Откуда-то издали с громадной силой налетал ветер и с визгом и воем мчался дальше, рассыпая снег…

Степь стонала, плакала кибитка Якшембе.

Высокие сугробы ползли откуда-то, засыпая Якшембе и его убогое жилище… Ветер злобно пел что то… Тело наливалось сладкой дремой, не хотелось говорить, думать…

А наутро, когда злые духи, устав, угомонились, и Якшембе, и его кибитка были засыпаны снегом.

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èñòî÷íèêó:
Фарфоровский С.В. В степи (из дневника этнографа) // Наш альманах: Литературно-художественный сборник. — Ставрополь: Типография «Северный Кавказ», 1912. — С. 2—3.

Исследования, посвященные С.В. Фарфоровскому

Ì .Ñ. Êîðøóíîâ
Íåñêîëüêî ýïèçîäîâ èç æèçíè Ñ.Â. Ôàðôîðîâñêîãî

Биография Сергея Васильевича Фарфоровского во многом загадочна. Практически нет ни одной работы об этом, несомненно, выдающемся этнографе, фольклористе, педагоге. Пока мы не знаем точно, кем были его родители. Удается лишь восстановить первый, кавказский, период его жизни и деятельности. Окончив в 1905 году Юрьевский университет в Дерпте (теперь Тарту, Эстония), он едет в Майкоп.

Около двух лет он трудился в Майкопском реальном училище, преподавал историю, изучал географию Адыгеи, публиковал статьи. Известно, что С.В. Фарфоровский женился на учительнице местной женской гимназии. Е.Л. Шварц, знаменитый теперь драматург, учившийся в 1906—1913 годах в Майкопе, упоминает в своем дневнике преподавателя С.В. Фарфоровского. Говоря об учебе в первом классе Майкопского реального училища в 1906 году, Е.Л. Шварц пишет: «Однажды заболел Фарфоровский, учитель истории в старших классах. У нас был свободный урок» (1, с. 125).

В 1907 году С.В. Фарфоровского временно перевели в Ставрополь на должность учителя истории в мужской гимназии. В нашем городе Сергей Васильевич прожил всего около трех лет, но ему удалось сделать многое. Он показал себя знающим и умелым преподавателем, снискал уважение своих воспитанников.

С.В. Фарфоровский изучал быт полукочевых народов — калмыков, ногайцев, интересовался устным народным творчеством терских казаков, фольклором горцев — собирал легенды и сказания об Эльбрусе. С.В. Фарфоровский публиковал статьи в «Сборниках материалов для описания местностей и племен Кавказа», несколько его работ вышли отдельными изданиями (Ногайцы Ставропольской губернии (историко-этнографический очерк). — Тифлис, 1909; Трухмены (туркмены) Ставропольской губернии. — Казань, 1911; Из фольклора терских казаков (остатки былевого эпоса). — Харьков, 1912 и др.). Интересным фактом является участие С.В. Фарфоровского в первом номере литературно-художественного журнала «Наш альманах» (1912), где он выступил с рассказом «В степи». Объединившиеся в этом альманахе молодые литераторы писали в небольшой вступительной статье: «Редакция считает своим долгом заранее извиниться перед читателем за все упущения и недостатки «Нашего Альманаха». Инициатива его издания принадлежит группе молодежи, — мало искусившейся в профессиональных трудах издательства и редакторства, руководившейся лишь горячим желанием положить начало в области развития и поощрения художественно-беллетристического творчества в нашей провинции, — которая решила приступить к изданию настоящего сборника, почти целиком состоящего из произведений молодых начинающих писателей. Помимо этих соображений, издатели имели в виду: во-первых, организацию фонда для последующих изданий такого типа или иного, в который поступит 50% чистого дохода, и, во-вторых, организацию фонда по открытию писчебумажного магазина студентов-ставропольцев, для каковой цели будет отчислена половина чистого дохода» (2, с. 1).

С.В. Фарфоровский вынужден был покинуть Ставрополь из-за инцидента, который произошел в Ставропольской гимназии в 1909 году и получил название «Виноградовской» истории. Из заметки «Виноградовское дело» (Северокавказский край. 22 июня 1912 года) мы узнаем, что 18 июня 1912 года в окружном

суде слушалось дело присяжного поверенного (адвоката), известного общественного деятеля Г.Н. Прозрителева, его коллеги В.М. Краснова – сына педагога, историка просвещения на Ставрополье М.В. Краснова, зубного врача И. Маянца и студента Е.А. Дементьева. Обвиняемые опубликовали в «Северокавказской газете», редактором которой был Г.Н. Прозрителев, «ряд статей и фельетонов против неблаговидных действий директора Ставропольской <мужской> гимназии Виноградова».

Все началось перед экзаменами, в 1909 году: «…преподаватель русского языка Соколов сказал пятикласснику Брацыхину: как бы он ни занимался, а на экзамене получит «двойку». Мальчик зашел в аптеку, купил карболовой кислоты и… отравился. Виноградов вызвал отца Брацыхина, просил его умолчать о происшествии (здесь и далее выделено мной. – М.К.), даже, говорят, предлагал деньги и, чтобы рассеять сгустившуюся атмосферу… устроил бал» (Северокавказский край. 22 июня 1912 года). В заметке «Виноградовщина» (Северокавказский край. 14 июля 1912 года) даны важные дополнения. Виноградов «позвал к себе родителей (не одного отца. – *М.К.*) и объявил им, что они должны снять обвинения с учителя гимназии. <…> Иначе будет плохо второму Брацыхину, имевшему несчастье учиться в той же гимназии. Несчастный отец должен был солгать. Написал письмо в редакцию, в котором объявил виновником смерти сына аптекаря, отпустившего мальчику карболовой кислоты».

Вернемся к статье от 22 июня. Виноградов решил задать бал. «Пусть, мол, пляшут ученики и забудут под звуки веселой музыки происшедшее несчастье. <…> Будущие самоубийцы пусть помятуют, что их смерть ничего не значит»… Она вызовет внеочередной бал… Но замысел не удался. Ученики восьмого класса первого отделения (теперь сказали бы: восьмой «А» класс) явились к директору «и просили освободить от посещения бала. <…> Они не хотели танцевать над еще не остывшим трупом товарища» (Северокавказский край. 22 июня 1912 года).

Ученики первого отделения бал игнорировали. Но директор не огорчился, присутствовали ученики покорного ему второго отделения (восьмого «Б»). Сам Виноградов «плясал и учеников к тому побуждал». Но торжество «царя бала» было недолгим. Кто-то разбрызгал какое-то дурнопахнущее вещество, которое сочли ядовитым. Директор «встал на дыбы», заподозрив выпускников первого отделения. Хотя виновных в конце концов нашли, Виноградов настоял, чтобы всем ученикам поставили по поведению «три», что лишало их права на поступление в университет и другие высшие учебные заведения. Самодурство и произвол своего начальника поддержали «низкопоклонники» – педагоги Россельков, Соколов, Беловидов и др. С.В. Фарфоровский был чуть ли не единственным, кто восстал против самодурства.

На непокорных обрушились репрессии. Четверых плохо успевавших учеников при других обстоятельствах могли просто оставить на второй год, но их исключили. Остальные четырнадцать успешно сдали экзамены и ждали выдачи аттестатов. Их однокашники из второго отделения очень нравились директору, они шпионили за товарищами, выдавали их тайны, передавали разговоры. И эти порядки, установившиеся в гимназии, в которой господствовали педагоги, похожие на чеховского «человека в футляре», очень нравились и директору, и большинству учителей. Все любимцы-наушники получили аттестаты, а шесть из них были награждены медалями. Но когда приласканные и взлелеянные ученики второго отделения праздновали свои успехи, на них вдруг напали какие-то личности в масках и порядочно их избили. Виноградов решил не выдавать аттестаты первому отделению, пока не отыщут виновных.

Возникли бурные протесты. Ставропольские врачи, коллегия адвокатов, даже губернская администрация выразили недовольство деспотизмом, царившим в гимназии. С.В. Фарфоровский обратился к попечителю Кавказского учебного округа Рудольфу и описал гнетущую обстановку в учебном заведении, обратился с докладом к губернатору.

Ревизор, прибывший из Тифлисского управления учебным округом, не нашел никаких нарушений. Говорят, что четырнадцать юношей, без вины лишенные аттестатов, хотели покончить жизнь самоубийством. Тогда С.В. Фарфоровский обратился непосредственно к министру народного просвещения Кассо. Тот прислал в Ставрополь крупного чиновника, члена Совета министерства Спешкова.

Гимназисты перестали подчиняться директору и педагогам. Как пишет автор статьи «Виноградовщина», Виноградов и его подчиненные, члены педсовета, уволили из гимназии 350 воспитанников. Конечно, это был разгром гимназии. Однако в статье указана лишь одна цифра, и она не дает полного представления о произошедших событиях. В газете «Северокавказский край» напечатана серия интересных статей, посвященных отчету попечителя Кавказского учебного округа за 1911 год. Есть в этой серии и статья «Средняя школа в 1911 году в Ставрополе», в которой говорится об отчисленных из гимназии учениках: «…общее число выбывших в 1910 году 436, а в 1911 году еще 70» (Северокавказский край, 1 июля 1911 года, № 374). Разгром очевиден.

И еще интересный факт. Даже после виноградовского разгрома «гимназия имела вместе с реальным училищем (отделением. – *М.К.*) 734 ученика, выпустила с аттестатом зрелости только 51 человека и 3 со свидетельством (об окончании. – *М.К.*) реального училища. И в прошлые годы, даже и в первое время директора Виноградова, например, в 1907 году, – 56 (в классическом. – *М.К.*), 20–25 в реальном отделении» (Северокавказский край, № 374).

Когда С.В. Фарфоровский обратился к попечителю учебного округа, коллеги его не поддержали. Еще до того, как приехал Спешков, С.В. Фарфоровского перевели в Тифлис, в Александровский учительский институт. Формально это был перевод с повышением. Сохранились документы об этом событии (ГАСК, ф. 76, оп. 3, д.).

Ставропольские гимназисты с печалью проводили любимого наставника… В Тифлисе С.В. Фарфоровский прожил недолго. В 1911 году его перевели в Елизаветполь (теперь Гянджа, Азербайджан), где он преподавал историю в местной гимназии (Кавказский календарь. 1912. Стбц. 221). И вот 1 сентября 1912 года газета «Северокавказский край» (№ 424) сообщает, что Сергей Васильевич Фарфоровский покинул Кавказ.

Несколько слов о Виноградове. Спешков, прибыв в Ставрополь, понял: директор вызвал всеобщее недовольство, можно сказать, гнев. «Все говорят о нем как о бессердечном, властолюбивом, мстительном человеке», – такие отзывы слышал представитель министерства от ставропольцев. «Мать одного из учеников, госпожа М., – писали в газете «Северокавказский край», – клялась перед образом, страшно рыдая, в присутствии г<осподина> Спешкова, окружного инспектора г<осподина> Лопатинского и директора Виноградова, бросила последнему обвинение в развращении ее сына, склонявшего его сделаться шпионом» (№ 367).

Директора отстранили от должности, но не отправили в отставку, а перевели в маленький уездный городок Немиров, Подольской губернии (теперь Винницкая область, Украина), где он снова возглавил гимназию. Перед отъездом Виноградов обратился в Ставропольский окружной суд с обвинением авторов статей в «Северокавказской газете» – Г.Н. Прозрителева и его корреспондентов – в диффамации, распространении сведений оскорбительного характера.

Суд счел обвиняемых виновными и приговорил каждого к 50 рублям штрафа или к 10 дням тюрьмы. Но Г.Н. Прозрителев и его товарищи по процессу подали апелляцию и получили полное оправдание. Они «закричали» на страницах газеты «о спасении юношей, **попавших в условия настоящего кошмара** (выделено мной. — *М.К.*)», «это было нравственной обязанностью обвиняемых, что и сделали они с честью» (№ 367).

Педагоги, «люди в футлярах», остались на своих местах, некоторых позже перевели… Новый директор, действительный статский советник Александр Михайлович Булычев столкнулся со сложными проблемами. В Ставрополе создали вторую мужскую гимназию, а размещать ее было негде. Этому учебному заведению отдали помещения, где временно помещались «параллельные» классы первой гимназии. Они остались без крова… Кроме того, в первой гимназии окончили седьмой класс и перешли в восьмой больше воспитанников, чем ожидалось, – 51, а из Тифлисского управления учебного округа пришла директива, предписывавшая оставить в классе не более сорока учеников. «Лишних» решили исключить. В «Северокавказском крае» была опубликована статья «Жестокое и едва ли законное решение» (№ 360).

Директор обратился к городскому голове с предложением обсудить на заседании думы ассигнование почти 2800 рублей на содержание второго отделения («параллельного класса»). Споры кипели все лето. В конце концов дума решила ассигновать около половины суммы, остальное получить за счет оплаты гимназистами-выпускниками права учения. А «параллельные» классы – второй, третий, четвертый, – перевели в новую, вторую гимназию. Один из третьих классов разместили в общежитии железнодорожников…

Итак, С.В. Фарфоровский уехал с Кавказа. Биография его изучена слабо. Ее можно проследить лишь пунктиром. Он преподавал в одной из гимназий Варшавы, издавал свои работы в Харькове, Ростове-на-Дону. В Интернете, на сайте «Переяславль-инфо», содержится информация о том, что Сергей Васильевич жил в Париже и Берлине, был сотрудником одного из музеев (http://www.pereslavl.info/page-id-924.html).

Во время Первой мировой войны педагог, историк, этнограф С.В. Фарфоровский, по-видимому, жил и работал в Петрограде. После революции 1917 года преподавал в учительском институте в Новгороде, писал работы для новой советской школы.

На сайте «Жертвы политического террора в СССР» недавно появилась небольшая заметка о С.В. Фарфоровском: «Фарфоровский Сергей Васильевич. Родился в 1878 г., г. Переславль-Залесский Владимирской губ.; русский; беспартийный; историк и этнограф, преподаватель ленинградских вузов и Новгородского пединститута. Проживал: Ленинград, Псковская ул., д. 34, кв. 35. Арестован 4 октября 1937 г. Приговорен: Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 12 января 1938 г., обв.: ст. ст. 58-6-8-11 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 18 января 1938 г. Место захоронения – город Ленинград» (http://lists.memo.ru/index21.htm).

Многообразное творчество Сергея Васильевича Фарфоровского, его биография нуждаются в серьезном изучении.

Ëèòåðàòóðà

1. Шварц Е.Л. Живу беспокойно. Из дневников. – Л.: Советский писатель, 1990.
2. Наш альманах. — Ставрополь-Губернский, 1912.

Òåêñò ðóêîïèñè ïðåäîñòàâëåí àâòîðîì.

Ôîðìóëÿðíûé ñïèñîê î ñëóæáå ó÷èòåëÿ èñòîðèè Ìàéêîïñêîãî ðåàëüíîãî ó÷èëèùà Ñåðãåÿ Âàñèëüåâè÷à Ôàðôîðîâñêîãî

Составлен по 10 ноября 1907 года
[надписано от руки: по 9 сентября 1908 года]

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
Чин, имя, отчество, фамилия, должность, лета от роду, вероисповедание, знаки отличия и получаемое содержание	Из какого звания происходит?	Есть ли имение? У него самого и родителей				Где получил воспитание и окончил ли полный курс наук в учебном заведении; когда поступил на службу, какими чинами и в каких должностях и где проходил оную; не было ли каких особых по службе действий или отличий; не был ли особенно чем-либо награжден, кроме чинов?	Годы	Месяцы и числа
		Родителей		У жены, буде женат				
		Родовое	Благоприобретенное	Родовое	Благоприобретенное			
[Приписано от руки: Состоящий в должности VIII класса] Не имеющий чина. Сергей Васильевич Фарфоровский, [надписано: и.<сполняющий> д.<олжность>] учитель истории, 28 л.<ет>, православный, получает в год жалованья 864 р.<убля>, за 7 добавочных уроков 403 р.<убля> 20 к.<опеек>, за классное наставничество 153 р.<убля> 60 к.<опеек>, за завед.<ование> библиотекой 25 р.<ублей> 60 к.<опеек>	Сын статского советника	Нет	Нет	Нет	Нет	Окончил историко-филологический факультет Императорского Юрьевского Университета со званием действительного студента	1905	Февраля 1
						Согласно прошению, постановлением управляющего акцизными сборами Владимирской губернии назначен на должность младшего штатного контролера первого округа Владимирского акцизного управления	1905	Июня 10
						За переходом на службу по МНП [Министерству народного просвещения] в Кавказский учебный округ, уволен, согласно заявлению, от должности и службы по акцизному ведомству	1905	Сентября 10
						Г.<осподином> попеч<ителем> Кавказск<ого> учебн<ого> округа допущен к исполнению обязанностей учителя истории в Майкопском реальном училище	1905	Сентября 10
1440 р.<ублей> 40 к.<опеек>						Распоряжением наместника Его Императорского Величества на Кавказе назначен на эту должность	1905	Сентября 10
[Приписано от руки: содержание, получаемое в Ставропольской Гимназии]						Согласно прошению попечителем Кавказского учебного округа уволен от должности	1906	Ноября 10

X	XI	XII	XIII	XIV
Был ли в походах противу неприятеля и в самих сражениях и когда именно?	Подвергался ли наказаниям и взысканиям, соединенным с ограничениями в преимуществах по службе, когда и за что именно; по судебным приговорам или в дисциплинарном порядке	Был ли в отпусках, когда и на сколько именно времени; явился ли в срок, и если просрочил, то когда именно явился и была причина просрочки признана уважительною	Был ли в отставке с награждением чина или без оного, когда и с какого по какое именно время	Холост или женат, на ком; имеет ли детей, кого именно; год, месяц и число вступления в брак, а также рождения жены и детей; где дети находятся и какого они и жена вероисповедания?
Не был	С 27-го октября 1906 года помощником начальника Кубанского областного жандармского управления привлечен к дознанию в качестве обвиняемого в преступлениях, предусмотренных 2 частью 121 статьи, 2 параграфа 129 статьи и 1 части 103 статьи Устава Уголовного уложения	Не был	Не был	Женат первым браком с 28-го октября 1906 г. на учительнице Майкопской женской гимназии Варваре Ивановне Афанасьевой, родившейся в 1881 г. 1 декабря. Детей не имеет

Êîïèÿ ôîðìóëÿðíîãî ñïèñêà ïðåäîñòàâëåíà Ì.Ñ. Êîðøóíîâûì.
Äîêóìåíò ïå÷àòàòñÿ ïî èñòî÷íèêó:
Государственный архив Ставропольского края. Фонд 73, опись 1, дело 1355, лист 6.

Çàìåòêè â ãàçåòàõ îá óâîëüíåíèè Ñ.Â. Ôàðôîðîâñêîãî èç Ñòàâðîïîëüñêîé ãèìíàçèè

«Ñåâåðîêàâêàçêàÿ ãàçåòà». 2 ñåíòÿáðÿ 1910 ãîäà. № 192. Ñ. 3. Ñòá. 3

Ìåñòíàÿ õðîíèêà. Ïðîâîäû Ñ.Â. Ôàðôàðîâñêîãî

31 августа на станции «Ставрополь» бывшие питомцы С.В. Фарфаровского, переведенного из Ставропольской мужской гимназии, после истории с невыдачей аттестатов, провожали своего воспитателя, отбывшего на место его новой службы. В проводах, носивших безыскусственный характер единения популярного преподавателя с его бывшими питомцами, приняла участие довольно многочисленная группа последних. Перед отъездом г.<осподину> Фарфаровскому был вручен адрес, содержащий выражения горячей признательности педагогу, покидающему свой учительский пост в Ставропольской мужской гимназии.

«Ñåâåðîêàâêàçñêèé êðàé». 1 ñåíòÿáðÿ 1912 ãîäà. № 424. Ñ. 3. Ñòá. 1

Ìåñòíàÿ æèçíü

Кавказский учебный округ освободился от бывшего преподавателя Ставр<опольской> гимназии г.<осподина> Фарфоровского, ушедшего с педагогической службы на Кавказе в этом учебном году. Ликвидация виноградовской истории заканчивается. Ушедший педагог, в то время как другие преподносили адрес г.<осподину> Виноградову, обратился с докладной запиской, выясняющей министерству неправильности учебно-окружной ревизии, не нашедшей в действиях г<осподи>на Виноградова и его отказе абитуриентам VII кл<асса> аттестатов — ничего неправильного. Результатом этого была ревизия из министерства, которой г<осподин> Фарфоровский не застал; его поторопились перевести. В течение двух учебных годов этот поступок педагога не был забыт кем следует. Это и вызвало уход г<осподи>на Фарфоровского, которому были устроены учащими и учащимися очень трогательные проводы. Интересно, что в проводах принимали широкое участие елизаветенское армянское и татарское о-во [общество], до сих пор не забывшее вполне своих раздоров, а также и преподаватели тех учебных заведений, где г.<осподин> Фарфоровский не преподавал.

Ìàòåðèàëû ïðåäîñòàâëåíû Ì.Ñ. Êîðøóíîâûì.

Áèáëèîãðàôèÿ

Ïðîèçâåäåíèÿ Ñ.Â. Ôàðôîðîâñêîãî

Фарфоровский С.В. Борьба чеченцев с русскими // Русский архив. — 1914. — Кн. 1. — № 4. — С. 455—457.

Фарфоровский С.В. В степи: (из дневника этнографа) // Наш альма-нах: литературно-худож. сб. / при участии Ильи Дмитриевича Сургучева; предисл. от редкол. — Ставрополь-губернский: Тип. «Северный Кавказ», 1912. — 56 с. — На обл.: Ставрополь-губернский: «Новая тип. Хаймовича», 1912.

Фарфоровский С.В. Великий шейх Мансур: (из истории кавказских волнений // Русский архив. — 1913. — Кн. 3. — № 12. — С. 828—831.

Фарфоровский С.В. Великое Учредительное собрание и демократиче-ская республика. — Пг.: «Прогресс нашей жизни», 1917. — 7 с. — (Б-ка сво-бодного рус. гражданина; № 2).

Фарфоровский С.В. Воспитание детей у ногайцев Северного Кавказа // Наш край. — Ставрополь. — 1910. — № 228. — 15 окт. — С. 2.

Фарфоровский С.В. Воспитание детей у туркмен // На Кавказе. — 1910. — № 7-8 . — С. 375—378.

Фарфоровский С.В. Задачи русской школы в Персии // Журнал Мини-стерства народного просвещения. Новая серия. — 1914. — Ч. 51, июнь. — С. 199—217. — Отд. 4.

Фарфоровский С.В. Из быта чиновничества в дореформенное время на Кавказе: (по архивным документам). — Ставрополь: Электропечатня Вайнблата, 1910. — 6 с. — (Сборник сведений о Северном Кавказе; Т. 4; То же: Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1910. Вып. 2).

Фарфоровский С.В. Из истории первого театра в Ставрополе // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. — Ставрополь, 1910. — Вып. 2. — С. 1—2. — Отд. 1.

Фарфоровский С.В. Из фольклора терских казаков: (остатки былевого эпоса). — Харьков: Тип. «Печатное дело», 1912. — 6 с. — (Отд. отт. из Вест-ника Харьковского историко-филол. о-ва. — 1912. — Вып. 2 — С. 39—44).

Фарфоровский С.В. Из фольклора терских казаков // Записки Терско-го о-ва любителей казачьей старины. — 1914. — № 3. — С. 72—77.

Фарфоровский С.В. Из фольклора туркмен Северного Кавказа. — Ростов н/Д.: Тип. Ф.А. Закройцева, 1914. — 5 с. — (Отд. отт. из Записок Рос-товского на Дону о-ва истории, древностей и природы; Т. 2).

Фарфоровский С.В. Изменение этнических признаков у осетин. —Тифлис: Тип. К.П. Козловского, 1909. — 4 с. — (Отд. отт. из Известий Кав-каз. отдела Рус. геогр. об-ва. — 1909—1910. —Т. 20, № 1. — С. 18—20).

Фарфоровский С.В. История труда: курс — справочник для второй ступени труд. шк., рабочих ун-тов и самообразования, сост. по лабораторно-трудовому методу, с прил. вопросов, задач, тем для рефератов, табл. и биб-лиогр. / С. Фарфоровский, И. Кочергин. — Казань: Гос. изд-во, 1920. — 106 с. — (Историко-экон. б-ка).

Фарфоровский С.В. Источники русской истории. Русь допетровская: пособие для ст. кл. средних учеб. заведений и самообразования: в 2 т. / сост. С.В. Фарфоровским, преп. Варшавск. VII мужской гимназии. — СПб.; М.: Т-во М.О. Вольф, 1913.

Фарфоровский С.В. Кавказские легенды об Эльбрусе // Сборник ма-териалов для описания местностей и племен Кавказа. — Тифлис, 1908. — Вып. 38. — С. 99—107. — Отд. 1.

Фарфоровский С.В. Как погиб Мурат: (черкес. легенда) // Гамаюн. — 1911. — С. 235—238.

Фарфоровский С.В. Калмыцкие легенды // Вокруг света. — 1910. — № 19.

Фарфоровский С.В. Кобзари на Кубани. — Харьков: Тип. «Печатное дело», 1910. — [2], 7 с. — (Отд. отт. из Сб. Харьковского историко-филол. о-ва в память Е. К. Редина». —1910. — Т. 19. — С. 181—187).

Фарфоровский С.В. Литературная деятельность И.Д. Попко // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. — Ставрополь, 1910. — Вып. 2. — С. 1—14. — Отд 1.

Фарфоровский С.В. Наглядное преподавание всеобщей истории. — Тифлис, 1908. — 24 с. — В конце текста авт.: С. Фарфоровский преп. Став-роп. мужской гимназии. — Библиогр. в подстроч. примеч.

Фарфоровский С.В. Народное государство и демократическая респуб-лика. — Пг.: Прогресс нашей жизни, 1917. — 7 с. — (Б-ка свободного рус. гражданина; № 1).

Фарфоровский С.В. Народное образование в Кавказском учебном ок-руге: [сведения о количестве школ и уч-ся в Азербайджане] // Журнал Мини-стерства народного просвещения. Новая серия. — 1912. — Ч. 38, апрель. — С. 157—194. — Отд. 4.

Фарфоровский С.В. Народное образование и духовное творчество калмыков // Журнал Министерства народного просвещения. — 1910. — № 6.

Фарфоровский С.В. Народное образование среди калмыков Большого Дербета в связи с их бытом и историей. — Б. М., Б. Г. — 30 с.

Фарфоровский С.В. Народное образование среди кочующих народов Северного Кавказа в связи с их современным бытом: [стат. сведения о турк-менах Ставроп. губ.] // Журнал Министерства народного просвещения. — Новая серия. — 1909. — Ч. 23, сентябрь. — С. 1—21. — Отд. 4.

Фарфоровский С.В. Народное образование у ногайцев Северного Кавказа в связи с их современным бытом // Журнал Министерства народного просвещения. — Новая серия. — 1909. — Ч. 24, декабрь. — С. 179—212. — Отд. 3.

Фарфоровский С.В. Народное образование у осетин // Журнал Мини-стерства народного просвещения. Новая серия. — 1917. — Ч. 67, январь. — С. 87—100. — Отд. 4.

Фарфоровский С.В. Народно-юридические обычаи туркмен Ставро-польской губернии: этногр. очерк 1909 года. — Ставрополь: Электропечатня Вайнблата, 1910. — 23 с. — (Сборник сведений о Северном Кавказе; Т. 4; То же: Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. 1910. — Вып. 2. — С. 1—23. — Отд. 1).

Фарфоровский С.В. Ногайские школы в связи с воспитанием детей // Жизнь Кавказа. — 1910. — № 4. — Стб. 11—16.

Фарфоровский С.В. Ногайцы в русской истории // Русский архив. — 1914. — Кн. 5. — С. 76—82.

Фарфоровский С.В. Ногайцы Ставропольской губернии: (историко-этногр. очерк). — Тифлис: Тип. П.П. Козловского, 1909. — [2], 34 с.; То же: Записки Кавказ. отдела Рус. геогр. о-ва. — Тифлис, 1907—1909. — Кн. 26. — Вып. 7. — С. 1—34.

Фарфоровский С.В. О бедной Рити-Хан: (черкес. легенда) // Майкоп. газета. — 1912. — № 45.

Фарфоровский С.В. О лабораторном преподавании истории в старших классах средне-учебных заведений. — Казань: Центр. тип., 1915. — 22 с. — (Отд. отт. из Вестника образования и воспитания. — 1915. — № 4).

Фарфоровский С.В. Первичная организация труда и общества. — Пг.: «Книжный угол», 1923. — 82 с. — В конце текста авт.: С. Фарфоровский (ма-гистр истории). — Библиогр. в конце отд. глав.

Фарфоровский С.В. Песни последних кобзарей на Кубани // Филоло-гические записки. — 1909. — Вып. 4. — С. 1—11.

Фарфоровский С.В. Письмо в редакцию: (Общества по изучению ар-хеологии, истории и этнографии при Казанском университете): [о содействии в сост. «Библиогр. обзоров лит. о Закавказье] // Известия Общества по изуче-нию археологии, истории и этнографии при Казанском университете. — Казань, 1910. — Т. 26. — Вып. 6. — С. 646.

Фарфоровский С.В. Полукочевые народы Северного Кавказа. Опыт историко-культурной монографии: Калмыки Ставроп. губернии. — Ставро-поль, 1908. — 42 с.; То же: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. — Тифлис, 1909. — Вып. 40. — С. 71—112. — Отд. 1.

Фарфоровский С.В. Проект программы для собирания этнографиче-ских сведений // Труды Ставроп. об-ва для изучения Северо-Кавказ. края в естеств., ист., геогр. и антропол. отношениях. — СПб., 1911. — Вып. 1. — С. 71—79.

Фарфоровский С.В. Рити-Ханым: (черкес. легенда) // Кавказ. курорты. — 1913. — № 1. — С. 5—6.

Фарфоровский С.В. Сборник материалов по русской истории. Русь допетровская: пособие для ст. кл. средних учеб. заведений и самообразования / Сост. С.В. Фарфоровский, С.С. Ларионов. — Тифлис: Кавказ. учеб. округ, 1909. — [2], VIII, 464 с.

Фарфоровский С.В. Статистико-географическое описание г. Майкопа и Майкопского отдела // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. — Тифлис, 1910. — Вып. 41. — С. 1—64. — Отд. 1.

Фарфоровский С.В. Татары на Кавказе: (по легендам кабардинцев) // Русский архив. — 1915. — Кн. 2, № 7. — С. 260—261.

Фарфоровский С.В. Трухмены (туркмены) Ставропольской губернии. — Казань: Типо-литогр. ун-та, 1911. — 42 с. — (Отд. отт. из Известий Об-щества по изучению археологии, истории и этнографии при Казанском уни-верситете. — Казань, 1909. — Т. 27. — Вып. 3. — С. 181—220).

Фарфоровский С.В. Труд, инструмент, машина. — Л.: Ленингр. губ. сов. проф. союзов, 1926. — 110 с.

Фарфоровский С.В. Упование духовных скопцов. — СПб.: «Жизнь и знание, 1910. — 13 с. — (Отд. отт. из Материалов к истории и изучению рус-ского сектантства и старообрядчества).

Фарфоровский С.В. Фольклор калмыков в связи с их современной культурой и бытом: из дневника этнографа. — СПб.: Тип. М. И. Акинфиева, 1913. — 8 с. — (Отд. отт. из Трудов Ставроп. о-ва для изучения Северо-Кавказ. края в естеств., ист., геогр. и антропол. отношениях. — СПб., 1913. — Вып. 2. — С. 113—120).

Фарфоровский С.В. Чеченские этюды: (из дневника этнографа). — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1911. — 18 с. — (Сборник сведе-ний о Северном Кавказе; Т. 7).

Ñîñòàâèòåëü: Ò. Þ. Êðàâöîâà.

Г.Н.Прозрителев

ÈÇ ÆÈÇÍÈ ÑÒÀÐÎÃÎ ÕÎËÎÑÒßÊÀ (ÑÂßÒÎ × Í ÛÉ ÐÀÑÑÊÀÇ)

В минуты общего веселья и ликования скверно живется таким старым холостякам, как я, например, которому уже переваливает за 50 лет: в эти минуты резче, ясней ощущаешь свое одиночество, свою отброшенность от людей и их интересов; все счастливое, молодое, улыбающееся проходит мимо вас, изредка и не надолго останавливая на вас несколько недоумевающий взор. Нет, право, нам, одиноким людям, лучше всего живется в атмосфере всеобщей скуки и равнодушия. Завтра новый год, поэтому сегодня я уже чувствую признаки приближения обычного моего состояния духа — несколько злобной апатии. Кругом все тихо, я по-всегдашнему — один в квартире, так как верная Марфа, исполняющая обязанности домоправительницы, не выдержала угрюмого безмолвия нашего дома и отпросилась у меня к своей недавно вышедшей замуж дочери. Гулко раздаются мои шаги по кабинету; глаз рассеяно скользит по беспорядочным кучам книг, газет, по хорошо знакомым предметам моей обстановки. Ярко горящая лампа напевает слабо свою песенку.

— Чего они веселятся, — думаю я, — ведь это близоруко: над головой каждого из них летают тысячи бедствий, а они, как маленькие дети, улыбаются, смеются.

В моем воображении пробегают легкие картины; там мчится в морозном воздухе удалая тройка, там с шумом движется большая толпа молодых людей обоего пола; темно, блестят яркие звезды, мороз усиливается, а им и горя мало: громкие взрывы молодого искреннего смеха оглашают пустынную улицу. Помнится мне, как раз, во дни моего далекого, далекого студенчества, встречал я новый год среди своих задушевных товарищей. Денег не было, чтобы уехать домой, и остался в Москве на рождественские каникулы; под новый год ко мне пришло несколько человек лучших приятелей, и мы, решившись сымпровизировать встречу нового года, купили в складчину колбасы, хлеба, пива и разогрели самовар. Как сейчас вижу маленькую комнату, самого себя и своих товарищей в самых непринужденных позах, слышу молодые шумные споры и речи. Вдруг один из нас, посмотрев на часы, торжественно объявил: «С новым годом, дорогие товарищи!».

«Ночи безумные, ночи бессонные...».

Да, мы тогда много любили, верили всей душой, непоколебимая надежда блистала в наших глазах. А теперь... Недавно, в одном обществе, я встретил молоденькую, хорошенькую, очень экспансивную девушку; она радовалась всему, все заставляло ее весело улыбаться; она с радостью говорила о новом годе.

— Я не понимаю, — сказал я, — обыкновения поздравлять с новым годом; я поздравляю обыкновенно со «старым годом», так как неизвестно еще, что принесет будущее, между тем как про прошлое можно сказать, что оно не привело с собой самого худшего — смерти. Она с задором посмотрела на меня и горячо сказала:

— В вас говорит старый брюзга...

Вдруг она страшно сконфузилась, голос ее пресекся, щеки покрылись густым румянцем. Она беспомощно оглянулась в угол, откуда на нее успокоительно смотрели влюбленные глаза ее жениха. Вот оно — молодость и старость!

Я продолжал расхаживать по кабинету. Сознание моего бесцельного времяпрепровождения сильней и сильней начало угнетать меня. Я почти механически оделся и вышел на улицу. Дул легкий морозный ветер, бесчисленное множество ярких разноцветных звезд играло на чистом, темном небе. Я отправился куда глаза глядят; изредка попадались мне одинокие прохожие и большие компании. Уныние мое не оставляло меня, да и что может прогнать скуку человека, у которого она сделалась обычным, господствующим настроением духа. Вдруг при повороте на одну из улиц, какое-то гуденье поразило мой слух. Это колебались от ветра телеграфные проволоки, и в их непрерывном гуденье мне слышалось:

— С новым годом, с новым годом!

Нет, пойду домой, мне здесь нечего делать, — решил я.

Опять та же комната, те же книги, газеты…

— Что же делать теперь? — опять началось шаганье из угла в угол, опять рассеяно забродили в голове мысли. Случайно брошенный взгляд приковывает мое внимание к небольшой фотографической карточке: ведь это я сам. Вот молодое, может быть, несколько наивное лицо, с маленькими признаками усов. Я переворачиваю карточку, так как помню, что один товарищ-шутник, уже умерший, сделал на ней шутливую надпись: excelsior! Да, вот и надпись, уже побуревшая от времени. Неоправданные надежды! Вдруг одна мысль пробегает у меня в голове и сообщает мне какую-то бодрость, прогоняя апатию: «Не прочитать ли мне чего-нибудь из тех дневников, которые я с таким жаром вел в былые годы студенчества». Я беру свечу и иду в кладовую, где свален всякий хлам, покрытый густым слоем пыли. После долгих поисков по всем закоулкам, я, наконец, нашел четыре тетради, собственно переплетенных. С каким-то робким чувством я спешу в кабинет и раскрываю одну из тетрадей. Пожелтевшие страницы с выцветшими чернилами глянули на меня. Давно было, когда я писал это, здесь описана часть моей жизни, может быть лучшая, здесь я оставил частицы самого себя. С волнением читаю первые попавшиеся строки.

«27-го февраля. Тоска, ужасная тоска», — прочитал я в своем старом дневнике, написанном лет тридцать назад.

«Мне скоро 19 лет, я ничего не знаю, ничего не сделал. Коснешься какой-нибудь области наук, начнешь овладевать одной из ее бесчисленных твердынь, перед тобой, как пред богатырем в былине «Как перевелись богатыри на земле», встают грозно со всех сторон тысячи других твердынь. Но это еще ничего, что так мало знаешь: хуже всего то, что как-то мало делаешь, чтобы знать что-либо: секунда за секундой, равномерно, неудержимо и самым непроизводительным образом отсчитываются из моей жизни в актив смерти и скоро, скоро она возьмет свой долг. Как я хочу жить! Жизнь, несмотря на все ее несчастья, кажется мне загадочно прекрасной, я хочу работать, хочу думать…

В некоторые, слава Богу, редкие минуты, смерть преследует меня мыслью о себе; она рыщет ежеминутно около нас, и иногда задевает нас, в виде болезней, своими холодными крыльями. Холодный пот выступает, когда представишь, что в момент прощания с жизнью, мои товарищи будут работать, думать, словом — жить. Я не хотел бы умирать, хотел бы быть вечно молодым»… Я задумался. Как жизнь тогда кипела во мне! Немудрено, что всякая мысль, всякий намек о смерти звучал резким диссонансом. Тогда хотелось жить во всю и жилось во всю, и пессимистическое настроение только и могло одолевать при мысли, что «ars longa, vita brevis est». Я перевернул несколько страниц дальше и прочитал: «Мир вам, великие мученики мысли, истины и добра, вам, стремившимся своей кровью, своей смертью облагородить людей, приблизить их к заветному идеалу. Мир вам, носящим в душе возвышенные идеи, выстраданные кровью сердца, во имя которых вы идете в люди и за которых вас распинают на кресте. Мир вам, страдальцам за тех, кого вы любите и за которых молитесь, когда они уже ведут вас на вашу Голгофу!». Боже, как это молодо, зелено и, в то же время, — искренно! Только в светлые дни молодости и можно так писать. Так думал я и, странно, вся моя апатия исчезла, в душе стало водворяться какое-то горькое чувство сожаления по утраченному счастью. — Разве я теперь был бы способен, — думалось мне, — написать эти строки? Перо не двинулось бы, до такой степени они могли показаться мне самому деланными и неискренними.

Я встал и прошелся несколько раз по кабинету.

— Вот она, могила моих чувств, надежд, моей жизни, — думал я всякий раз, проходя мимо тетрадки и поглядывая на эти пожелтевшие, с бледными чернилами, листики.

— А что, интересно знать, были ли тогда у меня минуты самобичевания, недовольства самим собой? Я вспоминаю о своем теперешнем времяпрепровождении, о тех часах, когда, лежа на диване, я только и знаю, что повторяю самым бесплодным образом: как глупо, как скучно, надо что-нибудь делать, — и не двигаюсь с места. Я порылся в тетради и нашел следующее место.

«6-го марта, в 11 часов ночи. Что же, наконец, делать, чтобы «жить свято»? Вопрос, все более и более занимающий меня в последнее время. Что, в самом деле, надо делать, чтобы жизнь казалась приятной, разумной, чтобы не говорить «как глупо я провел день» или «зачем делать то-то, а не другое». «Надо установить твердые принципы и неуклонно следовать им. Внутреннего содержания, что ли, не хватает у меня? Главная причина недовольства жизнью — недовольство самим собой. Относясь к себе довольно объективно и имея возможность ежеминутно видеть всю неудовлетвори-

тельность своего умственного багажа, в светлые минуты самосознания приходишь в ужас, особенно, когда вспомнишь, что самое благоприятное время — студенческие годы, тают бесследно; хватаешься скорей за книги и поражаешься, во-первых, неуменьем работать, а во-вторых, тем, что работа является какой-то официальностью, не результатом свободной органической потребности. Чувствуется слабость мысли, воли, всей индивидуальности. Мысль с легкостью белки перелетает с предмета на предмет; в итоге — фразерство, блестки воздушного, быстро улетучивающегося остроумия. Воля принимает массу решений по одному и тому же вопросу; в результате — флюгерство. Я не имею никакой основательности, стойкости: множество раз я принимался за выполнение плана преобразования самого себя, и, в конце концов, круглый ноль был наградой за все мои действия. Следовательно, я не имею внутреннего побуждения, силы в своем характере. Трудно поднять с земли камень, трудно и сообщить ему поступательное движение, но зато, раз он ринулся в пространство, он неуклонно пойдет по своему пути, и горе тому, кто попадется ему навстречу. Легко взлетает перышко с той же самой земли при дуновении ветерка, по направлению которого и совершает путь. Затем оно летит, куда — неизвестно; попробуйте бросить им против течения ветра: оно не пройдет и полшага. Киньте его при полном затишье: с недоумением покрутившись, оно снова опустится на землю. Вот это перышко и есть я. Что же делать?..».

— Однако, как я отчитал самого себя, — подумалось мне. — Да это нисколько не похоже на наши старческие иеремиады о бездельном и бесполезном времяпрепровождении. В этих горьких упреках самому себе содержался здоровый источник дальнейшего развития. «Хватаешься за книгу и поражаешься тем, что работа является какой-то официальностью, не результатом свободной органической потребности...». Да разве это не органическая потребность, не свободное стремление, раз «хватаешься за книгу», сознавая «всю неудовлетворительность своего умственного багажа». В наших самобичеваниях, выражаемых почти что равнодушным тоном, не содержится этой здоровой злости, здорового негодования: от них тянет холодом замерзшей души. Так думал я, расхаживая из угла в угол, вспоминая случаи из своей жизни, сравнивая, делая выводы. А настроение духа становилось все хуже и хуже. Какая-то досада, в соединении с тем острым чувством, которое бывает при тяжелых утратах, заполнило душу и придало всему последнему периоду моей жизни мертвенный оттенок. Я не мог больше сидеть в комнате: горячая, неудержимая потребность видеться с кем-нибудь, перемолвиться дружеским словом, охватила меня настолько сильно, что, одевшись, я снова вышел на улицу. Те же звезды ласково и таинственно блестели на небе, тот же легкий морозный ветерок обвевал разгоряченную голову. На башне пробило 11 часов. После недолгих колебаний я направился к своему старому товарищу, с которым я провел вместе два последних университетских года. К счастью, я застал его дома: его жена и дети отправились на какой-то бал, а он, под предлогом явиться туда же позднее, остался дома. Он сидел перед камином и с глубокой задумчивостью смотрел на плывшие дрова. Я уселся возле него, немного помолчали.

— Наступление нового года даже для нас, прозаических стариков, имеет некоторое значение, — сказал он мне. — В это время, в особенности в одиночестве, невольно просматриваешь свою жизнь, воспоминания теснятся в голове и становится очень грустно.

— Я тоже только что сейчас перечитывал свой дневник, который вел еще будучи студентом.

— Ну, что же? — спросил он меня. — Каково впечатление?

Но по моему угнетенному лицу он ясно увидел ответ и не докончил вопроса.

— Хуже всего то, — сказал я после некоторого молчания, — что через несколько лет даже книги, которые составляют для меня сейчас единственное утешение, потеряют теперешнее значение и тогда...

— Но как это могло быть, — перебил мой старый товарищ, — чтобы мы, с такими гордыми надеждами входившие в жизнь, опустились и затушевались так быстро под общий серый тон в старости?

Я не отвечал ему.

— Скверно! — сказал он.

— Скверно! — повторил за ним я.

Мы замолчали, потерявши всякую охоту разговаривать. Каждый думал про свое, зная, однако, мысли и настроение другого. Я посмотрел на камин: маленькие огоньки, живые и веселые, перебегали с полена на полено, пылали ярким пламенем. «Постойте же, — думал я, — не вечно и вам гореть, придет и ваше время потухнуть». Глубокая тишина царила в кабинете, где мы сидели. Вдруг в соседней комнате раздался бой часов. Раз, два, три... Часы гулко ударили 12 раз, и маятник снова продолжал свое тиканье. Мы посмотрели друг на друга — и печально опустили головы: мы не могли поздравить друг друга с новым годом, с новым счастьем.

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Прозрителев Г.Н. Из жизни старого холостяка: (Святочный рассказ) // Северный Кавказ. — 1899. — 5, 9 января.

ËÅÃÅÍÄÀ Î ÏÐÎÈÑÕÎÆÄÅÍÈÈ ÐÅÊÈ ÒÎ ÌÓÇËÎÂÀ ÑÒÀÂÐÎÏÎËÜÑÊÎÉ ÃÓÁÅÐÍÈÈ ÀËÅÊÑÀÍÄÐÎÂÑÊÎÃÎ ÓÅÇÄÀ

…Ехать нельзя. Дождь, усердно поливавший уже несколько дней, сделал совершенно невозможными и без того крайне плохие наши ставропольские почтовые и проселочные дороги. Говорят, известный кавказский генерал Ермолов написал на поданном ему докладе: «гати, мосты, переезды и дороги — лучшие свидетели заботливости начальства о вверенном крае». А наши, даже основательные мосты чрез Ташлу и Бешпагирку за Марьевкой стояли в воде, и к ним пришлось добираться чуть не вплавь 19 апреля 1900 года: пролеты низки и подъездных насыпей нет. Что же бывает в половодье? А что из себя представлял подъем на Базовую и Бешпагирскую горы, так это одному Богу известно. «Ждем Архиерея, проедет, так, может, дорогу исправят, а то хоть плачь: на самой дороге и в самом опасном месте, на подъеме, трясина», — жаловался мне почтарь на Базовой.

Скучная и однообразная дорога от Базовой на Сергиевку и далее на Северное при грязи и дожде еще томительнее, и потому особенно было приятно спуститься в долину Томузлова по направлению на Александров. Тяжелый подъем на Северную гору: размывы и целые озера мутной грязной воды и вдруг, как бы в награду путнику, спуск к Томузлову. Красивая долина Томузлова начинается двумя глубокими сухими балками, из которых левая увенчана как бы гигантскими каменными воротами (следы громадного и весьма оригинального обрушения каменных утесов, тянущихся по левую сторону всей долины), а правая, как бы в противоположность ей, покрыта прекрасной и обильной растительностью. Долина до Александрова очень хороша и при ее растительности и счастливом положении в отношении наших ветров может быть прекрасным дачным местом. Много раз приходилось мне проезжать этой дорогой, и всегда с удовольствием я засматривался на гигантские глыбы камня, точно расшвырянные по долине. «Когда и как это произошло?», — невольно думалось мне, когда я снова теперь подъезжал еще к селению Северному, вспоминая эту причудливую долину. Но на этот раз мне посчастливилось получить объяснение и узнать, что эти причудливые обрушения каменных громад и странные очертания скал и отдельных камней в связи с разницей между правой и левой сторонами долины дали даже начало весьма поэтической легенде, которую мне удалось услышать от одной из странниц, загнанных так же, как и я, неустанным дождем на ранний ночлег в селении Северном.

За общим чаем после обычных «путевых» расспросов я между прочим коснулся и пройденного странницами пути (странницы шли через Александров) и заинтересовавшей меня долины.

«Разные места бывают, батюшка», — загадочно ответила собеседница.

Заинтересовавшись таинственностью замечания, я все-таки уклончиво заметил: «Да, конечно, но почему же?» — «Бывает от наваждения, и бывают благословенные места, — ответила собеседница, — войдешь и чувствуешь, что это словно рай. Каждому месту есть свое определение, вот так и человеку. Судьбы своей не избежишь. Вот, к примеру, если сказано тебе умереть в таком месте — и за тысячу верст придешь туда и помрешь; а другому замуж выйти, и непременно так и будет: и откуда человек возьмется и понравится, а не думал и не гадал».

Конечно, насчет замужества все бывает, а вот насчет мест разных не знаю. Попробовал я направить собеседницу на интересную для меня тему, но это не удалось.

«В прошлом году шли мы с Моздока; к Преполовенью ходили, чудотворная икона там Иверская, Матушка Наша, Царица Небесная… Да, поклонников много ходит, и с дальных мест. Вот мы, значит, пришли в селение, батюшка с Богородицей ходит; по случаю дождя на праздник опоздали. Стали это мы и молимся, а она как вдруг «ой», так немножко вскрикнула, как будто испугалась. «Что ты, — говорю ей, — мать моя?». А она, эта самая девушка-то моя, что со мной была, говорит: «Он, матушка, он, родная». А сама, как лихорадка ее держит, трясется. А она его во сне на ночлеге видела, да так явственно, что даже плакала и мне на утро каялась. А девушка строгая, да и пять лет уже со мной ходит. Что же вы думаете? Осталась и замуж вышла, а такая была до святых мест охотная и такая постница, вот поди: как видела, так и сбылось. Товарка наша сказывала потом, что она раньше узналась с ним, как мы проходили; и вот, говорит, явственность от этого во сне, но это неправда: она всегда при мне была».

— Да все это от людей, а не от места, куда вы пришли, а вот насчет того, что «разные» места бывают, так я Вам скажу, что все они Богом созданы, — попробовал слукавить я, и это удалось.

«Да, но есть, где и дьявол в своем исступлении прошел», — заметила собеседница.

Евлампия Наумовна (имя почтенной странницы), очевидно, села на своего конька и неожиданно рассказала мне прелестную легенду о происхождении долины Томузлова.

«Всему есть описание, — продолжала она. — В житиях много сказано, — как бы в раздумье говорила Наумовна. — И вот читали и насчет этого самого места».

— Написано? Расскажите, пожалуйста, — поторопился просить я.

«После потопа Господь в своем милосердии, — начала Наумовна, — послал на землю ангела посмотреть, что и как там делается; может быть, есть какой утопленник и из праведников. Летал, летал он и видит, что и дьявол сухого места ищет, — рассказчица даже вздохнула и продолжала. — Конеч-

но, хоть и грешная, а все же душа, обсушиться надо, ведь дождь лил сорок дней и сорок ночей. Вот как теперь, не приведи Господи». Дождь действительно лил как из ведра, и, несмотря на хороший экипаж, в котором ехал, я радовался, что добрался до ночлега. «Сколько мы страдания приняли за эту погоду, — продолжала мать Евлампия. — Нитки на нас сухой нет: по дороге грязь, ног не вытащишь; по траве вода стоит выше щиколотки; ветер с дождем, бьет, ровно вербой тебя хлещет; подойдешь к стогу укрыться, еще хуже: с него как с крыши льет. Уж и как мы добрались, одному Богу известно. Спаси, Царица Небесная, хозяйку, дала перемениться, и вот день другой простоим, пока обсушимся.

Вот они летали, летали, — продолжала рассказчица, — и сошлись на Северской горе. Дьявол и говорит: «Ну ты иди по правую сторону, а я пойду по левую; я здесь город заложу и людей соберу, а то вы неравно их опять потопите». И пошел ангел направо, а дьявол налево, и земля-матушка угнулась под их стопами, так балочками и вышла. Пошел дьявол, ножищи тяжелые, где ступнет, так земля там камнем и зашкварится», — последние слова почтенная Наумовна произносила грубым голосом, вытянув губы и расставив как-то странно руки, желая передать тяжесть ног дьявола.

«А у ангела, — продолжала она нежным голосом, — ножки тоненькие, идет, и не слышно, и только крылышками машет. Идет он и запечалился: кругом грязь, не обсохло еще, нет у него ни камушка, ни деревца, не за что ему взяться, чтобы для человека сделать.

А дьявол тем временем первым делом ворота поставил, страшенные, что на горе стоят; стал каменья собирать, а там стену повел и постройку заложил на первой горе. Шел, шел ангел и видит, что дьявол к работе приступил, построит город и людей в полон заберет, сел и заплакал. Сидит это он, да так горько плачет, слезы падают, по земле льются», — Наумовна слезу утерла. — «И вот идет старичок.

— Что ты, друг, плачешь? — спрашивает он ангела.

— Да как же мне не плакать: вот тот город строить будет, людей всех в полон заберет, а у меня нет ни камушка, ни деревца, не за что мне и взяться.

— Ну не плачь, друг, — отвечает старичок. — На вот тебе эти семечки, возьми их и брось по ветру. А слезы твои людям на пользу будут, — и скрылся.

Взял ангел семечки, бросил их по ветру, и пошла от них трава, да разная зелень и деревья всякие. А с того места, где слезы падали, речка тому на зло протекла. И пошли тут люди и заняли всю правую сторону. А на ту сторону никто не пошел: дьявол что день строил, то ночью обваливалось; он на другое место, выстроит, а ночью развалится; он на третье — и там то же. Так он мучился, мучился, да и стал в исступлении своем камни по долине разбрасывать, а на эту сторону все-таки добросить не может. И сделалось все это ему на зло, и прозвалась речка «Томузлов».

Наступило молчание. Я с любопытством рассматривал уже немолодое, изборожденное глубокими морщинами лицо Евлампии Наумовны, совершенно преобразившееся во время рассказа, которому она глубоко верила. В какой мере легенда эта принадлежит данной местности, трудно сказать, но она превосходно применена к этой долине, где и странное обрушение каменных громад на отдельных выступах возвышенностей имеет вид каких-то гигантских построек, и две каменные глыбы при начале долины — как бы ворота, и заселенная правая сторона с обильной растительностью, и разбросанные камни — все это замечательно соответствует тем подробностям, которые описываются в рассказе.

Евлампия Наумовна как-то затихла, осунулась и, очевидно, усталая, начала, что называется, клевать носом. Но сильный порыв ветра и шум как-то особенно хлынувшего ливня сразу пробудили ее и напомнили действительность. «Спаси, Царица Небесная, как-то дойдем мы», — испуганно проговорила она и распрощалась со мною.

«Ох грехи наши, грехи, — слышался ее тяжелый вздох в соседней комнате. —Только бы дойти...».

Да, нужна большая сила воли и великая вера в свой подвиг, чтобы, невзирая ни на что, идти по намеченному пути и конца не видеть своему странствованию. Но попробуйте отнять у этих людей их вечное странствование, и вы натолкнетесь на неразрешимую задачу, существенно затрагивающую многие стороны жизни. А сколько такого люду по Руси ищет в странствовании внутреннего умиротворения, примирения с противоречиями, которые создают условия жизни. Нет сомнения, что просвещение, внося свет в сознание массы, сделает невозможным появление подобного типа, но насколько в этом люде останется искание правды, он, вероятно, не исчезнет до тех пор, пока останутся создающие его противоречия. Чистым представителем этого типа был встретившийся мне однажды Афанасий Бездетный, равно как представителем покаяния является известный Ставрополю Василий Босой. Но всех этих вечных странников роднит глубокая вера, трогательная простота, жажда трезвенного слова, вразумления, как жить, желание такого вещего слова, которое бы все разом сказало, и не было бы сомнений, и в этом их несокрушимая сила.

Долго я не мог уснуть после этой беседы, но и во сне мерещилась мне какая-то гигантская сила в образе моей странницы, выраставшей до огромных размеров и стремившейся к разрушению, но быстро исчезавшей в лучах какого-то света, исходившего из храма, где детские голоса стройно и звучно пели: «Разгоняй туманы, солнышко, выходи скорей...». Наконец я очнулся. Дети, собравшиеся в школу, бывшую по соседству, пели. Было утро, и я двинулся в путь. А дождь все поливал.

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Легенда о происхождении реки Томузлова Ставропольской губернии Александровского уезда (из записной книжки 1900 года) // Труды Ставр. уч. арх. ком. — 1911. — Вып. 1 (отд. 2). — С. 1—8.

ÄÅËÀ È ÍÐÀÂÛ. ÊÀÌÅÍÍÛÅ ÄÅËÀ

Более ста лет уже существует наш город Ставрополь, а обыватели его все еще не устроились так, как бы это следовало и не выяснили своих отношений ни между собою, ни к Городскому управлению, ни даже к другим учреждениям и ведомствам, как, например, военному.

Все что касается самых жизненных интересов, все это так запутано, что трудно разобраться. Лес, вода, камень, глина, песок, право поливки огородов, право торговли произведениями своего труда — все это является невыясненным, спорным и порождающим массу осложнений, а на душе обывателя оставляет какую-то горечь, переходящую постепенно в озлобление.

Камень в особенности обострил отношения, так как рубка его дает, что называется, заработок на каждый день. Вопрос о рубке камня поднимался и на днях, но удовлетворительного разрешения, с точки зрения мещан-обывателей, не получил.

Вопрос этот имеет свою историю, и, останавливаясь на нем, мы возьмем материал из судебных дел, возникавших по обвинению владельцев горожан за самовольную, вопреки обязательному постановлению, рубку камня на своих усадьбах. Дела эти начинались у городского судьи и доходили до министра юстиции.

Мы приведем одну из жалоб на имя министра, поданную в 1901 году, содержащую все доказательства, которыми оправдывались обвиняемые.

Дума губернского города Ставрополя обязательным постановлением воспретила выломку камня в местности города Ставрополя даже на собственных усадьбах частных лиц, лежащих на юго-западе от линии, идущей через местный епархиальный свечной завод и Андреевскую церковь, в видах предполагаемого охранения источников питьевой воды. Последствием такого распоряжения было возникновение более 200 дел по обвинению нас, жителей, в нарушении 29-й статьи Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, выразившемся в вырубке камня в районе, воспрещенном упомянутым постановлением.

«Я осужден приговором Ставропольского уездного съезда и теперь снова привлечен к ответственности. В таком повторении проступка оказываюсь виновным не я один, а целый ряд лиц, живущих в одной со мной местности и находящихся в одинаковых со мной условиях. Так как самые условия жизни ставят в такое положение, что даже и наказание не может остановить человека от нарушения, то подобного рода безвыходность заставляет обратиться к вашему высокопревосходительству, потому что на месте и мною, и целым рядом моих сограждан исчерпан обыкновенный путь обжалования, и вслед за оправдательным приговором городского судьи 2-го участка города Ставрополя неизбежно следует по всем таким делам обвинительный приговор Уездного съезда, хотя и не единогласный, а с особым мнением уездного члена, но утверждаемый Ставропольским губернским присутствием, каковые приговоры я считаю незаконными, почему и обращаюсь к вашему высокопревосходительству.

Дело в том, что для значительной части жителей города Ставрополя, бедноты, живущей на окраине, вырубка камня составляет единственное занятие и источник существования с семьей. Благодаря отсутствию промышленности в городе, с прекращением полевых работ даже и те, кто имеет возможность по своим средствам арендовать городскую пахотную землю, с сентября и по март вынуждены сидеть без дела за отсутствием каких бы то ни было заработков, что же касается нас, то воспрещением рубки камня на наших собственных усадьбах у нас отнято единственное средство к жизни, так как добыча камня и продажа его как строительного материала давала нам заработок для прокормления семьи. Вся местность, на которую распространено воспрещение выломки камня (так называемые верхняя и нижняя каменные ломки, аульчик), занята самою бедною частью населения города, едва перебивающеюся изо дня в день поденной работой. Местность эта представляет из себя громадный слой камня в несколько десятков аршин с небольшим наносным слоем чернозема, песка и глины. Как пахотный слой этот нанос совершенно непригоден, так как частью и тонок, и обильно заполняется почвенными водами, благодаря чему быстро истощается, а деревья гибнут, близко встречая под этим слоем камень. Каждый из жителей, купивший в этой местности собственную усадьбу, приступает к вырубке на ней камня и из плохих кусков, «лома», строит себе домишко, а остальной, нарубив собственноручно сотню-другую штук, продает как строительный материал. Открывая такую лаву на пространстве 5—6 квадратных аршин, он идет в глубь на 3—4 аршина, так как при дальнейшем углублении вытаскивание камней на поверхность составляет непосильную работу и потому прекращает дальнейшую вырубку, и лаву эту постепенно засыпает землей. Совершая такую вырубку в задней части своей усадьбы, он обращает это место в огород для посадки различных овощей, а часть занимает садом. Так возник в Ставрополе целый ряд улиц на окраине, именуемой каменными ломками.

Таким образом, самые условия почвы приводят неизбежно к необходимости удаления камня, и в местности безжизненной и прежде совершенно обнаженной от всякой растительности в настоящее время всюду имеются сады. И вот созданием указанного обязательного постановления городская дума сразу изменила весь строй жизни и, резко уничтожив форму труда, выработанного и условиями почвы, и отсутствием в городе какой бы то ни было промышленности, создала для нас неизбежное разорение,

которое не может повести к добру. Между тем усадьба каждого из нас приобретена в собственность и, при невозможности разрабатывать ее указанным способом, она не имеет ровно никакой цены и непригодна для жилья, а приобрести новую нет никакой возможности и никаких средств, город же, посягнув так бесцеремонно на право собственности, не проявил ни малейшей заботливости для вывода нас из такого безвыходного положения, ссылаясь единственно на предполагаемое охранение источников. Но такой рискованный шаг, сделанный указанным обязательным постановлением и создающий такое тяжелое положение целой массы жителей, требовал более серьезного обоснования и более внимательного отношения со стороны представителей города. Между тем, вопрос этот, так существенно затрагивающий благосостояние жителей и ограничивающий право собственности на недвижимые имения, не имеет под собой всестороннего, тщательного и достаточно компетентного исследования.

За основание для суждения о вреде вырубки камня в данной местности взято заключение комиссии, состоявшей из городского врача, губернского инженера (архитектора) и члена городской управы (обыкновенного обывателя-купца, даже без высшего образования), компетенция которых в вопросах такого специального характера подлежит еще оспариванию не только с точки зрения научности, но даже и обстоятельности. Утверждая, что вода источника «Карабина» бывает по временам, в весеннее время, мутной, а иногда с посторонним запахом, и относя это к вырубке камня, комиссия в то же время не обратила внимания на то, что городское управление устроило свалочное для нечистот место около «Круглого леса», и на массу навоза, сваливаемого в конце Карской и Батумской улиц, по берегу «Песчаного яра», каковая местность лежит на линии «Карабина» и служит питанием тому самому «Карабину», о котором заботится городское управление. Весенние воды, омывая навозные кучи в массе, могут нести загрязнение в «Карабин», на что комиссия не обратила внимания, а это-то и служит причиною усмотренного ею помутнения и запаха воды. Словом, самое обязательное постановление не покоится на прочном основании, каковым нельзя признать и заключение горного инженера Омарова, единичному мнению которого нельзя придавать решающего значения, тем более, что, придавая значение камню в сохранении источников, оба заключения его совершенно игнорируют тот единственно важный водоносный слой, который лежит над запретным камнем и безжалостно уничтожается и загрязняется свалками навоза по распоряжению городского управления. Эти указания свидетельствуют о слишком поверхностном отношении городского управления к этому вопросу, а последствием его явилось обязательное постановление, окончательно разорившее нас. В указанной местности среди общей бедноты 445 домохозяев особенно обращают на себя внимание своим бедственным положением, и семьи их, составляя в общей сложности 2417 душ, остаются без куска хлеба. Степень обеднения этой части населения достаточно видна из того, что 324 домохозяина (из 445) совсем не имеют лошадей, между тем как семьи их колеблются от 6 до 13 душ.

Для освещения неправильности решения вопроса об источниках достаточно указать, что само же обязательное постановление разрешает вырубку камня на глубину 3 аршина для устройства погребов. Но если вырубка камня опасна вообще, то не может быть разрешаема и для погребов, и если камень охраняет воду, то нельзя, значит, его вырубать и для указанной цели, а между тем это допускается в массе. Да если бы было верно заключение комиссии и чрез камень проходила вода, питающая источники, то самая вырубка для погребов указала бы на невозможность такой работы и погреба наполнялись бы водой, питающей родники, чего на самом деле нет, равно как ничего подобного не замечается и в старых закрытых и не закрытых лавах, которые бы иначе представляли из себя ряд колодцев, наполненных водой, между тем как мы видим обратное, что засыпанные лавы представляют места, пригодные для обработки под огороды. В то же самое время видим, что погреба, вырытые в верхнем слое почвы, над камнем, с весны и до июня месяца в большинстве случае почти во всем городе наполняются почвенной водой, в таком же положении и подвальные этажи домов. Заслуживает внимания и то, что местная тюрьма со всеми зданиями и все постройки прилегающей сюда местности возведены из камня, взятого в окрестностях источника так называемого «Тюремного», питающего и до сих пор городской водопровод, между тем это не повлияло на количество воды его, да и весь Ставрополь, занимающий пространство в несколько верст, построен из камня, взятого в той местности, где расположены указанные источники «Тюремный», «Карабин». Между тем прошло уже более ста лет, и тот самый источник «Карабин», который когда-то поил своей водой горсть первых жителей слободки при бывшей Ставропольской крепости, ныне служит потребностям 46-тысячного населения города. Несомненно, следовательно, что вырубка камня не имеет отношения к сохранению источника. Но рядом с этим заслуживает внимания то обстоятельство, что изменение качества воды замечено за последнее время, когда городское управление в 1890—1892 годах устроило указанные свалки нечистот отхожих и помойных ям близ «Круглого леса», перерезало навозной плотиной «Песчаный яр», образовав озеро, допустило свалку навоза в конце Батумской и Карской улиц. Все это лежит на линии питания источника «Карабина». А так как наши источники питаются исключительно атмосферными осадками, то возможно, что получившееся загрязнение обязано указанным причинам, созданным самим же городским управлением. Подтверждением этого мнения может служить исследование воды ставропольских источников, произведенное военным ведомством и объявленное в приказе от 6 октября 1900 года. Вода источника «Карабина», питающего городской водопровод, признана неудовлетворительной, как содержащая превышающее норму для хорошей питьевой воды количество хлора, азотной кислоты и

щелочных земель, тогда как родники «Лагерный», «Гремучий» и «Стойло», лежащие вне указанного загрязнения, хотя в той же местности и не в дальнем расстоянии от «Карабина», признаны и по физическим и по химическим свойствам и химическому составу воды вполне удовлетворяющими требованиям хорошей питьевой воды. То же увидим, если возьмем описание этого источника в 81 году у Бахутова (Медико-топография губернского города Ставрополя, стр. 13). Количество воды, получаемое из Карабинского источника в сутки, равно 12628 ведер. Вода этого источника чиста, совершенно прозрачна, безвкусна; из 100000 частей этой воды получено 58 частей твердого остатка, состоящего главным образом из сернокислой извести, магнезии и хлористого натра; органических же веществ и железа следы»; и у Гиргенсона в 1889 году (Химический анализ воды главнейших родников города Ставрополя, стр. 13). «Источник № 4 известен под названием «Карабина» и имеет весьма вкусную, бесцветную, прозрачную и без всякого запаха воду; хотя она, при атмосферных осадках, сильно увеличивается, но не настолько, как в № 3, и при этом остается светлою; температура ее не подвержена особенно значительным колебаниям, сухие остатки окрашены в желтый цвет, но в более слабой степени, чем в источнике № 3». Откуда же явилось найденное ныне загрязнение, если рубка камня в то время, в 1881 и 1889 годах, производилась беспрепятственно и гораздо в большем количестве, и совершалась она в этой местности с самого основания города.

Таким образом, надо признать: 1) что загрязнение источников, если оно есть, происходит не от выломки камня, а от других причин; 2) что решение этого вопроса городским управлением далеко не является безусловно верным и 3) самое обязательное постановление не вытекающим из действительных потребностей населения.

Если же оно по существу своему не может быть признано правильным, то и с точки зрения права, предоставленного городским думам, несомненно составлено с нарушением пределов ведомства городского управления, так как оно ограничивает право собственности частных лиц. По характеру своему приведенное обязательное постановление есть установление права участия в пользовании и выгодах чужого имущества, каковое право может быть установлено только или силою закона, договора или решения, получившего законную силу. Если же оно не вытекает из этих оснований, то и не подлежит охране со стороны государства, как самоуправное (р. г. к. д. 75 г. № 278). В данном случае не только нет ни одного из указанных оснований, но и обязательное постановление создано в интересах городского водопровода, которым пользуется только центральная часть города, жители же окраин, составляя преобладающее большинство, но находясь в 2—4 верстах от водопроводных бассейнов, пользоваться им не могут (окраины довольствуются колодцами). Следовательно, ограничивая наше право собственности на недвижимое имение и лишая нас известных выгод, городское управление действовало не в интересах всего города. Но если бы по обстоятельствам дела и потребовалось такое ограничение, то оно может последовать только в законодательном порядке, постановление же думы является незаконным. Обязательное постановление могло возникнуть не в порядке 108 статьи городского положения, а лишь с Высочайшего утверждения в порядке 575 и 576 статей X тома I части, которые предусматривают и установление права участия, ограничивающего право на недвижимое имущество, городам же закон не дает права разрешать, без утверждения в указанном порядке, вопроса об изъятии из частного владения права пользования или распоряжения хотя бы и на городские надобности (реш. граж. кас. депар. 82 года № 121). А указанное обязательное постановление равносильно изъятию из моего владения недвижимой собственности, в отношении которой у меня отнимается право пользования и распоряжения ею. Порядок, установленный 576 статьей, гарантирует полную целесообразность распоряжения и серьезное изучение вопроса, между тем в данном случае Съезд законность обязательного постановления думы опирает на заключение комиссии, недостаточно изучившей вопрос. 575 статья X тома I части, указывает, что установление права участия и для общественной пользы, каковым в данном случае является обязательное постановление, допускается не иначе, как за справедливое и приличное вознаграждение, поэтому городское управление должно было возбудить вопрос или о добровольной уступке усадеб, лежащих в запретной линии, войдя в соглашение относительно вознаграждения, или же о принудительном отчуждении, для чего и указан порядок 576—577 статей X тома I части, всякие же другие его распоряжения незаконны, почему и указанное постановление думы не обязательно, а следовательно, применение 29-й статьи устава о наказании к моему деянию сделано Съездом неправильно и Губернское присутствие утвердило решение явно незаконно.

Так как Ставропольский уездный съезд допустил нарушение целого ряда законоположений, охраняющих право собственности частных лиц, и своим решением утвердил незаконное распоряжение городской думы, в силу которого по приговору Съезда я был неправильно подвергнут наказанию, то я имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство ходатайствовать пред Правительствующим сенатом о новом рассмотрении моего дела в силу состоявшегося явно незаконного приговора.

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èñòî÷íèêó:
Прозрителев Г.Н. Дела и нравы. Каменные дела. [Место и год издания не установлены]. — 8 с.

ÆÅËÅÇÍ ÎÂÎ ÄÑÊ
(ÈÇ ÇÀÏÈÑÍÎÉ ÊÍÈÆÊÈ 1903 ÃÎÄÀ)

Приютившиеся у подошвы «Железной» горы дачники, «курсовые» и местное население представляют собою точно колонию лилипутов, взгромоздившихся на обширное тело великана и живущих на счет его сил и здоровья. Великан-гора с ее неистощимыми источниками питает и «бодрит» каждого, кто так или иначе входит с нею в соприкосновение. Все, от инженера до мелкой местной хлопотливой хозяйки, все питаются благодаря этой горе, а припадающие к ее живоносной воде из мертвых делаются живыми. Да, воды Железноводска делают чудеса. И какое это богатство! Теперь эксплуатируется какая-нибудь $^{1}/_{100}$ часть того, что еще хранится в недрах горы-великана и могло бы приносить пользу людям. Да и как эксплуатируется!.. Нехотя… Все недовольны, все жалуются: от самых инженеров до скромного туриста, приехавшего на 3—5 дней на группы. «Все по-казенному, по-чиновничьи, и ничего живого».

Но почему же в таком деле нет живого начинания, когда оно может принести только пользу?

— Да потому, что сила солому ломит, что везде протекция, и надо молчать, а в этом деле нужны люди с инициативой, и нужна свобода действия.

— Нас заедает бумагомарание, как и везде. Ну, вот представьте, в каком положении дело. Я узнаю, что Городская управа производит на улице земляные работы и что наши трубы, по которым проведена вода, питающая целый город, почти обнажены, всего на 4 вершка прикрыты землею. Ведь какая-нибудь неосторожность, и весь город может остаться без воды. А это происходить в полосе охраны. Еду, зову городового. «Не мое дело». Пристава: «Не могу, пока не получу бумагу от директора вод». Еду к директору, его нет, он выбыл по службе. Пишу бумагу и оставляю, пока вернется директор, пошлет в свою очередь бумагу в управу, полицию и так далее, а работы-то я все-таки остановить не мог. Да и во всем так. Вот если в этом моторе, который мы теперь осматриваем и от которого зависит все население этой группы, случится поломка, то я не могу исправить, потому нужен расход, и я должен писать, а там уже разберут; а пока что, насидятся без воды». Все это говорило лицо «облеченное» и не без значения.

— Вот Вы спрашиваете, почему не приложены эти чертежи и планы к отпечатанной брошюре, и думаете, что это может быть сделано из расчета. А случилось это потому, что все должно идти тем же путем «писания бумаги», и там разберут. Брошюра была готова к бывшему Съезду, а вышла только теперь, а чертежи эти представлены и лежат с декабря, и сколько еще пройдет времени, неизвестно.

— Да позвольте, ведь брошюра ваша одобрена, и по общему отзыву она представляет большой интерес, и рисунки сделаны именно к ней. Так в чем же дело?

— Да, но на издание нужны деньги, и вот тут-то и беда: и полезно, и одобрили, даже сам министр, но… пока разберут.

Замечательнее всего, что все подобные жалобы на совершенно ненужную медленность и бумагомарание идут от самих же служащих, чиновников.

За короткое время моего пребывания на «группах» я почти на каждом шагу при разговорах слышу эти жалобы: стон раздается во всех концах Руси.

Встречаю старого знакомого, едет из Туркестанского края на север. Большим чиновником стал.

Ну, как у вас, «как жилось?», — спрашиваю.

Ничего, край богатый, но… И пошел рассказывать порядки, в которых слышится тот же стон.

— Представьте себе хлопок. Я приехал, покупал вату по 8 копеек за фунт, три-четыре года назад тому, а теперь платим 20 копеек. А ведь все дело в наших руках, нужно орошение, 30000 десятин пропадают, и деньги есть, ассигнованы, а дело стоит. Стоит, как заколдованное, все терпим: и местное население, и вся Россия, все производство. Дело в руках чиновников, пока напишут, пока разберут, а время идет. «Дело не медведь — в лес не уйдет», — говорили прежде, а на самом деле это неправда: уходит, и мы сами уходим от дела, и между нами и делом вырастает лес, да такие дебри, что потом и не продерешься… Да в других делах тоже.

Те же жалобы слышал от педагогов: «мертвечина, канцелярщина заедает: мы прежде всего чиновники, а потом учителя»…

— У нас, милостивый государь, свои циркуляры, свое начальство: благочинный, консистория, мы те же чиновники; сделаешь что сам, — так потом не отпишешься, а то и в монастырь, воду толочь попросят… Жалуются и духовные.

И представьте, все это случайные встречи, и не было у меня задней мысли вызывать на разговоры на подобную тему.

Сегодня, наконец, встретил офицера с афганской границы. Случайное знакомство, сошлись на экскурсии. Разговорились.

— Да, афганцы народ хороший. Стоим на постах, тут мы, а через речку — их посты. Бываем друг у друга, любезны, офицер их гостеприимен, обходителен. Население, их аулы, дальше верст 30… Конечно, постой и разъезды для надзора есть, но чтобы так, как следует, этого нет. У нас, пока не дано приказание сам не можешь ничего, а то еще беду наживешь. Собственной инициативы мы не имеем; придет предписание, прикажут, ну, тогда другое дело, а раньше ничего не можем. Конечно, случается, что иное дело давно бы пора, да не приказано, ну, а когда придет, то уже поздно, да ничего не поделаешь: «бумага и у нас нужна»… Да, разрослось «крапивное семя» и проросла им вся наша жизнь, и нет на него ни засухи, ни морозов»… Давно как-то читал прелестный рассказ «о крапивном семени», кажется Н. Успенского, и теперь вот вспомнился он.

Чудные уголки наши «водные группы», а самый чудеснейший из них Железноводск. Нет в нем ни жары, ни пыли пятигорской, ни свиней карраских, ни сутолоки кисловодской с ее длинными дамскими хвостами и их необъятных размеров шляпами.

Отдыхать только и можно в Железноводске. На лошадях здесь скачут дети да подлетки, и здесь не мозолят глаза «пылкие» кабардинцы (а попросту канглынские ногайцы), составляющее себе «репутацию» у курсовых наездниц в Кисловодске.

В общем, скромная жизнь не дорога, и можно иметь комнату в 15—20 рублей в месяц с самоваром. Правда, что все грязновато, улицы не метутся, тротуаров нет, дворы грязные, но вся эта людская неряшливость, небрежность и непростительная невнимательность к приезжим — все это выкупается, совершенно тонет, в этой бесконечной, мощной зелени лесов, сплошь покрывающих склоны могучей Бештау, стройной и красивой Железной, причудливой Развалки, окруженных роскошными обширными пастбищами. Дышишь и не надышишься этим свежим, ароматным, упоительным воздухом, который один, словно жизненный эликсир, поднимает силы. Нигде нет такой чудной питьевой воды, как в Железноводске, которую ему дает Развалка из своего четырехградусного источника.

Новинку курортной жизни составляют экскурсии, устраиваемые местным горным обществом. Нельзя не отнестись с полной признательностью к молодому обществу за это доброе начинание. Оно понемногу разовьет у публики вкус к изучению своего края. Мне удалось быть на одной из экскурсий в Развалке и, судя по ней и по отзывам о других экскурсиях, они обставляются порядочно и имеют научный интерес, благодаря объяснениям руководителя, даваемым с полным знанием дела.

Эти интересные путешествия, надо надеяться, отрезвят и всех, жаждущих веселья и театра, и отвлекут хотя немного всех этих «шаляпинисток» и так далее, в которых обращается почти каждая дева и дама, попадая на «курс», тратящая часто последние гроши, даже до невозможности выехать обратно.

В 2 часа 40 минут мы двинулись с платформы «Развалка» вправо от дороги, вглубь леса и направились сначала Железноводским парком по склону Железной горы. Целью экскурсии было ознакомление со строением и происхождением горы Развалки, образованием ее водоемов и осмотр ее источника, питающего Железноводск. Несмотря на довольно крутые подъемы, которых на всем пути пришлось пересечь три, дорога мало утомительна, потому что все время идет лесом и по выходе из парка. После глубокой балки мы пошли по восточному склону Развалки.

Гора Развалка представляет большой интерес, как по той пользе, которую она приносит, питая весь Железноводск своей ключевой водой, так и по своему строению. Что касается ее происхождения, то это, по объяснению руководителя нашего, — дейка, то есть вулканическая порода, выдвинутая геологическим переворотом с большой глубины, причем наносные слои, лежавшие на поверхности, раздвинуты. Эти последние видны у подошвы горы в разных местах в виде мергеля и др. Развалка состоит из главной части, так сказать, массива и осыпи. Но первую часть нельзя в строгом смысле назвать массивом, потому что вся эта порода изборождена трещинами и расселинами. Имеются две главных трещины, идущих взаимно пересекаясь, и, благодаря им, все отваливающиеся части породы имеют ромбовидную форму. Северный склон Развалки имеет северную растительность, тут растет береза, малина, и почва так холодна, что трудно продержать руку под мхом несколько минут. С восточной стороны Развалки — совсем отвесная голая скала, зато с запада она покрыта прекрасным густым лесом и необыкновенно красива. В породе преобладает полевой шпат и видна черная слюдка, которой на Бештау уже нет, а там наблюдается вкрапленной роговая обманка. Страшные куски, вернее громадные глыбы, валяются по лесу, как следы того разрушения, которому подвергается Развалка. Но, несомненно, что падение этих глыб относится к отдаленному времени, потому что между ними и Развалкой теперь растет громадный лес, который, несомненно, не удержался, если б совершилось недавнее падение этих громад.

Но самое главное достоинство Развалки — ее источник. Для пользования водой на северном склоне устроен напорный резервуар в 25000 ведер на высоте 329,65 сажен ниже уровня Черного моря. Здесь же имеется колодезь, и от него идет труба к источнику, который лежит в 300 сажен далее и на 40 сажен ниже. У самого источника устроена насосная станция, в которой при помощи керосинового мотора вода из источника подается в трубу, а далее в резервуар при давлении нескольких атмосфер, и из резервуара уже поступает в главную трубу водопровода. Образование источника

обязано характерному устройству Развалки. Рассевшийся массив горы, изборожденный трещинами, служит прекрасным собирателем всей влаги, попадающей на него в виде разных осадков: снега, облаков, дождя.

Попав на Развалку, вода не скатывается неудержимыми потоками по поверхности ее, а поступает, так сказать, в тайники горы, в ее расселины и пустоты, и опускается все ниже и ниже до слоев непроницаемых, которым и служит наносный слой мергель. И вот на нем-то, благодаря тому, что на северной части горы он образует в глубине складку, получается подземный водоем. Такими же собирателями воды, пополняющими возможную убыль, служат и две глубокие балки, находящиеся по обеим сторонам Развалки. Эти балки-помощницы, наклоняясь к складке, посылают туда как всю влагу, попадающую к ним в виде дождя и снега непосредственно, так и подхватывают те потоки с вершины горы, которые случайно не попали в имеющиеся на горе трещины. Трудно себе представить более идеальное устройство. Нащупав подземный водоем, инженер-строитель остроумно пробил лежавшие над ним пласты, построил бетонный колодезь и устроил насосную станцию.

В прежнее время, до устройства водопровода, подземный водоем сам выливал излишек своей воды и образовал «Графский родник», который теперь, конечно, значительно обеднел. Низкая температура воды Развалки объясняется существованием пустот, которые в изобилии имеются в горе, и обильному испарению при постоянном движении в них воздуха. Рассказывают, что при работах над водопроводом была сделана путем взрыва одна пробоина в горе, из оказавшейся там громадной пустоты такой сильный и холодный шел ветер, что рабочие перепугались, полагая, что дошли до ада. Много труда, знания и денег положено на этот водопровод, но полученные результаты вызывают лишь одну признательность строителю.

Невдалеке от напорного резервуара в лесу руководитель обратил наше внимание на разрушенный погреб или склеп, который, по его словам, представляет древний кабардинский могильник. Но более подробных объяснений — почему именно это Кабардинский могильник, и были ли там найдены кости и другие предметы — наш руководитель дать не мог. Предполагаемый могильник, то есть могила, представляет из себя две стены, сложенных из мелкого камня, а крышей ему служит громадная плита толщиною в пол-аршина, похожая на те глыбы, которые мы видели раньше в лесу, разбросанными в разных положениях: на ребро по 3—4 в ряд и плашмя.

Пронизывающий холод тянул из глубины этого сооружения, когда я в него спустился, хотя и был почти у самого входа в него. Что это было, и кто был строитель — покрыто мраком неизвестности, а все потому, что не было сделано научных исследований, на которые вообще у нас скупы. Говорят, что таких сооружений имеется несколько тут в лесу, другие уверяют, что они тянутся правильными рядами к подошве, но нам осмотреть их не удалось. При устройстве водопровода находили, говорят, черепки посуды из черной глины и самые сосуды небольшой величины, но подробных сведений об этом не имеется. Хотя по рисунку, который инженер по памяти сделал по моей просьбе, можно полагать, что небольшой найденный горшок по форме напоминает те большие кувшины, которые находят в Ставропольской губернии, винные кувшины, называемые мамайскими. При устройстве Железной водской галереи был найден скелет с сохранившимся черепом, но с какими особенностями сказать он не мог.

Говорят, что все это передано в музей бальнеологического общества. Но где этот музей, и как найти это почти мифическое общество, записки которого неведомы никому — вопрос мудреный. Поздно вечером я возвратился с этой интересной прогулки в свой номер и, несмотря на сильное утомление, долго любовался Железным великаном-горой, унизанной у подошвы огоньками, указывающими на скромное завоевание человека…

Да, приложите старание, и гремели бы воды, а теперь они только журчат.

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Железноводск. Из записной книжки 1903 года. — Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1912.

ÈÇ Ý Ï Î Õ È Í À Ð Î Ä Í Û Õ Ä Â È Æ Å Í È É

1

События в Сербии* невольно переносят в далекое прошлое, когда так же неожиданно и, по-видимому, легко рушилось правление и королевская чета пала среди неистовой толпы.

Сто десять лет отделяет эти два грозных события. Да, 110 лет — период длинный, который, помимо ужасов, страшным заревом вспыхивавших за это время повсюду, мог бы многому научить самою своею продолжительностью, но, по-видимому, протекшее время никого не умудрило, если, с одной стороны, солдаты врываются во дворец и совершают перевороты, а с другой стороны, гибнет король, признанный народом.

Прошлое поучительно, и если бы страницы истории не закрывались преднамеренно пред правителями, то не было бы и белградских событий…

…В Тюльери суета… слышатся слезы, крики, угрозы, одновременно идет и выдворение одних, и спешное приготовление комнат для другого назначения. Мы в Париже 6 октября 1789 года, когда прискакавший гонец впопыхах сообщил о необходимости немедленно приготовить Тюльерийский дворец для приезда короля со всем двором, которого начинавшая торжествовать революция возвращала из Версаля в Париж…

За время пребывания королевского двора в Версале Тюльери постепенно был занят самой разношерстной тунеядной публикой, которая там прочно устроилась и, благодаря благодушию и беспечности последнего короля, считала за собой право требовать услуг и дарового помещения: тут были пенсионеры короля, артисты, вельможи, дамы высшего ранга, инвалиды, труппы актеров, чиновники и т.д., и т.д., — словом, целый город, население которого обратило в завоеванную страну эту резиденцию короля. Завоевание это, конечно, совершилось постепенно и являлось неизбежным при той массе, которая составляет двор и из которой каждый имеет силу и значение и может при случае порадеть родному человечку… И вдруг раскаты грома всполошили этот муравейник и обитатели его должны были спешно уступить свое место отступавшему двору…

Явившийся двор представлял из себя целую армию, начиная от парикмахеров, мундшенков, экономов, берейторов, придворных кавалеров, бесконечного числа докторов, аптекарей и других и кончая мальчиками фрейлин, принцесс и истопником королевы (прикомандированным к принцессе). И надо признать, что эта отступавшая армия была в полном неведении относительно новых идей, господствовавших в обществе, и совершенно не понимала совершавшихся событий, в чем положительно убеждают подробности размещения прибывшего королевского двора. Для него не только недостаточно было одного обширного Тюльерийского дворца с отдельными помещениями в улицах Карусель и С. Оноре, но потребовалось занять отель главного конюшего, поместиться в зданиях и балаганах господина де Кота; наняли частные дома в прилегающих улицах, в улице Шантр поместили горничных королевы, в улице С. Оноре —помощников экономов, в улице Дофина — главного лекея короля и в отдельном доме — начальника полотеров главного хранителя серебра, а придворные священники поселились у монахов капуцинов. Все это в связи с перечислением домашних служб, как: мундшенская короля, поварская короля, королевская бокальная, подтопочная короля, булочная короля и так далее, — указывает на полную беспечность и поразительное неведение обстоятельств, царивших в сферах окружавших короля, заботившихся только об удобствах и жизненном комфорте. Время шло, расшатало старые понятия, породило новые требования и иные понимания прав и обязанностей, а правящие сферы как будто жили в другой стране и не слышали голоса жизни, а может быть, умирая для опередившего их народа, не могли уже расстаться с этой массой бесполезных и дорогих слуг и бесконечным числом паразитов, расплодившихся на королевской власти и губивших ее. И все это за 2 $^1/_2$ года до знаменитого 10 августа 1792 года, когда дворец был взят приступом и народ, ворвавшись во внутренние помещения, перебил беспощадно всех заступников короля, который с своим семейством незадолго до этого вышел из дворца, чтоб никогда больше уже туда не возвращаться… Да этот беспечный королевский двор и не думал тогда, что кровь широкими потоками будет литься по этим апартаментам, которые он занимает, что от ярости народа не останется ни один из этих обитателей дворца и что 300 швейцарцев солдат не спасут их от мщения народного, а изуродованные трупы этих храбрецов, составлявших дворцовую стражу, будут валяться неубранными в течение целых суток…

Да, эти картины не рисовались приверженцам короля и всем окружавшим его 6 октября 1789 года, когда двор прибыл в Париж и кое-как разместился. Парижане с удивлением встретили прибытие этой придворной армии, этих бесполезных тунеядцев, этих чиновников с устаревшими и смеш-

* Переворот 1903 года. Настоящая статья была написана еще в 1903 году. (Прим. автора).

ными титулами, от которых Париж совсем отвык за тот долгий период, когда королевский двор не имел здесь местопребывания и в течение которого Париж стал выше мишуры прошлого и перестал верить в декорацию власти.

Напрасно думают многие, что народ стремится к безначалию, что он не хочет власти, наоборот, во все серьезные моменты своей жизни он ищет власть, хочет порядка и терпит старое до той минуты, пока не остановится на воплощении своей воли.

Едва ли кто-либо из царствующих во все времена обладал такою полнотою власти, как парижский конвент, возникший после падения династии, а он был создан самим народом, и едва ли власть законная может пользоваться большим обаянием и безграничностью, какою располагал для современников Стенька Разин и Пугачев, выдвинутые тоже народом. Примеров в истории много. Но народ любит власть целесообразную в ее действиях и верную в удовлетворении его нужд, созданных данными обстоятельствами…

Такою властью уж не была королевская власть Людовика XVI со всеми его старыми феодальными традициями, и потому перемещение влияния и силы составляло простое требование времени. Совершавшиеся события нисколько не двусмысленно говорили, что старый порядок отжил, что одной веры в священное происхождение власти уже недостаточно для ее господства, что народ идет требовать у власти отчета за целые столетия ее правления, и для спасения в такую минуту недостаточно было сердечной доброты и благодушия, которыми обладал с избытком король, а нужна была железная рука и железная воля. Такою и явился сам народ, взявший власть в свои руки в лице группы деятелей, ставших выразителями общего настроения.

С рассветом 10 августа толпа народа бурным потоком устремилась со всех сторон к Тюльери. Не оставалось никакого сомнения относительно настроения окружавших замок, и Людовик XVI, услышав мятежные крики, помолился и решил ждать, запершись со своим духовником. Во дворце все потеряли голову, королева с детьми бегала из комнаты в комнату: то к королю, то в кабинет совещания, где собравшиеся министры тщетно придумывали средства спасти королевское семейство. Между тем народ стоял как бы в нерешительности пред запертыми воротами замка.

2

Только что указанные нами события находятся в тесной связи с другим обстоятельством, одновременно ставшим новостью для Парижа.

Вслед за королем в Париж переехало и Национальное собрание. 19 октября 1789 года. Собрание уже открыло свои работы в Париже. В эти исторические дни Собрание играло громадную роль, и популярность его среди народа еще более возросла с переходом в Париж. Повышенное настроение, господствующее в Париже, теперь в заседаниях собрания, в горячих речах депутатов находило, так сказать, отклик и серьезную поддержку и с каждым днем становилось все определеннее и обозначалось все резче и резче.

В Париже в то время не было здания, которое могло бы вместить депутатов, но, несмотря на это затруднение, все-таки решено было перенести Собрание, и оно временно поместилось в зале епископского дворца. Обстановка была ужасная: теснота помещения, вызывавшая страшную духоту, мест депутатам не хватало, окна надо было постоянно держать открытыми, и в то время, как сидевшие около окон простужались, сидевшие в средине зала задыхались от духоты.

Но не только это не действовало на энергию депутатов, но даже и опасность обрушения верхних галерей не заставила приостановить заседания. Но 26 октября галереи не выдержали, подпорки рухнули, а с ними на депутатов, сидевших в этом месте, полетели публика, бывшая на галерее, обломки, штукатурка, мусор. Произошел переполох. Один депутат был тяжело ранен, несколько ушиблены, но все-таки Собрание еще оставалось в этом помещении 10 дней.

Мы привели эти подробности для характеристики господствовавшего настроения. Все как бы боялись потерять один день, с лихорадочной поспешностью работали над разрешением надвинувшихся вопросов.

Ко времени пребывания Собрания в этом помещении относится знаменитый декрет его, по которому *все имущества духовенства переходили в национальную собственность*. Это было второго ноября.

Дело в том, что, благодаря большому влиянию духовенства как среди высших классов, помещиков, так и при дворе, оно успело скопить громадные земельные богатства в своих руках и пользовалось огромными доходами. Это обладание, давая большие капиталы, в свою очередь еще более усиливало влияние духовенства и, конечно, не могло не противополагать его интересы интересам населения. Духовенство являлось крупнейшим помещиком, и отношения его к населению, работавшему на его землях, так же обострились, как и к помещикам. Это обстоятельство имело большое значение в дальнейших событиях и поясняет то озлобление, которое обнаружилось к духовенству в кровавые дни.

Декрет этот был самым популярным законом, вотированным Собранием в Париже, и тем более произвел впечатление на население столицы, что, с одной стороны, свидетельствовал о стойкости и преданности народному делу депутатов, а с другой, давал народу доход в 150 миллионов.

Изданием этого закона установлено было преобладание нового течения, которое, опираясь на интересы населения, повело борьбу против всяких привилегий и сумело выйти победителем даже в борьбе с всесильным духовенством. Замечательно, что в день этого декрета председательствовал в Собрании депутат от духовенства.

Дальнейшая деятельность Собрания протекала уже в Королевском манеже, который был по возможности приспособлен. Так как манеж был все-таки тесен, то пришлось выселить три общины монахов и завладеть их постройками.

При Собрании было 30 комитетов, и канцелярии их, и архив Собрания требовал много места. Разместились частью в соседних монастырях, а частью даже в деревянных, наскоро сколоченных бараках, в содах ордена Капуцинов.

Один из монастырей, обращенных для надобностей Собрания, входил в самую средину нынешней Вандомской площади.

Площадь эта видела все грозные события этих дней и последующей истории Парижа, а с ним и Франции.

Конечно, и следа не осталось на ней в настоящее время от того, что мы видим в описываемые нами дни.

За Национальным собранием здесь потом возвысилась Вандомская колонна, у Наполеона I, составлявшая апофеоз славы маленького корсиканца, ставшего после бурных дней революции императором Франции. Здесь же в дни Коммуны в 1871 году повержена была эта колонна и сброшена знаменитая статуя. Ныне снова стоит Вандомская колонна, хотя и без статуи, но прах великого корсиканца покоится в Пантеоне в гранитном саркофаге, принесенном в дар Франции Императором Николаем I, и посетители с верхней площади на пьедестале саркофага читают имена его славных побед и сражений и между ними и «Москва»...

Ни от манежа, ни от знаменитого Собрания не осталось и следа, да и самые великие события остались больше в архивах, нежели в памяти потомства...

Но все-таки Собрание разместилось более удобно в манеже, нежели в епископском дворце, и галереи его могли вместить несколько сот человек публики.

Все депутаты разместились на жительство в ближайших квартирах, а несостоятельные из них жили в самом Собрании и были готовы всегда вступить в прения в заседаниях, которые начинались в 9 часов утра и шли по два раза в день.

Все это слишком характерно для того времени и дает лишнюю черточку для обрисовки настроения Парижа. Зала, занятая Собранием, была той, о которой мы упоминали в первой статье, в этой зале был произнесен грозный приговор, потрясший всю Европу, а потому интересно напомнить ее внутренний вид и расположение.

Это была длинная комната, в 10 раз более в длину, чем в ширину, в которой скамьи депутатов были расположены амфитеатром, на половине — трибуна председателя — простой стол, покрытый зеленым сукном, — внизу у стола — секретари, напротив — скамьи и кафедра для ораторов. Депутаты располагались, смотря по убеждениям: направо и налево от председателя. Но впоследствии трибуну председателя перенесли на место кафедры ораторов, а последнюю — на место трибуны, впоследствии чего произошла путаница в размещении депутатов, которые стали: правые — левыми, а левые — правыми, в силу этого названия «правая» и «левая» постепенно заменились названиями *Гора, Равнина, Болото* — выражения, определявшие впоследствии убеждения депутатов.

В таком виде была эта зала в 1792 году, когда в ней заседало Учредительное собрание и затем Законодательное собрание.

Все взоры, все внимание Парижа были сосредоточены на этой зале. Париж чутко прислушивался к каждому звуку, произнесенному с кафедры в стенах этой залы. Газеты оповещали немедленно о тех и других речах ораторов, и листки их, как горящие головни, летели в разные стороны Парижа и Франции. Дальше мы остановимся на газетах того времени и их влиянии.

Все что происходило в Собрании, составляло настолько новую и захватывающую панораму, что ни один француз не мог оставаться покойным: там происходила переоценка всех жизненных явлений, всех условий, в которых протекала жизнь в течение целых столетий, там творился суд народа его именем, там нарождалась новая жизнь и там готовились к похоронам всего старого строя, всего порядка, созданного веками и казавшегося священным.

Войдем в залу в трибуны для публики, расположенной на высоте второго этажа. Все уже готово к заседанию. Входят депутаты. Одеты небрежно, много в больших сапогах со шпорами. Посредине залы 4 пристава, одетые в черное платье со шпагой на боку. Шум. Непрерывная ходьба. Стукотня палками.

«Тише. На места», — кричат пристава.

Голоса их покрываются общим говором и криками депутатов, бесцеремонно перекрикивающимися друг с другом из концов залы.

Председатель потрясает звонком. Пристава хлопают в ладоши, призывая к порядку, но депутаты заняты своими переговорами.

Наибольшее движение в проходах у решетки, где депутаты департаментов и предместья. Туда приходят граждане — патриоты, порвавшие связь с прошлым и желающие заявить о своем сочувствии и преданности новому порядку.

Порядок кое-как восстанавливается.

Заседание началось. Прислушаемся к тому, что говорит Собранию настоятель монастыря Бюрнет, он за собой ведет женщину с тремя детьми.

Что говорит он! Зачем приведены сюда эти крошки, из которых одна еще у груди матери?

Громкий, взволнованный голос священника приковывает общее внимание.

Священник заявляет, что «женщина эта принадлежит ему, а ребенок, которого она держит — плод их любви».

Он указывает на силу привязанности, он не мог побороть своего влечения. Или смерть или жена. Эта женщина протестантка, но это не имеет влияния на него, как на католика. Признание аббата вызывает одобрение Собрания, и он под аплодисменты проходит с ребенком на руках к выходу. Просьба его о сложении недоимки, заявленная тут же, передается в комитет счетов.

В другой раз члены академии приносят в дар Собранию портрет Ж.Ж. Руссо и заявляют, что они «присоединяются к присяге всех французов и обещаются при первой опасности отечества свои ученые атрибуты превратить в оружие».

Подобные заявления равносильны были присяге на верность конституции, и необходимо было разобраться во всей путанице, происшедшей в общественных отношениях. При безбрачии католического духовенства, аббату важна была санкция Собрания на его брак, который, конечно, духовенство не признавало, и, с точки зрения его, аббат был нарушителем церковных правил и дети его оставались незаконнорожденными, а сожитие его простым прелюбодейством. Собрание узаконило его брак и сняло тяготу с его души, и он остался по-прежнему священником.

Вот старец просит у Собрания помощи, он 42 года просидел в заключении и не имеет сил работать.

Вот депутация от предместья Парижа. Оратор заявляет, что население их «признает железо и свободу».

Тут же один депутат привел двух братьев-близнецов, они простые крестьяне-пастухи, но обладают художественным талантом; просит, чтоб они были отданы в ученье для усовершенствования на государственный счет.

Эти, взятые из нескольких заседаний случаи, дают, с одной стороны, представление — что входило в круг занятий Собрания, а с другой — показывают, какое громадное влияние должны были оказывать на население эти заседания, где каждый мог лично или чрез своих депутатов найти ответ на свои нужды и желания.

Главный недостаток старого строя заключался в том, что там отдавалось первое место привилегиям, сословности, происхождению, и за ними все остальное оставалось бесправным. Стоило большого труда, и нужны были выдающиеся способности и таланты, чтоб пробиться простому, худородному человеку, права его, как человека, на участие в общественных делах не признавались.

Наконец, выходят министры, и хранитель печати подает председателю конверт, запечатанный красною печатью. Это письмо короля.

Председатель читает его стоя.

Иногда в Собрание является король.

Последний раз король посетил Собрание 10 августа 1792 года в то время, когда толпа взяла приступом королевский замок в Тюльери, разыгрались ужасные кровавые сцены в залах королевского дворца. Король с семейством укрылся в Собрании. С этого момента он был уже пленником и 13 августа вместе с семейством был заключен в тюрьму Тамиль, где он и пробыл 4 месяца…

Быстро сменявшиеся события требовали резко выраженной деятельности правительства, и в сентябре 1792 года законодательное собрание прекратило свою деятельность, уступив место Конвенту, который с 21 сентября стал заседать в залах Королевского дворца.

Грозные события Французской революции выдвинули целый ряд замечательных личностей, занявших видное место в истории, но едва ли мы ошибемся, если скажем, что самым видным и самым популярным среди них является Робеспьер.

Судьба странно распоряжается людьми. Иногда выдвигается в первые ряды общественной работы и занимает, так сказать, самое кричащее положение человек, таланты которого и преданность интересам общества и народа далеко уступают тому, кто стоит на втором, третьем месте и даже остается в тени. И даже общественные симпатии расточаются часто далеко не в той мере, как того заслуживает человек по своему внутреннему содержанию. Чем объяснить ошибки общественного мнения?

Потомство повторяет имя Робеспьера и, пожалуй, считает его одного творцом французской революции и совершенно не знает имена других деятелей, стоявших рядом с ним и обладавших гораздо большим образованием и талантами. Тем не менее, наиболее видным остается небольшой уездный адвокат из Арраса Максимилиан Робеспьер.

Аррас — глухая провинция; невежество, масса предрассудков, отсутствие общественных интересов у населения, подозрительное отношение ко всяким новшествам — вот условия, в которых приходилось жить молодому адвокату, личные качества которого, сосредоточенность и угрюмость, не способствовали сближению, что делало его мало популярным и давало небольшую практику.

По данным биографов Робеспьера, он еще в детстве был покинут своим отцом и с 10 лет должен был сознавать, что надеяться может только на себя. Вся тяжелая сторона жизни рано стала известна мальчику, и это обстоятельство не могло не отразиться на его характере. В школе, благодаря своим способностям, он идет впереди товарищей, получает награды, но это не сближает, а более отдаляет от сверстников. Задумчивый и сосредоточенный, он не привлекал к себе.

С переходом в Париж в коллегию Людовика Великого Максимилиан нашел себе друга, знаменитого впоследствии деятеля революции Камиля Демулена. По окончании курса в коллегии, Максимилиан вернулся в Аррас и занялся адвокатурой.

Из его студенческой жизни передают интересный эпизод. Во время посещения этой коллегии молодым Людовиком XVI начальство избрало одного из воспитанников, который должен был приветствовать короля стихами, и выбор пал на Робеспьера, которого судьба через 18 лет бросила в водоворот Парижа и который послал на гильотину этого самого развенчанного и униженного короля.

В кладовых лицея Людовика Великого до сих пор хранится классная доска, на которой среди других ученических фамилий вырезано ножом и имя Робеспьера.

Впечатление, которое по возвращении в Аррас произвел Максимилиан в уездном мирке, было не в пользу молодого адвоката. «Его опыты на адвокатском поприще были предметом бесконечных насмешек городских болтунов Арраса, его манера говорить, его слог, впоследствии ужаснувший мир, считался всеми не имеющим никакого значения; и даже, говорят, что один из его товарищей, человек остроумный, считая, что Робеспьер слишком много придает значения тому, что увенчан факультетом в Париже, посвятил ему ироническое двустишие, которое пришлось очень по душе любителям каламбуров.

Впрочем, он свыкся со своим положением: его холодность, строгая выдержанность начали казаться изящными, и общество мало-помалу примирилось с ним.

Он сделался человеком заметным; его грустный вид, его лаконическая речь начинали нравиться.

В Аррасе было тогда, да и теперь еще существует, общество молодых людей, связанных между собой дружбою и любовью к розам, вину и стихам. Робеспьер был там принят».

Но провинция душила его, он не мог удовлетвориться ее скучной и однообразной жизнью, презирал всех этих людей, и они в свою очередь не видели в нем ничего выдающегося. И он действительно мало выделялся. Это было, если так можно выразиться, и дремлющее дарование, которое требовало для своего проявления других условий, широкой кипучей жизни, борьбы, соединенной с опасностью и громким успехом.

Молодой адвокат воспользовался первым случаем уйти из провинции. В 1789 году король созвал генеральные штаты. Робеспьер был выбран и немедленно двинулся в Париж, занял на поездку 10 луидоров и чемодан.

В Париже, куда влекло его внутреннее чутье, он почувствовал себя совершенно беспомощным, затерянным, бессильным и признавался известному Мирабо, что трепещет при мысли приблизиться к трибуне, что он теряет голос, как только начинает говорить. Попытки говорить в Собрании окончились неудачей. Однажды с большим страхом и крайне смущенный насмешками правой, Робеспьер начал говорить против устарелых деспотических форм в постановлениях Собрания: «Божьей милостью мы, Людовик, признав за благо… с нашего соизволения». «Нужно употреблять выражения более простые и благородные, которые свидетельствовали бы о праве народа и вселяли в сердца уважение к закону. Например: народ, вот закон, который желают тебе предложить». Речь эта была встречена ироническими замечаниями и такими же аплодисментами, и Робеспьер, взбешенный таким приемом, смущенный и взволнованный, оставил свое место.

В это время Собрание еще не догадывалось, что имеет пред собою великого трибуна и осмеивает того, кто потом речами своими остановил на себе внимание всего мира.

Как депутат, Робеспьер получал 18 ливров в день и, уделяя часть своей сестре, сам очень нуждался. Для характеристики его прежнего положения в Аррасе и его средств как адвоката может служить сохранившийся список вещей, бывших у него при отправлении в Париж. «Сюртук черного сукна, сюртук травчатого бархата, купленный на толкучке в Париже и перекрашенный; атласная куртка, мало поношенная, бархатные черные штаны, суконные черные штаны, саржевые штаны; все трое очень поношенные; две платяные щетки; две башмачные щетки; 6 рубашек, 6 воротников, 3 пары шелковых чулок, из которых одна почти совсем новая, 2 пары башмаков, из которых одна

новая; пудра с пуховкой; маленькая складная шляпа; костюм адвоката; ящик с шелком, нитками, шерстью, иголками и прочее».

Весьма интересно проследить, как постепенно просыпался в нем великий общественный деятель.

О Робеспьере написано очень много и писателями разных направлений. Но даже и лица, невраждебно относящиеся к нему, считают его честолюбцем с талантами, уступающими значительно другим деятелям.

В одном сочинении мы находим такую характеристику его.

«Честолюбец, преданный своим мечтам, страдавший от неизвестности, уверенный, что его дарования стоят неизмеримо выше его положения, таковым представляется этот маленький депутат-радикал, тип якобинца ограниченного и злопамятного, с неподкупными правилами, неспособного на цинизм добродушного Дантата и чувствующего себя таким же провинциалом среди Парижа, который он надеялся покорить и в котором не пользовался никакими удовольствиями, обедая за тридцать су и редко позволяя себе отправиться в театр, который однако ж очень любил».

Честолюбие Робеспьера рисовало ему картину широкого и скорого успеха, но действительность круто оборвала на первых порах эти мечты.

Неудачи поколебали его уверенность в себе, но это было временно, надежды его не покидают, и вскоре представился случай ему сделать шаг к широкой дороге.

17 июля произошла резня на Марсовом поле, и тут распространился слух, что двор намерен арестовать лиц, пользовавшихся популярностью, почему Дантон, Камиль Демулен, Флерон и Лежандр из предосторожности скрылись из своих квартир.

Между тем Робеспьер с Марсова поля возвращался домой. Толпа, встретив его на улице С. Оноре, сделала ему овацию. Из скромности ли или из опасения быть узнанным полицией, Робеспьер старался отделаться от назойливости манифестантов и искал место, куда бы зайти, пока успокоится улица. Случайно подвернулся ему старик, добродушный буржуа Дюпле и пригласил зайти в его квартиру. Робеспьер воспользовался предложением. Эта случайная встреча имела громадные последствия, являясь одним из тех факторов в развитии молодого депутата, без которого, может быть, не выступили бы так скоро и так ярко сила воли и решимость, дремавшие в даровитой натуре Робеспьера.

Робеспьер, как и все даровитые и самолюбивые люди, был крайне застенчив и при своей сосредоточенности и угрюмости был совершенно одинок; гордость его и сознание своего превосходства не позволяли ему первому сделать шаг к сближению, и он оставался один, что горько отзывалось в душе его. Чтобы ему развернуться во всю ширь его дарования, ему нужна была чуткая, преданная душа, которая бы могла слушать его, восторгаться его речами, разделять его сомнения, ненавидеть тех, кого он не любил, охранять его и одобрять все рискованные его шаги. С такой душой он мог чувствовать себя могучим, он мог думать, что опирается на весь Париж, и идти с полной уверенностью на громадный успех соразмерно мощности своих дарований и широте своих замыслов. Совершенно случайно все это нашел Робеспьер в семье Дюпле.

Робеспьер провел ночь в квартире Дюпле, а наутро вся семья упросила его оставить прежнюю квартиру и занять у них во флигеле комнаты.

С переходом к Дюпле Робеспьер нашел преданных и убежденных людей, ставших для него хранителями, и в то же время он избавился от всяких хозяйственных забот благодаря их предусмотрительности и предупредительности. Здесь он встретил Элеонору, среднюю дочь Дюпле, которая считалась потом его невестою и которая была его ангелом хранителем. О близости ее и влиянии на Робеспьера свидетельствует следующий случай, рассказанный современницею ее, подругою. В школе живописи, где они брали уроки, была и девица Валльер. Однажды Валльер с горькими слезами заявила, что должна умереть.

Дело в том, что революционный комитет приказал ее родителям, благодаря ее красоте, посадить ее на колесницу во время праздника в честь молодости, где она должна будет изображать богиню. Набожные родители не хотели исполнить этого приказания, не решаясь видеть обнаженную дочь свою для потехи толпы. Вследствие этого семья должна быть объявлена подозрительной и заключена в тюрьму. Все были в слезах. Пришла Элеонора, и когда подруги рассказали ей о событии и просили совета, то она сказала: «Валльер, посоветуйте вашей матушке принять предложение, сделать вам наряд и приготовиться, а вы будьте покойны и веселы. В день же праздника вы утром примите рвотного, и по болезни будете освобождены. Я уверяю вас, — добавила Элеонора, — что за вами более не приедут». Все было сделано, как советовала Элеонора, и за Валльер больше не приходили.

При условиях того времени и громадной подозрительности, развивавшейся во время террора, случай этот является красноречивым свидетельством отношений Робеспьера к семье Дюпле.

Робеспьер оставался у Дюпле большую часть времени своей общественной деятельности.

Изменившиеся условия его жизни дали ему возможность приблизить к себе своих почитателей, квартира Дюпле сделалась центром, куда собирались его поклонники, и популярность Ро-

беспьера росла. Здесь делалась как бы проба силы и влияния могучих речей трибуна. Элеонора говорит, что любимым приемом Робеспьера было произносить свои горячие речи, прислонившись спиной к камину.

Установившееся общение с друзьями и знакомыми сделали молодого депутата развязнее, угрюмость исчезла, он сделался привлекательным, интересным, явились поклонницы. Робеспьер незаметно вырос. Даже неудача — он не был избран в ноябре 1791 года в Законодательное Собрание — не повлияла на его честолюбивую душу, благодаря заботливому попечению семьи Дюпле и его друзей. Постепенно Робеспьер сделался даже предметом восторженного поклонения, его именем называли детей при крещении. Англичанка мисс Шепен, миллионерша, предлагает ему принять значительный подарок. Робеспьер отказался. Шепен написала ему: «Не презирайте англичан, не рассуждайте с оскорбительным унижением о робкой преданности англичанки общему делу всех народов».

Робеспьер получает ежедневно письма от своих поклонниц. Некоторые восторгались, а другие предлагали ему руку и сердце. Интересно одно из этих писем:

«Дорогой Робеспьер!

С начала революции я влюблена в тебя, но я сдерживалась и умела побеждать свою страсть. Теперь же, когда я свободна, так как потеряла мужа в Вандейском восстании, я желаю признаться в этом перед лицом Высшего Существа. Ты мое высшее божество, и я не признаю на земле никого, кроме тебя. Если ты так же свободен, как и я, — соединимся с тобой на всю жизнь. Я молодая вдова, 22 лет, предлагаю тебе в приданое истинные качества доброй республиканки и 40000 франков дохода. Если ты согласен на это предложение, отвечай мне, умоляю тебя. Мой адрес: вдове Жакен, в Нант, до востребования. Думай о несчастной, которая живет только тобой. Не клади печати Конвента. Пиши мне как частный человек».

Переписка Робеспьера сохранились в стенных письменных шкафах квартиры Дюпле, где она и была найдена известным Куртуа после падения Робеспьера и занесена в опись. Некоторые из писем приводятся в рапорте Куртуа, прочитанном в Собрании 16 Нивоза III года республики. В них высказывается восторженное чувство людьми солидными, доходящее до обожания. Приведем два письма: «Корона и триумф ждут Вас, и они будут Вам предоставлены, как только гражданская хвала вознесется перед алтарем, который мы Вам воздвигнем и который потомство будет чтить, пока люди будут знать цену свободы».

«Уважение, которое я имею к тебе, начиная с Учредительного Собрания, заставляет меня поместить тебя рядом с Андромедой в проекте звездного памятника».

Если у Робеспьера были поклонники, то были и враги, и потому понятна заботливость Дюпле, сделавшего внутреннюю лестницу, уничтожившую наружный вход в квартиру Робеспьера; он поставил на дверях проволочную решетку, и к Робеспьеру нельзя было проникнуть иначе, как через столовую Дюпле.

Рассказывают о покушении на жизнь Робеспьера молодой девушки Цецилии Рено, погибшей на гильотине.

И сам Робеспьер чутко заботился об охране от своих политических соперников-сотоварищей, и для этого он организовал тщательное за ними наблюдение. Сохранились донесения его агентов.

«...Гражданин Лежандр был вчера третьего числа текущего месяца, около десяти часов утра, под аркой театра Республики, где более получаса беседовал с генералом Парении. Они расстались около 11 часов». И так далее.

«Гражданин Тальен оставался шестого мессидора вечером у якобинцев до конца заседания: он дожидался в улице Оноре перед воротами своего человека с толстой палкой. Мы заметили, что он обнаруживал нетерпение. Наконец тот пришел; нет сомнения, что он был в суде; они прошли улицу Оноре, улицу Луа, бараки, галерею направо от дома Равенства, сели в нижней части сада и, немного погодя, вошли в деревянную галерею, таинственно о чем-то разговаривая и держа друг друга под руку».

«Б.Л. вошел в Конвент одиннадцатого текущего месяца в половине первого, вышел оттуда по окончании заседания, был в улице Оноре дом № 55 с несколькими гражданами, через два часа отправился оттуда в улицу Пер дом № 1430, где пробыл 10 минут, затем вышел на улицу и разговаривал с двумя молодыми гражданами».

«Нет ничего удивительного, что господин Рамбулье, определившийся в полицию через посредство господина Та... и потерявший свою должность, стал одним из тех, кого этот депутат употребляет с целью следить, не шпионят ли за ним. Нет возможности наблюдать за означенным депутатом на его улице: так она коротка и пряма». И так далее.

Наблюдали за Лежандром, Тальеном и другими.

Апофеоз власти, влияния и славы Робеспьера выразился в празднике Высшего существа.

Праздник этот был всецело его делом, и он должен был идти впереди шествия и сказать речь народу.

Вот он сидит в своей скромной и бедно обставленной квартире.

На постели голубой сюртук, нанковые штаны, широкий национального цвета пояс, шелковая шляпа с трехцветным пером, на столе переписаны экземпляры речи, которую должен он сказать народу. Что будет?!

Праздник этот, как известно, был началом падения Робеспьера; речь была неудачна, в толпе слышались оскорбления и угрозы.

Робеспьер, измученный, вернулся домой. Ошибка была сделана…

К этой неудаче присоединилась болезнь Робеспьера и семейные несогласия между его сестрой и семьей Дюпле, вследствие чего, он должен был покинуть квартиру в доме Дюпле.

Все это, именно теперь, было не ко времени.

С болезнью у Робеспьера явилось угнетенное состояние духа, и как бы ослабла энергия. Он нуждался в отдыхе и деревенском воздухе. Но враги его не дремали.

До сих пор существует дом, где помещалась квартира Дюпле и где жил Робеспьер, хотя и надстроенный тремя этажами. Но зала, где собиралась семья Дюпле, сохранилась. Здесь в этой комнате слышались речи Робеспьера, здесь были: Камиль Демулен, Кутон, Сен-Жюст, Давид, Леба, Прюдом, Марлен-де-Тьонвиль. Здесь они говорили об отечестве, свободе и счастье всего человечества…

Теперь эта зала обращена в пекарню.

Судьбе угодно было, чтоб обыкновенный незаметный бывший столяр старец Дюпле сыграл видную роль в истории Франции, возвысившись вместе с знаменитым трибуном, ставшим в короткое время вершителем судеб Франции. Дюпле и его семья была счастлива своим возвышением и приобретенным влиянием, но они не думали, что настанет день, когда и они попадут в тюрьму, не думали, что телега повезет на казнь Робеспьера и его друзей, а неистовая толпа кровью быка окрасит стены дома, где жил поверженный кумир, теперь именуемый тираном. Элеонора не думала, что больше не увидит мать, которую по заключении в тюрьму заключенные повесили на оконном крюке, как сторонницу Робеспьера… Элеонора пережила революцию на 40 лет, она умерла в 1832 году. Сам Дюпле спасся, он был судом оправдан.

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Прозрителев Г.Н. Из эпохи народных движений // Северный Кавказ. — [Брошюра. Год издания не установлен]. — 18 с.

ÐÅËÜÑÎÂÛÉ ÏÓÒÜ Ï Î ÑÒÀÂÐÎ Ï Î ËÜÑÊÎÉ ÃÓÁÅÐÍÈÈ

В целом ряде статей мы уже обращали внимание нашего населения на то, что проведение железнодорожного пути далеко не может считаться безразличным явлением в отношении направления, какое ему будет дано предпринимателями. В особенности это небезразлично для самого Ставрополя, при нахождении его в углу губернии. Городское население почти в 50 тысяч имеет такие крупные интересы, что не позаботиться об них нельзя. А кто же позаботится? Конечно, этих интересов не будет ставить себе на вид то или другое предпринимательское общество, будь то общество Владикавказской железной дороги или какое-либо иное. Каждая такая капиталистическая организация преследует только свои личные выгоды, наиболее солидное и предпринимательски выгодное помещение капитала и всегда останется глухим к стонам того или другого отдельного пункта, если он будет раздавлен и уничтожен на этом пути.

В истории нашего железнодорожного строительства немало примеров, когда бойкий, твердо установившийся пункт, стоящий на старом исторически сложившемся пути, хирел и сходил со сцены в торговопромышленном отношении только потому, что «чугунка» сразу давала другое направление местной жизни, соединяя другие пункты и бросая на произвол судьбы старые. Проходя в стороне, железная дорога отрезывала у таких пунктов их обычный район, и они оставались как орел с подрезанными крыльями. Да так было и со Ставрополем, когда Владикавказская железная дорога бросила его всего в 58 верстах. Всем известно, что пережил Ставрополь в то время, как тяжело это небрежение отразилось на его экономической жизни, какое страшное падение цен на недвижимые имения было вызвано этим. Такая ломка, вызывая перемещение местных торговопромышленных центров, вообще нежелательна, она очень разорительна для населения, вынужденного все создавать на новых местах и за бесценок сбывать все на старом жительстве. Но для капиталистического хозяйства, каким является железнодорожное общество, такое «крушение» значения не имеет, лишь бы его выгоды не были нарушены.

Ставрополю, пережившему уже период оторванности, полной заброшенности, предстоит и еще испытание.

Мы уже указывали раньше, и не раз, что общество Владикавказской железной дороги в своих собственных интересах *должно* начать постройку новых путей по Ставропольской губернии, направляя их к главной линии. Конечно, вся задача общества заключается в том, чтобы с наименьшими затратами захватить наиболее богатые по количеству грузов районы и связать их с магистралью и своим портом Новороссийском. При выполнении такой задачи для строителей, то есть общества, Ставрополь и его возможная судьба так же безразлична, как и судьба самой отдаленной звезды на небосклоне.

Они могут обойти Ставрополь, отрезать у него его район, который дает ему жизнь и населению заработок, и нисколько не задумаются над тем, что они делают.

Ставропольцы должны сами о себе подумать. А намечен путь *строителями* от станции Егорлыка на нашей ветке на село Дивное или на Прасковею.

В обоих случаях у Ставрополя будет отрезано все то пространство, с которого он теперь получает хлеб для своих ссыпок и мельниц. Положение очень серьезное, и городское управление и торговопромышленники должны подумать, что может от этого произойти.

А для этого надо ответить на два вопроса: во-первых, желательно ли оставить Ставрополь упорным пунктом, каким он является теперь с своей веткой, и во-вторых, необходимо ли для него и через него продление пути вовнутрь губернии.

В зависимости от того или иного ответа на поставленные нами вопросы стоят и меры, какие должны принять ставропольцы.

Ставропольская губерния имеет небольшую свою «веточку» от Ставрополя до Кавказской, а все огромное остальное пространство ее лишено удобства железнодорожного сообщения. Настоятельная нужда в такого рода путях давно и всеми сознавалась, но на долю Ставропольской губернии все выпадали разного рода неожиданности, мешавшие тому, чтобы на ее нужды было обращено должное внимание. Конечно, будь у нас земство, тогда представительство интересов населения являлось бы организованным и было бы в руках людей, близко стоящих к населению и знающих нужды края. При отсутствии земства все сводилось к случайному влиянию и простому «усмотрению» административных органов, и никакой систематической работы по той или другой отрасли нужд населения не было, да и не могло быть.

Можно перечислить целый ряд вопросов, не исключая даже и способа отбывания населением разных повинностей, которые трактовались далеко не так, как того требовали интересы населения.

В силу этого, и вопрос о рельсовых путях, и весь дорожный вопрос в губернии был в крайнем небрежении: ни дорог, ни мостов, ни сносных переездов почти не было, и население терпело «крайнюю обиду в проездах по осеннему и весеннему времени».

Губерния прожила уже более 100 лет, и у нее нет ни одной шоссейной дороги, за исключением небольшого кусочка от Ставрополя на Невинку, и то не доведенного до конца. Видно, что не было хозяйского догляда в губернии, и как будто в программу административного управления вовсе не входила хозяйственная, экономическая сторона жизни.

Ко всему как-то относились боком, и если даже поднимался вопрос той или другой важности для губернии, то он скоро потом снимался с очереди, как будто надоедал, и погребался в архивах, где очень много лежит ценных данных для изучения края. Так было с вопросом обводнения, с шоссейным вопросом, с дамбой на Прасковею, с вопросом урегулирования течения реки Кумы, со многими другими и, наконец, с железнодорожным вопросом.

Население, конечно, все ожидало, что начальство подумает, что настанет, наконец, день, когда и «у нас» будет лучше, пройдет чугунка и прочее, но все ограничивалось одними надеждами.

Три-четыре года тому назад за этот последний вопрос для Ставропольской губернии взялось было общество Владикавказской железной дороги, и дело быстро двинулось вперед, были сделаны изыскания, намечены направления, но, говорят, японская война помешала этим начинаниям.

В настоящее время снова выдвинут этот вопрос тем же обществом, и на основании сведений, полученных нами из хорошо осведомленного источника, мы можем сказать, что вопрос этот поставлен неотложно. Собственные интересы общества Владикавказской железной дороги заставляют его во что бы то ни стало не упустить грузы Ставропольской губернии и держать их в своих руках, как оно это имело до сих пор.

Если она не построит двух-трех линий по нашей губернии, то другие перехватят эти грузы, примкнув свой новый путь к одному из пунктов главной линии и направив их помимо Новороссийска. Вопрос этот, повторяем, стоит довольно остро, и потому для нашей губернии, и в особенности для Ставрополя, настоящий момент представляется очень важным. Все жители губернии и ставропольцы-горожане должны взвесить, что для них важно и какое направление более полезно, и сообразно с этим решить, кому из двух соперничающих сторон отдать предпочтение. В особенности это важно для Ставрополя. Наш город стоит в углу губернии и находится в опасном положении с точки зрения «обхода» его. А это в такой мере серьезно, что может грозить городу окончательным упадком.

Если Прикумский край, начиная от Незлобной до Прасковеи, может безразлично относиться к судьбе Ставрополя и даже благословлять судьбу, ожидая в скором времени начала постройки чугунки, то для Ставрополя и его района далеко не все равно, где пройдет вторая ветка, так как она, как подъездной путь, может убить его, отняв хлебные грузы и уничтожив его как центральный хлебный рынок.

В следующий раз мы вернемся к этому вопросу, а теперь обращаем внимание, как нашего городского управления, так и наших коммерсантов, на то, что пора думать самим о себе, а не надеяться на кого-то и позаботиться серьезно, так как положение опасное.

Прошлый раз мы указали на то, что вопрос о проведении рельсовых путей по Ставропольской губернии возник в настоящее время благодаря тому, что того требуют интересы общества Владикавказской железной дороги: надо спасать себя. Когда не было для этого общества опасности и оно было единственным и полным хозяином на всем Северном Кавказе, оно и не думало о Ставропольской губернии и даже к Ставрополю подвело путь после долгих и усиленных хлопот и «хождений», да и за всем этим хотело «сдернуть» шкурку с города в виде весьма солидной суммы.

Но теперь положение другое, и оно должно спешить с «своими» путями вглубь губернии, пока еще другие не стали ему на пути и не вырвали у него обширные районы нашей губернии.

Дело в том, что опасность эта не фиктивная, а вполне реальная сила в виде организованного другого общества, поставившего себе те же задачи железнодорожного строительства, но, конечно, с другими конечными пунктами, и являющегося опасным конкурентом.

При таком положении все чающие «чугунки» могут уже выбирать, что им лучше и могут, что называется, поторговаться, и если не запрашивать, то, во всяком случае, настоять, чтоб их нужды были приняты во внимание и справедливо удовлетворены. Так, например, прежде всего предполагается в виде приманки «взять» направление Незлобная—Прасковея или Минеральные Воды—Прасковея. Конечно, все села и торговцы этого края с радостью откликнутся на это и, как слышно, пробный шар был пущен и возымел свое действие: общества и собственники готовы бесплатно дать землю под полосу отчуждения. Настрадавшиеся от бездорожья жители безусловно, что называется, без оглядки бросятся в эти капиталистические объятия, и не только обитатели этого Прикумского края, но и все население губернии сочувственно откликнется и поддержит это «благодеяние».

Но не надо забывать, что капитал идет туда, где он имеет лучшее помещение, где усилия его окупятся сторицею, и не пойдет туда, где условия сомнительны. Наш Прикумский край — это золотое дно: там миллионы пудов хлеба, шерсти, кож, вина, производства его выражаются в громадной сумме, села по реке Куме почти слились в одно сплошное поселение. Словом, это лучшее

и богатейшее место в губернии. А если принять при этом во внимание, что весь путь предстоящий будет кратчайшим (От Ставрополя до Кавказской 147 верст), так как первоначально изыскания дали 86 верст (Минеральные Воды — Прасковея), а теперь 102 версты (Незлобная — Прасковея), то нетрудно понять, каким лакомым кусочком для железнодорожного общества должен быть этот путь. Если Ставропольская ветка дает громадные заработки, и ее называют «хлебная дорожка», то кумская дорога будет поистине «золотая дорожка».

Ровное место и полное отсутствие серьезных препятствий в проведении полотна делают этот путь легким в постройке, а, следовательно, и дешевым.

А это говорит за то, что не бросаться без оглядки в предложенные объятия, а надо населению подумать, чтобы извлечь наибольшие выгоды из своего положения и соблюсти всесторонне свои интересы. В этом крае много владельческих участков, и для них не безразличны как направление, так и сам строитель.

Дорога будет работать очень хорошо, и общество будет класть в карман выгоды от исключительно благоприятного положения края. А потому не мешало бы подумать населению и о том, чтобы не упускать этот путь в чужие руки, а построить его самому на собственные средства, образовав общество.

Затем и по вопросу о направлении можно кое-что сказать, принимая во внимание интересы всей губернии, так как указанное направление, прежде всего, взято в выгодах строителя.

В вопросе о направлении предполагаемых путей прежде и больше всего заинтересован город Ставрополь. В данное время наш город, хотя и не вполне пользуется выгодами своей ветки, но все-таки пользуется в известной степени выгодами своего положения, являясь упорным пунктом, который собирает грузы для дальнейшего направления на главную линию и в порт. Благодаря этому у нас значительно развилась хлебная ссыпка и город получает доход от существования амбаров на его земле. Нет сомнения, что городское население от существования «хлебного дела» имеет значительные заработки, и потому сохранить за городом данное положение, безусловно, необходимо, и к этому надо приложить старание. Если положение нашей ветки изменится, то экономическое положение города пошатнется. А это последнее очень возможно, потому что Владикавказская железная дорога, преследуя свои собственные выгоды, не будет останавливаться над вопросом, что выгодно или невыгодно для города, раз ее интересы будут соблюдены. Для общества Владикавказской железной дороги важно захватить наиболее хлебный район и будущей ветке дать большую работу. Задача его — создать подъездные пути к своей главной линии, и в этом отношении интересы его противоположны интересам Ставрополя, заботой которого является устройство подъездных дорог к нему, чтоб с помощью их удержать у себя привоз и хлебный рынок.

И вот предполагается взять направление для будущей ветки от станции Егорлык Ставропольской ветки и вести ее вглубь губернии: или на Дивное, или на Благодарное, в зависимости от расстояния и от удобств сооружения.

Несомненно, что этот путь даст массу грузов, дорога будет сильно работать, так как захватит самый хлебный район северной части губернии.

Но что будет тогда с Ставрополем. Ставрополь потеряет Кугульту и все, чем теперь питается его ссыпка. Несомненно, что потеряется смысл иметь амбары в городе и центр хлебной торговли перейдет на новую линию, а может быть, на станцию Егорлык.

В виду этого указанный проект общества Владикавказской железной дороги, как не согласующийся с интересами города, должен быть изменен.

Надо серьезно подумать по этому поводу, и по нашему мнению, не откладывая, теперь же принять меры к серьезному выяснению этого вопроса.

Находя крайне опасным для Ставрополя указанное направление предполагающейся новой ветки, мы вовсе не думаем оставить дело в том же положении, как теперь, то есть Ставрополь при одной его коротенькой дороге. Хотя Ставрополь и извлек выгоды из своего изолированного положения, но дальнейшее течение жизни, несомненно, выдвинет иные условия, а потому нашему городу надо предначертать себе путь участия в экономической жизни края.

Рядом с указанным проектом существует другой, принадлежащий другому обществу, полагающему развить железнодорожную сеть в Кубанской области. Задача этого последнего взять все что возможно с восточной части Северного Кавказа и направить к портам Черного моря, и в этом случае Ставрополь для него представляется первым этапным пунктом к востоку. Не подлежит сомнению, что, при удаче, такой оборот дела отдаст в руки нового общества огромные пространства всего развивающегося края, с его огромным будущим, то есть в сущности весь Северный Кавказ от Каспийского до Черного моря.

Для осуществления этой цели предполагается подойти к Армавиру и соединить его с Ставрополем, а от него вести далее к Астрахани.

Кому из двух соперников удастся скорее занять требуемое положение и приступить к исполнению, сказать пока мы не можем, но несомненно одно, что и второй предприниматель имеет достаточные шансы на успех. Конечно, все решится в Питере, но мы слишком заинтересованы во всем этом домогательстве, а потому и должны принять свои меры.

Конечно, если осуществится указанный проект в этом именно виде, то Ставрополь не потеряет, но надо иметь в виду, что возможны всякие неожиданности, примером чему служит главная линия Владикавказской железной дороги. Эта линия первоначально была намечена на Ставрополь, но затем отошла от него на 60 верст, точно так же, как она оставила в 6 верстах Георгиевск, проходя по глухой степи. Ничего не предрешая, мы все-таки думаем, что более активное участие Ставрополя во всем этом соискательстве послужит точкой опоры для него в дальнейшем, и он не будет безгласным свидетелем в устройстве его судьбы.

Наконец-то наши коммерсанты несколько встрепенулись и устроили частное совещание в обществе взаимного кредита для обсуждения решения общества Владикавказской железной дороги провести линию от ст. Егорлыка на Дивное. Как выяснилось, никакой определенной точки зрения на этот вопрос у наших торговопромышленников нет, главным образом, потому, что они и не останавливали своего внимания на нем. А между тем они и должны сказать решающее слово в этом деле. Мы вчера поставили два вопроса, и на них все должны, серьезно подумавши, ответить. Учреждение, объединяющее наш торговопромышленный класс, должно сделать опрос по возможности большого числа лиц и уже этот материал подвергнуть обсуждению в комиссии. Надеяться же, что большее число членов предположенной городской думой комиссии по этому поводу будет способствовать уяснению вопроса, это напрасная надежда: в комиссию надо идти с готовым материалом, а не для того, чтобы сказать что-нибудь. Раздаются голоса, что с продлением пути чрез Ставрополь вся ссыпка зерновых продуктов, которая теперь сосредоточена в Ставрополе, разобьется по всей новой линии и Ставрополь благодаря этому все потеряет.

В силу этих соображений эти голоса готовы поддерживать теперешнее положение Ставрополя при его ветке, утверждая, что проведение линии Егорлык—Дивное отрежет от Ставрополя тот район, с которого и теперь хлеб идет мимо Ставрополя. Они не думают, что Ставрополь в опасном положении. Другие утверждают, что для Ставрополя одно спасение — добиваться, чтобы линия на Прасковею прошла именно чрез Ставрополь. Для правильного решения этого вопроса нужны данные, и об них должны мы позаботиться.

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Прозрителев Г.Н. Рельсовый путь по Ставропольской губернии. — Ставрополь: Типография наследников Берк, 1904.

Ê ÑÎÁÛÒÈß Ì 1905 ÃÎÄÀ Â ÑÒÀÂÐÎÏÎËÜÑÊÎÉ ÃÓÁÅÐÍÈÈ (ÂÎÑÏÎÌÈÍÀÍÈß Î ×ÅÂÈÄÖÀ)

I

Если судить по настроению правящих сфер Ставропольской губернии накануне 1905 года и тем мероприятиям, какие делались властями, то можно с уверенностью сказать, что вспышка весной 1905 года крестьянского брожения в губернии была совершенною неожиданностью. Особых зловещих признаков деревня не подавала, и обычный порядок управления не нарушался. Наружная полиция, ближайшими агентами которой к населению были урядники, по-видимому, не наталкивалась на выдающиеся факты серьезного недовольства, свидетельствовавшие о скрытом в массе брожении.

Хотя повышение преступности, усиление краж, тяжких побоев и убийств говорило за то, что понизилось уважение к собственности и ценности жизни. В особенности молодежь проявляла при этом жестокость, и длинный ряд процессов в окружном суде, в которых [мне] лично приходилось участвовать, подчеркивал одну особенность — это упадок авторитета к старшим как в семье, так и в обществе; рядом с этим изменились отношения молодежи к церкви и духовенству: прежней сдержанности и благоприличного хождения в церковь не стало, и прежний священник, окруженный ореолом святости, превратился в «попа» — обирателя и дармоеда. Столкновения по этому поводу со старшими вызывали бурные сцены с совершенно новым характером оправданий. Вот все это, характерное само по себе, как следствие психического состояния населения, не привлекало к себе серьезного внимания властей. Да и для того, чтобы не только подметить, но и оценить их по значению как общественное явление, для этого требовался более чувствительный аппарат, нежели каким были урядники. Жандармская полиция и та не была на высоте своего призвания.

Из дел жандармского управления, по которым оно производило дознание, а дела потом поступали в окружный суд, усматривалось, что проявление в губернии так называемых случаев «оскорбления его величества» стало очень частым, и жандармский ротмистр разъезжал для производства дознания по всем направлениям губернии. Прежде случаи эти были окружены таинственностью и влекли за собой продолжительное тюремное заключение и даже ссылку. В них усматривалась политическая тенденция, и это придавало им особое значение. Проявления эти сводились к непочтительной брани, оскорбительным отзывам о царствующих лицах, вольнодумным суждениям о царе и прочему. Раньше, когда в царских кабаках выставляли царские портреты, все оскорбительные выходки имели своим предметом царское изображение. При Александре II этот обычай был уничтожен, и все выходки выпивавших вызывались какими-нибудь рассказами из семейной жизни царя, где и поносилось царское имя.

В каждом отдельном случае в основе лежало пьянство, и окружный суд, куда были переданы такие дела, по большей части и карал на основании второй части статьи уложения, признавая, что виновный совершил поступок по невежеству, легкомыслию или в пьяном виде. Вот все эти и подобные им дела участились за указанный период времени. Эти проявления были единственным показателем народившегося нового настроения в массе, в которых можно было усмотреть политический характер преступности. Ряд таких дел понизил внимание к ним со стороны предержащих властей, и их теперь уже не выделяли в зловещие признаки общественной безопасности.

Таким образом, власти не были обеспокоены нараставшим неповиновением, и властями особых мер охраны не принималось. Во всеподданнейших отчетах губернаторов не освещалась эта сторона жизни губернии, а подчеркивались верноподданнические чувства и подбирались в отчетах самые изысканные выражения чувств, как «обожаемый монарх», «благодетель», «мудрый правитель» и прочее. Все это шло в совершенный разрез с теми слухами и позорящими рассказами о царе, которые главным образом циркулировали в городе, а потом шли в деревню. Царь стал «Николашкой», «дураком», «пьяницей», и вечный авторитет его падал. Но официальные сферы значения этому не придавали.

Заглянуть глубже в настроение населения, оценить его и увидеть серьезные поводы для недовольства вообще на местах было некому, охранные аппараты, даже и жандармерия, были слишком грубы для этого. Рядом с этим в городе среди молодежи шло определенное революционное течение, организовывались партии, и заметно получался уклон к социал-революционерам. Облегчение условий печати способствовало возникновению целого ряда газет тенденционных и революционных. Все стремление редакторов и руководителей партий — было проникнуть в деревню. Но лично это не удавалось, и потому в громадном количестве печатались газеты и листки и рассылались по почте, пользуясь разными адресами. Целый ряд газет сменял одна другую, и вновь издавались при закрытии администрацией. «Голос», «Колос» и ряд других названий, сменявшихся по мере закрытия администрацией.

Главными деятелями в этот период в городе были: Маянц, Краснов (присяжный поверенный), Дементеев (адвокат). Это был уклон социал-революционеров. Но собирала около себя и партия Народной свободы, тогда еще не называвшаяся «кадетами», проводником ее идей были приезжавшие из центра Гредискул, Милюков и другие на месте. Это течение нашло себе отклик и поддержку в газете «Северокавказский край», редактором которой был Воскресенский.

Движение это разрасталось, охватывало все большие круги общества. И вот в противовес ему выступает «Союз русского народа», и в Ставрополь являются погромщики, которые уже работали в других местах. В Армавире разгромили квартиру адвоката Лунина, угрожали другим, и некоторые бежали в Ставрополь. Явившиеся погромщики в Ставрополе намерены были устроить общий погром евреев и интеллигенции. По-видимому, полиция знала о намерении этих лиц, которые действовали с благословения свыше. В Ставрополе в это время происходила смена губернаторов, и управлял губернией вице-губернатор Гарднер. Все признаки намеченного дня погрома были. Для погрома квартиры обреченных лиц ночью помечались крестиками на воротах.

Лично моя квартира имела этот знак, и надо было принимать меры. Я с вечера перевез свои архивные дела и работы, которыми очень дорожил, боясь, что их уничтожат, к учителю Заржицкому и сам ночью выехал в село Медвежье по адвокатскому делу, где у меня были приятели-крестьяне, у которых я рассчитывал, кстати, перебыть эти смутные дни. Что касается жителей города Ставрополя, то я благодаря своей популярности не боялся зверского нападения, но здесь, очевидно, было влияние прибывших погромщиков, у которых были составлены списки лиц, опасных для старого порядка, и потому квартира моя была отмечена. Уверяли, что эти списки составлялись жандармами, которые раздавали их для руководства.

Манифест об учреждении думы взбудоражил всех и главным образом молодежь. И вот семинаристы, гимназисты и другие учащиеся целыми толпами собирались и с песнями расхаживали ночью, торжествуя добытую «свободу»; пелись революционные песни, произносились речи зажигательного характера, и полиция благоразумно не вмешивалась: она была фактически упразднена; а днем устраивались митинги. Движение и ликование молодежи и хождение по ночам были непонятны населению и «Союзом русского народа» — «погромщиками» — истолковывалось как торжество дворян, помещиков, у которых царь отобрал крестьян и землю. И вот они теперь добились свободы владения и снова будут владеть крепостными, а с ними вернется и отобранная у них земля. Этот слух страшно волновал низы и возбуждал вражду к интеллигенции, в которой видели дворян.

Ввиду большого стечения участников движения обыкновенные комнаты были недостаточны для митингов, и просторное помещение редакции «Северокавказского края» уже не представляло удобного места. Зал городской думы по распоряжению городского головы был заперт и охранялся сторожами. Тогда собравшиеся всей массой хлынули в первую мужскую гимназию и захватили там огромный зал, вмещавший свыше тысячи человек. Здесь усиленно начались митинги, после которых участники шли по улицам с пением.

И вот в один из моментов такого хождения на базарной площади по Вельяминовской улице[1] останавливает шедшую группу мещанин и требует ответа: «Чему вы радуетесь? Мы ничего не знаем! Крестьян вам отдают? Скажите! И мы пойдем с вами!». Это было в 12 часов ночи. «Мне пришлось вплотную придвинуться к этим недоумевающим, — говорит очевидец, — и я был крайне поражен таким объяснением нашего ликования, тем более слышались голоса: «А то мы вас!». Наскоро объяснив, в чем дело, ввиду темноты и накрапывавшего дождя, я предложил приходить в следующий вечер на митинг, где и будет разъяснено их недоумение».

В Медвежьем мои приятели ничего не знали, что делается в городе. Подъезжая к Медвежьему, я заметил впереди идущих двух молодых парней, обгоняя которых рассмотрел на них горохового цвета тужурки, хорошие сапоги и особенного цвета и формы картузы[2]. Погромщики, прибывшие на места, имели такую обмундировку, и для меня несомненно стало, что эти два субъекта — из «партии» прибывших, работавших, может быть, в Армавире и направляющихся для той же работы в Медвежье.

Приехав в село, я сообщил об этом исправнику, и он, как помню, сказал, что пошлет сейчас же на разведки. Использовав свое пребывание в селе для осмотра архивов и памятников старины, я через несколько дней возвратился в Ставрополь, где благодаря благожелательности вице-губернатора Гарднера это время прошло спокойно.

Надо сказать, что получение манифеста для всей интеллигенции было праздником, и потому некоторые решили в кафедральном соборе отслужить молебен по окончании литургии, после которого надеялись выступить ораторы и говорить с церковного амвона[3]. Но настоятель церкви священник Яковенко не разрешил, и все бывшие там вышли наружу и расположились перед церковными дверями, а церковь была заперта.

С церковного крыльца ораторы выступили с речами, между которыми были учитель Епифанов, учитель Галушкин, учитель Емельянов и другие. Митинг прошел спокойно, никаких беспорядков не вызвал, но в городе чувствовалось какое-то тяжелое настроение и, по-видимому, что-то ожидалось.

Надо сказать, что все это ликование и движение основывалось на телеграммах и газетах, а власть и духовенство как-то воздерживались от официального публикования распоряжения правительства. Таким образом, создалось разъединение городского общества (интеллигенции) от мещанства, среди которого не было сочувствующих пробудившемуся движению, и в нем приютились «погромщики», вообще его охватил «Союз русского народа» — «черносотенцы». Точно так же и местное духовенство было на стороне этого последнего направления, и почти все были членами союза. При таком положении надо было ожидать взрыва, враждебного первой половине общества.

И вот, двадцать третьего числа неожиданно было сделано распоряжение собраться всему духовенству города в кафедральный собор. Приехал архиерей, и все торжественно с иконами двинулись на Верхний базар (Александровскую площадь[4]), где уже был выстроен деревянный помост, с которого протодьякон должен был возвестить новое распоряжение о созвании Государственной думы. Несмотря на то, что и власти приняли участие в манифестации, но гарантий безопасности для людей другого направления не чувствовалось, и лица, осведомленные в распоряжениях, благожелательные мне, предупреждали, что лучше на площадь не показываться, что мещанство в этот день намерено громить жидов и «свободников», то есть интеллигенцию.

Живя близко к собору и видя проходившую мимо меня процессию, я по лицам участников ее заметил не обычное праздничное настроение идущих на площадь, а озлобление и вражду. Некоторые обращались с угрожающими жестами в направлении моих окон, из которых мне все было видно. Рассчитывая на хорошее отношение у меня с населением, я все-таки решил быть на площади и принять участие в торжестве, несмотря на предупреждение не ходить.

Вся западная часть Александровской площади была занята народом, по подсчету было свыше десяти тысяч человек. Протискавшись сквозь ряды собравшихся, я заметил грубое отношение к себе, и даже знакомые извозчики-мещане встречали меня не обычным радушным приветом, а жестко и грубо, не уступая место. Накануне прошел сильный дождь, образовались лужи, и по площади надо было лавировать, избегая грязи. Поразил меня один знакомый извозчик, за неделю перед этим бывший у меня и благодушно беседовавший со мною о лошадях. Тут он был неузнаваем.

Пока я добрался до помоста, убедился, что что-то «тлеет» среди толпы. Бросилась в глаза торопливость совершения богослужения; все спешили, архиерей сказал несколько слов и быстро уехал в свой дворец. Городской голова Иванов, сказавши краткое приветствие, не вызвал доброго чувства в толпе; нотариус Иванов своим выступлением обнаружил даже протест со стороны присутствующих; больше выступавших не было, и толпа была на мертвой точке, сдержанная и подавленная, ждавшая призыва.

Я растолкнул первые два ряда и быстро поднялся на эстраду. Сняв шапку, я поклонился толпе и со всей мощью своего голоса заговорил: «Граждане ставропольские, желаете ли выслушать меня?». Толпа двинулась к эстраде, и послышались голоса: «Желаем», «желаем», «говорите». Ободренный многочисленностью голосов, я начал свою речь: «Долго ждала Россия настоящего дня...».

Вся речь моя заключалась в выяснении значения новых учреждений, новых дарований правительства, главным образом Государственной думы, которая может стать на защиту народа, тех его слоев, которые не имели доступа к управлению государством. Для толпы это были новые, «золотые» вести и произвели огромное впечатление на слушателей.

Говорил я резко, увлекательно, со всей пылкостью своего темперамента и не щадил голоса, чтобы быть услышанным дальними рядами. Еще, когда я поднялся на эстраду, то заметил, что большой отряд полицейских удалился с площади. Не стало видно наших «верхов» (с Маянцем во главе и кадетов). Они также ушли с площади после того, как одна дама, пытавшаяся говорить в одном конце площади, поднявшись на кучу камней, была сбита оттуда каким-то мещанином, который сорвал с нее шляпу. Таким образом, я остался один пред толпою.

Увлеченный речью и тем вниманием, с которым слушала меня многотысячная толпа, я не заметил капавшего дождя и продолжал говорить с тем же азартом, не покрывая головы шапкою. И вдруг до меня долетают слова: «Накройтесь». Не поняв, я приостановился на один миг «Продолжайте, наденьте шапку!» — кто-то крикнул.

Только тогда я заметил, что голова моя мокрая, и по лицу текут потоки. Это обстоятельство усилило эффект моей речи в толпе, поднялись зонтики, платки, но никто не двинулся с места. Наконец, хлынувший ливень положил конец торжеству, и толпа стала расходиться. И тут-то обнаружилось, что у многих под полой были спрятаны ломы железные, молотки, железные полосы, и они с ними набросились на помост и стали его ломать. И тот же извозчик был вооружен обломком железной полосы. Речь моя, по отзывам всех, произвела сильное впечатление и рассеяла чувство вражды, с которым мещане пришли на площадь.

Повода к взрыву не было, и погром не удался. Евреи пережили тяжкий день, просидев в подвалах. Вскоре оправившиеся власти путем арестов положили конец выступлениям в городе. Многие были привлечены к ответственности, и выделился «Безменовский процесс». В течение этого времени в губернии происходили более серьезные события.

II. Âîëíåíèÿ â ñåëå Âîðîíöîâî-Íèêîëàåâñêîì è äðóãèõ ñåëàõ Ñòàâðîïîëüñêîé ãóáåðíèè

Полицейская стража была введена в Ставропольской губернии на основании закона от 29 декабря 1905 года. Революционные деятели (ораторы) тотчас же начали объяснять крестьянам значение новой меры, указывая, что с введением стражи начнутся особые строгости, а на содержание стражи будут введены налоги. В некоторых селах, особенно при железной дороге, где чаще всего бывали ораторы, постепенно стало наблюдаться недружелюбное отношение к стражникам. В селе Воронцово-Николаевском Медвеженского уезда настроение против стражников настолько обострилось, что местный пристав счел необходимым телеграфировать об этом исправнику.

8 июля 1906 года в селе Воронцово-Николаевском ожидался приезд члена Государственной думы Я.В. Борисова. Население отнеслось к приезду Борисова с большим интересом, так как это была первая Государственная дума, и потому естественно было ожидать большого скопления народа. Революционные ораторы пожелали использовать это и назначили на восьмое число митинг. Местный пристав Погодин, в видах предупреждения митинга, просил земского начальника Пухлякова перенести назначенный сход с девятого числа на восьмое, что земским начальником было исполнено.

8 июля день был праздничный и базарный. Скопление народа оказалось гораздо большим, чем можно было предполагать, так как ввиду ожидавшегося приезда Борисова в Воронцовку стекались жители не только из окрестных сел, но даже из Донской области. Однако главная масса собравшегося народа — местные крестьяне — была отвлечена на сход, и митинг ораторы открыть не могли. Но в самый разгар схода к земскому начальнику явился посланный и сообщил, что с поездом приехал непременный член губернского присутствия Баркалов и просит земского начальника к себе, на вокзал. Земский начальник оставил сход и отправился к Баркалову. Сход разошелся, и вся толпа направилась на базарную площадь, где уже было много народу — и местного, и приезжего…

Ораторы приступили к своему делу. Пристав, желая узнать настроение толпы, приказал бывшим при нем двум урядникам и семи стражникам походить в толпе и прислушаться к разговорам. Ораторы обратились к толпе с призывом обезоружить стражников, чтобы они всех не перестреляли. Затем ораторы в сопровождении своей боевой дружины (человек десять, вооруженных револьверами) отправились искать пристава, а за ними пошла и толпа.

Сначала предполагалось, что пристав находится в гостинице и оттуда наблюдает за всем происходящим на площади. Осмотрев гостиницу и не найдя там пристава, толпа направилась к его квартире. Жена пристава, увидев в открытое окно толпу народа, спросила, что им надо. Ораторы ответили, что они желают сделать обыск, чтобы забрать винтовки. Она просила, чтобы входили не все, а лишь два или три человека, и затем отворила им дверь. Несколько человек вошли, осмотрели квартиру, но винтовок не нашли.

Пока все это происходило, пристав Погодин отправился на вокзал и с отходившим поездом уехал на ближайшую станцию Крученую, откуда и телеграфировал о событии начальству. У некоторых стражников отняты были шашки, которые впоследствии были найдены закопанными в огороде одного крестьянина.

Губернатор, полковник Эльснер усмотрел в деятельности пристава Погодина бездействие власти, ввиду чего Погодин был устранен от должности и предан суду. Дело о Погодине разбиралось в выездной сессии Ставропольского окружного суда в селе Медвежьем 8 февраля 1908 года. После допроса свидетелей товарищ прокурора Вислоцкий не только отказался от обвинения Погодина, но даже высказался: «Нужно поставить в заслугу все то, за что его посадили на скамью подсудимых». Защитник Погодина, присяжный поверенный Левицкий указал на то, что Погодин не допустил таких действий, которые могли повести за собою море крови, загубленные жизни, ненужные страдания. В действиях Погодина защитник видит высшее проявление такта и ума. Суд оправдал Погодина. Но губернская администрация продолжала оставаться при своем убеждении в виновности Погодина в бездействии. Надо заметить, что губернатором в это время был уже Янушевич. Погодин после оправдания подал Янушевичу прошение о восстановлении его в должности и о выдаче содержания, не полученного за время состояния под судом.

Губернское правление отказало в просьбе Погодину, потому что будто бы устранение его от должности и предание суду никакой связи между собой не имеют. Погодин обжаловал в Сенат. Сенат признал жалобу Погодина уважительной и предписал губернскому правлению вновь войти в рассмотрение его ходатайства. Губернское правление опять отказало Погодину, приведя те же мотивы. Погодин опять обратился в Сенат, и только после вторичного предписания Сената Погодину было выдано содержание, но в должности он восстановлен не был.

В журнальном постановлении губернского правления от 27 октября 1906 года сказано, что Погодин проявил полную нераспорядительность, а именно:

1. Получив сведения, что 8 июля 1906 года в Воронцово-Николаевском должен был собраться митинг, и что до 8 июля таковые митинги собирались в степи по ночам близ Капустиной Балки, не употребил необходимых средств к обнаружению таковых.

2. В день митинга, 8 июля, в селе Воронцово-Николаевском своими действиями разбросал подведомственных ему чинов полиции и деморализовал их своей растерянностью, позволив обезоружить их.

* * *

Волнения были в селах Медвежьем, Благодарном, Петровском, Константиновском и в других крупных пунктах губернии. Возникло 70 революционных комитетов, в которых принимали деятельное участие крестьяне. Характер деятельности комитетов был революционный. Вопросы, которые ставились на обсуждение, все сводились к борьбе народа с правительством, к требованию созыва Учредительного собрания, передаче земли народу и отмене частной собственности на землю и другие.

Подъем духа среди крестьян был необычайный. Господствующими в то время партиями были: социал-демократы и социал-революционеры. В Ставрополе они устроили съезд, и на митинге в Народном доме открыто призывали к борьбе с правительством, причем ораторы возглашали: «Долой министерство убийц, погромщиков-палачей!». Все эти идеи широко распространялись по губернии при посредстве целого ряда газет, которые в огромном количестве печатались в ставропольских типографиях. Впереди всех шел орган партии социал-революционеров «Северокавказское слово», затем «Голос» — орган меньшевиков, «Народный труд» — орган партии трудового народа, «Заря свободы» в издательстве Советов солдатских депутатов, «Колос» — газета трудящихся масс и другие. Путем чрезвычайных мер правительству удалось подавить восстание.

Генерал Литвинов прошел с карательным отрядом по губернии с артиллерией[5], которой приказал стрелять в селе Константиновском. Главные деятели партии были арестованы, точно так же были арестованы члены революционных комитетов и преданы суду за нарушение 129 статьи уголовного уложения. Дела эти слушались в особом присутствии судебной палаты с сословными представителями. Мне пришлось защищать обвиняемых в целом ряде дел. Дворянин Безменов, его жена и сын были преданы суду за возмущение крестьян, но судом были оправданы. В этом процессе я также выступал защитником.

Привожу два обвинительных акта: об учителе Георгии Емельянове и о мещанине Филиппе Емельянове. По первому обвинительному акту были преданы суду бывший учитель Георгий Емельянов и 7 человек крестьян, составлявших революционный комитет.

Летом 1906 года в селе Жуковском Медвеженского уезда Ставропольской губернии сельский учитель Георгий Трофимович Емельянов и бывший воспитанник Ставропольской духовной семинарии Нил Фролов устроили на площади два собрания, на которых присутствовали многие жители села Жуковского. Выступив на одном из них в качестве ораторов, Емельянов и Фролов в произнесенных ими речах внушали крестьянам: так как Государственная дума не имеет никакой силы и значения, убеждали народ неповиноваться властям, назначенным правительством; так как начальство должно быть выбрано самим же народом, поэтому крестьяне села Жуковского должны учредить в своем селении Комитет и избрать из среды своей членов его; этот комитет будет управлять селом, и к нему, а не к правительственным властям крестьяне должны обращаться по своим делам; ораторы советовали крестьянам сплотиться, стоять крепко село за село и в случае присылки правительственных войск оказывать последним вооруженное сопротивление.

Тогда же Емельяновым были розданы слушателям воззвания «К крестьянам». Присутствовавшие на собрании крестьяне решили произвести выборы членов указанного комитета, и избранными в числе других оказались вышеуказанные лица. Обвиняемые неоднократно в беседах с односельчанами говорили, что не следует податей платить в казну и давать солдат в войска, что правительственные власти должны быть заменены выборными из среды народа, что в России должен быть установлен республиканский образ правления. Все это удостоверено показаниями свидетелей.

Розданное воззвание оказалось изданным комитетом «Российской социал-демократической партии», и в нем крестьяне ввиду отказа правительства исполнить требования Государственной думы о передаче всех удельных, казенных, кабинетских, монастырских, церковных и частновладельческих земель крестьянам призываются сплачиваться и как одному человеку* свергнуть правительство, несущее гнет и насилие. Обвиняемые не признали себя виновными и объяснили свои действия легальными выступлениями. На основании изложенного учитель Емельянов и названные крестьяне предаются суду Новочеркасской судебной палаты с сословными представителями.

По другому обвинительному акту также предан суду судебной палаты мещанин города Ставрополя Филипп Емельянов на основании 129 статьи уголовного уложения. Филипп Емельянов, будучи

* Так в тексте. — *Здесь и далее примечания В.В. Белоконь.*

ответственным редактором газеты «Колос», поместил статью под заглавием «Две резолюции». Обе резолюции относятся отрицательно к деятельности бывшей Государственной думы, не являющейся выразительницей интересов народа, и, признавая лишь трудовую и социал-демократическую группы в думе, ставят требования:

1. Созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права без различия пола, веры и народностей;

2. Замену постоянного войска нудным ополчением;

3. Отмену частной собственности на землю и передачу ее трудящимся массам;

4. Уничтожение косвенных налогов.

Воззвание заканчивается следующими выражениями:

«1. Пусть же трудовая группа смело отстаивает эти требования и знает, что за ней — великая сила трудового народа.

2. Долой министерство убийц, погромщиков, палачей! Да здравствует борьба за учредительное собрание!»

12 июня в номере 16 помещены две статьи: «Оскорбление народу» и «Рабство — свобода». В первой статье автор указывает на то, что правительство с самого начала вступило в ожесточенную борьбу с Государственной думой, которая все время раскрывала правительственные преступления; во второй статье говорится: «Народ должен, наконец, сказать — или борьба с правительством и его кровавой политикой и свобода, или же рабство, полное гнета и насилий». В двух следующих статьях «Правление страной и съезд» развиваются те же мысли о борьбе с правительством. Обвиняемый не признал себя виновным в нарушении первой части 129 статьи уголовного уложения. По обоим делам я выступал защитником.

* * *

Волнения в селе Благодарном начались в июне 1905 года. Прослышав, что в тюрьме сидит учитель Пучков, некоторые граждане собрались на сход и потребовали от старшины освободить его, но старшина отказал, не имея на то власти. Тогда они с тем же требованием пошли к исправнику Мейлаху, который так же отказывался, но они взяли его, посадили на дроги и повезли в тюрьму для освобождения Пучкова, угрожая, в противном случае, убить исправника. Под этими угрозами исправник приказал освободить его. В ту же ночь Пучков бежал из Благодарного. На третий день прибыл карательный отряд, состоящий из ингушей, и начались аресты.

Старшине было приказано собрать сход, который и был окружен отрядом. Начальник отряда приказал стрелять, выслушав возражение схода. «Я приехал вас карать». Выстрелами были убиты крестьянин Мукасеев и ямщик почтаря и некоторые были ранены. Сход разбежался. Арестованных отправили в Ставрополь.

Карательный отряд пришел в силу того, что граждане хотели обезоружить стражников, которые бежали на ставку. Воинского же начальника Соколовского обезоружили, забрав у него огнестрельное оружие.

III. Âîëíåíèÿ êðåñòüÿí Ñòàâðîïîëüñêîé ãóáåðíèè ñåëà Äåðáåòîâñêîãî è äóõèõ ïðè ïðåäúÿâëåíèè âëàäåíûõ çàïèñåé (1876—1879 ãîäû)

Земельный вопрос исстари составлял на Руси больное место. Русский человек смотрел на землю, как на свою кормилицу, которая потому его и кормила, что он работал на ней, и, работая, он приобретал право на обладание ею. Земля ничья, да божья. Кто при ней, за тем и она. Не только в данном месте клочок земли может быть предметом обладания русского труженика, но и везде, по всему лицу земли русской. Это право за ним сознается, и никто не может препятствовать ни [его] водворению, ни его работе. Такова философия русского человека в отношении назначения земли и своеобразная тенденция в отношении работающих.

На самой заре своей истории русский человек, пробиваясь сквозь мрак темноты и невежества, не оставлял без внимания землю. Он шел через болота, выискивая твердое место, шел в леса, выжигал вековые сосны и дубы; очищал от них почву и, расчистив пожарище, обращал огнище в пахотное поле. Ничто не останавливало его в этом деле.

Постепенно он проложил дороги «прямоезжие» и «прямохожие», с любовью царапал* добытые клочки и трогательно называл землю «матушкой», «родимой землицей». Так, упорно работая и любя жуткую глушь, тайгу и топкое болото, он вышел на простор и стал хозяином всего простран-

* Так в тексте.

ства. Такое начало в его мировоззрении на обладание землей говорит за то, что и в дальнейшем у него могла только нарастать любовь и забота к добыванию земли. Ясно, следовательно, что он исключал всякую возможность возникновения на земле других обладателей, не работающих и не извлекающих из нее жизненных сил вечного пропитания.

С такими мыслями пришел русский человек на Кавказ. Земельный простор, необозримое пространство, поросшее тучной травой, только разжигало аппетиты пришедших и манило все новых неудачников крепостной России. Незанятые, незаселенные пространства говорили о бесхозяйственности этих обширных богатых степей, по которым бегали целые стада коз, оленей и лошадей. Ступив на степи, пришедший считал их своими: он их занимает впервые, а право на них закрепляется за ним его работою, его трудом. Сколько и как он запашет из этих «удобий», вековечных богатств, лежащих впусте, он не думает: направо, налево — ширь, ни пахаря, ни поселенца нет, и некому препятствовать в занятии этих широких пастбищ.

Такая тенденция исключала всякую возможность появления здесь «власти» на эти пустыри и распоряжение ими. А следовательно, о «владельческом» праве и помысла не было. Условия местные в этом отношении только способствовали укреплению такого убеждения, так как кочевник со своей кибиткой и стадом скота нуждался только в траве, стравив которую, он не дорожил клочком, на котором сидел, и шел дальше. А наездник-кабардинец знал только свой аул и свою саклю в крутизнах гор, где он находил возможным выращивать столько, сколько семья могла съесть хлеба. Таким образом, о помещиках-владельцах в этой глуши, вдали от «царской и панской земли», не может быть и речи. Свободная земля, «погибельный» Кавказ — вот все, что предъявлял край пришедшим. Но действительность скоро показала, что безграничная воля и здесь встретит противодействие, как в отношении отдельного лица, так и в отношении самого места на занятой земле.

Ринувшись в степь, пришедший занимал то, что ему нравилось и, конечно, натолкнулся на такое же желание другого, и заселение началось с захватов. Начались споры, недоразумения, столкновения и драки. Захват, самовольное водворение, заселение с каждым годом шло шире и шире, и степь стала местом новой борьбы. При своем просторе степь стала «тесна» неудержимым порывам поселенцев. Одиночки и группы (кучки) выбивали друг друга из занятых мест, и выбитые бродили по краю, не найдя приюта среди широкого обилия свободных мест. Прекратить такой порядок, созданный необузданностью желаний, было в интересах самих поселенцев и, конечно, прежде всего более зажиточной части их.

Рядом с этим беспорядочное расселение с образованием поселков иногда нарушало предположение (план) руководителей поселением (начальства). И вот, разочарование поселенцев: и здесь, на этом безмерном просторе, они встретили ту же власть, и скоро объявился исправник, столь ненавистный по жизни в России. Под влиянием идеи о бесхозяйственности этих пустопорожних земель пришельцы хозяйничали по собственному усмотрению и часто в ущерб один другому. Помимо столкновения из-за лучшего, удобного места, которых на первых порах казалось мало, пошли столкновения и из-за воды. Если приречные места и балки не все были удобны или казались такими для поселения, то еще нужнее была вода, а она не всегда была в должном количестве и, главное, не всегда доброкачественна для питья людей. Это создавало горе поселенцев*, которые болели, и скот падал от плохой воды. Это явление и позже, по оседании селений, заставляло бросать обстроенное поселение и уходить в поиски воды. Целые селения, как и отдельные кучки, бродили с места на место и не знали, где сесть. Все это создавало беспорядочное состояние* пришедших в новый край и, кроме того, лишало их возможности вести правильное хозяйство, а это вело к крайнему обеднению и давало преступный элемент. Разбои и воровство по степям охватили весь край и крайне ухудшили положение обосновавшихся хозяев, а что еще тяжелее было в данное время, так это то, что бродившие шайки, не находя места для поселения, поджигали хлеб и прочее у тех, кто ушел обсеиться.

Таким образом, на первых же порах явилась необходимость вмешательства в жизнь поселян властей, что было и в интересах самих поселенцев. Ясно, что хозяева, успевшие устроиться, приняли сделанные распоряжения в том или ином направлении как меру, способствующую их упрочению, но все остальные считали, что они сидят на «свободных» местах, на «пустом» Кавказе; смотрели на эти распоряжения как на насилие и считали: здесь возвращаются «крепостные времена». Ненавистные заседатели и исправники были лучшим напоминанием старых порядков крепостничества, и это создало общее брожение и вызвало сопротивление властям. Смутное понимание своих прав в новом краю и глубокая уверенность в полном отсутствии «начальства» здесь, а следовательно, отсутствие «права» распоряжаться землей, вселило среди блуждающих поселенцев убеждение, что можно прогнать объявившееся начальство. Распоряжение об освобождении занятого места и переходе на другое, отведенное для поселения, вызвало крупное противодействие среди поселенцев; обыкновенные административные меры при участии сотских и десятских ока-

* Так в тексте.

зались недействительными*, и начальство должно было сознать свое бессилие. И вот тут впервые поселенцам на свободных местах пришлось убедиться, что и здесь власть, от которой они бежали из России, остается по-прежнему в своей силе. Явились казаки, на которых в душе поселенцы рассчитывали как на своих сторонников, и с пиками наперевес и нагайками быстро образумили не желавших подчиняться распоряжениям власти. Началось бегство вразброд — кто куда, и казаки не церемонились с «мужичьем». Эта расправа при помощи казаков и позже применялась к так называемым «дурноселовцам», занявшим не подлежащие для поселения места. Озлобление, вызванное подобными расправами при участии казаков, охватило все население, но, конечно, касалось ближайших исполнителей, которым и приписывалось это распоряжение. К этому времени, с конца XVIII столетия, кавказские земли уже были Екатериною высочайше пожалованы разным приближенным лицам, магнатам, которые, таким образом, на Кавказе явились помещиками. И вот, этот слух о помещиках взбудоражил весь край, и крестьяне, знавшие помещичью расправу и крепостные порядки, бежали как от чумы от мест, где было напоминание о помещиках. Следствием этого был уход крестьян целыми селениями в Персию и даже в Турцию. Это пожалование земель и создало в крае крепостной элемент, хотя и не привившийся к кавказскому строю жизни, тем не менее создало несколько очагов крепостнической жизни и невольного хозяйства.

На эти земли новые владельцы привели из России своих крепостных. Такими пунктами были Скаржинка, Лопанка (имение Сысоевых), Воронцовка (князя Воронцова), Кононовка, Олимпиадовка, Кусаковка. Несмотря на все усилия владельцев создать правильное, образцовое хозяйство, дело не удавалось, выписанные машины портились, ломались, семена съедались, скот калечился. Вечные жалобы крестьян на помещиков заваливали начальство. Обыкновенные меры усмирения крестьян, отказывавшихся подчиняться помещику, не достигали цели и тут прибегали к казакам; дело доходило до кровавых схваток. Особенно среди других выделялись крестьяне помещика Кусакова. Этот владелец был в постоянной тяжбе со своими крепостными, которые отказывались исполнять работы, разбегались, их ловили, возвращали по этапу, помещик ссылал непокорных в Сибирь, они подолгу сидели в тюрьме, обвинялись в злоумышлении на помещика. Словом, это было постоянно горевшее недовольство, желание во что бы то ни стало избавиться от помещика. Общим фоном в этом деле была суровость помещика в управлении имением, хотя он устраивал образцовое хозяйство, выписывал земледельческие машины.

Крупные столкновения крестьян с властями происходили в том случае, когда приходилось переселять (сгонять) поселившихся вопреки плану и общему распорядку. Дело в том, что некоторые из земель пожалованных («высочайше пожалованных») владельцы, сами не занимая земли, отдавали ее в аренду. Все эти магнаты жили в Петрограде** и в Москве и о своих землях знали только по слуху, когда «армяшки» являлись арендовать эти земли. Вот тут-то и происходили недоразумения: земли пожалованные, считавшиеся пустыми и незаселенными, оказывались занятыми жителями со всеми удобствами для жительства и постройками, даже с церковью, и на требование арендатора, заключившего условие с помещиком очистить занятое место, поселенцы отвечали отказом и гнали «армяшку» в колья, приказу начальства не подчинялись. Это было тем более для них невероятным распоряжением, что земли обыкновенно в этих случаях захватывались самые лучшие, удобные, а переселяли на пространство без всякого выбора. Начиналась свалка, и снова являлись казаки и осенью разоряли дома поселенцев по приказанию начальства. Обыкновенно казак захватывал арканом за трубу хаты и разваливал печь, и ставил в тяжелые условия обитателей, которым приходилось выходить в степь в холодное и дождливое время. Все это не обходилось без столкновения и рукопашной, и применялось оружие.

Положение поселенцев было ужасающее, а искать защиты было не у кого. Словом, вся губерния в наиболее удобных местах была охвачена такими столкновениями и расправами. Если было ужасно положение семей и отдельных групп крестьян, то выдающимся примером жестокого и несправедливого отношения к крестьянам властей как местных, так и центральной власти было дело крестьян селения Маслов Кут.

Здесь дело дошло до возмутительного факта, бывшего необычайным даже и в то тяжелое время, а именно в 1853 году. Крестьяне не признавали власти помещика и свою распрю с ним вели 60 лет, доказывая, что они никогда крепостными не были и помещику не принадлежали. Но против них был магнат Зубов, любимец Екатерины, которому была пожалована земля в Ставропольской губернии на реке Куме, где с давних пор возник поселок Кут, а затем разрослось целое селение. Оно заселилось выходцами со всех концов Руси, свободными, не крепостными людьми. Благоприятные условия для жительства способствовали благосостоянию крестьян, и они обзавелись хорошими деревянными постройками и церковью, которую обнесли каменной оградой. Землю эту Зубов переуступил Зотову, а этот, последний, продал как незаселенное место армянину Калантарову. Между тем на этой земле жили свободные крестьяне, которые по законам этого времени считались

* Так в тексте. Нужно: «недействительными».
** Так в тексте.

«принадлежностью земли» и таким образом попали под власть помещика Калантарова. Крестьяне не могли примириться с мыслью попасть под власть «армяшки» и быть его крепостными и вели тяжбу 60 лет, подавая всевозможные прошения и доходя до царя, но кончилось тем, что позваны были казаки и взбунтовавшихся крестьян расстреляли из пушек у самой их церкви, и на месте осталось 700 трупов, кроме раненых. Ввиду особого интереса этого дела мною написана отдельная брошюра, которая и приводится далее «Дело крестьян селения Маслов Кут 1853 года»[6]. В ней подробно обрисованы права крестьян как свободных людей и возмутительное поведение губернатора Волоцкого, приказавшего стрелять из пушек в толпу собравшихся крестьян.

IV. Äåëî êðåñòüÿí ñåëåíèÿ Ìàñëîâ Êóò Ñòàâðîïîëüñêîé ãóáåðíèè 1853 ãîäà

Ставропольская губерния не знала крепостного права. Условия, при которых заселилась эта окраина, таковы, что здесь не было места рабству. Северный Кавказ всегда был местом, где каждый, чувствовавший на себе тот или другой гнет или какое-либо притеснение, находил здесь избавление и полный простор для своей деятельности.

Как только история начинает нам освещать кавказские пространства, мы уже видим здесь различных выходцев из других мест: и берега Терека, Кубани и Кумы, а впоследствии и Калауса всех принимали в свои широкие объятия. Но развившееся внутри России крепостное право дало и Северному Кавказу этот подневольный элемент в состав населения. Крепостные люди, так называемые «беглые», всегда укрывались в кавказских степях от помещичьей неволи, но они, вступая на кавказскую почву, уже переставали быть помещичьими, а делались людьми с полными правами. Никакие преследования и поиски не помогали, и беглые превращались в свободных граждан.

Являясь сюда, такой «панский человек» на случай, когда нельзя было совершенно замести следов ухода из помещичьего гнезда, назывался «Иваном Непомнящим» и под этим прозвищем хоронил свое прошлое. По русским святцам в году 63 Ивана, а потому-то и выбирали это имя, чтобы не провраться, когда именно родился и крестился. В 1872 году, при введении всеобщей воинской повинности, в знаменитом манифесте Александра II был положен конец этим «Иванам» разрешением приписываться в мещане и всем «непомнящим родства», также и «Иванам Непомнящим», и с этого момента они, получив официальное признание, совершенно исчезли из русской жизни благодаря мудрому законодательному акту.

Но помимо этого контингента лиц, на Северном Кавказе и у нас, в Ставропольской губернии, оказался крепостной элемент в своем чистом виде. Это — крепостные крестьяне, приведенные помещиками сюда из своих российских вотчин на «дикопоросшие» кавказские степи, отданные им для заселения. Среди всей массы населения таких пунктов было у нас немного, но тем не менее они темным пятном лежат на истории нашей губернии. Скаржинка, Бургон-Маджары, Кононовка, Сысоевка, Лопанка, Воронцовка (Александровского уезда), Маслов Кут — вот крепостные поселения, и каждое из них имеет свою тяжелую историю.

Изучение прошлого этих пунктов, по характеру своему совершенно чуждых общего строя жизни кавказского населения, представляет громадный интерес, и в этом отношении наши архивы дают весьма характерный и жизненный материал. В настоящем моем сообщении я коснусь одного из таких пунктов, имевшего кровавую развязку.

Селение Маслов Кут лежит на реке Куме, на знаменитой кумской дороге, издревле составлявшей путь народов в пределы Кавказа и ныне являющейся самым оживленным трактом в Ставропольской губернии. Время его поселения неизвестно, но с положительностью можно утверждать, что еще задолго до прихода русских войск на Куму здесь, в «Кутах», в изгибах Кумы, под прикрытием лесов и камышей уже жили русские люди. «Кутов» таких было много, но сохранилась память только о Фроловом Куте и о Масловом Куте. Печально прошлое последнего…

В январе 1853 года в Ставрополь прискакал с Кумы гонец с известием о страшном крестьянском бунте. Бунтуют крестьяне помещика Калантарова в селении Маслов Кут. Спешно выехал на место бывший тогда губернатор Волоцкой в сопровождении казаков, артиллерии и солдат.

В десять с половиной часов 13 января губернатор сел на лошадь и выехал на площадь к крестьянам в сопровождении адъютанта, командовавшего войсками майора Зедергольма, советника губернского правления Крюкова, корпуса жандармов штабс-капитана Лизогуба. Вокруг крестьян расположились бивуаком прибывшие войска, которым еще накануне приказано было пораньше сварить кашу, чтобы к десяти часам утра они могли уже пообедать. Между прочим, губернатор, как видно из его донесения, приказал подполковнику Головину возможно лучше направить одно орудие на то место, где будет стоять он, губернатор, среди крестьян, предполагая, что в это место соберутся самые предводители и зачинщики.

Толпа с надеждой встретила губернатора. Началось увещание… Но не даром начальствующие в губернии всполошились, получив известие о бунте. Крестьяне уже не верили никаким словам,

они ждали одного — воли, и потому после разъяснения губернатора и в ответ на призыв его: «Ступайте, расходитесь по домам», послышалось: «Нет, не пойдем. Ура! Воли, воли хотим!», и 1800 дубин, длинных кистеней, вил поднялось вверх с неистовыми криками.

«Я отъехал к орудию, — говорил генерал-лейтенант Волоцкой, — и приказал стрелять. Я думал, что от первого выстрела толпа рассеется, но ничуть не бывало, они даже не зашевелились.

Четырнадцатью картечными выстрелами, — говорит далее донесение, — убито 86 мужчин, 35 женщин, ранено 140 мужчин и женщин». Насыпи, почти заровнявшиеся вокруг кладбища и около ограды церкви, вблизи самого дома помещика, и ныне уцелевшего, это — могилы тех, кто в злополучный 1853 год задумал о «крестьянской воле», когда она только в 1861 году прилетела соколом на русскую землю со страниц великого манифеста 19 февраля Александра II…

Возникшее следствие, веденное военно-судной комиссией по поводу всего происшедшего в Масловом Куте, раскрыло крайне интересные подробности. Нынешнее селение Маслов Кут уже не имеет ничего общего с теми, кто здесь жил в 1853 году. Те разошлись, хаты продали или бросили, и теперь едва можно найти несколько стариков-очевидцев происшедшего в январе 1853 года. Но все-таки очевидцы целы и хорошо помнят событие.

Зима 1853 года была очень теплая. На Куме льду не было, и барские ледники оставались не набитыми. Но в декабре начались морозы, и к Рождеству лед стал. Обстоятельство это, повидимому, безразличное имеет в данном случае роковое значение. Как раз накануне Рождества Христова сделалась неожиданно оттепель, пошел дождь, и в рождественскую заутреню лед на Куме тронулся, и пошел ледоход. Ревностный барский приказчик, видя это, приказал немедленно ловить лед. И вот бабы решетами стали в воде перехватывать плывший лед и выносить его на берег. В это время как раз люди выходили из церкви.

Эта ловля льда переполнила накопившееся у маслокутцев недовольство, и разразилась буря. С дубинами в руках толпа появилась на улицах и стала вызывать всех из домов, кто желал свободы. Атаман Лемешко и приказчик Башкиров были жестоко избиты, и волнение охватило все село. Мятежники вытащили на площадь столы, установили «круг» и устроили свою расправу: выбрали одного атамана, двух выборных, двадцать стариков и пять писарей. Писаря отбирали руки от тех, кто приставал в «круг» с присягой: «Погибнуть всем, но помещику, проклятому армянину, который нас угнетает, не повиноваться». Надо заметить, что помещик Калантаров был простой армянин и на владение крестьянами, как не дворянин, права не имел. Это обстоятельство послужило главным мотивом в длинном ряде волнений в Масловом Куте.

Установив расправу, крестьяне разослали гонцов по хуторам и другим местам собирать отсутствующих маслокутцев. Опасение, что волнение охватит и другие села, заставило местные власти принять серьезные меры и в Маслов Кут вступило: нижних чинов 230, артиллеристов 122 полубригады конно-подвижного магазина, 221 нижних чинов линейного казачьего войска, первого Волгского полка казаков 210, Хоперского полка — 250, конно-артиллерийской четырнадцатой бригады 2 орудия и 2 легких орудия Георгиевского артиллерийского гарнизона.

Оставим пока эти два враждебных лагеря и обратимся к истории этих крестьян, поднявших знамя бунта. Надо заметить, что в то время бунт разумелся только как бунт против помещика, как и было в данном случае, что и установлено было следствием.

В заботах о колонизации пустых пространств Северного Кавказа правительство принимало различные меры и даже в 1783 году из Астраханской губернской канцелярии, ведавшей и нынешнею Ставропольскою губерниею, был получен указ Правительствующего сената, в котором говорилось, что по плодоносию земель по Моздокской линии раздавать эти земли для заселения, препоручая это единственно генерал-фельдмаршалу князю Потемкину. Распоряжением Потемкина было установлено, что кто в течение 6 лет не заселит взятую землю, от того отобрать ее. И вот, в том же году в урочище Маслов Кут земля была отдана князю Потемкину в количестве 30102 десятин 2170 сажен, как значится по межеванию в 1787 году.

Капитан Ковалевский, управлявший этим имением Потемкина, кликнул клич, и беглецы из разных губерний и Царства Польского потекли на новые земли, и оказалось в 1787 году 394 мужчины и 284 женщины. Но не надо было даже призывать поселенцев, они были здесь и раньше и шли сами, куда было возможно. Земля стала потомственным владением князя Потемкина по рескрипту.

В январе 1789 года последовал новый указ, по которому беглых, зашедших в Кавказскую губернию, причислить к казенному ведомству и наблюдать, чтобы нигде более на порожних землях беглые не селились. Этот указ играл громадную роль в судьбе маслокутских крестьян, которые в силу его были Кавказскою казенною палатою записаны в казенное ведомство в числе 409 мужчин и 309 женщин. Таким образом, поселившиеся в Масловом Куте крестьяне ранее и пришедшие туда после не были крепостными, помещичьими, а были казенными крестьянами, то есть людьми свободными.

По смерти князя Потемкина земля по наследству досталась генерал-майору Высоцкому и была в 1794 году продана камер-фурьеру Зотову. И надо заметить, что в купчей крепости о крестьянах ничего не говорится. Такое выгодное приобретение Зотовым большого имения на Кавказе не осталось незамеченным, и в правительственных сферах, на основании приведенного выше указа о заселении, возник вопрос об отобрании от Зотова этого громадного пространства, как не заселенного. Но по жа-

лобе Зотова последовал указ Императрицы Екатерины II от 21 сентября 1795 года о том, чтобы всю землю и поселившихся на ней жителей и польских выходцев оставить во владении Зотова.

Тут оказалось по справке, что на этих землях, кроме записанных в 1790 году, поселилось еще 294 мужчины и 240 женщин и что они никуда не причислены. Началась переписка — как быть с ними, — и благодаря связям и ходатайству Зотова велено и этих людей оставить за Зотовым, на что и последовал указ 15 февраля 1798 года; были исключены только 11 однодворцев, которых перевели в казенные селения. Так началась неволя маслокутцев.

Следствием установлено, что вся эта документальная история была прекрасно известна крестьянам, и они всегда ссылались на свои права, как *вольных* людей. Хотя указанное высочайшее распоряжение и не было объявлено крестьянам, тем не менее слухи об этом зачислении проникли в население, и началось глухое волнение, а вместе с ним и ходатайство и жалобы на неправильное зачисление. А администрация помещика, уже не стесняясь, начала преследовать всякого, кто не признавал себя за помещиком Зотовым.

В 1789 году в Георгиевский земский суд был представлен крестьянин Неволин, который называл себя казенным, не признавал зачисления за Зотовым и возмущал крестьян. На суде он объяснил, как и другие, что подана жалоба государю и о зачислении за Зотовым им не было объявлено. Вот тут впервые объявляется крестьянам это высочайшее повеление в постановлении уездного суда.

Объявление вызвало сильное волнение, и крестьяне требовали, чтобы им дали указ за подписью государя с печатью его величества. Местные власти ничего не могли сделать, и потребовалась военная сила, причем несколько крестьян были наказаны телесно, 30 человек главных виновников преданы суду и наказаны кнутом с вырезыванием ноздрей и сосланы в каторжную работу, а остальные нещадно биты плетьми.

Крестьянам казалось невероятным, чтобы это зачисление совершилось по указанному «велению», и они охотно верили противоположному уверению. Так, судом обнаружен у них указ 1795 года 21 сентября, где было написано: «Высочайше повелеваем означенную землю и поселившихся на ней польских выходцев оставить во владении Зотова», и пропущено: «поселившихся на ней жителей казенного ведомства». И, кроме того, выписка из «Московских ведомостей», где объявлялось, что просьба их о переселении на казенные земли уважена, а на самом деле последовал отказ по этому ходатайству. Строгое наказание, по-видимому, смирило крестьян, и они, как казалось, примирились с своею участью. По крайней мере, до 1825 года не обнаруживалось между ними на этой почве явных беспорядков.

Но тут присоединяется новое обстоятельство, появление помещика Калантарова. Дело в том, что в 1825 году, после смерти Зотова, у наследников его эту землю покупает армянин Калантаров, названный кизлярским дворянином. Как только дошел до крестьян об этом слух, они подали государю прошение, в котором ходатайствовали взять их в казну и заплатить Зотову 40 тысяч рублей, за каковую сумму покупал Калантаров, обязываясь чрез несколько лет пополнить казне эту сумму ежегодными взносами. К удивлению, эта разумная мера, разрешавшая легко многолетнюю распрю, не встретила сочувствия в правительственных сферах, и комитет прошений отклонил это ходатайство.

Крестьяне были уверены, что на этот раз им удастся уйти от помещика, и, не получив объявления на свою просьбу до 1826 года, еще более утверждались в счастливом исходе своего ходатайства. А в Петербурге тем временем Калантаров совершал купчую крепость и явился господином Маслова Кута. Как громом поразило крестьян, когда к ним явился заседатель Георгиевского уездного суда, стряпчий и прочел им указ областного правления о вводе во владение Калантарова. Прочли купчую крепость и приказали более не ослушиваться новому собственнику. Нечего и говорить, что не только от подписания вводного листа крестьяне отказались, но они заявили и спор, что они неправильно проданы.

Власти, получив от помещика следуемое проездное и потребное довольствие, уехали, а крестьяне немедленно отправили ходоков в Петербург подать лично прошение царю. Выбор пал на крестьянина Глущенко и Кандрашева. Чтобы выехать из села, надо было обойти бдительность местных властей и помещичьей администрации и надо было получить паспорт. И вот по фальшивому свидетельству ходоки добывают паспорт и доходят до Таганрога.

Надо сказать, что на месте во всех инстанциях сочувствовали положению крестьян и потому, насколько можно было, помогали в их ходатайстве, но время было не такое, чтобы можно было открыто поднять крестьянский вопрос. Несмотря на то, что в это самое время на рассмотрении Александра I был проект об освобождении крестьян, тем не менее в жизни строго держались прежних порядков и неослабно блюли помещичью власть.

Помещик Калантаров узнал о поездке ходоков, арестовал крестьянина Богданова, способствовавшего получению паспортов, и принял другие меры. Арест Богданова вызвал сильное волнение: толпа крестьян явилась в сборную избу и освободила его, заявляя, что он действовал по приказанию мира. Явились власти из губернии и начались аресты.

А ходоки исполнили все-таки свою задачу. Выждав на пути, когда государь ехал в Крым, они 22 октября 1825 года подали ему свое прошение в собственные руки. Такое же прошение они подали чрез начальника Главного штаба. Что делалось у них в родном селе, они не знали и с радостною вестью спешили домой. А тем временем в селе чинился розыск. Советник губернского правления

Давыдов 17 человек отправил в тюрьму, 10 были преданы потом суду. Следствие было поручено уездному предводителю дворянства Толмачеву и полковнику Пирятенскому.

Выяснилось, что кроме тех ходоков был послан еще крестьянин Остапенко в Москву к государю. Остапенко был признан судом виновным в подстрекательстве и по наказании сослан в Сибирь. В жалобах своих крестьяне единственно просили о милости и доказывали, что они неправильно проданы, и жаловались на притеснения со стороны помещика Калантарова. 25 мая крестьянам объявлен был отказ на их прошение от Комитета прошений. Все это, в связи с усмирениями и преданием суду, вполне развязывало руки всей помещичьей челяди, начиная с управляющего, и полный произвол царил в управлении крестьянами.

Ни наказания по суду, ни вычитывание отказа на их жалобы не помогали, и крестьяне стояли на своем, что суд и власти действуют вопреки действительному повелению царя и обвиняли власти в потворстве Калантарову. Действительно, с переходом имения к Калантарову положение крестьян ухудшилось. Жалобы они подавали всюду, и везде встречали одно и то же, но все-таки не переставали отыскивать «свободу». Власти принимали разные меры, из которых главными были воинские команды и ссылка в Сибирь. Между тем следствием установлено было жестокое обращение Калантарова и его приказчика и обременение крестьян излишними работами. Но эти деяния были подведены под манифест, и Калантаров и его приказчик от наказания были избавлены. Надо отметить одну интересную подробность, что под действие того же манифеста был подведен и чиновник Алексеев, писавший прошение крестьянам на том основании, что написанное им было правдою.

Так тянулось дело до 1833 года, когда счастье вдруг повернулось на сторону крестьян. Последовало распоряжение вновь назначенного главноуправляющего на Кавказе и в Грузии взять Маслов Кут в опеку, так как помещик Варлам Калантаров был признан виновным в злоупотреблении властью над крестьянами. Вздохнули маслокутцы, но не надолго. Оказалось, что переменилось только по виду управление, а притеснения и обиды остались те же. Житья не было и от опекунов. Снова начались жалобы, и не было учреждения, где бы не заявляли маслокутцы о своей несчастной доле. Надоели они своими жалобами в Петербурге, где видели, что сломить упорство их нельзя; и вот в 1839 году последовал высочайший манифест, чтоб прекратить все дела о маслокутцах, как по прошениям их о даровании свободы, что было равносильно бунту, так и дело об отказе их дать подписку в неослушании помещичьей власти.

Надо удивляться непоколебимой энергии крестьян и вере их в то, что царь даст им свободу от помещика и не попустит их в обиду, но что прошения их до него не доходят. Длиннейшие допросы целого ряда комиссий и следователей на протяжении 60 лет установили это с полною ясностью. Приведенный указ, освободивший крестьян от преследования, с одной стороны принес им успокоение: все было предано забвению, всех выпустили из-под ареста, освободили от подозрения; а с другой стороны, дал им уверенность, что дело их признано правым. И вот. Когда после смерти Варлама Калантарова имение перешло Акиму, Гавриилу и гвардии штаб-ротмистру Герасиму Калантаровым, крестьяне снова начали свое домогательство. В 1842 году они подали прошение начальнику области о даровании им свободы, ссылаясь на упомянутый указ. Конечно, последовало разъяснение, что они заблуждаются. Но это не помогло.

Снова к царю шлют гонцов маслокутцы. Но выбраться из села нелегко, надзор крепкий. Как быть? И вот на берегу реки Кумы находят повозку без задних колес, принадлежащую крестьянам Васильченко и Шульеву, а лошадь одного из них прибежала домой с одним хомутом. Ясно было, что приятели, переправляясь чрез Куму по хозяйственным надобностям, утонули. Так и порешили. Но вскоре Герасим Калантаров узнал, что мнимые утопленники пробрались в Питер подать жалобу государю. Началось старое тягание. Приехали власти, опять стали требовать подписку, но крестьяне стояли на том, что ждут царского разрешения на их прошение о даровании свободы, которое привезут Васильченко и Шульев. В 1845 году от Комитета прошений объявлен [был] им отказ и на это прошение, но крестьяне не поверили и просили разрешения послать других ходоков.

В это время на Кавказ был назначен знаменитый князь Воронцов с большими полномочиями. Слух о его гуманности и готовности прийти на помощь нуждающимся возбудил надежды и у маслокутцев, и они во время его проезда чрез Воронцовку на Куме подали ему прошение с тем же старым содержанием. Князь Воронцов первый властно заступился за крестьян и, хотя по вопросу о свободе ответил, что это противоречит существующим законам, но зато призвал Калантарова и лично сделал ему внушение за притеснения и жестокость в отношении крестьян и предупредил, что он может быть подвергнут всей строгости законов.

В то время это был шаг, который мог себе позволить только такой человек, как Воронцов, обладавший громадным доверием государя. Но какова была сила, державшая сторону помещика, видно из того, что вслед за этим последовало донесение пятигорского предводителя дворянства о неосновательности жалоб крестьян на жестокости, и гражданский губернатор, проверявший донесение предводителя дворянства, в свою очередь донес, что он заезжал в Маслов Кут и нашел, что крестьяне в прекрасном положении и жалобы их несправедливы.

Вслед за этим донесли Воронцову об упорстве крестьян, посему Воронцов приказал объявить им, чтоб они дали подписку, что не будут больше подавать прошений на высочайшее имя, а в про-

тивном случае будут ослушниками царской воли. Крестьяне выслушали объявление молча и на вопросы отвечали, что они уже не ищут свободы…

Одновременно, вероятно, сделано было новое внушение Калантарову, так как он заявил, что крестьяне живут тихо и не выходят из повиновения. Настало, по-видимому, успокоение… В 1850 году снова вспыхнул огонь. По распоряжению помещика два крестьянина ссылались в Сибирь как возмутители. Толпа бросилась к сборной избе и пыталась освободить заключенных. Но явился заседатель, и все участники были наказаны. Затем, при новой попытке сбросить с себя лишние работы, исправник Бетаки и заседатель Фелатьев учинили расправу над крестьянами, и 70 человек были телесно наказаны. Замечательно, что на возникшем следствии никто не мог установить, за что были наказаны крестьяне.

Так мы подходим к злополучному 1853 году. Все сказанное вполне убеждает, что целым длинным рядом годов чаша терпения маслокутцев наполнилась до краев всевозможными несправедливостями в отношениях к ним. Состояние их было таково, что достаточно было самого незначительного обстоятельства, чтобы потерять самообладание и идти на явную смерть, лишь бы как-нибудь изменить свое положение.

И вот эти крестьяне на площади своего села стоят пред войсками и пушками с женами и детьми, где мы их оставили, занявшись прошлым Маслова Кута. Все дали клятву умереть. Толпа прижалась к каменной церковной ограде, а с других сторон обставила себя повозками без колес с бочками на них, наполненными водой. Все вооружены дубинами, даже дети на руках матерей имели в руках палочки, как символ сопротивления и борьбы не на живот, а на смерть. Атаманом восставших был крестьянин Кикот.

Решившись умереть, маслокутцы на другой день Крещения просили своего священника покропить их святой водой и привести к присяге: «Не выдавать друг друга и не отставать от общего согласия». Но духовенство, прибывшее по распоряжению властей для увещания, решило сделать крестный ход. Процессия вышла из церкви, и священник Миловидов начал речь текстом из Священного Писания.

Толпа ждала не того… «Вы, отцы, не христиан увещать, а проклятого защищать вышли», — раздался громкий голос из толпы, и все собравшиеся, потрясая дубинами, закричали: «Никогда не подчинимся помещику, пусть бьют из пушек, не уйдем отсюда…». Священники удалились.

Собрались власти, стягивались войска, а толпа не расходилась. 12 января губернатор приказал оцепить толпу и отрезать сообщение с домами. Благочинный Попов, вышедший на увещание, говорит в своем донесении, что «утро было холодное, сильный дождь со снегом делал холод нестерпимым, а крестьяне оставались на площади».

Архив сохранил нам речь благочинного Попова. Это весьма прочувствованное слово. Многие в толпе плакали, но решения своего не изменили. «Ни Святой Николай, ни сам Бог не переменит наших решений», — кричали в толпе, и, действительно, не подействовали ни слова священника, ни новое увещание губернатора, и только пушки сломили упорство несчастных маслокутцев.

В донесении губернатор между прочим говорит: «И после выстрелов они продолжали упорствовать и даже ободрились, когда атака волгских казаков не удалась. Это вынудило меня действовать против них картечью.

Заметив после нескольких выстрелов, что мятежники начали робеть, я велел прекратить пальбу и приказал охотникам двух сотен Волгского казачьего полка спешиться и оттащить те повозки с бочками, которые прикрывали левую сторону пространства, занимаемого бунтовщиками, и сам поехал наблюдать за исполнением моего приказания. Толпа крестьян отчаянно бросилась с дубинами на приближавшихся к их искусственной ограде казаков, но в эту минуту картечный выстрел, сделанный по приказанию подполковника Головина и попавший в самую кучу, заставил ее отхлынуть назад. Тогда молодцы-казаки под начальством неустрашимых своих офицеров есаула Кармова и подпоручика Бирюкова, несмотря на сопротивление крестьян, ловко оттащили телеги, и при этой схватке ранен только один казак в голову. Вскоре за сим значительная часть бунтовщиков перебралась через калитку и чрез стену в церковную ограду, а прочие разбежались.

Так как войска, будучи на бивуаках, нуждались в топливе для варенья пищи и для костров по случаю мороза и холодной погоды, а между тем жители выгнали из селения весь свой скот на хутора, вывезли туда же свои повозки, почему не было возможности послать в лес команды за дровами и уже наступил вечер, то я приказал собрать все дубины, колья и длинные кистени, служившие оружием бунтовщикам, и раздать их в войска взамен дров. Солдаты и казаки перенесли оные в свои команды на руках, и сверх того собрано было еще несколько подвод, на которых также перевезены были дубины к войскам.

Из брошенных бунтовщиками разного рода дубин представлены были мне в самый день усмирения мятежа исправником Бетаки три дубины, как особенно замечательные: на одной набито железное зубчатое кольцо, на другой — железная головка вроде безмена, третья же средней величины палка с деревянною булавою была отнята у малолетней девочки лет тринадцати или четырнадцати; эти три дубины я взял с собою, а потому их приобщил к делу».

Усмирение кончилось. Настала экзекуция… Началось дело. Военно-судная комиссия работала до 6 мая 1855 года, когда объявила свою сентенцию. «Крестьян Шелеста и Богданова, как зачинщиков, руководителей и главных виновников, по лишении всех прав состояния [приговорила]

к наказанию шпицрутенами чрез 500 человек 8 раз и ссылке в каторжную работу в рудниках на 14 лет; 25 человек к тому же наказанию 7 раз и в каторгу на 12 лет; 28 человек к наказанию по 80 ударов розгами и к ссылке в арестантские роты на один год или, за неспособностью, в Восточную Сибирь на поселение; 520 человек к 60 ударам розог; главного виновника Петра Зайцева, два раза бежавшего из-под стражи, наказать по поимке его шпицрутенами чрез 500 человек 10 раз и с лишением всех прав состояния сослать в каторжную работу в рудниках на 18 лет.

...Но за силою всемилостивейшего манифеста 27 марта 1856 года их всех от телесного наказания освободить.

Происходившие во время управления Герасимом Калантаровым имением отступления от законного порядка представить на усмотрение начальства. Прогонные деньги, употребленные по этому делу, в количестве 2379 рублей 19 копеек взыскать с крестьян, обличенных в участии в бунте».

Дело этим не кончилось и снова было пересмотрено в 1857 году при князе Барятинском...

Ныне дело принадлежит истории, а для историка важно установить, что эпоха, которая считает выработанные ею формы жизни незыблемыми и приносит им в жертву счастье отдельных лиц, такая эпоха не будет иметь исторического будущего.

V. [Âîëíåíèÿ êðåñòüÿí â ñåëå Âîðîíöîâêå]

Такое состояние крестьян, состояние волнения, царило в губернии с начала поселения, с момента образования Кавказского наместнического правления. Волнение то затихало по местам под давлением розог, то снова вспыхивало. Но эта мера не была средством для окончательного усмирения. Тяжелым примером* является и село Воронцовка на Куме, имение князя Воронцова.

Крестьяне, взволнованные разными слухами о «воле», об освобождении от помещиков, отказались от выкупных платежей и стали собираться кучками, толкуя по-своему «Положение». Местные власти не могли успокоить волнение и донесли о беспорядках в «губернию». Помня дело Маслова Кута, не посылали войска для усмирения, а командирован был в село исправник Федоренко. Дав слово губернатору не прибегать к оружию, Федоренко начал по своему прибытии в село увещевать крестьян, предлагая подчиниться распоряжению властей. Созвав сход, он долго говорил к собравшимся, вызывал охотников разъяснить «права» крестьян и помещика. Тем временем он высмотрел тех, кто больше других влиял на сход, был речист и кого крестьяне больше слушали. Таким образом, он выбрал человек тридцать из числа крестьян, бывших на сходе, и, считая их «коноводами», приказал арестовать. А сам, видя, что его речь не действует, распорядился привезти два воза розог.

Приводят одного из арестованных. Исправник спрашивает: «Признаешь Положение?» — «Ни» — отвечает приведенный[7]. — «Клади его» — командует исправник. Несчастного кладут, один сотенный садится на ноги, другой на плечи, начинается жестокая зверская порка. Истязуемый молчит, ни звука о пощаде. Делается передышка, и снова исправник спрашивает: «Признаешь Положение?» — «Ни» — следует ответ. И порка продолжается с тою же свирепостью. И так длится истязание до тех пор, пока истязуемый совершенно не умолкает и ни звука не произносит в ответ на вопрос исправника. Поднимают... А он мертв. Кладут следующего. И то же гробовое молчание, несмотря на жестокую порку. Некоторые, будучи не в силах говорить, делали отрицательные движения рукою на вопрос исправника, а все-таки пощады не просили, молча переносили страдания.

Очевидец этого истязания говорил, что «волоса дыбом становились при виде этой жестокой, свирепой порки, с потрясающей стойкостью переносимой страдальцами». Долго длилась эта экзекуция, два воза розог были изломаны и, не добившись результата, исправник бросил и уехал в город для доклада о своей «работе» губернатору. Прибыли казаки...

VI. [Áóíò êðåñòüÿí ñåëà Äåðáåòîâñêîãî ïðè ïðåäúÿâëåíèè âëàäåííûõ çàïèñåé 1876—1877 ãîäîâ]

Волнения возникали в разных местах губернии и в разное время. В 1810 году была послана военная команда для усмирения крестьян помещика Скаржинского...

Конец пятидесятых годов был обилен этими волнениями и расправами при помощи военных команд. Волнения были в Лопанке (Сысоевке), Олимпиадовке и других. Словом, все помещичьи уголки губернии были охвачены «бунтами» крестьян против помещиков.

Выдающимся фактом волнения крестьян является «Бунт крестьян села Дербетовского при предъявлении владельных записей 1876—1877 годов». В этом селе крестьяне, не будучи крепостными, упорно сопротивлялись открыто, не признавая распоряжение властей, хотя по существу

* Так в тексте.

эта правительственная мера не вносила отягощения в их жизнь. Указанное выше беспорядочное владение кавказскими землями вызвало у местного начальства желание упорядочить его, и решено было обмерить владение крестьян в округе целого селения и выдать на право владения их документ — «владенную запись». Посланные землемеры тщательно исполнили свою работу: составлены были планы на каждое селение, выделена была удобная земля для хлебопашества и определено количество неудобной земли. Все это записывалось во владенную запись, описаны были границы всего участка, и таким образом создавалась неприкосновенность данного владения данного селения, которое могло в случае захвата их земель, вторжения за пределы указанной черты, границы опираться в своем праве на владенную запись и приложенный при ней план.

Документы эти хранились в волости под замком и составляли документ-плановую собственность всего общества. С выдачей этих документов каждое общество становилось хозяином, собственником всего замежеванного участка и должно было оберегать его от вторжения. Эта мера сразу вносила в жизнь правомерность и прекращала всякие споры на землю, упорядочивая споры о размерах, которые были возможны, когда размер владения определялся указанием «от кургана до бугра» или «от реки до балки» и так далее. Владенной записью охранялись и лесонасаждения, которые показывались на плане за тем или другим обществом, и не допускалось произвольных порубок, производившихся прежде самочинно.

По-видимому, эта мера служила к пользе крестьян, закрепляя за ними, за всей общиной землю, количество которой показывалось по числу наличных душ мужского пола, считая на каждую душу по 150 десятин. В этих пределах, точно обозначенных во владенной записи, крестьяне по мирскому приговору могли осуществлять свое владение, переделяя от времени до времени, как постановлял общественный приговор, доставшиеся участки каждому. Эго владение было на общинном праве, существенной особенностью которого и был указанный передел. Из общего количества земли выделялось то пространство, которое занималось поселением с усадьбами, и владение ими предоставлялось в «собственность» каждого хозяина, который мог продать свое право на усадьбу с постройками кому угодно. Таким образом, каждый крестьянин, ограниченный в своем праве распоряжения полевой землей, в усадьбе оставался полным собственником.

Êîììåíòàðèè

Текст печатается с рукописи, хранящейся в Ставропольском государственном краеведческом музее (фонд 2, опись 1, дело 71, листы 1—63). Исключение составляет глава IV «Дело крестьян селения Маслов Кут Ставропольской губернии 1853 года», текст которой воспроизводится по одноименной брошюре, изданной в Ставрополе в типографии Т.М. Тимофеева в 1909 году. Главы II, III, IV имеют авторские заголовки, остальные три главы — редакционные.

Работа состоит из шести глав, написанных как самостоятельные статьи и объединенных впоследствии одной темой. Текст написан на листах бумаги дореволюционного времени, сброшюрованных в одну тетрадь. Нумерация глав сделана рукой автора черными чернилами, которыми написаны последние строки работы и внесены исправления, дополнения, уточнения автора в текст всех глав.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. Вельяминовская улица — участок современной улицы Дзержинского от площади Ленина до проспекта Октябрьской революции.
2. Картуз — фуражка с козырьком.
3. Амвон — в церкви возвышенное место перед иконостасом, где читаются Евангелие, проповеди.
4. Александровская площадь — сегодня площадь Ленина.
5. После прекращения восстания в Ставропольской губернии генерал Литвинов был переведен в Сибирь и там был убит революционеркой на вокзале железной дороги (прим. автора).
6. Статья Г.Н. Прозрителева «Дело крестьян селения Маслов Кут Ставропольской губернии 1853 года» была издана отдельной брошюрой в 1909 году и вошла в том 3 «Сборника сведений о Северном Кавказе», вышедший в свет в том же 1909 году. Текст этой статьи воспроизводится полностью в следующей четвертой главе.
7. Все крестьяне села Воронцовки — малороссияне и говорят по-украински (прим. автора).

Комментарии и примечания В.В. Белоконь

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Архив Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. Фонд 2, дело 73, листы 1—63.

ÀÐÕÈÂÛ ÑÒÀÂÐÎ Ï Î ËÜÑÊÎÉ ÃÓÁÅÐÍÈÈ

Доклад действительного члена Ставропольской ученой архивной комиссии Г.Н. Прозрителева, читанный в общем собрании комиссии 17 февраля 1906 года.

Вопрос об архивах был поднят в первом же заседании обновленного в 1905 году Статистического комитета.

В заседании 8 апреля 1905 года Комитет, признавая необходимым, ввиду печального положения архивов, заняться исследованием архивного дела в губернии, одобрил составленную мною программу для описания архивов и постановил: просить господина губернатора сделать распоряжение по подведомственным ему учреждениям о принятии всех необходимых мер к охранению архивных дел и о доставлении сведений каждым учреждением по программе, предложенной мною.

Вследствие этого предложенная мною программа была напечатана в количестве 300 экземпляров и разослана всем учреждениям в городе и губернии, а также церковным причтам через господ благочинных.

При составлении программы я имел в виду, чтобы члены комитета и будущей архивной комиссии обратили внимание на три главных вопроса: 1) с какого года начинаются дела в архивах, 2) не угрожает ли им опасность от самого помещения их и 3) нет ли в учреждениях каких-либо других предметов прошлого, которые также могут быть ценными в руках историка.

Такая цель программы объясняется тем, что задача архивной комиссии — составить исторический архив, то есть собрать все то, что представляет ценный научный материал для истории края и бытовых условий жизни его населения. Отвечая на вопросы программы, исследователь собирает постепенно материал для заключения о степени важности хранящихся дел и в то же время дает указания — куда именно должна направить свое внимание архивная комиссия ввиду обнаруженной порчи дел в том или другом учреждении.

Очень важно установить — с чего начать работу и откуда, так как в таком огромном накоплении, как архивы всей губернии за 120 лет ее существования[1], разобраться сразу архивная комиссия бессильна, прежде всего по недостатку средств, если бы даже и нашлись достаточные силы для такой работы. Если вспомнить, что в одном губернском архиве 243307 дел, а в городской полиции почти полон сарай старых дел, то трудность сразу упорядочить все архивы и поставить их в должные условия будет совершенно понятна. Даже для получения самых общих указаний — что представляют из себя архивы в губернии — потребовалось бы весьма продолжительное время для объезда, сопряженного также с большими расходами и требующего участия не одного лица.

Принимая все это во внимание и зная по опыту, что архивы составляют обузу для учреждений, особенно старые дела, и что им отводятся подчас такие помещения, что в них и проникнуть трудно (чердаки, темные кладовые, подвалы), почему приезжему исследователю понадобится прожить недели прежде, чем добыть необходимые сведения, — мною и было предложено разослать составленную программу всем учреждениям и лицам с просьбой дать самые краткие ответы на поставленные вопросы. Местные жители в селах (писаря, священники, учителя, земские начальники), безусловно, скорее и легче могут собрать сведения о хранящихся делах, даже если бы они лично и не были знакомы с тем, к какому времени дела относятся, и могут видеть, где и как они сохраняются. Получив эти указания, архивная комиссия может уже принимать те или другие меры. Словом, первое ознакомление должны дать местные люди, близко стоящие к этому делу.

Эти соображения мои вполне оправдались. Все очень охотно откликнулись на призыв Комитета, и за короткое время получилось много сведений, дающих вполне достаточный материал, чтобы на первых порах разобраться в этом сложном деле и дать возможность определить направление деятельности архивной комиссии, ныне уже учрежденной в Ставрополе.

Таким образом, Ставропольская архивная комиссия получает от Статистического комитета начатое дело, в котором уже сделаны первые шаги, обыкновенно всегда трудные.

Из рассмотрения доставленных сведений на разосланные по учреждениям программы надо, прежде всего, установить, что делами ставропольских архивов никто не интересовался и материалом их для научных изысканий не пользовались. Исключение составляют архив Ставропольской городской управы, откуда были взяты дела о разведении шелководства покойным Филицыным в Тифлис (и не возвращены), и архив Ставропольского губернского правления, дела которого брали покойный генерал-лейтенант Попко и после него Филицын[2], а частью и покойный И.В. Бентковский. Следовательно, архивы эти представляют еще, так сказать, непочатый угол и ждут исследователя.

Что касается сохранности архивов, то в общем положение их плохое. За исключением губернских учреждений, нигде отдельного помещения, специально приноровленного для этой цели, нет, и даже помещения для архива Губернского правления далеко не удовлетворяют требованиям, но все же далеко превосходят все остальные помещения этого рода в губернии. Лучшими и вполне хорошо

содержимыми помещениями надо признать архив Духовной консистории (высокое, сухое, светлое, с асфальтовым полом и теплое), Окружного суда, Контрольной палаты, Акцизного управления, Мужской гимназии, Ставропольской дирекции и частью Нотариальный архив. Благодаря такому помещению, дела этих учреждений в полной сохранности, за исключением дел XVIII столетия в консистории, из которых некоторые связки попорчены. Но образцовым по сохранности, чистоте, порядку и удобству является архив Губернской чертежной. Относительно всех других архивов можно сказать, что ими все учреждения крайне тяготятся и смотрят на них как на ненужный хлам, обузу и уделяют им совсем мало внимания, да для этого у них нет ни времени, ни средств. Архивная комиссия должна прежде всего обратить внимание на такое, вполне естественное отношение к архивам учреждений и для спасения их прийти на помощь, освободив некоторые учреждения от хранения архивов. А следовательно, возникает прежде всего вопрос о приискании пригодного помещения в Ставрополе, куда бы можно перевезти другие архивы. Конечно, на первое время перевезти надо те архивы, которые больше всего страдают от плохого помещения. Центральным помещением, несомненно, может быть архив Губернского правления, где при небольших затратах можно иметь сносное помещение, так как место во дворе и сами здания архива позволяют сделать пристройку.

Что касается волостных правлений, то хотя положение архивов там и плохое, но, при некоторой заботливости со стороны земских начальников, оно может быть улучшено в должной мере: стоит только обратить внимание общества на это дело. Архивы там в забросе больше по небрежности, а в сущности, всегда можно найти две сухих просторных комнаты, которые будут вполне достаточны для этой цели. А при новых постройках волостных правлений можно бы в самом плане предусматривать такое помещение для архива, соблюдая необходимые условия его постройки. Архивная комиссия должна войти в сношение по этому поводу с губернской администрацией и просить ее содействия.

Таким образом, вопрос о переносе архивов настоятельно стоит для небольшого сравнительно числа дел, находящихся в архивах уездных полицейских управлений и старого архива, находящегося в городской полиции. Эти архивы совсем не нужны указанным учреждениям и могут быть взяты от них без всяких затруднений. Архив же, находящийся в городской полиции, попал туда, вероятно, только за ненахождением другого места и никакого отношения к делам полиции не имеет: некуда девать — значит, отдать в полицию.

В этом архиве находятся дела бывшего магистрата, земского, уездного суда, бывшего окружного суда, палаты уголовного и гражданского суда и приказа общественного призрения. Дела представляют большой интерес для местной истории, а между тем положение их самое плачевное. Дела эти сложены в сыром помещении, в сарае, без пола, частью попрели, частью попорчены крысами, они свалены в кучу, и не представляется даже возможности определить, сколько дел испорчено: описи нет[3]. Дела здесь имеются, во всяком случае, с 1812 года, но эти указания в сведениях полиции не вполне точны, так как мне лично известно, что там должны быть дела с самого основания города, то есть конца XVIII века.

Архив с делами полиции с 1885 года находится в сухом помещении и имеет описи, но первый архив никогда не приводился в порядок, «по совершенному неимению на это ни средств, ни служащих». Этот архив надо взять немедленно.

Что касается архивов уездных полицейских управлений, то они также представляют большой интерес. Мною лично осмотрены архивы эти в октябре 1905 года в Медвежьем и Александрове. Первый архив помещается в отдельном домике из 1 комнаты во дворе полицейского управления; вышина помещения 3 $^1/_2$ аршина, длина 10 и ширина 8 аршин, дела лежат на полках, но это последних лет, и частью на полу, пол деревянный, по описи должны быть дела за 1858 год, но этих старых дел мне не удалось видеть. Хотя полицейское управление учреждено в Медвежьем сравнительно недавно, но сюда должны быть переданы по принадлежности старые дела приставов при учреждении полицейского управления. Что сталось со старыми делами, неизвестно, но есть указание, что они в значительном числе были проданы 6—8 лет тому назад с разрешения губернской администрации.

Особенный интерес представляет архив Александровского полицейского управления. Здесь имеются дела очень давние, переданные из Кизляра и относящиеся к 17 веку. Уверяют, что есть дело о бунте Стеньки Разина и что его брал бывший исправник Шпакович. Необходимо выяснить это опросом господина Шпаковича — в какой мере достоверно это указание, и если оно верно, то где это дело.

По рассказам, в этом архиве хранится портрет основателя секты шалапутов кр. Салжаницина, но я не мог найти его. Не подлежит сомнению, что при тщательной разборке этих архивов найдется в них много ценного.

Благодаря заботливости помощников исправника Остапенко (село Медвежье) и Овсянникова (село Александровское) архивы эти приводятся в порядок.

В этих же селах я осмотрел и церковные архивы, благодаря любезности благочинных.

Видно, что на архивы эти не обращалось внимания, но за последнее время для сохранения их кое-что сделано. В Медвежьем церковный архив помещается на полках в шкафу при сторожке; метрические книги с 1812 года переплетены в новенькие переплеты, и на корешках отбиты золотом год и несколько букв. Это тем более обращает на себя внимание, что это — работа местного

псаломщика. Есть старые описи, хранятся указы за давние годы, старых дел сохранилось мало, и они сложены отдельно. Желательно, чтобы и они были приведены в порядок. Благодаря обычаю и закону прежних лет — объявлять все правительственные распоряжения в церкви, — здесь сохранились, между прочим, наставление о прививке оспы с прекрасно исполненным рельефным рисунком развития оспенной язвочки после прививки и воззвание князя Воронцова к жителям Дагестана. Из обозрения этих распоряжений и указов Синода можно составить себе довольно ясное представление о том направлении, какое в тот или другой период принимало правительство и что особенно тревожило умы. Несомненно, что и в то далекое от нас время в правительственных сферах считались с настроением общественного мнения и, как надо полагать, дорожили настроением кавказского населения. Все события государственной жизни: эпидемии, волнения крестьян, войны с Турцией, смена военачальников, смерть Екатерины II, Павла I и Александра I, — все это запечатлелось в церковых архивах, в указах и манифестах, путем которых и ознакомлялось с событиями население за неимением газет. Для историка все эти указы имеют важное значение, а потому их надо везде сохранять, так как многого из них уже теперь и не найдешь.

В селе Александрове церковный архив помещается в самой церкви частью в шкафу (на полках), а частью в сундуке; есть еще в кладовке, но за отсутствием старосты, в нее нельзя было заглянуть: не было ключей. Александров — одно из старых селений губернии, здесь, несомненно, должны быть старые дела, имеющие большое значение для истории края. Здесь, при рассмотрении этих дел и книг, благодаря любезному содействию священика Горохова и благочинного, мне удалось окончательно установить, что действительно существовало Александровское духовное правление, так как тут оказались дела и бумаги этого правления. Давно в старых делах я находил указания на существование Александровского духовного правления как отдельного учреждения, и даже случайно попались мне бумаги этого правления, но лица, осведомленные по этому поводу, уверяли меня, что такого духовного правления в Александрове не было. Теперь этот вопрос разрешен окончательно, и разбором этих дел, которые желательно сохранить в неприкосновенности, можно восстановить полную картину жизни населения этой части нашего края, потому что в Духовном правлении были судные дела по делам духовных лиц, по жалобам на них мирян и многие другие. В особенности интересный материал они дадут по расколу и сектантству, которое, кажется, впервые стало развиваться в Александрове и прилегающих к нему станицах того времени.

Здесь мне впервые пришлось ознакомиться с весьма интересным документом — это церковная летопись. Это богатейший исторический материал. Книга эта, согласно распоряжению Святейшего Синода, должна быть ведена в каждой церкви, и в нее заносится все, что совершается в жизни церкви. Не подлежит сомнению, что в такой летописи местная жизнь должна неизбежно отразиться, как в зеркале — со всеми особенностями как самой жизни, так и самого зеркала, воспринимающего события, т.е. лица, записывающего события. Все, что волнует местный причт, все, что творится в местном обществе и выдвигается за пределы обычного хода житейски одобренных порядков, все, что приходит из центра жизни и должно так или иначе подействовать на местную жизнь и степень влияния или результаты его, — все это, без всякого сомнения, должно попасть на страницы летописи и стать достоянием потомства, часто не имеющего положительно никакой возможности при изучении местной жизни установить характер данного явления и отношение местного общества к известным событиям и мероприятиям. Тут излагается и история данного села в связи с историей края, насколько пишущему становится это известно со слов очевидцев и старожилов. Иногда бесхитростный рассказ старика-казака и подробности его наблюдений из прошлой боевой жизни края дают яркое освещение исторической картине, потускневшей от времени, или наоборот. К сожалению, за последнее время забросили церковную летопись, и она не ведется, священники стали смотреть на это как на пустую затею, а между тем глубоко ошибаются те, кто думает, что в наше время такой материал не имеет значения. Надо признаться, что мы совсем не знаем массы, народа, не понимаем его духовной жизни, его психологии, и потому часто интеллигенция становится с ним в резкие противоречия и вообще не отвечает его желаниям и не удовлетворяет его требованиям. Явление разъединения интеллигенции и народа бросается в глаза. Такие поместные описания и заметки, пусть даже иногда и неточные и пристрастные, дадут возможность для уяснения многого, тем более, что они ведутся людьми, по необходимости вынужденными соприкасаться, так сказать, с самим нутром народа.

Архивная комиссия должна обратить внимание на церковную летопись как на исторический документ и просить епархиальное начальство о поощрении духовных лиц к ведению церковной летописи.

Здесь же в церкви хранятся два военных знамени бывших казачьих полков, из которых одно считают своим казаки селения Северного, а другое — александровцы. Около знамени поставлен портрет Александра I, подаренный обществу Елизаветой Федоровной.

Все эти предметы составляют собственность общества, как дорогие воспоминания его прежней боевой жизни, его заслуг по приобретению кавказских земель, каждую пядь которых они поливали своею кровью, но думаю, что ныне, с учреждением губернского музея, в интересах самого местного общества, предметы эти могли бы быть переданы в музей, где бы они служили наглядным указанием на историческое прошлое населения и были бы доступны для обозрения всем интересующимся историей края.

То же должен я сказать и относительно старых икон, хранящихся в местной церковной сторожке. Эти иконы, стоявшие прежде в иконостасе старой церкви, давно бы надо перевезти в местный музей Церковно-археологического общества. По времени постройки церкви (1797 год) их надо отнести по крайней мере к началу XIX века, а может быть и ранее. Живопись далеко не заурядная и, конечно, не местной работы, а икона Михаила Архангела, во имя которого и церковь, даже обращает на себя внимание, несмотря на пыль и копоть от времени и свечей. К сожалению, икона Богоматери подновлялась, очевидно, местным художником, но это посягательство только обнаруживает первого большого мастера. Икона Спасителя несколько попорчена от времени.

В качестве члена Церковного археологического общества я нахожу, что необходимо немедленно обсудить вопрос о перенесении этих икон в церковный музей, где они, во всяком случае, будут сохраннее. Необходимо просить, чтобы на все подобные старые иконы и другие предметы, представляющие историческое значение, были причтами составлены описи и представлены для рассмотрения в правление Церковно-археологического общества. На это необходимо обратить внимание ввиду того, что, очевидно, таким предметам не придается значения. Так, например, любезно откликнувшиеся господа священники на запросы Статистического комитета об архивах в то же время на вопрос о старых иконах и книгах не дают ответа, хотя там же указывается, что церковь построена, например, в 1798 году (селение Медведка), в Высоцком — метрические книги с 1798 года.

Куда же девались первые иконы иконостаса и первые богослужебные книги, которые должны относиться к XVIII веку?

Я еще возвращусь к церковным архивам, а теперь перейду к архивам волостных правлений. Лично мне не удалось во время поездки осмотреть архивы волостных правлений Александровского, Сергиевского, Северного и Медвежьего, потому что время совпало с призывом запасных и волостные писаря были заняты. Но по приведенным мною выше данным, архивы эти требуют внимания к себе. Да это и подтверждается ответами на вопросы программы: «старые дела с 1850 года никуда не годны, заплесневели и слиплись», следовательно, лежали в сыром помещении, а что сталось с более старыми делами, хотя они, безусловно, должны быть в Александрове, в Медвежьем? «Старые дела сложены на чердаке», а следовательно, мало надежды на порядок и сохранность их.

Для того, чтобы вполне использовать доставленный ответами на вопросы программы материал, я составил по каждому уезду таблицы, из обозрения которых сразу видно состояние архива каждого села, и такие же таблицы составил по церковным архивам. Но полученные указания я нахожу не вполне достаточными, и необходимо произвести личный осмотр архивов членами архивной комиссии, так как ответы: «Помещение сухое, дела в порядке и сохранны», — часто далеко не соответствуют действительности, и если верны, то в отношении дел последнего времени. Обращение наше с программой вопросов имело все-таки благое влияние в том отношении, что везде взялись хотя наскоро, кое-как, но приводить в порядок, подняли дела на полки, связали их, вынули из сырых помещений, а это уже много, а дальше, при внимании архивной комиссии, сделают и больше[4].

Переходя к архивам по уездам, я должен указать, что по Ставропольскому уезду поступили сведения от 17 правлений. Из этих пунктов обращает на себя внимание Михайловка и Пелагиада, как старые села, церкви в которых — с 1785 года (Михайловка) и с 1797 года (Пелагиада), и имеются метрические записи с 1790 года и 1808 года (Пелагиада).

В селении Михайловке архив помещается «в коридоре волостного правления: помещение тесное, зимой в него заносится снег, а летом — пыль, приблизительно $^1/_3$ часть дел испорчена от сырости и мышами». В Михайловке должны быть старые, с богатым материалом дела, и надо принять меры к сохранению оставшихся. Есть грамоты на знамена, дарованные бывшим казакам. Михайловка только с 1870 года обращена в гражданское состояние.

В Пелагиаде дела с 1834 года, но надо полагать, что должны быть и старые дела, и мне лично известно, что есть дела о мельницах за более старые годы; дела эти были переданы из Управления государственных имуществ. Назад тому 35 лет старые дела продавались там как старая бумага.

Из предметов прошлого в Безопасном хранятся портреты духовника грузинских царей, последнего царевича Теймураза, игумена Виктора Георгадзе 99 лет и железные вериги его с двумя крестами весом 20 ф. Погребен он под Николаевским приделом местной церкви в 1847 г.

Из всех сел только в 8 есть издания Ставропольского статистического комитета и в 11 — «Губернские ведомости». По сведениям, в остальных 4 селах (Дубовка, Пелагиада, Московское, Татарка) архивы сохранились хорошо. В Московском пожаром в 1885 году все старые дела уничтожены.

По Александровскому уезду получены сведения от 20 правлений.

В Александрове «архив на чердаке, дела за 25 лет уцелели, а за прежние годы дела и книги пропали от сырости, заплесневели и слиплись», имеются описи с 1850 года. На эти дела надо обратить внимание ввиду того, что Александров, как уездный город, был когда-то центром управления, и в архиве должны сохраниться богатые данные по разным вопросам.

В 1894 году в Калиновке пожаром уничтожена часть дел.

Дела, судя по ответам, в этих селах нигде не продавались.

Из 20 правлений 15 говорят, что положение архива у них хорошее, а архивы Александрова, Казинки, Курсавки, Северного, Черного Леса требуют внимания к себе: здесь не ведется и описей.

Только в одном правлении Калиновском опись ведется с 1880 года, а в остальных — описи только за последнее время.

Дела в этих селах показаны не ранее 1833 года (Калиновка). Помещение: «на чердаке, в кладовой, при тюрьме, в кучах». Никаких предметов прошлого: ни портретов, ни грамот нет, и даже про знамена не упоминают. В Северном я сам видел древко казачьего сотенного значка, на котором теперь выставляют флаг.

По Благодаринскому уезду прислали ответы 36 правлений, из которых 29 заявляют о хорошем состоянии архива, а остальные признают, что старые дела испорчены. Только в одном (Митрофановском) описи — с 1873 года, а в остальных только за последнее время, а в Благодарном с 1905 г. Пожаров не было. Помещение тоже: «в кучах, на чердаке, хранятся небрежно». Никаких предметов прошлого не сохранилось, но Бурлацкое заявляет о какой-то книге на языке какого-то восточного народа.

По Медвеженскому уезду доставили сведения 35 правлений. Дела показаны ранее 1849 года (Богородицкое); состояние архива в 28 селах хорошее, а в Красной Поляне, Богородицком, Медвежьем, Белой Глине, Песчанке, Среднем Егорлыке, Кулешовке и Воронцово-Николаевке старые дела испорчены. Описи есть, за исключением Ладовской Балки, Новомихайловки, Кулешовки и Воронцово-Николаевки.

Пожар был только в селе Сандате 7 декабря 1899 года, и сгорели все дела до 1875 года.

Никаких предметов прошлого, за исключением Красной Поляны, где сохранились иконы старого иконостаса, помещающиеся теперь в колокольне.

Дела не продавались. Помещение: на чердаке, в кучах.

По Прасковейскому уезду доставили 21 правление, из которых в 16-ти состояние архивов хорошее, а в Прасковее и Левокумском дела погнили от сырости, в Урожайном совсем старых дел не оказалось, хотя показаны дела с 1852 года, в Новозаведенном и Новогригорьевском дела испорчены.

Помещение то же: на чердаке, при тюрьме, свалены в кучу. Пожар был в Солдатско-Александровском в 1877 году, и старые дела сгорели.

Из предметов прошлого обращает на себя внимание в селении Обильном хранящаяся при церкви статуя Спасителя в оковах в темнице, происхождение статуи не объяснено. Такую же статую я видел в селении Нины, о чем мною сообщено в статье «Надо охранять памятники прошлого». Затем, в Левокумском иконы старого иконостаса хранятся в крестильной комнате при сторожке.

Из старых книг интересны в селении Прасковее: «Риторика» Ломоносова 1798 года, «Евангелие» 1817 года и «Деяния апостолов» 1820 года, — и в Величавом «Деяния апостолов» на татарском языке, но все эти книги хранятся при церквах. Описи в архивах есть, и в Солдатско-Александровке — с 1839 года.

Дела не продавались.

Архив Прасковейского полицейского управления в полном порядке; дела с 1876 года.

Что касается изданий Статистического комитета, то они оказались только в 17 местах во всей губернии и то, преимущественно, памятная книжка последних лет, прежние же издания Комитета (при бывшем секретаре Бентковском) только в Кулешовке: «Путеводитель»; в Богородицком: «Список населенных мест за 1873 год»; в Крученой Балке: «Список населенных мест за 1881 год».

«Ставропольским губернским ведомостям» более посчастливилось: они оказались в 43 местах, иногда за целый ряд годов, но не ранее 1872 года (Новогригорьевка, Прасковейского уезда).

Из этого обозрения можно почерпнуть и указание на то, что Комитет должен озаботиться изданием как списка населенных мест, так и путеводителя, так как даже и старых изданий этих книг нет в обращении, да они и устарели.

Всех ответов об архивах в уездах поступило от 129 правлений.

Вообще неутешительное состояние архивов происходит больше от небрежности, чем от недостатка средств, что доказывается и тем, что дела последних лет в хорошем состоянии, а потому архивная комиссия должна просить начальника губернии побудить земских начальников принять меры к их сохранению, перенеся из сырого помещения, подняв дела их на полки и разобрав там, где они свалены в кучу, а затем архивная комиссия должна произвести осмотр делам на месте и старые дела перевезти в Ставрополь. А также вменить в обязанность всем правлениям вести описи.

Что касается города, то дело здесь не в лучшем положении, так в городской управе «старые дела свалены в кучах в погребе и испорчены от сырости». Дела с 1808 года. Надо полагать, должны быть дела и более ранние, так как город основан в 1785 году. Описи имеются с 1870 года. Никаких предметов прошлого не показано. Хотя там должно быть старое зерцало, портреты царей и городских голов, и есть, как известно, картина «Генерал Суворов в Ставропольской крепости» и портрет Вельяминова, которому наш город обязан дальнейшим своим существованием.

Архив контрольной палаты в полном порядке. Дела с 1865 года.

В 1893—1894 годах было продано 11408 дел с подлежащего разрешения.

В таком же состоянии и архив Ставропольской гимназии, дела которой начинаются с 1811 года; ведутся описи.

Архив Ставропольского уездного полицейского управления в печальном состоянии, удовлетворительно сохранились лишь дела с 1868 года, дела же Ставропольского земского суда до этого года испорчены и уничтожены крысами, но в каком количестве, определить нельзя, потому что не сохранилось описей.

Описи составлялись в 1892 году. Дела с 1821 года.

Ввиду того, что архив Губернского правления является центральным по нахождению в нем дел разных учреждений (палаты уголовного и гражданского суда, палаты государственных имуществ, земского суда и других учреждений министерства внутренних дел) и главным хранилищем по количеству имеющихся в нем дел (243607 дел к 1 января 1906 года), на него должно быть обращено особое внимание. В пожарном отношении главные здания архива находятся в хороших условиях: они удалены от других жилых помещений и не имеют с ними сообщения и даже совсем не отапливаются; архив же текущих дел помещается в нижней комнате здания губернского правления, а следовательно, в худших условиях. Но зато это помещение — сухое, с деревянным полом.

Главное здание архива представляет каменный сарай, длина 43 аршина, ширина 13 аршинов, вышина 9 аршинов, с чердаками под железной крышей. В западной его части видна большая сырость, вода, вероятно, подходит под стену; может быть, это происходит от недосмотра, вследствие того, что вовремя не отбрасывается от стены снег. Во всяком случае, на это надо обратить внимание, так как часть дел лежит на полу на досках возле стен. Такое размещение дел объясняется теснотою помещения, так как все полки заняты делами. Надо бы для большой сохранности этих последних (дел) несколько приподнять доски, на которых они лежат, подложив под них какие-нибудь деревянные подставки в $^1/_2$ и $^3/_4$ аршина вышины. Находящиеся здесь дела представляют большой интерес, они начинаются с 1767 года.

Все дела лежат на полках, связаны пачками и сохранились хорошо. Но часть дел погнила от сырости и попорчена крысами, не разобрана и лежит пачками на четырех полках.

Другое здание (№ 2), меньшее, служило прежде для губернского казначейства, а потому безусловно лучше первого, сухое, одноэтажное. Размер его в длину 17 аршинов, ширину 6 аршинов и вышину 5 аршинов. По прочности этого здания свободно можно было бы надстроить второй этаж, и получилось бы прекрасное помещение.

Для разбора дел губернского архива составлялась из чиновников канцелярии архивная комиссия, которая с 1888 по 1902 год разобрала все старые дела по 1888 год и составила описи по этот год, далее ведутся описи по столам. К сожалению, в 1877 и 1878 году было продано с торгов (12 сентября и 23 января) 59180 дел. Хотя и составлено было 30 описей этим делам, но, принимая во внимание, что о старых делах по обложкам и надписям нельзя сделать никакого заключения, а они требуют внимательного пересмотра всех бумаг, подшитых к делу, надо думать, что в числе проданных погибли и такие, которые заключали в себе исторический материал. И разрешение Губернского правления и Главного управления наместника в этом отношении не может служить гарантией, потому что ограничивались они рассмотрением описей. А старые дела очень часто подшивались как куча накопившихся бумаг, складывавшихся «к наряду», и в одном деле встречаются бумаги по совершенно различным вопросам. Описи разобранным делам составлены довольно беспорядочно или перепутаны, и найти дело трудно.

Никаких предметов прошлого не сохранилось в архиве, хотя должны бы остаться портреты царей за прошлое время.

Ввиду тесноты помещения губернского архива, нельзя не остановиться на хранении прежних узаконений. Так как их сдавали в архив разные учреждения, то они имеются, несомненно, в нескольких экземплярах, а потому, ничего не теряя, можно бы оставить их только в одном экземпляре за все время.

Для большей сохранности дел следовало бы теперь же в главных зданиях архива сделать небольшие отверстия в стенах вверху, закрытые сетками, для постоянного освежения воздуха в помещениях.

Третье отделение губернского архива длиной 12 аршинов, шириной 7 аршинов и вышиной 4 аршина.

Из других архивов в городе обращают на себя внимание по сохранности дел и порядку архив Ставропольской духовной консистории, который содержится очень хорошо; дела в нем с 1708 года, имеются описи, дела поступили из Астраханской и Новочеркасской духовных консисторий, от главного священника армии и от Моздокского, Кизлярского и Ставропольского духовных правлений, и должны быть дела Александровского духовного правления, существование которого мною лично установлено.

В заключение я должен упомянуть и об архиве, найденном мною в колокольне Ставропольского кафедрального собора и ныне находящегося в музее Ставропольского церковно-археологического общества. Это — старые дела Моздокского и Кизлярского духовных правлений, есть дела на грузинском языке, но дела не разобраны и лежат в кучах, хотя и в шкафах. Дела эти мною найдены

были еще в 1888 году среди разного хлама в колокольне, мною были составлены описи этим делам (занесено более 1000 дел), которые и хранятся у меня, за исключением одной части, которую кто-то у меня взял для просмотра и не возвратил, но кто именно, я установить теперь не могу. С тех пор дела эти много претерпели, и теперь требуется много труда, чтобы привести их в сносный порядок. Дела эти представляют большой интерес.

Теперь перейду к ответам о состоянии церковных архивов.

Далеко не все причты дали сведения о церковных архивах. Многие ограничились ответами на три последних вопроса программы: о времени постройки церкви и метрических книгах. Очевидно, не придавали значения тем старым бумагам и делам, которые хранятся часто в сторожках или кладовых при колокольне, или в старых сундуках, стоящих где-нибудь в темном углу церкви. Конечно, эту кучку старых, часто полуиспорченных бумаг и книг, может быть, и не считают архивом, а просто ненужным хламом, но мы имели в виду именно и этот хлам, который только по небрежности обратился в такой по виду хлам, а в сущности, содержащий часто весьма ценные исторические данные. Выше мы указывали на дела, оказавшиеся в сундуке в церкви села Александрова, и их значение. Желательно было бы установить наличность старых дел во всех церквах, где это, конечно, возможно по времени существования села и постройки церкви, а затем уже архивная комиссия порешит — что они из себя представляют и что с ними делать.

Самое существование в Ставрополе Церковно-археологического общества налагает обязанность на правление его просить епархиальное начальство о том, чтобы на все старые дела по церквам было обращено внимание причтов, чтоб они охраняли их на месте, а затем все их следует собрать в Ставрополь и образовать постепенно по разборе исторический епархиальный архив, для чего и имеется пригодное помещение при колокольне Андреевской церкви.

Из доставленных причтами сведений также обращает на себя внимание то обстоятельство, что и этими архивами никто для научных изысканий не пользовался. Надо, впрочем, оговориться, что причт церкви Вознесенской села Николина Балка говорит, что при составлении церковной летописи сделана была выборка из архива, затем в 1905 году, при участии отца Семена Никольского, члены Ставропольского церковно-археологического общества отец Д. Успенский, М.И. Попов и другие занялись изучением архива духовной консистории для собирания материала по истории русской церкви на Северном Кавказе. Часть дела была предложена и мне. Покойный отец Д. Успенский успел поместить четыре небольших статьи о положении кавказского духовенства в 18 веке. Мною также собран материал о построении первых церквей на Северном Кавказе, но теперь работа эта приостановилась, и дела возвращены в архив. Кроме того, по описи архива консистории видно, что дела о грузинских епископах все взяты из архива неизвестно когда и кем, и где они находятся.

Из всех причтов только в двух ведется церковная летопись (Козьмо-Демьянская церковь в селе Благодарном и Вознесенская — села Николина Балка).

Необходимо восстановить этот хороший обычай, о чем я уже говорил выше.

Что касается сохранности архивов, то, по сведениям, в 34 церквах (из 78) состояние архивов хорошее, хотя в некоторых из них помещение сырое. Надо думать, что это заявление касается архива последнего времени. Что же касается старых дел, то их или совсем нет, или они в плохом состоянии (Обильное, Николаевская церковь). В 12 церквах совсем архива нет. Надо думать, что здесь произошла ошибка в ответах, так как между этими селами есть старые, церкви которых построены давно (Султановское, Летницкое 1802 год, Новоманычское, Екатериновское, Воронцово-Николаевское, Новоегорлыкское, Покойное 1801 год, Левокумское), а следовательно, старые дела должны быть. Если же это не ошибка, то, очевидно, дела старые исчезли благодаря плохому хранению. 25 причтов совсем не дали ответов на вопросы программы об архивах, а ограничились только указанием о времени постройки церкви и метрических книгах (три последних вопроса). Таким образом, можно думать, что у них нет архивов, а если так, то половина всего числа отозвавшихся утратила свои архивы, хотя, впрочем, из числа их есть и новые села, церкви в них построены в последнее время, и потому архивов в них не может быть.

В ответах о времени построения церквей указывается год постройки существующей церкви или ныне строющейся, а желательно было иметь указания о времени постройки первой церкви, чтобы определить — может ли быть архив старых дел в данной церкви.

По времени дела восходят к 1781 году только в одной Прасковее (церковь Покровская), в двух к 1806 году (Николина Балка, церковь Казанская, в Медведке), в остальных же показаны не ранее 1827, 1844, 1853 года.

Пожары были: в 1894 году в Обильном (Никольская церковь), 1848 году в Сандате (Покровская церковь), в 68 году в Овощах (Кирилло-Мефодиевская).

Никаких предметов прошлого не оказывается, в чем можно сомневаться, и при более внимательном осмотре всех кладовых, вероятно, могло бы найтись кое-что.

Старейшая церковь, оказывается, Александро-Невская села Солдатско-Александровского 1763 года. Желательно знать, имеются ли какие-либо подробные сведения об этой постройке. Это тем более

интересно, что старейшей, по имеющимся у меня документам, я считал церковь села Бургон-Мажары; затем идут 1787 (Прасковея), 1798 (Медведка и Высоцкое), 1806 (Донская Балка) и позднее.

Кое-что к истории постройки церквей дает причт Покровской церкви села Благодатного. В этом селе с 1842 года был молитвенный дом. В 1852 году была куплена церковь в селе Петровском, а в 1884 году она была продана со всею утварью и делами в село Радыки, и построена новая церковь в 1884 году. С 1848 года Благодатенский приход стал самостоятельным, а до того был приписан к селу Петровскому. Вообще причтами доставлены очень скудные сведения об архивах. Описи имеются только у 16 причтов.

О существовании старых икон говорят только три причта (Донская Балка, Развильное, Отказное). Приведенные выше сведения о старых иконах взяты волостными правлениями от священников, и эти же сведения помещены и в ответах причтов.

Что касается книг, то в селе Бурлацком (Митрофановская церковь) оказались книги на неизвестном языке, в Янкулях — остатки нотной триоди, напечатанной в царствование Екатерины II, в Развильном — старопечатные книги, в Прасковее (Вознесенская церковь) — «Риторика» Ломоносова 1797 года, славянский «Новый Завет» 1817 года, «Евангелие» 1819 года и «Деяния Св. Апостолов» 1820 года. В Обильном в церкви Рождества Христова есть статуя Иисуса Христа в темнице в оковах. Я уже упоминал, что такая же статуя находится и в селе Нины.

Во Владимировке есть копия иконы Иверской Богоматери, находящейся в Сионском соборе в Тифлисе.

Вот и все, что можно было извлечь из сведений, доставленных причтами. Несомненно, что при более внимательном отношении к делу можно многое извлечь из церковных хранилищ, а потому желательно, чтоб было оказано в этом содействие епархиального начальства.

Но все-таки, несмотря на неполноту всех доставленных сведений, мы должны, безусловно, сказать большое спасибо всем откликнувшимся причтам в лице их благочинных и волостным правлениям, так как получали все же ценный материал, и мы можем действовать теперь, что называется, по адресу, мы знаем теперь, что и где имеется, и благодаря этому и Архивная комиссия и музей Церковно-археологического общества могут предъявлять свои требования о сохранении для истории того, что пощадило время, несмотря на все случайности и небрежения.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. Хотя сама губерния образована позже, но архивные дела, касающиеся нашего края, восходят даже до 1767 года.

2. Из числа дел, взятых Филициным, не возвращены в губернский архив семь дел и 21 документ.

3. По словам архивариуса, крысы — хозяева в этом архиве: сидишь, разбираешь дела, а крыса у тебя из рук дело тянет, говорит он. Хотя в сведениях и сказано, что за прежние годы нет описей, но мне удалось найти часть описей за старые годы.

4. Во всех ответах говорится, что архив приводился в порядок в 1904—1905 году, то есть, вероятно, по получении запроса.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Архивы Ставропольской губернии: Доклад председателя Ставропольской ученой архивной комиссии Г.Н. Прозрителева, читанный в общем собрании комиссии 17 февраля 1906 года. — Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1912.

ÄÐÅÂÍÈÅ ÕÐÈÑÒÈÀÍÑÊÈÅ ÏÀÌßÒÍÈÊÈ ÍÀ ÑÅÂÅÐÍÎÌ ÊÀÂÊÀÇÅ

Горские народы, шестидесятилетняя война с которыми так прославила Кавказ, были во время столкновения с Россией магометанами, поэтому и установилось убеждение, что население это всегда было мусульманского исповедания, и некоторые даже самую войну объясняли мусульманским фанатизмом, который будто бы и руководил движением.

Мнение это остается и ныне не опровергнутым благодаря положительному отсутствию научных исследований Кавказа в этом отношении. То немногое, что имеется в работах по этнографии Кавказа, далеко не изменяет сказанного, и вопрос о происхождении горского населения Кавказа и его первоначальных верованиях остается открытым в литературе. Даже некоторые исследователи положительно называют сказкой указание на то, что по всему кавказскому предгорью и на Северном Кавказе в пределах Кубанской, Терской области и нынешней Ставропольской губернии в самые отдаленные времена, далеко еще до распространения ислама, христианство прочно установилось и исповедовавшее его население обладало высокой культурой. Последовавшие потом нашествия диких орд из Азии и затем фанатические войны проповедников Корана смели с лица земли довольно значительное население кавказского предгорья и его степной полосы, а с ним погибло и христианство, и весьма интересная культура, о которой теперь можно судить только по немногим остаткам.

Такой ход исторических событий для Северного Кавказа кажется многим невероятным, а между тем на месте с очевидностью устанавливается несомненными свидетелями отдаленных эпох, что появление ислама и утверждение его среди горского населения относится к позднейшему времени и что раньше господствующим исповеданием было здесь христианство. Свидетелями этими являются развалины древних христианских церквей, надгробные памятники, каменные статуи с изображением крестов, кресты намогильные и мелкие металлические, надписи на каменных плитах и еще сохранившиеся во многих местах поверья и обряды христианского типа. Все это разбросано на громадном пространстве от берегов Черного и Азовского морей до сел. Бургон-Маджары Ставропольской губернии (древний город Мажары) и в южных пределах Терской области.

В Хасавюртовском округе Терской области, в местности, называемой Салатавия, заключающей 12 горских селений, ныне мусульман, есть место, носящее название «Кяфир-забазул-хобал», что означает «кладбище неверующих», и там при пахоте находят небольшие металлические кресты, жители же мусульмане во время праздника Ураза-байрам красят яйца и раздают тому, кто пришел в гости, при этом пекут хлеб русской формы (высокий), тогда как обычная форма — чурек, лепешка. Близ аула Чир-юрт есть место, называемое «Патан», что означает воскресенье, «церковь христианская», и, по словам жителей, имеющиеся там развалины и есть остатки бывшей христианской церкви. В Темир-хан-шуринском округе Дагестанской области во время Уразы-байрама жители обнимаются и поздравляют друг друга с праздником.

Аварцы думают, что предки их были христиане. Предание говорит, что когда явился Абу-Муслин, первый проповедник ислама на Кавказе, и завоевал аварцев, то князь их Суркан бежал в нынешний Душет, но затем снова возвратился, когда отступил Абу-Муслин, и наложил штраф по одной курице на каждого, кто будет творить «намаз» (мусульманскую молитву с омовением), но при вторичном наступлении Абу-Муслина Суркан снова бежал, и магометанство установилось в Аварии окончательно.

Не подлежит сомнению, что все это указывает на существование христианства, следы которого уцелели, несмотря на все ужасы войн, охватывавших Кавказ в течение долгого времени.

Отсутствие систематических научных исследований не дает возможности установить, так сказать, карту распространения бывшего населения и хода христианства, но нахождение во многих местах этого пространства совершенно тождественных предметов не оставляет никакого сомнения, что это следы одного и того же культа, имевшего широкое распространение. Если монеты и украшения, совершенно тождественные, найдены как в горе Митридат, близ Керчи, так и в развалинах древнего города Мажары, в Ставропольской губернии, на расстоянии до 500 верст, то несомненно, что все это пространство служило дорогой для общения населения столь отдаленных областей, а предметы, случайно найденные кое-где по этому пространству, только подтверждают это заключение.[1]

К сожалению, до сих пор правильных исследований нет. В особенности не посчастливилось Ставропольской губернии: ее совсем не коснулись исследования, если не считать поездки Иванова в 1885 году (гидрографическое исследование) и историко-статистических описаний покойного И.В. Бентковского, относящихся к позднейшему периоду истории Кавказа, ко времени начала завоевания его русскими. А между тем Ставропольская губерния представляет громадный интерес с ее реками Кумою и Калаусом, с незапамятных времен служившими историческими дорогами народов, двигавшихся по этому пространству от Каспийского к Черному морю. Здесь масса каменных из-

ваяний («каменных баб», теперь почти исчезающих), намогильных курганов со следами культуры какой-то народности, совершенно исчезнувшей, могильники, открываемые на значительных глубинах, со следами доисторической культуры и предметами культа, совершенно непонятными ныне, предметы каменного периода, остатки вооружений различных неизвестных народов, масса монет, разбросанных на всем этом пространстве: египетских, сирийских, персидских, греческих, римских, кое-где уцелевшие части украшений от бывших построек и, наконец, названия урочищ и местностей, не принадлежащие к языку ни одной из существующих ныне народностей, — все это дает такой громадный и интересный научный материал, что он может занять не одного исследователя. А между тем все это гибнет при случайных находках невежественных людей и со временем совершенно исчезнет. Доказательством этому может служить тот же весьма интересный город Мажары, развалины которого занимают 14 верст, где еще в 1837 году архитектор Алексеев видел прекрасно сохранившиеся фрески на развалинах православной церкви, а ныне все это сравнялось с землей, и на место построек указывают лишь курганы и знаменитые мажарские кирпичи, и изразцовые плиты расхищены крестьянами на свои постройки.

Епископ Владимир в своей Исторической записке о христианстве на Кавказе делает следующие указания: «Замечательным памятником христианства служат живописные развалины на правом берегу Подкумка, где еще недавно находили серебряную церковную утварь и большие железные кресты».

Остатки церквей имеются на реке Белой, у станицы Белореченской. Кресты найдены по реке Урупу, близ станицы Преградной. Особенно много кладбищ и церквей по реке Большому Зеленчуку.

У черкесов сохранилось предание о том, что у них были епископы и место их пребывания было в 4 верстах от Нальчика. Некоторые роды ведут свое происхождение от Шогена, то есть священника.

В разных местах Кабарды и Владикавказского округа найдены монеты Анастасия, Юстиниана, Ираклия Фоки, что указывает на греческое влияние, и оно шло дальше по бассейнам Кумы и Терека.

Среди осетин Владикавказского округа много христианских церквей древней постройки, как, например, в Касарском ущелье храм Михаила и Гавриила, в аулах Лац, Долау-Кау, Дергавском ущелье, на Канадурском перевале в аулах Нузал, Зыгвис, на Казбеке развалины церкви Вифлеем.

В 858 году Кирилл и Мефодий были у хазар и прошли через северную часть Ставропольской губернии. Коган разрешил креститься, и в Мажарах была церковь.

После победы русского князя Мстислава образовалось русское Тмутараканское княжество, где был епископ, построены были церкви, и епархия прожила 100 лет.

Герберштейн говорит о пятигорских черкесах, что они в исповедании и обрядах сходствуют с греками и ведут богослужение на славянском языке.

В 1559 года послы кабардинского народа в Москве просят прислать им священников для крещения народа (556 примечание к 8 тому Карамзина).

В горах до сих пор в памяти народа живет Ауз-Гирге (Иисус Греческий), Ялия (Илья), Аймыс (Моисей), клянутся именами Богоматери и Георгия, и удержалось греческое деление месяцев и года (исторические записки 1888 года).

Все эти указания вполне подтверждают факт существования христианства в горах в далеком прошлом.

В какой мере могут быть интересны исследования в упомянутых местностях, может служить доказательством найденная мною совершенно случайно у торговца старыми вещами среди разного бумажного хлама, обреченного на завертку, топографическая карта рек Кефара и Бешгона Кубанской области. К какому времени относится составление этой карты, кто был потрудившийся над исследованием этой и ныне недоступной местности в горах и кому принадлежала эта карта — мне не удалось установить расспросами, на карте же нет на то никаких указаний. Во всяком случае, с достоверностью можно утверждать, что она составлена не позже 40-х годов, так как на карте Кубанского края 52-го года на месте обозначенного на найденной карте Надежинского укрепления стоит уже укрепление Сторожевая.

Не подлежит также сомнению, что и карта составлена с военными целями топографами, бывшими в распоряжении отдельного Кавказского корпуса действовавших войск. После занятия данной местности производились обыкновенно топографические съемки, служившие драгоценным материалом для составления военных планов. Карта представляет ущелье горных рек Кефара и Бешгона, при слиянии которых и стояло укрепление Надежинское.

Особенная заслуга составителя и значение этой карты заключается в том, что добросовестный исследователь не ограничился нанесением местности, но сохранил на карте и все то, что он увидел там, хотя и не входившее в пределы его задачи. Нанеся «коши» (поселки), оставленные оттесненным нашими войсками населением, он наносит развалины древнего укрепленного лагеря, развалины древних построек, древний крест, статуи двух рыцарей на Бешгоне и статуи рыцарей христианских на Кефаре, и все это он точно воспроизвел на обороте карты, причем необыкновенно старательно копирует уцелевшие на статуях, крестах и других камнях надписи, из которых некоторые на арабском языке, а некоторые на греческом.

Благодаря содействию муллы Нуцалова арабская надпись разобрана и, за исключением некоторых незначительных ошибок, указывающих, что надпись эта копировалась и спасший ее не знал арабского языка, она вполне уцелела. Перевод ее следующий:

«Дом мой открыт для каждого пришедшего,
Стол мой уготован для каждого алчущего.
О, Милостивый, о, Благодетель,
О, Правосудный, о, Вседержитель.
Добрые дела остаются, жизнь прекращается.
Прах несчастного убитого Шака — сына Тарши».

Надпись сделана на арабском литературном языке, на котором написан и Коран; первые две строки — рифмованное двустишие и, несомненно, сделано ученым, но судить по надписи, какого исповедания был покойный, — нельзя, так же как и по имени Шака и Тарши, которые не составляют книжных магометанских имен. По мнению господина Нуцалова, надпись на арабском языке не свидетельствует еще о принадлежности покойного к магометанской религии, потому что сам Нуцалов встречал евреев из Иерусалима, говоривших на арабском языке, но не магометан. Возможно, что надпись сделана в память покойного на языке, на котором была письменность, а распространение арабского языка на Кавказе в древности не подлежит сомнению. Что касается греческих надписей, то они разобраны благодаря содействию бывшего профессора ставропольской семинарии М.И. Попова, насколько это было возможно при ошибках и погрешностях, допущенных при списывании.

На большом кресте начало надписи и сокращения на боковых концах креста не разобраны, а далее можно читать так: «живот свой положил раб И. Христа Господа Нашего Користи, сын Георгия», хотя именительный падеж слова Георгиос и последние буквы левой части надписи и дают основание сомневаться в точности этой передачи. Крест этот найден на реке Бешгоне.

На малом кресте можно прочитать: «живот свой положил… Боже», на левом конце сокращения означают «Иисус», «Матерь», остальные надписи стерты. Крест найден у аула Сидова в среднем течении реки Кефара[2], где также найдены развалины древних каменных построек с христианскою церковью и кладбищем. Выше по течению также имеются в двух местах развалины и в них найден камень, надпись на котором, можно думать, означает: «живот свой положил Тороун», хотя последнее слово остается под большим сомнением. Вообще г. Попов, оказавший мне любезность прочтением надписей, считает возможным допустить ошибки в переводе благодаря искажениям в снимках надписей. Что касается статуй, то они представляют большие глыбы местного камня, нижняя часть которых, не отделанная, служит пьедесталом и зарывалась в землю, точно так же, как и остальные каменные изваяния (каменные бабы), разбросанные по Северному Кавказу, с тою только разницей, что у этих статуй не изображены ноги. Все 4 статуи стоячие. Две из статуй несомненно христианские, судя по крестам на них.

Характерно у христианских статуй расположение крестов — на плечах и на лбу, а также изображение в правой руке чаши у одного воина, тогда как у другого в той же руке — обнаженная сабля. Все это дает основание думать, что здесь было намерение изобразить людей, воевавших за веру и погибших за нее, испивших чашу страдания.

Что касается вооружения, то изображена только сабля с расширенной частью у рукоятки, чем она совершенно отличается от горской сабли; сабля показана у пояса, а не через плечо, как теперь носят. Это последнее обстоятельство указывает на очень древнее происхождение этих статуй, так как все кавказские горские народы всегда носили саблю через плечо. Точно так же заслуживают внимания и металлические застежки на груди, которых у горцев не было.

Вооружение на других статуях заключается в алебарде (или топоре) и кинжале, и, кроме того, сзади прицеплен железный крюк, нечто вроде пики, который насаживался на древко, и им обыкновенно противника стаскивали с лошади.

По этому вооружению можно думать, что в данном случае изображены не всадники, а пешие воины.

Расширенные привески с боков по неточности изображения объяснить очень трудно. Закругленная вырезка на груди возможно, что изображает металлический нагрудник, употреблявшийся у горцев и позже, или же цветную вставку нижнего костюма, сохранившуюся в употреблении и до сих пор. К сожалению, головы не уцелели.

Кроме указанных древностей, неизвестный автор перечисляет виденные им древние церкви в Теберде, на Хумаре, на реке Малый Зеленчук и Большой Зеленчук, Кубанской обл.

Христианство в горах было распространено в I же веке своего появления и потом охватывало все пространство от Черного моря до Дагестана. Русские войска, пришедшие в край в конце XVIII столетия, не обратили должного внимания на эти следы христианства, а начавшиеся вскоре враждебные действия против горцев дали возможность свободно распространяться исламу и окончательно уничтожить следы христианства. Благодаря случайной находке архивного дела[3] мы можем установить, что русские военные власти первые сведения о существовании в горах за Кубанью хри-

стианских церквей получили в 1829 году после того, как военные операции против карачаевцев и абазинцев были закончены удачно, народы эти покорились, и по договору с Турцией от 2 сентября 1829 года эта часть была присоединена к России.

Бывший начальник Кавказской области генерал-лейтенант Эмануель доносил 30 декабря 1830 года Министру внутренних дел графу Закревскому, что по возвращении минувшим летом из-под горы Эльбрус вместе с академиками он хотел обозреть в горах за Кубанью древние церкви, в особенности ту, которая при реке Теберде и никем из русских не была еще осмотрена. Разливы рек Кубани и Теберды помешали ему, и он поручил это сделать архитектору при Минеральных Водах Бернардоци, который, несмотря на трудности, исполнил это, снял планы с церквей и рисунок с креста, высеченного на камне, и составил описание.[4] Представляя все это и письмо Бернардоци на французском языке, начальник области пишет, что церкви эти, несмотря на протекшие несколько столетий, так сохранились, что для приведения их в прежний вид не потребуется много издержек, почему он и полагал бы восстановить одну из них, на левой стороне Кубани в 160 верстах от Ставрополя, где и местность красивая, и могут быть разведены сады. Делая такое предложение, он в то же время добавляет, что для этого потребуется при впадении рек Марии и Теберды в Кубань иметь укрепление. Выгоды от такого занятия будут те, что там же, согласно проекту Екатериноградской карантинной конторы, можно учредить карантин и меновой двор для обмена с покорившимися карачаевцами и абазинцами, куда могут приходить и другие с отдаленных гор; военные и гражданские чины могли бы пользоваться этой церковью, а при восстановлении богослужения и абазинцы, как бывшие христиане, обратились бы в православие, а со временем и другие горские народы, почему он полагал бы устроить там монастырь и странноприимный дом.

Министр внутренних дел, как видно из отношения от 31 декабря 1831 года, докладывал Государю об этом предположении и предписано было Эмануелю снестись с главноуправляющим в Грузии.

2 ноября 31 года начальнику Кавказской области главноуправляющий барон Розен сообщил, что бывший начальник области Эмануель предполагал восстановить одну из церквей на Кубани и что государь находил это заслуживающим внимания, почему он и поручил начальнику области, которым в то время был Вельяминов, войти в рассмотрение предположений МВД с местными удобствами и определить количество потребных расходов. Дело было возвращено со всеми документами и запиской графа Закревского. Докладывая Государю, МВД граф Закревский составил записку 1 февраля 1830 года, копия которой приложена к делу, но в ней только излагаются все обстоятельства дела с добавлением лишь того, что все документы по этому делу были на рассмотрении академии наук.

В рапорте от 17 марта 1833 года на имя корпусного командира барона Розена Вельяминов говорит, что к восстановлению церквей в горах за Кубанью в теперешних обстоятельствах Кавказского края ничего предпринять нельзя, потому что, во-первых, чтобы решить, одну ли церковь восстановить, или две, нужно туда идти с батальоном пехоты и орудиями; во-вторых, чтобы приступить к исправлению, надо привести в безопасность эти места, а для этого надо устроить укрепление, для чего потребуется значительный отряд войска для работы и обеспечения сообщения с областью. Но и по окончании в укреплении должны быть войска, в которых и так чувствуется недостаток на Кавказе, почему многие важные пункты остаются без войск, места же, где церкви, в военном отношении не заслуживают внимания. Впоследствии, когда наша линия перейдет за Кубань, тогда можно восстановить и церкви.

На рапорт этот 13 апреля 1833 года барон Розен просит начальника области все документы и дело отправить Военному министру, которому он сообщил и указанное мнение.

27 апреля 1833 года все это было представлено начальником области военному министру, при рапорте № 345.

1 июля 1833 года барон Розен уведомляет начальника области, что военный министр согласен с мнением его о невозможности теперь восстановить древние церкви и что с этим согласен и Государь.

На этом дело и заканчивается.

Надо заметить, что в это время ни Эмануеля, ни Паскевича Эриванского, при которых возникла эта мысль, уже не было, и потому возможно, что предположения их относительно занятия указанных мест и восстановления церквей были отвергнуты новым управлением и по соображениям не общего характера. Последующие события, вызванные упорной Кавказской войной и ужасным, по своим последствиям для покоренных, выселением горцев с Кавказа, не благоприятствовали осуществлению предположения Эмануеля.

И только в 1889 году на реке Большой Зеленчук бывшим ставропольским епископом Владимиром, впоследствии архиепископом казанским, ныне умершим, основан монастырь на месте нахождения древних церквей, найдено обширное христианское кладбище и больших размеров развалины. Церкви восстановлены, и в некоторых церквах даже сохранились на стенках фрески.

На прилагаемой карте указаны развалины какого-то древнего каменного поселка с церковью и христианским кладбищем у аула Сидова, два укрепленных лагеря и еще какие-то развалины. Все это

свидетельствует о существовании здесь весьма большого населения, достигшего значительной культуры, и в такой местности, где и в настоящее время лишь медведи да орлы могут считаться хозяевами.

Нельзя не упомянуть здесь о тех весьма интересных гротах, которые найдены в высоких горах, почти в неприступных местах за Голубыми озерами в Нальчикском округе Терск. обл. В гротах этих имеются прекрасно сохранившиеся трупы каких-то жителей, обитавших в горах в то отдаленное время. По типу и сохранившейся кое-где одежде, это не греки. Гроты замуравлены, заложены каменной стеной, и, очевидно, эти обитатели погибли здесь, спасаясь от преследования. Возможно, что это последствия гонения, возникшего на христиан, а может быть, были и другие причины, как нашествие диких полчищ. На это может ответить только серьезное и тщательное исследование, которого край ждет.

Большой интерес представляют и трупы, найденные во глубокой пещере близ станицы Карабулакской Терской области. Нахождение здесь же костей собаки и зайца породило целую легенду и повело к большому спору о происхождении этой могилы.

Все эти остатки прошлого и развалины смотрят с укором на нас, русских, взявших Кавказ в свои руки, эти свидетели отдаленных времен зовут к себе исследователя, чтобы рассказать ему историю погибшего народа, задолго еще до нас внесшего сюда слова любви, заповеданные Христом, и свет Его высокого учения.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. В селении Ореховке Ставропольской губернии Благодарненского уезда имеется древнехристианское кладбище с каменными гробами и крест, а на месте, где теперь Ставрополь, по преданию, найден был крест во время занятия этой возвышенности нашими войсками, почему первоначально Ставрополь назван был городом Св. Креста.

2. На карте название реки пишется Кяфар, хотя, по другим актам, она называется Кефар и Кафир. «Кяфир» в переводе на русский язык — «неверующий».

3. Дело инженерной части при Командующем войсками на Кавказской линии и в Черномории № 47—12.

4. При деле не оказалось ни плана, ни рисунка, ни письма Бернардоци. Вероятно, документы находятся при делах Военного министра, куда было сделано донесение начальника области.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Прозрителев Г.Н. Древние христианские памятники на Северном Кавказе // Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1906. — Т. 1. — С. 1—16.

Ê ÈÑÒÎÐÈÈ ÀÐÒÅÇÈÀÍÑÊÈÕ ÊÎËÎÄÖÅÂ È ÏÅÐÂÛÕ ÏÎÑÒÎßËÛÕ ÄÂÎÐÎÂ Â ÑÒÀÂÐÎ ÏÎËÜÑÊÎÉ ÃÓÁÅÐÍÈÈ

Сообщено в заседании Ставропольского губернского статистического комитета действительным членом Г.Н. Прозрителевым 16 января 1906 года.

Теперь, когда на Северном Кавказе артезианские колодцы считаются десятками, они перестали быть диковиною, и устройство их уже не возбуждает ни удивления, ни затруднений: были бы деньги, а колодец будет готов в два-три месяца, а то и скорее. Близость воды в прикумской полосе особенно сделала удачными опыты устройства этих колодцев. Но еще не так давно, 10—15 лет назад, артезианский колодец был почти недосягаемым делом, а для некоторых прекрасной, но несбыточной мечтою. Крестьяне слыхали о «нутреной воде», но думать о ней, как о воде обыкновенной, доступной не только человеку, но и скоту, они не могли и не мечтали в скором будущем довольствоваться ею для своих надобностей. «Панская затея», — говорили некоторые и не верили в возможность ее осуществления. Опыты, заканчивавшиеся неудачей, только подтверждали такое отношение. Особенно был поучителен, казалось, опыт землевладельца Бедрика близ селения Безопасного: истрачено было 20000 рублей предприимчивым хозяином, приглашен был и ученый человек, а ни воды, ни колодца, и даже бурав остался в земле, говорили очевидцы.

Но счастливая мысль применить вместо бурава пробивочный способ дал в последнее время блестящие результаты и обеспечил успех этому делу. Первым применившим этот последний способ у нас был эстонец Вавер, пробивший сначала скважину в селении Медвежьем, две скважины на участке Варварова, близ селения Спицевского, на глубину 65 сажен и 120 сажен, а затем и в других местах губернии. Затем это дело вызвало подражателей, и в селении Архангельском на Куме местный кузнец сам соорудил снаряд и, купив трубы, достал «нутреную воду» без особых усилий. Недосягаемое стало простым и весьма полезным, доступным делом в хозяйственном обиходе.

Несомненно, что большее знакомство населения с техническими приемами, большее образование в крае и развитие промышленности за последнее время имело огромное влияние на успех этого дела.

Оглядываясь назад, на тот мрак, который висел над нашим краем, и на то бесправное положение населения, которое было общим при полном отсутствии школ и всяких просветительных учреждений, нам станет понятным неуспех, который сопровождал ранее даже и полезное начинание в крае. Конечно, бывшее военное положение края имело большое значение, но все-таки, при большей заботливости об образовании и одновременном развитии гражданских учреждений, результаты были бы иные.

Ярким образчиком этого положения может служить опыт артезианских колодцев в Ставропольской губернии в 1831 году. Архив сохранил нам во всей неприкосновенности и простоте все подробности этого дела.

Дело начинается с предписания генерал-фельдмаршала графа Паскевич-Эриванского на имя начальника Кавказской области генерал-от-кавалерии Эмануеля от 28 января 1831 года, в котором он, препровождая 7500 рублей ассигнациями, просит 2500 рублей употребить на устройство 5 дворов для семейств между селениями Саблею и Александриею, которые могли бы служить постоялыми дворами для проезжающих, а 5000 рублей — на опыт артезианских колодцев. Больше нет никакого разъяснения в этом предписании об этих колодцах, а равно и указания, почему явилось такое распоряжение. Что же касается дворов, то сказано, что они должны быть с крытыми сараями для лошадей и должны быть окончены к зиме будущего года, после чего подарить их обывателям, которые «несумнительно» могли устроить там хозяйство и содержать приют для проезжающих.

Таким образом, был выдвинут вопрос об артезианских колодцах.

Несомненно, что весьма многие из числа начальствующих того времени на Кавказе едва ли имели какое-либо представление об артезианских колодцах, и потому, кроме недоразумения и удивления, ничего не могла вызвать эта «новая затея», требовавшая прежде всего сознательности действия от лиц, чрез чьи руки должно было пройти это распоряжение.

Но, тем не менее, переписка началась. Штаб сообщил в общее управление Кавказской области, бывшее тогда в Ставрополе, а общее управление в управление штаба, командующего войсками на Кавказе и Черномории и Астрахани.

Вероятно, и начальнику Кавказской области показалось полною неожиданностью такое распоряжение о колодцах командующего отдельным кавказским корпусом Паскевича, что он, донеся ему, что деньги получены и что зависящее от него распоряжение делается, вместе с тем в тот же

день доносит о получении такого предписания министру внутренних дел графу Закревскому и просит его прислать ему в Ставрополь или заказать на заводах инструменты, потребные для этого дела, так как в здешнем крае иметь их невозможно. При этом он, как будто по ошибке, прибавляет, что инструменты эти указаны в присланной его сиятельством, Закревским, ему, Эмануелю, книге. Деньги, прибавляет, будут уплачены, сколько будет причитаться, из полученных им 5000 рублей от графа Паскевича.

Оказалось, что и для Министерства это начинание было неожиданностью.

В мае 1831 года товарищ министр уведомил Эмануеля, что в делах министерства ничего нет о посылке ему книги, а потому просит прислать ему копию с отношения, при котором книга была ему послана.

Штаб запрашивает общее управление относительно отношения, при котором была прислана книга «Горное дело».

В конце того же года общее управление сообщает, что книга «Горное дело» была прислана не министром внутренних дел, а при отношении министра финансов еще в 1830 году, и теперь из пяти присланных экземпляров осталась только одна книга, и потому и посылает ее и копию самого отношения.

Оказывается, что это было собственноручное письмо министра финансов на имя Эмануеля: «Милостивый Государь Георгий Арсентьевич. Особая польза, которая может последовать в степных местах от устройства артезианских колодцев, побудила меня приказать напечатать отдельно сочинение об оных из «Горного журнала», — пишет министр финансов граф Канкрин, почему и посылает ему пять экземпляров «для раздачи любителям полезного».

Получив эти справки, начальник области все это отправляет в Министерство внутренних дел, и оттуда в августе на имя его последовало уведомление о том, что так как книжка «Горное дело» была прислана министром финансов, то пусть он к нему за содействием и обращается.

В сентябре новый начальник области Вельяминов пишет министру финансов: «Милостивый Государь граф Егор Францевич», — и, разъясняя в этом письме все дело, просит его прислать инструменты.

В ноябре Канкрин отвечает: «Милостивый Государь Алексей Александрович. По неимению в России опытных людей в устройстве артезианских колодцев, с Высочайшего соизволения был приглашен из Франции инженер Флеша с 2 мастерами с буровым снарядом, который, вероятно, и начал уже работать в Одессе и окрестностях», а потому до получения результатов бурения предлагает Вельяминову приостановиться, а тогда, как горные офицеры, прикомандированные к Флешу, научатся, то можно будет заказать снаряд на Луганском заводе». В декабре 1831 года из Тифлиса уже запрашивают — производились ли опыты артезианских колодцев на Кавказской линии, ввиду того что сведения о начатии работ около Одессы уже получены.

Вельяминов в феврале 1832 года сообщает назначенному в то время главнокомандующим Барону Розену все то, что ему ответил министр финансов.

На этом дело и оканчивается. Два года прошло только в одной переписке.

Снова начинается дело 16 марта 1833 года «о присылке в область горного офицера с мастеровыми для разработки артезианских колодцев».

16 марта 1833 года Вельяминов снова доносит главноуправляющему в Грузии об ответе министра финансов, полученном еще в 1831 году, и просит, чтобы он просил министра финансов прислать горного инженера, знающего это дело, причем говорит, что если в Одессе опыты неудачны, то это не должно останавливать пробу здесь на Кавказе. Тут же Вельяминов прибавляет, что, благодаря отсутствию воды, большие пространства в Кавказской области остаются необработанными, хотя они вполне годны для поселения. Барон Розен вполне одобрил мысль Вельяминова.

15 июля 1833 года Розен пишет, что министр финансов сообщил ему о неудаче опытов в Одессе и что теперь начаты опыты в Бессарабии и в Крыму, а потому лучше подождать, что же касается самого снаряда, то он заказан на Луганском заводе.

В сентябре горный начальник Луганского завода просит Вельяминова за сделанный заказ снаряда прислать деньги ввиду значительного недостатка сумм на действие и содержание завода и заводской команды. Деньги немедленно были высланы.

И из сообщений Луганского завода видно, что деньги были им получены в сумме 4950 рублей, а 50 рублей удержано на пересылку по почте.

На этом дело снова останавливается, и только 12 апреля 1834 года главноуправляющий Грузии барон Розен на имя начальника Кавказской области сообщает, что на просьбу его о присылке горного офицера, знающего, как действовать буровым снарядом, он писал министру финансов, который сообщал ему, что он подтверждал начальнику Луганского завода о скорейшем изготовлении бурового снаряда и по получении от него донесения будет командирован из Петербурга опытный в бурении чиновник.

На этой бумаге рукой Розена добавлено: «по прибытии прошу уведомить меня», — а затем помета начальника области: «исполнить, когда прибудет, а до того времени приобщить к делу».

Пользуясь, однако ж, случаем, Вельяминов снова напоминает главноуправляющему об этом деле, отвечая в июле 1834 года на запрос его о постройке дворов между Саблею и Александрией. Он говорит, что хотя бывший начальник области Эмануель и не нашел нужным строить дворы постоялые между этими селами, за переводом почтового тракта, но что он с своей стороны находит необходимым построить их, потому что все-таки торговый тракт остается там по-прежнему, но что за неимением там хорошей воды этого сделать нельзя, пока не будет устроен артезианский колодец.

Вероятно, это напоминание имело значение, так как 31 декабря 1834 года инженер путей сообщений полковник Эспехо пишет в рапорт, что, командированный по Высочайшему повелению для осмотра работ артезианских колодцев в Одессе и в Крыму, он представляет записку об этом предмете с планами снарядов для этого. Так как рапорт помечен «город Екатериноград», то, очевидно, этот полковник приезжал на Кавказ, но что он сделал — неизвестно, и, к сожалению, указанных им записки и планов при деле не оказалось. Несомненно, что, убедившись в неимении требуемого снаряда здесь на месте, он возвратился в Петербург для доклада о своей поездке, а дело оставалось все в том же положении. Это подтверждается и отношением исполняющего должность начальника области гражданского губернатора Семенова от 16 июня 1839 года. Губернатор запрашивает начальника Луганского завода, скоро ли будет прислан буровой снаряд, деньги на изготовление которого 5000 рублей были посланы еще в 1833 году, причем не без ехидства прибавляет: «это предположение Начальства об устройстве в здешнем краю артезианских колодцев может воспоследовать не прежде, как будет получен требуемый инструмент».

Таким образом, прошло пять лет со дня приезда инженера Эспехо, и дело не двинулось ни на шаг. И вдруг, 13 июля 1839 года совсем неожиданно последовало сообщение начальника Луганского завода, что заказанный в 1833 году буровой инструмент для устройства артезианского колодца в Кавказской области уже приготовлен на вверенном его управлению Луганском заводе и отправлен в 1836 году до города Таганрога, а оттуда в Керчь, и, наконец, как его уведомил керчь-еникальский градоначальник отношением от 28 июля того же года за № 3918, он отправлен в крепость Анапу, и что в уплату за сей инструмент, равно и за прочие вещи, с оным отправленные деньги, сначала 4950 рублей, присланы при отношении начальника области генерал-лейтенанта Вельяминова от 25 ноября 1833 года, а остальные затем 10836 рублей 30 копеек препровождены в главную контору Луганского завода от господина командира Кавказского отдельного корпуса барона Розена при отношении его от 14 января 1837 года за № 154.

Вследствие такой неожиданности губернатор снова запрашивает (от 3 августа) начальника Луганского завода, нет ли у него сведений, где же находится инструмент, посланный им в крепость Анапу.

18 октября 1839 году комендант Анапской крепости уведомляет губернатора Семенова, что присланный Луганским заводом инструмент в 1836 году находится у него, и, согласно распоряжению барона Розена от 9 августа 1839 года, производится опыт бурения в Анапе.

Как мог попасть снаряд в Анапу в 1836 году, когда предписание барона Розена последовало только в 1839 году, так и неизвестно.

После этого сообщения губернатор уже не добивается получения снаряда, и дело об устройстве артезианских колодцев на Северном Кавказе замолкает на 63 года, когда его двинуло уже само население, и дело стало прочно, дав краю «нутреную воду», о которой только мечтали прежде и которая действительно составляла тогда только панскую затею.

А между тем, вопрос об отсутствии хорошей питьевой воды во многих местах Кавказского края давно уже стоял очень остро. Большая смертность, обусловленная главным образом плохой водой, заставляла жителей бросать родные места и искать нового поселения. В 1803 году жители сел Петровского, Медведского, Ореховой Балки, Высоцкого и Александровского в значительном числе решили бросить свои места и переселиться в Сибирь, Иркутскую губернию, на китайскую границу «вследствие вредного качества воды» (Акты Архивной комиссии, II том). Несмотря на то, что эта попытка переселения наделала большого переполоха между начальствующими и дело восходило до Государя Александра I, вопрос о воде нисколько не двинулся и население продолжало вымирать, переселение же не разрешали.

Нельзя не заметить, что вопрос о воде и до настоящего времени остается больным вопросом и далеко еще не разрешен надлежащим образом в Ставропольской губернии, за исключением нескольких сел, несмотря на всю важность этого дела.

Так как в первом предписании графа Паскевича от 28 января 1831 года говорилось и о постройке дворов для проезжающих, то дело об них шло одновременно с делом «о колодцах», и потому здесь оказалась и вся переписка по этому поводу, и дело о постройке постоялых дворов при почтовых станциях по Ставропольскому и Георгиевскому тракту, начавшееся 8 мая 1827 года. Оказалось, что и дело о постройке дворов между Саблею и Александриею также не далеко ушло, дворы не были построены.

Дело это далеко не лишено интереса как для характеристики царивших порядков, так и для определения общего положения края, страдавшего вследствие отсутствия удобств сообщения и не-

обходимых дорог. Несомненно, что не только местное население, на нужды которого не обращалось внимания, много терпело от бездорожья и отсутствия удобств в путях, но и сами правящие, все тогдашнее чиновничество края, на себе испытывало это тяжелое положение, а дело не двигалось вперед благодаря существовавшей системе бумажного производства и бесконечным перепискам, в которых терялась живая связь чиновника с делом и все заменялось известным отписным номером, после которого каждый чувствовал, что он что-то сделал и успокаивался до нового понуждения. Форма была во всем на первом месте, и каждый свободный шаг, даже желательный для всех, сковывался необходимостью «дозволения, разрешения», точно жизнь целой страны можно вести как расписание уроков. Если мы и теперь чувствуем, как нужны нашему краю дороги и как население терпит от бездорожья, то можно себе представить положение в 20—30 годах, когда к этому еще присоединялось и военное положение края.

Бесконечное писание бумаг, за которым никто не видел живого дела, обращало на себя внимание лучших людей из тогдашнего состава местного начальства, как известный местный губернатор Малинский в своем донесении Ермолову[1], но общая система управления давила даже таких решительных и энергичных людей, каким был главнокомандующий на Кавказе А.П. Ермолов. 12 марта 1817 года Ермолов в рапорте на имя Императора Александра I, между прочим, пишет: «Но, Государь, бесполезно одобряя трудящихся, не внимает начальство моим представлениям; не достигают они правосудного Вашего Императорского Величества воззрения, и я, по воле Вашего Величества занимая место, с которым неразлучно должно быть доверие правительства, в первый раз в продолжение службы моей не смею ручаться подчиненным моим за справедливое воздаяние трудов их, а потому и доверия к правительству внушить не могу. Управляющему полиции представлял я о исходатайствовании награждения чиновникам за труды в прекращении заразы (чумы). Я был свидетелем, каковых стоит трудов и самой опасности тщательное исполнение сих должностей, но мне ответствуют, что Высочайше повелено остановиться представлениями до назначения времени и формы докладов по сему предмету. В то же время по министерству, полиции и по другим частям беспрестанно награждаемые чиновники утверждают меня в мнении, что нет форм правосудию и милосердию Государя» (Акты Архивной комиссии, том I). Несмотря на кажущиеся строгости того времени, произвол даже мелких чиновников был в полном ходу и являлся тормозом для всякого доброго начинания. Никакой частной инициативы, никакого свободного участия населения ни в лице обществ, ни отдельных обывателей не допускалось, все шло чрез руки чиновника и являлось мертворожденным.

Дело о постройке постоялых дворов служит хорошей иллюстрацией такого положения. В то время, когда все страдают от полного отсутствия удобств в пути, когда, казалось бы, все должны ухватиться с радостью за мысль облегчить положение едущего и пойти навстречу, мы видим совершенно обратное.

Начальник почтовой конторы доносит (от 1829 года): «Исправник не дозволяет почтосодержателю в селении Калиновке построить отдельный дом в 15 верстах от почтовой станции». Возникает целая переписка, и это только потому, что такой постройкой нарушалось содержание бумаги относительно почтовых станций, в которой не говорилось «об отдельных домах». «Непредусмотрено, дозволения нет», — говорит исправник. А между тем, потребность чувствуется всеми. И в том донесении указывается, что в Калиновке, кроме самотеснейшей, простой хаты не имеется и проезжающие во время ночи всегда останавливаются *на вольном воздухе.* Можно себе представить положение проезжащих, если иметь в виду те страшные ветры, какие проносятся и теперь над этой сильно возвышенною местностью, где стоит Калиновка. Хорош вольный воздух! Даже и смотритель станции не имел сносного помещения. И, несмотря на все это, исправник ставил препятствия. А начальник области Эмануель еще 16 мая 1826 года предписывает ставропольскому исправнику, чтобы он нашел подходящих лиц из крестьянских селений, которые при почтовых дворах поблизости от них согласились бы поставить свои постоялые дворы, отпустив им из казенного леса материал. При этом он говорит: «от селения Егорлыка до областного города Ставрополя нет постоялых дворов, и проезжающие почетные особы, приезжающие к минеральным водам, не имеют ни припасов, ни мест для отдыха. Такие неудобства в Кавказской области отвлекают многих прибегать к кавказским столь целительным водам и заставляют предпринимать гораздо дальнешую поездку за границу, отчего деньги вывозятся из России безвозвратно, да и самый сей край лишается великой прибыли». Для отклонения этих неудобств он предлагает устроить по два двора против или неподалеку от станции. И рядом с этим чувствительным предписанием — распоряжение исправника, воспрещающее постройку отдельного дома при станции.

18 мая 1827 года сделано было подтверждение и приложен был план и фасад построек. Такое положение было общим в крае и позже в отношении и других дел.

11 октября 1830 года начальник войск в Кабарде пишет Эмануелю, что по случаю перенесения станиц Марьинской и Павловской на новые места к реке Малке проезжающие «не имеют пристанища», потому что в Павловской почтовой станции только одна хата для ямщиков и одна землянка;

будет ли переведен тракт из Георгиевска через селение Незлобное и станицу Государственную, а если останется при нынешней столбовой дороге, то необходимо учредить при Павловской станции заезжий двор.

Если по главному тракту дело было в таком положении, то, конечно, по другим дорогам никто и не думал об удобствах.

В деле имеется, между прочим, интересное донесение исполняющего должность исправника Корсунока от 25 июля 1827 года, где он доносит, что постоялые дворы построены, подробно перечисляет постройки при них и самые станции[2]: Средний Егорлык (где карантин), Песчанокопская, Летницкое, Медвеженское, Преградное, Безопасное, — прибавляет даже, что неисправным хозяевам он послал экзекуцию по три казака, «а потом пошлет и больше, ввиду того что скоро господа будут с минеральных вод ехать».

А 3 сентября 1827 года он уже доносит Эмануелю, что «все проезжающие были довольны и отзывались благодарностью к особе его Превосходительства», а что в селении Сергиевском хозяин понуждается экзекуцией.

Это храброе донесение характерно для того строгого военного времени. Оно вызвало ревизию; 20 ноября 1827 года предписано было освидетельствовать постоялые дворы, построенные во время заведывания исправляющего должность исправника Корсунока. И действительно, если принять во внимание, что 16 мая 1826 года, как видно из предписания Эмануеля, между Средним Егорлыком и Ставрополем не было ни одного постоялого двора и 18 мая 1827 года делается подтверждение о постройке их, то создание их по всему тракту за два месяца (с 18 мая по 25 июля) является весьма сомнительным.

В этом убеждает перечень построек при каждом дворе и приложенный к делу план, требующий значительного времени на их устройство. Это же подтверждается и указанным выше предписанием Паскевича уже в 1831 году построить постоялые дворы между Саблей и Александрией, которых, значит, не было даже и в таком близком расстоянии от Георгиевска и недалеко от Ставрополя, на самом бойком месте.

Что дело не двигалось и дворы не вырастали как грибы после дождя, видно из донесения ставропольского исправника от 2 февраля 1828 года, в котором он говорит, что на постройку постоялых дворов по Черкасскому тракту в селении Московском, Донском и по Черноморскому в селении Александровском нашелся только один в селении Московском Трофим Логвинов, и то просит казенного лесу, при этом исправник прилагает список: кольев — кубических сажени 2, хворосту — кубических сажен 6, брусьев деревянных — 3 сажени, толщиной от 6 до 8 вершков — 42.

А приказания летели в разные стороны, и 11 января 1828 года сделано было на имя наказного атамана Черноморского войска такое же распоряжение о постройке домов по Черноморскому войску, причем говорится, как это уже сделано по Ставрополю и прочим уездам Ставропольской губернии.

Неудивительно, что и охотников строить эти дворы находилось мало. Вот, например, как шло дело о постройке.

11 января 1828 года исправник донес, что на постройку двора хозяин требует казенного леса.

16 февраля предписано исполняющему должность кавказского старшего лесничего отпустить нужный лес. Казенная палата уведомляет Эмануеля, что отпуск леса назначен, но что денег на доставку нет, а потому пусть сам доставит, кого это касается, но с уплатою попенных денег.

18 февраля 1828 года исполняющий должность исправника доносит Эмануелю, что если от уплаты попенных денег не будет освобожден, то строитель однодворец Логвинов отказывается от постройки.

22 февраля канцелярия областного совета запрашивает казенную палату, сколько следует попенных денег.

25 февраля казенная палата уведомляет, что за 6 сажен хворосту — 12 рублей, за 2 кубических сажени кольев — 8 рублей, за 42 бруска деревянных 3 сажени, толщиной 8 вершков — по 2 рубля 26 копеек — 94 рубля 92 копейки, за $^1/_2$ сажени понебнику — 2 рубля 17 $^1/_2$ копеек, процентных 1 рубль 17 $^1/_2$ копеек, пошлинных 50 копеек, а всего 119 рублей 92 копейки. Наконец, 16 февраля 1829 года предписано выдать без попенных денег.

Таким образом, прошло больше года на одно разрешение отпуска леса. Добившись, наконец, разрешения, исправник 23 января 1829 года просит лесу и для селения Донского с тем, чтобы его доставить на обывательских подводах из дач города Ставрополя и Темнолесской.

Оказалось далее, что и отпуск казенного лесу делу не помог, и 23 июня 1829 года исполняющий должность исправника доносит, что вследствие удаления лесов от станций по Георгиевскому тракту дома по плану строить дорого.

Масса бумаги исписана по этому поводу, а дело не двигалось. Это происходило еще и потому, что никакой определенной, продуманной системы в управлении краем не было, все отдавалось усмотрению начальника края, и если он при этом не имел достаточной поддержки в Питере, то его распоряжения тормозились, как было с Ермоловым, и каждый новый начальник области и главнокомандующий начинали свою систему управления.

Это было в отношении всех сторон жизни края. То же было и в отношении перемещения центральных пунктов управления. (Перенесение присутственных мест из одного города в другой, упразднение городов и сопряженная с этим ломка, как город Александров, переименование Георгиевска, перевод окружных мест в Пятигорск, затем в Ставрополь.) В силу такого отсутствия общей политики во всем была неуверенность, и являвшееся новое распоряжение сбивало с пути наладившееся дело.

23 ноября 1830 года Штаб командующего войсками по Кавказской линии и в Черномории доносит в Общее управление Кавказской области о переводе почтового тракта из Георгиевска чрез селение Незлобное и станицу Государственную или о построении при Павловской почтовой станции заезжего двора и сам препровождает два доклада.

Нужда в дворе при станции Павловской была большая, о чем еще раньше сообщал начальник войск в Кабарде, но дело не двигалось, хотя даже было предписано пятигорскому исправнику 30 декабря 1830 года устроить двор, но он 17 февраля 1831 года доносит, что желающих не нашлось...

Такая же волокита сопровождала и дело о постройке дворов между Саблей и Александрией. Получив указанное выше предписание Паскевича, Управление штаба командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории и Астрахани 31 января 1831 года сообщает в Общее управление, что по докладе предписания Паскевича Эриванского о постройке 5 домов его высокопревосходительство велел исполнить это чрез гражданскую часть.

Казалось бы, что такое донесение должно было гарантировать исполнение, тем более что, не желая обременять ни жителей новыми раскладами, ни выжидать пособия от казны, Паскевич прямо прислал деньги, взяв их из доходов сальянских промыслов.

И действительно, на первое время все пришло в движение, даны предписания исправнику, областному архитектору об измерении числа верст, о сочинении планов построек. Но затем постепенно все идет тише и тише. Уже 28 февраля 1831 года Общее управление доносит главноуправляющему в Грузии, что по случаю перевода из Георгиевска окружных присутственных мест в Пятигорск предписано с 1833 года переменить почтовый тракт от селения Сабли чрез Пятигорск, а следовательно, от Сабли до Александрии дорога будет оставлена, а потому и дома там не нужны.

Это предположение о переносе тракта явилось таким бревном, брошенным в колеса возникшего дела о постройке дворов, что оно более уже не двинулось с места. Как возникло это предположение — неизвестно, но, вероятно, оно стоит в связи с переводом вообще учреждений из Георгиевска в другие места вследствие большой смертности чиновников (и еще в 24 году губернские присутственные места были переведены в Ставрополь), но сказать это утвердительно нельзя, так как проявленная медленность не указывает на то, что перенос тракта именно был необходим вследствие перехода окружных присутственных мест из Георгиевска в Пятигорск. Да и самый перенос тракта назначен был с 1833 года, а распоряжение о постройке дворов сделано в январе 1831 года[3].

Каково жилось самим чиновникам на Кавказе, главным образом, низшей братии, видно из того же донесения губернатора Малинского в 1817 году. В то время губернские присутственные места находились в городе Георгиевске. Необычайная медленность делопроизводства выводила из себя энергичного Ермолова, и вот на его строгие требования Малинский пишет: «Каждая бумага, требующая журнального постановления, должна переписываться семь раз, типографии нет, циркуляры и публикации пишутся рукой, канцелярских служителей нет... Для отвращения недостатка в канцелярских служителях были приняты меры посредством вызова их из других губерний, где таковые находятся в излишестве с разными обнадеживаниями и чрез приглашение их в сию губернию особо отряженными для того чиновниками, а между тем, дела, коих некому было обрабатывать, накоплялись по всем местам».

«После того хотя несколько таковых служителей и было собрано, но многие из прибывших сюда, по непривычке к здешнему климату, заболели и померли, а другие уехали обратно по причине крайне невыгодной и вредной для здоровья жизни в здешних, не пришедших еще в устройство городах, в коих по большей части состоят одни плетневые хижины и без полов, так что всегда был в них ощутительный недостаток, а из тех, которые в живых остались, во все лето всегда почти больных бывает целая половина, каковому жребию подвержены и все вообще здешние чиновники, так что можно полагать с открытия губернии почти три комплекта умерших.

Несмотря на льготы и обещания чинов за службу на Кавказе, многие приехавшие, по нежеланию здесь оставаться, внеся в казну полученные ими деньги и не приняв чинов, возвратились восвояси; в последнее же время несколько таковых прибыло даже из самых отдаленных мест Сибири, по-видимому, из таковых, которые там были обракованы и нигде уже не могли сыскать места, не говоря о дурном поведении некоторых из них, но крайность заставляет здесь и таковых, по необходимости, терпеть».

Жалованье было самое ничтожное, которого едва хватало на пропитание, и на одежду ничего не оставалось. И Малинский приводит случай, когда приехавшие на Кавказ чиновники, благодаря разным вычетам из жалованья, терпели такую нужду, что вынуждены были просить милостыню...

Характерно, что благодаря заболеваниям и страшной смертности чиновников в городе Георгиевске вследствие плохой воды были переведены присутственные места в Ставрополь, и Георги-

евск, как губернский город, упразднен, а между тем, тут же в самом городе, всего в полуверсте от крепости, под горой, как оказалось впоследствии, находился источник прекрасной воды, вполне достаточный для нужд города. Но никто не обращал на него внимания, и только в 1889 году городское управление воспользовалось им, устроив водопровод. Получили жители хорошую воду, и страшные заболевания злой лихорадкой отошли в область предания. А сколько напрасных жертв этой чиновничьей косности! На всем лежала печать какого-то омертвения. Всем нужна была вода, но ничего для этого не делалось; надо было перенести почтовый тракт на более безопасное место, но три года только версты считали да планы сочиняли, и из-за того, что в 1833 году предполагалось перенести тракт, в 1831 году не строят постоялых дворов и в других местах, хотя дворы эти всем крайне нужны.

Но вот настал и прошел 1833 год, и оказывается, что ничего не было сделано. И на запрос полевого инженера 27 ноября 33 года Общее управление Кавказской области сообщило: приведено ли было в исполнение распоряжение по переводу тракта на Пятигорск от Сабли, измерено ли число верст и так далее, сведений не имеется в Общем управлении.

Наконец, вступает в управление областью новый начальник Вельяминов, и вот, 23 марта 1834 года, по приказанию его, Управление требует сведения, что сделано по вопросу о постройке дворов, и требует прислать всю переписку и данные по этому поводу предписания.

Общее управление уведомляет, что подлинное дело находится в Управлении штаба и посылает ему копию.

Что касается самого переноса тракта, то весь вопрос заключался в том, что тракт от Ставрополя шел чрез разные селения на Саблю, а далее на Александрию и в Георгиевск.

Но с переводом окружных присутственных мест в Пятигорск предположили направить дорогу прямо на Пятигорск с Сабли, минуя Александрию, а от Пятигорска на Георгиевск. Какая в этом направлении была выгода — в деле сведений не имеется, но, очевидно, тут не преследовалась цель сократить расстояние, так как прежний путь мог быть длиннее только на 15—20 верст. Георгиевск все равно оставался пунктом сообщения в этом тракте.

Что эта перемена была не настоятельной, видно из постановления областного совета от 27 октября 1830 года, где ввиду перевода окружных присутственных мест из Георгиевска в Пятигорск решено было учредить почтовое сообщение непосредственно между этими городами, для чего признано было достаточным две пары лошадей, а в Пятигорске содержать 4 пары лошадей. Это увеличение числа лошадей могло быть произведено без обременения жителей новым налогом, так как из сумм по смете на 1828 год осталось 24312 рублей; на случай перемены тракта от Сабли, чрез Пятигорск до Георгиевска, говорит Совет, предложить областному правлению собрать все нужные сведения по проложению дороги, необходимости мостов, помещения и так далее.

Таким образом, времени было достаточно с 1830 года, чтобы собрать сведения о новом тракте, но, очевидно, в нем большой нужды не было, так как возможность почтового сообщения между этими городами была, и затруднений не представлялось, и даже почтовое ведомство ходатайствовало об оставлении в Георгиевске почтовой экспедиции, на что согласился и совет, и это постановление было утверждено Паскевичем. Но прошел и 1834 год, а дело оставалось в том же положении, и в июле этого года уже новый главнокомандующий Розен запрашивает начальника области, построены ли дворы между Саблей и Александрией, на что Паскевичем было дано 2500 рублей, и если нет, то почему.

Вельяминов на это отвечает, что бывший начальник области не находил нужным устройство почтовых домов за переводом почтового тракта на Пятигорск, но что он с своей стороны полагает это нужным, так как торговый тракт все-таки остается от Сабли на Георгиевск чрез Александрию, но что за неимением там хорошей воды этого сделать нельзя, пока не будет устроен артезианский колодец.

Чрез три года снова вспыхивает переписка по тому же делу. 17 ноября 1837 года губернатор барон Таубе запрашивает начальника штаба, и инженерное ведомство, в свою очередь, запрашивает о положении дела.

На этом дело заканчивается, и в нем оказывается 111 листов, что скрепил зауряд хорунжий Скляревский.

За 7 лет еще сравнительно мало исписали бумаги, но дело еще не окончательно потухло. Чрез полтора почти года, в 1839 году, опять оно обнаруживает признаки жизни. Штаб просит канцелярию Общего управления Кавказской области прислать дело, переданное ей 18 мая 1838 года о постройке пяти домов, и 9 марта канцелярия препровождает дело это, но 18 марта 1839 года штаб уже возвращает его и 2000 рублей; канцелярия уведомляет, что дело и деньги получены.

Видно уже, что всем надоело это дело, и 8 апреля 1839 года новый областной начальник генерал-лейтенант Граббе предписывает записать 2000 рублей на приход впредь до особого распоряжения. Снова дело заканчивается, и в нем уже 129 листов.

Но 20 августа 1840 года канцелярия Общего управления Кавказской области просит штаб возвратить дело, переданное 11 ноября 1838 года, для дальнейшего производства.

Истекло уже 10 лет, как возникло злополучное дело, миновала, вероятно, и кажущаяся надобность в нем, и никакого производства по нем, вероятно, уже не могло быть, и действительно, в том

же августе штаб возвращает дело «о постройке дворов и об опыте артезианских колодцев», и его надо было предать забвению. Но так как при этом деле, как улика его существования, были деньги, то надо было развязаться и с ними, и Общее управление Кавказской области 28 июля 1843 года составило докладную записку обо всех мытарствах и спрашивает — куда обратить деньги 2500 рублей, присланные Паскевичем на постройку дворов. Снова проходит два с половиною года, и 26 февраля 1846 года Кавказское областное управление сообщает казенной палате, что деньги 2500 рублей предназначены на устройство станций Калиновской, Сухопадинской и Екатериноградской, и потому перечислить их на этот предмет, и казначею предписано передать их казенной палате.

25 апреля 1846 года казенная палата получила деньги эти.

На этом дело совсем закончено, и в нем 180 листов.

Надо заметить, что на предписании в казенную палату имеется надпись некоего Юрковского: «так как деньги эти обращены на устройство станций Калиновской, Сухопадинской и Екатериноградской, о которых еще продолжается переписка, то отпуск этот снять в копии и подшить к делу о постройке означенных почтовых станций для видимости, где они имеются, и дело это считать законченным».

Так закончились эти три начинания, не переходя в область действительности. Потребовалось 15 лет канцелярского труда, выразившегося в 180 листах исписанной бумаги, не считая работы других учреждений. А между тем, эти дела представляли дело первой важности для края.

Нельзя не заметить, что не одно это начинание тянулось так долго и давало такие плачевные результаты. Стоит вспомнить, что дело о размежевании земель и наделении жителей Кавказского края землею, начавшееся в 1816 году по настоянию Ермолова, едва только было намечено в общих чертах в 1846 году и только в 1878 году закончилось выдачей владенных записей, сопровождавшейся целым рядом бунтов.

А опыт шелководства кончился тем, что крестьяне даже деревья тутовые повырубили, и теперь нет ни деревца, где насаждались по приказанию целые рощи.

Таковы результаты чиновничьего хозяйства, помимо воли и желания самого населения при полном его отстранении от дела. Теперь, если мы от этих прошлых грехов обратимся к настоящему и посмотрим на нашу невылазную грязь, на полное отсутствие не только шоссейных (за исключением Невинномысской), но и хорошо содержимых грунтовых дорог, на наши навозные гати, на непроездные топи, даже между такими большими пунктами, как Прасковея, Покойное и Святой Крест, на наши невозможные подъезды к Ставрополю, то должны признать, что не далеко мы ушли от прошлого.

Перепечатано из № 12 «Ставропольских губернских ведомостей» за 1906 год в Типографии Ставропольского губернского правления 25 марта 1906 года.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. Донесение Малинского 1817 года главнокомандующему Ермолову (Акты Архивной комиссии, том I).

2. Из этого донесения видно, что первые хозяева постоялых дворов были: село Егорлык — Егор Пономарев; Песчанокопское — Максим Корнилов; Летницкое — Павел Переверзев; Медвежье — Яков Сафонов; Преградное — Ларион Колесников и Безопасное — Козьма Бойко.

3. В 1839 году между Саблею и Александрией была устроена станция Сухопадинская.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Прозрителев Г.Н. Из прошлого Северного Кавказа: К истории артезианских колодцев и первых постоялых дворов в Ставропольской губернии // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. — 1911. — Вып. 1. — С. 1—15. — Отд. 2.

Ì ÀÆÀÐÛ. Î ÄÈ Í ÈÇ ÄÐÅÂ Í ÅÉ Ø ÈÕ ÃÎÐÎÄÎÂ ÑÅÂÅÐÍ ÎÃÎ ÊÀÂÊÀÇÀ

Сведения наши о Северном Кавказе и, главным образом, о той его части, где нынешняя Ставропольская губерния, начинаются только со времен Екатерины II, когда возгоревшиеся войны с Турцией вызывали необходимость движения наших войск в пределы Кубанских и Кумских земель, занятых ногайскими народами, находившимися всегда под влиянием Турции.

Постепенное занятие этого края нашими войсками и устройство военной линии, то есть ряда укреплений, и дало возможность отодвинуть беспокойные кочевые орды и водвориться мирному населению, а потому с этого времени считают начало культурной жизни этого края. Многие думают, что до этого времени Северный Кавказ был страной совершенно дикой и не имеющей исторического прошлого.

Между тем существование населения на берегах реки Кумы (в нынешней Ставропольской губернии) и в глубокой древности не может подлежать сомнению.

Хотя нет точных исторических данных в отношении этой местности за тот отдельный период, но это нисколько не изменяет достоверности указанного положения и не дает основания сомневаться в справедливости предания, в подробностях описывающего жизнь существовавшего здесь и погибшего впоследствии народа, имевшего, несомненно, высокую культуру. Лучшим доказательством основательности предания и немыми, но верными свидетелями прошлой жизни являются те многочисленные остатки жилищ, которые тянутся почти на 25 верст по обеим сторонам реки Кумы, там, где ныне находится город Св. Креста, селения Прасковея, Покойное, Бургон-Маджары. На этом пространстве видны громадные ямы, бугры, канавы, разного рода углубления, и все это заполнено массой строительного кирпича, прекрасно сохранившегося. Все эти развалины народ называет почему-то «кирками» и «мамаевым городом»; здесь жили «мамаи», говорят местные жители. По преданию, здесь был в древности большой город Мажары, тянувшийся вдоль реки Кумы, с большими и хорошими строениями, башнями, мечетями, минареты которых далеко были видны с высокого берега Кумы; были и христианские церкви. Город имел виноградники и вел обширную торговлю, народ жил богато, занимался виноделием, сюда стекались торговые люди со всех концов света. Нашествие диких орд, истребивших население, уничтожило некогда цветущий город и обратило его в развалины. Но по другим рассказам, жители вымерли от моровой язвы. Возможно, что и то и другое было причиною гибели этого древнего города, составлявшего бойкий центр Северного Кавказа в те отдаленные времена. Русское население явилось здесь в начале XVIII века, и в 1765 году в селе Бургон-Маджары была построена церковь, верстах в 5-ти от главных развалин, но древний город уже был в развалинах, и населения не было.

Кажется, ни один народ не оставил после себя такого великолепного строительного материала, какой находится в этих развалинах в виде кирпича, называемого жителями «мамайским». Несмотря на многие протекшие столетия, он не только вполне годен для построек и в настоящее время, но и далеко превосходит нынешний кирпич. Каким способом этот народ приготовлял кирпич, неизвестно, но, вероятно, долгим опытом он нашел этот способ, благодаря которому из теперешнего кирпича только так называемый «железняк» может сравниться с ним, хотя этот ископаемый кирпич не обливной, а обыкновенный сортовой кирпич. «Мамайский» кирпич, как видно, выделывался на месте, и самое существование древних кирпичных заводов в этой местности устанавливается остатками горнов и громадными кусками сплава (шлаки), служащего характерными признаками обжигания. Кроме «строительного» кирпича, выделывался и кирпич отделочный, вставлявшийся, вероятно, в карнизы и прочее, так как у него одна сторона глазированная, а остальные несколько срезаны. Зеленый цвет глазировки этого кирпича замечательно сохранился, и самая глазировка на некоторых кирпичах даже не потрескалась. Строительный кирпич имеет форму квадратных плит в 5 вершков и толщины несколько больше вершка.

Благодаря разграблению этих развалин, начавшемуся более ста пятидесяти лет тому назад, со времени поселения здесь русских, теперь нельзя определить без тщательных раскопок ни характера бывших построек, ни бывшей в употреблении посуды, но несомненно, что здесь выделывалась гончарная посуда и эти гончарные изделия были высокого качества, судя по немногим кускам, попадающимся в развалинах. О необыкновенной их прочности могут свидетельствовать громадные глиняные кувшины, находимые в развалинах, служившие для сохранения вина.

О количестве оставшегося в развалинах кирпича можно судить уже по тому, что в селах Покойном, Прасковее, Бургон-Маджары и город Св. Креста значительная часть домов построена из этого кирпича, в Св. Кресте даже построена из него армяно-григорианская церковь. Основанный лет 15 тому назад среди этих развалин Воскресенский монастырь также воспользовался этим прекрасным материалом, но, несмотря на все это, и теперь осталась его целая масса. Все, кто только желает, выкапывает этот кир-

пич для собственных надобностей и, удивляясь его прочности и замечательной пригодности, не только не помянут с благодарностью тех неведомых тружеников, трудами которых они теперь пользуются, но даже и кости их разбрасывают по поверхности, забирая кирпич и грабя могильные склепы.

Повсюду разбросаны в развалинах кости некогда живших здесь людей; часто целыми кучами выброшены они из могил, и никто не подумает собрать их и снова уложить в землю или, по крайней мере, не выбрасывать из могилы.

Среди развалин встречается много гробниц — могил, выложенных сырцовым кирпичом, также прекрасно сохранившимся, благодаря необыкновенной крепости этого кирпича. Натыкаясь на такие гробницы, жители забирают все, что находят на скелетах: бусы, кольца, - а самые кости беспощадно выбрасывают наружу, так что во многих местах эти развалины представляют смесь кирпича, ломаных костей и глины.

Нельзя не отнестись с большим порицанием и негодованием к подобным поступкам теперешних жителей, которые с таким пренебрежением относятся к этим «мамайским» покойникам, как они называют их, предполагая в них не христиан, хотя это предположение требует еще доказательства, и, наоборот, есть много оснований думать, что тут было в значительном количестве и христианское население.

Судя по рассказам находивших целые скелеты, видно, что хоронили в полусидячем положении, с руками протянутыми вдоль корпуса.

Осмотренные нами склепы на монастырской земле имеют в вышину 1 $^1/_4$ аршина, в ширину 15 вершков. Форма склепа — гробовидная; склеп имеет кирпичные стенки — в вышину одного кирпича, а крыша его образовывалась наклонением более длинных кирпичей, причем промежутки закладывались снова кирпичами меньшего размера. Вероятно, такой сырец изготовлялся специально для этой цели, так как величина его значительно больше жженого кирпича. Но, судя по другим могильникам, виденным мною в других местах, употреблялся для могил и обыкновенный жженый кирпич. Надо предполагать, что хоронили и без склепов, так как в некоторых местах развалин кости видны лежащими прямо в земле. Судя по положению как склепов, так и этих могил, можно подумать, что покойников клали головой на запад, хотя с некоторым уклонением от нашего направления к северу.

Никаких предметов погребального культа в могилах не найдено.

Могилы и склепы очень хорошо видны на монастырском участке в углублении, образовавшемся от вынутой земли для предполагавшейся здесь церкви, ныне оставленной. Находимые здесь камни свидетельствуют об обычае ставить на могилах памятники: на некоторых прекрасно сохранились надписи и украшения. Памятники, имеющие надписи, сделаны из очень крепкого не местного камня и хорошо отделаны. В настоящее время такой камень добывается близ города Пятигорска на расстоянии 120—130 верст от этого места. Форма этих намогильных камней, судя по уцелевшим, виденным мною кускам, это доска от $^3/_4$ до 1 аршина, верхняя часть которой выдается углом; края плиты хорошо обтесаны. По насечкам с задней стороны камня надо думать, что работали острыми клевками, какими теперь работают каменщики-персияне, а не русской киркой. Большого размера плиты разделены полосками на три части: рисунок, надпись и рисунок, а у меньших все отделения заняты надписями, но задняя часть представляет или арабески, или изображение, вероятно, мечетей и минаретов или других построек.

Совершенно случайно в одной из усадеб вблизи этих развалин удалось мне обнаружить огромную плиту, положенную у порога. Плита — из камня, добываемого ныне близ села Новоселец, в 50 верстах от того места. На одной стороне этой плиты, по поднятии ее, обнаружен высеченный на ней гроб. Уцелевшая часть плиты имеет в длину 25 вершков и в ширину 1 $^1/_4$ аршина, причем гроб начинается на $^1/_4$ от края плиты. Вся остальная верхняя часть плиты увезена в другое место, и мне не удалось ее найти, но на имеющейся части длина гроба 21 вершок, в ширину 5 вершков, в вышину 2 $^1/_2$ вершка, в нижнем конце, а в верхнем конце в ширину 7 вершков, в вышину 4 вершка. При этом верхняя часть гроба плоская, далее края спущены и наклонно идут к основанию, так что вся фигура имеет вид шестиугольника. На данной части плиты надписей нет, но имелись ли они на остальной части — сказать нельзя, хотя, по уверению очевидцев, на той части в конце гроба было изображение головы.

Можно с уверенностью сказать, что эта намогильная плита, с высеченным на ней гробом, положена была в память христианского покойника.

По рассказам, на берегу реки Кумы, в нынешнем саду Арзамановых, были найдены в 50-х годах металлические кресты, по размерам приблизительно такие же, какие у нас употребляются при богослужении, а это, в связи со свидетельством архитектора Алексеева, видевшего здесь в 1837 году развалины церкви с изображениями святых на стенах, вполне устанавливает существование христианства в древних Мажарах.

В одной из могил, где был найден скелет, очевидно, женщины (так как крестьянка, нашедшая его, принесла мне и снятые со скелета бусы), найден был кусок гипса, но с какою целью он был положен туда, неизвестно. Находимые в могилах бусы частью литого стекла, а частью мозаика. Из числа бус обращают на себя внимание бусы с пестрыми глазками; подобные бусы были найдены господином Синицыным в раскопках Жареного кургана на Волге. В курганах южного приладожья найдены стекловидные бусы, вполне сходные с первыми найденными мною здесь бусами, что под-

тверждает предположение господина Брандербурга, что эти украшения шли с востока и были предметом торговли (Отчет Археологической комиссии за 1893 год).

Не подлежит сомнению, что здесь жил народ очень зажиточный, так как и теперь еще, несмотря на 150-летнее разграбление, находят множество монет различных народов — преимущественно арабские, персидские и других народов, и монеты времен магометанства. Особенно обращают на себя внимание монеты под №№ 1 и 2, так как совершенно тождественные с ними найдены в раскопках близ Керчи в горе Митридат, что несомненно указывает на общение жителей Мажар с побережьем Черного моря, Босфорским царством. Надписи на приводимых монетах и плите разобраны благодаря любезному содействию ученого муллы г. Нуцалова, и на одной из серебряных монет (без дырочки) значится: «Зобра Али-хан», то есть чеканена при хане Али, 267 г., на другой он читает Атель-хан. Так как остальная надпись на этой второй монете не поддается разбору, то делать какие бы то ни было заключения нельзя, но если верно прочитано слово «Атель», то это имеет важное значение. Слово «Атель» делает указание на город Атель, принадлежавший хазарам и находившийся близ устья реки Волги, где первоначально и обитали хазары. Имеющиеся на монетах этих отверстия указывают на то, что уже в то отдаленное время они носились как украшения, а это свидетельствует о их древнем происхождении, так как они в таком виде и найдены в могильнике. Надпись на найденной мною плите означает 749 г., но определить, какого летосчисления, не представляется возможности.

Среди развалин можно еще хорошо определить улицы и переулки, и первые шли на северо-восток и как бы направлялись к реке Куме; имеющаяся на монастырской земле среди развалин довольно глубокая канава указывает, что вода была проведена из реки Кумы, причем, надо полагать, что вода у реки поднималась, так как самые постройки лежали на плоскости на 5—6 саженей выше уровня воды. Служила ли канава для снабжения питьевой водой, сказать нельзя, точно так же как и то, шла ли вода по трубам или по самой канаве; хотя, судя по довольно обрывистым берегам канавы и ее величине, надо предполагать второе. Вероятно, канава была выложена кирпичом, тем более что труб не найдено, а по рассказам жителей, находили канавы, выложенные кирпичом. Старики уверяют, что около этого места от развалин к реке Куме шла широкая лестница, выложенная большими белыми и изразцовыми плитами и такими же барьерами, но все это расхищено.

Справедливость этого подтверждается словами покойного секретаря Ставропольского статистического комитета И.В. Бентковского, который мне лично говорил, что видел в 70-х годах в селении Покойном такую плиту, величиною в аршин, и слышал об этой лестнице. Вероятно, и теперь можно найти еще эти плиты, которые крестьяне, как и другие находки, вделывают в свои печи и из предосторожности, боясь ответственности, замазывают их глиной и забеливают. В последнем я лично убедился в хате одного крестьянина, который по приятельству открыл мне этот секрет: он взял мокрую тряпку и ею потер верхнюю часть своей печи, на которую я до этого совершенно не обращал внимания, и тут только я увидел целый ряд «мамайских» отделочных кирпичей, вставленных в карниз печи, прекрасная зеленая глазировка которых выглядела совершенно свежею.

Насколько представляли интерес эти остатки древнего города, видно из того, что даже в законодательном порядке сделана была попытка охранить их: строго запрещалось добывать этот кирпич, но, конечно, одного запрещения было мало, и все, что можно было, теперь расхищено на постройки.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в развалинах близ села Бургон-Маджары кирпич несколько отличается от такого же кирпича на монастырской земле: он гораздо краснее и несколько тоньше, хотя такими же плитами, зеленый же кирпич один и тот же, хотя возможно, что изменение это от времени. Здания, очевидно, штукатурились, или, по крайней мере, внутренние помещения имели лепные карнизы и, судя по найденному мною куску, для этого употреблялся чистый гипс, смешанный с мукою, что делало его необыкновенно легким. Карниз имеет вид вафельной доски, выпуклый и, судя по обратной стороне, был на дереве. В постройках употреблялся и камень, но для полов и выстилок. У того же покойного Бентковского я видел доставленные ему из развалин Мажар в 1885 году часть каменной колонны и кусок каменной чашки хорошей работы, но где в настоящее время эти находки, мне неизвестно.

Характерно, что среди этих развалин найден ручной жернов, тогда как при такой культуре несомненно должны были существовать мельницы. Такие ручные жернова до сих пор в употреблении у местных кочевых инородцев, трухмен и ногайцев.

Около селения Бургон-Маджары в одном из курганов найдены следы постройки, вероятно, двухэтажной, с подвальным помещением, так как оно имело необыкновенно прочные стены, а пол выложен был каменными плитами. Жители предполагают, что постройка эта — остатки бывшей церкви, так как старики, лет 60 тому назад, видели будто бы здесь еще стены с изображением икон.

Все постройки древнего города шли как по высокому берегу Кумы, так и по лугу, который в настоящее время заливается водой и в некоторых местах представляет болото. В одной из ям на монастырском участке, где, надо предполагать, был кирпичный завод, вода в колодце, вырытом в настоящее время, стоит всего на 2 аршина от поверхности, хотя, судя по развалинам построек, в то отдаленное время вода не могла быть так близко.

Все эти сведения собраны мною на месте путем расспросов и осмотра развалин, без всяких раскопок, и предметы добыты у жителей, находивших их при разных земляных работах. Но несомненно, что раскопки дадут весьма ценный материал для изучения бывшего здесь населения, и их необходимо произвести скорее, иначе все погибнет. Влияние этого древнего города распространилось на значительное пространство, так как тождественные с «мажарскими» («мамайскими») кирпичами найдены мною в разрытых жителями могильниках близ сел. Падинки, близ сел. Берестовки, на хуторе Безменова и близ Ставрополя, — это в расстоянии 200 верст от Мажар. Что касается названия этого города «Мажары», то покойный Бентковский слово «Маджары» читает «Мадьяры» (Madyar) и думает, что здесь жили венгры, но местные жители называют «мажары», а народ «мажарцами», и такое название удержалось и на старых картах в названии «северомажарская дача», почему догадка Бентковского может быть и не верна, тем более что произношение Ж как ДЖ (Маджары) возможно объяснить влиянием поселившихся здесь в 1799 году армян, образовавших гор. Св. Креста, которые действительно называют «Маджары», тогда как русское население говорит «Мажары». Нынешнее название села Бургон-Маджары дано было Екатериной II, которой, по преданию, было доставлено прекрасное вино, выделывавшееся уже в то время русскими жителями Мажар, притом настолько хорошее, что напоминало бургонское.

Судя по всем имеющимся в Мажарах письменным свидетельствам, необходимо прийти к заключению, что это был хазарский город. Так он называется в истории г. Дербента, где упоминают (VIII в. до Р.Х.) Большие и Малые Мажары, что подтверждается и развалинами около Св. Креста и около села Бургон-Маджары. В 1282 и 1231 годах упоминают о Мажарах как о значительном городе Абдул-Газы-хан и Абдул-феди, а в наших летописях под 1319 годом занесено, что замученный Ханом Узбеком русский князь Михаил Тверской был привезен в Мажары по дороге в Москву. Мажары, по словам летописца, был торговый город, в нем жили русские и была православная церковь, в которую купцы, узнав о прибытии тела убитого князя, хотели поставить его, покрыв дорогими коврами. По преданию, каменный сарай, в котором остановились пристава, сопровождавшие тело убитого князя, находился как раз над Кумою неподалеку от того места, где впоследствии возник город Св. Креста, и на этом месте в 1889 г. построен Воскресенский Мамай-Мажарский монастырь. Эти указания на принадлежность Мажар хазарам нисколько не противоречат данным истории о поселении «хазар», которые, по словам истории Карамзина, обитали на западной стороне Каспийского моря, называвшегося Хазарским, в степях астраханских. Хазары были сильный народ; они вели успешные войны с персидским царем Хозроем. В VII веке коганы их играют видную роль в истории Византии и покоряют себе земли от устья Волги до морей Азовского и Черного, Фанагорию, Босфор и большую часть Тавриды, несколько веков называвшейся Козарией. Первоначально коганы их жили в Ателе — богатой и многолюдной столице, основанной близ устья Волги. Хазары имели города и старались их украшать, требуя искусных зодчих от греческого императора Феофила. В VIII веке они приняли иудейство, а в 858 году — христианскую веру.

Таким образом, все пространство Северного Кавказа от Каспийского до Азовского и Черного морей было местом, где жил и действовал некогда народ, достигший высокого развития и погибший в водовороте грозных событий исторического уклада народов; его торговые караваны, учреждения и стоянки, несомненно, шли по всему пространству нынешней Ставропольской губернии, и тут же на реке Куме был центр этой древней, несомненно, бойкой жизни. Здесь были Великие Мажары, память о которых живет до сих пор, несмотря на то, что самый народ исчез с лица земли. С большим основанием можно думать, что хазары погибли в тот период, когда они были христиане, и падение их надо отнести ко времени пришествия татарских орд с Чингис-ханом (1224), который пришел через Кавказ и прежде всего обрушился на хазар при проходе вдоль Каспийского моря на север. А второе нашествие (1238) и утверждение Золотой орды на берегах Волги и на Кавказе, близ Дербента, окончательно уничтожило этот некогда выдающийся народ, просуществовавший 700 лет. Только беспощадное истребление и разрушение, которому предавали все татары и пришедшие с ними орды, разлившиеся по Северному Кавказу, уничтожили в нашем крае следы влияния этого высококультурного народа древности, но тем не менее тщательные изыскания и раскопки дадут большие указания для истории прошлого нашего края, связанного с именем этого исчезнувшего народа. Смотря на эти развалины, заполненные прекрасным кирпичом, и окружающие их ныне крестьянские постройки из самана (земляной кирпич-сырец), крытые соломой, невольно приходится сознаться, что немного мы дали краю почти за 150 лет его нахождения под нашим господством. А путешественники XVIII в. Паллас и другие видели на месте нынешних развалин Мажар многочисленные кирпичные здания и обширные намогильные мавзолеи. Громкое прошлое погибшего народа призывает исследователя, а продолжающееся разграбление заставляет не медлить с производством правильных изысканий.

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Прозрителев Г.Н. Мажары. Один из древнейших городов Северного Кавказа // Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1906. — Т. 1. — С. 1—16.

Ï À Ì ßÒÜ Î Í.Â. ÃÎÃÎËÅ Â ÇÀÕÎËÓÑÒÜßÕ Ï ÎËÒÀÂÑÊÎÉ ÃÓÁÅÐÍÈÈ

«Каждая черточка великого художника должна сделаться достоянием истории».
В. Гюго

В 1898 году я попал в Полтаву и совершенно случайно в Диканьку и в ближайшие к ней деревеньки и хутора, лежащие не в далеком расстоянии от места родины Гоголя, памятные по дорогим воспоминаниям о нашем великом писателе, места, которые поистине могли бы быть местом паломничества русского человека. Здесь впервые зарождались у нашего писателя те художественные образы, которые до сих пор неудержимо влекут к себе каждого грамотного, там впервые, вероятно, слагались те вдохновенные (вещие) страницы, которые всколыхнули всю читающую Россию во время своего появления в печати; здесь, вероятно, впервые плакал чуткий писатель «незримо для мира» над русским человеком, опутанным беспросветной тьмою и рабством, и непорядками родной земли.

В конце лета я приехал в деревню Великие Будищи. Хотя, по всем имеющимся сведениям и расспросам на месте, Гоголь не жил в Великих Будищах, но тем не менее на память о нем я наталкивался здесь, что называется, на каждом шагу, и то не было какое-либо официальное признание — памятник, бюсты и тому подобное, — нет, Гоголь живет там в самом, так сказать, населении, в памяти этих темных, маленьких людей, далеких от литературы и суеты мира, но хранящих глубокую, трогательную и какую-то благоговейную память о нем. Старый пан Онипко, у которого я проживал, также полон благоговейного чувства к нему, и каждый раз, как я заводил речь о Гоголе, стараясь почерпнуть что-либо из богатого запаса его памяти, он только восклицал: «И как подумаешь, что он жил здесь, в наших кутках, так тебя мороз и осыпает...» — и затем уныло умолкал, ожесточенно затягиваясь крепчайшим табаком из своей длинной трубки с черешневым чубуком.

Из писателей наших, кажется, только Лермонтов может поспорить с Гоголем такой широкой известностью в населении и глубокою памятью как о писателе, которая так обращает на себя внимание в Пятигорске.

Благодаря знакомству с местным учителем церковноприходской школы, я посетил в Будищах дряхлую старушку крестьянку Елизавету Крежилеву, которая охотно передала нам то, что сохранила ее память о Гоголе. Не знаю, посещали ли ее биографы, но, по-видимому, в Будищи никто не заглядывал, так как все обыкновенно стремятся в Васильевку и Сорочинцы, где, признаться, достаточно понадоели эти посетители, почему и я воздержался от поездки туда. Судя по подробностям рассказа Елизаветы и объяснениям местных старожилов, несомненно: Елизавета — современник Гоголя, и сомневаться в достоверности ее рассказов нет основания. Елизавета была крепостною помещицы Царевской и 10-летней девочкой ездила с нею к Гоголям в Васильевку, где жила мать Николая Васильевича, и не раз прислуживала Н.В. во время приезда его к матери. Мать его, Мария Ивановна, по словам Елизаветы, невысокого роста, полная женщина, очень любила сына и, ожидая его на побывку из Москвы, «приказывала фонари зажигать», созывала гостей, «да и сами все съезжались посмотреть на него», — добавляла старушка, видимо, переносясь в далекое прошлое. «Соберутся и сидят в комнате, ждут. Как приедет он, бывало, сейчас поцелует ручку у маменьки и пьет чай, а все сидят, смотрят на него, молчат. Потом, после чаю, он уходил в свою «пещерку», — в саду такая комнатка была, — там он и писал, стоял там стол, стул и на стене икона Божией Матери. Гостил он иногда 2 недели, а иногда и месяц. Горько плакала маменька его, как он умер». Несмотря на полную ясность сознания, старушка все-таки сохранила в своей памяти лишь отдельные, более выдающиеся случаи, и потому воспоминания ее не представляли последовательного рассказа, и необходимо было предлагать вопросы, но это только увеличивает достоверность ее сведений, к тому же она бывала только временно в Васильевке и наблюдала случайно. «Он был очень набожный, — говорила старушка, — всегда становился в церкви на клиросе и закрывал глаза». Вел знакомство с двумя местными священниками, из которых Елизавета помнила Капустяна. У Николая Васильевича было три сестры: Анна, Елизавета и Ольга — и последняя самая любимая, которая все собирала для него песни да «сказки» и все «сидела за шитьем». Последнее обстоятельство старушка упоминала в том смысле, что Ольга Васильевна была девушка скромная, деловая, под «сказками» же она разумела рассказы и предания про старину, которыми Гоголь очень интересовался. «Сойдутся, бывало, он и говорит сестре: «Люби нищих, помогай им». Ольга Васильевна впоследствии вышла замуж за Головню, потомки которого и теперь живут в Полтаве. На барышень Н.В., по словам Елизаветы, не обращал внимания. «Росту он был среднего, черные прямые волосы, большой нос и усы, носил черный сюртук». Все эти подробности, убогая малороссийская мазанка, в которой жила Елизавета, и сама эта дряхлая, полуслепая старушка — все это так живо переносило в то время, когда сам Гоголь слушал какого-либо случайного «лирника», воспевавшего старину, точно так, как

теперь эта темная старушка передает повесть о нем самом, сама не сознавая ценности ее вклада в сокровищницу воспоминаний о великом писателе. Последний раз Елизавета видела Н.В., когда ему было 40 лет, как она припоминает, а следовательно, приблизительно в 48 или 49 году, вероятно, уже после возвращения Гоголя из Палестины, когда он, поселясь в Москве, посещал Малороссию, что вполне согласно и с указаниями его биографа.

На другой день мы посетили старого обедневшего помещика П., в семье которого, по словам Елизаветы, жила сестра Гоголя, Анна Васильевна. Типичный старый дом, огромные старинные диваны, стоящие по стенам довольно просторной комнаты, угольник «с лирами», «божничка» с целым рядом всевозможных икон, какой-то особенный запах старой рухляди и сам П. в длинном совершенно выцветшем сюртуке, высокий, худой, производивший впечатление засохшего человека, — все переносило куда-то далеко-далеко, и отчасти казалось, что мы спустились в могильный склеп. И действительно, жизнь обитателей этого дома прошла, измяла их, искалечила, отняла у них все, что было дорого в мире, и теперь бросила этих одиноких больных стариков, да в наказание «и смерти не велит трогать», как метко выразился П. «А жили когда-то хорошо, и солнцу божьему и людям радовались, а теперь...» — уныло говорил П., показывая свое жилище. По мере сил своих, и они приносили когда-то пользу: дочь 23 лет была учительницей, а теперь, в 45 лет, больная, измученная и почти потерявшая зрение, не имеет ничего и живет на заработок иглой. Необыкновенно грустно было видеть этих «запоздавших» людей, как они себя называли, и я постарался скорее перейти к цели нашего посещения, прекратил осмотр помещения и интересовавшей меня типичной обстановки, что и давало тему для грустных излияний. И, странно, одно только упоминание имени Гоголя словно электрическим током вызывало к жизни этого кандидата в покойники. И отец и дочь с особенной готовностью и удовольствием стали отыскивать все, что так или иначе касалось дорогих воспоминаний. Мне стало еще больнее, при виде этого оживления и какого-то детски чистого радостного выражения поблекших изможденных лиц моих новых знакомых, которые через 3—4 часа, вслед за нашим уходом, снова останутся перед глухой стеной с своей тоской и горьким сознанием своей ненужности, нуждой и болезнями.

Личных воспоминаний П. не имел о Гоголе, хотя в детстве и видел его, но самая тесная дружба связывала семью П. с сестрой Гоголя, Анной Васильевной, которая живала у П. в Будищах, и это восполняло недостаток личных сведений. Анна Васильевна была в постоянной переписке с женой П., и он любезно предложил мне целую связку ее писем, сохранившихся у него. К сожалению, рассмотренные мною письма относятся все к позднейшему времени, и в них я не нашел никаких упоминаний о нашем писателе. Письма все наполнены жалобами на свои болезни, от которых А.В., вероятно, тяжко страдала, все проникнуты необыкновенным религиозным настроением, покорностью воле Божьей. Вероятно, в ответ на вопросы своего друга, также больной женщины, жены П., Анна Васильевна дает медицинские советы, пишет, что такая-то трава помогает от того-то и так-то ее надо приготовлять. Главное страдание было, вероятно, зубная боль, так как в отношении ее чаще повторяются и советы, и имеются апокрифические молитвы. Одну из них, писанную четким, довольно красивым почерком Анны Васильевны, я приведу. Молитва от зубной боли: «Архиерей Божий и священно христов мученик Антипий, Апостолам сопричислен и мученикам слава, себя на жертву принес яко кадило благовонное и Агнец безмолвный и в огнь медян раскален вшел еси, громогласно Христа исповедал, томителя Велизария до конца сокрушил еси, того ради Господь тебя прославил и данною тобою благодатью нестерпимую зубную боль изцеляти. Услыши меня грешную рабу твою, Анну, и от нестерпимой зубной боли избавимся Святыми молитвами Твоими. Аминь». На другом апокрифе, писанном довольно безграмотной рукой, имеется надпись: «В Иерусалиме во время Божественной литургии был слышан глас всем людям: «Покайтесь, поражу весь мир несчастием, но кто сию молитву будет читать с верою, хотя раз в день, то будет избавлен от всякого бедствия. По сему случаю, молитва сия выслана из Иерусалима, желающие спастись должны передать десяти человекам, а кто сие не исполнит, тот подвергаться будет разным бедствиям».

В одной из комнат у П. висит хороший портрет Анны Васильевны. Воспоминания П. о Николае Васильевиче касались, главным образом, его доброты, любви к матери и набожности. В заключение П. принес старинный деревянный стул, на котором, по его словам, сидел обыкновенно Гоголь, когда писал в своей «пещерке» в Васильевке; я снял рисунок. Стул простой работы, крепкого дерева (кажется, дубовый), старинного образца. Насколько верно это сообщение — не знаю, и сам П. только слышал об этом, но одно несомненно, что стул этот привезен из Васильевки Анной Васильевной. На прощанье П. сообщил мне, что у кого-то в Будищах есть потрет Гоголя, писанный еще в то время местным живописцем, «какого нигде нет», — прибавил он, но у кого именно, он сказать не мог. Сердечно распростившись с П., я в тот же день принялся за расспросы относительно портрета, и хотя поиски мои не увенчались успехом, но зато привели к другой не менее интересной находке. У крестьянки Мостиловой оказалась фотографическая карточка, на которой Гоголь изображен в черном сюртуке, на шее цепь, и сверху надето пальто или шинель, по-видимому, с бархатными отворотами, лицо молодое. Карточка в длину и ширину старательно заклеена простой грубой рукой в металлическую рамку, по-видимому, позднейшей работы. Но самое главное, что придает значение

этой находке, это то, что внизу карточки имеется надпись: «Николай Гоголь», сделанная, как твердо уверяла эта женщина, самим Гоголем. Надпись действительно сделана чернилами и имеет большое сходство с почерком Гоголя. Как попала к ней эта карточка, Мостилова сама хорошо объяснить не могла, но в рамку заделала, насколько помнится мне, она сама. По рассказам ее, она жила в услужении у разных лиц и в Сорочинцах и в Полтаве, бывала и в Васильевке, но где приобрела карточку, не знает, хотя твердо стояла на том, что надпись эта сделана самим Гоголем, как ей говорили. Рассказчица — обыкновенная крестьянка, грамотная и по возрасту не могла быть современницей Гоголя. По просьбе моей она уступила мне эту карточку с хорошим побуждением, которое она выразила так: «Может, у Вас на линии (на Кавказе) и не знают про нашего Гоголя». Поблагодарив эту почтенную женщину, я прибавил, что «вашего Гоголя знает и линия, и вся Россия, и французы, и немцы», — что, видимо, и обрадовало и смутило мою собеседницу, которая все-таки, несмотря на благоговение к памяти писателя, думала, что Гоголь дальше Полтавы не пошел.

Сожалею, что мне нельзя было продлить свое пребывание в Будищах, где за короткое время я успел собрать небезынтересный материал, с которым за текущими делами я не имел до сих пор возможности познакомить читателей.

Что Гоголь для создания своих типов имел живой материал в окружавших его людях и живших в этих же местах, подтверждением служит переданный мне там же несколькими лицами рассказ, что для бессмертного Плюшкина ему послужил богатый помещик Писаренко, имение которого было не в далеком расстоянии от Будищ. Помещик отличался необыкновенной скупостью, крестьяне его ходили в лохмотьях и разбегались. Главные черты, уверяют, взяты именно с него. Между прочим, до сих пор живет в памяти народа предание, что у этого помещика за 12 замками в темноте стояла старая, слепая кобыла, ослепшая именно без света, но он усиленно охранял ее, боясь воров, которых он видел в каждом своем крестьянине.

Совершенно особые условия жизни создавали и особых людей, которые живьем просились под перо чуткого художника, за что и поплатился наш великий писатель, когда его произведения стали достоянием читающей публики и когда живыми, как бы во плоти и крови, предстали его герои пред глазами лиц, давших писателю-художнику материал для его созданий.

Характерная черта сварливости, выставленная Гоголем в знаменитой ссоре Ивана Никифоровича и Ивана Ивановича, не исчезла и доныне, чему свидетельством может быть тяжебное дело указанного выше старого пана Онипко с его соседкой Яковинчихой из-за ничтожного клочка земли, с которым мне пришлось ознакомиться во время пребывания в Будищах. Дело прошло все инстанции и породило непримиримую вражду между соседями. У пана Онипко 5 десятин земли, — тут у него двор и хата, и «млин», и сенокос, и посеяно всего понемногу, — а Яковинчиха «бьется» на большом клочке огорода, который вместе с двором врезался клином в «леваду пана». Все должно быть на привязи при таких условиях, ибо не только свинья, но и курица может «шкоду зробить», внушительно говорил старый пан Онипко и обиды не терпел. А для удержания в повиновении строптивой своей соседки как раз по меже делал посев. На беду Яковинчиха не «углядела», и какая-то ее тщедушная животина сделала потраву у пана. Вот тут и началось. Пан подал в суд, и сколько Яковинчиха «не оборонялась», сколько не грозила судьям «вечным судом» и не «клялась своим сиротством», но вина была налицо и «все суды» присудили в пользу пана, и с нее взыскали 30 рублей. Это было назад тому 15 лет. Заплатив деньги, Яковинчиха начала дело о меже и «пошла по всем судам». Дело тянулось с переменным успехом, потому что пан «подмагаричивал», по словам Яковинчихи, то свидетелей, то понятых, и так «дотяпалось», как говорил пан, до моего приезда. Мне, как лицу компетентному, и притащил пан целую связку разных жалоб, прошений, доносов и так далее. Хотя Яковинчиха и упрекала пана в «подмагаричивании», но оказалось, что и она не скупилась, и понятые «приняли обильное возлияние», как писал пан в одном из своих прошений, что и подтвердилось.

Каких только осложнений не принимало дело за эти 15 лет: и обиды на словах, и волшебства, и угрозы и т.д. и т.д., и все это проходило чрез суд; и сколько спрашивалось свидетелей, сколько было осмотров, понятых…

Побеждаемая сторона всегда прибегала к какой-либо хитрости, на что неистощима была Яковинчиха. Вот для примера два случая. После одного поражения на суде она, дабы «сгубить пана», берет обыкновенный глиняный кувшин, начисто его замывает и, как бы для просушки, вечером, как стемнеет, вешает на плетень, разделяющий ее двор с двором пана, но при этом на стороне кувшина, обращенной к пану, пишет мелом крест. Наутро выходит пан на крыльцо и, о, ужас! видит на плетне кувшин с крестом, в чем, по его мнению, и заключается волшебство и означает предсказание ему смерти. В ярости хватает пан «каменюку» и бьет кувшин вдребезги, камень летит во двор Яковинчихи и производит свое действие. А Яковинчиха тут как тут, да еще с какою-либо кумою-свидетелем и пана тащит в суд. При удаче Яковинчиха смиряется, но вообще неистощима: «На хитрости самого черта объедет», — уверял пан. Однажды, также после неудачного для нее решения суда, она на видном месте своего двора насыпала кучку земли, воткнув в нее ветку, намекая на могилу жены пана, похороненной в его саду, относительно смерти которой между кумушками ходили какие-то

темные слухи. С крыльца пана все это видно. Вышел пан утром на крыльцо и видит «посрамление», вскипел гневом и «метнулся» к коварной соседке, а результатом было новое судбище. Разобрав эти документы 15-летнего тягания, я выяснил, что спорным был клочок земли, имеющий в верхнем конце 8 вершков, а книзу на протяжении 100—150 саженей сходивший на нет к бесспорной вербе, и что тяжба об этом клочке восходила далеко вверх по генеалогической таблице противников: «Ще диды наши тягались», — писала Яковинчиха. Многолетняя распря эта то ожесточалась, то заканчивалась примирением. В этом именно фазисе и было дело пред моим появлением в леваде пана Онипко. Утомленные противники, а может быть, ради военной хитрости, решили установить межу полюбовно, отгородив ее кольями.

И вот в назначенный день взяли колья и пошли на спорное место. Пан стал вверху, а Яковинчиха внизу. Стоят и смотрят друг на друга. Засмотрелся пан — Яковинчиха двинет кол в его леваду, засмотрится Яковинчиха — пан двинет кол в ее огород; идут проверять — оказывается не так; снова становятся — и та же история. Наконец, пан уступил, поставил «по-божьему», и разошлись уже вечером, чтоб на утро уже с понятыми провести межу цепью. Настала ночь, а Яковинчихе не спится, сердце чует недоброе, и тянет ее на спорное место. Встала, пошла и притаилась за кустом, и видит, что идет пан. Подошел к меже, вытащил поставленные колья и подвинул их в ее огород, затем бегом домой. Испугалась Яковинчиха, увидав все это, но духом не пала, пошла в хату, взяла две лучинки и, вернувшись на межу, вложила их в ямки, где были колья, вытащенные паном, а затем вернулась в хату и спокойно заснула. Наутро торжественно собрались понятые, и пан пришел «с цепью», он когда-то служил землемером, и хотел уже приступить к измерению и проведению межи по установленным кольям. Стоявшая спокойно Яковинчиха вдруг обращается к понятым и протестует, что колья стоят неправильно. Начинаются уговоры, что вчера же поставили «по-божьему», и когда уже понятые готовы были осудить Яковинчиху за ее несговорчивость, она торжественно ведет всех присутствовавших и в траве указывает старые ямки, в которые ночью она вложила лучинки, и рассказывает все происшедшее ночью. Пан окончательно сражен, он не ожидал такой хитрости «от проклятой бабы»; понятые расходятся, и торжествующая Яковинчиха объявляет: «Засужу до смерти, ты $^1/_2$ аршина земли моей прихватил», — и подает прошение в суд. Отчаянию посрамленного пана Онипко не было меры, просил он себе у Бога смерти, обещался пойти на богомолье, обвинял все лукавого, который в виде собачки повел его на то место, а Яковинчиха была неумолима и требовала возврата взысканных с нее 30 рублей, восстановления ее прав по меже и возмещения ее издержек на «возлияния», прибавляя, что «без воды и кирпича не зробишь». Вот в этот-то период отчаяния и скорбных дум пана Онипко я и попал в его леваду и в эти места, которые поистине надо назвать гоголевской сокровищницей…

Но если старое живет здесь по-старому, то молодое поколение — так сказать, внуки Гоголя — совсем уже не то: они, благодаря усилиям местного земства, большей частью грамотные, с стремлениями и запросами, которые толкают их на иные пути от родного села, к работе, знанию, оправдывая надежды своего великого учителя, которого они чтут, и вы не найдете ни одного школьника, который бы не читал своего Гоголя.

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Прозрителев Г.Н. Память о Н.В. Гоголе в захолустьях Полтавской губернии. — Ставрополь: Типография наследников Берк, 1909.

Â Î Ð Î Í Ö Î Â È ÇÀÂ Î Ä Î ÂÑÊÈÉ (Ï Î Â Î Ñ Ï Î Ì È Í À Í È ß Ì Ñ Î Â Ð Å Ì Å Í Í È Ê Î Â)

Среди длинного ряда деятелей Кавказского края, до назначения наместником великого князя Михаила Николаевича, особенно выделяется князь М.С. Воронцов и начальник Кавказской линии генерал от кавалерии Н.С. Заводовский. В то время как первый, благодаря своему прямому, открытому характеру, необыкновенно приветливому и ласковому обращению с окружавшими его, оставил по себе прекрасную память, имя второго является синонимом грубого, основанного на личном произволе, правления, пристрастного и мстительного отношения к людям. Деспотический характер Заводовского и необыкновенная самоуверенность его даже в явных ошибках составили Заводовскому такую нелюбовь его современников, что и теперь она слышна в воспоминаниях даже детей и внуков деятелей того времени. Тот беспощадный гнет власти и допускавшиеся Заводовским несправедливости набросили даже тень на князя Воронцова, на человека в высшей степени беспристрастного, бескорыстного, отдавшего свои силы на пользу края, благодаря только тому, что он широко доверял Заводовскому, злоупотреблявшему иногда этим доверием. Деятельность Заводовского характеризуется его же поговорками, свидетельствовавшими, что действительно для него не было ничего выше его собственного «Я». Когда просители в делах ссылались на законы, то любимым ответом Заводовского был: «Законы будут лежать, а мы будем робить». Уверенный в себе и в поддержке всесильного Воронцова, Заводовский откровенно и спокойно, с какой-то циничной похвальбой высказывал свое презрение к закону, что современники говорили: «У него ничего нет святого, он запродал себя черту». Военное положение края создавало особенное положение и усугубляло силу и значение Заводовского, к которому стекались все жизненные нити Северного Кавказа. Распространенная в то время система взяточничества не была изгнана и из сферы правления Заводовского, на что указывает следующий анекдот.

Один подрядчик не мог добиться получения крупной суммы, следуемой ему из казны по поставке. После долгих стараний и бесполезных хождений он обратился, наконец, к Заводовскому, и, добившись у него приема, подал ему жалобу, где изложил все притеснения и просил о выдаче ему денег. Получив прошение из рук просителя и взглянув его на свет, Заводовский закричал: «не бачу, ничего не бачу», — и отдал прошение подрядчику. Малограмотный подрядчик, предполагая, что прошение плохо написано, ушел и, переписав прошение, снова явился в приемный день. Хитрый властитель, увидав подрядчика, приветливо заговорил: «Давай, давай, добре, добре!». Просиял подрядчик. Но как только взглянул Заводовский на бумагу на свет, то снова заговорил: «Не бачу, не бачу», — и возвратил бумагу.

Опечаленный подрядчик ушел, но через некоторое время снова явился. Грозно взглянул на него из-под своих седых нависших бровей генерал, но подрядчик не потерялся и подал жалобу. Взглянув на жалобу, Заводовский закричал: «Казав не бачу и кажу не бачу». Подрядчик смиренно кланяется и просит почитать. Генерал принял жалобу и, быстро повернувшись к свету, стал смотреть прошение и вдруг умолк и вместо «не бачу» начал что-то бормотать: «Це добре, та не бачу. А дай мини очи», — и взяв очки, сел за стол, начал ясно читать жалобу, и тут же положил резолюцию выдать просимое.

Обрадованный подрядчик-хохол, падая в ноги повелителю, произнес: «Дай Боже здоровья тим очам, що побачили, а ти очи хоть бы повылазили».

Хитрый генерал только рассмеялся… Рассказывают, что очевидцем этой сцены был адъютант, впоследствии генерал. Секрет же перемены Заводовского заключался в том, что старый служака и канцелярист, узнав горе подрядчика и ответ Заводовского, посоветовал ему вложить в середину прошения банковый билет и подать. Ожидавший этого Заводовский, увидев приложение, удовлетворил просьбу.

Такой же произвол и беспощадную несправедливость допускал Заводовский и в другой сфере. Представления о производстве юнкеров в офицеры шли всегда на утверждение Заводовского, как начальника края. Заводовский тщательно прочитывал фамилии представляемых и острил над ними, когда попадались более или менее интересные фамилии.

По прочтении листа он обыкновенно брал перо в руки и, зажмурив глаза, начинал вычеркивать представленных из списка, приговаривая: «Кому везе, так везе, — а кому не везе, так не везе». Затем он останавливался, прочитывал снова вычеркнутых и улыбался постигшему их несчастию. Видимо, это ему доставляло большое удовольствие, он, вероятно, представлял себе опечаленные лица и опущенные головы забракованных, которые тем более имели право огорчаться, что представление шло за отличие в делах с горцами. И такая несправедливость постигала часто наиболее достойных, не жалевших своей жизни. В штабе знали эти проделки и старались как-нибудь спасти представляемых

от этой участи, почему, замечая, что Заводовский черкает все больше к низу листа, старались писать более достойных вверху, но хитрый генерал переменял тактику и черкал вверху, потом наоборот.

Словом, самодурству не было, границ.

Среди представляемых Заводовский однажды прочел фамилию старого юнкера Терпигорева.

Заводовский вдруг, вопреки своему обычаю, с злобой набрасывается на эту фамилию, как бы на живого стоящего пред ним человека, и вычеркивая приговаривает: «Так терпи ж горе, сучий сын».

Это повторялось затем при каждом представлении. Несчастный юнкер был в отчаянии; даже отличия его не помогали, представления штаба возвращались Заводовским с теми же свирепыми помарками его фамилии. Уверяют, что в делах штаба должны сохраниться следы этих злых чудачеств Заводовского.

Так тянулось долго, и юнкер загрустил. Но тут помог совет одного старого штабного служаки. Придирки Заводовского возмущали всех, но все должны были молчать. Совет заключался в том, чтобы более не писать в представлении фамилии Терпигорев, а назвать его другой фамилией. Все штабные были на стороне злополучного юнкера и решили создать ему фамилию. Случай помог. При одном из нападений горцев, в походе, где участвовал и Терпигорев с большим отличием, он рассказал товарищам, как один казак так приучил свою лошадь, что та по слову его «подай копыто» поднимала ногу и давала хозяину свое копыто. Подвыпившей компании юнкеров так понравилось это, что все стали кричать: «Подай копыто», — и это стало кличкой Терпигорева во всех случаях. Вот этим-то и воспользовались в штабе при представлении.

Дойдя до фамилии Подай-Копыто, Заводовский очень развеселился: «Оце ж: подай копыто! Ну, подай копыто, здравствуйте, будьте Ваше Благородие», — заговорил Заводовский и обозначил его первым, что имело значение.

Когда переписывали набело представление, то в штабе прибавили: «Он же Терпигорев», — и только это дало возможность бедняку получить чин офицера.

Без конца было подобных злых чудачеств у Заводовского, и, понятно, он не мог быть любимым своими современниками, они мстили ему как могли, и по рукам ходили разные эпиграммы и даже рисунки, касавшиеся как его семейной жизни, так и страсти к деньгам и тому подобное. Заводовский, узнававший об этом, жестоко мстил даже предполагаемым виновникам, но истины не узнавал.

Одним из таких приемов было и приводимое стихотворение, автором которого, говорят, был один из молодых офицеров, впоследствии генерал, сделавший блестящую военную карьеру.

Стихотворение это первоначально приписывалось молодому адъютанту Заводовского, впоследствии генерал-майору Попко, автору «Черноморцев» и «Терских казаков», но другие, более осведомленные, уверяют, что оно принадлежит Бентковскому.

Хотя лично Бентковский мне не говорил, что он автор этого стихотворения, но тем не менее передал собственноручный список его, причем, как я помню, говорил, что написал его не Попко.

Читая его на память, Бентковский, видимо, переживал прошлое, делая замечания на некоторые места, для меня не понятные, и это давало полное основание думать, что стихотворение написано им.

В пользу этого заключения говорит и то, что Заводовский впоследствии узнал автора этого памфлета, и Бентковский подвергся какому-то наказанию, хотя несомненных улик и не было.

Я склонен думать, что действительным автором был Бентковский.

В то время еще был молодой офицер, известный остряк Едлинский, но, по свидетельству всех знавших его, он отличался только острыми ответами и короткими меткими эпиграммами.

Все стихотворение написано в виде диалога и называется «Исповедь Заводовского».

Когда свершил земной свой путь
Палач Кавказа, Заводовский,
Задумал в аде отдохнуть,
Как Громобой или Твардовский,
Тогда, по милости Христа,
К нему с последним утешеньем
Служитель Слова и Креста
Был послан и предстал с смиреньем.

Потом отверз свои уста:
«Любезный сын, сберися с силой,
Последний жизни час настал,
Между тобою и могилой
На перепутье дьявол стал,
Отдай свои мне прегрешенья
И ни единого не скрой,
Не то гиены злой мученье
За дверью гроба — жребий твой.

Скажи, во-первых, чтил ли Бога
Ты в единице Трисвятой,
Или, быть может, Чернорога
Ты ублажал своей мольбой?

Заводовский
Не знав я, братчику, ни Бога,
И ни якого чернорога,
И не молывся я никому,
В чим грих, в чим правда, я не знаю,
И слов твоих не понимаю,
Оставь, паниче, цур ему.

Священник
Не сотворил ли ты кумира
Здесь на земле иль в небесах;
Признавши тварь владыкой мира
И Божества ей честь воздав?

Заводовский
От тут немного будто правда;
Я Воронцова страх любыв,
За теж яки мени награды
Вин все в знак памяти дарыв.

Священник
Не изрекал ли богохульства,
Не клялся ль именем Творца,
Считал ли ты за грех кощунство,
Скажи, заблудшая овца?

Заводовский
Не знавши Бога, богохульства
Не мог я, отче, учинить,
Не мог считать за грих кощунство
И клятив тих произносыть.

Священник
Ты чтил ли свято день субботний,
В шесть дней свершив свои дела,
И посещая храм Господний,
Не умножал ли ты тем зла?

Заводовский
Конечно, иногда для виду я церковь,
правда, посищав,
Бувало постою, тай выйду:
Нельзя же — я ведь генерал.

Священник
А уважал ли ты всех старших,
По воле Бога власть стяжавших,
И ради скучного конца
Ты чтил ли матерь и отца?

Заводовский
Отца и мать… да их, по счастью,
Давно уже хапун забрав,
А что касается до власти,
То кроми князя я не знав.

Священник
Не мстил ли иногда, несчастный?
И в зверской хитрости твоей,
Не убивал ли ты людей,
По должности тебе подвластных?

Заводовский.
Мечом не тилько человика,
Но даже муху не сгубив,
Но мстыть любив я спокин вика,
Иными средствами не бив.

Священник
Скажи теперь мне, сын мой,
Злым и блудодейным названный,
Не тяготел ли над тобой
Нечистый — мыслию призванный?

Заводовский
Бувало времячко, паниче,
Когда я помоложе був,
Теперь же сердце хоть и хоче,
Да плоть ослабла, нема сил.

Священник
Не крал ли ты, не отнимал ли
У бедных их последний кров,
Скажи прямей, не притеснял ли
Сирот и беззащитных вдов?

Заводовский
На що мени их бидный кров,
Коли я жив в казенном доми,
Касательно ж сирот и вдов
Скажу тоби прямий, як можно:
Я их тиснив, но осторожно.

Священник
Не клеветал ли ты безбожно
На ближняго, иль иногда
Не слушал ли доносов ложных
На друга, недруга, врага?

Заводовский
Чудак ты, батюшка, ий Богу,
Як будто ты живешь в лису,
Кто ж правдою набив кису,
Кто з нею выйшов на дорогу?

Священник
Не пожелал ли ты чужого
Имущества, жены другого,
Раба, вола, осла его,
Прибытка ради своего?

Заводовский
Те-те-те-те куды зайихав,
Мовчи, мовчи, я знаю сам:
Досталось кой-кому, с кивш лыха,
Зато ж я грошев понабрав.

Священник
Увы, несчастный, ты не видишь,
Что ты совсем погиб душой,
Ты добродетель ненавидишь,
Ты враг религии святой,
Покайся же скорей перед Богом,
Смирись пред добрыми людьми,
Не возносись гордыни рогом
И слову моему внемли:
Раздай греховное стяжанье
И все, что у кого отнял,
Отдай ты им все состоянье,
Моли, чтоб Бог прощенья дал.

Заводовский
Сего-то, батюшка, не буде,
От грошей я не откажусь,
Душою лучше поделюсь…
Мовчи, мовчи, вже буде, буде.

Священник горько прослезился,
Молитву крестную прочел,
Знаменьем крестным осенился
И шагом медленным ушел.

И только наш служитель Бога
С крестом вдали невидим стал,
Вдруг из подземного чертога
Владыка тартара предстал.

Заводовский
Мое поштенье, що вгодно!

Демон
А ты не знаешь, старый хрен,
Без принуждения свободно
Ты сам отдался в вечный плен.

Заводовский
Коли ж було се, я не знаю,
Позвольте справиться в делах,
Быть может, я когда спросонья,
Иль як-нибудь я второпях.

Демон
Не рассуждать прошу покорно,
Ты знаешь, я не Воронцов:
Сейчас ты рай отверг упорно,
Так в ад ступай в конце концов.
И только крикнул: «Эй ребята!» —
Откуда взялись чертенята
Кричат, мяучат, как коты:
«Пора, пора, наш друг бесценный,
Довольно пожил ты, почтенный,
И нагрешил довольно ты».

Заводовский
Постойте, братчики, немного,
Хоть раз я Богу помолюсь,
Пошлю доклад до Воронцова
Да с жинкой, с дитками прощусь.

Демон
Стыдись: всю жизнь не знавши Бога,
Безумец, смеешь думать ты,
Что Он у смертного порога
Простит злодея, брось мечты,
Об Воронцове не печалься,
Ты не навеки с ним расстался:
Он будет там, где будешь ты,
Седой бездельник, марш за мною.

Заводовский
Ой братцы, так пропав я з вами,
Прощай, Платоновна…
И все мое, прощай.

Сохранена орфография подлинника. Это стихотворение было собственноручно написано Бентковским с поправками, что меня еще более убеждает в его авторстве.

Насколько мне известно, в бумагах покойного генерала Попко не сохранилось списка этого стихотворения.

Все стихотворение заключает в себе намеки на действительные факты из деятельности Заводовского, которые были очень понятны для современников.

Со смертью Заводовского Кавказская область вздохнула свободнее, и последовавшая сенаторская ревизия раскрыла вопиющие злоупотребления.

До какой степени доходила ненависть современников, видно из того, что они все согласно утверждают, что Заводовский был человек невежественный, безграмотный и что все дела вел за него его адъютант Мартынов, который и писал на бумагах все резолюции и у которого Заводовский был послушным орудием.

Приходится теперь крайне удивляться такой несправедливости, когда в архивных делах находишь, в чем мы лично убедились, собственноручные резолюции и заметки Заводовского, написанные грамотно, умно, с полным знанием дела. На разные спорные и сложные вопросы в этих надписях дается прямой, всегда по существу дела, ответ, и проволочек не видно. Все даже длинные надписи сделаны без поправок.

Как могло сложиться такое представление у современников, у людей даже интеллигентных, совершенно непонятно и объясняется только ненавистью, вызывавшейся систематическим произволом и массою несправедливости, которые допускались во время Заводовского. Время было безнаказанное, и все, очевидно, приписывалось Заводовскому, как главному вершителю судеб края.

Выдающиеся современники Заводовского, как генерал Попко и И.В. Бентковский, подтверждали все эти рассказы и анекдоты о Заводовском, приведенные здесь, добавляя, что их ходило в то время целая масса.

Большее знакомство с архивами и документами поможет лучше выяснить личность Заводовского, который, во всяком случае, играл большую роль в судьбах Северного Кавказа.

«Исповедь» Заводовского уже показывает, что современники все порицали в Заводовском и, кроме зла, ничего от него не ожидали. В настоящее время видно, при изучении архивов наших, что такое отношение не всегда оправдывалось действительными фактами. Тем не менее и теперь не добром поминают Заводовского те, кто знал его при жизни. Насколько была сильна ненависть современников по отношению к Заводовскому, видно и из того, что даже относительно его смерти остались самые превратные рассказы. Утверждают, что он умер скоропостижно в карете, когда ехал из Ставрополя в город Екатеринодар на какое-то торжество. Причем говорят, что дело происходило так.

Обыкновенно, когда ехал Заводовский, то занавески в окнах кареты были спущены и никто не смел заглянуть в экипаж. Когда карета подкатывала к почтовой станции, то «курьерские» уже

были готовы, моментально впрягались в экипаж, и путь безостановочно продолжался до тех пор, пока Заводовский сам не выходил из кареты, или пока не доезжали до пункта, заранее предназначенного для остановки. Осенью 1854 года была страшная распутица, грязь по дорогам невылазная. Заводовский выехал из Ставрополя в октябре. На половине дороги экипаж остановился на станции по заранее указанному маршруту.

Выстроились войска для встречи командующего войсками, собралось начальство, и все с трепетом ждут выхода грозного начальника.

Но проходит час-два, а властная рука с традиционным бриллиантовым перстнем на указательном пальце не отворяет дверцы кареты и из них не показывается генерал и не глядит грозными очами из-под своих седых нависших бровей на присутствующих.

Все в оцепенении ждут, думая, что генерал заснул... Наступил вечер, а генерал не выходит. Страх приковывает всех к месту, и мерещится всем, что генерал задумал что-то недоброе, так как знали его разные чудачества. Но прошла ночь и день. Все поняли, что случилось что-то ужасное, но никто не смел отворить карету.

Предание прибавляет, что будто бы Заводовский всю богатую казну свою возил всегда с собою «в ларце», и это обстоятельство объясняло отчасти недоступность кареты.

Так простояла карета с умершим грозным владыкой целую неделю, пока дали знать в Екатеринодар и Ставрополь и получили соответствующие распоряжения.

Современники, озлобленные при жизни генерала, прибавляют, что тело его так распухло, что невозможно было вынуть из кареты и пришлось карету сломать. Во всем этом глубоко были убеждены современники, утверждавшие, что все это знали от очевидцев, при этом добавляли, что где похоронен генерал — неизвестно, а равно, что сталось с его «ларцом».

По-видимому, правдивый рассказ этот об обстоятельствах смерти Заводовского является чистейшим вымыслом, созданным на почве озлобления, и опровергается письменным свидетельством.

Нам удалось найти в архиве подробное описание последних дней Заводовского, и мы приводим его целиком, тем более, что оно принадлежит, как мы думаем, Попко и содержит в себе интересные исторические подробности боевой жизни Кавказа того времени. Приводим его целиком.

Ï îñëåäíèå äíè æèçíè è êî í÷èíà ãåíåðàëà îò êàâàëåðèè Íèêîëàÿ Ñòåïàíîâè÷à Çàâîäîâñêîãî

На 20 число октября черноморские казаки всех существующих в их войске родов оружия собирались на левом берегу Кубани, при мостовом укреплении Ольгинском. Целью сбора был поход, по предначертаниям господина главнокомандующего, в землю непокорных шапсугов. Главною задачею похода было проложение свободных и открытых путей через леса Шапсугии для прямых и скорых сближений отрядов Черноморского казачьего войска с войсками восточного берега Черного моря и для дружного противодействия с той и другой стороны быстро возрастающему влиянию Магомата-Амина, который дерзал в последнее время объявить себя в горах пашою Анапского пашалыка.

По важности предприятия, поход должен был совершиться под личным начальством командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории и наказного атамана Черноморского войска.

Для этого генерал от кавалерии Николай Степанович Заводовский выехал из Ставрополя 18 числа октября, утром. Промысел Божий судил, чтобы путь сей был последний в его долголетней службе и жизни. Как бы в ознаменование печального конца этого пути, начало его было страдальческое. При самом отъезде генерала хронический недуг, который много лет уже носил он в груди и сердце, возбудился с такою жестокостью, что едва не принудил его отменить поездку. Слезы и убеждения семейства еще более располагали его к тому. Он уже колебался между чувством самосбережения, между нежной привязанностью к семейству и чувством долга, которое — можно сказать поистине — постоянно наполняло и одушевляло все его нравственное существо, это святое чувство взяло верх: он поехал. Однако же, по слабости сил, не мог он в тот день проехать далее станицы Ново-Александровской (80 верст от Ставрополя), и там имел ночлег. Наутро 19 числа страдания предыдущего дня повторились. Войдя в запряженный экипаж, генерал оставался на месте около часу, колеблясь, вперед или назад ехать. Вперед звал его голос службы, и он поехал вперед. В этот же день сделал он переезд до Усть-Лабы и там имел второй ночлег.

В продолжение этого переезда, как бы уже отстрадавшись в его начале, генерал чувствовал себя довольно хорошо. В станице Кавказской он принимал старшин мирных аулов, поселенных в тамошнем районе, на левой стороне Кубани, и имел продолжительные объяснения с ними об их делах; из станицы Тифлисской предписал начальнику правого фланга Кавказской линии некоторые распоряжения, относившиеся к сбору отряда войск при укреплении Белореченском.

После успокоительного отдыха в Усть-Лабе генерал Заводовский выехал оттуда 20 около полудня, и, чрез час пути, въехал в пределы земли Черноморского войска. На рубеже войсковой земли

был он встречен конвоем из конных черноморских казаков; немного далее на посту Редутском представлен был ему почетный караул из того же войска. Прекрасный вид и выправка воинских чинов в этих командах доставили атаману сердечное удовольствие и как бы оживили его: бодрый и веселый, прибыл он в Екатеринодар, где провел остаток дня 20 и до обеда 21 числа. В течение этого времени представлялись ему все чины войскового управления, военного и гражданского, а также, по всегдашнему обыкновению, духовенство войсковой соборной церкви, директор войсковых училищ, портовый начальник и бургомистр города Ейска и Екатеринодара; генерал осмотрел производящуюся на центральной его площади постройку нового соборного храма, а в самую минуту отъезда, остановившись у городской заставы, посетил могилу первой своей супруги, молился над ее прахом, всегда любезным и близким его сердцу. Того же 21 числа переехал он Кубань по Ольгинскому плашкоутному мосту и прибыл в укрепление Ольгинское, близ которого собирался отряд казаков для наступательных действий против горцев. Два дня проведено в укреплении Ольгинском в необходимых военных приготовлениях. 23 вечером в отряде, построенном в каре, иеромонахом войскового Николаевского монастыря совершено напутственное Богу сил, сильному во бранех, молебствие. 24 утром отряд, предводительствуемый самим генералом Заводовским, с песнями и музыкою, предпринял движение от Кубани. Утро было прекрасное, одно из тех восхитительных утр, какими часто дарит осень, лучшее в том крае время года. Оружие стройно движущихся рядов ярко блистало в лучах взошедшего солнца. Генерал был на коне. Он бодро объезжал части отряда и здоровался с земляками, с которыми много лет уже не выходил в ратное поле, разлученный другими обязанностями службы.

В тот день отряд имел ночлег на левом берегу Кубани, в пятнадцати верстах ниже укрепления Ольгинского. С этого ночлега, в полночь, была отряжена колонна вперед, к низовью реки Абина, для истребления весьма населенного и богатого аула Эрич, во всякое другое время года недоступного по причине окружающих его обширных болот. Утром двадцать пятого, едва только главный отряд снялся с ночлега и направился по следам передовой ночной колонны, как эта часть отряда уже достигла аула Эрич, напала на него, овладела им с бою и предала пламени все его строения, с находившимися в них огромными складами хлеба и сена. К вечеру отряд притянул к себе передовую колонну и, в полном своем составе, имел ночлег в низовьях реки Куписа. На другой день, 26-го числа, отряд предпринял движение к укреплению Абинскому. Когда было пройдено урочище Перу, шапсуги начали наезжать на фланкеров левой цепи отряда, в ближайшем виду генерала Заводовского, который, указав дружине мирных черкес на неприятеля, велел ей отбросить его от отряда. Усердно, дружно и стремительно понеслись черкесы в бой. Их поддерживала сотня конных казаков. Вслед за нею генерал послал в дело своего адъютанта, более других от него неотлучного, войскового старшину Попку с конною ракетною командою. Произошла блистательная кавалерийская схватка, в которой шапсуги смяты и с значительным для них вредом прогнаны в ближайший лес. В этом деле, самим Николаем Степановичем лично направленном, особенно восхищали его усердие и самоотвержение, с которыми мирные черкесы дрались против своих непокорных земляков. К сожалению, в прекрасном этом деле ранен состоящий при его светлости господине главнокомандующем отдельным Кавказским корпусом гвардии полковник Султан Сагат-Гирей.

К вечеру 26 числа отряд прибыл к укреплению Абинскому и близ него расположился лагерем. Командующий войсками, с походным штабом, поместился в самом укреплении.

С 27 числа октября началась рубка просеки чрез лес Сетазе, в направлении от укрепления Абинского к реке Адагуму. Эта трудная работа продолжалась непрерывно до восьмого ноября. Каждый день, два-три батальона пеших казаков вносили в лес до тысячи топоров. Отряд был в постоянном движении и в постоянном деле. Одни колонны уничтожали лес, другие производили рекогносцировки, третьи ходили на фуражировку. Всеми действиями и движениями войск распоряжался сам генерал Заводовский. Он сделал несколько отдаленных рекогносцировок лично на коне. Магомет-Амин бдительно следил за всеми предприятиями русского отряда.

Верстах в четырех от укрепления Абинского возвышается громадный курган, господствующий над окрестностью на неизмеримые расстояния. Этот курган и окружающая его лесистая площадь каждый день были усеяны горцами, конными и пешими. На вершине кургана восседал Магомед-Амин и там судил-рядил народные дела; оттуда же направлял он послушные ему толпища против войск отряда — то мешать работам их в лесу, то заступать дорогу их фуражирам, то, наконец, тревожить ночное спокойствие их лагеря. Но, благодаря зрелой опытности и отличной распорядительности, с которыми был направлен каждый шаг войск, все неприязненные попытки горцев были отбиты с большим или меньшим вредом для них. Работы в лесу ни разу не были прерваны и, при свойственных черноморским казакам постоянстве, твердости и неистощимому усердию в выполнении военных предприятий, шли быстро и решительно.

Погода стояла сухая и, большею частью, морозная. Здоровье Николая Степановича было лучше обыкновенного. Походный быт, казалось, оживил его. Но, в ночь на четвертое ноября, он вдруг почувствовал себя нездоровым. Наутро развилась в нем желчная лихорадка, пятого ему сделалось хуже, шестого и седьмого он уже не вставал с постели, почти не принимал пищи и часто впадал в дремоту с бредом.

Но в этом теле, уже истощенном до последней крайности, таилась несокрушимая нравственная сила. С трудом приподнимаясь с постели, больной твердил, что, по окончании просеки, он непременно пройдет с отрядом, несмотря на значительный его обоз, по новопроложенной им дороге, на реке Адагум, и не прежним прямым, а этим окольным и трудным путем возвратится на Кубань.

Седьмого ноября, к обеду просека чрез вековой лес Сетазе, между реками Абином и Куафом, на протяжении пяти верст и на одну версту в ширину, кончена. Сперва было отряду намерение идти по просеке на реку Куаф, а оттуда — на реку Адагум; но вечером последовало приказание изготовиться наутро к движению по прямому пути от укрепления Абинского к Ольгинскому.

Восьмого ноября, ранним утром, отряд снялся с лагерного места и, переправившись на правый берег реки Абина, построился к движению двумя колоннами, из коих первая не имела при себе никаких тяжестей, а другая прикрывала весь обоз отряда.

Утро было мрачное. Небо свинцовым куполом нависло над горами. Шел частый, безотрадно однообразный дождь, какой обыкновенно идет в глубокую осень, по несколько суток сряду.

Генерал еще до рассвета поднялся с постели и с величайшими усилиями начал одеваться. Сперва был позван ему доктор, который, ощупав пульс и будучи поражен решительными явлениями истощения жизненных сил в больном, предложил ему остаться на месте, хотя на одни сутки. Генерал не принял этого совета. Тогда доктор сказал ему: «Если Вы тронетесь с места, то я не ручаюсь за вашу жизнь, даже на один нынешний день». На это Николай Степанович возразил голосом слабым, но в котором звучала непреклонная решимость: «Никогда я не соглашусь, чтобы из-за меня шесть тысяч человек мокли на дожде без надобности». Отпустив медика, он позвал к себе адъютанта, постоянно находившегося при нем и пользовавшегося особенной его доверенностью. Осведомившись от него, что войска уже перетягиваются через реку Абин и строятся к походу, генерал приказал ему убрать бумаги и письма, а потом попросил его взять к себе деньги, часы и другие ценные вещи. Здесь мы просим позволения у господина адъютанта повторить за него в первом лице и слово в слово, что он передавал супруге покойного генерала Заводовского: «К приказаниям прибирать бумаги я привык; но приказание прибрать деньги и вещи было для меня ново и как-то болезненно подействовало мне на душу. Исполнив, однако, что было мне сказано, я стоял, проникнутый мрачным предчувствием и смотрел на генерала в ожидании дальнейших приказаний. Он страдал. Страдания его были так жестоки, что я ощущал их в моем сердце. В эти минуты он одевался уже в другой раз. Эго мучило его. Одевшись в первый раз, он спохватился, что не надел себе на грудь своего заветного креста, которым, быть может, благословила его умирающая мать, и, чтобы надеть его, больной не щадил себя для лишнего и, в те минуты, тяжкого ему труда раздеться и вновь одеться. Наконец, придя в спокойное положение, Николай Степанович начал мне говорить слабым, прерывающимся голосом, что он чувствует себя так худо, как никогда еще не чувствовал; что, несмотря однако ж на это, он никак не согласен оставаться на месте и что, наконец, если бы пришлось ему не пережить похода, то он препоручает мне приберечь все, что с ним есть. Мне сделалось невыносимо грустно. Я перебил его, стараясь отвести его мысли на другие предметы. Заговорив о положении дел в горах, он высказал свое беспокойство за Абинское укрепление и приказал позвать к себе воинского начальника. Когда воинский начальник вошел, генерал, стоя на ногах, ясно и твердо отдавал ему приказания, нисходя до самых мелочных подробностей о приведении укрепления в наивозможно исправнейшее оборонительное положение и о неусыпной бдительности в охранении его».

«Между тем наступил день. Генералу доложили, что для него экипаж подан к крыльцу. Он помолился Богу, вышел и сел в экипаж с доктором, а мне приказал ехать верхом неотлучно сбоку экипажа. Проезжая мимо войск, Николай Степанович здоровался с ними из экипажа; но, как голос его был слишком слаб, то войска не могли его слышать и не отзывались на его военный привет, во всю его жизнь, как и в последний ее час, согретый сердечным доброжелательством казаку. Когда мы выехали наперед, отряд тронулся. Экипаж генерала следовал в передней колонне, которая не имела обоза и которая скоро оставила далеко назади себя колонну с обозом. Несмотря на ненастье, казаки шли бодро и с песнями. Они шли домой. Генерал, по-видимому, чувствовал себя лучше. Он следил за движением колонны и часто отдавал приказания; часто также подзывал к себе отдельных начальников и благодарил их за службу в оконченной экспедиции. Шапсуги не беспокоили. Они вообще не охотники драться в ненастную погоду. Был полдень. До реки Куписа, где нам надлежало сделать привал, оставалось не более четырех верст. Генерал спросил меня: «Сколько еще верст до Куписа?». Я сказал. И это были последние в сей жизни слова моего незабвенного начальника. Прошло после этого с четверть часа. По причине терновника, росшего около дороги, я отстал от экипажа на несколько шагов. Вдруг доктор, громко и как бы с испугом, назвал меня, остановив в то же время экипаж. Я подъехал и увидел — Боже милосердный! — То, что я увидел, не изгладится из моего воображения во всю мою жизнь. Доктор, смущенный до крайности, держит на своих руках умирающего начальника. Лицо генерала покрыто бледностью, для определения которой через сравнение я не нахожу цвета в природе; глаза полузакрыты и недвижны, — еще в них теплится искра жизни и мысли, — уста полуоткрыты, и на них замирает недосказанное слово. Все же лицо в совокупности выражает неизъяснимую доброту, кротость и покорность непреложному и общему для

всех нас уставу природы. Я провел несколько минут в невольном и немом созерцании этого лица, на котором скользил еще, угасая, последний луч жизни. Потом, почти без сознания, я сделал доктору вопрос: «Что же это значит?» — «Это конец, смерть», — отвечал он».

«Если по образу кончины, как вещает учение христианское, можно судить о загробной судьбе отходящих от нас в неведомый мир, то душа покойного генерала, без сомнения, отлетела в блаженную вечность. Его кончина, была такая тихая и спокойная, «какой только могут молить у Господа для последнего своего часа праведники».

«Вскоре экипаж, так мгновенно и разительно превратившийся в гроб, был окружен многими офицерами, следовавшими в колонне. Все без слов выражали свое скорбное изумление. По всему отряду пробежало одно ощущение, передать которого я не умею, потому что оно и выразилось внезапным, общим, глубоким молчанием и общим прекращением движения, без команды. Я посмотрел на часы — было три четверти первого. До Куписа оставалось версты три. Удостоверившись в кончине своего начальника, окружавшие отъехали от него».

«Колонна тронулась, и экипаж тронулся с нею. Душа моя была угнетена. Я еще продолжал ехать сбоку экипажа бессмысленно и забывая, что он везет не генерала, не начальника, к которому я привязан узами долга и личными моими симпатиями, а что-то, не имеющее уже никакого нравственного значения и совершенно чужое для дела и людей. Начальство над отрядом принял начальник штаба войск Кавказской линии и Черномории генерал-майор Александр Капгер. Того же восьмого числа вечером благополучно привел он отряд к укреплению Ольгинскому. И усопший прибыл туда же. Его бездыханного, как прежде живого, с тем же добрым усердием, встретили черноморцы и на своих руках перенесли из колесницы смерти в гроб.

Девятого ноября тело усопшего генерала было перевезено в Екатеринодар и, по прибытии туда из Ставрополя супруги покойного, в четырнадцатый день того же месяца, с подобающими военными почестями, при многочисленном стечении народа, предано земле, в той самой могиле, на поверхности которой усопший за двадцать четыре дня пред тем молился.

И, мы, по призыву Его Светлости господина Наместника Кавказского и по собственному движению сердец наших, помолимся об упокоении души преставившегося от нас начальника нашего края и повторим с Светлейшим Князем Михаилом Семеновичем *почтенному генералу от кавалерии Заводовскому честь и слава.* 19 декабря 1853 года Ставрополь».

Таким образом, очевидец передает совершенно иначе обстоятельства, при которых последовала смерть Заводовского. Особенное расположение князя Воронцова, тогдашнего Наместника, к Заводовскому, несомненно, имело влияние на писавшего эту заметку, и возможно, что восхваление подвигов Заводовского сделано в угоду князю, но все-таки фактическая сторона не подлежит сомнению. Со смертью Заводовского настает для нашего края новый период, и режим значительно стал слабее. Вскоре затем оставил свой пост и князь Воронцов, безусловно, сделавший очень много для развития нашего края.

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Прозрителев Г.Н. Воронцов и Заводовский: По воспоминаниям современников. — Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1910.

Ê ÈÑÒÎÐÈÈ ÑÒÀÂÐÎ Ï Î ËÜÑÊÎÃÎ È ÒÈÔËÈÑÑÊÎÃÎ ÒÅÀÒÐÀ

Время управления Кавказом князя М.С. Воронцова отличается необыкновенною деятельностью. Все стороны жизни были затронуты этим в высшей степени энергичным и талантливым администратором. Если его военная деятельность не имела того успеха, на который тогда рассчитывали и на что он сам надеялся, то в сфере гражданского управления поражаешься внимательности, и, так сказать, предусмотрительности и необыкновенной заботливости о нуждах и интересах обывателя. И это в то время, когда на Кавказе на первом плане были «военные дела» и когда совершенно почти не было административного персонала, необходимого для проведения в жизнь на местах тех или иных предначертаний. Князь Воронцов был образованнейшим человеком своего времени, и этим объясняется то отношение его к нуждам нового края, о котором теперь свидетельствуют нам наши архивы.

Театр также не остался без внимания со стороны прибывшего нового наместника. В Тифлисе в то время (в 1845 году) не было театра, и Ставропольский театр, давно уже существовавший, положил начало Тифлисскому театру. В письме к тайному советнику Гедеонову князь Воронцов пишет от 8 февраля 1845 года: «С самого приезда моего в Тифлис я обратил внимание на недостаток в нем театра и считал учреждение оного здесь не только не лишним, но и во многих отношениях крайне полезным, и приказал войти в сношение с находившеюся тогда небольшою русской труппой в Ставрополе, которая и была потом сюда приглашена и в сентябре месяце давала здесь представления в небольшом, нарочно для того устроенном театре».

В письме к Щепкину тогда же Воронцов говорит: «Мы здесь недавно построили небольшой театр и пригласили труппу из Ставрополя. Желая и теперь иметь что-нибудь лучшее, я отнесся к директору императорских театров т. с. Гедеонову с просьбой о содействии его в этом деле и присылке нам сюда небольшой русской труппы».

Для устройства театра была образована Комиссия, на обязанности которой лежали подготовительные работы, и 26 июня 1845 года дирекция открыла свои действия в Тифлисе, а 20 сентября уже начаты были представления.

Из протокола Тифлисской дирекции от 26 июня 1845 года видно, что на устройство сцены, лож, кресел и прочих принадлежностей потребовалось около 1900 рублей серебром и на перевозку из Ставрополя в Тифлис дирекции и актеров из тамошней труппы, содержимой Яценко, 1000 рублей, а всего около 2900 рублей серебром. Соглашаясь взять театр в свое содержание, Яценко полагает давать в Тифлисе представления до начала жаров и по окончании их в продолжение осени, зимы и весны; летом же, во время жаров, просил дозволения переезжать со своею труппою в Ставрополь или Пятигорск.

Содержатель театра Яценко, поехав за актерами в Ставрополь, нашел там труппу свою расстроившеюся: долго не получая содержания, артисты разъехались по разным городам. Из оставшихся согласились поехать в Тифлис только актер Львов с женою и дирижер музыки Каменский, которые и привезли с собой выписанные из Ставрополя декорации.

16 января 1845 года дирекция Тифлисского театра, в собрании своем первоначально рассмотрев приход и расход сумм в театре со дня открытия, с 20 сентября 1845 по 1 января 1846 года, нашла, что доход театра, как по абонементу, так и по сборам, составлял 8089 рублей 30 копеек, а расход 8885 рублей 64 $^1/_2$ копейки, то есть расход превышал приход на сумму 796 рублей 34 $^1/_2$ копейки.

В числе этого расхода заключается до 2-х тысяч рублей, употребленных на покупку у бывшего содержателя Яценко декораций, книг и нот, на необходимые пристройки при театре, покупку мебели, зеркал, фонарей и прочего, и вообще на предметы, которые в новом году подобных издержек не потребуют — следовательно, на содержание театра употреблено до 7 тысяч рублей серебром, но и эти издержки в настоящем количестве произошли оттого, что часть труппы, нанятой Яценко, с апреля месяца пользовалась жалованьем «без всякой пользы до открытия театра», притом при найме ставропольской труппы должно было платить за спектакли деньги в большем количестве, имея в виду плату за наем Ставропольского театра, оставшегося в пустоте по случаю перемещения труппы в Тифлис.

Содержатель ставропольской труппы Дрейсиг предъявил дирекции, что он уже объявил своей труппе о намерении своем с великого поста оставить звание антрепренера, предоставляя им свободу к отысканию других мест сообразно их желанию, но дирекция театра, находя, что в общей труппе актеров и актрис, находившихся в Тифлисе, некоторые имеют «удовлетворительные таланты», полагала их пригласить на новый годовой срок, а другим объявить, что они не нужны.

Одновременно с устройством временной сцены в манеже князь Воронцов заботился об основании самостоятельного театрального здания в Тифлисе. Мысль эту он желал осуществить на средства частных лиц на выгодных, впрочем, для них условиях.

Мысль о постройке в Тифлисе самостоятельного театрального здания возникла еще за несколько месяцев до приезда в край графа Воронцова. В сентябре 1844 года прибыл из Ставрополя в Тифлис содержатель частного ставропольского театра Яценко и с помощью привезенной им с собой небольшой труппы желал дать там несколько драматических представлений, но, не находя для того удобного частного здания, он просил главноуправляющего Нейгарта о дозволении ему занять на некоторое время манеж или о приказании отвести ему место для постройки временного театра. На это генерал Нейгарт отозвался, что «манеж для сего дан быть не может».

И только с приездом князя Воронцова дело театра в Тифлисе наладилось.

Одновременно почти с устройством русской сцены возникла мысль о создании в Тифлисе и итальянской оперы. Из протокола комиссии, учрежденной по этому поводу, видно, что предполагалось начать уже в ноябре представления, и была составлена следующая смета на сезон с 1 ноября по 1 марта.

Расход: 1) жалованья по условию на 4 месяца 2000 рублей серебром; 2) путевые расходы на доставление труппы и отправление в Ставрополь, примерно 1000 рублей серебром; 3) половинный сбор за 27 спектаклей 2000 рублей; 4) освещение на 27 спектаклей 675 рублей; 5) музыкантам 216 рублей; 6) жандармам 38 рублей 61 копейка; 7) афиши 50 рублей и 8) расходы, необходимые при представлениях, 1000 рублей. Итого — 7679 рублей 61 копейка.

Дирекция обязывается доставить всю труппу (24 лица) и продовольствовать ее из Керчи до Тифлиса, а впоследствии — из Тифлиса до Ставрополя.

Наконец итальянская труппа из 24 лиц тронулась в путь из Керчи. Барбиери купил для артистов 4 тарантаса, в которых с большою теснотою сидело по 5 человек, остальные ехали на перекладных. Багаж и вещи Барбиери, весом до 150 пудов, везлись на вольных извозчиках. Но артисты, в особенности ехавшие на перекладных, до того измучились, что, не доехав даже до Ставрополя, отказывались ехать дальше. В Ставрополе пришлось купить еще тарантас, но изнеможение артистов, несмотря на частые дневки в пути, возрастало, и некоторые из них заболели и нуждались в медицинской помощи. Таким образом, на этот раз дело с оперой закончилось неудачей.

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Прозрителев Г.Н. К истории Ставропольского и Тифлисского театра // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. — 1910. — Вып. 2. — Отд. 1. — С. 14.

ÊÀÇÀÍÑÊÈÉ ÊÀÔÅÄÐÀËÜÍÛÉ ÑÎÁÎÐ Â ÑÒÀÂÐÎ Ï Î ËÅ-Í À-ÊÀÂÊÀÇÅ

На том месте, где в настоящее время стоит Ставрополь, в северо-западной части возвышенности, была расположена казачья станица. Нынешние Станичная и Хоперская улицы указывают на место нахождения этой станицы, центром которой был нынешний Нижний базар, где и стояла казачья церковь Казанской Божией Матери. О времени возникновения этой станицы, а тем более первого поселения на этом месте, сведений не имеется, хотя известно, что первые переселенцы были из Донской области, с реки Хопра, хоперские казаки.

С учреждением города и возрастанием городского населения потребность в казачьей станице как сторожевом пункте становилась все меньше и меньше, тем более что построение крепостей на Моздоке и по Кубани служило достаточным оплотом против вторжения закубанских горцев. Естественно, возникла мысль о переводе Ставропольской станицы в другое место. Мысль эта возникает вслед за построением Ставропольской крепости, тем более что всего в 35 верстах от Ставрополя имелась солидная крепость Темнолесский ретраншемент, построенный собственно Суворовым.

Нежелание вызвать неудовольствие казаков, много послуживших в деле водворения русских на Ставропольской возвышенности, останавливало приведение в исполнение этой мысли. Но с учреждением города и обилия гарнизона крепости дело приняло решительный оборот. А тут присоединились неудовольствие и ряд столкновений городских обывателей со станичниками из-за базара, из-за водопоя в горе (нынешняя Соборная гора), из-за камыша, росшего по горе и по речке Ташле, и прочего.

В связи с этим стоял и вопрос земельный, наделение города землей, чего при существовании станицы сделать было нельзя. К тому же, заградив крепостями ход закубанским народам, правительство оставляло промежутки незаселенными, для чего и могли служить новые казачьи станицы.

И вот в число к намеченным переселению попали и казаки Ставропольской станицы, окончательно выселенные в станицу Суворовскую ближе к Бештаокумским черкесам.

Несмотря на нежелание казаков оставлять ставшие для них родными места, переселение совершилось в 1825 году без особых осложнений, под угрозой пушек, стоявших в Ставропольской крепости на нынешней Соборной горе, господствующей над всей северо-западной частью города.

В 1838 году казаки окончательно перевезли с собой церковь Казанской Божией Матери, стоявшую на Нижнем базаре.

Все пространство бывшей станицы присоединено было к городу, и обыватели приобрели казачьи дома, купив их за бесценок.

С уходом станицы и перенесением церкви горожане почувствовали значительное неудобство, так как в то время в Ставрополе была только одна церковь, Троицкий собор (Старый собор).

Значительная растянутость города с его тремя слободками, 1, 2 и 3 улицы (Михайловская, Александровская и Барятинская) от р. Ташлы и до р. Мутнянки составляла большое неудобство как в посещении церкви, так в требо-отправлении, а потому у жителей возникает желание построить церковь ближе к окраинам, каковою и была в то время нынешняя Соборная гора.

Недостаток в церквях чувствовался давно, еще в 1816 году горожане в память избавления города от «повальной болезни» решили построить церковь во имя Св. Николая, но по недостатку средств, продолжительному неурожаю намерение это не было приведено в исполнение до 1841 года.

Существование казачьей церкви отчасти пополняло этот недостаток и также способствовало отложению постройки церкви, хотя эта самая казачья церковь давала массу поводов для столкновения горожан с казаками и последние жаловались, что их «совсем от церкви мещане оттерли».

Архив нам сохранил и споры духовенства той и другой церкви между собой из-за совершения треб. Духовенство Троицкого собора неоднократно жаловалась в Консисторию на то, что причт казачьей церкви совершает требы между городскими жителями и тем уменьшает их доходы. Были случаи столкновения духовенства между собой.

Дело в том, что долговременное совместное сожительство городских мещан с казаками породило родственные и дружеские отношения межу ними, что имело значение и для духовенства казачьей станицы. В силу тех или других причин это духовенство приглашали к себе горожане, обращаясь к ним как к более доступным, нежели «соборяне», и за требами. Вот тут и начинались недоразумения и пререкания. А так как духовенство казачьей церкви было в ведении военного начальства, то оно имело у себя значительную поддержку.

На Соборной горе в то время было уже интендантство и несколько домов обывателей. Здесь-то и облюбовали жители место для будущей церкви.

Ставропольский старожил чиновник И. Евсеев утверждает, что на месте, где теперь построен Казанский Кафедральный собор, в городе Ставрополе была построена деревянная церковь одним

драгунским полком,[1] квартировавшим в Ставрополе и окрестностях его в исходе XVIII и в начале XIX столетия, которая при выступлении полка в поход, в Отечественную войну против французов в 1812 году, по описи была сдана полиции, в бытность городничим Гервальда. Через несколько времени по уходе полка церковь эта каким-то «секретным» образом одним купцом, временно проживавшим в городе Георгиевске, сломана, перевезена в Георгиевск и поставлена на тамошнем кладбище. По окончании войны драгунский полк снова был отправлен на Кавказ и, проходя через Ставрополь, увидел, что его церкви более не существует, и о том, куда девалась таковая, завел со ставропольской полицией переписку, которая продолжалась далеко за двадцатый год и окончилась без всякого результата. Купец, перевезший полковую церковь в Георгиевск, оказался давно умершим и следовательно, кто позволил перевезти ему церковь, узнать было невозможно.

По обстоятельствам того времени весьма возможно, что церковь драгунского полка и была продана ввиду ветхости и за отсутствием надзора за ней по уходе полка.

Если даже Соборная церковь, бывшая в то время в Ставрополе, нынешний Троицкий собор, как доносил в 1800 году протоиерей, была в плачевном положении — «была выстроена непрочным делом... подвержена опасности от падения; от случающихся в зимнее время метелей, проходит сквозь стены снег, а в летнее время бывает от дождей великая течь, так что важнейшие вещи — престол и антиминс — бывают намоченными...», — то можно себе представить, в каком виде могла быть в то время оставленная церковь полковая, имеющая характер временной постройки. Объясняется продажа ее именно тем, что в тот момент это было имущество, никому не принадлежащее, которое могло подвергнуться расхищению. «Секрета» в продаже, конечно, не могло быть.

Что касается места нахождения этой церкви, то на существование ее указывает имеющийся и в настоящее время каменный крест во дворе интендантства, в значительном расстоянии от нынешнего нахождения Собора, а следовательно, церковь эта и не могла быть на месте нынешнего Кафедрального собора.

Хотя постройка церкви в 1816 г. не была осуществлена, но мысль эта не оставлялась горожанами. В архиве Ставропольского губернского правления и Духовной консистории сохранился ценный материал для истории возникновения нашего Казанского Кафедрального собора. Из дела 1841 года видно, что домогательство жителей только в 1839 году приняло благоприятный оборот. 15 февраля 1839 г. Святейший синод разрешил построить каменную во имя Казанской иконы Божией Матери церковь, и 25 мая того же года были возвращены, утвержденные синодом, план и фасад, составленные комиссией, но на месте, где прежде стояла казачья церковь. Но дело постройки не подвигалось вперед «по обстоятельствам общества», как говорится в приговоре купеческого и мещанского общества от 16 ноября 1841 года.

Существенным препятствием к осуществлению задуманного жителями дела было именно избрание места. Еще в 1816 общество выбрало место «на горе» и думало построить церковь во имя Св. Николая, в память избавления города от чумы.

Но, очевидно, это место, как часть крепости, не нашли возможным дать горожанам, и разрешения не последовало.

С уходом станицы и переносом казачьей церкви вопрос о месте, казалось, разрешался сам собой, и разрешение, как мы видели, последовало на постройку церкви, но на месте старой казачьей и во имя Казанской Божией Матери, какой была старая церковь.

Между тем, желания горожан, купеческого и мещанского общества к этому времени были уже иные. Общества эти находили уже недостаточным проектированной раньше церкви, думали о расширении и мечтали все-таки об избранном ими раньше месте. И вот они в ноябре 1841 г. составляют новый приговор и, соглашаясь на постройку во имя Казанской Божией Матери, просят разрешения расширить ее двумя приделами и указывают на неудобства места внизу, где была казачья церковь.

В этом приговоре говорится: «1841 года ноября 16 дня Ставропольские купеческое и мещанское общества, быв в собрании в Градской Думе, имели совещание и по обсуждении сообразив обстоятельства, что со времени снесения в 1838 году казаками, переселенными начальством в станицу Суворовскую, бывшей в городе Ставрополе деревянной церкви во имя Казанской Божией Матери, все вообще граждане, а особенно живущие в предместиях города, быв отдалены жительством от оставшегося в целом городе одного Св. Троицкого Собора, встречают невозможность особенно в ненастную погоду бывать во храме, и с удобностью принимать в нуждах необходимые христианские требы; что с ходатайства Градской думы от имени их общества по представлении Новочеркасской духовной консистории Святейший Правительствующий синод разрешил построить в городе Ставрополе церковь по составленным комиссией проектам, смете, плану и фасаду, препровожденным из оного в консисторию, а от оной чрез местного благочинного в Градскую думу 25 мая 1839 года; что по сим планам и фасадам построение церкви еще поныне не начато по обстоятельствам дел сих обществ, что место, на котором существовала свезенная казаками церковь, по тесноте своей, грязному в низменности положению неудобно к построению по утвержденным плану и фасаду великолепного храма и отстоит оное от Святого Троицкого Собора ближе ста сажен, чем самым устроение на оном церкви

не принесет существенной пользы отдаленным прихожанам; место же для построения храма во имя Святителя Николая избрано обществом еще в 1816 году во время бедственного положения города от существовавшей заразы, начальством утверждено и до двенадцати тысяч рублей ассигнациями на построение оного составилось временами суммы: потому в отвращение всех объясненных неудобств, для доставления всем вообще жителям и других отдаленных мест от собора лучшего удобства приходить в храм для богомолия, а вместе с тем ради увековечения священной памяти посещения города Ставрополя Всеавгустейшим Монархом в 1837 году октября 16 числа во изъявление душевно верноподданнической преданности Всемилостивейшему Государю Императору всех жителей города Ставрополя и самого ради украшения города, общество купеческое, мещанское положили: предоставить Градской думе испросить от местного главного начальства разрешения к построению церкви во имя *Казанския Божия Матери* на том месте, которое избрано под постройку храма во имя Святителя Николая, по утвержденному плану и фасаду; украсив сию церковь двумя приделами: во имя Святых Николая Чудотворца и Александра Невского, на месте же свезенной казаками церкви, где был святый престол, построить приличной архитектуры большую часовню для иконы».

Опасаясь, очевидно, новой затяжки дела, приговор добавляет: «Желая скорее достигнуть священнослужения в предполагаемом сем новом храме, просим Градскую думу в возможной скорости постараться освятить место и приступить к постройке. Несомненно надеются общества, что Градская дума не оставит озаботиться скорее испросить на сей приговор утверждения Его Превосходительства господина генерала-адъютанта и кавалера Павла Христиановича Граббе; а о приделах с престолами во имя Святителя Николая Мир-Ликийского Чудотворца в 6-й день декабря и Александра Невского в 30-й день августа празднуемых кому следует предоставить. Вместе с тем купеческое и мещанское общества, желая взаимного на предполагаемую постройку согласия дворян и чиновников, предоставляют Градской думе испросить таковое от них посредством ставропольского коменданта господина полковника и кавалера Масловского».

Следуют подписи. Первой стоит подпись Игната Волобуева, неграмотного.

На приговоре имеется надпись, что он в ставропольской Градской думе явлен и в книгу под № 20 записан. Подписали: городской голова Никита Плотников, гласный Андрей Иванов и письмоводитель Смоковский.

На этот раз ходатайство городского общества было более удачным, на сторону общества стал окружной начальник полковник Масловский, принимавший и впоследствии деятельное участие в этом деле.

Масловский в представлении своем начальнику Кавказской области 18 ноября 1841 года просит удовлетворить желание общества и, прибавляя, что выбор этого места «был утвержден начальством» и на месте этом «был поставлен крест на горе», говорит, что опрошенные им местные дворяне и чиновники тоже одобрили выбор общества.[2]

От какого начальства последовало это «утверждение» в 1816 г., ни в представлении Масловского, ни во всем деле указаний нет, но, вероятно, у Масловского было основание для такого утверждения.

Представление Масловского имело большое значение.

С полным сочувствием отнесся к ходатайству городского общества и начальник области Павел Христианович Граббе, с особенной поспешностью отправивший (22 ноября) ходатайство к архиепископу Новочеркасскому и Георгиевскому Афанасию. В то время Кавказская область была причислена к Новочеркасской епархии.

Граббе так горячо взялся за это дело, что, не дожидаясь, пока будет разрешаться вопрос о «месте» в Новочеркасской консистории, он, ознакомившись с желанием общества, озаботился немедленно изготовить проект и фасад здания и сообщил Градской думе для одобрения. Такая поспешность имела громадное значение и этими первыми шагами, положительно можно утверждать, был обеспечен дальнейший ход дела.

В своем письме к преосвященному Афанасию Граббе прямо говорит, что «избранное обществом место на горе, между Гостиным рядом и комиссариатскими зданиями по положению своему есть самое благоприличное для храма и к допущению на нем постройки препятствий не встречается».

Граббе положительно утверждает, что сооружение церкви желательно и ходатайство общества он находит «весьма уважительным».

А так как первый проект ввиду предполагаемых двух приделов требует изменений, то он и представляет известного художника Дурнова новый план и фасад, на который и общество изъявило согласие.

Граббе говорит далее, что он готов даже принять на себя личное ходатайство в Петербурге, куда он должен был ехать, но просит только согласие и благословение Преосвященного.

Письмо это со всеми документами было отправлено Преосвященному с нарочным.[3]

В конце письма Граббе просит даже, чтобы закладка церкви была совершена 6 декабря, в день тезоименитства Государя.

Несомненно, что такая могущественная поддержка должна была оказать влияние на ход дела.

Архиепископ Афанасий спешно приказал консистории рассмотреть дело и в письме от 28 ноября говорит, что он лично согласен на сооружение на означенном месте по вновь проектируемому плану, но что до отмены прежнего Святейшим Синодом он благословения на закладку дать не может и вполне одобряет личное ходатайство Граббе в Петербурге.

Взявшись с энергией за это дело, Граббе воспользовался своим пребыванием в Петербурге и подал всесильному тогда графу Протасову (21 января 1842 г.) записку, в которой подробно излагает обстоятельства дела, просит исходатайствовать разрешения Святейшего Синода на постройку и добавляет, что «прежнее место в части города, называемой станица, тесно, грязно, закрыто обывательскими домами и слишком близко к Троицкому собору и потому не принесет пользы отдаленным прихожанам».

Нельзя не признать, что лучшего места для постройки собора нельзя было найти, и ставропольцы должны с признательностью помянуть имя Павла Христиановича Граббе, своим влиянием отстоявшего его для Ставрополя.

Только благодаря Граббе так долго тянувшееся дело могло принять такой счастливый оборот и увенчаться успехом.

Граф Протасов лично доложил Государю об этом деле, и на его доклад Николай I написал: «Согласен, но фасад переделать А. Тону или Брюллову».

Конечно, о большем и не мечтали ставропольские граждане, и 6 марта 1842 года было объявлено им о таком высочайшем благоволении.

Обрадованные ставропольцы в то же время, вероятно, пугались стоимости предстоящей постройки, если проект поручается таким известным художникам.

Хотя прямых указаний на это в деле и нет, но тот же благодетель Граббе снова пишет графу Протасову, благодарит его и просит оказать благосклонное содействие к ускорению составления проекта, чтобы можно было с весны приступить к постройке, и прибавляет, что, при всем усердии жителей, они не могут пожертвовать более 100 тысяч рублей, о чем желательно сообщить господам архитекторам для соображения при составлении проекта.

24 мая 1842 года было объявлено ставропольскому обществу, что составленный проект профессором Академии художеств Александром Тоном утвержден Государем и гражданский губернатор Сотников вместе с этим приглашает общество составить комитет по постройке и представить об этом приговор.

11 июля 1842 года была получена от архиепископа Афанасия храмозданная грамота и исполнение по ней поручалось протоиерею и благочинному Крастилевскому, которому 30 июля вручена грамота окружным начальником Масловским.

Храмозданная грамота:

«Божиею Милостию Смиренный Афанасий Архиепископ Новочеркасский и Георгиевский.

По указу из Святейшего Правительствующего синода и по власти, данной нам от великого Архиерея Нашего Господа Иисуса Христа, благословляем мы, по прошению паствы нашей Кавказской области города Ставрополя, прихожан, соорудить в сем городе каменным зданием во имя Казанской Божией Матери, с двумя пределами с одной стороны во имя Святителя и Чудотворца Николая, а с другой Св. Александра Невского, новую церковь. Но вступить в начинание сие с испрашиванием помощи Вседержителевой с тем, чтобы храм тот устроен был по плану с фасадом, составленному Профессором Императорской Академии художеств Александром Тоном и утвержденному Его Императорским Величеством, прочною и доброю архитектурою и всем нужным и пристойным снабжен, Алтарем на Восток, по обычаю Восточной греко-российской церкви, и Алтарь тот был бы не тесен и не темен, и престолы как в настоящем Храме, так и в приделах вышиною в аршин шесть вершков и содскою, а шириною и длиною по мере Алтаря под надзором местного Благочинного, священнослужителей, старосты церковного, почтеннейших прихожан и по распоряжению Архитектора, или другого сведущего по строительной части лица; для чего по чиноположению строение оного Храма на удобном месте заложить, потом отрапортовать нам имеет местный Благочинный. Когда же оный Храм устроен, благолепным иконостасом украшен и как сосудами серебряными, так и ковчегом, дароносицею и крестом напрестольным и прочими всеми вещами по благопристойности неоскудно удовольствован будет, равно ризницею из шелковой материи, книгами, всем тем, что нужно для Св. Храма, по всем том нам от ведомственного Благочинного донесено будет, с приложением описи имущества того Храма, тогда и об освящении оного Благословение воспоследует. Дана сия грамота за подписанием нашим и за печатью Новочеркасской Кафедры в богоспасаемом городе Новочеркасске в доме Нашем. Июль 11 дня 1842 года».

Таким образом, все необходимое было добыто и оставалось приступить к постройке.

Но ревностно принявшемуся за это дело Павлу Христиановичу Граббе не суждено было видеть осуществление начатого им и с таким настоянием веденного им дела.

19 мая 1843 года вступил уже новый начальник области генерал-лейтенант Гурко.

К этому времени в жизни Кавказской области произошли большие перемены. Кавказская область с Черноморией были выделены в особую епархию, и в Ставрополь 10 апреля 1843 года прибыл первый епископ Иеремия, наименованный Кавказским и Черноморским.

И вот новый начальник области генерал-лейтенант Гурко объявляет окружному начальнику, что «с учреждением епархии дело о постройке церкви Казанской Божией Матери в Ставрополе не может подлежать иному ведению, кроме духовного, о чем надлежит объявить городскому обществу, причем, — прибавляет начальник области, — от Преосвященного они должны ожидать назидания и благословения, все же распоряжения об устроении церкви предоставляются собственному граждан усердию и попечению, а со стороны областного начальства будет только наблюдение за правильностью постройки, с полной готовностью содействовать успешному совершению богоугодного предприятия».

Таким образом, общество предоставлялось собственным силам в отношении средств на постройку, а это было крайне тяжело для него по тому времени.

По распоряжению начальника области сняты были копии с плана и фасада для Строительной комиссии, а подлинные отправлены начальнику области.

С уходом П.Х. Граббе дело постройки замедлилось и, как видно из отношения преосвященного Иеремии от 3 июля 1843, ничего не было сделано до этого времени; для составления комитета «никакого почти не сделано начала».

Иеремия прибыл в Ставрополь 10 апреля 1843 года, и подвинуть постройку церкви было первым его делом.

Он обращается 29 мая к окружному начальнику Масловскому и просит его принять на себя работу старателя по сооружению.

Но так как Масловский, находясь на службе, не мог этого сделать без разрешения начальника области, то Иеремия просит генерал-лейтенанта Гурко разрешить Масловскому принять на себя эту обязанность.

Вслед за этим и городское общество (13 июля) просит о том же Масловского и в приговоре по этому поводу помощником назначает ему купца Корнея Чернова.

Вероятно, и в духовенстве были противники избранного для церкви места «на горе», так как в отношении своем от 15 июня Иеремия просит начальника области об «освидетельствовании избранного для церкви места и о дознании удобства или неудобства его» и прибавляет просьбу прислать копию с «дела, первоначально веденного о храме, для епархиальных дел».

Это требование об осмотре было совсем неожиданным, так как о пригодности места не возбуждалось уже вопроса и не возникало даже никакого сомнения, тем более что градский голова уже просил разрешения Иеремии на освещение места для закладки храма 25 июня в день рождения Николая Павловича.

Возможно, что нежелание исходило от тогдашних «соборян», которые с устройством здесь нового храма теряли свое значение, и Троицкий собор обращался в обыкновенный приходской храм. А может быть, были и другие лица, недовольные избранным местом, но только начальник области «удовлетворяя такому требованию», как пишет окружной начальник, предписал областному архитектору Бернштейну освидетельствовать место, о чем и уведомил градского голову гражданский губернатор.

Все дело вместе с тем в подлиннике было отправлено преосвященному Иеремии с просьбой возвратить по миновании надобности.

18 июня генерал-лейтенант Гурко из лагеря на реках Бежгоне и Кефаре уведомил преосвященного, что разрешает полковнику Масловскому заняться столь богоугодным делом, как дело постройки церкви.

22 июля 1843 года был составлен следующий акт: «1843 года июня 22 дня члены Кавказской области Строительной комиссии областной архитектор Бернштейн и поручик Шефлер при бытности ставропольского окружного начальника полковника и кавалера Масловского, ставропольского градского главы Плотникова, ставропольских почетных граждан: Волобуева, Стасенкова и купцов Ганиловского, Брацианова, Чернова, Волкова, Леонидова и Пахомова и депутата со стороны духовной протоиерея Троицкого Собора Крастилевского — отвели и освидетельствовали место между Гостиным двором и комиссариатскими зданиями, на котором предположено построить каменную церковь во имя Казанской Божией Матери с двумя приделами. По освидетельствовании и испытании грунта земли отведенного места оказалось, что под верхним наносным слоем находится пласт песчано-глиняной земли, по наклонному положению этого слоя расстояние его от разных точек поверхности места изменяется от полутора до трех аршин, крепость и толщина означенного пласта позволяют основать на нем самые грузные строения, и потому значительных осадков, через которые могло бы сделаться повреждение в строении, как местных, так и общих, при правильном устроении фундамента быть не может, в чем и подписом нашим удостоверяем. Областной архитектор Бернштейн, строительного отряда путей сообщения поручик Шефлер.

Вышеозначенное освидетельствование и отвод под построение церкви земли произведен в присутствии нашем: комендант города Ставрополя и окружной начальник полковник Масловский, градской глава Никита Плотников, почетный гражданин Игнатий Волобуев, и по неграмотству с приказания подписал сын его родной Петр Волобуев. Почетный гражданин 1 гильдии купеческий сын Егор Стасенков, 1 гильдии купец Ганиловский, 2 гильдии купец Филипп Брацианов, 2 гильдии купец Корней Чернов, 3 гильдии купец Илья Прокофьев-Волков, 3 гильдии купец Яков Леонидов, 3 гильдии купец Петр Пахомов, а за неграмотного подписал Петр Павлов сын Шалавинов. Кафедральный протоиерей Константин Крастилевский».

24 июня гражданский губернатор Сотников пишет преосвященному: «Сейчас получил донесение архитектора об освидетельствовании места, поспешаю уведомить Вас с препровождением акта и плана для дальнейших распоряжений по духовной части».

Очевидно, гражданские власти чувствовали неловкость своего положения вследствие неожиданного требования преосвященного, так как дело прошло все инстанции и удостоилось высочайшего соизволения, а потому посмотрели на это требование как на ненужную затяжку и торопились покончить с этим, делая намек преосвященному, что посылают ему этот акт для дальнейших распоряжений *по духовной части*.

Таким образом, первые шаги преосвященного Иеремии в Ставрополе отмечаются некоторым обострением его отношений к властям гражданским.

Но надо сказать, что и в дальнейшей своей деятельности преосвященный Иеремия не раз имел эти огорчения, как он горько жалуется в своих письмах и дневнике. В особенности серьезное столкновение произошло из-за раскольников (старообрядцев), следствием чего по представлению графа Воронцова было даже отделение ста станичных церквей от епархии и передача их в ведение обер-священника, что крайне огорчило преосвященного.

Таким образом, еще раз этим актом осмотра была удостоверена пригодность и целесообразность избранного горожанами места для будущего собора, и мы ныне, спустя 67 лет, только можем присоединиться к смелому и решительному заключению архитектора Бернштейна, вполне оправдавшемуся на деле прочностью здания собора, не давшего за все время никаких дефектов.

Ободренное этим заключением комиссии, Ставропольское городское общество из купцов и мещан 2 июля снова представило преосвященному дополнительно к прежнему представлению договор, обеспечивающий постройку задуманной церкви, о чем Иеремия говорит в своем отношении к начальнику области от 5 июля 1843 года. Общество горожан обязывалось: «собрать в течение будущих трех лет с каждого капитала купцов первой гильдии по 60 руб., второй гильдии по 40 руб., а третьей гильдии по 30 руб. серебром, с мещан же с каждого рубля, следующего в платеж казенных податей и прочих общественных повинностей, по 20 коп. серебром».

Усердие горожан, таким образом, не только не ослабевало, но, наоборот, увеличивалось, судя по значительности взятого на себя последнего обязательства.

К этому пожертвованию надо присоединить еще и пожертвование градского главы Никиты Михайловича Плотникова, который еще 11 июля 1842 года заявил присутствию Думы, что он «в память умершего сына жертвует на постройку церкви Казанской Божией Матери с приделами Святителя Николая Чудотворца и Александра Невского 1000 рублей и на предположенную на старом кладбище во имя Успенской Божьей Матери — пятьсот рублей, сверх того, на пополнение общественного долга, изложенного в приговоре общества, состоявшегося 27 января 1841 года, на основании коего по недостатку общественной суммы сделан заем Градской думы из разных сборов сиротского суда и церковных, коих общество хотя вышеписанным приговором 24 января 1841 года положило уплачивать в течение 6 лет, но и до сего времени еще такового долга нисколько не внесено, жертвует тысячу пятьсот рублей ассигнациями, каковую сумму вносить будет в течение 3 лет по разным частям каждый год по 1000 рублей, то есть в три года три тысячи рублей, из коих Градская дума половину должна обратить на постройку означенной церкви, а другую половину на пополнение общественного долга».

Наконец преосвященный назначил день освящения места для храма 8 июля и уведомил начальника области, прося назначить для присмотра чиновника по искусственной части.

«Уведомляю Вас о сем, Милостивый Государь, и намереваясь 8 числа сего же июля совершить по чиноположению святой церкви освящение места и основание храма, я долг имею покорнейше просить Ваше Превосходительство о распоряжении к назначению для надзора за производством работ чиновников искусственной части».

Достигли, наконец, ставропольцы своего заветного желания, и 8 июля 1843 года состоялась торжественная закладка храма, нынешнего Кафедрального собора на горе, на месте, которого они так долго добивались.

Строительным комитетом назначен был для надзора архитектор Бернштейн, о чем и было дано знать преосвященному 26 августа. Таким образом, первые камни здания храма, его основа, были положены под наблюдением архитектора Бернштейна.

Но затем преосвященный пишет в июле 1844 года, что до сведения его дошло, что Бернштейн уезжает на Минеральные Воды и просит о назначении нового начальника.

Комиссия назначает архитекторского помощника Славянского, о чем и состоялось постановление комиссии 28 июня 1844 года.

На этом заканчивается «первоначально веденное дело о постройке церкви», которое, как видно из отношения Кавказской духовной консистории от 24 ноября 1844 года, и возвращено в канцелярию Общего управления Кавказской области.

В конце этого дела имеется расписка архитектора Ткаченко в получении высочайше утвержденного плана церкви, строящейся в Ставрополе, — Казанской Божией Матери, 27 июля 1844 года.

Нельзя не отметить, что то неожиданное требование преосвященного Иеремии, которое было указано выше, об освидетельствовании места, избранного для церкви, было, по-видимому, сделано не без причины. Дело в том, что хотя и состоялось утверждение и последовало высочайшее соизволение на постройку церкви на этом месте, но уступки этого места, как части бывшей крепости, принадлежавшей военному ведомству, сделано не было.

Следовательно, в будущем возможны были недоразумения относительно принадлежности места. Предусмотрительный Иеремия своим требованием об освидетельствовании места достиг того, что только в это время впервые состоялась формальная передача этого места городу, и составлен торжественный акт, приведенный выше, причем это место отмечено было на городском плане. Такого мнения о необходимости передачи места городу, вероятно, держались и в Градской думе, так как деятельными участниками этой постройки были И.Н. Волобуев и градской голова Плотников, бывшие ближайшими помощниками Иеремии.

В этом отношении ставропольцы обязаны признательностью своему первому архипастырю, который, не увлекаясь благорасположением данного места, заглядывал и в будущее и был вполне прав, так как и теперь еще в Ставрополе не разрешен вопрос о принадлежности городу некоторых мест, занятых в прежнее время военным ведомством для своих целей, несмотря на то, что эти места фактически находятся во владении города.

С именем преосвященного Иеремии для Ставрополя связаны и другие начинания: открытие Ставропольской духовной семинарии (1846 г. 13 ноября), открытие консистории, постройка церквей при тюремном замке, при военном госпитале, при мужской гимназии и открытие Ставропольского женского монастыря, Иоанно-Мариинской обители, в память родителей Иеремии.

Иеремия пробыл на Кавказской кафедре и прожил в Ставрополе около 7 лет, и перемещен отсюда в Полтаву в конце 1849 года.

Итак, только через 33 года осуществилось заветное желание ставропольцев иметь у себя церковь «на горе». Те затруднения, которые горожане встречали на пути своего ходатайства, совершенно непонятны, и неудовлетворение их желания необъяснимо ни местными причинами, ни соображениями высшего начальства.

Это обстоятельство является тем более странным, что заботы правительства по отношению к нашей окраине, Северному Кавказу, и в частности к Ставрополю, всегда заключались в том, чтобы скорее этот край сделать доступным для водворения гражданского населения, сделать его краем мирным и отодвинуть театр военных действий возможно далее. Местные условия также требовали постройки новой церкви, так как существующей церкви, Троицкого Собора, было крайне недостаточно.

Церковь ставропольской казачьей станицы обслуживала нужды станичников, которых еще в 1795 году было 300 дворов, да и та в 1838 году была из Ставрополя увезена. Следовательно, оставалась небольшая церковь, Троицкий Собор, которая была крайне тесна.

А между тем еще в 1795 году приговором ставропольских мещан и купцов по поводу разрешения построить Троицкую церковь удостоверено, что в ставропольском Форштадте было 200 обывательских домов и 1225 душ обоего пола.

К местным соображениям присоединялось и то, что горожане возымели желание построить эту новую церковь в память избавления от страшной эпидемии чумы, бывшей в Ставрополе в 1810 году и унесшей очень много народу.

И разрешения не давали, несмотря на все это.

Это странное отношение к нуждам населения при общей заботливости о водворении мира в крае замечалось и по отношению к постройке церквей в других пунктах Кавказской области.[4]

Существовали, очевидно, какие-то опасения, что население не в силах будет поддерживать церкви и духовенство, а может быть, были и опасения за прочность приобретения нового края. Но будущее не оправдало этой странной осторожности.

Постройка храма была закончена в 1847 году, и указом Святейшего Синода от 20 августа за №9062 он был переименован в Кафедральный Собор, а 22 октября того же года состоялось освящение при торжественной обстановке.[5]

Существующая ныне при соборе колокольня сооружена по проекту архитектора Воскресенского в 1859—1860 годах и при выдающейся высоте является одним из лучших сооружений этого рода на Кавказе.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. Таганрогским.

2. Упоминанием в представлении Масловского о кресте, поставленном на горе в 1816 году, на месте, избранном горожанами для постройки церкви во имя Св. Николая, разрешается, по-видимому, вопрос — к какому времени отнести и кем именно был поставлен крест, ныне находящийся на Соборной горе, в 5 саженях от здания собора на востоке. По предложению И.П. Кувшинского, крест этот поставлен на пьедестал с надписью, что он «поставлен Суворовым». Но надобно заметить, что данных, подтверждающих указание Масловского, в деле нет, хотя, надо полагать, что общество в своем приговоре не преминуло бы сослаться на это обстоятельство.

При этом надо заметить, что указанный крест, как мы лично видели в 1880 году, был вделан в стену отдельно стоявшей от собора часовни, в наружной восточной ее стене, и в часовне всегда зажигалась лампада. Если бы этот крест обозначал избранное для церкви место, то оно и вошло бы в площадь постройки теперешнего собора и самый крест пошел бы в закладку фундамента, как это всегда делается, и не было бы надобности строить для него отдельную часовню и поддерживать неугасимую лампаду. А часовня стояла с восточной стороны собора и в 5—6 саженях от него.

Точно так же нет никакого основания и для предположения И.П. Кувшинского, тем более, что и закладка крепости Ставропольской Суворовым не подтверждается, а строителем ее, как теперь точно известно, был полковник Ладыженский.

Ввиду этого надо полагать, что крест этот — один из древних крестов, находимых в разных местах Северного Кавказа, и нельзя не пожалеть, что, обмазав крест цементом, «реставраторы» сгладили все неровности и уничтожили все следы, а может быть, и надпись на нем, проливавшие свет на прошлое креста. Вследствие нахождения этого креста на данной возвышенности и крепость, а затем и город, получили свое название Ставрополь, то есть город Креста.

3. В деле имеется предписание выдать подорожную на взимание почтовых лошадей нарочному купцу Ивану Волобуеву, командированному к архиепископу Новочеркасскому с планом и фасадом на предполагаемую в Ставрополе церковь.

4. См. «Возникновение церквей в Кавказской области» Г.Н. Прозрителева.

5. Дело Губернского архива 1847 года. № 1584.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Прозрителев Г.Н. Казанский кафедральный собор в Ставрополе-на-Кавказе // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. — Ставрополь, 1910. — Вып. II. — Отд. 1. — С. 1—22.

Í ÅÎ ÁÕÎ ÄÈ Ì ÎÑÒÜ ÁÎÐÜÁÛ ÏÐÎÒÈÂ ÏÜß ÍÑÒÂÀ

Едва ли можно найти человека, который бы не признал, что пьянство — страшное зло. Но и при таком общем признании потребление водки не только не прекращается, но наоборот, все шире и шире охватывает слои населения. Теперь пьют уже дети и напиваются. А взрослые от крестьянина до интеллигента напиваются иногда до положения риз и полного помрачения, а вообще пьют при всяком удобном случае.

«Водка есть кровь сатаны», — но этим не смущаются и вливают ее в себя без меры.

Терпят от этого зла все; но больше всех и ужаснее женщины. Тысячи избитых и часто искалеченных жен являются жертвами этого безжалостного Молоха и своими страданиями расплачиваются за непотребство, которому не хотят положить конец. Вопли избиваемых пьяными мужьями жен обыкновенно не шли дальше домашних стен, и некому было их услышать.

Но теперь условия изменились, время стало иное: «Слава Богу», есть на Руси «уголок», где каждый стон, каждый звук народной печали и радости будет услышан и воспринят горячо и сердечно.

И вот туда, в Думу, к народным представителям 12961 исстрадавшихся литовских женщин шлют свой призыв о помощи. Депутат Булат прочитал в Думе: «Водка — величайший источник всех угнетений женщины и одна из главнейших причин культурного и экономического упадка всего края. Посему составившийся в Ковне съезд литовских женщин постановил добиться чрез своих депутатов в Государственной думе, дабы в нашем крае продажа водки была совершенно уничтожена».

Но разве ставропольская женщина меньше страдает от этого зла, чем литовская. Нет, а может быть, еще и больше, в чем может быть порукой колоссальная сумма в 7 миллионов рублей, которую пропивает Ставропольская губерния. Желание избавиться от этого зла сильно и у нашей женщины, но она, как и другие, молчала до сих пор. Теперь ее голос будет услышан. Пусть собираются подписи и пусть Ставрополь, как губернский вождь, станет во главе и положит начало этому движению. Пусть составится петиция, и наши депутаты смело заявят о страданиях, которые переносит наша женщина, беззащитно предоставленная всем последствиям пьянства.

Меры против пьянства надо принять и меры решительные. Нельзя сентиментальничать там, где дело идет об опасности для целой страны, которой грозит не только разорение, но и вырождение населения. До сих пор на чрезмерное потребление водки смотрели с точки зрения афоризма: «Славяне пьют и в радости, и в горе», — и потому, конечно, не могло быть и речи о том, чтобы оградить население от пьяного разгула. Самое пьянство не преследовалось, оно считалось нормальным явлением, и кабацкий жаргон выработал даже собственный афоризм: «Пьян да умен, два угодья в нем». А закон карал легким арестом или небольшим штрафом только за появление в публичном месте *в пьяном до беспамятства* или *в безобразном* от опьянения виде. А самое опьянение, систематическое пьянство, когда человек пьет каждый день, пропивает свой заработок, оставляет жену и детей без копейки, заставляет их голодать, наконец, пропивает все добро из дома, тащит последнее, чтоб утолить свое непотребство, — все это не наказуемо, и несчастная жена бессильна остановить эту разнузданность; ей никто не даст помощи, никто не остановит гуляку в его постыдных действиях, и власти будут безмолвствовать пред горем и отчаянием разоренной семьи и слезами измученной и избитой пьяным извергом жены.

Как же не принять против всего этого мер!!!

Сколько страданий терпят неповинные дети, и сколько унижения переносит несчастная женщина!

Где же справедливость?! И какому Молоху приносятся эти жертвы? Сколько гибнет народного достояния?! Кому выгодно такое положение?!

Говорят, что запретительными мерами делу не поможешь, что надо поднять уровень образования массы. Но нам кажется, что такое возражение равносильно желанию оставить все в прежнем положении и пьянству открыть новые пути. Безусловно, что темнота и невежество — спутники пьяного героя; некультурность — это и есть именно условие пьяных наслаждений. Люди культурные с отвращением отвернутся от бесшабашного пьянства и найдут удовольствие в развлечениях высшего порядка.

Но дело в том, что подобный путь — это вопрос даже не десятков лет, а далекого будущего. А до тех пор страна будет купаться в водке.

Нет, надо пресечь зло теперь же, надо обезопасить детей, подрастающее поколение, надо признать пьянство *позорным, бесстыдным* делом. Надо уничтожить бахвальство: «Пью на свои!» — и на пьяное самодурство надеть намордник в виде карательных мер. Надо, чтоб закон сказал: «Нет, не можешь *пьянствовать*, хотя пьешь и на свои». И поверьте, что герои кабака и завсегдатаи трактиров быстро понизят тон и сократятся в обыкновенных граждан, сознающих свои обязанности пред семьей и обществом. Рядом с этим надо отнять от разных трактиров и прочих питейных заведений их привлекательную сторону для населения, их характер общественности, характер клубов, куда стремится труженик провести время, использовать отдых. Где найдет рабочий место, чтобы праздничный день провести по-человечески, куда пойдет маленький обыватель, который не имеет доступа в наши клубы и собрания? Нет такого места, и он идет в объятия «монопольки» в тайных и явных притонах.

Будущее грозно смотрит на нас и потребует отчета за гибель целых поколений, отравленных алкоголем. Матери и жены, выносящие на своих многострадальных плечах всю тяжесть безмерного

пьянства, вам, страдающим от этой общественной язвы, вам по праву принадлежит в этом вопросе первое слово. Требуйте, и вас услышат, а этим вы спасете свою страну.

Пьянство, сделавшееся общественным злом, конечно, является вопросом, который разрешить может только само государство, и частные лица тут бессильны. Попытки такого рода разрешения со стороны правительственных сфер уже были сделаны, и наша новая система продажи вина имела своею задачею сократить пьянство. Но на практике оказалась эта задача не достигнутой. Наоборот, потребление водки возросло, а главное, водка проникла в семью, ее стали пить даже дети. Водка сделалась доступной и нашла себе широкий сбыт. Главная, конечно, ошибка новой системы заключалась в том, что нельзя одной рукой уничтожать пьянство, а другой собирать от этого же пьянства обильную жатву. Государственный доход вполне зависел от большого количества водки, сбытой населению. Соблазн большой, и сиделец винной лавки, с одной стороны, открывающий лавку только в часы установленные, с другой, получающий повышение за большее количество проданной водки, в конце концов, должен был заботиться об одном, о большем сбыте. Теперь все это стало ясно; водка споила всех и, главное, развратила семью вместе с ее разорением. И надо немедленно и решительно принять меры к ограничению этого зла. То разорение, которое пьянство приносит в семью крестьянина и мещанина, не может не обращать на себя внимание населения и даже самих подверженных этому пороку. А потому продолжение пьянства свидетельствует о безволии. Человек сам не может отстать от вредной привычки. При таком положении необходимы репрессивные меры, заключающиеся как в ограничении доступа к водке, так и в наказании за самое пьянство.

И то, и другое вовсе нельзя рассматривать как нежелательное вторжение в личную жизнь, наоборот, меры эти явятся средством ограждения личной жизни тех, кто всего более страдает от пьянства: женщин и детей. Бороться с таким злом частный человек не может, а потому это дело государства, и теперь, когда закон идет чрез Думу, не может быть никакого обвинения в посягательстве, потому что народным представителям всего лучше известна жизнь народа, разоренного и страдающего от пьянства.

В ряду мер наказание отца за пьянство, разоряющее его семью, не встретит ропота. Точно так же наказание за появление на улицах и в публичных местах в пьяном виде и самое пьянство в трактирах и тому подобных заведениях будет лучшим ответом на непотребство, которое вошло в обычай.

Женщина, которая всего более страдает от последствий пьянства, должна стать во главе движения против него и могучим призывом обратить внимание на это зло.

«Отказаться от водки мы не можем», — так заканчивает свое письмо в редакцию «один из многих», подписавшийся «подверженный» и откликнувшийся на наши статьи о мерах против пьянства. Смысл всех заявлений, полученных нами, тот, что «горилка — чертова, но сила в ней молодецкая, нельзя без нее обойтись». Но некоторые пытаются стать на другую точку зрения. Что остается в жизни, когда приходит известный возраст, когда все другие «утехи» отходят в прошлое, в «былое», а настоящее дает только одно, чувство безнадежности. «Остается одно —выпить и забыться». Едва ли можно сомневаться, что эти ответы принадлежат «подверженным» тому самому пороку, который они защищают. Но это лучшее доказательство необходимости известных мер для воздействия на них, так как они сами говорят, что «отказаться не могут», сами справиться с своей слабостью не в силах. Те или другие меры будут именно точкой опоры, которая поддержит безвольных. Но среди «возражателей» оказались и такие, которые всю вину возлагают в этом вопросе на женщину: «жена держит семью», «жена правит мужем», «у хорошей жены муж всегда трезвый». А сколько мужей пьет из-за того, что нет в семье ладу, «сколько гибнет нашего брата из-за жен, за их измену». Словом, оказалось, что с водкой расстаться нельзя по многим причинам.

Но раз таково положение, что к водке вынуждены прибегать и умеренности здесь не может быть, то и должны быть выработаны меры, регулирующие это потребление и ставящие условия ответственности за излишество и злоупотребления. Следовательно, все данные за то, что меры, внушительные для упорядочения жизненных отношений, в которых водка играет видную роль, необходимы.

При этом мы должны заметить, что статистика преступлений вовсе не оправдывает того взгляда, что нарушение супружеской верности женою ведет в большинстве случаев к разладу и упадку семьи. Наоборот, большее количество проступков этого рода падает на мужчину.

Итак, мы все-таки стоим перед этим ужасным словом «пьянство», которое коверкает всю нашу жизнь, озверяет человека, вырождает поколения и экономически губит страну. Ясно, что должны быть приняты против этого необходимые меры. Общество, само общество должно прийти на помощь правительству в этом вопросе, оно должно *осудить* пьянство и пьяниц своим общественным судом, судом общественного презрения к людям, предающимся этому пороку. В обществе бесспорно значительная сила в руках женщин, и они смогут и должны громко и решительно стать во всех видах на борьбу с пьянством от гостиной до последней лачуги бедняка. Предлагаемая нами петиция женщин явится видимым проявлением и началом этой борьбы, и мы охотно примем в этом деле живейшее участие, открыв страницы нашей газеты для заявлений и подписей в Редакции.

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Прозрителев Г.Н. Необходимость борьбы против пьянства. — [Место и год издания не установлены]. — 5 с.

ÈÇ ÏÐÎØËÎÃÎ ÑÅÂÅÐÍÎÃÎ ÊÀÂÊÀÇÀ

Извлечено из подлинного архивного дела Моздокского духовного правления 1836 года.[1]

Донос и ябеда в дореформенной Руси занимали видное место среди дел, которые приходилось ведать судебным и административным учреждениям того времени. «Извет», прикрывавшийся всегда личиной благонадежности и радением об общем благе, был страшной язвой, разъедавшей современное общество, и без того деморализованное, с одной стороны, рабством, а с другой — своеволием богатого или родовитого человека. Одни доносили из мести, другие — «живот спасая», третьи — ради выгоды, а четвертые — «дабы нам не пострадать от правосудия, якобы мы молчанием участники преступлению соделались». Последний вид «радетелей» был самый распространенный: доносили, делая вид, что вынуждает к этому опасение ответственности за молчание, а в сущности только прикрывали этим собственное «бесстыдство». Только с введением судебной реформы, когда явилась возможность преследовать доносчика судом и разоблачить его гнусные деяния в печати, только с этого времени «извет» потерял значение в русской жизни и практикуется теперь только в сфере, не доступной ни суду, ни печати…

Доносчики были во всех сферах, не исключая и духовенства, и, к сожалению, они оставались безнаказанными, даже и в том случае, если донос не подтверждался. Донос всей тяжестью ложился на лицо изобличавшееся, а доносители оставались в стороне, выжидая нового случая.

20 ноября 1836 года причт селения Обильного в полном составе рапортом в бывшее Моздокское духовное правление сообщает: «Прошлого сентября 27 числа сотоварищ наш священник отец Добровольский повенчал отставного коллежского регистратора М. Бурцева с однодворческою дочерью нашего селения девицею Е. Алтабаевой, которая девка Алтабаева и прежде венчания у него же проживала и родила незаконного младенца, за который ее явный проступок, по доказательству однодворца А. Медведева, присуждена его высокопреосвященством на трехлетнюю эпитимию, о чем последовал указ в настоящем году к священнику Добровольскому, священник же, увлечен просьбами регистратора Бурцева, не сделал должного исполнения по указу, чтобы выдержать Алтабаеву на епитимии в пример прочим, а взял с Б. ассигнациями 100 рублей и повенчал оных, с пояснением в обыске якобы чинены были к народу публики чрез дьячка Ф. Петрова, чего совсем не было, не только публиковать к народу, но и о умертвии жены Бурцева свидетельства не потребовал, и не видно ниоткуда, что каким именно браком Бурцев находится вдов, а напред сего сам Бурцев объявил, что он имеет жену и детей в России: упомянутый однодворец Медведев имеет с Бурцевым великую тяжбу и, не довольствуясь тем, что Алтабаева присуждена на эпитимию, а подал на Бурцева в правительствующий сенат, которое дело их и доныне еще не решено, мы же смотрим отважность священника Добровольского, который решился повенчать без разрешения архипастырского, о чем и сомневаемся по причине тяжбы Медведева с Бурцевым, не возникло бы какое-нибудь преследование между ними и не заставили бы нас отвечать за недонесение о вышеприписанном браке, и не сочли бы невинно участниками в таком деле, и дабы в том не остаться нам виновными, о чем на рассмотрение оному правлению почтеннейше доносим». Следуют подписи священника, дьякона и пономаря.

Таким образом возникло дело. И духовное правление «для открытия справедливости в извете доносителей на священника Добровольского, постановило вытребовать его в правление с документами, коими руководствовался он в обвенчании сего брака: что же в последствии времени откроется, иметь суждение особое».

Казалось бы, совершенно достаточно потребовать письменного объяснения от Добровольского, но волоките того времени этого было мало, надо было в тех или других видах помучить человека; а потому к делу не приступали прямо, а затягивали, предоставляя жертве мучиться и запутываться в массе спросов, объяснений, постановлений и т.д.

К тому же все дело велось и все зависело от «повытчика»; «оное же правление согласие выражало».

В силу этого «священник сей, — читаем далее, — явясь в правление 23 февраля 1837 года и выслушав в присутствии оного рапорт священно-церковнослужителей и журнальное постановление духовного правления, по оному состоявшееся, обязался требуемое от него объяснение с принадлежащими документами доставить незамедлительно».

Таким образом, священник вызывался только для выслушания вздорного доноса и снова должен был отправляться домой. И так проделывать с обвиняемыми или тяжущимися присутственные места могли по каждой поступившей к ним бумаге: вытребовать для выслушания, хотя бы для того, чтоб объявить, что прошение не по форме написано.

Так как содержание «извета» не сообщалось обвиняемому, то он, явясь для выслушания, и не мог одновременно представить требуемые доказательства и должен был вторично явиться «с принадлежащими» документами; поэтому священник Добровольский доносит духовному правлению,

что, «по случаю одержимой болезни семейства моего, равно и самого себя, прибыть не могу, а по выздоровлении нашем в то же время честь имею прибыть немедленно».

Должно быть, в первый свой приезд священник Добровольский был недостаточно усерден, и в болезни его усмотрели желание избежать обычного в то время «хождения»; поэтому в июне следующего года, за подписью того же «повытчика», сообщается Добровольскому: «предписывается вам, священнику, доставить правлению сему должное от себя по вышеизъясненному предмету объяснение с документами в самое незамедлительное время, ибо чрез сие дело не имеет должного производства; в случае же медленности вашей и засим, предприняты будут строгие меры о побуждении вас исполнить в точности волю начальства».

Понимая, очевидно, значение поездки и пользуясь тем, что сказано «потребовать объяснение», священник Добровольский в июле того же года, не явясь лично, представляет требуемое объяснение с копией обыскного листа и письма матери Бурцева и его родственников о смерти первой жены Бурцева и просит духовное правление снестись, с своей стороны, «с Белогородскою духовною консисторией о наведении настоящей справки о смерти жены помянутого Бурцева, ибо она умерла в Белгороде, имя ее Мария Максимовна, что может служить еще более к изобличению лживого доноса приходской нашей церкви священно-церковнослужителей и к оправданию моей невинности по сему делу».

Но, очевидно, для заведенного дела вовсе не того требовалось, и потому созидается, за подписью того же повытчика, следующее интересное постановление: «…как объяснение священника Д. писано неизвестною рукою, им же не удостоверено собственноручной подписью, а копия с обыска в верности с подлинным не скреплена, то, обратив их при указе ему, священнику Добровольскому велеть, исправив надлежащим порядком, доставить правлению незамедлительно».

Ясно, что требуется личное присутствие священника, так как под указанными бумагами имеются точно такие же подписи священника Добровольского, как и под другими, поданными им раньше по этому делу.

В деле нет сведений, приезжал ли после этого священник Добровольский, но надо полагать, что он был в правлении, так как дело сразу получает другой оборот и довольно быстро заканчивается.

На запрос Моздокского духовного правления Белгородское духовное правление ответило, что жена Бурцева умерла еще в 1834 году, а Моздокское духовное правление, оставляя священника Добровольского в покое, довольствуется его присланным объяснением, которое, несомненно, имелось в виду и при возникновении дела.

Обстоятельное, разумное и вполне правдивое объяснение священника Добровольского безукоризненно устанавливало лживость доноса; но времена были не те, чтобы прямо и просто разрешить дело. А священник Добровольский писал следующее: «Вследствие объявленного мне в присутствии оного правления прошлого февраля 23 числа настоящего года доноса оного же селения священно-церковнослужителей о обвенчании мною состоящей у меня на эпитимии однодворческой дочери Е. Алтабаевой с отставным коллежским регистратором М. Бурцевым якобы незаконно, пишу по долгу своего сана и сущей справедливости, имею объяснить оному, что порученную мне указом оного духовного правления от 30 июня прошлого 1836 года за № 376 на трехгодичную с половиною эпитимию Е. Алтабаеву действительно обвенчал с помянутым господином Бурцевым в прошлом 1835 году сентября 27 числа и к обвенчанию сего брака, последовавшего с общего согласия жениха и невесты, отобрав с обоих сторон клонящее к браку согласие и со стороны жениха удостоверение о смерти его первой жены, я не предвидел законно препятствующих причин к обвенчанию брака, ибо состоящим под эпитимиями законными постановлениями велено дозволять вступать в брак с тем, чтобы таковые эпитимии оканчивались за браком, каковая и продолжается без нарушения законного порядка, да сверх того, всем нам духовным пастырям, имеющим у себя на духовной эпитимии за подобные преступления, вменяется в обязанность отторгать их от таковых противозаконных поступков и внушать им вести себя честно, а равно склонять к принятию законных браков, чрез что могли бы они удаляться наперед сего от блудодеяний; при таковом мною сделанном духовном увещании сказанной Алтабаевой она мне объявила, что проживающий в селении Обильном отставной коллежский регистратор Бурцев имеет желание вступить с нею в законный брак, а на другой день означенный господин Бурцев объявил и сам мне лично о таковом его желании на вступление с Алтабаевой в законный брак, с представлением мне от родной его матери, родного брата и других родственников писем о смерти первой его жены, чем самым убедил меня, а равно и другими законными доводами, согласиться на обвенчание его с Алтабаевой при бывших в то время при сем свидетелях (перечисляются свидетели), которые тоже подтверждали о смерти его жены словесно, а потом, находясь при бракосочетании в нашей приходской Христорождественской церкви, и утвердили подписью своей со стороны жениха обыск и присягу. Объяснив о всем вышеписанном подробно, за нужное почел присовокупить и то, что обвенчать Алтабаеву с господином Бурцевым на деньги сто рублей заставили меня, какого числа я вовсе не брал, а сие возведено на меня ложно, но обязанность моя требовала от меня того, чтобы сочетать Алтабаеву браком, ибо она была девица, а господин Бурцев имел о смерти своей жены удостоверительные известия, как выше объяснено от родительницы своей, брата

и других родственников, которые на подлинные письма вместе с копией обыска для видимости при сем в оное духовное правление честь имею представить, причем покорнейше прошу оное правление принять означенные документы как основательные и законные к оправданию моей невинности и меня защитить, совершенно правого в сем деле, силою законов от напрасной ответственности; а с виновными за лживый донос поступить по всей строгости законов».

При этом приложены письма и следующая копия обыска. «Аз нижепоименованный обещаюсь и клянусь, что сочетающийся ныне браком сын мой посаженный, коллежский регистратор Бурцев, который поемлет в жену себе сего селения после умершего однодворца дочь его девицу Е. Алтабаеву, намерен с моего дозволения законно сочетаться своим произволением добрым, а не принужденным, и имеет на то крепкую мысль и усердное желание и непревратное намерение, и честно по достоянию тайны сей в супружество с нею совокупиться хощет, и родства между оными духовного и плотского присвоения, до супружества не допускающего, и иного никакого препятствия супружеству не обретается; и от меня оному сочетающемуся ни единого к тому с оною персоною супружеству принуждения никаким образом напред сего не происходило и ныне нет, и сие клятвенное обещание заключаю тако: ежели хотя едино что, от вышереченных явится когда не истинно, то повинны будем истязанию церковному и политическому суду, в заключение и т.д.». Следуют подписи.

Хотя дело и приняло благоприятный оборот, но все-таки тянулось несколько лет, и ни в чем не повинный священник, состоя все время под следствием, должен был подвергаться всевозможным неприятностям от своих сослуживцев, не имея возможности защитить себя.

Наконец духовное правление оправдало Добровольского, хотя не сделавшего никакого проступка, и дало указ, в котором сказано: «по делу открылось, что брак сей повенчан на законном основании, и что первая жена чиновника Бурцева (как из уведомления Белгородского духовного правления видно), померла 18 числа мая 1834 года в Белгороде, вступать же в брак состоящим на эпитимии разрешается, о чем имеется в сем правлении из Новочеркасской духовной консистории указ, пущенный от 9 июня 1832 года за № 2799 по предмету обвенчания священником Ильей Полянским есаульской дочери М.И. С. Приказали: дело о сем предмете, как оконченное исследованием, сдать в свое время в архив; а три письма, как ненужные при деле, обратить ему священнику, при указе, коим предписать, чтобы Алтабаева, что ныне Бурцева, непременно докончила положенную ей эпитимию под духовным его присмотром». Несмотря на то, что лживость доноса вполне установлена и священник Добровольский действовал на законном основании и притом просил о привлечении виновных к законной ответственности, в деле не имеется ни малейшего указания на то, чтобы доносчики понесли наказание или привлекались к законной ответственности.

Говорят, что обвиняемый, выходя оправданным из подобного суда, восклицал: «опален и в пещи не бы».

Ïðèìå÷àíèå

1. «Дело о повенчании с. Обильного свящ. Гавриилом Добровольским без разрешения начальства сост. у него на епитимии однодвор. дочери Алтабаевой с отст. колл. рег. Бурцевым 1836 года».

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:
Прозрителев Г.Н. Из прошлого Северного Кавказа // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. – Ставрополь: Типография М.Т. Вайнблата, 1911. – Вып. 1. – С. 1–7. – Отд. 2.

Í Å Î ÁÕ Î Ä È Ì Î Î Õ Ð À Í ß Ò Ü
Ï À Ì ß Ò Í È Ê È Ï Ð Î Ø Ë Î Ã Î

Охранение памятников старины не в обычаях русского человека; мы забываем прошлое и не относимся с должным уважением к тем немым свидетелям минувшего времени, которые случайно уцелели и дошли до нас. Много было примеров самого грубого уничтожения весьма ценных предметов, имевших большой научный интерес. Это явление повсеместное, общерусское и объясняется, конечно, тем, что не в должной мере позаботились пролить свет на значение всех этих остатков прошлого и распространить в народ необходимые о них сведения, а отсутствие образования и даже грамотности в населении исключают возможность должной оценки и сознательного отношения ко всем находкам и остаткам от прошлого, к тому, что не имеет ныне практического значения. В частности, что касается нашей местной старины, то известно, что развалины древнего города Мажары (близ Прасковеи) разграблены, кирпич употреблен на постройки и даже не пощажена церковь, развалины которой в 1848 году еще видел архитектор Архипов и утверждал, что на стенах были видны фрески. Еще в 1831 году Ставропольский губернатор доносил vинистру внутренних дел: «В некоторых селениях делают строения из добываемого вблизи камня, а в двух в Пятигорском округе (Покойное и гор. Св. Креста) многие дома сложены из кирпича, называемого между простым народом «мамаевским», который они доставали из развалин древних Мажар; ныне кирпич сей на домах, а также курганы и разрытые ямы для добывания оного, видные на большом пространстве, одни только свидетельствуют о бывших здесь развалинах». (Акты Кавказской археографической комиссии т. IX., стр. 536).

Да, и прибавим, это были развалины великого и славного города Мажары.

Близ Майкопа в кургане была найдена древняя греческая гробница с золотыми пластинками по краям, на которых были изображены сцены из военной жизни, но это золото переплавили и сделали кольца «дивчатам», а медная чаша с ручками (величиной в 2—3 ведра), найденная там же, обращена была в домашний сосуд и затем бесследно исчезла. У меня сохранились, случайно добытые мною из десятых рук, только незначительные кусочки этих пластинок нов. развалины около ст. Каменнобродки Кубанской области расхищены. Каменные бабы разбиваются в куски и употребляются на мостовую. «Русский городок» около с. Михайловки Ставропольской губернии расхищен, как и «Частные курганы» около с. Кугульты, представляющие большой интерес. Курганы ограбляют хищники-кладокопатели. Словом, полное пренебрежение ко всем этим остаткам минувшего. Мы не перечисляем всех известных нам мест, подвергшихся разграблению и расхищению, так как своевременно указывали на это на страницах «Северного Кавказа».

Отсутствие местного археологического общества и полное невнимание к этому делу местной интеллигенции, и долгая бездеятельность местного Статистического комитета, конечно, только способствовали подобному хищничеству. Этим же объясняется и то, что древний крест, стоявший на Соборной горе и уцелевший при всех обстоятельствах, теперь оштукатурили, побелили, уничтожив все следы его происхождения, и без всякого основания приписали Суворову, который его никогда не ставил.

Для местной истории имеют большое значение и старые кладбища: на них часто в намогильных крестах и плитах хранится очень ценный материал, проливающий верный свет на протекшие события.

Кладбища, конечно, имеют отношение главным образом к данному населенному пункту, но это не может умалять их значение, тем более, что местная история у нас совсем в забросе и часто даже невозможно установить время возникновения и таких крупных пунктов, как Ставрополь. Когда собственно возник Ставрополь как населенный пункт и кто здесь жил ранее, неизвестно. На все это могут ответить только немые свидетели прошлого, это наши курганы вокруг Ставрополя и по берегам реки Ташлы и частью старые кладбища.

Ценным для нашего края является старое кладбище города Георгиевска, где имеется и так называемое кладбище «титулярных советников», или «коллежских асессоров».

Это кладбище коллежских асессоров составляет интересную и крайне грустную страничку кавказской истории. В былое время при заселении нашего края весь необходимый состав чиновников пополнялся служилым сословием из России. Тяжелые климатические условия Кавказа и особенно Георгиевска, где было сосредоточено все управление, и скудное содержание делали невозможным существование этих тружеников, но являвшаяся сюда молодежь еще боролась со страшной лихорадкой и хотя с трудом, но выживала, а все выходцы преклонных лет погибали очень скоро. И приходилось только разными льготами привлекать сюда служащих. Одной из таких льгот была и следующая. Желая поднять нравственный и умственный уровень чиновников в России, правительство, по инициативе Сперанского, издало указ, по которому все служащие, достигшие титулярного советника, для получения следующего чина, коллежского асессора, должны были подвергаться экзамену в науках. Удар был нанесен ужасный, а между тем при условии общего невежества и поголовной полуграмотности служащих, рубикон этот могли перейти только счастливые единицы, а остальные

вынуждены были оставаться вечными титулярными советниками. Теперь даже трудно понять все то горе и отчаяние целой армии чиновников, мечтавшей на склоне дней достичь коллежского асессора. Оставался один выход — это принять вызов на Кавказ, где каждый титулярный советник через год по прибытии получал чин коллежского асессора без всякого экзамена. И вот все эти ищущие повышения двинулись на Кавказ, в Георгиевск. Но злая лихорадка скоро собирала среди них обильную жатву, и уголок старого Георгиевского кладбища, называемый кладбищем коллежских ассесоров, служит указанием на те тяжелые условия, при которых приходилось на Кавказе водвориться русскому человеку. Многие из них не выживали и урочного года, и на крестах надпись иногда гласит, что покойный не дослужил всего нескольких дней до желанного чина.

Но в Ставрополе имеются даже более интересные места, как древнее кладбище на берегу реки Ташлы (за рекой), Варваринское, а в губернии старое кладбище в селении Ореховском.

К сожалению, везде разграбляется все, что можно. В каком небрежении у нас все эти остатки прошлого, примером может служить старое кладбище за Ташлою.

Оставленное много лет без огорожи, оно сделалось проездным местом, кресты и плиты лежали на дороге. Только два года тому назад[1] его обрыли канавой, но в то же время продали все эти кресты и плиты одному из жителей на постройку, и только заступничество ближайших жителей спасло от уничтожения эти остатки прошлого. А между тем еще не установлено, к какому времени относится возникновение этого кладбища. Виденный там нами ранее, 4 года тому назад, камень с надписью «Иерей» в настоящее время уничтожен, и мы 25 апреля 1905 года его уже не нашли. Из рассказов старожилов, между прочим, устанавливается, что более ста лет тому назад бывшая станица Ставропольская уже имела церковь и хоронила на этом кладбище, а церковь была на теперешнем Нижнем базаре, по склону же возвышенности, где теперь Ставрополь (нынешнее Подгорное), поселен был аул.

Уверяют, что перестали хоронить на этом кладбище 30 лет тому назад. Но надо полагать, что это ошибка, и погребение прекращено там гораздо ранее.

Следующим по времени возникновения является Варваринское кладбище. Все памятники на этом кладбище в ужасном виде. Не только металлические части, намогильные кресты и проч., но даже тяжелые куски мрамора и камня — все это растаскивается и исчезает. В южной части кладбища имеется большой холм, служивший, говорят, общей «братской могилой»; говорят, в середине его была дверь, ведшая в эту гробницу. Кто там погребен и когда — неизвестно, но, несомненно, очень давно, так как на вершине этого холма имеются остатки мраморного памятника, из надписи на котором видно, что там похоронен полковник Бражников в 1826 году, а рядом лежит массивная каменная плита, судя по грубой отделке и грубой на краю ее надписи, еще более старая. Но относятся ли они к погребенным внутри этого холма или тела были положены сверху, неизвестно. Прекрасный мраморный памятник Бражникову расхищен. Расхищены и другие, видно очень старые, памятники. Ряд чугунных намогильных досок семьи Стасенковых также в плохом положении: земля под ними опустилась, и, вероятно, они скоро будут разбиты на куски. Стасенковы принадлежат к видным старожилам Ставрополя, и, кажется, из них никого уже не осталось в живых, почему и некому присматривать за памятниками. Но причту церкви следовало бы принять меры к сохранению этих памятников, тем более что некоторые из погребенных там Стасенковых принимали большое участие в постройке самой церкви, которая и сооружена над могилой одного из Стасенковых. Следовало бы все эти доски и уцелевшие кресты перенести в нижнее помещение под церковью, которое и было предназначено для погребения. Все каменные кресты и плиты из простого камня собираются кем-то в кучу и, очевидно, идут куда-нибудь в поделку, так как собранная куча от времени до времени изменяется в своей величине. Надо бы обратить внимание на все это. Там же стоит довольно красивая часовня, запертая висячим замком, окна выбиты, и от расхищения пока спасают ее прочные двери, но, вероятно, ненадолго. Кому она принадлежит и для чего возведена — причту неизвестно. Если вспомнить, в каком порядке содержатся кладбища у иностранцев, то право стыдно становится за тех, у кого на глазах совершается невозбранно все это расхищение и разрушение у нас, русских.

В селении Ореховском Ставропольской губернии Благодаринского уезда в том кургане, на котором устроена церковь, среди села обнаружилось старое кладбище. В восточной стороне этого кургана за церковною оградою в нескольких местах расположены гробы, составляемые из отдельных кусков камня. Небольшие плиты поставлены в ряд на ребро на $^1/_2$ — $^3/_4$ аршина в вышину и образуют гроб, расширенный в одной части и суженный к другой.

Правильно лежащие костяки неизвестных покойников теперь постепенно вымываются водой и по косточкам сносятся вниз. Некоторые из них жителями выбраны и перенесены на кладбище, а камни употребляются на постройку. Осмотрев это кладбище, в 1900 году я обращал на него внимание покойного отца Дмитрия Успенского как председателя церковного Археологического общества, и писал, что надо произвести тщательный осмотр и исследование, и только после этого перенести костяки на кладбище. Надо установить время возникновения этого кладбища и происхождение покойников, а без осмотра и вскрытия могил этого сделать нельзя, и надо торопиться, иначе будет потеряна всякая возможность разгадать эту загадку, если будет продолжаться такое разрушение и

частичный перенос на кладбище. Но до сих пор ничего не было сделано. Важно иметь в виду, что, по рассказам стариков, недалеко от этого места стоял какой-то каменный крест, кажется, с надписью, но его также разбили и кто-то снес на кладбище верхушку его. Надо бы образовать комиссию для исследования этого холма, во всяком случае представляющего большой интерес.

Писал я и по другому поводу покойному отцу Дмитрию, но и на этот раз успеха не было, потому что, как он говорил мне, он не встретил надлежащей поддержки. Дело в том, что в с. Нины среди старого хлама в сторожке при церкви хранится статуя Христа. Услышав об этом, я поехал в с. Нины и, благодаря любезности местного священника, осмотрел эту весьма интересную статую, вырезанную из дерева и изображающую Иисуса Христа в терновом венце, сидящим в темнице. Работа далеко не заурядная, и статуя производит большое впечатление, а окружающая обстановка: заброшенность, пыль, хлам, разные обломки — до такой степени возмущают вас, что вы стараетесь скорее уйти. Подробно я писал по этому поводу отцу Дмитрию и советовал взять статую в музей, но почему он не встретил поддержки — не знаю. По рассказам старожилов, эта статуя была принесена каким-то неизвестным разбойником и поставлена ночью на паперть церкви, в то время как она только была окончена постройкой (церковь построена в 1797 году), при статуе был и мешочек с золотом. Найденную статую поставили первоначально в церкви среди местных икон, где она и стояла очень долго, но затем, по распоряжению кого-то, ее перенесли на хоры, а затем приказано было перенести ее в чулан. Когда священник по своему назначению донес об этой статуе бывшему епископу Евгению, то последовало приказание сжечь ее. И только оставление в этом неприглядном помещении и умолчание о ее существовании спасло ее от уничтожения.[2]

Этот эпизод служит лучшим доказательством того небрежения к прошлому, о котором я упомянул в начале и за которое должны краснеть интеллигентные люди.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. В 1903 году по распоряжению Городской управы обнесено канавой.
2. В настоящее время статуя эта, по настоянию председателя Ставропольской ученой архивной комиссии, перенесена в музей Церковно-археологического общества.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:
Прозрителев Г.Н. Необходимо охранять памятники прошлого // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. — Ставрополь, 1911. — Вып. 1. — Отд. 2. — С. 1—8.

ÀËÅÊÑÀ Í ÄÐ II Â ÑÒÀÂÐÎ Ï Î ËÅ- Í À-ÊÀÂÊÀÇÅ[1]

Царь-Освободитель посетил Кавказ три раза: в 1850 году, когда он был еще наследником престола, и в 1861 и в 1870 годах — уже Императором.

В первый свой приезд он из Тамани направился на Тифлис и на обратном пути из Тифлиса удостоил и наш город своим посещением.

О пребывании в Ставрополе Александра II сохранилось очень мало данных.

По собранным мною данным в местных архивах и из рассказов современников-очевидцев можно установить необыкновенное воодушевление и радость местного населения, когда стало известно, что должен приехать наследник.

Крутое время царствования Николая I, особенно тяжелые условия жизни на Кавказе, обусловливавшиеся в значительной степени военным положением края и его отдаленностью от центральных учреждений, делали кавказского обывателя особенно беззащитным.

Естественно, что во всех своих обидах, претерпеваемых «от начальства», неустройства края в административном отношении и нескончаемой судебной волокиты, обыватель все упование возлагал на верховную власть, и в данном случае на великого князя наследника, слух о доброте которого и необыкновенной приветливости шел отовсюду.

Все в один голос говорили, передавали мне современники — и между прочим отец мой, в то время уже бывший чиновником, — что «наследник — ангельской доброты, любит простой народ, стоит за всех обиженных и угнетенных».

Замечательно, что никто из современников не связывал в это время с именем наследника мечты об освобождении крестьян, или, по крайней мере, мне ни от кого не приходилось об этом слышать.

В этом отношении я едва ли ошибаюсь, так как такие современники, как И.В. Бентковский и генерал И.Д. Попко, с которыми мне приходилось много раз беседовать, никогда не останавливались на этом обстоятельстве.

Под особенной тайной передавался слух, что будто бы наследник не ладит с отцом и что будто бы за свою любовь к народу попал даже на гауптвахту по приказу своего грозного родителя.

Все это еще больше выдвигало наследника в глазах населения и окрыляло надежды всех и каждого.

При таких условиях пришла и в Ставрополь весть, что наследник уже на Кавказе и должен быть и в Ставрополе.

«Долго ожидал наш город прибытия Августейшего гостя, потому что слух о посещении Его Императорским Высочеством Государем Наследником Цесаревичем здешнего края предупредил официальное известие об этом счастливом событии, когда же Его Высочество изволил проезжать в окрестных местах, сердца с увлечением следовали за ним в путешествии, о котором сообщаемые в местных газетах сведения каждый носил в сердце, как отрадную весть».[2]

Так пишет обозреватель местной жизни в «Ставропольских губернских ведомостях».

И автор был в данном случае совершенно искренен и даже скромно передавал общее восторженное настроение.

Путешествие по Кавказу наследника началось 14 сентября 1850 года; в этот день он высадился в Тамани, 15 сентября был в Екатеринодаре, а затем по дороге в Тифлис проезжал по станицам вблизи Ставрополя.

Такая близость царственного гостя крайне волновала наших горожан, и хотя за отсутствием газетных известий не могли знать о времени проезда, но стоустая молва не только осведомляла город о месте нахождения наследника, но и передавала все подробности его пребывания в том или другом пункте.

Празднества Тифлиса по поводу приезда наследника еще более подогрели ставропольцев.

И между прочим в Ставрополе таинственно передавали друг другу надпись, сделанную в Тифлисе на одном из транспарантов с вензелем наследника, надпись гласила: «Ты обращся оживиши ны и людие твоя возвеселятся о тебе».[3]

Условия жизни того времени были таковы, что обо всем происходящем в крае при отсутствии газет можно было узнавать путем личной переписки или путем слухов. И до Ставрополя дошел этот слух.

Надпись толковали в смысле *ожиданий на обновление русской жизни.* А так как в то время и надежды такие были преступны, то и надписи этой придавали особенное значение, и находили ее необыкновенно «смелой» выходкой.

Это было единственным обстоятельством, где пробились, так сказать, наружу внутреннее чувство страха и надежды на будущее, которое было в душе у всего населения…

Приезд в Ставрополь был назначен на 29 октября. Тот же автор-современник говорит: «Наконец настал и радостный день 29 октября, день, назначенный для приезда Государя Наследника. До того погода стояла пасмурная и дождливая, но в этот незабвенный день природа будто покорилась общему желанию; небо прояснилось, стих осенний ветер, и воскресенье 29 октября было великим праздником для ставропольцев. Еще с утра вся Большая улица, начиная от Тифлисской заставы до дома командующего войсками, представляла движение необыкновенное. Здесь должен был проезжать наследник цесаревич, и в пестрых толпах, наполнявших эту широкую улицу, нельзя было не заметить нетерпеливого ожидания. Все знали, что его высочество должен *прибыть поздним вечером,* но многие пришли навстречу желанному далеко до заката солнца, с приближением же сумерок толпы густели, движение становилось живее, выражая явное нетерпение. Но вот заблистали огни иллюминации, облившей всю Большую улицу с окружающими ее возвышениями ярким светом, и торжественный звон колоколов возвестил, что ожидание августейшего виновника торжества будет непродолжительно. Тогда все взоры вперились в сумрачную даль, все сердца устремились ему навстречу, говор умолк, и это благоговейное безмолвие было предвестником шумных восторгов, потому что, когда весть о въезде его высочества в городские ворота, подобно прочим значительным зданиям великолепно иллюминованные, как электрическая искра коснулась народа, восторженные крики «ура» загремели в воздухе. Толпы заволновались и понеслись вслед за экипажем его высочества с таким соревнованием, что даже дамы в своих длинных нарядах нередко обгоняли мужчин».

По рассказам современников, в Старой Марьевке встретила государя наследника сформированная помещиком Устиновым (бывшим владельцем нынешнего сел. Кононовки) конная сотня казачьих девушек в полном казачьем вооружении, которая и сопровождала экипаж его высочества до Ставрополя.

По обычаю того времени, вдоль дороги были расставлены горящие смоленые бочки, освещавшие путь.

Для остановки и ночлега высокого гостя был назначен дом командующего войсками, ныне дом бывшего юнкерского училища, на углу Вельяминовской и Александровской площади. Насколько нам известно, дом этот с тех пор не перестраивался.

«До самой глубокой ночи дом этот, говорит тот же автор, был окружен почти всем населением Ставрополя; тысячи глаз были прикованы к окнам этого дома, жадным взором ловили светлый образ гостя за двойными окнами и, увидав, обрадованные выражали свой восторг потрясающим криком «ура», который вторился далеко в толпах, не имевших возможности протесниться к дому».

Из дел Ставропольского дворянского депутатского собрания видно, что к приезду цесаревича в Ставрополе предполагалось устроить выставку «всех произведений и изделий фабричной, заводской, ремесленной и другой промышленности Ставропольской губернии».[4]

Сообщая об этом 27 июля, ставропольский гражданский губернатор просит предводителя дворянства пригласить дворян к участию.[5]

К сожалению, не имеется никаких указаний, осуществилось ли это предположение и где была устроена выставка.

Но надо думать, что выставка не была устроена, так как у того же цитируемого нами автора нет ни малейшего указания на посещение ее наследником, хотя он точно указывает, где именно Александр II был в Ставрополе днем 30 октября.

Вероятно, последовавшая отмена первоначально назначенной более продолжительной остановки в Ставрополе изменила намерение местного начальства относительно устройства выставки, хотя в указанной бумаге было даже назначено, чтобы экспонаты были доставлены к половине августа и все дворяне были оповещены.

Тогда же гражданский губернатор отдельным письмом уведомлял предводителя дворянства: «Милостивый государь, Герасим Степанович, из полученных сведений положительно известно, что Государь Наследник изволит прибыть в Тамань 15 сентября и оттуда будет продолжать путь свой по Кавказской линии. Поспешая уведомить о сем ваше превосходительство, я, согласно личного приказания господина управляющего гражданскою частью в Ставропольской губернии, имею честь покорнейше просить Вас, милостивый государь, пожаловать в Пятигорск для личных совещаний относительно встречи Его Императорского Высочества. Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности А. Волоцкой. Пятигорск 27 июля 1850 года».

Странно, что в архиве дворянского депутатского собрания нет дела об участии дворянства во встрече Александра II, между тем из указанного письма несомненно, что приготовления, очевидно, были, а следовательно, должно быть и постановление относительно участия тех или иных дворян в представлении, но по этому обстоятельству мы не имеем никаких сведений.

Сохранилось указание относительно заготовки из имений ставропольских помещиков лошадей,[6] необходимых для проезда.[7]

Отсутствие указанного дела в архиве тем более странно, что, несомненно, в представлении государю наследнику участвовал губернский предводитель дворянства, так как сохранилась копия

рапорта его, представленного его высочеству со сведениями о числе дворян в Ставропольской губернии и количестве крепостных и земли в их владении.[8]

Из приложенного к рапорту списка видно, что всех дворянских фамилий было 380.

В то время к Ставропольской губернии принадлежали и уезды Кизлярский и Пятигорский.

Всей земли было во владении дворян 391714 десятин удобной и неудобоной и 5788 душ крепостных.[9]

Утром 30 октября его высочеству представлялись генералы и другие высшие чиновники города, в числе которых был и губернский предводитель дворянства, и городской голова с гражданами поднес его высочеству хлеб-соль.

В это время во главе губернии и города были: управляющий гражданскою частью в губернии генерал-лейтенант Н.С. Заводовский, гражданский губернатор А. Волоцкой, губернский предводитель дворянства Г.С. Колантаров, епископ Кавказский и Черноморский Иоанникий, полицеймейстер майор Я.М. Шаликов и городской голова Плотников.

После представления и осмотра войсковых частей, поставленных на Татарском базаре, нынешней Александровской площади, государь наследник отправился в Кафедральный собор, где «у западных дверей, — говорит тот же наш автор, — будучи встречен преосвященным Иоанникием и сонмом духовенства с крестом и святою водою, при собрании военных и гражданских чиновников после произнесения долголетия Государю Императору и всему Августейшему Дому, изволил приложиться к кресту и местным иконам».

Затем его высочество был в заведении св. Александры, нынешней Александровской гимназии, в мужской гимназии и военном госпитале.

Мужская гимназия в то время помещалась в доме Плотникова, ныне дом Меснянкиных, на углу Николаевского проспекта и Варваринской улицы, а заведение св. Александры в доме Серовой, ныне Чеглокова, на углу Николаевского проспекта и Европейского переулка. Это учебное заведение было только что открыто 12 октября 1849 года.[10,11]

Между прочим, современник-очевидец Н.С. Мокин передавал мне, что он видел, как государь наследник шел по соборной каменной лестнице; Н.С. Мокин в то время был десятилетним мальчиком. Если допустить точность этого свидетельства, то надо думать, что его высочество из собора направился в мужскую гимназию.

Основываясь на статье того же нашего автора, надо признать, что рассказы об обеде от города и просьбе горожан, обращенной к наследнику, являются вымыслом, так как после посещения указанных учреждений его высочество, говорит наш автор, «изволил отбыть в дальнейший путь по дороге к Новочеркасску, напутствуемый благословениями всех сословий города и восторженными криками ура. На Московской станции в 30 верстах от Ставрополя Его Императорское Высочество удостоил принять завтрак, изготовленный усердием наказного атамана Кавказского казачьего линейного войска и полковых его командиров». Следовательно, его высочество выехал из Ставрополя утром 30 октября или, во всяком случае, до полудня.

Из Ставрополя сопровождали государя наследника командующий войсками генерал Заводовский и гражданский губернатор Волоцкой.

В это время известные нам: И.Д. Попко[12] был ближайшим адъютантом[13] генерала Заводовского, а И.В. Бентковский[14] был начальником Михайловской станицы, ныне село Михайловское, и оба были ближайшими очевидцами пребывания в Ставрополе его высочества: первый по своей обязанности при Заводовском, последний в числе других начальников станиц и волостных голов был вытребован в Ставрополь к приезду его высочества.

Вечером 30 октября его высочество был уже в Медвежьем, «где изволил, говорит наш автор, принимать *вечерний стол* и в милостивых выражениях благодарить генерала Заводовского по всем вверенным ему управлениям».

Затем государь наследник уволил генерала Заводовского и гражданского губернатора Волоцкого от дальнейшего сопровождения и изволил направиться далее, по дороге к Новочеркасску. Статью свою наш автор заканчивает следующими словами: «Впечатление, произведенное в нашей губернии этим счастливым событием, невыразимо и долго-долго останется в народной памяти».

«В изъявление благодарения Господу Сил за счастливое окончание путешествия Государя Наследника по здешнему краю 3 сего ноября епархиальным Преосвященным совершено было соборне молебствие при собрании всех военных и гражданских чиновников в полной парадной форме».

Нельзя не отметить для характеристики того времени, что статья нашего автора[15] о пребывании государя наследника в Ставрополе могла появиться в «Ставропольских ведомостях» только 15 ноября, то есть чрез 16 дней по отъезде наследника.

В ознаменование посещения Ставрополя государем наследником испрошено было разрешение наименовать вторую улицу и площадь Татарского базара, где были представлены войска, *Александровскими,* а Большую улицу, ранее называемую Черкасскою, *Николаевской* в память приезда в 1837 году Николая I.[16]

С именем Александра II ставропольцы должны соединять и воспоминание об освобождении их от крайне тяжелой и разорительной постойной повинности *натурою,* вызывавшей массу недоразумений и тяжелых огорчений для горожан. Вслед за проездом государя наследника, именно 13 декабря 1850 года, последовало Высочайшее повеление о замене этой повинности денежными взносами, и ставропольцы избавились *от постоя,* о чем до того времени так долго хлопотали.

В это же время возникла мысль о постановке в Ставрополе памятника бюста его высочества.

Мысль эта почему-то не получила осуществления, но затем при вторичном посещении Александром II Кавказа в 1861 году снова заговорили о постановке в Ставрополе этого памятника, но и на этот раз Ставрополю не повезло: памятник Александру II был поставлен на месте, где он отдыхал во время пребывания в Нижнефарском отряде, близ станицы Царской, в урочище Мамрюк-Огой Кубанской области.[17]

В заключение нельзя не упомянуть еще об одном интересном деле, также относящемся к приезду Александра II в Ставрополь, которое нам удалось найти в нашем губернском архиве.

Дело это содержит прошения, поданные разными лицами наследнику цесаревичу. Несмотря на все строгости того времени и принятые меры, двенадцать прошений все-таки достигли наследника.

Лица, подавшие эти жалобы, видимо, уже потеряв всякую надежду добиться удовлетворения своих ходатайств обыкновенным путем у местного начальства, решили прибегнуть к Монаршей милости и воспользовались пребыванием наследника.

Все возлагали на путешествие наследника по Кавказу огромные надежды и, безусловно, верили, что все будет исполнено, как только цесаревич Александр Николаевич узнает. «Трудно жить, начальство обижает, а потому только, что Наследник ничего об этом не знает». Эти слова слышались от каждого, говорил мне один старик, бывший очевидцем приезда Александра II в Ставрополь. Несомненно, было много жалоб и разного рода прошений, но, к сожалению, до нас дошло только 12.

26 января 1851 года все эти жалобы канцелярия наместника препроводила управляющему гражданской частью в Ставропольской губернии генерал-лейтенанту Заводовскому *на его заключение.*

Жалобы, как видно из пометки на них, поданы 29 и 30 октября в Ставрополе, следовательно, в дни пребывания государя наследника в нашем городе.

Крайней наивностью и несерьезностью отличаются почти все эти прошения.

Трудно допустить, чтобы у населения не нашлось более важных вопросов и более серьезных нарушений его прав, нежели те обстоятельства, которые указаны в этих жалобах. Несомненно, такие вопросы и нарушения были, но, вероятно, такого рода прошения не проникли чрез дозор и не достигли рук наследника.

Данные же жалобы, естественно, не давали наследнику возможности увидеть изнанку местной жизни и скорее могли вызвать только улыбку, нежели гнев на местное начальство, чего, как уверяют, ожидали современники.

Моздокский армянин Иван Соловьянов просит освободить его от платежа податей и общественных повинностей по старости и бедности: он находился 18 лет в плену у турок и, возвратившись, прожил в Моздоке до 77 лет, платя все подати. «Буду воздавать о здравии Вашего Высочества молитвы Всевышнему и ожидать милостивого разрешения». Подписал за неграмотного просителя губернский секретарь Дмитрий Собачкин.

Отставной коллежский регистратор Дементий Михайлов, писец Губернского правления по найму, «потеряв остроту зрения», просит дать ему штатное место. «До конца жизни буду молиться Всевышнему о Благоденствии и долголетии Царственного Семейства Вашего».

Крестьянин Владимирской губернии Степан Мокин просит взыскать с купца Кирилла Сойнина 542 руб. 47 коп. заработанных денег, которых он не получает с 1849 года, «терпит убытки и продовольствует своих работников съестными припасами, стоящими ему сверх этой суммы 25 рублей».

Крестьянка села Новоселицы Марфа Проскурякова, утомившись ожидать ответа на свои прошения с 1846 года наместнику и гражданскому губернатору Волоцкому, пишет: «Ваше Императорское Высочество, внемлите молению бедствующей вдовицы, находящейся в плачевном положении, повелите кому следует согласно всемилостивейшим узаконениям о вдовицах меньшего моего сына Сергея, находящегося при мне, записать в податное состояние для прокормления меня». Повергает свою просьбу в милостивое воззрение Наследника «яко царя царей» и ожидает благотворной резолюции.

О том же просит и крестьянин Харитон Гладков, жалующийся на сельского голову, отбирающего у него сына. «Забыт Святой Закон Августейшего Твоего Родителя, но Ты ниспослан нам возвратить его».

Крестьянин Ефим Фокин не получил с комиссариатского чиновника Осипа Антоновича Крупинского 28 рублей за штукатурную и печную работу, и «хотя Крупинский был оштрафован гауптвахтным содержанием», но все же денег не платит... «Проживая здесь с чувствительными издержками и почти не в состоянии платить государственные и земские повинности», Фокин «просит помиловать верноподданных Всероссийского Престола». Прошение даже не подписано.

Еще нелепее прошение уволенного от службы подпоручика Александра Яковлева Криворучкова, который припадает к стопам Его Высочества «как я обиженный остаюсь от здешнего начальства с женою моей и малолетними детьми шестьми, которые остаются без должного воспитания, и взыскано с меня невинно по делу обоюдному об обиде на письме, якобы обида была моя с братом родным моим подпоручиком Василием Криворочковым надворному советнику Михайле Суходольскому и взыскано как с меня и брата моего по решению Ставропольского уголовного и гражданского суда с каждого в пользу Суходольского по 560 р. и 70 коп. (всего 1121 р. 40 коп. серебром) и это дело состояло до Милостивейшего манифеста 1841 г., а с нас взыскано с прошлого 1849 г., а по жалобе моего брата подпоручика Василия Криворучкова принесенному жалобу Сенату по 7-му департаменту, где он сказал буквально: «Не следовало тому месту и принимать таковые жалобы». Это вопреки сделано бывшим председателем Ставропольского уголовного и гражданского суда статским советником Петром Пышненко». (Следует подпись.)

При чтении этих жалоб невольно закрадывается мысль, что не являются ли они своего рода искусственным показателем, что благоденствие населения ничем не нарушается и все довольны и счастливы, а если и есть недовольные начальством, то вот каковы их претензии.

Не верится, чтобы у населения нового края не было обид и горя более серьезного, которым они хотели бы поделиться с наследником престола, на которого были все упования.

Такая мысль подкрепляется тем суровым режимом, который был в правлении Заводовского, и тем положением крепостных, какое обнаружилось в 1853 году в знаменитом деле о бунте крестьян помещика Колантарова в селении Маслов-Кут, окончившемся кровавой расправой.

Борьба эта крестьян с помещиком, как обнаружилось, тянулась 60 лет; были, несомненно, и глубокие нужды, но они устранены «мудрым управлением».

Несколько более серьезными являются жалобы крестьян помещика Жукова на разные притеснения и обиды, и они просят освободить их от рабства на волю, на что «у Жукова нет никаких документов, хотя они и куплены им», но обид и притеснений не перечисляют.

И жалоба крестьянки Василиссы Сазоновой, жалующейся на то, что ее с мужем и ребенком держат в тюрьме за то только, что она оспаривает владение ею со стороны помещицы Рымкевичевой, от которой она с мужем бежала.

Но оказалось, что в том и другом случае у помещиков имеются надлежащие на них документы, правильно совершенные купчие крепости, и обиды со стороны Жукова не подтвердились, а Сазоновых взяли под арест для пересылки к помещице.

Словом, и тут ничто не могло угрожать начальству.

Единственно серьезной жалобой было прошение крестьян селения Привольного, вновь поселенного, обращавшее внимание на злоупотребления по переселенческому вопросу и расхищение земли, но среди остальных «неправых» жалоба эта потонула.

Но надо сказать, что и эти жалобы, явившиеся, очевидно, после тщательной фильтрации, получили разрешение не «милостивой резолюцией наследника», а все они от наместника, как сказано выше, посланы были к Заводовскому, а тот на каждое дал свое заключение, и 12 сентября 1851 года наместник пишет Заводовскому: «Соглашаясь с вашим заключением на жалобы, поданные Его Высочеству Государю Наследнику, предоставляю вам объявить просителям», что и было буквально исполнено.

В деле имеются по каждой жалобе заключения Заводовского, сводящие все жалобы к полной неосновательности их.

В то же время нет никаких следов, чтобы они были в руках у наследника.

Таким образом, и этого слабого голоса обывателя и верноподданного наследник не мог услышать, и уехал он с Кавказа с убеждением, что там если и льются слезы, то только слезы благодарности.

11 ноября 1850 года последовал на имя наместника Высочайший рескрипт.

«Князь Михаил Семенович. Из полученных Мною известий от Вселюбезнейшего Моего Сына, Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича, Я с особенным удовольствием усмотрел, что вами приняты были все возможные меры к удобнейшему Его путешествию на Кавказе и к осмотру Его Высочеством всего в том крае достопримечательнейшего, как в военном отношении, так и по гражданской части; засвидетельствование Его Высочества удостоверяет Меня, что все отрасли вверенного вам управления, видимо, достигают главнейшей цели Моих желаний: пользы и благосостояния всех и каждого, и что войска отдельного Кавказского корпуса, всегда отличные своею храбростью, доведены до необходимого и должного фронтового образования. Относя столь удовлетворительное положение края попечению вашему вверенного непосредственным трудам вашим, а все распоряжения по путешествию Его Высочества вашей особенной личной заботливости, Мне приятно возобновить вам изъявление Моего постоянного благоволения и душевной Моей признательности за вашу достохвальную службу Мне и отечеству. Пребываю к вам навсегда благосклонный.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою написано Николай».

Ïðèìå÷àíèÿ

1. Доклад Г.Н. Прозрителева 20 февраля 1911 года в юбилейном заседании Ставропольского комитета, Ученой архивной комиссии и Церковного археологического общества.
2. Ставропольские губернские ведомости 1850 года. № 47.
3. Газета Кавказ 1850 года.
4. Дело 1850 года № 48/1308.
5. Отношение Ставропольского гражданского губернатора. № 3511, июля 27 дня.
6. Отношение Ставропольского гражданского губернатора 15 августа № 4002 (Дело стр. 36), губернского предводителя дворян. 25 сентября № 105 (Дело стр. 37).
7. Список о числе приготовленных под проезд государя наследника лошадей (Дело стр. 50).
8. Рапорт и сведения, стр. 47 и 48.
9. Сведения, стр. дела 48.
10. Бентковского. Благотворительное общество св. Александры.
11. Краснова. Историческая записка.
12. Генерал-лейтенант, автор: «Терские казаки» и «Черноморцы».
13. Бывший секретарь Ставропольского статистического комитета, автор многих работ о Ставропольской губернии.
14. См. газету Кавказ 1853 года.
15. Мы думаем, что автором был советник Губернского правления Крюков.
16. Кавказский календарь 1865 года. «Ставрополь».
17. Бентковского. Император Александр II на Кавказе в 1861 году.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:
Прозрителев Г.Н. Александр II в Ставрополе-на-Кавказе. — Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1911.

Ê 125-ËÅÒÈ Þ ÃÓÁÅÐÍÑÊÎÃÎ ÃÎÐÎÄÀ ÑÒÀÂÐÎ Ï Î Ëß-Í À-ÊÀÂÊÀÇÅ

Точных данных о времени возникновения поселения на месте, где ныне стоит город Ставрополь со своими окрестностями, нет. Но, тем не менее, необходимо признать, что в самую отдаленную эпоху нашей истории и даже далеко до возникновения русского государства здесь кипела жизнь, жил какой-то культурный народ, который и оставил следы своего существования на нашем плоскогорье. Об этой прошлой жизни, бесспорно, свидетельствуют развалины построек, остатки жительства, укрепленные пункты, могильники, расположенные вокруг Ставрополя не в далеком от него расстоянии.

Такими свидетелями далеко минувших лет являются у нас Русский городок, развалины большой постройки в урочище Валик, в казенном лесу, городке на спуске к селению Татарка, целый ряд курганов по речкам Ташле и Мамайке с останками древних жительств и могильники с кирпичными в них склепами. К той же отдаленной эпохе относятся и «каменные бабы», которые были найдены здесь на месте Ставрополя в значительном числе и которые частью сохранились еще и до настоящего времени.

Археология дает нам указания для определения времени, к которому можно отнести все эти остатки прошлого, и мы смело можем утверждать, что еще до начала нашей эры здесь, на нашем плоскогорье, на месте нашего города, шла бойкая жизнь.

Но кроме этих остатков далекого прошлого о нем нам говорят с полной достоверностью разные предметы домашней утвари, оружие, монеты и украшения. На месте Ставрополя найдены бронзовые топоры, бронзовые и железные стрелы, копья, древние металлические зеркала, ожерелья, бусы и, как уже сказано, каменные бабы, которые являются первым памятником культуры после каменных орудий.

Из всех этих свидетелей минувших веков монеты с большей точностью говорят о прошлом, и монеты Парфянского царства и Босфорского[1], найденные здесь, ясно свидетельствуют о том, что и наше место принимало участие в мировой жизни этих отдаленных от нас эпох.

Серьезное значение нашего плоскогорья в то отдаленное от нас время обусловливалось тем, что в восточной части Северного Кавказа, нынешней нашей губернии, был центр могучего влияния той исторической эпохи — город Великие Можары, столица Хозарского царства, а на западе развилась греческая культура в тех греческих колониях, которые очень рано возникли по берегам Черного и Азовского морей, и далее Босфорское царство на теперешнем Крымском полуострове. Общение Великих Можар, бывших центром всего тогдашнего культурного мира, с греческим западом шло именно через нынешнюю Ставропольскую губернию, и наше плоскогорье было одним из видных этапных пунктов того движения. Находимые предметы свидетельствуют об этом общении и распространении влияния как того, так и другого народа.

Последние археологические работы у нас, на Северном Кавказе, с положительностью удостоверяют широкое и могущественное влияние жившего здесь народа, хотя и исчезнувшего, но оставившего несомненно глубокий след в истории нашего края.

Но вот настают времена христианства, и оно широкой волной идет с запада на восток, прорезывает горы до самого Каспийского моря и оставляет следы на Северном Кавказе в виде древних церквей, крестов, намогильных плит с надписями, целого ряда гробниц и построек, и, как свидетельство этого периода у нас, на нашей горе, ныне называемой Соборной, находят каменный крест[2], доказательство жизни первых христиан, может быть, спасавшихся от гонения и искавших убежища в этих отдаленных от Греции и Рима местах.

Само название *Ставрополь* происходит именно от этой находки здесь креста.

Но наступившее затем движение народов, их уклад, сопровождавшийся страшными войнами, отодвигает историю Северного Кавказа в сторону, сметает бывшие здесь народы, делает его как бы временной стоянкой этих грозных военных лагерей, и мы только к IX веку снова видим нашу страну среди общей жизни народов, снова здесь развивается жизнь. Но новый натиск с востока в виде нашествия монгольских орд в XIII веке опять низводит страну к полному упадку. Северный Кавказ делается достоянием кочевых полчищ, их взаимных войн, военных передвижений целых народностей, и только к концу XVII века резко обозначается русское влияние и русский человек в большем и большем числе водворяется среди широких пространств Северного Кавказа.

Когда возник Ставрополь, точно не известно, но правительство Екатерины II, желая обеспечить границу государства от Турции, решило построить ряд укреплений от Азова[3] до Моздока, и среди намеченных пунктов была крепость № 8, которая и основана затем именно на нашей Соборной горе, где теперь стоит двор интендантства.

Найденный здесь древний каменный крест дал название крепости, которое потом перешло к казачьей станице, а потом ко всему городу.

В 1777 году полковник Ладыженский приступил к устройству крепости, расположившись здесь с Владимирским драгунским полком.

Этот день надо считать днем возникновения поселения на месте Ставрополя как военного пункта.

В следующем 1778 году пришли казаки с реки Хопра и расположились под горой с северной стороны.

Скоро вокруг крепости и под защитой ее возникла Слободка, вольное поселение из зашедших сюда крестьян, отставных солдат, их семейств, и стала развиваться жизнь в крепости, но все же подчиняясь военному управлению и входя в общий строй военной жизни без собственного управления.

Ныне существуют у нас улицы Михайловская, Мавринская и Барятинская — это и были солдатские слободки 1-я, 2-я, 3-я. Жизнь населения слободки всецело стояла в зависимости от крепости, от ее потребностей и ее положения в данное время.

Цели охраны границ от набегов закубанских народов, удержание их в покорности и постоянное расширение границ путем вторжения вглубь земель горских народов, — эти задачи военной организации и местного управления всецело являлись и интересами населения слободок при новой крепости, и ими оно всецело и жило.

Господствующее положение крепости благодаря возвышенной местности, значительный гарнизон и близость казачьей станицы делали место это вполне безопасным, и потому сюда потянулась значительная часть поселенцев и слободки росли. Явилась необходимость создать другие условия для жизни этой части поселения при крепости, и в 1785 году, 5-го мая, последовал указ Екатерины II об учреждении Кавказского наместничества, причем образованы были в Кавказской губернии три уезда: Георгиевский, Моздокский и Ставропольский — и Ставрополь назначен уездным городом. *День 5 мая и надо считать началом существования Ставрополя как города.* В следующем году открыты были присутственные места.

В это время Ставрополь представлял из себя ряд домов довольно неправильно разбросанных по юго-восточной стороне от крепости, на северной стороне была расположена станица, где теперь Хоперская улица и Станичные улицы, с церковью на нижнем базаре, где теперь часовня, а на нашем нынешнем Николаевском проспекте рос лес, в нескольких местах были топкие места от родников, вытекавших из крепостной горы, и один из этих ручьев пересекал его в том месте, где на площадке между бульварами ныне стоит бассейн, и тут шла глубокая водомоина по направлению к нынешнему дому Меснянкина (старая гимназия).

Население в это время было весьма невелико: всего 467 дворов и 27 лавок к 1780 году.

Новый город не имел своей церкви и составлял приход казачьей церкви.

Эта церковь построена в 1780 году, а первою церковью надо считать походную церковь Владимирского полка, помещавшуюся внутри крепости в плохом деревянном здании. Надо полагать, что церковь эта стояла на том месте, где ныне во дворе интендантства стоит крест.

Впоследствии церковь эта за уходом Владимирского полка была оставлена и долго стояла без всякого призора, пока не была, наконец, продана и перевезена, кажется, в станицу Успенскую.

В это время город не имел собственной отдельной земли, а земля была в общем владении с казаками, вернее, жители-горожане пользовались казачьей землей и теми угодьями, которые составляли казенную землю.

С переводом казаков в станицу Суворовскую в 1825 году казачьи земли остались в исключительном пользовании горожан, и наши архивы содержат много дел, возникших по поводу положения и способа пользования этим земельным казачьим имуществом. Этой земли осталось 16267 дес. 57 кв. саж.

По вопросу о времени возникновения Ставрополя как города имеется очень интересное дело 1840 г. (№1226)[4] о доставлении в штаб войск Кавказской линии и Черномории сведений «о времени основания Ставрополя и переименовании его в областной».

Очевидно, составлялась историческая записка и собирались сведения от местных присутственных мест. Штаб спрашивал[5] Областное правление, какие имеются сведения «об основании Ставрополя, а равно и о правах и привилегиях жителей».

Спрошенная по этому поводу Городская дума ответила Областному правлению[6] «по делам Думы, чтобы жители города сего какие облегчения или привилегии имели, не видно, а также, в каком именно году город Ставрополь основан, сведений не имеется».

На этом донесении Думы имеется резолюция начальника области: «Не хорошо, что Дума не знает об этом. Опросить кого-либо из старожилов и пригласить в канцелярию старосту Плотникова».

Вероятно, расспросы эти не дали требуемых результатов, и тогда Областное правление обратилось к документам и сообщило штабу, что сведения *о наименовании города Ставрополя уездным*, а потом и областным, а также и все сведения об основании города содержатся в Полном собрании законов Российской Империи.

В отношении последующей судьбы Ставрополя как города это действительно единственный надежный источник, но все подробности существования города и его внутренней жизни могут быть изучены только по делам, хранящимся в наших архивах.

Указав на Полное собрание законов, Областное правление делает следующую справку.

«Том XXVII (1802—1803)» — назначение Ставрополя уездным городом Кавказской губернии, 205113.

«Том XXXVIII (1822—1823)» — о назначении уездного города Ставрополя областным городом Кавказской области, 29138.

«Том XXXIX (1824)» — о переводе из Георгиевска в Ставрополь областных присутственных мест, 30078.

«Том XL (1825)» — о переводе в Ставрополь Георгиевского внутреннего гарнизонного батальона и Георгиевской жандармской команды, 30341.

Но в штабе, как видно, указанных томов Полного собрания законов не оказалось, и он просит сделать ему выписку, причем прибавляет, чтобы «это было исполнено в возможной скорости, так как сведения необходимы для скорейшего окончания описания этого города».[7]

Областное управление представляет эту выписку и приводит уже упомянутый нами выше Указ Екатерины II от *5 мая 1785 года*, помещенный в Полном собрании законов (издание 1830 года) под № 16193 «О составлении Кавказского наместничества и образовании уездов: Екатериноградского, Кизлярского, Моздокского, Александровского и *Ставропольского*».

Но при этом в своей справке Областное правление, по вине переписчика, делает ошибку, которая ввела и составителей описания города в заблуждение, а именно: указ этот отнесен к 5 марта 1785 года, и эта ошибка стала повторяться и другими. Между тем указа 5 марта нет, и в этом месяце только 11 числа состоялся известный указ «О обвинении подпоручицы Рожновой за подговор и увоз людей и за насильное завладение крестьянами Мундшенка Ушакова, без суда, за упрямство, неповиновение и отбывательство».

Таким образом, благодаря указу императрицы Екатерины II от 5 мая 1785 года, Ставрополь из слободки при крепости обратился в город со значительной уездной территорией, жители из бесправных, подчиненных всецело суровому военно-крепостному управлению, обратились в горожан, права которых покоились на знаменитой «Грамоте на права и выгоды городам Российской Империи», данной 21 января 1785 года.

А потому день 5 мая и должен быть признан днем рождения нашего города и праздником ставропольцев.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. Найденные парфянские монеты относятся ко времени царя Готорза 51 г. по Р. Х., босфорские — ко времени В. Митридата.
2. Такие кресты были найдены и в других местах Ставропольской губернии и Кавказа.
3. До этого времени последним укрепленным пунктом была крепость Св. Дмитрия, где ныне Ростов-на-Дону.
4. Ставропольский губернский архив.
5. Отношение 12 января 1840 года. № 46.
6. Отношение 29 января 1840 года. № 100.
7. Отношение 1 марта 1840 года. № 254.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Прозрителев Г.Н. К 125-летию губернского города Ставрополя-на-Кавказе // Альбом видов губернского города Ставрополя и его окрестностей на 1907 и 1910 годы. — Ставрополь, 1912.

ÈÑÒÎ×ÍÈÊ ÊÀÐÀÁÈÍ. Ê ÈÑÒÎÐÈÈ ÃÓÁÅÐÍÑÊÎÃÎ ÃÎÐÎÄÀ ÑÒÀÂÐÎÏÎËß

Источник Карабин для жителей города Ставрополя и его окрестностей является в высшей степени благодетельным: его чистой, холодной и высокого качества воде ставропольцы обязаны своим благополучием. Хорошая питьевая вода имеет громадное значение для здоровья жителей, и не будь в Ставрополе этого богатыря-поильца, едва ли бы возможно было возникновение здесь, на этой возвышенности, самого города и его быстрый рост.

Источник этот известен был с самых древних времен и назывался он у горцев, некогда живших здесь, «здоровая вода», название это удержалось и до сих пор. Нынешнее название свое «Карабин» получил впоследствии по имени владельца лесного урочища, откуда вытекал этот мощный ручей.

Этому источнику Ставрополь обязан своим развитием и возвышением. В то время, когда Ставрополь намечался как город, было сделано указание на обилие в нем хорошей воды. Затем хорошая вода его и отсутствие серьезных желудочных заболеваний обратили на него внимание медицинских знаменитостей, и Ставрополь сделали главной стоянкой Кавказских войск, в нем сосредоточили все военное управление. Ставрополь все больше и больше стал оспаривать значение города Георгиевска, ныне Терской области, это кладбище гражданских кавказских чиновников, и Ставрополь был сделан губернским городом, все присутственные места из Георгиевска были переведены в Ставрополь. В представлениях начальствующих о предпочтении Ставрополя «болезненному» Георгиевску указывалось именно на его богатую воду, на его Карабин.

Нельзя сомневаться в том, что экономическое значение города, его хозяйство, доходность строений и заработок жителей резко изменялись по мере того, как совершался этот прилив в него массы войск и армии чиновников. Город стал неузнаваем — бедные обыватели-мещане, не имевшие никаких заработков, ободрились, стали обстраиваться и обзаводиться прочным хозяйством; потребности войск всех родов оружия, расположенных здесь, масса офицерства, постоянное передвижение команд и целых больших частей чрез Ставрополь благодаря военным операциям давали на каждом шагу заработок тем, кто желал трудиться. В особенности в Ставрополе развилось огородничество и садоводство, благодаря громадному спросу этого нового населения. Вытекавший из Карабина ручей служил для поливки огородов.

Даже само направление в заселении и занятии улиц стоит в полной зависимости именно от этого источника: все тянулись к нему, город шел вверх, там вырастали целые улицы, шли захваты земли, и городскому управлению приходилось только зарегистрировывать поселявшихся.

Возникновение жительства вокруг Карабина относится к самым первым дням Ставрополя, несмотря даже на то, что и в то время, и значительно позже эта местность была далеко не безопасна. Центр города, то есть Нижний базар, Троицкий собор — улицы, первые по своему возникновению, — были в самых плохих условиях, так как там не было хорошей питьевой воды, нет источника, а вода получалась из колодцев довольно сомнительного качества. Все зажиточные семейства, имевшие собственных лошадей, привозили воду из Карабина и употребляли ее только для питья и самовара, скупо расходуя, так как доставка была довольна затруднительна, особенно в зимнее время. До возникновения водовозного промысла жителям нижней части города приходилось довольствоваться колодезною и дождевою водою, в то время как жители нынешнего Старого Форштадта и других улиц верхней части пользовались прекрасной водой Карабина. И недаром верхняя часть всегда считалась более здоровой.

Развитие учебных заведений и сосредоточение огромного количества учащихся в Ставрополе также обусловлено все той же «здоровой водой». Начало учебным заведениям было положено учреждением в Ставрополе мужской гимназии. Наша гимназия возникла в приезд в Ставрополь императора Николая I в 1838 году.

Известно, что ненастная погода, грязь по дорогам и невзрачность нового города произвели на Государя скверное впечатление, и он, раздраженный, намеревался подписать указ об упразднении Ставрополя как города и перенесении этого центра на Кубань, где теперь Армавир. Несмотря на все доводы начальника области Вельяминова, Государь стоял на своем и Вельяминов был в отчаянии. Рассказывают, что спас Ставрополь стакан карабинской воды. Государь, заболевший лихорадкой, потребовал «свежей» воды, и ему был подан стакан кристальной воды нашего богатыря — Карабина.

Вода так понравилась, что государь заинтересовался, и это дало Вельяминову новый сильный довод в пользу Ставрополя. Гроза пронеслась мимо Ставрополя, и город уцелел, чем и обязан Вельяминову.

Так рассказывали об этом современники.

Благодетельное значение воды Карабина для всего населения Ставрополя особенно обозначилось со времени устройства водопровода и проведения воды его в существующие ныне бассейны.

Интересные результаты дает сравнение метрических записей о смертности в нижней части города до этого времени и после: видно, что город оздоровел и смертность уменьшилась.

В настоящее время мы не ценим этого сокровища, благами которого ежедневно пользуемся. Количество питьевой воды в городе увеличилось, использованы и другие источники, но Карабин

служил Ставрополю 125 лет и спасал его в тяжелые годы таких испытаний, как чума 1810 года и холера 1830-го и последующих годов.

Нельзя не отметить, что в холеру 1892 года было установлено, что там, где пользовались семьи водой источника Карабина, не было почти и заболеваний, тогда как в других улицах, где довольствовались водою из колодцев, заболевания имели смертельный исход.

И вот на это-то богатство города в разное время посягали многие, желая захватить его в частную собственность.

Несмотря на условия старого времени, бывшая Городская дума стойко боролась против таких попыток и, наконец, решительно выступила в 1847 году в деле о продаже купцом Анненковым купцу Николаю Ермолову полпивного завода, в усадьбе которого и оказался Карабин. Городская дума одержала победу, и Карабин признан городским.

Нам удалось в архиве найти интересное дело «О Карабине-колодезе и о Мойке»[1], из которого мы и приводим решение Ставропольской палаты уголовного и гражданского суда, установившее право города на этот источник.[2]

«По указу его императорского величества, в Ставропольской палате уголовного и гражданского суда слушали: выписку и подлинное дело, поступившее из Ставропольского городового магистрата о запродаже ставропольским мещанином Александром Анненковым купцу Николаю Ермолову полпивного завода с другими пристройками и усадебным местом, принадлежащим городу Ставрополю, и об источнике Карабине, оспариваемом Анненковым у города, и о прихвате купцом Черновым к усадьбе своей части городской земли. Приказали:

В 1816 году подвергнуто было публичной продаже имение бывшего откупщика питейных сборов статского советника Ленивцева за состоявшее на нем казенное взыскание, в числе имущества сего описан был полпивной завод за городом Ставрополем, близ родника Карабина состоящий, завод сей продавался без земли, потому что оная принадлежала в собственность не Ленивцеву, а городу, и продан был штаб-лекарю Гейеру за 700 руб. ассиг., и когда Кавказское, ныне Ставропольское, губернское правление указом от 2 сентября 1816 года № 7669 предписало городничему Янушеву взыскать с Гейера следуемые за завод деньги, то он от платы их отказался, потому что завод отдавали ему без земли и родника, тогда Губернское правление вновь назначило полпивный завод в продажу, который и продан коллежскому асессору Новикову за 410 руб. ассиг., недостающее затем количество денег обращено было на Гейера. 11 сентября 1817 года Новиков взял из Ставропольской градской полиции свидетельство, удостоверяющее покупку завода и платеж за оный денег. А 25 ноября того же года сделана на обороте сего свидетельства надпись, что на точном основании сего свидетельства право владения купленным полпивным заводом с принадлежащим ему строением передал ставропольскому купцу Гордею Анненкову. В июле 1818 года Новиков уполномочил доверенностью губернского секретаря Алексеева на совершение купчей крепости на проданный Анненкову завод. В доверенности этой Новиков писал уже, что завод продан с усадебным местом в длину от дороги, лежащей к тому заводу, 115, а в ширину 100 саж. Причем объяснил, что данной на имение заводом он не имеет.

В то же время Гордей Анненков уполномочит сына своего Василия доверенностью на получение от поверенного Новикова Алексеева купчей на купленный им завод, в доверенности этой Анненков также объявил, что завод куплен с землею, мерою в длину 115, а в ширину 100 саж. Обе эти доверенности засвидетельствованы Ставропольскою градскою полициею. По сим бумагам и совершена Алексеевым купчая крепость в бывшей Кавказской палате уголовного и гражданского суда 11 июля 1818 года на проданный Анненкову завод со значением лежащей под ним земли в длину 115, а в ширину 100 саж., с платежом двойных пошлин. В 1829 году Гордей Анненков начал было воспрещать жителям брать из источника воду и требовать за оную плату, за что возникли на него жалобы. Тогда Анненков вошел 31 августа 1829 года в Ставропольскую Городскую думу с объявлением, что он на Карабине-колодце для удобнейшего набирания воды устроил на каменных столбах новые желоба и самый свободный проезд, на что издержал собственных денег до 500 руб., но удовлетворения от жителей не получил. А потому, предоставляя все устройство в полное и всегдашнее распоряжение Думы, просил удовлетворить его только тремястами рублями. Градская дума входила о сем с представлением к областному начальнику, который и разрешил принять постройку во владение Градской думы и на поддержание ее в должной исправности полагать ремонтную сумму, а купца Анненкова удовлетворить 300 рублями из градских доходов, вследствие сего строение Думою и принято в свое ведение с выдачею Анненкову 300 руб. В 1840 году Гордей Анненков завещал означенный полпивный завод с каменным при нем мыльным заводом, для сушки солода овином и фруктовым садом сыну своему Александру Анненкову. Завещание это по смерти завещателя засвидетельствовано в Кавказском областном правлении 22 апреля 1841 года. По засвидетельствовании духовного завещания Александр Анненков в то же время запродал полпивный завод с землею, начиная от родника в длину 115, а в ширину 100 саж., ставропольскому купцу Николаю Ермолову за 1840 рублей сереб. и вошел в областное правление 22 апреля с прошением о совершении купчей. Против сей продажи Ставропольская Градская дума предъявила спор, называя Карабин-колодезь и саму землю принад-

лежащими городу, потому что завод продан с аукциона без земли, что эта земля считалась принадлежащей городу, что Анненков, сделавши около родника устройство, отдал оное в распоряжение города и что близ того источника устроено обществом каменное здание в виде часовни с вызолоченными главою и крестом, и Анненков никакого против сего не предъявлял спора. Мещанин Александр Анненков доказывал права свои тем, что это место занято было прежде полковником Таганрогского драгунского полка Карабиным, а по выбытии его в 1805 или 1806 году отведено содержавшим откуп воронежским купцам Горденину и Малецкому для постройки пивного завода, что с передачею откупа коллежскому асессору Бородину, а после статскому советнику Ленивцеву, переходил во владение и пивной завод с пристройками и землею, что в 1817 году купил завод с аукциона коллежский асессор Новиков и продал отцу его Гордею Анненкову с землею, на что и совершена купчая крепость без всякого со стороны общества спора, что с того времени, владея спокойно более земской давности, в 1829 году дозволил только городу пользоваться из источника одной водою, и, разработавши источник собственным своим иждивением, во избежание беспокойства от пользующихся водою, отвел приток воды от строения в сторону устроенными на каменных столбах желобами, оцененными в 520 руб., но денег от города не получал и на всегдашнюю уступку в пользу города из крепостного владения ни одной сажени земли на владение устроенными на столбах желобами никакого крепостного акта никогда не давал и соседям земли не уступал; Градская дума опровергает владение Анненкова и десятилетнюю давность тем, что он, получив неправильно купчую крепость и неправильно воспользовавшись владением земли, принадлежащей городу, не представил оную в Городовую Ратушу для ввода его во владение из опасения, дабы не открылась фальшь в приобретении купчей на землю.

При измерении оказалось, что образовать в таком порядке поместье Анненкова, чтобы было мерою в длину 115, а в ширину 100 саж., невозможно, потому что в состав оной неминуемо должны войти каменная часовня, источник Карабин, Общественная градская мойка и бывшая часть усадьбы купца Корнея Чернова со всеми ее заведениями полпивного завода и фруктовым его, Чернова, садом, и потому фигура земли по указанию границ Анненкова снята на план. По исчислению оказалось земли 5051 квад. сажень и что мойка состоит в черте усадебного места Анненкова на пустопорожней земле. Место это с дикорастущими деревьями оценено в 510 руб. сереб., за исключением однако же насаженных на оном фруктовых разного рода деревьев и имеющихся построек, у купца же Чернова по измерении оказалось 4407 кв. саж., а из свидетельства Градской думы, выданного в 1827 году купцу Чернову на владение сим местом, видно, что ему отведено было земли мерою в длину 40, а в ширину 15 саж., следовательно, во владении его оказалось земли более против документа на 3807 квад. саж., излишек сей по неудобному и гористому местоположению оценен присяжными оценщиками в 30 руб. сереб. Дело это передано было Ставропольским губернским правлением на рассмотрение Ставропольского городового магистрата, который решением по сему делу 31 августа 1845 определил: признать мещанина Александра Анненкова законным владельцем означенного поместья в длину 115, а в ширину 100 саж., так как он владел без всякого спора или притязания с лишком более двух земских давностей, и совершить на оную узаконенную купчую крепость на имя покупателя Ермолова. Но как при измерении областным землемером Нечаевым оказалось невозможным образовать усадьбу Анненкова в означенной мере в какой-либо четвероугольник, не захватив Карабина колодца, городской мойки и завода купца Чернова, то Магистрат полагал считать меру в следующих границах, начиная от источника Карабина, остающегося во владении Градской думы, и устроенных для набирания воды желобов и подъезда к оным вниз по ручью по границе места, принадлежащего унтер-офицеру Цибулину, до пустопорожнего места, городу Ставрополю принадлежащего; от Цибулина по прямой линии до места купца Чернова, где показано на плане 45 и 9,5 саж., от сего места мимо вверх на 28 саж., потом, идя вверх также по границам поместья Чернова до того пункта, где на горе при образовавшемся каменном обрыве оканчивается граница купца Чернова, 30 саж., затем, следуя натуральной границе, образовавшейся каменным оврагом, до источника Карабина сколько по измерении окажется. А так как Мойка, находящаяся гораздо ниже оврага, определяющего натуральные границы, остается внутри усадьбы Анненкова, то и оную оставить в его владении. А оказавшийся у купца Чернова излишек, владеемый им самовольно, отобрав от него, оставить во владении города со всеми сделанными на оном строениями и заведениями.

По внимательном рассмотрении настоящего дела Палата уголовного и гражданского суда находит, что состоящее подле родника, называемого Карабином, место находилось во временном владении откупщиков питейных сборов под устройством пивного завода. В 1817 году, когда все имение откупщика Ленивцева подвергнуто было описи и назначено для аукционной продажи, в том числе и пивной завод подле Карабина-колодезя, то общество города Ставрополя вошло с представлением, что земля, состоящая под заводом, принадлежит городу. Вследствие сего правительством продан был завод без земли коллежскому асессору Новикову, а Новиков продал завод сей ставропольскому купцу Гордею Анненкову, но в данной губернскому секретарю Алексееву доверенности поместил уже, что он продал завод с землею, и означил произвольно количество земли в длину 115, а в ширину 100 саж.; на основании этой подложной доверенности и совершена в бывшей Кавказской палате уголовного и гражданского суда в 1818 году купчая крепость. О каковом подлоге и о продаже с

аукциона завода без земли не мог не знать и сам выкупщик Анненков, будучи коренным жителем города Ставрополя, тем более что в свидетельстве, выданном Новикову из полиции о покупке им завода и об уплате за оный денег, вовсе земли не показано, свидетельство это передано Новиковым Анненкову, однако он, давая доверенность сыну своему Василию на получение купчей, поместил в ней, что завод купил с землею. По совершении купчей Анненков не предъявил оной ни городовой ратуше, ни полиции для ввода его во владение купленным заводом. Но за всем тем Ставропольская Градская дума не могла не знать, что Анненков купил завод без земли, однако допустила его владеть спокойно более десятилетней давности, быть может, потому, что считала его, как откупщика Ленивцева, временным владельцем и предъявила спор тогда уже, когда наследник Анненкова Александр Анненков начал продавать завод купцу Ермолову. Впрочем, Гордей Анненков никогда не владел таким количеством земли, какое показано у него в купчей, это подтверждается тем, что если отдать ему 115 в длину, а 100 саж. в ширину, то отойдет устроенный обществом в виде часовни павильон, Градская общественная мойка и Карабин-колодезь и большая часть усадьбы купца Чернова; Александр Анненков продал Ермолову землю, начиная от Карабина колодца. А во время спора предъявил права свои и на сей колодезь, и на Общественную мойку в намерении извлечь из того большую для себя пользу, если бы оные ему достались, *ибо колодезь сей почти единственный во всем Ставрополе, из которого берется для питья и употребляется в пищу (внутри города вода, будучи горько-кисловатого и солонцеватого вкуса, вовсе не удобна для употребления)*. Мойка также весьма необходима для целого города, который, кроме копаных колодцев с горько-кисловатою водою, не имеет проточной речки. Но спор Анненкова не может быть признан законным, потому что колодезь и Мойка и большая часть земли, в купчей показанной, никогда не были во владении Анненкова. Они состояли во владении города. Самая купчая не должна служить ему доказательством на владение, так как совершение оной основано на подложной доверенности. Права Анненкова на владение утверждаются на одной земской давности, но давность эта должна простираться на землю, в действительном владении Анненкова находившуюся, а не на показанное в купчей количество. Купец Чернов, получивши в 1827 году свидетельство от Думы на владение землею в количестве 40 длины и 15 саж. ширины, захватил места вчетверо более сего количества, против сего завладения со стороны общества хотя не предъявлено никакого спора по неудобному качеству земли, но за всем тем Чернов не должен владеть не отведенною ему землею без платежа за оную городу. И вследствие того Палата уголовного и гражданского суда, на основании 475, 476, 479 и 2232 ст. 10 т. Зак. гражданских изд. 1842 г., полагает: мещанина Александра Анненкова признать законным владельцем в той только части земли, какое в действительном владении у него находилось, и признать только по праву земской давности, а остальную затем землю, а также Карабин-колодезь и Мойку признать принадлежащими городу. В Ставропольское губернское правление сообщить при исполнении решения, чтобы выдало покупщику Ермолову купчую на то только количество земли, какое признано будет принадлежащим Анненкову, а о прочем представив ведаться с продавцом Анненковым особо от сего дела. Купцу Чернову вменить в обязанность исходатайствовать у общества акт на владение излишнею землею, в противном же случае отдать оную в пользу города. Решение сие объявить при открытых дверях присутствия купцу Чернову без апелляции, а прочим с правом апелляции. А дабы они явились для сей надобности в день подписания протокола 28 ноября, оповестить их чрез Ставропольскую городскую полицию и передать на согласие копию казенных дел стряпчему. И затем дело по основанию 2700 и 2817 ст. 10 т. препроводить в Казенную палату на согласие и для представления посредством гражданского губернатора в Правительственный Сенат, Магистрату же поставить на вид, что он за силою 2653 ст. т. 10 не должен был рассматривать этого дела; подлинный за подписом господ присутствующих и скрепою секретаря, подписом окончен 28 и прокурором читан 29 ноября сего года».

На копии этого решения имеется надпись губернского стряпчего: «О изъявлении на сие решение со стороны казны удовольствия донесено Палате 18 декабря 1847 года за № 32».

Так был спасен для города наш богатырь-источник.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. См.: Дело Губернского архива 1847 года № 53, оп. 28.

2. Копия с решения Ставропольской палаты уголовного и гражданского суда, состоявшегося на 29 октября 1847 года, передаваемая к делам Ставропольского губернского казенных дел стряпчего. Сохранена орфография подлинника.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Прозрителев Г.Н. Источник Карабин. К истории губернского города Ставрополя // Труды Ученой архивной комиссии. — Ставрополь, 1913. — Вып. V. — С. 3—11.

Ê ÈÑÒÎÐÈÈ ÒÌÓÒÀÐÀÊÀÍÑÊÎÃÎ ÊÀÌÍß

Ввиду исторического значения известного Тмутараканского камня будет нелишним указать обстоятельства, при которых он был найден, и место, где он впервые находился.

История знаменитой Тмутаракани, или Тмутараканского княжества, к сожалению, остается до сих пор мало разработанной, и даже самое место ее нахождения многими оспаривается, как и самое существование княжества.

Когда был найден Тмутараканский камень, то он послужил неопровержимым доказательством как самого существования Тмутаракани, так и указанием на место, где было расположено княжество.

Известно, что княжество это лежало на берегу Азовского моря в пределах нынешней Кубанской области и, главным образом, бывшего войска Черноморского.

Только путем раскопок можно бы установить топографию этого интересного княжества, но до сих пор на месте не было сделано подобных исследований.

Даже не обследован и архивный материал, и возможно, что в делах бывшего таврического губернатора и Екатеринославского наместничества, в городах Керчи, Еникале и Феодосии, в делах, относящихся ко времени поселения Черноморского войска (бывших запорожцев), найдутся какие-либо сведения о разных находках вблизи Тамани, в Фанагории и окрестностях, могущие дать указания на прошлую жизнь этого края.

Судя по некоторым данным, в этой местности было много предметов древности, но, к сожалению, их постигла обыкновенная участь таких находок: их разбивали или употребляли на постройки.

Такая судьба могла постигнуть и Тмутараканский камень, если бы не случайность, которой и обязаны мы сохранением этого высокой важности немого свидетеля прошлого.

Ценность камня этого, который представляет мраморную плиту или, вернее, небольшой мраморный столб, заключается в надписи, выбитой на нем славянскими буквами: «В лето 6576 (то есть 1068 года) индикта 6 Глеб-князь мерил море по льду от Тмутаракани до Крчева 10000 и 4000 сажени»[1].

Надпись эта являлась подтверждением указания летописи на княживших в Тмутаракани князей, один из которых после Мстислава и был Глеб Святославович.

В начале XII века Тмутаракань пала, и имя ее уже не встречается в наших летописях.

Мы не останавливаемся на подробностях истории Тмутараканского княжества, так как в настоящем сообщении имеем намерение познакомить только с обстоятельствами находки камня.

В Ставропольском губернском архиве имеется дело 1793 года, озаглавленное: «По предписанию его превосходительства таврического губернатора и кавалера Семена Семеновича Жегулина о ограждении известного, на острове Фанагории найденного и оттуда, было, бригадиром Пустошкиным взятого камня»[2].

Из письма таврического губернатора Семена Семеновича Жегулина от 4-го июля 1793 года к вице-губернатору Карлу Ивановичу Габлицу видно, что камень этот найден был на острове Фанагории служителями 1-го батальона Таврического егерского корпуса при работах.

Оказавшаяся на камне надпись обратила на себя внимание бригадира Пустошкина, и он взял его с места нахождения к себе.

Когда было доложено об этой находке Екатерине II, то последовало Высочайшее повеление немедленно перевезти камень на прежнее место, на то самое, откуда он был взят, и оставить там «впредь до указа».

Вокруг камня повелено было сделать приличное ограждение, снять его меру и более всего — слова, на нем находящиеся, в точной их величине и почерке, и рисунок этот доставить Государыне.

Предусмотрительная заботливость Императрицы спасла драгоценную находку и имевшуюся на ней надпись. Об этом Высочайшем повелении Жегулин сообщает Габлицу и просит его командировать в Тамань кого-либо из чинов, а «кошевого атамана войска Черноморского, армии господина бригадира и кавалера Чепигу просить прислать рабочих людей и для охраны караул». Письмо помечено «Петербург, 4 июля 1793 года»[3].

Чернового донесения Екатерине II и подлинного указа, последовавшего вследствие этого донесения, в деле нет, и дело начинается этим письмом Жегулина. Несомненно, что эти бумаги хранятся в Таврическом архиве.

Во исполнение этой Высочайшей воли «ради ограждения известного камня, найденного на острове Фанагории», Габлиц командирует архитекторского помощника Баженова и дает ордер войска Черноморского господину полковнику армии, премьер-майору Белому и предписывает немедленно отправить на место, согласно исчисления Баженова, 3 $^1/_2$ кубических сажени камня, 75 возов глины и 15 возов песку. Вместе с этим дано было предписание феодосийскому городничему Лаушеву и земскому исправнику заготовить извести, железа и петель, и сделано распоряжение об отпуске на расходы 50 рублей.

Обо всем этом подробно говорится в ордере Баженову и ему предписывается снять рисунок с камня и надпись «в самовернейшей точности и быть там до окончания ограждения».

Во время переписки, очевидно, явилась мысль, как можно тщательнее сберечь камень, и потому мы видим, что дается предписание феодосийскому городничему Лаушеву дополнительно доставить туда 1500 черепиц для устройства крыши. Командируется еще землемер Самбулов для точного снятия рисунка.

28 августа того же года, как доносит городничий Лаушев, весь материал был отправлен.

Между прочим представлена была следующая смета:

«Смета примерная для постройки шатра над монументным камнем, к оному принадлежит сполна материалов, именно: камня кубических 3 $^1/_2$ сажени, глины 75 возов, песку 15 возов, на облик стен извести 1 $^1/_2$ четверти, брусьев вдоль стен и под крышу 4, длиной 6 аршин, толщиной 5 вершков, брусьев на стропилы 12, длиной 5 аршин, толщиной 5 вершков, брусьев на поперечины и подпоры 8, длиной 3 аршина, толщиной 4 вершка, для кладки стен вместо связей и на крышу решетин 25, длиной 6 аршин, толщиной 2 $^1/_2$ вершка, досок для дверки 4, длиной 6 аршин, шириной 6 вершков, толщиной 1 $^1/_2$ вершка, на крючья, петли, скобы, задвижки, железа 1 пуд, гвоздей двустенных 300 и черепицы 1500».

Интересным документом является в деле рапорт кошевого атамана Чепиги Жегулину. В нем Чепига весьма характерно излагает положение только что переселившихся в новый край казаков и говорит, что «хотя и следовало исполнить бы предписание Ваше во исполнение Высочайшей воли Ее Императорского Величества, ради построения ограды вокруг камня, найденного на острове Фанагория, командировать рабочих и казаков для караула, но, как небезызвестно Вашему Превосходительству, их новое переселение в пустые места и позднее пришествие сего лета от реки Днестра, так что едва ли успеют для жен и детей на зиму землянки построить; многие разъехались по разным местам для покупки хлеба и прокормления своих семейств и состоящих на пограничной страже казаков». С Екатеринославского наместничества и по сие время не возвращены с числа зимовавших прошлую зиму; тут две тысячи состоят при реке Кубани от Лабынской линии даже до Черного моря на бдительной страже от набегов закубанских народов.

Небольшая часть остается для сбережения казенной флотилии; а последние распущены для вывода своих семейств на сию землю, пока еще не возвращались[4].

Дальше Чепига не забывает указать и на то, что казаки должны заработать себе на следующую зиму одеяние и хлеба, «ибо по Высочайшей грамоте сего сентября по первое число дача указанному провианту приостановилась; по таковым обстоятельствам командировать крайне нет кого».

В заключение атаман просит освободить казаков от таких нарядов, «покудова они не исправятся всем нужным, ибо и так казаки через понесенные в минувшую с Портой войну подвиги, частью переселение до крайности разорились».

Рапорт Чепиги подействовал, и приказ о наряде казаков был отменен, и, как видно из рапорта премьер-майора Розенберга от 9 октября 1793 года, в постройке по ограждению принимали участие мастеровые и рабочие люди I-го егерского батальона с 27 сентября по 6 октября, когда и была окончена работа по ограждению камня.

Приложена следующая ведомость:

Ведомость, учиненная Таврического егерского корпуса в первом батальоне о числе находившихся для построения ограждения, найденного на острове Фанагории камня мастеровых рабочих людей.

Октября 9 дня 1793 года.

Месяцы	Числа	Число людей				
			Каменщики	Плотники	Рабочие	Итого
	27		5	3	8	16
	28		6	3	7	16
	29		6	3	7	16
	30		6	3	7	16
	3		6	2	8	16
	5		6	3	7	16
		Всего	35	17	44	96

Премьер-майор Розенберг

Об уплате мастеровым денег за работу приложена расписка следующего содержания: «Первого егерского батальона егери 17 человек работали домик 6 $^1/_2$ дней, каждому в день по 15 коп. — всего за все дни следует всем на уплату денег 16 руб. 50 коп.

Приняты материалы от Баженова, гвоздей однотесных — 50, пара петель с крючками, доска четырехсаженная».

Таким образом, была закончена установка ограды вокруг камня, и он поставлен на месте, где был впервые найден.

29 марта 1795 года № 128 войсковой судья армии полковник и кавалер Антон Головатый доносит Жегулину: «Сделанный над мраморным камнем с надписью деяний князя Глеба монумент поставлен от Тамани без малого на версту близ разрушенного фонтана, а потому между частыми песчаными курганами и на самом низменном месте, так что в рассуждении очень песковатого туда расстояния, редко кто и любопытствовать к нему приходит, а по сим обстоятельствам сужу я за способнее перенести оный монумент к выстроенной в Тамани в прекрасном саду каменной церкви, и при оной выстроить тот монумент не таковым планом, каков ныне есть тесен и внутри темен, но так, чтобы оный камень лежал посередине оного монумента на четырех столбах, как бы на эшафот, с порядочною крышею откровенно, дабы все надписи деяний князя Глеба без трудности любопытствовавшими видны были, притом же для него и ради церкви единоместный караул существовать может, и так ежели сие покажется приятным способом воле вашего превосходительства, покорно прошу резолюций не оставить». Войсковой судья армии полковник Антон Головатый[5].

8 апреля Жегулин в письме к Головатому изъявил согласие на перенос камня и постройку нового монумента и поручил составить новый план землемеру Самбулову.

17 апреля 1795 года № 215 тот же Головатый пишет Жегулину, «что для постановления под оный камень столбов есть в Еникале по берегу и других местах воинскими командами с Тамани привезенные разные мраморные столбы и фигуры, соответствуемые древности, находящиеся без употребления. Ежели для такого достопамятного дела возможно их получить», то просит разрешения употребить их в дело и прибавляет, что «он составил довлеемый план для этого».

Какое последовало распоряжение Жегулина относительно этих фигур, сведений в деле нет, хотя листы все целы. Ниже мы приводим копии указанных здесь документов.

По имеющимся документам мы можем с точностью установить, что камень был найден в 1793 году внизу около разрушенного деревянного фонтана, в одной версте от Тамани, затем был перенесен к церкви, и над ним была сделана ограда с крышей под черепицей.

Затем камень этот, по свидетельству Ашика, был перенесен в Керченский музей, где он и был в 1848 году, а ныне он хранится в Петербурге в Императорском Эрмитаже, в нижнем этаже, в комнате, вправо от входа, и стоит у стены едва заметнее благодаря плохому освещению.

Приведенные документы совершенно устраняют возникший спор о действительном происхождении Тмутараканского камня и снимают обвинения, незаслуженно возведенные на почтенного нашего ученого Мусина-Пушкина в подделке этого камня.

Копия[6] обложки дела

По описи № 16.
№ 76. Дело № 35

По предписанию его превосходительства таврического губернатора и кавалера Семена Семеновича Жегулина о ограждении известного на острове Фанагории найденного и оттуда было бригадиром Пустошкиным взятого камня.

Августа 10 дня 1793 года. На 36 листах.

Копия

Предписать пример майору Белому, землемер прапорщику Самбулову, архитекторскому помощнику Баженову. Дать ордер казначею Генбичеву и сообщить г-ну бригадиру и кавалеру Чепиге, равномерно предписать Феодосийскому городничему Лаушеву и феодосийскому исправнику и Его превосходительству Семену Семеновичу писать.

Милостивый государь мой
Карл Иванович;

Ее Императорское Величество Высочайше Повелеть Соизволила, чтобы известный камень, найденный на острове Фанагория и взятый оттуда господином бригадиром Пустошкиным перевезен был на прежнее место, откуда взят и оставлен тут был впредь до указу, с устроением приличного вокруг его ограждения и чтобы снята была его мера, а более всего слова на нем находящиеся в точной их величине и почерке; и рисунок сей дабы поднесен был Ее Императорскому Величеству. А поелику камень сей найден Таврического Егерского Корпуса 1-го батальона служителями, то чтобы оной 1: по доставлении его господином бригадиром Пустошкиным, который о сем уже предуведомлен, положен был и паки на том самом месте, откуда взят. Писано от меня воинскому в Тавриде начальнику господину генерал-поручику и кавалеру Андрею Григорьевичу Розенбергу. Ваше ж высокородие

покорнейше прошу для сделания камню тому рисунка и ограждения командировать в Тамань из чинов в штате состоящих кого вы заблагорассудите, предписав ему о точном исполнении Высочайшего Ее Величества Повеления, выше сего изображенного. На сей конец не оставьте снабдить его и потребною суммою денег; дабысть при построении того ограждения, войска черноморского кошевой атаман армии господин бригадир и кавалер Чепига приказал отрядить по требованию посланного от вашего высокородия рабочих людей, а также и для хранения камня караульных. Сообщение мое к нему г-ну бригадира Чепиге, а в небытность его полковнику, армии премьер-майору Белому ордер при сем препровождаю.

Имею честь быть с истинным почитанием и преданностию

Милостивый Государь мой

вашего высокородия всепокорный слуга Семен Жигулин.

В С.-Петербург. Июля 4-го дня 1903 года.

Г-ну вице-губернатору Габлицу.

Копия

Высокородному и Высокопочтенному господину коллежскому советнику Таврической области вице-губернатору и кавалеру Карлу Ивановичу Габлицу

Премьер майора Розенберга

Рапорт

На сообщение Вашего Высокородия от 13-го числа минувшего сентября под № 811 покорнейше сим имею честь донести; над найденным на острове Фанагории камнем, и взятым было господином бригадиром Пуштошкиным, по силе Высочайшего Ее Императорского Величества повеления, приличное ограждение, присланным от вашего высокородия архитекторским помощником Бажановым построено; сколько же из вверенного мне первого егерского батальона находилось для построения оного мастеровых и рабочих людей минувшего сентября с 27 по 6 число сего месяца, учиненную ведомость при сем вашему высокородию имею честь представить.

Премьер-майор Христофор Розенберг

№ 447. Октября 9-го дня 1793 года.

бл: Тамань.

Копия

Высокородному и превосходительному господину генерал-майору Таврическому губернатору и кавалеру Семену Семеновичу Жегулину

Рапорт

Повеление Вашего Превосходительства от 8-го за № 406 последовавшее и дозволяющее перенести монумент над мрамурным камнем с надписью деяний князя Глеба, состоящий ныне при фантале, к новосооруженной в Тамани церкви 16-го числа сего апреля получа; докладывая вашему превосходительству, что для постановления под оной камень столбов есть в Ениколе при берегу, и других местах, воинскими командами с Тамана перевезенные разные мрамурные столбы и фигуры соответствуемые древности, находящиеся без употребления. Ежели б для такого достопамятного дела возможно их получить покорно Вашего превосходительства, прошу об отдаче, кому надлежит писать, и о последующем меня резолюциею не оставить.

А дабы откомандированный Вашим Превосходительством господин землемер Санбулов в отсутствие мое по мнению моему построение при церкви в северных воротах монумента сделал препроводил я фанагорийскому полковнику господину секунд-майору Бурносу довлеемый тому месту план.

Войсковой судья армии полковник и кавалер Антон Головат.

№ 215. Апреля 17 дня 1795 года.

Екатеринодар.

Копия

Писано А. Головатому

Высокородному и превосходительному господину генерал-майору, Таврическому губернатору, и кавалеру Семену Семеновичу Жегулину

Рапорт

Вашему Превосходительству честь имею доложить, что сделанный над мрамурным камнем с надписью деяний князя Глеба монумент, поставлен от Тамани без малого на версту, близ разрушенного фонтала, а к тому между частыми песчаными курганами, и на самом низменном месте, так что в рассуждении очень песковатого туда расстояния, редко кто и любопытствовать к нему приходит;

а по сим обстоятельствам сужу я за способнее перенести оной монумент к выстроенной в Тамани в прекрасном саду каменной церкви, и при оной выстроить тот монумент не таковым планом, каков ныне есть тесен, внутри темной; но так, чтобы оный камень лежал посредине оного монумента на четырех столбах, как бы на эшафоте, с порядочною крышею откровенно; дабы все надписи деяний князя Глеба без трудности любопытствующим видны были, при том же для его, и ради церкви, единоместный караул существовать может, и так ежели сие покажется приятным способом воле Вашего Превосходительства, покорно прошу резолюциею не оставить.

Войсковой судья армии полковник и кавалер Антон Головат.

№ 128. Марта 29 дня 1795 года.

Тамань.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. По надписи, приведенной у Ашика, число саженей не соответствует буквенному обозначению на камне.

2. Дело 1793 года августа 10 дня № 35 (прежние №№ 76, 164, 16). В деле 36 листов, нумерация которых не изменялась, хотя дело расшито, но пронумеровано листов именно 36, как и значится на обложке.

3. Черноморское войско подчинено было таврическому генерал-губернатору.

4. После уничтожения Сечи запорожцы были поселены между Днестром и Бугом и оттуда после Турецкой войны были переселены на Кубань.

5. После уничтожения Запорожской Сечи офицерам были даны армейские чины.

6. В копиях документов, представленных Г.Н. Прозрителевым, сохранены особенности орфографии и пунктуации оригиналов.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Прозрителев Г.Н. К истории Тмутараканского камня. — Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1913.

ÏÅÐÂÛÅ ÐÓÑÑÊÈÅ Ï Î ÑÅËÅÍÈß ÍÀ ÑÅÂÅÐÍÎÌ ÊÀÂÊÀÇÅ È Â ÍÛÍÅØÍßÉ ÑÒÀÂÐÎÏÎËÜÑÊÎÉ ÃÓÁÅÐÍÈÈ[1]

Нынешние обитатели Ставропольской губернии забыли уже, что там, где стоят их многолюдные богатые села, была беспредельная степь и ветер гулял на всем ее пространстве.

Забыли они первых смелых выходцев из внутренней России, отважившихся пуститься на Кавказ и обосновать там свое жительство. А надо помнить тех первых засельников этой когда-то глухой окраины, бывшей в то время местом опасным и крайне тяжелым в климатическом отношении. Смелые русские люди пренебрегали опасностями, бросали свои пепелища, свои родные места, с которыми у них было связано так много воспоминаний, где были могилы их отцов и дедов, и шли с полной верою в будущее. Они шли с крепкой надеждой на свои силы, на свою выносливость в труде, на свое уменье взяться за дело и с беспредельной любовью к родине, которой нужны были верные сыны, чтобы удержать за ней ее новые владения и поддержать там ратных людей, своею жизнью и кровью заплативших за эти приобретения.

Ратные люди всех родов оружия умирали здесь с верою, что исполняют долг пред родиной, охраняя ее и расширяя ее пределы, дают простор для своего народа, который мог бы удобнее расселиться и жить счастливее.

За это счастье и благо своего народа безропотно шли целые полки в бой, переносили всяческие лишения, умирали и думали только о благе для других, для тех, кто будет жить на отвоеванных ими землях. Честно исполнив долг, они стяжали вечную славу воинов, у которых нельзя отнять ни храбрости, ни верности своему долгу.

И вот на помощь этим-то славным собратьям пришли другие, не менее смелые и отважные, мирные поселенцы, чтобы своими трудами и водворением хозяйственной жизни закрепить пройденные войсками места и дать им необходимое довольствие.

Этим-то первым пришельцам с разных концов России и обязаны теперешние обитатели Ставропольской губернии и Северного Кавказа тем земельным простором, который нашли здесь, и тем благосостоянием, которым они теперь пользуются.

А сколько погибло этих, неведомых теперь, первых переселенцев, погибло от болезней, от злой лихорадки, от неудобств, плохой воды, набегов кочевников и горских народов. Сколько их попало в плен и там переносило тяжкие мучения.

Много испытаний выпало на долю первых тружеников, поставивших здесь первые свои землянки, но ни опасности, ни самая смерть не пугали, и русский человек только с упованием на Бога сменял один другого в этом шествии на далекую окраину, и «погибельный Кавказ» обратился в цветущий край.

Этим-то первым засельникам Кавказа и должно быть почетное место в памяти народной, в памяти потомства, которое воспользовалось плодами их трудов и их отваги.

Правильное и массовое водворение русских людей на Северном Кавказе началось в царствование Екатерины II.

Правительство Екатерины II хорошо понимало, что как бы ни были успешны войны с воинственными соседями, с Персией и, главным образом, Турцией, но что воспользоваться плодами этих побед, удержать отнятые земли можно только путем водворения на этих землях мирного населения и созданием условий гражданского порядка.

Задача эта ясно и определенно была поставлена в отношении Северного Кавказа, и к выполнению ее приступили во всеоружии.

В силу этого, вслед за созданием крепостей, образовавших линию от крепости Св. Дмитрия (ныне Ростова) и Азова до Моздока, правительство стало заботиться о колонизации края.

Десять сильных по тогдашнему времени крепостей на этом пространстве хотя и составляли оплот и создавали «границу», но промежутки между ними были так велики, что давали возможность свободного прохода неприятельским отрядам необыкновенно подвижного горского населения.

По отдаленности от внутренней России содержание крепостей стоило страшно дорого, и полное обеспечение в продовольствии по тому времени почти было невозможно. Вот это и требовало постройки других между крепостями укреплений и создания мирного населения, хозяйственное обзаведение которого обеспечивало бы продовольствие войск. Доставка провианта — это был самый существенный и больной вопрос всех военных операций на Кавказе в то время. И вот, пользуясь впечатлением успехов первой войны и закончив линию крепостей с необыкновенной быстротой, Екатерина отдельным указом объявляет о переселении на Кавказ. Благодаря талантливым своим сподвижникам Екатерина могла в короткий промежуток времени, с 1781 по 1784 год, видеть новый край заселенным на громадном пространстве.

Несомненно, что самое устройство каждой крепости уже привлекало население и давало хотя небольшой контингент лиц, создававших под прикрытием крепости мирное поселение, «форштадт».

Такой поселок, например, возник около крепости № 8 и затем вырос в город Ставрополь.

Но это были маленькие ячейки, по условиям военного времени не всегда допустимые, и они не могли, за некоторыми исключениями, развить своей хозяйственной деятельности. Нужно было крестьянское население.

Несмотря на огромное пространство, которое должны были пройти переселенцы, отсутствие дорог и всевозможные затруднения, какие неизбежно должны быть в таком огромном деле, как массовое передвижение поселенцев, само переселение шло довольно гладко.

Это обстоятельство необходимо отметить, тем более что отряды переселенцев, как увидим ниже, составлялись не из одной какой-либо местности, а из всех углов России. И каждый новый пункт, поселенный здесь, имел очень пестрый состав населения.

В деле Саратовского и Кавказского генерал-губернатора за 1787 год за № 607 имеется крайне интересная ведомость о переселенцах.

Ведомость эта составлена «генерал-поручиком Павлом Сергеевичем Потемкиным, правящим должность Саратовского и Кавказского генерал-губернатора, действительным камергером, Кавказского мушкетерского полка шефом», как значится в заголовке.

Хотя мы и не имеем сведений о составе поселенцев, пришедших ранее 1781 года, но эта ведомость, говорящая о переселенцах к моменту открытия Кавказского наместничества, то есть к 1785 году, дает полное основание заключить, что и ранее пришедшие представляли из себя ту же смесь.

К 1784 году уже были из переселенцев образованы следующие 14 сел: Михайловка, Пелагиадское, Надежда, Высоцкое, Александрия, Благодарное, Покойное, Федоровка, Обильное (в нынешней Ставропольской губернии), Незлобное, слободы: Курская, Государственная, Прохладная, село Малка (в нынешней Терской области). Таким образом, был охвачен громадный район от р. Ташлы и Ставрополя до р. Терека и на восток до нижнего течения р. Кумы.

В эти четыре года было передвинуто около 51915 муж. и 15653 жен., а всего 67568 об. пола.

Передвижение в таком порядке продолжалось и далее, и с открытия Кавказского наместничества до начала XIX века открыто было 47 сел с населением в 67568 обоего пола.

Вот из этой-то ведомости мы и можем почерпнуть крайне интересный материал о составе передвинутого на Кавказ населения.

Прежде всего надо сказать, что поселенцы были взяты из губерний: Харьковской, Курской, Пензенской, Азовской, Воронежской, Рязанской, Тульской, Калужской, Симбирской, Ярославской (цыгане), Нижегородской, Екатеринославской, Казанской, Орловской, Киевской, Саратовской, Владимирской, Черниговской, Вологодской, Московской, Петербургской, Новгородской, Могилевской, Костромской, Смоленской и Тверской.

Таким образом, сюда вошли представители всей России, не исключая и некоторых инородцев.

Затем между ними были: малороссияне, однодворцы, отставные гусары, экономические крестьяне, отставные солдаты Кавказского корпуса, дети их, крестьяне дворцовые, крестьяне казенных ведомств, цыгане, отставные солдаты (тульские), люди неразрешенных званий, солдаты разных наместничеств, бывшие запорожцы, зашедшие разночинцы, курские войсковые, киевские разночинцы, казанский поляк, смоленские разночинцы, не помнящие родства, киевские подсудимые, черниговские подсудимые, саратовские колонисты, преступники-малороссияне с Дона, московские разночинцы, татары, ясачные люди, киевские казаки, харьковские поселяне, могилевские разночинцы, крещеные татары, крещеные чуваши, вятские заводские крестьяне, пахотные солдаты.

Этот пестрый состав и лег в основу поселения нашего края.

Если исключить из этого состава весьма небольшое число «сомнительных» людей, как они по ведомости значатся, то в общем первый прилив состоял из самых трудоспособных людей, что и показали они по водворении на месте.

Но и те, кого мы назвали «сомнительными», выйдя из старых условий, где у них не удалась жизнь, здесь на свободе и просторе могли стать людьми вполне пригодными к общественной жизни.

Например, «малороссияне-преступники с Дона» — это, вероятно, те, что участвовали в Булавинском бунте; «не помнящие родства» — вероятно, крепостные люди, ушедшие от барской неволи. Словом, здесь не было того переселенческого элемента, которым наводнялась впоследствии Сибирь.

Расселение на месте происходило довольно своеобразно. Селили всех понемножку и каждому селению давали поселенцев всех родов. Например, селение Федоровка на Куме: однодворцев Харьковской губ.— муж. 99, жен. 85; Орловской — 8 муж., 4 жен.; Воронежской — 144 муж., 140 жен., Екатеринославской — 47 муж., 31 жен.; малороссиян Черниговской губ. — 24 муж., 12 жен.; Киевской — 23 муж., 15 жен.; Новгородской — 7 муж., 3 жен.; Саратовской — 20 муж., 12 жен.; бывших запорожцев — 9 муж.; зашедших разночинцев — 194 муж.; Тамбовской — 30 муж.; курских однодворцев — 1; Владимирского наместнич. экономических — 5 муж., 9 жен.; курских войсковых — 89 муж., 89 жен.; киевских разночинцев — 14 муж.; казанский поляк — 1 муж., всего 715 муж. и 433 жен.; или село Михайловское: Курского наместн. однодворцев — 1492 муж., 1106 жен.; отстав-

ных солдат — 5 муж., 5 жен.; цыган — 8 муж., 10 жен.; Тверского — экономических — 1 муж., всего 1506 муж. и 1121 жен.; или село Обильное: Тамбовского — однодворцев — 149 муж.; казенных крестьян — 35 муж.; отставных солдат — 2; Пензенского — казенных крестьян — 128, однодворцев — 636, татар — 5, дворцовых — 3, отставных солдат — 1; Курского — экономических — 318, Тульского (то же) — 86, рязанских однодворцев — 48, всего 1411 муж. и 822 жен.

Ниже мы приводим этот важный исторический документ, и читатель может проследить состав каждого селения.

Самое видное место между переселенцами занимают так называемые однодворцы. Они составляют почти 50% всего числа переселенцев.

Необыкновенно удачно был сделан выбор и отдано предпочтение перед другими этой части охотников. Однодворцы несомненно представляли из себя более развитых и культурных людей сравнительно со всеми остальными. И в служилом отношении были более приспособленным элементом.

Придя на новые места, они здесь явились культурными пионерами.

Из обозрения дел Ставропольской казенной палаты видно, что им принадлежит первоначальное устройство водяных мельниц, прудов, колодцев, фруктовых садов, устройство других хозяйственных обзаведений в глухой степи, которые оживляли край. Они шли впереди хозяйственной и промышленной жизни края.

Однодворцы были грамотны, и в то отдаленное и глухое время в семьях их можно было встретить даже гражданскую книгу, составлявшую редкость и среди городского населения России. В семьях их сохранялись по наследству разные интересные рукописи.

Как грамотные и более развитые люди, они несли общественные должности и являлись первыми учителями народа, собирая детей для обучения грамоте. Первая школа грамоты возникла у нас среди них.

Однодворцам наш край многим обязан своим развитием.

Как велико было число их среди переселенцев, видно из того, что в с. Пелагиаде их значится 1492, в Михайловке — 1492, других было 800 и т.д.

И в каждое село, за исключением 3—4, включены и однодворцы.

Надо сказать, что под однодворцами разумеется класс людей, образовавшийся из служилых людей, детей боярских и, преимущественно, низших разрядов: казаков, стрельцов, рейтаров, драгун, солдат, копейщиков, пушкарей, затинщеков, воротников и засечных сторожей, селившихся в XVI и XVII веках на восточной и на южной границах Московского государства для защиты его от ногайских и крымских татар. Служилые люди низших разрядов в Московском государстве получали денежное жалованье и корм натурою, поместья же за службу отводились дворянам и детям боярским, но так как доставлять продовольствие натурой для значительного войска, оберегавшего юго-восточную границу, было затруднительно, и наемные служилые люди, не заинтересованные лично в охране границ, исполняли сторожевые и другие службы небрежно, то правительство пришло к мысли давать землю для содержания не только высших, но и низших служилых людей, назначаемых для охраны границы, и отводить ее им близ последней. Служилые люди украинских городов были поэтому и воинами, и земледельцами. Поместные их участки, в общем, были столь незначительны, что большей их части не представлялось ни надобности, ни возможности обрабатывать землю крепостными людьми; каждый селился поэтому на своей земле не многими, а одним двором, и при обращении в гражданское состояние украинские служилые люди получили на этом основании наименование однодворцев. Обращение их в крестьянское сословие последовало в то время, когда южная граница государства отодвинулась далеко в степь, и служилые люди, поселенные между тульской оборонительной линией (направление Шаэк — Тула — Брянск — Путивль) и белогородской (Козлов — Коротояк — Белгород — Ахтырка), оказались уже не на границе, а внутри страны; вместе с тем оборона границ возложена была на регулярное войско.

В составе поселенцев обращают на себя внимание «разночинцы», «люди неразрешенных званий» и «зашедшие разночинцы».

Нет сомнения, что среди «неразрешенных званий» должны быть и дворяне, в особенности так называемые «отыскивающее дворянство», которых впоследствии на Кавказе оказалось много, судя по массе рассмотренных нами дел этого рода в архиве Губернского правления.

Естественно, что всех этих недорослей из дворян, не имевших правильных документов на звание свое, надо было записать в эту рубрику.

Волна движения должна была захватить частью и дворянство, но из скромности они умалчивали о своем звании, а по прибытии на место возбуждали разные ходатайства о правах на дворянство. К этому времени внутри России уже образовался класс дворян, не служивших и давно уже потерявших свои вотчины, а пугачевское движение совсем выбило их из колеи, и естественно, что они пошли «на новые земли», обилие которых всех прельщало.

Интересно, что уже в то время был класс «солдатских детей», лиц, никуда не приписанных и не причисленных ни к какому сословию, о правах которых и теперь возникает спор.

Нельзя сомневаться в том, что пестрый состав населения каждого нового села являлся следствием известного рода политики.

Как ни успешно шло переселение, но правительство опасалось волнений в силу тех или других причин, а по условиям военного времени волнения были очень нежелательны и даже опасны. Понятно, что однородный состав населения, людей, связанных общими интересами одной местности, скорее могло объединить то или другое недоразумение, требование или ложные слухи. Люди же с разных сторон, разных настроений и характеров, представляли менее опасную почву в этом отношении.

С этою же целью в каждый крупный пункт включали преобладающее число однодворцев, составлявших почти служилый элемент.

Опасения правительства были небезосновательны, так как вскоре тяжелые условия жизни, неприспособленность многих поселенцев, неурожаи и болезни вызвали целый ряд серьезных осложнений и недовольство среди поселенцев, с чем приходилось серьезно считаться местным властям.

Жизнь переселенцев сложилась крайне своеобразно в новых местах.

Серьезной особенностью новых поселений и их больным местом было следующее.

Хотя колонизация края и была начата правительством в расчете на мирный характер поселения, но все же постоянные набеги горцев и наступательное движение наших войск требовали, чтобы водворяемое население было более подвижным.

Вот с этой целью старались по возможности ограничивать число женщин, и мы видим, например, что в селе Пелагиаде на 1668 мужчин только 973 женщины, считая в том числе, конечно, и детей, в Благодарном на 180 муж. — 94 женщины, в с. Малка на 609 мужчин — 110 женщин, и такое несоответствие замечается в каждом селе. А если присоединить войсковые части в крепостях, то получится совсем незначительное число женщин сравнительно с мужчинами среди пришедших в новый край.

Это обстоятельство вело ко многим неудобствам и, помимо всего другого, способствовало возникновению крайне несоответственных браков по возрастам мужчины и женщины, браки совсем старика с очень молодой девушкой, не достигшей и 16 лет, были обычным явлением очень продолжительное время на Северном Кавказе.

К тяжелым условиям жизни первых поселенцев надо присоединить и отсутствие у них первое время церквей.Несмотря на все ходатайства, им не разрешали строить церкви и они оставались без священников.

Казалось бы, что удовлетворение религиозных потребностей населения, пришедшего в чуждый край, оторванного от остальной России и окруженного враждебным иноверным населением, должно было явиться первою заботою правительства в интересах скорейшего установления порядка и сносных условий жизни поселенцев во вновь приобретенном крае. Особенные условия военного времени, полное безлюдье, оторванность от своих близких внутри России и тяжелые климатические условия — все это, естественно, вызывало, более чем при других условиях, необходимость такого учреждения, где бы население могло в суровой и тяжелой жизни найти утешение, и таким учреждением, естественно, могла бы быть только церковь. Отсутствие возможности исполнить самые необходимые христианские требы, как крещение и погребение, не говоря уже о церковных службах, только усугубляли тяжелое положение первых поселенцев.

Трудно себе представить, чтобы могли быть затруднения и помехи в таком деле, как построить свою церковь, иметь своего священника, а между тем такие препятствия существовали и были не экономического характера, не от недостатка средств и происходили не от местного духовного или гражданского начальства, а ставились самим правительством и исходили от Святейшего Синода. Архивы наши сохранили почти невероятные данные по этому вопросу.

Существовали, очевидно, какие-то опасения, что население не в силах будет поддерживать церкви и духовенства, а может быть, были и опасения за прочность приобретения края. Но будущее не оправдало этой странной осторожности.

И только благодаря усиленному ходатайству Павла Сергеевича Потемкина было разрешено строить церкви, но только в тех селах, в которых было не менее 500 душ мужского пола.

После первых неудач хозяйство переселенцев стало налаживаться, и в особенности теплые зимы способствовали разведению скота. Это совершенно преобразило хозяйство и явилось серьезным подспорьем в хлебопашестве, дав возможность иметь рабочую силу.

С каждым годом более упрочивалось положение поселенцев и росло их благосостояние.

В особенности хороши условия жизни оказались в долине реки Кумы, и жители получили прозвище «хлебные мужики».

Все больше и больше отодвигался театр военных действий, и река Кума с ее притоками была уже вне всякой опасности.

В западной части были другие условия. Движение отрядов войск в горы требовало, чтобы на месте были подвижные, способные так же быстро собраться, как и горцы, нужно было население, которое всегда было бы под ружьем и само себя охраняло бы.

Возникает в правительстве мысль об образовании казачества на «линии», такого же, каким было Терское войско и войско Черноморское. И вот последовало распоряжение об обращении в казаков тех 14-ти сел и слободок, которые были основаны с 1781 по 1784 год, а именно: Михайловка и другие, см. выше.

Не ожидали этого поселенцы и не думали, когда шли по вызову на Кавказ, что будут под ружьем. Некоторые из них вошли в состав знаменитого в истории нашего края Хоперского полка казаков, ранее пришедших с Дона (к 1778 году).

Настало снова тяжелое время для поселенцев. Совсем они не были приспособлены к такой службе, не были они похожи на джигитов. Их одели в черкесские костюмы, но боевого вида у них не было, они отрастили себе животы и, перетянутые узким ременным поясом, они резко обнаруживали свое «пузо» и получили обидное прозвище «чига пузатая», за которое впоследствии линейский казак обнажал кинжал. Много горя протерпели «новые казаки», пока они постигли «казацкую ухватку» и избавились от названия «мужичье».

Казацкая служба была тяжелая, и часто поголовно шли они в походы, а дома оставались жены и дети. Вся та работа, которая была прежде и в поле, и дома, уже стала не под силу, и хозяйство сократилось.

Этим обстоятельством объясняется то, что в хозяйственном отношении эти 14 станиц отстали от остальных, возникших одновременно. И только с конца 1869 года, когда снова были обращены в «мужиков» эти казаки, они начали расширять свое хозяйство, а не жить изо дня в день по казачьему положению; станицы эти в Ставропольской губернии: Михайловская, Надежда, Сергиевка, Татарка, Бешпагир, Старо-Марьевка, Александровская, Круглолесская, Чернолесская, Спицевка, Пелагиада и Северная.

Такая ломка в строе жизни несомненно отражалась на экономической жизни края, но к чести населения надо сказать, что оно показало себя достойным как в военном деле, так и в бытовом, хозяйственном. Из простого тяжелого «мужика» быстро выработался «линейский казак», храбрость, отвага и молодечество которого составили ему неувядаемую славу в тяжелой 60-летней войне с горцами, и, снова взявшись за плуг, он сделал Северный Кавказ житницей России.

Сведения о дальнейшем переселении мы имеем из дела Ставропольского губернского архива, но, к сожалению, там уже не указан с такой подробностью состав населения, и мы можем только привести время возникновения сел.

Селения основаны.[2]

Первые поселения Ставропольской губернии

Название поселения	Год и место основания
Новоегорлыкское	В 1806 году на левом берегу Большого Егорлыка
Сандата	В 1810 году на том же берегу
Красная Поляна	В 1813 году на Большом Егорлыке
Средне-Егорлыкское	В 1808 году при границе Войска Донского при Среднем Егорлыке
Песчанокопское	В 1812 году при колодцах или канавах в верховье реки Песчаной
Летницкое	В 1808 году на Егорлыке
Медвежье	В 1808 году на Егорлыке
Преградное	В 1808 году на Егорлыке
Безопасное	В 1808 году при соединении реки Ташлы с Егорлыком
Ладовская Балка	В 1832 году при урочище Ладовской Балке
Белая Глина	В 1830 году при верховье реки Рассыпной
Новопокровское, Карасун тоже	В 1827 году при реке Карасуне
Новорождественское	В 1803 году на реке Челбасах
Терновка	В 1812 году на реке Терновка
Тихое	В 1819 году на реке Тихой
Тугулук	Село это образовалось от хуторов села Пелагиады, отчислено от села в 1817 году, на реке Тугулуке
Московское	В 1826 году поселено на землях от переселения станицы Хоперского полка при реке Ташле
Донское	В 1826 году тоже при реке Ташле
Новогеоргиевское	В 1826 году на реке Терновке
Кугульта	Образовалась из хуторов села Пелагиады, село сделано в 1816 году на верховье реки Кугульты

Спицыно	Образовалось из хуторов села Бешпагирского, отчислено в 1816 году, на вершине Балки Кривой
Константиновское	На верховье реки Кугуш, образовано из хуторов сел Петровского и Донской Балки. Отчислено в 1812 году
Пятигорского уезда	
Александровское	В 1826 году поселено на земле Волжского полка
Грушевка	На реке Грушевке, образовано из хутора села Калиновки. Отчислено в 1811 году
Ореховское	В 1798 году, на верховье Буйволы и родниках
Шишкино	В 1817 году на верховье Буйволы из хутора села Медведского
Сухая Буйвола	В 1812 году из хутора Медведского на верховье Буйволы
Александровка	В 1800 году на Буйволе
Чернолесское	В 1789 году на Тамузловке
Малая Тамузловка	В 1803 году на Тамузловке
Журавка	В 1816 году на реке Тамузловке из хутора Новосельцы
Сабля	В 1796 году на реке Сабле
Александровского уезда	
Круглолесское	В 1797 году на верховье реки Сабли
Ставропольского уезда	
Богоявленское (Сенгилеевское)	В 1797 году на реках Егорлык и Сенгилеевке. Станица Кубанской области
Каменнобродское	В 1794 году на реках Егорлыке и Татарке. То же
Новомарьевское	В 1794 году на реке Медведке. То же
Рождественское	В 1797 году на реке Чибиковой. То же
Татарское	Составилось из хуторов села Надежды. Отчислено в 1718 году
Бешпагирское	В 1896 году на реке Бешпагирке и редуте
Новодонецкое	В 1813 году на реке Бейсюге, ныне станица Кубанского войска
Новомалороссийское	В 1807 году на той же реке, ныне станица
Архангельское	В 1801 году на реке Челбасах. Станица
Ильинское	В 1801 году на реке Калалах. Станица
Дмитриевское	В 1801 году на реке Калалах. Станица
Расшеватка	В 1802 году на реке Расшеватке. Станица
Новоалександровская	В 1804 году на той же реке. Станица
Успенское	В 1803 году на реке Калалах. Станица
Новотроицкое	В 1794 году на реке Егорлыке. Станица

Но говоря о первых поселенцах Северного Кавказа, нельзя забыть тех русских людей, которые далеко ранее XVIII века зашли на Кавказ и хотя пришли другим путем и при других условиях, но прочно утвердились в гребнях гор и, несмотря на все натиски отважного неприятеля, сумели там удержаться.

Очерк событий, относящихся к этому движению русских на Кавказ, образование Гребенского, Терского войска составит предмет следующего моего сообщения, как равно и поселения некрасовцев по Кубани.

Ï ðèëîæåíèå

Ведомость, составленная генерал-поручиком, правящим должность Саратовского и Кавказского генерал-губернатора, действительного камергера, Кавказского мушкетерского полка шефа Потемкина

О первоначальном поселении крестьян по открытии Наместничества

Откуда, когда и в какое селение поселены		Число душ		Год основания и место
		Мужского пола	Женского пола	
Екатериноградского округа **Село Близкое под № 3** Харьковского наместничества однодворцев		1861	43	В 1787 при Малке, ныне станица
Слобода Прохладная под № 4				В 1783 году на Малке, ныне станица
Курского	Малороссиян Отставной гусар Офицеров	530 1 3	471 — 2	
Малороссиян	Пензенского Харьковского Азовской губернии Воронежского	10 9 6 5	11 4 — —	
Однодворцев	Харьковского Рязанского	1 1	— —	
Пензенский экономический крестьянин		1	—	
		567	488	
Село Малка № 5				В 1782 на Малке
Оставных солдат Кавказского корпуса Их детей Тульских однодворцев		201 11 397	65 — 45	
		609	110	
Село Спасское № 6				В 1787 году
Калужского	Экономических Дворцовых	423 23	152 6	
Симбирского коронного ведомства		662	8	
		1108	166	
Слобода Курская № 7				В 1783 году на Куре
Малороссиян	Курского Харьковского	316 27	200 5	
Цыган	Ярославского Курского	148 53	— —	
		544	205	
Село Государственное № 8				В 1783 году на Куре
Курского	Экономических Однодворцев	47 75	24 24	
Нижегородских однодворцев		435	230	
		557	278	
Крепость Павловская № 9				В 1787 году
Тульских отставных солдат Пензенских, то же		38 9	— —	
		47	—	

Откуда, когда и в какое селение поселены		Число душ		Год основания и место
		Мужского пола	Женского пола	
Село Незлобное № 10				
Экономических	Харьковского Воронежского Тульского Екатеринославского Пензенского Тамбовского Рязанского	45 5 2 9 6 6 1	22 — — — — — —	В 1784 году на реке Золке, ныне станица
Однодворцев	Харьковского Курского	158 7	18 —	
Симбирских неразделенных званий		509	—	
		748	40	
Слобода Александровская № 11				
Отставных солдат Кавказского корпуса Их детей Разных наместничеств отставных солдат		417 48 39	46 24 —	В 1778 году на правом берегу Кумы
		504	70	
Село Отказное № 12				
Пензенских	Дворцовых Однодворцев	287 552	219 370	В 1785 году по обеим сторонам Кумы
Курских однодворцев Казанских, то же		23 4	— —	
		866	589	
Село Прасковьино № 13				
Воронежских	Дворцовых Экономических Однодворцев	288 290 349	223 219 277	В 1785 году на правой стороне Кумы против старых Мажар
Тамбовских однодворцев Рязанских, то же		5 1	— —	
		933	719	
Село Нины № 14 (или Фролов-Кут)				
Орловского	Однодворцев Отставных солдат	353 1	1 433	В 1785 году на левом берегу Кумы
Курского	Однодворцев Экономических	51 276	— —	
Калужских экономических Воронежских однодворцев		397 80	441 —	
		1158	875	
Слоб. Григорьевская № 15 (или Федоровка)				
Харьковского Орловского Однодворцев Воронежского Екатеринославского		99 8 144 47	85 4 140 31	В 1781 году на левом берегу Кумы
Курских однодворцев		1	—	
Село Обильное № 4 (или Карамык)				
Тамбовских	Однодворцев Казенных крестьян Оставных солдат	149 35 2	— — —	В 1784 году на Карамыке реке

Откуда, когда и в какое селение поселены		Число душ		Год основания и место
		Мужского пола	Женского пола	
Село Обильное № 4 (или Карамык)				
Пензенских	Казенных крестьян Однодворцев Татар Дворцовых Оставных солдат	128 636 5 3 1	— — 822 — —	В 1784 году на Карамыке реке
Курских экономических Тульских то же Рязанских однодворцев		318 86 48	— — —	
		1411	822	
Село Новозаведенное № 5				
Орловских	Экономических Однодворцев Дворцовых Цыган	450 121 28 20	— — — —	
Тамбовских	Дворцовых Однодворцев Ясачных	5 152 86	— — —	В 1785 году
			579	
Курских экономических Рязанских, то же Пензенских дворцовых Калужских, то же		29 15 293 21	— — — —	
		1220	579	
Село Подольское № 6				
Воронежских однодворцев		544	—	
Село Межигородное № 7				
Воронежских однодворцев		545	—	
Александровского округа **Слобода Калиновка № 2**				
Орловских	Однодворцев Экономических	750 6	— 2	
Тульских, то же Костромских однодворцев Черниговских малороссиян Воронежских однодворцев Саратовских государственных крестьян Харьковских, то же Не помнящих родства, зашедших добровольно		3 1 1 1 1 1 155	— 82 — — — — —	При Куме выше деревни Владимирской
Село Никольское № 4		919	84	
Тамбовских однодворцев		750	—	
Георгиевского округа **Село Сабля № 1**				
Отставных солдат Кавказского округа Московской губернии разночинцев С.-Петербургского коронного ведомства		95 585 14	— 29 —	В 1783 году на Куме
		694	29	

Откуда, когда и в какое селение поселены		Число душ		Год основания и место
		Мужского пола	Женского пола	
Слобода Александрия № 2				
Тамбовских	Однодворцев	426	416	
	Дворцовых	88	39	
	Экономических	203	90	
	Казенных	43	—	
	Отставных солдат	5	—	
Воронежских однодворцев		55	—	
Харьковских, то же		1	—	
Орловских, то же		1	—	
Калужских, то же		1	—	
Курских, то же		1	—	
Поляков		5	—	
		829	545	
Село Подгорное № 3				В 1783 на Куме
Курских		854	667	
Однодворцев		8	—	
Малороссиян				
Рязанских однодворцев		130	28	
Орловских	То же	18	—	
	Экономических	54	45	
		1064	740	
Владимирских экономических		5	9	
Курских войсковых		89	89	
Киевских разночинцев		14	—	
Казанских поляков		1	—	
Малороссиян	Черниговского	24	12	
	Киевского	23	15	
	Новгородского	7	3	
	Саратовского	20	12	
	Бывших запорожцев	9	—	
	Зашедших разночинцев	194	—	
	Тамбовских	30	—	
		715	400	
Село Васильевское № 16				
Смоленских разночинцев		646	—	
Село Найденое № 17				Основано в 1785 году на речке Большой Буйволе
Непомнящих родства		40	—	
Киевских подсудимых		159	—	
Черниговских, то же		110	—	
		309	—	
Село Красное № 18				
Смоленских разночинцев		600	—	
Село Покойное № 19				В 1784 на левом берегу Кумы и при устье Буйволы
Воронежских однодворцев		517	415	
Орловских, то же		5	—	
Калужских	Дворцовых	136	112	
	Экономических	522	260	
		1180	787	
Колония № 20				Эта колония была поселена в Мажарах в 1778 году по распоряжению Вяземского
Саратовских колонистов		183	164	

Откуда, когда и в какое селение поселены		Число душ		Год основания и место
		Мужского пола	Женского пола	
Моздокского округа **Село Павлодольское № 3**				
Преступников малороссиян с Дона Пензенских дворцовых Вологодского коронного ведомства Тамбовских экономических Харьковских, то же Воронежских однодворцев Пензенских, то же		17 546 188 5 4 145 76	— — — — — 1004 —	В 1787 году на Тереке
Курских	Малороссиян Однодворцев	5 165	4 —	
		1438	1010	
Село Владимирское № 3				
Владимирских	Дворцовых Экономических	132 195	— —	
Костромских, то же Рязанских, то же		89 478	— —	
		894	—	
Слобода Новосельцы № 4				
Орловских	Однодворцев Отставных солдат	74 1	— —	
Воронежских	Однодворцев Коронного ведомства крестьян Экономических	93 266 147	— 858 —	
Пензенских	Дворцовых Однодворцев Отставных солдат	8 531 6	11 — —	В 1787 году на Томузловке
Харьковских однодворцев		21	5	
		1147	874	
Село Благодарное № 5 на Мажарской дороге				
Отставных солдат Пензенских однодворцев Казанских пахотных солдат Вятских, то же		15 153 4 8	— 94 — —	В 1782 году на Томузловке
		180	94	
Село Белый Ручей № 6				
Казанских	Экономических Дворцовых	91 7	— —	
Вятских экономических Воронежских, то же Новгородских коронных крестьях		32 41 59	137 — —	В 1784 году при Белом Роднике
		230	137	
Село Медведское № 7				
Курских	Однодворцев Экономических Отставных солдат	550 5 5	— — —	
Тамбовских	Однодворцев Экономических Дворцовых Отставных солдат	619 1 64 3	719 — 18 —	В 1785 году на вершине Буйволы
Воронежских однодворцев		26	—	
		1273	737	

Откуда, когда и в какое селение поселены		Число душ		Год основания и место
		Мужского пола	Женского пола	
Село Высоцкое № 8				В 1784 году при вершине Буйволы и родниках, впадающих в оную
Орловских	Однодворцев Отставных солдат Экономических	412 6 100	404 — 98	
Воронежских однодворцев		48	28	
Тамбовских	Однодворцев Дворцовых Ясачных	40 14 7	23 5 —	
Могилевских разночинцев		317	—	
		944	558	
Село Петровское № 9				В 1787 году на Калаусе
Киевских казаков Харьковских поселян		105 16	34 14	
		121	48	
Село Сергиевское № 10				
Отставных солдат Кавказского корпуса Их детей Тамбовских однодворцев		263 19 839	44 — 284	
		1121	328	
Село Бешпагир № 11 (при Бешпагирском редуте)				В 1797 году на Бешпагирке
Рязанских однодворцев		980	—	
Село Дорожное № 12				
Тамбовских однодворцев Костромских, то же		241 578	— —	
		819	—	
Село Белый Колодезь № 13. В 1789 году наименовано Донской Балкой				В 1787 году на истоках из болот гористого правого берега Калауса (переведены в Донскую Балку)
Тамбовских однодворцев Пензенских, то же Псковского казенного ведомства		2 153 205	— 227 —	
		360	227	
Село Копани № 14				
Казанских однодворцев Вятских, то же Нижегородских, то же Тамбовских экономических		8 1 474 104	— — — —	
		587	—	
Село Приправное № 15				
Вятских экономических Вологодских, то же Тамбовских, то же		11 15 104	— — —	
		130	—	
При Копанях № 16				
Пензенских крещеных татар Вятских заводских Казанских крещеных чувашей		29 4 23	— — —	
		56	—	

Откуда, когда и в какое селение поселены		Число душ		Год основания и место
		Мужского пола	Женского пола	
Село Томузловка № 17				
Смоленских разночинцев		1256	—	
Ставропольского округа **Село Надежда № 2**				
Курских	Однодворцев Отставных солдат Цыган	1523 22 18	999 4 15	В 1784 году на Мамайке
		1563	1028	
Село Марьино № 3				
Воронежских	Однодворцев Отставных солдат	872 4	571 —	В 1790 году на Чле
Курских однодворцев Костромских цыган		8 28	— —	
		912	571	
Село Михайловское № 4				
Курских	Однодворцев Отставных солдат Цыган	1492 5 8	1106 5 10	В 1784 году на Ташле
Тверских экономических		1	—	
		1506	1121	
Село Пелагиада				
Курских	Однодворцев Отставных солдат Цыган	1635 3 18	964 — 9	В 1783 году на вершине речки Ташлы
Малороссиян		12	—	
		1668	973	
Село Безопасное № 6				
Киевских казаков Нижегородских, то же		1000 155	— —	
		1155	—	
Село Преградное № 7				
Киевских казаков		1200	—	
Село Вестослав № 8				
Отставных солдат Кавказского корпуса Киевских казаков		500 754	84 —	В 1778 году при реке Калалах
		1254	84	

Ïðèìå÷àíèÿ

1. Доклад 18 ноября 1910 года в Ставропольском статистическом комитете.
2. Из дела Ставропольского Губернского правления 1827 года № 4. О размежевании земель Ставропольского округа.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:
Прозрителев Г.Н. Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии // Сборник сведений о Северном Кавказе. — 1912. — Т. 7. — С. 3—18.

Â ÄÎÐÎÃÅ. ÏÎ ÑÒÀÂÐÎ ÏÎËÜÑÊÎÉ ÃÓÁÅÐÍÈÈ Â 1914 ÃÎÄÓ

I

...В высшей степени интересно заглянуть в настоящее время в наши села.

Мне пришлось сделать очень большой объезд по нашей губернии ранней весной настоящего года и теперь, после возникновения военных действий. То и другое наблюдение разделяются всего четырьмя-пятью месяцами, а какая громадная разница: едешь в данный момент и не верится, что это те же села, те же люди; все стало иное до неузнаваемости.

Приходится сталкиваться с самыми разнообразными людьми по положению и достатку.

— Здравия желаем, барин! — встретил меня знакомый сторож В... волостного правления. — Вы опять «архиву» следствовать приехали... Теперь сняли ее с чердака, сделали вам удовольствие... Да только время сейчас скрутное, не до ней... Тут одни бабы в осаду взяли...

— Почему?

— Да жалованье получают, ну с утра и до вечера с ними и крутимся.

Для того чтоб совершить свой длинный путь через четыре уезда, приходится прибегать к разным способам передвижения: и на почтовых, и на земских (обывательских), и на «вольных», и частью по «чугунке».

Всего менее интересные встречи на железной дороге, так как здесь публика сплошь довольствуется газетами, и настроение стоит в зависимости от той или другой газеты или прочитанной телеграммы.

Деревня совсем иное, в особенности места наиболее удаленные от центров. Сюда хотя и доходят телеграммы, рассылаемые земством, но все это с значительным опозданием и, конечно, не охватывает всей массы населения. В некоторых селах издаются даже собственные телеграммы, получаемые непосредственно от агентства, но тоже являются достоянием интеллигентной и более грамотной части села, а масса по-прежнему остается в значительной степени неосведомленной и довольствуется слухами.

Газеты также не пополняют сведений, так как они прежде всего малопонятны по своему содержанию и утомительны для малограмотного по своему объему.

— Мудрено, барин, пишут в газетах. Начнешь читать, собирается нас человек десять, а там такие слова, что и не выговоришь.

— Запнешься раз, другой; соврешь иное, что и сам не поймешь.

— Ну вот, компания и говорит: «Нет, ты, брат, Тарас, брось читать, а расскажи нам словами».

А чего же расскажу, когда я сам не разберу.

Пошли мы с одной газетой к писарю. Ну, он почитал, почитал себе под нос и говорит: «Это — перевод с иностранного, все равно не поймете». Так мы и ушли.

А больно было интересно написано.

Так говорил мне мой приятель, крестьянин очень толковый и развитой, но, к сожалению, малограмотный.

Да, надо признаться, что, несмотря на обилие газет, они мало проникают в массу благодаря своему языку, малопонятному для малограмотной части населения.

А интерес к печатному слову невероятный, даже среди самой темной массы. И не только интересуются тем, что касается их, но обсуждаются все вопросы внутренней и внешней политики: финансовый, экономический, рабочий вопросы, — словом, настоятельное желание сознательного отношения к явлениям государственной жизни.

В высшей степени разумное, трезвое и вполне сознательное отношение к военным событиям, требующим громадного напряжения и громадных жертв со стороны населения. Поражаешься той стойкости, с которой выносится бремя войны, тому необычайному подъему и гордому сознанию участия в великих мировых событиях.

Я хорошо помню войну 1877—1878 годов и тот порыв, который тогда охватил русское общество. Но то одушевление не может даже идти в сравнение с настоящим настроением, с настоящим величайшим проникновенным откликом всей, так сказать, толщи населения.

Это можно только объяснить сознательным отношением к переживаемому великому моменту.

У всех горе, но ни у кого нет слез, а слышно только: «надо прогнать», «надо идти», «надо пособить».

Народное самолюбие уязвлено, народ чувствует себя оскорбленным. И войска дерутся с ожесточением и самоотвержением, выражая гнев пославшего их народа:

— Не отдадим Варшавы, — кричали солдаты, идя в бой, и то же в умах всего населения от мала до велика в отношении Варшавы и всей России: прогнать немца — это приказ народа!..

Нельзя слушать без умиления размышления на эту тему даже самых заурядных представителей села...

Конечно, не без курьезов и среди такого общего разумного понимания.

Изучая памятники местной старины, осматриваю старое кладбище. Старая церковь, на паперти группа странников, больше женщины. Ожидают звона к вечерне.

Подхожу: оживленный разговор о войне. В руках у странника лубочная «боевая» картинка.

— Зачалась она с немца, — говорил наставительно странник, которого называли Яша.

Он, очевидно, возражал кому-то.

— У его заготовлена была вся снасть, даже мосты с собою возил и войска переправлял, а тут эти самые летуны — куда хочет, туда и войска доставит…

— Да с чего она зачалась, Яша?!

— А вот нам читали, что «она возгорелась», — запальчиво заговорила старушонка с котомкой за плечами.

Слушатели насторожились, и все в один голос заговорили:

— Кто возгорелась?!

— Да кто же?! Она самая и есть: Агельма ихняя, — так же запальчиво продолжала первая.

Это заявление произвело сильное впечатление на странников, и они даже ближе придвинулись к старушонке, повернувшись спиной к Яше.

Я заинтересовался.

Группа была человек в десять. Как видно, шли издалека.

Старушонка утерла края своих губ двумя пальцами и, помахивая в такт левой рукой, медленно продолжала:

— Как наш царь Александр Николаевич…

— Николай Александрович, — не вытерпел Яша и сердито поправил рассказчицу.

— Ты погоди, Яша, я сама дойду, — не смущаясь, ответила старушонка.

— Не перебивай! — сердито заметили Яше остальные странники.

— Как наш Царь, державный батюшка, — продолжала старушонка, — прикрыл казенку; не дам, говорит, водки, ни в жисть, ну «ей» конец и пришел… Как немцу без водки быть?

Она, Альгельма ихняя, и… загорелась… Так и читали: «возгорелась и стала война». Нутро у нее, значит, загорелось: «Давай, говорит, водки!».

А наш Батюшка: «Ни в жисть, ни капельки!»

Все слушатели облегченно вздохнули, видимо, довольные данным разъяснением.

Но Яша не мог успокоиться.

— Вильгельм ихний царь, а не Альгельма. Он войну и зачал.

Но Яшу не слушали, и каждый из слушателей стал припоминать случаи, как люди загорались от водки.

— Мой свекор, — говорила довольно молодая бабенка, — пил запоем, все, бывало, до нитки пропьет. А мамушка плачет. А ей бабки и скажи: «Не дай ты ему, да и все».

Она его и заперла. А он кричит: «Дай, горит у меня…». А она, — никак не дам, — говорит. — Ну он и помер — загорелся.

— Да, сразу никак нельзя оторвать — загорится, — подтвердили все в один голос.

Старушонка, видимо, торжествовала, а посрамленный Яша свернул картину и пошел в сторону.

— А далеко ли путь держите, люди божие? — спросил я.

— В Ерусалим, — ответила первая старушонка, — за время, пока турка войну не начал.

Раздался звон к вечерне, и вся компания двинулась в церковь, а я пошел смотреть каменного покойника, стоявшего на кладбище.

II

Неузнаваемо стало село с закрытием «казенки». Нет водки, и нет того пьяного разгула, той бесшабашности, какая бросалась в глаза при поездке по селу.

— На 80 процентов сократилось число всяких озорничеств и протоколов, — говорил мне урядник богатого села.

Сократилось число преступлений, даже имущественного характера, так как среди них была масса краж, совершенных молодыми парнями на выпивку на посиделках и под влиянием все того же опьянения.

Недаром говорится, что пьяному море по колено.

— Дозвольте покурить, барин, — обратился ко мне мой ямщик, когда тройка земских поднималась по крутому подъему дороги.

Нам навстречу спускались огромные воза с сеном.

Сидевший на одном из них приветливо поздоровался с моим ямщиком.

— Вот, барин, человеком стал…

— Почему?

— Да все от водки, пропился дотла; окоротили «казенку» — хозяином стал.

На работу он — огонь. Теперь все завел.

Да, водка нашего брата обмывала…

У нас стало теперь вот как: иди ночью, никто тебя не тронет, а то, бывало, не пройдешь.

На Здвиженье у нас престол. Так что тут было, один страх: шум, песни, ругаются, дерутся, ножами порежутся.

Урядник ничего не сделает, присылали, бывало, стражников, и им влетало…

А сейчас пришло, что и уряднику нечего было делать — тишина, как будто другой народ.

Самые «питухи», и те теперь говорят: «вот были дураки, куда деньги бросали».

Ох, проклятое это зелье!

У меня тесть пил и сладу с ним не было. Пропил два надела, а третий продал под векселя. Упросили его — он и раздал векселя детям. Так вот житья не было: как придет моя жена к матери, так он ее за косы: «давай вексель», — и других тоже. А ему пропить… Хотели уже отдать, чтоб избавиться. Так тут Бог дал, прикрыли водку. Что же вы думаете: другой человек стал. Теперь и векселя у него, а ничего. Жалеет, что землю продал… И хозяйство пошло, ровно кто помогает со стороны…

— Ну, а бабы ваши как теперь живут?

— Бабы не нарадуются: «другой свет стал, равно мы теперь народились». Одна бьется, бывало, с детишками, а мужики в пивной.

А теперь не то: мужик дома, работает. Благодарят… Стыд стал в народе без водки. Да вот, к примеру, я: то же жалованье, та же езда, а теперь у меня и деньги есть, и вот тепло одет, а то, было, дрожишь здесь на передке, как пес на морозе, и дома ничего нет.

Чудо, как все это сталось!

— А правда, барин, что министр не хотел прикрывать казенку: пусть, говорит, пьют?!

— Это неправда, — поспешил я ответить.

— Да, как же супротив царского указа…

И благодарит народ, дай Бог здоровья, — ямщик снял шапку и перекрестился.

Да, действительно, жизнь совершенно изменилась с прекращением продажи спиртных напитков.

Теперь уже все боятся, как бы не вернулось старое: ужасом веет от недавнего прошлого.

— Да вы теперь и калмыка не узнаете: водки нет, и другой человек стал, — говорил мне приятель-крестьянин в селе, прилегающем к улусу.

— Поживут так — и воровать перестанут. А пили они до бесчувствия…

— Может быть, они и теперь достают водку?

— Нет, водки нет. А вот немцы тем пользуются, из околонка продают свое поганое вино, да лупят по 6 рублей за ведро. Берут калмыки по 5—6 ведер и пьют. А там чего только нет, в этом вине. Тащат и тихонько пьют.

Бывало, приедет калмык, и спросишь: «Ну, как, Овше, праздник был?»

— Карош был праздник, очень карош, драка был большой, за виски тягался, водка много пил.

— А сегодня приехал, спросил: «Ну что, как праздник? — Плохо, бачка, водка нема… ровно, скучно».

Набор у нас прошел на диво: тихо, скромно, ровно и не те «гожие». А прежде, за два месяца до призыва уже начинают гулять. И чего они только не делают, все в страхе, а ночью пройти нельзя.

Пьют и дебоширят.

Это общий отзыв жителей.

— Ну что, призыв у вас был? — спрашиваю своего возницу, молодого парня.

— Меня забрали, — весело и с улыбкой отвечает новобранец, — 74 человека взяли из нашего села. Льготы нынче нет, всех берут…

— А как прежде?

— Прежде брали 15, не больше.

— А как идут ребята?

— Весело, с охотою. Один, как забрали, вышел и заплакал… Все затюкали его. А другой голый выскочил на мороз и кричит «гож»; в ладошки бьет.

— Чему же он так обрадовался? — поинтересовался я.

— Да как же теперь оставаться дома: у нас и девки на войну хотят…

III

Война и особенно исключительные условия, в которых она ведется, вызвала отклики в самых низинах народной массы, слышно общее негодование: «не по правде воюет».

— А как ежели кончать раненых, так этаким манером и мы их ни одного не оставим!.. Бейся, да по закону.

А раненого… Бог судил.

Такова краткая, но вполне ясная философия войны.

И с этой заповедью уважения к раненому русский человек идет в бой, бьется насмерть, но не помнит зла к пленному и раненому.

Величайшим уважением проникаешься к этому серому, неграмотному философу, слушая его размышления на самые острые темы. И в основе всех суждений лежит жалость к слабому, обиженному и желание правды в отношениях…

Явились поэты, «певцы войны», совсем малограмотные, но порою с удачной рифмой и звучным стихом.

Несколько таких импровизаций удалось записать, и, к удивлению, авторы их совсем почти не обучались в школе, и впервые проснулось в них дарование под влиянием настоящих событий.

— А что, поют у вас новые песни? — спрашиваю своего ямщика.

— Нет, стихи баптисты поют.

— А насчет войны?

— Да, у нас один ловко «сказует», ладно так выходит.

Этого «одного» мне на обратном пути удалось повидать и записать его «пустяк»:

Как грянули барабаны,
Раздалось наше ура, —
Побежали, как бараны,
Врассыпную кто куда.

Как засели все в траншеи,
И зачали в нас стрелять…

Ну, мы дали им в три шеи,
Снова стали удирать.

Все бежали без оглядки,
Побросали сапоги…
Видны были только пятки —
Каковы наши враги!

Автор оказался грамотным, был в школе, ревностный посетитель чайной, где постоянно читает газеты. Встретил и другого такого певца войны. У него оказалась целая тетрадь его творений, записанных собственноручно, совершенно безграмотно. В конце тетради приписка: «Моему стихотворению нет конца, бумаге конец — негде писать». Автор без всякого образования.

Все стихотворения проникнуты верой в несокрушимость России и безусловную ее победу над немцами, Вильгельма автор поносит бранными словами и переходит даже в нецензурные сравнения. Для автора Вильгельм — что-то вроде Вельзевула.

Приведу некоторые из его творений с сохранением орфографии. Озаглавлено: «фильтон тараса».

Как уздумалося немцам
Всю европу покорить
Захотелось чертям диким
У расеюшки побыть

Ты не думай черт паршивый
Как расеюшкой шутить
Вить россия смертоносна
Она грудь твою пронзить

Разоритель божьих храмов
И хулитель ты икон
И зовут тебя вильгельман
Настоящий ты дракон

Эх немецкая лапатка
Вить не будет табе сладко
Тогда посмотри,
Дослужился до гиены
Мы отправим на елену
На остров святой

У нас русския народы
У нас много и свободы
Дружно постоим,
Разузнаете россию
Как она лиха
До берлина доберется
У вас пиво не плоха

Вить мы смирныя такия.
А вояки мы давно.
Мы мамаев всех побили
И батыя все равно

Чингисхана, тимучина
Тамирлана все одно
Мы за Австрию возьмемся
До гирманцев доберемся
Поразделим вас.

Эх нечистая ты сила
Ты второй наполион
Ты порезал мужчин мирных
Ты добрался и до жон

Вить ты тигра и безбожник
Настоящий лютой змей
Чесных девушек порочил
Ни щедил никак детей

Ты пословицу послушай
Говорится что у ней:
У симействи задерутся
Ты не липни братец к ней.

В чужу кашу не мешайся
Не просили же мы вас
Наша каша пирсалена
Угостили же мы вас

В последних двух строфах автор отмечает дошедшие до него газетные сообщения, что Вильгельм хотел воспользоваться нашими внутренними волнениями.

Далее автор продолжает:

Верой руской православной
Наш гордится весь народ
А немецкой вашей хари
Мы воткнем копье у рот.

У нутри нас врагов многа
Ты гляди же брат сирега
Ни давайся им…

Здесь германец виш старался
До росии добирался
Он шпионов нанимал
Прокламацыи кидал

Вить вильгельм давно тут бьется
Над царями он смеется
На сьезды всегда спешил
Усех наскрость протомил

В последней строфе заключается указание на участие Вильгельма в совещаниях правителей Европы по поводу революционного движения:

На риспублику взгляните
У китайцев возотьня
И у турок и у персов
Там идет давно резня.

IV

В следующем стихотворении автор очень трогательно описывает положение детей, оставшихся после ушедшего на войну отца. Озаглавлено оно так:

«Вроде фильтона как у нас прощались мобилизация, здетьми раставались»:

Вы прощайте мои детки
Поцелуйти вы меня
Нидаждетеся сиротки
Ксебе роднаго отца

Вы успомните цыплятки
На руках вас как держал
Отвернулся со слезою
И сам горько зарыдал.

Прощай маменька родная
Дорогой ты мой отец
Прощай милая супруга
Распадися наш венец.

Раступись земля сырая
Скрой ты зглаз моих сирот
Горько горько я заплакал
Как прощался у ворот.

Когда будете молится
Пред иконою святой
То усердния просите
Серебристою слезой

Осталися горемыки
Ни кому вы ненужны.

Усяк скаже — чьи такия
Оборванцы попришли.

Люди ждут святой день пасхи
Все кобединки идут
А как нам горьким сиротам
Горьку весточку несут.

Ваш папаша у больницы
Весь израненый лежит
Перед ним стоял там доктор
«Видно нечего тужить».

«Умирайже воин сильнай»
Доктор речь ему сказал
А сам скорами шагами
Из больницы побежал.

Генералу доложил он
«Умирает наш больной».
Тут полковники сбежались
«Где же воин наш герой».

Генералы тут сказали
«Видно нечего тужить
На груди его высокой
Крест смедалию лежит».

Далее автор говорит, что проводить умершего собрались «милосердныя сестрицы» и доктор, который сказал «речь» о положении оставшихся детей.

Ты кому же мой касатик
Своих деток приручил
Отца матерю старушку
Ты во гроб их положил.

В этой «речи» говорится о «несчастной сиротской доле» и отмечено безучастное отношение к детям окружающих, что особенно тяжело чувствуется в большие праздники. Люди идут в церковь…

Они горько сидят плачут
Под родительским окном.
Бувало наш папашечка
За ручку возьмет
И нас малых деточек
К церкви поведет.

Это стихотворение, несмотря на свою длинноту и недостатки, производит сильное впечатление на слушателей, и мне удалось присутствовать на одном таком чтении автора, когда все присутствовавшие плакали, и многие горькими слезами.

Надо сказать, что автор охотно читает свои произведения своим односельчанам, его уже знают и идут «послушать».

Стихотворение заканчивается следующими словами:

Вышла на Росеюшщу
Долюшка така
Сирот понаделала видно сдалека…

Все стихотворения написаны с очень малыми помарками, и, очевидно, автору очень легко дается размер и рифма, и он пишет набело.

V

Отвратительная осенняя погода заставила заночевать раньше, не добравшись до знаменитой скалы села N-…ского, где начертана пленными поляками 1813 года интересная надпись.

Я открыл эту надпись и сфотографировал ее еще раньше, но в эту поездку хотелось кое-что дополнить.

Завернул на «заезжий», где приветливо уже светился огонь.

При входе в «комнату» обратил внимание на громкий разговор, доносившийся в отворенную дверь с «хозяйской» половины.

Слышалось: «наши», «немцы»…

Я невольно прислушался и остановился у отворенной двери.

Визгливый женский голос оборвался.

Из-за стола, с шумом отодвигая стул, выдвинулся среднего роста человек и страстно, запальчиво заговорил, сильно размахивая руками.

— Да, великое свершилось. Завеса, плотно закрывавшая от глаз наших истину, раздвинулась, и мы во всем великолепии, в лучезарном сиянии увидели любовь… Вечную красоту жизни, дыхание мира, покоя, радости. Мы увидели, что только при ней нет ни крови, ни пожаров, ни убийств, ни посягательств…

И завесу эту раздвинул он, этот скромный русский человек, солдат, умирающий за далекого обиженного и разоренного брата. Он выполнил свято завет Того, Кто любовь ставил выше собственной жизни и пришел смертью победить зло, и открыть путь к добру, к светлому и чудному будущему. Великий Боже, ты вложил дух твой в сердце русского и святы дела… И путь его огнем сожжет исчадия сатаны и охранит сирых и убогих…

Я, как очарованный, слушал это страстное, вдохновенное излияние, открыв немного дверь.

Собеседников было четверо: женщина, чиновник в тужурке, по виду «землеустроитель», небольшого роста средних лет человек, стоявший на середине комнаты, которому и принадлежат приведенные слова, и батюшка.

— Любить должно не всякого, — прервал оратора «устроитель»

— Жизнь создается не одним чувством… Государство не может…

— Сила создает право, — перебила запальчиво женщина. — Распыляться в «общей» любви, значит это создавать неустойчивость, слабость… Куда-то, зачем-то!.. За других!.. А у себя — розы?.. Прежде дома, а потом к людям… — так же запальчиво и скороговоркой продолжала женщина, красивая интеллигентная брюнетка.

Собеседники были увлечены и не обращали внимания на мое появление.

Вся эта сцена заняла несколько минут и, к сожалению, была прервана хозяйкой, заявившей:

— Иван Петрович, Вас домой зовут, скорей.

Пылкий оратор быстро схватил шапку и, не прощаясь, стремительно ушел в двери.

Собеседники поднялись и стали расходиться.

— Как он изменился, — заговорил «устроитель», обращаясь к батюшке и нахлобучивая барашковую шапку.

— Да, — протяжно произнес батюшка. — Эта война многому дала совсем другое освещение… Люди как будто проснулись. Такие люди, как Иван Петрович, это… золотое сердце.

Ушли.

В ушах моих ясно звучали слова пылкого Ивана Петровича.

— Чай-сахар, Ваш? — послышался голос хозяйки. — Самоварчик готов.

— Да, давайте, пожалуйста.

— Я, кажется, помешал Вашим гостям?

— Нет. Они — свои.

— Здешние?

— Это докториха наша.

— Лечит?

— Да, очень такая славная. Детишек уж больно крепко любит. Ночь-полночь, идет… Дай Бог ей здоровья.

— Давно?

— Нет, как бы Вам сказать…

— А Иван Петрович?.. — перебил я.

— Это учитель… Вот не было американца…

Я изумленно смотрел на хозяйку.

— Да он — наш, а в Америке был.

У нас много ездили туда. Вот. Иван… — хозяйка стала перечислять ездивших в Америку и, видя, что я удивленно смотрю на нее, пояснила.

— Вернулись, хорошо заработали. Женщины ездили с швейными машинами, в Канаде были… До войны вернулись.

— Ну как там?

— Ничего, цена хорошая, а все домой тянет, одно слово, родина…

— Может, Вам газетку? — прибавила хозяйка.

— Пожалуйста, принесите.

Хозяйка принесла «Русское Слово», «Биржевые Ведомости».

Газеты оказались уже читанные мною, и я приступил к чаю, рассчитывая пораньше улечься, тем более что «карвать» не обещала покойного сна.

— Благодарю, читал уже, — обратился я к хозяйке, возвращая газеты.

— Да, у нас «Отделения» нет, а чрез волость, ну через неделю и читаем… хорошо еще как не застрянет… Так и письма… Просили «Отделение», да все нет.

— А пишут с войны?

— Да, как же, очень нужаются бедные. Бабы носят к нам читать.

— Может, почитаете солдатские грамотки?..

— Очень буду рад, пожалуйста.

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Прозрителев Г.Н. В дороге. По Ставропольской губернии в 1914 году // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. — Ставрополь, 1915. — Вып. VII. — Отд. 1. — С. 1—20.

ØÀÌ ÈËÜ Â ÃÎÐÎ ÄÅ ÑÒÀÂÐÎ Ï Î ËÅ

Было время, когда имя Шамиля[1] наводило страх на всех жителей Кавказа. Грозный имам, владыка горцев, был недоступен в своих горных ущельях, и многие считали его непобедимым.

Но 25 августа 1859 года пал Гуниб, твердыня горцев, и великий имам стал пленником России.

Трудно теперь понять ту великую радость, какую испытали современники, когда стало известно невероятное событие, что Шамиль в плену. Надо было пережить то время Кавказской войны, полной неожиданностей и всевозможных злоключений, чтоб, действительно, встретить ликованием падение этого неукротимого борца и вдохновителя горских племен на тяжелую геройскую борьбу.

Война кончилась… но если бы она и не кончилась, то без Шамиля это уже не война.

Лично мне пришлось в детстве пережить тот страх, какой овладевал взрослыми, и то впечатление, какое производило имя Шамиля, хотя я жил тогда в Ставрополе, в центре кавказского, так сказать, вооружения, среди многочисленных войск.

«Шамиль хитер, и не знаешь, откуда он придет», — приходилось слышать от взрослых, хотя Ставрополь от Дагестана на почтенном расстоянии.

Помню, были многие, полагавшие возможным нападение и на Ставрополь; это относится к 50-м годам, когда Шамиль уже значительно был стеснен нашими войсками и отступил в горы.

И вот Шамиль, действительно, в Ставрополе, но уже не грозным воином, а пленником.

Помню, в сентябре стояла прекрасная погода. Весь город высыпал на улицы посмотреть проезд Шамиля.

Курьерские лошади быстро промчались по Николаевскому проспекту[2] вверх, и ничего не удалось увидеть.

Наутро мы, детвора, бросились к «Бабиной Роще»[3]. Я подбежал в то время, когда Шамиль выходил из ворот на улицу. Волоса стали дыбом и ноги подкосились, когда чуть не в упор налетели мы на грозного пленника, пред именем которого привыкли трепетать.

На всю жизнь запечатлелась и гордая осанка пленника, белая черкеска, папаха с чалмой и большая рыжая борода. Впечатление этой неожиданной встречи было так сильно, что оно вытеснило вес остальные, и я ничего другого из этого дня не помню.

Впоследствии я узнал, что Шамилю в роще, в ротонде, был устроен офицерством обед.

Выходил он из рощи в ворота, стоящие по Александровской улице[4].

Личные воспоминания мне удалось пополнить архивными сведениями.

Среди дел Губернского архива, предназначенных к уничтожению, оказалось дело канцелярии Ставропольского губернатора за 1859 год о приезде Шамиля и приготовлении для него квартиры[5].

Каким-то чудом уцелело это интересное дело, обреченное на сожжение или лавочные завертки комиссией графа К., разбиравшего губернский архив. Эта комиссия рассматривала в день по 15 тысяч дел… К чести бывшего, ныне покойного, губернатора Никифораки надо сказать, что такая «успешная» работа была забракована им, и дела спасены.

Теперь, рассматривая эти «обреченные» дела, диву даешься бесшабашности, с какой относились к делам, обрекая их на уничтожение. Масса весьма ценного материала в них.

Указанное дело возникло вследствие сообщения штаба войск правого крыла Кавказской линии исправляющему должность Ставропольского гражданского губернатора.

Штаб пишет: «Из донесения начальника штаба войск левого крыла к г-ну командующему войсками, от 1 сентября № 5260, о следовании из укрепления Темир-Хан-Шуры[6] в Санкт-Петербург взятого нашими войсками в плен Шамиля, нужно полагать, что он прибудет в Ставрополь 7 или 8 числа сего месяца.

А потому имею честь покорнейше просить приказания Вашего Превосходительства об отводе для помещения пленного и сопровождающего его адъютанта г-на главнокомандующего, полковника Тромповского, удобной и поместительной квартиры, о месте нахождения коей не оставьте поставить в известность ставропольского коменданта для присылки в свое время военного караула»[7].

4 сентября губернатор предписал полицмейстеру[8] приготовить квартиру.

Хотя в предписании говорится, чтоб полицмейстер донес о месте нахождения квартиры, но в деле нет сведений — где именно было отведено помещение для Шамиля.

По словам некоторых ставропольских старожилов и, между прочим, В.С. Воскресенского[9] (ныне покойного), Шамиль в этот свой проезд квартировал на углу Воронцовской и Госпитальной в доме бывшем Воскресенского.

Шамиля везли в Петербург. И, видимо, власти торопились препроводить возможно скорее дорогого пленника, и потому были приняты все меры для проезда без задержек.

Насколько помню, ходил слух, что будто бы горцы в числе 15 тысяч предполагали сделать нападение и отбить Шамиля. Но это была только шумиха, так как падение Гуниба произвело ошеломляющее впечатление на все горы. Да и сам Шамиль верил, что он недоступен в этом орлином гнезде и никто не отважится взобраться на эту горную вышку. Но судьба распорядилась иначе.

Мы прилагаем здесь портрет героя Гуниба — капитана Апшеронского полка, который первым взошел на Гуниб, будучи тогда еще юнкером.

Проезд на почтовых лошадях в то время был усиленный, поэтому почтовая контора пишет гражданскому губернатору: «За отсутствием начальника штаба дежурный штаб-офицер от 5 сего сентября за № 4506 сообщил этой конторе, что из копии открытого извещения о предстоящем проезде пленного Шамиля, отправляемого в С.-Петербург, препровожденного к г. командующему войсками правого крыла, при отзыве командующего войсками в Прикаспийском крае г. генерал-адъютанта барона Врангеля, от 1 сего же месяца № 4552, что под проезд адъютанта г. главнокомандующего гвардии полковника Тромповского, сопровождающего пленного, потребуется 20 лошадей, почему просит заготовить сказанных лошадей на Новочеркасском тракте.

Вследствие сего Ставропольская губернская почтовая контора честь имеет покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение о выставке по 20 на каждую станцию обывательских лошадей по тракту от Ставрополя до Средне-Егорлыка, дабы не сделать задержки в следовании его высокоблагородия г. Тромповского, потому что в настоящее время гораздо более противу прежнего усилился разгон лошадей и сего числа отправляется тяжелая почта, которая следует на 11 тройках, отчего может произойти остановка»[10].

Ввиду этого сообщения губернатор 7 сентября предложил палате государственных имуществ сделать распоряжение о высылке требуемых лошадей.

Когда именно выехал Шамиль из Ставрополя, в деле нет указаний, но несомненно, что в Ставрополе по маршруту была только дневка.

Шамиля должны были доставить в Петербург для представления Государю, а затем уже препроводить в Калугу. Вместе с Шамилем были взяты в плен его семья и близкие.

И вот 1 декабря 1859 г. командующий войсками правого крыла генерал-лейтенант Филипсон пишет ставропольскому губернатору, что семейство Шамиля отправлено из Темир-Хан-Шуры 29 ноября и прибудет в Ставрополь в первых числах декабря.

При этом приложен следующий список семейства.

«Список семейству Шамиля, отправляемому из укрепления Темир-Хан-Шуры в гор. Калугу».

Сыновья Шамиля:
1) Старший Кази Магома[11].
2) Младший Магомед-Шафи[12].
3) Жена Магомед-Шафи Эминет.
4) Зайдет — жена Шамиля.

Дочери его замужние:
5) Написет — жена Абдурахмана.
6) Дочь ее Магазат.
7) Фатимат — жена Абдурагима.

Дочери его девицы:
8) Наджибат.
9) Баху Месед.

Зятья Шамиля:
10) Абдурахман — муж Написеты.
11) Абдурагим — муж Фатиматы.
Они сыновья Джамал-Эдика Кази Кумухского, тестя Шамиля.

13) Родственница Шамиля и нянька детей его Халуш.
14) Сын ее Омар (17 лет).
15) Родственник же Шамиля Джамал Эдик Хусейн-Оглы, уроженец селения Гимр (35 лет).

Служанки при семействе Шамиля:
16) Вали Киз (50 лет),
17) Месси (17 лет).

К этому семейству должны присоединиться в г. Моздоке для следования оттуда в г. Калугу:
1) Шуанет — жена Шамиля.
2) Дочь его от нее Сапиат.

При них:
3) Слуга Хайрулла (35 лет).
4) Служанка Фаризат (40 лет).

Семейство это сопровождают из Темир-Хан-Шуры фельдъегерского корпуса поручик Гузей Разумов и в качестве переводчика житель Гидатлинского общества Дибир-Магома.

Далее приложен список экипажам, «в коих отправляется семейство Шамиля из укр. Темир-Хан-Шуры».

Число лошадей, нужное под экипажи:
1) Тарантас с оглоблями — 5 лошадей.
2) То же — 5
3) Фургон дышловый — 6
4) То же — 6
5) Тарантас фельдъегеря[13] — 5
6) Перекладная под вещи — 3
Итого потребно на каждом переезде по 30 лошадей.

Ставропольский губернатор 3 декабря предписал полицмейстеру приготовить удобные, теплые и поместительные квартиры.

С своей стороны Почтовая контора, получив уведомление от штаба войск, пишет губернатору, что генерал-лейтенант князь Меликов от ноября за № 1812 сообщил оному штабу, что семейство Шамиля отправлено 29 числа прошлого ноября месяца из Темир-Хан-Шуры в город Калугу, и что оное будет проезжать по правому крылу в первых числах сего месяца — и что под проезд его требуется лошадей под два тарантаса 10, под два фургона — 12, под тарантас фельдъегеря — 5 и под одну перекладную 3, а всего 30 лошадей. Вследствие чего Ставропольская губернская почтовая контора, вместе с сим, предписала почтовым станциям от Ставрополя до Моздока и Средне-Егорлыка с тем, чтобы во время следования семейства Шамиля не могло встретиться ни малейших препятствий к безостановочному и спокойному следованию его, при этом докладывает, что по настоящему времени и погоде невозможно обойтись без подставных обывательских и казачьих лошадей, потому что постоянное отправление почт, эстафет, проезжающих, курьеров, фельдъегерей и комиссионеров, а также и проезд Магомет Амина[14] из Ставрополя в Тифлис вместо 6 потребует 12 лошадей, то в таком случае губернская контора не может ручаться за остановку, ежели не будет сделано распоряжение о выставке в пособие к почтовым обывательских и казачьих лошадей, по несколько троек под проезд семейства Шамиля»[15].

Одна из жен Шамиля, именно Шуанет, была, как известно, пленная армянка из Моздока, дочь почетного гражданина Улуханова.

Улуханова взята была в плен молоденькой девочкой и так поразила своей красотой предводителя партии горцев, что он не решился присвоить ее себе, а представил Шамилю. Судьба сулила ей стать женой грозного повелителя горцев, который очень привязался к ней, и дочь от нее Сапиат пользовалась особой любовью Шамиля.

После смерти Шамиля Шуанет не пожелала возвратиться к своим родственникам, а уехала в Турцию, где и жила до конца дней своих, получая пенсию от султана.

Недавно мне удалось в проданных пожитках одного ставропольского старожила найти портрет этой красавицы с интересной надписью, сделанною рукою современника.

Надпись следующая сделана чернилами: «Наследница почетного потомственного гражданина моздокского армянина Луханова, взята в плен черкесами в 1845 году и состоявшая супругой мугуметанского Императора кавказского воина Шамиля». (Сохранена орфография подлинника).

Каким-то чудом уцелел этот портрет среди всякой рухляди, сломанных стульев и др. старья.

В настоящее время он выставлен в губернском музее Северного Кавказа (здание губернского правления).

Видно, что Шамиль при боевых своих достоинствах умел ценить женскую красоту и окружал значительною роскошью попадавших к нему красавиц, несмотря на все невзгоды, которые ему приходилось терпеть. Мы прилагаем здесь снимок с этого портрета*.

По поводу этого портрета ставропольский старожил Г.И. Шалашный[16] сообщил нам следующие интересные подробности: «Шуанет действительно дочь моздокского армянина Улуханова, и фамилия Улухановых существует в Моздоке и теперь. Она была взята в плен на хуторе близ Моздока во время набега горцев на эти хутора.

Кроме Улухановой, пленницами Шамиля были две кахетинские княгини: Чавчавадзе и Орбелиани, причем первая из них была взята в плен с маленьким сыном. Пленные княгини Чавчавадзе и Орбелиани освобождены в 1853 или 1854 году из плена не за выкуп, то есть не за деньги, а в обмен, так как Шамиль решительно отказался взять выкуп и потребовал в обмен за княгинь своего сына[17].

* Портрет невозможно воспроизвести. — *Ред.*

Сын этот в 40-х годах, когда дела Шамиля были очень плохи, был отдан нашим войскам в качестве заложника и таковым был отослан князем Воронцовым[18] в Петербург, где по повелению Императора Николая I был помещен в один из кадетских корпусов, откуда по окончании курса был выпущен офицером в один из квартировавших в столице полков. Вот этого-то сына и требовал Шамиль за княгинь Чавчавадзе (с сыном) и Орбелиани. Сын Шамиля неохотно и по принуждению должен был ехать из Петербурга на Кавказ к отцу в Ведено.

Обмен произошел на речке Мичик по дороге от Хасавюрта к Ведено[19].

Сын Шамиля от тоски или вследствие других причин заболел в Ведено скоротечной чахоткой. Убитый горем отец в 1856 или 1857 годах прислал в Хасавюрт, будучи во враждебных отношениях с русскими, человек 10 своих мюридов[20] и просил командира Кабардинского полка князя Дмитрия Ивановича Святополк-Мирского послать в Ведено одного из полковых врачей. Мирский оставил в заложниках человек 5 мюридов, а с остальными послал в Ведено доктора Козловского, который через несколько дней возвратился и заявил, что сын Шамиля переживает последние минуты. Вслед за Козловским приехал в Ведено нарочный, чтобы сказать Козловскому, вернувшемуся из гор будто бы за лекарством (по совету больного), что больной умер. Мюридов отпустили в горы. Все это достоверно известно мне от отца, служившего с 1855 года в Хасавюрте по 1861 год».

Ï ðè ì å÷à í èÿ

1. Шамиль (1797, аул Гимры, Дагестан — март 1871, Медина, ныне Саудовская Аравия) — глава мусульманского военно-теократического государства в Дагестане, возглавлял борьбу горцев Дагестана и Чечни против армии императорской России.

2. Николаевский проспект — сегодня проспект Карла Маркса.

3. Бабина роща — сейчас это территория городского Центрального парка.

4. Александровская улица — сегодня улица Дзержинского.

5. Дело по описи № 280 на 16 листах. Нач[ато] 4 сентября 1859 года, окон[чено] 5 декабря 1859 года. В настоящее время дело хранится в Государственном архиве Ставропольского края (ф. 101, оп. 1, д. 3729).

6. Темир-Хан-Шура — в настоящее время город Буйнакск республики Дагестан.

7. Документы датированы третьим сентября 1859 года. В правом верхнем углу помета: «В[есьма] нужное» (№№ 1 и 08).

8. Полицмейстер — начальник полиции города.

9. Воскресенский Василий Степанович преподавал историю в Ставропольской классической гимназии с 60-х годов XIX века, являлся членом Ставропольского губернского статистического комитета.

10. Документ датирован шестым сентября 1859 года. На полях помета: «Весьма нужное» (№ 3 и об.)

11. Кази Магома (Мухаммед, Магомет) (1833—1902) второй сын Шамиля. С ранних лет принимал участие в военных действиях и почти всю свою боевую жизнь находился рядом с отцом. В 17 лет, в 1850 году, был назначен наибом Карата. Объявлен наследником Шамиля в управлении государством. Султан Турции пожаловал ему звания, орден с алмазной звездой и чин паши. В августе 1859 года был вместе с Шамилем в Гунибе, а затем в Петербурге, Москве, Калуге и Киеве. Он не захотел поступать на царскую службу. После смерти Шамиля выехал в Аравию и поступил на службу в Турецкую армию. Во время Русско-Турецкой войны 1877—1878 годов в чине генерала командовал частями Турецкой армии при осаде крепости Баязет. После войны был отстранен от воинской службы и в чине маршала отправлен в ссылку в Медину, где и был похоронен рядом с Шамилем.

12. Магомед (Мухаммед)-Шафи (Шефи) (1839—1906) четвертый сын Шамиля. Женат был на дочери наиба Энков-Хаджи-Аминат. Молодая пара находилась среди защитников Гуниба. Вместе с семьей Шамиля был в Петербурге, Калуге. 8 апреля 1861 года с согласия отца определен на службу корнетом лейб-гвардии в кавказский эскадрон собственного Его Императорского Величества конвоя. В 1864 году был произведен в поручики, через два года — в штаб-ротмистры. За отличную и усердную службу награжден орденом Св. Анны 3-й степени. В 1871 году произведен в ротмистры и утвержден командиром взвода горцев в царском конвое. Через 2 года получил орден Св. Станислава 2-й степени. В 1876 году произведен в полковники. Во время Русско-Турецкой войны 1877—1878 годов просился на фронт, но царь не отпустил его. Последние годы жизни провел в Казани, куда был переведен на службу в чине генерал-майора. Умер в Кисловодске, где часто бывал в отпуске. Похоронен в 30 километрах от города на муниципальном кладбище.

13. Фельдегерь — военный курьер.

14. Магомет (Мухаммед) Амин (1818—1863) — наиб закубанских горцев с 1848 года. К концу 1850 года управлял абадзехами, натухайцами, шапсухами и являлся самостоятельным правителем

Северо-Западного Кавказа. Во время Крымской войны турецкий султан присвоил ему звание паши. 20 ноября 1859 года в урочище Хомасты он присягнул на верноподданство России. В конце 1859 года побывал в Петербурге, где написал свои воспоминания, получал от Александра II ежегодную пожизненную пенсию в 3 тысячи рублей. Встречался с Шамилем в Калуге, после чего эмигрировал в Турцию.

15. На полях документа имеется запись, сделанная командиром: «Распоряжение сделано вчера: от Владикавказа до Георгиевска по 10 троек казачьих, от Георг[иевска] до Став[рополя] по 7 казачьих по 7 казачьих и по 3 крестьянских, от Ставрополя до Егорлыка по 7 обывательских» (п. 9).

16. Шалашный Григорий Илларионович — председатель Александровского уездного съезда мировых судей и землеустроительной комиссии в 1893—1911 годах, действительный член Ставропольского губернского статистического комитета.

17. Речь идет о первом сыне Шамиля — Джамалуддине (1831—1858), который при осаде Ахульго в 1839 году, в восьмилетнем возрасте, был сдан заложником начальнику русского отряда генералу Грабе и отправлен в Петербург. Был принят лично Николаем I и определен в Александровский кадетский корпус. В 1840 году переведен в 1-й кадетский корпус. В 1843 году произведен в корнеты и прикомандирован к Уланскому Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловича полку, который в это время располагался в Торжке Тверской губернии. В 1852 году был произведен в поручики. В 1854 году был обменен на княгиню Чавчавдзе и Орбелиани. Умер в 1858 году от чахотки.

18. Воронцов Михаил Семенович (1782—1856) — наместник Кавказский в 1844—1854 годах.

19. Ведено — аул, горная резиденция Шамиля.

20. Мюрид — последователь суфизма, мистико-аскетического течения в исламе, призывающего к смирению и уходу от мирской суеты, к подражанию во всем пророку Мухаммеду, духовному совершенствованию во имя сближения с Богом. Иногда мюридами называли рядовых мусульман.

Примечания В.В. Белоконь

Ëèòåðàòóðà

Г. Галоян. Россия и народы Закавказья. Очерки политической истории их взаимоотношений с древних времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции. — М.: Мысль, 1976.

Н. Киняпина, М. Блиев, В. Дегоев. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII — 80-е годы XIX века). — М., 1984.

Н. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках. — М., 1958.

Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документов и материалов. — Тбилиси, 1953.

В. Пикуль. В гостях у имама Шамиля // В. Пикуль. Кровь, слезы и лавры. — Советский писатель. — Ленинград, 1988.

В. Гниловской. Территориальное развитие города Ставрополя в первой половине XIX столетия. — Ставрополь, 1952.

Г. Краснов. Ставрополь-на-Кавказе. — Ставрополь: Книжное издательство, 1957.

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Прозрителев Г.Н. Шамиль в Ставрополе // Сборник сведений о Северном Кавказе. — 1914. — Т. 9. — С. 1—10.

ÈÇ ÏÐÎØËÎÃÎ ÑÅÂÅÐÍÎÃÎ ÊÀÂÊÀÇÀ. ÂÎÑÏÎÌÈÍÀÍÈß ÑÒÀÐÎÃÎ ÊÀÂÊÀÇÖÀ ÎÒÑÒÀÂÍÎÃÎ ÂÀÕÒÅÐÀ ÌÅÔÎÄÈß ÑÒÅÏÀÍÎÂÈ×À ÑÎËÎÄÓÍÀ

Приводимые воспоминания представляют интерес как свидетельство очевидца о всех событиях нашего края за целое полстолетие. К сожалению, этого рода материал, дающий очень ценные данные для историка и служащий лучшей характеристикой известной эпохи, погибает бесследно, так как в редких случаях современники дают себе труд записать все виденное и слышанное ими в течение их долгой жизни. Особенно мало таких воспоминаний осталось от наших кавказских героев. А между тем старых кавказцев остается в живых уже очень мало.

Помещая воспоминания Солодуна, мы тем самым надеемся побудить и других старожилов порыться в своей памяти и записать по возможности точно все, чему они были свидетелями.

Воспоминания Солодуна обращают на себя внимание еще и по самой личности автора. Это был человек совершенно неграмотный, но имел колоссальную память, которую он сохранил до самой смерти. Не получив никакого образования, Солодун обладал выдающимся умом и поражал своими знаниями, почерпнутыми, конечно, единственно доступным для него путем — слушанием читаемых книжек. Проживал Солодун в своем селе Жуковке, жизнью обыкновенного крестьянина, был избираемым обществом старшиной и все последние 20 лет своей жизни вел борьбу из-за земли, по его убеждению, неправильно отрезанной из надела Жуковского общества сначала для ремонтного депо, а потом отошедшей Найону Гахаеву. Это, кстати сказать, были два непримиримых противника: первый стоял за свое общество, а второй — за интересы калмыков, и последний одержал верх. Солодун умер в 1907 году.

Воспоминания эти записаны почти слово в слово, как говорил автор, с сохранением порядка их расположения и самых оборотов.

Родился я в Полтавской губернии в 1829 году; а в 1844 году я вместе с семьею своею перешел на жительство в Черкасскую, ныне Ставропольскую, губернию в селение Жуково Песчанокопской волости Ставропольского уезда. 22 июня 1854 года я 15 лет пошел охотником за своего брата на военную службу. В сентябре того же года я был назначен в Киндинский пехотный полк в 6-й резервный баталион, а из последнего меня перевели в тот же полк в 3-й баталион 7-ю роту, и вскорости после нового года, 25 января 1855 года, мы вступили в Гурийскй отряд и подступили под Карс под командой генерал-майора Бакланова; 18 мая того же года на речке Арпачай произошло страшное сражение с неприятелем, в котором наших было убито 6 тысяч человек и до 2300 раненых, со стороны же неприятеля, как потом оказалось, на поле сражения обнаружено было убитыми более 60 тысяч человек и до 11000 раненных и, кроме того, нами было взято в плен до 60 тысяч человек, 47 орудий со всеми съестными припасами, денежный ящик и 4 знамя.

На счет самого боя могу сказать, что, по моему мнению, неприятелю показалось малое количество наших войск (у нас было 89 тысяч), и поэтому неприятель развернул фронт и стал делать атаку с двух левой и правой сторон, и нам остался выход только на север, но и там, оказалось, были уже подготовлены 12 батальонов с 12 орудиями. И не успели мы отслужить молебен, как он открыл огонь по нам и перекрестным огнем стал нас бить, двигаясь на нас с главными колоннами в рукопашный бой. Но благодаря Богу и командиру нашему генералу Бакланову, который выдвинул против неприятеля линейных артиллерийских казаков с 12 орудиями и, подпустив их на малую дистанцию, открыл огонь и, таким образом, положил неприятеля на месте до 60000 человек. Неприятель, в свою очередь, выдвинул свою артиллерию с 20 орудиями, но наша пехота не давала эти орудия скинуть с передков, ввиду чего неприятелю пришлось загородить свою артиллерию пехотой, но наша артиллерия, по распоряжению генерала Бакланова, двинулась вторично к наступлению, и неприятель понес страшный урон и сделал отступление, чем воспользовалась наша конница и стала преследовать неприятеля, гоня его в тыл, причем в правую и левую атаку нами взято в плен 12 баталионов и 10 орудий, которые были высланы неприятелем для задержания наших войск. Неприятель от уборки убитых и раненых отказался, так что пришлось нам это сделать. Через месяц по уборке раненых и убитых и по приходу подкреплений мы выступили в Карс, который мы не бомбардировали, отрезав все пути к нему, провианты, препровождаемые колоннами, мы забирали в плен. Продержали его в таком положении более двух месяцев; когда почувствовался недостаток в пище и там стали умирать голодной смертью, то в августе месяце к нам прибыл посол от неприятеля и объявил, что Карс сдается без боя. После того мы вошли в Карс, где сменили часовых и видя неприятеля в положении голодного человека, приготовили для них хороший обед и накормили их. Нашим глазам представилась

страшная картина умерших турок после принятия пищи, а также несколько тысяч человек лежало мертвых в разных местах крепости, очевидно, умерших голодной смертью. В октябре месяце того же года было приказано пленных всех препроводить в город Тифлис, что и было сделано.

В 1855 году был заключен мир, в том же году в мае месяце я возвратился в свой штаб в город Владикавказ, где постоял до сентября месяца. В этом же месяце поступил в отряд генерала Раевского, с которым и пошли на Карган-Гора, где стояла крепость Бахмут за Сунжей и речкой Осой, за Владикавказом, против Большой Чечни и ингушей. Пробыв три месяца, отступил во Владикавказ.

В 1856 году мы пошли с генералом Конфер и Бажановым в Большую Чечню и подошли к аулу Салжам, где раньше был убит генерал Слепцов, взяли его и пошли дальше по речке Фортанке к Дубо-аул, где произошел бой, который продолжался с 10 часов вечера и до 10 часов другого дня, в котором наших было убито до 2000 человек, но, несмотря на эти потери, аулы все-таки были забраны в 1857 году. Потери наши произошли оттого, что за 4 версты до неприятеля пошли на приступ его. По замирению этих аулов, мы отступили на отдых к крепости Преображенской, где и пробыли 2 $^1/_2$ месяца, и по истечении этого времени мы двинулись против течения речки Аргун и Шар-Аргун, причем при наступлениях нам приходилось сталкиваться с неприятелем не без большого урона с нашей стороны. По взятию этой местности мы возвели крепость между сказанных речек и назвали таковую «Барзы». По окончанию крепости, мы, оставив часть войск в крепости, двинулись вверх по речке Аргун, где также происходили большие стычки с большими уронами и, взяв Шатоев аул, возвели большое укрепление, назвав его Шатаевской, и, оставив до 4 тысяч человек, двинулись дальше по речке Аргун; по дороге ежечасно нам приходилось иметь стычки. Пройдя уже верст 30 горы, взяли три аула, названия коих забыл, и по взятии этих аулов возвели укрепления, наименовав таковое именем графа Евдокимова, и, оставив в этом укреплении до 3000 человек, отступили назад и пошли вверх по реке Шар-Аргуну, не без ежедневных перестрелок. При этом взяли три аула, разорили их до основания и отступили на речку Фортанку, где и основали крепость под названием Шали. Оставив в ней до 3000 человек, пошли вверх по речке Фортанке в горы по направлению на аул Таузи (поход наш был перед новым годом 1858 года), и по распоряжению графа Евдокимова было поручено генералу Бажанову и Кайнфер сделать набег на неприятеля, что мы и сделали, наскочив на два больших аула Кашин и Атхой, которые и уничтожили, несмотря на отчаянное сопротивление горцев. В этом деле у нас было убитыми 47 человек и ранеными 140 человек. После боя нам попался в плен бежавший дезертир 10-го линейного батальона Степан Зимченко, уроженец Каменец-Подольской губернии, вместе с женой чеченкой и двумя мальчиками, тоже чеченцами. По возвращении из набега мы доставили пленного солдата в отряд главного штаба. Он стал проситься препроводить его к генералу Бажанову, и когда его представили к генералу Бажанову, то он стал просить генерала простить ему его измену отечеству и стал уверять генерала, что проводники ведут нас туда, откуда и один из десяти не возвратится, и что если он окажется неправым, то он готов отвечать своей головой, причем Зимченко добавил, что он может привести все войска без одного выстрела до неприятельского укрепления Ведено, где и находится Шамиль.

Генерал Бажанов, выслушав объяснения Зимченко, доложил об этом графу Евдокимову, бывшему в это время в отряде. Евдокимов, также выслушав Зимченко, сказал ему, что если он это сделает, то он, Евдокимов, мало того что простит его да еще и вознаградит.

После этого разговора Зимченко стал уверять Евдокимова, что он может увериться в измене проводников, так как стоит пройти верст 7, как может обнаружить неприятельские засады. Граф Евдокимов, выслушав Зимченко, сделал распоряжение генералу Бажанову и Канферу двинуться с 14 баталионами на неприятеля по указанию Зимченко.

И вот Зимченко под караулом повел нас в обход по непроходимым лесам и тропинкам.

Дорога, по которой нас вел Зимченко, шла в обход аула Таузи и проходила по узким густым тропинкам и неприступным скалам, проходы были завалены снегами, причем приходилось подыматься все вверх на большую высоту. С нами было 6 больших горных орудий на верховых лошадях, 2 лошади с ящиками орудийными сорвались в пропасть и погибли.

Шли мы в 2 человека и в один, никто не свалился. Навстречу нам попались 4 чеченца, взяли их в плен и шли без выстрелов, без остановки, довольствовались одними сухарями и по 2 крышки спирту; отдых был ночью на один час, и шли так четверо суток. Так мы подошли к вершине горы на растоянии 200 сажен к одной батарее неприятеля, находившейся на левой стороне реки Фортанки. С батареи были сделаны выстрелы, и убиты у нас лошадь и два человека, но так как путь наш шел вниз по балке, то батарея нам не вредила и мы успели пройти вниз сзади завалов неприятеля, который стал отступать к аулу.

Около аула была большая площадь и вся была занята неприятелем. Мы стояли вверху, а неприятель внизу в пешем строю, часть его бросилась к нам, но после пяти залпов из 5 тысяч ружей наших неприятель смешался и бросился по дороге на Ведено, совершенно оставив аул.

Согласно приказанию Евдокимова, мы должны были до вступления в аул дать залп из орудий, после которого Евдокимов должен был приступить к взятию завалов с той стороны, где мы его оставили, то есть идти вверх по реке Фортанке; у него было 50 тысяч наших войск.

Обещания Зимченко оправдались. А между тем, если бы мы шли по дороге, указанной проводниками, то нас ожидала верная погибель, так как мы должны были идти по речке Фортанке (другой дороги не было), а по-над ней были устроены завалы, загражденные из громадных бревен в 3—4 обхвата в каждом (7 человек рубили одно дерево два дня); завалы лежали в 6 рядов по горам с обеих сторон реки на 7 верст вглубь ущелья; кроме того, в некоторых местах через речку устроены были временные плотины из каменного щебня и туров, плетенных из хвороста, засыпанных землею. Над этими плотинами были поставлены батареи по 4 орудия в каждой в двух местах. Орудия эти впоследствии оказались русскими, сделанными в Киеве, вероятно, были отбиты у нас раньше.

Боковые заграждения были присыпаны землею. И вот все эти завалы были заняты большим количеством неприятеля левого фланга. Если бы мы пошли по этой дороге, то, конечно, не вышли бы оттуда, тем более, что ширина речки была 50 сажен и меньше. Когда граф Евдокимов услышал наш залп, то кинулся с своим отрядом на приступ завалов, который уже был освобожден неприятелем с оставлением на батарее 4 орудий. После отступления неприятеля к аулу Таузи мы сделали наступление, и неприятель отдал этот аул без боя.

Евдокимов, услышав залп, раскидал поперечные завалы и, пока он пришел, мы уже заняли аул Таузи, где нашли 4 орудия, чуреки, лопаты, много палок, которыми наказывал Шамиль, но оружия не было оставлено.

По приходе Евдокимов наградил Зимченко Георгиевским крестом, жену и детей выкрестили и отправили в Грозный. Выше Таузи в 15 верстах был устроен завал и 4 батареи. На другой день Зимченко ушел, и три недели не было его, полагали, что он скрылся. А он входил в сношение с неприятелем, который не знал об его измене. Возвратившись, он сообщил, что можно взять эти батареи и что Шамиль отступил еще дальше на 20 верст и устраивает завалы. Повел он генерала Бажанова и Конферт, и завал был взят почти без выстрела; защитники его перебиты штыками, и взято было три орудия. Отряд передвинулся сюда, и затем 14 батальонов и 2 сотни казаков пошли в горы, в обход Виденей до 30 верст. Степан шел впереди.

Зимченко был большого роста, человек с большой рыжей бородой, хохол Каменец-Подольской губернии. Весь отряд, кажется, 56 тысяч, оставался у завала, и мы благополучно прошли лесные горы и поднялись на травяные горы. Это было после Рождества 1859 года. Вышли на Виденскую гору, с которой было видно аул Видени, расположенный под горой между двумя реками. С горы нам все видно было, люди внизу на снегу казались величиною с гуся. Сверху наши заряды не долетали и разрывались на пути, так было далеко; с нами были только горные орудия. Здесь мы простояли целый день, хотя могли спуститься в Видени, где никого не было видно. Часа в 2 дня стало заметно, что идут войска Шамиля в Видени, и как прискакала конница, то стали обозы выезжать из Виденей по дороге к Доргам. К вечеру стало видно, что на площади пред Виденями показались наши палатки: это двигался с отрядом Евдокимов.

Шамиль должен был отступить от второго завала, так как он узнал о нашем обходе. Не знаю, почему мы тут же не взяли Виденей, и к вечеру было приказано отступить по тому же пути, как мы пришли.

Степан Зимченко сказал генералу Бажанову, что если неприятель занял балку, которую мы прошли версты 4 ширины, то нам придется плохо, и сам отправился на разведки. Через несколько часов возвратился и сообщил, что балка свободна, и мы пошли тем же путем к 1-му завалу. На половине пути нас догнали человек 400 чеченцев, причем у нас убитых и раненых было до 300 человек при этой схватке, напавшие нас провожали верст 12, прикрываясь балками и лесами. Мы пришли к 1-му завалу и подвинулись вперед на 15 верст к Виденям для прикрытия дороги, по которой прошел уже Евдокимов.

В это время Евдокимов уже расположился лагерем на большой площади перед Виденями. А тем временем Шамиль засел в Виденях, начал укрепляться, поделал ложементы по 3 ряда вокруг батарей, устроены были шанцы по-над стенами изнутри крепости, заготовлены были смоляные тычки — длинные палки для рукопашной схватки, голышовые камни в пуд и больше весом, на стенах крепости стояли на станках крепостные ружья, которые заряжались крупной картечью по одной штуке. Этих ружей у русских уже не было; длиной они были около 3 аршин с ложей. Всех пушек в батарее было 48, они расположены были выше крепости по узкому хребту, с которого можно было бы обстреливать и Виденскую площадь, и дорогу к Доргам. Стрелял он через Видени при обстреливании площади. На другой же день Шамиль начал обстреливать лагерь Евдокимова и ежедневно выбивал 200—300 человек, так как надо было брать выставляемые Шамилем батареи. Евдокимов принужден был построить 18 батарей, пока, наконец, вынудили его запереться в пространстве, охваченном его батареями, то есть река и балка, отделяющая хребет от Виденей.

На месте лагеря в конце площади Евдокимов построил крепость, назвал ее Видени.

Мы в это время разделывали дороги, поставили редуты в опасных местах, оставив по 2—3 роты для охранения колонн, доставляющих провиант и боевые припасы. Все это продолжалось до Вербной недели.

Тут приказано нам делать ложементы около крепости неприятеля, с правой стороны, если стоять перед воротами.

Вся работа производилась ночью и в первую ночь провели на три версты, вышиною в три аршина и шириною в 1 $^1/_2$ аршина, а перед нами канава. А на другую ночь прошли мимо ворот крепости и, таким образом, перегородили все пространство между речками, у которых было поставлено нами по батарее. В ложементах и батареях стояли мортиры (пятипудовая бомба). Лагерь наш от этого места был версты на три, так же и укрепление. В понедельник Страстной недели после молебна начали бомбардировать. Вечером после зари объявлен был штурм неприятельской батареи. После зари пустили ракеты. Мы в ложементах стали кричать ура. Стало темно. Стрелки из ложементов пошли на штурм батареи с Бажановым и Конферт, а оставшиеся в ложементах кричали «ура» без перерыва. Все орудия неприятеля были направлены на ложементы, а вдоль хребта, где стояли его орудия, батареи не стреляли, и мы пробежали вдоль по речке сажен 200, поднялись под Шахан и зашли в тыл батареи. Нас пошло 6 батальонов. Без выстрела совершенно тихо подбежали к воротам и бросились в штыки. Все батареи были взяты.

Тут оказались артиллеристы русские солдаты, бежавшие ранее.

Русским, взятым в плен, не доверял Шамиль, и их или продавали в рабство, или они работали, как ишаки, а в случае, если заболевали, то татарчата убивали каменьями.

Мы пустили ракету, и в лагере началось молебствие. Затем нам приказали взять самую крепость. На смену нам вступили 4 батальона, а мы спустились в балку и через речку в крепость. Тут оказалась целая масса трупов, которые выкидывали из крепости, и мы сделали из трупов 5 ходов, полезли на стены.

В крепости не оказалось никого, все ушли той тропой, по которой нас проводил Степан к крепости. Зажгли мы факелы и отворили ворота.

Весь двор крепости был изрыт ямами от бомб и засыпан черепками от них. В одной сакле я видел, как от разорванной бомбы нога, рука и все внутренности прилипли к стенам.

Двор Шамиля был огорожен частоколом до 5 аршин вышиной, у ворот стояла будка часовых, а против ворот — двухэтажная сакля урядника Алпатова, и вырезаны на стене сакли имя и фамилия его. Он казак Гребенского полка Червленской станицы, бежавший в горы.

Во время осады крепости Видено трудная была доставка осадных орудий ввиду того, что, прежде чем их приходилось переправить, нужно было выстилать дорогу плостинником (деревянными брусьями). Эти орудия доставлял подрядчик Лебедев на буйволах; провиант мы носили на себе и ходили за ним в числе 10—12 батальонов в аул Шали, находившийся в 80 верстах от Виденей. Ходили мы пешком за провиантом, ввиду того, что лошади все погибли от голода, трупы их лежали от Таузи до Шалей, как мост. Солдаты говорили: «От Виденей до Шалей лежал мост лошадей».

Кроме пехоты, кавалерии не было. Полевые орудия нам приходилось втаскивать на горы на себе, так как лошади не были в состоянии вести их. Когда мы взяли Видено, то запевало Куринского полка Соколов сочинил песню.

Мы строили ложементы, с хворосту плели туры
И поставили мортиры, на Видень их навели.
Замиритесь, оборванцы! будет слава впереди,
Мы докажем супостату: честь и слава на груди,
Хорошо было б солдату, лишь бы молвил слово Царь.

На правом фланге пели песню про князя Эристова.

Князь Эристов с отрядом вдруг явился за Лабой,
По оврагам между лесом он проводит русский строй,
Как гремит слова трубой, мы дралися за Лабой,
По горам твоим, Кавказ, раздалась слава о нас.

Песни сочинялись вообще про дела битвы. По взятии Видено был отслужен молебен, и нам потом приказано было отступить с гор на ровные места, на расстоянии 15 верст от Шали, где была занята позиция для встречи Пасхи. И не успели мы разговеться на 1-й день Пасхи, как неприятель открыл по нам огонь, убив 7 человек нижних чинов, одного офицера в палатке и, кроме того, разбил три маркитанских палатки, ввиду чего нам приказано было двинуться на неприятеля, которого мы и выбили из занятой им позиции без урона с нашей стороны.

В тот же день явился переводчик и доложил начальству, что неприятель думает занять другую позицию, с целью бомбардировать наш отряд, ввиду чего было приказано полковнику Дембекову выступить ночью с 6 батальонами и 4 орудиями и сделать в лесу залог на обеих сторонах позиции, которую предполагал занять неприятель.

Когда мы залегли по указанию переводчика, то на следующий день показался неприятель и занял позицию, которую мы уже окружили со всех сторон, и только что он скинул с передков 2 орудия и дал два выстрела по нашему лагерю, как мы, в свою очередь, с 3-х сторон из засады дали залп из ружей по неприятелю и потом кинулись в атаку и, атаковав, убили всех до одного человека, забрали 4 орудия, которые и представили начальнику отряда. Неприятеля было человек 500.

На 3-й день Пасхи приехал граф Евдокимов в лагерь, всех представленных к наградам, чинам и орденам приказал наградить каждого по заслугам и, кроме того, в память об этой победе всем частям войск приказал отпустить по 3 ведра водки на каждую роту.

Евдокимов в это время был в Грозном, а в Видено остался Куринский полк 20-й девизии. До взятия Видено горцы говорили: «Шамиль джигит, русо-шайтан байгуш», а после этого обратно: «Русо джигит якши, а Шамиль шайтан». Много замирилось после этого, по 300 семейств уходило от него. Их стали поселять около Шали по разным местам.

После битвы, на 3-й день Пасхи, Евдокимов приказал дать по 10 выстрелов из пушек гранатами и по 10 выстрелов из ружей каждому солдату в неприятельскую сторону это было тут же в лагерях Шалях. Здесь в лагере мы простояли 20 дней и пошли в Дорго, но по дороге не было нападения. Все приходили с хлебом-солью, и выходили депутаты. Шли 14 дней до Дорго. Не доходя до Дорго 20 верст, кончилась Чечня и началась Тавлия. В Доргах уже не было крепости, были аулы, они покорились. Здесь в Доргах нашли мы много костей наших, погибших в отряде Воронцова в 1844 году, кости были нанизаны на плетни, кости убирали мы в могилы 6 дней. Горцы для поругания выставляли кости наших. Они вообще нашего похороненного выбрасывали из могилы и по кустам развешивали на деревьях, чтоб клевала птица.

В Доргах пробыли мы 13 дней и пошли обратно в тот же лагерь спокойно. Здесь простояли 24 дня и пошли за Видено. Снег сошел, и мы стали делать дорогу, поворачивая на гору по направлению к Индии[1] и Форельскому озеру. Озеро это очень глубокое, на высоте 5 верст, в него впадает 2 реки, а из него выхода нет. Вода хорошая, но очень холодная, рыбы много. От Видено это в 40 верстах.

Мы остановились около этого озера, и к нам приехал Барятинский, а на второй день — мулла от индийской княгини и заявил, что Шамиль ее разорил с бродягами русскими, а на 3-й день сама княгиня с князьями и 36 значков войска. Они остановились в 4 верстах от лагеря нашего и привезли значки Барятинскому. Заиграла музыка, они преклонили значки, княгиня была на лошади верхом, Барятинский снял ее с лошади.

Она уехала с своим войском. Вечером было угощение, и горстями кидали золото горцам. В тот же день пошли мы на вершину, где берет начало река Сулак; с горы было видно войско Шамиля и дым от пожара разоренных аулов Индии. Шамиль пошел в Гуниб и в Тавлию.

Сулак выходил с гор 5 рукавами, и между ними поселены индийцы, а потом ниже Преображенской крепости соединяется в одну речку и льет на Кишинскую крепость Чир-юрт. Кишинская крепость занята в 1858 году. В ущелье этой горы Сулак нашли мы 5 чугунных орудий русских без лафетов. Надо удивляться, как можно было провести эти орудия через горы очень высокие, но укрепления здесь не было.

Барятинского проводили в отряд Врангеля, с ним пошло 3 сотни доброконных казаков и 6 батальонов, которые возвратились обратно.

Мы здесь на Сулаке стали строить Преображенскую крепость и Зивинский редут на $^1/_2$ горе. Лес брали между снеговыми кряжами и спускали по реке Сулаку и ловили около крепости. Это было в августе и в сентябре. Была жара в ущельях между гор, а на горах — снег.

У андийцев и тавлинцев были прекрасные сады, посевы хлеба сделаны по террасам в 15—20 саженей, напускали воду, и ячмень и озимая пшеница родились хорошо. Кроме крепости мы разрабатывали дороги на проезд тройки. Урок был 40 вершков прорубить камня на 2 человека: если не успеешь, то и в воскресенье работаешь. Давалось два лома и молот в 20 фунтов, один бьет, а другой поворачивает; ударив сто раз, бьет другой. Затем эти дыры прочищали ложечкой и вставляли гильзу для взрыва. Заведывали работами греки, их было человек 70.

Другую дорогу сделали от Сулака по балке на 80 верст до Виденей.

Лес был за 20 верст от работы, все сосна, и надо было ходить за дровами, наносить их на неделю. Много людей погибло во время разработки дороги от падающих камней и срубленных деревьев. Люди были дешевле курицы: бьет их и ничего — человек 30—40 в день гибло.

Замечательно, что если падает срубленное дерево и человек побежит вдоль дерева, то его убьет, хотя и не заденет, а если в сторону от него побежит, то ничего. Помню, срубили раз дерево. Кричат, «берегись», а один солдатик, кажется Атаманюк по фамилии, побежал; ему надо было перелезть чрез срубленное дерево, но тут настигло его падающее дерево, и от него остались только руки и ноги. Был случай, что ротный командир играл в карты с батальонным и обыграл его, а батальонный заведывал зарубом, и вот он и поставил в цепь одну роту и звено от звена далеко. Чеченцы высмотрели и напали и 70 человек убили, а он, по фамилии подполковник Сорокотин, не дал помощи, хотя стоял близко и мог всех перебить чеченцев. Один солдатик Ганчук отбивался при этом

нападении от четырех чеченцев и получил 56 ран в голову и спину. Благодаря лесу, нельзя было размахнуться, и они его кололи. 4 чеченцев он заколол штыком, и штык остался в убитом. Тут же солдату Серикову ударом шашки отрубили руки, и они остались на ружье, а другой удар был в спину, и все внутренности вывалились, но он был жив с 8 часов утра и до 5 часов вечера, всех узнавал, был в памяти, даже внутренности стали сохнуть, а он жил.

В Виденях у Шамиля было две ямы-тюрьмы, в которых он держал пленных офицеров, и своего сына заморил, которого взял в обмен на княгиню Чавчавадзе. Ямы эти были за крепостью в 100 сажен. Одна яма на 30 человек, а другая на 20 человек, накрыты камнем с отверстием вверху, и не было другого выхода, там же заключенные и испражнялись. Могила сына Шамиля — за крепостью и без памятника. В крепости содержались у нас аманаты — заложники, 500—700 человек в каждой.

При захвате в лесу или где-нибудь солдатами скотины некогда было резать ее, а живую разрубали на части и расхватывали. Аманаты кормились их отцами, и провизия доставлялась ими в крепость.

Влево от Дорго — укрепление Зелены. Вот песня про осаду в Зеленах.

Вспомним, вспомним мы ребята, как стояли в Зеленах.
Генерал с нами Бажанов, он ходил по оврагам —
Распроклятый бусурман хотел шутку подшутить —
Продержал нас на завалах, хотел гладом поморить;
Мы рогатую скотину всю начисто перевели.
Стали есть мы лошадину, и варили, и пекли.
Мы кашицу посолили из патронов порошком,
Все мы трубок не курили, распрощались с табачком.
Мы рогожей одевались вместо бурок-шинелей.
Кожей ноги обшивали после резаных коней.
Уж вы, братцы, будь готовы встречать врага штыком.

От крепости до Шалей сделали новые дороги, а старые бросили.

Начало нашего похода было от Владикавказа на Дубон-аул и там на малый Ачхой, на Воздвиженскую, на Борзы, потом по Шара-Аргун на восток и вышли на речку Фортанку. И первое укрепление было взято Таузи. По реке Шара-Аргун мы разорили до 11 аулов.

После разработки дорог мы пошли в штаб во Владикавказ для обмундирования, так как обносились, и выступили в Шапсурский отряд в ноябре 1859 года. За это время Шамиль был взят в Гунибе отрядом Врангеля, я там не участвовал.

Вспоминая свой приход в село Жуково в 1844 году, я должен упомянуть о нашем хозяйстве, с собой мы привезли три пары быков. В то время, кроме нашего селения, были села: Лежанка, Песчанка, Красная Поляна, Летник и Медвежье. Деньги тогда ходили в ассигнациях. По приезде на жительство в селение Жуково мой отец продал одну пару быков за 160 рублей ассигнациями, а на эти деньги купил себе 62 годовых телка. Из этих телков, по истечении 3-х лет, образовалось у нас 12 пар быков и 18 коров. Отец мой желал иметь, кроме рогатого скота, еще овец, почему продал три пары быков и 4 коровы, на часть вырученных денег приобрел 50 штук овец. Я страшно вообще любил скот, но овец любил в особенности, и благодаря тому, что я следил и ухаживал за ними, у нас в течение 4 $^1/_2$ лет, до поступления моего на службу, развелось более 400 штук овец. Уход был, впрочем, не так важен в размножении какого бы ни было скота, так как в то время были вольные степи и мало кто занимался хлебопашеством, а если кто и занимался последним, то лишь только для себя, а не для продажи, так как скот в то время ценился гораздо дороже хлеба. За отсутствием железных дорог сбыт хлеба был очень труден, да и некому было и сбывать таковой, так как в то время народонаселение было очень малое. В то время не было еще сел Бурой Балки, Рассыпного, Кулешовки, Привольного, Развильного, Поливянки, Крученого, Николаевки, Сысоевки, Богородицкого, Баранникова, Березовки и Ивановки. В то время повальных болезней в Ставропольской губернии не было, а в 1849 году в России была холера. По поступлении моем на службу, в войсках страдали люди от лихорадки, от которой умирали; особенные заболевании были в крепости Бухмате, на речке Очкой. Эта болезнь считалась неизлечимой; у больного разрастался живот, очевидно, увеличивалась селезенка и печенка, так как с обеих сторон лежали как бруски. В крепости Русалях также была лихорадка, но она тем отличалась, что когда трясет озноб, то человеку приятно, и хочется этого припадка; лечили большими приемами хины, но не помогало. Других болезней не было. Службу я нес легко, но обращение на службе было жестокое, наказывали розгами часто за пустяки, по 150—200 ударов, но суду за проступки предавали мало, только за побеги.

Побеги были частые, и у Шамиля было тысяч 30 наших; артиллеристы наши порох делали и участвовали в сражениях, мы брали в плен солдат.

За неправильные ружейные приемы у нас били шомполами, отомкнутыми штыками.

При наказании сначала били розгами по заднице, затем по пояснице, а потом по спине; все избивали в кровь, и тело делали чернявым.

Одного солдата по фамилии Фадеев, который украл у товарища 80 рублей, наказывали розгами в течение пяти часов с перерывами, но он только просил отдохнуть, но не сознался, приговаривая: «Розочки хороши, а денежки еще лучше», — причем сам лежал, его никто не держал. Командиру надоело наказывать, и Фадеев, поднявшись, проговорил: «Покорнейше благодарим! Теперь я залечу водочкой и спиртиком». Отдыха на службе было мало. Походы и нападения на неприятеля сопряжены были с рубкой леса для прохода войска. И вот, делая просеку на ружейный выстрел от отряда и возвращаясь к вечеру домой на позицию, каждый солдат должен был тащить дрова по плахе для себя, а иначе не пустят к огню в своем капральстве (капральство 55 человек), доктору на канцелярию, ротному, батальонному и в главный штаб.

Помню я одного солдата, по имени Борей-мордвин. Он любил ловить рыбу; бывало, зайдет далеко, рыбы наловит, продаст рыбу, а деньги пропьет. Но был такой силы человек, что если сожмет в кулак деньги, то у сонного никто не возьмет, а когда проснется, разожмет кулак, то, бывало, говорит: «Вы в тюрьме сидели, я вас пущу на свет», — и отнесет к маркитанту, пропьет. Водку Борей любил, и за крышку водки ударь его один раз, как хочешь, по пузу, крякнет только: «Бей еще, а крышку давай». Был такой случай. Борей пошел ловить рыбу и удалился почти на версту от пикета, 5 человек татар напали на него, но он начал кричать: «Ребята, татары», — бежит и кричит, дал выстрел, а те думали, что русских много, и бежали. За то Борею, по распоряжению начальства, дали пятьдесят розог.

Помню один случай. Мы пошли за фужем по реке Ачхой в 1856 году в мае. Было две сотни донцов, 44 казака станицы Михайловской Ставропольской губернии, с урядником Гречишниковым и 36 стрелков нас. Раскинули пикеты между лесом, на поляне, стали косить. Из леса показалась шайка горцев со значком, и все больше и больше. Донцы бросили вьюки и побежали к редуту Ачхой, где два орудия. Нас оставалось 70 человек, Гречишников скомандовал играть сбор, мы собрались; он рассчитал по 6 выстрелов. Легли. Лошади у нас в средине, тоже легли. Они бросились в шашки, но 1-й выстрел их осадил, тут 2-й, 3-й, а тогда с редута стали бить гранатами и прикрыли нас. А их было до 700 человек, но они не могли взять нас; потеря наша — 4 убито, 3 ранено, 4 лошади убито. Донцы были с пиками, но бежали. «Увиливай, Гаврилыч», — мы дразнили их потом. По тревоге прибежал полковник Эдлинский. Особенно отличались храбростью и расторопностью линейные казаки.

Действие Шаплугского отряда было на правом фланге. Мы шли на Архонку, Ардон, Николаевку, Змейку, Урюп, Александровку, Котлярево, Пришиб, Екатериноград (тут большой мост через Малку), Приближную, Прохладную, Солдатскую, Ставропольскую Марьевку, Зойвскую, Горячеводскую, Ессентуки, Суворовскую, Бикешевскую, Воровсколесскую, Баталпашинскую, Беломечетскую, Невинку, Барсуки, Убежку, Николаевку, Прочноокоп, Григорипольскую, Тенижбек, Кавказскую, Казанскую, Тифлисскую, Ладовскую, Усть-Лабинскую, Воронежскую, Корсунскую, Васюринскую, Полтавку, Екатеринодар, Елизаветовую. Тут была переправа через Кубань. Переправились, взяли Новогригорьевское укрепление. Оно было раньше русское, занято при Екатерине, затем взяли Крымское и Атякум и отступили в Новогригорьевское. Стояли более месяца, пока собрались отряды.

Шапегским отрядом до сбора в Новогригорьевской заведывал князь Мирский; затем разделясь: первый — Бабич, второй отряд — Лавашев, третий — Рудановский, четвертый — Гейман, пятый — Донецкий, шестой — князь Мирский, седьмой — Нордештейн. Я был с Гейманом.

Со Ставропольской станицы 21-я дивизия пошла на Ставрополь, так как медленно двигались по одному пути. Прохождение войск очень тяжело было для казаков. На фланге народ был бедный. Вооружение было: кремневая винтовка; пуля у нее маленькая, но пробивалась туго, звук выстрела был резкий, отчетливый, затем шашка, кинжал и орудия; стреляли из ружей очень метко; среди наших пяти выстрелов можно было различить один их выстрел. На правом фланге совсем не было орудий. На правом фланге народ богатый, вооружение ценное под серебром и золотом. Убитых выкупали: пара быков за тело. Посевы были большие: озимая пшеница, рожь, овес, полба, яровое жито, кукуруза, но мало, а на левом она была сплошь. Около аулов были огороды: репа, капуста, морковь, брюква, редька, лук, чеснок; было прекрасное пчеловодство, сады хорошие.

Скота было очень много: овцы, буйволы, лошади хорошие. И все это было по горам. Лесу большого по горам не было: просек мы не делали — хорошие пастбища, поляны. Мы страдали от лихорадки: озноб, жар и сон, затем полная слабость — ни рук, ни ног не чувствуешь — умирали; убитых и раненых у нас было мало. В аулах мы видели православные иконы: Матерь Божия, Николай, — а церквей не было, и не было мечетей.

У нас в это время были нарезные ружья, пуля с чашечкой, ружье пистонное. Наше било дальше, чем их. На правом фланге были шапсуги с черкесами, жили в постройках, которые были похожи на постройки русских, так как были крыты тесом, и камышом, и соломою, и с хорошею

деревянной оградою. Нами было занято Крымское укрепление, Ильское, Худак, Новогригорьевское, Кабардинское, Обшеронское, Дагестанское, Куринское, Севастопольское, Кубанское, Хаси-Китинское, Бароковское, Баховское, Даховское и Камышки. После взятия этих крепостей нас потребовали на левое крыло — 2 батальона: Кондинский и Навагинский, — и в течение 12 дней мы прошли более 500 верст и пришли в город Владикавказ, где нас встретили командиры полков, и на 2-й день по приходе мы выступили на выручку наших войск, атакованных горцами под крепостью Евдокимовской и Шатаевской.

По приходе мы сделали, в свою очередь, атаку на неприятеля, которого и заставили отойти, причем в этом бое наших погибло 218 человек, из коих 47 человек ранено. По окончании боя мы простояли 20 дней в крепости, и в то время поднялся бунт в Назране и Бахмуте, куда для усмирения нам и было приказано идти, и по приходе туда мы неприятельский отряд рассеяли, но с потерей с нашей стороны одной колоны; неприятеля было убито до 400 человек, и, кроме, нам попалось в плен 247 человек самых ярых бунтовщиков, из коих 27 человек было повешено и 12 человек расстреляно, а остальных прогнали сквозь строй.

После замирения мы перешли в город Владикавказ и поступили в распоряжение главного штаба, и меня командировали в город Тифлис для образования взводного учебного батальона, где я пробыл год и 3 месяца, и по ходатайству отца, я был переведен в город Ставрополь в Интендантский склад, где и был произведен в старший оклад вахтеров и был командирован в город Москву, Казань, Саратов, Тамбов и другие города для приема амуничного материала. По возвращении из этой командировки, меня вторично командировали для развоза купленных подрядчиком Алафузовым вещей и принятых мною для развоза таких по войскам в Майкоп, Крымское укрепление, Абазетское, Новороссийское, Ильское, Лазоревское, Вильяминовское, Дюбе, Высоцкое и Воинское. По возвращении из этой 5-месячной командировки, я был возвращен в интенданство, поручили мне госпитальный, металлический и суконный склады, где я через 8 лет получил отставку и уехал на родину.

В нашем отряде на правом и левом фланге были так называемые кабардинские стрелки, выбранные из 4 полков 20 дивизий в количестве 250 человек. Носили они черкески и большие папахи, носили ноговицы и чувяки, бороды не брили. Вооружены были двустволками пистонными, штык помещался между стволами и пригибался книзу. Но если дернуть за пружину впереди куркового спуска, то штык сам поднимался и становился между стволами. Патроны не были готовые, а заряжались, как все ружья. Патроны скусывались. Этих стрелков называли пластунами; они несли разведочную службу и нападали своим отрядом на аулы, они действовали самостоятельно. Обыкновенно они выходили с вечера и нападали на аул на рассвете. На помощь им назначались нумерные батальоны. Около станицы Обшеронской и Самурской их окружило 5000 горцев. Бой продолжался с утра и до 5 часов вечера. Они были разделены на три пикета, и из них пало только 32 человека, затем подошла помощь.

Слышал я рассказ о генерале Слепцове, командовавшем 1-м Сунженским полком. Он был убит в Саланджах, его убил его воспитанник из горцев, служивший у него переводчиком. За поимку этого убийцы правительство отдало 1000 рублей, и он был повешен. Слепцова боялись все горцы. Он секретно назначал набеги. Лошадь его все время была под седлом. В ночь он делал большой переход и на рассвете нападал на аул, зажигал его в несколько концов, делал залпы из орудий, а затем окружал цепью и приказывал бить всех, не пропуская никого; скот и лошадей забирал в пользу казаков и семейств убитых. На правом фланге, при разорении аулов, наш отряд имел приказание вытаптывать все посевы горцев. Хлеб стоит по грудь, жалко даже топтать, это было необходимо для скорейшаго усмирения их. За нашим отходом на левый фланг на правом остался Гейман с отрядом и действовал от Кубани до Черного моря.

Из наказаний за преступления и побег полагалось прогнать сквозь строй. Это наказание производилось так.

По приговору суда назначалось от 200 до 500—700 ударов. Солдаты располагались в 2 ряда, у каждого был прут, толщиною в палец и длинною в 1 $^1/_2$ аршина. В средине проводили преступника; руки по локоть привязывались к ружьям, которые вытягивались вперед. За ружья вели два унтер-офицера. При прохождении каждый солдат обязан был от всей силы ударить прутом. Некоторые экзекуторы (батальонный командир и адъютант) по дороге стояли в стороне, и тогда били солдаты легче, а некоторые шли по шеренгам и наблюдали за ударом, причем крестиком отмечали легко ударившего и тогда его наказывали розгами 100—150 ударов. Обыкновенно более 300 ударов не выносил осужденный, и его отправляли в госпиталь; по излечении доканчивали наказание.

Восставшим назрановцам давали по 1000 и по 1500 ударов. Эти восставшие просили, чтобы их застрелили, но 42 было повешено, и на это наказание собраны были все аулы, каждому был поставлен глагол виселицы. Повешенный вздрагивал, поджимал ноги и затем уже вытягивался. При виде этого все попадали вниз лицами.

А вот как застреливали: в станице Змейке подпоручик Алфердов арестовал солдата за неявку 4 дня на работу, что не считалось проступком: устраивали Военно-Грузинскую дорогу и, по согла-

шению с инженером, отпускали на вольные работы солдата. На другой день Алфердов собрал роту, приказал привести арестованного: «Рота справа, слева заходи, ефрейтора вперед», — командовал Алфердов; те вышли с розгами под полами. В середине стоял арестованный. Алфердов начал ему выговаривать и затем стал бить по лицу — 2 раза. Солдат не стерпел, схватил за эполеты и правой рукой ударил по уху. Солдатик был приговорен к расстрелу. И вот в день казни выставлены были войска, его повели по строю. Он прощался с товарищами, солдаты были без ружей, за исключением 12 человек, которые должны были совершить казнь, они при проходе скрыли ружья. Затем он исповедывался, просил увидеть свою смерть, но на него надели саван. Саван — это рубашка с колпаком для головы и длинными рукавами в 3 $^{1}/_{3}$ аршина. Привязали осужденного к столбу, и по первому взмаху платком унтер-офицер отмерил 12 шагов от столба, выстроил 12 человек, которые после 3 взмаха платка дали залп, и казненный опустился по столбу… А затем его сбросили в яму, и солдаты засыпали могилу. В Камышках барабанный староста Андреев изрубил батальонного командира Пулло его же шашкой за жестокое обращение с солдатами и был расстрелян. Жестоких офицеров солдаты пристреливали. Во время набегов Пулло в №№ ротах не был и потому в набегах не участвовал. Он ежедневно бил по 50 человек солдат плетью. В день смерти потребовал барабан и сел на него, отдал свою шашку Андрееву, а тот, стоя сзади, перекрестился и срубил ему голову.

Между стрелковыми ротами, как бывшими постоянно в военных действиях, было большое дружество, в силу которого они, проходя в место стоянки, встречали, угощали обедами, друг другу давали сено, капусту бесплатно, и без этого невозможно было бы жить, так как достать припасы нельзя было. Помню, как по реке Фонтанке пошла в лес рота набрать «дельного лесу». С одной стороны поставили цепь, а с другой — два пикета. Чеченцы воспользовались этим, подбежали между пикетами, дали залп и «сняли» пикеты, ружья захватили; прибежала рота, и они положили наших сто сорок человек, но одного солдатика захватили в плен. Ведут его двое верховых за рубашку, за рукава держат. На пути попался куст орешника, надо было одному отпустить рукав. Солдат рванулся, и другой его упустил, он тогда в куст; они рубить саблями, но по кусту нельзя, широкий куст, они с ним бьются, а невдогад выстрелить из пистолета. Тут скоро на выстрелы подоспела помощь, и солдатик спасся. А на другой день пришла бумага, что мать выпросила его на прокормление, и он ушел домой. Вот материнская молитва.

Для всех преступников не военных было наказание — плети и кнут на кобылке. «Кобылой» называли наклонный помост, к которому привязывали наказываемого, и он растягивался так, как бы сидел на лошади. У палача был длинный кнут и, разойдясь, «кат», так называли палача, кричал: «Берегись!» — и стегал кнутом, сразу просекал кожу во всю спину ремнем. Палач мог бить и легко, словно и бьет, и не больно. Большие деньги ему за это платили. А если сердит, то забьет насмерть. Видел я эту казнь много раз, но лучше стать под расстрел, чем обнимать эту кобылу.

Ïðèìå÷àíèå

1. Андия.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèå ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Прозрителев Г.Н. Из прошлого Северного Кавказа: Воспоминания старого кавказца отставного вахтера Мефодия Степановича Солодуна. — Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1914.

ÊÀÂÊÀÇÑÊÎÅ ÎÐÓÆÈÅ
(ÎÐÓÆÈÅ ÊÀÂÊÀÇÑÊÈÕ ÃÎÐÖÅÂ)

Кавказская война покрыла неувядаемой славой обе воюющие стороны. Стойкость, храбрость, самоотвержение, доходившие до высшей степени героизма, были отличительной чертой кавказца, как среди русских войск, так и горцев. Едва ли можно найти в новейшей истории другую эпопею, подобную Кавказской войне. Эта война обусловливалась личными качествами противников, и не будь у горцев того высокого [во]одушевления, при котором они готовы были во всякую данную минуту устремиться по призыву своего повелителя, то они были бы раздавлены русскими в первые же годы столкновения, и война не затянулось бы на 60 лет[1].

И слишком несложное оружие было в их распоряжении. Вся борьба сводилась главным образом к холодному оружию, к кинжалу и шашке. Огнестрельное оружие, ружье, благодаря особенному устройству заряжения, представляло очень много неудобств. На оружие было обращено особенное внимание горцев. Способ приготовления хорошего оружия составлял секрет горских мастеров, и хорошая шашка или кинжал ценились очень высоко.

Холодное оружие выделывалось отдельными мастерами, и хотя больших заведений этого рода и не было, но были известные в Дагестане мастера. На многих кинжалах еще и теперь читается надпись «Базалай», свидетельствующая о высоких качествах клинка. Это название явилось синонимом хорошего кинжала. Происхождение его лежит в далеком прошлом, и предание говорит, что некогда в Дагестане жил великий мастер по имени Базалай. Клинки его не имели сравнения, и дамасское оружие не превосходило его клинков. Много выпустил на своем веку Базалай смертоносных клинков на страх гяурам[2] и умер в глубокой старости, завещав свой секрет губячинцам (аул Гюбячи[3]). Клинок с именем Базалая ценился необыкновенно высоко, и имя это стало нарицательным для хорошего кинжала. Мастера из Кубачей, или губячинцы славятся и до сих пор, их металлические работы по дереву и по металлу составляют им славу не только в России, но и за границей.

Ценные клинки украшались золотом, насечками, рисунками и надписями из Корана. Подобным надписям придавалось особенное значение, и оружие с такими надписями ценилось очень дорого. Лучшее оружие переходило из рода в род. Оно составляло гордость целой семьи и было достоянием храброго джигита. Шашки хотя и выделывались на Кавказе, но слава все-таки оставалась за турецкой шашкой; дамасский клинок был идеалом оружия. Славилась та шашка, которая, несмотря на сгибание, быстро выпрямляется. Были шашки, которыми можно было «опоясаться» без риска переломить ее. Славилась и крымская шашка. В этом отношения русские уступали горцам, и каждый офицер и казак стремился приобрести кавказскую шашку.

Ручка шашки украшалась серебром, но лучший воин, джигит, не гнался за этими украшениями, и обыкновенно рукоятка была белой или черной кости. Ножны всегда покрывались кожей, отделывались серебром. Шашка носилась через плечо на ремне слева, но иногда ремень опоясывался вокруг пояса, что видно и на древних каменных статуях. Этот способ употреблялся больше конницей. Обычай этот удержался и до настоящего времени. У конницы еще были особые крючки, которыми, вероятно, стягивали противника с лошади; эти крючки видны также на древних статуях, они прикреплялись к древку.

Шашки были всегда изогнуты, и оттачивалась наружная сторона, изогнутая. Но среди кавказского оружия встречаются шашки с отточенным краем внутри наподобие турецкого ятагана (№ 353)[4]. Клинки имели украшение и надпись арабскую, писались некоторые стихи из Корана, как и на кинжалах. Такое ценное оружие было предметом зависти и нередко похищалось, хотя этому и не придавалось значения воровства. Друзья менялись оружием, и тогда они становились «братьями». Кинжалы различались: лезгинские, тавлинские — большие, тяжелые, которыми не кололи, а рубили; кабардинские — небольшие, узкие и шапсугские — короткие и широкие. Всего опаснее рана была от последних.

Среди кавказского оружия известен еще кинжал под названием «Кама». Кинжал этот состоит из двух половин, которые по желанию могут быть скреплены в один кинжал или же разъединены для действия обеими руками. Такой кинжал закавказской работы (тифлисских мастеров первой четверти прошлого столетия) хранится в Эрмитаже, но у горцев он не был в употреблении. Неотъемлемою принадлежностью была пороховница и натруски, которые делались разных форм и из разного материала.

Среди горцев было распространено искусство залечивать раны, извлекать пули, лечить вывихи и переломы; были свои хирурги, была своя медицина, основанная главным образом на лечении травами. Известны поразительные случаи исцеления. Были удальцы, которые одним взмахом рассекали человека с плеча до пояса или, как говорили, «с головы до ног». Ручка шашки всегда была гладкая с расширением на конце, а ручка кинжала имела еще металлическое возвышение, удерживавшее руку во время действия. Нередко были случаи, когда при схватке кинжал вырывали из рук

противника, схватывая его сбоку за край до половины и быстро, с большой силой наклоняя вниз. Конечно, для такого приема требовалась большая сила.

Во время борьбы горская конница после залпа бешено устремлялась на противника, и каждый воин, держа обнаженную шашку в правой руке и в левой повод лошади, стискивал кинжал зубами за рукоятку. Очевидцы говорили, что такой налет, сопровождавшийся еще особым гиканьем, был ужасен, и бывали случаи, что молодые войска бежали при подобном наступлении. Но старые солдаты и казаки знали, что этот порыв после двух-трех удачных залпов быстро остывал и горцы бросались врассыпную. Надо было не дрогнуть в первый момент, выждать и подпустить ближе, а затем [должен был следовать] залп. Ружья и пистолеты выделывались горцами в ауле Гюбячи, но славились турецкие и крымские ружья.

Нельзя не отметить, что кавказская винтовка отличалась большими достоинствами: прежде всего она была очень легка. Горцы раньше, чем было усовершенствовано русское пехотное ружье, дали своему ружью нарезы и тем достигли дальнобойности, а потому кавказская винтовка при особом устройстве прицела далеко превосходила русское солдатское ружье до введения штуцеров. Недостаток горской винтовки и пистолета заключался в способе заряжения, при котором порох насыпался на полку сбоку ружья и воспламенялся ударом кремня об поднятую стальную пластинку, прикрывавшую полку. В мокрую погоду порох отсыревал и бывали осечки. Но горцы впоследствии приспособили свой курок к пистону, и винтовка получила большие преимущества[5]. В то время как наше ружье имело широкий тяжелый приклад, окованный железом, у горской винтовки был узкий и легкий приклад с костяным наконечником. Солдатское пехотное ружье, имея штык, было приспособлено для рукопашного боя, но горская винтовка была годна только для стрельбы.

Ложе горской винтовки делалось по большей части из наплыва древесного или другого крепкого дерева и иногда у дорогих ружей оклеивалось кожей. Эта особенность ружья свидетельствует о его принадлежности какому-либо знатному лицу. Ружье достигало длины двух аршин семи вершков, и такое ружье было годно для пехоты и при стрельбе требовало приспособлений. Употреблялись так называемые подсошки, но это [было] в редких случаях. Объем приклада в нижнем конце достигал только четырех вершков. Вес ружья не превышал 10 фунтов. Благодаря устройству замка, в котором большую роль играл кремень, такие ружья назывались «кремневки», «кремневое ружье». Прицел устраивался расширением перед курком, в котором было круглое отверстие (дырка), чрез него и наводили на мушку в конце ствола или, как говорили, «брали на мушку». Курок имел всегда два взвода, спуск назывался «собачкой».

Для ношения пороха каждый в черкеске по обеим сторонам груди имел газыри. Это — деревянные трубочки размером [в] 2 вершка, в них и насыпался порох, составляя заряд или два. Газыри затыкались шерстью или просто тряпочкой. Всыпанный в ружье порох прикрывался пыжом, для чего служило все, что только попадалось под руку, даже пола черкески, бешмета, подкладка шапки, но заготовлялись и отдельные пыжи. Затем вкладывалась пуля и снова пыж. Пыж должен быть забит в ружье туго, иначе выстрел не будет иметь силы и пуля — дальности полета. Если пуля с пыжом не будет прибита плотно к нижнему пыжу, то ружье дает сильную отдачу, толчок. Для прибивки употребляется железный и деревянный шомпол, последний имел металлический наконечник. Надо было с силой ударить шомполом в ружье после забивки, и если шомпол будет отскакивать, то заряд хорош. Шомпол помещался в особом канале под стволом ружья. Ружье носилось за спиной на ремне.

Горцы были очень хорошие стрелки и, что называется, на ветер не стреляли. Порох и свинец были дороги. Пуля была свинцовая, круглая, маленькая, и рана от нее не была особенно опасна. Но впоследствии стали употреблять пули с ремешком, делая в ней нарезы. То и другое увеличивало рану, и ремешок загрязнял. Говорили об отравленных пулях, но лично мне не приходилось слышать от лиц, заслуживающих доверие, хотя и дед, и дяди, и двоюродные братья были казаками и некоторые убиты на войне. Пистолет заряжался тем же способом и всегда носился сзади за поясом. Для ружья и пистолета употреблялись чехлы обыкновенно цветные, желтые и красные, из горского сукна.

Каждый из воинов должен был иметь при себе все необходимое на случай исправления оружия. Все эти принадлежности привешивались на поясе или, как называлось, на пряжке. Здесь справа помещалась жирничка. Это металлическая коробочка с салом, которое служило для смазывания металлических частей и для предохранения от ржавчины. Затем стальная отвертка и пластинка с круглыми отверстиями для литья пуль. Слева у пояса прикрепляются ремешки с металлическими наконечниками, но первоначальное свое назначение они утратили.

Пояс имел наконечник металлический, на котором обыкновенно была надпись владельца. С боков на поясе помещались еще металлические пуговицы, круглые и в виде полумесяца. Значение их мне не известно, хотя раньше они имели практическое значение. Кроме этого был еще крючок, но значение его также не ясно.

Пояс при ношении закреплялся очень оригинально, и это собственно кавказское приспособление. Делалось это таким образом: на конце пояса прикреплялась полукруглая металлическая пластинка, имеющая перекладину, за которую и пришивался наглухо ремень. Противоположный конец пояса вкладывался в первое отверстие, а затем во второе отверстие через перекладину, и за-

крепление получалось превосходное. Пояс отделывался серебром и золотом, это называлось «набором». По набору делалась резьба и украшения чернью, и назывался пояс серебряный с подчернью. Носили пояс всегда так, чтобы наконечник приходился на левой стороне. На поясе, на отдельном ремешке носился кинжал, который можно было снимать по желанию. Кинжал, как и пташка, украшались такими же работами и чернью. Ножны покрывались кожей и бархатом.

Близкое общение казака с горцами сделало его вооружение тождественным с горским, и, по преимуществу, оно было вначале горского происхождения, добытое во время военных действий. Только впоследствии казаки получили более усовершенствованные ружья, а до 1864 года оружие было одинаковое, и горская хорошая винтовка служила предметом зависти. Пехота наша раньше получила пистонные ружья и «штуцера», и затем игольчатое ружье успешно соперничало с винтовкой, а раньше было в употреблении гладкоствольное тяжелое, не дальнобойное ружье.

Относительно ружья горского надо сказать, что оно претерпело последовательные изменения в зависимости от желания получить его дальнобойность. Коллекция кавказского оружия нашего музея прекрасно показывает все пережитое этим ружьем (см. щиты №№ 1—24). Дело в том, что вначале ружье имело короткий ствол крупного калибра с расширением в конце. Это нечто вроде карабина. Такой тип ружья относится к XVI веку и началу XVII века (№ 24) и был в употреблении на Кавказе (щит № 24). Конечно, надо думать, что он был заимствован с запада. Замок имел кремневый Он напоминает мушкетон[6].

Затем боевая жизнь стала предъявлять требование поражать противника на большом расстоянии, а не только пугать его звуком. Притом такое ружье требовало значительного количества пороха для заряда, а порох доставался очень трудно. Хотя утверждают, что порох был известен раньше его изобретения на западе, но сказать это с положительностью нет данных, хотя отрицать нельзя. Надо заметить, что ружье нашей коллекции носит на себе следы древнего происхождения и, возможно, ранее XVI века Вопросом этим по старым образцам, имеющимся в нашем музее, мы предполагаем заняться отдельно, а потому теперь не говорим с положительностью. Но имея в виду положительные исторические данные, что во время осады Москвы Тохтамышем в 1382 г. москвичи стреляли порохом из пищалей и пушек, а татары в битве при Лигнице в 1241 г. имели огнестрельное оружие, надо признать, что употребление пороха было известно ранее XVI в., но был ли он применяем на Кавказе, на это точных свидетельств нет[7].

Желание дальнобойности прежде всего заставило мастеров удлинить ствол. В этом отношении наша коллекция дает богатый материал. Видно, как постепенно ствол ружья вырастал. Но рядом с этим замечается попытка придать особенный характер стволу. И вот постепенно появляются нарезы, ствол делается граненый. Вырабатывается винтовка, увеличивающая полет пули без изменения самой формы пули и замка ружья[8]. Затем ствол ружья начинает сокращаться, длинное ружье считается старым, хотя все еще остается длинным.

Несомненно, что изменение горского ружья шло в зависимости от усовершенствования оружия у их противников, у русских. Но угнаться за быстрым развитием техники у русских горцы не могли, и их винтовка осталась с кремнем и со слабой дальнобойностью. Во всяком случае, она исполнила свою службу и была образцом для усовершенствования ружья в дальнейшем и в свое время была лучшим оружием. Укорачивание ствола было видно и на европейском ружье, и нынешний кавалерийский карабин и даже берданка, а тем более — новейшие ружья кажутся игрушкой в сравнении с ружьем пехотным 1848 года и даже 1854—1856 годов.

В непосильной борьбе с русскими горцы, видя постепенное превосходство русского оружия, пришли к необходимости реформировать свои пистолеты. Наша коллекция дает прекрасные образцы этих усилий. Горцы начали делать медные пистолеты, затем — двухствольные и, наконец, четырехствольные (№№ 35, 36, 55). Последнее усовершенствование особенно обращает на себя внимание потому, что этот пистолет имеет у себя особое приспособление в замке, при котором одновременно бьют два ствола верхних, а затем два ствола нижних, благодаря закрыванию отверстий в капсюлях. Это усовершенствование было сделано раньше изобретения револьвера (№ 55) барабанной системы. У некоторых поворачивались 4 ствола, и для каждого был капсюль.

Наконец, когда появился у русских револьвер, горцы и тут попытались не отстать от них и стали ручным способом выделывать тоже револьверы с барабанами (щиты №№ ...)*. Дальнейшее усовершенствование русского оружия положило конец изобретательности и настойчивости горцев. Но надо признать, что их мастера были в свое время на высоте своего призвания. Необходимо заметить, что горская винтовка не знала случаев разрывов. Приготовлялась она особым способом из разных кусков[9].

Была у горцев и артиллерия; пушки отливались из меди, но часто разрывались, большая же часть были русские орудия, взятые во время боя. Нельзя не отметить, что в войсках Шамиля употреблялись подвижные защитные щиты, которые передвигались на колесах и прикрывали воинов,

* В тексте номера щитов не указаны.

шедших за ними. Делались они из толстых деревянных досок и бревен. В то время это было последним словом военного искусства.

Кавказское оружие имеет свою историю. Несмотря на то, что оружие это по своей форме и металлу ведет свое начало из глубокой древности, тем не менее, кавказское оружие остается типичным среди всякого другого, и свой внешний вид и особенности приобрело под влиянием местных условий. Собственно кавказское оружие, то есть оружие эпохи Кавказской войны и данного времени, не отличается разнообразием видов: на всем протяжении только удерживается кинжал и сабля или шашка.

В более раннюю эпоху жизни горских народов боевое оружие было более разнообразно, чему способствовало отсутствие огнестрельного оружия. Теперь в тех или других погребениях и курганах мы встречаем такие боевые предметы, каких не только в настоящее время, но и при начале Кавказской войны уже не было. Мы находим боевые молоты, перначи, шестоперы, булавы, или палицы, кистень, копье и стрелы. Эти виды ударного холодного оружия относятся еще к бронзовой эпохе, хотя пережили свое время, и значительно позже, среди железа, они часто встречаются как остатки старины, доставшиеся от прадедов. Такому сохранению оружия, помимо его боевых достоинств, способствовала вера в заговоры и заклинания. Эти заклинания, с одной стороны, делали оружие смертоносным, а с другой, обладателя таким оружием делали неуязвимым для противника.

Это ударное оружие, находимое в древних погребениях, сохранилось отчасти до ближайшей эпохи, и остатки его, являясь пережитком прошлого, употреблялись как знаки достоинства, не имея уже практического значения. Так, у Шамиля были: палица, взятая при штурме Аргун 31 марта 1839 года; булава, отбитая при штурме Ахульго 22 августа; бердыш, взятый в 1846 году в Дагестане; а у сподвижника Шамиля, наиба Анцукского, был отбит боевой топор. Все эти предметы хранятся в Эрмитаже в Петрограде.

Форма оружия была усвоена в бронзовую эпоху, удержалась довольно продолжительное время и при выделке оружия из железа, а затем совсем исчез этот вид ударного оружия, когда был изобретен порох. С этим изобретением все внимание мастеров и воинов стало сосредотачиваться на выделке кольчуги, панциря, стальной рубашки, которая предохраняла бы от пули (см. №№ 217—220 — 8045)[10]. Задача была очень серьезная, и кавказские мастера, хотя, может быть, и не без влияния со стороны, разрешили ее довольно удовлетворительно: панцирь совершенно предохранял от пули почти до изобретения игольчатого ружья. Правда, что малосильность полета пули кремневого ружья облегчала эту задачу, но, тем не менее, пуля, как говорили, отскакивала от воина или только пятнала его, не проникая в тело.

Наряду с этим стремлением стала падать другая часть вооружения защитного характера: латы, щиты, оказавшиеся ненужными. Еще в XVII и начале XVIII века кабардинцы имели отборное войско «панцирников» в шлемах и со щитами, но далее все это оказалось ненужным и по своей тяжести, и дороговизне, и несоответствованию усовершенствованиям противника. Условия жизни имели, конечно, громадное влияние на оружие, и жизнь в далеких горных теснинах Кавказа при отсутствии предприимчивости противника давала возможность полагаться и на кожаный шит, и такое же головное покрытие и латы. Несомненно, такое защитное оружие удовлетворяло требованиям своего времени и было шагом вперед в военном деле, но, безусловно, только при условии, что противник не проявлял находчивости и изобретательности в военной технике.

В настоящее время такие знаменитые хевсурские щиты и латы, имеющиеся в нашем музее (см. № 5896—8), составлявшие в свое время предмет особенной важности, кажутся ни больше ни меньше как игрушкою. Трудно верится, чтоб такие предохранители отвечали своей цели, а между тем, имеются полные доказательства того, что кавказская пуля не пробивала этих доспехов. В музее имеется один из подобных щитов, сделанный из верблюжьей кожи. Хотя щит этот текинский, но совершенно тождествен с подобными щитами кавказской работы. Над этим щитом была произведена проба. Казачий урядник хорошей шашкой казенного образца нанес сильный удар по щиту, положенному на табуретке. Шашка разлетелась вдребезги, а на щите считался небольшой след. При этом присутствовал статский советник С.М. Долинский, ныне член Ставропольской ученой архивной комиссии.

Лук и стрелы оказались непригодными при появлении ружья. Тем не менее, в конце XVII века и в начале XVIII века горцы Западного Кавказа употребляли стрелы, а калмыки, участвовавшие в войне 1812 года, вооружены были луками. В то отдаленное время стрела представляла большую опасность, она легко проникала до костей и поражала противника насмерть, особенно когда была отравлена. Раскопки дают блестящие подтверждения этому указанию, когда находим в позвонках и тазовых костях внедренными стрелы и метательные копья.

Сила полета стрелы была весьма значительна и, конечно, против нее имел громадное значение панцирь. Несомненно, что все зависело и от качества лука, стрелы, и от силы человека: у слабого стрела, конечно, не достигала цели. Старики рассказывали, что когда были заняты так называемые «Русские хутора» близ Ставрополя, то в частых нападениях черкесов жители приспособились, и, не имея возможности защищаться, они при виде горских «хищников» надевали овчинную шубу наизнанку (овчиной наружу) и старались держаться дальше от нападавших. Горцы были вооружены луками. Стрела, пущенная из лука, очень часто застревала в густой шерсти овчины и никакого вре-

да не делала. Усовершенствование лука устройством затвора или щеколды и особой натяжки для тетивы было шагом вперед, но и это после появления пороха потеряло свое значение.

Надо сказать, что горское население Кавказа не развило этого рода лука и, очевидно, осталось без влияния запада, имеющего прекрасные образцы этого рода оружия. Арбалеты и по изяществу работы и по силе натяжки тетивы представляют верх совершенства. В коллекции нашего музея имеются глиняные и каменные пули (см. №№ 9657—9719), найденные в разных древних погребениях Северного Кавказа. Нахождение этих пуль дает основание думать, что, вероятно, существовали самострелы и арбалеты, из которых и стреляли этими пулями. Самих самострелов и арбалетов не найдено, но возможно, что они утратились от времени или постепенно были переделаны. На существование их указывает отчасти встречавшийся до последнего времени, как игрушки, детский лук с деревянной доской и щеколдой для натяжки тетивы.

Если лук на западе удержался до 1558—1603 годов, то, возможно, что и на Кавказе те или другие видоизменения его имели применение. Хотя можно думать, что раннее применение пороха здесь и было причиною отсутствия или, вернее, общего распространения самострелов и арбалетов. Здесь лук удержался до XVIII века. И было основание не покидать лука, а отдавать ему предпочтение пред самострелами и арбалетами, так как лучник мог стрелять 12 раз в минуту, а арбалетчик только 3—4 раза. Вероятно, здесь от лука перешли непосредственно к ружью.

При таком вооружении, когда личная сила и ловкость имели решающее значение, военные действия часто сводились к единоборству отдельных воинов и были страшны для невоенной части населения, которая подвергалась истреблению огнем и мечом. Бронзовое оружие никогда не имело той остроты, какая [по]явилась с изобретением закалки железа и выработки стали. В этом отношении кавказские мастера достигли совершенства: кинжалы Базалая не знали преград.

На некоторых каменных бабах мы находим изображение боевых молотов и мечей совершенно такого же вида, как и в настоящее время, но длинных мечей мы не находим. На кавказских каменных бабах мы встречаем при оружии в виде молота или топора и бронзового кинжала бронзовый рубчатый воротник, стоя защищавший шею и затылок, в то время, когда голова была покрыта шлемом. Шлем был в виде низкой шапки, чрез которую крестообразно проходил овальный рубец и такой же рубец шел вокруг шапки. Верхняя часть не поднималась высоко и защищала своею массивностью лучше, чем остроконечный шлем.

Несмотря на особенные свойства оружия, выделываемого на Кавказе, все-таки славились дамасские клинки, турецкая сабля и ружье немецкое. У казаков-черноморцев была поговорка, унаследованная, вероятно, от запорожцев: «Конь татарский, мушкет немецкий, сабля турецка — то справа молодецка».

Почти половина всего периода Кавказской войны принадлежит Шамилю, он 25 лет состоял имамом, да и при прежних имамах он играл видную роль, поэтому, говоря о кавказском оружии, естественно вспомнить этого повелителя горцев и его систему управления и военных действий. По общему признанию, Шамиль был не только редкого дарования воин, но и выдающийся администратор, что при его обаятельных личных качествах делает из него громадную величину и высоко ставит среди современников. Естественно поэтому, что 25 лет Шамиль приковывал к себе внимание не только всей России, но и Европы.

Несмотря на разноплеменность горского населения, Шамиль, по своей проницательности, верно оценил свойства горцев, и, видя врожденную страсть к войне и сильно развитое чувство справедливости, он на этих свойствах и основал свою систему управления.

Достойна внимания решимость Шамиля поднять свой народ в нравственном отношении. «Воинственные племена Кавказа при всем богатстве натуры отличались и грубыми недостатками: страстью к напиткам, грабежу, убийству, разврату. Шамиль обратил на это внимание и стал серьезно бороться, строго карая самые мельчайшие проступки, и в разряд преступлений попали наравне с убийством и грабежом курение табака, нюхание, танцы и самое ничтожное употребление спиртных напитков. Всем этим строгостям он давал правовое значение, и все делалось по суду, который производился публично. Приговор приводили в исполнение безотлагательно» (Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война. Публичные лекции. — СПб., 1860.)

В системе наказаний был, главным образом, штраф в большом или меньшем размере, но за измену, дезертирство, лазутничество назначалась смертная казнь, которая исполнялась палачом, имевшим при себе секиру, а за более мелкие преступления сажали в яму. Интересно, что за трусость обвязывали виновнику правую руку войлоком, который он носил до тех пор, пока не докажет противного.

Военная организация горцев состояла в том, что все от 16 до 60 лет обязаны были нести военную службу, составляя, таким образом, одно военное сословие. Каждый обязан был иметь винтовку, пистолет и шашку. Что касается кинжала, то он носился каждым почти с самого рождения. Шамиль заботился о создании конницы, и более богатые обязаны были иметь лошадь. Потребное число воинов назначалось Шамилем, но в случаях опасности мог быть поголовный сбор. Начальниками отдельных частей войска были мюриды. Кроме ополчения при Шамиле была конная стража, называемая муртазигеты. Как мюриды, так и муртазигеты обладали лучшим оружием.

Для огнестрельного оружия порох выделывался в Дагестане. В Ведено, Унцукуле и Гунибе устроены были пороховые заводы. Но порох был низкого качества. Сера и селитра доставлялись

на заводы жителями Тлоха, Муни, Койсубулинским обществом и жителями Гуниба, Отал-Хиндока и общества Андалял. Взамен воинской повинности Шамиль обязал жителей этих аулов выделывать порох, зная их за плохих воинов, и, избавляя их от воинских повинностей, он даже платил по полтора рубля на каждое семейство.

Управление Шамиля заключалось в следующем: все население было разделено на наибства, приблизительно по 1000 дворов, во главе которых стояли наибы; несколько наибств кибит составляли область. Знаменитые наибы были: Шуаиб-мулла, Хаджи-Мурат, Кабим-Матома. У наибов были кадии и старшины в каждом ауле. Первым имамом был мулла из аула Гимры Кази-Магомет, впоследствии известный под именем Кази-муллы.

Говоря о Кавказской войне, нельзя не упомянуть о мюридизме[11], сыгравшем великую роль в истории всего горского населения, но в отношении оружия мюридизм ничего нового не внес, за исключением клятвы на кинжале (дзикра) и освящения оружия при проповеди тариката[12] и призыве к священной воине[13].

Коллекция нашего оружия имеет и другие редкие и весьма интересные образцы, но они не являются достоянием горцев, а потому в настоящей статье мы их и не касаемся. Остальному оружию мы посвящаем отдельную статью[14].

Êîìåíòàðèè

Печатается по тексту, опубликованному в седьмом выпуске Трудов Ставропольской ученой архивной комиссии за 1915 год. Рукопись статьи не сохранилась. Время ее написания не известно.

В 1990 году статья была перепечатана литературно-художественным и общественно-политическим альманахом «Ставрополье» (№ 3, с. 85—94).

Ïðèìå÷àíèÿ

1. Кавказская война закончена в 1864 году (прим. автора).
2. Гяур — человек иной веры.
3. Речь идет о дагестанском ауле Кубачи. Местные жители называли его также Гюбячи.
4. Здесь и далее указываются номера экспонатов из коллекции кавказского оружия Музея Северного Кавказа. Часть из них вошла в каталог коллекции старинного оружия музея, опубликованный в седьмом выпуске Трудов Ставропольской ученой архивной комиссии в 1916 году (щиты №№ 1—5).
5. Кремневый замок удержался вообще на ружьях до 1840 года, до введения ружья с ударным запалом, хотя пистон был изобретен еще в 1818 году, но к ружью приспособлен был в 1840 году (прим. автора).
6. Кремневое ружье входит в [оборот] во второй половине XVII века, а в XVIII веке появляется мушкетон, ранее был фитильный запал (прим. автора).
7. В 1494 году Карл VIII (французский) имел артиллерию. Арабы в XIII в. употребляли металлические трубки с порохом (прим. автора).
8. Указание на нарезы в ружье имеется в 1630 году (прим автора).
9. Что касается мастеров, то имен их на ружьях нет, а также нет и клейм, а есть стихи из Корана; известные европейские клейма «волк», «голова епископа», «голова мавра» не встречаются (прим. автора).
10. Панцири были чешуйчатые, пластинчатые и кольчатые; последние относятся к X веку (прим. автора).
11. Мюридизм — условный термин для наименования национально-освободительного движения горцев Северного Кавказа в 20—60-х годах XIX века. В мюридизме религиозное учение суфизма сочеталось с политическими действиями, выражавшимися в активном участии мусульман в «священной войне» — газавате против «неверных» за торжество веры — ислама.
12. Тарикат — от арабского слова «тарикун», означающего дорогу, путь, а в переносном смысле — путь к истине. Метод мистического познания, путь религиозно-нравственного самосовершенствования.
13. См.: Г.Н. Прозрителев. Тарикатское учение и мюридизм (прим. автора). Сведений об этой работе не имеется.
14. Сведений об упомянутой статье Г.Н. Прозрителева не имеется.

Комментарии и примечания В.В. Белоконь

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èñòî÷íèêó:
Прозрителев Г.Н. Кавказское оружие // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. — 1915. — Вып. 7. — Отд. 1. — С. 1—18.

Î ÂÎÅÍ Í Î ÏËÅÍ Í ÛÕ Ï ÎËßÊÀÕ Í À ÑÅÂÅÐÍ Î Ì ÊÀÂÊÀÇÅ Â ÂÎÉ Í Ó 1812 ÃÎ ÄÀ

Надпись на скале близ сел Ореховки и Высоцкого Ставропольской губернии

Местность, где обнаружена на скале надпись, мною обследована в сентябре 1912 года, о чем было доложено в одном из заседаний Ставропольской ученой архивной комиссии, но опубликование этого открытия пришлось отложить до производства изысканий в архивных документах сведений о военнопленных поляках после Отечественной войны, что и удалось сделать спустя некоторое время.

Надпись обнаружена при следующих обстоятельствах. Слухи о ее существовании распространялись еще раньше, но точных указаний о местонахождении ее не было, и только с установлением со стороны Ставропольской архивной комиссии надзора на местах за памятниками старины и избранием для этой цели сотрудников, когда удалось ближе подойти к «сказаниям о кладах», «таинственных провалах», «пещерах» и тому подобному — сотрудником Т.Д. Щегольковым было сообщено о надписи близ села Ореховки[1]. Он прислал в Архивную комиссию несколько букв, скопированных местным священником; однако по ним не было возможности понять смысла надписи и определить ее содержание. Ей тогда же придали на месте таинственное значение и предположили, что там зарыт клад.

Пригласив с собою фотографа, я посетил Ореховку. Местность здесь довольно пересеченная, и, как у Ореховки, так и у села Высоцкого, расположенного в трех верстах от него, видны мощные обнажения твердых пород с значительными повреждениями от размывов дождевою водою. От селения Ореховки идет, через довольно значительный подъем, дорога в селение Грушевское, отстоящее от Ореховки в 13 верстах. Эта возвышенность, с которой открывается прекрасный вид на всю долину и на села Ореховское и Высоцкое, оканчивается с запада глубоким каменным обвалом.

На одном из выступов этого кряжа, в стороне от дороги и в местности, совершенно уединенной и никем не посещаемой, оказались иссеченные надписи на польском языке. С них снято шесть фотографических снимков.

Первый снимок дает общий вид скалы, на которой помещена надпись:

DLA OYCZYZNY MILA SMIERC BLIZNY I KAYDANY — POLACY W ROKU 1813.

Правильное чтение будет: DLA OJCZYZNY MIŁA ŚMIERC BLIZNY I KAJDANY.

То есть «Для отчизны мила смерть, раны[2] и кандалы. — Поляки в 1813 году».

Размеры букв до трех вершков.

Особо изображены в нескольких столбцах и в разных местах подписи пленных поляков шрифтом несколько меньшим, чем на первой надписи, и не всегда равномерным:

1) KID……	(не разобрано).
2) WAR……	(не разобрано).
3) CIEMNIEWSKI.	Цемневски.
4) SZPINCIER.	Шпинцер.
5) PORADOWSKI.	Порадовски.
6) RYDZEWSKI.	Рыдзевски.
7) MOKIN.	Мокин[3].
8) SOBIESZCZANSKI.	Собещански.
9) WIERCINSKI.	Вирцински.
10) A. POMORSKI.	А. Поморски.
11) (не разобрано).	
12) (не разобрано).	
13) IAK. ZELEWSKI.	Якуб Желевски.
14) W. MILADOWSKI	В. Миладовски.
15) (не разобрано).	
16) BOHATKA.	Бохатка.

Некоторые подписи, сделанные в углублениях, не вышли на фотографиях; другие выветрились и стерлись, почему их и не удалось разобрать.

В этом кряже имеется два выступа довольно причудливой формы. Все надписи сделаны на втором, считая от Ореховки, выступе, но видно, что первоначально выбран был первый выступ: на нем была обрублена и выровнена одна сторона скалы и намечены первые буквы предположенной надписи, но затем работа оставлена, и видны насечки, уничтожающие буквы. Наверху, на плоской стороне этой скалы, уцелело слово «Vada».

Надо заметить, что скала с надписью более обращена лицевою стороною к западу, нежели первая, и, вероятно, поэтому ей отдано предпочтение.

Все надписи сделаны опытной рукой, особенно тщательно и на такой высоте, что требовалось известное приспособление (подмостки), чтоб произвести работу, и, несомненно, довольно продолжительное время, так как камень крепкий.

В местных архивах за 1812 год мне удалось найти дела о пленных поляках, которые были препровождены в Ставрополь и здесь находились, некоторые до 1815 года, а некоторые остались и на жительство.

В этих делах поляки именуются «военнопленными» и «невольниками», препровождаются военными командами. Кроме Ставрополя, они были размещены и в других местах: Горячих Водах (Пятигорске), Моздоке, Кизляре, Георгиевске.

В деле № $^{47}/_{216}$ 1813 года по описи № 47 имеется маршрут от города Вятки до Ставрополя и Георгиевска, и видно, что от Ставрополя военнопленные шли на крепость Северную, а далее на Георгиевск (через Саблю и Александрию). Крепость Северная (ныне селение Северное) находится от Ореховки в 32 верстах. Хотя в этом списке нет перечня тех лиц, фамилии которых высечены на скале близ Ореховки, но возможно, что проходила другая партия. Через Ореховку шел почтовый тракт, и можно полагать, что партия была направлена этим путем. Затем, селение Высоцкое в то время составляло имение генерала Высоцкого, и возможно, что пленные поляки имели временную остановку именно в этом имении. И вот, в 3-х верстах от него, близ нынешнего села Ореховки, тогда хутора, среди пустынной местности, поросшей лесом и мелким орешником, пленные могли отметить свое пребывание здесь надписью.

Быть может, поляки находились в этом месте на работах в каменоломнях для крепостей.

В деле 1814 года № 227, по описи № 38, имеется донесение партионного начальника Миронова кавказскому гражданскому губернатору, от 2 августа 1814 года № 39, о том, что из числа военнопленных поляков, препровождаемых на родину из Кавказской области, он сдал в Минской губернии подпоручика В. Милодовского, фамилия которого встречается среди подписей, начертанных на скале — W. Miladovski. Что касается других фамилий, то их найти в делах мне не удалось.

В Ставрополе находится дело о побеге из Горячих Вод 26 пленных поляков.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. Селение Ореховка отстоит от города Ставрополя в 80 верстах на восток.
2. Слово «близни» означает «зарубцовавшиеся раны».
3. Фамилия русская.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Прозрителев Г.Н. О военнопленных поляках на Северном Кавказе в войну 1812 года. — СПб., 1914.

ÈÇ ÈÑÒÎÐÈÈ ÃÎÐÎÄÀ ÑÒÀÂÐÎ Ï Î Ë ß[1]

I

В 1910 году работами в губернском архиве мне удалось установить время возникновения нашего родного города, и мы в торжественном заседании в 125-летнюю годовщину отметили 5 мая как день начала Ставрополя, так как указ Екатерины II об образовании в Кавказском наместничестве Ставропольского уезда и уездного города Ставрополя дан был 5 мая 1785 года. День этот постановлено ежегодно отмечать торжественным нашим собранием. В своей брошюре к 125-летию города Ставрополя я касался, главным образом, установления момента возникновения Ставрополя как города и предшествовавшего его положения.

В настоящем моем сообщении я намерен познакомить вас с следующими моментами его исторической жизни.

Другим памятным днем для Ставрополя является 15 февраля 1786 года, когда возникли в Ставрополе городские учреждения.

Став из обыкновенного населенного пункта, и притом случайно возникшего, центром гражданской жизни, Ставрополь, естественно, мог развиваться только с того момента, когда в нем получили основание учреждения, охраняющие права жителей в отношении внутреннего распорядка.

Создание, таким образом, гражданских учреждений является фактом в высшей степени важным, и день 15 февраля 1786 года должен быть признан днем знаменательным в нашей жизни, когда торжественно были открыты первые учреждения, первые присутственные места.

В настоящее время, благодаря разбору губернского архива и архива, найденного при переделке пожарных конюшен и перенесенного мною в колокольню, мною собран обширный материал для истории Ставрополя, но все-таки считаю долгом и в настоящий момент помянуть добрым словом наших первых работников по ставропольской старине И.В. Бентковского и вместе с ним архитектора Архипова, собравшего ценные данные в этом направлении еще ранее Бентковского.

В указе 9 мая 1785 года Павлу Сергеевичу Потемкину, генерал-поручику, правящему должность саратовского и кавказского генерал-губернатора, об устройстве Кавказской губернии повелено было строить вблизи горских народов города, вводя в них городовое управление 21 апреля 1785 года.

Так как этот указ широко затрагивал вопрос переселенческий и внутреннее устройство края, то он порождал многие недоразумения в отношении осуществления мероприятий на месте; поэтому, вероятно, введение управления в Ставрополе и замедлилось.

Только 31 января 1786 года Кавказское наместническое управление дало распоряжение об открытии присутственных мест в Ставрополе.

В то время все управление сосредоточивалось в Астрахани, и оттуда был командирован председатель уголовного суда подполковник Пирогов для открытия присутственных мест в городах Кавказской губернии (Указ. Кавк. намест. управ. 31 января 1786 года).

В Ставрополь был отдельно послан надворный советник Зряхов.

Из донесения Пирогова видно, что открытие в Ставрополе состоялось 15 февраля 1786 года (Указ № 68 — 1786 года бургомистру Яковлеву) с молебным пением в церквах и преподанием священником благословения открываемым учреждениям.

В Указе Наместничества указан был порядок открытия, которое должно начаться чтением Высочайшего манифеста, и добавлено, что в каждое присутственное место отпущены: законы, сукно на стол и на первый случай на расходы деньги, бумаги, чернила и прочее.

Что касается денежных сумм, имеющихся на местах, то за отсутствием еще Казначейств, они должны храниться на руках у того, у кого они были до прибытия казначея, но с тем, чтоб о них было доложено Казенной палате.

В том же указе говорится и об открытии Кавказской казенной палаты.

Мне удалось найти в наших архивах эти исторические книги «законов», присланные тогда в ставропольские присутственные места.

В настоящее время они представляют библиографическую редкость, а для Ставрополя они являются тем знамением правды, под которым он впервые начал свою гражданскую жизнь.[2]

Были присланы следующие книги:

1. Указы Екатерины II 1765—1766.
2. Указы Екатерины II 1766 (за $^1/_2$ года).
3. Указы 1767 г. (по 1 июля).
4. Воинский устав, напеч. в 1780 г. (Петра I-го).
5. Регламент Коллегии, напеч. 1731 г.
6. Словарь юридический ч. II с 1755—1775 г. Начинается указом 24 января «О учреждении в Москве университета и двух гимназий: одну для дворян, а другую для разночинцев, кроме крепостных людей».

Под некоторыми указами — ссылка на другие по тому же предмету.

Создание нового города и введение в нем гражданского управления вместо управления, которое прежде относилось «единственно к военному начальству», было весьма крупным событием для всего края, нуждавшегося в упорядочении отношений внутренней жизни обывателей и проявлении их самодеятельности.

В правительственных сферах также придавали большое значение этому новому направлению в политике в отношении далеких окраин и хотели обратить внимание всего населения края на подобные мероприятия.

Екатерина II собственноручным письмом от 25 февраля главнокомандующему в Кавказской губернии Павлу Сергеевичу Потемкину выражала свое удовольствие по поводу открытия присутственных мест и поручила объявить об этом дворянам и горским князьям и удостоверить каждого в искреннем ее желании, чтобы новый образ правления послужил к утверждению их спокойствия и благополучия.[3]

Новым городам было отпущено в пособие в ссуду 100000 р.[4]

А для удостоверения, как прочно налажено новое дело в крае, повелено было сенаторам графу Александру Романовичу Воронцову и Алексею Васильевичу Нарышкину обревизовать новооткрывшуюся губернию и созданные присутственные места. И 3 марта 1786 года сенаторы уже были в Екатериноградe, тогда губернском городе.[5]

Необходимо отметить, что край, а вместе с ним и наш Ставрополь, переменой в порядке управления обязан Павлу Сергеевичу Потемкину, который в своих представлениях Екатерине II указывал на необходимость развития гражданской части в крае и больших облегчений для обывателей. Суровый военный режим связывал обывателя и отдавал его в зависимость от личного усмотрения того или другого начальника гарнизона, который в свою очередь был связан строгостью военных законов, которыми часто прикрывались и злоупотребления.

Несмотря на то, что всего несколько лет прошло со времени массового водворения переселенцев на Кавказ, накопилось много разного рода недоразумений, жалоб, и потому в создании гражданского управления краем была существенная необходимость. Этим, вероятно, и вызывалась сенаторская поездка. П.С. Потемкин добился этого изменения, как и преобразования крепости № 8 в город Ставрополь. Ему же обязаны и наши села в том, что получили разрешение строить церкви и иметь свой причт, хотя и с ограничением, чтоб было не менее 500 душ в селе, чего они прежде тщетно добивались.

Хотя отдаленность Кавказа и военные обстоятельства и пугали, но все же кавказский простор привлекал поселенцев, а тяжелые условия жизни внутренней России только способствовали этому негласному заселению: все, что укрывалось от помещичьего гнета и терпело притеснения во внутренних губерниях, уходило на Кавказ и здесь создавало свою собственную новую жизнь. Естественно, что район каждой существующей уже крепости тянул к себе поселенцев, и создававшиеся вольные (невоенные) поселения, слободки, требовали внутреннего управления и «расправы» по возникавшим между жителями недоразумениям. Жители слободки занимались промыслами, мелкой торговлей, сначала для потребностей крепости, а затем постепенно расширяли свои операции, и было крайне необходимо регулировать создавшееся положение. Надо было узаконить такие поселки и создать для них управление взамен царивших всяких случайностей при улаживании споров.

Такое поселение при Ставропольской крепости известно с 1782 года, но несомненно, что при самом построении крепости в 1777 году уже было положено начало такому поселению женами солдат, строивших крепость, и отставными солдатами. Это тем более верно, что присутствие населения «невоенного» в самой крепости еще до образования города подтверждается самим планом крепости 1778 года, где в пределах крепостной стены показаны «обывательские строения».

В отношении существования слободки при Ставропольской крепости имеется вполне достоверное свидетельство, которым является переписка Нижнего земского суда с городовым Ставропольским магистратом по поводу отыскания семи человек мещан, значащихся по четвертой ревизии в числе мещан при Ставропольской крепости и записанных в мещане в 1782 году, которых не оказалось в 1786 году.[6] В числе мещан в 1782 году значился Иоаким Нечаев, вольноотпущенный оренбургского помещика. Запись в мещане велась в 1784 году, и в этом году там проживал купец Яковлев, а в 1785 году зачислены в мещане Калина Скоморохов и Иван Ртищев.

Жизнь вызывала необходимость признать существование вольных поселений при крепостях и тех правоотношений, какие возникали между жителями их. Естественно, что в этом случае одно военное начальство крепости могло санкционировать гражданские сделки и так или иначе регулировать течение невоенной жизни. И вот из сохранившейся копии протеста векселя видно, что обязанности нотариуса по протесту векселей возложены были на полковое начальство. Купец Кузьма Яковлев, торгующий в Ставропольской крепости, предъявил к протесту вексель, выданный ему 24 февраля 1784 года отставным подпоручиком Федором Фостиковым, и протест «к сохранению вексельного права» был совершен за неимением публичного нотариуса в полковой канцелярии Астраханского

драгунского полка, подписан адъютантом Феодосием Раевским. К протесту приложена печать полка, свидетелем при протесте был отставной казак Донского войска Столяров.

Таким образом гражданские сделки совершались еще за три года до открытия присутственных мест, и санкционировались они военным начальством полка, который составлял гарнизон крепости.

Протест был выдан на руки Яковлеву. Надо заметить, что протест был совершен вполне правильно, почти в тех же выражениях, как и ныне.

Городовое управление по указу 21 апреля 1785 года делало город самоуправляющимся во всех делах хозяйственных путем выбора достойнейших лиц, и это, конечно, являлось громадным толчком к развитию собственных сил населения.

А потому открытие органов самоуправления было буквально торжеством для жителей вновь созданных городов, после бесправной и зависимой жизни от военного начальства крепости.

Первоначально в Ставрополе были открыты из числа присутственных мест: Городовой магистрат и Нижний земской суд; уездные суды находились в Моздоке и Георгиевске, куда относился и Ставропольский уезд.

Учреждена была должность публичного нотариуса и назначен городничим.

Первым нотариусом в Ставрополе был курский дворянин отставной прапорщик Калугин, а первым городничим прапорщик Стефан Яров.

По закону городовой магистрат состоял из двух бургомистров и четырех ратманов, но первоначально был только один бургомистр и один ратман. Первым бургомистром был Кузьма Яковлев, а первым ратманом — Карп Колесников.

Только 17 января 1787 года дело наладилось, был избран полный состав и приведен к присяге. Первые же выборы 15 ноября 1786 года не были утверждены, так как по недостатку грамотных не мог быть избран полный состав присутствия.

Небезынтересно указать, что из числа первых деятелей городского управления уцелело только несколько фамилий, а остальные, бывшие во главе города, не появлялись впоследствии и почти все вымерли.

В общественном приговоре 15 ноября 1786 года участвовали Антон Руднев, Яков Тарасов, Назар Голиков, Антоний Камарик, Алексей Стрежиков, Тимофей Катасонов, Иосиф Ртищев, Василий Быканов, Андрей Волобуев, Петр Акулинин, Козьма Руцкий, Петр Пашков, Никита Черкеменин, Петр Воробьев, Григорий Неделика и Иван Чернышев.

Из числа этих фамилий удержались в настоящее время только две: Ртищевы и Рудневы, — представители которых состоят в несомненном родстве с первыми деятелями городского управления.

Среди дел указанного архива в колокольне являются весьма ценными протоколы заседаний Городового магистрата, где имеется ежедневная запись как состава присутствия, так и рассмотренных дел.

Население города было очень польщено новым законом и созданными учреждениями и с достоинством носило звание мещанина, получив в нем расширение прав обывателей сравнительно с крестьянским сословием. Мещанин приобретал гражданские права и назывался гражданином.

Времена были тяжелые, на Руси царило крепостное право при полном бесправии личности.

Легче жилось государственным крестьянам, но и это податное сословие не было избавлено от телесного наказания.

Архивы сохранили по этому вопросу и за более позднее время интересные документы.

Звание мещанина спасало, выводило из бесправия, и новый город стал быстро наполняться записывавшимися в число его обывателей. Благодетельная мера, объявленная в высочайшем манифесте о ссудах городам из заемного банка, встречена была несочувственно, она очень напугала новых горожан той ответственностью, которая возлагалась на городские общества, и все города, как и наш Ставрополь, на запрос Наместнического правления уклонились от получения ссуд, ссылаясь на неустройство общества и недостаточное число лиц, вошедших в состав купцов и мещан города. Из мнения Ставропольского магистрата видно, что в 1787 году 4 июня было в Ставрополе только 162 мещанина... В конце концов Наместническое правление решило представить все на усмотрение правящего должность Кавказского губернатора.

II

В развитии города Ставрополя огромную роль сыграли казаки Ставропольской станицы. Теперь только в названиях улиц в нижней части города: Казачья, Хоперская, Станичная улицы — осталось воспоминание об этом казачьем поселении, да небольшая часовня на нижнем базаре указывает на место, где стояла казачья церковь. В 1825 году станица была упразднена, и казаки переселены на Кубань в станицу Суворовскую.

Ставропольская станица возникла на несколько лет раньше Ставрополя и связана с проведением Азово-Моздокской линии.

Предположенная постройка крепостей по линии от Азова до Моздока, несомненно, требовала охраны от набегов горцев, и вот в том же 1777 году, когда приступлено было к устройству линии от Моздока до Азова, двинуты были для поселения на ней с Дону хоперские казаки. О них в наказе, данном на имя князя Потемкина, упомянуто таким образом: «Хоперскому казачьему полку, расположенному в 27 верстах от Донских станиц, и, следовательно, в ненужном месте, велено в этом же 1777 году перейти на линию наступающею весною, под командою войскового старшины (потом подполковника) Конона Устинова,[7] а для содержания форпостов нарядить из Донского войска пристойное прикрытие».

По прибытии казаков в Ставропольской крепости для них тотчас же под поселение отведен был участок земли к северо-востоку от крепости, по скату возвышенности и по равнине. Здесь-то собственно и началось первое население нынешнего города, постепенно распространявшегося дальше и дальше к востоку и югу по равнине. Пришедшие казаки поставили деревянные незатейливые постройки, которые не отличались своей красотой, но военным людям, пришедшим на Кавказ для укрепления границ, и некогда было думать о красоте и удобстве своих жилищ; они старались только как бы скорее заложить их основание и потом приняться за свое главное дело — оружие. Но тем не менее протянулись улицы, обстроились, и в 1780 году казаки соорудили церковь во имя Казанской Б.М. Станица строилась довольно быстро, потому что казаки не имели недостатка в материалах и свободно пользовались лежавшими вокруг них лесами. Окопали казаки свое жительство валом, огородили и начали заниматься садоводством, составлявшим, как кажется, главный предмет тогдашней их хозяйственной деятельности.

Хоперцы прибыли к Ставропольской крепости 22 октября, и потому построенная ими церковь заложена в честь Казанской Божьей Матери. Остальные казаки хоперского полка образовали станицы: Михайловскую, Старую Марьевку, Надежду, Бешпагир и др.

Вот под прикрытием этих станиц и возникало при крепости поселение вольных людей, слободка, которые, не принадлежа к казакам и часто являясь, может быть, и не с безупречным прошлым, селились подальше от казаков. Да и сами казаки недружелюбно встречали новых поселенцев, вероятно, по той же причине.

На это обстоятельство указывают и протоколы Городового магистрата, из которых за 1787 год видно, что уже были мещане, изобличенные «в неоднократных продерзостях (воровстве) и подлежащие отдаче в солдаты». Как бы то ни было, но казаки даже отгородились от новых поселенцев плетневым забором, проведенным от базарной площади к востоку до конца возникавшей улицы новых поселян, называвшейся Большой Черкасской, ныне Николаевский проспект. Забор этот существовал до тех пор, пока казакам не повелено было идти на Кубань и станица упразднена. В то время как о мещанах слободки имеются неодобрительные отзывы, казаки оставили по себе добрую славу.

В первый же год по своем водворении казаки выдержали нападение скопищ черкесов и кабардинцев, отстояли крепость и спасли от разорения и гибели жителей слободки. Это было в мае 1779 году: 200 хоперцев разбили партию в 1500 человек напавших закубанцев. В следующем 1780 году Ставропольская крепость снова подверглась нападению закубанцев, но снова была спасена удальством горсти казаков, которые даже взяли в плен предводителя горцев Аслан-Гирея.

Таким образом, город на самой заре своего существования многим обязан казакам-хоперцам, и ставропольцы должны быть признательны первым поселенцам Ставропольской станицы и чтить их память.

Как крепость, так и станица тесно связаны с жизнью слободки и являются первыми свидетелями зарождения будущего города и его хранителями, а потому в истории города им должно быть отведено почетное место. К сожалению, в этом отношении имеется пока очень скудный материал, так как архивы Ставропольской крепости и станицы до сих пор не найдены и приходится довольствоваться теми данными, какие встречаются в переписке по разным делам в других учреждениях и архивах.

Но тем не менее можно дать точную характеристику хоперцам и казакам Ставропольской станицы и признать за ними беззаветную храбрость, отвагу, домовитость, уживчивость и усердие к церкви.[8] Несмотря на то, что они были, так сказать, первыми хозяевами места, занятого близ крепости, они с возникновением города скоро почувствовали притеснение со стороны мещан, и в архивах сохранились жалобы их даже на то, «что мещане совсем их от церкви оттерли».

Жители захватили их пастбища и сенокосы и вообще смотрели на прилегающие земли как на городские, ссылаясь на какие-то распоряжения, и не признавали прав казаков. Целый ряд недоразумений и хозяйственных столкновений обострил отношения между казаками и жителями, и обиженными оказывались казаки.

Дело дошло до того, что жители города стали оспаривать даже право казаков на церковь, доказывая, что она построена на общие средства и преимущественно на средства жителей. Власти, видимо, становились на сторону горожан, и спор настолько осложнился, что казакам не позволили взять церковь при переходе их на новые жительства, и только через 12 лет им удалось осуществить свое право и увезти свою церковь.

Казаки чувствовали себя крайне обиженными и самым переселением, и предпочтением, которое отдавалось жителям, и несправедливостью, допущенною в отношении прав их на церковь.

В архиве удалось найти интересное дело о споре жителей с казаками о правах на церковь.[9]

А тут присоединились неудовольствия и ряд столкновений городских обывателей с станичниками из-за базара, из-за водопоя в горе (нынешняя Соборная гора), из-за камыша, росшего по горе и по речке Ташле, и прочего.

В связи с этим стоял и вопрос земельный, наделение города землею, чего при существовании станицы сделать было нельзя.

Архив нам сохранил и споры духовенства той и другой церкви между собой из-за совершения треб. Духовенство Троицкого собора неоднократно жаловалось в консисторию на то, что причт казачьей церкви совершает требы между городскими жителями и тем уменьшает их доходы. Были случаи личного столкновения духовенства между собой.

Дело в том, что долговременное совместное сожительство городских мещан с казаками породило родственные и дружеские отношения между ними, что имело значение и для духовенства казачьей станицы. В силу тех или других причин это духовенство приглашали к себе горожане, обращаясь к нему, как более доступному, нежели «соборяне», и за требами.

Вот тут и начались недоразумения и пререкания. А так как духовенство казачьей церкви было в ведении военного начальства, то оно и имело у себя значительную поддержку.[10]

Казаки станицы, видя в жителях соперников, не шли на возвышенность, а наоборот, подавались больше на север и запад и постепенно стали расселяться по р. Ташле и Мамайке, разбрасываясь хуторами и образовывая как бы две станицы. На левом берегу р. Ташлы мне удалось найти кресты и каменные плиты бывшего когда-то кладбища.

Много крестов расхищено, и о надписях судить нельзя, но на одном кресте удалось прочитать «иерей», а остальное стерто.

Привольные места и земельный простор значительно способствовали благосостоянию, а трудолюбие сделало из казаков хороших хозяев. Крепко сжились они с своими новыми местами, и тяжело было им узнать весть о переселении на Кубань.

Но в 1826 году, когда город намечался областным, окончательно было решено переселить казаков, что и было поручено князю Горчакову.

Князь Горчаков был первым начальником Кавказской области, учрежденной в 1822 году.

Трудное дело выпало на долю Горчакова, но хорошее знакомство с казаками и умение дали ему возможность выйти из затруднительного положения и наладить переселение казаков без особых осложнений. Зная казаков, Горчаков не вдруг приступил к исполнению поручения, а сначала путем убеждения и общений сумел создать в среде казаков сторонников новой меры, а затем склонил казаков заблаговременно продавать свои дома горожанам и находил покупателей. Задача заключалась в том, чтобы казаки не ломали своих домов и, уходя, не оставили бы пустого места. Еще в 1795 году в станице было 300 казачьих дворов, а к этому времени число их значительно возросло.[11]

Небольшая часть, действительно, успела продать свои жилища, но ввиду того, что в городе было меньше жителей, чем казаков, и притом они не располагали средствами, продажа не имела успеха.

Добровольная продажа построек в станице, хотя бы и по низкой цене, имела громадное значение для казаков, так как правительство не находило возможным давать казакам при переселении вознаграждение за их дома в станице и, так сказать, выкупать их. Князь Горчаков добился только Высочайшего повеления в том, чтобы за казачьи сады и мельницы с землей под ними было выдано казакам вознаграждение по справедливой оценке, обратив эти обзаведения в число государственных имуществ для извлечения из них пользы. Таким образом, продажа домов в станице являлась прямой выгодой для казаков. В приложении мы приводим означенное распоряжение, явившееся благодаря благожелательности к казакам князя Горчакова.

Закончить переселение выпало на долю другому начальнику области, генералу Эммануэлю, который повел дело уже не с той постепенностью, как Горчаков.

Весною 1827 года, поломав свои дома и уложив на подводы, потянулись казаки со своим скарбом на новые места, ближе к неприятелю, для новой борьбы с ним. За бесценок сбыли казаки свое добро горожанам, радовавшимся удалению своих соперников.

Ставрополь после этого выселения мог свободно расширяться и распространяться во все стороны. Гражданам не с кем было теперь вести споров за земли и усадьбы: «Казаки все оставили в их полное владение», — говорит Архипов.

Необходимо заметить, что за время своего пребывания казаки значительно обезопасили жителей от нападения как калмыков, так и закубанцев, а в первое время казаки должны были выпускать свой скот только на ружейный выстрел от крепости, и то под охраной конного наряда.

Крепость Ставропольская с своими 13 пушками сыграла в этом деле видную роль, являясь серьезной угрозой непокорным, если бы возникли волнения при переселении.[12]

После удаления казаков и упразднения станицы настала очередь и крепости уступить свое место обывателю, который скоро стал растаскивать по камешкам ее стены.

Что касается крепости Ставропольской, то существует некоторое разноречие относительно года ее построения: в 1777 году или в 1778 году, — но это обстоятельство не имеет значения для самого города, а потому не будет погрешностью, если мы годом ее основания будем считать 1777 год, тем более что весною следующего года выступили с Дона хоперцы и осенью были уже у Ставропольской крепости, а это было в 1778 году.

Предложенная Потемкиным военная линия должна была пройти от крепости Маздока через реки Золку, Куму, Карамык, Тамузлов, Буйволу, Калаус, мимо Темного леса вниз по реке Большому Егорлыку до Маныча и Дона — до крепости Св. Дмитрия, лежавшей у устья Азовского моря, почему и линия получила название Азово-Моздокской линии.

Близ нынешней станицы Темнолесской и теперь еще видны развалины крепости, а близ Ставрополя был пост № 8, и близ него было повелено заложить крепость Владимирскому драгунскому полку. Выбор и пал на нашу возвышенность. Не останавливаясь здесь на вопросе, почему избрано было это место и как строилась крепость, мы все-таки можем установить, что первым строителем был полковник Ладыженский.[13]

Имя его должно быть сохранено в памяти ставропольцев как первого создателя будущего города.

Из приложенного плана видно, что крепость была невелика по пространству, но для того времени, при 13 пушках, это было серьезное сооружение, под охраной которого можно было жить в безопасности.

Скоро, как мы видели, было оценено русским человеком значение этого укрепления, и он пошел к нему со всех сторон.

Здесь кстати сказать, что Суворов не строил Ставропольской крепости, и на карте, составленной им в 1778 году, ее нет, а намечен Темижбек, и в Ставрополе Суворов не был.

Крепость строилась быстро. Теплая и бесснежная зима 1777—1778 года способствовала и постройке крепости, и приливу поселенцев к ее стенам.

В настоящее время, то есть в 1915 году, сохранились от крепости только два столба, сложенных из тесаного камня, составлявших ворота внутреннего двора крепости, чрез которые шла дорога из станицы.

Жизнь крепости протекала довольно однообразно и мирно, так как постройка Суворовым ряда крепостей на Кубани вплоть до Кавказской и Темижбека составила большую преграду закубанским племенам и отрезала их при посредстве Азово-Моздокской линии от с.-в. части Северного Кавказа.

Настало значительное успокоение, тем более что преграждался и калмыкам доступ в прикубанские степи.

Вблизи Ставрополя в 30 верстах стояла крепость Московская, а с юга Темнолесский рентраншамент, и потому Ставрополь был в полной безопасности и ему не угрожало даже нападение Шейха-Мансура в 1785—1789 годах Хотя движение распространилось до самой Анапы и знаменитый шейх мечтал захватить Ставрополь.[14]

Близость станицы и возникновение слободки создавали возможность общения, и крепость не была отрезанной, хотя сообщение и совершалось при посредстве «оказии», то есть под прикрытием военной команды и при одной пушке. Судя по отметкам на бумагах сохранившихся в архиве дел о времени посылки и получения, сообщение было налажено хорошо, и почта доставлялась с удивительной быстротой, хотя, конечно, это надо отнести к казенным бумагам, а не к частной переписке.

Сообщение велось при посредстве верховых казаков, и эстафета доставлялась с изумительной быстротой.

Вести из России не были часты, и письмо было большой редкостью.

Если принять во внимание прилив переселенцев и то, что военное начальство должно было входить в их нужды и принимать участие в их правоотношениях, то можно утверждать, что в крепости было большое оживление и жизнь шла бойко.

Что касается внутренней жизни, развлечений, то главным удовольствием было чаепитие, спиртные напитки (водка) были только для праздников, в самом ограниченном количестве, а виноградное вино было недоступно. Таким образом, пьянства на первое время совсем не было. Охота на кабанов, медведей была большим развлечением, а обилие птиц, в особенности перепелов, стрепетов и фазанов, сделало охоту любимым отдыхом и создало обычай.

Грамотность была очень слабо развита, школ не было, но начало им положено было в казачьих станицах учреждением полковых школ.

Книга была редкостью, хотя и встречаются книги 1785 года как светские, так и церковные, привезенные из России.

Встречаются рукописи и «наставления» в жизни.

Бумага была только в казенных учреждениях, и письменные принадлежности составляли принадлежность писца. Писали гусиными перьями, а чернила приготовлялись из чернильных орешков. Надо сказать, что бумага и чернила того времени прекрасно сохранились.

Ïðèëîæåíèÿ

I. Ïåðåïèñêà ïî ïîâîäó ïðåäïîëàãàâøèõñÿ ññóä ãîðîäàì Êàâêàçñêîé ãóáåðíèè èç çàåìíîãî áàíêà â 1786—1787 ãîäàõ

От главнокомандующего в Кавказской губернии.
В Кавказское наместническое правление
Предложение

Препровождаю в Наместническое правление присланные ко мне письма от г-на тайного советника, сенатора и кавалера Петра Васильевича Заводовского со вложением рассуждения о раздаче из заемного банка от щедроты Ее Императорского Величества определенной суммы на города, ответ мой на первое его письмо с приложением объяснения о каждом городе и ответ мой на последнее его письмо, дабы Правление ведало содержанием их, понеже в предпоследнем параграфе письма помянутого г-на сенатора Петра Васильевича Заводовского сказано сими словами: «Какие удостоверения могут они представить в благонадежность возврата и кои средства полагаете вы или само купечество к соблюдению ссудной суммы».

Из сего следует, чтоб наместническое правление отобрало от всех городов купечества, через кого надлежит, какие удостоверения, который город представить может на сумму им от щедроты Ее Императорского Величества назначаемую, и собрав оные, ко мне представить.

Павел Потемкин. № 512. 21 апреля 1787 года.

Милостивый Государь мой Павел Сергеевич!

Получив почтенное письмо вашего превосходительства, в котором благоволили вы меня уведомить о состоянии городов, обоих всевысочайше вверенных вам губерний, Кавказской и Саратовской, и извлекая из оного, так как и из приложенного к нему мнения вашего, все то, что мне к сведению моему потребно, не нахожу я, милостивый государь мой, некоторых объяснений, кои неминуемо нужны для основания общих правил к обнадеживанию заемного банка, и ради достижения тех выгод и польз, для чего от щедрой Монархини нашей всем в Империи городам ссуды предопределены.

Ваше превосходительство, проницательно рассмотрев локальное положение всех Кавказской и Саратовской губернии городов, и войдя подробно в состояние купечества их, благоразумно расположили их на классы, соответственно рассуждению к вам препровожденному; но сколько именно потребно каждому городу Всемилостивейше жалуемой ссуды, какие удостоверения могут они представить в благонадежность возврата, и кои средства полагаете вы, или само купечество, к соблюдению ссудной казны, того вы объяснить не изволили.

Не могши без столь подробного сведения приступить к исполнению возложенного на меня служения, и следовательно уделить городам Кавказской и Саратовской губерний изливаемой от щедрот Ее Императорского Величества денежной ссуды, покорнейше ваше превосходительство прошу необходимое сие объяснение выполнить, и сколько возможно без продолжения ко мне доставить.

С совершенным почитанием и преданностью имею честь быть, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнейшим слугою

Петр Заводовский. 30 генваря 1787 года.

Милостивый государь мой Павел Сергеевич!

Видели ваше превосходительство из дошедшего к вам Высочайшего манифеста, данного июня в 28-й день сего года, коль благотворительным образом Ее Императорское Величество учредить соизволила денежный заем для дворянства и купечества во вновь открываемом в здешней столице заемном государственном банке.

Щедрота и милость, Высочайше изволенные для городов и купечества всего государства раздачею одиннадцати миллионов рублей, имеют единственно предметом своим пользу и распространение рукоделий, внутреннего торгового обращения, разных промыслов и отпуска в чужие края российских произрастений и товаров, не меньше же того подкрепление торгу подданных российских с Китайским и Персидским государствами и с другими, соседними азиатскими областями. Правила о займах дворянских в сем установлении явственны; но для городов составить оные нельзя без ближайшего или паче местного удостоверения о положении и их состоянии, что наилучше должно быть известно главному начальнику в каждой губернии. Будучи определен главным директором над сим государственным заемным банком, имею честь по точному Высочайшему указу просить ваше превосходительство уведомить меня, какие города найдете вы в двух вверенных вашему управлению губерниях Саратовской и Кавказской и в третьей области Астраханской, по состоянию частного положения их нужд и выгод, требующими и коликой именно денежной ссуды, присовокупя к тому и мнение ваше, заимственное от опыта и местного наилучшего удостоверения, каким образом каждому городу требуемую сумму вверить, избранному ли нарочито для того обществу, которое бы за целость оного ответствовало, или правлению городскому на двадцать два года, дабы от сих раздача частным людям того города или иногородным, привозимыми

товарами или закупкою оных торги в оных ведущим, под какой залог и обязательства производима была благонадежнейшим образом со стороны обеспечения данного от казны капитала и верной уплаты оного ежегодно от заемщиков установленными процентами. Средства и способы, кои вашим превосходительством по лучшему вашему усмотрению изобретены будут для сего, послужат к основанию общих правил в обнадеживание самой казны и для достижения тех выгод и пользы, на которые частным людям сии ссуды предопределены. В приложенной у сего записке сообщаю вам не яко точные уже правила, но одно только рассуждение к оным, руководствовавшее соображением пользы и выгод от назначенной городам денежной ссуды, которая не полагается единственно на упомянутые тут города, ибо оные только названы в пример, но и опричь оных собственному вашему благоусмотрению предоставляется рассмотрев состояние всех городов в ваших губерниях и области и сообразя предмет щедроты от милостей Монарших, назначить которым из них полезно и безопасно будет и коликую именно учинить из назначенной вообще суммы ссуду. На сей конец повторю еще мою просьбу, дабы сходствуя во всем выше изъясненному благоволили доставить мне уведомление к последнему числу декабря сего текущего года. О присылке равных сему известий сообщил я и всем государевым наместникам или должности их отправляющим, исполняя сим данный указ и высочайшую волю Ее Императорского Величества.

С высокопочтением и преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугой

Петр Заводовский. Июля 24 дня 1786 года. С.-Петербург.

1787 года 4 мая дня в Кавказском наместническом правлении от 21 апреля под №512, по предложению Его Высокопревосходительства, приказали во все городовые магистраты, исключая Астраханской, указами велеть, собрав городских голов, и общества положить основание, какими кому достоверительными способами в городах в пользу оных и торговли, сумма пожалованная, может быть в ее употреблении, однако же предохранена без растеряния, кому ссуда учинится и вообще капитал ее прислать мнение за подписом градских голов, магистрата и общества купцов без продолжения времени.

Подписали: Ларион Алиусеев, Василий Булычов, Андрей Тюкин.

Выписал регистратор.

Мнение
Екатериноградского городового магистрата,
представленное в Кавказское наместническое
правление 9 июня 1787 года за № 169

Вопрошается: какие удостоверения могут города представить в благонадежности возврата, и кои средства предположить можно к соблюдению ссудной суммы.

Казна при выдаче денег купечеству обыкновенно обеспечивает себя капиталами, какие показывает оно, и поручительством. Но опыт доказал, сколь много казна потерпела, вверяя на таком основании деньги и в цветущих городах; сколь медленно или совсем не достигала той прямой цели, для которой она делала им вспоможение. Ибо редко можно найти такое общество, в кое не вкрадывались бы в большой части распутные, за которых принуждена будучи часть добрых людей выплачивать растраченные ими казенные деньги приходит в разорение. Кроме сего бесчисленны суть обстоятельства, которые, стекшись, расстраивают все неусыпные распоряжения добрых стяжателей имения, и заглушают отрасли торговли в руках их; и так обращая внимание на общество многолюдное, обзаведенное, распространившее уже сколько-нибудь свою торговлю и тем умножившее свои капиталы, можно обеспечить раздачу сию так, чтоб отдать оную на отчет и попечение какого-либо верхнего правительства, например, губернского магистрата, который, отбирая представления от городового магистрата на самых честных и зажиточных людей, одобряет их пред главным начальником в губернии, и тогда с апробаций его произведет раздачу: сим кажется средством достанутся деньги в такие руки, в коих надежно оные сохранены будут, и польза прямая государственная соблюдена будет. Но поелику в сем городе общество весьма еще малолюдно и не более, как из семнадцати человек составляется, коего вообще весь капитал до двадцати шести тысяч шестисот рублей простирается, притом по новости еще не обзавелось, то при всех выгодах Всемилостивейше ему дарованных, и при выгодах, какие с избытком можно найти в торговле в сей стране, столь слабые силы имеет оно к произведению торговли, что неможно раздачу сию произвести лично, а ежели и на целое общество, то не и иначе как под смотрением какого-либо правительства, например, губернского и городового магистратов, которые, так сказать, хозяйственным порядком войдут, как в распоряжение данною на ссуду суммою, так и самое состояние торговли, смотря неусыпным оком на образ производства оной, поверяя почаще в кладовых сумму денег, выручаемых с продажи товаров, и в лавках товары (что все оное строение на первый случай со стороны казенной должно из особенной суммы выстроить на счет купечества) и наконец поверяя самую бухгалтерию, которую должно непременно во всем приличном на сей случай порядке завести; и имея всегда в виду поведение и способности каждого мещанина, коему общество вверяет должности по торговле случающиеся, а когда уже общество, участвующее в обороте сей ссудной

суммы, научится через опыт, каким образом возвысилась их торговля, как находило оно свои прибытки, увидит, что суммы на ссуду ему данной знатная часть уже выплачена, общество граждан умножится с течением времени, откроются другие обстоятельства, поспешествующие к торговле, например, землепашество в лучшем состоянии будет, размножатся селения, окружающие горские его соседние народы умягчат дикость свою, приобыкнут к роскошной жизни, познав больше цену в вещах, найдут и нужды больше в оных, а сим способом и расход вещей умножится и прочее. Тогда можно к облегчению магистратов сделать другое распоряжение относительно до беспечности казны и пользы государственной самого общества сего города. Но сколь велика сумма потребна на ссуду здешнему обществу, сие зависит от рассмотрения главного начальника, народа высокоего мудрость и прозорливость и неусыпное попечение о благосостоянии народа Высочайше вверенного его управлению всю нашу надежду возлагаем. Однако ж общество, следуя сему основанию, на каком, как выше сего объясняются, полагает раздачу ссудной суммы, полезным и достаточным к достижению прямой цели, в рассуждении торговли средством, чтоб не менее, как тридцать тысяч рублей выдать. Из сего губернское правление видеть изволит, какие полагает городской магистрат и все общество сограждан сего города верные средства к надежному возвращению Всемилостивейше жалуемой на ссуду суммы, какие меры находит к приведению в цветущее состояние торговли и соединенной с нею прямой государственной пользы. В должности городского головы губернского магистрата заседатель Иван Боев, екатериноградский купец и губернского магистрата заседатель Иван Кирилов сын Баранов, екатериноградский купец и губернского магистрата заседатель Алексей Зайцев. Екатериноградский купец и губернского магистрата заседатель Яков Тупиков. Екатериноградский мещанин и губернского магистрата заседатель Игнатий Базарников. Екатериноградский купец и совестного суда заседатель Александр Баранов; совестного суда заседатель Леонтий Сандуленков. Екатериноградский купец и городового магистрата бургомистр Андрей Яковлев, по неумению его грамоте прилагаем свою печать. Екатериноградский мещанин и городового магистрата бургомистр Степан Бочарников, екатериноградский купец и городового магистрата ратман Андрей Дьяков, екатериноградский мещанин городового магистрата ратман и прочее.

Мнение Кизлярского купечества

1787 года мая 31 дня вследствие полученного Ее Императорского Величества из Кавказского наместничества правления указу мы города Кизляра купцы нижеподписавшиеся на определенную на города к раздаче из заемного банка от щедроты Ее Императорского Величества сумму, дабы она предохранена была без растеряния, своим мнением полагаем, кто будет брать, тому дан будет о вверении взятой суммы из городского магистрата аттестат.

Подлинное подписано тако: 2-й гильдии купец и голова Яков Калашников, 3-й гильдии купец и бургомистр Афанасий Чернов, 3-й гильдии купец и бургомистр Михана, 3-й гильдии купец и ратман Егор Серебряков, 3-й гильдии купец Дмитрий Васильев, 3-й гильдии купец Василий Свешников. В должности секретаря подпоручик Иван Моисеев.

Мнение Ставропольского городского общества

1787 года июня 4 дня по силе насланного из Кавказского наместнического правления от 19 минувшего мая, под № 3931, указа, и на запрос в оном, какие удостоверения могут быть в благонадежности возврата и кои средства предположатся к соблюдению назначенной от щедроты Ее Императорского Величества городам ссудной суммы в Ставропольском городовом магистрате, имев полное собрание Городской глава, магистратские судьи и общества купечества и мещанства, основание свое полагают, что сего города Ставрополя, все оное Градское общество составляется, как то: 2 и 3-й гильдии купечества семейного 12 человек, коего вообще купеческий капитал тридцать одна тысяча руб., мещанства сто шестьдесят два человека, коих также мещанский капитал восемь тысяч руб., а всего вообще капитала купеческого и мещанского тридцать девять тысяч руб., однако из оного общества большая часть граждан по новости еще совершенно не обзавелась и при всех выгодах, Всемилостевейше Градскому обществу дарованных, Ставропольское городское общество к получению ссудной суммы не иначе приступить может, как под смотрением вышнего над собою правительства, яко губернского и городового магистрата, и раздачу оной произвести каждому купцу и мещанину лично, однако с разбором от распутного состояния на первых порах только честным и зажиточным людям, и по примеру их объявленного на залог капитала, которые на то сплетены быть должны, один по одному круговою порукою и одобрены пред главным начальством от здешнего магистрата, а посредством сего из ссудной суммы деньги поступят в надежные руки, и сохранены будут на прямую цель государственной пользы, к благонадежному возврату сим примером: Ставропольский городовой магистрат сопряжет уже себя хозяйственно и распоряжение прямым образом производства, торговли, рукоделия и ремесла, по цехам приличествующего неусыпно обязан смотреть без запущения нарочитого времени, поверкою чаще в кладовых выручаемой с продажи товаров суммы и личных товаров в лавках, кои все на первый же случай следует выстроить со стороны казенной из особенной суммы на счет купечества и мещанства; потом наконец таковою ж

поверкою доходить будет, в самую бухгалтерию, которую должно во всем приличном тому порядке завести; а по образу сего основания здешнее купечество и мещанство, имевшее в руках своих оборот ссудной суммы через опыты настояще приобыкнет впредь с течением времени возвысить свои торговли, а цехи и спустят отрасли полезного рукоделия и ремесла; при всем том, каждый внимать будет свои прибытки, и выгодную выплатку казне ссудной суммы без потери, а между тем размножится общество, и предварительно поспешествуют другие обстоятельства, и сугубому обращению торговли и всякий гражданин да подщиться устепенить по оборотам свое звание; и впредь таковым способом послужить может на будущее время в облегчение губернского и сего городового магистратов, сделается уже и от того, каковое распоряжение относительно до обеспечности казны и пользы государственной, да и сего города купечества, и мещанства, которым как велика потребна сумма на ссуду относится оное рассмотрению главного начальства, однако ж здешнее общество граждан, следуя вышепрописанному основанию, признает за достаточное количество получению себе судной суммы: до тридцати тысяч руб.; или сколько главным начальством рассуждено быть может, а сего ради, Кавказскому наместническому правлению благорассмотреть соизволит, сколь предварительное сего городского магистрата и от всего общества сограждан положение к надежному возвращению всемилостивейшее жалуемой на ссуду суммы, также и подражание устепенить приведением по новости места в цветущее состояние торговли, а за всем тем в удостоверение утверждается сие подписанием рук нижеследующими: градской глава и бургомистр Михаил Тарасов, ратман и 3 гильдии купец Яков Логовской, ратман и 3 гильдии купец Василий Билецкий, ратман и 3 гильдии купец Степан Расинской, купец Иван Абрамов, купец Дементий Хахленков, купец Анфим Хаустов, купец Василий Репухов, вместо себя и за вышеписанных руку приложил, ставропольский купец Савостьян Чернышев, староста Прокофий Савин, мещане Павел Стасенков, Иван Лысой, Лазарь Голиков, Алексей Лукьянченков, Семен Леванидов, Калина и Григорий Скамароховы, Федор Заикин, Тимофей Катасонов, Осип Ртищев, Семен Фотистов, Петр Коренев, Козма Куцков, Абросим Уваров, Потан Ермолов, Захар Попов, Тарас Зотов, Яков Тарасов, Агап Лебедев за себя и вместо вышеписанных мещан руку приложил.

Мнение Моздокского городского общества

1787 года мая 24 дня, по указу Ее Императорского Величества, в Моздокском городском магистрате слушан насланный из Кавказского наместнического правления, Ее Императорского Величества указ коим велено собрав городских голов и общества положить основания какими кому доверительными способами в городах, в пользу оных и торговли, сумма пожалованная может быть в ее употреблении, однако ж, предохраняя без растеряния кому куда учинится и вообще капитал ее прислать мнение за подпискою городских голов магистрата и общества купцов и мещан. Того ради в Моздокском городовом магистрате определено: в силу оного указа, повестить всем здешним моздокским жителям, градскому главе, а потом всему обществу, купцам и мещанам, чтоб они сего числа собрались в сей городовой магистрат, для выслушивания сего указа, которые пришед и по выслушании оного указа объявили свое мнение, что мы приняли намерение производить торговлю в здешнем городе для общественного продовольствия промысле, но как ныне настоит случай к приготовлению для оного разных товаров, а мы еще на первый случай и по новости в здешнем городе в жительстве и не имеем к тому у себя довольного капитала, то в таком случае городовой магистрат благоволит представить в том, что желание мы свое имеем оной от щедроты Ее Императорского Величества суммы на вышепрописанную надобность получить до пяти тысяч рублей, а тогда городовой магистрат и благоволит по своему усмотрению о всем нашем обществе обстоятельства и кому какое положить достоверными способами в пользу нам торгового промысла, то и определяет по нашим состояниям, кому сколько принадлежит выдавать магистратом, в случае какой надобности, с возвратом в указанное время и с положенными процентами, в исправности же возврата оной суммы во уверение нужды, к сему своеручно подписуемся: к сей подписке вместо градского главы Василия Медведева за неумением грамоте по его прошению моздокский мещанин Павел Сапожников подписался. К сей подписке вместо словесного судьи Алексея Голаванова, мещанин Павел Сапожников подписался; к сей подписке моздокский староста Никита Ветров и проч.

Мнение Георгиевского городового магистрата,
представленное в Кавказское наместническое правление
от 4 августа 1787 года №123

В пользу торговли купеческого города Георгиевска о раздаче из заемного банка ассигнованной от щедроты Ее Императорского Величества суммы Георгиевской, городовой магистрат и от всего общества купеческого, полагается до двадцати тысяч рублей. В прочем отдается на рассуждение Кавказского наместнического правления августа 1 дня 1787 года.

На подлинном подписано тако: бургомистр Иван Квитковский, ратман Николай Черкашинов, градский голова Никифор Зайцев, купец Михайло Ксинеев, купец Иван Попов, купец Петр Пастушков, купец Захар Усачев, ратман Андрей Беляев и другие.

Мнение Кизлярского городового общества

1787 года октября 11 дня, вследствие полученного Ее Императорского Величества из Кавказского наместнического правления указу, мы, города Кизляра купцы нижеподписавшиеся на определенную на город к раздаче из заемного банка от щедрот Ее Императорского Величества сумму, дабы она предохранена была без растеряния, своим мнением полагаем; что как сего города общество купеческое суще малое, то и оной из заемного банка суммы брать не желаем и, к удостоверению о благонадежности возврата вышеуказанной суммы, средств с своей стороны представить никаких не находим.

3-й гильдии купец и голова Калашников, 3-й гильдии купец и бургомистр Афанасий Чернов, 3-й гильдии купец и ратман Михайло Устинов, 3-й гильдии купец и ратман Егор Серебряков, 3-й гильдии купец Дмитрий Васильев, 3-й гильдии купец Степан Смирнов и другие.

Заключение

1788 года февраля 29 числа наместническое правление, рассуждая, что из лучших городов Кавказского наместничества, Астрахань имеет уже у себя назначенную сумму в давно учрежденный коммерческий банк; Кизляр, где большею частию сухопутный с Персией и другими азиатскими народами торг производится, в рассуждении малого числа купечества, в принятии в ссуду денег отказывается; Красноярск и Черноярск, хотя по положению своему на берегу Волги могли бы иметь некоторую из того пользу, но поелику они так же, как Екатериноградское и Моздокское купеческое общество не представляют никакого залога к уверению в предохранении просимых сумм, или же каких иных способов к употреблению ее к прямой пользе государству и их обществ, сверх того ими возлагается о сохранении все попечение в распоряжении сумм и в сборе оных на правительства, которые быв заняты настоящею его должностью, либо в оной упущение сделав, либо о другой не радеть начнут, потому наместническое правление полагает свое мнение согласно рассуждения о раздаче денег из заемного государственного банка на города за отсутствием главнокомандующего из губернии, предоставить все сие на рассмотрение правящего должность Кавказского губернатора господина статского советника и кавалера Лариона Спиридоновича Алексеева и приобща подлинные письма господина тайного советника сенатора и кавалера Петра Васильевича Заводовского и рассуждение о раздаче денег, на место отправления, учинить представление.

II. [Î âåêñåëå 1784 ãîäà]

Копия

Крепость Ставропольская
1784 года февраля 24 дня.
Вексель на 137 руб.

Один месяц считая от сего тысяча семьсот восемьдесят четвертого года февраля 24 дня по сему моему одинакому векселю повинен я заплатить Козьме Яковлеву господину купцу крепости Ставропольской или он кому прикажет отдать российскою ходячею монетою денег сто тридцать семь рублей. Векселедатель отставной подпоручик Федор Фостиков.

1784 года апреля 2 дня торгующий в крепости Ставропольский купец Козьма Яковлев объявил в подлинной векселя с коего выше сего следует копия, то, хотя по сему заимодавец по неимению здесь публичного нотариуса для платежа и сыскан был, но объявил, что по неимению в наличности денег заплатить нечем почему к сохранению вексельного права при свидетельстве надлежащим образом протестовал и сей протест именованному истцу Яковлеву отдан.

Адъютант Феодосий Раевский.

У сего протеста Астраханского драгунского полка печать.

При протесте векселя свидетелем был донского войска отставной казак *Семен Столяров.*

III. [Ïðîòîêîë Ñòàâðîïîëüñêîãî ãîðîäñêîãî ìàãèñòðàòà]

По описи №27

Протокол
состоящим в Ставропольском городовом магистрате присутствиям
и что в оном решено дел с каким заключением 1787 года генваря 1 дня

Присутствие и заключение дел:

1 пятница для нового года, 2 суббота, 3 воскресенье присутствия не было, 4 понедельник присутствие состоялось, и в оное прибыл пополуночи ратман Макар Колесников в 6-м часу.

Слушано:

1. Указ из Кавказского Наместнического Правления от 21-го декабря минувшего 786 года под № 6072 о причислении в Ставропольское купечество польского уроженца Якова Логовского с капиталом тысячи ста рублей приказали во исполнение оного указа, а по силе Высочайшего оградах

785 года апреля 21 дня 114 статьи положения реченного из поляк Логовского в здешнее купечество по окладной книге в третью гильдию причислить со взысканием с него с тысячи ста рублевого капитала однопроцентных денег и о том, а также и о получении того указа, в Кавказское наместническое правление отрапортовать. Ратман Макар Колесников.

Когда протокол скреплен. Закреплено 4-го числа.

Когда исполнение учинено. Рапортовано сего числа.

IV. Ïðåäëîæåíèå íà÷àëüíèêà Êàâêàçñêîé îáëàñòè, ãåíåðàë-ìàéîðà êíÿçÿ Ãîð÷àêîâà îò 27 àâãóñòà 1826 ãîäà ¹ 1854 Õîïåðñêîìó êàçà÷üåìó ïîëêó

По поводу отношения г. корпусного командира о дозволении казакам, переселяемым из внутренних мест Кавказской области к границам оной, продажи принадлежащих им на прежних жилищах домов, садов и мельниц вместе с землею, на коей таковые заведения находятся, министр финансов представлял в Комитет министров мнение, чтобы за казачьи сады и мельницы сколько при самовернейшей при посторонних понятых и чиновнике Кавказской казенной палаты произведенной оценке причитаться будет, выдать из казны с особого Высочайшего разрешения настоящим их владельцам вспоможения, обратив упомянутые заведения в число государственных имуществ для приобретения от них казенной пользы. Что же касается до построенных в станице Ставропольской, не выходящей от городской черты, домов, то в продаже оных в частные руки по состоянию на городских землях не настоит препятствия.

Таковое представление Министерства финансов утверждено Комитетом министров, а от 1 июня последовало собственноручное Е. И. В. повеление: «согласен, но не обижать ценой и уведомить, какие меры приняты будут для оценки». Г. Министр финансов, представляя е. в.-пр-ву привести в исполнение означенное Высочайше утвержденное представление его и последовавшее по оному собственноручное Е. И. В. повеление относится к е.в.-пр-ву об уведомлении его, какие меры приняты будут к оценке принадлежащего казакам имущества для доведения о сем до Высочайшего сведения.

Вследствие чего е. в.-пр-во от 7 сего августа за № 1891 предписывает мне, снесясь с казенною палатою, которой уже дано предложение, об отряжении чиновника для бытности со стороны ее депутатом при оценке садов и мельниц, переселяемым казакам принадлежащих, назначить для сего депутатов от каждого полка, из коего переселяются станицы, оценить их посредством жителей окрестных селений, к казачьему сословию не принадлежащих, избрав для сего 12 почетных стариков для каждой переселяемой станицы, которые по совершении присяги должны при депутатах объявить настоящую цену каждого сада и мельницы, переселяемым казакам принадлежащих, каковая оценочная ведомость и опись садам и мельницам должна быть учинена депутатами на месте.

Во исполнение чего дав с сим вместе предложение Кавказской казенной палате о назначении для исполнения сей Высочайшей воли ее чиновника, а Хоперскому казачьему полку предписываю немедленно назначить депутата от полка для нахождения при описи и оценке садов и мельниц; о назначении же к каждой станице 12 почетных стариков из жителей окрестных селений предписано земским исправникам Георгиевскому и Ставропольскому. Предуведомляю при сем, что исполнение по сему должно быть сделано сколько можно успешнее, оценочные ведомости и описи представить ко мне для отправления корпусному командиру.

Между тем в особенную обязанность командовавшему полком предписывается объявить по всем переводимым станицам, что Е. И. В., снисходя к положению переселяемых казаков сверх вспоможения им дарованного, приказал взять в казну принадлежащие им на прежних жилищах сады и мельницы по настоящей безобидной цене, внушить им, сколь велико милосердие в сем случае Его И. В.-м оказанное, и поставить им в обязанность, дабы в каждой переселяемой станице было отправлено особое молебствие о долгоденствии всемилостивейшего государя, толико пекущегося об их благе. (Дело Кавказского областного правления 1826 года № 1/6).

V. [Ðàññóæäåíèå î ðàçäà÷å äåíåã èç çàåì íîãî Ãîñóäàðñòâåííîãî áàíêà íà ãîðîäà]

На пособие городам было обращено особое внимание и разослано было особое рассуждение, разъясняющее значение этой меры. Ссуда эта предназначена была главным образом на развитие внутренней торговли и промышленности, а потому в «Рассуждении» прямо указано, что вредно раздавать тем, кто покупает товары за границей, нам ненужные. Автором этого рассуждения был сенатор Заводовский.

«Рассуждение» представляет большой интерес, а потому мы и приводим его полностью.

Рассуждение о раздаче денег из заемного Государственного банка на города.[15]

В предполагаемом намерении городам нашим сделать вспоможение ссудою одиннадцати миллионов рублей, нужно кажется иметь в виду два предмета: 1-е, чтоб послужила оная прямо к

существенной пользе не только городов особенно, но и к распространению торга, а особливо внутреннего, вообще обращая сию ссуду на те отрасли оного, кои послужить могут к прямой пользе Государства; 2-е, чтобы и раздаваемые суммы в займы предохранены быть могли. А как вверяемый торгующим капитал не может быть обеспечен такими залогами, как ссуда, делаемая дворянству под заклад деревень, да и состояние купца в существе своем редко прямо известно быть может, то и возвращение капитала, вверяемого торгующим не может основываться как на полезном употреблении оного, а потому самому и нельзя не полагать, что оба вышеупомянаемые предметы весьма между собою связаны, так что если в исполнении первого не со всею рассмотрительностью поступлено будет, то и до другого трудно будет достигнуто; для чего и нужно в распределении раздачи денег по городам весьма наблюдать различие локального их положения, нужд, промыслов их, и всех купеческих оборотов, кои им свойственными быть могут, дабы многие из городов, воспользуясь податливостью правительства в раздаче денег, не употребили их на такие иногда извороты, кои общему торгу, а особливо балансу нашему, повреждение сделать могут, а сверх того и вверенный им капитал подвергнуть иногда опасности, для чего и нужно войти в подробное рассмотрение состояния городов наших, дабы тем удобнее определить можно было, которым из них полезно и безопасно ссуды делать, и так вообще разделить можно их на три класса.

В первом положить должно, сверх двух столиц, все большие портовые города, как Архангельск, Астрахань, Ригу, Ревель и тому подобные. О черноморских же портах для того здесь не упоминается, что для ссуды их назначены уже другие суммы.

Во второй класс положить все те города, кои или пристани имеют так как Воронеж, Гжадцк, Ржев, Володимир, Нижний Новгород, Морша-Вышегра (когда близ сего города прожектированная водяная коммуникация предпринята будет), Вологда, Ярославль, Казань, Чебаксар, Новгород, Тверь, Торжок, Рыбный, Устюг-Великий, а равно и те города, кои хотя пристаней не имеют, но по локальному положению их связаны по торгу с портами нашими, также и русские города, кои рукоделиями внутрь и около их заведенными, или свозом туда всяких земляных разных продуктов, так как Тула, Бело-Озеро, Устюг, Железнопольской и тому подобное, в близости коих или внутри их большие есть начала к заведениям разных рукоделий. Ссуда денежная, подобным городам делаемая, оживит как их, так и всякие закупки и развозку товаров и продуктов здешних к другим местам государства и к портам нашим, и тем может дать совсем другой вид всей нашей внутренней торговле, ибо начал к тому уже довольно, а нужно только чтоб иметь более торгующих, кои бы с некоторым капиталом в сем полезном торге упражняться могли. В сей класс городов, кои ссуду и помощь заслуживают, можно положить также и те города, в коих большие внутренние ярмарки бывают, а равно и все губернские города, хотя б который из них ни пристани не имел, ниже бы отличался какими-либо фабриками и рукоделиями, ибо самое то стечение людей, кое навлекает за собой пребывание присутственных мест, учрежденных при губернском городе, делают уже такое место удобным для безбедного внутреннего обращения, а потому, и помощь тут денежная не инако как с пользою употреблена быть может.

В третьем классе положить бы можно те окружные города, кои для того только и сделаны, дабы казенные подати туда доставлять с большею удобностью можно было, нежели чрез большое расстояние их отвозить, как то прежде происходило, и также где некоторые нижние ссуды учреждены для равной же удобности частных людей и жителей тех округ. В сих городах или в большей части оных, кроме мелкого какого и мало значащего внутреннего торга, другого и быть почти не может. И так всякая им ссуда денег была бы подвержена сомнению да и не принося существенной пользы, подала бы такмо им способ ввести себя в неоплатимые долги.

Из сего класса исключаются разве те только города, кои по самым большим государственным дорогам находятся, и кои по сему их положению временем и мало-помалу в некоторое приращение прийти могут; и так по мере сего можно будет небольшие ссуды им сделать, для строения же городов сей заем употреблять было бы вверяемый капитал подвергать опасению, всякое украшение в городе тогда только прочным и полезным считаться может, когда состояние жителей соответствует оному, а без того и сделанное в скором времени разрушится. Есть правда род строений нужных не только в портах, но и во внутренних больших торговых городах, для сооружения которых полезно б было и помощь от правительства сделать, так как на амбары, гостиные дворы и пристани, кои, принося доход городу, могут тем самым обеспечить и суммы на то вверяемые, особливо когда при построении оных наблюдаема будет не огромность зданий, а соразмерность с торгом и оборотами торговыми, для которых оное делать должно.

Разделяя таким образом для удобнейшего соображения все города на три класса, следует сделать расположение, на каком основании назначаемые деньги для городов в заем должно будет раздавать.

На портовые наши города можно будет ссуду делать не на общество, а на лица. Такой ссудой вывозной наш торг гораздо может и возвыситься и выгодным сделаться. Для Санкт-Петербурга мнится довольно шестисот тысяч рублей. Для другой столицы достаточно будет такой же суммы, ибо Москва хотя и не портовый город, но как имеет она большое обращение и связь со всеми нашими портами, и со всею почти внутренней нашей торговлей, а также с торгом Оренбургским, Китайским и Персидским, то ссуда денежная на такие предметы не инако как крайне полезной быть может, и сделает не

малое пособие к распространению внутреннего нашего торга и умножению фабрик и рукоделий наших, кои также все почти большую связь имеют с Москвою. Для города Архангельского определить можно до четырехсот тысяч рублей, как для увеличения отпуска наших товаров в чужие государства, поддержав тех купцов, кои занимаются закупкою товаров наших для отпуска за море, так и для усиления рыбных, сальных и китовых промыслов, кои все еще гораздо могут быть умножены, хотя они впрочем и сами по себе приметным образом возрастать начинают, на Астрахань, а особливо для усиления персидского торга тысяч до четырехсот денежной ссуды употребить можно.

В тех городах, где ссуда полагается на лица, а не на торговые общества, то есть в портах и обеих столицах, в первых таможенные свидетельства и залог самих товаров могут кажется служить достаточной уже надежностью, сколько кому вверять, сверх того, что дома и фабрики также в залог приниматься могут.

Что ж касается до прочих городов, кои портов не имеют, и которые входят в расписание второго класса, то денежная ссуда кажется вверяема быть может не инако как обществу тех городов.

Итак, кроме двух столиц и портовых городов, полагая раздачу денег не на лица, на целые общества предложить господам генерал-губернаторам, или правящим их должность дать свое мнение, на чей отчет и попечение раздаваемые суммы положить удобнее в их губерниях, дабы полезный предмет отдачи в займы, назначаемой на города столь знатной суммы во всей точности мог быть исполнен, казна во всем обеспечена, а деньги с настоящею пользою для государства употреблены были, почему тут и нужно к лучшему распоряжению оного истребовать предварительно сведения о состоянии, о выгодах и нужде в подкреплении таковой ссудой торговли каждого города, а по получении уже сих нужных сведений можно будет определить какую сумму на каждый город дать.

Почитается нужным, чтоб как в прочих городах, так и в обеих столицах непременно наблюдаемо было, дабы сей заем отнюдь не простирался в пользу тех купцов, которые выписывают в Россию чужие товары, а единственно делать пособие токмо тем, кои занимаются прямо внутренним торгом, или которые, закупая по России здешние продукты, отвозят их к портам для заморского отпуска. Что ж принадлежит до тех, кои или у портов иностранные товары закупают, или за границу ездят для закупки таких же в существе нам весьма ненужных товаров, то не только не полезно их в том поддерживать, но и весьма вредно усиливать сей род торга, который и так не к выгоде государства крайне год от года умножается, пожирая часть нашего баланса, а сверх того как спекуляция и оного основываются на беспошлинном ввозе сих товаров в государство, то и портовым таможенным доходам подрыв крайне делает.

При разделении на классы городов, хотя вообще входит тут в соображение нужная помощь для всего нашего Азиатского торга, но еще и особенно уважено должно быть, сколь полезно было бы не беззнатную сумму употребить на ссуду для усиления сибирского, персидского и оренбургского торга, которые столь много способствовать могут к приведению в цветущее состояние многие наши города и торгующих, кои чем занимаются.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. Доложено в торжественном заседании Комиссии 20 июня в ознаменование 130-летней годовщины основания города Ставрополя.
2. Дела Архива, бывшие в пожарной конюшне.
3. Указ Кавказского наместнического правления 10 апреля 1786 года № 7738.
4. Ставрополю, Моздоку и Кизляру, Георгиевску и Екатеринограду.
5. Указ Кавказского наместнического правления 20 июня 1786 года № 8360.
6. Отношение Нижнего земского суда от 6 июля 1786 года № 123. Полнон собрание законов Российской Империи, т. XIX № 13404 и № 16194.
7. Дед владельца деревни Устиновки, ныне села Кононовки, в 40 верст от Ставрополя.
8. Хоперские казаки на Кавказе. Г. Прозрителева.
9. Дела Ставропольского губернского архива 1821—1838 годов. № см. приложение.
10. Казанский кафедральный собор в Ставрополе на Кавказе. Г. Прозрителева.
11. Предложении Князя Горчакова 27 августа 1826 года № 1854.
12. Казанский кафедральный собор. Г. Прозрителев.
13. Раскопки в Интендантском дворе. Г. Прозрителев.
14. См. Шейх-Мансур. Г. Прозрителев.
15. Прислано Павлу Григорьевичу Потемкину от Тайного советника и сенатора Петра Васильевича Завадовского при письме от 24 июля 1787 года. Дело Губернского архива № 16 (590) 1787 года.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:
Прозрителев Г.Н. Из истории города Ставрополя // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. — Ставрополь, 1915. — Вып. VII. — С. 3—8, 20—31.

ÑÒÀÂÐÎ Ï Î ËÜÑÊÀß ÃÓÁÅÐÍÈß Â ÈÑÒÎÐÈ×ÅÑÊÎÌ, ÕÎÇßÉÑÒÂÅÍÍÎÌ È ÁÛÒÎÂÎÌ ÎÒÍÎØÅÍÈßÕ

Ïðåäèñëîâèå

Настоящая моя книга была написана еще в 1915 году, и весь материал приурочен к этому тяжелому периоду, завершившемуся грандиозной империалистической войной, тяжело отозвавшейся на всей стране и потрясшей ее хозяйственные устои до основания. В последующее время за этой злополучной войной, в которой нельзя винить русский народ, Россия вынуждена [была] вступить в иные условия своей жизни, поняв всю превратность и ошибочность указаний, руководивших в управлении сфер и курса*, который держало правительство. Поэтому материал и события с 1914 года не входят в состав моей работы, и по сложности своей они должны быть предметом отдельного исследования.

При такой задаче, поставленной себе автором, естественно удержание в книге названий правительственных учреждений, лиц и административного элемента губернии, так сказать, старого порядка, к которому относится все исследование. Да другого приема в этой работе и быть не могло, и, выходя в свет с отражением бывшей действительности, книга приобретает только большую ценность, давая прошлое в его картинно развернутой действительности.

По описанию Ставропольской губернии имеется несколько работ, дошедших до нас из прошлого. Вопросами этими интересовались еще в 1840 годах и старались так или иначе закрепить все данные, какие можно было получить о жизни края в то время. Работы эти сделаны по поручению военного начальства и отличаются точностью и редкой добросовестностью: капитаном Генерального штаба Петуховым, Носовым, Бублиным, Каптером и Забудским. Но они до последнего времени были совершенно недоступны, так как представляли из себя рукописи и валялись среди всякого хлама, где я их и нашел, и только благодаря этому они уцелели, и некоторые были напечатаны в трудах нашей ученой архивной комиссии под моей редакцией[1].

Всем любителям старины я рекомендовал бы познакомиться с этими работами, в особенности с трудом Забудского. Хотя все они относятся к 40—50-м годам XIX столетия и слегка касаются истории края, хозяйственной и бытовой стороны, но зато дают точные описания нашего края в физико-географическом отношении и отвечают, главным образом, заданиям, которые делало авторам военное начальство: дороги, переезды, горы, реки и прочее.

За последнее время из печатных трудов по Ставропольской губернии можно указать на статьи, помещенные в «Сборнике сведений о Северном Кавказе»[2], издававшемся статистическим комитетом под моей редакцией с 1907 года, и среди этих работ в нем на работу Смирнова «Хозяйственное описание Ставропольской губернии»[3].

Ценные сами по себе, эти работы касаются отдельных вопросов или известных сторон жизни губернии. Таким образом, общей картины жизни губернии за протекшее время по указанным работам составить было нельзя, и чувствовалась потребность в работе, подобной настоящей, в особенности при посещении приезжими, которые, побывав в нашем Музее Северного Кавказа, спрашивают книгу о Ставропольской губернии. Вот настоящая моя книга [и] отвечает этой потребности, давая картину условий жизни и степень развития, достигнутого населением в хозяйственном и общественном отношении, с указанием исторического хода событий.

Из работ последнего времени (80-е и 70-е годы) надо остановиться на отдельных статьях И.В. Бентковского, бывшего секретарем статистического комитета и давшего целый ряд исторических и статистико-экономических статей по описанию нашего края. К сожалению, отдельно напечатанных его работ не было выпущено*, и печатались его статьи в «Губернских ведомостях», которые дали ограниченное число оттисков, которые давно разошлись и утратились. Точно так же является библиографической редкостью и «Сборник статистических данных о Ставропольской губернии», издававшийся с 1858 года под редакцией Бентковского и Черноярского[4]. Добыть этот ценный сборник, вышедший в восьми томах, не представляется никакой возможности.

Ââåäåíèå

Для лучшего выяснения создавшегося исторически выработанного состояния губернии считаю необходимым предпослать небольшое введение к моей книге.

В настоящее время положение губернии совершенно изменилось как в отношении пространства, так и в отношении границ. Губерния ныне обращена в округ и разделена на районы соответственно

* Так в тексте.

экономическому значению местностей. Находя крайне неудовлетворительным и не соответствующим нуждам населения деление губернии на уезды и станы с огромными их территориями и признавая, что нельзя управлять и руководить хозяйственным строительством губернии, когда уездные центры находятся от волостей на 100 верст и уезд растянут на 150—200 верст при отсутствии надлежащих путей сообщения, по водворении советской власти был поднят вопрос о необходимости переустройства в строительстве губернии; и пленум Ставропольского губернского исполнительного комитета 15 января 1923 года (протокол № 2) пришел к заключению о необходимости нового административного деления губернии на принципах, провозглашенных КЭС[5], с целью приблизить советский аппарат к населению, упростив и удешевив его[6].

В приводимых доводах он говорит: «Первоначально Ставропольская губерния занимала пространство площадью 5002953 десятины и в административном отношении делилась на 4 уезда: Александровский, Новогригорьевский, Медвеженский, Ставропольский, объединенных в 141 волость, и территории — Туркменскую, Ачикулакскую и Большедербетовский улус. Потом из четырех уездов делается 5. Новогригорьевский распадается на два: Благодаринский и Прасковейский (впоследствии Святокрестовский).

После Октябрьской революции она перекраивается — значительная юго-восточная часть ее (весь Святокрестовский уезд, часть Благодаринского и Александровского уездов, вся Ачикулакская территория, большая часть Туркменской и с образованием автономной Калмыцкой области Большедербетовский улус) отходит к Тергубернии, и таким путем возникает Ставропольская губерния в новых границах, объединенная в административном отношении в четырех уездах и одного Туркменского района с 126 волостями, и занимает пространство площадью в 3300737 десятин при 926266 душах населения. (Следовательно, территория ее уменьшилась на 1702216 десятин. — *Г.П.*) В основу прежнего деления губернии на уезды с установлением центров их легли, надо полагать, исключительно исторические условия, игнорируя при этом даже принцип административного удобства. В этом нетрудно убедиться, если взглянуть на карту бывшей Ставропольской губернии и посмотреть размеры и очертания хотя бы двух уездов — Александровского и бывшего Новогригорьевского.

Александровский уезд с центром Александровское*, начинаясь от села Сергиевского, по смежеству с Ставропольским уездом, простирается до села Никольского, расположенного почти рядом с Ачикулакской территорией, и до села Новозаведенного, что вблизи Терской губернии; выходит, что уезд разбросан был на протяжении более 200 верст и по своему географическому положению Александровское не было центром своего уезда, но зато имело за собою историческое прошлое». (С. 16).

В отношении хозяйственного состояния губернии добавляется: «Ставропольская губерния — губерния зернового хозяйства и отчасти скотоводческого, но не промышленная, в уездах нет пунктов с резкими промышленно-производственными признаками, кои влияли бы на ход и развитие культурно-хозяйственной жизни уезда. По данным профессионально-демографической переписи 1920 года, из общего числа населения в губернии в возрасте 15—59 лет было:

1) Занято в сельском хозяйстве — 479493 человека, или 81,9 %.
2) Занято неземледельческим промыслом — 42656 человек, или 7,3 %.
3) Несамодеятельных** (членов семьи и так далее) — 54695 человек, или 9,3 %.
4) Живущих нетрудовыми доходами — 2490 человек, или 0,4 %.
5) Лиц с неизвестными занятиями — 6489 человек, или 1,1 %.

Таким образом, более $^4/_5$ взрослого населения губернии находят приложение своему труду в сельском хозяйстве.

Отражение войн империалистической и гражданской и голода 1921—1922 годов на сельском хозяйстве губернии характеризуется следующими данными губернского статистического бюро. В среднем на одно крестьянское хозяйство приходилось:

	Площадь посева в десятинах	Лошадей	Крупного рогатого скота	Овец
В 1913 году	17,77	2,53	3,71	10,12
В 1917 году	11,65	2,48	3,62	8,63
В 1920 году	8,61	1,78	3,05	4,99
В 1921 году	6,5	1,6	2,6	4,2
В 1922 году	4,0	0,8	2,1	2,6

* Так в тексте.
** Так в тексте, имеются в виду неработающие члены семьи, иждивенцы.

Уменьшение посевной площади в 1922 году по сравнению с таковой же в 1913 году, в силу вышеприведенных причин, произошло больше чем в 4 раза; уменьшение лошадей, крупного рогатого скота и овец — в 3 раза. В 1911—1913 годах Ставропольская губерния (вместе с Святокрестовским уездом) вывозила за пределы губернии в среднем 52039000 пудов хлебных грузов, а в 1922 году оказался хлебный дефицит в 6 миллионов пудов, и из богатейшей житницы России губерния превратилась в самую нищенскую губернию». (Отчет губернской административной комиссии губисполкома 10 апреля 1924 года). (С. 3—4).

Таким образом, с 1 января 1924 года губерния наша перешла на райсистему и разбита на следующие группы районов.

Группа		Количество населения	Количество Сельсоветов и Вик на 1 декабря 1924 года
I	1) Петровский	95692	23
	2) Московский	88335	22
	3) Воронцово-Николаевский	72490	21
	4) Виноделинский	64213	30
	5) Курсавский	66159	37
II	1) Белоглинский	80356	12
	2) Медвеженский	72227	13
	3) Александровский	64156	16
	4) Ставропольский	55315	16
III	1) Благодаринский	45636	13
	2) Дивенский	28136	8
	3) Туркменский	8202	15
	Итого:	748417	226

(Копия резолюции третьей сессии Ставропольского губисполкома VI созыва от 1—3 октября 1923 года по докладу товарища Белобок о переходе на райсистему). (С. 37).

И на основании постановления президиума ВЦИК имеются следующие административные деления, [районы]:

1) *Воронцово-Николаевский*, с центром в селе Торговом (бывшее Воронцово-Николаевское), в составе бывших волостей Белоглинского уезда: Воронцово-Николаевской, Сысоево-Александровской, Богородицкой, Кручено-Балковской, Развиленской, Поливянской, Николаевской, Ивановской, Сандатовской, Березовской, Романовской, Эсто-Хагинской, Новоегорлыкской, Баранниковской, Новоманычской, Екатериновской, Шаблиевской и Немецко-Хагинской;

2) *Белоглинский*, с центром в селе Белой Глине, в составе бывших волостей Белоглинского уезда: Белоглинской, Лопанской, Среднеегорлыкской, Горько-Балковской, Песчанокопской, Рассыпянской, Жуковской, Краснополянской, Летницкой, Кулешевской и Павловской;

3) *Медвеженский*, с центром в селе Медвежьем, в составе бывших волостей Белоглинского уезда: Медвеженской, Ладовско-Балковской, Новомихайловской, Преградненской, Дмитриевской, Покровской, Радыковской, Андреевской, Тахтинской, Янушевской, Привольненской;

4) *Александровский*, с центром в селе Александровском, в составе бывших волостей Александровского уезда: Сергиевской, Северной, Грушевской, Калиновской, Журавской, Китаевской, Новоселицкой, Круглолесской и Александровской;

5) *Курсавский*, с центром в селе Курсавке, в составе бывших волостей Александровского уезда: Дубово-Балковской, Курсавской, Дворцовской, Янкульской, Нагутской и Крымгиреевской;

6) *Благодаринский*, с центром в селе Благодарном, в составе бывших волостей Благодаринского уезда: Шишкинской, Александрийской, Елизаветинской, Бурлацкой, Спасской, Сотниковской, Довсунской, Серафимовской, Мирненской, Алексеевской и Благодаринской;

7) *Петровский*, с центром в селе Петровском, в составе бывших волостей Ставропольского уезда: Благодатненской, Константиновской и Кугультинской; Благодаринского уезда: Петровской,

Нникольно-Балковской, Малоягурской, Казгулакской, Камбулатской, Овощинской, Донско-Балковской, Сухо-Буйволинской, Высоцкой, Ореховской и Медведской;

8) *Виноделинский*, с центром в селе Винодельном, в составе бывших волостей Ставропольского уезда: Софиевской и Золотаревской; Благодаринского уезда: Лиманской, Виноделинской, Кевсалинской, Бурукшунской, Малоджалгинской, Яшалтинской, Дербетовской, Предтеченской, Киевской и Большеджалгинской;

9) *Дивенский*, с центром в селе Дивном, в составе бывших волостей Благодаринского уезда: Дивенской, Кистинской, Воздвиженской, Вознесенской, Митрофановской и Рагулинской;

10) *Ставропольский*, с центром в городе Ставрополе, в составе бывших волостей Ставропольского уезда: Татарской, Надеждинской, Михайловской, Кононовской, Спицевской, Бешпагирской и Старомарьевской;

11) *Московский*, с центром в селе Московском, в составе бывших волостей Ставропольского уезда: Московской, Пелагиадской, Дубовской, Казинской, Тугулукской, Донской, Тищенской, Птиченской, Безопасненской и Терновской;

12) *Туркменский*, с центром в поселке Летняя Ставка, включающий туркменскую территорию с переселенческим фондом в границах согласно постановлению ВЦИК от 11 августа 1921 года (Собр. узак. 1921 года № 60, ст. 419)». (С. 46—47).

Название районов с указанием входящих волостей. Экспликация (С. 28—29) (см. таблицы на страницах 459—462).

Ставропольская губерния представляет из себя едва ли не самую интересную область среди всех губерний России. И географическое положение, и естественно-исторические условия местности, и история — все слишком своеобразно и привлекает к себе особенное внимание исследователя. Для того чтобы узнать Ставропольскую губернию, ее население, надо узнать ее историю, историю заселения этого края, чем в значительной степени определяются последующие события и создавшиеся те или другие движения. Возьмем ли мы земельные условия в их отношении к горскому населению, отношение к казакам, иногородний вопрос, бунты крестьян при предъявлении владенных записей, вопрос о преступности — все это связано с историей края, с теми обстоятельствами, при которых оседало население на широком пространстве Северного Кавказа. Вот поэтому я отвожу в настоящей моей работе наибольшее внимание истории заселения нашего края.

В силу тех же условий сложилось и управление губернией, и размещение административных центров, хотя без соответствия к управляемой территории. Так, город Ставрополь стоит в углу губернии и в нем сосредоточены все губернские учреждения и уездные — для Ставропольского уезда, а в Святом Кресте — уездные учреждения для Святокрестовского уезда, в остальных уездах административными центрами являются село Александровское, село Благодарное и село Медвежье[7].

До переворота во главе уездного управления стояли исправники, а с июля 1918 года, по вступлении Добровольческой армии, назначены уездные начальники. По числу жителей первое место принадлежит Медвеженскому уезду (324347 обоего пола) и последнее — Ставропольскому уезду (180918 душ обоего пола). По данным 1914 года, население губернии дало значительный естественный прирост (23445 душ обоего пола).

Главные занятия жителей составляют земледелие и скотоводство, промыслы развиты слабо, фабрично-заводской промышленности нет. Из остальных занятий обращают на себя внимание виноградарство и виноделие, которые распространены главным образом в прикумских селах, в городе Святого Креста[8] и селе Петровском.

В водном отношении губерния бедна, так как имеется только единственная большая река — Кума, а остальные — Калаус, Буйвола, Ташла, Мутнянка и Мамайка — маловодны и не имеют особенного значения в жизни губернии, кроме хозяйственного. В общем, губерния нуждается в воде, часто страдает от засух, что и заставило население обратиться к бурению артезианских колодцев, которых имеется значительное число, преимущественно в Святокрестовском уезде (113).

На всем пространстве губернии имеется только три действующих железнодорожных пути с небольшим протяжением: от Ставрополя до станции Кавказской, от Ставрополя до селения Петровского, от Святого Креста до станции Незлобной Владикавказской железной дороги и незаконченный еще путь от Ставрополя на Армавир (Кубанской области).

По количеству земли, находящейся во владении сельских обществ и отдельных крестьян, Ставропольская губерния занимает первое место среди губерний Европейской России. Дворянское землевладение незначительно, и крупные частные землевладения хотя имеются в небольшом числе[9], но владельцы их — те же крестьяне, занимавшиеся до последнего времени разведением главным образом овец испанской породы и продажей с них шерсти. Первые такие хозяева выселились из Таврической губернии в конце шестидесятых годов, и потому и за остальными удержалось название «тавричан». За последние годы эти хозяева перешли к большим запашкам и в огромных количествах сбывали хлеб хлебным конторам для отправки за границу.

Название районов с указанием входящих волостей	Число входящих волостей	Площадь /десятин	Число населения	Промышленные предприятия	Почтово-телеграфные конторы	Врачебные пункты	Ветеринарные пункты	Сельскохозяйственные предприятия	Культурно-просветительские учреждения	
									Школы 2 ступени	Детские дома
Белоглинский: Белоглинская, Лопанская, Средне-Егорлыкская, Горько-Балковская, Песчанокопская, Рассыпная, Жуковская, Краснополянская, Летницкая, Кулешевская, Павловская	11	243188	80356	3 мельницы, 1 подсобный пункт. Склад Губпромторга и подпункт. Губсоюза	П.Т.К.	1 больница, 1 фельдшерский пункт	1 ветеринарный пункт. пл. раз.	1 прокатный пункт	1	1
Воронцово-Николаевский: Воронцово-Николаевская, Сысоево-Алексеевская, Богородицкая, Кручено-Балковская, Развиленская, Поливянская, Николаевская, Иваноская, Сандатовская, Березовская, Романовская, Эсто-Хагинская, Немецко-Хагинская, Н.-Егорлыкская, Бараниковская, Н.-Манычская, Екатериновская, Шаблиевская	18	240836	79490	2 мельницы, 1 подсобный пункт. Отделение Хлебопродукта. Отделение Губсоюза	П.Т.К.	1 больница, 3 фельдшерских пункта	1 ветеринарный пункт	1 прокатный пункт	1	1

Название районов с указанием входящих волостей	Число входящих волостей	Площадь /десятин	Число населения	Промышленные предприятия	Почтово-телеграфные конторы	Врачебные пункты	Ветеринарные пункты	Сельскохозяйственные предприятия	Культурно-просветительские учреждения	
									Школы 2 ступени	Детские дома
Виноделинский: Лиманская, Виноделинская, Кевсалинская, Бурукшунская, Яшалтинская, Киевская, Б.-Джалгинская, М.-Джалгинская, Дербетовская, Софиевская, Предтеченская, Золотаревская	12	378789	64213	3 мельницы, подсобный пункт, 2 заготпункта Губпромторга, отделение Хлебопродукта Губсоюза	П.Т.К.	1 больница, 4 фельдшерских пункта	1 ветеринарный пункт	2 прокатных пункта, агроучасток	—	1
Медвеженский: Медвеженская, Ладовско-Балковская, Ново-Михайловская, Преградненская, Дмитриевская, Покровская, Радыковская, Тахтинская, Янушевская, Андреевская, Приволенская	11	237316	72227	2 мельницы	П.Т.К.	1 больница, 1 фельдшерский пункт	1 ветеринарный пункт	Агроучасток, Агробаза, метеорологическая станция	1	1
Московский: Московская, Пелагиадская, Дубовская, Казинская, Тугулукская, Донская, Тищенская, Птиченская, Безопасенская, Терновская	10	269361	88335	1 мельница	П.Т.К.	1 больница, 2 фельдшерских пункта	1 ветеринарный пункт	2 школьных сада и огорода учебных совхозов	1 С.-Х. школа	—

Название районов с указанием входящих волостей	Число входящих волостей	Площадь /десятин	Число населения	Промышленные предприятия	Почтово-телеграфные конторы	Врачебные пункты	Ветеринарные пункты	Сельскохозяйственные предприятия	Культурно-просветительские учреждения	
									Школы 2 ступени	Детские дома
Петровский: Петровская, Кугультинская, Благодатенская, Константиновская, Ник.-Балковская, Швединская, М.-Ягурская, Казглукская, Камбулатская, Овощинская, Донско-Балковская, Сухо-Буйволинская, Высоцкая, Ореховская, Медведская	15	345303	95692	1 мельница, 2 заготконторы Губпромторга, отделение Хлебопродукта, отделение Губсоюза	П.Т.К.	1 больница, 4 фельдшерских пункта	1 ветеринарный пункт	1 прокатный пункт, 2 аграрных участка. Отделение Губсельскладов, Госвин	1	1
Благодаринский: Благодарниская, Шишкинская, Александрийская, Елисаветинская, Бурлацкая, Спасская, Сотниковская, Довсунская, Серафимовская, Мирненская, Алексеевская	11	255928	45636	3 мельницы, 2 подсобных пункта	П.Т.К.	1 больница, 5 фельдшерских пунктов	2 ветеринарных пункта	1 прокатный пункт	1	2
Дивенский: Дивенская, Кистинская, Воздвиженская, Вознесенская, Митрофановская, Рагулинская	6	194113	28136	2 мельницы	П.Т.К.	1 больница, 2 фельдшерских пункта	1 ветеринарный пункт	1 прокатный пункт, 1 аграрный участок	—	1
Ставропольский: город Ставрополь, Татарская, Надеждинская, Михайловская, Кононовская, Спицевская, Бешпагирская, Старомарьевская	7	186976	55815	8 мельниц, 1 заготконтора правления: Губс., Губпром., Хлебопродукт	П.Т.К.	6 больниц, 3 фельдшерских пункта, 1 заразный барак, 4 амбулатории, 1 доктор зубной, 3 кабинета	СХИ 1, 7 С.-Х. техн.	1 ИНО, 1 рабфак, 1 совпартшк., 1 театр, 2 кинотеатра, 2 муз. и пр.	—	15 и 1 Д/д

Название районов с указанием входящих волостей	Число входящих волостей	Площадь /десятин	Число населения	Промышленные предприятия	Почтово-телеграфные конторы	Врачебные пункты	Ветеринарные пункты	Сельскохозяйственные предприятия	Культурно-просветительские учреждения	
									Школы 2 ступени	Детские дома
Александровский: Александровская, Сергиевская, Северная, Грушевская, Калиновская, Журавская, Китаевская, Павловская, Круглолесская	9	300930	64156	2 мельницы	П.Т.К.	1 больница, 2 фельдшерских пункта	1 ветеринарный пункт	1 прокатный пункт, 2 агробазы	—	1
Курсавский: Дубово-Балковская, Курсавская, Дворцовская, Янкульская, Кианкизская, Султанская, Казинская, Куршавская, Солунско-Дмитриевская, Нагутская, Крым-Гиреевская	11	279026	66159	2 мельницы, 1 заготконтора, 1 подсобный пункт, 1 отделение Хлебопродукта, 1 отделение Губсоюза, 2 склада Губпромторга	П.Т.К.	1 больница, 2 фельдшерских пункта	1 ветеринарный пункт	1 прокатный пункт, 2 агр. учил., 2 отд. Губсельсклад	—	1
Туркменский район	20 аулов	369068	8202	—	П.Т.К.	1 больница, 12 фельдшерских пунктов	1 ветеринарный пункт. пл. раз.	2 агр. учил.	—	
Итого		3300834	748417							

В историческом отношении город Ставрополь хотя и молодой, но он быстро догнал и сравнялся с своими собратьями — губернскими городами старой России.

В отношении плотности населения губерния занимает третье место среди других губерний внутренней России, и здесь имеются огромные совершенно незаселенные пространства, на которых можно встретить только стада овец и рогатого скота с их чабанами (пастухами) и собаками (овчарками). На всем пространстве губернии только 1791 населенный пункт и 160792 хозяйства. Но население быстро растет, так, в 1873 году было 475051 человек, а в 1909 году — 1170339, а в 1914 году — 1293652.

Особенностью Ставропольской губернии является преобладание мужского элемента над женским в противоположность внутренним российским губерниям. К первой всенародной переписи перевес этот выразился в отношении: на 1000 мужчин — 964 женщины. Перевес этот объясняется как приливом выходцев (переселенцев) из внутренних губерний, которые здесь называются «иногородними», так и этнографическими особенностями инородческого населения.

По данным переписи 1897 года, на 1000 мужчин инородцев Ставропольской губернии приходилось 768 женщин, а в сельском населении на территории уездов приходилось на 1000 мужчин 978 женщин. По отдельным инородческим народностям это отношение выражается в следующих цифрах: у калмыков на 1000 мужчин приходится 889 женщин, у туркменов на 1000 мужчин — 766 женщин и у ногайцев на 1000 мужчин — 790 женщин. Явление это объясняется укоренившимся обычаем очень ранних браков, когда девочка в детском еще возрасте делается женою взрослого мужчины, а в 12 лет уже и матерью, вследствие чего встречается масса заболеваний среди женщин; они быстро изнашиваются, стареют и умирают. За последние годы обращено было на это внимание и последовало запрещение браков ранее шестнадцатилетнего возраста для женщин, но в действительной жизни эти прискорбные факты повторяются.

Что касается распределения населения на территории губернии, то здесь наблюдается крупная особенность в том, что она не знает среднего по количеству типа населения: с одной стороны — поселения хуторского типа с одним-пятью дворами, с другой — громадный процент населения живет в селениях очень крупного типа с количеством более 3—5 тысяч душ и в отдельных случаях достигает 25 тысяч душ. В общем, можно сказать, что 15% всего сельского населения проживает в поселениях мелкого типа и остальные 85% помещаются в поселениях крупного типа, и последних — 152, тогда как первых — 1201. Эта особенность расселения имеет огромное значение в хозяйственном отношении и, в свою очередь, влияет на отношения между жителями, создавая противоположность интересов между этими группами.

Конечно, на сложение поселений таких типов имели влияние исторические условия, при которых совершалось заселение губернии, и вопрос этот требует детального исследования даже в отношении каждого отдельного крупного пункта, но в общем можно сказать, что главными причинами создания крупных центров были три. *Первой* из них и наиболее существенной было чисто внешнее — это план, выработанный для населения Северного Кавказа, по которому и совершалось переселение из внутренних губерний России[10]. Главная задача этого плана заключалась в том, чтобы создать ряд поселений, могущих быть устойчивыми в новом крае, только что завоеванном и подвергавшемся нападениям со стороны «хищников» и неприязненных племен. Образованием таких пунктов, естественно, было создано стремление и для остальных выходцев вселяться в эти пункты как ввиду грозившей опасности вне их, так и ввиду того, что в них налажена была уже правильная жизнь и возникали условия удобства совместной жизни как в отношении управления, так и других нужд населения: церковь, школа и прочее.

Таким образом, с течением времени благодаря постоянному приливу извне и естественному приросту населения намеченные первоначально пункты выросли в крупные центры. Естественно, на увеличение одного пункта сравнительно с другим имели влияние местные условия: пролегающая дорога, служившая для проезда в другие пункты, и самый характер населения данного пункта.

Другой причиной было расселение по течению рек. Хотя наши реки мелководны и маловодны, но тем не менее в хозяйственном отношении они имели большое значение.

И *третьей причиной* была та опасность, которая чувствовалась на каждом шагу в открытой степи для одиночного поселения или даже для небольшой группы.

Но с течением времени, с развитием военных сил на Северном Кавказе, созданием крепостей, устройством постов и других охранных пунктов, а также и благодаря значительному приливу населения опасность [нападения] в степи становилась все меньше, и вот отдельные более смелые одиночки, а затем и целые группы лиц стали обосновываться в степи и заводить хозяйства на просторе свободной, никому не принадлежащей земли, и постепенно выросли малые и большие хутора вдали от создавшихся уже пунктов в местах, наиболее удобных и представлявших выгоды в хозяйственном отношении.

Стремление к таким поселениям — хуторам — с течением времени сильно возросло, и к восьмидесятым годам прошлого столетия создалось положение, когда главные пункты — села — стали за-

являть недовольство на таких выселенцев и повели с ними открытую борьбу, требуя возврата в село и освобождения занятых удобных мест на пространстве надельной земли, принадлежащей данному обществу. К этому времени почти повсеместно в губернии совершилась нарезка земли обществам, и отмежеванные пространства по владенным записям перешли во владение и пользование обществ и в их исключительное обладание.

Все эти «займища», «захваты», «починки», «ковш» и «зимовки» общества стремились изъять из владения отдельных лиц, и начался целый ряд процессов в судебных учреждениях, как об отобрании их, так и о сносе хуторов, возникших самовольно в разных местах на надельной земле. Суд стал на сторону обществ, в особенности в отношении хуторов, и, несмотря на продолжительное существование этих поселений, они были уничтожены и население их возвратилось в села. Это способствовало также увеличению числа жителей главных пунктов[11]. Что касается инородцев, то у них наблюдается огромное преобладание мелкого типа.

* * *

В духовно-нравственном и культурно-общественном отношении губерния делает видные шаги, и в то время, как в 1898 году в губернии было (без городов и инородческой территории) 160 церквей и 522 народные школы, в 1909 году было 212 церквей и 584 школы. Конечно, такое увеличение за 10 лет нельзя считать значительным, но тем не менее самое стремление к просвещению не подлежит сомнению, особенно если принять во внимание, что губерния перед этим перенесла холеру и чуму рогатого скота, которая внесла сильное расстройство в хозяйственную жизнь губернии.

Обозревая данные о торговых и промышленных предприятиях, необходимо прийти к заключению, что губерния сделала большие успехи в хозяйственном и экономическом отношении. По сведениям железнодорожных станций, отпуск хлеба сильно возрос, а также и продуктов скотоводства — шерсти и сала. Рядом с этим население обзавелось усовершенствованными земледельческими орудиями и улучшенного типа инвентарем. Вместе с этим увеличилось число торговых заведений, что ясно говорит об увеличении покупной способности населения. Так, в 1898 году в губернии, считая и город Ставрополь, было 2454 торговых заведения, а в 1909 году оказалось 3047.

Среди промышленных предприятий стали применяться паровые машины, а именно в мельничном деле, и выросли очень крупные и весьма ценные сооружения этого рода, и мука сделалась предметом вывоза, тогда как прежде отпускалось на внешние рынки только одно зерно.

Показателем оживления хозяйственной и общественной жизни губернии служит и возникновение сословных крестьянских учреждений, обслуживающих кредит, а именно: сельских банков, ссудо-сберегательных касс и кредитных товариществ, которых насчитывалось 147 в 1909 году, и возникли они за короткое время.

В административном отношении надо отметить ту особенность, что крупные крестьянские селения составляют в то же время и волость, а с сельским управлением — только 11 пунктов в губернии. Очень крупным явлением в жизни губернии надо признать сооружение в селах водопроводов и артезианских колодцев. Несмотря на большие затруднения в приискании мастеров и большую стоимость этих сооружений, села на свои собственные средства произвели эти работы. Конечно, это вызывалось крайней необходимостью, недостатком питьевой воды, вследствие чего во многих селах устроены цистерны для сбора дождевой воды даже с камышовых крыш. Всего в губернии 14 водопроводов, 143 артезианских колодца, и последних наибольшее количество в Прасковейском уезде (113).

Бытовые условия населения стоят в тесной связи с условиями местности, и топографические, климатические и почвенные условия неотразимо влияют на склад жизни и самый характер населения. Исторические условия, конечно, во многом способствуют выработке тех или иных сторон жизни, но более постоянное и, так сказать, ежедневное влияние оказывают первые.

В топографическом отношении Ставропольская губерния представляет резко выраженную возвышенность с сильным поднятием на юг отдельными горными кряжами и уклоном в северном и восточном направлении с огромными степными пространствами. Отдельные пункты достигают следующей высоты (см. Бентковского)[12] (см. таблицу на странице 465).

Разность абсолютных высот в двух крайних населенных пунктах губернии (Ставрополь и селение Среднеегорлыкское), отстоящих на 1° 10’ 4,86’’, составляющая 1671,04 английского фута, объясняется близостью главного хребта Кавказских гор. Высота же курганов и разных мест, находящихся между теми же градусами восточной долготы, еще явственнее выражает орографический характер обозреваемого района (см. таблицу на страницах 466—467).

Все эти пункты, определенные триангуляцией Северного Кавказа, указывая на резкое понижение местности с юга на север, придают ставропольским степям волнистый характер. Кугультинская же возвышенность образует главную водораздельную линию между бассейнами Черного и Каспийского морей, направляя течения речек, с одной стороны, на запад и северо-запад посредством западного Маныча в Дон, а с другой — на восток в реку Куму.

	Названия населенных мест	Географическое положение		Абсолютная высота над уровнем Черного моря в английских футах
		Северная широта 0 ′ ″	Восточная долгота 0 ′ ″	
	г. Ставрополь а) Казанский собор б) Троицкий собор	 45 3 12,98 45 3 12,29	 59 38 32,40 59 32 1,21	 1929,48 1797,60
С.у.*	Русская почтовая станция	45 7 55,39	59 37 35,46	1634,22
С.у.	Деревня Тугулук	45 21 14,42	59 52 27,81	1630,33
С.у.	Селение Бешпагирское	45 0 33,81	60 4 3,98	1135,00
Н.у.	Селение Ореховское	45 2 25,14	60 35 53,03	1093,00
С.у.	Селение Дубовка	45 12 23,35	59 51 58,26	1063,81
С.у.	Селение Казинка	45 17 57,91	59 50 47,72	1035,93
С.у.	Селение Тугулук	45 20 14,39	59 54 23,95	993,37
С.у.	Селение Кугульта	45 22 28,22	60 5 11,97	826,20
С.у.	Селение Новогеоргиевское	45 28 40,24	59 52 2,10	743,61
П.у.	Селение Предтеченское	45 37 5,02	60 19 20,15	682,57
С.у.	Селение Благодатное	45 24 9,80	60 14 57,84	677,60
Н.у.	Селение Малые Ягуры	45 25 43,06	60 41 36,74	654,08
Н.у.	Селение Александрийское	45 5 56,27	60 54 20,99	632,00
Н.у.	Селение Донская Балка	45 12 34,05	60 32 30,14	621,00
М.у.	Селение Песчанокопское	46 12 26,57	58 44 23,32	340,13
М.у.	Селение Новодмитриевское	45 12 25,57	59 33 3,00	295,12
М.у.	Селение Преградное	45 49 41,73	59 24 37,09	289,17
Н.у.	Селение Винодельное	45 43 15,39	60 35 2,90	279,01
М.у.	Селение Новопавловское	45 58 54,46	58 38 44,49	271,88
Н.у.	Селение Дербетовка	45 48 0,07	60 44 18,31	261,59
М.у.	Селение Среднеегорлыкское	46 22 21,45	58 28 27,54	258,44
Н.у.	Хутор Сладкие Моки	46 1 17,19	60 52 19,90	250,53
М.у.	Селение Рассыпное	46 6 2,97	58 52 33,36	205,52
М.у.	Селение Летницкое	46 1 10,22	58 55 55,51	203,77

* Здесь и далее даются сокращенные названия уездов Ставропольской губернии:
А.у. — Александровский уезд, М.у. — Медвеженский уезд, Н.у. — Новогригорьевский уезд,
П.у. — Пятигорский уезд, С.у. — Ставропольский уезд.

	Названия пунктов	Географическое положение		Абсолютная высота над уровнем Черного моря в английских фунтах
		Северная широта 0 ′ ″	Восточная долгота 0 ′ ″	
1.	Главная гора	44 47 37,71	60 30 39,85	2218,23
2.	Пьяный курган	44 16 22,75	60 13 1,65	2048,48
3.	Пикетная гора	44 53 1,50	60 3 1,69	2017,40
4.	Средний Карамык гора	44 23 41,68	60 34 43,19	1901,69
5.	Русский курган	45 8 4,93	59 37 3,08	1654,73
6.	Бурундук гора	44 17 55,10	60 51 20,30	1617,35
7.	Острая гора	45 0 9,46	59 50 9,65	1615,11
8.	Мещанский курган	44 11 1,89	60 59 19,72	1431,50
9.	Песчаный курган	45 13 1,21	59 46 5,66	1320,21
10.	Городище	45 15 48,01	59 57 16,73	1317,19
11.	Мечеть	45 16 4,45	60 1 55,32	1293,03
12.	Московский курган	45 16 56,61	59 29 57,74	1253,98
13.	Бурцев курган	45 11 26,90	60 33 42,30	1200,00
14.	Степной курган	45 17 3,77	59 44 46,46	1193,99
15.	Пичушкино городище	45 10 58,10	60 47 45,83	1149,00
16.	Спицевский курган	45 9 1,20	60 9 57,99	1111,32
17.	Острый курган	45 16 4,45	60 34 41,92	1066,17
18.	Макаров курган	45 21 15,41	60 13 20,84	1014,65
19.	Манжурин курган	45 26 50,45	60 13 31,65	868,42
20.	Попов курган	45 26 45,22	60 3 52,56	824,11
21.	Базовый курган	45 28 28,60	59 58 33,64	820,33
22.	Частые курганы	45 31 17,88	60 41 41,94	755,65
23.	Донской (Кашутинский) курган	45 26 16,57	59 43 20,97	747,11
24.	Куча камней на кургане	45 28 37,17	60 37 28,34	708,61
25.	Ялюсь-Тюбе курган	45 41 36,28	60 11 4,42	665,21
26.	Ягуры	45 25 43,06	60 41 36,74	654,68

	Названия пунктов	Географическое положение		Абсолютная высота над уровнем Черного моря в английских фунтах
		Северная широта 0 ′ ″	Восточная долгота 0 ′ ″	
27.	Безымянный курган	45 40 48,38	60 23 59,10	644,91
28.	Сухой Яр	45 28 11,08	60 41 13,24	640,08
29.	Малый Барханчук курган	45 35 49,33	60 35 45,34	601,23
30.	Большой Барханчук курган	45 39 14,71	60 39 8,15	585,97
31.	Черный курган	45 35 34,97	60 7 57,47	576,66
32.	Умеркин курган	45 25 56,92	60 46 46,40	543,97
33.	Винодельный курган	45 46 12,32	60 33 14,09	494,20
34.	Янковский курган	45 35 57,19	59 48 19,15	493,22
35.	Кевсала курган	45 50 1,72	60 24 9,77	469,77
36.	Новодимитриевский курган	45 49 17,93	59 35 37,64	442,82
37.	Максала урочище	45 55 19,64	60 53 40,93	421,33
38.	Прогон	45 54 28,10	60 50 41,28	416,50
39.	Соленоозерский курган	45 52 54,27	59 16 30,20	407,96
40.	Птичий курган	45 37 2,60	59 27 41,14	406,98
41.	Песчаный курган второй	46 15 1,32	58 42 27,31	393,96
42.	Гардачинский курган	45 53 56,05	60 58 43,44	388,71
43.	Толстый курган	45 52 2,85	58 45 8,87	378,07
44.	Рассыпной (Жуковский) курган	46 11 7,24	58 53 10,63	366,72
45.	Кременной курган	45 45 0,00	60 41 10,15	365,29
46.	Белоглинский курган	46 8 20,84	58 34 11,12	364,56
47.	Куракин курган	45 51 18,59	60 41 1,27	338,03
48.	Кулешовский курган	46 2 2,48	58 45 26,65	333,48
49.	Колодезный курган	46 15 51,36	58 25 29,21	332,01
50.	Среднеегорлыцкий курган	46 24 38,23	58 20 34,83	329,98
51.	Гокский курган	45 55 40,38	59 5 22,02	311,22
52.	Байрин-Толга курган	45 48 59,27	60 52 25,68	304,22
53.	Медвежий курган	45 52 40,14	59 13 32,01	289,52

Населенных мест, лежащих между 61° и 64° 25’ восточной долготы, определенных триангуляцией, только 8 следующих.

	Названия населенных мест	Северная широта 0 ′ ″	Восточная долгота 0 ′ ″	Высота над уровнем Черного моря в английских фунтах
Н.у.	Село Обильное	44 15 11,39	61 13 52,16	789,00
Н.у.	Село Прасковея	44 45 5,39	61 52 4,12	749,00
Н.у.	Село Благодарное	45 5 53,90	61 1 40,31	678,00
А.у.	Село Отказное	44 19 33,53	61 31 34,05	617,00
Н.у.	Село Удельное (Томузловка)	44 41 47,88	61 42 2,86	436,00
Н.у.	Слобода Бургон-Маджары	44 49 59,45	62 8 32,01	345,00
Н.у.	Село Левокумское (Громки)	44 49 12,10	62 19 33,76	270,00
Н.у.	Село Величавое (Солдатское)	44 56 47,87	62 46 56,30	94,02

Высота следующих пунктов в восточной половине губернии дополняет орографические данные обозреваемого района:

	Названия пунктов	Северная широта 0 ′ ″	Восточная долгота 0 ′ ″	Высота над уровнем Черного моря в английских фунтах
1.	Чограйский курган	45 12 46,66	61 28 10,30	1013,00
2.	Копанский курган	45 11 28,72	61 3 41,07	906,00
3.	Горбунов курган	45 3 41,99	61 10 32,67	820,00
4.	Разумеева курган	44 49 27,32	61 43 38,81	551,00
5.	Кордонный курган	44 53 13,97	61 48 12,94	524,00
6.	Кучерловский курган	45 37 12,82	61 26 50,08	480,55
7.	Курвангули курган	45 31 49,22	61 47 14,33	471,17
8.	Дашлина курган	45 46 22,70	61 2 34,37	456,33
9.	Арзачир-Тюбе курган	45 25 14,31	61 55 40,29	436,75
10.	Хомерняс-Тюбе курган	45 41 57,36	61 27 12,40	422,52
11.	Рогулинская дорога	45 53 18,38	61 6 21,88	281,33
12.	Харулин-Толга курган	45 49 23,59	61 30 33,27	272,93
13.	Шереклю Худуки урочище	45 53 29,61	61 22 46,22	254,80
14.	Урта-Тюбе курган	45 51 31,79	61 18 34,80	244,44
15.	Ргулю-Хар-Сала урочище	45 41 41,28	61 33 46,16	210,21
16.	Плоский курган	45 37 55,13	61 57 31,12	187,18
17.	Гелюн-Толга (Кель-Тюбе) курган	45 37 39,91	61 53 26,68	175,07

	Названия пунктов	Северная широта 0 ′ ″	Восточная долгота 0 ′ ″	Высота над уровнем Черного моря в английских фунтах
18.	Батыр курган	45 41 9,02	61 42 51,45	174,79
19.	Шесть курганов	45 46 48,08	61 39 22,89	162,69
20.	Шарабулук-Толга курган	45 55 6,78	61 40 42,38	161,56
21.	Танкинсала урочище	45 48 50,84	61 48 9,78	156,94
22.	Соленые лиманы	45 59 26,30	61 22 4,25	150,15
23.	Архак-Толга курган	46 0 59,28	61 12 3,47	145,04
24.	Харьерин-Толга курган	45 58 26,10	61 29 14,08	142,10
25.	Разрытый курган	46 59 7,08	61 41 58,54	140,28
26.	Шарахулсун урочище	45 41 52,78	61 49 55,92	135,94
27.	Калаус (устье реки)	45 42 47,95	61 45 15,85	102,62
28.	Ламхатен-Толга курган	45 32 0,17	62 6 50,05	100,73
29.	Хулебе (устье реки)	45 35 2,73	61 55 13,42	86,94
30.	Мечеть на реке Куме	44 59 0,84	63 20 9,28	62,7

Пункты, находящиеся ниже уровня Черного моря:

	Названия пунктов	Северная широта 0 ′ ″	Восточная долгота 0 ′ ″	Высота над уровнем Черного моря в английских фунтах
1.	Ерамполь курган	44 9 48,65	63 51 55,22	4,83
2.	Красный курган	45 2 8,72	64 13 41,94	26,0
3.	Колпичий курган	44 25 52,26	64 0 9,63	31,29
4.	Ералаше (Садни Култук) курган	44 19 36,13	63 57 27,67	57,05
5.	Беклек курган	44 27 43,98	64 8 27,28	57,82
6.	Казан Култук (Сулейман) курган	44 14 4,88	64 1 7,02	75,58

Есть еще курганы, которых определена одна только абсолютная высота над уровнем моря, таковы курганы: Лохматый на земле села Михайловского, имеет 1655 футов; курган Бурцева на земле селения Донской Балки — 1200 футов; курган Два Брата на земле господ Фостиковых — 1194 фута; курган Рогова Могила на земле слободы Александровской (Воронцовки) — 749 футов; курган Каменный на земле Предтеченского — 707 футов; двадцать курганов на земле селения Чернолесского — 695 футов; курган Курбеле на земле господина Золотарева — 682 фута; курган Оленки на земле селения Покойного — 575 футов; курган Жирный на земле селения Летницкого — 482 фута; курган Большой на земле селения Новодимитриевского — 443 фута; курган Куракин на земле селения Дербетовки — 338 футов и курган Острый на земле селения Медвеженского имеет 290 футов.

Число курганов, разбросанных по степям Ставропольской губернии, абсолютная высота которых еще не определена, далеко больше числа вышеприведенных. Для полного орографического обзора приводим их перечень.

В *Ставропольском уезде* находятся еще следующие курганы. На земле села Михайловского — Разрытый и Базин курган. На земле села Надеждинского — курганы: Аксенова, Три Маяка, а также горы: Базовая, Холодная и Бударка. На земле села Старомарьевского — курган Два Брата. На земле села Дубовки есть курганы: Песчаный, Мечетный и Разрытый. На земле села Донского

курганы: Широкий, Мамайский и Бештовый. На земле села Новогригорьевского — Куриловский и Кирпичный. На земле села Благодатного — курганы: Острый и Сониной. На земле села Константиновского есть курганы: Ставропольский и Три Брата. На земле села Кугульты — Попов, Черный, Фомин и курган Каменный. На земле села Безопасного — курганы: Большой, Волчий, Семь Братьев, Аксютин, Чибис и Вислый. На земле села Тугулук есть курганы: Острый и Широкий.

В Медвеженском уезде. На земле села Новоегорлыкского находятся следующие курганы: Березовый, Два Брата, Безымянный, Рытая Могила, Высокая Могила, Бакарюков и Высокая Могила-2. На земле села Екатериненского — курган Долгая Могила. На земле села Новопавловского — курган Вислый. На земле деревни Александровской (Сысоевки тож) — курган Карпухин. На земле села Новоманычского — курган Орлов. На земле владельцев господ Садомцовых есть курган Арабкин.

В Александровском уезде. В селении Александровском — курган Каменный. На земле села Крымгиреевского — курган Махов. На земле села Солдатско-Александровского — курганы: Трехкурганный, Разрытый, Ковалев, Добрынцев, Сосюкин, Оленкин, Каленкин и Попов. На земле села Северного находятся горы Черная и Свистун.

В Новогригорьевском уезде. На земле села Петровского есть курганы, называемые Горобцова Могила и Кущев Монастырь. На земле села Донской Балки — курганы: Кисличный, Маховый и Острый. На земле села Сухой Буйволы — курганы: Малахов, Разрытый, Камбулат и Острый Шпиль. На землях селений Высоцкого и Ореховского — горы: Баева, Писарева и курганы: Сысоев, Щелкунов, Кордонный, Волов, Королев, Луговой, Баева и Острый. В селе Медведском — курган того же названия. На земле села Сотниковского — Частенькие курганы. На земле слободы Владимировки — Терновский и Разрытый. На земле села Прасковеи — курган Казачий. На земле села Дербетовки — курганы: Ярту-Тюбе, Кош-Тюбе, Эссинмет-Суба и Временный. На земле села Рагули — курган Палаш-Суба. На земле села Овощи — курган Тенкете-Даг.

На землях калмыков *Большедербетовского улуса* — курганы числом более 450, нанесенные на пятиверстную карту Кавказа, далеко еще не все…

Этим рельефом обуславливается и обводнение губернии наиболее водными речками, которые текут: одна — на север, а другие — на восток.

Время основания сел в Ставропольской губернии (выписка из путеводителя, составленного Г.Н. Прозрителевым)[13]:

Название	Год основания
А	
Александрийское	1790
Александровское	1777
Арзгир	1876
Архангельское	1840
Архиповка	1882
Ачикулак	1830
Б	
Баранниковское	1812
Безопасное	1804
Белая Глина	1820
Березовка	1814
Бетель	1879
Бешпагир	1798
Благодарное	1782
Благодатное	1848
Богородицкое	1842
Большая Джалга	1867
Бургон-Маджары	1796
Бурлацкое	1830
Бурукшун	1872
В	
Величаевское	1848
Винодельное	1870

Название	Год основания
Владимировка	1780
Воздвиженское	1874
Вознесенское	1873
Воронцовка	1830
Воронцово-Александровское	1781
Высоцкое	1784
Г	
Горькая Балка	1845
Грушевское	1800
Д	
Дербетовское	1863
Дивное	1850
Добровольное	1882
Довсунское	1880
Донская Балка	1787
Донское	1777
Дубовка	1817
Е	
Екатериновка	1814
Елизаветинское	1822
Ж	
Жуковское	1846
Журавское	1811

Название	Год основания
И	
Ивановка	1840
Иогансдорф	1846
К	
Казгулак	1861
Казинка	1844
Казинское	1867
Калиновское	1779
Камбулат	1830
Канглы	1866
Киевка	1876
Киста	1875
Китаево	1840
Кононовка	1792
Константиновка	1822
Красная Поляна	1812
Круглолесское	1790
Крученая Балка	1853
Крымгиреевка	1866
Крымско-Кевсалинское	1865
Кугульта	1817
Кулешовка	1840
Куршавка	1869
Л	
Ладовская Балка	1832
Левокумское	1842
Летник	1803
Лопанка	1830
М	
Малая Джалга	1872
Малые Ягуры	1840
Мартынсфельд	1868
Медведка	1784
Медвежье	1803
Митрофановка	1872
Михайловка	1784
Московское	1778
Н	
Нагутское	1868
Надежда	1783
Немецко-Хагинское	1879
Николаевское	1862
Николина Балка	1840
Никольское	1884
Нины	1786

Название	Год основания
Новогеоргиевское	1825
Новогригорьевское	1781
Новодмитриевское	1846
Новозаведенное	1784
Новоманычское	1855
Новомихайловское	1843
Новопавловское	1840
Новоселицы	1786
Новый Бурукшун	1887
Новый Егорлык	1808
О	
Обильное	1784
Овощи	1864
Ореховка	1790
Орловка	1847
Отказное	1784
П	
Падинское	1880
Пелагиада	1794
Песчанка*	1803
Петровское	1750
Подгорное	1868
Покойное	1766
Поливянное	1830
Правокумское	1840
Прасковейское	1781
Преградное	1803
Предтеча	1860
Преображенское	1875
Привольное	1830
Просянка	1825
Птичье	1832
Р	
Рагули	1861
Развильное	1845
Рассыпное	1844
Родыки	1889
С	
Сабля	1782
Сандата	1805
Святой Крест	1795—1799
Северное	1775—1777
Сергиевское	1777
Солдато-Александровское	1778
Соломинка	1880

* Село Песчанокопское

Название	Год основания
Сотниковское	1833
Спасское	1857
Спицевка	1833
Средний Егорлык	1803
Стародубское	1780
Старомарьевка	1795
Султанское	1866
Сухая Буйвола	1764
Сысоево-Александровское	1834
У	
Удельное	1840
Урожайное	1848

Название	Год основания
Ф	
Фридрихсфельд	1885
Ч	
Чернолесское	1799
Ш	
Шаблиевка	Год не указан
Э	
Эсто-Хагинское	1878
Я	
Янкули	1870
Яшалта	1884

Ставрополь: Ставропольская крепость — 1777
Ставрополь, город — 1785

×àñòü 1. [Èñòîðèÿ çàñåëåíèÿ è îñâîåíèÿ òåððèòîðèè Ñòàâðîïîëüñêîé ãóáåðíèè]

Ставропольская губерния расположена в пределах Северного Кавказа между 44° и 46 $^1/_2$° северной широты и 58 $^1/_2$° — 62 $^1/_2$° восточной долготы и занимает пространство 48742 квадратные версты, или 5077227 десятин, в границах: с севера — Донская область и Астраханская губерния, с востока и юга — Терская область и с запада — Кубанская область.

На этом пространстве проживают 1293652 души обоего пола, из которых 44190 душ составляют инородцы, а именно: ногаи (14181), туркмены (19433) и калмыки (10576). Инородцы из общей площади губернии занимают 1241666 десятин и частью ведут кочевую жизнь. Самая многочисленная группа населения — это крестьяне (1164303 человека).

В этнографическом отношении состав населения губернии пестрый, здесь проживают: великороссы, малороссы, немцы, поляки, армяне, грузины, греки, эстонцы, евреи, ногайцы, туркмены, калмыки, персияне, турки и цыгане, составляющие самую малочисленную группу.

В вероисповедном отношении преобладают православные (1206138 душ), из остальных наибольшее число армяно-григорьян (8108); туркмены и ногаи — магометане, а калмыки — буддисты.

В административном отношении губерния делится на 5 уездов: Ставропольский, Александровский, Благодаринский, Медвеженский и Святокрестовский, и территории инородцев: Ачикулакское приставство (ногаи), Туркменское приставство (туркмены) и Большедербетовский улус (калмыки).

Городов в Ставропольской губернии два: губернский — город Ставрополь (60241 душ обоего пола) и уездный — город Святого Креста (12335 душ обоего пола).

* * *

История заселения Ставропольской губернии тесно связана с историей занятия Северного Кавказа. Продвижение русских на Кавказ началось с очень отдаленных лет нашей истории. Не вдаваясь в глубь веков, можно отметить как вполне исторический факт, что еще в XVI веке на Кавказ двинулось целое войско, рязанские казаки, недовольные распоряжениями царя Иоанна Грозного[14]. Это крупное, почти массовое движение резко выделилось среди общих событий государственной жизни, а были и ранее выходцы, но не в таком значительном числе, которые уходили незамеченные властями того времени, так как не были на таком виду, как рязанские казаки, которые служили кордонной линией и несли службу по охране границ государства. Нечего говорить, что мелкие кучки беглецов и отдельные лица уходили, не возбуждая ни в ком подозрения, ни особого внимания. Уход этот обнаружился только через много лет, когда на гребнях гор обозначились целые поселки — городки казаков и заявили о своем существовании, находя необходимым сноситься с родиной и для защиты себя, и для дальнейшего поступательного движения.

Хотя все эти выселенцы-беглецы и уходили от «обид и неправды» на родных местах, но время и тяжелые условия жизни в новом краю сглаживали старые раны, и кровная, родственная связь брала верх, и начиналась тяга назад, а с нею и все новый и новый прилив с родины других выходцев, искавших приволья и простора. Так возникло Терское войско на Тереке и на гребнях Кавказских

гор, почему и назывались они гребенскими казаками; так сгруппировались на Кубани и некрасовцы, и отдельные группы, и одиночки-русские среди горского населения.

Но, несмотря на усиленный прилив выходцев на Кавказ, они оседали по его окраинам, в южной и западной части, а вся площадь Северного Кавказа оставалась незанятой. Обстоятельство это объясняется самой местностью, открытой для движения с огромными степными пространствами. Здесь свободно двигались целые орды кочевников и целые полчища, военные отряды, искавшие военной добычи у соседних народов. Господствовали здесь главным образом кабардинцы, ногаи, а позже и калмыки разгуливали невозбранно в числе не менее грозных отрядов, потом чеченцы и частью мелкие горские народы.

Конечно, взаимные столкновения и кровавые битвы с грабежом и уводом скота и пленников не могли способствовать поселению в этих пространствах не только мирных жителей, но даже и вообще каких бы то ни было жительств, потому что опасность была кругом и надо было искать мест защитных, а не голых степных пространств.

С течением времени стали появляться и такие небольшие становища где-нибудь в глухих местах, на реках, в камышах, но то были смельчаки, которых судьба загнала сюда, не давши возможности ни добраться до гребней, ни оставаться на родных местах. Это движение было, так сказать, чисто народное, переселенческое, на свой страх и риск, наудачу, без всякого плана и продуманности.

Но рядом с ним, хотя и без особенного плана, обозначилась попытка к занятию Кавказа и со стороны государственной власти. И Иоанн Грозный, и последующие правители от времени до времени обращали свое внимание на Кавказ и дальше и двигали даже войска или вступали в переговоры. Тем не менее и эта попытка утвердиться на Кавказе касалась тех же самых окраин, не закрепляясь в северной части, то есть на нынешнем Северном Кавказе и нынешней Ставропольской губернии.

Втягиваясь в войну с соседними государствами или отдельными кавказскими владетелями, русские правители скоро убедились, что вся эта попытка сводится к напрасной трате сил при том ничтожном количестве ратных людей, которые могли быть посланы для борьбы на Кавказ, поэтому все свелось, в конце концов, к поддержке и покровительству гребенских казаков и к удержанию кабардинцев разными подарками и обещаниями.

Так дело шло до XVIII столетия. Хотя смелый и решительный преобразователь России Петр I и поставил дело водворения на Кавказе русских на более твердую ногу, но и он не имел должного успеха, хотя, может быть, всему помешала его преждевременная смерть. Петр смело привлек к делу завоевания Кавказа калмыцкий народ, противопоставив его необузданность и дикость и наездничество лихому удальству и молодечеству кабардинцев, и сделал эти два народа противниками за обладание пастбищами и всем привольем степной жизни Северного Кавказа с его табунами диких лошадей, всевозможных диких животных и правом свободно грабить всех, кто рисковал пуститься в путь по этой стране. Кто одолеет, тот и будет хозяином этих необозримых пространств. И началась лихая схватка этих двух народов, обессилившая обе враждующие стороны при самом небольшом численном участии русских полков.

И вот, ко второй половине XVIII века появилась возможность для русского правительства стать более прочно и на северном берегу знаменитой реки Терек. И в 1765 году было занято урочище Моздок…

Военное счастье настолько было на стороне России, что великие соперницы — Персия и Турция, в особенности последняя, считавшая земли по Тереку и Кубани и горских народов своими, — не могли сломить решимости России не только занять урочище Моздок, но и построить там крепость. А это уже было первым и твердым камнем к дальнейшему закреплению и владычеству. И водворению русских на Северном Кавказе было положено начало.

Судьба неудержимо влекла русских на Кавказ, и первые попытки еще на заре созидания русского государства укрепиться здесь были пророческими указаниями того, что русский народ станет твердой ногой на Северном Кавказе и сделается его обладателем.

Из наших летописей известно, что Святослав со своей дружиной ходил на Кавказ, за Кубань, в 966 году и в борьбе с яссами и коссогами (предками нынешних осетин и черкесов) остался победителем. И начатое дело не заглохло. В X веке мы видим на Северном Кавказе целое русское княжество Тмутаракань[15] в пределах нынешней Кубанской области (Таманский полуостров), и знаменитый князь Мстислав Удалой также успешно вел войны с коссогами (черкесами), победив их богатыря Редедю. В грузинских летописях говорится о браках русских князей с кавказскими княжнами: Изяслав II в 1153 году просит руки дочери царя абхазского; царица Тамара по преданию была в браке с русским князем Георгием, сыном Андрея Боголюбского… И раньше русские люди знали Кавказ, и в своих войнах с хазарами и половцами, жившими в пределах нынешней Ставропольской губернии по реке Куме, знакомы были с его привольными степями.

И только тяжкое монгольское иго на целых триста с лишком лет оторвало Россию от Кавказа и прервало ее сношения с ним. Грозные ханы Золотой Орды облюбовали приволья Северного Кавказа и, сделав здесь свою «ставку» в древних Мажарах (близ нынешнего города Святого Креста[16] Ставропольской губернии), наслаждались богатейшей охотой в степях за рекой Кумой. Сюда на поклон

и на суд ходили князья подневольной Руси, многие слагали здесь свои непокорные головы, и Русь стонала под тяжким ярмом. Но судьба все-таки отдала будущее русскому человеку, и все грозные татары, а до них угры, хазары и половцы, занимавшие эти же места, уцелели только на страницах истории, уступив место русскому народу.

Казалось, что дело русских на Кавказе совсем погибло; не осталось и следов от Тмутараканского княжества, погибли и зашедшие сюда одиночки, ушли и некрасовцы; и Кубань, и Терек, и море Сурожское и море Хвалынское, Понт Эвксинский, исстари называвшийся Русским морем, — все стало достоянием других народов. Выступили на историческую арену новые смелые противники. Персия, Турция и крымский хан стояли на страже Северного Кавказа и зорко следили за событиями, разыгрывавшимися на всем этом пространстве, выдвигая своим авангардом весь разноплеменной состав жителей Кавказских гор. Сильный и смелый народ, кабардинцы объединяли всех и, численно превосходившие каждое из других горских племен, шли впереди и всегда готовы были к бою за обладание Северным Кавказом. Но, сбросив тяжкое татарское иго, русские снова идут по проложенному предками пути, и снова Кавказ видит русские полки, и тянутся туда все, кому родина стала мачехой и жизнь на родных местах не заладилась.

Окрепшая Москва высылала ратных людей, а впереди, как всегда, шла знаменитая в истории Руси вольница, так сказать, подготовляла успех создававшегося государства, которое нуждалось в округлении своих границ в пределах устойчивых и более приноровленных к защите.

В 1555 году пало под напором Москвы Астраханское царство, и двери с этого момента на Северный Кавказ стали открытыми, и с этого момента снова начинаются прерванные некогда сношения, и русские люди, как мы говорили выше, незаметно стали внедряться в его пределы. С этого момента, говорит историк Соловьев, Московскому государству открылся целый мир мелких владений на Северном Кавказе и московские цари невольно вошли в самое ближайшее соприкосновение со всей жизнью этой страны, выслушивая жалобы разных владетелей друг на друга и ходатайства о помощи и защите. Но это же в дальнейшем втянуло Россию в тяжелые войны с могущественными соседними государствами, которые оспаривали у нее обладание Кавказом.

Имея в виду заселение Ставропольской губернии, мы не останавливаемся на отдельных эпизодах этой начавшейся борьбы с Иоанна Грозного, так как все события, как то: построение крепости Терки при Иоанне Грозном на левом берегу Терека при впадении реки Сунжи (1567 год), посылка туда воевод Бабичева, Протасьева с войском, построение новой крепости при устье реки Терека при Федоре Иоанновиче (1588 год) воеводою Хворостиным, поход против Шамкала Тарковского в 1594 году под начальством Хворостина и в 1604 году под начальством Батурина и Плещеева, Персидский поход Петра I в 1722 году, построение крепости Святого Креста на реке Сулаке, взятие Эндери (Андреевой деревни), занятие Дербента Петром I, а также и построение по распоряжению Петра ряда крепостей от Терека до Дербента и поселение тысячи семейств донских казаков на реках Сулак и Аграхани, — все это относится к далекой окраине и прямого отношения к Северному Кавказу не имеет, тем более что, как мы и говорили, все эти усилия оказались бесплодными и были после Петра потеряны.

Наибольшее значение для нашего края имели два события: построение крепости Кизляр в 1735 году и крепости Моздок, о которой мы уже упоминали. Эти два пункта, в особенности последний, явились опорными в дальнейших действиях русского правительства, которое постепенно целым рядом лет тяжелых уроков пришло к необходимости планомерной работы по закреплению Кавказа за Россией.

Огромное значение имело во всей этой борьбе нахождение Терского или Гребенского войска, которое, несмотря на все неудачи правительственных мероприятий, все-таки сумело удерживаться здесь и ко второй половине XVIII века имело городки-станицы: Курдюковскую, Гладковскую, Щедринскую, Червленную, Каргалинскую, Дубовскую, Бороздинскую. Эта линия военных поселений по левому берегу реки Терека прочно держала границу и служила надежной опорой против набегов горских народов и охраной Кизлярского края.

* * *

Остановимся несколько подробнее на занятии Моздока. В 1759 году владелец Малой Кабарды Каргоко Кончокин принял христианство и с небольшим числом подвластных ему [людей] вышел на левый берег Терека в урочище Моздок, где и поселился. Он был принят под покровительство русского правительства. С этого момента и начинается занятие Моздока и его постепенное укрепление русскими.

Переходы в православие горцев были и ранее, а в 1762 году состоялось высочайшее повеление о выдаче пособия принявшим христианство: узденям[17] — по 10 рублей, а простым — по 5 рублей, причем холостым лицам выдачи эти уменьшались наполовину. Правительство вообще относилось поощрительно к такому переходу, и возможно, что мера эта еще более имела влияние на число обращающихся, так как замечен с 1763 года более усиленный приток выбывающих для крещения, и в 1764 году в Моздоке уже считалось новокрещеных 200 душ.

Большинство обратившихся в православие, конечно, составляло низшее сословие — холопы, и потому уход их был крайне нежелателен для кабардинских владельцев, лишавшихся рабочей силы, так как с переходом они делались свободными. Усиленный уход холопов вызвал открытое недовольство среди владельцев, и в Кабарде образовалось две враждующих партии: одна — доброжелательная русским, а другая — противная.

Вопрос этот был для владельческого класса весьма серьезным, и потому они настаивали на прекращении такого ухода, причиняющего им имущественный ущерб и хозяйственное расстройство. Это недовольство, естественно, встретило полное сочувствие и среди остальных горцев закубанской страны, и партия недовольных, соединясь с ними, начала производить набеги на наши владения по линии, в Кизлярском крае, занятом еще в 1735 году.

Но более благоразумная часть после совещания настояла на том, чтобы обратиться с просьбой к правительству для улажения этого недоразумения. Для этого в 1764 году был отправлен в Петербург владелец Большой Кабарды Кайтуко Кайсинов с ходатайством: во-первых, уничтожить крепость в Моздоке и селение; во-вторых, за каждого вышедшего холопа правительство должно платить владельцу, а также и за убежавших от них пленников-христиан; в-третьих, переходящие на поселение на нашу сторону или для крещения, как уздени, так и владельцы, должны отказываться от своих имений, остающихся в Кабарде; и в-четвертых, правительство должно уменьшить торговые пошлины в Кизляре. Конечно, в Петербурге не могли согласиться на такое домогательство, и Кайсимов возвратился обратно в том же году без всякого ответа.

Так как нападения становились более дерзкими и ввиду того, что в разграблении купеческого каравана между Кизляром и Астраханью еще в 1763 году предполагалось участие кубанцев в соединении с кабардинцами, то велено было наказать кабардинцев задержанием их владельцев в Кизляре. По этому поводу было сделано сообщение кубанскому сераскиру[18], но крымский консул наш удовлетворения не добился, и даже представления нашего посланника в Царьграде успеха не имели, так как Порта ссылалась на то, что управление закубанцами находится у крымского хана.

Эта безуспешность в удовлетворении справедливого ходатайства и вынудила принять указанную меру задержания, и вместе с тем астраханский губернатор Бекетов по распоряжению правительства писал крымскому хану султану Селим Гирею, настаивая на наказании закубанцев. В конце концов в 1765 году было произведено расследование, но тут выяснилось, что кубанские татары также считают себя обиженными, так как калмыки угоняют у них скот, и хотя в 1766 году Порта приказала удовлетворить купцов, но из этого ничего не вышло, кроме переговоров.

Так как зависимость закубанцев как от Порты, так и от крымского хана была в сущности только номинальной и закубанцы не всегда подчинялись данным им распоряжениям, вследствие чего обнаружилось бессилие власти, то и решено было русским правительством принять собственные меры. И вот, в том же 1765 году повелено было калмыцкому наместнику отправить на Кубань один сильный улус калмыков в подкрепление уже посланным туда пятистам донских казаков, а для укрепления линии между Кизляром и Моздоком велено поселить 500 казаков из числа волжских, живших около Дубовки, и 23 июля состоялся приказ о назначении еще двух тысяч донских казаков в распоряжение кизлярского коменданта. Мера эта по местным условиям была единственным средством, и астраханский губернатор Бекетов свое ходатайство об увеличении числа войск объясняет «сумнительными обстоятельствами по кабардинским делам».

Тревога, поднятая кабардинцами по поводу занятия урочища Моздок, была основательна, так как русское правительство решило постепенно укреплять этот пункт и обратить в крепость. Начатые работы не могли укрыться от кабардинцев, и они добились того, что, наконец, Порта прислала доверенных людей осмотреть, какое именно укрепление возводится в Моздоке. Так как столкновение с Портой было нежелательно, то и предписано было нашему посланнику в Царьграде всемерно успокоить встревоженное правительство Порты, а коменданту Кизляра повелело с большею осторожностью производить крепостные работы в Моздоке, ненужные работы откладывать до более удобного времени. Но кабардинцы не успокоились и, соединясь с закубанцами, решили сами напасть на Моздок, предварительно стараясь увести ногайских татар, кочевавших около Кизляра, на Кубань.

Создание крепости Моздок было очень важным мероприятием в жизни Северного Кавказа, так как этот пункт явился опорной точкой будущей знаменитой Кавказской линии, явился грозным препятствием для нападения на русские пределы. Это обстоятельство в связи с другими послужило главным поводом к началу войны с Портою в 1768 году.

Происки Порты и по ее наущению крымского хана были постоянные, и самое волнение закубанцев и кабардинцев должно быть объяснено этими ухищрениями, которыми хотели ослабить влияние на Северном Кавказе России, все более и более усиливавшееся. Ввиду этого лица, расположенные к России, подвергались нападению, так, кабардинский владелец Дудорука Баматов был захвачен в 1765 году крымскими татарами и отвезен в Бахчисарай, где его убеждали передаться на сторону крымскую, но он не согласился.

Все более осложнявшиеся отношения на Кубани заставили русское правительство более серьезно отнестись к положению края, а возникший план создания укрепленной линии подсказывал

необходимость сосредоточить управление Кубанским краем в отдельное управление и усиленно укреплять линию, спешно воздвигая крепости.

С открытием военных действий против Порты началось наступление и против кабардинцев. Здесь выступают калмыки. Наместник калмыцкий с двухтысячным войском двинулся в кабардинские пределы. На реке Калаусе (в Благодарненском уезде Ставропольской губернии близ селения Предтеченского) произошла знаменитая битва его с кабардинцами 29 апреля 1769 года, которая имела громадное значение для дальнейшей истории Северного Кавказа. Хан Дондук Омбо одержал полную победу, но много кабардинцев погибло[19].

Вслед за этим к калмыкам присоединился с русским войском генерал-майор Де Медем, и все войска перешли за Кубань, где снова были разбиты кабардинцы. Отдельный отряд был послан на вершину реки Кумы, куда часть кабардинцев укрылась за последнее время, и, несмотря на сопротивление, разбил противника, взял много пленных, и много было убитых. Кабардинцы сдались и присягнули на подданство России, просили пощады. Эта победа сильно надломила сопротивление кабардинцев.

По вопросу о выбегавших для крещения холопах, который все так же оставался серьезным, было сделано распоряжение, чтобы не принимать выбегавших всех без изъятия и в некоторых случаях возвращать под разными предлогами, но чтобы это было делаемо в виде милости. Этим хотели до некоторой степени устранить повод к неудовольствию. С другой стороны, по кабардинским делам был назначен секунд-майор Туганов, внук Мусы-Мурзы, главного владельца салтано-ульскими татарами, которые составляют большую часть кабардинского народа. При сношении с кабардинцами Туганов мог принести своим влиянием большую пользу. Татары эти приняли подданство России еще в 1736 году, но в 1742 году опять ушли за Кубань.

Успешные военные действия калмыков и Де Медема имели следствием своим то, что абазинцы (алтынезек-шестиродные) и башильбаевцы просили принять их в подданство, к чему их побуждали и успехи русских в войне с Портою. Башильбаевцы были подвластны кабардинцам, и предположено было переселить их в Кошкатаевское ущелье по рекам Чегем, Черек и Урюх, чтобы они остались в России и по заключении мира с Портою, но кабардинцы, жившие там, заявили, что у них недостаточно пастбищ.

Еще со времени бунта Булавина на Дону за Кубань вышли донские казаки, называемые некрасовцы, потомки их частью проживают и теперь. Было очень важно привлечь их на сторону русского правительства, пользуясь теперь военными действиями с Портой, для чего Де Медем и послал к ним ротмистра Батырева, но посланному не удалось добраться до них, точно так же не допустили они к себе нарочных и в 1736 году, в ту войну с Портой, но все-таки удалось доставить им письмо, в котором от правительства обещано было им прощение за переход на нашу сторону. Некрасовцы поселились за Кубанью, близ города Копыла, который за неприязненные действия их в 1736 году был сожжен. Миссия Батырева успеха не имела, и ему ответили, что считают его за шпиона, и, если он еще приедет, то отправят его к крымскому хану.

Порта между тем старалась агитировать между кабардинцами, и удалось получить от кабардинского владельца Хасана Атажукина подлинный фирман[20] турецкого султана, призывавшего Кабарду к возмущению против России. Все эти происки, а с другой стороны, успешные военные действия русских разъединили кабардинцев, и снова возникли две партии: одна — та, которая уже присягнула и водворилась на прежних местах с владельцем Хасаном Атажукиным, а другая во главе с Джанбулатом Кайтуко, Хамурзы Арсланбековым, Мисостом Баматовым и Елбуздуки Конамитовым удалилась в кубанскую сторону. Но движение войск заставило скоро предводителей обеих партий присягнуть на подданство.

Так же поступили башильбаевцы, бесленеевцы, темиргоевцы и другие забуканские народы и татарские мурзы. А Мисост Баматов удалился в горы. Хотя такое выражение покорности часто бывало только наружным*, но решено было отказывать ввиду военных действий.

Волнения кабардинцев составляли большую помеху, особенно во время войны, тем более что на Кубани было недостаточно войск, а потому всячески старались приобрести доброжелательство со стороны видных и влиятельных лиц, и как, например, указано было генералу Де Медему на энергичного молодого Мисостова, но при ненадежности таковых людей предписывалось стараться действовать при «совещании кабардинских князей», «действуя внушениями и доказывая вредность замыслов этих отдельных непокорных лиц». Так было сообщено и приставу Туганову.

Желая не раздражать кабардинцев, велено было Де Медему оставить их в покое и направить свои силы против закубанцев, подвластных Турции, пользуясь, хотя притворною, покорностью кабардинцев. Де Медем в силу этого предполагал в соединении с наместником калмыцким снова двинуться за Кубань, но хан, вследствие раздоров с ним, ушел со своими калмыками за Волгу[21]. Зима приостановила дальнейшую экспедицию, и войска Де Медема были отозваны на зимние квартиры. Наконец обе партии, враждовавшие в Кабарде, решили принять предложение Де Ме-

* Так в тексте.

дема и послать в 1770 году посольство в Петербург в лице Корюка Татарханова и Джанхота Сидокова. Требования были те же, что в 1764 году.

А тем временем кабардинцы, подкрепленные Портой, возмутились и начали свои нападения, угрожая и Туганову, который должен был с командою выехать в Моздок. Участие калмыков и победа на реке Калаусе имели громадное значение, а движение войск за Кубань значительно обессилило кабардинцев. Но неожиданный уход калмыков и бегство хана Убаши за Волгу снова открыли кабардинцам дорогу в наши пределы, тем более что у Де Медема было только 2 тысячи войска, что было крайне недостаточно для обуздания кабардинцев, и это было причиной отхода Де Медема.

Узнав об этих обстоятельствах, кабардинцы в значительном числе собрались у Бештовых гор и на реке Куме. Хотя в сражении 4 октября наши войска одержали перевес, но преследовать неприятеля не могли по причине гористой местности. Этот уход калмыков произвел большое впечатление в Кабарде, ободрил закубанские народы, и Россия лишилась энергичных, смелых и надежных пособников в борьбе с кубанскими народами.

Но центральное правительство все-таки хотело и надеялось действовать на кабардинцев примирительно, и потому сделало уступки на представление посольства Татарханова и Сидокова. По докладу Коллегии иностранных дел последовал в 1771 году указ: во-первых, чтобы беглых холопов кабардинских вовсе не принимать, а возвращать в виде снисхождения; во-вторых, за каждого выбегающего из плена христианина платить 50 рублей, не различая пола и возраста, и затем согласно указу 1763 года направлять их во внутренние губернии; в-третьих, узденей кабардинских принимать, но с тем, чтобы они навсегда отказались от своих владений в Кабарде. В видах борьбы с торговлей невольниками указано, что плата за выбегающих производится только за тех, кто приобретен для собственных услуг, а за тех, которые приобретены для продажи, в случае их побега плата не дается.

В ограждение указанных прав владельцев дана была послам грамота. Но должного впечатления эти уступки не произвели, так как главным требованием и задачей послов было добиться уничтожения Моздока, о чем в грамоте не было сказано ни слова, а этим все мечты кабардинцев разбивались. Грамота при обсуждении на общем собрании кабардинцев вызвала большие разногласия и недовольство, и влиятельный князь Хасан Атажукин заявил: «Если таким образом быть под покровительством России, как калмыки, которых начали разорять, и они вынуждены были уйти из России, то и кабардинцы вынуждены будут уйти в горы».

В 1773 году присоединилось новое обстоятельство, способствовавшее усилению недовольства среди кабардинцев. Дело в том, что у кабардинцев в числе подвластных им народов были ингушевцы. Вследствие притеснений и даже разорений со стороны кабардинцев ингушевцы отложились от них и просили у генерала Де Медема защиты и покровительства. Де Медем, видя в этом средство для обессиления кабардинцев, поставил караулы для защиты ингушевцев и донес о ходатайстве их. Явившиеся кабардинцы доказывали, что ингушевцы всегда были в их подданстве и платили им дань, а ингушевцы утверждали, что, хотя они платили кабардинцам с каждого двора по барану или железа на одну косу, но что это было временно и подданными их они себя никогда не признавали, а особенно теперь не желают, когда приняли подданство России и многие уже приняли христианство.

Де Медем принял сторону ингушевцев, и кабардинцы остались крайне недовольны; владельцы их прислали Де Медему письмо с решительным требованием освободить 12 человек, захваченных в 1772 году, в противном случае они не признают себя подданными России, и «хотя по слабости своей они вредить России не могут, но уповают на всемогущего Бога, и что, если напрасно сносить нападки, то человеку лучше принять смерть».

Таким образом, занятие Моздока повело к целому ряду осложнений с кабардинцами и сопровождалось кровавыми столкновениями. Но, несмотря на все усилия Турции и крымского хана, возбуждавших кабардинцев чрез своих эмиссаров, русское правительство не отступало от решимости как закрепить за собою Моздок, так и вести линию укреплений далее. Линия должна была пройти от Моздока чрез реки Золку, Куму, по верховьям Карамыка, Томузлова, Буйволы, Калауса, около Черного леса и вниз по Большому Егорлыку до Маныча, а затем в направлении на крепость святого Дмитрия к Азову. Предположено было закончить построение крепостей в 1777 году.

Постройка шла под постоянным напором со стороны кабардинцев, но шла успешно, несмотря на малочисленность русских войск. Воздвигнуты крепости: Моздок, Екатериноград, Марьинская, Павловская, Георгиевская (ныне город Терской области), Андреевская на реке Сабле, Александровская (селение Ставропольской губернии Александровского уезда), Северная, Московская, Донская и, наконец, Ставропольская в 1777 году; а в 1778 году Большая Кабарда покорилась, границей ее была признана река Малка, а все земли на север от рек Терека и Кубани до Маныча отошли к России.

* * *

Правильное и массовое водворение русских людей на Северном Кавказе началось в царствование Екатерины II. Правительство Екатерины II хорошо понимало, что, как бы ни были успешны войны с воинственными соседями, с Персией и, главным образом, с Турцией, но пользоваться плодами этих побед, удержать отнятые земли можно только путем водворения на этих землях мирного

населения и созданием условий гражданского порядка. Задача эта ясно и определенно была поставлена в отношении Северного Кавказа, и к выполнению ее приступили во всеоружии.

В силу этого вслед за созданием крепостей, образовавших линию от Моздока до крепости Святого Дмитрия (ныне Ростова) и Азова, правительство стало заботиться о колонизации края. Десять сильных по тогдашнему времени крепостей на этом пространстве хотя и составляли оплот и создавали «границу», но промежутки между ними были так велики, что давали возможность свободного прохода неприятельским отрядам необыкновенно подвижного горского населения.

По отдаленности от внутренней России содержание крепостей стоило страшно дорого, и полное обеспечение в продовольствии по тому времени почти было невозможно. Вот это и требовало постройки других между крепостями меньших укреплений и создания мирного населения, хозяйственное обзаведение которого обеспечивало бы продовольствие войск. Доставка провианта — это был самый существенный и больной вопрос всех военных операций на Кавказе в то время. И вот, пользуясь впечатлением успехов войны и закончив линию крепостей с необыкновенной быстротой, Екатерина отдельным указом объявляет о переселении на Кавказ. Благодаря талантливым своим сподвижникам Екатерина могла в короткий промежуток времени, с 1781 года по 1784 год, видеть новый край заселенным на громадном пространстве.

Несомненно, что самое устройство каждой крепости уже привлекало население и давало хотя небольшой контингент лиц, создавших под прикрытием крепости мирное поселение, форштадт. Такой поселок, например, возник около крепости № 8 и затем вырос в город Ставрополь. Но это были маленькие ячейки, по условиям военного времени не всегда допустимые, и они не могли, за некоторыми исключениями, развить своей хозяйственной деятельности. Нужно было крестьянское население.

Несмотря на огромное пространство, которое должны были пройти переселенцы, отсутствие дорог и всевозможные затруднения, какие неизбежно должны быть в таком огромном деле, как массовое передвижение поселенцев, самое переселение шло довольно гладко. Это обстоятельство необходимо отметить, тем более что отряды переселенцев, как увидим ниже, составлялись не из одной какой-либо местности, а из всех углов России. И каждый новый пункт, поселенный здесь, имел очень пестрый состав населения.

В деле саратовского и кавказского генерал-губернатора за 1787 год за №607 имеется крайне интересная ведомость о переселенцах. Ведомость эта составлена «генерал-поручиком Павлом Сергеевичем Потемкиным, правящим должность саратовского и кавказского генерал-губернатора, действительным камергером, Кавказского мушкетерского полка шефом», как значится в заголовке[22]. Хотя мы и не имеем сведений о составе поселенцев, пришедших ранее 1782 года, но эта ведомость, говорящая о переселенцах к моменту открытия Кавказского наместничества, то есть к 1785 году, дает полное основание заключить, что и ранее пришедшие представляли из себя ту же смесь.

К 1784 году уже были из переселенцев образованы следующие 14 сел: Михайловка, Пелагиадское, Надежда, Высоцкое, Александрия, Благодарное, Покойное, Федоровка, Обильное (в нынешней Ставропольской губернии); Незлобное, слободы: Курская, Государственная, Прохладная, село Малка (в нынешней Терской области). Таким образом, был охвачен громадный район от реки Ташлы и Ставрополя до реки Терека и на восток до нижнего течения реки Кумы. В эти четыре года было передвинуто около 51915 мужчин и 15653 женщин, а всего 67568 душ обоего пола.

Рядом с этим указом, но несколько ранее, 22 декабря 1782 года, Екатерина предоставляет князю Потемкину право раздавать земли для поселения по Моздокской линии. Наконец последовал 5 мая 1785 года указ Екатерины II об учреждении Кавказского наместничества, причем образованы были в Кавказской области 6 уездов: Георгиевский, Екатериноградский, Кизлярский, Моздокский, Александровский и Ставропольский. Ставрополь назначен уездным городом, а Екатериноград — губернским. Сюда вошли две области: Астраханская и Кавказская, и из последней постепенно выделяется Ставропольская губерния. Повелено было от Кавказской линии до Черкасска построить почтовые дворы, и тем положено начало так называемому Черкасскому тракту чрез Ставропольскую губернию, следы которого в виде каменных верстовых столбов сохранились до сих пор.

Передвижение в таком порядке продолжалось и далее, и с открытия Кавказского наместничества до начала XIX века открыто было 47 сел с населением в 67568 душ обоего пола. Вот из этой-то ведомости мы и можем почерпнуть крайне интересный материал о составе передвинутого на Кавказ населения.

Прежде всего надо сказать, что поселенцы были взяты из губерний: Харьковской, Курской, Пензенской, Азовской, Воронежской, Рязанской, Тульской, Калужской, Симбирской, Ярославской (цыгане), Нижегородской, Екатеринославской, Казанской, Орловской, Киевской, Саратовской, Владимирской, Черниговской, Вологодской, Московской, Петербургской, Новгородской, Могилевской, Костромской, Смоленской и Тверской. Таким образом, сюда вошли представители всей России, не исключая и некоторых инородцев.

Затем между ними были: малороссияне, однодворцы, отставные гусары, экономические крестьяне, отставные солдаты Кавказского корпуса, дети их, крестьяне дворцовые, крестьяне казенных ведомств, цыгане, отставные солдаты (тульские), люди «неразрешенных званий», солдаты разных наместничеств, бывшие запорожцы, зашедшие разночинцы, курские войсковые, киевские разночин-

цы, казанский поляк, смоленские разночинцы, непомнящие родства, киевские подсудимые, черниговские подсудимые, саратовские колонисты, преступники-малороссияне с Дона, московские разночинцы, татары, ясачные люди, киевские казаки, харьковские поселяне, могилевские разночинцы, крещеные татары, крещеные чуваши, вятские заводские крестьяне, пахотные солдаты.

Этот пестрый состав и лег в основу населения нашего края и нынешней Ставропольской губернии. Если исключить из этого состава весьма небольшое число «сумнительных людей», как они по ведомости значатся, то, в общем, первый прилив состоял из самых трудоспособных людей, что и показали они по водворении на месте. Что касается «сумнительных людей», то, вероятно, это относится к «малороссийским преступникам с Дона», к тем, кто участвовал в Булавинском бунте[23].

Расселение на месте происходило довольно своеобразно. Селили всех понемножку, и каждому селению давали поселенцев всех родов. Например, селение Федоровка на Куме: однодворцев Харьковской губернии — мужчин 99, женщин 85; Орловской — 8 мужчин, 4 женщины; Воронежской — 144 мужчины, 140 женщин; Екатеринославской — 47 мужчин, 31 женщина; малороссиян Черниговской губернии — 24 мужчины, 12 женщин; Киевской — 23 мужчины, 15 женщин; Новгородской — 7 мужчин, 3 женщины; Саратовской — 20 мужчин, 12 женщин; бывших запорожцев — 9 мужчин; зашедших разночинцев — 194 мужчины; Тамбовской — 30 мужчин; курских однодворцев — 1; Владимировского [наместничества]: экономических — 5 мужчин, 9 женщин; курских войсковых — 89 мужчин, 89 женщин; киевских разночинцев — 14 мужчин; казанский поляк — 1 мужчина; всего — 715 мужчин, 400* женщин. Или село Михайловское (Ставропольского уезда): Курского [наместничества]: однодворцев — 1492 мужчины, 1106 женщин; отставных солдат — 5 мужчин, 5 женщин; цыган — 8 мужчин, 10 женщин; Тверского [наместничества]: экономических — 1 мужчина, всего 1506 мужчин и 1121 женщина. Или селение Обильное: Тамбовского [наместничества]: однодворцев — 149 мужчин; казенных крестьян — 35 мужчин; отставных солдат — 2; Пензенского [наместничества]: казенных крестьян — 128, однодворцев — 636, татар — 5, дворцовых — 3, отставных солдат — 1; Курского [наместничества]: экономических — 318, Тульского (то же) — 86, рязанских однодворцев — 48, всего — 1411 мужчин и 822 женщины.

Самое видное место между переселенцами занимают так называемые однодворцы. Они составляют почти 50% всего числа переселенцев. Необыкновенно удачно был сделан выбор и отдано предпочтение пред другими этой части охотников. Однодворцы, несомненно, представляли из себя более развитых и культурных людей сравнительно со всеми остальными. И в служилом отношении были более приспособленным элементом.

Придя на новые места, они здесь явились культурными пионерами. Из обозрения дел архива Ставропольской казенной палаты видно, что им принадлежит первоначальное устройство водяных мельниц, прудов, колодцев, фруктовых садов, устройство других хозяйственных обзаведений в глухой степи, которые оживляли край. Они шли впереди хозяйственной и промышленной жизни края.

Однодворцы были грамотны, и в то отдаленное и глухое время в семьях их можно было встретить даже гражданскую книгу, составлявшую редкость и среди городского населения России. В семьях их сохранились по наследству разные интересные рукописи. Как грамотные и более развитые люди, они несли общественные должности и являлись первыми учителями народа, собирая детей для обучения грамоте. Первая школа грамоты возникла у нас среди них. Однодворцам наш край много обязан своим развитием. Как велико было число их среди переселенцев, видно из того, что в селе Пелагиаде их значится 1492**, в Михайловке — 1635, в других было 800 и так далее. И в каждое село, за исключением трех-четырех, включены и однодворцы.

Надо сказать, что под однодворцами разумеется класс людей, образовавшийся из служилых людей, детей боярских и преимущественно низших разрядов — казаков, стрельцов, рейтаров[24], драгун[25], солдат, копейщиков[26], пушкарей, затынщиков[27], воротников[28] и засечных сторожей, селившихся в XVI и XVII веках на восточной и на южной границах Московского государства для защиты его от ногайских и крымских татар. Эти служилые люди с течением времени стали за службу свою получать от правительства поместья и по незначительности их селились на этих участках одним двором, почему при обращении в гражданское состояние получили название «однодворцев».

Нельзя сомневаться в том, что пестрый состав населения каждого нового села являлся следствием известного рода политики, и с этою же целью в каждый крупный пункт включали преобладающее число однодворцев, составлявших почти служилый элемент.

* * *

Жизнь переселенцев сложилась крайне своеобразно в новых местах. Серьезной особенностью новых поселений и их больным местом было следующее. Хотя колонизация края и была начата правительством в расчете на мирный характер поселения, но все же постоянные набеги и наступательное движение наших войск требовали, чтобы водворяемое население было более подвижным. Вот с этой

* Исправлена опечатка — 433. Цифра восстановлена по ведомости (см. примечание 22).
** Исправлена опечатка — 1492. Цифра восстановлена по ведомости (см. примечание 22).

целью старались по возможности ограничивать число женщин, и мы видим, например, что в селе Пелагиаде на 1668 мужчин только 973 женщины, считая в том числе, конечно, и детей, в Благодарном на 180 мужчин 94 женщины, в селении Малка на 609 мужчин 110 женщин, и такое несоответствие замечается в каждом селе. А если присоединить войсковые части в крепостях, то получится совсем незначительное число женщин сравнительно с мужчинами среди пришедших в новый край.

Это обстоятельство вело ко многим неудобствам и помимо всего другого способствовало возникновению крайне несоответственных браков по возрастам мужчины и женщины; браки совсем старика с очень молодой девушкой, не достигшей и 16 лет, были обычным явлением очень продолжительное время на Северном Кавказе.

К тяжелым условиям жизни первых поселенцев надо присоединить и отсутствие у них первое время церквей. Существовали, очевидно, какие-то опасения, что население не в силах будет поддерживать церкви и духовенство, а может быть, были и опасения за прочность приобретения края. Но будущее не оправдало этой странной осторожности. И только благодаря усиленному ходатайству князя Павла Сергеевича Потемкина было разрешено строить церкви, но лишь в тех селах, в которых было не менее 500 душ мужского пола.

После первых неудач хозяйство переселенцев стало налаживаться, и в особенности теплые зимы способствовали разведению скота. Это совершенно преобразило хозяйство и явилось серьезным подспорьем в хлебопашестве, дав возможность иметь рабочую силу. С каждым годом более упрочивалось положение поселенцев и росло их благосостояние. В особенности хорошие условия жизни оказались в долине реки Кумы, и жители получили прозвище «хлебные мужики». Все больше и больше отодвигался театр военных действий, и река Кума с ее притоками была уже вне всякой опасности.

* * *

В западной части Кавказа были другие условия. Движение отрядов войск в горы требовало, чтоб на месте были подвижные, способные так же быстро собраться, как и горцы; нужно было население, которое всегда было бы под ружьем и само себя охраняло бы. Возникает в правительстве мысль об образовании казачества на линии такого же, каким было Терское войско и войско Черноморское. И вот последовало распоряжение об обращении в казаков тех четырнадцати сел и слободок, которые были основаны с 1781 года по 1784 год, а именно: Михайловка и другие (см. выше). Не ожидали этого поселенцы и не думали, когда шли по вызову на Кавказ, что будут под ружьем. Некоторые из них вошли в состав знаменитого в истории нашего края Хоперского полка казаков, ранее пришедших с Дона (к 1778 году).

Настало снова тяжелое время для поселенцев. Совсем они не были приспособлены к такой службе, не были они похожи на джигитов. Их одели в черкесский костюм, но боевого вида у них не было: они отрастили себе животы, и, перетянутые узким ременным поясом, они резко обнаруживали свое «пузо» и получили обидное прозвище «чига пузатая», за которое впоследствии линейный казак обнажал кинжал. Много горя претерпели «новые казаки», пока они постигли «казацкую ухватку» и избавились от названия «мужичье».

Казацкая служба была тяжелая, и часто поголовно шли они в походы, а дома оставались жены и дети. Вся та работа, которая была прежде и в поле и дома, уже стала не под силу одной женщине, и хозяйство сократилось.

Этим обстоятельством объясняется то, что в хозяйственном отношении эти 14 станиц отстали от остальных, возникших одновременно. И только с конца 1869 года, когда снова они были обращены в «мужиков», эти казаки начали расширять свое хозяйство, а не жить изо дня в день по казачьему положению; станицы эти в Ставропольской губернии: Михайловская, Надежда, Сергиевка, Татарка, Бешпагир, Старомарьевка, Александровская, Круглолесская, Чернолесская, Спицевка, Пелагиада и Северная.

Такая ломка в строе жизни, несомненно, отражалась на экономической жизни края, но к чести населения надо сказать, что оно показало себя достойным как в военном деле, так и в бытовом, хозяйственном. Из простого тяжелого «мужика» быстро выработался «линейный казак», храбрость, отвага и молодечество которого составили ему неувядаемую славу в тяжелой шестидесятилетней войне с горцами, и, снова взявшись за плуг, он сделал Северный Кавказ житницей России.

* * *

Сведения о дальнейшем переселении мы имеем из дел Ставропольского губернского архива, но, к сожалению, там уже не указан с такой подробностью состав населения, и мы можем только привести время возникновения селения[29]. Старейшими селами являются: Надежда, Михайловка, Старая Марьевка, Пелагиада, Благодарное, Покойное, слобода Новогригорьевская на реке Куме (Святокрестовского уезда), село Сергиевское, Петровское, Донская Балка, Калиновское, Прасковея, Новоселицы, Обильное, Нины, Новозаведенное, Маслов Кут.

Часть населения вошла в состав Кубанской и Терской областей, но главная масса образовала нынешнюю Ставропольскую губернию. Так постепенно собиралось население Ставропольской губернии.

* * *

Говоря о препятствиях, которые встречало на своем пути заселение Северного Кавказа, нельзя не упомянуть о событии, которое снова угрожало оторвать этот край от России и прекратить водворение здесь русских. Дело в том, что горское население при всех своих военных качествах и своей подвижности действовало разрозненно, и шли у них постоянные соперничества между отдельными влиятельными владетелями и целыми племенами, что, естественно, отражалось на самих военных предприятиях и создавало слабую сторону сопротивления.

Но вот в 1787 году появилась за Тереком загадочная личность, пророк шейх Мансур, который своею пламенной проповедью взволновал горские народы, объединил их и создал грозную силу для борьбы с Россией. Первоначальные военные успехи шейха Мансура вскружили голову всей Чечне и Кабарде, и не было недостатка в военных отрядах. Мансур двинулся на Кубань, проходит чрез Ставропольскую губернию, берет селение Новоселицы, громит крепость Донскую (седо Донское), доходит до города Александрова (ныне селение), идет в направлении к Ставрополю, осаждает укрепление Темижбека (ныне станция Ставропольской железной дороги) и мечтает даже идти на Астрахань. Но судьба распорядилась иначе. Разбитый, он бежал в турецкую крепость Анапу, где и был взят в плен русскими при взятии Анапы в 1791 году[30]. Это движение было особенно опасно для начавшегося переселения и могло быть роковым для будущего, разрушив все созданные планы.

Благоприятным обстоятельством для заселения нашей губернии было водворение Запорожского войска в западной части Северного Кавказа, которому в 1793 году были пожалованы земли от Кубани вдоль берегов Азовского моря, из которого образовалось впоследствии Черноморское войско. Это казачество служило охраной края от закубанских черкесов и давало возможность для поселения мирных жителей, оберегая границу, так как до этого времени огромные пространства по правому берегу Кубани все же были открыты для нападения, хотя и были возведены ранее укрепления от Темижбека вниз по течению Кубани. Дело это было выполнено знаменитым Суворовым, и память его осталась в собственноручно составленной им карте, где линия доведена от Усть-Лабы до Темижбека.

* * *

Широкий земельный простор давал возможность не стеснять переселенцев в пользовании земельными угодьями, и каждое село захватывало пространство без отмежевания, выбирая границами своего впадения или юрта[31] земельного какие-либо урочища или курганы, нисколько не соображаясь с числом населения села, а думая только о большем просторе, так как вся забота первых поселенцев была обращена на разведение скота.

Такой способ завладения земельными угодьями очень скоро повел к целому ряду недоразумений, споров и даже открытых столкновений, как между отдельными лицами, так и между целыми обществами. К этому присоединилось еще и то обстоятельство, что казачьи станицы считали иногда известные места полевые, главным образом сенокосы и пастбища, принадлежащими им, считая их полковыми, а потому, естественно, приходили в столкновение с «мужиками», включавшими их в свой надел. Появилась чересполосица владения и вела к столкновениям.

Власти были завалены разного рода жалобами, тем более трудными, что к разрешению их, собственно говоря, не было никаких оснований ни у той, ни у другой стороны. В силу этого возник сам собою вопрос о генеральном межевании на Кавказе, так как и остальные земли вне этих широких завладений подвергались захвату. Но, несмотря на все представления кавказского начальства, как главнокомандующего Ртищева, губернатора Малинского и даже такого влиятельного и энергичного кавказского деятеля, как генерал А.П. Ермолов, разрешение этого вопроса в Петербурге не подвигалось. Ермолов в 1816 году сделал интересное и весьма обстоятельное представление по этому поводу, нарисовал тяжелую картину неустройства, создаваемого сложившимся положением, но и это ходатайство не имело успеха[32].

Надо думать, что помимо недостатка землемеров для выполнения этой огромной работы препятствием служило еще и то, что в высших сферах, очевидно, не пришли еще к решению в отношении самого способа землевладения и землепользования для кавказского крестьянского населения и потому не решались приступить к такой серьезной мере. Из длинной переписки того времени по этому вопросу можно с положительностью прийти к такому заключению: не знали, на каком праве предоставить крестьянам землю.

Рядом с этим возникла тенденция — создать дворянское землевладение на Кавказе и в Ставропольской губернии и с этою целью предоставлять огромные пространства, так называемые «дикопоросшие земли», в частное владение под условием заселить эти земли крестьянами. Многие помещики и другие служившие на Кавказе лица, имевшие крепостные души внутри России, стали переводить своих крестьян на Кавказ и образовали целый ряд населенных имений с небольшим числом душ, но с большим земельным запасом. Условия приобретения были очень льготные, и в разных местах губернии образовались помещичьи хозяйства.

На Кавказе не было крепостного права, но путем переселения крепостных душ из России создались и здесь крепостные отношения и повели в некоторых местах к большим осложнениям[33]. Эти возникшие имения тщательно обмерялись землемерами, на них составлялись планы и межевые книги, и они закреплялись за владельцами бесповоротно. Но вопрос об общем межевании оставался все в том же положении.

* * *

Говоря о заселении Ставропольской губернии, нельзя не упомянуть о «непомнящих родства». Лица с таким наименованием обнаружились на Кавказе очень давно. Вскоре по возникновении города Ставрополя стали встречаться сведения в делах о задержанных беспаспортных, называвших себя непомнящими родства. По мере того, как доступ на Кавказ облегчался, число таких лиц увеличивалось, и они сыграли довольно видную роль в заселении нашего края.

Отсутствие паспорта и неизвестность их прошлого ставило их в разряд подозреваемых в совершении какого-либо преступления, их считали бродягами, и закон сурово карал их. Бесправное положение этих людей создавало им тяжелую жизнь, и, конечно, многие из них становились на преступный путь, но некоторые вели жизнь безупречную, имели семью, хозяйство и все-таки оставались в тяжелых условиях, так как приписаться к какому-либо обществу не могли по неимению документов о их личности. Каждый шаг для них была тревога, и тот жил свободно, кто мог заплатить (по тогдашнему времени «дать червонец»).

Конечно, на душе у каждого был «грех», так как почти все они были беглые крепостные, ушедшие в широкие степи Кавказа от помещичьей неволи. Все они в случаях задержания не обнаруживая своего действительного происхождения и места жительства, назывались Иваном непомнящим родства, выбирая это имя ввиду того, что празднуется этот святой* 64 раза в год, и, говоря наудачу день своего рождения, рассчитывали, что на какого-нибудь Ивана попадет.

Зная в большинстве случаев причину скрывательства подобных лиц, население сочувственно к ним относилось, и они всегда находили приют, особенно казаки были в этом отношении отзывчивы к положению их. Очень часто из России присылались запросы с указанием о нахождении беглых крепостных и о присылке их по этапу, но всегда получались отрицательные ответы, точно так же, как и в случаях посылки отдельных искателей: раз ступив на казачью землю, такой Иван делался свободным и зачислялся в казаки.

С присоединением Анапы открылись новые места и доступ к морю, и ватаги для ловли рыбы стали наполняться такими Иванами. С течением времени и власти в видах колонизационных стали снисходительнее смотреть, и приписка совершалась иногда без соблюдения формальностей. Много ютилось таких Иванов по реке Куме в Кутах (Фролов Кут, Маслов Кут — села Ставропольской губернии Федоровка и Стародубка), основывали они и поселки, назывались просто бурлаками (селение Бурлацкое), и в старых метрических книгах церкви Бургон-Маджары, построенной в 1796 году, они и в записях значатся бурлаками, не имея другого звания. Такие записи идут до 1825 года, после чего они именуются крепостными помещика Скаржинского.

С учреждением города Ейска в 1848 году открывался новый доступ для всех этих Иванов в черноморские степи и к Азовскому морю, а вместе с тем явилась и возможность получить и законное легальное существование благодаря объявленным льготам по приписке и снисходительному отношению по исполнению всех формальностей[34]. Целый ряд дел Ставропольского губернского архива и дела Ейского архива о приписке дают богатый и весьма интересный материал по этому поводу.

Но, несмотря на временные и случайные облегчения, какие выпадали всем этим «вольным» людям, крестившим себя Иванами, положение их, в общем, оставалось тем же тягостным, и только в 1872 году последовало высочайшее повеление, разрешавшее Иванам непомнящим свободно приписываться к обществу, чем и положен был конец их беззаконному существованию.

* * *

В истории заселения нашего края надо отметить еще одно интересное явление. Прилив поселенцев из внутренней России увеличивался с каждым годом, причем он шел, так сказать, разными путями. Одни переселенцы набирались по вызову, шли в том или ином порядке и размещались по приходе на места по указаниям властей; другие шли за ними на свой страх и риск, но вне первой волны, и занимали места под поселение по своему усмотрению, где-нибудь подальше от занятых уже пунктов, считая эти земли свободными и не справляясь с общим распределением заселения. Эти поселенцы образовывали небольшие поселки, но очень скоро к ним прибывали другие, такие же нерегистрованные, поселок разрастался, и возникало целое село (даже с церковным звоном и захожим священником), неведомое для властей. Такие села возникли по Царицынскому тракту нынешнего Благодаринского уезда и на землях Кубанского войска в глухих, но привольных местах.

---

* Так в тексте. Имеются в виду дни празднования памяти святых.

Но время шло, и обнаруживалось, что села эти стоят на чужой земле, уже ранее отведенной или в частную собственность, или земля казачья, или казенная. Поселенцев таких называли «дурноселами», и против них воздвигалось гонение и со стороны властей, и владельцев земель вплоть до снесения их домов и уничтожения селения. И шли дурноселы опять в поиски места и примыкали к тому или другому осевшему прочно пункту, но уже не попадая в число его первоначальных жителей и не имея права на землю.

Надо сказать, что, хотя давался простор поселенцам, но все же намечался размер земельного надела в 15 десятин на душу. Доходила эта норма и до 30 десятин, а казаки требовали себе 100 десятин на душу, но тем не менее первоначально осевшее население считало за собою право на всю занятую ими землю, и всякий пришедший потом считался уже чужим, бесправным, и на прием его требовалось согласие общества, и особенно в отношении пользования землей. В таком положении оказались дурноселы, а затем и те, кто приходил из России впоследствии. Все эти лица уже встречались враждебно, и из них вырос постепенно огромный контингент населения под названием «иногородних», не имевших права на владение землею.

* * *

Иногородний вопрос для Северного Кавказа сделался весьма настоятельным и принял крайне острый характер, в особенности в последнее время. Все это, конечно, создавалось условиями малоземелья внутри России, откуда с каждым годом все больше и больше шли крестьяне, бывшие крепостные, дворовые и так называемые получившие четвертной надел при освобождении. Проведение Владикавказской железной дороги еще более усилило прилив.

Местное население относилось [к этому] первое время снисходительно и даже к летним работам с нетерпением ожидало прихода «рассейских» убирать хлеб, так как с расширением запашки своих рук не хватало для уборки и цены на рабочие руки сильно поднимались, доходило в то время до 12 рублей в день (мужчины и женщины). Пришедшие успевали отработаться здесь, особенно на косовице, и уходили ко времени уборки хлеба в свои места.

Такое колебание — прилив и отлив — было до 1873 года, а с этого времени заметно стал оседать этот пришлый элемент, и из пришедших на отхожие промыслы стали обращаться эти пришельцы в постоянно живущих. Первое время ж это не смущало местное население и казаков, так как это были люди, мирившиеся со всякими условиями жизни, неприхотливые, дешево работавшие и оказывавшие большие услуги местному хозяйству. Земли они приобретать не могли и даже жили по чужим хатам, не имея права в казачьих областях купить дом и обзавестись собственной усадьбой, да то же было и среди крестьян Ставропольской губернии. Местное население всячески извлекало пользу из этого бесправного положения людей. Постепенный прилив иногородних сказался на размерах запашки и количестве хлеба в крае, так как за счет местного жителя севший при нем иногородний распахивал землю, сеял хлеб и только прикрывался именем своего «хозяина». Это были древние «захребетники», в силу нужды все свое добро вверявшие своему покровителю, без которого они не могли держать ни одной скотины, ни лошаденки на общественной земле.

Сказалось оседание этих бесправных людей и на промышленной жизни края. Многие из них были мастеровые, плотники, бондари, колесники, кузнецы, шубники, полстовалы и тому подобные, и сразу рынок обогатился предметами, в которых чувствовалась большая потребность, но которых было недостаточно, и сырье — шерсть, овчины, лес и прочее — получило более широкое применение. Словом, край заметно стал оживляться, тем более что значительная часть из пришедших занялась торговлей вразнос по ярмаркам и базарам, куда они привозили дешевые ситцы, полотна и другие ткани из фабрик внутренней России и крестьянские изделия. Доставляли бакалею и мелочной товар, дешевую, но блестящую галантерею: все, от иголки, пуговицы, ниток и блестящих дутых стеклянных бус (монисты), все это было в коробах владимирцев, ярославцев, костромичей и других бойких ходебщиков — торговцев, именовавшихся «офеня». Население с восторгом и умилением смотрело на все это богатство, в особенности женский элемент, и в покупателях не было недостатка.

В раскинутых однобоких палатках на ярмарках таких торговцев всегда был народ и не было отбоя от покупателей на вяземские пряники и орехи и на всякую галантерею. Шел торг и вразвоз. Сидит офеня на большой русской повозке, запряженной в одну рослую крепкую лошадь, а повозка у него — та же лавка: здесь все имеется, чем можно заманить местную девицу и хозяйственную молодицу, — а для приманки на небольшом поднятом шесте офеня выставит яркий красный платок... И идет торг главным образом в обмен хлеба, в чем и девчата и молодицы не скупятся. Берет офеня и щетину, и грязную шерсть овечью, и «охвостье», и шкуру с павшей коровы, и маленькие смушки овчины с недоносков ягнят.

Пришли бабы ярославские с полотнами, миткалем и кружевами и сарептской сарпинкой; появились калужане-каменщики, а за ними половые и харчевники, появился трактир и загудел орган. Коробейник-офеня приютился в станицах и селах Ставропольской губернии, и среди камышовых крыш местных жителей весело стали выглядывать зеленые железные крыши лавок офеней с красным товаром[35]. Воздвиг офеня амбар, поставил весы и начал ссыпку хлеба. И вырос офеня в «ка-

питального» мужика, к которому пошли на поклон местные хозяева «позычать» на уборку хлеба и на нужды «грошей». Охватил офеня Кубанскую область и Ставропольскую губернию, заглянул и в Терскую область, но дальше не пошел.

Тут стали «паны» землю продавать, которая была им высочайше пожалована, а хозяйства у них на ней не было, и офеня прикупил земли, хозяйство на участке повел, а торговлю все же не бросал, и работали у него девчата и молодицы, зарабатывали хлеб те, кто раньше на пряники да на монисты ему хлеб меняли. Стал офеня ездить на тачанке да на дорогих лошадях. Потянулись с Таврии и овцеводы-молокане[36] на свободные панские земли. Участки стали быстро переходить в новые руки, выросли в степи богатые «экономии», десятки тысяч овец оживили обширные пространства, поросшие богатейшей травой. Шленка[37] запестрела по всей Кубанской области и Ставропольской губернии. И на место прежних «панов»-генералов, штаб- и обер-офицеров — стали новые хозяева землевладельцы-тавричане, располагавшие участками в несколько тысяч десятин.

Так вырос из маленького захудалого крестьянина-захребетника под боком у казака иногородний, достигший в одной Кубанской области 1242750 душ обоего пола, а со Ставропольской губернией составлявший 2 миллиона душ обоего пола[38]. В 1878 году было в области 628642 душ обоего пола казачьего населения, и к 1905 году оно увеличилось в 1,94 раза, а иногороднее увеличилось в 11,09 раза.

Какое огромное значение имели иногородние в жизни края, можно видеть из следующей таблицы:

Годы	Число иногородних обоего пола	Всего собрано четвертей хлеба	Всего усовершенствованных земледельческих орудий
1890	777504	6978774	74327
1891	864254	9010917	89215
1892	867020	12406211	134798
1893	895751	13175608	129469
1894	942221	11073985	138137
1895	983799	11930611	186648
1896	1141707	11727537	199639
1897	1059469	9321867	195402
1898	1059272	10920 942	227130
1899	1067046	9839 968	228824
1900	1085583	11371193	263264
1901	1110549	16243445	283839
1902	1162331	16354662	322394
1903	1200673	12761833	343393
1904	1242750	15273480	454774

Для большей убедительности возьмем количество четвертей, собранных в 1904 году зерновых продуктов, и, вычитая из него то количество, какое необходимо для продовольствия самого населения (считая по 3 четверти на душу в год с обсеменением, то есть 6744600 четвертей), и избыток хлеба, могущий идти на рынок, определится в 8448821 четверть. А число тонкорунных овец-шленка достигало в 1901 году 1631961 штука, а раньше их не было ни одной.

Но, конечно, не все иногородние достигали того благополучия, какое выпало на долю других, и масса осталась все же бесправной и безземельной, что послужило к тому разъединению, которое сказалось между местным населением и пришедшими, которых первые сначала так охотно приютили у себя. И вот начинается ряд прискорбных столкновений между отдельными лицами и целыми группами и даже ряд ходатайств об удалении иногородних с войсковой территории. Начальство, стоявшее сначала за расширение прав иногородних по приобретению недвижимых имуществ в станицах, также впоследствии склонилось на путь ограничения их.

А коренное население объявило открытую борьбу иногородним, доходившую до насилия и даже убийств. Боролись всеми средствами: повышали арендные цены, увеличивали «посаженные деньги» за

пользование занятой усадьбой (по 3 рубля и по 5 рублей за квадратную сажень — Тихорецкая и хутор Романовский), ограничивали право делать исправления, перестройки в домах, отняли право активного участия на общественных сходах, лишили их права пользоваться школою, аптекой, фельдшерской помощью, хлебозапасными магазинами, даже доходили до недоразумений из-за посещения церквей.

Начальство казачье даже усмотрело вредное, разлагающее влияние иногородних на казаков и решило принять меры к сокращению наплыва иногородних. Рядом с этим приступили к взысканию недоимки «посаженной платы», которая накопилась в большом размере благодаря снисходительному отношению станичной администрации в первое время, и строения назначались в продажу, причем бывало, что взыскания в несколько раз превышали стоимость самых построек. Наконец, предъявлялись иски о сносе построек, капитально построенных и стоивших иногда десятки тысяч. Все это шло наряду с явными доказательствами громадной пользы, какую принес прилив иногородних краю. Все это типично вылилось в Кубанской области, но то же было и в Ставропольской губернии, хотя здесь благодаря однородному населению — все крестьяне — скорее достигалось соглашение и борьба принимала менее острые формы, наименьшее число иногородних делало их менее устойчивыми в борьбе.

Вражда же между казаками и иногородними доходила до крайних размеров. Иногородние энергично отстаивали свои права, и даже в правительственных сферах одно время возник вопрос о переселении Кубанского войска на другие места, к границе, ссылаясь на военные соображения, и сторонники иногородних горячо поддерживали это настроение. Эти слухи возбудили сильное волнение среди казаков, и дело не обошлось без некоторых выступлений со стороны их.

Учреждение Крестьянского банка способствовало упрочению иногородних в крае, так как они могли приобретать свободные частновладельческие земли, «панские», офицерские. И по данным этого банка, с 1897 года по 1905 год было куплено при его посредстве 60905 десятин, да надо помнить, что при посредстве других крестьянских учреждений и за свой счет (в Ставрополе широко все эти операции вела банкирская контора М.В. Попова) было куплено столько же. Эти земельные владения расширялись за счет тех земель, которые были пожалованы в надел офицерам и чиновникам Кубанского войска в количестве 420495 десятин, да, кроме того, по отдельным указам 532407 десятин. Значительная часть этих земель перешла к крестьянам, конечно, в известном числе иногородним. Но в 1905 году в Кубанской области было до девятисот тысяч душ иногородних, необеспеченных в земельном отношении[39].

×àñòü 2. Õîçÿéñòâåííàÿ ñòîðîíà æèçíè ãóáåðíèè

Хозяйственная жизнь находится в тесной связи с бытом населения, а потому, говоря о ней, неизбежно приходится останавливаться на тех условиях, при которых приходилось поселенцам создавать свое хозяйство. Эти обе стороны жизни взаимно действуют друг на друга, и всякое изменение в одной непременно отражается на обиходе другой.

Переселение 1784 года совершилось, в общем, довольно благополучно, и обстоятельства благоприятствовали на первых порах устройству поселян. Переселением заведовали военные власти, и порядок как на пути, так и на местах был хороший. Конечно, при таком массовом переходе и на такое большое расстояние (из Харьковской губернии, с реки Хопра и других губерний) не могло не быть всевозможных осложнений, случайностей и заболеваний, но особых несчастий в пути, очевидно, не было, по крайней мере, в архивах жалоб не сохранилось. Но все-таки надо прибавить, что дела архива от того времени почти не сохранились.

Что касается казаков, пришедших в 1778 году, то отношение их к полковнику Конону Устинову, приведшему хоперцев на Кавказ, было, очевидно, хорошее, что до известной степени подтверждается тем, что по имени его детей были названы первые станицы, образованные хоперцами: Михайловка, Марьевка и Надежда. И затем ни в песнях, ни в пословицах тех станиц, как равно и других: Сергиевка, Калиновка, Александров, — не слышно жалоб, и не поется горькая участь пришедших, и ни в одной не поносится имя их начальника, а это неизбежно было бы, если бы отношения обострились и воспоминания были бы тяжелые.

А остатки прошлой жизни сохранялись до сих пор в виде поговорок и присказок относительно темноты и невежества, царивших у них на месте их прежнего жительства[40]. Эти присказки, несомненно, принесены со старых мест и сохранились, так точно сохранились бы и другие воспоминания о тяжелом переходе. Конечно, можно с уверенностью сказать, что новые условия жизни на новых местах с большим привольем и земельным простором, а затем новые сильные впечатления от событий боевого характера на Кавказе могли вытеснить прежние, даже более или менее мрачные воспоминания. Во всяком случае, преданий и воспоминаний указать нельзя.

Особенно большую роль для поселенцев сыграла теплая зима, бывшая в первый год на Кавказе при их приходе. А о теплых зимах в Ставрополе и на Северном Кавказе имеются письменные свидетельства современников, которые поражены были необыкновенною теплотою в январе, феврале,

когда в эти месяцы бывают такие сильные холода во внутренней России: «В день Крещения все жители и дамы «за должную моду» выходили в летних платьях». Такие теплые зимы повторяются периодически, но не установлено, через сколько лет бывают такие явления. Можно указать на тридцатые годы и на восьмидесятые XIX века.

* * *

Положение поселенцев было не одинаково по всей губернии. Казаки были в одних условиях, а крестьянские селения в совершенно иных. Дело в том, что казаков от хозяйственных работ отрывала служба, которая при общей малочисленности служилого элемента была тяжелая, и в станицах работы оставались на руках женщин и стариков, тогда как в «мужичьих» селах мужчины оставались дома и занимались хозяйством, вследствие этого станицы сильно отстали от хозяйственных «мужичьих» сел. Особенно в этом отношении посчастливилось кумским селам, которые имели возможность делать большую запашку и скоро получили прозвище «хлебных» мужиков.

Но и крестьяне некоторых сел были в иных условиях. У многих не хватало скота для обработки, и известны случаи, когда в плуг впрягался муж с быком, а за плугом шла жена. Чувствовался недостаток и в семенах, поэтому запашка была весьма небольшая и запасов хлебных не было. На этой почве и создались скоро тяжелые дни для поселенцев. Почувствовался недостаток хлеба, настал голод.

Но еще раньше поселенцы пережили трудное время благодаря появившимся заболеваниям. Еще в 1796 году появилась в Большой Кабарде чума[41], и хотя поставлены были карантины, но чума проникла в Ставропольскую губернию и особенно разразилась в Ставрополе в 1810 году. Отсутствие медицинской помощи и другие условия дали тяжелую картину жизни и сильно повлияли на хозяйственную сторону поселенцев, для которых большою тяжестью являлись и карантин, и вообще принятые меры против чумы. Мрачные годы эти сильно запечатлелись в памяти населения. А общим фоном служили заболевания лихорадкою, которая на первых порах давала себя сильно чувствовать в особенности в низинах при реках, заросших камышами.

Примером тяжелого положения может служить селение Покойное. Благодаря разливам реки Кумы и комарам, тучами нападавшим из камышей, злая лихорадка сводила в могилу поселенцев, и они умирали как мухи. Новые пришельцы находили только одни могилки. И самое приволье земельное, обилие рыбы, винограда, арбузов и фруктов только увеличивали условия для заболеваний, и вымирание шло постепенно. Село стало называться «Покойницкое», которое с течением времени переработалось в Покойное, и первое мрачное значение этого слова забылось.

* * *

Трудно было обзаводиться поселенцам хозяйством благодаря частым набегам кабардинцев, которые мелкими шайками врывались вовнутрь губернии. Селения окапывались рвом, ворота с закатом солнца запирались, становилась стража, въезд и выезд воспрещались. На поле для работ крестьянин должен был выезжать с ружьем и до заката приезжать в село, а оставаться на ночлег нельзя было. Но и эти меры не всегда помогали, и зачастую «хищники» нападали на самое селение, зажигали дома и сложенные скирды сена и соломы, убивали встречных, брали в плен, грабили скотину.

Тревога передавалась от поста до поста[42] зажиганием пучка соломы на высоком шесте, свидетельствовавшем, что партия «хищников» прорвалась через кордон и угрожает набегом. Казаки летели на поиски «хищников» и на защиту станицы или села от нападавших, а в самом селении тревожные удары в церковный колокол возвещали жителям, что «хищники» влетели в село… Жители бросались в погреба, на чердаки, прятали пожитки, гнали скот в камыши, прятались всюду, а многие бежали в церковную ограду, где собирались вооруженные, и через бойницы в стене ограды отстреливались и метко поражали нападавших, летевших по улице[43]. «Хищники» скакали по селу, шла стрельба, слышались плач и крики разоряемых и раненых… И вся надежда была на казаков, если они вовремя успеют прискакать с соседнего поста на защиту…

Настававший день открывал последствия пережитой ночи: кто плакал на пепелище дома, сожженного «хищниками», кто еще тушил головни пожара и кто готовился к похоронам покойников-родных, погибших при ночном нападении, а некоторые недосчитывались детей, увезенных в плен… Не до работы и хозяйственных забот в таких условиях, а надо было думать больше о безопасности.

* * *

Большую тревогу в жизнь вносили калмыки, которые подстерегали выехавших в поле работать и похищали скот. Калмыки не убивали людей и не нападали на жилье, но ловко грабили в пути, по дорогам запоздалых сельчан, а при случае даже и средь белого дня. Страдали более те села, которые были вблизи калмыцких кочевьев — по рекам Буйволе и Куме.

Архив села Покойного дает богатый материал. Покоинский староста Афанасий Масалыкин донес рапортом Георгиевскому суду от 5 января 1808 года № 1, что во втором часу пополудни одна партия калмыков угнала 11 сельских лошадей, а другая угнала стадо рогатого скота; калмыки были вооружены саблями и ружьями. Отряд казаков немедленно отправился в погоню за похитителями, поймал их 15 человек и препроводил в земский суд.

От 5 ноября 1809 года № 3551 главный пристав калмыцкого народа полковник Ахвердов донес главнокомандующему генералу А.П. Тормосову, что калмыки выезжают на дорогу, грабят и угоняют скот у жителей села Покойного и что вследствие этого им сделано распоряжение, чтобы калмыки, едущие по своей надобности, брали обязательно письменные виды и не имели при себе оружия под угрозой виновных брать под стражу и вообще подвергать строгим взысканиям. Главнокомандующий признал эти меры полезными и сделал распоряжение принять их к руководству по всей губернии.

Закубанцы нередко угрожали и поселениям нынешнего Ставропольского уезда близ Ставрополя: Татарке, Бешпагиру. Но здесь казаки были всегда наготове и нападения не имели большого успеха. А в отдаленных местах, степных, прикрываясь по рекам камышами и лесными зарослями, «хищники» безнаказанно грабили, и в особенности страдали хутора.

По распоряжению начальника Кавказской области для защиты селения от набегов закубанцев Георгиевский нижний земский суд от 12 марта 1810 года № 50 отдал приказ покоинскому сельскому старосте: «Предписывается тебе тотчас по получении указа, не теряя времени, приступить к поправлению находящейся вокруг селения канавы, на воротах рогаток, сделать возвышенность и привести все в первобытное состояние, чтобы, при случае нападения на селение «хищников», жители могли находиться в безопасности, как пограничного села, — все это обязать выполнить в точности».

От 30 августа 1810 года № 2255 Георгиевский земский суд предписал Покоинскому старосте представить непременно к 15 числу сентября по установленной форме рапорт с показанием числа потерпевших от «хищников», а также числа убийств и взятых в плен грабителями. Такое же предписание старосте последовало в 1813 году 16 февраля № 521 от Кавказского областного правления. В приказе, между прочим, требовалось учинить выправку всех убитых, взятых в плен «хищниками», написать список [убитых и взятых в плен] обоего пола с показанием лет (из ревизских сказок) и доставить в областное правление.

* * *

Общие меры, ограждавшие безопасность сельских жителей прикумских селений и всей Кавказской области, а вместе и жителей села Покойного, были приняты властями следующие: указом гражданского губернатора от 20 августа 1813 года предписывалось Георгиевскому земскому суду подтвердить всем жителям прикумских сел, чтобы они, отправляясь на полевые работы, брали с собой заряженные ружья и насаживали на дерево косу или пику, чтобы в случае нападения закубанцев могли отражать, и чтобы непременно возвращались с поля к 8 часам вечера.

От 25 сентября 1828 года № 1722 георгиевский комендант майор Бентковский сообщил цидулою жителям прикумских сел следующее: «Из села Каратаева бежавшие кабардинские князья Магомет Атонуков и Измаил Косаев с карачаевцами и кабардинцами до 80 человек отправились в наши края для злодеяния: вероятно, намерены напасть врасплох. Объявить всем жителям, чтобы всякий, отправляющийся в поле, имел с собой оружие на отражение в случае нападения хищников». От 6 сентября того же 1828 года из канцелярии главного пристава магометанских народов последовало уведомление, что, как замечено дозором, 50 «хищников» поехали по правой стороне Кумы по направлению к селу Бургон-Маджары и Покойному. Ввиду этого все жители должны иметь крайнюю осторожность и опасение в случае отлучки из сел.

От 14 мая того же года № 1564 от областного начальника Вельяминова последовало следующее распоряжение по всей области: «Нередко случается, что хищники при вторжении в пределы Кавказской области, разделяясь на мелкие партии, нападают на занимающихся в поле работою поселян, которые, быв рассеяны на весьма далекие расстояния, не в состоянии подать друг другу помощи и через то их или убивают, или уводят в плен. Так как многие из живущих в области иноверцев, равно и все линейные казаки имеют одинаковую с горцами одежду, то крестьяне, не имея возможности различить неприятеля от казаков и покорных правительству иноверцев, подвергаются грабежу и убийству без всякой предосторожности. Быть может также, что некоторые из иноверцев под видом хищников сами пользуются оплошностью или простотою поселян, грабя их и убивая в полях без малейшего затруднения.

А чтобы поселянам дать возможность различить неприятеля от линейных казаков и покорных иноверцев и в случае надобности принимать заблаговременно нужные для безопасности своей предосторожности, я признаю нужным постановить следующее:

1) Отныне впредь воспрещается всем магометанским народам, также калмыкам и другим инородцам, внутри области в аулах и хутунах, и кочевьях живущим, ездить по степям или обширным полям целиком и с оружием.

2) Если кто-нибудь из них имеет настоятельную надобность или сократить дорогу прямым направлением, или отыскивать в полях и степях пропавший скот и во время этих поездок заметит работающих в поле поселян или пастухов при пастьбе скота, быв сам вооружен, тогда должен подъезжать к ним не ближе как на полверсты. Если же и при этом случае имеет надобность спросить их о чем-нибудь, то в означенном расстоянии, оставив оружие, может подъехать; в противном случае, то есть кто, быв вооружен, подъедет на ружейный выстрел, то позволяется поселянам убивать их из ружей и не опасаться за то никакой ответственности.

3) Подтверждается поселянам во время занятий их в поле быть вооруженными кто чем может и не слишком отдаляться друг от друга, но чтобы быть в виду между собою, соображаясь с положением мест так, чтобы в случае появления хищников или вообще вооруженных людей, могли друг друга сзывать в одно место для защиты себя.

4) Разъезды казаков и поселян в партиях должны руководствоваться этими правилами и при встречах в поле с поселянами подъезжать к ним не ближе, как на полверсты, а оттуда посылать от себя к крестьянам одного из своей партии без оружия для объявления о себе.

5) В ночное время выставляемые от поселян в поле караулы должны окликать едущих людей издали, партия же должна делать по этому отзыв и потом объясняться, как сказано въяве; буде же на три вопроса отзыва не будет получено, тогда значит, что приближающаяся партия — неприятель, и тотчас принимать меры к защите и отражению».

От 16 апреля 1833 года тот же Вельяминов писал уездному предводителю дворянства статскому советнику А.Ф. Реброву, бывшему тогда по каким-то делам в Петербурге: «С наступлением весны показались по обыкновению партии хищников. Одна из них была у Вас в гостях, но у Вас оказался хороший полководец, который не сробел, а задал мошенникам баталию так, что одного из них убил насмерть. Партия эта должна была отправиться со страхом, не воспользовавшись ни одним волосом. Далее в Кабарде казаки разбили жестоко одну партию кабардинских абреков: убрали щенка Хамурзова и брата его; 9 с ними человек убито; лошади их, оружие и одежда — все взято казаками; остальные [из] этой партии, 6 или 7 человек, успели разбрестись и спастись бегством. Я весьма рад, что мошенник Хамурзов истреблен, не дававший покоя всем. Ныне Военно-Грузинская дорога, а равно вся окрестность поселений до Екатеринограда будут жить покойнее». Далее Вельяминов пишет: «Некоторые партии закубанцев имели разбойничьи успехи, но военного нигде ничего не произошло, и мы, по крайней мере, квиты. Вот Вам наши новости».

Из других документов видно, что в 1831—1833 годах партии «хищников»-горцев в 10, 50, 80, 200, 500, 1000, 1500 и даже 7000 человек делали набеги на мирных русских поселян, сопровождая свои нападения убийствами и грабежами. Между прочим, по распоряжению властей местных еще в начале столетия село было окопано глубоким рвом, и канава была обнесена терновым валом из свободного леса так, что село имело вид небольшой крепости.

Все это, создавая тревогу, не способствовало широкому ведению хозяйства, и поселенцы в первое время жили изо дня в день, не обзаводясь излишними запасами. В некоторых селах потребовалась выдача казенного пайка, а наставшая засуха дала полный неурожай и потом голодный год. Население бедствовало, а подвоза не было, и собственных запасов не имелось. Памятны особенно тридцатые годы, которые еще отмечены появлением холеры.

* * *

В полное расстройство пришла хозяйственная жизнь в некоторых селах поселенцев, и многие стали бросать свои места и уходить куда глаза глядят. Ко всему этому присоединился еще и неудачный выбор места для поселения. Обнаружился недостаток питьевой воды, а имевшаяся вода оказалась вредной для здоровья, и целые селения расходились в разные стороны.

Все, что казалось легким и доступным на первых порах, утратило свое значение, как только климатические условия изменились: продолжительная засуха уничтожила имевшиеся родники с хорошей водой, и приходилось дорожить каждой лужицей, а это отражалось на здоровье и делало жизнь невыносимой.

Даже и лес, росший в изобилии во многих местах губернии, оказался условием, неблагоприятным для жизни: поселенцы заметили, что заболевания лихорадкой стоят в связи с лесистыми местами. Это убеждение дало основание к истреблению леса, от которого во многих местах не осталось и кустарника. Вырубка шла без всякого порядка и осторожности и носила характер полного истребления. А это, в свою очередь, повело к уничтожению родников, обнажению песков, образованию оврагов и яров и ухудшению условий для посевов.

Неурожаи вследствие засухи повторялись и давали, так сказать, основание думать, что земледельческое хозяйство на Кавказе невозможно. И вот поселенцы все свое внимание обращают на скот и овец.

* * *

Степное раздолье, земельный простор, обилие подножного корма и близость калмыков, имевших скот в изобилии, явились в высшей степени благоприятными условиями для такого рода хозяйства и дали толчок к хозяйственному обзаведению. Скот являлся предметом сбыта: гурты гонялись в Москву и Питер, а овцы помимо прокормления давали шерсть, которая быстро пошла в продажу. Явились скупщики, началась торговля, мужик обзавелся деньгами и явился покупателем в городе. Быстро развилась торговля мануфактурой. Красный товар манил мужика. В жизнь губернии втянулся Ростов: он стал рынком для Кавказа и по шерсти, и по мануфактуре. Обилие скота вело за собою обилие денег у мужика и расширило его аппетиты и потребности. Значительно изменилась сама жизнь села, бабы оставили свои ткацкие станки и поневы[44] и перешли к шелкам и ситцу.

Лавка с товаром заняла первое место в помышлении, и город манил мужика. Торговцы стали «купцами», поехали в Москву за товаром, и Кавказ установил прочную связь с фабричными центрами, явившись крупным покупателем. За красным товаром пошла в села бакалея, мужик перешел к чаю, и торговля привозная делала крупные обороты. Создались огромные ярмарки (Ставропольская и Георгиевская). Нижегородская ярмарка уже считалась с Кавказом, и с каждым годом отпуск все сюда ее увеличивался и увеличивался. При широком скотоводстве стали не так страшны недороды. Мужик кочевал со своим скотом в соседние области и легко переносил хозяйственные неудачи. В тяжелый 1885 год, когда не было ни хлеба, ни трав, весь скот Ставропольской губернии прокормился в Терской и Кубанской областях. Большие барыши торговцев мануфактурой привели купца из города ближе к мужику, в села, и развилась местная сельская торговля.

Рядом с этим пошло в селах строительство. Началась постройка церквей, и села оживились. Явились подрядчики даже из Москвы: большие затраты обществ на это строительство в связи с приготовлением иконостасов с хорошей живописью привлекали крупных предпринимателей*.

* * *

Имея хороших быков, мужик начал чумаковать, и развился извозный промысел, направлявшийся к Ростову и Царицыну, откуда шел лес.

Земельный простор способствовал и развитию коневодства, и в тридцатых, сороковых и пятидесятых годах каждое село и казачья станица имели свой табун. Но успехи скотоводства, распространение породы скота, неприхотливого в отношении содержания и вполне пригодного для работ сельскохозяйственных и поездок, дал перевес этой отрасли над лошадьми, и коневодство стало сокращаться, а количество скота увеличивалось.

Быстрая возможность сбыть ту или другую пару быков или гулевого скота, пять-шесть штук или даже более, или «шайку» овец и получить значительную сумму денег сделала крестьянина более требовательным и к своему хозяйственному инвентарю. Прежние тяжелые повозки стали заменяться бричками и мажарами на железном ходу, и в крае вырос промысел по изготовлению бричек и тачанок, а рядом с ним и выделка земледельческих орудий: плугов, веялок и других.

Постепенно выросли крупные скотоводы-крестьяне, а также и овцеводы русских овец, особенно в селах, прилегающих к калмыцким степям, к Большедербетовскому улусу и к астраханским степям. Скотоводство легло в основу благосостояния края.

Отдавая предпочтение скотоводству, крестьянин сеял хлеб только для себя, что было естественно при низких ценах на хлеб и при отсутствии удобств для сбыта. Но богатые крестьяне незаметно стали расширять запашку, имея возможность за дешевую цену арендовать как владельческие земли, так, в особенности, и инородческие и при хороших урожаях создавать хлебные запасы.

Приход в край к концу шестидесятых и в семидесятых годах тавричан расширил общую картину скотоводческого настроения благодаря разведению тонкорунной породы овец. Порода эта постепенно распространялась в крестьянских хозяйствах, а в экономиях тавричан были десятки тысяч этой овцы. А это создало новую отрасль — шерстяное дело.

* * *

Широкое развитие скотоводства вызвало скотокрадство, достигшее громадных размеров в губернии. Особенно оно развилось в северной и восточной частях губернии, прилегавших к калмыкам, которые принимали деятельное участие в этом деле. Скотокрадство сделалось бичом всех добрых хозяев и сильно отражалось на хозяйственной стороне. Крестьяне были бессильны в борьбе с этим злом, тем более что среди самих же крестьян являлись укрыватели и покупатели заведомо краденого.

Калмыки были главными поставщиками такого «товара». Укрывательство и пристанодержательство были очень распространены, а близость астраханских степей и Кубанской области вполне благоприятствовала развитию скотокрадства: скот быстро перегонялся за пределы губернии и исчезал. Несомненно, это крайне тормозило развитие хозяйства в губернии и вызвало издание отдельного закона, карающего строго за кражу скота и лошадей. Главное число дел в судах было о кражах.

* * *

В ограждение населения от разорительных нападений и хищения скота всегда властями принимались известные меры. До покорения Западного Кавказа, то есть до окончания Кавказской войны 1864 года, главную охрану края несли казаки, и в наиболее опасных местах стояли посты, сообщавшиеся между собою пикетами. Такие посты и пикеты были и около Ставрополя: в двух верстах от города по направлению к Ярмарочной площади стоял такой пикет, состоявший из вышки на кургане и трех-пяти казаков, из которых один всегда находился на дозоре на вышке. По дороге на нынешний монастырь был пост, а другой — по дороге на Татарку, где разрытый курган.

---

* Этот абзац в книге 1927 года издания пропущен. Печатается по рукописи.

Пост состоял из 50 казаков. Кроме того, для разъездов между селениями и для доставления сведений в случае замеченной опасности снаряжались селами так называемые «вершники», то есть конные верховые разъездные с ружьями. Некоторые села, наиболее отдаленные, помимо окопа и заграждений имели еще одну пушку, как, например, село Владимирское (ныне Святокрестовского уезда). Эти меры необходимы были для ограждения от нападений кабардинцев.

В отношении калмыков сделано было распоряжение, как сказано выше, чтобы калмыки не имели при себе оружия, затем, чтобы их крестьяне в поле не допускали к себе до табора на расстояние ста саженей, и даже разрешено было стрелять в калмыка, едущего в степи без дороги. Эти строгости вызывались тем, что калмык и без оружия был опасен своим арканом, который он ловко накидывал на шею встреченному или даже едущему на телеге. Накинув петлю, он быстро скакал в сторону и стаскивал свою жертву, волоча ее по земле, а затем расправлялся безнаказанно.

После 1864 года охрана перешла к полицейским чинам, а в восьмидесятых-девяностых годах учреждены были урядники и стражники. Разорительность краж вызывала со стороны населения жестокие расправы с ворами и большие злоупотребления в отношении калмыков, убийства которых совершались из мести или для ограбления под предлогом опасности от них.

* * *

В то время как зажиточные хозяева страдали от калмыков, занимавшихся кражами и грабежом скота, целый ряд лиц воспользовался их услугами, являясь пристанодержателями и укрывателями этого рода преступлений, и весьма многие составили себе крупное состояние.

Судебные процессы, бывшие в окружном суде, с наглядностью показывали, что существует промысел, в котором участвуют зажиточные люди-хозяева, принимая краденый скот и состоя в самых близких отношениях с калмыками, которые являлись только исполнителями. Обширность степей и удаленность гуртов скота и отар овец от сел способствовали как похищению, так и укрывательству похищенных животных.

* * *

Постепенное увеличение запашки шло как у крестьян, так и у владельцев, и тавричан, и незаметно стали получаться запасы хлеба на всем пространстве губернии, а проведение Владикавказской железной дороги сразу двинуло это дело вперед, открыв возможность сбыта. На станциях образовались хлебные конторы для ссыпки хлеба, явились скупщики хлеба, и дело сбыта с каждым годом делало все больше и больше успеха*.

Явилось полное основание иметь хлеб для продажи, и запашка охватила инородческие земли, арендованные крестьянами и тавричанами. Огромные участки в 3000, 5000 и 10000 десятин шли в аренду по очень низкой цене и представляли сами по себе доходное занятие помимо обработки, сдавая их мелкими частями другим. Наряду со скотоводством обработка земли постепенно стала передвигаться на первое место, и все надельные земли шли под распашку. Картина жизни стала меняться.

* * *

К этому времени относится возникновение очень интересного явления среди сельской жизни — это борьба с богатеями. Выгодность разведения скота и овец выдвинула зажиточных крестьян, и в обществе на сходах общественные приговоры составлялись в интересах этого меньшинства как в отношении пользования землей, так и в отношении другого хозяйства и усадьбы. Богатеи стали расширять свои усадьбы, занимали две и три, прихватывали удобные места под огороды, покупали рощи, делали займища в поле на надельной земле, держали там хозяйство, вели запашку и держали свой скот и овец на надельной земле на выгоне.

Видимо внося улучшения в жизнь, они в то же время являлись бременем для прочей части населения — маломочной, которая не имела скота или [имела] очень мало и заинтересована была в большей распашке и не в пастбищных местах. И вот начинается движение, принявшее затем бурный характер, к ограничению прав богатеев. На сходах раздались голоса об обложении скота и овец для раскладки общественных сборов.

Уже первые попытки в этом направлении вызвали сильный отпор со стороны зажиточной части сел и богатеев, имевших всегда среди бедноты своих сторонников, и попытки были неудачны. Но борьба не стихала, а принимала более упорный характер. И появляются, наконец, общественные приговоры, принимавшие такое обложение. Первая удача быстро окрылила надежды бедноты; обложение, переложенное в значительной части на богатеев, стало повышаться. Борьба разрасталась и охватывала все села. Жалобы по начальству сыпались отовсюду. Иногда они имели успех, так как с внешней стороны были основательны: они убывали на возможность упадка доходной части хозяйства — скотоводства. Но в общем жалобы не могли сломить права общества создавать свой хозяйственный распорядок.

---

* Так в тексте.

Повышение обложения скота дошло до такого размера, что становилось тяжело держать большое количество его на общем выгоне, особенно овец. Минимум, остававшийся без обложения, конечно, не удовлетворял богатеев. Бурные сходы постепенно создавали большинство новым требованиям, и богатеи стали сдаваться, и целые «клинья», которые служили прежде пастбищами, пошли под распашку в надел. Новое течение одержало победу. Богатеи погнали свой скот на инородческие участки на выпас и на кочевки на зиму. Успех дал смелость, и приговоры скоро прямо воспрещали держать гулевой скот на общем выгоне или на надельной земле.

Пошла борьба и за огородные места, и за усадьбы. Тот же принцип обложения, доведенный до высокого размера, заставил и здесь уступить новым требованиям, и беднота получила доступ к оставленным огородным местам. Волостные суды постановляли* решения об отобрании занятых мест. Пошла борьба и с займищами в поле, зимовками, кочевками и хуторами. И здесь богатеи сдались, и надельная земля вся пошла в общий хозяйственный обиход. Принцип обложения на основании пользования угодьями и по размерам их перекладывал все сборы на имущую часть населения и, конечно, не мог не иметь успеха, являясь и по существу совершенно справедливым.

* * *

Расширение запашки создало запасы хлеба. Но цены на хлеб стояли низкие, главным образом благодаря отсутствию удобных путей сообщения. Крестьяне во время распутицы весенней и осенней не могли по случаю непролазной грязи [ни] везти хлеб, ни брать фуру[45] и поневоле вынуждены были продавать на месте местным торговцам по самой низкой цене.

Скупив значительные запасы, эти торговцы понижали цены и даже отказывались покупать, ставя крестьян в безвыходное положение. Запасы, таким образом, росли в частных руках, а крестьянин должен был часто продавать до последнего зерна благодаря низкой цене. В девяностых годах XIX века цены дошли до следующего: четверть лучшей пшеницы стоила 2 рубля 50 копеек на месте; продавалась по нужде на местах, в селах. Ненормальность такого положении обнаруживалась с тем большею резкостью, что тот же хлеб на станции железной дороги ценился до 8—10 рублей за четверть, и торговцы, выждав случай, отправляли туда свой собранный хлеб.

Бездорожье было общим явлением жизни губернии и тормозило развитие хозяйственных начинаний. Прекрасные степные дороги летом, разгрязнялись во время ливней осенью и весной до бесконечности и делались непроезжими, особенно при плохом состоянии мостов, гатей[46] и переездов. А везти хлеб приходилось на большое расстояние: на Минеральные Воды, Курсавку, Армавир и Тихорецкую, и внутри губернии не было пункта, притягивающего грузы, потому что не было железнодорожного пути. Дальние села были в тяжелом положении в отношении сбыта благодаря дальности расстояния. Выигрывали при таких условиях ближайшие села к указанным местам, имевшие возможность знать цены и быстро доставлять хлеб на станцию при [их] повышении.

Губерния не имела шоссейных дорог, не была связана с главной линией.

* * *

До проведения шоссе от Ставрополя до Невинномысской (до станицы Барсуковской) Ставрополь оставался в стороне от грузооборота, который шел в губернии, направлявшей свой хлеб к железной дороге, скот тоже шел мимо него, и потому Ставрополь, будучи центром губернии, не имел для нее ни торгового, ни промышленного значения, и только сосредоточение административных и духовных учреждений, а также и учебных заведений поддерживало его связь с губернией.

До проведения Владикавказской железной дороги и до полного захвата Западного Кавказа Ставрополь играл огромную роль не только в жизни губернии, но и всего Северного Кавказа. В нем было сосредоточено все управление краем как военное, так и гражданское, жили все власти, и отсюда направлялись все военные экспедиции против горцев, все войска из России проходили через Ставрополь, и, естественно, жизнь в Ставрополе била ключом благодаря крупным подрядным и по поставкам операциям. Процветал винный откуп, и бойко шла торговля. Все население области (бывшая Кавказская область, куда входило Кубанское и Терское войско) тянулось к Ставрополю. Так было с 1822 года до 1864 года, до захвата** Западного Кавказа.

Естественно, в хозяйственном отношении Ставрополь имел большое значение для края и сам обстраивался, и жители притекали, находя заработок в нем. Благодаря такому положению и хозяйственная жизнь губернии, и распределение средств и торговли было в зависимости от направления движения войск к Ставрополю. Были тракты: Черкасский, Царицынский, Тифлисский, по которым, как по главным артериям, текла жизнь края. Все села, расположенные по этим трактам, были в лучшем положении в отношении сбыта своих продуктов, и, хотя благодаря постоям и подводной повинности несли известную тяготу, но, несомненно, уровень зажиточности их постепенно повы-

* Так в тексте.
** В рукописи — покорения.

шался, и сами цены на продукты, несмотря на обычно низкий уровень, были [в них] выше, нежели в других, удаленных местах. А проезд по Черкасскому тракту и проход войск был очень большой. Села эти во всех отношениях стали отличаться от сел внутри губернии, они привлекали поселенцев, разрастались и стали наиболее богатыми. По Царицынскому тракту шли обозы, шел лес от Царицына, прогонялся скот и направлялось торговое движение, шел чумак[47], и села богатели. Точно так же и третий тракт, шедший на Георгиевск, давал выгодные условия для сбыта благодаря постоянному проезду и проходу войск, и села вырастали в бойкие пункты. По всем этим трактам существовали постоялые дворы, а содержащие их крестьяне делались богачами.

Первый тракт был: Ставрополь, Московское, Безопасное, Средний Егорлык; второй тракт: Ставрополь, Марьевка, Петровское, Дивное, Ремонтное (Астраханской губернии) и третий тракт: Ставрополь, Бешпагир, Сергиевка, Александров, Сабля, Георгиевск. Это были пути наибольшего оживления и, вернее, единственные места, где население не было изолировано от общей жизни и не жило в полной глуши. Все силы промышленные, торговые и производительные были приурочены к этим путям, и как Ставрополь, так и жившие по трактам села были в зависимости от направлявшегося здесь движения. Таким образом, хозяйственная и экономическая жизнь всей губернии складывалась под влиянием этого распределения движения по данным путям.

* * *

Но вот начинается постройка Владикавказской железной дороги, и главный пункт [Северного Кавказа] — Ростов — связывался с Владикавказом, минуя совершенно Ставрополь и Ставропольскую губернию. Естественно, все три тракта потеряли свое значение, и началось перераспределение сил губернии: те пункты, которые были прежде центрами, выбыли из общего строя, потеряли свое значение, и Ставрополь упал. Жизнь пошла иным путем, а прекращение Кавказской войны лишило его притока золота, которое прежде с войсками текло к нему рекой. Огромная почтовая гоньба, бывшая по этим трактам, была уничтожена, а с ней население лишилось источника доходности от фуража, овса, сена, проезда проезжающих и прочего. И все наиболее живое, предприимчивое и промышленное ушло из этих сел и направилось в разные пункты по линии, где начиналась торговая жизнь. Ставрополь упал до невозможности: цены на недвижимые имения упали, покупателей не было, заработка не имелось, торговцы ушли, и жизнь замерла.

При существовании трактов распределение хозяйственных сил губернии было более или менее равномерное, но с уничтожением их центры торговые отодвинулись от губернии и все внутренние ее части были предоставлены себе. Выросли новые пункты, а с ними и новые пути. Наименее потерпели кумские села, которые оказались близко к такому пункту, как Минеральные Воды. Губерния пережила большое потрясение и долго не могла оправиться от наступившего затишья.

* * *

Существенным обстоятельством в этом положении было то, что железная дорога прошла по Кубанской области и по владельческим участкам, куда и направилась вся жизнь. Туда пошел усиленный приток рабочих из внутренней России, на владельческих участках стали возникать богатые экономии, развилось тонкорунное овцеводство, началась продажа правительством пожалованных участков, огромные сделки совершались в Екатеринодаре (ныне Краснодар), а вырученные от продажи деньги пускались в оборот и создавались разные предприятия. Возникли и широко развились табачные плантации, и торговля табаком привлекла миллионы.

Екатеринодар вырастал, а проведение к нему железной дороги довершило его большее развитие. Проведение Владикавказской железной дороги втянуло в общую экономическую жизнь и горское население, земли которого также пошли в оборот. Все это ослабляло Ставропольскую губернию и город Ставрополь. Но на помощь губернии пришла также продажа владельческих земель. Пришедшие в край тавричане явились и здесь покупателями участков. Началось значительное оживление, а поселение на участках экономии дало новый предмет для оборота — шерсть — и снова стало связывать губернию с Ростовом, где были и салотопни, и шерстомойни, и иностранные конторы для покупки шерсти.

* * *

Стал оживляться и Ставрополь. Для покупки участков понадобились тавричанам и крестьянам, приходившим из России, деньги, и за отсутствием банков и трудностью кредита большинство обратилось в Ставрополь, где сначала богач-миллионер М.В. Попов в одиночку, а затем от имени банкирской конторы широко ссужал деньгами для этих приобретений. Попов сыграл громадную роль в развитии тонкорунного овцеводства в бывшей Ставропольской губернии и в ее экономической жизни, так как всегда без отказа кредитовал тавричан на покупку овец.

Овцеводы эти имели широкий размах, приобретали тысячами овец, дорого обстраивали свои экономии, заводили дорогих лошадей, вели большую игру в карты и нуждались постоянно в деньгах, которые также находили в конторе Попова. Правда, проценты у Попова были очень высокие

(18 %), но надежда на шерсть кружила головы этим хозяевам, и они залезали в долги, обременяя свое хозяйство. Но дело было очень выгодное, и продажа шерсти по 6—8 рублей за пуд покрывала все затраты и непроизводительные расходы.

Не был в убытке и Попов и скупал иногда в случае разорения как овец, так и участки. Попов служил посредником между тавричанами и Ростовом в продаже шерсти, и хотя не обходилось дело без куртажа[48], но все-таки он оказывал значительную поддержку местным хозяевам, так как он своевременно знал цены на шерсть и не давал их в обиду перед иностранными конторами, агенты которых всегда старались воспользоваться незнанием о состоянии шерстяного рынка.

Благодаря Попову, жившему в Ставрополе, сделки тавричан совершались здесь, и Ставрополь оживлялся. Как велик был оборот по покупке овец и участков через руки М.В. Попова, можно судить по тому, что в 1858 году Попов объявил купеческий капитал в 3 тысячи рублей, а в 1896 году у него было 13 миллионов рублей, кроме целого ряда участков собственной земли.

* * *

Так шли дела до проведения Ставрополь-Кавказской линии железной дороги. Эта линия снова вернула Ставрополю его значение, но уже как хозяйственного пункта. К нему потянулись обозы с хлебом, выросли амбары для ссыпки, и начались громадные обороты с хлебом. Снова произошло перемещение, и установились, так сказать, прежние тракты: Дивное, Петровское, Ставрополь, частью и Благодарное, Прасковея, Воронцовка, Георгиевск, Минеральные Воды.

Линия Ставропольская оказалась очень прибыльной для общества, и отправка хлеба замедлялась даже за недостатком вагонов. Конечно, в этом оживлении сыграли роль имевшиеся в Ставрополе капиталы, сохранившиеся от прежних лет торговли. Хотя Ставрополь был опорным пунктом на линии, но грузы из губернии шли к нему, и все промышленники и торговцы спешили построить здесь амбары и начать ссыпку. Явились греческие конторы, производившие ссыпку в обширных размерах, располагая капиталами крупных фирм. В хлебном деле приняли участие банки, кредитуя ссыпщиков под обеспечение имеющегося у них в амбарах хлеба. Началась сильная спекуляция хлебом и перешла в полную вакханалию. Развилось в Ставрополе мукомольное дело, приток грузов вызвал образование по линии от Ставрополя новых пунктов, как Изобильное, и хлебное дело перешло в села.

Проведение железной дороги от Георгиевска до Святого Креста снова внесло в жизнь губернии новый толчок в отношении распределения экономических сил и обогатило Прикумский район. Вся восточная окраина губернии отошла от тракта на Ставрополь, и за ней пошел Благодаринский уезд и часть Александровского уезда. Ссыпка в Ставрополе в 1912—1914 годах начала сокращаться, и некоторые промышленники стали переносить свои амбары в Петровское, куда началась от Ставрополя постройка новой линии железной дороги. Это, естественно, устанавливало новые хозяйственные условия.

* * *

Конечно, такое оживление дела с хлебом побудило всех обратиться к усиленной запашке, а поднятие цен на хлеб давало к тому полное основание. Цены на аренду земли поднялись точно так же, как и на продажу земли. В восьмидесятых годах XIX века арендные цены на землю были баснословно низки, большие участки инородческой земли и казенные участки отдавались с торгов даже по 23 копейки за десятину, и желающих не было, крестьяне удовлетворялись надельной землей[49]. В продажу в собственность земля шла большими участками даже по 3 рубля.

Обилие свободной земли повело к тому, что население в семидесятых годах отнеслось крайне отрицательно к наделению крестьянских обществ землею с выдачей владенных записей. Простор земельный давал возможность крестьянам держать скот и овец на надельной земле, чем особенно пользовались зажиточные крестьяне. А переселение шло, и шел временный рабочий, постепенно оседавший здесь. С течением времени, по мере прилива населения, земля стала более цениться, и явилась необходимость оградить надельные земли от обременения скотом. И началась указанная борьба с богатеями.

* * *

Засухи, как уже говорено было, способствовали тому, чтобы предпочиталось скотоводство. Да и само земледелие велось крайне односторонне. Сеялась по преимуществу пшеница, и лишь в небольшом количестве и то зажиточными хозяевами почти для собственных нужд — ячмень и овес. Ни других родов хлеба, ни овощей, кроме арбузов и дынь, не высевали.

Огородничества совсем не было, и картофель не был в обиходе крестьянина. Сеяли просо для обделки на пшено, и это было главною приправой к обыденной пище, гречихи было мало. Что касается масляничных растений, то и они не занимали большого места в хозяйстве, за исключением подсолнуха, который шел главным образом на грызение. Тыква также не находила себе большого места, за исключением зажиточных хозяев и то только в некоторых селениях и казачьих станицах[50].

Вообще, относительно семян население не имело ни сведений, ни возможности приобретать их. Со стороны правительства принимались некоторые меры к снабжению Кавказа семенами, но обращение было делаемо только к местным помещикам, да и те неохотно откликнулись на призыв.

Были, правда, хорошие хозяйства даже образцовые, как Кусакова, Реброва, Скаржинского, Фостикова, с земледельческими орудиями и машинами, выписанными из Москвы, но у крестьян ничего не было. У Реброва была хорошо поставлена культура превосходного лука и шелководства, у Скаржинского — виноградарство и виноделие, в Ставрополе — шелководство, но крестьяне смотрели на все это, как на «затеи», и в свое хозяйство не вводили. Шелководство, несмотря на меры поощрения, совершенно не привилось, и в некоторых селах насажденные целые тутовые рощи были заброшены и вырублены. Разведение винограда нашло себе место только в селе Прасковее, и виноделие долго оставалось монополией этого села.

Отсутствие разнообразия в посевных семенах, конечно, много зависело от обилия животных продуктов, благодаря тому же скотоводству: возможность иметь всегда молоко, сметану, творог, масло, баранину и сало не давала чувствовать недостатка в питании. А обилие птицы, чем всегда отличались наши села, дополняло стол крестьянина. Все остальное он покупал или выменивал на хлеб, как картофель, капусту и огурцы, не скупясь на выдачу хлеба.

* * *

Так было все время до восьмидесятых годов. Тут начинается резкий поворот в хозяйстве. Прежде всего, Ставрополь перешел к огородничеству. Бездоходность садов благодаря дешевизне фруктов вызвала занятие садовой земли под посадку овощей. Фрукты целыми возами доставлялись из соседних станиц Кубанской области, и цены страшно падали: мера яблок стоила 50—70 копеек. А между тем овощей (капусты и помидоров) не было: цветная капуста, например, была достоянием парников городского садовника. Овощами снабжали город села Московское и Пелагиада, где скоро привилось огородничество.

Некоторые садовладельцы ставропольские, не умея сушить и хранить фрукты, стали вырубать фруктовые деревья, даже очень хорошего сорта. Так, на Мамайке старый образцовый сад с хорошими деревьями, бывший Гречанинова, новый владелец Кудряшев вырубил и обратил под посадку капусты. Необыкновенная урожайность капусты и потребность в ней двинули огородничество в городе, а за ней пошли и другие овощи, как помидоры (красные) и другие. Стали даже арендовать отдельные места, устраивать поливные колеса, где нельзя было иметь напускную воду. По Мамайке и Ташле, а частью и по Мутнянке завели огороды на большом пространстве.

Несмотря на такой успех и доходность этого занятия, в губернии все-таки не было огородов, и только изредка при домах чиновников и крестьян были небольшие клочочки [земли], занятые овощами. Рядом с этим началась в Ставрополе усиленная посадка картофеля на городской земле в поле. Впервые появились разные сорта посевного картофеля: «голышовка», «царская», «рекорд»[51] и другие, и началось сношение с семенными магазинами Харькова, Воронежа, Ростова и Москвы. До этого времени картофель доставлялся главным образом из Терской области, из станицы Боргустанской, в Ставропольской же губернии картофеля не сеяли. Да и в настоящее время только весьма небольшая площадь из общего посева занята картофелем. Как ни странно, но еще в сороковых-пятидесятых годах была применена принудительная посадка картофеля в губернии и вызвала беспорядки. Даже к помещикам правительство обращалось с убеждением заняться разведением картофеля[52].

Развитие огородничества внесло оживление в хозяйственную жизнь населения, дав новые продукты потребления. Рядом с этим пошла культура и масляничных растений, ходко пошло подсолнечное масло, горчичное, льняное, конопляное, сурепное, а жмых (макуха) от подсолнуха и льна шел за границу, применения в местной жизни он не находил, несмотря на питательность его для скота и свиней[53].

В конце восьмидесятых и начале девяностых годов появились в Ставропольской губернии болгары-огородники, которые широко повели это дело, главным образом, в прикумских селах. Они стали выращивать болгарский лук и прочие овощи, равным образом и капусту. Пошли огороды в селении Сергиевском и на хуторах по реке Чичере, в селе Александрове, Святом Кресте и других. Посадка болгарского лука и дешевизна его вытеснила ребровский лук с рынка, и он остался только у армян Святого Креста, которые иногда отправлялись с ним для обмена на своих арбах. Чеснок всегда разводился повсеместно, но больше у армян.

Но все-таки огородничество еще не охватило губернию, хотя заливных огородных мест очень много по всему пространству ее; нововведение не осталось без последствий, и в некоторых селах стали раздавать поливные участки под огороды, и многие стали засевать их даже культурными растениями, делая опыты посадки гаоляна[54], чумизы[55], сорго, «конского зуба»[56] и даже чайного куста и хлопчатника. Но кукуруза всегда была развита в слабой степени. Так постепенно входил в обиход местной жизни огородный промысел.

* * *

К 1892—1894 годам разыгралось в губернии потрясающее событие, сразу перевернувшее строй хозяйственной жизни. Свирепствовавшая на рогатом скоте чума вызвала со стороны министерства необходимость принятия решительных мер, так как случаи заноса чумы в Австрию и Германию путем купленных в России кож вызвали запрос со стороны этих правительств и приостановку приема наших грузов с постановкой карантинов. Решено было применить обязательный убой скота. Строго проведенная мера эта имела своим последствием, с одной стороны, озлобление со стороны крестьян, а с другой — сокращение скотоводства[57].

Целые гурты скота истреблялись, и человек из богатого в один день делался батраком. Поставлены были карантины, и прекращено было всякое движение на волах, даже затруднены были полевые работы.

Благодаря карантинам, осмотрам и убоям приостановилась отправка гуртов в центр (в Москву). Чумачный промысел прекратился, и запашка уменьшилась. Торговля скотом упала, а с нею пошатнулась и общая торговля. Страшное потрясение внесено было в жизнь этими мерами и, главное, убоем, и крестьяне стали переходить к лошадям, тогда как прежде предпочитали волов (быков). Ряд крестьянских бунтов — «чумные бунты» — с тяжелыми последствиями был ответом на эту меру, и с этого времени скотоводство стало сокращаться. Крестьяне в массе перешли к большим запашкам, тем более что отправка хлеба делалась более доступною.

* * *

Таким образом, на смену скотоводству пришел крестьянин-пахарь, но уже производитель-промышленник, делавший большие посевы исключительно для продажи зерна. На помощь пришли Ростов и иностранные фирмы, открывшие склады земледельческих машин и орудий в Армавире, Ставрополе, Святом Кресте, Воронцовке и других селах.

В обиход хозяйства вошли буккер[58], немецкий плуг, косилки, веялки, сноповязки, конные грабли, паровая молотилка и др. Крестьяне с жадностью набросились на эти орудия и закупали их в большом количестве, тем более что к этому времени цены на рабочие руки поднялись, а прилив рабочих из внутренней России сократился.

* * *

В развитии хозяйственной жизни нашего края имели огромное значение приходившие на заработки крестьяне из внутренней России. От этого прихода зависела своевременная уборка урожая и сенокоса и самый размер запашки.

Хорошие урожаи и сравнительно более высокая оплата труда рабочего на Кавказе привлекали массу пришельцев, которым особенно нравилась обстановка работы: хороший белый хлеб, мясная пища (баранина), каша с салом, на что местные хозяева не скупились, и приветливое обращение. И шли эти пришельцы в громадном количестве, и в иной год понижали заработную плату до поразительных размеров: бывали случаи в восьмидесятых годах, что косарь работал только за харчи с доплатой 25—50 копеек в день. Зато и уменьшение числа их поднимало плату до неслыханных тогда размеров: 25 рублей в день «пара» — мужчина и женщина — на уборку хлеба. Так было в восьмидесятых годах XIX столетия.

Эти отхожие промыслы из внутренней России при тех ценах на труд, какие были в России, все больше и больше знакомили внутренние губернии с нашим краем и создавали славу кавказскому «привольному житью». Счастливо попав в хороший год, многие из пришельцев на следующее лето прибывали уже с семьями и, распродав там, на родине, свое имущество, оседали в нашей губернии, создавая тот «иногородний» элемент, который сыграл такую видную роль в истории нашего края. Оседавшие бросали свою надельную землю в России, но она числилась за ними, и некоторые впоследствии спекулировали этой землей, скупая и перепродавая ее. Многие отдавали эту землю в аренду, а здесь обрабатывали от имени местного крестьянина, и это обстоятельство служило одним из поводов для создавшегося озлобления против иногородних. Оседание шло бойко и создавало местный рабочий элемент, дававший широкий простор хозяйственному обзаведению местных жителей.

* * *

В хозяйственном отношении огромную роль сыграли ярмарки, основанные при самом начале создавшегося уклада. Первые ярмарки были в Георгиевске и Ставрополе, основанные в 1781 году. Выдающееся значение в их оборотах имели татары, жившие в губернии, и горские народы. До выселения горцев и татар в Турцию в 1866 году аулы их очень близко были расположены к русским селам и станицам (реки Кугульта, Кевсала и по Кубани), и ярмарки и базары привлекали их своими товарами, а они нуждались во всем. Огромный пригон ими лошадей (кабардинских) и скота ложился в основу торга и создавал обороты для всех торговцев. Ярмарки были громадные, в особенности в пятидесятых-шестидесятых годах, когда безопасность в крае значительно установились.

Для Ставрополя и всей губернии выдающуюся роль в ярмарочной торговле сыграл тот же Макар Попов, который первый завязал сношения с Нижегородской ярмаркой, а за ним А.Ф. Нестеров. В основу их успеха легла доставка чая, сахара и калмыцкого чая. Привозя то и другое, они создали крупную торговлю и за наличный расчет, и калмыцким чаем охватили все горское и инородческое население губернии и соседних областей. Горцы везли лес, гнали лошадей, скот, овец и везли свои бурки, башлыки, ноговицы, чувяки и проч. Обороты были крупные и барыши торговцев огромные. Красный товар также привлекал горцев и шел ходко. Видным торговцем Ставропольского края был Пустынников, имевший крупную торговлю в первые годы жизни Ставрополя.

* * *

Постепенно создались и в селах базары и ярмарки и, главным образом, в северной и северо-восточной части губернии, поблизости к кочевьям калмыков, туркмен и ногаев. Отсутствие у них в первое время запашки гнало их на рынок за мукой, и шел очень оживленный меновой и денежный торг, давая большие выгоды крестьянам. Села Петровское и Владимировское были крупными пунктами в этом отношении.

* * *

Для поднятия хозяйственной жизни губернии принимались правительством разные меры: предписывалось разводить марену[59], кунжутное растение. В архиве села Покойного имеются следующие сведения. От 27 апреля 1814 года № 233 земский исправник Чернявский предписывал покоинскому старосте донести ему, «взошли ли кунжутные семена, окопаны ли посевы канавою, был ли дождь, сколько имеется прежнего, а сколько настоящего посева, есть ли за кунжутом правильный уход и надзор». Но успеха не было.

* * *

Не посчастливилось и шелководству. В кратком описании Кавказского училища шелководства в Кизляре, составленном инспектором шелководства Шергиловым для выставки в Ставрополе в 1837 году, говорится: «Край Кавказский был издревле обиталищем шелководов. Император Петр Великий, желая воскресить промышленность сию, во время похода своего в Персию в начале XVIII столетия обратил особенное внимание на шелководство в здешнем крае.

Царствовавшие по нем государя также взирали на сию ветвь, как на источник народного богатства. Дело шло, но шло тихо. Ни распоряжения правительства, ни жертвуемые от казны суммы, ни привилегии и награды не имели соответствующего успеха, пока не утверждено в 1797 году правительством управление на особых основаниях, пока не изданы штаты и особые правила, установлен надзор за шелководством в Кавказской области и во всех южных областях Это послужило мало-помалу к размножению шелководства. Яички же червяковые разводятся для раздачи по области и рассылки в южные области империи». В конце заметки приведен по Кавказской области счет тутовых деревьев, их прибыль и количество выделанного шелка за несколько лет.

Годы	Количество деревьев	Выделка шелка в пудах	Деревьев	
			прибыло	убыло
1818	2597093	355	—	—
1824	2306533	344	—	290560
1829	2350935	378	44402	—
1837	1800000	до 300	—	550935

За 20 лет тутовых деревьев убыло 797093*. При этом составитель описания замечает, что простолюдины для получения одного пуда шелка расходуют, как видно по таблице, до 6000 деревьев, тогда как для этого достаточно 2500 деревьев.

В селе Покойном в 1789 году насажен общественный тутовый сад и в саду было построено здание для выделки шелка. Сохранились также ведомости, из коих видно, сколько жителями села насаживалось ежегодно тутовых деревьев и сеянцев и сколько имелось налицо старых деревьев.

* Так в тексте.

Годы	Число домохозяев	Число старых деревьев	Число вновь насаженных деревьев	Число сеяльцев
1808	131	1724	445	—
1812	220	2243	187	—
1813	—	2330	300	—
1814	—	2294	—	341
1824	—	628	172	848

Инспектор шелководства Мещанинов в своих годовых отчетах главному инспектору барону фон Биберштейну подробно указывал, сколько у каждого жителя села имеется старых тутовых деревьев, сколько насажено вновь и какого качества получается шелк. Старожилы села помнят и те принудительные меры и поощрения, которые употребляло правительство для развития в селе шелководства.

В 1808 году главный инспектор при рассмотрении подворного списка жителей села Покойного за 1807 год заметил уменьшение количества тутовых деревьев в сравнении с прежними годами и, объясняя это уменьшение нерадением жителей, предписал принять понудительные меры. Инспектор Николаев составил список нерадивых поселян и представил в земский суд. Губернатор Малинский, уведомляя от 28 сентября 1810 года за № 3548 главного инспектора шелководства Биберштейна, объяснил уменьшение тутовых деревьев у жителей села Покойного неурожаем хлеба. В том же уведомлении мы читаем, что по докладу министра внутренних дел царь простил следующую пеню, причем приказал подтвердить: что впредь жители села Покойного за нерадение будут строго наказываемы и будут посылаемы на другие работы, принимая во внимание пригодность земли для тутовника, ничтожный труд без помехи для хлебопашества и очевидную пользу для жителей от шелководства; царь приказал приложить старание для умножения тутовых деревьев, предупреждая, что если кто из жителей окажется нерадивым и по-прежнему пренебрежет этим занятием, то такого подвергать денежному штрафу, а чтоб никто не мог отговориться незнанием, то отобрать от каждого подписку. В 1814 году один крестьянин, призванный к отбыванию воинской повинности, за усердную службу, как ученик при шелководственном заведении, был освобожден от рекрутчины. 28 сентября 1828 года Георгиевский земский суд оштрафовал на 12 рублей 40 копеек жителей села Покойного за нерадивое отношение их к шелководству.

Несмотря на поощрение и понудительные меры, шелководство в селе Покойном не привилось. И меры поощрения и наказания принимались на протяжении многих лет, но шелководству не посчастливилось, и оно совсем не привилось в Ставропольской губернии, несмотря на то, что оно могло доставлять большие выгоды; и почвенные, и климатические условия благоприятствовали разведению тутовых садов.

Среди армян, переселившихся на Кавказ в Кизлярский уезд (ныне Терской области), это занятие пустило корни, но русское население отнеслось к нему даже враждебно. Был разведен тутовый сад в селе Михайловке, но вырублен. В Ставрополе сад был разведен на пространстве 9 десятин по реке Ташле, было устроено училище и шелкомотальное заведение, но все заброшено, все постройки и обзаведение разрушены, и в 1896 году сад был продан в частные руки, и деревья частью вырублены.

Были разведены тутовые сады в селениях:

		Величина тутового сада		Число тутовых деревьев	Количество добытых в 1858 и 1859 годах		
					шелку		коконов
		дес.	саж.		пуд.	фунт.	четв.
В бывшем Пятигорском уезде							
Отказном	На реке Куме	—	1411	Неизв.	1	17 1/2	—
Новогригорьевском		1	400	470	—	33	—
Солдато-Александровском		—	2300	283	2	2 1/2	—
Нины		—	1925	1640			
Покойном		—	2046	99			

		Величина тутового сада		Число тутовых деревьев	Количество добытых в 1858 и 1859 годах		
					шелку		коконов
		дес.	саж.		пуд.	фунт.	четв.
В бывшем Пятигорском уезде							
Прасковее Томузловском Чернолесском Китаевском	На реке Томузловке	1 — — —	1200 1200 900 2000	3100 Неизв. 26 400	шелководством не занимаются		
Журавском, при реке Б. Журавке Сухой Буйволе Александрии Шишкином	При реке Буйволе	— — — —	1600 1040 1200 1200	275 Неизв. 300 150	шелководством не занимаются		
В Ставропольском уезде							
Пелагиаде Московском Дубово-Казинском при реке Дубовке	При реке Ташле	5 — —	240 1750 1380	3000 1200 1530	— — —	— — —	5 4 1/2 2
Петровском Донской Балке Константиновском, при реке Кугульте Донском, при реке Ташле	При реке Калаусе	4 2 — —	400 — 1600 1656	1700 370 330 660	— —	— —	1 1/2
Итого		23	1448	15489 [15533]*	4	13 3/4	12 1/2

* * *

Эта печальная история такого выгодного в хозяйстве занятия дает основание остановиться на ней подробнее.

Шелководство в губернии возникло почти вслед за его открытием в сипу утвержденного в восьмой день ноября 1797 года доклада Экспедиции государственного хозяйства. Изданным по сему предмету положением требовалось, чтобы каждый двор или каждое отдельное семейство ежегодно рассаживали по 10 тутовых деревьев, а если кто по нерадению того не исполнит, то с него положено было взыскивать штраф по 10 копеек за каждое непосаженное дерево. Для поощрения же усердных к этой новой отрасли сельского хозяйства повелено было особо отличившихся награждать медалями, а за выделку шелка выдать из казны: за 10 фунтов — 10 рублей, за 20 фунтов — 25 рублей, а за пуд шелка — 50 рублей, оставляя при том шелк в пользу хозяев.

Настояния начальства над исполнением крестьянами требований упомянутого положения и боязнь штрафов за уклонение от исполнения их имели последствием то, что тутовые плантации пошли было хорошо; но когда дело дошло до кормления червей и до отделки шелка, то обнаружилось, что сельчане решительно не умели вести это дело и не имеют ни малейшего расположения к этой культуре. Шелест, производимый червями во время кормления, возбуждал в них неприятное чувство, а женщины боялись даже дотронуться до шелковичных червей. Некоторые суеверные крестьяне уподобляли их червям ада в загробной жизни.

Император Александр I, усмотрев из представленного ему Экспедициею государственного хозяйства отчета нерадение крестьян Кавказской губернии и нерасположение их к шелководству, указом Правительствующему Сенату 5 мая 1803 года повелел распорядиться: взыскать с нерадивых крестьян числящиеся за ними в недоимке за 1800 и 1801 годы штрафы за непосадку тутовых деревьев и, вместе с тем, следить, чтобы крестьяне не уклонялись от шелководства. Для лучшего же наблюдения за этим делом повелено было инспектору над шелководством вести подробный счет тутовым деревьям отдельно по каждому селу и ежегодно представлять о них ведомости.

* Здесь и далее в таблицах в квадратных скобках даны исправления ошибок, допущенных при итоговых подсчетах.

* * *

Города Кавказской губернии тоже обязаны были заводить тутовые плантации и заниматься шелководством. В Ставрополе первоначально избрано было место для плантации за форштадтом «Воробьевым», что ныне Воробьевская[60] улица; но вскоре место это оказалось неудобным по неимению воды, необходимой для достаточной поливки тутовых насаждений. Поэтому городское общество купцов и мещан приговором 8 февраля 1808 года постановило: плетневую огорожу тутового сада продать по вольной цене, а для плантации выбрать другое, более удобное место, которое и выбрано за рекой Ташлою в количестве 9 десятин 1603 сажен[61].

Так или иначе, по настоянию начальства тутовые плантации размножались, но шелку все-таки выделываемо не было. Вследствие этого в 1811 году царским приказом снова было подтверждено начальнику Кавказской губернии, чтобы он внушал и разъяснял населению всю пользу, какую оно может получить от распространения в больших размерах шелководства, а в предупреждение уклонения от этого занятия повелено было инспектору над шелководством вести счет тутовым деревьям подворно, показывая количество их у каждого домохозяина, а не общими цифрами по каждому селению, как это делалось до того времени.

В сентябре 1813 года по настоянию главного инспектора над шелководством барона Маршалла Биберштейна общества, как городские, так и сельские, обязаны были построить в тутовых садах сараи для кормления червей с червоводнями и иметь надзирателей, избираемых на годичный срок из местных жителей для наблюдения за плантациями и червовоспитанием. Надзирателей поведено было избирать из семейств, далеко отстоящих от рекрутской очереди или вовсе не подлежащих рекрутской повинности. В городах, как это было в Ставрополе, выборный надзиратель над шелководством мог отбыть свой срок посредством заместителя, которому он с ведома и согласия городской шестигласной думы платил условное вознаграждение. Городское общество на необходимые расходы по содержанию тутового сада приговором 11 января 1814 года положило: ежегодно собирать с купцов, с объявленного ими капитала, по 10 рублей, а с мещан, с платимого ими в казну рубля, по 10 копеек, которые должны были взыскиваться вместе с казенными податями и поступить в распоряжение думы.

Инспектор над шелководством в Кавказской губернии, проживавший в Кизляре, ежегодно осматривал тутовые сады, руководил всем делом и снабжал всех желающих семенами тутовника и самими червями. Из ведомостей, представляемых ему городской думой ежегодно осенью, видно, что в Ставрополе с 1813 года по 1820 год было от 110 до 140 хозяев, занимавшихся рассадкою тутовника и выводкою червей. Количество деревьев у каждого колебалось от 2 до 300, а у всех — от 23000 до 31224 деревьев разного, разумеется, возраста, а шелка-сырца за все это время добыто 506 $^1/_2$ фунта.

В следующем, в 1821 году, по распоряжению той же инспекции городское общество назначило своим приговором в ученики шелководства мещанина Волобуева, освободив его с разрешения казенной палаты от рекрутской повинности с тем, чтобы он навсегда оставался при тутовом саде и занимался шелководством, получая от думы определенное жалованье. Вообще, с 1813 года и по 1839 год Дума издерживала на шелководство по 500 рублей ассигнациями в год, а шелку выделывалось и поступало в продажу от 8 до 12 фунтов. Случались и несчастливые годы, как например, холера в 1831 году, всеобщий неурожай в 1833 году, когда городу было не до шелководства. В 1835 году, когда вывелись шелковичные черви и пошли на лист, случившеюся бурею с сильным градом пооббило догола все деревья, и черви погибли от бескормицы.

С преобразованием Кавказской губернии в область Ставрополь 24 июля 1822 года из уездного города возведен был на степень областного. Бывший начальник области генерал-лейтенант Эмануэль вследствие отношения к нему кавказского инспектора над шелководством в августе 1827 года предложил городской думе в городском тутовом саду выстроить к двум существовавшим сараям для кормления шелковичных червей еще третий сарай; но на общественном сходе 25 сентября граждане составили приговор, в котором заявили, что они не желают производить эту постройку. «Тутовый сад разведен собственно нами, — сказано в приговоре, — и хотя в нем существует шелководство, но пользы нам никакой не приносит, не вознаграждая ежегодно приносимые на него издержки, а потому, не находя в нем нужды, мы не желаем произвести постройки нового сарая и прочего, тем более, что на сей предмет общественной суммы нет, а на раскладку оной по душам мы вовсе не согласны, ибо промышленность ваша, весьма ограниченная, едва может доставлять нам с семействами содержание и средства оплачивать казенные, городские и общественные подати и прочие повинности».

В 1846 году в Ставрополе шелководство развивается благодаря настоянию князя Воронцова, бывшего наместником, и в 1848 году открыта была практическая школа шелководства для обучения крестьянских и мещанских мальчиков. Но обучение в школе шелководству не имело практических результатов, и из выпущенных 7 учеников-шелководов в 1855 и 1856 годах никто в казенных селениях заниматься не стал, так как крестьяне давно забросили общественные тутовые сады, «считая шелководство барскою забавою и для себя неприличною роскошью». Мещане хотя и отдавали детей в школу шелководства, но ради освобождения от рекрутской повинности.

В 1853 году марта тридцать первого купеческое и мещанское общества в общем собрании при городской думе постановили следующий приговор: «Бывший общественный тутовый сад находился

во владении городского общества с производством на него некоторых расходов из городских сумм и с получением от него за выделываемый там шелк дохода; между тем назад тому несколько лет по распоряжению высшего начальства сад тот назван казенным с поручением оного в надзор посторонним лицам и с производством по оному значительных расходов из городских сумм без всякого вознаграждения городу; а потому мы единодушно просим господ членов городской думы испросить у высшего начальства разрешение о передаче означенного сада в непосредственное владение города, дабы оный, находясь во владении и под присмотром граждан, мог бы приносить доход городу, могущий, по возможности, покрывать издержки, произведенные на содержание того сада». Ходатайство по сему делу городской думы по уполномочию купеческого и мещанского обществ оставлено без последствий.

Комиссариатский чиновник, заведовавший тутовым садом, в 1857 году выбыл из Ставрополя, и сад опять поступил в распоряжение командира местной арестантской роты. Для осмотра практической школы шелководства по личному приказанию наместника приезжал в Ставрополь помощник управляющего Экспедицией государственных имуществ статский советник Витте, который, ознакомившись на месте с делом, в рапорте от 9 октября 1857 года №109 представил наместнику кавказскому доклад о состоянии в то время ставропольской практической школы шелководства и свои предположения о том, каким образом эта школа могла бы успешно влиять на развитие шелководства в губернии. Князь Барятинский 31 октября 1857 года №4451 препроводил рапорт Витте ставропольскому губернатору и потребовал его заключения.

Но рапорт этот долго провалялся в канцеляриях и только 22 декабря 1859 года, то есть через два года, дошел до Ставрополя. По проекту Витте надлежало, возможно, лучше устроить саму школу шелководства и, между прочим, предполагалось выкормку червей вести при бывшей духовной семинарии и Александровском училище (бывшая гимназия), а Палата государственных имуществ в своем заключении находила необходимым школу преобразовать в сельскохозяйственное училище с фермой, огородничеством и шелководством и дать ему 60 десятин земли, переводя его из города на Кравцово озеро. Срок учения определить в 4 года. Хотя тутовый сад со школой и перешел в ведение Палаты государственных имуществ, но предложения эти не были осуществлены и шелку за 6 лет было добыто (с 1858 года по 1863 год) только 1 пуд 26 $^1/_2$ фунтов, а затем и совсем прекратилась размотка.

Вследствие этих-то условий губернское правление 7 декабря 1868 года предписало городской думе: «Предложить Ставропольскому городскому обществу на обсуждение вопрос о том, как оно признает нужным поступить с тутовым садом и постройками, в нем находящимися, объявив притом обществу, как о цели сего сада, так и о том, сколько на него расходуется денег и какой от него получается доход, причем потребовать от общества, чтобы оно в приговоре своем, какой будет по сему делу составлен, подробно изложило основания — полезно ли сохранить этот сад за городом или выгоднее сбыть в частные руки, или же отдать в арендное содержание?». Городское общество приговором 19 октября определило: «Хотя на содержание тутового сада и расходуется ежегодно по 300 рублей и дохода с него не получается, но сбыт этого сада в частные руки с торгов не может принести выгоды, а отдача его в арендное содержание поведет к истреблению и совершенному опустошению произрастающих в нем деревьев. Поэтому общество признало [необходимым] оставить оный по-прежнему за городом с производством расходов на него [в] 300 рублей».

С того времени, с весны 1869 года, тутовый сад возвращен в полное распоряжение городского общества. Приняв от надворного советника Маркова тутовый сад, городская дума приговорила* опытного садовника и шелковода, своего же мещанина, для управления практическою школою, в которой находилось еще 5 учеников из мещан, и заключила с ним контракт на 3 года с платою ему по 150 рублей в год. Общее же наблюдение за садом общество поручило одному из членов думы.

Но и при новом управлении дело не пошло, и 4 мая 1870 года старший шелковод донес думе: «Так как семян (грены) нет для разведения шелковичных червей и удобного помещения для вывода и кормления шелковичных червей не имеется, то посему и производство коконов в настоящем году быть не может». И школа фактически закрылась. Таковы результаты шестидесятилетних стараний о разведении шелководства. В 1874 году сад перешел в собственность приказа общественного призрения в обмен на часть, прирезанную к городскому саду из усадьбы приказа, и впоследствии приказ продал его с торгов в частные руки.

Может быть, усердие чиновников оттолкнуло крестьян от этого занятия, а может быть, несродность нашего крестьянина к такому занятию, как думают некоторые, были причиною, по которой шелководство в нашей губернии погибло, хотя возможность его и даже процветание доказывается опытом помещика Реброва, владельца 2000 душ крестьян и 22 тысяч десятин земли. Ребров, страстный любитель шелководства и специалист, довел в своем имении качество и размотку коконов до такой высокой степени совершенства благодаря, конечно, даровому труду крепостных крестьян, и

* Так в тексте.

за его шелк платили в Москве по 400 рублей за пуд, тогда как помещики Скаржинский, Шангирей и другие продавали по 100 и по 120 рублей за пуд. В 1858 году Ребров умер 82-х лет, и с этого времени шелководство губернии окончательно прекращается.

* * *

Совсем в другом положении оказалось виноградарство и виноделие. Поощрялось разведение винограда, и в 1807 году разрешено было выдавать ссуды под залог виноградных садов. Они быстро привились в прикумских селах, особенно в Прасковее; вино прасковейское приобрело известность во всей России.

Но и в отношении этого занятия долго существовало убеждение, что в других местах губернии виноградная лоза расти не может, пока опыт священника Воскресенского в восьмидесятыхх годах XIX столетия в селе Петровском не доказал ошибочность этого мнения, и в настоящее время в Петровском выделывается собственное вино хорошего качества и виноградные сады вошли в обиход хозяйства жителей.

Есть основание думать, что и поблизости Ставрополя в древности виноделие существовало, по крайней мере, в хуторах по реке Ташле, в Московском и Пелагиаде найдены при археологических раскопках кувшины, в которых содержалось вино, и следы продажи его — землянки-чихирни.

* * *

Уклад хозяйственной жизни совершался постепенно и зависел в значительной мере от того, что переселение из внутренней России продолжалось. Так, по отчету Палаты государственных имуществ за 1844 год переселенцы шли в 1844 году из губерний: Курской, Орловской, Полтавской, Харьковской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Воронежской и Саратовской. Условия жизни и климат на родных местах были далеко не те, какие они нашли на Кавказе, где, главным образом, их изнуряла лихорадка, и они не могли не отягощать жизни уже осевших поселенцев. Тяжелое положение поселенцев вызывало необходимость выдачи денежного пособия, и 1844 году было выдано 25504 рубля[62].

Но были и другие причины тяжелого положения переселенцев. Они не могли прочно сесть на место по приходе и бродили по области, что, конечно, не могло не препятствовать их обзаведению и упрочению благосостояния. А это шатание вызывалось тем, что до получения окончательных сведений о переселенцах от палат с мест их ухода им не дозволялось строиться, чем и вызывалось шатание. Такое стеснительное распоряжение вызывалось условиями крепостной жизни: переселиться могли только свободные. Последовавшее разрешение МВД строиться, не выжидая доставления окончательных сведений, облегчало положение крестьян и подвинуло дело заселения кавказских степей.

Но существенной причиной перехода крестьян с места на место уже по водворении здесь было плохое качество воды и даже ее недостаток. Крестьяне постоянно обращались с просьбами о перемене избранного или указанного им места для поселения. ПГИ признала необходимым исследовать качество воды, но едва ли эти исследования повели к чему-либо, потому что тут же палата говорит, что если окажется вода негодная, то пригласить мастеров для вырытия в том же грунте колодцев, в которых была бы доброкачественная вода.

Вопрос о воде до настоящего времени в Ставропольской губернии составляет большую заботу и только в тех местах, где пробиты артезианские колодцы, он разрешился благополучно, поэтому можно утвердительно сказать, что предположение ПГИ не имело никакого практического значения, тем более что палата прибавляет, что департамент, одобрив представление палаты об исследовании воды, предписал сделать это через лекаря, но такого не оказалось, и потому предложение не получило осуществления.

В особенности плохо жилось переселенцам из Полтавской губернии и однодворческим крестьянам[63].

Но земли было очень достаточно, и на каждую душу приходилось по 30 десятин, кроме угодий, которые общество брало в оброчное содержание. Что касается платежей, денежных сборов в виде оброчной подати и на содержание дорог и прочего, то население не было отягощено; так, оброчная подать и на содержание дорог взималось* по 2 рубля 58 копеек и 95 копеек с души. Земские сборы определялись высочайше утвержденной сметой — от 41 $^1/_4$ копейки до 61 $^1/_4$ копейки с души, общественные и мирские сборы — до 57 $^1/_4$ копейки с души. Хотя числилась недоимка, но она была в сумме 22096 рублей по Ставропольскому округу, что составляло по 37 $^1/_4$ копейки на душу, а по Пятигорскому она равнялась 2046 рублей, то есть на одну душу приходилось по 12 $^3/_4$ копейки. Но и эта недоимка не подлежала взысканию, так как была неправильно начислена казенной палатой. Натуральную повинность (подводы, верховые-стражники и прочее) можно оценить в 4 рубля на двор или по 1 рублю на душу, квартирную по 1 рублю на двор или по 25 копеек на душу.

---

* Так в тексте.

Годы	Число душ	На душу		Податей со всего села	
		руб.	коп.	руб.	коп.
1800	352	2	86	1007	02
1810	400	4	80	1920	87
1813	685	6	—	4110	—
1814	671	3	—	2013	—
1817	666	3	06	2041	60
1822	676	12	—	8112	—
1823	676	6	—	4056	—
1824	630	6	19	3900	—
1825	652	5	71	3723	—
1826	682	6	15	4194	30
1828	524	8	93	4679	95
1829	679	9	63	6542	38 1/2
1830	683	6	15	4200	48
1831	577	8	77	5160	24
1838	760	3	36	2665	11
1840	По окладному листу			1500	—
1851	По окладному листу			5695	—

Но, в общем, движение поселенцев не было особенно бойким. По данным того же 1844 года, в ведомстве палаты состояло государственных крестьян и других свободных сословий (званий) сельских обывателей ревизских душ: 40928 мужского пола, 38200 женского пола — всего 79128 обоего пола. К этому числу надо прибавить прибывших после ревизии [душ] 19546 мужского пола, 16244 женского пола, колонистов: 6 мужского пола, 7 женского пола; другого рода обывателей: 988 мужского пола, 639 женского пола — всего 61468 мужского пола, 55090 женского пола, что составит общее число 116558 душ обоего пола[64]. Если к этому числу прибавить прибывших собственно в 1844 году: 1204 мужчин, 1187 женщин и родившихся 4866 мужчин, 4186 женщин, то получится 127981 душа обоего пола, и за исключением умерших 4881 души обоего пола, население губернии выразится в 123100 душ обоего пола за 60 лет ее существования. Так как крепостных крестьян в нашем крае не было, а приведенных из России было очень мало, то они и не могут оказать значительного влияния на указанное число душ населения при общем подсчете, и что это число надо принять за действительное, так как сведений о крепостных нет.

Уже из числа вновь прибывших можно видеть, что водворение новых поселенцев шло не очень бойко, и за время с 1838 года, со дня открытия Палаты государственных имуществ, до 1844 года не было образовано новых крестьянских обществ (ни волостных, ни сельских). Надо принять во внимание еще и то, что Кавказская область охватила не только Ставропольскую губернию, но и уезды Пятигорский и Кизлярский, а потому населенность кавказской территории того времени была слаба, а простор был огромный.

* * *

Тяжело отзывались на поселенцах суровые зимы, бывшие в 1779, 1780, 1781 годах, и другие бедствия. В 1779 году семь полков, возвращавшихся с Кавказа на Дон, сильно потерпели, многие пришли пешие, больные, с отмороженными частями тела вследствие снежных метелей. В эти годы погибло до полумиллиона скота, лошадей, овец. В 1783 году была жестокая зима, и был неурожай хлеба и трав.

В 1781 году саранча истребила все посевы и травы. От этого вредителя долго страдало население губернии. В 1779—1780 годах была на Дону чума, а в 1810—1812 годах и в Ставропольской губернии.

В 1809 году померзли деревья: дуб, ясень, карагач и другие, а в октябре расцвели плодовые деревья. В 1833 и в 1848 годах весна и лето были неимоверно жаркие, все погорело, но осенью цвели яблони и дали плод.

В 1830, 1832 годах была холера, в 1847, 1848, 1866, 1870, 1871, 1872 и 1893 годах она повторилась. В 1874, 1875 и 1876 годах были неурожаи подряд. В 1860 году саранча истребила посевы.

В 1885 году дул 3 месяца северо-восточной ветер и была засуха, вследствие которой не было ни хлеба, ни трав[65].

В 1895—1896 годах была снежная зима, а в 1897—1898 годах выпало необыкновенное количество снега. Такие колебания в температуре не могли не отражаться, как на здоровье поселенцев, так и на их хозяйстве: скот и овцы погибали, а эпидемии и саранча дополняли общее тяжелое положение[66].

К этому надо присоединить и сильные ветры, доходящие иногда до урагана, как летом, так и зимой. В 1860 году была страшная метель с морозом до 13°, снегом были засыпаны все балки, ложбины и долины рек Ташлы, Егорлыка, Буйволы. Метель была в марте и продолжалась полторы недели. Но скотоводство улучшилось: на семью в 5 душ было 2 лошади, 10 штук рогатого скота и 26 штук мелкого скота. Были табуны лошадей у крестьян.

Таким образом, массовое передвижение, начавшееся в 1784 году, давшее вначале целый ряд сел, не было в дальнейшем таким обильным и даже приостанавливается на некоторое время. Болезни, главным образом лихорадки, создают недобрую славу Кавказу, и он стал называться «погибельным».

Но с шестидесятых годов ([в] 1861 году «освобождение крестьян») положение резко меняется; крестьяне после так называемого «освобождения» двинулись в разные стороны, и Кавказ был главным местом поселения безземельных крестьян. Раньше здесь укрывались, как мы видели выше, беглые крестьяне из крепостных, спасаясь от преследования помещиков и правительства, а теперь пошел сюда совершенно безземельный человек. Этот прилив внес в жизнь оживление и ту дешевую хозяйственную силу, «рабочие руки», которой не доставало Ставропольской губернии.

Приведенные в таблицах* официальные данные не охватывают всего прилива поселенцев, как по несовершенству способа собирания сведений того времени, так и потому, что они имеют в виду уже приписавшихся, осевших, а остальная масса от статистики ускользает. Тем не менее важно остановиться на таблицах 4 и 5 о посевах у государственных крестьян.

Прибывший люд принес с собою разные мастерства: там были плотники, бочары[67], кузнецы, полстовалы[68], и производительность края повысилась. Если со дня массового водворения с 1784 года до 1825—1830 годов развитие хозяйства замедлялось постоянными нападениями хищников, и с 1825 года открытие усиленных военных действий против горцев и в сороковых годах появление грозного Шамиля в горах не могло не отзываться на сельскохозяйственном труде вплоть до 1864 года, до покорения Западного Кавказа. Таким образом, этот год надо считать началом развития трудового хозяйства в Ставропольской губернии, которое достигло наибольшего развития в восьмидесятых годах и потом шло все больше и больше вперед.

* * *

В хозяйственной жизни губернии огромную роль сыграли падежи скота. Но когда именно они начались, сведений точных нет, но можно предположить, что эпизоотии были здесь известны и до заселения края русскими, хотя жалоб на это от калмыков, у которых было много скота, не было слышно. Правда, калмыцкий красный скот при своей необыкновенной выносливости и в отношении заболевания чумой обладает иммунитетом, но, вероятно, случаи заражения были возможны. Изолированность стад, как калмыцких, так туркменских и ногайских, и затруднительность сношений благодаря бывшим враждебным отношениям в то время между этими народами, конечно, оберегали от заноса заразы, если она и появлялась в том или ином месте. Во всяком случае, скотоводство было развито на Кавказе, и нет данных, чтобы скот в массе погибал от заразительных болезней. А между тем картина чумной болезни так тяжела и гибель скота на глазах хозяев поголовно в несколько дней, какую приходилось нам наблюдать в разных селах Ставропольской губернии и Кубанской области в семидесятых годах, так удручающе действует, что не оставить воспоминаний о себе не может.

Равным образом она должна была отозваться и на количестве скота, но скот не вымирал, и русские нашли на Кавказе большое скотоводство и хорошую породу скота (красный калмыцкий скот). Высокие качества этой породы признаны ветеринарией, и разведение этой породы в последнее время усиленно рекомендовалось.

Беря следующий период с 1869 года (см. таблицу 6 за время с 1869 года по 1878 год), мы видим, что скотоводство в губернии у крестьян было.

---

* См. таблицы 1—12 на страницах 520—535.

В 1879 году скотоводства* у крестьян разных наименований было:

Лошадей	72083 головы
Рогатого скота	518902 головы
Овец и коз	1725663 головы
Буйволов	19 голов
Верблюдов	12 голов
Свиней	98783 головы
Итого:	2415462 головы

Эпизоотические болезни скота 1879 года достигли довольно сильной степени развития; из этих болезней были: чума рогатого скота и овец, кровавая моча. Чумою заболело 11177 голов, пало — 6378; кровавою мочой заболело 12421, пало — 9628 и от других болезней пало — 800. Врачей не было, и мер не принималось. Но, тем не менее, на семью были 1 лошадь, 8 голов рогатого скота крупного и 26 мелкого. В 1867 году скота было 436364 крупного и 1116170 мелкого. По дальности расстояния врачебная помощь успеха не имела, и впервые возник вопрос об устройстве врачебного пункта.

* * *

Что касается самой обработки земли и вообще земледелия, то оно у пришедших поселенцев стояло очень низко. В этом отношении имеем достоверное свидетельство современника, давшего описание хозяйств губернии в 1804 году[69].

«Для землепашества Кавказской губернии, — говорил Ровинский, — лучшие земли видимы на возвышенном месторасположении, где лежат Ставропольский, Александровский, Георгиевский уезды и часть Моздокского; и чем ближе к северо-западу или к Кавказским горам, тем лучше для хлебородия находится почва. В Ставропольском уезде черноземистая земля в иных местах имеет слой толщиною более 10 вершков; но чем дальше к востоку и югу, — тем тоньше этот слой на полях Александровского уезда по западной и северной части также черноземистая почва.

В Георгиевском и в северной части Моздокского уезда встречаются черноземистые площади; к востоку, а особливо к югу почва чернопыловатая, составляет удобную для хлебородия землю. Южная часть Моздокского и все Кизлярского уезда пространство, имеющее низкое и ровное местоположение, состоит из желтоватой глины, иловатых солончаков и песков, между коими находятся площади серопыловатой земли, на коей тамошние посевы с помощью учрежденной поливы произрастают» (с. 497).

«Каждое селение на каждую душу имеет по 15 десятин земли. Оную ничем не удобряют. Разделяют обыкновенно на три поля и, по снятии с каждой полосы три посева разного хлеба, оставляют отдыхать, по крайней мере, на три года, а между тем распахивают для посева новые земли. Таким образом, переменяя через каждые 3 года пашни, ожидают удобрения оных от природы: в том состоит все возделание в сей стороне земли» (с. 497—499).

«Во всех кавказских уездах для землепашества употребляются обыкновенно малороссийские плуги, в кои для орания новой земли впрягают 4 или 5 нар быков. Некоторые хозяева имеют и малые плуги, и для пахания новой земли впрягают в них две пары, а по вспаханной можно орать и одною парою быков, или три лошади впрягают.

Распаханные же плугами земли изредка пашут обыкновенными сохами и косулями, однако ж, по большей части такие люди, кои еще не имеют своих быков. Малые плуги подобны тем, какими пашут в саратовских немецких колониях. Молотят на токах разным образом: кизлярские азийцы — балбами, а русские крестьяне по всем уездам — иные гоняют по снопам скот или молотят обыкновенными цепами» (с. 500—501).

«О посевах хлеба кавказские землепашцы по новости своей, так же как о возделании земли, кажется, не великое знание имеют; и весьма мало из них таких людей, кои бы старались иметь точную меру для посева какого-либо семени, также сколько от посеянной меры в какое лето урожая и неурожая быть может. В Ставропольском, Александровском и Георгиевском уездах сеют хлебы таким образом: на новораспаханной полосе или, как они говорят, на загоне первое лето сеют просо; по снятии коего в другое лето сеются или пшеница, или рожь; в третье лето — ячмень или овес, или иной хлеб» (С. 501).

* Так в тексте.

«Таким образом, сделавши посевы три лета на одной полосе, оставляют оную отдыхать или запасаться своими соками на три года, а между тем пашут каждое лето новую землю для посева проса, которое сеют всегда на новой земле и тем умножают такое количество распаханной земли, сколько каждому хозяину потребно для посевов своих» (С. 501—502).

«Впрочем, сии полосы или загоны не токмо в каждом уезде, но даже в каждом селении, как в рассуждении пространства удобной земли, так и по качеству оной, различные имеют меры. Почему и посевы хлебов разные причиняют урожаи, а вообще в Кавказской губернии, по ведомостям Ставропольского уезда, значится урожаи хлеба следующий: просо от одной посеянной меры приносит урожая до 90 мер, пшеница яровая — до 8, рожь яровая — до 6, рожь озимая — до 7, ячменная — до 8, овес — до 8, горох — до 7. Пшеница больше сеется кубанская, коей остистый колос, подобный ячменю, имеет довольно крупные зерна, а мука сей пшеницы в печеном хлебе желтовата. Впрочем, сей урожай хлеба означен в благополучные годы в Ставропольском и Александровском уездах; а в Георгиевском и Моздокском чем ближе к югу, тем менее сей урожай быть может» (С. 502—503).

«Конопля и лен, коих еще в малом количестве разведено, слабый урожай оказывают, что может происходить от того, что крестьяне по новости своей еще выбора и удобрения земли сделать не умели. В Кизлярском уезде озимая пшеница от одной посеянной меры приносит урожая до 8 мер, озимая рожь — до 7, ячмень — до 8. Вышедшие из Персии армяне начинают разводить персидское или сарацинское пшено и дербентскую пшеницу, но по кратковременному начальному их посеву и о количестве урожая еще неизвестно» (С. 504).

«Во всех уездах, городах и селах сеются на полях и родятся во множестве арбузы, дыни и тыквы. Сверх того разного рода известные огородные зелени, также бобы и фасоли почти в каждом селении в огородах произрастают. Что принадлежит до хрена, то он и дикой в степях родится и бывает толщиною вершка четыре» (С. 505).

Что касается цен на скот, то упряжной бык продавался [за] 50—60 рублей, а корову можно купить от 8 рублей и дешевле[70].

* * *

Мало подвинулось дело в отношении обработки земли и через 70 лет, и в отчете за 1874 год дается следующая характеристика: «Обработка почвы под посевы заключается, как и везде, в пахании и боронении. Пашут твердую землю обыкновенными малороссийскими плугами, запрягая для того от 6 до 8 пар волов, смотря по степени твердости почвы, или же сохами в одну и две пары, или, наконец, в одну лошадь. Немецкими плугами пашут одни только колонисты. Бороны деревянные в общем употреблении. Усовершенствованные земледельческие орудия представляют редкие исключения. Плутами пашут от 4 до 5 вершков, редко глубже, а сохами — от 3 до 4 вершков и то только рыхлую землю. Более глубокая распашка сохами немыслима, а плугами даже невозможна, потому что, если твердая земля перед распашкою не смочена дождем (а это в свое время случается редко), то ее и вовсе нельзя пахать. Пашня никогда не бывает так тщательно обработана, то есть измельчена, как это делают в более северных губерниях... Поле боронят или, по местному выражению, скородят не очень гладко и оставляют на загоне комья и целые дерновые пласты, которые способствуют задержанию в почве большого количества дождевых вод, а сохраняя долее между неровностями пашни снег, защищают зерна от выдувания ветром и вымерзания. Часто сеют на почве предварительно распаханной и такой посев называют наволоком. Так, например, после бакши[71] сеют лен или после льна — озимую пшеницу. Вообще в степном хозяйстве Ставропольской губернии нет никаких правил относительно времени посева озимого и ярового хлеба... Словом, рационального ведения сельского хозяйства нет ни в чем...»[72].

Приведенная ниже таблица 7, составленная по сведениям за 1874 год, показывает количество посева и далеко не разнообразный состав посевных семян, а следующая говорит о том, что из этого состава семян некоторые в большинстве селений совсем не разводятся. В следующих селениях не было в 1874 году посеяно и вообще не разводится некоторых злаков[73].

	Уезды			
	Ставропольский	Александровский	Новогригорьевский*	Медвеженский
Ржи	В селе Константиновском сел. Дубовке отс. Казинке дер. Кононовке	В селе Журавке Отказном Нагуты Канглы	В селе Урожайном Левокумском Правокумском Предтеченском	

* Ныне Благодарненский и Святокрестовский уезды. (Прим. автора)

	Уезды			
	Ставропольский	Александровский	Новогригорьевский	Медвеженский
Пшеницы (яровой кубанки)		В селе Удельном Журанке Чернолесском Солдатско-Александровском Отказном Новозаведенном Обильном Нины Новогригорьевском сл. Александровской Крымгиреевской Канглы	В селе Урожайном Прасковейском Чограй (Арзгир) Покойном Архангельском Величавом Правокумском Левокумском сл. Владимировке Бургон-Маджары Маслов Кут Благодарном Бурляцком Спасском Сотниковском Шишкином Ореховском Высоцком Петровском Донско-Балковском Камбулат Здвиженском	
Льна	В селе Донском Птичьем кол. Иогансдорф	В селе Канглы	В селе Величавом	В селе Летницком
Гречихи	В селе Тугулуке Константиновском Московском Донском Новогригорьевском Безопасном Птичьем дер. Кононовке	В селе Новоселицы Китаеве Удельном Журавке Чернолесском Грушевском Солдатско-Александровском Отказном Новозаведенным Обильном Новогригорьевском сл. Александровской селе Нины Саблинском Крымгиреевском Канглы	В селе Прасковейском Чограй селе Покойном Архангельском Урожайном Величавом Левокумском Правокумском сл. Владимировке Масловом Куте Бургон-Маджары селе Благодарном Елисаветинском Бурлацком Спасском Сотниковском Сухой Буйволе Шишкином Ореховском Высоцком Александрии Петровском Донской Балке Малых Ягурах Камбулате Казгулаке Овощах Винодельном Дербетовке Дивном Рагулях Предтеченском	В селе Медвежьем Ладовской Балке Белой глине Новопавловском отс. Кулешонском Среднеегорлыкском Летницком Жуковском Привольном Богородицком Поливянном Николаевском Развильном Сандате Ивановском Красной Поляне Новоегорлыкском Новоманычском Баранниковском Воронцовском отс. Шаблиевском д. Александровской

Между тем производительность черноземной и дерновой почвы так велика, что земля здесь никогда не удобряется. В ней так много естественного плодородия, что если только случится вовремя дождь, то и без удобрения получается превосходный урожай. Нередки бывают годы, когда поле само собою обсевается. Такие всходы называются падалицею.

Сведения за данный год важны в том отношении, что в дальнейшем условия сильно меняются благодаря проведению Владикавказской железной дороги, и хозяйственная жизнь губернии стала находиться в зависимости от требований крупных рынков, как внутренних, так и заграничных.

Но время шло и небесполезно проходило для хозяйства. Для указания развития постепенного успеха в хозяйстве приведем данные о распространении усовершенствованных земледельческих орудий и машин, которыми располагало собственно коренное крестьянское население губернии, наглядно свидетельствующие о введении наиболее рациональных технических приемов и способов в земледельческой культуре. Приводимые в таблице[74] параллельные данные за 1882 и 1891 годы о числе орудий говорят, что в течение десятилетия крестьянское население губернии воспользовалось услугами сельскохозяйственного машиностроения. Если число названных сельскохозяйственных орудий в 1882 году не могло оказывать существенного влияния на обычно практикуемые в крестьянском хозяйстве приемы обработки земель и способы очистки и сортировки зерновых хлебов, то данные за 1891 год дают полное основание утверждать, что в сфере указанных сельскохозяйственных операций произошло коренное изменение, и сделан заметный шаг в направлении к более совершенному и рациональному их производству. Число орудий значительно возросло по каждому уезду, и в общем число пахотных орудий достигло внушительной цифры — 16747.

Названия орудий и машин	Число усовершенствованных землевладельческих орудий и машин				
	В 1882 году				Итого в 1882 году
	Ставропольский уезд	Александровский уезд	Новогригорьевский уезд	Медвеженский уезд	
Молотилки:					
паровые	1	1	2	11	15
конные	81	66	21	389	557
Сеялки	”	”	1	”	1
Плуги	1	6	2	124	133
Конные грабли	”	3	2	6	11
Веялки	8	27	6	90	131
Жатвенные машины	”	7	5	28	40
Косилки	”	5	1	14	20
Итого:					908

Названия орудий и машин	Число усовершенствованных землевладельческих орудий и машин				
	В 1891 году				Итого в 1891 году
	Ставропольский уезд	Александровский уезд	Новогригорьевский уезд	Медвеженский уезд	
Молотилки:					
паровые	7	5	1	20	33
конные	101	124	29	249	503
Сеялки	2	1	10	11	24
Плуги	2226	3439	4680	6402	16747
Конные грабли	13	50	88	60	211
Веялки	854	966	305	2214	4339
Жатвенные машины	19	72	53	76	220
Косилки	9	104	157	67	337
Итого:					22464 [22414]

Теперь важно остановиться на данных, которые имеются к концу XIX века[75].

«Переход на трехполье и многополье, который Центральная Россия совершила сравнительно давно, Ставропольская губерния делает лишь теперь, в наши дни. Но зато она делает его усиленным темпом, хроника губернской жизни в местных газетах теперь переполнена известиями об открытии в разных селах курсов по сельскому хозяйству, о чтении отдельных лекций по садоводству, огородничеству, животноводству. Устраиваются местные выставки, посещают опытные ноля. Спрос на сельскохозяйственные орудия возрос неимоверно. Агентства по продаже машин делают прекрасные обороты.

Теперь не только травосеяние получило права гражданства, но начали заниматься даже разведением специально кормовых корнеплодов. Вот, например, небольшой отчет о развитии травосеяния в Александровском уезде. В минувшем году было посеяно люцерны: в селе Журавском 2 десятины 2370 сажен, в селе Китаевском 1985 квадратных сажен, в селе Томузловском 2 десятины 2370 сажен. Могара: в селе Журавском — 1000 квадратных сажен, в селе Китаевском — 450 квадратных сажен, Томузловском — 2190 квадратных сажен, Чернолесском — 50 квадратных сажен, Новоселицком — 1200 квадратных сажен. Кормовой свеклы: в Журавском — 3475 квадратных сажен, Китаевском — 351 квадратная сажень, Томузловском — 4630 квадратных сажен, Чернолесском — 155 квадратных сажен. Кормовой моркови: в Китаевском — 730 квадратных сажен, Томузловском — 240 квадратных сажен. Костра безостого в Томузловском — 100 квадратных сажен. Всего в отчетном году занимались травосеянием и разведением кормовых корнеплодов 76 домохозяев»[76].

Очень определенно вырисовывается прогресс в земледелии при сравнении числа различных земледельческих машин за отдельные годы. Если взять только 1898—1900 годы, то и за этот трехлетний промежуток количество машин увеличилось почти вдвое. Увеличение шло особенно сильно у крестьян, что видно из приведенной таблицы. Характерно то обстоятельство, что особенно сильно увеличивается количество машин, работающих не конной или ручной тягой, а паром. Это бросается в глаза при сравнении увеличения паровых и конных молотилок. Конец прошлого столетия и является гранью, отделяющею старое беспринципное или, вернее сказать, принципиально хищническое хозяйство от первых шагов критики и использования того, что добыто наукой и более богатой опытом чужой практикой.

В отношении пространства губернии, ее земельного фонда, то он к концу XIX века составлял 5077227 десятин (по сведениям 1893 года). В 1894 году было 4970426 десятин, из которых у крестьян было 3678624 десятины, из этого числа надельных земель — 3004567 десятин, у частных владельцев было 406159 десятин. Удельное ведомство имело 112755 десятин, казна — 98015 десятин, города — 39926 десятин и монастыри, церкви и др. учреждения — 17202 десятины. Таким образом, из всей площади у крестьян оказалось 81,7 %. Характер землевладения с самого начала определился общинный, и попытка подворного владения успеха не имела. Земельный простор определил характер местного хозяйства, поставив на первый план земледелие, и таковым он остался и до настоящих дней.

Развитие хозяйственной жизни шло в губернии, что называется, ощупью, и, несмотря на все невзгоды и потрясения, поселенцы вышли победителями и губерния стала житницей России. Крестьяне оценили машинный труд и с восьмидесятых годов начинают применять паровые молотилки, а в 1893 году было всех усовершенствованных земледельческих орудий 22464 штуки. В 1900 году было жатвенных машин у крестьян 4669 штук, а у владельцев — 3358.

Проведение Владикавказской железной дороги оказало влияние и на состав посевных семян, благодаря спросу и удобству вывоза; стали разводить масличные растения, число которых растет: в 1895 году посеяно 199794 пуда, в 1896 году — 350931 пуд и в 1900 году — 402935 пудов[77]. Больше всего в губернии высеивается озимых хлебов, и количество их за последнее десятилетие XIX века увеличилось больше чем в 10 раз. В 1893 году было посеяно 297501 пуд, в 1897 году — 3976393 пуда и в 1900 году — 3925768 пудов. Яровые также поднялись, как корнеплоды и масличные. В 1900 году всех зерновых, корнеплодов и масличных было посеяно 7782606 пудов и из них яровых было 3925768 пудов. Ржи высеивается мало по сравнению с пшеницей. В 1898 году было собрано озимой пшеницы на Северном Кавказе 61358 тысяч пудов; яровых — 25274 тысяч пудов; в 1899 году — озимой — 71202 тысячи пудов, яровых — 24021 тысяча пудов; в 1900 году — озимой — 66426 тысяч пудов, яровых — 28190 тысяч пудов. Увеличился посев проса благодаря требованию инородцев.

В отношении количества посевов Ставропольской губернии сравнительно со всем Северным Кавказом имеем следующие цифры: в 1898 году собрано всего урожая 169814 тысячи пудов, в губернии — 47933 тысячи пудов; в 1899 году на Северном Кавказе — 168360 тысяч пудов, в губернии — 51108 тысяч пудов, 1900 год на Северном Кавказе — 187024 тысячи пудов, в губернии — 56373 тысячи пудов. Следовательно, губерния производит 1/3 всего урожая, она занимает второе место, и соперничает с нею Кубанская область.

Что касается количества урожая, какого достигла губерния сравнительно с урожаем всей бывшей империи, то он составляет за 1898, 1899 и 1900 годы — 1,5 %, 1,4 % и 1,6 %, а в отношении льна за те же годы она дала 8,1 %, 8,0 % и 12,7 % имперского сбора. Огородничество тихо* развито; консервный завод и томатный появился только в конце 1899 года. Виноградников в губернии 3444 десятины.

---

* Так в тексте.

* * *

Скотоводство. В 1875 году было калмыцких и ногайских овец 296912 штук, волошских 5513 штук и не было тонкорунной, которая появляется с 1883 года, и в 1900 году было тонкорунной у частных владельцев 1500000 штук и у крестьян 1400000 штук. Лошадей было у крестьян в 1891 году 107405, у частных владельцев — 8189, а в 1900 году у крестьян — 182550, у частных владельцев — 26450 штук. Крупного скота было у крестьян в 1900 году 707354 штуки, у частных владельцев — 117619 штук. Но рядом с ростом хозяйства стали с течением времени все больше и больше появляться дворы, не имеющие овец. Бобылей в губернии оказалось в 1900 году 4340 дворов.

Промышленность остается слабой; имеются заводы: кожевенные, мукомольные мельницы, кирпичные и гончарные. В 1865 году в отчете губернатора указано 2 табачных, 2 ватных фабрики; заводов всех — 169, маслобоен — 119, мукомольных мельниц, круподерок и пр. — 1394. В Ставрополе хлопчатобумажная фабрика хорошая и кирпично-кафельный завод (б. Крупинского).

* * *

1861 год, «освободив» массу крестьянства, при возможности для крестьян, бывших крепостных внутренней России, передвигаться в другие места сильно отразился на ходе развития хозяйственной жизни и в нашей губернии, дав значительный прилив поселенцев. Водворение крестьян идет на свободных землях, оставшихся за уходом ногайцев в Турцию. Все это сказалось на общем положении, и поселенцы углубляются уже в степь, не страшась нападения калмыков, и степь оживает — возникают хутора. 1864 год — год падения самостоятельности Западного Кавказа — также имел громадное значение, обезопасив поселенцев от тех вторжений «хищников», от которых так страдали удаленные прикумские села в пятидесятых годах. Скотоводство растет: в 1867 году числится 436364 головы крупного скота и 1116170 мелкого; в 1878 году — 3 миллиона [голов] скота.

В 1878 году числится 81 селение, имеются хутора, и их насчитывается 198. Простор земельный тянет, и земля измеряется уже не калмыцкой мерой — 4000 квадратных сажен в десятинах, а хозяйственной — в 3200 квадратных сажен. На крестьянский двор в 4 души приходится 1 лошадь, 8 голов крупного скота и 26 мелкого; у крестьян появляются лошади улучшенной породы.

Приводимая таблица 12 дает общую картину земельного хозяйства за последнее десятилетие XIX века.

* * *

Ставропольская губерния к моменту начала империалистической войны (1914 год) была в полном расцвете своих хозяйственных сил и в течение войны понесла тяжелые потери как людьми, так и своими хозяйственными сбережениями, с чего началось ее обессиление.

×àñòü 3. Áûòîâàÿ ñòîðîíà [æèçíè ãóáåðíèè]

К условиям быта, несомненно, относится и просвещение, грамотность населения. Вербовка 1784 года желающих отправиться па поселение на Кавказ не ставила условием знание грамоты хотя бы самого примитивного свойства. И в ведомости, составленной по этому поводу, нет рубрики «грамотный, неграмотный», и от поселенцев не требовалось собственноручно записываться в составляемый список. Возможно, что власти, заведовавшие этим делом, в обеспечение правильности составления списков и предлагали записываться тем, кто сказывался грамотным, но это не было обязательным и сами списки до нас не дошли. Но с полной уверенностью можно сказать, что между поселенцами были люди грамотные, «книжные», и число их было немалое.

Мы уже говорили в исторической части о той роли, какую играли в деле переселения однодворцы, и вот они-то и были грамотными, имели в своем распоряжении книгу и даже проявляли интерес к знанию помимо изучения и чтения псалтыри и часослова, и вообще богослужебных книг. Они принесли с собою грамоту на Кавказ и были первыми рассадниками просвещения в новом краю. Конечно, лица, выходившие по своему развитию за пределы примитивной грамоты, были единицами, но, тем не менее, они были, и потребность к дальнейшему учению у них заглохнуть не могла[78]. Но условия, в которых приходилось жить на новых местах, на «погибельном» Кавказе, каким он в это время и был, далеко не благоприятствовали развитию просвещения.

Что касается книг гражданского письма, книг, относящихся к литературе, с научным содержанием, то их в XVIII веке было очень мало, и они не были доступны массам как по своей малочисленности, значительной дороговизне, так и по своему содержанию или вернее по способу изложения. И теперь такую книгу с трудом одолеваешь, обладая знаниями и высшим образованием, а в условиях того времени она была совсем за семью печатями. А между тем вопросами, которые затрагиваются в таких книжках, очевидно, интересовались, и философия, вопросы духа не были чужды современникам.

Возьмем для примера сочинение Иоанна Арндта «Об истинном христианстве с присовокуплением райского вертограда». Сочинение в шести книгах высоко-богословского характера трудно и утомительно для обыкновенного читателя и мало понятно даже для человека образованного. А между тем читатели, очевидно, находились, так как книжка переведена с немецкого, нашла себе издателя

«иждивением Кальчугина» и напечатана в университетской типографии в Москве, причем сочинение старое, появившееся еще в 1620 году. В четвертой части помещены и письма политического характера по богословским вопросам. У нас это сочинение появилось в конце XVIII века и напечатано в 1801 году. Книжка имеет 546 страниц убористой печати. В первой части имеются такие главы: «О внутреннем человеке», «О духовных упражнениях нового внутреннего человека», «О слове Божии, из которого новый внутренний человек аки из семени божественного рождается» и другие. Словом, вопросы, требующие большой подготовки для понимания.

Другая книга — «О сновидениях и лунатиках» в 552 страницы сочинения Юста Христиана Гетнинга, перевод с немецкого, — напечатана в 1805 году. Сочинение научно обставлено и содержит посвящение русских переводчиков епископу города Костромы. Нахождение таких и подобных книг у нас в среде прибывших поселенцев указывает, что эти книги принесены кем-либо из поселенцев и ими дорожили. Конечно, подобные читатели были единичным явлением, а вся остальная масса пришедших была безграмотна, за исключением однодворцев, среди которых грамотность существовала. В личных беседах со стариками-однодворцами, которые помнили старину, мы убеждались в том, что книжность в этой среде была, так сказать, обычным явлением, и отец и дед были грамотные, письменные* люди.

Но уже внуки первопришедших представляли другой тип. Это полуграмотные простолюдины, совершенно далекие от тех вопросов книжности, какими интересовались их предки. Они только помнили, что у дедушки их был «сундучок с книжками», но потом эти книжки растерялись. «Кто их будет читать, — добавляли внуки, — мы все в работе, с десяти лет пошел чабановать; книжки ребята изодрали». Так говорили внуки, нисколько не сожалея о потере того, чем так дорожили деды. Семья, хотя и зажиточная, но стала чисто крестьянской, погрузившейся в работу и живущей интересами низшего порядка. Заветный сундучок еще долго держался, а затем и его следы исчезли. Словом, тщательное знакомство с населением в этом направлении привело к убеждению, что уровень развития культурности семьи, бывшей первоначально «книжной», понизился в значительной степени.

Конечно, причиной были те условия, в которых приходилось жить на Кавказе в тревоге и опасениях. Но и хозяйственная жизнь — широко развившееся накопление «худобы» (скота), запашка — поглотила все внимание поселенцев и создала ему другие интересы. В данное время уже нельзя встретить в среде местного крестьянского населения книг, подобных указанным выше, и стремления как отцов, так и детей постигнуть недоуменные* вопросы.

Таким образом, не считая тех счастливых одиночек, которые были книжные и письменные люди, просвещения и правильно поставленного обучения грамоте не существовало в первое время заселения губернии и забот к этому со стороны правящей власти не прилагалось. Хотя существовали указы Екатерины II о пользе грамоты, но на месте они не приводились в исполнение. Но обучение все-таки шло, и маленькие школы в избе частного лица возникали из потребности самого населения. Относительно этого обучения трудно сказать что-либо в защиту или в порицание его, так как ни школьных книжек, ни бумаги не было, один засаленный букварь — вот и все, чем могла располагать такая школа!

* * *

В лучшем положении в этом отношении были казаки. Постоянные тревоги благодаря угрозам, которые представляли горцы своими нападениями, вызывали необходимость обязательной осмотрительности и своевременной подачи известий об опасности. А при таком положении, конечно, необходимо [было] всякое сообщение и следовавшее по этому сообщению распоряжение закреплять, а не ограничиваться одними словами, так как все это имело своим последствием военные действия и, следовательно, восходило до известных высших начальственных лиц. Письменные сообщения о тех или других опасностях и о состоянии казаков в отношении годности к обороне и отчетности в расходах сумм на те или другие операции диктовались крайней необходимостью с самых первых дней поселения на линии, а для этого требовалось, чтобы в управлении, в самых низших органах его, стояли люди достаточно грамотные, могущие толково изложить важное сообщение и прочитать распоряжение. Цидула[79] шла за цидулой, и все требовало спешности, и, естественно, нужна была толковость от ближайших к делу исполнителей. Все это ставило на первый план грамотность, и вот создаются полковые школы для обучения казачьих детей, из которых и должны [были] формироваться писаря в станицы, в штабы и прочее.

* * *

Остальное население было беспомощно в этом отношении. Старые книги исчерпаны, новых книг не было, остались часослов и псалтырь, да и то были мало доступны. Евангелие не проникло в массу, и население осталось в буквальной темноте. Но духовные потребности не заглохли, и вылилось это в разные толки, секты и раскол.

---

* Так в тексте.

Церквей не было по селам, за исключением больших, за требами надо было обращаться к попу на большое расстояние, а потому родились и умирали без церковного обряда. И многие доживали до старости, не зная, что такое церковь и церковная служба. Глушь в некоторых местах была невероятная. Рассказывают, что одна старуха, прожив всю жизнь, не была в церкви, не выезжая из своего хутора, слыша рассказы о церкви, и что там поют. И вот пошла искать церковь. Дошла до речки, тут слышит шум, стук, видит большой пруд, разные голоса ей слышатся, тонкие и грубые, будто поют, и она со всем усердием по-своему молилась и счастливая возвратилась домой.

Молодые, бывшие в селе, стали расспрашивать;

— Была, бабушка, в церкви?

— Была.

— Что видела?

Старуха передает: «Стоит церковь у пруда, слышала, как тонкие только «Тик-так, тик-так», а большой — сам поп — «Тук да тук», и вся церковь дрожит».

— Да это, бабушка, мельница, а церковь со свечами, — наставляют ее. Но она и о большой мельнице не имеет понятия[80].

* * *

Для помола зерно возили далеко на мельницы, и мука была для некоторых глухих мест роскошью. Мельничное дело, крайне необходимое в общем обиходе крестьянской жизни, не было общим достоянием, а было достоянием людей зажиточных и предприимчивых, так как постройка мельницы требовала больших затрат: устройство запруды, плотины для пруда, требовалось разрешение Палаты государственных имуществ — это была казенная оброчная статья, — надо было заключить договор с обществом, получить свидетельство на право владения берегом и 3 десятины земли для проезда помольщиков. Требовались поездки в город, и среди неизбежной канцелярской волокиты [нужно было] добывать выправки документов. Но, кроме всего этого, надо было еще получить общественный приговор, свидетельствовавший, так сказать, о добросовестности.

И вот это дело двинули и расширили однодворцы, имевшие несколько мельниц в несколько поставок. Дело это было выгодное, прибыльное, но требовался хозяйственный догляд. Мельницы были большой доходной статьей в хозяйстве, и владельцы ее богатели и обзаводились хорошим хозяйством. Постройка мельницы требовала специалистов, мастеров и, конечно, была сопряжена со значительной затратой. Отсюда понятно, что в глуши и не было таких сооружений, и многие не имели о них понятия. Приведенный рассказ, если имеет анекдотический характер, то, во всяком случае, он близок к действительности и возник на почве тех условий, которые создавались темнотой.

Первые пионеры этого дела, сыгравшие огромную роль в развитии хозяйства губернии и создавшие лучшие экономические условия, сами постепенно шли под уклон общего неразвития и темноты, но все же еще держались старых традиций, имевшие и культурность*. Но, расширяя хозяйство, они удаляли детей от этой культурности. Дело в том, что, заводя худобу — скот, овец — заводили и кочевки в степи, вдали от села на 30—40 верст, где и держали скот. Смотреть за этим имуществом, очень ценным по существу, конечно, должны были свои члены семьи, исключительно сыновья. И вот эти-то члены постепенно подвергались одичанию: они жили в степи, приезжали раз в год в село на большие праздники и знали только быков и овец, да общение с калмыками, у которых, конечно, не могли заимствовать культурности.

Эти чабаны, заботясь об охране своей худобы, не чужды были разного рода преступных похождений, чему способствовали калмыки при полном отсутствии понятия о нарушении чужого права. Степь давала простор удали и открывала всякие возможности. Конечно, в таких условиях было не до книг, да их и не было, и огрубение стало общим явлением. Удаление от культурной жизни и огрубение постепенно создавали жестокость в личных отношениях, и судебные процессы дают самые тяжелые картины личной расправы среди молодежи, оканчивавшейся изувечиванием и убийствами по самому ничтожному поводу.

Калмыки, являясь в степи пособниками в обогащении приобретением похищенной скотины, скоро превратились в отверженных: «калмык-собака», и убийство его не считалось делом греховным, преступным и иногда совершалось ради ограбления его лошади и седла. Судебные процессы это подтверждают. Известен случай, поражающий своей дикостью. Мать, собираясь идти на богомолье в Киев, обращается к сыну: «Ванька, убей калмыка, я все одно отмолю».

— Матушка, я уже снял его (то есть убил и стащил с седла), — отвечает сын.

— Ну, и слава Богу, — заканчивает мать.

Конечно, в этом сказывается та разбойная жизнь калмыка, которая так вредила хозяйству, но все-таки не оправдывает их лютости.

---

* Так в тексте.

* * *

Таким образом, молодежь дичала, и дикость степи перекочевала и в село. Здесь похождения ее с дубинами по ночам приобретали часто характер военных схваток, результатом которых всегда бывали убийства. Яблоком раздора были «дивчата». Село обыкновенно делят на две, на три части, на сотни. Часто рубежом служит им речка, протекающая чрез село, или яр. Враждуют с иногородним или, наконец, «хохлы с москалями». Села наши заселены не однородным элементом, а почти в каждом есть часть русских — великороссов и другая часть малороссиян — хохлов. Жизнь той и другой части идет отдельно. Хотя по хозяйственным делам [они] и сообщаются, но дружбы не ведут, и обряды ведут каждый по своему «типу». Обыкновенно стараются построить отдельные церкви, так как и в этой духовной отрасли жизни возникали недоразумения и столкновения из-за различных обрядов и праздников.

Разделяясь на сотни, село складывало свою жизнь в каждом в зависимости от состава насельников и их обычаев и привычек, этнографические особенности играли большую роль. И вот существовавшая вражда выливалась прежде всего в кулачках. Побоища эти начинали обыкновенно мальчики-подростки, затем сторону побеждаемых принимали взрослые, и дело доходило до дубин и кольев, вырываемых из плетней-заборов. Каждый раз были жертвы с серьезными ушибами и даже убийства, но тем не менее «забава» эта не унималась сходами. Парни, в свою очередь, наблюдали «чистоту» девичью и не допускали на свою сторону «чужого» из другой сотни, и горе смельчаку, завязавшему знакомство с девицей или даже пришедшему за пределы своей черты: целая ватага парней с дубинами стерегла его и избивала.

Нередко в отмщение за такую расправу собиралась целая ватага во главе с обиженными, вооруженная особо приготовленными дубинами, шла на «чужую» сторону и нападала на вечерницы или посиделки, и шло настоящее побоище. Судебные процессы дают массу материала для обрисовки этой стороны быта нашего крестьянства. Надо отметить, что девушки не только не осуждали таких «походов» своих обожателей, но, наоборот, гордились такими схватками из-за их красоты.

* * *

Духовенство того времени было крайне невежественно, часто безграмотно, за исключением служивших в городах, и воздействовать на нравы обитателей не могло, притом предавалось пьянству.

Среди духовных были так называемые «беглые попы», это лица, «расстриженные» за проступки в России, [которые] бежали на Кавказ и здесь выдавали себя за «староставленных» и становились во главе прихода. Население охотно принимало таких бежавших, видя в них преследуемых за веру. Конечно, эти «попы» поощряли всякие суеверия и думали только о поборах с населения.

Не укрывалась их неграмотность, и раскольники подсмеивались над православными попами и рассказывали, что неграмотный поп вышел на амвон и кричит, держа в руке книгу: «Миряне, миряне, знаете эту книгу?».

— Нет, батюшка, не знаем.

— Ну, и нечего вам знать, — говорит поп, захлопнув книгу, и ушел.

На другой раз миряне сообразили и отвечают попу:

— Знаем, знаем, батюшка.

— А коли знаете, так не надо вам и читать ее, — [ответил он] и опять ушел. Поп был безграмотный и прочитать Евангелия не мог.

Целое стихотворение ходило по рукам:

«Неизвестного прихода
Был такой сердитый поп,
Что четыре сряду года
Бил дьячка кадилом в лоб»

Озлобленный дьячок, зная, что поп не умел читать, взял Евангелие и вынул закладку, где поп мог кое-как прочитать текст по памяти. Вышел поп на амвон и кричит: «Господь рече...» и начал искать требуемую страницу. По страницам пальцы пляшут, поп страницы не найдет и потом кричит: «Господь рече...». «Что ж он, батюшка, рече», — вопит дьячок. Поп, поняв проделку дьячка, кричит:

«Он речет, что ты — скотина,
Дурацкая образина,
Ты закладку зачем взял
И всю книжку мне смешал».

* * *

Только в 1847 году учреждается в Ставрополе духовная семинария и состав духовенства улучшается, но далеко не сразу сходят со сцены люди без всякого образования, и невежество делает свое дело. Население остается в темноте, безграмотности, суеверные обряды и обычаи получают церковное освящение: «четверговая соль», «родимая сорочка» (околоплодный пузырь) играют большую роль и находят поддержку в невежестве попов. Наговоры, заклинания, причитания крепко держатся, а вера в домового, оборотней, ведьм имеет тот же характер и устойчивость, как и во времена введения христианства.

Полное отсутствие духовного воздействия со стороны духовенства способствовало возникновению самых разнообразных сект и вероучительных толков, основанных часто на самом грубом непонимании текста Священного Писания. Во главе таких учений зауряд были люди совершенно невежественные и чуждые всякой идейной стороны дела. В лучшем случае, это люди буквы и формы без всякого широкого кругозора, хотя в некоторых случаях были руководители талантливые и высокой нравственности, представлявшие тип истинного пропагатора, убежденного в правоте своего учения, и противника установившегося порядка.

Здесь появился целый ряд сект и религиозных учений: баптисты (они делятся на адвентистов), штундисты, духоборы, субботники, молокане, «Новый Израиль», «Старый Израиль», поморцы, иудействующие, шалопуты, хлысты, бегуны, странники и старообрядцы. Но этим не исчерпывается выступательное брожение* в губернии и вообще на Северном Кавказе, и скопчество также имеет значительный успех[81].

С конца шестидесятых годов начинается усиленная борьба с сектантами, собрания которых выслеживает духовенство, и при помощи полиции устанавливается существование того или другого религиозного сборища и его участников, которые и предаются суду. Особенному преследованию подвергаются шалопуты и хлысты. Проходит целый ряд процессов в окружном суде, и виновные подвергаются ссылке в Сибирь и другим наказаниям. Рядом с этим скиты их разрушаются, как было в станице Кавказской на обвалах, причем кости их архиерея, похороненного под алтарем церкви, выбрасываются из могилы. Иудействующие выселяются в Закавказье. Целое селение Просянка запустело благодаря выдворению из него иудействующих, пока не заселилось новыми пришельцами. Духоборы бегут в Америку.

Несмотря на такую борьбу и прилежание восстановить чистоту религиозного понимания, духовенство само бессознательно вносило путаницу в понятия и в иконописании допускало смешные погрешности. Так, например, икона Георгия Победоносца писалась с собаками, которые терзают дракона, на иконе «Распятие» сотник изображен на лошади, поднявшей хвост, и это выставляется для поклонения и лобызания. А картина Страшного суда, где намалеван черт с рогами и хвостом, вызывает такие случаи: «Целуй дочка, боженьку в хвистик», — говорит мать, подводя ребенка к картине, и не раз можно было видеть, как молящиеся ставили свечи именно черту. Таковы бытовые условия жизни населения губернии.

До второй половины шестидесятых годов были так называемые «беглые попы», как сказано выше. Это люди из числа духовных, лишенные сана за свою невоздержанную жизнь и пьянство, бежавшие на Кавказ в горы к казакам, и здесь в глухих местах становились приходскими священниками. Пьянство и невоздержание, любовные похождения были далеко не редки вообще среди духовенства. Зажиточность населения и отсюда хорошая доходность, которую имело духовенство, способствовала разгульной жизни попов. Архивные дела хранят любопытные подробности как о «беглых попах», так и об этом религиозном вопросе, выразившемся в целом ряде вероучений. Возникшее на почве искания правды и недовольства современными условиями жизни, движение это, во многих случаях благодаря невежеству, приняло уродливые формы, но тем не менее притягивало к себе значительную часть населения.

* * *

Нравственная сторона жизни «хромала», и если воровство порицалось и преследовалось, то утайка и обман были явлением распространенным. Поднять на дороге потерянное и присвоить было делом обыкновенным, хотя бы это принадлежало ехавшему впереди. «Что с воза упало, то и пропало», — была пословица. Все такие случаи считались находкой. Существовал, между прочим, обычай, практиковавшийся между друзьями: на разных пирушках при выпивке было пристрастие у многих пить из красивого стаканчика водку, и многие носили его с собою. Если стаканчик нравился кому-либо из компании, он говорил: «Подари». При отказе первый заявлял громко: «Я украду». И действительно, он похищал, и это не считалось воровством, а молодечеством. Точно так же было и у джигитов (наездников) между горцами и казаками, славящимися

* Так в тексте.

своим наездничеством. Хорошая (кабардинской породы) лошадь, винтовка, сабля и кинжал были предметом зависти и похищались разными способами.

Этот обычай был между «кунаками» — горцами, братавшимися с казаками. Кунак пользовался безопасностью и в горах. Братание это крепко держалось, и чрез него шло общение с немирными аулами. Некоторые казаки переходили в горы и там разбойничали с горцами, сначала тихонько, а потом, после обнаружения, укрывались у своих кунаков. Но эти были уже преступники. Знаменитым перебежчиком был казак Алпатов. Отчаянный, лихой казак, по выдающемуся росту и силе, он имел вид предводителя, а выдающиеся военные способности скоро составили ему значительную шайку, с которой он и ходил на русскую сторону грабить; он был неуловим и много забот причинил военному начальству.

В обиходе жизни имели большое значение лазутчики — это горцы, передававшие сведения о своих намерениях в горах за известное вознаграждение, и для этого были из казаков организованы лазутчики и их кунаки между горцами. В попытках исчерпать мирные сношения придумано было брать у горцев аманатов[82] — детей зажиточных, знатных кабардинцев, которые и помещались в особых домах. Но эта мера не всегда вела к цели. Горцы часто выдавали какого-нибудь сына-ребенка (10—12 лет) байгуша[83] вместо знатного и не жалели его, нарушая мирный договор.

Что касается общей преступности, то со времени водворения населения она не обнаруживалась резко, так как население первое время занято было охраною себя от набегов и хищения горских народов и других кочевников, на что было уже указано выше, но с течением времени противообщественный элемент стал выдвигаться среди населения, и преступность обнаружилась ярко в виде скотокрадства и конокрадства.

* * *

Семейно-бытовые отношения стояли далеко не на высоте своего положения. Здесь, прежде всего, обращает на себя внимание положение снохи и невестки. Первоначально по обычаю внутренней России семьи и здесь были большие, сыновья женатые оставались при отце и число членов семьи было в 20 и 40 человек, считая с детьми. Правил семьей старик-отец и иногда за дряхлостью [отца] — старший сын. Во главе домашнего хозяйства стояла старуха-мать, а все жены сыновей — невестки — были в ее полном подчинении. Нередко и всем хозяйством правила старуха-мать и ее приказание было законом для всех членов.

Конечно, девушка, взятая не из бедной семьи, принесшая в семью мужа значительное приданое (одежду и скот), сама собою становилась в некоторое привилегированное положение в новой семье, что выражалось в назначении на работу, более тяжелая и черная работа отдавалась другим. Конечно, тут играли большую роль и личные качества такой невестки: умная, сильная и здоровая, а главное умелая в обращении, приобретала расположение матери и становилась любимицей; ей многое спускалось, и ее советы принимались во внимание стариками. Хотя в такой семье в отношении работы соблюдалась строгая очередь, но при желании всегда можно нарушить этот порядок в пользу излюбленного члена.

Такая невестка, а для других — золовка — постепенно приобретала значение в семье и незаметно руководила внутренним распорядком. Имея богатых родителей, она в них находила всегда поддержку, а ее посещение отца с матерью и возвращение с гостинцами в виде какого-либо печенья, пирога с калиной, моченых груш, сушеных яблок и груш и прочего, а иногда и покупных сластей: пряников грошовых и орехов, — давало ей перевес среди других ее сожительниц, и она становилась любимой и главной невесткой. Если это была по натуре женщина мягкая и любящая, то всем, а также остальным золовкам жилось хорошо.

Но если попадалось существо озлобленное и глупое, то она своей надменностью, придирчивостью и наушничеством создавала невыносимое положение для других: кого невзлюбит — тому жизнь будет отравлена, всякая вина будет падать на него, и попавшая в немилость скромная и тихая невестка, да притом еще бедная, делалась «козлом отпущения», ее поедом ели и нередко со света сживали. Слезы ее и жалобы не только не вызывали сочувствия, но только обостряли положение: ей доставалось и от мужа, которому наговаривали на нее, и он бил ее, не разбирая как и чем; разбитая чахла и умирала от чахотки. «Отбил нутро ей», — говорили потом бабки. Даже смерть не вызывала примирения и сочувствия. В таких случаях даже заступничество мужа не имело успеха: полная экономическая зависимость его от семьи и усмотрения родителя связывала ему руки.

Единственное средство спастись было выдел из семьи, но при нежелании отца достигнуть этого было весьма трудно; только заступничество сельских властей могло дать благие результаты. Но и тут сложные имущественные счеты и запутанные от долговременности и постоянного нарастания имущества отношения создавали тяжелое положение для отделяемого, ему часто доставалось мало годное, с чем он должен был становиться на хозяйство, предоставленный собственным силам. Разделы вообще встречались несочувственно и при большом хозяйстве, когда и скота было много, и велась большая запашка, они были невыгодны с обеих сторон. И вот приходилось терпеть и сносить

все, и в результате — сломанная молодая жизнь. «В семье заели», — говорила плачущая мать, и соседки подтверждали: «А выходила, была кровь с молоком».

Не проходило даром и мужу, если это была чуткая душа: он с горя по жене начинал пить и тащить все из семьи в кабак. Невзлюбленная такая невестка всегда была в черном теле и ей некогда было отдохнуть: она раньше всех вставала и позже всех ложилась. Во всем она была виновата. Злая мать-свекровь умела «замотать» ее в работе и сделать отверженной в семье. Семья нуждалась в работницах, и потому старались в этих экономических соображениях женить парней, как только [исполнялось] 16 лет, а часто даже приписывали года тому и другому (жениху и невесте), и браки совершались ранее. И вот молодая, неокрепшая, часто до 15 лет, девушка попадала в водоворот большого семейного очага и гибла, если судьба не наделила ее боевыми качествами для тяжелой жизни.

* * *

Другим явлением, заслуживавшим внимания, было снохачество. Снохачество развилось также в большой семье с большим хозяйственным достатком. Заключалось оно в том, что свекор, то есть отец-старик жил с женой своего сына как с женой, то есть был в любовной связи со своей снохой. Помимо возможности чисто личного влечения, не исключаемого при разности возрастов, случаи снохачества возникали из самих условий семейного быта. Надо сказать, что снохачество не является особенностью кавказской жизни населения, оно было известно и в России, и там широко практиковалось.

А одинаковые условия вызывали одинаковые явления. Дело в том, что большое хозяйство требовало большого числа рабочих рук. И вот нередки случаи, когда в семье имеется парень, не достигший брачного возраста, а старуха-мать не справляется по той или другой причине (по болезни или по слабости и прочему) с ведением хозяйства, что называется «одна и дома и на поле», тогда является необходимым через женитьбу сына взять работницу в дом. И в старые годы в России женили двенадцатилетних парней на девушках восемнадцати и двадцати лет. Преследовалась одна мысль: иметь даровую рабочую силу. Закрывали глаза на несоответствие возрастов. Муж-ребенок был только ширмой и жертвой хозяйственности и бытового уклада.

И вот, очутившись в такой семье, молодая, здоровая, красивая девушка, естественно, нуждавшаяся в супружеских ласках, невольно отдавалась искательству* свекра, еще вполне способного к брачной жизни, сильного, здорового, соблазняющегося прелестями и женственностью снохи. Связь возникает сама собою и продолжается даже тогда, когда она обнаруживается в известной степени для домочадцев. Муж еще не скоро поймет и оценит женственные качества своей жены, не нуждаясь по возрасту в половых сношениях с нею. И нередки были случаи, когда жена-женщина в двадцать-двадцать пять лет на руках приносила своего мужа-ребенка, заснувшего где-нибудь на завалинке, и клала на брачное ложе, проводя ночь в объятиях свекра.

Условия кавказской жизни, где хозяйство широко развивалось и достигало в отдельных случаях больших размеров, вызывали большую потребность в рабочих руках в семье, и потому ранние браки практиковались и здесь в хозяйственных соображениях. Снохачество развилось широко, и протеста со стороны женщины не было.

Бывали случаи, когда муж, уже не ребенок, обнаруживал эту связь, и тогда разражалась трагедия убийством или покушением на убийство отца. Снохачество с бытовой точки зрения не считалось преступным, лишь бы оно не получало огласки, и потому оно бывало и при других условиях семейной жизни, когда и не было такой разности возрастов, а муж становился нелюбимым или жена соблазнялась подарками свекра и прочее. Снохачество постепенно отживало свой век. Но еще к семидесятым годам XIX века относится следующий случай, достоверность которого не подлежит сомнению.

В Ставрополе был исправник Богушевич. Небольшое жалованье вызывало необходимость «кормления», что при зажиточности крестьянства было и доступно, и незаметно, а темнота населения только способствовала разным способам использования крестьянского достатка. Богушевич не пропускал случая извлечь возможную пользу из этих условий. И вот в селении Донском общество приобрело для церкви колокол. День поднятия на колокольню этого тяжелого колокола являлся праздником для всего населения, и все село было заинтересовано в этом начинании. А всякая неудача при поднятии (порвется ли канат и колокол упадет или накренится набок и сядет не на место, застрянет и прочее) считалась предзнаменованием большого несчастья для села, а потому к этому готовились с озабоченностью и торжественностью, это было своего рода священнодействие.

В назначенный день все по-праздничному одетые собрались на церковной площади. Приехали на праздник и из ближайших сел к кому сваты, кумовья, родня, словом, «весь мир» православный, заинтересованный в церковном торжестве. После благополучного окончания этого свя-

* Так в тексте.

щеннодействия устраивался общественный обед с приличным количеством водки и вина и обеды и угощения по домам гостей и своих. Конечно, о таком событии и празднике всего села было извещено начальство и непременно следовало приглашение исправнику на обед «в волость». Началось торжество обедней, а затем молебном на площади с окроплением святой водою снастей и колокола. Исправник никогда не отказывался от приглашения, а на этот раз прикатил на лихой тройке как раз в то время, когда церковный обряд был окончен. «Едет!» — прогудело в толпе, а следовательно, можно начинать.

И вот, по данному сигналу дружно налегали на ворот десятки рук, а колокол мерно и плавно «пошел» из ямы, где его отливали. Вот он покачнулся уже в воздухе и пойдет дальше на высоту в укреп в колокольне, где его и закрепят… У всех радостно бьется сердце… И вдруг колокол стал. Толпа зашумела, схватились еще десятки [рук] за ворот, канат трещит, но колокол ни с места. Прибежали власти… «Как, почему? Что за причина?!». «Должно, не к добру…». Бабы охают, кой-где и всхлипывают: «Беда!». Побежали к исправнику: «Не идет!..».

— Почему?

— Не могим знать… Что-то есть…

Явился исправник. Пошел посмотреть снасть. Все притаили дыхание. Вышел, брови нахмурил.

— Это что?! А все вы… — и погрозил пальцем в сторону. И вдруг как крикнет: «Снохачи, вперед!..».

Толпа дрогнула, попятилась… И вдруг целой стенкой выдвинулись седобородые «виновники», сняли шапки и стали на колени, опустив головы.

— А, вот они!.. В тюрьму!..

Расступилась толпа, и снохачей повели. И к удивлению всех, колокол медленно стал подниматься, как только тронули ворот, и благополучно был закреплен на месте. Радость была общая. А кому и были слезы: в семьях снохачей бабы выли, бежали к старшине, кланялись: «Помоги, родимый!..».

— Штука важная… Неси по пяти катеринок, а то сейчас в город… Подводы заказал… — дал совет старшина.

К вечеру дело обладилось*: Святая Катерина помогла, снохачи вернулись домой, благословляя свою судьбу и размышляя: «Как он узнал?». А дело просто. Все обдумано было заранее и приказано было заложить в ворот колодку, и колокол стал. А исправник явился спасителем. Долго помнили донцы свой колокол. Снохачей было сто, и сумма была почтенная. Исправник укатил в город.

* * *

Бытовые условия, в общем, складывались все-таки под влиянием русского характера жизни внутренней России. Влияние горского элемента [было] почти незаметно. Вошедшие в употребление некоторые слова, как адат, бишкеш и другие, — вот, можно сказать, и все, что дало оно, и название одежды «бешмет» и другие. Но национальное чувство и родственность с Россией осталось главным направляющим указателем*. Что касается обеспечения народного продовольствия, то в 1799 году было издано высочайшее повеление о постройке хлебозапасных магазинов. Далеко не все села воспользовались этой благодетельной мерой, хотя это и объясняется недостатком или, вернее, отсутствием излишков хлеба. Но и само по себе это распоряжение не было встречено населением сочувственно: какое-то недоверие и опасение, что хлеб, засыпанный в магазины, куда-то будет отправлен. Богатые крестьяне строили свои амбары и ссыпали хлеб, но на сдачу не шли.

Тревожная жизнь передовых станиц лишала казаков возможности обстраиваться и для хлеба делались плетеные кубышки, обмазанные глиной; делали и ямы так было и у горцев в дальних поселениях; был и амбар. Между казаками и черкесами возникли дружеские отношения при поселении, но они продолжаться не могли: у первых воинственность, молодечество, удальство, геройство, борьба составляют обыкновенные качества, а у вторых — хозяйственные наклонности. Время такого настроения у казаков прошло: прежде запрещалось казаку пахать и сеять, чтобы он не «обабился», а здесь на линии настало другое время.

* * *

В климатическом отношении нашу местность нельзя не признать наиболее здоровою, хотя и наблюдаются резкие изменения температуры с падением даже на весенние месяцы, как март и май; и в то же время в декабре и в январе бывают совершенно теплые летние дни в течение целого месяца.

* * *

По вопросу о преступности. Ставропольская губерния благодаря своему положению находится в особенных условиях. Дело в том, что с востока и севера губернию окружают степи: с одной сторо-

---

* Так в тексте.

ны — астраханские, а с другой — приманычские и донские. Те и другие при своей незаселенности представляют все удобства для свободного и безнадзорного проезда и прохода не только отдельных лиц, но и целых групп. Те поселения, какие там встречаются (аулы туркмен и ногаев и хотоны калмыков), не только не служат гарантией в отношении устранения наездов сомнительных лиц и других передвижений, но в значительной степени и сами способны принять в них участие. Вот эти условия способствовали развитию в губернии скотокрадства и конокрадства, начавшихся еще с конца XVIII века и продолжавшиеся до последнего времени.

Целые шайки калмыков разъезжали по степям и грабили русских крестьян, оплошно оставшихся в степи на ночлег или запоздавших [с] возвращением в село. До 1864 года к этому присоединялись еще набеги кабардинцев и других горцев-закубанцев преимущественно по рекам Куме и Томузлову (нынешних Святокрестовского и Александровского уездов), и так села Покойное, Круглолесское и другие неоднократно подвергались разорению. Русское население всеми мерами боролось с этими налетами, и принимались меры местными властями, но прилегающие степи, котловины и бывшие тогда леса давали хорошее убежище «хищникам» и делали невозможным уничтожение этого зла. Русское хозяйственное население крайне страдало от разбойничьих набегов. После 1864 года, то есть после окончания Кавказской войны, набеги закубанцев прекратились и прикумские села расцвели.

Но северная часть губернии осталась в прежнем положении, хотя борьба с преступниками стала легче, так как они не имели огнестрельного оружия. Тем не менее разбои по степям шли и шайки разъезжали. Еще в семидесятых годах XIX столетия в степи хозяйничал разбойник Базорка, простиравший свои набеги даже до Ставрополя, нападая в Базовой Балке на проезжающих, всего в тридцати верстах от Ставрополя. Шайка у него была довольно внушительная по числу и необыкновенно смелая. В туркменских степях оперировал разбойник Муртазалиев, но были еще мелкие шайки с менее громкими именами их предводителей. Преследование «хищников» было крайне затруднительно, потому что они быстро перебрасывались из пределов Ставропольской губернии в Кубанскую область, в Астраханскую губернию, а также Донскую и Терскую области, смотря по месту совершения преступления.

Новые судебные учреждения 1864 года — окружной суд с институтом судебных следователей — своей энергичной работой явились весьма серьезным противодействием существованию организованных шаек, быстро раскрывая их организации и их убежища; и в 1884—1888 годах огромным процессом, так называемым «татарским делом», были ликвидированы все местные разбойничьи их организации; и суровым приговором окружного суда применявшаяся в пятидесятых и в начале шестидесятых годов смертная казнь и тяжкие телесные наказания не приносили тех результатов, как открытое и гласное судопроизводство и полное беспристрастие судей. В 1890 году прекратили свое существование все шайки и организованные разбои для сообщества, и главари их по судебным приговорам были сосланы в каторжную работу, равно как и притонодержатели, укрыватели и прочие понесли должную кару за свою преступную деятельность. Преступность в дальнейшем получила характер краж скота, в которой главную роль играли калмыки, и в отдельных случаях с убийством с целью ограбления без участия шаек.

В этот период, если и выделились отдельные личности, как Вербицкий, имевший у себя сообщников, но все-таки это был одиночка и прочных связей с преступным элементом края он не имел. Все его преступления быстро были раскрыты судебным следователем, и он был сослан по приговору окружного суда в каторжные работы. Бывали случаи в этот период открытых нападений на аулы туркмен и на русские села даже вблизи Ставрополя конных разбойников, но по расследованию оказывалось, что эти организации зародились в Терской области, принимали в них участие чеченцы и русские смешанно, и скрывались они после совершения преступления в Терскую область; точно такие же наезды давала и Кубанская область (Баталпашинский отдел). Внутри же Ставропольской губернии никаких организаций подобного рода не возникало. Скотокрадство в губернии особенно развивалось в девяностых годах и вызвало ряд самосудов с жестокою расправой, но к 1905 году оно падает. В это же время усиленно выдвигаются случаи убийства в селах среди молодежи, но мотивом этих преступлений по большей части бывали похождения «парней» и соперничество из-за девок.

Начавшаяся война и усиленный призыв в войска выдвинули из губернии наиболее восприимчивый элемент из среды населения, и преступность резко сокращается. Но в 1916 году, по мере возращения с театра военных действий мобилизованных, преступность повышается и в 1917 году достигает большего напряжения. Русское коренное население, несмотря на свой пестрый состав, в общем, не имело влияния на повышение преступности, и если давало в том или другом селе выдающееся преступление, то это были или случаи самосуда с жестокой расправой, или же убийство среди попоек, во время свадьбы и других пирушек в пьяном виде. Пьянство, сильно развитое в губернии с восьмидесятых годов до 1914 года, играло в преступности огромную роль.

* * *

Тяжелые условия кавказской жизни и скудость просветительной обстановки все-таки не препятствовали выдаваться из общей темноты отдельным лицам и достигать значительного развития, пользуясь только случайными влияниями и упорным трудом по самообразованию. Надо удивляться, как при отсутствии книг могли такие одиночки не только получить интерес к чтению и учению, но и достигать степени общеобразованного [человека] с большим запасом научных сведений. При этом надо иметь в виду, что таким лицам требовался и личный заработок.

Наглядным и ярким примером может служить чиновник Павел Антипьевич Травин. Из его биографии достойно внимания, что, помимо хорошего знания грамоты и получения толкового обучения со знанием правописания, он обладал стихосложением, писал недурные стихи, и после него остались научные работы. При громадной любознательности он уделял внимание как общим вопросам, так и изучению края. После него остались неизданные его сочинения: «Средство к познанию народов и улучшение благосостояния их», «Сравнительная анатомия», «Сборник интересных и полезных сведений для всякого», «Практические советы и наставления в обыденной практической жизни».

В «Сравнительной анатомии» сделан* очень оригинальный прием в вопросе о родстве человека с животным миром. Недурной рисовальщик, он приложил к своей книге рисунки, в которых на череп и лицо человека накладывались головы собаки и птицы. Доказывая, что в известной части головы (в мозгу) заложены известные способности, накладкой выяснялось, чего недостает у собаки и у птицы сравнительно с человеком. Затем он знал геодезию, съемку планов и межевание, постройку мостов, мельничных механизмов и изобрел ночные часы, по которым по движению Малой Медведицы можно с точностью до $^1/_4$ часа определить время, не прибегая к часовой стрелке. Если принять во внимание, что учение его и жизнь в Ставрополе протекла* в тридцатых годах, то поистине достойна удивления такая эрудиция. Изящные искусства также не были забыты, он был хороший гитарист и знал музыку и пение.

Это, конечно, выдающийся самородок, но были и другие, так сказать, меньшего размера. О Травине [известно] (это вполне установлено документально): шести лет он уже сидел в канцелярии учреждения и вел канцелярскую работу, получая жалованье. Привезенный в Ставрополь из России младенцем, вся жизнь его протекла на Северном Кавказе: в Моздоке и Ставрополе, за исключением трех лет, когда он был выслан в Архангельск. Несомненно, что подобное влияние шло от прибывавших из России чиновников и дворян неслужилых, среди которых были и так называемые масоны. Общество это имело огромное влияние на своих членов, от которых требовалась значительная степень образования. Полуреволюционное и полумистическое масонство сыграло огромную роль в общественном развитии страны и дало в число декабристов своих очень видных и деятельных членов.

Таким образом, Северный Кавказ не был оторван от жизни внутренней России: здесь было отделение масонской ложи и революционный комитет декабристов. Но все это было достоянием дворянской среды, а масса была безграмотна и невежественна. Что касается городского населения собственно Ставрополя, то здесь было самое пестрое настроение, но в общем сочувствующее общественному подъему. Интересовались судьбой декабристов, читали Пушкина, переписывали его стихи, но не чужды были интереса и к порнографической литературе, был в ходу Барков. Но упрочивалось влияние Лермонтова, и были свои герои нашего времени на кавказской почве. Но все это было достоянием известного возраста, а молодежь к этому не допускалась, и с течением времени, с вымиранием адептов этого культурно протестующего направления, общий уровень развития понижался, и наступала глухая, беспросветная жизнь.

Постепенно вырождался чиновник Травин, и вступали в жизнь Акакий Акакиевич и городничий «Ревизора». Жизнь стала окрашиваться военщиной, и Кавказская война с воцарением Николая I заслонила все другие интересы. Хотя фронтовики в кавказской жизни и не стояли на первом плане, но выслуга и карьера были идеалом: офицерство предпочиталось всему другому. Чиновник штафирка[84] был не видным женихом, а купечество не имело доступа в первые ряды общества. Все остальные были «хамы», резко отличавшиеся от других и своим костюмом, и вообще внешностью; мещанство было в этой группе и составляло хозяйственную мощь, но было неправомочным и вело черную жизнь у скота и земли.

Духовенство, обслуживая духовные потребности, к удивлению, только было, так сказать, терпимым в обществе, на пирушках и праздниках господ не участвовало и приглашалось «за стол» в исключительных только случаях: смерти, свадьбы и прочее. Духовенство вело свою жизнь; были среди него ученые, но уделом их был запой и пьянство в низших членах его.

Такова была кавказская жизнь. Если сюда добавить военное молодечество, отвагу, геройство, проявляемые в схватках с горцами, то картина общая будет исчерпана и ясно представит действительность.

---

* Так в тексте.

* * *

На почве недостатка воды и стараний начальства достать питьевую воду известен такой случай в том же селении Донском. Тот же исправник Богушевич использовал невежество крестьян, предложив им тянуть «нутреную воду». Предположено было устроить артезианский колодец. И вот в село прибыл мастер и привез с собою инструменты: трубы и прочее. Собравшиеся крестьяне заинтересовались. Старшина объявил, что будут тянуть «нутреную воду». Слух об этом взволновал всех. «Как можно, — говорили крестьяне, — трогать «нутреную воду», ведь она у самого дна и если прорвется на землю, то затопит все село». Другие замечали, что «нутреная вода» у черта и, если польется, то с нею выскочат и чертики. Все были в ужасе.

Задержка в бурении произошла от недостатка инструментов, и невежественные толки все более волновали жителей. Наконец сход постановил ублажить исправника: не надо нам «нутреной воды». Не обошлось без приношений. На беду инструментов не хватало, и начать дело бурения нельзя было. Мастер в одно прекрасное утро сложил привезенные части и уехал. Крестьяне остались в уверенности, что их просьбы и страхи помогли, а больше помогли приложенные катеринки.

* * *

Врачебная часть отсутствовала, и население в Ставропольской губернии от лихорадки носит на шее зашитыми змеиную голову и косточки, завернутые в шейную кожицу.

* * *

Положение помещичьих крестьян было тяжелое. Вот справка из «Убылого журнала об арестантах». На Кавказе не было своих крепостных, но помещики привозили своих из России. Целая масса по прибытии на Кавказ разбегалась и при поимке, скрывая свое действительное имя, называлась «непомнящими родства». Особенно много было «непомнящих» у помещика Кусакова. Ссылая своих привезенных крестьян в Сибирь и постоянно разыскивая бежавших от него, Кусаков доставил следующие сведения:

«1. Марья Непомнющая из Черноморского войскового правления в Сибирь на поселение отправлена 14 мая 1855 года, от роду ей 26 лет.

2. Мальчик Пантелей Третьяков — Непомнющий, двенадцати лет, отправлен 14 мая 1855 года в гор. Вознесенск в кантонисты из войскового правления.

3. Иван Непомнющий, пятнадцати лет, отправлен в Сибирь на поселение из войскового правления 24 мая 1855 года.

4. Захар Колбасенко (он же Василий Сабкалов и Ефим Непомнющий), 40 лет, из Ростовского земского суда в Тобольский приказ о ссыльных отправлен 31 мая 1855 года.

5. Иван Непомнющий, 47 лет, из Миусского судного начальства в Ростовский уездный суд отправлен 4 июня 1855 года.

6. Меркул Непомнющий, 20 лет, из войскового правления В[ойска] Д[онского] в Ставропольские арестантские роты 11 июня 1855 года.

7. Иван Непомнющий, 45 лет, из Ставропольского губернского правления в Сибирь 14 июня 1855 года.

8. Федор Герасимов-Непомнющий, 45 лет, из Ставропольского губернского правления в Сибирь 28 июня 1855 года.

9. Григорий Коренев-Непомнющий, 20 лет, из Ростовской градской полиции в таковую же Острогоржскую, 28 июня 1855 года»[85].

* * *

Оставляя отставных солдат вести остаток дней своих в нищете, правительство в то же время обязывало их содержать себя в чистоте и опрятности. В указе об отставке сержанта Никиты Афанасьева накрепко ему предписывается, [чтобы] «до смерти содержал бы себя в чистоте и опрятности, платье носил бы немецкое, бороду брил, по миру не ходил, милостыни не просил».

* * *

Жизнь в Ставрополе постепенно налаживалась. Возникшие в 1786 году присутственные места имели отделения, и вот из купчей крепости от 1792 года июня двадцать третьего видно, что она совершена у крепостных дел в Ставропольской нижней расправе на покупку двора с постройками. В 1788 году существовал Ставропольский нижний земский суд, в селах был солдатский старшина. В общем, повторялась в порядке управления та же система, что была и в России: был соляной пристав — в 1792 году прапорщик Яков Криворучка, был винный пристав Аким Херов, был капитан-исправник Павел Захаров, предводитель дворянства Конон Устинов [...].

Таблица 1.
О народонасении Ставропольской губернии, его численности за десятилетие с 1859 по 1868 год

Годы	Общее число жителей обоего пола	Естественный прирост всего населения	Увеличение крестьянского населения по сравнению с предшествующими годами	Казаков	Инородцев		
					магометан	калмыков	итого
1859	340975	5885*	7476	Св. нет	89150	581	89731
1860	335034	6671	4333	Св. нет	71914	8564	80478**
1861	353175	1254	13735	Св. нет	74350	7730	82080
1862	356671	5697	1578	Св. нет	77053	7360	84413
1863	362044	7382	5373	Св. нет	76062	6316	62378
1864	364635	3893	3991	Св. нет	74438	6546	80984
1865	372254	3833	Св. нет	Св. нет	77542	7095	84637
1866	377805	2899	Св. нет	Св. нет	73011	6558	79569
1867	371422	2521	Св. нет	Св. нет	66812	6558	73370
1868	385984	6279	Св. нет	Св. нет	73281	6650	79931

Годы	Крестьян					Число соотношений помещичьих крестьян к общему населению	Переселенцев из внутренних губерний России	Выселившихся из губернии, семейств	Количество иностранных подданных
	Государственных	Удельных	Крепостных	Помещичьих дворовых	Итого				
1859	182088	31	15884	1527	199530	1:16	1305	Св. нет	1409
1860	185540	15	14954	1475	201984	1:20	1188	680	1595
1861	191797	8	15700	1653	209158	1:20	2224	Св.нет	1515
1862	Казен. 198447	16	Врем. обяз. и двор. 13883		212346	1:24	1881	Св. нет	1677
1863	Казен. 200677	5	Врем. обяз. и двор. 11555		212237	Врем. обяз. 1:31	1067	Св. нет	1613
1864	Казен. 207208	5	Врем. обяз. 10725		217938	Врем. обяз. 1:31	1886	Св. нет	1835
1865	211174	5	Врем. обяз.2861 Собст. 7068		221108	Св. нет	1517	Св. нет	4038
1866	214623	6	Врем. обяз. 3395 Собст. 7395		225395 [225419]	Св. нет	1973	Св. нет	2786
1867	216227	6	Врем. обяз. 3351 Собст. 7485		227069	Св. нет	Св. нет	Св. нет	2216
1868	107404	—	Врем. обяз. 1152		—	Св. нет	Св. нет	Св. нет	972

*Кроме калмыков. (Прим. автора)
**В 1860 году выселилось магометан в Турцию 680 семейств. (Прим. автора)

Таблица 2.
О хлебных запасах в хлебозапасных сельских магазинах Ставропольской губернии

Годы	Число запасов хлебозапасных магазинов и амбаров	Полагалось по норме на 1 душу озимого 1 четверть и ярового по $^1/_2$ четверти иметь (в четвертях)		Имелось налицо		Недоставало до нормы (недобор-недоимка)	
		озимого	ярового	озимого	ярового	озимого	ярового
1859	114	88118	53659	68153	33472	19965	20187
1860	Сведений нет						
1861	123	91357	39879	74550	20272	16807	19607
1862	125	93524	44220	79624	26431	13900	17789
1863	125	87044	42180	73165	24344	13879	17836
1864	145	59251	30882	46800	13374	12451	17508
1865	149	45128	32046	31205	12254	13923	19792
1866	158	99523	49761	59394	16270	40129	33491
1867	Св. нет	87529	40409	69008	18449	18521	21960
1868	Св. нет	86454	44226	67520	20845	18934	23381

Таблица 3.
К 1864 году о степени смертности населения в связи с неурожаем хлебов, длившемся в течение 3 лет с 1862 года по 1864 год включительно.
(См. отд. 1 лит. М отчета губ[ернато]ра за 1864 год.)

Годы	Родилось	Умерло	Естественный прирост
1861	16558	15304	1254
1862	18709	13012	5697
1863	18697	11316	7381
1864	16323	12430	3893
1865	17323	10599	3833
		2891*	

Вывод.

Хотя неурожай хлебов имел место не во всей Ставропольской губернии, а преимущественно в Ставропольской тогдашней губернии (нынешняя почти вся губерния) в Ставропольском и частью Пятигорском округах (ныне Терской области), но все же народное бедствие заметно сказалось на естественном приросте всего населения губернии в период 1862—1863 годов включительно: его цифра с 6—7 тысяч падает почти до 3—4 тысяч, то есть прирост уменьшился почти на 50 %.

* Показаны умершие у инородцев кочующих, которые вычислены приблизительно. (Прим. автора)

Таблица 4.
О посеве и урожае хлебов и овощей в Ставропольской губернии
за 3 неурожайных года (1862—1865 годы)*

Годы	Звание хлебопашцев	Посеяно в четвертях			Снято в четвертях			Урожай озимого	Урожай ярового	Урожай картофеля	Сколько приходится на душу
		озимого	ярового	картофеля	озимого	ярового	картофеля				
1862	У помещиков и временнообязанных крестьян	7083	3130	76	10047	17208	183	$1^1/_2$	$5^1/_2$	$2^1/_2$	Озимого по $1^1/_2$ чт. Ярового по 2 чт. 7 чк. $6^1/_2$ г.
	У крестьян государственных	179424	259522	432	3432255	426752	565	$1^7/_{11}$	$1^1/_2$	$1^1/_4$	Озимого по 3 чт. 6 чк. Ярового по 4 чт. 5 чк. 23 г.
1863	У помещиков и временнообязанных крестьян	7311	4020	117	5484	2011	88	$^3/_4$	$^1/_2$	$^3/_4$	Озимого по 1 чт. Ярового по 6 чт.
	У крестьян государственных	173108	255429	294	149649	106157	231	$^3/_4$	$^1/_4$	$^3/_4$	Озимого по 1 чт. 5 чк. $6^1/_2$ г. Ярового по 1 чт. 1 чк. $1^1/_4$ г.
1864	У помещиков и временнообязанных крестьян	3419	1879	41	19249	$6543^1/_2$	56	$4^1/_2$	$2^1/_2$	$^3/_4$	Озимого по 3 чт. $5^1/_2$ чк. Ярового по 1 чт. $3^1/_2$ чк.
	У крестьян государственных	152472	170289	116	173418	168932	84	$^1/_7$	$^7/_6$	$^3/_4$	Озимого до 2 чт. Ярового до 2 чт.
1865	У помещиков и временнообязанных крестьян	Сведений нет									
	У крестьян государственных	122607	156837	Св. нет	656554	752671	Сведений нет				
	У казенных крестьян и колонистов	Св. нет	Св. нет	621	Св. нет	Св. нет	1687	Сведений нет			

*По отчетам Палаты государственных имуществ. (Прим. автора)

Талица 5

О посеве и урожае хлебов и овощей в Ставропольской губернии за 1859—1869 годы

		Посеяно			Снято			Урожай озимого	Урожай ярового	Урожай картофеля	Сколько приходится на душу
		в четвертях									
		озимого	ярового	картофеля	озимого	ярового	картофеля	САМ			
1859	У помещ. и их крестьян	—	—	—	—	—	—	3	4	2	На каждую душу приходится более 6 чт. всего урожая
	У госуд. крестьян	139814	22959	1576	436332*	767626*	3269				
1860	Собрано менее предыдущего года	Озимых на 83412 чт. и ярового более на 408639 чт.						$2\,^{1}/_{7}$	—	—	Сведений нет
1861**	У помещ. и их крестьян	—	—	—	—	—	—	$4\,^{1}/_{2}$	$3\,^{1}/_{4}$	$1\,^{1}/_{4}$	На каждую душу всего урожая более 7 чт.
	У госуд. крестьян	14674	205954	856	661180	812598	1160				
1866	У помещ. и временнообяз. крестьян	5714	3721	200	32112	17384	460	$5\,^{1}/_{2}$	$5\,^{2}/_{3}$	2	Озимого по 7 чт., 5 чк., 6 г., ярового по 4 чт., 1 чк., картофеля по $7\,^{3}/_{4}$ гар.
	У госуд. крестьян	174980	186779	605	795761	371405	2858	$4\,^{1}/_{2}$	2	$4\,^{3}/_{4}$	Озимого по 6 чт., ярового 3 чт., 6 чк., $4\,^{3}/_{4}$ гар.
	У купцов и мещан города Ставрополя	650	620	4381	2600	248	16738	1950 чт.	1860 чт.	12356 чт.	Озимого 4 чк., $6\,^{1}/_{2}$ г., ярового $3\,^{1}/_{2}$ г., картофеля до 3 чт.
1867	Вообще в губернии	60476	70556	Св. нет	325451	280484	Св. нет	$4^{1}/_{2}$	$3^{1}/_{2}$	Св. нет	Сведений нет
1868	Вообще в губернии	170963	174619	Св. нет	589486	713521	Св. нет	4	$4^{1}/_{2}$	Св. нет	Сведений нет
	Кроме того у оседлых иногородцев	Сведений нет			66402	43019	Сведений нет				

* Собрано по сравнению с урожаем 1858 года озимого менее на 46759 чт., а ярового более на 62331 чт. (Отд. 1 лит. М отчета губернатора за 1859 г.). (Прим. автора)

** Неурожайные годы 1862, 1863, 1864, 1865. См. таблицу 4. (Прим. автора)

Таблица 6.
[Сводные статистические сведения о Ставропольской губернии]

Годы	Общая площадь губернии (десятин)	Распределение земельного пространства по группам населения			
		гражданского населения	казаков	Инородцев	
				магометан	калмыков
1869	—	—	—	—	—
1870	—	—	—	—	—
1871	5701366	—	—	—	—
1872	—	—	—	—	—
1873	—	—	—	—	—
1874	—	—	—	—	—
1875	6288010,8	—	—	—	—
1876	—	—	—	—	—
1877	—	—	—	—	—
1878	—	—	—	—	—

Годы	Количественное отношение земли под лесами к общему пространству губернии	Урожай (сам)	Обеспеченность губернии урожаем на данный год
1869	—	3 3/4	Обеспечено
1870	—	—	—
1871	—	3	Не вполне обеспечено
1872	—	—	—
1873	—	4,5	Вполне обеспечено
1874	—	4,3	Вполне обеспечено
1875	—	1,7	Не обеспечено
1876	—	1,4	Не обеспечено
1877	—	5,3	Вполне обеспечено
1878	—	—	Обеспечено

Годы	Хлебные запасы в общественных магазинах (четвертей)	[Голов скота у крестьян]		
		лошадей	крупного рогатого скота	мелкого скота
1869	—	—	—	—
1870	—	120003	404926	1111549
1871	181607	—	—	—
1872	—	—	—	—
1873	—	137148	484794	1884282
1874	—	119730	582192	2206957
1875	—	105084	634234	1347967
1876	66386	100139	594338	2187822
1877	75268	95453	574750	2075624
1878	188874	98829	606050	2269737

Годы	Число преступлений за год	По сравнению с предыдущим годом		Численное отношение преступников к общему населению
		увеличилось преступлений на	уменьшилось преступлений на	
1869	644	—	—	—
1870	153	—	—	—
1871	108	—	—	—
1872	181	—	—	—
1873	225	—	—	—
1874	254	—	—	—
1875	184	—	—	—
1876	190	—	—	—
1877	262	—	—	—
1878	322	—	—	—

Годы	Число подкидышей	Число заводов в губернии, ремесленных заведений и др.	Врачей медицинских		Ветеринарных врачей в губернии
			всего в губернии	в городе Ставрополе	
1869	1	167	—	—	—
1870	—	291	29	8	4
1871	—	908	29	—	—
1872	—	876	—	—	—
1873	5	2100	10	6	1
1874	—	2572	13	—	1
1875	—	4294	8	—	—
1876	—	3733	11	—	—
1877	—	3577	—	—	—
1878	—	2688	5	2	1

Годы	Сифилистические заболевания				Аптеки		
	заболело в данном году	выздоровело	умерло	осталось больных	казенные	вольные	из них в городе Ставрополе
1869	378	313	3	62	—	4	2
1870	374	315	3	56	—	4	2
1871	374	323	4	47	—	4	2
1872	361	313	3	45	—	—	—
1873	346	312	5	29	—	—	—
1874	4	—	—	—	—	3	2
1875	—	—	—	—	—	—	—
1876	74	—	—	—	—	3	2
1877	188	—	—	—	—	4	2
1878	—	—	—	—	—	6	2

Таблица 6 (продолжение).
[Сводные статистические сведения о Ставропольской губернии]

Годы	Народное просвещение					
	всех учебных заведений	мужских гимназий	женских учебных заведений	духовных учебных заведений	начальных училищ	
					уездных	сельских
1869	37	1	2	2	1	31
1870	49	1	2	2	5	39
1871	74	1	2	2	7	62
1872	96	1	2	2	13	78
1873	122	1	2	2	15	102
1874	119	1	2	2	17	97
1875	143	1	3	2	19	118
1876	131	1	3	2	16	109
1877	139	1	3	2	16	117
1878	132	1	3	2	19	107

Годы	Народное просвещение			
	во всех учебных заведениях учащихся	педагогического персонала	численное отношение учащихся к общему населению	тоже в городе Ставрополе
1869	2494	184	—	—
1870	2494	—	—	—
1871	4112	—	—	—
1872	5139	—	—	—
1873	6324	—	—	—
1874	6666	—	—	—
1875	7350	—	—	—
1876	6772	—	—	—
1877	7550	—	—	—
1878	7282	—	—	—

Годы	Эпидемические заболевания				Эпидемические заболевания животных		
	Оспа		Холера		чума (пало животных)	ящур (пало животных)	кров. моча (пало животных)
	привита оспа в данном году	умерло	заболело	умерло			
1869	9455	—	—	—	—	—	—
1870	—	—	721	322	2509	—	—
1871	9938	—	58	24	15110	2100	220
1872	9938	—	—	365	1945	—	—
1873	10513	—	—	—	485	—	—
1874	11668	565	—	—	450	—	—
1875	11808	371	—	—	—	—	—
1876	12370	100	—	—	15205	—	—
1877	11112	—	—	—	3451	—	—
1878	9609	138	—	—	—	—	—

Таблица 7.
О посеве и урожае хлеба в 1874 году

Города и уезды	Посеяно четвертей						
	Озимой пшеницы	Ржи	Яровой пшеницы	Овса	Ячменя	Гречихи	Остальных яровых хлебов (проса)
Ставрополь	92	38	—	44	18	20	9
Заштатный город Св. Крест	524	—	—	—	—	—	380
Итого:	616	38	—	44	18	20	389
Ставропольский уезд							
На землях крестьян разных наименований	28124	9951	7802	26683	12761	1150	1469
На казенных оброчных участках	131	13	255	31	17	—	15
На землях частного владения	2019	366	1313	549	391	55	68
Итого в Ставропольском уезде	30274	10330	9370	27263	13169	1205	1552
Александровский уезд							
На землях крестьян	26765	4899	561	18146	2316	183	3631
На казенных оброчных участках	—	—	—	—	—	—	—
На землях частного владения	35	15	—	135	21	4	8
Итого в уезде	26800	4914	561	18281	2337	187	3638
Новогригорьевский уезд							
На землях крестьян	39115	8498	3433	17294	8718	49	3218
На казенных оброчных участках	—	—	—	—	—	—	—
На землях частного владения	143	10	20	90	15	—	23
Итого в уезде	39258	8508	3453	17384	8733	49	3241
Медвеженский уезд							
На землях крестьян	42336	15077	50871	20511	15732	19	2912
На казенных оброчных участках	—	—	—	—	—	—	—
На землях частного владения	418	89	501	168	180	—	30
Итого в уезде	42754	15166	51372	20679	15912	19	2942
В ведомстве главного пристава кочующих народов							
В Большедербетовском калмыцком улусе	470	1	312	15	10	—	5
В приставстве Ачикулакском Джембулуковском	513	168	—				96
Трухмянском	378	—	—	161	—	—	111
Караногайском	2	41	—	—	—	—	218
Итого:	1363	210	312	176	10	—	430
В том числе:							
а) на землях городских	616	38	—	44	18	20	389
б) на крестьянских землях	136340	38425	62667	82634	39527	1401	11230
в) на казенных оброчных участках	131	13	255	31	17	—	15
г) на землях частного владения	2615	480	1834	942	607	59	129
д) на землях кочующих народов	1363	210	312	176	10	—	430
А всего в губернии	141065	39166	65068	83827	40179	1480	12193

Таблица 7 (продолжение).
О посеве и урожае хлеба в 1874 году

Города и уезды	Снято четвертей					
	Картофеля	Озимой пшеницы	Ржи	Яровой пшеницы	Овса	Ячменя
Ставрополь	11000	450	19	—	220	90
Заштатный город Св. Крест	—	2450	—	—	—	—
Итого:	11000	2900	19	—	220	90
Ставропольский уезд						
На землях крестьян разных наименований	1887	80690	27668	27284	89407	42860
На казенных оброчных участках	—	316	37	770	176	278
На землях частного владения	156	7975	1478	6559	2791	2461
Итого в Ставропольском уезде	2043	88981	29183	34613	92374	45599
Александровский уезд						
На землях крестьян	986	148399	18598	2668	144200	14950
На казенных оброчных участках	—	—	—	—	—	—
На землях частного владения	—	185	35	—	650	39
Итого в уезде	986	148584	18633	2668	144850	14989
Новогригорьевский уезд						
На землях крестьян	150	207881	42586	16886	107829	54512
На казенных оброчных участках	—	—	—	—	—	—
На землях частного владения	—	1123	95	220	1107	166
Итого в уезде	150	209004	42681	17106	108936	54678
Медвеженский уезд						
На землях крестьян	240	149715	47373	193310	73865	67571
На казенных оброчных участках	—	—	—	—	—	—
На землях частного владения	12	2030	491	2587	766	951
Итого в уезде	252	151745	47864	195897	74631	68522
В ведомстве главного пристава кочующих народов						
В Большедербетовском калмыцком улусе	—	6327	9	918	166	109
В приставстве Ачикулакском Джембулуковском	—	2775	688	—	—	—
Трухмянском	—	3117	—	—	1762	—
Караногайском	—	25	225	—	—	—
Итого:	—	12244	922	918	1928	109
В том числе:						
а) на землях городских	11000	2900	19	_	220	90
б) на крестьянских землях	3263	586685	136225	240148	415301	179893
в) на казенных оброчных участках	—	316	37	770	176	278
г) на землях частного владения	168	11313	2099	9366	5314	3617
д) на землях кочующих народов	—	12244	922	918	1928	109
А всего в губернии	14431	613458	139302	251202	422939	183987 [183993]

Города и уезды	Снято четвертей			Посеяно	Снято
	Гречихи	Остальных яровых хлебов (проса)	Картофель	Льна	Льна
Ставрополь	100	45	44000	4	40
Заштатный город Св. Крест	—	2228	—	—	—
Итого:	100	2273	44000	4	40
Ставропольский уезд					
На землях крестьян разных наименований	2806	26662	4925	2121	7449
На казенных оброчных участках	—	88	—	142	582
На землях частного владения	465	561	897	483	4987
Итого в Ставропольском уезде	3271	27311	5822	2746	13018
Александровский уезд					
На землях крестьян	1284	44036	4425	10480	80661
На казенных оброчных участках	—	—	—	—	—
На землях частного владения	16	91	—	87	386
Итого в уезде	1300	44127	4425	10567	81047
Новогригорьевский уезд					
На землях крестьян	1076	37071	773	11615	89672
На казенных оброчных участках	—	—	—	—	—
На землях частного владения	—	309	—	81	1298
Итого в уезде	1076	37380	773	11696	90970
Медвеженский уезд					
На землях крестьян	68	29213	1302	3027	20707
На казенных оброчных участках	—	—	—	—	—
На землях частного владения	—	489	76	27	306
Итого в уезде	68	29702	1378	3054	21013
В ведомстве главного пристава кочующих народов					
В Большедербетовском калмыцком улусе	—	87	—	32	586
В приставстве Ачикулакском Джембулуковском	—	4595	—	—	—
Трухмянском	—	3539	—	254	3098
Караногайском	—	3224	—	—	—
Итого:	—	11445	—	286	3684
В том числе:					
а) на землях городских	100	2273	44000	4	40
б) на крестьянских землях	5234	136982	11425	27243	198489
в) на казенных оброчных участках	—	88	—	142	582
г) на землях частного владения	481	1450	973	678	6977
д) на землях кочующих народов	—	11445	—	286	3684
А всего в губернии	5815	152238	56398	28353	209772*

*Сверх того конопель посеяно 2265 четвертей, снято 6123 четверти.
Всего [же] посеяно 428027 четвертей, а снято 2041234 четверти. (Прим. автора)

Таблицы 8—11*.
Состояние рабочей (животной) силы в губернии.
Наличие скота как рабочей силы, имеющей значение живого инвентаря в хозяйстве, обусловливает размер запашки и успешную уборку посева.

	1873 год	1874 год**	1875 год	1876 год	Число павших животных в 1874 году***
Лошадей	137148 штук	119730 штук	105084 штуки	100139 штук	5520 штук
Рогатого скота	484724 штуки	582192 штуки	634234 штуки	594318 штук	26183 штуки
Овец простых	1544364 штуки	1534141 штука	1643265 штук	1520491 штука	63549 штук
Овец тонкорунных (не мериносы испанские)	149639 штук	174631 штука	—	170563 штуки	—
Овец туркменских	—	289035 штук	—	—	—
Овец волошских	—	—	264528 штук	—	—
Овец калмыцких и ногайских	—	—	238609 штук	319491 штука	—
Свиней	121936 штук	118601 штука	—	92186 штук	6606 штук
Коз	62702 штуки	84147 штук	78146 штук	72785 штук	6407 штук
Верблюдов	5641 штук	6402 штуки	—	12347 штук	239 штук
Буйволов	—	—	—	39 штук	—
Всего:	2506224 штуки [2506154]	2908879 штук	[2964466] штук	2882279 штук	208504 штуки

* Таблицы 8—11, составленные Ставропольским губернским статистическим комитетом, публикуются по архивным документам. При подготовке данного издания они были сверены с подлинниками, место хранения которых указано в квадратных скобках.
** [ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 5354. Л. 6 об.]
*** [ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 5354. Л. 7]

Таблица 12.
Важнейшие статистические сведения о волостях и селениях губернии по данным 1903 года*

Название волостей	Число дворов	Коренные жители		Иногородние		Общая площадь надела	Посевная площадь
		муж.	жен.	муж.	жен.		
Ставропольский уезд							
Михайловская	1092	4796	4903	509	487	41121	14275
Надеждинская	766	2994	3099	77	73	35727	10103
Старомарьевская	570	2025	2068	95	108	20373	7258
Бешпагирская	850	3522	3695	250	225	19411	7303
Татарская	529	1787	1653	191	176	12678	3025
Спицевская	468	1511	1478	85	106	10580	5580
С. Кононовское	110	423	416	4	4	1160	—
Кугультинская	1198	4360	4340	324	292	36440	17730
Благодатненская	1000	3422	3360	157	160	23650	13860
С. Софиевское	—	—	—	—	—	1500	—
Константиновская	993	4375	4389	125	132	25628	13581
Московская	1139	3944	3951	409	404	33155	10317
Тугулукская	590	1854	1798	92	85	12527	4350
Дубовская	372	1365	1273	35	29	10930	2876
Кавинская	267	1144	1039	32	37	6909	2590
Пелагиадская	727	2680	2590	70	56	21230	6115
Колония Молочная	45	184	163	20	19	2565	—
Безопасненская	1698	6592	6200	254	270	48137	20871
Терновская	1760	5967	6004	516	486	48178	23979
Донская	1602	5113	5007	284	296	44262	22140
Птиченская	788	2821	2681	203	179	19326	9407
Тищенская	628	1385	1378	795	732	8338	3354
Всего по уезду	16762 [17792]	62264	60235 [61485]	4527	4357 [4356]	482315 [483825]	206014 [198714]
Александровский уезд							
Новоселицкая	1275	4390	4229	444	432	36204	14833
Китаевская	724	2273	2103	276	291	19719	8558
Чернолесская	1400	4437	4435	521	483	43987	22577
Томузловская	450	1529	1511	109	84	14258	8900
Журавская	792	2557	2487	236	229	23907	9903
С. Падинское	257	622	583	101	47	5028	—

* Сведения публикуются по «Памятной книжке Ставропольской губернии на 1904 год». В квадратных скобках даются уточненные суммарные подсчеты.

Таблица 12 (продолжение).
Важнейшие статистические сведения о волостях и селениях губернии по данным 1903 года

Название волостей	Число дворов	Коренные жители		Иногородние		Общая площадь надела	Посевная площадь
		муж.	жен.	муж.	жен.		
Александровский уезд							
Грушевская	746	1972	1992	298	247	21529	5810
Калиновская	795	2547	2698	249	268	25172	7858
Александровская	1650	3288	3213	2216	2176	42898	8940
Сергиевская	770	2362	2299	177	160	38620	6034
Северная	665	2457	2371	188	186	3754	3684
Круглолесская	1147	4318	4298	486	475	35568	10533
Саблинская	564	1629	1633	73	81	17713	7738
Нагутская	1510	5088	4859	478	439	38980	14800
Греческая	151	496	452	44	52	4618	1670
Куршавская	868	2409	2412	218	188	16785	5861
Канглынская	651	1895	1672	136	103	28757	1553
Крымгиреевская	1098	3638	3633	342	339	31725	5100
Казинская	583	2091	2141	336	313	10359	3670
Подгорненская	178	386	425	41	46	5096	1664
Султанская	909	2752	2741	644	519	36086	6280
С. Суркульское	202	515	455	266	213		1348
С. Кианкизское	242	691	702	207	234		2228
С. Дубовское	101	259	233	23	22		1080
С. Янкульское	277	754	759	298	256		1404
Всего по уезду	18015 [18005]	55591 [55355]	54266 [54336]	8407	7883	501854 [500763]	145493 [164026]
Прасковейский уезд							
Левокумская	923	3111	3218	687	680	24310	17238
Правокумская	894	2421	2340	637	496	24620	11838
Прасковейская	1904	6419	6247	1498	1552	64011	36419
Отс. Орловский	678	1803	1778	266	200	—	—
Покоинская	1397	2833	2894	1157	993	41168	20000
Владимировская	236	713	731	93	88	789	2050
Урожаинская	838	2993	2917	670	614	42922	14413
Величаевская	587	1856	1772	519	398	40188	9873
Воронцово-Александровская	2096	6606	6665	709	625	21251	19076
Новогригорьевская	1335	3918	3897	338	311	31846	13627
Нинская	864	2653	2460	114	113	26539	20766

Название волостей	Число дворов	Коренные жители		Иногородние		Общая площадь надела	Посевная площадь
		муж.	жен.	муж.	жен.		
Прасковейский уезд							
Преображенская	234	983	853	292	286	5368	4380
Стародубская	441	1672	1461	279	254	4183	2950
Пос. Архиповский	157	454	442	103	95	2952	2575
Пос. Добровольный	127	390	355	38	30	1633	1000
Архангельская	1613	5002	4981	266	210	32535	34130
Солдатско-Александровская	1279	3824	3816	151	144	26180	6975
Обиленская	931	2799	2823	216	185	20031	9707
Новозаведенская	840	2272	2181	154	152	24341	10228
Отказненская	1638	4600	4498	513	523	42186	22140
Степная	616	1434	1330	745	617	20001	11916
Соломенская	344	640	620	752	623	7929	6265
Ольгинская	32	94	113	112	83	1800	4000
С. Романовское	58	195	200	66	41	2700	—
Всего по уезду	20062	52585 [59685]	58572 [58592]	10375	4043 [9313]	525675 [509483]	281446 [281566]
Благодаринский уезд							
Благодаринская	1678	5237	5218	1360	1334	46000	19990
Елисаветинская	506	1689	1678	37	35	14770	4575
Бурлацкая	507	1813	1784	128	119	12220	12260
Спасская	706	2081	2017	363	324	17404	11035
Медведская	810	2715	2575	212	179	20454	7015
Ореховская	570	1664	1654	70	78	10460	3100
Сухо-Буйволинская	626	2069	1940	182	176	20256	8663
Шишкинская	250	601	500	147	145	5900	2325
Александрийская	1096	4176	4111	281	254	33000	19250
Сотниковская	1074	3709	3572	387	381	41003	30440
Довсунская	374	1108	1096	43	47	7500	5000
Высоцкая	239	3565	3524	283	229	30375	18308
Отс. Просянский	—	—	—	—	—	—	—
Арзгирская	2175	5135	4906	2602	2101	42985	22153
Петровская	1650	6142	6118	249	228	37420	11838
Донско-Балковская	566	2231	2112	202	198	25040	7658
Овощинская	637	2200	2100	473	477	19240	10475
Казгулакская	700	2189	2120	391	376	18610	10333
Малоягурская	560	1727	1689	114	94	9670	5691
Камбулатская	614	2302	2233	89	63	17420	5125

Таблица 12 (продолжение).
Важнейшие статистические сведения о волостях и селениях губернии по данным 1903 года

Название волостей	Число дворов	Коренные жители		Иногородние		Общая площадь надела	Посевная площадь
		муж.	жен.	муж.	жен.		
Благодаринский уезд							
Николино-Балковская	502	1787	1690	79	63	12450	5763
Виноделинская	1149	3951	3768	681	659	27242	15500
Лиманская	508	1311	1176	238	229	12088	7426
Кавсалинская	1150	3600	3590	420	408	28196	14160
Предтеченская	736	2961	2885	203	135	20141	13700
Малоджалгинская	1100	3427	3301	341	311	21240	14200
Бурукшунская	435	1283	1100	183	153	16882	5631
Дивенская	1003	3234	3164	414	403	62021	16582
Киевская	1106	2838	2727	436	405	22020	7586
Кистинская	1113	3345	3177	183	174	30760	10310
Воздвиженская	774	2300	2200	298	218	23790	6591
Митрофановская	520	1618	1461	89	92	14315	7728
Рагулинская	837	3329	3190	356	323	32239	15661
Дербетовская	885	2900	2620	182	171	31294	14355
Большеджалгинская	1660	5673	5715	792	816	32795	22190
Яшалтинская	371	1272	1176	224	201	2270	1470
Вознесенская	520	1537	1491	74	75	14511	5974
Всего по уезду	22707 [29707]	98917 [98719]	95313 [95378]	12806	11674	833981	399971 [400061]
Медвеженский уезд							
Медвеженская	1894	5772	5908	299	314	35911	18790
Преградненская	1580	6407	6403	479	380	44117	23000
Радыковская	480	1157	1196	375	340	6813	5857
Ладовско-Балковская	1824	6137	6165	321	334	37302	19494
Новомихайловская	541	1963	1887	97	99	11529	8000
Дмитриевская	2304	5995	5857	653	632	45885	22040
Тахтинская	681	2224	2291	341	352	12616	11074
Белоглинская	2617	8625	7685	2392	1908	45405	24776
Горько-Балковская	504	1568	1497	270	240	7079	3848
Павловская	850	2935	2874	395	362	13420	8070
Кулешовская	406	1457	1419	207	176	7524	4574
Средне-Егорлыкская	1925	4171	4178	3106	2743	25830	13274
Лопанская	602	1956	1924	190	180	6445	4497

Название волостей	Число дворов	Коренные жители		Иногородние		Общая площадь надела	Посевная площадь
		муж.	жен.	муж.	жен.		
Медвеженский уезд							
Летницкая	1206	4718	4800	293	303	33685	17420
Приволенская	885	2819	2932	375	331	16206	6406
Песчанокопская	1512	4825	4833	1003	971	30820	17023
Богородицкая	898	3249	3239	380	357	16990	8532
Поливянская	420	1867	1832	83	79	10188	5990
Николаевская	671	1968	2046	45	52	15095	898
Развиленская	446	1777	1656	59	52	9172	3926
Рассыпянская	504	2011	1986	262	214	14248	5632
Воронцово-Николаевская	1123	4827	4252	2807	2696	23490	14493
Екатериновская	533	1661	1454	97	95	12598	7250
Кручено-Балковская	730	1449	1381	195	173	7840	3881
С. Сысоево-Александровское	124	539	551	61	62	1536	—
Сандатовская	1500	5371	5145	469	408	32870	15438
Ивановская	784	2313	2296	491	462	13005	8780
Краснополянская	1808	5915	5875	332	350	41115	23320
Березовская	731	2366	2298	302	267	15841	10327
Немецко-Хагинская	298	855	846	71	70	4708	6015
Эсто-Хагинская	129	346	321	21	18	5976	3728
Баранниковская	524	2018	2011	236	237	14129	7030
Новоманычская	436	1619	1791	78	87	7698	4445
Новоегорлыкская	1612	6950	6645	978	914	35399	18386
Жуковская	997	2875	2884	533	458	19135	8248
Всего по уезду	34152 [34079]	112705	110680 [110358]	18276 [18296]	16732 [16716]	681520 [681620]	374480 [364462]
Всего по губернии	118698 [119645]	389462 [388728]	379066 [380149]	55491 [54411]	49859 [49942]	3025345 [3009672]	1407404 [1408829]

Èñòî÷íèêè è ëèòåðàòóðà

Бентковский И.В. Краткое обозрение Ставропольской губернии в некоторых отношениях и преимущественно в экономическом по данным за 1874 год // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. — 1876. — Вып. 7. — С. 63—102.

Бентковский И. Описание владельческих земель, расположенных в Ставропольской губернии и уезде по бассейнам рек Большой и Малой Кугульты и в смежных с ними урочищах // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. — Ставрополь. — Вып. 4 — С. 113—122. — (4 паг.).

Библиографический указатель книг, сочинений и статей, относящихся к статистике, истории и этнографии Северного Кавказа // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. — Ставрополь, 1911. — Вып.1. — 7 с. — (Отд. 6).

Бородаевский С.В. Краткое сообщение о попытке к устройству артезианского колодца обществом Владикавказской железной дороги на станции Ставрополь в 1896 году, сделанное дейст. членом Ставропольского комитета Бородаевским. — Ставрополь, 1896. — 6 с.

Вульф Г.В. Соляные озера западной и юго-западной части Ставропольской губернии. — Ставрополь, 1918. — 99 с.

Гатуев С.А. Гидрогеологическое обследование Медвеженского уезда Ставропольской губернии в 1910 года — Ставрополь, 1913. — 46 с.: ил.

Давыдов И. Исследования режима реки Кумы, произведенные горным инженером И. Давыдовым 14—17 апреля 1912 года — Ставрополь: Тип. губ. правления, — 1912. — 16 с.

Забудский Н.Н. Обозрение Кавказского края по северную сторону Главного хребта в историческом, топографическом и статистическом описаниях, сост. генерального штаба штабс-капитаном Забудским. 1851 год // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. — Ставрополь, 1914. — Вып. 6. — С. 1—136; Ставрополь, — 1916. — Вып 8. — С. 1—93.

Итоги продовольственной переписи г. Ставрополя губернского 24 июля 1916 года // Стат. отдел Ставроп. гор. управы. — Ставрополь, 1917. — 20 с.

Колесников Н.Г. Краткий очерк истории развития различных отраслей ветеринарного дела в Ставропольской губернии за первое пятнадцатилетие существования в ней участковой ветеринарной организации. — Ставрополь, 1911. — 30с.; 1 л. схем.

Колесников Н.Г. Скотоводство в Ставропольской губернии за 35 лет.*

Краткие сведения о некоторых хозяйствах скотоводов Ставропольской губернии.*

Краснов М. Просветители Кавказа. — Ставрополь, 1913. — 102 с.

Крист Е.И. Кумагорские (Канглинские) источники. — Ставрополь, 1907. — 22 с.

Носов. Описание города Ставрополя. Составлено прикомандированным к Генеральному штабу Тенгинского пехотного полка подпоручиком Носовым в 1840 году / Сообщил Г.Н. Прозрителев // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. — Ставрополь, 1913. — Вып.5. — С. 1—10. — (14 паг.).

Обзоры Ставропольской губернии (архивные документы).

Отправление и прибытие железнодорожных грузов по Ставропольской губернии / Стат. отдел Ставроп. губ. земской управы. — Ставрополь, 1916. — 87 с.

Отчеты Кавказской и Ставропольской палат государственных имуществ (архивные документы).

Отчеты Ставропольского губернатора (архивные документы).

Петухов И. Описание части Кавказской области между реками Егорлыком, Канаусом и Манычем, сост. капитаном Петуховым в 1843 году // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — Ставрополь, 1911. — Вып. 1. — С. 1—21. — (8 паг).

Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен. — СПб., 1880. — 517 с.

Прозрителев Г.Н. Александр II в Ставрополе-на-Кавказе. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1911. — 18 с.; То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910—1911. — Т.4. — С. 1—8. —15 лаг.; Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — Ставрополь, 1911. — Вып. 1. — С. 1—18.

Прозрителев Г.Н. Военное прошлое наших калмык[ов], 1812—1912: Ставропольский калмыцкий полк и Астраханские полки в Отечественную войну 1812 года // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — Ставрополь, 1912. — Вып. 3. — 232 с.

Прозрителев Г.Н. Дело крестьян селения Маслов Кут Ставропольской губернии 1853 года. — Ставрополь, 1909. — 22 с.

Прозрителев Г.Н. К истории артезианских колодцев и первых постоялых дворов в Ставропольской губернии: Сообщено в заседании Ставроп. губ. комитета действительным членом Г.Н. Прозрителевым 16 янв. 1906 г. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1906. — 15 с.

Прозрителев Г.Н. К истории Тмутараканского камня. — Ставрополь, 1913. — 7 с.

Прозрителев Г.Н. Казанский кафедральный собор в Ставрополе-на-Кавказе. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1910. — 22 с.; То же: Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1910. — Вып. 2. — С. 1—22. — (Отд.1). — (Из прошлого Северного Кавказа).

Прозрителев Г.Н. Очерк жизни и деятельности И.В. Бентковского, бывшего секретаря Ставропольского статистического комитета: Доклад действительного члена Ставроп, стат. комитета Г.Н. Прозрителева. — Ставрополь: Тип. «Северокавказской газеты». — 1908. — 155 с.; То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — 1909. Т.2. — С. 1—55.

Прозрителев Г.Н. Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1912. — I—X, 18 с.; То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — 1912. — Т. 7. — С. 3—18.

Прозрителев Г.Н. Шейх Мансур: К истории Кавказской войны // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1911. — Вып. 1. — С. 1—13. — (Отд. 4).

Прокопов К.А. Геологический очерк Ставропольских высот в связи с нахождением в г. Ставрополе горючего газа. — Ставрополь, 1912. — 22 с.; 1 л. карт.

* Сведений об этих изданиях не имеется.

Районирование Ставропольской губернии. Отчет губернской административной комиссии апрельской сессии губисполкома VII созыва 10 апреля 1924 г. — Ставрополь, 1924. — 95 с.; 1 л. карт.

Сборник сведений о Северном Кавказе. Т. 1—12 / Ставроп. губ. стат. комитет. — Ставрополь, 1906—1920.

Сельскохозяйственный обзор за 1913 год. — Екатеринодар: Тип. И.Ф. Бойко, 1915. — 63 с.

Сельскохозяйственный обзор за 1914 год. — Ставрополь, 1915. — 47 с.

Смирнов М. Очерк хозяйственной деятельности Ставропольской губернии к концу XIX века. — Ставрополь, 1913 — 127 с.; То же: Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — Ставрополь, 1913. — Вып. 4.

Список владельцам частных земель, назначенный на 10-верстной карте Ставропольской губернии, сост. в 1896 г. при Ставропольской губернской чертежной по указаниям и при непосредственном наблюдении его превосходительства, ставроп. губернатора, генерал-майора Н.Е. Никифораки. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1896. — 35 с.

Список населенных мест по сведениям 1873 года / Издан Ставроп. губ. стат. комитетом; Сост. дейст. членом и секретарем комитета И.В. Бентковским. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1874. — 157 с.

Списки населенных мест Ставропольской губернии: (По данным 1909 г.) / Ставроп. губ. стат. комитет, Под ред. Г.Н. Прозрителева — Ставрополь, 1911.— 202 с., с разд. пат. — (Сборник сведений о Северном Кавказе; Т. 5).

Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Вып. 1—8. — Ставрополь, 1910—1916.

Филипович В.В. Очерк деятельности Ставропольского губернского общества покровительства животным, 1896—1911. — Ставрополь, 1911. —14 с.

Шершенко А.И. Правовое и экономическое положение иногородних на Северном Кавказе в связи с хозяйственным развитием края: Стат. очерк. Вып. 1: Кубанская область. — Екатеринодар, 1906. — 135 с.

Êîìåíòàðèè

Данную работу Г.Н. Прозрителев относил к числу наиболее значимых в своем творческом наследии. Основная часть книги написана им в 1915 году. В середине двадцатых годов она была дополнена предисловием, введением, списком источников и литературы.

Работа публикуется в полном объеме впервые. При жизни автора были изданы только две части: первая — в «Памятной книжке Ставропольской губернии на 1919 год», вторая — отдельной книгой в 1927 году.

Предпринятая Г.Н. Прозрителевым в начале двадцатых годов попытка издать книгу успеха не имела. При содействии Ставропольского губернского отдела народного образования, взявшего на себя финансирование типографских работ, в 1922—1923 годах удалось набрать текст первых двух частей книги. Однако из-за недостатка средств работу пришлось приостановить. Рукопись была передана Ставропольскому губполитпросвету, а затем утеряна. Практически весь тираж первой части книги был пущен на обертки как макулатура. В 1924—1925 годах Прозрителев восстановил утраченный текст по черновикам. При этом работа над третьей частью книги, очевидно, не была завершена.

Изыскать средства на издание всей книги в середине двадцатых годов так и не удалось. Поэтому Г.Н. Прозрителев предпринял все возможное, чтобы вышла в свет хотя бы вторая часть, текст которой был набран типографией. Из-за претензий цензуры издание книги задержалось. Ее выходу в свет способствовала публикация положительного отзыва ростовского краеведа Г.А. Иноземцева в «Бюллетене Северо-Кавказского бюро краеведения» за июль-сентябрь 1926 года. По решению Ставропольской этнолого-археологической комиссии, принятому на заседании 21 февраля 1927 года, текст отзыва был тиражирован по количеству книг и приложен к каждой из них.

В отзыве Г.А. Иноземцева отмечалось: «Названная книга принадлежит перу известного работника края Г.Н. Прозрителева, неоднократно зарекомендовавшего себя трудами в области археологии, истории, этнографии, а в данном случае экономики и хозяйства своего округа. Как и в предыдущих трудах, автор, будучи знатоком исторической жизни бывшей Ставропольской губернии, с особенной тщательностью подходит к изложению хозяйственной жизни губернии, которой посвящена часть вторая его труда. Хозяйственная жизнь губернии, построенная в этой книге на обильном использовании ценных архивных материалов, в большей своей части еще не опубликованных, изложена здесь в историческом разрезе. Книга начинается с момента прихода в Ставропольскую губернию переселенцев из Харьковской и других губерний в 1784 году и заканчивается началом XX столетия. Таким образом, перед нами проходит хозяйственная жизнь губернии в течение почти 150 лет, в течение времени интенсивного развития хозяйственной жизни губернии и ее главного города — Ставрополя. А если присутствие в тексте большого количества статистических и других цифровых данных специализирует направление книги, то умелое использование архивных материалов делает ее легко читаемой

историей хозяйственно-экономической жизни губернии. Мало того, книга не безынтересна и потому, что в ней автору удалось отметить целый ряд интересных бытовых моментов, особенно оживляющих изложение. В таком виде книга может служить одновременно и широкому читателю, и краеведу, и специалисту; в настоящее же время, когда обращается особое внимание на изучение хозяйственно-экономической жизни Северного Кавказа, работа Г.Н. Прозрителева является лучшим введением к изучению такого вопроса в пределах бывшей Ставропольской губернии, введением, помогающим на основе исторического изучения хозяйственной стороны жизни губернии понять и разрешить целый ряд вопросов в их теперешней обстановке». Публикация отзыва в книге позволяет уточнить действительное время ее выхода в свет, так как в выходных данных указывается 1925 год.

Работа публикуется по «Памятной книжке Ставропольской губернии на 1919 год», отдельно изданной в двадцатых годах книге и рукописям, хранящимся в личном фонде Г.Н. Прозрителева в СГКМ (ф. 2, оп. 1, дд. 69, 70, 78). Рукописи легко читаются, за исключением последних двух листов третьей части, которые написаны самим Прозрителевым. В тексте имеется незначительное количество исправлений, дополнений автора.

Вторая и третья части книги имеют авторские заголовки, первая часть снабжена редакционным заголовком, данным в квадратных скобках.

Статистические таблицы 1—6, прилагаемые ко второй части работы, подготовлены Г.Н. Прозрителевым по отчетам губернатора, Палаты государственных имуществ, обзорам Ставропольской губернии. Таблица 7 перепечатана из «Сборника статистических сведений о Ставропольской губернии» (вып. 7, за 1876 год, с. 98—99). Таблицы 8—11, составленные Ставропольским губернским статистическим комитетом, публиковались по архивным документам. При подготовке данного издания они были сверены с подлинниками, место хранения которых указывается в квадратных скобках после текста таблиц. Таблица 12 перепечатана Г.Н. Прозрителевым из приложения к статье М. Смирнова «Очерк хозяйственной деятельности Ставропольской губернии к концу XIX века» (таблица 12), основу которого составили данные из «Важнейших статистических сведений о волостях и селениях, имеющих самостоятельное сельское управление, по данным за 1903 год», опубликованных в «Памятной книжке Ставропольской губернии на 1904 год» (с. 17—33). При публикации в данном сборнике текст таблицы сверен с данными «Памятной книжки», исправлены имевшиеся опечатки, проверены суммарные подсчеты, исправленные цифры даны в квадратных скобках.

Список источников и литературы доработан Ставропольской краевой универсальной научной библиотекой им. М.Ю. Лермонтова. В нем уточнены названия и выходные данные изданий, описание дается с учетом современных требований. Список дополнен изданиями; упоминающимися автором в комментариях. Для удобства пользования источники и литература систематизированы по алфавиту названий.

Ï ðè ì å÷à í èÿ

1. Описание части Кавказской области между реками Егорлыком, Калаусом и Манычем, составленное капитаном Петуховым в 1843 г. // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. — Ставрополь, 1911. — Вып.1. — С. 1—21 (ГАСК, ф. 79, оп. 2, д. 697);

Описание города Ставрополя. Составлено прикомандированным к Генеральному штабу Тенгинского пехотного полка подпоручиком Носовым в 1840 г. // Там же.— Ставрополь, 1913. — Вып. 5. — С. 1—10;

Обозрение Кавказского края по северную сторону Главного хребта в историческом, топографическом и статистическом описаниях, составленное Генерального штаба штабс-капитаном Забудским. 1851 г. // Там же. — Ставрополь, 1914. — Вып. 6. — С. 1—136; Ставрополь, 1916. — Вып. 8. — С. 1—93.

2. Первый том вышел под редакцией А.С. Собриевского. Остальные одиннадцать томов — под редакцией Г.Н. Прозрителева. (Прим. автора).

3. Здесь Прозрителев имеет в виду работу Смирнова М. «Очерк хозяйственной деятельности Ставропольской губернии к концу XIX века».

4. Имеется в виду «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии», издававшийся с 1868 г. по 1883 г. Всего вышло в свет 10 выпусков.

5. КЭС — здесь краевой экономический совет.

6. При работе над введением Г.Н. Прозрителев использовал изданную в 1924 г. в Ставрополе книгу: Районирование Ставропольской губернии. Отчет губернской административной комиссии апрельской сессии губисполкома VII созыва 10 апреля 1924 г. Далее он приводит тексты некоторых опубликованных в ней документов, а также отрывки из них, указывая в скобках названия документов и номера страниц. В данном издании цитируемые тексты выделены шрифтом.

7. До 1917 года (Прим. автора).

8. Входили в состав Ставропольской губернии до 1917 г. (Прим автора).

9. До 1917 г. (Прим. автора).

10. См.: Прозрителев Г.Н. Первые русские поселения на Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии. (Прим. автора).

11. Дела Ставропольского окружного суда по иску Султановского общества и других о сносе хуторов. Дела уездного съезда Александровского уезда (Прим. автора).

12. Далее Прозрителев приводит данные из статьи И.В. Бентковского «Краткое обозрение Ставропольской губернии в некоторых отношениях и преимущественно в экономическом по данным за 1874 г.», опубликованной в седьмом выпуске «Сборника статистических сведений о Ставропольской губернии» за 1876 г. (С. 66—71).

13. Здесь Прозрителев имеет в виду рукопись «Историко-археологический путеводитель по Ставропольской губернии», написанную им после 1917 года. Принято административное деление губернии последнего времени, а раньше к Ставропольской губернии принадлежали Кизлярский и Пятигорский уезды. После отделения Терской области было 4 уезда: Ставропольский, Медвеженский, Александровский и Новогригорьевский. Затем Новогригорьевский уезд был разделен и образованы Благодаринский и Прасковейский, а потом последний назван Святокрестовским. (Прим. автора).

14. См.: Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880. (Прим. автора).

15. См.: Прозрителев Г.Н. К истории Тмутараканского камня (Прим. автора).

16. После 1921 г. город неоднократно переименовывался, с 1973 г. это Буденновск.

17. Уздень — князь.

18. Сераскир — военный министр в Турции.

19. См.: Прозрителев Г.Н. Военное прошлое наших калмык[ов] (Прим. автора).

20. Фирман — личный указ султана.

21. См.: Прозрителев Г.Н. Военное прошлое наших калмык[ов] (Прим. автора).

22. Ведомость опубликована в качестве приложения к статье, Г.Н. Прозрителева «Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии» (С. I—X).

23. Булавинское восстание — крестьянское движение на Дону в 1707—1708 годах во главе с К.А. Булавиным. Поводом послужила попытка правительства вернуть беглых крестьян помещикам. С Дона движение распространилось на Поволжье, Приазовье и другие районы. Восстание было жестоко подавлено.

24.Рейтар — конный воин, всадник.

25. Драгун — конный воин, по оружию и приемам способный также для пешего боя.

26. Копейщик — пеший воин, вооруженный копьем.

27. Затынщик — воин, сражающийся в городке, внутри крепостной стены, вала, против осаждающих врагов.

28. Воротник — сторож у ворот.

29. См.: Прозрителев Г.Н. Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии (Прим. автора).

30. Шейх Мансур — [это] оказался авантюрист — итальянец Джиовано. Взятый в плен, он был сослан в Соловецкий монастырь, где и умер. См.: Прозрителев Г.Н. Шейх Мансур. (Прим. автора).

31. Юрт — владение.

32. Дело сенатского архива о Кавказском межевании 1818 г. (Прим. автора). Очевидно, речь идет о рапорте А.П. Ермолова Александру I о необходимости учреждения особой межевой комиссии для Кавказской области от 20 мая 1818 года и прилагавшейся к нему записке о землях этой области (см. РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 15, лл. 110—168).

33. См.: Прозрителев Г.Н. Дело крестьян селения Маслов Кут Ставропольской губернии 1853 года (Прим. автора).

34. Губернский архив. Дела об открытии города Ейска 1848 г. (Прим. автора).

35. Красный товар — торговля тканями, платками, шалями, сахаром и чаем.

36. Молокане — одна из духоборческих сект, не признающая таинств и обрядов православной церкви, отвергающая почитание святых. Совершают богослужение в виде пения псалмов и чтения Священного Писания. Имеют свою обрядность.

37. Шленка — овца тонкошерстной породы.

38. См.: Шершенко А.И. Правовое и экономическое положение иногородних на Северном Кавказе в связи с хозяйственным развитием края (Прим. автора).

39. См. там же (Прим. автора).

40. Например: «Наши спя, а я на Хопре сижу». (Прим. автора).

41. Дело о чуме на людях в Большой Кабарде в 1796 г. Дело губернского архива. (Прим. автора).

42. Пост — сторожевой пункт, где находилось до 50 казаков. (Прим. автора).

43. До сих пор при старых церквах сохранились ограды с такими отверстиями (бойницами). (Прим. автора).

44. Понева — домотканая шерстяная юбка.

45. Фура — большая длинная крытая повозка для клади.

46. Гать — настил из бревен или хвороста для проезда через топкое место.

47. Чумак — крестьянин, занимавшийся перевозкой и продажей хлеба, соли, рыбы и других товаров.

48. Куртаж — вознаграждение посреднику при совершении коммерческих сделок, плата банкиру за выдачу ссуды, маклеру — за коммерческие сделки.

49. Чиновник Липе-де-Липеский арендовал Горькобалковский участок по 23 с половиной копейки за десятину (Прим. автора).

50. Тыкву (гарбузы) парили для корма свиней. (Прим. автора).

51. Жители-огородники называли его «рикуримка» (Прим. автора).

52. См. дела губернского архива. (Прим. автора).

53. Корм для лошадей посыпали мукой, а свиней кормили отрубями. (Прим. автора).

54. Гаолян — вид сорго, однолетний злак с высокими стеблями, покрытыми листвой. Зерно идет в пинту (крупа и мука) и на корм скоту. Зеленое растение используется в качестве зеленого корма и на силос.

55. Чумиза — китайское просо, однолетнее культурное растение семейства злаковых. Используется как продовольственная и кормовая культура.

56. «Конский зуб» — кукуруза.

57. По правилам, изданным министерством внутренних дел, убивались все животные, бывшие в соприкосновении с павшими от чумы, хотя бы и здоровые по виду. (Прим. автора).

58. Буккер — простое орудие для обработки почвы, употреблявшееся в южной части России.

59. Марена — травянистое однолетнее масличное растение, из корней которого добывается красная краска.

60. Лермонтовская. (Прим. автора). В настоящее время ул. Дзержинского.

61. В 1879 году под тутовым садом оказалось по измерению 9 десятин 1910 сажен. (Прим. автора).

62. Отчет Палаты государственных имуществ 1844 года. (Прим. автора).

63. Ниже мы помещаем очерк по вопросу обводнения Ставропольской губернии и артезианских колодцев. (Прим. автора).

64. Отчет Палаты государственных имуществ за 1844 г. (Прим. автора). ГАСК, ф. 55, оп. 1, д. 857, лл. 5 об. 7.

65. Ветер дул с такой силой, что выдувал весь пахотный слой, унося и посеянные семена. В селе Жуковском ветром был снесен курган, стоявший на краю села, и снова насыпан на противоположной стороне. В некоторых селах засыпало песком и пылью целые усадьбы с хатами и жители должны были оставлять их. На весну следующего года оказалось, что ветер перенес с одного загона на другой семена посева, которые и взошли там, где не были посеяны, и хозяева, сеявшие один хлеб, получили совсем другой. Целый ряд недоразумений возник вследствие этого между хозяевами, и волостные суды должны были разбираться в этих правонарушениях, созданных ветром. (Прим. автора).

66. Особенно страдали в эти зимы инородцы, которые не заготовляли корма для своих стад и они погибали тысячами. (Прим. автора).

67. Бочар — мастер по изготовлению бочек.

68. Полстовал — кустарь, занимающийся полстяным промыслом, то есть изготовлением из валяной шерсти ковров, покрывной полсти или кошмы и др.

69. См.: Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний, по гражданскому и естественному их состоянию, в отношении к земледелию, промышленности и домоводству, сочиненное по начертанию Императорского вольного экономического общества высочайше одобренному, и тщанием и иждивением оного общества изданное в Санкт-Петербурге в 1809 г. Описание было составлено в 1804 г. бывшим директором народных училищ Астраханской и Кавказской губерний Ровинским. (Прим. автора). Выдержки из этой книги были опубликованы во втором выпуске Трудов Ставропольской ученой архивной комиссии за 1910 г.

70. См. там же. (Прим. автора).

71. Бакша, бахча, бакча — огород в поле, в степи, не при доме; на поднятой плугом целине разводят арбузы, дыни, тыквы, огурцы, кукурузу, подсолнечник, иногда лук, чеснок, морковь и другие овощи.

72. Бентковский И.В. Краткое обозрение Ставропольской губернии в некоторых отношениях и преимущественно в экономическом по данным за 1874 год. // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. — 1876. — Вып. 7. — с. 102.

73. Там же, с. 100—101.

74. Обзор Ставропольской губернии за 1891 год. (Прим. автора). ГАСК, ф. 101, оп. 1, д. 5388, л. 13.

75. Смирнов М. Указ. соч. (Прим. автора).

76. Корреспонденция из с. Александровского в газете «Северокавказский край» за 29 января 1912 г. (№ 253). (Прим. автора).

77. См.: Смирнов М. Указ. соч. (Прим. автора).

78. Для характеристики однодворцев красноречивым показателем их культурности служит заявление их депутатов в Екатериненской комиссии (76 %), они настаивали на том, чтобы школы были учреждены безразлично для всех сословий: «Не только не следует препятствовать никому, к какому бы он

званию ни принадлежал, лишь бы только он пожелал иметь просвещенный разум, но еще приложить к тому особое попечение; образование необходимо и для простых земледельцев, потому что имеющий просвещение может распространять оное (земледелие) более, нежели десять неученых». (Прим. автора).

79. Цидула — срочное сообщение, к пакету которого приклеивалось перышко, что означало летучку: «Лети как птица», и, действительно, верховой казак скакал карьером, то есть во весь дух, во весь опор. (Прим. автора).

80. Рассказ этот относится к 30-м годам XIX столетия. (Прим. автора).

81. Прозрителев Г.Н. Люди Божие или скопцы. (Прим. автора).

82. Аманат — заложник.

83. Байгуш — здесь — нищий, бедный.

84. Штафирка — буквально — подкладка под обшлага рукавов, здесь — мелкий чиновник.

85. Текст «Выправки из убылого журнала об арестантах, отправляемых в разные места из разных присутственных мест», сохранившийся в подлиннике и прилагающийся к рукописи Прозрителева, воспроизводится полностью (СГКМ, ф. 2, оп. 1, д. 78, л. 13а и об.).

Комментарии и примечания В.В. Белоконь

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ àâòîðà ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêàì:

Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношениях // Памятная книжка Ставропольской губернии на 1919 год. — Ставрополь, 1919. — С. 1—11.

Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношении. Часть 2 / Сост. Г.Н. Прозрителев. — Ставрополь-Кавказский, 1925.

Рукописи из личного фонда Г.Н. Прозрителева. Ставропольский государственный краеведческий музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. Ф. 2, оп. 1, дд. 69, 70, 78.

Ê 50-ËÅÒÈ Þ ÑÒÀÂÐÎ Ï Î ËÜÑÊ ÎÃÎ Î ÊÐÓÆ Í ÎÃÎ ÑÓÄÀ. 17 À Ï ÐÅË ß 1868 Ã Î ÄÀ — 17 À Ï ÐÅË ß 1918 Ã Î ÄÀ

Война, которая десятки лет велась на Кавказе с горскими племенами, создавала условия, требовавшие особого порядка управления. Все внимание было обращено на военные успехи, и потому на первом плане стояла военная часть и все подчинялось военному правлению.

Теперь, когда прошло почти шестьдесят лет со дня окончания этой грандиозной борьбы, трудно себе представить условия жизни того времени и понять необходимость подчинения всей жизни края военным распорядкам.

А между тем действительность того времени ставила свои требования и выдвигала на первый план безопасность, а потому военное управление являлось вполне целесообразным.

Если вспомнить, что повелителем горцев был Шамиль, имя которого наводило страх на всех жителей Кавказа, и что грозный имам был недоступен в своих горных ущельях и многими считался непобедимым, то многое станет понятным и, пожалуй, неизбежным.

По общему признанию, Шамиль был не только талантливый и редкого дарования воин, но и выдающийся администратор, и борьба с этим неукротимым борцом и вдохновителем горцев на тяжелую геройскую войну была нелегким делом. Высокое одушевление и безграничное повиновение делали из горцев грозную силу, готовую по первому призыву «великого имама» обрушиться на русские поселения, невзирая ни на какие опасности и препятствия.

Кавказская война полна неожиданностей и всевозможных злоключений, и она покрыла неувядаемой славой обе воевавшие стороны, проявившие стойкость, храбрость, самоотвержение, доходившие до героизма: это были отличительные черты «кавказца», как среди русских войск, так и у горцев…

Но вот 25 августа 1859 года пал Гуниб — твердыня горцев — и великий имам стал пленником России. Это событие имело громадное значение для жизни Кавказа и главным образом для гражданской части его населения…

Великий день 19 февраля 1861 года грянул и для Кавказа, а в 1862 году прибыл на Кавказ новый наместник — великий князь Михаил Николаевич, — и управление краем резко изменилось.

Освободительная реформа была распространена на все население Кавказа и Закавказья, горские рабы — ясыри — стали свободными, и горы окончательно дрогнули… В 1864 году сложил оружие и Западный Кавказ…

Неожиданно сказалось преимущество бескровной борьбы — реформы — среди пушек и военных разорений…

И управление Кавказом широко стало на этот путь.

17 апреля 1868 года Кавказ увидел в лице Ставропольского окружного суда гласное судопроизводство, и для населения открылась великая книга судебных уставов 1864 года Александра II.

Жизнь Северного Кавказа изменилась и направилась в новое русло.

Открытие Ставропольского окружного суда было крупным, выдающимся событием в жизни Северного Кавказа, и потому, казалось бы, что день 17 апреля 1868 года должен быть не только известен в широких слоях общества, но и стать народным праздником, а между тем он не только не был народным праздником, но даже и судебные деятели не отмечали его ежегодно, а многие и совсем забыли. Да и настоящее собрание не выражает общественного внимания к суду даже и в день его 50-летия.

Мое положение, что открытие суда должно быть народным праздником, вовсе не звучит преувеличением, а вполне соответствует назначению суда и сфере его влияния.

Суд является могущественным фактором в сложении общественной жизни, и это положение прекрасно можно проследить на истории деятельности нашего суда.

Теперь, когда нас отделяет полвека от того момента, как начал действовать наш суд, многое забылось, и надо долго рыться в пыли архивов, чтобы воскресить в памяти события, имевшие место в течение этого длинного ряда лет, а между тем только оценкой событий и выяснением условий жизни предшествовавшего дореформенного периода и можно дать характеристику деятельности суда и установить то огромное значение, какое он имел для жизни края. И потому я хотя слегка хочу приподнять завесу прошлого.

Прежде всего, безусловно, надо признать, что наиболее страдающим, бесправным до этого времени было население низших классов. Дореформенный суд не знал равенства всех пред судом, так как сама жизнь ставила пред ним человека «худородного», члена «подлого» (то есть низшего) сословия, как тогда говорили, и человека полноправного, члена высшего сословия, против которого и веры не давалось первому, свидетельствовать он не мог против него, и все преимущества были на стороне второго…

И вот новый суд, верный великим заветам судебных уставов Александра II, не только провозгласил принцип равенства всех пред законом и судом, но и на практике, в жизни, в ежедневной своей буднич-

ной работе стал осуществлять его. И, конечно, от этого выиграла та часть населения, которая прежде была «подлой», бесправной или малоправной. В новом суде «худородный» почувствовал свое человеческое достоинство и не боялся унижения, не боялся говорить правду, которая прежде вела в тюрьму.

Суд внес законность в сознание массы, веру в право и расшатал уверенность в возможность безнаказанности, которая достигалась прежде и благодаря положению, и благодаря «посулам».

Таким образом, ясно, что по самому принципу и по своему характеру суд новый был «народным», и день учреждения суда, несомненно, должно приветствовать все население, и праздник должен быть народным.

Жизнь нашего края сложилась при условиях исключительных, при условиях длительной военной борьбы и военного управления, которые указаны выше, и, естественно, нравы и понятия обывателей не оставались чуждыми влияния этих условий.

И вот новый суд должен был естественно столкнуться с этими установившимися последствиями многоразличных влияний, действовавших в жизни Северного Кавказа.

Дореформенный суд, будучи сам зависим и даже подчинен административному влиянию, не мог, и при желании, действовать властно в силу закона, и поэтому правовая сторона была парализована и репрессия была крайне условной, что создавало в населении полную беззащитность одних, а другим внушало преступную дерзость, опирающуюся на возможность остаться безнаказанным. В свою очередь, это создавало для первых, так сказать, основание и право самозащиты, а у вторых вызывало озлобление и беспощадность.

Вот при таких жизненных условиях Северного Кавказа и выступил Ставропольский окружный суд на поприще своей деятельности в этом крае.

Со всею выпуклостью выдвинутся указанные условия, если припомним хотя бы некоторые прославившиеся имена того времени.

По степям Ставропольской губернии разгуливали шайки разбойников, и близость степей астраханских, терских и кубанских давала широкий простор их деятельности. Полным властелином северной части губернии был Базорка, калмык Базор-Сеинов, имевший многочисленную шайку, а в сущности почти весь Большедербетовский улус. Одно имя этого человека наводило страх, и борьба с ним была бесполезна. Базорка был легендарный герой степей, редко, правда, прибегавший к убийствам, но грабежи и разбои его совершались широко, и он был неуязвим.

Восточной частью губернии властвовал разбойник Муртазалиев — туркмен, если и уступавший в славе Базору, то потому только, что не столь продолжительное время работал в крае. Хозяйственный крестьянин, пришедший сюда из земельной тесноты внутренней России и поставивший свой кош на приволье в свободной степи, оказался со своим хозяйством в полной зависимости и власти этих степных хищников и должен был или отступать, бросая свое колонизационное дело, или терпеливо сносить разорительные набеги и нести своеобразную повинность — откупаться от времени до времени от заезжих гостей.

Если мы назовем еще имена других, менее славных деятелей этого порядка, но более свирепых: братья Л., Савченко-Бельский, Ватутин-Кроснояров, Вербицкий, Листопад, Кудлай, Уманец и другие, — то получится довольно внушительная картина положения мирного обывателя, вынужденного жить и работать при господстве подобных «деятелей».

Не надо забывать, что рядом с этими крупными именами действовала и разная мелочь.

Но наибольшее зло местной жизни составляли пристанодержатели и укрыватели, дававшие главную и существенную поддержку разбою и другим преступлениями. Этот промысел был самый выгодный и наиболее безопасный и выдвигал не менее известных деятелей на этом доходном пути. Не все из представителей этого порядка довольствовались «скромной» ролью получателей добытого, а некоторые и сами участвовали в «наездах», но это были «любители» и выступали в «хороших» делах.

История отмечает как видного деятеля первого порядка и женщину…

Особенно прославились в крае среди деятелей второго порядка К-ур и Д-га. О последнем ходили целые легенды. И соседи его были убеждены, что его дом охраняют какие-то таинственные силы, и ночью никто не пытался заглянуть к нему… Неожиданно раздается бешеный конский топот среди ночной тишины, и белое привидение скроется во двор Д-ги, а затем оно же ходит вокруг его дома и размахивает широкими крыльями, наводя ужас на всякого, кто случайно выглянет не в урочный час. А под прикрытием этого страха хозяин побывает в степи на разбое и на своем чудном скакуне возвратится домой, прикрытый белым покрывалом, и затем, одетый в белый саван с широкими воскрылиями, отгоняет всякого, кто желал бы подсмотреть за ним.

Страх сковывал всем уста, а темная ночь покрывала преступные деяния.

Шайки были хорошо организованы, и крепкая связь с укрывателями делала недоступными главных деятелей.

Надо припомнить еще некоторые имена «из мира предержащих», как Ш., Т., Ж., которые не могли умыть рук во всей этой преступной эпопее, — получится заколдованный круг, и будет понятна легендарная неуловимость знаменитых разбойников.

Для характеристики вот несколько эпизодов из этой преступной эпопеи, доставшейся в наследие новому суду.

Листопад — работник у мелочного торговца Морина в Ставрополе — вызывает хозяина в конюшню посмотреть заболевшую лошадь и там впотьмах разбивает ему голову топором. Затем идет в хату и тем же топором разбивает голову жене хозяина, подойдя к ней сзади, когда она стояла, наклонившись над корытом, стирая белье… Затем убивает дочь, сына-подростка, уже спавших, и, наконец, трехлетнего ребенка, которого, как говорил Листопад, было «ужасно жалко ему убивать, так как он хватал его ручонками и лепетал: «Дяденька, не бей».

Забрал Листопад все добро хозяина, уложил на повозку и в ночь выехал из города на Невинку…

Крепко спал Листопад, остановившись отдохнуть на половине пути после ночных «трудов», когда его настигла погоня.

В тюрьме он читал евангелие и был необыкновенно кроток…

Тяжелую задачу дал суд присяжному поверенному Гану, поручив ему защиту обвиняемого…

На станции Степной вырезана вся семья дорожного сторожа, и рука известного Вер. не дрогнула в зверской расправе, как и в ряде других…

Под селением Татар К. и У. захватили ехавшего с ними в общем фургоне псаломщика, захлестнули ему петлю на шее в два конца и в течение нескольких часов то затягивали, то отпускали петлю, наслаждаясь искаженным лицом жертвы, и посмеивались над его мольбой о пощаде…

Все это отчасти говорит, с кем должен был иметь дело суд и какое наследство досталось ему от прошлого.

Нелегка была борьба, но неподкупность сделала то, что неуловимые хищники постепенно проходили пред судом и сходили со сцены, направляясь в Сибирь и в каторжные тюрьмы.

Авангардом суда были судебные следователи, и они-то первые наносили удары неуязвимости сильных преступников.

Исчезли Базоркины и Муртазалиевы, и хозяйственная жизнь края стала более и более укрепляться и шириться, безопасность в степи стала обычной, и хозяйственный крестьянин безбоязненно оставался на ночлег с своей худобой.

Карая разбойника, суд одинаково карал и того, кто самочинно расправлялся с похитителем в ограждение себя, и самосуды стали редки и совсем прекратились.

Характерной является следующая сценка в семье крестьянина.

— Петро, — обращается мать к младшему сыну, отправляясь на богомолье в Киев, — убей калмыка: я заодно отмолю в Киеве, а то без меня убьешь…

— Я матушка, анадысь его снял…[1]

— Ну, и слава Богу…

И в этом нет преувеличения, так как особенные условия вырабатывают и своеобразные понятия.

Надо сказать, что особенно разорительны были нападения калмыков, живших бок о бок с крестьянскими селениями, и их кражи скота и лошадей, и потому крестьяне с ними не церемонились, и найти труп калмыка в степи было явлением обычным. Озлобление доходило до того, что крестьяне селения Арзгир, подкрепленные соседними селениями, шли открытой войной на калмыков Малодербетовского улуса Астраханской губернии, разорявших их своими разбоями. Шла форменная битва, и победители уводили найденную худобу, мало различая свою и чужую.

Все это суд должен был ликвидировать и положить конец своевольству.

Вслед за главными деятелями, а частью и вместе с ними, прошел пред судом и ряд укрывателей и пристанодержателей — крупных зажиточных хозяев, создавших свое благополучие на широком господстве в степи разбоя.

Последним актом этой жизненной драмы было так называемое «Татарское дело», где был соединен целый ряд преступлений с большим числом обвиняемых, законченное судом в 1884—1885 году, и тяжелый меч правосудия отсек последнюю голову у гидры северокавказского разбоя.

Водворение законности и создание личной и имущественной безопасности — вот заслуга нашего суда перед краем.

Теперь, когда надвигаются черные тучи над судом и кажется он некоторым ненужным, мы смело можем сказать, что, идя с бескровным оружием — правдой и милостью, — суд проявлял творческую работу, водворяя правосознание в массах, и в этом и заключается та созидательная работа, которая одна только и обеспечивает свободу народа и способствует ее упрочению.

Ïðèìå÷àíèå

1. Снять с седла — значит убить сидящего на седле, верхом на лошади.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèå ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Прозрителев Г.Н. К 50-летию Ставропольского окружного суда. 17 апреля 1868 года — 17 апреля 1918 года. — Ставрополь: Губернская типография, 1918.

ÈÑÒÎÐÈÊÎ-ÀÐÕÅÎËÎÃÈ×ÅÑÊÈÉ ÏÓÒÅÂÎÄÈÒÅËÜ ÏÎ ÃÎÐÎÄÓ ÑÒÀÂÐÎ ÏÎËÞ-Í À-ÊÀÂÊÀÇÅ È ÅÃÎ ÎÊÐÅÑÒÍÎÑÒß Ì

×àñòü I

Краткие исторические сведения о городе Ставрополе. Географическое положение и геогнозия местности. Соборная гора. Каменный крест на Соборной горе. Каменные столбы на Соборной горе. Крест во дворе интендантства. Могилы у креста во дворе интендантства. Двор интендантства и постройки на его площади. Военная гауптвахта. Ставропольская крепость. Кафедральный собор. Соборная колокольня. Постройки соборного причта. Фонарная. Барятинский сквер. Соборная лестница. Могилы у кафедрального собора. Пожарная каланча. Дом Главного штаба. Магистрат. Городская дума. Городской архив. Александровская гимназия. Николаевский проспект (Красная улица). Бульвар верхний. Площадка у старого бассейна против кафедрального собора. Курган на ярмарочной площади за Тифлисскими воротами. Бульвар нижний. Старая гимназия. Лавочная церковь. Часовня на Нижнем базаре. Тифлисские ворота. Дом юнкерского училища. Павлова дача. Карабин. Каменные ломки, или лавы. Гремучка. Виды на окрестности.

Êðàòêèå ñâåäåíèÿ î ãîðîäå Ñòàâðîïîëå

Точных сведений о времени возникновения поселения на месте, где ныне стоит г. Ставрополь со своими окрестностями, нет. Но тем не менее необходимо признать, что в самую отдаленную эпоху нашей истории и даже далеко до возникновения русского государства здесь кипела жизнь, жил какой-то культурный народ, который и оставил следы своего существования на нашем плоскогорье. Об этой прошлой жизни, бесспорно, свидетельствуют развалины построек, остатки жительства, укрепленные пункты, могильники, расположенные вокруг Ставрополя, не в далеком от него расстоянии.

Такими свидетельствами далеко минувших лет являются у нас Русский городок, развалины большой постройки в урочище Валик в Казенном лесу, городок на спуске к селению Татарка, целый ряд курганов по речкам Ташла и Мамайка с остатками древних жительств и могильники с кирпичными в них склепами. К той же отдаленной эпохе относятся и каменные бабы, которые были найдены здесь, на месте Ставрополя, в значительном числе и которые частью сохранились еще и до настоящего времени. Археология дает нам указания для определения времени, к которому можно отнести все эти остатки прошлого, и мы смело можем утверждать, что еще до нашей эры здесь, на нашем плоскогорье, на месте нашего города, шла бойкая жизнь.

Но кроме этих остатков далекого прошлого, о нем нам говорят с полной достоверностью разные предметы домашней утвари, оружия, монеты и украшения. На месте Ставрополя найдены бронзовые топоры, бронзовые и железные стрелы, копья, древние металлические зеркала, ожерелья, бусы и, как уже сказано, каменные бабы, которые являются первыми памятниками культуры после каменных орудий. Из всех этих свидетелей минувших веков монеты с большей точностью говорят о прошлом; и монеты Парфянского царства и Босфорского, найденные здесь, ясно свидетельствуют о том, что и наше место принимало участие в мировой жизни этих отдаленных от нас эпох.

Серьезное значение нашего плоскогорья в то отдаленное от нас вермя обусловливалось тем, что в восточной части Северного Кавказа, нынешней нашей губернии, был центр могучего влияния той исторической эпохи — город Великие Мажары, столица Хазарского царства, а на западе развивалась греческая культура в тех греческих колониях, которые очень рано возникли по берегам Черного и Азовского морей, и далее — Босфорское царство на теперешнем Крымском полуострове. Общение Великих Мажар, бывших центром всего тогдашнего культурного мира, с греческим западом шло именно чрез нынешнюю Ставропольскую губернию, и наше плоскогорье было одним из видных этапных пунктов того движения. Находимые предметы свидетельствуют об этом общении и распространении влияния как того, так и другого народа. Последние археологические работы у нас на Северном Кавказе с положительностью удостоверяют широкое и могущественное влияние жившего здесь народа, хотя и исчезнувшего, но оставившего, несомненно, глубокий след в истории нашего края.

Но вот настают времена христианства, и оно широкой волной идет с запада на восток, прорезывает горы до самого Каспийского моря и оставляет следы на Северном Кавказе в виде древних церквей, крестов, намогильных плит с надписями, целого ряда гробниц и построек; и как свидетельство этого периода у нас, на нашей горе, ныне называемой Соборной, находят каменный крест, доказательство жизни первых христиан, может быть, спасавшихся от гонения и искавших убежища в этих отдаленных от Греции и Рима местах. Само название Ставрополь происходит именно от этой находки здесь креста.

Но наступившее затем движение народов, их уклад, сопровождавшийся страшными войнами, отодвигает историю Северного Кавказа в сторону, сметает бывшие здесь народы, делает его как бы временной стоянкой этих грозных военных лагерей, и мы только к IX веку снова видим нашу страну среди общей жизни народов, снова здесь развивается жизнь. Но новый натиск с востока в виде нашествия монгольских орд в XIII веке опять низводит страну к полному упадку. Северный Кавказ делается достоянием кочевых полчищ, их взаимных войн, военных передвижений целых народностей, и только к концу XVII века резко обозначается русское влияние, и русский человек все в большем и большем числе водворяется среди широких пространств Северного Кавказа.

Когда возник Ставрополь, точно неизвестно, но правительство Екатерины II, желая обеспечить границу государства от Турции, решило построить ряд укреплений от Азова до Моздока, и среди намеченных пунктов была крепость № 8, которая и основана затем именно на нашей нынешней Соборной горе, где теперь стоит двор интендантства. Найденный здесь каменный крест дал название крепости, которое потом перешло к казачьей станице, а потом и к самому городу. В 1777 году полковник Ладыженский приступил к устройству крепости, расположившись здесь с Владимирским драгунским полком. Этот день надо считать днем возникновения поселения на месте Ставрополя как военного пункта. В 1778 году пришли казаки с р. Хопра и расположились под горой с северной стороны. Скоро вокруг крепости и под защитой ее возникла слободка, вольное поселение из зашедших сюда крестьян, отставных солдат, их семейств, и стала развиваться жизнь вне крепости, но все же подчиняясь военному управлению и входя в общий строй военной жизни без собственного управления. Ныне существующие у нас улицы Михайловская, Мавринская и Барятинская — это и были солдатские слободки первая, вторая, третья. Жизнь населения слободки всецело стояла в зависимости от крепости, от ее потребностей и ее положения в данное время.

Господствующее положение крепости, благодаря возвышенной местности, значительный гарнизон и близость казачьей станицы делали место это вполне безопасным, и потому сюда потянулась значительная часть поселенцев, и слободки росли. Явилась необходимость создать другие условия для жизни этой части поселения при крепости, и в 1785 году 5 мая последовал указ Екатерины II об учреждении Кавказского наместничества, причем образованы были в Кавказской губернии три уезда: Георгиевский, Моздокский и Ставропольский — и Ставрополь был назначен уездным городом. День 5 мая и надо считать началом существования Ставрополя как города. В следующем году открыты были присутственные места.

В это время Ставрополь представлял из себя ряд домов, довольно неправильно разбросанных по юго-восточной и юго-западной стороне от крепости; на северной стороне была расположена станица, где теперь Хоперская улица и Станичные улицы, с церковью на Нижнем базаре, где теперь часовня, а на нашем нынешнем Николаевском проспекте рос лес, в нескольких местах были топкие места от родников, вытекавших из Крепостной горы, и один из этих ручьев пересекал его в том месте, где на площадке между бульварами ныне стоит бассейн, и тут шла глубокая водомоина по направлению к нынешнему дому Меснянкина (старая гимназия). Население в это время было весьма невелико: всего 467 дворов и 27 лавок к 1780 году.

Новый город не имел своей церкви и составлял приход казачьей церкви. Эта церковь построена в 1780 году, а первою церковью надо считать походную церковь Владимирского полка, помещавшуюся внутри крепости в плохом деревянном здании. Надо полагать, что церковь эта стояла на том месте, где ныне во дворе интендантства стоит крест. Впоследствии церковь эта (за уходом Владимирского полка) была оставлена и долго стояла без всякого призора, пока не была наконец продана и перевезена, кажется, в станицу Успенскую.

В это время город не имел собственной отдельной земли, а земля была в общем владении с казаками, вернее жители-горожане пользовались казачьей землей и теми угодьями, которые составляли казенную землю. С переводом казаков в станицу Суворовскую в 1825 году казачьи земли остались в исключительном пользовании горожан; и наши архивы содержат много дел, возникших по поводу положения и способа пользования этим земельным казачьим имуществом.

Этой земли осталось 16267 дес. 57 кв. саж.

Таким образом, благодаря указу Екатерины II от 5 мая 1785 года Ставрополь из слободки при крепости обратился в город со значительной уездной территорией, жители из бесправных, подчиненных всецело суровому военно-крепостному управлению, обратились в горожан, права которых покоились на знаменитой «Грамоте на права и выгоды городам Российской империи», данной 21 апреля 1785 года.

А потому день 5 мая и должен быть признан днем рождения нашего города и праздником ставропольцев.

Ãåîãðàôè÷åñêîå ïîëîæåíèå Ñòàâðîïîëÿ

Ставрополь находится под 45^0 с.ш. и $59{,}39^0$ в.д. от острова Ферро и над уровнем моря стоит на 1790 футов. По тригонометрической нивелировке, произведенной Фуссом и другими, положение его определяется над уровнем моря на 1996 футов.

Ãåîãíîçèÿ ìåñòíîñòè

Ставрополь расположен на Темнолесском плоскогорье, идущем от Ташлы-Сырта, высшую точку которого составляет Чишгур-Ахчиш. Хотя горная цепь Ташлы-Сырта по-видимому, кажется, составляет продолжение кристаллической формации, основанием которой служит Эльборус, однако же при исследовании оказывается, что эта цепь состоит из эруптивных пород и более давнего происхождения, чем Эльборус, Казбек и Арарат; доказательством этому служат трахиты и лава последних гор, между тем, этих геологических элементов нет в Ташле-Сырте.

Темнолесское (Ставропольское) плоскогорье состоит из двух ярусов третичной (молассовой) формации: нижнего и верхнего. Первый образовался из мергелий и темно-серого кремнистого известняка, заключающего в себе раковины. Верхний ярус составляют песчаники, в которых находится множество органических остатков, кораллов, раковин и проч.; и кроме сего в этой же формации находят кости китообразных животных и других крупных млекопитающих. Раковистый камень, на котором расположен Ставрополь, составляет верхний слой высшего яруса молассовой формации и состоит из песчаника, связанного известняковым цементом, преимущественно из мактра и венус. Камень этот на возвышенных местах города находится в обнаженном состоянии и добывается в глубоких лавах, а в низменных частях покрыт почвою от фута до сажени и более толщиною.

Почва в Ставрополе в низменных местах болотистая, в местах подгорных — глинистая, по плоскогорьям — черноземная, она вообще состоит приблизительно из 24 частей песку, 40 частей глины и 26 частей чернозема с незначительной примесью извести. Кроме того, во многих местах имеются залежи кварцевого песка и по Тифлисской дороге, за ярмарочной площадью — твердый камень, состоящий из темно-серого кремнистого известняка. Наконец, на Кравцовом озере, на Грушевой имеются залежи торфа.

Ñîáîðíàÿ ãîðà

Самым интересным и достопримечательным местом в Ставрополе является Соборная гора, названная так потому, что здесь стоит Кафедральный собор во имя Казанской Божией Матери. Гора эта, составляя конец мыса, разделяющего две балки: справа — выемка бульвара и Николаевского проспекта, а слева — спуск в Подгорное — заканчивается спуском в долину и низменность, занятую нижней частью города и далее идущую к Надежде и Старой Марьевке. Здесь, на этой горе, все прошлое Ставрополя, его колыбель, вся его история.

С этой горы открывается чудный вид на долину р. Ташлы с ее чудной зеленью садов, огородов, длинных улиц и огромным пространством между Ташлой и Мутнянкой на 20 и 30 верст на восток. Как широкий горизонт открывается стоящему на этой горе, так и начинания, возникшие здесь, открывали широкие перспективы зарождавшемуся здесь поселению, предсказывая ему блестящее будущее.

Каждый шаг на этой горе связан с воспоминаниями о далеком прошлом, тяжелых, бурных, кровавых днях долгой войны, этой величественной эпохи из жизни Кавказа. Маленькая по пространству, но сильная по значению, по занимаемой местности, гора эта символически знаменовала будущее маленького укрепленного пункта, никогда не мечтавшего стать шумным, многолюдным городом, центром всего края, каким стал Ставрополь.

Покрытая вековым лесом, охваченная глубокими балками с пробегающими по ним ручьями и речками (Мутнянка, Ташла), гора эта с древних времен служила надежным убежищем и защитным пунктом для всех, кто искал укромного и безопасного места. Здесь возникло в древности маленькое укрепление, и сюда укрылись преследуемые в Римской империи христиане для создания своей общины — церкви и дальнейшей проповеди великого учения. Им, этим изгнанникам, и принадлежат первые просветительные шаги, и они ознаменовали свое вступление в чуждой им до того стране своим знаменем, символом распятого, поставивши на этой горе крест. Везде, где проходили гонимые христиане, спасаясь от жестоких мучений, которым они подвергались в своей стране, они ставили кресты, знаменуя путь свой символом страдания, готовые на всякие лишения, какие пошлет им судьба в новой, дикой стране.

Гора эта — излюбленное место гулянья для горожан, и ежедневно до поздней ночи можно встретить по ней гуляющих, зорко всматривающихся в окружающую даль расстилающейся перед ними низменности. Здесь и воркующие парочки, наслаждающиеся обворожительным видом и счастливые в эту минуту своей любовью. Сидя у подножия креста, невольно отдаешься прошлому, и мелькающие внизу огоньки кажутся бивуачными огнями военных отрядов, которые проходили здесь с великими и малыми завоевателями, делавшими нашу страну ареной своих подвигов.

Все изменения в жизни Северного Кавказа и переживаемые события отражались на этой горе и оставляли на ней тот или другой след. Здесь мы видим остатки древнего доисторического нашествия

на Северный Кавказ какого-то народа восточного происхождения, который оставил нам величественный памятник — каменные бабы — древний памятник культуры. Каменные бабы разбросаны по всей нынешней губернии, и здесь они стояли группой.

Статуи сделаны из грубого песчаника, но, видимо, выработаны прекрасно художником, который сохранил все особенности быта, и ясно видно, что народ переживал бронзовую эпоху и носил бронзовое оружие и предметы домашнего обихода. На статуях изображены: зеркальце, нож, отвертка, меч, боевой топор и гребень для расчесывания волос. Видны воины: женщины и мужчины. На воинах на голове металлический шлем, металлический воротник, цепочка, на которой прикреплен спрятанный в карман на груди знак или часы, справа у бедра меч и боевой топор.

На женщинах видны ожерелья, одежда с опушкой меховой и каемкой по краю, видны груди. На некоторых головной убор — большие шляпы. Несмотря на протекшие тысячелетия, статуи сохранились хорошо, за исключением тех, которые разбиты и испорчены безжалостной рукой последнего времени. Наша гора была свидетельницей пребывания этого народа…

Но вот идут христиане…

Водружается крест.

С севера движутся новые полки, идет русский человек…

Крест на горе указывает на место, освященное молитвами изгнанников, и русский отряд обосновывается здесь, как и древний укрепленный пункт.

Создается крепость. Идут битвы…

Но время уносит противника, уносит и крепость, возникает город, и от прошлого остаются только небольшие остатки.

Êàìåííûé êðåñò íà Ñîáîðíîé ãîðå

Крест на Соборной горе сзади собора стоит на пьедестале, и под ним имеется на металлической доске надпись: «Крест по преданию поставлен Суворовым в 1780 году». Надпись эта не соответствует действительности, так как Суворов в этом году в Ставропольской крепости и не был, да и не было надобности ставить крест, так как крепость была закончена, была в ней церковь. В это время уже была построена тут же, под горой, в станице, церковь хоперскими казаками.

Крест же этот имеет более древнее происхождение, он был найден здесь, на горе, при закладке крепости и поставлен христианами первых веков, укрывавшимися в наших пределах от гонений. Как известно, римские императоры делали Кавказ местом ссылки для христиан. План крепости 1809 года имеет важное значение, так как на нем обозначено место крепостной церкви, что и служило основанием при обследовании и промерах в отношении каменных столбов, стоящих тут же на горе, указанных ниже, и местонахождение крепостной церкви.

Что касается этого последнего креста, то положительно известно, что он долгое время стоял в часовне, бывшей сзади собора, и пред ним постоянно горела лампада. Точных сведений о том, когда была сооружена эта часовня нет, но она тщательно поддерживалась до 1884 года, и в ней зажигалась лампада. Несомненно, если бы этот крест служил обозначением места, выбранного для постройки собора, то при сооружении собора он уже утерял свое значение, и место, где он стоял, должно было войти в пространство, занятое зданием собора, и не было смысла так тщательно его хранить. Точно так же, если бы он был поставлен Суворовым, он терял смысл при постройке крепостной церкви на другом месте.

После 1886 года часовня была сломана и крест, вынутый из нее, оставался открытым. Но в 1889 году, ввиду объявленного чествования памяти Суворова, наше городское управление по совету гласного И.П. Кувшинского оцементировало этот крест и поставило на пьедестал как крест, поставленный Суворовым, сделав указанную надпись. Основанием для такой ошибки послужило то, что в городской управе, в присутственной комнате, висела картина, на которой изображен Суворов с подзорной трубой в руке, стоящий у развалин крепости или постройки, служившей ей началом. Картина, как говорили, кисти художника Лагорио, бывшего учеником ставропольской гимназии. С другой стороны, у Бентковского имеется небольшая статья «Суворов встречает 1780 год в Ставропольской крепости». В отношении этого креста у старожилов вовсе не было в памяти, и о постановке его Суворовым, наоборот, было мнение, и прочно сложившееся, что крест поставлен на горе жителями, добивавшимися постройки церкви во имя Святого Николая, приурочивая это благое дело к памятному для Ставрополя 1810 году, когда прекратилась чума, свирепствовавшая в Ставрополе и унесшая много жертв. Называли даже купца Чернова, который и хлопотал об этой постройке.

Но если б это было так, то постройка собора делала крест ненужным, и его не стали бы хранить. Нахождение этого креста при основании крепости и послужило основанием для названия крепости и города — Ставрополь: Ставрос — крест, поль — город.

Êàìåííûå ñòîëáû íà Ñîáîðíîé ãîðå

Каменные столбы, стоящие на Соборной горе справа от собора, составляют остаток ворот внутреннего двора бывшей Ставропольской крепости. Столбы сложены на цементе из тесаного местного камня, прочной постройки и сохранились хорошо. Но, к сожалению, и их коснулась разрушительная рука, и две плиты с правого столба сброшены и лежат тут же, а другие две такие же карнизные плиты унесены, в остальном столбы в прежнем положении, как в 1916 году.

Размер столбов: вышина __, толщина __[1]; в столбах — крюки железные для ворот, которые отворялись наружу. Несомненность столбов, как остатков бывшей крепости, установлена промерами всего пространства бывшей крепости согласно плану крепости 1809 года, найденному Г.Н. Прозрителевым, о чем и был составлен протокол ученой архивной комиссии при участии инженера Маньковского в 1916 году, который и производил промер и обследование. В 1886 году была еще видна часть стены каменной, идущей от левого столба сзади собора по направлению к постройкам причта. Стена была сложена из штучного тесаного камня, но в настоящее время нет и следов этой стены, хотя фундамент ее, очевидно, остался.

Êðåñò âî äâîðå èíòåíäàíòñòâà

Крест во дворе интендантства, находящегося на этой же Соборной горе, на Соборной улице, обнесен железной решеткой и сохранился хорошо. При посредстве плана 1809 года выяснено, что этот крест стоит именно на том месте, которое обозначено на плане как место нахождения крепостной церкви. Этими данными установлено положение каменных столбов и существование в крепости церкви и устраняется предположение о постановке Суворовым креста в 1780 году на Соборной горе. Крест этот старинной формы и напоминает тот, который поставлен древними христианами. Он обнесен решеткою, конечно, после, но поставлен на том месте, где приходился алтарь бывшей здесь крепостной церкви и когда она была снесена. Такие кресты обычно ставятся после упразднений церкви и на том месте, какое соответствует нахождению престола.

Ì îãèëû ó êðåñòà âî äâîðå èíòåíäàíòñòâà

Обычно лиц почетных погребают у церкви и именно впереди алтаря, а следовательно, и данные могилы у креста должны были находиться впереди стоявшей церкви, обращенной алтарем на восток; и крест, стоящий за могилами, несомненно, указывает расположение алтаря. Над могилами была каменная плита без всякой надписи, очевидно, положенная впоследствии. При вскрытии могил там оказались два каменных склепа. Как председатель ученой архивной комиссии Г.Н. Прозрителев приступил к вскрытию благодаря тому, что служащие в интендантстве сделали попытку разрыть могилы. В склепе была вода, проступившая, очевидно, из почвы через нижнюю часть, через швы в камнях, бока же были хорошо промазаны известью и воды не пропускали; верх склепов был сложен из камней, положенных под углом и образовавших ребро. В обоих склепах лежали костяки покойников, на одном из них уцелели сапоги: кожа прекрасно выделана, черного цвета, дратва сгнила. Остатки остальной одежды свидетельствовали, что покойник был положен в форме полковника XVIII века.

В памяти старожилов сохранилось воспоминание, что похоронен здесь командир крепости, убитый во время набегов горцев. Бывший окружной начальник палаты государственных имуществ Василий Степанович, умерший в 90 лет, человек, интересовавшийся стариной, развитой и о многом осведомленный из местной жизни, утвердительно говорил об этом. Первым комендантом и строителем крепости был капитан-полковник Ладыженский. Но когда именно он был убит, сведений нет, хотя надо полагать, что во время первого нападения кабардинцев на крепость в 1780 году, так как к 1800 году был уже другой комендант.

Во втором склепе покойник был в гражданской одежде, судя по простой черной пуговице (костяной) на его одежде. Покойник был небольшого роста, с небольшой головой. К сожалению, взятые из склепов черепа в мое отсутствие были снова брошены в могилу по распоряжению начальника вещевого склада и склепы зарыты, что и не дало возможности дополнить исследование и произвести измерение. Возможно, что второй покойник был женщиной и предполагают, что это была жена коменданта. Необходимо было снова произвести раскопки и сделать более тщательные исследования, но этому помешал в то время мой переезд в Тифлис в 1916 году. Перед моим отъездом, ввиду установления места нахождения крепостной церкви, был отслужен молебен у этого креста в присутствии властей и всего состава ученой архивной комиссии и снята фотография, хранящаяся в Музее Северного Кавказа.

Äâîð Èíòåíäàíòñòâà è ïîñòðîéêè íà åãî ïëîùàäè

Нынешний двор интендантства, находящийся на Соборной улице, составляет часть того пространства, которое занимала Ставропольская крепость. Двор имеет трое ворот: двое — на Соборной улице (западные и восточные) и одни с площади от Александровской гимназии, — [и] обнесен каменной стеной из штучного тесаного камня, которая упирается в имеющиеся постройки и соединяет их.

Здание, стоящее направо от входа во двор через восточные ворота, построено еще в 1790 году; со двора оно имеет колонны при входе. Это здание приемочной комиссии (провиантмейстерская комиссия), окна его с решетками железными выходят на Соборную улицу, постройка одноэтажная, каменная. Главный корпус (двухэтажный, с подъездом на Соборную улицу) построен позже, в 1820 году. Тогда была комиссариатская комиссия, и в 1864 году учреждено интендантство, вещевой склад и ставропольский кубанский продовольственный отдел.

Складочные, вещевые магазины каменные, обращенные к собору, существовали еще во времена крепости, и в них были сделаны амбразуры, как вверху, так и внизу. Это длинная, очень прочная постройка с открытыми коридорами со стороны двора. На одном из этих магазинов была прибита чугунная доска в память посещения в 1837 году Николаем I. Доска эта, по словам заведующего вещевым складом А.Д. Дядченко, была снята смотрителем вещевого склада Гиршем и, как он слышал, отправлена им в Петроград[2] в конце 90-х годов.

До 1864 года в главном корпусе в нижнем этаже помещалось казначейство и в выступе каменном во двор была кладовая, железные двери уцелели до настоящего времени. С учреждением вещевого склада был назначен смотритель склада, и был первым Фон-Вах, за ним Колобов, Росицкий, Гирш, Ахвердов, Яхнопольский, Ховренко, Васильев. Аким Данилович Дядченко был сначала помощником делопроизводителя, затем чиновником особых поручений, смотрителем магазина и, наконец, заведующим складом.

В делах комиссариатской комиссии Дядченко видел указ Екатерины II о даровании каких-то милостей, но точного содержания не помнит. Что касается архива, то он был перенесен в главную гауптвахту в 1885 году на бывшей Госпитальной улице, где помещался военный архив, а часть была отправлена в Тифлис; оставшуюся часть в интендантстве разграбили в 1918 году, а остатки были проданы в 1919 году.

Âîåííàÿ ãàóïòâàõòà

Около двора интендантства, на площади между двором и Александровской гимназией, стояло небольшое каменное здание о четырех комнатах, с открытым коридором на каменных колоннах; в нем помещалась гауптвахта, и перед ней стояла пушка, из которой обыкновенно в 12 часов дня делали выстрел. Затем гауптвахта была переведена на Госпитальную улицу в новое здание, и старое здание было оставлено. Оно оставалось до 1886—88 годов, когда было передано городу и затем сломано.

Гауптвахта эта связана с судьбой известного революционера Германа Лопатина. Он был арестован после сделанного у него жандармами обыска и содержался на этой гауптвахте, откуда и бежал. По другим рассказам, так как военный надзор был строг, то Лопатин, задумав бежать, просил перевести его в тюрьму, хотя здесь содержались привилегированные лица. Друзьям его удалось добиться этого перемещения в Ставропольский тюремный замок, откуда и состоялся его побег.

На этой же гауптвахте содержались в 50-х и 40-х годах все бывшие тогда юнкерами впоследствии генералы и видные военные деятели, составлявшие высшие чины кавказского управления. Эти юнкера были сынками очень богатых помещиков (это была «золотая молодежь»), которых посылали на Кавказ для отличий и чтобы выслужиться и скорее получить офицерский чин.

Проживая в Ставрополе, удаленные от военных действий с горцами, они предавались кутежам и вели картежную игру. Проигрывая большие суммы, они входили в долги, за которые должны были расплачиваться мамаши, жившие в своих имениях «на крепостных душах», как тогда говорили. Постоянные просьбы о высылке больших сумм для уплаты «долгов чести» становились для некоторых состояний не по силам, и вот те, кто победнее, обратились с просьбой в Петроград3, указывая на непомерную картежную игру. Голос их был услышан высшим начальством, и приказано было прекратить игру. Местное начальство точно исполнило приказ и виновных подвергло аресту на гауптвахте, где конечно, при военном надзоре карты никак не могли быть допущены. Исполнив приказание, начальство донесло в Петербург.

Но, к удивлению всех, вскоре опять полетели жалобы родителей на большие проигрыши их сынков, хотя в указанное время виновные содержались под арестом. Снова последовала расправа, а начальство, предполагая плохой надзор, задумало внезапно проверить, как содержаться юнкера... Юнкера чинно сидели за столом, о картах и помину не было. Начальство было довольно и донесло

в Петербург о результатах своего посещения. На самом же деле оказалось, что в это самое время велась самая азартная игра… Юнкера играли «на мух». Перед каждым сидящим за столом лежала небольшая крупника сахару, и все наблюдали, на чей сахар муха раньше сядет, тот считался выигравшим. Ставки были огромные.

На этой же гауптвахте содержались пленные польские и французские офицеры из наполеоновских войск 1812 года и сосланные на Кавказ декабристы.

Ñòàâðîïîëüñêàÿ êðåïîñòü

Она занимала все пространство на горе от нынешнего Приютского переулка до спуска к Ясеновской улице. Эта возвышенность представляет мыс, образуемый балками: с одной стороны, с южной — бывший Николаевский проспект, а с другой — нынешние улицы Подгорного. Крепость была обнесена валом и стеной, на которой стояли пушки. Вокруг крепости рос большой строевой лес. Крепость господствовала над всей располагающейся перед ней на восток долиной нижней части нынешнего города и далее к селам: Надежде и Старой Марьевке, всем пространством правого и левого берегов р. Ташлы и Мутнянки.

В ширину крепость занимала от спуска в Подгорное до нынешнего бульвара по Николаевскому проспекту (ныне Красная улица), и стена шла по нижней границе нынешней усадьбы Прозрителева. В соседней балке протекал ручей с хорошей водой, и сюда ходили из крепости по воду под прикрытием военной команды.

Êàôåäðàëüíûé ñîáîð

Собор заложен в 1843 году, а окончен в 1847 году, византийского стиля о пяти куполах, план составлен архитектором Тоном по повелению Николая I, постройка производилась под наблюдением местного архитектора Ткаченко. История собора изложена в брошюре Г.Н. Прозрителева «Казанский кафедральный собор в Ставрополе-на-Кавказе».

Собор имеет калориферное отопление, и пол вымощен чугунными плитами. Под всем собором имеется интересное высокое подвальное помещение, хорошо освещенное с южной стороны, с несколькими отделениями. В одном из них погребен епископ Ставропольский Феофилакт, а в другом — Александр Федорович Нестеров. Вход в этот этаж с северной стороны; из него есть ход в собор. Собор построен очень прочно, и главным его недостатком служат массивные пилоны, поддерживающие тяжелый купол, затесняющие собор и мешающие как размещению молящихся, так и общему виду храма и богослужению. Хоры устроены над притвором и, находясь вне пространства самого храма, не делают пение звучным, и вообще для проповедника собор не представляет удобств.

В общем постройка красивая, и собор эффектно высится на возвышенности, издалека видный при подъезде к городу с северной и восточной стороны. С постройкой колокольни, при ее исключительной вышине, собор потерял много в своем величии, но на картине местного художника, изображающей Ставрополь 1848 года, собор величественно увенчивает возвышенность, высоко поднимаясь над рядом остальных зданий, расположенных по краю ее. Ризница собора содержит богатые священнические облачения и хорошей работы воздухи и другие предметы алтарной утвари. Из архиерейского облачения достойны внимания митры первых епископов Иеремии и Иоанникия. Интересна художественной работы серебряная вызолоченная массивная модель собора, вес ее около двух пудов. Из икон обращают на себя внимание в художественном отношении: «Снятие со Креста» — большое полотно в алтаре за престолом; Николая Чудотворца — в правом приделе с правой стороны; «Успение», писано на доске по золоту, оригинальная работа. На канунном столе — икона 1832 года, в центре — «Троица». На правом пилоне от входа — «Христос в багрянице и терновом венце», там же икона Божьей Матери. И обе хорошей работы. На переднем правом пилоне — икона Казанской Божией Матери XVIII века. Икона эта перешла из церкви станицы Ставропольской, когда она была упразднена и казаки вселились в станицу Суворовскую. Церковь еще оставалась, из-за нее шел спор, и икона была взята из церкви, а казакам при переносе церкви досталась копия ее. Работа хорошего мастера и заслуживает внимания знатоков.

Но в описи церковного имущества по поводу этой иконы говорится следующее: «Икона храмовая Казанской Божьей Матери написана в 1838 году в Москве взамен таковой же иконы, бывшей в Ставропольской станичной Казанской церкви, перенесенной казаками со всем своим имуществом и утварью в станицу Суворовскую; так как все жители Ставрополя питали к сей иконе особенное почтение и благоговение и проводили ее с особенным сожалением и горестию, то бывший в то время церковным старостою купеческий сын Иван Волобуев употребил свое старание как можно скорее и лучше устроить и украсить настоящую икону, которая действительно заменила прежнюю».

В правом приделе с левой стороны — икона Иоанна Крестителя, у которого на груди в чаше Спаситель. В ризнице хранятся: саккос Павла Тобольского, посох Игнатия из слоновой кости и серебряной оправы по дереву, две главы змия. Облачение архиерейское пожертвовано из Киево-Печерской лавры и привезено епископом Иеремией, а также икона Антония и Феодосия Печерских и Божией Матери с надписью 15 августа 1844 года. Дарохранительница из серебра пожертвована купцом Михаилом Ртищевым в 1886 году, вес 30 фунтов (работа Хлебникова). Крест серебряный, пожертвованный в память примирения поссорившихся друзей Дмитрия Афанасьевича Венецианова и ректора семинарии.

Евангелие, «бывшее в плену у Кази-муллы», доставленное епископом Иеремией, с надписью: «Сие Евангилие сколь достопримечательно по своей древности, сколько и по бедственному приключению. В 1831 году 1 ноября в утреннее время Кази-мулла, коему преемствовал нынешний изувер Шамиль, напал со своими полчищами на богоспасаемый град Кизляр и многих из граждан ограбил, многих предал мечу своему, многих увел в плен. Не пощажены и обитель сия Крестовоздвиженская, и церковь Свято-Троицкая; все почти, что имели сии храмы ценного: ризы, кресты, Евангелия среброкованые, — унес он.

Тогда и сия священная книга похищена была из церкви, обнажена от всего, что было на ней из серебра вызолоченного, и брошена подле дома Мицкевича. Вновь оправлено оно строителем иеромонахом, ныне назначенным в сан игумена Вениамином, который рассказывал мне о сем. Иеремия, недостойный епископ Кавказский, мая 19-го дня 1845 года. Тому же подверглось и другое Евангелие, печатанное в царствование Елизаветы Петровны. 23 декабря 1848 года принесено в кафедральную ризницу как памятник древности. Другое Евангелие печатано при Петре I — 1713 года. Оправлено в переплет в 1881 году протоиереем Яковенко».

Ñîáîðíàÿ êîëîêîëüíÿ

Это трехъярусное каменное здание, сделанное из местного камня, по своей красоте, прочности и выдающейся высоте является единственным на всем Кавказе. Построена по плану губернского архитектора Воскресного, под его руководством и надзором, окончена с водружением креста 14 сентября 1867 году на средства собора (около 17 тысяч рублей) и средства городских обывателей; имеет высоту до креста 46 саженей, шар под крестом — 2 аршина 10 вершков и сам крест — 5 аршин 6 вершков. Крест железный, обтянут медной латунью и через огонь вызолочен. Цепи, укрепляющие крест, железные, оцинкованные, длиною 13 аршин. Глава колокольни луковичная, покрыта железом в виде чешуйчатых шашек и окрашена цветными красками. На колокольне колокола: первый колокол, весом 525 пудов, отлит в городе Ставрополе в 1852 г. на заводе купца Ефимова иждивением временного первой гильдии купца, коллежского регистратора Лавра Ермолаевича Павлова; второй, весом 104 пуда 23 фунта, устроен в 1844 году иждивением ставропольского мещанина Сергея Лунева; всех же колоколов семь.

Со второго яруса колокольни открывается чудесный вид на все окрестности города Ставрополя и на цепь гор с двумя ее великанами — Эльборусом и Казбеком. Особенно хорошо наблюдать пред восходом солнца, когда это величественное светило восходит как будто из-под земли. Весь Ставрополь, с его пересеченной местностью и балками, кажется точно изображенным на карте; все здания умаляются, и улицы кажутся ленточками. Экскурсия на колокольню представляет громадный интерес, и с этой именно высоты всего лучше возможно изучение подробностей Ставропольской возвышенности. К сожалению, церковное и городское управления не обращали внимания на внутреннюю каменную лестницу, по которой приходится подниматься в ярусы колокольни, а в некоторых местах она делается небезопасной для поднимающихся по ней — ступеньки стерты от ходьбы.

Ï îñòðîéêè ñîáîðíîãî ïðè÷òà

Постройки эти представляют длинное здание, одноэтажное, где устроено несколько квартир. Здание это расположено внизу под горою, окружено садом и составляет часть Подгорного. Здание это — дом бывшего комиссионера Тамамшева, которому принадлежал и прекрасный сад с хорошими фруктовыми деревьями, уцелевшими частью и до настоящего времени. Здесь проходила крепостная наружная стена. Ворота двора причта выходят на площадку у подножья горы, где был расположен базар и шел ряд торговых лавок, до пересечения с Армянским рядом, ныне улицей, спускающейся к Нижнему базару. Угол Армянского ряда составляет двухэтажный дом Топоркова, где помещалась первая гостиница, под домом устроены прекрасные теплые подвалы. На другом углу этого здания помещался в 40-х—50-х годах бакалейный магазин Александра Федоровича Нестерова, известного своим даром городу 2500 десятин земли в Ставропольском уезде для нужд бедных горожан.

Торговые лавки были расположены выше площади, и к ним были устроены каменные ступеньки во всю ширину спуска. В 1888 году в доме Топоркова помещалось убежище для бесприютных

детей братства Св. Владимира, которое было основано Г.Н. Прозрителевым в 1888 году, и бесплатная столовая для бедных. Дом этот в то время принадлежал приказу общественного призрения и был затем куплен братством.

В 1912 году убежище было переведено в новый дом, построенный братством на усадьбе бывшего инвалидного двора на Нижеслободской улице, а бесплатная столовая закрыта. Впоследствии усадьба причта была увеличена присоединением от площади, где стоит собор, участка земли, уступленного городским управлением по дарственной, совершенной в 1883 году, в количестве 578 кв. саженей для постройки причта. При постройке дома был проведен каменный забор и усадьба отделена от площади. До этого же на уступленном участке пожарная команда сваливала навоз и накоплялись целые горы его; навозные лужи текли и образовывали целые озера во время дождей, несмотря на близость церкви.

Ôîíàðíàÿ

Это старинное полуразвалившееся деревянное здание составляет остаток того торгового ряда, который шел у крепостной стены на базарчике. Постройка оригинальная, в полтора этажа с балкончиком, уцелела до сих пор, несмотря на все произошедшие разрушения. Она примкнута к горе и кажется, что это начало подземного хода. До устройства электрического освещения улиц здесь помещались фонарщики, зажигавшие уличные фонари на центральных улицах.

Áàðÿòèíñêèé ñêâåð

Сквер расположен по южному склону Соборной горы и представляет драгоценное достояние прошлого. Сквер засажен Нечмировым в память приезда князя Барятинского по взятии Шамиля в 1859 году. При господствующих северо-восточных ветрах сквер несет большую службу для города он хорошо распланирован и прекрасно разросся. Богатейшие кленовые деревья своей могучей кроной дают тень и прохладу во время жаров и защищают от пыли. Лужайки между деревьев всегда располагают к отдыху и, к сожалению, за отсутствием надзора зеленая сочная трава их привлекает бродячий скот, который пасется наряду с детьми и нянями, ищущими прохлады и тени. Здесь же располагаются и влюбленные парочки на широких каменных скамейках.

Благодаря заботам бывшего городского главы Розанова сквер отделен от площади каменною стеною и в настоящее время представляет хорошее место для гулянья. Один состав гласных думы предполагал в этом сквере произвести большую постройку и часть его вырубить. К счастью, более благоразумная часть под влиянием протеста некоторых лиц воспротивилась этому святотатству, и сквер уцелел. Положение сквера в центре города и на таком доступном для ветров месте обязывает всемерно оберегать его и поручить заботу о нем садовнику, чтобы не оправдалась русская пословица: «Глупому сыну не в помощь отцовское наследство». Уцелело одно дерево от прежнего леса. Здесь насажены: дуб, клен, акация.

Ñîáîðíàÿ ëåñòíèöà

Это прекрасное сооружение служит для спуска с Соборной горы на Николаевский проспект. Лестница имеет 97 ступеней, 8 площадок, ширина ее — 4. Сделана она из местного камня, очень прочного, и является украшением города среди всех построек. Это монументальное сооружение является выдающимся в архитектурном отношении. Окончена постройка в 1851 году, и по ней шел в городскую думу Александр II, в то время наследник, во время его приезда в Ставрополь. Очень красивый вид на эту лестницу от старого бассейна, стоящего на площадке между бульварами. Вверху лестницы устроено небольшое здание, служившее для помещения сторожа. В 1886 году при сооружении ограды сделаны в конце лестницы каменные колонны с пирамидальными верхушками. К сожалению, каменные барьеры лестницы (стены) расхищаются, и лестнице грозит то же самое. Необходимо принять меры по охране.

Ì îãèëû óêàôåäðàëüíîãî ñîáîðà

Забытые могилы!.. Время пощадило вас, но люди щадят вас только потому, что слишком на видном месте покоятся останки, скрытые в ваших недрах. Но они, люди, и не принимают никаких мер к сбережению. И могила Варпаховского осела, пьедестал под мраморной колонной треснул, колонна наклонилась. И только собор спасает тебя, немого свидетеля погребения хранимого тобою

покойника, в свое время отдавшего много труда и сил на служение краю, и теперь лишь надпись на твоей колонне напоминает о его существовании. Еще пройдут годы, колонна упадет, и безжалостная рука гробовщика поставит ее на другую могилу неведомого для тебя нового покойника, а надпись тщательно уничтожится.

Могила Дарьи Кусаковой и ее сына, генерал-майора Льва Ивановича Кусакова. Видное место в городе занимали эти мать и сын, и крупную роль играли они в истории нашего края. Судьба привлекла Кусакова на Кавказ. Из мелких чинов пробил он себе дорогу и, сделавшись дежурным штабофицером и помощником начальника области, был вершителем всех дел, восходивших на решение властей. Все зависело от него, от его доклада. Весь Северный Кавказ был в его руках.

Правда говорили, что и он сам был в руках у другого более хитрого и умного, у грека Посполитаки, обделывавшего за его спиной свои крупные дела. И ходила по рукам карикатура под названием «Бандура». Был изображен сидящий на стуле Кусаков, изо рта его до ног через его большой живот натянуты струны, а сбоку стоит Посполитаки с смычком в руках и водит по струнам. Надпись гласит: «Яку знаю, таку граю». Деятельность Посполитаки широко развивалась в Екатеринодаре вообще в Черномории, среди кубанских казаков по аренде очень крупных рыбных заводов, дававших весьма крупные барыши, а также и по другим оброчным статьям.

Кусаков имел крепостных крестьян, привезенных из России и поселенных им на своей собственной земле в Ставропольской губернии. Как с той, так и с другой стороны возникали постоянно жалобы, то есть со стороны помещика — за неповиновение, за сопротивление и побеги, так и со стороны крестьянина — за притеснения от помещика.

Наиболее строптивые из крестьян были даже сосланы в Сибирь по требованию помещика. Известен следующий случай. По жалобе помещика была сослана в Сибирь «за развратное поведение и другие нетерпимые поступки», как сказано в прошении самого Кусакова, девица, крепостная его Екатерина Кузнецова. За что именно была сослана Кузнецова, точных сведений нет, но в том же прошении Кусакова говорится, что из писем ее, полученных из места ссылки, попавших к нему в руки, он узнает, что она делала много воровства в доме его, находясь в услужении у его матери и сестры и, передавала будто бы другим, и в письмах поименовывала участников и поручала им кланяться, и припоминала некоторые случаи воровства, и делала внушение матери, выхваляла жизнь в Сибири. Ввиду таких данных Касаков, узнав, что на почте получено страховое письмо на имя ее матери, обратился в почтовую контору с просьбой о выдаче этого письма, но контора на точном основании почтдиректорской инструкции отказала в выдаче письма постороннему лицу.

Принимая во внимание условия того времени и влияние Кусакова, нельзя не отметить гражданского мужества небольшого чиновника, почтмейстера, осмелившегося оказать сопротивление требованию такого влиятельного лица. Дело это происходило в 1859 году.

Кусаков подал жалобу губернатору и, ссылаясь на то, что требование было основано «по причине», чтобы обнаружить преступление крепостных людей против владельца, просит о вскрытии письма и предъявлении его ему, «ибо если оно заключает неблагонамеренные внушения, то могут выйти вредные последствия от других моих крестьян». По распоряжению губернатора письмо было вскрыто и предъявлено Кусакову. В письме Екатерина в самых нежных выражениях шлет матери своей поклон и говорит, что она прибыла в город Томск и живет в услужении у чиновника, который, видя ее старание и заслугу, выдал ее замуж за хорошего человека, сапожника, и просит выслать ей на обзаведение денег и писать ей. Никаких угроз или преступных указании в письме не оказалось. Наконец, в феврале 1860 году. Кусаков выдал письмо матери Кузнецовой, прислав его из Екатеринодара (ныне Краснодар), где он состоял в это время начальником штаба Черноморского казачьего войска.

Вообще владение крестьянами на Кавказе не удавалось, и, ступив на кавказскую почву и видя свободную казачью жизнь и свободных переселенцев, крепостные при первой возможности разбегались в разные стороны и уклонялись от работ на помещиков. Кусаков был хорошим хозяином и уже в 50-х годах завел образцовое хозяйство и имел усовершенствованные земледельческие орудия и машины. Таких хозяйств в Ставропольской губернии было немного: Реброва, Юрьева и Скаржинского в Прасковейском (Святокрестовском) уезде, тяжело жилось крепостным.

Дарья Кусакова была матерью Кусакова. Это старая дворянка из Тверской губернии, имевшая там еще в 1812 году своих крепостных, которые частью и перешли в ставропольское имение Кусакова. Женщина она была с большим характером, властная, энергичная и с недюжинным умом. Она близко принимала участие в делах сына, и говорили, что областью правит не сын, а она. В какой мере это было справедливо, с точностью сказать нельзя, но во всяком случае, несомненно, что она имела огромное влияние на сына, а через него и на направление дел, которые проходили через его руки, а этим и на дела области, конечно, вероятно, в отношении разных назначений и хозяйственных дел. Сын относился к матери с большим почтением и дорожил ее советами. Со смертью их прекратился в Ставрополе род Кусаковых, и дом их, находящийся на Верхнем базаре, был продан и приобретен дворянским депутатским собранием. Оба памятника [на могилах] чугунные, сохранились хорошо.

Могила Гливенко. Он был протоиереем кафедрального собора и в то время имел большое значение: «Соборный протопоп».

Могила Успенского. Дмитрий Успенский был ключарем, хотя он получил только семинарское образование, но был человек отзывчивый, просвещенный и интересовался стариной Ставрополя. Состоял председателем церковного археологического общества, но мало уделял внимания церковному музею. Когда в среде общества возникла мысль написать историю Ставропольской епархии, то он вошел в состав избранной комиссии и взял для разработки некоторые дела из консистории и успел написать несколько очерков из жизни духовенства в епархиальных ведомостях, но к дальнейшей работе не приступал. Участвуя в поездках архиерея по епархии, он вел дневник поездок и составлял интересные отчеты, но они не были напечатаны и остались в делах консистории. И к этой могиле заросла тропа, как и к остальным покойникам, рядом с ним лежащим.

Ï îæàðíàÿ êàëàí÷à

Мысль о постройке каланчи возникла еще в 1837 году вследствие представления городничего. Начальник области поручил строительной комиссии составить план постройки и смету. 3 февраля 1838 года общее управление Кавказской области сообщило об этом окружному начальнику. Строительная комиссия составила план и отправила его в градскую думу для указания места постройки и способа, каким она может произвести постройку. Но Дума уведомила, что средств она не имеет, и общее управление просит окружного начальника высказать его мнение по этому вопросу. Окружной начальник, соглашаясь с мнением Думы, прибавляет, что есть более неотложные и важные нужды, как то: постройка помещения для пожарных инструментов, дома для арестованных женщин, — но они не удовлетворяются по недостатку средств города, и притом полицейское управление стоит на таком возвышенном месте, что почти весь город виден. Вследствие такого заключения окружного начальства исполняющий обязанности начальника области генерал-лейтенант барон Таубе предложил строительной комиссии отложить постройку каланчи до более благоприятного состояния городских средств. На этом и заканчивается дело о постройке каланчи.

Но в апреле 1839 года строительная комиссия снова предлагает окружному начальнику избрать удобное место, так как предположено построить съезжий дом с каланчою близ сарая, где помещаются пожарные инструменты. Сообщение это подписал гражданский губернатор Семенов. Сама форма бумаги не оставляет сомнения, что вопрос о постройке уже решен и требовалось только исполнение формальностей.

Полицейское управление в то время находилось на том самом месте на Соборной горе, где стоит и теперь, и, действительно, по своему местоположению оно господствовало над всей прилегающей низменностью, на которой были расположены станица и город, и с этого места, действительно, был виден почти весь город благодаря отсутствию построек, ниже расположенных по Соборной улице, Николаевскому проспекту, поэтому надобности в каланче большой не было. С каланчи хороший вид на Ставрополь. Но пожарная команда возникла еще в 1820 году, и служителями были полицейские солдаты.

Äîì Ãëàâíîãî øòàáà

Главный штаб войск Кавказской линии. Дом этот остался без изменений до настоящего времени. Двухэтажное здание, хорошо построенное, оно и теперь принадлежит к лучшим домам города. Это первый дом, который суждено было посетить знаменитому Шамилю после его пленения в 1859 году при въезде в Ставрополь.

Ì àãèñòðàò

Здание, стоящее по линии верхней части Николаевского проспекта (ныне Красной улицы), в полтора этажа, смешанной постройки, служило первоначально для помещения первого присутственного места магистрата, открытого в 1786 году.

В нижнем этаже помещался архив. Вся история Ставрополя до 1848 года прошла здесь, в стенах этого здания. Ныне помещается в нем амбулатория для городских больных.

От улицы здание отделено теперь каменной стеной, вследствие чего оно с улицы видно только вполовину. Тип постройки — обыкновенный дом с небольшими окнами и частыми переплетами в оконных рамах. Внутри оно переделывалось, но снаружи сделан только легкий ремонт.

Ãîðîäñêàÿ äóìà

Здание Думы расположено на спуске с Соборной горы, но все-таки настолько высоко в отношении окружающей местности, сильно понижающейся к востоку, что оно господствует над остальной местностью и при своем двухэтажном строении очень эффектно высится среди остальных строений.

От самого восточного конца города и даже с прилегающей к городским (Тифлисским) воротам площади оно прекрасно видно и величественно венчает возвышенность, резко выделяясь на горизонте своими двумя башенками. Построено оно по плану архитектора Славянского, и, несмотря на простоту положенного в основание его мотива, оно очень красиво, легко и, благодаря соразмерности частей, нарядно и всегда имеет праздничный вид, хотя чуждо наружных украшений.

Талантливый строитель с расчетом выбрал место для постройки и кокетливо набросил на башенки легкую крышу — опрокинутые тюльпаны, уперев в них шпили, как стебельки от цветочной чашечки. Построено оно в 1848 году. Низ здания был укреплен контрфорсами, составлявшими глухие боковые балконы, но в 30-х годах городская управа решила, упразднить эти балконы, считая их излишними и рассчитывая использовать нижнее помещение. После этой переделки через год здание дало трещину: южная сторона обнаружила сползание.

Предполагая, что это неожиданное явление происходит от просачивания почвенных вод, решено было по проекту архитектора Бржезицкого обнести здание дренажной канавой, но разрушение не остановилось. Тогда убедились, что бывшие балконы имели свое значение, и снова их восстановили, хотя и в меньшем размере.

Наконец, с назначением в 1910 году городским архитектором инженера Булыгина решено было переделать южную половину здания, углубив фундамент и осветив нижний (третий) этаж, сделав его жилым. Но эта крупная переделка в здании едва не повела к полному уничтожению всего здания и не лишила город этой красивой, оригинальной и ценной в историческом отношении постройки, служащей украшением центральной части города. Бывший в то время городским головою Поярков, не связанный с прошлым города воспоминаниями и совершенно чуждый ему, выдвинул проект снести до основания это здание и построить новое, хотя и на этом месте, но в новейшем стиле — муниципалитет.

Ставропольская ученая архивная комиссия в лице председателя Прозрителева в видах охраны памятников местной старины настаивала на сохранении здания в прежнем его виде, допуская переделки, необходимые для укрепления, но без изменения внешнего его вида.

Городская управа поддерживала проект городского головы и даже в своем докладе ссылалась на заключение академика Суслова, заявившего будто бы, что здание не имеет никакого стиля и может быть сломано. Но, несмотря на такой авторитет, архивная комиссия не отступала от своего настояния, и, к счастью, в думе нашлось большинство, ставшее на историческую точку зрения, и принят был первый проект. И таким образом здание уцелело.

С балкона второго этажа этого здания открывается чудный вид на всю нижнюю часть города и раскидывающуюся даль с восточной стороны. Окаймляющие низменность горы, поднимающиеся террасами к югу, красиво выделяются на горизонте за 34 версты от города, видны села Надежда, Старомарьевка, белеют хатки села Бешпагира, прижавшегося в глубоком изгибе горы. А с крыши здания и его башни открывается прелестная панорама всей волнистой поверхности общей возвышенности с далеким предгорьем и величавым гигантом Эльборусом, который высится над всеми горными исполинами, гордо подняв две свои головы.

План Булыгина был выполнен вполне удачно. Внутри сделаны большие переделки, расположение комнат изменено благодаря прибавлению здания во двор, увеличению боковых крыльев, получились лишние комнаты и возможность сделать хорошую внутреннюю бетонную лестницу вместо прежней деревянной.

Прежде это здание имело в главной зале хоры (в западной стороне его), и из них был ход в башню, из которой обыкновенно приезжавшие в Ставрополь любовались дивным видом гор. Вся история Ставрополя с 1848 года до последних дней связана с этой залой: в ней проходили и тяжелые, и радостные дни города. Сюда прибегали жители и в скорбные дни холеры сорок восьмого года; здесь ликовали и по случаю приезда в 1851 году наследника, будущего Александра II, с которым так много соединялось надежд; здесь город чествовал и Барятинского, сломившего упорство знаменитого Шамиля, которого он вез через Ставрополь в Петроград[5]. Гроза Кавказа, Шамиль ехал пленником и все праздновали это огромное событие, так как с этим проездом было связано прекращение грозного военного времени, в котором и город нес большие тяготы и утраты.

Все начинания для города исходили из этой залы и все выдающиеся кавказские деятели проходили здесь, связанные с тем или иным событием кавказской жизни. Здесь же, в этом зале, закончила свое существование и Городская дума городового положения, уступив место городскому Совету в 1918 году, как в 1870 году. Покончила свои дни шестигласная дума, созданная по указу 1785 года, в свое время бывшая громадным шагом вперед по пути гражданского развития страны.

Почти половина всей истории нашего города связана со зданием городской думы. Все радости и неудачи город встречал в этом здании. Величественно оглядывает оно всю нижнюю часть города, колыбель его, из которой он постепенно вырастал, как дитя из колыбельки, рос, ширился быстро и уходил во все стороны.

Красивое и приветливое здание это было первым украшением, да и теперь оно не потеряло в художественном отношении и не видит себе соперников в новом городе. Глинистый спуск, изборожденный рытвинами от потоков воды, густой бурьян и торчащие среди него камни — такой вид представляла из себя возвышенность, отделяющая ныне Николаевский проспект от Соборной улицы. У подошвы этой возвышенности был пустырь, и здесь собирался базар. Трудно было Ставрополю тягаться с другими городами России; развитие его сильно задерживалось военным управлением в крае, и, являясь областным центром, Ставрополь почти не знал гражданской жизни.

Но вот 2 мая 1847 года состоялось высочайшее положение, и область была переименована в Ставропольскую губернию, а Ставрополь стал губернским городом. Жители встрепенулись. «Граждане не жалели денег и приносили огромные пожертвования на разные благотворительные учреждения», — пишет современник. В ознаменование этого перехода к новой жизни решено было основать каменное двухэтажное здание для присутственных мест городового управления. 29 мая 1847 г. была совершена закладка здания нынешней Городской думы. Постройка эта скоро изменила вид местности, и бурьян, и рытвины на глинистом спуске исчезли и перестали пугать местных жителей, служа прежде убежищем для темного люда. В новом здании должны были поместиться магистрат и Дума, помещавшиеся прежде в тесном и плохом деревянном здании.

Граждане с любовью и энергией относились к новой постройке, и так как городских сумм на постройку по выработанному плану и смете не хватало, то первой гильдии купец Иван Ганиловский «из усердия к общественной пользе» постройку здания принял на себя и произвел на свои средства. Граждане видели в этом здании «свой дом», центр городской жизни, и все симпатии населения были направлены сюда. При закладке здания под основы его была положена медная доска со следующей надписью: «1847 года мая 29-го дня по Р.Х., в 22-ое лето благополучного царствования Всероссийского императора Николая Павловича, при августейшей супруге его, ее императорском величестве Александре Федоровне, наследнике, великом князе цесаревиче Александре Николаевиче и супруге его, ее императорском высочестве Марии Александровне, во время главного начальствования в Кавказском крае наместника Кавказского генерал-адъютанта князя Михаила Семеновича Воронцова, с благословения и освящения места преосвященным Иеремиею, епископом Кавказским и Черноморским, в бытность начальником области генерал-лейтенанта Николая Степановича Завадовского, Кавказским гражданским губернатором генерал-майора Ивана Ивановича Норденстама и в присутствии многих почетных лиц заложено в городе Ставрополе на счет городских доходов и содействием ставропольского первой гильдии купца Ивана Григорьевича Ганиловского здание сие для помещения городовых присутственных мест: градской думы, городового магистрата и других городских управлений, по плану архитектора Славянского».

С устройством здания думы явилась необходимость упорядочить и место вокруг него, и потому базар, согласно высочайше утвержденному плану города, перенесен к Воробьевскому предместью, то есть на нынешнюю Александровскую площадь, называвшуюся тогда Татарским базарчиком. Это обстоятельство, стоявшее в связи с постройкой здания городской думы, имело огромное влияние на развитие города. С переводом базара и мелкой торговли на верхнюю часть города многие из жителей поспешили занять в этой местности места и возвели прочные каменные постройки. Город сразу двинулся на запад, скученность внизу уменьшилась и санитарное состояние города значительно улучшилось. Ранее возник там новый гостиный ряд (старые каменные ряды), и положение этой части города упрочилось. Около этого времени в нижней части города проведен был новый бульвар старанием командующего войсками генерала Завадовского (от нынешнего бассейна до Тифлисских ворот), разработана Бабина роща (до того запущенная и крайне сырая) и названа Воронцовской, устроен общественный рассадник, тутовый сад, и, наконец, коллежский советник Нечмиров занялся разведением парка на горе вокруг кафедрального собора, и был создан близ Варваринской церкви питомник для обучения воспитанников духовных училищ.

Город сам стряхнул с себя спячку[6], появились тротуары, мостики, канавы, переходы; жители стараются украсить и старые дома. Наконец в 1850 году появился дворянский клуб и возникает освещение улиц спиртовым газом (спирто-скипидарной жидкостью). Были освещены: Николаевская улица от госпиталей до Тифлисских ворот, Театральная, Александровская улицы и Александровская площадь. «Видя превосходство этого освещения, многие жители поставили у себя такие фонари», — говорит современник. А наместник Кавказа граф Воронцов, посетивший Ставрополь в 1851 году, распорядился ввести такое освещение в Тифлисе, для чего было послано туда из Ставрополя 12 фонарей для образца. К этому надо прибавить и возникновение у нас женского учебного заведения Св. Александры (ныне гимназия). И все это было сделано за три года.

Таким образом, с возникновением здания городской думы связан целый ряд весьма светлых воспоминаний, оно как бы было толчком развития города, и мы вправе считать его памятником

местной старины и дорожить по самим условиям его возникновения и той роли, какую оно сыграло в развитии самосознания граждан города Ставрополя. Безусловно, необходимо сохранить прежний внешний вид этого здания и в расширении держаться того же стиля. К этому обязывает наше прошлое.

К сожалению, бывшие гласные всех составов интеллигентной думы не озаботились не только написать историю городского управления, но даже собрать материал для написания и допустили городской архив до самого плачевного состояния и даже до расхищения из него дел.

Ãîðîäñêîé àðõèâ

А между тем архив этот хранил дела от самых первых дней Ставрополя до последних знаменательных событий и составлял весьма ценный в научном отношении материал для истории всего края. Военное и гражданское управление краем отлилось в нем во все подробностях, так как жители-горожане своими обычаями и постоем глубоко вливались в огромный водоворот общей кавказской жизни, сплошь проникнутой неотложными требованиями великой Кавказской войны. Жители стонали от постоя, то есть бесплатного предоставления квартир для военных команд и отдельных чинов, в громадном количестве проходивших через город и расположенных в нем. Только приезд Александра II в 1851 году принес жителям избавление, и постой был заменен денежным взносом в квартирную комиссию в удовлетворение неоднократных ходатайств жителей.

И крепость со своим особым управлением для поселившихся под ее покровом обывателей, и первые домики пришельцев, боязливо приткнувшиеся к оврагам, и первый форштадт, а за ним и слободки, где солдатские жены и окончившие долгую службу солдаты и инвалиды повели хозяйство. Все нашло место себе в этом архиве, с яркостью отразив бытовые черты в своих ходатайствах. А вот и начало муниципалитета..,[7] первый бургомистр, крупная личность — Яковлев, а за ним и магистрат.

В высшей степени характерны первые шаги городских деятелей, ощупью шедших среди массы нахлынувших на них разнообразных дел и велений и твердо отстаивавших права и привилегии своих новых граждан. «А что, разумеется, до прав и привилегий граждан, то таковых мещане не имеют», — писали городские власти в ответ на строгие бумаги начальства. Тут и указы Кавказского наместнического правления, учрежденного в 1785 году. А вот и городская ратуша, и ее голова, и ратманы. И, наконец, городская шестигласная дума.

Постепенно выдвигалось выборное начало, и городское управление все более и боле становилось на свои ноги, освобождаясь постепенно от административной опеки. Скромно, но устойчиво маленькая горсточка представителей города ведет свое хозяйственное дело, «обороняется» от властолюбивых губернаторов, власть которых была велика. А кроме губернатора была еще власть начальника области, а там главнокомандующего и наместника. Трудно было вести маленькое суденышко городскому кормчему, не имея еще ни знаний, ни законов, которые (указы) не всегда согласно давали указания, да и достать их было трудно. И господа, присутствовавшие по субботам, занимались чтением законов, как говорится в журнале магистрата.

1861—1864 годы принесли новые порядки, а с ними и светлые мечты на будущее. Сошел со сцены целый ряд упраздненных правительственных учреждений, и вся их длинная работа, целая эпопея нужд, горя и домогательств, без просвета нудных обывательских потемок8 спустилась в архив и ждала себе работника. Но вот и новая городская дума по городовому положению. Вот и городской голова Розанов и секретарь К.А. Росляков... Начинается широкое школьное строительство, народное образование в руках города... А вместе с этим и широкая борьба со старыми порядками и деятелями. Отбираются участки городского леса у долгосрочных арендаторов, которые завели в лесу целые хозяйства, пасеки.

Возбуждается громкое дело по обвинению бывшего городского головы Деревщикова в растрате и хищениях. Долго С.Ф. Деревщиков стоял у кормила города, много отдал ему сил, построил огромные корпуса торговых лавок на Верхнем и Нижнем базарах, напоил город свежей ключевой водой из знаменитого источника Карабина, устроил водопровод и открыл бассейны в городе. Но новым деятелям казалось, что не обошлось без того, чтобы городские деньги не остались в кармане Деревщикова, и возникло обвинение. Пропали прежние заслуги, и вместо покойной, почетной старости — тюрьма... Но смерть распутала дело, и Деревщиков оказался не «хищником», а действительно общественным деятелем, оставившим городу крупное достояние в виде водопровода, торговых рядов, и не собравшим себе ничего. Умный, энергичный, с огромной практической сметкой, Деревщиков из крестьянских мальчиков вырос в общественного деятеля (без образования).

Старые деятели ушли. Мещанство и купечество стояло у городских дел. Новые выборы дали думе чиновников, прежде не принимавших участия в городском управлении. Идет борьба с мещанским обществом. Но вот и скандальный процесс по обвинению казначея новой городской управы Ермолова в растрате крупной суммы общественных городских денег. Ермолов приговорен к заключению в арестантские роты.

Снова идет борьба между старыми и новыми: одни не жалеют денег на новые начинания, опытные поля, постройку школ, устройство освещения; старые указывают на повышение налогов, обеднение мещанства, безрезультатность начинаний, их большую стоимость — окраины во мраке и тонут в грязи, а все делается для центра. А вот длинный ряд годов мучительных ходатайств, чтобы пробиться городу к железной дороге. Бурно заседает Дума, решая вопрос, оставить ли город в стороне от линии железной дороги или сделать его упорным пунктом. Вопрос, с которым связаны крупные интересы города.

Настают и последние дни думы. Снова борьба, но уже с новой властью — народной, выдвинутой переворотом 1917 года. Снова бурные заседания, но видно, что это конвульсии умирающего организма, не находящего себе поддержки в остальных частях тела: население не на стороне думы. Вот и власть Совета — большевики. Дума сошла со сцены…

Не озаботились за свое длинное существование городские деятели собрать и портреты крупных своих сочленов. Никто не думал о завтрашнем дне и слишком отдавались интересам данного дня. Не сохранили и зеркало своей души — архив, который нелицеприятно учит, и в будущем историк с горечью и грустью будет собирать клочки разрозненных дел, не имея возможности дочитать до конца интересное дело.

До 1848 года дума помещалась в старом здании ратуши, которое впоследствии, с упразднением ратуши, было переделано внутри. В 1827 году дума помещалась там вместе со словесным судом. Здание это то самое, которое стоит по линии забора усадьбы нынешней думы. Архив первоначально помещался в нижнем этаже этого домика, затем в нижнем этаже нового здания, в северной его половине. Долгие годы хранил архив и любовно смотрел за ним архивариус Зенин, а за смертью его управа не имела постоянного архивариуса, и архив пришел в упадок.

Àëåêñàíäðîâñêàÿ ãèìíàçèÿ

Училище Св. Александры с пансионом для благородных девиц основано в 1848 году. Инициатором открытия этого заведения, второго в Ставрополе женского учебного заведения, была княгиня Е.К. Воронцова. Было образовано женское благотворительное общество Св. Александры, и из него выделен попечительный совет, который и заведовал делами. Открыто училище 12 октября 1849 года. В числе членов общества числилась и Евдокия Прозрителева, жена бывшего в то время секретарем городской думы Николая Прозрителева, мать Григория Николаевича Прозрителева.

Место для постройки здания было подарено обществу Л.Е. Павловым, и само здание построено на средства его в 1862 году. Первоначальное здание занимало угол площади и нынешней Нестеровской улицы. Эта улица называлась Александрийской по имени училища. Впоследствии, в конце 80-х годов, к нему был пристроен по улице длинный корпус по плану и под руководством инженера Савицкого с подвальным этажом, в старой половине которого были расширены окна и помещение сделано светлым, удобным для жилья.

В 1900 году в угловой части здания устроено помещение для церкви и над крышей сделан купол по плану инженера Кускова. Церковь светла, красива и имеет хорошую живость[9]. Постройка произведена на средства потомственного почетного гражданина Федора Александровича Леонидова. При здании хороший сад, а вся усадьба занимает целый квартал.

В 1867 году преобразовано в шестиклассное училище и открыт педагогический класс. Затем оно переименовано в гимназию. Здание имеет хорошие большие залы, но старая часть темна, и нижний этаж сырой.

Íèêîëàåâñêèé ïðîñïåêò (Êðàñíàÿ óëèöà)

Центральная часть города всегда обращала на себя внимание как городского управления, так и властей. Особенно заботились о главной улице, которая называлась Черкасской, в силу того, что по ней шел тракт на Черкасск. Улица эта была самая проездная, и по ней шло официальное сообщение, приезд в Ставрополь и из России, и из Закавказья, и из губернии. Другого въезда в Ставрополь не было. Шла дорога из крепости на крепость Московскую, но эта дорога не была безопасна, «сообщение по ней шло с оказией». Обыкновенно раз в неделю из крепости до ближайшей крепости снаряжался целый транспорт с провиантом и другими принадлежностями для военных надобностей, и к нему присоединялись все приехавшие к тому времени и горожане, имевшие надобность выехать, и под прикрытием пушки в сопровождении команды обоз двигался в путь. Такие передвижения назывались оказией. С устройством Черкасского тракта, когда стало более безопасным движение на север, такие оказии остались в более глухих местах, как на Кубани.

Ближайшая станица к Ставрополю Кубанской области Барсуки была под угрозой нападения горцев, и путь этот на Ставрополь был небезопасен. Черкасская улица представляла собой широ-

кое пространство, разрезанное во всю длину с запада на восток ручьем, который размыл небольшой яр, наполнявшийся водою до краев, с быстротой пробегавшей по возвышенности, особенно во время дождей.

От Соборной горы также протекал ручей в том месте, где теперь между концами бульваров стоит бассейн. Другой ручей протекал несколько выше, где в настоящее время сад губернаторского дома. Часть воды из ручья вытекала по нынешней Варваринской улице, которая от невылазной грязи называлась Грязной улицей. В грязи здесь еще в 50-х годах застревали подводы, и легковые извозчики избегали проезжать по ней даже в 80-х годах. В таком положении Черкасская улица оставалась до 1837 года. В этом году призжал в Ставрополь Николай I. Хотя были приняты все меры к благополучному проследованию государя, но на беду погода осенью была плохая, шел дождь и ямщик, вероятно, по неопытности, при въезде на Черкасскую улицу влетел в водомоину и экипаж застрял. Несмотря на все усилия, лошади не могли вытащить экипаж государя, и пришлось его высаживать и препровождать на извозчике. Уверяют, что даже некоторое расстояние государь шел пешком под дождем. Крайне раздосадованный и больной лихорадкой, государь неприветливо встретил начальника области Вельяминова и, посылая прокляться тому, кто расположил город в таком месте, тут же заявил, что город надо упразднить и перенести на Кубань, где ныне стоит Армавир. Несмотря на все доводы Вельяминова, Николай стоял на своем и был не в духе.

На другой день, как говорят, государь чувствовал себя лучше, и Вельяминов возобновил разговор о Ставрополе в защиту его, но успеха не имел. Случилось так, что государь после приступа пароксизма лихорадки захотел пить и потребовал холодной воды. Ему был подан стакан воды, обыкновенно употребляемой ставропольцами. Выпив залпом поданную воду, государь за обедом спросил Вельяминова, откуда такая вкусная вода. Вельяминов объяснил, что вода из местного городского источника Карабина, очень богатого водоема. Это обстоятельство в связи с тем, что государь после выпитого стакана воды почувствовал себя лучше, совершенно смягчило его, и заступничество Вельяминова увенчалось успехом. Город был спасен.

Осмотр города также оказался в пользу его, и Николай согласился быть на открытии в Ставрополе гимназии и был на самом открытии. Говорят даже, что он сам высказал мысль о необходимости гимназии. Хотя еще в 1812—1814 годах дворяне приглашались к пожертвованию на устройство гимназии, но дело не подвигалось.

К отъезду государя погода улучшилась, и он уехал в хорошем расположении духа. В память этого приезда Черкасская улица переименована была в Николаевский проспект, но долго еще она продолжала называться просто Большой улицей. С этого времени стали заботиться о засыпке яра, отводе воды в русло ручья, где губернаторский дом, и, наконец, о замощении улицы. Вид города сразу изменился с устройством этой улицы, но упорядочена была главным образом верхняя часть. В 1844—1845 годах улица была замощена огромными каменными плитами, и во время грязи это представляло большое удобство, но зимою во время гололедки лошади скользили и падали. И случилось, что лошадь одного из высокопоставленных лиц на большом ходу поскользнулась, упала и сломала ногу. Лошадь была дорогая, породистая, и владелец негодовал на городскую думу, приписывая вину ей. Вследствие этого приказано было перемостить улицу.

С приездом Николая I в Ставрополь связано несколько анекдотов, хотя за достоверность событий можно ручаться. Николай I любил быструю езду на лошадях и не терпел промедления в запряжке и выезде на станциях. Погода также не останавливала его. На одной из станций близ Ставрополя служил почтовый чиновник Зленко, которому и пришлось провожать Николая. После отъезда Николая из Ставрополя этот Зленко подал по начальству рапорт, в котором просил занести в его формулярный список, что он удостоился высочайшего разговора, а именно: государь сказал: «Ты дурак» — на его замечание о погоде, что и было исполнено начальством.

Другой случай был на станции Русской (первая станция от Ставрополя). Почтовую гоньбу содержал Ставропольский городской голова. Зная, что Николай любит бешеную езду, он запряг в его коляску четверых самых лучших, сильных и строгих лошадей и, не доверяя ямщикам, сам сел на козлы править лошадьми, и лихо пронесся по хорошей дороге. Коляска катилась, плавно покачивалась, и Николай был доволен. Но вот, когда подъезжали уже к станции, надо было подняться на пригорок, и ямщик-голова, боясь, чтобы лошади не замялись в тяжелом экипаже, прикрикнул на лошадей и лихо влетел на возвышенность, причем ловко обогнув косогор. Лошади взяли в карьер. Коляска раскачалась, и задремавший Николай испугался, опасаясь опрокинуться, и крикнул: «Дурак, держи!». Но ямщик-голова, не обращая внимания, лихо подъехал к станции, и лошади стали как вкопанные. Николай был доволен и, выходя из коляски, сказал, обращаясь к ямщику-голове: «Нет, ты не дурак!». Николай не знал, что беседует с головой. Плотников (голова), возвратясь в Ставрополь, доложил о случившемся городской думе и просил занести эти слова в аттестат, что и было исполнено.

Черкасская улица входила в Черкасский тракт. Черкасский тракт возник сам собой в 1777 году благодаря постройке крепостей, через которые и шло первоначальное сообщение. В 1785 году было велено открыть почтовое сообщение с Царицына до Кавказской линии и до Черкасска, а селение обнести земляным валом. О состоянии этого тракта заботились ввиду большого проезда и един-

ственного пути из России. В 1803 году князь Цицианов предписал ставропольскому исправнику Бабину сделать по дороге от Черкасска до Донской крепости туры, оплести их хворостом, «буде же того нельзя, то из земли сделать на каждой полуверсте по обеим сторонам дороги курганы вышиною сажень, а внизу поперечь две сажени, и буде можно было, осенью посадить на верхушках оных тополевые деревья». Распоряжение это имело громадное значение ввиду совершенно отрытой степи, где разгуливали страшные ветры, и во время зимних метелей при отсутствии близкого жилья проезжающие и путники попадали в самое ужасное положение, сбиваясь с дороги. Нередки были случаи замерзаний блуждающих в степи проезжавших и сбившихся с пути. О размерах снежных метелей во время зимы и страшной опасности от них для движения можно было судить по тому, что в настоящее время останавливается движение поездов из-за снежных заносов по линии Владикавказской железной дороги и по Ставропольской ветке.

Распоряжение это стояло в связи с представлением Цицианова почт-директору от 15 января того же года о необходимости открыть почтовый тракт от Черкасска до Георгиевска, так как почта в Георгиевск получается через Астрахань и делает этим путем 500 верст кругу. Впоследствии по сторонам дороги были сделаны каменные, сложенные из тесаных камней столбы, причем по гладкой стороне, обращенной к дороге, можно было ощупью ночью узнать направление пути. Столбы эти уцелели частью до настоящего времени. Гнев Николая I и его раздражение против Ставрополя были, конечно, неосновательны, тем более, что лица, знакомые с условиями, всегда высказывались в пользу Ставрополя.

Так, сенатор Мертваго, ревизовавший Кавказскую губернию [в] 1818 году высказал мнение, что следует переименовать губернию в звание области, учредя судебные и правительственные места в Ставрополе, «яко в единственном месте, на город похожий, и он всегда будет центром торговли и лучшим для жительства местом». То же писал и Ермолов, бывший в Ставрополе в 1821 году, настаивая на переводе представительных учреждений из Георгиевска по нездоровому его климату в Ставрополь.

В 1802 году Кавказская губерния была образована из пяти уездов: Кизлярского, Моздокского, Георгиевского, Александровского и Ставропольского, губернским городом был назначен Георгиевск. Кавказская губерния была переименована в область 24 июля 1822 года, областным городом назначен Ставрополь. В 1847 году 2 мая Кавказская область переименована в Ставропольскую губернию. В 1860 году ноября 9-го образованы Терское и Кубанское войска из бывших Черноморского и линейного войска казачьих станиц, и часть Ставропольской губернии отделена от нее.

Ставрополь к этому времени был уже настоящим городом, оправдав мнение сенатора Мертваго и Ермолова. Несмотря на тяжелые условия заселения, в Ставрополе было еще в июле 1806 года купцов — 247, мещан — 408, дворовых — 69, но уже существовал форштадт (близ Троицкого собора). В 1811 году было:

	мужского пола	женского пола	домов
Дворян	64	61	27
Духовных	11	11	4
Купцов	175	157	44
Мещан	446	450	171
Отставных солдат	82	79	42
Канцелярских служащих	8	7	3
Военнослужащих	68	69	38
Вдовых солдаток	10	33	19
Крестьян	17	22	—
Однодворцев	155	122	50
Армян	45	5	19
Итого:	1081	1016	417

А 5 ноября 1811 года открыто в Ставрополе всенародное училище. В 1812 году возникал вопрос о постройке купцами за свой счет торговых лавок. В 1829 году были устроены канавы для стока воды и поставлены фонари. В 1836 году открыта гостинца Ганиловского, где ныне окружной суд. В 1833 году было позаимствовано из приказа общественного призрения 70 тысяч рублей на

постройку ярмарочных лавок. В 1835 году открыта ремесленная управа. Интересно, между прочим, распоряжение о неоштукатуривании домов в том году, когда они выстроены, для избежания сырости. Поднимался в 1837 году вопрос о переводе базара на Александровскую площадь. Базар помещался на площадке, которая ныне находится у подножия спуска с Соборной горы к Армянской улице и Нижнему базару, занимая и улицу, идущую к Ясеновскому бассейну; тут были торговые лавки, остаток которых составляет фонарная. Словом, город, видимо, жил здоровой жизнью людей, желавших благоустройства и порядка в общественных делах. Собирали горожане между собою деньги и на окончательную отделку Троицкого собора, и на постройку в будущем церкви во имя Св. Николая на горе.

Другой тракт издавна шел по Кавказской области через село покойное (основано в 1784 году) до Астрахани (400 верст). По сведениям архива села Покойного 10 февраля 1820 года шел из Астрахани транспорт — 450 верблюдов казенных — и старосте с. Покойного выдана начальником отряда квитанция, что им было дано 2 проводника до села Благодарного, 21 февраля было дано 10 проводников для сопровождения транспорта военных вещей, 23 апреля дано 6 человек проводников до Маслова Кута для сопровождения 5 артиллеристов.

Ставрополь был центром, и от него шли тракты на Россию: [станции] Русская, Московская, Донская, Безопасная, Преградная, Медвежье, Летник, Песчанокопская, Ср. Егорлык. На Владикавказ: Старая Марьевка, Базовая, Сергиевка, Калиновка, Александров, Саблинская, Сухопадинская, Александрийская, Георгиевск, Старопавловская, Солдатская, Прохладная, Пришибская, Александровская, Змейская, Ардонская, Владикавказ. На Екатеринодар: Русская, Рождественка, Егорлыкская, Камышеватская, Григорополисская, Промежуточная, Темижбекская, Кавказская, Казанская, Тифлисская, Ладожская, Усть Лаба.

Áóëüâàð âåðõíèé

Верхний бульвар, идущий от старого бассейна до пересечения Николаевского проспекта Театральной улицей, частью еще остаток того леса, который когда-то рос по этой части города и составлял сплошную заросль с садом губернаторского дома. Впоследствии посажены были деревья. Тополи посажены в 1848 году по распоряжению князя Воронцова. Старые деревья, достигавшие значительной толщины, вырублены. В 50-х годах эта часть бульвара (верхняя) настолько была густа, что вечером небезопасно было ходить.

Площадка против окружного суда образована в 80-х годах, и здесь предполагалось устроить кофейную и одно время производилась довольно бойко торговля чаем, молоком, пирожным, но затем в 1907 году еврей Гликштейн, занимавшийся жестяным промыслом, выпросил себе разрешение построить киоск ниже этого места, рядом с площадкой, устроенной городским головой Ивановым для игр детей (против губернаторского дома), и открыл там торговлю в своей кофейне. Особенно бойко он торговал вафлями (парижскими), и публика вся повалила к нему. Эта часть бульвара, разделяясь на три аллеи, является прекрасным местом для отдыха, благодаря своей тенистости, а вечером и ночью скамейки верхней его части все заняты воркующими парочками, и это любимое место любовных свиданий. Бульвар этот — богатое украшение города и требует особенного внимания для его сбережения.

Ïëîùàäêà ó ñòàðîãî áàññåéíà ïðîòèâ Êàôåäðàëüíîãî ñîáîðà

Площадка, в которую упирается этот бульвар, с устроенным на ней бассейном — самое бойкое место в городе ныне, но в старые годы место это было довольно глухое. Бассейн устроен здесь в 1840 году на средства купца Тамамшева, и вода взята из источника при тюрьме.

Между прочим, с ней связано одно трагикомичное событие начала 50-х годов. В то время Ставрополь был военным центром, здесь сосредоточено было все управление, была масса войск, и сюда из внутренней России направлялись все жаждущие отличий в военных действиях, которые в широком масштабе шли в эти годы против горцев. Сюда стекалась молодежь богатых и знатных фамилий, крупных помещиков в надежде путем отличий в боях получить офицерский чин и открыть себе путь к дальнейшему повышению. Много юнкеров проживало в Ставрополе в ожидании назначения в отряд и проводило жизнь в кутежах, попойках и развлекалось разными скандалами по ночам. Бульвар верхний служил для них излюбленным местом. Переворачивание скамеек бульварных, ломка скамеек у ворот дворов, на которых обыкновенно сидели обыватели во время праздничного отдыха, перемена вывесок над магазинами с одного на другой — все это было делом рук юнкеров. Богатство и связи давали возможность всем участникам дебошей оставаться безнаказанными даже в более крупных дебошах. Начальство, несмотря на жалобы, не могло справиться с этой «золотой молодежью», хотя и принимало меры. Но арест на гауптвахте для них был своего рода развлечени-

ем. Жаловались на своих сынков из России и мамаши в том, что они проигрывают в карты большие суммы, и начальство применяло даже арест в случае обнаружения азартной игры. Начальство не могло сладить с разнузданностью юнкеров.

И вот эта молодежь, бродя ночью под Рождество по городу (в то время не было еще обычая устраивать елки), встретила на площади перед бульваром идущего в кафедральный собор к заутрене протоиерея Гремяченского. Протоиерей шел снизу, где он имел свой дом. Недолго думая, компания окружила протоиерея и начала чинно подходить под благословление. Не спеша производили эту церемонию, а протоиерею надо было поспешить к архиерейскому служению. Окончив это глумление, юнкера, оцепив кружком батюшку, распрашивали, куда и зачем он спешит. Наконец, потребовали, чтобы он проплясал здесь же, на морозе, трепака. Ошеломленный, батюшка протестовал, ссылаясь на греховность требования, на святость праздника, на звон колокола и т.п., но ничего не помогло, — компания настаивала на своем. В соборе уже тревога: почему нет протоиерея, архиерей уже приехал. А протоиерей, подняв рясу, усердно отплясывает трепака, подбадриваемый понуканиями и угрозами злых шутников. Вспотел и устал батюшка, и взмолился к своим мучителям. Смиловались, наконец, отпустили. Изумлению и удивлению от такого нахальства не было конца, когда прибежавший протоиерей рассказал архиерею о постигшем его несчастии. Наутро весь город уже говорил о событии. Начальство было возмущено таким поступком, но в результате — та же безнаказанность, так как виновных не оказалось. История эта была замята и до Петрограда[10] дошла только в рассказах, но не в донесениях. В городе говорили, что будто бы это глумление над протоиереем было местью ему за то, что он, ссужая проигравшихся картежников деньгами, брал большие проценты, и многие снисходительно относились к поступку юнкеров. Другая проделка, более злая, жестокая и преступная, имела своей жертвой девушку. Это было уже злодеяние.

Êóðãàí íà ßðìàðî÷íîé ïëîùàäè çà Òèôëèññêèìè âîðîòàìè

Вблизи Ставрополя, за Тифлисскими воротами, на кургане в трех верстах от города, стояла казачья вышка. Это был казачий пикет — наблюдательный пункт для безопасности от нападения горцев. В 50-х уже не было нужды в этом наблюдении, и казачий надзор в этом месте был снят, но вышка осталась. Это было деревянное сооружение на четырех столбах, вышиною аршин 6—9, с полом, крышею и барьерными стенками. Для входа на эту площадку приставлялась лестница. На этой площадке (на вышке) дежурил казак, наблюдавший за появлением неприятеля в прилегающих к городу балках и ложбинах, а внизу, в землянке, находились остальные казаки, составлявшие пикет в случае надобности, дававшие знать об опасности в город или другой укрепленный пункт. Опасность Ставрополю в это время с этой стороны уже не грозила. Такие вышки были по дороге к монастырю, где постовой пункт, и на дороге в Татарку, где разрытый курган.

И вот на такой вышке, стоявшей за Тифлисскими воротами, было совершено злодеяние в одну из ночей 1852 года. Наутро проезжавшие из ближайших станиц жители заметили, что на вышке висит что-то странное. Прибывшие из города власти увидели висящую на вышке вниз головой женщину, одетую в бальное платье, причем опустившиеся юбки и платье закрывали голову, а ноги и нижняя часть тела были обнажены. Дознанием установлено было, что девушка эта накануне была на балу в городской ротонде и весело танцевала. Когда она уехала с бала, никто не заметил, но больше не возвращалась. За что погибла эта несчастная и такой ужасной смертью, осталось неизвестным, точно так же остались неизвестными и виновники этого возмутительного преступления, но все называли юнкеров и говорили даже, что были известны имена участников. Дело заглохло.

Áóëüâàð íèæíèé

Бульвар этот, начинающийся от площадки и идущий до Тифлисских ворот, насажден по распоряжению начальника области Завадовского в 40-х годах и носил название Завадовского, о чем гласила доска с надписью на одной из каменных колонн, высеченных в виде пирамиды и поставленных при начале бульвара: «Бульвар Завадовского». После смерти Завадовского доска была снята, и постепенно все забыли, кому город обязан этим прекрасным насаждением.

Оба бульвара разделяют Николаевский проспект на две части или улицы и являются украшением города. Эта прекрасная тенистая аллея служит главной дорогой для сообщения с нижней частью города и с вокзалом, давая в то же время отдых идущим и место для прогулки и игр детей. Здесь до устройства бульвара была промытая водой ложбина с грязными берегами, и переходили ее по плохоньким деревянным мостикам. Сюда же втекал и ручей из Соборной горы, начинаясь от угла второго ряда лавок старого гостиного ряда за лавочной церковью. Родник забили и образовали колодец, который существовал до настоящего времени. Вода в нем очень хорошая. Ручьи, вытекавшие

с противоположной стороны улицы, тогда еще не застроенной, протекали по уклону на юг и восток, и здесь была невылазная грязь, трясина до самой площади, и сама улица называлась Грязной. Извозчики застревали в этой грязи, и улица была в дождливое время непроходимой. Ныне она называется Варваринской, и вымощена только в конце 90-х годов XIX столетия.

Ñòàðàÿ ãèìíàçèÿ

Здание это, стоящее на углу Николаевского проспекта и Варваринской (Грязной) улицы, является очень интересным в архитектурном отношении. Воздвигнуто оно в конце XVIII столетия и относится к самым старым зданиям Ставрополя, и до постройки зданий в соседстве с ним оно эффектно выдвигалось среди невзрачных строений старого города, составляя лучшее его украшение. Здесь были первые лучшие магазины. Название старой гимназии оно носит потому, что в нем помещалась мужская гимназия, открытая в 1837 году, в год приезда в Ставрополь Николая I. В закругленной части здания была устроена церковь. До 70-х годов гимназия находилась в этом здании, затем переведена была в новое здание, воздвигнутое на Александровской площади.

Ëàâî÷íàÿ öåðêîâü

На нынешнем Николаевском проспекте (Красная улица), на левой его стороне, считая от верхней части города, стоит среди домов и старого корпуса лавок церковь во имя Нерукотворного Спаса. Церковь построена в 1828 году на средства купцов, которые участвовали в постройке гостиного ряда. По общему соглашению было решено две средние лавки оставить для церкви, и для устройства ее подняли купол выше корпуса, а на уровне крыши остальных лавок соорудили пол и передний фасад украсили колоннами в дорическом стиле с треугольниками на них, в церковь вела широкая деревянная лестница.

До перестройки церкви в 1915 году и рядом стоящего здания мещанской управы на этом здании была доска с надписью: «Сей гостиный ряд выстроен попечением областного начальника, генерала от кавалерии Емануеля иждивением ставропольских купцов в 1828 году». Второй ряд лавок построен позже, при областном начальнике Вельяминове. Фасад церкви, как и передняя часть корпуса, обращенные к площади, оригинальны и имеют особенности той эпохи. В архитектурном отношении здание церкви и корпус лавок, как здания, относящиеся к Александровской эпохе, заслуживали внимания и охраны, имея все характерные черты известного стиля. К сожалению, местное городское управление не было на высоте сознания важности исторических памятников и допустило частные лица сделать переделки в наружных стенах и в окнах того и другого корпуса, чем совершенно искажен внешний вид всего здания. Также непростительна и переделка здания церкви, совершенно уничтожившая старый (характерно скромный) вид церкви вместе со стенной живописью, которая была в куполе и в фасадном треугольнике крыши. Бывшие лепные (штукатурные) украшения по карнизу также погибли. До переделки под церковью был широкий проход с Николаевского проспекта на противоположную сторону к бывшему тогда базару, и корпус имел оригинальный вид. Строители при переделке в 1915 году опустили пол церкви до уровня улицы и уничтожили бывший проход. На колоннах сделали фигурные пояски и вместо живописи в треугольнике над колоннами выставили лепное изображение Нерукотворного Спаса.

Церковь ныне имеет удобный вход, и внутри она благодаря стенной живописи в новейшем стиле имеет веселый нарядный вид и хорошо освещена. Все переделки (в сущности, построена новая церковь) сделаны на средства частных лиц по подписке и главным образом на средства старожиловкупцов Мокина, Ртищева и Демьянова. Среди уцелевших старых икон обращают на себя внимание в притворе «Снятие со Креста», «Проповедь на море», «Святителя Николая». Внутри церкви на правой стене — старинная икона Нерукотворного Спаса, хорошей работы, а на аналое пред алтарем — небольшая икона Спаса, принесенная в дар первым епископом Иеремией с его надписью, отличается своеобразностью изображения.

×àñîâíÿ íà Íèæíåì áàçàðå

Место, где стоит ныне часовня, было занято церковью, построенною в 1780 году казаками Ставропольской станицы, которая и была расположена в этой местности и далее, где ныне Станичные улицы, Казачья и Хоперская улицы, составляющие память прошлой истории Ставрополя.

После упразднения станицы и перевода казаков на Кубань (в станицу Суворовскую) церковь их оставалась, и только в 1838 году после долгих споров с горожанами была взята казаками и пере-

везена в станицу Суворовскую, а на месте бывшего алтаря этой церкви поставлен был казаками крест, и в том же году на этом месте Игнатием Волобуевым была сооружена часовня. Ныне часовня находится в ведении женского монастыря и в ней имеются старинные иконы хорошей живописи. В архитектурном отношении часовня имеет интерес как здание первой четверти XIX века.

Òè ô ëèññêèå â î ð î òà

Красивое сооружение, имеющее вид крепостных ворот с амбразурами на верхней площадке, на которой можно было устанавливать пушки. По высоте своей оно господствует над всей местностью заярмарочной площади и служит лучшим наблюдательным пунктом за возможными подступами «хищников» по Мутнянской и Ташлянской балкам, особенно при существовании вышки-пикета на кургане. С верхней площадки открывается прекрасный вид на всю низменность и окрестные возвышенности. При воротах были устроены кордегардия, плацформа и шлагбаум, и въезд был только после удостоверения личности проезжающих. Построены ворота в память Отечественной войны 1812 года и свое название получили от того, что отсюда шел тракт на Тифлис, так как проезда через западную часть в то время не было. С верхней площадки можно видеть весь город, вид которого производит прекрасное впечатление. Раскидывающийся живописно по возвышенности и покатостям Ставрополь представляет богатую картину, могущую удовлетворить самого разборчивого художника. При хорошей погоде вся эта картина делается еще более восхитительной, так как венчается величественным Эльборусом.

Äî ì þ íêåðñêîãî ó÷èëèùà

На углу Александровской площади и Вельяминовской улицы расположено длинное одноэтажное здание, идущее главной своей частью по Вельяминовской улице и службами по Александровской площади. Первая часть его, считая от ворот, составляла дом главнокомандующего, отчего улица называлась Генеральскою. Дом этот начат постройкою при Эммануэле (1826) и в то время стоял одиноко в местности незастроенной и глухой, называемой Татарским базарчиком, что ныне Александровская площадь (Верхний базар), куда съезжались татары из аулов в базарные дни.

При этом доме огромное усадебное место, на котором был разведен сад, прекрасно распланированный, с хорошими плодовыми деревьями, который вместе с дикорастущими огромными деревьями, остатками бывшего здесь леса, представлял превосходное место для гулянья и в санитарном отношении имеет большое значение для города. К сожалению, в 1918—1919 годы деревья были вырублены. В саду уцелело здание-беседка в виде башни старинной постройки, в архитектурном отношении представляющее большой интерес. С верхней площадки его открывается богатый вид на окружающую местность, а в то время при отсутствии построек вид открывался до Холодного родника, и здание это служило и для военных целей.

Впоследствии в доме бывшего главнокомандующего было размещено Кубанское казачье юнкерское училище и были сделаны переделки и пристройки по Александровской площади, где помещалось 100 лошадей для обучения юнкеров, почему и здание удержало это название.

Ï àâë î âà äà÷à

В южной части города, на спуске к Мамайке, расположена прекрасная роща. Занимая большое пространство как по спуску, так и внизу, в балке, эта роща представляет богатейшее насаждение и [со] своими двумя прудами и бассейнами является чудным уголком для отдыха и гулянья в летнее время. Обилие прекрасной воды, тень и прохлада делают это место в высокой степени ценным, так и в лечебном отношении оно является благодетельным, укрытое от господствующих в городе ветров и совершенно лишенное пыли. Место это прекрасно разделано покойным Павловым, соорудившим здесь бассейны, пруды, мостики, аллеи, каменные лестницы, скамейки, столы, каменную ограду и все приспособления для гулянья.

Создав этот чудный уголок из обыкновенного дикорастущего леса, Павлов устроил здесь часовню, в которой и погребен вместе со своей женой. Дачу эту пожертвовал он городу, обязав в своем завещании устроить дом для призрения престарелых горожан и школу для обучения детей садоводству, оставив на расходы некоторый капитал. Пожертвование весьма ценное. В часовне стоят две гробницы.

Место это и в хозяйственном отношении имеет большое значение, так как благодаря орошению (при обилии воды и легкости его устройства при нахождении источников в верхней части) здесь могут быть прекрасные огороды.

Место это всегда было излюбленным [для] гулянья, и сюда приезжали со своими самоварами целые семьи с детворой, располагаясь под развесистыми деревьями. С возвышенности в левой части дачи открывается чудный вид на предместье Мамайку и окружающие горы. Чудный воздух, ароматы цветов и разные деревья, растущие по спуску, и сильный пригрев южного солнца создают в этом месте санитарную стоянку для грудных больных и малокровных детей.

К сожалению, городом мало обращено внимания на это богатейшее наследство, и за отсутствием надзора этот чудный уголок в последнее время делался малодоступным из-за хулиганских выходок форштадтской молодежи, являющейся сюда целыми шайками.

Êàðàáèí

Ниже Павловой дачи расположен знаменитый источник Карабин. Водой этого источника питается весь город. Прекрасная вода проведена по чугунным трубам в бассейны в город, и ей обязан город прекращением заболеваний, сопряженных с употреблением колодезной загрязненной воды. Здесь, в головище источника, устроен огромный резервуар, и напором вода из него идет в город.

Источник этот питается ключами и осадками, выпадающими на прилегающей возвышенности, и потому требует охраны от загрязнения всей местности, называемой Каменоломкой, и песочного яра; но, к сожалению, на это не обращено должного внимания и даже допущена была сплошная вырубка леса в головище верхней Мамайки и вырубка леса, растущего на спуске.

Устройство водопровода и резервуара совершено городским головой Деревенщиковым, но память о котором совсем не чтится городом. До устройства водопровода на Карабине горожане ездили со своими бочками за водой, наливая ее из открытых желобов. Место это было разделано: имело столы, скамейки, каменные корыта, как для стирки белья, так и для водопоя, — и сюда в праздничные дни приезжали горожане с самоварами и едой на целый день для гулянья. Находясь в соседстве с Павловой дачей, урочище это обладает теми же качествами и требует к себе особенного внимания, которого, к сожалению, ему не уделяется.

Источник этот известен с древних времен, у горцев он назывался «Здоровая вода». Первоначально урочище это было занято еще в конце XVIII века полковником Таганрогского драгунского полка, расположенного в Ставропольской крепости, Карабиным, а затем, по выходе полка в 1805 году из крепости и по отъезде Карабина, место это было отведено для постройки пол-пивного завода, который и существовал там до 1840 года. По имени этого первого владельца источник и носит свое название.

В течение всего времени существования города четыре лица покушались присвоить это богатейшее урочище с богатырским источником в собственность, но городская дума, несмотря на трудные времена, твердо стояла на исключительном праве города на это урочище. Палата уголовного и гражданского суда 29 октября 1847 года решением своим утвердила источник Карабин за городом Ставрополем. В решении этом, между прочим, приводится следующий довод в пользу домогательства города: «Колодезь сей почти единственный в Ставрополе, из которого берется вода для питья и употребляется в пищу, внутри же города вода, будучи горько-кисловатой и солонцеватой, к употреблению не удобна». Таким образом источник Карабин был спасен для будущего городского водопровода.

Êàìåííûå ëî ìêè èëè ëàâû

На всем пространстве, какое занимает Ставрополь, залегает мощный слой камня верхнетретичного отложения, но особенно он обнажается на склонах и в западной части города, поблизости источника Карабина. Здесь бьют камень для построек, и весь Ставрополь построен из этого камня. Все нынешние улицы Каменоломская, Карабинская, Аульчик, Ловушка (или Лавушка) и расположенные по ним обывательские дворы, дома и разные постройки стоят на местах, где выбран камень и образовавшиеся ямы засыпаны навозом и разными отбросами. Ямы эти, проникая вглубь на несколько сажень, представляют большой интерес и дают прекрасный материал в научном отношении. Уцелевшие ямы в виде глубоких колодцев дают разрез этого сарматского яруса и залегавшей в нем глины с массою прекрасно сохранившихся не только ракушек, но и костей вымерших животных (дельфинов, китоообразных) и даже целых скелетов. Во дворце Румянцева особенно интересна такая лава (яма), в которой можно наблюдать 12 рядов вынутого камня и с различными позвонками, ребрами и прочим живших некогда в бывшем Сарматском море животных. Там же в глине найден мною целый скелет такого животного, хранящийся в Музее Северного Кавказа.

В геологическом отношении лавы, особенно лава Румянцева, представляют громадный интерес и содержат богатый палеонтологический материал. Безусловно, было бы необходимо устроить надзор за теми находками, которые попадаются рубщикам камня и которые они по невежеству бросают и разбивают. Здесь же можно видеть слои глинистых отложений, между которыми особенно важна зеленая глина (мыльная) и серая (пишущая). Вообще ставропольская глина высокого качества, и ниже этого места, близ завода Меснянкина, есть залежи красной огнеупорной глины.

Ãðåìó÷êà

В глубине Мамайского леса из возвышенности вытекает источник прекрасной воды. Необыкновенно холодная, очень вкусная вода обращает на себя внимание. При выходе на поверхность вода производит шум, «гремит», отчего источник и получил свое название. Прогулка в это урочище доставляет большое удовольствие, тем более, что здесь можно собрать богатый ботанический, геологический и палеонтологический материал. В воде этого источника, в старом русле его, вы можете найти довольно больших размеров куски окаменелых деревьев. Собранные мною куски хранятся в Музее Северного Кавказа. Особенно интересен один дубовый, в котором ясно видно, что дерево уже подверглось порче (стало гнить) и в этом виде окаменело. Урочище это не обследовано, и если углубиться в почву, то можно иметь хорошие находки.

Âèäû íà îêðåñòíîñòü

Ставрополь, благодаря своему высокому положению, обладает возможностью дать наблюдателю превосходные виды на большое расстояние. Эльборус и цепь гор видны не только с колокольни, но и с Ярмарочной площади, с террасы дома Прозрителева, Соборной улицы, с площадки Тифлисских ворот. Но и ближайшие окрестности и предместья Ставрополя не уступают по красоте отдаленным местам, хотя другого характера.

Чарующий вид открывается на всю Ташлу и заташлянскую часть города из окон северной стороны Музея Северного Кавказа. Прелестная местность с массою разнообразных домиков, с огородами и садами получает чисто волшебный вид, в зависимости от освещения в то или другое время дня. Смотришь и не хочется оторваться от восхитительной картины: богатый сюжет для художника.

Близ дома Ермакова, за зданием синагоги, надо остановиться у низкого каменного забора и вам откроется восхитительный вид на Подгорное и всю заташлянскую часть. Эта долина реки Ташлы так хороша и богата разнообразной растительностью, что, любуясь расстилающейся перед вами местностью, удивляешься, как много дает эта небольшая речка обитателям своею влагою, орошая почву и в то же время умеряя жар и холод и делая климат этой долины мягче и теплее сравнительно с нагорною частью в то же время года. У самой синагоги, на краю спуска на Первую Подгорную улицу, тот же вид, но несколько западнее. Здесь же можно наблюдать следы геологических переворотов, бывших некогда на нашем плоскогорье. Здесь же видна необыкновенно мощная, толстая глыба камня (сарматского слоя), часть которого как ножом отрезана. Это ее излом под давлением необычайной тяжести, давившей на эту глыбу. Глыба эта составляет край общего слоя камня на этой площади и висела, очевидно, над оврагом, образовавшимся благодаря постепенному вымыванию почвы (глины) протекавшей водой. Река Ташла — это остаток некогда бывшего здесь огромного водоема, в котором собиралась вся вода на площади вокруг Холодного родника и прилегающего леса.

Станьте на пересечение улиц Воронцовской (Пролетарской) и Госпитальной (Ленинской) — и вам откроется прекрасный вид на долину реки Мутнянки. Вдали видно селение Надежда, протянувшееся по этой речке, и ее нагорный берег, белеющие обнажения которого так и манят к себе исследователя: в них еще много остатков вымерших животных (гигантов), некогда живших в данной местности. Там найдены кости китообразных, черепа дельфинов, череп и зубы носорога, отпечатки рыб и под дном реки Мутнянки — скелет дельфина. Все эти находки доставлены мною в Музей Северного Кавказа и хранятся там как свидетели минувшего, далекого от нас прошлого нашего края. В том же кряже и далее по нему к селу Старой Марьевке встречаются растительные окаменелости и целые стволы деревьев. Найденные мною куски хранятся в Музее Северного Кавказа.

Видеть образцы изменений, какие происходили в нашей местности, действуя постоянно на изменения ее наружного вида, можно на спуске на Флоринку, направляясь с Верхнего базара мимо дома Меснянкина. Здесь целые слои земли сползают сверху вниз, подмываемые почвенной водой и рядом мелких источников, пробивающихся с возвышенности. Все это идет в Ташлу и постепенно уносится ею в долину, отлагая там плодородный слой, служащий огородникам для посева и сбора урожая, особенно помидоров и капусы. Точно так же наблюдения эти можно сделать на берегу реки Мутнянки, где обнажается первобытная серая глина.

Вид на долину реки Мутнянки с красиво протянувшимся селом Надежда оживляется белеющей на первом плане церковью (новой). Построена эта церковь на пожертвования, собранные по обету одним частным лицом, и место выбрано очень удачно. Старая церковь (казачья) стоит внутри села, она невысока и потому теряется среди массы построек, но она имеет историческое значение, и с ней связано много воспоминаний.

×àñòü 2. Î êðåñòí îñòè Ñòàâðî ï îëÿ

Виды с возвышенности. Леса и охота. Лысая гора. Полковничий яр. Долина реки Мутнянки. Лазоревые цветы. Дорога на Новую Марьевку. Русские хутора. Постовая караулка. Богатый родник. Женский монастырь. Землянка отшельника. Урочище Валик. Столбик. Вишневая. Грушевая. Озера Сенгилеевское и Кравцово. Татарка. Вшивое озеро. Бударка. Стрижамент. Развалины на Татарской дороге. Холодный родник. Архиерейский лес. Дом отдыха. Стойбище. Начало реки Мамайки.

Âèäû ñ âîçâû øåí íîñòè

Ставрополь расположен на возвышенности до 2 тысяч футов, и потому ему открывается богатейший вид на всю долину и низменность, которая тянется с восточной стороны, а также на кряж, который тянется по краю этой низменности, по берегу Мутнянки и Мамайки, и идет далее на Спицевку и Кононовку.

С Соборной горы видны села: Надежда, Старая Марьевка (теперь эта часть заслонена поднявшимися деревьями Барятинского сквера), а с балкона и окон дома Прозрителева видно село Бешпагир (34 версты), красиво вьющаяся дорога от Нового Форштадта и чудный вид на Эльборус, который в хорошую погоду открывается для глаз не только своею шапкою, но и до самых «плеч». Кстати сказать, такой ясный облик Эльборуса всегда предвещает дождь. Также хорошо виден Эльборус и с Ярмарочной площади, если стать в ста саженях за Тифлисскими воротами. С той же соборной горы чудный вид на реку Ташлу и всю ее долину, и на нижнюю часть города.

Ëåñ è îõîòà

Ставрополь с западной, частью с северной и южной сторон окружен лесами. Лес некогда рос по всей возвышенности в изобилии, и где идут ныне улицы, там росли вековые дубы, карагач, белолистка, а вдоль рек — верба в два обхвата. Лес этот вырубался как в военных соображениях, так и по мере застройки города и долго служил материалом для построек. Старые дома строились из цельных, нераспиленных бревен, и некоторые в Подгорном уцелели до настоящего времени.

Монастырский, Архиерейский и Мещанский леса представляли некогда почти непроходимую чащу и были небезопасны в своих балках от зверей. До конца 70-х годов около Ставрополя в лесах водились кабаны и медведи, и для охоты за ними снаряжались целые команды охотников по распоряжению военных властей. Были рыси, козы, дикие кошки, забегали олени. Обилие зверя и птицы способствовало развитию охоты, и почти каждый чиновник был охотником, имел хороших собак и после занятий отправлялся в лес, а в субботу уезжали на дальние места для охоты.

Среди мещан были известные охотники. Но большей частью охотились поблизости: обилие перепелов, куропаток благодаря большим посевам проса вполне удовлетворяло охотников. Перепела заготовлялись впрок, солились, и с ними пекли превосходные пироги. Пуд соленых перепелов можно было купить в 60-х годах за 5—10 рублей.

Были в лесу и фазаны, но они являлись некоторую роскошью для охотников. В 80-х годах, в начале, еще можно было иметь хорошую охоту в окрестных лесах по перу и зверю. Казенный лес, занимая большое пространство, оберегаемый от порубок, представлял непроходимую чащу. Необыкновенно глубокие балки в Казенном лесу (как на Валике, Вишневой и др.) служили прекрасным местом для зверей, а близость лесов Кубанской области к Новой Марьевке и станице Темнолесской (Темный лес), куда дальше примыкает низменность и долина реки Кубани и рек Барсуков, служила весьма благоприятным условием для зверей и всякой дичи.

Ëûñàÿ ãîðà

Переехав реку Ташлу через Ясеновский переезд и поднявшись на монастырскую гору, вы можете любоваться видом на всю южную и восточную часть, в особенности поднявшись на Лысую гору, которая дает возможность видеть во всей красе Ставрополь, а за ним и кряж Стрижамента. Для проезда к этой горе надо ехать за Тифлисские ворота и чрез Михайловский переезд направиться по дороге, которая пролегает левее Михайловской дороги.

Трудно оторваться от этого восхитительного вида. Постоянно чистый и прозрачный воздух на этой отдельно стоящей «лысой макушке», открывает большой кругозор и дает эстетическое наслаждение, действуя необыкновенно бодрящим образом. Беспокоит только иногда сильный ветер.

Ï îëêîâíè÷èé ÿð

Совсем иную картину дает ближайшее к городу урочище Полковничий яр. Это чудесный ковер цветов, богатейшее разнотравье. Спустившись в глубину этого яра, вы вдыхаете чудный аромат богатой степной растительности и совершенно защищены от ветра, который часто на верху города гуляет с особенной силой. Значительно испорчено это чудное место устройством здесь свалок нечистот и боен, тем более, что канавы с нечистотами остаются незакрытыми, а отсутствие должного надзора дает возможность «отходникам», особенно ночным, разливать нечистоты в беспорядке и, не доезжая до свалок, по дороге и по сторонам ее. Место это сильно занавоживается, и при западном ветре страшное зловоние делает крайне тяжелым проезд по дороге в Полковничий яр.

Это — излюбленное место прогулок ставропольцев. Здесь в мае и июне масса тюльпанов (лазоревые цветы) — adonis vernalis. Название это урочище получило от того, что место это было при заселении Ставрополя предоставлено полковнику Конону Устинову для сенокоса, а некоторые уверяют, что там была убита жена полковника.

Äîëèíà ðåêè Ìóòíÿíêè. Ëàçîðåâûå öâåòû

Так же хороша и другая часть долины по правую сторону мыса, который ее разделяет. Здесь идет крутой спуск к речке Мутнянке, и дно долины бывает усеяно лазоревыми цветами, тюльпанами ярко красного цвета. А левая сторона мыса за Полковничьим яром, спуск к реке Ташле изобилуют желтыми тюльпанами. Такой же ковер цветов и на горе за монастырем, по дороге к Михайловскому лесу.

Äîðîãà íà Í îâóþ Ìàðüåâêó

Хороша дорога лесом на Новую Марьевку, где вы любуетесь озером, и тут же остатки старого редута, древнего городища с черепками глиняной посуды.

Ðóññêèå õóòîðà

Дорога мимо монастыря на Русские хутора открывает вам богатейший вид на долину речки Русской с ее садами, рощами и богатыми хуторами, а охватывающие ее холмы и балки делают местность необыкновенно красивой, с мягким, сильно нагретым воздухом, лишенным всякой пыли, и вы невольно глубоко и сильно дышите, упиваясь в то же время ароматом степи. Имея своих хороших лошадей, я мог посещать эти отдаленные от города места и, наслаждаясь их прелестями, отдавался в то же время изучению края. Но и ближайшие места к городу не менее хороши.

Ï îñòîâàÿ êàðàóëêà

Дорога из города через Ясеновский переезд и через монастырь далее по опушке казенного леса мимо постовой караулки, вдоль Архиерейско-Мещанского леса на Холодный родник необыкновенно хороша для прогулок благодаря полной защищенности от западных и северных ветров и прекрасной растительности. Обыкновенно на постовой караулке делался привал, здесь можно было всегда иметь превосходное молоко, хороший хлеб и чай.

Áîãàòûé ðîäíèê

Хороша поездка и на Богатый родник, или Расставанье (ныне отсюда взят водопровод в нижнюю часть города). Дорога идет от монастыря. В прежнее время, когда дорога из Ставрополя на Черкасский тракт проходила здесь, то обыкновенно провожающие с отъезжавшими из города прощались у этого родника, устраивая закуску и выпивку, и затем расставались, почему родник получил название Расставанье.

Æåíñêèé ìîíàñòûðü. Çåìëÿíêà îòøåëüíèêà

Монастырь основан в 1847 году епископом Иеремией, первым епископом Ставропольской епархии, в память его отца и матери и назван по имени их Иоанно-Мариинским. Монастырь занимает красивое местоположение, имеет большое количество леса, разделенного глубокой балкой. В балке этой в 1858 году была открыта пещера, вырытая под большим ветвистым дубом, вход в которую был завален камнем и засыпан землей.

Отец мой, Николай Григорьевич Прозрителев, при участии молодых чиновников Матвея Жовнера и учителя уездного училища Звоницкого обследовали эту пещеру. Она оказалась землянкой в одну комнату, по стене углубление небольшое, как бы для иконы. В землянку вела дверь, которая была полуоткрыта, а вход в эту дверь, как бы небольшие сени, сделан был в земле, которая обрушилась.

Мне было 9 лет, и я хорошо помню, как совершалось это обследование. Проникали в нее с большим страхом, с зажженными свечами, но интерес подогревался существовавшим преданием, что здесь жил какой-то известный разбойник и зарыл большой клад. В землянке ничего не найдено, и кому принадлежала она, не установлено. Думают, что здесь жил отшельник, ушедший после основания монастыря.

В то же время, но позже, в монастыре и, кажется, в том же месте был найден древний бронзовый топор, который и был отослан в Петроград[11], в Эрмитаж. Уверяют, что топор был золотой.

Монастырь всегда пользовался вниманием горожан, служил местом для прогулок в летнее время. Около него стали постепенно поселятся жители и образовались Монастырские улицы. Из монастыря прекрасный вид на город, а с противоположной стороны — на дорогу, которая вела к почтовой станции Русской, первой от города по Черкасскому тракту. При гостеприимстве и радушии обитавших там монахинь посещенье монастыря составляло большое развлечение, и большинство эту прогулку совершало пешком через Ясеновский спуск.

Дорога идет по переходе р. Ташлы по довольно отлогому подъему и в жаркий день утомительна до вершины возвышенности, но усталость совсем не чувствуется, когда вы обернетесь назад, остановясь на своем пути; чудный вид на Ставрополь с его колокольней, собором и прочими постройками, протянутыми по краю возвышенности, а по склону сады Подгорного и масса разнообразной постройки домиков, террас, расположенных улицами, поднимают ваши силы, и вы неизменно проходите эту длинную дорогу. Примыкающий слева Архиерейский лес дополняет картину богатого зеленого ковра садов Подгорного и той мощной растительности, которая охватывает весь спуск к реке Ташле. На полугоре расположено армянское кладбище, где всегда можно отдохнуть, присев на камнях забора.

Но во время грязи эта дорога крайне тяжела. В монастыре в глубине леса лежит родник, называемый «Криничка», с очень холодной и прекрасной вкусной водой. Уверяют, вода этого родника укрепляющим образом действует на глаза, и его называют «глазным источником». Многие подтверждают, что вода имеет целебные свойства.

До последнего времени там проживало до семьсот монахинь, и у них было обширное хозяйство. В настоящее время там основано пригородное хозяйство, прекрасно обставленное, с большим наличием удойных коров, и ведется большая распашка. Продукты доставляются для нужд городских столовых.

В монастыре две церкви (одна в трапезной), где иконы работы самих монахинь. Монахини занимались золотошвейными работами и живописью, некоторые работы по художественности и исполнению достойны были серьезного внимания. Монастырь известен как место заключения (ссылки) урожденной баронессы Розен, впоследствии игуменьи Митрофании, присланной сюда после ее процесса в Петрограде[12].

Ферма монастыря также интересна своим обширным хозяйством: в прудах водилось много рыбы. На монастырском кладбище имеются памятники художественной работы. Разросшийся монастырь теперь известен под именем Скомороховых хуторов, названных так по имени первого поселившегося там…[13]

Óðî÷è ùå Âàëèê

Урочище Валик с его глубочайшей балкой, прекрасным лесом и чудной поляной — превосходное место для прогулок. В глубине леса имеются развалины древней каменной постройки, по-видимому, древней церкви или башни. Недавно здесь сделаны посадки хвойных деревьев. Валик интересен в историко-археологическом отношении. К какому времени оно относится, сказать с точностью нельзя, но, во всяком случае, ранее эпохи занятия Северного Кавказа русскими войсками и образования крепости Ставрополя. Этот вал находится в связи с той древней постройкой в лесу, о которой было упомянуто раньше. Постройка представляла, вероятно, башню, и последнее предположение вероятнее, так как в развалинах этой постройки мне удалось в 80-х годах найти куски черепков очень большого сосуда и следы подземного помещения внутри самого здания. Здание было обнесено стеной, следы которой сохранились в ряде камней между большими деревьями, которые выросли на этом месте. С того места, где стояло это здание, открывается прекрасный вид на глубокую долину. Возвышенность эта господствует над всей низменностью, которая тянется по спуску к станице Новомарьевской.

Если пройти влево от караулки, минуя ее, то вы станете спускаться по тропинке и придете к началу глубочайшей балки, поросшей лесом, в которой вы не увидите и солнца. Это необыкновенно интересная дорога и приведет вас к Каменнобродской дороге и к Сенгилеевскому озеру. В четыре часа в балке уже темно.

Ñòîëáèê

От Валика, идя по опушке леса на юг, вы попадете в урочище Столбик. Почему это место носит такое название, не известно. Но столб каменный действительно стоит на некотором расстоянии от опушки, а значение его не установлено. Некоторые старожилы уверяли что здесь в прежнее время расстреливали приговоренных к смертной казни военным судом, но подтверждения документального не удалось найти.

Âèøíåâàÿ

Далее этой балки идет балка Вишневая. Вся дорога по опушке леса хороша, особенно в знойные дни; справа — густой лес, а слева кустарник и «загоны» разных посевов представляют очень красивую картину.

Ãðóøåâàÿ. Îçåðà Ñåíãèëåâñêîå è Êðàâöîâî

Продолжая путь той же Грушевой опушкой леса, вы доходите до спуска к озерам: Кравцова и Сенгилеевскому. Балка эта носит название Грушевая: здесь в большом количестве росли грушевые деревья, и обыкновенно жители отправлялись сюда для сбора груш. Насаждения эти — остатки прежних садов бывших некогда здесь жительств.

Дорога к Сенгилеевскому озеру идет правее, а к Кравцову — левее. Обе дороги пролегают по спуску, и первая тянется на протяжении семи верст до озера. Дорога эта крайне утомительна на обратном пути от озера, но прогулка туда очень интересна по тем видам, которые открываются при поворотах по спуску. Этой же дорогой можно пройти и в колонию немецкую Иогансдорф или Молочную, где можно получить молоко, масло и прочие молочные продукты хорошего качества. Озеро очень интересно как по своему положению, так и по происхождению. Вода в озере горько-соленая, напоминающая морскую воду, и полезна в лечебном отношении.

Озеро очень глубоко в середине и, как уверяют, имеет водовороты, почему плаванье по нему для купающихся небезопасно. Существует мнение, что озеро сообщается с каким-то другим водоемом подземным проходом. Берега его пологи, в особенности у колонки. В озеро впадает р. Земзюлька. Уровень воды в озере не понижается, несмотря на большое испарение. Озеро это называется еще Рыбным, и водящаяся в нем рыба очень вкусна, но некрупных размеров и не разнообразна.

Если стать на вершине кургана с левой стороны дороги при начале спуска, то вы будете любоваться необыкновенно красивой горной картиной, в которой особенную прелесть составляют блестящие ручьи, протекающие на дне очень глубоких балок, и три озера: Кравцово, Сенгилеевское и Новомарьевское, открывающиеся для глаз. Балки окружены высоким кряжем с очень причудливыми обрушениями. Обе балки разделяются каменной грядой с остроконечными возвышенностями. Левая балка Кравцова озера собственно и носит название Грушевая. На дне ее расположены огороды и сады жителей, дающие ей очень веселый, нарядный вид.

Открывающийся с упомянутого кургана вид на эти глубоко расстилающиеся пред вашими глазами низины не уступит по красоте швейцарским видам, и как дачное место, низменность левая (Кравцово озеро) превосходна, будучи совершенно защищена от ветров благодаря своему низкому положению и окружающим горам. В климатическом отношении низменности эти также хороши: нет в них сырости и лихорадок, благодаря хорошей ключевой воде и тому обстоятельству, что верхние слои воздуха переменяются от сильных ветров, дующих на возвышенность и с быстротой срывающихся с нее в балку, а также и тому, что из самой нижней части балки идет отвершек на юг и выходит на самое плоскогорье, к шоссе, идущему на Татарку, и служит как бы вентиляционной трубой, проходя между возвышенностями, поросшими лесом.

Прогулка сюда особенно хороша и полезна: воздух необыкновенно бодрящий, мягкий, с чудным ароматом цветов и богатой степной растительности. Если спуститься только до первого поворота дороги, то вы уже будете наслаждаться всеми прелестями этой местности и с удовольствием проведете день, не чувствуя зноя палящего наверху солнца и сильных порывов дующего наверху ветра. Долина эта по справедливости может быть названа долиной очарования. В геологическом и ботаническом отношениях местность эта представляет большой интерес, а потому научные экскурсии сюда будут иметь богатый материал для исследований. Надо еще добавить, что по дну балки вьется дорога, служащая для сообщения с Татаркой и другими селениями, и придает общей картине какой-то волшебный вид с бесшумно двигающимися по ней подводами.

Возвратиться в город надо по дороге, идущей по краю возвышенности, и вы будете все время любоваться справа видами этой балки, выглядывающими на вас, как из окон, по прогалинам в

лесу, растущему по краю возвышенности, слева — распашка и посевы горожан на огромном пространстве. Дорога из города на Грушевую идет мимо Холодного родника, огибает Кругленький лес и от Столбика поворачивает налево, проходя между посевами картофеля, пшеницы и прочего. На хороших лошадях поездка эта доставит особенное удовольствие, и я часто посещал этот прелестный уголок. В Кравцовом озере имеются залежи торфа.

Òàòàðêà

Село Татарка лежит в десяти верстах от Ставрополя в глубокой долине, в которую ведет дорога по шоссе. Спуск по этому шоссе идет по краю возвышенности, постепенно понижаясь, и потому для проходящих здесь открывается чудный вид на все пространство долины, лежащей внизу и простирающейся на десятки верст с ее холмами и речками.

Само село расположено внизу по речке и частью по спуску и отличается красивым местоположением. Прогулка эта во всех отношениях интересна, давая богатый материал для наблюдения и бесед, а чудный воздух, лишенный пыли, действует животворно и целительно.

В лесу, прилегающему к селу, по возвышенности лежит родник, называемый «Криничкой», и пещера, имеющая продолжение (ход) в гору. Осмотр этого урочища очень интересен, тем более, что существует предание о подземных ходах на большое расстояние и о зарытых в глубине кладах.

Âøèâîå îçåðî

В пяти верстах от города на юге лежит довольно обширное озеро, поросшее камышом, и потому некоторые части его представляют трясину (болото); вода удерживается только на средине, особенно в жаркое лето. При дождях озеро наполняется водой, и в нем появляется рыба; озеро это — самое излюбленное место охоты для ставропольцев. Здесь по преимуществу мелкая дичь — кулики разных видов, но при воде оседает и крупная птица: можно встретить журавлей, гусей, цапель, чипуру и др. Озеро до сих пор не обследовано в научном отношении.

К сожалению, даже до сих пор остается за ним это некрасивое название, а между тем, это невежественная переделка слова «уч». В переводе с татарского это слово означает «три», и этим словом татары называют крест. Здесь найден был крест, поставленный древними христианами, как на ставропольской Соборной горе. «Уч» переделали в «уши», а затем — «вши», и получилось Вшивое озеро. Другая такая же переделка произошла в названии села Овощи, где также был найден крест, по-татарски — «уч», а прибывшие в край русские переделали слово «уч» в Овощи.

Áóäàðêà

На юг от Ставрополя видна среди общей возвышенности интересная по своей форме гора, называемая Бударка. Гора издали кажется крепостью, и с нее открывается прекрасный вид на Ставрополь. Прогулка пешком к этой горе дает богатейший материал в ботаническом и геологическом отношении.

Ñòðèæàìåíò

На юг от города видна плоская возвышенность, среди которой выделяется гора, покрытая лесом, называемым Темным лесом. От Ставрополя дорога сюда идет по шоссе и от второй станции поворачивает налево через степь. На горе этой имеется поселок отставных солдат, названный Стрижамент, что составляет искаженное слов «ретраншемент». Поселок расположен на противоположной стороне, и от него открывается чудный вид на долину реки Кубани и всю прилегающую местность.

Видна река Зеленчук, ее впадение в реку Кубань, а при хорошей погоде виден Армавир, и вся картина заканчивается Кавказским хребтом. Хотя гора эта лежит от Ставрополя на 35 верст, но прогулка туда вознаградит усталость обворожительными своими видами и необыкновенно грандиозными обрушениями на северной стороне этой горы, где каменные нагромождения представляют положительно хаос. В образовавшихся среди них пещерах водятся дикие кошки, очень опасные при входе в пещеру. Здесь же растет интересное растение лох, достигающее огромных размеров. Место это имеет значение в историческом отношении, и здесь сохранились развалины — остатки древнего укрепления, построенного при проведении Азово-Моздокской линии. Со Стрижамента открывается прекрасный вид на Ставрополь и всю его возвышенность.

Ðàçâàëèíû íà Òàòàðñêîé äîðîãå

На старой дороге на Татарку, где проходил до постройки шоссе почтовый тракт, шедший чрез Карятинскую станцию (первую от Ставрополя), вблизи спуска видны остатки стены, окружавшей укрепление довольно значительного размера, где видны насыпи, бывшие в самом укреплении. Этот городок очень древний, и кем был создан, сведений нет, так как исследований и раскопок не было произведено.

Õîëîäíûé ðîäíèê

Самым ближайшим местом прогулок для ставропольцев служит Холодный родник, лежащий в трех верстах от города. Родник этот дает начало реке Ташле и имеет прекрасную холодную воду, вкусную и очень здоровую благодаря отсутствию загрязнения. Громадное значение реки Ташлы в хозяйственном отношении для губернии придает особый интерес к этому роднику и требует тщательной охраны его.

Àðõèåðåéñêèé ëåñ

Другим самым ближайшим местом для прогулок и ученических экскурсий является Архиерейский лес. Удобный проход в него через Андреевское архиерейское подворье с Лермонтовской улицы делает его весьма доступным для пешеходов. В ботаническом отношении это насаждение представляет огромный интерес, и работы в прохладной тени под обширными кронами столетних деревьев составляют одно удовольствие.

Через весь лес проложена по распоряжению бывшего епископа Владимира мостовая, и проезд на гору с выходом из леса на монастырскую дорогу очень удобен. В верхней части леса были устроены дача архиерея и церковь, при даче была хорошая пасека. Лес этот составляет часть общего леса, росшего на Ставропольской возвышенности, нарезан архиерейскому дому по распоряжению наместника Воронцова от 8 июня 1846 года, и план утвержден палатою государственных имуществ 17 ноября 1852 года. Лес все время содержался в порядке, и в нем производилась правильная порубка, отчего лес разрастался и улучшался. В настоящее время значительная часть леса этого вырублена без всякого порядка и возвышенность оголена, а лес имел защитный характер и сдерживал почвенный песок от напора ветров.

Äîì îòäûõà

В последнее время, при советском правительстве, в целях доставления отдыха утомленным работой рабочим и служащим создано прекрасное учреждение, называемое Дом отдыха, где выздоравливающие больные получают все содержание, врачебный надзор и пользуются прекрасными условиями местности среди лесной растительности и прилегающей к ней степи. Место здоровое, и проживание здесь в течение двух-трех недель и даже месяца крайне благотворно действует на ослабленных тружеников, возвращая их вполне способными к продолжению работы. При доме имеется библиотека и полная культурная обстановка. Учреждение это культурно-просветительное, заслуга медико-санитарного отклика советского правительства, не оставляющего без помощи своих обессиленных работою служащих и рабочих. Ставрополь может гордиться этим учреждением, и больные с глубокой благодарностью оставляют Дом, где оправились и набрались сил для новой своей работы. По устройству и всей обстановке этот дом является единственным благотворительным учреждением по сравнению с учреждениями подобного рода за рубежом. Советское правительство, создавая это учреждение, стало далеко впереди просвещенных стран Европы в отношении благотворительности, как и вообще в отношении социального строительства.

Ñòîéáèùå. Íà÷àëî ðåêè Ìàìàéêè

По выезде из Ставрополя, направляясь по Невинномысской улице, вы выезжаете на так называемый выгон или дорогу, по которой ежедневно утром и вечером проходит городское стадо коров и прочего скота. Невообразимая пыль, поднимаемая тысячами животных, и затесненный постройками конец этой дороги производят неприятное впечатление унылого сбитого пространства, лишенного всякой растительности и привлекательности, тем более, что господствующий здесь западный ветер бьет со всех сторон и с двух смежных улиц из города, и с широкого выгона, обдавая вас тучами на-

гретой, жгучей пыли. Вы направляетесь влево по дороге и начинаете спускаться в небольшую выемку, образованную сильным потоком воды с окрестных возвышенностей. Выемка эта представляет чудный уголок, прелести которого и картинность его только и может воспроизвести талантливый художник на полотне яркими, живыми, многоцветными красками. С правой стороны выходит обильный ключ прекрасной холодной воды, захваченный в бассейн, под которым стоит огромное корыто с желобами для водопоя скота и лошадей. Здесь место отдыха каждого проезжающего в город и из города. Слева спуск в глубокую балку, покрытую лесом, и из скалы, скрывающейся в лесу, стена которой отвесно спускается вниз, также бьет обильная вода, дающая начало реке Мамайке. Прямо пред вами возвышенность, также покрытая лесом, охватывает эту выемку, давая небольшой подъем для дороги, которая идет чрез эту возвышенность и выводит вас на плоскость, где расположен мелкий лес. Все это вместе взятое составляет весьма живописный, картинный вид, доставляющий удовольствие и отдых утомленному путнику. Выемка открыта в сторону течения реки Мамайки и защищена от западных ветров. По краю возвышенности, образующей долину реки Мамайка, беленькие домики мамайских улиц дополняют пейзаж этого уголка.

Êîìåíòàðèè

Текст публикуется по рукописи, хранящейся в фондах Ставропольского государственного краеведческого музея (Ф. 2, дд. 44, 45, 74, 75). Датировка отсутствует. Предположительно работа была написана в 1920—1921 годах. Первые упоминания о ней встречаются в архивных документах за 1921—1922 годы. Впоследствии Г.Н. Прозрителев возвращался к ней, вносил дополнения, уточнения. В частности последние два описания во второй части («Дом отдыха» и «Стойбище. Начало реки Мамайки») были дополнены после 1925 года. Имеются комментарии, внесенные в рукопись в 1929 году.

Путеводитель состоит из 62 описаний мест города и его окрестностей, которые снабжены авторскими заголовками. «Краткие исторические сведения о Ставрополе» даны по статье, изданной отдельной брошюрой, а также опубликованной во втором выпуске Трудов Ставропольской ученой архивной комиссии в 1910 году.

Из сохранившихся двух вариантов рукописи в основу данной публикации положен второй — доработанный. В отличие от первого варианта он имеет оглавление, уточненную систематизацию описаний, и два новых описания: «Дом отдыха» и «Стойбище. Начало реки Мамайки». Первоначально оглавление к первой части путеводителя включало также описания: «Дача Ртищева», «Дача Бибердова (тутовый сад)», «Станица», «Периодические издания», «Типографии», «Присутственные места», «Окружной суд», «Убежище Братства Св. Владимира», «Народные глашатаи», «События в Ставрополе». Затем Г.Н. Прозрителев исключил их. Однако не известно, были ли они написаны или работа над ними только предполагалась. Как отмечается на первом листе рукописи, Прозрителев предусматривал публикацию иллюстраций к путеводителю (одиннадцати рисунков, плана города и карты Ставропольской губернии). В рукописи они, к сожалению, отсутствуют.

Текст рукописи легко читается, за исключением отдельных листов, написанных автором: в первом варианте — «Геогнозия местности», «Казанский кафедральный собор» (окончание) в первой части, «Грушевая. Озера Сенгилеевское и Кравцова», «Татарка», «Вшивое озеро», «Бударка», «Стрижамент», «Развалины на Татарской дороге», «Холодный родник» во второй части; во втором варианте — «Дом отдыха» и «Стойбище. Начало реки Мамайки» во второй части.

В описание Иоанно-Мариинского женского монастыря (последние три абзаца) автором в начале 20-х годов была внесена правка, которая учтена в публикации. Часть из них сделана рукой Г.Н. Прозрителева, другая записана под его диктовку кем-то из окружения.

В рукописи имеются незначительные исправления, уточнения автора, сделанные чернилами и простым карандашом. Пометы и подчеркивания цветными карандашами принадлежат, очевидно, Г. Краснову, изучавшему и использовавшему работу при написании исторического очерка «Ставрополь-на-Кавказе».

Листы сброшюрованы в четыре тетради при жизни Г.Н. Прозрителева. На первом листе второго варианта приклеен фотопортрет краеведа за 20—30-е годы размером 3,5х3,5.

Предпринимавшиеся Григорием Николаевичем попытки издать рукопись успеха не имели. Впервые она была опубликована к 220-летию города в газете «Вечерний Ставрополь» в 1997 году с небольшими сокращениями.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. Цифры в тексте не указаны
2. Так в тексте, нужно — Петербург.

3. Так в тексте, нужно — Петерберг.
4. Размер не указан.
5. Так в тексте, нужно — Петербург.
6. Так в тексте.
7. Так в тексте.
8. Так в тексте.
9. Так в тексте.
10. Так в тексте, нужно — Петербург.
11. Так в тексте, нужно — Петербург.
12. Так в тексте, нужно — Петербурге.
13. Предложение не окончено.

Примечания и комментарии В.В. Белоконь

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Рукопись из фонда Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. Фонд № 2. Дела 44, 45, 74, 75.

ÃÈÁÍÓÙÈÉ ÍÀÐÎÄ. ÒÓÐÊÌÅÍÛ È ÈÕ ÑÓÄÜÁÀ

I

Среди обширных степей Северного Кавказа, охватывающих Ставропольскую губернию с севера и востока, как огромные оазисы, лежат владения наших инородцев. Прошло уже более трехсот лет, как эти народности живут бок о бок с русскими, но по своей жизни далеки от русского уклада, русских обычаев и нравов. Сохранив свою самобытность и удержав на протяжении сотен лет свои бытовые черты и национальные особенности, эти народности, тем самым, отстранили себя от культурного влияния более сильного народа и остались на ступени* первобытного состояния.

Хозяйство этих племен еще сохранило следы древнего отношения к земле, по которому заниматься обработкой ее — пахать и сеять — это обязанность рабов-холопей, а чистородный инородец — туркмен, ногай или калмык — может быть только владетелем стад и от них питаться и богатеть. Свободный по природе, созерцатель по натуре, инородец и не мог сродниться с пашней, приковывающей его к данному месту, и шел за своими стадами, оставляя вытравленные пространства, на другие пастбища и луга: кочевой быт — это его сфера; ни дожди, ни снежные вьюги и бураны не страшат его в его кибитке под плотными теплыми войлоками.

Так дожил он до наших дней, размалывая на ручном жернове пшеничные зерна и приготовляя опресноки времен Тахтамыша и Тамерлана[1]. Женщина его, вертя ручной жернов, заунывно «мурлыкает» нудную песню: когда придет ее «господин-муж» и нанесет ей длинный рубец по спине плетью-ногайкой, если она не успеет приготовить ему лепешку и подоить кобылу для молока**. «Будь здоров, мой господин». Раба, она поет рабью песню и утешается рабьим счастьем — довольством своего «господина».

Но вот великий Север раскачал вековые устои, и жизнь бурная, кипучая хлынула потоком по всему пространству обширной земли, разрушая и смывая устаревшие звенья общинного строительства, и стала во весь свой рост перед кочевником-инородцем. Неприспособленный к житейским бурям и культурно безоружный в борьбе с ними, он не вынес сильных государственных потрясений, поник головой и тихо вымирает, сознавая свое бессилие, как нация низшей культуры. Совершается на глазах у всех величайшая драма — исчезают живые среди живых и должны исчезнуть, поглощенные жизненным ударом за то, что не могут идти в ногу с мощным ходом нового уклада.

Трагический конец неизбежен, и отвратить занесенный жизнью тяжелый дамоклов меч нельзя. И оставит народ по себе лишь туманное пятно, не имея ни своей литературы, ни даже записанных преданий. Совершающаяся драма тем тяжелее и длящаяся агония тем ужаснее, что все живое и бодрое в омертвелом организме изо всех сил бьется спасти гибнущих сородичей, вспрыснуть живой водой отяжелевшее тело, вдохнуть живой дух в угасающую душу и приобщить народ к новой жизни.

Молодежь, приобщившаяся к русской жизни и образованием к общей культуре, переживает тяжелые минуты, видя тонущий корабль и не желая покидать его ранее последней минуты, веря еще в возможность спасения. Таково положение наших инородцев.

Но *кто виноват* в том, что целому народу грозит такой печальный конец, и надо ли оставлять его гибнуть, предоставив его собственным силам? Останавливаясь в данном случае на положении туркмен, мы, прежде всего, отвечаем на второй поставленный вопрос: нет, нельзя оставлять на произвол судьбы и предоставлять гибнуть! Нет, надо идти на помощь! И мы всеми силами души призываем к этому культурному походу всех и, прежде всего, инородческую молодежь. Эта молодежь, не дробясь по народностям, *должна объединиться* и взять общий клич, сделав это дело общим делом, борясь с общим великим злом.

Зная край, зная историческое прошлое инородцев, мы с душевной болью останавливались на их положении, и печатно и устно ставили этот вопрос, как неотложную работу во имя правды и человеколюбия. В книге своей «Военное прошлое наших калмык»[2] мы уже говорили по этому вопросу в отношении калмыков. Вопрос этот и в последние дни обсуждался в ученом обществе, в нашей этнолого-археологической комиссии, вследствие сделанного мною доклада, и комиссия постановила в первую очередь заняться судьбою инородцев, предприняв к ним научную экскурсию для выяснения создавшегося положения и принятия необходимых мер. Печальная судьба народа требует участия и полного напряжения всех местных сил и серьезной поддержки центральных учреждений.

Что касается первого поставленного вопроса — кто виноват, то здесь действовали как внешние, так и внутренние причины, о чем мы поговорим в следующей статье, как и об исторической судьбе этого интересного народа.

---

* В тексте ошибочно — «степени».

** Так в тексте.

II

Судьба народа, как и отдельного лица, подчиняясь общему социологическому закону, стоит в зависимости как от внешних условий, так и от тех сил и способностей, которыми одарила природа лиц, составляющих этот общественный организм. И чем богаче одарены отдельные члены, тем шире и цельнее проявляется сопротивляемость всего целого общественного соединения против напора тех или других влияний, идущих извне во вред всему обществу, будь это военный натиск или ассимиляция со стороны сильного соседа. Но в долгой борьбе эта общественная организация теряет своих наиболее славных, талантливых отдельных членов, своих «передовых людей» и остается без необходимого руководства и смелого почина в решительные моменты создающихся осложнений и лишается прежней устойчивости: сопротивляемость его ослабевает, проникает сознание бессилия и, наконец, настает момент подчинения. Войны больше всего губят «лучших людей», передовую часть общества, гибнет молодежь, гибнет «цвет народа» и уровень общественного развития резко понижается, а с ним ослабевает и совсем притупляется стремление к расширению умственного кругозора, к знанию, и засыпает естественная пытливость ума.

В такие периоды дремлющее сознание общества удовлетворяется шаблонными указаниями морального свойства, в которых господствует запрет и выступает всепоглощающее влияние духовенства. Эти общие положения имеют большое значение в применении к данному случаю, и наши инородцы служат прекрасной иллюстрацией к ним.

Судьба ставила эти народности в положение между двух огней и заставляла вести усиленную и долгую борьбу в течение столетий против натисков со всех сторон: таковы были условия местности. Результаты борьбы сказались сами собой, и руководителями сделалось духовенство. Принцип запрета и отчуждения от всякого новшества стал законом. Мусульманское духовенство строго проводило этот принцип, и всякая попытка к сближению и заимствованию устранялась указанием на строгие предписания Корана и грозящую ответственность за нарушение их. Каждый шаг верующего предусмотрен, и вся жизнь его пронизывается священными изречениями, составляющими для него руководство во всех случаях. Требовалось только безропотное исполнение и послушание.

Совершенно непонятно, как народ, одаренный от природы богатыми способностями, живостью ума, сильным и пылким темпераментом, мог на протяжении* сотен лет оставаться неподвижным в своем развитии и пребывать как бы в спячке, чуждаясь всякого усвоения полезного ему. Но, если вспомним о том влиянии, какое в мусульманском мире имеет духовенство, то станет понятно, что это влияние запрета, которым изгоняется всякая личная инициатива, и обусловило указанный результат, отравляя всякую попытку к сближению и просвещению, помимо Корана и руководства муллы.

Духовенство стало между народом и просвещением и угасило стремление к нему. Маска просвещения имеется, и в каждом ауле существует школа при мечети, но преподавание ограничивается изучением Корана под руководством косного и невежественного муллы. Коран, как известно, написан на арабском языке, и, казалось бы, что изучение его ведет в то же время и к знанию богатого арабского языка, а с ним и к знакомству с арабскою письменностью и богатой литературой. Но на самом деле обучение это не дает никакого знания арабского языка, которого и сам учитель не знает, и все ограничивается заучиванием некоторых стихов из Корана наизусть и уменьем прочитать их. Помимо этих стихов, ни ученик, ни сам учитель не могут прочитать других мест Корана. Мулла, умеющий читать Коран, то есть владеющий арабским языком, составляет редкое исключение, и при этом для него совершенно чужды красоты языка, его тонкости, и изучение других арабских сочинений для него недоступно. Выделенные положения законодательного характера, как о вакуфах и др. (завещания и раздел наследства), как руководство при судебных разбирательствах, прочитываются более знающими, которыми являются кадии (судьи), но для всех остальных верующих они остаются книгой за семью печатями. Другой литературы и печатных произведений нет в обиходе мусульманина-туркмена.

Невежественные сами по себе и слепые пред книгой научного содержания на арабском языке, муллы не проявляют никакого интереса к знакомству с арабской письменностью и в таком же индифферентизме воспитывают отданную в их распоряжение молодежь. Понятно, что при таком влиянии и системе обучения получается общая косность, создающая застой в мусульманском мире, а тем более среди удаленных от общего центра народностей, заброшенных в степи Кавказа.

И вот проходят сотни лет, и народ остается в первобытном состоянии во всех отношениях, несмотря на то, что отдельные лица одарены большими способностями и яркими особенностями своего ума. Сила запрета и влияния духовенства так велика, что отдельные лица не могли выбиться из этого заколдованного муравейника и не достигали не только высшего, но и среднего общерусского образования, за весьма редкими исключениями, так было велико закрепление в народе отчуждения от всего чужого. Масса даже враждебно смотрит на просвещение, помимо своей школы и руководства муллы.

* В тексте ошибочно — «пространстве».

Духовенство не только не способствовало просвещению народа и не вносило прогрессивного влияния, но закрывало глаза и на вредные обычаи в жизни народа и даже поощряло их в своих интересах. Положительно известно, что одной из главных причин вымирания туркмен являются ранние браки, при которых девочка в 11—12 лет делается уже матерью. Мулла закрепляет такой возмутительный брачный союз, уступая сладострастию мужчин и понимая, конечно, весь вред как для матери ребенка, так и для рожденного ею поколения. Такие сластолюбцы не скупы на вознаграждения и, имея средства, берут к себе такую жену-ребенка, имея еще старую жену, которая одряхлела именно вследствие тех женских болезней, которые причинило ей это раннее сожительство и половое общение.

Всего ужаснее то, что русские власти выступали с запрещениями таких браков и с распоряжениями держаться общей возрастной нормы при браках, основываясь на том, что в нашем климате не может быть такого раннего полового созревания женщины. Благодетельная мера эта успеха не имела единственно потому, что покровителями этого сластолюбия являлись муллы, определяя возраст по усмотрению и принимая вымышленные показания заинтересованных сторон о времени рождения брачующихся.

При том положении женщины, в каком она фактически находится, семья невесты охотно идет навстречу такому сватовству, получая калым от жениха (выкуп) и употребляя его на свои нужды. Бедность многих толкает на это. Сторонники этого возмутительного сожительства оправдывают его тем, что женщин в народе мало и превышение числа мужчин создает это требование. Но такое оправдание не выдерживает критики, тем более что этим обычаем и губится женщина. Смертность среди женщин и рождаемых детей велика. Но даже и констатируя факт меньшего числа женщин среди туркмен, нельзя поправлять эту беду вредным обычаем, ведущим именно к этому уменьшению.

Таким образом, духовенство сильно повинно в вымирании народа. А борьба с этим злом парализовалась также духовенством, так как по мусульманскому закону нельзя считать население, и метрических книг и посемейных списков не существует. Даже за последнее время, когда, наконец, были заведены метрические записи, они были в руках духовенства, и показания их далеко не соответствовали действительности.

В довершение беспомощного положения женщин духовенство поощряет убеждение массы, что женщина не должна лечиться у врача-мужчины, и женщина не может получить необходимой помощи. Тяжелые обычаи при родах, отсутствие акушерок и опытных повитух-бабок создавали благоприятные условия для развития болезней и смертности.

Нельзя не поставить в вину духовенству, что в этой необходимой области помощи народу — необходимости врачевания — духовенство не пошло навстречу ограждения народа и не способствовало искоренению вредного воззрения на врачевание женщины. Оно не только не способствовало образованию молодежи и поступлению ее в высшие учебные заведения для изучения медицины, в чем могли бы принять участие женщины-туркменки, но даже всегда было враждебно подобному направлению.

Это внутренняя причина застоя народа имела особенно большое значение и, безусловно, создало такое положение его. О второй причине скажем в следующий раз.

III. Êàê òóðêìåíû ïîïàëè â Ðîññèþ

Оставшись руководителем народа после долгой и упорной борьбы, духовенство, как высшее и привилегированное сословие, оказалось не на высоте своего призвания и не повело народ к знанию и прогрессу. А между тем народ таил в себе большие душевные силы и способен был откликнуться на призыв и бодро идти за руководителем. Мы смело это утверждаем вопреки общему мнению, основанному на плохом знании жизни, быта и истории народа.

Народ этот не был одряхлевшим, живыми силами он не оскудел, и порывы обновления не были чужды ему. Лучшим и верным доказательством служит переселение туркмен из Закаспийских степей и с полуострова Мангышлака в пределы России, в наши прикаспийские и прикумские степи. Факт такого переселения, при условии всех трудностей перехода, является великим актом народной воли.

Нет надобности долго раздумывать над этим грандиозным событием, чтобы понять, сколько труда, энергии и уменья требовалось вложить в это дело тем, кто являлся организатором и выполнителем этого плана. Понятно, сколько надо было затратить труда на подготовительную работу, объединяющую все племя, добиться общего соглашения, провести общий сговор и не отступить от трудностей исполнения в решительную минуту.

Да, это трудное дело, требующее недюжинных сил и способностей от лиц, стоящих впереди и во главе движения. А если принять во внимание, что туркмены жили родами, надо было передвинуть три рода, а именно: игдыров, суюн-аджиев и човдуров, которые и перешли, — то станут понятны те усилия, какие выпадали на долю выполнителей задуманного* огромного предприятия. Но к этому

* В тексте ошибочно — «задушенного».

надо прибавить, что вся подготовка и самое передвижение шло под напором соседей-врагов и среди внутренних раздоров между родами, которые обострялись еще и самим фактом ухода в чужие края.

Жизнь благодаря этим условиям становилась невозможной на старых местах, и вот лучшие люди народа берут на себя почин спасти своих сородичей, охранить от истребления, передвинуть их в такие места, где бы им не угрожала опасность быть вырезанными в одну ночь или попасть в плен, в вечное рабство. К крайнему огорчению, история и предания не сохранили нам имен этих борцов за благополучие народа, а потомство должно было [бы] чтить их память в назидание подрастающим поколениям.

Выбор туркмен был сделан весьма удачно, и прием был оказан народу радушный, какого, конечно, ни Персия, ни Турция оказать не могли. Переселенцам были предоставлены широкие права и льготы. Земельный простор, степное раздолье напоминали прежние, старые места, с той разницей, что никто, кроме случайного разбойника, не дал широкому степному хозяйству, огромным стадам и табунам степняка-скотовода.

Жизнь потекла широко и мирно, и только калмык, обиженный вторжением в его широкие земельные угодья, оспаривал пастбища, занятые туркменами-пришельцами, но это было дело домашнее — общее желание большого простора — и власти охраняли от междуусобия и восстановляли порядок. Ни плена, ни резни не стало, а старики помнили жестокие наезды киргизов, текинцев и хивинцев да рассказы ослепленных ясырей[4] о былом прошлом, о рабской работе в плену.

«Киргиз ловил ясыря,
Цепь на шею надевал,
Пятки ему надрезывал,
Рубленой щетины
В рану посыпал,
Чтобы ясырь не бежал».

И коротал жизнь пленник в тяжелой работе, ожидая, когда родные вспомнят о нем и привезут выкуп. И проходили года, пока наставал день освобождения. Такой же участи подвергались и русские, попавшие в плен до покорения Хивы и Бухары.

Переселение совершено было лучшими людьми народа, но и духовенством, которое при том всегда было сторонником турецкой партии. Мы далеки от мысли, что между духовенством не было лиц благожелательных народу, но мы говорим не об отдельных случаях, а выясняем общее положение и факт отсутствия заботливости о приобщении народа к общей культуре.

IV

Переход на кавказские степи был счастливым днем для народа. Приняв их под свое покровительство, русское правительство поставило условием, чтобы туркмены несли кордонную службу по границе государства и отбывали подводную повинность по доставке для кавказской армии провианта и прочее. Эти требования не были непосильными при тех льготах и земельном просторе, которые им были предоставлены, тем более что первое время и эти требования не были строго выполняемы ввиду данной льготы, а достаточное количество скота не ставило в затруднение при назначении подвод. Что касается безопасности, то транспорт всегда сопровождался военными командами. Размеры земли, предоставляемой в пользование туркмен[ам], были так велики, что кочевки никоим образом не стеснялись.

Особенно условия местности, заключавшиеся в том, что можно было иметь круглый год подножный корм для скота, давали огромное преимущество хозяйству туркмен, а это обусловливалось тем, что по реке Куме среди больших зарослей камыша имелись так называемые «теплые места», где всю зиму была свежая трава, и скот свободно мог пастись там. А большие леса, росшие по реке Куме, впоследствии вырубленные, также доставляли хорошее убежище для скотовода с его стадами. На лето туркмены со своими стадами передвигались севернее и располагались на степных пастбищах на всем пространстве до реки Маныча.

Ясно, что при таких условиях разведение скота, верблюдов и лошадей могло быть ведено в огромных размерах. И действительно, стада росли с каждым годом, а полная безопасность, при которой охрана сводилась к надзору одного табунщика или пастуха стад при большом их количестве, освобождала хозяина от излишних забот и избавляла от потерь.

И вот вырастают владельцы сказочного количества скота и прочих животных, и создаются богачи, не знавшие и счета своему добру. Примером может служить следующий факт. Уже значительно позже, когда степь заселилась, русские села охватили часть калмыцкого улуса и русские крестьяне врезались хуторами в туркменские владения, в восьмидесятых годах прошлого столетия крестьянин села Рагули Лизь на вопрос, сколько у него скота, отвечал:

— Да малый считав быков, насчитав их 3 тысячи, тай бросив, хай им бис.
— А больше осталось, чем насчитал?
— Та мабудь бильше: краю гурта не видать.

И это помимо десятка тысяч овец, лошадей, верблюдов. Если можно было создавать такое колоссальное хозяйство в это время, уже близкое к нам, то что можно сказать о том времени, когда еще не было соперничества русских крестьян, разделивших пустые пространства Северного Кавказа между хуторами, зимовниками[5] и селами.

И действительно, вырастали легендарные богачи туркмены, как Эшей Нурмухамет и другие. Необозримые стада их и громадные табуны прекрасной степной породы лошадей привлекали общее внимание. Колоссальное богатство создавало и громадное влияние старику Эшею среди его народа и, в свою очередь, вливало в его сокровищницу новые богатства. Эшей играл роль короля среди своего народа, и слово его было закон. Умный от природы, Эшей оставался все-таки без всякого образования, был невежествен в общем смысле слова и счастье свое видел в накоплении богатств, оставаясь все-таки под влиянием духовенства и вполне разделяя взгляды этих руководителей.

Что касается общего благосостояния народа, то резкой разницы между членами того или другого рода не было. Были, конечно, багуйши — бедняки, не имевшие ничего, кроме дырявой кибитки, но их было мало, и они шли в работу к зажиточным хозяевам.

Но с течением времени все больше и больше выделялись фамилии, благодаря удаче скоплявшие имущество, и выдвигались на первое место. И скоро обозначился класс зажиточных, для которых остальные сородичи служили рабочей силой и создавали для них дальнейшее обогащение. И можно было разделить на очень зажиточных, среднего состояния и бедняков. Сословного различия резко не обозначалось среди народа, но несколько фамилий, и в числе их и Эшей, смотрели на себя как на привилегированных и считали за собою какие-то права, но от кого они были им даны, указаний нет.

Создавалось их положение как высшего сословия еще и тем, что они имели холопей-рабов, и этим, конечно, усугублялось их значение, влияние и зажиточность. Но, по существу, это рабовладельчество не означало их прав, так как холопей можно было купить, и на них существовала установленная цена. Холопи были как из чужеродцев, так [и] из своих сородичей, впавших в беду.

Таким образом, общественный строй туркменского народа на Северном Кавказе представлял тип общего характера устройства общества того времени с тою разницею, что рабовладельчество не обусловливалось владением земель и никакого отношения к этому праву не имело. Да само предоставление русским правительством земли для жительства народа не имело характера пожалования в собственность, а только в пользование для жительства.

Ведя кочевой образ жизни, туркмены не озабочивались вопросом о праве на землю, а все свое внимание сосредотачивали на разведении стад, и владение холопями составляло личную собственность — движимое имущество, вещь, скотина и т.п., которое владелец мог во всякое время продать и отчуждать всякими другими способами. Тяжесть этого положения увеличивалась еще и тем, что владелец имел над холопем право жизни и смерти, хотя по самому институту этого владения холоп был гарантирован от такого произвола, — он мог быть выкуплен, но фактически это господство над личностью заходило дальше юридических норм. Тем более этот произвол был возможен, что суд первой инстанции и расследование первоначальное находилось в руках судей, судивших по шариату[6].

Такое рабовладельчество продолжалось до 1861 года, и надо к чести народа сказать, что при освобождении крестьян туркмены добровольно освободили своих холопей без всякого принуждения после объявления манифеста и даже официально без выкупа, хотя, может быть, фактически и было какое-либо соглашение этого характера.

По положению об управлении туркменским народом, выработанному русскими властями, полагался голова и выборные от народа, а затем сход — народное собрание, собиравшееся для обсуждения бюджета и для выборов раз в год. Естественно, что при таком условии вся власть сосредотачивалась в руках головы, распоряжения которого санкционировали выборные, тем более, что сношение с русскими властями шло именно через это административное лицо. Влияние головы было громадное, и рядом с ним вырастал казначей. Эти два лица составляли всю силу управления и имели возможность обогащаться «безгрешными» доходами, составляя себе крупное состояние. Фактически душой правления являлся казначей, который заведовал и сдачей свободных земель в аренду и под выпас.

Земля делилась на аульную, родовую, которая была предоставлена по <?>* десятин на душу туркменам поселившимся, и кочевую, предназначавшуюся для кочевания всех остальных. Наделение это произошло в 60-х годах, когда начало обозначаться желание перейти к постоянному жительству. При этом ставилось условие, чтобы поселившиеся правильно обрабатывали землю под хлебопашество, чтобы разводили сады и рощи и устраивали хозяйственные усадьбы. Но эти условия не были выполнены, и поселение было только номинальное, а в действительности положение

* Число десятин не выяснено (*ред.*)

оставалось прежнее. Получив землю, туркмены сдавали ее русским, а сами получали $^1/_3$ или $^1/_4$ урожая. На поселение выражала согласие главным образом голытьба, рассчитывая кормиться при посредстве русских, [а] вся зажиточная часть держалась кочеванья.

Старание власти создать поселения при полном нежелании народа повело к тому, что началась и широко охватила народ эксплуатация со стороны русских крестьян, которые набирали по несколько душевых наделов. При этом сделки эти совершались за бесценок. Обыкновенно давалась туркмену плитка калмыцкого чаю, стоившая в то время 1 руб. 50 коп. — 2 руб., и получали 8 и 10 десятин распашной земли. Крестьяне ближайших к поселению туркмен сел делали огромные запашки на туркменских степях и содержали свои стада. Довольствуясь, главным образом, чаем, туркмен кое-как перебивался летом, а на зиму шел на всякие условия сдачи земли, лишь бы получить то же пропитание до весны.

Конечно, почин поселения должен был исходить от зажиточной части народа, но для нее выгодно было иметь всю эту бедноту как рабочую силу для своих огромных стад. А затем они, по примеру русских, тоже стали собирать душевую землю «поселившихся» и перепродавали ее русским, платя первоначальному владельцу гроши тем же чаем или мукой, получая всю огромную долю выгоды для себя, и в то же время запасались значительным количеством муки и зерна от русских арендаторов, не прилагая труда для обработки земли. Выгодность этой операции хорошо была понята этой частью народа, и они и не думали поощрять бедноту к действительному поселению, живя на их счет припеваючи.

Вообще необходимо отметить, что эксплуатация своих же сородичей в баснословных размерах была распространена среди туркмен и не считалась грехом. Туркмен, имевший деньги, открывал лавочку, набирал разного низкопробного товара, и вдали от русских сел устанавливал цены по своему усмотрению. Как пример недобросовестности можно указать, что были случаи, что одна баранка (бублик) продавалась по 3 рубля за штуку, а эти баранки очень любят все инородцы. Все это, конечно, не было секретом для местного народного управления и духовенства, но сор из избы, что называется, не выносили, и богатство одних вырастало за счет байгушества остальных. Только тем, что создавшееся положение было выгодно для известной части народа, и можно объяснить безнаказанность всех этих проделок, в которых были повинны и сами власти. Народ беднел.

А чтобы скрыть факт пользования землей в излишнем количестве против того, какое заявило желание поселиться, совершалась новая проделка, также доставлявшая выгоды и властям и богатеям. Слух о большом количестве земли в пользовании у туркмен проник за пределы Кавказа, и вот казанские татары, прикрываясь знанием языка, который понимали туркмены, стали поселяться в пределах владения туркмен и заявляли желание поселяться. Так как самих туркмен не хватало для полного числа душ, какое должно быть в ауле по количеству нарезанной земли, то туркмены выдавали пришельцев за своих родственников, «приписывая к своей семье», и им русские власти разрешали быть поселенными. Так возникли аулы Малый Барханчик, Большой Барханчик и другие. Конечно, весь этот прием сопровождался вознаграждением и оплатой молчания как для властей (головы, выборных, казначея), так и влиятельных лиц среди народа (кадиев, эфенди и другие).

Русское начальство сначала не могло разобраться в этом вопросе по незнанию туркменского языка, а потом также стало снисходительно смотреть на этих «родственников», основываясь на утверждении представителей народа. Да, кроме того, была тенденция образовать поселенные аулы. Собственно говоря, указание некоторых лиц на то, что аулы Чур, Маштак, Кулак, Куликовы Копани, Большой и Малый Барханчак, Кучерли, Шарахалсун и Озек-Суат образовались еще в 1862 г., основывается на умолчании, что эти поселения образовались фиктивно туркменами, а в действительности были казанские татары и другой сброд. Туркмены, изъявившие желание поселиться, приходили и расходились, делаясь кочевыми.

И только в 1892 году благодаря решительности главного пристава Каневского стали закрепляться эти поселения, и составлена была карта поселенных аулов, и это тянулось до 1905 г., да и теперь еще многие продолжают держаться старого. И только дороговизна кибитки и неимение средств приобрести ее заставляла переходить на жительство в дома, на постройку которых и на обзаведение [хозяйством] выдавалось пособие.

Таким образом, возникшее желание поселиться в 60-х годах задержано было на тридцать лет ради корысти зажиточной части населения. Это обстоятельство служило причиной задержки развития народа и перехода его к более высшей культуре.

Рядом с этим шла проделка* и с остальной землей. Количество земли, оставленной для кочеванья, не было точно определено, и в положении 1827 года предоставлялось усмотрению высшего правительства определить в соответствии с обнаруживающеюся потребностью в кочевании. Комиссия, назначенная для размежевания земель Кавказской области[7], также не пришла ни к какому заключению, и земля осталась в пользовании народа.

---

* Так в тексте.

Фактическим распределителем этой земли был казначей управления, и здесь был полный произвол как в отношении отдачи земли, так и в пользовании вырученными деньгами. Вырученные деньги должны были идти на выдачу пособия на обзаведение и на нужды беднейших, но они расходились по рукам, не достигая своего прямого назначения. Сдача происходила на глаз, без измерения, от бугра до бугра, и плата зависела от магарыча, который ставил арендатор. Когда встречались какие-либо жалобы, то составлялся приговор, но все покрывалось вмешательством головы и казначея. Казначей был много лет бессменным и вел дело без всякого контроля. Если в условии о сдаче земли показывалось 3 тысячи десятин, то в действительности в участке было 8 тысяч, и т.д. Власти пробовали контролировать действия казначея, но при отсутствии общего измерения земли и выяснения пригодности тех или других участков для известных хозяйственных целей не было возможности упорядочить дело.

Установленный положением магометанский капитал образован был даже при таких порядках и разбирался направо и налево, и даже арендатор минеральных вод Байков получил из него заимообразно значительные суммы, бралось из него и на постройку православной церкви, но за всем этим казначей был на высоте своего призвания и не был бедняком.

Но появляется вопрос: кто же среди народа мог остановить это расхищение народного достояния и эксплуатацию бедняков, которые, чтобы получить плитку чая, довольствовались теми подачками грошового пособия, какое перепадало им от «сильных» своего народа. Очевидно, таких лиц не находилось.

В 1892 г., с назначением главного пристава Каневского, дело круто изменяется. Все участки измеряются через землемеров инородческого управления, составляются ими планы, определяются пахотные и сенокосные земли и для пастбища. Вводится отдача земли с публичных торгов, и казначей от этого дела отстраняется. Вся эта земля получает название свободной туркменской земли, и вырученные от сдачи ее деньги поступают в инородческое управление и идут на составление магометанского капитала. Арендные цены значительно повышаются. На каждый участок заключается с арендатором условие, в котором точно определяется количество распашки и штраф за перепашку.

В короткое время образуется капитал до 2 миллионов рублей. Дело упорядочилось как в отношении сдачи земли, так и в самом управлении, и казначей и голова потеряли значение, какое они имели. Центр управления перешел в инородческое управление, куда и направлялись все общественные приговоры на утверждение. На собранные общественные деньги были возведены постройки на Зимней и Летней Ставке, выстроены школа, божница. Пособия беднейшим хотя и выдавались с большою осторожностью, но все-таки доходили по назначению. На расходование капитала свыше 3 тысяч рублей испрашивалось разрешение министерства.

Словом, коренным образом было преобразовано земельное хозяйство. Рядом с этим и пользование надельной землей взято было под контроль, и вся земля, оставшаяся свыше действительной нормы душ, была отрезана и также сдавалась в аренду, а от «поселившихся» стали требовать действительного проживания. Хотя и эти лица по-прежнему сдавали свои наделы русским крестьянам, но уже на более выгодных условиях, и частью оставляли для собственной обработки. Волей-неволей оставленные на жительство начали запахивать [землю] личными силами и собирали кое-какой урожай, что было громаднейшим шагом вперед. Богатеи в это время уже имели большие участки под пашней, и были обеспечены хлебом и даже начали продавать, на ссыпке появился и туркменский хлеб, то есть собственной обработки. Этот период и надо считать переходом к земледельческому хозяйству.

Оставалось среди этого упорядочения земельного дела «темное» место — это отдача земли под выпас скота крестьянам и большим хозяйствам тавричан по квитанциям. Книга квитанционная находилась у туркменского пристава, и он заведовал раздачей. Тут при больших расстояниях и удаленности от города трудно [было] уследить за правильностью отдачи и размежевания земель, бывших у того или другого хозяина в пользовании, а также и сроком, на который разрешался выпас. Здесь велось дело не без греха, и было открыто поле для личной наживы. При этом деле выплыл снова казначей, и не раз даже были случаи пользования старыми квитанциями из прежних книг.

V

Живя в кибитке, туркмен не имел той обстановки своего жилья, какая обыкновенно у нас предполагается: мебель и прочее. Но зато кровати отдавалось все внимание: постель у всех инородцев составляет первую заботу жительства. С одной стороны, туркмен, несмотря на степной суровый образ жизни, любит удобство, теплую и мягкую постель, а с другой стороны, необходимость теплой постели вызывается и климатическими условиями: суровыми зимами, сильными ветрами, снежными буранами и отсутствием в кибитке печей, и поддерживается только небольшой огонь на очаге.

Точно так же и в пище туркмен при достатке себе не отказывает: ест вдоволь, вкусно и обильно, что также обусловливается климатом. Пища инородцев одинакова у всех: мясо, сало, молоко в разных видах с достаточным количеством араки (водки, выделываемой ими из молока).

В одежде туркмен всегда был обеспечен с излишком. У него было несколько овчинных шуб, полушубков, волчьих тулупов, лисьих шуб, из [которых] особенно хороши и теплы шубы [из] красных лисиц. Рубахи и прочий мануфактурный товар он покупал, не стесняясь в цене. Шубы праздничные и для торжественного выезда в город покрывались прекрасной шелковой материей. Расшитые позументом[8], шелком, золотом и серебром «тюбетейки» (ермолки[9], надеваемые под теплые шапки и для согревания бритой головы вообще) и теплые курпейчатые шапки[10] с суконным верхом составляют у зажиточных [туркмен] почти целую коллекцию, представляющую большой интерес и значительную ценность.

Но если туркмен так заботится о себе, то в отношении женщины он особенно щедр. Туркмен любит женщин, он сластолюбив, и, несмотря на то, что имеет две-три жены, он одевает их с роскошью. Все нижнее одеяние их, начиная с рубашки, шелковое. Бешмет[11] украшается серебряными массивными застежками. Серебряные тяжелые пояса, серьги, подвески и украшения на головных уборах и расшитые сафьяновые цветные сапожки дополняют наряд женщины. Но кроме этого, верхний халат делается из дорогой парчовой материи. Таких костюмов бывает по несколько при соответственном количестве хороших дорогих шуб и прочего зимнего одеяния.

Женщина-жена оплачивает заботу мужа своей работой по изготовлению всего нижнего и верхнего платья и обуви как для себя, так [и] для господина-мужа. Украшая женщину, туркмен все-таки считает ее своей рабой и поучает внушительной плетью. Среди туркмен за прежнее время не было случаев прелюбодеяния замужних, но за последние десять лет случаи эти были обнаружены, хотя при расследовании утверждали, что это были изнасилования (?). Скот и овцы — богатство туркмена и основа его благосостояния — и позволяют ему делать свободно все эти большие затраты и вести многоженство.

К чести туркмен надо сказать, что, несмотря на собственную страсть, он всегда трезвый, пьет умеренно, в то же время калмык пьет до бесчувствия и предается пьянству. Туркмен любит золото, собирает старинные золотые монеты, украшает ими своих жен и дочерей и приобретает в большом количестве, как и серебряные рубли. Богачи имели целые меры (торговые) золотых монет, полуимпериалов[12] — по две и по три меры.

Туркмен любит пышность и свой выезд обставляет красиво и богато: уздечка с принадлежностями его лошади отделаны серебром, сопровождают его два-три и целый десяток конников, [причем] не одних холопей, а и сводных сородичей, зависимых от него. При остановках они снимают его с седла, расстилают кошму, чинно стоят позади [него] при совершении молитв — намаза, подают кумган[13] с водой, стоят, не смеют сесть на землю без разрешения, когда мурза[14] пьет чай или обедает. Мурза необглоданную косточку, а иногда и кусок мясца бросает через свое плечо, и стоящие сзади подхватывают. Эта «стража» приготовляет в путь лошадь, усаживает мурзу на лошадь, и снова продолжают путь в том [же] порядке. Туркмен не любит быстрой езды, это считается неприличным для такой особы, и всегда лошадь его идет легкой рысью (тюпает), хотя довольно непокойным аллюром.

VI

В вопросе о переходе на постоянное жительство туркмен, как и других инородцев, надо иметь еще в виду и следующее обстоятельство, имевшее большое значение. Дело в том, что, решив поселить туркмен, выработан был тип обыкновенного крестьянского дома, довольно просторного, с русской крестьянской печкой. И в этот дом ввели инородца, умевшего хорошо справляться с очагом посередине его кибитки, но не знавшего достоинств и недостатков русской печки. Привычка не запасаться топливом, а собирать для топлива помет по степи и скидывать его в кучи на зиму, не прибегая к древесным запасам, эта привычка при русской печи вела к тому, что печь не растапливалась. В кибитке хоть маленький огонек в очаге обогревал сидящих вокруг него, а в холодной хате хуже, чем на дворе. Это вело к простуде и смертности, так как у некоторых печь не топилась по целым неделям.

С другой стороны, вытопленная печь требовала, чтобы ее вовремя закрывали, не оставляя там неперегоревших частей топлива. На это нужен опыт. А у бабы-туркменки его не было. И сплошь да рядом, желая сохранить тепло, хозяин-туркмен закрывал трубу с угаром, и спавшие в хате на печи умирали от угара и[ли] в лучшем случае просыпались со страшной болью головы. В случаях такого рокового события туркмен и калмык с ужасом выбегал на двор и кричал, что шайтан задушил жену, ребенка и тому подобное, умерших от угара. И являлась уверенность, что в русской хате живет шайтан, который и душит кочевников. Конечно, терпела в этих случаях беднота, а люди богатые имели возможность освоиться с русской печью, если жили в домах, то были осмотрительны в закрывании труб, пользуясь указаниями русских.

Или бывало наоборот — туркмен из боязни или по забывчивости не закрывал трубу, и тогда вся теплота уходила, холод в хате был страшный, и они мерзли, хотя печь и топилась. А в трубу гудел и свистел ветер, нагоняя страх на живущих в хате. «Шайтан кричал всю ночь. Кричал, вы-

гонял нас», — говорили напуганные обитатели. В действительности это обстоятельство имело более глубокое значение, чем это может казаться, и являлось большим тормозом. Конечно, для показной стороны дела такие дома были хороши, но требовалось своего рода обучение кочевников пользоваться удобствами такого жительства.

Таковы были внутренние причины, препятствовавшие переходу от кочевого быта к оседлому.

VII

Что касается внешних причин, то они лежали в самом управлении. Конечно, в первое время по приходе народа не могло быть и речи об оседлости, так как и сам край не был еще заселен русскими. И до XIX века этот вопрос не поднимался. Считалось совершенно естественным пребывание номадов[15] в государстве, тем более что и другие инородцы были на той же ступени развития.

Но с заселением края, когда прилив из внутренних губерний дошел до громадных размеров и безземельный люд нуждался в земле, тогда земли, находившиеся в громадных размерах у инородцев, обратили на себя внимание. И тут начинается борьба: одни указывают на необходимость отрезать землю у инородцев и поселить русских, а другие находят необходимым оставить их в прежнем положении, ссылаясь на потребность в скотоводстве.

Эта отрасль хозяйства должна быть поощряема в государственных интересах, в особенности разведение лошадей для ремонта кавалерии. Такие соображения настолько были убедительны, что в правительственных сферах такое течение явилось преобладающим, и потому, когда возникло ходатайство с мест, то оно взяло перевес над другим мнением, говорившем о нужде в земле для переселения из России вследствие малоземелья во внутренних губерниях.

Как ни остро стоял этот, последний вопрос, а число иногородних росло на Кавказе, не имея земли для поселения, тем не менее, скотоводческая тенденция возобладала, и ходатайства с мест встретили полное сочувствие. Местные ставропольские власти обращенные к ним ходатайства представителей народа направляли в центральные учреждения, сопровождая объяснениями и даже, по требованию министерства, цифровыми данными, подкреплявшими указания на солидные размеры скотоводства и коневодства инородцев. Со стороны народа шло усиленное ходатайство, об оставлении их в прежнем положении, боясь, что земля у них будет отрезана и таким образом они будут лишены той доходности, которую она им доставляла. Нет сомнения, что наиболее заинтересованною частью населения в этом вопросе являлись зажиточные люди — богатеи и те, в руках которых было распоряжение инородческим земельным фондом. Вследствие этого направляли усиленные ходатайства через представителей в инородческое управление, где эти ходатайства встречали поддержку и для большей убедительности устраивались целые посольства от народа в Петроград*. Там эти ходатаи в своих национальных костюмах производили известное впечатление, а данные им наставления на месте от главного пристава доставляли доступ к тем лицам, кои имели влияние и могли оказать содействие.

Само собой понятно, что страх потерять землю, допустить к себе русских заставлял не скупиться, и эти ходатайства являлись серьезным источником воспособления всей местной инородческой администрации. Посольство в Петрограде встречало сочувствие, и ехавшие туда депутаты не с пустыми руками возвращались с торжеством, успешно выполнив поручение народа. Такие поездки повторялись от времени до времени, и самый факт их снаряжения не был безразличным для инородческих чинов, так как от них зависело разрешение. Результат успешного ходатайства объявлялся торжественно в народном собрании и вызывал ликование по поводу достигнутого успеха в таком «трудном» вопросе, и, конечно, ходатаи, в числе которых были богатые и именитые лица, не были в убытке от своей поездки [...]

Êîìåíòàðèè

Работа была задумана как серия статей для газеты «Власть Советов». Состоит она из семи частей, из которых только одна, третья, имеет название. К ее написанию Г.Н. Прозрителев приступил, очевидно, в конце 1921 года. Первые три части были опубликованы в газете за 7, 11 и 30 декабря 1921 года. Самая первая из них имела такой комментарий: «Помещая статью известного старожила, историка Ставропольской губернии, редакция полагает ей (как и рядом других в ближайших номерах) обратить внимание на судьбу «гибнущего народа» — туркмен, задыхающихся в тисках костлявого голода». Текст третьей статьи набран самым мелким шрифтом, использовавшимся газетой, и помещен на последней странице. После этого публикация статей прекратилась, очевидно, по политическим соображениям.

* Так в тексте. Необходимо — в Петербург.

Как отмечалось в отчете Ставропольской этнолого-археологической комиссии за 1922—1923 годы, на газетные статьи обратили внимание в Москве, в Центральном бюро краеведения, которое в 1922 году командировало в Туркменский район Ставропольской губернии двух специалистов «для обследования и оказания помощи» (ГАСК, Ф. Р-1619, оп. 1, д. 3, л. 2 об).

Четвертая—седьмая части работы хранятся в рукописи в фондах Ставропольского государственного краеведческого музея (Ф. 2, оп. 1, д. 61, лл. 1—34). Они написаны на обратной стороне утративших значение документов Ставропольского губстаткомитета, канцелярии Ставропольского губернатора, Ставропольской ученой архивной комиссии за начало нашего столетия, в том числе и за 1914 год, из-за чего ранее рукопись ошибочно датировалась 1914 годом. Текст легко читается, за исключением пятой части, исписанной самим Прозрителевым. В рукописи имеются исправления, дополнения, правки автора. Судя по всему, работа осталась не законченной.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. Опресноки — пресный, неквашеный хлеб.
2. Работа Г.Н. Прозрителева «Военное прошлое наших калмык» была опубликована в третьем выпуске Трудов Ставропольской ученой архивной комиссии в 1912 году.
3. В рукописи имеется также отдельная запись на эту тему, сделанная рукой Прозрителева «Туркмены живут родами и на кавказские степи перешли из родов суюнков, игдыров, човдуров и суюн-аджиев. В 1914 году их было: 11323 м[ужского] п[ола], 8110 ж[енского] п[ола]. Всего 19433 [человека]. До перехода на кавказские степи туркмены кочевали за Каспием, в степях Мангышлака и ... [далее одно слово не прочитано], здесь их тревожили своими нападениями воинственные киргизы, угоняя скот, похищая женщин, захватывая табуны лошадей. И вот это было главною причиною их перехода в XVIII столетии, при Петре, на кавказские степи» (Ставропольский государственный краеведческий музей, ф. 2, оп. 1, д. 61, л. 34).
4. Ясырь — пленник, невольник.
5. Зимовники, зимовища — места зимовки инородцев.
6. Шариат — (арабск. «шариа» — «надлежащий путь») свод мусульманских правовых и теологических нормативов. Шариат часто называют мусульманским правом.
7. С 1810 года действовала Комиссия наделения землями кочующих в Кавказской области магометанских народов, на основе которой в сентябре 1853 г. была образована Межевая комиссия Кавказского линейного казачьего войска и магометанских народов. Документы этих комиссий хранятся в госархиве Ставропольского края (фонд 406).
8. Позумент — тесьма, обычно шитая золотом или серебром, галун.
9. Ермолка — маленькая мягкая круглая шапочка.
10. Курпейчатая шапка — шапка из овцы, ягненка.
11. Бешмет — стеганый полукафтан, короткая верхняя одежда.
12. Полуимпериал — золотая монета в 5 рублей, а после 1897 года — 7 рублей 50 копеек.
13. Кумган — кувшин, азиатский сосуд для умывания.
14. Мурза — здесь: богатый туркмен.
15. Номады — кочевники, кочевой народ.

Комментарии и примечания В.В. Белоконь

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Прозрителев Г.Н. Гибнущий народ. Туркмены и их судьба. // Власть Советов. — 1921. — 7, 11, 30 декабря.

Архив Ставропольского государственного краеведческого музея. Ф. 2, оп. 1, д. 61, лл. 1—34.

Â ÃÎÐÀÕ È ÓÙÅËÜßÕ ÁËÈÇ ÊÈÑËÎÂÎÄÑÊÀ

Îò èçäàòåëÿ

Настоящий предлагаемый нами здесь очерк «В горах и ущельях близ Кисловодска» есть результат личных наблюдений автора Г.Н. Прозрителева, посетившего Кисловодск еще в 1889 году.

Очерк этот, написанный тогда же, был напечатан в ставропольской газете «Северный Кавказ» и обратил на себя внимание читателей.

Несмотря на протекшие с тех пор 35 лет, очерк этот не утерял своего интереса и теперь, благодаря сообщаемым в нем подробностям и художественному описанию местности.

Газета «Северный Кавказ» в настоящее время не существует, и уцелевшие номера ее представляют библиографическую редкость, а потому и очерк этот недоступен читателям.

Ввиду этого мы, пользуясь разрешением автора, решили перепечатать статьи эти, помещенные тогда в газете, благодаря счастливой случайности, доставившей в наше распоряжение полный экземпляр этой газеты за 1889 год.

Предлагаемая книжка может служить путеводителем для приезжающих в Кисловодск и, несомненно, побудит многих по прочтении ее побывать в этих очаровательных окрестностях и с большим удовольствием провести там несколько часов.

Красиво рассказанная поэтическая легенда «Замок Коварства и Любви» придаст еще большее очарование этому прелестному уголку и возбудит больший интерес среди посетителей, стремящихся к нему.

В очерке, между прочим, сделаны указания на цены, существовавшие тогда и казавшиеся высокими, что невольно вызывает улыбку по сравнению с настоящими, а отсутствие приспособлений и удобств для туристов в местах, которые так манят к себе своей красотой, на что сетует автор, и теперь является больным местом Кисловодска, как и 35 лет тому назад.

Мы ничего не изменяли в самом тексте, так как настоящий очерк в даваемых подробностях описания является исторической справкой.

Дополняя наше издание помещаемым здесь историческим очерком Кисловодска, мы даем возможность ознакомиться с прошлым нашего знаменитого курорта, возникшего из маленького боевого укрепления, создатели которого и не думали, что закладывают первые камни для будущего всесветного лечебного пункта.

Книжка будет полезна и для гуляний и экскурсий учащихся, которые часто бывают в затруднении — куда направиться и с пользой провести свое свободное время.

Ïðîøëîå Êèñëîâîäñêà (êðàòêèå èñòîðè÷åñêèå ñâåäåíèÿ)

Кисловодск, помимо огромного значения своего богатырского источника, целебные свойства которого давно были известны, представлял важный пункт в военном отношении.

Через это ущелье шли аробные дороги к реке Подкумку и в долину Кумы и Кубани. Поэтому занятие этого возвышенного ущелья, имеющего огромное преимущество в топографическом отношении, диктовалось необходимостью для русских в борьбе за обладание Северным Кавказом: без него невозможно было удержать кабардинцев от набегов и предохранить возникавшие поселения Кавказской области.

В силу этого уже в 1805 году там существовало укрепление и расположен был полк. Под прикрытием крепости была поселена в 1825 году станица казаков, и этот пункт навсегда был закреплен за русскими, несмотря на все старания и домогательства кабардинцев уничтожить это укрепление.

Кабардинцы были очень встревожены занятием этого их урочища и в жалобах своих указывали на крайнюю стеснительность их в хозяйственном отношении присутствием военных команд, лишающих их свободного пользования крайне необходимыми для них пастбищами.

Из длинной переписки по этому поводу кабардинских князей с военными русскими властями видно, что выбор этого пункта как наблюдательного сделан был весьма удачно и с большим знанием местных условий, так как дорога, шедшая через Бермамыт и (нынешнюю) церковную площадь Кисловодска, была единственной для сообщения горских аулов, расположенных у подошвы Эльбруса, с населением Прикубанской низменности. При существовании этого военного пункта всякие нападения удалых наездников становились затруднительными.

Воинственный, храбрый, хорошо вооруженный кабардинец, не переносивший никаких стеснений извне, являлся серьезным противником для занятия той или другой местности и закрепления в ней оседлости. Поэтому заградительная, так сказать, линия была наиболее удобным средством для удержания их от нападений.

Русские власти, в ответ на просьбы кабардинцев об уничтожении укрепления, отвечали, что оно необходимо для охраны Кислых вод, на которые многие приезжают для лечения, почему оно и не может быть уничтожено. Что же касается стеснения пользования пастбищами со стороны военных команд, расположенных в крепости, то в ответах сообщалось, в устранение этого сделано распоряжение разграничить пастбища, указав черту, за которую команды не должны были проникать со своими лошадьми и скотом и производить сенокосы. Распоряжение это было выполнено на месте, но тем не менее нарушалось командами. Кроме того, в видах успокоения кабардинцев, было разрешено им брать соль из кавказских озер со строгим наказом, чтобы казаки не грабили их в пути.

Постепенно при крепости, под охранной ее, возникло местечко в 1826 году поселок, и в 1833 году образована была слобода и учреждено слободское управление, а в 1871 году была нарезана слобожанам земля.

Долго оставался Кисловодск на положении поселка, несмотря на свое крупное значение, и только, как известно, в недавнее время переименован в город.

Кисловодск возрастал…

Долго не могли успокоиться кабардинцы и примириться с отнятием у них богатырского источника и не прекращали свои *«шалости»*, хотя неоднократно уверяли, что и без крепости не будет опасности для приезжающих на Кислые воды.

Но, тем не менее, взаимные нападения продолжались и кровь лилась.

Памятником этой кровавой распри служат два кургана под Гут-горою в 1853 году.

Таким же памятником военного прошлого Кисловодска служат удержавшиеся до сих пор названия: Пикетная гора, Солдатская горка, «Рогатки».

На первой горе был сторожевой пункт, стояла вышка, состоявшая из 4 столбов в 10—12 аршинов вышины, на которых устраивалась крыша, а под ней настилался пол, огороженный перилами. Вниз вела приставная лестница, по которой и всходили на эту вышку. Здесь всегда находился казак, наблюдавший с высоты за появлением в окрестностях неприятеля. Внизу находились еще два казака с лошадьми для сообщения, когда наблюдавший казак замечал какую-либо опасность. Этот сторожевой пункт назывался *пикет.*

Пикет всегда находился в недалеком расстоянии от населенного пункта или другого сторожевого наблюдения, который назывался *пост*, где было уже 50 казаков, устраивалась землянка, огораживалась плетнем и небольшим валом.

В случае замеченной опасности и нападения казаки с поста скакали на помощь, принимая на себя, так сказать, первые удары неприятеля. Часто гибла эта сторожевая охрана, благодаря крайне пересеченной местности, где в балках свободно укрывались значительные силы неприятеля, выдвигавшего на вид небольшой отряд и заманивая налетавших казаков ближе к находившимся в засаде.

Лихие схватки эти всегда оканчивались большим уроном для поста, а иногда и полной гибелью его.

В случае замеченной опасности ночью на пикете вверху вышки зажигали имевшийся всегда наготове пук соломы, привязанный к высокому шесту.

Этот световой сигнал поднимал тревогу по всей линии охранных пунктов, начиналась пальба, в которой принимал участие и гарнизон крепости: было очевидно, что партия нападавших прорвалась и начала свои опустошения.

Солдатская горка входила в состав крепости, и здесь стояла пушка.

Рогатки — это заграждение на пути выезда на так называвшейся Николаевской улице, бывшая Экзекуционная.

По сохранившимся остаткам крепости можно установить размеры бывшего когда-то грозного и ненавистного для кабардинцев укрепления.

В крепости был расположен Георгиевский полк, который в 1860 году получил другое назначение и, уходя, взял из крепостной церкви свой архив. Крепостная церковь стояла близ того места, где ныне стоит собор.

Для истории Кисловодска большое значение имеет архив Слободского управления, где, при осмотре архива в 1916 году, были дела с 1854 года, а следовательно, в них должны быть сведения о событиях за время, когда, пред падением Западного Кавказа, особенно участились налеты кабардинцев в этих местах.

К сожалению, архив был не в должном порядке, но если он уцелел до настоящего времени, то было бы желательно заняться его разработкой. Архив этот тогда, при осмотре в 1916 году, помещался в отдельной комнате старого здания Слободского управления, дела были сложены на полках, хотя и без ярлыков, но года были отмечены на самых полках.

Много интересных сведений можно получить в этих делах, и думается, что найдутся любители и ценители старины и займутся разборкой этих дел.

Тяжело жилось поселенцам того времени: они были всегда настороже от нападения кабардинцев. По словам старожилов, помнивших старое, каждую ночь ждали налета неприятеля, и было распоряжение, чтобы жители в 4 часа вечера уже возвращались с поля, а выезжали бы из слободы не ранее 6 часов утра на работы.

При крепости существовало «било» — это чугунная доска, ударами в которую возвещалось время возвращения, и ворота крепости запирались. Кто опаздывал с возвращением, того секли розгами. На ночь выкатывали на улицу повозки с разными тяжестями, и они служили баррикадами на случай вторжения неприятеля. Женщины уходили в казармы, а остальные укрывались до утра там, где ныне Глазной источник.

Достопримечательным местом является для Кисловодска Крестовая гора, названная так потому, что там стоял крест, но кем поставлен и когда — сведений нет.

В парке сохранился дом, где жил Лермонтов.

Кисловодская станица образована по мысли Ермолова, и среди казаков еще есть старики, которые могут дать много подробностей как о военной, так и бытовой жизни того жуткого времени. Опросом этих ветеранов и желательно заняться, так как история этих пунктов еще не написана. Часть казаков в эту станицу была переведена из Ставропольской станицы, и старики из них вспомнят житье свое под Ставрополем, где была еще крепость и шла военная жизнь.

Эти, хотя и краткие, сведения, которые нам удалось собрать на месте, все же открывают нам то кровавое прошлое, которое пережил Кисловодск прежде, чем приобрел тот цветущий вид, который он имеет теперь.

Благоустройство Кисловодска как курорта созидалось постепенно и медленно. Не был он первоначально даже связан почтовым сообщением, с центральными пунктами Кавказа, где сосредотачивалась вся жизнь управления краем, как Георгиевск, а следовательно, и с остальной Россией. Только в 20-х годах прошлого столетия была учреждена почтовая станция по линии от Георгиевска.

И в лечебном отношении он также был беспомощен: только на лето командировался туда из Георгиевска один медицинский гезель с одним учеником и известным количеством медикаментов. После 1864 года, после падения Западного Кавказа, условия жизни изменились, дав возможность прилива жителей, и местечко стало обстраиваться.

Забылось тяжелое прошлое, и забыты имена тех, кто, созидая будущее благополучие Кисловодска, сложили свои головы среди этих гор и ущелий, которые теперь так очаровывают всех и манят к себе, обещая покой, отдых и исцеление в струях богатырского источника.

Â ãîðàõ è óùåëüÿõ áëèç Êèñëîâîäñêà

Áåðìàìûò

Поездкой на Бермамыт мы закончили осмотр окрестностей очаровательного Кисловодска.

Трудно найти другое место, где бы на таком небольшом пространстве было сосредоточено столько прелестных уголков, которые, сколько бы раз ни посетили вы их, все-таки не теряют своей прелести. К сожалению, несмотря на массу посетителей, все эти места удовольствия и развлечения для посещающих Кисловодск не имеют положительно никаких удобств и даже самого скромного приюта.

Благодаря 30-верстному расстоянию все желающие видеть с Бермамыта Эльбрус при восходе солнца должны выезжать ночью. При высоте 8500 футов в редких случаях Бермамыт встречает Вас гостеприимно, без туманов, дождя и неудержимых порывов ветра, что, при совершенно открытой его вершине, делает поистине ужасным положение путешественника. Никакой плед и даже бурка не спасут Вас от холода и пронизывающей сырости, раз Вы попали во время непогоды, а тут нет даже простого шалаша, где бы Вы могли укрыться хотя на некоторое время. Между тем о количестве путешественников можно судить уже по тому, что извозчик наш в течение 3-х месяцев — июнь, июль и август — был на Бермамыте 18 раз, а всех извозчиков в Кисловодске более ста, и все они успевают по несколько раз побывать там, зарабатывая каждый раз от 15 до 25 рублей.

Года два тому назад[1] кто-то вздумал построить на Бермамыте гостиницу, но почему-то не довел дело до конца, успев сложить только 4 стенки аршина 1 $^1/_2$ вышиною.

Хотя наша поездка была одной из самых удачных, так как не было ни дождя, ни тумана, но холод в течение всей ночи и, главным образом, пред восходом солнца, до такой степени донимал нас, что мы, как мухи осенью, лепились за этими ничтожными стеночками, которые, за отсутствием цемента, скорей представляли из себя ажурную работу, нежели защиту от ветра. Больше всего, конечно, страдают в этих поездках дамы, которые, по обыкновению, не хотят верить, что им, после летней температуры Кисловодска, придется провести ночь при 10—15° мороза (в конце августа) на открытом воздухе. Спасибо, умудренные опытом извозчики берут с собой самовары и тем дают возможностъ хотя немного отогреться несчастным туристам. Стакан чаю на такой высоте, да еще когда Вы дрожите, как осиновый лист, руки у Вас стоят граблями, а теплое пальто и бурка кажутся легкой летней парой, — составляет такое наслаждение, что Вы преисполняетесь благодарностью к извозчику, доставившему Вам это удовольствие, хотя последний за этот чаек (чай, сахар Ваш) не применет взять с Вас (с каждого из четырех пассажиров) 40—50 копеек. Надо удивляться непредприимчивости местных жителей — слобожан, не желающих завести тут хоть небольшую кочевку. Некоторые, впрочем, уверяют, что никто из русских ничего подобного сделать не может, так как самая земля

принадлежит горцам и они разорят всякое русское поселение здесь. Но если это верно, то администрации Вод в интересах лечащихся следовало бы войти с кем следует в соглашение, чтобы из аула кабардинцев, расположенного тут же поблизости в ущелье, поселился кто-либо на три-четыре летних месяца и устроил бы там два-три шалаша и имел только молоко и самовар. Можно наверно сказать, что все затраты на такое обзаведение окупились бы с большим избытком, тем более что число путешественников тогда значительно увеличилось бы. Да не мешало бы хотя в некоторых местах исправить дорогу, а то приходится ехать, да еще ночью, по таким косогорам, рытвинам и подъемам, что, право, отбивает всякую охоту повторить путешествие, несмотря на весь интерес его.

Но все-таки надо сознаться, что как бы ни были велики неудобства, картина, которую Вам приходится видеть при восходе соднца, заставляет Вас все забывать. Ничего подобного в остальное время дня Вы не увидите. Днем Вы любуетесь Эльбрусом, который своей белой громадой приковывает Ваше внимание, и Вы не замечаете, вернее забываете, оглядеть так сказать, свиту этого мерзлого великана; Вы не доглядите, какой роскошный трон и причудливое подножье воздвиг себе этот исполин, выдвигаясь из недр земли.

Но когда, после ночного мрака, луч света скользнет по шапке спящего гиганта, тогда просыпается и все предгорье, и Вы видите, как среди тумана и ночной мглы, окутывавшей все необозримое пространство, встают один за другим, придвигаются к Вам и постепенно наполняют всю огромную и глубокую долину, лежащую между Вами и Эльбрусом, какие-то неясные громады, существование которых Вы и не подозревали до первых проблесков рассвета. Та пропасть у ног Ваших, которая была наполнена до сих пор какою-то серою мутью, теперь разрезывается величавыми, страшными, фантастически-заманчивыми, а подчас совершенно комическими очертаниями каменных утесов, которые все более и более вырисовываются, по мере того как проясняется чело их снежного владыки. Более 30 верст тянется долина, лежащая между Бермамытом и Эльбрусом, и Вы, стоя на вершине Бермамыта, только по каменным громадам, расставленным по дну ее, догадываетесь о глубине этой низменности, в которой люди и стада до такой степени умаляются, что даже передвижение их Вы замечаете только по перемене места относительно других предметов. Надо быть и стоять над пропастью у южного конца Бермамыта, чтобы никогда не забыть тех ощущений полной беспомощности и подавленности, которая охватывает Вас при невольном сравнении, проходящем в Вашем сознании.

С рассветом проснулся и неугомонный человек. По длинному ущелью, как по трубе, протянулся дым, обнаруживая в беспорядке разбросанные сакли, и раздался скрип арбы, в которой карачаевец из страшной глубины ущелья тащил громадные брусья, истощая последнее свое богатство — вековой лес, оставшийся теперь только на ближайшем предгорье Эльбруса.

Сколько надо силы, выносливости, терпенья и в то же время безысходной нужды, чтобы, невзирая на все трудности, тащить эти брусья за 50—60 верст и продать за бесценок на кисловодском базаре. Вывезя из ущелья два бруса на арбе, карачаевец выпрягает быков, с неимоверными усилиями снимает брус и волоком, усиленно погоняя быков, совершает остальной путь до вершины горы. Вытащив, таким образом, один, он возвращается за другим, третьим и так далее до последнего. Выбравшись на гору, этот несчастный труженик снова наваливает брусья на арбы и двигается далее. Даже со стороны тяжело и жалко смотретъ на эту адскую работу, зная, каких ничтожных результатов для себя лично достигает этот усердный работник.

Тяжелые условия жизни заставили этих детей гор взяться за труд, но, к сожалению, беспорядочная рубка леса, на что устремились все, скорее может считаться разорением для народа, чем прибыльным занятием. Недовольные своим положением, они в прошлом году[2] выселились в Турцию в числе более 5000 человек, но надежды их на лучшее не сбылись, и значительная часть возвратилась назад и находится теперь еще в худшем положении, чем прежде. Под влиянием слухов о воинской повинности уход совершался так поспешно, так что все сбывалось за бесценок, и человек из зажиточного превращался в малоимущего, а подчас и совсем разорялся.

В настоящее время, как слышно, обращено серьезное внимание на эти переселения, и для них выработаны правила, что хотя несколько упорядочит это движение и спасет, может быть, от разорения, но едва ли остановит самое движение, которое идет и вопреки официальным распоряжениям. И действительно, край значительно обезлюдел; проезжая от Кисловодска до Бермамыта, вы на расстоянии 30 верст, несмотря на роскошные пастбища, встречаете самое ничтожное количество скота и лошадей. При той погоне за землею русского человека, которая совершается у нас на глазах, как-то странно видеть целые десятки верст пустующей земли. Было бы крайне нецелесообразно оставлять далее в таком положении эти дорогие земли, не предоставив их русским людям, хотя бы отставным солдатам, тем более что самая местность вовсе не представляет неудобств для ведения обыкновенного русского хозяйства.

Ãîðà Äæèíàë

Если Эльбрус хорош с Бермамыта при восходе солнца, то он не менее хорош с Джинала при закате. Джинал, или Седло-гора, находится в 10 верстах от Кисловодска. Свернув с шоссе в 3-х верстах от Кисловодска направо, вы уже начинаете подниматься сначала по отлогой и хорошей

грунтовой дороге, но затем, чем далее, тем путь делается труднее и труднее, а в экипаже даже и небезопасен. Широкое и прямое ущелье, по которому Вы едете, дает Вам возможность оглядывать все пространство, лежащее позади Вас, и с каждым почти шагом, благодаря подъему, видишь его в новом виде, замечая подробности, ускользавшие от Вас внизу.

Семь верст Вы любуетесь этой панорамой и находите местность прекрасной, но, потеряв ее из виду на последнем повороте к самой вершине Джинала, Вы, ступив на само седло, не хотите верить, что все время Вы имели перед глазами и это ущелье, и эту горную дорогу, и эти горы за Подкумком, и дорогу на Кольцо-гору, и долину Подкумка, теряющегося в горах, — все это с вершины Джинала так великолепно и так обманчиво у ног Ваших, что Вы забываете расстояние, не можете положительно с первого раза ориентироваться и, буквально, видите перед собою громадное полотно великого художника. Эльбрус еще величественнее отсюда потому, что остальные горы умалились от расстояния. Трудно передать те краски, которые благодаря вечернему освещению получаются на снеговой толще этого великана. Положительно невозможно оторвать глаз от этой чудной картины, и Вы невольно досадуетесь, что все это, как частым флером, задергивается туманом, быстро спускающимся на всю окрестность прежде, чем солнце окончательно спрячется за горизонтом.

Но если Вы, так сказать, теряете в это время даль, то выигрываете вблизи: внизу уже темнеет, Вы не отличаете леса, кустарника, вся растительность кажется темной, а здесь, около Вас на вершине, еще светло, все зелено, день еще не угас совсем, и Вам кажется, что Вы на каком-то волшебном острове.

И здесь, как и в окрестностях Бермамыта, прекрасные пастбища. Трава густым зеленым ковром всюду ласкает Ваш взор. Несмотря, однако, на роскошную растительность и богатое «разнотравье», здесь замечается странное явление: лошади и скот, привезенный из степной полосы, очень скоро худеют и заболевают, и, несмотря даже на обильную дачу корма, не поправляются. Болезнь выражается в том, что лошадь, например, сначала слабеет, теряет обычную свою энергию, затем теряет аппетит, стоит, повеся голову, и стоит так даже и в упряжи, при этом замечается сильный жар в голове, глаза гноятся, и лошадь изредка легко кашляет. В несколько дней лошадь «перепадает» до неузнаваемости. До какой степени серьезны эти заболевания, можно судить по тому, что в 1885—1886 году во время общего неурожая в Ставропольской губернии скот, пригнанный сюда на прокормление, весь переболел и наполовину пал. Некоторые это объясняют тем, что здесь корм «пресный», тогда как в Ставропольской губернии, например, много солонцов, и скот привыкает к соленому корму. Подтверждение такого мнения можно видеть в том, что больные лошади усиленно лижут друг друга, вознаграждая недостаток соли; но в этом ли причина болезни, неизвестно, хотя усиленная дача соли значительно поправляет животное.

Î ðåõîâàÿ áàëêà, çàì îê Êîâàðñòâà è Ë þáâè

Наиболее любимым курсовою публикой местом гулянья служит Ореховая балка, на которой, в 6-ти верстах от Кисловодска, находится замок Коварства и Любви, а в 15 — Большой водопад.

Замок — это полуразрушенная скала, верхние части которой так обвалились и расселись, что напоминают стены старого разрушенного замка. Действительно, замка здесь никогда не было и некому было его строить. Относительно этого замка Коварства и Любви существует следующая легенда.

Давно когда-то некая княжна приехала в Кисловодск и, разъезжая по его окрестностям, имела своим проводником красавца-кабардинца. Длинные прогулки верхом среди очаровательной местности так сблизили молодых людей, что они поклялись вечно принадлежать друг другу и не расставаться ни при каких обстоятельствах.

Веря в искренность привязанности княжны, кабардинец не мог долее сдерживать своей страсти и опасаясь, что с окончанием лета родители увезут любимую им девушку, он предложил прекрасной княжне бежать с ним и поселиться где-либо в горах.

Увлеченная красотой кабардинца, княжна согласилась, и влюбленные исчезли. Долго они странствовали, скрываясь от преследования, наконец, погоня, посланная родителями, настигла их в Ореховой балке. Ища укромного местечка, влюбленые поднялись на высокую и отдельно стоящую в балке скалу, с вершины которой между камней, как из окон старинного замка, они могли видеть своих преследователей и вовремя принять меры.

До сих пор счастье им улыбалось, но вот, когда любопытство превозмогло в княжне страх, и она показалась, как в дверях, среди рассевшихся камней скалы, чтобы видеть пробиравшихся по ущелью преследователей, она была замечена отцом, и убежище их было открыто.

Видя, что все кончено и что еще несколько часов — и прелестная княжна будет отнята, кабардинец напомнил девушке данную ему клятву и предложил ей броситься в лежащую у ног пропасть. Отчаянье придало решимость девушке, и она с радостью ухватилась за эту мысль. Запечатлев страстный поцелуй на устах прелестной девушки и желая увлечь ее своим примером, влюбленный юноша быстро вскочил на край пропасти и, ринувшись вниз, погиб на глазах своей возлюбленной, разбившись об острые камни скалы.

Девушка слышала, как по ущелью пронеслось «люблю», и хотела уже разделить участь своего друга, как вдруг ею овладело раздумье, подсказавшее ей, что нет более свидетеля данной клятвы и что она свободна от ужасного обязательства…

Княжна отошла от пропасти и повернула к отлогому спуску, где и была встречена искавшим ее отцом.

Благополучно спустившись вниз, княжна невольно оглянулась назад, но в этот момент со дна пропасти, где лежал ее друг, послышалось: «Коварная»… Что повторили все окрестные скалы, бывшие свидетелями этой измены.

Хотя в Ореховой балке это далеко не единственная скала, которая своей оригинальностью останавливает на себе внимание, но, тем не менее, легенда опоэтизировала только эту скалу, и к ней стремятся все туристы.

Между тем в начале балки, переехав речку, вы видите положительно перед собою нечто вроде башни, которая как будто висит в воздухе. Нижние слои камня совершенно выветрились и обрушились, а верхние, как более крепкие, лежат громадной массой и заставляют удивляться причудливым формам, которые приняла скала.

То же вы видите справа против этой скалы: перед вами в одном из изгибов балки, среди прекрасной зелени, каменный остров, как будто нарочно поставленный какою-то искусной рукой.

Вообще все горы, среди которых тянется Ореховая балка, находятся в состоянии полного разрушения, что и составляет их прелесть.

Áåðåçîâàÿ áàëêà

Замечательно, что как здесь, так и в других местах — по Березовой балке и вдоль реки Подкума, — эти разрушающиеся утесы имеют вид каких-то построек, и не хочется верить, что их не касалась рука человека, особенно, когда Вы смотрите на них издали.

Разрушение идет очень быстро, и с каждым годом резкие очертанья гор принимают все большую пологость. В этом отношении особенного внимания заслуживает Бермамыт, разрушение которого совершается весьма характерно: от главного утеса отделяется огромная стена, как будто нарочно сложенная из мелкого плитняка. Интересней всего то, что в этом месте, где отделилась такая стена, утес имеет совершенно ровную поверхность без уступов и обломков, и с первого взгляда не верится, что Вы видите одно только разрушение.

Западная часть Бермамыта имеет особенно причудливые формы: Вы видите и башни, и замки, и человеческие фигуры, и животных, а в одном месте, когда Вы отъедете верст пять от края Бермамыта по Кисловодской дороге, перед Вами положительно памятник Пушкину в Москве. Интересно было бы фотографировать все эти обрушения, чтобы впоследствии сравнивать с тем видом, какой примут утесы через 10—15 лет.

На всей громадной площади Бермамыта и далее по Кисловодской дороге вдоль Березовой балки Вы можете видеть исчезающие утесы и даже только жалкие остатки некогда отдельно стоявших здесь каменных громад, которые теперь в иных местах представляют возвышение не более обыкновенного стола.

Ореховая балка, привлекая праздную публику своим замком и водопадом, в то же время манит к себе и окрестное трудовое население: по всем склонам ее в изобилии растет орешник, и все казаки, от мала и до велика, лазят в возможных и невозможных местах за орехами. Сбор орехов составляет довольно выгодный промысел, являющийся большим подспорьем в скудном хозяйстве казака. В нынешнем году[3] один из жителей Кисловодской станицы, обществу которой принадлежит вся левая сторона балки и земля, лежащая по эту сторону балки, выговорил себе у общества за 12 рублей право выстроить около замка Коварства и Любви шалаш и иметь для приезжих молоко и самовар.

Как выгодно это занятие, можно видеть из того, что казак этот, несмотря на плохой съезд курсовиков, получил в течение трех месяцев 200 рублей. Хотя этот «добрый человек», как он себя называл, и взимал 5—10 копеек за стакан молока, но все-таки можно сказать ему «спасибо», что он начал дело и не дерет так, как, кажется, немец на Большом водопаде.

Áîëüøîé âîäîïàä

Водопад в Ореховой балке, в отличие от другого водопада, находящегося на реке Ольховке, называют Большим, хотя по размерам своим он не вполне заслуживает этого названия.

Благодаря прекрасной ровной грунтовой дороге всегда можно встретить целую массу курсовиков, стремящихся верхом и в экипаже к этому месту, несмотря на его удаленность. Поездка верхом имеет то преимущество, что Вы можете приехать к самому водопаду, так как привычные кабардинские лошади отлично спускаются на самое дно ущелья по узкой горной тропинке, тогда как экипаж должен останавливаться на горе в трех верстах от водопада, за отсутствием колесной дороги.

Так как весь интерес этого путешествия заключается в том, чтобы стоять под самой струей падающей с утеса воды, то, понятно, все, старые и малые, садятся на лошадей и часто большими кавалькадами предпринимают эту поездку. Интересно видеть, когда всем этим наездникам, особенно наездницам, приходится спускаться крутой тропинкой по краю очень глубокого оврага: лучшего изображения отчаяния и ужаса трудно представить.

Впрочем, встречаются иногда такие ловкие и смелые наездницы, что им может позавидовать любой мужчина, тем более что все это не всегда безопасное молодечество приобретается в какой-нибудь месяц пребывания в Кисловодске, а до того времени эта лихая дамочка боялась и подступить к лошади.

Правда, что много энергии и одушевления придают дамам проводники-кабардинцы, без которых почти ни одна из них не ездит и которые положительно вызывают страсть к верховой езде, но и помимо проводников, самые условия жизни, какой-то бодрящий воздух и смеющиеся окрестности этого Кавказского Эльдорадо делают человека подвижным и смелым. Общее увлечение курсовой публики верховой ездой, что называется, на руку содержателям верховых лошадей — кабардинцам, которые за время курсов делают, как они выражаются, хорошие дела, например, три человека с восемью лошадьми за три месяца имеют чистого заработка пятьсот рублей. Некоторые из них составили уже себе порядочное состояние и имеют по 15—20 лошадей, но занятия проводника не оставляют, тем более что у каждого из них, помимо заработка, есть от него весьма интересные и пикантные воспоминания. Иногда завязываются и целые более или менее продолжительные романы.

Среди проводников обращает на себя внимание женщина-проводник, которая, при изящной фигурке и весьма симпатичной наружности, носит поэтическое имя Эльвиры. Эльвира Николаевна, как все ее называют, имеет несколько лошадей и, отдавая их напрокат, сама, если муж занят, сопровождает едущих. Она прелестно ездит верхом, и ей нипочем в один день сделать поездку на Бермамыт и обратно, то есть проехать 60—70 верст.

Можно подумать, что Эльвира Николаевна — обрусевшая кабардинка, как ее многие и считают, и потому мало удивляются ее ухарскому наездничеству, но на самом деле она русская барышня. Приехав назад тому 3—4 года на воды, она, разъезжая верхом, незаметно увлеклась своим молодым проводником и, невзирая ни на что, вышла за него замуж и стала продолжать дело своего мужа.

Рассказывают, что и в нынешнем году случилось нечто подобное, и, следовательно, на будущий сезон прекрасная Эльвира Николаевна будет иметь соперницу.

Собственно говоря, Большой водопад по количеству воды представляет довольно оригинальное зрелище и даже уступает Малому, но зато скалы и ущелья, среди которых он находится, представляют очаровательный уголок. К сожалению, и здесь нет ни малейших жизненных удобств. Хотя в этом году перед началом курса и было, говорят, возвещено, что там открыт ресторан, но это ни больше, ни меньше как искусная ловушка для курсовой публики, которая прежде ездила со своими съестными припасами, а тут, узнав о таком нововведении, оставила свои привычки к удовольствию людей, умеющих и на обухе рожь молотить. Какой-то человек устроил у самого водопада скверный-прескверный навес, покрыл его дырявым брезентом, назначение которого только служить местом безбожного оббирания доверчивой публики, так как ни от дождя, ни от зноя он спасти не может. О предусмотрительности этого господина можно судить по тому, что, приехав к водопаду компанией в 10 человек, мы нашли там буквально шесть кусочков шашлыку и два французских хлеба, мы же были голодны как волки и промокли до костей, а о бесцеремонности его можно заключить из того, что за самовар (чай и сахар наш) с нас взяли 1 рубль 50 копеек.

Впрочем, здесь все объясняется тем, что золотое руно, в виде курсовиков, у них бывает всего только 2—3 месяца, затем исчезает, а потому и надо, как они думают, пользоваться случаем.

Êîëüöî-ãîðà

Самое близкое место гулянья — это Кольцо-гора, но она, благодаря совершенно открытой местности и страшному солнцепеку, тоже мало посещается, хотя эта гора представляет вовсе не меньше интереса, чем другие окрестности. Кольцо-гора видна еще с шоссе, когда Вы едете в Кисловодск из Ессентуков, но оттуда Вы видите небольшое круглое отверстие в $^1/_4$ аршина в диаметре и не придаете особенного значения этому месту.

Но побывайте ближе, и вы вовсе не будете раскаиваться.

С вершины Кольца открывается с одной стороны прекрасный вид на дорогу, идущую в горы и весьма оживленную движением, а с другой — вид на Кисловодск, Джинал и все это предгорье, которое вы отсюда видите совершенно иным. Кроме того, интересно самое кольцо — отверстие вышиной 4—5 аршин и шириною 2 аршина. Происхождение этого кольца объясняли различно и придумывали различные замысловатые теории, так сказать, естественного происхождения его, между тем, стоит только внимательней осмотреть ряд гротов, стоящих рядом с этим кольцом, как Вы придете к несомненному убеждению, что это кольцо есть не что иное, как пробитый насквозь грот, который был высечен в тонком конце скалы. Все эти гроты выбиты искуственно жившими здесь кабардинцами

и служили им и укреплениями, и местом, куда загоняли стада. Таких гротов очень много в окрестностях Кисловодска, и они до сих пор служат для ночлега пастухам со стадами. Гроты на Кольцогоре выбиты в мягком слоистом песчанике, который от удара молотком или камнем отваливается большими кусками. Мальчуганы станицы Кисловодской, расположенной всего в версте, являясь здесь проводниками, и теперь углубляют небольшие впадины в горе, ради забавы бросая в них, как в цель, камнями и, таким образом, постепенно образуют гроты почти на глазах посетителей.

Кстати, нельзя не заметить, что постоянное пребывание здесь этих 8—12-летних детей (дети казаков Кисловодской станицы), ничегонеделание в течение целого дня и этот легкий заработок в виде подачек курсовиков за держание лошадей или что иное вредно действует на них. Все мысли у этих детишек сосредоточены на том, как бы так или иначе выманить у посетителя 5—10 копеек, они наперерыв бросаются выполнять его приказания, с громадным риском карабкаются на скалы и скатываются с них, чтобы потешить глазеющую на них публику, и, наконец, взапуски несутся по дороге то равняясь, то обгоняя Ваш экипаж и выкрикивая: «Дайте, барин, пять копеек, я скорее побегу».

Было бы желательно, чтобы местный учитель разъяснил и детям и родителям весь вред этого явления.

Ëåðìîíòîâà ñêàëà

И в окрестностях Кисловодска, как и в Пятигорске, очень жива память о Лермонтове. Во многих гротах Вы найдете стихи и надписи, посвященные памяти этого великого поэта, хотя именем его называется только одно урочище — это Лермонтова скала, место дуэли Грушницкого и Печорина.

Скала напоминает замок Коварства и Любви, но значительно ниже и не имеет той растительности, которая придает таинственную прелесть замку.

Но, несмотря на небольшую сравнительно высоту скалы и кажущуюся ее доступность, подъем на вершину ее совершенно невозможен без особых приспособлений, так как верхняя часть ее совершенно отвесна, хотя сама вершина и представляет площадь.

Существует даже убеждение, что на скалу эту никто взойти после Лермонтова не может, что скала не дается, что, маня путешественника своими уступами взойти на трон поэта, она незаметно вырастает и выдвигает вершину по мере того, как спутник приближается к ней.

Необыкновенно красиво ущелье, среди которого стоит эта скала, и неудивительно, что Лермонтов предпочитал это место другим окрестностям.

Ãëàçíîé èñòî÷íèê

Глазной источник, благодаря тому, что лежит среди самой слободки Кисловодской, находится в таком запустении (около него буквально гноище), что положительно нет никакого интереса посетить его.

Но зато, если пройти далее, то Вы войдете в Березовую балку и буквально будете очарованы. Незаметно Вы идете все дальше и дальше и совершенно забываете о пройденном расстоянии. Все эти неожиданные повороты, выступы, нависшие камни причудливой формы уводят Вас вглубь, не давая Вам отдыха.

И здесь встречаются гроты, и особенно интересен из них грот на высоте 20—30 саженей, несколько лет тому назад разбитый грозой. Место это тем более интересно, что Вы внимательно и долго всматриваетесь в эти развалины и все-таки думаете, что эти стены сложены рукой человека, между тем, стоит только подняться на вершину, и Вы увидите с противоположной стороны их сплошную скалу.

В июне месяце нынешнего года[4] тоже грозой разбило утес, стоявший при начале балки, и завалило дорогу, поставив при этом громадный камень так, что он образовал навес, под которым смело могут укрыться 15—20 человек.

К сожалению, дороги во все эти урочища и балки не разработаны и во многих местах мало доступны, извозчики же и проводники стоят очень дорого, и потому весьма многие не посещают их и даже не знают о существовании этих очаровательных уголков.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. 1887 год.
2. 1888 год.
3. 1889 год.
4. 1889 год.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:
Прозрителев Г.Н. В горах и ущельях близ Кисловодска: Очерк. — Ставрополь, 1924.

ÏÐÅÑÒÓÏÍÛÅ ÒÈÏÛ ÑÒÀÂÐÎÏÎËÜÑÊÎÉ ÃÓÁÅÐÍÈÈ

Фотографическая коллекция Музея Северного Кавказа преступников представляет огромный интересный материал как для антрополога, так и в бытовом отношении. Все представленные в коллекции лица [были] осуждены бывшим Ставропольским окружным судом и понесли определенное наказание. Всех карточек в коллекции 600. Сняты они с 500 человек, так как некоторые в двух экземплярах на одно лицо, снятые в двух видах[1]. Сняты карточки по вступлении приговора в силу и при обращении его к исполнению. Смертников между этими лицами нет, так как смертная казнь не входила в компетенцию окружных судов и могла назначаться только военными судами. Среди всех этих осужденных, конечно, имеются и такие преступники, которые сделались таковыми случайно, по стечению несчастных обстоятельств и не являются «профессионалами», но тем не менее и они вносят известное освещение бытовой стороны жизни населения.

Настоящие очерки служат необходимым дополнением этой коллекции, и без них она не даст всей картины, которая рисуется, когда воспроизведено само преступление и действующие лица среди житейской обстановки. Материалом для этих очерков служат уголовные дела, в которых я лично выступал защитником, и записи, которые я делал во время разбора дела, свидетельских показаний и других обстоятельств, обращавших на себя внимание мое.

Для антрополога коллекция эта имеет тот недостаток, что не содержит обмеров черепа преступника и вообще антропометрических данных, но восполнить этот недостаток нет возможности, так как архивы наши, где хранились эти дела, подверглись в последнее время беспощадному расхищению и почти полному уничтожению. Но по возможности я стараюсь в своей работе «оживить» преступника, давая характеристику его наружного вида, и того впечатления, какое он производил на меня при личных объяснениях и на суде.

В общем можно подразделить всех осужденных на четыре категории: воры, грабители, убийцы и разбойники. Хотя это подразделение является довольно грубым, но подробное изложение самого преступления дает возможность установить точно вид преступления и участие в нем самого преступника. Для характеристики первой категории — вора — необходимо осветить вообще условия жизни населения нашей губернии и создавшееся положение его благодаря историческим условиям.

Заселение губернии, начавшееся с XVIII века, шло большой волной из внутренней России главным образом из тех лиц, кому не заладилась жизнь на родине. Состав переселенцев был самый пестрый: жители буквально всех губерний и областей России. Несомненно, что в этот состав вошли и те, кто за собой чувствовал какую-либо вину и должен был укрыться от преследования. Словом, преступный элемент нашел себе место среди этой огромной волны движения на Кавказ, а правительственные лица, руководившие этим делом, не спрашивали — кто [он] и какое его прошлое.

Ступив на свободные земли Кавказа, поселенец получал большой простор для своих сил как в хозяйственном отношении, так и для осуществления порочных наклонностей. Новые неудачи на новых местах служили новым толчком для проявления последних. А широкое общение с калмыками, обитавшими здесь, создали для хищения значительную степень безнаказанности, так как главный предмет для похищения — скот — легко мог укрываться в обширных степях этих обитателей. И вот скотокрадство становится общим явлением и «болезнью» края.

С обозначением границ создавшихся областей: Терской, Кубанской областей, Ставропольской губернии и Астраханской губернии — для преследования похитителей явились огромные препятствия, так как похищенный скот быстро перегонялся чрез границы и похитители скрывались под защитой огромного простора степей.

Обилие скота у поселенцев давало возможность, при слабости надзора за ним, с большим успехом вести это дело. И скоро создался целый промысел укрывательства и сбыта краденого, попутно и продажа по дешевой цене хорошего скота... Укрыватели составили себе хорошее состояние и, живя богато, были вне подозрения, а за них работали другие, которые и несли ответственность за преступление.

Главным действующим лицом в этом воровском деле были калмыки, которые составляли 50% всего количества преступников. Калмык воровал, подвергался избиению в случае поимки, сидел в тюрьме и разорялся вследствие этого, а плодами этого промысла пользовались русские укрыватели. Эти лица, оказывая поддержку похитителям, являлись в роли «благодетеля» своего собрата-степняка. Когда калмык попадался на преступлении, его сажали в тюрьму, то эти тайные друзья выручали его, брали на поруки, за что калмык рад был отдать все, что имел, так как в тюрьме он медленно угасал, и он боялся тюрьмы больше всего. Ловкий укрыватель и здесь делал видимое одолжение, сам в то же время невидимо зарабатывал львиную долю всей могущей быть выручки от похищенного или же из имущества калмыка, из его хозяйства.

Выгодность этого промысла породила целый ряд таких воровских пунктов по губернии и дало крупные имена этого рода деятелей, известных своим крупным состоянием. Больше всего давал

Благодарнинский уезд, но и в Медвеженском, по границе с Донской областью, были своего рода знаменитости. Знаменитые Качсур и Дробязга, составившие себе на этом промысле крупные богатства, были известны всей губернии. Конечно, таким же покровительством пользовались воры и из русских, и [они] точно так же входили в эту организацию. Благодаря пособничеству и содействию укрывателей, которые, в свою очередь, были в дружбе с властями, создавалась значительная степень безнаказанности, так как укрыватели всегда находили свидетелей «праведных», и часто суд оправдывал за «недоказанностью» обвинения.

Укрыватель сам не участвовал в преступлении, а выступал по совершении его. Но иногда он снабжал в крупном деле необходимыми инструментами, которые имелись у него для «хозяйственных надобностей». Зажиточный мужик без всякого подозрения мог, например, иметь большие ножницы для резки железа, мог иметь хорошую скаковую лошадь или же быстрого иноходца, хороших упряжных лошадей, выносливых на сто верст и прочее. А вот это надобилось в крайнем случае. Часто становилось загадкой, как проник преступник в помещение, когда были железные запоры. А для этого-то и имелись ножницы, по виду кровельные — хозяйственные, а в сущности превосходной стали и закала, изделие английское, без шума перерезывавшее тонкое и толстое прутовое железо, как например, болт в ставнях окна, в дверях лавок и прочее.

Отсутствие такого инструмента у обвиняемого давало основание сомневаться в совершении преступления именно им, но этот инструмент, случайно обнаруженный у «постороннего», освещал все дело (дело Арзаманцева). Точно так же невозможность для обвиняемого быть за 60—100 верст на преступлении, когда его наутро рано видели спящим дома, давала шансы на оправдание. Но обнаруженная взмыленная скаковая лошадь у «постороннего» служила разгадкой таинственности преступления (дела Ковтун и Дробязга). Так создавалась неуязвимость, а с ней и безнаказанность преступника и население села было часто беспомощно в борьбе с этим злом, теряя часто последнюю лошадь или коровенку: скотокрадство и конокрадство охватывало всю губернию.

И вот это положение создало в свою очередь [для] преступников самосуд. Имея много данных считать Авдеева конокрадом, жители, при полной уверенности в его виновности, не могли избавиться от него. Тогда чаша терпения переполнялась и сход расправлялся своим судом — зверская, бесчеловечная расправа озлобленной толпы была ответом за прошлые деяния: били дрючками, топтали ногами, таскали за волосы — так говорили на суде свидетели.

Иногда эта кара постигала и укрывателей, и толпа безжалостно громила, жгла и уничтожала его дом и пожитки, не щадя и самого хозяина. Но эти случаи [были] довольно редки. А расправа с ворами при усилении преступлений делалась обычным явлением, и нет ничего ужаснее самосуда толпы: жестокость доходит до невероятия (дело ункратльца Абаса). Здесь, конечно, преступники не могут идти в ряд убийц, выделенных в эту категорию, но тем не менее они — убийцы и несут соответствующее наказание.

Скотокрадство и конокрадство достигло в губернии невероятных размеров. Связь преступников при помощи укрывателей и притонодержателей с пунктами соседних областей Кубанской и Терской играла огромную роль в деле борьбы с этим злом. Процессами, проходившими на суде, было выяснено, что выработался, так сказать, порядок воровского сбыта: лошади быстро направлялись на Прочноокоп (Кубанской области), рогатый скот — на Невинку (Кубанской области). Здесь при посредстве горских абреков ловко сбывались они дальше, за Кубань, Лабу, Уруп и так далее. Следы исчезали, так как закубанские «хищники» имели тайные пути через перевал Клухорский и, обходя кордонную стражу, «сплавляли» по Сухумской дороге с изумительной быстротой. Для похищенного разного рода имущества местом сбыта был Армавир, где пособничество проявляли армяне. А из Терской области вся «худоба» шла на Моздок и Георгиевск, где и сбывалась, частью попадая за реку Терек.

Если не было писаного регламента, то на практике этим деятелям был хорошо известен этот распорядок и, так сказать, создавалась общая организация. Конечно, указанные пути были главными дорогами, но они не исключали возможности сбыта и в других местах при посредстве более мелких «работников». Донская область в ближайших станицах имела прочно созданные притоны и опытных и крупных деятелей, своего рода главарей воровского и разбойничьего дела. А приманычские степи и близость Астраханской губернии с ее обширными степями, обиталищем калмыков, заканчивали кольцо, которое охватывало Ставропольскую губернию и служило, так сказать, «воровским поясом».

При таких условиях понятна смелость преступников, рассчитывавших всегда на неуловимость. И степные грабежи, и разбои были, так сказать, развитием и продолжением этих преступных похождений. С ранней весны вся рабочая трудящаяся часть населения губернии выезжает в степь для работы и пастьбы скота, и вот тут-то и начинаются грабежи и разбойничьи налеты, часто с оружием в руках. Усиление преступлений, так сказать, хозяйственного характера вызвало издание закона, увеличивающего наказание за третью кражу и за кражу крупного рогатого скота и лошадей, но и это не было вполне действительной* мерой.

---

* Так в тексте, нужно — действенной.

Эти-то условия и вызвали у населения крайнее озлобление против воров и породили самосуды. Ужасные картины этих расправ, рисуемые на суде свидетелями-очевидцами, только подтверждают степень озлобленности и, в то же время, беспомощности населения пред преступниками. И ничье сердце не содрогается при виде этой кровавой расправы.

Заподозренного вора приводят на сход. Ни просьбы, ни плач жены и детей не останавливают «разбора» и обвиняемому чинится допрос: у кого, когда и с кем совершил кражу, кому передал и так далее. Осознание [вины] и чистосердечное раскаяние не помогают. Начинаются толчки, отдельные удары, а затем [пускаются в дело] палки, дубинки, несчастного сбивают с ног, и начинается безжалостное таскание по земле, топтание ногами, и скоро от живого человека получается какой-то мешок с раздробленной, размозженной головой, кровавым пятном выделяющейся на земле. Сход молчаливо расходится… Иногда такая же участь постигает и тех, кого назвал несчастный, и в результате — несколько изуродованных трупов.

Совершенная в одном селе кровавая расправа не остается тайной и, помимо официального следствия, весть об ней быстро долетает до тех, кто прикосновенен к воровскому делу, и на время деятельность их затихает: чувствуя опасность, многие разбегаются по разным селам и степным хуторам. На скамью подсудимых попадает целая группа лиц, часто в действительности менее всего виновных в ужасном избиении, но не успевших вовремя уйти с «места казни». Конечно, подобные преступники, виновные в нанесении тяжких, опасных для жизни побоев, последствием которых была смерть избитого, не могут вкладываться в рубрику «убийц», так как, можно сказать, случайно впали в преступление, но, во всяком случае, в них проявилась прирожденная жестокость, толкнувшая их в кровавое дело, которая в другом и не достигла такого развития, а потому и они могли бы быть объектом антропометрического исследования.

* * *

Говоря о самосудах, нельзя не упомянуть о случаях ошибок, когда народная кара падала на лиц неповинных. Иногда несчастный на допросе «мира», видя смерть в озлобленной толпе, называл своих недругов по какой-либо злобе на них, а иногда и просто по ошибке, кто первый пришел на ум. Но крайне трагической в этом отношении была судьба высланных из Дагестана, так называемых ункратльцев. После восстания Алибека в 1878 году, последнего имама, как он себя называл, были высланы из Дагестана несколько семейств кумыков[2], между которыми резко выделялись ункратльцы. Племя это — собственно лезгины, но и от них оно имело значительные отличия.

Жили они уединенно в горных теснинах без всякого общения с русскими, но и между собой далеко не мирно. Они делились на четыре общества и при родстве имели различные наречия, мало понимая друг друга. Имея общее название ункратль, они назывались: хири, сильды, кхиды и иляпхивы. Семьи эти были размещены по селам Ставропольской губернии. Не зная языка и обычаев народа, среди которого пришлось им жить, они сразу показались подозрительными населению, именно хозяйственной части его.

Единственным занятием ункратльцев было серебряное и медное дело. Хорошие металлисты, они своими изделиями* блях на пояса, коротких ножей, ружей, починкой посуды и прочего, прежде всего, привлекли к себе молодежь села, которая в то же время заинтересована была их образом жизни в горах и их странным языком, их рассказами.

Начавшееся общение при постепенном усвоении русской речи, на что пришельцы оказались очень способными, быстро расширяло круг их знакомства, и их мастерская стала чем-то вроде клубов. Большие любители игры в кости, шашки и вообще в азартные игры, они и здесь предались этой забаве, вовлекая сельскую молодежь (парней) в азартные игры. [По]явились карты. Начались проигрыши, неизбежные ссоры, шулерство, обманы, и стала слагаться недобрая слава о поселенцах-лудильщиках. Рядом с этим возникавшие из проигрышей долги вели к займам, оплачиваемым большими процентами. К несчастью, в эти собрания проник преступный элемент села, всегда падкий до азартных игр, и хаты кумыков стали притонами весьма порочного свойства в глазах населения.

Появились среди игр вино и водка, чем стали торговать их женщины. Не всегда честные в игре и расплате, ункратльцы часто переходили из одного села в ближайшие села, скрывались на время и тем возбуждали вражду к себе среди своих посетителей-игроков. Не замечая быстро нараставшего озлобления крестьян против себя, ункратлъцы чувствовали себя весьма недурно в новых условиях, так как заработок их был хорош; они стали обзаводиться хозяйством, у них [по]явились лошади, овцы. Близкое соприкосновение с местным преступным элементом, может быть, для них и неизвестным, давало воровскую окраску всем приобретениям их, и всякая пропажа в селе стала отождествляться с их наживой. Очень скупые и падкие до денег, они не упускали случая к наживе, некоторые отдавали деньги под проценты и собирали золотые монеты, которые, обыкновенно, мужчины зашивали в свои ременные пояса, украшенные серебряными и золотыми бляхами.

---

* Так в тексте, нужно — своим изготовлением.

Естественная потребность общения с[о] своими вызывала хождение и поездки в другие села, и там неизбежные пирушки по разным поводам не укрывались от внимания населения и также истолковывались не в пользу лудильщиков, им придавали характер воровских сношений. К несчастью, ункратльцы принесли с собой и сюда свою племенную вражду, разъединявшую их на родине, вследствие которой возникали между ними злостные указания и наветы один на другого. И дурная слава про того или другого из них устанавливалась в селе. Корыстные побуждения также играли в жизни их большую роль. Таинственное исчезновение их сородича Лябазениль-вас, имевшего много золота, будто бы уехавшего на родину, оказалось предательским убийством своими же с целью грабежа, причем труп его был отвезен на расстояние ста верст от его жительства, где и зарыт. И только случайное нахождение каменной плиты с надписью его имени, поставленной его друзьями, дало указание на постигшую его печальную участь. Лябазениль-вас действительно собрался уезжать на родину и собрал все свои долги, что и повело к трагической развязке.

Вся эта обстановка жизни ункратльцев выяснилась на возникших впоследствии процессах по поводу совершавшихся убийств этих лудильщиков. Население не отделяло имя лудильщика от укрывателя воровства, а таинственность их внутренней жизни, в связи с обыгрыванием бывавших у них игроков, прочно установила мнение, что это «потатчики» воров. И достаточно было небольшого повода, чтобы глухая злоба прорвалась наружу во всем своем диком виде. Случай этот представился в селе Ореховском.

С выгона села Ореховского кем-то была похищена лошадь, бывшая там на пастьбе, и поиски ее не увенчались успехом. В один злополучный праздничный день лошадь эта, после долгого исчезновения, оказалась рано утром близ выгона, в садах, потная, видимо, после быстрой езды. Это появление лошади взбудоражило все село, и все из церкви повалили на выгон смотреть находку. Кто, как и когда бросил здесь лошадь, никто не мог уяснить себе. Первая мысль у собравшихся остановилась на живших в селе лудильщиках: не они ли? Кто-то приехал! На беду, из села Медведки в это утро пришел пешком к своим родичам ункратльц Абас. Мирная семья лудильщиков сидела за столом и угощала прибывшего гостя чаем. Как потом оказалось, Абас только что прибыл из Дагестана и привез вести от своих родичей с их родины.

Первыми мальчики сообщили взволнованному сборищу, что у лудильщиков «чужой», ночью приехал. Этого было достаточно, чтобы толпа решила: «Это он прискакал на лошади». И вот это сборище, уже настроенное разными толками, ринулась к хате лудильщиков. Яростные крики приближавшейся толпы всполошили несчастную семью, и все бросились прятаться, а несчастный Абас, не понимавший ни слова по-русски, бросился бежать, сам не зная куда. Но крики: «Вот он! Вот!» — направили толпу по его следам.

Удачно забежав в сад, Абас притаился за кустом, но скоро был обнаружен и выскочил на выгон, рассчитывая добежать до Медведки. Необыкновенно сильный, здоровый, хорошо бегавший, он быстро встал впереди всех, но погоня не отставала, и по всему выгону вытянулись бегущие ребята с палками, с кольями, выдернутыми по дороге из плетней. Как ни силен был Абас, но усталость брала свое, и тут на беду встретившийся на пути пастушонок на крики: «Держи вора!» — бросил ему в ноги свою дубинку, и Абас упал. Это и было гибелью Абаса. Налетевшие передовые, не раздумывая, стали бить несчастного чем попало. А набегавшие остальные уже смело продолжали избиение, уверенные, что первые уже убедились, что догнали и бьют вора. При всей своей силе Абас не мог вырваться из рук яростных преследователей, кольцом охвативших его, и скоро на земле лежал истерзанный, истоптанный ногами, с разбитой головой труп Абаса. Свирепая расправа постигла совершенно неповинного человека, павшего жертвою сложившегося среди грубой, невежественной толпы предубеждения против этих пришельцев. Но беда была чревата ужасными последствиями.

Несмотря на судебный процесс по делу об убийстве Абаса, на котором с полной очевидностью выяснилась невиновность Абаса, а равно и непричастность к краже и той семьи, где он мирно пил чай в злополучный день, слух о том, что убили вора-лудильщика, быстро разнесся между народом, и стали возникать избиения несчастных и в других местах, где они проживали. И ко времени возвращения на родину этих сосланных едва ли и половина из числа их мужчин уцелела; оставшиеся перебрались в город и тем избежали печальной участи. Эта грустная история выдвинула преступников, которые понесли наказание за свою жестокость, но сама проявленная ими жестокость характеризует только ту чудовищную степень невежества, грубости и темноты, в которой пребывает масса.

* * *

Такая же беспощадность проявлялась и в отношении калмыков. Занимаясь в действительности кражами, главными образом, в степи, калмыки, при указанных благоприятных условиях, действовали с известной сплоченностью. Они выезжали на ночные поиски группами. Налетая на расположившихся на ночлег крестьян, они быстро «отхватывали» быков и разбившись на мелкие группы, исчезали в ночной темноте. Погоня редко достигала цели. А наутро ловко выведанные хозяевами следы ночных «хищников» приводили в какой-нибудь калмыцкий хотон[3], и становилось ясно, что этот грабеж совершен калмыками. Эти ночные грабежи скоро превратились в разбои. Но надо сказать, что калмыки

вначале не убивали ни при каких обстоятельствах в силу буддистского учения, воспрещающего убийство. Но с девяностых годов прошлого столетия стали встречаться случаи убийства.

При указанных обстоятельствах степные разбои и грабежи были в значительной степени удачны. Поиски похищенного, сопряженные с разъездами по степям, крайне обременяли хозяев-крестьян и вызывали непроизводительные расходы. Что действительно все эти хищения совершались калмыками, конечно, не без личного участия, во многих случаях русских, это, так сказать, стало общим правилом, да и сами калмыки этого не отрицали. Благодушный по натуре, калмык и на это свое деяние смотрел не с уголовной, а, так сказать, с хозяйственной точки зрения. И были нередко случаи, когда калмык при изобличении его приведенными следами похищенного скота предлагал мировую, отдавая имеющийся у него скот в возмещение похищенного, полагая, что он этим избавится от тюрьмы. Часто русские хозяева забирали выданное им вознаграждение, но на суде все-таки предъявляли гражданский иск за похищенный скот или лошадей, умаляя полученное ими или даже вовсе не обнаруживая его. И калмык платил вдвойне, а в тюрьму или каторгу все-таки попадал.

Эта страсть к хищению, вызываемая необузданностью и степным молодечеством, в конце концов не обогащала калмыков, а вела к полному разорению. Предавшись при этом спиртным напиткам, которые ему в широком размере поставляли те же русские соседи, калмык измельчал, духовно выродился и превратился в отверженного, на которого русские смотрели с полным пренебрежением: «Калмык-собака». Это отвращение поддерживалось еще и употреблением калмыками в пищу павших животных, главным образом лошадей, мясо которых считается лакомством, в особенности — молодых.

Такое отношение к калмыку, при невозможности уберечься от его налетов, вызвало крайне грустное явление: калмыка стали убивать при всяком удобном случае, даже и не на краже, а просто встреченного в степи, лишь бы не было свидетелей. И это русский человек не считал грехом, хотя при этом забирал его и лошадь, и седло. Труп калмыка, найденный в степи, ни в ком не вызывал ни удивления, ни сострадания.

Легкость повода для убийства доходила до невероятия. Богатый крестьянин Б. имел у себя работником калмыка. Однажды, будучи вместе в степи на кочевке, старик-хозяин посылает калмыка в село привезти что-то. Калмык берет и седлает лошадь, предполагая на ней ехать по поручению хозяина. Б. кричит ему, чтобы он не брал лошадь, а взял бы верблюда. Калмык упрямится и садится на лошадь. Б. схватывает ружье и убивает калмыка наповал. И это не единичный случай.

А вот другой образчик. Мать-крестьянка собирается идти на богомолье в Киев. Она обращается к сыну и говорит: «Ванька! Убей калмыка, я все одно иду в Киев и замолю». «Да я, мамушка, его уже снял», — отвечает сын, то есть убил из ружья, когда он сидел на лошади. И это ни в ком не вызывало содрогания: это способ самозащиты. Крайние села в восточной части губернии, близкие к Астраханской границе, больше всего подвергались нападениям, причем наезжали банды из астраханских калмыков: обилие скота у жителей наших сел служило приманкой для «хищников».

Большое богатое село Арзгир, имея обширное скотоводство, больше других страдало от этих наездов, не без местных участников. И вот снаряжается целый, сильный отряд с ружьями и другим оружием в поход в астраханские степи на калмыков Малодербетовского улуса. Предводительствуют арзгирцы, а участники и из других ближайших сел. Нападают открыто. Громят несколько калмыцких хотонов, не разбирая ни правого, ни виноватого, забирают скот и разные пожитки; не обошлось дело и без убийств, как уверяли очевидцы этого похода. И, пользуясь прикрытием обширной степи, возвращаются с победой восвояси. Это было в восьмидесятых годах XIX века. Обе враждующие стороны посмотрели на это как на расплату за бывшие раньше нападения, и громкое дело это закончилось мировой.

* * *

Особенные условия жизни порождают и своеобразные понятия. Но и вне таких экстраординарных случаев систематическое избиение калмыков шло повсеместно. Но степняк отличался необыкновенным благодушием: несмотря на такое отношение к себе, он был прекрасным и верным сторожем стад хозяина, раз ему это поручено, и никогда он не совершал кражи у «своего»: в этом случае он образцово честен. И при этом он до поразительности неприхотлив: плитка калмыцкого чая и крестьянский хлеб, на варево — баранье мясо — все его питание.

Смесь благодушия, честности и хищничества поражает в натуре этого степняка; а женщины его отличаются высокими душевными качествами и редкими добродетелями. И этот богато одаренный народ гибнет, вымирает, и в настоящее время осталось в Ставропольской губернии лиц обоего пола до 6 тысяч душ из числа народа, выставлявшего когда-то (в первой половине XIX века) по 20 тысяч конного войска и отличавшегося богатством своих стад, обширных табунов лошадей.

Такова уголовная страничка жизни нашего населения.

* * *

Разбойные деяния наших инородцев в значительной степени имели характер молодечества. Как калмыки, так и туркмены имели крупных деятелей этого рода, оставивших по себе большую память. Среди калмыков выдвигался знаменитый Базорка, смелость которого была поразительной. Шайка его была велика и доходила даже и до Ставрополя. Это был именно наездник, герой, «хищник»

имущих, великодушный в известных случаях и никогда не убивавший. Другим подобным героем был разбойник-туркмен Муртазалиев, который действовал в туркменских степях, и все признавали его власть: никто, ни богатый, ни байгуш[4], не мог отказать в его требованиях. Муртазалиев подъезжает к табуну, берет самую лучшую скаковую лошадь, и табунщик не только не препятствует, но даже помогает ловить лошадь и на суде говорит, что она нужна была Муртазалиеву.

Все это достаточно характеризует первую группу «воры» и условия, при которых они «работали». Группа эта объединялась общим чувством — желанием наживы, но только некоторые из участников достигали этой цели, а остальные в конце концов разорялись и гибли; счастливцами были укрыватели, сумевшие ловко скрыть свое содействие воровскому делу.

* * *

Среди убийц видное место занимают лица, осужденные за нанесение тяжких, опасных для жизни побоев, последствием которых была смерть убитого. Неся наказание в некоторых случаях даже более тяжелое, чем за прямое убийство, эти преступники все-таки не могут быть причислены к типу «убийц» по профессии, так как во многих случаях действуют под влиянием не корысти, а в пылу раздражения, в драке, в ссоре из-за хозяйственных расчетов: захват огорода, захват воды для поливки и прочее.

Тут, конечно, каторжные работы обусловливаются той же стойкостью, которую проявляет преступник, нанося удары тяжелым тупым орудием, вполне сознавая опасность их для жизни. Эти дела чисто бытового характера, и свирепость, жестокость, безжалостность, характеризующие эти преступления, свидетельствуют об условиях, в которых протекает повседневная жизнь такого человека, при случае делающегося преступником.

Конечно, необузданность и непривычка сдерживать себя под влиянием сознания и чувства жалости играют здесь главную роль: грубость нравов создает подобных преступников. Примером может служить Ребров ([фото] № 52), осужденный в каторжные работы и отбывший срок наказания. Это хороший мастер-кузнец, живший зажиточно, благодаря хорошему заработку, частью спортсмен, любитель рысистых лошадей, вполне добропорядочный семьянин в обыденной жизни. И вдруг делается преступником. Из-за пустого недоразумения и спора при работе в кузнице со своим молотобойцем он наносит ему кузнечным молотом тяжкие удары и другие побои, от которых тот умирает. Ясно, что только жестокостью в натуре Реброва и крайней грубостью его и можно объяснить этот случай.

Чистым типом убийцы-разбойника являются те, кто сознательно ставит убийство способом, средством для достижения своих корыстных целей, не останавливаясь ни пред какими препятствиями[5]. Яркими представителями этого рода преступников являются Вербицкий, Уманец, Кудлай и Листопад — убийца семьи Морина. Последний особенно интересен.

Иногородний крестьянин Екатеринославской губернии, [Листопад] в Ставрополь пришел на заработки и поступил работником к торговцу разным бакалейным товаром — Морину, торговавшему по базарам и ярмаркам. Каковы отношения были у него с хозяином, с его семьей, никто из Мориных, за смертью, сказать не мог, но свидетели на суде, близко стоявшие к Мориным, соседи их и сотоварищи по торговле единогласно утверждали, что Морин был очень доволен своим работником, выхваляя его за его хозяйственность, старание, добросовестность, честность, расторопность как по дому, так и по торговле. Домашнее хозяйство: лошадь, корова и прочая живность — все в догляде, убрано, двор чистый; со двора никуда не ходит, в свободное время нянчится с трехлетним сынишкой хозяина, который стал любимцем его.

Листопад был своим в семье Морина, и ему во всем доверяли за его тихий нрав и мягкий характер. Сам Листопад на суде говорил, что он был доволен хозяином, жить было хорошо; хозяин — человек хороший, как и его жена. Семья Морина состояла из 5 душ: самого Морина — отца 48 лет, жены — 40 лет, сына 14 лет, дочери 16 лет и сына 3 лет. Жили Морины в Ставрополе, на крайней, довольно уединенной улице, Мутнянке, в своем доме, с большим усадебным местом. Тихая, трудовая жизнь и заботы по торговле создали довольно замкнутое положение этой мещанской семьи.

При полной аккуратности и осмотрительности в повседневной жизни и при отсутствии у Морина недоброжелателей, врагов, ни самому Морину, ведшему добросовестно свою торговлю, и, тем более, его семье не угрожала никакая опасность, и вдруг в одно из воскресений соседи заметили с удивлением, что ставни у окон затворены и никого не видать во дворе, хотя час был уже не ранний. Собрались, заглянули в хату и в ужасе отшатнулись от лежавшего трупа хозяйки в первой комнате. Картина была ужасная: труп Мориной лежал у корыта, в котором она мешала, очевидно, хлеб; кровь залила все хлебное тесто, и в луже под корытом, ниц лицом, лежала Морина, голова была раздроблена тяжелым ударом в затылок. В следующей комнате на кровати лежал труп дочери с рассеченной, развалившейся на две части головой от удара в лоб.

На сундуке тут же лежал труп сына, также с разбитой сильным ударом головой. У задней стены этой комнаты лежал труп трехлетнего ребенка — сына Морина, также с разбитой головой. Кровь залила пол, везде был беспорядок, сундуки открыты, вещи разбросаны. Самого Морина в хате не оказалось, а также не было и работника. По осмотре двора в конюшне оказался труп Морина, лежавший при самом входе в дверях головой вперед. Голова была рассечена сверху вниз

тяжким ударом. Работника Листопада не оказалось, а также не было лошади и повозки, в которой обыкновенно разъезжал Морин по ярмаркам и базарам.

Зная добрые отношения семьи Мориных к своему работнику, следователь первоначально полагал, что и Листопада постигла та же печальная участь, но что труп его брошен в глубокий колодец, бывший во дворе Мориных, около которого была разлита в большом количестве вода. По колесным следам видно было, что повозка выехала со двора и повернула налево по улице, где следы терялись. Никто из соседей не видел, когда выехала повозка со двора, а также шума никакого не слышали.

Ворота были затворены, но замка на них не оказалось. В то время Ставрополь не был соединен железнодорожной веткой с главной линией, и все сообщение шло на лошадях к Невинномысской станции чрез Извещательный пост, отстоящий от Ставрополя в тридцати пяти верстах, где был постоялый двор, и все проезжающие останавливались там для отдыха. Другие дороги шли на село Надежду и село Михайловку. Вот в этих трех направлениях и была послана погоня. Осмотр квартиры не оставлял сомнения, что все имущество Мориных было ограблено и увезено на повозке. Быстро принятые меры дали результаты.

Прежде всего известие было получено с Извещательного поста о задержании преступника. Прибывший туда полицейский пристав узнал от хозяина двора, что на рассвете к нему приехал неизвестный человек в повозке, нагруженной, по-видимому, товаром, что приехавший был, очевидно, очень утомлен и сейчас же заснул мертвым сном и спит и до сих пор, хотя было уже далеко за полдень, и лошадь стоит без корму. Прибывшие сразу узнали лошадь и повозку Морина, а спящий оказался работник Мориных — Листопад. На повозке лежал и тщательно был увязан не товар, а разные вещи, ограбленные у Мориных.

Листопад признал себя виновным у следователя и на суде и объяснил, что вечером, когда стемнело, он приготовил в конюшне топор, пошел в квартиру хозяина, который уже лег спать, и сказал, что лошадь завалилась в ясли, чтоб вышел помочь ему. Пока хозяин одевался и вышел, он, Листопад, стал внутри конюшни у входной двери, и когда тот поравнялся с ним, он ударил его топором по голове. Морин свалился и захрипел. Он нанес ему второй удар в голову и пошел с топором в квартиру. Там жена-хозяйка месила тесто в корыте. Подойдя сзади, Листопад нанес ей удар топором в затылок, и она свалилась, не крикнув. Затем он нанес удары сыну и дочери, спавшим в другой комнате, также «удачно», что они и не дрогнули.

«Но тут проснулся сынишка, трехлетний мальчуган. С этим, — говорил Листопад, — много мне было досады. Жаль было убивать, уж очень просился Митька: «Дяденька, не бей меня». Я с ним все время моего житья играл, с ним вместе спали. Жутко мне стало от его крика, одно твердит: «Не бей», за руки хватает, на колени лезет, цапается за полы. А топор у меня в руке. Отвяжись, говорю, Митька… И тут я его хватил по голове… Затрепыхался… Жалко стало… Слеза прошибла».

По осмотру у Листопада на штанах и на поддевке видны были кровавые следы от детских рук. Все это Листопад передавал совершенно спокойно на суде, нисколько, очевидно, воспоминания кровавой ночи не волновали его.

«Потом я умылся у колодца, руки хорошо вымыл, чтобы не запачкать одежи. Кровь больше была от Митьки. Пришел потом в хату и стал забирать их добро и на повозку укладывать. Здорово уморился, спешив до солнца уехать на Невинку, там я бы скоро сдал это добро; лошадь хорошая; я не думал, что хватятся в эту сторону. На Извещательном сон одолел, я и заехал отдохнуть часок, но заснул и забыл все…»

Спокойствие, с которым держал себя на суде Листопад, обнаруживало в нем человека, видевшего кровавые сцены. Но Листопад не обнаруживал какой-либо ненормальности, говорил последовательно, связно. В тюрьме он подвергнут был медицинскому надзору, и комиссия дала заключение, что психически он здоров. Защищал его на суде, по назначению от суда, присяжный поверенный Ган, который пытался дать всему делу оборот психического расстройства: явная ненормальность, по его словам, видна в рассказе об убийстве малютки-Митьки. Но эксперты твердо стояли на заключении комиссии. Между прочим, на вопрос председателя, зачем он убивал Митьку, когда ему было жалко, Листопад спокойно отвечал: «А зачем ему одному оставаться, а взять с собой — он все расскажет, он такой дошлый». И, помолчав, Листопад добавил: «Уж очень он чувствительный, мое сердце повернулось, слеза прошибла». На вопрос о причине совершения преступления Листопад отвечал с некоторым недоумением в голосе: «Хотелось хозяином пожить… А жить было хорошо, только все не свое».

Я посетил Листопада в тюрьме вскоре по его доставлении. Вид у него был совершенно спокойный, чистая арестантская сорочка и порты, гладко причесанная голова и, как мне показалось, намазанная маслом, оставляли впечатление заботливости о своей внешности. Лицо полное, слегка рябоватое, глаза небольшие, карие с желтизной, рост немного ниже среднего. Общее впечатление благоприятное и ничего напоминающего в фигуре и движении о кровавой расправе, совершенной этим человеком. Руки, как мне показалось, не особенно развиты, кисти будто, несколько короче обыкновенных. Вышел он ко мне с Евангелием в руках и на мой вопрос, читает ли он эту книжку, ответил, что читает, и очень хорошая книжка. Чистая внешность и благодушное настроение преступника оставили впечатление мягкого и сердечного человека, и фальши в его поведении при свидании со мною я не заметил.

Тюремный режим и содержание в одиночке также не оставили на нем следа — вид был упитанный. К сожалению, не имелось в тюрьме антропометрических приборов, и правильных научных измерений произведено не было.

* * *

Следующими по жестокости должны быть отмечены Кудлай и Уманец. Этих двух деятелей соединила тюрьма. Оба они попали в тюрьму каждый за свой грех, по своему делу, и тут они познакомились, стали действовать сообща.

В прошлой жизни Уманца не было кровавого дела. Это был хороший сапожник в селе Петровск[ом], правда, знавшийся с местным преступным элементом и находившийся в постоянном общении с отдельными лицами. Необыкновенно общительный, мягкий в обращении со всеми, услужливый и предупредительный пред начальством, он вполне располагал к себе и производил впечатление развитого, бывалого городского жителя с мягкими манерами и вкрадчивым голосом. В тюрьму он попал за свое общение с преступниками-ворами и благодаря своим способностям не особенно тяготился временным заключением, надеясь скоро освободиться благодаря расположению к нему местных властей. Его выпустили на поруки, и он сшил превосходные сапоги исправнику.

Молодой еще человек, в возрасте до тридцати лет, он привлекал к себе простотой и невзыскательностью, не жаловался на свое положение, а жил в убогой хатенке, не проявляя намерения иметь лучшую обстановку и лучшие условия жизни. Следствием впоследствии [была] обнаружена его широкая преступная деятельность не только в данном месте, но и в других местах губернии при посредстве русских, туркмен и калмыков. Не принимая личного участия в самих преступлениях и оставаясь пунктом для свиданий, он был душою к преступному делу*. В его хатенке обсуждался план действий на будущее, задуманное дело, у него же находили преследуемые преступники пристанище, скрываясь в погребе под его хатой и в других местах.

Оказалось, что не одно воровство проходило чрез его руки, но и грабежи, разбои и даже убийство на стороне становились ему известными, и участникам этого дела он оказывал содействие и помощь. Умелый и обходительный, он уживался в селе и не возбуждал против себя вражды, хотя слухи о его сношениях с ворами уже ходили по селу. Крупный разбой привел, наконец, следователя и к Уманцу, у которого неожиданно были обнаружены краденые вещи и принадлежности преступного промысла. Это привело его в тюрьму, где он и познакомился с Кудлаем. Работая по сокрытию преступлений, он, конечно, получал известную долю вознаграждения, но все получаемое им шло на тех же членов преступной шайки, которые всегда находились в тяжелом материальном положении, и Уманец оставался бедняком, хотя для выхода, так сказать, он имел приличный костюм и всегда прекрасные сапоги. Вторая половина деятельности Уманца идет вместе с Кудлаем.

В селении Дивном проживала семья крестьянина Кудлая. Хороший хозяин, Кудлай любил зайти вечерком в кабак и выпить с приятелями водочки. Там же проживал старик Ковальчук. Не имея средств на выпивку, Ковальчук обыкновенно приставал к богатому крестьянину в кабаке и старался, чтобы его угостили. При этом он, как старожил, знал недостатки всех зажиточных хозяев и поэтому, подходя к выпивающим, начинал какой-нибудь неприятный рассказ про того или другого богача. Чтобы отвязаться от него, ему давали стаканчик-два, но обыкновенно в компанию свою не принимали. И, переходя от одного к другому, Ковальчук порядочно напивался и возвращался домой пьяненьким. Безобидный сам по себе, Ковальчук ради выпивки преследовал богачей, озлобляя их против себя. В числе богачей был и Кудлай. После войны к нему пришел его племянник — молодой Кудлай.

Статный, красивый, щегольски одетый, бомбардир, имевший знак отличия на груди, молодой Кудлай, конечно, примкнул к богачам и даже между ними держался отдельно, имея хорошие средства. В злополучный день, 13 сентября, он во всем своем наряде пришел в гости к дяде Кудлаю. Желая похвалиться своим племянником, дядя повел его в кабак и там стал его угощать, а к нему присоединились 2—3 богача. Благодушно выпивая и слушая рассказы бомбардира, компания приветствовала старика Кудлая, восхваляя за такого племянника. В кабак пришел и Ковальчук. В числе других Ковальчук посмеивался над стариком Кудлаем: «А Кудлая розгами били». Этими словами Ковальчук постоянно преследовал Кудлая, вымогая у него на выпивку. И в данный вечер, когда Кудлай чествовал своего племянника, окруженный богачами села, незаметно подошел Ковальчук и, видя, что на него не обращают внимания и не угощают, в компанию не зовут, начал свой припев: «А Кудлая розгами били». Это всегда страшно злило Кудлая, а в данный момент довело его до бешенства.

Дав стаканчик, Кудлай думал отделаться от Ковальчука, но тот не унимался и требовал приглашения в компанию, требовал денег. Кое-как отделавшись от Ковальчука, Кудлай старался выпивкой загладить неприятное впечатление, произведенное выходкой злого Ковальчука. Дело заключалось в том, что, когда Кудлаю было 15 лет, он украл овцу, и за это по приговору схода его наказали розгами. С тех пор прошло 45 лет, и все это время злой Ковальчук преследовал своими буйными выходками Кудлая. В данный вечер Ковальчук особенно обозлил Кудлая, нарушив его пьяную компанию и вызвав смех и у остальных гуляк, бывших в это время в кабаке. Компания разошлась. Село Дивное разделяется на две части оврагом, через который надо было проходить к ручейку, возвращаясь домой.

---

* Так в тексте.

Совершенно пьяный Ковальчук тоже поплелся до дому. Все стихло, гуляки разошлись, кабак опустел, и Кудлай возвратился домой. Наступила ночь. На рассвете следующего дня, когда одна из женщин проходила на ту сторону села, она заметила на дне оврага, на дороге, что-то лежит, и, испугавшись, она побежала и заявила об этом в волость. Явившийся старшина увидел, что лежит человек, но головы у него нет, и кто это такой — неизвестно. Начался опрос, и никто не мог дать точных показаний.

Ковальчук в эту ночь домой не приходил. Это событие привлекло власти и следователя, и при осмотре обнаружилось, что лежит человек, а голова у него размята. При ближайшем осмотре увидели, что голова у покойника истоптана ногами, на кровавых остатках и уцелевших мясных частях, а также и вокруг головы на земле были явственные отпечатки следов человека, обутого в сапоги хорошего, не крестьянского покроя, на подборах — с подковками. Не оставалось сомнения, что орудием преступления были ноги, ударами которых и растоптана голова. Около трупа никаких тяжелых орудий не оказалось, а также и в овраге не было каменьев. Установлено было, что убитый есть старик Ковальчук.

Начатое следствие установило, что Ковальчук был накануне в кабаке в обществе Кудлаев. Поэтому следователь сделал осмотр Кудлаев, и оказалось, что старик Кудлай был в больших крестьянских сапогах, и у него не было подозрительных следов. А у Кудлая, племянника, сапоги были забрызганы кровью с прилипшими к ним мясными частями и волосами от головы, и подборы его сапогов с подковками ясно отпечатались на размятой голове Ковальчука и дальше, вокруг его головы.

Пьяный Кудлай еще спал и потому мер к сокрытию следов преступления принять не мог. Как совершилось убийство, никто сказать не мог, а также и кто совершил его. Один из свидетелей показал, что, проходя мимо Кудлаев, уходивших из кабака, он слышал, как старик Кудлай сказал: «Все бы отдал, кто бы избавил меня от этой стервы», — и затем Кудлаи удалились в сторону оврага. Арестованный Кудлай, изобличенный ясными следами его ног у головы убитого, сознался и рассказал, что когда дядя сказал, что «кто бы избавил его от этой стервы», он пошел за Ковальчуком, столкнул его, пьяного, в овраг и, спустившись туда, свалил на землю и растоптал его голову своими ногами, не имея ничего тяжелого в руках.

Оба Кудлая были преданы суду и сосланы в каторжную работу. Так молодой красивый бомбардир попал в тюрьму, в общество Уманца. При свидании с Кудлаями оба они производили впечатление людей совершенно нормальных. И за ними не было преступных фактов. По отзывам тюремной администрации, Уманец и Кудлай вели себя безупречно. Всегда вежливые, предупредительные, послушные, помогали смотрителю узнавать тюремные тайны и другие злоумышления мелких преступников. Они вошли в доверие [к] смотрителю и пользовались свободой, занимаясь шитьем хороших сапогов. Следствие тянулось, и старик Кудлай также привлечен был к делу в качестве обвиняемого. Оба обвиняемые принесли полное раскаяние. И вот в одно прекрасное утро ни молодой Кудлай, ни Уманец на проверке не оказались. Оба бежали и бесследно исчезли.

Прошел год. Сведений о бежавших не было, а в это время совершен был ряд преступлений в разных местах. На станции Степной вырезана семья сторожа. В Ставрополе зарезана молодая девушка, жившая отдельно, и преступники не были разысканы. В то время сообщение из Ставрополя шло железной дорогой на станцию Невинка. И вот со станции этой в фургон садится псаломщик Закхей вместе с двумя пассажирами. Не доезжая до Ставрополя десяти верст, в одной из балок нашли два трупа, из которых в одном признали псаломщика Закхея; ни лошадей, ни фургона не было, другой труп был фургонщика. Ехавших вместе с Закхеем пассажиров не оказалось. Свидетели установили, что Закхей, очевидно, знал одного их пассажиров, потому что назвал его по имени, но тот не отозвался и постарался уклониться и, очевидно, был загримирован.

Бежавшие оба — Уманец и Кудлай — были, наконец, пойманы и преданы суду. На суде оба держали себя развязно, спокойно; и Уманец подробно рассказал о встрече с Закхеем на станции Невинка и о последующем событии убийства. Он и Кудлай приехали на станцию Невинка и наняли фургон, чтобы ехать в город Ставрополь. «Мы хотели ехать только вдвоем и предупредили фургонщика не брать никого. Но тут черт поднес Закхея, который, порядочно выпивши на постоялом дворе, пристал к фургонщику взять его с собой, чтобы приехать в Ставрополь. Подойдя к фургонщику, я увидел пьяного псалмопевца, к[ото]рый узнал меня, назвал по имени, хотя мы оба были загримированы; он хорошо меня знал, я с ним жил в одном селе. Отвязаться от него не было возможности, и я сделал вид, что не узнаю его. Приходилось ехать с ним, и он сам напросился на свою смерть. Оставить его в живых не было возможности — он, несомненно, выболтал бы и обнаружил нас.

Не доезжая десяти верст до Ставрополя, мы свернули в балку и стали обедать. Не предчувствуя ничего, псаломщик весело закусывал и выпивал. Но вот нам захотелось потешиться над ним... Я взял у фургонщика вожжи и стал делать петлю, Закхей посмеивался и не чувствовал, что это готовится для него. Наконец я накинул петлю ему на шею и один конец вожжей взял, а другой дал фургонщику, и стали затягивать. Закхей онемел от ужаса, стал проситься, думая, что это шутка. Наконец фургонщик бросил конец вожжей, и его взял Кудлай, и мы начали постепенно затягивать. Закхей молил, лицо его исказилось, глаза вылезли на лоб, и он задыхался, а нас все это потешало, искаженное лицо с высунутым языком, с петлей на шее, подпрыгивающего, танцующего, делающего уморительные прыжки, доставляло нам большое удовольствие. Так мы упражнялись над ним часа

полтора. Наконец он стал ослабевать, и мы затянули петлю насмерть, и он запел не своим голосом. Испуганный фургонщик бросился бежать, но Кудлай догнал его, и мы к вечеру покончили с ним, и в ночь повернули лошадей обратно, оставив оба трупа на месте».

Эта проявленная жестокость нисколько не отражалась на состоянии рассказчика: с некоторым бахвальством передавал последние минуты жизни Закхея. Эти крупные деятели преступного мира находятся в тесной связи с другим, еще более крупным лицом, который был, очевидно, главарем шайки, к которой примкнули Уманец и Кудлай в числе других. Это был Вербицкий, за которым числился целый ряд кровавых дел, но его деятельность развивалась в Кубанской области, и подробности его «работы» были раскрыты на процессе в Екатеринодаре. И по Ставрополю он известен только мелкими разбойными делами и убийством своей возлюбленной, жившей в городе Ставрополе, красавицы, которая давала ему приют, но он ее заподозрил в сношениях с полицией и, явившись к ней ночью, перерезал ей горло. На процессе, между прочим, выяснилась характерная подробность в показаниях свидетелей. Свидетели видели, как Вербицкий в квартире своей любовницы, [в] хорошо обставленной комнате, распивал чай и ужинал, при этом нежно ласкал двухлетнего ребенка, прижитого с этой красавицей. Это было за неделю до того, как ее нашли с перерезанным горлом лежащую на диване с зарезанным ребенком на груди.

Кровавые похождения Вербицкого свидетельствуют о[б] особенной жестокости этого преступника. Вербицкий, смелый и решительный и необыкновенно находчивый человек, был долго неуловим, несмотря на то, что смело показывался в Ставрополе и других местах. По внешнему виду это был торговец-шабай, щегольски одетый, производивший симпатичное впечатление своими мягкими манерами, приятным голосом и предупредительностью в обращении. [Он был] высокого роста, красивое лицо с небольшими усами не изобличало свирепого преступника, но в нем резко бросалась в глаза очень маленькая голова сравнительно с его ростом. При свидании с ним я обратил на это внимание, и думаю, что голова составляла двенадцатую часть его роста. Эта ненормальность дает возможность и тех злодейств, которые числятся на его совести.

* * *

Все преступники, связанные [с] семейными распрями, не проявляют особенной жестокости и действуют с помощью сулемы и мышьяка или же путем удавления (удушения); страдающими являются больше жены. В отдельной главе я полагаю более подробно осветить характерные случаи этих преступников, а теперь закончу одним выдающимся случаем семейной расправы.

В селе проживал калека безногий, нуждавшийся в посторонней помощи. Он жил нищенством, он ползал, как собака с перебитым задом, и не мог подняться ни на одно сиденье. Так он влачил свою жизнь и достиг двадцати шести лет. Сердобольные жители охотно помогали калеке бездомному, подавая кусочки хлеба и разной пищи, которые он складывал в своей каморке. Ванька, калека, был парень расчетливый, и то, что не поедал, он приберегал до прихода к нему других нищих — калек, слепцов, которые покупали у него эти остатки, не брезгуя никаким составом кусков. У него накоплялось значительное количество пищевых продуктов, и были у него и деньги. Сердобольные бабы, имея в виду этот избыток разных кусков и возможности продавать их, задумали женить Ваньку, а Ванька производил отталкивающее впечатление своим безобразием, уродливостью головы и лица. Весь он был исковерканный, с длинными руками, со сплюснутой головой, выдающейся нижней челюстью, с большими зубами — он напоминал обезьяну, при этом хриплый, неприятный голос довершал общее безобразие.

В том же селе жила девушка Нюра, известная под именем «Дура». Это было благодушнейшее существо, никому не причинявшее вреда и всегда бывшее на побегушках у той или другой женщины. Не заботившаяся о себе благодаря своему слабоумию, она охотно работала, [делала] что ее заставляли, но по-свойски была все-таки дурой, ходила в одной рубашке, коротко остриженная, вечно голодная и холодная. И вот эту Нюру задумали отдать замуж за этого калеку. Поженили их, и Нюра стала ухаживать за своим калекой-мужем. Носила его на себе, мыла, одевала, обувала, и, насколько разумения у нее хватало, ухаживала за ним, к удивлению; она стала заботиться о подаваемых кусках и собирала их изрядное количество, хорошо выручая при продаже. Положение калеки улучшилось, и Нюра как будто стала толковее, несмотря на свое слабоумие и отвратительный вид калеки-мужа.

Калека понял, как она ему необходима, и боялся, что она уйдет от него, и за отлучку из хаты бил ее почем попало, и Нюра терпела. У калеки в соседнем селе были родственники, и вот он задумал поехать навестить их. Выпросил лошадь с повозкой. Нюра посадила его, и поехали. Пробыли там довольно долго, и калека возвратился один, заявляя на вопрос, где жена, что она бежала от него. Всем это не показалось странным, ввиду его безобразия и жестокого обращения с женой. Так прошло дело до осени, никто не беспокоился об отсутствии Нюрки.

И вот однажды казак, проезжая дорогой, по которой никто не ездил, остановился напоить в колодце лошадь. Заглянув в колодец, он увидел там что-то лежащее и как будто две ноги. Испугавшись, он заявил в волость, и приехавшие власти при осмотре установили, что в колодце вниз головой лежит человек. По извлечении трупа выяснено, что это была Нюра, пропавшая со времени поездки с мужем к родственникам. Начатым следствием установлено было, что калека поехал обратно

домой вместе с женой. Допрошенный следователем, калека долго не сознавался, наконец, рассказал, что, когда он был у своих родственников, Нюра уходила от него и гуляла с парнями.

Свидетели установили, что Нюра ухаживала за своим мужем, давала ему лучшие куски и не позволяла себе любовных похождений. Но калека ревновал ее и бил немилосердно. Тихая, безответная, она все переносила и, когда собрались домой, она усадила мужа на повозку. Ехали мирно, но муж свернул не по той дороге, как надо ехать, и, когда она спросила, зачем он это делает, он сказал, что хочет напоить лошадей. Когда подъехали к колодцу, он велел снять его и стал смотреть в колодец и звал ее посмотреть, уверяя, что там что-то лежит. Она подошла к колодцу, и он принудил ее перегнуться, а затем схватил за ноги и опрокинул в колодец. На суде он со смехом рассказывал, как она просилась из колодца, пока не задохлась, а он смотрел в колодец и толкал ее палкой. На вопрос судей, за что он так жестоко с ней поступил, он отвечал: «А она пусть с парнями не гуляет». Калеку осудили в каторжные работы <...>.

Êîìåíòàðèè

Рукопись осталась незаконченной, хранится в СГКМ (Ф. 2, оп. 1, д. 71, лл. 9—68). Написана четким, легко читаемым почерком и практически не имеет помет автора. На первом листе запись: «Полистный сбор за просмотр произвед. гр-на Прозрителева «Преступные типы Ставроп. губ.» взыскан Ставрокрфинотделом в сумме четыре рубля 50 копеек. Квитанция № 403080 от 5 августа 1926 года, Зав. окрлит [подпись неразборчива]». В тексте рукописи имеются пометы и подчеркивания карандашом, сделанные, очевидно, цензором. На последнем листе рукописи рукой Прозрителева написана дата «5 июля 1926 года». В датировке шестерка затем была исправлена на девятку.

Рукопись опубликована в газете «Вечерний Ставрополь» в 1995 году (№№109—112,115—117,120—121).

Ïðèìå÷àíèÿ

1. К рукописи прилагается список лиц, фотографии которых, очевидно, имелись в коллекции Музея Северного Кавказа (там же лл. 69—83). В нем отмечено 334 фамилии ссыльнокаторжных и бродяг, 365 фотографий.

2. Кумыки — народность тюркской языковой группы, составляющая часть населения Дагестана.

3. Хотон — калмыцкий аул, селение.

4. Байгуш — нищий, обнищавший туркмен.

5. В отдельной статье, посвященной Листопаду, Прозрителев писал по этому поводу следующее: «Преступность вообще характеризует состояние общества данного времени, а та или другая степень жестокости, проявленная преступником; служит показателем общего недовольства населения, степень его озлобленности против условий современного порядка.

Конечно, не все так настроены и взвинчены до возможности проявления необузданной жестокости, но массовое раздражение, недовольство выливается у некоторых индивидуумов в свирепую расправу, и они являются, так сказать, как бы мстителями за общее угнетение.

Условия, создаваемые правящими классами, безусловно, отражаются на психике народа и дают повышенную чувствительность в отношении всех мероприятий, вносящих в бытовые условия те или другие ограничения. Невозможность проявить протест и необходимость подчинения вгоняют, так сказать, раздражение внутрь, в глубину души, делают его затаенным и выдвигают одиночек, способных по своим личным качествам к активности. Конечно, все это прорывается прежде всего в отношении имущих, и преступление получает характер корыстного посягательства.

Условия жизни царского периода были таковы, что они накопляли недовольство, раздражение и оформливали народный гнев. Если тщательно проследить статистику преступлений, то уголовная хроника задолго еще до 1905 года давала показание наличности элементов борьбы и неизбежный революционный исход. Вследствие этого и те или другие мероприятия, клонившиеся к упорядочению осложнений и внесению облегчения, не могли иметь успокаивающего влияния и принимались с полным безразличием.

В нашем крае все эти явления выступали с большой выпуклостью и были понятнее как предвестники: поразившего «суда божия», но им не придавали этого значения. Бунт крестьян при предъявлении владенных записей, чумные бунты, сопротивление властям, недовольство земскими начальниками и другое — это были отдельные факелы, загоравшиеся по местам» (Ставропольский государственный краеведческий музей, Ф. 2, оп. 1, д. 71. лл. 84—87).

Комментарии и примечания В.В. Белоконь

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Прозрителев Г.Н. Преступные типы Ставропольской губернии. 5 июля 1926 года. — Архив Ставропольского государственного краеведческого музея. Ф. 2, д. 71, лл. 9—68, 84—87 об.

ÄÂÅ ÆÅÐÒÂÛ. Î ËÜÃÀ ÍÅÑÒÅÐÎÂÀ È ÀÍÞÒÀ ÁÐÀÃÓÍÎÂÀ. ÈÇ ÏÐÎØËÎÃÎ ÑÅÂÅÐÍÎÃÎ ÊÀÂÊÀÇÀ

Бестужев-декабрист. Ссылка его на Кавказ. Знакомство с красавицей Ольгой Нестерцевой. Убийство Ольги Нестерцевой. Французский писатель Дюма-pire[1]. Памятник Ольге Нестерцевой. Осуждение Бестужева. Смерть Бестужева в бою с абхазцами.

Анюта Брагунова — красавица, дочь отставного солдата. Выступление Анюты на балу среди изысканной дворянской публики. Возмущение общества. Исчезновение Анюты. Приведение. Труп молодой девушки, повешенной за ноги вниз головой на казачьей вышке.

В наших кавказских архивах среди материала о грозных военных событиях и мрачных бытовых картинах проходят иногда и любовные истории, не только пикантные по своим подробностям, но и весьма печальные по своему трагическому концу. Взятые нами две жертвы, конечно, не единственные факты нашего длинного кавказского прошлого, но они выделяются как по исключительности своей обстановки, так и по личностям, участвовавшим в них.

Конечно, при полной и обстоятельной разработке архивов прошлое нашего края выяснилось бы с большею точностью и подробностями, но, к сожалению, архивы наши не только не разработаны, но даже и недостаточно сохранены и подвергались беспощадному расхищению. И приходится часто довольствоваться при научных работах обрывками дел, сохранивших драгоценные данные быта и нравов прошлого и следы кровавых драм, разыгрывавшихся в разных местах нашего края. Сама судьба часто приходит на помощь к сбережению остатков нашего прошлого, и каким-то чудом спасаются от гибели письменные свидетельства интересного прошлого.

Нигде не находятся в таком небрежении памятники прошлого, как у нас, и потому мы не знаем своего прошлого и не ценим героических заслуг своего народа в борьбе за свое существование и за свою свободу. По уцелевшим архивным данным и рассказам современников мы и воспроизводим эти две печальные истории, из которых в первой, как «deus ex machina»[2], является француз в лице своего знаменитого писателя Александра Дюма-pire, как бы судьбой посланного, чтоб выявить образ безвременно погибшей девушки, ставшей жертвой своей пламенной любви и роковой преданности любимому человеку.

* * *

Мы в Дербенте. Некогда грозная крепость эта, в остатках своих пережившая свою грозную силу, ныне расхищаемая по камешкам с ее стен, обагренных сотни раз кровью защитников их и свирепых пришельцев, пытавшихся овладеть ими, видела под стенами своими и греков во главе с великим Александром, и римские легионы, и персов, и толпы крестоносцев, и, наконец, русские войска… Крепость замолкла, кровавый мираж, окутывавший ее, рассеялся, и чрез стены ее ныне с грохотом и свистом мчатся поезда железной дороги.

Только намеки на бывшие ханские постройки (дворцы) могут увидеть в цитадели туристы, да у берега моря землянку великого преобразователя России — Петра I, из того далекого и грозного прошлого. Великий исторический путь, которым шли народы, наводнившие Европу, сторожила некогда эта цитадель, венчая возвышенность и господствуя над узким проходом.

И здесь, на месте славы былых дней, в ныне небольшом городке (в 30-х — 40-х годах) и разыгралась драма, привлекшая внимание французского писателя. «При первом же посещении в 1893 году остатков цитадели, венчающей кручу, с которой домики городка сбегают к морю, — говорит очевидец, — я заинтересовался стройным пирамидальным из серого плитняка памятником, уединенно стоящим на самом гребне обрыва невдалеке от крепостного вала»[3]. На одном боковом фронтоне его была высечена надпись: «Здесь покоится тело девушки, дочери цехового, Ольги Нестерцевой 20-ти лет», — а на другом — изображение стрелы, вылетающей из тучи, пронизывающей сердце. Среднюю часть памятника занимает надпись на французском языке с подписью «Александр Дюма». В надписи этой великий писатель сравнивает Ольгу с безвременно погибшей от осеннего ненастья розой и просит тяжелую землю пухом лечь над покоящимся под нею «нежным цветком». Загадку этого памятника и надписи на нем разъясняет наш архив.

В тридцатых годах прошлого столетия проживал в Дербенте цеховой Нестерцев, дочь которого, выдающейся красоты, Ольга, была любимицей и баловнем семьи. Красавица Ольга привлекала к себе и выдающимися чертами своего характера: необыкновенно сердечная, приветливая и привязчивая, она и среди знакомых своих была желанным гостем и другом в нужде и печали. Ольга была восемнадцати лет, когда она в полном расцвете своей красоты и очаровательности столкнулась с человеком далеко не ее среды, которого судьба забросила в Дербент с далекого севера. Красота Ольги пленила пришельца, обладавшего, в свою очередь, всеми качествами, могущими обворожить

женщину и сделать ее покорною ему. Разгоревшаяся страсть незнакомца не знала пределов, и скоро пылкая, но простая, доверчивая Ольга, чуждая лжи и притворства, была в объятиях пришельца и отдала ему себя и свое сердце со всею пылкостью юной страсти.

Дни проходили, и счастливая своей любовью Ольга еще больше расцвела и в то же время сильнее и сильнее привязывалась к своему возлюбленному. Он искренно отвечал ей страстными порывами, упиваясь доставшимся ему счастьем. Ольга безгранично привязалась к нему до полного обожания. Да не могло и быть иначе: пред ней был изгнанник, пострадавший за свои убеждения, разжалованный блестящий офицер, отдавший себя делу великого освобождения своей Родины от угнетения и рабства и брошенный сюда, на Кавказ, властною рукою, жестоко покаравшей всех участников мятежа. Ее друг был *декабрист Александр Бестужев*, блестящий гвардейский офицер, разжалованный в солдаты и высланный на Кавказ…

Бестужев — друг Пушкина, Рылеева, талантливый писатель, известный своими стихотворениями и романами, имел читателей по всей России и многочисленных поклонников и поклонниц его таланта, известный в литературе под именем Марлинского, он пользовался в то время большим успехом и стоял в первых рядах новых передовых писателей. И вот, он здесь, в глуши, в серой шинели солдата пред девушкой, дочерью цехового, простой, но с чутким сердцем и пылкой душой, стремящейся ко всему высокому и прекрасному. Пред ней в лице ее друга открывался другой, новый мир, мир грез, надежд и испытаний, мир правды и борьбы за святое великое дело. Кто не знал тогда в России имен Пестеля, Рылеева, Каховского, Бестужева и Муравьева и не поминал их в числе мучеников… Восторженная девушка сделала своего друга своим кумиром, и понятна ее тревога при одной мысли о возможности потерять его.

А между тем время шло и вносило охлаждение в первый пыл страсти, что не могло не волновать чуткую девушку. А условия, в которых она находилась, отдаленная от своего возлюбленного, в своей простой семье, и его постоянное вращение в «обществе», среди многих дам, естественно, должны были нервно настраивать Ольгу и заставлять ее чутко прислушиваться ко всему, что доносилось до нее о ее друге. А слухи не были успокоительными, и досужие кумушки не скупились на передачу вестей о его знакомствах, встречах и посещениях. Конечно, женщины того общества, куда Ольга по своему положению не имела доступа, создавали главную опасность и пугливо настраивали Ольгу, хотя по красоте своей она не знала соперниц. Увлечения ее друга и соблазны, которые были на его пути: открытые искательства, ухаживания за интересным, молодым и красивым изгнанником со стороны многих дам того общества — все больше и больше становились для Ольги определенным фактом и не могли не повести к роковой развязке. Ревность, чувство страха от потери дорогого человека и жгучая обида создавали для Ольги мучительное, роковое состояние духа.

Но действительность далеко не была так мрачна, как это казалось ослепленной страстью Ольге, и ее кумир далек был от мысли покинуть Ольгу, хотя и не был чужд некоторых увлечений. Возможно, что в дальнейшем Ольга стала бы спокойнее относиться к создавшемуся положению, ближе узнав обстановку жизни своего друга, но возникавшие сцены ревности должны были вносить в их отношения крайнее раздражение. Время могло внести успокоение… Но судьбе угодно было распорядиться иначе и скорее положить конец этой надломленной любви…

И вот Ольга, мертвая, с простреляннной грудью, лежит на постели в квартире своего возлюбленного. Кончилась жизнь даровитой девушки, этого нежного великолепного цветка, сломленного осенней бурей…

Началось следствие. Образована была военно-судная комиссия. Бестужев объяснил, что в роковой день Ольга, придя к нему на квартиру, увидала на столе у него женскую перчатку, которая была для нее доказательством измены, и после сцены ревности, обезумев и в отчаянии, схватила его пистолет и выстрелила в себя… Это объяснение, в связи со всеми обстоятельствами, выясненными следствием, казалось справедливым, и автор «Из прошлого Дербента» говорит, что будто бы военно-судная комиссия по большинству голосов согласилась со справедливостью этого объяснения и *признала* в своем заключении, что Ольга в припадке умоисступления *сама лишила себя жизни*. Но почтенный автор не имел в своем распоряжении *самого заключения комиссии*, а подлинное дело, бывшее в нашем распоряжении, говорит совсем иначе.

Прежде всего было установлено, *что пистолет, из которого был сделан выстрел, лежал под убитой и не мог быть положен ею туда*. Дело озаглавлено «По обвинению лишенного прав поручика Александра Бестужева в убийстве девицы Ольги Нестерцевой». Дело имело 30 листов, заключало в себе формулярный список обвиняемого, протоколы допроса свидетелей, обвиняемого, план дома и рисунок внутренности дома (комнаты) и положение убитой (дом стоял в саду). Затем в заключении комиссии, подписанном председателем, говорится: «Так как обвиняемому, как лишенному прав, полагается наказание палками, угрожающее его жизни, то представить на усмотрение главнокомандующего». Таким образом, несомненно, что комиссия *пришла к заключению о виновности обвиняемого*, но ввиду исключительного положения обвиняемого и во внимание его личных достоинств, выдающейся храбрости, проявленной в боях с горцами во время пребывания на Кавказе, нашла необходимым представить приговор на усмотрение главнокомандующего, от которого зависело смягчение участи обвиняемого[4].

Так кончилась жизнь красавицы Ольги, давшей при жизни своей столько радости, наслаждения и ласк своему другу, и своею смертью она не принесла ему позорного на эшафоте конца. Но избавленный от наказания друг ее с тех пор не находил себе покоя и, как говорят современники, искал смерти, участвуя во всех опасных походах, бросаясь в лихие схватки. И, наконец, просил назначить его в экспедицию против абхазцев, где и погиб в бою в 1838 году, бросившись против явно превосходившего численно неприятеля. Тело его не было найдено, несмотря на все поиски товарищей и приказание высшего начальства. Очевидцы этого жестокого сражения уверяют, что Бестужев был изрублен в куски… Так окончилась эта печальная история, начавшаяся безоблачным счастьем.

Но в этой истории все так необычно, полно неожиданностей, что приходится повторить слова Бестужева: «Чему быть — того не миновать», — что человеку предопределена его судьба — он был фаталист. И действительно, со смертью двух главных действующих лиц, казалось бы, все погребено в прошлом, все забылось, следы исчезли, и «самое дело *оказалось изъятым из полицейского и военного архивов*» и погибло. Но вдруг снова выплывает эта печальная трагедия, и образ Ольги встает во всей красе своей.

В сороковых годах прошлого столетия знаменитый французский писатель Александр Дюма путешествуя по Кавказу, посетил Дербент. Здесь, знакомясь с прошлым края, он узнал и о трагической судьбе несчастной Ольги Нестерцевой. Тогда еще были свежи в памяти родных и знакомых подробности всей драмы и, особенно, в рассказах ее няни, горячо любившей свою «красавицу Олечку». Пылкий француз горячо принял к сердцу судьбу погибшей девушки и неутешную скорбь, слышавшуюся в рассказах о ней, и со всею галантностью и чуткостью француза откликнулся: возвратившись в Париж, он прислал намогильный памятник, увековечив на нем своею надписью прелестный образ Ольги. Сердце, пронзенное стрелой, вылетающей из мрачной тучи, эффектно передает все содержание драмы, дополненное талантливой надписью.

Можно бы думать, что на этом неожиданном участии великого писателя и замолкает память об Ольге, но судьбе угодно было еще раз напомнить о ней. И если появление французского писателя-романиста в этой печальной истории поражает своею неожиданностью, то и следующее обстоятельство является не менее замечательным.

Обозревая в 1916 году в качестве председателя Ставропольской ученой архивной комиссии архивы Ставропольской губернии, я посетил и Безменова на его хуторе «Николина Пристань» Ставропольского уезда, ныне округа. Зная его любознательность и научные занятия, я осведомился и о бумагах его отца. И, к удивлению моему, оказалось, что в его семейном архиве уцелело дело об убийстве Ольги Нестерцевой. Дело в том, что покойный отец Безменова служил в тридцатых годах в Дербенте, и при нем разыгралась злополучная история Ольги Нестерцевой. В 40-х годах отец был переведен в Ставрополь прокурором, и он привез с собою знаменитое дело. Это оказалась копия, написанная собственноручно покойным отцом Безменова. Таким образом погибшее дело нашло себе спасителя.

Но, охраняя память Ольги в течение 86 лет, судьба, наконец, кладет конец своей заботливости, закончив трагическим эпизодом. В 1919 году Безменов Николай Николаевич был расстрелян карательным отрядом белых как революционер. При сопротивлении обыску и аресту были сделаны Безменовым выстрелы, и во время погрома случился пожар в его хате и сгорела его библиотека и бумаги, и в числе их знаменитое дело об убийстве Ольги Нестерцевой, сбереженное его отцом.

* * *

Другая печальная история имеет местом своего действия Ставрополь. Событие относится к концу 50-х годов прошлого столетия. Еще живы некоторые современники этого выдающегося по своей жестокости поступка.

В то время Ставрополь был центром всего Кавказа, его столицей, и в нем сосредоточивалось все управление Кавказом, как военное, так и гражданское. Здесь были все учреждения, отсюда исходили все распоряжения, и жили все главные начальствующие лица. Главное внимание в то время было сосредоточено на борьбе с горцами; и Кавказская война, и связанные с нею военные распоряжения исходили отсюда. В Ставрополе были войска всех родов оружия, и чрез Ставрополь направлялись все другие части войск, шедших «на линию», как на смену прежде пришедших, так и для занятия новых мест и возмещения потерь, понесенных в боях с горцами. Знаменитый Шамиль, имам, предводитель горцев, был еще в силе и хотя отступал в горы Дагестана, но занял непреступную позицию, твердыню гор — Гуниб. Туда были направлены все помыслы военного мира: взятие Гуниба было мечтою всех кавказских героев — от солдата и казака до военного командования.

Но еще знаменитая экспедиция в Дарго князя Воронцова показала, каких огромных жертв людьми потребовала эта попытка проникнуть в недра гор и достигнуть высот, занятых горцами. В лице Шамиля русские имели пред собою весьма одаренного человека, крупнейший военный талант и выдающегося администратора-преобразователя, объединившего все горы от Каспийского до Черного моря и вдохновившего разрозненные племена на отчаянную борьбу за независимость. Русский кавказский корпус отличался отменной храбростью, неустрашимостью и необыкновенной выносливостью в трудных походах, равнявших солдата и офицера своей тяжелой обстановкой. Война эта прославила обе бившиеся стороны, и как со стороны русских войск, так и со стороны горцев были

проявлены чудеса храбрости и геройства — и отдельными лицами и целыми полками. Русские и кавказцы соперничали в подвигах, и в этом отношении между ними не было ни первых, ни вторых: один не отставал от другого.

Усиленные военные действия в это время создавали жизнь и для Ставрополя, куда стекалось все; и золото из России лилось рекой, война требовала огромных расходов, и жизнь в Ставрополе била ключом. Сюда же направлялись и те, кто хотел быстро отличиться, получить чины и награды и вернуться домой, украшенный крестом. И вот сюда летели и «маменькины сынки» из крепостной, помещичьей Россия в надежде скоро выслужиться при помощи связей и знакомства. И среди доблестного кавказского войска выделялась эта «золотая молодежь» в чине юнкеров, не стеснявшаяся в деньгах, обильно доставляемых их маменьками от крепостного труда. Все они находили случай подолгу оставаться в Ставрополе; и кутеж, карты и различные дебоширства служили им развлечением. При тех связях, какие имелись у каждого из них, и влиянии в высших сферах в Петербурге и местное начальство бывало бессильно иногда обуздать их «шалости».

Ставрополь хорошо помнил их проделки, далеко превышавшие обыкновенные дурачества. Обыватели спешили накрепко запирать ворота и тушить свет в домах из опасения привлечь внимание бродивших ночью по городу группами удальцов и жаждавших покуражиться, поглумиться над «штафиркою», не разбирая ни пола, ни возраста, ни положения. Конечно, они были и лучшими танцорами и желанными гостями на общественных балах и вечерах, где также не обходилось без выходок их. Но надо сказать, что все озорства и проделки творились до получения офицерского чина, после чего юнкера остепенялись, а до того не было удержу их выходкам. Им-то и приписывается таинственная проделка, по жестокости своей превосходящая все подобные.

В то время ставропольское общество резко делилось на «высшее» —дворянство и остальное — купечество и мещанство. Купцы, а тем более мещане не имели доступа в первую среду, и попасть туда для мещанина было также невозможно, как и прыгнуть выше себя. Совершенно замкнутый круг дворянской среды, где были князья, графы, генералы и «светские» дамы, отличался веселою жизнью: гремела полковая музыка в несколько оркестров, танцы до утра, богатые наряды у дам, обильные и изысканные ужины, вино — все это являлось соблазном, но недоступным для прочих смертных, с завистью смотревших издали на пирующих господ. Общественные вечера в летнее время устраивались в Бабиной роще, городском саду (ныне — Первого мая), в ротонде, нынешней каменной беседке, и на открытом воздухе, для чего натягивалось солдатское сукно для танцев.

Разодетые «барыни» и их наряды особенно смущали и увлекали женскую молодежь городского Форштадта, не смевшую и мечтать об этих волшебных юбках и платьях. Даже купчихи не имели тогда права носить шляпки, а должны были довольствоваться «повязками». Понятно, как разгорались глаза и какое чувство охватывало молодую деву из горожан при одной мысли попасть в это волшебное царство… Да все бы «дамы» с ужасом отвернулись от незнакомки, если бы случился такой скандал…

И вот среди этой «изысканной» и кичливой публики порхает в танцах на одном из веселых балов в ротонде в роще незнакомка. Молодая красавица прекрасно одета: духи, перчатки, дорогое платье, изящные туфельки и весь туалет высшего общества — но, видимо, особа не этого общества, и с нею нет никого, кроме нескольких кавалеров-юнкеров. Молодая незнакомка выделяется своей красотой, держит себя непринужденно и танцует прекрасно.

Дамы «общества» сторонятся от нее, и проносится шепот: «Мещанка… Любовница князя Г.» Скандал был ужасный, дерзость была неслыханная: привести «в общество» мещанку, да еще любовницу, все возмущены: и дамы, и кавалеры. Но незнакомка обворожила всю молодежь, танцует до уходу и ничем не выдает своего «подлого» происхождения. Но среди танцев красавица быстро идет с кавалерами подышать свежим воздухом и гуляет по аллеям рощи… После этого красавица уже не появляется, и бал заканчивается в ее отсутствии. Кто она и кто ее одел и привел? Все на перерыв* старались узнать, и скоро стало известно, что это «проделка» одного из юнкеров, развлекающихся «шалостями», богача князя Г., который для потехи привел свою возлюбленную — красавицу «Анютку», одев ее по последней моде. «Дерзость» его, конечно, была бы прощена ему, но ей, «подлой», решившейся опозорить «общество», прощенья не может быть… Все клокотало… А Анюта домой в эту ночь не возвращалась. Куда же девалась она?

Тут первоначально выступает на сцену «ведьма». Надо сказать, что в то время все были настроены нервно, в Ставрополе все верили во все таинственное, все неизвестное и загадочное объясняли участием нечистой силы, и появление ведьмы было на каждом шагу: чуть покажется что-либо белое среди ночи, считали, что пробежала ведьма, а мертвецы, вышедшие из могил и ходящие по городу, служили темою повседневных рассказов: суеверие создавало страхи на каждом шагу, и кавказцы, не страшившиеся налетов горцев, боялись оборотней, леших и особенно ведьмы.

И вот вскоре после описанного случая начинают ходить слухи о появлении «ведьмы»: «Вся в белом, покажется и исчезает». А проезжавшие в Ставрополь из ближайших станиц видели «ведьму» на вышке: вся в белом… Дело в том, что в прежнее время вокруг Ставрополя для охраны от внезап-

* Так в тексте.

ного нападения горцев стояли посты и пикеты — это сторожевые пункты, где постоянно находились казаки, чтоб в случае замеченной опасности дать знать гарнизону для принятия надлежащих мер. Таким пикетом и была вышка, стоявшая в трех верстах от города на кургане, за Тифлисскими воротами. Это сооружение состояло из четырех столбов в 10—12 аршин вышины с крышей и помостом под ней, для лазания на помост приставлялась лестница. Наверху, на помосте, всегда находился казак для наблюдения за появлением «хищников», а внизу, в землянке, остальные четыре казака для извещения гарнизона об опасности. В пятидесятых годах уже не было особенной опасности от нападения, и караул на вышке был снят, и вышка оставалась незанятой. Напуганное воображение препятствовало подойти ближе, присмотреться к «приведению», и все проезжавшие утверждали, что висит «ведьма» вся в белом, ухватившись руками за перекладину.

Наконец слухи встревожили город, и полиция решила сделать облаву на «ведьму». И к ужасу посланного дозора оказалось, что висит действительно что-то белое, привязанное за ноги к перекладине. Сняли… И видят: молодая женщина в бальном платье с распущенной косой повешена за ноги вниз головой. Кто была погибшая и кто так жестоко расправился с ней, молодой красавицей, осталось неизвестно… При условиях того времени не всегда можно было безнаказанно выяснить и установить виновность известного лица, пользующегося своим особым положением, и потому в таких случаях старались предать дело воле божией, не допытываясь до истины.

Но город был крайне взволнован, население решило и молва упорно приписывала это злое дело «озорникам»-юнкерам, за которыми накопилось много-много «проделок». Слухи возникали один за другим, и передавалось с большой определенностью, кто участвовал в этом злодеянии. И говорили, что погибшая красавица поплатилась за измену своему первому возлюбленному. Говорили, что ее увезли прямо с бала, и называли даже извозчика, который возил мстителей и жертву, который потом разбогател и стал впоследствии богатым купцом в городе. Утверждали, что это была именно Анюта, так взволновавшая местное «дворянское» общество своим появлением на балу.

Для некоторых не было сомнения, что эта Анюта Брагунова, дочь солдата, «опозорившая» дворянское общество своим появлением на дворянском балу, понесла заслуженное наказание, и она после этого бала домой не возвращалась, и где находится теперь — не известно. Тетка же, у которой она жила, подтверждала это, но в то же время говорила, что Анюту увез другой, что она бежала с ним, изменив своему первому возлюбленному — князю. Некоторые прибавляли, что «проделка» удалась потому, что князя увлекли, он заигрался в карты, а тем временем успели похитить Анюту и увезти ее. Все эти рассказы так переплетались, что, в конце концов, молва пришла к заключению, что это дело юнкеров и что погибла такою ужасною смертью на вышке именно Анюта, но положительных данных к этому утверждению не было… Но труп, как известно, не был предъявлен ее тетке.

К сожалению, в архиве не удалось найти следственного дела, а в донесении пристава говорилось, что «снятое с вышки, висевшее вниз головой, по-видимому, женское тело»…

Êîììåíòàðèé

Печатается по рукописи, хранящейся в СГКМ (Ф. 2, оп. 1, д. 88, лл. 69—86). Судя по упоминаниям в тексте, время ее создания относится к середине — второй половине двадцатых годов. Рукопись написана самим Г.Н. Прозрителевым, трудно читается. Опубликована была в приложении к газете «45-я параллель» за 1990 год (сентябрь—октябрь, с. 3—7).

Ïðèìå÷àíèÿ

1. Père — отец

2. «Deus ex machina» — крылатое латинское выражение, представляющее дословный перевод с греческого «бог из машины». Особый вид развязки в античных трагедиях, прием неожиданного спасительного вмешательства божества, спустившегося на сцену при помощи машины и разрешающею своим появлением сложные взаимоотношения действующих лиц. В современной литературе выражение указывает на развязку, являющуюся нелогическим следствием событий, а результатом неожиданного вмешательства извне.

3. С.М. Долинский. Из прошлого Дербента. Труды Ставропольской учетной архивной комиссии. Ставрополь, 1911. Вып. 1 (прим. автора).

4. И действительно, на деле имеется надпись о том, что постановлено «дело прекратить» (прим. автора).

Комментарий и примечания В.В. Белоконь

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Архив Ставропольского государственного краеведческого музея. Ф. 2, оп. 1, д. 88, лл. 69—86.

Ï Î Ñ Î ËÜÑÒÂ Î Î Ò ØÀ Ì ÈËß Ê ÀÁÀÄÇÅÕÀ Ì

Громадная роль, какую сыграл Шамиль в истории Северного Кавказа, ставит в ряд его выдающихся военных и административных талантов. И до сих пор еще не освещена в должной мере вся многосторонняя деятельность этого выдающегося человека. Сороковые годы XIX века представляют особый интерес в деятельности Шамиля: в это время он достиг наибольшего успеха.

Неудачная экспедиция князя Воронцова в Дарго и громадные потери в русских войсках без всякого результата окрылили надежды в горах, и значение Шамиля еще больше выросло.

Несмотря, однако, на все удачи и влияние, которыми пользовался Шамиль в Чечне и Дагестане, все же Западный Кавказ давал ему только одиночных участников в его походах против русских войск, а все горское население этого района воздерживалось примкнуть к его борьбе и не вступало в объединение, им созданное. А между тем, имевшее место и здесь враждебное настроение против русских и отдельные военные схватки подавали надежду вызвать то одушевление, какое охватывало жителей горных аулов за Тереком.

И вот была сделана попытка увлечь под знамя пророка абадзехов, а с ними натухайцев, шапсугов и прикубанских бжедухов, и тем усилить военные силы, которыми располагал Шамиль.

С этой целью отправляется посольство к этим народам[1].

Во главе стоит приближенный Шамиля, Сельмен Эфенди.

Посольство достигло реки Хабль (ныне в Кубанской области). Сельмен Эфенди посетил аул, где умер Гаджи Магомет.

Совершив поминовение на могиле умершего, Сельмен Эфенди торжественно при всех собравшихся жителях аула объявил, что он не брат Гаджи Магомета, как это думали многие абадзехи, и произнес отречение от всего его имения и от жены его, предоставив ей свободу располагать своим вдовством. Но при этом он добавил, что в Чечне действительно живет брат Гаджи Магомета, и потому взял часть оружия покойного и одну из лучших лошадей его для доставления ему[2].

Почтив память Гаджи Магомета, Сельмен Эфенди обнародовал послание Шамиля.

Шамиль обращается к абадзехам, шапсугам, натухайцам и прикубанским бжедухам и просит их всех, во-первых, вооружиться во имя пророка и усилить его войска в Дагестане. При этом указывает, что каждая семья должна выставить одного вооруженного всадника. Те семейства, которые не могут по бедности выставить воина, должны соединиться и от трех семейств выставить коня со сбруей. Во-вторых, Шамиль строго запрещает горцам сближаться с русскими в каких бы то ни было отношениях, угрожая в противном случае карами свыше и наказанием от его руки, — по праву верховной власти имама.

Воззвание произвело большое впечатление на горцев, в особенности на молодежь, и в одном ауле на реке Хабле приступили даже к изготовлению красного знамени.

Но были и противники, не поддававшиеся общему увлечению. Между такими среди шапсугов особенно выделялся дворянин Гамир Роток, который даже на угрозы Сельмена Эфенди прибегнуть к оружию остался со своими приверженцами непреклонным.

Все это происходило 20—27 марта — 3 апреля.

Под впечатлением воззвания многие народные старшины являлись к Сельмену Эфенди и присягали не допускать сношения с русскими и всеми силами вредить им.

Сельмен Эфенди продвигается далее. Он перешел на реку Белую, ближе к бесленеевцам, и назначил место сбора ополчения (на реке Пессеур).

Часть населения, более мирная и спокойная, настояла на том, чтобы собрать народное совещание.

И вот второго апреля состоялось на реке Убинеже собрание шапсугов и натухайцев.

После долгих обсуждений все пришли к заключению, что поставить одного воина от каждого двора — это обременительно для народа, что набор должен быть произведен не по числу дворов, а по числу речек, на которых расположены аулы, и что от каждой речки должно быть поставлено 15 всадников под своим особым значком.

Сельмен Эфенди не возражал против такого решения, надеясь соединить эти дружины и действовать с ними против других, даже мирных бжедухских племен, чтоб заставить и их примкнуть к соглашению и дать всадников для ополчения, угрожая силою оружия отторгнуть их от союза с русскими.

По сведениям, доставленным лазутчиками, было установлено, что, хотя все непокорные аулы составляют эти дружины по речкам, но между ними возникает сомнение в том, что ополчение выполнит свое назначение, так как народ, не привыкший к дальним походам, не двинется в такой далекий путь, оставляя свои семейства, скот и свое имущество беззащитными, — тем более, что ни Шамиль, ни Сельмен Эфенди не могли доставить продовольствие в дороге, обещания же добычи в пути и предоставление права всю добычу обращать в свою пользу не встречало доверия в отношении успеха.

Сами же участники дружин высказывали уверенность, что ополчение если и соберется, то в Чечню не двинется, а будет придираться к мирным аулам и путем всяких насилий домогаться, чтобы и они дали воинов.

При таком выяснившемся разномыслии среди населения Сельмен Эфенди счел необходимым побывать в Чечне. Отсутствие посла, хотя и временное, не могло не повлиять на настроение даже и тех, кто примкнул к соглашению.

По возвращении Сельмен Эфенди стал усиленно распространять слух о победах Шамиля над русскими, призывая поспешно собрать ополчение, чтобы нанести конечный удар русским, прибавляя, что истинные последователи Корана не должны отказываться от истребления неверных, а потому все должны следовать за ним. Сам Сельмен Эфенди теперь стал называть себя Гаджи Сельмен. В последних числах апреля на реке Адакуме состоялось совещание шапсугов и натухайцев. Выражено было согласие дать в ополчение по 10 вооруженных всадников от каждого аула и для содержания их сделать сбор от каждого двора по пуду пшена, по одному слепку сухого сыру и по одному серебряному рублю, притом решено было воздействовать на тех старшин, которые не присоединяются еще к этому соглашению.

К половине мая составленное натухайское ополчение стало подвигаться и должно было дойти до реки Псекупса, пограничной с землями абадзехов и шапсугов, — а эта река объявлена была местом сбора и для других племен.

Присутствовавший на собрании Сельмен Эфенди, как сообщают те же лазутчики, показывал бумагу, полученную будто бы от Шамиля, в которой говорилось, что Шамиль просит поспешить сбором ополчения за Кубанью, и что он занял Военно-Грузинскую дорогу с 50 тысячами своих войск, и что он будто бы направляется к абадзехам.

В то же время Сельмен Эфенди обнародовал воззвание к хамышейскому народу. В нем говорилось: «Послушайте правых слов. Вы дали слово и клятву Гаджи Магомету. И бог и пророк-Магомет повелевают, чтобы вы исполнили все, в чем клялись, иначе вы будете нарушителями веры и закона. Предупреждаю вас. Скоро должно что-то совершиться, и кто не послушает меня, — тот будет раскаиваться. Я скоро зайду к вам и всех послушных возьму с собою. Сделайте совещание и пользуйтесь случаем, чтоб не погубить себя».

На третье мая ополчение должно было собраться на реке Псекупсе, и там должны были быть даны окончательные распоряжения относительно дальнейшего движения.

Но несмотря на решения совещаний и все старания Сельмена Эфенди, на деле далеко не так все выполнялось, как говорилось на словах. Вместо назначенных 10 всадников готовилось только по 5 от ста жителей, но и это не приводилось в исполнение, а назначали только двух от ста жителей. При этом народ ссылался на свою бедность и невозможность дать продовольствие в пути и просил отсрочки под предлогом разномыслия между обществами.

Наконец Сельмен Эфенди появляется на реке Псекупсе во главе 300 всадников. Отсюда он рассылает гонцов к остальным жителям — принять участие в ополчении и, между прочим, шлет к мирным бжедухам шесть абадзехских старшин и просит их выставить только по одному воину от аула.

Всех собравшихся к нему он предупреждает, что им предстоит трудный путь, всякие лишения, и что они должны приготовиться претерпеть все невзгоды ради свободы отчизны.

О движении этого ополчения был предуведомлен начальник правого фланга и были собраны войска, бывшие на работах.

Ввиду этого распоряжения для горцев стало очевидно, что русские готовятся. Несомненно, это обстоятельство не осталось без влияния на общее настроение.

Точно так же имело большое значение и то соображение, высказанное на совещании, что русские воспользуются уходом такого значительного числа вооруженных людей и двинутся на их место жительства.

— Как же оставлять все живое и идти в далекий путь — искать мертвого? — добавляли эти осторожные.

Но упавшее настроение населения изменилось, когда к Сельмену Эфенди явился какой-то черкес с бумагой от двух турок и Сельмен Эфенди объявил собравшимся, что на его имя присланы из Турции 200 пистолетов, и что они уже препровождаются через убыхские владения. Оружие это назначается тем, кто вооружится ради имама Шамиля.

Самым торжественным днем в деятельности Сельмена Эфенди был день, когда вручали ему привезенные турками пистолеты. При этом прочитано было послание Шамиля, в котором он говорил, что предпринимаются совокупные меры в Чечне и в Турции и что он, Шамиль, имел большое удачное сражение с русскими, окончившееся будто бы без потери у него. Все это значительно подняло настроение не только присутствовавших, но и остальной части горского населения. Сельмен Эфенди со сторонниками двинулся на реку Белую…

Однако к концу июня месяца воодушевление падает: всадники начинают постепенно исчезать из рядов ополчения, и высказанная ранее мысль об опасности, которая может угрожать здесь, на месте, делается общим мнением.

Обстоятельством, особенно убеждавшим в этом, было то, что собран был отряд у Георгие-Афипского укрепления на Хумаре, который, как говорили осторожные, двинется на разорение их жилищ, как только ополчение направится в путь. Этот неожиданный оборот поставил в крайне затруднительное положение Сельмена Эфенди, и раздача привезенного «священного» оружия была приостановлена. Сельмен Эфенди переехал с реки Белой на реку Фац, и при нем осталась только небольшая часть гаджиретов[3], с большим трудом удерживаемая им. То влияние, какое имел до сего времени Сельмен Эфенди на горцев, падает, а с ним падает и его значение как посланца Шамиля.

Потерпев неудачу, Сельмен Эфенди решается навсегда остаться среди абадзехов для того, чтоб постепенно сплотить разноплеменное и разномыслящее население и объединить общей целью, без чего никакого результата достигнуть нельзя. Началось общее успокоение в горах. В половине августа Сельмен Эфенди объявил, что он уезжает к Шамилю, который настоятельно требует его к себе, и прибавил, что через месяц или два он сам лично явится или пришлет бумагу с повелением Шамиля. Так закончилось посольство.

В марте 1846 года наказный атаман Черноморского казачьего войска обнародовал воззвание ко всем дворянам, духовенству, старшинам и всему абадзехскому народу, в котором призывал их к покорности, обещая удовлетворение заявленных ими просьб.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. Извлечение из военного журнала атамана Черноморского Казачьего войска.
2. Все это не могло укрыться от внимания русских военных властей, и событие это передается во всех подробностях в военном журнале — «день за день» — во все время пребывания посольства у абадзехов (с марта 1845 года)
3. Участники ополчения назывались гаджиретами.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:
Посольство от Шамиля к абадзехам. — Махачкала: Издательство Дагестанского научно-исследовательского института, 1927.

ÈÇ ÂÎÑÏÎÌÈÍÀÍÈÉ. «Â ÍÀÐÎÄÅ, ÂÒÞÐÜÌÅ È Â ÑÓÄÅ»*

×àñòü ïåðâàÿ

Ãëàâà III. Íàðîäíèêè 70-õ ãîäîâ

В 1873 году, весною, в Москве впервые раздался призыв: «В народ!»[1]. Клич этот как-то сам собою назрел среди молодежи, группировавшейся тогда в кружки самообразования. И с этого момента молодежь двинулась в народ, беззаветно преданная идее блага народа и слепо веря в успех своего правого дела. Ни одна страна в мире не имела подобного явления, и трудно найти другой пример такого подвижничества, такого искреннего, самоотверженного самопожертвования ради блага обездоленных и ради искупления грехов отцов и предшествовавших поколений.

Пред молодежью того времени с особенной яркостью стало то разъединение народа и интеллигенции, которое разрезывало русскую жизнь на две неравные части и создавало (оставляло) камень на сердце как у той, так и у другой. Молодежь круто повернула в сторону угнетенных, резко порвала связи с прошлым и отреклась от благ и удобств привилегированной жизни и «от ликующих, праздно болтающих, обагряющих руки в крови», двинулась в стан погибающих, неся беззаветную любовь и веру в торжество правды.

«Хождение в народ», как эпидемия, охватило всех, не исключая и самых юных. Жизнь иная стала ненавистной, и пользование благами ее казалось преступлением. И ничто — ни жизнь, полная лишений, ни страдания, ни ответственность, ни даже горькие уроки действительности — ничто не останавливало на пути этого нового крестоносного шествия, все хотели претерпеть, быть среди печали и горя и тем уйти от укоров совести и снять с сердца тяжелый камень за неправую жизнь.

Цена прогресса — это страдания тех миллионов, которые, создав его, все-таки остались во тьме невежества, нужды и горя, и надо посильно окупить эту великую цену и, внося свет знания туда, где мрак, где плач, принести утешение, где нужда, — отдать последнее. Надо жить, как они, жить их радостью, их горем и создавать их счастье, а не собственное. Это была основа этого учения. Да, это были подвижники, энтузиасты, чутьем угадавшие величие своего народа, его неразгаданную душевную мощь и его творческую силу. И молодежь шла «в народ»…

В высшей степени интересным является предшествующий период этому движению, эта, так сказать, подготовительная работа, кружки самообразования и мелкие организации, которые обойти молчанием нельзя. Великая проблема русской жизни, которую взяли на себя народники, и ныне стоит пред русским обществом неразрешенной и еще в более густых и мрачных красках. Ясно выраженное разъединение народа и интеллигенции обязывает прямо и безбоязненно смотреть в глаза этому явлению. Печально и больно иметь дело с таким фактом общественной жизни, но его надо признать как исторический факт и смело подойти к его уяснению. Клич «в народ» еще с большей силой звучит ныне, чем прежде, и зовет, зовет, чтобы закрыть зияющую пропасть, составляющую роковую помеху для русского общественного развития[2]. Да, только в близком единении с народом можно достигнуть уничтожения существующего средостения и уяснить необходимость интеллигентного труда для развития самого же народа.

Культурные приобретения интеллигенции, связанные с ними привычки и условия служат как бы тормозом на пути единения, но это и диктует необходимость уяснения того исторического закона, что степень развития обусловливает и степень или размер требований внешнего образа жизни. Конечно, всех просветить нельзя. Народничество было основано на глубокой вере в народ, вере в его духовную мощь, в его творческую силу в создании общественной жизни. Народники верили, что из народа должен выйти обновляющий клич для оздоровления одряхлевшего общества и что народу, его коллективному разуму принадлежит будущее в истории. Потом такое отношение к народу сменилось в обществе сомнениями, а теперь они дошли не только до разочарования, но даже и до полного озлобления, и уже слышны возгласы, что «народ — зверь», «народ — низкой расы», чуть [ли] не полудикие животные. Это преступное явление основано на тех тяжелых и ужасных фактах, которые наблюдались в последнее время, после 25 октября 1917 года главным образом. Несомненно, это крайне одностороннее заключение, подкрепленное фактами преступного свойства, не отвечает действительности по существу. И считаю необходимым остановиться на этом печальном явлении.

Нельзя судить человека по одному факту, и тот не судья, кто не возьмет во внимание условий, при которых совершился данный факт, а также условий предшествующей жизни данного субъекта.

---

* Текст I, II, IV—VIII глав первой части и третья часть рукописи Г.Н. Прозрителева не сохранились. Подробнее см. комментарии на с. 646.

Только тщательное ознакомление с этими предшествовавшими и сопровождавшими [событие] обстоятельствами и может обусловить правильный приговор. Если это важно в отношении отдельного человека, то, тем более, необходимо [учитывать] в отношении народа, представляющего весьма сложное существование. Необходимо знать его мировоззрение, его психологию. Народники 70-х годов ставили себе задачей мирное воздействие на массы в видах получения активной поддержки с их стороны в борьбе с правительством. Обращение это основано на глубокой вере в разум, и право народа устроиться в жизни по законам собственного развития и способностей. Они признавали, что существующий строй создался вопреки воле и желанию народа, который был на пути федеративного устройства, и только благодаря внешнему нашествию успела окрепнуть центральная власть.

Народ несколько раз пытался вступить в открытую борьбу с существующим устройством. Способность народа устроиться самому доказывается тем, что он выработал идеал общественного устройства — общину, которая как в экономическом, так и в политическом отношении является вполне удовлетворительным типом жизненного уклада. Признавая это, народники ставили принцип «все для народа и все через народ».

В создании настроения молодежи и ее осознании ответственности пред народом имели огромное влияние кружки самообразования и производившиеся на них совместные чтения.

«Моральное субъективное чувство о долге народу сливалось с объективной исторической необходимостью и черпало отсюда теоретические посылки для практики, нормы личной деятельности. Народ как участник цивилизации и как ее творец — вот вывод, который отсюда делается. Рост личности в народе и рост участия народа в общественной жизни — вот требование, которое ставилось лозунгом дня. Конечный же идеал с его торжеством личного начала при посредстве общинного мог быть только один — выработка таких условий жизни, при которых общественные дела были бы переданы в общественные руки, народ сделался бы хозяином в своих делах, а каждый член общества — полным носителем современной ему культуры» [...]

Ãëàâà IX

После долгих скитаний я наконец решил сесть «на место» и осуществить свой план поселения. Самые скитания и переезды с места на место не были бесцельны и бесполезны, хотя со стороны они казались таковыми. Надо сказать, что эти скитания и для моих спутников имели большое значение, так как вносили успокоение в их взволнованные души, ожидавшие, что они сейчас же по приезде, на первом месте их жительства (остановки) «найдут революцию». В особенности Володька был в этом отношении неукротим. Они забывали о нашей роли народников-пропагандистов и хотели действия. Но эти сношения с разными лицами, кружки, создаваемые мною, ведение чтения в них давали им удовлетворение и примиряли с положением. Для меня эти скитания были весьма важны и существенно полезны. Дело в том, что я, как организатор и инициатор нашего «движения в народ», был единственно ответственным лицом за все неудачи, какие могли быть, и, так сказать, за целость тех лиц, моих спутников, которые приняли участие в моем предприятии. Хотя в таком деле, как революционная работа, каждый должен сознавать, что он каждый час может попасть «куда Макар телят не гонял», но все же я чувствовал, что на мне лежит нравственная ответственность сохранить моих спутников.

Еще в Москве, в долгих и длинных беседах по поводу моего намерения «идти в народ» я старательно выяснял план работы и необходимость старательно избегать всяких скоростей и скороспелых заключений относительно готовности того или другого лица, подвергнутого распропагандированию, и не спешить с «воззванием», указывая на отличие наших задач от «картинной пропаганды», говоря, что революция не ходит по улицам, а надо ее искать в душе, но все это, хотя и принималось моими спутниками, но слово «казачество» кружило им головы, и они твердо верили, что только стоит развернуть красное знамя, и конные ряды казаков двинутся на север.

«Свободолюбивые казаки не забыли свое прошлое», — стоял на своем неугомонный Володька[3] и добавлял: «А горцы, притиснутые к горам, — разве это не почва?..» И вот эти надежды заставляли усиленно биться их сердца и «на месте», тем более что здесь они встретили сочувствие среди некоторых из нашего кружка, как Радченко[4], Габуев, Неткачев. Да и в Москве «опытные» люди смотрели так на казачество.

Между тем я, опасаясь всего более провала на первых порах и зная опыт народников в России и их жестокое разочарование после неудач по их же вине, я должен был бояться еще и провокаций, чего экзальтированные мои спутники не допускали. Ну, словом, надо было быть всегда начеку и готовым ко всяким неожиданностям. Добрый малый, искренний, доверчивый, «душа нараспашку», Володька, чистый сердцем, верил в такую же чистоту и во всяком другом, кто слушает его «балясы», как [он] говорил, маскируя свои поучения. Он любил пересыпать свою речь прибаутками и всегда имел успех у слушателей из народа. Меткие пословицы и поговорки увлекали слушателей. Но часто он и нас развлекал своим балагурством, и особенно в трудные минуты, присаживаясь к столу, «за малую трапезу», он невозмутимо говорил: «Брюхо-подлец, старого хлеба-соли не помнит».

И вот эти наши предварительные путешествия, скитания и встречи давали мне возможность изучать, так сказать, почву, проверять и людей, и оказываемое ими мне радушие, и в то же время ближе узнавать и своих спутников и видеть их на деле. Прежде чем двинуться куда-либо «гуртом», я один объехал несколько станиц и присмотрелся к условиям. Надо было иметь в виду и близость к железной дороге на случай «отступления». Но надо было, кроме того, найти такой пункт, где бы имелся в значительном числе «протестующий элемент», сектанты, которым в то время придавали большое значение. Много было интересных встреч и, как по заказу, все ободряющего характера, и «естественный протест» был налицо. Недовольство слышалось в каждой беседе, и было ясно, что почва для работы здесь имеется.

Я возвратился во Владикавказ с большим запасом сведений, бытовых картин и ценным материалом по части нашей работы. Беседа моя в нашем кружке воспламенила моих слушателей, а Володька, как всегда экспансивный, вскричал: «На работу, на места!». А Неткачев вдохновился и написал песенку, которую на другой вечер и преподнес нам:

«Новой жизни заря
Занялась над землей.
Зов науки живой
За народ шлет на бой.
Вороненок погиб.
Пуще стонет народ,
Братцы, ворон летит.
Смело, дружно, вперед!»

Быстро подыскали мотив и восторженно распевали дружным хором. Смысл этой песенки [был] основан на словах Пугачева при допросе его графом Паниным.

— Что же ты хотел дать крестьянам?

— Волю и землю, — ответил Пугачев.

— А дворянам что?

— Дворянам жалованье, — ответил Пугачев.

— Ах ты, ворон! — вскричал Панин и ударил Пугачева по лицу.

— Нет, я не ворон, а вороненок, а ворон еще летает, — спокойно отвечал Пугачев.

В это время у меня в кружке шли исторические чтения о политических выступлениях русского народа. Песенка эта тогда имела большой успех, но, кажется, осталась только в моей памяти.

Теперь, по прошествии сорока с лишком лет, я ясно вижу эти милые лица, глубоко, внимательно слушающие меня. Многие из них уже покоятся в земле, не дожив до тех дней, о которых они так мечтали, до того будущего, в которое верили они и идеям которого они всем сердцем были преданы. Вот они сидят передо мною, милые сестры Назаровы, вперив свои умные большие серые глаза в меня почти в упор и ловя на лету мои мысли. Золотые сердца!.. Милые Евлампия, Неонила! Вот и Володька, всегда избиравший себе место на полу, поджав ноги по-татарски, и «ест» меня, как он говорил, своими «верными» глазами, подперев лицо двумя руками. А вот и дорогая Александра Николаевна Можарова[5], моя ближайшая спутница и хранительница, пылко смотрит на меня, обуреваемая целым рядом вопросов. А там наш милый поэт Неткачев, добродушный бородастый хохол Радченко, Лев Васильевич Бирюлькин, осетин Габуев, великан Усов, Вертепов[11] и другие. Вижу вас, мои дорогие сподвижники! Мир праху вашему!.. Пусть будет легка вам земля!.. Вы исполнили свой долг, вы были душой преданы народу и по мере сил и возможности делали его дело.

* * *

Выбор мой пал на ст. П.[6], куда мы вскоре и двинулись с Можаровой. Сколько тревог пережила бедная Александра Николаевна, вступив в неведомый для нее край и совершенно непривычные условия, становясь на «великую и ответственную работу». Бывшая помещица, жительница столиц, институтка, не знавшая, что такое кизяк, она сразу становилась крестьянкой со всеми тяжелыми условиями этой жизни. Тяжело и жутко ей было на первых шагах, но ее доброта, приветливость, кротость, святое незлобие и ласка всегда выручали ее из беды, и все шли ей навстречу и облегчали ее затруднительное положение, не вдумываясь, кто она. Дорогая женщина, с большим любящим сердцем и беззаветною верою в светлое будущее, Александра Николаевна была всегда моей правой рукой, покорно переживала со мною все встречавшиеся невзгоды в нашей скитальческой жизни. Спи, дорогая, вечным сном, мир праху твоему, бесценная душа!

* * *

Отъезд наш и место, выбранное мною, были тайной для всех. Неожиданность отъезда всех поразила, но затем все поняли, что конспирация в таком деле есть главное условие, на чем я всегда и настаивал. Устроились мы быстро, то есть нашли хату с земляным полом и при ней холодное помещение, называемое лавкой, отделявшее нас от хозяйской половины. Хозяин наш носил прозвище

Поляк (предок его был из Польши), и некоторая наследственная привычка удержалась в нем. Эта случайность имела значение, особенно для Александры Николаевны, которая, естественно, должна была «прорываться» и обнаруживать свое незнание в крестьянском хозяйстве или проявлять те или другие привычки, не сродные простолюдинке, но тут это извинялось или не замечалось.

Я уже говорил в главе VI, что вопрос, в каком качестве выступить среди населения, то есть с какой профессией, меня занимал долго, и я остановился на роли мелкого торговца-лавочника, взвесив все за и против и обсудив то, что дал опыт других при других профессиях. Действительность показала, что выбор мой был вполне удачен. Это занятие сразу дало мне положение и вместе с тем устраняло целый ряд вопросов: кто, откуда, зачем и т.д. Кроме того, значительно стушевывало неполную приспособленность к физическому труду, неполное знание сельскохозяйственной жизни и довольно сложного ее обихода. «Не занимался хлебом, с измалечка по торговле пошел, вот и весь сказ».

Открыли лавку…

— Дивись, дивонька! Намисты, намисты, як жар горят… и ленты!..

— Оце ж, бачите, из Москвы, с самой Москвы. Оце лавочник, — говорила старуха.

— Куды! Да в нашего нема ничевисенько. Тьфу, дай годи, гивно.

Так встретили нашу лавку бабы и дивчины, местные франтихи, от которых зависело наше будущее. А лавка наша вся «гамусом» стоила сто рублей, вся стоимость товара, но убрана была стараниями Александры Николаевны нарядно: стеклянные бусы, манисты разноцветные, ленты «алые», стеклярус, коробочки с рисунками и прочее бросалось в глаза, и для того времени и для того захолустья все это было и ново, и диковинно. В Москве, в мелочном ряду, в [Китай-]городе, задешево мы накупили всяких блестящих безделушек женского обихода, куда входили иголки, нитки, шпильки, булавки, стоившие гроши, но, в общем, отделаны блестяще и нарядно. Все это составило нашу лавку и украсило до восторга.

— А вона, бачишь, як балакает: «Ви, девушки, возьмите это», — тай надила мини на шею манисто.

— И дала без грошей?..

— Оце, я вам кажу, то вона люди, на московка; одно слово — торговец, всяк с ным за ручку: «Мое поштение», — бо лавошник.

Все эти восхищения говорились во всеуслышанье, и приходилось самому слышать, и старательно передавал их нам наш хозяин, польщенный таким вниманием к «его» лавочнику. Все это упрочило наше положение, а восторг бабьей половины обусловливал и сочувствие мужской.

Такая глушь, какой была наша станица, входила в мои планы, так как не имела тех подводных камней, какие неизбежно оказались бы в более бойком месте. Но надо сказать, что в то время, сорок лет назад, и кавказские города, не только станицы, были большой глушью: патриархальность, простота нравов и неосведомленность были отличительными чертами обывателей.

* * *

Но необходимо было от своего месячного торга переходить к знакомству, «к исканию людей» и втягиваться в жизнь, а тут неизбежно сойдешься с одним и отобьешь от себя другого. Этот вопрос, при существовании среди населения сектантов[7], был очень серьезным: где и кого искать. Но лавка в этом случае вывела из затруднения. В лавку шли не только за покупками, но и посмотреть, «побалакать», посмотреть картинки и «дивиться» приходили и старухи с костылями, и старики, казаки-кавалеры, и приветливость наша только поощряла приходящих. Таким образом создались по вечерам собрания, как бы клуб.

Особенно нравилось почтенным старикам, что я сам не курю и не позволяю другим курить в лавке, да и табаку не держу. Яркий свет от лампы освещал значительную часть площади через открытые двери, и на этот свет шли все, до кого дошел слух о Никоныче и Миколавне с их диковинным товаром.

Уезжая из Москвы и закупив свой товар, мы запаслись картинками из событий на фронте, на Дунае[8], сделали подбор и украсили свои стены. Хорошо изданные и ярко раскрашенные, картинки эти служили большой приманкой, а в моих руках они были богатым материалом для бесед. Никаких книжек мы не распространяли, и я был противником такой пропаганды, которая, как показал опыт, всегда служила причиной провала. А картины, официально изданные, не были опасны, пользоваться же ими в беседах — это зависело от уменья.

Вспоминается один комичный случай. На первых же днях моего знакомства с Александрой Николаевной в Москве она похвалилась мне, что «работает» и уже имеет «человечка», через которого можно и дальше идти. Конечно, мне было интересно посмотреть на этого «человечка». Оказался он дворником дома ее матери, молодой парень, на вид вахлак, увалень. Сделали опыт. Александра Николаевна позвала Алексея и предложила почитать. Уселись. Алексей — в кресло, я — поодаль. «Сказка о четырех братьях». Александра Николаевна всегда читала с увлеченьем и выразительно. Не прочли и десяти страниц, как Алексей опустил голову и захрапел. Это был удар для Александры Николаевны, но, тем не менее, она, разбудив Алексея, сунула ему книжку: «Почитайте, Алексей, сами, очень хорошая книжка». Смущенный, Алексей взял книжку и ушел.

Дня через три я за отъездом матери Александры Николаевны перешел в ее квартиру, в мезонин, окна которого выходили во двор. Во дворе жила целая артель плотников, на которых и рассчитывала Александра Николаевна. В воскресенье, после обеда, я, как сейчас помню, подхожу к окну и вижу, что около бочки с водою лежит Алексей и крепко спит, и у него из-за пазухи торчит что-то белое, причем бочка, стоявшая на опрокинутом ящике, снята, и тут же лежат хомут и дуга. А около ящика сидит кружок плотников, и один из них держит в руках сверток и тащит оттуда книжку. У меня волоса стали дыбом, я сразу понял, что это те книжки, которые прятала Александра Николаевна в «надежном месте». Медлить было нельзя. Я быстро спустился по лестнице и почти бегом направился к плотникам.

— Разве можно брать чужое без спроса? — резко сказал я и быстро схватил сверток. Это ошеломило сидевших, и они с недоумением смотрели на меня, и только когда я был уже у дверей дома, заговорили: «Валялись под ящиком, мы и посмотрели!». Смотрю и глазам своим не верю: всевозможная литература, книжки и листовки. А тут шли обыски. Провал был бы полный и неизбежный арест Александры Николаевны и с ней многих других.

Появление мое в номерах, где жила Александра Николаевна, уже поздно ночью, на другом конце города сильно испугало ее, но то, что случилось, совсем поразило ее. Спрятали литературу, и я захрапел на диване.

* * *

Вот эти посещения нашей лавочки, «визиты» дали мне возможность в разговорах узнать все подробности жизни станицы. Поп Тихон был во вражде со всеми и не заходил ни к кому, даже с требами, на дом, ненавидел шалопутов. Шалопуты и их «богородица» Никитиха «споили» матушку и отвернули от попа. Атаман Змиевской в руках шалопутов. Попа ненавидели за его норов. Станичный писарь вел свою линию и покрывал всех, не брезгуя подарками. Торговец Данченко, местный урядник, «вертел» атаманом и стариками, пугая доносом начальнику области. Словом, оказалось, что мирная жизнь станицы, в сущности, представляет из себя бушующее море, где очень легко можно было потонуть, коли сунуться в воду, не испытав броду.

Как шалопуты (сектанты), так и поп с его сторонниками (православная часть, церковники), так и атаман со своей «шайкой», как называл их поп, представляли по местным условиям серьезную силу, бороться с которой нам, пришлым людям, имеющим за собой incognito, было опасно.

Собрав такие сведения, я задумался и на «семейном совете» (я и Александра Николаевна) пришел к заключению, что при таких условиях наша работа будет под перекрестным огнем, и, в конце концов, нас «слопают», выражаясь языком Володьки.

— Не переменить ли нам место под предлогом поездки к больной моей матери? — заметила Александра Николаевна.

* * *

Но следующий день неожиданно принес нам указания, как действовать. Среди дня, когда обыкновенно никого не бывало в нашей лавочке из покупателей, неожиданно пришел к нам поп. Это было так необыкновенно, что даже переполошился наш хозяин и стал выглядывать.

— Не к добру, — шептал он.

Признаться, не без волнения встретил и я этого нелюдима, враждующего почти со всей станицей. Вошли в нашу хату. Вслед за попом сейчас же прибежала девчонка, дочка Приступихи (первая сводница и сплетница, как называл ее поп). Огромного роста, с длинными руками и густой шевелюрой, угрюмый и понурый, поп производил впечатление огромного медведя, вылезшего из берлоги после долгого сна. Но первое впечатление быстро рассеялось. Поп довольно приятным голосом начал прямо и просто, когда мы остались один на один: «Пришел вас предупредить. Вы люди новые и не знаете наших злодеев. Первая — Никитиха — шалопутка. Это — змея подколодная. Умная, стерва, но в душе — сатана. У вас красивая жена, она уведет ее, сманит в свою дьявольскую секту… Всеми делами ворочает и известна во всей области. Она отбила у меня мою попадью, а потом споила ее. У меня в доме устраивала свои радения — это их собрания — в мое отсутствие. Матушка умерла, — поп вздохнул тяжело. Видно было, что ему нелегко выдвигать* прошлые события его семейной жизни. — У них тайная своя почта, она ведет сношения с Россией, где есть шалопуты».

Я слушал попа с широко раскрытыми глазами, пораженный таким открытием, быстро соображая, какой богатый источник для нашего дела. «Вот умели же люди устроить свои дела и вести на огромном пространстве свою пропаганду при всех строгостях и запретах», — мелькнула у меня мысль. А поп, видя изумление и вопросительное выражение моего лица, продолжал: «Вот идет странник с котомкой за плечами, истомленный, в пыли, думаешь — божий человек, а он — шалопут-почтальон, несет им из далекой России известия, и один — туда, другой — сюда, во все стороны. И они знают все и знают, что в министерстве в Питере** предпринимают против них».

---

* Так в тексте.

** Так в тексте, нужно — в Петербурге.

— Как? — невольно вырвалось у меня.

— Да, везде свои люди, а то деньгами… И при дворе, в конвое государя, у них свои молодые казаки. Эти аспиды всюду проникли, — поп замолчал, встряхнул головою и откинул рукою свои густые «патлы» назад. Ненавидя попа, все иначе и не называли как патлы.

Я стал приходить в себя от первого впечатления и налетевших на меня по поводу открытия вопросов и понемногу стал предлагать вопросы попу.

— А как же они с властями?

— О, у них все куплено. Атаман-пьяница у них в руках. Дьячок мой тоже все переносит им. Эта змея его подпаивает, у него тоже жену свела.

— Да зачем? — с изумлением почти воскликнул я.

— Да для разврата, у них правило: холостой — не женись, женатый — разведись. У них «духовни», и на собраниях в потемках все ложатся на землю, на разостланных коврах и шубах, и свальный грех, кто с кем: дочь — дочь, сестра — сестра, мать — мать. Следят они за мной, окаянные, на каждом шагу, боюсь, отравят, и на требах[9] ничего не ем. Вот и сейчас, — поп повернулся к окну, увидев прибежавшую в лавку девочку. — Это дочка Приступихи. Ее прислали посмотреть, что поп делает в лавке».

— Приступиха? Она живет вон, на углу, почти против вас, — добавил поп, видя мое намерение спросить. — Это — первая сводня, развратница и пьяница, а у них она — надзор. Сегодня все будут знать, что поп был у нового лавочника, на собрании обсуждать будут.

Поп поднялся со скамьи, на которой сидел, и взял свою шляпу. Я от души благодарил его за предупреждение, радуясь неожиданному открытию, и, вероятно, настолько энергично, что поп посмотрел на меня пытливо: «Не шалопут ли я», — мелькнуло у него, очевидно, в голове. Я поспешил прогнать у него эту мысль.

— Знаете, батюшка, этих «чертей» я не боюсь. Жену они у меня не отобьют и меня не совратят. Мы люди торговые, бывалые, видели виды и видим, с кем имеем дело.

— То-то… Но надо все-таки присматривать, — заметил поп и добавил, понизив голос, — за женой.

Я молча кивнул головой в знак согласия.

— Не была? — тем же голосом поинтересовался поп.

— Нет, я еще не знаю ее, — успокоительно ответил я.

* * *

По уходе попа я даже потер руки от радости.

— Вот так клад! — невольно вырвалось у меня вслух, — и почта, и организация, и средства, и план… Как только подойти ко всему этому? Умна, а в душе сатана, — повторил я слова попа.

Вечером мы стали обсуждать с Александрой Николаевной сообщение попа.

— Чего прибегала девочка Приступихи? Говорила что-нибудь? — спросил я.

— Сахару взять на пятак. Постояла. «А у вас батюшка?» — а сама ближе к нашей двери. Вижу, хочет послушать, что вы говорите.

— Неси сахар матери скорее, а то чай простынет, — ответила ей я, и она побежала.

Было ясно, что и мы будем под надзором…

Поздно мы улеглись, но впечатления дня были так сильны, что я не мог уснуть сразу, и всю ночь мерещились мне то медведь в шляпе, то какая-то ползучая гадина, змея не змея. Вздрагивая, я просыпался. А тут еще пес хозяйский завыл, а за ним и другие собаки. «Волк забежал», — подумал я и глянул в окно. Светлая, лунная ночь, тишина, на площади ни души, а у попа в доме огонь, хотя было уже близко к рассвету. «Боится», — подумал я и под утро уснул как убитый.

* * *

Прекрасное летнее утро. Солнце еще не пригревает, прохладно, и чуден ароматный воздух широко раскинувшейся степи. Я еду на базар в город. Хозяйская кобыла, которую я нанял за один рубль на поездку, веселей трусит, и я не стараюсь подгонять ее, наслаждаясь широким простором. Дивная степь, трава в пояс, хлеб в стороне в рост человека, перепел звонко зовет свою подругу. Куропатки то и дело срываются с дороги почти у ног самой лошади. А там стрепет вспорхнул. Над головой журавли тянутся в камыши реки Куры. Дорога еще не пылит, держится утренняя роса. Тихо, и на душе так легко, сладостно…

Там, впереди, на кургане, что-то белеет, должно быть, дудак, за травой хорошо не видно. Ближе [подъезжаю] и вижу, поднялся небольшого роста человек: белая рубаха, за плечами котомка. Вижу, крестится на восток. Странник. Невольно вспомнился мне поп. Идет по дороге ко мне. Отдыхал там. Поздоровались. Низко поклонился, передал палку в левую руку, а правою — снял шапку. С особенным чувством приветствовал я незнакомца: так же снял шапку, низко кланяясь. «Вероятно, «почта», — мелькнуло у меня в голове. Долго я еще поворачивал голову назад, стараясь увидеть, не свернет ли странник с нашей дороги.

* * *

Базар сразу охватил своей толкотней и хозяйственными запросами, а новые встречи дали новые мысли. Проголодался и зашел в трактир попить чайку. Взял «пару»* на базаре, три фунта горячего белого хлеба на весь день. Моя поддевка, большие сапоги и прическа с пробором посредине давали мне вид русского и отличали от местного жителя, где все бешмет, черкеска и стриженая голова.

— Давно из России? — обращается ко мне сосед по чайному столу.

— Нет, — коротко отвечал я.

— А как хлеба?

— Прошлый — плохи, а нынче — ничего, пишут.

— Пишут? Сродствие там?

— Да родня!

— Кто такие будете?

— Тверской.

— Мы там бывали…

Я насторожился. Паспорт у меня тверской, а я только и знаю самую Тверь, а в губернии не бывал. Проврешься невольно. И я поспешил сам задавать вопросы.

— А вы будете откуда?

— Московские. Нового Ерусалима[10].

— Торгуете?

— Там кожи сбирали.

— Много было?

— Падеж был.

— В монастыре бывали?

— Мы поморские, своя вера.

— А здесь есть ваши?

— Я и приехал к ним… А здесь больше хлысты, а вон в станице Павловской шалопутами зовутся, да их много и в городе, здесь их старшой, называют его Лордугин. Со мной ехал по чугунке из Питера.

— А где же он живет?

— Ездил, значит, по делам в Питер… Силен от Писанья… Все, значит, гнет на безбрачье, в миру спасайся…

Помолчал и снова начал кусать твердый, как камень, сахар.

— В Питере пашковцы теперь. Слыхали? — добавил сосед.

— Нет, — коротко ответил я, допивая чай и собираясь уходить. Распрощались.

* * *

— Григорий, — раздался сзади меня оклик, когда я шел между возами.

— А, Володька! Здравствуй! Устроился?

— На мельнице. А я искал тебя, хотел к тебе ехать.

— Нет, этого не делай: рано еще. А повидать меня знаешь где здесь.

— Да, знаешь, много вопросов…

— Пока оставь их. На молотьбу приедешь. Возьму войсковую молотилку, тогда можно будет. Прощай! Один?

— Нет, с хозяином. Муку привезли. Интересный, брат, человек… Знаешь…

— Ну, после, потом, не здесь.

Володька почесал затылок, встряхнул по-казацки свою большую шапку и повернул, досадливо махнув рукой. Видимо, его обуревали мысли, и новое положение батрака двоило его, а тут беседы с хозяином-сектантом — все это требовало, чтобы он поделился со мною, и он не разбирал ни места, ни времени, готов был разговаривать и на базаре.

Поместившись** в станице, мне надо было остальных разместить в других местах, сносясь с ними от времени до времени. На какое-либо обзаведение самостоятельное Володька по своей неприспособленности (воспитанник кадетского корпуса, сын генерала, из богатой семьи) не годился и потому избрал себе [роль] наймита, батрака, по дюжести своего сложения пригодный для этой роли. Проба его в сапожничестве, когда мы еще скитались, не удалась, и товарищ его, Усов, тяготился им, боясь, что раскроют его. А другой профессии у него не было. Дорогой человек во всех отношениях, он, так сказать, с технической стороны был не подготовлен. Но умел так опроститься, огрязнеть и не тяготиться положением немытого и нечесаного, что мог выдерживать всякие превращения.

---

* Здесь — кипятку.

** Так в документе, нужно — поселившись.

* * *

Знакомство пошло быстро. Посещение попа не осталось секретом, и противники, в свою очередь, поспешили забежать, чтобы оказать и свое влияние на новых людей. Через несколько дней в затворенную еще лавку раздался стук и женский голос: «Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас!». Я подбежал к двери с некоторым недоумением: странник, подумалось мне, но женщина. Спохватившись, ответил: «Аминь», — и отворил дверь. Предо мною стояла пожилая женщина, покрытая темным платочком, в кофте, чистенько и опрятно одетая, но просто и небогато. Серые глаза так и обдали меня приветом, лаской. Во всех движениях, как она переступила порог, видна смелая уверенность, и походка, поступь скорей была мужской повадки, чем женской.

— Кто это? — недоумевал я, и мысли вихрем летели, перебирали всех.

— Войдите, матушка, — ответил я.

Вошла, помолилась образам, перекрестилась истово.

— Здравствуйте вам, люди божии. — И, расцеловавшись с нами, положила белый небольшой хлеб на стол. А от нее пахнуло смесью рясного хорошего ладана, рогального масла и какой-то травы — калуфер[11], как я потом узнал.

— Садитесь, пожалуйста, вот сюда! — и я показал место на лавке под образами. Две деревянные скамьи, вделанные в стены, соединялись под углом под божничкой[12] (передний угол), а перед ними стоял деревянный тяжелый стол. Это была вся мебель нашего обиталища. По левой стене стояла кровать без полога, дальше — широкая русская печь. Вот и вся наша комната. Четыре окна в двух стенах хорошо освещали помещение, и вид в нем был веселый.

Села и быстро окинула взглядом всю нашу «келью» и, я уверен, сразу заметила все подробности и недостатки нашей обстановки, что уже относилось к Александре Николаевне, как к жене и хозяйке.

«Какая милая», — промелькнула у меня мысль. Но кто пришедшая — я недоумевал. А, между тем, чувствовалось, что вас так и тянет к этой неведомой незнакомке, в ней что-то вас как бы обвевало теплом, нежным материнством и любовью. Лицо не молодое и не старое: морщинки на лбу, но не старческие, а скорее следы напряженной работы умственной, и между бровей, над переносьем, резкие углубления.

— Как вас называют? — обратилась она ко мне.

— Никоныч, — сказал я поспешно.

— А вас, моя болезная?

— Миколавна! — ответила покрасневшая Александра Николаевна. Странно, но чувствовалась какая-то не то робость, не то смущение, а скорее чувство младшего пред старшим, почтительность.

— Пришла проотведать! — и ласково кивнула головой. — Слыхали, может быть, в станице, дескать, проживает «змея подколодная», так это я, Никитиха.

Я так был поражен, что в первый момент положительно не мог ничего сообразить и ответить на эту прямую и откровенную рекомендацию. Взглянул мельком на Александру Николаевну, она даже побледнела.

— Мы еще по новости никого не знаем в станице, — слукавил я и, спохватившись, добавил: — Но всем рады, кто к нам с добром и приветом.

— Так, так, за что и вас Господь благословит.

— Ну, как же, Миколавна, моя милая, справляешься сама? — быстро оглянула ее с ног до головы и задержалась на руках ее.

— Ничего, управляюсь. Лавка вот отрывает, Никоныч по делам бывает, — хорошо выдержала себя Александра Николаевна.

— Да, мужу надо помогать, почитать и угождать ему, а он должен любить и повожать*. А вот поляк надо помазать (глиняный пол полупился у нас), — круто повернула Никитиха разговор. Встала, заглянула в печку и добавила: «Печечку подбелить, а занавесочку навесить».

И тут же быстро сняла с себя, из-под кофты как бы фартучек, сдвигавшийся на толстом шнуре, и завесила печку. Черная дыра (загнетка) с чугунками сразу исчезла, и вместо нее — красивенькая с серенькими цветочками занавесочка. Затем повернулась, покрыла ведро с водой кружком, который я, ставя самовар, оставил на лавке, перевернула пустое ведро вверх дном, что-то поставила под лавку, оправила скатерть на столе и быстро, помолясь на иконы, стала прощаться.

— Приходите в мой садочек, мои милые. Я вас как-то сразу полюбила, — договорила она, кланяясь в пояс, и ушла.

Проводил, вошел в хату. Приятный запах какой-то пахучей смеси еще был в воздухе, и хата как будто стала другой.

— Вот тебе и «змея подколодная», — заговорил я, подходя к Александре Николаевне.

---

* Так в тексте.

— Да знаешь, Никоныч, мне хочется заплакать, — ответила Александра Николаевна, — так мне вспомнилась моя милая мама. Такая она сердечная да ласковая, что мне кажется, будто она близкая, родная.

Обнял я Александру Николаевну, сел рядом на лавку, и стали мы обсуждать этот неожиданный приход. Расчувствовались… Но я быстро взял себя в руки и «трезво» начал подбадривать Александру Николаевну и «стряхивать» навеянные нежности.

— Помни, — говорил я, — что это «ловцы человеков», они так же «ищут» и должны располагать к себе, а потому сколько здесь искренности, покажет будущее. Помни, поп говорил, что она отобьет тебя от меня. И вот она обворожила тебя. Смотри!

Александра Николаевна рассмеялась. Расцеловавшись, я вышел в лавку: у дверей уже стояли «гарны дивчины».

* * *

Мы были, как оказалось, такой новинкой для мирной и тихой жизни и счастливого, сытого довольства станицы, что все, от мала до велика, были заинтересованы нами. Дети кричали: «Мамка, дай копейку, три леденчика (конфеты) дает новый лавочник».

Надо сказать, что при дешевизне в то время этих простых конфект (народная карамель в красненьких бумажках с резной бахромкой) можно было с хорошим барышом продавать их по две штуки на копейку, а мы давали три, тогда как в другой лавке давали одну, и притом простую, а не леденцовую. Малыши не верили своим глазам, получая в первый раз столько леденчиков.

Так же дело обстояло и с пряниками, да у нас они были притом свежие, мятные, белые. Детвора гурьбой бежала в лавку, а вместе с купленными сластями несла славу новому лавочнику. Но солидная часть обитателей станицы, отцы и деды, не отдавались восторгам молодух и детворы, сомневаясь в нас, в «нашей верности торговой», и проверяли нас на солидном продукте, на сахаре, чае.

Сахар в то время был 25—30 копеек за фунт, а головной[13] — со скидкой, а чай — 2 рубля фунт, хороший, Попова. Вот, отпуская по этой расценке (конечно, не в убыток себе) и на 5 копеек сахарку, мы смущали дедов: «Та яки у него весы?» — и носили купленные куски проверять в другую лавку, где на пятак совсем не отпускали или меньше восьмой фунта: сахар был в розницу вдвое дороже.

— Вот це по-божьему! — твердили скептики после проверки и становились нашими покупателями всего остального, в душе думая, что мы «недобачаем», то есть отпускаем лишнее.

Какими эпитетами награждали бабы своего старого лавочника, получая у нас на поминовенье сарачинское пшено[14]: «Вдвое больше за ту же цену, чем у того», — что без улыбки нельзя было слушать их. Дело в том, что, будучи единственным в станице, этот торговец свободно ставил расценки продуктов, тем более что население было зажиточное.

* * *

Вслед за Никитихой явился и атаман Змиевской. Еще издали я заметил, что величественная фигура атамана в новой шапке направляется через площадь в нашу сторону.

— Не к нам ли? — подумалось мне. Пока я вошел в хату предупредить Миколавну, атаман был уже у дверей. Стройный, высокий, дородный, с большой и густой с проседью бородой, атаман производил очень внушительное и приятное впечатление. Я познакомился с ним еще в первый свой приезд и остался доволен его приемом, что и было одной из причин выбора этой станицы. Очевидно, и я пришелся ему по нраву, потому что он встретил меня очень приветливо и даже радушно по приезде на жительство. Манеры держаться и вести разговор выдвигали его далеко за пределы простого казака, хотя он был только урядник[15].

На этот «визит» я уже озаботился поставить самоварчик.

— Чайку выпить и закусить милости прошу.

Атаман, видимо, был доволен предложением и не отнекивался. Выпили по рюмочке. Миколавна закусочку подала. Просидели до обеда, часа два, и за это короткое время я увидел, что мы имеем дело с очень умным, тактичным и очень самолюбивым человеком, который не даст наступить себе на ногу. Усиленно угощая водочкой, я надеялся на первый же раз определить, действительно ли атаман пьяница. Но оказалось, что и манера пить, и позыв на водочку не таковы, чтобы он был пьяница. Очень ловко и деликатно атаман вел речь: кто я, откуда, почему к ним попал, давно ли женат.

— Старуха-то, видно, не из простых, — заметил он насчет Миколавны.

— Детки были? — добавил он.

— Она — дочь купца, жили когда-то хорошо, но отец умер, торговля пошла на приказчиках, с убытком, и, как это бывает, за долги все и растащили, — говорил я наставительно и с расстановкой.

— Да, дело торговое требует своего, хозяйского, глаза, — заметил атаман.

— Мы хотели с Миколавной на фронт, на войну: я — санитаром, а она — сестрой милосердия; да мать ее уж больно опасалась, ну и отставили это дело, вот и попытали на Кавказ: с малым капиталом там не пробьешься.

— Ну, у нас поживете, худа не увидите, в обиду я не дам, а что лавочник у нас, то это пустое, он не торговый человек, у него нет этой сметки. У вас, вижу, по-иному и народу привет, а вы думаете, что это за ничто почтут? Нет, каждый с добром будет к вам. А тут был у нас один, свой казак, деньги зашиб, что хотел, то и брал за товар. Ну, с почтением. Оставайтесь здоровы. К моей старухе загляните, — добавил атаман, обращаясь в сторону Миколавны.

Атаман встал, подтянул пояс и вышел с достоинством. О попе — ни слова, и никакого злословия и враждебного чувства к кому бы то ни было атаман не проявил. Впечатление оставил самое хорошее, хотя видно было, что надо блюсти осторожность. Стало чувствоваться нам как-то свободнее.

* * *

Итак, мы сделались центром внимания всех вожаков местной жизни, да и всего населения станицы.

— Что же дальше? В наших интересах, — рассуждал я вслух, едучи на той же кобыле снова на базар за покупками (базар по субботам), — чтобы эти главари были бы если не солидарны, то, во всяком случае, жили бы в мире и одинаково были бы близки к нам. Идея эта — идея объединения, как я ее назвал, — так охватила меня, что не сиделось на месте, хотелось бежать, и я злился на свою кобылу, которая сегодня из рук вон шла скверно: ни кнут, ни «но» — ничто не действовало. А кругом такая благодать, оглянешься и диву даешься: почему человеку тесно в такой шири, почему ему душно в таком чудном воздухе, среди дивной картины полей, лугов, веселых рослых хлебов и цветов, цветов полевых с их чудным ароматом, среди тучных пастбищ?..

«Свободы нет», — твердил какой-то голос внутри. «Да, свободы», — почти вслух отвечал я. Совсем забылся среди очарованья степи... Вдруг моя кобыла шарахнулась в сторону и, несмотря на лень, сделала даже несколько скачков. Едва успел подтянуть вожжи.

— Ах ты, косой, подлец, — вскрикнул я, увидев, что заяц выскочил из-под самых ног моей кобылы, перепугав ее, и понесся дальше вперед по нашей дороге. «Ну, дорогу не перебежал», — невольно стал я присматриваться к удиравшему от меня косому-бегуну. Справа выскочил, значит, дурного не случится. И тут же навернулась на язык володькина песня:

«Косой бес пошел в лес,
Срубил палку, убил галку,
Галка скачет, косой плачет».

Володька в ней видел историческое значение.

Вот и речушка, надо поить кобылу, тут и дорога на Урюк. «Подходящее место, — думалось мне. — Пора бы посадить Володьку на место. Да бабу ему надо». Володька уже раз заметил мне: «Тебе хорошо с Миколавной», — на мои замечанья, что он грязью своей не удивит мир. Хорошо бы дать ему лавку в этом Урюке. Насчет бабы позаботится Александра Николаевна (кого взять из Москвы). Хотя Александра Николаевна всегда говорила, что из Володьки не будет хозяина, ему надо бродить, а не жить на месте. Но мой план был в том, чтобы были свои постоянные места, куда бы направлялись наши ходебщики, коробейники, и у каждого был бы свой район влияния и знакомства. «Но сразу этого не сделаешь, да и денег нет на товар и обзаведение», — раздумывал я. Как бы в ответ на мои мысли из-за бугра показался конный казак. Я сразу узнал урюкского атамана. Подъезжает тоже поить коня.

— А я к вам собирался, — сказал я, пожимая руку атаману. Познакомился я с ним раньше, случайно, на базаре.

— Милости просим, — отвечал атаман — А по какому делу? — вопросительно добавил он.

— Да насчет торговлишки... Как у вас?

— Жалуйте, жалуйте, устроить можно. Ну, до свиданья, спешу: сегодня окружной будет. У вас не слышно?

— Не слыхал, — ответил я, влезая на свою повозку.

«Вот тебе и заяц: да, неожиданно удача. Ну, Володька, решено: «сядешь на место», — размышлял я...

Снова вернулись мысли к своим делам.

— Но с кого начать? — спрашивал я себя, потрогивая кобылу. Страшней всех кажется поп. «Страшен черт, как его малюют», — как будто кто-то подсказал. Я потянул совсем уснувшую мою кобылу кнутом и вслух сказал Володькину поговорку: «Возьмем попа за рога», и сам от души рассмеялся, заметив свою ошибку: «попа» — вместо «быка».

Вот и город. Какой убогий, а был когда-то центром Кавказа[16]. А лихорадка, проклятая, здорово душит.

Вернулся я домой с самым определенным решением начать с попа. Моя Миколавна в тревоге, не случилось ли чего: я запоздал, а виной — проклятущая кобыла. С удовольствием я выпивал чайку после этих поездок и с аппетитом хлебал щи, которые уже навострилась готовить Миколавна.

* * *

Визит мой к попу имел хорошие результаты. Обладая хорошим голосом (сильным, звучным и красивым баритоном) и зная хорошо церковное пение, я заинтересовал попа предложением образовать хор певчих.

— А жалованья я не потребую, я люблю пение и к церкви привычен, службу знаю, — добавил я. Больше всего понравилось попу, как мне показалось, что не потребуется расход на жалованье регенту[17].

— Пение будет нотное и простое, правильное, — отвечал я на замечание попа. — А у вас на клиросе[18] — кто во что горазд.

— Да этот Данченко каверзничает. Взялся хор собрать, да и сам ничего не знает. Я рукой махнул, а они нарочно мне дурака строят, а прогнать не могу — он с атаманом приятель. Но что же с ним делать? Ведь он не уйдет. Он был прежде учителем, а теперь — станичный кулак: и лен сеет, и на проценты дает. У него много лиходеев.

— Да, я полагаю, не надо прогонять. Пусть себе поет на левом клиросе со своими. Я уверен, что он и сам уйдет, когда нас услышит. А от вас это будет обществу подарок — хор, и от общества расхода не будет, хор будет ваш.

Высказанная мною мысль «хор будет подарок обществу» так задела попа, что он даже заходил по комнате и велел чаю подать.

— Вы, что же, учились? — спросил поп, подвигая мне сдобные сухарики и молочник с густыми сливками. Кухарка принесла ветчины, масла, творогу. Поп был вдовец (попадью «змея подколодная» споила, и та умерла).

— В хорах пел, регентовал еще мальчиком, хороший дискант был.

Поп, видимо, был доволен, что он заведет свой настоящий хор, это будет в пику атаману.

— Эти пьяницы в правлении с атаманом ничего для церкви не делают... У меня где-то были ноты, надо поискать. «Чертог твой». Знаете? — и поп запел.

— Как же, знаю, — и я взял басовую партию.

Я сидел как на иголках, хотелось руки потирать от радости, такого удачного начала.

— Да, — оборвал поп пение, — старики (выборные) увидят, что поп думает о благолепии.

Поздно вечером я расстался с попом, незаметно просидев у него несколько часов, все более и более убеждаясь, что на его самолюбие можно будет опереться для осуществления моей идеи.

Поп простился со мною очень радушно, просил заходить. Всегда угрюмое, лицо его просветлело.

— Когда же вы начнете?

— Да завтра же, — ответил я уверенно.

— Вот как! — воскликнул поп и даже потер руки.

Вышел я на улицу и слышал, как загремели железные засовы, накрепко запиравшие двери мрачного жилища попа. «Боится», — подумалось мне.

У нашего дома на завалинке сидел Поляк со своей хозяйкой и, как я стал подходить, поднялся, поздоровался, он, видимо, поджидал меня, заметил: «Долгонько вы у батюшки посидели: полюбил он вас. А ведь к нему никто ни ногой». Мне бросилось слово «батюшка», когда обыкновенно все иначе не говорили как «поп».

— Да, ваш поп — человек ученый, и его любопытно послушать, — ответил я.

— Нелюдим стал, как матушка умерла... Завтра в лес за дровами! Будете?

— Как же, надо. Кобыла ваша потрудится.

— О, она гору свезет. Покойной ночи.

Очевидно, наш Поляк был тоже заинтересован моим посещением попа и ожидал моего возвращения, чтобы узнать, как меня поп принял. Долго мы еще беседовали с Александрой Николаевной и намечали наши дальнейшие шаги.

* * *

На неделе был праздник. Я переговорил с дьячком на другой же день насчет хора, сказав, что буду в церкви завтра и прочитаю «Апостола»... Дьячок очень обрадовался, что будет у нас хор, и стал перебирать, кого можно пригласить в певчие. Оказалось, что голосов двадцать можно набрать, кроме мальчиков. Дьячок имел хороший голос, но любил выпить, и это сказывалось на его голосе.

— А Вы как, Семеныч, пойдете ко мне или на левом останетесь? — как кнутом подстегнуло дьячка.

— Я? На правом буду, с Вами! Что я там буду, с моим голосом, да и обидно...

— Я Вам дам хорошее соло, есть чудный концерт: бас вступает в трио детских голосов... — начал я описывать будущие успехи его и прибавил, что доходы от хора — за свадьбы, погребения и прочее — я буду делить между всеми певчими и на себя ничего не буду отчислять.

— Набежит и на Вашу долю больше, чем другому, по Вашему голосу. У Вас и касса будет.

Дьячок размяк. По натуре это был очень добродушный, сердечный человек, простой, безвольный и без всякого образования, не чуждый смолоду некоторых порывов, но постепенно опускался, а со смертью дьячихи (тоже через шалопутов) сильно пошатнулся. Никитиху почитал, но та его недолюбливала за его «винище».

Порешил и с этим.

* * *

Церковь полна народу. Служба идет. Данченко поет со своими. Я выхожу читать «Апостола». Не без волненья я сказал первые слова «Ко Ефисеям* послание св. апостола Павла чтение»[19]. Но это волнение дало вибрацию голосу, и сильный звук сделался еще красивее. Я чувствовал, что церковь затихла. Верхние ноты были так сильны и сочны, что даже книга задрожала у меня в руках.

Кончил эффектно.

На клиросе при возвращении книги дьячок и певчие пожимали мне руку и вполголоса шептали: «Вот так прочел!». Дьякона при церкви не было, и Евангелие читал поп просто и некрасиво, потому впечатление, сделанное мной, осталось, и при выходе из церкви я слышал, как в кучках, вышедших из церкви, говорили: «Вот так орган. Ну и читал! Будет хор, да, этот сумеет». Эти замечания слышались между почтенными мирянами.

Собрал хор. Желающих больших оказалось так много, что пришлось отказать некоторым, обнадежив, что буду со временем петь на два хора. Стал обучать с голоса, инструмента никакого не было. Нот никто и не знал. Показал, все заинтересовались и охотно посещали спевки. Дело шло быстро. Подготовил кое-что, разучил.

Первое наше выступление с обещанным дьячку соло решило бесповоротно дело соперничества с Данченко: на левый клирос потом никто не пришел, и сам их «водило» стушевался. Поп ликовал. Выслал мне просвиру[20] на серебряном блюдце и пришел в лавку передать свои впечатления.

— Народ иначе в церкви стоит, — повторял несколько раз поп. Его заслуга перед обществом.

К удивлению, торжествовал и атаман, восторженно отзываясь о пении и благодаря меня за старание: «Сам пел мальчиком». Певчие получили от атамана по рублю, мальчики — по 50 копеек. Но поп еще больше поднял голову, когда два старика от общества пришли благодарить его за хор. Умный и тактичный атаман, зная, что общество припишет все попу, первый подал мысль хвалить хор и пойти к попу на поклон, и тем, так сказать, и себя связать с созданием хора. Необыкновенно удачный оборот, какой приняло дело, придало мне бодрости и уверенности в правильности сделанных шагов. «Это начало примирения», — думалось мне. И действительно, поп говорил, что он рад служить обществу, если будут понимать его труды и будут знаки внимания ему.

* * *

Время шло. К Троице поп выразил желание одеть певчих в одинаковые костюмы, сделать всем одинаковые бешметы[21]. Появление мальчиков в одноцветных красивых бешметах (по светлому полю скачущие красные наездники) произвело сенсацию, и враждебное чувство к попу сменилось признательностью. В то же время и я имел полное основание радоваться, так как певчие мои выказывали мне такое расположение и преданность, что я мог считать их своими близкими людьми, стоявшими за меня горой. Как сильны были чувства, связывавшие меня с моими учениками-певчими, сказалось это и через тридцать лет: взрослые, послужившие уже казаки, бывшие тогда мальчиками-певчими, встретясь со мною, выражали самую искреннюю и нелицемерную радость и с восторгом вспоминали мое пребывание в станице и наше пение. Самые задушевные письма писали мне мои певчие (большие), когда я волею судеб должен был уйти от них, в которых сквозило, что недаром было потрачено время и не заглохло посеянное мною. «Будьте тверды, как лед», — писала мне, между прочим, в письмах за несколькими подписями моя дружина, когда узнала, что я был арестован и увезен жандармами.

Необыкновенно были типичны некоторые фигуры. Все они были ко мне привязаны и были как бы моими телохранителями, но некоторые особенно выделялись как по своим отношениям, по чувствам ко мне, так и по внешности. Вообще казаки в костюме всегда чисты, приличны, нарядны и рванья не любят, этому способствует сама обмундировка: цветной бешмет, черкеска, кавказский под серебро пояс с неизменным кинжалом; стройны, на ходу легки, военная выправка. Но между моими «телохранителями» была особенно интересная фигура, отличавшаяся от остальных. Прозывался он Гомин. Массивный, несуразный, припадавший на одну ногу, черный, кудластый, большой и толстый, всегда в черной простого горского сукна черкеске и темном бешмете, он производил впечатление поднятого от спячки медведя, угрюмо и свирепо смотревшего на всех. Но по натуре это был необыкновенно мирный, сердобольный, отзывчивый, сердечный человек, комара не обидит, хороший товарищ, душа-человек. Он не заботился о завтрашнем дне и все, что добывал работой, не считал нужным хранить, а готов был каждую минуту разделить с товарищами выпивкой в беседе с пением. Большой любитель пения (недурной голос, бас), он первый заявился ко мне и был принят, хотя не без опасения, по первому взгляду. Распивая с товарищами, он способен был пить до самозабвения и тогда спал где-нибудь в бурьянах и, проснувшись, выходил оттуда весь в репьях, в колючках, в листьях, понуро шел домой. Преданность его мне была безгранична в церковных процессиях, когда участвовал хор, он, идя сзади, незаметно, осторожно поддерживал меня под локти, охраняя руками от толкотни

* Здесь искажено — Ефесянам.

при неизбежной массе народа, что при его могучей силе увенчивалось полным успехом. Была очень трогательна его эта бескорыстная заботливость: наружность иногда обманчива бывает, и здесь это подтверждалось блестяще. Казалось бы, что в этой несуразной фигуре и внутренний мир должен быть такой же бесформенный и неуклюжий, а на самом деле в душе этого спящего в бурьяне гиганта таились большие запросы, волновали его ум идеи, с которыми он справиться не мог. Ему хотелось знанья, ему нужны были ответы на мировые загадки, и он, бессильный разрешить их, опускал голову и пил часто с отчаянья, а окружавшая его среда не могла дать ему ни ответа, ни утешенья.

Были между ними и люди себе на уме, но в общем это была дружная семья преданных мне лиц. Ясно, что эта группа была для меня связующим элементом с остальным населением и упрочивала мою популярность.

* * *

Устроив таким образом общение и связь с попом, я направил свои шаги к атаману. Если в этом отношении я добьюсь хороших результатов, то, думалось мне, все остальное приложится, и шалопуты сами придут ко мне и, во всяком случае, не будут мне опасны. Да и старый лавочник, безусловно, смирится и признает создавшееся положение. А надо сказать, что торговля его значительно сократилась, и хотя не была ему в убыток, но он потерял возможность безнаказанно брать цену по своему произволу, а вместе с тем пал и его авторитет в населении. Надо было в этом случае поладить с атаманом каким-либо общественным делом, привлекая его на свою сторону.

Необходимо сказать, что до прихода нашего вся торговля сосредоточивалась в единственной лавке, у Данченко, и туда же по утрам собирались бабы с молоком, хлебом и прочим, располагаясь вдоль улицы перед лавкой, а в ненастное время укрываясь в тесном и узком коридорчике его лавки. Таким образом, базар собирался там, и он и давал заработок.

Хотя наша лавка была на площади, но на противоположном конце, и к нам с базара редкие попадали покупатели. И вот, обдумывая план действий с атаманом, мне и пришла в голову мысль перевести базарчик на площадь, к нашей лавке. Но для этого надо было создать преимущество нового положения. Вот я и решил построить на площади против нашей лавки навес на столбах со столами, под которым могли бы размещаться торговки с припасами по сторонам, а в средине — в проходе между столами — покупатели, [таким образом] создать крытый рынок. С этой идеей я и пришел к атаману. В разговоре за чаем, указывая, как плохо в дождь и снег быть бабам на открытом воздухе со своими припасами, я и упомянул о крытом рынке, выражая желание построить такой сарай. Это так заинтересовало атамана с первых моих слов, что не надо было усиливаться убеждать его, тем более что можно было и пред начальством похвалиться благоустройством станицы. Дело было решено, но, как человек осторожный и опытный, атаман заметил, что поговорит со стариками.

— А вы пока готовьтесь, — добавил атаман.

Уйдя от атамана, я не замедлил приступить к делу. Купил у Поляка лес (я сам поехал в рощу, притащил оттуда бревна), а Поляк занялся стройкой. В неделю, к удивлению всех, сарай в 20 аршин длины был готов, и все бежали узнавать, для чего это сделано и на чьи средства.

— Крытый рынок устроил Никоныч, — говорила Миколавна. Хотя все это стоило несколько десятков рублей, тем не менее это усердие мое для общества было высоко оценено, тем более что казаки вообще расчетливы и скуповаты. Удивлен был такой скоростью и атаман. Естественно, что у всех это начинание встретило полное одобрение, а согласие схода окончательно решило переход базарчика на площадь, к нашей лавке. Поп отслужил молебен, и крытый рынок был открыт.

Ярости Данченко не было предела, но за меня было «общественное дело», без всякого поползновения получить какое-либо вознаграждение. Атаман не замедлил донести о благоустройстве в округ, а приезжавшие офицеры для смотра молодых казаков не без удивления смотрели на это сооружение, одобрительно отзываясь о новом лавочнике. С этого момента моя известность выходит за пределы станицы и доходит до округа.

* * *

В то время как шло дело объединения у меня, Александра Николаевна сгруппировала вокруг себя подростков-девчат, начав обучение грамоте с хозяйских дочерей. Это бесплатное обучение так понравилось населению, что необходимо было уже делать выбор между желающими и ограничивать их число. Александра Николаевна имела достаточный опыт в этом деле, так как еще у себя в деревне обучала крестьянских детей грамоте и завела школу. Это еще больше упрочило наше положение, и Миколавна стала центром вниманья бабьей половины.

* * *

Все эти шаги на пути объединения и школа Александры Николаевны давали большую пищу для интриг нашего противника Данченко, и он всячески старался подорвать мой авторитет и поселить сомненье в душе атамана в моей легальности. Как бывший учитель, он многое слышал, читал газеты и знал кое-что о подпольной литературе и партиях. Надо думать, что он доносил и в округ, но там видели в этом кляузу противника по торговле и не придавали значения.

Со своей стороны, поп не упускал случая похвалиться при свидании с попами других станиц и на съезде духовенства, хора и прочее. А я подогревал его внимание к себе, при случае я повел с ним речь, почему не бьет церковный сторож «часы» в колокол, а было бы хорошо устроить это. Поп заинтересовался этим и заметил, что «пьяницы» не дадут денег на покупку часов, да и атаман тоже, а он хотел бы. Я выразил желанье дать в сторожку свои часы.

Перед этим я купил в городе стенные часы с хорошим громким боем и с кукушкой и повесил у себя в хате. Задумав этот новый шаг, я не поскупился заплатить за часы 25 рублей, для нас значительную сумму. Жили мы очень расчетливо и тратили на свою жизнь на двоих не более четырнадцати рублей в месяц, имея единственный источник [дохода] от нашей торговли, но были и другие расходы: [такие] как поездки мои в разные места, угощенья разные и т.п. Никаких партийных средств мы не имели и за сбором никогда не обращались. На экстренные расходы и на переезды наши служили нам деньги, имевшиеся у Александры Николаевны как остаток небольшой от вырученных от продажи ее земли, которые она все раздала «на дела», еще живя в Москве, в чем, как я говорил, была сильная нужда.

Поговоривши с атаманом и заручившись его согласием, я перенес часы в сторожку, и сделали пробу с попом. Часы своим звоном и кукушкой произвели эффект: кукушка кричала в 12 часов. Ночью неожиданно раздался звон колокола… Как потом выяснилось, этот звон произвел переполох. Всполошились дежурные, служащие при пожарных бочках; подумав, что бьют набат, бросились к атаману. Но атаман только посмеивался, возвращая дежурных и разрешая покойно спать. «Это бьют часы», — самодовольно говорил атаман. Наутро в правлении шли без конца разговоры и «допытки», как все это произошло, и Никонычу была хвала.

— А мы думали, что поп с ума сошел — звонит ночью.

* * *

И это, как и первое, усердие стало известно в округе и, естественно, имело свое влияние. Но все-таки надо было дать доказательство своей «легальности» и не допускать атамана до сомнения, а доходившие слухи до меня о кознях моего противника побуждали к этому. Хотя и представил я в правление паспорт на имя крестьянина Никонова, но этого было мало: паспорт можно было подделать (каким он и был), а потому надо было дать другое несомненное доказательство.

Срок паспорта истекал, и вот на имя правления получается заказное письмо, а в нем паспорт для передачи торговцу Никонову. Сам атаман принес мне этот паспорт и, видимо, был доволен такому несомненному доказательству. Тут за чаем и чаркой атаман и рассказал мне о подходах Данченко относительно меня. Маневр был этот очень удачен и положил конец всем разговорам на наш счет. Предвидя возможность будущего провала и желая охранить по возможности Александру Николаевну, в паспорте было прописано: «Жена — Александра Николаевна», — следовательно, она пребывала под собственным именем.

Осенью 1878 года пришла часть казаков с фронта, и вот прибывшие в нашу станицу двое молодых казаков являются к нам в лавку и после рассказов о событиях на фронте обращаются ко мне, понизив голос, и просят почитать «таких» книжек. На момент я смутился. Но сейчас же делаю удивленную мину и спрашиваю: «Каких книжек?». Казаки, видимо, осведомленные, разъясняют, но несколько смущаются. Я чувствую, что они подосланы, и твердым, несколько резким тоном добавляю: «Зачем вам «такие» книжки?». Пришедшие еще больше смущены и, переглядываясь, отодвигаются от прилавка, и я улавливаю в их шепоте: «Тот лавочник», — что окончательно убеждает меня, что я не ошибся. Выпроваживаю посетителей. Очевидно, рассчитывая на нашу простоту и доверчивость, противник наш подослал новых людей, думая поддеть нас на такую удочку и тем разоблачить.

— У нас никаких книжек нет, кроме Библии, — вразумлял я уходящих соглядатаев. Ушли и больше не являлись. Мой верный Гомин впоследствии осторожно намекнул мне, как я отделал казаков с Дуная.

— А все Данченко, — добавил он. Я не расспрашивал и сделал вид, что не понимаю его. Так этот инцидент прошел, не задев нас, и счастье, что они пришли при мне, а не к одной Александре Николаевне, которая потом упрекала меня, почему я подробно не поговорил с ними, пока, наконец, не убедилась, что это были соглядатаи.

* * *

Живя в деревне, в своем имении, Александра Николаевна занималась лечением своих крестьян, бывших крепостных ее отца, и имела значительную опытность в этом деле. Она знала много простых средств и травы. Я имел это в виду еще в Москве, пригодится при случае. Со своей стороны, решив идти в народ, я запасся некоторыми знаниями по медицине и приобрел книжку, как сейчас помню, «Руководство для фельдшеров» Лунина. Книжка очень толковая, с рецептами по-латыни. Запаслись мы при отъезде разными каплями: Иноземцева, Боткина, йодом для смазыванья, ляписом и пр. Вскоре случай представился дать врачебные советы.

Александра Николаевна стала лечить. Между прочим, она составила сложную настойку для растирания, в которую входили нашатырь, бодяга, стрючковый перец, скипидар и еще что-то, те-

перь забыл. И все это настаивалось на водке, согреваясь на солнце. Настойка была жгучая, огненная, а болезни [лечились ею] по преимуществу простые, простудные — ломота, ревматизм. И вот эта настойка оказывала свое благодетельное действие, нравилась больным. «Натрешься, ляжешь на печь и на месте не улежишь, так и ест, до костей проходит», — говорили они, приходя на другой раз. Слава об этой настойке разлетелась, и стали приходить за ней и бабки, старухи, которые сами занимались лечением. Между ними была, помню, одна с шишками на руках и на ногах, сгорбленная; худая, костлявая, сильно страдавшая от ломоты. Она впоследствии сыграла крупную роль в нашей судьбе, и потому нельзя забыть ее. Усиленно намазываясь этой настойкой, она почувствовала значительное облегчение, и шишки ее, как она уверяла, уменьшились, она стала ходить свободнее.

Лечение наше было бесплатное, что имело большое значение в дальнейшем. Видное место занимали в наших средствах горчичники, приготовляемые нами. В станице не было ни фельдшера, ни аптеки, и скоро и мне пришлось заняться врачеванием, по преимуществу мужчин. Заболеваний было значительное число, и приходилось с утра отправляться на «практику» по станице. Удачные случаи [лечения] создавали целые рассказы. «Помог, матушки, помог. Дай Бог ему здоровья. А уж я по всем нашим бабкам ходила, все не было помочи», — слышалось от больных.

Помню один презабавный случай. Прибежала девчонка: «Тятька заболел, мамка на степи. Приди, дяденька».

— Хорошо — приду!

В сенцах на шубе лежит больной дюжий казак, стонет, мечется в жару. Жалуется на боль в боку. Живот вздут, голова как огонь, трудно вздохнуть. Дал глауберки, велел поставить самовар и напоить малиной (прибежала соседка помочь) и положил на больное место горчичник, намазав его на тряпку, привязал полотенцем и ушел (лекарства я носил с собою). За другими больными я и забыл про этого пациента. На другой день, в 4 часа утра, кто-то стучит в дверь. Отворяю. Стоит дюжий казак, согнулся и держится двумя руками за левый бок.

— Ой, пече, пече, скоро до сердца дойде! — раз за разом причитывает он и ничего больше. Я не узнал, кто это, и не понял, кто это, и не понял, в чем дело, подумал, что ранен. Но когда поднял рубаху навыпуск и увидел обвязанное полотенце, я вспомнил о вчерашнем больном. «Горчичник!» — вспомнилось мне. А над головой: «Ой, пече, пече, скоро до сердца дойде!». Едва удерживаясь от смеха, быстро отвязал я полотенце и снял тряпку: все место багровое, видны даже волдырики, местами горчичник даже присох. Еще громче завопил недужный: «Пече, пече, скоро до сердца дойде». Смех еще больше разбирает, а досадно, что забыл сказать снять горчичник. Усаживаю на стул недужного, смываю губкой, теплой водой горчицу.

— Пече, пече, — стонет больной.

Я быстро смазываю деревянным маслом обожженное место и завязываю полотенцем. Удивлению больного не было границ, он смотрит широкими глазами то на меня, то на свой бок и не знает, что сделалось: боль утихла, и он сразу забыл: «Пече, пече, скоро до сердца дойде». Вскочил как ужаленный и кинулся бежать. Я умирал от смеха. Долго мы не могли забыть этого случая и вспоминать без смеха этот комичный эпизод и комичную фигуру этого рослого дюжего казака. А под турком был![22] Через неделю приходит, кланяется в ноги, благодарит, куренка принес. Поправился и уже на степи был.

— Уж больно я напужался тоды, — добавляет он, вспоминая свое: «Пече, пече...» — и бегство из лавки. Потом жена его уже объясняла, что, когда ему сделалось легко и боль унялась от горчичника, он испугался, что опять намажем «чертовой мазью», и бросился бежать до самого дома.

Среди целого ряда удачных случаев врачеванья особенно выдающимся был следующий. Неподалеку от нас жил казак Чумаков, и про него шел слух, что он одурел: никого к себе не допускает и бьет прямо в лицо чапельником[23], лежит в сенях и воет. Лечили его все знатные бабки, но помочи не было, и, наконец, он и своих стал бить. Вдовец, дети — дочери — большие и мать-старуха. Слышали мы об этом, но не обращали внимания. Наконец как-то атаман сказал мне: «Жаль Чумака, одурел».

— С ума сошел? — спросил я.

— Нет, одурел: голова вся болит, и теперь никого не допускает до себя. После этого разговора приходит к нам старуха-мать и рассказывает про своего больного и просит посмотреть его. Прихожу. Слышу, что он бьет чапельником показавшегося к нему. Я осторожно отворяю дверь и в эту щель вижу взлохмаченную голову с длинной густой проседью, бородой и полузакрытые глаза. Фигура, видимо, большая, покрыта шубой, несмотря на жару в июле месяце. Правая рука открыта, и у нее на земле лежит чапельник. Больной, очевидно, был поражен моим появлением и оставался спокойным. Я смелее отворил дверь и придвинулся к больному, предусмотрительно наступив ногой на конец лежащего чапельника.

— Что болит? — спросил я, присев к больному на корточках.

— Голова, — простонал больной, с трудом открывая глаза: солнечный свет раздражал его.

Притворив несколько дверь, я уже смело присел к больному и незаметно для него вынул из кармана пузырек с нашатырным спиртом и в момент, когда он потянул воздух в себя, поднес открытый пузырек к самому носу больного. Зная по опыту, как действовал на меня освежающе нашатырный спирт при страшной мигрени, какой я страдал раньше, я прибег к этому средству на первый

случай и здесь. Эффект был поразительный. Больной просветлел, широко открыл большие серые глаза и со страхом и недоумением смотрел на меня: сделанное облегчение поразило его. Затем еще и еще раз втягивая запах спирта и чувствуя облегчение, больной заговорил: «Бог тебя послал».

Посмотрел живот — как камень. Понюхиванье с промежутками так освежали больного, что он начал ловить мою руку и целовать, и в то же время усиленно удерживая ее, думая, что сила в руке. Вышел, позвал мать, раздобыл горячей воды, развел глауберку, дал выпить и хотел подняться, но больной сильной рукой схватил меня за руку: «Будь со мной, без тебя опять болит!» — простонал он.

— Пройдет! — твердо сказал я и снова дал понюхать. Больной поражен, посвежел…

Вышел к матери, расспросил. Больной после бани спьяну купался в пруду, с осени и «одурел». Я велел старухе дать его теплую зимнюю шапку и насыпать туда сенной трухи и дать мне ножницы. Старуха, видно, видела в этом что-то таинственное и с какой-то боязнью и торжественностью исполнила это. А дочке сказал самовар согреть. Все это делалось под каким-то гипнозом, быстро, не возражая. Затем облил сенную труху горячей водой, выжал, положил в тряпку и опустил в шапку. Старуха и дочь смотрели на меня, как на колдуна. Затем пошел к больному, дал снова понюхать, остриг ему, как умел, верхнюю часть головы и надвинул ему шапку с горячей трухой на голову совсем с ушами.

— Не снимай ни под каким видом, пока я не приду, а вот это держи в руке и нюхай, пробочку немного оттыкай, — и дал ему пузырек с нашатырным спиртом и ушел.

Старухе и дочерям накрепко приказал не шуметь, больного не тревожить, воду ему ставить осторожно, двери не открывать широко, песни не петь и чапельник убрать и передал старухе страшный чапельник, железный конец которого был насажен на тяжелую кизиловую палку. Все буквально были очарованы, слушали меня с благоговением и страхом.

Больной утих, не выл и, очевидно, уснул. «А то всю ночь и день воет», — шептала старуха. Я ушел, [когда] уже солнце село, пробыв у больного с 12 часов дня. На другой день я пришел утром. Состояние больного улучшилось, пот градом лил из-под шапки. Сенная труха распарилась, и чувствовался приятный запах разнотравья.

— Спал, как убитый… И мы спали. А то все ноченьки напролет глаз не смыкали… Выл, ох, сердешный, выл, — говорила старуха, не зная, где меня посадить.

Больной крепко держал пузырек в руке и, по-видимому, боялся, что я отберу у него его. Наказал шапки не снимать. Дал полотенце утирать пот с лица. Больной попросил молока.

Снова пришел через два дня. Больной уже сделал движение и повернулся на бок. Снова положил свежей сенной трухи и наказал настрого не снимать шапки, пока больному не сделается нудно. Чудодейственное лекарство — нашатырный спирт — оказало свое действие, а припарки подняли больного. Один старик, советуя мне это средство много раньше, говорил, что в сенной трухе «всякая трава обретается, какая-нибудь да поможет». Средство оказалось действенным.

Прошло два или три месяца. Зовут к больному. Прихожу. Мечется в жару, голова болит.

— Чего мы не делали, ничего не берет. Всех бабок обошли. Только вот соседка дала «леки» пузыречек, полегчало как будто. Старуха-мать подала мне пузырек, заткнутый ваткой, и в нем наполовину налита какая-то мутная жидкость.

— Пил?

— Нет, нюхал.

— Действует?

— Спасибо ей, полегчало.

Нюхаю — ни малейшего запаха, и в тот же момент узнаю свой пузырек и вспоминаю нашатырный спирт, данный мной казаку, больному головой, Чумакову. Взглянул на старуху, она протянула руку за пузырьком и, видно, боится, чтобы я не унес это «лекарствие». Делаю вид, что «лекарствие» очень действует, пахнет, бережно затыкаю и возвращаю пузырек. Расспрашиваю. Оказалось, что пузырек действительно был у Чумакова, а от него, по его выздоровлению, стал ходить по другим больным и везде «помогал», снова возвращался к Чумакову и дошел до этой старухи. Уверенность в силу этого «лекарствия» была так велика, что нюхавшие больные чувствовали то же, что чувствовал и больной Чумаков, когда впервые его понюхал. «Сшибает», — говорили, хотя ни малейшего запаха и признаков нашатырного спирта не было. «Вера горами качает», — подумал я. Не решился разочаровывать старуху и уничтожать ее веру в этот талисман.

Чумаков через две недели поднялся, головная боль прошла, а в остальном это был крепкий, сильный организм.

Ãëàâà X

Но прежде чем мы достигли такого торжества, упрочили свое положение, мы пережили ужасные минуты и едва не поплатились своей жизнью за смелый выход в «темное царство». С весны 1878 года, вскоре после нашего поселения, появились в станице горловые заболевания у детей. Помню, приходит в лавку казак и на руках держит девочку лет пяти с распухшей шеей и полуоткрытым ртом, покупать ей леденчиков.

— Глотать не может, в горлышке болит, шейку не поворачивает, — говорил пришедший, любовно глядя на девочку.

Не зная, что за болезнь, но, видя распухшую шею, я подумал, что это свинка, а умные красивые глаза девочки так смотрели на меня ласково и нежно, что от души жаль было бедняжку. Я, не думая о последствиях, посоветовал отцу приложить ребенку на опухоль горячей гречневой каши — средство, которое употреблялось при лечении свинки, как я слышал. Казак поблагодарил и быстро ушел.

Не прошло и двух часов, как явилась женщина с больным ребенком, за ней — другая, а на другой день с утра стали приходить с больными детьми всех возрастов, и к обеду была уже полна лавка [детьми] с их матерями. Оказалось, что «боль» ходила по станице и дети умирали, но все считалось естественным. «Бог дал. Бог взял», — успокаивали себя матери, а бабки уверяли, что умершие детки ангелочками будут. Фельдшера в станице не было, и что за болезнь, никто не знал: «Глоточку завалило и помер». Каша оказала свое действие в одном случае и вызвала больных ко мне, так как оказалась недействительной во всех случаях. Давая случайный совет первому пришедшему, я и не думал, что имею дело с ужасной болезнью, эпидемией, которая потом обошла весь Северный Кавказ: дифтерит, гангренозная жаба. А о дифтерите в то время в населении понятия не имели, да и врачам [он] был неизвестен.

Заглянул в рот одному ребенку и ужаснулся: весь зев покрыт налетом, гланды изъязвлены и так распухли, что оставалась только маленькая щель. Я совершенно растерялся. Что делать, чем лечить? А мать с такой надеждой и мольбой смотрит на меня и ждет помощи.

— Помоги... Один! — молит женщина, и слезы градом текут по щекам. Дни ребенка, несомненно, уже сочтены, а средств никаких нет. Ряд таких больных положительно ужаснул меня, и сердце сжалось от боли, тем более что все пришедшие — и матери и дети — с надеждой и упованием смотрели на меня. Милые личики и прелестные, у многих широко раскрытые глаза и теперь, через 40 лет, стоят предо мной с мольбою, и делается жутко при воспоминании об этой картине обреченных на смерть. А тогда это действовало так гнетуще и так отзывалось болезненно на душе, что я не находил себе места.

— Помоги, родимый!

— Спаси мальчонка! Один!

— Троих схоронила, милый!

— Не оставь! Ты знаешь, как боль унять!

Эти возгласы и соединенные с ними слезы и причитания как ножами впивались в сердце, и я буквально потерял и сон, и аппетит. А смертность все росла, и это еще больше заставляло прибегать ко мне, так как первый случай удачи распространился по станице и создал уверенность, что лавочник знает, как унять боль, и захочет — излечит. Положение было трагическое, тем более что по станице начали дохнуть цыплята, поросята, щенята — все молодое — от такой же болезни, очевидно, заражаясь от мокроты и извержений больных. Дети умирали, и по нескольку гробов в день несли на кладбище. Этот плач и вой провожавших своих деток, «покойничков», стоял в ушах у нас с утра и до вечера, тем более что дорога на кладбище с площади от церкви шла как раз мимо нашей хаты. Зловоние неслось в открытые окна к нам и чувствовалось и в лавке. Положение было ужасное и крайне безвыходное, так как я не имел положительно никаких указаний, как помочь этому горю, чем лечить и какие дать советы, а отказаться от лечения благодаря создавшемуся положению было нельзя. «Знает, а не хочет», — это было общей уверенностью, и некоторые матери заявляли даже требования: «Полечи», — и слышалась в голосе угроза. Надо было лечить. Но чем и как? Это лежало камнем на душе. В моем «Руководстве» [не было] ни малейших указаний на подобную болезнь. Поехал в город. Спросил аптекаря, и, к моему ужасу, он сказал, что никаких средств против этой болезни не знает, и врач местный не знает, что за болезнь.

* * *

Вернулся я в самом удрученном состоянии. Снова взялся за свою книжку и напал на какое-то полоскание, в которое, помню, входил мед и мятное масло, что было другое — не помню, кажется, бура и что-то еще. Думали мы с Александрой Николаевной, думали, голова кругом шла, и решили прижигать язвочки ляписом и смазывать кисточкой горло этой жидкостью. Кроме того, давать полосканье бертолетовой солью. Что даст такое лечение, мы не знали, но все равно [дети] умирали без лечения, и мы не повредим указанными средствами, а дадим этим надежду, поддержим упавший дух матерей, что в дни эпидемии играет огромную роль. Для себя мы достигаем нравственного успокоения и при этом устраняем обвинения: «Не хочет лечить». Мы были, что называется, притиснуты к стене сложившимися обстоятельствами, а другого выхода не было.

Перекрестясь, я сделал первый опыт. Установили запись, очередь. Дали каждому больному палочку с навязанной на ней ваткой и наказали приходить с этим помазком по утрам.

Как со свечами в церковь, шли больные, держа бережно эти палочки в руках, и у лавки выстраивались в два ряда, оставляя посредине проход для покупателей. С раннего утра, едва мы успевали встать и выпить чаю, больные уже стояли у лавки и потом по очереди входили в лавку для

прижигания и смазывания. Наружные места опухоли (за ушами и под челюстями) мы смазывали тинктурой йода. К счастью, в это время все эти медикаменты были дешевы, да у нас и был запас. По пятьдесят больных приходило прижигать, и едва только к двенадцати часам дня мы освобождались, работая без передышки семь часов, стоя на ногах. А на душе было мрачно.

* * *

Результаты нашего лечения превзошли ожидания. Заболевания, захваченные вначале, быстро поддавались лечению, и после трех-четырех прижиганий и смазывания горло очищалось. Число больных росло, и наша торговля сократилась, а это был единственный наш источник для жизни и для наших расходов. Становилось жутко. Но, к довершению несчастья, заболевает горло у Александры Николаевны вследствие заражения от такого близкого общения с больными. Не надеясь на собственное лечение, я еду в город, к доктору. Рассказываю. Дает рецепт на полоскание, но что за болезнь, тоже ничего не говорит. Еду в аптеку — закрыта, заболел. Еду за город в военную аптеку, в лазарет, прошу отпустить лекарство, но там только для военных, и только после усиленных просьб, ради всего святого, получаю лекарство, но бесплатно. Благодарю без конца и, не помня себя от радости, гоню свою кобылу домой, твердо веря в целебное действие полученного лекарства. Только уже совсем вечером я приехал домой. Пишу эти строки и снова переживаю от волнения, в каком я ехал в свою станицу сорок лет тому назад, охваченный всякими страхами в отношении Александры Николаевны. Бросаю кобылу на дворе, а сам бегу в лавку. Лавка закрыта. Волосы становятся у меня дыбом. Что с Александрой Николаевной? Отворяю дверь. Александра Николаевна лежит на кровати.

— Что? Как? — подбегаю к ней.

— Ничего, не бойся. Глотаю свободно. А вот Полканчик…

Тут только я заметил, что у кровати на полу лежит околевший любимец Александры Николаевны, породистый щенок, привезенный из Турции.

— Только что околел, — добавила Александра Николаевна.

Щенок хворал всего три дня. Есть не мог. Заразился, как прочие собаки, от больных. Не помню, употребляла ли Александра Николаевна привезенное мною лекарство или нет, но наше лечение оказало свое действие и на нее. Сразу бодрое настроение вернулось ко мне, и я спал крепко всю ночь.

* * *

Наутро — те же больные, та же картина тяжелых переживаний и мрачных опасений. Но я не унывал, и случаи удачи в лечении давали уверенность, что работа наша небесполезна. Это давало мне много храбрости и поднимало настроение. А главным образом крепили и благотворно действовали на меня те беспредельные благодарности, с выражением которых приходили матери выздоровевших детей. Искренно, от всей души и часто со слезами матери и бабки кланяются и говорят всевозможные слова благодарности. Но среди этих излияний стали иногда пробегать какие-то упоминания о бабках-шептуньях.

— А что они болтают, ты, милый, не слушай. Это они со зла. То к ним все шли за лекарством, а ноне — все к тебе, дай Бог тебе здоровья.

— И откуда тебя Бог послал к нам? Словно ангел-хранитель наших деток. А они болтают, да ты не бойся.

Не придавали мы значения этим намекам, но они все резче и резче обозначались, и оказалось, что гроза собиралась над нами, а мы этого не замечали.

Смертность детей не унималась, и в церкви стояло по десятку и больше гробов. Равнодушные к смерти детей, бабки-шептуньи, лечившие больных без всякого результата, потеряв в значительной степени практику, а вместе с этим и доход, взъелись на нас и, к удивлению, воспользовались против нас именно случаями удачного нашего лечения. Оказалось, что они распустили слухи о том, что болезнь эту пустили мы, пользуясь случайным совпадением нашего приезда. На возражения они говорили: «А почему он знает, как лечить ее, если не сам пустил ее?».

В невежественной массе такое объяснение находило место и казалось правильным, несмотря на всю нелепость его. Злонамеренные уверения эти распространялись усиленно, и все больше и больше охватывали они станицу, тем более что поддерживались и старым лавочником, хотя и очень осторожно.

Занятые своим делом, мы совсем не обращали внимания на этих кликуш и твердо были уверены, что наше бескорыстное участие в этом бедствии, постигшем станицу, случаи удачного лечения и бесплатная помощь (за лекарства мы ничего не брали), во всяком случае, даст нам сторонников и обережет нас от всякой опасности. Но гроза надвигалась. Слухи шли, и мы невольно стали волноваться.

* * *

В одно из воскресений толпы народа, бывшего в церкви, направились к правлению на сход, куда, как оказалось, уже с утра некоторые приходили и уходили. Все ожидали большего схода. Сход начался еще до выхода из церкви. Из дверей нашей лавки видно было правление, и стали доноситься до нас оттуда крики и общий шум. Кто-то пришел и сообщил нам: «Это насчет вас спор идет».

Понимая всю опасность, в какой мы находимся, и нашу беспомощность, я вышел в палисадник при нашей хате и стал прислушиваться. Ясно долетали до меня отдельные выкрики: «Разгромить», «Сжечь», «Прогнать», — затем все покрывалось общим шумом и криками. И, к удивлению, несмотря на обеденное время, крики не унимались, а наоборот, становились все громче и яростнее. Стоя под деревом, я переживал ужасные минуты, предвидя ту картину расправы, на какую способна невежественная толпа, озлобленная и руководимая злонамеренными лицами. Александра Николаевна все время оставалась в лавке, и я настаивал, чтобы она не выходила и не слыхала бы криков схода. К довершению охватившей меня тревоги и тяжелого душевного настроения я увидел почти бегущего от правления нашего хозяина — Поляка, который, пробегая мимо меня, скороговоркой сказал: «Идут вас громить!». Как ни ужасно было это известие, но я решил встретить толпу на площади перед лавкой и говорить к толпе.

Войдя в хату, я сказал Александре Николаевне, что нам угрожает. Мы обнялись. Это было наше прощанье. И я снова вышел и стал под деревом. Минута была роковая. «Идут», — сказал Поляк, значит, решено, и наши сторонники, и атаман оказались бессильными. «Ну, чему быть, того не миновать», — сказал я сам себе и старался сдержать охватившее меня волнение. Я ясно сознавал, что только твердость может дать отпор толпе, и никакое прятание здесь не только не поможет, но даже скорее погубит. Досада и злоба в то же время охватывали меня: вот тебе награда за все труды и скитания. Но я быстро сбросил эти налетевшие на меня моменты отчаянья и как-то невольно пришел к некоторому успокоению. Умный атаман, несомненно, примет меры, да и не может пропасть бесследно все то доброе, какое мы сделали людям. Все эти мысли чередовались и вихрем летали в моей взбаламученной голове.

Но вдруг я заметил, что крики прекратились и шум стал стихать. Я не верил своим ушам, но это было так. Через минуты снова вспыхивал зловещий шум, но все-таки ясно было, что костер ярости уже догорал и то были уже потухавшие вспышки. И вот от правления отделяется высокая фигура старика Николенко — охотника-птицелова — и широкими шагами [он] направляется в нашу сторону, домой. Я замер на месте, закрытый ветвями: что-то он скажет? Вот он поравнялся с нашим палисадником, наклоняет свою седую голову, кланяется и говорит: «Будьте здоровы, добрые люди!» — и пошел домой (он всегда ходил без шапки). Как электрический ток пронизывает меня эта благовесть, и я почти вбежал в хату успокоить Александру Николаевну. Гроза прошла.

А на сходе бурно и яростно шел спор: кто пустил боль на детей по станице. Злобно выкрикивали свои обвинения отдельные казаки, подстрекаемые бабками-шептуньями и одураченные их баснями. Но добрая половина схода стойко и уверенно являлась сторонницей и защитником нашим. Напуганный Поляк в один из яростных натисков мракобесов решил, что все конечно, и побежал домой, рассчитывая, может быть, первым поживиться нашим добром, а может быть, боясь за свой дом на случай поджога. «Сжечь», «Разгромить», даже «Убить» не раз выкрикивалось со злобой.

Но здоровая мысль все больше и больше закладывалась в одураченные головы, и мракобесы оставались в меньшинстве. И вдруг в одну из яростных схваток ряды плотно стоявших станичников раздвигает старуха с клюкой. Появление сгорбленной, седой, костлявой старухи, всей станице известной страдалицы, останавливает на себе внимание схода, и в эту минуту молчания раздается резкий со скрипом голос: «Опомнитесь, ироды! На кого идете? Дьявол в вас вошел. Будь вы прокляты, коли так шагнете! Божий посланник благодать принес вам, а вы, окаянные, громить! До дому не дойдете, детей ваших не увидите! За добро злом платить? Я мучилась, страдала, ночей не спала, а он боль мою унял и ничего не взял, ни грошика. Скажи, с кого взял он копейку? Детей ваших от мора спасает. Обернитесь на храм Божий, нехристи вы, отгоните сатану и идите по домам». Как обухом ударила старуха по головам станичников. Устыдились мракобесы и опустили головы. Сход стих и стал расходиться. Вижу, атаман и два доверенных лица направляются к нам. Пришли благодарить и успокоить нас. Мы были очень растроганы таким вниманием и сердечно благодарили стариков.

Пережитый день казался вечностью, и к вечеру мы чувствовали себя совершенно разбитыми, но спали спокойно, уверенные, что недаром прожили здесь. Седая курчавая голова старика Николенко и вся его мощная фигура и теперь стоит перед моими глазами, и я без слез благодарности не могу вспоминать того момента: он явился первым вестником успокоения, он проявил удивительную нравственную чуткость, придя с благопожеланием и понимая, какие тяжелые минуты переживали мы.

Ãëàâà XI

Нельзя не упомянуть, что и в своей, так сказать, семье, то есть среди тех, кто был уже на работе, приходилось переживать тяжелые минуты. Виновником таких осложнений был всегда Володька, несмотря на свое благодушие. Несомненно, Володька был ко мне искренне привязан, признавал мой авторитет и, можно сказать, любил меня. Но в нем сидел какой-то бес неукротимости и необузданности, и если что втемяшилось ему в башку, то колом не вышибешь, по его собственному

выражению, пока, наконец, не наткнется, что называется, на рожон со своей идеей и не убедится в своей нелепости. Отношения у нас были прекрасные, и я ценил в нем многое, чего не доставало у других и чего он сам не сознавал.

Пунктом, так сказать, помешательства его было желание «сделать революцию», казачество кружило ему голову, и он готов был броситься и в огонь, и в воду, один, не разбирая ни времени, ни условий, в которых находился он. И ему было скучно, ему хотелось шуму, грома, опасности, «картинной пропаганды», бунтов. Все это в его мечтах получало увлекательную окраску, и он ныл, что у нас нет дела. В наших беседах он пытался доказывать, что время настало, надо начинать, но тут же сам убеждался после совместного анализа условий общих и условий нашей жизни, что ни то, ни другое недопустимо, и что те успехи в нашем деле, которые были налицо, пропадут и все сделанное погибнет, раз мы станем на путь действия. Но, убеждаясь в нелепости своего нового плана и сознавая полезность нашего положения, он, оставаясь один, снова поддавался своему бесу.

И вот однажды оседлал его бес: благоприятный момент, по его мнению, настал. Дело в том, что с весны партии землемеров должны были отправляться в степь для землемерных работ. Благодаря связям в управлении[24] наши друзья были сгруппированы в две партии и получили назначение в наш край на небольшом расстоянии одна от другой. Володька был взят в числе других в качестве рабочего «таскать цепь». Приготовления все эти шли во Владикавказе, где был и Володька. К этому времени у него созрела идея «социального разбоя». Носился он с ней и раньше, но после обсуждения терял свою запальчивость и сознавал нелепость и скороспелость своего обдумывания. Развенчанная эта идея и ему казалась настолько ужасной, что он сам смеялся над собой. Но тут его мечты разгорелись, идея получила почву для своего осуществления. Картина для него была увлекательная. Степь, простор, отсутствие жилья, вьется одна проселочная дорога, кричи — ни до кого не докричишься, а тут группа своих вооруженных людей, и успех нападения обеспечен.

Наготовилась партия, и Володька является ко мне взвинченный и настроенный своим бесом до неузнаваемости. С большим подъемом, запальчиво, картинно и не без увлекательности Володька излагает свой план «социального разбоя», добавляя, что момент благоприятный, условия вполне подходящие, и мое упрямство мешает делу. Тут он впервые употребил это выражение — упрямство, уверяя, что все остальные (выехавшая в степь группа) согласны и одобряют его идею и план. Покоробило меня это выражение и огорчила настойчивость и даже требовательность моего согласия и задуманного предприятия. Видя, что Володька нашел поддержку в горячих головах других (Радченко и Габуева), бывших в группе, и опасаясь возможности отдельного выступления, я особенно настойчиво и, казалось, убедительно доказывал, что это бред его взбаламученного мозга, что, кроме гибели, из этого ничего не выйдет, старался расхолодить его пыл шутками и некоторыми насмешками, но Володька не унимался. В своих доводах он опирался и на то, что у нас нет денежных средств на ведение дела. «Ты сам не можешь осуществить свой широкий план поселения, — кричал Володька, — мы дадим тебе средства».

Обсуждая втроем (я, Володька и Александра Николаевна) это сумасбродное предприятие, я надеялся, что Александра Николаевна вразумит Володьку, и потому с некоторым раздражением поднялся и вышел из хаты, говоря: «Ну, думайте серьезнее». Вернувшись, я, к удивлению своему, увидел, что надежда моя не оправдалась, и Александра Николаевна склонилась на сторону Володьки, чем, что называется, подлила масла в огонь. Володька еще больше поднял голову, и у него промелькнуло: «Ну, мы и сами справимся». Боясь разлада и его последствий, я сделал вид, что сдаюсь в своем упорстве, и сказал, что подумаю несколько дней. Володька переночевал и ушел.

* * *

Больше всего меня огорчило в этом нелепом молодечестве то, что Александра Николаевна склонилась на сторону этого сумасбродного предприятия. Так мне было тяжело, что я даже не пытался разубеждать Александру Николаевну, когда мы остались одни, дав вместе с тем Александре Николаевне [возможность] самой обдумать, на какой скользкий шаг она толкает целую группу сбитых с толку, неустановившихся голов.

Прошло три дня. Я стал собираться ехать в степь к нашим. Александра Николаевна сама заговорила о пресловутом «социальном разбое». За это время мое волнение и огорчение, вызванное одобрением [со стороны] Александры Николаевны, улеглось, и я стал со смехом рисовать себе картину нападения. Комичная фигура близорукого Володьки, в глухую ночь выходящего на дорогу с кистенем. Сослепу он принимает куст за быка и со всех ног катится на землю. Не в лучшем положении он и при встрече с проезжими на дороге. Без смеху я уже не мог говорить об этом бутафорском разбое, последствия которого будут очень тяжелы для всех.

Александра Николаевна, вдумавшись за это время в подробности «громкого предприятия», осознала, что сделала ошибку, выразив одобрение Володьке. Необходимо было обсудить этот вопрос в присутствии всех, но так как всей группе (мы называли ее партией) нельзя было приехать к нам, то я решил ехать к ним в степь. Александра Николаевна написала: «Я передумала и не даю своего благословения на глупую затею, и свое одобрение беру назад».

* * *

Весело вышел я из лавки. Знакомый казак уже держал оседланную свою фронтовую лошадь. Быстро вскочив на седло, я, затянув поводья, поскакал по площади.

— Вот так казак! — невольно вырвалось у моих знакомцев-казаков, стоявших у лавки. Лошадь тихо взяла с места. Широкое раздолье степи, прекрасное утро, тишина и ласкающий зеленый ковер травы так благотворно действовали на душу, что никакие мрачные мысли и опасения, казалось, не могли омрачить хорошее настроение.

Я ехал шагом и наслаждался простором и дивным степным воздухом. Но по мере приближения к цели моей поездки, [к] табору-партии землемеров, белая палатка которых резко виднелась вдали, освещенная утренним солнцем, мысль о Володьке и его разбое снова закопошилась в моем мозгу. «Дурацкая, но чудовищная затея», — вслух произнес я, с досадой ударив лошадь плетью. Чуткое животное сразу понеслось напрямик, сократив изгиб дороги по балке.

«А вот и жертва Володькина», — невольно почти вслух сказал я себе, завидев выезжавшего из балки на горку знакомого казака на хороших, крупных, серой масти волах. Любо посмотреть!

— Здорово, Никоныч! Сколь далеко?

Я указал плетью в сторону станции железной дороги, сняв шапку. Невольно напросилось сравнение Володьки с этим громадным, дюжим казаком, про которого говорили, что он один взвалил себе на плечи бычачью тушу и отнес за полверсты. Силища! И на него нападает Володька! Дрожь пробежала у меня по спине.

* * *

Мои «разбойники» встретили меня радостно. У них, очевидно, явилась мысль, что я передумал. Они не ожидали моего приезда. Взглянул в шалаш — там превосходные ружья, выданные землемерам для охраны в степи, куча патронов, в пачках и отдельно разбросанных на бурке.

Разговор и мои доводы сумасбродства задуманного предприятия успеха не имели, хотя, видимо, подействовали на некоторых, но Володька стоял на своем. Возвратился я домой в самом мрачном настроении и не мог не сделать упрека Александре Николаевне за ее опрометчивое решение.

Но обычная работа отвлекла меня от мрачных мыслей, тем более что у меня осталась надежда на рассудительность Л.В. Бирюлькина как начальника «партии». А главное, я хотел перенести работу в сельскохозяйственную среду, для чего представлялся удобный случай в аренде войсковой молотилки. Перспектива была заманчивая для всех: быть в степи своим кошем[25], работать и располагать полной свободой и широким общением вне всякого надзора. Приготовление к этому, переговоры и поездки так выявляли привлекательность деловой трудовой обстановки и так меня заняли, что впечатление от поездки к «разбойникам» совсем изгладилось. Увлеклась этим новым опытом нашей работы и Александра Николаевна, тем более что [по этому делу] приходилось иметь дело и свидания с друзьями, которые, оставаясь в городе, составляли, так сказать, звено нашей организации, но не выступали активно на «работу». Ближайшим помощником нашим был очень симпатичный и тактичный учитель А.В. Золотарев[26]. Приезд его к нам и беседы очень оживляли нашу однообразную жизнь без газет и без книг. Городская жизнь, интеллигентная среда и естественные слухи и толки, для нас составлявшие новости, и «политика» — все это, как резкие лучи солнца, золотили «ту» жизнь и несколько слепили наши глаза при сравнении нашей однотонной отшельнической жизни. Но рядом с этим выступил и интерес к тому впечатлению, какое производила на горожанина наша жизнь, обстановка и работа. Беспристрастный свидетель и заинтересованный наблюдатель в правде и прочности нашего положения, так как он вверял мне ценное войсковое имущество (молотилку, веялку, лошадей и прочий инвентарь), Александр Васильевич искренно радовался нашему уменью и нашему успеху, в чем он прежде сомневался. Целый ряд вопросов, которые ставила нам действительность и которые составляли для нас уже будничную обстановку, для него поднимали интересную завесу на возможные отдельные перспективы, недоступные для горожанина, и он говорил об однообразии и томлении городской жизни и прозябании и увлекался нашей богатой впечатлениями жизнью. Естественно, его очень заботило и волновало, как мы поведем это новое и нелегкое хозяйственное дело, и он, посетив нас, уехал, успокоенный за будущее.

* * *

Выяснив подробности задуманного начинания, мы заключили письменный договор. Сущность опыта заключалась в том, что хозяйственная обстановка приближала участников нашей организации, бывших налицо, и тех, кто являлся бы «для обучения» к населению при самых простых, естественных и благоприятных условиях, как для изучения, так и для опыта применения своих сил и способностей. Как кто воспользуется этими условиями — это было делом личного таланта.

Я являлся единственно ответственным лицом по договору, был, так сказать, хозяином, чему не противоречило мое положение как торговца. Все остальные являлись рабочими. Степь, простор, удаленность от жилья — в полном смысле — лоно природы — давали возможность без боязни явиться тем, кто или имел надобность в деловом свидании, или был выбит из колеи и нуждался в том, чтобы на время скрыться, отдохнуть и подкормиться. Так, наладив дело, я ожидал с нетерпением времени наступления жатвы, рассчитывая, что этот опыт увлечет и Володьку.

* * *

Судьбе угодно было прийти мне на помощь раньше, чем я думал, направить на путь взбаламученные головы моих сотоварищей. Не помню, сколько прошло времени в этих моих хлопотах, но уже к концу их, когда все наладилось, случилось то, чего я не ожидал.

В одно прекрасное утро, чуть взошло солнце, я, выйдя из лавки, увидел скачущую через площадь фигуру. Я сразу узнал Володьку по посадке. У меня сердце сжалось. Ну, значит, беда. — На неоседланной взмыленной лошади — Володька в одной рубахе и большой шапке на голове. Почти перед лавкой этот странный наездник, вероятно, одумался и сдержал лошадь. Но растрепанный вид и вся какая-то испуганная фигура говорили, что приключилось что-то невеселое. Володька почти свалился с лошади.

— Беда, брат Григорий, — скороговоркой прошептал он. Холодный пот выступил у меня на лбу.

— Ну, что такое? — взволнованно спросил я, видя, что Александра Николаевна побледнела как полотно.

— Беда, брат, — повторил Володька, тяжело вздыхая.

— Говори! — строго сказал я, соображая, что предпринять на случай опасности.

— Вчера мы легли спать поздно. Я наморился. Кашу сварил, да около огня и заснул. Вдруг слышу — выстрел[ы]: раз, другой и потом «так», «так», «так» — раз за разом. Открыл глаза — огонь, а пули так и свистят. Я притаился — ни жив, ни мертв, ползком в яму и лежу. Шалаш горит и кто-то стреляет. Думаю — кабардинцы. Пропали! Так, брат, до света, как в лихорадке.

— Да говори же, что случилось? — с раздражением воскликнул я.

— Да что, брат... патроны! — и широкая глупая улыбка озарила потемневшее лицо Володьки.

— Что такое! — с недоумением и досадой вскрикнул я.

— Огонь не затушили, да все и заснули.. А он по траве да и к шалашу, а там как начало рвать патроны и такого страху задало, что до света лежали все в ямках. Как я уцелел! Я на лошадь и к тебе.

Досадно и обидно было за перенесенные волнения, и зло брало меня; хотелось разругать самым настоящим образом этого «разбойника», но взглянул на него: вид у него был такой виноватый и вся фигура такая комичная, что разразился хохотом, представляя этих «разбойников», ползущих и прячущихся в ямки с искаженными от страха лицами. С другой стороны, я и рад был такому неожиданному событию, разрешившему трудную задачу.

— Ну, — проговорил, наконец, я, обращаясь к смущенному Володьке, — теперь за твою храбрость ты будешь пожалован в конюхи.

И предложил ехать за лошадьми для молотилки, объяснив, в чем дело. Володька обрадовался (у него была страсть к лошадям) и быстро собрался в дорогу. Конечно, Володька должен был исчезнуть моментально с места катастрофы, так как непременно должны были явиться власти, испуганные стрельбой в степи, и, конечно, Володька, как нелегальный и беспаспортный, попал бы в их лапы. Долго мы без смеха не могли вспоминать этого эпизода нашего пребывания.

* * *

Вот мы в степи. Шалаш. Над шалашом на высоком месте развевается красный платок для указания, где молотилка. Неподалеку — кучка рабочих: одни отгребают солому, другие подают снизу снопы, а молодые девчата эффектно стоят на машине и, ловко подхватывая снопы, бросают их в люк молотилки. Золотое зерно чудной крупной пшеницы течет из лоточков, и целый ворох образуется у машины, едва успевает отгребать его лопатой рабочий. Лошади дружно ходят в приводе, красивые, сытые — корм хорош. Работа кипит. Надо торопиться. Уже приехали «хозяева». Ждут очереди брать к себе на ток молотилку. А тут еще целый скирд снопов не обмолочен. Породистые сильные быки пасутся неподалеку, а «хозяева» и «погонычи» любуются на дружную и скорую работу, радуясь хорошему умолоту и доброму зерну. Урожай отличный.

Погода стоит отменная. Кругом степь широкая, ровная, полная ласкающей глаз мягкости, прерываемой золотистыми на солнце местами (то загоны снятого хлеба), а у них «табор»: копошатся люди, видны скот и лошади. Вся обстановка молодит, здоровит. Чувствуется хозяйственный задор. Хочется всему уйти в работу, кажется, что и устали не будет. Чудное утро, веселый рабочий день!

Нелегко достигается это золотое зерно. Все вокруг молотилки обливаются потом, некогда утереть катящиеся со лба капли: не зевай принимать снопы наверху, а внизу вьется в воздухе отбитая полова и слепит глаза. Но все весело, шутки, смех — рот не завязывай — свой труд, свой хлеб радует и бодрит. Володька рад: он при лошадях. А людей, людей и молодых, и старых — только умей говорить.

* * *

Хорошо в степи, но надо быть и в станице: в лавке обычная идет торговля.

— Дяденька, леденчиков!

— Мамке сахару на пятак.

— Миколавне цветиков принесла, — перебивает красивая сероглазая девочка-подросток, ученица Миколавны.

— Больна, что ли? — спросил я.

— Трясуха! — на бегу уже говорит «глазастая», как ее звали девчата, торопясь к матери.

— А ты мне натиранья составь, дорогой мой, — просит старуха, подавая бутылку.

Один за другим, каждый за своим делом.

Площадь из дверей лавки вся как на ладони, и вижу — блуждает вдали человек, не наш по одежде, в шляпе и пиджаке, городской. Вижу, какой-то казак показывает в нашу сторону. Кто и зачем, не могу сообразить. Небольшого росту, тонкий, аккуратный. Вошел в лавку довольно смущенно, здоровается и оглядывается по сторонам. Недоумеваю и делаюсь настороже.

— Присаживайтесь, отдохните, — зорко всматриваюсь в пришедшего, не шпион ли?

— Со станции? — добавляю я.

— Да. Пешком. Извозчика не было, — говорит пришедший и говорит правду: весь запыленный и потный. Утро, но день жаркий.

— Нельзя ли чаю выпить, самовар поставить. Я заплачу, — говорит незнакомец, несколько ободренный.

— Отчего же, можно, — ответил я приветливо и зову Миколавну. Вошла и смотрит на пришедшего, тот здоровается «за ручку».

— Самоварчик господин просит.

— Как заехали к нам? По торговле? — начинаю пытать я незнакомца.

— Да, — смущенно отвечает последний.

— Что покупаете?

— Да... — запнулся господин, — что случится, — поправляется он. «Что-то неладно», — думаю я.

— Щетину?

— Да, как вам сказать, — отвечает, покраснев, господин и быстро добавляет, — нет...

— Перо, пух? — допытываюсь я.

— Да, да, перо, пух... Все, — спешит добавить господин.

И смущенность, и незнание, что в обиходе крестьянской жизни идет в данное время года, окончательно убедило меня, что тут дело неладно и надо держать ухо востро.

Допрос веду с перерывами, вызываемыми приходом покупателей. Но я не теряю из виду господина и вижу, как он веселеет, когда приходят покупатели и идет отпуск мною товара. Он, очевидно, приглядывается и прислушивается, видя самую заурядную сельскую лавочку с грошовым оборотом. Покупатели — все «народ», попросту входят, но здороваются при входе, говорят о хозяйстве. Лавочник в поддевке, волосы с пробором посредине, по-русски, но, видно, свой, простой.

— Ну, милости просим в нашу хату, самоварчик готов, — говорю я.

Миколавна отворила дверь.

— С дороги умыться. Вот мыльце и рукомойничек, — добавляю я и подвожу господина к рукомойнику.

Умылся, за стол садится, не перекрестился, но озирается на божничку.

Кто он, думаю я и невольно смягчаюсь, если б он был шпион, непременно стал бы молиться на образа.

За чаем я снова начинаю пытать господина и глазами даю знать Александре Николаевне, что сомневаюсь в пришедшем. Господин путается, смущается, видимо, совершенно не знаком ни с торговлей, ни с жизнью села.

— Может, вы хлеб покупаете? У меня вот молотилка работает, отмер будет большой.

— Да, да, хлеб, — спешит подтвердить господин и оживляется.

— А как урожай? Что? Как пшеница? А рожь есть? Много хлеба у вас? — разом выпаливает господин, обрадовавшись, что эта отрасль ему знакома.

— Вы по хлебной части? У нас можно много купить. Натура высокая. А лен идет вам? В этой станице много сеют. Сурепку[27], гардал[28] не берете?

Вижу, мой господин смотрит на меня во все глаза, не знает, что ответить: слова для него все новые. Вспотел, трет лоб платком и руки потирает. «Эге!...» — думается мне.

Александра Николаевна вышла в лавку и притворила дверь. Господин оглянулся, что мы остались одни, и как-то спеша, почти шепотом и волнуясь, сказал: «Да, знаете, я к вам по делу...». На лбу выступили крупные капли пота: «Я не по хлебу».

Я совсем насторожился. Что это?

— Я из Москвы. Мне надо видеть. У вас живут нелегальные.

— Что такое? Кто вам это наплел? — строго и резко заговорил я. — Я ничего не знаю.

— Да вы не беспокойтесь. Вы только им передайте, что я приехал. Это наши друзья. Они меня знают.

Дверь отворилась, и господин замолчал. Я переменил разговор, делая вид, что не хочу говорить при жене.

— По какому поводу вы обращаетесь ко мне? Мы никого не знаем и таких знакомств не ведаем. Это знаете, чем пахнет? У нас атаман строгий. А вы с такими расспросами. Это можно вас...

— Я умышленно не договорил и остановился, уставясь в упор на незнакомца. Господин сидел красный как рак, весь обливаясь потом. Он смотрел на меня испуганно.

— Да вы не беспокойтесь: у меня к ним письмо. Вы только им скажите. Тогда вы мне поверите… Может, вы не знаете, что они нелегальные… Он с женой, я вам скажу ее фамилию: она Можарова.

В этот момент дверь отворилась, и опять вошла Александра Николаевна. Последнее слово долетело, очевидно, до нее, и она стала как вкопанная. Я совсем перепугался, что Александра Николаевна выдаст себя и моя игра будет раскрыта, а потому строго и резко обратился к ней:

— Иди в лавку и затвори дверь!

Господин, видимо, одобрил мой приказ.

— Да, прозвище нерусское, — заговорил я уже мягче. — Армянка, что ли? Ну, мне надо по хозяйству, рабочий с молотилки приехал.

Я вышел под этим предлогом из хаты и, остановившись в лавке, передал на бегу наш разговор Александре Николаевне.

— Кто он? Я его никогда не видела.

— Я не знаю, но думаю, что свой.

Как ни в чем не бывало я, войдя в хату, отворил дверь в лавку и заговорил о хозяйских делах.

— Ну, вы с нами пообедаете!

Поели борща с салом и потом жареного гуся. Вкусно.

— Вот насчет ваших знакомых я думаю попытаться расспросить, может, тут другие знают. Я повезу в степь пшеницу. Если хотите, поезжайте со мной: может, что и узнаем.

Очень обрадовался господин. Выпили на дорожку чаю и собрались.

— А ты, Миколавна, завтра пораньше с хлебом для рабочих приедешь, — отдал я приказание Александре Николаевне.

На дрогах с ерандаком[29] были положены мешки с пшеницей и запряжена пара сильных и довольно строгих лошадей. Тронулись. Сели с двух сторон.

— На молотилку, Никоныч? Час добрый! Продал?!

Я снял шапку на приветствие знакомого почтенного казака и утвердительно кивнул головой.

Проехать надо было версту. Дорога шла через речку и по краю глубокого оврага быстрой речки. Дорогой я снова допытывался истины; кто это, и рассказал, что, живя под Москвой, случайно встречал таких людей: «Заходили и ко мне…» — и назвал две фамилии. Мой спутник даже привскочил на мешках.

— Они проживали у Антона на Выселках[30]… Видел раз и Ольгу, подвез ее, шла пешком. Как ее прозывали… — я нарочно остановился.

— Ольга?!… Натансон![31] — вспыхнул мой спутник и весь размяк.

Мне стало окончательно ясно, с кем я имею дело, особенно когда он заговорил о жизни старика Антона и «работе» его. Но надо было довести до конца конспирацию, и я на одном месте, у кручи и обрывистого берега яра, остановился и прибавил: «А здесь только толкнуть, то и поминай, как звали, если окажется человек опасный». Впоследствии мой спутник, вспоминая нашу беседу и мое пытание, говорил, что он не на шутку струсил, стоя на краю яра и увидев в глубине блестящую воду, а кругом — степь и ни души. «А что как этот лавочник…?!» — и у него мороз пробежал по спине.

Довольно напряженное состояние наше при наших разговорах сменилось веселым смехом благодаря следующему комичному эпизоду. Мы подъехали к переезду, и дорога шла косогором в гору. Бывший дождь так размыл дорогу, что глубокая водомоина перерезала путь и надо было с кладью осторожно объехать ее, чтоб не опрокинуться. Объезжая водомоину, я взял лошадей под уздцы, а господин шел сзади дрог. Тронулись благополучно, но лошади как-то рванулись, и я не сдержал их на дороге, воз наш пошел по краю водомоины, накренился, и верхние мешки сдвинулись. Еще момент, и все будет в яру. Едва сдерживая лошадей, я кричу господину: «Держите ерандак, ерандак!». Но господин бегает вокруг воза, беспомощно машет руками и кричит: «Да где эта проклятая ерунда?». Смех душил меня, а было не до смеха.

— Сядь! Сядь на край! — крикнул я.

Своею тяжестью господин уменьшил наклон, и мы благополучно выбрались на ровное [место].

— Вот она ваша «проклятая ерунда», — заливаясь хохотом, показал я господину на ерандак — четырехугольную деревянную раму на узких дрогах.

От души смеялся и господин, и настроение изменилось. Эта сцена как-то внутренне нас сблизила, и дальнейший путь мы ехали приятелями.

Было уже солнце на закате, когда мы подъехали к нашему «табору». День воскресный, и работы не было. Чудный вечер. Кругом степь, а тут — скирды хлеба. Рабочие варят кашу вечерять. А вот и наш шалаш. Смерклось, и мы крепко заснули после впечатлений дня.

* * *

С раннего утра работа пошла обычным порядком: дружно, весело и умело. И вот среди этой трудовой по существу и внешности обстановки, среди холщовых рубах у самой молотилки, где воздух кажется желтым от вьющейся половы, видна и небольшая фигура господина в черной шляпе и черном пиджаке; со всем усердием он старается подавать наряду с другими на машину снопы хлеба. Работа охватила и его. Он бросает сноп, но сноп, взятый им неумело и брошенный с недостаточной силой, летит вниз; колосьями режет ему лицо и сбивает с головы его шляпу. Облитое потом, красивое, с тонкими чертами лицо «работника» обличает в нем нерабочего. Прилипшие от пота волоса еще более обнаруживают лысину и делают комичной всю фигуру в соединении с тем растерянным видом и беспомощностью, какая видна в нем при столкновении с упавшим снопом, который он считал уже попавшим по назначению. Сосед-рабочий, молодой парень, насмешливо кричит: «Держи, лови!» — и с задорным азартом продолжает подавать. Слышится девичий раскатистый смех.

— Торговый, городской, — поддерживают другие.

Наблюдая со стороны эту смешную борьбу господина со снопом, я старался удержаться от улыбки. Но, к чести господина, видно, что он не сдается: снова и снова хватает сноп и швыряет его на машину, но та же неудача: сноп летит вниз, и снова на голову господина. Смех девчат дружней, и слышатся колкие замечания. Измученный, весь потный и в пыли, господин отходит от машины и растерянно глазами ищет поддержку в своей неудаче. Наблюдая эту сцену издали и не участвуя в работе, как «хозяин» молотилки (рабочие от того [хозяина], чей хлеб обмолачивается), я придвигаюсь к «хозяевам», стоящим тут же, послушать, что говорят и нет ли сомнения в том, кого они видят перед собой.

— Не в привычку!

— Да, в городе под зонтиком и на лавке в холодке…

— Что, Никоныч, не тебе чета твой знакомец…

— Видно, не по носу табак, на хозяйстве не был…

— Из каких? — говорит старик-казак.

— Все в приказчиках, — говорю я, улыбаясь и делая самодовольный вид в ответ на похвалу, — теперь скупает для интендантства[32].

— А что, не пора ли нам обед, кашу варить, — отвлекаю я внимание говорящих и поглядываю на солнце, как высоко стоит.

— Почитай пора, хлопцы взопрели.

Отхожу довольный, что смущения нет. А пред нами известный революционер-народоволец Аптекман[33], врач, прибывший из Москвы с поручением проверить успех нашего поселения и нашей работы, о чем дошли слухи до Москвы. Из конспирации, на которой я всегда настаивал, адрес ему был дан только: станица, лавочнику Никонычу, который уже может указать, как найти нелегальных — Александру Николаевну и меня.

С удовольствием и большим аппетитом ел господин степную жидкую кашу с кусочками баранины. Вся обстановка поглотила его, и, видимо, он на время забыл свою миссию и жил действительностью, увлекаясь ею. Но после обеда, когда все пошли на отдых, он стряхнул с себя хозяйственный угар, обращаясь ко мне: «А где же наши?». Присели мы в шалаше.

— Вот вечером я дойду, дам знать, — ответил я. — Да как вас прозывают? Что им сказать? — добавил я, глядя в лицо очарованному моему спутнику.

— Я… Аптекман, скажите им, — скороговоркой отвечал обрадованный господин.

Не знаю, как я выдержал. Так сильно забилось у меня сердце: здесь, в этой дали, в степи, не только свой, но и видный деятель-народоволец сидит у меня в шалаше, смотрит на меня и меня ищет, [но] все так естественно и опрощение так точно, что сомнению нет места: пред ним простой лавочник. Чтоб не выдать себя, я вышел из шалаша под предлогом будить рабочих на молотилку. Лично меня Аптекман не знал, хотя, кажется, [мы] встречались, но фамилию мою он знал. Идя так, что называется, ощупью, что нас и оберегало, Аптекман в одно прекрасное утро очутился блуждающим по нашей станичной площади.

Вот вечером, когда поужинали, рабочие улеглись спать. «Табор» наш погрузился в ночную тьму, мы уселись у шалаша, как бы в ожидании кого-то. Я еще с вечера сказал всем собраться к нашему шалашу, не говоря ни слова о предстоящем свидании. Яркое пламя потухавшего костра, на котором варили ужин, временами то угасало, то вспыхивало, освещая сидевших кружком рабочих.

— Ну, вот мы здесь, все наши, — заговорил я, обращаясь к Аптекману. — Я — Прозрителев, это — Можарова, это — Володька, сын генерала Рюмина, а это — Кормилка, жена Володьки, — продолжал я поочередно знакомить с сидевшими. Вспыхнувшее пламя догоравшего костра ярко поднялось и осветило сидевшего рядом со мною Аптекмана, дав мне возможность увидеть то изумление, которое отразилось на его лице при моих словах.

— Как? Вы?… — вскрикнул пораженный Аптекман и, не договорив, бросился обнимать меня… Не менее поражен был и Володька.

Ãëàâà XII. Ì îé àðåñò

Пословица «Врачу, исцелися сам»[34] оправдалась и на нас. Врачевание наше шло успешно, но, конечно, все болезни были легкого характера. Но вот заболевает Александра Николаевна. Тяжелые условия жизни отозвались на ней, а к этому присоединилась и ее не в меру ретивость, что при слабых физических силах было нерасчетливо и опасно. Это создало мне затруднение и повело к краху.

Толчком ко всему происшедшему потом послужило, как всегда бывает, пустое обстоятельство. Одна старуха-казачка, помню, прозывали ее Гармой, очень любовно относившаяся к Александре Николаевне, пригласила ее на свой огород. А урожай овощей был в тот год большой, и особенно огурцы были в изобилии. Увлекаясь огородом, Александра Николаевна пробыла там до вечера, и на прощанье хозяйка (ни за что не хотела отпустить ее с пустыми руками) и насыпала ей целый мешок свеженьких огурчиков: «Меленькие да зелененькие, один в один», — потом говорила она. Отказаться было невозможно — это значило обидеть добрую хозяйку. И вот Александра Николаевна должна была нести этот подарок на плечах домой. А огороды расположены под горой, по речке, в расстоянии до нашей хаты около двух верст. Взвалила старуха мешок на плечо Александре Николаевне, а сама взяла другой, еще больший, к базару на утро, и двинулись в путь. Уже на первых шагах Александра Николаевна почувствовала, что мешок режет ей плечо, огурчики давят немилосердно спину и подарок гнет ее к земле: ноги заплетаются, Саша качается во все стороны, пот льет градом. А старуха как ни в чем не бывало мерно шагает в гору, да еще без умолку болтает.

Положение было отчаянное: бросить подарок и отказаться нести невозможно: это значило обнаружить себя. Александра Николаевна никогда не носила такой тяжести, которая в крестьянском быту составляет обыкновенное дело. Выбилась Александра Николаевна из сил, сели, а до верху еще полгоры. Встала с трудом, а поднять подарок на плечо не смогла. Снова старуха взвалила ей эту ношу на горб и двинулись. Шатаясь, шла бедная Александра Николаевна. «Своя ноша не тяжела», — мелькнула у нее в голове поговорка Володьки, как она говорила потом, а на самом деле эта ноша совсем переломила ее. Несколько раз садились отдыхать, но и это мало помогало. Доброй старухе это стало уже надоедать, а солнце уже садилось. Старик ждет ужинать, а ее нет.

— Сглазили тебя, сердешную, — говорит старуха, — огурчиков не донесешь.

И уже не так бережно кладет на спину подарочек. Слезы катятся из глаз у Александры Николаевны, и она едва передвигает ноги. Старуха подбадривает, но в голосе уже слышится легкое раздражение.

— Никоныч скажет: «К шалапутам завела старая Миколавну», задаст мне…

Еле-еле дотащилась Александра Николаевна до нашей хаты со своей драгоценной ношей и на пороге нашей лавки буквально свалилась. Увидав мешок с огурчиками, я сразу понял, что испытала Александра Николаевна от этого подарочка.

Уложив в постель, напоил чаем. Со слезами и смехом Александра Николаевна рассказывала [об] это[м] свое[м] гостеванье, лежа в постели.

Наутро поднялась, но чувствовала себя разбитой и с трудом разгибалась. Приняли свои меры: поставили горчичники… Но появились боли в животе. Перемогаясь, работала Александра Николаевна, но общее состояние было тихое*. А боли в животе с каждым днем все увеличивались, и стало покалывать в боку. Температура повысилась, слабость, по ночам поты. Словом, заболевание не по нашей фармакопии…

Три недели промучились мы, и наконец я решил везти ее в город к доктору. Но куда и как это сделать? Для лечения надо оставить ее на более или менее продолжительное время, но ни места подходящего, ни денег на это у нас не было. У незнакомых оставить — не оберешься расспросов, а для нелегального — это зарез. А наши приятели во Владикавказе и по средствам своим, и по положению не могли дать такое убежище, да и взваливать на них ответственность, навязав им нелегальную (а это обнаружилось бы скоро), было невозможно. Сестры Назаровы по своей сердечности, конечно, откликнулись бы, но это провалило бы и их, и нас. И вот я остановился в Ставрополе, где жила моя сестра[35]. Я решил поместить Александру Николаевну у нее, а сам, переночевав там одну ночь, вернуться назад. Хотя это помещение сопряжено было с риском для нее и влекло серьезную ответственность, тем более что муж ее был офицер на действительной службе, но я, рассчитывая на расположение сестры ко мне и ее доброе сердце, надеялся, что она не откажет и оставит у себя Александру Николаевну. И вот мы двинулись…

Заперли лавку, оставив все свое хозяйство (лошадь, кур) на попечение соседей. Я рассчитывал, что через три дня я возвращусь. К нашей поездке все отнеслись сочувственно, и больную Миколавну я повез. «Дай Бог ей здоровья», — провожали нас пожеланиями.

С трудом я довез Александру Николаевну на простой телеге до станции железной дороги: боли от тряски усилились, и она сильно стонала. От Невинки мы ехали в извозчичьем тарантасе, что

* Так в тексте.

было сравнительно удобнее и покойнее для Александры Николаевны, и боли в животе улеглись, а проехать надо было 58 верст. В то время не было Ставропольской ветки от Кавказской. Но наконец мы добрались до Ставрополя. Не без волнения я остановился перед квартирою сестры моей и стал высаживать Александру Николаевну… Добрая сестра моя отнеслась ко мне и моей больной с полным радушием. Так как было уже 5 часов вечера, то необходимо было мне заночевать, а наутро нанять фургон и спешить обратно, в свою станицу. В то время железной дороги еще не было от Ставрополя и сообщение совершалось на лошадях, в немецких фургонах.

Рано утром я отправился нанимать фургон. Стоя у постоялого двора, где всегда останавливались извозчики-фургонщики, поддерживавшие сообщение Ставрополя с Невинкой, станцией железной дороги, я среди стоявших у ворот двора нескольких человек заметил частного пристава, которого знал еще в бытность в Ейске, он тогда служил писцом у моего отца. Несомненно, что и он узнал меня, поэтому я быстро двинулся в сторону, за второй ряд стоявших фургонщиков, и затем незаметно двинулся через ворота на бульвар и скрылся за его передними кустами. Прибежав домой, я сообщил, что меня узнал Яблонский и что я незаметно скрылся, но что он, наверное, даст знать в жандармское управление, и меня арестуют, поэтому надо немедленно уехать. По счастью, попался попутный фургон, и я благополучно доехал в нем до Невинки. Доехав до Невинки (станция железной дороги), я в ожидании поезда прилег на скамье и стал строить планы на дальнейший путь. Но мысль о том, что должна быть погоня, не давала покоя. И вот я заметил, что вошел в комнату третьего класса, где я лежал на скамье, жандарм и о чем-то стал перешептываться со сторожем и еще каким-то человеком, оглядывая пассажиров, и, видимо, не находя подходящего между ними к приметам, данным в телеграмме, которую он держал в руке, ушел. Я успокоился: не узнал меня. Оказалось, что жандарм ходил к начальнику телеграфной станции за советом. И вот входит снова жандарм, а за ним и начальник телеграфной станции. Начинают обходить пассажиров и присматриваться к ним. Для меня стало ясно, что ищут меня, но я лежал не двигаясь, надвинув шапку на глаза. Но сердце мое усиленно стучало. Наконец, начальник телеграфной станции подзывает жандарма и указывает ему пальцем на место, где я лежал. Подходит ко мне жандарм и, дотрагиваясь до моего плеча, говорит: «Пассажир, как ваша фамилия?». Я встал и, думая, что у них еще сомнение в отношении опознания меня, отвечаю твердо и без всякого волнения: «Никонов», — как значилось у меня в паспорте. Но жандарм не унимается и решительно говорит: «Нет, ваша фамилия Просителев». Не было уже сомнения, что я узнан и что жандарм только путает мою фамилию, но я все-таки пытаюсь уверить накрывших меня, что они ошибаются. Достаю свой паспорт. Жандарм читает паспорт и несколько смущенный, держа мой паспорт в руке, говорит: «Пожалуйте в контору». Я смело вхожу: сидит начальник станции, телеграфист, тут же вошел и опознавший меня начальник телеграфной станции (по фамилии …*, как потом я узнал) и еще два-три человека неизвестного назначения. Делается мне обычный допрос.

— Как ваша фамилия?

Я продолжаю утверждать: «Никонов». Не верят.

— Задержать до приезда, — говорит начальник станции, и меня уводит жандарм из конторы. Является другой жандарм, отбирают у меня револьвер и небольшое Евангелие и отводят в пустой товарный вагон и запирают там на время до отвода в станичное правление.

Пользуясь полным одиночеством, я успел изорвать в мелкие куски бывшие при мне бумаги, и клочки опустил за стенки вагона и спокойно стал ожидать распоряжения. Наконец, загремел засов, и дверь вагона, моего первого помещения, отодвинулась, и я увидел нового жандарма, «любезно» предлагающего мне отправиться в станицу, в станичное правление. Тут снова обыскивают, и мы отправляемся в путь. Я был рад, что все время находился на чистом воздухе, а не в какой-нибудь кутузке, и уверенность, что я выпутаюсь из этого злоключения, меня не покидала.

В станичном правлении станции Невинномысской никого не оказалось, кроме старика сторожа. «Привели арестованного, — заявил жандарм сторожу грозно. — Зови атамана». Сторож оглядел меня с ног до головы и как-то нехотя пошел за атаманом. Вскоре явился писарь, а затем и атаман. Меня до прихода этих властей заключили в каталажку. Это очень маленькое помещение с небольшим прорезанным в двери окошечком, закрывавшимся задвижкой, и больше в этой каталажке не было никакого отверстия для света. Каталажка была так мала, что при вставании с нар, устроенных против двери, человек среднего роста задевал дверь ногами. Это ужасное помещение имело, кроме двери, каменные стены и было совершенно холодное. В нем не было печи, но были клопы в изобилии.

Когда пришли власти, меня вывели из каталажки, и жандарм сдал меня, как арестованного, атаману. Писарь прочитал протокол о моем задержании, и я слышал, в нем говорилось, что «препровождается револьвер и прозритель». Писарь при слове «прозритель» с любопытством взглянул на меня, и вообще это чтение, видимо, произвело впечатление на властей, и по уходе жандарма писарь спросил меня, какого я учения? Мне стало ясно, что меня принимают за сектанта — наставника, руководителя секты. В станице много было сектантов, и главным образом шалопутов.

* Фамилия написана неразборчиво.

Обращение со мною писаря сделалось мягким и внимательным. Но так как было уже около 8 часов вечера, то атаман, уходя, приказал запереть меня опять в каталажку. Посидев немного в этом помещении, я стал стучать и просить, чтоб выпустили меня из этого затвора. Сторож отворил дверь, и я вышел и обратился к писарю с просьбой не запирать меня в этот затвор. Уверял, что я не убегу и мне нет никакого расчета убегать, так как мое арестование — простое недоразумение. Я продолжал утверждать, что я торговец из станицы Новопавловской и ничего преступного не совершил. Писарь, выслушав меня, колебался оставить меня в присутственной комнате. Наконец, я стал говорить, что меня будут стеречь четыре казака у дверей, а я лягу на полу. Эта мысль понравилась писарю, и он согласился оставить меня в присутственной комнате с тем, чтобы я лег спать на канцелярском столе, а четыре казака легли бы вокруг стола. Я охотно согласился, и было решено канцелярский стол отодвинуть на средину комнаты, и я расположился на нем. Нельзя не указать на то, что судьба благоприятствовала мне: и стражи мои, и власти (жандармы) проявили значительное благодушие в отношении меня, чему, я думаю, способствовало предположение, что я сектант-раскольник и состою наставником в какой-то секте. Во всяком случае, обращение со мною было благоприличное. Так прошла ночь, и я отлично заснул на своем канцелярском ложе. Наутро явившийся атаман также благодушно отнесся ко мне и ничего незаконного не нашел в том, что я спал не в кутузке, а на столе в присутственной комнате.

С утра я задумал использовать мое положение и, взяв Евангелие, стал толковать некоторые места его. Это произвело большое впечатление и еще больше упрочило за мною [репутацию] наставника — учителя, главаря секты. Незаметно собрались слушатели, и присутственная комната обратилась в аудиторию. То же повторилось и в следующие дни, и слушатели приходили из разных мест станицы. Мое положение за эти несколько дней сделалось настолько прочным, что я повел речь с писарем, убеждая его отпустить меня в мою станицу с провожатым казаком, который и сдаст меня атаману моей станицы и тем убедится в моей личности как торговца той станицы. Доводы мои подействовали на писаря, особенно после того, как я упомянул фамилию атамана моей станицы, которого писарь знал лично.

На следующий день, очевидно, по докладу писаря, меня вызвал в свою квартиру пристав, помню, по фамилии Филицин, к которому и обратился я с тою же просьбой отпустить меня за конвоем с казаком. Пристав, видимо, был согласен, тем более что из Ставрополя не было никаких распоряжений и телеграмм, кроме одной — о задержании по приметам. А прошла уже неделя после этого[36]. Пристав отложил решение о моей поездке до следующего дня, так как поезд уже прошел в направлении моей станицы. А мне было важно добиться разрешения скорее вернуться в свое место, так как там, в железнодорожной будке, жил сторожем Володька, а в соседней станице в качестве сапожника — Усов; потом у меня была лошадь от войсковой молотилки, которую я арендовал. Все это надо было устроить, а главное, предупредить моих сподвижников о происшедшем со мною и о необходимости уходить.

Я спокойно заснул на своем импровизированном ложе в присутственной комнате станичного правления с мыслью, что завтра уже буду в своей станице. Но в 3 часа ночи меня разбудила тревога, поднятая моими караульными казаками по случаю подъехавшей тройки с жандармами и местным приставом.

Вошли. И я увидел Яблонского, ставропольского пристава, узнавшего меня у постоялого двора в Ставрополе.

— Здравствуйте! Вы узнаете меня, Григорий Николаевич? — обратился ко мне Яблонский.

— Да я знал Яблонского, но тот не был шпионом, — ответил я и стал одеваться…

Подали новую тройку курьерских лошадей, и я в обществе Яблонского и жандарма, сидевшего против меня с револьвером в руках, поместился на перекладной. Тронули, загремели колокольчики. А за нами на рысях бежали два вооруженных верховых казака. Как я потом узнал, боялись нападения в дороге с целью отбить меня, а местность в нескольких местах вполне благоприятствовала [этому]. Летели, что называется, на курьерских. Вот и Ставрополь. Подкатили к квартире жандармского полковника. Вхожу, стража следовала за мною. Выходит старик-полковник, как я узнал потом, по фамилии Пекарский.

— Вы Прозрителев? Студент Московского университета?

— Да, — ответил я, да и не было смысла теперь именоваться вымышленным именем Никонов.

— Я Вас должен арестовать, — продолжил полковник.

— По какому делу? — спросил я.

— Такая телеграмма из Петербурга по делу Гамова[37], — добавил полковник.

— Да это дело давно окончено, и я не привлекался, — возразил я.

Но в это время жандарм-писарь внес бумагу, и полковник, прочитав, стал подписывать.

— До свидания, мы будем телеграфировать, — сказал полковник, передавая бумагу жандарму. И я вышел из комнаты, предполагая, что буду содержаться здесь в одной из комнат. Но оказалось, что тройка, на которой меня привезли, ожидала у подъезда, и я снова взобрался на перекладную тележку, и в сопровождении тех же стражей и Яблонского меня повезли в тюрьму[38]. Видимо, было приказано иметь осторожность и бдительный надзор, и мои спутники насторожились.

[×àñòü âòîðàÿ]

Â òþðüìå

Открылись тяжелые ворота, и меня ввели в тюремный двор и затем в помещение самой тюрьмы, в канцелярию. И я предстал пред грозным смотрителем тюрьмы, Дельфином. Дельфин был гроза для арестантов. Это был плотный мужчина лет пятидесяти, ходивший всегда с ногайкой в руке вместо оружия и обладавший зычным, громовым голосом. Он во всех случаях тюремной жизни, при волнениях арестантов, в случаях открытого бунта, безбоязненно входил к ним в камеру и расправлялся своеручно, хлестая ногайкой, и усмирял, не прибегая к военной силе, при этом голос его гремел как труба и покрывал общий крик арестантов. Глаза у Дельфина были навыкате, серо-зеленые и смотрели в упор на человека. И вот пред этим Дельфином я предстал в качестве арестанта.

— Раздеть, — грозно приказал тюремщику Дельфин.

Быстро сняли с меня мою несложную одежонку: поддевку и рубашку да большие сапоги — и облачили в тюремный серый халат, надвинули на голову арестантскую круглую шапку без козырька и повели во двор.

— В секретную, — напутствовал Дельфин.

Все окна тюрьмы, выходившие на двор, были унизаны лицами, прижатыми к железным решеткам, когда мы проходили. Я мельком взглянул вверх и заметил устремленные на меня глаза и услышал голос: «Пропал!» — как бы в ответ на слова надзирателя: «В секретную», сказанные другому надзирателю.

Словом, первое впечатление тюремной обстановки не было приятным, и слово «пропал» заставило меня вспомнить приключения моих сотоварищей-народников, попадавших в казематы: там их били. Прошли мы двор и вошли в другое здание, стоявшее отдельно от главного корпуса. Открылись двери, и меня по ступенькам ввели в коридор, и здесь я увидел над одной из дверей цифру «2». Это и был номер моей секретной. Тяжелая дубовая дверь открылась, и я вошел в мое помещение и стал номером вторым секретной. Надзиратель быстро захлопнул за мной дверь, и я очутился в своей камере, свет в которую проникал чрез небольшое окно вверху камеры, в которое виднелась только небольшая часть неба и достать до которого без лестницы не было возможности. Загремел засов, щелкнул большой замок, и я остался один…

При входе в коридор я заметил несколько дверей и предполагал, что имею сотоварищей по заключению, но потом оказалось, что четыре камеры были пусты. Окошечко в двери моей камеры, задвигавшееся задвижкой снаружи, было единственной надеждой увидеть живую душу. Там, за дверью, был тюремщик-надзиратель, сторожившим секретных.

Больше всего подействовала на меня та тяжелая зловещая тишина, которая наступила после запирания моей двери. Я упал на свое тюремное ложе и почувствовал такое утомление, что не мог двинуть ни рукой, ни ногой: я ничего не ел два дня. Во всем теле была какая-то разбитость, голова горела, и на душе было мучительно тяжело от неизвестности: что сталось с Александрой Николаевной и что с моими сподвижниками… Вскоре наступили сумерки, и я, обессиленный, заснул тяжелым кошмарным сном…

Наутро явился парашник в сопровождении надзирателя, а за ними другой надзиратель принес чайник горячей воды, в котором был заварен чай, и кусочек сахару и хлеба.

— Вы еще не на довольствии, — проговорил надзиратель и ушел.

Больше в этот день я не слышал человеческого голоса, и никто ко мне не являлся, а кружку, принесенную для чая, я подал надзирателю в окошечко, когда он постучал мне. Так потянулись дни за днями, и тишина не нарушалась. Зная, как вредно действует заключение на арестованных, я начал делать упражнения, разнообразя их хождением по камере до утомления.

Наконец, меня зачислили на довольствие (шесть копеек в день)[39] и стали выдавать обед (суп с крупой и ложка каши). Это было довольствие дворянское, но все-таки чаю не полагалось. Спасибо, у меня в кармане были деньги, и арестант, убиравший мою камеру, шепнул мне через неделю, что я могу расходовать их, приплачивая четыре копейки к моему довольствию, и за десять копеек получать обед с дворянской кухни. Это благожелательское заявление было сказано в тот момент, когда уборщик возился с парашкой и, не поднимая головы, что-то шептал, но для меня все было понятно. Когда кончилась уборка и дверь заперли, то я попытался заговорить с надзирателем, стоявшим за моею дверью, но он, хотя и отодвинул задвижку, но на мой вопрос ни слова не ответил. Было бесполезно продолжать разговор, и я пробовал лечь, но раздался стук в дверь и затем энергичный оклик: «Замолчи!». Я умолк, памятуя, что в таких случаях следовала кулачная расправа с заключенными. Невыносимая тоска и полнейшее бездействие крайне расстраивали нервы, и надо было собрать все самообладание, чтоб не выкинуть какой-нибудь штуки, лишь бы только чем-нибудь разнообразить свое одиночество.

Но вот однажды вечером слышу, раздается стройная песня, несущаяся из главного здания тюрьмы. Слова песни мне были знакомы, и я с наслаждением слушал разудалый мотив. Пели «Утес Стеньки Разина»[40]. Пение это так подействовало на меня успокоительно, что я спокойно заснул. На другой день тот же уборщик-парашник, нагнувшись над парашкой, что-то шептал, и я насторожился и уловил: «Это для Вас». Я понял, что поют специально для меня. Это было очень приятно. Пели уголовные, которым разрешалось это удовольствие, так как при тюрьме была церковь, и в ней хор составляли заключенные, которые пользовались некоторыми льготами. Каждый вечер я ожидал этот хор, и, чуть раздавались знакомые звуки, я быстро садился на кровать-нары и весь обращался в слух.

Так шли дни за днями, и я как-то сроднился с теми неизвестными, которые доставляли мне удовольствие. Наконец мне дали книжку религиозного содержания, и я набросился на нее с увлечением. Хождение в баню было большим развлечением, но самое мытье происходило при глубокой тишине: надзиратель не говорил ни слова, и мне не разрешалось обращаться к нему с вопросами. Но вот однажды тот же уборщик шепнул мне: «Не робей — вызволим!». Это неожиданное сообщение так взволновало меня! Я понимал, что мои благожелатели думают устроить мне побег, и, предполагая возможную хитрость лукавого смотрителя, я решил так или иначе отвлечь их мысли от этого замысла. Но как это сделать: довериться тому же уборщику или ждать другого случая? Это обстоятельство крайне расстроило меня, и я несколько ночей не мог спать. Выходя на прогулку, я осмотрел двор и убедился, что всякая попытка уйти из этого секретного отделения, отделенного стеной, обречена на неудачу, тем более что часовой — внутри двора, и такой же часовой — за наружной стеной, а в коридоре — надзиратель. Подобная попытка кончится гибелью организаторов.

Но вот отворяется дверь, и входит в мою камеру смотритель. Этот всегда суровый тюремщик на этот раз улыбается и говорит несколько в игривом тоне. «Здравствуйте, соскучились в одиночестве?». Я молчу. «Вы скоро нашли себе приятелей между моими «детьми»! Но у меня на этот счет своя хитрость. Обращайтесь ко мне со всеми вашими желаниями. До свидания». И ушел. Я не понимал, чем вызван этот визит, и полагал, что замечание о приятелях относится к моим певцам.

Но вот наутро входит уборщик, но уже не тот мой благожелатель, а какой-то горбун, и совершенно глухой: ясно, что кто-то доложил смотрителю о благожелательности моего уборщика, которого он и засадил в карцер. Это ужасная каморка без света, полная клопов. В чем дело и что произошло, так мне и не удалось узнать, но, несомненно, не обошлось без шпиона, предавшего нас.

По счастью, пение моих заочных друзей не прекращалось, и это еще более ставило меня в затруднение. А время проходило, и приближалась зима[41], что ухудшало мое положение. Единственный выход из этого положения был просить освободить меня на поруки, так как никакого движения по моему делу не было, и я этим обстоятельством и воспользовался. Написал прошение об отдаче меня на поруки сестре моей. К счастью, жандармский полковник Пекарский проявил в значительной мере благодушие и разрешил свидание моей сестре. Бесконечно я был рад, когда надзиратель открыл мою дверь и сказал: «На свидание». Привели меня в контору, и я увидел мою милую сестру А.Н. Жовнер. Она самоотверженно все время моего заключения добивалась свидания со мною, но разрешения не получала. И вот, пользуясь тем, что из Петербурга не было ответа на запрос жандармов[42], Пекарский на свой страх, как он говорил, разрешил свидание. Вместе с тем вопрос освобождения меня на поруки он передал прокурору. Несомненно, от заключения прокурора все зависело, и я должен помянуть добрым словом Г.Л. Зиссермана, бывшего в то время прокурором, ныне покойного, который, как потом оказалось, стал на точку зрения законности и указал, что долговременное заключение, да еще в секретной, без предъявления обвинения, во всяком случае незаконно. Начались совещания с губернатором, и мнение прокурора одержало верх.

И вот однажды является моя сестра с предписанием от жандармского полковника в сопровождении жандарма и объявляет смотрителю распоряжение отдать меня ей на поруки. Не знаю, можно ли передать то чувство радости, которое охватило меня, когда я снова одел свое платье и снял арестантский халат, крепко обняв свою дорогую сестру: она так много сделала для меня, приняв к себе больную Александру Николаевну, и теперь снова с риском для себя дает мне возможность увидеться с Александрой Николаевной и моими дорогими сподвижниками. Болезнь А[лександры] Н[иколаевны] оказалась довольно серьезного характера — воспаление брюшины и воспаление матки, но благодаря опытному врачу, молодому Шумову (спасибо ему!), процесс был ликвидирован, хотя она еще лежала в постели, когда я вышел из тюрьмы.

Пока все шло благополучно. Но вот возникал вопрос, как быть с моей отлучкой из Ставрополя, а ехать мне было крайне необходимо. Пользуясь радостью свидания и хорошим настроением всех нас, я стал просить сестру отпустить меня «домой», в станицу, с обещанием возвратиться в Ставрополь, как только я покончу там свои дела. Трудно, конечно, было поверить, чтоб я, так удачно выбравшийся на свободу, возвратился обратно, чтоб снова лезть в ту же тюрьму, а может быть, и того хуже — идти в ссылку. Большего наказания я не ожидал, так как за мною не было террористических актов. Правда, Володька сидел сторожем на железной дороге, поджидая поезда, но раз я освободился, то и он вовремя мною будет предупрежден.

Положение сестры было крайне затруднительное: ее муж, М.И. Жовнер, был офицером местной команды, и у нее было двое детей. В случае моей неявки ей грозило обвинение в укрывательстве и способствовании к побегу. Но доброе сердце моей сестры и явное в душе сочувствие нашему делу (протестующая жилка у нее была заметна всегда) взяли верх, и она, обнимая меня, на прощанье сказала мне: «Делай так, как того требуют твои взгляды». Эта фраза развязывала мне руки, давала возможность уехать, но в то же время и связывала обещанием возвратиться обратно, хотя она прибавила: «Если можешь, то вернись». Дав себе слово вернуться во что бы то ни стало, я, не помня себя от радости, побежал нанимать фургон. Убеждая сестру отпустить меня, я не скрыл от нее, что там, «на месте», «сидят» люди и без меня, в случае провала могут погубить и себя и запутать меня, а следовательно, и открыть место моего убежища у нее. Словом, я выехал с полной надеждой на успех и обещанием возвратиться. Но вот проклятый Яблонский все испортил…

Итак, я снова выехал из Ставрополя, проехал благополучно Невинку, хотя все время осматривался, нет ли едущего за мною надзора. Но оказалось, что благодушие не покинуло жандармов и надзора не было послано.

Володька с радостью встретил меня на своей железнодорожной будке и был поражен моими словами: «Собирайся и уходи!». В кратких словах я передал ему то, что случилось со мною. Невероятная удача моя ошеломила Володьку и в то же время придала ему бодрости. До своей станицы отсюда мне приходилось проехать 20 верст (от станции Незлобной), и, хотя уже было к вечеру, а медлить было нельзя, я нанял обыкновенные крестьянские дроги и пустился в путь. Одна лошадка, хотя и бодрая, тащила меня целую ночь, и только к свету я наконец добрался до своей лавки. Вошел во двор, в хату и диву дался: все было в целости и в порядке, как мы оставили свое «гнездо» с Александрой Николаевной. Затопив прежде всего печку, я быстро собрал всю нелегальщину и бросил в пламя: терять время нельзя было, так как погоня каждый час могла меня настигнуть; одумавшиеся жандармы могли накрыть меня в моем «гнезде», а следовательно, обыск был неизбежен.

Окончив благополучно «уборку», я повалился на кровать и заснул крепчайшим сном. Стук в окно наконец разбудил меня: то стучала наша добрая соседка, которой поручено было наблюдать за нашим добром при отъезде.

— А Миколавна жива? Так як же вы приихали, либа ж поезд прийшов ночью?

Я старался уклоняться от расспросов и стал говорить о болезни Александры Николаевны: «Была при смерти, но доктора отходили». Видя больную Александру Николаевну при отъезде, все поверили в возможность длительного заболевания, и мое долговременное отсутствие всем стало казаться естественным.

Открыл я свою лавчонку, и народ повалил ко мне валом: все хотели знать, что было с Миколавной и жива ли она. Соболезнованиям и пожеланиям не было конца. Но мне было не до разговоров: в голове сидела мысль, как бы скорее дать знать моим сподвижникам обо всем происшедшем. Надо было известить и Александру Николаевну. И это была наиболее трудная задача, так как в станице не было почтового отделения и письма опускались на станции за пять верст от станицы. И вот я решил довериться знакомому шалопуту Тимофею Ивановичу, руководившему делами секты в станице. Предстояло войти с ним в подробности*, чтоб объяснить тайную отправку письма. Позвал я к себе Тимофея Ивановича и, признаться, не без волнения доверил ему свою тайну. До сих пор наши беседы были общего характера, хотя и вполне протестующие против существовавшего порядка, но кто мы и зачем здесь, об этом не было сказано ни слова. Оказалось, что умный Тимофей Иванович догадывался в отношении нашего прошлого, и просто и участливо выслушал мою просьбу отправить мое письмо: видимо, мои прежние беседы оказали свое влияние на почтенного старика, и протест религиозный объединил недовольство существующим строем, и Тимофей Иванович был моим сторонником. Выяснив это, я не скрыл от него цель нашего пребывания здесь и наши стремления и в общих чертах рассказал о «хождении в народ» молодежи и ее задачах. Я не стеснялся в подробностях, так как не сегодня-завтра мы будем разоблачены: приедут жандармы, и все раскроется. Надо было, чтоб в населении была известна наша история.

Расстались мы с Тимофеем Ивановичем, когда уже петухи пропели, была полночь, и Тимофей Иванович сейчас же от меня отправился опустить мое письмо. Предупредив моих сподвижников, я успокоился, и оставалось только сдать войсковую лошадь, бывшую у меня на молотилке, которую я решил было пожертвовать сложившимся обстоятельствам: пусть берут как мою собственность. Но прошел месяц, и не было никакой тревоги. И вот я взял у соседа лошадь с повозкой, а своего я Дурака, как звали моего коня за его длинные ноги и большую голову, на пристяжку и поехал в соседнюю станицу, где и хотел оставить коня для передачи А.В. Золотареву, распорядителю сельскохозяйственным войсковым инвентарем. Благополучно сделав свое дело, я тихонько возвращался домой. И вот вижу: вдали казак едет не по дороге, а стороной, и как-то странно поворачивает в разные стороны, приглядывается к земле, как будто что-то ищет. Меня заинтересовало это, тем бо-

* Так в тексте.

лее что по фигуре казак был знакомый. На меня казак не смотрит, но, по-видимому, сворачивает на пройденную мною дорогу. Я остановил лошадь и крикнул. Ко мне подскакал молодой казак, в котором я, не ошибся, узнал моего хориста певчего-красавца Погорелова. Видимо смущаясь, Погорелов, остановив лошадь, стал говорить: «А я за Вами, Григорий Никоныч. Атаман послал, думали, что Вы скрылись, а там наехали жандармы, а Вас нет. Вот и послали меня за Вами в погоню. Я завидел Вас и хотел незаметно уехать. Мне атаман сказывал задержать Вас, но я так думал: «Пусть себе едет куда знает, скажу, что не видал».

Так мы не спеша приехали в нашу станицу. Переполох там был большой, все были уверены, что я бежал, да и не было резона, как говорил мне атаман, возвращаться добровольно в лапы жандармов. Приехавший штаб-ротмистр — жандарм нагнал страху, что упустили важного революционера. «Его повесить надо!» — говорил жандармский ротмистр. Все это быстро распространилось по станице, и все бежали смотреть, как будут вешать Никоныча. А сам жандармский офицер, в ожидании результатов погони за мною, отправился в соседнюю станицу, место нашего первого поселения. Там он собрал сход и пред всеми держал речь о зловредности и опасности таких людей: они царские противники. Долго говорил ротмистр, выспрашивая о деятельности проживавшего у них студента под чужой фамилией. «И я, — говорил потом ротмистр, — думал, что моя речь и мои разъяснения произвели впечатление на сход казаков, а предо мною в первых рядах стояли почтенные старики с медалями и крестами на груди. И вдруг из рядов выделяется один заслуженный казак (урядник) и говорит в ответ на мои слова, что его надо арестовать, как его поймают: «Ваше Высокоблагородие, оставьте нам Никоныча, нам он хорош! А Вам не угоден». Меня как громом поразили эти слова. Дальше говорить было бесполезно, и я уехал».

Возвратившись из своей поездки, ротмистр приказал привести меня на допрос. Допрос тянулся с 4 часов вечера до 12 часов ночи, и все время толпа жителей не отходила от окон дома, где был ротмистр и чинил мне допрос. Был прекрасный летний вечер, и окна были открыты. Ротмистр говорил потом в Ставрополе, что после ответа казаков в станице Новопавловской он не решался арестовать меня, боясь вызвать сопротивление со стороны казаков, которое могло угрожать опасностью ему и бывшему с ним жандарму.

Пришел я в свою лавчонку усталый, измученный, но все-таки довольный тем, что из всего допроса ясно было видно, что никто из моих сподвижников не был обнаружен и не попался в лапы жандармов: все вовремя исчезли. Было отрадно, что миссия Тимофея Ивановича вполне выполнена. Но это удовлетворение отравлялось мыслью о завтрашнем дне: завтра [в] 17.00 мне предстояло объясняться с обществом. Как отнесется общество к разоблачениям, которые сделал жандармский ротмистр, объяснивший атаману всю преступность моего пребывания в их станице?

Завтра было 6 августа, день Преображения, большой праздник, особенно чтимый населением. Заснул я с тревожною мыслью, что будет. Поднялся на звон к утрени, надо было быть в церкви как регенту. Собрались мои хористы, и на лицах их я прочел во время спевки какое-то доброе настроение: никто ни слова не говорил о том, что произошло вчера. Прошла обедня, во время которой были исполнены все нотные пьесы, которые особенно нравились населению, когда они исполнялись моим хором, все они были разучены мною. Да и самый хор был создан мною. И здесь, как в первой станице, все хористы были моими приятелями и были преданы мне. Хор состоял из казаков, бывших во время службы в песенниках, и вообще из людей, имевших значение среди населения, заслуженных урядников, которые и составляли мою «свиту», как обыкновенно говорили в станице. До переезда нашего в эту станицу здесь не было хора, и служба церковная обслуживалась одним дьячком, не имевшим ни голоса, ни знания, да и не охотника до пения. В школе также не процветало пение: там была учительницей наша приятельница и впоследствии близкий наш друг, Анастасия Яиченко, которая не могла составить хора.

Население встретило выступление хора в церковной службе с большим удовольствием и не раз выражало свои восторги по поводу пения. Собрав хор и обучив своих хористов нотному пению, я тем самым возвысил во мнении остальных участие в хоре, что само собою сделалось почетным, и потому вступление в хор по моему приглашению было отличием, завидным для других. Приобретя в лице своих хористов моих сторонников, я вместе с этим своим искусством регента становился на видное место во мнении общества, а казаки — большие любители пения.

* * *

Хорошее пение и, возможно, события вчерашнего дня создали настроение у бывших в церкви, а там была вся станица, и многие расчувствовались до слез. Успех хора, особенно бодро и красиво певшего, был и моим успехом. Но мысль, как примет общество меня и как взглянет на то, что я «царский противник», студент, скрывавшийся под чужим именем, не давала покоя и создавала тревогу. Пришел я из церкви, закусил кусочком хлеба и, отворив свою лавку, сел ожидать, что будет. И вдруг я вижу, идут от правления два казака во всей форме; а правление было на той же площади, как и моя лавка, на противоположной стороне. Сердце у меня екнуло: ну, думаю, за мной, на сход. Вошли, приветливо поздоровались и говорят, что общество просит меня пожаловать на сход.

— Сейчас приду, — ответил я не без волнения.

Запер я лавку и двинулся в путь. Подхожу и вижу, что весь двор правления занят казаками, одетыми по-праздничному.

— Здравствуйте, г[оспода] старики! — поздоровался я.

— Здравия желаем, Григорий Никоныч, — ответили собравшиеся.

— Пожалуйте в правление, — сказал один из приходивших ко мне, — там атаман.

Вхожу. Атаман навстречу ко мне: «Григорий Никоныч, общество желает проститься с Вами… Вы уезжаете…».

Услышав эти слова, я понял, что не гроза предстоит мне, и быстро стряхнул с себя налетевшее на меня волнение.

— Пожалуйте на сход! — продолжал атаман.

Выходим. Атаман начинает речь.

— Вы, г[оспода] старики, за два года, как живет у нас Григорий Никоныч, полюбили его…

— Да! Да! — ответили стоявшие на дворе.

— Человек он умственный, хороший, детей наших образовал, да и многие из вас под его руководством были. Слава и честь ему за создание хора: совсем стала иная, благолепная служба у нас в церкви. Но вот нам приходится расставаться с ним. Что находит жандармская полиция опасным в нем, это ее дело, а мы за ним никакой вины не видим. Да вот и новопавловцы даже просили оставить им Григория Никоныча, они горой за него.

Я не верил своим ушам, слушая речь атамана.

— Благодарю вас, Григорий Никоныч, от себя и всего общества, — сказал атаман, обращаясь ко мне.

— Да, благодарим! — загудело общество.

— Я как старший урядник, — заговорил один старый, почтенный казак, выдвигаясь вперед, прошу Вас, Григорий Никоныч, принять от меня, старика, мое расположение к Вам и мою душевную любовь и не забывать нас, а мы всегда будем держать Вас в памятках.

— По казацкому обычаю надо прощальную чарку выпить, — сказал атаман.

— Да! Да! Да! — и вместе с этим принесли ведро водки и поставили пред обществом на табурете.

— Первую чарку я пью за здоровье Григория Никоныча, дай ему Бог избавиться от напраслины; и не забывайте, Григорий Никоныч, нас. Не поминайте нас лихом, а мы всегда добрым словом вспоминать будем Вас, — сказал атаман, расцеловавшись со мною.

У казаков сход состоит из выборных от общества, и потому на дворе были выборные и еще желающие из общества чествовать меня. Каждый из бывших здесь после атамана брал чарку, черпал ею из ведра водки и, обращаясь ко мне, говорил свое приветствие, при этом выпивая не весь стаканчик, а только половину. Водка была от всего общества, и когда я хотел заикнуться дать деньги на покупку этого ведра водки, то атаман запротестовал, говоря, что угощение от общества. Все это неожиданное торжество, все эти душевные излияния и сердечные приветствия сильно растрогали меня, я был как в чаду, отуманенный таким торжественным приемом вместо ожидавшейся мной неприятности. Взвинченный до крайности таким благожеланием общества, я смело и резко стал говорить, но слов своих я теперь припомнить не могу, но только, когда я окончил свою речь, все собрание дружно крикнуло: «Браво! Ура! Ура! Качать Григория Никоныча», — и передние ряды подхватили меня, и я взлетел на воздух трижды, подхватываемый стоявшими.

Что я чувствовал в это время, передать я не в состоянии: то были и радость, и смущение, и какая-то надежда, уверенность в нашей победе. Словом, то было какое-то опьянение от счастья, от неожиданного благополучного разрешения нашего нелегального существования здесь. Последняя чарка была выпита, и все бывшие во дворе во главе с атаманом проводили меня до моего обиталища. Распростившись с провожавшими меня, я повалился на постель, подавленный, утомленный пережитыми ощущениями. Не прошло и полчаса, как является ко мне один из моих хористов, урядник, и просит меня посетить его дом, высказывая желание и жены его угостить меня и «тем почтить уезжающего Григория Никоныча». Казаки любят витиеватые приветствия и говорят их с особенным чувством. Несмотря на утомление, я охотно принял предложение, и мы отправились.

Еще молодая красивая казачка встретила меня на пороге своей хаты и с приветствием пригласила за стол. Хотя время еще не было обеденное, но уже был готов суп с курицей, затем следовали лапша, пирог с мясом, пирог с рисом, жареная утка, гусь с начинкой, индейка, сладкая каша, сладкие пироги, квас и вино. Словом, хозяйка обилием своего стола хотела выразить свое расположение ко мне, и не было конца всем поздравлениям и задушевным приветствиям всех собравшихся на торжество. Я не могу передать того сердечного радушия, какое проявили хозяева. Неумолкаемый разговор и пожелания сопровождали наше пиршество. Наконец я стал благодарить хозяев и прощаться, и в это время подходит другой мой хорист и просит меня и всех сидевших за столом пожаловать к нему откушать хлеба-соли.

И вот мы всей компанией шествуем к уряднику Черкасову, уважаемому в станице за его грамотность и начитанность. Тот же радушный прием, то же сердечное расположение и то же обилие всяких яств с тою разницей, что стол был рыбный, так как хозяева не употребляли мяса, но зато сластей,

варенья, сладких пирогов с разными начинками: яблоками, с черносливом, с вишнями — словом, все это было в изобилии. Тут не было водки и вообще ничего спиртного, так как хозяева были трезвенники, но зато были всевозможные «непьяные» напитки, необыкновенно вкусные. Поднимаюсь, чтоб благодарить хозяев, но входит в хату знакомый казак, бывавший у меня на душевных беседах, и просит меня и всех здесь бывших пожаловать к нему: здесь близко, через улицу перейти.

Опять всей компанией идем во двор по приглашению. Нам сопутствует и атаман, веселый и необыкновенно речистый урядник. Начинается угощение, и молодая хозяйка берет своего малютку сынишку 2—3 лет и подносит ко мне со словами. «Вас, Григорий Никоныч, будет помнить и вот эта мелюзга, когда вырастет. Кланяйся Григорию Никонычу», — и наклоняет малыша. Эта сцена растрогала меня до слез. Я поцеловал красивого мальчика и его мать.

Так мы переходили из дома в дом до позднего вечера в силу настойчивых просьб, встречая везде радушие и обильное угощение. Наконец я стал отказываться от дальнейших приглашений и просил разрешить мне идти спать. Для всех было очевидно, что просьба моя вызывается усталостью.

И вот я у себя в лавчонке. То чувство опасения, неприятности при встрече с обществом теперь сменилось полной удовлетворенностью, на душе было легко, разливалось какое-то блаженное состояние, и пред глазами стояли все эти оживленные лица провожавших меня, а в ушах звучали их добрые слова и неподдельное чувство. Чувствовалось, что я перешагнул чрез какую-то пропасть, в глубине которой клокотал и ревел неудержимый поток. Я мог сказать себе: неужели это не сон? Днем моего торжества было 6 августа, день праздника Преображения…

Я проснулся от стука в дверь, было уже 10 часов утра, и надо было укладываться. Этот день также принес мне высокое удовлетворение. Желая разделаться с товаром, бывшим в моей лавке, разной мелочью, я предложил казакам, наполнявшим мою лавку, покупать на память, рассчитывая отдавать даже даром. Но тут проявилось то же чувство трогательного расположения населения ко мне: женщины покупали совсем ненужные им предметы, набирая, например, игрушки, хотя у этих матерей и не было детей. «Раздадим на память о Никоныче», — говорили матери на мое замечание, что им эти игрушки не нужны. Открыв свою лавку в этот день, я невольно задумался, что у меня совсем не было денег и не с чем было ехать. И тут к вечеру я выручил три-четыре десятка рублей, которые уже покрывали мои расходы по переезду и были первой поддержкой по приезде в Ставрополь.

Но день еще не кончился, и смутное чувство ожидания какой-то неприятности невольно тревожило меня, а основание к этому было: жандармский офицер, уезжая, приказал меня арестовать и доставить на станцию железной дороги. И вот является атаман ко мне и заявляет: «Мы не дадим Вас, Григорий Никоныч, в обиду, и хотя ротмистр и приказал Вас арестовать, но я ему ответил, что общество этого не желает и казаки не допустят, и он уехал несолоно хлебавши, но оставил переодетого жандарма. Он вчера видел наше угощение, скрываясь в сторонке, не смея показаться и коснуться Вас». Я сердечно благодарил атамана, но он добавил, что завтра он сам отвезет меня на станцию, чтоб не было чего-нибудь в пути с их стороны, проехать надо было 6—10 верст.

Что можно чувствовать при таких словах официального лица, кроме глубокого уважения к нему и сердечной благодарности? Ясно было, что мы прожили недаром в народе и наши тайные «душевные» беседы стали явным искренним сочувствием идее нашего проживания. Вместе с этим атаман, обращаясь к казаку-казначею, бывшему здесь же с книгою под мышкой, сказал: «Выдай, Карпович, Григорию Никонычу сто рублей, остальное жалованье его как регента, как постановило общество». Это тронуло меня до слез. Казначей раскрыл книгу, и я расписался в получении тем именем, под которым был известен, добавив — Григорий Прозрителев. Эта выдача была важна в том отношении, что она следовала мне только с 1 августа, на что я и указал (что это незаконно), но атаман и казначей решительно заявили, что это воля общества, а оно — хозяин и может распоряжаться.

Так кончился и этот день, оставив в душе у меня самое теплое чувство признательности к этим людям, очаровавшим меня своим сердечным расположением. Утро следующего дня было последним, встреченным мною в станице, когда я двинулся в путь, напутствованный населением всякими благопожеланиями[43]. Одна мысль мешала моей полной радости. Это отсутствие Александры Николаевны, которая разделяла со мной все наши труды по проживанию в народе.

Êîì ìåíòàðèè

Публикуется сохранившаяся в фондах Ставропольского государственного краеведческого музея часть воспоминаний (ф. 2, д. 51, лл. 1—219). К ним имеется подзаголовок «Повесть в трех частях». Текст глав I, II, IV—VIII первой части и третья часть в личном фонде Прозрителева отсутствуют, хотя по косвенным данным известно, что, по крайней мере, первая часть была написана им полностью. Судя по упоминаниям в тексте, воспоминания записаны во второй половине двадцатых годов при использовании, очевидно, дневниковых записей. То, что дневники им велись, подтверждают как публикации (в частности: «Из жизни старого холостяка (Святочный рассказ)» // «Северный

Кавказ», 1899, 5 и 9 января; «Песня Стеньки Разина. Этнографический набросок. Из записной книжки народника семидесятых годов». — Ставрополь, 1925 и др.), так и многочисленные подробности описываемых им событий.

Глава XII первой части и вторая часть написаны рукой Прозрителева, остальной текст записан под диктовку или переписан в то же время кем-то из его окружения или родственников. Глава III первой части воспоминаний переписана, очевидно, не до конца. В тексте встречаются правки, уточнения, исправления, дополнения автора. Листы рукописи сшиты в виде толстой тетради, вложенной в жесткий переплет.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. Призыв «В народ!» принадлежал А.И. Герцену, обратившемуся к передовой молодежи России на страницах «Колокола» осенью 1861 г. До конца 70-х годов он оставался главным лозунгом народнического движения. Если в 60-х годах только отдельные народники предпринимали пропагандистские рейды в деревню, то с начала 70-х движение значительно расширилось, стало массовым и охватило более 50 губерний. Понятие «народ» в 60—70-х годах XIX века отождествлялось с крестьянством, которое составляло абсолютное большинство населения России (на взгляд современников $^{9}/_{10}$). Рабочий класс только формировался и был лишь частью крестьянства.

2. См.: «С[еверный] К[авказ]», № 200 (прим. автора). Автора, название статьи и год Г.Н. Прозрителев не указал. В конце третьей главы приводится цитата, очевидно, из этой же публикации.

3. Рюмин Владимир, сын генерала. Сведений о нем не имеется.

4. Радченко Афиноген Николаевич, дворянин. Во второй половине 70-х годов работал чертежником в Управлении межевой частью Терской области, чернорабочим на железной дороге. В 1878 г. нанялся рабочим к землемеру Луценко в станице Новопавловской. Активно занимался распространением запрещенных изданий и пропагандой революционных идей на Тереке, поэтому за ним был установлен надзор полиции. В 1878 г. при обыске у него в станице Новопавловской были найдены запрещенные издания, в том числе «По поводу самарского голода» (Лондон), два номера журнала «Вперед», брошюры «К русскому обществу», «Ко всем честным людям», «Программа анархистов-общинников». Радченко был арестован и пробыл в заключении более года. Дело было разрешено в административном порядке с зачетом предварительного содержания под стражею и установлением гласного надзора полиции. В июне 1880 г. ему было запрещено жить в столицах и на Кавказе в течение 3 лет. В 1884 г. он привлекался к дознанию по делу юнкера Ставропольского казачьего юнкерского училища Василия Коржа. Имел «подложный» паспорт на имя Мироненко (Центральный государственный исторический архив Грузии, ф. 7, оп. 3, 1879 г., д. 2594; Государственный архив Российской Федерации, ф. 102, Д. 3, 1884, оп. 80, д. 1090, лл. 4—9).

5. Мо(а)жарова Александра Николаевна (1844(?)—1920) — дворянка, дочь поручика фон-Миних, жена коллежского регистратора помещика Козловского уезда Тамбовской губернии. Образование получила в частном учебном заведении Москвы. В начале 70-х годов училась на курсах Герье в Москве. В 1874 году проживала в Козловском уезде Тамбовской губернии, где без разрешения местных властей открыла школу для мальчиков. При обыске у нее были найдены запрещенные книги, которыми она пользовалась на уроках. После обыска была арестована и содержалась под стражей в сентябре-октябре 1874 году За ней установлен надзор полиции с воспрещением педагогической деятельности. В 1876 году была задержана в Москве с фальшивым паспортом на имя Ольги Николаевны Петровой, привлечена к дознанию по обвинению в участии в революционной пропаганде. В результате за ней был установлен гласный надзор полиции с воспрещением жительства в Москве и Петербурге, Московской, Петербургской и Таврической губерниях. По сведениям департамента полиции, поддерживала связь с политзаключенными московских тюрем. В 1877 году вновь арестована в Москве и привлечена к дознанию по делу «Общества друзей». В 1878 году вместе с Г.Н. Прозрителевым выехала из Москвы в станицу Старопавловскую Терской области. В 1880 году ставропольский губернатор сообщал в департамент полиции о том, что Можарова не имела «письменного вида» на жительство, и, «находя пребывание ее в Ставрополе несогласным с законами и вредным по ее крайней неблагонадежности», просил о разрешении выехать в Тамбов или Козловский уезд Тамбовской губернии к ее мужу. Просьба эта удовлетворена не была. В 80-х годах жила в г. Ставрополе в доме Плотниковой под гласным, а затем негласным надзором полиции. С 1889 по 1893 год жила в Тамбове. В 1889 и 1891 годах ходатайствовала о разрешении переехать в Москву, где жили ее мать, братья и сестры. Однако просьба не была удовлетворена ввиду ее политической неблагонадежности. В начале 90-х годов овдовела. В 1893 году переехала в Харьков, где жила до 1901 г. и принимала участие в организации читален и народных библиотек. В 1901 году получила право повсеместного жительства и в том же году переехала в Петербург. В Ставрополе жила с 1913 года, где в течение семи лет заведовала Музеем Северного Кавказа. Умерла в городе Ставрополе 28 марта 1920 года (Государственный архив Российской Федерации, ф. 102, д. 5,

оп. 127, ч. 1, д .2566; Государственный архив Ставропольского края, ф. 198, оп. 1, д. 22, л. 74. Деятели революционного движения в России. Биобиблиогр. словарь. — М., 1931. — Семидесятые годы. Вып. III. — Г.Н. Прозрителев посвятил А.Н. Можаровой очерк, рукопись которого хранится в Ставропольском государственном краеведческом музее, ф. 2, д. 87, лл. 1—14).

6. Имеется в виду станица Павловская Терской области, которая одновременно называлась Старопавловской.

7. Шало(а)путы — секта хлыстов, отвергающая православное учение о церкви и признающая лишь внутренние силы человека, совесть и разум, так как считает, что человека верующего направляет Святой Дух. Они признают Иисуса Христа Сыном Божиим и считают возможным воплощение Святого Духа в представителях секты, которые, благодаря своей нравственной чистоте и строгой религиозности, удостоились этого высокого назначения. Шалопуты не признают абсолютного авторитета за книгами Священного Писания, но считают их спасительным руководством в жизни. Храмов православных не посещают, не признают почитания икон, а если вешают их, то только для того, чтобы резко не выделяться среди православного населения. Общины управляются «кормщиками», называемыми также Богом, Христом. Бывает еще и «кормщица», называемая также Богородицей, восприемницей, матушкой. Кормщики пользуются неограниченной властью в своей общине, руководят радениями (молениями). Место их собраний называется «Сионской горницей», «Иерусалимом». Чаще всего это бывают жилые помещения, которые закрываются наглухо. Собираются большей частью ночью. Моление совершается на славянском языке. Общины имеют разнообразие во взглядах, происходящее от различия в учении лжепророков. Шалопуты отрицают брак и существующие основы общественной жизни, попирают гражданские законы и власти, поэтому православная церковь считает их опасными, вредными для общества. В конце 70-х — начале 80-х годов XIX века секта была значительно распространена в Кавказской епархии.

8. Шла Русско-турецкая война 1877—1878 гг. (прим. автора).

9.Требы — богослужения, совершаемые по требованию или по мере необходимости, не входящие в суточный богослужебный круг.

10. Монастырь «Новый Иерусалим» находился в городе Воскресенске Звенигородского уезда Московской губернии (в шестидесяти верстах от Москвы).

11. Калуфер или канупер, кануфер — растение Balsamita vulgaris, гвоздика, многолетняя трава с сильным запахом, употребляющаяся как пряность.

12.Божничка или божница — место для молитвы, где висят иконы.

13. Сахар головной — кусковой.

14. Сарачинское или сарацынское пшено — рис.

15. Урядник — казачий унтер-офицер.

16. Имеется в виду город Георгиевск, который с 1802 г. по 1822 г. был центром Кавказской губернии. Из-за нездорового климата, вызванного заболоченностью местности, и частых эпидемий малярии административный центр губернии был перенесен в г. Ставрополь.

17. Регент — руководитель хора в русской православной церкви.

18. Клирос — особо отделенные места (возвышения) с правой и левой стороны перед иконостасом, где обычно стоят певчие.

19. Имеется ввиду «Послание ефесянам святого апостола Павла», входящее во вторую часть Библии — Новый Завет. Обращено оно к жителям г. Ефеса на берегу Эгейского моря, среди которых апостол Павел проповедовал христианское учение. В нем говорится об общем мировом значении Христа и христианской церкви.

20. Просвира или просфора — белый круглый хлебец, употребляющийся в обрядах православного богослужения.

21. Бешмет — стеганый полукафтан, короткая верхняя одежда.

22. Имеется в виду Русско-турецкая война 1877—1878 гг.

23. Чапельник — сковородник с длинной деревянной ручкой.

24. Имеется в виду Управление межевой частью Терской области, в котором работал чертежником А. Радченко (см. комментарий 4).

25. Кош — здесь: отдельное поселение.

26. Золотарев Александр Васильевич — бывший студент Петровской земледельческой академии в Москве. В 1875 г. привлекался к дознанию по обвинению в противозаконных сходках и распространении запрещенных книг в Терской области. В 1876 г. за недостатком улик дело о нем было прекращено. В конце 70-х годов принимал активное участие в распространении революционных изданий на Тереке. (См.: «Деятели революционного движения в России. Биобиблиогр. словарь. — М., 1930. — Т.2: Семидесятые годы. Вып. 2»).

27. Сурепка или сурепа, сурепица — рапс, растение с тонким корнем, из семян которого добывают масло.

28. Гардал — горчица.

29. Ерандак — род пялец для укладки товара, вещей.

30. Сведений об Антоне не имеется.

31. Натансон (в девичестве Шлейснер) Ольга Александровна (1850—1881) — дочь поручика (капитана?), землевладельца Орловской губернии. Окончила Мариинский институт в Петербурге. В 1870 г. входила в кружок М. Натансона, В. Александрова и других («вульфовская коммуна»). Весной 1871 г. принимала участие в кружке самообразования, организованного М. Натансоном и Н. Чайковским. После высылки в 1871 г. М. Натансона в Архангельскую губернию последовала за ним и в 1872 г. вышла за него замуж. В конце 1872 г. ей было разрешено приехать в Петербург, где окончила акушерские курсы при Медико-хирургической академии. Тогда же была подчинена негласному надзору. В 1875 г. (1876 г. — ?) вернулась вместе с мужем в Петербург и принимала участие в революционной работе. В 1876 г. являлась членом типографской группы, а затем Большого совета «Земли и Воли». В 1877 г. работала фельдшером при земской больнице в Вольском уезде Саратовской губернии. После ареста М. Натансона летом 1877 г. вернулась в Петербург, жила на нелегальном положении. Разыскивалась для привлечения к дознанию по делу «Общество друзей». В октябре 1878 г. была арестована и заключена в Петропавловскую крепость. Предана суду по обвинению в принадлежности к тайному сообществу. Судилась 6—14 мая 1880 г. Петербургским военно-окружным судом и была приговорена к каторжным работам на заводах на 6 лет, замененным ссылкой на поселение в Восточную Сибирь. По болезни была оставлена временно в Петербурге и переведена в больницу Петербургского тюремного замка. В 1881 г. ей было разрешено впредь до выздоровления жить в Орловской губернии. Освобождена из тюрьмы под поручительство П.И. Савваитова, на квартире которого в Петербурге умерла от чахотки. (См.: Деятели революционного движения в России. Биобиблиогр. словарь. — М., 1932. — Т.2: Семидесятые годы. Вып. 4.).

32. Интендантство — военная организация, ведающая хозяйственным снабжением армии и войсковым хозяйством.

33. Аптекман Осип Васильевич (1849—1926) — русский революционер, участник «хождения в народ», один из создателей народнических организаций Земля и воля (1876) и Черный передел (1879). В своих воспоминаниях О.В. Аптекман так описывал встречу с группой народовольцев на Тереке, которую он ошибочно называл Кубанской: «Это была небольшая группа лиц, но вполне солидно основавшаяся на месте среди кубанских казаков. Один из них (фамилии его, к сожалению, сейчас не припомню) устроился лавочником в одной из станиц и пользовался авторитетом среди казаков. Другой — Золотарев — арендовал, кажется, хутор и, кроме того, имел собственную молотилку и веялку, которые за небольшую плату предоставлял в распоряжение соседних казаков, переезжая для этого сам из одного хутора (станицы) в другой. Знакомство у Золотарева было обширное. [...] В свободное от полевых работ время я попросил товарищей-кубанцев собраться для выслушивания некоторых [...] предложений от землевольцев и сообщения краткого отчета о Воронежском съезде. [...] Мы собрались в поле, в палатке. Проговорили за полночь. Кубанцы отнеслись сочувственно к резолюциям Воронежского съезда и уполномочили меня передать товарищам-землевольцам их солидарность как с теорией, так и с практикой «деревенщины». Много интересного узнал я о секте «шелапутов» на Кавказе. Товарищи кубанцы жаловались, что недостаток людей не дает им возможности завязать с «шелапутами» более тесные отношения. Они настойчиво просили меня, чтобы побольше людей направлять к ним, что, помимо сектантов и казачества, благодарную почву для революционной деятельности представляют в настоящий момент и горцы Чеченской области. [...] Что касается просьбы нашего «центра» о доставке им оружия, то кубанцы обещали это устроить, но не раньше, как переговорят об этом со своими остальными товарищами на Кавказе и поставят это дело на прочную ногу. Переговорив обо всем с кубанской революционно-народнической группой и познакомившись кое с кем во Владикавказе, я вернулся в Петербург» (Аптекман О.В. Общество «Земля и Воля» 70-х гг. — Пг.,1924. — С. 374—375).

34. Это цитата из церковнославянского текста Евангелия от Луки (4, 23). По-русски: «Врач! Исцели самого себя». Употребляется обычно в значении: прежде чем осуждать других, исправься сам.

35. Имеется в виду старшая сестра Прозрителева — Александра, бывшая замужем за штабс-капитаном М.И. Жовнер, служившим в то время в г. Ставрополе.

36. Сведений о времени ареста и содержании под стражей Г.Н. Прозрителева на ст. Невинномысской не имеется. В сохранившихся архивных документах сообщается только время его препровождения в Ставропольский тюремный замок — 26 июня 1880 г.

37. Гамов Константин Иванович (1855—?) — дворянин, сын коллежского советника. Был юнкером Александровского училища в Москве. В 1873 г. принадлежал к московскому кружку чайковцев. Арестован в январе 1874 г. в связи с дознанием по долгушинскому делу, при обыске у него найдена запрещенная литература. Привлечен к дознанию за участие в революционных кружках. В июне 1874 г. уволен с военной службы. В августе 1875 г. по высочайшему повелению дело о нем было прекращено. При производстве дознания о пропаганде юнкером Гамовым революционных идей «было сделано указание на Прозрителева как на личность, посещавшую в Москве сходки... Независимо [от] сего были получены сведения, что Прозрителев находился в переписке с лицами,

скомпрометированными в политическом отношении, и был известен в их среде под фамилией Назаренко. До получения этих сведений Прозрителев успел уехать за границу в качестве домашнего учителя тайного советника Свечина» (Деятели революционного движения в России. Биобиблиогр. словарь. — М., 1929. —Том 2: Семидесятые годы. Вып. 1. Государственный архив Российской Федерации, ф. 102, д. 7, 1890, д. 109, т. V, л. 358).

38. Прозрителев был препровожден в Ставропольский тюремный замок 26 июня 1880 г., где содержался в «секретном номере». Освобожден из-под стражи 1 июля 1880 г. и отдан на поруки сестре А.Н. Жовнер «с ответственным залогом в количестве 150 рублей» (ГАСК, Ф. 149, оп. 1, д. 509, лл. 2—11; д. 510, лл. 58 об., 60)

39. В архивном фонде Ставропольского губернского тюремного замка сохранились «Именные списки арестантам гражданского ведомства, содержащимся в Ставропольском тюремном замке и состоящим на денежном кормовом довольствии» в течение июня и июля 1880 г., в которых значится действительный студент Г.Н. Прозрителев, состоявший на довольствии в июне 2 дня, сумма — 32 копейки, и в июле — 1 день, сумма — 16 копеек (Государственный архив Ставропольского края, ф. 149, оп. 1, д. 518, лл. 92, 103, 110).

40. Песня написана А.А. Навроцким предположительно в 1864 г. Текст публикуется по книге «Русские песни и романсы». — М., 1989. — С. 462—463.

Есть на Волге утес, диким мохом оброс
Он с боков от подножья до края,
И стоит сотни лет, только мохом одет,
Ни нужды, ни заботы не зная.

На вершине его не растет ничего,
Там лишь ветер свободный гуляет,
Да могучий орел свой притон там завел
И на нем свои жертвы терзает.

Из людей лишь один на утесе том был,
Лишь один до вершины добрался,
И утес человека того не забыл
И с тех пор его именем звался.

И хотя каждый год по церквам на Руси
Человека того проклинают,
Но приволжский народ о нем песни поет
И с почетом его вспоминает.

Раз ночною порой, возвращаясь домой,
Он один на утес тот взобрался
И в полуночной мгле на высокой скале
Там всю ночь до зари оставался.

Много дум в голове родилось у него,
Много дум он в ту ночь передумал,
И под говор волны, средь ночной тишины
Он великое дело задумал.

И, задумчив, угрюм от надуманных дум,
Он наутро с утеса спустился
И задумал идти по другому пути —
И идти на Москву он решился.

Но свершить не успел он того, что хотел,
И не то ему пало на долю;
И расправой крутой да кровавой рекой
Не помог он народному горю.

Не владыкою был он в Москву привезен,
Не почетным пожаловал гостем,
И не ратным вождем на коне и с мечом,
А в постыдном бою с мужиком-палачом
Он сложил свои буйные кости.

И Степан будто знал, — никому не сказал,
Никому своих дум не поведал.
Лишь утесу тому, где он был, одному
Он те думы хранить заповедал.

И поныне стоит тот утес, и хранит
Он заветные думы Степана;
И лишь с Волгой одной вспоминает порой
Удалое житье атамана.

Но зато, если есть на Руси хоть один,
Кто с корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жил, бедняка не давил,
Кто свободу, как мать дорогую, любил
И во имя ее подвизался, —

Пусть тот смело идет, на утес тот взойдет
И к нему чутким ухом приляжет,
И утес-великан все, что думал Степан,
Все тому смельчаку перескажет.

41. Здесь Прозрителевым допущена неточность. В заключении он находился всего несколько дней, а именно с 26 июня по 1 июля 1880 г.

42. В постановлении № 2 от 28 июня 1880 г. начальник Ставропольского губернского жандармского управления Пекарский отмечал, что управляющий Третьим отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии в ответе на запрос сообщил о непричастности Прозрителева «к делам политического характера», в связи с чем прекращались его розыски и он признавался свободным от обвинений «в прикосновенности к одному из дел политического характера» (Государственный архив Ставропольского края, ф. 149, оп. 1, д. 509, л. 8).

43. В Государственном архиве Ставропольского края, в фонде Управления Пятигорского округа Терской области, хранятся официальные документы, в которых описываются приезд и пребывание в начале августа 1880 г. в станице Павловской помощника начальника Ставропольского губернского жандармского управления штабс-капитана Новицкого. В их числе секретные рапорты пристава второго участка Пятигорского округа начальнику Пятигорского округа за 4 и 9 августа 1880 г., текст которых публикуем полностью.

«Рапорт № 10
пристава второго участка Пятигорского округа
начальнику Пятигорского округа

4 августа 1880 г.
Пос. Баксанский

По собранным на месте справкам оказалось, что помощник начальника Ставропольского губернского жандармского управления штабс-капитан Новицкий приехал в станицу Павловскую без предуведомления в 2 или 3 часа пополудни 2 августа. В это время в станичном правлении были налицо только дежурный по станице казак Назаренко и десятские, помощник же станичного атамана был в отсутствии в ауле Наурузова, а станичный атаман, вышедши из станичного правления, [велел] ожидать, сел верхом на лошадь и поехал на свой ток посмотреть за рабочими, как одинокий. Поэтому на вопрос штабс-капитана Новицкого, где атаман, дежурный ответил, что тотчас только вышел из правления и уехал в поле. Получивши такой ответ, г. Новицкий остался недоволен и закричал на дежурного и десятских, чтобы разослали 20 человек верховых казаков и разыскали как атамана, так и других, кого ему нужно; а затем приказал ямщику везти его к помощнику атамана дежурному сопровождать его, что и было исполнено; когда г. Новицкий убедился, что нет в доме и помощника, тогда возвратился к станичному правлению и потребовал квартиру, которая тотчас была указана ему в доме урядника Аверьяна Серебрякова. Часов в 5 пополудни возвратился с поля станичный атаман и тотчас явился к г. Новицкому в трезвом виде, потому г. Новицкий после крупных замечаний приказал тотчас разыскать и доставить нужных по делу людей, каковое приказание атаман желал немедленно исполнить, но кого нашел в станице, тех и представил к г. Новицкому, а об остальных доложил, что люди, не знавши ничего, не могли сидеть дома по случаю рабочего времени, и поэтому могут быть собраны только поздно ночью или утром следующего дня, за исключением лица, проживающего в станице по паспорту под именем Григория Никонова, который еще 1 августа выехал из станицы на наемной подводе в станицу Прохладную и должен возвратиться или 2, или 3 августа, так как Никонов оставил все свои вещи на квартире и товар в лавке. После послед-

него слова г. Новицкий еще более рассердился, приказал тотчас же разыскать всех без исключения, а затем, на следующий день, вместе с рассветом потребовал лошадей и выехал в слободу Нальчик, объявив атаману, что он будет жаловаться на бездействие его.

По прибытии на Баксанскую станцию штабс-капитан Новицкий пришел ко мне в восемь с половиною часов утра и объявил, что он приехал в станицу Павловскую по важному делу, не застал никого в станице, и что станичный атаман, вероятно, был пьян и не сделал никакого распоряжения о сборе нужных людей, в особенности успел скрыться из станицы преступник Григорий Никонов, и что поэтому он едет в Нальчик и будет жаловаться Вашему Высокоблагородию на полицию. По выслушании этого заявления я тотчас же (3 августа за № 3400) предписал станичному атаману с нарочным разыскать всех тех лиц, которых требовал г. Новицкий, в особенности Григория Никонова, где бы он ни был, и приготовить их к приезду моему и г. Новицкого при станичном правлении; а г. Новицкому объявил, что я лично готов оказать ему всякое законное содействие в этом деле; затем, когда г. Новицкий отъезжал в Нальчик, повторил ему мое желание и сказал, что я, в свою очередь, съезжу в аул Атажукина 1-го по служебному делу и, возвратившись, буду ожидать его. Таким образом, он уехал в Нальчик, а я в аул Атажукина 1-го, но, как я ни торопил себя, не успел возвратиться на место раньше его, а приехал в то время, когда он в виду моем отъезжал со станции; написал, между прочим, и на меня жалобу Вашему Высокоблагородию, о которой рассказал не только семейству моему и писцу, но ямщикам всем, а пакет от Вас на имя мое увез с собою. Во всяком случае, я не обратил на это внимания и тотчас же отправился в станицу Павловскую, догнал г. Новицкого на Малкинской переправе и приехал к станичному правлению, нашел налицо станичного атамана и всех нужных людей, в том числе и Григория Никонова, только что возвратившегося из станицы Прохладной; из них Никонова я пригласил с собою и представил лично г. Новицкому в квартиру, с которым он и занялся делом в присутствии моем, а от остальных затем лиц отобрал я формальные допросы, в чем оказалось нужно, и передал г. Новицкому.

Донося об этом Вашему Высокоблагородию, имею честь доложить, что именовавший себя в станице Новопавловской и затем Павловской крестьянином Григорием Никоновым имел подложный вид, на самом же деле он оказался дворянином, действительным студентом Императорского Московского университета Григорием Прозрителевым, которому, однако, ввиду благонамеренных его поступков в среде станичных жителей выдано г. Новицким проходное свидетельство от станицы Павловской до г. Ставрополя на пять дней, по которому он должен совсем выехать из станицы 7-го числа сего августа, сесть на Вольском полустанке и следовать по железной дороге далее под совершенно секретным надзором одного переодетого в гражданское платье жандарма; за выездом же из станицы и следованием до полустанка учрежден мною также секретный надзор, и когда Прозрителев будет на полустанке, будет об этом особо донесено Вашему Высокоблагородию.

Пристав [подпись неразборчива]»

(Государственный архив Ставропольского края, ф. 1037, оп. 1, д. 62, лл. 45—47)

«Рапорт № 11
пристава второго участка Пятигорского округа
начальнику Пятигорского округа

9 августа 1880 г.
Пос. Баксанский

В дополнение к рапорту моему от 4 августа за № 10 имею честь донести Вашему Высокоблагородию, что проживавший в станице Павловской под именем крестьянина Никонова действительный студент Московского университета Григорий Прозрителев 8 августа выехал из станицы Павловской под секретным надзором казака той станицы Романа Вольнова и сдан на Вольском полустанке на Ростово-Владикавказский поезд для следования до Невинномысска.

Пристав [подпись неразборчива]»

(Государственный архив Ставропольского края, ф. 1037, оп. 1, д. 62, лл. 48).

Комментарии и примечания В.В. Белоконь

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Прозрителев Г.Н. Из воспоминаний. «В народе, в тюрьме и в суде». Рукопись. — Государственный архив Ставропольского края. Ф. 2. Д. 51. Лл. 1—219 об.

ÏÀÌßÒÈ ÊÀÂÊÀÇÑÊÎÃÎ ÈÑÒÎÐÈÊÀ ÃÅÍÅÐÀËÀ ÏÎÏÊÎ È ÑÓÄÜÁÀ ÅÃÎ ÀÐÕÈÂÀ

Доклад на заседании Ставропольской этнолого-археологической комиссии. 7 февраля 1930 года

Исторические труды генерала Ивана Диомидовича Попко известны. Все его работы посвящены Кавказу, с которым он сроднился и которому посвятил всю свою долгую жизнь. Уроженец Кубанской области, сын протоиерея и воспитанник старой бурсы[1], он тем не менее не пошел по предназначенному ему пути его отцом в духовное звание, а с первого же года своего поступления он просит отца взять его из бурсы и пустить по военной части. Его увлекали походы, боевые схватки с горцами, труды и опасности боевой жизни. Его тянут к себе родные берега Кубани.

Но все-таки ему пришлось из семинарии поступить в [Московскую] Духовную академию, где он и окончил курс в 1840 году. Став свободным, Попко сейчас же отдается своему влечению и в 1841 году вступает рядовым казаком в десятый конный полк бывшего Черноморского казачьего войска, и с первых же дней своей службы он участвует в действующей армии, в кампании 1841—1846 годов. Участвует в сражениях 1852—1855 годов и, наконец, в Русско-турецкой войне 1877 года. Из его длинного формулярного списка[2] видно, как постепенно он продвигался по службе, проходя с отличием ее в младших чинах и, наконец, достигая назначения начальника Карской области, занятой нашими войсками в 1877 году, с производством в генерал-лейтенанты. А в 1878 году он отчислен по болезни от занимаемой им должности с оставлением по Кавказской армии.

Я знал Ивана Диомидовича с 1882 года. В это время он писал свою знаменитую историю «Терское казачье войско»[3]. Выйдя из тюрьмы на поруки своей сестры, я искал занятий, и вот судьба привела меня к Попко. У него работал командированный к нему войском в помощь для подбора материала Л.В. Бирюлькин, офицер Терского войска. Вот по совету этого Бирюлькина я и решился обратиться к Попко. В свое недавнее пребывание в Ставрополе мне удалось обнаружить в его окрестностях, на урочище Валик, развалины древней постройки, то была, очевидно, башня, она имела подземелье, и в подземелье этого сооружения я нашел черепки очень большого сосуда. Черепки были очень толстые, из прекрасно обожженной глины и, судя по ним, от сосуда с сильно расширенными боками. Башня была сложена из тесаного камня. Вот с этими черепками я и предстал пред Иваном Диомидовичем, предварительно послав ему письмо с описанием моей находки.

Иван Диомидович жил в доме дворянского собрания (он был предводителем дворянства Ставропольской, Терской и Кубанской областей)[4]. Признаться, не без волнения переступил порог этого дома, не рассчитывая на любезный прием, хотя Иван Диомидович, видимо, заинтересованный моей находкой, отвечал мне, что он желает меня видеть. Открыв дверь на парадную лестницу, я был поражен, увидев массу архивных дел, в порядке лежавших на лестнице, так что для прохода оставалась лишь узенькая дорожка. Дела были старые, видна была синяя бумага, таинственные связки дел были в холщовых переплетах. Я невольно остановился, обозревая неожиданную обстановку. Те же дела лежали целыми грудами на площадке и шли в следующую комнату, оставляя узкий проход. В этой, последней, комнате за столом среди тех же дел и шкапов с книгами сидел Иван Диомидович. Это был крупный старик, остриженный по-казачьему, с седыми нависшими бровями. Очевидно, вид у меня был растерянный, так как первым приветствием, обращенным ко мне, были слова: «А что, не ожидал увидеть в генеральской квартире покойников?» — и затем, привстав, пригласил меня садиться.

«Да, — продолжал Иван Диомидович, — на кладбище, где бренный прах наших предков покоится, мы хоть раз в год ходим, а другие кладбища, где ум и сердце наших предков покоятся — наши архивы, — оставляем в небрежении. Вот я и извлек их: они были, как и твои черепки, — в подземелье. Да они и сейчас еще не совсем просохли. Целый вагон[5] получил я, и куда девать? Где найдешь безопасное место? Вот я и завалил ими всю мою квартиру. Да и для работы удобно: нужно дело — оно и под руками. Все эти «покойники» были в заключении в крепости Святого Дмитрия в Ростове».

Так началось мое знакомство с седым генералом, о котором ходил слух, что он крутой и недоступный.

«Крепость Святого Дмитрия и Святой Анны были последним оплотом в России пред Кавказом, а здесь гуляли кабардинцы. В этих делах — вся история XVII и XVIII веков, а найдутся, вероятно, сведения и ранее. Если Бог даст продлить мои дни, я напишу не один-два тома истории Кавказа и покажу, что русские здесь были [с] самых далеких времен. Мажары и Тмутаракань — это были русские княжества. Сюда бежали крепостные, уходили князья от лютости Ивана IV, целое войско рязанских казаков ушло на Кавказ. Они и положили начало основанию Терского войска».

Я с наслаждением слушал маститого историка, и у меня впервые под влиянием этой беседы явилась мысль заглянуть поглубже в прошлое нашего края при посредстве этих «покойников», как называл их Попко. По поводу моих черепков Попко сказал, что там, очевидно, был древний утепленный пункт на Кавказе, и обещал проехать посмотреть развалины, ободрил меня в моих поисках остатков старины. Таким образом, неожиданно мое посещение обратилось в историческую беседу и дало начало для моих археологических и исторических изысканий.

Нельзя не отметить, что Попко держал себя очень независимо в отношениях с местным начальством, и в этот раз не преминул заметить по поводу моей «политической поднадзорности» и моего участия в «хождении в народ», о чем велось жандармами дело[6], что это его не касается, и никто не посмеет чинить препятствия к работе под его руководством, намекая на жандармов. Видимо, Иван Диомидович обладал большою начитанностью и не стеснялся пользоваться иностранными авторами. Он знал языки, хотя говорил плохо. В обращении был прост и приветлив, часто переходил на украинскую речь и любил употреблять малорусские* поговорки. Выговор у него, как у казака-черноморца, был хороший. Жил он одиноко и занимал все семь комнат в верхнем этаже дома дворянского собрания.

Иван Диомидович родился в 1819 году 28 августа в станице Тимашевской Кубанской области и умер в 1893 году 30 августа в Харькове, куда он поехал к профессору Грубе для операции[7], похоронен в Ставрополе. Интересно говорит Фарфоровский в своей статье «Литературная деятельность Попко»[8], что он составил детальный план часовни над своей могилой и утвердил его для постройки. Ныне могила его забыта и за смертью его единственной дочери Нины оставлена без всякого надзора.

Десять лет пребывания Ивана Диомидовича в Ставрополе посвящены им были разработке обширного материала, собранного им в разных архивах, и написанию двух томов капитального труда «Терские казаки со стародавних времен»[9]. Надо сказать, что книга эта единственная в своем роде и охватывает длинный период русской колонизации Северного Кавказа и потому представляет огромный интерес для читателей, интересующихся судьбами нашего края. Других работ по истории нашего казачества кавказского [нет]. Такое же значение имеет и другая его книга «Черноморские казаки в гражданском и военном быту»[10], ныне являющаяся европейской редкостью. Книга эта по отзыву Костомарова удостоена Демидовской премии[11].

После смерти Ивана Диомидовича осталось большое состояние, наследницей которому явилась единственная его дочь Нина. Так как она была еще несовершеннолетняя в гражданском смысле, то имуществу, оставшемуся после Попко, и над ее личностью был назначен опекун дворянским собранием, который и принял все в свое управление. Опекуном был назначен Н.Н. Безменов, дворянин, пользовавшийся репутацией упрямого, несговорчивого и своевольного дельца, с окраскою революционного духа. В руки этого опекуна, Безменова, попал и архив, находившийся в квартире Попко. Этот опекун явился «злым духом» для этих архивных сокровищ, именуемых Попко «покойниками».

На требования дворянского собрания сдать архивные дела Безменов резко отвечал отказом, ссылаясь на статьи гражданских законов, предоставляющие личные усмотрения опекуна* распоряжаться вверенным ему имуществом опекаемого. В то время в Ставрополе не было еще архивной комиссии и некому было властно вступиться за архив, а Безменов при хорошем знакомстве с губернатором был неумолим. И потому переписка с ним дворянского собрания оставалась без всякого результата, и требования его со стороны Безменова игнорировались. Безменов заявил, что он намерен продолжать работу Попко и хочет написать его биографию и продолжать дальнейшую историю казачества, и с этою целью перевез к себе на хутор в шестидесяти верстах от Ставрополя всю ту массу архивных дел, которые были собраны Попко. Уцелели из них те, которые ранее изъяты были как дела губернского архива.

Этот перевоз архива был роковым несчастьем для «покойников». Безменов, занятый общественными делами в Ставрополе, мало жил дома, был в разъездах по делам, выступал в суде в качестве адвоката, занят был своими делами финансового характера, и ему не было времени заняться архивом, а тут еще явилось обстоятельство — женитьба его на молодой девушке [на] романтической подкладке, а Безменову в это время было уже 50 лет. Это совсем отуманило ему голову. А тут наседали кредиторы с закладными на его землю и грозили продать все его имущество с торгов. В таком положении Безменову было не до архива. Сколько пропало дел при перевозке, неизвестно, и в отсутствие Безменова с хутора архив расхищался, и очевидцы говорят, что видели, как свинья, имевшая логово в сарае, где были сложены дела, выбегала из сарая, зацепив архивную связку, которая и болталась у нее на шее. Сколько пропало дел за это время, никому неизвестно, так как архив был взят без всякой описи.

Наконец в 1906 году была утверждена Ставропольская архивная ученая комиссия. Заботы об архивах стали главной задачей комиссии. Как председатель комиссии, я обратился к Безменову с просьбой передать архив Попко дворянскому собранию. Но Безменов был человек упрямый и гордый, он не терпел никакого понуждения и на первый раз отвечал отказом. Мои напоминания при встречах во время приезда его в город подействовали на упрямого дворянина. К этому времени

* Так в тексте.

последовало распоряжение о назначении нового опекуна по случаю выхода замуж наследницы Нины Попко за помощника присяжного поверенного И.Н. Панова, который был назначен опекуном, а затем учитель И.П. Кувшинский, который со своей стороны стал воздействовать на Безменова.

И вот Безменов соглашается на сдачу. Был послан судебный пристав Пищиков на хутор к Безменову принять и привезти архив. Что именно и в каком количестве [он] привез дела с хутора, я не знаю, описи не видел, но на самих делах, которые я видел впоследствии, имеется надпись судебного пристава, а в дворянском собрании должна быть сама опись. В это время был предводителем дворянства К.А. Росляков. Не придавая большого значения архиву Попко, [оно] хотя и получило архив, но хранить его за отсутствием помещения затруднялось, и потому дела были сложены частью в помещении канцелярии собрания, частью сданы в губернский архив, а частью [в] публичную городскую библиотеку, которой заведовал Росляков. Дела лежали без должной охраны, и мне пришлось видеть дела из этого архива у некоторых частных лиц: так, у зубного врача Гинсбурга, сотрудничавшего в газете «Северный Кавказ», у Краснова, директора народных училищ (от него комиссия получила несколько листов выписок из этих дел), у чиновника Архангельского, близкого человека к Попко. Все они брали дела к себе на дом для работы, но в каком количестве, я не знаю, и все эти дела исчезли. Очевидно, пользовался делами и Фарфоровский, написавший статью «Литературная деятельность Попко», где он говорит о дневнике Попко, хранившемся в библиотеке, но куда он девался, я не знаю.

Я стал настаивать пред Росляковым о передаче этих дел в ученую архивную комиссию и, наконец, добился разрешения взять находившиеся в библиотеке дела. И вот из всего огромного архива Попко попало в комиссию 127 связок, благодаря моему настоянию спасшихся от расхищения. Дела эти были разобраны и Валентиной Григорьевной Загорской, состоявшей правителем дел комиссии, была написана статья «Архив генерала Попко»[12]. Между принятыми комиссией делами оказалась личная переписка Попко, его письма и только несколько дел по истории Кубанского края, имеющих историческое значение. Между этими последними были дела о колонизации Кавказа, было дело «Бунт панов в 1861 году» из времен переселения казаков за Кубань. Все эти дела в числе 127 связок хранились до 1925 года в комиссии, когда и были сданы в Ставропольское архивное бюро по описи в силу распоряжения Центрального архива[13]. Такова многострадальная история архива Попко, привезенного из Ростова. Возможно, что главная часть дел попала в губернский архив, где они должны храниться, если уцелели, а значительная часть расхищена. И «злым духом» этого архива был по своему упрямству опекун Н.Н. Безменов... Но все-таки этот человек привлекает к себе внимание и заслуживает сочувственного упоминания о нем в этом докладе.

Н.Н. Безменов сыграл видную роль в истории революционного движения в Ставропольской губернии. Он был предан суду по обвинению в сопротивлении властям и в агитации среди крестьян. При обыске у него на хуторе сыном его был сделан выстрел в жандармов, и вообще было пущено оружие в самозащиту, причем был ранен стражник. Дело это разбиралось в военном суде в Ставрополе. Мне пришлось как присяжному поверенному защищать Безменова и его жену. Дело окончилось очень благополучно: жена Безменова была оправдана, а он сам признан виновным в простом буйстве и приговорен к аресту, а главное обвинение, грозившее ему смертною казнью, отвергнуто. Сын Безменова, стрелявший в жандармов и ранивший стражника, бежал, на суде не был и эмигрировал в Америку.

Безменов принимал деятельное участие в аграрном движении крестьян в 1905 году и был дважды судим Ставропольским окружным судом. Николай Николаевич был крупным помещиком Ставропольской губернии, имел большой [собственный] участок земли с частью матери, [что] составляло значительное состояние. Обстоятельства заставили [его] заложить свою землю. Неудачи по хозяйству, платежи процентов по закладным ставили Безменова в затруднительное положение, а наставшие волнения во многих местах губернии окончательно пошатнули его положение, как хозяина. Кредиторы предъявили иски и обратили взыскание на землю по закладным. Участок его был продан с торгов, и все пошло на уплату его долгов. Между тем Безменов, еще будучи полноправным собственником, задумал устроить на своей земле коллективное хозяйство. Хутор его назывался «Николина Пристань». Для осуществления своей идеи он пригласил к себе на жительство крестьян иногородних, вышедших из России, и поселил их на своем участке, отдав им в распоряжение весь участок. Крестьяне построились, обжились, обзавелись хорошим хозяйством — земля была превосходная, урожаи хорошие, и жилось им хорошо. Они знали одного только Безменова и не признавали никаких вступщиков в их землю.

Когда земля была продана с торгов и приехал судебный пристав для ввода во владение нового владельца, то крестьяне враждебно встретили пристава и не допустили до описи. Новый владелец, крестьянин Глущенко, настаивал у губернатора на выселении поселенцев, но поездки властей встретили решительное заявление крестьян, что они не уйдут и всякого, кто будет гнать их, они возьмут в колья. Таким образом, на земле Безменова образовалась бунтующая община, поселок, который разогнать не было возможности. Среди этого поселка проживал в своей усадьбе с семьей и Безменов, который внушал крестьянам их право на владение землей по его, как собственника,

распоряжению, и так как они были безземельные. Крестьяне окрестных сел примкнули к безменовским поселенцам, и участок его обратился в революционный очаг: сюда многие приезжали советоваться и получали указания, а Безменов слыл в округе знатоком-юристом, и волнения все ширились и ширились.

Имя Безменова для крестьян было лозунгом сопротивления и объединяло волновавшихся крестьян. На земле Безменова образовался в 1905 году революционный комитет, каких было в губернии 70. Когда было ликвидировано движение 1905 года, то у Безменова все осталось по-прежнему, где не признавали власти. Когда, наконец, была продана и часть его матери в общем участке, также заложенная, то Безменов стал доказывать, что в этом ее участке он имеет долю и что эта его доля не могла быть продана. На суде он говорил, что ему принадлежит «идеальная доля» на этом участке и подавал длиннейшие жалобы на каждое определение суда. Вообще Безменов, зная гражданское право, вел процесс очень энергично, участвуя в качестве третьего лица по делу описи для продажи участка его матери, оспаривая продажу всего участка, и доказывал, что в этом участке его матери остается его часть, которая не могла быть продана и, таким образом, эта часть должна быть в его владении и распоряжении. На этом основании он считал себя вправе произвести запашку в любом месте участка, что и сделали по его распоряжению его поселенцы, выпасывая свой скот по всему участку. Безменов осуществлял свое право на эту часть чрез своих поселенцев, которым он и запродал ее. Таким образом, новому владельцу, купившему участок, ничего не оставалось, так как по теории Безменова ему принадлежала часть в каждой пяди земли, его «идеальная доля». Процесс затягивался, по жалобам Безменова дело откладывалось, переходило в судебную палату, и толкования Безменова создавали волокиту и давали возможность Безменову проживать на этом участке в качестве владельца его, а с ним вместе и его поселенцам.

К революции 1917 года, хотя процесс и окончился, и решение суда вошло в законную силу, но фактически владельцем участка были поселенцы, а с ними и Безменов в качестве собственника его «идеальной доли». На суде имел место следующий эпизод. Противником Безменова был учитель Баривко, которому был заложен участок его матери. Во время судоговорения, в прениях по делу, когда Безменов развивал свою теорию о его «идеальной доле» в участке, Баривко в своем возражении сказал: «Вот что удивительно: когда Безменов брал деньги, то все было «реально», а когда настало время отдавать, то все стало «идеально». Эта ирония вызвала улыбку у судей, видевших ясно казуистику Безменова, но тем не менее удовлетворивших его частное ходатайство по делу, и дело было отложено, что имело громадное значение для его поселенцев.

В 1918 году с приходом в Ставрополь «белых» снова был поднят вопрос о выселении поселенцев с участка Безменова, а также и самого Безменова, и когда явившиеся власти встретили сопротивление, когда хотели арестовать Безменова, то толпа его поселенцев с кольями в руках отбила его и не дала арестовать. Вслед за этим явился карательный отряд, тут было пущено в ход оружие со стороны крестьян, и Безменов, как главный зачинщик бунта и руководитель восставших крестьян, стоявший с оружием в руках во главе своих поселенцев, по приказанию начальника отряда был расстрелян после рассеяния отрядом охранявших его крестьян. Так окончил свою жизнь этот талантливый и энергичный человек, умерший, как говорят очевидцы, с криком: «А земля все-таки ваша», обращаясь в сторону крестьян. Во время этого погрома загорелась хата Безменова и погибла его библиотека и те дела, которые еще оставались в его доме. Память о нем еще и теперь свежа у крестьян Ставропольского округа, и имя его чтится.

Часть дел из архива, бывшего у Попко, попала и в Терский архив. Дело в том, что во Владикавказе была образована Комиссия для написания истории Терского войска, и ко мне приезжал председатель комиссии генерал Чернозубов с просьбой передать ему дела и рукопись, будто бы написанную Архангельским по истории Терского войска Я запросил Архангельского, но тот сказал, что рукопись действительно имеется у него и составляет его собственность, хотя он и писал ее по просьбе Попко, но не желает отдавать ее бесплатно. После довольно длинных переговоров генерал Чернозубов обещал уплатить ему 200 рублей, а дела и рукопись забрал при посредстве Бирюлькнна, работавшего у него в качестве помощника, но уплатил ли, я не знаю.

Êîì ìåíòàðèè

Текст доклада печатается по рукописи, хранящейся в Ставропольском государственном краеведческом музее (ф. 2, оп. 1, д. 77, лл. 1—29). Она датирована 7 февраля 1930 года. На первом листе рукописи имеется помета, сделанная карандашом: «Доложено 28 февраля 1931 года на заседании ставропольской этнолого-археологической комиссии». Доклад написан легко читаемым почерком, в нем отсутствуют авторские правки и пометы. Листы рукописи сброшюрованы в небольшую тетрадь.

Доклад при жизни автора не печатался, опубликован в литературном приложении к газете «45-я параллель» за 1991 год (№ 1, С. 3—6).

Ïðèìå÷àíèÿ

1. Бурса — духовная семинария.

2. Копия «полного послужного списка генерал-лейтенанта Попко» за 1885 год, о котором пишет Г.Н. Прозрителев, хранится в Государственном архиве Ставропольского края (ф. 52, оп. 1, д. 418, лл. 21—30).

3. Здесь Г.Н. Прозрителев имеет в виду книгу «Терские казаки со стародавних времен».

4. Обязанности предводителя дворянства Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей И.Д. Попко исполнял с 4 января 1876 года по 30 августа 1893 года. Как отмечалось в послужном списке, «за отличные труды при исполнении обязанностей по званию Ставропольского губернского предводителя дворянства» 15 мая 1883 года он был награжден орденом Белого Орла (Государственный архив Ставропольского края, ф. 52, оп. 1, д. 418, лл. 23—24).

5. Так ли это было в действительности, я не знаю. Возможно, что генерал для красного словца сказал это (прим. автора).

6. В архивах сохранилось несколько дел об осуществлении негласного надзора полиции за Г.Н. Прозрителевым с начала восьмидесятых по конец девяностых годов XIX века, в том числе в Государственном архиве Ставропольского края (Ф. 101, оп. 5, д. 169) и в Государственном архиве Российской Федерации (ф. 102, Д-3, 1898 г., оп. 96, д. 271 и др.).

7. Иван Диомидович умер от рака в желудке (прим. автора).

8. Статья С. Фарфоровского была опубликована во втором выпуске Трудов Ставропольской ученой архивной комиссии, изданном в 1910 году.

9. Книга «Терские казаки со стародавних времен» была издана в Петербурге в 1880 году.

10. Книга «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Очерки края, общества, вооруженной силы и службы, в 17-ти рассказах с эпилогом, картою и 4 рисунками с натуры в 2-х частях» была издана в Петербурге в 1858 году.

11. В статье Фарфоровского, напечатанной во втором выпуске трудов Ставропольской ученой архивной комиссии, приведено содержание обеих книг. В этой же статье указаны и другие статьи Попко, а также приведена справка о напечатанных материалах его биографии и указаны журналы и газеты, откликнувшиеся по поводу его смерти (прим. автора).

12. Статья В. Загорской «Архив покойного генерала Попко» опубликована во втором выпуске Трудов Ставропольской ученой архивной комиссии в 1910 году.

13. Часть архива И.Д. Попко в настоящее время хранится в Государственном архиве Ставропольского края. В нем имеется 50 дел за 1807—1889 годы (ф. 377).

Комментарии и примечания В.В. Белоконь

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Памяти кавказского историка генерала Попко и судьба его архива. Доклад на заседании Ставропольской этнолого-археологической комиссии. 7 февраля 1930 года. Рукопись. — Государственный архив Ставропольского края. Ф. 2. Д. 77. Лл. 1—29 об.

Исследования, посвященные Г.Н.Прозрителеву

Í.À. Îõîíüêî
Îáùåñòâåííûé äåÿòåëü, ïðîñâåòèòåëü, êðàåâåä

Григорий Николаевич Прозрителев (1849—1933) принадлежит к числу тех бескорыстных просветителей, которые оставили заметный след в истории российской провинции XIX — начала XX в. Проявляя большой интерес к истории Северного Кавказа, он развивал и внедрял в общество лучшие традиции российской интеллигенции.

Родился Г.Н. Прозрителев 4 марта (по старому стилю) 1849 г. в г. Ставрополе в семье служилого дворянина. Отец был чиновником в Ставропольской городской управе, а с 1861 года — следственным приставом в г. Ейске. Есть сведения, что какое-то время до этого он служил в Хасавюрте.

Его отец занимался благотворительностью и был набожным человеком. Мать состояла в женском благотворительном обществе Св. Александры, хлопотами которого в Ставрополе было открыто женское училище с пансионом для благородных девиц. Пример родителей и их окружения оказал решающее влияние на формирование Григория Николаевича. Десятилетним парнишкой он видел проезжающего через Ставрополь имама Шамиля. В девятилетнем возрасте он с отцом обследовал пещеру, где когда-то жил отшельник. По рассказам, здесь был найден древний бронзовый топор.

После домашнего воспитания Г.Н. Прозрителев поступает в Кубанскую войсковую гимназию, которая в то время размещалась в г. Ейске и считалась одной из лучших на Кавказе. В 1873 г. он заканчивает юридический факультет Московского университета. По окончании его приглашают домашним учителем в семью генерала Н.И. Свечина, который в течение нескольких лет совершает поездки по Европе в обществе молодого и образованного выпускника университета. Возвратившись из заграницы в 1876 году, Г.Н. Прозрителев живет в Москве, где сходится с народовольцами. Увлеченный их идеями, он отправляется «в народ» — сначала в Моздок, затем — во Владикавказ, а после оседает в станице Старопавловской нынешнего Ставропольского края. Здесь он занимается просвещением в среде местных казаков, знакомится с их жизнью и бытом.

В 1880 г. Г.Н. Прозрителев был арестован и препровожден в Ставрополь, где через несколько дней был освобожден, но находился под негласным полицейским надзором вплоть до 1897 г.

Постепенно отходя от революционного движения, Г.Н. Прозрителев начинает активно заниматься служебной, общественной и краеведческой деятельностью.

Работая присяжным поверенным в окружном суде, он вел дела инородцев. Во время поездок по делам службы имел возможность непосредственно знакомиться с культурой и бытом населения Северного Кавказа.

Бывая на местах в уездных и волостных центрах, посещая сельские управы, Г.Н. Прозрителев обращал внимание на состояние их архивов, так как понимал важное значение этих первоисточников для изучения местной истории.

Поражает его активность участия в благотворительных и просветительных обществах. В течение многих лет он являлся членом общества грамотности, был председателем общества содействия воспитанию и защиты детей, участником обществ Красного Креста и помощи бедным, обществ по устройству народных лекций, по борьбе с пьянством, помощи голодающим и бедным, членом Союза культурно-просветительских и благотворительных обществ г. Ставрополя. Являлся инициатором открытия ночлежных домов для бес-

призорных детей, состоял распорядителем музыкального кружка, создал на личные средства народный театр для населения окраин. Во время эпидемий инициировал создание комитетов по борьбе с холерой и тифом. Его имя часто встречается в числе жертвователей на различные благотворительные цели.

В годы первой мировой войны Г.Н. Прозрителев становится председателем комитета помощи беженцам из Закавказья, защищает их права и помогает обустроиться на новом месте.

В 1884 г. по его инициативе открывается первая на Кавказе частная газета «Северный Кавказ», где позже вместе с ним работал и печатался К. Хетагуров. Он близко сходится с известным историком казачества И.Д. Попко и первым исследователем края И.В. Бентковским, которые проживали в Ставрополе.

В своих журналистских статьях Г.Н. Прозрителев много пишет о театре, откликается на юбилеи А.С. Пушкина и М.Е. Салтыкова-Щедрина, делает обзоры различных книг и журналов, отражает события в г. Ставрополе, публикует материалы из зала суда, помещает путевые заметки по следам своих поездок.

Постепенно интересы Г.Н. Прозрителева все больше и больше сосредоточиваются на краеведении и сохранении историко-культурного наследия. Основными его увлечениями становятся археология, палеонтология, этнография, архивное и музейное дело.

В 1903 г. он публикует большую статью о необходимости создания в Ставрополе краеведческого музея, где могла бы показываться история и культура народов, населяющих Северный Кавказ. В 1905 г. Г.Н. Прозрителев становится членом Ставропольского губернского статистического комитета.

В 1906 г. при статкомитете создается первая на Кавказе ученая архивная комиссия и Ставропольский музей Северного Кавказа. Г.Н. Прозрителев избирается председателем комиссии и возглавляет археологический отдел музея. Летом 1906 г. он участвует в съезде археологов и архивных деятелей в г. Владимире, отмечая, что «с этого момента Ставрополь примыкает к семье всероссийских ученых, работающих по охране памятников старины и архивов, и ученые общества узнают о существовании музея Северного Кавказа».

Несмотря на то, что состав созданных учреждений был поначалу внушительным, активную работу проводили лишь несколько человек, а с 1907 г. вся работа ложится на Г.Н. Прозрителева. Под его редакцией было издано 8 выпусков «Трудов Ставропольской ученой комиссии» и 11 томов «Сборников сведений о Северном Кавказе». Материалы для этих изданий представлялись краеведами, учителями, чиновниками и служащими из различных мест Северного Кавказа. Вокруг этих изданий объединялась та интеллигенция Ставропольской губернии и Северного Кавказа, которая начинала изучать богатое историко-культурное наследие многонационального и многоконфессионального региона.

К тому времени были еще живы участники Кавказской войны и очевидцы многих событий этого периода истории Кавказа. Они помещали на страницах сборников статкомитета и ученой архивной комиссии свои воспоминания. Г.Н. Прозрителев не только редактирует указанные сборники, но и сам активно печатается в них, помещая статьи по археологии, истории, архивным изысканиям. К 100-летию Отечественной войны 1812 года он издает отдельной книгой фундаментальный труд «Военное прошлое наших калмыков». В 1922 г. за заслуги перед этим народом он был избран почетным гражданином Калмыкии.

В 1907 г. Г.Н. Прозрителев начинает изучение золотоордынского города Маджары, расположенного на месте современного г. Буденновска. В этих работах принимает участие один из крупнейших археологов России В.А. Городцов.

В археологических целях Григорий Николаевич совершает поездки в Теберду, Балкарию, Азов и Керчь, где собирает экспонаты для музея. Он изучает археологические памятники Ставропольской губернии, на основании чего составляются первые археологические карты и серьезно ставится вопрос о сохранении археологического наследия.

Эта проблема была остроактуальной в связи с быстрым экономическим освоением региона, в результате чего нарушались и уничтожались древние курганы, поселения, городища и могильники. В начале XX в. Ставропольская губерния находилась на первом месте в России по распаханности земель. Но в результате исчезали древние памятники, в защиту которых выступал Г.Н. Прозрителев.

В 1913 г. за большую работу по спасению и сохранению архивов Г.Н. Прозрителев был награжден орденом Станислава III степени.

В 1916 году он избирается председателем Кавказской археографической комиссии и переезжает в Тифлис. Но в связи с военной и революционной обстановкой в следующем, 1917 г., возвращается в Ставрополь, где готовит к изданию обширный труд «Ставропольская губерния в историческом, этнографическом и бытовом отношениях». В 1919 г. он издаст первую часть этого исследования, остальные две части сохранились в рукописях и не изданы до сих пор.

Главным увлечением и основным результатом деятельности Г.Н. Прозрителева стало создание музея, заложившего основу нынешнего Ставропольского краеведческого музея. 24 февраля 1905 г. статкомитет постановил основать губернский музей «для комплексного изучения края, чтобы спасти остатки культуры и показать край в прошлом и настоящем». Тем самым подчеркивалась роль Ставрополя, который долгое время выполнял функции военно-административного и культурного центра России на Северном Кавказе.

За короткий срок в музее были собраны обширные коллекции, что позволило уже в 1907 г. открыть его для посетителей. Г.Н. Прозрителев передал музею свою собственную коллекцию кавказского оружия, а также собрание по археологии и этнографии.

История сохранила один из множества случаев, занимательных своим сюжетом. В 1910 г. в с. Казинке Ставропольской губернии крестьянином Алейниковым на огороде был открыт знаменитый клад, состоящий из 19 золотых предметов сарматского времени общим весом более 16 кг. Клад был передан в Императорскую археологическую комиссию и поныне хранится в золотой кладовой Государственного Эрмитажа. За сданные ценности находчик получил приличное вознаграждение — 37 тыс. рублей. Другой же крестьянин, продавший год назад землю Алейникову, подал в суд, требуя долю и мотивируя, что он продавал землю, но не ее недра. Ведение дела было поручено Г.Н. Прозрителеву, который закончил его к обоюдному удовлетворению истца и ответчика. Благодарные крестьяне подарили судье 1500 рублей, которые он пожертвовал на нужды ученой архивной Комиссии, из пожертвованной суммы на 860 руб. закупили ценную коллекцию антиквариата для музея, значительно пополнив его собрания.

Гордостью музея являлись этнографические сборы о народах, населявших Северный Кавказ: русских, украинцах, белорусах, армянах, калмыках, ногайцах, туркменах, народах Дагестана, чеченцах, осетинах, ингушах, балкарцах, кабардинцах, карачаевцах, татарах, мордовцах и других. С помощью этих коллекций в экспозиции были созданы интересные комплексы, воссоздававшие обстановку жилищ и костюмы горских и кочевых народов. Особый интерес посетителей вызывали манекены, которые реконструировали и демонстрировали внешний облик многих народов Северного Кавказа.

Несмотря на большую научно-краеведческую работу, Г.Н. Прозрителев продолжает быть в центре общественной жизни. В 1906—1907 гг. он защищает в суде лиц, проходящих по обвинению за участие в революционных событиях. Во время этих событий он подвергался угрозе со стороны черносотенцев, которые, готовя свои выступления, пометили и дом Г.Н. Прозрителева. Несмотря на это, он выступает на митинге, который планировался как начало погромов. Эмоциональная речь Г.Н. Прозрителева, пользовавшегося большим уважением, позволила снять напряжение присутствующих и предотвратила действия экстремистов.

Последовавшая после революции реакция привела к закрытию газеты «Северный Кавказ». Тогда Г.Н. Прозрителев выступил инициатором открытия другого печатного органа — «Северокавказской газеты».

Как представитель прессы Г.Н. Прозрителев вместе с известным писателем И.Д. Сургучевым принимал участие в работе Учредительного собрания Ставропольской губернии, которое в ночь на 1 января 1918 г. провозгласило Советскую власть.

Г.Н. Прозрителев сдержанно отнесся к событиям 1918 г., когда новая власть внесла в размеренную жизнь Ставрополя чувство тревоги и неясного ожидания. В городе начались расстрелы деятелей оппозиционных большевикам партий. Шоком было зверское убийство героя кавказской и русско-турецкой войны, всеми уважаемого почтенного генерала Мачканина.

В это время Г.Н. Прозрителеву исполнилось уже 70 лет, и он заботится лишь об одном — сохранить музей и архивы, продолжать исследовательскую работу.

На первых двух этажах была расквартирована воинская часть, что стесняло деятельность музея. С восстановлением советской власти в 1920 г. губревком издает предписание «не трогать, не разорять и не уплотнять музей... как имеющего историческую ценность». Много сил Г.Н. Прозрителева уходит на сохранение коллекций, так как красноармейцы начали разбивать каменные статуи во дворе. Дело дошло до того, что он шлет телеграмму верховному главнокомандующему начальнику Реввоенсовета республики Л.Д. Троцкому с просьбой оградить музей от военных.

Несмотря на отсутствие финансирования и многочисленные хозяйственные проблемы, исследователь края держит руку на пульсе жизни. В 1920 г. создается Государственная архивная служба, и Ученая архивная комиссия преобразовывается в этнолого-археологическую комиссию. Ее цель — изучение края и охрана памятников.

Планируя деятельность этнолого-археологической комиссии и музея, Г.Н. Прозрителев одной из главных задач ставит изучение того, как новый строй влияет на традиционный уклад жизни населения губернии.

Делая серию докладов на заседаниях этнолого-археологической комиссии в 1923 г., он как этнограф отмечает «отмирание прежде жизненных и исторически созданных условий и явлений, а с ними и предметов обихода».

Что касается духовной сферы, то докладчик с горечью говорит, что вследствие растраченности религиозных чувств и резкой смены общественного устройства и быта «в сознании одной части масс молодых вкоренилась безответственность за свои поступки. Дрогнула семья — главным образом отношение и уважение к старшим членам семьи, а вместе с этим и экономический имущественный строй ее — право отца распорядиться своим достоянием. Право это парализовано... старшинством молодых, не стесняющихся старыми обычаями... и руководящихся захватным правом».

Г.Н. Прозрителев с горечью отмечает, что изменения коснулись даже речи и языка, когда «стали ходкими словами те, какие прежде были достоянием острога, каторги и полицейского застенка». Это явление

он объясняет тем, что, когда пали преграды, преступный элемент прошлого втянулся волной движения и как выброшенный из прежней жизни оказал свое озлобленное влияние на события...».

Несмотря ни на что, Г.Н. Прозрителев верит в свой народ, который «при таких душевных качествах... остается жизненным и великим». Этот «великий народ, уберегший свою душевную силу на протяжении тысячелетий, не может стать зверем и могильником собственной истории».

Эту историю Г.Н. Прозрителев, несмотря на годы и трудные времена, продолжает изучать, хранить и популяризировать всеми доступными способами.

В 1924 г., когда перейден рубеж 75-летия, Григорий Николаевич руководит раскопками скифского кургана под Ставрополем, проводит охранные мероприятия на археологических памятниках, занимается изучением архивов, планирует этнографические и фольклорные исследования в селах и станицах, часто выступает со статьями в газете «За власть Советов». Здесь он помещает острую статью о проблемах вымирания кочевых туркмен. Начав ее публикацию, редакция вскоре свернула и закрыла этот материал.

20-е годы характеризуются бурным ростом интереса к краеведению. По всей стране создаются многочисленные краеведческие и научные общества. Г.Н. Прозрителев налаживает с ними активную связь. Он числится членом-корреспондентом центрального бюро краеведения в Москве и Ленинграде, является членом Кабардино-Балкарского исследовательского института, действительным членом Азербайджанского археологического института, почетным членом Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии и др. Когда 25 марта 1928 г. общественность отмечала 45-летие общественной и научной деятельности Г.Н. Прозрителева, в его адрес пришли поздравления от краеведческих обществ, научно-исследовательских институтов, музеев и библиотек, а также ученых Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону, Краснодара, Нальчика, Владикавказа, Махачкалы, Новочеркасска и других городов.

В 1927 г. происходит насильственное слияние краеведческого музея Северного Кавказа с городским учебным музеем, основанным Г.К. Праве. Григорий Николаевич остро переживает реорганизацию и с трудом принимает должность председателя Совета объединенных музеев.

В это время он, словно чувствуя приближающийся финал большой жизни, торопится оставить записи того, что не успел опубликовать. В библиографическом указателе статей и отдельных изданий Григория Николаевича Прозрителева за 1922 год числится 170 книг, статей, заметок и других публикаций. К этому следует добавить еще 40 неопубликованных работ, сохранившихся в виде рукописей, подготовленных после 1922 г. и хранящихся ныне в фондах Ставропольского краеведческого музея.

Г.Н. Прозрителев умер 21 ноября 1933 года на 85-м году жизни и был погребен на Успенском кладбище Ставрополя. Вскоре его могила была забыта и имя оказалось в тени умолчания. Лишь в 1989 году, в связи с 140-летием, общественность вспомнила о нем и началось возрождение памяти Г.Н. Прозрителева. На могиле был установлен памятник, который 14 августа 1994 г. посетил и провел молебен Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

В 1990 г. Г.Н. Прозрителеву было присвоено звание почетного гражданина города Ставрополя, а в 1993 г. его имя было присвоено Ставропольскому государственному краеведческому музею. С 1990 г. началась публикация ненапечатанных трудов, хранящихся в фондах музея.

В 1999 году, в канун нового тысячелетия, исполняется 150 лет этому известному краеведу и общественному деятелю, гражданину России. Было бы справедливым издать к этой дате собрание его трудов.

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Охонько Н.А. Общественный деятель, просветитель, краевед // Северо-Кавказский регион. Информационно-аналитический вестник, 1998. — № 3. — С. 68—71.

Ì.Å. Êîëåñíèêîâà
Èñòîðèê-êðàåâåä íà ãðàíè ýïîõ: Ãðèãîðèé Íèêîëàåâè÷ Ïðîçðèòåëåâ

…в лице Г.Н. Прозрителева мы имеем одного из лучших представителей славной плеяды бескорыстных культурных работников русской провинции, которые преодолевая многочисленные трудности, в обстановке косности и безразличия, забывая о личных нуждах и интересах, отдавали все свои силы великому делу знания и культуры…

Среди исследователей Северного Кавказа второй половины XIX в. – первой трети XX в., оставивших заметный след в истории края, одно из почетных мест принадлежит Григорию Николаевичу Прозрителеву (1849—1933) – ученому, археологу, этнографу, историку, краеведу, архивисту, археографу, музейному работнику, просветителю, видному общественному деятелю. Обладая беззаветной преданностью делу, кипучей энергией и целеустремленностью, благодаря увлеченным занятиям по изучению архивных документов и памятников древности, он стал известным археологом и архивистом Северного Кавказа. Он был представителем поколения разночинцев-просветителей, сумевшим не только выявить исторические источники, но и организовать работу по их изучению, создать организации и общества, которые взяли на себя разработку исторических и историографических проблем. Всю свою жизнь он собирал и хранил историю родного края.

Талантливый человек с чистой и светлой душой, он олицетворял собой лучшие традиции российской интеллигенции. Его долгая и плодотворная жизнь – пример судьбы русского интеллигента конца XIX – начала XX века, подвижника, борца, которая заслуживает внимательного рассмотрения и изучения. К сожалению, она слабо освещена в исторической литературе, несмотря на то, что сохранилась хорошая источниковая база. Это, прежде всего документы из личного фонда Г.Н. Прозрителева, хранящиеся в архиве Ставропольского государственного краеведческого музея имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве[1], архив Ставропольской ученой архивной комиссии[2], Ставропольского музея Северного Кавказа[3], основателем и создателем которых являлся Г.Н. Прозрителев, архивный фонд Ставропольского губернского статистического комитета[4], в котором он работал, отдельные документы о его жизни и деятельности, находящиеся в различных архивах страны[5]. А также многочисленные труды историка-краеведа вышедшие отдельными изданиями, помещенные в сборниках, сохранившиеся в рукописях[6].

При жизни ученого о нем выходили небольшие юбилейные заметки в местной периодической печати по случаю различных юбилеев и дат[7]. После смерти – несколько некрологов, которые нельзя считать историографическими статьями, но они содержат достаточно полный обзор его деятельности и точную оценку вклада ученого в историческую науку, данную современниками[8]. Затем наступил почти 50-летний период забвения имени ученого. Судьба, которая постигла многих бескорыстных тружеников науки, неутомимых собирателей и краеведов. Изменения государственной политики в отношении краеведения в начале 1930-х годов привело к ослаблению связи между наукой и краеведением, к закрытию большинства краеведческих обществ, к забвению не только имен краеведов, но и краеведения. В период 1930—50-х годов краеведение вообще выпадает из круга интересов историков и из предмета исследования историографии. Созданные в провинции в конце XIX – начале XX вв. исторические, этнографические, археологические труды, собранный богатейший источниковый и краеведческий материал оказались в основном невостребованными в исторической науке XX столетия.

Оживление интереса к краеведческой тематике произошло в начале 1960-х годов. На страницах местной периодической печати стали появляться отдельные публикации об общественной деятельности Г.Н. Прозрителева, имя его упоминалось в Календаре памятных дат по Ставропольскому краю на 1964 год. Расширение тематики и проблематики историко-краеведческих исследований в 1980-90-е годы, появление краеведческой литературы постепенно привело к изменению исследовательского интереса, повышению внимания к научному наследию провинциальных историков и краеведов. В начале 1990-х годов в связи с присвоением Г.Н. Прозрителеву звания «Почетный гражданин города Ставрополя» в местной периодической печати появился ряд статей, раскрывающие различные грани таланта этого удивительного человека. К 150-летию со дня рождения краеведа вышли статьи Н.А. Охонько и В.В. Белоконь, посвященные его жизни и деятельности[9]. К 155-летию известного северокавказского ученого-краеведа, музейного и общественного деятеля на базе Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве состоялась научно-практическая конференция «Первые музейно-краеведческие Прозрителевские чтения», основная часть докладов которой была посвящена непосредственно разносторонней деятельности Г.Н. Прозрителева[10]. Среди них доклады А.В. Ашихминой, Т.А. Булыгиной, А.В. Дронова, И.В. Нахаевой, И.В. Отюцкого, Н.А. Охонько, С.Н. Савенко, О.В. Сокол, Л.В. Яцуковой.

Григорий Николаевич Прозрителев родился 4(16) марта 1849 года в Ставрополе в семье безземельного служилого дворянина. Его отец – Николай Григорьевич до 1855 года служил секретарем Ставропольской городской думы, был инициатором и устроителем бесплатных обедов для бедных. Затем до 1861 года служил в Хасавюрте, позже в Ейске следственным приставом городской полиции и к 1868 году имел чин коллежского асессора. Мать – Евдокия Алексеевна всю жизнь занималась благотворительностью, состояла в женском благотворительном обществе Святой Александры.

Пример родителей, их благотворительность и милосердие, оказал решающее влияние на формирование личности Григория. Всю его жизнь отличала многогранная благотворительная и просветительская деятельность. Его имя часто значилось в числе жертвователей на различные благотворительные цели. Он был активным членом разнообразных благотворительных обществ: Ставропольского общества грамотности, Общества народного образования, Общества Красного Креста и помощи бедным, Общества по устройству народных лекций, Общества по борьбе с пьянством, Общества помощи бедным, Общества содействия воспитанию и защиты детей, Общества покровительства животным, Общества охоты, Общества велосипедного спорта, состоял в Союзе культурно-просветительских и благотворительных обществ Ставрополя. По его инициативе в Ставрополе были открыты ночлежные дома для беспризорных детей, дома для беспомощных, при которых были созданы мастерские, где обучали переплетному и столярному делу. Во время эпидемии тифа и холеры в 1886 году на Северном Кавказе он инициировал создание комитетов для борьбы с болезнями и голодом, организовал сбор пожертвований. При его участии была открыта бесплатная столовая в колокольне Кафедрального собора Ставрополя, где до 300 человек ежедневно получали горячий обед. В годы Первой мировой войны Г.Н. Прозрителев возглавил комитет помощи беженцам из Закавказья, помогал им благоустраиваться на новом месте и защищал их права.

Чем бы он ни занимался, он всегда оставался человеком, несущим свет и знания, истинным просветителем. Переселившись в Ставрополь в 1880 году он в течение десяти лет преподавал французский язык, математику и физику в Ставропольской духовной семинарии. Позже, уже в советский период он читал лекции по сельскому хозяйству и ветеринарии в совпартшколе, по археологии и этнографии – в педагогическом техникуме, по ветеринарии – красноармейцам Кавдивизии, по краеведению – во всех школах 1 и 2 ступени, в железнодорожной школе для взрослых, по истории края и Ставрополя – учителям школ. Ему постоянно нужно было быть среди людей, привлекать их на свою сторону, рассказывать обо всем, что знал сам о родном городе и крае. В 1898 году на его личные средства была создана труппа любителей Народного театра для населения окраин, в спектаклях которого часто играл он и сам. Понимая важность просвещения народа, он содействовал открытию в 1899 году первой общедоступной (публичной) библиотеки в Ставрополе им. В.Г. Белинского, предоставив для нее свой дом по Гимназической улице. При его участии был создан городской музыкальный кружок, распорядителем которого он долгое время являлся. Г.Н. Прозрителев сам прекрасно пел в церковном хоре, будучи глубоко верующим человеком. Милосердие – вот основное, что двигало им при создании благотворительных обществ, было главным в его жизни и деятельности.

Получив прекрасное домашнее образование, Григорий Прозрителев поступил в Кубанскую войсковую гимназию в г. Ейске. В 60-е годы XIX в. она считалась одним из лучших учебных заведений Северного Кавказа, отличавшимся, по оценкам современников, высоким качеством и уровнем образования. После ее окончания, в 1868 году, он становится студентом юридического факультета Петербургского государственного университета. Вскоре переводится в Московский университет, который заканчивает в 1873 году.

Студенческие годы Г.Н. Прозрителева совпали с подъемом революционного движения в России. Идеи народничества, широко распространенные в 60-70-х годы XIX в., нашли у него отклик. В это время четко обозначается и формируется его активная гражданская позиция. Он участвовал в студенческих кружках, в тайных сходках, занимался пропагандистской деятельностью. В среде народовольцев был известен под псевдонимом «Назаренко». Был близко знаком с известными народниками Андрианом и Александром Михайловыми. В 1874 году даже привлекался к допросу по Долгушинскому делу, однако суда удалось избежать. Он смог уехать за границу в качестве домашнего учителя дочерей тайного советника генерала Н.И. Свечина. Получить престижное место, у сановника такого ранга ему помогли не только хорошие рекомендации, но и ум, превосходное образование, дворянское происхождение, хорошее воспитание и манеры, а также великолепные способности педагога и опыт частных уроков, которые он давал, еще обучаясь в университете. В ходе путешествия по Европе, которое продолжалось до 1876 года, он познакомился с революционной эмиграцией Франции, Швейцарии, Германии. В агентурных сведениях департамента полиции России отмечалось, что Г.Н. Прозрителев неоднократно посещал Женеву и нелегально приезжал в Россию.

По возвращению из-за границы Г.Н. Прозрителев продолжает вести пропагандистскую и просветительскую работу, «ходит в народ» – сначала в Моздоке, позже во Владикавказе. Его не раз привлекали к дознанию: в 1876 году по поводу обнаружения в станице Уманской Кубанской области «запрещенных книг» и «прокламаций», которые как установило следствие, принадлежали Г.Н. Прозрителеву и были привезены им во время нелегального пребывания у сестры Елены Беспаловой; в 1877 году при задержании у него были обнаружены «стихи преступного содержания».

В 1878 году вместе с А.Н. Можаровой он поселился в станице Павловской (Старопавловская, позже Новопавловская Терской области), где открыл «мелочную лавку» и занялся просвещением и пропагандой революционных идей в среде местных казаков. «Хождение в народ» закончилось для Г.Н. Прозрителева арестом 26 июня 1880 года и препровождением в Ставропольский тюремный замок, где он содержался в течение месяца как «политический преступник». В июле того же года он был освобожден, но вплоть до мая 1898 года находился под «строгим негласным надзором» [11]. В течение 1880-х годов Г.Н. Прозрителев еще поддерживал связь с «политически неблагонадежными лицами», народовольцами, позже совсем отошел от политической борьбы. В 1920-х годах, в одной из анкет на вопрос «политические убеждения до 1917 года» он напишет: «...прогрессивного образа мыслей с революционно-демократической тенденцией. Ни в каких партиях не состоял» [12].

С 1881 года Г.Н. Прозрителев начал служить в Ставропольском окружном суде, сначала кандидатом на судебные должности, а с июня 1882 года – в чине губернского секретаря. В августе 1882 года он стал помощником присяжного поверенного Д.И. Евсеева. Впоследствии, до 1916 года, он занимал должность присяжного поверенного (адвоката) Тифлисской и Новочеркасской судебных палат Ставропольского окружного суда. Должность эта давала возможность ближе знакомиться с бытом, культурой и историей народов Северного Кавказа, особенно инородцев (калмыков, ногайцев, туркмен), чьими делами он в основном занимался. В ходе служебных поездок он знакомился с археологическими памятниками, собирал коллекции археологических и палеонтологических находок, холодного оружия, которые впоследствии легли в основу созданного им музея Северного Кавказа. Постепенно краеведческие изыскания стали основными в научно-исследовательской деятельности Г.Н. Прозрителева. Несмотря на это, он продолжал выполнять служебные обязанности, вести большую общественную и культурно-просветительскую работу.

В 1884 году по его инициативе и участии выходит первая частная газета на Северном Кавказе – «Северный Кавказ», пользующаяся большой популярностью среди читателей. Это общественно-политическая газета сыграла важную роль в становлении периодической печати в регионе в дореволюционный период. Она правда, не пользовалась благосклонностью местных властей. «Газета «Северный Кавказ» скорее может быть отнесена к числу бесполезных, если не вредных органов для местной власти», — писал в начале XX в. в главное управление по делам печати ставропольский губернатор. Такую оценку он объясняя тем, что личный состав редакции, куда входил и Г.Н. Прозрителев представлял собой «центр скопища лиц, заведомо неблагонадежных в политическом отношении». В газете работал и печатался известный осетинский поэт и просветитель К.Л. Хетагуров. В декабре 1907 года в Ставрополе стала выходить первая большая ежедневная общественно-политическая и литературная «Северо-Кавказская газета», продолжившая дело «Северного Кавказа». Редактором и издателем ее также являлся Г.Н. Прозрителев.

В 1880-е годы Г.Н. Прозрителев познакомился с секретарем губернского статистического комитета, известным исследователем Северного Кавказа И.В. Бентковским и историком казачества, историографом И.Д. Попко, под влиянием которых он начинает серьезно заниматься историей края, источниками по ее изучению. Краеведение и сохранение историко-культурного наследия стало смыслом и делом всей его последующей жизни. При нем, и во многом благодаря ему, оно сложилось в движение единомышленников, в специфическую форму научной деятельности, направленную на всестороннее изучение Северного Кавказа.

В 1898 году при участии Г.Н. Прозрителева Общество содействия воспитанию и защиты детей, организовало выставку «разных предметов старины, а также экспонатов естественно-исторического характера», имевшую большой успех у публики. Выставка явилась первым шагом в становлении музейного дела на Ставрополье и Северном Кавказе, прообразом будущего краеведческого музея.

В феврале 1905 года Г.Н. Прозрителев был избран членом Ставропольского губернского статистического комитета, являющегося «объединением всех местных работников, занимающихся изучением своего края» и, таким образом, играющего «роль краеведческого общества»[13]. Статистику в тот период понимали как науку об обществе в целом, что позволяло относить в разряд статистических работ исследования по истории, археологии, этнографии, географии. Под редакцией Г.Н. Прозрителева вышло 10 томов периодического издания Ставропольского статкомитета – «Сборника сведений о Северном Кавказе» (1906—1920). Материалы, помещенные в них — единственные в своем роде свидетельства исторического, археологического, этнографического, хронологического, экономического, демографического характера, которые никогда не потеряют своего значения в истории Северного Кавказа.

Г.Н. Прозрителев был инициатором, создателем и председателем Ставропольской ученой архивной комиссии (СУАК). При его активном участии на заседаниях Ставропольского статкомитета вновь стал активно обсуждаться вопрос о ее создании. Необходимость учреждения архивной комиссии назрела давно. Ставропольская губерния имела богатейшие архивы, оставленные различными учреждениями и органами управления краем, возникшими в период заселения и освоения Северного Кавказа. Первые из них появились еще в конце XVIII в. и уже к середине XIX в. были переполнены материалами и требовали разбора. Положение архивов было крайне неудовлетворительным. За их состоянием никто не следил, большая часть из них не имела даже собственного помещения, в результате чего ценнейшие источники по истории края

гибли. Чтобы избавиться от «лишних» бумаг и документов, создавались различные специальные «комиссии для разбора древних актов», которые просто списывали большую часть документов к уничтожению. В 1886 году «ученые мужи» одной из таких комиссий умудрились за несколько часов просмотреть 10—15 тысяч дел, «обрекая на уничтожение почти весь, весьма ценный Губернский архив».

В 1900 году Императорское Московское археологическое общество и его Археографическая комиссия проводили анкетирование существующих в империи архивов. Материалы по Кавказу дали печальную картину состояния архивов Ставропольской губернии[14]. Необходимость спасения документального наследия, желание с ним работать приводили передовую интеллигенцию к пониманию необходимости создания специального учреждения, которое занималось бы данными вопросами.

На заседаниях Ставропольского губернского статистического комитета, 8 апреля, 16 июля, 19 августа 1905 года были заслушаны доклады Г.Н. Прозрителева, А.С. Собриевского, Н.И. Успенского, Н.И. Чененского о необходимости образования губернской архивной комиссии и устройстве губернского исторического архива, подписано ходатайство. Ответ МВД, в котором прошение статистического комитета было удовлетворено, пришел 30 ноября 1905 года[15].

Первое заседание комиссии состоялось 17 февраля 1906 года. С этого дня ведет отсчет история архивного дела в крае. На этом заседании и был избран председателем городской нотариус, присяжный поверенный Григорий Николаевич Прозрителев. Он практически бессменно возглавлял ее до 1920 года. Лишь непродолжительный период, с мая 1916 года по июнь 1919 года комиссией руководил С.Н. Костямин, в связи с назначением в 1916 году Г.Н. Прозрителева председателем Кавказской Археографической комиссии в Тифлисе. Однако, события военного времени не позволили ему осуществить исполнение обязанностей в новом статусе[16].

Изучение журналов заседаний и отчетов СУАК показывает, что в ее составе работали действительно преданные своему делу люди, любящие свой край, серьезно занимающиеся историей и краеведением. В основном это были представители местной интеллигенции: историки, археологи, учителя, адвокаты, врачи, чиновники и служащие. Проанализировав личный состав членов СУАК, можно увидеть, что большинство из них ранее уже работало в научных учреждениях и краеведческих обществах Северного Кавказа, имело опыт научно-исследовательской деятельности, что, несомненно, способствовало плодотворной деятельности комиссии. Важным моментом было сотрудничество комиссии со столичными учеными, центральными и провинциальными археологическими и историческими обществами, а также тесная связь с другими комиссиями. Это выражалось в регулярном обмене печатными изданиями, переписке, обмене опытом.

В деятельности СУАК можно выделить несколько направлений: археографическое, научно-исследовательское, археологическое, музейное, библиотечное, издательское. При рассмотрении любой стороны деятельности комиссии следует помнить, что оставленное большое историческое наследие комиссии является итогом коллективных усилий ее членов, местных исследователей и краеведов.

На первом же заседании Г.Н. Прозрителев сделал доклад о состоянии Ставропольских архивов, в котором определил задачи и основные сферы деятельности – установление контроля за состоянием местных архивов, их разборка и научная обработка, спасение памятников и популяризация историко-краеведческих знаний.

Являясь первой по времени своего возникновения на Северном Кавказе, СУАК вынуждена была обслуживать весь регион и даже часть Закавказья, что, по мнению Г.Н.Прозрителева, поставило комиссию в «исключительные условия». Ведь требовалось разобрать огромное количество дел, накопленных с конца XVIII – начала XIX века. К примеру, только в одном архиве Губернского правления в Ставрополе на 1905 год числилось 240 тысяч дел, а всего в архивах губернии хранилось свыше 1 миллиона дел[17]. И все эти дела необходимо было разобрать, обработать, составить описи. Работы проводились согласно составленной Г.Н. Прозрителевым «Программы обследования местных архивов», которая была разослана во все уезды и волости губернии. По заполненным анкетам-вопросникам была составлена общая картина состояния архивного дела в губернии и намечены направления работы по систематизации и описанию дел. Однако сложная и важная работа по созданию исторического архива и разбору документов затруднялась крайне ограниченными материальными средствами комиссии.

Заслугой Ставропольской губернской архивной комиссии в развитии отечественной науки явилась ее деятельность по сбору и спасению от гибели письменных источников. Впервые комиссия предприняла решительные меры по сохранению историко-культурного наследия, поставив на научную основу развитие архивного дела в губернии. И в этом была большая заслуга ее председателя. На заседаниях комиссии постоянно ставились и обсуждались вопросы о поиске и публикации источников по местной истории. Были разобраны и описаны частные архивы генерал-лейтенанта И.Д. Попко и наместника Кавказского князя М.С.Воронцова, начато формирование археологического архива, содержащего 200 тысяч старых дел[18].

Вопросы сохранения многочисленных архивов губернии интересовали членов комиссии и имели основное значение в их работе. Продолжала функционировать особая архивная комиссия по разбору и уничтожению старых дел. Несмотря на то, что, по закону от 25 ноября 1896 года, в состав особой комис-

сии был введен член «местного ученого учреждения по археографии или археологии», в этом как считал Г.Н. Прозрителев, «нельзя было видеть достаточной гарантии спасения ценных исторических источников». Единственное спасение документов он видел в создании «Центрального исторического губернского архива», созданием которого и занималась комиссия. В 1911 году ставропольским губернатором была учреждена еще одна особая комиссия «для разбора губернского архива», председателем которой был назначен Г.Н. Прозрителев. Это, по мнению членов комиссии, служило «гарантией того, что дела, имеющие исторический интерес не погибнут».

В 1914 году в Петрограде проходил съезд представителей губернских архивных комиссий. Ставропольскую архивную комиссию на съезде представлял Г.Н. Прозрителев. Съезд признал за провинциальными архивами первостепенное научное значение, как хранящими ценные исторические материалы. На нем были обсуждены вопросы хранения документов в архивах местных учреждений, намечен ряд конкретных мер по охране письменных источников, дано поручение губернским комиссиям заняться разработкой специальных инструкций о порядке привоза, хранения и разбора архивных дел. Особое значение имело решение о создании при каждой комиссии губернского исторического архива. Уже 15 февраля 1915 года на заседании Ставропольской архивной комиссии были обсуждены разработанные Г.Н. Прозрителевым «Инструкция о привозе и хранении старых дел» и «Инструкция для разбора старых дел», в основу которых был положен многолетний опыт работы и наработанные приемы обращения с архивным материалом. Работа членов Ставропольской комиссии была тесно связана с археографической деятельностью, с постоянным поиском и разработкой новых приемов и методов. Благодаря их деятельности Государственный архив Ставропольского края имеет сегодня одно из богатейших на Северном Кавказе собрание дореволюционных документов.

На заседаниях комиссии не раз были отмечены заслуги «за внимание к архивному материалу и сознательному охранению его» председателя архивной комиссии Г.Н. Прозрителева. Так, однажды среди старых бумаг, предназначенных к уничтожению, им были обнаружены и спасены документы, касающиеся дела о погребении М.Ю. Лермонтова. За многолетнюю и плодотворную работу по спасению и сохранению архивных материалов, в 1913 году он был награжден орденом Станислава III степени[19]. Его часто приглашали для обследования различных архивов Кавказской области. Он был избран почетным членом ряда губернских ученых архивных комиссий, членом Московского Археологического института, Кавказского отделения Русского географического общества и многих других. Сегодня можно критически относится к применяемой им методике архивной работы, по многим теоретическим вопросам можно спорить, но ясно одно, и это показало время, что применяемый им комплексный, системный, исторический подход был единственно верным и правильным. Большое внимание он уделял вопросам научной разработки документов, организации их использования и популяризации архивных источников, во многом опережая свое время. Написанные им с болью в сердце, почти сто лет назад, слова, как никогда, актуальны и сегодня: «К сожалению, на архивы у нас мало обращается внимания и не ценится драгоценный материал, который в них содержится… Давно пора заняться упорядочением архивов и не скупиться в средствах на разработку их, так как в них ключ к уразумению многих явлений нашей современной жизни»[20].

Начав со сбора и упорядочения архивных документов, СУАК со временем превратилась в краеведческое общество, во многом определявшее направления и характер историко-краеведческих исследований в регионе. Научные интересы ее членов охватывали широкий спектр проблем местной истории. Изучение края велось на основе комплексного использования источников (письменных, археологических, этнографических). Журналы заседаний комиссии дают возможность выявить тематику обсуждавшихся вопросов, рефератов и докладов, позволяют проанализировать их содержательную сторону, увидеть, что основной была краеведческая тематика. Шла постоянная, кропотливая работа по формированию значительных по объему и уникальных по содержанию комплексов архивных и опубликованных документов по истории родного края.

Особое внимание уделяли истории заселения региона с конца XVIII века, истории основания и развития Ставрополя. Труды по истории края носили характер исследования-очерка и были научно-популярными, доступными для понимания простым людям. Члены СУАК стремились выработать у народа сознательное и добросовестное отношение к историческому опыту, привить любовь к родному краю и его истории. Это было, по их мнению, главным условием формирования национального самосознания. Исторический опыт должен был лежать в основе строительства современной жизни. Практическая значимость научных занятий заключалась в духовной связи современности с историческим опытом прошлого. Именно этому были посвящены многочисленные работы Г.Н. Прозрителева по истории, археологии и этнографии края, которых насчитывается более 200. Его обширное творческое наследие представлено не только опубликованными изданиями, но и рукописями, многие из которых еще ждут своих исследователей и читателей. Их отличает разнообразие, по сути, энциклопедический охват тем, оригинальность и стиль изложения, научный подход к работе с источниками. Среди них «Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношениях», «Путеводитель по Ставрополю (на Кавказе) и его окрестностям: Краткие исторические сведения», «Материалы для истории Ставрополя и Ставропольской губернии» «Первые русские поселения

на Северном Кавказе», «О военнопленных поляках на Северном Кавказе в войну 1812 года», «Шамиль в Ставрополе», «Шейх Мансур: К истории Кавказской войны», «К истории раскола и сектанства на Кавказе», «Древние Тебердинские могильники», «Развалины древнего хазарского города Мажары близ селения Прасковея Ставропольской губернии на реке Куме», «Архивы Ставропольской губернии», «Кавказские архивы», «Непростительная небрежность: По вопросу охраны памятников старины», «Необходимость борьбы против пьянства», «Как мы пьем и живем», «Земельный вопрос» и др.

Каждая губернская архивная комиссия имела черты неповторимости, так как объектом изучения был особый регион, с его природно-климатическими, историческими и экономическими особенностями, спецификой народонаселения, сохранностью источников и наконец способностями тех людей, которые в них работали. Имела свою специфику и СУАК, которая выражалась в этнографических и археологических исследованиях. Это было связано со спецификой региона. Северный Кавказ – регион богатый археологическими памятниками, край где и сегодня проживают многочисленные народы и народности, имеющие свою неповторимую историю и культуру. Изучение их образа жизни, повседневности, быта и являлось, по мнению Г.Н. Прозрителева, важнейшим в деятельности комиссии. Комиссия организовывала этнографические экспедиции и командировки своих членов в уезды, аулы, села, станицы для сбора этнографических материалов. Результаты поисковой работы заслушивались на заседаниях, печатались на страницах периодического издания, выходящего под редакцией Г.Н. Прозрителева – «Трудах Ставропольской ученой архивной комиссии» в разделах «Статьи по этнографии», «Статьи по истории края» и др. Всего за период 1910—1916 годов было издано 8 выпусков. Здесь помещались архивные документы, очерки и воспоминания старожилов. Все это способствовало популяризации исторических знаний, пробуждало интерес к истории родного края, способствовало развитию исторического краеведения. На страницах «Трудов» впервые была опубликована и анкета-обращение к местной общественности с просьбой заняться сбором сведений и составлением описаний местностей и народов, их образа жизни по специально предложенной программе, автором которой был член комиссии С.В. Фарфоровский.

Особенно активизировалось это направление в деятельности комиссии в связи с созданием музея Северного Кавказа и поставленной задачей – начать сбор этнографического материала, экспонатов, отражающих жизнь региона, культуру различных народов, для создания при музее этнографического отдела. Интерес представляла прежде всего культура кочевых народов: туркмен, ногайцев, калмыков. Финансовую помощь оказал Главный пристав кочующих народов Ставропольской губернии А.П. Польский. Внимание было обращено не только на их историю, но и на их современный быт, духовную культуру, религию. На основе изучения многочисленного архивного и этнографического материала Г.Н. Прозрителев пишет свои известные работы «Военное прошлое наших калмыков» и «Очерки о быте калмыков». За заслуги в деле изучения истории калмыков, их образа жизни, популяризацию знаний о них Г.Н. Прозрителеву была выражена письменная благодарность и признательность и присвоено звание «Почетного гражданина Большедербетовского улуса».

В итоге в этнографическом отделе музея были представлены богатейшие коллекции о жизни и быте калмыков, их верованиях. В Петербурге были изготовлены специальные манекены, которые были облачены в калмыцкие национальные костюмы. Здесь же были представлены собранные войлоки, деревянная и кожаная посуда, курительные трубки. Отдельно были изготовлены макеты юрт «тер». Все это давало возможность образно представить образ жизни и занятия калмыков. Интерес представлял и храмовый (хурульный) комплекс с культовыми предметами, собранными в настоящих буддийских храмах. В 1913 году в составе большой этнографической коллекции, экспонаты по истории калмыков были представлены на Всероссийской выставке в Тифлисе, где пользовались большой популярностью у зрителей и специалистов. Сегодня итогом «собирательской» деятельности членов комиссии являются богатейшие этнографические коллекции Ставропольского краеведческого музея, которые весьма разнообразны и позволяют воссоздать историю и быт народов, населяющих в прошлом ставропольские степи. В настоящее время все эти экспонаты, представляющие большую ценность и научный интерес, экспонируются в выставочном зале «Культура и быт народов Ставрополья». Дополнением к ним служат документы, архивные дела, фотоальбомы, рисунки, бережно собранные членами архивной комиссии и хранящиеся в фондах Ставропольского краеведческого музея и Государственного архива Ставропольского края.

Значительное внимание члены комиссии уделяли изучению древнейшего «доисторического» периода, главным источником по которому является археологический материал. Археологическими исследованиями и охраной памятников старины комиссия занималась вплоть до учреждения в 1920 году секции охраны памятников старины и в 1921 году Ставропольской этнолого-археологической комиссии[21]. В конце XIX — начале XX века наблюдается общественный интерес к археологии, а с началом развития краеведения он превращается в одно из направлений исследовательской деятельности местных организаций, в том числе и губернских архивных комиссий.

Большую роль в развитии данного направления в деятельности комиссии сыграл Г.Н. Прозрителев. Его всегда интересовало археологическое прошлое края. В ходе многочисленных поездок по региону он

собрал богатейшую коллекцию археологических предметов. Еще в конце XIX века он совершил первые выезды в села Летницкое и Саблинское, для обследования случайно «вскрытых» курганов, после чего это стало его постоянной заботой.

Охрана памятников древности было одним из самых сложных направлений в деятельности комиссии. Трудность заключалась, прежде всего, в огромном пространстве, которое занимала Ставропольская губерния, в силу чего невозможно было уследить за всеми памятниками, их сохранностью, а также оберегать их от разрушения и уничтожения. Свою пагубную роль играло невежество и неведение крестьян и казаков относительно значения находимых ими предметов древности, в силу чего многое выбрасывалось сразу же при обнаружении. Г.Н. Прозрителев не раз с горечью отмечал, что среди «местного населения совершенно отсутствует сознание необходимости охранять памятники прошлого». Археологические памятники часто разрушались и уничтожались в ходе хозяйственных и строительных работ. Особенно интенсивно этот процесс происходил в период заселения и освоения новых земель во второй половине XVIII – первой половине XIX века. Но наибольший вред памятникам наносили «хищнические раскопки» кладоискателей. «Нигде нет такого количества кладоискателей, как на Кавказе, — отмечалось в отчете комиссии за 1914 год, — этих людей ничего не останавливает в их поисках, а отсутствие определенных указаний в законе и строгого наказания делает их совсем неустрашимыми»[22]. Число кладоискателей увеличивалось с каждым годом, несмотря на запреты, угрозы и указы правительства. Они искали золото и старинные монеты, а в итоге уничтожали памятники. Единственное спасение Г.Н. Прозрителев видел в проведении систематических научных археологических раскопках разрушаемых объектов. Но средств на проведение крупномасштабных раскопок у СУАК не было и предпринимались лишь выезды на места разрушения памятников, производился осмотр и сбор подъемного материала.

По вопросам охраны памятников Ставропольская архивная комиссия вела переписку с Археологической комиссией, сообщала о фактах кладоискательства и мерах по борьбе с ними и охране курганов на территории Ставропольской губернии, просила выдавать ей ежегодно «Открытые листы» на право производства раскопок в пределах Ставропольской губернии, Кубанской и Тверской областях[23]. Сотрудничала комиссия и с местными северокавказскими научными обществами и музеями. Так, в 1913 году «спасательные» археологические раскопки в Нальчинском округе, проводились Г.Н. Прозрителевым совместно с попечителем Терского музея Г.А. Вертеповым и хранителем музея П.П. Распоповым. Найденные предметы были переданы на хранение в Терский областной музей.

В периодической печати отмечалось, что все интересующиеся сбором археологических предметов могут быть корреспондентами комиссии. Однако, увеличение числа неквалифицированных раскопок, заставило комиссию переориентировать добровольных помощников на сбор информации о памятниках. Комиссия вела постоянную работу по ознакомлению местной общественности с памятниками старины и древности, по сохранению и развитию исторических традиций. Самим Г.Н. Прозрителевым был написан ряд статей о роли и значении археологии, необходимости охраны памятников древности. Комиссия рассылала по уездам и волостям «вопросные листы», на предмет выявления памятников старины, археологических находок, особенно «каменных баб», находящихся у местных жителей. Для ряда археологических объектов в самом городе были заказаны металлические доски с надписями, что данный памятник охраняется государством.

Г.Н. Прозрителев не раз подчеркивал необходимость надзора за памятниками и принятии законодательных мер против кладоискателей, для изъятия у них предметов древности, а также вещей, случайно найденных при хозяйственных работах и имеющих историческую ценность. По его инициативе был организован контроль и надзор на местах за памятниками старины, «давший прекрасные результаты». Он предложил выбрать на местах сотрудников архивной комиссии из числа местных жителей, которые должны следить за состоянием археологических объектов, охранять их от посягательств кладоискателей и немедленно сообщать в комиссию о фактах их разграбления и разрушения. В их обязанности также входило и проведение просветительной работы среди населения о ценности и научном значении памятников. Таким сотрудникам выдавались специальные удостоверения, подтверждающие их полномочия и разовое вознаграждение, в зависимости от ценности информации и находок. Сотрудниками комиссии были избраны: крестьяне Т.Д. Щегольков, А.С. Рыжков, учитель М. Севастьянов, служащий городской управы А.А. Соколов. В их обязанности входило составление краткого описания курганов, расположенных вокруг села, с указанием их состояния, а также покупка для комиссии случайных находок у населения, запись преданий и поверий о кладах, городищах. Они следили за ходом хозяйственных работ на землях своих селений, отправляли найденные вещи в архивную комиссию. Сотрудникам выдавались командировочные удостоверения, им разрешалось приобретать для комиссии находки и монеты[24]. Они обладали широкими полномочиями. При содействии полиции имели право воспрепятствовать незаконным раскопкам и отобрать найденные вещи. Деятельность их на местах способствовала разъяснению среди населения значения для исторической науки находимых предметов и это «живое общение и живое обучение действовало лучше всяких запретов и административных распоряжений».

В ежегодных отчетах СУАК в разделе «Археология. Раскопки» отмечалось, что из-за отсутствия финансов и специалистов-археологов систематических научных раскопок на территории губернии не прово-

дилось, однако совершалось большое количество выездов членов комиссии на разрушаемые объекты по тревожным сигналам сотрудников и проведение спасательных работ. В своей археологической деятельности комиссия опиралась на научную и методическую помощь центра, прежде всего Московского археологического общества, вело активную переписку и обмен изданиями с Императорской Археологической комиссией, с Императорским Русским историческим обществом. Важным направлением здесь был сбор археологических сведений и информации для центральных обществ и учреждений, путем распространения в губернии всевозможных анкет, вопросников, программ. Свою роль сыграли и археологические съезды, которые объединяли и координировали научные исследования в провинции, были школой повышения научной квалификации провинциальных историков и археологов. На съездах результаты археологических исследований проходили научную апробацию, шло ознакомление с новой методикой изучения археологических памятников, устраивались археологические экскурсии и археологические выставки. Так, например, результаты совместных археологических работ Г.Н. Прозрителева и представителя Московского археологического общества В.А. Городцова были представлены на XIV Археологическом съезде, состоявшемся в 1909 году в Чернигове[25]. На XV Археологическом съезде в Новгороде в 1911 году представителем Ставропольской архивной комиссии Л.Я. Апостоловым были зачитаны доклады Г.Н. Прозрителева по вопросам археологии Северного Кавказа[26]. По итогам работы в 1916 году отчет Ставропольской архивной комиссии был представлен Императорским Русским историческим обществом Великому князю Николаю Михайловичу и получил высокую оценку. На продолжение «собирания и дальнейшей разработки памятников старины» СУАК было выделено единовременное пособие 2000 рублей.

Большим препятствием для археологических работ на Северном Кавказе являлось отсутствие сведений о месторасположении большинства памятников. Много времени уходило на поиски, что затрудняло проведение охранных мероприятий. Вот почему наряду с раскопками в круг занятий комиссии входил сбор первичной информации и составление археологической карты губернии. Члены комиссии под руководством Г.Н. Прозрителева начали заниматься сбором сведений, фиксацией и описанием памятников Ставропольской губернии. Ряд сведений о наличии в определенных частях губернии памятников археологии давали случайные находки, изучение местных преданий и легенд, данных письменных источников, а также сведения иностранных авторов об археологических памятниках Кавказа, сделанные в конце XVIII — начале XIX века. Результаты проведенных членами комиссии обследований, легли в основу составленной в 1926 году Г.Н. Прозрителевым Археологической карты Ставропольской губернии и пояснительной записки к ней[27].

С именем Г.Н. Прозрителева связано и изучение христианских храмов за Кубанью. С целью их осмотра он в 1909 году совершил поездку в Кубанскую область, осмотрел развалины древних построек древнехристианских памятников в долинах р. Большой и Малый Зеленчук, Бежгон, Кяфар, Теберда, Хумара, Марух. Результаты археологических исследований нашли отражение в его публикациях и статьях. Наиболее значительными археологическими исследованиями в этот период можно назвать работы под руководством Г.Н. Прозрителева на месте древнего города Маджар в 1906 году. Г.Н. Прозрителев собрал все известные сведения о маджарских находках и об истории изучения города, старые планы и чертежи, съемки землемерами территории развалин, описал надписи с надгробных плит и найденные находки, особенно монеты. Его постоянные поездки на место развалин Маджара, публикации, посвященные его истории и описанию его древностей, доклады, привели к тому, что данный памятник привлек к себе внимание столичных ученых. В 1907 году Г.Н. Прозрителев написал письмо председателю Московского археологического общества графине П.С. Уваровой, к которому приложил научный доклад об историческом значении Маджар и необходимости его систематического изучения. Вследствие этого, летом 1907 года на Маджары был командирован представитель Московского общества В.А. Городцов. Переписка Г.Н. Прозрителева и В.А. Городцова накануне экспедиции, дает возможность представить задачи, стоящие перед ней, этапы ее подготовки[28]. Ход раскопок Маджара документировался в полевых дневниках, которые вместе с отчетом, фотографиями и рисунками были отправлены в Археологическую комиссию[29]. Важнейшим результатом работ явились исследование погребений сарматской и золотоордынской эпох, остатков зданий XIV века, многочисленных монет, а также выяснение особенностей архитектуры Маджара. После этих работ был окончательно решен вопрос с определением принадлежности города к татаро-монгольской эпохе. Было признано, что это золотоордынский город, время расцвета которого падает на XIV век. Своеобразную летописную хронику экспедиции представляют личные дневники В.А. Городцова за 1906—1907 годы и 1907—1908 годы[30]. Они показывают насколько сложна и трудна была работа археологов, как много проблем приходилось решать самостоятельно. Это было первым научным исследованием Маджар и единственными, в своем роде, вплоть до 1989 года. Самым важным был вывод о том, что «Маджары в XIV веке являлись весьма крупным культурным центром всех тюркских народов, осевших в областях Северного Кавказа». В.А. Городцов первые предположил, на основе анализа этнографических источников, что «город или его развалины были обитаемы в XVI веке». Проблема существования Маджар в поздний период является актуальной и в современной историографии.

В сентябре 1909 года на развалинах Маджар исследования продолжил уже сам Г.Н. Прозрителев. Почти все найденное на Маджарах передавалось в музей Северного Кавказа и в итоге составило богатейшую коллекцию, единственную в своем роде по маджарским древностям. Часть материалов были перевезены в Москву и сегодня находятся в фондах Государственного исторического музея. Совместные работы на Маджарах Г.Н. Прозрителева и В.А. Городцова дали много ценных и интересных материалов, позволили ввести уникальный памятник археологии в научный оборот.

Специфика и универсальность научной деятельности архивной комиссии, связанная с разбором и комплектованием материалов по истории, археологии, этнографии, обусловили возникновение при ней музея. Музей имел всеобъемлющий краеведческий характер и осуществлял большую научно-исследовательскую, собирательную и просветительную работу, превратившись, по сути, в крупнейший центр науки и культуры края. Он был создан по инициативе Г.Н. Прозрителева и А.С. Собриевского совместными усилиями Ставропольского губернского статистического комитета и Ставропольской ученой архивной комиссии[31].

В апреле 1905 года состоялось заседание губернского статкомитета, на котором были избраны члены Попечительства музея Северного Кавказа, среди них был и Г.Н. Прозрителев. На заседаниях Попечительства были разработаны программы 7 отделов музея. Устройство исторического отдела было поручено Г.Н. Прозрителеву. Ход обсуждения программ и задач будущего музея широко освещался на страницах «Ставропольских губернских ведомостей». За основу была принята концепция, разработанная Г.Н. Прозрителевым, основанная на обобщении опыта музейного дела России и зарубежных стран. Главным в ней был подход к музею, как к научному учреждению. «…Собранное в музее сокровище должно оживать, – писал он, – в посильных научных изысканиях и определениях в зависимости последующих культурных преобразований от тех темных и подчас неясных периодов, которые, по-видимому, бесследно отошли в вечность»[32].

Официальное открытие музея состоялось 5 ноября 1906 года. Сосредоточение в музее результатов научно-исследовательской деятельности членов архивной комиссии способствовало формированию историко-археологической и этнографической направленности его коллекций, приобретению краеведческого профиля. Музей Северного Кавказа имел краеведческий характер с естественно-историческим и историко-культурным уклоном и в своем изучении и исследовании жизни края охватывал период от древности до начала XX века. Такой характер музея во многом объяснялся отсутствием на Северном Кавказе в то время подобных учреждений.

Задачами музея как научно-исследовательского и просветительного учреждения являлись: сбор научных коллекций и отдельных экспонатов; хранение их, обработка, исследования и систематизация; разработка научных проблем; просветительская работа; организация публичных бесед и чтений, доклады и лекции, курсы по краеведению; устройство постоянных экскурсий и научных конференций; организация и проведение археологических и этнографических экспедиций по краю. Музей насчитывал 20 тысяч экспонатов, сосредоточенных в отделах: археологическом, историческом, этнографическом, естественноисторическом, сельскохозяйственном, военном, ветеринарном, палеонтологическом, кустарном, промышленном.

Возникший по частной инициативе, музей первоначально существовал и развивался лишь на личные средства основателей, пожертвования и пополнялся благодаря энергии и старанию членов Попечительства, архивной комиссии и статистического комитета. Много личных средств было израсходовано на содержание музея лично Г.Н. Прозрителевым. Так, в 1910 году он пожертвовал на нужды музея и СУАК 1500 рублей подаренные ему в знак благодарности за разрешение одной судебной тяжбы. 5 апреля 1910 года в селе Казинке Ставропольской губернии был найден знаменитый Казинский клад, состоящий из 19 золотых предметов сарматского времени, общим весом почти 16 кг[33]. Клад передали в Эрмитаж, а вознаграждение в размере 37 тысяч рублей выплатили крестьянину Алейникову, нашедшему сокровища в собственном огороде. Свою долю стал требовать бывший владелец земли, продавший ее Алейникову за год до находки. Урегулировать конфликт взялся Г.Н. Прозрителев и разрешил его. Из пожертвованной суммы 860 руб. было израсходовано на приобретение коллекции антиквариата для музея Северного Кавказа. В 1918 году он подал прошение о принятии в дар для архивной комиссии и музея Северного Кавказа «участка земли из своих владений» для строительства помещения под музей. «…Заботясь о прочности существования Ставропольской ученой архивной комиссии и Ставропольского музея Северного Кавказа, — писал он, — я пришел заключению, что, имея собственное помещение, эти учреждения не будут в зависимости от различных случайностей, возможных при помещении их в зданиях наемных… Желая обеспечить дорогие для меня учреждения с этой стороны, я приношу в дар Ставропольской ученой архивной комиссии участок земли из моего усадебного места в губернском городе Ставрополе по Николаевскому проспекту и Соборной улице №4. Делая этот дар, я уверен, что мои дорогие товарищи по комиссии теперь и после меня тщательно сохранят все собранное мною в музее с любовью и таким трудом, и, оберегая и трудясь над разработкой собранного, сохранят ту же сердечность, какая отличала нашу комиссию при мне»[34].

С музеем связано и имя его заведующей (с 1911 года), жены и помощницы Г.Н. Прозрителева, Александры Николаевны Можаровой, которая посвятила себя служению большому делу просвещению народа.

Ее увлекательные экскурсии по музею, забота о его благоустройстве превратили музей Северного Кавказа в «общего любимца». Количество посещений заметно росло: в 1913 году музей посетило 13848 человек, в 1914 — 19205 человек, в 1915 — 22389 человек, в 1916, за 9 месяцев — 22825 человек, в 1917, за 6 месяцев — 15745 человек[35]. Этот факт был в 1916 году отмечен председателем Императорского Русского исторического общества в рескрипте на имя А.Н. Можаровой: «...такого обилия и наплыва публики, каковой наблюдается в вашем музее Северного Кавказа нет даже в столичных музеях»[36].

Музей Северного Кавказа был гордостью архивной комиссии, в основу его легли богатейшие личные коллекции ее председателя и членов. К музейной деятельности Г.Н. Прозрителев относился также страстно, как и к научной. Вопросы хранения и систематизации музейных коллекций, создание новых экспозиций, научно-просветительская работа неизменно занимали его внимание. Богато был представлен и Археологический отдел, который отражал прошлую жизнь Ставрополья. Этот отдел был его особой заслугой и впоследствии носил его имя. Музей был детищем Г.Н. Прозрителева, его любовью и жизнью. Он с трудом перенес объединение музея с музеем наглядных учебных пособий им. М.В. Праве, в ходе очередной реорганизации 1927 года. Против этого волевого административного решения он выступал, желая сохранить музей Северного Кавказа в его краеведческом виде. Однако слияние музеев состоялось и уникальные краеведческие коллекции постепенно растворились среди других экспонатов. Г.Н. Прозрителев был избран почетным председателем музейного совета объединенного музея. Тогда же ему была назначена персональная пенсия. С 1993 года Ставропольский государственный краеведческий музей носит его имя.

Деятельность Г.Н. Прозрителева, как и других членов архивной комиссии, отличали черты, свойственные настоящим краеведам и музейным работникам, — интерес к экспедиционной жизни, умение описать объективно все стороны найденных археологических предметов, мастерство собирателей и кабинетных исследователей.

Таким образом, при непосредственном участии Г.Н. Прозрителева, в начале XX века на Ставрополье оформляется структура учреждений, занимающихся краеведческими исследованиями: Ставропольский губернский статистический комитет, занимающийся сбором и обработкой административно-хозяйственных данных и изучением современного состояния края, а также историческими и этнографическими исследованиями; Ставропольская ученая архивная комиссия, в обязанности которой входило – организация архивов, разбор документов, «разыскание, описание и объяснение всяких других памятников старины» и Ставропольский музей Северного Кавказа, который занимался сбором и обработкой коллекций предметов материальной и духовной культуры, вел просветительскую работу среди населения. В определенный период времени всеми тремя учреждениями фактически руководил Г.Н. Прозрителев[37]. Сформировавшаяся структура играла роль своеобразного краеведческого центра провинции.

Революционные события 1917 года активизировали деятельность губернских ученых архивных комиссий. Они приобрели значение главных хранителей исторических памятников и культурных традиций на местах. Главным направлением их деятельности становится спасение и сохранение разнообразных памятников археологии, истории и культуры. Ставропольская комиссия принимала все возможные меры для спасения памятников, обращалась с соответствующими воззваниями к населению через местную печать. Политическая нестабильность в стране и регионе вела к гибели и уничтожению многих памятников. Из-за отсутствия закона об охране историко-культурного наследия шла открытая распродажа национального богатства.

Создание государственной системы организации науки и архивной отрасли связано с октябрьскими событиями 1917 года и декретом СНК РСФСР от 1 июня 1918 года «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР», который признал все архивные документы общегосударственной собственностью, включил их в Единый государственный архивный фонд республики. После декрета от 31 марта 1919 года, когда все исторические архивы, находящиеся ранее в ведении губернских ученых комиссий, были включены в состав единого государственного архивного фонда и в подчинение управлению архивных фондов, началось упразднение губернских ученых архивных комиссий.

В августе 1920 года прекратила свою деятельность и Ставропольская архивная комиссия. Ее дело продолжила Губернская Секция по делам музеев и охраны памятников искусства и старины (1920) и музей Северного Кавказа, возглавлял которые Г.Н. Прозрителев. Постановлением губревкома от 30 августа 1920 года было создано Губернское архивное управление[38]. В мае 1921 года ему было передано здание Духовной консистории, где «был образован архивный городок», куда стали свозить документы из разных мест их хранения.

В 1920-е годы Г.Н. Прозрителев избирается членом Центрального Бюро Краеведения, занимается большой организационной работой, связанной с развитием краеведения на Северном Кавказе, участвует во всероссийских и региональных краеведческих, археологических и архивных конференций. В 1921 году он был приглашен на I Всероссийскую конференцию архивных деятелей, проходившую в Москве. В своем приветствии он отмечал значение местных архивов и большую роль Ставропольской архивной комиссии в разработке и спасении архивов, необходимость продолжить это дело. В 1922 году он пишет работу

«Великое значение наших архивов»[39], в которой показывает роль архивов в сохранении и сбережении письменных источников по истории освоения и заселения Северного Кавказа, истории Кавказской войны, предостерегает от пренебрежительного отношения к ним и их богатствам. Отражает основные направления и принципы деятельности советских органов власти в архивном деле, особо подчеркивая необходимость подготовки специалистов, без которых происходит «оставление архива в положении склада писаной бумаги без выявления его значения». В статье приводятся интересные сведения об истории создания Ставропольского архива, пополнения его фондов за счет перевода части дел Моздокского, Кизлярского и Астраханского архивов, наиболее ранние дела которых были датированы 1708 г. Упоминаются дела касающиеся восстаний Разина и Пугачева.

Г.Н. Прозрителев продолжает активно работать в новых учреждениях и организациях, занимаясь делом изучения и сохранения историко-культурного наследия. Участвует в организационных работах по учреждению первого советского научного учреждения по изучению и исследованию края – Ставропольской этнолого-археологической комиссии, которая была создана в мае 1921 года. Работа комиссии проходила в тесном сотрудничестве с музеем Северного Кавказа. В Этнолого-археологической комиссии и музее Г.Н. Прозрителев работал до конца своей жизни. При его участии были организованы археологические экспедиции на разрушаемые объекты: 1922 – Кумо-Манычская; 1924 – на раскопки Большого кургана на старой Татарской дороге, в окрестностях г. Ставрополя; 1929 – на исследование курганов около села Донского и села Старомарьевского[40]. Проведенные археологические обследования дали богатейшие материалы, пополнившие фонды археологического отдела музея. Особо следует отметить раскопки Большого скифского кургана около Ставрополя в 1924 году, которыми он руководит, несмотря на свой 75-летний возраст[41]. Они и сегодня являются одной из ярких страниц в изучении скифской культуры Ставрополья.

Г.Н. Прозрителев оставил свои статьи и книги об археологических памятниках края и многочисленные рукописи, последняя из которых датирована 1932 годом, которые не утратили своего значения и по сей день. Сегодня его работы представляют интерес не только для историков, этнографов, археологов, но и для всех кто интересуется прошлым края. Заложенные им основы изучения губернии в историческом и археологическом отношении, способствовали дальнейшему развитию историко-археологических исследований, в которых прослеживается преемственность научных интересов и проблем. Его заслуги были высоко оценены уже его современниками. По случаю 45-летия общественной деятельности «старейшего краеведа-археолога Г.Н. Прозрителева» 25 марта 1928 года отмечалось: «Мы не можем не чувствовать глубочайшего уважения к общественной деятельности Григория Николаевича, которой было бы достаточно для того, чтобы сделать его жизнь вполне полезной и ценной для нашего края… Еще большую роль сыграл Григорий Николаевич как научный работник, отдавая силы изучению своего родного края, научные труды Григория Николаевича ставят его на первое место среди наших краеведов».

Умер Г.Н. Прозрителев 21 ноября 1933 года на 85-м году жизни и был захоронен на Успенском кладбище, рядом с церковными стенами. Расходы по организации похорон, установлению каменного надгробия с оградой, взял на себя местный горисполком, принимая во внимание его «большие заслуги перед наукой и городом». Однако с годами надгробие разрушилось, могила была забыта и утеряна. Возрождение имени стало возможным благодаря заботам и усердию сотрудников Ставропольского краеведческого музея и Государственного архива Ставропольского края. Это они сохранили память о русском интеллигенте, скромном, талантливом человеке – Григории Николаевиче Прозрителеве, сохраняя его личный и служебный архив, пополняя его все новыми документами. Благодаря их инициативе и ходатайству был поставлен и положительно решен вопрос о присвоении Г.Н. Прозрителеву звания Почетного гражданина Ставрополя. В 1990 году, в День города, на аллее почетных граждан в центре Ставрополя появилась еще одна стела с бюстом. Впервые была она поставлена не революционеру, не герою войны и труда, а представителю русской интеллигенции, просветителю, общественному деятелю, историку-краеведу Григорию Николаевичу Прозрителеву.

При помощи родственников и прежде всего внука Григория Николаевича, капитана I ранга, члена совета ветеранов Москвы Н.А. Прозрителева была найдена и могила ученого-подвижника на старейшем кладбище города. Среди старых, потускневших от времени надгробий, вековых деревьев и тишины, в один из осенних дней 1990 года состоялась гражданская панихида с участием общественности города и родственников Г.Н. Прозрителева, был открыт памятник-обелиск, на котором высечены слова: «Григорий Николаевич Прозрителев, 1849—1933. Историк, кавказовед, общественный деятель и основатель Ставропольского музея».

Григорий Николаевич Прозрителев был не просто ученым, он был ученым-подвижником, патриотом. Таким он вошел в науку, таким оставался до конца своих дней, несмотря на тягчайшие испытания, которые выпали на его долю, на долю людей его поколения. Пройдя через трудности он сохранил главное – жизнеутверждающее начало, неутомимую трудоспособность, самозабвенную преданность науке. И справедливо было замечено его современниками «такие как он, делали черновую работу, трудную, долгую, но необходимую для науки».

Ï ðè ì å÷à í èÿ

1. Ставропольский государственный краеведческий музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве (СГКМ). Ф.4.
2. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 198.
3. Там же. Ф. Р-1076.
4. Там же. Ф. 80.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102.; ГАСК. Ф. 3816.; СГКМ. Ф.2.
6. Библиографический указатель статей и отдельных изданий Г.Н. Прозрителева – Ставрополь, 1922.; Библиографический список трудов Г.Н. Прозрителева // Ставропольский хронограф на 1999 год. Краеведческий сборник. – Ставрополь, 1999. С. 83—85.; Библиография основных трудов Г.Н. Прозрителева по истории и археологии Северного Кавказа // Интеллигенция Северного Кавказа в истории России. Межрегиональный сборник научных стаей. – Ставрополь, 1997. С. 92—93.
7. Историки-кавказоведы. Прозрителев Григорий Николаевич // История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965. С. 482.; Сорокопятилетний юбилей Григория Николаевича Прозрителева. – Ставрополь, 1929 г.; Лунин Б.В. 45-летний юбилей Г.Н.Прозрителева. // Краеведение на Северном Кавказе. – 1928. — № 1—2. — С. 134—136.; То же. Известия Центрального бюро краеведения. — 1928. — № 2. — С. 29—30.
8. Лунин Б.В. Прозрителев Григорий Николаевич: [Некролог] // Проблемы истории докапиталистических обществ. — 1934. — № 2. – С. 100—103; То же: Советское краеведение в Азово-Черноморском крае: Третий сборник краеведческих материалов / Под редакцией председателя ЦБК А.А. Канчеева. – Р/Д, 1935. — С. 164—168.
9. Охонько Н.А. Общественный деятель, просветитель, краевед // Северо-Кавказский регион. Информационно-аналитический вестник. – 1998. — № 3. – С. 68—71.; Белоконь В.В. Григорий Николаевич Прозрителев (К 150-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 1999 год. – Ставрополь. 1999. – С. 73—77.
10. Прозрителевские чтения: Сборник материалов научно-практической конференции. Выпуск 1. – Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 2005. *Из содерж.:* Ашихмина А.В. Благотворительная библиотечная деятельность Г.К. Праве и Г.Н. Прозрителева. – С. 10–14; Дронов А.В. Вклад Г.Н. Прозрителева в изучение исторического и природного наследия населенных пунктов Петровского района. – С. 50–52; Колесникова М.Е. Начало историографического изучения Северного Кавказа: Г.Н. Прозрителев. – С. 55—57; Нахаева И.В. Рукописи Г.Н. Прозрителева как источник по изучению социально-экономической структуры кочевых обществ степного Предкавказья конца XIX – начала XX вв. – С. 86—89; Охонько Н.А. Г.Н. Прозрителев и его вклад в основание Ставропольского краеведческого музея. – С. 101–104; Поддубная О.Е. Отсутствующая «Другая» в трудах Г.Н. Прозрителева. – С. 104–105; Савенко С.Н. Вопросы развития музейного дела и охраны культурного наследия в переписке Г.Н. Прозрителева с Д.М. Павловым и другими кавминводскими археологами-краеведами. – С. 109—114; Сокол О.В. Г.Н. Прозрителев – сотрудник Ставропольского губернского статистического комитета. – С. 121—123; Яцукова Л.В. Вклад Г.Н. Прозрителева в развитие периодической печати Ставрополья. – С. 144 – 147.
11. ГАСК. Ф. 149. Оп. 1. Д. 509. Л.2-10.; Д. 510. Л. 58 об. – 60; Д.518. Л. 92, 103, 110.
12. ГАСК. Ф. Р-1076. Оп. 1. Д. 9. Л. 59.
13. СГКМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 49.
14. Архив института истории материальной культуры РАН (Архив ИИМК РАН). Ф. 4. Оп. 1. Д. 250, 1900. Л. 2.
15. ГАСК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 92. Л. 1, 2, 27.; Ф. 198. Оп. 1. Д. 1. Л. 2об.
16. ГАСК. Ф. 198. оп. 1. д. 22. Л. 17; СГКМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 7.
17. СГКМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 1—5.
18. ГАСК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 21. Л. 27.
19. СГКМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 301.
20. Прозрителев Г.Н. Военное прошлое наших калмыков // Труды СУАК. – Ставрополь, 1912. —Вып. 3. — Введение.
21. ГАСК. Ф. Р-645. Оп. 1. Д. 7. Л. 3, 5.
22. Там же. Ф. 198. Оп. 1. Д. 23. Л. 10, 12.; Д. 36. Л. 22.
23. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69, 1887. Л. 21—21об, 595—600, 807—811.; ГАСК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 11. Л. 20, 29.; Д. 22. Л. 18.
24. ГАСК. Ф. 198. Оп. 1 Д. 13. Л. 15—17..; Д. 23. Л. 1, 11, 21.; Д. 24. Л. 17.
25. Труды XIV Археологического съезда в Чернигове в 1909 г. — М., 1911. — Т. 3. — С. 162—208.
26. Апостолов Л.Я. Труды Ставропольской ученой архивной комиссии по археологии и работы председателя ее Г.Н.Прозрителева // Труды XV Археологического съезда в Новгороде в 1911 году. — М., 1914. — Т. 1. — С. 108—111.
27. СГКМ. Ф. 2. Ед. хр. 43.

28. Отдел письменный источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 431. Оп. 1. Д. 426. Л. 55—60.
29. Архив ИИМК РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 72.
30. ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 329. Л. 212—224, 226—239.
31. ГАСК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 92. Л. 1, 9, 17об.; Ф. 198. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.; Д. 36. Л. 31об.
32. Там же. Ф. Р-1076. Оп. 1. Д. 8. Л. 15.
33. Придик Е.М. Новые Кавказские клады. Материалы по археологии России. — Пг., 1914. — № 34.
34. Там же. Ф. 198. Оп. 1. Д.1. Л. 29, 33.
35. Там же. Д. 32. Л. 25.
36. Там же. Д. 11. Л. 87.
37. СГКМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 301.
38. ГАСК. Ф. Р-154. Оп. 1. Д. 47. Л. 1.; СГКМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 83, 85.
39. СГКМ. Ф. 2 Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 1—5.
40. ГАСК. Ф. Р-645. Оп. 1. Д. 9.; СГКМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 18-28.
41. ГАСК. Ф. Р-1076. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.; Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 115, 1925.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Колесникова М.Е. Ставропольские краеведы // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Антология / Под ред. проф. В.А.Шаповалова, проф. К.Э.Штайн. — Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2007. — С. 1101—1112.

Â.Â. Áåëîêîíü
Âêëàä Ã. Í. Ïðîçðèòåëåâà â ðàçâèòèå àðõèâíîãî äåëà íà Ñòàâðîïîëüå

В начале нашего столетия Г.Н. Прозрителев был одним из крупнейших знатоков архивов Ставропольской губернии. Ему принадлежит большая заслуга в спасении от гибели многих ценных дореволюционных архивов края. В течение 12 лет на общественных началах он возглавлял Ставропольскую ученую архивную комиссию, одним из организаторов которой являлся. Это была единственная на Северном Кавказе организация, положившая начало целенаправленному развитию архивного дела и пытавшаяся решать вопросы с научных позиций. Впервые более чем за столетнюю историю губернии комиссия при самом активном участии Г.Н. Прозрителева предприняла серьезные, решительные шаги по сохранению документального и культурного наследия, сформулировав новый подход к архивным документам как к историческим памятникам.

Нужно отметить, что уже к середине прошлого столетия большинство архивов Ставропольской губернии было переполнено старыми документами. В них отложились важные материалы по истории края, начиная с середины XVIII века: по истории его заселения и освоения, землепользования, социально-экономического и культурного развития, о быте и нравах населения и т.д. Не видя в старых бумагах никакой пользы, чиновники всякими путями старались избавиться от них как от ненужного «хлама»: документы сваливали кучами в подвалы, сараи, чердаки, чуланы, где они плесневели, гнили, повреждались крысами и мышами; их выбрасывали, жгли, использовали для переплета книг, на оклейку стен, в качестве оберточной бумаги; продавали на аукционных торгах как макулатуру.

Такая варварская расправа с архивными документами проводилась бесконтрольно, что было причиною гибели многих ценных в историческом отношении материалов. Так, например, на рынках Ставрополя еще в начале нашего столетия нередки были случаи, когда продукты заворачивались в ... указы Петра I и Екатерины II, подлинные документы XVIII века. Такая же участь могла постичь и уникальные материалы о погребении М.Ю. Лермонтова, если бы Прозрителеву случайно не удалось их обнаружить и вовремя изъять из кучи бумаг, приготовленных к уничтожению.

Только в 1905 году при непосредственном участии Григория Николаевича было обращено серьезное внимание на архивы Ставропольской губернии. По инициативе Прозрителева в этом году было проведено анкетирование архивов, которое показало крайне тяжелое состояние дел и послужило основанием для создания в следующем, 1906 году, Ставропольской ученой архивной комиссии. Большинством голосов председателем комиссии был избран Г.Н. Прозрителев.

Деятельность комиссии и ее председателя была многогранна. Комиссия обследовала и изучала архивы учреждений и организаций, приводила в порядок документы, изучала их состав, контролировала отбор на постоянное хранение и выделение к уничтожению утративших практическое и историческое значение. Очень важно, что в то время, когда администрация, чиновники все внимание сосредотачивали на уничтожении ненужных с их точки зрения бумаг, комиссия ставила вопрос иначе – о необходимости сохранения ценных в историческом отношении документов. Это был новый подход к документальному наследию.

При этом особое внимание обращалось на те архивы, которым угрожала гибель: архивам ликвидированных учреждений, с плохими условиями хранения документов. Нужно отметить, что холодные и сырые помещения, беспорядочное нагромождение большого количества дел, отсутствие описей на них – таковы были типичные условия, в которых находились в это время архивы учреждений и организаций. Не столь уж редки были случаи, когда «хозяйничали» в них крысы. «Сидишь, разбираешь дела, а крыса у тебя из рук дело тянет», – отмечает современник.

Особую озабоченность вызывали волостные архивы, находившиеся в еще более плачевном состоянии, чем архивы в городах. Выезжая по адвокатским делам в села губернии, Г.Н. Прозрителев всякий раз выкраивал время для осмотра волостных архивов и оказания им необходимой помощи. Так, только в 1914 году он посетил 72 таких архива. Со временем ему, как председателю комиссии, удалось добиться выделения для целого ряда волостных архивов отдельных комнат с хорошими условиями для хранения документов: сухих, безопасных в пожарном отношении.

Г.Н. Прозрителев, как и другие члены комиссии, принимал активное участие и в разборе, приведении в порядок архивов в городе Ставрополе. Так были разобраны и описаны документы губернского правления, казенной палаты, городского полицейского управления, городской управы, окружного суда и других. За деятельное участие в спасении от гибели и упорядочении архивов в 1913 году он был награжден орденом св. Станислава III-й степени.

С предоставлением комиссиям свободы в решении вопросов экспертизы ценности документов Г.Н. Прозрителевым были разработаны «Правила» и «Инструкция для разбора дел», которые облегчали

работу с документами. Это был первый опыт местных методических разработок в области архивного дела. Несмотря на несовершенство, они внесли свой вклад в развитие архивоведческой теории.

Григорий Николаевич заботился не только о спасении архивных документов, но и их научной разработке, широком использовании, популяризации. Он автор многих работ по истории края, написанных на основе архивных документов. Под его редакцией вышло в свет восемь выпусков «Трудов ученой архивной комиссии», два «Сборника сведений о Кавказе», в которые вошли статьи, очерки, воспоминания и другие материалы по истории, археологии, этнографии, архивному и музейному делу, охране памятников старины Ставрополья и Северного Кавказа. Большая часть статей и очерков в них была написана по архивным сведениям, впоследствии утраченным. По инициативе Г.Н. Прозрителева в сборниках опубликованы тексты многих интересных архивных документов и их тематические подборки, архивные описи. Из них особое внимание обращают на себя основополагающие документы по истории города Ставрополя и обзорные материалы, характеризующие Кавказский край и Ставрополь с конца XVIII века до середины прошлого столетия. Это такие важные документы, как «Наказ 1797 года о разделении казенных селений на волости и о порядке внутреннего их управления», план Ставропольской крепости 1778 года, извлечения из «хозяйственного описания Астраханской и Кавказской губернии по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству…», составленного в 1804 году бывшим директором народных училищ Астраханской и Кавказской губернии Ровинским, «Описание части Кавказской области между речками Егорлыком, Калаусом и Манычем, составленное капитаном Петуховым в 1843 году» и многие другие. Из-за нехватки средств у комиссии на издательскую деятельность Г.Н. Прозрителев неоднократно жертвовал на это свои личные сбережения. Несмотря на недостатки, издания комиссии внесли значительный вклад в развитие краеведения, в создание источниковой базы для разностороннего изучения прошлого Ставрополья. У современников они будили интерес к истории края, активно пропагандировали необходимость сохранения памятников прошлого. Не потеряли они значения и сегодня, к ним по-прежнему очень активно продолжают обращаться исследователи при разработке краеведческих тем.

Григорию Николаевичу удалось объединить в комиссии краеведов и видных ученых. Среди членов комиссии были С.В. Фарфоровский, М.И. Ермоленко, М.В. Краснов, внесшие определенный вклад в развитие краеведения, известный литературовед, публицист Б.Л. Модзалевский, историк С.Ф. Платонов, палеонтолог, профессор Московского университета М.В. Павлова. Как свидетельствуют архивные документы, при Прозрителеве в комиссии отмечалась особая сердечность в отношениях между ее членами. Комиссия поддерживала связи с другими архивными комиссиями, Русским историческим обществом, археологическим институтом, рядом других научных организаций России.

Основная тяжесть не только организационной, но и практической работы комиссии лежала на Григории Николаевиче. Без преувеличения можно сказать, что своими достижениями комиссия во многом обязана именно ему. Несмотря на большие трудности в работе (наличие ведомственных и частновладельческих барьеров в архивном деле, отсутствие координирующего центра в общероссийском масштабе, большую ограниченность прав и возможностей комиссии как общественной организации, отсутствие квалифицированных специалистов и необходимых материальных средств) и на отношение к комиссии как к «пустой затее», ей удалось добиться определенных успехов. Одна из самых значимых из них – спасение и сохранение одного из самых богатых на Северном Кавказе собраний дореволюционных фондов, составляющих основу дореволюционных материалов Государственного архива Ставропольского края.

Имя Прозрителева было широко известно не только в Ставропольской губернии, но и за ее пределами. Он был одним из активных участников съезда представителей ученых архивных комиссий России в мае 1914 года, где выступил с сообщением об опыте работы Ставропольской комиссии, предложениями по улучшению деятельности ученых архивных комиссий, при обсуждении всех наиболее важных вопросов.

Конечно, по многим конкретным вопросам архивной теории и практики можно было бы поспорить с ним, но по сути, как показывает время, верен был его подход к работе с архивами. Это был действительно научный, комплексный, системный, исторический подход. Говорят, зрелость общества определяется его отношением к памятникам истории и культуры. Как видно, Григорий Николаевич во многом значительно опережал своих современников. И сегодня продолжают актуально звучать его слова, написанные им в начале столетия: «К сожалению, на архивы у нас мало обращается внимания и не ценится драгоценный материал, который в них содержится… Давно пора заняться упорядочением архивов и не скупиться в средствах на разработку их, так как в них ключ к уразумению многих явлений нашей современной жизни».

Òåêñò ðóêîïèñè ïðåäîñòàâëåí àâòîðîì.

Áèáëèîãðàôèÿ

Ñïèñîê òðóäîâ Ã. Í. Ïðîçðèòåëåâà

Александр II в Ставрополе-на-Кавказе. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1911. — 18 с.; То же: Сборник: сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910—1911. — Т. 4. — С. 1—8. — 15 паг.; Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1911. — Вып. 1. — С. 1—18.

Альбом видов губ. гор. Ставрополя и его окрестностей на 1907—1910 гг.: К 125-летию губ. г. Ставрополя (на Кавказе), 1785—1910 / Предисл. В. Загорской; К 125-летию гор. Ставрополя. Г. Прозрителева. — Ставрополь: Ставроп. губ. тип., 1912. — IV, 9 с.; 26 л. ил.; 2 л. карт.; 1 л.: Названия улиц, присутств. мест и др. учреждений. — (Труды Ставроп. ученой архивной комиссии).

Археологическая находка. Александровско-Афонский Зеленчукский монастырь // Сборник сведений о Северном Кавказе. — 1909. — Т. 2. — С. 1—3. — (Отд. 3); То же: // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1910. — Вып. 2. — С. 1—3. — (Отд. 3).

Археологическим обществам и ученым архивным комиссиям: [Об охране памятников старины] // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1911. — Вып. 1. — С. 1—6. — (Отд. 5).

Архивы Ставропольской губернии: Доклад председателя Ставроп. ученой архивной комиссии Г.Н. Прозрителева, читаный в общем собрании комиссии 17 февраля 1906 г. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1912. — 23 с.; То же: Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — Ставрополь, 1911. — Вып. 1. — С. 1—23. + Прил.: Программа: Описание архива.

Базарный вопрос [Об организации возовой торговли в г. Ставрополе] // Северный Кавказ. — 1905. — 5 апреля.

Библиографическая заметка [Обзор книги А.Ф. Риттиха «Славянский мир»] // Северный Кавказ. — 1886. — 31 января.

Без земли горе, а с землей вдвое! [О землепользовании в Ставропольской губернии] // Северный Кавказ. — 1887. — 21 июня.

Библиографический указатель статей и отдельных изданий Григория Николаевича Прозрителева. — Ставрополь, 1922. — 12 с.

Борьба за обладание Северным Кавказом. Кабардинцы: (По данным Закавказских архивов). — Ставрополь: Тип окриздата, 1920. — 26 с.

В горах и ущельях близ Кисловодска: Очерк. — Ставрополь, 1924. — 32 с. ил.; То же: // Северный Кавказ. — 1889. — 21, 28 сентября; 26 октября.

В дороге: (По Ставроп. губернии в 1914 г.) // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — Ставрополь, 1915. — Вып. 7. — С. 1—20. — (Отд. 1).

Ведомость о количестве земель, состоящих в помещичьих владениях в Кавказской области в 1842 году. Общий каталог помещичьим имениям, населенным и ненаселенным в Кавказской области // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1910. — Вып. 2. — С. 1—3. — (Отд. 1).

Ведомость о карантинах и заставах в Кавказской области существующих. 9 июня 1831 г. // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1910. — Вып. 2. — С. 1—3. — (Отд. 1).

Ведомость оброчным статьям Кавказской области 1843 года // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1911. — Вып. 1. — С. 1—3. — (Отд. 1).

Великая русская Авдотья. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1918. — 16 с.

Вниманию нашего городского управления // Северный Кавказ. — 1904. — 8 апреля.

Вниманию полиции и городского управления [О борьбе с бродячими собаками в г. Ставрополе] // Северный Кавказ. — 1887. — 7 мая.

Военное прошлое наших калмык[ов], 1812—1912: Ставропольский калмыцкий полк и Астраханские полки в Отечественную войну 1812 года // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1912. — Вып. 3. — С. 1—232; 19 рис.; 2 портр.

Воронцов и Завадовский: (По воспоминаниям современников). — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1910. — 26 с.; То же: Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1910. — Вып. 2. — С. 1—24. — (Отд. 1).

Генерал Попко // 45-я параллель: Прил. — Ставрополь, 1991. — № 1.

Герман Лопатин в Ставрополе-на-Кавказе: (Материалы к биографии) // Записки Северокавказского краевого общества археологии, истории и этнографии. — Ростов н/Д, 1929. — Вып. 5—6. — Кн. 1 (Т. 3). — С. 71—74.; То же: Ставропольская правда. — 1990. — 17 марта.

Гибнущий народ. Туркмены и их судьба. // Власть Советов. — 1921. — 7, 30 декабря.

Гимн Гоголю: Стихи // Северный Кавказ. — 1902. — 21 марта. — С. 2.

Городская хроника. Театр // Северный Кавказ. — 1899. — 16, 28 октября; 9, 27 ноября; 30 декабря.
Городская хроника. Театральная заметка // Северный Кавказ. — 1899. — 9 октября.
Городское самоуправление // Ставроп. губ. ведомости. — 1918. — № 65.
Две жертвы: Рассказ // 45-я параллель: Прил. — Ставрополь, 1990. — Сентябрь—октябрь. — С. 3—7.
Дела и нравы. Каменные дела. — Б. м. Б. г. — 8 с.
Дела и нравы. Фельетон // Северный Кавказ. — 1888. — 6 октября.
Дело крестьян селения Маслов Кут Ставропольской губернии 1853 года. — Ставрополь-Кавказский: Типо-литография. Т.М. Тимофеева, 1909. — 22 с.; То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — 1909. — Т. 3. — С. 1—22.
Деятельность Ставропольской этнолого-археологической комиссии в 1926—1927 году // Краеведение на Северном Кавказе. — 1928. — № 1—2.
Древние Тебердинские могильники // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1913. — Вып. 5. — С. 1—6.
Древние христианские памятники на Северном Кавказе. — Ставрополь: Тип. наследников Берк, 1906. — 15 с.; То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — 1906. — Т. 1. — С. 1—16; 9 рис.
Железноводск: (Из записной книжки 1903 г.). — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1912. — 10 с.; То же: Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1911. — Вып. 1. — С. 1—10. — (Отд. 5).
Живая могила: Памяти Салтыкова-Щедрина // Северный Кавказ. — 1889. — № 37.
За общее дело // Северный Кавказ. — 1904. — 12 февраля.
За Родину, за Русь — матушку! // Северный Кавказ. — 1904. — 10 февраля.
Зависимость народного учителя от местной администрации: По поводу статьи о положении учителя станичной школы // Северный Кавказ. — 1890. — № 34.
Заметка о журнале «Сотрудник народа» // Северный Кавказ. — 1887. — 9 января.
«Звезда!» (Перед картиной) [О картине профессора Жмурко «Вифлеемская звезда»] // Северный Кавказ. — 1905. — 20 января.
Земельный вопрос на Северном Кавказе // Северный Кавказ. — 1902. — 16 ноября; 1903. — 9, 30 января.
Из жизни старого холостяка: (Святочный рассказ) // Северный Кавказ. — 1899. — 5, 9 января.
Из зала суда. Дело по обвинению городского головы Розанова и членов Ставропольской городской управы в преступлениях по должности // Северный Кавказ. — 1887. — 7 мая.
Из зала суда [О деле, рассматривавшем в Ставропольском окружном суде] // Северный Кавказ. — 1889. — 19 октября.
Из истории города Ставрополя // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1915. — Вып. 7. — С. 1—31. + Прил.: Переписка по поводу предполагавшихся ссуд городам Кавказской губ. из заемного банка в 1785—1786 гг. — 5 паг.
Из летних поездок в Крым // Северный Кавказ. — 1902. — 10 января.
Из местных былей: Памяти З.Ф. Будаш-Будашевского (частного поверенного Благодарненского уезда) // Северокавказский край — 1915. — 30 октября.
Из прошлого Северного Кавказа: Воспоминания старого кавказца, отставного вахтера Мефодия Степановича Солодуна. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1914. — 25 с.; То же : Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1914. — Вып. 6. — С. 1—25. — (Отд. 1).
Из прошлого Северного Кавказа: Извлечено из подлинного архивного дела Моздокского духовного правления 1836 года // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1911. — Вып. 1. — С. 1—7. — (Отд. 2).
Из прошлого Северного Кавказа: К истории артезианских колодцев и первых постоялых дворов в Ставропольской губернии // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1911. — Вып. 1. — С. 1—15. — (Отд. 2).
Из эпохи народных движений // Северный Кавказ. — Б. м. Б. г. — 18 с.
Историческая справка о Кавказских выставках сельских произведений: К истории г. Ставрополя // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1915. — Вып. 7. — С. 1—4. — (Отд. 1).
Источник Карабин: К истории г. Ставрополя. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления. — 1913. — 11 с. — То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — 1914. — Т. 11. — С. 1—11. — 1 паг.
К больному вопросу // Северокавказское слово. — 1917. — № 800.
К вопросу о прислуге // Северный Кавказ. — 1888. — 23 октября.
К вопросу об изучении Маджарских древностей // Записки Северокавказского общества археологии, истории и этнографии. — Ростов н/Д, 1928. — Вып. 3—4. — С. 71—74.
К вопросу о нефти в Ставрополье // Власть Советов. — 1929. — 23 ноября.
К истории артезианских колодцев и первых постоялых дворов в Ставропольской губернии: Сообщено в заседании Ставроп. губ. статистического комитета действительным членом Г.Н. Прозрителевым 16 января 1906 г. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1906. — 15 с.

К истории нашего архива // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1910. — Вып. 2. — С. 5—10. — (Отд. 1).

К истории нашей ученой архивной комиссии // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1911. — Вып. 1. — С. 3—11. — (Отд. 1).

К истории раскола и сектантства на Кавказе. Скопцы. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1911. — 23 с. — То же: Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1910. — Вып. 2. — С. 1—19. — (Отд. 2).

К истории Ставропольского и Тифлисского театра // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1910. — Вып. 2. — С. 14. — (Отд. 1). — (Из прошлого Северного Кавказа).

К истории Тмутараканского камня. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1913. — 7 с.; То же: Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1913. — Вып. 4. — Ч. 1. — С. 1—7. — (Отд. 1).

К 500-летию взятия Гуниба. Ставрополь 25 августа 1909 г. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1910. — 3 с. — Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1911. — Вып. 1. — С. 1—3. — (Отд. 4).

К 50-летию Ставропольского окружного суда. 17 апреля 1868—17 апреля 1918 года. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1918. — 26 с.

К событиям 1905 г. в Ставропольской губернии: Воспоминания очевидца // Ставрополье. — 1990. — № 5. — С. 97—102.

К 125-летию г. Ставрополя (на Кавказе). — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1910. — 7 с.; То же: Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1910. — Вып. 2. — С. 1—7. — (Отд. 1); Ставропольская крепость. Спец. выпуск газеты «Вечерний Ставрополь». — 1990. — 16 сентября.

Кавказские архивы: Доклад действительного члена Ставроп. статического комитета Г.Н. Прозрителева в заседании общего собрания комитета 19 августа 1905 года // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1911. — Вып. 1.— С.1—17. — (Отд. 1).

Кавказский музей // Северный Кавказ. — 1903. — 22 ноября.

Кавказское оружие. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1915. — 18 с. — То же: Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1915. — Вып. 7. — С. 1—18. — (Отд. 1); Ставрополье. — 1990. — № 3. — С. 85—94.

Казанский кафедральный собор в Ставрополе-на-Кавказе. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1910. — 22 с.; То же: Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1910. — Вып. 2. — С. 1—22. — (Отд. 1). — (Из прошлого Северного Кавказа); 45-я параллель: Прил. — Ставрополь, 1991. — № 17. — С. 4—7. — (Публ. с сокращ.).

Как мы пьем и живём (Небольшая картинка). — Ставрополь: Тип. наследников Берк, 1907. — 7 с. (СГКМ, Ф. 2, д. 178).

Каменные бабы // Власть Советов. — 1928. — 13, 23 июня.

Колыбель города: [Отрывки из рукописи «Путеводитель по городу Ставрополю», посвященные Крепостной (Соборной) горе] // Вечерний Ставрополь. — 1991. — 21 сентября.

Кому нужна настоящая война? // Северный Кавказ. — 1904. — 6 марта.

«Край гордой красоты» С. Васюкова, издание Девриена: [Рецензия] // Северный Кавказ. — 1904. — 10 января.

Крепостное право в Ставропольской губернии: Материалы для истории Ставропольской губернии и г. Ставрополя, собранные Г.Н. Прозрителевым // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1915. — Вып. 7. — С. 1—25. — (Отд. 1).

Кто виноват?! // Ставроп. губернские ведомости. — 1919. — 11 мая.

Легенда о происхождении реки Томузлова Ставропольской губернии Александровского уезда // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1911. — Вып. 1. — С. 1—8. — (Отд. 2).

Летучие заметки (Афоризмы). — Б. м. Б. г. — 6 с.

Люди Божии или скопцы: Материалы по истории раскола и сектантства на Кавказе // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1911. — Вып. 1.— С. 1—4. — (Отд. 3).

Мажары: Один из древнейших городов Северного Кавказа. — Ставрополь: Тип. наследников Берк, 1906. — 16 с.; То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — 1906. — Т. 1. — С. 1—16.

Материалы для истории г. Ставрополя и Ставропольской губернии, собранные Г.Н. Прозрителевым // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1910. — Вып. 2. — С. 1—36. — (Отд. 4); 1913. — Вып. 5. — С. 1—10, 1—10, 1—17, 1—11, 1—16. — (Отд. 4)

Местная хроника [О поимке известного преступника Федора Вербицкого, бежавшего из Георгиевской тюрьмы] // Северный Кавказ. — 1887. — 19 апреля.

Местная хроника [О ходе торговли на Троицкой ярмарке города Ставрополя] // Северный Кавказ. — 1887. — 28 мая.

Местная хроника [Репортаж о заседании Ставропольского медицинского общества] // Северный Кавказ. — 1886. — 7 марта.

Михайлов А.С. (Некролог) // Северный Кавказ. — 1903. — 20 сентября.

Музей Северного Кавказа: (В Ставрополе-Кавказском). — Владикавказ, 1924. — 7 с.

Мумии балкарских могильников // Сборник сведений о Северном Кавказе. — 1914. — Т. 9. — С. 1—4. — 3 паг.; То же: Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1913. — Вып. 5. — С. 1—36. — (Отд. 1).

Мы веселимся [Отклик на события русско-японской войны] // Северный Кавказ. — 1905. — 2 июня.

Надо обратить внимание [О катаниях по Николаевскому проспекту г. Ставрополя в зимнее время] // Северный Кавказ. — 1887. — 12 февраля.

Нападение горцев на г. Моздок в 1843 г. // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1910. — Вып. 2. — С. 1—5. — (Отд. 1). — (Из прошлого Северного Кавказа).

Наша жизнь // Северный Кавказ. — 1903. — 29 марта; 12, 17 апреля; 3, 10, 17 мая; 27 сентября; 25 октября; 1, 4, 13 ноября; 1904. — 9, 20 января.

Некоторым ставропольцам, поместившим в «Приазовском крае» ругательства по моему адресу // Северный Кавказ. — 1903. — 4 января.

Необходимая предосторожность [О катаниях по Николаевскому проспекту г. Ставрополя в зимнее время] // Северный Кавказ. — 1887. — 23 января.

Необходимо охранять памятники прошлого. — Ставрополь: Тип. М.Т. Вайнблата, 1911. — 11 с.; То же: Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1911. — Вып. 1. — С. 1—8. — (Отд. 2).

Необходимость борьбы против пьянства. — Б. м. Б. г. — 5 с.

Неотложная задача // Северокавказский край. — 1913. — № 183.

Непростительная небрежность: (По вопросу охраны памятников старины) // Северный Кавказ. — 1900. — № 26.

Неужели не стыдно? // Северокавказский край. — 1915. — 10 ноября.

Нефть в Ставрополе и его окрестностях. // Власть Советов. — 1931. — 14 декабря.

Новые данные к истории Пугачева: [Е. Пугачев на Тереке. 1772 г.] / Подготовлено к публ. Н. Охонько // 45-я параллель: Прил. — Ставрополь, 1991. — № 3. — С. 5—8.

Нужды нашего края // Северный Кавказ. — 1903. — 25 февраля; 4, 6, 11 марта.

Нужды приказчиков [Обзор книги А. Гудвана «Приказчичий вопрос», вышедший в Одессе] // Северный Кавказ. — 1905. — 28 июля.

О военнопленных поляках на Северном Кавказе в войну 1812 года. — СПб., 1914. — 4 с.; 2 табл.

Опись делам, имеющим военное значение, выбранным Особой комиссией при Ставропольском губернском правлении при участии председателя Ставропольской ученой архивной комиссии Г.Н. Прозрителева из дел губернского архива по описям того же архива // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1913. — Вып. 5. — С. 1—56. — (Отд. 6).

Остался. Из событий на Кавказском фронте 1915 г. // Ставроп. губернские ведомости. — 1919. — 18 мая.

Остатки древних времен в Ставрополе: (Археологическая карта Ставрополя) // Власть Советов. — 1928. — 28 января; 4, 8 февраля.

Охраняйте памятники старины // Власть Советов. — 1928. — 15 февраля; 11, 14 апреля; 19, 30 мая.

Очерк жизни и деятельности И.В. Бентковского, бывшего секретаря Ставропольского статистического комитета: Доклад действительного члена Ставроп. статистического комитета Г.Н. Прозрителева. — Ставрополь: Тип. Северокавказской газеты. — 1908. — 155 с.; То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — 1909. — Т. 2. — С. 1—55.

Памяти Г. А. Мачтета // Северный Кавказ. — 1901. — № 115.

Памяти чудной девушки — героини Риммы Михайловны Ивановой // Северокавказский край. — 1915. — 30 сентября.

Память о Н.В. Гоголе в захолустьях Полтавской губернии. — Ставрополь: Тип. наследников Берк, 1909. — 8 с.

Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1912. — I—X, 18 с.; То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — 1912. — Т. 7. — С. 3—18.

Песня Стеньки Разина: Этнографический набросок из записной книжки народника семидесятых годов. — Ставрополь: Тип. окриздата, 1925. — 8 с.

Печатное дело на Северном Кавказе: (Ставропольская губерния) // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1910. — Вып. 2. — С. 1—12. — (Отд. 1).

Письма о войне: В 5 вып. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления. — 1914.

Письмо в редакцию [О необходимости материальной помощи талантливой местной художнице Левицкой] // Северный Кавказ. — 1893. — 23 декабря.

По дороге на Кугульту: Наше благоустройство и пути сообщения. Немножко археологии. Враги старины. Местные предания. Забытое прошлое и невозможное настоящее. // Северный Кавказ. — 1903. — 1, 5 июня.

По селам и станицам // Северный Кавказ. — 1890. — № 23.

По Ставропольской губернии: На почтовых, обывательских и на долгих. — Б. м. Б. г. — 13 с.

Попытка судебной и административной реформы в России в начале XIX столетия // Северный Кавказ. — 1903. — 24 мая.

Посольство от Шамиля к абадзехам. — Махачкала: Изд. Дагестанского научно-исследовательского института, 1927. —7с.: ил.

Пред грозным концом // Ставроп. губернские ведомости. — 1919. — 1 июня.

Преступные вожди слепых безумцев // Ставроп. губернские ведомости. — 1919. — 4 мая.

Преступные типы Ставропольской губернии // Вечерний Ставрополь. — 1995. — 19, 22, 23, 24, 29, 30, 31 августа; 6 сентября.

Путеводитель по городу Ставрополю (на Кавказе) и его окрестностям: Краткие исторические сведения // Вечерний Ставрополь. — 1997. — 1, 8, 15, 25 февраля; 15, 25, 29 марта; 5, 15, 22 апреля; 28 июня; 8, 12, 19, 26 июля; 5, 9, 16, 26 августа; 6, 10, 18, 19, 23, 24 сентября.

Развалины древнего хозарского города Мажары близ селения Прасковея Ставропольской губернии, на реке Куме // Сборник сведений о Северном Кавказе. — 1909. — Т. 2. — С. 1—24. — (Отд. 3). — То же: Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1910. — Вып. 2. — С. 1—24. — (Отд. 3).

Раскопки, произведенные близ г. Св. Креста Ставропольской губернии, Прасковейского уезда, председателем Ставропольской ученой архивной комиссии Г.Н. Прозрителевым 18—19 сентября 1909 года на месте развалин древнего хозарского г. Мажары // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1910. — Вып. 2. — С. 1—7; рис. — (Отд. 3).

Рельсовый путь по Ставропольской губернии. — Ставрополь: Тип. наследников Берк, 1904. — 14 с.

Россия и международное положение. // Ставроп. губернские ведомости. — 1919. — 22 июня.

Рост цен на продукты в Ставрополе-губернском: (По сведениям за ноябрь—декабрь 1919 г.) // Сборник сведений о Северном Кавказе. — 1920. — Т. 12. — С. 1—3.

С дороги [О целесообразности сообщения администрациями сведений о потребностях в рабочих для уборки урожая] // Северный Кавказ. — 1889. — 11 июня.

Серые министры // Северный Кавказ. — 1902. — 7 декабря; 1903. — 1 февраля.

Скорбь [Оплакивание жертв русско-японской войны] // Северный Кавказ. — 1905. — 25 января.

Сон Вильгельма // Ставроп. губернские ведомости. — 1919. — 13 июля.

Сохранить исторические ценности // Власть Советов. — 1931. — 28 октября.

Списки населенных мест Ставропольской губернии: (По данным 1909 года) / Под редакцией помощника председателя статистического комитета Г.Н. Прозрителева // Сборник сведений о Северном Кавказе. — 1911. — Т. 5. — 182 с.

Скитальцы: (Рабочие и переселенцы) // Северный Кавказ. — 1889. — 16 июля.

Ставрополь, 19 января. [К 50-летию со дня смерти А.С Пушкина] // Северной Кавказ. — 1887. — 20 января.

Ставрополь, 10 марта [О подделке векселей] // Северный Кавказ. — 1886. — 11 марта.

Ставрополь, 14 марта [О предстоящих выборах в Ставропольскую городскую думу] // Северный Кавказ. — 1886. — 14 марта.

Ставрополь, 20 марта [Продолжение статьи о предстоящих выборах в Ставропольскую городскую думу] // Северный Кавказ. — 1886. — 21 марта.

Ставрополь, 22 июля. Разнуздавшееся ростовщичество [О ссудо-сберегательном товариществе при Ставропольской городской управе] // Северный Кавказ. — 1887. — 23 июля.

Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношениях // Памятная книжка Ставропольской губернии на 1919 год. — Ставрополь, 1919. — С. 1—11.

Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношении. Ч. 2. / Сост. Г.Н. Прозрителев. — Ставрополь-Кавказский, 1925. — 51 с. + Прил.: 12 табл. и карта Ставропольской губернии.

Схватка. Из событий на фронте 1915 // Ставроп. губернские ведомости. — 1919. — 1 июня.

Сыпучие пески в Ставропольской губернии // Известия Северокавказского бюро краеведения. — 1927. — № 4. — Апрель.

Таинственная жидкость, хранящаяся в Донском музее в г. Новочеркасске // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1910. — Вып. 2. — С. 1—3. — (Отд. 3).

Таинственный апокриф [О вреде ложных верований] // Северный Кавказ. — 1905. — 10 февраля.

У Царицына. // Ставроп. губернские ведомости. — 1919. — 15 июня.

Уроки и пожелания. // Ставроп. губернские ведомости. — 1919. — 18 мая.

Церковно-археологический музей С.-Петербургской духовной академии и X т. Сенатского архива. — Саратов, 1910. — 7 с.
Что нам делать? // Северный Кавказ. — 1904. — 14 февраля.
Шамиль в г. Ставрополе. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1913. — 11 с; То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — 1914. — Т. 9. — С. 1—10; Ставрополье: — 1990. — № 1. — С. 107—114.
Шейх Мансур: К истории Кавказской войны // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1911. — Вып. 1. — С. 1—13. — (Отд. 4).

Ðóêî ïèñè ðàáîò, õðàíÿùèåñÿ â ÑÃÊ Ì

Археологические изыскания и раскопки на Северном Кавказе и результаты этих работ (влияние народов, проходивших через Северный Кавказ). [После 1924 г.]. Ф. 2, д. 46, лл. 1—6 об.
Археологические работы в Ставропольском округе в 1924 г. [1924 г.]. Ф. 2, д. 38, лл. 9—16 об.; д 41, лл. 1—51 об.
Археологический альбом. [Б. д.]. Ф. 2, д. 38, лл. 17—57 об.
Археология Северного Кавказа в предметах, хранящихся в Музее Северного Кавказа. [Б. д.]. Ф. 2, д. 36, лл. 1—103 об.
Библиография редкой краеведческой литературы. [Б. д.]. Ф. 2, д. 298, лл. 1—152 об.
Биографический очерк о А.Н. Можаровой [Б. д.] Ф. 2, д. 87, лл. 1—14 об.
Борьба со снежными заносами. [Б. д.]. Ф. 2, д. 81, лл. 43—45 об.
В дороге. [Б. д.]. Ф. 2, д. 53, лл. 1—5 об.
В мире падших. [Б. д.]. Ф. 2, д. 88, лл. 48—49 об об.
Великое значение наших архивов. 25 января 1929 г. Ф. 2, д. 14, лл. 1—32 об.
Военное прошлое наших калмыков и Ставропольский калмыцкий полк в войну 1812 г. [1912 г.]. Ф. 2, д. 96, лл. 39—40 об.
Вопросы крестьянской жизни. [До 1917 г.]. Ф. 2, д. 60, лл. 47—53 об.
Восстание на «Потемкине». [1931 г.]. Ф. 2, д. 86, лл. 18—23 об.
Встречи и впечатления. Воспоминания о народовольцах и чернопередельцах А.Н. Можаровой, А. Михайлове, о «Варваре» и приготовлении к бегству из тюрьмы [П.А. Кропоткина]. [20-е гг.]. Ф. 2, д. 50, лл. 2—20 об., 24—27 об.
Герман Лопатин в Ставрополе-на-Кавказе. Из воспоминаний Г.Н. Прозрителева. [Не позднее 1932 г.] Ф. 3, д. 5, лл. 3—21 об.
Гибнущий народ. Туркмены и их судьба. Гл. IV—VI. [1921 г.]. Ф. 2, д. 61, лл. 1—34 об.
Грамота — не хлеб, а хлебом наркомит. Рассказ. [Б. д.]. Ф. 2, д. 55, лл. 60—89 об.
Два малыша. Гришка и Ванька. Очерк из жизни детей убежища бесприютных детей Св. Владимира. [Б. д.]. Ф. 2, д. 88, лл. 1—56 об.
Две жертвы. Ольга Нестерцева и Анюта Брагунова. (Из прошлого Северного Кавказа). [20-е гг.]. Ф. 2, д. 88, лл. 57—86; д. 95, лл. 11—21 об.
Дела и нравы. [О делах, рассматривавшихся на заседаниях съезда и камерах городских судей. Б. д.]. Ф. 2, д. 52, лл. 1—2 об.
Дело об «Изумруде». [О деле, рассматривавшемся в камере мирового судьи. Б. д.].Ф. 2,д. 50; лл. 27—29 об.
Доисторический быт в Ставрополье и Северном Кавказе. [Б.д.]. Ф. 2, д. 61, лл. 35—38 об.
Древние сношения русских с иноземцами и их торговые пути. [Б.д.]. Ф. 2, д. 92, лл. 1—11 об.
Древние христианские церкви в Кавказских горах и первый исследователь их. [20-е гг.]. Ф. 2, д. 46, лл. 25—27 об.
Заметки. Моя личная философия. История борьбы с Богом. [Б. д.]. Ф. 2, д. 95, лл. 1—5 об.
Земельная реформа 1861 г. [Б. д.]. Ф. 2, д. 60, лл. 95—106.
Из воспоминаний «В народе, в тюрьме и в суде». [Вторая половина 20-х гг.]. Ф. 2, д. 51, лл. 1—219 об.
Из записок адвоката. [Б. д.]. Ф. 2, д. 95, лл. 6—7 об.
Из истории землевладения на Северном Кавказе. [До 1917 г.]. Ф. 2, д. 60, лл. 1—12, 23—43, 71—88 об.
Из процесса. [О деле, рассматривавшемся в суде. Б. д.]. Ф. 2, д. 3, лл. 22—33 об.
Из прошлого Кавказского края. [О строительстве православных церквей в конце XVIII века. Б. д.]. Ф. 2, д. 91, лл. 1—4 об.
Известковый туф близ г. Ставрополя в связи с коллекциями, имеющимися в Музее Северного Кавказа. (Популярный очерк). 25 января 1916 г. Ф. 2, д. 66, лл. 8—28 об.
Ингуши. Этнографический очерк. [Б. д.]. Ф. 2, д. 89, лл. 8—12 об.

Историко-археологический путеводитель по городу Ставрополю и его окрестностям. [20-е гг.]. Ф. 2, дд. 44, 45, 74, 75.

Историко-археологический путеводитель по Ставропольской губернии и материалы к нему. [После 1917 г.]. Ф. 2, д. 37, лл. 1—25 об.; дд. 105—110.

Историческая справка о мерах борьбы с саранчою в Ставропольской губернии. [Б. д.]. Ф. 2, д. 53, лл. 35—38 об.

Исторический очерк о Ставропольском статистическом комитете. Доклад управляющего делами Ставропольского губернского статистического комитета Г.Н. Прозрителева 25 ноября 1918 г. в общем собрании комитета в день 60-летнего юбилея. Ф. 2, д. 4, лл. 1—47 об.

История города Ставрополя. [После 1919 г.]. Ф. 2, д. 63, лл. 1—80 об; [Б.д.] д. 64, лл. 1—82 об; д. 65, лл. 1—41 об.

К вопросу о посещении Пушкиным Таганрога. [Б. д.]. Ф. 2, д. 59, лл. 1—5 об.

К вопросу об орошении быв. Ставропольской губернии, ныне округа. [Вторая половина 20-х гг.]. Ф. 2, д. 81, лл. 19—21 об.

К обводнению северной части Кавказа. (Ставропольской губернии). [Б.д.]. Ф. 2, д. 81, лл. 14—18 об.

К событиям 1905 года в Ставропольской губернии. (Воспоминания очевидца). [Б. д.]. Ф. 2, д. 73, лл. 1—63 об.

Кавказский музей. (Фельетон). [Б. д.]. Ф. 2, д. 53, лл. 26—32а об.

Каменные бабы. [1928 г.]. Ф. 2, д. 46, лл. 7—22 об.

Колебания уровня морского дна и его результаты в связи с изменениями, происходившими на поверхности земного шара. [Не ранее 1928 г.]. Ф. 2, д. 76, лл. 1—61 об.

Краткий курс краеведения. Ставропольская губерния. [После 1924 г.]. Ф. 2, д. 84, лл. 1—126 об.

Краткий очерк возникновения города Ставрополя и заселения Северного Кавказа русскими. [Б. д.]. Ф. 2, д. 72, лл. 71—114 об.

Краткий очерк истории заселения Северного Кавказа и Ставропольской губернии и дополнения к нему. [1928 г.]. Ф. 2, д. 72, лл. 1—14; д. 85, лл. 21—22 об.

Краткий путеводитель по Музею Северного Кавказа города Ставрополя. [После 1918 г.]. Ф. 7, д. 8, лл. 22—127 об.

Крепостное право на Северном Кавказе. [Б. д.]. Ф. 2, д. 90, лл. 1—2 об.

Кто ответчик за смерть от деяния, самого по себе безразличного? [О деле, рассматривавшемся в Ставропольском окружном суде. Б. д.]. Ф. 2, д. 3, лл. 15—21 об.

Курганы, городища, урочища Ставропольской губернии. [Вторая половина 20-х гг.]. Ф. 2, д. 45, лл. 30—43 об.

Курганы и могилы в Кавказском крае. [Б. д.]. Ф. 2, д. 46, лл. 23—24 об.

Кустарное производство. [Войлочные изделия, ведерное и жестяное производство, гончарное, ситное, бондарное, шорное и каменное дело. Б. д.]. Ф. 2, д. 68, лл. 55—71 об.

Ладанка. Рассказ. 1915 г. Ф. 2, д. 55, лл. 1—36 об.

Лекции по палеонтологии. [Б. д.]. Ф. 2, д. 56, лл. 1—6 об.

Мажарские древности. Развалины древнего города Мажары. 1926 г. Ф. 2, д. 42, лл. 1—28 об.

На Женевском озере. [Воспоминания о поездке в Швейцарию в начале 1870-х гг. Б. д.]. Ф. 2, д. 86, лл. 3—17, 31—45 об.

Настоящее описание боя при реке Валерик. [Б. д.]. Ф. 2, д. 60, лл. 109—111 об.

Наши городские насаждения. [Б. д.]. Ф. 2, д. 82, лл. 26—28 об.

Нефть в Ставрополе и его окрестностях. 1929 г. Ф. 2, д. 80, лл. 1—6 об.

Неужели не стыдно? [Б. д.]. Ф. 2, д. 53, лл. 17—20 об.

Новые данные к истории Пугачева. [Е. Пугачев на Тереке в 1772 г. Б. д.]. Ф. 2, д.58. лл. 1—42 об.

О богатствах в недрах Ставрополья. [После 1924 г.]. Ф. 2, д. 66, лл. 1—6 об.

[О палеонтологических находках в Ставропольской губернии в 1898—1922 гг. (Кости мамонта, мастодонта, эласматерия, скелет дельфина). После 1922 г.]. Ф. 2, д. 40, лл. 26—48 об.

Обряды, поверия, приметы и заклинания. [Б. д.]. Ф. 2, д. 95, лл. 8—9 об.

Окаменелости. [Б. д.]. Ф. 2, д. 47, лл. 7—39 об.

Оползни в быв. Ставропольской губернии. [Вторая половина 20-х гг.]. Ф. 2, д. 81, лл. 23—24 об.

Остался. Из событий на Кавказском фронте 1915 г. Ф. 2, д. 194, лл. 1—2 об.

Охраняйте памятники старины. 1928 г. Ф. 2, д. 41, лл. 65—73 об.

Очерк истории музыкального кружка [в г. Ставрополе. Б. д.]. Ф. 2, д. 296, лл. 1—5 об.

Очерки из истории и быта калмыков Ставропольской губернии. [Б. д.]. Ф. 2, д. 96, лл. 1—36 об.

Памяти героя Черноморского флота, доблестного лейтенанта Шмидта. [1931 г.]. Ф. 2, д. 86, лл. 24—29 об.

Памяти даровитого исследователя Кавказа Н.Я. Динника. [Не ранее 1927г]. Ф. 426, д. 4, лл. 10—19 об.

Памяти кавказского историка генерала Попко и судьба его архива. Доклад на заседании Ставропольской этнолого-археологической комиссии. 7 февраля 1930 г. Ф. 2, д. 77, лл. 1—29 об.

Памятники прошлого города Ставрополя. 20 сентября 1930 г. Ф. 2, д. 79, лл. 1—60 об.

Первые шаги к изучению политической экономии. [Б. д.]. Ф. 2, д. 93, лл. 1—36 об.

По дороге на Кугульту. 1903 г. Ф. 2, д. 53, лл. 6—8, 11—16 об.; д. 94, лл. 1—11 об.

Поездка в Балкарию. [Б. д.]. Ф. 2, д. 50, лл. 31—54 об.

Пожарное дело в Ставрополе—Кавказском. [Б. д.]. Ф. 2, д. 72, лл. 16—22 об.

Похищенный перстень. Из прошлого города Ставрополя. Рассказ потерпевшей. Действительное происшествие. [Б. д.]. Ф. 2, д. 67, лл. 1—23 об.

Пояснительная записка к археологической карте города Ставрополя и его окрестностей. [20-е годы]. Ф. 2, д. 43, лл. 1—9 об.

Предисловие к «Памятной книжке Ставропольской губернии на 1919 г.» [Б. д.]. Ф. 2, д. 72, лл. 37—52 об.

Преступные типы Ставропольской губернии. 5 июля 1926 г. Ф. 2, д. 71, лл. 9—68, 84—87 об.

Применение горючего газа. [Не ранее июня 1930 г.]. Ф. 2, д. 80, лл. 7—12 об.

Программа изучения Ставропольского края. Ведение краеведческой работы (план к программе). [Вторая половина 20-х гг.]. Ф. 2, д. 71, лл. 1—8, 95—99 об.

Программа лекций о событиях 1905 г. в Ставропольской губернии. [Б. д.]. Ф. 2, д. 73, лл. 58—59 об.

Путевые заметки по Ставропольской губернии и частично по Терской области в 1907 г. Баталпашинск. 6—10 мая 1907 г. Ф. 2, д. 57, лл. 1—18 об.; д. 125, лл. 1—5 об.

Пчелы-разбойники. Из адвокатской практики. [Б. д.]. Ф. 2, д. 3, лл. 35—41 об.

Разрушение памятников старины. [После 1921 г.]. Ф. 2, д. 41, лл. 52—64 об.

Русский городок. Башня. Из ставропольских преданий. [Стихотворение. Б. д.]. Ф. 2, д. 53, лл. 33—34 об.

Русский городок. Белая богиня. Из ставропольских преданий. [Б. д.]. Ф. 2, д. 45, лл. 15—21 об.

«Русский городок». Повесть из времен доисторических Ставрополя. [После 1924 г.]. Ф. 2, д. 54, лл. 1—19 об.

Сады, рощи, бульвары и парки города Ставрополя. 1931 г. Ф. 2, д. 82, лл. 1—25 об.

Салтыков и цензура. (По поводу найденной редкой фотографии). [Не позднее 14 июня 1926 г.]. Ф. 2, д. 132, лл. 81—84 об.

Ставрополь-на-Кавказе. [О жизни города в начале. 20-х годов. После 1921 г.]. Ф. 2, д. 59, лл. 6—11 об.

Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношениях.

Предисловие и введение. Список источников и литературы. [Б. д.]. Ф. 2, д. 69, лл. 1—38 об.;

ч.2. Хозяйственная сторона жизни губернии. [Б. д.]. Ф. 2, д. 70, лл. 3—82 об.;

ч.3. Бытовая сторона. [Б. д.]. Ф. 2, д. 78, лл. 1—45 об.

Ставропольские анекдоты. [Б. д.]. Ф. 2, д. 67, лл. 24—59 об.

Странный больной. (На Кавказском фронте). Рассказ. [Б. д.]. Ф. 2, д. 55, лл. 37—59 об.

Суховей и засуха в Ставрополье. [Не ранее мая 1929 г.]. Ф. 2, д. 81, лл. 1—13 об.

Схватка. Из событий на фронте 1916 года. [Б. д.]. Ф. 2, д. 62, лл. 1—24 об.

Трагический случай в экономии тавричан. [Б. д.]. Ф. 2, д. 93, лл. 37—41 об.

Тыква. [Б. д.]. Ф. 2, д. 81, лл. 39—42 об.

Убийство князя Кипиани в Ставрополе. [20-е гг.]. Ф. 2, д. 55, лл. 90—96 об.

Урочища, городища, каменные бабы и памятники Ставропольской губернии. [Б. д.]. Ф. 2, д. 39, лл. 1—82 об.

Хозары на Северном Кавказе. Доклад, сделанный на заседании Ставропольской этнолого-археологической комиссии 8 июня 1931 г. Ф. 2, д. 83, лл. 1—63 об.

Шелководство в Ставропольской губернии. [Б. д.]. Ф. 2, д. 68, лл. 1—54 об.

Этнографический очерк Ставропольской губернии и Северного Кавказа. [Не ранее 1919 г.]. Ф. 2, д. 89, лл. 1—5 об.

[Часть рукописи без названия о событиях на Северном Кавказе с 1480 по 1796 г. Б. д.]. Ф. 2, д. 83, лл. 64—87 об.

Ëèòåðàòóðà î æèçíè è äåÿòåëüíîñòè Ã. Í. Ïðîçðèòåëåâà

Апостолов Л.Я. Труды Ставропольской ученой архивной комиссии по археологии и работы председателя ее Г.Н. Прозрителева // Труды 15-го археологического съезда в Новгороде в 1911 году. — М., 1914. — Т. 1: Протоколы. — С. 108—111.

В Президиуме Горсовета // Вечерний Ставрополь. — 1990. — 16 сентября.

О присвоении Г.Н. Прозрителеву звания «Почетный гражданин города Ставрополя» с установлением памятного знака в «Аллее почетных граждан города».

Беликов Г. Ученый, просветитель, человек // Молодой ленинец. — 1990. — 21 ноября.
Об открытии надгробного памятника на могиле Г.Н. Прозрителева.
Белоконь В.В. Возвращение памяти // Молодой ленинец. — 1989. — 25 мая.
О просветителе, историке, краеведе Г.Н. Прозрителеве.
Белоконь В.В. Григорий Николаевич Прозрителев. (К 150-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 1999 г. — Ставрополь, 1999. — С. 73—85.
Водолажская В. Архив — живая память истории. Григорий Николаевич Прозрителев — первый председатель ученой архивной комиссии на Ставрополье // Кавказский край, Пятигорск. — 1995. — 29 июня — 6 июля. — С. 9, фото.
Водолажская В. Под «негласным» надзором // Ставропольская правда. — 1980. — 13 декабря.
Воскресенский Н.И., Ямпольский М.Л. Краеведение на Северном Кавказе и перспективы его развития // Краеведение на Северном Кавказе. — Ростов н/Д, 1928. — № 1—2. — С. 1—9.
Городецкий Б.М. Очерки развития русской периодической печати на Северном Кавказе // Известия общества любителей изучения Кубанской области. — Екатеринодар, 1913. — Вып. 6. — С. 73—166.
С. 118—123: [Из истории газеты «Северный Кавказ», созданной по инициативе Г.Н. Прозрителева], портр.
Гречкин А. «Северному Кавказу» — 110 лет // Северный Кавказ. — Нальчик, 1994. — 12 ноября. — С. 15.
Первый номер газеты «Северный Кавказ» вышел в декабре 1884 г. Один из инициаторов издания — Г.Н. Прозрителев.
Колесникова М.Е. Вклад Г.Н. Прозрителева в археологию Северного Кавказа // Интеллигенция Северного Кавказа в истории России. — Ставрополь, 1997. — С. 87—93. — Библиография основных трудов Г.Н. Прозрителева по истории и археологии Северного Кавказа: 44 назв.
Колесникова М.Е. Вклад интеллигенции Северного Кавказа в развитие исторического краеведения в регионе на рубеже XIX—XX вв. // Интеллигенция Северного Кавказа в истории России: Материалы межрегиональной научной конференции. (10—11 апреля 1998 г.). — Ставрополь, 1998. — Ч. 2. — С. 76—79.
Колесникова М.Е. Историко-краеведческая деятельность на Северном Кавказе в конце XVIII в. — 20—30-е годы XX в.: (По материалам Ставрополья): Автореф. дис. канд. ист. наук / Ставропольский государственный университет. — Ставрополь, 1998. — 24 с.
Колесникова М.Е. К истории археологического изучения Ставрополья // Ставропольская земля в прошлом и настоящем. — Ставрополь, 1995. — С. 12—24.
Колесникова М.Е. Музей Северного Кавказа и охрана археологических памятников Ставрополья (1905—1920 гг.) // Из истории земли Ставропольской. — Ставрополь, 1996. — С. 16—18.
Лекторским бюро губполитпросвета: [Сообщение о том, что в красноармейском клубе устраиваются лекции Г.Н. Прозрителева по истории Северного Кавказа] // Власть Советов. — 1920. — 7 сентября.
Лунин Б.В. Прозрителев Григорий Николаевич // Проблемы истории докапиталистических обществ. — 1934. — № 2. — С. 100—103.
Лунин Б.В. Прозрителев Григорий Николаевич: [Некролог] // Советское краеведение в Азово-Черноморском крае: Третий сборник краеведческих материалов / Под общей редакцией председателя ЦБК А.А. Канчеева. — Ростов н/Д, 1935. — С. 164—168.
Лунин Б.В. 45-летний юбилей Г.Н. Прозрителева // Краеведение на Северном Кавказе. — 1928. — № 1—2. — С. 134—136; То же: Известия Центрального бюро краеведения. — 1928. — № 2. — С. 29—30.
Лучник В. Современное состояние Ставропольского музея // Краеведение на Северном Кавказе. — 1928. — № 3—4. — С. 71—74. [Прозрителев Г.Н. стоял у истоков создания музея.]
Охонько Н. Грани таланта // Ставропольская правда. — 1989. — 30 мая. [К 140-летаю со дня рождения Г.Н. Прозрнтелева.]
Охонько Н. «Есть только миг — между прошлым и будущим...» // Ставропольская правда. — 1990. — 13 января. [О Г.Н. Прозрителеве — историке, общественном деятеле, организаторе и члене 30-ти общественных организаций и учреждений в г. Ставрополе.]
Охонько Н. Общественный деятель, просветитель, краевед // Северокавказский регион. — 1998. — № 3. — С. 68—71.
Охонько Н. Основатель // Вечерний Ставрополь. — 1994. — 3 марта. [К 145-летию со дня рождения Г.Н. Прозрителева.]
Охонько Н. Почетный гражданин // Ставропольская правда. — 1990. — 14 сентября.
Охонько Н. Увековеченное имя // Ставропольская правда. — 1990. — 11 декабря. [Об открытии памятника-обелиска на могиле Г.Н. Прозрителева.]
Подломаев Д. Юбилей Прозрителева // Власть Советов. — 1928. — 24 марта.
Прозрителев Григорий Николаевич: [Очерк жизни и деятельности в г. Ставрополе] // Северокавказский край. — 1916. —1 мая. — С. 3.

Прозрителев Н.А. Что в имени твоем... // Вечерний Ставрополь. — 1995. — 22 июня — С. 3. [Беседа с внуком Почетного гражданина г. Ставрополя Г.Н. Прозрителева — Н.А. Прозрителевым.]

Скрипчинский В. Память о Прозрителеве // Ставропольская правда. — 1990. — 26 апреля.

Сорокапятилетний юбилей Григория Николаевича Прозрителева. — Ставрополь: Тип. окриздата, 1929. — 31 с.

Чеха Н.И. памятник заговорил // Вечерний Ставрополь. — 1992. — 4 января. — С. 2, фото. [Об открытии мемориальной доски на здании быв. Музея Северного Кавказа, основанного в 1905 г. Г.Н. Прозрителевым.]

Чеха Н. Памяти великого краеведа // Вечерний Ставрополь. — 1990. — 24 ноября.

Прозрителев Григорий Николаевич. Деятели революционного движения в России // Биобиблиографический словарь от предшественников декабристов до падения царизма. — М., 1931. — Т. 3. — Вып. 3. — Стб. 1269.

Прозрителев Григорий Николаевич (1849—1933) // История исторической науки в СССР: Дооктябрьский период: Библиография. — М., 1965. — С. 482.

Áèáëèîãðàôèÿ ïîäãîòîâëåíà Â.Â. Áåëîêîíü.

Г.А.Лопатин

Ã.À. Ë Î Ï ÀÒÈ Í: ÀÂÒÎ ÁÈ ÎÃÐÀÔÈß. Ï Î ÊÀÇÀ Í È ß È Ï ÈÑÜ Ì À. ÑÒÀÒÜÈ È ÑÒÈÕ Î ÒÂ Î ÐÅ Í È ß. ÁÈÁËÈ Î ÃÐÀ Ô È ß

Îò ðåäàêöèè

В настоящей книге собраны все появившиеся в печати, легальной и нелегальной, принадлежащие перу Г.А. Лопатина его корреспонденции в лавровском «Вперед», статья из «Народной Воли», воспоминания и заметки, писанные им по разным поводам, стихотворения. Произведениям Г.А. Лопатина предпослана история его жизни, изложенная им самим в письме к В.В. Водовозову, и имеющие большое автобиографическое значение объяснения и показания Г.А. Лопатина, данные им при официальных расспросах и допросах по первым революционным делам его молодости (1866—1873). Эти материалы, освещающие прикосновенность Г.А. Лопатина к Каракозовскому делу, его участие в так называемом «Рублевом обществе», период жизни его под надзором в Ставрополе и пребывание в Сибири, появляются в печати впервые.

Автобиографическое письмо Г.А. Лопатина сообщено В.В. Водовозовым и снабжено вступительной заметкой последнего. Все показания Г.А. Лопатина извлечены из архивных дел, снабжены вступительными заметками и прокомментированы А.А. Шиловым; им же выбраны из журналов и снабжены комментариями все статьи Г.А. Лопатина, кроме написанных им в последние годы заметок, собранных и комментированных С.Я. Штрайхом. Стихотворения Г.А. Лопатина сообщены по рукописям автора С.Я. Штрайхом и им же снабжены примечаниями. Библиография о Г.А. Лопатине составлена А.А. Шиловым.

П. Щеголев.

Ï ðåäâàðèòåëüíàÿ çàìåòêà

В начале 1906 года я письменно из Петербурга обратился к Г.А. Лопатину, жившему тогда в Вильне, с просьбою сообщить краткие автобиографические сведения, нужные мне для заметки о нем, которую я собирался написать для 3-го дополнительного тома «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона. Г.А. Лопатин, с которым я незадолго перед тем лично познакомился, посетив его в Вильне, и с которым я переписывался, ответил мне обстоятельным письмом, или, точнее, двумя письмами[1]. Я широко воспользовался автобиографической запиской Г.А., но так как общий ее план не вполне подходил к обычному плану словарных статей, — что сознавал и сам Г.А., — а кроме того, так как она была слишком длинна для словаря, то мне пришлось ее сильно сократить и несколько переделать; с другой стороны, я прибавил к ней общую характеристику Лопатина как крупной интеллектуальной силы, которой он в своем письме, конечно, не давал. Только в таком измененном виде она и появилась в печати. Ввиду этого автобиографическое письмо[1] Лопатина в его подлинном виде сохраняет весь свой интерес, и я считаю нужным поделиться им с читателями.

I. Ïèñüìî Ã.À. Ëîïàòèíà Â.Â. Âîäîâîçîâó

Вильна, 22 января 1906 года, 12 ч. н. 18, Тамбовская.

Любезнейший Василий Васильевич!

Сегодня, за обедом, в 4 часа, получил я Ваше письмо, а в 6 часов уже уселся за исполнение Вашего заказа, который и окончил, если не через $^1/_2$ часа, то хоть через 6 часов, то есть к полуночи. Виною тому, конечно, моя неопытность по этой части: написанный мною в третьем лице автобиографический очерк слишком короток для самой короткой биографической статьи и слишком длинен для самой длинной словарной заметки, но зато я предоставляю Вам свободу сокращать и переделывать его по Вашему усмотрению сообразно с Вашими надобностями. Завтра, согласно Вашим указаниям, пошлю его заказным порядком по данному Вами казанскому адресу; не вините меня, если моему письму, при быстроте Ваших передвижений, придется гоняться за Вами по России; мне сдается, что было бы практичнее адресовать его в Питер, но Вам, конечно, лучше знать.

Ваш Г.Л.

Кланяюсь В.П.[2]

Мои главные переводы: 1) Спенсер, Психология, Социология, Этика, 2) Тэн, Les origines, 1-й т., в котором я находил много аналогий с явлениями русской жизни, 3) Карпентер, Спиритизм и аналогичные ему психозы, 4) Грант-Аллен, 5) Романес, 6) Тиндаль, 7) Клиффорд, 8) Маркс ($^1/_3$ первого тома), 9) Жоли и многое другое.

II. Áèîãðàôèÿ Ã.À. Ëîïàòèíà

Герман Александрович Лопатин, дворянин. Родился 13 января 1845 года в городе Нижнем Новгороде. В пятилетнем возрасте увезен на Кавказ, где окончил курс гимназии с золотой медалью в городе Ставрополе. (Гимназия эта, по количеству, качеству даваемых знаний и по нравам, походила в первые годы его там пребывания на бурсу Помяловского, чем на что-либо иное). В 1862 году поступил в Петербургский университет, где окончил курс кандидатом по естественному отделению физико-математического факультета. В 1865 году привлекался к следствию (университетскому, хотя по настоянию III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии) за свою роль в студенческой истории, вызванной негодованием на непотизм, обнаруженный будто бы академическими властями при назначении молодого Ленца на кафедру физики. В 1866 году был привлечен к так называемому Каракозовскому делу, просидел в Петропавловской крепости более двух месяцев и был освобожден лишь после отъезда из С.-Петербурга Муравьева, который относился к нему очень подозрительно[3]. В 1867 году, прочитав в утренней газете, что Гарибальди бежал с Капреры и идет на Рим, вечером того же дня покинул Петербург и поскакал в Италию, но прибыл во Флоренцию как раз в день Ментонской битвы[4]. Повернув сейчас же назад, заехал в Ниццу, чтобы познакомиться и побеседовать со стариком А.И. Герценом. Весной 1868 года был арестован по делу так называемого «Рублевого общества», сложившегося в Москве по почину Ф.В. Волховского и имевшего поначалу очень скромные цели: некоторое число юношей, жаждавших «уплатить долг народу», собирались стать кочующими сельскими учителями (нечто вроде позднейших передвижных земских школ). В качестве заработка, получаемого отчасти натурою (на манер учителей из солдат, дьячков, писарей и т.п.), они должны были учить детей. А в качестве как бы развлечения должны были беседовать со взрослыми на исторические и политические темы, читая им при этом подходящие *легальные* книжки из имеющихся уже в литературе или специально составленных для этой цели другими членами общества. (Сравни позднейшие аналогичные земские начинания). Те же учителя должны были составить подворное статистическое описание каждый своего села по выработанной, но задержанной цензурой программе, аналогичной позднейшим земским. Чтобы выяснить себе получше материальное положение народа, при малом числе наших сил, эти силы должны были быть распределены по характерным округам: хлебопашескому черноземному и нечерноземному, промышленному, горнозаводскому, степному и пр.

Единственным нелегальным пунктом в нашей программе было собирание фактов, наблюдений и опытов по вопросу о том, насколько наш простой народ доступен антиправительственной, революционной пропаганде, — так как этот вопрос был в то время очень спорным для нас (а попытка его разрешения перешла потом в так называемое «хождение в народ»). Недохватки заработка для самого аскетического существования долженствовали покрываться периодическими взносами сочувственников, остававшихся «в мире», в размере 1 рубля в месяц, откуда и временное название «Рублевого общества»[5]. Просидев 8 месяцев в III Отделении в Петропавловке, Лопатин был выслан с жандармами в город Ставрополь, с предписанием местному губернатору определить его на службу при своей канцелярии. Это было *последним* случаем административной ссылки *в этой форме*, прежде довольно частой. (Герцен, Салтыков и многие другие). Губернатор совсем не тес-

нил своего подневольного чиновника по особым поручениям, так что тот в продолжение своего годичного пребывания на этом месте успел даже сделать кое-что полезное: например, преобразовал местную общественную библиотеку, сделав ее сборным просветительным центром для местной прогрессивной учащейся молодежи, а главное, поднял и провел вопрос о замене в Ставропольской губернии общинно-захватного крестьянского землевладения (защищавшегося «богатырями», «каштанами» и т.п.) общинно-передельным, и притом не по чиновничьим, канцелярским указаниям, а по постановлениям сельских и волостных сходов (очень бурных). В конце 1869 года Лопатин был арестован по телеграфу, вследствие его письма, захваченного при обыске у одного из привлеченных к так называемому Нечаевскому делу[6]. В самом начале 1870 года (6 января) он бежал со ставропольской военной гауптвахты очень дерзким способом и после разных приключений пробрался за границу. Находясь еще в Санкт-Петербурге и услышав, что П.Л. Лавров жаждет покинуть свой Кадников для Парижа, он отправился за ним и привез его в Питер, где уступил ему заготовленный для себя заграничный паспорт, а сам остался в Питере до возвращения паспорта по почте, но затем уехал тоже в Париж. От Нечаевского дела он стоял в стороне по теоретическим разногласиям, выяснившимся путем переписки с Нечаевым и Бакуниным (через вторые руки) еще из Ставрополя. Однако он ездил повидаться с ними в Женеву и уладить с ними кое-какие мелкие дела. Там сошелся с Огаревым и тогдашней русской эмиграцией, очень разрозненной. Затем переселился в Лондон, чтобы быть поближе к Марксу, труд которого он принялся переводить тогда на русский язык. В это же время (в 1870 году) он был избран в Генеральный совет Международного общества рабочих (Интернационала), членом которого он стал еще в Париже. В конце 1870 года, бросив свой перевод (оконченный позже одним из его друзей)[7], он отправился в Сибирь с целью освобождения Н.Г. Чернышевского. Быстро сделав все разведки и приготовления в городе Иркутске и обеспечив себе даже правительственное содействие, он неожиданно был арестован вследствие одного несчастного совпадения. А именно, один из членов другой компании, задавшейся тою же целью, проврался о ней в Женеве; в результате — депеша из III Отделения в Иркутск: «У вас должен проживать в эту минуту некий человек, имя которого пока неизвестно, по такому-то делу. Ищите».

Последствия понятны сами собой. Летом 1871 года Лопатин бежал из особой камеры, отделанной для него при жандармских казармах, но был затравлен по горячему следу 8 верховыми жандармами, вскочившими на неоседланных лошадей и поскакавшими вслед, руководясь криками часового, поднявшего тревогу и пустившегося в погоню пешком. Оправданный судом по взведенному на него обвинению, Лопатин продолжал сидеть в остроге по распоряжению шефа жандармов, собиравшего против него новые улики. Наконец, по настояниям генерал-губернатора Синельникова, он был выпущен из острога под строгий полицейский надзор, причем, в видах пропитания, служил частным образом в местной контрольной палате. Узнав, что справки собраны и что его собираются снова арестовать, он летом 1872 года уплыл в двухвесельной душегубке вниз по Ангаре, спустился через знаменитые ангарские пороги и добрался постепенно до реки Енисея, где и вышел на берег в Усть-Тунгузке, проплыв в одиночку около 2000 старых «екатерининских» верст (по 700 или 800 саженей). Говорю «около», ибо даже карты того времени показывали лишь приблизительные расстояния, по данным глазомерных съемок и т.п.

Пробравшись через таежный переволок в 60 верст на так называемый Старо-Ачинский тракт, он доехал на крестьянских лошадях до города Томска, где был арестован на улице по фотографической карточке. Несмотря на хорошие бумаги и энергическую самозащиту и даже на то, что губернатор приказал отпустить Лопатина, местный полицеймейстер бросился по гостиницам, нашел в одной из них случайного проезжего из Иркутска, хорошо знавшего Лопатина в лицо, и с его помощью повернул все дело по-другому, вследствие чего Лопатин очутился снова в иркутском остроге. Летом 1873 года, призванный в окружной суд и заметив, что какой-то чиновник, приехавший за справками верхом, привязал свою лошадь к воротам, Лопатин, во время перерыва заседания, вышел вместе с «подчаском» освежиться на крыльцо, спрыгнул на землю, оторвал повод, вскочил в седло и ускакал в лес, тянувшийся бесконечно на север, вдоль так называемого Якутского тракта. После месячной игры в прятки и множества приключений он переоделся окончательно мужиком и, в собственной телеге и на собственной лошади, добрался шажком снова до Томска, где на этот раз сел благополучно на пароход, и в свое время, после новых приключений, прибыл в Питер, а затем в Париж. В Питер попал как раз в самый разгар деятельности так называемых «чайковцев» и «хождения в народ», а приехав в Цюрих, по дороге в Париж, застал там приготовления к выпуску № 1 «Вперед»[8]. Несмотря на тесную личную дружбу с Лавровым, отказался от сотрудничества в принципиальной части журнала по теоретическим разногласиям и поместил в нем лишь фактические сообщения о любопытной секте «Не-Наши» и начало биографического очерка о Щапове по поводу его смерти[9]. Следующие пять лет (1874—1879) проживал за границей, занимаясь переводами и, по семейным и иным обстоятельствам, не принимая правильного участия в деятельности революционных партий внутри России, не принадлежа номинально ни к одной из них, но поддерживая дружеские связи с представителями всяких групп и оказывая им посильные практические услуги. Однако в Россию наведывался почти ежегодно, на то или другое время, под тем или иным предлогом. Между прочим, в 1878 году долго

проживал в Москве, где вел в коммерческом суде, конечно, под чужим именем, дело о прекращении конкурса над известным электриком Яблочковым, объявленным было банкротом. Конечно, часто наведывался и в Питер, где очутился и в день убийства Мезенцева, причем словесные описания примет исполнителя этого дела и его костюма повели к некоторым подозрениям против Лопатина, разрешившимся, однако, на этот раз (да и позже) вполне благополучно, В самом начале 1879 года, узнав о новом повороте идей в русском революционном движении, приближавшем их к его собственным, и получив некоторые приглашения, Лопатин решил переселиться совсем в Россию и приехал в Питер под именем Севастьянова, именем, которое неожиданно надело ему на шею петлю с трех сторон: во-первых, некто Н. заявил, что взятая у него типография «Земли и воли» была поставлена к нему неким Севастьяновым. Во-вторых, доктор Веймар сказал, что револьвер, очутившийся потом в руках Соловьева, был куплен им для некоего Севастьянова. В-третьих, парижский сыщик Воронович известил, что, по слухам, на днях выехал из Парижа в Питер по важным делам некто Л., и этот Л. оказался теперь въехавшим в Россию по паспорту Севастьянова. Наконец, следствие по делу Соловьева установило на первых же шагах, что Веймар лишь на днях вернулся из Парижа, где он виделся с Лопатиным, то есть с Севастьяновым. Конечно, это совпадение выдуманных каждым порознь имен было чисто случайным, но зато и роковым, поведшим сначала к аресту, а затем к грозным осложнениям, из которых Лопатину удалось выпутаться лишь через 13 месяцев.

Весною 1880 года состоялось постановление о высылке его административным порядком в Восточную Сибирь или, снисходя к желаниям его родни, по жене, в город Ташкент, где ему представлялся заработок в местном частном банке. Однако с него потребовали денежный залог в 50000 рублей за благополучное прибытие из Оренбурга в Ташкент (до Оренбурга его провожал жандармский конвой) и в 10.000 рублей за неотлучное пребывание в Ташкенте. Но в начале 1882 года он уже избавился от денежного поручительства и был переведен в город Вологду, откуда в феврале 1883 года он собственною властью перевелся в Париж. Как известно, Липецкий съезд был в мае 1879 года, так что так называемая «Народная воля» и сложилась, и достигла своего апогея, и стала склоняться к упадку, особенно вследствие двух крупных предательств, как раз в то время, которое Лопатин провел по тюрьмам и ссылкам. Когда Лопатин приехал в Париж, уцелевшие члены старого Исполнительного комитета — Тихомиров и Ошанина, — присоединив к себе на помощь Лаврова, сосредоточили свои силы на издании «Вестника Народной Воли» и другой литературы, а в России шла бесплодная вербовка и переорганизации партии с никому не известным предателем в центре и под эгидою Судейкина. Как известно, Дегаев увидел себя вынужденным в мае 1883 года покаяться Тихомирову и Ошаниной и предложить им любое искупление за свои грехи. Те потребовали убийства Судейкина. Он обещал, уехал и затянул дело в долгий ящик, продолжая, однако, свою «службу». Те погрозили «пропечатать» его за границей; он прискакал к ним в сентябре; дал новые обещания, уехал и снова стал тянуть дело.

В это время Лопатин, проживавший в Лондоне, собрался снова переселиться в Россию и письменно предложил свои услуги Исполнительному комитету. Ошанина отвечала ему, что они и сами давно уже не давали бы ему покою уговорами примкнуть открыто к ним, но что в Питере теперь ужасно опасно, что им жаль рисковать попусту такой революционной силой, но что эта опасность вскоре минует, и тогда они с радостью... и т.д. Лопатин отвечал насмешливо, что ему неизвестно «неопасных» дел этого рода, что он не верит в наступление какого-то «момента», неожиданно уничтожающего опасности, что он видит в этих уговорах если не смешную наивность, то какие-то оскорбительные недомолвки и недоверие! (Впоследствии Ошанина говорила ему, что они не посмели сказать ему правды из опасения, что он, из нравственной брезгливости, отшатнется навек от группы, среди которой мог зародиться и существовать так долго такой ужасный политический разврат, а между тем все они сильно рассчитывали на Лопатина для реорганизации дел после удаления из них Дегаева и К°). Как бы то ни было, Лопатин, не выждав ответа на свое насмешливое письмо, уехал в Питер, где приступил к самостоятельным розыскам наличных революционных сил. Конечно, он быстро наткнулся на Дегаева, а через месяц уже заподозрил его двуличность, что побудило того открыть и ему свою роль и заданную ему в Париже задачу. Он объяснил, почему он должен затянуть дело и видоизменить задачу.

Но тут вмешался Лопатин и путем настояний, застращиваний и т.п. заставил его выполнить данные им обещания быстро и точно, под его неусыпным надзором, хотя сам Лопатин не принадлежал в то время к партии «Народная воля» ни формально, ни фактически. Непосредственного участия в этом деле он, однако, не принял, объяснив впоследствии кому следует, что он считал неприличным для себя участвовать в одном деле с двойным предателем и выпустить этого предателя живым, а убить его самовольно, то есть портить чужие расчеты собственными своевольными изменениями плана, он не считал себя вправе. Вскоре после этого дела в начале 1884 года он отправился в Париж, где формально примкнул к партии «Народная воля», и в марте того же года опять вернулся в Питер в качестве члена нового Исполнительного комитета. Перед ним стала здесь чудовищная для единичной личности задача «собирать рассыпанную храмину»; отделять «пшеницу от плевел», то есть удалять немалочисленные продукты политического разврата последних годов, вторгнувшиеся в

революционную среду — особенно в студенческие и рабочие кружки — в форме лиц, ведших двойную игру с революцией и полицией; затем отбирать «чистых от нечистых», то есть многочисленных лиц, оговоренных Дегаевым и оставленных Судейкиным «на развод», от — увы! — очень немногочисленных лиц, оставшихся не известными полиции или защищенных своей нелегальностью; нужно было открывать и присоединять к центру сохранившиеся обломки старых местных организаций, примирять возникшие во время безначалия разногласия и ссоры, изыскивать денежные средства на постановку новых дел, основывать заново или поддерживать только что возникшие опять типографии, спешить с выпуском хоть одного номера «Народной воли», стараться поставить хоть одно полезное и эффектное террористическое дело, как наилучшее агитационное и вербовочное средство для данной минуты, и т.д. При этом при отсутствии чистых и опытных людей, выкошенных долговременным предательством, ему приходилось, конечно, исполнять самолично поочередно, и даже одновременно, все роли, от старшего офицера партии до носильщика. Естественный результат такого «разнообразия» в деятельности не заставил себя долго ждать: 6 октября 1884 года он был схвачен переодетыми сыщиками на Казанском мосту и, после ряда перипетий, доставлен в крепость. В июне 1887 года он судился и был приговорен к смерти[10], которая потом была заменена ему пожизненным заключением в Шлюшине, где его, как и большинство его сотоварищей, обходили все так называемые «милостивые манифесты», и только русское освободительное движение 1905 года отворило наконец пред ним 28 октября двери этого рокового учреждения. Но и тут правительство не пожелало отпустить его совсем «вчистую», а удержало в руке привязанную к его ноге цепь: в предъявленном ему документе значится: «Вследствие временного расстройства этапных путей в Сибирь, куда ссылается на 4 года лишенный всех прав состояния ссыльно-поселенец Лопатин, разрешается ему прожить это время ожидания восстановления путей в городе Вильне, за поручительством его родного брата В.А. Л.[11] — Sapienti sat.

III. Ï îêàçàíèÿ Ëîïàòèíà

1. Г.А. Лопатин и Каракозовское дело.
2. Участие Г.А. Лопатина в «Рублевом обществе».
3. Пребывание Г.А. Лопатина в Ставрополе.
4. Пребывание Г.А. Лопатина в Сибири и его неудачная попытка освободить Н.Г. Чернышевского.

1. Ã.À. Ëîïàòèí è Êàðàêîçîâñêîå äåëî

Впервые Г.А. Лопатин, как он говорит в своей автобиографической записке, был привлечен к следствию в 1865 году за свое участие в студенческих волнениях, вызванных назначением профессора Ленца на кафедру физики. Волнения эти не вышли за стены университета, и привлечение Лопатина не имело для него никаких серьезных последствий: он продолжал заниматься в университете, давая уроки и зарабатывая мелкими литературными работами.

Вращаясь в кругу университетской молодежи и лиц, близких к ней, Г.А. Лопатин познакомился в 1865 году с И.А. Худяковым, одним из самых активных участников в Петербурге так называемого Ишутинского кружка, из которого вышел Д.В. Каракозов. Познакомился с Худяковым Лопатин, вероятно, через Александра Маркеловича Никольского, своего товарища по университету и родственника Худякова. Как говорит сам Лопатин, Худяков пытался привлечь и его к заговору; но на его «теоретические прощупывания» Лопатин «заявил полнейшее недоверие к тому, чтобы насильственная смерть государя, при отсутствии сильной революционной партии, могла повести к чему-нибудь путному, кроме усиления реакции»[12]. На этом дело и кончилось. Но, несмотря на то, что Лопатин остался в стороне, все же он 13 мая 1866 года был арестован и два месяца (с 14 мая по 14 июля 1866 года) просидел в отдельном каземате Невской куртины Петропавловской крепости.

Как известно, вслед за выстрелом Д.В. Каракозова, 4 апреля 1866 года, председателем высочайше учрежденной в С.-Петербурге Следственной комиссии был назначен граф М.Н. Муравьев — «Муравьев-вешатель», поставивший себе целью раскрыть во всех подробностях огромный, как казалось правящим сферам, заговор на жизнь Александра II. Граф Муравьев обратил внимание не только на лиц, непосредственно связанных с Каракозовым, но и на те источники «нигилистического направления», самым ярким и крайним выражением которого, по его мнению, было покушение Каракозова и действия его московских товарищей. Журналистика (главным образом, «Современник» и «Русское слово»), литературные работники, участники многочисленных трудовых артелей, филантропических обществ, всевозможных кружков и организаций, полуразрешенных правительством, устроители и участники бесплатных школ — все было взято на подозрение Муравьевым, стремившимся с корнем уничтожить «революционную гидру». Вполне естественно, что при таком широком размахе Следственной комиссии были заарестованы лица, или совершенно непричастные

к каракозовскому покушению, или имевшие только отдаленное знакомство с лицами, замешанными в это. В число таких лиц попал и Г.А. Лопатин: знакомство с А. Никольским, арестованным вместе с Худяковым, и участие в бесплатной школе Александры Константиновны Европеус, обвиняемой в «нигилистической пропаганде», послужили причиною его ареста. На эти два пункта и обратили особое внимание допрашивавшие Лопатина жандармы. Но Лопатин, хорошо зная, что в их руках не имеется никаких компрометирующих его данных, сравнительно скоро выпутался из этой истории безо всякого для себя ущерба и даже, выпущенный через два месяца на свободу, не был отдан под надзор полиции. Оба его показания, приводимые ниже, по существу своему совершенно не верны, что особенно видно из сопоставления их и с воспоминаниями о И.А. Худякове и с письмом к Н.П. Синельникову. Ловкость Лопатина, нарочитая детальность показаний, осторожность, умение не сказать ни слова лишнего и в то же время кажущаяся искренность и откровенность вполне убедили жандармов, что Лопатин совершенно не имеет никакого отношения к заговору. А между тем именно Лопатин, по просьбе Худякова, после его ареста, принял на себя ликвидацию оставшихся кружков и связей и до своего ареста был, так сказать, административным центром немногих остатков заговора. По свидетельству П.Л. Лаврова, снимавший показания капитан Никифораки «прямо выразился, что такого милого юношу ничто не собьет с надлежащей жизненной дороги»[13]. Он оказался прав: ничто [в] жизни не свернуло Лопатина с намеченного им для себя пути, только направление этой дороги оказалось совсем не тем, о котором думал жандарм.

В первом своем показании в Следственной комиссии от 15 мая 1866 года Г.А. Лопатин относительно своего знакомства с Никольским показал следующее[14].

«Окончив курс в Ставропольской гимназии в 1862 году, я в том же году поступил в Императорский С.-Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета, где познакомился с Александром Никольским[15] и многими другими студентами того же факультета, находящимися на четвертом курсе и фамилий которых я здесь не упоминаю, как не имеющих никакого прямого отношения к делу, о котором меня спрашивают. Кроме того, я имел в Петербурге несколько других знакомств, стоящих вне университета и которыми я обязан большею частью прежним связям моих родителей. Из них, если перечисление их может интересовать Комиссию, я могу упомянуть: Лопатиных (медик Государственных имуществ), Орфановых (начальник Отделения Военно-медицинского департамента), Зининых (профессор Медицинской академии), Бекетовых (профессор университета), Ишимову (воспитательница ее высочества Александры Иосифовны) и некоторых других. С Александром Никольским познакомился в университете, как уже упомянул выше, но посещал его также и на квартире, хотя и не особенно часто. На прежней квартире его (в Гороховой) встречал не раз его брата Павла, который всегда был со мною очень любезен, но ни в какие более близкие отношения с ним не вступал; даже, если заставал его одного, то после нескольких минут разговора обыкновенно уходил. После возвращения моего из Тифлиса, куда ездил на каникулы в сентябре 1865 года, застал Никольского уже на другой квартире, а именно у Фортакова[16] на Царскосельском проспекте, где он жил вместе с Ведерниковым[17], с которым я тут же познакомился и даже сошелся ближе по поводу частого размена книг по химии, которой и я и он очень интересовались. Фортакова видал только мельком раза два или три, что будет очень понятно, если припомнить расположение квартиры, которую занимали эти господа. Также видал там Яковенко. Ведерникова продолжал посещать и на его квартире, даже после того, как он разъехался с Никольским, тем более, что последние приготовления мои к экзамену требовали книг, которых я, по недостаточности средств, не мог приобретать покупкою, но которых у него всегда было довольно.

У Ведерникова встречал я Лебедева[18], которого, впрочем, большей частью, или не заставал дома, или заставал за работою, так что знаю его, собственно, весьма мало, хотя я кланяюсь при встрече и подаюсь руками (sic!). Более из знакомых Александра Никольского не могу в настоящую минуту припомнить никого, кроме разве его однокурсников-студентов, которые, хотя и раскланивались с ним в университете, но никогда, сколько мне известно, не посещали его на квартире. Приехав с Кавказа в сентябре 1865 года, в начале ноября я заболел и просидел в комнате, с различными небольшими промежутками, вплоть до Пасхи, после чего стал усиленно приготовляться к экзамену, который рассчитывал сдать в мае, так как крайняя недостаточность моих средств (я живу почти исключительно уроками) понуждала меня к скорейшему окончанию курса и приисканию какой-нибудь службы. Причем прекратил за недосугом почти все свои знакомства. Впрочем, у Никольского на новой его квартире в Загибенином переулке был раза два или три, причем заходил каждый раз после того, как обедал в кухмистерской, находящейся наискось от его квартиры в том же переулке. Я знал, что он живет с Худяковым, но сам с ним знаком не был[19], да и видел его всего два раза: первый раз застал их за чаем, причем Худяков взял свой стакан и ушел в свою комнату; в другой раз при моем входе они оба сидели на окне, но Худяков, как и прошлый раз, ответив на мой поклон, ушел к себе. Вильямовича и его жену я знал в лицо, как распорядителей кухмистерской, но знаком ни с одним из них не был. Что же касается до личного характера Ал. Никольского, его мнений, планов или действии, то я до сих пор не замечал в них ничего такого, что бы резко отличало его от других знакомых мне молодых людей, или, быть может, при всегдашней сбивчивости его в выражении своих

мыслей, я никогда не мог усвоить их себе с совершенною ясностью. Если же он и имел какие-либо преступные мнения или намерения, как это я могу видеть из направления расспросов Комиссии, то, по всей вероятности, не решался сообщать их мне, которого он знал за человека, занятого работою, слишком трудною, чтобы иметь время бездельничать, рассуждая о бесплодных умозрениях и теориях, не входящих ни прямо, ни косвенно в круг моих занятий. Во всяком случае, сколько я помню, я ни разу не слыхал от него ничего подобного и потому был крайне поражен его арестом, равно как арестом Ведерникова и Фортакова, которых я знал за людей далеко не радикальных[20] убеждений. Но настоящий мой арест меня много успокоил, так как, если эти люди виновны столько же, сколько и я, и если Комиссия в своих суждениях будет руководствоваться, в чем я нисколько не сомневаюсь, только чистою справедливостью и очевидностью, то я льщу себя надеждою, что нам еще придется свидеться на свободе, с честью, восстановленною перед целым светом, и с именем, незапятнанным каким бы то ни было участием в столь возмутительном для каждого русского деле.

Студент Герман Лопатин.

Показание отбирал гвардии капитан Никифораки».

Второе показание в Следственной комиссии Г.А. Лопатина исключительно касалось его работы в школе Александры Константиновны Европеус, в которую ввел его тот же А.М. Никольский. Школа эта была одним из многочисленных благих начинаний шестидесятых годов. Устроительница ее, с одной стороны, стремилась дать бесплатное образование детям бедных семейств, с другой, подготовить взрослых девушек к экзамену на гувернантку или домашнюю учительницу, чтобы они могли тем самым зарабатывать кусок хлеба. Содержалась школа на частные средства: пожертвования, выручки с концертов и т. п. Школа, однако, давала очень мало знаний: преподаватели были решительно недовольны соединением в один класс различных возрастов, с различною подготовкою, что, конечно, отражалось неблагоприятно на самом преподавании. Затем, благодаря отсутствию строго выработанной программы, преподавание, особенно в старшем классе, совершенно не носило серьезного характера. Некоторые преподаватели, как Лопатин, дававший уроки физики, при первом удобном случае бросали школу; некоторые, как Никольский, пытались воздействовать, но совершенно безуспешно, на А.К. Европеус. Но, конечно, не беспорядочность преподавания заставила обратить внимание Следственной комиссии на эту школу. В ней искали источников «нигилистического духа», тем более, что на Александра Ивановича Европеус, близкого родственника содержательницы школы, указал в одном из своих показаний Каракозов как на лицо очень влиятельное в петербургских кружках и как на одного из деятелей конституционной партии. Благодаря этому школе А.К. Европеус придавали особенное значение, в чем немало помогал своими показаниями один из учителей школы — А. Лебедев, державшийся на допросах, по выражению Лопатина, настоящим мерзавцем. Сам же Г.А. Лопатин, не считая нужным скрывать беспорядки в школе, в своем показании 17 мая 1866 года решительно отрицал как существование «проектов воспитания детей так называемых нигилистов», так и вообще какую-либо «нигилистическую пропаганду». На предложенный ему вопрос: «Какое вообще направление имела школа, и соответствовала ли она своей цели в отношении педагогическом, и какое вы можете сделать о школе госпожи Европеус заключение?» — Г.А. Лопатин дал следующее объяснение[21].

«В начале 1865 года Александр Никольский предложил мне давать уроки в бесплатной школе Европеус[22]. Относительно цели, устройства, состава и направления школы он мне сообщил, что школа разделяется на два главных отдела: старший и младший. В младшем классе предполагалось давать первоначальные элементарные познания приходящим детям недостаточных родителей, если не ошибаюсь, без различия сословий; в этом классе проходили: закон божий, арифметику, географию, русский язык и чистописание. При открытии же старшего класса, по его словам, имелось в виду дать возможность девушкам, не получившим порядочного образования дома, а между тем, по недостатку средств, принужденным жить своим трудом, получить здесь сведения такого рода, которые позволили бы им выдержать экзамен на гувернанток или домашних учительниц и впоследствии добросовестно исполнять эту обязанность. Так как я до тех пор давал уроки исключительно из предметов математических и так как из таких предметов осталась незанятою одна физика, то я и взял ее на себя, тем более, что один час в неделю, ввиду столь доброго дела, не мог составить для меня большого труда. В старшем классе, сколько помнится, я застал двух Лебедевых[23] (обе выдержали экзамены), Шемякину, Головину и еще какую-то косую девушку, фамилии которой теперь не припомню; но всех их я знал только в лицо, так как из них у меня училась одна только Шемякина.

Вообще все ученицы стояли на разной степени познаний, требовали совершенно отдельных курсов, почему в преподавании происходил большой беспорядок и вообще все дело шло очень вяло, что скоро охладило мое усердие, так что я с большим удовольствием воспользовался поездкой моей на Кавказ (в начале апреля 1865 года) как удобным предлогом для разорвания всех моих связей со школою, которую, по моем возвращении, не посетил *ни разу*. — Я знаю, что в школе бывали учительские собрания для обсуждения педагогических вопросов, но на них я тоже *ни разу* не был, несмотря на неоднократные приглашения, отговариваясь недосугом, что, впрочем, могут подтвердить как сама госпожа Европеус, так и А. Никольский, которые также могут засвидетельствовать, что им ни разу не случалось видеть меня в школе, кроме дней, в которые приходился мой урок.

Относительно же вредного будто бы направления школы, относительно проектов воспитания детей так называемых нигилистов и пр. и пр. имею честь объяснить, что все это услышал я в первый раз здесь, в Комиссии.

Студент Герман Лопатин.

Спрошенный еще раз о направлении школы госпожи Европеус, я имею честь присовокупить еще следующие дополнительные объяснения.

В характере госпожи Европеус были весьма многие черты, как-то: отсутствие некоторых общепринятых манер, известные черты костюма и пр., которые в обществе принято в последнее время называть нигилистическими, но я не думаю, чтобы она могла последовательно применять эти взгляды к воспитанию детей, хотя от примеси их к установившимся уже взглядам и мнениям и происходила та путаница и безалаберность в преподавании, о которой я упоминал выше и которая так сердила учителей, что Никольский, например, летом 1865 года совершенно разошелся с ней и на мои вопросы об этом предмете отвечал: «Это такая баба, с которой не сделаешь ничего порядочного; у ней сегодня одно, завтра другое», — и когда я спрашивал его, что он разумеет под словом «порядочное», он мне начинал объяснять, что она не хочет последовательно держаться строго обдуманной учебной программы, составленной учителями, а вводит разные пансионские замашки, по требованию некоторых *тонных* родителей, и что ее школа не чужда тех надувательств, основанных на наружной полировке воспитанников, которые должны быть совершенно изгнаны из порядочной школы нынешнего времени. К самой Европеус за разъяснением этих недоразумений я не пошел, боясь, что она опять предложит мне учить у нее, что мне уже очень надоело, тем более что я уже давно убедился, что подобные бессвязные отдельные курсы не приносят ровно никакой пользы. Никольский хотел основать другую школу на началах более систематических и приглашал меня к участию в ней, от чего я не отказывался, но это предприятие пало само собою, частью по недостатку средств и учителей, частью потому, что Никольский, занятый в последнее время деятельно переводом Овена, позабыл и думать о каких-нибудь школах. Шемякину, как мне рассказывали, рекомендовал попечению госпожи Европеус господин Энгельгардт, который желал вывесть ее из-под влияния не совсем нравственной семьи (одна из ее сестер, судя по рассказам, просто публичная женщина). Что же касается до отношений Шемякиной к Орфанову, то я не упоминал о них выше только потому, что не подозревал, что Комиссию может интересовать любовная история, не окончившаяся притом ничем серьезным: Орфанов познакомился с Шемякиной на Ижоре, на даче, и после ходил всюду за ней, как тень, поджидая ее на улицах и перекрестках, пока это ему не надоело. Я знаю это потому, что очень хорошо знаком с семейством Орфанова; но не знаю — известно ли это было госпоже Европеус, хотя для всех знакомых Орфанова и Шемякиной вся эта комедия отнюдь не была тайной.

Студент Герман Лопатин.

Показание снимал капитан Панютин».

2. Óñòèå Ã.À. Ëîïàòèíà â «Ðóáëåâîì îáùåñòâå»

Г.А. Лопатин в продолжение всей своей жизни всегда оставался человеком практики и никогда не увлекался чисто теоретическими, отвлеченными рассуждениями. Вращаясь в кругах прогрессивной молодежи 60-х годов и столкнувшись с представителями крайнего революционного движения, Лопатин не мог не обратить внимания на чисто книжное происхождение многих теорий, влиявших на нашу молодежь, на отвлеченность ее рассуждений и на малое знакомство с русской жизнью. Вопросы о народе, о благе трудящихся масс, о работе среди них, о необходимости уплатить долг народу оживленно дебатировались в то время, как и впоследствии, в различных кружках и группах. Но, как и впоследствии, молодые энтузиасты слишком мало знали тот народ, который занимал главное место в их планах переустройства русской жизни. В одном из своих писем Г.А. Лопатин прямо указывал, что «ничтожное знакомство прогрессивной молодежи с действительным положением и нуждами народа составляет самое слабое место среди теоретических взглядов и практических предприятий нашего времени». Вывод навязывался сам собою: необходимо организовать такой аппарат, такую группу людей, которые, не довольствуясь книжным представлением о народе, могли бы изучить его жизнь на практике, войдя с ним в непосредственные сношения.

Ликвидация худяковского дела, которая была поручена Лопатину, могла указать ему средства, с помощью которых можно было бы осуществить носившийся у него в мыслях план. «Компания, душою которой был Худяков, — пишет Лопатин в своих воспоминаниях о нем, — постоянно обучала грамоте разных отставных солдат, мастеровых и т. п. люд. Понятно, что эти занятия грамотою, происходившие на частных квартирах, не ограничивались этою скромною целью, но переходили в беседы гораздо более поучительного свойства». Лопатину и его товарищам, среди которых был самым близким Феликс Вадимович *Волховский*, вполне естественно представлялась наиболее соответствующей намеченной цели деятельность сельских учителей, которые, живя в деревне, могли лучше, чем кто-либо, познакомиться с жизнью и нуждами крестьянства. «Деятельность сельских учителей, по выражению Лопатина, приводя нас в непосредственное соприкос-

новение с массами, позволяла нам рассмотреть поближе этого загадочного сфинкса, называемого «народом». Мы рассчитывали получить таким образом возможность ознакомиться основательно с экономическим положением народа, его нуждами и потребностями, с его взглядами на вещи и его умственным развитием, со степенью его восприимчивости к известным идеям, а также со степенью основательности тех надежд, которые возлагаются на него пылкими приверженцами быстрого прогресса. Такое солидное знакомство с народом позволило бы нам составить себе ясное понятие об истинном положении вещей внутри нашего отечества и сознательно избрать себе на будущее время тот путь, следуя которому мы могли рассчитывать принести наиболее пользы вскормившему и воспитавшему нас отечеству». Но открытие постоянных сельских школ требовало много хлопот: согласия сельского схода, отвода особого помещения и т. п., что только замедлило бы дело. Поэтому Лопатин и Волховский пришли к мысли составить общество странствующих учителей, которые, переходя с одного места в другое, могли бы обучать крестьянских детей, не заводя особых школ. Помимо занятий с детьми, кочующие сельские учителя, по мысли Лопатина и Волховского, должны были беседовать с взрослыми на исторические и политические темы, читать им легальные книжки, составлять подворные статистические описания сел по выработанной Волховским программе — словом, вести всяческую легальную работу, направленную к выяснению разных сторон крестьянской жизни. Единственным нелегальным пунктом в программе деятельности сельских учителей, по указанию Лопатина, «было собирание фактов и наблюдений по вопросу о том, насколько наш народ доступен антиправительственной, революционной пропаганде».

На обязанности других членов общества лежало составление, издание и распространение книг для народа, в чем тогда чувствовалась огромная нужда. И в этом следует видеть влияние на Лопатина Худякова, автора прекрасных популярных книжек («Рассказы о старинных людях», «Самоучитель», «Рассказы о великих людях» и др.); тем более что единственное издание Лопатина и Волховского, по указанию последнего[24], была очень удачно составленная тем же Худяковым популярная книжка по истории русского народа под заглавием «Древняя Русь». Средства, вырученные от продажи изданий, а также ежемесячные взносы в размере одного рубля (откуда и самое название «Рублевое общество») лиц, сочувствовавших «Обществу», должны были идти на пополнение жалованья кочующим сельским учителям, которым, конечно, не могло хватать собственного незначительного заработка.

Плану Лопатина и Волховского нельзя отказать в стройности, целесообразности, а главным образом, в *своевременности*. Организация «Рублевого общества» относится к концу 1867 — началу 1868 года, а в 1871 году уже образовался известный в летописи революционного движения так называемый «кружок чайковцев», поставивший себе целью как издание и распространение народных и других книг, так и пропаганду среди городского и сельского населения. «Хождение же в народ», особенно развившееся к 1873 году, ставило, в сущности, ту же задачу сближения с народом, о котором мечтали Лопатин с Волховским.

И нет сомнения, что, если бы план их осуществился, хотя бы даже не в таком широком масштабе, если бы им удалось собрать хоть часть необходимых сведений, движение в народ приняло бы, может быть, и иные формы и была бы возможность, избежать многих ошибок, которые были наделаны впоследствии. Однако нельзя не отметить также, что и Лопатин и Волховский, замышляя о развитии «Рублевого общества», совсем не приняли во внимание того, как отнесется к их проектам правящая власть, лишь только узнает о кочующих сельских учителях, об чем-то разговаривающих с крестьянами и собирающих какие-то сведения по деревням. Впрочем, Лопатин был искренне убежден, что в его плане не было решительно ничего вредного, так как имелось в виду изучение масс, но не агитация; ему и в голову не приходило, что правительство с ожесточением будет ставить препятствия чисто *легальной* (что не раз подчеркивал Лопатин) культурно-просветительной работе, цель которой заключалась единственно в поднятии культурного уровня крестьянства. И сам Лопатин и лица, привлеченные впоследствии по процессам 50-ти и 193-х, дорого заплатили за эти розовые мечты своей юности.

Важные начинания «Рублевого общества» и полная неизвестность его в истории революционного движения заставляют подробнее остановиться на нем, тем более что дело об основателях «Рублевого общества» не было доведено до суда, и показания Лопатина и Волховского исчерпывающим образом освещают их цели и намерения.

В начале января 1868 года было перехвачено следующее письмо Г.А. Лопатина к Ф.В. Волховскому, обратившее на себя внимание «темным смыслом и многими условными выражениями»:

«Письмо твое, Феликс, — писал Лопатин, — в котором я никак не мог добраться до смысла (а именно, я не мог уразуметь связи между княжною Макуловою и княжною Долгорукою[25]) и за которое я заплатил, однако, целый рубль, — получил я третьего дня вечером и сейчас же отправил (по городской почте) приложенное к нему послание по адресу. Отвечу на те пункты твоего письма, смысл которых мне более или менее понятен.

Первый приемный комитет будет 15 числа. Я потолковал с делопроизводителем и почти уверен, что мы с тобой пройдем в полной сумме. Взаимный кредит раздал за этот год 26%! Впрочем, в нынешний год прибыль едва ли будет так велика, так как поступает туда непомерное количество новых членов.

Предложение твое насчет «дутых» векселей показывает малое знакомство твое с делом: для обсуждения и приема векселей существует особый учетный комитет, который никогда не допустит к учету заведомо некоммерческий вексель. Б. слишком хорошо известен всяким банковским комитетам, равно как и его средства. Достать 400 рублей — более никак не могу. Дело, которое ты излагаешь с таким волнением, я отказываюсь даже понять[26].

Относительно прежних твоих поручений могу доложить:

1. Фараоново воинство[27] пять раз не застал дома.
2. В цензуре не был[28].
3. У Калиниченков[29] idem.
4. Библиографии, биографии и портрета *пока* еще *не* разработал[30].
5. Рублевое общество подвигается вперед.
6 Относительно Казани[31] пока *ничего*.

Adieu, будь здоров! Отвечай поскорее; но посылай свои письма по почте, так как рубль будет для них цена немного дорогая. Особенно пиши о «Рублевом обществе».

Для выяснения подробностей письма III Отделение направило к Лопатину своего агента. Как видно из дальнейшего, Лопатин сразу узнал, с кем ему пришлось иметь дело, но не показал и виду. Агент же с торжеством донес своему начальству, что ему удалось возбудить доверие к себе Лопатина настолько, что Лопатин поручил ему переслать письмо Волховскому и целую партию книг. Во втором письме Лопатин сообщал Волховскому, что получил полное собрание сочинений Чернышевского (и даже его неизданные вещи), что программа Волховского задержана цензурой, что «Рублевое общество» идет помаленьку, так как ему некогда было взяться за него с должною энергией, и что программа («Вопрос молодого поколения») им еще не составлена.

Рассмотрев это письмо, III Отделение пришло к заключению, что им раскрыта новая важная революционная организация, «тождественная» прежней под названием «Молодая Россия» (вероятно, на это навела программа «Вопрос молодого поколения»), настолько серьезная, что тотчас распорядилось об аресте и строжайших обысках у Волховского — в Москве, у Лопатина — в Петербурге и у всех лиц, упомянутых в письмах.

В ночь на 10 февраля 1868 года у Лопатина был произведен обыск, который, однако, не дал никаких результатов. Узнав в таинственном посланце от Волховского неловкого агента III Отделения, Лопатин приготовился к обыску, и доклад с сожалением должен был констатировать факт, что «Лопатин, по всей вероятности, человек очень осторожный, ибо при явной фактически и неопровержимо доказанной его неблагонадежности, у него ничего не оказалось, кроме старого транспаранта, на котором следующий загадочный адрес: Geneve, Suisse; Auguste de Montagnac, Chemin des Savoires, — от постороннего». Кроме подозрительного транспаранта, у него были взяты: белый порошок, оказавшийся простым гуммиарабиком, карта Итальянского королевства, немецкая брошюра доктора Уле, «Избранные краткие письма по естественной истории» и рукопись ее перевода. Тем не менее Лопатин был арестован, доставлен в III Отделение и 12 февраля 1868 года давал свои первые показания.

Не сговорившись с Волховским заранее и не зная, насколько полно он желает давать показания относительно «Рублевого общества», Г.А. Лопатин предпочел сначала не открывать всей правды, особенно относительно тех вопросов, которые касались как его самого, так и Волховского:

«1. Под *программою*, — пишет он 12 февраля, — я разумел программу для собирания этностатистических сведений о России, представленную Ф. Волховским в московскую цензуру, которая ее не разрешила. Я хлопотал о разрешении в главном управлении по делам печати в С.-Петербурге, но и здесь последовал отказ, почему я и не заблагорассудил, как обещал сначала, составить программу для собирания сведений в великорусских губерниях, по образцу программы, составленной Волховским для губерний малорусских. Назвал я ее вкратце «Вопрос молодого поколения» потому, что она должна сопровождаться предисловием, в котором должна была быть развита та мысль, что пора нашему молодому поколению заняться серьезным изучением особенностей родного быта и бросить бесплодные споры касательно мечтательных теорий, вычитанных из иностранных книжек[32].

2. Под «Рублевым обществом» разумел я изложенный мною в предыдущем письме проект сборов в университетах на голодающих; причем сборы долженствовали иметь форму правильных периодических взносов (ежемесячных); сумма долженствовала быть или одинаковою для всех (minimum рубль — для отвращения дробных счетов), или должна была представлять известный процент с проживаемого рубля. О существующих уже или имеющихся уже в виду взносах я говорил не потому, что они действительно уже были налицо, но потому, что я был и сам уверен, что никогда не встретил бы отказа в пожертвовании на такое дело, если бы мои занятия позволили мне улучить время — заняться хорошенько этим делом. Говорил же так, чтобы ободрить Ф. Волховского, который сомневался в успехе, и заставить его начать!»[33].

Данное Лопатиным показание[34] вызвало естественное недоверие III Отделения, которое еще усилилось, когда были получены из Москвы первые показания Волховского. Давая по многим вопросам сходные с Лопатиным объяснения, Волховский особенно разошелся с ним относительно центрального пункта допроса — цели и назначения «Рублевого общества».

Говоря об остроумных кличках, всему даваемых Лопатиным, Волховский 4 февраля писал, что «Рублевым обществом» Лопатин назвал задуманное ими «коммерческое предприятие издательского свойства»; в такое общество должны войти несколько лиц и составить нечто вроде издательского товарищества; какой-либо прочной организации оно не составляло, так как предполагалось издать определенную детскую естественно-научную книжку и народный лечебник.

На дальнейших допросах уже в Следственной комиссии и Лопатин, и Волховский по-прежнему каждый стоял на своем: один писал, что ему ничего неизвестно о какой-либо издательской компании; другой говорил, что первый раз слышит о сборах на голодающих. Такие разногласия показывали допрашивающим, что тот и другой скрывают настоящие цели «Рублевого общества», и, не предъявляя им обвинения, поджидали, чтобы они сами дали достаточно материала для обвинения. Очной ставки им тоже не давали, так как Комиссия, с самого начала убедившись «в упорном запирательстве и дерзком нахальстве Лопатина», боялась, что Лопатин сумеет сговориться с Волховским и тогда оба они согласно будут настаивать на каких-либо неправдоподобных объяснениях. Дело, таким образом, затягивалось «впредь до выяснения».

Только найденный 8 апреля, при вторичном обыске в квартире Волховского, дневник и некоторые записки заставили его дать новые показания; в них уже проскальзывают сведения о народных учителях, об обязанности молодежи направить свои силы на изучение родного края и на народное образование, и о том, что важнейшим вопросом является изучение России в экономическом и статистическом отношениях, так как благодаря реформам жизненные условия, особенно крестьянства, сильно изменились.

Положение выяснилось настолько, что Волховскому не оставалось ничего, кроме «чистосердечного признания», что он и сделал 24 апреля 1868 года, когда рассказал более подробно о своих украинских симпатиях, о кочующих сельских учителях, их просветительной деятельности, назвал лиц, внесших деньги, причем указал, что Лопатин заинтересовался в этом деле не столько педагогической стороной, сколько научной, то есть собиранием статистических, экономических и тому подобных сведений как материала для науки.

Написав свое «признание», Волховский, как он рассказывает в своих воспоминаниях[35], при помощи доброжелательного часового-жандарма, сумел переслать черновик своего последнего показания Лопатину. Последний на новом допросе, 26 апреля, не находя нужным скрывать что-либо и зная, чего надо держаться, подтвердил все сказанное Волховским и развил во всех подробностях настоящие планы и цели «Рублевого общества».

«Я[36] соглашаюсь с Волховским в том, что под словами «Рублевое общество» надо разуметь не «общество для сборов в пользу голодающих», как я показывал это сначала, а другое, проектированное нами (мною и Волховским) общество, которое хотя и не получило еще до сих пор определенной организации и развития, а также и названия, но которое, по основной его цели и стремлениям, весьма удобно могло бы быть названо «Обществом для распространения просвещения в народе». — Мотивами, вызвавшими, с нашей стороны, проект составления подобного общества, послужили следующие соображения:

1. Первоначальное образование народа находится в руках лиц, в высшей степени невежественных и не подготовленных к такому делу, каковы: церковный причт, волостные писари, отставные солдаты, выгнанные из службы за воровство и пьянство чиновники, старые девки и вдовы, летом скитающиеся по монастырям и богомольям, а зимой читающие по покойникам и обучающие деревенское юношество. 2. Вследствие такого подбора педагогов обучение производится по допотопным методам, искажающим и насилующим умственные способности детей, требующим для получения успеха слишком продолжительного по времени курса, делающим учение для детей трудным, изнурительным и сеющим непреодолимое отвращение; самые результаты учения по таким методам весьма часто бывают очень печальны: они состоят иногда в достижении искусства читать только те книги, по которым ученик учился. 3. Такая бесплодность результатов, по сравнению с затраченными издержками, временем и здоровьем, — поддерживает, и без того весьма распространенное в народе предубеждение против грамотности и просвещения. 4. Всякого рода учебники и пособия, изданные до сих пор для сельских школ, представляют самое прискорбное зрелище: это суть или произведения самого жалкого тупоумия и невежества, или плоды самой бесстыдной и наглой спекуляции; они не содержат в себе ничего, что было бы сколько-нибудь полезно или хотя отчасти применимо к жизни тех, для кого они предназначены. Сверх того, они написаны самым варварским и неудобопонятным языком. 5. Серьезного улучшения в системе народного образования никак нельзя ожидать при усилиях со стороны одного только правительства: правительство покупает услуги частных лиц за деньги; а до тех пор, пока лица, служащие правительству, будут служить ему только за деньги, как мы это видим почти повсюду, до тех пор на места сельских учителей будет поступать только отброс, никуда более не годный, так как люди со способностями и знаниями всегда будут пробиваться на места более выгодные и более видные. Правительство же не в состоянии назначить сельским учителям жалованья, достаточного для того, чтобы привлечь к себе внимание людей с высоким умственным развитием. Поэтому сделать почин в таком деле (то есть в деле улучшения системы народного образования) и

принести здесь истинную пользу могут только частные лица, добровольно, по внутреннему влечению посвятившие себя этому труду, служащие отвлеченной идее, руководимые чувством гражданского долга, делающие дела из теплой любви к самому делу, а не из-за денег или из-за каких-либо других материальных выгод. Приняв во внимание все изложенное здесь, я и Волховский полагали в высшей степени полезным: A) Составить и издать следующие книги: 1) буквари и вообще рациональные руководства для обучения грамоте, 2) учебники по предметам, наиболее важным в народной жизни: по арифметике и счетоводству, по сельскому хозяйству, по домашней гигиене и медицине, по ветеринарному искусству, по сельской технологии; по практической геометрии и межеванью и пр., и пр., 3) книги, служащие для ознакомления человека с внешним миром, с явлениями окружающей его природы, то есть так называемая физика земного шара и физическая география, а также основные понятия по астрономии, физике, метеорологии, химии и описательным естественным наукам, с их применениями к обыденной жизни, 4) основные понятия по географии и истории России и соседних стран, 5) книги, имеющие целью ознакомить народ с положительным законодательством его отечества, которое ему почти совершенно неизвестно, частью вследствие дороговизны собраний законов, частью вследствие непонятности для него языка, которым законы писаны. Такие издания научили бы народ знать свои права и обязанности; в них нашло бы также место изложение духа, оснований и важнейших подробностей так называемых последних реформ, наконец, 6) собрания лучших отрывков из известных писателей для развития в народе литературного вкуса, так как издания, служащие ныне для развлечения народа, отличаются, как известно, скорее дешевизною, чем какими-либо эстетическими достоинствами. B) Найти, уговорить или подготовить людей, которые бы взяли на себя: 1) составление таких книг, 2) личное преподавание по селам и деревням. C) Собрать денежные средства, необходимые: 1) для издания и распространения вышеозначенных сочинений и 2) для поддержания учителей в продолжение их педагогической деятельности.

Книги долженствовали быть написаны самым понятным языком, изданы в большом количестве и распространены как можно более, продаваясь по возможно дешевой цене, а в случае крайности, раздаваясь даже даром. Учителя долженствовали или примкнуть к имеющимся уже народным школам, или же действовать самостоятельно, начав преподавание исподволь и не называя собрания своих учеников громким именем «школы», чтобы не привлекать лишнего внимания со стороны, так как закрытие одной из деревенских школ Полтавской губернии (описанное в газетах), С.-Петербургской школы сельских учительниц и другие подобные истории показывают, что администрация не особенно благосклонно относится к действиям частных лиц в этой сфере. Материальное содержание свое учителя должны были получать частью из платы, взимаемой с учеников, частью от литературных работ, материалом для которых могли служить обильные и в высшей степени полезные наблюдения над окружающей их жизнью; в случае же недостаточности этих источников, необходимую для них поддержку должно было доставить им Общество, конечно, в самых умеренных размерах. Средства свои Общество предполагало получать: частью из ежемесячных взносов своих действительных членов (по 1 рублю в месяц), частью от всякого рода пожертвований: деньгами, книгами, вещами и прочим со стороны знакомых лиц, частью от продажи своих будущих изданий; наконец, можно было бы устроить, под более или менее приличными предлогами, несколько концертов или литературных вечеров.

На вопрос, почему я с Волховским не желали действовать, относительно нашего проекта, путем официальным, — я замечу следующее: во-первых, Общество, как таковое, во время нашего ареста еще не существовало; самый устав (или программа действий, как мы его называли между собой) не был еще выработан, что очень хорошо известно Комиссии; во-вторых, ни я, ни Волховский не принадлежим к числу людей, мнение которых особенно занимало бы министерство народного просвещения, и, наконец, в-третьих, ни я, ни Волховский не желали обращаться в официальные сферы с проектом, который, подобно многим другим фантастическим проектам, не имел за себя ничего, кроме нашего личного убеждения в его осуществимости. Дело другое, когда бы мы туда обратились после нескольких лет труда, когда бы мы могли указать на практические результаты, добытые нами, и на те выводы, которые сделаны нами из нашей деятельности, относительно того пути, по которому должно было пойти дальнейшее развитие нашего проекта. Тогда было бы можно рассчитывать и на официальное разрешение, и на поддержку нашего плана. А такая официальная обстановка дела необходима для придания делу нужной широты и гласности, без которых предприятия такого рода просто немыслимы. Я и Волховский понимали все это очень хорошо, но откладывали дело до более удобного времени.

Теперь я постараюсь объяснить, почему я в предыдущих своих показаниях несколько уклонялся от истины. Я делал это вследствие того, что, во-первых, я считал своим долгом предоставить Волховскому полную свободу в показаниях, так как я чувствую себя безусловно виновным перед ним в нашем аресте: непосредственною причиною этого ареста, по моему убеждению, послужило мое последнее письмо к Волховскому, посланное мною, из глупой шутки, с человеком, относительно истинных качеств которого я почти нисколько не сомневался[37]; конечно, я не воображал, чтобы собственно письму было придано когда-нибудь какое-либо значение; я забавлялся только мыслью о разочаровании моего «нового друга», после разобрания им стенографической записки; но, во всяком случае, мне следовало предупредить Волховского в том, что мне вздумалось шутить, чтобы он все-таки принял

на всякий случай какие-нибудь меры предосторожности — я этого не сделал и в настоящее время считал себя обязанным, по крайней мере, предоставить ему те выгоды, которые заключаются в полной свободе показаний. Во-вторых, я думал, что инициатива в показаниях, по праву, принадлежит Волховскому уже потому, что все бумаги, служащие путеводною нитью Комиссии, принадлежат ему, а не мне, а потому — только он один может верно определить ту ширину, тот объем и ту степень обстоятельности, которые должны представлять наши показания; я же, по самому положению своему, обязан петь второй голос. Я знаю, что *по закону* я обязан отвечать в Комиссии *все* обо всем, но я знаю также, что сама Комиссия внутренне совершенно убеждена в том, что нет такого человека, которому доставляло бы удовольствие, без крайней необходимости, разоблачать свой внутренний мир перед людьми, совершенно чуждыми ему, как по их общественному положению, так, вероятно, и по их образу мыслей. Вынужденный говорить, он все-таки будет говорить только то, что необходимо, не сказать чего решительно невозможно, и для него всегда будет в высшей степени важно —определить для себя границы этой *необходимой* откровенности. Мы живем не в Америке и не в Англии, где подсудимый имеет право отказаться отвечать на вопросы, кажущиеся ему щекотливыми, и предоставить судить себя на основании совокупности свидетельских показаний и писаных документов; у нас Следственная комиссия располагает целым арсеналом средств заставить человека говорить, поэтому нечего удивляться, если у нас арестант, для того чтобы спасти от профанации хотя часть своей интимной жизни, принужден прибегать к сдержанности, уклончивости, уловкам, отступлениям от истины и другим неблаговидным средствам, роняющим достоинство и уважение к себе в порядочном человеке; такие отступления от правил повседневной морали могут быть оправданы только исключительным положением, подобно тем отступлениям, которые допускаются в стране, находящейся на военном положении, от законов, действующих там в мирное время. Быть может, высказываемое здесь мнение покажется несколько странным, но не потому, чтобы оно не было известно Комиссии давным-давно или чтобы она находила его неестественным; не потому, чтобы каждый арестант не соглашался с этим взглядом или не следовал ему молча, во всех решительно случаях, но только потому, что не каждый находит нужным высказывать его в такой ясной и положительной форме.

Мне возражали в Комиссии, что мой образ действий приносит Волховскому более вреда, чем пользы, потому что: 1. Он затягивает дело, подрывая противоречивыми показаниями кредит показаний Волховского; но что касается до этого, то я убежден в том, что мои показания были таковы, что Комиссия ни минуты не могла колебаться между ними и показаниями Волховского. 2. Согласившись с показаниями Волховского только после того, как я получил о них уже некоторое понятие, я подаю повод думать, что, может быть, Волховский и теперь лжет, а я соглашаюсь с ним только по дружбе. — Но, во-первых, я осмелюсь уверить Комиссию, что, если бы Волховский лгал, я никогда не рискнул бы изменить свои показания прежде, чем услышал бы его показания от него *лично*; во-вторых, мне не позволили прочесть показаний Волховского и не сообщали их словесно, но в самой постановке вопросов мне в Комиссии для меня заключались намеки на то, что ей уже известна истина, а потому я и изменил свои показания; мне очень хорошо известно, что Комиссия может узнать правду только от меня или от Волховского и ниоткуда больше; следовательно, если она знает истину, то ей сообщил ее Волховский, следовательно, и я могу делать то же. 3. Положим, что Волховский сказал правду; но моя выжидательная метода показывает, что я думал, что он мог и не говорить правды, а следовательно, дело стоило того, чтобы лгать, то есть что оно, по моему же мнению, имело какой-то политический или вообще преступный оттенок.

Но, во-первых, Комиссия, захватив Волховского со всеми его потрохами, имеет полную возможность не сомневаться касательно истинного оттенка дела: из имеющихся у ней в руках бумаг она может видеть не только мысли его по этому делу, но и вообще последовательное развитие во времени всех его мыслей и чувств; во-вторых, я совершенно не согласен с тем, будто бы человек может находить щекотливыми только те объяснения, которые касаются преступных замыслов или любовных интриг; степень щекотливости зависит от степени нравственного развития: человек с тонким развитием чувства имеет множество так называемых задушевных убеждений, планов, идей.., о которых он не станет, без нужды, разговаривать в кругу людей, от которых он не может ожидать большого сочувствия к себе и к своим взглядам. И мне и Волховскому столько раз приходилось слышать название «непрошеных благодетелей народа» и другие столь же остроумные и не менее ядовитые прозвища, что я полагаю, что у меня и у Волховского давно уже исчезло мальчишеское расположение к безусловной откровенности решительно со всеми. А потому я нисколько не удивился бы, если бы Волховский постарался отклониться от необходимости углубиться в подробное изъяснение своих сокровеннейших чувств и мыслей, насколько такое отклонение было бы допущено взятыми у него документами. Но коль скоро, раз Волховский, вследствие искренности своего характера (или, может быть, вследствие найденных у него бумаг), решился говорить одну истину, то и я не вижу более причины настаивать долее на своих показаниях, которые только и годились на то, чтобы, опираясь на них, выжидать очной ставки с Волховским. Хотя такое объяснение моего предыдущего поведения покажется, быть может, Комиссии не вполне удовлетворительным с точки зрения положительного закона, но я не думаю, чтобы хотя один из ее членов усомнился на этот раз в его истинности.

II. Под «Программою» («Вопрос молодого поколения») мы разумели программу будущих действий вышеописанного Общества, или его устав. Эту программу намерен был составить я. В ней я должен был изложить мотивы, вызвавшие составление Общества, цели, которые оно намеревалось преследовать, и те средства, при помощи которых оно полагало возможным осуществить эти цели; одним словом, все то, о чем я уже говорил выше; только все это долженствовало быть изложенным более литературным образом, бойко и горячо. Программа эта должна была служить для ознакомления будущих членов Общества с их обязанностями, для избежания скучного повторения, — на словах, — постоянно одного и того же. Если бы Общество достаточно разрослось, ее предполагалось отлитографировать, а если бы Общество получило — со временем — официальное утверждение, то ее можно было бы тогда напечатать и распространить более широким образом. Называли мы эту программу, в нашей переписке, для краткости и для отличия от этностатистических программ, «Вопросом молодого поколения», потому что мы полагали, что наши планы могут встретить деятельное сочувствие исключительно в кругу молодежи, которая всегда более расположена к экзальтации, к самопожертвованию, к служению отвлеченной идее в прямой ущерб своим личным интересам, — чем зрелый возраст. В предыдущих своих показаниях я отступил несколько от истины при объяснении смысла этой программы. Я сделал это потому, что, уклоняясь до поры до времени от правильного истолкования «Рублевого общества», я, по весьма понятным причинам, не находил нужным упоминать и об его уставе. Связывал же я эту программу с этностатистическими программами оттого, что они действительно имеют между собой очень много общего. По напечатании этих последних программ их предполагалось раздать сельским учителям и другим лицам, находящимся в подобном же положении (например, сельскому духовенству), для того, чтобы они, в досужное время, собирали означенные там сведения, из которых впоследствии мог бы составиться весьма ценный материал для всестороннего познания России. Запрещение, наложенное на эти программы главным управлением по делам печати, совершенно затормозило эту часть нашего плана. Программа («Вопрос молодого поколения») мною еще не была составлена, что видно из моего письма; не сделал же я этого за недосугом.

III. Что касается до личного состава Общества и до его денежных средств, то ни то, ни другое, до нашего ареста, не получило еще никакого развития, по крайней мере, в Петербурге. С лицами, годными для вербовки в сельские учителя, я еще не разговаривал об этом предмете за недосугом, как это видно и из моих писем к Волховскому. Что же относится до денег, то их тоже еще совсем не было, хотя я и писал ему, что собрал уже несколько для того, чтобы ободрить его для трудов на этом поприще. Были ли привлечены в это Общество какие-нибудь лица и были ли собраны какие-нибудь деньги в Москве, я не знаю. Волховский мне не писал еще об этом. Названные мне в Комиссии фамилии Клименки, Шугурова и Лавриновича[38] мне хотя известны, но с этими лицами я не знаком лично; как о членах же нашего Общества, слышу о них впервые.

IV. В заключение считаю необходимым особенно настаивать на том обстоятельстве, что, хотя я и употребляю повсюду для удобства слово «Общество», но это есть чисто произвольное злоупотребление словом; было бы гораздо правильнее говорить, вместо этого, — «наши-фантазии», так как никакого «*Общества*», как такового, не существовало, и даже в будущем осуществление его было более чем сомнительно. *Герман Лопатин*».

Дело, таким образом, разъяснилось, и Комиссия убедилась, что «страшное» «Рублевое общество» не представляет даже ничего противозаконного, да и само «Общество» еще существовало только в предположениях. Поэтому Комиссия 17 августа 1868 года в докладной записке, подводящей итоги всему делу, постановила: 1) Волховского, приняв во внимание его молодость и откровенные признания, освободить от ареста и дальнейшего преследования, подчинив его негласному полицейскому надзору; 2) Лопатина же, вследствие его упорного запирательства —выслать из Петербурга в Тифлис под непосредственный надзор отца и строгое наблюдение властей, предоставив ему, однако, право поступить на государственную службу.

17 же августа Волховский был выпущен на свободу и отдан на поруки своей матери, а Лопатин — 23 августа передан в распоряжение петербургского обер-полицмейстера для высылки из Петербурга в Ставрополь (Кавказский), куда был переведен его отец. В Ставрополе, по определению на службу, Лопатин был назначен «исправляющим должность младшего чиновника особых поручений при губернаторе, без жалованья впредь до открытия таковой же должности с содержанием». Так началась недолговременная государственная служба Г.А. Лопатина, давшая ему впоследствии, при допросах, возможность именоваться вместо кандидата Петербургского университета — отставным коллежским секретарем.

3. Ïðåáûâàíèå Ã.À. Ëîïàòèíà â Ñòàâðîïîëå

Непродолжительный период пребывания Лопатина в Ставрополе (с конца 1868 года по конец 1869 года), период его «служебной карьеры» совершенно не освещен в его биографии. По свидетельству П.Л. Лаврова, автора наиболее полного о нем биографического очерка, сам Лопатин почти не вспоминал об этом времени. Да и чем хорошим мог вспомянуть молодой, полный сил и энергии человек

свое вынужденное пребывание в провинции? Чиновническая карьера, конечно, не могла интересовать его, а ставропольское общество не давало никакой пищи его пытливому уму. Лопатин чувствовал себя страшно одиноким! Лишенный книг, молодого прогрессивного общества, своих друзей и товарищей, он, подобно орлу, заключенному в клетке, задыхался и тосковал в спокойной, тихой ставропольской жизни. Понятно, что мысль о побеге не переставала беспокоить неугомонного Лопатина; побегу он придавал огромное значение, говоря, что для него — это вопрос жизни или смерти. В большом своем «циркулярном» письме от 15 сентября 1869 года Лопатин знакомит во всех подробностях своего петербургского сотоварища, Михаила Федоровича Негрескула, с планом побега, попутно характеризуя при этом свою жизнь, свои занятия, отношения к обществу и т.п. В этом отношении печатаемое письмо[39] имеет большое значение для его биографии, освещая один из темных периодов его жизни:

«Ставрополь, 15 сентября [1869 г.]. Хотел послать Вам, М(ихаил) Ф(едорович)[40], второе письмо тотчас после того, как послал первое, да вот до сих пор не собрался. Дело в том, что за это время я опять ездил в командировку (поселял эстонцев), из которой вернулся на днях и застал дома Ваш ответ на мое первое письмо.

Читая описание Ваших субъективных ощущений, навеянных не заграничными людьми и событиями, я засвистал протяжно и жалобно, пытаясь, хотя немного фальшиво, попасть на голос: «Ах зачем было огород городить?!» — Впрочем, едва ли сюжет этот особенно пригоден для циркулярного послания, каковым должно быть это письмо; хотя Вы не должны сомневаться, что впечатления Ваши с этой стороны очень интересуют меня, как и все, близко касающееся моих старых друзей. — Краткие намеки Ваши на виденные Вами картины природы прочел не без некоторого чувства зависти. Я и сам видел много хорошего в этом направлении, но это-то и заставляет меня понимать всякий намек на красоты природы; а понявши, я не могу не завидовать. Для других описание горного пейзажа или морской сцены представляет только более или менее удачно подобранные слова и выражения; для меня это ряд образов. Я зажмуриваю на минуту глаза, и вот я сейчас же чувствую, обоняю горный воздух, запах, травы, вижу ослепительный блеск солнца, ощущаю своей щекой палящий зной, который отбрасывают от себя скалы, или слышу глухой ропот волн и чувствую запах гниющих водорослей, выброшенных на берег. Воображение мое часто работает в этой сфере и заставляет мое сердце ныть самым мучительным образом. Еще с большим интересом прочел я описание Ваших встреч и знакомств. Отвечать мне на Ваш рассказ, понятно, нечего, рассказы просто слушаются, но на них не отвечают; а все Ваше последнее письмо есть рассказ, который я прочел с большим интересом и который я Вас очень прошу продолжать. Вы сказали, что познакомились с N., которого Вы почему-то называете Ольхин (?); расскажите мне о нем поподробнее и объясните, если можете, что он желает произвесть своими трудами. В письме моем к Л., который, вероятно, переслал его Вам, я высказал в коротких словах мой взгляд на эти произведения.

Оставляю Ваше письмо и перехожу к своим личным делам. Я должен сознаться, что отсутствие всякой, сколько-нибудь широкой и полезной, деятельности, обязательный и несимпатичный труд, недостаток людей, по уму и характеру подходящих к моим вкусам, наконец, отсутствие приятных впечатлений и сильных ощущений во всех других областях жизни, в области умственной, нравственной, физической... делают для меня жизнь в С(таврополе) с каждым днем все отвратительнее и отвратительнее. Даже по газетам Вы сами можете видеть, как стесняется у нас с каждым днем все более и более частная инициатива во всех сферах деятельности: неудачная попытка устроить нечто вроде Bildungs- und Consum-Verein'a, о которой Вы сами же мне сообщали, готовящиеся новые изменения в законах о печати, новые правила для высших учебных заведений, затруднительный доступ ко всем местам, стоящим слишком близко к народу (народные учителя, сельские писари — зри циркуляры Министерства внутренних дел, — совершенное закрытие для компрометированной молодежи педагогического и юридического поприща (общеизвестные циркуляры), попытки изменить к худшему положение о земстве (печатание отчетов, обложение промышленных заведений и многое другое) и положение 19 февраля (новые предупредительные правила насчет 1870 года), высылка молодежи из столиц, возрастающая бдительность администрации даже в провинциях и разных захолустьях, — вот немногие примеры тех репрессивных мер, которыми подавляется у нас всякая частная полезная деятельность. Даже те роды деятельности, которые, в теории, совершенно дозволены, на практике наталкиваются на бесчисленные затруднения и препятствия. Любопытно видеть, как трудно держаться даже за такую сравнительно ничтожную по своей полезности деятельность, как моя должность библиотекаря. Заметьте, что меня очень любит губернатор и, судя по внешности, уважает мои мнения и мой образ действий. Когда я выезжаю в уезд, в моем предписании значится: «предписывается господам исправникам, становым приставам и прочим чинам земской полиции беспрекословно исполнять всякое распоряжение такого-то». Таким образом ни одна шельма не смеет здесь затронуть меня открыто. Я обставлен здесь лучше, чем кто-нибудь, и что же? — Не прошло и нескольких месяцев моего управления библиотекою, как уже подается куда следует донос, что библиотекою управляет высланный за политическую неблагонадежность, что библиотека превращена им в место сходок для гимназистов и семинаристов старших классов и для высланных студентов, что я сводничаю между молодежью и сими изгнанниками — заметьте, что все это неправда. Прежде

жандармерия открывала часть того, что происходило на самом деле; а теперь она предвосхищает у вас ваши лучшие идеи и планы, прежде чем они успели принять у вас в голове определенные формы! Из главного управления Наместника получено секретное приказание обревизовать негласно библиотеку, донести о характере ее книжного состава, назначить ответственное лицо и пр. — Понятно, что, как ни любит меня губернатор, но, в случае беспрерывного повторения подобных тревог, он не задумается отстранить меня для сохранения собственного спокойствия! Далее я уже писал, что из семинаристов дозволено посещать библиотеку только немногим, и притом они могут читать только известные книги. Я писал, что пускаю всех и даю им все; но для этого я вынужден на свой страх вести фальшивые конторские книги.

Недавно (месяца три назад) явился ко мне директор гимназии и, ссылаясь на секретные инструкции, просил меня не пускать в библиотеку гимназистов. Сначала я пообещал, хотя в довольно неопределенных выражениях и притом с твердым намерением не исполнять своего обещания; но потом я укрепился в своей позиции и тогда положительно отказался закрыть гимназистам доступ в библиотеку до тех пор, пока мне не будет предписано этого официальным порядком. А когда мне это предпишут (едва ли), то я попрошу гимназистов ходить не в форме, а в штатском платье. Из этого Вы видите, в каких пустяках приходится мошенничать! — Далее из официальных источников я знаю, что в июне сюда приезжал агент III Отделения (фамилии и других подробностей относительно личности, местожительства я разузнать не мог, а то он едва ли бы уехал отсюда!). Ему поручено было выждать получение в Пятигорске тюка с нечаевскими прокламациями, посланными, на основании каких-то не известных мне соображений, на имя директора Минеральных Вод Смирнова (и кому здесь нужны прокламации, да еще такие?! И почему Смирнов сочтен радикалом?!). Затем ему велено было собрать сведения об образе жизни и поведении высланных студентов. Я в особенности был рекомендован его вниманию. Вот видите, как заботится начальство о своих пациентах! Кстати о высланных студентах. Вон N. думает, что правительство поступило отлично, разослав на свой счет пропагандистов во все концы империи. Ну, во-первых, это все желторотые первокурсники, играющие во всяком движении роль толпы, а во-вторых, на счет предоставленной им возможности пропаганды мог бы доставить ему любопытные сведения. Секретным циркуляром (не забудьте, я служу по администрации, в центре губернских тайн) их велено продержать 2 года (!) в Ставрополе, и 5 лет они не имеют права въезда в столицы. И это за исполнение роли «толпы» в «университетской» истории; а сколько же времени будут держать меня?! — сведений об этом губернской администрации не доверено. Мест на коронной службе они найти себе не могут, потому что все места переполнены более благонадежными людьми.

Действительно, ни один из них до сих пор не служит. Уроков им достать нельзя: кто же здесь вверит им своих детей? Ни народными учителями, ни волостными писарями, ни чем подобным быть им не позволят. Мало того, они принуждены постоянно жить в губернском городе, где невозможно сыскать подобных занятий. Частная деятельность в другой какой-либо форме у нас, в С(таврополе), не развита. Таким образом, все (4) они живут на счет родителей, а 3 поляка, присланные из Сибири, как я слышал, буквально, собирают милостыню по купеческим лавкам (надо будет осторожно разыскать их). Этого мало; нравственное положение их тоже не завидно. Им не с кем душу отвести. Мне с ними смертельно скучно, потому что все это зеленая, зеленейшая юность! Людям, не сходным с нами по теоретическим взглядам, но тем не менее достигшим умственной зрелости, точно так же скучно с ними. С разными пошляками, изобилующими здесь, как и повсюду, им самим скучно. Самое нормальное общество для них были бы гимназисты и семинаристы старших классов, их недавние товарищи. Но вот беда: в секретном предписании директора гимназии значится: не отмечать «способен и достоин к поступлению в университет» тем из гимназистов 7 класса, которые будут водить компанию с изгнанниками, а гимназистов младшего класса, которые будут якшаться с ними, просто исключать из гимназии. Результат выходит тот, что от изгнанников начинают бегать, как от чумы. И они остаются изолированными от общества и принужденными довольствоваться сообществом друг друга. Не правда ли, как легко и удобно пропагандировать при подобных условиях?! Итак, Вы видите, насколько возможна в провинции полезная деятельность в сколько-нибудь широких размерах, особенно для нашего брата ссыльнопоселенца. Сверх того, время здесь так раздроблено и перебито на кусочки, что трудно заняться чем-нибудь нужным. Вот почему я бросил Iorg'a, переведши каких-нибудь четыре листа в первое, более свободное время; вот почему я не мог до сих пор заняться сколько-нибудь основательно английским языком; вот почему часто я не могу выбрать времени для длинного письма, так как все письма, длинные и короткие, я люблю писать за один присест, не возмущаемый непрерывным вмешательством внешнего мира. Далее работа по службе мне опротивела до омерзения. Думать, что она будет продолжаться в будущем на неопределенное время, — для меня невыносимо! А одна мысль о том, что я могу со временем быть правителем канцелярии или чем-нибудь подобным, может заставить меня повеситься от отчаяния и ужаса и таким образом очистить это место для следующего за мной кандидата. А может быть, здесь и есть хорошие люди: многих из них я сам готов с удовольствием признать за людей умных, образованных, честных и добрых; но, Боже мой, что же мне делать, когда челюсти у меня трещат от зевоты,

когда я разговариваю с ними, когда глаза у меня слипаются и хотят спать, как только я погляжу на них некоторое время! Эта бесцветная жизнь, лишенная всяких живых интенсивных впечатлений в каком бы то ни было роде, меня душит. Я выражал как-то мысль, что я, как петербуржец и «страдалец за отечество», должен производить страшное кровопролитие между дамскими сердцами. Да, держи карман шире! Если бы я был выслан за дуэль, за изнасилование девушки, за побитие морды квартальному надзирателю — о, тогда немало сюртуков должен бы был я порвать, вырываясь из сладострастных объятий жен здешних царедворцев. Но, увы, я выслан только за политику. «Ce ne sont que des perles», — воскликнул умирающий от голоду араб, раскрыв найденный им мешок и увидав в нем жемчуг вместо ожидаемых пряников (не правда ли какая скромность в сравнениях?). Чтобы характеризовать отношения здешнего общества к подобным вещам, довольно сказать, что здесь из деликатности избегают даже намекать мне, что им известно мое происхождение из пены Балтийского моря: «Зачем, дескать, конфузить бедного молодого человека!». Они полагают, что я должен крепко смущаться при воспоминании о моем прошедшем. Положим, что и без тех могучих ресурсов, которые представляют собою «столичность» и «страдание за отечество», мне случалось иногда обращать на себя благосклонные взгляды прелестных глазок. (Вам известно, что, когда я захочу, я ведь умею гнуть похабщину в здешнем вкусе и поддерживать разговор о чем угодно). Но вот беда: здешний город, как и все захолустья, есть место, где господствует в полной силе вынужденная, насильственная нравственность…

Впрочем, все это шутки! Не шутки только одно: что я не в состоянии долее безнадежно пребывать в С[таврополе] — я вовсе не желаю рисоваться ни перед собою, ни перед другими, оправдывая это стремление к абсентеизму общественной пользой и т.п. возвышенными целями. Очень может быть, что как ни незначительна та польза, которую я приношу или буду приносить обществу здесь, она все-таки значительно более той, которую я буду в состоянии приносить там… Очень может быть, что я и сам лично ничего не выиграю от этого, что на чужбине я затоскую по родине… все это может быть. Но сила не в этом. Сила в том, что я ежеминутно чувствую, как постепенно гибнет здесь мое нравственное существо, и это так невыразимо мучит меня, что я не в состоянии долее терпеть. Я не хочу думать, будет ли полезен такой поступок для других или для меня самого; я должен уехать отсюда просто для того, чтобы не застрелиться с отчаяния. Божусь Вам, что это не аффектация и не фокусничество, а истинное выражение моего душевного состояния. Не знаю, насколько убедительны покажутся Вам мои доводы или, лучше сказать, мои восклицания в пользу абсентеизма, но дело в том, что я твердо решился уехать отсюда на будущую весну, и я хочу верить, что, если Ваша помощь понадобится мне, Вы, как старые друзья, поможете мне, не обращая внимания на то, будете ли Вы согласны или не согласны с моим мнением о необходимости отъезда отсюда.

Мысль о побеге засела мне в голову очень скоро после моего приезда сюда. Но так как я очень хорошо сознавал, что мною руководит в этом случае стремление к личному счастью, а не какие-нибудь патриотические чувства, то я полагал, что было бы нечестно устраивать свои делишки на чужой счет (хотя бы и на счет приятелей). Поэтому я твердо вознамерился расплатиться предварительно со всеми своими долгами и, очистившись таким образом и отложив про запас рублей 300—400, отправиться в даль на собственный риск и счет (auf seine eigene Faust), как говорят немцы. Мысль о Iorg'е меня сильно ободряла. Я действительно начал было расплачиваться с долгами, начиная с тех из своих кредиторов, которые, по моим соображениям, должны были наиболее нуждаться в деньгах: я отослал брату 80 рублей, я написал В[олховско]му, прося его сообщить мне, сколько он вложил в число тех 218 рублей, которые были уплачены за конвой. Он не отвечал. У меня между тем скопилось рублей 200, которые я намеревался отослать Вам для распределения по усмотрению между моими петербургскими кредиторами. Между тем положение мое стало делаться для меня день ото дня тяжелее и тяжелее. Я с ужасом увидел, что за разными делами Iorg не подвигается вперед ни на шаг, а накопление денег посредством откладывания от жалованья подвигалось вперед с невыразимою медленностью. Я стал высчитывать, во сколько времени я могу отложить столько денег, чтобы расплатиться с долгами и уехать. Насчитал года и в отчаянии затопал ногами и стал кусать губы. Поуспокоившись, я решился пообождать несколько с отправлением денег и рассмотреть этот вопрос с другой точки зрения. Теперь я стал рассуждать следующим образом. Д. получает (или, по крайней мере, получал) большое содержание и не нуждается в своих деньгах; Л. до сих пор, как кажется, тоже не особенно нуждается в тех 100 рублях, которые я ему должен; Б. так привык уже раздавать все свои деньги в долг, что ему решительно все равно, несколькими рублями более или несколькими рублями менее должны ему разные «божьи люди» (теперь он, правда, женат: это несколько затемняет вопрос). Итак, думал я, все они, в конце концов, могут ждать, а я не могу ждать, когда мне тошнехонько до смерти!.. Далее я размышлял: если мне удастся перебраться в Новый Свет и если даже я не найду себе на первое время работы, то я могу попробовать писать корреспонденции. Положим, что в первое время, пока я буду плохо знать язык, корреспонденции мои будут бедны фактическим содержанием, а потому не поучительны: они будут слишком субъективны, вращаясь постоянно около моей личности, как около некоего центра, но они будут веселы, живо написаны, и потому их примут в любой журнал или газету; таким образом и там, за морями,

я буду зарабатывать, по крайней мере, те же 50—60 рублей в месяц, а следовательно, по отношению к уплате моих долгов я буду находиться в точно таком же положении, как и теперь. Ну-с, такие-то соображения приводил я себе, затеяв предложить Вам подождать уплату должных мною Вам денег до тех пор, пока я буду, например, в Чикаго, а пока употребить все свои средства приобретения на благо своей собственной особы. Что Вы на это скажете? Прежде, когда я задумывался о побеге, мне лезли в голову все более или менее фантастические планы: горные тропинки, длинные перегоны пешком и верхом, оружие, черноморские порты, турецкие кочермы, духоборы, контрабандисты и тому подобные эффектные элементы играли в них главную роль.

Когда я пообжился и поосмотрелся, планы мои несколько изменились: я стал размышлять о похищении из канцелярии губернатора бланка, на котором пишутся заграничные паспорты, о похищении подорожной, открытого листа и тому подобных полезных казенных предметов. При этом взоры мои все-таки устремлялись с надеждой на порты Черного моря, которые, по своей близости, представлялись мне самыми удобными местами отбытия. В настоящее время я обдумал и отчасти начал уже приводить в исполнение другой план, более простой и удобоисполнимый, хотя и менее эффектный и фантастический (что, согласитесь, достойно всякого сожаления): я изложу его Вам здесь в общих чертах, так как времени впереди еще довольно для того, чтобы обсудить его основательно во всех подробностях. Дело вот в чем: я достал себе настоящие, законные бумаги (кандидатский диплом Харьковского университета и копию с метрического свидетельства), которые совершенно подходят к моим летам и ухваткам. Я перешлю их в С.-Петербург как следует страховым порядком; кто-нибудь из друзей потрудится прописать их в половине марта на какой-нибудь квартире. В половине мая он возьмет от мирового судьи и из полицейского участка свидетельство о том, что к выезду его за границу препятствий не имеется. Затем все сии документы он отнесет в иностранное отделение канцелярии обер-полицмейстера и возьмет там заграничный паспорт. Когда я узнаю об этом (телеграмма), я поеду в Ростов (самая трудная часть предприятия будет стоить рублей 25); из Ростова я еду по чугунке в Петербург (25 рублей); пребываю там два дня, сажусь на пароход и отплываю, например, в шведский город Гетеборг (25 рублей). Я читал недавно, что из Гетеборга до Чикаго доехать (со столом) стоит 55 рублей. Таким образом, дорога от Ставрополя до Чикаго обойдется мне в 130—150 рублей. Так как бумаги мои настоящие и я могу жить с ними даже в России, избегая только столиц, где меня знают в лицо, да тех мест, где живет владелец означенных бумаг, а также избегая вторичного поступления на коронную службу (ибо он служит), то на основании всех этих соображений я и не желаю совершенно отрезывать себе отступления в Россию, даже в форме патриотической, сиречь с русскими бумагами, и потому я желал бы всегда иметь про запас рублей полтораста, на случай возвращения на родину; наконец, мне понадобится еще рублей 150 для того, чтобы прожить первые три—четыре месяца, пока я выучусь порядочно объясняться по-американски и найду работу.

Итого для приведения в исполнение моего плана мне нужно рублей 450 или 500 по нынешним курсам. А такие деньги по весне у меня будут, если я воздержусь от расплаты с долгами до более благоприятного времени. Я откладываю исполнение всех своих «предначертаний» до весны на основании следующих соображений: 1. Железная дорога от Таганрога до Харькова откроется для публики не ранее ноября. 2. Зимою порты Балтийского моря закрыты: придется ехать сухопутьем до Гамбурга. 3. Я бы не желал очутиться в чужой земле зимою. То ли дело: ни крова, ни теплой одежды не нужно, да и есть хочется менее и пища дешевле. 4. К весне у меня, по моему расчету, непременно будет 400, а может быть, и 450 рублей. Если же Ив. Ив. не прогневается до конца и не отымет Iorg'а, то к весне-то я его непременно доломаю, и, таким образом, у меня будет денег гораздо более того, сколько мне нужно. 5. К весне я настолько выучусь английскому языку, что буду свободно понимать книги и газеты, так что месяца через два, через три пребывания моего на американской территории я буду, вероятно, понимать добрых людей и сам изъясняться с достаточной развязностью.

Что касается английского языка, то я занялся им как следует только недавно. Сначала мешало мне взяться за него неимение книг, а потом неимение времени в больших порциях. Подобно многим и многим «широким русским натурам», я привык всякое дело делать запоем и плохо умею пользоваться кусочками времени, остающимися в промежутках между разными делами и бездельями. В половине прошлого августа губернатор уехал из города, официальная работа для меня прекратилась, я попробовал почитать Спенсера (Principles of Biology), начало мне показалось нетрудным; это меня заинтриговало; я засел тогда за него со всем усердием, просидев, не разгибаясь, 16 дней, и в эти 16 дней прочел весь том, то есть 560 страниц (многие места доставили мне живейшее наслаждение). Вы не поверите, как это меня ободрило, я не обманывал вовсе себя и хорошо понимал, что можно свободно читать Спенсера и вместе с тем почти не понимать романов и газет, но дело в том, что начало уже было сделано, и хорошее начало. Вскоре вернулся губернатор, снова началась служба, и исключительные занятия английским языком должны были прекратиться. Но с этого времени я дал себе честное слово читать ежедневно по-английски не менее часу, и до сих пор я твердо держал это слово и вполне уверен, что сдержу его и впоследствии. Я прочел хрестоматию Пауне-

ра (250 страниц). Теперь я читаю какой-то роман под заглавием Paul Terrot. Когда я прочту еще несколько романов, я возьму у губернатора старые номера...[41] (он прежде выписывал эту газету), который он получает, кажется, и до сих пор. Я бы хотел видеть несколько номеров каких-нибудь американских журналов и газет. Если у Вас есть что-нибудь подобное — пришлите, хочу также выписать через Р.К.Т. мой словарь английских идиотизмов и простонародных выражений, изданный не очень давно, не помню кем. Напишите, как Вы все взглянете на мое предприятие и могу ли я рассчитывать на деятельную помощь с Вашей стороны в вышеизложенном смысле. Рекомендую самую изысканную осторожность в этом отношении. Для меня это дело жизни и смерти. Мне кажется, что, если бы моя попытка не удалась и меня схватили, я застрелился бы, конечно, после того, как я истощил бы все усилия для своего освобождения, какие только может доставить ум или физическая сила, — до такой степени страшным представляется мне мое положение здесь после неудачной попытки. Жгучий стыд, разочарование в любимейших местах, отчаяние за будущее, горестные лица «родителей и других соприсносущих мне по естеству», злоба начальства и пр., и пр.,— все это нестерпимо ужасно. Одна мысль о подобных страстях приводит меня в содрогание! Поэтому я не желаю, чтобы про это письмо известно было кому-нибудь то ни было, кроме бр-ь-х [?], членов с ними (братьев Н-в, Гр-ва Ф-га); Вас и Любаша[42]. О том, как можно обделать все это, не привлекая к делу других лиц, поговорим после со всею должною подробностью.

Я уже говорил Вам, что я желал бы отдать свой долг В[олховско]му; он и его мать всегда нуждались. Я писал ему об этом сюжете 2—3 раза, но не получил ответа. Вскоре затем его арестовали (он и теперь, кажется, сидит где-то в С.-Петербурге). Недавно я писал как-то его матери о том же, но тоже не получил ответа. Между тем я знаю, что она наверное нуждается. Поэтому я хочу попросить кого-нибудь из Вас вот о чем: в С.-Петербурге есть 2-я военная гимназия (у Тучкова моста), там есть воспитатель Григорьев (Иван Васильевич), он женат на родной сестре матери Волховского, в доме его живет также мать обоих сестер, бабушка Волховского. Когда мать Волховского бывает в С.-Петербурге, она всегда останавливается у Григорьева. Я попрошу кого-нибудь из вас сходить к Григорьевым и от моего имени разузнать у них о В[олховск]ой; если она в С.-Петербурге, то отдайте ей то, что В[олховск]ий вложил в число тех 218 рублей, которые были уплачены за конвой (Ив. Ив. знает, вероятно, сколько денег из этой суммы принадлежало В[олховско]му); деньги эти я вышлю Вам немедленно по получении от Вас известия о том, сколько именно Вы ей отдали. Если же ее нет в С.-Петербурге, то узнайте для меня ее адрес (который Григорьевым всегда должен быть известен), то я сам спишусь и сочтусь с нею. Узнайте также, не известно ли чего-нибудь положительного о судьбе Феликса [Волховского].

Я не знаю, отчего Вы не поняли моей просьбы насчет земства. Я просто просил Вас разузнать для меня литературу этого предмета; вступать в переписку по этому предмету для меня бесполезно, потому что дело к спеху.

Помните, Вы писали как-то, что члены Скита переводят Marx'а «Zur Kritik» и пр. Какая судьба постигла этот перевод, что он до сих пор не появляется в печати?

Вы когда-то давно обещали мне выслать *все* сочинения Лассаля. В разное время я получил от Любаша...[43] только. Если у Вас есть другие его сочинения (брошюры), мне было бы приятно получить их. Мой брат для упражнения в немецком языке переводит его две брошюрки на «якобы русский» язык.

Скажите, служите ли Вы по-прежнему в Обществе взаимного кредита? Как Ваше здоровье? Несмотря на Ваше повествование, честное слово, я никак не могу представить себе Вас больным!

Я ввожу здесь женский труд (!) — один из моих помощников по библиотеке — девочка, хотя, говоря между нами, очень плохонькая девочка.

Скажите Ив. Ив., что я помню — последний визит остался за мною и что я буду писать ему на днях; но что мне кажется, что ему следовало бы считать мои письма к Вам также и за письма к нему. Что Вы думаете об этом?

Отвечайте поскорее и побольше. Помните, что настоящее письмо, если бы было писано через строчку, заняло бы, по крайней мере, семь листов, а это подвиг. Если найдете удобным, перешлите потом это письмо к Любашу, а затем пусть оно будет радикально уничтожено.

Подписал Герман.

17-го сентября.

Отсылая свое письмо на почту, никогда я не боялся так за его судьбу, как теперь».

Г.А. Лопатин недаром так беспокоился за судьбу своего письма. В ноябре 1869 года Негрескул был арестован в связи с нечаевским делом, и в бумагах его было найдено неуничтоженное письмо Лопатина. Говоря о своем побеге за границу, Лопатин указывал на чужие документы, которыми он намеревался воспользоваться; ввиду этого в начале декабря 1869 года по телеграфу было дано предписание в Ставрополь — немедленно произвести строжайший обыск и заарестовать Лопатина. На допросе 1 января 1870 года он и дал печатаемые ниже показания, служащие хорошим дополнением к приведенному выше письму; показания эти, по свидетельству П.Л. Лаврова, «долго циркулировали среди молодежи как образчик прямоты и резкости тона, с которым должен держаться убежденный человек при допросе».

«1 января 1870 года состоящий при Ставропольском жандармском управлении капитан Афанасьев предъявил мне письмо, писанное мною к дворянину Негрескулу, и потребовал от меня подробных объяснений относительно обстоятельств, заключавшихся в этом письме. На сделанные мне по этому поводу вопросы я объяснил следующее.

Прежде я полагал, что, так как каждый человек имеет природное и неотъемлемое право защищать свою внутреннюю, интимную жизнь от насильственного вторжения в нее лиц, ему совершенно чуждых и несимпатичных, и так как законы той страны, в которой я имел несчастие родиться, ни малейшим образом не обеспечивают частных лиц от подобных насильственных вторжений в их интимную жизнь, а общество недостаточно развито нравственно и недостаточно сильно, чтобы протестовать, помимо закона, против такого обращения с его членами, то поэтому ложь и увертки на допросах, подобных настоящему, представляют совершенно простительное и даже законное орудие слабости перед насилием и произволом со стороны силы. На этом основании, в прежде бывших со мною случаях, я считал себя вправе прибегать к таким способам и давать ложные объяснения относительно таких обстоятельств, истинное объяснение которых было бы профанацией идей и чувств, составляющих «лучшую кровь моего сердца» (по выражению какого-то поэта), перед лицом людей, относящихся к ним более чем несимпатично. Я был достаточно наказан за это тем чувством глубокого нравственного унижения, которое неразрывно связано для всякого порядочного человека с произнесением лжи. Необходимость отказываться от старых показаний и придумывать новые, по мере скопления обстоятельств, не согласных с прежними утверждениями; унизительная необходимость выслушивать увещания и разные нравственные сентенции со стороны лиц, к которым относишься со всем, чем угодно, только не с уважением и сочувствием.., все это слишком еще памятно мне для того, чтобы я решился испытать это чувство еще раз. Не отрицая и теперь, в теории, извинительности лжи при подобных обстоятельствах, — на практике я нахожу для себя нравственно невозможным еще раз прибегнуть к этому способу. Поэтому я решился, в настоящем своем показании, правдиво объяснить все то, что относится лично ко мне или к таким обстоятельствам, которые я нахожу возможным объяснить, и просто уклониться от всяких объяснений того, что относится к другим лицам и чего, следовательно, я не имею никакого права касаться, предоставив разъяснение всех таких обстоятельств тем обширным ресурсам, которыми располагает 3-е Отделение.

Я буду разъяснять обстоятельства, обратившие но себя внимание 3-го Отделения, в том порядке, в каком обстоятельства эти следуют одно за другим в моем письме.

1. Подчеркнуты слова: «ездил в командировку (поселял эстонцев)... и пр.» — слова эти мне кажутся совершенно понятными и ясными. Отчет об этой служебной командировке представлен мною своевременно господину начальнику губернии.

2. Подчеркнуты слова: «Ваши ощущения, навеянные заграничными людьми и событиями, не особенно пригодны для такого циркулярного послания, как это письмо». Здесь я намекал на письмо Негрескула, в котором он говорил о своих отношениях к жене и матери, то есть о таких вещах, о которых я не находил возможным рассуждать в «циркулярном послании», то есть в письме, назначенном не для одного его, а для всех моих знакомых, которые поинтересовались бы узнать что-нибудь о моем житье-бытье в Ставрополе.

3. Далее, в письме моем, я намекаю на рассказ Негрескула о его встречах за границею. Письмо Негрескула об этом предмете получено мною очень давно и давно уничтожено. Сам Негрескул, конечно, может припомнить эти встречи гораздо живее и рассказать об них 3-му Отделению гораздо обстоятельнее, чем я.

4. Подчеркнуты слова: «Неудачная попытка устроить нечто вроде «Bildungs- und Consum-Verein'a» и пр.». Здесь я намекаю на сообщенный мне слух о том, будто бы в С.-Петербурге предполагалось недавно организовать между фабричными рабочими общество для удешевления первых жизненных потребностей и для взаимного обучения; на что господин министр внутренних дел не дал своего позволения на учреждение этого общества.

5. Сведения о «новых правилах для высших учебных заведений», о готовящихся «новых изменениях закона о печати» в неблагоприятную для свободы сторону — почерпнуты мною из газет, как и сказано об этом в моем письме. Сколько я помню, я также читал циркуляр министра внутренних дел, которым запрещается принимать в сельские писаря бывших студентов. Мне известно также из многих примеров, что, хотя звание народного учителя и не закрыто официально для лиц, получивших высшее образование; но что на практике администрация смотрит очень подозрительно на народных учителей, получивших университетское воспитание.

6. Подчеркнуты слова: «Трудно держаться даже за такую ничтожную по своей полезности деятельность, как моя должность библиотекаря». Далее, в письме разъяснено, почему я находил трудным держаться даже за эту должность: потому что до меня дошли слухи о неосновательных обвинениях меня в таких вещах, которых в действительности никогда не было. Я опасался, что, с усилением подобных слухов, губернатор сочтет необходимым отстранить меня от занимаемой мною должности.

7. Я сказал: «Судя по внешности, губернатор любит и уважает меня». Мне действительно казалось, что губернатор видел во мне человека способного, не бегающего от работы, умеющего спра-

виться со всяким порученным ему делом и, наконец, смею думать, человека честного. Обращение его было соответственно такому его мнению обо мне.

8. О подозрениях на мой счет, будто бы я сделал библиотеку местом сходок для гимназистов и семинаристов старших классов и для высланных студентов, я узнал от бывшего директора здешней гимназии, господина Дельсаля, который намекнул мне при этом (или, по крайней мере, я так понял его слова), что подозрение это сообщено кем следует и куда следует. Между тем все это совершеннейшая неправда, как я и сам говорю в моем вполне откровенном письме к моим друзьям.

9. Действительно, по распоряжению здешнего архиерея, только немногим семинаристам было дозволено посещать общественную библиотеку, для чего им выдавались особые виды. Признавая эту меру совершенно обскурантною и нелепою, я действительно постоянно нарушал ее. Не имея права принимать семинаристов в число постоянных и долгосрочных подписчиков библиотеки, я не мешал им, однако, посещать читальную залу и не спрашивал у них билетов. Деньги, поступавшие с них, я вносил на приход под другими, вымышленными рубриками. По весьма понятным причинам, я не находил удобным сообщать обо всем этом господину попечителю или господам членам дирекции библиотеки. Как я выразился в своем письме, все это я делал «на свой собственный страх».

10. О распоряжении обревизовать библиотеку я догадался по странному образу действий губернского цензора Юрьева, по вниманию, с которым он изучал, в течение нескольких дней, каталог библиотеки, и по некоторым неосторожно оброненным им словам.

11. Вся история о запрещении гимназистам, со стороны их начальства, посещать библиотеку рассказана мною совершенно обстоятельно в самом моем письме.

12. Сведения об агенте 3-го Отделения и о данном ему поручении были сообщены мне из Петербурга письмом без подписи, полученным мною во время пребывания моего в Пятигорске. В этом письме положительно утверждалось, что сведения эти добыты из официальных источников. Меня просили быть осторожным и предупредить остальных высланных. Последнего я не мог сделать, так как я находился в это время в Пятигорске. После же того, как я вернулся в Ставрополь, я не только не смог разузнать никаких дальнейших подробностей об этом агенте (как я и пишу об этом в своем письме), но и самое существование его оказалось в высшей степени сомнительным.

13. Взгляд мой на молодых людей, высланных в Ставрополь, ясен из самого моего письма. Что же касается до содержания секретных предписаний, сообщаемого в моем письме, то относительно этого я должен сказать следующее: хотя я и был устранен от всяких занятий по «распорядительному» столу и хотя я не мог не заметить, что от меня тщательно скрывают не только содержание, но и самое получение так называемых секретных бумаг, тем не менее по самой своей должности я всегда имел возможность тереться в канцелярии губернатора; при этом всякая случайно оставленная на столе бумага, всякое невзначай оброненное слово, одним словом, все принималось мною в соображение и служило элементом для построения моих догадок и предположений, часто очень близко подходивших к истине. Для этого требовалась только некоторая доля проницательности и внимания, которыми обладают, как известно, не одни только чины 3-го Отделения. Городские слухи, обыкновенно развитые в провинциях до nec plus ultra, оказывали мне в этих случаях также немаловажные услуги.

14. О трех поляках, возвращенных из Сибири и поселенных в Ставрополе, ходили слухи самого определительного свойства: многие уверяли, что к ним лично обращались на улице за милостынею эти господа; другие уверяли, что встречали их в лавках, где они обращались к хозяевам и приказчикам с просьбою о вспомоществовании. Они ссылались при этом на то, что выданные им свидетельства не позволяют им найти для себя никаких честных занятий.

15. О предписании дирекции гимназии относительно общения между гимназистами и высланными студентами сообщено мною на основании слухов, весьма распространенных в здешнем обществе.

16. Подчеркнутая фраза о том, что «в провинции невозможна широкая и полезная деятельность», объясняется, как мне кажется, всем предыдущим.

17. Почему подчеркнута (да еще трижды) фраза: «Я не могу никак выбрать времени для длинного письма… и пр.», — я не понимаю, а потому оставляю ее без объяснений. Мне лично она кажется ясною до последней степени.

18. В письме моем выражено желание уехать за границу и именно в Чикаго (С. Америка). В этом же письме с совершеннейшею ясностью выставлены мотивы, побудившие меня к этому. Я пишу, что я уезжаю не с целью занять место между русскими эмигрантами где-нибудь в Женеве, не с целью конспирировать за границею против русского правительства, а просто потому, что подневольная жизнь в Ставрополе опротивела мне до последней степени. Очень может быть, что здешнее общество — во всех отношениях прекрасное общество, — но мне оно казалось скучным, потому что я привык прежде постоянно жить в обществе молодежи, жадно следящей за наукой и искренно волнующейся успехами прогресса во всех областях жизни. Очень может быть, что занятия чиновника особых поручений при губернаторе — очень интересные, очень полезные занятия, но мне, к сожалению, они не казались ни особенно интересными, ни бог знает какими полезными. Я старался добросовестно исполнять принятые на себя обязательства, но не переставал чувствовать себя на коронной службе совершенно не в своей тарелке. Но главное — я совершенно не привык

и не желал долее сидеть в Ставрополе, как собака на цепи, лишенный права свободно располагать собою и не стесняясь высказывать свой образ мыслей. Конечно, я с гораздо большим удовольствием предпочел бы уехать за границу легальным путем, если бы я не был уверен, что мне откажут в позволении на это. По весьма понятным причинам, я не могу рассказать, каким образом попали в мои руки документы одного из харьковских студентов, умершего в моих летах. Документы эти были уничтожены мною, когда по городу стали ходить слухи об обыске у Черкесова и о многочисленных арестах, произведенных в Петербурге, — слухи, распространившиеся, по всей вероятности, от проезжих, оставивших Петербург в двадцатых числах прошлого ноября.

19. Долги, о которых я упоминаю, произошли следующим образом. Высылая меня из Петербурга в сентябре 1868 года, 3-е Отделение потребовало с меня 218 рублей за конвой. У меня никогда не бывало таких сумасшедших денег. Негрескул занял их для меня у некоторых общих знакомых, имена которых он может сообщить, если только он не перезабыл их. В течение такого долгого времени я собирался отослать Негрескулу полностью все 218 рублей для распределения их по назначению между моими кредиторами, но потом раздумал, как это и значится в моем письме.

20. Волховскому я писал три раза, прося его сообщить мне, сколько именно я ему должен. О том же я писал раза два его матери. Но ни от одного из них не получил ответа, как это упомянуто и в моем письме. Полагаю, что письма мои были перехвачены тайной полицией, хотя они не заключали в себе ничего предосудительного.

21. Подчеркнутая фраза, начинающаяся словами: «итак, думал я, все они... пр.», — как мне кажется, совершенно ясна после внимательного прочтения всего предыдущего.

22. План предположенного мною побега развит мною в моем письме с такою подробностью и обстоятельностью, что я не вижу ни малейшей необходимости присовокуплять к нему еще что-либо. Полагаю, что и красным карандашом отмечен он только ради той важности, которую придает этому обстоятельству 3-е Отделение, а не ради каких-нибудь недоумений.

23. Подчеркнуты слова: «я не хотел бы отрезывать себе совершенно путь отступления в Россию». Фраза эта совершенно объясняется, по моему мнению, некоторыми другими местами моего письма, где я говорю, что я боюсь, как бы я на чужбине не затосковал по родине.

24. Также кажется мне совершенно естественною фраза о том, что неудача в моей попытке повергла бы меня в глубочайшее отчаяние и тоску так, что я оставляю эту фразу также без всяких дальнейших комментариев.

25. Сочинение Спенсера «Principles of biology» дозволено в России и на днях вышло уже порусски. Об готовящемся переводе Iorg'a, о котором упоминается в моем письме, также было публиковано в газетах.

26. Под словом «скит» я разумел квартиру Негрескула, который прежде не умел жить один, все равно, как он не умел спать без того, чтобы возле его постели не горела свечка. Что касается до фамилий, обозначенных при этом мною условными буквами, то «не считаю себя вправе сообщать их, не потому, чтобы я считал их преступными или думал, что они должны опасаться чего-нибудь от правосудия, но потому, что наше так называемое «правосудие», следуя примеру покойной памяти Фабия Кунктатора, не любит спешить, и лица, на которых оно наложило свою тяжелую руку, достигают объявления себя невинными не прежде, как пройдя длинный и тернистый путь всевозможных испытаний. Поэтому я считал бы себя последним негодяем, если бы я сделался умышленною причиною всевозможных беспокойств для этих лиц и тяжелого горя для их родных и друзей за то только, что лица эти имели смелость питать ко мне дружеские чувства, не смущаясь постигшей меня опалой. Я слишком верю в искусство и доброе усердие чинов 3-го Отделения для того, чтобы считать мои показания в этом случае сколько-нибудь необходимыми.

27. Всеволод — это мой брат, проживающий в настоящее время в доме моего отца. Как значится в самом моем письме, назначенном для друзей, а потому писанном без всякой сдержанности, я никогда не посвящал его в свои планы и намерения. Я полагал, что для моей матери довольно и одного сына с беспокойным характером.

23. Григорьевы, как значится в моем письме, близкая родня Волховским, а потому неудивительно, что я прошу разыскать Волховскую через них. Я надеюсь, что цель, для которой я разыскивал Волховскую, — совершенно невинная, что быть в родстве с Волховскими — еще не государственное преступление и что, следовательно, я не компрометировал почтенных людей, вследствие непростительной неосторожности лица, к которому было писано мое письмо и которого я упрашивал самым настоятельным образом истребить его немедленно по прочтении. Григорьевы знают меня в лицо и по имени, потому что мне не однажды случалось бывать у Волховской, когда она гостила у них в старину. С ними же лично я никогда не был знаком.

29. Сочинение Marx'a «Zur Kritik» и пр. переводилось для издания в России. В газетах было своевременно заявлено о готовящемся издании сочинений этого писателя. Сочинения Лассаля, о которых я упоминаю, также вышли в настоящее время в России.

30. Получал я письма на адреса отставных солдат и т. п. лиц из простого класса, которым делал за это, от времени до времени, маленькие подарки. По причинам, понятным без всяких объяснений,

я употреблял всевозможные предосторожности, чтобы скрыть мои сношения от моего отца и от губернатора, которым был вверен надзор за мною. Я старался держать себя с тактом перед лицом здешнего общества для того, чтобы усыпить какие бы то ни было подозрения касательно моего истинного образа мыслей или моих намерений в будущем.

Герман Лопатин».

К счастью, на этот раз Лопатин недолго пробыл в заключении. Надзор за ним был слабый: к нему беспрепятственно допускались родные, ему позволялось без надзора выходить на прогулки. Конечно, Лопатин, по опыту, зная действия III Отделения и не надеясь на что-либо для себя хорошее, не стал дожидаться окончания своего нового дела и использовал благоприятно сложившиеся обстоятельства: не дожидаясь весны, зимою же, предпринял побег, который для него теперь действительно стал вопросом жизни или смерти. Вечером 6 января 1870 года он не вернулся с прогулки и, несмотря на тщательнейшие поиски, найден не был. С большими приключениями добрался он до Ростова, оттуда отправился в Петербург, но по дороге за границу предпринял смелое до дерзости освобождение П.Л. Лаврова из его кадниковской ссылки[45]. Привезя Лаврова в Петербург, Лопатин снабдил его своим заграничным паспортом, выждал в Петербурге возвращения этого же паспорта и наконец спокойно перебрался сам за границу.

4. Ïðåáûâàíèå Ã.À. Ëîïàòèíà â Ñèáèðè è åãî íåóäà÷íàÿ ïîïûòêà îñâîáîäèòü Í.Ã. ×åðíûøåâñêîãî

В противоположность ставропольскому году жизни Лопатина, его почти трехлетнее пребывание в Сибири, куда он попал с целью освободить Чернышевского, довольно подробно освещено в биографическом очерке, составленном П.Л. Лавровым[45]. Вполне понятно — об этом периоде, полном самых неожиданных приключений и отношений, Лопатин, рассказывал, очевидно, очень много. Да и было что порассказать: его троекратный побег, знакомство с самыми разнообразными людьми, странные отношения генерал-губернатора Восточной Сибири Н.П. Синельникова, оценившего ум и энергию Лопатина и мечтавшего превратить его в своего помощника по реформам огромного края, — все это так и бьет своей яркостью и красочностью и так хорошо гармонирует с Лопатиным, вечно рисковавшим собою, вечно искавшим «сильных ощущений». Поэтому, благодаря известности этого периода, можно ограничиться только приведением письма Лопатина к Синельникову и указанием точных фактических данных о его пребывании в Сибири.

2 февраля 1871 года III Отделением была получена из Иркутска шифрованная телеграмма о задержании некоего Николая Любавина, обратившего на себя внимание странностями своего поведения. Судя по дошедшим в Иркутск «слухам», сообщает далее телеграмма, Любавин — не кто иной, как Лопатин, прибывший в Иркутск с целью помочь Чернышевскому бежать за границу. Задержание Лопатина без каких-либо определенных улик поставило III Отделение в затруднение, что с ним делать и как пресечь его вредную антиправительственную, хотя и фактически недоказанную, деятельность. «Герман Лопатин умен, — пишет составитель по этому поводу доклада, — с большими способностями, характера твердого, настойчивого, предприимчив, умеет расположить тех лиц, которые ему нужны. Вместе с тем натура его кипучая, требующая деятельности, но деятельности в противоправительственном духе, так как во всех его действиях и даже в письменных объяснениях весьма рельефно проглядывает ненависть к правительству и настоящему порядку в России. Поэтому невольно возникает вопрос, что делать с подобным человеком: предать его суду, — но, по бывшим примерам, суд, по всей вероятности, определит ему весьма незначительное наказание, собственно за побег и фальшивые документы, и не обратит никакого внимания на вредную его политическую деятельность, как фактически недоказанную. Затем Лопатин будет свободно продолжать эту деятельность и, разумеется, в усиленном размере, как человек, ожесточенный преследованием. Подвергнуть Лопатина продолжительному аресту без суда едва ли удобно. Наконец, остается выслать его административным порядком под надзор полиции. Но в настоящее время весьма трудно выбрать для этого такой пункт, где бы Лопатин был возможно более изолирован, что крайне было бы необходимо, так как, из сопоставления многих обстоятельств, нельзя предполагать, чтобы Лопатин вообще действовал сам по себе, отдельно. Не решая окончательно вопроса о Лопатине, временно было постановлено предоставить разобрать его дело в Иркутске. Но, как и следовало ожидать, Лопатин мог быть судим только за проживание по чужому паспорту, за что суд в конце сентября 1871 года присудил его только к сторублевому штрафу. Тем не менее он был оставлен под особым надзором в тюрьме, а III Отделение продолжало отыскивать против него новые улики.

К этому времени и относится более близкое знакомство Лопатина с генерал-губернатором Н.П. Синельниковым, заинтересовавшимся незаурядною личностью своего арестанта, и их взаимная симпатия. 15 февраля 1873 года Лопатин написал приводимое ниже письмо[46], в котором сам сознается в намерении освободить Чернышевского, откровенно говорит о всей своей прошлой деятельности (кроме помощи в побеге Лаврова) и объясняет причины, побудившие его дважды бежать из Иркутска.

«Ваше Высокопревосходительство,
Милостивый Государь,
Николай Петрович

Ввиду того участия, с которым Вашему Высокопревосходительству угодно было отнестись к моему настоящему положению, я решился обратиться к Вам с письмом, в котором я намерен разъяснить откровенно как это положение, так и самую мою личность, для того чтобы на основании этих сведений Вы сами могли судить как о предмете Вашего участия, так и о той степени участия, которую для Вас было бы желательно и возможно оказать ему. — Я полагаю, что самый лучший и самый легкий способ к достижению предположенной мною себе цели заключается в том, чтобы изложить в связном и сжатом очерке то, что, на техническом языке юристов, могло бы быть названо — «справкою о судимости».

В первый раз я был арестован в мае 1866 года. Так как я пишу это письмо по своей доброй воле и так как я не имею ни малейшего желания *выпрашивать себе снисхождения или чего-нибудь подобного*, но, я надеюсь, Вы поверите мне, когда я скажу, *что я ни сном, ни духом не был причастен к так называемому Каракозовскому делу*, хотя и был довольно близко знаком с некоторыми из обвиненных по этому делу лиц, что, вероятно, и послужило поводом к моему аресту. Я не скажу, чтобы и в то время политический, экономический и нравственный строй русской жизни представлялся мне наиболее разумным и наиболее желательным, но внимательное чтение истории показывало мне, что во все времена и у всех народов всякому великому перевороту в общественном строе предшествовало всегда предварительное распространение известных идей в народной *массе* и что все так называемые заговоры, все эти преждевременные нетерпеливые *попытки интеллигентного меньшинства* к насильственному ниспровержению существующего общественного строя, опирающегося *на несокрушимую поддержку* малоразвитого, но *неизмеримо сильнейшего большинства*, никогда не приводили ни к чему, кроме усиления реакции и задержки *на несколько лет правильного общественного развития*. Когда впоследствии, уже находясь в тюрьме, я перебирал в уме свои разговоры с некоторыми из участников этого несчастного дела, мне стало ясно, что со мною не раз пробовали заговаривать в общих чертах, так сказать, в отвлеченной форме, о предприятиях подобного рода; *но вышеизложенные историко-политические взгляды мои*, высказанные со свойственною мне прямотою и определительностью речи, и мои резкие, насмешливые выходки по поводу несимпатичных мне доктрин послужили причиною того, что эти люди, не видя во мне будущего сотрудника, не находили нужным входить со мною в какие-либо подробности относительно своих затей. Только уже после первых арестов некоторые из этих лиц, предвидя угрожающее им лишение свободы, сочли нужным переговорить со мною откровенно и просить меня, — не как товарища по делу, а просто как порядочного человека, — взять на себя труд истребить кое-какие вещи, предупредить о чем следует кое-каких лиц и, вообще, принять меры, чтобы налетевшая буря захватила поменьше жертв, большая часть которых, говоря по совести, были более легкомысленны, чем виновны. Вот и все мое участие в этой истории. Тем не менее во время сильного общественного возбуждения, последовавшего за несчастным покушением 4 апреля, когда все сколько-нибудь прогрессивное, все мало-мальски живое, — начиная от действительных (хотя и не опасных по своей малочисленности и бессилию) заговорщиков и кончая участниками всевозможных литературных обществ, рабочих артелей и экономических ассоциаций, — возбуждало более или менее сильные подозрения и подвергалось преследованию; я также был арестован и просидел в Петропавловской крепости столько времени, сколько это показалось нужным известной комиссии. Вся эта история по отношению ко мне окончилась ничем, и я был освобожден безусловно, не будучи даже отдан под официальный надзор полиции. Я остался в Петербурге, стал готовиться к наступившим в эту пору окончательным экзаменам и сдал их осенью того же 1866 года.

Хотя, повторяю, я никогда не был конспиратором, хотя я никогда не верил в возможность успеха каких бы то ни было революционных попыток со стороны какой-нибудь горсти фанатизированной молодежи, тем не менее известный склад моих собственных убеждений сделал то, что так называемая коронная служба никогда не представляла для меня ничего привлекательного; я никогда не чувствовал ни малейшего желания сделаться агентом, опорою и проводником такого порядка вещей, который нимало не соответствовал моим теоретическим представлениям о наилучшем общественном устройстве. Литературный труд, учительство и тому подобные вольные профессии казались мне несравненно симпатичнее и подходящее к моему характеру. Вследствие этого, окончив курс, я не спешил вступить на торную дорогу государственной службы и продолжал жить изо дня в день литературной поденщиной и учительством. К этому периоду относится одна моя затея, которая повлекла за собой мое вторичное испытание. Меня всегда смущало то обстоятельство, что большая часть так называемой прогрессивной молодежи обсуждает вопросы нашей внутренней жизни почти исключительно на основании теорий, почерпнутых из иностранных книжек, да, пожалуй, еще на основании собственных соображений чисто отвлеченного свойства. Большая часть из них, покинув провинцию для университета чуть не в детском возрасте, обладает слишком ничтожным знакомством с действительным положением и жизнью народа для того, чтобы это знакомство могло влиять контроли-

рующим образом на их теоретические взгляды и практические предприятия. Печальные результаты, проистекающие из такого порядка вещей, понятны сами собою. Так вот мне хотелось пособить заполнению этого пробела, по крайней мере, по отношению к себе самому и некоторым из своих друзей, составив для этого, в компании с одним из моих приятелей, общество кочующих сельских учителей. Затевая это предприятие, мы имели в виду несколько целей. Во-первых, нам представлялась возможность поддерживать свою жизнь при помощи безусловно честного и симпатичного для нас труда. Во-вторых, наша деятельность должна была служить непосредственно к умственному, нравственному и материальному преуспеянию тех масс, к которым склонялись наши лучшие симпатии. И, в-третьих, эта деятельность, приводя нас в непосредственное соприкосновение с массами, позволяла нам рассмотреть поближе этого загадочного сфинкса, называемого *Народом*, и рассчитывали получить таким образом возможность ознакомиться основательно с экономическим положением народа, его нуждами и потребностями, с его взглядами на вещи и его умственным развитием, со степенью его восприимчивости к известным идеям, а также со степенью основательности тех надежд, которые возлагаются на него пылкими приверженцами быстрого прогресса. Такое солидное знакомство с народом позволило бы нам составить себе ясное понятие об истинном положении вещей внутри нашего отечества и сознательно избрать себе на будущее время тот путь, следуя которому мы могли рассчитывать принести наиболее пользы вскормившему и воспитывавшему нас обществу. Здесь не место входить в изложение подробностей нашей затеи, которая, как Вы видите, не представляла, в сущности, ничего особенно утопического. Скажу только одно: во всем этом плане, быть может, было много юношеского, незрелого, непрактичного, но в нем не было решительно ничего вредного, так как мы имели в виду изучение масс, пропаганду известных разумных начал, но никак *не агитацию*, потому что каждый из нас был убежден в том, что никакая единичная вспышка не приносит для своих участников и для целого общества ничего, кроме несчастия. Но эта безвредность моих намерений не спасла меня от подозрений и преследований. Как известно, достаточно хотя один раз возбудить против себя подозрение в политической неблагонадежности для того, чтобы впоследствии администрация уже постоянно глядела на каждый ваш поступок с известным предубеждением.

Итак, я снова был арестован, и опять начался для меня ряд несносно долгих дней и ночей то в III Отделении, то в крепости. И на этот раз, как и в 1856 году, я, вследствие одной счастливой случайности, узнал заранее о предстоявшем мне аресте, и поэтому обыск, произведенный в моей квартире, не дал никаких результатов; а потому я мог с полным правом замкнуться в абсолютное молчание и держаться в этой позиции до тех пор, пока мне не были сообщены, наконец, показания моего приятеля, который был менее счастлив и у которого были найдены кое-какие компрометирующие бумаги. Такое мое поведение показалось комиссии неодобрительным; в моих ответах были усмотрены злоумышленная скрытность и упорство; объяснения мои были найдены дерзкими и т.д. Вследствие всего этого я был выслан административным порядком в Ставрополь, под совокупный надзор местной полиции, местного жандармского управления и моего отца.

В бумаге, при которой я был прислан в Ставрополь, за мною оставлялось право поступления на государственную службу. Нет надобности перечислять все обстоятельства, почему это право равнялось для меня обязательству. Я поступил в чиновники особых поручений к местному губернатору. Несмотря на все мое отвращение от чиновничьей карьеры, я постарался отнестись к моей новой, не совсем добровольной, деятельности со всею возможною добросовестностью. Я старался извлечь из моего нового положения все те поучения, которые оно только могло доставить, и принести на этом непривычном для меня поприще всю ту пользу, которую только допускали окружавшие меня условия и мои собственные силы. Я должен сознаться, что мое положение значительно облегчалось в высшей степени гуманным и деликатным отношением ко мне губернатора, который — из уважения ли к заслугам моего отца или из личного расположения ко мне — старался сделать все, чтобы примирить меня с моим вынужденным чиновничеством. Он давал мне только такие поручения, которые не могли поставить меня в печальную необходимость — бороться с самыми дорогими моими убеждениями — и в которые я мог внести, без всяких угрызений совести, весь ум, все познания и все усердие, какие только находились в моем распоряжении. Я полагаю, что он сделал все, чтобы акклиматизировать меня в этой сфере, и не его вина, если я все-таки продолжал чувствовать в ней только духоту и стеснение. Но, как известно, человек может быть вполне полезным и чувствовать себя вполне спокойным и счастливым только тогда, когда деятельность его соответствует его собственным наклонностям. Поэтому я никак не мог прижиться к моему новому положению, хотя сделал для этого немало усилий. К тому же я находил свое образование недоконченным, я желал видеть другие страны, другие условия общественной жизни для того, чтобы лучше проверить и оценить виденное мною дома и вычитанное из книг. Я непременно желал видеть Америку и порешил, что если мне не дозволят этого законным путем, то я обойдусь и без законного дозволения. Я сообщил об этом намерении одному из своих приятелей в письме, которое было захвачено при обыске, произведенном в его квартире при самом начале так называемого Нечаевского дела. Кроме изложения моего намерения уехать в Америку, — как только это можно будет устроить, не подвергая ответственности моего отца и губернатора, — в этом письме заключался еще критический разбор

некоторых из последних правительственных мер, а также полусерьезное, полуюмористическое описание местной общественной жизни. Следственная комиссия по Нечаевскому делу нашла нужным арестовать меня за это письмо, и вот я в третий раз попал в тюрьму за намерения, не заключавшие в себе решительно ничего вредного для правительства или для общества.

Я опять-таки попрошу Вас поверить мне, когда я скажу, что я не принимал ни малейшего участия в так называемом Нечаевском деле или, лучше сказать, что участие мое в нем было только *отрицательное*, то есть что мне принадлежала самая резкая критика присланных мне произведений Нечаевского кружка. Если бы я мог знать во время моего ареста, что дело это пойдет обыкновенным судебным порядком, то, будучи вполне уверен в своем оправдании, я, конечно, подождал бы законного исхода этого дела. Но, если Вы припомните, первоначальное следствие было поручено сначала жандармскому корпусу; первые допросы мне были произведены тоже в местном жандармском управлении; а я был слишком хорошо знаком из предыдущих опытов со строгою обстановкою, продолжительностью и обстоятельностью жандармского следствия — для того, чтобы отважиться еще раз подвергнуться этому испытанию; поэтому через месяц я бежал со ставропольской гауптвахты и, после разных приключений, благополучно перебрался через русскую границу.

Очутившись за границею, я и там сразу поставил себя совершенно независимо и вне общепринятой эмигрантской рутины. Я, правда, побывал в Женеве и перезнакомился со всеми русскими эмигрантами, но не остался жить с ними. Уже одно простое приличие должно удержать меня в настоящую минуту от изложения здесь моих мнений по отношению к большинству этих людей, так как в моем настоящем положении мой критический отзыв о них мог бы быть заподозрен в неискренности и даже быть принят за простую уловку с целью обличить мою собственную участь. Поэтому скажу просто, что общество женевских эмигрантов не показалось мне ни особенно поучительным, ни особенно приятным. Мои критические наклонности и сравнительно чересчур трезвый взгляд на разные явления общественной жизни, по-видимому, тоже произвели не особенно выгодное впечатление на моих новых знакомцев, так что я не нашел нужным оставаться в Женеве долее двух недель. Большую же часть своего пребывания за границей я провел частью в Париже, частью в Лондоне, где продолжал жить тем же самым, как и в России, то есть литературной поденщиной, употребляя часы досуга на изучение рабочего движения и других интересных явлений иностранной общественной жизни.

Во время пребывания моего в Лондоне я сошелся там с неким Карлом Марксом, одним из замечательнейших писателей по части политической экономии и одним из наиболее разносторонне образованных людей в целой Европе. Лет пять тому назад этот человек вздумал выучиться русскому языку; а выучившись русскому языку, он случайно натолкнулся на примечания Чернышевского к известному трактату Милля и на некоторые другие статьи того же автора. Прочитав эти статьи, Маркс почувствовал глубокое уважение к Чернышевскому. Он не раз говорил мне, что из всех современных экономистов Чернышевский представляет единственного действительно оригинального мыслителя, между тем как остальные суть только простые компиляторы, что его сочинения полны оригинальности, силы и глубины мысли и что они представляют единственные из современных произведений по этой науке, действительно заслуживающие прочтения и изучения; что русские должны стыдиться того, что ни один из них не позаботился до сих пор познакомить Европу с таким замечательным мыслителем; что политическая смерть Чернышевского есть потеря для ученого мира не только России, но и целой Европы, и т. д., и т. д. Хотя я и прежде относился с большим уважением к трудам Чернышевского по политической экономии, но моя эрудиция по этому предмету была недостаточно обширна, чтобы отличить в его творениях мысли, принадлежащие лично ему, от идей, позаимствованных им у других авторов. Понятно, что такой отзыв со стороны столь компетентного судьи мог только увеличить мое уважение к этому писателю. Когда же я сопоставил этот отзыв о Чернышевском как писателе с теми отзывами о высоком благородстве и самоотверженности его личного характера, которые мне случалось слышать прежде от людей, близко знавших этого человека и никогда не могших говорить о нем без глубокого душевного волнения, то у меня явилось жгучее желание попытаться возвратить миру этого великого публициста и гражданина, которым, по словам того же Маркса, должна бы гордиться Россия. Мне казалось нестерпимою мысль, что один из лучших граждан России, один из замечательнейших мыслителей своего времени, человек, по справедливости принадлежащий к Пантеону русской славы, влачит бесплодное, жалкое и мучительное существование, похороненный в какой-то сибирской трущобе. Клянусь, что тогда, как и теперь, я бы охотно и не медля ни минуты поменялся с ним местами, если бы только это было возможно и если бы я мог возвратить этою жертвою делу отечественного прогресса одного из его влиятельнейших деятелей; я бы сделал это, не колеблясь ни минуты, и с такою же радостной готовностью, с какою рядовой солдат бросается вперед, чтобы заслонить собственной грудью любимого генерала. Но это был неосуществимый романтический бред. А между тем в ту пору мне казалось, что есть другой, более практичный и удобоисполнимый способ помочь этому человеку. Судя по моему собственному опыту в подобных обстоятельствах, а также и по некоторым другим известным мне случаям, я полагал тогда, что в этом предприятии не было ничего существенно невозможного; требовалась только некоторая доза смелой предприимчивости да немножко денег. Вследствие этого я вскоре письменно обратился за содействием к двум из моих личных петербургских друзей, которые

и предложили мне взять у них нужную мне сумму, обязавшись принять ее от меня обратно, в случае удачи, и совершенно забыть о ней, в случае неудачи. Когда же я проезжал через Петербург, то еще трое из моих тамошних приятелей дополнили немного эту сумму, простиравшуюся в целом до 1035 рублей. Я пускаюсь в такие подробности по этому предмету для того, чтобы показать, что тут не было никакого заговора, никакого *общества*, никакой организации, ничего, кроме единичной попытки со стороны одного чересчур предприимчивого и излишне самоуверенного безумца; полученные мною деньги, несмотря на сочувствие давших их лиц к печальной участи Чернышевского, никогда не были бы употреблены на это дело без моей просьбы; они были предложены мне только вследствие моей собственной просьбы и на основании личного доверия ко мне. Люди, давшие их, не пожелали принять никакого другого участия в этом деле, и не оставили за собой даже права контроля над врученною мне суммою, предоставив мне распоряжаться ею по моим собственным соображениям и без всякого отчета перед кем бы то ни было. Позвольте мне надеяться, что Вы поверите моему честному слову, что дело происходило именно так, а не иначе. Мне это важно потому, что местная администрация могла подозревать, не без некоторой основательности, что я был, так сказать, только *один из многих*, как бы представитель или агент целого, более или менее многочисленного общества. А такое понимание моей несчастной попытки, допускающее возможность повторения ее в будущем со стороны еще кого-либо другого, должно было непременно послужить одним из поводов к принятию тех стеснительных мер, которыми незаслуженно обставлен этот несчастный страдалец (без всякой с его собственной стороны вины) даже и теперь, т. е. после окончания им более чем законного срока каторжных работ. Но клянусь Вам, что дело было вовсе не так и что, кроме меня, во всей этой истории не участвовала ни одна живая душа; только деньги принадлежали не мне, да и те были добыты мною же от людей, которым, в противном случае, никогда не пришло бы на мысль употребить их таким образом.

Уезжая из Лондона, я даже не сказал, куда я еду, никому, кроме этих пяти человек, с которыми я списался ранее и от которых я взял деньги, да еще *Элпидину* в Женеве, которому мое намерение было известно ранее, вследствие некоторых случайных обстоятельств, о которых не стоит распространяться. Я не сказал о своей затее даже Марксу, несмотря на всю мою близость с ним и на всю мою любовь и уважение к этому человеку, так как я был уверен, что он сочтет ее сумасшествием и будет отговаривать меня от нее, а я не люблю отступать от раз задуманного мною дела.

Не будучи знаком ни с родственниками, ни со старыми друзьями Чернышевского по «Современнику», я не знал даже, где он именно находится. Не имея никаких знакомых в Сибири, ни даже рекомендательных писем, я вынужден был прожить в Иркутске почти целый месяц, прежде чем узнал, что мне было нужно. Это долговременное проживательство в Иркутске, в связи с некоторыми другими моими промахами, а также и с некоторыми не зависевшими от меня обстоятельствами, обратили на меня внимание местной администрации. Еще более содействовала моей неудаче, если я не ошибаюсь, нескромность Элпидина, который проврался о моем отъезде сюда одному из правительственных сыщиков, проживавшему в Женеве. Как бы то ни было, но я был арестован и очутился в тюрьме в четвертый раз. Видя, что предприятие мое сорвалось, что мне лично угрожает не особенно приятная перспектива, а также замечая, что суд затягивается в долгий ящик, в ожидании от меня известных признаний, которых я не считал себя вправе сделать, — я решился бежать[47], но потерпел фиаско и должен был познакомиться с иркутским острогом.

Я обещал Вам быть откровенным только по отношению к тому, что касается до меня лично, так как я не считаю себя вправе говорить о таких вещах, которые имеют прямое или косвенное отношение до других людей. Поэтому Вам может показаться странным, что я решился теперь рассказать откровенно истинную цель моего приезда сюда, о которой до сих пор я молчал так упорно из опасения еще более ухудшить моими признаниями судьбу Чернышевского, которая и без того достаточно плачевна. Но во время семимесячного пребывания моего в Иркутске я убедился, что сдержанность моя едва ли повела к чему-нибудь путному. По крайней мере, я заметил, что, за исключением только меня самого, чуть ли не все известные мне лица говорят о цели моего прибытия сюда с полнейшею уверенностью. Я даже думаю в настоящую минуту, что моя сдержанность принесла Чернышевскому более вреда, чем пользы, так как из моего упорного запирательства местные власти могли вывести заключение, будто бы у меня было *что* скрывать, кроме моего приезда сюда с известною целью. Могу уверить Вас честью, что эта мысль о вреде, принесенном мною тому человеку, за которого я охотно готов был бы рискнуть собственною жизнью, была самым тяжким наказанием и самым мучительным испытанием изо всех тех невзгод, которые я вынес и выношу еще теперь, как последствия моей неудачной затеи. Итак, сообразив все это, я подумал, что полная откровенность с Вами касательно бывших моих намерений может послужить скорее на пользу, чем во вред Чернышевскому. По крайней мере, из моего рассказа, в искренности и добросовестности которого Вы, я надеюсь, не усумнитесь, — Вы узнаете дело так, как оно было в действительности. Вы увидите, что это была просто единичная сумасбродная попытка, не опиравшаяся ни на какое общество, ни на какую организацию, ни на какую поддержку извне. Быть может, узнав, что не существует никакого общества, имеющего целью освобождение Чернышевского, зная также, что я вследствие всего случившегося со мною поставлен в совершенную невозможность повторить еще раз

свою попытку, и, наконец, приняв в соображение, что едва ли вероятно, чтобы нашелся еще другой такой же сумасброд, который — после всех неудач, потерпенных его предшественниками, — решился бы пуститься вновь на такое рискованное и безнадежное дело, — Вы, может быть, найдете возможным дать более воли своей природной сострадательности и великодушию (столь законным в этом случае) и облегчить, хотя до некоторой степени, суровую строгость обстановки, окружающей этого глубоко несчастного человека, которому самое правительство, самые политические враги его не могут отказать в уважении.

Мне нет надобности распространяться о том, как и на каких условиях я вышел из острога, так как это Вам известно, по меньшей мере, так же хорошо, как и мне. Но я не могу не коснуться этого обстоятельства хотя в той мере, в какой это необходимо, чтобы решить вопрос о том, насколько справедливо рассматривать мой побег[48] из Иркутска как нарушение честного слова. Когда бывший полицеймейстер, полковник Бориславский, спросил меня, даю ли я ему честное слово, что я не подведу его, если он возьмется хлопотать у Вас об освобождении меня из тюрьмы, — я отвечал ему сначала, что я предпочел бы менее романтические гарантии, как, например, денежный залог или поручительство. Но он стоял на своем. Тогда, сообразив, что он не рассчитывает пробыть долго на этом месте, я решился связать себя честным словом *по отношению к нему*. Впоследствии, когда полковник Дувинг хотел заставить меня повторить это честное слово и перед ним, я отказался от этого и сказал уклончиво: «Я уже дал честное слово полковнику Бориславскому в том, что я не захочу подвести его за его любезность. Чего же Вы еще хотите от меня?». Ту же самую фразу, и приблизительно в той же самой форме, я повторил и в вашем кабинете. Конечно, можно сказать, что, желая избежать долговременного обязательства на честное слово, я прибегнул к увертке, к хитрости, к двусмысленному выражению. Mais à la guerre — comme à la guerre, и я могу сказать, что эта уловка была ничуть не хуже и не лучше тысячи подобных двусмысленных обязательств, к которым прибегали в разные времена воюющие партии, нисколько не подвергая себя этим упреку в бесчестности. Итак, я считал себя связанным формальным честным словом только по отношению к полковнику Бориславскому. Но когда я узнал частным образом о содержании бумаги шефа жандармов; когда я узнал, что я обязан своим освобождением не хлопотам полковника Бориславского, а Вашей доброй воле, — я почувствовал себя связанным по отношению к Вам, если не формальным обязательством на честное слово, то узами обыкновенной благодарности. Не скажу, чтобы это открытие было мне приятно, так как оно, запрещая мне всякую попытку к завоеванию себе свободы собственными усилиями, отсрочивало мое освобождение на неопределенное время, заставляя меня в ожидании его питаться одними только шаткими надеждами и мечтами, не имеющими никакой реальной точки опоры. Но я покорился тому, что я считал своим нравственным долгом, и жил смирно, день за днем, волнуясь ожиданиями и сгорая от нетерпения. Ради бога, не думайте, что мне было легко! Я никак не мог приучить себя смотреть на Иркутск иначе, как на большую тюрьму, как на нечто вроде той «дворянской», в которой я содержусь в настоящую минуту. Почти всю свою молодость я провел в центрах общественной жизни. Я привык вращаться в кругу людей науки и мысли; я привык к библиотекам, новым книгам, свежим журналам и газетам; я привык толкаться в самом водовороте умственной и политической деятельности; я привык к жизни, полной сильных, ярких впечатлений, наполняющих и ум и сердце до того, что в них не остается, кажется, ни одного, свободного уголка, — после всего этого бесцветное и вялое существование в Иркутске сводило меня с ума и казалось мне простым продолжением тюремной жизни. Прежде, проживая временами в провинции, то добровольно, то поневоле, я старался употреблять это время на то, чтобы обогатить себя новыми познаниями, которые могли бы мне пригодиться в будущем: я ездил туда и сюда, наблюдал местную природу и местное население, записывал, сравнивал, изучал, скоплял материалы для будущих работ. А здесь я был лишен даже и этого здорового развлечения запрещением отлучаться из города куда бы то ни было. Мне было отказано, например, даже в такой невинной просьбе, как разрешение проводить полковника Бельцова до Посольска, под его личною ответственностью! Затем тот труд, которым я должен бы поддерживать здесь свое существование, не представлял для меня ничего симпатичного. При этом даже с материальной стороны (которой, впрочем, я придаю наименее значения) положение мое было довольно жалкое. Все утро я должен был возиться с сухими учеными реестрами из-за какие-нибудь 40 рублей в месяц. Но так как подобных денег недостаточно здесь для удовлетворения даже самых скромных потребностей, то я должен был посвящать свои после-обеда на давание скучнейших уроков. Труд целого дня за какие-нибудь 40 рублей в месяц! 40 рублей, которых в Иркутске едва хватает на удовлетворение первых нужд человека даже с такими невзыскательными и умеренными требованиями от жизни, как я. Конечно, у меня были так называемые *свои* деньги, но вы знаете теперь их происхождение, а потому поймете, что я не считал себя вправе употреблять их на свои нужды. В Петербурге и за границей я зарабатывал от 100 и 150 до 200 рублей в месяц; и это там, где целая масса самых интенсивных и живых впечатлений предлагается вам жизнью совершенно задаром! Наконец, чтение газет, беспрерывные известия о жизни (*настоящей* жизни) и деятельности людей, которые когда-то были моими друзьями, составляли для меня источник неисчислимых волнений и заставляли меня рваться из Иркутска всеми силами души.

Но, повинуясь указаниям долга, я продолжал жить здесь и ждал (хотя и не особенно терпеливо), когда шефу жандармов угодно будет высказаться насчет моей дальнейшей участи.

Вы уехали. Через несколько дней после того я получил частным образом сведения, что дело мое вовсе не будет окончено административным порядком, как я было рассчитывал, но что мне снова угрожает *суд*, и притом по такому делу, которое я считал уже поконченным. Этого мало. Разбирательство этого дела было поручено именно иркутскому суду, вследствие чего, при здешних формах судопроизводства, я должен был рассчитывать на окончание его для меня лишением особенных прав и ссылкою на житье в Якутскую область. Кроме того, было поднято судебным порядком известное грязное дело о сулеме[49]. Конечно, я вполне был уверен, что это последнее дело должно окончиться для меня полным оправданием; но до тех пор, пока оно находилось бы в суде, к нему, как к наиболее важному, всегда можно было присовокупить и следствие по ставропольскому делу; а в этом-то и заключалась для меня вся важность, так как для меня весьма существенно было иметь право перенести мои дела в Ставрополь, где в настоящее время введены уже новые формы судопроизводства. Наконец, как я слышал, в среде местной администрации был поднят даже вопрос о надобности или ненадобности моего вторичного заарестования. Спрашивается теперь: что мне предстояло предпринять в подобных обстоятельствах? Жизнь дается человеку только однажды, и я не мог и не желал помириться с открывавшейся передо мною перспективою. Я не чувствовал себя в силах освоиться с мыслью — провести несколько самых лучших лет молодой жизни где-нибудь в Якутской области, без всякой определенной надежды на скорую и благоприятную перемену в моей судьбе. Вас не было, и я не мог обратиться к Вам за разрешением вопроса, — чего я должен ожидать для себя? Вас не было, и я не мог знать, — захочет ли Ваш преемник отнестись ко мне с тою же благожелательностью, с какою отнеслись вы. Вас не было, и в городе ходили упорные слухи, что вы не вернетесь, так как Вам угодно было принять другое назначение. Вас не было, и потому никакой мой поступок, как мне казалось, не мог причинить никакой неприятности непосредственно для Вас; все эти соображения, взятые вместе, заставили меня решиться поступить именно так, как я поступил; и кто на моем месте сделал бы иначе? Быть может, я поступил неблагоразумно, неверно оценив истинное положение моего дела, но я отказываюсь признать, чтобы я поступил *нечестно*. А в этом для меня — все.

Я распространился так подробно относительно мотивов, побудивших меня к побегу, потому что мне было бы жаль, если бы Вы продолжали думать, что я поступил в данном случае недобросовестно. Обыкновенно я довольствуюсь судом моей собственной совести и очень мало забочусь о том, как смотрит на мои поступки «начальство». Какой-нибудь год тому назад я не дал бы себе труд оправдывать свое поведение в ваших глазах, так как я видел тогда в Вас только одного из представителей власти. Но в настоящую минуту я не в состоянии отнестись равнодушно к Вашему мнению обо мне. Когда, во время моего путешествия по Ангаре, мне привелось столкнуться поближе с здешним простонародьем; когда мне довелось потолковать с разношерстными представителями здешнего крестьянского сословия о старых и новых временах и о результатах многих предпринятых Вами общих мер; когда, отдалившись от Иркутска, я получил возможность взглянуть на Вашу деятельность глазами заинтересованных в ней лиц, а не сквозь призму мнений оппозиционного мелкого чиновничества, раздраженного новыми порядками и пустившегося в бессильное, беззубое будированье, — я не мог не увидеть в этой деятельности резко выраженного желания служить интересам *масс*, — то есть тем интересам, которые всегда стоят для меня на первом плане, — и не мог не почувствовать к этой деятельности того уважения, которого она заслуживает. Я не настолько рутинер чистой «либеральной» доктрины, чтобы отрицать пользу и значение известных мероприятий только потому, что инициатива их исходит от одного из представителей власти, от человека, принадлежащего к другой партии и исповедующего другие политические взгляды и убеждения, чем я. Это уважение, возбужденное во мне личным наблюдением Ваших усилий в известном направлении и результатов Вашей деятельности, не дозволяет мне более относиться индифферентно к Вашему доброму мнению обо мне. Наконец, то человечное участие, с которым Вам угодно было отнестись в последнее время к моему положению, также пробуждает во мне желание доказать, что я не совсем недостоин этого участия. Вследствие всего этого я решился попытаться оправдать в Ваших глазах мое поведение в деле моего побега из Иркутска, объяснив со всею подробностью мои побудительные мотивы к тому и соображения, так как, повторяю, мне было бы крайне прискорбно, если бы Вы подумали, что я могу прибегнуть, — хотя бы даже ради самых дорогих моих интересов, — к поступку сомнительной честности.

Я полагаю, что я могу избавить себя от труда рассказывать, каким образом первый успех, и притом самой трудной части моего предприятия, до того вскружил мне голову и настолько раздул мою самоуверенность, что я бросил все предосторожности и не позаботился даже изменить хотя немного свою наружность[50], и каким образом я, вследствие этого принужден был вторично познакомиться с иркутским острогом и испытать в пятый раз все прелести продолжительного тюремного заключения!

Окончив это краткое изложение моих столкновений с администрацией и законом, я перехожу теперь к главной цели этого письма, то есть к изложению того, чего я ожидаю от Вашего участия. После всего того, что сказано мною выше о моем прошлом, о моем личном характере и руководящих принципах, было бы бесполезно говорить, что я *не ищу ни милости, ни даже снисхождения*. Всякая

милость, всякое снисхождение налагают на человека известные нравственные обязательства, которые он не всегда бывает в состоянии выполнить, что приводит его необходимым образом к тяжелой борьбе с самим собою, а такое душевное состояние не заключает в себе ничего привлекательного. Но, и помимо милости или снисхождения, Ваше Высокопревосходительство имеет полную возможность повлиять очень сильно на изменение к лучшему моего настоящего положения, не сходя для этого ни на один шаг с почвы закона. Из прилагаемой здесь докладной записки на имя Вашего Высокопревосходительства Вы увидите, чего я желаю, и в то же время убедитесь, что просьба моя не выходит из тесных пределов строго законного возможного и исполнимого. Если Вам угодно будет спросить по этому поводу мнения лиц, обладающих специальными юридическими познаниями и хорошо знакомых практически с судопроизводством, то они наверное подтвердят Вам, что мои требования строго легальны и что администрация не имеет никакого права, никакого законного основания противиться перенесению моих дел в тот суд, которому они в действительности подсудны. Если я до сих пор не подымал этого вопроса о подсудности и если я не воспользовался до самой настоящей минуты испрошенным у Вас дозволением обратиться к Вам с докладною запискою[51] по моему делу, то это только потому, что я ждал предварительного окончания в здешнем губернском суде дела о сулеме, так как, пока это дело находилось еще в производстве, существовал *формальный* предлог (если не право) для присовокупления к нему всех остальных моих дел. Но теперь, когда дело это уже окончено и когда мне уже объявлен по нему окончательный приговор суда, не существует более никаких законных оснований настаивать далее на разбирательстве моих дел здесь и отказывать мне в перенесении их в то судебное ведомство, которому они действительно подсудны. Таким образом, как вы видите, я вовсе не желаю злоупотреблять Вашим участием и не прошу ничего, кроме применения ко мне действующих в империи законов, которые должны быть одинаковы для всех без различия. Я надеюсь что желание, выраженное мною в моей докладной записке, так скромно, что Ваше Высокопревосходительство едва ли встретит какие-либо препятствия к его удовлетворению.

Прочитав все написанное мною до сих пор, Вы, может быть, найдете, что я обошел молчанием еще один важный пункт, между тем как, вызывая меня на это объяснение, Вы пожелали, чтобы я высказался определительно и по этому пункту; Вы, может быть, найдете, что, рассказав с полною откровенностью свое прошедшее и объяснив, чего я ожидаю в настоящую минуту от Вашего участия, я не коснулся ни одним словом моих видов на будущее, т. е. не сказал ни слова о том, чего может ожидать от меня правительство, если бы, вследствие ходатайства Вашего, дело мое было передано в Ставрополь и если бы мне удалось оправдаться и стать снова свободным и полноправным гражданином своего отечества. Есть три причины, вследствие которых я предпочел совсем не касаться этого пункта. *Во-первых*, после всего вышеизложенного ответ на вопрос о моем будущем мне кажется совершенно излишним. Мне кажется, что мое прошедшее изложено мною достаточно подробно, чтобы дать возможность сделать из него выводы и по отношению к моему будущему. Во всем этом прошедшем Ваше Высокопревосходительство увидите одно господствующее стремление, одно страстное и неизменное желание — служить всеми моими силами материальным, умственным и нравственным интересам бедной, темной, невежественной и приниженной народной массы. Такие стремления, если они искренни и представляют плод сознательного убеждения, не изменяются с течением жизни. Но я полагаю, что в этом отношении я не слишком далеко расхожусь с правительством, так как ни один добросовестный человек, к какой бы партии он ни принадлежал, не отвергнет того, что те же самые стремления, та же струя проходят через все реформы настоящего царствования. Я не могу и не хочу отрицать, чтобы в своих желаниях я не забегал всегда гораздо далее того, чем шло наше правительство, но я всегда имел достаточно здравого смысла, чтобы не верить в возможность исполнения моих желаний при помощи каких бы то ни было насильственных попыток со стороны какой-нибудь горсти людей, думающих одинаково со мною. Ваше Высокопревосходительство поймете сами, что испытания, перенесенные мною до сих пор, должны были скорее способствовать к укреплению этого скептицизма по отношению ко всему, что сколько-нибудь отзывается заговором и насилием, чем к утверждению во мне противоположного образа мыслей. Один раз в жизни, — именно в деле моего приезда сюда, — я попробовал вступить в тайную борьбу с законом и властью, считая ее возможною в предприятии столь частного характера, но даже и тут я потерпел неудачу. Я не буду говорить, что я не видел в моем намерении никакого вреда для общества, что, напротив того, я рассматривал эту попытку возвратить делу отечественного прогресса одного из его наиболее сильных, наиболее честных и преданных деятелей как предприятие существенно патриотическое; я не буду говорить, что я смотрел бы на удачу в моей попытке как на услугу с моей стороны самому правительству, так как такая удача избавила бы его от упрека потомства в том, что оно позволило погибнуть до конца одному из самых талантливых русских людей, одному из самых честных, бескорыстных и самоотверженных граждан России, одному из самых горячих сердец, которые бились когда-либо любовью к своей родине; я не скажу всего этого, так как я не могу ожидать, чтобы правительство согласилось в этом со мною, но я скажу только, что я потерпел неудачу и что обстоятельства сложились так, что с этой стороны от меня нечего опасаться в будущем. — Все это во-первых. — *Во-вторых*, если после всего вышеизложенного я нахожу излишним всякое дальнейшее выяснение *общих* принци-

пов, которыми я намерен руководствоваться в моей будущей жизни, то всякое ручательство за мое будущее поведение в *частностях* я нахожу совершенно невозможным. Дело в том, что если бы я даже и согласился дать Вам какие-нибудь обещания в этом направлении, то, при всем желании моем действовать добросовестно, я обманул бы и себя и вас. Я полагаю, что поведение человека есть равнодействующая всех влияний, действующих на него в каждый данный момент, а потому, вследствие крайней сложности и изменчивости этих влияний, оно никак не может быть предсказано вперед; поэтому всякое ручательство за будущее есть умышленный или неумышленный обман по отношению к себе и к другим. Наконец, *в-третьих*, Вы позволите мне сказать, что все подобные ручательства за будущее я считаю неприличными для себя в моем настоящем положении. Я прошу Ваше Высокопревосходительство вспомнить, что я нахожусь в тюрьме, а поэтому все мои обещания по отношению к будущему имеют характер вынужденности и могут быть заподозрены в неискренности. Мое уважение к самому себе и чувство собственного достоинства не дозволяют мне подавать поводов думать, будто бы я желаю выпутаться из моего настоящего тяжелого положения при помощи льстивых уверений в безусловной преданности моей правительству или легкомысленных и лживых обещаний по отношению к моему поведению в будущем. В силу всего этого, я не могу принудить себя выразить какие бы то ни было обязательства по отношению к моему будущему, хотя я хорошо понимаю ту пользу, которая могла бы произойти из этого для меня.

Оканчивая этот краткий очерк моих прошедших испытаний и моих настоящих желаний, я осмеливаюсь выразить надежду, что, как бы Вы ни отнеслись к моему письму, Вы никогда не заподозрите ни искренности его тона, ни добросовестности в изложении рассказанных в нем фактов. В заключение мне остается только извиниться перед Вашим Высокопревосходительством в том, что для моего личного единичного дела я отнял у Вас так много времени, необходимого Вам для других дел, имеющих более общий интерес. Я могу сказать в свое оправдание только то, что я старался быть настолько кратким, насколько это было возможно без ущерба для ясности изложения.

Я надеюсь, что мое настоящее письмо есть само по себе такое ясное свидетельство моего уважения к Вам, что я могу избавить себя от труда выдумыванья банальных почтительных фраз, помещаемых обыкновенно в конце официальных писем, но ограничиться просто подписанием своего имени.

Герман Лопатин.

15 февраля 1873 года».

«Его Высокопревосходительству господину генерал-губернатору Восточной Сибири.
Содержащегося в Иркутском тюремном замке отставного коллежского секретаря,
Германа Лопатина
Докладная записка

На основании действующих законов, всякое преступление расследуется в той местности, где оно совершено, а виновник его судится в том судебном месте, ведомству которого принадлежит данная местность. Если при этом подсудимый скроется и затем будет пойман и привлечен в другом месте, то он высылается для следствия и суда обратно на место совершения им преступления. Причины, вызвавшие такое постановление закона, весьма понятны. В интересе закона лежит всестороннее расследование преступления, т. е. точное выяснение как всех обстоятельств дела, так и всех прямо или косвенно участвовавших в нем лиц, а подобное полное и всестороннее расследование возможно только на месте самого совершения преступления. Кроме того, если бы виновный, схваченный иногда за несколько тысяч верст от места совершения им преступления, должен был дожидаться расследования дела, проверки данных им показаний и разъяснений, могущих возникнуть противоречий при посредстве почтовых сношений, то, в этом случае, дело необходимо должно бы было затянуться на чрезвычайно долгое время, причем предварительный арест и тюремное заключение, — продолженные значительно долее срока, необходимого для расследования дела на месте, — превратились бы, в случае его действительной виновности, в дополнительное наказание, не имевшееся в виду законом, а в случае его невинности — в настоящее истязание, не оправдываемое ни малейшей необходимостью.

Если подсудимый, скрывшись из-под следствия, совершит, в продолжение своего укрывательства от суда, еще и другие преступные деяния, в различных местностях государства, то, в этом случае, при определении подсудности, закон руководствуется двумя принципами, которые я мог бы назвать принципом хронологическим и принципом криминальной градации. В случае приблизительно одинаковой важности преступлений, совершенных одним и тем же лицом в разных местах, обо всех этих преступлениях производятся следствия в тех местах, где они совершены, и эти следствия вместе с самим виновным пересылаются в то судебное место, где производилось первоначальное дело и откуда виновный скрылся. Если же совершенные известным лицом преступления представляют неодинаковую важность, то в таком случае это лицо судится в том судебном месте, в округе которого совершено наиболее важное преступление; что же касается до первоначального дела, а равно и до других менее важных дел, то следствия по всем этим делам, по окончании их, пересылаются в судебное место того округа, где совершено наиболее важное преступление; причем постановляется над виновным приговор по совокупности преступлений. Не получивший специального юридического

образования и не знакомый практически с судопроизводством, к тому же находясь в настоящее время в тюрьме и не имея под руками свода законов, я не могу указать точных номеров статей закона, подтверждающих изложенный мною порядок определения подсудности, но уже простой здравый смысл показывает, что этот порядок есть единственно разумный, единственно справедливый и возможный, а потому единственно законный.

Переходя от этого теоретического рассуждения к моим личным делам, я должен сказать следующее. До тех пор, пока мой приезд в Сибирь возбуждал некоторые подозрения, имеющие связь с участью некоторых из осужденных государственных преступников; до тех пор, пока большая или меньшая степень основательности этих подозрений не была выяснена следствием и судом; до тех пор, пока производившееся обо мне в Иркутске дело оказывалось вследствие своего политического характера несравненно более важным, чем остальные мои дела, представляющие собою лишь простые нарушения паспортной системы и самопроизвольные уклонения от суда и следствия, до тех пор я не протестовал против разбирательства моих дел в иркутских судебных учреждениях, так как такое разбирательство было вполне законно, хотя во многих отношениях и не совсем выгодно для меня.

Но после того, как законно утвержденный приговор Иркутского губернского суда признал все эти подозрения недоказанными; после того, как все дела мои свелись к побегу со ставропольской гауптвахты и к ряду нарушений паспортной системы, вызванных желанием укрыться от преследований закона, я нахожу возможным и необходимым поднять вопрос о подсудности, то есть об определении того судебного места, разбирательству которого подлежат производящиеся обо мне дела, так как это разъяснение подсудности имеет для меня очень важное практическое значение.

Если оставить в стороне дело об открытии в секретной камере № 1 сулемы, — дело, которое должно окончиться на днях и в исходе которого я нисколько не сомневаюсь, так как относящиеся сюда факты слишком красноречиво говорят сами за себя, то у меня окажется только два дела: 1) дело об уходе со ставропольской гауптвахты и о побеге из Ставрополя при помощи чужих документов и 2) дело об отлучке из Иркутска, из-под полицейского надзора. Очевидно, что, с точки зрения хронологической последовательности этих дел, они подлежат разбирательству в Ставропольском окружном суде. Но нетрудно доказать, что и на основании второго принципа, то есть принципа криминальной градации, они должны разбираться там же, а не в Иркутске. Последнее из них представляет простую отлучку из-под полицейского надзора, между тем как первое заключает в себе: побег из тюрьмы, пользование чужим документом и противозаконное приобретение этого документа. Если бы даже в отношении к последнему делу судебная власть, не доверяя моим объяснениям, и заподозрила меня в желании воспользоваться, в бытность мою в Томске, случайно попавшими в мои руки чужими документами, то во всяком случае первое дело все-таки остается более важным, так как в нем, кроме *доказанного* пользования чужими документами, заключается еще и противозаконное приобретение этих документов, а также побег из тюрьмы. Таким образом, и с точки зрения хронологической последовательности, и с точки зрения криминальной градации, производящиеся в настоящее время обо мне дела подлежат разбирательству Ставропольского окружного суда, а потому должны быть отправлены вместе со мною в Ставрополь.

Нет надобности говорить, что, возбуждая этот вопрос о подсудности, я руковожусь вовсе не платоническим пристрастием к формалистике судопроизводства, а гораздо более существенными мотивами, а именно: 1. Как известно, в Ставрополе в настоящее время введены в действие Судебные уставы 20 ноября 1864 года, в силу которых судьи руководствуются при определении степени виновности подсудимого не совокупностью так называемых формальных улик, а своим внутренним убеждением по отношению к существованию в действиях подсудимого так называемой «злой воли». На этом основании, судясь в Ставрополе, я бы мог рассчитывать на оправдание. 2. Но если бы я даже и был признан виновным, то и в этом случае я был бы сослан только на житье в одну из отдаленных губерний России, между тем как здесь, в случае обвинения, мне угрожает ссылка в Якутскую область. 3. Наконец, вследствие распространения на Ставропольскую губернию последней судебной реформы, а также и недавно изданных правил относительно образа действий чинов жандармского корпуса, — исполнение судебных приговоров обставлено там несравненно большими гарантиями, чем здесь, где для человека возможно просидеть в секретном заключении целых четыре месяца после объявления ему окончательного судебного решения, как это случилось со мною здесь в 1871 году.

Ввиду всех этих соображений я не вижу решительно никакой побудительной причины, почему бы мне следовало отказаться от тех выгод, которые представляет для меня перенесение всех моих дел в Ставрополь, перенесение вполне оправдываемое и даже требуемое существующими постановлениями закона насчет подсудности.

Я знаю, что, на основании законов, мне следовало бы возбудить этот вопрос о подсудности через губернского прокурора. Но вследствие того политического оттенка, который был придан первому производившемуся здесь обо мне делу, местный прокурорский надзор находит себя некомпетентным в вопросах, относящихся к моим делам, и постоянно отсылает меня за разрешением таких вопросов к представителям высшей администрации в крае.

Вследствие этого я нахожусь вынужденным обратиться к Вашему Высокопревосходительству и просить вас, рассмотрев все вышеизложенные мною обстоятельства и соображения и сопоставив их с действующими законами, сделать зависящее от Вас распоряжение о передаче в ведение Ставропольского окружного суда как меня, так и производящихся здесь обо мне дел, за исключением дела, находящегося в настоящую минуту в Иркутском губернском суде и долженствующего окончиться в самом непродолжительном времени.

Герман Лопатин.

29 января 1873 года».

Искренность письма, его горячий тон и умение Лопатина вообще расположить к себе произвели на Синельникова столь сильное впечатление, что заставили ходатайствовать перед III Отделением о смягчении участи Лопатина: «Не могу не сознаться, — пишет он шефу жандармов 27 февраля 1873 года, — что Лопатин возбуждает сочувствие к своей участи, его твердая честная натура, к сожалению, сбившаяся в направлении еще в юности, пройдя через горький опыт жизни, дает надежду к исправлению, а по уму и образованию можно ожидать и пользы. Я бы желал просить о прекращении дела о побеге его из Иркутска с чужим видом, за что он может быть приговорен к лишению прав состояния, и, кроме того, я бы просил о дозволении ему проживать в Иркутске, пользуясь пособием от казны».

Ходатайствуя о Лопатине, Синельников, не без влияния его же письма, просил «облегчить несколько участь Чернышевского, переведя его на жительство в Якутск под особый надзор полиции». Однако, несмотря на горячую просьбу, 10 апреля того же года последовал высочайший отказ:

«Государь не соизволил на прекращение дела Лопатина, предосудительный образ действий которого памятен его величеству». Относительно же Чернышевского не было никакого ответа, точно о нем и не говорилось в письме.

Итак, несмотря на ходатайство всесильного генерал-губернатора, Лопатин не мог надеяться ни на освобождение, ни на облегчение своей участи. Законные пути все были использованы, — оставалось перейти к незаконным; и Лопатин решился снова прибегнуть к испытанному им уже средству — побегу. 10 июля 1873 года Г.А. Лопатин *в третий раз бежал из Иркутска*, из здания окружного суда, где он писал свои показания, и на этот раз удачно. В августе того же года он был уже в Париже.

III. Ïðîèçâåäåíèÿ Ã.À. Ëîïàòèíà

1. Èç Èðêóòñêà[52]

Вы просили меня, милостивый господин, сообщить вам по возможности обстоятельные сведения о том, где и в каком положении находятся в настоящую минуту лица, сосланные разновременно в Сибирь за политические преступления. Право, отвечать на этот вопрос вовсе не так легко, как это вам кажется. Самый беглый взгляд на карту покажет вам, что места заключения ссыльнокаторжных находятся еще очень и очень далеко за нашим благословенным Иркутском; так что желаемые вами сведения никак не могут быть собраны мною на месте, путем личного наблюдения. Приходится обращаться или к лицам, владеющим такими сведениями, по своему официальному положению, или к проезжим. Но и в том, и в другом случае, вы наталкиваетесь на одно и то же обстоятельство, становящееся у нас в России поперек дороги всему хорошему, — на повальное равнодушие так называемой образованной публики к вещам подобного рода, ко всем вопросам, выходящим из среды ежедневных мелких личных интересов. Вы сами понимаете, насколько удобно для меня обращаться с известными вопросами прямо к лицам, заведывающим судьбою политических ссыльных. Приходится прибегать к посредникам. Но, увы! люди, которые, по своему общественному положению, могли бы совершенно развязно вступить в самую щекотливую беседу с этими лицами, оказываются людьми, не интересующимися ничем другим, кроме повседневных перемен в служебном персонале, колебаний рыночных цен, городских сплетен да своей вечерней партии в «генеральский»... Что же касается до проезжих, то ведь в такие отдаленные места, как Нерчинские заводы, не заглядывает никто, кроме мелких торговцев, для которых не существует никаких государственных и политических преступников, а только одни покупатели, т.е. крестьяне да поселенцы. Впрочем, все-таки постараюсь, как сумею, передать вам то, что мне удалось собрать по занимающему вас вопросу.

Начинаю с человека, представляющего для вас, конечно, наибольший интерес и как замечательная литературная сила, и как человек, имевший несомненное влияние на развитие общественной мысли в течение многих лет сряду, — я говорю о Чернышевском. С грустью должен сказать вам, что неизгладимая симпатия, оставленная Чернышевским в сердцах всех порядочных людей, сколько-нибудь знавших его, и тот неоспоримый авторитет, который его ум, знания, честность и всегдашняя верность своим основным принципам завоевали ему в кругу нашей передовой молодежи, составили истинное несчастие целой его жизни, преследующее его и до настоящей минуты. Бесконечные разговоры, слышавшиеся непрерывно во всевозможных либеральных кружках, относительно необходимости устроить освобождение Чернышевского насильственным образом, разговоры, ни разу не переходив-

шие за пределы обыкновенной либеральной болтовни, сделали то, что правительство не переставало обращать на Чернышевского самое бдительное внимание и употреблять по отношению к нему такие меры строгости, которые не употреблялись ни с одним из политических и уголовных ссыльных, находящихся в настоящее время в Сибири. Так как сторона наша глухая, никаких протестов и даже заявлений у нас и слыхом не слыхать, то, поэтому, начальство не церемонилось принимать по отношению к Чернышевскому даже такие меры, которые представляли вопиющее нарушение собственных постановлений правительства относительно ссыльных. Так, например: 1. Чернышевский был осужден на работы в *заводах*, а между тем, за исключением кратковременного пребывания в Усольском солеварном заводе, он провел все время своей каторги в рудниках, находящихся, как известно, в местности несравненно более отдаленной и глухой и состоящих под более суровым режимом. 2. По уставу о ссыльных, каторжные содержатся в заводском остроге (в казармах) только четвертую часть своего срока, пока они считаются в так называемом «разряде испытуемых»; остальные три четверти своего срока они живут около завода на вольных квартирах и только обязаны являться ежедневно в завод для отбывания своего срока. Обыкновенно же пребывание в разряде испытуемых бывает гораздо короче указанного в законе срока. В Усолье, например, женатые с самого начала размещаются по квартирам, а холостые содержатся в казармах только до тех пор, пока приобретут средства нанять себе вольную квартиру. К Чернышевскому не было применено это постановление закона, и он все время своей каторги не выходил из-под замка. 3. На основании того же устава о ссыльных, в каторге принято считать каждые десять месяцев за год. Эта льгота применяется даже к самым страшным уголовным преступникам. К Чернышевскому она никогда не была применена, и он отжил в каторге все свои 8 лет сполна. Этого мало. Как говорят, он был задержан там даже несколькими месяцами долее своего законного срока, в ожидании окончания следствия по делу некоего Лопатина, арестованного у нас в Иркутске и заподозренного в намерении устроить освобождение Чернышевского. Таким образом, вы видите, что во все время пребывания своего на каторге Чернышевский постоянно расплачивался за чужие грехи и за симпатии, пробужденные им в среде русского общества (с позволения сказать). Но пребывание на каторге было, сравнительно говоря, еще лучшею половиною подневольной жизни Чернышевского. Как ни грустно сказать это, но это правда.

Из поселения, представляющего для каторжного громадное облегчение и переход к прежнему вольному состоянию, правительство ухитрилось сделать для Чернышевского такой подарок, который будет похуже всякой каторги. Вы уже знаете, конечно, что Чернышевский переведен в Вилюйск, называющийся городом, но представляющий на самом деле обыкновеннейший небольшой якутский улус, лежащий к северо-западу от Якутска, на расстоянии около 950 верст. Впрочем, расстояние это выведено из приблизительных расчетов разных проезжих, и сюда как нельзя более применима поговорка: «Мерила старуха клюкой, да махнула рукой». Переезд Чернышевского из Нерчинских заводов в Вилюйск совершился со всевозможной помпой, т. е. его сопровождали жандармский штабс-капитан Зейферт, вахмистр иркутской жандармской команды и два жандармских унтер-офицера наблюдательного состава. Были приняты все меры, чтобы с ним не только никто не мог заговорить где-нибудь на станции, но чтобы даже на него не мог упасть ни один нескромный взгляд. У нас ходило немало анекдотов о подвигах Зейферта в этом направлении; но так как они граничат с мифами, то я их и опускаю. На краю Вилюйска (а по уверению некоторых, в окрестностях его, и притом далеко от города) построен несколько лет тому назад небольшой острожек или домик, — называйте, как хотите, — в котором были поселены Дваржачек и Огрызко[53]. Дваржачек впоследствии умер, а Огрызко был переведен в Якутск, где он живет и до настоящей минуты. Вот этот-то острожек и избран для житья Чернышевскому. Живучи тут, он, конечно, не раз вспоминал с сожалением о прошедшей каторге, где он жил в большой тюрьме, предназначенной исключительно для политических преступников. Положим, и там правительство сочло нужным отделить Чернышевского от *русских* политических (или, как у нас говорят, *государственных*) преступников, которые (по преимуществу каракозовцы) содержались при так называемой полиции Александровского завода, и держало его исключительно с поляками (которые у нас в Сибири только и называются *политическими* ссыльными); тем не менее он имел там около себя кое-какое людское общество; здесь же он предоставлен исключительно самому себе. В географическом смысле Вилюйск есть не что иное, как большой секретный номер, устроенный самою природою и усовершенствованный благопопечительным начальством. Даже по отношению суровости и стеснительности надзора Чернышевский ничего не выиграл, переменив свою каторгу на поселение. По рассказам сопровождавших его жандармов, ему дозволяют ходить свободно (?!) в течение дня, но после девяти часов вечера его запирают на ключ. Для содержания караулов у его жилища находятся в настоящее время в Вилюйске 20 казаков и один жандармский унтер-офицер наблюдательного состава.

Самый выбор этого унтер-офицера не лишен интереса. Лопатин, о котором я уже упоминал выше, содержался сначала в жандармской команде. Во время своего заключения он был вынужден пожаловаться жандармскому полковнику на излишние стеснения и дерзкое обращение со стороны одного из карауливших его унтер-офицеров, некоего Ижевского. Впоследствии он бежал и выбрал для своего побега дежурство именно этого унтер-офицера. Побег не удался, и Лопатин был схва-

чен очень недалеко от стен своей тюрьмы. Но недовольство его на Ижевского послужило в глазах полковника Дувинга рекомендацией в пользу этого солдата; а потому, при назначении надзирателя для Чернышевского, его выбор остановился на Ижевском, который и был отправлен в Вилюйск на первый год. (Правительство считает климат Вилюйска слишком тяжелым *для жандармов*, а потому распорядилось не держать их там долее одного года). Затем, через год, Лопатин был выпущен на условную свободу, причем был поручен специальному надзору жандармского унтер-офицера Кузьмина. Угрожаемый вторичным арестом, Лопатин бежал во второй раз, и опять-таки неудачно: он был схвачен в Томске и приведен обратно в Иркутск. Но обстоятельство это опять-таки дало в глазах Дувинга какую-то особенную цену этому Кузьмину, вследствие чего, при назначении надзирателя Чернышевскому на второй год, этот Кузьмин был послан на смену Ижевскому. Недавно, не дождавшись решения суда, этот Лопатин бежал в третий раз, и на этот раз, как кажется, удачно; по крайней мере, до сих пор об нем нет ни слуху, ни духу. К сожалению, на этот раз, в числе конвойных Лопатина не находилось ни одного жандарма. Обстоятельство это повергает всех знающих полковника Дувинга в большое недоумение относительно того, чем будет он руководствоваться при назначении надзирателя к Чернышевскому на третий год. Нужно ли говорить, что все эти стеснительные меры, принятые начальством по отношению к Чернышевскому, без всякого повода с его стороны, не только возмутительны для всякого не лишенного искры человеческого чувства, но и глубоко противозаконны, так как они представляют вопиющее нарушение всех постановлений закона касательно ссыльных? Ссыльнопоселенцы, и по закону и по обычаю, живут на местах своего поселения совершенно свободно; а прожив мирно полгода, они даже имеют право получать билеты на отлучки. Многие из них имеют полугодовые и годовые билеты для разъездов по всей Восточной Сибири. Но то, что возможно для самых последних уголовных преступников, оказывается слишком либеральным, слишком роскошным для человека, политический образ мыслей которого имел несчастие не понравиться императорскому правительству. О климате Вилюйска не пишу ничего. Загляните сами в какой-нибудь географический словарь, и вы увидите и без моих объяснений, насколько такой климат может считаться подходящим для слабогрудого, болезненного человека, как Чернышевский. Есть ли у него книги, много ли, и какие именно? Получает ли он журналы, газеты и письма? — Ей-богу, не знаю. Если узнаю, напишу. Прежде, говорят, ему позволялось обмениваться письмами с женою три раза в год; какие постановления существуют на этот счет теперь — я не знаю. Долго ли еще он будет в состоянии выносить эту суровость климата и материальной обстановки, это бесконечное, насильственное уединение, эти ежедневные, ежечасные нравственные мучения? — опять-таки не знаю. Во всяком случае это будет не первая и не последняя дорогая жизнь, пожранная на алтаре любезного нашему сердцу «Престол-Отечества».

Другая недюжинная литературная сила, пропадающая задаром у нас в Сибири или, по крайней мере, лишенная возможности развернуться, как следует, и принести всю ту пользу, на которую она способна, — это Щапов[54]. На этом человеке явлен нам пример замечательного беззастенчивого административного произвола, не прикрытого хотя бы для приличия ни малейшей судебной фикцией, никакой из тех разнообразных масок, которые администрация считает полезным надевать иногда в подобных случаях. В самом деле, этот человек, не лишенный по суду своих гражданских прав (?!), даже не судившийся ни разу, сослан в Иркутск по распоряжению шефа жандармов более чем 10 лет тому назад и с тех пор продолжает жить здесь и до настоящей минуты, не получая разрешения на выезд отсюда, несмотря на хлопоты его друзей и даже ближайшего начальства. Будучи знакомы со специальностью Щапова, вы и сами легко можете себе представить, насколько это насильственное пребывание в Иркутске благоприятно для его ученых трудов. В нашей помойной яме, именуемой Иркутском, несмотря на сорокатысячное население, нет ни одной порядочной библиотеки даже для так называемого легкого чтения! В нашей так называемой общественной библиотеке, кроме журналов да отдельных романов Львова, вы не найдете решительно ничего. Библиотека при здешнем отделе Географического общества состоит из старого хлама да нескольких специальных сочинений по географии вообще и географии Сибири в частности. Как видите, небогатый материал для исторических работ! Вот и приходится Щапову перерабатывать свои старые выписки из всевозможных актов и заметки, еще сделанные в молодости, во время пребывания его в Казани и в Петербурге. Невеселая перспектива для человека, так всецело преданного своим занятиям, как Щапов! Даже местные власти понимают всю неуместность пребывания такого человека в пределах их захолустного помпадурства и не раз пробовали хлопотать о переводе Щапова в один из университетских городов России. Корсаков хлопотал об этом; Синельников, вскоре по своем приезде, снова хлопотал о том же предмете, вследствие ходатайства здешнего отдела Географического общества; все безуспешно! А между тем мало есть людей, которые, даже с официальной точки зрения, имели бы столько прав на снисхождение и могли бы представить такие основательные причины, вынуждающие их к просьбе о переводе. В самом деле, ученые труды Щапова, достаточно известные читающей публике и самому правительству, делают для него необходимым пребывание в местности, где есть возможность пользоваться нужными учеными материалами. Жена Щапова, делящая с ним его тоскливую судьбу, — женщина совершенно разбитая и больная, почти не выходящая из постели;

все здешние доктора сбились с ней с толку и в один голос гонят ее к знаменитостям своей профессии и в лучший климат. Наконец, жизнь Щапова здесь могла бы выдержать самую придирчивую критику; он живет настоящим затворником и отрывается иной раз от своего письменного стола только затем, чтобы пройтись пять-шесть раз от одного угла своего квартала до другого. И вот, несмотря на все это, жандармерия остается неумолима и в продолжение 10 лет не может позабыть своей старой вражды к этому человеку! Наши генерал-губернаторы ничего не имеют сказать против него, но здешний жандармский полковник, некто Дувинг, как говорят, не находит возможным дать ему с своей стороны хорошую аттестацию. Это, что называется: «Жалует царь, да не жалует псарь», — и вот из-за такого-то «псаря» приходится человеку гнить целые годы в такой помойной яме! Этот Дувинг, это «царево око» (и око, говоря в скобках, довольно кривое), сам по себе представляет довольно любопытный сюжет для беседы, и я не откажу себе в удовольствии поговорить когда-нибудь об нем; но теперь я отлагаю его про запас и опять возвращаюсь к своему предмету.

Третья и последняя литературная сила, мне сколько-нибудь известная, это Худяков[55]. Он был осужден на поселение и, с беспримерной жестокостью, был поселен в Верхоянске, куда не загоняют даже и уголовных преступников. Население этого городишки состоит из 164 человек якутов; из русских там есть исправник, поп да фельдшер. Почта, как я слышал, ходит туда только раз в год, и уже во всяком случае не чаще трех раз в год, как и в Вилюйск. Живет он там и до сих пор. Первоначально он пробовал позабыться в ученых занятиях: он составил якутский словарь, якутскую грамматику и написал еще какое-то сочинение, название которого я в настоящую минуту не могу припомнить. Все эти вещи он послал через ближайшее начальство в какие-то учено-литературные учреждения, но никакого ответа не дождался. Где теперь находятся все эти вещи — я не знаю: вероятно, валяются где-нибудь в делах Якутского областного правления. Но Худяков не долго мог вытерпеть эту жизнь и вскоре сошел с ума. Я слышал из верных источников, что якутский губернатор Де-Витте трижды спрашивал разрешения перевести его в якутский сумасшедший дом, но разрешения этого не последовало и до сих пор.

Той же участи подвергся и его товарищ по делу — Ишутин[56]. Он, как известно, был остановлен, по распоряжению властей, на пути из Петербурга в Москву и привезен обратно в Петербург, где его посадили в Шлиссельбург. Что там было с ним — я не знаю, но, когда через год его привезли в Нерчинские заводы, в нем уже были заметны некоторые признаки умственного расстройства, перешедшие потом в настоящее помешательство. В настоящее время он содержится в больнице Александровского Нерчинского завода.

Относительно других каракозовцев рассказывать приходится немного. Вследствие сокращения сроков по поводу разных случаев, они уже вышли из каторги и отправлены на поселение. В декабре 1871 года семеро из них: Странден, Юрасов, Ермолов, Николаев, Васильев[57], Загибалов и Шаганов проходили через наш город и содержались некоторое время в здешнем остроге. Они отправлены в Якутскую область, с приказанием расселить их *поодиночке* по разным захолустьям, так что они тоже, вероятно, не раз пожалеют, как и Чернышевский, о каторге, где они жили вместе. Содержания им назначено 100 с чем-то рублей в год каждому (?!), но с тем, чтобы у них была отнята возможность всякой казенной или частной работы. В последних видах, их велено поселить в таких местностях, где не существует «никакой промышленности». Очевидно, правительство не желало их присутствия там, где какой-нибудь промысел сбивает в кучу большую или меньшую массу рабочего люда. Из них Николаев живет теперь в Верхоленске; Ермолов долго валялся больной сначала в Киренске, а после в Якутске; относительно других не знаю ничего.

Еще прежде этих семи прошли через Иркутск еще двое каракозовцев: Климов[58] и Дядин, тот самый отставной солдат, который, после покушения 4 апреля, воскликнул в пьяном виде в каком-то кабаке: «Разве так надо стрелять!» — и за это угодил в государственные преступники и на двадцатилетнюю каторгу после двадцатипятилетней беспорочной службы царю и отечеству! — Климов поселен в Киренске, а Дядин, если не ошибаюсь, в Макаровской волости, одним словом, на самой границе Якутской области.

Одновременно с ними проходил Кувязев[59], молодой артиллерийский офицер, судившийся ранее 1866 года за распространение каких-то прокламаций. Этот семнадцатилетний мальчик просидел три с чем-то года в Петропавловской и был приговорен к аресту при гауптвахте на 6 месяцев, без всяких дальнейших последствий, даже без исключения со службы. Но тут подоспело 4 апреля, и его приговор был «смягчен» на пятнадцатилетнюю каторгу! — Он теперь поселен в Верхоленске.

Из остальных каракозовцев (поселенцев) имею понятие о местонахождении только трех лиц: Маевского, Маркса и Федосеева (Виктора)[60]. Из них Маевский служит в Енисейске в какой-то золотопромышленной конторе, Маркс живет там же и занимается тоже частным трудом; а Федосеев жительствует в селе Чадобце, на Верхней Тунгузке.

О нечаевцах могу сообщить очень немногое. Успенского провезли через Иркутск в сентябре 1872 года: во время пребывания своего в здешнем замке он все время содержался в секретной. Теперь он, как говорят, находится в Александровском Нерчинском заводе. Кузнецов, Николаев и Прыжов (с женой) прошли здесь в партии зимою 1872 года, в ноябре или декабре месяце. Все трое

довольно долго содержались в остроге в ожидании назначения. Прыжов находится теперь, по слухам, в Петропавловском заводе, а про Кузнецова и Николаева говорят, будто бы они на Каре; но правда ли это, — не знаю[61].

О ссыльных по разным другим политическим делам могу сказать еще меньше. Обручев[62] жил в Иркутске; служил в какой-то частной конторе; где он теперь, — не знаю. Баллод[63] живет на Илге, кажется, подле с. Знаменского. Еще слышал я про какого-то Васильева, живущего в Балаганске, но ничего более не знаю про него, кроме того, что он тоже из «государственных». Вы, конечно, читали трагикомический процесс Гончарова[64]. Герой этого процесса живет тоже у нас в Иркутске. Он подал просьбу о помиловании и был сослан сюда на житье, без лишения гражданских прав.

Вот и все, что я в состоянии сообщить по заданным мне вопросам. Не взыщите за скудность сведений. Чем богат, тем и рад.

Хотелось бы мне сообщить вам рассказ о двух странных сектантах, сидящих уже четыре года в здешнем остроге и известных у арестантов под именем «Не-наших»[65]. Это люди, отрицающие бога, религию, царя, начальство, законы и установленные обычаи, отказывающие в повиновении властям, стремящиеся к какому-то «царству свободы и правды» и вытерпевшие несказанные мучения за свои убеждения. В особенности интересны они ввиду того, что они не представляют собой единичного явления и еще недавно были осуждены в Саратове их единомышленники под именем «молчальников».

Я много наслышался об этих удивительных людях от одного из моих знакомых, содержавшегося довольно долго в остроге (каюсь: у меня есть и такие знакомые), но я не имею теперь времени, чтобы написать вам об них с должною подробностью. Повремените немного[66].

2. Í å-í à ø è[67]

Иркутск, февраль 1874 года.

Я обещал написать вам кое-что по поводу «Не-наших», по поводу той странной секты, несколько представителей которой содержалось в нашем остроге. Не посетуйте за неполноту и отрывочный характер сведений. Рассказываю все, что слышал.

Года четыре тому назад к нам «пригнали» двух ссыльнопоселенцев — Василия Шишкина и Василия Иванова, — которые поразили местное начальство странностью своего поведения. Назначили из в одну из волостей Иркутской губернии. Они не идут.

— Волость — значит власть, — говорил Шишкин. — Власть-то *ваша*, а я не *ваш*; и власти вашей над собой не признаю и в волость вашу не пойду.

— Как не пойдешь, когда назначат? — Подать сюда его статейный список. Ты грамотный?

— Кабы я был грамотный[68], — лукаво заметил Шишкин, — я бы размок по дороге, как меня дождем-то поливало…

— Читай!

— Я вашего *начертания* не разумею; и тех *чертей*, которые его *начертили*, не признаю; не признаю и того *державца*, кем эти черти на место поставлены; и приказаний ваших исполнять не буду.

— Будешь, когда выпорют!

— Виданное дело! Пороли, да отступились. Сколько об меня розог да прикладов изломано, столько ты, может быть, и во сне не видал.

— Как ты смеешь говорить мне ты? — вскидывается на Шишкина советник губернского правления, принимающий партию.

— Да, ведь, я с тобой с одним теперь говорю? Я вижу, что вас, чертей, здесь много, да спрашиваешь-то меня ты один.

— Ты забываешь, скотина, что я начальник, а ты подчиненный.

— У меня нет ни начальников, ни подчиненных; вот мои рабы, — прибавляет он, показывая свои десять пальцев, — кроме них, у меня других рабов нет, и я сам никому не раб.

— Что ты за человек?'

— Я — не человек. Человек-то значит ложь. Справься-ко в своих писаниях.

— Кто же ты такой?

— А вот смотри, кто я такой.

— Как твое имя?

— У меня нет имени.

— Как же тебя зовут?

— Когда ты меня сюда позвал, так видно знал, как меня зовут? Чего же ты еще спрашиваешь?

— Какой ты веры?

— Никакой.

— Ты сектант?

— Нет.

— В какого бога ты веришь?

— Я ни в какого бога не верю: бог-то ваш, так и возьмите его себе, а мне он не надобен.

— Черту, что ли ты молишься, прости господи?

— Никому я не молюсь, потому что молитва мне не нужна. А черт-то тоже ваш; а у меня нет ни бога, ни черта.

— Куда же тебя девать, когда в волость ты не идешь, а в тюрьме тебя держать долее не приходится?

— Отправь меня туда, где мне следует быть. Зачем же ты брал меня, когда теперь не знаешь, куда девать? Ведь я не просил тебя приютить меня, дать мне кров, пищу, одежду. Свое было.

— Да разве *я* взял тебя, оглашенный ты этакой?

— А разве не все равно? Разве вы все не одна шайка? И ваш бог, и ваш царь, и ваши попы, и ваше *корыстолюбивое* воинство, и ваши черти-подьячие, и ваши подданные, которые слушаются вас на свою шею, — все вы одного отца дети! А я не ваш, и знать вас не хочу!

— Много ли вас, таких оглашенных?

— Я *один*; я знаю только сам себя, а до других никакого мне дела нет.

— Ну, а этого, товарища-то твоего, тоже не знаешь?

— У меня *нет товарищей*.

Из дальнейших расспросов оказалось, что Шишкин наотрез отрицает бога и черта, принадлежность к какой бы то ни было религии или секте, царя, духовное, гражданское и военное начальство, законы, нравы, обычаи — одним словом, все, кроме собственного своего авторитета. Он не считает себя ни христианином, ни человеком; не признает никакого имени и не откликается, когда его кричат: «Шишкин»! Всем говорит «ты». Называет людей не по имени, а по возрасту, по занятиям или по внешним приметам; например: «эй, старик!», или «эй, солдат! эй, прокурор!», или «эй, хромой». Иванов представляет точную копию с Шишкина. Так как оба они при каждом случае говорят: «Это ваше, а я-то, ведь, не ваш», — то арестанты немедленно прозвали их «Не-нашими», и эта кличка так и прикипела к ним, сами они откликаются на нее охотно. Ввиду того, что, при приеме партии Не-наши высказали в своих ответах столько смелости, сколько не полагается иметь здравомыслящему человеку в России, местное начальство усомнилось в их умственных способностях и послало их «на испытание» в сумасшедший дом. Так как Не-наши не признавали за начальством *права* держать их и уступали только *силе*, то они воспользовались недостатком надзора в сумасшедшем доме, ушли оттуда и отправились в Россию. В Нижнеудинске у них спросили паспорты, но так как никаких «начертаний» при них не оказалось, то их заарестовали и вернули в Иркутск. Завязалось дело, и вот они сидят *четыре года*, пока иркутский окружный суд и нижнеудинский окружный суд пересылают их дело один другому, основываясь один на том, что арестанты взяты в Удинске, а другой — на том, что они содержатся в Иркутске. Каждому не хочется взять себе дело, требующее всего несколько *часов* работы (ведь дело-то *поселенческое*!), а арестанты сидят из-за этого года!.. Впрочем, здесь это не в диковинку. В остроге есть арестанты, по делу которых предварительное следствие производится *семь лет*, и конца ему не предвидится…

Шишкин представляет тип «мученика за веру», хотя от *веры* он и отрицается. Родом он из Лыскова; воспитался в учении федосеевцев; умный, начитанный «от писаний», опытный в религиозных спорах, постоянно ведомых друг с другом и с представителями разных толков, он с жаром предался с ранних лет отыскиванию *истины*, как он говорит. В своих поисках за истиной он побывал в четырех сектах и трижды крестился на различные фасоны. Во время этих поисков он имел случай убедиться, что каждая секта очень сильна в *критике* заблуждений других сект, но очень слаба в доказательствах истинности ее собственных учений. Это навело его на мысль, что *все* религиозные учители поголовно заблуждаются и что все их учения суть их собственные выдумки. Изучая тщательно священное писание, он нашел, что оно противоречит постоянно само себе и что следующие из него практические выводы находятся в вопиющем противоречии с теми нравственными правилами, которые подсказывали ему его собственное сердце и здравый смысл. Он отверг религию. Но уважение к власти предержащей, к обычаям, к житейским правилам основано для простого человека, главным образом, на религии. А потому, отвергнув религию и бога, он отверг разом и обязательность для него существующего общественного порядка, подверг его собственной критике и порешил устроить свои отношения к миру «своим умом». На его идеи значительно повлияло столкновение в Саратове с турецкими выходцами, проповедовавшими подобные взгляды на вещи. Эти турецкие выходцы, по рассказам, были потомки стрельцов, которые при Петре I бежали в Турцию и которым в шестидесятых годах было дозволено или даже предложено вернуться в Россию[69]. Говорят, что этим вызовом воспользовались очень многие из них. Сначала, расселившись по разным губерниям, по собственному выбору, они жили мирно. Но потом, несмотря на объявленную им при вызове свободу вероисповедания, они подверглись гонению за веру. По-видимому, негодование правительства было возбуждено именно этою сектою, не называющею себя никаким особенным именем, но называемою другими Не-нашими, молчальниками (за отказ отвечать на допросы) и т. п., за антирелигиозный, антиправительственный и антигосударственный характер ее учений, которые стали распространяться и между русскими крестьянами. По этому поводу была наряжена особая комиссия, под председательством князя Щербатова (в 1867 или 1868 году, — наверное не помню). Понятно, наша

пресса не нашла нужным даже заикнуться об этом деле. По словам Шишкина, двадцать семей было сослано на Кавказ на тех основаниях, на каких ссылаются молокане и духоборцы. Из фамилий я помню только семью Богатенковых, из турецких выходцев. Весь этот народ держался очень бодро. Говорят, одна из дочерей Богатенки, когда их везли на эшафот, затянула какую-то веселую песню, чтобы показать, что они плюют на всю эту церемонию. Принуждены были, для прекращения соблазна, все время бить в барабан. Но Шишкину досталось хуже всех. Его ум, начитанность, бойкие ответы и непреклонный характер раздражили против него следователей и суд. Так как он отказывался от паспорта и от имени, которое ему насильно навязал поп при крещении и которое утвердила за ним светская власть, то начальство воспользовалось этим и засадило его в *арестантские роты*, как *бродягу, не помнящего родства*. Заметьте, что все знали, кто он такой. Лысковский крестьянин по происхождению, он платил пошлины купца первой гильдии, вел громадную хлебную торговлю, имел в Саратове собственный дом и принадлежал к числу торговых нотаблей города. Его жена, женатые сыновья и замужние дочери были хорошо известны следователям, которые сами посылали их уговаривать старика образумиться. При аресте у него отобрали 80000 тысяч рублей. И все это ничуть не помешало засудить его, как непомнящего родства бродягу… кстати, вот образчик его характера. Отобрав у него деньги, ему сказали: «Когда тебе понадобятся деньги, можешь спросить: тебе будут выдавать мелкими суммами — по 10, по 20, по 100 рублей». Он отвечал: «Если вы забрали эти деньги, значит — вы считаете их вашими? Ну, так и пользуйтесь ими!.. А я лучше умру, чем попрошу у вас вашего, хотя бы то был грош». И действительно, несмотря на все последующие лишения, он ни разу не попросил ни копейки. В арестантских ротах начались для него страшные испытания. Прежде всего его остригли и обрили, — насильно, конечно, после серьезной свалки. Потом велели работать. Он отказался наотрез. «Силою вы меня взяли, силою вы меня и держите, — говорил он, — так вы должны сами поить, кормить, одевать меня и работать за меня. Я к вам не напрашивался. Отпустите меня, я к вам за помощью не приду. А хотите держать меня, так и робьте за меня. А я на вас не работник». Его секли, ломали об него приклады, приковывали к стене, — ничего не могло сломить его упорства. Тогда, чтобы его пример не развращал других арестантов, его бросили в секретную, где его держали в рубище, на хлебе и воде, в омерзительной атмосфере (он отказался выносить так называемую «парашку»; начальство велело оставить ее в камере, сделав, таким образом, из камеры никогда не очищающийся нужник). Шишкин заболел цингою, покрылся язвами, проникавшими кое-где до костей. Но упорство его осталось по-старому. В это время появился указ, которым содержание в арестантских ротах заменялось для бродяг поселением в Сибири; и вот Шишкина погнали в Сибирь, надбавив ему и тут наказания, т. е. поселив его, вместо Западной Сибири, в Восточную. По дороге раны его зажили, и он снова окреп. Во время пути он столкнулся с Василием Ивановым. Этот Василий Иванов — тип аскета; он родился от родителей беспоповщинской секты; воспитался в каком-то пустынном ските; полюбил «мать-пустыню» и провел в ней — в посте, воздержании и молитве — всю свою жизнь, лет до 35. Переходя как-то из одного пустынного скита в другой, — снабженный «страха ради иудейска» волчьим видом, — он был взят, осужден за бродяжничество, заключен в арестантские роты, а после сослан в Сибирь. По дороге Шишкин обратил его в свой толк, и они пошли далее под именем двух Не-наших. Дорога для них не прошла без приключений. Как-то арестантская баржа села на мель. Майор, начальствовавший конвоем, заставил арестантов работать самих над ссаживаньем баржи с мели. Шишкин, по обыкновению, не повиновался и сидел спокойно на бережку. Майор, не зная еще его характера, подскочил к нему и поднял его за волосы. Тогда Шишкин сгреб майора под себя и стал ему «накладывать». Но тут множество арестантов бросились угодливо на выручку начальства и, в пылу добровольного холопства, избили Шишкина до полусмерти. Майор начальству не жаловался, а Шишкин выдержал тифозную горячку, но оправился. В Нижнеудинске подобная же история случилась с Ивановым. Смотритель острога, Ситников, оскорбленный тем, что он сидел в его присутствии, да еще в шапке, рванул с него шапку вместе с волосами. Тот схватил самого смотрителя за волосы и стал его «возить», пока он не был отнят другими арестантами. Большинство арестантов, как известно, отличается крайним нравственным растлением: это мелкие трусишки, старающиеся выслужиться перед начальством доносами и рабским угодничеством; как дикие звери растерзывают раненого или ослабевшего товарища, так и они накидываются на товарища, преследуемого начальством или каким-нибудь силачом из своей же братьи. Они помяли Иванова основательно и отняли у него изрядный кусок жизни. Тем не менее он поболел, поболел, но «отлежался». В результате оказалось, что и начальство и товарищи стали обращаться с Не-нашими осторожно и не осмеливались раздавать им тычки, как прочей острожной рвани. Наконец они пришли в Иркутск, где с ними произошла описанная выше история, вследствие которой они сидят да посиживают в нашем остроге.

Если бы вы пожелали, чтобы я изложил вам их учение в связной форме, то я, право, затруднился бы. Мне не случалось вести с ними систематической беседы, а то, что я слышал от них и от других, не составляет цельной картины. Попробую рассказать, что припомню. Прежде всего об их внешних отличиях. Будучи поклонниками всего естественного — «что от природы», — они не стригутся и не бреются. Водки не пьют, потому что «зачем же самому себя нарочно дураком делать?»

Табаку не курят, потому что табак не есть что-либо «потребное» и, кроме тошноты и головокружжения, ничего хорошего в нем нет. Но пищу едят всякую и постов не держат. Полового аскетизма не придерживаются. Иметь «подругу» считают «потребным» и согласным с природою. Но к острожным прелестницам не обращаются, считая, что это значит поганить себя, все равно как есть из грязной посуды. В церковь не ходят; икон не почитают, считая их досками, годными только на покрывание горшков; сами никогда не молятся, ни по-нашему, ни по-своему; в комнатах не снимают шапок, чтобы не подумали, что они делают это из уважения к иконам. Не признавая ни царя и никаких «державцев», ни их слуг, они не снимают ни перед кем шапки; не отдают никому никаких знаков уважения, не исполняют добровольно ничьих приказаний, уступая только силе, да и то только пассивно, а не активно; всем систематически говорят «ты». Будучи очень обходительными с товарищами, они жадно выискивают случая для грубого резкого протеста пред начальством, и чем выше начальник, тем приятнее им задеть его. Вы знаете, что значит у нас генерал-губернатор. В его присутствии не то что у арестантов, а и у чиновников замирает дух. Но Не-нашим он нипочем. Входит Синельников[70] в камеру Шишкина. Тот нарочно лежит, в шапке.

— Зачем ты, старик, держишь меня здесь? — обращается он к Синельникову при входе. — Загнал, как чужую скотину, в свой хлев и не выпускаешь! Варвары вы все, кровопийцы, право!

На вопрос: «Кто ты такой?» — он отвечает: «А вот смотри, кто я такой!» — и т. д., по заведенному раз навсегда образцу.

Когда великий князь Алексей Александрович осматривал проездом тюрьму, оба Не-наши отказались встать в его присутствии и снять шапки. Он было сделал большие глаза, но ему сказали, что это помешанные, и он прошел мимо.

Как пример их упорства в неисполнении приказаний, расскажу следующее. В Удинском остроге их хотели заставить носить воду. Не считая себя «рабами», «повинными» робить на самозваных господ, они отказались наотрез. Карцер, розги не повели ни к чему. Тогда вздумали *запретить давать им пить*!.. И что же? — Не-наши решились лучше помереть, чем подчиниться. Но когда они уже совсем ослабели и стали бредить, выдумщики испугались и опять разрешили им воду. Не-наши снова поправились. Пробовали заставить их выносить из камер нечистоты. Не-наши опять уперлись. Начальство опять за розги. Но никогда, при самом жестоком наказании, от них не слышали просьбы о пощаде. «Варвары! мучители! душегубы! тираны! кровопийцы!» — вот все, что от них удалось добиться розгой. Кстати: они никогда не употребляют «непечатных» слов и бессмысленных ругательств. Их ругательства, если их можно так назвать, всегда имеют значение и характеризуют деятельность человека. «Я не ругаюсь, — говорил Шишкин прокурору, обозвав его чертом, — а называю тебя *по твоим делам*. Если ты чертишь, значит, ты черт; если ты мучишь и тиранишь, значит, ты мучитель, кровопийца, тиран, варвар!..» Пробовало начальство сажать их за такое «называнье людей по их делам» в секретную, зимой, в одной рубахе, даже без порт. Не-наши простужались, схватывали горячку, попадали в больницу, но не исправлялись.

Другая черта, отличающая их даже внешним образом, — это их язык. Они тщательно избегают употребления многих обыкновенных слов, заменив их различными синонимами. Шишкин не скажет «спать», а «отдыхать». Он не «пьет» и не «ест», а «кушает». Он употребляет не «чай», а «китайскую травку». «Отец» у него — «корень», «дети» — «отрасли», «жена» — «подруга» и т. п. Себя он ни за что не хочет назвать «человеком», выводя из писаний, что человек есть ложь. Эти странности языка действительно могут заставить признать их с первого взгляда за каких-то полупомешанных, и только последующее наблюдение убеждает, что тут имеешь дело с людьми далеко не дюжинного ума. Эти странности имеют, по-видимому, две причины. Во-первых, не забудем, что эти люди выработались из сектантов, помешанных на схоластическом анализе писаний, на анализе *слов*. Они придают огромное значение *слову*. «Где слово, там и дело», — говорят они. Все их убеждения добыты, главным образом, из логического и филологического анализа духовной литературы да из обдумыванья самых элементарных фактов из области естественных и социальных наук. Отсюда — та важность, которую они придают чисто словесным различиям. Отсюда же — убеждение, будто словесные аналогии *всегда* указывают на реальные аналогии. Льюис говорит где-то, что некоторые заблуждения Аристотеля зависели от того, что, будучи греком, знавшим и изучавшим только *свой* язык, никогда не сравнивая его с другими, он воображает иной раз, что аналогия между двумя словами указывала и на аналогию между реальностями, обозначавшимися этими двумя словами. Нечто подобное видно и у Не-наших. Как вам нравится, например, такое рассуждение: «Я *чая* не употребляю. *Чай*-то ваш. Вы *чаете* воскресения мертвых; вы *чаете* себе великих и богатых милостей. А я ни от кого и ничего себе не *чаю* и *чаю* вашего не признаю». Или: «Я не *ем* и не *пью*, это вы *едите* друг друга и *пьете* кровь из ближнего; вы *пьете* водку; кто *пьет*, тот *пьян* живет, а я *кушаю*». Или: «Кто *спит*, тот *проспит*, а я *отдыхаю*». Вторая причина состоит в том, что они умышленно стараются выделиться от прочей массы, хотя бы внешними признаками, чтобы их не смешивали в одно с разными сенаторами или с гражданскими преступниками. Один из людей, интересовавшихся их взглядами, убеждал как-то Шишкина говорить общечеловеческим языком. «Ведь если бы ты стал говорить с немцем, — толковал он ему, — и хотел, чтобы он тебя понял, ведь ты говорил бы ему по-немецки.

Так и теперь, если ты хочешь чтобы те, с кем ты говоришь, понимали тебя и убеждались, говори на том языке, к которому они привыкли». Шишкин на это отвечал приблизительно так: «Большинство заговаривает со мной только для того, чтобы почесать язык. Я вовсе не нуждаюсь, чтобы меня понимали *такие* люди. Напротив, мне еще лучше, что они *чудятся* и говорят: «Это какой-то не-наш! совсем и на человека-то не похож». Если же кто говорит со мной искренно, если я вижу, что он действительно ищет истины, а не болтает для препровождения времени, то я ему объясняю его языком». И в самом деле, с этим господином, например, он всегда говорит самым обыкновенным языком. Затем Шишкин очень любит говорить притчами, загадками, парадоксами и не любит разрешать недоумения сразу. «А ты сам дойди, — говорил он. — Жевкой-то только маленьких ребят кормят; а взрослому жеваная пища не потребна. Только то, до чего кто сам дошел, только то и его».

От этих внешних признаков Не-наших обратимся к их миросозерцанию, насколько я его знаю. — Бога они не признают. На вопрос: «Кем же создан мир?» — они отвечают: «Это все *от природы*». Они считают, что мир существует *от века* в таком виде, как теперь. Не-наши, особенно Шишкин, искусившийся в писаниях, очень любят прения с арестантами из духовных, в которых он доказывает им, например, что действия их бога, как они рассказаны в библии, никак не могут быть согласованы с теми свойствами, которые они ему приписывают. Например, он рассуждает так: «Создавая человека *способным* к греху, бог или *не знал*, что он создал его таким, тогда он не *всеведущ*; или он знал это, но не мог сделать его иначе, — тогда он не всемогущ; или сознательно и добровольно сделал его таким, а потом сам же наказывает его за то, что он таков, каким *он* его сделал, — тогда он *несправедлив*. Он создал человека на *забаву* себе, и притом на забаву *злую*». — Или Шишкин начнет доказывать, что Христос не *сын божий*, на основании известной «родословной», кончающейся Иосифом. Он говорит: «Если Иисус — сын *божий*, то какое отношение имеет к нему родословная *Иосифа*, даже по *человечеству*? Уж тогда следовало бы поместить родословную *Марии*. Если же действительно это родословная *Христа*, как сказано в евангелии, то тогда Христос сын *Иосифа*, а *не бога*». Или, анализируя фразу: «И не знаша ю, *дондеже* родила сына первенца», — он доказывает, что Мария не могла быть *присно*девою. Иногда, к ужасу и негодованию своего оппонента, он заставит его же самого, с помощью цепи умозаключений, вывести, что бог есть дьявол. Диалог ведется примерно так:

— Вашу библию-то кто написал?
— Моисей.
— Сам, из своей башки?
— Нет, по вдохновению божию, богодухновенно.
— Это значит, что бог все равно, что сам написал ее, только его рукою?
— Да.
— Ну, а сказано там у вас где-нибудь, что «дьявол есть ложь и отец лжи»?
— Сказано.
— Значит ложь от дьявола? Значит ложь — сам дьявол или, по крайней мере, — сын дьявола?
— Да.

После этого он берет какое-нибудь неудачное пророчество или какой-нибудь факт из библии, заведомо ошибочный даже для простого человека, при его низком уровне знаний. Добившись признания факта ложью, он возвращается к прерванному диалогу и говорит: «Значит, в библии наврано. Библию диктовал бог. Значит бог соврал. Значит бог есть ложь. Но ложь есть дьявол. Значит бог есть дьявол».

Припертые к стене, взбешенные противники не раз собирались опровергать его доводы побоями и внушать ему уважение к христианству силою кулака.

В загробную жизнь и возмездие Не-наши не верят. Они считают, что человек увековечивается и становится бессмертным в своем потомстве, через своих детей, на которых разделяется и постепенно истрачивается, так сказать, и дух его и тело, остатки же умирают безвозвратно. Когда Шишкина спрашивают: «Что станется с тобой после смерти?» — он отвечает: «Я не умру». Когда же к нему пристают с теми же вопросами, выраженными на его языке, он отвечает тоже вопросом: «А что делается с домом, когда хозяин бросает его и уйдет жить в другое место?». Из этого можно было бы вывести, что он признает какую-то жизнь духа после разлучения его с телом. Но, будучи допрошен обстоятельно, он развивает ту теорию, которая только что изложена мною. Тем не менее, Не-наши признают дух, отдельный от тела. Да и трудно было бы ожидать другого при тех сведениях по естествознанию, которыми они владеют. Стоит прочитать «Анимизм» Тэйлора, чтобы видеть, что на известном уровне знаний, дуалистическое представление об особенном духе есть самое философское понятие, какое только может составить себе человек для объяснения *снов* и других сродных с ними явлений. Построив свое миросозерцание с самым ничтожным числом реальных (не говорю — научных) данных, почти исключительно при помощи критики писаний да собственных размышлений, Шишкин внес в это миросозерцание множество метафизических бредней собственного изобретения, множество своеобразных толкований внешних явлений. Самый процесс выработки этого миросозерцания и достигнутые результаты поселили в Шишкине чрезмерное уважение к уму, или духу, вообще и к собственному в частности. Он считает, что дух, отказавшийся от веры, от закона, от

обычая, от всего навязанного ему извне и очистивший себя долгою практикою самосозданной *разумной* и *доброй* нравственности, делается способным видеть ясно будущее, еще темное для людей, объятых тьмою предрассудков и погрязших в дурную жизнь. Шишкин плохо различает разницу между *пред*видеть умом и *про*видеть духом». Он думает, что люди *доброго* рода далеко провидели в будущее. Так, его бабушка, по его словам, провидела освобождение крестьян, введение гласного суда с присяжными и всесословной воинской повинности. В особенности ясно видит дух *доброго* человека, когда он бывает свободен от телесных оков, то есть во сне. Шишкин верит в вещие сны. Он даже не говорит: «Я видел *во сне*», — а просто говорит: «Я *видел* то-то и то-то», — точно дело было наяву. На основании виденного им сна, он упорно предсказывает Лопатину[71] побег, имеющий увенчаться успехом.

Как я уже сказал, Не-наши не считают себя «человеками», потому что из анализа каких-то выражений писания они вывели, что «человек» значит «ложь», а они считают себя поборниками правды и истины.

Что касается до писаний, то когда Шишкин не дразнит «православных», а рассуждает хладнокровно, то он говорит, что большая часть святых книг написана людьми *умными* и *добрыми*; что эти книги были писаны в начале или ими самими, или с их слов. Но после переписчики исказили их или по глупости, или, всего чаще, под влиянием «князей мира сего», которые имели интерес вставлять в них разные правила в свою пользу. Шишкин думает, что в святых книгах содержатся наставления, как жить по правде, и объяснения того, что *будет*, данные людьми с *просветленным* духом. К сожалению, эти люди облекли свои наставления и предвидения в *притчи*, чтобы быть понятнее, а люди обыкновенные приняли эти *притчи*, или символы, за сущность. Отсюда пошли все бессмыслицы, проповедуемые попами. «Ты думаешь, *Троица* — это и в самом деле *три лица божьи*? — спрашивает Шишкин. — Неправда. Это просто *власть военная, гражданская и духовная*. Как ты думаешь, — *законная жена* — это что такое? Это *вера*. Про нее сказано в апокалипсисе: «И на звере жени, и чаша в руце ее преисполнена мерзостей и блудодеяния». А что такое *блудницы*? Это вот еретики, сектанты, что отказались от «законной-то жены» и «блуждают» в поисках за истиной. А что такое *девственник*? Ты думаешь, и в самом деле, это тот, что с бабой не живет? Вздор: это дело *потребное*, от природы. А это тот, который отказался от всякой веры и закона, кроме своих собственных; который живет сам с собой». В порядке нравственности, люди идут у Шишкина так: девственник, блудник, человек, прилепившийся к законной жене. Все апокалиптические подробности, по мнению Шишкина, суть замаскированные изображения не загробной, а здешней жизни: все это вещи, которые или существовали, или существуют теперь, или скоро будут. Так «двенадцать апостолов», сидящих на двенадцати золотых престолах и судящих двенадцать колен израилевых, по его мнению, просто двенадцать *присяжных* в нынешнем суде и т.д. Так же обращается Шишкин с ветхозаветными пророками. Все это, по его мнению, люди, изображавшие в *притчах* существующие порядки и те порядки, которые они провидели своим просветленным духом. Но все их провидения всегда относятся к вещам, имеющим быть здесь, *на земле, в этой* жизни. Страсть видеть повсюду символизм заходит у Шишкина очень далеко. Выросши в сектантской среде, где религия составляет еще живой элемент, проницающий собою всю жизнь и окрашивающий в свой цвет все социальные институты и все самые ничтожные акты обыденной жизни, Шишкин думает, что и политический и общественный строй России находится в той же тесной гармонии с государственной религией; он думает, что некоторые религиозно-правительственные идеи проникают через весь государственно-социальный строй, отражаясь повсюду в самых мелких правительственных формах и общественных обычаях. Поэтому во всем: в названиях учреждений и лиц; в формальностях судопроизводства; в различной системе изображения орла на монете в различные времена; в числе пуговиц на солдатском мундире; в перемещении, по новой форме, патронташа спереди на правый бок — словом, во всем, решительно во всем, он видит символизм: религиозный или нравственный. Многие из его объяснений замечательно остроумны и оригинальны; но жаль места и времени для передачи их; да и припомнить не легко. Во всех их — пропасть оригинального ума, проницательности, сообразительности, находчивости, истраченных на тщательную обработку самого неблагодарного, самого ничтожного реального материала. Эта страсть открывать всюду символы некоторых идей дает Не-нашим внешнее сходство с *мистиками*, хотя это далеко не то, так как, по их понятиям, эти символы сознательно созданы людьми, систематически проводящими свои религиозно-правительственно-социальные идеи через все мелочи жизни. Не веря в загробную жизнь, Шишкин не верит и в страшный суд, в христианской его форме. Но он верит в страшный суд на земле, в великую борьбу *добра со злом*, при которой добро останется победителем. Борьба эта идет и теперь, но когда-нибудь наступит час решительной битвы. Шишкин считает, что истина имеет больший удельный вес и силу, чем ложь. «Одно зернышко правды перетягивает целую уйму кривды». Он считает, что, раз появившись, истина (правда, добро) быстро разрастается и не может не задавить со временем лжи (кривды, зла). Мне как-то не случалось спрашивать Не-наших, откуда, по их мнению, произошло зло, и потому я ничего не могу сказать по этому поводу. Но относительно предстоящей борьбы добра со злом я много слыхал от них, так как они имеют очень определенные представления даже о главных перипетиях

этой борьбы. Надобно сказать, что Шишкин по-*своему* знает русскую историю и даже немножко и всеобщую, что поновее, частью на основании разных раскольничьих сказаний, частью на основании изустных преданий и слухов. Эти изустные народные слухи и собственные соображения послужили ему материалом и для его представления о ходе отечественного прогресса — представления, отличающегося крайней своеобразностью. Шишкин убежден, например, что крестьяне освобождены по требованию Наполеона I на основании секретной статьи мирного договора. На основании того же договора, наш «державец» *обязался* ввести гласные суды и всесословную воинскую повинность. Шишкин утверждает, что во всех государствах есть Не-наши и что число их увеличивается с каждым днем. (По дороге в Сибирь Не-наши прослышали про существование «нигилистов» и очень обрадовались, причисляя их тоже к Не-нашим). Шишкин утверждает, на основании разных *достоверных* источников и соображений, что все «державы» обязались взаимным договором высылать своих Не-наших в одно место, где они могут жить по-своему. Поэтому Шишкин считает, что правительство недостойным образом *смошенничало* с ним, не исполнив по отношению к нему обязательного для него договора и сослав его, под предлогом бродяжничества, в Сибирь, вместо того чтобы отправить его в условленное в договоре место, куда оно отправило, будто бы, остальных Не-наших, судившихся в Саратове. Но, по мнению Шишкина, когда число Не-наших увеличится настолько, что они перестанут составлять индивидуальные исключения, и когда державы увидят, что высылка — неудовлетворительный паллиатив, они пожелают истребить их поголовно и объявят им войну à l'outrance в своих владениях, причем будут расстреливать их без всякой пощады. Но это не поведет ни к чему. Истина живуча, и число ее приверженцев будет увеличиваться не по дням, а по часам. Настанет великая борьба, в которой истина, правда, добро одержат победу. Произойдет отделение «овец от козлищ». Добрые выделятся, завоюют себе право на особое существование и устроят свой *рай* здесь, *на земле*. Злые выделятся в особые общества, которым предстоит погибель не потому, чтобы добрые стали нападать на них или чтобы кто-нибудь стал их мучить на манер христианских адских чертей, но по следующим двум причинам: часть их убедится и перейдет к добрым; остальная же часть сама себе устроит *ад* на земле, в котором они мало-помалу *сами съедят друг друга*, в силу постоянной взаимной вражды. На земле настанет царство правды и добра. Я спрашивал Шишкина — не Америка ли та страна, куда их велено высылать? Оказывается, что он знает и про Америку. «Там, — говорит он, — жить *свободно*; но все-таки люди живут там *под законом*; это не то». Как видите, несмотря на дикость многих представлений Не-наших, в них проглядывает и понятие о солидарности людей добра и истины *во всех странах*, и понятие о солидарности всех земных правительств, и отрицание государственности (даже в виде подзаконной свободы), и предчувствие великой борьбы масс с «державцами» всего мира.

Перехожу теперь к социальным убеждениям Не-наших. Начнем с семьи. Не-наши проповедуют *свободу любви*. Они не признают ни религиозного, ни гражданского брака, *обязательного* для брачующихся. Женщину считают независимою, полноправною личностью, свободной выбирать себе «друга по сердцу» и любой образ жизни и форму деятельности. У них нет слова «*брак*». Нет слова «*жена*», а «*подруга*». Не правда ли, это — многозначительное выражение, указывающее на характер взаимных отношений? Но Не-наши думают, что, при полном нестеснении чувства и воли, люди *естественно* выделятся семьями. *Собственности* Не-наши не признают ни в какой форме. Что бы вы ни попросили у Шишкина, если у него есть, он непременно даст. Но надо, чтобы это было что-нибудь «потребное»: пища, одежда, деньги на действительную нужду. На вино, табак, карты и т.п. «непотребства» он ни за что не даст ни полушки. «Я лучше ее за окно выброшу, — говорит он, — чем буду помогать тебе *отравлять тебя самого*». Благодарности он не принимает. Скажут ему «спасибо», а он отвечает: «Пусть *тебя* твой *бог* спасает: а я-ко и сам спасусь». Скажешь: «Благодарствуй!», — а он: «А что-ка это значит — благодарствуй? Глупое слово! взял, съел или надел, и ступай себе!» Если кто-нибудь потчует его съестным или дарит ему что-нибудь из одежды, он берет, буде ему нужно, но *никогда не благодарит*. Разве иной раз скажет: «Это ты *доброе* сотворил», — и то в виде похвалы, поощрения, а не благодарности. Экономический идеал Не-наших соответствует низкому уровню той экономической культуры, из которой они вышли. Они, по-видимому, мечтают о такой жизни, где каждый трудился бы *для себя*, добывая из почвы все, что ему потребно, и изготовляя сам, в виде домашних фабрикатов, все, что не добывается прямо из почвы. Их идеал — это мужицкое хозяйство, которое не обирается ни государством, ни барином и члены которого не идут ни за чем «в люди»: все имеется дома. Излишек идет тем, у кого случится недохват. Но быть может, что я тут заблуждаюсь, так как из других выражений можно понять, что они мечтают о совместном производстве и о пользовании продуктами его «по потребностям». Ниже я скажу, почему тут возможна ошибка. Не-наши питают отвращение к *обязательному* труду во всех его формах. Не-наш ни сам *не пойдет внаймы*, даже под угрозою смерти, ни другого *не наймет* для своих услуг. Обмена, торговой справедливости они не признают: «Нужно тебе что-нибудь? я могу тебе дать? бери! — Нужно мне что-нибудь? ты можешь мне дать? дай!» — вот и все. Как образчик их взгляда на свободу личности и собственности, вот рассказ одного из них, Караулова, о допросе его прокурором:

— Это жена твоя? — спрашивает меня прокурор.

— Нет, — говорю, — не жена.
— Да ведь ты живешь с нею?
—Так что же что живу? а все-таки не жена.
Бабу спрашивает:
— Это муж твой?
— Нет.
— Да как же так?
— Да так просто: я его желаю.
— А я желаемого не отвергаю, — молвил я тут.
А он говорит после этого:
— Ну, это ваша дочь?
— Нет.
— Но она *ваша*?
— Как *наша*, от *нас*, но *не наша*. Она сама *своя*.
— Что, — говорит, — ты за дурак! Шуба вот эта на тебе *твоя*?
— Нет, не моя.
— Да ведь ты же ее носишь?
— Ношу; а ты возьмешь да и скинешь ее с меня, — какая же она моя? Ты скажешь: шуба моя, а я скажу — моя, а овечка скажет — моя; как же мы поделим ее? А тем более живой человек — как может быть мой?! У меня своего только сердце да разум. Больше ничего нет. — Так мы и спорим, пока не велит в тюрьму увести. Таскали нас, таскали, — ровно 8 лет! И где-то мы не высидели!.. Наконец вот заслали сюда, разорив до ниточки!..

По некоторым внешним чертам Не-наших можно принять за *индивидуалистов*. *По-видимому*, их не связывают никакие общие узы. Спросите у кого-нибудь из них, много ли их, он ответит: «Я *один*». — «Как один? а другой-то — твой товарищ?» — «У меня нет товарищей. Я один». — Никогда ни один из них не скажет «*мы*». Они, *по-видимому*, избегают друг друга; стараются жить в разных камерах и *при людях* почти не говорят друг с другом, за исключением самых необходимых вопросов и ответов. Но надо знать, с каким горячим участием заботятся они друг о друге *втайне*. Причина этой странности лежит в тех диких политических убеждениях, о которых я упоминал выше. Они убеждены, что «державцы» *обязаны* договором отправлять в известное место всех, кто *начисто* откажется от *всякой* веры и закона. В то же время они думают, что «державцы» готовы употребить всяческие натяжки, чтобы смешать их с «сектантами», т.е. с людьми, признающими хотя *какую-нибудь* веру и закон, и, под этим предлогом, не исполнить своего обязательства по отношению к ним, а оставить их у себя и мучить их дома. Они воображают, что «державцы», придираясь к словам писания: «Где убо два или три собрани во имя мое, ту и я посреди их», — утверждают, что как только имеется хотя два или три человека, связанные между собою во имя одного общего им убеждения, так тут имеется и *бог* и *секта*, а следовательно, эти люди не подходят под условия договора. На этом нелепом основании, Не-наши находят необходимым стоять *с виду* каждый за одного только себя. Отсюда их *кажущийся* индивидуализм. Так толковал мне Шишкин. Поэтому-то я сказал, что я не решаюсь высказаться определительно насчет их экономического идеала. Когда Шишкин говорит чиновникам: «Зачем вы меня здесь держите? Я в вашей пище и одеже не нуждаюсь. Я сам себе все добуду. К вам не приду попросить» и т. п., — то он, следуя своему всегдашнему правилу, говорит за одного себя. А разговаривать с ним специально о том, как Не-наши намерены жить в своей Икарии, мне как-то не доводилось. Осталось переданное выше общее впечатление, но никаких характерных частностей.

К словам: вера, закон, власть, устав, обычай, правило — Не-наши питают решительное отвращение; в особенности же слова «вера» и «закон» наводят на них какой-то суеверный ужас. Они проводят свои понятия с непреклонною суровостью в каждую мелочь жизни. Это истинные аскеты и мученики своих убеждений. Не-наш ни за что не обратится к покровительству закона или облеченного властью лица, хотя бы от этого вышла ему великая польза. Он предпочитает лучше страдать, чем обратиться к людям и учреждениям, которые он не признает. По этому поводу у Не-наших выходили презабавные сцены с Лопатиным, про которого я упоминал в прошлый раз. Так как Лопатин официально отказался от православия и религии вообще, заявив на следствии и суде, что он не принадлежит ни к какой религиозной секте, и так как его политический образ мыслей и похождения были достаточно известны в остроге, то он пользовался большой симпатией со стороны Не-наших. Но они находили, что для того, чтобы быть «совершенным», ему следовало бросить сочинять разные докладные записки, жалобы, протесты и т. п., с помощью которых он надеялся, более или менее безуспешно, выкрутиться из той щели, в которую его заткнули.

— И для чего ты все *чертишь*? — с упреком убеждал его Шишкин. — Для чего ты все ссылаешься на *законы*? Сам говоришь: я не признаю ни их, ни их законов, а сам требуешь, чтобы тебя судили по закону! Знаешь, что сказано в писании: «От закона не оправдаешься». А ты все стараешься оправдаться от *их* закона. Сказал бы им: я не ваш; ни вас, ни ваших, законов я не при-

знаю: судите меня как хотите. А ты все: закон да закон! А они тебя на этом и ловят. «Ты просишь судить тебя *нашим* законом? — значит, ты признаешь *наш* закон? — значит, ты признаешь и тех, кто его начертил? значит, ты — *наш*! А если ты *наш*, то мы с тобой *по-нашему* и поступать будем!» Вот что они тебе скажут! Ты дал им палец, а они уж уцепили тебя за руку; потом и всего съедят. Зачем ты откликаешься на свое имя? Сказал бы им: имя-то вы мне дали, — и возьмите его себе! оно ваше, а я не ваш; я вас не признаю и законами вашими оправдываться не хочу. А то ты вон *руку прикладываешь*! А они тебя за руку-то и хватают! Нехорошо!

Нельзя не согласиться, что, со стороны последовательности, Не-наши были правее Лопатина, который обращался со своими требованиями к власти, которой теоретически он отказывал в своем признании. И опирался на законы, над которыми он практически издевался при каждом удобном случае…

Расскажу, в заключение, пришедшую мне на память смешную историю, как острожный поп собирался *обращать* Шишкина.

— Послушай, сын мой! — начал он.

— Какой я тебе сын, когда я на 10 лет тебя старше? — возразил Шишкин.

— Брат во Христе! — поправился поп.

— Черт тебе брат, а не я! — ляпнул Шишкин. — Вот тот черт, который в конторе бумаги чертит.

— Вот что, друг!.. — заволновался поп.

— Какой я тебе друг? Кто такой называется «друг», — знаешь ли ты? Ты посмотри-ка в свою книжку; там сказано: «тот, кто душу свою положит за други своя». Так вот, если ты мне друг, сядь здесь за меня, а я уйду. Если же ты на это не согласен, так ты мне не друг, и не называй меня так.

Поп плюнул и ушел.

Скажу еще несколько слов по поводу пропаганды. Понятно, что пропаганда такого учения, требующего от своих адептов большого нравственного мужества, даже геройства, не может идти быстро. Шишкин уверяет, что он «знает только себя», что ему «нет дела до других», что он не интересуется распространением своих взглядов; «когда меня вопрошают, я ответствую; вот и все», — говорит Шишкин, но понятно, что это только *отвод*, обусловленный вышеизложенными политическими фантазиями Не-наших: ведь деятельная пропаганда — тоже один из признаков «сектантства»; а власть не дремлет и караулит, как бы поймать Не-нашего на какой-нибудь оплошности. На самом же деле на всякое искреннее «вопрошение» Шишкин «ответствует» крайне горячо и убедительно. Тем не менее число новообращенных невелико… За время пребывания Шишкина в нашем остроге многие арестанты пробовали «не-нашить». Но первая же порция розог быстро обращала их в православие. Устояло всего трое. Один из них зовется Николай Иванов. Он болгар родом. Служил в Турции казаком под начальством Садык-паши. Потом дрался с турками во время греческих восстаний. Разбойничал в греческих и славянских шайках. Занимался контрабандой на русской границе. Взят в России и, под бродяжеским именем Николая Иванова, засужден и сослан в Сибирь. Здесь, в остроге, обратился в Не-наши. Он сидит в тюрьме и по настоящую минуту. Второй — старик из поселенцев. За что он попал в острог, — не знаю. Имени его также не помню. Обратился в остроге в Не-наши. По окончании дела его приговорили к каторге и сослали на Кару. Там его пробовали заставлять работать, но он упорно отказывался, несмотря ни на карцер, ни на оковы, ни на диету, ни на розги. Его приковали к тачке и стали выволакивать на работу вместе с тачкой. Он лежал или сидел подле тачки и ничего не делал. Как-то надзиратель подскочил к тачке и начал его бить в одиночку, не запасшись предварительно военным караулом. Не-наш поднял лежавшую неподалеку кайлу, хватил ею его по голове и убил наповал. Его судили полевым судом, приговорили к смерти и затем не то повесили, не то расстреляли. Третий Не-наш из новообращенных — тоже старик. Имя его и фамилию я позабыл. За что он попал в острог, — не знаю. Знаю только, что он обратился здесь в Не-наши не на шутку. По окончании дела его сослали на каторгу, в Усолье. На другой день по прибытии на завод он бежал. С тех пор о нем ничего не слышно. Вот вам и все, что я знаю о здешних Не-наших.

Летом прошлого года я читал в «СПб. ведомостях», что в Саратове судились за богохульство, неуважение властей и т.п. какие-то «молчальники», прозванные так за отказ отвечать перед властями. Я сейчас же догадался по внешним признакам, что это должны были быть тоже Не-наши. Шишкин подтвердил эту догадку. Оказалось, что он даже знавал когда-то обоих подсудимых. Саратовский прокурор произнес по этому поводу блистательную речь, в которой убеждал присяжных (чуть ли не из крестьян) «строго отнестись к такому возмутительному факту», «показать этим людям, что общество умеет заставить уважать свою религию», «не признавать никаких смягчающих обстоятельств, так как они уничтожаются упорством подсудимых в своем поведении даже перед судом» и т. п. Я не помню хорошенько подлинных выражений молодого мерзавца, но помню то отвратительное впечатление, которое произвела на меня эта речь. Впрочем, вы можете разыскать ее сами во «Всероссийской пенкоснимательнице». Оба подсудимые — Карауловы,

муж и жена — были приговорены в Сибирь. Теперь они находятся в нашем остроге, но мне не случалось толком говорить с ними. Когда поговорю, то напишу, если услышу от них что-нибудь интересное. Знаю только, что они из тех турецких русских, о которых я упомянул выше и которые переселились в Россию по вызову правительства, обещавшего им свободу веры и так чудесно сдержавшего свое обещание.

Вы спрашиваете новостей от ссыльных по политическим делам. Право, нечего прибавить к тому, что я писал вам в прошлый раз[72]. Впрочем, вот вам новость: на днях вернулся из Вилюйска начальник временного управления, над политическими ссыльными, ездивший туда вследствие какого-то доноса. Говорят, что он произвел там обыск в 10 домах и отобрал у Чернышевского 300 рублей, очутившиеся каким-то образом у него в руках. Теперь, вместо Кузьмина, состоит для надзора за Чернышевским жандармский унтер-офицер Фома Черкесов, тоже очень хорошо знающий Лопатина. Это, между прочим, тот самый жандарм, который предупредил свалку при поимке Лопатина после его первого побега. Когда при поимке дежурный унтер-офицер Ижевский бросился с проклятиями на Лопатина, обнажая свою саблю, а тот, в свою очередь, бросился на него, Черкесов дал шпоры своей лошади и растолкнул ею их обоих в разные стороны, дав время подбежавшим солдатам разнять их окончательно. Мы, впрочем, посмеиваемся над той заботливостью, с которою здешнее начальство систематически назначает в Вилюйск таких жандармов, которые хорошо знают Лопатина. Я думаю, его теперь к нам и калачом не заманишь!?

Позднее мы получили от того же корреспондента другое письмо, в котором он сообщает нам, что дело Шишкина и В. Иванова наконец окончилось; что их выпустили на поселение и поселили где-то по якутскому тракту, что из них Шишкин, кажется, уже ушел искать свою Икарию. Затем он рассказывает, что Караулова и его жену призывали в полицию и объявили им, что они свободны и могут, буде пожелают, возвратиться в Россию. Людей проморили в тюрьме 8 лет, разорили дотла, сослали к черту на рога, измучили, истиранили, и все это для того, чтобы сказать им в конце концов: вы свободны; это была ошибка; и вы пострадали так себе, за здорово живешь! — Ну, ничего…

3. Ïèñüìà Ã.À. Ëîïàòèíà ðåäàêòîðó ãàçåòû «Daily News» è Àëåêñàíäðó II ïî ïîâîäó «àìíèñòèè» 9 ÿíâàðÿ 1874 ãîäà[73]

…Так, немало восторгов в нашей прессе и в иностранной вызвала великодушная амнистия, дарованная некоторым государственным преступникам 9 января, по поводу семейной радости императора. Приводим пункты этого «милостивого» распоряжения. В нем значится, что император «…соизволил даровать лицам, подвергшимся по 1 января 1871 года обвинениям в государственных преступлениях, если они не совершили после того каких-либо новых преступлений и не были замечены ни в чем предосудительном, нижеследующие облегчения:

1. Состоящим ныне в разряде сосланных на житье, с лишением всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, и находящимся как в Европейской России, так и в Сибири, даровать прежние личные права состояния, распространив оные и на законных детей их, прижитых после осуждения родителей.

2. Тем из таковых лиц, кои находятся в Сибири, дозволить, если пожелают, переселиться в одну из внутренних губерний, по назначению правительства.

3. Тех же, которые находятся в Европейской России, освободить от надзора полиции на основаниях, какие установлены 3-м пунктом всемилостивейшего его императорского величества повеления 13 мая 1871 года об облегчении участи некоторых преступников.

4. Освобожденным по настоящее время от надзора полиции, на основании означенного пункта высочайшего повеления 13 мая 1871 года, предоставить право поступления на государственную службу в тех местностях, где им дозволено свободное проживание, и

5. Подобным же освобожденным от надзора, которые были удалены с места жительства без лишения прав, дозволить возвратиться на родину».

Для уяснения этого государственного акта приводим письмо, посланное одним из наших друзей русским эмигрантом Германом Лопатиным по этому поводу в «Daily News» и нам сообщенное им в оригинале.

«Милостивый государь!

Пересматривая английские газеты за последнее время, я был крайне изумлен тем значением, которое они придали маленькому фарсу, разыгранному русским императором по поводу свадьбы его дочери. Я говорю о той амнистии, которою он пустил пыль в глаза цивилизованной Европе и которой Европа, вследствие незнакомства с тонкостями языка русских указов и законов, придала более широкое значение и большую важность, чем она на самом деле заслуживает. Я почел бы себя счастливым, если бы мне удалось вывести английскую печать из ее заблуждения и представить это дело в его истинном свете.

Вот верный перевод самого указа об амнистии (при этом следовал перевод самого указа):

«1) Прежде всего заметим, что под словами: «обвиненные ранее 1 января 1871 года» указ разумеет — «обвиненные *перед судом*», а потому амнистия не распространяется на тех, которые, хотя и были арестованы по обвинению в государственных преступлениях задолго до 1871 года, но подверглись обвинению *перед судом* только после 1 января 1871 года. Вследствие этого, амнистия не распространяется, например, на бесчисленные жертвы последнего, так называемого Нечаевского процесса. Вследствие этого же, амнистия не распространяется на тех лиц, которые, будучи арестованы много лет тому назад, до сих пор томятся в тюрьмах, в ожидании суда. Эти выводы не только вытекают прямо из самого текста амнистии, но и подтверждаются всеми теми частными сведениями, которые я имею из России.

2) Для английского читателя нелишне будет заметить, что в России мы имеем два рода ссылки: одна — ссылка просто на *житье*, с лишением всех *особенных* прав, каковы, например, дворянство, чины, ордена и т.п.; а другая — ссылка на *поселение*, с лишением *всех гражданских прав*. Нетрудно видеть, что амнистия распространяется только на лиц первой, между тем как все сколько-нибудь серьезные государственные преступники принадлежат ко второй. Амнистия не распространяется на Чернышевского, который был осужден в начале 1864 года, еще при *старых* формах судопроизводства, с вопиющим нарушением всякой справедливости, всякого правосудия, — нарушением, удивившим даже привычную ко всему Россию, и который потом был всегда тщательно исключаем из всех амнистий. Амнистия не распространяется на т. н. «каракозовцев», осужденных в 1866 году. Другими словами, она не распространяется *ни на одного человека*, осужденного по сколько-нибудь важному делу. Одним словом, если эта амнистия имеет еще некоторое значение, то только для *поляков*, находящих себе защиту и поддержку в симпатиях иностранных держав. Из *русских* же под нее подходят только несколько студентов, компрометированных четыре года или более тому назад и подвергшихся сравнительно очень легким наказаниям; да из них, как мы видели выше, не подходит под амнистию целая масса молодежи, припутанной к так называемому Нечаевскому делу.

3) Но самая соль амнистии заключается, конечно, в первом же параграфе, который говорит, что она распространяется лишь на тех из обвиненных ранее 1 января 1871 года, которые не только «не совершили после того каких-либо новых преступлений», но и «не были замечены (конечно, администрацией) ни в чем предосудительном». Нет надобности говорить, что это распоряжение совершенно уничтожает все значение амнистии, как бы ничтожна оно ни было само по себе, ставя ее применение в полнейшую зависимость от произвола администрации. Русское правительство, по своей всегдашней привычке, дает одной рукой и отнимает другой.

Я надеюсь, М.Г., что после всего вышеизложенного Вы не найдете странным, что в самом начале этого письма я назвал новую русскую амнистию бесстыдным фарсом, сочиненным с целью пустить пыль в глаза цивилизованной Европе».

Во время пребывания русского императора в Лондоне оттиск того, что было напечатано в «Daily News», был послан автором (едва ли не понапрасну) в Букингемский дворец при следующем письме:

To His Majesty the Emperor of the Russia. Buchingham Palace, London.

«Милостивый Государь!

Вероятно, ваша скромность была сильно смущена теми нелепыми, преувеличенными толками, которые были выражены иностранною прессою по поводу вашей последней амнистии, распространяющейся исключительно на поляков, издавна находящих себе защиту и поддержку в симпатиях иностранных держав, и обходящей почти совершенно ваших собственных подданных; а потому вы, конечно, будете признательны человеку, взявшему на себя труд вывести иностранцев из этого заблуждения.

Мне очень жаль, что обилие других неотложных занятий не позволило мне напечатать, ко времени вашего приезда в Лондон, ряд других заметок, имеющих целью показать кое-какие образчики русского правосудия, хотя бы на примере Чернышевского, осужденного за *заговор*, в котором он *один* был и зачинщиком, и членом, и выполнителем, и подвергающегося с той поры неслыханным притеснениям и жестокостям; а также познакомить иностранцев с некоторыми другими эпизодами «кроткого» царствования «благодушного» русского монарха. Я постараюсь искупить этот промах в возможно скором времени помещением этих эпизодов в английских и французских газетах.

Позвольте мне, М.Г., по поводу последних происшествий с вашим проворовавшимся племянником[74], выразить вам мои искренние поздравления с тем, что члены вашего семейства грешат до сих пор только воровством (если не ошибаюсь, это *второй гласный* случай?), а не какими-либо человечными идеями и чувствами, возбуждающими с вашей стороны столь основательные антипатии и столь суровые преследования».

Герман Лопатин.

29, Wynford Rd., Islington, № 15 мая».

Насколько нам известно, письмо это, как и следовало ожидать, по адресу не дошло, но было подшито к делу нашего друга и вызвало против него усиленное раздражение.

4. À.Ï. Ùàï îâ[75]

Вы просите меня собрать мои воспоминания о моем покойном друге и поделиться ими с читателями вашего журнала. Поистине, я нахожусь в большом затруднении.

Известие о смерти Щапова поразило меня своей неожиданностью, и мне нужно большое усилие воли, чтобы думать и говорить о нем как о покойнике. Едва я обращаю мысль назад, ко времени моего иркутского пленения, мне мерещится, точно живое, это худощавое, нервное лицо, полное жизни и одушевления, эта страстная, яркая речь, эти резкие, порывистые движения… и я просто не в силах поверить, что этот человек, из которого внутренняя жизнь била ключом во все стороны, недвижно покоится теперь на бедном, гористом иркутском кладбище, на которое я так часто и так подолгу глядел безучастным взором из-за решетчатого окошка острога.

Конечно, вы не ждете от меня оценки Щапова как литературного деятеля. Во-первых, его литературные труды, по крайней мере многие из них, находятся у всех перед глазами. Во-вторых, подобная задача требует времени, а вы меня торопите. Не ждите от меня также и сколько-нибудь полной биографии этого человека. Предупреждаю вас заранее, что я очень мало знаком с его жизнью до нашей встречи. Все, что я знаю по этой части, я знаю так же, как и вы и всякий другой, не столько из его собственных рассказов, сколько из общественных слухов. Не удивляйтесь этому. Когда Щапов столкнулся со мною, он был так рад найти, в окружавшей его пустыне, человека, разделявшего его взгляды, симпатии и стремления и интересовавшегося занимавшими его вопросами, человека, с которым он мог бы поменяться мыслями о злобе дня и грядущем, что ему не было охоты пускаться в область воспоминаний[76]. Когда я узнал его, это был не старик, спокойно пережевывающий сладкие подробности былого, а полный жизни человек, глубоко волновавшийся настоящим — горячо боровшийся за будущее. Я стоял приблизительно в таком же положении. Я рвался к нему, как к единственному человеку, с которым я мог вполне откровенно поговорить о своих насущных заботах, о своих и общих невзгодах, о своих и общих надеждах и о своих затеях. При обилии материалов для беседы мне как-то не приходило в голову расспрашивать его об его прошедшем или рассказывать ему о своем. Мы горячо спорили о всяком явлении минуты, заглядывали по мере сил в будущее; но до нашего личного прошедшего касались лишь мимоходом, когда приходилось к слову. Если бы я мог думать, что мне не доведется увидеть его больше! Но кто мог вообразить себе это тогда? Мне было 25 лет, ему — 40. Правда, он всегда был страшно худощав, худощав, как Рошфор, цвет лица у него был пергаментный, в его длинных кудрявых волосах сильно проглядывала седина: но я не помню, чтобы он хотя однажды пожаловался на какое-либо нездоровье. Он бывал всегда до такой степени поглощен своими мыслями, своими работами, литературными и общественными интересами, что ему не оставалось как-то времени думать о себе. Сам он не жаловался ни на что: понятно, что другим казалось, что он совсем здоров и проживет еще годы и годы. И вот, теперь пред нами его могила?! Повторяю, не ждите от меня сколько-нибудь полного и обстоятельного биографического очерка этой жизни. Я не могу сообщить вам из этой области ничего, кроме немногих одиночных фактов, о которых мне приходилось случайно слышать от него. Единственная вещь, которую я могу обещать вам, это постараться передать вашим читателям то впечатление, которое производил на меня этот человек. Хотя и это дело нелегкое. Впечатления эти так еще свежи. Не отрицая вечной разлуки, я отдавался им непосредственно, не пытаясь анализировать их. И вот теперь мне приходится взяться за эту горькую работу так неожиданно, так быстро.

А.П. Щапов был сыном бедного деревенского дьячка. Ангинская волость, в которой он родился, принадлежит к числу самых бедных, пустынных и удаленных уголков Иркутской губернии. Детство его ничем не отличалось от детства беднейших крестьянских детей. Он участвовал с своей семьей во всех крестьянских работах: пас скот, помогал убирать сено, хлеб, работал по хозяйству и пр., как все крестьянские ребятишки. Так что про него можно сказать, что он был истинным сыном народа, к которому он до конца своих дней сохранил глубокую и живую привязанность. Начальное образование он получил, как кажется, в Иркутском духовном училище, как большинство детей бедного духовенства. Затем он учился в Казанской семинарии, куда был послан с другими лучшими учениками, и, наконец, в Казанской же духовной академии. Как кажется, по окончании курса он был оставлен при академии по кафедре русской истории. Каким образом он прошел в профессора Казанского университета, я хорошенько не знаю. Знаю только, что первая же его лекция вызвала живейший восторг у его слушателей, что он сразу сделался идолом студентов и что вся его кратковременная профессорская деятельность была для него рядом триумфов[77].

Подробностей его участия в так называемой бездненской истории я тоже не знаю. Знаю только, что он был арестован и доставлен в III Отделение. Вместо ответов на допросные пункты он написал свою profession de foi и закончил ее страстным воззванием к государю в пользу народа. Он указывал на ужасное положение народа, на возможность исхода, на величие задачи государя ввиду таких обстоятельств, на возможность для него стяжать бессмертные лавры в истории и прочее. Записка была написана резко на ты, и в то же время ужасно страстно. Для себя автор не просил ничего, — ни освобождения, ни пощады. Он желал одного — чтобы его откровенное слово, чем бы оно не

отразилось на нем лично, открыло государю глаза на истинное положение дел и указало ему на истинный, славный путь. Не забудем, что Щапов чуть не накануне только выбился из-под гнета религиозного мистицизма, полновластно царствовавшего над его душой в первой молодости, что он стоял в то время скорее на почве великих метафизических принципов 1789 года, чем на научно-реальной почве новейшего социализма, что он, в своей ревности неофита, только что прозревшего свет истины и добра, воображал, будто бы всякий человек и во *всяком* положении немедленно превратится, подобно ему, в ревностного поборника правды, как только ему покажут, где оно, —благородное заблуждение, в которое он склонен был впадать всю свою жизнь. Не забудем также, что это было около того времени, когда «Современник», с Чернышевским во главе, верил еще в реформы сверху; когда Герцен обращался к императору, а Бакунин проповедовал «крестьянского царя».

Нет надобности говорить, что Щапов не обратил императора в того народника, но правдивый и горячий голос искреннего «заблуждения» тронул государя. Начальству, по-видимому, показалось, что время и размышление охладят пыл юности и превратят горячего, правдивого и благожелательного молодого человека во доброго верноподданного, видящего служение отечеству в безукоризненном «прохождении» коронной службы. Щапов был освобожден из заключения. Вернуться к профессуре ему не позволили. Возвращение в Казань ему тоже было запрещено, и он был оставлен под полицейским надзором в Петербурге. Но закрыть ученой деятельности ему не хотели (вероятно, считая ее наиболее отрезвляющей); он был прикомандирован к Министерству внутренних дел, и пред ним раскрылись архивы этого министерства по всем делам, касающимся раскола. Но это милостивое расположение к Щапову продолжалось недолго. Его книжечка «Земство и раскол» (1862) скоро показала начальству, что он смотрит на вещи далеко не глазами правительства. К тому же начальство давно уже заметило, что Щапов продолжает систематически вращаться в «дурном обществе» (подлинное выражение тогдашнего шефа жандармов), т.е. в обществе сотрудников «Современника» и т.п. живых элементов тогдашнего времени. И вот, благожелательное начальство, обманувшись в своих ожиданиях и сердясь на сделанную ошибку, внезапно, без всякого повода, ссылает Щапова на житье в Иркутск, где и держит его до самой смерти, несмотря ни на какие ходатайства влиятельных лиц.

Эта ссылка отразилась самым тяжелым образом на литературной деятельности Щапова. Конечно, он продолжал трудиться неутомимо. Я не помню, чтобы мне случалось заставать его иначе, как за письменным столом, в котором бы часу дня я к нему ни зашел. Но все его трудолюбие и настойчивость постоянно разбивались о недостаток необходимых материалов. Вы сами знаете, как важны для человека, работающего в выбранной им себе специальности, большие книгохранилища и архивы. А что можно найти по этой части в глухом провинциальном городишке, обитатели которого настолько погружены в служебные дрязги, сплетни, пьянство и картеж, что не в состоянии поддержать даже самой обыкновенной сколько-нибудь порядочной библиотеки. Щапову пришлось довольствоваться привезенными с собой выписками, сделанными в архивах в лучшие времена, книгами и материалами иркутского отдела Географического общества да редкими и случайными присылками из Петербурга от бывших друзей и поклонников. Только тот, кто сам бывал заброшен волею судеб в какой-нибудь далекий медвежий уголок нашего отечества или за границу, знал по собственному горькому опыту всю некорректность, безучастие и забвение, на какие способны люди, которых он считал когда-то своими политическими и личными друзьями. Щапову пришлось испить эту горькую чашу до дна. Материальное положение его было крайне тяжелое. Работал он неустанно. Но помещение для работ находилось туго. Переговоры тянулись месяцы и годы. Письма оставались без ответа. Из того, что он посылал в Петербург, попала в печать едва одна десятая часть, да и та порядочно урезанная и искалеченная смелою и тяжелою рукою редакторов. Впрочем, для всех, сколько-нибудь знакомых с положением литературного дела в России и с нравами наших литературных предпринимателей и подрядчиков, распространяться об этом лишне. Деньги получались с трудом и неправильно, после всяческих хлопот, и то частями: выбросят кусок и опять прижмутся. Моменты полного безденежья представляли для Щапова явление хроническое. А у него была еще на руках вечно больная жена — его единственная и неизменная опора и поддержка, несмотря на ее постоянные болезни. Когда Щапова решили сослать, эта женщина — тогда еще девушка (Ольга Мелиоранская), — преданная его взглядам и его личности, последовала за ним в ссылку[78]. И здесь, для отвращения официальных придирок, они обвенчались. После того она продолжала оставаться подле него, несмотря ни на бедность, ни на постоянные лишения, ни на суровый климат, который действовал самым гибельным образом на ее слабую организацию, в которой, кажется, гнездились все болезни на свете. Вечно страдающая чем-нибудь, она относилась к этим страданиям с замечательным стоицизмом и постоянно готова была забывать их для общественных вопросов, для идей и планов своего мужа. Она вполне разделяла его убеждения и горячо входила во все его литературные, общественные и личные планы, которыми он постоянно делился с нею. Одним словом, она была ему умным, верным и преданным другом[79]. Я слышал, что ее смерть (случившаяся уже без меня) сильно сразила его и, быть может, ускорила и его собственную кончину. Тем не менее постоянные ее болезни тяжело отражались на материальном положении обоих супругов, и без того уже печальном. Приходилось прибегать к займам, да и те не всегда оказывались возможными, несмотря на все хлопоты и страдания: так что часто при-

ходилось, что называется, биться как рыба об лед. Я уже говорил, что многие влиятельные личности в Петербурге, а также оба восточно-сибирские генерал-губернаторы, Корсаков и Синельников, не раз ходатайствовали о переводе Щапова в один из университетских городов России для предоставления ему возможности продолжать свои ученые труды. Но мстительная власть никогда не могла забыть, что этому человеку удалось когда-то невзначай растрогать ее, и никогда не хотела простить Щапову этого момента своей слабости. Все ходатайства оставались безуспешными.

Я, как истинный сын своего отечества, коренные обитатели которого испокон веку привыкли *бегать* от притеснений властей предержащих, не раз указывал ему на это средство. Но он отвечал мне: «Я боюсь, что я не буду в силах жить вне России. Я слишком привязан к ней всем своим существом; притом же даже здесь я хотя что-нибудь да делаю, хотя на что-нибудь да полезен, а что я буду делать за границей?» Под конец, до нас дошли туманные слухи, что за границей не то основалось, не то близится к основанию новое, крупное, свободное русское издание. Называли даже имя редактора, человека мне лично и близко известного[80]. Я возобновил свои поджигательные речи. Щапов сильно колебался; а жена его так положительно перешла на сторону побега. Ей тяжело было смотреть, как гибнет задаром такая крупная сила от недостатка необходимых средств к труду и от невозможности свободно высказывать свои идеи. Она многого ожидала от заграничной деятельности. Но, зная детскую непрактичность своего мужа, она была уверена, что если он возьмется за это дело сам, то непременно попадется и только ухудшит свое положение. «Вот если бы вы взялись за это дело, — говорила она мне, — то я стала бы гнать его отсюда изо всех сил». Конечно, я охотно обещался; но прежде надо было подумать о том, чтобы выручить себя самого. Я бы никогда не решился захватить его с собою, так сказать, по дороге. Я знал, какая суматоха подымется после моего побега, как бешены будут поиски и как трудно будет укрывательство. Человек с такой резко заметною наружностью и ухватками, как Щапов, связал бы меня по рукам и ногам и был бы причиной нашей общей гибели. «Вот погодите, — говорил я ей, — дайте мне самому проскочить за пограничную черту, отдышаться, оправиться, размять онемевшие члены и сообразить обстоятельства. В возможности и даже легкости побега, при данном положении, я убежден вполне. Все дело в 500—600 рублях да в толковом помощнике, если мне самому нельзя будет показать сюда носу. А это все вещи плевые». Я бежал благополучнейшим образом и вспомнил свое обещание. Но вещи, которые я называл «плевыми», оказались не совсем-то такими, и дело затянулось. Между тем я послал Щапову программу «Вперед!» и письмо от его редактора с предложением участвовать в издании корреспонденциями и статьями. Я писал также и от себя лично. Мой приятель, передавший ему все это, сообщил мне, что он принял очень горячо сделанные ему предложения и немедленно отвечал мне и редактору «Вперед!». Но ответ его не был получен нами, так как он, по свойственной ему непрактичности, вместо того, чтобы послать его через то лицо, которое доставило ему мое письмо, послал его более прямым путем, через кого-то из своих петербургских друзей. Друзья оказались верными своему характеру, и письмо застряло. После этого обстоятельства сложились наконец благоприятно. Я написал жене Щапова и предложил ей свои услуги, если она и муж ее смотрят по-прежнему на дело о побеге. Но мое письмо уже не застало ее в живых. А Щапов, пораженный горем, сказал моему приятелю, что он никогда не пойдет от могилы своей жены. После этого мои сношения с Иркутском временно затруднились, и на меня свалилось много хлопот другого рода. Я на время потерял Щапова из виду. И вот теперь совершенно неожиданно узнаю о его смерти. Подробностей его болезни и кончины я не знаю никаких[81]. Мне ничего еще не писали с места по этому поводу. Случайно даже тот газетный номер, в котором было помещено известие о смерти Щапова, не попал мне как-то в руки, и я узнал впервые эту печальную новость из вашего письма.

После Щапова должно было остаться множество рукописей. Весь кабинет его был загроможден при мне наваленными одна на другую стопами исписанной бумаги. Желательно было бы знать, куда денется теперь все это. Он готовил громадный труд — нечто вроде культурной истории России с древнейших и до нынешних времен. Его последние статьи в «Отечественных записках» и в «Деле» были лишь краткими отрывками из этого огромного труда. Бедному труженику так и не довелось выполнить своей заветной идеи.

Вот вам сухой, голый скелет жизни Щапова, поскольку она известна мне самому. Теперь я расскажу вам о моем знакомстве с ним и о тех впечатлениях, которые я вынес из этого знакомства.

5. Âîñïîìèíàíèÿ îá È.À. Õóäÿêîâå[82]

В 1866 году, когда я знал Ивана Александровича Худякова, ему было на вид лет 27. Коротки мы между собою не были, и потому не ждите от меня больших подробностей. Впрочем, буду рассказывать, *что* и *как* вспоминается. Худяковы родом сибиряки. Но сам Иван Александрович родился, кажется, во внутренней России, чуть ли не в Веневском уезде Тульской губернии. По крайней мере, я слышал, что у него были родные и короткие знакомые между помещиками этого уезда и что собранные им пословицы, песни, сказки и другие произведения народного творчества записаны главным образом в деревнях этого уезда. Чуть ли у матери его не было там маленького

именьица; во всяком случае, у ней был домишко в Туле. Отца Иван Александрович потерял очень рано и рос на попечении матери-старухи, которой он был единственным сыном. Воспитывался он, если не ошибаюсь, в Тульской гимназии. Он очень рано стал интересоваться русской историей вообще и народным творчеством в частности, и первое его произведение по этой части было написано еще на гимназической скамье и тогда же заслужило очень лестный отзыв со стороны Буслаева, который обратил серьезное внимание на молодого человека и ободрял его к продолжению так удачно начатого ученого пути. По окончании гимназического курса Иван Александрович поступил на историко-филологический факультет Московского университета и продолжал свои самостоятельные исследования на студенческой лавке. Он с большой любовью занимался сравнительной мифологией и сравнительным языкознанием, особенно первой, и был ревностным почитателем Гриммов, Макса Мюллера и других лингвистов этого направления. Его объяснения некоторых созданий народной фантазии, на основании этой теории, страдают теми же натяжками, которые постоянно встречаются у представителей этой школы, и в особенности у российского ее адепта, господина Буслаева. Иван Александрович окончил курс кандидатом в очень молодых годах. Чуть ли он даже не магистрировался; но я не убежден в этом. Знаю только, что Буслаев и другие ученые столпы возлагали на него большие надежды, которых он не оправдал в их глазах[83].

Как и для чего очутился он в Петербурге, — право, не знаю. Знаю только, что я столкнулся с ним там в 1856 году, после возвращения его из-за границы, и что он проживал там в то время в качестве домашнего учителя, принужденного день-деньской мыкаться по частным урокам. Это был худощавый, болезненный, крайне нервный человек, невысокого роста, с жидким голосом и с жидким же блеском в маленьких беспокойных глазках. Его съеженная фигурка постоянно что-то высматривала, к чему-то прислушивалась, зачем-то озиралась по сторонам, на что-то оглядывалась. Внимательный наблюдатель не мог не видеть в нем натуры подвижной, деятельной и фанатической. Это не был фанатик сурового и важного типа, то величественно молчащий в сознании того, что не стоит марать даже уст своих разговором с окружающими, то злобно и гневно гремящий против них. Нет, это был фанатик юркий, хихикающий, разговорчивый и «покладистый». Однако под этой кажущеюся покладистостью опытный наблюдатель усматривал настоящего аскета, фанатика, упрямо преследующего одну завладевшую им цель.

Он принадлежал и душой и телом московскому кружку заговорщиков[84] и составлял центр петербургского отделения этого общества. Несмотря на то, что схема так называемого Каракозовского заговора отводила на первое время самому народу очень мало места в насильственной перемене его участи, однако большинство каракозовцев были настоящие народники, питавшие реальные симпатии к народу, к черни, стремившиеся пропагандировать ему свои взгляды при каждом удобном случае и готовые помогать и материально, и нравственно даже отдельным единицам, пока не пробил еще час помочь зараз всей массе путем низвержения давящего на нее гнета. Худяков шел в этом отношении чуть ли не впереди всех других своих товарищей. Компания, которой он был душою, постоянно обучала грамоте разных отставных солдат, мастеровых и т. п. людей. Понятно, что эти занятия грамотою, происходившие на частных квартирах, не ограничивались этою скромною целью, но переходили в беседы гораздо более поучительного свойства. К этому времени относится полный переворот и в литературной деятельности Худякова. Вместо лингвистических исследований он принимается за популяризирование для народа имеющегося знания. Он пишет книжки для народных школ, книжки *цензурные*, но тем не менее говорящие, в опытных руках, о многом не особенно-то цензурном. Таков его «Самоучитель», впоследствии изъятый из обращения и сожженный. Таковы его «Рассказы о старинных людях» (маленький курс древней истории), разошедшиеся очень быстро без остатка. Таковы же «Рассказы о великих людях» (4 биографии — Вашингтона, Беранже и не помню еще кого), тоже вышедшие из продажи. Наконец, такова же его «Древняя Русь», тоже отобранная и сожженная[85]. Эта последняя книжка была необыкновенно удачно составлена и пользовалась в известных кругах большой репутацией. За исключением нескольких страничек предисловия, понятных только для самих учителей, все остальное было написано языком в высшей степени удобопонятным и приятным для народа. Где можно, автор постоянно говорил или подлинными словами современных свидетелей, или характерными пословицами и поговорками того времени. Конечно, это была не история князей и царей, а история *народа*, и, несмотря на всю свою цензурность, оставляла в заключение страшно горькое чувство в душе всякого мало-мальски не заскорузлого читателя. Маленькая хрестоматия «Самоучитель» тоже была подобрана таким образом, что оставляла в чтеце, даже без подсказываний учителя, порядочный запас горечи и недовольства и легко шевелила мысль в критическом направлении по отношению к современной жизни. Все лица, преподававшие в народных школах по книжкам Худякова (а таких лиц было немало), единогласно уверяли меня в их чрезвычайной успешности и в необыкновенной любви, с которою относились к этим книжкам и малолетние, и взрослые ученики. Худяков никогда не *подражал* так называемому *народному* языку и никогда не уснащал своей речи разными «значит», «к примеру будучи сказать» и т.п. *недостатками* народной речи, этими *заиканиями* народа, не привыкшего к связному выражению сколько-нибудь сложного рассуждения. У него вы не найдете ни одного из этих украшений

в народном стиле, придающих многим так называемым *народным* книжкам их народный *колорит в наших* глазах, но делающих их совершенно неудобочитаемыми *для самого народа*. Он обладал большим мастерством рассказывать и рассуждать с помощью *отдельных кратких речений*, легко схватываемых самым плохим грамотником, не способным справиться со сколько-нибудь длинным периодом. Если не ошибаюсь, перу того же Худякова принадлежала и маленькая заграничная брошюрка, украшенная крестом и озаглавленная «Слово св. Игнатия» или просто «Св. Игнатий». Это был сборник священных текстов (с точными указаниями на цитируемые места), говорящих против царей, властей, господ, богачей и всех современных зверских порядков[86].

Повторяю, — близок с ним я не был. В период самой деятельной пропаганды его в Петербурге я находился в провинции. Когда же я вернулся назад в Петербург, заговорщики считали дело близким к развязке, к началу конца, а потому хлопотали о практических частностях и считали неблагоразумным тратить драгоценные минуты на вербовку таких личностей, приобретение которых требовало времени и усилий. А я казался ему именно таким человеком, как он объяснял позже. На теоретические *прощупывания* я заявил полнейшее недоверие к тому, чтобы насильственная смерть государя, при отсутствии сколько-нибудь сильной революционной партии и при тогдашних обстоятельствах, могла вызвать в народе какие-нибудь *смуты*, а главное, чтобы подобные смуты, если бы они и произошли, могли повести к чему-нибудь путному, кроме усиления реакции. Это мнение, выраженное в очень сильной форме, заставило его бросить дальнейшее нащупывание. Кроме того, мой скептически насмешливый ум и веселый характер вообще не внушали ему большой симпатии. Но когда разразилась буря, когда все товарищи начали быстро пропадать один за другим и когда ему самому с часу на час угрожал арест, он объяснился со мной начистоту и просил меня, как человека не скомпрометированного ничем, кроме личных знакомств, взять на себя временное ведение обезлюженного дела. Надо было перехватить кое-какие заграничные и внутренние письма: известить кого следует о положении дел и прекращении на время сношений; сберечь заведенные пути для доставки заграничных изданий и т.д., и т.д. Я это и делал до моего собственного ареста[87]. Когда я был выпущен на свободу, а Худяков окончательно осужден, он доставил мне несколько сведений, с просьбою связать уцелевшие остатки организаций; но для того момента всеобщей паники это оказалось невозможным. После того я не имел уже никаких сношений с ним, за исключением одного письма из Верхоянска, в котором он просил о высылке ему кое-каких книг. Книги были посланы, но ответа получено не было.

Под следствием Худяков держался твердо и не дал засудить себя, так, как того хотелось комиссии. В то время весь Петербург говорил об одном из арестантов, которому при допросе разорвали рот. Это происшествие было, именно, с Худяковым. Недовольный сорвавшимся у него выражением, он оторвал клочок бумаги, на котором оно было написано, и сунул его в рот. Следователь Никифораки (тогда офицер Измайловского полка, а ныне преемник Мезенцева в звании начальника штаба корпуса жандармов) налетел на него как коршун и, с помощью подоспевших конвойных, начал добывать у него изо рта этот несчастный клочок; причем действительно надорвал ему углы рта и порядочно помял его самого. Из числа всех осужденных наказание не было смягчено государем только трем человекам: Маевскому, как поляку и человеку, не пожелавшему подписать просьбы о помиловании; Марксу, как наставнику юношества, обманувшему доверие начальства, и старику, далеко перешедшему за возраст юношеских увлечений; и Худякову, как человеку, приговоренному к такому наказанию, которое, по нравственному убеждению комиссии, было слишком слабо сравнительно со степенью участия его в деле — степенью, которая не могла быть доказана юридически только благодаря упорству и ловкости преступника. Зато начальство постаралось сделать его поселение худшим всякой каторги, заслав его в Верхоянск, якутское местечко, лежащее в 1000 с чем-то верстах к северо-западу от Якутска.

Худяков был женат. Он и А.М. Никольский (сослан по тому же делу в Мезень) женились фиктивным браком на двух сестрах Лебедевых, Леоканиде и Варваре, с целью избавить их от невыносимой семейной обстановки. Худяков сошелся впоследствии со своей женою и имел от нее ребенка. Обе молодые женщины были арестованы и держались прекрасно. Семнадцатилетняя жена Никольского выдержала продолжительное заключение, дошла до истерик, чуть ли не до падучей, но не дозволила превратить себя в орудие обвинения близких ей людей. Беременная Худякова тоже вынесла ужасные вещи. Доктора единогласно заявили, что дальнейшее заключение угрожает ее жизни. Но зверь Муравьев долго не соглашался сдаться на их представления. По его приказанию, она была подвергнута три или четыре раза самому щекотливому освидетельствованию через акушеров (между прочим в Мариинской и Калинкинской больницах) и только после этих физических и нравственных пыток была выпущена, наконец, на волю. Но все эти истязания не сломали ее упорства, и ее мучители не могли добиться от нее ничего, кроме самых оскорбительных и резких выходок, брошенных им прямо в лицо. Зато их братец, А. Лебедев, держался настоящем мерзавцем и сообщал все, что знал или подозревал, не стесняясь по временам даже присочинением небывальщины. Так же и даже еще хуже держалась и его тогдашняя гражданская супруга, А. Комарова, которая вешалась на шею жандармским офицерам и писала многотомные показания, сплетая были с небылицами. Вышедши

на волю, отвергнутая всеми прежними знакомыми, она совсем перебежала в противоположный лагерь. В неудавшемся журнале некоего Богушевича было объявлено о скором появлении ее романа — «Из жизни петербургских нигилистов и заговорщиков», с эпиграфом: «Свежо предание, а верится с трудом». Но оказалось, что для выполнения подобной затеи требуется не только страсть к доносу и клевете, но еще и некоторая литературная сноровка; и русской инсинуационной литературе так и не удалось обогатиться произведениями этой почтенной особы. Показания А. Лебедева и А. Комаровой имели значительное влияние на дело Худякова. Зато попечительное начальство приняло большое участие в этой паре и, освободив их, пожелало совокупить их законным браком, назначив им посаженого отца из голубого легиона и выдав им 150 рублей на первое обзаведение. Но А. Лебедев почему-то предпочел уклониться от этого счастья и сочетался позже законным браком с некой Ек. Гайос, в сообщничестве с которой он воровски обобрал в разных книжных магазинах деньги, вырученные за кое-какие издания, которые были сданы в эти магазины на их имена (ранее погрома и следствия) и доходы с которых были определены на разные общественные дела. Назло пословице «Чужое добро впрок не идет» милая парочка полегоньку разжилась и пошла в гору. В последний раз, когда я видел этого джентльмена, он владел на хозяйских правах переплетной мастерской и потискивал своих рабочих, как настоящий кулак.

После родов и жена и ребенок Худякова заболели оспой. Ребенок умер, мать же выздоровела. Худяков не пожелал, чтобы жена последовала за ним в ссылку, хотя она и рвалась за ним. Мать его продала домишко и поехала в Сибирь; но по дороге, говорят, умерла. По крайней мере в Верхоянске Худяков всегда жил один, в якутской юрте, в сообществе двух казаков-якутов, их семей и домашних животных. Смягчений его участи не последовало. Он написал там якутскую грамматику, якутский словарь и еще какое-то сочинение. Все эти вещи он послал в Петербург, но они не дошли до назначения. Около 1869 года, если не ошибаюсь, он сошел с ума. Якутский губернатор трижды ходатайствовал о переводе его в сумасшедший дом, но получал каждый раз отказ. Позже его перевели-таки, по-видимому, в сумасшедший дом в Иркутск (не ранее конца 1874 года), где он и умер, судя по русским газетам.

Вот все, что я знаю об И.А. Худякове. Жалею, что не могу сообщить ничего большего. С этой стороны было бы лучше к господам Элпидину и Черкезову, которые знали его ближе, чем я, и могли бы сообщить о нем более подробные сведения.

Вот перечень его научных трудов, появившихся отдельными изданиями с именем автора: 1. Сборник великорусских народных исторических песен. М. 1860; 2. Великорусские сказки. М. 1860—1862; 3. Великорусские загадки. М. 1861; 4. Материалы для изучения русской народной словесности, СПб., 1863; 5. Русская книжка. СПб., 1863 (сказки, пословицы, загадки, песни, русские города, былины, стихотворения, рассказы, басни, народный месяцеслов). Как видите, ни одно из этих исследований не заходит за 1853 год, когда, очевидно, совершился перелом в направлении деятельности Худякова[88].

6. Âìåñòî âíóòðåííåãî îáçîðåíèÿ[89]

Много времени ушло, много воды утекло с тех пор, как появился наш последний номер!.. Ослабленная крупными разгромами и насильственным удалением из ее среды наиболее выдающихся и опытных вождей, наша партия тяжко боролась за свое существование под неустанными ударами освирепевшего правительства и мучительно билась в сетях внутреннего предательства со стороны некоторых недостойных ее членов. Дорогие личности то и дело вырывались из ее рядов, наилучше задуманные планы разлетались, как картонные домики; едва устроенные учреждения проваливались одно за другим. Сколько раз ценою неимоверных трудов, самопожертвования и усилий мы добывали шрифты, строили станки, ставили почти полные типографии, собирали материалы, приготовляли статьи и т.д. и т.д. И что же? — в один прекрасный день все это разлеталось прахом: типографии открывались, люди забирались, рукописи исчезали или становились понемногу устарелыми и несвоевременными и т.д. И вот, эта убийственная работа Данаид начиналась снова! Много нужно было энергии и веры в свое дело, чтобы не прийти в отчаяние, но снова и снова приниматься за тот же упорный и неустанный труд. Даже решительная расправа с Судейкиным и Дегаевым не сразу вывела нас из этого тяжелого и трудного положения. Во-первых, проклятая «дегаевщина» роковым образом оставила свои страшные нравственные следы в уменьшении партиозной дисциплины и в ослаблении взаимного доверия между членами партии, — следы, с которыми нам неизбежно придется бороться еще долгое время. Естественно, не доверяя вполне Дегаеву даже в самый последний период его деятельности, когда он отдал себя целиком в распоряжение партии, сам Исполнительный комитет принужден был тщательно отделять еще чистых людей от людей, скомпрометированных прежним соприкосновением с Дегаевым, что, конечно, необходимо привело вначале к кажущейся розни и к взаимным недоразумениям, особенно в глазах людей, стоявших далеко от центра и поэтому плохо знавших весь ход этого печального дела. Последствия понятны сами собой. Так вот, нам невольно пришлось бороться с этими последствиями и тяжко трудиться над переорганизацией на-

личных сил, прежде чем приступить к настоящему делу. Но и этого мало. Ни допросы Дегаева, ни последующие тщательные разведки Исполнительного комитета, понятно, не могли указать ему *всех* членов партии, оговоренных когда-либо разными трусами и предателями, но оставленных на время на свободе. Понятно, что эти лица, вращаясь и работая в нашей среде, нередко наводили за собой сыск и подавали повод к новым погромам и провалам, хотя и не таким грандиозным, как прежде. И вот, снова исчезли типографии, люди, рукописи и пр., и пр. Но «жив бог и жива душа моя!» — восклицаем мы словами одного библейского героя и снова идем на приступ. Нам важно показать как можно скорее правительству, обществу и товарищам, что мы еще живы, верим в успех и твердо намерены бороться за него не покладая рук; а потому мы спешим выпуском этого номера, извиняясь перед читателями за его неполноту, устарелость, но не смущаясь особенно этими недостатками, ввиду тех необычайно затруднительных условий, при которых мы выпускаем его в свет.

Устарелость большинства даваемых нами статей несомненна. Так, заявление Исполнительного комитета о Дегаеве было подписано еще 21 декабря прошлого года[90]. Первая передовая статья была вручена редакции в конце того же декабря; 2-я передовая была написана в начале нынешнего марта, по случаю вопроса о «простонародном терроре», который волновал в то время партию[91]. Помещаемое, вместо иностранного обозрения, «Письмо из Парижа» писано тоже еще в прошлом году[92], большинство официальных документов партии не блистает свежестью. Наконец, те из корреспонденций, которые не были утрачены при провалах разных типографий, настолько устарели, что мы принуждены отказаться от их помещения и, быть может, напечатаем в выдержках только некоторые сколько-нибудь интересные места из них. Что касается неполноты этого номера, то она тоже неисправима, и мы сами сознаем это, и сильнее и живее, чем кто-либо. Прежде всего она сказывается в хронике бесчисленных арестов последнего времени и в отчетах о денежных пожертвованиях. Множество заметок об арестах и денежных отчетов утратилось при погромах; а потому поневоле печатаем пока только то, что нам удалось собрать до этой минуты, обещаясь пополнять вперед невольные пробелы, по мере возможности и накопления новых сведений. Затем всего более пострадало со стороны неполноты именно внутреннее обозрение. Не одно такое обозрение вместе с материалами пропало у нас при прежних попытках издать №10. Собирать снова факты за этот длинный период и приводить их в стройную систему мы не имеем решительно времени: это значило бы отсрочить снова на довольно продолжительное время выход этого номера, что было бы совсем нежелательно по многим, весьма понятным причинам. К тому же мы утешаем себя еще тою мыслию, что №1 «Вестника Народной Воли» содержит в себе очень полное и живое внутреннее обозрение почти всего нынешнего царствования и может служить отличным вознаграждением за нашу неполноту по этой части.

Мы надеемся, что наши читатели примут во внимание выставленные нами соображения и простят нам наши невольные недостатки и пробелы.

Упомянув о внутреннем обозрении в № 1 «Вестника», мы должны сознаться, что мы могли бы прибавить к нему очень мало нового, по крайней мере касательно *общего* политического положения дел внутри империи. Как в конце прошлого царствования, так и в нынешнем, оно остается тем же, что и прежде. Русское самодержавие по-прежнему стоит перед роковою, неразрешимою задачею: сохранить неприкосновенными свои старые прерогативы векового деспотизма, несмотря на веяние нового времени и сильно изменившиеся обстоятельства. По-прежнему оно имеет пред собою два общественных фактора, с помощью которых оно обязано разрешить эту задачу сфинкса. С одной стороны, под ним распростерт бедный, обнищавший и невежественный народ, для которого так называемый «просвещенный деспотизм» был бы, может быть, *наилучшею* формою правления. С другой, перед ним стоит интеллигенция, очень мало отличающаяся по своему умственному развитию от интеллигенции Западной Европы, а потому не лишенная сознания личного достоинства и жаждущая втайне хотя каких-нибудь общечеловеческих, гражданских и политических прав, то есть ограничения самодержавного произвола в свою и народную пользу. По-прежнему правительство обольщает себя химерическими, несбыточными надеждами подавить эти стремления, опираясь на преданность невежественных масс. Конечно, оно охотно смело бы с лица русской земли всю враждебную ему русскую интеллигенцию и навеки помешало ее возрождению сызнова, прихлопнув окончательно всякую литературу, закрыв гимназии, университеты и т.д. Конечно, у него хватило бы сил сделать это. Но, увы! это невозможно. К несчастью, Россия граничит с запада с «образованными» государствами, вследствие чего положения великой державы требуют постоянной наличности не только материальных, но и умственных сил. Ведь «по нонешнему времени» даже военное дело и неразрывно связанное с ним финансовое управление и государственное хозяйство требуют большого ума, образования и знаний, т. е. той же проклятой «интеллигенции», столь враждебной самодержавному произволу. И вот самодержавие осуждено роковою судьбою готовить себе ежедневно своих будущих внутренних «врагов»! Конечно, оно охотно ограничило бы российское просвещение так называемыми прикладными науками да изящной и даже распутной литературой, потребной для развлечения правящих классов. Это оно и делает по мере сил и возможности. Но, увы! успешное присвоение хотя бы прикладных наук требует предварительно общего научного образования и развития; а общее развитие приносит с собою понимание окружающего мира, критическое отношение к его несо-

вершенствам, чувство личного достоинства, сознание своего долга перед народом, вкус к личному и общественному почину, отвращение к произволу, насилию и т. п. «превратные» идеи и стремления.... И вот, правительство усердно, но бессильно бьется все время над неразрешимою задачею: создать себе неинтеллигентную интеллигенцию. Напрасные усилия! Просвещение и наука имеют свою обязательную логику, которая неотразимо приводит их адептов к известным неизбывным выводам, не имеющим ничего общего с поддержкою самодержавия, и порождают прямо враждебную ему интеллигенцию. Одна — наиболее молодая, свежая, чистая, последовательная и энергическая часть ее — бросается прямо в смелую непримиримую борьбу с правительством. Другая — более трусливая и эгоистичная часть — пускается в погоню за наживой и житейскими наслаждениями, предоставив опасную борьбу с произволом своим самоотверженным товарищам. Третья — самая низкая и развращенная часть — поступает, правда, на службу правительства, но лишь ради той же наживы и житейских наслаждений, а отнюдь не в силу веры в правоту защищаемого ими порядка и выполняемого ими дела, т.е. с полным отсутствием тех внутренних условий, при которых только и возможно верное и успешное проведение какой бы то ни было системы. Понятно, что эти «рабы лукавые и неверные» поспешно разбегутся во все стороны при первом серьезном несчастии с их господином, что это сознает и сам господин, т.е. правительство. Тем не менее, ради собственного самосохранения, оно должно довольствоваться хоть такими слугами и всячески заботиться об увеличении их числа и об истреблении интеллигенции иного типа, что оно и делает с величайшим старанием. Напоминать относящиеся сюда факты положительно не стоит, так как они слишком хорошо известны каждому, кто следит за правительственными распоряжениями и прислушивается к литературе и общественным слухам и толкам. Поощряя прикладное знание, терпя изящную литературу безобидного свойства, власть беспощадно опрокидывается на науку и литературу всякий раз, когда они обнаруживают самомалейшую попытку к пробуждению в публике честной мысли и живого общественного чувства. Блестящим заключительным финалом этой стороны правительственной деятельности может считаться недавнее закрытие столь любимых публикою «Отечественных записок», по поводу чего мы даем ниже особую статью[93].

Отношение правительства к университетам как к рассадникам будущей интеллигенции тоже слишком хорошо известно, хотя бы из истории нескончаемых переделок университетского устава. А в последнее время власти не постыдились открыто объявить все студенчество подозрительным и неблагонадежным.

Как известно, попечитель Киевского учебного округа, не стесняясь ни свободою гражданского договора в денежных и т. п. сделках, ни даже *семейным* правом, запретил воспитанникам средних учебных заведений жить не только в одной квартире, но даже в одном доме со студентами, хотя бы даже с *родным братом*. Спрашивается: можно ли идти дальше в откровенной вражде к интеллигенции? Спрашивается еще: что остается делать сколько-нибудь уважающей себя интеллигенции, как не объявить не только в интересах народа, но и в интересах *собственного* самосохранения, неумолимую войну не на жизнь, а на смерть этому правительству, поклявшемуся истребить все честное и живое в ее среде? И мы твердо верим, что брошенный правительством вызов будет понят и что наши ряды никогда не оскудеют новыми интеллигентными борцами.

Но, может быть, безжалостно давя интеллигенцию, правительство облегчило хотя сколько-нибудь скорбную долю того народа, в котором оно справедливо видит пока свою главную или даже единственную опору? Действительно, толки о реформе податей, об уничтожении паспортов, об облегчении переселений, о содействии крестьянству в покупке земель и т. п. не прекращаются ни на минуту. Но — увы! — все эти благие затеи так и остаются одними затеями или же, переходя в жизнь, тотчас же вырождаются в нечто совсем противоположное первоначальным намерениям. Дело в том, что правительство и тут стоит перед лицом той же роковой дилеммы: или не предпринимать ничего нового и путного, или же обратиться за помощью и исполнением к той же проклятой интеллигенции, которая так ненавистна ему и с которой оно и без того не знает, как справиться. Но, как мы уже сказали выше, лучшая часть интеллигенции прямо враждебна правительству и не пойдет помогать ему в лукавых затеях провести за нос народ. Другая ее часть просто сторонится от него и уходит в чисто личную жизнь. Таким образом, ему остается только продажное, ленивое, наемное чиновничество, думающее только о получении жалованья каждое 20-е число, упорно уклоняющееся от всякой лишней работы и заботы, привыкшее только «отписываться» от всякого действительного дела и нисколько не печалящееся в глубине своей души ни о народе, ни даже о самом правительстве. Удивительно ли, что с такими помощниками и исполнителями дело не подвигается ни на шаг вперед, тогда как *подобные* дела требуют именно веры, любви, беззаветной преданности и искреннего, самоотверженного служения им, до забвения самого себя? Но правительство натыкается здесь не только на апатию, но и на прямое сопротивление со стороны своих приспешников. Ведь вся эта челядь служит ему только ради своих корыстных интересов, которые, по большей части, противоположны интересам народа. Не может же правительство изобидеть и оттолкнуть от себя своих единственных слуг. И вот с высоты трона раздаются приснопамятные слова царя-народолюбца: «Не ждите ни передела земель, ни новой нарезки. Все останется как было. Повинуйтесь вашим (?!) предводителям дворянства»[94].

Постоянно обманываемый в своих ожиданиях и теряющий последнее терпение народ глухо бродит и беспокойно мечется, как зверь в клетке, не сознавая еще ясно основной причины своих бедствий, не видя средств помочь им и постоянно опрокидываясь лишь на ближайшие, частные поводы своих невзгод, всего ярче бросающиеся в глаза или всего больше задевающие его в данную минуту. Со всех сторон несутся горькие жалобы имущественных классов на самовольные порубки лесов, на насильственные захваты владельческих земель, на поджоги помещичьих усадеб, сена, хлебов и строений, на избиение и калечение скота, на акты насилия по отношению к управляющим и пр., на сопротивления судебным приставам и чинам земской полиции, доходящие нередко до кровавых побоищ, на поголовные стачки рабочих и вообще на подозрительное и опасное возбуждение масс, проявляющееся иной раз в таких ужасных формах, как антиеврейские беспорядки, не обошедшие даже такого чисто русского города, как Нижний Новгород[95]. Мы далеки от того, чтоб видеть в этом смутном брожении начало победоносной народной революции. Но мы ясно видим, что народ изверился в правительство, что он исстрадался вконец, что он устал терпеть, что ему невмоготу более нести свой тяжелый крест, что он беспокойно бьется в своих узах, ища выхода, и что, поэтому, всякий громкий призыв к нему поговорить по душе «о своих нуждишках, о своих делишках и о разном прочем» — глубоко всколыхнет народное море и вызовет в нем радостный отклик. Раздастся ли этот призыв с высоты трона, поколебленного ударами революционеров, или же он будет сделан самою партиею, захватившею на момент в свои руки правительственную власть, — это все равно. Мы твердо верим, что и в том, и в другом случае народ не пропустит мимо ушей обращенного к нему призыва, — что он сумеет сказать, где его жмет тесный сапог, — что он найдет вокруг себя людей, которые сформулируют его нужды, требования и желания в толковые «наказы» его избранникам, — что он сумеет инстинктивно отличить друзей от врагов и что он поддержит всею дикою мощью непобедимой стихийной силы истинных представителей и заступников его интересов в недрах будущего Земского Собора. Мы твердо верим, что грядущая государственная реформа не может выродиться на нашей почве в чисто *политическую* «конституцию», но непременно принесет с собою все те аграрные и иные экономические и социальные реформы, какие совместимы с нынешним умственным развитием человечества. Ибо только такая реформа или революция может найти себе опору в народных массах, во всенародном энтузиазме, без которого немыслимо никакое великое историческое дело, никакой крупный общественный переворот. А пока главная задача наша и наших товарищей, в особенности же рабочих и сельских групп, должна заключаться в том, чтобы пользоваться всяким случаем для выяснения народу, что основная причина всех угнетающих его зол лежит не в злодействе отдельных личностей, а в общем строе современного порядка вещей, опирающегося прежде всего на самодержавие правительства, мешающее народу выражать и выполнять свою волю или даже просто рассуждать всенародно о своих делах с целью улучшения своей жизни. Мы должны постоянно и неустанно указывать народу, что самодержавный царь и его приспешники явно не желают облегчения бедствий народа, да и не в силах облегчить их, если бы даже и желали, не призвав к этому делу самого народа.

Итак, с какой бы точки зрения ни посмотрели мы на нынешнее положение наших внутренних дел, с точки ли зрения интересов народа или же интересов интеллигенции, все приводит нас к одному и тому же выводу: самодержавие отжило свой век, — оно не в силах больше принести ничего хорошего ни народу, ни обществу, — всякая дальнейшая минута его существования только безнужно удлиняет муки неопределенного переходного положения и увеличивает сумму народных и общественных бедствий; а потому неустанная, неумолимая борьба против него, в лице всех его представителей, борьба без отдыха, без пощады и без перемирия — есть священнейший долг всего живого и честного на Руси. Вот почему еще решительнее и энергичнее, чем когда-либо, повторяем мы свой старый клич: Carthago delenda est!

Чтобы не быть голословным в наших утверждениях насчет беспокойного брожения народных сил почти во всей России, приводим наудачу несколько фактов из самого последнего времени и относящихся исключительно к сфере аграрных отношений.

Наиболее интенсивная мелкая борьба народа с имущественными классами и представителями власти наблюдается в Уфимско-Оренбургском крае. Этот край положительно как бы на военном положении. Громадные лесные порубки, захват земель, поджоги, убийства, сопротивления властям — все это здесь самые заурядные явления. В совершении их иной раз принимают участие сотни людей. Иногда факты подобного рода принимают крайне резкий характер и доходят до жестокости. Укажем для примера на несколько случаев сожжения живьем по нескольку человек (управляющих, приказчиков, лесничих и т.д.) в заколоченных предварительно домах. Интенсивность и распространенность подобного рода явлений заставили перетрусившее уфимское дворянство потребовать прошлым летом от правительства «принятия чрезвычайных мер для защиты собственности и личности владельцев»! С течением времени движение все усиливается. Ввиду громадного числа известных фактов мы останавливаемся только на одном уезде — Белебеевском. Здесь идет воина не на живот, а на смерть между населением и казенными и частными лесниками. Порубки в сотни пней уже не принимаются в счет: они производятся по нескольку тысяч пней. При порубках постоянно кровавые столкновения. В феврале шесть татар деревни Башиндов были оштрафованы за порубку; а вслед затем у куюкинского

лесника были зарезаны 10 овец и лошадь. Одному понятому деревни Андреевки еле-еле не отрубили головы: он спасся только благодаря быстроте лошади. В половине февраля в лесу, прилегающем к д. Екатериновке и Анновке, крестьяне изрубили топорами двух стражников, несмотря на то, что последние были вооружены ружьями. В деревне Шаран-Князеве стычки из-за леса сопровождались целым рядом убийств. Являлся сюда исправник, но едва унес ноги. Пришлось согнать несколько сот полицейских чинов; приезжали прокурор и губернатор, но князевцы покорности не обнаружили. Угон скота и поджоги хлеба здесь самое заурядное явление. Но бывают факты и гораздо любопытнее. Так, башкиры деревни Слах в феврале разорили и сожгли дотла хутор барона Нолькена, разогнав сторожей, рабочих, и угнали скот, часть которого была затем зарезана и съедена. У доктора Бычкова на хуторе в Бакалинской волости убили приказчика; в одной из соседних деревень избили урядника и станового, чиновников — членов крестьянского присутствия, землемеров, и т. д., являющихся производить размежевание и вообще «насаждать порядок», — население или гонит, или принимает самым оригинальным способом: «Твоя кто посылал наша?» — «Присутствие, казна». — «А-а! казна, присутствие — ну ты и гуляй по казна. Зачем наша пришел? Мы не звал!» — «Землю от вас в казну». — «Зачем казну. Земелька наш, какой казну? Казна свой есть. А вот самовар твоя кипит, мы готовил; ямай мало, — маласяй, потом здыхай (отдыхай), утро придет — гуляй казна, коли он твоя посылал, а наша твоя не надо!» И затем наутро выпроводят самым бесцеремонным образом. Ограничиваемся приведенными фактами, хотя список их можно было бы удлинить до бесконечности.

Другим районом с сильным аграрным движением является местность, охватывающая Донскую область, Екатеринославскую, Тамбовскую, Курскую губернии, отчасти и Рязанскую, а затем Черниговскую и Полтавскую. Здесь практикуются в самых широких размерах поджоги помещичьего хлеба, сена и строений. Тут имели место любопытные случаи стачек сельских полевых рабочих с целью оставления без уборки помещичьего хлеба или возвышения заработной платы, причем крестьяне опирались на свою общинную организацию. Вообще отношения между здешними крестьянами и помещиками крайне обострены. В Екатеринославской губернии прошлою осенью крестьянское движение выразилось в усиленных поджогах, разрушении помещичьих домов и захватах земель. Первые весенние сведения из этого края указывают, что движение, направленное к захвату земель, началось снова. Из множества фактов, имевших место в Донской области, приведем только два. В слободе Макеевке Донецкого округа крестьяне, стесненные землевладельцем и его приказчиком, сожгли 80 стогов сена, вырубили лес и затем, заманивши в лес приказчика, высекли его и, заткнув рот, привязали к дереву. Здесь он провисел более двух суток (дело было в феврале) и был случайно найден пастухом; приказчик тотчас же сбежал, а поступивший на его место держит себя значительно мягче. Вообще крестьяне Донецкого округа в последнее полугодие энергично принялись за экспроприацию землевладельческой собственности. Они рубили лес, увозили к себе помещичий хлеб с полей, нападали на принадлежащие помещикам и скупщикам земель хлебные амбары и грабили их, нередко в виду самих хозяев. Дело не раз доходило до вооруженного сопротивления. В слободу Большинскую и соседние села для усмирения явился окружный начальник с целой сворой полицейских. Появление его страшно возбудило население. «Так он не за нас?.. Бей его!..» И окружный начальник едва успел спастись. Зато несколько его спутников были избиты до полусмерти. Затем большинцы бросились на ближайшие усадьбы землевладельцев. Произошла свалка, во время которой несколько человек было убито. Землевладельцы с своею дворнею, забравшись в одну экономию, кое-как отстрелялись; но зато остальные экономии были разграблены и разрушены. Грабеж продолжался двое суток, пока прибыло войско. С появлением последнего крестьяне разбежались и позасели по заросшим мелким лесом балкам и оврагам. Многие из них имели ружья, а потому, когда на них двинулось войско, произошло правильное сражение, с массою убитых и раненых. В конце концов крестьяне оказались, конечно, усмиренными... Мы не будем приводить фактов, имевших место в других местностях: это было бы перепевом той же самой, однообразной песни.

Повторяем: мы не думаем видеть в этих фактах смутного брожения народных сил залога скорого и успешного всенародного взрыва; но слеп будет тот, кто откажется усмотреть в них явное знамение крайней шаткости нынешнего порядка вещей и не менее явное указание на тот *путь*, по которому пойдет народное движение, когда наступит наконец его момент.

Г. Лопатин.

7. Êèñòîðèè îñóæäåíèÿ äîêòîðà Î.Ý. Âåéìàðà[96]

В статье Иванчина-Писарева («Былое», январь, 1907, стр. 42) я читаю: «Револьвер был приобретен Веймаром для своего друга Г.А. Лопатина, жившего в его квартире под именем Севастьянова». Дружен с Веймаром я был, но никогда не проживал у него ни под именем Севастьянова, ни под каким-либо иным; также и пресловутый револьвер был приобретен им вовсе не для меня. Делаю эту поправку не потому, чтобы считал это сообщение неудобным для себя в данную минуту, а просто потому, что это фактическая неправда. А что Веймар был осужден в каторгу совершенно *невинно*, — это истинная правда. В свое время я настойчиво заявлял об этом тогдашнему начальнику III отделения (Шмидту). В подтверждение моих слов я открыл ему факт, неизвестный полиции и обнаружение которого было

очень невыгодно тогда для меня (я сидел в Петропавловке и привлекался по Соловьевскому и другим «виселичным» делам), а именно, что в день убийства Мезенцева я был не в Париже, а в Петербурге, и провел все это утро в компании Веймара. Говорил и много другое. Как мне показалось тогда, Шмидт был внутренно *убежден* моими доводами. Однако это *личное* впечатление не передалось тем людям, в руки которых попала потом судьба Веймара. Я даже не был выставлен свидетелем по этому делу (по моим позднейшим соображениям — *умышленно*), но был отправлен незадолго до суда в Туркестан, в административную ссылку, и Веймар был осужден в каторгу за дело, в котором он не только не принимал никакого участия, но о котором *он ничего не знал* до самого его совершения.

Вильно, 24 февраля 1907 г.

8. Ï î ïîâîäó «Âîñïîìèíàíèé íàðîäîâîëüöà» À. Í. Áàõà[97]

В январской книжке «Былого» (стр. 119) Бах говорит: «Росси был взят на похоронах Судейкина и, кажется, погиб в Петропавловской крепости». Последнее неверно. «Симпатичный» Росси, так «нравившийся» автору, вскоре после своего ареста, «вывернул кафтан» и дал обстоятельнейшие предательские показания относительно всех лиц, прикосновенных к убийству Судейкина (в том числе и обо мне). Эти показания были *единственною* уликою против Стародворского и Конашевича до собственного сознания Стародворского, которое повлекло за собою и сознание Конашевича. Росси выговорил себе одно: чтобы его не ставили публично на суде лицом к лицу с преданными им людьми. Это условие было исполнено, и он, по сведениям, сообщенным суду департаментом полиции, был выслан административным порядком в Западную Сибирь, где он и находился во все время нашего процесса[98]. Где он теперь — я не знаю.

Многочисленные «субъективности» автора «Воспоминаний народовольца» я оставлю без оговорок, так как исправление их потребовало бы обстоятельного, связного рассказа о делах того времени, на что у меня пока нет охоты. Но я позволю себе исправить мимоходом маленькую «аберрацию памяти» почтенного автора только по одному пункту (февраль 1907, стр. 210).

Не знаю, насколько энергично противился Бах помещению в № 10 «Н. В.» некролога Бердичевского *до* моего приезда в Ростов; но помню твердо, что, когда я приехал туда и, узнав от него о помещении этого некролога, сказал, что я не могу допустить этого, он всеми силами восстал против меня, говоря между прочим:

— Это потребует переверстки всего первого листа. Типографщики ни за что не согласятся на это. Вы только взбунтуете типографию.

— Не беспокойтесь. Я сумею найти слова, которые заставят их повиноваться мне.

— Вы не знаете этих людей; это безумие; я вам не дам ни сигнала, ни пароля.

— Раз что я знаю адрес типографии, я обойдусь и без пароля.

— Вас застрелят. Они твердо решились не даваться живыми; а к ним никто не ходит; значит, всякий неожиданный посетитель есть враг, повторяю, — вас застрелят.

— Авось нет. Для пули места много, как говаривал на такие угрозы один знакомый мне сибирский разбойник. В меня уже не раз стреляли, а я все еще жив, — закончил я, смеясь.

С дачи в Ростов я явился уже в сумерки. Пройдя двором, я беззвучно вошел в квартиру, через незапертую по оплошности дверь. Меня услышали только, когда я кашлянул, стоя посреди гостиной, где было уже совсем темно, а огонь не был еще совсем зажжен.

— Кто вы? Что вам нужно? — сурово воскликнул выросший передо мною хозяин. В то же время за перегородкой послышался подозрительный шорох: выдвигали ящик комода.

— Господа, — громко сказал я, не трогаясь с места, — не спешите хвататься за револьверы. Я один — значит с этим делом всегда поспеется. Я пришел без пароля: но хозяйка знает меня в лицо, позовите ее.

Хозяин на секунду исчез, и я услышал шепот: «Он один и говорит, что ты его знаешь; выходи, — хуже не будет». Еще через секунду предо мною стояла маленькая женщина и тщетно старалась распознать меня в темноте и в смущении. Я положил ей руки на плечи и, наклоняясь к ее уху, сказал тихонько: «Руня, не узнаешь? А Садовая?..». Она взвизгнула и бросилась мне на шею. Затем все шло «по-хорошему». Я послал за Антоновым и разъяснил всем, почему распорядительная комиссия, вполне понимая и разделяя их товарищеские чувства к Бердичевскому, не может допустить помещения такого некролога, так сказать, в «Правительственном вестнике» партии. Никто не выказал ни малейшего сопротивления, и все принялись поспешно переверстывать первый лист[99].

9. Â.À. Êàðàóëîâ[100]

Право, я затрудняюсь, что и как ответить на ваш вопрос о В.А. Караулове. Мне нелегко даже сказать — знал ли я его сколько-нибудь хорошо. Судите сами. Одно время мы были с ним очень близки: наши койки были привинчены к двум сторонам одной и той же стены, и мы то и дело предавались «сугубой литографии», то есть излагали наши мысли и чувства маленьким камешком на

большой каменной странице разделявшей нас стены. Но с другой стороны, это было как раз первое время наибольших строгостей «беспощадного и неумытного Ирода»[101]: за стук тогда вязали, одевали в смирительную рубашку, сажали в карцер… Приходилось перестукиваться тайком, воровски, с неожиданными и длинными перерывами. Много ли наговоришься при таких обстоятельствах и очень ли глубоко заглянешь в душу друг друга? К тому же Караулов был осужден всего на 4 года, перед ним мерцала впереди надежда выйти на волю, и он не хотел подрывать эту надежду неосторожным поведением и столкновениями с начальством. При своем тонком слухе, он уже издали замечал кошачьи шаги подкрадывающегося сторожа и мгновенно прекращал стук, точно сквозь землю проваливался. Не умею вам выразить, какое дикое впечатление производит такое внезапное исчезновение собеседника и перерыв разговора «на самом интересном месте»… Мне, как бессрочному и безнадежному, недовольство начальства было сравнительно безразлично, а потому я часто сердился на соседа за такие «чересполосные» беседы и, при новом появлении его на поверхность земли, свирепо бранил его. «Полосатый Тапир» — было самое легкое из моих ругательств в этих случаях. Но он сразу обезоруживал мою раздражительность своим философским спокойствием и сердечной незлобивостью.

Вообще, ни раньше, ни позже я не встречал такого уживчивого, доброго, ласкового товарища, как Караулов. За многие месяцы нашей жизни рядом у нас не было буквально ни одной размолвки; а всякий, знающий по опыту болезненную издерганность тюремных нервов, понимает, что это значит… И все же при таких условиях много не наговоришься.

«Но ведь вы знали его на воле», — спросят меня. Знал, но очень недолго, виделся с ним очень редко и говорил только о делах, а не предавался тем длинным и приятным беседам, в которых только люди и узнают хорошенько друг друга и срастаются понемногу душой и сердцем.

Впервые услышал я имя Караулова от Дегаева в тот памятный вечер, когда, сидя за чаем в трактире Палкина, он внезапно развернул предо мною картину своего предательства, своего покаяния, взятого на себя кровавого поручения, своей новой деятельности, планов приготовлений и пр. Это был жуткий и страшный момент… Но рассказ о нем не относится сейчас к делу. В этот вечер я узнал от Дегаева, что существующий в данную минуту Исполнительный комитет «Н. В.» — состоящий из него, Дегаева, двух братьев Карауловых, Якубовича и Усовой — весь известен Судейкину и действует под его эгидою и с его милостивого соизволения, что, впрочем, неизвестно никому из членов этого комитета (прозванного мною после «Соломенным»), кроме одного Дегаева. Он прибавил, что, ввиду предстоящей «казни» Судейкина и имеющих последовать затем строгостей, он, по поручению парижан, выслал одного Караулова в деревню, а другого (Василия Андреевича) в Париж. И действительно, приехав в Париж вскоре после смерти Судейкина[102], я застал там Караулова и впервые познакомился с ним. Это был тогда высокий, широкоплечий, несколько грузный блондин с прекрасным высоким лбом и говоривший необыкновенно симпатичным баритоном и отличавшийся какой-то спокойно-самоуверенной, добродушной манерой в обращении. Вся его внешность и манеры мне очень полюбились, или, вернее сказать, мы оба очень понравились друг другу, и благодаря принадлежности к одному кругу по взглядам и профессии между нами быстро установились товарищеские короткость и взаимное доверие, несмотря на отсутствие сколько-нибудь частого и разностороннего обмена мнений. До того ли тогда было?

Парижская делегация из уцелевших обломков старого Исполнительного комитета «первого призыва» только о том и думала, чтобы поскорее утилизировать избавление от центрального предательства, подрывавшего в последние годы деятельность партии. Ей не терпелось отправить поскорее в Россию своих уполномоченных, «собрать рассыпавшуюся храмину», поднять снова упавшее знамя, организовать и повести снова в бой уцелевшие, но рассеянные силы. И вот, все время уходило на снаряжение этих уполномоченных, к числу которых принадлежал и Караулов, на снабжение их наскоро выработанными инструкциями и т.д. На всех этих заседаниях непременными членами были Караулов и я, но это ведь были деловые, по большей части чисто технические разговоры, — а не задушевные беседы…

Помню еще, что мы были с ним членами партийного суда по поводу неосторожного поведения на следствии одного одессита (кажется, Петрова), причем я имел случай наглядно убедиться в спокойном беспристрастии, деловитой внимательности и вообще в чисто «судейской» складке ума Караулова, что очень мне нравилось и послужило мне большой помощью. Но вот и все, что я вспоминаю из этого периода.

Караулов уехал из Парижа раньше меня и направился в Киев, где в это время Шебалины ставили свою типографию. Все предприятие быстро рухнуло, и все его участники попали в тюрьму, а затем под суд. Как известно, суд обошелся с ним сравнительно милостиво, за что и получил потом хорошую нахлобучку. Все обвиняемые были осуждены на срочную каторгу и предназначались к отсылке на Кару. Но при отправке все они — Караулов, *Шебалин*, *Панкратов* и *Мартынов* (Борисевич) — не позволили обрить себе полголовы и заковать себя в кандалы до прибытия на место наказания. За этот «бунт» их повернули в Шлюшин[103], где они очутились ранее меня и пережили все его первые, самые тяжкие времена.

Караулов плохо верил в выход из этой могилы и очень нервничал по этому поводу: «А что как, по окончании срока, меня все же оставят здесь, уже не как каторжника, а как поселенца, которому указано для поселения именно это место. Ведь держат же здесь административно-ссыльного *Лаговского*, никогда не бывшего под судом и не лишенного официально никаких прав, под тем лицемерным предлогом, что для него это не тюрьма, не наказание, а просто место отбывания административной ссылки». Ко всем моим доводам по этому поводу относился он с великим скептицизмом и сдержанностью и поверил своему освобождению лишь тогда, когда пред ним раскрылись двери тюрьмы.

С тех пор он для нас «точно в воду канул» вплоть до нашего собственного «воскресения». Как он жил в Сибири, мне неизвестно. О деятельности его в Государственной Думе свидетельствуют ее протоколы, газеты и т.п. источники. Мне не довелось встретиться с ним ни разу; сначала я был «привинчен» в Вильне, потом «терпим» в Петербурге при условиях, не располагающих к расширению и возобновлению знакомств, а затем выехал за границу, где усердно сторожу бывшее Тирренское море. Здесь я и получил известие об его смерти, которому и до сих пор как-то не в силах поверить: до такой степени мне трудно представить себе эту высокую, могучую фигуру бездушным трупом…

И когда вот сейчас, поздним вечером, я перебираю в мысли наше совместное беспросветное прозябание в Шлюшине, в тесном соседстве друг с другом, то мне почему-то приходят все в голову не какие-нибудь серьезные, важные факты, а разные трогательные мелочи, смягчавшие по временам это безотрадное существование. В наших разговорах я имел привычку уснащать речь цитатами из священного писания, из любимых поэтов и народных песен.

И вот вспоминается мне сейчас зимняя, ранняя ночь: я лежу и оживленно выстукиваю что-то с обычными украшениями, как вдруг Караулов перебивает меня и выстукивает тихо, но выразительно: «Да заснешь ли ты когда-нибудь, Полный Русский Песенник?» И мне снова становится смешно, как тогда; и в груди, где-то около сердца, снова шевелится тонкая, теплая струйка сознания, что тут совсем близко лежит добрый, ласковый товарищ и тихонько улыбается мне из-под усов с добродушной усмешкой и лаской.

Простите, если я обманул ваши ожидания и не сообщил вам ничего интересного.

Я сказал попросту — что и как мне припомнилось, — и не моя вина, что я так мало знал Караулова, что не могу служить ценным источником для его биографии.

Рискуя навлечь на себя упрек за злоупотребление французскими поговорками, говорю еще раз: не взыщите за малосодержательность моего сообщения, памятуя.

10. Èç ðàññêàçîâ î Ï.Ë. Ëàâðîâå[104]

В начале 1870 года мне пришлось приехать в Петербург с Кавказа, откуда я бежал. Здесь я встретился с дочерью П.Л. Лаврова — М.П. Негрескул, муж которой в это время сидел в крепости по Нечаевскому делу. От М.П. Негрескул, а также от Автонома Негрескула (брат мужа дочери Лаврова) я узнал, что Петр Лаврович страшно рвется из ссылки за границу. Оказалось, что уже целый год, как он собирается бежать, но не может осуществить своего намерения. Все это заставляло Лаврова страшно тяготиться своей ссылкой и нервничать. Его родственники и друзья в Петербурге как-то тянули это дело. Затевали какие-то сложные планы, неосуществимые практически. В довершение всего в нужную минуту не оказывалось ни денег, ни заграничного паспорта. Последнее обстоятельство особенно усложняло побег Лаврова.

Узнав о желании Петра Лавровича бежать из ссылки, я немедленно предложил его родственникам свои услуги по организации побега и вызвался тотчас съездить к Лаврову в город Кадников, где он тогда жил, чтобы «успокоить его и обнадежить скорым отъездом». На деле же я решил вместо обнадеживания и успокоения сразу увезти Петра Лавровича. Должен здесь заметить, что никакие организации или революционные кружки не имели решительно никакого отношения к побегу Лаврова.

Через несколько дней я уже был в Вологде, где, за неимением знакомых, остановился на каком-то постоялом дворе. На следующий день к вечеру я нанял лошадей и поехал к Лаврову в Кадников. Ехал я в форме отставного военного. На мне были черкеска и дворянская фуражка. По паспорту в то время я числился отставным штабс-капитаном Скирмунтом.

Приехав в Кадников на постоялый двор и оставив там лошадей, я отправился на квартиру Лаврова. Едва я вошел в переднюю, как Лавров, увидев перед собою военного, тотчас загородил мне дорогу в квартиру и довольно холодно осведомился о цели моего приезда. Я сказал, что приехал проведать его по поручению дочери. Лавров моментально изменился в обращении и любезно пригласил меня к себе. Не успели мы еще обменяться первыми фразами и едва я только начал открывать цель своего приезда, как к Лаврову пришли гости из местных жителей и наш разговор был прерван на самом интересном месте.

Пришлось занимать гостей разговорами о загранице, Петербурге и т.п. В довершение всего гости довольно настойчиво стали приглашать меня зайти к ним. Чтобы как-нибудь выйти из неловкого

положения, пришлось дать обещание заехать на обратном пути. За все время пребывания гостей Петр Лаврович несколько нервничал, проявлял признаки нетерпения, но все-таки до самого конца продолжал быть любезным хозяином.

Как только гости удалились, я объяснил Лаврову, что приехал с целью увезти его из ссылки. «Согласен ехать хоть сию минуту», — заявил мне в ответ Лавров. После небольших переговоров было решено, что я приеду за ним через день вечером. За это время Лавров должен был приготовиться к побегу. Мать его, Елизавета Карловна, которая жила с ним в Кадникове, должна была к часу моего приезда куда-нибудь отослать прислугу, а затем скрывать от нее исчезновение сына. Сделать это было очень легко.

Дело в том, что Петр Лаврович иногда страдал мигренью. В это время он становился крайне раздражительным. В эти дни, чтобы не вызывать излишнего раздражения у сына, Елизавета Карловна не впускала к нему прислугу и сама ухаживала за ним, подавая ему все необходимое. Решено было воспользоваться этим обстоятельством и после вашего отъезда объявить Петра Лавровича заболевшим мигренью. Кроме того, на старушку еще возлагалась обязанность после побега в течение нескольких дней зажигать вечерами огонь в комнате Петра Лавровича, чтобы не вызвать подозрения у жандармов, которые вечерами иногда прогуливались около квартиры Лаврова. Помимо этого, старушку научили через несколько дней после побега заявить о пропаже сына. Вообще, надо заметить, что мать Лаврова, несмотря на свой преклонный возраст, была женщина с большим характером и самообладанием, и вологодская администрация и не думала ее подозревать в участии в побеге. Она решительно ничем не выдавала себя после того, как было обнаружено исчезновение ее сына.

Одно только обстоятельство несколько озабочивало Лаврова. Дело в том, что в это время Лавров начал издавать отдельной книжкой свои «Исторические письма» и рукописи его в целях конспирации переписывались в Вологде местными семинаристами. Петр Лаврович дал мне адрес этих семинаристов и усиленно просил забрать все рукописи. Вернувшись в Вологду, я отправился немедленно к семинаристам и, не предупредив их, в чем дело, сразу заявил, что мне необходимы рукописи Лаврова. Надо было видеть испуг бедных юношей! Увидав пред собой военного, они вообразили Бог знает что и в ответ на мое заявление лепетали дрожащим голосом что-то непонятное. Только тогда я сообразил свою оплошность и, расхохотавшись, постарался успокоить перепуганных семинаристов.

В назначенный день я опять приехал из Вологды в Кадников и остановился по-прежнему на постоялом дворе. До самого вечера я провалялся в качестве больного в постели и никуда не выходил. Как только стемнело, я прошел к Лаврову и вывел его из квартиры. Затем вернулся на постоялый двор и, выехав на своих лошадях, дорогой посадил Лаврова в свои сани, и мы покинули Кадников. Едва мы выехали за город, как я вспомнил, что мы забыли захватить с собою провизию и пирожки, приготовленные специально для нашего отъезда заботливыми и любящими руками Елизаветы Карловны. Я заявил об этом Петру Лавровичу и выразил желание сбегать в город и принести позабытый сверток. «Что вы, Герман Александрович! Стоит из-за таких пустяков останавливаться. Бог с ними, с этими пирожками», — протестовал Лавров. Но я по молодости не согласился с протестами Лаврова и, остановив сани, побежал обратно в Кадников за пирожками… Здесь я всполошил испуганную старушку, которая первое время никак не могла понять, в чем дело и что с нами случилось. В конце концов злосчастные пирожки все-таки были нами захвачены.

Из Кадникова до Ярославля мы проехали на лошадях, а за Ярославлем, не помню с какого города, мы уже по дороге добрались до Москвы, откуда и направились в Петербург. Весь побег произошел без каких-либо осложнений и инцидентов. Только за Вологдой, кажется, в городе Грязовце на постоялом дворе, где мы перепрягали лошадей, нам пришлось встретиться с вологодским жандармским полковником господином Мерклиным. К счастью, встреча эта окончилась для нас благополучно. Надо сказать, что я подвязал щеки Лаврова платком и обложил их ватой, якобы у него болят зубы. Благодаря этому исчезала борода Лаврова, что сильно изменяло его наружность. Лавров должен был только мычать на случайные вопросы встречных, в критическую же минуту отнюдь не вступать с кем-либо в разговоры или объяснения. Все, что касалось переговоров или расчетов, лежало исключительно на мне. Петр Лаврович в это не вмешивался. Моей обязанностью было увезти Лаврова из ссылки и доставить его в Петербург. Дальнейшее же путешествие Петра Лавровича за границу уже протекало без моего участия исключительно при содействии его родственников.

11. Êðàñêàçàì î Ï.Ë. Ëàâðîâå[105]

Все воспоминания о собственном прошлом, о приходивших в столкновение с нами людях и т.п. неизбежно субъективны. Вот ведь, кажется, и состарится человек; и посмотрит иным, более спокойным и бесстрастным взглядом на события; и переменит многое в своих оценках врагов и друзей и их деятельности; а как начнет рассказывать о пережитом, так снова впадает в настроения прежнего времени, снова враждует и любит, снова не в силах быть объективно-справедливым и отдавать должное даже врагам и соперникам, снова слышатся во всем тоне враждебно-пренебрежительные

или насмешливо-иронические нотки… Вот — мысли, то и дело приходившие мне в голову при чтении рассказов Сажина о Лаврове в передаче их Витязевым[106]. Говорю это только мимоходом, к слову, так как для того чтобы парализовать впечатление, производимое *тоном* рассказов Сажина, его *оценкою* Лаврова как человека и его освещением рассказываемых событий, нужно было бы противопоставить им *собственную* оценку личности Лаврова, *собственное* освещение этих событий, *собственный* рассказ о том же, но в ином, собственном *тоне*, на что я не имею ни досуга, ни нужных материалов, а потому ограничусь лишь кратким исправлением только некоторых, чисто *фактических*, неточностей в том порядке, в каком они читаются в статье Витязева.

1. Не знаю: писал ли что-нибудь Лавров в ссылке, кроме «Исторических писем», которые он подписывал псевдонимом (Миртов) и отсылал в Петербург, переписанные чужим почерком (я сам выручал последнее из них у одного вологодского семинариста-переписчика), и притом отсылал всегда со знакомыми людьми, а не по почте. Но если и писал, то, наверное, поступал и с этими рукописями таким же манером, а потому губернатор Хоминский не мог самолично просматривать его статей, как значится у Сажина (стр. 114).

2. Рассказав о тайных поездках Лаврова из Кадникова в Вологду с местным ямщиком Кузьмою, Сажин говорит, что на его вопрос: «А как же удалось Лаврову вырваться окончательно из Кадникова?», — тот отвечал: «Да тот же Кузьма и вывез». Я ничуть не сомневаюсь, что Сажин верно передает ответ Лаврова, но только утверждаю, что этот ответ нисколько не соответствовал действительности. Лавров был джентльмен, не допускавший возможности располагать чужими тайнами, да еще опасными. А не нужно забывать, что я был в то время просто скрывшимся из-под ареста молодым человеком, за которым не числилось никакого определенного преступления, а потому рассказывать о моей роли в исчезновении Лаврова из Кадникова значило давать в руки правительству данные для обвинения меня в очень определенном преступлении, и притом как раз в тот момент, когда я сидел в иркутском остроге по *подозрению* в намерении похитить Чернышевского. Вот почему Лавров, отвечая на нескромный вопрос, дал такое показание, которое послало вопрошателя по ложному следу; и вот почему моя роль в побеге Лаврова долгие годы оставалась неизвестною никому решительно, кроме немногих непосредственных участников в этом деле. Кстати, Лобов (стр. 123) не имел никакого касательства к моей поездке за Лавровым; но когда я привез Лаврова в Петербург, то Лобов предоставил свою квартиру для свиданий Лаврова с его друзьями[107].

3. Перескакивая через несколько страниц, скажу, что тою же скрытностью Лаврова и щепетильным отношением его к своим и чужим тайнам — личным и общественным — объясняется еще одно ошибочное показание Сажина. Сообщая ему о своем намерении уехать из Парижа, Лавров, по словам Сажина, объяснил его так: «Мы с *Анной Павловной* достаточно натерпелись всяких лишений во время осады Парижа и последующих событий; и больше оставаться здесь не желаем» (125). Я опять-таки не сомневаюсь, что Сажин верно передал слова Лаврова, но опять-таки убежден, что Лавров просто не нашел нужным открыть Сажину истинную причину своего отъезда. Мне опять говорил позже в самых определенных выражениях, что Коммуна поручила ему отправиться в Лондон, чтобы всячески уговаривать там Генеральный совет Интернационала поднять серьезную агитацию среди английского рабочего сословия и радикалов в пользу Коммуны. Не следует забывать, что Интернационал в то время еще не распался и даже не колебался, продолжая вызывать надежды одних и опасения других.

Помню, как несколько ранее, при самом начале осады Парижа, я сам был избран одним из депутатов Генерального совета к Гладстону, с целью побудить его министерство к вмешательству в пользу скорейшего заключения мира ввиду того, что виновница войны — Бонапартовская Империя — уже пала, а новорожденная республика охотно шла на все разумные уступки. Правда, Гладстон вежливо отклонил домогательства Совета, но все же с Интернационалом тогда еще разговаривали…

В связи с этой командировкой Лаврова я прекрасно помню его рассказы о разных курьезных обстоятельствах. Выехал он с паспортом от Коммуны, который произвел великий соблазн на передовой линии версальцев между полицейскими и таможенными досмотрщиками. «Это что за паспорт? К кому обращаются выдавшие его люди? Как смеют они рассчитывать на принятие их бумажонки всерьез и на признание их как бы за какое-то правительство?» — спрашивали Лаврова. — «Чего вы хотите от меня? — отвечал он. — Я — иностранец, эмигрант без национальных бумаг. Я жил в Париже. Мне понадобилось отправиться в Лондон. Для этого требуется нынче паспорт. Понятно, что я обратился за ним к правительству de facto, не интересуясь тем, чего оно стоит de jure в глазах остальной, внепарижской Франции и иностранных держав. Не нравится вам мой паспорт, так дайте мне другой, настоящий». Так и сделали. Кстати: в этот именно раз Лавров познакомился впервые с Марксом, к которому он обратился прежде всех с своим поручением, прося представить его Генеральному Совету.

4. К числу *фактических* ошибок Сажина я позволяю себе отнести и его рассказ о какой-то «*Инструкции революционерам*», составленной Лавровым и ходившей в рукописи за границей в 1875 году, возбуждая общий смех своей наивной непрактичностью, доходившей поистине «до комизма». Скажу прежде всего, что Лавров, признавая свою некомпетентность в житейской практике,

всегда самым решительным образом уклонялся даже от словесного обсуждения практических вопросов, вроде транспортировки изданий через границу, их распространения в России, организации на родине своих сторонников и т.п., а тем более от публичных выступлений по таким вопросам. Представляется далее непонятным, почему Лавров, располагая бесконтрольно типографией «Вперед», распространял эту «Инструкцию» в *рукописи*, а не в печатных экземплярах, хотя бы и предназначенных только для близких единомышленников. Но всего непонятнее для меня то, что я слышу теперь только впервые об этой «Инструкции». Ведь как раз в это время я проживал за границей, будучи связан с Лавровым узами самой тесной дружбы.

Когда мы жили в одном городе, то виделись каждый день, а когда — в разных: я — в Париже, а он — Лондоне, — то переписывались буквально ежедневно. Лавров не выпускал в печать ни одной вещи, не отсылал ни одного важного письма по общественно-политическому делу, не ознакомив сначала с ним меня, в видах совместного обсуждения. И вот, в Швейцарии, где проживал Сажин, это «смехотворное произведение» Лаврова ходило по рукам, а я, его задушевный друг, никогда не видал его в глаза! Ничего не знали о нем и другие, проживавшие в Париже и ежедневно общавшиеся со мною друзья Лаврова. Не ведали о нем и сотрудники Лаврова в Лондоне. Ничего не слыхал впоследствии о нем от Лаврова и тесно друживший с ним Русанов, равно как и проживавшая последние годы с Лавровым, так высоко чтившая и так горячо любившая своего отца, его дочь, М.П. Негрескул, остававшаяся при нем, в ежедневном тесном общении с ним, до самой его смерти. Я знаю, конечно, что и в юриспруденции, и в общей логике, при одинаковой добросовестности и компетентности свидетелей, даже одно *положительное* показание перевешивает любое число отрицательных. Но признаюсь откровенно, что, ввиду всего вышесказанного, мне требуется нечто большее, чем простое показание Сажина, на основании слухов того времени, чтобы поверить авторству Лаврова относительно такого произведения, про которое сам Сажин говорит, что «более комичной вещи трудно было себе представить».

5. Рассказывая о своих встречах и столкновениях с Лавровым в Вологде, Париже и Цюрихе, Сажин многократно вспоминает о «неустойчивости и несамостоятельности политических взглядов» Лаврова, об отсутствии «революционности» в его темпераменте, о большой «эластичности его мысли», об «изменчивости его решений по общественно-политическим делам под влиянием окружающих», о «разнообразии его программ» и его многочисленных «эволюциях». Что сказать на это? Конечно, Лавров, как и всякий другой — великий или ординарный — человек, эволюционировал в своем духовном росте. Поначалу он был просто либерал-конституционалист и великий почитатель Герцена, у которого он поместил (в «Полярной звезде») *свои стихотворения*, сыгравшие такую роковую роль в его судьбе. По своей профессии — ученого, философа и историка — он не мог питать слишком крайних мнений и верить в близость стремительных переворотов de fond en comble.

Но наряду с передовыми людьми своего времени он уверенно ожидал вскоре крупных прогрессивных реформ во всем строе русской жизни, как естественных последствий освобождения крестьян и пр. Поэтому он не без основания смотрел на свою ссылку как на чересчур строгую кару за стихотворения, как на временное ожесточение правительства против всякого либерализма, вызванное выстрелом Каракозова. Вот почему он надеялся на скорое возвращение в Петербург и не хотел затруднять его какими-либо «неосторожностями». Но вместе с тем и в своем временном опальном положении он желал приносить посильную общественную пользу в свойственной ему сфере, то есть в форме литературных чтений, живых бесед с публикою и т.п. Отсюда его желание сблизиться с местным обществом и, конечно, с теми его кругами, к которым он принадлежал по своему рождению, воспитанию, прежнему общественному положению и привычкам.

Не забудем, что Лавров не был лишен прав или опорочен по суду и что ссылка его была вызвана лишь подозрительным отношением правительства к его политическим взглядам, а не какими-либо постыдными для него мотивами, вследствие чего в намерении его сблизиться с обществом, сделав нужные визиты, не было ровно ничего претенциозного или исключительного, так что ирония Сажина по этому поводу удивляет читателя и объясняется просто тем, что Сажин снова перенесся в свое тогдашнее настроение «нигилиста» 60-х годов. Сажин немножко злорадно замечает, что Лавров потерпел при этом афронт, так как никто не отдал ему визита. Но ведь это свидетельствует лишь о трусости провинциального общества и ничуть не роняет Лаврова в его благородном стремлении делать посильное благое дело. Да и так ли это было? То есть в такой ли полной мере? По крайней мере, я в первый же проведенный у Лаврова вечер встретился там с двумя земцами из наиболее уважаемых в своем уезде, а после слыхал, что некоторые из видных вологжан, наподобие Иосифа Аримафейского, поддерживали сношение с ним, но по «тайности», в чужих домах, «страха ради иудейского».

Что Лавров не был тогда социалистом, а тем паче социалистом-революционером, — это верно. Конечно, как историк, он был знаком с социалистическими учениями и знал также всю ничтожность их роли в прагматической истории; а как теории, они представлялись ему скорее как этические системы, как нечто вроде религий, чуждых *научной* подкладки, чем они и были до Маркса. Экономическая подкладка истории не выступала тогда еще на передний план, вследствие чего Лавров мало интересовался и занимался политической экономией. Сдается мне даже, что этот редактор «Логики»

Милля не читал «Политической экономии» того же автора. Заключаю это из отсутствия у нас с ним в то время всяких разговоров на экономические и социалистические темы.

И только очутившись за границей, он увидел, до какой степени экономика и социализм, вторгаются понемногу в прагматическую историю, начинают «делать историю», становятся ее заметными факторами. Только там, ознакомившись с Марксом, он познал социализм как *научную* систему и стал ее приверженцем.

К слову сказать, так было и со мною: и я, натуралист по образованию и приверженец строгого научного мышления, заинтересовался впервые экономикой и социализмом только во время первой моей ссылки, прочитав там Лассаля и Маркса, почему мне так и понятна эта эволюция Лаврова.

Но она произошла не сразу, а в особенности не сразу изменился характер деятельности Лаврова. Поначалу Лавров и в Париже продолжал надеяться на скорое наступление в России лучших времен и на возможность возвращения на родину полноправным гражданином, вследствие чего избегал вдаваться в крайности. Поначалу он рассчитывал служить делу прогресса в наиболее свойственной ему сфере, путем литературной пропаганды в легальной русской прессе наиболее прогрессивных идей из области философии, религии, науки, искусства и политических учений. Практическое участие в политике он считал несвойственным себе делом и всячески отстранялся от него. И только когда жизнь выяснила всю тщетность его ожиданий и когда внезапная смерть А.П. Чаплицкой опустошила его личную жизнь и побудила его искать забвения в какой-либо более захватывающей деятельности, чем подцензурная литература, только тогда он обратился к заграничной антиправительственной агитации и вступил для этого в сношения с кружком молодых застрельщиков революции, наиболее приближавшихся к нему по своим взглядам. Это и есть цюрихский период его жизни, период основания «Вперед» и резких столкновений по этому поводу с Бакуниным и Россом (Сажиным) — столкновений, составляющих главное содержание воспоминаний Сажина и главный материал его обвинений Лаврова в непостоянстве и изменчивости его взглядов, в перемене программ и т.д.

Я провел весь этот период в секретной камере иркутского острога, а потому не могу свидетельствовать о нем как очевидец. Замечу только мимоходом, что история пресловутых «трех программ» кажется мне достаточно выясненной самим Лавровым в одном позднейшем заграничном издании[108]. Что же касается до его «уступчивости» взглядам своих сотрудников, в ущерб своим собственным, в редактировавшихся им журналах, то припоминаю сейчас некоторые из моих бесед с ним по этому поводу.

«Я считаю своим долгом, — говорил он, — помогать той партии *действия*, которая имеется на данный момент налицо, хотя бы я далеко не во всем соглашался с ней. Что до того, что я не мог разделять наивной веры «впередовцев» в возможность скорого внезапного и полного социального переворота? Что до того, что я не могу верить вместе с народовольцами в осуществимость путем заговора и так называемого «террора» тоже внезапного, коренного, политического переустройства России? Но ведь их конечные идеалы и цели тоже и мои? Ведь их средства действия не противоречат моим моральным принципам, хотя бы они и казались мне иной раз непрактичными и нецелесообразными? Ведь я знал и знаю, что, стремясь к неосуществимому в близком будущем, она все же содействует попутному достижению хотя бы более скромных, но все-таки прогрессивных задач более умеренных партий, по известному ироническому закону истории «sic — vos, sed — non vobis»? Так что мне до их иллюзий или до наших чисто *тактических* разногласий, которые я старался и стараюсь обходить? Повторяю: я всегда был и буду с теми, которые *действуют*, борются, а не с теми, что сидят у моря и ждут погоды».

Так он и действовал, работая совместно с крайними революционерами-утопистами, хотя по собственным взглядам и был, может быть, ближе к некоторым из нынешних левых кадетов — как я представляю их себе — то есть к людям, признающим в теории социалистический строй за конечный, неизбежный финал развития современных обществ, но считающим, что сейчас нужно сосредоточить все силы на борьбе за ряд более скромных, но более осуществимых, политических, экономических и социальных перемен общественного уклада. Кстати: иллюстрируя уступчивость Лаврова, Сажин говорит, что благодаря ей он сам же дал наиболее обстоятельное моральное оправдание террора. Где это? Не разумеет ли Сажин ту статью на эту тему в №1 «Вестника Народной Воли», которая, как я достоверно знаю, принадлежала перу Лесевича? Впрочем, мое знакомство с этим журналом было остановлено судьбою как раз №1. Во всяком случае, мне кажется, что все вышеизложенное показывает ясно, что эволюция Лаврова совершалась все время в *одном* направлении, а именно — в *левом*, а отнюдь не обнаруживала каких-то постоянных *колебаний* политической мысли.

6. Сажин говорит о «сдержанном» *отношении Лаврова к Парижской Коммуне*, чуждом всякой «восторженности», «увлечения». Но чем же было «восторгаться» и «увлекаться» здравомыслящему человеку в этом *безнадежном* движении с его неслыханной анархической программой? Можно было восхищаться героизмом бойцов Коммуны и скорбеть об их *неизбежной* гибели, но «увлекаться» их благородным безумием не всякому было под силу. Столь же «сдержанно» относился Лавров, по словам Сажина, и к Интернационалу, а потому и уклонился от выступления в печати в защиту Бакунина и его приверженцев.

Но именно сочувствие Интернационалу не дозволяло ни одному разумному человеку симпатизировать Бакунину, вся деятельность которого в этом случае явно грозила распадением и гибелью Интернационала. Да и каким образом моральный человек мог сочувствовать и помогать людям, которые публично гремели против централизации, деспотизма, генеральства и самовластия Генерального совета, а негласно составляли заговор не против правительства, а против своих же товарищей единомышленников: учреждали тайный союз (l'Alliance), имевший целью секретно, неведомо для рядовых членов Интернационала управлять его деятельностью? Как мог дорожащий своей моральной репутацией человек добровольно вмешаться в печальную историю шантажирования Любавина Нечаевым, ради освобождения Бакунина от обязательства выполнить взятый им на себя и отчасти уже оплаченный литературный труд? Положим, что Бакунин был повинен тут больше попустительством недостаточно энергическим протестом, но все же никому не могло быть сладко впутаться в эту скандальную историю.

Несмотря на мою тесную дружбу с Марксом, я отказался наотрез дать ему находившиеся у меня в руках документы по этому делу[109], сказав ему: «Я не оправдываю вполне Бакунина, но никогда не соглашусь помогать позорить на всю Европу человека, игравшего такую роль в нашем народном движении». Так же отнесся к этому делу и Лавров, знавший от меня все подробности *Любавинской истории* и не находивший поэтому возможным для себя ни обвинять, ни защищать Бакунина.

7. Немало говорит Сажин о перипетиях Русской библиотеки в Цюрихе. Повторяю: свидетелем этих перипетий я не был. Но из добросовестного изложения Сажиным аргументов Лаврова мне кажется, что справедливость была на стороне последнего. В самом деле, кем бы ни была основана Библиотека, но поддерживалась она на средства *всех* русских студентов. На каком же основании небольшая группа инициаторов утверждала за собою исключительное право распоряжаться выбором вновь приобретаемых книг, суживая широту этого выбора и ограничивая его лишь книгами сочувственного ей направления?

Обычное русское самоуправство и деспотизм если не правительства, то самозваной, тесно сплоченной, активной группы!.. Конечно, нельзя сочувствовать борьбе с этим самоуправством путем тайного расхищения книг. Но мы знаем из исторического опыта и собственного, что в людских группах, ставших на путь борьбы с законом в какой-либо области, скоро развивается наклонность к отступлению от общепризнанных правил морали и в других областях. Воскресает старое правило: «хорошая цель оправдывает и плохие средства», вследствие чего появляются на сцену всякие хитрости, уловки, мелкий иезуитизм и т. п. (не говоря уже о таких крайних примерах, как пресловутые, позднейшие «экспроприации» или акты насилия в товарищеской среде, вроде кулачной расправы со *Смирновым*).

Сам Сажин преспокойно рассказывает, что целью его пробного вступления в редакцию будущего лавровского журнала было, между прочим, и желание получить доступ ко всем связям и адресам редакции в России, конечно, в расчете пользоваться ими и после вероятного разрыва. Тот же Сажин с улыбкой рассказывает *о ловкой проделке Ткачева*, который, поселившись у «впередовцев» в качестве единомышленника и сотрудника, строчил все это время резкую брошюру против Лаврова, тайно печатая ее во враждебной Лаврову типографии Росса. Ловко, мол, и чертовски забавно!..[110] Но, конечно, Лавров — благовоспитанный человек из хорошего общества. 50-ти лет от роду, с твердо установившимися правилами морали и порядочности не мог быть прикосновенен к пиратским подвигам некоторых из своих приверженцев; и я никогда не вздумал бы заводить речь об этом обстоятельстве, если бы тон рассказа Сажина и отсутствие всяких оговорок не давали повода некоторым наивным читателям вообразить себе, будто бы эти вещи могли совершаться с ведома и попустительства Лаврова (к слову сказать, владельца обширной библиотеки, которую он всегда охотно предоставлял в пользование всякого желающего). Но так как такое предположение насчет Лаврова оказалось, по-видимому, возможным и так как одна мысль о нем приводила в сильное негодование и крепко огорчала его еще и поныне здравствующую дочь М.П. Негрескул, то я счел небесполезным коснуться здесь и этого пункта.

8. Из моей тесной, многолетней близости с Лавровым я вынес о нем понятие как о человеке железной воли, твердого непреклонного характера, упорного до упрямства в своих взглядах, неуклонного в своих замыслах, любезного и уступчивого только с виду, в мелочах, но ни на минуту не забывавшего своей главной цели и настойчиво пробивавшегося к ней через все препятствия, скрытного с посторонними и не откровенного беззаветно даже с друзьями, медленно, обдуманно принимавшего свои решения и затем уже не отступавшего от них ни на шаг, и при этом — неутомимого работника, умевшего заставить себя трудиться с успехом даже в несвойственной ему области. «Мягкого» в этом человеке была только его светская внешность, благовоспитанные манеры да старомодная «любезность».

На Сажина он производил, очевидно, другое впечатление. Это был, по его словам, «человек чисто отвлеченной мысли» (142), «книжник, интересовавшийся гораздо больше абстракциями, чем живой действительностью» (143), притом человек «эластической мысли» (139), «бесформенных общественных воззрений» (139), «неопределенных, неустойчивых общественных взглядов» (139),

«совершенно беспомощный в практических и жизненных вопросах» (142), а потому «лишенный самостоятельности, как в поступках своей частной и личной жизни, так и при решении практических задач тогдашней общественности» (145), поэтому он «легко поддавался влиянию других лиц» (145), быстро соглашался с ними» (145), «чем и объясняется ряд противоречий в его поступках» (145) и то, что он «легко изменял принятые решения» (145). Его жизненная непрактичность доходила до того, что «*бедный* Петр Лаврович и не подозревал, что он наделал своими «Историческими письмами» и какими глазами смотрят на него в России молодежь и правительство». Неудивительно поэтому, что Сажин «с товарищами» могли относиться к программам такого человека только «иронически» и «просматривали» их «только поверхностно», что, впрочем, отнюдь не стесняло строгости их суждений об этих программах.

Оспаривать чужие *впечатления* и построенные на них суждения, понятно, мудрено. Но вот что хотел бы спросить беспристрастного читателя: не странно ли что человек такого ума и характера, каким является Лавров в воспоминаниях Сажина, так долго стоял во главе движения, называвшегося по его имени; что он целые годы издавал журнал, а потом газету, выходившую с аккуратностью пыпинского «Вестника Европы»? Что его приверженцы в России были настолько сильны авторитетом его имени, чтобы собирать из мелких крох многочисленных сочувственников достаточные средства для поддержки этих изданий, для их транспортировки через границу и для распространения их на родине? А когда он вынужден был отойти от этого дела, то созданная под его эгидою храмина быстро рассыпалась мелкою пылью?

Кстати, обстоятельства того времени очень походили на нынешние. Шла война, и тоже «освободительная». Рядовые «впередовцы» («лавристы» — тож) находили, что ввиду живого военного одушевления и сравнительного равнодушия публики ко всему другому следует приостановить на время партийные издания. Напрасно Лавров горячо уговаривал их не делать этого, говоря, что военные успехи и неудачи не исчерпывают еще всех интересов страны; что, освобождая другие народы, не худо помнить и о собственном отечестве; что нужно думать не только о войне, но и о будущем, послевоенном времени, что не следует опускать старого, заслуженного знамени и покидать хорошо налаженное дело, что надо постараться «перештурмовать» как-нибудь трудное время, так как продолжать легче, чем начинать или возобновлять упадшее сызнова… Все было напрасно… Приостановка издательства была решена. *И Лавров резко разорвал с бывшими товарищами*, с гневом и отчаянием в душе.

Кончилась война. Но «Вперед» не восстал из мертвых. И самое имя «впередовцев»-alias «лавристов» изгладилось мало-помалу из памяти людей… Мне скажут, может быть, что «Вперед» был создан и поддерживался молодыми энергичными и практичными сотрудниками Лаврова, вроде Смирнова, игравшего при Лаврове приблизительно ту же роль, что Росси при Бакунине. Но где эти люди? Что сталось с ними без Лаврова? Покойный Смирнов был умный, дельный, неутомимый, энергический помощник. Покойная *Идельсон* тоже была ценная сила, так же как и покойный *Подолинский*. Но почему же, разорвав с Лавровым, они отошли от общественных дел и погрузились в полную неизвестность, оставаясь, однако, все время хорошими, честными, просвещенными, передовыми людьми? Почему *все* умные, энергические, дельные сотрудники Лаврова внутри России, в том числе и здравствующий поныне автор пресловутой «*Хитрой механики*», тоже потонули, после разрыва с Лавровым, в полной неизвестности?

Все они тоже остались хорошими, честными, деятельными людьми — по крайней мере те пять или шесть главных «лавристов», о которых я имею сведения, но все они успокоились на лоне обывательщины: служат в банках, в страховых обществах, в госпиталях и т. п., иные работают в таких почетных учреждениях, как Вольное экономическое общество и новейшие кооперативы, но все они давно покинули ряды передовых застрельщиков, давно перестали быть членами «воинствующей церкви» и не принадлежат к «действующей армии» друзей и приверженцев нового строя.

А Лавров остался на бреши, в ожидании нового поднятия революционной волны. И когда «Народная Воля», расстроенная и потрясенная, вследствие сцепления множества причин и, между прочим, центральных предательств, сочла нужным реорганизовать свои силы за границей вокруг солидного журнала, она обратилась за помощью к старому ветерану Лаврову, и он немедленно отозвался на призыв и усердно и успешно поддерживал новое издание, новую *действенную* партию, новое знамя, пока они не пали под ударами таких факторов, с которыми нельзя было бороться из-за границы.

А Лавров снова остался стоять на страже революционных заветов в ожидании подхода новых, молодых сил… И так стоял он, как могучий кряжистый дуб, «светоч, возженный на верху горы», до самой своей смерти, окруженный почтением и симпатиями русских и иностранных социалистов, шедших к нему за участием, советом и посильной помощью, никогда не встречавших отказа в этом со стороны этого несокрушимого человека долга и идеала… Спрашиваю опять: не странно ли это для человека такого ума и характера, каким является Лавров у Сажина? По-моему, очень странно. Но, конечно, возможно и то, что Сажин просто ошибся в своей оценке личности и деятельности Лаврова.

Ê èñòîðèè «Âïåðåä»[111]

Письмо в редакцию.

В своей статейке о Л.С. Гинсбург («Речь», № 348) *Д. Рихтер* говорит: «Лавров в конце концов отказался от редактирования журнала». Это неверно. Д. Рихтеру изменяет память. Лавров никогда не отказывался от редактирования газеты и журнала «Вперед»; это издававший их русский кружок решил приостановить свое издательство по случаю войны. Лавров горячо отговаривал членов кружка от этого решения и умолял их не опускать старого знамени и не прекращать хорошо налаженного дела, но тщетно. И вот это-то именно обстоятельство и повело к его разрыву с прежними сотрудниками и к полному прекращению всяких сношений со всеми ими, за исключением Р.Х. Идельсон, с которой он продолжал видеться от времени до времени и позже в силу чисто личных отношений.

Ïåðâûå äíè ðåâîëþöèè

Из дневника[112].

Пятница, 24 февраля, 1917 г. Чужой дом. Убийственное перо. Заводы, фабрики, мастерские бастуют. Трамваи остановились. Невский запружен толпами народа. День солнечный. Похоже на гулянье. Но вдоль обоих тротуаров полиция конная и пешая, жандармы и войска. Полиция жмурится, но не задирает. Войска же, особенно казаки, выше похвал: корректны, доброжелательны, улыбчивы, ласковы. Власти знают, что армия ненадежна и не будет стрелять в голодных. Казаки ласково просят: «Идите каждый своей дорогой, куда кому нужно, а главное — двигайтесь, а не стойте». Стоим. Офицер выезжает на панель с казаками, чтобы рассеять и сдвинуть с места скопище, но делают это шажком, осторожно, уговаривая словесно. Я сам стою в давке, спокойно опершись на круп казачьей лошади, да еще офицерской. Народ, видя доброжелательство войск, кричит им «ура», «спасибо». Вечером голодные беспорядки: разгромили и разграбили Филиппова и некоторые другие булочные.

25, суббота. Дела смотрят посерьезнее. Кое-где прокламации, призывающие «товарищей» (рабочих и учащуюся молодежь) на митинг к Казанскому собору и подписанные «Временное правительство». В толпах больше сознательности: покушающихся громить лавки и грабить останавливает и стыдит сама толпа. Еще с большим негодованием встречаются и останавливаются попытки разбросать петарды на пути конных войск. Однако правительству надоела эта идиллия, и оно пригласило через полицию учебные заведения, банки и другие учреждения не выпускать своих людей на улицу, где будут приниматься сегодня против скопищ самые крайние меры, вплоть до стрельбы.

Однако часов до 5 Невский запружен народом. Много студентов. Видны красные флаги с надписями: «Долой самодержавие», «Требуем объединенного ответственного министерства» и т.п. Войска по-прежнему миролюбивы и дружественны, но полиция озлоблена и нахмурена.

Происходит ряд вооруженных столкновений с пролитием крови:

1. Рабочие выступают en masse из патронного завода (на Васильевском острове), чтобы направиться куда им надо. Полиция и казачий отряд препятствуют их выходу. Те напирают. Офицер велит стрелять (говорят, трижды). Казаки не повинуются. Тогда он сам стреляет из револьвера и убивает слесаря. Толпа с ревом бросается на него. Он спасается на заводе и прячется. Последнее, что я слышал о нем вчера вечером, это то, что толпа его ищет и караулит его появление, чтобы убить его. Позже, говорят, нашли и убили.

2. В 5 часов вечера, видя толпу, наступающую от Знаменья к Казанскому собору, стоявшая против Думы поперек Невского учебная команда 9-го кавалерийского полка опускается на одно колено и, без команды и без предостерегающего сигнала трубою, открывает огонь. Мой приятель, случайно бывший тут, насчитал 8 трупов и до 20 раненых. Некоторые уверяют, будто это были вовсе не солдаты (на коих мало надежды), а переодетые городовые.

3. На Знаменской площади было много митингов и речей. Вышло там вооруженное столкновение казаков с полицией. Полицейский офицер, начальник взвода конной полиции, видя неповиновение казака приказу стрелять, а может быть, услыша вдобавок и дерзкий ответ, направил на него револьвер. Но казаки бросились на выручку товарища, причем один из них раскроил ему шашкой голову, после чего тот упал, а толпа затоптала его.

4. На Выборгской рота Преображенского полка, охранявшая Литейный мост, оказалась ненадежной. Ее отвели. Полиция стала действовать по-своему, но толпа убила полицеймейстера Шалфеева, какого-то частного пристава, одного околоточного и 2 городовых.

5. Рассказывали отдельные случаи зарубленных или затопленных женщин и т.п., которые все не перечислишь.

Но рядом с этим передавали немало случаев, когда казаки становились между народом и полицией, мешая последней стрелять и пр. Это всего характернее для сегодняшнего движения. Говорят, Родзянко поехал в Царское Село уговаривать царя согласиться на объединенное министерство, пользующееся общественным доверием. Говорят, что завтра будет перемирие, а в понедельник война возобновится. Посмотрим.

26, воскресенье. Многие думали, что благодаря вчерашней стрельбе народ не потерпит перемирия. Однако мы гуляли сегодня по Невскому: ни скопления народа и публики, ни солдат, ни казаков, одним словом, ничего особенного. Сейчас 3 часа и тоже ничего.

Рано немножко я сказал «ничего». В 4 часа меня уже не пустили с Морской на Невский. Заставили идти на Васильевский обходным путем. Мосты и перекрестки заняты солдатами. По улицам скачет кавалерия. Уверяют, что где-то уже стреляли. При громадности здешних расстояний и отсутствии трамваев трудно попасть всюду или даже только в главные пункты. Брожу повсюду. Но почти ничего не вижу и расспрашиваю соседей о том, что находится или делается в 5 шагах от меня. Так же плохо слышу окрики и указания конных и пеших урядников и еще хуже понимаю их. Нехорошо.

Вчера вышли только «Речь» и «Новое время», а сегодня они не вышли. Сидим без газет.

За обедом (поздним) прибегают вестники, идет стрельба у Казанского собора, у Аничкова дворца, у Литейной, особенно на Знаменской площади. Стреляют из пулеметов, поставленных на крышах и в окнах домов. Мне телефонируют из Обуховской больницы, что подвозят раненых городовых и рабочих, а с Лиговки сообщают, что там идет горячий бой около вокзала. О, Господи, если бы было объединение, общий план, один управляющий центр, которому можно было бы подать добрый совет. Ведь если бы массы пошли на Царское Село, то, при общей ненависти к царице, можно смело сказать, что войска не оказали бы сопротивления. Правда, там приняты меры; окрестности дворца минированы, заложены фугасы, собраны испытанные, особо верные и преданные воинские части. Но один нижний чин из этих «верноподданных» говорил, что они «постреляли бы вверх, только для виду».

Я ошибся, говоря, что Родзянко ездил к царю. Тот был в ставке. Он ездил к царице уговаривать ее повлиять на царя ввиду критического положения дел и отчаяния народа. С ней говорят обычно по-французски, но она завершила свой ответ такой фразой:

«Скажу вам на вашем грубом русском языке: «Мне наплевать на отчаянье народа», — и пр.

«Ну, это что-то совсем не по-придворному», — возражает собеседник.

«Разве вы не знаете, что Распутин научил ее даже всякой похабщине и она отлично справляется с этим словарем».

Вечером узнал, что взбунтовался Павловский полк, убил командира и пошел (частью) на соединение с манифестантами. По дороге встретился с отрядом конной полиции и открыл по нему огонь. Командовавший бунтовщиками офицер от потрясения впал в быстрое помешательство и сбежал, а солдаты вернулись в казармы к невооруженным и невыступившим товарищам. Сейчас эти казармы, по слухам, осаждаются преображенцами, тоже не очень надежными. На Знаменской отличаются пресловутые семеновцы.

Какой-то крупный военачальник послал Родзянке письменное заявление, что войско будет с Думой. О, если бы Дума поняла свою силу, если бы она не повторила ошибки 1905 года и поспешила арестовать всех глав реакции, вреде Протопопова, Штюрмера, Щегловитова, Фредерикса и других, якобы для предания их суду за государственную измену, а также подлую мелочь, вроде Дубровина, Орлова и прочих, и потребовала смещения всех командиров с немецкими именами и симпатиями. Но боюсь, что они опять проворонят дело из любви к политиканству и из страха перед вмешательством в политику народных масс.

То место речи Керенского, которого добивается князь Голицын для предания суду по 102 статье, вкратце таково: «Что мы гремим против Протопопова и правительства? Ведь министры только послушные слуги главы государства, и не довольно ли слов? Все хорошие и сильные слова давно уже сказаны. Пора перейти к физическому воздействию, памятуя именами Брута и иных устранителей тиранов». А на последнем заседании Думы Родичев восклицал: «Наступил 12-й час. Не пропустим же его» и пр.

Протопопов говорит своим клевретам: «Россия — это глыба драгоценного мрамора, из коего можно высечь дивную статую. Но едва начнут обсекать углы, как глупцы кричат, что портят мрамор. Но я сумею создать великую, чудную Россию». А жена Протопопова говорит в своем кругу: «Как это думцы, по-видимому, умные люди, не понимают, что А.Д. невменяем, что это ненормальный, больной человек? Неужели они поверят этому лишь тогда, когда он явится в Государственный Совет без порток и проделает публично одну из своих эротических выходок»?

Уверяют, что великий князь Дмитрий Павлович уже живет в Подмосковной[113]. Есть немало и других сплетен. Но что значат они с сегодняшними знаменательными фактами…

Газет сегодня никаких, даже правых. Левые забастовали добровольно, а в «Новом времени» и «Правительственном вестнике» народ разбил типографии. Пока все тихо, но ведь все эти дни рабочие выступали лишь пообедавши, то есть после двух часов. Иду на разведки.

28, вторник. Чтобы описать все виденное, пережитое и перечувствованное мною в этот навеки незабвенный для меня день, самый счастливейший день моей жизни, — понадобились бы целые томы. Конечно, я весь день и вечер провел в толпе восставших рабочих и передавшихся на их сторону солдат, присутствуя при их подвигах и поражениях. Ах, что бы я дал вчера, чтобы бродить под руку с какой-нибудь зрячей спутницей! Мои глаза ведь теперь очень плохи. Попадал, конечно, не раз под обстрел из винтовок и пулеметов, оставаясь стоять даже тогда, когда мои случайные товарищи временно разбегались, ибо быть сраженным пулею в такой торжественный день на склоне жизни я счел бы за счастье…

К ночи очутился в Думе, где шли заседания думского совета (Временного правительства) и Совета рабочих депутатов.

Излагать фактов и моей критики не в силах, да и спать хочу до смерти, ибо всю ночь провел там. Завтра пошлю те печатные произведения, которые вышли в эту ночь. Сейчас отнесу эти строки на почту на авось.

Ï îáëàæêè äèíàñòàì

Письмо военному министру А.И. Гучкову.[114]

Гражданин военный министр

Вплоть до появления отречения, Временное правительство, по известным только ему соображениям, все время держало народ в полной неизвестности касательно местопребывания царской семьи, ее свободного или несвободного состояния и другого, что породило немало тревог в умах граждан.

А сегодня эти тревоги возросли еще более вследствие сообщения об отъезде бывшего царя в ставку. К чему это допущено? Почему не предложено царской семье отбыть за границу или в один из крымских дворцов? Зачем допускать возможность трогательного прощания с войсками, с невольно вызываемыми при этом чувствами умиления, сострадания и прочего?

А что если появится вдруг манифест такого рода: «Побуждаемый *неотступными мольбами* нашей героической армии, я чувствую себя вынужденным поднять снова бремя правления, в полном согласии с народными представителями, а посему беру назад свое отречение» и прочее.

Кому этот сюрприз придется по вкусу, кроме разве неисправимых доктринеров парламентарной монархии? Но и помимо этой опасности, чего ради вызывать ненужный взрыв сентиментальных чувств, и без того достаточно вызываемых трогательной редакцией отречения?

Затем: для чего общее командование всеми армиями передано в руки великого князя Николая Николаевича? Не достаточно ли было бы оставить великого князя на его нынешнем посту под прекрасным предлогом крайней отдаленности азиатского и театров войны? Что же касается до согласования действий этих двух фронтов, то оно отлично могло бы достигаться тем же путем взаимного осведомления и соглашений, каким оно достигается по отношению к армиям наших союзников. Пользы от принятой меры не предвидится никакой, а вреда она может принести немало по многим не перечисляемым здесь причинам.

Вот те тревожные мысли, волнующие умы многих верных и преданных сынов нашей родины, которые я считаю долгом высказать вам, гражданин министр, в самой краткой форме, чтобы не отнимать более, чем нужно, вашего драгоценного времени.

Герман Лопатин.

3 марта 1917 года. Дом Писателей[115].

Копия этого письма была препровождена автором одновременно в Совет рабочих и солдатских депутатов, и оно также было прочитано на заседании Василеостровского районного комитета партии социалистов-революционеров. На этом заседании Г.А. Лопатин заявил, между прочим:

«Царь и в особенности царица до такой степени уронили себя в глазах народа и общества, что перестали быть опасными: никакая принятая против них мера никого не взволнует. К остальным членам царствовавшего дома народ и общество тоже если не резко враждебны, то равнодушны, ничего не зная о них, кроме появляющихся от времени до времени слухов о крупных кабацких скандалах.

Но Николай Николаевич — иное дело. Нельзя отрицать, что он пользуется, хотя и неосновательно, немалою популярностью и в армии, и в народе, и даже в средних, мало осведомленных кругах общества. Все совершившиеся во время его командования «победы и одоления» приписываются его воинским талантам, хотя в действительности достигнуты они вовсе не благодаря ему, а скорее несмотря на его часто неудачное вмешательство.

Странно сказать, но даже его общеизвестная грубость и несдержанность, вплоть до площадных ругательств, «рукоприкладства», своеручного срывания погонов с офицеров и генералов, — не только не вредили, а скорее шли ему на пользу в глазах солдат, которые, не гонясь в простоте души за формами, видели в этих выходках строгое, но беспристрастное применение взысканий к служащим всех рангов, невзирая ни на какие чины. Но всего более возвысило его в глазах армии, народа и общества удаление его от верховного командования, приписанное его неустанной борьбе с «немкой» и ее немецкими ставленниками-предателями и изменниками России — за более энергическое ведение войны.

И вот, этот единственно-популярный династ стоит во главе большой, боевой, обстрелянной армии, на которую он может опереться в крайнем случае, хотя бы, например, в случае низложения династии и изгнания на веки вечные из пределов России всех членов царствовавшего дома. Так не безумие ли еще более увеличивать силу этого человека — возможного главы контрреволюции, — сосредоточивая в его руках верховное командование всеми армиями[116]?

С. Ш[трай]х

IV. Ñòèõîòâîðåíèÿ

Íà Íîâûé ãîä[117]

Пусть будет легок этот год
Тому, кто, распростясь с мечтою,
Давно уж ничего не ждет
И не лукавит сам с собою,

Кто день и ночь, простершись ниц,
Лишь в прошлом мыслию витает
И от немых его страниц
Потухших глаз не открывает,

Кто в нем с печалью видит ряд
Чужих грехов, своих ошибок,
Толпы суждений наугад,
Ее проклятий и улыбок,

Кто жизни прежние судьбы
То так, то этак изменяет
В своем уме, и ход борьбы
Стезею новой направляет;

Затем, прогнав мечту от глаз
И вновь отдавшись новой муке,
С тоскою новой каждый раз
Бессильные ломает руки…

Так пусть скорее для него
Влачится тягостное время,
Пусть легче давит грудь его
Бесплодной, праздной жизни бремя:

Пусть равнодушней он несет
Судьбы безжалостной причуды,
Врагов неумолимый гнет,
Друзей со скуки пересуды…

Пусть чаще освежает сон
Его усталые зеницы,
Пусть легче, глубже дышит он
Под сводом каменной гробницы…

1 января 1900 года

Ñòó÷àùèå äóõè[118]

Таинственно шепчут спириты
На темных сеансах своих,
Что духи стучащие скрыты
В стенах, окружающих их.

Но дерзкая публика шумно
Хохочет и громко кричит,
Что это смешно и безумно,
Что дух не визжит, не стучит.

О, если б из всуе—мудрящих
Один был сюда приведен,
Как скоро бы в духов стучащих
Уверовал твердо здесь он!

1887

Ñóãóáàÿ ëèòîãðàôèÿ[119]

Да, нужен ум не слишком грубый,
Чтоб догадаться без труда,
Что называем иногда
Мы литографией сугубой.

Îðåøåê[120]

Гражданской вольности сыны,
Служа ей твердо, без измены,
В защиту прав родной страны
Воздвигли встарь здесь эти стены.

Но новгородский тот орех,
Взращенный здесь назло врагам,
И больно крепкий, как на грех,
Раскусывать досталось нам…

Оплот свободы в час недоли
Погреб друзей «народной воли»,
В твердыне вольности — рабы…
О ты, ирония судьбы!

1887

Ñòàíñû

Сквозь тюремную решетку
Вольный месяц глянул,
В бездну вечности день целый
Не прожитый канул…

Сквозь тюремную решетку
Смотрит месяц вольный,
Душу давит гнет свинцовый,
Тяжело и больно…

Сквозь тюремную решетку
Вольный месяц светит,
На призывы сердца лаской
Кто мне здесь ответит.

Сквозь тюремную решетку
Блещет месяц вольный,
И к очам упрямым слезы
Крадутся невольно.

07.87

Íà èìåíèíû Âåðû Îèãíåð

Пусть ты под сводами могилы этой адской
Погребена,
Но ты и здесь любовью нашей братской
Окружена.

Пусть тяжело подчас суровой жизни бремя
Нести одной,
Но знай, что мыслями и чувством в это время
Мы все с тобой.

Пусть, волей злой судьбы, родных, друзей и света
Ты лишена,
Но все же в этот день ты здесь не без привета
И не одна.

17. IX. 87.

Íà 13 ÿíâàðÿ âñÿêîãî ãîäà[121]

Как много лет уж позади.
Как мало их уж впереди.
Как тускло, трепетно горит
Лампада жизни, чуть мигая,

В унылом склепе. Как чадит
Ее светильник, догорая.
Какой тоскливой чередой
За скучным днем ползет другой,

За годом новый год влачится,
Как кровь, что медленной струей
Весь день из раны роковой
Сквозь бинт без удержу сочится.

13.I.89

Íà ñìåðòü Àðîí÷èêà[122]

Он долго жил меж нами. Мы
Его движений не слыхали.
Ему раскрылась дверь тюрьмы:
Мы в гроб его не провожали.

О самом имени его
Мы по догадкам лишь судили.
Нам не поведав ничего,
Так и сокрылся он в могиле.

Беззвучно прожил он меж нас,
Затем исчез навек бесследно,
Чтоб вспоминаться нам подчас
Лишь как какой-то призрак бледный.

1.IV.88

Horae

Vulnerant omnes,
ultima necat.

Опять часов унылый звон
Из церкви к нам, дрожа, несется.
Опять в груди усталой он
Колючей болью отдается.

Напоминая каждый раз
О том, как время жизнь уносит,
Как каждый проходящий час
Нам рану новую приносит,
Пока последний час пробьет
И окончательно добьет..

4.IX.89.

Dies Natalis[123]

И для меня певали соловьи,
И для меня цвели и рдели розы,
И мне шептали встарь слова любви
С улыбкой детскою сквозь слезы.

И для меня полночная луна
Поля и лес роскошно серебрила,
И мне не раз прибрежная волна
Свои секреты говорила.

И на моей груди в ночной тиши
Девичье сердце робко трепетало,
И я благословлял от всей души
Беззвездной ночи покрывало.

И у меня весной в тени лесов
Кружилась голова и меркли взоры,
Когда отвсюду птичьих голосов
Немолчные гремели хоры.

И я в те дни порой едва дышал,
Чтоб не спугнуть стыдливой женской ласки,
И поцелуями без счета осушал
От счастья плачущие глазки.

И мой тернистый путь, в степной глуши,
Где все кругом безжизненно молчало,
Дитя любви, дитя моей души
Улыбкой нежной освещало.

Бывало и со мной, что в ранние часы
Внезапной бурей ласк от сна меня будили,
И мне, смеясь, кудрявые усы
Ручонкой дерзкой теребили.

И предо мной вздымались выси гор,
И надо мной синел шатер небесный,
И мне слепил глаза морской простор
И волн лазурных блеск чудесный.

И мне в лицо пленительно дышал
Живительный и сладкий воздух воли,
И я ведь не всегда с гримасою жевал
Сухой и горький хлеб неволи.

Да, да, и мне капризная судьба
Свои улыбки посылала,
И мне она порой, как верная раба,
Восторгов чашу подавала.

Но чаша та уж выпита до дна.
Тем старым дням уже не возвратиться:
Сам вижу я, как ясно седина
В усах местами серебрится…

Так диво ли, что хмурится чело
При мысли о минувшей доле,
О том, что было и прошло,
Чего уж мне не видеть боле.

13 января 1890 года

Íà ïîçäðàâëåíèå ñ Íîâûì ãîäîì[124]

Пусть славит год грядущий тот,
Кто чает в нем себе отрады
И от судьбы бездушной ждет
За подвиг доблестный награды,

Кто вновь надеется пожить,
По всем усопшим справить тризны
И жертвы новые сложить
На алтаре святой отчизны.

А я свой дар уже принес,
Мне новой не видать денницы
И не восстать из-под колес
Джагернаутской колесницы.

1 января 1889 г.

Íà Íîâûé ãîä[125]

Пусть будет легок этот год
Тому, кто, распростясь с мечтою,
Давно уж ничего не ждет
И не лукавит сам с собою,

Кто день и ночь, простершись ниц,
Лишь в прошлом мыслию витает
И от немых его страниц
Потухших глаз не отрывает,

Кто в нем с печалью видит ряд
Чужих грехов, своих ошибок,
Толпы суждений наугад,
Ее проклятий и улыбок,

Кто жизни прежние судьбы
То так, то этак изменяет
В своем уме, и ход борьбы
Стезею новой направляет;

Затем, прогнав мечту от глаз
И вновь отдавшись новой муке,
С тоскою новой каждый раз
Бессильные ломает руки…

Так пусть скорее для него
Влачится тягостное время,
Пусть легче давит грудь его
Бесплодной, праздной жизни бремя;

Пусть равнодушней он несет
Судьбы безжалостной причуды,
Врагов неумолимый гнет,
Друзей со скуки пересуды…

Пусть чаще освежает сон
Его усталые зеницы,
Пусть легче, глубже дышит он
Под сводом каменной гробницы…

1 января 1900 года

Íà ïîçäðàâëåíèå ñ Íîâûì ãîäîì[126]

С Новым Годом, милый Аш[127],
Если только в возраст наш
Стоит славить каждый год,
Быстрый времени полет.

1 января 1900 года

Âåñåííèå ìóêè

За стенкой высокой буря завывает.
На просторе вольном озеро бушует,
Громко плещет в камни буйною волною,
В небе мчатся тучки, манят в даль с собою…

Ах, порхнуть бы через стену легкой пташкой;
Ах, нырнуть бы через реку бойкой рыбкой;
Ах, мелькнуть бы меж кустами резвым зайцем;
Ах, исчезнуть бы из виду сизой дымкой;

Распрощаться бы навеки с тесной клеткой,
С ледяною атмосферой безучастья;
И припасть бы вновь с сыновней лаской
К теплой груди матери-природы.

Я к земле сырой приник бы жарким ликом,
Я б лежал ничком с простертыми руками.
Я б лобзал траву горячими устами,
Надрывался бы от страстных я рыданий.

1 мая 1900 года

Ïîñëàíèå

По поводу перевода в другую камеру
Людмилы Волькенштейн

Скажи, зачем, буянка Мила,
Стекло в окне ты раздавила?
Зачем на общую беду
Ты вдруг покинула «орду»?

Скажи, надолго ли ты скрылась,
В углу сироткой притаилась,
И, чтоб свести с ума всех нас,
В покров безмолвья облеклась?

Ах, Мила! Ты еще не знаешь,
Как много ты сама теряешь
Тем, что сбежала ты от нас
Как раз в тот многодумный час,

Когда, прижавши пальцем нос,
Решаем важный мы вопрос:
«Коль беспристрастно посмотреть,
Что лучше: жить иль умереть?»

……
……
……
……[128]

Но если скучен с прежних пор
Тебе наш философский спор,
То сердцем женским в добрый час
Попробуй, пожалей ты нас!

Скажи же: долго ль нам страдать
И терпеливо ожидать,
Чтобы вернулась на житье
Ты в царство старое свое?

Ñòàíñû

Последние жизни остатки
Горят, будто хворост в печи.
Куда как дни эти не сладки
Безумное сердце, молчи…

Чадят эти дни, словно вспышки
Готовой потухнуть свечи
И нет ни на миг передышки…
Безумное сердце, молчи…

Ì åëî÷è è øóòêè[129]

На 8 ноября[130]

Не странно ли, что много лет назад
Какая-то таинственная сила
Так остроумно, так впопад
Из нас столь многих окрестила
В честь райского жандарма Михаила.

Â êëóáå

В клубе страшный кавардак.
Всюду слышишь: лак да лак!
И сам черт едва ли скажет,
Кто кого тем лаком мажет.

Äâà Äóðíîâî[131]

От нового министра
И новые законы
Последовали быстро:
Нам выдвинули троны
Для пущего веселья
На середину кельи.

Конечно, с…ь публично
Как будто и неловко,
Но поняла отлично
Разумная головка,
Что нужно дать по нраву
И сторожам забаву.

За что нам тут приняться?
Смеяться ли притворно
Иль матерно ругаться
Или молить покорно
Вершителей всего —
Обоих Дурново?

Áèáëèîãðàôèÿ î Ã.À. Ëîïàòèíå

Н.Я. Аристов. Аф. Пр. Щапов. СПб., 1883, с. 110 (Отзыв Щапова о Лопатине).

П.Л. Лавров. И.С. Тургенев и развитие русского общества. — «Вестник Народной Воли», 1884, № 2, с. 147. (Отношения Тургенева к Лопатину).

Хроника революционной борьбы — «Народная Воля», № 11—12 (1885). —Перепечатано в книге «Литература партии «Народной Воли». Третье приложение к сборнику «Государственные преступления в России», изд. под ред. Б. Базилевского (Богучарского), Париж, 1905, с. 816. (Об аресте и готовящемся процессе Г. Лопатина).

М.Н. Хроника революционной борьбы — «Вестник Народной Воли». Революционное, социально-политическое обозрение, № 4. Женева, 1885, с. 222. (Об аресте Г.А. Лопатина).

Обзор (IX) важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях Империи за время с 1 июля 1884 года по 1 янв. 1885 года по делам о государственных преступлениях, с. 3—55. (Попытки к восстановлению «народовольческой» организации в Харькове, Одессе, С.-Петербурге и других городах; на с. 17—20 биография Г. Лопатина до 1884 года; с. 23 сл. — характеристика деятельности Г. Лопатина, выразившаяся: 1) в приготовлениях к террористическим предприятиям, 2) в получении революционных изданий из-за границы, 3) в устройстве типографий и выпуске № 10 «Народной Воли», 4) в сношениях с русскими революционерами, находящимися за границей, 5) в устройстве сношений с революционными группами и установлении связей с различными личностями. В приложении к обзору напечатаны рукописи, захваченные у Лопатина при аресте: 1) Общие начала организации (с. 89—91), 2) Устав местной великороссийской Центральной группы (с. 93—96), 3) Программа организации молодой партии «Народная Воля», писанная рукою П.Ф. Якубовича (с. 97—100), 4) Устав московской рабочей группы партии «Народной Воли» (с. 101—103) и 5) Список адресов и заметок, найденных в бумагах Германа Лопатина и Неониллы Саловой (с. 105—127). В том же обзоре даны сведения о деятельности и аресте Неониллы Саловой, П. Якубовича и других сопроцессников Лопатина.

Обзор (X) важнейших дознаний, производимых в жандармских управлениях по делам о государственных преступлениях с 1янв. 1885 г. по 1 янв. 1886 г., с. 37—39. (Об участии Г. Лопатина в убийстве Судейкина); с. 39—62. (Об аресте и розысках лиц по списку, найденному у Г.А. Лопатина).

Обзор (XI) важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях по делам о государственных преступлениях с 1 января 1886 г. по 1 января 1887 г., с. 1 сл. (Об арестах Серг. Иванова. Б. Оржиха, Ан. Карпенко, П. Хмелевцева, И. Кожина, Ф. Крылова (Воскресенского), Н. Богораза и розысках З. Когана, З. Васильева, Раисы Кранцфельд, Л. Ясевича, Абр. Баха).

Обзор (XII) важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях по делам о государственных преступлениях с 1 янв. 1887 г. по 1 янв. 1888 г., с. 162—163 (Приговор по делу Лопатина).

(Кн. Н.Н. Голицин). История социально-революционного движения в России. 1861—1881. Глава десятая. СПб. 1887 (печат. в количестве пятидесяти экземпляров). «Русская эмиграция в

Швейцарии в 1870—74 г.», с. 7—8,68, 77, 102, 116—119. (Биографические данные и сведения о революционной деятельности Г.А. Лопатина с 1866 г. по 1881 г.).

Процесс 21-го. С приложением биографической заметки о Г.А. Лопатине (составленной П.Л. Лавровым). Издание кружка народовольцев. Женева, 1888, с. I —XXXIV, биографический очерк Г.А. Лопатина с его характеристикой, написанный П.Л. Лавровым в мае 1888 г. — перепеч. в кн. П.Л. Лаврова «Герман Алекс. Лопатин», Петр., 1919, — с. 1—49 процесс; с. 43—46 обвинительный акт.

Вл. Бурцев. Из моих воспоминаний — «Свободная Россия», № 1—февр. 1889 г., с. 48—56. (О расколе в партии «Нар. Воля» в 1883—1884 гг. («старые народовольцы» и «аграрники», и о деятельности Г.А. Лопатина в это время).

P. Lawrow. H. Lopatin «Neue Zeit» 1899, с. 298.

Письма К.Д. Кавелина и И.С. Тургенева к А.И. Герцену. Женева, 1892, с. 214, 220, 224. (Из воспоминаний М. Драгомарова о И.С. Тургеневе — об отношениях Тургенева к Г.А. Лопатину).

П. Лавров. Народники-пропагандисты 1873—77 годов. — «Материалы для истории русского социально-революционного движения». С приложением «С родины на родину» № 5. Издание группы старых народовольцев, Женева, 1895 (Об отношении группы к заграничным революционным группам). — СПб., 1907.

За сто лет (1800-1896). Сборник по истории политических и общественных движений в России, составил Вл. Бурцев. Лондон, 1897, ч. II, с. 76, 80,84 98, 117, 120, 129, 130. (Хронологические даты к биографии Лопатина).

Лафарг. Карл Маркс по личным воспоминаниям — «Нов. Слово» 1897, № 11 (август).

П.П. Суворов. Записки о прошлом, ч. I. М. 1898, с. 145—186 (О ген.-губ. Н.П. Синельникове); с. 149—150 (О побеге Г.А. Лопатина из Иркутска); с. 187—188 (О попытке освобождения Н.Г. Чернышевского).

А. Тун. История революционного движения в России. Перевод с немецкого под редакцией с примечаниями Л.Э. Шишко. 1904 и сл. изд., с. 307—348. Дополнительная глава. Последний период «Народной Воли» (1881—1887), с. 318. (Участие Лопатина в убийстве Судейкина); с. 333—341. (Биография Лопатина и работа его по восстановлению «Народной Воли»).

Н.К. Михайловский. Последние сочинения, т. II, с 190—191. СПб. 1905. (Статья «Материалы для биографии Г.И. Успенского: об отношении Г. Успенского к Г.А. Лопатину»).

Энциклопедический словарь. Изд. т-ва Гранат, т. XXVII (биография Г.А. Лопатина).

(В.В. Водовозов). Биографическая заметка о Г.А. Лопатине в «Энциклопедическом словаре». Изд. Брокгауза и Ефрона. Третий дополнительный полутом. СПб., 1906. (Написана по автобиографии Г.А. Лопатина).

М. Драгоманов. Воспоминания о знакомстве с И.С. Тургеневым, Казань, 1906, с. 2, 8, 12. (Об отношениях Тургенева к Г.А. Лопатину — перепеч из книги «Письма Кавелина и И. С.Тургенева к А.И. Герцену», Женева, 1892.

Хроника социалистического движения в России. 1878–1887. Официальный отчет. М., 1906, с. 229. (О сношениях Лопатина с Ад. Бяловеским); с. 257–266. (О деятельности Лопатина по восстановлению «Народной Воли»); с. 275 (Об отношениях Лаврова и Тихомирова к Лопатину); с. 278–285 (Ликвидация кружков, организованных Лопатиным); с. 296—297. (Об аресте Серг. Иванова); с. 321. (О Лопатинском процессе).

Справочная книга социалиста. Т. IV. Альбом деятелей социализма. Изд-во «Голос», с. 64 (Портрет Г.А. Лопатина).

Н.К. Михайловский. Из романа «Карьера Оладушкина». СПб. 1906. (По указанию Н. Геккера («Одесские новости» № 9587 от 13 янв. 1915 г.) в лице Петра Евгр. Саломирского (Разстанова) выведен Г.А. Лопатин).

М. Ашенбреннер. Шлиссельбургская тюрьма за 20 лет от 1884 по 1904 г. (Воспоминания) — «Былое» 1906, № 1, с. 57. (О выдаче книг Г.А. Лопатину); с. 70 (о стихах Лопатина); с. 71 (о изучении Лопатиным греческого и латинского языков); с. 73 (о составлении Лопатиным ежемесячной хроники в журн. «Винегрет»); с. 93 (о переживаниях Лопатина по выходе из Шлиссельбурга).

Ф. Волховский. Друзья среди врагов. Изд «Народная Воля». СПб., 1906, с. 3—10. (О участии Г. Лопатина и Ф. Волховского в «Рублевом обществе» и показаниях Г.А. Лопатина).

Л. Тверитинов. Об объявлении приговора Н.Г. Чернышевскому, о распространении его сочинений на франц. языке в Зап. Европе и о многом другом. Воспоминания. СПб. 1906, с. 85—87. (О попытке автора при посредничестве Лопатина напечатать во французских журналах роман «Что делать?»).

Из писем И.С. Тургенева к П.Л. Лаврову — «Былое», 1906, № 2, с. 214—215. (Лавров о жизни Лопатина и о его литературных способностях); с. 214, 216, 218, 219 (отзывы Тургенева о Лопатине).

Дегаевщина. (Материалы и документы). — «Былое», 1906, № 4, с. 18, 22, 23. (Об участии Г.А. Лопатина в убийстве Судейкина — выдержки из обвинительного акта).

М. Новорусский. Как и за что я попал в Шлиссельбург? — «Былое», 1906, № 4, с. 80. (О возвращении Лопатина из Шлиссельбурга).

И. Манучаров. Мой процесс. — «Былое» 1906, № 7, с. 51, 53. (Об арестах по делу Лопатина и о предателе Елько).

М. Новорусский. В Шлиссельбургской крепости — «Былое», 1906, № 7. с. 57. (О меткости прозвищ, даваемых Лопатиным); с. 58—59 (о прогулках Лопатина в Шлиссельбурге); № 8, с. 225 (эпиграмма Лопатина); — № 12, с. 230 (о столкновениях Лопатина с администрацией). — Перепечатано в кн. М.В. Новорусского «Записки шлиссельбуржца». Историко-революционная библиотека, изд. Госиздатом. Пет. 1920.

И. Ольгин. Замок ужаса. — «Воля». № 1 (15 января), 1906, с. 5.

Из воспоминаний Н.К. Михайловского о В. Фигнер. — «Воля», № 2 (19 января), 1906, с. 2—3.

(Элпидин). Библиографический каталог. Профили редакторов и сотрудников. Женева, 1906, с. 8—9. (Разговор с Г.А. Лопатиным о финансовой стороне «Вперед!», его доставке в России и о агенте III отделения Балашевиче-Потоцком).

Галерея шлиссельбургских узников. Под редакцией Н.Ф. Анненского, В.Я. Богучарского, В.И. Семевского и П.Ф. Якубовича. Часть I. СПб., 1907 с. 192—199. — Н.Е. Кудрин (Русанов). Герман Александрович Лопатин (биографический очерк и характеристика личности) с портретом.

Историко-революционный альманах. Изд-во «Шиповник» под общей ред. В.Л. Бурцева. СПб., 1907 (переп. в 1917 г.) с. 171 (о процессе Лопатина); с. 262 (о его деятельности в партии «Народная Воля»); с. 299 (о его аресте).

В.Н. Шаганов. Н.Г. Чернышевский на каторге и в ссылке. Воспоминания. СПб., 1907, с. 39—40. (О побеге Лопатина из Иркутска и поиски его в Вилюйске).

Л. Бах. Воспоминания народовольца. (1882—1885). — «Былое» 1907, № 1—3. (О деятельности Г.А. Лопатина в организации «Молодой Народной Воли»).

Н.С. Русанов. П.Л. Лавров (Очерк его жизни и деятельности) — «Былое» 1907, № 2, с. 262 (Об участии Лопатина в увозе Лаврова из Кадникова в 1870 г.). — Перепечатано в его книге «Социалисты Запада и России». Спб. 1909.

Э. Серебряков. К истории партии «Народной Воли» (Показания М.Н. Оловенниковой-Полонской) — «Былое» 1907, № 6, с. 10 (Отзыв ее о деятельности Лопатина по восстановлению «Нар. Воли»).

Л. Иванчин-Писарев. Глеб Успенский и революционеры 70-х годов. — «Былое» 1907, № 10, с. 44—45 (О намерении Успенского написать повесть «Удалой добрый молодец», героем которой является Г.А. Лопатин, и отзыв о нем).

Н.Н. Фирсов (Л. Рускин). Воспоминания о П.Л. Лаврове. — «Исторический вестник», 1907, № 2, с. 502—503 (о бегстве Лаврова из Кадникова при участии Лопатина).

С.Л. Чудновский. Отрывки из воспоминаний 1872—1873 гг. — Сборник «Наша страна». СПб., 1907, с. 343 (Отношение Лаврова к Г.А. Лопатину).

В.Д. Спасович. Семь судебных речей по политическим делам (1877—1887). Спб., 1908. Издание В. Врублевского, с. 207—228 (Дело об отст. кол. секр. дворянине Германе Лопатине, Петре Якубовиче, Николае Стародворском, Петре Конашевиче и других, всего 21 человеке, судимых за принадлежность к сообществу «Народной Воли» и за убиение подполковника Судейкина. — Речь в защиту П.Ф. Якубовича).

Собрание автографов и факсимиле. Альбом. Изд. М.М. Зензинова. М. 1908, с. 8 (Автограф Г.А. Лопатина — «Никогда не говори «все кончено». Одесса 30-XI—1906 г.).

Большая энциклопедия. Ред. С.Н. Южакова. Изд-во «Просвещение», т. XXI, с. 717—719 (Биографический очерк).

Н. Даниэльсон. Заметка к переводу писем К. Маркса и Фр. Энгельса к Николаю—ону.— «Минувшие годы» 1908, № 1 с. 38—40 (О работе Г.А. Лопатина над переводом «Капитала» Маркса в 1870 г.).

Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса к Николаю (Даниельс)ону.— «Минувшие годы» 1908, № 1, с 50, 51, 53, 56, 57; № 2, с. 205, 208, 210, 212, 217—218, 219, 221. (Отзывы К. Маркса о Г.А. Лопатине).

Н.Г. Чернышевский в Вилюйске (по архивным данным). — «Минувшие годы» 1908, № 3, с. 7—8 (О мерах охраны Чернышевского в связи с предполагаемым освобождением его в 1872 г. Лопатиным и сведения о поимке и приметах последнего).

Неизданные письма И.С. Тургенева к П.Л. Лаврову. — «Минувшие годы» 1908, № 8, с. 24 (Слухи об улучшении участи Лопатина благодаря ходатайству генерала-губернатора Восточной Сибири Н.П. Синельникова); с. 25 (о хлопотах по поводу ареста Лопатина в феврале 1879 г.).

Э. Бернштейн. Карл Маркс и русские революционеры. I. Маркс и Бакунин. — «Минувшие годы» 1908, № 10, с. 23 (Об отношении К. Маркса к Лопатину).

М. Новорусский. Выход из Шлиссельбурга на волю. — «Минувшие годы» 1908, № 12, с. 2 (О неприменении к Лопатину манифеста); с 11, 17, 21 (об освобождении Лопатина и других шлиссельбуржцев из тюрьмы и перевозе их в Петропавловскую крепость).

Николай Морозов. Г.А. Лопатину (На прекращение его стихотворений, передававшихся стуком). Нач.: «Давно ль под говор струн и музы сладкогласной...» — Сборник «Под сводами». М. 1909 с. 304.

Б. Глинский. Крамола, реакция и террор (Исторические очерки). — «Исторический вестник», 1909, № 9, с. 980—982. (Участие Лопатина в побеге Лаврова), с. 1005—1006 (О приезде Лопатина в 1874 году за границу и участие его в журнале «Вперед»); с. 1008 (Вызов Лопатина в 1874 году правительством).

Письма А.И. Эртеля под редакцией М. Гершензона. М., 1909, с. 311.

П.Л. Лавров о себе самом. — «Вестник Европы», 1910, № 10, с. 100 (О побеге Лаврова из Кадникова при помощи Лопатина).

В.Я. Богучарский. К биографии П.Ф. Якубовича — «Русское богатство», 1911, №5.

В.Я. Богучарский. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. Партия «Народной Воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912, с. 45—46 (Участие Лопатина в Исполнительном комитете «Народной Воли»); с 97, 103—104, 113—114, 122 (Участие его в убийстве Судейкина); с. 177 (Деятельность Лопатина по восстановлению «Народной Воли»); с. 342 (О переговорах П.Л. Лаврова с представителем «Священной дружины» относительно освобождения Лопатина из вологодской ссылки); с. 466—468 (О статьях № 10 «Народной Воли», изд. под. ред. Г. Лопатина).

Чернышевский в Сибири. Переписка с родными. Статья Е. Ляцкого. Примечания М.Н. Чернышевского. СПб., 1912. Вып. I, с. XLIV—XLVII (О пребывании Г.А. Лопатина в Сибири и его бегстве); СПб., 1913. — Вып. II, с. XXXVII (Сообщение Г.А. Лопатина о напечатании «Пролога» Н.Г. Чернышевского).

Б. Глинский. Период твердой власти (Исторические очерки). I. Внутренняя политика России в эпоху восьмидесятых годов. «Исторический вестник», 1912, №2, с. 667—673 (Попытки Лопатина восстановить партию «Народной Воли»).

Е. Колосов. Н.Г. Чернышевский в Сибири. — «Голос минувшего», 1913. № 7, с. 273 (О доставлении Лопатиным рукописи Чернышевского «Пролог к прологу»).

Ч. Ветринский. Гл.И. Успенский в 70-е и 80-е годы. Биографические заметки. — «Русская мысль», 1913, № 9, с. 28—35 (Отношения Г.И. Успенского к народовольцам и в частности к Г.А. Лопатину).

А. Дунин. Г.А. Лопатин «под квитанцией» (Из архивных курьезов) — «Русская молва» (газета) № 95 от 17 марта 1913 года (О пребывании Лопатина в Самаре в 1882 г. во время следования в вологодскую ссылку).

Рожанов. Записки по истории революционного движения в России до 1913 года. СПб., 1913, с. 221—227 (Участие Лопатина в убийстве Судейкина и деятельность в партии «Народной Воли»); с. 503—504 (биографические сведения).

А.М. Серебрянников. К пребыванию Чернышевского в Вилюйске. — «Сибирский архив» 1913, № 5. (О попытке освобождения Чернышевского).

М. Клевенский. И.С. Тургенев и семидесятники — «Голос минувшего» 1914, №1, с. 7, 11, 12, 26 (Об отношении Тургенева к Лопатину).

Е. Колосов. К характеристике общественного миросозерцания Н.К. Михайловского. 2. Из рукописей Н.К. Михайловского за 90-е годы. — «Голос минувшего» 1914, № 2. с. 225—230 (Об отношениях Михайловского к Г. Лопатину).

Л. Никифоров. Мои тюрьмы. — «Голос минувшего» 1914, №5, с. 191 (Об аресте Лопатина и Волховского за участие в «Рублевом обществе»).

К. Оберучев. Год жизни П.Ф. Якубовича. — «Голос минувшего» 1914, № 7, с. 225—248 (О деятельности Якубовича, Лопатина и других по данным обвинительного акта по делу 21-го).

Н.Е. Кудрин (Русанов). Ф.В. Волховской — «Русское богатство» 1914, № 9, с. 364 (Об аресте Г.А. Лопатина по делу «Рублевого общества»).

(В. Водовозов). Биографическая заметка о Г.А. Лопатине в «Новом энциклопедическом словаре», т. XXIV. Изд. Акц. о-ва «Издательское дело бывшее Брокгауз-Ефрон». Петр., 1915.

Тургеневский сборник. Новооткрытые страницы Тургенева. Неизданная переписка. Воспоминания. Библиография — Тургеневский кружок под руководством Н.К. Пиксанова. Изд. «Огни». Петр. 1915, с. XV. (О воспоминаниях Лопатина о Тургеневе, записанных С.П. Петрашкевич).

В. Богучарский. Общественное движение 60-х годов под пером его казенных исследователей. — «Голос минувшего» 1915, № 4, с. 213—214. (Упоминание в отчете Следственной комиссии 1862-1871 гг. о Волховском и Лопатине, как основателях «Рублевого общества»).

Ч. Ветринский. Глеб Успенский в его переписке. IV. В начале восьмидесятых годов. — «Голос минувшего» 1915, №4, с. 242; № 5, с 221, 224 (Характеристика Лопатина в письме Г.И. Успенского). IX. Уничтоженная повесть Г. Успенского и схема очерка «Выпрямила» — № 6, с. 214. (О ром. «Удалой добрый молодец» и Г. Лопатине).

Петр Витязев. П.Л. Лавров в воспоминаниях современников. II. Из рассказов Г.А. Лопатина. III. Из рассказов М.П. Негрескул. — «Голос минувшего» 1915, № 9, с. 137—145 (О бегстве Лаврова из Кадникова и участии Лопатина в его побеге).

Н. (Геккер), Г.А. Лопатин. К семидесятилетию его рождения. — «Одесские новости», № 9587 от 13 января 1915 года (Лопатин как человек, его разносторонность, отношения к нему Тургенева, Г. Успенского, Михайловского).

Н. Десятилетие возрождения. — «Русские ведомости» № 259 от 10 ноября 1915 г. (Хлопоты об освобождении Лопатина в 1905 г. из Шлиссельбурга, о выезде его из Петербурга и прибытии в Вильно).

Евг. Колосов. П.Л. Лавров и Н.К. Михайловский о балканских событиях 1875—1876 гг. — «Голос минувшего» 1916, № 5—6, с. 335 (Об отношении Лопатина к гарибальдийскому движению).

Гарденин (Чернов). Памяти Н.К. Михайловского. СПб. 1917 (Отрывок из письма Г. Лопатина к М.Н. Оловенниковой).

А.Н. Александровский. Периодические издания партии «Народной Воли» —«Голос минувшего» 1917, № 7—8 с. 223 (О № 10 «Народной Воли», вышедшем под ред. Г.А. Лопатина).

П. Лавров. Воспоминания о С.М. Гинсбург. — «Голос минувшего» 1917, № 7—8, с. 227—228 (О распадении «Народной Воли» и отношении к ней общества в 1880-х гг.).

М.Р. Попов. Мечты о свободе. — «Голос минувшего» 1917, № 7—8, с. 257—286 (О пребывании Лопатина в последние годы в Шлиссельбургской крепости).

«Искры» 1917, № 37, с. 292.

«Родина» 1917, № 12, с. 162.

О. Миртов. Христос Воскресе. — «Русская воля» 1917, № 8 (Лопатин о февральской революции 1917 г.).

А.И. Спиридович. Партия социалистов-революцинеров и ее предшественники. 1886—1916. Изд. второе дополненное. Петр., 1918, с. 455—457 (О участии Лопатина в судебном разбирательстве дела Азефа).

«Вестник Областного комиссариата внутренних дел» 1918, № 4.

А.С. Поляков. Царь-миротворец (Из резолюций Александра III). — «Голос минувшего» 1918, № 1—3, с. 225 (Резолюция Александра III по поводу ареста Лопатина).

М.Р. Попов. Л.А. Волькенштейн. — «Голос минувшего» 1918, № 4—6, с. 73 (О пребывании Лопатина в Шлиссельбургской тюрьме).

А.С. Поляков. Второе 1 марта. Покушение на императора Александра III в 1887 году. — «Голос минувшего» 1918, № 10—12, с. 239-240 (О показаниях по делу Г.А. Лопатина П. Елько и резолюция Александра III по этому поводу).

М. Неведомоский. Г.А. Лопатин о своих встречах с Марксом. — «Новый день» № от 4 мая 1918 г. (Записанный со слов Г.А. Лопатина рассказ о его знакомстве с Марксом, о работе над переводом I тома «Капитала», о взглядах Маркса на развитие революционного движения в России).

Н. Генкер. Г.А. Лопатин (Ко дню рождения 1845 — 13 янв. — 1918) — «Одесские новости» от 13 января 1918 г. (Отношение Лопатина к современным политическим партиям, к революциям, 1917 году и характеристика его как человека).

Б. Савинков. Воспоминания. — «Былое», кн. 9 (1918), с. 35, 42, 44—46 (Об участии Г.А. Лопатина в суде над Бурцевым по поводу дела Азефа).

Г.А. Лопатин. Некролог. — «Бирюч петроградских государственных театров», № 11—12, от 23—31 января 1919, с. 127—128.

С. Ш(трайх). Г.А. Лопатин. — «Жизнь искусства», № 49 от 30 дек. 1918 г. (Некролог).

К(ау)ф(ман). Г.А. Лопатин. Некролог. — «Вестник литературы» 1919, № 1—2, с 11.

С. Ш(трайх). Поэзия Г.А. Лопатина (неизданные стихотворения). — «Жизнь искусства», № 50 от 3 янв. 1919 г. (Заметка о стихотворениях Г. Лопатина с приложением восьми его стихотворений).

Петр Ю. Народоволец-романтик (Герман Лопатин) — «Пламя» № 36 от 12 янв. 1919, с. 2—4. (Биографический очерк; первая часть его написана по «Хронике» Шебеко).

Г.А. Лопатин. — «Северная коммуна» № 192 от 29 дек. 1918 г. (Речь Г. Зиновьева, посвященная памяти Лопатина, на заседании Петросовета).

Похороны Г.А. Лопатина — «Северная коммуна» № 192 от 29 дек. 1918 г. (Извещение Шлиссельбургского комитета, принявшего на себя устройство похорон Лопатина).

Максиков. Дочь Лаврова (Памяти М.П. Негрескул) — «Вестник литературы» 1919, № 7, с. 13 (О дружбе ее с Лопатиным).

М.Н. Г.А. Лопатин. — «Внешкольное образование» №4—5 Петр. 1919, с. 45—46 (Некролог).

Е. Колосов. У могилы Г.А. Лопатина. — «Сибирские записки» (Красноярск), март 1919.

Б. К смерти Г. Лопатина — «Воля труда» № 2 (69) 1919, с. 14 (Некролог и характеристика революционной деятельности Лопатина).

П.Л. Лавров. Герман Александрович Лопатин. С предисловием П. Витязева и с приложением «Материалов для библиографии о Г.А. Лопатине», собранных А.А. Шиловым, Петр. 1919. Изд-во «Колос» (1. Предисловие — об отношениях Лаврова и Лопатина — 2. Биография Лопатина, написанная П. Лавровым, перепеч. из брошюры «Процесс 21-го». Женева, 1888. — 3. Библиографические материалы о Г.А. Лопатине: статьи и заметки Лопатина; — переводы Лопатина; — книги и статьи о Лопатине; — портреты Лопатина; — перечень важнейших дел о Лопатине, хранящихся в Историко-революционном архиве). — Отзывы: Р.К. «Вестник литературы», 1919, № 9. — Н. «Книга и Революция» № 3—4 (1920), с. 35—36.

Л. Финн-Енотаевский, Герман Лопатин о Карле Марксе. — «Былое», кн. 15 (1920), с. 152—154 (с приложением письма Г.А. Лопатина к автору от 6-VII-1906 г.).

Лев Дейч. Памяти ушедших. Г.А Лопатин — «Голос минувшего» 1919, № 5—12 (Биографические сведения, характеристика Лопатина как человека, встречи с ним).

С. Мельгунов. Встречи. I. Г.А. Лопатин. — «Голос минувшего» 1920—1921, с. 94—97 (Лопатин у В.И. Семевского, письмо к нему Семевских, рассказы Лопатина, упоминание о записях их Амфитеатровым, сборник шлиссельб. стихотворений — «нечто вроде дневника тамошней жизни», письмо Лопатина в ред. «Голоса минувшего»).

Р. Кантор. Несколько заметок Германа Лопатина — «Книга и революция» 1920, № 12, с. 95—96 (Заметки Лопатина, на полях кн. В.Я. Богучарского. Партия «Народной Воли». М. 1912).

М.Г. Флер. Русские портреты. 1917—1918. Госиздат. СПб., 1921, с. 28 (перечень портретов Г.А. Лопатина).

В. Короленко. История моего современника, т. III, с. 310. М., 1922 (О попытке Лопатина освободить Чернышевского).

А.И. Голополосов. Из приключений старых революционеров. Побег Г.А. Лопатина с каторги. Изд. т-во «Культура». М. 1922 (Запись рассказа Г.А. Лопатина о третьем побеге из Иркутска, слышанного А.И. Голополосовым в 1915 г. и тогда же записанного. Рассказ ведется от лица Г.А. Лопатина).

Р. Кантор, Гл. Успенский и Г.А. Лопатин (Из переписки Г.И. Успенского). — «Вестник литературы» 1922, № 1 (37), с. 9 (Отношения Успенского к Лопатину и письмо к нему от декабря 1876 г.).

А. Успенская. Воспоминания шестидесятницы. — «Былое», № 18 (1922), с. 27 (Лопатин и «Рублевое общество»).

Р. Кантор. На грани смерти. Страничка из биографии рабочего-народовольца Петра Антонова. — «Былое», кн. 19, (1922), с. 135—138. (Проект воззвания Исп. комит. по поводу предполагаемого убийства прок. Муравьева, найденный у Лопатина; характеристика П. Антонова, сделанная Лопатиным).

Д. Овсянико-Куликовский. Петр Лаврович Лавров. Из неизданных посмертных воспоминаний. — Сборник статей «П.Л. Лавров». Ред. П. Витязева. Изд. «Колос». Петр., 1922, с. 443, 449 (Лопатин и отношения к Лаврову).

Т. Райнов. К психологии личности и творчества П.Л. Лаврова. — Там же, с. 167, 169 (о увозе Лопатиным П.Л. Лаврова из Вологодской губернии).

Э.А. Серебряков. П.Л. Лавров. По личным воспоминаниям. — Там же, с. 455, 461, 468 (Отношения Лопатина к Лаврову).

Р.М. Кантор. П.Л. Лавров и А. Балашевич-Потоцкий. — Там же, с. 511 (О разговоре Элпидина с Лопатиным по поводу Балашевича-Потоцкого).

А.А. Шилов. Что читать по истории русского революционного движения? Петербург, 1922, с. 96, 141—142 (Библиографические указания о «Рублевом обществе» и о «Процессе 21-го»).

Алексей Шилов

Ïðèìå÷àíèÿ

1. Оба печатаемые письма хранятся в настоящее время в Музее Революции.
2. Вере Петровне Водовозовой, моей жене. В. В-в.
3. Показания Г.А. Лопатина по Каракозовскому делу — см. ниже.
4. О пребывании Лопатина за границей в 1867 году — см. П.Л. Лавров, Г.А. Лопатин, Петр. 1919, с. 21—22. Изд-во «Колос». А. Ш-в.
5. О «Рублевом Обществе» и показаниях Г.А. Лопатина — см. ниже.
6. У М.Ф. Негрескула — см. ниже, напечатано самое письмо.
7. Н. Даниельсоном (Николаем — Оном). В. В-в.
8. Говорится о газете «Вперед», первый номер которой вышел 1 августа 1873 года. А. Ш-в.
9. Кроме указанных статей, перепечатанных ниже, Г.А. Лопатину принадлежат также перепечатываемые «Воспоминания о Худякове», «Письмо к Александру II» и корреспонденция о положении политических ссыльных в Сибири. Предположительно можно приписать ему небольшую корреспонденцию «Из Иркутска» («Вперед!», 1875, с. 201, 244, 306, 334, 436, 499, 598) о положении рабочих на сибирских промыслах и о генерал-губернаторе Синельникове. А. Ш-в.
10. См. брошюру «Процесс 21-го». С приложением биографической заметки о Г.А. Лопатине. Женева, 1888. — Биографическая заметка, принадлежавшая Лаврову, перепечатана изд-вом «Колос». Петр. 1919. А. Ш-в.
11. Всеволода Александровича Лопатина, когда-то привлекавшегося по процессу 193, а в это время служившего на жел. дороге. В. В-в.
12. Воспоминания о Худякове. — «Вперед», 1876, № 47.
13. П.Л. Лавров. Г.А. Лопатин. — Петр., 1919, с. 21.

14. Производство Верховного уголовного суда — Высоч. учрежд. следств. комиссии, т. IV, лл. 393–394 (I Отделение I Секции Единого государственного архивного фонда).

15. Александр Маркелович Никольский в описываемый период времени очень увлекался идеями кооперации и, в частности, сочинениями Роб. Оуэна, деятельно переводил их и предлагал Г.А. Лопатину заняться той же работой. Привлеченный по Каракозовскому делу, он был «признан не подлежащим обвинению в принадлежности к тайному обществу» и потому был освобожден от суда; но, «как изобличенный в знании умысла» освободить Чернышевского и Серно-Соловьевича, был передан в распоряжение министра внутренних дел и выслан в Мезень, откуда дважды пытался бежать, но оба раза неудачно. В 1871 году был переведен на жительство сначала в Саратовскую губернию, а потом на родину — в Астрахань; в 1876 году освобожден от полицейского надзора.

16. Андрей Иванович Фортаков, товарищ Никольского по гимназии, предложил ему деньги на издание сочинений Р. Оуэна, переводом которых занимался Никольский.

17. Иван Васильевич Ведерников, вместе с Никольским и Лопатиным принимал участие в работах в бесплатной школе А.К. Европеус.

18. Одна сестра Александра Лебедева — Леоканида (Леонилла) вышла замуж за И.А. Худякова, другая — Варвара — за А.М. Никольского. Сам Александр Лебедев был привлечен к дознанию в связи с участием в школе А.К. Европеус и был главным лицом, обвинявшим А.К. Европеус в неумении вести дело, в безалаберности преподавания и особенно в «нигилистической» пропаганде. О поведении его и о показаниях его гражданской жены А. Комаровой, ученицы той же школы, очень резко отзывался Г.А. Лопатин в своей статье о Худякове («Вперед», №47, от 15 (3) декабря 1876, с. 745–750).

19. Ср. это ложное показание с рассказом самого Лопатина в его статье о И.А. Худякове («Вперед», № 47, от 15 (3) декабря 1876 года) и в его письме к Н.П. Синельникову.

20. Под радикальными я разумел всякие революционные стремления. — Примечание Г.А. Лопатина.

21. Производство Выс. Учрежд. Следственной комиссии. Дело о бесплатной школе, открытой… А. Европеус, № 222, лл. 28–29, Историко-Революционный архив (I Отд. VII Секции Единого государственного архивного фонда).

22. Александра Константиновна Европеус, вследствие обнаружения в ее школе «нигилистического направления в смысле отвержения начал семейных и брачных», была подчинена строгому полицейскому надзору; кроме того, на будущее время ей воспрещено было открывать какие-либо школы.

23. Леониллу и Варвару, вышедших замуж: первая за Худякова, вторая — за А.М. Никольского.

24. Ф. Волховский. Друзья среди врагов. Книг-во «Народная Воля», № 19, СПб., 1906, с. 4.

25. Княжны Екатерина Александровна Макулова и Наталья Влад. Долгорукая, «давно известные III отделению нигилистки», к «Рублевому обществу» отношений не имели. Кн. Долгорукая содержала типографское заведение, относительно которого хлопотал Волховский, по-видимому, желая купить его или, по крайней мере, использовать для нужд «Рублевого общества». В одном из писем к Волховскому Лопатин писал, что кн. Макулова выведена писателем Лесковым в его романе «Некуда» под именем Бертольди; по сведениям III отделения, она же жила в нашумевшей в 1860-х годах «коммуне» писателя Слепцова.

26. Речь идет о деньгах, которые Лопатин должен был достать для Волховского из Общества взаимного кредита, в котором в то время служил он сам. Кроме того, по указанию Лопатина, цель поступления Волховского в члены этого Общества состояла в том, чтобы открыть текущий счет для взносов членов «Рублевого общества».

27. Шуточное прозвание, данное Лопатиным одной знакомой стенографистке.

28. Программа для собирания и группировки сведений: 1) по обычному праву населения южного края, 2) статистических и 3) этнографических, — составленная Ф. Волховским по образцу таковых же программ, выработанных Географическим обществом; они были представлены им в Московский цензурный комитет, откуда были препровождены в Главное управление по делам печати, но к печати разрешены не были. Программы предназначались для кочующих сельских учителей при собирании ими намеченных сведений.

29. Через посредство Николая Иван. Калиниченко, студента Петерб. ун-та, Волховский хотел приобрести у некоего Каменецкого малороссийские книги и с этой целью вел с ним переговоры.

30. Речь идет о библиографии, биографии и портрете Н.Г. Чернышевского. Из показаний не ясно, с какою целью интересовались материалами о Чернышевском Лопатин и Волховский. Последний писал в одном показании, что он хотел познакомиться со всеми произведениями Чернышевского, так как в программе для студентов Московского ун-та были рекомендованы его «Очерки гоголевского периода»; в других он говорил, что хотел сам написать критическую статью о некоторых произведениях Чернышевского. Очень может быть, что или сочинения Чернышевского, или их указатель должен был войти в число предполагаемых изданий «Рублевого общества».

31. Лопатин подразумевает новые правила для приема студентов Казанского ун-та, которые хотел выписать для Волховского в Публичной библиотеке.

32. Г.А. Лопатин сознательно смешал две вещи: действительно, под «программою» надо разуметь программу для этнографических и статистических сведений, представленную Волховским в цензуру; но под «Вопросом молодого поколения» должно подразумевать не соответствующую программу для великорусских губерний, а обращение к молодежи принять участие в «Рублевом обществе» в качестве сельских учителей с указанием, что накопление и разработка научных вопросов и материалов — прямая задача молодого поколения.

33. Это показание от начала до конца является выдумкой Г.А. Лопатина.

34. Дело III Отделения собств. Его Имп. Велич. канцелярии 3 экспед. №172 (1868 год), ч. I. — Историко-революционный архив (I отд. VII секции Ед. Гос. Арх. Фонда).

35. Ф. Волховский. Друзья среди врагов. Изд-во «Народн. Воля», № 19, Спб. 1906, с. 4—10.

36. Производство выс. учрежд. В С.-Петербурге Следственной комиссии, № 420 (1868 год). — Историко-революционный архив (I отд. VII секции Ед. гос. арх. фонда).

37. Агент III Отделения.

38. Доктор Иван Степанович Клименко, Николай Васильевич Шугуров, Иван Иванович Лавринович, равно как Семен Григорьевич Гирчич, Павел Васильевич Прокопенко, Михаил Иванович Максимович, Петр Афанасьевич Быков, Кондратий Яковлевич Белый — были лица, привлеченные Волховским к участию в «Рублевом обществе» и внесшие деньги.

39. Подлинник настоящего письма, к сожалению, разыскать не удалось, поэтому оно печатается по не вполне точной и исправной копии, сохранившейся в деле III Отделения — 3 экспед. № 172, ч. 2 (1868—1869 годы). — Историко-революционный архив (I Отд. VII Секции Ед. гос. арх. фонда).

40. Михаил Федорович Негрескул, женатый на дочери П.Л. Лаврова, пользовался большой популярностью среди радикальных кругов петербургского студенчества. Его кружок, наряду с кружками Лихутиных и А. Старицына, был одним из важнейших петербургских нечаевских центров. Арестованный в ноябре 1869 года, М.Ф. Негрескул был посажен в Петропавловскую крепость, но скоро, ввиду болезненного состояния, был выпущен. Умер в 1870 году от чахотки.

41. В копии письма пропуск.

42. Я никогда не говорил об этом деле даже с братом Всеволодом, с которым живу в одной комнате. Прим. Г.А. Лопатина.

43. В копии письма пропуск.

44. Об освобождении Лаврова из ссылки сам Лопатин рассказывает в своих воспоминаниях: «П.Л. Лавров в воспоминаниях современников» («Гол. мин.» 1915, № 9, с. 137—145); рассказ его перепечатывается ниже.

45. П.Л. Лавров. Г.А. Лопатин. — Изд-во «Колос», Петр. 1919, с. 30—41.

46. Дело III Отделения собств. Его Имп. Велич. Канцелярии, 3 экспед. №172, ч. 2 (1868—69 годы). — Историко-революционный архив (I Отд. VII Секции Ед. гос. арх. фонда).

47. Первый побег из Иркутска — 3 июня 1871 года; Лопатин был тотчас задержан.

48. Лопатин далее говорит о своем втором побеге из Иркутска — 7 августа 1872 года; через месяц (6 сентября) он был снова задержан в Томске.

49. По доносу одного арестанта, Лопатин был обвинен в хранении сулемы в тюремной камере с целью отравить тюремного надзирателя и караульных солдат. Донос, конечно, оказался ложным.

50. Об аресте Лопатина в Томске интересные подробности сообщает П.Л. Лавров. — См. его очерк «Г.А. Лопатин», Петр. 1919, с. 36—38.

51. См. приложение к письму.

52. Корреспонденция «Из Иркутска» без подписи автора напечатана во втором томе непериодического издания «Вперед!» (1874), отд. II. — «Что делается на родине?», с 105—115. Принадлежность ее Г.А. Лопатину без всякого сомнения устанавливается на основании ее окончаний, где автор обещается написать «с должною подробностью» о секте «Не-наши». Такая корреспонденция и была напечатана в третьем томе «Вперед!» без подписи автора, а в «Современнике» (1911, № 1) с полною подписью Г.А. Лопатина. — Корреспонденция «Из Иркутска» снабжена следующим редакционным примечанием: «В корреспонденции с далекого востока мы можем показать, с какою злобою оно преследует тех из своих жертв, которые уже попались в его руки. Интересные сведения, здесь заключающиеся, дополняют значительно те данные, которые мы сообщили о наших политических ссыльных в предыдущей книге нашего журнала («Вперед», том 1, 1873 год, отд. II, «Что делается на родине?», с. 77—78). Корреспонденция эта очень запоздала в дороге к нам, и, кроме того, она получена была нами как раз в то время, когда ее уже нельзя было поместить в первую книжку. Поэтому сведения, в ней заключающиеся, относятся к лету 1873 года».

53. Дваржачек и Иосафат Петрович Огрызко — участники польского восстания 1863 г. И.П. Огрызко умер в Иркутске в 1887 году.

54. Аф.П. Щапову Г.А. Лопатин посвятил особую статью по поводу его смерти, напечатанную в газете «Вперед!» 1876, № 34 и перепечатанную в настоящем сборнике — см. ниже.

55. По поводу смерти Ив. Александровича Худякова († 19 сентября 1876 года в Иркутске) Г.А. Лопатин написал очень ценные в автобиографическом смысле «Воспоминания», напечатанные в газете «Вперед!» (1876, №47) и перепечатанные в настоящем сборнике — см. ниже.

56. Ник. Андр. Ишутин († на Каре 5 января 1879 года). — Основатель и главный деятель московского кружка «Организация», из которого вышел Д. Вл. Каракозов.

57. Г.А. Лопатин ошибочно причислил Васильева к «каракозовцам»; среди привлеченных по этому делу нет ни одного лица с этою фамилией. По всей вероятности, речь идет о студенте С.-Петербургского ун-та Ник. Васильеве, преданном суду прав. сената и «признанном виновным в злоумышлении на жизнь государя императора, выраженном в составленном и распространенном им возмутительном воззвании» (К гражданам). 23 марта 1863 года он был приговорен к смертной казни, замененной десятилетней каторжной работою, которую он отбывал на Александровском заводе Нерчинских рудников. На основании манифестов 1866 и 1871 годов, был поселен в Амгинском улусе Якутской области, а в конце 1873 года получил разрешение переселиться в Оренбург.

58. Фельдъегерь Климов не принадлежал к «каракозовцам» и был арестован около 4 апреля 1866 года по доносу; у него было найдено рукописное сочинение антиправительственного содержания с резкими отзывами об Александре II. — Солдат Дядин тоже не имел никакого отношения к «каракозовцам».

59. Подпоручик 12-й артиллерийской бригады Владимир Кувязев, преданный военному суду за участие в распространении воззваний общества «Земля и Воля», был приговорен к каторжным работам на 8 лет и отбывал их на Нерчинских заводах; на основании манифеста 1871 года переведен на жительство в Иркутскую губернию, а в 1873 — в Пермскую.

60. О П.П. Маевском, Максиме О. Марксе и Викт. А. Федосееве, равно как и о вышеупомянутых «каракозовцах» — см. «Госуд. преступления в России в XIX в.», изд. под ред. Богучарского, т. I, с. 249—274 (Штутгарт, 1903).

61. Речь идет о нечаевцах: Петре Гавр. Успенском, Иване Гавр. Прыжове, Ник. Ник. Николаеве и Ал. Кир. Кузнецове.

62. Владимир Обручев за распространение листков «Великорусса» был сослан в каторжные работы, которые отбывал на Петровских заводах; в 1864 году перечислен на поселение; в 1872 году возвращен из Сибири и поселен в Уфе; впоследствии снова принят на государственную службу.

63. Студент Петербургского ун-та Петр Баллод за устройство «карманной» тайной типографии, в которой были отпечатаны прокламации «К офицерам», «Подвиг капитана Александрова» и «Русское правительство под покровительством Шедо-Феротти» 11 ноября 1864 года был приговорен к 15-летней каторге, сокращенной по конфирмации до 7-ми лет. В 1871 году, на основании манифеста, выпущен на поселение; в 1874 году ему были возвращены права состояния. П. Баллод жил в Олекминском округе Якутской области и состоял на службе на промыслах Ленского золотопромышленного товарищества.

64. Слушатель Технологического ин-та Ник. Петр. Гончаров приговором судебной палаты 16 февраля 1872 года за распространение прокламаций («Виселица», «Чего мы хотим?») по поводу Парижской Коммуны был сослан на поселение в Восточную Сибирь.

65. Корреспонденция «Не-наши» была напечатана в третьем томе «Вперед!» (1874), отд. II, с. 160—181.

66. К корреспонденции Г.А. Лопатина «Из Иркутска» редакция «Вперед!» присоединила следующее примечание:

«В дополнение к сказанному в этой корреспонденции о Лопатине можем сообщить читателям совершенно верное известие, что Лопатину в третий раз удалось. Он находится вне лап русских сыщиков и тюремщиков. Он за границей, с нами, в наших рядах. Может быть, он найдет возможным дать хотя отрывки из истории своего бегства, которое было бы сказочно, если бы дело шло о комлибо другом. Но для напечатания всех подробностей встречаются «неодолимые препятствия».

67. Огромная корреспонденция о представителях секты «Не-наши», которую Г.А. Лопатин обещал написать (см. «Вперед!», т. II (1874), отд. II, с. 114), была напечатана без подписи автора в том же непериодическом издании «Вперед!» т. III (1874), отд. II, с. 160—181, с редакционным предисловием, в котором указывается на рост протеста в народе и на то, что «сквозь буквенную схоластику старого раскола пробивается в народе луч критики, смело призывающей к ответу все основы старого общества, — критики, которая быстро доходит до полного отрицания церковных, политических и общественных идолов». Сопоставляя «Не-наших», которые собственною силою дошли до полного отрицания старых начал гнилого общества, с «отрицателями из привилегированной среды», автор предисловия решительно стал на сторону первых: народные отрицатели своею последовательностью могут пристыдить не только наших жалких либералов, но и многих из самых радикальных и заметных наших деятелей... Они умеют ненавидеть, умеют отвечать ударом на удар, вполне зная, чему они подвергаются за это. И перед мучениями, на которые идут эти отрицатели, бледнеют тюрьмы и каторги мучеников нашей среды. В этой стойкости живет та

«крепкая выносливость русского народа, которая сохранила в нем свежесть мысли сквозь тысячелетия политического рабства, мертвящей проповеди православия; сквозь тысячелетия разорения, голодания, всевозможной эксплуатации; сквозь тысячелетия невежества и развращающей семейной эксплуатации». Конечно, редакция «Вперед» слишком переоценила появление «Не-наших», придав им такое важное значение. Благодаря резкому индивидуальному характеру «Не-наши» не могли получить широкого развития, и в литературе, кроме статьи Мишла (М.И. Орфанова) «Рассказы из сибирской жизни» («Отечественные записки», 1881, № 6) и заметки Я. Пругавина «Современные движения в сектантстве» («Голос», 1881, № 199), о «Не-наших» не имеется никаких сведений. Однако преувеличенная оценка «Не-наших» вполне понятна: разочаровавшись в революционных стремлениях старообрядцев, на которых возлагали столько надежд в 1860-х годах, революционеры семидесятых годов были обрадованы появлением антиправительственных идей среди русских сектантов, которые впоследствии, значительно видоизменившись, нашли довольно широкое отражение (антигосударственное, но не революционное) в некоторых рационалистических сектах.

В 1911 году в первой книжке «Современника» статья о «Не-наших» была перепечатана с полною подписью Г.А. Лопатина и с следующим редакционным примечанием: «Статья эта, помещенная в 1874 году в III томе «Вперед», была написана Г.А. Лопатиным в Париже, по свежим воспоминаниям о совместном житье его с «Не-нашими» в иркутском остроге, но редакция, по своим соображениям, сочла более удобным придать ей вид корреспонденции с места; вот почему в ней говорится об авторе в третьем лице». Однако статья Г.А. Лопатина благодаря своей резкости была вырезана по требованию цензуры и сохранилась в очень немногих экземплярах «Современника».

68. «Грамотка» по-мужицки — «бумажка». (Прим. Г.А. Лопатина).

69. Напоминаем читателю, что родословная этих турецких выходцев указана здесь со слов Шишкина, т. е. по народным слухам. Возможно, что на деле они были потомками не стрельцов, а донских казаков, ушедших в Туретчину после подавления булавинского бунта. — Примечание Г.А. Лопатина, приписанное в 1910 году («Современник», 1911, № 1, с. 63).

70. Ник. Петр. Синельников — генерал-губернатор Восточной Сибири. — О нем и о его отношениях к Г.А. Лопатину см. выше — в его показаниях.

71. В «Современнике» (№ 1. с. 72) восстановлено следующее примечание, выброшенное редакцией «Вперед», вероятно, по тактическим соображениям: «Единственному «государственному» арестанту в нашем остроге» («политическими» у нас называют исключительно поляков). Лопатин не скрывал от него своего намерения бежать при первом благоприятном случае. И вот, когда его вызвали в окружный суд, он зазвал Шишкина к себе в камеру, чтобы проститься. Обнимая Лопатина со слезами на глазах, Шишкин почувствовал под рукою что-то твердое и сразу сообразил, что это револьвер. «Послушай, старик! — заговорил он трогательным, умоляющим голосом — он звал «стариком» не только пожилых, но и уважаемых им людей, в том числе и Лопатина, хотя тому было тогда не более 27 лет, — послушай, старик! Не напускайся с легким сердцем на чужую жизнь!» — «Что ты! что ты, старик! Разбойник я, что ли! Но вернуться в тюрьму я не согласен, и добром меня не возьмут!» — «Это другое дело! — воскликнул он, и глаза его заблестели. — Свободу свою защищай изо всех сил, чем и как можешь! Она — твоя, и никто не вправе отнимать ее у тебя!.. Впрочем, — добавил он, — я знаю, что твое дело окончится благополучно. Сегодня ночью я видел тебя и тех ребят, что пошли в Якутку. (Каракозовцы первой категории, проходившие перед тем через иркутский острог). Они сидели такие задумчивые, печальные, а у тебя лицо было ясное, светлое, нет, я не боюсь за тебя!» — и это был их последний разговор.

72. См. корреспонденцию «Из Иркутска», напечатанную во «Вперед!», т. II (1874), отд. II, стр. 105—115, и перепечатанную в настоящем сборнике — см. выше.

73. Оба письма Г.А. Лопатина напечатаны в III томе непериодического обозрения «Вперед!» (Лондон, 1874 год), отд. II — «Что делается на родине?» и составляют часть статьи: «Благодушное правительство и его лакеи» (с. 92—95). «Амнистия» политическим преступникам, вызвавшая много толков в заграничной и русской прессе, была «дарована» Александром II по случаю бракосочетания его дочери, великой княжны Марии Александровны с герцогом Эдинбургским. Письмо Л-на вскрывает истинный смысл этой «милости». Беспокоясь об участи Л-на, арестованного в Петербурге в 1879 году, И.С. Тургенев писал П.Л. Лаврову 12 апреля 1879 года именно об этом письме: «Лопатин оскорбил лично А(лександра) Н(иколаевича) — это не прощается» («Былое», 1906, № 2, с. 219).

74. Г.А. намекает на кражу бриллиантов великим князем Николаем Константиновичем, о чем говорится в той же статье «Благодушное правительство и его лакеи» (с. 91— 92).

75. Статья о А.П. Щапове напечатана в газете «Вперед!» 1868, № 34, от 1 июня (20 мая), без подписи автора. Принадлежность ее Г.А. Лопатину устанавливается на основании редакционного примечания, в котором сказано, что статья передана в редакцию Лопатиным, а также на основании содержания. Со Щаповым Г.А. Лопатин познакомился и сблизился во время своего пребывания в Иркутске. Окончание статьи в печати не появлялось.

76. В письмах к друзьям Щапов называл Г.А. Лопатина одним из своих самых симпатичных знакомых (Н.Я. Аристов — А.П. Щапов, СПб. 1883, стр. 114).

77. Щапов был выбран профессором русской истории в сентябре 1860 года по предложению профессора Н.А. Попова. Его вступительная лекция была на тему: «Общий взгляд на историю великорусского народа». — См. о ней в наиболее полной биографии Щапова, составленной Г.А. Лучинским и помещенном в третьем томе «Сочинений А.П. Щапова». СПб., 1898, с. XXX—XXXII. В ун-те Щапов оставался недолго, так как 30 апреля 1861 года был арестован по дороге в Петербург за речь, произнесенную на панихиде по крестьянам, расстрелянным в селе Бездне. — См. в той же биографии, с. XXXVI—LVII и ст. Пепельницкого в «Голосе Мин.» 1917, № 9—10. (Панихида по убитым крестьянам в с. Бездне).

78. Жена Щапова — Ольга Ивановна Жемчужникова — рано осталась круглой сиротой и воспитывалась у своего дяди И.А. Мелиоранского.

79. Умерла О. И. Щапова 13 марта 1874 года. Статья о ней ее мужа — во втором томе собрания его сочинений. Изд. 1906 года, с. 1—30. О светлой личности О.И. Щаповой и ее роли в жизни А.П. см. в указанной биографии, с. LXIV—LXVI, LXXXV—VCIII.

80. Речь идет о двухнедельном обозрении (газете) «Вперед», первый номер которого под редакцией П.Л. Лаврова вышел 3 января 1875 года; с Лавровым Г.А. Лопатин сблизился после того, как помог ему бежать за границу из Кадникова.

81. А.П. Щапов умер 27 февраля 1876 года. О нем книгу проф. Н.Я. Аристова (СПб. 1883 г.) и обстоятельную статью Г.А. Лучинского в «Собрании сочинений» Щапова, том 3-й, с. I—CIX, СПб., 1908 г., там же указана и мелкая библиография о А.П. Щапове.

82. «Воспоминания об И.А. Худякове» напечатаны в газете «Вперед!», двухнедельное обозрение (год второй), 15 (3) декабря 1876 года, № 47, с. 745—750 без подписи автора. Принадлежность этой заметки Лопатину устанавливается на основании следующего редакционного примечания, помещенного в № 46 «Вперед!»: «Номер был уже почти весь набран, когда мы получили в ответ на нашу просьбу «Воспоминания об И.А. Худякове» нашего товарища Г.А. Лопатина, которые и поместим в следующем номере...» Помимо ценной характеристики Худякова, воспоминания о нем Г.А. Лопатина имеют и чисто биографическое значение, главным образом, о прикосновенности Л-на к каракозовскому делу. О ней сам Лопатин на допросах в следственной комиссии сообщал намеренно ложные сведения, а П.Л. Лавров в биографическом очерке о Лопатине высказывался в слишком туманных выражениях. См. «Процесс 21-го», Женева, 1919, и брошюру П.Л. Лаврова «Г.А. Лопатин», Петербург, Изд-во «Колос», 1919 г., с. 18—21.

83. Сведения, сообщаемые Г.А. Лопатиным о раннем периоде жизни Худякова, не верны. См. брошюру «Иван Александрович Худяков. Опыт автобиографии», Женева, 1882, и статью Е. Боброва «Научно-литературная деятельность Худякова в «Журнале Министерства народного просвещения», 1908, № 8, с. 193—240.

84. Московский кружок Н.А. Ишутина, в состав которого входили Д.В. Каракозов, И.Д. Ермолов, Н.И. Странден, Д.А. Юрасов, М.Н. Загибалов, В.Н. Шаганов, П.Ф. Николаев и др.

85. Согласно автобиографическому указанию Ф.В. Волховского («Друзья среди врагов». К-во «Нар. Воля». СПб. 1906, с. 4), книжка Худякова «Древняя Русь» была издана в 1868 году так называемым «Рублевым обществом», основателями которого были в 1868 году он и Г.А. Лопатин. О «Рублевом обществе» и о привлечении Лопатина по делу о нем см. выше.

86. Точное заглавие брошюры: «Для истинного христианина», сочинение Игнатия. Женева, 1865. В 1893 году вышло второе заграничное издание.

87. Ср. рассказ П.Л. Лаврова об этом периоде жизни Г.А. Лопатина (П.Л. Лавров «Г.А. Лопатин». Изд-во «Колос». Петр. 1919, стр. 18—21) и особенно письмо Лопатина к Синельникову (в настоящем сборнике).

88. «Русская книжка» уже выходит из разряда фольклористических сочинений Худякова и является первой его попыткой составить книжку для народного чтения, т.е. тесно примыкает к «Самоучителю» и другим аналогичным изданиям Худякова.

89. Среди планов, намеченных Г.А. Лопатиным для восстановления «Народной Воли», одним из самых важных являлся выпуск очередного номера «Народной Воли», не выходившего с февраля 1882 года. С большим трудом в сентябре 1884 года удалось выпустить этот номер. Г.А. Лопатин пытался привлечь к сотрудничеству Н.К. Михайловского, помещавшего свои статьи под псевдонимом «Гроньяр» в № 10 «Внутреннего обозрения». Но Н.К. Михайловский, наотрез отказавшись написать «Внутреннее обозрение», дал только статью, посвященную закрытию «Отечественных записок». Внутреннее же обозрение с измененным заглавием «Вместо внутреннего обозрения» было написано самим Г.А. Лопатиным. — См. подробнее ст. Е.Е. Колосова «К характеристике общественного миросозерцания Н.К. Михайловского» («Голос минувшего», 1914, № 2, с. 227—228) и его же брошюру «Н.К. Михайловский», Петр., 1917, с. 60—61.

90. Принадлежит перу Василия Андреевича Караулова. — См. «Обзор важнейшим дознаниям... за время с 1 июля 1884 по 1 января 1885 года» (IX), с. 30.

91. Вопрос о «простонародном (фабричном и аграрном) терроре был введен в программу так называемой «Молодой Народной Волей» и особенно выдвигался П.Ф. Якубовичем. — См. А.Н. Бах «Воспоминания народовольца» («Былое», 1907, № 2, с. 198, 201—203) и В. Бурцев «Их моих воспоминаний» («Свободная Россия», № 1, февраль, 1889, с. 48—56).

92. Принадлежит перу А.Н. Баха. — См. «Обзор важнейшим дознаниям» (IX), с. 30.

93. «Закрытие «Отечественных записок» — Н.К. Михайловского, перепечатанную в X томе его «Полного собрания сочинений», с. 46—48 (СПб., 1913). — О ней выше — примечание 1-е. — А. Ш-в.

94. Из речи Александра III к предводителям дворянства и волостным старшинам, произнесенной 15 мая 1883 года на коронационных празднествах.

95. Антиеврейские беспорядки, кроме 1881 года, были в мае 1883 года в Ростове-на-Дону, в августе того же года в — Екатеринославле и Нижнем Новгороде, в ноябре — в Кривом Роге и в других городах.

96. Напечатано в журнале «Былое», 1907, №3, с. 122, за подписью автора. В воспоминаниях А.И. Иванчина-Писарева об этом рассказывается так: «Револьвер (за нахождение которого у А.К. Соловьева, покушавшегося на Александра II у Летнего сада в 1879 году, обвинили доктора О.Э. Веймара) был, действительно, приобретен Веймаром, но покупал он его не для Соловьева, а для своего друга, Г.А. Лопатина, жившего в его квартире под именем Севастьянова. Впоследствии этот револьвер стал «общественной собственностью», и как он, переходя из рук в руки, попал наконец к Соловьеву, — Веймару не было известно, как не было известно и Лопатину, исполнявшему чью-нибудь просьбу». С. Ш-х.

97. Напечатана в журнале «Былое», 1907, № 4, стр. 298—299, за подписью автора.

98. По всем имеющимся у нас данным, Росси в Западную Сибирь выслан не был. Как итальянский подданный, он, вероятно, воспользовался своим правом быть высланным вместо Сибири за границу.

Прим. редакции «Былого». — «Былое» редактировалось в 1906—1907 годах, в числе других лиц и В.Я. Богучарским, а в 1912 году, в отдельном издании своих очерков, «Из истории политической борьбы в 70—80-х годах XIX века», стр. 104, В.Я. Богучарский писал: «Нам достоверно известно, что Росси был сослан административно в Туркестан, где и умер». — С. Ш-х.

99. В воспоминаниях А.Н. Баха («Былое», 1907, февраль, 210—211) эпизод с некрологом Бердичевского изложен так:. «На первой странице нумера («Народной Воли»), по обыкновению, печатался некролог погибших товарищей, и между мною и Ивановым возник спор насчет того, поместить ли в некрологе имя Бердичевского, убитого в декабре 1883 года под Харьковом во время попытки ограбить почту. Я был против напечатания имени Бердичевского, так как был против ограбления почт, которое и вообще не следовало практиковать, а еще меньше можно было признать партийным делом... Иванов на это возражал, что ограбление почт раньше практиковалось партией, что если тактика партии на будущее время будет иная, то все-таки будет несправедливо по отношению к памяти Бердичевского, погибшего за партийное дело, исключать его имя из некролога... Столкновение... обострилось... налагало на меня обязанность уступить им, что я и сделал... я тем более склонен признать это за ошибку, что впоследствии Лопатину удалось в отсутствие Иванова уговорить типографщиков выбросить из номера некролог Бердичевского и поставить, таким образом, Иванова перед совершившимся фактом». С. Ш-х.

100. Напечатано в виде «письма в редакцию» в журнале «Современник», СПб., 1911, № 1. Вас. Андр. Караулов — родился в 1854 году, умер в 1910 году — народоволец; в 1884 году был приговорен к 4-летней каторге, которую отбыл в Шлиссельбургской крепости; затем был сослан в Сибирь. В качестве члена конст.-дем. партии был избран в 3-ю Государственную Думу, где много работал по вероисповедным вопросам, горячо отстаивая свободу совести, в особенности защищая интересы старообрядцев и сектантов.

101. Прозвище смотрителя Шлиссельбургской тюрьмы, ротмистра Соколова.

102. Жандармский подполковник Г.П. Судейкин, обладавший огромной энергией и еще большим честолюбием, задумал путем ряда провокационных убийств своих высших начальников, вплоть до министра внутренних дел графа Д.А. Толстого и некоторых великих князей, — запугать царя и сделаться единовластным правителем государства. В своих провокационных замыслах он хотел пользоваться содействием предателя-народовольца С.П. Дегаева, которого пытался прельстить участием в будущих благах по управлению Россией. Дегаев своим предательством причинил партии «Народной Воли» огромное, гибельное для ее существования зло, но в конце концов, уличенный своими бывшими товарищами и под влиянием их приказа, устроил в своей квартире засаду и содействовал убийству Судейкина (в декабре 1883 года). Г.А. Лопатину было поручено комитетом партии проследить, чтобы Дегаев не учинил по отношению к «Народной Воле» нового предательства и снова не переметнулся к Судейкину. Подробности и ссылки на литературу у И.Я. Богучарского — «Из истории политической борьбы в 70—80-х годах XIX века», М., 1912. С. Ш-х.

103. Шлиссельбургская крепость.

104. Напечатано в записи П. Витязева в журнале «Голос минувшего», 1915 год, № 9. Г.А. Лопатин говорил не раз, что редакция П. Витязева буквально точно передает подлинный рассказ Лопатина.

105. Напечатано в журнале «Голос минувшего», 1916 год, № 4, за подписью автора.

106. Рассказы М.П. Сажина о Лаврове, в записи П. Витязева, напечатаны в «Голосе минувшего», за 1915 год, № 10. характеристика политических взглядов самого М.П. Сажина — в дальнейшем рассказе Г.А. Лопатина.

107. Подробности увоза П.Л. Лаврова из Кадникова — в рассказе Г.А. Лопатина — см. выше.

108. «Материалы для истории русского социально-революционного движения», П. Лавров «Народники 1873—1878 годов».

Прим. Г.Л. См. русское издание этой книги: П.Л. Лавров «Народники-пропагандисты 1873—78 годов», СПб., 1907.

109. Это сделал после, перед Гаагским конгрессом, Н. Утин. Прим. Г.Л.

110. Не могу не вспомнить по этому случаю восклицания Ткачева по поводу моих слов о том, что я не мог бежать из тюрьмы при одном чрезвычайно удобном случае, будучи связан данным караульному офицеру честным словом. «Что за архаические предрассудки! — взвизгнул Ткачев. — По-моему, честное слово только и годно для того, чтобы добиться какой-нибудь крупной выгоды путем его нарушения». Правда, Ткачев кончил жизнь в сумасшедшем доме, начав с морального помешательства. Прим. Г.Л.

111. Напечатано в виде письма в редакцию, в газете «Речь», 1916, от 20 декабря, за подписью автора.

112. Напечатано в газете «Одесские новости», 1917, 12 марта. Здесь приводится с поправками автора.

113. Известно, что великий князь Дмитрий Павлович был выслан царем зимою 1916 года в Персию за участие в убийстве Распутина. С. Ш-х.

114. Послано А.И. Гучкову по поводу сообщения столичных газет о том, что Николай II выехал 2 марта 1917 года из Пскова в ставку, т. е. после отречения от престола пытался влиять на управление армией. Печатается по тексту, опубликованному в газете «Русская Воля», 1917, № 8, от 10 марта. С. Ш-х.

115. Печатается по тексту «Русской Воли» (от 10 марта 1917 года), просмотренному автором.

116. Как известно, через несколько дней после отречения царя, великий князь Николай Николаевич был отстранен Временным Правительством от командования армиями.

117. Печатается с рукописи, переданной мне автором; правописание сохранено, за исключением требований новой орфографии.

118. Печатается с переданной мне автором рукописи, где оно первоначально было озаглавлено «Сугубая литография»: заглавие заменено впоследствии по указанию автора. Написано по поводу перестукиваний заключенных в Шлиссельбургской крепости — единственного способа их бесед друг с другом. См. об этом в воспоминаниях Г.А. о В.А. Караулове.

119. Записано под диктовку автора в Доме Писателей в 1916 году. См. стихотворение под заглавием «Стучащие духи».

120. Печатается по рукописи, переданной мне автором.

121. 13 января день рождения Г.А. Лопатина.

122. А.Б. Арончик — студент-путеец, агент Исполнительного комитета «Народной Воли», участник ее многих террористических предприятий; осужден на бессрочную каторгу по делу 20 народовольцев в 1882 г., в Александровском равелине Петропавловской крепости, где в 1884 году сошел с ума. Переведен в Шлиссельбург, где умер в апреле 1888 года.

123. Печатается по рукописи, переданной мне автором.

124. Печатается по рукописи, переданной мне автором.

125. Печатается по рукописи, переданной мне автором.

126. Записано под диктовку автора.

127. Шлиссельбуржец М.Ю. Ашенбреннер.

128. Г.А. Лопатин собирался продиктовать недостающие, довольно многочисленные, строфы этого стихотворения, но не удосужился и высказывал уверенность, что эти строфы сохранились в заграничных материалах, оставшихся после шлиссельбуржца П.С. Поливанова.

129. Продиктованы автором.

130. По поводу того, что 8 ноября — в день св. Михаила — чуть не треть населения тюрьмы оказывалась именинниками. Ф. Фроленко, М.Ю. Ашенбреннер, М.Р. Попов, М.Н. Тригони, М.Ф. Грачевский, М.П. Шабалин, М.Ф. Лаговский, М.В. Новорусский и др.

131. И.Н. Дурново — министр внутренних дел с 1889 года до 1895 года. П.Н. Дурново — директор департамента полиции с 1884 до 1893 года. При посещении обоими Дурново (в 1889 году)

Шлиссельбургской тюрьмы новый министр спросил сторожей, хорошо ли они служат и тщательно ли соблюдают за заключенными. Сторожа сказали, что не могут видеть узников во время отправления последними естественных надобностей в углу камеры. Вследствие этого было приказано выдвинуть «стульчаки» в поле зрения сторожей, наблюдавших за узниками в «глазок» двери (записано со слов Г.А.)

Äîïîëíèòåëüíûå ïðèìå÷àíèÿ

К стр. 713. Элпидин, Михаил Константинович, сын дьякона с. Никольского (Казанской губернии), род. в 1836 году. В 1861 году удален из Казанского университета за участие в беспорядках; привлекался в 1863 году к дознанию по делу о распространении прокламации «Долго давили вас, братцы..» и прикосновенности к так называемому «Казанскому заговору» и был приговорен Казанскою уголовною палатою к каторжным работам на 5 лет. Во время производства дела в 1864 году бежал за границу, поселился в Женеве, где занялся издательской деятельностью: журналы «Подпольное слово» (1866), «Общее дело» (1877—1890), сочинения Н.Г. Чернышевского и др. В биографической заметке о нем, помещенной в книге Н. Голицына «История социально-революционного движения в России. 1861—1881» гл. 10. Петр., 1887 (печатается в количестве 50 экземпляров), с. 170—173 о Элпидине сообщаются сведения, подтверждающие слова Г.А. Лопатина: «С особенным прилежанием занимался он (Элпидин) выслеживанием русских агентов..., но сам он долго состоял, отнюдь того не подозревая, в самых откровенных отношениях к одному из агентов». Умер Элпидин в 1908 году. Биографические сведения о М.К. Элпидине см. в статье Ершова в «Голосе минувшего», 1913, № 6—7 («Казанский заговор») и литературе о заговоре, указанной в книге А.А. Шилова «Что читать по истории русского революционного движения», Петроград, 1922.

К стр. 719. Рассказ Г.А. Лопатина о третьем побеге из Иркутска, записанный в 1915 году с его слов, напечатан в книжке А.И. Голополосова «Из приключений старых революционеров. Побег Г.А. Лопатина с каторги». Изд-во «Культура», М., 1922, 32 стр.

К стр. 733. Уже после напечатания мы имели возможность получить автограф письма Г.А. Лопатина к Александру II, найденный среди разрозненных бумаг бывшего III Отделения. Текст (за исключением двух небольших стилистических отличий (вместо: «преувеличенными толками» (вторая строчка) — в подлиннике: «преувеличенными толкованиями»; вместо «я постараюсь искупить этот промах» — в подлиннике решительнее: «я употреблю все силы, чтобы искупить этот промах»), вполне сходен с напечатанными в журнале «Вперед!». Вместе с автографом сохранился, с лондонским штемпелем 18 мая 1874 года, конверт, на котором рукою Г.А. Лопатина надписано: «Private. To His Majesty The Emperor of the Russia. Buckingham palace».

Дошло ли это письмо до Александра II, неизвестно, никакой пометки на нем не имеется; только оно не было подшито к делу, а сохранялось среди секретных бумаг — агентурных донесений лондонского агента III Отделения А.Ю. Балашевича-Потоцкого. О последнем см. статью Р.М. Кантора «П.Л. Лавров и А.Ю. Балашевич-Потоцкий» в сборнике «Памяти П.Л. Лаврова». Изд-во «Колос», Петр., 1922, стр. 474—511.

К стр. 734—736. В своих воспоминаниях Г.А. Лопатин не совсем верно осветил «петербургский период» жизни А.П. Щапова. Записка, о которой говорит Г.А. Лопатин, не была заменою «допросных пунктов». В деле бывшего III Отделения с. е. имп. вел. канцелярии (ныне Историко-революционного архива) 1 Эксп. (1861 г.) № 116 хранятся как самая записка, так и объяснения Щапова с изложением его участия в панихиде по крестьянам, убитым в селе Бездне. Самый характер записки передан Лопатиным не верно. Она написана, действительно, очень страстно, но без каких-либо резкостей и без обращения к Александру II на «ты». Щапов подробно останавливается на «непросвещенности сельского народа», на «необходимости увеличения школ в селах и городах», на «постепенном правительственном подготовлении к представительству народных интересов» и на «областном общественном благоустройстве». В конце записки Щапов просит Александра II даровать ему «прошение и свободу для мирного, скромного занятия наукой в каком-нибудь уголку в Петербурге, для напечатания сочинений и для приобретения содержания», так как после ареста, с увольнением из Казанского ун-та и духовной академии, он лишился всех средств к существованию.

Записка, в противоположность указаниям Г.А. Лопатина, нисколько не «тронула» Александра II. В своей резолюции от 21 мая 1861 года он признал замечание гр. Шувалова, что Щапов «несколько записался», совершенно справедливым. «Все это доказывает, — заканчивает Александр II резолюцию, — какие в нем преобладают мысли и что за ним придется зорко следить, когда сочтем возможным выпустить его на свободу».

К стр. 744. Уже после отпечатания соответствующей страницы было обнаружено, что два абзаца поправок Г.А. Лопатина к «Воспоминаниям» А.Н. Баха не были перепечатаны. Исправляем в примечаниях эту оплошность.

Кстати, уже на стр. 214 Бах говорит: «Часть этой суммы я передал Лопатину». Из всех денег, полученных разновременно Бахом с К-ва и из других источников, он вручил мне ровно 200 рублей для совершенно специального назначения; позже были высланы в Петербург с тою же целью еще 300 рублей, но после моего ареста они были выданы обратно отправителям (собственно С. Иванову) моим посредником по денежной части.

Еще слово. Как известно, народный «аграрный террор» выражается прежде всего поджогами — подпусканием «красного петуха», чем и объясняется данная мною «молодым народовольцам» кличка, представлявшая краткую характеристику практической программы действий, а не надсмешку над личностями, как можно, пожалуй, подумать из слов Баха (февраль, с. 201). Когда все недоразумения выяснились и уладились без всякого умиротворяющего посредничества Баха, Якубович и Ко были моими деятельнейшими сотрудниками и наши взаимные отношения стали самыми тесными и сердечными.

Автограф поправок Г.А. Лопатина к воспоминаниям А.Н. Баха хранится в Музее Революции; датированы они «Вильно, 7 марта 1907 года».

К стр. 744. Караулов Василий Андреевич, родился в городе Пензе в 1854 году, дворянин Саратовской губернии, образование получил в Витебской гимназии, а потом в Петербургском ун-те. Арестован 4 марта 1884 года. Судился, как и упоминаемые ниже Шебалин, Панкратов, Мартынов (Борисевич), по процессу 12-ти (1—9 ноября 1884 года в Киевском военно-окружном суде); приговорен к каторжным работам на 4 года. В Шлиссельбург доставлен в декабре 1884 года. Освобожден из тюрьмы в 1888 году и отправлен на поселение в Сибирь; амнистирован в октябре 1905 года. В качестве члена конституционно-демократической партии был выбран в III Государственную Думу. Умер 19 декабря 1910 года.

Указания на литературу о В.А. Караулове, равно как и о М.П. Шебалине, В.С. Панкратове, Н. Мартынове, см. в примечаниях, составленных Р.М. Кантором, к «Запискам» В.С. Панкратова, Петр., 1922. Изд-во «Былое».

К стр. 745. Шебалин, Михаил Петрович, род. в 1857 году в Казанской губернии, сын мирового посредника; окончил Каменец-Подольскую гимназию, а в 1882 году физико-математический факультет Петербургского университета. Арестован 4 марта 1884 года, вместе с женою, урожденной Богораз (умерла в 1885 году в Московской пересыльной тюрьме), судился по процессу 12-ти и приговорен к каторжным работам на 12 лет. В Шлиссельбург доставлен в декабре 1884 года, откуда в ноябре 1896 года увезен в Вилюйск. Амнистирован в октябре 1905 года.

К стр. 745. Панкратов, Василий Семенович, рабочий, народоволец; арестован в 1984 году; по процессу 12-ти был приговорен Киевским военно-окружным судом к каторжным работам на 20 лет. В Шлиссельбург привезен в конце 1884 года. По манифесту 1896 года, срок был сокращен на треть; в марте 1898 года был отправлен на поселение в Якутскую область. В 1917 году в качестве комиссара Временного Правительства при бывшем императоре Николае II, высланном в Тобольск, снова выехал в Сибирь. Его записки о Шлиссельбурге печатаются в настоящее время отдельным изданием с примечаниями Г.М. Кантор издательством «Былое».

К стр. 745. Мартынов (Борисевич) Николай, родился в 1855 году; рабочий; 3 марта 1884 года арестован в Киеве под фамилией А.А. Борисевича. Судился по процессу 12-ти и осужден в каторжные работы на 12 лет. В Шлиссельбург водворен в декабре 1884 года; освобожден из тюрьмы в 1896 году. Покончил жизнь самоубийством в Якутске, по одним сведениям, в 1903 году, по другим — в 1900 году.

К стр. 746. Лаговский, Михаил Федорович, родился в городе Нерехте (Костромской губернии), в июле 1856 года, в чиновничьей семье. Воспитывался сначала в Оренбургской воен. гимназии, и в 1875 году выпущен из Московского военного училища в чине прапорщика. Привлекался впервые за хранение нелегальной литературы в 1881 году. Сосланный административным порядком в Сибирь, он оттуда в сентябре 1883 года бежал и в 1884 году вступил в ряды партии «Народной Воли». Арестован в апреле 1884 года в Петербурге и в административном порядке, 10 октября 1885 года, заключен в Шлиссельбургскую тюрьму на 5 лет; впоследствии срок продлен до 10 лет. В 1895 году выслан в город Каракол (Пржевальск); в 1898 году был возвращен в пределы Европейской России. Утонул 29 мая 1903 года.

К стр. 747. Список работ П.Л. Лаврова, написанных им в ссылке, приведен в книжке П. Витязева «Ссылка Лаврова в Вологодскую губернию и его занятия антропологией». Вологда, 1915.

К стр. 748. Анна Павловна — А.П. Чаплицкая († 1872 г.), вторая жена П.Л. Лаврова. Об отношениях Лаврова к ней и к парижским коммунарам — см. статью П. Витязева «П.Л. Лавров в 1870-1873 гг.» в «Материалах для биографии Лаврова», вып. I., Петр., 1921, с. 14 сл.

К стр. 748. О какой «Инструкции революционерам», составленной якобы П.Л. Лавровым, идет речь, к сожалению, точно не удалось установить. Не говорит ли Сажин — о первой программе журнала «Вперед!», ходившей по рукам в литографированном виде, о которой упоминает П. Ткачев в своей брошюре «Задачи революционной пропаганды в России» (1874), как о «возбудившей одно негодование во всех честных кружках нашей молодежи»?

К стр. 749. Два стихотворения П.Л. Лаврова «Пророчество» и «К русскому народу» были напечатаны А.И. Герценом, вместе с препроводительным письмом, не в «Полярной звезде», а в четвертой книжке «Голосов из России» (Лондон, 1857); см. об этом автобиографию П.Л. Лаврова в «Вестнике Европы», 1910, № 10, с. 97.

К стр 750. Г.А. Лопатин говорит о статье «Украинца» «Революционеры и естественный ход событий» («Вестник Народной Воли», кн. 1); до известной степени, «моральное оправдание террора» П.Л. Лавров дал в своей статье «Социальная революция и задачи нравственности» («Вестник Народной Воли», кн. 3 и 4), перепечатанной под тем же заглавием отдельно издательством «Колос», Петр., 1921.

К стр. 750. Об отношениях П.Л. Лаврова к Парижской Коммуне, кроме указанной выше статьи П. Витязева в первом выпуске «Материалов для биографии П.Л. Лаврова» (1921), см. еще книгу П.Л. Лаврова «Парижская Коммуна 18 марта 1871 года», Изд-во «Колос», Петр., 1919. Статьи П.Л. Лаврова об Интернационале, печатавшиеся в журнале «Вперед!», в 1919 году изд-вом «Колос» выпущены отдельным изданием под заглавием «Очерки по истории Интернационала». С предисловием и примечаниями П. Витязева.

К стр. 751. Так называемая «Любавинская история», сыгравшая роль в деле окончательного разрыва К. Маркса и Бакунина и исключения последнего из Интернационала, состояла в следующем. Книгоиздатель Поляков предложил Бакунину перевести на русский язык первый том «Капитала» Маркса и выдал ему часть гонорара авансом. Между тем, Нечаев убедил Бакунина, начавшего уже перевод, отказаться от работы под тем предлогом, что Бакунин весь нужен для революционной деятельности, и, без ведома Бакунина, написал, от имени революционного комитета, письмо некоему Любавину, бывшему посредником между Поляковым и Бакуниным. В этом письме Любавину запрещалось под страхом смерти требовать от Бакунина возвращения аванса. Карл Маркс, не зная всех обстоятельств дела, назвал поступок Бакунина мошенническим. Об этой истории — см. В. Полонский «Бакунин», М., 1920; — Меринг «К. Маркс. История его жизни», Пет., 1920; — Э. Бернштейн «К. Маркс и русские революционеры», «Минувшие годы», 1908, № 10; «К истории исключения Бакунина из Интернационала» «Минувшие годы», 1908, № 4; «Письма К. Маркса и Фр. Энгельса к Николаю – ону», Петр., 1908 (Из «Минувших годов»).

К стр. 751. Смирнов, Валериан Николаевич, с. надв. советника, р. 1848 г.; за принадлежность к нечаевскому делу был привлечен к дознанию, но, отданный на поруки, до суда бежал за границу. В Цюрихе принимал деятельное участие в основании Славянской секции Интернационала; впоследствии был секретарем редакции и одним из деятельнейших сотрудников журнала «Вперед!». Умер в Берне в 1900 году. — Кулачная расправа, о которой говорит Г.А. Лопатин, произошла в Цюрихе, 26 марта 1873 года. Сторонники Бакунина — Ралли, Соколов, Сажин и др. — в связи с раздорами по поводу «Русской общественной библиотеки» в Цюрихе — жестоко избили Смирнова, бывшего секретарем ее. — Подробная библиография о В.Н. Смирнове указана в брошюре П. Витязева «Письма П.А. Кропоткина П. Витязеву». Петр., 1921.

К стр. 751. Г.А. Лопатин говорит о резком памфлете-брошюре П. Ткачева «Задачи революционной пропаганды в России. Письмо к редактору журнала «Вперед!» (апрель 1874 года). В ответ на эту брошюру П.Л. Лавровым написана брошюра «Русской социально-революционной молодежи», Лондон, 1874.

К стр. 752. По поводу выхода П.Л. Лаврова из редакции «Вперед!» подробнее см.: «Заявление» и статью «За четыре года» — «Вперед!» (Лондон) 1876, № 48; П.Л. Лавров о самом себе «Вестник Европы» 1910, №10, с. 103—104; П. Л. Лавров «Народники-пропагандисты 1873-1878 годов», СПб., 1907, с. 276—277, 294—297; В. Богучарский «Активное народничество», М., 1912, с. 124 —131.

К стр. 752. Идельсон, Розалия Христофорова (урожд. Якершберг) — жена В.Н. Смирнова — одна из главных организаторов (преимущественно по финансированию) журнала «Вперед!» — О ней см. брош. «Письма П.Я. Кропоткина П. Витязеву». Пет., 1921, с. 14—15.

К стр. 752. Подолинский, Сергей Андреевич, сын помещика Киевской губернии, р. 1850 г.; в 1871 году окончил Киевский университет по физико-математическому факультету; принадлежал к украйнофильской партии «Громада». Проживая за границей в первой половине 1870-х годов, был в близких отношениях с П.Л. Лавровым, помогая ему денежными средствами для издания журнала «Вперед!». Впоследствии вернулся в Россию.

К стр. 752. Автором известной агитационной брошюры 1870-х годов «Хитрая механика», многократно переиздававшейся и переделываемой и впоследствии, был известный статистик Василий Егорович Варзар (родился 16 декабря 1851 года). — О нем см. С. Венгеров «Критико-биографический словарь», т. IV, отд. II, с. 86—89.

К стр. 753. Рихтер Дмитрий Иванович, известный статистик; в 1873—1876 годах, проживая за границей, был наборщиком типографии журнала «Вперед!». Умер в 1919 году. Некролог его — см. «Вестник литературы», 1919, № 7.

К стр. 756 В напечатанном стихотворении Г.А. Лопатина, к сожалению, вкрались некоторые ошибки, установить которые пришлось уже после отпечатания соответствующих страниц: на стр. 757 пятый стих стихотворения «Стучащие духи» следует читать: «Но дерзкая публика шумно…»; на стр. 757 пропущен подзаголовок стихотворения «Dies natalis» («На 13 января 1890 года»); на стр. 757 — в том же стихотворении стихи 4 и 9 следует читать: «от счастья плакавшие глазки» и «случалося тогда, что в ранние часы»; на с. 757 в стихотворении «На поздравление с Новым Годом» — шестой стих следует читать: «по всем усопшим справить тризны»; — на с. 758 в стихотворении «На Новый год» — девятый стих следует читать: «пусть чаще освежает сон».

Сборник, посвященный Г.А. Лопатину, был задуман тотчас после его смерти, и отчасти тогда же были собраны печатаемые материалы. Но не зависящие от составителя сборника обстоятельства слишком задержали выход его в свет, и сборник появляется не совсем в том виде, как хотелось бы его составителю. Потеря рукописи части книги, слишком поспешное отпечатание некоторых листов ее — не могли не отразиться на характере издания: ряд комментариев, отчасти восстановленных заново, напечатан в конце книги, а не в соответствующих подстрочных примечаниях, как это следовало бы. Теми же причинами объясняется и то обстоятельство, что автографы двух статей Г.А. Лопатина были отысканы уже после отпечатания соответствующих страниц, и изменения пришлось сделать тоже в дополнительных примечаниях. При составлении библиографии и дополнительных примечаний ряд ценных указаний были сделаны П. Витязевым и Р.М. Кантором, за что считаю своею обязанностью принести им искреннюю благодарность.

А. Шилов

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èñòî÷íèêó:
Герман Александрович Лопатин (1845–1918). Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения. Библиография / Подготовил к печати А.А. Шилов. – Петроград: Государственное издательство, 1922.

ÏÈÑÜÌÀ Ã.À. ËÎÏÀÒÈÍÀ ÊÌÀÒÅÐÈ È ÑÅÑÒÐÅ ÎËÜÃÅ. 1862–1863 ÃÎÄÛ

Öåíòðàëüíûé ãîñóäàðñòâåííûé àðõèâ ëèòåðàòóðû è èñêóññòâà (ÖÃÀËÈ). Ôîíä ¹ 1329, îïèñü ¹ 1, åäèíèöà õðàíåíèÿ ¹ 11, ëèñò 1

Казань, 10 мая 1862 года

Ну, Оленька, вот я собрался писать к вам, прежде, право, было некогда, да и теперь не скажу, чтобы было особенно много времени. На пароходе писать неудобно — трясет, а приехал в Казань — нужно обойти всех знакомых, побывать, по возможности, везде, осмотреть чего только можно. В Царицыне ждали мы парохода до позднего вечера, он пришел часов в одиннадцать. Ну, я вам скажу, эффект был такой, как вы себе представить не можете. Он произвел на меня сильное впечатление: мне было и удивительно, и приятно, и, как бы вам сказать… несколько страшно. Вообразите сами: темная ночь, густые клубы огня, вырывающиеся изо всех труб, разноцветные огни в разных местах, а потом — невыносимо пронзительный визг свистка и страшные громовые раскаты паров… Все это, согласитесь, поразительно. И я не удивляюсь тому, что народ под влиянием первого впечатления назвал пароход нечистою силою, когда я, при всем знании теории паров, был так поражен.

A propos: мне рассказывали здесь, как одна староверка, во время спора, неопровержимо доказала, что пароход движет нечистая сила. Когда одна барыня убивалась над тем, чтобы объяснить ей действие паров, она прервала ее следующим заключением: «Ну что ты мне, матушка, рассказываешь: ведь ваш самовар кипит, пар есть, однако же он не идет со стола?» Как вам это нравится?

Утром я был сильно разочарован. Рассмотрев все в подробностях, я нашел, что все это очень хорошо, очень удивительно, необычайно умно, но эффект уже прошел. Кругом нас помещалась самая разнообразная публика: англичане, французы, немцы, шведы, армяне, русских очень мало. Зато третий класс битком набит русскими. Мне хотелось бы дать вам некоторое понятие о помещении нашем на пароходе «Благословенный» (несмотря на благочестивое имя, на нем нет ни одного образа). Вообразите себе конюшню, вроде Черно-Рынковской, где стойла по обеим сторонам. Разумеется, эти стойла сделаны со всевозможным изяществом, в каждом из них две постели вдоль перегородок и одна поперек возле борта, над ней окошко, между постелями стол, с складным верхом, а над постелями сверху, на ремнях, еще две койки, так что всех мест в каждом стойле пять. Дамы с мужьями или с братьями спят в этой же каюте, но для дам, едущих одними, есть одна особая конюшня подобного же устройства… Пощадите, ей-богу, спать хочу смертельно. Желаю и Вам покойной ночи. В следующих письмах постараюсь набросать Вам очерк нашего путешествия. Я встретил несколько славных людей, слышал несколько интересных анекдотов, сам видел кое-что, но, право, писать не могу, глаза слипаются.

Votre спящий frère

Герман Лопатин

P.S. Делаю последнее усилие, чтоб сказать Вам вот что. Мои дорожные письма должны удивлять Вас с мамой своей краткостью и, главное, бессвязностью и торопливостью изложения. Но в дороге иначе, право, нельзя. Бегаешь, ездишь, утомляешься, урвешь какие-нибудь пять минут на письмо, и тут еще спать хочется. Итак, прошу зараз извинения у вас и у мамы за свои дорожные письма и, успокоив таким образом свою совесть, засыпаю.

Г.Л.

ÖÃÀËÈ. Ôîíä ¹ 1329, îïèñü ¹ 1, åäèíèöà õðàíåíèÿ ¹ 11, ëèñò 3

Вятка, понедельник 21 мая 1862 года

Наконец-то собрался я исполнить мое давнишнее обещание и написать вам особое письмо, прежде все было как-то неловко. Что сказать вам о дороге? Сначала мне было грустно: прощание с домом, со всеми вами было еще свежо, потом я развлекся: степь, чистый воздух, движение экипажа приятно действовали на меня сначала, но потом страшно опротивели мне. Это однообразие ровной степи, прерываемое столь же однообразными и скучными деревнями, как-то тяжело ложится на душу: ни думать, ни мечтать в тарантасе нельзя: беспрестанные толчки встряхивают мысли, как кокурки в нашем дорожном мешке. Остается одно — спать. И я спал, спал, спал… пока не проснулся в Царицыне! Совершенное отсутствие камня и громадное количество дерева бросилось мне в глаза в первом русском городе. Пароход, кажется, я вам описывал: впрочем, хорошенько и не помню потому, что писал прошлое письмо почти в забытьи, утомленный тяжелым днем. Волга — широка, велика… но особенной красоты я в ней не нашел. Вообще, я черт знает что ожидал от Волги и был немного разочарован. Я думал, что дорога пролетит для меня незаметно, посреди самых разнообразных картин,

сцен. Но тут же я убедился, что на порядочном пароходе сцен никаких не допускается, единственный подвыпивший господин, хотевший начать маленькую сцену, был тотчас усмирен тихо, без шуму, сопровождающего обыкновенно подобное происшествие. Насчет же видов скажу вам, что их просто нет. Волга настолько широка, что берега ее представляются просто неровною черною полосою. Компания на пароходе тоже была не завидна. Только почти перед самой Казанью село к нам несколько человек, с которыми можно было приятно и без скуки провести время. Дорога от Казани до Вятки и от Вятки до Нижнего все повеселее: она с обеих сторон обсажена высокими березами или же пролегает по густому бору, вы едете по прекрасному бульвару, гораздо лучшему, чем ставропольский. Правда, что и тут разнообразия немного, но все же гораздо приятнее, чем степь или вода.

Ну а теперь обратимся к моему мученью, то есть к визитам, которые делал я в родных городах. Я нарисую вам здесь только общий характер этих визитов, не рассказывая о каждом порознь, потому что все они на один лад.

Приезжаем мы к какому-нибудь старому знакомому или знакомой. Входим. Отец и знакомый становятся друг против друга, причем знакомый смотрит на нас взором полного недоумения. Начинается следующий разговор: «Вы меня не узнаете?» — «Нет». — «Ну-то?» — «Ей-богу, никак не могу». — «А еще столько лет жили вместе!» Знакомый при этом глупо улыбается. — «Так-таки и не узнаете?» — «Нет, не узнаю», — повторяет знакомый (на лбу у него начинает выступать пот). — «Лопатина-то!» — «Александр Никонович! Вы ли! А то! Ай! Нет, быть не может! Неужели?» — и т.д. Все эти восклицания произносятся более или менее визгливым раздирительным голосом, смотря по тому, мужчину или даму мы видим. Все это время я стою сзади, рассматриваю комнату и держу губы наготове, чтоб сделать самую приятную улыбку, когда на меня обратят внимание. Ну-с, после долгих излияний знакомый оборачивается ко мне и восклицает: «А это не сынок ли ваш?» — «Да». — «Быть не может! Ах!» — и опять следует куча восклицаний. Потом мы садимся, и с этой минуты на меня не обращается никакого внимания. Сидим мы час, другой, меня начинает разбирать сон. Я беспрестанно покашливаю, берусь за шапку, старые знакомые ничего не замечают, воспоминания детства (не моего) текут рекой. «Иван Андроныч в таком-то году сказал то-то, а Ивавхий Екзакустодианович (имена я не выдумал) возразил ему вот что». Я слушаю, слушаю, потом выберу кресло поспокойнее и дремлю в нем, пока старые знакомые решаются расстаться. — Я не скажу этого о Барковой, о Соловьевых: там я действительно проводил время с удовольствием, — но остальные — «Спаси господи раба твоего». Вот эти-то визиты, Оленька, и утомили вашего брата до того, что он не мог написать ни вам, ни маменьке ни одного порядочного письма. Погодите, бумаги больше нет.

На полях, слева: Алексей Никоныч и его жена кланяются всем вам.

ÖÃÀËÈ. Ôîíä ¹ 1329, îïèñü ¹ 1, åäèíèöà õðàíåíèÿ ¹ 11, ëèñò 5

Петербург, 5 июня 1862 года

Оленька, милая моя, тяжело, больно мне слышать, что вы больны, и так сильно больны. Последнее письмо мамаши, где она писала об этом, меня сильно огорчило, и в свободные минуты, когда я остаюсь один, когда я подумаю о вас, мне делается очень грустно. Но я сильно надеюсь на вашу, хотя слабую, но переносливую молодую натуру и думаю, что вы уже здоровы. Оставим же этот печальный предмет и обратимся к вашим домашним делишкам. Я нахожусь решительно в удивлении от вашего письма. Что это за Брживицкий? Вы что-то слишком восторженно отзываетесь о нем?! Но, говоря по чести, я не верю в искренность этого увлечения. Тут работает Вальковская и приятное чувство польщенного самолюбия. Надеюсь, вы не обижаетесь моим словам, я не в дурном смысле говорю. Ну а на Вальковскую я сердит: зачем соваться везде, сводить, венчать и прочее? Глупо! А ее Колька так же еще глуп? Советую вам, как брат, быть осторожнее и разобрать по ниточке достоинства вашего героя, да и свои чувства, которые выражать при таких людях, как Вальковская, вовсе не следует. Не обижайся же, Оленька, на меня.

В предыдущем письме моем о Вятке я начал было описывать вам родных и знакомых, но, во-первых, не хватило бумаги, а во-вторых, уехали в тот же день из Вятки, и я не успел послать письма тогда, направляю его теперь из Петербурга вместе с этим. Я знаю, что вы ждали его давно и, верно, очень сердились на меня. Мне очень совестно, но делать нечего. Падам до ног, ясневельможная пани (Брживицкий, верно, уже выучил вас по-польски?).

Но я откладываю пока в сторону всех родных и знакомых, нижегородских и петербургских, и обращаюсь к предмету гораздо важнейшему, к петербургским делам.

Петербург находится теперь в возбужденном состоянии: на Троицу были страшные пожары, выгорели: Щукин двор, Апраксин двор, Охта, Грязная, Болотная и прочее. Виною их поджога есть такая партия или секта — социалисты, которые полагают благоденствие в том, чтобы все люди были равны, то есть чтобы у всех было равное количество имения, денег и прочего. Они истребляют для этого имения богатых и стараются посеять свои убеждения в народе. Они проповедовали свою теорию в воскресных школах Петербургской и Выборгской и увлекли многих. Двое из фабричных, их последователей, стали распространять эти идеи равенства у себя на фабрике между товарищами и

возбудили многих к поджогу. Они теперь схвачены и судятся военным судом, их, как говорят, повесят. Школы закрыты. Вся полиция на ногах, схватывают всякого подозрительного человека. Некоторые находят выгоду распускать в народе слухи о том, что виновники пожаров — студенты. Ожесточенный разорительными пожарами народ не понимает разницу между социалистами и учеными вообще, то есть студентами, злится на них. В моей шапке выйти со двора такой риск, что никто не решится на него. Даже студенты Медицинской академии не носят формы, хотя она и не отменена у них. Говорят, что из Франции прибыло человек 60 вождей этого общества, но они схвачены в Риге. Представители этого мнения во Франции — Прудон и Фурье (подробно спроси у Пупарева). Теперь здесь все осторожны до невозможности. При мне мало говорят, но между собой иногда много и долго. На улице же никто не говорит ничего, да и дома опасаются. Полиция уже очень бдительна. Дворники караулят дома день и ночь, арестовывают всех подряд подозрительных людей, входящих в ворота. Меня было изловил наш дворник и едва выпустил, удостоверившись, что я жилец этого дома. На молодых людей косятся, а на университет смотрят, как на ад, на вертеп разврата, измен и крамолы и всяких ужасов. Никто, даже Плетнев и Миллер, не знают, когда откроется он. Да и откроется ли? Это меня сильно беспокоит. Но вот еще одно беспокойство: я боюсь, чтобы отец меня не увез назад (фразы говорит он какие-то странные).

Ишимова, эта старая боговдохновленная дева, имела с отцом на лестнице долгий разговор шепотом, из которого я только расслышал: «Отдать его в здешний университет — значит навсегда проститься с его нравственностью». Вечно эти старые девы и молодые барыни суются туда, где их не просят. Прочтите это письмо мамаше и скажите ей, что я потому не писал ей об этом, что я не хотел посылать два одинаковых письма. Об Ишимовой расскажите после.

Здесь ходит множество анекдотов по случаю новых дел, но я не пишу о них, потому что нет места да надо быть осторожным.

Герман Лопатин

Благодарю тебя, Всеволод, за твое письмо. Я хотел поговорить с тобой о Коле, но нельзя: письмо будет тяжело, и его не возьмут на почту. Лучше после. Вещи же можешь взять себе. Прощай и помни твоего брата

Германа Лопатина.

P.S. Возвращаю поклоны.

ÖÃÀËÈ. Ôîíä ¹ 1329, îïèñü ¹ 1, åäèíèöà õðàíåíèÿ ¹ 11, ëèñò 7

Петербург, 22 июня 1862 года

Хотел было я озаглавить это письмо славным эпиграфом: «Мечты, мечты, где ваша сладость?» — но потом довольно разумно рассудил, что ежели глупо было строить воздушные замки, то еще глупее будет плакать о том, что их нет на самом деле. Итак, к черту слезливый эпиграф! Потому, получив ваше письмо, я думал было начать письмо эпиграфом гневным: «О ты, которая тяжелым подозреньем», — но подумал и отложил в сторону гневный эпиграф, потому что, знаете, чувствую себя не совсем ловко: немного виновным. Перебрав в уме еще несколько эпиграфов, более или менее удачных, я остановился, наконец, на эпиграфе философском: «О смертный, будь терпелив и безропотно рока удары сноси», — но философия теперь не в моде. «Современник» и «Русское слово» запрещены за излишнее пристрастие к философии и вообще к умственным исследованиям, заходящим в область действительности русского правительства, а главное, за проведение идеи социализма. Известие о запрещении этих журналов поразило меня так, что я даже присел на месте, я даже думаю, не оттого ли в этот день у меня болела голова, а к обеду сделались небольшие спазмы? Не шутя, мне это очень больно: с кем же я теперь отведу душу? Снегирева и Пупарева со мной нет. «Современник» и «Русское слово» запрещены, о господи боже мой! Да что же это такое, наконец? Тоска-то, тоска какая! Давящая, мертвящая, убивающая. Бывало, хоть за «Современником» отдыхал я здесь, а теперь? Тут-то бы и должен утешить меня философский эпиграф: «О смертный, будь терпелив и безропотно рока удары сноси», — но вчера моя философия подорвана запрещением представителей философии русской; значит, и этот эпиграф не годится. Так лучше совсем без эпиграфов: с ними только неудача.

Мне хотелось бы, ежели позволит место, провести вам параллель между жизнью ставропольской и петербургской. Здешняя жизнь напоминает мне описание жизни заграничной. Во-первых, здесь очень мало барствуют. Муж с женой, получающие в год 1200 рублей (например, дядя), принуждены сами ходить каждый день на базар, потому что кухарка их, кроме своей должности, исправляет еще дело горничной и лакея. Но здешние рынки не похожи на наши, так все хорошо, чисто, прилично. Вы можете найти здесь все что угодно и во всякое время, все припасы уже совершенно приготовлены для употребления: стоит только положить на сковороду. В лавочке вам нарежут столько, сколько вам нужно, и так обделают их, что только остается жарить. Никто не обращает на вас внимания: можете быть одеты в чем угодно, нести что хотите, никто на вас не смотрит. Я очень часто хожу с теткой на Сенную площадь за говядиной, за хлебом, за овощами, сам ношу свое белье в паровую

прачечную на Фонтанку и приношу его оттуда. Здесь между средним кругом это нисколько не считается mauvais genr'ом. Мне случалось встречать почтенного генерала, несущего домой стул, купленный на толкучке. Прислуга здесь дорога, но зато работает за четверых; но что мне особенно нравится: все они (за малым исключением) грамотны и имеют чувство человеческого достоинства, здесь не всякий барин рискнет обругать или ударить человека, потому что побоится получить сдачи; но за всем этим прислуга очень вежлива. Дома здесь громадны, четыре-пять этажей (меньше трех я не видел). Нижний этаж везде занят магазинами, а остальные — квартирами (мы живем в третьем, лестницы очень утомительны). За неимением места продолжение впредь. Прошу же не сердиться и отвечать немедленно. Ecoutez vous?

Votre frère Г. Лопатин

ÖÃÀËÈ. Ôîíä ¹ 1329, îïèñü ¹ 1, åäèíèöà õðàíåíèÿ ¹ 11, ëèñò 9

Петербург, 2 июля 1862 года

Поздравляю Вас, Оленька, с днем вашего ангела и прошу Вас извинить меня в том, что я не могу теперь послать к вам. Для того, чтобы купить что-нибудь порядочное, у меня не хватает денег, а посылать из Петербурга вещь в рубль, в два, согласитесь, смешно. Так еще раз прошу: извините меня и не сердитесь. Вы, разумеется, подумаете, прочитав это начало: «Врешь, братец, я знаю, что у тебя есть свои деньги». Я вам сейчас скажу, куда идут эти деньги. Отец, уезжая, отдал дяде на руки 125 рублей, из которых он сам должен вычитать за квартиру и за стол, также одеждою должен распоряжаться дядя на эти деньги, и мне он дал 10 рублей на мои мелочи, да у меня еще было 15 рублей, накопленных в Ставрополе; итого, значит, 25 рублей. На эти деньги я должен покупать нужные книги, платить за стирку и починку белья, за бумагу, чернила и почтовые марки (самый большой расход после книг), одним словом, за все, кроме квартиры, стола и платья. Я отказываю себе во всех глупостях, настольных безделушках и прочем. Но деньги все-таки проходят между пальцами. Посмотрите в расходную книжку: одной странички не исписано, а 7 рублей нет. Пожалуйста, не намекните как-нибудь при отце на это место. Он может подумать, что я недоволен, жалуюсь домой и прочее. Сохрани вас бог. Я нарочно посылаю письмо на ваше имя.

Я давно не получал писем от вас, и ежели сосчитать число писем, посланных мною, и сравнить его с числом полученных от вас, то, право, окажется, что я более имею права сердиться, чем вы. Прошу же вас отвечать побольше и почаще. Вам нечего считаться со мной: вы пишете только ко мне, а я должен переписываться по крайней мере с семью человеками, и даже с десятью, ежели бы захотеть и вспомнить все обещания, данные мною. Разумеется, я не считаю трудом письма к мамаше или ко всем остальным — одним словом, считаться письмами нам никак не приходится. Оставим же это!

Пожалуйста, поздравьте от меня Пупарева, ежели только вы его видите, также всех домашних именинников, пропущенных мною.

Я не могу писать вам о том, что мне скучно: оба письма тогда бы вышли одинаковы, чего я вовсе не хочу. Хотите знать круг моего знакомства: я бываю у Майвалдова — самый добрейший жандарм в мире, у Ложновского не бываю потому, что его нельзя застать дома (оба служат в 3-м Отделении, протекция-то какая?). У Арфановых — там есть девицы (дозревшие по летам), посещающие лекции. Тут принимают меня с разверстыми объятиями. У Слуткиных, наших сродственников. Да у Миллер, наших соседей (на соседней улице). Он — полковник, командир порта, медведь, старый кот. Ежели он не в порте, то у себя, на открытом окне, в туфлях и спальном халате, костюм, который он не снимает даже и при дамах. Жена его — веселый чертенок, но, к несчастью, не молодой. Она немочка, и хоть знает русский язык, но коверкает его довольно мило и часто отпускает такие отчаянные каламбуры, что я просто катаюсь от смеху. Характером она походит на Вальковскую, но была в свое время лучше ее и теперь очень даже ничего, хотя ей должно быть лет тридцать с небольшим. С другими я встречаюсь дома или у этих знакомых, но никакие знакомства не могут разогнать скуки, происходящей от полного отсутствия книг. Вы счастливица: можете читать, говорить обо всем. А я пропадаю совсем в ожидании осени. Прощайте, всяких вам благополучий.

Любящий вас брат,

Г. Лопатин

ÖÃÀËÈ. Ôîíä ¹ 1329, îïèñü ¹ 1, åäèíèöà õðàíåíèÿ ¹ 11, ëèñò 11

Петербург, 27 июля 1862 года

Я решительно в отчаянии, Оленька! Волею неисповедимых судеб ваше последнее письмо попалось в руки дяди, ну-с, он прочел все выражения вроде следующих: «разве дядя и тетка очень простые, не умеют поддержать разговор?..»; «я понимаю, что тебе очень тяжело такое препровождение времени, которое ты описываешь в письме к мамаше...»; «будь осторожен в своих письмах, папаша может рассердиться за своих родных...»; «пожалуйста, жги наши письма, а то всякий сможет прочесть...» и прочее. Что тут поделаешь, когда судьба такая плачевная! Представьте себе: вы получаете

письмо, ладно; читаете себе, ничего. Вдруг у вас берет из рук родственник со словами: «Прочту-ка я, что там к тебе пишут...» Броситься на него как тигр и вырвать письмо — невозможно! Вы наскоро бормочете: «Тут все домашнее, позвольте!» Вам говорят: «Э! Что за секреты между своими!» — и продолжают читать. Спрашиваю вас: что тут делать: (получу вопросы письменно не отвечайте это письмо), когда я увидел, что мои старания безуспешны, то безропотно покорился воле провидения и опустился в близстоящее кресло. Лихорадка меня взяла, в теле был озноб, зубы стучали, пальцы то сжимались, то разгибались (клянусь вам, не шучу): положение было безвыходное. Прочел он, взглянули мы друг на друга, как люди с тактом, оба притворились, что ничего не поняли, обменялись пятью-шестью глупостями и сели обедать, потом понемногу постарались взойти в прежнюю колею. Ну-с, а червячок все-таки есть, и сегодняшнего дня загладить совершенно нельзя. Так-то, Оленька, так-то, милая сестрица, бывает на белом свете! Дергает же нечистая благодетельного родственника принимать слишком горячее участие в племяннике и совать свой нос в его «intimes». Понятно, что его нос непомерно увеличивается. Может быть, нехорошо так выражаться, но знаешь ли, человеку в белой горячке, в лихорадке, в безумстве (?) прощается. Извини же и мой дрянной неровный почерк в начале той страницы: в патетических моментах у меня руки очень трясутся. Представляю вашему благоразумию читать или не читать это место мамаше: ежели думаете, что это ее очень огорчит, то не читайте, ежели вы думаете также, что эта скрытность ее огорчит еще больше, то прочтите. Во всяком случае у меня нет секретов от моей матери, и только моя глубокая преданная любовь к ней может заставить меня скрыть иногда что-нибудь. Зная меня, вы поверите моей искренности. Пожалуйста, не поминайте в своих письмах об этом происшествии, и только в самых туманных выражениях позволяю вам выразить свое сожаление о случившемся. Finis.

Меня изумляет ваш упрек в том, что я мало пишу?! Впрочем, буду писать еще больше, авось давая много, получу много? Постараюсь разогнать это письмо на два листа. Для этого буду писать подробно всякую всячину.

Начну с отчета о ваших старых поручениях.

«Горе от ума» я купил, жаль, что пересылка обойдется вчетверо дороже самого сочинения. Во всяком случае постараюсь послать его к вам на будущей неделе. Очень жаль, что «Макбет» вам не понравился. Мне самому он нравится меньше, чем «Ромео и Джульетта», и гораздо меньше, чем «Гамлет». Я послал его единственно потому, что «Ромео и Джульетты» не было нигде (распроданы). Замена вышла неудачна. Pardonnez, mademoiselle.

Вы удивляетесь, что у меня мало книг? Прочтите письмо мамаше, которой я пошлю в одно время с этим, там я говорю подробно об этом и о своей теперешней жизни. A propos, про какую экспедицию и почему вы говорите? Здесь обыкновенно письмо относится в ближайший почтовый ящик. Я делаю еще более: сам нужным я отношу их на Адмиралтейскую площадь в желтый ящик Московской железной дороги, откуда они отправляются в тот же день в 12 часов. Мне кажется, что наши письма идут одно время — 10 дней? Это громадное расстояние между нами очень неприятно: на мой вопрос вы можете отвечать не ранее 20 дней, так же как и я на ваш.

Жаль, что Эрмитаж, музеи и прочее закрыты, а то бы этих сокровищ достало на много писем. Нельзя сказать, чтобы теперь мне нечего было описывать: не такой город Петербург. Самая жизнь, отличающаяся от нашей, даст бездну материала, к которому не знаешь и с какой стороны и приступиться, так он громаден. Поэтому я и бросил бесплодную попытку описать вам здешнюю жизнь. Это сочинение должно быть и не письмо: форма и объем неудобны. Не знаю, отчего вы так мало пишете и стараетесь наполнить и без того тесное письмо сухими известиями о знакомых и городских происшествиях? Вы говорите — вам не об чем писать? Полноте шутить?! Да разве я жду от вас новостей? О себе-то говорите побольше! Не об наружной вашей жизни — она все та же, — а об внутренней: там, по закону природы, не может быть застоя: полный прогресс совершается в человеке беспрестанно: самые пустые обстоятельства подают повод к размышлениям, совершенно изменяющим весь строй и характер прежних ваших воззрений. Развяжите, ради неба, ваш внутренний мир и, поверьте, хотя для меня и интересно знать о моих знакомых, но вы интересуете меня гораздо больше. Да о доме, о братьях, сестрах пишите подробнее: вдали все интересует и занимает. С каким наслаждением увиделся бы я со всеми вами. Я б был совсем другой, вы бы меня вовсе и не узнали. Ей-богу, правда. Так пишите же и доставьте мне утешение, хотя заочно, видеть вас.

Я развлекаюсь как могу: брожу по городу, останавливаюсь перед памятниками, перед магазинами эстампов или физических инструментов и стою часто по целому часу, любуясь на какую-нибудь картину, выставленную в окне магазина, или разбирая устройство какого-нибудь физического аппарата. Здесь этакая остановка не считается предосудительной: многие дамы стоят перед магазинами и рассматривают чудные платья, корсеты и прочее, выставленное здесь напоказ. Вообще, бродя по Петербургу, можно натолкнуться на очень красивые вещи: какой-нибудь барельеф, статуя, картина и прочее. Даже и в самых бедных церквах есть картины чудной работы. Не говорю уже о таких вещах, как Исакий, Казанский собор, памятник Петру, Николаю, Суворову или дедушке Крылову в Летнем саду (я в Крылова влюблен — удивительно хорош). Одним словом, побродить по Петербургу — большое удовольствие. Здесь есть пропасть других развлечений: Излер, Петергоф, Павловск,

театр — но все эти штуки мне не по карману. Вы спрашиваете меня, куда я дел мамашины 30 рублей. Из них 25 я отложил про запас на черный день, а остальные присоединил к расходным, которым веду я строгий счет, так что всегда могу представить мою книжку, где все усчитано до копейки.

Расскажите, ради всех святых, за что вы-то на меня напали, что я не писал к папаше? Я ждал уведомления о его приезде и спрашивал о нем в каждом письме. Это может показать только маленькую нерасчетливость, но никак не бессердечие и нечувствительность. Я глубоко благодарен мамаше за то, что она, руководясь своим женским и материнским тактом, ничего не говорит мне об этом. Она знает, что я не таков, а мне и без этого горько! Не подумай же, милая Оленька, что я досадую на ваши советы. Нет! Я знаю, что они происходят из участия и любви ко мне. Я вам очень благодарен за них! Прощайте!

Любящий вас брат

Г. Лопатин

ÖÃÀËÈ. Ôîíä ¹ 1329, îïèñü ¹ 1, åäèíèöà õðàíåíèÿ ¹ 11, ëèñò 15

Петербург, 10 / 22 августа 1862 года

Мне очень жаль, Оленька, что я отправил то письмо. Оно, вероятно, очень обеспокоило вас, а еще более — мамашу. Поздно я спохватился, и прошедшего не воротишь! Успокойтесь, пожалуйста. Дело со мною лучше, чем я ожидал: мы живем по-прежнему: он не понял хорошенько прочитанного. На днях мы покидаем эту квартиру. Я, кажется, ничего еще не писал о ней? Она выходит окнами на Екатерининский канал. Целый день и ночь проходят мимо нас барки со всякой всячиной, преимущественно же с дровами, а иногда пробегают маленькие пароходишки, такие маленькие, что даже не наклоняют трубы парохода под мостом, который находится тоже у нас перед окнами. От скуки можно с удовольствием смотреть из нашей теперешней квартиры: вид постоянной деятельности на Екатерининском канале доставляет мне большое развлечение. Надо вам сказать, что я уже перестал скучать и говорю «от скуки» только по старой памяти. Новая наша квартира выходит окнами в сад немецкого Шустер-клуба. Подобный вид не всегда можно найти в Петербурге. Но не в виде дело, а в удобстве помещения. Вы не знаете, Оленька, как я тут помещаюсь? Вот вам точный план нашей квартиры. Как видите, в моей комнате три двери. Откуда и куда кто бы ни шел, моя комната лежит по дороге. Поэтому, когда я вздумаю переодеться, то закрываю все пути сообщения и тем совершенно прекращаю деятельность в доме. При этом случае ни барин, ни барыня, ни кухарка не могут сообщаться друг с другом. И виной этому — молодой барин.

В новой квартире моя комната почти совершенно отдельная. Так что и одеваться утром, и раздеваться вечером я могу без всякой помехи. Да и заниматься-то можно серьезно, здесь не мешают. После подойдут… другой, третий — надоедят. Вы пишете — и с вами разговаривают, отвлекают от дела. Неудобно. Тут, надеюсь, этого не будет. На этом месте меня прервали: позвали пить кофей к Слуткиным (родственники); сходил, вернулся, а мысли-то и разлетелись!

Собирался написать целый лист кругом и все перезабыл, просто беда! Да и вы-то пишете немного. Два или три письма получил я из дому — и ни строчки вашей. Ну да бог с вами! Варенье, компоты, морсы и прочее занимают теперь ваше время.

Прошу вас, передайте мамаше в ответ на ее письмо от 25 июля (я не хотел писать об этом в ее письме), что я уже послал отцу три письма, и ежели они еще не получены, то почта виновата в этом более меня.

С 1 августа у нас в Петербурге зажгли фонари, почти все главные улицы освещены газом; ходить так же почти хорошо, как днем.

Там, куда мы теперь переезжаем, горит спирт. Скверновато. Но все же лучше ставропольского. Удивительно хороша Нева при газовом освещении, и недаром ее зовут «красавица Нева».

Много что-то хотел написать я вам; но теперь не могу: вернулись наши, ходят, смотрят, разговаривают: мысли путаются. Прощайте, будьте здоровы, поцелуйте за меня братьев и сестер.

Любящий вас брат

Герман Лопатин.

P.S. Боюсь, как бы не рассердился папаша за особый конверт вашего письма? Узнайте хорошенько! О здешних не говорите в ваших письмах.

ÖÃÀËÈ. Ôîíä ¹ 1329, îïèñü ¹ 1, åäèíèöà õðàíåíèÿ ¹ 11, ëèñò 17

Петербург, 16 августа 1862 года

Милая Оленька!

Посылаю вам «Горе от ума». Бога ради, простите, что держал его чуть не две недели. На остальной пятиалтынный купил я вам карточку Тургенева. Что ежели и это невпопад. Впрочем, все равно, не пересылать же 15 копеек, и ежели вы питаете такое же чувство к Тургеневу, как и я, то должны быть довольны. В магазинах на Невском продаются карточки всех литераторов ценою от

30 до 75 копеек, смотря по их заслугам. На толкучке же и на Сенной продаются они от 10 до 15 и 20 копеек. Я приобрел этот портрет у продавца лубочных картинок на Сенной площади.

Давно не получал я никаких писем из дому, но сам продолжаю строчить и пересылать письмо за письмом, в надежде, что неблагодарное отечество восчувствует наконец свою вину и пришлет мне письмо пуда в полтора с небольшим, что послужит достаточным вознаграждением за долгое терпение, столь несвойственное моему характеру.

Вчера заходил к Звержанскому, он приехал сюда недели три назад и вздумал справиться обо мне в министерстве у дяди. Ставрополь ругает на чем свет стоит: провинция, грязь, мелочные интересы — одним словом, среда слишком узкая для таких титанических натур, как мсье Звержанский. Он намерен служить здесь. Только не одну пару сапог собьет он, прежде чем получит место. Соискателей много, и не Звержанские нужны здесь. Вижу я каждый день, как дьявольски работают люди, пробивающие себе дорогу к блестящей карьере. А Звержанский пока только толчется у Излера и на других благородных гуляньях да производит точные наблюдения в бинокль над хорошенькими соседками. На этом далеко не уедешь. При том же в Петербурге бездна медиков. В каждом доме есть по крайней мере один, а в других — гораздо больше. Впрочем, и дома-то здесь какие! Тот, в котором мы теперь живем, имеет около четырех тысяч жителей. Ведь это население хорошего уездного городка! Он говорит, что Снегирев скоро будет сюда. Очень рад. Однако, какое сильное влияние имеет он на Звержанского! Дома и здесь он невольно подражает многим ухваткам, выражениям и прочему Снегирева. И в том многое было аффектировано; но эта аффектация была как-то естественна в нем и даже шла к его характерной физиономии. Но Звержанскому она не далась. Чужой кафтан ему не по плечу: широк что-то. Я его почти не узнал, он переменил прическу, по форме ее я замечаю, что у него, должно быть, начинает образовываться лысина.

Много что-то наговорил я вам о Звержанском. Право, не стоило присматриваться близко, я вижу, что он плавает очень мелко. И прежде я его не уважал, да и теперь уважаю не больше.

Что это мамаша писала мне в прошлом письме о Снегиреве? Об Устиновом? О брате? Мне кажется, она смешивает несколько новых учений: материализм, социализм, коммунизм, нигилизм и прочее. В каждом из них есть свои тонкости, и они далеко не везде сходятся.

Поручаю вам, Оленька, поздравить всех чад, домочадцев наших с Днем 30 августа. У вас, вероятно, будет славный курник ради этого дня, и я вспоминаю об этом обстоятельстве не без некоторого урчания в желудке. Желаю вам приятного аппетита и веселого расположения духа для праздника.

Далее: «Как тебе нравится Ишимова?» Ишимова-то? Изуверка какая-то, больше ничего. Сердце у этой женщины давно высохло, все особенности личного характера повыдохлись; молодость она ненавидит от всей души, всякое свободное движение готова подавить и преследовать изо всех сил. Посадите ее на трон, и она затмит славу Николая. Эгоизма в ней бездна. Одним словом, это тип петербургской пожилой женщины. Но многое должно ей быть отпущено, потому что она вынесла много: она лучше, чем могла бы быть. Я ее даже несколько уважаю. Никаких литературных собраний у ней теперь не бывает, не знаю, как зимой. Общество в Петербурге можно видеть ведь только зимой. Хожу я к ней, чтобы полировать кровь и шевелить умом, что, впрочем, и так случается довольно часто.

С чего вы взяли, что Арфановы одних со мной мыслей? Отец — просто солдат, добрый, по-своему, либерал, но тоже по-своему, но вообще человек убеждений далеко не новых, хотя он и не может понять этого. Мать — об ней справитесь у мамаши; я вижу, она ее понимает очень хорошо. Старшая дочь, право, не знаю, что такое. Не то чтобы она была дурная девушка, а так себе: смесь Кукшиной с провинциальною девой. В ней нет никакой женственности, манеры невообразимые. Вторая девушка лучше других. Женственная и симпатичная. Влияние среды и семейства, разумеется, отразилось и на ней, но как-то меньше. Это добрая девочка, и для нее я, собственно, и хожу туда. Все они очень развиты, много читают (больше по части беллетристики), больше вслух. Раз как-то я видел, как Маша (девочка лет 12) пресерьезно объясняет сестренке лет 4-х, почему она обожает Гончарова. Эта девочка очень обстоятельно рассказывает содержание слышанных романов и рассказов. Но все-таки я не скажу, чтобы это литературное семейство мне особенно нравилось. Но другого пока нет, и я довольствуюсь пока тем, что имею. Вы напрасно думаете, что девицы Арфановы — нигилистки. Они — колеблющиеся деистки (так же, как и вы, говоря между нами). В них так же, как и в вас, много сомнений, недоразумений, но женская робость, боязнь приличий, привязанность к авторитетам, неясное опасение загробного наказания, а главное, страх даже думать о подобных вещах удерживают их на отживающей теории деизма.

Вы спрашиваете еще, почему взяты Чернышевский и прочие? Никто даже здесь хорошенько об этом не знает; все они как в воду канули: ни слуху, ни духу. Говорят, что у их английского корреспондента (фамилию позабыл, который недавно был вызван редакцией в Петербург) были найдены бумаги, доказывающие связь их с заграничными социалистами и усилия распространить это учение в России. Вообще слухи очень разнообразны. Многие указывают даже на них как виновников бывших пожаров. Разумеется, что половина слухов — чистая чепуха.

Теперь я добрался до самого главного пункта вашего письма. Когда же это я был очарован Герценом? Я много читал из его сочинений, читал с удовольствием, во-первых, как остроумного пам-

флетиста, во-вторых, как человека, рассказывающего очень интересные факты, о которых я не мог бы узнать другим путем. Политических же убеждений Герцена я не мог разделить по той простой причине, что я их не понимал. Чего он хотел или хочет? Конституции? Республики? Коммуны? Царства Иеговы? Не знаю. На этом-то основании я и не имел никогда определенного взгляда на Герцена, ибо я не знаю ни знамени, ни лозунга его. Слово «liberta» слишком обширно.

Я вполне разделяю две главные мысли «Русского вестника»: 1) что Герцен не имеет определенных убеждений и 2) что нечестно, сидя за спиною лондонского полисмена, владея большим состоянием, поощрять молодежь к восстанию, малоподготовленному, посреди вовсе не подготовленного народа. Вообще в этом деле я за «Русский вестник». A propos: говорят, что готовится дуэль между Герценом и Катковым.

Теперь насчет его религиозных достоинств. Не от Герцена заимствовал я свои убеждения. Частью книги, частью люди, а больше занятия естественными науками и собственное размышление привели меня к ним, и только основательные научные доводы могут меня заставить отступить от них. Но я непоколебимо убежден, что этого никогда не будет.

Я не читал «С того берега», но я думаю, что смеяться и удачно острить над божеством Мюстера для умного человека небольшая заслуга, при той сильной шаткости оснований, на которых держится всякая религия.

Итак, можете успокоиться: ни очаровываться, ни разочаровываться Герценом я не намерен. Он уже постарел, поотстал и едва ли может иметь прежнее влияние, особенно после удара, нанесенного ему «Русским вестником». А удар просто громовый!

Об «Современнике» я тоже изменил несколько свое прежнее мнение. Как посмотришь кругом, послушаешь, так и являются другие взгляды, новые точки зрения. Мне не нравится его крайний социализм. Кроме того, просматривая на досуге статьи Чернышевского, я заметил у него страсть объяснять все примерами из естественных наук. Но, к несчастью, он сам мало знаком с этими науками, и у него встречаются местами ошибки очень грубые, оттого-то многие сравнения неудачны, аналогии неверны.

Вообще многое во мне изменяется: голова работает сильно. Самые пустые обстоятельства рождают новые мысли, которые цепляются одна за другую, ползут, ползут и расползаются в теории, системы, рушатся, поднимаются… одним словом, хаос!

Кажется, вы не можете пожаловаться, что это письмо коротко. Написал бы и больше, материал ведь на каждом шагу, но надо же и честь знать. Как поживаете вы, Оленька? Как живут-могут наши знакомые? Кланяйтесь им, пожалуйста! Не забудьте и Сумину. Благодарю ее за комплимент. Но вы бы меня теперь не узнали: вырос, пополнел, покраснел, остригся, чешусь не то ежом, не то дикобразом, одет джентльменом.

Перемена большая. Звержанский тоже едва узнал. Поцелуйте за меня сестер и братьев. Я очень рад, ежели Всеволоду удастся съездить в Пятигорск, как пишет папаша: это его очень обрадует. Кажется, я обстоятельно отвечал на каждую строчку вашего письма, которое всего-то в три странички, и теперь могу положить перо с чувством выполненного долга. Прощайте, Оленька! Надеюсь, что вы не сердитесь на меня за мои слова о ваших упреках?! Смотри же! Чего доброго, вздумаете, пожалуй, рассердиться!! Пойду спать, уже 12 часов. Покойной ночи!

Любящий вас брат

Герман Лопатин.

17 августа утром рано. Совсем забыл отвечать на ваш вопрос: «Ромео и Джульетта» стоит 1 $^1/_2$ рубля. За «Гамлета» очень рад. За «Макбета» извиняюсь. В настоящую минуту имею полное право сказать вам: «Здравствуйте» — и пожелать доброго дня, потому что он еще не начался, только 7 часов. Bonjour!

ÖÃÀËÈ. Ôîíä ¹ 1329, îïèñü ¹ 1, åäèíèöà õðàíåíèÿ ¹ 11, ëèñò 23

Петербург, 1 сентября 1862 года

Хотя раскаяние, Оленька, и не входит в мои понятия, но, кажется, мне приходится часто. Например, предыдущее письмо к вам и мамаше приводит меня в смущение: в нем, кажется, я слишком уж сильно (?) отозвался об всех, о которых вы меня спрашивали. Вчера были именины папаши; расскажу вам, как я провел их. Каждый год в этот день совершается здесь торжественная процессия, шествующая из Казанского собора по Невскому проспекту до Александро-Невской лавры с иконой Казанской Божьей Матери и с другими образами. При этом в торжественном порядке в золотых каретах и верхами едет царская фамилия, грядет митрополит с духовенством и множество гусар, которые просто неотразимы, как вам известно, для женских сердец. В церковь в этот день без мундира не пускают, но на улице всякий волен любоваться царем и духовенством. Прежде царь не особенно-то любил соблюдать этот день, но теперь, сами знаете, какие времена, и он не упускает случая показаться народу в таком святом сообществе. Я взирал на эту процессию с высоты балкона Майвалдова. Вид был преотличнейший: весь кортеж был как на ладони. По временам народ произносил: «Ура!», — но не скажу чтобы очень громко и дружно: здешние жители уже попривыкли

ко всяким церемониям. Но не в этом дело. Вся важность заключается в том, что я познакомился с Катериной Александровной Ирман, бывшей Катенькой Лазаревой. Что это, скажу вам, за милая женщина! Какая это светлая, умная и хорошенькая головка! Какая женственность, обращение, манеры какие! Глаза, брови, зубы, губы — обворожительные! Ну, одним словом, «перл создания, проведенный через горнило вдохновения». Я уверен, Оленька, что вы никому не покажете этого места моего письма: оно чересчур восторженно. Но, право, нельзя иначе после разных тетушек да их подруг, немок лет за сорок, корчащих подростков и кокетничающих à l'enfant; после этих противных творений такое свежее, светлое, хорошенькое создание всегда немножко увлекает. Но ежели вы подумаете, Оленька, что это мое первое увлечение, то вы горько ошибетесь. С тех пор, как я один в Петербурге, это увлечение номер пятый… Как я ухитрился иметь четыре увлечения в такой короткий промежуток и при этом так скоро развлечься — этого я не знаю; знаю только, что я имел осторожность не писать вам о них. Но об этом не утерпел! Очень уже, верно, сильно.

Теперь опять обращаюсь к подробностям дня. Пришел я к Майвалдову часов в 10. Его не было дома. Но я вхожу к нему во всякое время дня и ночи и при нем и без него совершенно свободно. Поэтому я отправился прямо на балкон и там нашел Катерину Александровну с сыном (это мальчишка лет трех, прескверющий мальчишка, но воспитывает она его прекрасно). Я, разумеется, отрекомендовался. Прошло не более как четверть часа (звонит колокольчик); являются Орфановы (10 штук). У них живет теперь какая-то Кржановская с дочерью, и еще родственница, девочка из пансиона, всех одиннадцать человек. Вся эта компания начала шествие: впереди сосунки, а сзади особы, могущие иметь своих сосунков. Все эти лица обладают в высшей степени пронзительными голосами и изящными орфановскими манерами (об них справьтесь у мамаши). Потом явился сам Майвалдов, окончив поздравления. Началось смотрение церемонии. Майвалдов называл по именам генералов, составлявших свиту императора. Видел я Адлерберга и других препрославленных — Суворова и прочих, и прочих. Было очень интересно и очень скучно. Наконец все кончилось; Орфановы отправились домой, не без труда собрав расходившихся чад. Чай, кофей, торты, конфеты, пирожное, картины, блестящие безделки до того разохотили самое передовое поколение, что нужно было употребить насилие для того, чтобы увлечь их из такого эдема. Меня пригласила обедать Катерина Александровна, и я пошел к ней. Там обедал еще один из ее родственников — Емельян Николаевич Лазарев. Я его терпеть не могу, и поэтому мне было как-то не по себе. Вдруг в 6 часов является от Орфановых Кржановская и зовет нас ехать кататься по Неве в ялике. А заметьте, небо было мрачное и несколько раз сверкала молния. Хотя Катерина Александровна и страшно боится воды, но, не желая расстраивать общего удовольствия, согласилась. Я, разумеется, и не думал отказываться, но только предупредил почтеннейшую публику, что, по моему мнению, будет дождь. Но могло ли подобное замечание удержать пылкие кавказские натуры? Мы отправились. В исполнение моего предвещания несколько крупных капель дождя упало нам на нос, и ослепительная молния раз шесть прорезала тучи, но это не устрашило отважных. Мне же было весело, и я молчал. Все жестоко храбрились, только Катерина Александровна немного дрожала, когда я помогал ей садиться в ялик. Проехали мы Неву, взошли в Большую Невку, в воздухе было тяжело, но дождь не начинал еще накрапывать. Вдруг, без всякого приготовления, на нас хлынул ливень, крупный, частый, пронзительный, холодный. Мы поворотили назад, но ливень не прекращался, он был так част и так тяжел и силен, что становилось больно плечам. Гром, молния, дождь, ветер, страшная качка и совершенная тьма, покрывшая вдруг всю окрестность, подействовали на публику. Кржановская визжала и громко молилась. Она заворотила подол на голову и образовала там некоторое подобие капора, вследствие чего ужасно была похожа на будочника в рогоже, когда он в дождливую погоду отправляется зажигать фонари. Будочник, вслух читающий акафист!? Что за картина!! Катерина Александровна тоже, кажется, молилась про себя под бурнусом. До меня долетали ее сдержанные восклицания. Остальная компания то молилась, то хохотала. Мне было хорошо, хотя я и промок до костей, хотя платье прилипло к телу и сапоги были полны водою, так что мне тяжело было передвигать ноги. Можете представить, что было с моей соседкой! Ее прюнелевые ботинки совершенно раскисли, шляпка ее и антука стали ни на что не похожи, об платье и говорить нечего. Вся струсившая компания начала Христом богом молить меня, чтобы я велел пристать к этому берегу и не переезжать Неву в такую погоду. Я имел слабость согласиться на эту просьбу, и мы должны были под проливным дождем пешком идти до Троицкого (понтонного) моста, перейти Неву и опять идти до Владимирской больше чем 4 версты. Как мы шли и каковы пришли — об этом рассказывать нечего. Вы можете сами довольно правдоподобно вообразить все это, лежа в свободную минуту на кровати. Для меня это происшествие не имело других последствий, кроме того, что комната стала немного тесна от просушивающихся в ней различных частей моего костюма. Не знаю, как пройдет оно для Катерины Александровны и других дам. Это меня очень беспокоит.

После обеда получил я после двухнедельного ожидания письмо от вас величиною с утиный нос. Там есть маленькая приписка от мамаши, от папаши же нет ничего. А его письма имеют для меня столь большую важность, что дядя без них ничего не решается делать. Отвечаю на ваши вопросы. В Петербурге все спокойно до невозможности. Некоторые называют это затишьем перед бурею. «Библиотеки

для чтения» или какого другого журнала для чтения я не имею и потому и не читаю. Вы в этом отношении, как и во многих других, счастливее меня. Хотя вы и пишете, что хорошо понимаете все неудобства не иметь отдельной комнаты, но я скажу вам на это: совершенно понять этого вы не можете: трудно. Так моя правда, Верочка помирилась-таки с Тимофеевыми? Жаль только, что она вместе с тем перестала давать другим свои тетрадки: это немного жестко. Мамашиного портрета я еще не получил, отчего она не вложила туда и карточки? В конверте переслать нельзя. «Ромео и Джульетту» вышлю непременно. Если бы вы написали об этом немного ранее, то я переслал бы ее вместе с «Горем от ума», а то опять придется платить за пересылку 40 копеек. Пупареву кланяйся. Я его часто вспоминаю, и карточка его у меня в большом почете. Хотя я и не писал к вам почти две недели, ожидая вашего письма, но вы едва ли можете пожаловаться, что я пишу мало или что письма мои коротки.

Г. Лопатин.

Баркова более полутора месяцев не отвечает на мои письма, что с ней?

ÖÃÀËÈ. Ôîíä ¹ 1329, îïèñü ¹ 1, åäèíèöà õðàíåíèÿ ¹ 11, ëèñò 27

Петербург, 6 октября 1862 года

«Не отдавайся первому влечению», — сказал Талейран. «Да не будете смешны», — прибавлю я от себя, милая Оленька. Правило это весьма мудрое, справедливость его я сознал давно; но следовать ему я не могу никогда. И в самом деле, два предыдущих письма я наполнил панегириками известной вам даме. Потом, разумеется, я ясно увидел, что это ужасно смешно, но что было делать? Письмо не воробей, вылетит — назад не воротишь. И вот получаю я от вас, Оленька, ответ на мой восторженный акафист, распечатываю — ужасная страница о чувствах вообще и к Катерине Александровне в особенности. Поверьте — я наказан довольно, я увидел себя, в каком я смешном виде! Читая эти строки, вы, конечно, подумаете: «Значит, увлечение соскочило?» — совершенно справедливо изволите догадываться, Ольга Александровна! Первое очарование прошло, и моя голова вновь в полном порядке. Что же касается до зеркала, волос, ногтей, чистки, мытья, бритья… фу, какие мелочи!.. будто я на это способен? К тому же волосы мои плотно обстрижены, а ногти, несмотря на то, что я стараюсь стричь их так же плотно, не перестают носить глубокий траур по родине.

Теперь — страница вторая, увлечение № 2 — Снегирев.

«Ради бога, Герман, не смотри ты на него как на необыкновенного человека».

— Ради всех святых, Ольга Александровна, пощадите! Да когда же это я говорил, Оленька, что он необыкновенный человек? Ума у него никто отнять не может. За ум я его уважаю и вообще буду уважать. А необыкновенный??? Да когда же? Да почто же так? Клевета на отсутствующего, на беззащитного. Ей-богу, клевета!

«Ведь это здесь недостаток в умных людях, а там, вероятно, много всяких». Откровенно говоря, милая Оленька, ни одного еще не видел! Такая чушь суть эгоизм, не тот чистый, умный эгоизм, за который ратовал я прежде с мамашей, а сухой, мертвящий, бессовестный, петербургский эгоизм, который мы оба ненавидим равно, глупость, самодурство, апатия, мерзость… и точки, точки, точки.

Ежели вы помните (в чем я не сомневаюсь), в прошедших письмах я, кажется, выгораживал дядю насчет тетки, но с тех пор много воды утекло, много фактов совершилось, и мнение мое переменилось: я нахожу, что женщина, при всей глупости и неразвитости, сохраняет еще в себе доброту, и много можно извинить ей за это. Но мужчина — эгоист до конца ногтей, самодур (смотри Сочинения Добролюбова, том 3, «Темное царство») и деспот, сумеет, при некоторой дозе здравого рассудка, спрятать сначала лапы, чтобы потом выпустить их исподволь и сжать все покрепче. Да врет — не на того напал! Недаром с ним и брат Константин Никонович и мать Татьяна Артемовна не в ладах. А уж такой женщины, как его мать, поискать нужно.

Он давно уже ничего не читает и отстал ужасно. О медицине я не говорю. По медицине Пупарев перед ним такой резвый прогрессист, что аяяй! Знаете ли что, Оленька? Не боясь гнева вашего, я продолжаю, несмотря на все ваши нападки, питать к нему такую же симпатию, как прежде, и люблю его не менее. Когда нападет на меня тоска, защемит, заноет сердце, когда вспомнится мне мой милый ставропольский дом, то вместе с вами я вспоминаю и Пупарева, мое семейство и он для меня неразлучны. Не сердитесь!

Mon ande держится в министерстве (имея два места) только Эрнестом Эрнестовичем, братом Амалии Эрнестовны. Это отличный, умный, добрый человек, ненавидящий молодость. (Разумеется, вы должны принимать здесь слово «умный» в самом обыкновенном значении). Он мне очень нравится, но компанию с ним я, разумеется, водить не могу: он вице-директор, статский советник, а я — студент. На этот случай есть известная пословица: «С посконным рылом да в суконный ряд».

Вы скажете: «Ну вот уж один умный человек; а говорил — все мерзость».

Правда ваша. Таких наберется и не один Майвалдов, Катенька (ей-богу, только для краткости так), пожалуй, даже Орфановы, пять-шесть студентов, с которыми я говорю… Но все это не то, все не по мне. Вы сами хорошо понимаете, чего я хочу.

Хотелось бы мне поговорить с вами, Оленька, об университете и о студентах, и о профессорах, и о девушках-студентках (двух видел на медицине); но я утомлен, ужасно времени так мало. Взяв во внимание это же утомление, простите мне, бога ради, милая Оленька, что я до сих пор еще не распорядился насчет ваших двух рублей. Все порядочное так дорого, и времени так мало! Сходил в университет, воротился назад — ну и устанешь. Я и то для этого удовольствия встаю в 6 часов, а ложусь редко раньше 12, далеко уж очень. Так простите великодушно! На днях пойду опять по магазинам. Препотешны мне ваши сетования на разлуку со своими через улицу. Побыли бы вы в моей коже, так бы узнали, что такое разлука. А то через улицу! Ха, ха, ха!

Вы не можете себе представить, как мне жаль Демидовского! Передайте ему, пожалуйста, тысячу поклонов. Всем знакомым моим: Пупареву, Вальковской тоже — кланяйтесь.

NB для вас. Сию минуту только получил следующее ваше письмо. Господи, что за каторга там у вас? Вы просите моего совета? Но разве я могу, разве я смею дать его в таком деле? Тем более что его я совсем не знаю. Оленька, милая моя, ваше обращение ко мне поставило меня в ужасное затруднение. Вы знаете, как я вас люблю и жалею. Но, право, мне кажется нечестно, не любя, выйти замуж. Это значит — обмануть будущего мужа. Понятно, чего он ищет в жене. Не одну же работницу, но и любовницу. Бог мой! Бог мой! Что же я вам скажу?! Вы сами должны лучше себя знать. Только мамашу пощадите, бога ради! Не жалуйтесь, не плачьте, не говорите ничего при ней. Вам будет тяжело, ей немного легче. Пишите ко мне больше. Дорого бы я дал, чтобы быть там, я теперь совсем другой и многое мог бы уладить. Эх, Оленька. Ведь и мне не легче — утешимся же. Вы можете еще молиться, верить, надеяться. Бог да поможет вам. Будьте уверены только всегда в искренном сочувствии крепко любящего вас брата

Г. Лопатина.

ÖÃÀËÈ. Ôîíä ¹ 1329, îïèñü ¹ 1, åäèíèöà õðàíåíèÿ ¹ 11, ëèñò 30

Петербург, 25 октября 1862 года

Что там с вами делается, Оленька, что вы так давно не пишете? Не случилось ли уже чего-нибудь? Ей-богу, ваше молчание меня ужасно беспокоит. Мамаша была больна, вы тоже не особенно здоровы… что же там у вас? Пишите, бога ради, поскорее! Как видите, нарушая свое обыкновение, я собрался писать к вам, не дождавшись письма из дому. Что, как вы поживаете? Все ли у вас благополучно?

Я со своей стороны здоров и живу довольно порядочно, особенно по сравнению с другими студентами. Из этого сравнения я решил, что сойду от дяди только на кондиции. Нанимать квартиру — не приходится: порядочная дорого. Плохая же… в таком случае лучше оставаться так, как есть.

Ну-с, теперь перехожу к вашему поручению. Карточку Герцена (вместе с Огаревым) я купил за 30 копеек. Михайлова нет нигде, вероятно, раскуплен. Потом я остановился в решительном недоумении, что мне делать с остальными рублем семидесятью копейками? Исходил я почти все книжные лавки на Невском и на Гостином, искал чего-нибудь порядочного по книжной части, но все порядочное очень жмется, и 1 рубль 70 копеек тут никуда не годятся. Не пересылать же мне их назад? Подумал я; взял да и купил сей альбом для карточек ваших знакомых, ежели вы только потрудитесь их набрать. И набрать их нетрудно: стоит только усиленно требовать или менять на свои. По крайней мере, здешние дамы и девицы так делают. У девиц Орфановых по меньшей мере по альбому у каждой, и все они плотно набиты, еще много карточек валяется просто в папиросных коробках.

Ежели вы, Оленька, будете недовольны на меня, что я так долго не выполнял вашего поручения, то я на это не могу сказать вам следующее: я ухожу из дому в 8 часов, прихожу в 4. Обедаю со свечами; потом к лекциям приготовиться нужно; когда тут идти по магазинам: даль такая и ночь на дворе. И выходит, что употреблять на это можно только воскресенье. Вот и теперь я не знаю, как переслать к вам эту посылку. На почте сидят только от 9 до 2 часов, а я в это время в университете. Постараюсь завтра уйти с богословия и отнесу ее на почту. Эта посылка в последнее время очень мучила меня, а было некогда, оттого я и не писал так долго: карточку купить еще не успел, а писать без нее — совестно было. Давно пора было исполнить данное поручение. Как отдам на почту, то кажется, целая гора свалилась с плеч.

Сейчас получил от вас письмо в одном конверте с мамашиным и с 2 рублями. Я всегда трепещу, получая конверт за пятью печатями. Ведь денежные письма взрезываются на почте, и я получаю их от дяди уже прочитанными. Бога ради, не вкладывайте в них ничего конфиденциального, да и в таких-то письмах про здешних не говорите. Вот, и в этом: «…пожалуйста, Герман, сожги мое прошлое письмо». Он прочел, смотрит сентябрем. Говорит: «Если хочешь получать письма не взрезанными (а я ничего на этот счет не говорил), то проси адресовать их в университет» и прочее.

От Демидовского никакого письма не получал, а к нему писал три раза. Написал бы к вам больше, да времени нет. Занятий бездна да и времени нет вовсе. Клянусь честью! До свидания!

Лопатин.

ÖÃÀËÈ. Ôîíä ¹ 1329, îïèñü ¹ 1, åäèíèöà õðàíåíèÿ ¹ 11, ëèñò 32

Петербург, 6 декабря 1862 года

Скучно что-то, Оленька! Тоска такая на душе у меня лежит, что и боже упаси. Дядя ушел со двора, чуть не разодравшись со своей чухонкой (как он ее называет в азарте); Амалия Эрнестовна сидит, кается и вздыхает, кухарка (единственнейший приятель во всем доме) ложится спать; нынешний перевод тащится как-то вяло, химия тоже нейдет сегодня на ум, поговорить не с кем, ну вот и тоска, меланхолия какая-то, или, лучше сказать, мизантропия, потому-то я недоволен в настоящую минуту всем и всеми, а преимущественно собой.

Вот и сел я отвести душу хоть за письмом; кстати же, за мной в этом отношении небольшой должок, извините же, Оленька, если у меня, против воли, и проскочат где-нибудь слишком резкие суждения или взгляды слишком мрачные, слишком преувеличенные: известно, что расположение духа кладет свою печать на весь строй мыслей в известную минуту.

Тяжело, Оленька, привыкнув раз к жизни в семействе, в кругу родных и хороших приятелей, понемногу отвыкать от этой жизни, отвыкать от откровенности, от разделения своих мыслей с близкими себе, от всего того, что составляет прелесть семейной жизни; тяжело привыкать к постоянной замкнутости, к холодной сосредоточенности порядочного человека, человека comme il faut.

Я почти наверное могу предугадать, что вы скажете на это: «Пиши почаще к нам, рассказывай подробно все, что с тобой случится, делись с нами мыслями, одним словом, старайся посредством писем продолжить для себя семейную жизнь, продолжить связь с теми, кого ты любишь.

Вся эта тирада, к несчастью, вовсе неприложима к делу! Нельзя в письмах рассказать подробно всю свою жизнь, всю окружающую обстановку: рука не поспевает за мыслью, сил не хватает на такой обширный труд, бумаги на это потребуется несколько возов, а времени, времени!.. Между тем, как я могу всего два-три часа в неделю посвятить на свои письма. Об таком предмете, как жизнь, можно говорить и не наговориться… а писать… где тут писать!.. Разделять мысли в письмах тоже неудобно. Их не притянешь за волосы во всякую минуту. Они являются всегда по какому-нибудь поводу, так сказать, a propos. При том же для развития известной мысли нужно посвятить целое сочинение, а не письмо, хотя бы оно и было в целый почтовый лист, как мои письма к вам. Итак, отложим в сторону всякую попытку жить в письмах так, как жили прежде. Одна моя мечта теперь: увидеть как можно скорее мамашу, вас и всех наших, обнять вас крепко, переговорить все, что накипело на душе, насмотреться вдоволь на вас и на степь, на лес, надышаться в запас тамошним воздухом и тогда снова вернуться на страду студенческой жизни, студенческих занятий! Эта мысль сделалась теперь моей манией. Отлагаю до этой далекой, но желанной будущности всякие рассказы об окружающей меня среде (по нынешнему модному литературному выражению).

Хотелось бы мне сообщить вам и мамаше о той страшной дикости понятий, которую я встретил у Ишимовой с братиею, но для подкрепления этого потребуется много доказательств, потребуется вспомнить и рассказать множество мелких, но характерных фактов; одним словом, потребуется невозможное, или, по крайней мере, трудноисполнимое. Итак, в сторону этот вопрос!

Мог бы я порассказывать многое про университет, про высшее начальство, про золотую посредственность профессоров и про неразвитость массы студентов, про разные случаи более или менее интересные, но тут опять нужны факты, обстоятельный рассказ, беспристрастие, хладнокровие… а я не в духе! В сторону и это!

Хотелось бы мне потолковать с вами, Оленька, о том demimonde, в котором я вращаюсь в настоящее время, очеркнуть, елико возможно нравы и обычаи петербургских барынь (то есть дам) и барышень средней руки (мужчины везде одинаковы и представляют мало интереса), хотелось бы очень снова перебрать старых знакомых, в том числе и милейшую Катерину Александровну, осветить их по возможности с разных сторон, но это значило бы вломиться в самую сердцевину моей жизни, перебрать по ниточке всю окружающую обстановку, пуститься по этому удобному поводу в философию, одним словом, зарапортоваться, написать 8 страниц и не сказать ничего. Нет! Лучше в сторону, ну их к богу!

Довожу до вашего сведения, что чадолюбивое правительство воспретило содержателям частных пансионов (которых здесь довольно много) принимать учителями студентов, обложив их за нарушение этого постановления 250 рублями штрафу. При трудности добывания кондиций, при дешевой плате за переводы эта мера еще более способствует разведению нищих между студентами, а следовательно, к значительному ограничению этого класса. Вообще довольно интересно припомнить все меры, клонившиеся к этой цели, то есть к разъединению и к уменьшению числа студентов: 1) назначение 50 рублей за право слушания лекций; 2) уничтожение формы; 3) отнятие кассы и библиотеки; 4) запрещение всяких сходок по поводу взаимного вспомоществования; 5) запрещение давать уроки в пансионах. Меры рассчитаны очень хорошо!

Я знаю теперь одного студента, славного, дельного малого; у него на днях умер отец, и остались мать, три сестры и два брата — все мал мала меньше. Они живут в Вологде, у матери есть домик, с которого она надеется получать рублей 10 в месяц, что при ее пансионе 40 рублей в год должно

составить все их пропитание. Быть может, от него и не потребуются высылки домой, но уж самому-то ему решительно неоткуда получить субсидий: кондиций же он также никак не может найти, как и я, а за квартиру, за стол платить надо! Подумайте-ка!

Если бы мне представился случай иметь кондиции, я с радостью уступил бы их ему; потому что благодаря папаше я существую безбедно, хотя мне и тяжело тянуть соки из дому, где нас так много, но случая нет; и я и этот студентик ждем у моря погоды. Я бы с удовольствием поделился с ним своими карманными деньгами, накопленными еще в Ставрополе, к несчастью, он не из таких людей, которые не краснея принимают милостыню! Вот у таких-то людей отнимает правительство всякие честные средства добыть себе кусок насущного хлеба!

Занимаюсь я теперь усиленно, не столько, впрочем, своими предметами, сколько языками. Скучаю много от неимения вблизи себя людей, с которыми мог бы говорить откровенно. Впрочем, все измышляю предлоги, чтобы сойти на квартиру, и именно к тому студенту, о котором говорил выше; заниматься будет приятнее в компании, да и народ-то все хороший (я забыл сказать, что он живет с двумя студентами, своими гимназическими товарищами).

Опишите, пожалуйста, мне, Оленька, подробно весь наш: где, кто живет, я сам все никак не соображу.

Затем прощайте, Святки желаю вам провести весело. И сегодня у вас, я думаю, немалое веселье: ведь Коля именинник! Поздравьте его от меня и кланяйтесь всем нашим.

Брат ваш *Г. Лопатин.*

Приписываю вам, милейшая мамаша, только несколько строчек, потому что из письма Оленьке вы подробно узнаете все обо мне или, лучше сказать, ничего не узнаете, потому что, просматривая письмо, я вижу, что не написал ничего путного. Да и не о чем, признаться, писать: жизнь так однообразна, а мелочи в письма не идут, причем на сплетни выходит похоже. Прощайте, моя милая, добрая! Доброй ночи вам всем!

Лопатин.

На левом боку листа: «В Варшаве все обошлось благополучно. Папаше — мой поклон».

ÖÃÀËÈ. Ôîíä ¹ 1329, îïèñü ¹ 1, åäèíèöà õðàíåíèÿ ¹ 11, ëèñò 35

Петербург, 1863 года, февраля 27-го

Во второй или третий раз поздравляю вас, милая Оленька, во второй или третий раз приношу вам все те же пожелания счастья и всяких земных благ. Мои поздравления и пожелания не станут менее искренни от повторений. Давно, давно не писал я к вам, и причин к этому было много: 1) во-первых, было некогда, 2) во-вторых, подоспела моя болезнь, совершенно напрасно наделавшая у вас столько тревоги; 3) опять некогда и 4) неполучение писем от вас, — положим, в ваших обстоятельствах, при новизне вашего положения вам было не до писанья, но, согласитесь сами, что и я не мог написать к вам, адресуя на имя вашего мужа, когда не получал еще уведомления об вашей свадьбе. Этикет должен был быть соблюден. На днях получил я письма от вас и от Александра Ильича, и вот, как видите, спешу поскорее ответить на них: формальности соблюдены с обеих сторон, и теперь мы можем не считаться более визитами.

Вы спрашиваете меня, как я проводил масленицу. Ел блины, впрочем, без особенного удовольствия. У знакомых ни у кого не был. Прохаживался у балаганов, около качелей, каруселей и тому подобных увеселений. Зевал, скучал и ругался. Занимался, но очень мало: как вам известно, на масленицу обыкновенно толкутся гости. В заключение отправился в итальянскую оперу. Шел «Отелло». Музыка, как обыкновенно, была великолепная; Тамберлин брал свой знаменитый ut-diez, Кальцорони заливался соловьем, m-me Барбо тоже забирала какие-то удивительные нотки. Все было превосходно; но все-таки, к крайнему моему удивлению и сожалению, в умиление я не пришел и никаких возвышенных чувств и неудержимых восторгов не испытал. Не знаю, было ли это следствием того, что я вообще не большой знаток в музыке, хотя и очень люблю ее; или, может быть, я не все хорошо слышал, потому что сидел, конечно, в амфитеатре, или, как выражается капельдинер, в восточных банях, повторяю, не знаю, но только, выходя, мне все хотелось спросить: «Только-то?». Но спросить было не у кого, потому что я был один. И так мое недоумение так и осталось неразрешенным.

Был я и в балагане Берга, видел разные волшебные пантомимы и арлекинады, изображавшие похождения Пьерро во всех странах Земного шара от Северного полюса до экватора и изобилующие чертями, драками, убийствами, выстрелами, громами, молниями и т.п. эффектами, приводящими в неописанный восторг многочисленную публику. Видел я также русское катанье с гор; езду на северных оленях, качели всевозможных устройств, райки, панорамы, зверинцы, 14 шатров, видел знаменитых стариков, забавляющих публику различными присказками и прибаутками и комическими рассказами... ну вот вам моя масленица! А вы что поделывали? Из всего вашего письма я мог узнать только, что вы кушали блины, но этого мне недостаточно, тем более что об этом я бы и сам непременно догадался. Постарайтесь, Оленька, в следующий раз пополнить пробелы, а теперь пока прощайте.

Горячо любящий вас брат, *Г. Лопатин.*

ÖÃÀËÈ. Ôîíä ¹ 1329, îïèñü ¹ 1, åäèíèöà õðàíåíèÿ ¹ 11, ëèñò 37

Без даты

Посылаю вам, Оленька, с папашей книги «Гамлет» (1 рубль), «Макбет» (1 рубль) и «Шевченко» 17 к. «Горе от ума» все распродано, но мне обещали новое издание на будущей неделе, тогда пришлю. Также «Ромео и Джульетта». Ваше письмо от 6 июня только что получил и ужасно изумился тому, что вы еще не получили ни одного нашего письма из Петербурга и что последнее письмо получено вами из Нижнего. Это удивительно! Как, однако, медленно ходит почта! Отец и дядя укладывают вещи. Ваше письмо в самом разгаре этого дела, поэтому мы и не можем исполнить вашего нового поручения купить карты Алморман. Да неужели вы в самом деле разошлись с Пупаревым? Господи, твоя воля! Что за чертовщина! Представить себе не могу! А право, это очень жаль! Впрочем, мне много-то расписываться некогда: ведь я пишу теперь, положив бумагу между множеством вещей, назначенных к укладке. Демидовскому кланяйтесь. Adieu.

Votre frère H. Lopatin

P.S. Ах, да! Посылается вам еще два портрета, один вам, другой маме, да две карточки, обе вам для передачи, одну Пупареву (непременно отдайте), другую Демидовскому пока, до получения портрета.

Времени мало, матушка, и потому я начну прямо с главного — с экзаменов. Всеволод держит средственно — из закона Божьего и географии можно было бы получить — предметы не головоломные — ну да это ничего! А вот насчет младших, то девицы как. Знаете что? Подозрителен мне как-то этот зверек и этот позвонок! Видите ли, я сам был гимназистом, сам тоже толковал и о зверьках, и о позвонках в подобных случаях. Не то чтобы это была ложь. Нет! А так, двусмысленность, каламбур. Зверька-то я не отвечал действительно, да сверх того не знал кое-чего поважнее этого бедного зверька. Vous comprenez? А что Кузьмин мог сказать это, зная, что вы думаете оставить Надю в том же классе, этому я верю. Насчет же баллов мне кажется, что он скорее Тимофееву поднял до Нади, чем Надю спустил до Тимофеевой. А в таком случае, не все ли ей равно? Плюньте-ка лучше на все эти мелочи. Прощайте, мама, и не сердитесь на меня за мой ответ, немного не согласный с вашим мнением.

Любящий вас, *Герман Лопатин.*

ÖÃÀËÈ. Ôîíä ¹ 1329, îïèñü ¹ 1, åäèíèöà õðàíåíèÿ ¹ 11, ëèñò 37

Без даты

Введение

На всех улицах проходу нет от мальчишек, с криком и воплями предлагающих вам купить тысячелетие, как будто от этого зависит и ваша, и их жизнь. Тысячелетие заключается в гравюрах, в брошюрах, в книжках, в лубочных картинках, в медалях, в стихах, в фотографиях и, наконец, в почтовой бумаге. Чтобы отделаться от назойливых продавцов, я решился купить самое дешевое из тысячелетий: лист почтовой бумаги — в полной надежде сбыть его в провинцию, то есть к вам в Ставрополь. Вследствие этого вы должны извинить меня, Оленька, в том, что я возымел решимость писать на такой мещанской бумаге. Pardon!

Письмо

Вы знаете, Оленька, что я уже поступил в университет, и потому, вероятно, не удивитесь и не рассердитесь, ежели письма мои станут короче? Занятий много, а времени мало. Дух бодр, но плоть немощна. На этот раз я посвятил письмам все воскресенье. Ваше письмо, только что полученное мною (заметьте — промежуток 20 дней), служит ответом на мое, посланное вам с «Горе от ума». Ей-богу, я не имел ни малейшего желания в нем сколько-нибудь поколебать ваши религиозные верования. Они так неразлучны с женственностью, что я, право, не могу себе представить ни одной женщины без них. «Младенцы, простолюдины и женщины имеют веру угольщика*, без всякого критического анализа», — сказал третьего дня наш профессор богословия, знаменитый Палисадов. «Они совершенно не способны к философской рефлексии», — прибавил он. «Даже можно сказать, философское размышление им не к лицу», — заключил он, ободренный глубоким молчанием аудитории; но тут в некоторых местах послышался сдержанный смешок, и на всех лицах расцвели полуулыбки. Наконец: «Между женщинами свободно мыслят только уроды», — сказал Базаров, и его авторитет в этом деле я признаю неопровержимым. Пока, при нынешнем состоянии общества, между женщинами свободно мыслить могут только уроды. Существо слабое, воспитанное в постоянной зависимости, нуждающееся всегда во внешней поддержке, не будучи в состоянии опереться на самое себя, она ищет поддержки, и не находя ее иногда здесь на земле, старается отыскать ее хоть там — горé. Вера ее подкрепляет; ну — и легче.

* Когда у угольщика спросили, как он верует, он отвечал: «Так же, как церковь». — «А церковь как верует?» — «Так же, как я». — «А ты-то как?» — «Я? Я — как церковь» (прим. Г.А Лопатина).

Итак, вследствие всех этих соображений, я вовсе не намерен разбивать в вас религиозных заблуждений, столь неразлучных в моих глазах с женственностью. Скажу вам откровенно: Катерина Александровна нравится мне всего более за свою женственность и за свою религию. «Они так ей к лицу», — сказал бы нам профессор богословия, и в этом случае я готов бы был совершенно согласиться с ним. Они удивительно идут к ее нежному, матовому личику и к ее мягким манерам. Она исключила из своей религии грубые предрассудки и аскетизм старых ханжей вроде Ишимовой, и у нее осталась только самая нежная, гуманная, чарующая суть, все ее добрые стороны, ласкающие душу и нежащие сердце, и ни одной дурной, вроде нетерпимости и прочего. Я не раз имел с ней богословские споры; не для того, чтобы убедить ее, — нет, с ней я спорю слабо, — а просто для того, чтобы слушать ее, чтобы слушать эти мягкие сердечные доводы, в которых мало логики, но бездна чувства, доброты, христианского снисхождения, чтобы слушать этот тихий, нежный голос, мягко трогающий душу, чтобы смотреть на эти глаза, которые светятся так ровно, так спокойно, примирительно как-то... Я перечитал последние строчки и разинул рот от изумления. «Боже! Да Я — поэт! — воскликнул я. — Лиру мне! Лиру!» — громко закричал я, совершенно забывшись. «Чего вам угодно?» — спрашивает меня кухарка, пришедшая на этот возглас. «Тряпочку дай мне, пожалуйста, какую-нибудь: пера нечем вытереть», — соврал я самым смирным голосом; экстаз мой прошел в одну минуту от соприкосновения с такой прозой.

Нет, не шутя, Оленька, вся поэзия предыдущей страницы — совершенная правда. Катерина Александровна своими мнениями напоминает мне мамашу и с тем вместе — родной дом, всех вас, одним словом, все, все, что мне дорого, что я люблю так сильно, к чему я беспрестанно рвусь душой... Оттого я с таким удовольствием сижу у нее, и все-таки сердце мое спокойно. Понятно ли это вам?

Не удивительно ли, Оленька, что я так много распространяюсь о Катерине Александровне: ведь это мое единственное развлечение, к тому же вы, как женщина, должны более заниматься чувствами, чем философской рефлексией. Так ведь сказал богослов Палисадов. Magister dixi! (Сей кусочек латыни почерпнут из его же речей, он так и сыплет латинскими, французскими, немецкими фразами, я едва успеваю подбирать эти «крупицы, падающие со стола господ». Вообще это человек классически образованный и чуждый в религии многих предрассудков, о которых многие и многие говорят в священном благоговении. Я когда-нибудь расскажу вам об нем поподробнее).

Теперь об «ты» и «вы». Я не знаю, зачем мы приучились говорить так, но приучившись раз, я не вижу второй раз учиться говорить по-другому. Мое «вы» не есть церемонность, а просто привычка. Мне тяжело было бы отвыкать от нее, как и от всякой сильной привычки. Мне все казалось как-то неловко, и мое «ты» показалось бы мне церемоннее «вы». Как вы думаете? Поэтому мне и хотелось бы оставить то, что так похоже на прежнее. Впрочем, как вы хотите! Я всегда готов с удовольствием исполнить ваше желание. Напишите же.

Вы прислали мне еще рубль серебром. Однако вы очень рискуете, посылая без страху. Признаюсь вам, мне кажется, что «Ромео и Джульетта» можно прочитать раз, два, три, — но покупать не стоит. Постараюсь сыскать что-нибудь порядочное. Что это вам понадобился Герцен? Михайлов? Право, они, особенно последний, не стоят того, однако, пришлю.

«Пузанова» прочел. Мысль не новая. Заслуги, следовательно, особой нет. Бывают и лучше. Вы спрашиваете, за что запретили «Русское слово»? За социальное направление, так же, как и «Современник». Наверное, могу сказать вам, что они более не возобновятся. Это известно. Если вы внимательно прочтете последнюю книжку «Русского слова», то легко можете заметить направление, которым проникнуты его статьи. Я хотел говорить с вами про некоторые из них, но нет времени. Прочтите между прочим «Ровоам». Оно написано прескверно, но имеет притязание на политический намек.

Вы, может быть, не знаете, что Михайлова предал Всеволод Костомаров (не профессор). Иные говорят, что он пьяница, другие говорят, что он сделал это по убеждению. Как бы то ни было, все журналы отвернулись от него, и только Катков принял его в «Русский вестник». Это может объяснить вам некоторые темные карикатуры «Искры» насчет Каткова и В. Костомарова. Вообще я здесь иначе понимаю многие вещи в «Искре», чем там у вас. Многие карикатуры, относящиеся, повидимому, к погоде, для знающих некоторые обстоятельства представляются в другом виде.

В конце критической статьи «Поэты всех народов. Пер. В. Костомарова и Берга» «Русское слово». Последняя книжка автор играет довольно тяжело, впрочем, словом «доносить». Вся эта рацея становится понятна, когда знать на кого и на что он метит.

Мне бы очень хотелось приписать в вашем письме несколько слов к мамаше, если бы у меня оставалось хоть чуточку времени. К несчастью, этого нет. Но мамаша ведь знает, что это письмо я назначаю для вас обеих, а поэтому, надеюсь, мне это не зачтется в вину. Adieu. Как говорит нам богослов, ей-богу! Любящий вас брат.

Г. Лопатин

Я чуть не соблазнил Катерину Ивановну идти со мной на лекцию богословия, да отдумал. В университете — на Ботанике — я видел одну женщину, но она только сильнее укрепила меня в вышеприведенном мнении Базарова.

ÖÃÀËÈ. Ôîíä ¹ 1329, îïèñü ¹ 1, åä. õð. 10, ë. 1

Петербург, 4.11.1862

Поздравляю тебя, Верочка, с днем твоего рождения, и за твое поздравление очень благодарю. Душевно рад, что madame Sabinine с тобой опять хороша, чего я никак не ожидал. Очень приятно также слышать, что ваши прежние подруги опять заняли свои места у вас в сердце. Мир вам и совет! Кланяйтесь m-lle Nadine и другим моим знакомым гимназисткам. Тут я знаю двух из 7 класса. Надо сказать правду, что в петербургских гимназиях занятия идут лучше, чем в вашей. Очень рад, что наша Наденька стала заниматься лучше, я в этом был уверен. Кланяйтесь ей от меня, и затем прощай! Мне, право, некогда больше писать. Всяких успехов вам обеим! *Лопатин.*

ÖÃÀËÈ. Ôîíä ¹ 1329, îïèñü ¹ 1, åä. õð. 10, ë. 1 îá

Петербург 4 ноября 1862 года

Во всех письмах сегодня приходится мне поздравлять. Итак, поздравляю тебя, Всеволод, с будущим днем твоего ангела, желаю тебе всяких успехов и в гимназии, и дома — с Колей. Я рад, что из математики ты идешь хорошо, но советую тебе обратить внимание на диктовку. Нельзя в 4 классе не уметь правильно писать по-русски. У Верочки тоже попадаются ошибки, хотя и реже. Что поделывают твои приятели: Ярмаркин, Тимофеев, Сидоренко? Кланяйтесь им от меня. Передай также мой поклон Демидовскому. Да не случалось ли тебе, Всеволод, видеть Соколова, после моего отъезда? Коле кланяйся. *Лопатин.*

ÖÃÀËÈ. Ôîíä ¹ 1329, îïèñü ¹ 1, åä. õð. 10, ë. 2 îá

Петербург, 4 ноября 1862

Неужели, Оленька, волнения предыдущей недели мешали вам писать? Вследствие этой или другой какой причины, но только я недели три как не имею от вас никаких писем. Причем, как добродетельный брат, не перестаю посылать к вам чуть ли не тетради, хотя времени у меня очень мало.

Разрешите ваше молчание, сударыня, и уведомьте меня хотя бы о моей посылке: ваше молчание по этому предмету меня весьма и очень беспокоит.

В прошлое воскресенье наслаждался я зрелищем балета, петербургского балета! Шла «Дочь фараона». Уста мои бессильны передать всю прелесть декораций и музыки. Советую вам (с позволения Пупарева) накуриться до опьянения опиуму (как делают это главные действующие лица балета), и тогда только, в фантастическом сне, можете вы увидеть то, что я зрел телесными очами из ложи 3 яруса Большого театра. Попал же я в эту ложу потому, что один из пациентов дяди вздумал пригласить его с семейством в свою ложу. Как-нибудь думаю отправиться в итальянскую оперу, причем намерен хлопотать у Майвалдова о местечке: ибо там и за деньги без протекции места достать трудно.

В ожидании вашего ответа с чистосердечным раскаянием остаюсь, твердый своей правотою,
Лопатин.

ÖÃÀËÈ. Ôîíä ¹ 1329, îïèñü ¹ 1, åä. õð. ¹ 8, ë. 1

Петербург, 1 сентября 1862 года

Во всяком человеке, мамаша, можно различать две стороны, хорошую и дурную. Известная пропорция между этими сторонами составляет характер. Беспристрастие в суждении состоит в том, чтобы обращать равное внимание на обе стороны. Обратите внимание на одну дурную сторону — выйдет карикатура, на одну хорошую — выйдет идеал. Не скажу вам, чтобы я был особенно расположен видеть в человеке одни дурные стороны, но когда дело касается лично меня, то я действительно забываю иногда хорошие стороны, смягчающие обстоятельства.

В прошлом письме я, кажется, слишком резко отозвался вам о здешних родственниках. Я был в желчном расположении духа, и теперь извиняюсь в этом. Особенно, кажется, досталось тетушке Амалии Эрнестовне? Что она ужасно глупа, в этом нет сомнения. Но в ней есть много добрых, хороших сторон. Только глупость бросает и на них свой оттенок.

Я пользуюсь Оленькиным письмом, чтобы послать вам эту приписочку: мне не хотелось вкладывать ее в общее письмо. На днях купили мы, по случаю, цельного, неполированного ореха, обитую пунсовым штофом. Отличная вещь, и недорого, 200 рублей. Тетушка моя просто в восторге. Целый день любуется на нее и даже за обедом раз пять взглянет в гостиную и скажет: «Здесь ли она? Не взял ли ее кто?» Вечером она иногда снимает с какого-нибудь стула чехол, кладет стул к себе на колени, обнимает его, качает его, иногда даже поцелует! Смешно, а правда! Прощайте, мамаша! Будьте здоровы и веселы. Наденьку поздравьте от меня с днем ее рождения и пожелайте ей от меня всего лучшего. Кланяйтесь, пожалуйста, всем нашим знакомым. Ваш сын, *Г. Лопатин.*

На левом боку приписка: «P.S. Как ладит папаша с Цаповым? Меня это ужасно тревожит».

Òåêñòû ïèñåì Ã.À. Ëîïàòèíà ïðåäîñòàâëåíû Ì.Ñ. Êîðøóíîâûì.

Исследования, посвященные Г.А. Лопатину

Ã. Í. Ïðîçðèòåëåâ
Ãåðìàí Ëîïàòèí â Ñòàâðîïîëå-íà-Êàâêàçå. Ìàòåðèàëû ê áèîãðàôèè

Имя Германа Лопатина[1] резко выделяется среди имен революционных деятелей прошлого. За долгий период нелегальной работы Лопатин, можно сказать, не сходил со страниц прессы, привлекая своими смелыми, рискованными попытками внимание общества. Осветим здесь некоторые данные к ранней биографии Лопатина.

Герман Лопатин в Ставрополе-на-Кавказе. Это было в 1868 г. Как всегда, Герман и здесь пронесся с шумом и оставил по себе память на много лет, хотя он только начинал свою «службу русской революции».

Ставрополь был местом, откуда он с головой окунулся в революционную работу. Герман бежал из Ставрополя и исчез для начальства с горизонта, несмотря на все меры, принятые как здесь, так и в Петербурге для его отыскания. Исчез Герман из Ставрополя на глазах всего начальства, так сказать, из-под носа у всех властей, и тем, на первых порах, создал себе репутацию неуловимости, что и обусловливало внимание к его дальнейшей судьбе у местного общества; все только и говорили о Германе, передавая подробности его исчезновения, которые скоро стали окутываться туманом фантазии.

Герман молодым студентом был выслан в конце 1868 года из Петрограда* в Ставрополь под надзор полиции и отца. Ставрополь в то время представлял из себя глушь. Отрезанный от железнодорожных путей и уже лишенный к этому времени своего прежнего значения, какое ему давала Кавказская война как центру управления всем Северным Кавказом, Ставрополь был городом мелких чиновников и отставных военных, интересы которых делились между службою утром и карточным столом вечером. Ясно, что жизнь, окрашенная таким фоном, для свежего человека из центра казалась прозябанием и вызывала желание скорее уйти от ее засасывающих щупальцев. События, развертывавшиеся в центре, доходили сюда только в опоздавших номерах благонамеренных газет и скользили, так сказать, по поверхности, не затрагивая глубоко ум и чувство местных обывателей. Нашумевшее на всю Россию дело Нечаева и убийство студента Иванова[2] также не вызвало здесь внимания, и известные «тройки нечаевской организации» не коснулись Ставрополя.

Самым видным лицом в городе был губернатор, и к нему прислушивались все. Отец Лопатина[3] был вторым лицом после губернатора, как председатель казенной палаты, и соответственно этому, конечно, складывалась его жизнь и жизнь его семьи, при полной обеспеченности. Вот в такую обстановку благополучия и попал молодой Лопатин. Бывший тогда губернатором Властов был человек благодушный, занимался богословскими историческими вопросами и писал толкование на Библию.

Молодой, красивый, с блестящими способностями, Герман встретил радушный прием как в обществе, так и у властей, у губернатора, и его поднадзорность не помешала ему поступить на службу чиновником особых поручений при губернаторе[4]. Это открывало ему широко дверь к губернской иерархии и возможность сделать карьеру, тем более что поступить на службу его подсудность не мешала; она не заносилась ему в формуляр. Положение его нисколько не было стеснительным, а наоборот, делало его центром внима-

* Так в тексте, нужно — из Петербурга.

ния, а губернатор, как потом выяснилось, любил его и доверял ему. Он дает, например, ему поручение ехать в Пятигорск и заняться там историко-статистическим описанием сел Пятигорского уезда, как входившего в состав Ставропольской губернии[5].

Среди ставропольского общества Герман близко сошелся с семьей акцизного чиновника Кудринского[6] и женой полковника Неймана[7], которые потом играли роль в дальнейшей судьбе его. По-видимому, Лопатин умел заручиться симпатиями и среди других лиц служебного мира, и даже у лиц из простой среды населения; и тут выдвигается его близкий сторонник, какой-то Кузька Косой.

В Ставрополе Герман пробыл до 6 января 1870 года, и в ночь на это число он исчез и как в воду канул на глазах у всех ставропольских властей[8]. Несмотря на краткое пребывание Лопатина в Ставрополе, его влияние сказалось и среди учащейся молодежи, хотя официально он не имел отношения к учебному миру[9]. Безусловно, его влиянию надо приписать то, что ставропольская молодежь дала таких крупных революционных деятелей, как Фроленко[10] и А. Михайлов[11], бывших тогда гимназистами.

В декабре 1869 года по распоряжению из Петербурга у Лопатина начальником губернского жандармского управления полковником Лабенским в присутствии адъютанта его и ставропольского полицеймейстера[12] внезапно был произведен обыск, и хотя при обыске ничего подозрительного не обнаружено, но Лопатин на основании приказа из Петербурга был арестован полковником Лабенским и сдан для содержания на главную гауптвахту «впредь до получения имеющего последовать особого распоряжения управляющего 3-м отделением Собственной Его Величества канцелярии».

6 января 1870 года, в 7 часов пополудни, Лопатин, с дозволения караульного офицера прапорщика Масалова, вышел погулять по площади возле платформы[13] вместе с содержавшимися на той же гауптвахте подсудимым хорунжим Улитиным и с бывшею у последнего на свидании женою. Спустя некоторое время, когда прапорщик Масалов, выйдя из караульного дома посмотреть, где гуляют арестованные, и заметив, что они далеко отошли от платформы, послал за ними, то оказалось, что гуляет только хорунжий Улитин с его женой, а Лопатин, по словам Улитина, неизвестно куда скрылся.

О побеге Лопатина из гауптвахты караульный начальник в тот же вечер, после пробития вечерней зари, доложил местному воинскому начальнику, а воинский начальник на следующий день, то есть 7 января 1870 года, за № 49 донес об этом ставропольскому губернатору, прося о производстве розыска бежавшего Лопатина и присовокупляя, что о производстве следствия о побеге Лопатина распоряжение сделано.

Но губернатор уже знал о побеге Лопатина: ему в тот же вечер, 6 января, лично сообщил об этом комендант Грачев. Губернатор немедля разослал телеграммы во все пункты, где можно было ожидать проезда Лопатина, и, сделав соответственное распоряжение по полиции, городским и земским приказал:

1) чтобы о розыске Лопатина тотчас, то есть 6 января, были отправлены в две стороны эстафеты;

2) чтобы в ту же ночь на неопределенное время был учрежден секретный полицейский надзор за домом Лопатина и за домом Кудринских в том внимании, что, если Лопатин скрывается еще в городе, то друзья его будут собираться к ним для сделания приготовлений к дальнейшему побегу.

В исполнение этого распоряжения ставропольский полицеймейстер рапортом от 9 января 1870 года за № 1 донес губернатору, что к поимке Лопатина приняты следующие меры:

1) отправлены эстафеты к смотрителям почтовых станций Русской и Старомарьевской с подробным описанием примет Лопатина, с вопросами: не проехал ли Лопатин по этим трактам по подорожной под чужою фамилией, на что и получены в ту же ночь отрицательные ответы;

2) с вечера 6 января, то есть со времени побега Лопатина, учрежден был секретный надзор за квартирой госпожи Нейман, которая очень часто, как коротко знакомая Германа Лопатина, посещала его на гауптвахте, почему и явилось предположение, что она могла для укрытия Лопатина предложить ему на некоторое время помещение в своей квартире или же знать его пребывание в городе в другом месте и тайно посещать его; но и эта мера не привела к поимке Лопатина, так как с 6-го по 9-е число секретный надзор не усмотрел в квартире Нейман Лопатина, а сама Нейман, если и выходила из квартиры, то не заходила в такие дома, в которых можно было предполагать укрывательство Лопатина;

3) ввиду того, что, как установлено расспросами, ставропольский мещанин Леонтий Панюшин 6 января видел Лопатина вблизи гауптвахты, около здания заведения Св. Александры, разговаривавшим с двумя дамами (одна молодая, а другая пожилая), и вблизи стоял чиновник Максим Алексеевич Ореховский, а жена Панюшина, Мария Евграфовна, знающая Лопатина в лицо, видела, что того же 6 января, часов в 8 вечера, во двор, где квартирует Ореховский, вошел человек, совершенно похожий на Лопатина; приставом 1-й части города Ставрополя Загайным был тотчас же учрежден за квартирою чиновника Ореховского секретный надзор, а в 4 часа ночи под 9 января пристав Загайный с достаточным числом полицейских служителей, под предлогом погреться от холода, зашел в квартиру Ореховского, осмотрел все помещение ее, но Лопатина не обнаружил. По поводу бегства Лопатина губернатор Властов послал барону Александру Павловичу[14] пространное письмо от 31 января 1870 года, в котором пишет, что он, губернатор, не считал и не считает себя вправе официально доносить об этом бегстве, потому что, к немалому его прискорбию, 3-е

отделение нашло удобным действовать посредством своих агентов, не сообщив о том из вежливости губернатору. Такое положение заставляет его изложить барону Александру Павловичу ход дела о Лопатине не в официальной бумаге, а в письме.

Далее губернатор излагает в этом письме уже приведенные нами выше сведения о том, что Лопатин — сын председателя казенной палаты, что он прислан сюда под надзор отца с правом поступления на службу; что он, губернатор, назначив его к исправлению должности чиновника особых поручений, прежде утверждения его в этой должности снесся с начальником штаба корпуса жандармов. Ввиду всего этого и ввиду той лестной аттестации, которую, как выше упомянуто, губернатор дал начальнику штаба жандармов о Лопатине, арест Лопатина явился для губернатора неожиданностью.

«Не скрою, — пишет губернатор Властов барону, — что меня глубоко оскорбило это распоряжение, сделанное помимо меня [...]*.В канцелярии 3-го отделения знали, что он (Лопатин) — чиновник особых поручений, и могли бы, из вежливости к губернатору, сообщить ему о сделании надлежащего распоряжения. Точно таким же образом он (Лопатин) был сдан жандармским управлением военному начальнику для содержания на гауптвахте, я был о том уведомлен коротенькой запиской... Но страннее всего было то, — продолжает губернатор, — что я *только из слов* капитана Афанасьева и полковника Лабенского узнал, что поводом к его (Лопатина) арестованию было письмо, захваченное в Петербурге, в котором говорилось о его предполагаемом бегстве и о способах к его исполнению посредством какого-то харьковского диплома»[15].

Дальнейшие сведения о Лопатине дает следственное дело Верхоленского суда[16]. Из сообщения Иркутского Верхоленского суда видно, что Лопатин был там судим и на допросе показал, что он бежал из Ставрополя вследствие его ареста, опасаясь продолжительности заключения по делу. Бежал с гауптвахты вечером, в 9 часов, пойдя на прогулку. Завернув за угол женского училища, он скрылся и зашел к Кузьке Косому, скрываясь у него в курятнике восемь дней; затем Кузька достал ему вид на жительство Скирмунта, а бумаги Белимасова он ранее похитил у Белимасова в квартире. Затем Лопатин купил лошадь за пятнадцать рублей, казачий костюм и бурку, уехал в Ростов, бросив там лошадь и кинжал, и отбыл в Петербург, где и проживал месяц, а затем по Варшавскому тракту уехал в Вену[17].

Êîìåíòàðèè

Печатается по тексту, опубликованному в «Записках Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии» в 1929—1930 гг. (кн. I, т. III, вып. 5—6). Время написания статьи не известно. В 1990 г. статья, сопровождавшаяся комментариями, была перепечатана в газете «Ставропольская правда» под рубрикой «Нашей истории строки».

В фондах Ставропольского государственного краеведческого музея имеется рукопись с аналогичным названием (ф. 3, д. 5, л. 3—21). В подзаголовочных данных указано «Из воспоминаний Г.Н. Прозрителева». Рукопись может быть датирована 1932 годом, так как на первом листе стоит регистрационный штамп редакции журнала «Каторга и ссылка» за 16 июня 1932 г. Ее текст незначительно отличается от публикуемого. В частности, в конце рукописи дается описание версии попытки Г. Лопатина организовать в 1871 году побег Н.Г. Чернышевского из ссылки. Текст рукописи не публиковался.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. Лопатин Герман Александрович (1845—1918) — народоволец. В 1861 году закончил с золотой медалью Ставропольскую классическую гимназию. Затем учился в Петербургском университете на естественном отделении физико-математического факультета. Впервые был арестован в 1866 году в связи с подозрением в причастности к делу о покушении Д. Каракозова на Александра II, но за недостатком улик освобожден. С 1870 года являлся членом Генерального совета I Интернационала. Организатор побега в 1870 году из ссылки в Вологодскую губернию П.Л. Лаврова. С 1873 года в эмиграции. При непосредственной помощи К. Маркса перевел на русский язык часть первого тома «Капитала». Это был первый иностранный перевод книги, который Маркс считал «превосходным», «мастерским». В начале 80-х годов пытался воссоздать «Народную Волю». На процессе «21-го» (1887) приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Отбывал наказание в 1887—1905 годах в одиночной камере Шлиссельбургской крепости.

* Часть текста документа опущена Г.Н. Прозрителевым.

2. В 1868—1869 годах вольнослушатель Петербургского университета, учитель приходского училища С.Г. Нечаев пытался возглавить студенческое движение, создать тайную организацию «Народная расправа». Написанный летом 1869 г. Нечаевым и Бакуниным «Катехизис революционера» предусматривал использование любых способов и средств, в том числе лжи, шантажа, подлости, любых злодеяний во имя благой цели. Несмотря на проявленные энергичность и упорство, Нечаеву не удалось справиться со студентами. 21 ноября 1869 года он убил студента Петровской земледельческой академии Ивана Иванова, обвиненного в измене, и скрылся за границей. Дознание по делу началось 26 ноября 1869 года. К следствию было привлечено 152 человека. На скамье подсудимых оказалось 79 человек. Суд над нечаевцами проходил в Петербурге с 1 июля по 11 сентября 1871 года. Это был первый в России политический процесс с участием присяжных заседателей и при открытых дверях. Со скамьи подсудимых нечаевцы пытались обвинять царский режим. В обществе дело нечаевцев вызвало большое сочувствие к подсудимым. Большая часть молодежи увлекалась «смелостью и гордостью» нечаевцев, той идеей революционного преобразования России, которую они отстаивали. Процесс произвел революционизирующее воздействие на молодежь не только Петербурга и Москвы, но и провинции. В 1872 году Нечаев С.Г. был выдан швейцарскими властями и в январе 1873 года приговорен к двадцати годам каторги, замененной пожизненным заточением в Петропавловской крепости, где он и умер в 1882 году.

3. Лопатин Александр Никонович (1815—[1887]) — отец Германа Лопатина, в 1863—1868 годах служил в Закавказской казенной палате в Тифлисе. Управляющим Ставропольской казенной палатой был назначен 5 февраля 1868 года. В этой должности оставался до выхода в отставку по болезни 27 августа 1882 года. С 1868 года являлся членом Ставропольского губернского статистического комитета. Принимал активное участие в общественной жизни города Ставрополя. Был одним из создателей первого союза потребителей, являлся товарищем (заместителем) председателя попечительного о тюрьмах комитета. Во время русско-турецкой войны 1878—1879 годов был товарищем (заместителем) председателя Ставропольского общества Красного Креста.

4. Сохранилось дело канцелярии Ставропольского губернатора за 1868—1871 годов об определении Г.А. Лопатина на службу и увольнении. В нем сообщается, что 7 октября 1868 года он был причислен к канцелярии губернатора, 16 января 1869 года назначен младшим чиновником особых поручений при начальнике губернии. Одновременно он исполнял обязанности письмоводителя при комитете Общества попечения больных и раненых воинов, а также заведовал общественной библиотекой. В октябре 1869 года он был утвержден в чине коллежского секретаря (Государственный архив Ставропольского края, ф. 101, оп. 1, д. 5222. См. также: Ф. 101, оп. 4, д. 931, л. 1—4).

5. По итогам этой поездки им был написан «Очерк заселения свободных земель Пятигорского уезда», опубликованный в третьем выпуске «Сборника статистических сведений о Ставропольской губернии» (Ставрополь, 1870).

6. Кудринский Михаил Александрович — надзиратель первого (Ставропольского) округа Акцизного управления Ставропольской губернии и областей Терской и Кубанской в 1868—1870 годах, действительный член Ставропольского губернского статистического комитета в 1866—1893 годах.

7. Нейман Нина Александровна была к тому времени вдовой.

8. Надо сказать, что к этому времени в Ставрополе-на-Кавказе появился другой высланный из Санкт-Петербурга, сидевший по Нечаевскому делу в Петропавловской крепости, — Константин Алексеевич Росляков, но их дороги разошлись, и судьба Рослякова была другая: он сделался в Ставрополе видным местным общественным деятелем (прим. автора).

9. См. об этом письмо Лопатина М.Ф. Негрескулу за 15 сентября 1869 года, опубликованное в книгах: Герман Александрович Лопатин (1845—1918). Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения. Библиография. — Петроград, 1922. — С. 44—55; Харченко Л., Винклер А. Мятежная жизнь. —Ставропольское книжное издательство, 1975. — С. 15—26.

10. Фроленко Михаил Федорович (1848—1938) родился в городе Ставрополе, в 1870 году окончил Ставропольскую классическую гимназию. Принимал участие в «хождении в народ», был членом исполнительного комитета «Народной Воли». Участвовал в подготовке ряда покушений на Александра II. В 1882 году был приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой; наказание отбывал в 1882—1905 годах в Шлиссельбургской и Петропавловской крепостях.

11. Михайлов Адриан Федорович (1853—1929) учился в Георгиевском училище, затем в Ставропольской мужской гимназии. Из Московского университета был исключен с третьего курса за невнесение платы. Был членом редакционного комитета «Земли и воли». Принимал участие в организации покушения на Трепова. 4 августа 1878 года участвовал в убийстве шефа жандармов Мезенцева. В октябре 1878 года помещен в Петропавловскую крепость. В 1880 году был признан виновным в принадлежности к противозаконному сообществу, в участии в убийстве Мезенцева, хранении запрещенных сочинений, проживании по подложному паспорту. Приговорен к смертной казни, замененной двадцатью годами каторжных работ. С 1882 года по 1895 год находился на Каре. В 1894 году срок наказания был сокращен на треть. В 1895 году

переведен в Баргузин Забайкальской области. В 1900 году перечислен в крестьяне. В 1907 году переехал в Одессу. После 1917 года жил в Ростове-на-Дону, где работал в кооперативных организациях.

12. Полицеймейстер — начальник полиции города.

13. Платформа — здесь помост перед гауптвахтой.

14. Барон Александр Павлович Николаи (1821—1899) был начальником Главного управления наместника Кавказского с 1863 года по 1875 год. В Государственном архиве Ставропольского края хранится машинописная копия дела канцелярии начальника Главного управления наместника Кавказского «О высылке Германа Лопатина из Петербурга на поселение в г. Ставрополь» за 1868—1870 годы из фондов Центрального государственного архива Грузии (ф. 416, оп. 3, д. 681), в котором имеются цитируемое в данной статье письмо Властова и ответ на него барона Николаи от 14 февраля 1870 года (Государственный архив Ставропольского края, ф. Р-3816, оп. 1, д. 49, л. 13—17).

15.Таким образом выясняется, что Лопатин намеревался бежать из Ставрополя еще до ареста (прим. автора). См. об этом также письмо Лопатина М.Ф. Негрескулу за 15 сентября 1869 года — комментарий 9.

16. Лопатин был арестован в Иркутске 1 февраля 1871 года по подозрению в организации побега Н.Г. Чернышевского. В середине апреля 1871 года дело передано в окружной суд. Он обвинялся в использовании чужих документов. Как отмечалось в решение суда, в организации побега Чернышевского «изобличен не был». Из тюрьмы освобожден в конце декабря 1871 года и подчинен надзору полиции с запретом выезда из Иркутска.

17. В середине февраля 1870 года Лопатин организовал побег из Вологодской ссылки П.Л. Лаврова, снабдив его своим заграничным паспортом. В марте 1870 года уехал в Париж, затем в Лондон.

Комментарии и примечания В.В. Белоконь

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Прозрителев Г.Н. Герман Лопатин в Ставрополе-на-Кавказе. Материалы к биографии // Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии. — Ростов-на-Дону, 1929. — С. 71—74.

À.Â. Ï î ï î â
Ãåð ì à í À ëåêñà í äð î âè÷ Ë î ï àòè í

Í à çàðå æèç í è

Выдающийся русский революционер, член Генерального Совета I Интернационала, друг Маркса и Энгельса, человек, о котором автор «Капитала» писал: «немногих людей я так люблю и так уважаю», родился 25 января 1845 года в Нижнем Новгороде в семье дворянина. Ему не было еще пяти лет, когда он отцом его, Александром Никоновичем Лопатиным, был увезен на Кавказ. После годичного пребывания в Пятигорске семья Лопатиных поселяется в Ставрополе.

В начале пятидесятых годов прошлого столетия Ставрополь, насчитывавший 17000 жителей, был военным и административным центром Северного Кавказа. Отсюда исходили все распоряжения начальствующих лиц и направлялось движение русских войск во все время Кавказской войны.

Учился Герман Александрович в Ставропольской губернской гимназии. Гимназия эта, по свидетельству самого Лопатина, в первые годы его обучения как по количеству и качеству даваемых ею знаний, так и по нравам походила больше на бурсу Помяловского, чем на что-нибудь иное. Только в конце пятидесятых годов благодаря вновь назначенному директору, Януарию Михайловичу Неверову, Ставропольская губернская гимназия была поднята на такую высоту, что на некоторое время стала форпостом русской культуры на Кавказе. Среди привлеченных Неверовым преподавателей особенно выделялся учитель естествознания (или, как тогда называли, «естественной истории») Сергей Ларионович Кузьмин, внушивший своим воспитанникам интерес и любовь к преподаваемой им науке. По почину Неверова, одного из выдающихся педагогов своего времени, «в интересах литературно-эстетического образования» силами гимназистов ставились домашние спектакли, на которых присутствовала посторонняя публика. Гимназисты давали публичные спектакли с благотворительной целью в помещении Ставропольского общедоступного театра. Отчет об одном из таких благотворительных спектаклей, сбор с которого предназначался для образования фонда открывавшейся тогда Ставропольской женской гимназии, был напечатан в 1855 году в журнале «Русский Педагогический Вестник» и представляет несомненный интерес для любителей ставропольской старины. Исходя из того, что среди отличившихся исполнителей названы в этой статье одноклассники Лопатина, не исключена возможность участия в этом спектакле будущего переводчика «Капитала».

В 1861 году Герман Лопатин окончил курс Ставропольской губернской гимназии с золотой медалью и в следующем году отправился в столицу, где поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета.

В Петербурге Герман Лопатин появился, когда первая волна революционного движения шестидесятых годов была отбита царским самодержавием. Студенческое движение было разгромлено, руководители его были арестованы и посажены в Петропавловскую крепость. Землевольцы терпели поражение за поражением. Н.Н. Обручев и Н.А. Серно-Соловьевич были арестованы. Были арестованы также М.И. Михайлов и Н.В. Шелгунов. В Петропавловской крепости томился вождь революционной демократии Н.Г. Чернышевский.

О первых годах университетской жизни молодого Лопатина известно очень мало: занятия на факультете он вынужден был сочетать с грошовыми уроками и мелким литературным заработком. Однако в общественной жизни студенчества Лопатин, по-видимому, принимал активное участие: в 1865 году, по настоянию пресловутого III отделения собственной Его Величества канцелярии, он был привлечен к производившемуся университетским начальством следствию за участие в студенческих волнениях, возникших в связи с назначением профессора Ленца на кафедру физики. Дело это не имело для молодого студента особенно серьезных последствий, он продолжал заниматься в университете и бегать по частным урокам. Однако его мужественное поведение на протяжении всего следствия обратило на себя внимание членов петербургского отделения организованного еще в 1863 году в Москве кружка революционной молодежи под руководством Н.А. Ишутина. При содействии своего товарища по университету А.М. Никольского Герман Лопатин познакомился с И.А. Худяковым — «душою» петербургского отделения кружка Ишутина. Под влиянием Никольского и Худякова Лопатин стал работать в бесплатной школе А.К. Европеус. По рассказам Лопатина, Худяков пытался вовлечь его в узко конспиративный кружок под названием «Ад», который поставил своей целью организацию террористического акта против Александра II, но на «теоретические прощупывания» Худякова молодой студент «заявил полнейшее недоверие к тому, чтобы насильственная смерть государя, при отсутствии сильной революционной партии, могла привести к чему-нибудь путному, кроме усиления реакции». На этом дело и кончилось.

4 апреля 1866 года двоюродный брат Н.А. Ишутина Д.В. Каракозов во время прогулки Александра II по Летнему саду пытался убить царя выстрелом из револьвера. Покушение не удалось, Каракозов был схвачен. Последовали многочисленные аресты. Был арестован и Герман Лопатин. Два месяца просидел

он в отдельном каземате Невской куртины Петропавловской крепости. Граф М.Н. Муравьев, вошедший в историю как Муравьев-вешатель, которому было поручено расследование событий, связанных с выстрелом Каракозова, особенно подозрительно отнесся к Лопатину. Но на допросах Лопатин умело провел жандармов нарочитой детальностью своих показаний, осторожностью, уменьем не сказать ни слова лишнего и кажущейся искренностью и откровенностью. Снимавший показания с Лопатина жандармский капитан Никифораки прямо заявил, «что такого милого юношу ничто не собьет с надлежащей жизненной дороги», и выпустил его на свободу. А между тем Герман Лопатин, по просьбе Худякова, после задержания последнего добровольно взял на себя ликвидацию оставшихся в Петербурге ишутинских кружков и связей и до своего ареста был, так сказать, административным центром для немногих уцелевших от полицейского разгрома ишутинцев.

В 1867 году, прочитав в газетах, что вождь итальянского народа Гарибальди бежал с уединенного скалистого острова Капреры и идет на Рим, Лопатин отправляется в Италию, чтобы поступить в ряды волонтеров Гарибальди. Лопатин прибыл во Флоренцию как раз в день битвы под Ментоной. Узнав о разгроме гарибальдийцев французскими зуавами и папской гвардией, наш соотечественник, увидев свои планы расстроенными, отправился в Ниццу, чтобы познакомиться и побеседовать с А.И. Герценом.

Вернувшись в Россию, Герман Лопатин решил отдать свои силы изучению жизни и нужд родного народа. Именно в это время неудавшийся гарибальдиец в одном из своих писем прямо указывал на то, что «ничтожное знакомство прогрессивной молодежи с действительным положением и нуждами народа составляет самое слабое место в теоретических взглядах и практических мероприятиях» его времени. Вывод напрашивался сам собой: необходимо было изучать жизнь народа на практике, войдя с ним в непосредственные отношения.

Ликвидация петербургского отделения кружка Ишутина, осуществленная Лопатиным после ареста Худякова, указала ему пути реализации его плана. «Компания, душой которой был Худяков, — рассказывает Лопатин в своих «Воспоминаниях об И.А. Худякове» — постоянно обучала грамоте разных отставных солдат, мастеровых и т.п. людей. Понятно, что эти занятия грамотой, происходившие на частных квартирах, не ограничивались этой скромной целью, но переходили в беседы гораздо более поучительного свойства». По мнению Лопатина и его близкого друга Ф.В. Волховского, самой подходящей деятельностью для изучения жизни народа была деятельность сельского учителя. Став на этот путь, друзья, по словам Лопатина, «рассчитывали получить таким образом возможность ознакомиться основательно с экономическим положением народа, его нуждами и потребностями, с его взглядами на вещи и его умственным развитием со степенью его восприимчивости к известным идеям, а также со степенью основательности тех надежд, которые возлагаются на него пылкими приверженцами быстрого прогресса. Такое солидное знакомство с народом позволило бы нам составить себе ясное понятие об истинном положении вещей внутри нашего отечества и сознательно избрать себе на будущее время тот путь, следуя которому мы могли рассчитывать принести наиболее пользы вскормившему и воспитавшему нас отечеству».

И вот, по почину Волховского и Лопатина было создано так называемое «Рублевое общество», прозванное так потому, что членские взносы людей, сочувствующих его задачам, составляли один рубль в месяц. Члены этого общества становились кочующими учителями. Для заработка, получаемого отчасти натурою на манер учителей из солдат, дьячков и писарей, они должны были учить детей. В свободное от занятий время они, как бы для развлечения, должны были беседовать со взрослыми на исторические и политические темы, читая при этом подходящие легальные книги из имевшихся уже в литературе или специально составленные для этого членами общества. Эти же странствующие учителя должны были составлять подворное статистическое описание каждого села. Единственным нелегальным пунктом в этой программе было «собирание фактов, наблюдений и опытов по вопросу о том, насколько простой народ доступен антиправительственной, революционной пропаганде».

Но и этим скромным начинаниям Лопатина и Волховского не суждено было осуществиться. В начале января 1868 года полицией было перехвачено письмо Германа Лопатина к Волховскому, обратившее внимание «бдительного начальства» «темным смыслом и многими условными выражениями», и в феврале месяце и автор письма и его адресат были арестованы: первый — в Петербурге, а второй — в Москве. III Отделение полагало, что им раскрыта новая важная революционная организация, поэтому следствию над обоими «государственными преступниками» было придано особо важное значение. Так как показания Волховского и Лопатина резко расходились, то первый из них был доставлен в Петербург. Однако следственная комиссия не давала им очной ставки, так как жандармы, с самого начала следствия «убедившись в упорном запирательстве и дерзком нахальстве Лопатина», боялись, что Лопатин сумеет сговориться с Волховским, и тогда оба они будут настаивать на каких-либо неправдоподобных объяснениях.

29 августа (17-го по старому стилю) следственная комиссия в докладной записке, подводившей итоги всему делу, постановила:

1. Волховского, приняв во внимание его молодость и откровенные признания, освободить от ареста и дальнейшего преследования, подчинив его негласному полицейскому надзору.

2. Лопатина же, вследствие его упорного запирательства, выслать из Петербурга в Тифлис под непосредственный надзор и строгое наблюдение властей, предоставив ему, однако, право поступить на государственную службу.

В начале сентября Герман Лопатин был передан в распоряжение петербургского обер-полицмейстера для высылки из Петербурга в Ставрополь, куда из Тифлиса был переведен его отец, и тотчас же в сопровождении жандармов был отправлен по месту ссылки. Жандармы везли предписание ставропольскому губернатору об определении Германа Лопатина на службу в его, губернатора, канцелярии. Это было последним случаем прежде довольно частой (Герцен, Салтыков и др.) административной ссылки в такой форме.

Â Ñòàâðîïîëå

В середине сентября того же 1868 года Герман Лопатин прибыл в Ставрополь. По словам старожилов, Ставрополь в то время был уже глухим местом. Отрезанный от незадолго до того проведенной железной дороги и лишенный того прежнего значения, какое придавала ему Кавказская война как центру управления всем Северным Кавказом, Ставрополь стал городом отставных военных и мелких чиновников, интересы которых делились между службой утром и неизменным зеленым (то есть карточным) столом вечером. Газеты, в большинстве своем благонамеренные, поступали сюда с большим опозданием. События, происходившие в центре, выражаясь образно, как бы скользили по поверхности, не затрагивая глубоко ни ума, ни чувств ставропольских обывателей.

Вскоре после приезда Герман Лопатин был назначен «исправляющим должность младшего чиновника особых поручений при губернаторе, без жалования, впредь до открытия таковой же должности с содержанием». Так началась «служебная карьера» Германа Лопатина. Жизнь Лопатина в Ставрополе очень слабо освещена в литературе и потому представляет несомненный интерес.

Обладая разносторонними познаниями и исключительными способностями, красивый, смелый, энергичный и жизнерадостный молодой Лопатин быстро очаровывал и покорял всех, с кем сталкивала его судьба. «Это изумительная натура... Удалой добрый молодец!» — восторженно характеризовал его впоследствии Глеб Успенский. Поэтому нет ничего удивительного в том, что вновь назначенный младший чиновник особых поручений при губернаторе встретил радушный прием в так называемом «избранном» ставропольском обществе, и перед ним гостеприимно раскрылись двери лучших гостиных местного бомонда. Этому способствовало также и то, что отец изгнанника — Александр Никонович, как председатель Ставропольской казенной палаты, был в городе вторым лицом после губернатора и пользовался общим уважением.

Бывший тогда губернатором действительный статский советник Г.К. Властов, по свидетельству знатока ставропольской старины, покойного Г.Н. Прозрителева, был человек бездарный, занимался богословскими и историческими вопросами и писал толкования на Библию. Лопатин быстро завоевал симпатию и доверие своего начальника. «Я должен сознаться, — вспоминал впоследствии Лопатин, — что мое положение значительно облегчалось в высшей степени гуманным и деликатным отношением ко мне губернатора, который из уважения ли к заслугам моего отца или из личного расположения ко мне старался сделать все, чтобы примирить меня с вынужденным чиновничеством. Он давал мне только такие поручения, которые не могли поставить меня в печальную необходимость бороться с самыми дорогими моими убеждениями и в которые я мог внести, без всяких угрызений совести, весь ум, все познания и все усердие, какие только находились в моем распоряжении».

Опираясь на расположение губернатора, Герман Лопатин поднял и провел вопрос о замене в Ставропольской губернии общинно-захватного крестьянского землевладения, защищавшегося «богатырями», «каштанами» и другими представителями кулачества, общинно-передельным и притом не по-чиновничьи канцелярским указаниям, а по постановлениям сельских и волостных сходов, иногда очень бурных. Помимо этого, молодой чиновник особых поручений выполнял и специальные задания губернатора: ездил в Пятигорск для составления историко-статистического описания сел Пятигорского уезда, а затем расселял переселенных в Ставрополье из Прибалтики эстонцев, разоренных хищными остзейскими баронами.

Большое внимание Герман Лопатин уделил Ставропольской общественной библиотеке, в которой он, будучи чиновником особых поручений при губернаторе, занимал одновременно должность библиотекаря. Сын председателя казенной палаты стремился сделать библиотеку просветительным центром прогрессивной учащейся молодежи. Для этой цели наш библиотекарь на свой риск и страх вел фальшивые абонентные книги, ибо только немногим из воспитанников находившейся в Ставрополе Кавказской духовной семинарии ректор-архимандрит Исаакий разрешил пользоваться общественной библиотекой, а Герман Лопатин пускал всех семинаристов и давал им все имевшиеся в библиотеке книги.

В начале 1869 года библиотеку посетил директор Ставропольской губернской гимназии, надворный советник Л.Л. Марков и, ссылаясь на секретные инструкции, просил не пускать в библиотеку гимназистов.

Герман Лопатин категорически отказался закрыть гимназистам доступ в библиотеку до тех пор, пока это не будет ему предписано официальным порядком.

«А когда мне это предпишут, — делился он своими соображениями с близким другом, — то я попрошу гимназистов ходить не в форме, а в штатском платье». Вскоре бывший директор Ставропольской гимназии Дельсаль предупредил Лопатина, что на него подан «куда следует» донос, в котором указывается на то, «что библиотекой управляет высланный за политическую неблагонадежность, что библиотека превращена им в место сходок для гимназистов и семинаристов старших классов и для высланных студентов».

И действительно, директор Ставропольской гимназии Л.Л. Марков в своем представлении попечителю Кавказского учебного округа писал: «Посещая не раз публичную библиотеку, я всегда находил в ней много наших воспитанников и еще более семинаристов. Все они выбирали себе для чтения весьма пикантные вещи. На первом плане были, разумеется, журналы «Дело», «Искра» и т.д. или книга вроде Добролюбова, Чернышевского, Михайлова. Мне казалось всегда, что если в Ставропольской гимназии, хотя, к счастью, весьма редко, попадаются иногда молодые люди с превратным, так называемым отрицательным направлением, то причину этого надо искать положительно в здешней публичной библиотеке».

Последствия доноса не заставили себя долго ждать: на основе секретного приказания главного управления наместника «обревизовать негласно библиотеку и донести о характере ее книжного состава», сослуживец Лопатина старший чиновник особых поручений при губернаторе (он же губернский цензор), коллежский асессор А.Н. Юрьев в течение нескольких дней тщательно изучал каталог библиотеки. Некоторые неосторожно оброненные Юрьевым слова раскрыли Лопатину истинные причины столь необычного и пристального внимания губернского цензора к каталогу библиотеки и убедили, «как трудно держаться за такую ничтожную по своей полезности деятельность, как... должность библиотекаря».

Однако Герман Лопатин ошибался. Несмотря на все препятствия властей и доносы, он сумел превратить Ставропольскую общественную библиотеку в кузницу революционных кадров, в которой получили первую теоретическую закалку такие выдающиеся герои «Народной воли», как Адриан Михайлов и Михаил Фроленко. Оба они в это время были воспитанниками Ставропольской губернской гимназии и постоянными посетителями общественной библиотеки.

В Ставрополе же Герман Лопатин «занялся... как следует» изучением английского языка. Воспользовавшись отъездом из города губернатора и тем, что на время отсутствия начальства официальные занятия для него прекратились, ставропольский изгнанник начал читать в оригинале книгу Герберта Спенсера «Принципы биологии». «Начало мне показалось нетрудным, — сообщал он своему приятелю, — это меня заинтриговало; я засел тогда за него со всем усердием, просидев не разгибаясь 16 дней, и в эти 16 дней прочел весь том, т.е. 560 страниц (многие места доставили мне живейшее наслаждение). Вы не поверите, как это меня ободрило...».

Вскоре губернатор вернулся, надо было снова тянуть служебную лямку, и усиленные занятия английским языком прекратились. Однако Лопатин дал себе честное слово читать ежедневно по-английски не менее часа и твердо держал его. В сравнительно короткий срок он прочел хрестоматию Паунера, популярный в те годы роман «Поль Террот», а затем стал читать старые номера английских газет, которые брал у Властова.

Именно здесь, в Ставрополе, Лопатин заложил прочный фундамент тому глубокому знакомству с английским языком, которое впоследствии позволило ему взяться за перевод «Капитала» на русский язык и сделать Марксу ряд ценных замечаний, которыми основоположник научного коммунизма воспользовался в последующих изданиях своего фундаментального труда.

Уже в Ставрополе Лопатин, «натуралист по образованию и приверженец старого научного мышления, заинтересовался впервые экономикой и социализмом... прочитав Лассаля и Маркса», и проявил глубокий интерес к работам автора «Капитала». Он запрашивает своих столичных приятелей о ходе готовившегося для издания в России русского перевода книги Маркса «К критике политической экономии».

Избранное ставропольское общество — знакомые его отца — не удовлетворяло Лопатина. «Я выражал как-то мысль, что я, как петербуржец и «страдалец за отечество», должен производить страшное опустошение между дамскими сердцами, — иронизировал он. — Да, держи карман шире! Если бы я был выслан за дуэль, за изнасилование девушки, за побитие морды квартальному надзирателю — о, тогда не мало сюртуков должен бы был я порвать, вырываясь из сладострастных объятий жен здешних царедворцев. Но, увы, я выслан только за политику...». Но и в Ставрополе были хорошие люди: Герман Лопатин охотно посещал семью акцизного чиновника Кудринского и жену полковника Неймана.

В то же самое время Лопатин находился в самом тесном дружеском общении с отставными солдатами и другими «лицами простого звания» и через них вел свою тщательно законспирированную переписку.

В начале декабря 1869 года Герман Лопатин неожиданно для него, по телеграфному предписанию из Петербурга, после строжайшего обыска был арестован и посажен в Ставропольскую военную гауптвахту. Поводом к его аресту послужило захваченное в бумагах М.Ф. Негрескула, зятя известного революционера

П.Л. Лаврова, не уничтоженное письмо Лопатина, в котором неугомонный ссыльный, развивая подробный план своего предполагаемого бегства за границу, указывал на чужие документы, которыми он собирался воспользоваться.

Допрошенный 13 января (по новому стилю) 1870 года в Ставропольском жандармском управлении капитаном Афанасьевым, Лопатин заявил:

«Подневольная жизнь в Ставрополе мне опротивела до последней степени. Очень может быть, что здешнее общество — во всех отношениях прекрасное общество, но мне оно казалось скучным, потому что я привык прежде постоянно жить в обществе молодежи, жадно следящей за наукой и искренно волнующейся успехами прогресса во всех областях жизни... Но главное, я совершенно не привык и не желал долее сидеть в Ставрополе, как собака на цепи, лишенный права свободно располагать собой и не стесняясь высказывать свой образ мыслей...».

Смелый арестант не стал дожидаться окончания следствия: вечером 18 января 1870 года, воспользовавшись слабым надзором, он совершил дерзкий побег из Ставропольской военной гауптвахты. Тщетно губернатор Властов и комендант Грачев рассылали эстафеты смотрителям почтовых станций Русской и Старомарьевской, устанавливали секретное наблюдение за квартирой вдовы полковника Нейман, которая посещала узника на гауптвахте, и за домом Кудринских, производили негласный обыск на квартире чиновника Ореховского, где, по предположениям полиции, смог скрываться Лопатин... Беглец как в воду канул.

Несколько лет спустя в показаниях, данных Иркутскому Верхоленскому суду, Герман Лопатин раскрыл подробности своего побега: выйдя с дозволения караульного офицера прапорщика Масалова на прогулку на площадь возле гауптвахты и зайдя за угол женского училища, он скрылся, затем направился к Кузьке Косому (из отставных солдат), в курятнике которого он отсиживался восемь суток, пока Кузька Косой не достал ему вид на жительство, после чего беглец, купив лошадь за пятнадцать рублей, казачий костюм и бурку, невредимым, с некоторыми приключениями добрался до Ростова. Из Ростова, бросив там лошадь и кинжал, Лопатин отправился в Петербург.

Çà ïåðåâîäî ì «Êàïèòàëà»

В Петербурге Герман Лопатин встретился с дочерью Петра Лавровича Лаврова — М.П. Негрескул, муж которой в это время уже сидел в крепости. От нее, а также от брата ее мужа Автонома Негрескула Лопатин узнал, что Петр Лаврович, томившийся в вологодской ссылке, страшно рвется на свободу... Предприимчивый Лопатин не стал медлить, отправился в город Кадников и буквально через несколько дней доставил Лаврова в Петербург и отсюда, при содействии родственников, переправил за границу. Чтобы облегчить побег автора «Исторических писем», Лопатин уступил ему заготовленный для себя заграничный паспорт. Дождавшись возвращения паспорта по почте, неутомимый Лопатин, обманув бдительность жандармов, уезжает в Париж.

В Париже Лопатин окунулся в среду русской эмиграции, тогда очень разрозненной, и вскоре вступил в секцию «изучения социальных наук» Интернационала. Здесь он познакомился с эльзасцем Келлером, который, свободно владея как немецким, так и французским языком, явился одним из первых пропагандистов марксизма среди французской молодежи. По-видимому, через Келлера молодой эмигрант познакомился с Полем Лафаргом.

Через месяц судьба забросила Германа Лопатина в Лондон. Провожая нового знакомца из Парижа, Поль Лафарг поручил ему доставить книгу семье Маркса и дал рекомендательное письмо к автору «Капитала». Так двадцатипятилетний русский эмигрант переступил порог дома пятидесятидвухлетнего маститого ученого, трудами которого он так интересовался в Ставрополе. Молодой русский произвел на Маркса отрадное впечатление, и основоположник научного коммунизма пригласил его в гости на следующий день — воскресенье 3 июля. Явившись в 10 часов утра, Герман Лопатин пробыл у автора «Капитала» до 12 часов ночи, а вскоре, обласканный всей семьей Маркса, стал бывать у них запросто, как «свой», хотя еще и не умел толком изъясняться ни на одном из тех многочисленных языков, которыми в совершенстве владели как сам Маркс, так и члены его семьи.

«У него очень живой критический ум, веселый характер, стоический, как у русского крестьянина, который довольствуется тем, что имеет», — сообщал Маркс о своем русском знакомом сокровенному другу Фридриху Энгельсу.

Лопатина в Марксе, прежде всего, поразило отсутствие той профессорской складки, которая довольно часто проявляется у многих знаменитых людей в обращении с простыми смертными и особенно с молодежью. «Железные» сарказмы Маркса, так часто отмечавшиеся его биографами, направлялись почти исключительно против врагов. В беседе с друзьями у Маркса, как об этом рассказывал впоследствии сам Лопатин, сверкали блески иронии, сияла добродушная улыбка, но ничего расхолаживающего «железного» не чувствовалось. А самое главное, сам Маркс всегда весь отдавался своей мысли по существу, и беседа

шла именно так, по существу предмета, и если собеседник им серьезно интересовался, а Лопатин серьезно интересовался всем, что ни говорил Маркс, то устанавливалось как бы равенство в отношениях, безотносительно к возрасту и степени овладения предметом.

Живой, обширный, вечно деятельный ум Маркса, — по словам Лопатина, — действовал на собеседника, как кремень на огниво, он вызывал к жизни в уме собеседника идеи, которые, весьма возможно, иначе оставались бы под спудом. Люди, часто сталкивавшиеся и беседовавшие с Марксом, нередко сами удивлялись, что, по-видимому, подсознательным процессом мысли уже раньше, до разговоров с основоположником научного коммунизма, они успели подумать по иным вопросам без собственного ведома.

Часто Карл Маркс брал Германа Лопатина на послеобеденную прогулку. Ходили, как рассказывал бывший воспитанник Ставропольской губернской гимназии, в самые отдаленные концы Лондона, причем беседа не прерывалась ни на секунду. О чем только ни говорили: и о мировой литературе, которую Маркс знал не как дилетант, а серьезно в оригиналах изучал на всех «двунадесяти» языках, которыми владел в совершенстве, и о истории, которую собеседник Лопатина особенно любил и пристально и неутомимо исследовал не только со стороны фактической, но и прагматической, и даже в области исторических анекдотов и «сплетен»... Маркс все знал и из всего умел извлекать ценные выводы. Когда же беседа касалась лет и событий, лично пережитых Марксом, то тут его осведомленность в области общественных и политических фактов, как и в области лично биографических фактов, была совершенно изумительна.

Свободно владея рядом европейских языков, Маркс добродушно относился к затруднениям своего собеседника, когда тот ни на одном из трех иностранных языков, которыми, по его словам, он одинаково плохо тогда владел, не умел выразить своей мысли и прибегал к мимике, к кинетической речи и к «щелканью пальцами» — этому извечному жесту людей, не находящих нужного слова.

Основательно познакомившись с Германом Лопатиным, Карл Маркс приходит к выводу, что Лопатин — единственный «солидный» русский, какого он, Маркс, до сих пор не встречал, и вводит своего друга в состав Генерального Совета Интернационала, оказывая тем самым ему большое доверие. Герман Лопатин оправдал это доверие, оказав Марксу помощь в борьбе против Бакунина.

Вполне естественно, что, когда встал вопрос о переводе на русский язык «Капитала» и о человеке, которому можно было бы доверить осуществление этого труда, выбор Маркса и его друзей остановился именно на Германе Лопатине, как на человеке, очень строго относившемся ко всякой порученной ему и взятой им на себя работе. Лопатин, который, как мы об этом уже писали, еще и Ставрополе усидчиво и настойчиво изучал английский язык, взялся за сложное и ответственное дело перевода на русский язык гениального создания Маркса, рассчитывая в затруднительных случаях на помощь самого автора.

Принявшись за перевод I тома «Капитала», молодой переводчик долго сидел над первыми главами. В особенности много времени и труда он потратил на перевод первой главы гениального создания Маркса (в последующих изданиях — первый отдел). Эту главу Лопатин считал наиболее трудной для понимания (так это и было в первом издании) и требовал от автора полнейшей ее переработки, полагая, что в непереработанном виде она может послужить препоной к ознакомлению с книгой, может охладить русского читателя к книге. Маркс согласился с доводами переводчика, обещав приступить немедленно к переработке первой главы, поэтому Герман Лопатин начал перевод с третьей главы (в последующих изданиях — второй отдел).

Однако начавшаяся в июле 1870 года франко-прусская война потребовала от основоположника научного коммунизма самой интенсивной работы в Генеральном Совете Интернационала, отвлекала его от научных занятий и тем самым препятствовала быстрому осуществлению переработки первой главы. Но все же совет русского переводчика был учтен автором «Капитала», и в первом французском переводе этого величайшего политико-экономического произведения прошлого столетия первая глава была напечатана в значительно переработанном виде.

Работая над переводом «Капитала», наш соотечественник отнесся к этому делу с присущими ему добросовестностью и настойчивостью. Так, часто для тщательного уяснения облика цитируемого Марксом писателя молодой переводчик отправлялся в библиотеку Британского музея и там по подлинникам знакомился с тем или другим из авторов, на которых ссылался творец «Капитала» и, если, по его мнению, это было необходимым, то предлагал автору оригинала внести в свой труд необходимые коррективы. В таких случаях Маркс принимал замечания своего переводчика к сведению и делал соответствующие добавления.

Работа над переводом «Капитала» еще более сблизила автора и переводчика и окончательно укрепила их дружбу. Вождь Первого Интернационала охотно давал нашему соотечественнику, как члену Генерального Совета, серьезные и ответственные поручения.

При самом начале осады пруссаками Парижа, в конце сентября 1870 года, Лопатин вошел в состав депутации, направленной Генеральным Советом Интернационала к английскому премьер-министру Вильяму Гладстону с целью побудить его кабинет к вмешательству в пользу скорейшего заключения мира, тем более что империя Бонапарта уже пала, а новорожденная французская республика охотно шла на все разумные уступки. Вождь английских либералов внимательно выслушал представителей Интернационала и вежливо отклонил все предложения Генерального Совета.

Карл Маркс часто беседовал с Германом Лопатиным о России и о русском революционном движении. «Рассказы Лопатина о разных русских делах весьма интересны, и их особенно полезно знать», — писал об этих беседах Фр. Энгельс. Особенно Маркс интересовался Н.Г. Чернышевским, произведения которого он читал на русском языке. «С начала 1870 года, — сообщал основоположник научного коммунизма в Нью-Йорке З. Мейеру, — мне пришлось заняться изучением русского языка, на котором я теперь читаю довольно бегло. Это вызвано тем, что я хотел познакомиться также с экономическими (превосходными) работами Чернышевского (в благодарность приговоренного 7 лет тому назад к сибирской каторге)...». Автор «Капитала» называл Чернышевского великим русским ученым и поражался тем мастерством, с каким этот «светоч науки опальной» осветил банкротство буржуазной политической экономии в своих «Очерках политической экономии по Миллю». Маркс восхищался оригинальностью, силой и глубиной мысли Чернышевского, заявляя, что его экономические труды, единственные из всех современных ему произведений по этому вопросу, заслуживают тщательного и всестороннего изучения, и сожалел о том, что труды этого действительно оригинального мыслителя не были еще переведены на западно-европейские языки. В то же время Маркс неоднократно указывал Лопатину на то, что политическая смерть Чернышевского, томившегося в Сибири, есть потеря для ученого мира не только России, но и всей Европы.

Нет и не может быть никакого сомнения в том, что эти задушевные беседы с Марксом и внушили нашему отважному соотечественнику дерзкие и смелые мысли о необходимости освобождения Чернышевского. Не случайно Лопатин в приведенной выше характеристике автора «Капитала» говорил, что живой, обширный, вечно деятельный ум Маркса действовал на собеседника, как кремень на огниво. Принадлежа к числу людей, которые, придя к какому-нибудь решению, никогда не откладывают его исполнение в долгий ящик, Герман Лопатин всю свою энергию направляет на осуществление своего рискованного замысла. Несмотря на близость к Марксу, на любовь и уважение, которые он питал к этому человеку, Лопатин ничего не говорит ему о своей затее, опасаясь, что автор «Капитала» сочтет ее сумасшествием и будет отговаривать его от ее выполнения, а наш соотечественник не любил отступать от раз задуманного дела. Считая освобождение Чернышевского от уз царизма делом неотложным и важным, Лопатин, закончив перевод трети первого тома «Капитала», передал сделанную им работу в полную собственность своему другу Н. Даниэльсону, взявшему на себя труд завершения перевода гениального создания Маркса на русский язык. Первое издание «Капитала» в русском переводе появилось в марте 1872 года.

В конце 1870 года Герман Лопатин покинул Лондон и отправился в Россию, для того чтобы претворить в жизнь свой замысел освобождения Чернышевского. Идейным отцом этого смелого замысла был Карл Маркс, которого Лопатин заверил, что он якобы едет в Соединенные Штаты Америки.

Â Ñèáèðè

В декабре 1870 года Герман Лопатин прибыл в Петербург. Выдавая себя за члена географического общества, с паспортом на имя почетного гражданина Николая Любавина в кармане, он благополучно добрался до Иркутска, которого достиг 17 января 1871 года. Здесь он вынужден был несколько задержаться для установления точного местопребывания Н.Г. Чернышевского, незадолго перед этим переведенного в Вилюйск. Вследствие болтливости женевского приятеля Лопатина М.К. Элпидина (ставшего в 80-х годах агентом царской охранки), посвященного Германом Александровичем в его планы освобождения автора «Что делать?», III Отделение, получив агентурные сведения из Женевы, дало депешу в Иркутск, предлагая местным властям отыскать и арестовать «некоего человека, имя которого пока неизвестно», прибывшего в Сибирь с целью освобождения «государственного преступника Чернышевского».

Карл Маркс, возможно, информированный о болтливости Элпидина, в тревоге за судьбу Германа Лопатина писал 13 июня 1871 года Николаю Даниэльсону:

«Наш друг должен вернуться в Лондон из своей торговой поездки. Корреспонденты той фирмы, от которой он разъезжает, писали мне из Швейцарии и других мест. Все дело рухнет, если он отложит свое возвращение, и сам он навсегда потеряет возможность оказывать дальнейшие услуги своей фирме. Соперники фирмы уведомлены о нем, ищут его повсюду и заманят его в ловушку своими поисками».

Через месяц, 22 июля 1871 года, обеспокоенный автор «Капитала» писал тому же Даниэльсону:

«Здесь получены самые тревожные известия о «нашем общем друге», но надеюсь, что они окажутся ложными или, по крайней мере, преувеличенными».

Но надежды Маркса оказались тщетными. 13 февраля мнимый Николай Любавин был арестован. Иркутские жандармы без труда установили, что задержанный ими Николай Любавин не кто иной, как Герман Лопатин, прибывший в Иркутск с целью помочь Чернышевскому бежать за границу, Однако никаких улик, доказывающих намерение Лопатина освободить Чернышевского, властями обнаружено не было, и это поставило их в затруднительное положение: они не знали, что с ним делать, как пресечь его недоказанную революционную деятельность.

«Герман Лопатин умен, — писал один из жандармов в специальном докладе, — с большими способностями, характера твердого, настойчивого, предприимчив, умеет расположить тех лиц, которые ему нужны. Вместе с тем натура его кипучая, требующая деятельности, но деятельность в противоправительственном духе, так как во всех его действиях и даже в письменных объяснениях весьма рельефно проглядывает ненависть к правительству и настоящему порядку...».

В июне 1871 года Лопатин бежал из-под стражи, но был тотчас задержан. В начале октября Лопатин был судим за проживание по чужому паспорту и Иркутским Верхоленским судом был приговорен к сторублевому штрафу. Тем не менее по распоряжению III Отделения Лопатина впредь до особого распоряжения велено было содержать под стражей в жандармской казарме.

Известие о том, что Лопатин из-за отсутствия улик был приговорен Иркутским судом только к сторублевому штрафу, достигло Лондона с большим опозданием и обнадежило друзей предприимчивого революционера. Даниэльсон поспешил поделиться с Марксом отрадными сведениями из России.

«Известия, которые Вы сообщили о нашем общем друге, очень, очень обрадовали меня и мою семью, — отвечал автор «Капитала» в письме 28 мая 1872 года. — Немногих людей я так люблю и так уважаю, как его».

По настоянию генерал-губернатора Восточной Сибири Н.П. Синельникова Лопатин был выпущен из острога под строгий полицейский надзор, причем для получения средств к существованию получил разрешение работать частным образом в Иркутской контрольной палате.

Узнав, что за время его заключения III Отделение, собрав необходимые справки о его особе, собирается снова его арестовать, Герман Лопатин летом 1872 года предпринял второй побег из Иркутска. На этот раз он уплыл в двухвесельной душегубке вниз по Ангаре, спустился через знаменитые Ангарские пороги и добрался постепенно до Енисея, где и вышел на берег в Усть-Тунгузке, проплыв на утлой лодчонке свыше 2000 километров. Отсюда, пробравшись через таежный переволок на Старо-Агинский тракт, добрался на крестьянских лошадях до Томска, но здесь был узнан местным полицмейстером по фотографической карточке и зимой того же года снова очутился в Иркутской тюрьме.

15 февраля 1873 года Лопатин обратился с пространным письмом к генерал-губернатору Восточной Сибири И.П. Синельникову, в котором откровенно признался в своем намерении освободить Чернышевского.

«Во время пребывания моего в Лондоне, — писал Лопатин, — я сошелся там с неким Карлом Марксом, одним из замечательнейших писателей по части политической экономии и одним из наиболее разносторонне образованных людей в целой Европе. Лет пять тому назад этот человек вздумал выучиться русскому языку; а выучившись русскому языку, он случайно натолкнулся на примечания Чернышевского к известному трактату Милля и на некоторые другие статьи того же автора. Прочитав эти статьи, Маркс почувствовал глубокое уважение к Чернышевскому. Он не раз говорил мне, что из всех современных экономистов Чернышевский представляет единственного действительно оригинального мыслителя, между тем как остальные — суть только простые компиляторы, что его сочинения полны оригинальности, силы и глубины мысли, и что они представляют единственные из современных произведений по этой науке действительно заслуживающие прочтения и изучения; что русские должны стыдиться того, что политическая смерть Чернышевского есть потеря для ученого мира не только России, но и целой Европы... Понятно, что такой отзыв со стороны столь компетентного судьи мог только увеличить мое уважение к этому писателю. Когда же я сопоставил этот отзыв о Чернышевском как писателе с теми отзывами о высоком благородстве и самоотверженности его личного характера, которые мне случалось слышать от людей, близко знавших этого человека и никогда не могших говорить о нем без душевного волнения, то у меня явилось жгучее желание попытаться возвратить миру этого великого публициста, которым, по словам того же Маркса, должна бы гордиться Россия. Мне казалась нестерпимой мысль, что один из лучших граждан России, один из замечательнейших мыслителей своего времени, человек, по справедливости принадлежавший к пантеону русской славы, влачит бесплодное, жалкое и мучительное существование, похороненный в какой-то сибирской трущобе».

Дальше Лопатин признается, что в свои планы освобождения Чернышевского он посвятил пять человек приятелей в Петербурге и Элпидина в Женеве. «Я не сказал о своей затее даже Марксу», — пишет иркутский узник. Указав, что не существует никакого общества, ставящего своей целью освобождение Чернышевского, и что вряд ли найдется еще другой такой «сумасброд», способный решиться на повторение безнадежной попытки освобождения вилюйского узника, Лопатин обращается с просьбой к Синельникову «облегчить хотя до некоторой степени суровую строгость обстановки, окружающей этого глубоко несчастного человека, которому самое правительство, самые политические враги его не могут отказать в уважении».

Вместе с тем в отдельно поданной докладной записке на имя того же Синельникова, Лопатин просит перенести слушание его дела из Иркутска в Ставрополь.

«Возбуждая этот вопрос о подсудности, — откровенно пишет он, — я руковожусь вовсе не платоническим пристрастием к формальностям судопроизводства, а гораздо более существенными мотивами, а именно: 1. Как известно, в Ставрополе в настоящее время введены в действие судебные уставы 20 ноября 1864 г., в силу которых судьи руководствуются при определении степени виновности подсудимого не совокупностью так называемых формальных улик, а своим внутренним убеждением по отношению к су-

ществованию в действиях подсудимого так называемой «злой воли». На этом основании, судясь в Ставрополе, я мог бы рассчитывать на оправдание. 2. Но если бы я даже и был признан виновным, то и в этом случае я был бы сослан только на житье в одну из отдаленных губерний России, между тем как здесь, в случае завинения, мне угрожает ссылка в Якутскую область. 3. Наконец, вследствие распространения на Ставропольскую губернию последней судебной реформы и также и недавно изданных правил относительно образа действия чинов жандармского корпуса, — исполнение судебных приговоров обставлено там несравненно большими гарантиями, чем здесь, где для человека возможно просидеть в секретном заключении целых четыре месяца после объявления ему окончательного судебного решения, как это случилось со мной здесь в 1871 году».

И письмо и докладная записка подействовали на «чувствительного» Синельникова. Генерал-губернатор Восточной Сибири обратился в III Отделение с ходатайством о смягчении участи Лопатина.

«Не могу не сознаться, — писал он шефу жандармов, — что Лопатин возбуждает сочувствие к своей участи, — его твердая, честная натура, к сожалению, еще в юности пройдя через горький опыт жизни, дает надежду к исправлению, а по уму и образованию можно ожидать и пользы».

Одновременно Синельников просил «облегчить несколько участь Чернышевского, переведя его на жительство в Якутск под особый надзор полиции».

Ходатайство генерал-губернатора Восточной Сибири было доложено царю. Ответ не заставил себя ждать.

«Государь, — сообщал шеф жандармов Синельникову, — не соизволил на прекращение дела Лопатина, предосудительный образ действия которого памятен его величеству».

Относительно же Чернышевского не было никакого ответа, точно о нем и не говорилось в письме Синельникова.

Лопатину больше надеяться было не на что. Он решил бежать.

22 июля он был потребован в здание Иркутского суда для допроса. Заметив, что какой-то чиновник, приехавший верхом, привязал своего коня к воротам, Лопатин во время перерыва заседания вышел вместе с подчаском освежиться на крыльцо, спрыгнул на землю, оторвал повод, вскочил на седло и... был таков.

В конце года Лопатин снова очутился за границей.

29 ноября 1873 года Фридрих Энгельс в письме из Лондона сообщил Карлу Марксу в Манчестер подробности побега их общего друга:

«Лопатин, после того как убежал в июле из ссылки, еще месяц скрывался в Иркутске, в последнее время в доме того самого человека, которому было специально поручено обнаружить его убежище, затем отправился, переодетый крестьянином, на собственной телеге в Томск, оттуда пароходом, от Тобольска на почтовых и, наконец, по железной дороге в Петербург, все в качестве крестьянина; здесь он скрывался еще месяц, пока спокойно не переехал по железной дороге границу».

Так окончилась неудачная попытка освобождения Чернышевского, одна из самых ярких страниц биографии Германа Лопатина.

Óäàëîé äîáðûé ìîëîäåö

С 1874 года Герман Лопатин поселяется за границей и, не прерывая своей дружбы с К. Марксом и Фр. Энгельсом, сближается с П.Л. Лавровым, сотрудничая в журнале Лаврова «Вперед». В этом органе русской революционной эмиграции Герман Александрович помещает ряд своих произведений: корреспонденцию «Из Иркутска», в которой он описывает, с какой злобой царское самодержавие преследовало Н.Г. Чернышевского, А.П. Щапова, И.А. Худякова, Н.А. Ишутина и других попавших в его лапы борцов против самодержавия; очерк «Не наши» о сектантах, отрицавших Бога, религию, правительственную власть, собственность, семью, вообще все существовавшие законы, выражавших резкий протест против царского самодержавного строя; статью об известном историке А.П. Щапове и «Воспоминания об И.А. Худякове».

Лавров познакомил Германа Лопатина с И.С. Тургеневым и Г.И. Успенским. Тургенев быстро поддался обаянию цельной натуры Лопатина. «Умница и молодец», «несокрушимый юноша», «светлая голова» — таковы восторженные отзывы великого русского романиста о Лопатине. В мемуарной литературе о Тургеневе имеются заявления, что Лопатин якобы послужил отчасти моделью для фигуры героя романа «Новь» Нежданова. Такое же сильное впечатление произвел Герман Александрович на Глеба Успенского, который даже начал писать роман «Удалой добрый молодец», прототипом героя которого был Лопатин. «Повесть, которую пишу, — делился своим замыслом в неотправленном, но сохранившемся в бумагах писателя письме к Михайловскому Глеб Успенский, — автобиография не моя личная, а нечто в роде Лопатина. Чего только он не видал на своем веку. Его метало из губернаторских чинов на Кавказ, с Кавказа в Италию прямо к битве под Ментоной, к Герцену, потом в Сибирь на три года. Потом на Ангару, по которой он плыл тысячу верст, потом в Шенкурск, в Лондон, Цюрих, Париж. Он видел все и вся. Это целая поэма. Он знает в совершенстве три языка, умеет говорить с членами парламента, с частным приставом, и мужиком, и неучем, и в то

же время может войти на кафедру, и печатать о чем угодно вполне интересную лекцию. Это изумительная натура...». К сожалению, этот замысел так и остался незавершенным.

По свидетельству Лаврова, Тургенев угадывал в Лопатине блестящий литературный талант и уговаривал его серьезно заняться литературным трудом, но Герман Александрович постоянно отнекивался, заявляя, что у него нет для этого свободного времени.

Сотрудничая в издании Лаврова, Лопатин передал редакции рукопись романа Чернышевского «Пролог к прологу», доставленную им из Сибири, которую лица, пославшие рукопись Чернышевского, просили напечатать за границей. Так это произведение Чернышевского, написанное на каторге в Александровском заводе, было опубликовано в 1877 году, т.е. еще в то время, когда его автор томился в далекой вилюйской ссылке.

Пребывание Лопатина за границей прерывалось нелегальными поездками в Россию. Во время одной из таких поездок Лопатин доставляет Михайловскому известное письмо Маркса в редакцию «Отечественных записок».

В начале 1879 года Лопатин был арестован и заключен в Петропавловскую крепость.

«Несчастье, обрушившееся на Лопатина, было неизбежно, — сообщал Лаврову И.С. Тургенев, — он сам как бы напросился на него. В самый день моего приезда я умолял его уехать на юг, ибо об его присутствии в Петербурге полиция знала. Что теперь сделать — сказать трудно... Лопатин оскорбил лично Александра II; — это не прощается... Очень мне его жаль». «Со вчерашнего дня я все размышляю о том, что бы сделать и только могу убедиться в собственном бессилии», — писал Тургенев в одном из последующих писем. На всякий случай автор «Записок охотника» собирался воздействовать через русского посла в Париже Орлова на великого князя Константина Николаевича «с величайшей осторожностью, как бы не испортить дела, дав понять великому князю, что мне известны некоторые его сношения с революционерами». «Сделаю все, что могу, но могу-то я очень, слишком мало», — сокрушался Тургенев.

На этот раз Лопатин отделался сравнительно дешево: после тринадцатимесячного заключения в Петропавловской крепости он был выслан в Среднюю Азию, в город Ташкент, а отсюда в начале 1882 года был переведен на жительство в Вологодскую губернию под надзор полиции, откуда бежал в феврале 1883 года.

«Радуюсь благополучному возвращению Лопатина», — писал Тургенев Лаврову, приветствуя появление Лопатина в Париже.

Но в Париже Лопатина ждал тяжелый удар. Лавров сообщал Лопатину о смерти Карла Маркса. Это известие глубоко потрясло его. «Лопатин говорит, что он никак не может осознать, что Маркса нет в живых», — писал Лавров Фридриху Энгельсу.

28 марта 1883 года Лопатин писал в Лондон Элеоноре Маркс:

«Моя дорогая мисс Тусси! У меня нет слов, чтобы выразить Вам, какую боль причинило мне известие о смерти Вашего отца и как глубоко я сочувствую Вашему горю. Сообщение о кончине моего уважаемого и любимого друга было первое, что я услышал, переступив порог Лаврова! Маркс умер как раз в тот день, когда я переходил границу России. Таким образом, задержка в несколько дней лишила меня радости еще раз в жизни обнять этого человека, которого я любил как друга, уважал как учителя и почитал как отца...».

После смерти Маркса Лопатин, не входивший до этого ни в одну из русских революционных организаций, формально примыкает к партии «Народной Воли». Исполнительный комитет партии поручил Лопатину наблюдение за осуществлением разоблаченным провокатором С.П. Дегаевым убийства его ближайшего начальника, инспектора секретной полиции подполковника Судейкина. В марте 1884 года Лопатин вошел в так называемую «Распорядительную комиссию», перед которой была поставлена задача восстановления разгромленной организации «Народной Воли». В октябре того же года Лопатин был схвачен переодетыми сыщиками на Казанском мосту в Петербурге. После трехлетнего предварительного заключения в крепости Герман Лопатин в 1887 году был судим и приговорен к смертной казни, которая потом была ему заменена бессрочной каторгой. Каторгу он отбывал в Шлиссельбургской крепости.

Восемнадцать с лишним лет провел Герман Лопатин в этом каменном мешке. Это были тяжелые, мучительные годы, о которых несчастный узник в одном из своих стихотворений, написанных в заточении, писал:

Как много лет уж позади.
Как мало их уж впереди.
Как тускло, трепетно горит
Лампада жизни, чуть мигая
В унылом склепе. Как чадит
Ее светильник, догорая.
Какой тоскливой чередой
За скучным днем ползет другой,
За годом новый год влачится,
Как кровь, что медленной струей
Весь день из раны роковой
Сквозь бинт, без удержу сочится.

Революция 1905 года возвратила шлиссельбургским узникам свободу. 10 ноября 1905 года перед Германом Лопатиным распахнулись ворота ненавистной крепости. Только очутившись на свободе, Лопатин с сердечным волнением узнал, что вся семья Маркса, а особенно младшая дочь его Тусси (Элеонора), с которой он был так дружен, внимательно следила за судьбой шлиссельбургских узников, знала о всяких переменах в жизни русских мучеников, обреченных томиться в мрачных казематах и, конечно, особенно близко к сердцу принимала участь молодого русского друга ее юности...

Âñå â ïðî øëî ì

После освобождения из Шлиссельбургской крепости Герман Александрович уезжает за границу.

В Париже он принял участие в разоблачении крупного провокатора Азефа. Это, пожалуй, была его последняя дань русскому революционному движению. Слишком много перемен произошло за время его «шлиссельбургского» сидения. Рабочий класс России вышел на авансцену истории и создал под руководством Ленина и Сталина могучую большевистскую партию. Народничество было идейно разгромлено марксизмом.

Либеральная буржуазия саморазоблачала свою антинародную сущность. Оторванный за много лет от активной революционной работы, от народа, Герман Лопатин не понимал многого. В течение ряда лет он кочевал то по югу Франции, то по Италии, то приезжал в Россию, в сущности, без дела, для того только, чтобы посетить старых друзей и знакомых, которые всегда радушно встречали его. Гостил и у Горького на Капри.

Не раз он вспоминал с друзьями о своей дружбе с Марксом.

«Я испытывал на себе чисто отеческую любовь его ко мне, — рассказывал об авторе «Капитала» Герман Александрович. — Часто встречались мы с ним, спорили, случалось говорили подолгу о пустяках... а многое, многое, очень важное, осталось невыясненным. Обо многом надо было узнать, попросить совета...».

Уже в это время Герман Лопатин может быть отнесен к числу тех старых революционеров, которые, по меткому определению товарища Сталина, «тем только и замечательны, что они старые». Вот почему в 1911 году В.И. Ленин в письме к А.М. Горькому скептически отнесся к выступлениям Лопатина в ликвидаторско-народническом журнале «Современник».

За несколько лет до Великой Октябрьской революции Герман Лопатин вернулся в Петербург и поселился в Доме литераторов на берегу реки Карповки. Он живо интересовался общественно-политической жизнью страны, часто появлялся на заседаниях различных научных и литературных обществ, но почти всегда молчал, воздерживаясь от участия в прениях и чутко прислушивался к молодым, сильным голосам. Годы брали свое: он уже значительно одряхлел.

Низвержение самодержавия — заклятого врага его жизни, потрясло Лопатина. «Трудно передать радость и восторг», — пишет в своих воспоминаниях о Германе Лопатине один из основателей группы «Освобождение труда» Лев Дейч, — охватившие престарелого революционера, осужденного на вечную каторгу и в течение многих лет потерявшего надежду очутиться не только в республиканской, но даже в конституционной России.

В течение нескольких дней Герман Александрович, как мне передавали, ходил, словно очарованный. Он не пропускал большинства многочисленных тогда совещаний, заседаний и нередко практиковавшихся концертов-митингов. На многих таких многолюдных собраниях можно было видеть на эстрадах большую, покрытую белой шевелюрой голову Германа Александровича...».

Герману Лопатину выпало счастье дожить и до того отмеченного календарем столетий дня, когда «крейсер «Аврора» громом своих пушек, направленных на Зимний дворец, возвестил 25 октября начало новой эры — эры Великой социалистической революции». Но подлинного смысла этого величайшего в истории человечества переворота он до конца не понял...

Силы Германа Александровича иссякли. После дважды повторенной операции (катаракта глаза) и продолжительной болезни, вызванной раком желудка, он скончался в Петропавловской больнице 26 декабря 1918 года. Умирая, он не мог не сострить о странности своей судьбы: «Я начал свою сознательную жизнь в Петропавловской крепости, а кончаю ее в Петропавловской больнице».

Прах Германа Лопатина погребен на литературных мостках Волкова кладбища в Петербурге. На похоронах Лопатина присутствовал А.М. Горький.

Вспоминая в «Заметках читателя» похороны Лопатина, великий русский писатель назвал Германа Александровича одним из талантливейших русских людей, который мог бы сделать «карьеру ученого, художника, путешественника», в условиях же царской России «он двадцать лет, лучшие годы жизни, просидел в Шлиссельбургской тюрьме».

Áèáëèîãðàôèçåñêèé ñïèñîê

1. Викторова Е. Горький на Капри // Сборник статей и воспоминаний: «О Горьком современники». — Московское товарищество писателей. Год не указан.
2. Горький М. Заметки читателя. Сочинения. — Т. 22.
3. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. — ОГИЗ, 1945.
4. Краснов М.В. Историческая записка о Ставропольской гимназии. — Ставрополь, 1887.
5. Леонтьев А.О. «Капитале» Маркса // Лекции, прочитанные в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). — М., 1945.
6. Лопатин Г.А. 1845-1918. Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения. — П., 1922.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — Т. 24.
8. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. — ОГИЗ, 1947.
9. Петрашкевич-Струмилина С.П. Запись беседы с Г.А. Лопатиным от 3 ноября 1913 г. — «Красная новь», 1927. — № 8.
10. Письма Ленина к Горькому. — Партиздат ЦК ВКП(б), 1936.
11. Попов А.В. Герман Лопатин в Ставрополе // Ставропольская правда. — 1945. — № 200 (3325). — 20 ноября.
12. Прозрителев Г.Н. Герман Лопатин в Ставрополе на Кавказе // Записки Северо-Кавказского Краевого общества археологии, истории и этнографии. — Ростов-Дон, 1929-1930. — Кн. 1. — Т. 3. — Вып. 5-6.
13. Русский Педагогический Вестник. — 1858. — № 4.
14. Сталин И. Окружили мя тельцы мнози тучны. Сочинения. — М., 1946. — Т. 3.

Остальная библиография о Г.А. Лопатине собрана А.А. Шиловым и опубликована в книге «Г.А. Лопатин». — П., 1922.

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èñòî÷íèêó:

Попов А.В. Г.А. Лопатин // Материалы по изучению Ставропольского края. — Ставрополь, 1949. — Вып. 1. — С. 87—115.

Статья А.В. Попова написана в 1948 году и требует прочтения с установкой на идеологию периода культа личности И.В. Сталина.

Чаще всего отправляли в ссылку, и в том числе на Кавказ. Ведь назвал же однажды император Александр I Кавказ «теплой Сибирью». Нередко приезжали «опальные» в Ставрополь не по своей воле, но под давлением обстоятельств. Крупный администратор и ставропольский общественный деятель Александр Никонович Лопатин (1815—1887) в начале 1850 года переехал в Ставрополь и стал чиновником особых поручений Ставропольской палаты государственных имуществ (с 24 января 1850 года).

Еще недавно, 17 апреля 1849 года, надворный советник Лопатин, инспектор Нижегородского дворянского института, был уволен от должности. Причину отставки до сих пор точно установить не удалось. В рапорте о состоянии Нижегородского дворянского института за май 1849 года в графе «Перемены чиновников и преподавателей», в разделе «выбыли» читаем: «Директор статский советник Грацинский, инспектор надворный советник Лопатин и старший учитель коллежский асессор Руммель — первые два уволены, а последний, по неблагонадежности, отставлен от службы; 17 апреля 1849 года».

Возможно, увольнение для А.Н. Лопатина означало и запрещение службы по учебной части. Позже, когда А.Н. Лопатин служил советником Ставропольской палаты государственных имуществ, подошел срок награждения его знаком отличия беспорочной службы за 15 лет. Попечитель Казанского учебного округа генерал-лейтенант Молоствов в ответ на запрос, не лишен ли А.Н. Лопатин прав на получение знака отличия беспорочной службы, сообщил, «что коллежский советник Лопатин в бытность свою инспектором Нижегородского дворянского института за допущенные в этом институте беспорядки <...> уволен от службы, но других препятствий, которые бы лишали его права на получение знака отличия беспорочной службы, я с своей стороны не вижу» (этот знак А.Н. Лопатин получил уже в Ставрополе в 1853 году. — *М.К.*)

Создается впечатление, что этими «беспорядками» была именно политическая неблагонадежность учителя Руммеля. Обратим внимание: шел 1849 год, в Европе полыхали восстания. Царь Николай I, устрашенный ими, хотел вообще закрыть университеты, потом сократил в них число студентов до 300 в каждом. Послал 200-тысячную армию на подавление восстания в Венгрии. Создал особый цензурный комитет под командой генерала Бутурлина для ревизии книг и статей уже просмотренных и одобренных цензорами.

Период 1848—1855 годов за крайнюю реакционность получил имя «мрачного семилетия».

Вынужденное расставание с любимой педагогической деятельностью стало, видимо, крайне тяжелым для Александра Никоновича. Но он был мужественным человеком, неуклонно прокладывавшим свой путь, преодолевая неблагоприятные жизненные обстоятельства. Родился он в городе Вятке (теперь Киров) в семье мелкого чиновника Никона Никоновича Лопатина, родившегося в 1790 году в Орле. Уже в 1803 году Н.Н. Лопатин начал служить в Орловском уездном казначействе, в 1806 году перемещен в Казенную палату в Орле. С 1814 года — казначей Вятского уездного казначейства, а в 1819 году — Нолинского казначейства.

По документам, Н.Н. Лопатин — «неблагородный», не дворянин. У него четыре сына.

10 августа 1825 года Александр Лопатин принят в Вятскую гимназию. Учился достаточно скромно, на «тройки». В документах Вятской гимназии отмечено, что ученик первого класса А. Лопатин способности имеет хорошие, поведение хорошее.

По-видимому, уровень преподавания в гимназии основывался на зубрежке. И когда Лопатин поступил на словесный факультет Казанского университета, видимо, в 1830 году, то оказался в числе лучших студентов. Как свидетельствует формулярный список о службе, 27 июля 1834 года он «удостоен звания кандидата», высшего для выпускника, а 30 июля «за отлично-хорошие успехи в науках, при торжественном собрании, награжден золотой медалью».

Отец, видимо, умер в 1833 году, и выпускник А. Лопатин с 1 сентября поступил на службу письмоводителем университетской библиотеки, а в мае 1835 года получил повышение, став помощником библиотекаря.

А в 1837 году Лопатина переместили учителем истории и статистики во вторую Казанскую гимназию. Дело у него пошло так хорошо, что уже в следующем году получил награду 400 рублей ассигнациями. В 1839 году назначен библиотекарем фундаментальной библиотеки гимназии.

Успешный преподаватель также начал давать уроки истории и географии в Казанском Родионовском институте благородных девиц в 1842—1843 учебном году. В августе 1842 года в Казани произошел сильный пожар, и Лопатин проявил смелость и распорядительность, спасая гимназию от огня.

Видимо, в 1842 году Александр Никонович женился на Софье Ивановне, урожденной Крыловой. В марте 1843 года родилась первенец Ольга, корреспондент впервые публикуемых нами писем Германа Лопатина, студента первого курса Петербургского университета.

В мае 1843 года А.Н. Лопатин получил большое повышение: его переместили в Нижний Новгород и назначен инспектором гимназии.

Шестилетний период педагогической службы в Казани дал Александру Никоновичу неоценимый опыт. Здесь он произведен в чин титулярного советника.

На новом месте инспектором А.Н. Лопатин пробыл недолго; в октябре 1843 года стал коллежским асессором, а в 1844 году его перевели в местный дворянский институт, также инспектором. Вероятно, новый инспектор сразу сблизился и с педагогами, и с воспитанниками. С 1 сентября 1847 года по 2 апреля 1848 года бесплатно преподавал французский язык. Вскоре старшего учителя Руммеля уличили в политической неблагонадежности, и, кажется, именно из-за него потеряли свои должности Лопатин и Грацинский. Лопатин навсегда потерял право на педагогическую деятельность в 35 лет.

Надворный советник Лопатин пробыл в отставке с апреля по 2 сентября 1849 года. Затем переехал в столицу, подал прошение и поступил на службу в департамент государственного казначейства (министерства финансов. — *М.К.*)

Служба в Петербурге продолжалась очень недолго — менее пяти месяцев. Давала о себе знать чрезвычайная дороговизна. Семья росла. К 1850 году у Лопатиных было два сына: Герман, родившийся 13 января 1845 года в Нижнем Новгороде, и Всеволод. Три дочери: уже упомянутая Ольга, а также Вера и Надежда, которая родилась в Петербурге.

Очевидно, вскоре после определения на службу в департамент казначейства Александр Никонович решил уехать из столицы. Возможно, он еще в университете подружился со студентом, по-видимому, политического (юридического. — *М.К.*) факультета Александром Лазаревым, также «из обер-офицерских детей», видимо, сыном чиновника.

В августе 1831 года Лазарев, окончив курс наук в Казанской гимназии, поступил в университет. В июле 1833 года «за отличные успехи и поведение» награжден серебряной медалью. 28 июля 1835 года сдал экзамены на звание кандидата прав. Поступил на службу учителем истории и статистики в первую Казанскую гимназию. Ездил на три месяца в командировку в Петербург для изучения «методы преподавания хронологии».

Одновременно со службой в гимназии с разрешения министра просвещения С.С. Уварова в июле 1838 года начал преподавать отечественную историю в Казанском университете. Именно в это время он мог подружиться со своим коллегой А. Лопатиным, который, напомним, в 1837—1843 годах преподавал историю во 2-й Казанской гимназии.

А. Лазарев не собирался надолго посвящать себя преподаванию истории: получив в июне 1839 года довольно скромный чин титулярного советника, в октябре этого же года подал прошение и уволился с должности учителя гимназии. Переехал в Петербург и определился в департамент государственных имуществ. Исправлял должность старшего помощника столоначальника.

Дела на новой стезе пошли весьма успешно, и уже в марте 1840 года он «перемещен» в далекую Вятскую губернию, в город Котельнич, начальником Окружного управления государственных имуществ.

В 1842 году получил чин коллежского асессора (майора. — *М.К.*), благодарность министра за «успешное взыскание податей и повинностей» и попечителя Казанского учебного округа «за попечительность о благосостоянии котельнических училищ». Сельские школы для государственных крестьян относились к ведомству министерства государственных имуществ, и Лазарев, имевший немалый педагогический опыт, видимо, солидно улучшил состояние школ.

Успешный окружной начальник в декабре 1843 года повышен по службе, «перемещен» в Ставрополь, назначен советником Кавказской палаты государственных имуществ. В марте следующего года стал надворным советником (подполковником).

В апреле 1844 года ему поручено исполнять обязанности управляющего Кавказской, будущей Ставропольской, палатой государственных имуществ, а в ноябре Николай I утверждил Лаврова в этой должности. В марте 1846 года он произведен в коллежские (полковник), а в мае 1849 года — в статские советники.

Путь от титулярного до статского советника А. Лазарев прошел всего за 10 лет. Вероятно, к нему и обратился А. Лопатин с прошением о переводе в Ставрополь. К этому времени А.Е. Лазарева утвердили в должности, в апреле 1850 года его наградили «за усердную и полезную службу» довольно крупным орденом святой Анны 2-й степени.

Прошение о переводе поступило в министерство государственных имуществ, и 24 января последовал императорский приказ о переводе в Ставропольскую палату, на должность чиновника особых поручений. Четыре месяца А.Н. Лопатин изучал новый вид деятельности, а в мае начал исполнять должность пятигорского окружного начальника; утвержден в этой должности в июле 1850 года.

Служебные обязанности оказались обширными, Пятигорский уезд в 50-х годах XIX века охватывал Кавминводы, долину Кумы и весь восток современного Ставрополья.

В Пятигорске А.Н. Лопатин прослужил два года и вернулся в Ставрополь с большим повышением, став советником контрольного отделения Палаты государственных имуществ.

Это была очень беспокойная служба. Приходилось посещать самые отдаленные крестьянские селения, кочевья калмыков и туркмен, поселки рыбаков. Служба не отвлекала Александра Никоновича от забот

о семье. Старших детей, Ольгу и Германа, пришло время учить читать и писать. До сих пор неизвестно, кто учил Ольгу. Видимо, ее учил отец. Он же готовил сына к гимназии. 19 января 1855 года отец подал директору гимназии Я.М. Неверову прошение о приеме сына Германа сразу во второй класс, «по экзамену».

Экзамены десятилетний Герман успешно сдал. Учебный год в гимназии тогда совпадал с календарным, и во втором классе Герман считался четвертым по успеваемости учеником. Имея по основным предметам: русскому языку, арифметике и географии — «пятерки», а по закону Божьему — «четверку» (на переходном экзамене получил «пять»), он испытывал большие затруднения с черкесским и татарским (кумыкским) языками — «три».

В Ставропольской гимназии в это время учеников разделяли на два отделения. Воспитанники, которых родители предназначали в университеты или специальные высшие учебные заведения, учили латинский и французский языки. Большинство чиновников прочили своих сыновей в гражданскую службу, и они изучали законоведение. Герман Лопатин учил законоведение.

Хорошие успехи были у него и в третьем классе. Летом 1857 года отец поехал в поселок рыболовов Черный рынок (теперь Кочубей, Дагестан) на Каспийском море. Герман тяжело заболел. Отец не мог своевременно его привезти в Ставрополь. В сентябре 1858 года отец написал прошение принять сына вновь в четвертый класс. И Герман успешно окончил учебный год, имея все пятерки, кроме татарского языка и не обязательного для него латинского.

В старших классах Герман Лопатин тоже хорошо учился, имея большей частью пятерки, а по алгебре и физике — экзотический «4,5». В 1861 году он был лучшим учеником в выпускном седьмом классе. Участвовал в конкурсе на лучшее сочинение. Посвятил его «Запискам охотника». Тема эта была сложной, даже опасной: восемь месяцев прошло после отмены крепостного права. Видимо, сочинение было написано небрежно, и хотя педагоги признали его работу лучшей, но премии выпускнику не присудили.

Успешно сдав положенные выпускные экзамены, Герман обратился к директору С.А. Маркелову с прошением:

«Имея намерение по окончании гимнастического курса поступить для дальнейшего образования в университет, я желаю подвергнуться экзамену из языков: латинского и французского», — пишет гимназист Герман Лопатин и просит: «дозволить держать ему дополнительный экзамен из этих предметов после Нового года (1862. — *М.К.*)», — и до этого времени приостановить выдачу ему свидетельства.

Директор С.А. Марков дал разрешение. В протоколе педагогического совета написано, что «из 22 учеников выпускного класса лишь 7 получили аттестаты». В их числе — будущий ставропольский педагог В.Ф. Миловидов.

Педагогический совет решил: «Ученика Лопатина, имеющего из $^{2}/_{3}$ всех предметов отметку «весьма удовлетворительно» («отлично». — *М.К.*), удостоить награждения золотой медалью и, сверх того, ему, как оказавшему отличные успехи из законоведения, предоставить право на чин XIV класса».

Герман Лопатин сохранил о гимназии не очень лестные воспоминания. «В пятилетнем возрасте увезен на Кавказ, где окончил курс гимназии с золотой медалью в г. Ставрополе. (Лопатин пишет о себе в третьем лице. — ***М.К.***) Гимназия эта по количеству и качеству даваемых сведений и по нравам походила в первые годы его там пребывания больше на бурсу Помяловского, чем на что-нибудь иное».

Конечно, между учебой в гимназии и 1906 годом, когда Лопатин написал автобиографию, прошло почти полвека. Он подолгу жил в Париже и Лондоне, хорошо знал, как идет преподавание в западноевропейских школах. Само сравнение с бурсой Помяловского, видимо, относится к гимназическому пансиону. Воспитанники в сентябре 1855 года жаловались директору Я.М. Неверову на инспектора В.Д. Терзиева, на то, что их скудно кормили, одевали в дешевое сукно. Текст жалобы сохранился. Однако, хотя факт казнокрадства Терзиева, деликатно названный «ошибками», ревизоры доказали, но наказания обрушились на преподавателя Е.А. Нарбута. Его уволили в отставку, четырех гимназистов, авторов жалобы, исключили. Двум из них, выпускникам, однако, разрешили окончить курс. Отличные знания показал пятигорчанин Петр Диков (1836—1856), но за непочтение к начальству, инспектору, попечитель Кавказского учебного округа барон А.П. Николаи лишил Дикова права поступить в университет на казенный счет. Тонкочувствующий и несколько меланхоличный, Диков оставил нам свой «Дневник», запись воспоминаний родственников о дуэли и смерти Лермонтова. Видимо, он испытал жесткий шок и умер.

«Кровь времени, засохшая кровь времени», — назвал однажды письма Герцен. И вот перед нами письма 17-летнего Лопатина. Они публикуются впервые.

Весна 1862 года. Окончена гимназия. Юноша вступает в жизнь. Отец берет двухмесячный отпуск и везет старшего сына в далекий Петербург, в университет.

И он пишет старшей сестре, наверное, лучшему другу. Путешествуют отец и сын по необычайному маршруту: из Ставрополя в Царицын (Волгоград) через калмыцкие степи. Зеленое море степи… «Степь, чистый воздух, движение экипажа приятно действовали на меня сначала, но потом страшно опротивели мне. Это однообразие ровной степи, прерываемое столь же однообразными и скучными деревнями, как-то тяжело ложится на душу: ни думать, ни мечтать в тарантасе нельзя. <…> Остается одно: спать»

Герман описывает прибытие парохода в Царицын: «Мне было и удивительно приятно, и несколько <...> страшно. Вообразите сами: темная ночь, густые клубы огня, вырывающиеся изо всех труб, разноцветные огни в разных местах, а потом невыносимо-пронзительный визг свистка и страшные громовые раскаты паров».

Удивительно ли, что одна староверка «неопровержимо» доказала, что пароход движет «нечистая сила». Заодно юный путешественник описывает каюту парохода, сравнивая его со стойлом конюшни: «Пароход плывет вверх по Волге, река настолько широка, что берега ее предстают просто черною полосою...». Вот и Казань. Дорога от Казани до Вятки и от Вятки до Нижнего Новгорода запоминается лишь высокими березами, которыми она обсажена, или густым бором.

Старые знакомые отца по Казани и Вятке все на одно лицо. Сначала они не узнают Александра Никоновича и тупо, в полном недоумении глядят на него... никак не могут узнать. Потом начинаются восклицания, которые должны выражать удивление.

Далее идут воспоминания детства и юности. А Герман выбирает кресло поспокойнее и дремлет.

Читая письма, мы знакомимся с Александром Никоновичем. К сожалению, от него не сохранилось материалов личного характера: писем, а тем более дневников, мемуаров. В.Ф. Антонов, автор книги «Герман Лопатин» (Липецк, 1960), говорит, что Александр Никонович — холодный, строгий, вообще семейный деспот.

Это сомнительно. Читая прошение о возвращении Германа в гимназию (Антонов с ним не познакомился), видим отца строгого, в душе заботливого, и хотя требовательного, но все же по-своему нежного.

То, что отец приучил сына к аккуратности, честности и требовательности, бесспорно. Утверждение, что Герман уважал, но не любил отца, ничем не доказано...

И вот наконец наши путешественники в столице. «Петербург находится теперь в возбужденном состоянии: на Троицу были страшные пожары, выгорели Щукин двор, Апраксин двор, Охта, Грязная, Болотная и прочее».

Речь идет о печально известных майских пожарах в 1862 году. До сих пор не установлена их причина, существует предположение, что они произошли от небрежного хранения огнеопасных материалов, например, на Апраксином дворе.

Однако для полиции было невыгодно указать естественные причины. Возникли ничем не подтвержденные слухи, что «во всем виноваты нигилисты и социалисты». Впрочем, до самой Февральской революции реакционеры распускали слухи: «Враги внутренние — евреи и студенты». В первую очередь убеждали в этом солдат и политически дикий слой населения: мещан и особенно крестьян.

Провинциальный юноша сначала верил самым нелепым слухам. Оказывается, поджигающие столицу злодеи-социалисты «полагают благоденствие в том, чтобы все люди были равны, т.е. чтобы у всех было равное количество имения, денег и прочего. Они истребляют для этого имения богатых и стараются посеять свои убеждения в народе».

Лопатин тогда оправдывал распоряжение правительства о закрытии воскресных школ: «социалисты проповедовали там свою теорию. И двое из фабричных стали распространять эти идеи равенства у себя на фабрике между товарищами и возбудили многих. Они теперь схвачены и судятся военным судом, их, как говорят, повесят».

Однако юный абитуриент не оправдывал массовую истерию и психоз, которые развязало правительство, обвинив «социалистов», а заодно и студентов, в поджогах. «Школы (воскресные. — *М.К.*) закрыты. Вся полиция на ногах, схватывают всякого подозрительного человека. Некоторые находят выгоду распускать в народе слухи о том, что виновники пожаров — студенты».

Результат специально созданной паники легко понять: ненависть толпы к образованным людям вообще. Студенты боятся ходить в форме. Самого Германа чуть «было не изловил» дворник и «едва выпустил, удостоверившись, что я жилец этого дома». Даже родной дядя, медик в Министерстве государственных имуществ, опасается племянника и с теткой о чем-то секретничает.

Ходят слухи, что из Франции приехали в Ригу «человек 60 вождей этого общества (социалистов. — *М.К.*), но они схвачены». Как можно поверить такой глупости? Что могут сделать 60 человек против громадной армии и целого сонма полицейских и жандармов?

Кто же идейные руководители этих якобы «социалистов»? «Представители этого мнения во Франции — Прудон и Фурье». И тут совет Ольге: «Подробно спроси у Пупарева».

Смехотворно, конечно, думать, что мечтатель, даже несколько приторный утопист Шарль Фурье, надеющийся сделать, как в песне поется, «чтоб был счастливым каждый» и все были равны и жили в фаланстерах, вдруг агитировал сжечь Северную Пальмиру — Петербург. Да и Поль Прудон, сказавший, что собственность — это кража, когда касается награбленных миллиардов, все же прав. Но он нигде не говорит о необходимости поджогов и погромов!

Откуда взял Лопатин эти сведения о французских утопистах? Пока неизвестно, поступала ли в Ставрополь нелегальная прогрессивная литература. Читал ли кто-либо в Ставрополе «Колокол»?

Мы не можем не обратить внимания на то, как отнесся Лопатин-студент к известию об аресте Чернышевского. Он, как видим, сообщает об аресте «английского корреспондента», у которого «были най-

дены бумаги, доказывающие связь их с заграничными социалистами». Действительно, летом 1862 года на Петербургской таможне был задержан некто Ветошников, торговый агент, у которого во время обыска обнаружены письма к ряду лиц в столице. Особо заинтересовали полицию письма Михаила Бакунина о пересылке в Россию «Колокола» и другой нелегальной корреспонденции.

В Петропавловскую крепость попали 32 человека, и в их числе — бывший учитель Ставропольской, а позже — Кубанской гимназии, Николай Ильич Воронов (1832—1888). Педагог, журналист, а позже и кавказский этнограф, Воронов оказался одним из двоих, кого оправдали по процессу «О 32 лицах, связанных с лондонскими пропагандистами».

А следствие по делу Чернышевского выделили в отдельное дело. Суд прошел позже, в 1864 году. Николая Гавриловича приговорили к каторге и сослали в Сибирь.

Герман Лопатин не мог остаться равнодушным к одному из самых нашумевших событий лета 1862 года — запрещению прогрессивных журналов «Современник» и «Русское слово»: «Философия теперь не в моде. «Современник» и «Русское слово» запрещены за излишнее пристрастие к философии и вообще к умственным исследованиям, заходящим в область действий русского правительства, а главное, за проведение идеи социализма».

Уже в 17 мальчишеских лет Герман сочувствует прогрессивному направлению лучших журналов, их критическому отношению к отмене крепостного права, которая сделала мужика намного беднее. Но главное для Германа — пропаганда социализма. И он рассказывает сестре, что об этом он долго беседовал в Ставрополе с друзьями дома — молодыми врачами Владимиром Снегиревым и Аполлоном Пупаревым.

Правда, что такое социализм, Лопатин понимает еще плохо и судит о нем по-детски. На утверждение сестры в ее письме (они до нас не дошли), что он «очарован Герценом», он возражает: «Я много читал из его сочинений, читал с удовольствием, во-первых, как остроумного памфлетиста, во-вторых, как человека, рассказывающего очень интересные факты, о которых я не мог бы узнать другим путем. Политических же убеждений Герцена я не мог разделить по той причине, что я их не понимал».

Вот таким поверхностным подходом, такой наивностью юного провинциала и объясняется то, что Герман разделяет мнение газеты «Русский вестник», которую редактировал махровый реакционер Михаил Катков.

А тот утверждал, что у «Герцена нет определенных убеждений» и «что нечестно, сидя за спиной лондонского полисмена, владея большим достоянием, поощрять молодежь к восстанию, малоподготовленному, посреди вовсе не подготовленного народа».

Будущий студент, увы, не знает, что известный публицист, которому он верит, просто лжет. Герцен объявил свою программу в первом номере «Колокола», в 1857 году: отмена крепостного права, цензуры и розог (физических наказаний). Он стремился к созданию широкого антикрепостнического фронта, от либералов-конституционалистов до революционеров-демократов. Герцен отверг призыв одного из своих корреспондентов-радикалов: «К топору зовите Русь!». Он напечатал письмо под таким содержанием, сопроводил его своим ответом, высказав свое мнение о необходимости мирного развития событий.

Однако юный Лопатин, скорее всего, «Колокола» еще не читал и провокацию «Русского вестника» принял за чистую монету.

Касается автор и религиозных убеждений Герцена и недоволен, что он — атеист: «Для умного человека — небольшая заслуга, при той сильной шаткости оснований, на которых держится всякая религия».

Юному студенту не нравится «крайний социализм» «Современника». Статьи Чернышевского не вызывают у него большой симпатии. У автора «страсть все объяснять примерами из естественных наук. Но, к несчастью, он сам мало знаком с этими науками, и у него встречаются местами ошибки очень грубые, оттого-то многие сравнения неудачны, аналогии неверны».

Подумать только! Ведь именно Лопатин, как известно, в 1871 году отправился в Сибирь, чтобы освободить Чернышевского, был в Иркутске арестован, рисковал свободой...

Находясь в Петербурге, учась в столичном университете, Герман Лопатин был в самом центре общественных событий. Его мнения быстро менялись. Он взрослел, мировоззрение его развивалось. Он научился анализировать события и вскоре стал одним из самых прогрессивных студентов университета.

Мы впервые публикуем письма юноши Лопатина к родственникам в Ставрополь, в основном, к старшей сестре, Ольге. Не случайно они были недоступны читателю целых 146 лет. И неслучайно будущий известный революционер высказывает совсем не те мнения, к которым он пришел позже, в 1871 году, когда познакомился и сблизился с Марксом, стал членом Генерального Совета Первого Интернационала. И письма не соответствуют общепринятому образу Лопатина, хотя мы знаем, что только тот настоящий революционер, кто самостоятельно выработал свои взгляды, а не механически заимствовал громкие и красивые лозунги у агитаторов.

Быстро бегут студенческие годы. Уже в конце их, в апреле 1866 года Дмитрий Каракозов неудачно покушался на Александра II. Лопатин отвергал индивидуальный террор, но был знаком с одним из организаторов террористов — Худяковым, и жандармы привлекли его к следствию.

К счастью, за отсутствием улик, Лопатина освободили, и он сдал государственные экзамены, получив ученую степень кандидата Санкт-Петербургского университета...

Многомятежную жизнь прожил Герман Лопатин. Далеко не все ее эпизоды достаточно исследованы. Не опубликованы документы об его учебе в Санкт-Петербургском университете в 1862—1866 годах, хранящиеся в одном из архивов северной столицы. В 1868 году Герман Лопатин был сослан из Петербурга в Ставрополь за попытку создать тайное « Рублевое общество». В нашем городе его назначили младшим чиновником по особым поручениям при губернаторе Г.К. Властове и одновременно директором-администратором местной общественной библиотеки.

Посещать ее гимназисты и воспитанники местной духовной семинарии без дозволения своего начальства не имели права. Но Лопатин не вносил их в книгу читателей, вел с молодыми людьми беседы, обсуждал с ними запрещенную литературу. Влияние его на развитие их мировоззрения, выработку у них прогрессивных взглядов было очень значительным.

Откровенное письмо Лопатина к своему знакомому М. Негрескулу с сообщением о намерении бежать из Ставрополя попало в руки жандармов: Негрескул оказался причастным к делу террориста Сергея Нечаева.

Лопатина арестовали, но он бежал из-под ареста. Вернувшись с Кавказа в Санкт-Петербург, узнал, что известный философ и публицист Петр Лавров сослан за свои взгляды в город Кадников Вологодской губернии. Герман в одиночку освободил опального философа и помог ему уехать за границу.

Уже сказано выше, что Лопатин неудачно пытался освободить из ссылки Чернышевского.

Его отец Александр Никонович (1815—1888) в 1868 году вернулся из Тифлиса, где он служил и занял пост управляющего казенной палатой. Вскоре он получил высокий чин действительного статского советника (генерал-майора), купил дом на Барятинской улице (теперь верхняя часть Комсомольской).

А.Н. Лопатин принимал активное участие в общественной жизни. Во время русско-турецкой войны за освобождение Болгарии А.Н. Лопатин был одним из руководителей Ставропольского отделения Красного Креста.

В 1882 году отец Лопатина вышел в отставку по болезни. Умер он, по косвенным данным, в 1887 году в Ставрополе.

А Герман Александрович предпринял попытку возродить в 80-х годах XIX века «Народную волю», разгромленную полицией после убийства 1 марта 1881 года Александра II народовольцами. Но неудачно. Лопатина осудили на пожизненное заключение в 1887 году. Он пробыл в заключении в Шлиссельбургской крепости до 1906 года. Первая русская революция освободила его, но угроза ссылки в Сибирь висела над ним.

Здоровье было полностью разрушено долгим заключением. Лопатин отошел от политической деятельности. Большевики замалчивали его заслуги. Так и не было опубликовано собрание его сочинений. Умер он в 1918 году в Петрограде.

Òåêñò ðóêîïèñè ïðåäîñòàâëåí àâòîðîì.

Þ.Â. Ñóñëîâ
Èññëåäîâàíèå ðîäîñëîâíîé
Ãåðìàíà Àëåêñàíäðîâè÷à Ëîïàòèíà

Герман Александрович Лопатин – человек яркой индивидуальности, огромной силы воли, необычайной храбрости, большого ума — занял особое место среди революционных деятелей семидесятых — восьмидесятых годов XIX века.[1]

Выходец из дворянской семьи, став кандидатом наук всего в 22 года, Г.А. Лопатин мог бы остаться при кафедре для «приготовления к профессорскому званию». Но его манила свобода: «Литературный труд, учительство и т.п. вольные профессии казались мне несравненно симпатичнее и подходящее к моему характеру», — так объяснял он свое нежелание поступить на «коронную», государственную службу. И мы потеряли видного биолога, математика или химика. Казалось бы, чего еще желать, раз родился дворянином, то и пользуйся своим особым положением, наслаждайся легкой жизнью. К тому же Герман Лопатин обладал веселым характером, большим обаянием и выдающимся умом. Однако Герман Александрович был из тех людей, которые не могут беззаботно веселиться, когда вокруг нищета и бесправие. Он избрал суровый путь революционера и всю тяжесть этого пути испытал сполна. Отметим, однако, неприятие им неподготовленных восстаний, бунтов, приводящих к кровавым расправам над неопытной молодежью. Противником заговоров, кровавых мятежей, когда юноши с голыми руками шли на штыки, Герман Александрович оставался всю жизнь. Будучи народником, Г.А. Лопатин отвергал план заговора и не верил, что удачное покушение приведет к социалистической революции, сомневался в том, что «насильственная смерть государя при отсутствии сильной революционной партии может вызвать народное восстание. Скорей всего эта авантюра вызовет усиление реакции». Поэтому он отказывался вступить в террористические группы народников. После освобождения из Шлиссельбургских казематов в 1905 году Г.А. Лопатин не участвовал в революционной деятельности, не воспринял идеи В.И. Ленина, восторженно встретил Февральскую революцию, был непримиримым противником Октябрьской революции.

Как и многие русские дворянские семьи, члены семьи Германа Александровича Лопатина оказалась по разные стороны «баррикад» революционного движения России. Одни защищали императорскую власть и служили ей честно и преданно: отец Германа — Александр Никонович Лопатин, действительный статский советник, служил управляющим Ставропольской казенной палатой, братья Сергей и Николай были генералами царской русской армии, сестры Ольга, Вера, Надежда и Любовь были женами действительных статских советников, высокопоставленных российских чиновников и генералов. Другие, как Герман, с головой ушли в революционную деятельность. Третьи, как брат Всеволод, занимали колеблющееся положение, то работая на государственной службе, то участвуя в революционных кружках и постоянно попадая под надзор полиции.

История семьи и рода Г.А. Лопатина неразрывно связана с историей России, уходит вглубь веков и продолжается в новых поколениях потомков Германа Александровича. Поэтому для ныне живущих его потомков представляет несомненный интерес генеалогическое исследование его рода.

«Жизненная задача каждого человека — познать форму своего рода, его задачу, закон его роста, критические точки, соотношение отдельных ветвей и их частные задачи. И на фоне всего этого — познать собственное свое место в роде и собственную свою задачу, не индивидуальную свою, поставленную себе, а свою — как члена рода, как органа высшего целого. Только при этом родовом самопознании возможно сознательное отношение к жизни своего народа и к истории человечества. Но обычно не понимают этого и родовым самопознанием пренебрегают, почитая его в худшем случае — за предмет пустого тщеславия, а в лучшем — за законный исторически заработанный повод к гордости».[2]

Генеалогия — это сердечная причина вспомнить или найти тех, кому ты обязан жизнью, существенная, хотя и невесомая составляющая жизни. Недостаточно знать лишь имена и даты жизни предков. Нужно оценить их поступки, понять характеры, узнать (восстановить) их биографию в историческом контексте страны, региона, местности. Видеть лица предшественников на фотографиях, читать письма, дневники (если они сохранились) или воспоминания тех, кто их окружал.

Для этого кому-то из ныне живущих родственников, нужно по возможности фиксировать, беречь и передавать в новые поколения знания о предках, историю их жизни. Такие люди, хранители памяти рода, выполняют важную духовную функцию. Они являются объединителями все более разрастающегося фамильного дерева. Более двух лет тому назад такую роль хранителя памяти рода после смерти матери — Сусловой Ирины Георгиевны взял на себя автор данной статьи.[3]

Началом поиска предков Г.А. Лопатина для автора статьи стало письмо его бабушки Сусловой Ольги Павловны, внучатой племянницы Г.А. Лопатина, написанное ею в 1977 году, и книги о Г.А.Лопатине, имевшиеся в семейной библиотеке. Получив из интернета определенную информацию о Германе Александро-

виче и его семье, автор данной статьи начал отправлять запросы в архивы России, и получать из них ответы разной степени информативности. Для представления генеалогической информации, которая росла как снежный ком, автор статьи, имеющий профессиональный компьютерный опыт, начал использовать программу «Древо жизни».

Очередным толчком к изучению родословия Германа Лопатина стало генеалогическое древо Вятского рода Лопатиных, которое было любезно предоставлено автору данной статьи однофамильцем Г.А. Лопатина — Лопатиным Николаем Владимировичем.[4] На этом древе были представлены имена многих членов рода Лопатиных, начиная от деда Германа — Никона Никоновича — и заканчивая ныне живущими его потомками.

Эта информация позволила как уточнить направленность запросов в архивы России, так и начать активный поиск ныне живущих потомков Г.А. Лопатина. Особенно занимательным стал процесс поиска ныне живущих потомков Германа. Для этого использовалась информация из интернета, например, выложенные там телефонные справочники ряда городов России и Украины периода середины 1990-х годов, а также социальные сети: «Одноклассники», «ВКонтакте», «МойМир» и др. Из этих источников удалось почерпнуть много как непосредственной информации о ныне живущих потомках Германа Лопатина, включая их фотографии, так и косвенной информации, полученной путем несложного логического анализа.

Получив начальную информацию из интернета, автор статьи начал переписку с наиболее интересными, на его взгляд, потомками Г.А. Лопатина. Учитывая занятость людей, ментальность советского периода в части боязни разглашения информации о родственниках, отсутствие у большинства жителей постсоветского пространства интереса к своим корням, автор данной статьи не рассчитывал получить много ответов на свои письма. Но реальность оказалась таковой, что за два года автору статьи удалось начать переписку более чем с десятью потомками Германа Александровича, о существовании которых до начала занятия генеалогией он не имел понятия.

В настоящее время генеалогическое дерево Германа Александровича Лопатина, построенное автором статьи, включает более 400 человек, а с супругами — более 500 человек. Автором статьи делаются определенные предположения о родственных связях, которые в результате поиска находят свое подтверждение либо отвергаются жизнью. Но процесс поиска бесконечен, и генеалогическое дерево беспрерывно расширяется…

В соответствии с нашими знаниями на сегодняшний день[5] род **Германа Александровича Лопатина** берет начало от некого канцеляриста Яранской нижней расправы[6] **Никона Ильича Лопатина** 1763 года рождения, жены его **Евдокии Семеновны** 1861 года рождения и его сына **Никона** 1789 года рождения, в 1809 году — канцеляриста Вятской казенной палаты.

Никон Никонович Лопатин – дед Г.А. Лопатина, проживший всего 36 лет, служил на должностях канцеляриста, регистратора, архивариуса, столоначальника, уездного казначея в уездных казначействах, казенных палатах Вятки и уездных городов Вятской губернии и дослужился до чина титулярного советника. Он был дважды женат, имел десять детей от двух жен, четверо из которых дожили до зрелого возраста.

Второй раз он был женат на **Татьяне Артемьевне Ишимовой** (1790—1865), бабушке Г.А. Лопатина, дочери заседателя в Земском суде города Вятки, коллежского советника **Артемия Филипповича Ишимова**. Т.А. Ишимова была двоюродной сестрой известной детской писательницы **Александры Осиповны Ишимовой** (1804—1881), написавшей «Историю России в рассказах для детей», придворной фрейлины и воспитательницы императора Александра II. Сам А.С. Пушкин приглашал А.О. Ишимову сотрудничать в его «Современнике», и писательница с радостью согласилась поставлять туда свои переводы. Первая часть книги вышла незадолго до смерти А.С. Пушкина. А.О. Ишимова была последним корреспондентом Пушкина: он написал ей письмо об ее исторических рассказах и отправил книгу для перевода в день дуэли с Дантесом 27 января 1837 года: «Милостивая государыня Александра Осиповна. Крайне жалею, что мне невозможно будет сегодня явиться на Ваше приглашение… Сегодня я нечаянно открыл Вашу Историю в рассказах и поневоле зачитался. Вот как надобно писать! С глубочайшим почтением и совершенной преданностью честь имею быть, милостивая государыня, Вашим покорным слугою, 27 января 1837».

Надо отметить, что Г.А. Лопатин приходился А.О. Ишимовой двоюродным внучатым племянником. В годы студенчества Германа она всячески пыталась регулировать его жизнь, направлять ее на «пользу царю и отечеству». Герман Александрович, будучи революционно настроенным молодым человеком, вспоминал о ней с большой неприязнью.[7]

Четыре сына Никона Никоновича Лопатина дожили до зрелого возраста и стали чиновниками разного масштаба.

• **Александр** (1815—1888), отец Г.А. Лопатина, после окончания Вятской гимназии и Казанского университета служил в Казанской гимназии, а параллельно работал в Библиотеке при Казанском университете. Служил инспектором в Александровском дворянском институте в Нижнем Новгороде, затем служил в Пятигорске и Тифлисе. В 1868 году был переведен в Ставрополь управляющим казенной палатой, имел чин действительного статского советника. В 1842 году Александр Никонович Лопатин, работая

Сыновья А.Н. Лопатина и С.И. Лопатиной (Крыловой).
Слева направо: Всеволод, Сергей, Герман, Николай. Фото около 1906 года

заведующим фундаментальной библиотекой 2-й Казанской гимназии, женился на **Софье Ивановне,** урожденной **Крыловой** (1825—1886), в дальнейшем матери Г.А. Лопатина. Согласно семейной легенде, Софья Ивановна является внебрачной дочерью известного русского баснописца **Ивана Андреевича Крылова** (1769—1844). Но эта информация пока не подтверждается генеалогическими исследованиями.

• **Николай** (1817 — ?) служил стряпчим в уездных казначействах городов Орлова и Нолинска Вятской губернии, дослужился до чина коллежского секретаря, имел сына.

• **Константин** (1820—1888) служил в уездном казначействе города Уржума Вятской губернии, а затем был городским головой города Уржума, дослужился до чина надворного советника, был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени, был дважды женат, имел восьмерых сыновей и трех дочерей. Наиболее известными из его детей были: **Александр** (1846—1909), налоговый чиновник, надворный советник, жизнь которого была связана со Ставрополем; **Николай** (1850—1905) — военный врач, коллежский советник, начинавший путь в революционных кружках, а затем служивший в гарнизонах Гродненской губернии, Кубанской области и города Карса (Кавказ); **Иван** (1853—1903) — военный, подполковник, участник русско-турецкой войны 1877—1878 годов; **Василий** (1862 — ?) — военный, капитан, написавший книгу «Памятка либавца. Краткая история 6-го пехотного Либавского полка»; **Константин** (1868—1936) — лесничий Радомской губернии, коллежский секретарь; **Михаил** (1869—1944) — бухгалтер и кассир уездного казначейства города Уржума, коллежский асессор.

• **Алексей** (1822—1896) — врач, действительный статский советник, служил в Санкт-Петербурге в медицинском управлении Министерства госимуществ и Министерства внутренних дел, имел сына. В первые годы учебы Германа в университете Алексей Никонович предоставил племяннику свою квартиру для временного проживания.

В семье Александра Никоновича и Софьи Ивановны Лопатиных было четыре сына и четыре дочери. Дети были уроженцами Казани, Нижнего Новгорода и Ставрополя.

Сыновья А.Н. Лопатина и С.И. Лопатиной (Крыловой):

• **Герман** (1845—1918) — уроженец Нижнего Новгорода, революционер, публицист и переводчик трудов по физике, биологии, политэкономии и философии, переводчик первого тома «Капитала»

Дочери А.Н. Лопатина и С.И. Лопатиной (Крыловой). Слева направо: Ольга — в замужестве Лилова, Вера — в замужестве Захарова, Любовь — в замужестве Мартынова. Фото конца XIX века

К. Маркса, более 20-ти лет проведший в застенках Шлиссельбургской крепости. Г.А. Лопатин был близко знаком со многими известными людьми: К. Марксом, А.М. Горьким, Г.В. Плехановым, Н.Г. Чернышевским, А.И. Герценым, М.А. Бакуниным, В.И. Засулич и др. Г.А. Лопатин был женат на **Зинаиде Степановне Корали** (1854—1919) — враче-психиатре. Его жена не вынесла революционной деятельности мужа и рассталась с ним. У Г.А. Лопатина и З.С. Корали был сын **Бруно Германович Барт** (1877—1938) – известный российский адвокат, репрессированный в 1938 году.

• **Всеволод** (1848 — около 1918) — уроженец Нижнего Новгорода, по образованию бухгалтер, коллежский асессор, участник разных революционных кружков, многократно находящийся под надзором полиции, имел дочь и сына.

• **Николай** (1853 — после 1917) — уроженец Ставрополя, генерал-майор императорской армии, имел сына и двух дочерей.

• **Сергей** (1858—1919) — уроженец Ставрополя, генерал-майор императорской армии, участник кампаний 1879 (контужен) и 1885 годов в Средней Азии, китайской кампании 1900—1901 годов, Русско-Японской и 1-й Мировой войн, не имел детей.

Дочери А.Н. Лопатина и С.И. Лопатиной (Крыловой):

• **Ольга** (1843—1939) — уроженка Казани, прапрабабушка автора данной статьи, в 1862 году вышла замуж за учителя латинского языка Ставропольской гимназии **Александра Ивановича Лилова** (1832—1890), впоследствии директора Тифлисской гимназии, действительного статского советника.

Лиловы имели пять сыновей и пять дочерей.

Сыновья: **Александр** (1863 — после 1930) — юрист, бухгалтер; **Валентин** (1868—1914) — военный, подполковник, погибший в 1-ю Мировую войну; **Евгений** (1870 — после 1935) — налоговый чиновник; **Герман** (1873—1904) — военный, погибший в Русско-Японскую войну; **Михаил**, умерший в младенчестве.

Дочери: **Ольга** (1874 — до 1941), была замужем за землемером, коллежским советником **Федором Федоровичем Масаловым** (1851 — после 1921); **Мария** (1876—1964), была замужем за инженером-железнодорожником, другом поэта Косты Хетагурова, коллежским советником **Иосифом Георгиевичем Гиоевым** (1855—1907); **Зинаида** (1878—1961), учительница, закончила факультет романских и германских языков Сорбонны, получила степень магистра филологии, была замужем за пограничником, полковником **Михаилом Антоновичем Думбадзе** (1862 — после 1923); **Людмила** (1882—1965), прабабушка

автора данной статьи, учительница, закончила физико-математический факультет Сорбонны, была замужем за пограничником, полковником **Павлом Ермолаевичем Скрыпиным** (1878—1938); **Лидия** (1884—1921), была замужем за генералом императорской, а затем добровольческой армии **Евгением Александровичем Пашковским** (1866—1921), расстрелянным большевиками; **Софья** (1872—1897), умершая в молодости;

• **Вера** (1846 — после 1917) — уроженка Нижнего Новгорода, жена **Николая Петровича Захарова** (до 1835 — 1881), директора Тифлисской учительской школы, действительного статского советника, мать **Николая** (1868 — после 1917) — директора гимназии в Терской области и **Бориса** (1878—1938) — адвоката, репрессированного и расстрелянного в 1938 году, бабушка **Рафальской (Захаровой) Елены Борисовны** (1897 — после 1985) — литературоведа, выпускницы литературного института им. Брюсова, автора воспоминаний о Г.А. Лопатине.

• **Надежда** (1849—1942) — уроженка Нижнего Новгорода, около 1862 года вышла замуж за **Александра Ивановича Коробьина** (1843—1920) — члена правления банка, потомка древнего дворянского рода Коробьиных, происходящего от татарина Кичибея. У Коробьиных были дети: сыновья **Юрий** (1884—1971) — один из первых летчиков России, философ (окончил Гейдельбергский университет), адвокат, репрессированный и проведший в лагерях более двадцати пяти лет; **Павел** (1878 — около 1930) – акцизный контроллер; **Лев** (1881—1918) — адвокат, артист; дочь **Ксения** (1886—1971) — жена **Михаила Яковлевича Секретева** (1885—1957) — начальника автотранспортной службы, потомка известного рода донских казаков Секретевых.

• **Любовь** (1861 — после 1935) — уроженка Ставрополя, жена генерал-майора русской армии **Платона Васильевича Мартынова** (1851 — до 1917) — участника кампании 1877—78 годов, мать **Бориса** (1885—1944) — полковника русской армии, участника белого движения на Северном фронте, эмигрировавшего в Югославию и погибшего там от рук большевиков, и **Веры** (после 1886 — после 1937) — врача-ортопеда, участницы женского батальона в 1917 году.

Генеалогическое дерево прямых предков и потомков Германа Александровича Лопатина представлено на рисунке 1 (с. 811). На рисунке 2 (с. 812) представлено генеалогическое дерево сестры Германа Лопатина — Ольги Александровны Лопатиной, одним из прямых потомков которой является автор данной статьи.

В таблице представлена краткая информация о некоторых ныне живущих потомках Германа Лопатина, с которыми автору статьи удалось установить переписку.

Автор статьи выражает искреннюю благодарность всем перечисленным родственникам, а также Лопатину Николаю Владимировичу и Яраловой Елене Викторовне[8] за их вклад в развитие родословных знаний о родословии Германа Лопатина. Все материалы и фотографии, переданные автору статьи, стали бесценным источником при проведении генеалогических исследований.

Информация о некоторых ныне живущих потомках Германа Александровича Лопатина

ФИО, год и место рождения, родство по отношению к Г.А.Лопатину	Место жительства и место работы	Родословие	Участие в генеалогических исследованиях рода Лопатиных
Коробьина Ирина Михайловна (1958, Калининград), правнучатая племянница	Москва. Директор Московского музея архитектуры, кандидат архитектуры, профессор Международной академии архитектуры	Потомок древнего рода Коробьиных, внучка **Юрия Александровича Коробьина** (1884—1971) — одного из первых военлетов России, философа, учившегося в Гейдельбергском университете, адвоката, более четверти века проведшего в сталинских лагерях; дочь **Юрия Михайловича Коробьина** (1918—2009) — полковника, участника Великой Отечественной войны	Ирина Михайловна, с которой автору статьи удалось встретиться летом 2010 года в Полтавской области, передала много интересных материалов о роде Коробьиных, в том числе воспоминания ее отца М.Ю. Коробьина

ФИО, год и место рождения, родство по отношению к Г.А.Лопатину	Место жительства и место работы	Родословие	Участие в генеалогических исследованиях рода Лопатиных
Михайлова Наталья Михайловна (1940, Москва), правнучатая племянница	Москва. Географ, океанолог, геофизик, геолог, программист, архивист и музейный работник	Потомок древних дворянских родов Коробьиных, Мевес, Ховен, Борщовых, Воиновых, Загряжских, Лопатиных, Белявских, внучка Юрия Александровича Коробьина	Наталья Михайловна подготовила «Летописец», содержащий сведения о 15-ти поколениях предков, живших на протяжении 600 лет из 1000-летней истории государства Российского. «Летописец» ныне частично опубликован на сайте www.domarchive.ru. Еще до опубликования материалов на сайте Наталья Михайловна любезно предоставила автору статьи полный вариант «Летописца», из которого удалось почерпнуть много редких материалов о родах Коробьиных и Лопатиных
Секретев Дмитрий Дмитриевич (1941, Москва), правнучатый племянник	Москва, Канада. Инженер-конструктор, экономист международной торговли, руководитель крупного предприятия	Потомок древнего рода донских казаков – Секретевых и Секретевой (Лопатиной) Надежды Александровны, сын руководителя производства **Дмитрия Михайловича Секретева** (1911—1998)	Дмитрий Дмитриевич, продолжая дело отца, долгие годы занимается родословием рода Секретевых — Лопатиных и передал автору статьи много интересных материалов
Секретев Кирилл Михайлович (1969, Москва), праправнучатый племянник	Москва. Историк-музеевед	Потомок древнего рода донских казаков — Секретевых и Секретевой (Лопатиной) Надежды Александровны, внук конструктора, директора завода **Сергея Михайловича Секретева** (1907—1975)	Обобщил информацию о роде Секретевых, и опубликовал ее в виде родословной росписи рода www.petergen.com/dk/sekretev.pdf. Именно Кирилл Михайлович сообщил автору статьи об издании данной книги
Лопатин Александр Павлович (1960, Москва), двоюродный правнучатый племянник	Москва. Специалист Мосгортранса	Потомок Константина Никоновича Лопатина — чиновника Вятской губернии	Продолжает дело своего деда Лопатина Бориса Владимировича по родословию Лопатиных, берущих начало из Вятской губернии

ФИО, год и место рождения, родство по отношению к Г.А.Лопатину	Место жительства и место работы	Родословие	Участие в генеалогических исследованиях рода Лопатиных
Лопатина Елена Борисовна (1958, Ленинград), двоюродная правнучатая племянница	Петербург. Энтомолог, кандидат биологических наук	Потомок Константина Никоновича Лопатина, внучка гидролога, доктора географических наук **Георгия Владимировича Лопатина** (1898—1965), дочь доктора геолого-минерологических наук **Бориса Георгиевича Лопатина** (1933), жена доктора биологических наук **Владилена Евгеньевича Кипяткова** (1949)	Не занимается родословием, но любезно сообщила имеющуюся у нее информацию о ныне живущих потомках рода Лопатиных
Медведева Анна Владимировна (1956, Ленинград), двоюродная правнучатая племянница	Петербург. Генетик, кандидат биологических наук	Потомок Константина Никоновича Лопатина, внучка гидролога, доктора географических наук **Георгия Владимировича Лопатина** (1898—1965), дочка генетика доктора биологических наук **Нины Георгиевны Лопатиной** (1928) и жена энтомолога, доктора биологических наук **Сергея Глебовича Медведева** (1958)	То же
Коршунова Светлана Тимуровна (1963, Москва), правнучатая племянница	Москва. Менеджер по продажам	Потомок Константина Никоновича Лопатина, дочь проектанта летательных аппаратов, а затем руководителя Международной академии Духовного возрождения **Садецкого Тимура Аркадьевича** (1935)	То же
Лопатин Виктор Германович (1961, Киров), двоюродный правнучатый племянник	Киров. Специалист по лесоиспользованию	Потомок Константина Никоновича Лопатина	Занимается генеалогией своих прямых предков, предоставил интересную информацию о потомках Г.А. Лопатина, ныне живущих в Кировской области
Партыновский Андрей Эммануилович (1944, Харьков), правнучатый племянник	Харьков, Норильск, Калининградская обл., Израиль, Канада, США. Инженер-конструктор, кандидат технических наук	Потомок Лиловой (Лопатиной) Ольги Александровны, внук учительницы **Скрыпиной Людмилы Александровны**, закончившей физико-математический факультет Сорбонны (Франция)	В 2010 году после 40-летнего перерыва автор статьи начал переписку со своим двоюродным дядей. Эта переписка обогатила обоих в части познания своего рода и в настоящее время ими подготовлена совместная книга об истории их жизни и об их общих предках

Рис. 1. Генеалогическое дерево прямых предков и потомков Германа Александровича Лопатина*

*Все даты до 1918 года приведены по старому стилю (Юлианский календарь)

Рис. 2. Генеалогическое дерево потомков сестры Германа Александровича Лопатина – Ольги Александровны Лиловой (Лопатиной)

Бандус Екатерина Сергеевна (09.03.1997) МР: Киев. Школьница. <Прапрапрапр

Ï ðè ì å÷à í èÿ

1. В.Ф. Антонов. Герман Лопатин. Липецкое книжное издательство, 1960.
2. Священник Павел Флоренский. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание. М., 1992. С. 18—19
3. Автор статьи — Суслов Владимир Юрьевич, 1954 года рождения, уроженец Харькова, проживающий ныне в Киеве, директор компьютерной фирмы, кандидат технических наук, правнучатый племянник Г.А. Лопатина.
4. Лопатин Николай Владимирович — историк, археолог, кандидат исторических наук, действительный член Историко-родословного общества в Москве, изучающий историю нескольких родов Лопатиных и приславший В.Ю. Суслову родословное дерево Вятского рода Лопатиных.
5. Информация из Архивного фонда Вятской духовной консистории (ф. 237) на основании исповедной росписи Знаменско-Богородицкой церкви города Яранска Вятской губернии 1788 года и исповедной росписи Знаменско-Богородицкой церкви города Вятки 1809 года.
6. Нижняя расправа — специальный суд для крестьян в XVIII и начале XIX века.
7. Воспоминания Е.Б. Рафальской — внучатой племянницы Г.А. Лопатина.
8. Жительница Тбилиси, активно помогающая автору статьи в поиске родословных корней Лиловых в архиве Тбилиси.

Òåêñò ðóêî ïèñè, ô îòîãðàôèè, òàáëèöû ïðåäîñòàâëåíû àâòîðîì.

Н.Я.Динник

ÃÎÐÛ È ÓÙÅËÜß ÒÅÐÑÊÎÉ ÎÁËÀÑÒÈ

I

Страна между Эльбрусом и Казбеком. — Верховье реки Нальчика. — Леса и их обитатели. — Ущелье Кизгичирт. — Аул Бизинги и его окрестности. — Поездка к верховьям Черека. — Путешествие по леднику Бизинги. — Старые морены и уменьшение ледников. — Ледник Мижирги. — Общий вид на горы верховьев Черека.

Исполинская цепь гор со множеством высочайших вершин, громадных ущелий, снежных и ледяных полей, с бесчисленными лабиринтами скал, на которых еще ни разу не ступала нога человека, тянется между Эльбрусом и Казбеком. Стройными, остроконечными пиками, резко выделяющимися своею белизной на темно-лазурном небе, представляются эти горы с Ростово-Владикавказской железной дороги; но отсюда видны только высшие точки их, все же остальное скрыто от глаза наблюдателя. Нужно проехать еще верст 100 в глубь их, чтобы увидеть тот новый, совершенно особенный мир со всеми его грозными и величественными явлениями, где человек уже не чувствует себя властелином земли, а скорее сознает свое бессилие и ничтожество. Ни одна душа в свете не знает этот мир не только так, как он этого заслуживает, но даже сколько-нибудь посредственно. Здесь лишь ближайшие ледяные и снежные пустыни посещаются от времени до времени охотниками, но зато многие высочайшие вершины, которые своей высотой мало уступают Мон-Блану, не носят даже никакого названия; здесь же много и больших глетчеров, о которых, кроме местных жителей, почти никто не слыхал ни слова.

Давно уже я думал объехать эту интересную страну. В восточной ее окраине, именно в верховьях Ардона, мне пришлось побывать еще года два тому назад; теперь же были на очереди средняя и западная ее части, принадлежащие Пятигорскому округу Терской области.

6 июля 1881 года я вместе со своим спутником, студентом Д., прибыл в Нальчик, чтобы здесь запастись от местного начальства предписанием, могущим гарантировать нас от разных неприятных случайностей во время путешествия по горам. С этою целью я в тот же день отправился к окружному начальнику полковнику Полозову; он по моей просьбе и, вероятно, вследствие распоряжения начальника области, генерал-адъютанта А.П. Свистунова, к которому я еще раньше обратился с просьбой оказать содействие, обещал выдать мне открытое предписание для проезда через все горные селения его округа. 7-го июля предписание, которым приказывалось давать мне в аулах лошадей и проводников, с платою каждому проводнику и за каждую лошадь по одному рублю в сутки, было уже в моих руках.

У окружного начальника я приобрел весьма приятное для меня знакомство с князем Измаилом Урусбиевым, человеком очень наблюдательным, отлично знающим горы и несколько раз уже ездившим с нашим почтенным исследователем Кавказа Г.В. Абихом, с англичанами[1]; восходившими в 1868 году на Эльбрус, и другими путешественниками. С ним мы было решили ехать сначала в его аул, находящийся у подножья Эльбруса, оттуда отправиться на ледники, спускающиеся с гор к долине Баксана, а потом уже пробраться через Чегем и Бизинги в верховья Черека. По непредвиденным обстоятельствам, наш план, однако, изменился, и мы должны были начать с того, чем предполагали закончить. Местный пристав П.Е. Ловин предложил нам вместе с ним ехать в Бизинги,

куда он отправлялся по служебным делам, и обещал устроить все необходимое для нашей поездки на ледники. Конечно, его любезное предложение мы приняли с полнейшим удовольствием и на следующий же день, в 6 часов утра, выехали из Нальчика.

Верст 6–7 нам пришлось ехать открытой местностью по правому берегу реки Нальчика, а затем вступить в лес. Тут дорога тянулась почти у самого берега реки, по дну долины, склоны которой покрыты сплошным лиственным лесом. С каждой следующей верстой долина становилась все красивее и глубже. Во многих местах к ней подходили еще меньшие боковые ущелья и балки, и местность, пересеченная по всем направлениям небольшими горными кряжами, принимала очень привлекательный вид.

Лес тянется здесь полосою[2], идущей параллельно горному хребту и имеющей верст 20 или 25 ширины. В нижней области, обращенной к равнине, он представляет большое смешение различных пород, между которыми преобладают низкоствольные деревья и кустарники. Тут растет орешник (Coryllus avellana), крушина (Ramnus cathartica), яблоня, алыча, ольха (Alnus incana и A. glutinosa), шишки (Mespilus germanica), дуб, ясень, клен и т.д., в верхней же области, поднимающейся до 6–7 тысяч футов, преобладают породы высокоствольные, между которыми главное место принадлежит буку (чинар, Fagus sylvatica). Хмель, виноград, бузина (Sambucus nigra и S. ebulus L.), Spirea aruncus L., достигающая более сажени высоты, Heracleum, папоротники и множество других сорных трав делают в летнее время этот лес едва проходимым для человека, но зато дают надежное убежище кабанам, медведям, оленям и другим зверям, которые водятся здесь в изобилии. В расстоянии верст 15 от Нальчика флора начинает мало-помалу принимать альпийский характер: появляются Acconitum, Betonia grandiflora, рододендроны, колокольчики (Campanula, sp.) с очень крупными синими цветами, орхисы и многие другие растения, свойственные значительным высотам. Около Нальчика мы распрощались с птицами равнин и степей: со скворцами, сивоворонками, щурками (Merops apiaster), лунями и т.д., а дальше взамен их встретили лишь очень немного других видов, свойственных по преимуществу горным лесам. В одном месте на дороге видели ясно отпечатанные на грязи следы медвежьих лап.

К 12 часам дня мы добрались до верхней границы леса и на самой вершине сырта, верстах в 5 к северо-западу от места впадения Кара-су в Черек[3], расположились отдохнуть и закусить. Место это во всех отношениях прекрасное. Самая свежая трава со множеством разнообразных цветов покрывала влажную почву, а воздух был так чист и прозрачен, что позволял с изумительной ясностью видеть горы, отстоящие от нас на 20 или 30 верст. По всем направлениям от этого места расстилались самые красивые горные пейзажи. На севере видны были лесистые балки верховьев Нальчика, а на юге – две высокие горы – Ак-Кая[4] и Кара-Кая. Первая представляет огромную, остроконечную, полосатую скалу, очень круто поднимающуюся вверх; последняя же с западной стороны обрывиста, а с восточной – весьма полога. Обе горы разделяются глубоким ущельем Черека. Одно целое с Кара-Кая составляет Ит-Кая (собачья скала), обозначенная на пятиверстной карте. Еще дальше на юге виднеется Главный хребет с обширными снежными полями и бесконечными галереями скал.

Отдохнув часа два и покормив наших верховых лошадей, мы отправились дальше. Нам нужно было спуститься к Кара-су, переехать ее и продолжать путь по долине Черека. Часть весьма крутого спуска мы прошли пешком, потом переехали через Кара-су, поднялись опять немного и, повернув вправо почти под прямым углом, въехали в узкое, скалистое, но весьма красивое ущелье Кизги-чирт, через которое прорывается Черек. Это, бесспорно, самое лучшее по красоте место всей долины. Тут почти отвесные известковые скалы расположены многими отдельными ярусами над узким дном ущелья и чередуются с другими ярусами, покрытыми травой, кустарниками и деревьями. Далее ущелье делается еще скалистее, и растительность отходит совсем на задний план. Через это ущелье проходит весьма хорошая, недавно проложенная дорога. Она высечена в стенах ущелья на весьма значительной высоте над дном его. На повороте, о котором я уже упоминал, Черек подмывает скалы. Тут, лежа на траве с боку дороги, можно свеситься так, что видна будет глубокая пропасть, по которой течет Черек, и совершенно отвесная стена, поднимающаяся над бездной. В этом же ущелье есть еще интересное место, где из скалы вода бьет множеством отдельных струек. В ясный, солнечный день здесь замечается игра света вследствие отражения и преломления лучей в каплях воды.

За Кизги-чиртом долина снова становится шире. Проезжая ее, мы встречали во многих местах посевы. Горцы очищают более ровные участки от камня, из которого складывают стены вокруг своих полей, и сеют преимущественно овес и ячмень. Пахатных мест здесь крайне мало, и потому ими сильно дорожат; кроме того, огромнейшим большинством их владеют князья, а на долю простого народа остается очень немногое. Часто, например, почти вся земля на 10 или 20 верст вокруг аула принадлежит одной знатной фамилии, а бедные семейства не имеют и сотни квадратных сажен. Во многих местах даже владение пастбищами, которых, относительно, гораздо больше, также сосредоточено в немногих руках; все же прочее население может пользоваться ими, но с условием доставить владельцу известное количество сыра, молока, несколько баранов и т.п. Конечно, и эту дань не всегда бывает легко уплатить. Несмотря, однако, на такое неравномерное распределение богатств, здесь

почти нет таких полнейших бедняков, как у нас. Это объясняется хорошим, издавна существующим обычаем, по которому каждый должен пособить, насколько он может, своему ближнему, если его постигнет бедность или какое-либо несчастие. Ему, наверное, наберут несколько баранов, дадут на время 1—2 коровы, лошадь, — словом, обставят так, что он будет в состоянии кормить себя и свою семью. Нужно отдать должную справедливость и богатым, которые в этих случаях ценными подарками оказывают иногда своим бедным собратам весьма существенную поддержку.

В 4-м часу мы проезжали недалеко от аула Хулама, расположенного на склонах гор с левой стороны Черека, а в пять пополудни приехали в Бизинги и остановились в кунацкой аульного старшины Девлет-Гирея Суншева. Его, впрочем, не было дома, но за ним послали и часам к 10 вечера он приехал.

На другой день после нашего приезда мы занялись осматриванием аула и его окрестностей. Аул расположен на самом берегу Черека; он имеет около 200 дворов и все хаты его сложены без всякого цемента из обломков гранита, гнейса и других горных пород; внутри, впрочем, они обмазаны глиной. Даже мечеть выстроена в виде простого длинного сарая, без минарета и крытых боковых галерей, из таких же обломков камней. Все это есть следствие полного отсутствия леса в верховьях Черека. Улицы, как во всех аулах, узкие, кривые. Через аул протекает несколько быстрых, чистых, горных ручьев, которые могли бы служить отличным украшением любого парка. Жители все татарского племени. Около аула находится несколько старых, полуразрушенных башен и кладбище. Мертвых, особенно детей, здесь закапывают так неглубоко, что под камнями, сложенными над могилой в виде склепа, часто можно видеть торчащие из земли человеческие кости.

Что касается окрестностей аула, то по левой стороне Черека они каменисты и почти вся трава на них выжжена солнцем; правая же сторона, наоборот, покрыта очень свежей растительностью. Glodiolus communis, Salvia verticillata, Spirea philipendula, Betonia grandiflora и некоторые другие растения придают полям очень красивый, нарядный вид. Из кустарников тут растет барбарис и жимолость. В самом ауле почти все заборы заплетает Bryonia alba.

Мелких птичек в окрестностях аула не особенно много, но зато почти на каждом шагу встречаются клушицы (Fregilus graculus L.) и альпийские галки (Pyrrhocorax alpinus Weill). Не помню, видел ли я здесь сурков (Spermophilus musicus Ménétr.), которые в долинах Чегема и Баксана живут в огромном количестве.

На следующий день, по возможности рано утром, мы рассчитывали отправиться к ледникам, находящимся в верховьях Черека. Утро было прекрасное, и мы с нетерпением ожидали того момента, когда можно будет тронуться в путь, но остановка была за лошадьми. Нас утешали, что их уже ведут, что они сейчас будут, но не приводили до самого полудня. Наконец, когда они были уже на дворе, пропал аульный старшина, вызвавшийся нас провожать к ледникам; мы же хотели ехать непременно с ним, потому что присутствие его, как хорошего охотника, отлично знающего местность, и, кроме того, недурно говорящего по-русски, могло быть для нас весьма полезно. Оказалось, что он вместе с туземным кузнецом возился над турецкой винтовкой Пибоди-Мартини, желая сделать ее полегче. Когда она была принесена, то мы удивились, как можно было обезобразить ружье до такой степени: приклад они сделали узким, как палка, сильно укоротили его, стальные кольца со ствола сбросили, заменив их безобразно спаенными из листового железа, прицел переделали на свой лад, — словом, сделали ружье неузнаваемым.

Таким образом, вместо раннего утра мы выехали в час пополудни и едва успели отъехать с версту от аула, как пошел дождь. Он поливал нас в течение всего пути. Нам, конечно, было досадно, что прекрасное утро пропало даром и ехать пришлось в такую скверную погоду.

Дорога тянулась все время по левому берегу Черека. Долина его выше аула довольно красива, не особенно скалиста и совершенно безлесна. С правой стороны к ней подходит красивое ущелье речки Думалá.

Версты 4 не доезжая до конца ущелья, мы увидели нижнюю часть глетчера; она, однако, была так завалена камнями, что только по моренам и другим характерным особенностям местности можно было догадаться, что здесь находится глетчер. Верхняя же, сравнительно чистая, часть его скрывалась в облаках. Версты за полторы до ледника лежали большие конечные морены, не особенно давнего происхождения. Они образовали правильную дугу, обращенную выпуклостью вниз, и ясно указывали на те границы, которых достигал ледник в относительно недавнее время. Недалеко от морены, на самом берегу Черека, валялись остатки тура; вероятно, зимой или весной он был увлечен лавиной и сброшен ею на дно ущелья.

Тропинка, ведущая к леднику, извивались по левому берегу Черека, то поднимаясь вверх на горы, то спускаясь вниз к самой речке. Местами она была настолько плоха, что приходилось слезать с лошади и идти пешком. Пробираясь по ней, мы достигли до нижнего конца ледника и когда поднялись на левую[5] боковую морену, то заметили, что горы с правой стороны его гораздо более пологи и местами покрыты небольшими зарослями из берез, рябины и вербы. Чтобы иметь под рукой топливо и материал для постройки шалаша, мы решили перебраться через ледник и расположиться вблизи такого леска.

На глетчер мы без труда взобрались на своих лошадях, но когда стали переезжать через него, то встретили глубокие канавы, промытые во льду водой. Особенно неприятный вид имела огромная, воронкообразная впадина в нижней части глетчера, где несколько ручьев сливалось вместе. При малейшей неосторожности можно было поскользнуться и полететь в эту бездонную пропасть. Нам часто приходилось слезать с лошади и идти по острым каменным обломкам, валявшимся на поверхности льда. Несколько раз наши лошади скользили и падали, а одна из них при падении разбила себе о камень ногу. По такой во всех отношениях неудобной дороге пришлось пробираться значительно более полуверсты, но миновать ее было нельзя, так как пришлось бы ниже глетчера переезжать Черек, что, во всяком случае, значительно опаснее, чем путешествие по льду.

Все это время шел дождь, еще более усиливший неудобства дороги, горы были окутаны облаками, и мы могли видеть только подошвы их. За час до сумерок наш шалаш был уже почти готов; в это время, когда дождь стал мало-помалу переставать, а облака подниматься выше и выше, к востоку от нас открылся другой, меньший ледник, пересеченный бесчисленным множеством трещин. Мы находились у самого подножья Дыхь-тау, но вершины ее не могли видеть: мешали облака и ближайшие к нам скалы. По температуре кипения воды я нашел, что высота нашей стоянки была около 7200 футов над уровнем моря.

Таким образом, перед нами находилось два глетчера. Первый из них, бóльший, спускается с части Главного Кавказского хребта, лежащей между отрогом Карга-Шили-тау и тем высоким хребтом, на котором поднимаются Дыхь-тау и Коштан-тау. Местные жители называют этот ледник Бизинги-чиран или Улу-тау-чиран[6]. Другой глетчер, находящийся к востоку и почти под прямым углом к первому, называют Мижирги-чиран. Улу-тау-чиран тянется в направлении от юго-запада к северо-востоку и значительно превосходит Мижирги своей величиной.

На следующий день, в пять часов утра, термометр показывал +3° Ц.; облака уже ползали по склонам гор, и погода не обещала быть хорошей. Закусив наскоро, мы в 6 часов отправились на ледник Бизинги, но едва успели пройти версты 2, как пошел дождь, заставивший нас искать убежища под нависшими скалами. Когда, час спустя, он перестал, мы перелезли через правую боковую морену и направились дальше вверх по леднику. Путешествие было не особенно приятное, так как за туманом мы могли видеть только ближайшие к нам предметы и не имели никакой возможности составить общего представления о леднике.

Сбоку ледника, в несколько параллельных рядов, тянутся широкие морены. Они состоят частью из камней, частью из мелкого щебня и поднимаются над поверхностью льда сажен на 15—20. Их величина и расположение также указывают на значительное уменьшение глетчера за последнее время. Под ближайшими к нему моренами лед еще не растаял и образует бугры и гряды, покрытые щебнем и также достигающие довольно значительной высоты. На половине длины глетчера, с правой его стороны, такая гряда, разорванная в разных направлениях, представляет огромные ледяные пирамиды, покрытые тонким слоем серого щебня, сквозь который всюду просвечивает прозрачный, голубовато-зеленый лед. Высота многих из них, наверное, не меньше сажен двадцати.

В средней и верхней частях поверхность ледника вообще довольно чистая. По краям его, правда, валяются камни, зато средина представляет огромную, почти совершенно белую продольную выпуклость, образовавшуюся, без сомнения, вследствие бокового давления на лед[7]. Когда смотришь на ледник издали, то она напоминает гигантскую белую мостовую, окаймленную темными полосами. Глубокие трещины тянутся вдоль и поперек ее. В некоторых местах они пересекаются по всевозможным направлениям, всюду между ними торчат высокие ледяные выступы и глетчер представляет такой дикий вид, что даже самый отважный путешественник не рискнул бы здесь перебираться через него. Особенно большие трещины мы встретили на половине длины глетчера. Они имели косвенное направление и достигали футов 15 ширины, при глубине, вероятно, не менее полсотни сажен. Между ледяными выступами и трещинами находились ямы, наполненные водой. Некоторые из них были настолько значительны, что напоминали небольшие озерца.

Каменные столы на ледяных подставках встречались очень часто. Два из них обратили на себя особенное внимание: один правильностью формы, другой величиной. Последний состоял из каменной глыбы весом тысяч в пять пудов, лежащей на ледяной подставке сажени в полторы высоты. Маленьких красивых столиков мы видели целые сотни.

Ледяные колодцы, наполненные необыкновенно прозрачной водой, встречались также почти на каждом шагу. Вода в них казалась окрашенной в весьма приятный для глаз голубовато-зеленый цвет, зависящий, конечно, от цвета ледяных стенок колодца. На высоте около 8 000 футов над уровнем моря почти все они были подернуты тонким слоем льда, образовавшимся в предыдущую ночь. Во многих местах встречались еще так называемые мельницы, то есть глубочайшие ямы во льду, в которые стекает с поверхности ледника вода. Они настолько же красивы, насколько и страшны: стенки их гладки, скользки и полупрозрачны; ни в одной из них не видно дна, а в глубине царит какой-то зловещий полумрак. Мы пробовали ложиться на краю некоторых из них и слушать шум воды. Действительно, он как нельзя более подходит к шуму работающей ветряной мельницы. Если бросить в яму камень, то спустя несколько секунд слышится особенный глухой гул, происходящий вследствие ударов камня о стенки и дно пропасти. Несмотря на страшную глубину, эти ямы по большей части

учень узки, обыкновенно не более 2–3 аршин в диаметре. Только две имели значительно бóльшие размеры, и внутри их торчали красивые ледяные столбы, сглаженные водой. Какое-то особенное чувство испытываешь, стоя на краю этих ям, и тогда невольно приходят на память те далеко не редкие несчастные случаи, когда люди, по нечаянности или неосторожности, попадали в них и, претерпевши страшные физические и нравственные мучения, умирали в конце концов от холода и голода.

В течение почти 3 $^1/_2$ часов мы шли по леднику, окруженные туманом, но не теряли надежд, что вот-вот он рассеется и даст нам возможность сразу окинуть взором не только ледник, но и окружающие его высоты. Наши ожидания, однако, не сбылись, так как в полдень к туману присоединился дождь, принудивший нас вернуться назад. Часа в три пополудни мы достигли своей стоянки, тотчас развели костер и принялись сушить платье. Вскоре был готов и обед, но дождь не переставал до самого вечера и не позволил нам никуда пойти. Два охотника, отправившиеся еще до рассвета за турами, вечером возвратились также ни с чем.

На следующий день утром погода была ясная, и мы торопились отправиться опять на тот же глетчер, чтобы составить о нем общее представление, чего невозможно было сделать раньше по причине тумана.

На этот раз мы избрали другой путь, то есть не с боку ледника, как вчера, а по самому льду, зная наверное, что здесь идти будет гораздо легче. В особенности удобный путь представляла средина глетчера, где поверхность льда оставалась совершенно чистой. Единственным затруднением были трещины, но бóльшая часть их не представляла серьезных препятствий. Только в одном месте они заставили моих спутников, – которые были, впрочем, не горцы и, следовательно, люди непривычные, – отказаться идти дальше, но я сделал обход и, перейдя трещины там, где они стали значительно уже, взобрался на ледяной бугор, с которого уже была видна вся верхняя часть глетчера. Наше путешествие вверх опять продолжалось 3 $^1/_2$ часа, но благодаря тому, что была избрана другая дорога и погода стояла благоприятная, мы успели пройти значительно дальше и видеть несравненно больше, чем накануне.

Из этого осмотра, можно было вывести следующее: глетчер Бизинги спускается с Главного Кавказского хребта двумя ветвями, из которых западная значительно уже и короче, чем восточная. Последняя имеет версты три длины и не менее 1 $^1/_2$ версты ширины. Западная ветвь питается, главным образом, снегами, спускающимися с очень высокой горы, имеющей вид правильного, довольно острого конуса. Горцы называют ее Катын-тау и говорят, что она по высоте мало уступает Дыхь-тау (16925 футов). Восточная же ветвь спускается с той части Главного хребта, которая обозначена на пятиверстной карте Кавказа именем Джанга-тау. От места соединения обеих ветвей тянется огромная масса льда, которая и образует собственно ледник Бизинги. Говорят, что это самый большой ледник Кавказа; я со своей стороны могу сказать, что из 20–22 глетчеров, виденных мною, это самый большой. На величину его указывает и то, что мы в течение 3 $^1/_2$ часов шли довольно быстро вверх по нему и все-таки прошли его не весь. Если за начало принять восточную ветвь, то длина всего глетчера будет никак не менее тринадцати верст. Ширина в верхней части значительно больше, чем в нижней; на средине она, вероятно, не менее 1 $^1/_2$ версты, а может быть и больше. Круче всего спускается нижняя часть, потом сравнительно крутой уступ находится на половине длины ледника, а далее поверхность его весьма полога. В нижней трети – трещин, за исключением весьма узких, нет вовсе; начиная же с средины, они встречаются часто и многие из них имеют очень грозный вид. По срединной линии, вдоль ледника, тянется, как уже сказано раньше, полоса чистого льда. Она значительно возвышается над боковыми частями глетчера и во многих местах представляет непроходимые лабиринты ледяных пирамид, трещин, колодцев и небольших озер. Речки, обозначенной на пятиверстной карте Кавказа вдоль западного края ледника, не существует вовсе; внизу же, из-под него, кроме нескольких небольших ручьев, вытекает один поток, настолько значительный, что чрез него горцы не решаются переезжать верхом. В том месте, где он вырывается из-под льда, находится невысокий ледяной грот. Вероятно, за несколько дней до нашего приезда своды его треснули и осели; во время нашего пребывания они поднимались над водой только аршина на 2. Все воды, вытекающие из-под этого глетчера, образуют речку Черек[8].

При осмотре этого ледника невольно бросаются в глаза огромные боковые морены, расположенные в несколько параллельных рядов. Все они сравнительно недавнего происхождения и, несомненно, свидетельствуют, что за последние 20–30 лет ледник уменьшился весьма сильно. На склонах того ущелья, где он находится, также заметны полосы, указывающие на прежний уровень льда. На левой стороне (на западной) они поднимаются, по крайней мере, футов на 200 выше теперешней поверхности глетчера. Прежняя правая боковая морена в нижней своей части отделяется от правой же стороны глетчера пространством приблизительно в $^1/_2$ версты, которое теперь покрыто цветами и травой, а когда-то было ложем глетчера. В верхних частях крайние боковые морены удалены от льда также весьма значительно, а из конечных одна отстоит сажен на 50, другая с лишком на $^1/_2$ версты, а третья версты на полторы от нижнего конца глетчера. Горцы говорят, что за последние лет двадцать он стал версты на две короче и гораздо уже. Ледник Мижирги прежде был также значительно длиннее, нижний конец его достигал до ледника Бизинги и сливался с ним, образуя одно общее глетчерное поле. Судя по положению морен, в этом едва ли можно сомневаться; кроме того,

на скалах правой стороны речки Мижирги хорошо заметны следы прежнего, очень высокого уровня льда. Теперь оба ледника отстоят друг от друга не менее как на полторы или на две версты.

Долина, по дну которой движется огромное ледяное поле Бизинги, составляет какой-то таинственный и уединенный мир, почти со всех сторон окруженный гигантскими отвесными стенами. С западной стороны она замыкается громадными уступами серых утесов, громоздящихся друг над другом и покрытых наверху снегом; на востоке, над самым глетчером, поднимается еще более высокая стена. Подножье ее составляют склоны, покрытые зеленой травой, а вершину — огромные снежные поля, над которыми, в свою очередь, возвышаются еще Дых-тау и Каштан-тау — высочайшие после Эльбруса пики Кавказа. К сожалению, отвесно стоящие над самым ледником скалы не позволяли нам видеть эти замечательные вершины. Самой же восхитительной была южная сторона, поднимающаяся непосредственно над верхним концом глетчера. На ней не было ни одного облачка, и она представлялась нам во всем своем грозном величии: тут с правой стороны (если обратиться лицом к югу) поднимается очень правильный конус огромной горы Катын-тау. Он весь был покрыт сплошным, ослепительно белым снегом. Левее его находился другой высокий пик Тетнульд, с еще более обширными снежными полями, а за ним хребет Джанга-тау в виде громадной стены скал, покрытой вечными снегами. Между обширными снежными полями, лежащими на склонах Тетнульда и Джанга-тау и верхней оконечностью главного ледника, находился огромный, черный, скалистый барьер из разорванных, зубчатых утесов. Только северо-восточная сторона долина была отчасти открыта и образовала как бы ворота, сообщающие ее с остальным миром.

Место это, бесспорно, одно из самых замечательных на Кавказе. В июле 1872 года его посетили англичане Грове, Мур, Уоккер и Гардинер. Раньше, в течение своих многолетних путешествий, они успели побывать на всех замечательных пунктах Швейцарии, но, как говорит Грове[9], им никогда не приходилось видеть на Альпах ничего такого, что бы могло сравниться с этой местностью по красоте и величию громадных гор и совершенно своеобразной дикости долины.

Ледник Мижирги находится к востоку от предыдущего и почти под прямым углом к нему. Мы осмотрели только нижнюю часть его. В ширину она едва ли более 200 или 250 шагов и оканчивается совершенно отвесной ледяной стеной сажен 20 или 30 высоты. Глубокие трещины пересекают ее по всевозможным направлениям. С боков глетчер окаймляется такими же высокими, отвесными стенами, которые разделяются трещинами на отдельные ледяные столбы и зубцы. Вообще нижняя часть этого ледника имеет весьма суровый вид. Здесь не только нельзя идти по льду или взобраться на него, но даже опасно подходить близко, так как отделенные сквозными трещинами глыбы льда беспрерывно падают то в том, то в другом месте. За день до нашего приезда обрушилась тут масса льда в несколько десятков тысяч пудов весом, а два меньших обвала случились на наших глазах в течение каких-нибудь десяти минут, когда мы подошли к глетчеру, чтобы определить, на какой высоте находится нижний конец его. Обвалы эти сопровождались особенным грохотом, напоминающим отдаленные выстрелы из больших орудий.

По рассказам горцев, в верхних частях этот ледник значительно шире, поверхность его более полога и не так сильно пересечена трещинами. Длина его равняется верстам 5—6. Оканчивается он на высоте около 7500 футов, то есть футов на 600 выше ледника Бизинги. С боков его находятся довольно порядочные морены. Замечательно, что этот ледник за последние два года (1880—1881) стал заметно удлиняться и прибавился за это время сажен на 200. Из-под льда вытекает речка Мижирги-су; она нанесена на пятиверстную карту, но не названа никаким именем, ледник же на ней на обозначен вовсе.

За все время нашего пребывания в этой местности погода стояла очень плохая. Только утром мы могли предпринимать экскурсии на ледники или соседние с ними горы, но пробраться особенно высоко было решительно невозможно, так как часов с десяти или одиннадцати на вершинах начинали скопляться облака, которые, быстро разрастаясь, спускались потом все ниже и ниже; с полудня же мы бывали ежедневно окружены отвратительным, густым, мокрым полумраком, к которому, по бóльшей части, присоединялся еще дождь. По временам все это наводило не только уныние и тоску, но даже отчаяние. Идти куда-нибудь не представлялось возможности, да и не было смысла, так как можно было видеть только то, что находилось под ногами. Все это время мы сидели по бóльшей части в своем сыром, невзрачном шалаше, одинаково плохо защищавшем нас как от дождя, так и от ветра. Ночью бывало еще хуже, так как дождь и туман проходили только перед рассветом. Особенно неприятно становилось, когда, при усиливавшемся дожде, крыша промокала, и струя холодной воды попадала на лицо и за шею. Ощущение было такое, как будто по телу ползало что-то мокрое, холодное. К этим неудобствам присоединялся еще довольно чувствительный холод (утром термометр показывал обыкновенно только от 2 до 3 градусов тепла) и чересчур сильная вентиляция нашего жилища. Хорошо, что частью от холода, частью от ходьбы по горам у нас был всегда отличный аппетит, и мы могли развлекаться, приготовляя и истребляя разные напитки и кушанья: варили чай, потом кофе, жарили шашлык, затем опять переходили к чаю и т.д. Просушивание вечно мокрого платья и сапог также составляло немаловажное развлечение. Веселый и находчивый наш спутник Девлет-Гирей Суншев часто, однако, заставлял нас смеяться и забывать всякие невзгоды. Он рассказывал то анекдоты, то сказки, то разные курьезные истории.

II

Возвращевие в Бизинги. — Дорога от Бизинги до Чегема.—Подъем на хребет. — Растительность. — Вид с вершины хребта. — Спуск к Чегему. — Поселок Думала. — Пребывание в Чегеме. — Ущелье речки Джилкису. — Сванеты. — Путь от Чегема до Беллыма. — Баксанская долина. — Речка Кисанты. — Аул Беллым. — Путешествие вверх по Баксанской долине.

Употребив с лишком два дня на осмотр ледников в верховьях Черека, мы снова отправились в Бизинги, чтобы оттуда через Чегем пробраться в долину Баксана. На этот раз погода была к нам гораздо благосклоннее, и дождь смочил нас только перед самым аулом. Приехав под знакомый нам кров аульного старшины к 12 часам дня, мы думали отдохнуть здесь немного и потом отправиться в Чегем. Нам обещали дать тех лошадей, на которых мы приехали, и нового проводника; но когда мы уже совсем собрались в путь, то мне объявили, что лошади сильно устали и не могут идти до Чегема. Это, без сомнения, была выдумка, однако, через нее нам пришлось остаться здесь до следующего дня. Для нашего успокоения аульный старшина уверял, что завтра с восходом солнца лошади будут уже на дворе; но мы, раз проученные жителями Бизинги, не придавали особенного значения его обещанию.

На следующий день наше терпение снова было подвергнуто серьезному испытанию: мы встали рано утром, но нигде лошадей не находили; никто из окружающих даже не мог сказать нам, где они и когда их приведут, а аульный старшина на этот раз куда-то скрылся. Когда же мы настойчиво требовали их, то нас начали утешать, что их ведут, что они уже приведены, но отыскиваются седла, далее, что для нас приготовляют обед и т.п., однако, до часу пополудни все-таки нам не удалось отправиться в путь. Перед отъездом случилось, впрочем, еще одно обстоятельство: когда мы стали расплачиваться за лошадей, то с нас потребовали плату не за три дня, а за четыре, хотя мы проездили на час или полтора менее трех суток; другое недоразумение произошло еще от того, что с нами, по желанию аульного старшины, отправилось три человека, тогда как мы просили дать одного, который бы исполнял обязанности прислуги, и другого — охотника; в проводнике же мы вовсе не нуждались, потому что нашим путеводителем был аульный старшина, отлично знающий местность и, как я уже говорил, хороший охотник. Он, будучи человеком богатым и влиятельным, конечно, не пожелал брать с нас деньги, а остальные трое требовали поденной платы. После разговоров, продолжавшихся с четверть часа, нам пришлось за поездку к леднику, отстоящему от аула верст на 15, отдать 18 рублей. Сверх этого, раньше каждый из наших спутников получил еще несколько пороху.

В день нашего отъезда из Бизинги утро было прекрасное, но мы его провели, как и в предыдущий раз, в ожидании лошадей, с полудня же погода изменилась, и нам опять пришлось выехать в дождь.

Тропинка от Бизинги к Чегему тянется через хребет, разделяющий долины рек Черека и Чегема и возвышающийся, вероятно, до 9 или 10 тысяч футов над уровнем моря. Подъем от Бизинги и спуск к Чегему очень круты, поэтому путешествие на некованых лошадях во время дождя, сделавшего дорогу грязной и скользкой, было отвратительно; а так как дорога все время тянулась над кручами, то очевидно была и далеко не безопасна. Мы чувствовали себя не особенно хорошо, положение же нашего проводника оказалось еще худшим. Жители Бизинги сочли, что он может, не отставая от нас и указывая нам дорогу, пройти весь этот путь пешком, и не дали ему лошади. Разумеется, при подъеме на гору он не был в состоянии следовать за нами, поэтому я и бывший со мною кабардинец Аслан-мурза должны были по очереди сажать его на своих лошадей позади седла и путешествовать таким образом en deux. Предоставляю читателю вообразить, что это было за путешествие на крутую гору по грязной, скользкой горной тропинке, да еще вдвоем, на некованной лошади! Впрочем, на последнем самом крутом подъеме нашему бедному спутнику удалось поймать ходившую здесь чужую лошадь и версты полторы проехать на ней, но без седла и уздечки.

Путешествие от Бизинги до Чегема продолжалось 4 часа. Первую половину пути мы ехали окруженные облаками и решительно ничего не могли видеть вдали от себя, но когда взобрались на вершину хребта, то облака уже были ниже нас. Перед нами открылась необыкновенно красивая картина, которую можно видеть только на высоких горах: долина Черека вся была наполнена густыми сплошными облаками, горы же на противоположной стороне ее, равно как и те, которые находились к северу и югу от нас, были почти открыты. Только местами по ним переползали с одного утеса на другой отдельные небольшие клочки облаков, ярко освещенных лучами солнца. Вдали, на юго-востоке видны были остроконечные, покрытые снегом вершины Балкарских гор, а на западе, на огромной глубине виднелась широкая, довольно просторная долина, по дну которой узкой серебристой лентой извивался Чегем.

Растительность при подъеме на хребет была довольно красивая и разнообразная, но на самом перевале рос лишь густой, приземистый клевер, совершенно лишенный цветов. Из млекопитающих мы встречали тут только сурков (Spermophylus musicus Menetr.[10]), а из птиц — чеканов, клушиц (Fregilus graculus) и альпийских ворон (Pyrrhocorax alpinus).

Поднявшись на вершину хребта, мы не могли не остановиться на несколько минут, чтобы полюбоваться видами на окрестные горы и долины, а потом стали спускаться вниз. Спуск был так крут, что значительную часть его пришлось пройти пешком.

Часа за 1 $^1/_2$ до заката солнца мы прибыли в небольшой поселок, расположенный на реке Кардан-су и известный под именем Думалá. Он отстоит от Чегема всего на три или четыре версты. Мы заехали к одному из жителей, отдохнули немного у него, напились чаю, а потом отправились в Чегем, куда и прибыли еще до наступления сумерок.

Нас встретили здесь довольно любезно. Аульный старшина предлагал остановиться у него, а весьма приятный, средних лет мужчина Али-мурза Балкароков звал к себе; но так как с последним мы познакомились еще в Бизинги и там получили от него приглашение, то решили ехать к нему. Кроме того, и другие соображения заставляли нас отдать предпочтение Али-мурзе. Я заметил, что останавливаться у старшины неудобно еще в том отношении, что, пользуясь его гостеприимством, невольно становишься к нему в обязательные отношения и стесняешься требовать то, на что имеешь полное законное право. Конечно, если старшина человек хороший и будет держать себя в отношении гостя как истинный мусульманин, то таких неудобств не произойдет. Но старшины бывают разные.

Али-мурза принял нас со свойственной горцам любезностью и угощал весьма усердно. Едва мы успели слезть с лошадей, как явился на сцену огромнейший самовар и неизменный низенький столик на трех ножках, накрытый белой скатертью. Под нею оказалась куча локумов[11] и нарезанный кусками свежий горский сыр. Немного времени спустя подали жареную на вертеле баранину (шашлык), а на ужин, на том же столике, вареное мясо, айран и шурпу[12]. Оба последние напитка пьют из больших деревянных ковшей местного производства. Так как у каждого путешественника, если только он человек не больной, бывает волчий аппетит, то мы были весьма благодарны хозяину за столь основательное угощение. Собака моя также не была забыта, и когда я сказал, что она уже сыта, то мне, шутя, отвечали: «Она гость и должна есть, сколько хочет».

Аул расположен на очень красивом месте, при впадении реки Джилки-су в Чегем. К югу от него долина Чегема довольно широка. С восточной стороны она ограничена пологими склонами, покрытыми зеленой травой и поднимающимися постепенно все выше и выше; на самых крайних из них лежат даже порядочные клочки снега; с западной стороны склоны значительно круче. На севере, у самой окраины аула, долина вдруг суживается и превращается в узкое, скалистое ущелье, ограниченное высокими отвесными скалами.

Гораздо более замечательна долина речки Джилки-су, которая начинается на высотах Джугутурлы-чад[13], отличающихся изобилием туров и, пробежав верст 20 по крутому каменистому ложу, впадает в Чегем. Недалеко от аула долина ее превращается в узкое, мрачное, таинственное ущелье. Ширина его равняется нескольким аршинам, а серые известковые скалы, ограничивающие его с боков, поднимаются совершенно отвесными стенами, может быть, в 1000 футов высоты. Вершины их плоски и покрыты небольшими лесками. Многие места этого ущелья никогда не освещаются лучами солнца, и в них царит какой-то особенный полумрак. По дну его с шумом, прыгая с камня на камень, несет прозрачные, голубоватые волны быстрая горная речка аршин в 6 или 7 шириною. Вдоль левого берега ее тянется тропинка, по которой охотники отправляются в горы за турами.

Такой характер сохраняет ущелье на пространстве нескольких верст; по мере же приближения к верховью оно заметно расширяется. Если смотреть с противуположного берега Чегема, то выход из него имеет вид глубокого мрачного прохода, наподобие гигантских ворот, ведущих в извилистую трещину. Скалы, окружающие ущелье, состоят из плотного серого или желтоватого известняка. В некоторых местах он имеет очень ясное пластинчатое строение и окрашен в черноватый цвет. Окраска эта зависит, вероятно, от пропитывающих его смолистых веществ и указывающих, может быть, на каменноугольные залежи, скрытые в недрах соседних гор. В этих же стенах находится много не особенно глубоких пещер.

Аул Чегем довольно большой. В нем считают более 400 дворов. Только немногие сакли (избы) сделаны из дерева, все же прочие, как и в Бизинги, из камня. Мечеть большая, деревянная, крытая железом. На речке Джилки-су стоит пять или шесть водяных мельниц самого патриархального устройства. В ауле и его окрестностях находится еще несколько четырехугольных, довольно порядочно сложенных башен. Одна из них принадлежит фамилии Балкароковых. Местные жители говорят, что они выстроены лет 200–300 тому назад чегемцами, при помощи мастеровых, вызванных из Сванетии. Вероятно, эти башни служили для защиты от воинственных кабардинских князей.

На хребте, отделяющем долины Черека и Чегема, жители добывают свинцовую руду и выплавляют из нее свинец. Они не хотят, однако, показать это место русским, боясь, что здесь будет выстроен завод, и они лишатся не только руды, но и некоторой части своей земли. Очень может быть, свинца здесь так мало, что опасения их на этот счет совершенно неосновательны. Судя по рассказам местных жителей, окрестности Чегема богаты и древностями. Тут в пещерах и могилах они находят монеты, бусы, кольца, сосуды и другие вещи.

В Чегеме мы съехались с сванетским князем, прапорщиком милиции Денгисом Кардабхадзе. Он на катере приехал из Сванетии в Балкарию и через Чегем возвращался домой. Интересны были его два спутника, исполнявшие роль конвоя и прислуги. По своей нетребовательности и выносливости они представляли нечто среднее между людьми и зверями. В легких черкесках из какой-то бумажной материи, без бурок и шапок, они пешком сопутствовали своему господину. Шапку, впрочем, им заменял башлык, который они повязывали на голову очень красиво. Башмаки у них были, но, чтобы не портить их, они шли большею частью босыми. В этом костюме они должны были два раза перебраться через Главный Кавказский хребет, пробыть таким образом на снегу два дня и, может быть, испытать все невзгоды мятели. Питались они тоже, кажется, чем Бог послал.

В Чегеме мы пробыли более суток. Когда же, часов в 12 дня, лошади для нас были уже приведены[14], мы от души поблагодарили нашего хозяина Али-мурзу и отправились дальше в путь. Нам нужно было проехать несколько верст вниз по Чегему, потом, повернув на запад, перевалиться через хребет, разделяющий долины Чегема и Баксана, и к вечеру добраться до аула Беллыма. Тут мы рассчитывали переменить лошадей и переночевать.

Долина Чегема сначала узка, скалиста, а потом, по мере удаления от аула, становится все шире и шире. Барбарис и другие кустарные растения образуют здесь лишь небольшие заросли; травянистая растительность также бедна, а лесов нет вовсе. Вообще долина эта имеет однообразный и скучный вид.

Через час или полтора после отъезда из аула мы повернули влево и стали подниматься вверх вдоль берега небольшого ручья. Подъем был очень полог, горы не каменистые, а большею частью глинистые и перевал едва ли выше 5 или 5 $^1/_2$ тысяч футов над уровнем моря. Когда мы были на самом верху, то в горах, к югу от нас, шел дождь, над нами же было ясное небо. За час до наступления вечера мы увидели прекрасную долину Баксана. Она здесь довольно широка (вероятно, более версты), лишена того сурового вида, который мы имели перед глазами во все время нашего пребывания в горах, а напротив, приковывает взоры путника особенной, нежной красотой. Она вся покрыта большой, свежей травой и разнообразнейшими цветами. Смотря на нее, я невольно подумал, как кстати она названа Баксанской. «Баксан» значит «посмотри, погляди». Действительно, в ней есть на что посмотреть.

Прежде чем вступить в эту прекрасную долину нам нужно было два раза переехать речку Кисанты, которая от дождя, выпавшего в горах, сильно разлилась и несла мутную, желтоватую воду. Для нас переезд не представлял опасности, но я боялся за свою собаку и потому должен был ее переправить на лошади.

Перед самыми сумерками, то есть семь часов спустя после отъезда из Чегема, мы прибыли в небольшой поселок Беллым, грязнее и отвратительнее которого мне ничего не приходилось видеть. Дворы и улицы его были завалены навозом; тут же стояли большие лужи красновато-бурой навозной воды; по улицам медленно ползла полужидкая, как кисель, навозная грязь, в которой ноги лошади тонули по колено, и вонь была отчаянная. Замечательный контраст представлял отвратительный Беллым с прекрасной Баксанской долиной и возмутительно было сознавать, что именно человек мог так изгадить это чудное место. В других отношениях Беллым оказался не лучше. Один хаджи, к которому мы подъехали, чтобы просить указать место, где нам остановиться, и который, по мусульманскому обычаю, должен был бы пригласить нас к себе, отвечал, что не знает этого. Такую неделикатность с его стороны, я думаю, следует приписать также уразе, во время которой многие из мусульман делаются от голода недружелюбными и несговорчивыми. Пространствовав по улицам Беллыма в разных направлениях, мы, наконец, нашли на окраине его какую-то никем не занятую кунацкую; в ней сами хотели развести огонь и в своем чайнике приготовить чай; нашелся, однако, и в Беллыме добрый человек, который принес нам уже разогретый самовар и большую чашку айрана. Что же касается лошадей, то их решительно отказали дать нам, говоря, что они пасутся далеко в горах. Таким образом, мы должны были продолжать путь на тех, которых взяли еще в Чегеме.

На следующий день еще до восхода солнца мы выступили из Беллыма и направились вверх по долине Баксана. Везде она была очень красива и тем отличалась от долин Чегема и Черека, где особенно красивые места встречаются как исключение. По мере приближения к Главному хребту она значительно суживается, но зато делается все более и более лесистой. Тут встречаются различные лиственные деревья (береза, ива, ольха), но над ними сильно преобладает сосна. Молодые сосновые деревья растут по дну долины и образуют небольшие перелески; на склонах ее растут довольно порядочные сосновые леса, а большие, одиноко стоящие деревья торчат и на совершенно отвесных скалах. Из кустарников попадается барбарис, малина, дереза или лоховник и таволга (Spirea crenata). Вообще Баксанская долина своим видом и богатством лесов напоминает красивые лесистые долины Кубанской области. Животное население ее также гораздо богаче и разнообразнее. Тут в первый раз за все время путешествия мы увидели огромных черных и бурых грифов (Vultur cinereus Naum и Gyps fulvus Gm), много орлов, альпийских ворон, клушиц, чеканов, плисок (Motacilla boarula L.), ржанок и т.д. Spermophylus musicus попадался всюду.

III

Урусбиев аул и его окрестности. — Речка Адыр-су и Киртык. — Водопад на реке Сылтране. — Дорога к верховьям Баксана. — Хвойные леса. — Проводник Ахиа. — Глетчер Азау и его морены. — Вид на Кавказский хребет с высоты 11 $^1/_2$ тысяч футов. — Ледник Гара-баши. — Долина и ледник Терс-кол и Донгус-орун.

Спустя 6 часов после отъезда из Беллыма, мы приехали в Урусбиевский аул и остановились в доме знакомого уже нам князя Измаила Урусбиева. Хозяина в это время не было дома, и нас принял его брат Магомет.

Урусбиевский аул расположен на левом берегу Баксана, на слегка наклоненной площадке, известной под именем «Ушку-мель». Вода кипит здесь при 94,8° Ц., следовательно, высота этого места около 5000 футов[15] над уровнем моря. Баксанская долина тут относительно широка и открыта; бóльшая часть ее занята рукавами и извилинами реки, а с боков она ограничена высокими, крутыми склонами, покрытыми во многих местах крупным сосновым лесом. С юго-западной стороны она замыкается Главным Кавказским хребтом, на котором с замечательной ясностью выступают обширные, снежные поля. Через аул протекает речка Киртык, впадающая тут же в Баксан. В него же, против устья Киртыка, впадает другая более значительная речка Адыр-су[16]. Она вытекает из Главного хребта и течет с страшной быстротой по глубокому ущелью, склоны которого почти всюду покрыты крупным сосновым лесом. Ущелье это тянется на юг почти по прямой линии, поэтому бóльшая часть его хорошо видна из аула. Оно так круто спускается к Баксанской долине и образует столько уступов, что Адыр-су течет как будто бы по лестнице. Вода его мутно-желтого цвета. На небольших полянах этого ущелья растет много земляники и малины, а в верховьях Адыр-су находится один довольно большой глетчер и несколько меньших.

Киртык течет также очень быстро, но вода в нем чистая, прозрачная, голубовато-зеленого цвета. В него впадает другая еще меньшая речка, Сылтран. В расстоянии около версты от аула на ней находится водопад, где вода низвергается с известковой скалы, высотою сажен в 30. Она еще прежде удара о камни разбивается на брызги, а потом уже превращается в мелкую водяную пыль, в которой в ясный день отчетливо видна радуга. На скалах около водопада растут сосны. В верховьях Сылтрана есть очень глубокое, почти круглое озеро, сажен 150 в диаметре. Рыбы в нем никто не видел, да и едва ли она может быть, так как озеро расположено на весьма большой высоте. Добраться до него можно только пешком, причем нужно карабкаться в течение 6 или 7 часов по очень утомительной дороге. Когда англичане посетили его в июле 1872 года, оно было покрыто льдом.

Близ аула, на склоне, ограничивающем долину с левой стороны, есть еще небольшой, содержащий железо, минеральный источник, вода которого употребляется лишь немногими из жителей. Маленький садик находится только при доме Урусбиева. Из него мы ели порядочные вишни, но это было уже в конце июля.

Красивые окрестности Урусбиева аула имеют, однако, один существенный недостаток. Вследствие того, что в этом месте сходятся несколько глубоких долин, спускающихся с очень высоких гор, здесь в течение целого дня дует сильный ветер, который затихает только с наступлением ночи.

Из Урусбиевского аула мы предполагали отправиться к ледникам, находящимся на восточном склоне Эльбруса и в верховьях реки Адыла, но во время наших сборов в аул приехал профессор Горного Института И.А. Мушкетов со своей женой и в сопровождении Измаила Урусбиева. Я очень обрадовался, узнав, что они также собираются побывать на глетчерах Эльбруса и условился с ними на следующий же день отправиться к глетчеру Азау, из которого вытекает Баксан.

Хотя сборы наши были не долги, однако, выехать из аула удалось только в двенадцатом часу дня; но так как до Азау, у нижнего конца которого решено было переночевать, оставалось не более шести часов езды, то мы не особенно торопились. Беспокоили нас лишь опасения насчет погоды, которая в горах утром бывает почти всегда гораздо лучше, чем после полудня.

Наш путь направлялся вверх по Баксанской долине, делающейся по мере приближения к ее началу на склонах Эльбруса все живописнее. Горы, расположенные по обеим сторонам ее, с каждой верстой становятся выше и круче; более чем до половины высоты их покрывает крупный хвойный лес, далее следуют обнаженные скалы, а еще выше — снега. Множество больших и малых горных ручьев стремится с них к Баксану. К этой главной долине подходят еще несколько глубоких второстепенных, также украшенных лесами, снегами и глетчерами. К ним принадлежат долины Ирика, Адыла, Терс-кола, Донгус-оруна и Уесенги, о которых будет сказано впоследствии.

Вначале мы ехали лужайками, расположенными по дну долины, а потом вступили в густой хвойный лес. Он состоит из сосен средних и довольно порядочных размеров, сверх того из ивы и березы, которые, однако, не достигают значительной величины. Ели и пихты, в таком изобилии растущих в долинах Кубанской области, здесь нет буквально ни одного дерева; рододендроны и другие вересковые встречаются редко. Вообще растительность далеко не разнообразна. Проехав по лесу часа четыре, мы выбрались на небольшую красивую полянку, на которой стояла старая бро-

шенная пастушья хижина с несколькими крытыми навесами вроде сараев. Хотя нам оставалось не более часа езды до ледника, но так как в это время шел дождь, то мы предпочли остановиться под одним из навесов и уже на следующий день, вставши по возможности рано, продолжать путь. Через несколько минут перед нами уже пылал большой костер из сухого соснового леса, приятная теплота которого пришлась очень кстати, потому что наше платье было мокро, а вечер далеко не теплый. На этом же костре приготовлялся чай и ужин.

Место нашего ночлега находилось там, где долины Терс-кол и Донгус-орун сходятся с долиной Баксана. Еще с вечера, когда бóльшая часть гор была скрыта в облаках, мы заметили, что это место должно быть очень живописным, а утром в этом убедились вполне. Отсюда виден большой хвойный лес Азау, почти прямо упирающийся в ледник; вдали, на правой стороне Баксана, с поразительной ясностью обрисовывались правильные верхушки больших сосен Донгус-оруна и глетчер с широкими боковыми моренами, а на левой — безлесная долина Терс-кол с широким, круто спускающимся глетчерным полем. На склонах Баксанской долины также были видны фирновые глетчеры[17].

Дорога к Азау, по которой нам пришлось ехать утром, также тянулась по крупному хвойному лесу. В некоторых местах он был так густ, что мы могли пробираться только по руслу одной небольшой речки, впадающей в Баксан. Она течет все время по осыпям и валунам красноватого вулканического туфа; поэтому вода в ней совершенно непрозрачная и имеет вид жидкой красноватой грязи. Дорогу указывал нам знаменитый охотник Ахиа Сотаев, черный, высохший, тощий, но сильный и крепкий мужчина лет около 50, который с англичанами два раза восходил на вершину Эльбруса и всегда удивлял их как своей необыкновенной способностью лазить по горам, так и замечательно острым зрением. В этот раз ему пришлось долго брести по воде в простых маленьких башмаках (чабыры), но это его нисколько не смущало. В расстоянии около полуторы версты от ледника мы увидели старую морену, эрратические валуны которой были уже в значительной степени обмыты и округлены водой. Она покоится теперь в сосновом лесу, окруженная со всех сторон деревьями обхвата в два толщиною, и, без сомнения, указывает черту, которой достигал ледник Азау в прежние времена.

В 6 часов утра мы выехали из леса на довольно обширную лужайку. Саженях в 100 от нас находился глетчер Азау, нижний конец которого был виден как на ладони. Когда мы подъехали к нему, чтобы осмотреть истоки Баксана и потом взобраться на лед, то увидели, что самая нижняя часть глетчера относительно узка (шагов 300 ширины) и оканчивается не отвесной стеной, а крутым склоном, пересеченным множеством глубоких поперечных и косвенных трещин; правый бок ледника прилегает к почти отвесным скалам и имеет лишь небольшие морены, левая же сторона его окаймлена целым рядом параллельных морен, достигающих шагов 100 ширины и сажен 80 высоты. Конечные морены не велики и состоят из куч красного вулканического туфа, черного трахита с белыми вкраплинами санидина и серого ортоклазового порфира. Тут же валялись куски очень красивого ленточного трахита с узкими прослойками черного туфа. Из-под льда несколькими бурными потоками вытекает Баксан. Высокого ледяного грота не оказалось и у этого глетчера.

Осмотрев нижнюю часть ледника, я со своим спутником Д. стал подниматься по левой боковой морене, а И.А. Мушкетов с женой направился вверх, несколько правее, по склону Эльбруса. Вначале идти было очень тяжело, так как подъем был крут, а мелкий щебень морены сильно осыпался, не представляя для ноги твердой опоры. Поднявшись на первый уступ, мы увидели остроконечные, высокие, но доступные для человека скалы, стоящие непосредственно над глетчером; они находились выше нас футов на 1000, и мы решили подняться на них, чтобы оттуда сразу увидеть весь ледник; но, подойдя к ним ближе, убедились, что взбираться на них нет рассчета, так как за ними громоздились еще более высокие уступы, которые не позволили бы видеть верхнюю часть глетчера. Вследствие этого мы решили обойти их с правой стороны и подниматься по склону широкой балки, начинающейся непосредственно от снегов Эльбруса.

Так как мы не прочь были поохотиться, то подвигались вперед медленно и внимательно осматривали соседние горы, надеясь где-нибудь увидеть туров или серн; при этом, чем выше поднимались, тем чаще и чаще встречали следы туров. На одном холме, состоящем из мелкого щебня и находящемся, вероятно, на высоте около 11000 футов, они были видны почти на каждом шагу и пересекались по всевозможным направлениям. Некоторые из них отличались очень большой величиной и, без сомнения, принадлежали самым старым, крупным самцам; следов же серн не попадалось вовсе, хотя животное это встречается здесь нередко.

Таким образом мы пробирались часа полтора по левой стороне балки, пока не достигли скал, поднимающихся отвесной стеной над поверхностью Азау в том самом месте, где к нему присоединяется короткий ледник, спускающийся с Эльбруса. Не только по соседству с этими скалами, но и значительно ниже видны были порядочные клочки снега, а на расстоянии шагов 300 от них начинался сплошной фирн Эльбруса. Судя по этому, высота скал должна быть около 11200 или 11300 футов над уровнем моря[18], а так как они значительно возвышаются над поверхностью ледника, то этот последний виден с них отлично. Отсюда мы заметили, что он образуется из четырех отдельных ледяных потоков, получающих начало со снегов Эльбруса (две ветви), потом с отрога Эльбруса, известного под именем Хоти-тау и составляющего начало того кряжа, который соединяет Эльбрус с

Главным Кавказским хребтом, и, наконец, с гор, ограничивающих ледник с правой стороны. Хотя одна из двух ветвей, начинающихся на Эльбрусе, вероятно, длиннее всех прочих, но за начало глетчера скорее можно принять широкое ледяное поле, спускающееся с Хоти-тау, именно с того места, где находится перевал Джипер[19], ведущий в Карачай.

Эта ветвь широка и покрыта на поверхности тонким слоем снега, из-под которого в некоторых местах проглядывает сине-зеленый лед. Наверху она без заметной границы переходит в огромное, совершенно чистое, снеговое поле, имеющее несколько верст в длину и ширину. На его значительное протяжение указывает уже то, что мы, осматривая его с ближайших скал, не могли заметить двух сванетов, шедших по совершенно белой поверхности. В это время была ясная погода, и снег испускал такой яркий и ослепительный свет, что без темных очков на него невозможно было смотреть.

Что касается боковых ветвей Азау, то они следующие: верстах в 3 или 4 от нижнего конца глетчера к нему присоединяются две ветви, одна с правой стороны, другая с левой. Правая (южная) — коротка, изогнута и почти вся покрыта сверху снегом. Внизу поверхность ее более ровная, а вверху заметно много трещин и ледяных уступов. Эта небольшая ветвь едва ли имеет более полуторы версты в длину и самые незначительные морены.

Левая ветвь спускается с Эльбруса и также невелика. Она лежит в очень узком, но глубоком ущелье, ограниченном почти отвесными стенами, и пересекается множеством поперечных трещин. В одном месте русло ее образует значительный уступ, на котором ледник прерывается. Ниже этого места снова тянется более ровная поверхность, которая почти незаметно сливается с поверхностью главной ветви. Внизу этого ледника торчат красивые, многогранные столбы фельзита.

Следующая левая ветвь спускается тоже с Эльбруса. Нижняя часть ее имеет такой же суровый вид, как и ледник Мижирги, и состоит буквально из одних только высоких, остроконечных, ледяных пирамид, разделенных глубокими трещинами. Ветвь эта тоже не широка, а начинается с огромных, снежных полей, спускающихся с обоих конусов Эльбруса. Морен по сторонам ее мы не видели вовсе.

В том месте, где к главной ветви присоединяются правая и первая левая ветви, глетчер значительно расширяется, но и тут ширина его, вероятно, немногим более версты; на половине же расстояния между этим местом и нижним концом глетчера она равняется только 500 шагам. Если бы за начало глетчера принять не Джипер, а самую верхнюю часть большой ветви, спускающейся с Эльбруса, то вся длина Азау была бы, вероятно, около 8 или 9 верст.

Та часть ледника, которая тянется вниз от места соединения отдельных ветвей, имеет очень ровную поверхность; только в самом конце она изборождена глубокими, непроходимыми поперечными и косвенными трещинами; кроме того, глубокие ямы и высокие ледяные бугры, покрытые грудами мелкого, как порох, щебня находятся около левой боковой морены. Трещины встречаются, впрочем, и в других местах, но очень узкие, то есть не шире нескольких дюймов; есть также грязевые полосы, обращенные выпуклостью к концу глетчера. На правой стороне глетчера морены узки, невысоки и состоят из серого щебня, перемешанного с такого же цвета обломками камней; с левой стороны они несравненно больше, тянутся в несколько параллельных рядов и покрывают не только значительную часть глетчера, но располагаются и с боку его.

Ледник Азау значительно отличается от других, виденных нами в Терской области, тем, что образуется из сравнительно большого числа отдельных ледяных потоков и сильно суживается к нижнему концу. В этом отношении он более прочих напоминает некоторые из ледников Швейцарии и в особенности величайший из них — Mer de Glace; но Азау сильно уступает ему в величине. Особенность его заключается еще в том, что нижний конец его почти прямо упирается в лес.

Осмотрев Азау, мы поднялись еще выше и таким образом подошли к вечным снегам Эльбруса. Тут была небольшая площадка, покрытая мелкими камнями и щебнем, с которой открывался обширный и замечательно красивый вид. Кавказский хребет с его высочайшими вершинами был виден во всем грозном величии и очаровательной прелести. К востоку, насколько хватал глаз, тянулась цепь гигантских гор, вершины которых с изумительной ясностью обрисовывались на чистом темно-синем небе. Громадные снежные поля, освещенные яркими лучами солнца, сияли ослепительным блеском, а на них с особенным контрастом выделялись громадные, черные скалы. Высокие отроги гор и глубокие ущелья пересекались по всевозможным направлениям и представляли такой лабиринт, который невозможно вообразить, не видав его в действительности. Отсюда же были видны два тупые конуса с широким общим основанием, это — обе вершины Эльбруса. Расстояние до них казалось настолько незначительным и путь таким легким, что добраться к ним, по-видимому, можно было бы часа в 1 $^1/_2$ или два. На площадке нас было только двое; всюду кругом царила мертвая тишина, которая лишь по временам нарушалась отдаленными глухими, но могучими звуками. На Эльбрусе они слышны каждые 5 или 10 минут; причина их — ледяные и снежные обвалы и тресканье глетчеров. К северу от нас находилась глубокая и широкая балка. С вечных снегов Эльбруса по отвесным почти скалам в нее скатывалось несколько больших ручьев. В одном из них почти ежеминутно происходили небольшие каменные обвалы. Мы долго наблюда-

ли, как камни летели на дно балки, ударялись и разбивались о скалы. Вследствие необыкновенной чистоты и прозрачности воздуха все это происходило как будто совсем близко, но звуки от ударов камней вовсе не доносились до нашего уха.

Осматривая горы, мы увидели на противуположной стороне балки группу людей и тотчас догадались, что это были расставшиеся с нами еще утром наши спутники. Мы порешили пробраться к ним. Чтобы избежать длинного и утомительного спуска и подъема, я предлагал моему товарищу пересечь балку у самого начала ее и пройти под нависшими, вечными снегами Эльбруса, но он опасался этой дороги и сомневался в возможности взобраться тут на скалы противуположной стороны балки. Вследствие этого нам пришлось перебираться через нее гораздо ниже и употребить на это часа полтора. Взбираясь на противуположный склон ее, мы увидели двух человек с ружьями, которые направлялись к нам и как будто хотели догнать нас. Когда они несколько приблизились, то оказалось, что один из них был Измаил Урусбиев, который не мог выехать вместе с нами из аула и только теперь отыскал нас в этих трущобах, а другой — мальчик, сын Ахиа, в будущем, вероятно, такой же охотник, как и его отец.

Поднявшись еще на несколько уступов и перейдя два неболшие снежные поля, мы встретили, наконец, И.А. Мушкетова с его женой. Измаил Урусбиев предложил мне попробовать поохотиться за турами; я принял его предложение, но прежде чем идти хотел посмотреть находящийся недалеко отсюда ледник Гара-баши. Полчаса спустя часть нашей компании отправилась вниз к стоянке, я — к леднику, а Измаил, его сын Науруз и Ахиа остались пока на месте.

Пройдя с полверсты и перевалившись через небольшую возвышенность, я очутился на самой окраине ледника и увидел следующее: ледник начинается у обширного, обрывистого снежного поля, расположенного на юго-восточном склоне Эльбруса. В начале он относительно широк, а потом сильно суживается и в конце едва ли имеет более 50 или 60 сажен ширины. Длина его также небольшая, а поверхность ничего особенного не представляет; движется он в глубокой крутой балке. Склоны Эльбруса, прилегающие к Гара-баши, состоят из легко рассыпающихся красноватых туфов и трахитов, вследствие чего речка, вытекающая из-под льда, имеет мутную, непрозрачную, красноватую воду. По словам Измаила Урусбиева, Гара-баши-чиран прежде (лет 30 или 35 тому назад) спускался гораздо ниже, где его ущелье становится еще более узким и крутым. С правой стороны ледника находятся осыпи, с левой — не особенно высокий кряж, также состоящий из вулканических туфов и трахитов, а тотчас за ним ледник Терс-кол.

Когда я возвратился, Измаил посоветовал мне вторично перебраться через ту балку, где мы с ним встретились, и засесть с левой стороны ее, в одном из проходов, через которые по большей части пробираются туры, если их вспугнуть на горах около ледника Гара-баши. Со мною пошел Науруз, а Измаил вместе с Ахиа отправились вверх по окраине балки. Мне опять пришлось часа полтора пробираться то по скалам, то по крутым косогорам, покрытым скользкой травой. Часов в 12 дня мы достигли указанного места и отсюда увидели в бинокль Измаила и Ахиа на противуположной стороне балки. Невооруженным глазом их решительно нельзя было рассмотреть, да и в сильный бинокль они представлялись маленькими, как куклы.

Часа три мы провели в ожидании туров, но не видели ни одного. За это время я собрал десятка полтора растений, свойственных высотам около 11000 футов. Особенно красивы были крошечные генцианы (Gentiana pyrenaica), у которых одиночный цветок величиной превосходит все остальное растение и имеет венчик великолепного синего цвета.

Из птиц мы видели нескольких завирушек, альпийских ворон и галок (Fregilus graculus и Pyrhocorax alpinus), да пустельгу (Cerchneis tinnunculus). Я даже был удивлен, увидев эту последнюю на столь значительной высоте.

Часа за два до наступления вечера я снова отправился к леднику Азау, с целью перейти его в поперечном направлении и шагами измерить ширину. Выбрав сравнительно узкое место, находящееся верстах в двух от нижнего конца его, я спустился с весьма крутого, скользкого склона и потом не без затруднения перебрался через левую боковую морену. Она и здесь образовала несколько высоких параллельных гряд из мелкого, как песок, щебня, в котором глубоко тонула нога.

Одна часть ее лежала на твердой почве, а другая на льду, представлявшем высокие бугры, разделенные ямами и канавами, через которые нужно было перебираться с большой осторожностью, так как, поскользнувшись, легко было упасть в них. Опасность усиливалась еще от того, что я был один и потому не мог воспользоваться посторонней помощью, если бы даже попал и в сравнительно не глубокую яму, но со скользкими и крутыми боками.

Морена была от 100 до 160 шагов ширины, а за нею следовала ровная и почти совершенно чистая поверхность глетчера. Трещины здесь были редки, и притом очень узки, поэтому я без малейшего затруднения перешел через эту часть глетчера и достиг правой боковой морены, которая имела лишь несколько шагов ширины и едва возвышалась над уровнем льда; внешней своей стороной она прямо упиралась в отвесные скалы. Чистая поверхность глетчера, как оказалось, имела 400 шагов ширины, да полоса льда шагов в 100 была завалена моренами; таким образом, в этом сравнительно узком месте вся ширина ледника доходила до 500 шагов или аршин; версты же на полторы выше

ледник был по крайней мере в три или четыре раза шире и, следовательно, имел от 1500 до 2000 шагов. Таким образом, Азау по величине сильно уступает некоторым другим ледникам Кавказа, например, леднику Бизинги, Адылу, Марухскому[20] и т.д.

Чтобы сократить дорогу к нашей стоянке, я пошел через ледник в косвенном направлении, надеясь перейти морену несколько ниже; но, пройдя версты полторы, забрался в такие трущобы, где морена оказалась совершенно непроходимой по причине множества глубоких канав, трещин и ям во льду. Я спустился еще ниже, думая где-нибудь найти выход, но, как оказалось, напрасно: левый край ледника становился все более и более неприступным. Так как дело уже клонилось к вечеру и начал накрапывать дождь, то нужно было торопиться, чтобы не быть застигнутым темнотой и туманом на глетчере. Нижнюю часть его я осмотрел еще утром и убедился, что пройти через нее невозможно; оставалось, таким образом, одно средство — идти снова вверх и перебраться через морену там, где я перешел ее раньше. С сокрушенным сердцем направился я быстрыми шагами вверх по глетчеру, отыскал свои следы на морене и по ним выбрался, наконец, на твердую землю. Спускаясь с последнего склона, отстоящего не более как на полверсты от нашей стоянки, я увидел Науруза Урусбиева, который напрасно еще часа полтора ожидал туров. Перед самыми сумерками мы пришли вместе с ним к стоянке. Наши спутники к этому времени уже успели пообедать и заснуть.

Часто уличают путешественников в чересчур подробном и обстоятельном описании того, что они ели, когда и где. Несмотря на это, я не могу не упомянуть о том, с каким наслаждением выпил я коньяку и принялся за кашу, баранину и чай после того, как целый день, ничего не евши, карабкался на высотах от 7 до 11 или 12 тысяч футов.

Утром следующего дня мы оставили Азау и отправились обратно вниз по Баксану; прежде возвращения в Урусбий я хотел еще дня 2—3 употребить на осмотр главнейших боковых долин, примыкающих к Баксанской. С левой стороны к ней подходит короткая, безлесная, но покрытая хорошей травой долина Терс-кол[21], в верхней части которой находится короткий же, но сравнительно широкий ледник; его горцы называют Терс-кол-чиран. Он начинается с большого снежного поля юго-восточного склона Эльбруса и очень близко подходит к долине Баксана. Поверхность его очень крута и пересекается таким множеством трещин, что ходить по ней едва ли можно; поэтому мы ограничились осмотром его с левого склона долины. Размеры ледника оказались очень небольшими: по средине ширина приблизительно с версту; длину же я не мог определить точно, но, по словам Измаила, она немногим больше ширины. Если смотреть на этот ледник снизу, то он имеет вид прямоугольного трехугольника с притупленными углами. Значительно ниже его находятся морены, доказывающие, что в прежние времена и он был значительно больше.

С правой стороны к главной долине подходит короткая, лесистая долина Донгус-орун[22] с глетчером, находящимся в верховьях ее; проехать в нее не было, однако, возможности, так как мост через Баксан был снесен водой; но Измаил предложил нам взобраться на одно возвышение, с которого долина хорошо видна. Оттуда мы увидели, что ледник Донгус-орун начинается с не особенно большого снежного поля. Он немного шире Терс-кола, но раза в три длиннее его и покрыт на поверхности большой массой обломков скал. По бокам его находятся очень высокие морены и, судя по тому, что на них растут порядочные деревья, они должны быть не особенно нового происхождения. Мы обратили внимание на большие груды камней, напоминающие очень старые морены, лежащие на дне Баксанской долины, против устья Донгус-оруна. Они тянутся вдоль Баксана и почти под прямым углом к Донгус-оруну. Вероятнее всего, что эти груды суть морены, образовавшиеся в прежние геологические эпохи, когда ледники Кавказа достигали гораздо бóльших размеров.

Около часу пополудни мы достигли того места, где соединяются долины Баксана и Адыла. Здесь наше общество разделилось: И.А. Мушкетов и Измаил Урусбиев отправились обратно в аул, а я, мой спутник Д. и Ахиа — в большую долину Адыла.

IV

Долина Адыла. — Дороги. — Лавины. — Путешествие пешком. — Огромный обвал и его последствия. — Ледники Адыл и Бжедух. — Общие замечания о ледниках. — Звери, птицы, пресмыкающиеся и амфибии Пятигорского округа. — Растительность верхнего пояса гор.

Кто хочет видеть самую суровую горную природу, самое дикое ущелье и самый страшный из глетчеров, тот пусть не устрашится отвратительнейших горных тропинок, множества лавин, падающих во все времена года, пропастей, оврагов и проберется в верховья Адыла. Князь Измаил Урусбиев говорил мне, что знаменитый исследователь Кавказа Абих был сильно поражен суровостью природы этого ущелья и советовал ему рекомендовать путешественникам Адыл, как место самое замечательное по дикости и грандиозности.

В начале это ущелье тянется почти от севера к югу, потом, повернув влево, разделяется на две ветви, из которых одна тянется прямо на юг, а другая — более к востоку. Вторая ветвь ничего особенного не представляет, первая же, называющаяся Шихильды, интересна во многих отношениях.

По дну всего ущелья, прыгая со скалы на скалу, с оглушительным ревом несется порядочная речка. Она столь быстра, что на берегу ее беспрерывно слышишь глухой стук камней, которые она катит по каменистому дну; вода в ней такая мутная, что только по необходимости мы могли пить ее и приготовлять на ней чай. Переезжать через Адыл верхом в летнее время никто не отваживается. Дно и склоны ущелья покрыты крупным лесом, в котором, кроме сосны, занимающей самое видное место, растет еще береза и осина, а из кустарников — смородина, малина и жимолость (Lonicera); на небольших полянах попадается еще очень много хорошей земляники. Лес во многих местах так густ, что через него едва можно пробираться. Местные жители уверяют, что в нем водится много медведей, тогда как кабаны и олени не встречаются вовсе; на верхней границе его попадаются также серны, а еще выше туры (Capra Caucasica Güld.). Птиц во всем ущелье крайне мало.

Дорога по долине Адыла только в начале, на расстоянии верст трех, сносная, а дальше самая отвратительная. Она то извивается над пропастями, то поднимается на крутые склоны или спускается с них, то проходит между такими густыми деревьями, что, путешествуя верхом, едва ухитряешься уберечь свои колена, то извивается по скалам и камням, где лошадь с трудом находит сколько-нибудь надежную опору для своих ног. Тут приходится слезать с седла каждые 3 или 4 минуты и таким образом половину дороги пройти пешком. Наконец, самая неприятная вещь — это частые переезды через снежные лавины. Ни в одном ущелье я не видел такого множества их, как в этом; по рассказам местных жителей, редко проходит год, чтобы в Адыле не засыпало снегом кого-нибудь из охотников или пастухов; впрочем, не одними человеческими жертвами прославился Адыл: даже осторожные и привычные к горам туры здесь не в безопасности. Однажды, например, нашли 13 штук их, сброшенных лавиной на дно ущелья и более или менее засыпанных снегом.

Первую лавину мы встретили еще при начале пути. Тут на вершине горы есть открытая с одной стороны котловина; в нее зимой набивается много снега, который весной или летом скатывается оттуда в виде лавин, направляющихся по руслу небольшой, впадающей в Адыл речки. Недавно в этом месте был увлечен и засыпан лавиной один охотник. Подъехав к речке, мы увидели, что она завалена снегом и течет как бы в туннеле, на своде которого в более тонких местах образовалось несколько большин отдушин, сажени в две глубиною. Так как толщину, а следовательно, и прочность снегового свода по внешнему виду определить нельзя, то невозможно и поручиться, что он выдержит тяжесть лошади вместе с всадником; поэтому, переезжая такие места, всегда испытываешь особенно неприятное чувство. Еще неприятнее то, что миновать их тут нельзя, так как с одной стороны тропинки поднимается стена скал, а с другой — течет река. Множество больших, повалившихся на дорогу деревьев также составляет немаловажное препятствие: некоторые из них, зацепившись ветвями за своих соседей, висят над дорогой и не позволяют проехать. При таких условиях приходится слезать с лошади; но случалось, что лошадь могла проходить под деревом, а лука седла цеплялась за него. Тогда нужно было расседлывать всех лошадей и тотчас снова седлать их. На протяжении не более версты это удовольствие нам пришлось испытать три раза.

Промучившись таким образом часа два, мы выбрались на небольшую полянку, находящуюся в том месте, где ущелье разделяется на две ветви, и решили оставить здесь лошадей и идти дальше пешком. Ахиа спрятал седла и лишние вещи под камни, навьючил на осла только необходимое для ночлега теплое платье и небольшой запас провизии и вместе с нами отправился вверх по ущелью. Дальше тропинка оказалась такой плохой, что ехать по ней не было бы никакой возможности. Перед сумерками мы нашли на берегу Адыла небольшой шалаш и в нем остались переночевать.

На следующее утро мы продолжали пешком подниматься по долине Шихильды, где Адыл течет в глубокой балке по самой дикой местности, всюду загроможденной грудами камня и старыми моренами. Целые скалы в десятки и сотни тысяч пудов весом валяются по бокам реки и на дне ее; остатки снежных лавин даже среди лета видны всюду по обоим склонам долины, а самое русло Адыла так нагромождено ими, что он гораздо более половины всего пространства течет под снеговым покровом. По бокам Адыла, на пространстве верст четырех от нижнего конца глетчера, находящегося в верховьях этой реки, тянутся груды камней. Это, без сомнения, древние боковые морены. Еще больше камней и щебня нагромождено вблизи нижнего конца глетчера.

Особенно суровый вид долины, носящий отпечаток какой-то страшной катастрофы, объясняется следующим замечательным событием:

По рассказам местных жителей, лет 18 тому назад громадная, скалистая гора, поднимавшаяся отвесной стеной у начала главной ветви глетчера и еще раньше отделившаяся от остальной части хребта узким промежутком в роде трещины, обрушилась на лед. Она, как и все горы в верховьях Адыла, была очень высока и поднималась над глетчером отвесной стеной в несколько тысяч футов высоты; вес ее нужно измерять биллионами пудов. Свалившись, она ударилась о соседнюю гору, разбилась сама, сбила часть этой последней, и огромная масса каменных обломков покатилась по глетчеру и дальше вниз по долине Адыла (Шихильды). Камни засыпали весь глетчер длиною верст в 7, потом еще ниже, на протяжении верст четырех, совершенно уничтожили крупный сосновый лес на дне долины и так запрудили реку, что она образовала несколько озер. Землетрясение и страшный гул, произведенный падением горы и продолжавшийся все время, пока обломки ее катились по

ущелью на расстояние более десяти верст, слышны были в Урусбие и соседних с ним местах. Все ущелье Адыла наполнилось темной пылью, закрывшей свет солнца и казавшейся издали густым, черным туманом. Люди, находившиеся недалеко от места катастрофы, в испуге приняли это явление за конец света, молились Богу, а женщины, говорят, даже падали в обморок.

До сих пор почти вся поверхность глетчера засыпана обломками свалившейся горы, которые образуют слой камня и щебня в несколько аршин толщины. Только в конце и по бокам глетчера есть крутые склоны обнаженного льда. Большие камни, валяющиеся ниже, на всем пространстве долины Шихильды, суть также остатки обрушившейся горы. Прежде в конце ущелья была довольно большая поляна, на которой косили сено, теперь от нее остался клочек, имеющий лишь несколько сажен в длину и ширину, а все остальное завалено камнями.

Когда мы приблизились к глетчеру, то увидели еще большую балку, спускающуюся с гор по левую сторону Адыла. Она на всем протяжении была завалена сугробами снега, под которым текла порядочная речка. Нижний конец глетчера образует здесь выпуклую вниз дугу, а Адыл вытекает из-под льда многими мутными потоками. Чтобы составить общее представление о леднике, мы решили взобраться на одну гору, возвышающуюся с левой стороны его. Я забыл местное название ее, но помню, что оно означает «низкая гора». На эту низкую гору нам пришлось карабкаться от конца глетчера ровно два часа.

С нее мы увидели, что ледник Адыл образуется из двух ветвей, одной — спускающейся с восточной стороны, а другой — с западной. Первая ветвь довольно значительная (версты 3–4), вторая гораздо меньше. От места соединения их тянется главная, наибольшая часть глетчера, имеющая не менее 6 или 7 верст в длину. Вверху она шире, а к нижнему концу заметно суживается. Средняя ширина ее, по всей вероятности, не менее полуторы версты. Поверхность боковых ветвей чистая и только пересекается трещинами, что же касается главной ветви, то она, за исключением самой верхней части[23], на пространстве верст 6-ти завалена непрерывной грудой камней и на первый взгляд мало напоминает глетчер. Рядом с мелкими обломками тут лежат каменные глыбы в несколько кубических сажен, а лед проглядывает только на крутых склонах, где камни не могут задерживаться. Недалеко от нижнего конца на леднике находятся огромные воронкообразные впадины и большие бугры или выступы, покрытые щебнем. Что касается морен, то западная ветвь почти не имеет их, а у восточной он довольно порядочной величины только с правой стороны. Боковые морены главной ветви также не велики. С «Низкой горы» можно было различить то место, где прежде стояла обрушившаяся на ледник гора.

Осмотрев глетчер сверху, я спустился вниз и, перейдя морену, взошел на лед, который почти всюду пересекался множеством трещин, засыпанных камнями до самого верху; а поверхность глетчера представляла такой хаос, что по ней едва можно пробираться. По свидетельству местных жителей, ледник Адыл теперь заметно увеличивается.

С правого склона долины Адыла свешивается еще небольшой глетчер Бжедух. Он держится на очень крутом склоне, вверху и внизу пересечен множеством трещин, а по средине имеет сравнительно чистую и гладкую поверхность. Образуя на половине длины сильный изгиб, он напоминает своей формой чулок. Только нижняя часть его окаймлена красивыми издали боковыми моренами.

Из Адыла мы возвратились в Урусбиевский аул и, пробыв здесь еще два дня, отправились в Нальчик. Оканчивая описание путешествия по горам, я не могу не сказать несколько слов о князьях Урусбиевых, которые всегда оказывали самый радушный прием всем путешественникам. Мне пришлось коротко познакомиться с Измаилом и Магометом, и оба они произвели на меня весьма приятное впечатление своим добродушием, простотой и гостеприимством. Измаил оказался, сверх того, человеком весьма наблюдательным и любознательным. Он сообщил мне много интересного о различных птицах, водящихся в горах, о ледниках и многих других вещах. В Нальчике мы познакомились еще с третьим членом того же семейства, Хамзатом, который соединял в себе все хорошие качества своих братьев.

Примечение. Чтобы покончить с верховьями Баксана, нужно бы сказать еще о долинах Уесенги и Ирика. Но первая ничего особенного не представляет и имеет не более 12 верст длины. Внизу она покрыта лесом, а в верховьях, на склонах Главного хребта, безлесна и скалиста. Через нее проходит самый короткий путь из Урусбия на южный склон, но вследствие крутизны и частых лавин он считается самым опасным. Долина Ирика, начинающаяся на склоне Эльбруса, судя по рассказам жителей, гораздо интереснее, но за недостаток времени мне пришлось отложить путешествие по ней до будущего времени.

За пребывание в горах в течение месяца мне пришлось увидеть восемь глетчеров и из них пять рассмотреть довольно тщательно. По расположению морен, сравнительно недавнего происхождения, можно было заметить, что все ледники, исключая Адыл, за последние десятки лет сильно уменьшились. Что касается Адыла, то и он прежде был больше, потом, вероятно, в одно время с

другими глетчерами начал уменьшаться и, как мне говорили жители Урусбия, только после описанной раньше катастрофы снова заметно увеличился. Увеличение его объясняется, конечно, тем, что, будучи завален сверху толстым слоем камней и щебня, он не нагревается лучами солнца и почти не тает на поверхности. Удлинился еще немного (сажен на 200) за последние два года ледник Мижирги, но далеко не достиг тех размеров, которые он имел лет 30 или 40 тому назад. Удлинение его, вероятно, зависело от каких-либо чисто случайных, местных причин; кроме того, оно настолько незначительно, что не заслуживает особенного внимания. Таким образом, мы можем принять за несомненный факт, что ледники Кавказа уменьшаются в последние полсотни или сотню лет[24].

Во многих долинах, на расстоянии нескольких верст от теперешних глетчеров, находятся еще другие, очень древние морены, валуны которых от влияния внешних причин утратили свою первоначальную форму и более или менее округлились. Такие морены представляют большие груды камней, промежутки которых наполнены уже землею; многие из них лежат в лесах, окруженные деревьями, обхвата в два толщины; часто можно видеть порядочные деревья, растущие и на самых моренах. Эти морены свидетельствуют о гораздо бóльших размерах ледников в относительно давние времена, то есть в предыдущие геологические эпохи. Мне кажется более вероятным предположение, что они образовались в период отложения плиоценовых пластов (песчано-глинистая или каспийская формация Барбот-де-Марни), когда теперешние Каспийское, Аральское, Черное и Азовское моря составляли один обширный бассейн. Тогда климат прилегающих к нему стран был влажнее, количество атмосферных осадков бóльшее, а температура, судя по ископаемым остаткам, почти такая, как теперь. Конечно, в это время ледники должны были иметь значительно большие размеры[25].

Труднее определить причину уменьшения глетчеров в самое последнее время, то есть в период от 50 до 100 лет. За это время климат существенно не изменился, количество лесов не убавилось сильно, все как будто бы осталось по-прежнему, а ледники уменьшились весьма заметно.

В отношении богатства зверями горы и предгорья Пятигорского округа представляют полную противуположность. В лесах, расположенных по предгорьям, кроме самых обыкновенных зверей, каковы волки, лисицы, зайцы, водится много медведей, оленей, кабанов и коз, в горах же на склонах Главного хребта и его высоких отрогах попадаются только горные козлы (туры) и серны. Известно, что в горах Кавказа живет не менее трех видов козлов, но из них безоаровый (Hircus Aegagrus) и тур, описанный впервые профессором Рулье и названный им Aegoceros Pallasii[26], здесь не встречаются вовсе. Тут живет только Capra Caucasica Güld., то есть тот вид, описание которого сделано Палласом по заметке, оставшейся после смерти Гюльденштедта[27].

Туры и серны встречаются здесь далеко не в таком изобилии, как на горах Кубанской области. В верховьях Черека, например, три охотника, лазившие с утра до вечера по горам, не только ничего не убили, но и не сделали ни одного выстрела. Медведь, самый обыкновенный зверь Кавказских гор, здесь встречается тоже редко. Такой недостаток дичи объясняется как полным отсутствием лесов во многих долинах Пятигорского округа[28], так и сравнительно густым населением гор. В более лесистых верховьях Баксана зверей заметно больше. Тут Измаил Урусбиев убил молодую самку Capra Caucasica и я тщательно осмотрел ее. Это был довольно статный и красивый экземпляр рыжевато-серого цвета, имевший па спине и на передней поверхности ног по темной полоске; зад у него был, как у коз и оленей во время зимы, белого цвета; хвост короткий (около 6″), покрытый сверху черно-бурой шерстью, а снизу голый. Копыта тоже черного цвета с просвечивающим местами белым роговым веществом. При сдирании кожи я обратил внимание на толстую подушку из соединительной ткани, находившуюся на грудной кости. Животному, часто отдыхающему на твердых камнях, она, конечно, так же полезна, как ламе или верблюду мозоли на груди и сочленениях ног.

Другое животное, о котором стóит упомянуть, это сурок, описанный Менетриэ и названный им Spermophilus musicus[29]. Он встречается здесь в огромном количестве, но, сколько я заметил, не поднимается так высоко, как в верховьях Кубани. Больше всего сурков мы видели в Баксанской долине, ниже Урусбиева аула. Тут беспрерывно слышен их звонкий, похожий на птичье чириканье, голос. Около ледника Мижирги я поймал еще полевку (Arvicola).

Птиц нам попадалось гораздо больше. Особенным обилием их отличаются равнины, расположенные у предгорий Кавказа. По пути от железной дороги к Нальчику мы встретили несметное количество горлиц; утром их можно видеть по несколько штук почти на каждом кусте и на каждом стоге сена. Фазанов также очень много; доказательством этому служит изрядное количество живых и особенно убитых экземпляров, продающихся во всякое время года на Котляревской и некоторых других станциях Ростово-Владикавказской дороги. Перепелок встречается много близ Нальчика, а крик одного перепела мы слышали, проезжая между хлебными полями аула Бизинги, на высоте около 5000 футов; несколько гуртов серых куропаток вспугнули в стенной полосе Пятигорского округа, а черных курочек (Perdrix Chukar Gray) видели на скалах недалеко от Урусбиева аула. По левую сторону Баксана, версты на полторы ниже аула, их можно найти всегда. Днем они держатся тут по камням, заросшим местами малиной, барбарисом и таволгой (Spirea crenata), а утром и

вечером спускаются вниз и забираются даже в хлебные поля. Во время преследований они быстро взбирались на скалы все выше и выше, а когда после этого мы оставляли их в покое, начинали громко перекликаться друг с другом. В конце июля мы видели цыплят, которые ростом значительно уступали родителям и не приобрели еще их красивого оперения. Они были покрыты однообразными серыми перьями и имели на ногах и клюве едва начавшую краснеть кожу.

Горная индейка (Megoloperdrix caucasica Pall.) попадается на всех больших горах недалеко от линии вечных снегов, а кавказский тетерев (Tetrao Mlocosyewitcii) — в верховьях Адыла и Баксана, на границе лесов и альпийских пастбищ.

В долинах Черека и Чегема, на высоте от 4 до 6 или 7 тысяч футов, встречаются скалистые голуби (Columba livia), но далеко не в таком количестве, как во многих долинах Кубанской области. Коростель (Crex pratensis) на влажных лугах, расположенных у предгорий Кавказа, есть одна из самых обыкновенных птиц, но он иногда поднимается в горах и на довольно значительную высоту. Около аула Чегема и в некоторых других местах, расположенных на высоте тысяч пяти футов, я несколько раз слышал его голос. Тут он выводит детенышей гораздо позднее, чем на равнинах; даже в августе мне приходилось много раз находить на горных лугах молодых коростелей, покрытых не перьями, а еще однообразным черным пухом.

На берегу одной небольшой речки, впадающей в Баксан, мы видели черного аиста (Ciconia nigra L.). Птица эта попадалась мне также на Ардоне и прежде в долинах Кубанской области, притом всегда на высоте от 2 до 3 тысяч футов над уровнем моря. Хотя гнезд аиста я не находил, но несколько раз наблюдал молодых с зеленоватыми еще ногами и клювом, а однажды видел совсем маленького птенца у одного моего знакомого; поэтому не сомневаюсь, что эта птица размножается в предгорьях Северного Кавказа. Что касается белого аиста, то я не встречал его ни разу. Серая цапля живет по всем речным долинам, не поднимаясь, однако, в верхние области их.

Ягнятник (Gypaetos barbatus L.) попадался нам очень редко. Его мы видели, например, около аула Бизинги, где он долго летал взад и вперед по ущелью и несколько раз садился на скалы, не особенно далеко от жилья. Настоящих грифов в долинах Черека и Чегема не встречали вовсе, в долине же Баксана их довольно много. Тут мы видели как бурых (Vultur cinereus Naum.), так и белоголовых (Gyps fulvus Gm.). Первый из них живет почти всегда на больших высотах, а второй попадается часто в предгорьях и даже иногда в степной полосе. Стервятники (Neophron percnopterus L.) держатся в горах, чаще на высоте от 2 до 4 тысяч футов, а иногда и значительно выше. Живут они по бóльшей части парами и попадаются реже, чем белоголовые грифы. Только отыскавши падаль, они собираются штук по пяти или десяти вместе. Белохвостый орлан (Haliaetus albicilla L.) в горах попадается нечасто; я видел его всего три или четыре раза и на той же высоте, как стервятником. Так как птиц в горах не особенно много, то он не брезгает здесь и падалью. Однажды я видел пару их на трупе мертвой лошади. Орел-могильщик (Aquila imperialis) весьма обыкновенен в предгорьях, в горах же мы видели несколько раз больших орлов, по всей вероятности беркутов (Aquila nobilis Pall.). Ястреб-перепелятник (Nisus communis) и кавказский сарыч (Buteo Ménétriesi Bogd.) встречаются везде в лесной области, а пустельга (Cerchneis cenchris) даже на альпийских пастбищах. Клущица (Fregilus graculus L.) и альпийская галка (Pyrrhocorax alpinus Viell.) живут по горным ущельям, на высоте от 4 до 8 тысяч футов, а иногда и значительно выше. На Эльбрусе и около ледника Бизинги я видел стада их выше снежной линии. Несколько ниже встречается обыкновенный ворон (Corvus Corax). Чаще можно видеть его на высоких, безлесных местах в роде тех, которые находятся к северу от Эльбруса. Тут он обыкновенно сопутствует стадам и питается то падалью, то различными остатками и нечистотами. Гнезда его я находил в нижней полосе лесной области. Обыкновенная ворона попадается только на небольших высотах, а черноголовая сойка (Garullus Krinickii Kolen.) во всех лиственных лесах, растущих не только в горах, но и на равнинах. Горная овсянка (Hylaespiza cia L.) есть самая обыкновенная птичка горных лугов и лесных опушек. Воробей домашний (Passer domesticus) и горный (Salici-passer montanus) встречается всюду в горах, где только есть аулы. Весьма высоко в горах поднимается альпийская завирушка (Accentor alpinus). Ее мы видели на ледниках и на скалах у самой снежной линии, а ее близкого родича — лесную завирушку (Accentor modularis) несколько ниже в лесах и кустарниках.

Чеканы (Saxicola oenanthe и Pratincola rubetra) и черногрудка (Ruticilla ochruros Gm.) встречаются на скалах, на развалинах старых башен и на лугах. Замечательно, что столь обыкновенный в Кубанской области белозобый дрозд (Turdus torquatus) и каменный дрозд (Petrocyncla saxatilis) здесь очень редки. Первого я видел за все время путешествия только раз, а последнего три или четыре раза. Плиски (Motacilla alba L. и Calobotes sulphurea Bechst.) попадаются на берегах каждого горного ручья, крапивник (Troglodytes parvulus) — по лесам предгорий, а сорокопут-жулан (Enneoctonus collurio L.) — по полям, поросшим редким кустарником. Сорокопут поднимается в горах довольно высоко. Один раз я встретил его около Урусбия на высоте 5000 футов. В ауле Бизинги и Чегеме я видел еще оляпок (Cynclus aquaticus). Они были очень смирны и часто садились на берегу ручья или на камнях, торчащих из воды, в нескольких шагах от людей. Тут они бросались в воду и, ныряя, охотились за насекомыми. Вообще оляпки в горах встречаются нередко

и поднимаются весьма высоко. Я видел их на ручьях в нескольких шагах от ледника. Удод (Upupa epops) изредка попадается в горах до высоты тысяч 2 $^1/_2$ или 3 футов; на этой же высоте я находил и его гнезда. По дороге из Чегема к Беллыму мы поймали стрижа (Cypselus melba L.). Он сидел в небольшой траве и был ли больным, или не мог подняться из травы, но был взят просто руками. Других стрижей (Cypselus apus) встречали под Эльбрусом и в долине Черека.

Пресмыкающихся видели крайне мало. На плоскости встречали зеленую ящерицу (Lacerta viridis) и Eremias arguta Pall. (Podarcis variabilis Ménétr). Последняя держится премущественно на каменистых и песчаных склонах, в горах же по скалам живет Lacerta muralis Laur. Из змей нашли только медянку (Coronella laevis) в долине Черека на высоте тысяч шести футов, а из амфибий — травяную лягушку Rana temporaris var. oxyrhincha и жабу Bufo variabilis Pall. Последнюю мы видели несколько раз в Чегеме на высоте около 5000 футов, а первую — почти во всех горных лесах тысяч до 6 футов над уровнем моря.

Из насекомых я упоминаю только тех, которые наиболее часто встречаются на значительных высотах. К ним, кроме изрядного числа дневных бабочек (Arginnis, Vanessa, Lycaena и пр.), принадлежат жужжелицы (Carabus violaceus и некоторые другие виды), вертячки (Girinus mergus), скакуны (Cicindella monticola Mém.), медляки (Blaps mortisaga и B. fatidica), хрущи (Melolontha fullo) и уховертки (Forficula auricularia). Наконец, слепни (Tabanus) и оводы во многих горных лесах живут в таком количестве, что делают езду по ним в летние солнечные дни настоящей пыткой как для человека, так и для лошади. Они, однако же, скрываются, как только солнце зайдет за гору и в лесу ляжет тень. Чтобы избавиться от этих назойливых насекомых, горцы через некоторые леса ездят в летнее время почти исключительно ночью.

Растения высоких областей гор отличаются более или менее важными особенностями. Они никогда не достигают значительной величины, не имеют высоких стеблей и больших длинночерешчатых листьев. Чтобы по возможности лучше противустоять холоду, все части их округлились и скучились. Та кая же скученность замечается в распределении отдельных особей, которые редко сидят одиночно, а большею частью соединяются в группы по несколько сотен, даже тысяч экземпляров. Они как будто бы нарочно теснятся и жмутся друг к другу, чтобы сколько-нибудь согреть себя не только в холодное время года, но и в далеко не теплые летние ночи. Мелкие листья их или очень грубы и тверды, или же, для защиты от холода, снабжены густым покровом из длинных переплетающихся волосков. Бóльшая часть этих растений размножаются бесполым образом (клубнями, корневищами), потому что семена их редко выспевают в относительно короткое лето.

Из кустарников в верхних областях гор растут вересковы (Rhododendron), низкорослая ива (Salix arbuscula), карликовый можжевельник (Juniperus nana) и изредка можжевельник казачий (Juniperus sabina); что же касается травянистых растений, то их несравненно больше. Я уже упоминал о маленькой генциане с очень красивыми, темно-синими цветами. Крошечные, не более дюйма высоты, Draba scabra Meyer и Dr. imbricata Meyer, вместо листьев, имеют небольшие чешуйки и, сильно теснясь друг к другу, образуют группы в тысячи неделимых. Такими же особенностями отличаются и некоторые из камнеломок (Saxifraga laevis, S. exarata). Podospermum heterophyllum, Viola altaica Pall., V. biflora L., Anthemis Marchaliana Well, Myosotis caespitosa Sch., Cerastium Kasbec, Alsine imbricata Meyer, Drias octopetalla L., вместе с упомянутыми выше, суть самые обыкновенные растения, встречающиеся не только на снежной линии, но и на не покрытых снегом крутых склонах, лежащих выше нее. На местах менее возвышенных встречаются Daphne glomerata, Juniperus communis, Sedum spurium, Anemone narcisiflora L., Gnaphalium dioicum L., Lamium, Primula и множество других растений.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. Фрешфильдом, Теккером и Муром.
2. За этой полосой горы уже скалисты и безлесны.
3. На 5-верстной карте он в этом месте назван «Черек-тхахо», а выше, недалеко от верховьев — «Урваном». Местные же жители эту реку везде называют просто Череком. Таким образом в Пятигорском округе два Черека: один вытекает из Главного хребта, к западу от Дых-тау, и протекает через земли общества Бизинги и Хулам, а другой — к востоку от Дых-тау и течет через Балкарию.
4. На карте «Ах-Кая».
5. Правая морена или правая сторона глетчера употребляется везде в том же смысле, как правый или левый берег реки.
6. Чиран — значит ледник, а Улу-тау — главный хребет.
7. Русло ледника суживается книзу, вследствие этого и ледник внизу гораздо уже, чем вверху. Очевидно, что давление боковое должно быть поэтому очень значительным.
8. Я уже упоминал, что на картах Кавказа она названа Урваном.

9. «Холодный Кавказ». Изд. Журнала «Природа и Люда», с. 90.

10. Я называю это животное не сусликом, а сурком, потому что круглые зрачки и отсутствие защечных мешков указывают на принадлежность его к этому последнему роду. Правильнее бы было его назвать и по-латыни Arctomys musicus.

11. Небольшие булочки, похожие на пряники.

12. Айран — приятный, кисловатый, прохлаждающий напиток, приготовленный из кислого молока. Шурпа — вкусный мясной бульон с примесью небольшого количества кислого молока.

13. Джугутур-тур (Capra Caucasica Güld); чад — балка.

14. Лошадей и здесь пришлось прождать немного, но в это время уже началась ураза (пост) и голодные в течение длинного, летнего дня горцы были недоброжелательнее и несговорчивее, чем обыкновенно.

15. На пятиверстной карте она показана в 5136 футов.

16. Адыр-су значит «полезная река». Говорят, что она получила это название вследствие того, что в прежние времена приносила к Баксану много леса, которым пользовались жители.

17. Короткие глетчеры, не спускающиеся по долине, а висящие на склонах горы.

18. По определению Абиха, высота снежной линии на северном склоне Эльбруса равняется 11500 футов.

19. Если, стоя на леднике, обратиться лицом к Джиперу, то вправо будет возвышаться Хотутау, а влево — Чегет-кара.

20. Марухский ледник в верховьях реки Марухи (Кубанская область, Баталпашинский уезд).

21. Терс — кривой, кол — балка.

22. Донгус-орун означает свиной баз. По объяснению горцев, это место названо так потому, что прежде на лето гурийцы пригоняли сюда своих свиней. На пятиверстной карте это место названо Донгус-зары.

23. Прежде и эта часть глетчера была засыпана обломками горы, но со времени обвала она сдвинулась ниже, а место ее занял чистый лед, составлявший прежде боковые ветви.

24. Многие из горцев помнят то время, когда ледники были гораздо больше, чем теперь. В ауле Бизинги помнят даже, когда ледники Мижирги и Бизинги, отстоящие теперь версты на 2 друг от друга, в нижней части соединялись в одно общее глетчерное поле.

25. Очень сожалею, что в то время, как я писал эту статью, у меня не было под рукой тех сочинений Абиха, в которых он говорит о ледниках Кавказа. Он признает, что и на Кавказе существовал когда-то ледниковый период, но я не помню, к какой геологической эпохе он относит его. Если ледники Кавказа достигали наибольшей величины в период отложения степного известняка и каспийской формации, то этот период по времени вовсе не соответствует ледниковому периоду остальной Европы и, строго говоря, не может быть назван этим именем.

26. Aegceros Pallasii Rouill. или Capra Pallasii других авторов есть переходная форма от козлов к баранам; к западу от Дых-тау и Каштан-тау я никогда не встречал его; на Казбеке и в верховьях Ардона он очень обыкновенен.

27. P.S. Pallas. Acta Acad. Imper. Sc. 1779 г. 11, p. 273.

28. Верховья Черека и Чегема совершенно безлесны.

29. Ménétries. Catalogue raisonné, p. 21.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èçäàíèþ:

Динник Н.Я. Горы и ущелья Терской области // Записки Кавказского отделения Русского географического общества. — Тифлис, 1884. — Т. 13. — № 1. — С. 1—48.

ÃÎÐÛ È ÓÙÅËÜß ÊÓÁÀÍÑÊÎÉ ÎÁËÀÑÒÈ

I

Баталпашинск. — Станица Джегутинская. — Мышиная тропа. — Хумара. — Каменный уголь. — Долина Теберды. — Леса. — Медведи. — Долины Домбай-Ольгена и Бу-Ольгена. — Истоки Теберды. — Ледники.

В первых числах июля я приехал в Баталпашинск с тем, чтобы, сделав там все необходимые приготовления к путешествию, отправиться в живописные горные долины и ущелья притоков Кубани: Теберды, Зеленчуков, Урупа и Лабы.

Как сам Баталпашинск, так и его ближайшие окрестности ничего особенного не представляют. Ветры, дующее здесь летом едва ли не каждый день, поднимают часто такую пыль, что всякий, кому в Баталпашинске нет особенного дела, стремится, как можно скорее, убраться из него. Это желание усиливается еще более, когда узнаешь, что в нескольких часах пути от Баталпашинска найдешь совсем другой мир: чистый, горный воздух, прохладу, свежую зеленую траву, великолепные ручьи и прелестные горные ландшафты. Впрочем, в Баталпашинске есть предмет достойный внимания — это большой мраморный памятник покойному Николаю Григорьевичу Петрусевичу, одному из деятельных членов Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Многим из читателей, вероятно, известно, что Николай Григорьевич несколько лет был начальником Баталпашинского уезда, потом, получив назначение начальника коммиссии для исследования старого русла Аму-Дарьи, отправился в Закаспийский край. Там он занимался, кроме того, изучением юго-восточного побережья Каспийского моря, Текинского оазиса и пограничных с ним персидских провинций, пока, наконец, не был смертельно ранен под Геок-Тепе. По желанию жителей Баталпашинского уезда, как русских, так и горцев, тело покойного Николая Григорьевича из степей Азии было привезено в Баталпашинск и здесь, если не ошибаюсь, его знакомыми был воздвигнут ему памятник, близ церкви. Мне приходилось бывать в Баталпашинске еще в то время, когда там жил Н.Г. Петрусевич, и я хорошо помню то участие, которое оказывал он мне, как путешественнику. В первый раз я явился к нему совсем неопытным и неподготовленным к странствованиям по горам, и он тогда предложил мне доехать вместе с ним до Хумары, снабдил меня на все время пребывания в горах своею буркою, подробными картами, биноклем и, кроме того, дал много дельных советов, касающихся путешествия. Уже прошло несколько лет со дня смерти Н.Г. Петрусевича, но и теперь все жители, даже горцы-могометане, которые по большей части относятся к русским с некоторым недоброжелательством, вспоминают о нем с благоговением.

За Баталпашинском следует станица Усть-Джегутинская, расположенная на правом берегу Кубани и имеющая довольно красивые окрестности. Левый берег реки здесь очень высок, в некоторых местах покрыт лесом, а в других скалист и обрывист. Скалы, состоящие из белого известняка, чередуясь с зелеными лесистыми откосами, представляют очень красивое сочетание цветов. Около станицы в Кубань впадают две речки — Джегута и Джаганас. Долины их покрыты порядочными лесами, в которых водятся медведи, кабаны, олени, козы и другая дичь. Верстах в семи выше станицы Джегутинской в Кубань впадает еще речка — Учькулька. В этом месте вдоль берега Кубани громоздятся высокие отвесные скалы из песчаника. У подножья их над самой Кубанью проложена дорога в Хумару и Карачай. Эти скалы служат притоном для огромного количества голубей, ласточек и косаток (Cypselus apus).

На другой день по приезде в станицу я отправился к скалам, чтобы поохотиться и поискать чего-нибудь интересного. Я увидел, что голуби (C. livia) устраивают на скалах свои гнезда, ночуют здесь, в полдень отдыхают под нависшими уступами или даже забираются довольно глубоко в трещины, а утром и вечером улетают кормиться на соседние поля. Здесь же я встретил пару стервятников (Neophron percnopterus), которые долго летали около скал взад и вперед, а потом куда-то скрылись. Из ласточек в этих местах гнездится Chelidon urbica и Cotyle rupestris, а из косаток в огромном количестве — Cypselus apus. В скалах, состоящих из песчаника, есть много круглых полостей, выполненных кристаллами известняка, гипса и кусками агата; из многих подобных полостей содержимое их успело высыпаться и в них ласточки и косатки поустроили свои гнезда. Около скал попадается довольно много чеканов (Saxicola oenanthe), меж тем, горная косатка (Cypselus melba) почти вовсе не встречается. Вблизи Учькульки есть залежи мягкой, нежной глины, по виду очень напоминающей каолин, потребляемый на фарфоровые изделия.

Побродивши по хлебным полям у основания скал и застрелив несколько штук горлиц и голубей, я расположился отдохнуть на берегу Кубани. В это время ко мне подошел охотник, житель станицы, и вступил со мною в разговор. Оказалось, что он сын мельника и очень хороший малый. С ним были две гончие собаки; побеседовав со мною с полчаса, он предложил мне отправиться на охоту в одну балку, где часто бывают кабаны и козы. Дорогою мы решили, что я останусь наверху, у окраины балки, в таком месте, где, скорее всего, можно ожидать выхода зверя, а он сойдет вниз

и там пустит собак. Едва этот план был приведен в исполнение, как собаки с громким лаем подняли кого-то и погнали; я стоял, не зная, с кем буду иметь дело; но скоро мои недоразумения разрешились: на косогоре, шагах в 30 от меня, выскочила из бурьяна коза (косуля) и тотчас же была убита мною. Она оказалась очень крупных размеров, и мы изрядно помучились, прежде чем вытащили ее на дорогу, к берегу Кубани, где могли уже положить на повозку.

По пути от Усть-Джегутинской станицы до Хумары есть еще красивое место. Это дорога, известная под именем Мышиной тропы. Она проложена в скалах; везде над нею висят камни, а глубоко внизу шумит Кубань. Особенно красивы тут 2 или 3 зигзага, которые она делает для того, чтобы обогнуть глубокие балки. Однажды мне с одним знакомым пришлось проезжать по Мышиной тропе в темную ночь. Ямщик гнал лошадей быстро, и нам казалось, что повозка вот-вот опрокинется, и мы скатимся под кручу, в Кубань. Скалы, громоздящиеся над самой дорогой, выглядывают как-то особенно мрачно и неприветливо. Но замечательно эффектное явление производили в это время светящиеся жучки, которые то и дело летали у самых скал. Как известно, они светятся не постоянным светом, а представляют как будто огонек, который то вспыхивает, то гаснет. И вот вдруг среди полнейшей темноты является яркий свет; он на несколько мгновений освещает невидимые до этого, висящие над нашей головой, скалы, потом снова исчезает, и опять все погружается в непроглядную тьму.

Что касается Хумары, то это некоторым образом земной рай, который, конечно, описанию не поддается. Лето здесь прохладное, всюду бездна зелени, а горы так красивы, как редко где. Около Хумаринской крепости сходятся несколько глубоких долин и ущелий, разделяющихся необыкновенно красивыми и живописно расположенными хребтами, которые, по мере приближения к югу, громоздятся один над другим все выше и выше и образуют замечательно красивую картину. Здесь нет ни одного вида, производящего тяжелое, подавляющее впечатление, а всюду самые изящные, нежные горные пейзажи.

На левом берегу Кубани, против Хумаринской крепости, возвышается гора Шоана, достигающая, вероятно, не менее пяти тысяч футов высоты. На узком карнизе этой горы, футов на 1000 над уровнем Кубани, стоит древняя христианская церковь, выстроенная очень правильно и изящно. К ней ведет одна узкая тропинка, а перед алтарем ее зияет пропасть в несколько десятков сажен глубины; она отделяется от стены церкви пространством, имеющим в некоторых местах не более аршина ширины. Эта церковь очень невелика, длина ее, сколько мне помнится, аршин двенадцать; сложена она из крупных, почти кубических, камней серого песчаника, залегающего по берегу Кубани, около Хумаринской крепости. Само собою разумеется, что потребовался страшный труд на то, чтобы втащить этот камень по столь крутым тропинками на такую значительную высоту. Окна и своды дверей церкви сделаны из крепкого кирпича, который до сих пор сохранился прекрасно; на плоском куполе теперь уже растут деревья. Внутри стены были покрыты серым крупнозернистым цементом, сверху которого положен еще слой гипса в несколько линий толщины. По правильности и изяществу сводов, карнизов и всех прочих частей нужно полагать, что церковь была построена опытным архитектором. Надписей и образов в ней не сохранилось вовсе. Священник осетинского аула, находящегося у подножья горы Шоаны, иногда служит в этой церкви[1]; сюда же по временам собираются осетины для совершения своих, чисто языческих, обрядов: они около церкви режут быка, совершают жертвоприношения, молятся Богу, едят и пьют. Из Хумаринской крепости эта церковь представляется карточным домиком.

Окрестности Хумары замечательны по залежам каменного угля, который начали добывать еще в 1846 году, при наместнике князе Воронцове. Угольные пласты обнажаются здесь по обоим берегам Кубани, на пространстве верст 20 (от станицы Верхне-Николаевской до Каменного моста). Толщина пластов очень различна, но нигде не превышает 12-ти вершков. Угольные штольни находятся в трех местах: на левом берегу Кубани, по речке Каракент, на правом — между речками Шупшуруком и Марой и около речки Хумары. По исследованиям Гёпперта, кубанский уголь состоит, главным образом, из остатков ископаемых растений Taeniopteris, Alethopteris и Pteropliyllum Abi- chianum Göpp. Сверху и снизу к угольному пласту прилегают тонкие прослойки глинистого сланца, за которым следуют мощные пласты серого, то мелкозернистого, то крупнозернистого, песчаника, достигающие часто до 10 футов толщины. Уголь и окружающие его песчаники и сланцы принадлежат юрской формации. Хумаринский уголь черного цвета при горении дает яркое пламя, много копоти и спекается в кокс.

Из Хумары я отправился в Тебердинский аул, находящийся в очень живописной Тебердинской долине. Этот раз мне пришлось путешествовать не одному, а целой компанией, именно с уездным начальником Ф.А. Кузовлевым и его родственницами С. и Г.

Теберда, если не самая быстрая, то по крайней мере одна из самых быстрых речек Северного Кавказа. Она имеет шагов 30 или 40 в ширину и чистую воду прекрасного зеленовато-голубого цвета, которую она с громким шумом катит по своему неровному каменистому дну. Тебердинская долина вначале просторна, а потом делается все уже и уже. Средняя ширина ее от 100 до 200 саженей, редко больше, но часто гораздо меньше. Берега реки местами окаймлены лесом, а по большей части прекрасными лугами, усеянными множеством разнообразнейших цветов. Птиц здесь также не

мало. Чаще всех попадается на глаза Кавказский краснохвостый сарыч (Buteo Menetriesi Bogd.), потом чеканы (Saxicola oenanthe и Pratincola rubetra), щеврица (Anthus arboreus и campestris), изредка удоды и зяблики. На падали, валявшейся в долине, мы видели двух белохвостых орланов; в то время, когда они наполняли свои желудки, шагах в сорока от них на земле сидели два стервятника (Neophron percnopterus). Трусливые от природы, они несколько раз пытались приблизиться к падали, но каждое порывистое движение орланов заставляло их снова удаляться на почтительное расстояние. Часто попадается здесь еще деревенская ласточка (Cecropis rustica) и береговая (Cotyle riparia), щегол, грифы и дрозд деряба (Turdus viscivorus).

Отъехав от Хумаринской крепости верст 40, мы в полдень добрались до Большого Тебердинского аула. Переменив в нем лошадей и отдохнув часа два у почтенного старшины, знаменитого охотника Ожая, все наше общество верхами отправилось вверх по долине. За нами последовал и сам Ожай. Сначала мы ехали по обширным полянам правого берега Теберды, потом перебрались на левый и вскоре вступили в величественный тебердинский лес. Теберда течет здесь в глубокой долине, дно и склоны которой покрыты дремучим хвойным лесом; с обеих сторон долину окаймляют хребты, скалистые вершины которых поднимаются тысяч до десяти футов над уровнем моря. Во многих местах на них лежат вечные снега. Леса, находящиеся на правой стороне реки, состоят, главным образом, из елей и пихт, достигающих нередко трех, даже трех с половиною обхватов толщины и, быть может, до сотни аршин вышины. Лиственных пород здесь сравнительно мало. Совершенно иной характер в отношении флоры носит сильнее подверженный действию солнечных лучей левый берег Теберды. Здесь растет черноклён (Acer campestris), клён (Acer Trautfeteri), ясень, дуб, много чинара (Fagus sylvatica), орешник, ольха (Alnus incana), черноольха (A. glutinosa), рябина (Sorbus aucuparia), березы, достигающие двух обхватов толщины, а из хвойных — сосны, ели и пихты, подобные тем, которые встречаются на правой стороне. Здесь же, но несколько реже, попадается вяз, калина (Viburnum lantanum), каприфоль (Lonicera caprifolium) и некоторые другие виды жимолости, кроме того — крушина (Ramnus cathartica), бузина (Sambucus Ebulus), а очень редко — тисс (Taxus baccata) и лавр (Laurus nobilis). Травянистые растения представляют также значительные отличия. Вместо папоротников, мхов и лишайников правого берега на левом попадаются ландыши (Convalaria anceps), орхисы (Orchis maculata и другие), недотрога (Impatiens nolitangere), синяк (Echium vulgare L.) и т.д. В одном месте нам пришлось проезжать через котловину, открытую с юга и загражденную с севера. Здесь росли сосны и различные лиственные деревья, но пихт и елей не было вовсе. В ауле мне бросилось в глаза множество кустиков Blitum capitatum.

Из насекомых мы встречали много майских жуков (Melolontha fullo), в одном месте огромное количество шпанских мух (Lyta vesicatoria) и, кроме того, изобилие бабочек (Vanessa, Arginnis, Papilio и т.д.).

В тебердинском лесу есть довольно много полян. Одна из них, расположенная у самого берега Теберды, была избрана нами для ночлега. Здесь на скорую руку горцы устроили из ветвей шалаш для наших спутниц, а мы расположились под открытым небом.

На следующий день нужно было продолжать путь по левому берегу Теберды. Здесь нам пришлось переехать три небольшие речки, впадающие в Теберду: Хаджи-бей, Батук и Хуту. Все они, а в особенности первая, необыкновенно красивы, текут по страшно крутому ложу, усеянному камнями, и имеют замечательно чистую, прозрачную, голубого цвета воду.

Проезжая через одну небольшую поляну, мы увидели на крутом косогоре с левой стороны реки медведя. Он стоял от нас шагах в пятистах и, по-видимому, не замечал нас вовсе. Я и тебердинский охотник Кара-Магуляй поспешно соскочили с лошадей и отправились к медведю, остальные же члены компании наблюдали за нами издали. Нам пришлось карабкаться по очень крутому склону, во многих местах покрытому осыпями. Когда мы выглянули из-за последних березовых кустов, служивших для нас прикрытием, то до медведя оставалось еще шагов сто. Со мною была хорошая винтовка, и я хотел было стрелять из-за этих кустов, но Кара советовал повернуть вправо и опушкой леса подкрасться к медведю ближе. Я послушал его. Минут через пять мы выбрались на опушку и из-за камня выглянули, чтобы узнать, где находится медведь; он стоял шагах в 25 и, повернувши к нам голову, внимательно рассматривал нас. Мы поспешно прицелились, мой спутник выстрелил, а у меня оказался спущенный ударник винтовки: взбираясь на крутую гору, я впопыхах забыл взвести его. На таком незначительном расстоянии Кара сделал промах, и медведь бросился бежать. Через несколько мгновений я выстрелил вслед ему, но пуля пролетела над его спиною и ударилась об камень. У меня в руке был еще патрон, но прежде чем я успел вложить его, медведь уже скрылся в лесу. Я очень сожалел, что не стрелял в медведя из-за березовых кустов. Тогда можно было прицелиться не топорясь и почти наверно убить его.

Вначале дорога по тебердинскому лесу была довольно сносная; ее можно бы назвать даже порядочной, если бы на ней не попадались топкие места. Замечательно, что лошади горцев идут гораздо смелее по осыпям, кручам и скалам, чем через топи. Здесь они ступают с такою нерешительностью, как будто бы на каждом шагу боятся попасть в глубокую трясину, откуда невозможно выбраться. Выше впадения Хаджибея в Теберду дорога стала, однако, заметно хуже. Около самого берега

реки тянулась по косогору узенькая тропинка, почти совершенно заросшая орешником и другими кустарными растениями. По ней пришлось некоторое расстояние пройти пешком. Часа в два пополудни мы доехали до того места, где Теберда под прямым углом поворачивает к юго-востоку и дальше продолжали путь по протоку ее — Домбай-Ольген[2]. Проехав еще верст восемь вдоль берега его, мы попали на то место, где он составляется из трех отдельных речек: собственно Домбай-Ольгена, Софеджи-Теберды (на пятиверстной карте — Хутый) и Яманауса (на карте не обозначен). Здесь находится большая поляна, окруженная со всех сторон замечательно красивыми видами. По окраинам ее растут отдельными группами березы и клёны, а за ними следует крупный хвойный лес, который образует непрерывную высокую темно-зеленую стену, обхватывающую поляну со всех сторон. В расстоянии нескольких десятков сажен на юго-восток от поляны поднимается высокая гора Белала-Кая, то есть рябая скала, покрытая при основании лесом, а далее скалистая. Недалеко от вершины, находящейся, вероятно, на высоте одиннадцати или двенадцати тысяч футов она пересекается несколькими белыми поясами, за что и получила свое название. Вершина ее покрыта снегом. Вправо от Белала-Кая находятся два небольшие глетчера, спускающиеся к Яманаусу. Один из них, насколько можно судить издали, имеет около версты в длину и сажен сто в ширину. Другой виден только отчасти. На запад, то есть в верховьях Софеджи-Теберды, также свешиваются с очень крутых склонов несколько маленьких ледников, а к югу от поляны тотчас же поднимается высокая стена Главного Кавказского хребта, покрытая во многих местах обширными снежными полями; наконец, на востоке, по направлению Домбай-Ольгена, стоит острая, как пика, гора черного цвета, по высоте почти такая же, как Белала-Кая.

На этой поляне мы остановились часа на два и почти все время провели в созерцании чудной горной природы, а перед вечером отправились дальше, к верховьям Домбай-Ольгена. Не доезжая версты полторы до истоков его, мы увидели еще одного небольшого медведя; он стоял на снежной лавине, свалившейся, вероятно, еще в начале лета, и был виден прекрасно. Перед лавиной находилась узкая, но длинная полоса леса, начинавшаяся от берега Домбай-Ольгена и тянувшаяся вверх по склону горы версты на полторы. Медведь, заметив нас, скрылся в этом лесу; тогда я с Ожаем отправился на противуположную сторону его, а одного из карачаевцев послал по следам медведя, чтобы заставить его выйти на нас. Прошло с четверть часа в томительном ожидании, наконец, на опушке леса вместо медведя появился наш посланный; медведь же, вероятно, направился вверх, вдоль леса, и там под какой-нибудь скалою залег.

Проехав еще версты полторы, мы достигли истоков Домбай-Ольгена и тут, у самого подножья Главного хребта, расположились на ночлег. Вскоре около нас запылал большой костер, сначала из сухих корней можжевельника, потом из толстых сосновых и березовых бревен. Мы находились на небольшой лужайке, на высоте почти 6000 футов над уровнем моря, а вокруг нас со всех сторон поднимались высокие горы, покрытые снежными полями. Вечер был тихий, ясный и относительно теплый. Наши спутники-горцы сидели и лежали вокруг костра, занимаясь кто жарением мяса, кто приготовлением чая или варением шурпы[3]; освещенные красноватым светом костра, они так резко выделялись из общей темноты и представляли так эффектно освещенную группу, что, вероятно, сам Рембрант позавидовал бы ей. Часа через два взошла луна и особенным бледным светом облила горы. Звезды тогда стали мало-помалу тускнеть, а высокие скалы и снежные поля особенно резко обрисовались на темной синеве неба.

Еще до нашей поездки Ожай рассказывал мне, что в верховьях Домбай-Ольгена водится много туров, и потому я с ним с вечера уговорился идти на охоту. Мы встали до восхода солнца и направились к небольшому леднику, из которого вытекает Домбай-Ольген. Он имеет сажен 50 в ширину и около версты в длину. Морены его очень не велики, а поверхность ничего особенного не представляла. Ледник этот спускается довольно низко, поэтому не только вблизи нижнего конца его, но даже значительно выше мы встретили очень разнообразную растительность. Нам попадались: малина, смородина, калина (Viburnum Opulus), рябина, крушина (Rhamnus), береза, а из травянистых растений — герани, незабудки (Myosotis vulgaris и M. coespitosa), скабиозы, генцианы и много злаков.

Пройдя небольшое пространство по леднику, мы свернули влево и стали взбираться на крутую гору, находящуюся между потоками Домбай-Ольгена и Бу-Ольгена. Она очень ясно обозначена на пятиверстной карте Кавказа, но никак не названа. Подъем на нее был так крут и покрыт такой скользкой травой, что трудно представить себе местность более неудобную для ходьбы. Почти целый день мы с Ожаем карабкались по страшным кручам, надеясь где-нибудь увидеть туров или серн, но безуспешно. Наши труды вознаградились только тем, что мы целый день имели перед глазами восхитительные виды. Тот склон, по которому нам пришлось взбираться, обращен к югу, и потому снега на нем почти не было, зато противуположный, обращенный на север и находящийся по другую сторону ледника, представлял превосходную картину. Всюду на нем висели обледенелые и изборожденные множеством глубоких трещин снежные поля, между которыми торчали черные, остроконечные, зубчатые скалы, а ниже находились зеленые уступы, покрытые травой или густыми зарослями рододендронов. Мы несколько раз слышали грохот, производимый тресканьем льда и падением лавин, а два раза могли даже наблюдать издали это замечательное явление. С горы катились целые сотни тысяч

пудов крупных кусков льда, за ними следовали более мелкие вместе с градом камней и, наконец, снежная или ледяная пыль. Ледяные глыбы, ударяясь о скалы и трескаясь, наполняли воздух тысячами разнообразнейших звуков, к которым присоединялся глухой гром и стук катящихся камней. В несколько минут пространство, покрытое зеленью, превращалось в снежную пустыню.

Когда мы, возвращаясь домой, приблизились к леднику, то на склоне горы показалась серна. Она была на довольно значительном расстоянии, и местность не позволяла подкрасться к ней. Ожай уверял, что из его ружья на такое расстояние стрелять нельзя, и просил меня пустить в серну пулю. Я выстрелил, звучное эхо несколько раз повторило выстрел и где-то вдали затихло, а серна тем временем скрылась между скал.

За несколько времени до нашего возвращения к стоянке мы встретили Кара-Магуляя. Подобно нам, он с утра отправился на охоту и, пробродив целый день, не видел ни туров, ни серн, но будто бы стрелял в барса, который, будучи смертельно ранен, свалился со скалы в такое место, куда не было возможности спуститься. Трудно решить, правду ли говорил охотник, но что в горах северо-западного Кавказа изредка попадются барсы, в этом я сам имел случай убедиться.

На следующий день мы отправились в обратный путь, предполагая ночевать на той поляне, которая находится при слиянии Домбай-Ольгена, Яманауса и Софеджи-Теберды. Не доезжая до поляны несколько десятков сажен, мы увидели на окраине ее медведя. Я с Ожаем тотчас отправился скрадывать его, а все прочие остались на месте. Пройдя с сотню шагов по руслу ручья, мы выглянули из-за отвесного берега, чтобы узнать, где медведь. Расстояние до него было еще значительное, но отсюда я уже мог рассмотреть его довольно хорошо. Он имел светло-рыжий цвет шерсти, такую громадную величину и такую безобразную и страшную морду, что я невольно подумал, что, в случае неудачного выстрела, мне с стариком Ожаем, пожалуй, придется плохо. Не знаю к лучшему или нет, но стрелять по этому чудовищу нам не удалось: когда, пройдя еще несколько десятков шагов по руслу ручья, мы выглянули из-за кручи, медведя на поляне уже не было. Вероятно, он почуял нас и ушел. Ожай, описывая его величину нашим спутницам, сказал, что «медведь ровно лошадь, только ноги коротки».

Добравшись утром следующего дня до места слияния Теберды и Домбай-Ольгена, я расстался с Ф.А. Кузовлевым и нашими спутницами; они возвращались в Хумару, я же с двумя карачаевцами отправился к верховьям Теберды и другого ее притока — Бу-Ольгена[4].

Прежде всего нам нужно было перебраться на правый берег Теберды; эта переправа, конечно, ничего приятного не могла представлять, так как река здесь течет очень быстро, и притом по неровному дну, загроможденному большими камнями, но для привычных лошадей, родившихся среди гор, она ничего невозможного не представляла.

Тотчас после переправы мы вступили в урочище Гуначхыр, которое начинается от упомянутого еще раньше места, где Теберда, повернув под прямым углом, направляется к юго-востоку. Здесь дорога была крайне плоха, потому что проходила по грудам громадных камней, свалившихся с соседних высот. Это место нужно было пройти пешком. По обеим сторонам тропинки и здесь стоял крупный лес, в котором, однако же, пихта преобладала над соснами и елями; на дороге нам попадались следы медведей.

Часа через три мы доехали до места впадения в Теберду Бу-Ольгена. Это небольшая речка, имеющая всего около 6 или 7 верст в длину. Она течет по глубокой долине, которая вначале покрыта лесом, а далее приобретает луговой характер. Ограничивающие ее с боков горы состоят почти исключительно из аспидного сланца синевато-черного цвета. В верховьях этой долины был кош[5] и мы, чтобы легче добывать провизию, расположились вблизи него. Место, занимаемое им, находилось у самого подножья Главного Кавказского хребта и почти со всех сторон было окружено высокими, черными, остроконечными пиками, вершины которых покрыты снегом. Несколько старых лавин, свалившихся, вероятно, еще весною, лежало недалеко от нас и на одной с нами высоте. Здесь расстилались красивые луга со множеством свежих роскошных цветов и обширные пространства, занятые рододендровыми зарослями. Высокая, с крупными темно-зелеными листьями чемерица (Veratrum album), растущая в огромном количестве, придавала ландшафту также особенный характер.

Вечером, в день нашего приезда к верховьям Бу-Ольгена, мои спутники отправились на охоту. Ночевали они около ледника, рассчитывая утром, при восходе солнца, встретить туров, возвращающихся с альпийских пастбищ обратно в верхние пояса гор, где они проводят день. На другие сутки, перед закатом солнца, охотники возвратились. Один из них три раза стрелял по сернам, но ни одной не убил, другой застрелил молодого тура.

На следующее утро я отправился к истокам Бу-Ольгена, образующегося из нескольких ручьев, которые питаются снегами соседних гор. На одном из них есть высокий, красивый водопад. Пробираясь с правой стороны главного истока Бу-Ольгена, я приблизился к довольно крутому склону, покрытому щебнем и более или менее крупными обломками различных пород. Я начал взбираться на него и только, пройдя шагов 200, заметил, что иду по леднику, нижний конец которого совершенно скрыт под моренами. Чем выше я поднимался, тем чаще и чаще встречал места с обнаженным льдом; наконец, я взобрался на такую высоту, где поверхность ледника была почти чистая, но здесь

не оказалось ни красивых глубоких трещин, ни ям, ни столов, — словом, ничего такого, что всегда встречается на больших глетчерах; морены его, за исключением разве конечной, были очень малы, да и сам ледник оказался весьма небольшим, особенно в отношении длины. Так как он спускается очень круто, то поверхность его пересекается множеством быстрых ручьев, представляющих непрерывную цепь каскадов и водопадов.

Пройдя около половины длины ледника, я повернул влево, на горы, образующие правый склон долины Бу-Ольгена. Этот склон состоял из покрытых мелкой травой откосов, чередующихся с черными скалами аспидного сланца. Пробираясь здесь, я увидел двух серн, которые были шагов на 400 ниже меня. Вероятно, почуяв опасность, они спустились в балку; но я, зная, что серны в подобных случаях всегда уходят вверх, пробрался к верховью балки, где и застал их, медленно взбирающимися на скалы. Они были от меня шагах в 120; я проворно прицелился из винтовки в одну из них и выстрелил; серна сделала несколько прыжков и упала: пуля пробила ей насквозь грудь.

Пробыв в истоках Бу-Ольгена более двух суток, мы отправились к верховьям самой Теберды. Замечательную перемену представляет Теберда выше впадения в нее Бу-Ольгена. Из бешеной, пенящейся горной речки она превращается в тихую, спокойную речку, текущую по сравнительно просторной долине, почти лишенной леса и богатой прекрасными альпийскими пастбищами. Только с правой стороны здесь есть широкие полосы совершенно безжизненных каменных осыпей и наносов. В этом же месте, на берегу Теберды, находится необыкновенно красивое, маленькое озерцо. Оно расположено на высоте около шести тысяч футов над уровнем моря и имеет столь прозрачную и чистую воду, что на дне его виден каждый камешек. Еще более замечательно это озерцо по необыкновенно темному цвету воды, который лучше всего можно сравнить с цветом дубовых листьев. Озерцо окружают со всех сторон прекрасные альпийские луга, а твердые, каменистые берега его обнесены почти сплошной стеной высоких травянистых растений. Рыбы в нем, кажется, нет вовсе.

В нескольких верстах от озера находятся истоки Теберды. Она вытекает многими мутными потоками из довольно значительного глетчера. К сожалению, большую часть его нам удалось видеть только издали, так как во все время нашего пребывания в верховьях Теберды то шел дождь, то стоял такой густой туман, что предпринять восхождение на ледник не было никакой возможности. Когда мы ехали по долине, недалеко от озера, то Тебердинский ледник показался мне довольно широким и длинным, с боков его лежали значительные морены, а поверхность была покрыта множеством извилистых грязевых полос. Нужно заметить, что этот ледник очень доступен и через него проходит путь из Тебердинской долины на южный склон Кавказского хребта, к верховьям Клыча и далее на Кадор. По этой дороге горцы часто гоняют своих лошадей и рогатый скот в Сухум для продажи.

Не дождавшись хорошей погоды, мы решили оставить верховья Теберды. Наш обратный путь ничего особенного не представлял. Придерживаясь все время правого берега реки, мы верстах в десяти от Тебердинского аула встретили еще одно красивое озерцо. Оно находилось в хвойном лесу, на дне глубокого ущелья и со всех сторон было окружено огромными соснами. Вода в нем не так чиста, как в первом и имеет светло-зеленый цвет, а берега окаймлены различными водяными растениями. На поверхности озера плавали крупные, блестящие листья кувшинки (Nuphar luteum).

II. Äîëèíà ðåêè Ìàðóõà

Река Марух. — Подъем на Ажумга. — Спуск. — Растительность и животные. — Водопад. — Истоки реки. — Марухский ледник.

Следующая наша поездка была к верховьям реки Маруха. Часов в 12 дня мы выехали из станицы Кордоницкой, составляющей последний населенный пункт, за которым следуют горы, леса, скалы и пастбища, изобилующие различного рода зверями, но только в летнее время посещаемые человеком. Перебравшись через Аксаут[6] и проехав несколько верст по левому берегу Маруха, мы добрались до брошенного греческого поселка. Греки приютились здесь несколько лет тому назад, но почти ежедневные дожди в мае, июне, а нередко и в июле заливали их хлеба и совершенно мешали косить траву. Кроме того значительный вред полям наносили дикие кабаны, которые целыми стадами являлись ночью на поля и истребляли все посеянное. В особенности страдала от них кукуруза. Высокие, густые бурьяны, которые можно было уничтожить только продолжительным, упорным трудом также сильно мешали хлебопашеству. Все эти невзгоды заставили переселенцев бросить свою колонию и искать счастия в других местах.

Немного выше поселка долина Маруха становится очень узкой, а еще дальше превращается в тесное, скалистое ущелье, по которому едва ли можно проехать; поэтому, оставив поселок позади себя, мы повернули вправо и начали подниматься на горы по дороге к урочищу Ажумга (на пятиверстной карте Кавказа названо Ажамгуа). Подъем этот не особенно крут, но тянется целых 18 верст. Мы ехали по нему ровно три часа. Здесь извивалась заросшая травой дорожка, которая была проложена во время последней турецкой кампании; по ней шел отряд генерала Бабича к вер-

ховьям Маруха и далее через Кавказский хребет в Сухум. Эта дорога до самого Ажумга тянется по гребню хребта, разделяющего долины Маруха и Большого Зеленчука, и на всем протяжении усыпана плитками аспидного сланца и угловатыми кусочками песчаника. Почти всюду по обеим сторонам ее расстилались прекрасные альпийские луга, покрытые высокой, зеленой, свежей травой, перемешанной со множеством красивых цветов. Во время нашего пребывашя здесь цвело множество гераней, генциан, колокольчиков (Campanula Adami M. B.), лютиков, кроме того, Acconitum, Astrantia major, Veratrum и Carduus nutans с большими повисшими головками великолепного красно-фиолетового цвета. В некоторых местах к самой дороге подступают леса, на опушке которых растет много малины. Высокие, кустистые стебли ее были буквально унизаны крупными, сочными и очень вкусными ягодами. Вдали, по обеим сторонам дороги, тянулись глубокие, лесистие балки; одни из них спускались к Зеленчуку, а другие к Маруху. Леса, покрывающие их, состоят из бука, березы, дуба, рябины, клёна с красивыми красными летучками (Acer Trautfeteri) и орешника. Недалеко от урочища Ажумга все чаще и чаще стала попадаться сосна. Что касается животного мира, то в лесах мы видели зябликов, синиц (Parus major) и крапивников (Troglodytes parvulus), а на лугах — горных овсянок (Hylaespiza cia L.), луговых чеканов (Pratincola rubetra) и нескольких кобчиков (Erythropus vespertinus).

Погода в этот день нам не особенно благоприятствовала. Еще с утра отдельные клочки облаков медленно, как будто бы нехотя, переползали с одной горы на другую, цепляясь за более высокие гребни их. К полудню большая часть гор была уже окутана густым серым покрывалом, а когда мы находились на половине подъема, то облака окружили со всех сторон и нас. Однако, в то время, когда нам оставалось около полуверсты до Ажумга, они снова рассеялись, как будто бы желая доставить нам удовольствие полюбоваться заходом солнца. Мы были в это время на высоте тысяч восьми футов; небо в том месте, где заходило солнце, окрасилось в светло-розовый цвет, который вверху, постепенно бледнея, переходил в необыкновенно приятный для глаз зеленовато-голубой. Вероятно, интенсивности этих оттенков немало содействовала и физиологическая особенность глаза, составляющая причину так называемых субъективных или дополнительных цветов. Леса и скалы, освещенные последними лучами заходящего солнца, тоже выглядывали гораздо веселее и красивее, чем обыкновенно.

Проехав урочище Ажумга, мы должны были снова спуститься к Маруху и, придерживаясь его берегов, добраться до подножья Главного хребта. Спуск был очень крут и тянулся сначала по открытой местности, а потом по лесу. Этот последний и состоит из сосен от одного до полутора обхватов толщины; только изредка попадаются деревья около двух обхватов. Между соснами растут березы и очень редко ель. В этом лесу, как и во всех, к которым доступ затруднителен, на земле валяется множество деревьев, поваленных бурей или упавших от старости. Некоторые из них еще свежи и могли бы быть употреблены в дело, другие почти совершенно сгнили и рассыпались. Дорога по лесу проложена зигзагами, что значительно уменьшает крутизну спуска. Во время войны по ней ходили арбы с провиантом для войск. На спуск мы употребили почти полтора часа и большую часть его прошли пешком.

Не доезжая верст двух до берега Маруха, мы остановились на ночлег около чистого горного ручья, тотчас же развели большой костер и занялись жарением шашлыка и приготовлением чая. Дождь, однако, помешал нам провести вечер в благодушном настроении. Он продолжался за полночь, и мы должны были спать на совершенно мокрой земле, накрывшись только бурками.

В пять часов утра мы снова двинулись в путь и через полчаса достигли берегов Маруха. Здесь долина его значительно расширилась и образовала по обеим сторонам реки почти ровную площадь, шириною в полверсты или даже более. Она всюду покрыта хорошей травой, и потому очень пригодна для пастьбы скота. По обеим сторонам ее, на склонах гор, ограничивающих долину с боков, тянутся леса. Начиная отсюда, долина остается более или менее широкой до самого подножья Главного хребта. Только местах в двух, и то на небольшом пространстве, она заметно суживается, и леса подступают к самой речке. Луга здесь украшены множеством цветов. Кроме различных злаков растут клевер с белыми и розовыми головками, много незабудок, обыкновенная крапива (Urtica dioica), яснотка (Lamium album), Echium vulgare, Polygonum bistorta, Achilea millefolium, скабиозы с белыми и голубыми цветами (Scabiosa sp. и Sc. caucasica M.B.), Anthemis nobilis, Gladiolus, Gentiana, а из кустарников — лоза и карликовый можжевельник. Береза и сосна точно так же, как и все упомянутые травянистые растения доходят до самого Марухского ледника. Елей в этой долине почти нет: на всем пути мы встретили их не более 5 или 6 штук, хотя, конечно, некоторые из них остались незамеченными. Да и вообще лесов здесь не так много; в этом отношении Марухская долина резко отличается от Тебердинской, хотя отстоит от нее всего на 15 или 20 верст; зато Марухская долина, как уже было замечено, богата хорошими пастбищами. Мне рассказывали, что здесь очень много зверей и это, как кажется, справедливо. Проезжая по полянам, мы видели много белозобых дроздов (Merula torquata), деряб (Turdus viscivorus), одного орлана (Haliaetus albicilla L.), сидевшего на камне, недалеко от речки, и на опушке леса медведя, который, заметив нас, тотчас же скрылся в чаще.

В четырех часах пути от Главного хребта на реке Марухе находится замечательный водопад. Река, имеющая здесь довольно порядочные размеры, быстро суживается и превращается в стремнину, стесненную с боков отвесными скалами из зеленоватой кварцевой породы и имеющую в ширину не более 4 $^1/_2$ аршин.

Вся река падает с высоты сажен двух в глубокую яму, со дна которой торчат еще две черные скалы. С правой стороны реки, над самым водопадом, возвышается отвесная стена; лежа на ней, можно свеситься над водопадам и иметь перед глазами замечательную картину. Вода, низвергаясь в яму и ударяясь о скалы, торчащие из самого омута, бушует и кипит с ужасной силой; кроме того, высокие, покрытые пеной, водяные валы, быстро стремящиеся вниз, встречают острый выступ скалы с левой стороны водопада и разбиваются на мелкие брызги. В этих последних так же, как и в тех, которые разлетаются в стороны от скал, торчащих со дна пропасти, видна красивая радуга. Вокруг водопада, по обеим сторонам Маруха, растут сосны довольно порядочных размеров, а ниже его река тотчас расширяется, и здесь на песчаных отмелях ее набросано много щеп, кусков коры и обломков сосновых стволов. Очевидно, они пропутешествовали через водопад и потом были выброшены водою на берег. Чтобы испытать, что сделается с деревом, когда оно попадет в эту пучину, мы попробовали бросить в реку выше водопада несколько довольно больших сосен, лежавших на берегу. Приблизившись к водопаду, они скрывались в волнах, а через несколько секунд только куски их, аршина в полтора или два длиною, всплыли на поверхность воды, где течение ее было не так быстро.

Верстах в семи от истоков Маруха мы увидели несколько балаганов, расположенных на небольшом пространстве; два из них были сделаны особенно хорошо и напоминали маленькие дачные домики. Они были построены казаками, которые стояли здесь во время турецкой войны и оберегали Марухский перевал. Лучшие балаганы служили для помещения офицеров.

Сидя под тенью сосны, у стены одного из балаганов, мы видели, как с правого склона долины сошли вниз к Маруху, два больших оленя с огромными ветвистыми рогами. Один из бывших с нами горцев, вооружившись винтовкой, отправился за ними, но олени заметили его и бросились бежать. Один из них перебрался на другой берег реки и пронесся, шагах в семистах от нас, вниз по долине, а другой ушел вверх.

Около балаганов растет много довольно больших сосен, выше же этого места долина Маруха становилась безлесной. Впрочем, низкорослые березы и сосны, а также вересковы и можжевельники встречались и здесь в изрядном количестве, но настоящих деревьев уже не было вовсе. Кроме отсутствия лесов, и в других отношениях долина Маруха принимает иной вид. Течение реки делается гораздо медленнее, почти везде она разбивается на множество потоков, которые заливают нижнюю часть долины, образуя нечто вроде болот. Вода в некоторых местах течет так тихо, что ее можно даже принять за стоячую; кроме того, она мутна, непрозрачна и имеет беловатый цвет, как сильно разбавленное молоко. Во время войны аробная дорога была проложена до балаганов, дальше же ходили только вьюки по узким тропинкам, теперь и нам пришлось пробираться по ним.

Несмотря на то, что эта часть долины находится на высоте от 6000 до 6500 футов и лишена крупного леса, в ней скрывается много кабанов. Проезжая здесь, мы чуть не на каждом шагу видели следы их пребывания в виде взрытой почвы и множества экскрементов. Даже не более как в пяти верстах от ледника кабаны бродят очень часто.

В полдень мы достигли самого верховья Маруха и, следовательно, подножья Главного хребта. С южной стороны долина здесь замыкалась высокими горами, заваленными огромными массами снега, а на юго-западе находился Марухский глетчер. У нижнего конца его также были нагромождены большие сугробы снега, который, без сомнения, в виде лавин свалился сюда с высоких соседних гор. Река Марух здесь образует еще водопад. Место, где он находится, было завалено лавиной, но вода, промыв в ней тоннель, низвергается в пропасть, дно которой нельзя было видеть по причине темноты, наполнявшей ее. Сильный шум воды показывает, однако, что здесь высота падения также не малая. Пройдя под снегом сажен 20 или 30, река снова выходит на свет. Само собою разумеется, что в другое время водопад остается совершенно открытым.

Осмотрев эту местность, мы направились к леднику. По пути к нему лежало несколько снежных лавин, свалившихся, вероятно, еще весною.

Переход через них не был вполне безопасен, так как под ними в разных направлениях протекали большие бурные потоки, от сравнительно теплой воды которых снег сильно таял, вследствие чего в нем образовались просторные пещеры. В некоторых местах своды их так сильно приближались к поверхности лавин, что обрушивались сами собою. Разумеется, еще скорее они могли обваливаться в то время, когда по ним проходил человек. Кроме лавин, мы должны были перебраться через конечную морену ледника. Это было хотя и нелегко, но совершенно безопасно. Не опасен был подъем и на самый глетчер.

Ледник Маруха, вероятно, самый большой из всех находящихся в Кубанской области. В полтора часа я прошел около половины его, поэтому думаю, что весь он имеет от 5 до 7 верст в длину. Таким образом, в отношении длины он сильно уступает наибольшим ледникам Терской области, например, ледникам Бизинги и Карагоми; зато ширина его довольно значительна: в расстоянии

версты от конца глетчера, я перешел его с целью измерить ширину и нашел, что она равняется 1200 шагам; в других же местах, я думаю, она имеет не менее версты. С боков ледника лежат большие морены, судя по положению и величине которых, безошибочно можно сказать, что в прежние времена Марухский ледник имел значительно большие размеры. Эти морены состоят из мелкого щебня и обломков горных пород: серого гранита, гнейса, шифера, пропитанного солями железа, порфира и кварца различных цветов. Часто попадаются, между прочим, куски красивого молочного кварца. Из тех же пород и минералов состоят и все скалы Главного хребта.

С правой стороны ледника морены тянутся в несколько параллельных рядов, образуя гряды сажен в десять высоты. Поверхность ледника довольно чистая и относительно ровная, хотя и пересекается в некоторых местах глубокими трещинами. Они, как и на всех ледниках, очень красивы и имеют скользкие, отвесные, полупрозрачные, зеленовато-голубые стены.

О степени доступности Марухского ледника можно судить по тому, что в 1877 году по его поверхности шел на перевал отряд генерала Бабича вместе с горной артиллерией, и множество казачьих лошадей. Впрочем, смотря на горы, через которые перебрались наши войска, притом вместе с артиллерией, нельзя было не удивляться их мужеству. Взойти на ледник и идти по нему было еще не трудно, но дальше, как люди, так и лошади должны были повернуть под прямым углом вправо и взбираться по крутому снежному откосу, с одной стороны которого поднимались стеною зубчатые вершины Главного хребта, а с другой — зияла пропасть. Здесь, как рассказывали мне очевидцы, погибло много лошадей: поскользнувшись и не имея возможности удержаться на крутом косогоре, покрытом снегом, несчастные животные скатывались вниз и убивались о скалы. По этому косогору нужно было пройти, вероятно, не менее версты, а за ним следовали еще огромные снежные поля с трещинами и ямами, представлявшими также немалые затруднения.

III. Âåðõîâüÿ Óðóïà è Ëàáû

Куввинский аул. — Проводник Быта-Гхухау. — Дорога от Передовой до Преградной. — Куввиское ущелье и гора Баранаха. — Обильные дожди. — Леса. — Гора Бедень. — Вид на Лабу. — Тетерева и грифы. — Абазинские пастухи. — Западный конец хребта Абишира-Абуха. — Лада-вада. — Кош охотника. — Шантацара. — Верховья Урупа.

В верховьях Лабы находится замечательная во многих отношениях долина Загдан. Добраться до нее можно только по едва заметным и нередко очень плохим горным тропинкам; вследствие этого люди заходят в нее редко, и она представляет вполне девственную, нетронутую рукой человека природу, где еще до сих пор стоят дремучие леса, наполненные различными дикими животными, и во многих местах которых еще ни разу не ступала нога человека и не раздавался стук топора. Здесь, как мы увидим ниже, и теперь живут бобры (Castor fiber), почти всюду истребленный зубр и множество других зверей. Мне хотелось побывать в Загдане, как месте наиболее интересном в зоологическом отношении. Здесь я надеялся встретить туров, серн, оленей, горных тетеревов, а, пожалуй, и зубров или бобров.

Чтобы найти хорошего проводника, я вместе с одним молодым человеком отправился в Куввинский аул. Он стоит на правом берегу Большого Зеленчука и населен абазинцами, которые до покорения Кавказа жили в верховьях Урупа и Лабы, да и теперь ежегодно отправляются в те места — летом пасти скот, а зимою на звериный промысел.

Само собою разумеется, что как долина Загдан, так и все пограничные с нею места известны им прекрасно; это и заставило меня искать проводника именно из куввинцев.

Приехав в аул, я остановился у старшины Зурумова. Он вместе с своими братьями уже несколько лет откупает пастбища в верховьях только что упомянутых рек, пасет там свой табун и отдает участки другим, получая известную плату за каждого барана, быка или лошадь. Хотя Зурумовы люди далеко не бедные, но кунацкая их отвратительна. Пауков, лжескорпионов (Chelifer cancroides), мокриц, блох, клопов и разных других насекомых в ней было такое изобилие, что собиратель коллекций, вероятно, не без пользы мог бы пробыть здесь некоторое время. Я говорю это потому, что действительно встретил здесь таких насекомых, которые прежде мне не попадались вовсе, хотя я занимался собиранием их несколько лет. Между прочим, мне бросились в глаза большие насекомые с длинными клешнями и формою тела, напоминающие водяного скорпиона (Nepa cinerea). К сожалению, мне не удалось их поймать. Чтобы не быть заеденным клопами, я должен был спать на полу, подостлав свою бурку. Зато за чаем мы видели перед собою серебряный чайник, серебряные ложечки и высеребренный поднос.

Наш приезд не мог, конечно, порадовать Зурумова, тем более что тогда была ураза, во время которой магометане стараются по возможности больше спать днем и бодрствуют, подобно совам, ночью; но как старшина аула или даже просто в силу обычая Зурумов должен бы быть в отношении нас — гостей — более или менее внимательным. На деле, однако, этого не оказалось. Я, например, несколько раз просил его приискать нам за известную плату проводника и лошадей, но он, как

кажется, пропускал это мимо ушей. Когда, наконец, я показал ему открытые листы, которых у меня был порядочный запас, и объявил, что буду жаловаться на него, если в тот же день не будут исполнены мои требования, то он стал гораздо внимательнее и очень скоро отыскал как лошадей, так и проводника. Подобную грубость и невнимательность редко можно встретить в среде горцев, но часто — среди магометан, переселенных из горных трущоб на плоскость и уже успевших вкусить плоды цивилизации.

В проводники к нам был назначен хороший охотник и человек вообще бывалый. Сильно разрубленный шашкою лоб и простреленная рука свидетельствовали о том, что он был не чужд всевозможных передряг, начиная от сопряженных с простым похищением баранов или лошадей и оканчивая разбоем и грабежом. Конечно, все это совершалось во дни его юности, а не теперь, когда ему уже за сорок лет. Звали его Быта-Гхухау. С ним-то я и отправился к верховьям Урупа и Лабы. Проводник он был хороший, но, к сожалению, плохо говорил по-русски.

Вечером на второй день после приезда в Куввинский аул мы втроем отправились в дальнейший путь и, перебравшись через невысокий, плоский наверху хребет, разделяющий долины Большого Зеленчука и Урупа, добрались в сумерки до станицы Удобной, стоящей на Урупе, а потом и Передовой.

Здесь мы осмотрели небольшой, но хорошо устроенный, по системе Верещагина, сыроваренный завод. Как этот, так и еще несколько подобных ему построены по инициативе уездного начальника Ф.А. Кузовлева. На них приготовляется хороший сыр. Странно, что на него получались заказы из Англии, а на Кавказе он почти неизвестен в продаже.

Из Передовой мы должны были ехать на Преградную, к которой ведут две дороги: одна по Урупскому ущелью, вдоль берегов Урупа, а другая по реке Кувве, через высокую гору Баранаху. Первая дорога короче, без крутых спусков и подъемов, но зато 9 или 10 раз переходит с одного берега реки на другой. Так как мостов здесь нет, то приходится переезжать Уруп вброд. Дорога по Кувве имеет другое неудобство. По ней нужно подняться чуть не до вершины Баранахи (5589 футов) и снова спуститься к Урупу, на левом берегу которого расположена станица Преградная; кроме того, эта дорога на значительном протяжении тянется по густому лесу, то по грязи, то по скалам. Мы, однако, должны были отдать предпочтение именно ей, так как во время нашего пребывания в Удобной и Передовой в горах шли дожди, вследствие чего Уруп сильно разлился, и переезжать через него было опасно.

Кувва — небольшая речка, впадающая в Уруп с правой стороны. Она течет по очень красивой, извилистой долине, которая в низовьях довольно широка и окружена пологими склонами, а дальше превращается в глубокое ущелье, разветвляющееся на множество отдельных балок; они покрыты внизу густым дубовым лесом, а выше — смешанным, состоящим из чинара, вяза, березы, орешника и клёна; изредка попадается еще ясень. Этот лес настолько крупен, что деревья обхвата в 2 $^1/_2$ в нем встречаются очень часто. Травянистые растения, как в лесу, так и на его полянах, настолько многочисленны и разнообразны, что перечислить их нет возможности. Величиной и яркой окраской цветов более всего обращают на себя внимание: Betonica grandiflora, Digitalis grandiflora All., Geranium sanguineum, Acconitum orientale Mill., Veratrum album, Astrantia helleborifolia, A. Biebersteini Traut. и несколько видов Campanula с огромными синими колокольчиками. Куввинское ущелье приобрело хорошую репутацию и у охотников. В самом деле, глубокие, тенистые, обильные ручьями и родниками балки его дают убежище огромному количеству диких кабанов, медведей, коз, оленей и волков. Поднимаясь на Баранаху и проезжая через многие поляны, мы встречали следы медведей чуть не на каждом шагу; часто попадались и следы свиней; что же касается птиц, то из них в нижней части долины мы видели много ветютеней (Palumbus torquatus), одного аиста (Ciconia nigra), несколько красногрудок (Pyrrhula erythrina), а в верхней — много орлов и несколько дятлов.

Необыкновенно красива самая верхняя часть Куввинского ущелья, находящаяся недалеко от вершины Баранахи. Здесь над густым, крупным лесом поднимаются отвесные скалы, аршин в 200 высоты, расположенные то одиночно, то группами. Плоские вершины их во многих местах также покрыты лесом. Эти скалы составляют как бы барьер, окаймляющий вершину Баранахи почти со всех сторон и придающий ей в высшей степени красивый и оригинальный вид[7].

Бяранаха — это одна из вершин того хребта, который в географии известен под именем Черных гор. Этот хребет из Терской области переходит в Кубанскую и тянется почти параллельно Главному Кавказскому хребту, отстоя от него верст на тридцать. Черные горы во многих местах прорезываются глубокими ущельями, образующими как бы ворота, через которые прорываются Кубань и главнейшие ее притоки: Малый Зеленчук, Большой Зеленчук, Уруп, Большая Лаба, Малая Лаба, Белая и т.д. Этот хребет представляет, следовательно, ряд громадных выступов, отделенных друг от друга долинами названных рек. Таким образом, между Кубанью и Малым Зеленчуком выступает гора Джангура, между Малым Зеленчуком и Большим — Джица (на карте Тисса 5284 фута), между Большим Зеленчуком и Урупом — Баранаха (5589 футов), между Урупом и Лабой — Шелох (5527 футов) и т.д. Все эти горы поднимались, без сомнения, гораздо позднее Главного хребта,

именно в то время, когда Кубань и ее притоки уже существовали; иначе упомянутые реки не могли бы промыть себе ложе через горы и направились бы вдоль их подошвы. Позднейшее происхождение Черных гор подтверждается и геологическим строением их. Все они на север склоняются, сравнительно, полого, а на юг очень круто, в особенности вблизи вершин. Свое название они получили оттого, что совершенно лишены вечных снегов.

Еще утром, когда мы только выехали из Передовой, небо было затянуто густыми, свинцово-серыми облаками, которые к полдню сделались значительно гуще и покрыли вершины ближайших гор. При подъеме на Баранаху нас смочил дождь, а недалеко от вершины ее мы вступили в облака, которые скрыли от наших взоров все предметы, за исключением самых близких. Ехать при таких условиях было крайне неприятно, да и легко можно сбиться с дороги. Впрочем, к нашему удовольствию, ветер скоро разогнал облака и дал нам возможность снова видеть все на целые десятки верст.

На спуск с Баранахи потребовалось тоже немало времени. Тропинка здесь тянулась сначала лесом и полянами, а потом вышла на открытую местность, где жители станицы Преградной ежегодно косят сено. Трава здесь не чистая, перемешанная с бурьяном, который во многих местах достигает такой высоты, что скрывает человека, сидящего на лошади. В нем летом по преимуществу укрываются дикие козы, а иногда и олени. Густой бурьян доставляет им очень надежное убежище от преследований человека, а главное от мух, которыми кишат все предгорья Кавказа.

Несколько ниже покосных мест находятся хлебные поля, но дожди, идущие здесь почти ежедневно в мае, июне и июле, сильно мешают как покосу, так и уборке хлебов. Жители Преградной рассказывают, что в июне, как будто бы назло им, по нескольку раз в день то идет дождь, то припаривает солнце; через это скошенная трава в первые же дня два чернеет, а затем начинает быстро гнить. Преградненцы считают себя счастливыми, если в покосное время хорошая погода простоит дня четыре сряду. Вследствие таких неблагоприятных для хлебопашества условий, жители Преградной, как заявлял мне их станичный атаман, с большой радостью выселились бы отсюда, если бы это было им разрешено. Примеры переселения целых станиц уже известны в Кубанской области. Верстах в двадцати к западу от Преградной, у берега Лабы, на высоте 2750 футов над уровнем моря, стояла станица Псеменовская. Она была окружена лесом почти со всех сторон и страдала от дождей еще больше, чем Преградная. Жители ее, получив позволение переселиться, ушли все поголовно и приписались к другим станицам Кубанского войска[8].

Спустившись с Баранахи, мы должны были перед станицей Преградной проехать около получаса вдоль берега Урупа. С левой стороны дороги отвесной стеной поднимались скалы, на уступах которых расположилось целое стадо громадных белоголовых грифов (Gyps fulvus Gm.). В это время накрапывал дождь, да и дело клонилось к вечеру; очевидно, грифы собрались сюда как для того, чтобы укрыться от дождя, так и на ночлег. Расстояние до них, по-видимому, было не более 150 или 170 шагов, поэтому я попробовал выстрелить из винтовки; но две или три пули, пущенные в них, не оказали ожидаемого действия. Вероятно, расстояние до грифов было гораздо больше, чем я предполагал. Переночевав в станице Преградной, расположенной по левую сторону Урупа, мы утром на следующий день отправились в дикие, безлюдные дебри гор.

Вначале наш путь направлялся почти прямо на запад по пересеченной продольной долине, с северной стороны которой возвышался хребет Черных гор, а с южной — продолжение бесчисленных отрогов Главного хребта. Местность, по которой мы ехали, была покрыта хорошей, высокой травой, а кое-где на ней находились влажные котловины, заросшие болотными растениями. С правой стороны, на склонах Черных гор местами виднелись не особенно большие, лесные балки; что же касается левой, то на ней в двух или трех верстах от нас начинались те громадные, дремучие леса, которые покрывают все отроги главной Кавказской цепи гор. Эти леса имеют необыкновенно красивый вид, так как расположились не на ровной местности, а по хребтам, разделенным глубокими долинами и ущельями, пересекающимися во всевозможных направлениях. Вершины этих хребтов представляют то превосходные пастбища, то дикие, голые скалы.

Леса тянутся широкой полосой на целые сотни верст, вдоль склонов Кавказского хребта. Вначале они состоят из лиственных пород, а далее, на высоте около трех с половиною тысяч футов лиственные деревья начинают мало-помалу уступать место хвойным: сначала сосне (Pinus sylvestris), а потом ели и пихте (Abies Nordmaniana).

Отъехав несколько верст от станицы Преградной, мы повернули на юго-запад и, поднимаясь все выше и выше, достигли северной окраины только что упомянутых лесов. Они начались редкими, но довольно крупными березами, которые мало-помалу уступали свое место буку (чинар, Fagus sylvatica). По густому лесу нам пришлось ехать недолго, именно только перебраться через 3 или 4 глубокие балки; дальше за ними следовал необыкновенно красивый крутой косогор, имеющий сажен 200 в ширину и покрытый изумрудно-зеленой травой. Сверху он окаймлен редкими, стройными, одиночно стоящими березками, а внизу густым чинаровым лесом, спускающимся в глубокую балку. Как здесь, так и на прочих полянах, мы встречали бесчисленное множество муравейников, разрытых медвежьими лапами. Несчастным муравьям буквально нет житья от медведей. В самом деле, в этих местах как редкость можно встретить муравейник, не разрытый медведем, но этого еще

мало: рассматривая землю, выброшенную из муравьиных куч, нельзя не заметить, что каждая из них в течение короткого времени была разорена медведем несколько раз. Вся жизнь муравьев здесь, вероятно, проходит в исправлении собственных гнезд. Бесчисленные следы медведей по траве и бурьянам также свидетельствуют о необыкновенном множестве их в этих местах. В лесу, на грязных тропинках, мы видели много следов оленей и кабанов, кроме того, вспугнули пару вальдшнепов.

Проехав несколько полян, мы начали подниматься на крутую гору Бедень, которую видели еще с Преградной. Высота ее, определенная мною гипсометрически, равняется почти 5550 футам. Вершина Беденя представляет округленный холм, который к северу спускается довольно полого, а к югу очень круто. Так как эта гора значительно возвышается над соседними, то на ней всегда дует ветер и бывает прохладно; поэтому на склонах, недалеко от вершины ее, во время дня часто отдыхают серны и даже олени. Мы внимательно осмотрели все удобные для них места, но не нашли никакой дичи.

Гора Бедень возвышается на том хребте, который разделяет долины Лабы и Урупа. С вершины ее открывается великолепный вид на обе долины, в особенности на первую. Лаба отстоит от вершины этой горы всего версты на 4 по горизонтальному направлению, но лежит ниже Беденя по крайней мере на 2 $^1/_2$ тысячи футов. Берега Лабы, равно как и склоны ее узкой и глубокой долины, покрыты густым еловым лесом. Когда, стоя наверху горы, смотришь на лес с птичьего полета, то вместо вековых елей видишь только пирамидальные верхушки их; они образуют превосходный темно-зеленый покров, бесчисленные зубцы и выступы которого, соответствующие отдельным деревьям, одевают дно и все склоны долины.

Спустившись с вершины Беденя футов на 300, мы продолжали наш путь по самому гребню хребта, разделяющего бассейны Урупа и Лабы. Этот гребень в некоторых местах имеет в ширину лишь несколько футов, причем по правую сторону от него тянутся балки к Лабе, а по левую — к Урупу. На много верст наша тропинка тянулась по этому гребню, поднимаясь с каждым шагом все выше и выше.

Когда мы отъехали от горы Бедень версты две, то наш проводник Быта увидел влево от дороги медведя. Он ходил по бурьяну внизу балки, недалеко от опушки леса и шагах в 200 от нас. Прежде чем мы успели решить, что предпринять против него, он почуял нас и неуклюжим галопом понесся к лесу. Спустя несколько секунд на противуположную сторону выскочил олень. Очевидно, медведь наткнулся на оленя и вспугнул его.

Часах в двух пути от Беденя находится другая высокая гора Нахшир. Когда мы подъезжали к ней, то несколько раз принимался идти дождь, а густые облака, из которых по временам раздавался сильный гром, окружали нас почти все время. Особенно силен был один удар. Молния блеснула как будто бы в нескольких шагах от нас и за нею тотчас последовал страшный удар грома, сопровождавшийся многократным эхо. Мы путешествовали как во тьме до тех пор, пока не проехали гору Нахшир.

Недалеко от Нахшира я встретил горных тетеревов (Tetrao Mlocosyewitzii) и множество грифов. Один тетерев взлетел из-под ног моей лошади и сел на березу, шагах в 60 от нас. Я подошел к самому дереву и должен был долго присматриваться, прежде чем заметил тетерева. Оказалось, что он сидел, прижавшись к ветке, в трех или четырех аршинах от меня. Конечно, я не упустил случая добыть относительно редкую и малоизвестную птицу. Эта была старая самка. Что касается грифов, то большая часть их принадлежала к виду белоголовых (Gyps fulvus Gm.), чернобурых же (Vultur cinereus) было всего штук пять. Некоторые из грифов уже расположились на ночлег по засохшим верхушкам старых сосен, причем нередко две или три штуки усаживались рядом на одном дереве. Более десятка их находилось на скалах и на земле около брошенного коша. Вероятно, их привлекали сюда разные нечистоты. Один из них при нашем приближении, долго не хотел подняться и бежал по косогору так быстро, что издали его можно было принять за какого-нибудь зверя. Хотя этих громадных птиц никто здесь не беспокоит, однако, они настолько осторожны, что ни разу не подпустили нас на выстрел.

Перед вечером мы приехали к табуну Зурумова с тем, чтобы здесь переночевать и сделать днёвку.

В этом месте, на высоте почти 6000 футов был устроен балаган, в котором жили два табунщика; недалеко от балагана ходил табун лошадей, штук в пятьсот.

Остановиться у абазинских пастухов не особенно удобно, так как у них, за исключением мяса, не достанешь ничего такого, что бы можно было съесть с удовольствием. В этом отношении их нельзя сравнить с карачаевцами, чегемцами, балкарцами и другими живущими в горах Кавказа татарскими племенами. У последних всегда можно найти прекрасный айран (кислое молоко), вкусный сыр, а иногда и свежее масло; кроме того, они из мяса приготовляют отличный суп; абазинцы же в горах питаются исключительно вареным пшеном. Это кушанье, называемое ими паста, варится как каша, но часто без соли, и потом складывается в виде валиков на деревянные подносы. Едят его горячее или холодное, вместо хлеба. Не соленое и без масла оно совершенно лишено всякого вкуса.

В нескольких шагах от балагана табунщиков мы разбили свою палатку. Так как она во время моих поездок должна была привязываться к седлу той лошади, на которой ехал я или мой прово-

дник, то, конечно, могла иметь самые скромные размеры, тем не менее, вдвоем можно было помещаться в ней довольно сносно; ночью она оказывала нам большую услугу, так как защищала от холодного, резкого ветра, который дует обыкновенно с вершин вниз, в долины.

Около табуна Зурумовых снова нашли много медвежьих следов. Здесь же находились разрытые муравейники и вывернутые камни; некоторые из них отстояли лишь на сотню сажен от балагана, где жили табунщики; из этого видно, что медведи здесь очень мало стесняются присутствием человека. На крупных домашних животных они нападают крайне редко, поэтому табунщики нисколько не боятся за своих лошадей и всю ночь спят богатырским сном. Они мне говорили, что когда медведь схватывает жеребенка, то на крик его всегда является мать, которая забегает сбоку медведя и бьет его задними ногами до тех пор, пока он не бросит жертву. Один из табунщиков рассказывал мне, что года 2 тому назад с ним в этой местности был следующий случай. Однажды он отправился в балку, чтобы нарубить дров, и нечаянно чуть не наступил на медведя, лежавшего в кустах. Медведь, поднявшись на задние лапы, хотел схватить его, но табунщик выстрелил ему в грудь из пистолета. Медведь, однако, продолжал наступать; тогда сохранивший присутствие духа табунщик всадил ему в бок кинжал; после этого медведь бросился бежать, но упал мертвым в нескольких шагах от места поединка.

На Зурумовском коше мы пробыли два дня. Я здесь занимался собиранием растений и ходил за горными тетеревами, но последних не нашел. Питались мы эти дни своей провизией и лошадиным мясом. Здесь одна лошадь упала под кручу, сломала себе заднюю ногу и потому была зарезана. Мясо ее оказалось, однако, жестким и очень невкусным. Горный тетерев, убитый мною накануне приезда сюда, также послужил к удовлетворению нашего аппетита, а шкурка его сохранена для коллекции.

Дорога от Зурумова табуна по верховьямУрупа тянулась все время по гребню хребта и с каждой верстой поднималась все выше и выше. По обе стороны ее тянулись красивые лесистые балки, а вдали на юге виден высокий хребет гор, идущий почти параллельно Главному хребту. На пятиверстной карте он назван Абишира-Ахуба. На западном конце его громоздятся высокие пики: Каурт (на карте не обозначен), Хызынчик (на карте Чилик № 1, высота 10626 футов) и Чилик (на карте Чилик № 2). Все они почти одинаковой высоты и представляют крутые, разорванные, зубчатые черные скалы, покрытые не особенно большими снежными полями. Из Хызынчика вытекают речки Агур и Хызынчик, а из Чилика — Ацгара и Чилик. Ацгара течет в Уруп, все же другие, сливаясь вместе, образуют Кяфар, впадающий в Большой Зеленчук. С южной стороны Чилика вытекает еще речка Пхи (на пятиверстной карте Пхиа), направляющаяся в Лабу. Таким образом, Чилик и Хызынчик являются водораздельным пунктом, от которого реки текут — в Лабу, Уруп и Большой Зеленчук.

Очень красивая долина Ацгары начинается несколько западнее вершины Чилика, тянется почти прямо и потому с гор по левую сторону Урупа видна как на ладони. Она представляет громадных размеров балку, внизу покрытую крупным хвойным лесом, а вверху окаймленную скалами, осыпями и пастбищами. Почти против Ацгары, но с левой стороны, в Уруп впадает другая речка — Лада-вада. Мой проводник говорил, что название это означает — крутая балка. На пятиверстной карте она обозначена, но не названа никаким именем; отыскать же ее легко, потому что она впадает в Уруп всего версты на две ниже Ацгары. На Лада-вада я был три раза, и каждый раз она приводила в восторг и меня, и моих спутников, поэтому я едва ли ошибусь, если буду утверждать, что на Кавказе, несмотря на его богатство замечательными видами, таких немного. Лада-вада в длину равняется всего верстам четырем, но глубока и неимоверно крута. Когда я был здесь в первый раз и со своим спутником С. поехал к самому краю ее, то С. не мог смотреть вниз, так как с ним тотчас же сделалось головокружение. Нужно еще заметить, что Лада-вада, несмотря на страшную глубину и крутизну, совершенно лишена мрачного и сурового вида; наоборот — склоны ее, спускающееся почти отвесно, состоят из галерей скал, чередующихся с поясами, покрытыми изумрудно-зеленой травой, по которой стоят редкие, но крупные сосны. Параллельные ярусы скал и зеленые откосы расположены так красиво, так симметрично, что ничего лучшего в этом роде невозможно вообразить. На дне Лада-вада стоит крупный еловый лес, но вследствие страшной глубины долины огромные ели, растущие внизу, кажутся сверху как будто бы кустиками.

Против Лада-вада в Лабу втекает речка Марамба, которая течет по большому скалистому ущелью. Дно и склоны его состоят из конгломератов, образовавшихся из красновато-коричневого песчаникового цемента и вкрапленных в него кусочков белого кварца. Почти все скалы этого ущелья, несмотря на значительную твердость конгломератов, сильно округлены, вероятно, действием воды. Между ними тянутся пояса, покрытые зеленой травой и хвойными деревьями. Недалеко от Лада-вада и Марамбы находился кош абазинца Тормача, с которым я несколько лет тому назад путешествовал в верховьях Урупа и Лабы. Тормач слывет за хорошего охотника, и я думал остановиться у него дня на два, чтобы вместе поохотиться; поэтому велел проводнику вести нас к его кошу; но когда до коша оставалось по крайней мере сажен 50, мое обоняние было поражено ужаснейшей вонью. Дело в том, что за неделю до нашего приезда Тормач в три дня сряду убил трех больших оленей. Мясо их он, конечно, не мог съесть и потому начал вялить на солнце; но так как здесь часто бывает сырая погода, то мясо не вялилось, а начало гнить, распространяя страшную вонь; во многих

местах на нем копошились кучи червей. Выкинуть же его было жаль знаменитому Немвроду. Около его коша висела гораздо более вонючая турья голова, но главным источником ужасной, нестерпимой вони были оленьи кожи, которые Тормач здесь гноил, чтобы сних слез волос. Из них он потом делал ремни. Обрезки кож, куски внутренностей, экскременты коз и овец валялись кругом временного жилища знаменитого охотника, представляя замечательный контраст с окружающей местностью, покрытой прекрасной травой, цветами и лесом.

С Тормачем мы встретились, как старые знакомые, но остаться у него, даже на короткое время, я решительно был не в силах, хотя и знал, что его сообщество обещает хорошую охоту. С Тормачем жил другой абазинец, но он уже несколько дней был болен и не мог подняться. По словам Тормача, у его товарища был жар, сильно болела голова и живот. Я подумал, не заболел ли он тифом от вдыхания воздуха, зараженного таким зловонием, и потому посоветовал Тормачу перебраться, хотя за сотню сажен, на новое место, перенести больного и побросать вонючее мясо. Он сказал, что все это будет исполнено; но сомнительно, чтобы сдержал свое обещание. Я до сих пор не могу понять, как можно привыкнуть и не тяготиться такой поистине ужасной вонью и нечистотой. Тормач как будто бы старался доказать, что и чистейший горный воздух можно так испортить и заразить, что он будет гораздо хуже, чем в самом дурно устроенном анатомическом театре. Непростительной показалась мне и та жадность, с которой дикари Кавказа истребляют дичь. На что, например, Тормач в какие-нибудь три дня убил трех огромных оленей! Разве только для того, чтобы сделать десяток ремней из кож, а мясом накормить червей.

Простояв несколько минут около коша, мы отправились дальше. Наша тропинка теперь уже так круто поднималась вверх, что нередко приходилось слезать с лошади и пешком взбираться на горы, которые раньше казались недоступными. По этой тропинке мы должны были добраться до самых верховьев Урупа и, обогнув почти все глубокие балки, из которых он составляется, повернуть вправо к Загдану. Высшие точки нашего пути находились на высоте от 9 до 9 $^1/_2$ тысяч футов.

Прежде чем достигнуть истоков Урупа, мы должны были проехать верховья еще одной долины, известной под именем Шантацары[9]. Она по своему виду представляет полную противуположность двум предыдущим, именно, имеет очень пологие склоны, значительную ширину при относительно небольшой глубине и, кроме того, почти лишена скал. В верхних своих частях она разделяется на несколько пологих, совершенно безлесных балок. Находясь на высоте более осьми тысяч футов, они представляют таким образом настоящие альпийские пастбища, покрытые очень мелкой, приземистой травой, перемешанной со множеством красивых цветов. Превосходные Gentiana pyrenaica, Viola altaica встречаются на каждом шагу и притом целыми кучами, а рядом с ними цветут камнеломки (Saxifraga levis, S. cartilaginea), горовик (Cerastium Kasbec), незабудки (Myosotis caespitosa) и другие растения высших поясов гор. Здесь же во многих местах лежат значительные сугробы снега и осыпи из мелких кусочков красновато-бурого аспидного сланца. В некоторых местах он был так измельчен и пропитан водой, что ноги лошадей тонули в нем по колено, снег же, наоборот почти не проваливался.

Как ни круты были подъемы перед Шантацарой, но за нею они стали еще круче. Тропинка местами совершенно исчезала, и на горы пришлось взбираться, делая множество зигзагов. Само собою разумеется, что большую часть этого пути мы должны были пройти пешком. Взбираясь на один из уступов, я заметил, что наш проводник остановился над небольшой кучей камней и начал молиться. Оказалось, что здесь был похоронен его брат. Могила этого последнего находится на высоте тысяч девяти футов и на таком месте, с которого видны красивые горные пейзажи во все стороны на целые сотни верст.

Поднимаясь все более и более, мы, наконец, добрались до вершин тех гор, которые окружают с северо-западной стороны верховья Урупа. Стоя на крайних уступах их, видишь все истоки этой реки, как на ладони. В высшей степени живописная долина Урупа здесь сразу расширяется и образует обширную глубокую котловину, окруженную почти со всех сторон высокими стенами, поднимающимися, вероятно, не менее, как на десять тысяч футов высоты. Зубчатые, остроконечные скалы их местами обнажены, местами покрыты снегом; у самых истоков Урупа они представляют две вершины: Ачуб-Галара и Ганерута. Очень крупные скалистые основания их в стороне, обращенной к Урупу, образуют две подковообразные арки, внизу которых расположены три маленьких озерца. Одно лежит у подошвы Ганерута, а два — у Ачуб-Галара. Первое из них оказалось почти совсем замерзшим, что же касается двух прочих, то часть их была покрыта льдом, а часть представляла чистую водяную поверхность прекрасного сине-зеленого цвета. Три большие ручья, вытекающие из этих водохранилищ, нужно считать за настоящие истоки Урупа. Скалы Ачуб-Галара во многих местах имеют почти белый цвет и издали напоминают ледяные каскады маленьких обрывистых глетчеров. Вообще истоки Урупа носят отпечаток своеобразной симметрии и красивого сочетания скал, снежных полей и воды.

Чтобы попасть на Загдан, нам нужно было объехать истоки Урупа почти с трех сторон. Насмотревшись досыта на эти живописные места, мы стали спускаться вниз. Здесь пришлось сразу столкнуться с прозою и совершенно забыть об эстетических наслаждениях. Короткий спуск оказался

крутым до невозможности и тянулся по косогору над самой пропастью. Сидеть на лошади, конечно, нечего было и думать, но главная беда заключалась в том, что лошади скользили по камням, боясь скатиться в пропасть, не хотели идти вниз. Пришлось почти силой стягивать их за уздечку. Само собою разумеется, что лошадь в это время легко могла упасть и, покатившись под кручу, придавить и сбросить в пропасть того, кто вел ее за повод. На этой скверной тропинке больше всех, конечно, пришлось потрудиться Быты. Нам нужно было спуститься с нескольких подобных уступов, из которых самым худшим оказался первый. Проехав их, мы повернули к западу и начали мало-помалу приближаться к долине Лабы.

IV. Äîëèíà Ëàáû

Спуск к Лабе. — Куввинский кош. — Вид на долину Загдан. — Дремучий лес и животные, водящиеся в нем. — Спуск в Загдан. — Рододендроны. — Рожь. — Олени. — Путешествие по Загдану и переправа через Лабу. — Речка Макера и Закан. — Перевал Луган. — Горы Магиш и Дженту. — Станица Псеменовская.

Когда мы огибали последние балки истоков Урупа, то день уже склонялся к вечеру и наши лошади были сильно утомлены; но так как все точки этой части пути находились на очень большой высоте, то нам неудобно было остаться здесь ночевать и мы решились съехать ниже в долину Лабы, где корм для лошадей гораздо лучше и ночи не так холодны[10]. Спускаясь к Лабе по не особенно пологому склону, усеянному крупными и мелкими обломками скал, мы наткнулись на двух серн. Заметив нас, они бросились на крутые горы, находившиеся влево от тропинки, по которой мы ехали. Интересно было наблюдать, как ловко и проворно взбиралась на скалы старая серна вместе со своим козленком, едва достигшим половины ее роста. Длинными прыжками перескакивая с камня на камень, они в несколько минут поднялись на такую высоту, где их едва можно было различить даже в бинокль.

Нам было известно, что на склоне, обращенном к Лабе, есть Куввинский кош, и мы хотели остановиться вблизи его, чтобы иметь под рукой все необходимое; но, сколько ни присматривались, никак не могли увидеть его. Наконец, кто-то из нас заметил на горах человека, ведущего лошадь. Мы поспешили навстречу ему, чтобы расспросить о коше; подъехав, мы узнали, что это охотник с того самого коша, который мы тщетно отыскивали. Он убил большого тура и вез его к стоянке; с ним отправились и мы.

Кош оказался в верховьях одной маленькой речки, впадающей в Лабу. Чистая вода, прекрасная трава и топливо имелись здесь под рукой. Место, на котором стоял кош, было поднято на 7500 футов над уровнем моря; но, несмотря на эту не особенно большую высоту, в нескольких шагах от коша лежали до сих пор (13 июля) большие сугробы снега; зато рядом с ним росла превосходная трава. Саженях в пятидесяти от этого места стояли березовые деревья, а значительно ниже, по направлению к Лабе, виднелась темно-зеленая стена, составляющая окраину крупного елового леса. К западу от нас располагалась долина Лабы, именно та часть ее, которая известна под именем Загдана, но она отделялась от нашего местопребывания невысоким хребтом, и потому не была видна. На северо-восток также тянулась гряда гор с обнаженными скалистыми вершинами, а к югу местность поднималась террасами все выше и выше, сливаясь потом с хребтом, ограничивающим с северной стороны долину реки Пхи.

Тотчас по приезде мы разбили палатку и занялись приготовлением ужина. В это время наступили уже сумерки, и к кошу на ночь стали подходить овцы и козы. Не бывши здесь, трудно себе представить шум, который они производили. Их было три или четыре стада, в общей сложности более 2500 штук. Каждый день вечером происходило свидание ягнят и козлят с матерями (днем они паслись отдельно), при этом юное поколение поднимало страшный крик, отыскивая своих матерей, а эти последние своих питомцев. Воздух в это время, по крайней мере на целый час, наполняется тысячами различных голосов. Наконец, родители мало-помалу находят своих детей и начинают кормить их; тогда крик постепенно затихает. Этот шум нам сильно надоел, но, кроме того, соседство коз оказалось неудобным и в другом отношении: заметив палатку, они тотчас же подобрались к ней и бесцеремонно начали жевать ее полы. Мы огородили палатку пеньками и хворостом, но козы перебрались через этот барьер и снова принялись за нее; хотя палатка была разбита на очень удобном месте, защищенном от ветра, но, чтобы не лишиться ее, мы должны были снять и разбить ее в стороне, шагах в 40 от того места, где ночевали козы.

Утром на следующий день ушли наши лошади; в поиски за ними отправился Быты. Часа через полтора он пригнал лошадей и принес убитую им в это время серну, сообщив нам в то же время нерадостную новость, именно, что спины у наших лошадей так потерты, что дальше ехать на них нельзя. Положение наше оказалось не особенно приятным: мы должны были продолжать путешествие пешком или же послать за лошадьми к Зурумовскому табуну и дня три сидеть на одном месте в ожидании их. Я решился прибегнуть к последнему и послал в табун Быты вместе с хозяином того коша, на котором мы остановились. За поездку в табун и обратно он взял с меня три рубля.

За трехдневную невольную остановку на этом коше я собрал несколько растений, перебрал и просушил те, которые были собраны раньше, приготовил череп серны, убитой Быты, занимался исследованием наружных частей и внутренних органов тура и серны; наблюдал птиц, водящихся здесь, часть времени посвятил на писание различных заметок и предпринимал небольшие экскурсии в окрестности нашей стоянки; наконец, часть времени уходила у нас еще на приготовление чая или кофе, жарение шашлыка и т.д. Таким образом, три дня прошли незаметно и в постоянных занятиях[11].

На другой день после отъезда Быты я взобрался на тот небольшой кряж, который тянулся между нашей стоянкой и долиной Лабы. Отсюда все истоки этой реки и в особенности Загдан были видны превосходно. Я более часа просидел на скале, любуясь как долиной Загдан, так и соседними с нею; глаз не хотел оторваться от этого замечательного зрелища: ширина, даль, глубина видимого пространства и красивое сочетание самых разнообразных предметов приковывали его к себе. Кажется, ни одно место в горах не производило на меня такого впечатления, как это. Мне, страстному охотнику, и еще более страстому любителю дикой, совершенно не тронутой руками человека природы, и в другом отношении интересен Загдан. Смотря на него, невольно вспоминаешь те отдаленные времена, когда людское население было гораздо реже, и чуть не половина всей Европы покрывалась непроходимыми дремучими лесами, наполненными зубрами, дикими быками, оленями, лосями, медведями и множеством других животных. Действительно, в Загдане людей и теперь вовсе нет, сюда даже никогда не спускаются пастухи со своими стадами, зато каким лесом покрыт весь он! Это сказочный дремучий лес, во многих местах которого, может быть, от самого сотворения мира не ступала нога человека. Долина или, правильнее, ущелье Лабы, вообще узкое и скалистое, здесь сразу расширяется, как будто именно для того, чтобы дать место девственному лесу, известному под именем Загдана. Он находится верстах в 15 от истоков Лабы и со всех сторон окружен целым лабиринтом огромных скал, пиков и горных вершин, на которых даже летом местами лежит снег. Посредине Загдана течет Лаба. Она имеет шагов 70 в ширину и несет чистейшую голубовато-зеленую воду. Сверху Лаба представляется широкой, блестящей зеленой лентой, извивающейся посредине леса. Местами, впрочем, лента кажется белой, — это там, где вода, ударяясь о скалы и камни, пенится и разбивается на брызги. Необыкновенно красивым и величественным представляется и самый лес, когда смотришь на него издали. Вследствие густоты и темной окраски хвой он кажется даже не зеленым, а скорее черно-синим. Кроме громаднейших елей и пихт в нем почти нет других деревьев. Даже сверху, с довольно значительного расстояния, они представляются гигантами; многие из них имеют засохшие верхушки, а другие высохли совершенно и стоят как скелеты среди своих сестер и братьев, полных жизни и силы. Еще более величественным представляется Загдан, если проникнуть внутрь его. Вместо обыкновенных деревьев здесь почти всюду видишь каких-то великанов. Многие из них имеют от 3 до 4 обхватов толщины (более 3 аршин в диаметре) и, может быть, до сотни аршин в высоту.

Как было сказано раньше, этот лес в своих страшных дебрях дает приют и убежище множеству оленей, медведей, кабанов, куниц и рысей; в нем и до сих пор уцелели такие редкие звери, как зубры; по берегам Лабы и ее притоков водятся речные бобры (Castor fiber); что же касается гор, окружающих лес, то они настолько же богаты сернами и турами, насколько сам Загдан лесными животными. Птиц в Загдане почти нет.

Крупный хвойный лес начинается в долине Лабы еще к северу от горы Бедень и тянется сначала вдоль Тамовского ущелья, а потом и по Загдану; все это пространство имеет в длину не менее 70 верст. Вначале полоса леса очень не широка, потому что долина Лабы при страшной глубине, сравнительно, весьма узка и обрывиста. Все кручи ее покрыты крупным еловым лесом. Ближе к Главному хребту эта долина расширяется и к ней присоединяется много побочных: долина Пхи, Макера (на карте Дамхурц), Мамхурц и т.д. Все они покрыты почти таким же лесом, как и Загдан. Добраться до этих лесов не так легко. У самой границы казачьих земель (недалеко от бывшей станицы Псеменовской), где долина Лабы сильно суживается, превращаясь в скалистое ущелье, дорога как для конных, так для пеших прекращается: для того чтобы попасть в более широкую часть ее, именно в Загдан, надо подняться на хребет, служащий водоразделом между Лабой и Урупом, или же подъехать к Загдану с другой стороны, по горам, разделяющим долины Большой и Малой Лабы. Эти обе дороги очень плохи. Такая недоступность и отсутствие населения в верховьях Лабы и послужили к сохранению лесов в их первобытном состоянии. Действительно, такого леса нет на всем Северном Кавказе. Богатству растительности способствуют и другие условия: Главный хребет в том месте, где из него вытекает Лаба, уже успел значительно понизиться и потому лишен той громадной массы снегов и льдов, какую представляет в верховьях других рек[12]; кроме того, долина Лабы страшно глубока и лежит более на запад и ближе к морю, чем долины Зеленчука, Маруха, Теберды и т.д. Все это, делая климат ее более теплым и влажным, способствует развитию богатой растительности.

На другой день после того, как явился Быты с новыми лошадьми, мы отправились в Загдан, рассчитывая переправиться вброд через Лабу и переехать весь лес в поперечном направлении. В короткое время мы взобрались на тот хребет, с которого я раньше любовался Загданом, и затем начали спускаться вниз. Спуск оказался длиннейшим и крайне утомительным. Нечего и говорить

о том, что мы должны были его пройти все пешком, ведя в поводах своих лошадей. Предвидя трудность этого пути и в особенности переправы через Лабу, я взял с собой еще одного куввинца, товарища хозяина коша, на котором мы останавливались.

Прежде чем добраться до крупного леса, мы должны были более получаса спускаться по страшно крутому косогору, покрытому густыми зарослями низкорослых рододендронов.

Особенно было скверно идти по склонам, обращенным к северу, где ветви этих кустарников, переплетаясь друг с другом, образовали едва проходимую сеть перекладин. Если к этому прибавить торчащие всюду камни и крутизну, в некоторых местах доходящую градусов до 45, то станет понятно, насколько трудно было спускаться по подобным местам. Мы сами и наши лошади падали здесь несколько раз. Пройдя более получаса по таким склонам, мы достигли леса и продолжали путь по звериным тропам. Быты уверял, что они пробиты почти исключительно зубрами, которые вечером отправляются по ним к пастбищам, а утром обратно вниз к Лабе. Тропинка и здесь была так крута, что нужно было употреблять отчаянные усилия, чтобы держаться на ногах; вследствие этого мы буквально обливались потом, а белье мое так напиталось им, что его можно было бы выжать. Я несколько раз думал переменить рубашку, но зная, что и другую через несколько минут постигнет та же участь, откладывал свое намерение до конца спуска. Иногда тропинка проходила по окраинам крутых скал, с которых можно было видеть нижнюю часть долины, но тут приходилось убеждаться, что Лаба еще очень далеко и, следовательно, конец нашим испытаниям не близок. Около тропинки мы видели чуть не на каждом шагу следы медведей; почти так же часто встречались следы диких кабанов, то в виде взрытой земли, то в виде довольно глубоких ям, где эти звери отдыхали в жаркие часы дня.

Пройдя с полчаса по лесу, мы вышли на поляну, величиною десятины в две. Она была покрыта такой чистой высокой рожью, какую редко можно встретить даже среди возделанных нив. Подобных полян в Загдане встречается несколько.

Вот что о них писал покойный Н.Г. Петрусевич: «Везде, где только есть открытые от леса места, видны запашки, на которых и до сих пор растет рожь в некоторых местах; даже является сомнение, не в нынешнем ли году были здесь люди, оставившие неубранными посеянные хлеба. Вероятно, это происходит оттого, что лес, окружающий весьма густо, как бы стеной, поляны, не дозволяет хлебным семенам разноситься ветром или быть вытесненными семенами других растений, вследствие чего они, высыпаясь, оставались на месте, где росли, давая на следующий год новые урожаи. Достоверность этого подтверждается тем, что на полянах, не окруженных лесом, рожь хотя и растет, но не сплошь, а кустами, как будто она вовсе не была посеяна, а попала на это место случайно. Когда именно здесь были поселения, от которых остались посевы ржи и кто были поселенцы, — наверное, ничего неизвестно; как предания передают, что когда-то в этих местах жили карачаевцы, занимавшие и соседнюю с Загданом долину Иркыза. Насколько достоверно это предание, — разбирать нет надобности, но существование на Загдане в прежнее время поселения не подлежит сомнению. Нельзя только сказать, в каком именно месте, на Загдане или в долине Иркыза, были расположены аулы, потому что от жилищ не осталось никаких следов, даже могил не видно, и потому надобно предполагать, что жившие здесь выселились весьма давно» [13].

Пройдя еще версты две, мы решили остановиться минут на двадцать, не ради отдыха, а главным образом для того, чтобы сколько-нибудь остынуть. В это время мы чувствовали себя как в бане: по раскрасневшимся нашим лицам пот тек ручьями, волосы на голове стали совершенно мокрыми, а белье прилипло к телу. Лошади также были в поту и, вероятно, сильно утомлены спуском с такой крутой горы.

Теперь следует сказать хотя несколько слов о самом лесе. Там, где мы вступили в него, то есть у верхней его границы, он состоит из хвойных пород — елей и пихт, несколько ниже к ним присоединяется сосна, а потом лиственные деревья: бук (Fagus sylvatica), береза, клён (Acer platanoides и campestris), ольха (Alnus incana), черноолъха (Alnus glutinosa), а из кустарников: бузина, жимолость (Lonicera) и малина, калина (Viburnum Opulus), Viburnum Lantana и некоторые другие. Везде, однако, преобладающим элементом являлись хвойные породы деревьев; на дне долины они совершенно вытесняют лиственные. Это, вероятно, происходит по той причине, что нижняя часть долины более всего подвержена влиянию холодных воздушных течений, спускающихся с снежных полей Главного хребта. Кроме того, здесь сильнее сказывается влияние холодной воды, которую несет Лаба. Только у самых берегов ее, да и то не везде, растут лиственные деревья, но исключительно такие, для которых необходима близость воды. Почва в лесу покрыта мхами и папоротниками, здесь же попадается много земляники. Необыкновенно величественным представляется этот лес там, где он состоит из одних только хвойных деревьев, именно, елей и пихт гигантских размеров. Человек, без сомнения, не принимал никакого участия как в насаждении его, так и в уходе за ним; словом, это лес, как создала его природа, лес, до которого не дотрагивалась рука человека. Рост деревьев, их появление на свет, более или менее продолжительное существование и, наконец, смерть, — все это управляется единственным неумолимым фактором — борьбою за существование, влияние которой не сказывается нигде в такой поразительной форме, как здесь. При первом взгляде этот лес представляет страшную путаницу и хаотический беспорядок; но присмотритесь к нему, и как много вам удастся прочитать на

страницах его раскрытой книги: вы увидите громадные деревья, обхвата в три или четыре толщины, которые стоят уже целые столетия, мешая другим расти около себя. Чтобы пользоваться светом солнца, они гордо подняли свои верхушки на несколько десятков сажен от земли и значительно выше своих соседей. Рядом с ними стоят такие же великаны, но отжившие свой век. Верхние ветви их, более подверженные влиянию ветра и влаги, уже обломались, а кора кусками в целые квадратные аршины свешивается с их стволов. Росли они сотни лет, мешали расти другим, еще, может быть, простоят многие годы, но, наконец, придет время им превратиться в почву и своим бренным телом питать новое поколение. Тут же растут и молодые деревья; некоторым из них суждено впоследствии превратиться в великанов, другие же, желая пробиться на свободу, много лет будут чахнуть под тенью своих собратов, но умрут преждевременной смертью, не достигнув и десятой части того роста, какой могли бы иметь. Не менее замечательный вид представляет почва. В страшном беспорядке лежат на ней деревья, поваленные бурей или упавшие от старости. Некоторые из них, падая, захватили кого-либо из соседей и лежат рядом, сплетаясь друг с другом ветвями; другие, падая, зацепились и повисли, а третьи, ударившись о землю, разбились на части. Некоторые из них своим телом уже кормят группы мхов, папоротников и молодое поколение елей или пихт. Хоронить мертвецов здесь некому, поэтому во многих местах они представляют такие крепости и баррикады, через которые едва можно перебраться. Необыкновенное безмолвие и тишина царствуют всегда в таких лесах. Только изредка раздастся в них крик маленькой птички, послышится стук дятла или издалека донесется шум воды. Даже жужжание насекомых здесь никогда не бывает слышно, и ветер колеблет только верхушки деревьев, не распространяясь далеко вниз в вечный полумрак этого леса.

После короткого отдыха, мы снова двинулись в путь. Здесь также круча следовала за кручей, обрыв за обрывом; но тропинка уже кончилась, и пришлось пробираться просто по лесу. Иногда идти было скверно, как и в начале спуска, с тем, однако же, отличием, что под ногами уже не было рододендронов; вместо них, впрочем, явилось новое препятствие, — это те свалившиеся деревья, о которых только что говорилось. Пробираясь по такому лесу, мы, наконец, вышли на более пологое место и, пройдя еще с версту, достигли берегов Лабы. Это было в одиннадцать часов утра; начали же мы спускаться, когда еще не было осьми; таким образом, на спуск в долину Загдан потребовалось, не считая остановки, с лишком два с половиною часа быстрой и самой утомительной ходьбы. Я думаю, если бы пришлось по этому пути идти в обратном направлении, то есть от Лабы вверх, то на подъем нужно было бы употребить не менее семи или осьми часов.

В той части долины, куда мы спустились, переехать через Лабу было невозможно, так как она текла широким сплошным потоком, имеющим весьма солидную глубину. Проводники предложили нам подняться выше, вдоль правого берега реки, и переехать ее там, где она становится меньше и разбивается на несколько отдельных рукавов. Я с удовольствием принял их предложение, потому что в этом случае приходилось провести в Загдане несколько лишних часов и осмотреть более значительную часть его.

Когда мы пробирались по берегу Лабы, в одном месте из-под наших лошадей выскочил огромный олень. Он бросился на гору и скоро скрылся из глаз. Хотя наш новый проводник побежал выслеживать его, но, конечно, вернулся ни с чем. Проехав еще шагов десять, я увидел другого оленя, который переплыл Лабу и уже выбрался на противуположный берег ее. Это был громадный самец с великолепными ветвистыми рогами. Каким стройным красивым и в то же время сильным, даже величественным, показался он мне, когда выскочил на берег! До него в то время было не более шестидесяти шагов. Без сомнения, он лежал там, где и первый; но, заметив нас, бросился в Лабу и переплыл ее, чтобы скрыться на противуположном берегу. Вероятно, за шумом воды мы не слышали, как он вскочил и спрыгнул в реку. Если б эта встреча не была для нас неожиданной, то этого оленя легко было бы застрелить; но дело в том, что мы ехали без дороги, по густому лесу, причем должны были беспрерывно отстранять руками ветви, цеплявшиеся за шею, лицо и голову. Само собой разумеется, что при таких условиях было не до охоты, а потому наши ружья висели за спиной. После встречи с оленями, я вынул винтовку из чехла и вез ее, несмотря на все препятствия, в руках; но в то время, как нарочно, никакой дичи не попадалось.

После долгих странствований по Загдану, мы выбрали место, где, по мнению наших проводников, можно было переправиться через Лабу. Оно находилось на несколько футов выше впадения в нее речки Макера (Мамцурк). Здесь Лаба разделилась на два рукава, из которых один был узок и не глубок, а другой имел порядочные размеры. Через первый мы переехали без малейших затруднений, второй же едва не унес наших лошадей и нас вместе с ними. Вначале и он показался мелким, но, чем дальше, тем больше и больше становилась глубина его; особенно велика она оказалась под самым берегом с левой стороны реки. Здесь и течение было настолько стремительно, что чуть не перевернуло наших лошадей, хотя мы, для лучшего противодействия напору воды, ехали по два в ряд и держали в руках уздечку лошади своего соседа. Что касается глубины, то она была без малого в рост лошади, или, по крайней мере, такова, что, сидя на седле, я набрал холодной воды полные сапоги, хотя они были выше колен. По выходе на берег нам, конечно, прежде всего, предстояло заняться выливанием воды из сапог и выжиманием мокрого платья.

Таким образом, мы перебрались на левую сторону Лабы. Здесь только у самой воды росла верба, ольха и лоза, а дальше тянулись бесконечные колоннады из таких же громадных еловых и пихтовых деревьев, как на правом склоне Загдана. Мы предполагали сделать привал и расположиться на ночлег несколько ниже места переправы, именно, где-нибудь поблизости речки Закан, впадающей в Лабу с левой стороны, и потому направились к северу, то есть вниз по той же долине. Сначала Быты вел нас тропинкою, но она скоро исчезла, и мы снова были принуждены ехать по лесу без всякой дороги; однако, густота леса, повалившиеся деревья, а также частые обрывы и кручи заставляли нас выделывать тысячи зигзагов и напрасно утомлять лошадей. Зная, что во время Кавказской войны войска, проходившие по левому берегу Лабы, проложили здесь колесную дорогу, мы принялись отыскивать ее и довольно скоро нашли. Предоставленная на волю судьбы, она за целые десятки лет должна была сильно пострадать, но все-таки, как мы полагали, могла сколько-нибудь облегчить наше блуждание. Действительно, в местах более ровных она сохранилась прекрасно, вблизи же крутых склонов или около берегов рек и ручьев испортилась настолько, что и следы ее трудно было заметить. По ней мы добрались до речки Макера (Мамцурк на пятиверстной карте). Это красивая, довольно большая горная речка, с шумом катящая свои голубоватые воды по крутому каменистому дну. Ширина ее шагов 25, а длина верст 20. Она впадает в Лабу. Чтобы продолжать путь вниз по долине, нам нужно было переправиться через нее. Это, впрочем, не представляло особых затруднений, так как вода в ней была не глубока.

Час спустя мы добрались до другого притока Лабы, именно — Закана[14]. Здесь снова была потеряна дорога, и потому мы вторично принялись разыскивать ее, но на этот раз нам пришлось долго карабкаться по страшным кручам, цепляясь за кусты и обливаясь потом. Стараясь найти дорогу, Быты случайно наткнулся на оленя, который пил воду в одном небольшом ручье. Он выстрелил в него из винтовки; олень упал на колени, но потом вскочил и бросился бежать. Подойдя к ручью, мы увидели на траве кровь; в это же время мой сеттер, почуяв свежий след, побежал по нему и саженях в 20 от нас начал лаять. Мы поспешили туда и увидели уже мертвого оленя.

Это был самец одного года с неветвистыми еще рогами, в семь дюймов длины, и ростом с небольшую корову. Рога его были покрыты волосистой кожей, а бока туловища усеяны множеством светлых пятен, которые, как известно, составляют признак молодости косуль, оленей и еще некоторых млекопитающих животных.

Так как дело уже клонилось к вечеру, а мы сами и наши лошади были сильно утомлены и, кроме того, в нашем распоряжении находился большой запас мяса[15], то решено было вблизи убитого оленя остаться ночевать. Это было на небольшой полянке, у берега горного ручья. Хотя крупный лес, окружавший это место со всех сторон, представлял более или менее надежную защиту от ветра; но, опасаясь дождя, мы сочли за лучшее разбить палатку и ночевать в ней. Вечером у нас готовился суп из молодого оленя, и жарилось на вертеле его мясо. Последнее, нужно сказать, оказалось превосходным.

Этим закончилось наше пребывание в долине Загдан. Я хотел было проехать до верхнего конца его, находящегося у самых истоков Лабы, но наши проводники уверяли, что это не безопасно, так как там можно подвергнуться нападению абхазцев, которые тайно от русского правительства возвратились из Турции и бродят по горам с целью воровства скота или грабежа; кроме того, они говорили, что дороги или тропинки в тех местах совершенно исчезли, потому что туда уже много лет никто не ездит и не гоняет скот и, наконец, что наши лошади не вынесут этого путешествия. Первую причину едва ли можно было считать основательной, так как в Загдане, да и вообще в той безлюдной части гор, где мы странствовали последние дни, абхазцы могли также беспрепятственно бродить и заниматься грабежом, как и в самых верховьях Лабы, однако, мы проехали эти места без всяких приключений; без дорог тоже можно было как-нибудь пробраться; что же касается лошадей, то они были так плохи, что надеяться на них действительно нельзя было. Принимая во внимание последнее обстоятельство, я решил проехать в более доступную долину Закана, а потом другой дорогой, именно, по хребту между Большой и Малой Лабой, возвратиться назад.

На следующий день мы направились вверх по Закану, который, несмотря на свою незначительную длину, вероятно, не превышающую 15 или 20 верст, имеет довольно порядочные размеры и течет страшно быстро по крутому ложу, загроможденному большими камнями. В верховьях Закана снегов мало, но обилие воды в нем нужно приписать тому, что в него впадает много отдельных небольших речек.

Получая начало тысячах на семи футов над уровнем моря, Закан впадает в Лабу на высоте 4300 футов; таким образом, на расстоянии 20 верст он имеет падение на 2700 футов, что составляет средним числом 135 футов на версту.

Само собою разумеется, что быстрота течения должна быть страшная; то же можно сказать и про шум воды. Так как Закан течет приблизительно с запада на восток, то левый склон его долины должен получать от солнца гораздо больше света и теплоты, чем остающийся в тени правый. Этим объясняется их значительное различие в отношении растительности. На левом склоне, несмотря на высоту от 4 $^1/_2$ до 6 или 7 тысяч футов, часто встречаются: алыча, яблони, груши, два или три вида клёна, рябина (Sorbus aucuparia), орешник (Corylus), карагач или вяз (Ulmus campestris), береза, осина, изредка ясень, много смородины, малины и крыжовника; ели и пихты здесь также растут, но не преобладают над лиственными породами. Все поляны покрыты высоким, как лес, бурьяном. Совершенно иной ко-

лорит представляет правый склон, заросший густым тенистым лесом, состоящим только из огромных елей и пихт. Лиственных деревьев в нем нет вовсе. Замечательно, что ни в Загдане, ни в долине Закана я не видел ни одного дуба. Проезжая по левому склону долины, мы вовсе не встречали следов ни оленей, ни кабанов, а только следы медведей, да и тех не особенно много; вероятно, все звери в летнее время перебираются на более прохладный и не так изобилующий мухами правый склон.

По долине Закана нам пришлось ехать более полдня, при этом мы пробирались то по дорожке, проложенной когда-то русскими войсками, то просто по лесу. Раза три необходимость заставила нас переехать речку Закан, но, пробираясь верхом между огромными камнями, торчащими со дна ее, каждый из нас чувствовал себя не особенно хорошо. Наконец, мы выбрались на опушку леса и здесь увидели кош. Не доезжая до него, я вспугнул двух горных тетеревов. Красивый черный самец улетел так далеко, что у меня не явилось охоты идти за ним; самку же я быстро нашел при помощи собаки и убил. Здесь же была найдена и убита мною другая самка. Около самого коша я поймал еще гадюку (Vipera berus), обратившую мое внимание очень красивым цветом. Как вообще альпийские разновидности, она отличалась ярким развитием пигментов. Основной цвет ее был светло-желтый, а в некоторых местах даже белый; зубчатая же полоса вдоль спины и все вообще пятна имели черный, как сажа, цвет и бархатистый отлив. Длина тела ее была около 1 $^1/_2$ фута; поймана она на высоте почти 8 тысяч футов.

Кош, на котором мы остановились, находился в самых верховьях Закана, близ верхней границы лесов и недалеко от перевала Луган; последний разделяет истоки Закана и Умпыра, впадающего в Малую Лабу. С правой стороны Лугана поднимаются красивые горы, основание которых покрыто лесом, а вершины состоят из нагроможденных друг на друга скал. Кое-где на них лежали клочки снега; что же касается самого перевала, то на нем росла трава, а снега не было вовсе. Дорога, ведущая через Луган, вскоре разделяется на две новых: левая, по долине Умпыра, выходит на Малую Лабу[16], правая же сначала тянется по крутому скату хребта Магиш, а потом, перейдя через него, спускается к подножью горы Дженту. Мы избрали эту последнюю.

С перевала Луган открывается обширный вид на долину Малой Лабы и ее верховья. Все эти места, равно как и долина Умпыра, покрыты вековыми хвойными лесами, над верхней границей которых расстилаются альпийские пастбища.

Дорога по склону хребта Магиш оказалась довольно сносной; но так как наши лошади были уже порядочно утомлены в предыдущие дни, то нам пришлось идти по ней пешком. Прежде чем подняться на вершины Магиша, мы должны были пересечь несколько крутых балок. Почти все они были покрыты мелкой, приземистой травой, а кое-где — осыпями. Довольно трудным оказался только последний подъем на хребет. Он был очень крут и загроможден камнями, поэтому, взбираясь на него, мы останавливались через каждые 50—60 шагов, чтобы перевести дух. Поднявшись, наконец, на гребень хребта, мы увидели, что за ним следует еще другой, почти такой же высоты. Пришлось перебраться и через него, а дальше идти под гору до самого подножья горы Дженту. Не доезжая версты две до последнего места, на высоте около 7 $^1/_2$ тысяч футов, мы встретили много топких мест, залитых водой, которая потом стекает в речку Рошкоа.

Что касается вершин хребта Магиш, то они представляют непрерывный ряд скал, на которых только местами лежат значительные сугробы снега, а настоящих снежных полей нет вовсе. Из угла, образовавшегося от пересечения хребтов Луган и Магиш, вытекает на север-северо-запад речка Умпыр, а с северо-восточной стороны последнего хребта берут начало несколько маленьких ручьев и речек, направляющихся на восток, к Большой Лабе.

Миновав болотистую котловину, мы выбрали для себя удобное место почти у самого подножья Дженту и здесь расположились ночевать. Высота этого места оказалась около 7100 футов, вершина же Дженту поднимается над ним еще тысячи на полторы, доходя, следовательно, тысяч до восьми с половиной футов над уровнем моря. Вершина ее представляет почти отвесную скалу, на которой снегу даже негде задержаться. На северо-восток от Дженту тянется кряж, огибающий все истоки небольшой речки Рошкоа, которая начинается многими отдельными красивыми глубокими балками, заросшими внизу крупным хвойным лесом. Она впадает также в Лабу. Выше границы этих лесов тянутся хорошие пастбища, покрытые высокой травой; на них часто попадаются горные тетерева. Мы встретили их около десятка, и четыре из них были убиты мною. Так как все мясо мы израсходовали, то тетерева пришлись очень кстати: в течение последних двух дней мы жарили их и варили, чтобы приготовить суп, причем, нужно заметить, что то и другое оказалось очень вкусным.

Обогнув истоки Рошкоа, мы начали спускаться вниз по невысокому, покрытому травой хребту, возвышающемуся между Лабой и ее притоком Декеске. Скоро тропинка привела нас к лесу, в котором уже не было ни одной сосны или ели, а росли только лиственные породы: береза, бук (поздешнему — чинар), дуб, клён и т.д. Березы в некоторых местах образуют очень хорошие рощи.

Проехав версты четыре по лесу, мы снова выбрались на открытую местность. Теперь нам нужно было переправиться на правый берег Лабы. Еще в горах мы слышали, что куввинцы здесь выстроили мост из плетней, укрепленных на двух брусьях, перекинутых в самом узком месте, с одного берега на другой. По этому мосту они перегоняли на левый берег коз и овец, лошадей же и крупный рогатый скот переправляли по воде. Мы рассчитывали перейти по мосту пешком, а лошадей должен

был переправить вплавь Быты; но он, осмотрев мост, нашел, что по нем можно перевести и лошадей, но только по одной. Мост сильно гнулся под тяжестью их, но выдержал испытание.

Еще через полчаса мы добрались до бывшей станицы Псеменовской. Изб здесь не осталось ни одной, уцелели только сады, но они, также как дворы и улицы, заросли бурьяном выше роста человека. Около них встречались следы оленей и медведей, которые в ночное время, вероятно, часто бродят и по бывшим улицам станицы.

В пустом, непокрытом еще сарае, построенном для лесной стражи, мы переночевали, а утром на следующий день отправились в станицу Преградную. Наши лошади были сильно утомлены ездой по крутым горам; одна из них буквально едва волокла ноги. На них мы кое-как добрались до станицы Преградной, а дальше решили ехать на почтовых обратно в Куввинский аул.

Описанию животных тех местностей, в которых мы странствовали, я думаю посвятить отдельную статью, а поэтому теперь скажу лишь несколько слов о наиболее замечательных млекопитающих, водящихся в верховьях Лабы и Урупа. Первое место между ними должно принадлежать, конечно, кавказскому зубру, как животному вообще редкому и малоизвестному. За двукратное посещение Загдана я не встретил ни одного зубра, но раза три видел их следы, которые настолько велики, что смешать их со следами оленей или других животных невозможно; сведения же о зубрах я собрал, расспрашивая о них почти каждого охотника, с которым мне приходилось встречаться. При таких условиях, конечно, можно было решить, что следует отнести к области сказок и выдумок и что считать за истину. Скажу, прежде всего, о географическом распространении зубра.

В последние годы в верховьях Урупа летом зубров не бывало вовсе, так что в это время года к западу от долины Лабы и ее притока Пхи зубров встретить нельзя. Зимою же, по рассказам куввинских охотников, они попадаются и в верховьях Урупа. Наш проводник Быты, без сомнения, хороший охотник, убил несколько лет тому назад в этой местности 5 зубров. Карачаевцы утверждают, что зубры заходят и в верховья Большого Зеленчука, именно в долину Иркыз, и так как эта последняя отделяется от лесов по реке Пхи полосой всего в 2 или 3 версты, то, конечно, трудно допустить, чтобы зубры по временам не пробирались и в Иркыз[17]; но лес нельзя, однако, считать постоянным местопребыванием зубров. В прежние времена зубры, вероятно, водились еще дальше к востоку, именно в долине Теберды. Так говорят карачаевцы, и это подтверждается названием притока Теберды — Домбай-Ольген, означающим в переводе на русский язык «зубр убит». В. Лацариус говорит[18], что зубры живут и в верховьях Маруха и Аксаута, но я хорошо знаком с этими местами и могу смело утверждать, что в них зубров вовсе не бывает, да здесь и нет таких обширных лесов, где бы они могли жить.

На запад область распространения зубра тянется через верховье Малой Лабы, Ходза до Белой, а может быть и дальше — до истоков Пшехи. Мне рассказывали, что в громадных лесах, вокруг горы Абаго, находящейся недалеко от истоков реки Белой, зубров так много, как нигде на Кавказе. Если считать область распространения зубра от Иркыза до источников Белой, то длина ее окажется равной 85 или 90 верстам, ширина же, если принимать во внимание их перекочевки, в восточной части верст 35 или 40, а в западной — еще меньше[19].

Летом даже в Загдане зубры почти не встречаются; на это время они перебираются к самым верховьям Лабы и ее притоков и держатся недалеко от самых глухих и диких мест. Здесь их некому беспокоить: мух и комаров нет, жаров не бывает, а человек, злешний враг всех крупных диких животных, почти никогда не заходит. Сюда же привлекает их богатая свежая растительность и обилие холодной чистой воды. Каждое утро зубры выходят здесь на поляны и лесные опушки, а с наступлением дня возвращаются в лес, ходят они по одним и тем же местам и потому пробивают довольно широкие, сильно утоптанные тропы. Если вблизи есть соляные источники, то зубры посещают их очень аккуратно. Горцы хорошо знают все подобные места и иногда убивают на них зубров.

Так высоко, как, например, серны, зубры никогда не поднимаются и вообще не уходят далеко от леса. С наступлением зимы, когда на очень высоких местах становится холодно и выпадают большие снега, зубры начинают мало-помалу спускаться вниз, в Загдан, на Уруп и т.д. В очень снежные зимы они подвигаются еще ниже, появляясь даже не особенно далеко от наших крайних станиц. Таким образом их убивали иногда охотники станицы Сторожевой.

Старые зубры-быки ведут одиночную жизнь, молодые же, как самцы, так и самки, собираются в небольшие группы, штук в 5—7, даже 11 или 15; а прежде, лет 30—40 тому назад, встречали стада их штук в 50. Зимою вообще они собираются в большие стада, чем летом.

Зубры линять начинают с мая месяца и летом имеют очень короткую и редкую шерсть; к зиме она становится длинной и пушистой. Цвет ее каштаново-бурый, то есть такой же, как и беловежского зубра. Телята отличаются более светлым цветом.

О размножении зубров я расспрашивал многих охотников. Одни говорили, что зубры телятся, когда начинает поспевать хлеб (на Северном Кавказе, в половине июня), другие — когда в Ставрополе бывает ярмарка (начинается недели за полторы до Троицы), третьи — когда кончают жеребиться кобылицы, то есть в мае месяце. Все эти показания очень согласуются между собою, в особенности, если принять во внимание, что полудикие племена Кавказа не знают названий месяцев и

не умеют точно определять время. Нужно заметить, что указанный ими период совпадает с таковым же у беловежского зубра, который телится в мае и начале июня.

Самка рождает всегда одного теленка. Она, будто бы, выбирает для этого полянку среди леса, вытаптывает ее, делая площадку, похожую на ток, и в течение нескольких дней остается здесь неотлучно при своем теленке; потом, когда теленок будет в состоянии более или менее хорошо бегать, мать уходит с ним в другие места леса. В это время подойти к ней очень опасно, так как она, не ожидая вызова, бросается на своего врага и, повалив его, бьет и разрывает рогами.

Зубры в высшей степени пугливы и осторожны, поэтому за ними мало охотятся. Летом охота особенно ненадежна, так как, увидев или почуяв человека, зубр не останавливаясь, уходит за целые десятки верст. Само собою разумеется, что следить за ним по лесу в это время очень трудно, тем более, что на каменистых местах и след не бывает виден. Кроме того, охотник, не замечая зубра, может подойти к нему очень близко и снова испугать его. Тогда зубр пройдет еще большее пространство, не остановившись ни разу. Нужно еще заметить, что из кремневых ружей, из которых стреляют кавказские горцы маленькой круглой пулей, убить зубра сразу весьма трудно: в него иногда нужно всадить около десятка таких пуль, чтобы положить на месте.

Само собою разумеется, что после каждого выстрела животное будет уходить и охотнику придется его выслеживать. Кровяной след, конечно, упростит это дело, но тем не менее оно остается далеко не легким. Нужно еще заметить, что зубр, в которого стреляли несколько раз, бросается на охотника и становится очень опасным противником.

Зима очень плохое время для всех крупных зверей. В это время в горах выпадает большой снег, и ходьба становится весьма трудной. Еще хуже, когда снег затвердеет сверху, но не настолько сильно, чтобы сдерживать такое грузное животное, как, например, зубр или даже олень. Тогда и человек в несколько часов в состоянии загонять их до такой степени, что они позволяют зарезать себя кинжалом. Зубров, однако, и зимою убивают крайне мало, а именно, в верховьях Лабы и Урупа в год средним числом от трех до пяти штук. В прошлом году, например, 13 охотников, зимовавших в Загдане, убили лишь одного за всю зиму.

Зубр, раненный в первый раз, бросается на охотника очень редко, но тот, в которого стреляли несколько раз, как уже было сказано раньше, делается очень опасным противником.

На Кавказе зубров, вероятно, значительно больше, чем в Беловежской пуще, и истребить их, пока горы в верховьях Лабы и Урупа остаются незаселенными, очень трудно. Жаль, все-таки, что охотники здесь не обращают никакого внимания на запрещение убивать этих животных.

Мне самому пришлось видеть только двух кавказских зубров: одного, присланного с Кавказа в конце шестидесятых годов в Московский зоологический сад, а другого в городе Баталпашинске, у покойного Н.Г. Петрусевича. Последний из этих зубров был очень ручным, ходил вместе с коровами в поле и снова возвращался домой. Какая участь потом постигла его, мне неизвестно.

Серна (Capella rupicapra) в верховьях Урупа и Лабы встречается очень часто. Во время первой моей поездки в эти места, летом 1877 года, я и мои спутники видели серн буквально каждый день. Они попадались нам и на опушке лесов, на высоте, едва превышающей 5000 футов; но тогда, по случаю войны с турками, жители Северного Кавказа боялись отправлять свои стада в горы и они оставались совершенно безлюдными.

О сернах я уже писал раньше и упоминал, что кавказская серна не только сходна, но, вероятно, не отличается ничем существенным от альпийской или пиринейской.

Оленей по Урупу и Лабе очень много. Сколько мне известно, вопрос о том следует ли кавказского оленя отнести к виду Cervus Elaphus или же к азиатскому C. maral, еще не разрешен; но, судя по изгибу главного ствола рога и широко разветвленным отросткам, составляющим венец его, кавказский олень ближе подходит к C. maral, чем к C. Elaphus. Цвет шерсти у него заметно изменяется по временам года. Зимою он серо-бурый, а летом заметно рыжее. Молодые, даже на втором году, имеют явственные светлые пятна на боках туловища. Рёв самцов начинается с первых чисел сентября, сбрасывание рогов происходит в конце зимы или начале весны, а в конце июля и в августе олени сдирают с рогов кожу. Один олень, убитый нами в половине июля, имел рога, покрытые мягкой и еще совершенно здоровой кожей.

Косули в больших лесах, растущих по отрогам Главного хребта, не встречаются вовсе, но их много по лесным балкам и бурьянам Черных гор. Выдры попадаются по берегам Лабы и других рек. Их часто ловят капканами. К замечательным животным, водящимся в этой местности, относятся бобры (Castor Fiber). Они живут только в самых глухих местах Загдана и вообще у истоков Лабы. Мне самому не пришлось видеть бобров, но существование их на Кавказе подтверждается следующими данными: моему знакомому, аптекарю И.И. Лилиенкампфу, была привезена с Лабы одним казаком шкура бобра, от которой он даже отрезал мешочки с бобровой струей (castoreum). Кроме того, куввинцы рассказывали мне, что в верховьях Лабы есть какой-то зверь, который перегрызает поперек стволы довольно больших деревьев и имеет голый, широкий, плоский хвост. Очевидно, они говорили о речных бобрах. Хижин, однако, они здесь, кажется, не строят вовсе, по крайней мере, куввинские охотники ничего похожего на них никогда не видали. Это, я думаю, нужно приписать быстроте кавказских речек, которые после дождя в состоянии снести любую плотину, построенную даже не бобрами.

В верховьях Урупа и Лабы водятся еще медведи, рыси, дикие кошки и изредка попадаются и барсы, но главное богатство здешних лесов составляют куницы. На них существует правильный промысел, как в Сибири за белкой. Куввинские охотники еще с осени отправляются в Загдан и соседние с ним леса и живут там в течение нескольких месяцев, занимаясь ловлей куниц и охотясь с ружьем за крупным зверем. Жители одного куввинского аула добывают средним числом до пяти тысяч куниц в год.

По цвету шерсти, по устройству подошвы и другим признакам здешние куницы представляют целый ряд переходных форм: от белодушки (Mustella foina) до настоящей лесной куницы (Mustella Martes L.). У некоторых из них нет большого, белого, горлового пятна, а только две белые полоски и между ними несколько белых же крапин. У таких мех очень темен, хвост черный, малопушистый, лапки почти черные, и подошва мозолистая, голая. У других существует большое, белое, горловое пятно, которое тянется до основания передних конечностей; мех у них довольно темный, подошва также голая и хвост с прилегающей шерстью. Оба эти варианта более приближаются к белодушке, чем к настоящим куницам. Другого сорта куницы отличаются ярко-желтым или рыжим горловым пятном, почти совершенно опушенной подошвой и очень пушистым хвостом; мех у них не так темен, но с каштаново-бурым оттенком. Эти куницы представляют настоящую Mustella Martes L.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. Осетины переселились сюда из Терской области.
2. Домбай — «зубр», ольген — «убит» или «ранен». Вероятно, и здесь в прежние времена водились зубры.
3. Суп мясной, приправленный кислым молоком.
4. Бу — олень самец, Бу-Ольген — убит олень.
5. Стоянка пастухов.
6. Аксаут и Марух, сливаясь друг с другом, образуют Малый Зеленчук.
7. С южной стороны Баранаха почти безлесна и не так красива.
8. По предгорьям Кавказа, в местах, лежащих на высоте от 2000 до 2500 футов над уровнем моря, выпадает дождя гораздо больше, чем в горах, на значительных высотах. Таким образом, станицы, расположенные у подножья гор (Кордоницкая, Зеленчукская, Сторожевая, Баговская и поселок Псебай), страдают от дождя несравненно сильнее, чем аулы, находящиеся в горах, на высоте от 4 до 6 тысяч футов. Офицеры Севастопольского полка, долгое время стоявшего в Псебае, потому и прозвали Псебай штаб-квартирою дождя. Таково же распределение дождей и в Терской области. В Алагире (почти 2000 футов), во Владикавказе дожди очень часты, а поля осетин, живущих в горах, на высоте от 5000 до 7000 футов, нередко страдают от засух.
9. На пятиверстной карте Кавказа названа Ацшакара. Соединившись с Марамбой, она впадает в Лабу.
10. Когда я проезжал здесь несколько лет тому назад, в средине июля, то в полдень падала сильная крупа.
11. Осматривая тура, я заметил на бедре его как будто бы опухоль и, разрезав ее, увидел, что бедренная кость тура была перебита пулей и срослась, образовав на месте перелома большой нарост. В нем нашлась и сплюснувшаяся круглая пуля небольшого калибра. Этот тур и теперь был ранен в ногу, а потом добит вторичным выстрелом в шею.
12. Смотря издали, можно заметить, что горы против истоков Лабы даже выше, чем к востоку и западу от этого места; но во всяком случае они гораздо ниже, чем в верховьях Зеленчука, Теберды, Кубани и т.д. Здесь есть и снежные поля довольно порядочных размеров. В двух местах они сползают вниз и превращаются в два широких, но не длинных глетчера.
13. Н. Петрусевич: Извлечение из отчета об осмотре казенных свободных земель нагорной полосы между реками Тебердой и Лабой, стр. 21.
14. Место слияния обеих рек находится на высоте 4300 футов над уровнем моря.
15. Почти все мясо этого оленя мы отдали пастухам коша, находившегося в верховьях Закана.
16. Прежде по этой дороге можно было без всяких затруднений проехать на Псебай и дальше вниз по Лабе; теперь она размыта водой и совершенно испорчена.
17. Иркыз — это дремучий лес в верховьях Большого Зеленчука. Он во многом похож на Загдан.
18. Известия Кавказского общества любителей естествознания. Кн. 2, 1880 г.
19. О существовании зубра на южном склоне Кавказского хребта я не знаю ничего определенного. Некоторые (например, Нордман) утверждали, что он водится там (как, например, в Абхазии), карачаевские же охотники уверяют, что зубр живет только на северном склоне.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èçäàíèþ:
Динник Н.Я. Горы и ущелья Кубанской области // Записки Кавказского отделения Русского географического общества. — Тифлис, 1884. — Т. 13. — № 1. — С. 307—364.

Ì ÅÄÂÅÄÜ È ÅÃÎ Î ÁÐÀÇ ÆÈÇÍÈ Í À ÊÀÂÊÀÇÅ

Путешествуя ежегодно в течение многих лет по самым глухим местам Кавказа, будучи не только страстным охотником, но и любителем зоологии, я не пропускал случая наблюдать нравы и образ жизни многих водящихся на Кавказе животных; при этом мне не раз, конечно, приходилось бывать свидетелем таких сцен, наблюдать которые удается лишь очень редко. В особенности это можно сказать про наблюдения над крупными млекопитающими вроде медведей, оленей, кабанов, зубров, туров и т.д., которые старательно избегают встречи с человеком и могут даже ни разу не попасть на глаза натуралисту, приехавшему на непродолжительное время на Кавказ с целью изучать его фауну. Кроме того, зная, насколько неполно изучены млекопитающие Кавказа и вполне разделяя мнение академика Миддендорфа[1], что «зарывшейся в книги ученый в своем кабинете и свободный житель лесов должны в своих наблюдениях над жизнью животных общими средствами стремиться к одной цели», и что «достоверность наших познаний во всех наблюдательных науках зависит не только от верности, но вместе с тем и от числа наблюдений», я решил, пополнив пробелы в своих наблюдениях тщательно проверенными рассказами охотников и местных жителей, описать некоторых из числа наиболее интересных млекопитающих Кавказа. К этому меня побуждает также и следующее обстоятельство: сопоставляя свои личные наблюдения с тем, что мне известно из различных сочинений как зоологического, так и охотничьего характера, я заметил, что жизнь животных на Кавказе во многом настолько существенно отличается от жизни их в других странах, что уже в силу одного этого ее есть основание описать.

О наружном виде и об анатомических особенностях тела кавказского медведя я говорить не буду, так как с этой стороны он не представляет ничего особенного; сделаю, однако, исключение для его черепа, зубов и роста, так как в этом отношении медведи, живущие на Кавказе, обнаруживают особенности, о которых стоит сказать несколько слов. Прежде всего, в черепе обращает на себе внимание сращение многих костей. У очень старых медведей почти все кости черепа и лица срастаются вместе. У меня, например, есть два черепа очень старых самцов, на которых незаметно почти ни одного шва. Особенно рано исчезают шов ламбдовидный, шов между височной и темянной костями, венечный и шов между межчелюстной и верхнечелюстной костями; почти то же можно сказать про швы между небными костями (на твердом небе), между небными и верхнечелюстными и т.д. Позднее срастаются межчелюстные кости и носовые с межчелюстными и лобными.

Имея под руками более или менее значительное число черепов кавказского медведя, нельзя не заметить двух довольно резко выраженных типов их. Одни черепа отличаются большей величиной, сильно выдающимися скуловыми костями, заключающими под собою огромные жевательные мускулы, сильно выпуклым лбом, высоким гребнем, идущим вдоль стреловидного шва и незначительной шириной, в особенности в той части, где лобные кости соединяются с темянными. У таких черепов от скулового отростка лобной кости, составляющего задний, неполный край глазницы, тянется в виде дуги назад, к темянным костям низкий гребень, служащий для прикрепления жевательных мышц; гребни, идущие с правой и левой стороны черепа, сходятся или почти сходятся между собою у переднего конца стреловидного шва.

Другого типа черепа характеризуются следующими признаками: они меньшей величины, имеют мало выпуклый лоб, мало выдающиеся скуловые кости, сравнительно мало развитый гребень на месте стреловидного шва и более широкую, округленную черепную коробку; кроме того, гребни, начинающиеся от скуловых отростков лобной кости, отстоят друг от друга у этих черепов дальше и прежде, чем сойтись друг с другом, тянутся через темянные кости по сторонам стреловидного шва. На прилагаемых к статье фотографических снимках хорошо видны все эти особенности черепов. Черепа первого типа напоминают таким образом череп U. cadaverinus Pall., а второго — U. longirostris Eversm. Такое же отличие в отношении формы черепов заметил, как известно, и академик Миддендорф на черепах медведей других стран и считает эти особенности зависящими лишь от возраста медведя. Он говорит, что у молодых медведей, имеющих только слабые молочные зубы, лицевая часть мало развита и лоб представляется сравнительно очень высоким. Позднее, с развитием постоянных зубов, обладающих большими корнями, сильно растут челюсти и вообще все кости лица, и лоб делается все более и более плоским. Наименьшую высоту он имеет, по мнению Миддендорфа, в конце второго года жизни и затем, вследствие прогрессивного развития лобных пазух, начинает расти и выдвигаться все более и более. Такие изменения в форме черепа, по мнению Миддендорфа, свойственны медведям всех стран и без различия пола.

Академик Миддендорф различает, впрочем, четыре климатические разновидности бурого медведя и говорит, что черепа южно-европейских медведей (кавказского, пиренейского), а также и ливанского имеют вообще слабое строение, узкое небо, слабые скуловые дуги и меньшие зубы; он прилагает и рисунки таких черепов. Не отрицая того, что подобные черепа на Кавказе попадаются очень часто, я не могу не заметить, что здесь весьма нередко можно встретить, как уже было

сказано раньше, и черепа другого типа, которые напоминают восточно-азиатский, отличающихся значительным развитием в ширину, сильными гребнями на костях и особенно сильно выдающимися скуловыми дугами (рис. 1 и 2-й)*.

Все черепа на прилагаемых фотографических снимках уменьшены в одно и то же число раз, поэтому, сравнивая изображение их, можно составить точное понятие об относительной величине самых черепов. Черепа одного типа достигают 13—14 дюймов, или 33—35 сантиметров, в длину, считая ее от передних резцов по прямой линии до выступа, где стреловидный шов пересекается с ламбдовидным, при ширине между скуловыми дугами в 22 сантиметра. Я имею два подобных черепа из Кубанской области; они вовсе не составляют особенной редкости, а иногда попадаются и такие, которые несколько превосходят их своей величиной. Замечу, что длина в 36—37 сантиметров составляет обыкновенные размеры черепа довольно большого медведя Прибалтийских стран, а 39,1 — есть наибольшая длина, какую приходилось там наблюдать Миддендорфу. Таким образом, в отношении величины упомянутые черепа моей коллекции не уступают или уступают очень мало черепам медведей Прибалтийского края. Вес одного из них равняется 4 футам, а другого — 3 $^1/_2$ футам.[2]

Черепа второго типа (рис. 3 и 4-й)* имеют значительно меньшую величину. Длина их равняется обыкновенно 26—29 сантиметрам и редко 30—31, при ширине от 15 $^1/_2$ до 16 $^1/_2$ сантиметрам.

Нельзя обойти молчанием вопрос о том, следует ли рассматривать, подобно Миддендорфу, Блазиусу[3] и многим другим зоологам, черепа упомянутых двух типов, как принадлежащие различным возрастам одного и того же вида животных, или же как черепа животных двух различных пород, разновидностей или даже видов? Решение этого вопроса не так просто, как может показаться с первого взгляда, и хотя я не могу не высказать по поводу его своего мнения, тем не менее не нахожу невозможным, что последующие наблюдения могут опровергнуть его.

Так как большая часть находящихся у меня черепов 2-го типа имеет еще несросшиеся швы и малую величину, то естественнее всего было бы признать их за черепа молодых экземпляров; этому, однако, противоречат следующие обстоятельства. Между черепами второго типа у меня имеется один такой, на котором почти все кости срослись между собою, и другой, у которого исчезли все швы на черепной коробке и сохранились лишь немногие между костями лица. Такие черепа нельзя, конечно, признать за принадлежавшие молодым экземплярам. Кроме того, медведи мелкие, с узким черепом живут, как я заметил, большею частью не там, где крупные, с высоким лбом и сильно выдающимися скуловыми дугами. Последние придерживаются по преимуществу лесов и сравнительно редко выходят на альпийские пастбища, тогда как первые отдают заметное предпочтение, по крайней мере, летом, высоким горам, скалам и альпийским лугам. Наконец, почти все ходившие с медвежатами медведицы, которых я видел и убивал на горных лугах, имели малый рост, и мне кажется, что признать их всех молодыми, полувзрослыми, весьма мало вероятности. По этим причинам, я думаю, что крупные и мелкие кавказские медведи представляют две самостоятельные породы[4]. Такого мнения придерживаются почти все кавказские охотники.

Длина тела тех двух больших убитых на Кавказе медведей, о черепах которых уже упоминалось, была одного 2 $^1/_2$ аршина, а другого почти 2 $^3/_4$[5]. Но, судя по шкурам, которые мне приходилось видеть в различных местах Кавказа, я думаю, что попадаются здесь медведи и более крупных размеров. Почти таких же размеров достигают, как известно, медведи, убиваемые в России. По словам Миддендорфа, в Прибалтийских странах большим считается медведь, имеющий в длину от кончика носа до корня хвоста 2,7 арш., а наибольший из виденных им в этой местности имел 2 $^4/_5$ арш.[6] В Сибири и на Урале рост медведей заметно больше. Наибольший убитый Н.Ж. Пржевальским в Восточной Сибири медведь, о черепе которого уже упоминалось, имел в длину 7 $^1/_2$ футов и весил от 18 до 20 пудов[7]. По словам Черкасова[8], шкуры сибирских медведей достигают 18—19 и даже 20 четвертей; но, без сомнения, они были сильно растянуты и значительно превышали длину тела животного. Уральские медведи имеют уже меньшие размеры и только на севере Урала доставляют шкуры аршина в 4 длиною; далее же к югу медведи постепенно мельчают, и в Екатеринбургском уезде размеры шкуры бывают обыкновенно немного более сажени, а очень большие экземпляры медведей попадаются как редкость и приходят сюда, по мнению Л.П. Сабанеева, издалека[9]. Но, принимая во внимание, во-первых, то, что <Азиатский материк>, как говорит Миддендорф, «повидимому, вообще оказывает увеличивающее влияние на многие виды животных, которые водятся и в Европе[10], а с другой стороны, что горные животные бывают обыкновенно несколько меньше своих собратьев, живущих на равнинах, мы должны были предвидеть, что кавказские медведи окажутся меньше, чем сибирские и российские.

Что касается зубов, то они отличаются следующими особенностями: средние резцы верхней челюсти немного меньше сидящих рядом с ними, а наружные превосходят своей величиной все прочие и отделяются от клыков довольно большими промежутками. В нижней челюсти средние резцы

* Качество приведнных в книге Н.Я. Динника иллюстраций не позволяет воспроизвести их в настоящем издании. — *Ред.*

гораздо меньше всех прочих, а крайние имеют глубокую вырезку, разделяющую их коронку на два неравных зубца: наружный (ближайший к клыку) меньший, а внутренний больший. Клыки очень велики и у крупных экземпляров достигают 1 $^3/_4$ дюйма длины, не считая корня, имеющего еще большую величину. Из трех ложно-коренных зубов верхней челюсти средние в зрелом возрасте всегда выпадают; нередко выпадают и те, которые сидят рядом с плотоядным зубом, передние же ложно-коренные зубы верхней челюсти остаются даже у самых старых особей[11]. Таким образом, у старых медведей в верхней челюсти бывает иногда только по одному ложно-коренному зубу с каждой стороны. Два таких черепа имеется и у меня. В нижней челюсти у взрослых медведей иногда бывает полное число ложно-коренных зубов, часто выпадают средние, а иногда и передние, задние же остаются до самой глубокой старости. У обыкновенного бурого медведя передний ложно-коренной зуб нижней челюсти присутствует, по словам Миддендорфа, всегда; в этом отношении кавказский медведь отличается, следовательно, от обыкновенного бурого медведя. В верхней челюсти задний ложно-коренной зуб мал и имеет округленную коронку, в нижней же — гораздо больше и снабжен выдающимся острым зубцом. Плотоядные зубы очень малы. В верхней челюсти они значительно меньше, чем тупобугорчатые, и имеют три зубца: передний больший и задние — меньшие. Плотоядный зуб нижней челюсти по длине жевательной поверхности равняется следующему за ним и значительно превосходит в этом отношении последний тупобугорчатый зуб. Из тупобугорчатых наибольшую величину имеет крайний задний зуб верхней челюсти. При первом взгляде на пасть медведя нас поражает несоответствие его резцов и клыков с коренными зубами. По последним он животное всеядное, резцы же и огромные клыки обличают в нем настоящего хищника.

У старых медведей зубы бывают сильно стерты. Плотоядные и тупобугорчатые в этом случат, напоминают зубы травоядных животных и остаются покрытыми эмалью только с боков; со стороны же жевательной поверхности эмаль стирается вовсе, и зуб представляет впадину, которую окаймляет выдающаяся эмалевая трубка. Если бы внутри этой последней находилась другая такая же трубка, то подобные зубы легко можно было бы смешать с зубами жвачного животного. Клыки у очень старых медведей бывают в большинстве случаев сломаны. У меня есть два черепа старых самцов-медведей, убитых в Кубанской области, и в каждом из них сохранилось только по одному клыку, прочие же обломаны и стерты.

Когти имеют темнороговой цвет с прослойками более светлого цвета. Они представляют дугу в $^1/_4$ окружности, иногда несколько меньше, а нередко 120° или даже 130°. Длина их у больших экземпляров достигает до 2 $^1/_2$ дюймов, считая по окружности. Все тело кавказского медведя покрыто более иди менее однообразной по цвету шерстью. Есть, впрочем, и некоторые отступления от этого общего правила. Так у многих медведей вдоль всей спины замечается темно-бурая полоса, довольно резко отличающаяся по своему цвету от шерсти на остальном теле, или появляется белый ошейник. Темная полоса, идущая вдоль хребта, на задней части туловища бывает обыкновенно оттенена не так резко, как на передней; особенно же темным цветом отличается загривок, где растут длинные, жесткие, торчащие наподобие щетины, волосы. Они имеют иногда почти черный цвет и бросаются в глаза даже тогда, когда видишь медведя за несколько сот шагов. Такой загривок, замечающийся как у самцов, так и у самок, делает медведя как бы горбатым. Между лопатками он имеет иногда дюймов 6 или 7 в ширину, а отсюда длинные, жесткие волосы тянутся вдоль шеи, на затылок и темя, доходя таким образом почти до лба.

Что касается белого ошейника, то он часто бывает у медвежат, впоследствии же, с годами, обыкновенно пропадает. Академик Миддендорф говорит: «в Сибири точно так же, как и у нас и в Западной Европе, взрослый медведь с белым ошейником есть чрезвычайная редкость». Что касается кавказского медведя, то про него этого сказать нельзя, так как на Кавказе у взрослых медведей ошейник вовсе не представляет редкости. На живых медведях я его видел раза 3—4, но на шкурах убитых взрослых животных очень часто. Не подлежит также сомнению, что в восточной половине Кавказа, например, в Чечне, Дагестане он встречается гораздо чаще, чем в западной, где даже медвежата по большей части бывают лишены его. Во многих местах Кавказа, так же как в Сибири, охотники уверяют, что медведь с белым ошейником бывает всегда злее и опаснее, чем обыкновенный.

Ошейник редко обхватывает шею со всех сторон; чаще же прерывается или внизу, под горлом, или на верхней стороне шеи, образуя таким образом неполное кольцо. Нередко (вопреки мнению Миддендорфа) он бывает на верхней стороне шеи шире, чем на нижней. В верховьях Кубани, например, я видел две шкуры молодых (лет двух) медведей, у которых на верхней стороне шеи (у затылка) ошейник был шириною в ладонь, а на нижней прерывался вовсе. Довольно часто от ошейника, постепенно исчезающего, остаются на боках шеи два беловатых пятна, имеющих в длину и ширину вершка два. Я несколько раз видел их на медведях в Чечне, и тамошние охотники сообщали мне, что в их горах медведи с белыми отметинами на шее встречаются даже чаще, чем без них. Как известно, Ф. Кювье придавал присутствию ошейника довольно большое значение и, считая его принадлежностью сибирских медведей, отделил их в особый вид — Ursus collaris; теперь же большая часть зоологов не придает присутствию ошейника особенного значения и считает его за более резко выразившееся горловое пятно, свойственное очень многим животным (куницам,

хорькам, лисице и т.д.). В сущности того же мнения по отношению к бурому медведю придерживается и Миддендорф. Что касается кавказского медведя, то его ошейник не может считаться важною особенностью, потому что на Кавказе, как наблюдалось неоднократно, даже в одном и том же помете встречаются медвежата с ошейником и без него.

Известно, что чем холоднее, континентальнее климат или, другими словами, чем резче его температурные крайности, тем темнее и лучше мех животных. На основании этого надо предполагать, что мех кавказского медведя окажется светлее и хуже, чем российского или сибирского. Это вполне подтверждается и наблюдениями. Действительно, чернобурых медведей здесь вовсе нет, темнобурые попадаются не особенно часто, а по преимуществу бурые, светло-бурые, рыжие, более или менее серые и желтоватые. В силу вышеприведенного же правила в восточной части Кавказа медведи с темной шерстью должны попадаться чаще, чем в западной. В самом деле, Кавказ представляет страну не особенно обширную, но западная и восточная части его так сильно различаются в климатическом отношении, что трудно было бы допустить, что это различие не отразится в той или другой форме на животных. Западный Кавказ, в особенности Абхазия, Имеретия, Гурия и Мингрелия, имеют необыкновенно влажный, климат, очень теплую зиму и почти тропическую растительность. Дождя выпадает здесь огромное количество, например, в Сочи, на берегу моря, 206 сантиметров в год, а в горах еще больше. Совсем иной климат имеет восточная часть Кавказа. Водяных осадков здесь гораздо меньше, в Баку, например, только 24 сантиметра в год, лето жарче, зима холоднее, а растительность несравненно беднее. Присматриваясь в той и другой части Кавказа к окраске животных вообще, а медведей в частности, мы действительно замечаем немалую разницу. В Кубанской области, например, очень часто попадаются медведи светло-серые, желто-бурые или рыжеватые и гораздо реже темно-бурые, в Чечне же я видел по преимуществу шкуры с темной окраской; такую же окраску имеют часто, как говорили мне охотники, медведи Дагестанской области.

Цвет шерсти кавказского медведя вообще очень непостоянен. Здесь можно встретить меха всех оттенков, начиная от темно-бурого до светло-серого, светло-чалого или серебристо-серого. На Оштене я наткнулся однажды на медведицу с медвежонком, и она издали показалась мне почти белой, а в Доуте (недалеко от Эльбруса) я видел шкуру огромного медведя с короткой летней шерстью светло-буланого цвета; только на темени и загривке она была покрыта грубыми волосами ржаво-рыжего цвета, на ляжках же и на боках шерсть была почти белая.

В старости мех медведя обыкновенно светлеет, но попадаются иногда и очень старые экземпляры с темною шерстью. Так, например, на Оштене же я убил очень старого медведя со сломанными клыками и очень сильно стертыми коренными зубами; шерсть на нем была редкая, но имела довольно темный цвет.

Весною и летом цвет шерсти бывает вообще светлее, чем зимою. В зимней шерсти каждый отдельный волос окрашен более или менее однообразно, с наступлением же теплого времени года концы волос начинают понемногу выцветать, белеть, через что и вся окраска животного становится более светлой. Волосы медведя при основании волнисты и обыкновенно имеют относительно светлый цвет, дальше следует прямая, более темная часть, а на конце снова более светлая. Длина шерсти очень изменчива. У упомянутого выше буланого медведя, убитого недалеко от Доута, она была почти так же коротка, как у лошади; обыкновенно же шерсть достигает 3—4 дюймов, а на загривке, например, даже 6—7.

Говоря о шерсти медведя, скажем, кстати, и о линьке его. Замечательно поздно теряет медведь свою зимнюю шерсть. В мае, как уверяют охотники, он имеет на Северном Кавказе еще хороший и довольно крепкий зимний мех. Мне самому в это время ни разу не приходилось убивать медведей, но наблюдения, сделанные мною в июне и июле, заставляют верить рассказам охотников[12]. Так в 1890 году я убил двух медведиц, одну 22 июля, а другую 23, и обе они были еще покрыты густой длинной зимней шерстью с большим количеством пуха между ее волосками. В двадцатых числах июля 1891 года мною был убит молодой (вероятно лет трех) медведь, также еще не успевший вылинять, а в 1888 году 20 июня крупная медведица, которая была покрыта густой зимней шерстью; старый же медведь, убитый накануне в той же местности, был уже одет редким летним волосом. Последнее обстоятельство, а также приведенные ниже показывают, что не у всех медведей на Кавказе линька оканчивается в одно время. В самом деле, медведь, убитый в двадцатых числах июля 1891 года в Кубанской области, оказался невылинявшим, а в 1892 году даже в конце июня я видел полуторагодового медведя, у которого только в одном месте оставался клок зимней шерсти, все же остальное тело было покрыто не особенно коротким (вершка 1 $^1/_2$ в длину), летним волосом красивого бурого цвета. На загривке эти волосы успели отрасти еще сильнее и торчали в виде щетины. В сентябре шерсть на медведе становится заметно длиннее, прорастает пухом, но делается вполне хорошей не раньше ноября.

Медведь водится в более или менее изрядном количестве на очень значительной части протяжения всего Кавказского края. Что касается областей или губерний, то только в Ставропольской его нет вовсе; не встречается он также в северной, безлесной и лишенной гор части Кубанской, а также Терской областей. По правому берегу Кубани и левому берегу Терека медведи живут только

там, где эти реки текут среди гор, то есть по Кубани от Эльбруса до станицы Усть-Джегутинской, а по Тереку от Казбека до Змейской станицы. Не встречаются медведи по левому берегу Сунжи и в низовьях Терека, а также в северной части Дагестанской области, то есть к северу от Темир-Хан-Шуры и Петровска, кроме того, в низменной прибрежной части Кубинского уезда Бакинской губернии и в Бакинском уезде, также по нижнему течению Куры и Аракса, то есть в Карабагской и Муганской степях. Зато они встречаются почти всюду, где только есть горы. Их бесчисленные, сырые, тенистые и прохладные ущелья дают самое надежное, безопасное пристанище медведю, и он в таких безлюдных и глухих местах безмятежно бродит днем и ночью не только по лесам, но по полянам, горным лугам и другим совершенно отрытым местам. Если в Западной Европе и большей части России золотые дни для медведя уже давно прошли, то про Кавказ этого еще нельзя сказать. Хотя по изобилию медведей мы не можем сравнить его с крайним востоком Азии, с Камчаткой, окрестностями Берингова пролива или Шантарскими островами, где, по словам Миддендорфа, эти животные бродят целыми стадами и где каждый день можно видеть их десятки, тем не менее на Кавказе медведей еще очень много, и без сомнения больше, чем где-либо в Европе. Летом 1888 года в горах Черноморского округа и Майкопского уезда Кубанской области я видел собственными глазами за 6 дней 15 штук медведей, а в 1889 году в той же местности — 25 штук за 8 дней. В восьмидесятых годах во время падежа скота в Рачинском уезде Кутаисской губернии медведей видели целыми десятками около самых селений, где валялся павший скот. Во время осенних охот около Алагира и Владикавказа в одном гаю захватывали иногда по семи медведей; случалось, что сразу штуки четыре их выходили на одного охотника. Недалеко от слободы Воздвиженской (в Грозненском округе) вышло однажды на одного охотника три медведя, а около станицы Андрюковской, на реке Лабе, — целая компания в 7 штук. По три штуки медведей я сам видел несколько раз, а однажды даже 4 штуки вместе.

На склонах Главного Кавказского хребта медведи встречаются почтя всюду, за исключением самых оконечностей хребта, упирающихся в Черное и Каспийское моря. Таким образом, начиная от Новороссийска, область распространения медведя тянется вдоль хребта почти до Баку. Все отроги Главного хребта, покрытые лесами, также изобилуют медведями. В Черноморском округе медведи встречаются всюду; в Кубанской области район их распространения тянется вдоль Главного хребта полосою, имеющей ширину на востоке верст в 80 или 90, а на западе верст в 30. В горах Терской области они также встречаются почти всюду. В небогатой лесами Дагестанской области медведи попадаются уже гораздо реже, то же можно сказать про Бакинскую губернию[13]; в горах же Тифлисской губернии их довольно много. Здесь они встречаются по долинам всех главных рек — Куры (например, около Боржома), Арагвы, Иоры и Алазани. В гористых частях Елисаветпольской губерний медведи водятся также всюду, где есть лес. Их много в южной части губернии, в уездах Зангезурском, Джебраильском и Шушинском. Очень часто попадаются они, например, между Ванком и Шушой, на горе Кирсе и других, рядом с безоаровым козлом. Совсем нет их только в низменной восточной и северо-восточной частях губернии. В Кутаисской губернии медведей, вероятно, больше чем где-либо на Кавказе, и встречаются они там почти всюду. В Эриванской губернии и Карской области они попадаются уже гораздо реже и, вероятно, лишь в немногих лесистых местах вроде Делижанского ущелья и Саганлукского хребта.

В сильно гористых частях Кавказа можно встретить очень немного мест, притом с самым густым населением, где медведь истреблен вовсе. Таким образом, он уже не встречается в Тушетии. в некорых местах Осетии, как, например, в долине Архона[14]. Вообще же истребление и оттеснение его идет гораздо медленнее, чем других крупных зверей, каковы олени или кабаны. Мясо его на Кавказе в пищу не употребляется, шкура ценится очень низко, поэтому правильной охоты за ним вовсе петь, а бьют его преимущественно только при случайной встрече, во время охоты за другими зверями. Этим, конечно, и объясняется его слабое истребление.

Область вертикального распространения кавказского медведя очень широка. В тех местах, где более или менее сплошные густые леса доходят до уровня моря, там спускается до этого крайнего предела и медведь. Таким образом, в Черноморском округе и в Кутаисской губернии его можно встретить у самого берега моря. На высотах несколько больших он попадается уже гораздо чаще, вместе с лесами поднимается по склонам гор до высоты 7 или 8 тысяч футов, но и здесь еще не останавливается, а переходит в область альпийских лугов. Дальше читатель увидит, как часто встречаются медведи на горных лугах значительно выше границы лесов и даже вдали от них. Здесь они в течение всего лета бродят по открытым местам, как овцы или козы. На высоте 8000 футов они встречаются еще очень часто, но мне приходилось иногда видеть их и значительно выше. В Нальчикском округе Терской области вблизи ледников Дых-су и Агштана я видел следы их на высоте около 10000 футов, а на Эльбрусе один след в области вечных снегов, и притом футов на 1000 выше снежной линии. В такие места, впрочем, медведи заходят очень редко.

По своим умственным способностям все вообще медведи стоят на довольно низкой ступени развития; что же касается кавказского, то он в этом отношении, может быть, даже уступает некоторым из своих собратьев. В самом деле, живя в местах глухих, часто почти недоступных, срав-

нительно редко подвергаясь преследованию со стороны человека, находя в течение почти целого года обильную пищу, он редко бывает принужден упражнять свои умственные способности. На основании личных наблюдений я прихожу к тому заключению, что если медведи других стран по своей сообразительности приближаются к кавказскому, то все рассказы, в которых они являются существами более или менее смышлеными, догадливыми или находчивыми, должны быть отнесены к области сказок, причину возникновения которых надо приписать тому, что медведь, благодаря своей силе, страшному виду и оригинальной наружности, занимал всегда человека, в особенности необразованного или полудикого, больше, чем какое-либо другое животное. По моим личным наблюдениям, медведь очень ленив, крайне мало наблюдателен, ко всему равнодушен, трус и способен обнаруживать некоторую храбрость или смелость только в исключительных случаях. Такого мнения придерживаются и все те кавказские охотники, которым удалось познакомиться с медведем более или менее основательно; если же иногда и здесь приходится слышать рассказы о необыкновенной сметливости или хитрости медведя, то всегда от людей незнакомых с ним и его нравами, и повторяющих общеизвестные, избитые сказки.

По форме головы медведи стоят между собаками, имеющими в диком состоянии всегда более или менее сильно вытянутое рыло, и короткомордыми кошками, приближаясь, однако, более к собакам, чем к кошкам. На основании этого надо предполагать, что они имеют очень хорошее обоняние, может быть худшее, чем у собак, но гораздо лучшее, чем у кошек, и более или менее хороший слух. Все это и подтверждается вполне наблюдениями над медведями. Я сам много раз убеждался, насколько хорошо обоняние у кавказского медведя; это, впрочем, известно каждому, кто наблюдал или охотился за ним. Обоняние развилось у него как будто бы в ущерб зрению, которое у медведя удивительно плохое. Мне много раз приходилось подкрадываться к медведям; случалось, что они причуяли меня за несколько сот сажен, но я помню только один случай, когда медведь при таких условиях увидел меня; наоборот, не раз случалось, что медведь показывался на каком-нибудь совершенно чистом косогоре, в полуверсте от стоявшей на открытом же месте моей палатки, вблизи которой ходили не только наши лошади, но по временам и мы сами, и ничего этого не замечал, если только ветер не дул по направлению к нему. Однажды мы остановились целым табором на одной стороне долины, и едва успели развьючить лошадей и разложить свое имущество, как на противуположном склоне показалась медведица с 2-мя медвежатами. Как мы, так и они находились на совершенно открытом месте, и нам было видно каждое движение медведицы. Я вздумал подкрасться к ней и отправился вместе с одним охотником. Нам пришлось спускаться по гладкому чистому косогору на глазах медведицы, и она не заметила нас; потом мы перешли через глубокую водомоину, поднялись на противуположный склон, где ходила медведица, и были от нее шагах в 250; вдруг легкий порыв ветра дунул в ее сторону. Медведица тотчас почуяла нас, стала тревожно оглядываться и затем бросилась бежать.

Подобным образом я несколько раз убеждался в том, что медведь чует запах человека на очень большом расстоянии, но однажды особенно был поражен тонкостью его обоняния. Рано утром приближались мы к группе скал, поднимавшихся почти до 8000 футов над уровнем моря, и надеялись найти на них серн; но, когда до скал оставалось по крайней мере $^3/_4$ версты, мы вдруг увидели на половине высоты их, на небольшом снежном поле медведя. Не желая пропустить случая поохотиться за ним, мы присели в надежде, что он, быть может, спустится вниз, где к нему будет легче подкрасться. Ветер в это время дул от нас к скалам, но мы не допускали мысли, чтоб медведь мог почуять нас на таком большом расстоянии. Не прошло, однако, и 2—3 минут, как он видимо чем-то встревожился, стал водить мордой в разные стороны, оглядываться и затем пустился бежать галопом вверх по снежному полю и вскоре скрылся совершенно. Кроме нас в этой местности никто испугать его не мог, и мы были поражены тонкостью его чутья. Но вот минуты через 2—3 на то же снежное поле выходит другой медведь; он шел вначале покойно и направлялся вниз, то есть в нашу сторону, но вдруг остановился точно вкопанный, вытянул рыло по направлению к нам и застыл в такой позе на несколько секунд, потом опрометью бросился бежать в ту же сторону, куда и первый. Надо заметить, что мы сидели в высокой траве, выставив из нее только свои головы, и в бинокль наблюдали за медведями. Увидеть нас на таком расстоянии они, конечно, не могли, да и мы заметили их только благодаря тому, что оба они вышли на чистое, гладкое, снежное поле. Правда, местность между нами и скалами представляла нечто вроде широкой, очень просторной долины, склоны которой могли, но лишь в самой слабой степени, мешать струе воздуха, увлекаемой ветром, расходиться в стороны и утрачивать свой специфический запах, тем не менее нельзя было не удивляться такой тонкости чутья медведя.

Наблюдения, которые будут сейчас приведены, показывают, что медведь по крайней беспечности пользуется своим слухом очень мало. Однажды, ехавши верхом, я наткнулся на медведицу, которая вместе с двумя медвежатами лежала на чистом месте шагах в 60 от меня. Увидев ее, я повернул лошадь, чтобы скорее скрыться за пригорком, соскочил с нее, вынул ружье из чехла, снова поднялся на пригорок и успел застрелить медведицу прежде, чем она услышала что-либо. В другой раз я ехал вместе со своим проводником и на одном из поворотов дороги также заметил медведя, который ходил

от нас шагах в 80. Мы поскорее спешились и бросили лошадей, чтобы можно было подкрасться поближе к медведю, который ходил в бурьяне и издали был плохо виден; лошадей в это время сильно кусали оводы, они терлись одна об другую, стучали ногами, отмахивались хвостами, мотали головой, но медведь ничего этого не слышал и продолжал пастись, пока не раздался мой выстрел.

Раза три мне приходилось подкрасться к медведю, пробираясь по большому бурьяну, шагов на 25. Идти по такому месту, не производя более или менее заметного шума, было невозможно; более осторожные звери, вроде оленя, козы или серны услышали бы при таких условиях приближение человека шагов за сотню, но медведь продолжал заниматься своим делом. Однажды при таких же условиях я, сам того не замечая, столкнулся с медведем так близко, что, когда он, увидев меня, фыркнул, то брызги его слюны долетели до моего лица. Нельзя, конечно, допустить, чтобы медведь имел такой плохой слух и не мог услышать приближение человека за несколько шагов. Очевидно, это происходит от его крайней невнимательности ко всему окружающему.

Когда медведь пасется в лесу, то подкрасться к нему еще легче. В этом случае не беда, если охотник заденет за какую-нибудь ветку, или какой-нибудь сучок хрустнет у него под ногою; медведь на это не обратит в большинстве случаев никакого внимания. Многие охотники утверждают, что медведь, чувствуя себя полным хозяином в лесу и не находя здесь ни одного животного, равного себе по силе, никого не боится и потому мало обращает внимания на все, что делается вокруг него. В этом объяснении есть, конечно, доля правды, так как у медведя, действительно, меньше опасных врагов, чем у какой-нибудь козы, оленя или серны; но, зная, насколько он вообще труслив, с вышеприведенным объяснением согласиться нельзя.

Что касается вкуса, развитие которого у животных находится обыкновенно в более или менее тесной связи с развитием обоняния, то медведь в этом отношении стоит, как и надо было ожидать, довольно высоко. Его склонность покушать малины, его путешествия на высокие деревья с целью полакомиться даже мелкими дикими черешнями, его несомненное умение выбирать деревья с наиболее вкусными сливами, грушами, яблоками и т.д., наконец его всегдашняя готовность претерпеть немалые мучения, лишь бы отведать пчелиного меда, все это говорит, конечно, в пользу хорошо развитого вкуса.

Из всего сказанного об органах чувств медведя видно, что подкрасться к нему легче, чем ко всякому другому зверю, в особенности, если он бывает чем-нибудь занят, например, разрывает муравейник, выкапывает корни и т.п. Надо только в это время тщательно следить за всеми переменами ветра и стараться, чтобы он не нанес как-нибудь на медведя дух человека, и потому подходить нужно непременно против ветра, если же это невозможно, то лучше оставить всякую попытку подкрасться к медведю.

В тех местах, где медведя мало беспокоят, он в особенности беспечен и даже днем пасется по целым часам, почти ни разу не поднявши голову и не взглянувши в стороны. Во время путешествия по горам Кавказа, на альпийских лугах я часто подолгу наблюдал в бинокль медведей, которые ходили или очень высоко, или на таких труднодоступных местах, куда лезть за ними не было никакого желания. На пространстве в несколько десятков квадратных сажен медведь топтался иногда в течение целого часа. Однажды мне пришлось стрелять по сернам в то время, когда шагах в 600 от меня ходил медведь. На мой первый выстрел он не обратил даже внимания и продолжал пастись; но, когда я выстрелил по сернам во второй раз, он счел наконец за лучшее удалиться.

Не редко приходится слышать, что медведь под гору бегает очень плохо и даже не может догнать человека, если он бежит вниз. Это, однако, далеко не справедливо, по крайней мере, по отношению к кавказскому медведю. Если бы ему было так неудобно бежать под гору, то почему бы он, будучи ранен, бросался всегда вниз, как это отлично известно каждому охотнику. По этой-то причине считается гораздо более опасным стрелять, но медведю, который идет или стоит выше охотника. В этом случае он, бросившись после выстрела вниз, иногда помимо всякого желания сталкивается лицом к лицу с охотником и нападает на него. Подобные случаи бывали не раз. Года два тому назад медведь таким образом бросился на одного моего приятеля, лесничего Б., схватил его за сапог и едва не стащил с дерева, на которое он поспешил влезть, видя медведя у своих ног. Бежит медведь под гору неуклюжим, размашистым галопом, но настолько быстро, что стрелять по нем в это время пулей далеко не легко.

Людей медведь боится очень сильно; в особенности он пугается в том случае, когда ветер внезапно нанесет на него дух человека. В это время ленивое, неповоротливое животное как будто бы совсем перерождается. Если он почует, что человек очень близко, то обыкновенно с возможной поспешностью убегает; если же запах человека чуть слышен, то медведь начинает беспокойно озираться, принюхиваться, вытягивает шею, поворачивает морду в разные стороны, иногда поднимается на задние лапы, пытаясь увидеть человека, и, узнав наконец, при помощи чутья направление, откуда ему угрожает опасность, пускается бежать быстрым, неуклюжим галопом. Пробежав некоторое расстояние, он обыкновенно останавливается и оглядывается назад, то стоя на всех четырех ногах, то поднимаясь на дыбы, а потом снова продолжает бежать. В этом случае он выказывает иногда очень большую выносливость и силу. Я сам раза 3 или 4 видел, как медведь, почуяв человека, бросался

быстрым галопом на такую крутую гору, по которой человек не мог бы пробежать и ста шагов, и, почти не останавливаясь, пробегал таким образом более версты.

Надо заметить, что медведь, увидевший или почуявший человека, уходит обыкновенно так далеко, что идти или ехать за ним совершенно бесполезно. Я слышал об этом от охотников много раз, но не вполне верил их рассказам и несколько раз пытался преследовать медведя на горных лугах, проезжая иногда целые версты верхом в том направлении, куда бежал он, но ни разу мне не удалось увидеть его вторично. Обыкновенно в этом случае медведь старается уйти в лес, хота бы этот последний был за несколько верст. Тоже можно сказать и про раненого медведя. Насколько скоро и часто ложится тяжело раненый кабан или свинья, настолько далеко уходит обыкновенно медведь. Он идет в этом случае до последней возможности, до полной потери сил и нередко на ходу же падает и издыхает.

Как ни труслив кавказский медведь, но случается, хотя и очень редко, что он бросается на человека и без всякого вызова со стороны последнего. Это происходит именно в тех случаях, когда человек нечаянно сталкивается с медведем очень близко. Для примера привожу 3—4 таких случая. В Балкарии (Терская область) медведь в 1887 году схватил и сильно помял охотника, который, подкрадываясь к сернам, проходил мимо скалы, где отдыхал медведь. Охотник едва доплелся до своих товарищей и должен был пролежать после этого месяца полтора в постели. Другой случай произошел в верховьях, Урупа, где горец, отыскивая лошадей и имея при себе пистолет, в бурьяне также наткнулся на медведя, который и бросился на него. Выстрелом из пистолета медведь был сильно ранен и затем дорезан кинжалом. Около Сахрая медведь напал па охотника, который шел по дну глубокой водомоины и там столкнулся со зверем лицом к лицу. Медведь повалил охотника, покатал его по земле, обрызгал слюною, но не причинил никакого вреда. Несколько лет тому назад один трагический случай разыгрался в Осетии, недалеко от Караджаевского аула. Медведь напал на охотника в то время, когда он нес ружье еще в чехле, и так сильно помял его, что охотник па другой же день умер.

Что касается раненого медведя, то и он в большинстве случаев уходит от человека, хотя иногда поступает и иначе. Случаев, когда он нападал на охотника, я мог бы привести десятка два, но ограничусь немногими. Лет 15 назад медведь сломал руку и ногу пастуху, который столкнулся с ним и ранил его на скалах над Кубанью, недалеко от древней Хумаринской церкви. Этот медведь, расправляясь с пастухом, сам скатился со скалы и убился, а пастух выздоровел месяца через три. На Урухе раненый медведь бросился на двух охотников и обоих поранил, но был убит третьим их товарищем. Недалеко от Псебая медведь, сильно раненый, помял двух эстонцев, из которых один остался мертвым на месте поединка, а другой поправился, пролежав, однако, больным месяца два. Около Шатоя (Грозненский округ Терской области) медведь схватил одного охотника-солдата охотничьей команды капитана Данилевского и если бы на выручку его не бросился целый десяток гончих собак, охотник, может быть, не отделался теми неглубокими царапинами, которые успел нанести ему медведь. Раненый же медведь, за которым по пятам идет человек, бросается на него не только очень часто, но почти всегда. Таких случаев я знаю очень много. По этой причине даже самые отчаянные охотники оставляют преследование раненого медведя, если он полезет в густой бурьян или густой, сильно заросший лес, где можно неожиданно столкнуться с ним и попасть ему в лапы. Рассказы о том, что раненый медведь поднимается па задние лапы и медленными шагами наступает на человека, должны быть отнесены к разряду басен. Все охотники, которые подвергались нападению медведя, говорят, что он бросается очень быстро и, или вовсе не поднимается на дыбы или же, если и поднимется, то лишь в 2—3 шагах от охотника, а потом ударом лапы валит его на землю. Бывают случаи, что медведь, которого преследуют, с ревом поднимается на дыбы, делая 2—3 шага в сторону охотника, чтобы напугать его, а затем снова уходит. Такой случай наблюдал я сам над сильно раненой медведицей, которую преследовал вместе с одним охотником. Мы бежали за нею шагах в 40, и она 2 или 3 раза поднималась на дыбы и с ревом бросалась в нашу сторону, не решаясь, однако, напасть на нас. В это время к ней подбежал ее медвежонок. Пробираясь по высокой траве, она, вероятно, не узнала его, и в припадке озлобления схватила и принялась кусать до тех пор, пока он не вырвался из ее лап. Пройдя еще несколько шагов, она упала и кончилась.

При нападении медведь употребляет в дело как когти, так и зубы; последние оказываются даже гораздо более страшным оружием, чем первые. Когтями он наносит по большей части не особенно опасные раны и не может так быстро изуродовать человека, как зубами. Обладая страшно сильными жевательными мускулами и крепкими челюстями, он легко может раздробить ими в один момент кости руки, или разорвать человеку живот, грудь и т.д. Охотящимся с собаками не раз приходилось видеть, как расправляется с ними медведь. Когда ему удастся схватить собаку, то он сильно грызет ее зубами, стремясь схватить за горло или позвоночный столб, или же прижимает ее передними лапами к земле, сильно опирается на них и рвет собаку зубами.

Из сказанного выше читатель мог уже отчасти заметить, что жизнь медведя на Кавказе протекает при условиях далеко не таких, как во многих других странах. Правильной охоты или промысла за этим зверем здесь нет, и бьют его большею частью при случайной встрече; кроме того на

Кавказе есть много таких глухих, труднодоступных мест, на которых ни разу еще не ступала нога человека, и где, следовательно, медведь может бродить мирно, беззаботно и не помышляя о какой-либо опасности. Ни ям, ни самострелов, ни капканов здесь на него не устраивают. Кроме того, на Кавказе, в стране теплой, он находит гораздо большее количество плодов, как, например, каштанов, орехов, яблок, груш, желудей, шишек (Mespilus germanica) и т.д., чем где-нибудь в средней Европе, в России или Сибири; поэтому он редко бывает поставлен в необходимость нападать па животных и развивать в себе с одной стороны смелость, а с другой — кровожадные инстинкты. По этим причинам кавказский медведь оказывается более доверчивым, менее осторожным, и в то же время менее смелым, дерзким и кровожадным. В самом деле, каждому известно, как часто нападают медведи в России на крупный домашний скот и сколько истребляют они коров, быков и лошадей. Л.П. Сабанеев в своей статье об уральском медведе говорит, что с осени, когда в лесах ягод уже не станет, похождения медведей делаются очень убыточными для местных жителей, так как медведи нередко нападают в это время на коров и лошадей[15]. Брэму, во время его путешествия в Сибирь, говорили, что на Урале медведь есть злейший враг лошадей; лесничий Кременц о медведях Киевской губернии тоже сообщает, что они нападают на лошадей, коров, быков и лосей. Тот же автор рассказывает про одного медведя, который в течение дня разорвал 23 штуки рогатого скота[16]. На Скандинавском, полуострове медведь нападает на рогатый скот и забирается даже в хлева. Чуди также говорит о нападениях медведей в Швейцарии не только на овец и крупный рогатый скот, но даже на людей[17]; то же сообщаетъ Ленц[18] и многие другие. Совсем не так ведет себя медведь у нас. За все время путешествия по Кавказу я только в одном месте, именно в верховьях Уруха, в ущелье Харвес (Владикавказский округ) слышал про одного большого, старого медведя, который, живя в этой местности, истреблял в течение довольно продолжительного времени скот дигорцев. В течение 1884 года этот медведь, и может быть вместе с ним и другие, разорвал здесь 9 лошадей и около сотни штук рогатого скота. Но это, повторяю, единственное место, где мне довелось услышать о нападении кавказских медведей на взрослых лошадей и крупный рогатый скот. На людей, если принять во внимание огромное количество медведей, водящихся на Кавказе, они отваживаются нападать, как уже было замечено, крайне редко. Известно, впрочем, что в местах гористых медведи вообще смирнее, чем на равнинах, где им труднее избегать преследования человека; кроме того можно, по всей вероятности, принять за правило, что там, где хищное животное близко к истреблению, где оно постоянно сталкивается с человеком и должно вести с ним упорную борьбу за существование, там оно становится обыкновенно сметливее и кровожаднее, чем в местах, где, оно многочисленно, ведет привольную жизнь и редко бывает принуждено вступать в борьбу с человеком. Известно, например, что в Судане и вообще во внутренней Африке, где львов очень много и где их мало преследуют, они нападают на людей и домашних животных гораздо реже, чем на юге и севере упомянутой части света. Про бенгальского тигра Шервил тоже говорит, что это «в сущности безвредный и робкий зверь» и что так называемые «тигры-людоеды» там почти не встречаются. То же можно сказать про медведей Камчатки и вообще северо-восточной Азии, которые бродят иногда чуть не целыми стадами. Все эти причины также, вероятно, не остались без влияния на нравы и характер кавказского медведя.

Медведь с полнейшим основанием может считаться животным всеядным. Различные травы, коренья, всевозможные плоды, насекомые, падаль, мясо крупных животных, мед — все это служит ему пищей в то или другое время года. Я сам много раз наблюдал, как медведи выходят на чистые места, покрытые молодой зеленой травкой, и по целым часам пасутся подобно козам, овцам и другим травоядным животным. Мне часто приходилось видеть такие картины. В июне и июле на горных лугах, на высотах от 6 до 8 тысяч футов над уровнем моря. На подобных местах кроме травы и кореньев медведю трудно и найти что-либо другое. Особенно часто пасутся таким образом летом на горных лугах медведицы со своими медвежатами. Ранней весной медведи также часто выходят на поляны и опушки лесов, чтобы поесть только что вышедшей из земли молодой зеленой травки.

Медведь ест самые разнообразные растения; длинный список их приводит, например, академик Миддендорф в своем сочинении о буром медведе. Многие из этих растений и получили названия вроде «медвежьего корня, медвежьего уха, медвежьей петрушки» и т.д. В желудке медведей, убитых на горных лугах Кавказа, часто попадался мне мох и разные мелкие злаки; здесь же медведи поедают много борщевика (Heracleum villosum), стебли которого своими размерами напоминают деревья; в лесах, на сырых местах, они едят часто толстые, длинные черешки листьев чумного корня (Petasites officinalis), не трогая при этом прочие части растения. Почти у всех медведей, которых мне приходилось убивать летом на горных лугах Кавказа, зубы имели зеленоватый цвет вследствие питания исключительно свежей зелёной травой. Молодые побеги осины, клена, липы, березы и многих других деревьев медведь ест также с удовольствием а овес и вообще хлебные растения на Кавказе трогает сравнительно редко; зато сочной и сладкой кукурузе от него достается очень сильно. В лесистых местностях, где водится много медведей и диких свиней, кукурузу приходится оберегать очень тщательно. Горцы для этой цели нанимают обыкновенно сторожей, которые целые ночи ездят вокруг полей, кричат и стреляют; но и этого оказывается часто недостаточно. На места, засеянные

кукурузой, нередко ходят охотники, которым удается убивать здесь как кабанов, так и медведей. Картофель, сколько я знаю, медведи вовсе не трогают.

Когда в лесах начнут поспевать различные фрукты, то медведи с жадностью накидываются на них. Лыча[19] поспевает довольно рано и медведь ее очень любит. Он поедает ее в огромном количестве и никогда не разгрызает ее косточек, как это делают свиньи. В это время в лесах приходится встречать чуть не на каждом шагу огромные кучи медвежьих экскрементов, состоящих из одних только косточек лычи.

Сильнее всего медведи, точно так же как и свиньи, набрасываются на лычу в то время, когда она только начнет поспевать. По этой причине легче всего убить медведя, а также и кабана, под лычей скороспелой, к которой звери нередко стекаются со всех сторон. В это время под лычей трава и бурьян выбиваются так, как где-нибудь на дороге, или улице; тропы идут к тем местам, где растет лыча, со всех сторон, и под каждым деревом вытаптывается более или менее правильный круг, по которому медведи или кабаны обходят около лычи, подбирая упавшие на землю плоды. Медведи иногда взбираются на лычу и трясут ее, но ветки на ней ломают не так часто, как на сливах, черешнях и т.д.; это происходит, без сомнения, оттого, что лыча не так ломка, плоды ее сильно осыпаются, да и стрясти их легче.

Мало-помалу лыча начинает наскучать медведям, а тем временем наступает уже пора созревания слив, яблок и т.д. Тогда медведи накидываются на эти плоды. Чернослив и сливы они очень любят и, чтобы добыть их, взбираются на деревья, ломают ветки и обрывают с них плоды. На каждой сливе, растущей в лесу, можно видеть множество обломанных или расщепленных ветвей, и это, без сомнения, проделки медведя. Надо заметить, что даже в самых глухих местах Кавказа, среди сплошных лесов встречаются площади в одну или несколько десятин, на которых растет много лычи, слив, хороших груш и яблонь. Это сады, принадлежавшие когда-то кавказским горцам и с уходом их в Турцию оставленные на произвол судьбы. В них-то медведь и распоряжается по своему усмотрению, и притом большею частью самым варварским образом.

Особенно страдают от него сливы, ветви которых так легко обламываются. Медведь портит их из года в год ужаснейшим образом. Множество засохших, сломанных и расщепленных ветвей служит убедительным доказательством сказанного. В этом отношении медведь является животным далеко не безвредным. Набрасываясь обыкновенно на деревья с лучшими сортами плодов и обламывая на них ежегодно чуть не все ветви, он губит их окончательно. Для того чтобы воспользоваться плодами и спасти деревья, жители станиц, расположенных среди гор, стали выкашивать около таких деревьев бурьян и ставить пугала; но это не всегда помогает, в чем убеждался и я сам. Однажды, проезжая с двумя охотниками по лесу верстах в 20 от Самурской станицы, увидел я несколько деревьев, на которых висели довольно крупные, начавшие поспевать сливы. На некоторых деревьях виднелись свежеполоманные ветви и, кроме того, были заметны другие признаки посещения медведей. Мы знали, что дней через 6, когда сливы поспеют совершенно, нам снова придется проезжать через это место и, желая на возвратном пути воспользоваться сливами, решили защитить их от посягательств медведей. Для этой цели на два лучшие дерева мы навязали тряпки и были уверены, что медведь, почуяв запах человека, не решится подойти близко к деревьям. Но каково было наше удивление, когда мы на возвратном пути нашли все деревья страшно изуродованными, плоды поеденными, взамен их на земле множество медвежьих экскрементов, а на ветвях и колючках слив клочки медвежьей шерсти.

Я забыл еще сказать о том, что медведь большой охотник до плодов дикой черешни, и что ради них он готов взбираться на самые высокие и гладкие деревья. Мне, по крайней мере, раз 10 или 15 приходилось видеть черешни, на которых побывал медведь; стволы их имели обыкновенно от 4 до 6 вершков в диаметре и на протяжении сажен 6–7 от земли были совершенно лишены ветвей или сучков. Несмотря на это, медведь взбирался на них, усаживался на какой-нибудь развилке дерева, обламывал ближайшие ветви, обедал с них черешни, а самые ветви складывал на дереве же в кучи, напоминавшие нечто вроде орлиного гнезда. Такие кучи веток на верхушке деревьев я сам видел много раз и, кроме того, от охотников слыхал, что медведь складывает ветви, с которых оборвал плоды, под себя, чтобы ему удобнее было сидеть на дереве. На таких деревьях видны всегда следы медвежьих когтей, да и кора на них бывает как-то обтерта, вероятно, главным образом в то время, когда медведь, спускаясь с дерева и боясь упасть, плотно прижимается к дереву своим туловищем и ногами. Я нарочно обратил внимание на то, как медведь взбирается на дерево, то есть насколько помогают ему в этом случае когти, и заметил, что он сравнительно редко прокалывает ими: даже верхний, более гладкий и плотный слой коры черешни; чаще же таких проколов не замечается, а видны лишь царапины и небольшие вдавления на коре. Таким образом, когти помогают ему при лазаньи далеко не в том смысле и не в такой степени, как кошке, которая, запуская их в дерево, как бы бежит по нему; медведь же, наоборот, обхватывает дерево и крепко прижимается к нему, подобно человеку, своими конечностями и туловищем. Нужно заметить еще, что старые, крупные медведи на высокие, гладкие деревья не лазят вовсе; они взбираются только на низкие, сучковатые груши, яблони, лычу и т.д.

Как усердно медведи посещают те места леса, где растет лыча, видно из того, что один охотник Самурской станицы в прошлом году, в ночь под 21 июля, убил под лычей трех медведей. По звуку, производимому челюстями зверя, охотники легко узнают, едят ли лычу свиньи или медведь. Первые, как уже было сказано, всегда разгрызают косточки, производя этим довольно громкие звуки,— «хряпают», по выражению охотников; медведь же только чавкает, не издавая особенно громких звуков.

Когда лыча, разные породы слив и яблоки отойдут и начнут падать лесные груши, тогда медведи накидываются главным образом на них. Это время совпадает приблизительно с началом сентября. Медведь очень любит груши и, чтобы добыть их, влезает на деревья, трясет их ветви, а потом, спустившись вниз, поедает плоды, которые упали на землю. В это время также немало медведей попадает под пули охотников. Последние нередко застают медведей на деревьях в то время, когда они с увлечением занимаются своим делом и совершенно не обращают внимания на все окружающее. Бывали случаи, что на одном таком дереве, охотник заставал двух или трех медведей.

Когда груши начинают приходить к концу, для медведя готовы уже новые, еще более любимые им блюда — это желуди и чинаровые (буковые) орехи. Медведь как будто бы понимает, что от лычи, слив, яблок, груш и подобных им, хотя и вкусных, но водянистых плодов, жира не наживешь; поэтому бросает их, как только начнут поспевать богатые крахмалом и маслянистыми веществами желуди и орехи. Он как бы сознает, что, питаясь именно этими плодами, может разжиреть так сильно, что на счет собственного жира будет в состоянии просуществовать целую зиму. Замечу кстати, что не только медведи, но свиньи и олени перестают есть вкусные, улежавшиеся груши, когда начнут падать желуди и чинаровые орехи. В лесах Северо-Западного Кавказа груши чуть не кучами валяются в это время под некоторыми деревьями, и ни медведи, ни кабаны не обращают на них никакого внимания. В тех частях Кавказа, где, в лесах растут каштаны, медведи поедают их осенью с большей еще жадностью, чем желуди и чинаровые орехи.

Кроме перечисленных плодов медведь ест и многие другие. К ним принадлежат малина, шишки (Mespilus germanica), кизилъ (Cornus mascula) и т.п., но они не играют такой роли к жизни медведя, как те, о которых только что говорилось.

Из всего сказанного видно, что весною и в начале лета медведь питается преимущественно травой, кореньями и молодыми побегами; с июля же пищу его составляют главным образом различные плоды. В этом отношении кавказский медведь находится в условиях гораздо лучших, чем медведи других, более холодных стран. Без сомнения, по этой причине на Кавказе он гораздо реже бывает вынужден прибегать к животной пище. Ею, однако, он и здесь вовсе не пренебрегает. Муравьев и их яйца медведи так любят, что в тех местах, где медведей много, редкая муравьиная куча не носит на себе следов разорения, произведенная медвежьими когтями. На опушках лесов и полянах часто попадаются муравьиные кучи, которые носят на себе ясные доказательства неоднократного разорения медведями. Очень охотно переворачивает он камни, вывертывает старые пни, расщепляет полусгнившие стволы деревьев, чтобы полакомиться живущими в таких местах насекомыми, их личинками, слизняками и т.д. Я сам часто попадал на места, где на пространстве десятины или даже более почти каждый сколько-нибудь крупный камень был сдвинут со своего места медведем. На эту работу он употребил и, конечно, не один час времени.

На мелкий домашний скот медведь нападает довольно часто. Пастухи, кочующие летом со своими овцами и козами по горным лугам, не раз говорили мне про медведей, бравших с них тяжелую дань. Вблизи Оштена я сам видел, как медведи незадолго перед наступлением сумерек подкрадывались к стадам овец. В этой же местности летом 1889 года медведи за полтора месяца съели 15 штук жеребят, причем двое из них были похищены вблизи самого балагана табунщиков. Последние говорили мне, что медведи в таких случаях обнаруживают большую ловкость. Выбирают они для своих нападений туманные ночи, подкрадываются против ветра и притом так тихо, что кобылица успевает узнать об опасности лишь тогда, когда жеребенок ее уже в зубах медведя. На крупный рогатый скот и лошадей медведи на Кавказе нападают, как уже было замечено, крайне редко. В Кубанской области подобных случаев, кажется вовсе не бывает; по крайней мере, во многих местах о них никто никогда не слышал. Мне самому приходилось не один десяток ночей провести в лесах Баталпашинского, Майкопского и Екатеринодарского уездов, где медведей очень много; наши лошади целые ночи ходили без всякого присмотра и никогда ни один медведь не попытался напасть на них[20]. То же самое могу я сказать про Черноморский округ, Имеретию и большую часть Терской области. Только ущелье Харвес в Дигорт представляет, как я уже говорил, в этом отношении исключение. Здесь медведи часто нападают на лошадей, быков, коров и редко проходит неделя, чтобы они не задавили несколько штук крупного скота.

Много раз случалось (например, около Самурской станицы), что медведи съедали свиней и другую дичь, убитую охотниками и оставленную в лесу; наблюдались и такие случаи, когда медведи нападали даже на свиней совершенно здоровых или же раненых и больных. Один самурний охотник услышал однажды сильный шум и громкое пыхтение кабана. Шум быстро приближался к охотнику, он притаился, чтобы узнать, в чем дело, и вскоре увидел быстро скачущего кабана,

за которым во всю мочь гнался медведь, но не мог его догнать. В другой раз охотники Самурской станицы убили свинью, которая таскала на себе медведя. Уши у нее были почти совершенно отгрызены, а шея и спина страшно искусаны. Эту свинью вместе с медведем окружили собаки, но при приближении охотников медведь успел улизнуть, свинья же была убита. Она оказалась очень худой и, вероятно, больной. Значительно чаще медведь нападает на поросят, и это, вероятно, надо считать причиной ненависти свиней к нему. Я сам два раза видел, как медведь пасся в нескольких шагах от серн, причем они не обращали друг на друга почти никакого внимания; медведь сознавал, конечно, бесполезность попытки поймать такое проворное и ловкое животное, как серна, а она в свою очередь, надеясь на быстроту ног, нисколько не смущалась близким соседством хищника. Совсем иные отношения существуют между медведем и свиньями. Они никогда не ходит близко друг к другу; если, например, к лыче, где пасутся свиньи, подойдет медведь, то он или прогонит их, или же сам принужден будет удалиться. Последнее случается обыкновенно тогда, когда свиней окажется несколько штук и между ними будут такие, которые имеют порядочный рост и, следовательно, могут постоять за себя.

Кавказский медведь, однако, очень любит мясо, и если ему представляется случай, то пожирает его огромное количество. Найдя, например, довольно порядочную свинью, убитую охотниками, он обыкновенно съедает ее почти всю, оставляя нетронутыми лишь кости да концы ног. Недоеденную добычу он, подобно медведям других стран, заваливает хворостом, травой, валежником и т.п. О том, что медведь ест падаль, было уже упомянуто. Жители Геби и Чиора [21] рассказывали мне, что в восьмидесятых годах, когда в Имеретии был сильный падеж скота, и трупы умерших животных бросались около самых селений, медведи являлись сюда целыми шайками среди белого дня и с жадностью пожирали падаль. Их было так много, что имеретины даже боялись стрелять по ним. При случае медведь не отказывается съесть и человеческий труп, может быть, впрочем, только уже более или менее разложившийся. Так в Самурской станице несколько лет тому назад утонула в реке женщина, и тело ее, выброшенное на берег, было обглодано медведем, доказательством чему служили следы, оставленные им здесь же, на песке.

О нападении медведей на пчел будет сказано ниже. Во время зимы, когда земля покроется снегом и когда орехов или желудей найти трудно, медведь с такой жадностью ест истлевшее дерево — «гнилушу», как ее называют здесь, что попадающиеся в это время на снегу экскременты его состоят иногда из одной только гнилой древесины. Особенно охотно едят ее, по словам многих охотников, медведи, поднявшиеся из своих берлог с намерением закусить чем-нибудь. Питательных веществ в этой гнилуше очень мало, а между тем медведи, как я слышал от многих охотников, едят ее с большой жадностью. Вообще медведь очень прожорлив и в этом отношении превосходит всех млекопитающих животных, не исключая, вероятно, и свинью. Если он не спит, то всегда занят едою; огромные кучи медвежьих экскрементов, встречающиеся в лесах гораздо чаще, чем экскременты других крупных животных, указывают также на прожорливость медведя.

На Северном Кавказе чаще всего попадаются медведи на глаза человеку в сентябре и начале октября в тех местах, где случится урожай на груши и желуди. Там в начале осени медведей видят очень часто; в средине октября они начинают попадаться уже заметно реже, а в ноябре даже в тех местах Кубанской области, где их вообще очень много, как, например, по Лабе, Белой, Пшехе, Пшишу, у подножья гор, они уже довольно редки; но зато тем большее число их можно встретить в это время в горах, в местах глухих, безлюдных, где много скал, пещер, оврагов и пропастей. Не даром охотники говорят, что когда весь лист с деревьев опадет и начнется у свиней течка, медведи станут попадаться внизу уже очень редко. Время это также, как известно, совпадает с ноябрем.

С наступлением зимы из мест, не особенно гористых и более или менее низменных, медведи исчезают почти совершенно. В этом убеждался я неоднократно на основании личных наблюдений. Так, например, зимою 1887 года я в течение нескольких дней охотился в окрестностях Апшеронской станицы, стоящей на берегу Пшехи на высоте около 700 футов над уровнем моря, и не видел за это время ни одного медвежьего следа, тогда как летом и осенью в этих местах медведи не составляют редкости, и каждый год несколько штук их погибает от пуль тамошних охотников. Таким же образом, охотясь почти ежедневно в течение двух недель зимою 1885 года около станицы Змейской (Владикавказский округ), я не видел ни одного медвежьего следа, тогда как осенью того же года здесь было убито 4 медведя. Что же касается местностей более гористых и более возвышенных, то в них медведи попадаются и зимою, но все-таки гораздо реже. Таким образом, в 1887 года около станицы Самурской, отстоящей от Апшеронской на 22 версты, но окруженной довольно порядочными горами, я в течение трех дней охоты видел два свежих медвежьих следа. Далеко не часто видят медведей зимою и самурские охотники. Они говорят, что им по этой причине редко приходится убивать медведя с хорошей шерстью; летом же и в начале осени медведи попадаются часто даже около самой станицы. Охотясь зимою недалеко от Владикавказа и в горах Чечни, я также довольно редко видел следы медведей. Все эти факты указывают, конечно, на то, что на Северном Кавказе большая часть их на зиму залегает в спячку или, по крайней мере, забирается в самые труднодоступные части гор. Относительно последнего я также могу сообщить некоторые сведения. Так, например, в

верховьях реки Киши (на карте Чеис), впадающей в Белую (приток Кубани), есть крутой, скалистый косогор, простирающийся верст на 12. На нем растут дуб, липа, сосна, можжевельник и т.д., которые образуют более или менее густые заросли, чередующиеся со скалами, кручами и осыпями. Находится этот косогор в глухой, безлюдной местности и замечателен тем, что на зиму сюда стекается с окрестных мест столько медведей, что жители ближайшего к нему поселка прозвали этот косогор медвежьим городом. Про подобные же места, находящиеся в верховьях Цеце, говорили мне и казаки Самурской станицы. В таких глухих и труднодоступных местах скопляется много медведей уже в начале ноября, когда стоит еще более или менее теплая погода. Они заблаговременно находят себе берлогу и бродят здесь, пока не наступят более или менее сильные холода. В теплых ущельях или долинах, где редко выпадает снег и растет много дуба и чинара (бук), медведи бродят почти всю зиму, питаясь желудями и орехами. Во время холодной погоды они и здесь забираются в пещеры и лежат по нескольку суток, пока снова не наступят хорошие дни.

Без сомнения на Кавказе, имеющем сравнительно теплый климат, медведей, которые не подвергаются зимней спячке («шатунов» по-сибирски), гораздо больше, чем в России или вообще на севере. Это заключение я вывожу, между прочим, из того, что в горах Кавказа следы медведей зимою можно встретить везде, где только они водятся; что же касается стран более холодных, то о них этого сказать нельзя: там во время зимы медвежьи следы представляют уже явление исключительное. Кроме того, спячка здешних медведей далеко не такая непрерывная, как в холодных странах. В самом деле, охотники, забиравшиеся в глухие части гор, в теплые дни встречали медведей, бродящих по лесу, не особенно редко; когда же наступала более холодная погода или выпадал глубокий снег, они снова исчезали, скрываясь в свои берлоги.

О зимней спячке кавказских медведей вообще известно мало, и именно по той причине, что они ложатся обыкновенно в таких местах, которые для человека зимою почти недоступны. Исключены бывают, конечно; но сравнительно не часто. Так 31 декабря 1890 года на охоте близ Шатоя (Терская область) из-под скалы, находящейся на довольно ровном месте, была выгнана медведица, которую вскоре убил один из охотников. На снегу, около скалы, вовсе не было медвежьих следов, поэтому надо думать, что медведица задолго до нашей охоты залегла здесь в спячку, но была потревожена с одной стороны выстрелами, сделанными во время нашей охоты, а с другой — солдатом, пробиравшимся очень близко от скалы, под которой она лежала. Другая медведица была убита в берлоге, устроенной под скалою, 8 января около Елисаветпольского поселка (Кубанской области), и при ней оказалось два маленьких, еще слепых, медвежонка. В верховьях Белой (Кубанской области) охотники также находили в скалах или неглубоких пещерах медвежьи берлоги. Иногда, впрочем, они устраиваются более оригинальным манером. Так один самурский охотник, словам которого я вполне верю, нашел зимою медведицу с медвежатами в дупле пня громадного, сломанного аршинах в 3 или 4-х от земли бука. Оставшийся при корне пень имел в средине пустоту, и в этой-то пустоте, напоминавшей формой бочку, устроила медведица свою берлогу. Охотник нашел ее по следам и должен был довольно долго стучать по дереву, прежде чем медведица решилась покинуть свое ложе.

Так как Кавказ представляет большое разнообразие в климате и с одной стороны имеет места, где зимы почти не бывает, а с другой — где она по своей продолжительности не уступает российской, то, конечно, время залегания медведей в берлоги и время вставания из них на всем протяжении Кавказа не может быть одним и тем же. В Кубанской и Терской областях в начале марта очень часто видят медведиц с медвежатами, уже способными довольно хорошо бегать и лазать по деревьям. Таким образом, надо полагать, что на Северном Кавказе в местах не особенно возвышенных и вообще более или менее теплых медведи встают из берлог еще в феврале, в местах же более высоких и холодных, по всей вероятности, в средине или в конце марта. Что касается Закавказья, то на большей части его протяжения зимы вовсе не бывает, и медведи там бродят круглый год; но и в Закавказье, в особенности в гористых местах, они зимою попадаются заметно реже, чем в другое время года. Некоторые из охотников думают, что медведи перед наступлением холодов спускаются с гор на низменные места, другие же утверждают, что и в Закавказье многие из них залегают в спячку. Первое предположение можно считать вероятным уже по той причине, что в большинстве случаев медведю достаточно пройти несколько верст, чтобы попасть в места, где зимы вовсе нет. Судя по рассказам охотников восточной части Кавказа, такое переселение медведей перед наступлением зимы наблюдается и на северном склоне Кавказского хребта, например, в Кубанском уезде Бакинской губернии, где у подножья гор зимы тоже не бывает.

Недостаток в пище нередко заставляет медведей предпринимать более или менее значительные перекочевки. Они случаются преимущественно осенью, когда медведю необходимо запасти на зиму побольше жира Я уже говорил, что медведь страшно прожорлив, а в это время он почти целые сутки бродит и жрет в начале осени груши, а потом желуди, каштаны, где они есть, и чинаровые орехи. Под конец осени он превращается в толстое до безобразия чудовище, чуть не в сплошной ком сала. На ляжках оно образует иногда слой около 3-х вершков толщины, кишки и все внутренности также заплывают им, а живот свешивается чуть не до земли. В это время охотники снимают часто пудов пять сала с медведя, а бывают случаи, что попадаются крупные самцы, дающие до 8 пудов его. Та-

кой запас сала сильно греет медведя, и он, несмотря на довольно холодную погоду, редко пропустит в эту пору случай выкупаться или вываляться в грязи. Часто лужи или ямы с водою бывают покрыты уже довольно толстым слоем льда, но медведь разламывает его и ложится в грязь или воду. Подобные ванны принимают осенью не одни, впрочем, медведи, но и жирные кабаны[22].

С таким огромным запасом питательных веществ в теле медведь, лежа на месте без всякого движения, может, конечно, легко провести без пищи кавказскую зиму, которая вдвое, если не втрое короче Россииской или сибирской. В худшем положении он оказывается только тогда, когда в местности, им обитаемой, бывает неурожай на желуди, чинаровые орехи и каштаны. Вспоминая былые годы и чувствуя, может быть, потребность получше покушать перед долгим постом, он решается попытать счастья в чужих странах и предпринимает более пли менее далекие странствования. В доказательство существования таких перекочевок можно привести следуюшие факты. Года два тому пазад в Черноморском округе был плохой урожай на желуди, орехи и каштаны. Медведи тех мест перебрались через Кавказский хребет и спустились в долины Кубанской области. В ту осень по Сахраю (приток Белой) их было так много, что нельзя было пойти в лес, чтобы не столкнуться с медведем, а бабы боялись тогда отходить на несколько десятков сажен от Сахрайского поселка. Один охотник в то время за 2 недели убил 24 штуки медведей. Огромное количество медведей, появившихся осенью 1890 года в лесах около Майкопа, также надо приписать подобным переселениям. В пользу существовании их говорит и следующее обстоятельство: в июле 1889 года в верховяхъ Сочи и Шахе медведей было так много, что я за 7 дней видел их собственными глазами 25 штук, а в 1892 году в той же местности также за целую неделю мне удалось увидеть их лишь 3 штуки.

Медведи предпринимают часто еще иного рода недалекие перекочевки. В начале лета, когда альпийские луга освобождаются от снега и начинают покрываться свежей зеленой травой, многие медведи оставляют леса и отправляются в горы. В это время на тех горных лугах, куда редко заходит человек, медведи бродят, как много раз видел я сам по 3 и по 4 штуки вместе. В особенности часто попадаются в этих местах медведицы с медвежатами. Во второй половине лета число живущих здесь медведей сильно уменьшается, потому что многие из них снова отправляются в леса, где начинают поспевать черешни, сливы, лыча и т.д., но часть их не соблазняется обилием пищи в лесном поясе гор и остается на горных лугах до самого конца лета.

Медведь принадлежит к числу самых угрюмых и молчаливых животных. Без достаточно сильной причины он почти никогда не издает ни одного звука. Бродит он, пасется, отдыхает всегда молча. Даже от столь характерного чмоканья губами и ворчания, которые так часто издают медвежата, а иногда и взрослые медведи, живущие в зоологических садах и зверинцах, в то время, когда, например, лижут свои лапы, на свободе они воздерживаются. Звуки вроде, тихого мычания издает иногда медведица, призывая к себе медвежат. Совершенно несправедливо утверждают, что раненый медведь ревет непременно. Я сам наблюдал случаи, доказывающие противное; то же говорят и другие охотники. Однажды я стрелял медведя шагов на 80 или 90 в то время, когда он, вероятно, услышав мое приближение, поднялся на дыбы и смотрел в мою сторону. Пуля попала в самую средину груди его, и он, не издав ни малейшего звука, обратился в бегство, но, пробежав шагов 30, упал мертвым. В другой раз я стрелял медведя шагов на 25 в то время, когда он ходил по дну крутой балочки, поросшей бурьяном. Пуля также попала медведю в грудь, и он, как будто бы вовсе не раненый, крупным размашистым галопом бросился бежать. Так как все это происходило на открытом, горном лугу, то я успел снова тщательно прицелиться и второй пулей попал медведю прямо в позвоночный столб, убив его наповал. Бывают, однако, случаи и совершенно противуположного свойства, именно медведь вовсе не раненый, но только сильно испуганный громом выстрела, поднимает отчаянный рев. Не могу не рассказать одного случая, бывшего со мною очень недавно.

Ехал я однажды вместе со своим проводником и наткнулся на небольшого медведя. Он ходил по бурьяну недалеко от балки, сильно заросшей мелким лесом, который был густо заплетен хмелем. Так как мы находились на открытой местности и не далее 70 шагов от медведя, то я опасался, чтобы он не заметил нас и не ушел, а потому, не прицелившись хорошо, выстрелил в него. Медведь с отчаянным ревом бросился в балку, но здесь запутался в хмеле, как в тенетах, и, может быть, вообразив себя пойманным, поднял еще более отчаянный рев. Считая его сильно раненным, я побежал к балке, но вскоре заметил, что медведь перебрался уже на другую сторону ее и благополучно уходит. Осмотрев тщательно след медведя и не найдя на нем ни капли крови, я был сильно озадачен случившимся и завел речь со своим проводником, опытным охотником. Он решил, что медведь не ранен вовсе и ревел только под влиянием сильного испуга. Мы отправились на то место, где он ходил в надежде найти там в косогоре следы удара пули и действительно нашли взрытую ею землю, а в ней куски свинца. Очевидно, мой спутник был прав.

Что касается большинства случаев, то раненый медведь ревом дает знать охотнику, что его пуля не пролетала мимо. Он или ревет более или менее протяжно и громко, или же издает какие-то особенные, короткие, отрывистые и довольно быстро следующие друг за другом звуки, которые трудно передать словами. Они имеют отдаленное сходство с звуками «ох» или «ой», хрипло произносимыми человеком, и, вероятно, выражают испуг животного.

Многие описывают рев медведя как нечто ужасное; говорят, например, что он заставляет волосы подниматься дыбом и вызывает дрожь во всем теле даже у человека с крепкими нервами. Г. Черкасов, автор «Записок охотника Восточной Сибири», пишет: «рев медведей ужасен, особенно ночью, да еще в гористых местах, где эхо вторит царю лесов необъятной Сибири». Несколько ниже у него же читаем: «раненый зверь ревет еще ужаснее», так сильно, что, как говорят сибирские охотники, «даже земля поднимается».

Ничего подобного не наблюдал я на Кавказе, хотя и слышал рев раненого медведя много раз. Один охотник, который часто сопровождал меня в путешествиях по Кавказу, и который убил на своем веку не менее сотни медведей, также говорил мне, что медведь особенно громко не ревет никогда. Конечно, в безмолвном, дремучем лесу, пересеченном глубокими балками и ущельями, где, с одной стороны, нервы человека настраиваются совершенно особенным образом, а с другой — эхо и резонанс делают звуки гораздо более сильными и могучими, рев медведя может показаться ужасным. Очень многие описывают его таковым, без сомнения, вовсе не желая прибегать к прикрасам. Само собою разумеется, что в минуту опасности, когда рассвирепевший зверь с оскаленными зубами и искаженным злобою рылом бросается на охотника, этому последнему рев медведя должен показаться еще более страшным.

Тяжело раненный медведь, катаясь по земле и не имея сил подняться на ноги, часто еще фыркает и как-то особенно пыхтит и сопит. Если он имеет крупные размеры, то и эти звуки бывают настолько сильными и мощными, что могут произвести впечатление на нервы даже не трусливого человека. Раненые медвежата издают протяжные, высокие, очень пронзительные звуки. В горах слышно их, как я убеждался лично, версты за полторы или за две. Такие же звуки производят медвежата при сильном испуге, например, когда мать их бывает убита или их начинают ловить. Однажды я застрелил медведицу, у которой было два медвежонка, не замеченные мною до того момента, когда раздался мой выстрел. Отбежав шагов 40, они поднялись на задние лапы и, видя с одной стороны меня, а с другой свою мать, которая лежит мертвой и не следует за ними, подняли отчаянный крик. Когда мы погнались за ними, они отбежали дальше, а потом остановились и снова начали громко кричать, желая, вероятно, призвать этим к себе мать. Потом они взобрались на высокую, крутую скалу, уселись на ней друг около друга и оставались в таком положении около часу, пока мы не спугнули их, проезжая недалеко от скалы, на которой они сидели.

Если на медведя сразу пахнет, как выражаются охотники, духом человека, то он иногда громко заревет и тогда уже обращается в бегство. В этом я также имел случай убедиться на основании собственных наблюдений. Подошел однажды я шагов на 20 к медведице с медвежонком, которые паслись на самом дне крутой, воронкообразной ямы. Медведица совершенно спокойно паслась, и я минуты две любовался ею и медвежонком. Но вдруг ветер дунул от меня к медведице. Вся она мгновенно преобразилась, вероятно, быстро поняв всю опасность своего положения, громко заревела и бросилась бежать. Подобный случай я наблюдал еще раз, также близко столкнувшись с медведем. Нужно, однако, заметить, что гораздо чаще в этих случаях медведь фыркнет или громко сопнет и тогда уже убегает. Однажды, подкрадываясь к медведю из-за крутого гребня, я совершенно неожиданно столкнулся с ним не более как шага на два или на три; он фыркнул так сильно, что, как мне показалось, брызги его слюны попали мне в лицо, и затем бросился бежать. Я выстрелил по нему, но сделал промах.

Только один раз за все время моих путешествий по горам Кавказа мне пришлось услышать, что заревел медведь не раненый и ничем не испуганный. Я возвращался с охоты и, когда был уже около своей палатки, вдруг услышал короткий отрывистый рев, повторившийся раза 3 или 4; взглянув в том направлении, откуда он донесся до меня, я увидел на крутом косогоре в $^1/_2$ версте от меня трех медведей, ходивших друг около друга. Вероятно, один из них как-нибудь толкнул другого или чем-нибудь помешал ему и тем вызвал его негодование.

Ворчит медведь особенным образом, когда, пожелав полакомиться медом, вздумает разорить пчелиный рой, поселившийся где-нибудь в дупле дерева. Озлобленные пчелы жалят его в нос, губы, голые места около глаз и в ушах, кроме того, забираются в его густую шерсть и там пускают в дело свое ядовитое жало. Тогда медведь, решив претерпеть всякие муки, лишь бы не лишиться лакомого блюда, сердито трясет головой, сгребает с нее лапами пчел и злобно ворчит. Он старается прежде всего зубами расширить отверстие, ведущее в дупло с пчелиными сотами и не смущается, если стенки его будут иметь в толщину вершков около двух и если на эту работу потребуется не менее получаса; потом он запускает в дупло лапы и достает мед. Во все время этой работы пчелы нападают на него со страшным ожесточением, и он, сгребая их с себя лапами, которыми только что доставал мед, обмазывает им всю свою морду и голову. К ним, в свою очередь, прилипает множество пчел, и медведь превращается в такое чудище, какое трудно себе представить.

Если медведь близко столкнется с человеком или если охотник станет подходить к нему в то время, когда он ранен, то он иногда оскаливает зубы и, подобно волку, щелкает челюстями. Мне долгое время не представлялось случая наблюдать ничего подобного, и я с недоверием относился к рассказам охотников об этом обстоятельстве. Недавно, однако, и мне пришлось убедиться в спра-

ведливости их рассказов на одном, раненом мною, старом медведе, который с разбитым пулей позвоночным столбом и парализованными задними конечностями не мог ни защищаться, ни нападать на нас, когда мы стояли от него шагах в 20. А. Брэм также говорить, что ему приходилось наблюдать, как медвежата, живущие в неволе, при испуге становятся на задние лапы и щелкают зубами.

Надо заметить, что медведь производит при этом совсем не такие звуки, как рассерженный кабан, когда он угрожает своими страшными зубами человеку или собакам. Кабан не щелкает, а трет или как-то скрипит зубами, производя при этом негромкие звуки, которые можно слышать только шагов за 20, медведь же щелкает зубами громко, отрывисто, как волк или собака.

Медведя нельзя считать за животное в строгом смысле ночное. Правда, в тех местах, где его беспокоят более или менее часто, он действительно большую часть дня лежит, забравшись в расселины скал, в лесную чащу, бурьян, бурелом и т.д.; если же он поселился в местности глухой, безлюдной, то ведет себя совершенно иначе, — здесь он бродит не только ночью, но и большую часть дня. Во время своих поездок по горам Кавказа я встречал медведей днем очень часто, а в некоторых местах почти ежедневно. Летом их приходится видеть обыкновенно пасущимися на горных лугах с рассвета и часов до 9 или даже 10 утра; позднее же в течение некоторого времени они на открытых местах не показываются вовсе, но часов с 3 или 4, а на прохладных горных лугах иногда, как наблюдал я сам, даже с 2 пополудни медведи выползают снова из своих логовищ и снова отправляются на пастьбу. Медленной походкой переходят они от одного леса к другому, выходят на поляны, альпийские луга и пасутся здесь, как овцы или козы, мирно и беззаботно. Часто остаются они по получасу или даже по часу на пространстве в несколько десятков квадратных саженъ и кормятся травой, как какое-нибудь жвачное животное. Они любят ходить одной и той же дорогой, и потому в тех частях Кавказа, где их очень много, на горных лугах приходится иногда видеть сильно утоптанные, даже углубленные тропы, набитые исключительно медведями. Когда наскучит медведю бродить, он ложится иногда в бурьяне, под скалою, а иногда на совершенно чистом открытом месте, и лежит здесь по целым часам. Я сам однажды, часов в 10 утра, наткнулся на медведицу с медвежатами, причем все они лежали на вершине пологого бугра, покрытого травкой ростом не более одного или двух вершков.

Особенно рано после полудня поднимаются медведицы, имеющие при себе медвежат. Последним наскучает долго лежать на одном месте, кроме того, пищеварение у них совершается быстрее, чем у взрослых, и быстрее пробуждается чувство голода; поэтому они, употребив на отдых часа 3—4, начинают возиться, теребить свою мать и заставляют ее подняться с лежки раньше времени. В лесах, более или менее удаленных от людского жилья, так же как и на горных лугах нередко можно встретить медведей днем по близости лычи, слив, черешен и т.д. Менее преследуемые человеком они оказываются и гораздо менее осторожными, чем, например, свиньи или олени, и в дождливую или туманную погоду бродят даже в течение целого дня.

О том, как происходит спаривание кавказских медведей, известно очень мало, и происходит это, вероятно, по той причине, что оно совершается здесь так же, как и в других странах, в мёстах самых глухих. Из всех охотников, которых я спрашивал об этом предмете, только один был свидетелем самого акта спаривания. Он говорил, что, проезжая днем через одну довольно большую поляну, заметил на краю ее совокуплявшихся медведей, подкрался к ним и убил самца, а самка тем временем успела спастись бегством. Это случилось в самом конце мая, причем с самкой был только один самец. Так как в это время года никто не наблюдал медведей, собирающихся в большие шайки, то можно сказать с уверенностью, что за одной самкой не ходит несколько самцов. Впрочем, двух самцов при одной самке я сам видел однажды в первой половине июня, и они, по-видимому, были заняты ухаживанием за самкой. Вероятно, в большинстве случаев сильнейший самец прогоняет от самки своих более слабых соперников. Замечено также, что медвежат при этом около медведицы никогда не бывает. Это можно объяснить с одной стороны тем, что медведицы, имеющие не достигших еще года медвежат, не спариваются, а с другой — тем, что они отгоняют от себя медвежат в пору течки. Так как мне самому и многим кавказским охотникам не раз попадались летом медведицы без медвежат, то первое предположение нельзя считать невероятным. Как известно, зоологи и многие охотники других стран также склонны думать, что медведицы и спариваются, и рождают не каждый год. Такого мнения придерживается и Миддендорф[23]. Особенного шума и драк во время течки у медведей не бывает; в противном случае это было бы замечено жителями горных станиц и аулов Кавказа, где медведей до сих пор еще очень много.

Во второй половине дня я встречал очень много медведей и медведиц в особенности на горных лугах, где только что пробилась из земли свежая, зеленая травка. В это время ничего похожего на ухаживания я не наблюдал. Ко второй половине дня на Кавказе течка, следовательно, оканчивается. Таким образом, спаривание у кавказских медведей совершается немного раньше, чем на Урале, в Сибири и даже в западной Европе[24]. Заметим, между прочим, что у медведей в противоположность многим другим млекопитающим спаривание происходит не в то время, когда они бывают жирными, а худыми и тощими[25].

Что касается появления на свет медвежат, то оно происходит в берлоге, и притом в самую средину зимы, то есть в январе. В доказательство этого могу привести, между прочим, следующие

данные. Года три тому назад около Елисаветпольского поселка были убиты в берлогах две медведицы с маленькими, еще слепыми медвежатами; одну из них убили 7 января, а другую днями 3—4 позднее. Около Сахрая[26] также убивали в январе медведиц с только что родившимися медвежатами. Время это, таким образом, более или менее совпадает с тем, которое принимает Миддендорф для Прибалтийского края (первая половина января) и для Польши (конец декабря), а Блазиус для Западной Европы (январь); но оно сильно разнится от того, на которое указывает Черкасов для Сибири (в марте и редко в начале апреля) и Сабанеев для Урала (в феврале на южном Урале, и в марте и даже в апреле—на северном). Такое позднее появление на свет медвежат, по мнению господина Сабанеева, находится в прямой связи с поздним выходом медведиц из берлог, вследствие чего они не успевают отъесться так скоро и начинают спариваться целым месяцем позднее, чем в местах более теплых. Судя по некоторым данным, на Кавказе немногие медведицы родят значительно позднее или значительно раньше средины зимы. Так, мне самому попалась во второй половине июня 1887 года медведица с такими маленькими медвежатами, которым едва ли было более 3—4 месяцев, а один заслуживающий доверия охотник видел однажды медведицу с маленькими медвежатами, бродившими уже по лесу, в конце декабря. Они родились, вероятно, вне берлоги приблизительно в конце ноября[27]. Это, впрочем, уже случаи более или менее исключительные.

Все охотники говорят о необыкновенно малом росте слепых медвежат, находимых в берлоге. По их словам, медвежата в ту пору бывают величиной с котенка средней величины или, как выразился один хороший охотник, с рукавичку. Эта особенность, замеченная у медведей и других стран, объясняется, вероятно, тем, что если бы медвежата росли в теле матери быстро, то на их рост требовалось бы много питательного материала, и медведица не так легко могла бы с осени запастись достаточным для зимней спячки количеством жира и быстро израсходовала бы его, прежде чем получила возможность выйти из берлоги вместе со своим потомством.

При одной и той же медведице ни в берлоге, ни по выходе из нее никто, сколько я знаю, не наблюдал на Кавказе медвежат разных возрастов. В средине лета я сам видел очень часто медведиц с медвежатами, и последние всегда были одного и того же роста и, следовательно, одного помета. По этой причине о пестунах на Кавказе никто ничего не говорит. Число медвежат здесь в огромном большинстве случаев равно двум. Из 25—30 медведиц, которых я видел с детьми, только 3 было с одним медвежонком. Более двух медвежат при одной медведице я сам не наблюдал никогда, а один охотник, убивший на своем веку не менее сотни медведей, говорит, что только раз видел трех медвежат; другой же старый, опытный охотник видел раза 3—4 по три медвежонка и один раз четырех при одной самке.

Растут медвежата не только в начале своей жизни, но и впоследствии очень медленно. В конце июля, когда они имеют уже более полугода, рост их не превосходит роста лягавой собаки, а иногда бывает и значительно менее. Даже летом следующего года они выглядывают еще медвежатами.

В первые весенние месяцы медведицы со своим потомством держатся в лесах, а летом многие из них перебираются на горные пастбища и бродят здесь, если только их мало пугают, днем и ночью по совершенно открытым местам. Они часто взбираются на осыпи, голые скалы и снежные поля, где их можно видеть за целые версты и наблюдать по целым часам.

Раза три приходилось мне убивать в поле медведиц, ходивших с медвежатами, и ни разу я не нашел у них в вымени молока; одну медведицу, также имевшую при себе медвежат, я убил 10 июня, и у нее вымя было совсем пустым. Кроме того, по сосцам было заметно, что все эти медведицы уже давно бросили кормить своих медвежат. В средине лета мне много раз приходилось по целым часам издали наблюдать в бинокль медведиц, и я ни разу не видел, чтобы они кормили медвежат. Таким образом, уже в конце весны или в начале лета медведицы перестают кормить молоком своих детей. Из наблюдений в других странах известно, впрочем, что медведица кормит медвежат в продолжение месяцев 4.

Медведица зорко следит за своими медвежатами только тогда, когда они еще очень малы, то есть имеют не более 2—3 месяцев; позднее же ей, вероятно, наскучает возиться с ними, и она начинает относиться к ним все более и более равнодушно. В это время медвежата бродят и пасутся то около нее, то уходят более или менее далеко, нередко сажен на 20—30 вперед или в стороны, и она иногда в течение целого получаса ни разу не взглянет на них. Случается, что сама медведица уходит, а медвежата, занявшись чем-нибудь, остаются далеко назади. Если медведица почует или увидит человека, то обыкновенно довольно громко заревет, предупреждая этим медвежат об угрожающей им опасности, и быстро уходит. Медвежата бросаются за нею, но обыкновенно более или менее сильно отстают. Пробежавши довольно порядочное расстояние, иногда сажен 200, и, вероятно, почувствовав себя вне опасности, медведица решается наконец остановиться и посмотреть, что делается с ее потомством. Четыре раза мне приходилось ранить медведиц, имевших при себе медвежат, и только одна из них после выстрела решилась броситься на меня, остальные же три поспешно убегали. Из числа этих последних одна была ранена очень тяжело и упала, пробежавши шагов сто, другая ушла довольно далеко, но, несмотря на рану, остановилась и более или менее

долго поджидала своих медвежат. Наконец третья с пробитой насквозь грудью спустилась с крутой скалы, остановилась у основания ее и так долго ждала медвежат, что дало нам возможность вторично подойти к ней и выстрелить.

Если встреча с человеком происходит в лесу, то испуганные медвежата, в особенности маленькие, обыкновенно взбираются на деревья, а мать бегает вокруг, подходит к человеку довольно близко, фыркает, сопит, стараясь его прогнать, но редко решается вступить с ним в бой. Застреливши ее, можно легко завладеть медвежатами, которые поднимают тогда громкий пронзительный крик, сильно кусаются и царапаются.

Почти все, наблюдавшие медвежат, описывают их как зверков чрезвычайно резвых, игривых и забавных. Я наблюдал их очень часто, но почти исключительно на горных лугах, и никогда ничего подобного не замечал. Мне ни разу не приходилось видеть, чтобы они резвились, играли друг с другом, бегали взапуски и т.д., наоборот они всегда казались мне скучными, ленивыми, ходили медленно, подолгу копались в земле на одном месте или щипали траву, не обращая никакого внимания друг на друга. Может быть в лесу, где им представляется возможность лазать по деревьям, прыгать через валежины и т.п., они ведут себя иначе. У живущих в неволе, правда, часто обнаруживается желание, как и я сам замечал, играть, прыгать, бегать, возиться друг с другом и т.д.

Об охоте на Кавказского медведя я скажу лишь несколько слов. Раньше было уже замечено, что она имеет на Кавказе более или менее случайный характер, потому что охотники-промышленники ценят медведя гораздо ниже, чем, например, кабана или оленя, и часто даже не удостаивают его своими выстрелами. Что же касается интеллигентных охотников, то они смотрят на медведя, конечно, иначе, но число таких охотников в сравнении с общим числом их очень не велико.

На медведей, лежащих в берлоге, на Кавказе совсем не охотятся. Они за малыми исключениями ложатся здесь в таких трущобах, куда человеку, в особенности зимою, нет возможности и пробраться. Летом медведей бьют тоже мало, потому что мех их в это время почти никуда не годен, сала нет вовсе, а мясо не употребляется в пищу. Если охотник в это время и убьет медведя, то воспользуется только кожей с его спины, из которой может выделать очень крепкие ремни. Осенью медведей бьют гораздо чаще, так как они кроме кожи доставляют часто по нескольку пудов сала, которое не так легко застывает и потому считается очень удобным для смазки сапог, ремней и т.д.; его охотно берут в аптеках, употребляют в народной медицине (для смазывания ссадин и ран у людей и домашних животных), изредка употребляют его и для освещения.

Кожа, мясо, сало и все вообще части тела у медведя заметно рыхлее, чем, например, у кабана, и потому более или менее свободно пробиваются пулей. Бердановская пуля, очень часто останавливающаяся в теле кабана, медведя почти всегда пробивает навылет. Экспрессная пуля 450 кал., весящая, однако же, не менее 18—20 граммов, также в большинстве случаев пронизывает его. Однажды такой пулей я прострелил медведя даже вдоль всего тела его. Несмотря на это медведь чрезвычайно живуч, «крепок на рану», как говорят. Случаев, чтобы он с неповрежденным головным или спинным мозгом остался после выстрела на месте, почти не бывает. Такой случай я наблюдал только один раз. С пробитым сердцем медведь пробегает обыкновенно несколько десятков шагов. Одна, впрочем, медведица, по которой я сам стрелял, с раною в сердце пробежала под гору около 150 шагов, другая же с пробитою аортою два или три раза с ревом поднималась на дыбы, оборачиваясь в мою сторону, и, прежде чем упала, успела покусать своего медвежонка и пройти шагов 60—70. Об этом случае упоминалось уже раньше. Небольшой медвежонок, которому экспрессная пуля так разорвала живот, что кишки вылезли из него, бросился убегать, оставил сажени полторы своих кишок на камнях и все-таки ушел на моих глазах. Как ни странны приведенные случаи, я, однако, как очевидец, могу ручаться за них вполне.

О том, как ведет себя раненый медведь, было уже сказано.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. Русская фауна Симашко. Статья Меддендорфа «Бурый медведь», стр. 193.
2. Самый большой череп, привезенный академиком Миддендорфом из Восточной Сибири имеет в длину 41,8 сантиметров и вес почти в 7 фунтов, а череп самого большого медведя, убитого Пржевальским в Уссурийском крае, имеет 18 дюймов или 451/2 сантиметров в длину. Еще больший череп привезен Шренком. Это, сколько я знаю, самые большие черепа бурого медведя в музее Академии Наук.
3. Naturgeschichte Der Säugethiere Deutschlands, S. 199.
4. Признавать их за отдельные виды, конечно, нет основания, так как нет, вероятно, основания считать и кавказского медведя за особый вид.
5. Медведицы бывают вообще значительно меньше ростом, чем самцы-медведи.
6. Русская фауна, стр. 227.
7. Путешествие в Уссурийском крае, стр. 243

8. Записки охотников Восточной Сибири.

9. Медведь и медвежий промысел на Урале. Журнал «Природа и охота» 1878 года. Декабрь. Стр. 42.

10. Путешествие на север и восток Сибири. Часть 2-я. Сибирская фауна, стр. 17.

11. Один череп есть, впрочем, у меня без всяких признаков первых ложно-коренных зубов.

12. По мнению Миддендорфа, медведь, линяет раньше. Миддендорф говорит, что медведь «оканчивает обмен волос к маю или июню». Несколько дальше у него же мы читаем: «к самому жаркому времени года, к июлю и августу, медведь облачается в одежду из коротких, неплотных волос». Сопоставляя первое и второе, нельзя, кажется, не усмотреть некоторого противоречия. Если медведь только к июлю или августу одевается в летнюю шерсть, то, вероятно, он и теряет зимнюю шерсть не к маю или июню, а позднее, как наблюдается это и на Кавказе. Русская фауна, стр. 232.

13. В Ленкоранском уезде, именно в горах около Персидской границы, медведей очень много.

14. Небольшая речка, впадающая в Ардон, приток Терека.

15. Журнал «Природа и Охота» 1878 г. декабрь, стр. 50.

16. Брэм. Жизнь животных изд. 2-е, стр. 226.

17. Чуди. Альпийский мир. Перевод с немецкого, стр. 495—511.

18. Die Saügethiere, 5 Auil. 133.

19. Лыча или правильнее алыча (Prunus divaricata)

20. Во время моей последней поездки в горы Чечни я узнал, что и там вовсе не нападают на взрослых лошадей и рогатый скот.

21. Рачинский уезд Кутаисской губерн.

22. Вообще все звери купаются чаще не в средине лета, а к концу его или даже осенью, то есть в то время, когда бывают жирны. Только олени составляют исключение, — они купаются преимущественно весною, когда линяют. После грязной ванны олень отряхивается и вместе с грязью сбрасывает много зимней шерсти.

23. Русская фауна, стр. 239.

24. По мнению Л. Сабанеева («Медведь и медвежий промысел на Урале») течка начинается в Петровки и оканчивается в начале июля. В Сибири, по словам Черкасского («Записки охотников Восточной Сибири»), она бывает в летние жары, именно около Петрова дня. Миддендорф говорит, что спаривание совершается еще позднее, именно в июле и августе. Это относится не к Кавказу, конечно, а к Росси и Сибири. Еще более широкие пределы дли времени спаривания отводит Блазиус (Naturgeschichte der Saügethiere Deutschlands, S. 200), именно с июня по октябрь.

25. Из всех убитых мною в июне и июле медведей и медведиц я не встретил ни одного жирного.

26. Оба упомянутые пункта находятся в Кубанской области.

27. Черкасов говорит, что медведицы рождают медвежат иногда уже по выходе из берлоги.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èçäàíèþ:
Динник Н.Я. Медведь и его образ жизни на Кавказе. — М., 1896.

ÂÅÐÕÎÂÜß ÁÎËÜØÎÃÎ ÇÅËÅÍ×ÓÊÀ È ÕÐÅÁÅÒ ÀÁÈØÈÐÀ-ÀÁÓÕÀ

Летом 1898 года я решил побывать в верховьях Большого Зеленчука и особенно в лесах, растущих в этой местности, кроме того осмотреть обстоятельно высокий хребет Абишира-Ахуба, идущий между Зеленчуком и Лабой, ознакомиться, насколько позволят обстоятельства, с фауной этих мест и, наконец, окончательно разрешить вопрос о том, водятся ли до сих пор зубры в верховьях Зеленчука и в местах, лежащих рядом с ними. Для этой цели я с одним проводником отправился из Псебая в станицу Зеленчукскую, представляющую последний, если не считать Зеленчукского монастыря, населенный пункт в долине Большого Зеленчука. В этой станице я должен был встретиться с моим будущим спутником — С.Ф. Давидовичем, запастись провизией, нанять проводников и затем уже отправиться в горы. Из Псебая мне надо было ехать по продольной долине, которая тянется между отрогами Главного Кавказского хребта и Черными горами, отстоящими в этой части Кубанской области средним числом верст на 60 от главной цепи и идущими почти параллельно ей. Дорога наша шла по этой долине на протяжении верст 70 и проходила через станицы Преградную и Сторожевую до самой Зеленчукской, от которой уже круто поворачивала вправо, вверх по долине Большого Зеленчука.

Около Псебая мы верхами переправились вброд через Малую Лабу и поехали вверх по реке Андрюку, предполагая переночевать на караулке Дженту, где живут два егеря Кубанской великокняжеской охоты. Караулка расположена в неглубокой долине и почти со всех сторон окружена лесом. С нее открывается очень красивый вид на горы, внизу покрытые лиственным лесом, а вверху густым ельником. Я с особенным удовольствием смотрел с крыльца караулки на эти дорогие для меня по воспоминаниям места, где зимою 1895—1896 года очень удачно охотился с егерями Кубанской охоты за дикими кабанами.

На следующее утро мы выступили из караулки в числе пяти человек: я, мой проводник и три егеря, которым приказано было объехать горы на правой стороне Большой Лабы. С ними мне приходилось путешествовать верст 20, до моста, недавно построенного через Большую Лабу одним лесопромышленником на месте бывшего здесь раньше зыбкого висячего черкесского мостика из плетней, по которому могли переходить через реку только пешеходы, да перегоняться за один раз не более 2—3 штук овец.

На протяжении верст двух от караулки наш путь тянулся по болотистому месту, густо затянутому зеленым травяным покровом. Такие места, очень сходные с болотами севера, встречаются, как известно, на горах Кавказа не особенно редко и принадлежат в большинстве случаев не к моховым болотам, а к так называемым травяным, или к болотам кислых трав. Происхождением своим они обязаны как обилию атмосферных осадков на горах Западного Кавказа, так и обилию вод, стекающих с гор. В упомянутой уже продольной долине таких болот очень много. Некоторые из них, в том числе и описываемое здесь, лежат не в котловинах, а на плоских местах или даже на возвышенных водоразделах, и, подобно болотам севера, имеют иногда более или менее выпуклую форму со значительно поднятым центром. Даже на таких возвышенных местах почва и корни трав так сильно пропитаны водою, что нога человека погружается в нее выше, чем по щиколотку. На этих болотах растет Equisetum palustre, Typha latifolia, Butomus umbelatus, Hippuris vulgaris, Phragmites communis, несколько видов Carex и т.д.

За болотом дорога наша на протяжении нескольких верст тянулась по лесу, а затем вышла в долину Большой Лабы, где с левой стороны река окаймлялась широкой, совершенно ровной поляной, покрытой хорошей травой. С этой поляны открывается очень красивый вид на гору Ахмет, вершина которой с южной стороны, где гора подмывается Лабою, имеет форму мыса, обрывающегося отвесной скалистой стеной, вероятно, не менее, как в сотню саженей высоты. На север гора Ахмет спускается более полого, покрыта лесом и дает начало нескольким небольшим речкам, текущим в Лабу.

Проехав еще верст 10 вверх по левой стороне долины Лабы, мы добрались наконец до давно ожидаемого моста, где предполагали отдохнуть часа два и покормить лошадей. Лабу здесь стеснили скалы, и она из большой реки, шириною аршин в 70, сразу превращается в очень быстрый, узкий (не шире аршин 20-ти) поток, через который перекинут мост. Этот мост сократил мой путь верст на 60, избавив меня от необходимости ехать через Зассовскую станицу, находящуюся на Большой Лабе в 35 верстах ниже Псебая.

Так как в горах в последние дни стояла хорошая погода, то вода в Лабе была очень чиста и имела нежный зеленовато-синий цвет. С удовольствием мы расположились на берегу этой красивой реки под тенью редких одиночно стоящих деревьев, и тотчас каждый из нас принялся за свое дело: двое из моих спутников отправились ловить форель, которая водится здесь в довольно большом количестве, двое принялись разводить огонь и кипятить воду для чая, а я пошел побродить по соседним местам в надежде найти что-нибудь интересное. Счастливее всех оказались наши рыболовы, которым в полчаса удалось поймать более десятка форелей.

Я забыл сказать, что в лесах и на полянах, через которые пролегал наш путь, мы видели много кабаньих следов и кое-где следы оленей и диких коз.

Переехав через Лабу, мы направились вниз, вдоль ее левого берега, а вскоре затем свернули на восток, в долину небольшой речки Псемен и, придерживаясь южного склона горы Шелох (5527 фута), доехали часам к 6 вечера до станицы Преградной. Почти вся эта дорога, по которой с удобством можно ехать только верхом, имеет очень живописные окрестности и то спускается вниз, в глубокие балки, то поднимается на высокие горы. По сторонам ее всюду виднеются изумрудно-зеленые горные луга, леса и перелески, а на Шелохе, кроме того, высокие желтоватые скалы. Еще более красивые места открываются вдали, на востоке, а особенно на юге, где лесистые горы постепенно поднимаются все выше и выше и представляют целый лабиринт хребтов, ущелий и долин.

Станица Преградная расположена на левом берегу Уруна, на высоте с лишком 2200 футов, у южного конца так называемого Урупского ущелья, у входа в которое поднимаются два великана, Шелох (5527 фута)[1] и Баранаха (5589 фута). Очень красив вид со станицы на Баранаху, внизу более или менее пологую, а вверху скалистую и крутую, как стена. Вершина ее даже в ясные дни часто бывает скрыта в облаках, и тогда гора представляется еще величественнее.

В Преградной я пробыл двое суток у моего хорошего знакомого, отца Георгия Горыча. От него и его жены, которая в течение нескольких лет ведет метеорологические заметки, я узнал интересные данные о климатических особенностях этой местности, где они живут уже более десяти лет. Жена отца Егора сообщила мне между прочим, что в станице Преградной, имеющей вообще довольно прохладное лето, которое обусловливается, с одной стороны, возвышенным положением местности, а с другой — близостью высоких гор, первые утренники случаются очень рано, обыкновенно между 3 и 7 августа, а первый снег выпадает между 5 и 10 сентября. Зимы, по ее словам, только в последние 3 года (1895—98) отличались большей или меньшей суровостью, раньше же были очень теплы и почти бесснежны (снег выпадал много раз, но очень скоро таял). — Морозов больше 5° в то время почти не случалось, а в полдень даже в средине зимы температура поднималась иногда до +12 или 15° Р. Ясные дни бывают здесь сравнительно редко, притом летом реже, чем зимою. С 1-го ноября 1895 года по 1-е ноября 1896 года более или менее ясных дней было 163, сильно пасмурных 111, а таких, когда в течение большей части суток шел дождь или снег, 91. В следующем году (по 1-е ноября 1897 года) более или менее ясных дней было 208, сильно пасмурных 125. Плоды и ягоды созревают здесь на целый месяц позднее, чем на равнинах Северного Кавказа. Вишни, например, поспевают в конце июля и держатся на деревьях до Успения; то же можно сказать и о малине. Яблоки скороспелые начинают поспевать только в августе, обыкновенные же, а также груши и алыча (Prunus divaricata) — в сентябре. Арбузов, дынь и помидоров здесь даже не сеют, так как они вовсе не вызревают. Клубника на полях поспевает в первой половине июля, а огурцы — в конце июля. Проезжая на возвратном пути через Преградную 15-го июля, я, действительно, не нашел здесь ни зрелых вишен, ни огурцов, ни малины. Просо и греча около Преградной убираются только в сентябре.

Во время пребывания в Преградной мною было предпринято 2—3 прогулки по окрестностям станицы. Из птиц чаще других попадались мне в это время стрижи, чеканы, жаворонки и овсянки, дрозды, сарычи и т.д. Городская ласточка (Hirundo urbica) водится в Урупском ущелье, где на каждом шагу видишь прилепленные к скалам ее гнезда. Здесь же рядом с нею живет и черный стриж (Cypselus apus), альпийская ворона (Fregilus graculus) и скалистая ласточка (Cotyle rupestris). Горный стриж (Cypselus melba) также попадался мне в этих местах, но гораздо реже. В станице очень часто встречается деревенская ласточка (Hirundo rustica L.), иволга, хохлатый жаворонок, черный дрозд (Merula vulgaris Ray), зяблик (Fringilla coelebs), а в окрестностях ее — мухоловка (Muscicapa griseola), черноголовая сойка (Garrulus Krinickii Kalen.), сарыч (Buteo Menetriesi Bogd.). Кроме того, здесь же я видел стервятника (Neophron percnopterus L.) и несколько серых грифов (Gips fulvus Gm.) В лесах, окружающих станицу, водится до сих пор довольно много медведей, диких свиней, коз и оленей. Лет 15 тому назад преградненским охотником была убита пантера (Pelis pardus L), которая, как выяснилось в последние годы, не составляет редкости в горах Кубанской области. По словам здешнего лесничего О.Г. Шветтыша, рев ее часто и теперь пастухи-черкесы слышат в горах.

У Преградной я видел интересного кота — помесь домашней кошки с диким котом. Ростом он заметно больше домашнего и имеет хвост, сильно пушистый, в особенности на конце (совершенно, как у дикого), но отличающийся почти однообразной черной окраской; таким образом, чередующиеся черные и серые кольца хвоста дикого кота у него выражены гораздо слабее. Уши внутри покрыты длинными (более 1 дюйма) редкими волосами. Зимою этот кот бывает покрыт очень пушистой и гораздо более длинной шерстью, чем домашние коты; особенно пушист бывает хвост, к концу как будто утолщающийся и кажущийся обрубленным. Волоски внутри ушей делаются гуще и в виде щетки торчат из уха. Цвет кота — темно-серый с черными пятнами, но не полосами, как у дикого. Нравом этот кот отличается несколько от домашнего: он никогда, например, не ночует в комнатах и даже зимою большую часть времени проводит на открытом воздухе, но в общем имеет смирный нрав[2].

Дорога до Сторожевой и Зеленчукской станиц тянется по продолжению той же продольной долины, о которой было уже сказано. Она и здесь очень живописна и представляет, в общем, такой же характер, как и перед Преградной. С северной стороны ее возвышается обрывающийся к югу очень круто хребет Черных гор с вершинами Баранаха, Больше и Шисса (5284 футов). Хребет этот поднялся, без сомнения, позднее Главного, в то время, когда с этого последнего стекали уже к теперешней долине Кубани многие реки; по этой причине они не направились вдоль начавшего подниматься хребта Черных гор, а размывали его, все более и более углубляя свое ложе, и таким образом проделали для себя те гигантские ворота, который мы видим теперь. К последним принадлежит Урупское ущелье, ущелье Большого Зеленчука (между горами Больше и Шисса), ущелье Малого Зеленчука, Кубани и т.д. Поднятие хребта Черных гор относится, как известно, к меловому геологическому периоду.

Зеленчукская станица, с которой должно было начаться теперь наше настоящее путешествие по горам, расположена на правом берегу Большого Зеленчука, на высоте приблизительно 2800 футов над уровнем моря. С нее в хорошую погоду открывается прекрасный вид на горы: виден весь хребет Абишира-Ахуба, на который я стремился в это лето, Чилик (10626 футов) и горы в верховьях Зеленчука и Маруха; но особенно замечателен вид со станичной площади на Эльбрус. Правда, отсюда открывается только верхняя, покрытая вечным снегом часть его, но она видна так ясно, так отчетливо, блестит таким ослепительным блеском, кажется такой близкой (не более 10—15 верст) и, наконец, поднимаясь как будто бы тут же, среди покрытых яркой зеленью невысоких гор, производит чарующее впечатление. В действительности же до нее отсюда по прямой линии целых 90 верст. Немалым украшением станицы и ее окрестностей надо считать и Зеленчук, довольно большую (шагов 40—50 в ширину) горную речку, которая с шумом несет холодную, чистую, зеленовато-голубую воду.

Из Зеленчукской станицы я отправился в горы вместе с С.Ф. Давидовичем, с которым еще раньше условился ехать к верховьям Зеленчука. Проводниками нашими были два кабардинца, жители Касаевского аула, и один казак. Последний должен был оставаться при палатке, когда мы будем куда-нибудь уходить, и смотреть за лошадьми.

Выехав из станицы, мы очутились на самой средине просторной и очень красивой долины Большого Зеленчука. Она здесь почти лишена леса, но всюду покрыта сочной, свежей, зеленой травой. С каждой верстой долина становилась заметно теснее, а горы, идущие по бокам ее, выше и выше. К сожалению, дождь, который большую часть дня шел не переставая, не дал нам насладиться вполне поездкой по этой красивой местности.

Часам к четырем пополудни мы доехали до монастыря, известного под именем Свято-Александро-Афонской Зеленчукской пустыни. Она находится в 25 верстах от станицы Зеленчукской; выше ее нет уже постоянных человеческих жилищ (если не считать одной лесной караулки) в долине Большого Зеленчука. До нее проложена теперь довольно порядочная колесная дорога. Кроме красоты местоположения, богатства растительности, монастырь и его окрестности отличаются еще хорошим, здоровым климатом. В этом месте, находящемся под защитою гор, не бывает ни сильных ветров, ни снежных метелей; кроме того, лето здесь довольно прохладное вследствие близости гор и высокого положения местности над уровнем моря (около 3300 футов), а зима без сильных морозов. Все это вместе с обилием леса и воды способствовало возникновению здесь поселений еще в отдаленные, прошлые времена. Кроме развалин церквей в этом месте находятся остатки широкой (в 3 сажени), вероятно, городской стены, кладбища и очень многих построек, которые были разбросаны на протяжении около трех верст по правой стороне Зеленчука. До основания монастыря здесь находилось 3 полуразрушившихся церкви. Одна из них очень мала, стоит ниже других, обросла со всех сторон кустами и деревьями; несколько деревьев порядочных размеров (около 4 вершков в диаметре) выросло и на крыше ее. Нижняя, широкая часть этого миниатюрного храма уже наполовину разрушилась; над нею возвышается лучше сохранившаяся цилиндрическая часть с узкими, высокими окнами, напоминающими бойницы, и с плоским куполом. Растущие на крыше и сводах церкви деревья, качаясь во время ветра, немало способствуют разрушению ее. Церковь эта находится саженях в 100 от монастыря. Недалеко от нее найдено в лесу древнее христианское кладбище с гробницами, сделанными, как сообщается в брошюре, посвященной описанию зеленчукских храмов[3], из трех плит и закрывавшимися сверху одной маленькой четырехугольной плитой. Она располагалась над головой покойника, не покрывая прочих частей его тела. Одна часть кладбища размыта потоком, впадающим в Зеленчук. В русле потока лежат плиты гробов, и в крутых берегах его видны остатки гробниц, в которых заключены кости. На кладбище находятся гробницы не только взрослых людей, но и детей. Последнее доказывает, что бывшее зеленчукское поселение не было исключительно монастырским. Два прочих храма, менее пострадавших от времени, возобновлены, и в них совершается теперь богослужение; но они имеют еще меньшую величину, чем первый — один из них всего лишь 15 аршин в длину и в ширину. Своды их были сделаны из очень хорошего кирпича, а стены из слегка отесанного прочного камня. Они имели толщину около 2 аршин. Последнее время эти храмы стояли без штукатурки, которая, как говорят, обвалилась лет 40 тому назад от дождей и от того, что горцы стали загонять в церкви во время непогоды скот и разводить огонь. Архитектура храмов и

немногие уцелевшие изображения святых в чисто греческом стиле показывают, что храмы эти были построены под руководящим влиянием греческого духовенства. Указателем древности их служит крест, найденный на берегу Зеленчука, с греческой надписью и обозначением 6521 года от сотворения мира[4] (соответствует 1013 году от Рождества Христова), а также интересная греческая надпись, с обозначением XIII столетия, на каменном памятнике, находящемся в лесу по правому берегу Зеленчука и приблизительно верстах в 15 выше монастыря. Автор упомянутой уже брошюры полагает, однако, неизвестно, на основании каких соображений, что зеленчукские сооружения должны быть отнесены, скорее всего, к VI столетию по Рождеству Христова, ко времени Юстиниана. Все храмы эти, вероятно, были построены колонистами-греками, поселявшимися на Кавказе в средние века с торговой целью среди полудиких туземцев Кавказа. Подтверждением этого предположения может служить и то обстоятельство, что церкви, подобные зеленчукским (например, в верховьях Кубани и долине Теберды), построены на труднодоступных и удобных для обороны местах, например, на скалах или в тесных ущельях.

Около монастыря долина Зеленчука становится значительно теснее, окаймляется довольно высокими скалистыми горами и почти сплошь покрыта лесом, который растет не только внизу, у дна ее, но и по скалам; во многих местах он так густ, что скалы едва проглядывают сквозь него. Он состоит здесь из вяза (Ulmus), дуба, бука, березы, ольхи, рябины, граба, бузины и некоторых других лесных пород. Вверху, на скалах, виднеются кое-где сосны. Травянистые растения представляют еще большее разнообразие, и многие из них принадлежат к настоящим горным видам. Из них обращает на себя внимание Spiraea crenata, украшенная длинными метелками желто-белых цветов, а также крупные колокольчики (Campanula), генцианы, Aconitum и т.д. Немного выше монастыря, начинает попадаться чемерица (Veratrum album), встречающаяся на Кавказе только на более или менее высоких местах, включая и альпийские луга.

На скалах против самого монастыря мы видели двух серн. Охота за ними в этих местах, почти сплошь покрытых лесом, очень трудна, да здесь, вероятно, по близости и нет охотников; по этим причинам серны чувствуют себя в большей или меньшей безопасности и не боятся показываться на глаза. В этих же местах нередко попадаются дикие кабаны и медведи; что же касается птиц, то их вследствие дождя, который шел почти целый день, мы видели очень мало.

В этот же день мы проехали от монастыря вверх по долине Зеленчука еще верст 10 и на одной поляне недалеко от речки, расположились на ночлег. Поляна эта находилась на высоте 3500 футов над уровнем моря.

На следующий день мы продолжали путь по довольно хорошей дороге, проложенной по левой стороне Большого Зеленчука. Она шла то по полянам, то по лесу. По сторонам ее везде открывались очень красивые виды. Часам к 11 утра мы доехали до места, известного под именем «Старого (древнего) Жилища». Место это получило такое название потому, что на нем, как мы увидим вскоре, в прежние времена также существовали какие-то поселения, следы которых сохранились до сих пор почти на всех здешних полянах, а кое-где и в лесах.

Между «Старым Жилищем» и монастырем на протяжении верст 25 Зеленчук встречает сначала хребет Абишира-Ахуба, а затем горы Мыцешта, которые заставляют его сделать два крутых поворота в правую сторону. Течет он на всем этом протяжении очень быстро в узком глубоком ущелье, которое, за исключением маленьких полянок, разбросанных по берегам речки, всюду покрыто лесом. Большая часть его растет по страшным кручам. Вблизи монастыря он состоит, как уже было сказано, из различных лиственных пород, а верстах в 15—20 от него начинают мало-помалу входить в силу хвойные насаждения. Кроме упомянутых раньше древесных пород в этом ущелье встречается клен (Acer platanoides), ясень, сосна, кавказская пихта и ель; последняя, впрочем, в ограниченном количестве. Из кустарников здесь часто попадаются два вида крыжовника, жимолость, много малины и особенно смородины. Последняя во многих местах растет буквально на каждом шагу, образуя высокие кусты, унизанные длинными кистями ягод. Кое-где встречается можжевельник (Juniperus communis), но сравнительно редко.

В предыдущих своих статьях я уже несколько раз указывал на то, что долина каждой из более или менее значительных речек Кубанской области по своей флоре заметно отличается от других, даже довольно близких к ней долин. Таким образом, полное отсутствие в долине Зеленчука папоротника-орляка, который в более западных частях Кубанской области сплошь покрывает почти все поляны и является настоящим врагом земледельца, самшита (кавказская пальма, Buxus sempervirens), плюща, Staphylea pinnata, жасмина, (Philadelphus coronarius) очень сильно отличает флору этой долины от флоры верховьев Пшехи, отстоящих отсюда верст на 120. Даже от долины Малой Лабы долина Зеленчука в этом отношении отличается заметно. В первой, например, жасмин образует местами почти сплошные заросли, а во второй я его не встречал вовсе.

Около «Старого Жилища» долина Зеленчука имеет не только замечательно красивый, но какой-то особенно нежный, привлекательный вид. Надо заметить, что в этом месте в Зеленчук впадает довольно большая речка Кизгыш (Хыздыш — на картах Кавказа), которая течет под прямым углом к Зеленчуку, а в двух верстах отсюда сам он составляется из двух речек, Псыжа и Иркыза (Речепста);

наконец, еще на 2 версты выше в Псыж впадает речка Софиа. Таким образом, около «Старого Жилища» долина Большого Зеленчука разделяется веерообразно на несколько отдельных долин и потому сильно расширяется, образуя плоское, почти ровное дно. Оно представляет целый ряд широких больших полян, вокруг которых располагаются красивые березовые и сосновые рощи. Все это окружено еще крутыми, очень высокими горами (Хизчерцахро — имеет 10524 футов в высоту), внизу покрытыми лесом, а вверху — громоздящимися друг над другом уступами скал. Это живописное местечко, представляющее так много удобств для жизни человека и, при том, столь удобное для защиты от врагов, не могло, как и местность около монастыря, не обратить внимания и не привлечь к себе древних колонистов Кавказа[5]. Действительно, здесь почти на всех полянах, а во многих местах и в лесу мы видим кучи камней, имеющие вид правильных четырехугольников и представляющие, очевидно, остатки, рассыпавшихся стен домов или других каких-нибудь построек. На полянах, окружающих лесную сторожку, находящуюся при впадении Кизгыша в Зеленчук, остатки человеческих жилищ видны почти на каждом шагу. Не доезжая версты до караулки, легко заметить четырехугольное пространство, десятины в полторы или две, которое было когда-то обнесено стеною и. вероятно, рвом. Может быть, здесь находилась та самая крепостца, которая защищала колонию с севера. В одном месте, где остатки ее стен лучше сохранились, можно заметить, что они были сложены из округленных водою крупных речных валунов. Во многих местах на полянах и между деревьями видны камни, сложенные в кучи, которые напоминают могилы черкесов и других горцев Кавказа, но значительно больших размеров. Остатки стен, валов и следы рвов заметны и в долинах упомянутых уже притоков Большого Зеленчука.

Поляна, на которой расположена лесная караулка, находится на левом берегу Большого Зеленчука, на высоте приблизительно 4300 футов над уровнем моря. Против караулки выстроен хороший деревянный мост через Зеленчук. Ближайшие окрестности караулки так живописны, что здешним полесовщикам можно позавидовать. Караулка построена на большой покрытой травой поляне, которая окружена со всех сторон редколесьем из хорошеньких молодых кудрявых березок, перемешанных с соснами. Они растут довольно далеко друг от друга, и между них красиво просвечивает лесная даль. По дороге к мосту и за ним, на другой стороне речки, также виднеются красивые сосновые рощицы; еще дальше синеют густые пихтовые леса и, наконец, далеко на юге блестит острозубчатая цепь гор с пятнами и полосами вечного снега.

Вблизи караулки мы простояли около суток. В это время я употребил несколько часов на поездку в долину Кизгыша, который вместе с Псыжем составляет главнейшие истоки Большого Зеленчука. Кизгыш имеет шагов 40 в ширину, верст 30 в длину, течет очень быстро и настолько многоводен, что по нему без особенного труда производится сплав леса. Узкая долина его тянется очень прямо и имеет довольно красивый вид. На правой стороне ее растет преимущественно сосна, а на левой, более лесистой, — пихта и особенно много ели. Верстах в 10 от того места, где впадает в Зеленчук Кизгыш, последний разделяется на два истока. Левый из них получает начало из Главного Кавказского хребта вблизи Марухского перевала, а правый — из-под горы Капышистры[6], самой красивой, стройной и одной из самых высоких в верховьях Зеленчука. Очень высокая гора находится также вблизи впадения Кизгыша в Зеленчук. Хороший, крупный лес тянется по Кизгышу только верст на 10, то есть до того места, где упомянутые уже истоки этой речки сливаются друг с другом.

В долину Кизгыша я поехал вместе со своим проводником Нагоем Дауровым, который в этой долине бывал неоднократно, но давно. Отправляясь в нее, мы подробно расспросили полесовщиков о всех находящихся в ней дорожках и тропинках, но тем не менее сбились с пути, не успев отъехать от караулки 3—4 верст. Я догадался, что по ошибке мой проводник избрал правую тропинку вместо левой и потому решил свернуть влево и лесом пробраться на настоящую дорогу. Вскоре, однако, мы забрались в такой бурелом, в такую чащу, что должны были бесконечное число раз сворачивать то вправо, то влево и, в конце концов, совершенно сбились с дороги. К сожалению, лес был настолько густ, что сквозь него нельзя было видеть окружающих долину гор и ориентироваться по ним. Я опасался, как бы не пришлось нам ночевать в лесу, что было бы не особенно приятно, так как у нас не было с собою ни хлеба, ни теплого платья. Волей-неволей принуждены мы были возвратиться назад, по своим же следам, и, с трудом отыскивая их в некоторых местах, выбраться на прежнюю тропинку. По ней мы проехали еще версты две назад, а затем уже, попавши наконец на настоящую дорогу, отправились вверх по ущелью.

В этой долине мы встретили несколько небольших (саженей в 100—200 длиною) озер, или, правильнее, болот, заросших осокою и камышом; кроме того, на полянах во многих местах нашли такие же кучи камней, как по Зеленчуку, и длинный вал, идущий поперек долины и, вероятно, служивший когда-то для защиты ее обитателей от нападения врагов. Что касается растительности этой долины, то она очень сходна с растительностью по Зеленчуку и также состоит внизу из смешанных лесных пород, а вверху почти исключительно из хвойных, над которыми тянутся еще густые заросли низкорослой березы.

Верховья Кизгыша окружены высокими черными зубчатыми скалами, на которых виднеются пятна и полосы снега; здесь же находится и несколько глетчеров, на существование которых ука-

зывает и мутная вода Кизгыша. Один из глетчеров, довольно длинный и сильно обрывистый, спускается с горы Капышистры.

На следующее утро мы отправились вверх по Зеленчуку, или, правильнее, Псыжу, так как выше слияния с Кизгышем Зеленчук называют обыкновенно Псыжем[7] по имени той очень высокой горы (12427 футов), из-под которой он вытекает[8].

Дорога от караулки вверх по Зеленчуку тянется то по лесу, то по полянам. Последние и здесь окружены изящными, стройными соснами и имеют такой же красивый вид, как и вблизи караулки. Особенностью этой местности служат густые заросли черемухи, покрывающие дно долины. В 2 $^1/_2$ верстах от караулки в Псыж впадает Иркыз. Эта неглубокая, не особенно быстрая, но замечательно красивая речка имеет шагов 20—25 в ширину и несет голубую и, притом, такую прозрачную воду, что на дне ее видны отчетливо даже самые мелкие камешки. Нам пришлось проехать вверх по долине ее версты полторы, потом перебраться через нее и снова спуститься в долину Псыжа.

Когда мы отъехали от караулки верст 6, то нашим взорам открылся очень красивый вид на долину реки Софиа, впадающей в Псыж с правой стороны[9]. Эта речка имеет в длину всего лишь верст 8, но течет в очень глубокой, довольно просторной прямой долине, покрытой лесом. По левой, более тенистой стороне долины растет почти сплошной хороший пихтовый лес, по правой же он значительно реже, мельче и состоит по преимуществу из сосны. Кроме того в нем очень много полян. По этой долине также уже производилась рубка леса, причем брусья стаскивали до Псыжа, а по этому последнему сплавляли дальше. Рубили его, впрочем, только вблизи впадения Софиа в Псыж.

Долина реки Софиа замечательна в том отношении, что верховья ее окружены очень высокими горами, представляющими громадный амфитеатр крутых и острозубчатых черных скал, украшенных не только пятнами, полосами и лентами снега, но даже довольно порядочными снежными полями и глетчерами. Такие же высокие горы окаймляют эту долину почти на всем ее протяжении с южной стороны. Со снежных полей, висящих на них, стекает в Софиа множество усеянных водопадами и блестящих, как серебро, быстрых и шумных горных потоков. В самых истоках Софиа находится три глетчера. Один из них довольно длинен и достигает, вместе с фирновыми полями, питающими его, вероятно, не менее двух верст. Кроме того, он имеет значительную ширину и представляет очень толстый пласт льда. Вверху этот глетчер более или менее полог, но самая нижняя часть его на протяжении, вероятно, более сотни саженей обрывается очень круто. Из-под него вытекает 4 больших и множество маленьких речек. С северной стороны этого ледника находится другой, меньший, который выдающейся скалою разделяется в своей нижней части на две ветви, а с южной — длинный и широкий фирн-глетчер. Около него лежат еще довольно значительные для этой части Кавказа снежные поля. Над ними поднимается очень крутая и высокая черная скала; она имеет вид широкой закругленной лопаты и испещрена полосами и пятнами снега. Высота ее, вероятно, не менее 10 $^1/_2$ или 11 тысяч футов. Надо заметить, что эти горы не принадлежат к гребню Главного хребта, а отстоят от него верст на 15.

От того места, где Софиа впадает в Псыж, мы проехали вверх по долине его еще верст 10. Здесь она с каждым шагом становилась все теснее и теснее, а горы, окружающие ее, выше и выше. Дно ее покрыто лесом, состоящим из вербы, осины, березы, крушины, сосны и пихты. Встречается в ней также ель и кавказский горный клен (Acer Trautvetteri), но не в таком количестве, как упомянутые выше породы. Сосны и пихты достигают в этом лесу аршина в диаметре и несколько больше, но таких великанов, какие растут в долине Теберды или в долине Лабы (в Загдане), я здесь не видел вовсе. Вообще этот лес за последние лет 15—20 заметно поредел. Целые тысячи сосновых бревен, приготовленных для сплава, мы застали и теперь на берегах Псыжа. Вдали от речки, на склонах гор, этот лес, впрочем, заметно лучше, гуще и состоит почти исключительно из кавказской пихты (Abies Nordmanniana Spach.). Немало удивляло меня отсутствие крупной дичи в этих местах. В самом деле, на всем пространстве, которое мы проехали в это утро, только около одной лужи я видел более или менее свежие следы диких свиней.

В полдень мы достигли одной небольшой полянки на левой стороне Псыжа, дальше которой ехать верхом было невозможно. Здесь мы сделали привал. Я и два наших проводника-охотника принялись в бинокль и в сильную подзорную трубу рассматривать горные луга и скалы, находящиеся по обеим сторонам ущелья выше пояса лесов. Они представляли все удобства для жизни таких животных, как туры, серны, а отчасти и медведи; но, как мы ни старались в течение с лишком получаса увидеть на них что-нибудь живое, все наши труды оказались тщетными. Причина этого, впрочем, вполне понятна. Верховья Зеленчука, имеющие большое количество полян и очень много удобных для пастьбы скота альпийских лугов, издавна привлекают к себе из Карачая и других местностей Кубанской области огромное количество кочевников с их стадами и табунами. В последующие дни нашего пребывания в этих местах я убедился, что здесь нет места в горах, где бы ни паслись овцы, козы, лошади или крупный рогатый скот и где бы крик пастухов, лай собак и рев или ржанье домашних животных ни раздавался со всех сторон. Конечно, при таких условиях дичь в верховьях Зеленчука держаться не будет, или же забьется в такие пропасти и трущобы, куда злейший враг ее,

человек, проникнуть не может. Два года тому назад здесь охотился известный английский путешественник и спортсмен Литльдэль, и ему удалось убить в верховьях Псыжа только одну серну.

Так как мне хотелось пробраться еще выше по этому ущелью и еще побродить по его лесам, то я вдвоем со своим проводником Нагоем Дауровым отправился дальше пешком. Мы прошли до того места, где в Псыж впадает с левой стороны довольно большая речка, и еще выше, где сам он разделяется на два горных потока. Здесь мы уперлись в высокую, выдающуюся мысом гору, которая возвышается между этими двумя истоками Псыжа. Недалеко отсюда крупный лес, растущий по ущельям, кончается, заменяясь березняками, за которыми виднеются невдалеке скалистые, совершенно безлесные горы, покрытые уже во многих местах снегом. С этого места мы возвратились на поляну, где меня ожидал мой спутник с двумя проводниками, чтобы всем вместе ехать на оставшиеся у нас назади хребет Абишира-Ахуба. В пройденной нами части леса дичи, как заметно было, держится также очень мало. Мы не видели здесь ни медвежьих, ни оленьих следов, а только местах в 2—3 свиные покопы. Зубров в этих лесах, конечно, быть не может.

Едва мы успели возвратиться на поляну, как уже начался дождь. Еще рано утром, когда мы были на караулке и только собирались ехать, я обратил внимание на отсутствие росы и необыкновенно теплый воздух. Несмотря на высоту местности, равную почти 4 $^1/_2$ тысячам футов, в 5 часов утра термометр показывал там +15° Ц. Я решил, что погода должна измениться к худшему, и это предположение теперь оправдалось вполне.

Дождь заставил нас просидеть часа полтора под густыми елями; когда же небо на севере, куда нам надо было ехать, заметно очистилось, и роса с деревьев немного спала, мы двинулись в путь. Дождь, однако, успел порядочно помочить нас в то время, когда нам приходилось ехать по лесу недалеко от долины Иркыза.

Добравшись до знакомой уже переправы через эту речку, мы переехали ее и направились вверх по левой стороне ее долины. Здесь оказалась сильно набитая дорога, по которой ежегодно прогоняется несколько десятков тысяч лошадей и рогатого скота на горные пастбища верховьев Лабы, Урупа и их притоков. Дорога эта идет то лесом, то полянами или опушками лесов, по местности очень живописной и напоминающей множеством красивых и больших полян окрестности «Старого Жилища». Долина Иркыза (Речепсты) имеет около 25 верст в длину, начинается у горы Чилик и ограничивается с юга отрогами Главного Кавказского хребта, а с севера хребтом Абишира-Ахуба. Она очень глубока, но достаточно просторна и замечательно красива. На левом склоне ее, начиная от речки и до половины высоты, растет сосновый лес, который во многих местах прерывается, образуя упомянутые уже большие поляны, покрытые зеленой и свежей в течение всего лета травой. Выше леса тянется широкий пояс прекрасных горных лугов, а над ними — скалы и осыпи вершин Абишира-Ахуба. Совершенно иной вид имеет правый, более тенистый, обращенный к северу склон. Весь он зарос сплошным густым ельником, и только на самом верху его тянутся горные луга. Снега на нем также заметно больше, чем на левом, где он гораздо быстрее стаивает. Леса правого склона долины Иркыза должны, вероятно, считаться лучшими в этой местности и наименее пострадавшими от топора.

Проехав вверх по долине Иркыза версты четыре, мы свернули вправо, сделали еще версты 2, поднимаясь выше и выше по южному склону хребта Абишира-Ахуба, и, наконец, уже перед вечером остановились на ночлег. Для стоянки я выбрал очень удобное место на краю поляны и недалеко от небольшой речки, текущей с Абишира-Ахуба. Это место находилось приблизительно на одной трети подъема на упомянутый хребет и на высоте 5900 футов над уровнем моря. Оно замечательно тем, что с него открывается вид на всю почти долину Речепсты, на хребет Абишира-Ахуба и на вершины Главного хребта. Мы решили простоять здесь суток двое или трое; я предполагал в это время раза два побывать на вершинах Абишира-Ахуба, осмотреть северный склон его, где получает начало Кяфар-Агур, и. наконец, поохотиться, если удастся, за турами или сернами.

На следующий день я встал, как только начало светать, и думал тотчас же отправиться в путь с одним проводником. Небо было в это время совершенно чисто, вдали на юге ясно обрисовывались на нем острые зубцы гор, а на севере, позади нас, мрачной стеной поднимался хребет Абишира-Ахуба. К моему большому огорчению, верхняя часть его была окутана густыми темно-серыми облаками, клубы которых то спускались вниз, то поднимались вверх, не переставая, однако, скрывать от наших глаз самый гребень хребта. Лезть на него при таких условиях было бесполезно, так как туман лишил бы нас возможности что-либо увидеть. Я льстил себя надеждой, что с восходом солнца он рассеется, и потому ежеминутно присматривался к беспрерывно изменяющимся его контурам. Сколько ни старался я подметить, когда, наконец, он начнет подниматься и сквозь него покажутся вершины хребта, но каждый раз должен был испытывать горькое разочарование, так как туман по временам не только не поднимался, но даже опускался ниже, чем был раньше. Так прошло часа три. Наконец, в восьмом часу он заметно поредел и под ним показался скалистый, зубчатый гребень хребта. Дорожа каждой минутой, мы поспешили двинуться в путь. Туда же, но другой дорогой отправился и мой спутник С.Ф. Давидович.

Половину подъема я сделал на лошади, дальше же решил идти пешком. В это время скалы и утесы, составляющие вершину хребта, находились как будто бы совсем близко, но мы должны были

целые полтора часа лезть на крутую, как стена, гору, прежде чем добрались до гребня ее. Снега здесь было очень мало, и лежал он только в некоторых котловинах, да кое-где под самым гребнем хребта, образуя небольшие поля; что же касается глетчеров, то ни здесь, ни в других местах южного склона Абишира-Ахуба их не оказалось вовсе. Зато вся верхняя часть Абишира-Ахуба покрыта с этой стороны широкой полосой осыпей (в некоторых местах до полуторы версты в ширину), по которым идти гораздо труднее и хуже, чем по снежным полям или глетчерам, так как нога не только глубоко тонет в них, но и с целой грудой мелких и крупных камней сунется вниз, как только на нее обопрешься. Мне эти осыпи надоели до невозможности, и я был несказанно рад, когда они кончились, и я ступил на скалы. Вскоре после этого, именно в 11 часов, мы были на вершине хребта, средняя высота которого равняется приблизительно 10000 футов. Во время подъема мы два раза вспугивали горных курочек (Perdix chukar Gray), которые, как сообщил мне мой проводник-охотник, встречаются здесь довольно часто; кроме того видели много дроздов-деряб (Turdus viscivorus L.) и одного черно-бурого грифа (Vultur monachus L.). Он два раза пролетал над нами так близко, что мы не только слышали ясно шум его крыльев, но, как казалось, чувствовали производимый ими ветер. Мой проводник удивлялся, что нам не попались нигде горные индейки, которых, по его словам, иногда бывает здесь столько, сколько камней. Красивая горная ящерица (Lacerta muralis Laur.) встречается тут очень часто на скалах и осыпях. Кроме того, здесь же в траве я нашел толстую темно-бурую гадюку (Vipera berus L.), вдоль спины которой тянулась очень широкая черная зигзагообразная полоса не из угловых, как обыкновенно, а из более или менее закругленных пятен. Что касается растительности этих мест, то при начале подъема она состояла главным образом из густых березовых зарослей, поднимающихся приблизительно тысяч до 7 $^1/_2$ футов над уровнем моря; среди берез растут здесь также сосны, верба, а кое-где и бук. Выше пояса лесов тянутся уже горные луга, которые в отношении своей флоры мало отличаются от горных лугов других мест Кубанской области. Здесь попался мне, между прочим, и один вид колокольчиков (Campanula), которого раньше я, как кажется, не встречал; кроме того я невольно обратил внимание на очень красивые крошечные генцианы (Gentiana pyrenaica), которые растут группами в несколько десятков или даже сотен экземпляров, образуя чудные островки из сапфирно-синих звездочек, рассыпанных по зеленому ковру. В минералогическом отношении Абишира-Ахуба не представляет разнообразия или богатства. Гребень его в этих местах состоит по преимуществу из осадочных образований, именно из плотного темно-серого известняка с белыми прослойками известкового шпата. Кроме того, во многих местах на самом гребне хребта выступают скалы из зеленого кремнистого сланца. Из тех же минералов, а также аспидного сланца состоят и осыпи, покрывающие немалое пространство, как уже было замечено, на склонах этого хребта. На нем же, в особенности по северному склону, попадаются также гранит и гнейс.

Абишира-Ахуба замечателен по необыкновенно красивым видам, открывающимся с высоты 10000 футов в разные стороны на целые сотни верст. На леса, многие долины и ущелья отсюда приходится смотреть буквально с птичьего полета. Особенно красив вид на Главный Кавказский хребет, покрытый блестящими снежными полями. Многие вершины его, как, например, Псыж, Капышистра, видны превосходно и во всех подробностях. Острая, стройная и необыкновенно красивая вершина Капышистры, состоящая из тесной группы еще более тонких и острых зубцов скал, необыкновенно изящно разрисованных пятнами, полосами и зубчатыми лентами снега, представляется отсюда восхитительной.

Скажу несколько слов о географическом положении и других особенностях Абишира-Ахуба. Этот хребет тянется более или менее параллельно Главному Кавказскому и отстоит от него средним числом верст на 30. Он представляется гигантским валом, который простирается от ущелья Большого Зеленчука до ущелья Большой Лабы и имеет в длину, если за начало его принять вершину Хизчерцахро, а за конец западные отроги горы Чилик № 2, обрывающиеся к долине Лабы, — не менее 25 верст. Первая из названных вершин его поднимается до высоты 10458 футов, а Чилик № 1 — до 10626 футов; приблизительно такой же высоты достигаете Чилик № 2. Весь гребень Абишира-Ахуба не имеет ни одной глубокой седловины и ни одной вершины, которая бы поднималась значительно выше прочих точек гребня. Таким образом, высота его на всем протяжении хребта очень однообразна и мало уступает высоте отдельных вершин. На Абишира-Ахуба есть только два перевала: один в восточной части, где дорога из долины Иркыза проходит на хребет Эхреску и дальше тянется между Зеленчуком и Кяфаром, а другой — в самой западной части хребта. Он известен под именем Чилика. Оба перевала очень высоки (около 10000 футов). Вдоль всей южной подошвы хребта течет Иркыз (Речепста), вытекающий из-под перевала Чилик, с северного же склона его получают начало Агур, или, как его называют обыкновенно, Кяфар-Агур, Хызынчик, Чилик и несколько речек, направляющихся в Уруп. Вблизи вершины Хизчерцахро Абишира-Ахуба поворачивает на северо-восток и под именем Эхреску и Мыцешта продолжается еще почти на 20 верст, отделяя долину Большого Зеленчука от долины Кяфар-Агура и Кяфара. Когда я взобрался на самый гребень хребта, то меня поразило крайнее несходство северного и южного склонов его. Южный склон, по которому мы поднялись на гребень, хотя и очень крут, но представляет, в общем, довольно однообразную поверхность. Он нигде не пересекается глубокими балками или

ущельями и совершенно лишен сильно выдающихся высоких обрывистых скал. Внизу этот склон покрыт лесом, хотя и не сплошным; над ним располагается поднимающаяся очень круто, но также мало изборожденная зона горных лугов; еще выше тянутся осыпи и, наконец, скалы, составляющие гребень хребта. Во многих местах и этот гребень состоит из выветрившихся, распавшихся горных пород, незаметно переходящих в осыпи, лежащие на склонах хребта. По всему заметно, что южный склон Абишира-Ахуба мало подвергался и подвергается теперь размыву или эрозии, причину чего надо искать в малом сравнительно количестве атмосферных осадков, выпадающих на нем в виде дождя и снега. В самом деле, весь южный склон питает только одну небольшую речку, Иркыз, в которую не стекает с Абишира-Ахуба ни одного более или менее многоводного горного потока, а лишь небольшие ручьи, получающие начало из родников в нижнем или среднем поясе хребта. Кроме того, на всем южном склоне нет ни одного озерца, которыми, как мы увидим сейчас, усеян весь северный склон. О полном отсутствии сколько-нибудь значительных снежных полей на южном склоне уже было сказано.

Совершенную противоположность представляет северный склон Абишира-Ахуба. Он изрыт и изборожден до невозможности. Глубокие балки, ущелья, кручи, обрывы и высокие скалы встречаются на всем его протяжении как в длину, так и в вертикальном направление Снегов здесь тоже несравненно больше, в некоторых местах они обледенели и превратились в фирн-глетчеры. Ниже их лежат во многих местах маленькие, но очень красивые альпийские озерца. Эти последние, а также снега дают начало целому ряду речек (Кяфар-Агур, Хызынчик и т.д.), которые текут очень быстро, довольно многоводны и уносят с Абишира-Ахуба, может быть, в 8—10 раз большее количество воды, чем Иркыз.

Только что указанное различие между северным и южным склонами Абишира-Ахуба нужно приписать, конечно, значительному различию в количестве атмосферных осадков, выпадающих на том и другом склоне. Здесь, следовательно, мы встречаемся с тою же особенностью в распределении их, как вблизи Владикавказа, Алагира и во многих других местах Северного Кавказа, где на первых уступах гор, обращенных к равнинам и предгорьям, выпадает значительно большее количество атмосферных осадков, чем в защищенных от влажных ветров ущельях и котловинах внутри гор. Читателю, может быть, известно, что в то время, когда во Владикавказе или Алагире в июне и первой половине июля идут почти ежедневные дожди, в горах Осетии или на Военно-Грузинской дороге нередко стоит засуха и выгорает хлеб. То же самое я наблюдал много раз около Псебая, где часто идут гораздо более обильные дожди, чем в глубине гор. Что касается Абишира-Ахуба, то северный склон его более или менее открыт для ветров, дующих с равнин; поэтому теплый и до известной степени влажный воздух, приносимый ими, при подъеме на высокий хребет должен охлаждаться и выделять значительную часть заключающейся в нем влаги на северном склоне хребта. Что же касается очень влажных, дующих с Черного моря южных ветров, то они, прежде чем достигнуть Абишира-Ахуба, должны встретить еще более высокий Главный Кавказский хребет и на его снежных вершинах оставить большую пасть своих паров. Таким образом, на южный склон Абишира-Ахуба, как с той, так и с другой стороны должен приноситься воздух, уже обездоленный парами воды.

Возвращаюсь теперь к прерванному рассказу о нашем путешествии. Скалы, где мы взобрались на гребень Абишира-Ахуба, отстоять верст на 5 к западу от вершины Хизчерцахро и находятся против того места, где получает свое начало средний из трех истоков Кяфар-Агура. На гребень этого высокого хребта почти всегда дует более или менее сильный ветер; это же было и сегодня, когда мы взошли на него. Страшно вспотевши за время полуторачасового подъема по кручам и особенно осыпям, я не мог остаться на гребне более 10—15 минут и принужден был искать спасения от ветра под защитою одной скалы, закрывавшей нас с юга и не мешавшей смотреть на север; поэтому мы уселись под скалой и принялись усердно обозревать в бинокль кручи и косогоры, надеясь увидеть где-нибудь туров или серн. Все наши старания оказались, однако, тщетными.

Северный склон здесь так крут и пересекается множеством таких обрывистых скал, что спуститься с него можно только с большим трудом. Отдохнувши немного, мы отправились вдоль гребня дальше, на запад, причем я полез по самому гребню хребта, а мой проводник несколько ниже, по северному склону его. В версте отсюда, в одной седловине, мы должны были снова сойтись. Я пробрался туда довольно быстро, но долго не мог дождаться своего проводника. Наконец он явился и притом с той же стороны, откуда пришел я. Оказалось, что на северной стороне гребня скалы были так круты, что перебраться через них было невозможно. Вскоре мы снова нашли затишек, уселись в нем и принялись рассматривать скалы; но и на этот раз никакой дичи не увидели, несмотря на то, что места здесь были очень удобные для серн и туров. Это опечалило меня и сильно смутило моего проводника. Два года тому назад он был в верховьях Кяфар-Агура с князьями Демидовым и Литльдэлем и находил с ними очень много дичи. Кроме того, за два дня до нашего приезда сюда он говорил, что лучшей охоты, как на Кяфар-Агуре, трудно найти, и что, если бы здесь не оказалось дичи, то он и не знал бы, где искать ее. Он показывал мне здесь же место, на котором Литльдэль убил молодого тура, потом старого, а также места, где убил медведя, где видел целый табун серн и не хотел стрелять по ним и т.д. Но все это было хотя и очень недавно, но не теперь!

После такого разочарования мы пошли еще дальше вдоль гребня хребта и добрались до следующей неглубокой седловины. Здесь тянулась на север довольно пологая балка, по которой без труда можно было бы пройти далеко вниз. На дне этой балки лежало чудное озерцо с темно-зеленою водою. Оно имело почти круглую форму и в поперечнике приблизительно $^1/_4$ версты или несколько больше. Около него располагалось довольно большое обледенелое снежное поле. Из этого озерца вытекает небольшая речка, направляющаяся в один из истоков Кяфар-Агура. Значительно дальше блестело еще другое подобное же озерцо.

Насмотревшись вдоволь на эти красивые места, мы еще раз попытались тщательно осмотреть в бинокль окружающие нас горы, но и здесь не заметили никакой дичи. Мой проводник показал, однако, мне и в этой долине место, где Демидов стрелял по турам два года тому назад. Замечательно, что ни на снегу, ни на осыпях не было заметно даже и следов зверей. Отсутствие их и на этих прекрасных местах, на которые не заходят, к тому же, пастухи-горцы со своими стадами, совсем озадачило моего проводника, и он не знал, чему приписать это обстоятельство.

Пройдя еще с версту вдоль хребта, мы часа за полтора до захода солнца решили отправиться к своей стоянке. Нам надо было теперь совершить спуск не менее, как в 4000 футов. Он показался мне бесконечным. Версты две мы шли по осыпям, в которые ноги погружались более чем на $^1/_4$ аршина. Кроме того, осыпи были так круты, что тысячи камней, сдвинутых со своего места нашими ногами, со стуком и грохотом летели вниз, опережая нас на целую сотню саженей. Мы должны были идти здесь рядом, друг около друга, чтобы не угрожать один другому этим каменным градом. Когда осыпи кончились, начались альпийские луга, но такие крутые, что и по ним спускаться было очень неприятно. В сумерки мы добрались до березового леса, а когда уже стемнело, — до своей стоянки.

Снова взбираться на следующий день на Абишира-Ахуба у меня не было охоты, да, кроме того, это было бы и несколько утомительно для ног, которые с лета прошлого года не подвергались ни разу такому испытанию. По этой причине я решил проехать сначала по долине Иркыза и осмотреть долину Дукуа[10], единственного, если не считать мелких ручьев, притока названной речки. Мне хотелось осмотреть леса этих мест и, главным образом, узнать, нет ли здесь каких-нибудь следов пребывания зубров. После этого я предполагал снова возвратиться к подножью Абишира-Ахуба и еще раз или два побывать на вершинах его.

Дукуа получает начало не из Главного хребта а из его отрогов, отделяющих истоки Зеленчука от истоков Лабы, имеет всего лишь около 10 верст в длину и впадает в Иркыз с правой стороны. Вытекает она из гор тремя главными истоками: восточный из них самый короткий, западный значительно больше и средний — самый большой. К верховьям последнего мне и хотелось пробраться. Он отделяется от восточного истока довольно высокой, вверху скалистой горой, почти сплошь покрытой березняками и зарослями рододендронов. От нашей стоянки мы должны были спуститься к Иркызу, переехать через него и затем продолжать путь по долине Дукуа. Она также покрыта довольно порядочным лесом, который на правой, более тенистой стороне состоит преимущественно из березы, а на левой — из сосновых насаждений. Верстах в пяти выше впадения в Иркыз долина Дукуа разветвляется на три упомянутых уже долины, и здесь кончается крупный лес, покрывающий всю нижнюю часть ее. Проехав от этого места еще версты четыре, мы остановились почти у самых верховьев среднего истока, который представляет речку небольших размеров, текущую в глубокой долине. Ниже этого места Дукуа образует несколько водоемов, глубиною аршина в полтора или два, с медленно текущей и такой прозрачной водой, сквозь которую видны самые мелкие предметы, лежащие на дне. Здесь мы останавливались на некоторое время и долго любовались множеством сновавших взад и вперед огромных форелей.

Наша новая стоянка находилась у самого берега речки, на высоте 6560 футов над уровнем моря. Левый склон долины и здесь покрыт редким лесом, а правый — сплошным березняком и густейшими зарослями рододендронов. В углублении одной скалы, возвышавшейся среди рододендронов, мы заметили со своей стоянки серну. Она покойно лежала и, очевидно, наблюдала за нами, когда мы расседлывали своих лошадей, разбивали палатку и раскладывали вещи. До нее было немного более полуверсты, но подойти к ней на выстрел было невозможно, поэтому мы оставили ее в покое.

После полудня я с одним из наших проводников отправился на скалы к самым истокам Дукуа. Около часа мы лезли по дну долины, то прыгая с камня на камень, то пробираясь через густые заросли рододендронов. Пройдя таким образом версты две, мы выбрались на более открытое место, где выдающимся с юга на север мысом истоки Дукуа разделяются на две котловины. Я отправился сначала в западную, которая ограничивается с запада возвышающимся над долиною Лабы хребтом Ахухапара. Она окружена со всех сторон, кроме северо-восточной, амфитеатром высоких черных скал, на которых лежат во многих местах полосы и пятна снега. Ни глетчеров, ни больших снежных полей здесь нет вовсе, но на самом дне котловины оказалось чудное альпийское озерцо с той необыкновенно прозрачной темно-зеленой водой, какой отличаются все вообще озера больших высот. Другая котловина во всех отношениях напоминает первую, но заметно длиннее ее. За поздним временем я не успел ее хорошо осмотреть, но и в ней увидел такое же озерцо, как и в первой. Ниже

скал в обеих котловинах растут рододендроны (Rhododendron caucasicum L.). Никаких зверей мы здесь не встретили. Это объясняется тем, что в верховьях Дукуа на всех удобных для пастьбы скота склонах гор паслись уже стада овец.

Обратный путь к подножью Абишира-Ахуба мы совершили по другой дороге — через третий исток Дукуа и дальше по водоразделу между Зеленчуком и Большой Лабой, или, точнее говоря, между истоками Иркыза (Речепсты) и Пхиа, впадающей в Лабу. Проехав версты три вниз по долине среднего истока Дукуа, мы повернули вправо, поднялись на хребет, возвышающийся над последним, самым западным истоком Дукуа, и здесь вблизи одного кабардинского коша[11] сделали привал. Желая лучше ознакомиться с этими местами, я предпринял и отсюда небольшую экскурсию на соседний хребет, идущий по-над долиною Большой Лабы, но ничего особенного не нашел.

Дальше наша дорога, пересекая несколько более или менее глубоких балок, поросших лесом, поднималась все выше и выше и выходила, наконец, на водораздел между Иркызом и Пхиа. Водораздел этот вообще не высок и образует несколько неглубоких седловин. На нем, или, по крайней мере, по сторонам его везде растет лес. Против главного истока Пхиа высота водораздела, вероятно, не более 6 или 6 $^1/_2$ тысяч футов. Здесь леса Иркыза и дремучие леса Лабы почти сходятся друг с другом, и это место представляет самый удобный и низкий пункт, где зубры могли перекочевывать с верховьев Лабы на Иркыз. С этого водораздела открываются превосходные картины на все четыре стороны. Прекрасно видна отсюда величественная стена Абишира-Ахуба, скалистый Чилик, белоснежные пирамиды Главного Кавказского хребта, сплошь покрытая зеленью долина Иркыза, чудные, девственные, темно-зеленые пихтовые леса долины Пхиа и, наконец, далеко-далеко внизу еще более замечательные леса долины Загдан[12].

С водораздела дорога поворачивает вправо, довольно долго тянется по крутым косогорам, обходя множество балок, направляющихся к Иркызу и, наконец, спускается к главному истоку его, названному на картах Кавказа Речепстой. Мы выбрали для стоянки место на левом берегу речки и верстах в 4 ниже ее истоков, на высоте 7050 футов над уровнем моря. Речепста представляется здесь уже совсем небольшим горным потоком, имеющим всего лишь 5—7 аршин в ширину. Около нашей стоянки по долине росло довольно много березы, но выше эта долина становится уже совершенно безлесной.

Следующий день я решил снова посвятить восхождению на Абишира-Ахуба и осмотру западной части его. Для этой цели я и мои проводники встали еще до света, наскоро закусили и в четвертом часу утра уже отправились в путь. Более половины подъема я и один из моих проводников проехали верхами, делая по причине страшной крутизны подъема бесконечное число зигзагов то в ту, то в другую сторону. Так мы поднимались полтора часа, да после этого карабкались пешком еще целый час на крутую, как стена, гору. К нашей радости, здесь совсем не было осыпей, и весь склон хребта, за исключением только самой верхней части его, представлял сплошной альпийский луг, щедро украшенный природой бесчисленным множеством различных альпийских цветов. Такого изобилия незабудок, как в этих местах, я нигде не видел. От них многие косогоры казались совершенно голубыми. Кроме того, незабудки росли такими пышными кустами, что, сорвав 4—5 штук их, можно было составить целый букет. Рядом с незабудками встречаются красивые Daphne glomerata, Betonica grandiflora, Veronica, Aquilegia, Gentiana, Geranium, Polygonum bistorta, Centaurea и т.д. Лесов на всем протяжении этого склона нет вовсе.

В пятом часу утра, когда мы слезли с лошадей, чтобы продолжать путь пешком, угрюмые, покрытые снегом далекие горы, имевшие какой-то особенный, холодный, синевато-серый оттенок, вдруг начали как будто бы одна за другой загораться нежным бледно-розовым пламенем. С каждой минутою это пламя или этот свет спускался ниже и ниже, захватывая все большее и большее пространство — сначала загорелись острые зубцы Капышистры, потом Псыж, горы в верховьях Софиа, а затем уже многие другие. Величественная панорама гор как будто бы сразу ожила и облеклась в веселый, блестящий праздничный наряд. Вид с Абишира-Ахуба на Главный Кавказский хребет представляет замечательную картину, несомненно, одну из самых прелестных в Кубанской области, и вызывает какое-то особенное восторженное настроение.

Когда мы взошли на самый гребень Абишира-Ахуба и взглянули на противоположный, то есть северный склон его, то увидели здесь, как и на восточной части хребта, где мы поднимались первый раз, также целый лабиринт обрывов, круч, скал и пропастей; только снега в этих местах оказалось значительно больше. Кроме того, в полуверсте от нас был виден небольшой фирн-глетчер, а еще дальше около десятка различной формы и величины горных озер. Одно из них имело около полуверсты в длину и ширину, и на поверхности его плавала огромная, чуть не в четверть всего озера, глыба льда, ссунувшаяся сюда, очевидно, с соседнего крутого склона горы. Большая часть этих озер была окружена пустынными осыпями, и только в немногих местах около них можно было видеть небольшие клочки земли, покрытые тощей зеленой травкой. Почти все эти озера находились на высоте приблизительно в 9000 или 9500 футов над уровнем моря и были наполнены такой же прозрачной и необыкновенно темной, с сине-зеленым оттенком, водой, как все вообще высокогорные озера. Сравнительно большое скопление снегов и воды объясняется существованием в этой части северного склона Абишира-Ахуба довольно значительной котловины, ограниченной с трех сторон

горами. В нее должно наноситься зимою много снега ветрами, дующими с равнин и предгорий. Из этих снегов и озер получает начало главный (западный) исток Кяфар-Агура. Что касается геологического строения, то гребень Абишира-Ахуба в этой части состоит местами только из аспидного сланца, местами же из кремнистых кристаллических пород — гранита и гнейса. На северном склоне его также встречаются почти исключительно только что упомянутые минералы.

То место хребта, на которое мы взошли, отстоит от горы Чилика № 1 версты на три и имеет высоту лишь немного меньшую, чем сам Чилик (10626 футов); от него мы стали пробираться по острому зубчатому гребню хребта к востоку. В это время на северной стороне стоял редкий туман. Когда мы проходили над одним снежным полем, которое лежало у наших ног, но футов на 500 ниже нас, вдруг сквозь туман я заметил на снегу несколько быстро двигавшихся темных предметов. Так как я и в этот раз поднимался на Абишира-Ахуба не без надежды поохотиться, то под влиянием настроенного известным образом воображения принял движущееся предметы за серн; когда же туман немного рассеялся, то мнимые серны оказались небольшой стайкой горных индеек. Спускаться к ним мне не хотелось, да, к тому же, они находились на средине чистого, ровного, довольно большого снежного поля, где подойти к ним на выстрел было невозможно.

После этого мы прошли еще с полверсты вдоль гребня хребта, потом повернули вправо, перешли через несколько длинных, но не широких снежных полей и через порядочное пространство, занятое осыпями, попали на дно котловины, где располагалось несколько маленьких альпийских озер. Несмотря на красивый и своеобразный вид, эти озера производили какое-то удручающее впечатление. Все они лежат среди пустынных осыпей или диких скал, имеют каменистые берега и дно и совершенно лишены жизни. Ни рыб, ни птиц, ни насекомых, ни травы нет, ни около них, ни в их хрустальных, чистых, но холодных, как лед, водах! Во многих местах вокруг них лежит мелкий, рыхлый, сильно пропитанный водой щебень, в котором нога человека тонет вершка на 2 или на 3, и только кое-где можно видеть небольшие пространства, на которых растут мхи и лишайники, а на более сильно освещенных солнцем местах еще синенькие генцианы (Gentiana pyrenaica), Saxifraga cartilaginea, Sax. muscoides, Sax. tridactilus, Dryas octopetala, Alsine imbricata и некоторые другие.

Перебравшись через котловину, дно которой лежит футов на 600 ниже гребня Абишира-Ахуба, мы поднялись на противоположный склон ее, составленный кряжем, который отделяет верховья Кяфар-Агура от верховьев Хызынчика. Гребень этого хребта также состоит по преимуществу из аспидного сланца, который во многих местах сильно выветрился, рассыпался на мелкие куски и превратился в осыпи, простирающиеся на целые версты. По обеим сторонам хребта тянутся глубокие ущелья, в одном из которых течет Кяфар-Агур, а в другом Хызынчик, впадающий в Чилик[13]. Часа два мы пролазали по этому высокому хребту, но зато имели все время перед глазами чудные картины; видели еще несколько красивых горных озер, а все-таки не встретили ни туров, ни серн. Со мною ходили в этот день два проводника, и в числе них был Нагой Дауров, хороший старый охотник. Он уговаривал меня пройти еще дальше и поискать туров, но сам в то же время, не встречая вовсе дичи в тех местах, где она прежде водилась постоянно, и, не надеясь найти ее, ворчал, бранился на своем кабардинском языке и плевал с досады. Он говорил мне неоднократно: «Когда зверя нет, сердце не играет, и ходить скучно». Здесь он решил окончательно, что зверей погубила необыкновенно продолжительная, снежная и страшно суровая зима 1897—98 годов, от которой погибло также много домашнего скота.

Проходивши еще час другой, мы увидели в одном месте, на страшной глубине, пять штук серн. Будь это туры, я полез бы за ними, несмотря на то, что это стоило бы мне больших трудов, так как на возвратном пути пришлось бы со дна пропасти снова взбираться на самый гребень Абишира-Ахуба и после этого спуститься еще тысячи на три футов к своей стоянке; лезть же за сернами, которых мне приходилось стрелять каждое лето, я не хотел и решил пройти вдоль кряжа еще некоторое расстояние, потом повернуть на юго-восток и затем уже не торопясь подвигаться к своей стоянке. На возвратном пути нам снова пришлось видеть несколько маленьких горных озер, переходить через довольно порядочные снежные поля и в третий раз побывать на гребне Абишира-Ахуба.

Следующий день был последним днем нашего пребывания на Абишира-Ахуба. В этот день мы хотели подняться вверх по Речепсте, перебраться через очень высокий перевал Чилик, осмотреть окружающие его горы, спуститься вниз и засветло найти где-нибудь на северном склоне хребта удобное для ночлега место.

Встали мы рано, но нас очень опечалило затянутое тучами небо и густые облака на всех высоких горах. В шестом часу, когда у нас все уже было готово к выступлению, небо стало еще темнее; то там, то сям заблистали молнии, загремел гром, и грозное эхо начало перекатываться с одной горы на другую. Еще несколько времени спустя пошел дождь. Перебираться в такую погоду через перевал в 10000 футов высотою было рискованно, поэтому приходилось ожидать, пока погода изменится к лучшему. Надо еще заметить, что кабардинцы, которые пасли свой скот вблизи нашей стоянки, говорили нам накануне, что перебраться через Чилик будет трудно, а, может быть, даже невозможно, потому что на самом перевале с северной стороны его, лежит много снега, и что этот затвердевший снег образует крутой откос, на котором лошадь легко может поскользнуться, пока-

титься вниз и разбиться вдребезги о скалы. Нагой Дауров, однако, утешал нас, приводя какую-то кабардинскую пословицу, смысл которой таков, что дождь ранним утром должен считаться хорошим предзнаменованием. Лично для него эта пословица оправдалась, если так можно выразиться, в совершенно противоположном смысле.

В 7 часов утра дождь, действительно, перестал, мы быстро навьючили на лошадей все наше имущество и двинулись в путь. Дорогою, однако, дождь еще раз помочил нас, но затем погода исправилась совершенно. Мы уже мечтали о том, как приятно будет нам перебираться через Чилик, если только не помешают снега, но в это время, как нарочно, случилось одно печальное происшествие, омрачившее наше хорошее настроение. Поехав версты три и поравнявшись с одним кабардинским кошем, мы, по предложению Нагоя, остановились, чтобы напиться айрана[14], и попросили мальчика-пастуха принести нам его. Я и мой спутник С.Ф. Давидович, не слезая с лошадей, выпили из большой деревянной чашки хорошую порцию этого приятного освежающего напитка и поехали дальше, но, когда мальчик подошел к Нагою и хотел передать ему чашку, молодая, совсем невыезженная лошадь, на которой Нагою вовсе не следовало бы ехать в горы, испугалась и начала бить задом. Нагой в это время несколько раз ударился о луку седла и затем спрыгнул с лошади. Мы ничего этого не видели и узнали об этом от догнавшего нас пастушонка. Возвратившись на кош, я и мой спутник принялись осматривать Нагоя и убедились, что кости его целы, что он ушиб сильно только мягкие части и может ходить, но ехать ему дальше с нами невозможно; поэтому мы согласились на его просьбу — оставить его до выздоровления на коше и тотчас же послать за его сыном, который живет на другом коше и всего лишь в 10 верстах отсюда. Через несколько минут один из наших проводников отправился за сыном Нагоя, а пастушонок за его приятелем, жившим еще ближе, мы же в это время принялись прикладывать к ушибленным местам больного холодные компрессы. Приехавшие вскоре два кабардинца, а также наши проводники, которые полжизни провели на лошади и не один десяток раз падали с нее, также нашли положение Нагоя вовсе не опасным. Не обладая специальными медицинскими познаниями и не имея при себе почти никаких лекарств, мы не могли оказать Нагою существенной пользы, — поэтому, снабдив его всем необходимым, отправились дальше по намеченному пути к станице Сторожевой, чтобы оттуда скорее дать знать о случившемся родным Нагоя.

Дальнейший путь наш тянулся на северо-запад по безлесной долине Речепсты, окруженной с обеих сторон высокими горами, которые поднимаются тысяч до десяти футов. В верховьях Речепсты снега почти нет, и речка образуется из слияния нескольких небольших ручьев, получающих начало главным образом из родников. В этом месте наша тропинка повернула вправо, на север, и зигзагами начала подниматься выше и выше на перевал Чилик. Она тянулась по более или менее открытой местности, притом вначале по горным лугам, а дальше через широкий пояс шиферных осыпей. Внизу подъем был более или менее пологим; а под конец сделался настолько крутым, что мы принуждены были слезть с лошадей и карабкаться пешком по узкой, едва заметной на осыпях тропинке. Лезть на гору нам пришлось очень долго, но зато с каждым шагом перед нашими глазами открывались все лучшие и лучшие картины. Наконец мы преодолели последний уступ и очутились на самом перевале. Он представляет седловину, с правой стороны которой тотчас за тропинкой поднимается к небу заостренная скала в несколько сот футов вышиною; другая подобная же ей находится налево от седловины, но несколько дальше. От этой последней тянется на север длинный и очень высокий кряж, окаймляющий с западной стороны долину Чилика и отделяющий ее от истоков Урупа. Оба утеса, возвышающиеся по сторонам перевала, состоят из шиферных глыб и окружены снизу шиферными же осыпями, совершенно лишенными растительности. Мой анероид показывал здесь 3027 метров (9930 футов).

Вид, который открывается с перевала на южную сторону, описать невозможно: это выше человеческих сил. Отсюда был виден на первом плане хребет, возвышающийся по правой стороне Речепсты и отделяющий ее от долины Пхиа. Он довольно высок и уже разрисован узкими извилистыми лентами и полосами снега. За ним тянутся лесистые горы, а еще дальше Главный Кавказский хребет. Последний открыт для глаз на протяжении нескольких десятков верст и состоит из черных зубчатых скал, щедро украшенных блестящими, как серебро, снежными полями, которые с поразительной отчетливостью выступают на темно-голубом небе и черном фоне скал. Главный Кавказский хребет представляет главную прелесть этой дивной картины. Кроме того с перевала видна вся долина Иркыза с ее чудными темно-зелеными пихтовыми лесами, долина реки Софиа и все вообще горы, окружающие верховья Зеленчука. Вид на северную сторону в ущелье Чилика и на хребет Чапал также очень красив, но его нельзя и сравнить с только что описанным.

На перевале мы пробыли около получаса, а затем начали спускаться вниз, в ущелье Чилика. В нескольких шагах от перевала мы встретили то самое довольно большое снежное поле, о котором нам уже говорили. Оно представляло, действительно, настолько крутой откос, что идти по нему, а в особенности вести лошадь очень опасно; но, к нашей радости, в верхней части своей это поле успело уже настолько стаять, что тропинка захватывала его лишь на протяжении нескольких саженей. Здесь мы частью раскопали снег, частью утоптали его ногами и таким образом благополучно прошли сами и провели своих лошадей.

Дальнейший путь был вовсе не опасен, но утомителен по своей крутизне. Спускаясь с перевала, я держал в руках свой анероид и следил за движением стрелки его. Она двигалась по временам быстрее минутной стрелки обыкновенных часов. В минералогическом отношении перевал Чилик ничего особенного не представляет. Из горных пород здесь первое место занимает шифер. К нему примешивается также хлорито-тальковый сланец и изредка кварц и известковый шпат. Футов на тысячу ниже перевала и вправо от тропы находится очень красивое темно-зеленое, почти круглое озерцо. Оно имеет саженей 100 в диаметре и лежит в довольно глубокой, покрытой зеленью котловине. Выше озерца местность имеет очень дикий характер, представляя целый лабиринт глубоких обрывистых скал, балок и осыпей. Уже вечером добрались мы до леса, отыскали более или менее ровное место на берегу Чилика на высоте 6 $^1/_2$ тысяч футов над уровнем моря и расположились здесь на ночлег.

На следующее утро нам надо было проехать несколько верст по очень крутому косогору левого склона долины Чилика, потом подняться на хребет, который тянется между истоками Урупа и долиною Чилика и, наконец, выехать на Чапал. Притупленная, покрытая сочной травой вершина его представляет широкую поляну, которая простирается в длину верст на 15; на юг она обрывается поросшими лесом скалистыми уступами к узкому, глубокому ущелью Чилика, а на север спускается более полого к верховьям многочисленных притоков Урупа и Бижгона. Местность тут имеет уже иной вид: в ней нет ни вечных снегов, ни пустынных осыпей, ни утопающих в небе крутых скал, ни страшных пропастей, где каждый неосторожный шаг грозит смертью. Здесь, наоборот, всюду видны мягкие, нежные, ласкающие взор картины. Особенно красив вид с Чапала на покрытые почти сплошными лесами глубокие долины и ущелья истоков Урупа. К сожалению, однако, мы не долго могли любоваться этими чудными картинами, так как более половины всего протяжения Чапала ехали в таком густом тумане, какой бывает только на более или менее высоких горах.

Во втором часу мы сделали привал вблизи одного родника, чтобы закусить самим и покормить лошадей. От этого места дорога начала уже быстро спускаться, стало заметно теплее, туман поредел, сквозь синеватую дымку его вскоре показались знакомые уже нам горы около Зеленчукской и Сторожевой станиц; но в это же время нас окружили такие тучи оводов и слепней, что мы должны были ехать с вениками в руках и не переставая отмахиваться ими от этих назойливых и очень больно кусающихся тварей. При закате солнца мы были уже вблизи Сторожевой станицы. Здесь я расстался со своим спутником, отправившимся в Терскую область, и с одним из наших проводников расположился ночевать недалеко от небольшой речки, впадающей в Бижгон. Несмотря на защиту палатки, нас тут чуть не съели комары. Вблизи этого места, как мы убедились на следующее утро, болота, покрытые густой травой и подобные тем, которые были описаны в начале статьи, тянутся на целые версты. В них, когда мы ехали к Преградной, несколько раз едва не загрузли наши лошади.

Скажу в заключение несколько слов по поводу вопроса, главным образом побудившего меня к поездке в верховья Зеленчука: это вопрос о зубрах[15]. Как мои личные наблюдения, так и расспросы у многих охотников и полесовщиков убедили меня, что, несмотря на утверждения некоторых современных авторов, зубры в настоящее время ни в верховьях Большого Зеленчука, ни в верховьях Урупа не встречаются вовсе. То же могу сказать и о долине Маруха и Аксаута, которые я посетил раньше. Верховья Зеленчука, а в особенности долина Иркыза, представляют большие удобства для жизни зубров, но они покинули эти места лет 35—40 тому назад. Вероятно, их вытеснила отсюда рубка леса и пастухи-горцы со своей барантой и табунами. В верховьях Урупа, покрытых обширными сплошными лесами, зубры держались сравнительно долго, именно до начала или даже до средины восьмидесятых годов. Еще дальше к западу мы встречаем уже места, где зубры живут и в настоящее время. Путешествуя в верховьях Лабы в средине 80-х годов, я видел очень много зубровых троп, свежие следы их и даже живых зубров, но теперь и эти места посещаются зубрами только по временам. Гораздо чаще они встречаются по долинам некоторых притоков Малой Лабы, например, по Алоусу, Мастакану (Местык) и в особенности по Уруштену, но еще больше зубров живет в долинах и ущельях многочисленных истоков реки Белой, в местности совершенно безлюдной и покрытой дремучими лесами. Дальше к западу, именно в верховьях Пшехи зубры уже не встречаются. Таким образом, мы видим, что область распространения их за последние 30—40 лет сильно сузилась и именно с восточной стороны.

Ï ðè ì å÷à í èÿ

1. Продолжение Шелоха, которое как бы окаймляет Урупское ущелье с левой стороны, известно у местных жителей под именем Громатухи.

2. Помеси домашних животных с дикими представляют вообще довольно редкое и интересное явление; поэтому я и описал и этого кота. Два раза попадались мне помеси диких свиней с домашними в горной полосе Майкопского отдела (в Сахрайском поселке и на одном хуторе вблизи Андрюковской станицы).

3. Древнехристианские храмы и святой Алекеандро-Афонский-Зелен-чукский монастырь. Свящ. Д. Успевского. Москва. 1892 год.

4. Д. Успенский. Древнехристианские храмы. Стр. 22.

5. С юга оно защищено Главным Кавказским хребтом, в котором здесь нет даже перевалов, а с востока — очень высокими горами, возвышающимися между Марухом и Зеленчуком; с запада к нему пробраться также очень трудно, и только с севера более или менее легко по узкому ущелью Зеленчука. Но и с этой стороны горсть людей может отразить нападение целых полчищ.

6. Высота Капышистры, по позднейшим определениям, равняется 10184 футов над уровнем моря (Винников. Записка о списке географического положения пунктов Кавказского края, определенных чинами Военно-Топографического отдела — Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. Кн. XIX); но гора издали кажется очень высокой, выше даже, чем Псыж, достигающий, по позднейшим определениям, 11493 фута.

7. На пятиверстной карте Кавказа эта речка названа, впрочем, Зеленчуком, а долина его долиною *Иркис.* Это, конечно, неправильно, так как Иркыз (карачаевцы и кабардинцы произносят Аркыз) есть приток Псыжа с левой стороны. В верховьях своих он назван на пятиверстной карте Речепстой.

8. Псыж, или, как он именуется на картах, Псыш находится под 43° 23′ 6″ северной широты и 58° 51′ 34″ восточной долготы и, по новейшим определениям, имеет высоту в 11493 футов.

9. На пятиверстной карте Кавказа эта речка обозначена, но не названа никаким именем.

10. Речка эта на пятиверстной карте оставлена без названия.

11. Стоянка пастухов.

12. В этой долине течет Большая Лаба.

13. Чилик вместе с Кяфар-Агуром образует довольно большую речку Кяфар.

14. Особенным образом приготовленное кислое молоко или простокваша.

15. Большие подробности о распространении кавказского зубра читатель может найти в моей статье «Несколько слов о кавказском зубре», помещенной в журнале «Естествознание и география» 1899 года, книга 2-я.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èçäàíèþ:

Динник Н.Я. Верховье Большого Зеленчука и хребет Абишира-Ахуба // Известия Кавказского отделения Русского географического общества. — 1899. — Т. 12. — Вып. 3. — С. 251—287.

ÂÅÐÕÎÂÜß ÌÀËÎÉ ËÀÁÛ È ÌÇÛÌÒÛ

I

Некоторые места по верхнему течению Малой Лабы были посещены мною несколько лет тому назад и описаны в статье «Кубанская область в верховьях реки Уруштена и Белой»[1]; но вся местность от самых истоков Малой Лабы и до впадения в нее Умпыря, кроме того долины и ущелья всех верхних притоков Малой Лабы и, наконец, перевал Аишхо были мне совершенно неизвестны. За последние лет 30 их не посетил ни один из путешественников. По соседству с этими местами были в 1899 году Н.А. Буш и Н. Щукин, командированные Императорским русским географическим обществом и советом Юрьевского университета для исследования ледников западного Кавказа и растительности Кубанских гор; но Н. Буш, следуя вверх по долине Малой Лабы, на пути к перевалу встретил затруднения, которые нелегко было преодолеть, и потому не дошел до истоков Малой Лабы и перевала Аишхо. Попытки его и Н. Щукина пробраться к этим местам с юга, со стороны долины Мзымты, также не увенчались успехом, потому что им не удалось спуститься с перевала Псеашхо в долину Мзымты, с которой можно было подняться на перевал Аишхо и затем уже попасть к верховьям Малой Лабы. Я в этом отношении был счастливее и не только благополучно добрался с севера до самых истоков Малой Лабы, но и прошел взад и вперед через оба перевала. Таким образом, мне удалось осмотреть и таинственные истоки Малой Лабы.

Настоящее путешествие мое с обычными трудностями и невзгодами началось со станицы Псебайской, откуда мною было предпринято несколько поездок в разные стороны; но, прежде чем описывать их, скажу несколько слов о Псебае и о природе окружающих его мест.

Псебайская станица, или, как обыкновенно называют ее, Псебай, расположена на левом берегу Малой Лабы при впадении в нее реки Псебая. Недалеко от станицы по обеим сторонам Малой Лабы возвышаются две горы — Герпегем и Мифагурт. Они принадлежат к хребту Черных гор, который тянется параллельно Главной Кавказской цепи верстах в 50 от нее. В геологическом смысле Черные горы моложе Главного хребта. Они поднялись со дна моря, как известно, в меловой период, тогда как большая часть Главного Кавказского хребта — в предшествовавший меловому юрский период. Черные горы состоят исключительно из известняков, образующих здесь толщи, как видно на некоторых обнажениях, в десятки сажен. Длинный барьер таких желтовато-белых известковых скал тянется вдоль левой стороны долины Малой Лабы на северо-запад от Псебая. некоторых местах, например, в Воровской балке (верстах в 4 ниже Псебая), эти скалы образуют красивые выступы в виде столбов, колонн и обелисков. Все они состоят из углекислой извести и содержат довольно много остатков морских слизняков. Во многих местах эти известняки переходят наверху в алебастр, который образует здесь богатые залежи, простирающиеся на несколько верст в меридиональном и широтном направлениях. Часто он выступает на поверхность земли не только на кручах и откосах, но и на местах более или менее ровных. Здесь существуют и алебастровые ломки, на которых добывается очень белый алебастр; его везут отсюда в Лабинскую станицу, главный торговый пункт этой части Кубанской области, и во многие другие места. В известковых толщах здешних гор находится много длинных глубоких пещер со сталактитами и сталагмитами внутри.

Чтобы постепенно приучить себя к хождению по горам, мы решили прежде всего отправиться на Герпегем, поднимающийся тысячи на две футов над Псебаем. Более или менее плоская вершина его покрыта лугами, на которых попадается много чисто альпийских трав. Здесь же растут рододендроны (Azalea Pontica) и отдельные небольшие кустики папоротника-орляка (Pteris aquilina), который верстах в 50 к западу от Псебая в долине Курджипса и Пшехи, а также по черноморскому побережью образует сплошные высокие заросли. В этих более влажных местах человеку приходится вести упорную борьбу с орляком, которым зарастают хлебные и картофельные поля, сенокосные места и т.д.; в окрестностях же Псебая он встречается более или менее редко и нигде не образует сплошных зарослей. По склонам Герпегема, в особенности западным и северным, растут лиственные леса, состоящие главным образом из дуба и бука.

Псебай расположен на высоте 2145 футов над уровнем моря, отличается здоровым климатом и мог бы служить прекрасным курортом. Правда, в мае и июне здесь, как и вообще в предгорьях Кубанской и Терской областей, идут очень частые дожди, но зато осень отличается чудной погодой, а зима очень тепла и совсем малоснежна[2]. Двойных рам здесь почти не делают, а в декабре и январе можно иногда ходить в летнем пальто. Полнейшая тишина часто стоит на Псебае по целым неделям. К недостаткам псебайского климата надо отнести довольно частые градовые бури, от которых сильно страдают хлебные поля и травы. Псебай был когда-то штаб-квартирой Севастопольского полка и представлял тогда очень оживленное и веселое местечко. Теперь он сильно запустел, а большая часть построек, принадлежавших полку, превратилась в развалины. Единственным украшением Псебая служит в настоящее время новый красивый большой дом — контора Кубанской охоты великого князя Сергея Михайловича.

В зоологическом отношении Псебай интересен как пункт, с которого в долине Лабы начинается уже горная фауна Кавказа и в окрестностях которого она сталкивается с фауной равнин и степей. К чисто горным формам из водящихся здесь птиц принадлежат горная куропатка (Perdix Chukar Gray), живущая на склонах Герпегема вблизи Псебая, горная плиска (Calobates sulphurea Bechst.), оляпка или водяной дрозд, а из млекопитающих — серны, которые, несмотря на упорное преследование псебайскими охотниками, убивающими каждую зиму несколько штук их, до сих пор продолжают держаться в небольшом количестве на склонах Герпегема недалеко от станицы.

Лет 25 тому назад в ближайших окрестностях Псебая водилось очень много диких кабанов, медведей и оленей; теперь же эти животные все более и более удаляются в горы, а если и продолжают встречаться в окружающих Псебай лесах, то в гораздо меньшем количестве, чем прежде. Олени и медведи попадаются изредка и ниже Псебая, в лесах около Каладжинской станицы, но сюда они заходят более или менее редко; если это случится зимою, когда земля бывает покрыта снегом, то редко кому из них удастся благополучно уйти в прежние более безопасные места. Леса между Псебаем и Каладжинской станицей надо поэтому считать северной границей области распространения по долине Лабы крупных зверей, каковы олени, медведи и кабаны. Козы около Псебая и теперь живут в изрядном количестве; это надо приписать главным образом тому, что они не любят высоких гор и очень больших лесов, и не решаются променять на них места, окружающие Псебай и приходящиеся им более по вкусу. Барсуки в окрестностях Псебая встречаются очень часто и, несмотря на здешние теплые зимы, залегают в спячку. По берегам всех более или менее значительных речек, например, по Малой Лабе и Андрюку, около Псебая живут речные выдры (порешни); в подобных же местах попадаются и норки. Тех и других местные жители ловят капканами. Гораздо чаще встречается здесь лесная куница (желтодушка — Mustela martes L.) и каменная куница (белодушка — M. foina Briss.). Они, впрочем, отдают предпочтение большим горным лесам. Куниц добывается в окрестностях Псебая и соседних с ним горах довольно много, и цена на них колеблется от 5 до 7 рублей за штуку. Перевязка (Putorius sarmaticus Pall.) встречается здесь изредка, а обыкновенный хорек, кажется, отсутствует. Волк и лисица принадлежат к самым распространенным животным этих мест, шакал же попадается как большая редкость[3]. Диких котов очень много как в лесах, так и вообще по каменистым местам. Многие из псебайских и андрюковских охотников, промышляющих преимущественно мелкого зверя, убивают в год более десятка диких котов. В лесах, окружающих Псебай, водится также много рысей, и зимою следы их приходится видеть очень часто. Так как они ведут исключительно ночной образ жизни, то редко попадают под выстрел охотника, чаще же платятся своей шкурой, поедая отраву, которую в районе Кубанской охоты кладут для истребления хищных зверей. Обыкновенный еж попадается здесь очень часто, а заяц-русак принадлежит к самым обыкновенным животным окрестностей Псебая и вообще нижнего пояса гор. Встречается он, впрочем, и более или менее высоко. Даже зимою я видел зайцев на высоте около 5000 футов на горах за Псебаем.

На полях около Псебая в летнее время живет много перепелок; здесь же летают стада горлиц, диких голубей (Columba livia Briss.) и витютней (Palumbus torquatus Aldr.), но обыкновенная куропатка попадается очень редко. Иволги и черные дрозды в большом количестве гнездятся во всех псебайских садах. Сороки, которые вообще избегают горной местности, летом в окрестностях Псебая не встречаются вовсе, а зимой очень редко. Благодаря теплым зимам, в окрестностях Псебая зимует очень много птиц, улетающих перед наступлением зимы на юг из других более холодных местностей Кавказа. Деревенских ласточек здесь очень много, часто можно видеть обыкновенных стрижей (Cypselus apus). Зимою я видел здесь обыкновенных скворцов, черных дроздов, целые стада витютней, которые держатся по-преимуществу на горах, в ельниках, множество разнообразных мелких птичек: зябликов, овсянок (Emberiza cia и E. citrinella) и т.д.; на незамерзающих речках живет, кроме того, много уток и нырков. Из пресмыкающихся и амфибий в небольших болотах, заросших травой и камышом, встречаются болотная черепаха (Cistudo europaea Gray) и гребенчатый тритон, а на полях зеленая ящерица (Lacerta viridis L.) и, кроме того, Lacerta praticola Ewersm. Из лягушек встречаются те же виды, как и в прочих местностях Северного Кавказа, и, кроме того, один очень крупный вид жаб, живущих в горах северо-западного Кавказа. На Герпегеме, над Псебаем мы поймали также гадюку (Vipera Renardi Christ.), которая своей яркой окраской напоминает гадюк, водящихся на высоких горах.

Я забыл сказать, что Псебай замечателен еще необыкновенно красивыми видами, которые открываются с него на горы. В ясное утро, когда воздух бывает особенно прозрачен, этими видами нельзя налюбоваться. С Псебая видны покрытые снегами отроги Главного Кавказского хребта, громадный горный массив Ятыргварты (9051 футов), на вершине которого расстилаются горные луга, простирающиеся на многие версты и перемежающиеся с отвесными скалами, осыпями и пятнами снега, красивые скалы Чертовых ворот (Ачешбок), многие другие вершины и, наконец, красивые лесистые горы, которые начинаются верстах в 3—4 от Псебая и, по мере удаления от него, поднимаются все выше и выше.

В двадцатых числах июня я предпринял поездку из Псебая к верховьям Малой Лабы, на перевал Аишхо и к истокам Мзымты. В эти места отправился со мною один мой знакомый Г. С. В. и

мой сын, гимназист. В Псебае мы наняли двух проводников и верховых лошадей, решив употребить на осмотр названных мест недели три. Дорога из Псебая к истокам Малой Лабы тянется все время по ущелью этой речки, которую называют здесь Лабенком, и вдоль левого берега ее. Первые верст 20 этого пути мною уже были описаны в статье «Кубанская область в верховьях Уруштена и Белой», поэтому настоящее описание я начинаю с урочища Черноречья, которое находится вблизи слияния Лабенка с Уруштеном и отстоит от Псебая на 24 версты. Здесь на дне очень живописного ущелья, на высоте приблизительно 2700 футов над уровнем моря, выстроены два довольно больших домика, в которых живут егеря Кубанской Охоты. В Черноречье мы предполагали только переночевать, но, по непредвиденным обстоятельствам, должны были прожить более суток. Время это для меня, впрочем, не пропало даром, так как было употреблено на собирание животных, растений и минералов в окрестностях Черноречья.

Ущелье Лабенка и в этом месте очень узко и почти сплошь покрыто лесом, из которого только кое-где торчат красивые группы скал. В южной стороне ущелья поднимается высокий лесистый крутой мыс; он представляет один из отрогов Ятыргварты и возвышается между ущельями Малой Лабы и Уруштена. По нему идет дорога на перевал Псеашхо. Оба ущелья пересекаются друг с другом под прямым углом, оба одинаково глубоки, но ущелье Уруштена кажется из Черноречья более открытым и просторным. Кроме того, оно гораздо прямее и потому видно на более значительном протяжении. Вблизи слияния с ущельем Малой Лабы оно сильно лесисто, а дальше окаймляется высокими горами, покрытыми наверху горными лугами. С южной стороны в него упираются отроги Ятыргварты и, между прочим, та гора, которая известна у псебайцев под именем «Скирды». Вид на нее замечательно красив. Она имеет длинную ровную плоскую вершину, напоминающую скирду сена, и покрыта зеленой травой. «Скирда» окаймлена гигантским барьером совершенно отвесных темно-серых скал. Ниже их тянется очень крутой зеленый откос, по которому едва ли в состоянии пройти человек, а за ним еще целая серия чередующихся друг с другом уступов скал и карнизов, покрытых изумрудно-зеленой травой. Уруштен раза в два или три меньше Лабенка и несет более темную воду; в Лабенке же она очень чиста, прозрачна и имеет прекрасный сине-зеленый цвет.

Через Уруштен вблизи впадения его в Малую Лабу был построен во время Кавказской войны прочный каменный мост. В последние 10—20 лет он так сильно пострадал от разных причин, что от него уцелели только массивные каменные устои, построенные на берегах реки; но года полтора назад настилка, перила и прочие деревянные части моста сделаны заново, и по мосту снова начали ездить и в особенности прогонять скот в летнее время в горы, на пастбища, и обратно.

На горах, тянущихся по обеим сторонам Малой Лабы против Черноречья и поднимающихся над дном ущелья тысячи на три футов, можно ежедневно утром и вечером со двора караулки видеть серн. Они часто спускаются очень низко и, так как их здесь никто не преследует и не беспокоит, не обращают никакого внимания на людей, которые всегда толпятся на дворе караулки или ездят и ходят по дороге, извивающейся под самыми скалами. Они почти ежедневно подолгу пасутся не далее, как шагах в 400 или 450 от дороги. Этими красивыми стройными животными можно было любоваться по целым часам и видеть отчетливо в бинокль или подзорную трубу каждое их движение. Серны не обращали никакого внимания, как мы сами наблюдали, ни на громкий свист, ни на другой шум, который они, без сомнения, слышали прекрасно, и продолжали пасться. За несколько дней до нашего приезда на этих же скалах видели медведя. Один из егерей сделал по нем несколько выстрелов, не причинивших, впрочем, медведю никакого вреда.

Ущелье Малой Лабы, в котором находится и Черноречье, известно под именем Шах-Гиреевского. Склоны гор, ограничивающих его, сложены из различных горных пород. При начале ущелья, в 8 верстах от Псебая, они состоят из крупнозернистого, не особенно твердого песчаника, тождественного с тем, который встречается и в соседних речных долинах, например, в долине Белой, выше Хамышков. Он тянется на протяжении нескольких верст вдоль по ущелью, дальше же за ним обнажаются светло-серые глинистые сланцы, а около Черноречья встречаются уже сложные кварцевые горные породы, именно кристаллические сланцы разных видов. Рядом с ними и здесь залегают пласты плотного темно-бурого песчаника. В этой же местности, но на противоположной стороне ущелья найден каменный уголь, а вблизи караулки в кварцевых породах, у берега реки, тонкие прослойки медной руды. Большое количество железной руды находится на горах с левой стороны ущелья Малой Лабы, именно около Ачхи, и на Ятыргварте. Сюда уже не раз являлись горные инженеры и коммерсанты и сделали заявки на железную руду в нескольких местах. Один из живущих здесь егерей показывал мне цинковую руду, тальк и горный лен, найденные им верстах в 20 отсюда на Большой Лабе.

Леса в описываемой части ущелья состоят почти исключительно из лиственных пород — бука, граба, ильма, клена, ольхи, черноольхи и т.д. Ясень попадается здесь, но только спорадически. На верхних уступах гор, ограничивающих ущелье, к лиственным породам примешиваются сосна и кавказская пихта (Abies Nordmanniana Stev.), а рядом с ними растет много березы. Вблизи караулки и выше ее по ущелью Лабенка леса изобилуют малиной, собирать которую приходят сюда из Псебая. Она начинает поспевать во второй половине июня. Из кустарных растений здесь встречается много кизила (Cornus Mas), свидины (Cornus sanguinea), обыкновенной калины, калины-гордовины (Vibur-

num Lantana), орешника (Corylus Avellana), бересклета и местами очень много жасмина (Philadelphus coronarius), а из травянистых около караулки часто встречается белый Aconitum, Sedum acre, Crassula и множество красивых папоротников, которые ютятся преимущественно по мокрым тенистым скалам и свешиваются с них целыми гирляндами. К здешним папоротникам относятся: Polypodium vulgare L., Asplenium Trichomanes L., Aspl. septentrionale Sw., Aspidium Filix Mas., Aspidium Lonchitis Sw., Cystopteris fragilis Bernh. и некоторые другие. Ниже Черноречья в Шах-Гиреевском ущелье растут фруктовые деревья и кустарники, именно яблони, груши, лыча (Prunus divaricata) и т.д.

Птицами окрестности Черноречья очень бедны. Издали я видел здесь двух черных грифов (Vultur cinereus Naum.), слышал часто крик обыкновенной пеночки (Phylopneuste trochilus L.), видел соек, поползней (Sitta caesia Wolf.), зеленых дятлов (Gecinus viridis L.) и чаще всего горных плисок (Calobates sulphurea L.). На скалах и осыпях около Черноречья, по словам егерей, водятся горные курочки (Perdix chukar Gray). Из пресмыкающихся здесь встречается медяница (Anguis fragilis L.), горная ящерица (Lacerta muralis L.), обыкновенный или кольчатый уж и черный уж (Tropidonotus natrix var. ater, Eichw.). Один крупный экземпляр последнего вида мы поймали на дороге верстах в 3 или 4 ниже караулки. Он имел длину в 1 $^1/_2$ аршина; спина у него была окрашена в блестящий чисто-черный цвет; плоская широкая голова, напоминающая голову ядовитой змеи, имела такой же цвет; по бокам головы на тех местах, где у обыкновенного (кольчатого) ужа находятся желтые пятна, у пойманного нами были серовато-черные пятна, очень мало отличающиеся по цвету от прочих частей головы. Нижняя часть тела черная, но с крупными белыми пятнами, образующими неполные полукольца. Около отверстия рта и на горле также находятся белые пятна. Когда этого ужа беспокоили, он сильно шипел, расширял лицевую часть головы, но вовсе не обнаруживал намерения кусать. Егеря говорили мне, что вблизи караулки им не раз приходилось видеть и обыкновенную гадюку. Чаще же всех пресмыкающихся здесь встречаются горные ящерицы (Lacerta muralis Laur.). Эти проворные красивые животные любят греться на солнце и охотятся в это время за насекомыми, поэтому в солнечный день их можно видеть по нескольку штук на каждой куче камней или на каждом выступе скалы. Особенно много этих ящериц на последних 2—3 верстах пути перед караулкой. Они с необыкновенной ловкостью и проворством лазят не только по отвесным, но даже нависшим скалам, и при виде опасности очень быстро прячутся в трещинах их; поэтому ловить их не особенно легко. Если схватить горную ящерицу за ее тонкий длинный хвост, то она, быстро и сильно изгибая туловище, обламывает хвост еще скорее, чем другие виды ящериц. Для более легкого совершения такой бескровной или почти бескровной операции (аутотомия), к которой прибегают многие животные, чтобы спасти свою жизнь, существуют у них, как известно, может быть, читателю, особые приспособления и даже особые нервные центры, управляющие сокращением мускулов, которые производят отламывание органов. Во время ловли горных ящериц я несколько раз наблюдал, что забравшаяся в узкую щель ящерица не в состоянии обломить свой хвост, потому что не может делать крутых поворотов своим телом. Такую ящерицу всегда можно было вытянуть из щели, где она цеплялась довольно сильно, даже за самый кончик хвоста, если только тянуть ее плавно. Куцые ящерицы и здесь попадаются не редко; следовательно, несмотря на проворство, им частенько приходится жертвовать своим хвостом. Питаются эти ящерицы по-преимуществу мухами и мелкими бабочками, крылья которых я не раз видел во рту ящериц. Горная ящерица очень красиво окрашена. Спина у нее синевато-серая или зеленовато-серая, реже зеленовато-бурая, а у некоторых экземпляров даже чисто синяя, причем по этому основному фону бывают всегда разбросаны черные пятна. В местах, где спинная поверхность переходит в боковую, тянется темная полоса, очень резко выраженная у некоторых экземпляров. Брюшко у взрослых имеет чаще светлый золотисто-желтый цвет, а у более молодых желтовато-белый или даже почти белый. Наружные брюшные щитки часто бывают окрашены в яркий голубой цвет и отличаются сильным металлическим блеском. Самцы имеют более яркую, блестящую окраску, самки же окрашены проще, не так ярко, а молодые имеют еще более однообразную буроватую окраску. Что касается рыб, то в Лабенке и Уруштене водится только речная форель. Ночью в Черноречье можно видеть много летающих светящихся жучков (Lampiris splendens). Живущих на Черной речке егерей Кубанской охоты я расспрашивал о перелете птиц весной и осенью через Шах-Гиреевское ущелье. Они говорят, что видят, хотя и немного, гусей, уток и различных мелких птичек, но никогда не замечали журавлей и не слышали их крика. Основываясь на словах егерей, я думаю, что здесь перелетает птиц немного. Вероятно, они находят ущелье Малой Лабы, почти совершенно лишенное полян, неудобной дорогой для своих переселений. Степным птицам здесь не только трудно найти подходящую пищу, но и негде отдохнуть.

Урочище Черноречье отличается здоровым и прохладным климатом. В середине лета часов в 6 утра здесь бывает обыкновенно не более 9 или 10 градусов тепла. В полдень также не бывает особенно жарко, благодаря дующему по ущелью ветру. Этот ветер представляет, однако, и существенный недостаток Черноречья, в особенности в холодное время года. Вода в Лабенке здесь чистая, светлая и очень прохладная, хотя не настолько, чтобы вовсе нельзя было купаться в ней. Утром 24 июля она имела температуру только 9°С после полудня же температура ее доходит градусов до 18° С и, вероятно, больше.

С Черноречья мы отправились вверх по ущелью Малой Лабы к урочищу «Умпырь», находящемуся при впадении реки Умпыря в Малую Лабу и отстоящему от Черноречья на 20 верст. Тропинка, по которой мы ехали, все время тянется вдоль левого берега Лабенка то по густому лесу, то по крутым скалистым более или менее открытым откосам. По мере удаления от Черноречья ущелье Лабенка делается все уже, круче и красивее. В некоторых местах оно обставлено очень высокими зубчатыми скалами, напоминающими готические замки и башни. На них почти везде растут редкие, но очень большие сосны и темно-зеленые остроконечные пихты. С каждым поворотом ущелья открываются здесь все новые и новые виды. Лабенок течет очень быстро, особенно в тех местах, где русло его, имеющее в среднем аршинов 50 в ширину, суживается аршинов до 12–15. В некоторых местах вода в нем на протяжении сажен ста бела, как серебро, и, как будто бы, кипит ключом. С огромной силой ударяясь о скалы и камни, речка здесь прыгает и мечется из стороны в сторону, как какое-нибудь чудовище. В других местах течение ее гораздо тише и спокойнее, а вода уже не блестит серебром, а имеет чудный зелено-голубой цвет и отличается прозрачностью. В нескольких верстах от Умпыря ущелье Малой Лабы суживается особенно сильно, и почти отвесные скалы подступают к самой речке. Проделанная вдоль ущелья тропинка зигзагами круто поднимается здесь на довольно высокую гору. Над тропинкой поднимаются высокие скалы, а глубоко внизу шумит река. Место это егеря Кубанской охоты прозвали «Балканами». Здесь приходится слезть с лошади и более полуверсты пройти пешком. За «Балканами» ущелье становится еще красивее: над самой рекой громоздятся отвесные, даже нависшие скалы в несколько сот футов высотою, а над ними поднимается еще ярус высоких, стройных, остроконечных пиков, покрытых редкими соснами и возвышающихся, по крайней мере, тысячи на три футов над уровнем реки.

Леса между Черноречьем и Умпырем также состоят из очень разнообразных древесных и кустарных пород, но уже заметно отличаются от лесов, растущих при начале Шах-Гиреевского ущелья. Здесь встречается очень много белой ольхи (Alnus incana), которая на более пологих местах, вблизи берегов рек образует чистые сплошные насаждения из деревьев от 5 до 8 дюймов в диаметре. Кроме того, белая ольха растет отдельными деревьями или небольшими группами среди других лесных пород и нередко достигает обхвата и более в толщину. Часто попадается и черноольха, обыкновенный и остролистный клен (Acer campestre, A. platanoides), вяз (Ulmus campestris), бук, граб, дуб, реже липа, рябина, береза, яблоня и груша. Ясень попадается редко, зато некоторые деревья его достигают здесь обхватов трех в толщину. Ель, пихта и сосна встречаются гораздо чаще, чем около Черноречья, и, кроме того, спускаются до самого дна ущелья. Из кустарников в этих местах встречается много орешника (Corylus Avellana), бересклета, свидины (Cornus sanguinea), бузины (Sambucus nigra), калины (Viburnum Opulus) и жасмина (Philadelphus coronarius). Последний образует местами сплошные заросли, покрывающие каменистые склоны ущелья на пространстве в несколько десятин. Стволы его достигают нередко довольно порядочной толщины (вершок в диаметре и более). В начале лета жасмин бывает покрыт множеством красивых желтовато-белых цветов. В этом же ущелье встречаются и плодовые кустарники: красная и белая лыча (недалеко от Черноречья), крыжовник (два сорта), смородина и малина. Один вид смородины (Ribes nigrum L.) имеет крупные черные ягоды, сидящие на длинных кистях, и крупные листья, другой же (R. rubrum L., а может быть, и R. petraeum Wulf.) имеет более мелкие красноватые ягоды сладкого вкуса и очень мелкие листья. Малина попадается по более открытым каменистым местам; очень много растет ее и по сторонам тропинки. Крупными, вкусными и душистыми плодами малины мы лакомились во все время пути от Черноречья до Умпыря. Бирючина (Ligustrum vulgare) попадается здесь сравнительно редко; то же можно сказать и про обыкновенный можжевельник (Juniperus communis). Другой вид можжевельника, именно Juniperus Sabina, также встречается здесь, но на более высоких местах. Травянистые растения, конечно, очень разнообразны, но из них особенно обращает на себя внимание огромное зонтичное растение Heracleum pubescens, достигающее высоты сажени в две и толщины иногда почти в ногу человека, чумной корень (Petasites officinalis) с громадными листьями, Spiraea Aruncus, травянистая бузина (Sambucus Ebulus), Impatiens noli tangere, Atropa Belladonna, Leonurus Cardiaca, хмель и т.д. Кроме того, в этом ущелье встречаются на каждом шагу различные папоротники, а в одном месте растет очень много хвоща – Equisetum hiemale. Нигде, кроме этого места, в верховьях Лабы я его не встречал, да и егеря говорили мне, что он растет только здесь. Pteris aquilina попадается, но очень редко. На буковых деревьях, елях и пихтах растет еще много лишайников (Usnea barbata).

По дороге от Черноречья до Умпыря мы видели серну и, кроме того, вблизи Балканов вспугнули какого-то крупного зверя. Он, почуяв или услышав нас, бросился на каменистую кручу, и из-под его ног посыпался на нас целый град камней. На скалах, освещенных солнцем, и здесь попадается довольно много таких же ящериц, как вблизи Черноречья. Около урочища Умпырь, на берегу Лабенка, я поймал еще довольно большую и красивую медяницу (Anguis fragilis L.). Один из егерей Кубанской Охоты и ветеринарный стражник с ужасом смотрел на меня, когда я держал в руках это безвредное животное, которое они считали ядовитейшей змеей.

Тропа от Черноречья до Умпыря в общем довольно сносная, хотя кое-где и тянется над кручами и не вполне безопасна; только в одном месте, на протяжении верст 2–3, она тянется по топким

глинистым оползням, где ноги лошади погружаются в липкую грязь по самое колено. Место это находится верстах в 8 от Черноречья и известно под именем Затишья или Третьей Роты. Здесь во время Кавказской войны и после нее в течение нескольких лет стояла третья рота одного из батальонов Севастопольского полка. Этому обстоятельству и обязано место своим названием. На поляне в этом месте до сих пор видны фундаменты бывших ротных построек. На проезд от Черноречья до Умпыря мы употребили около пяти часов.

Урочище Умпырь — одно из самых чудных мест в горах всей Кубанской области. Оно расположено на высоте около 3350 футов над уровнем моря. Это своего рода земной рай. Здесь сходятся долины или ущелья трех речек: Малой Лабы, Умпыря и Ачипсты. Ущелье Малой Лабы в этом месте сильно расширяется и дно его представляет чудную поляну, покрытую свежей зеленою травою со множеством красивых цветов; по ней разбросаны еще то одиночно стоящие, то собранные в небольшие группы стройные изящные сосны. Крупным сосновым лесом, в котором растет немало красивых кудрявых берез, окружена эта поляна со всех сторон. Малая Лаба ограничивает ее с востока и может считаться украшением этой местности. Умпырь и Ачипста значительно уступают ей в этом отношении. Но особенно замечательно урочище Умпырь своими необыкновенно живописными видами, которые открываются от него по всем направлениям. Он окружен со всех сторон высокими горами, почти сплошь покрытыми лиственными и хвойными лесами; над ними залегают альпийские луга, над которыми громоздятся еще высокие скалы. Во многих местах на горных лугах блестят небольшие полосы и пятна снега, а кое-где и порядочные снежные поля. Глубокими ущельями и долинами упомянутых трех речек прорезываются эти горы в трех разных направлениях. Ущелья по своей красоте также могут соперничать друг с другом. На север от поляны тянется описанное уже ущелье Малой Лабы с его крутыми, высокими, обрывающимися к речке скалами и остроконечными пиками. Отсюда они видны еще лучше и в хорошую погоду особенно рельефно обрисовываются на темно-синем фоне неба. На юг тянется продолжение этого же ущелья, но здесь оно не так скалисто и почти сплошь покрыто лесом. Горы, окружающие его, вдали становятся выше и выше. С правой стороны долины в одной котловине на них лежат порядочные лоскуты снега, а еще дальше на юге ущелье это замыкается очень высокими, скалистыми и крутыми горами, изящно украшенными пятнами, полосами и лентами вечного снега. Это северный конец того отрога Главного Кавказского хребта, который отделяет долину Цахвоа, притока Малой Лабы, от долины этой последней.

Долина Ачипсты значительно шире, просторнее и также почти сплошь покрыта дремучим лесом, по-преимуществу хвойным. Он замечателен тем, что в нем до сих пор водятся зубры. С северной стороны этой долины виднеются крутые зубчатые скалы — отроги горы Ахцархвы, а с южной поднимается до 7500 футов другой необыкновенно крутой кряж. Гребень его идет сначала с востока на запад, а потом поворачивает под прямым углом почти прямо на юг, напоминая своими изгибами кочергу. Этим именем называют его егеря Кубанской охоты. Вдали, на западе, за долиной Ачипсты виднеются высокие горы, также разрисованные полосами и пятнами снега. Еще красивее выглядит просторная, широкая, но более короткая долина Умпыря, о которой вскоре будет сказано подробно.

В летнее время урочище Умпырь может привлекать к себе еще в другом отношении. На умпырской поляне и соседних с нею открытых местностях растет очень много клубники и земляники, которые в конце июня и в июле бывают унизаны крупными, сочными, душистыми и очень вкусными плодами; здесь же на каменистых местах по берегам Лабенка всюду попадается очень много малины с еще более вкусными плодами. Этим даровым угощением мы могли пользоваться в самых широких размерах. Но этим еще не исчерпывается богатство Умпыря: во всех речках, находящихся по соседству с ним, водится так много форели, что наши проводники, отправляясь часа на четыре за рыбой, приносили иногда каждый по полусотне форелей. Большая часть их имела в длину от 4 до 5 вершков, но между ними попался один экземпляр в 9 $^1/_2$ вершков. Форель мы ели с большим удовольствием в вареном и жареном виде. Наконец, окрестности Умпыря представляют и лучшее в отношении охоты место во всем районе Кубанской великокняжеской охоты. Здесь, особенно в долине Умпыря, водится много оленей, диких кабанов; на «Кочерге» и горах, окружающих долину Умпыря, бродят целые стада серн, а несколько дальше, на Магишо, Лугане и других высоких горах живут туры. Медведи здесь попадаются до сих пор довольно часто, но количество их сильно уменьшилось за последние годы вследствие того, что они, как и прочие хищные звери, истребляются всеми способами в районе Кубанской охоты[4]. Не особенно давно в долине Умпыря водились зубры, но они покинули эти удобные для них места тогда, когда венгерцы-лесопромышленники, имеющие лесопильный завод недалеко от Псебая, начали рубить в этих местах лес. В урочище Умпырь попадается очень много зайцев. На средине умпырской поляны построен охотничий лагерь, состоящий из маленького деревянного домика и нескольких дощатых бараков. Они имели для нас также немаловажное значение, так как в них мы могли с удобством укрываться от непогоды, которая, к сожалению, в эту поездку преследовала нас самым беспощадным образом.

Кроме названных уже древесных пород около Умпыря растет довольно много осины, дуба, бука (Fagus montana Lipsky), пихты, черноольхи, орешника, рододендронов (Azalea Pontica),

можжевельника и т.д. Из травянистых растений здесь обращают на себя внимание Epilobium angustifolium, Delphinium, Trifolium arvense, Campanula glomerata, Spiraea philipendula, Lychnis inflata, Aconitum Orientale и т.д. Что касается птиц, то их на умпырской поляне и соседних с нею местах мы встречали довольно много. Обыкновенного крапивника (Troglodytes parvulus L.) здесь приходится видеть и слышать очень часто. Также часто попадается обыкновенная синица (Parus major L.) и долгохвостая синица (Mecistura caudata L.), которые снуют небольшими группами по соснам и другим деревьям, отыскивая насекомых. Довольно часто попадаются здесь сойки (Garrulus Krinickii Bogd.), снегири, стрижи (Cypselus apus L.), зяблики, пеночки и два вида плисок — обыкновенная (Motacilla alba L.) и горная (Calobates sulphurea Bechst.). Последние держатся по берегам здешних речек. Но больше всего обращают на себя внимание клесты, которые довольно порядочными стайками прилетают утром и вечером на разбросанные по поляне сосны. Они кормятся сосновыми семенами, очень ловко вылущивая их из шишек своим оригинально устроенным клювом. Полдюжины убитых на Умпыре клестов оказались принадлежащими к виду Loxia curvirostra L. Старые самцы имели окраску более или менее красную на верхней стороне тела, особенно на надхвостье, и серую на прочих частях тела; у самок же красный цвет заменялся желтым. Летают здесь клесты стайками штук в 15—20 и чаще всего садятся на верхушки одиночно стоящих сосен. При перелетах они всегда издают особенный коротки крик и, усевшись на какую-нибудь сосну, тотчас принимаются за вылущивание ее шишек. На умпырскую поляну клесты являются рано утром, остаются здесь часов до семи, потом скрываются в леса, а вечером возвращаются снова на поляну. О том, что на Умпыре водится много клестов, я дано слышал, но в этом году мне в первый раз пришлось добыть этих птиц и убедиться в существовании их на Кавказе[5]. До сих пор для меня остается непонятным, почему их нет в других местах западного Кавказа, притом в таких, которые ни по климату, ни по растительности, ни по другим природным условиям не отличаются от окрестностей Умпыря. В хвойных лесах верховьев Пшехи, отстоящих отсюда менее, чем на сотню верст, я бывал из года в год и ни разу не видел ни одного клеста. Не встречал я их никогда в лесах Черноморской губернии и Терской области, хотя и не могу утверждать, что они там не водятся. Вблизи Умпыря я видел несколько раз альпийских ворон (Fregilus graculus L.), которые живут на скалах по ущелью Малой Лабы и Умпыря, и два вида грифов — Vultur cinereus Naum. и Gyps fulvus Gm.

С умпырской поляны мною было предпринято несколько экскурсий в разные стороны. Во время поездки к верховьям Умпыря и на перевал, который ведет из долины этой речки на Закан, впадающий в Большую Лабу, я имел возможность более или менее обстоятельно осмотреть всю долину Умпыря и ознакомиться с ее растительностью. Долина эта тянется с востока на запад, поэтому правый склон ее, обращенный к югу, находится под сильным действием солнечных лучей; левый же, обращенный к северу, получает солнечной теплоты и света гораздо меньше. Зимою, вследствие очень большой обращенной к северу крутизны этого склона, на некоторые места его не падает ни один луч солнца в течение целых месяцев. По этой причине снег, выпавший на правом склоне, зимою стаивает часто в первые же солнечные дни; лежит он долго только на более высоких местах этого склона, находящихся вблизи гребня хребта. Что же касается левого склона, то на нем снег держится в течение не только всей зимы, но и значительной части осени и весны. Этими причинами обусловливается в свою очередь полная противоположность растительности обоих склонов. Левая сторона долины Умпыря покрыта сплошь густым мрачным пихтовым лесом, в котором растет довольно много ели. Лес этот напоминает леса сурового севера. Вверху он окаймляется более или менее широким поясом березняков, за которыми следуют уже крутые откосы, покрытые тощими приземистыми травами, свойственными очень высоким местам. Что же касается правой стороны долины, то на ней растут груши, яблони, лыча, боярышник, дуб, вяз, очень много сосны и жимолости; но попадается также осина, черемуха и кроме того находятся большие пространства, заросшие исключительно жасмином. В конце июня и начале июля жасмин был усеян таким множеством желтовато-белых цветов, что места, им покрытые, издали казались почти белыми. На этом же склоне находится очень много больших полян. Те из них, которые расположены вблизи дна долины, заросли густым высоким бурьяном; другие же, лежащие значительно выше, представляют прекрасные горные луга, испещренные бесчисленным множеством ярких красивых цветов. Некоторые поляны этого склона почти сплошь заросли дикой рожью (Secale montanum Gass.). На самом верху этого склона растет еще много рододендронов (Rhododendron Caucasicum). Папоротников в долине Умпыря также очень много, но они принадлежат к тем же родам и видам, как и те, которые растут в ущелье Малой Лабы. Во времена владычества горцев в долине Умпыря было, как говорят, два черкесских аула. Что касается самой речки, то она имеет верст 10 в длину при ширине от 1 $^1/_2$ до 2 сажен, течет очень быстро, несет чистую холодную воду и получает начало из гор, отделяющих долину Лабенка от долины Большой Лабы. Умпырь принимает в себя много горных ручьев, которые вытекают из склонов гор, окружающих долину его. Вдоль всей долины Умпыря тянется тропа, по которой можно проехать на перевал, ведущей к верховьям Закана. На нем даже в летнее время лежат полосы и пятна снега.

II

На другой день по приезде нашем в урочище Умпырь с раннего утра все небо было затянуто облаками. В горах это служит, как известно, дурным предзнаменованием в отношении погоды. Действительно, еще утром тучи над нами начали быстро разрастаться, и дождь не заставил себя долго ждать: начался он часов с 9 утра, а затем с некоторыми перерывами шел почти весь день. Но в это самое время мой барометр начал быстро подниматься, подавая нам надежду на хорошую погоду в близком будущем. Предсказание его, как оказалось, оправдалось в значительной степени. Ночью небо очистилось, на нем показались тысячи ярких звезд, а утром нигде на горах не было видно ни одного облачка. Желая возможно полнее воспользоваться хорошей погодой, я встал до света, наскоро напился кофе, приготовленного еще с вечера, и со своим сыном и одним проводником отправился на горы, возвышающиеся по правую сторону долины Умпыря. Сначала мы ехали по густому лесу и полянам, покрытым высоким бурьяном, потом зигзагами начали подниматься на крутую гору, въехали в редкий сосняк, проехали по нему версты две и, наконец, выбрались на гребень горы. На все это потребовалось два часа. Здесь мы оставили лошадей и пешком побрели вдоль гребня на восток, по направлению к хребту Магишо. Подвигаясь в этом направлении на протяжении верст четырех, мы поднимались все больше и больше и достигли, таким образом, высоты около 9000 футов. С этих мест открываются обширные и очень красивые виды во все стороны, именно на хребет Магишо, Луган, на всю долину Умпыря, долину Малой Лабы и горы, находящиеся в ее верховьях. В особенности хорошо видны отсюда долины притоков Малой Лабы с левой стороны. Эти долины всюду покрыты лесами, над которыми громоздятся высокие скалистые горы. На них лежат небольшие снежные поля, но нет ни одного глетчера. Хребет Луган, который тянется за горами, окаймляющими долину Умпыря с левой стороны, а отчасти и сам ограничивает ее, также очень высок, и на нем находится много снежных полей. Одно из них имеет довольно порядочные размеры, представляет очень толстый пласт обледенелого снега и оканчивается внизу высоким отвесным уступом. Это поле можно, пожалуй, считать за фирн-глетчер. Хребет Магишо поднимается также очень высоко, — кроме того, он крут и скалист; но на нем нет не только глетчеров, но даже снежных полей. С этих же мест открывается вид на оконечность того хребта, который отделяет ущелье Малой Лабы от ущелья Цахвоа — довольно большого притока Малой Лабы с правой стороны. Здесь видны две короткие балки или котловины и в них снежное поле средних размеров; ледников же и в этом месте нет. Таким образом, с высоких гор, окружающих долину Умпыря, не видно ни одного настоящего глетчера; можно даже сказать с уверенностью, что на горах, которые видны с этих мест и отстоят от них не особенно далеко (верст на 10—15), настоящих глетчеров нет вовсе. К сожалению, отсюда нельзя было видеть верховья реки Цахвоа, которая течет в крутом, глубоком и густо заросшем лесом ущелье; в нем нет, к сожалению, ни одной тропинки, но которой можно было бы хотя с большим трудом пробраться к истокам реки и осмотреть их.

На склонах хребта, по которому мы пробродили большую часть дня, я видел двух медведей, трех ланей и десятка три серн. Кроме того здесь мы встретили довольно много альпийских ворон, пустельгу (Tinnunculus alaudarius Briss.), несколько грифов (Vultur cinereus Naum.), стрижей (Cypselus apus L.) и вспугнули штук пять горных тетеревов (Tetrao Mlokosiewiczi Tatcz.). Последние водятся здесь в изобилии и весною собираются на тока целыми стаями. В этих же местах живут и горные индейки, но нам они в этот раз не попадались. Почти на самом гребне этого хребта мною были пойманы две гадюки (Vipera Renardi), интересные по своей окраске, заметно отличающейся от окраски гадюк, живущих на местах невысоких. Обе они имели сравнительно небольшую величину (очевидно, были еще молодыми) и очень светлый пепельно-серый основной цвет, по которому были разбросаны на боках, спине и голове крупные черные пятна. На спине, в некоторых местах, они сливались друг с другом, образуя характерную для гадюк зигзагообразную полосу, в других же оставались разъединенными. Один подобный экземпляр был давно пойман мною в верховьях Закана, но он отличался от этих двух еще более светлым желтовато-белым, а в некоторых местах почти чисто-белым основным цветом; по нему также были разбросаны яркие чисто-черные крупные пятна, напоминающие блеском и цветом черный бархат. Эта змея по своему цвету была очень похожа на Vipera xanthina Gray, водящуюся в Малой Азии, Сирии, Персии и Закавказском крае, но резко отличалась от нее тем, что у этой гадюки темя покрыто правильно и симметрично расположенными щитками, а у Vipera xanthina мелкими чешуйками. Кроме того, они отличаются и другими признаками[6].

Часа в три дня, когда мы находились у северо-западного конца хребта Магишо, погода начала заметно портиться. Еще позднее раза два нас окутывал на самом гребне хребта такой густой туман, что мы с трудом могли ориентироваться и узнавать направление, по которому нам нужно было идти к своим лошадям. В одном месте мы едва не заблудились и должны были просидеть довольно долго, пока туман не разошелся. Наконец, когда мы добрались до лошадей и хотели седлать их, чтобы поскорее ехать вниз, над гребнем хребта нависла темно-серая туча и внезапно разразилась буря. Сначала поднялся сильный порывистый ветер, потом посыпался град; град перешел в крупу, а вместе с нею полил проливной дождь. В то же время длинные, с ослепительным блеском молнии, со-

провождавшиеся оглушительными ударами грома, которые потрясали, как казалось нам, всю гору, прорезывали одна за другой воздух и ударяли в гребень хребта в самом небольшом расстоянии от нас. Удары грома слышали мы неоднократно вслед за блеском молний, — следовательно, расстояние до них было действительно очень малое. Лошади наши в испуге разбежались в разные стороны, да и наше пребывание на самом гребне горы всего лишь в нескольких саженях от грозовой тучи было рискованно. Чтобы напрасно не подвергать себя опасности, мы набросили непромокаемые плащи, бегом спустились шагов на 300 от гребня горы и уселись на траве, решив здесь переждать бурю. Когда мы сидели таким образом, еще несколько ярких молний ударили в гребень горы, но крупа уже прекратилась, хотя дождь продолжал лить по-прежнему. Прошло еще несколько минут, и он начал заметно уменьшаться, а вскоре и вовсе прекратился. В это же время стал затихать ветер и грозные тучи понеслись дальше на юг по ущелью Лабенка. Спустя еще минут 15—20 над нами было уже чистое темно-синее небо, на котором блестело яркое солнце; над ущельем же Лабенка клубились густые тучи, блистали молнии, раздавались раскаты грома и лил сильнейший дождь. Когда я взглянул на гребень, по которому мы пробирались часа три тому назад, и на хребет Магишо, то они оказались совсем белыми: на них выпал снег в то время, когда нас мочил дождь.

Спускаться с горы нам пришлось при блеске заходящего солнца и ясном небе; но в это время стоило коснуться какой-нибудь ветки или деревца, чтобы с него потекли на нас целые потоки воды. С высокой травы и бурьяна, который достигал здесь роста человека, лилось на нас воды еще больше, чем с деревьев и кустов; поэтому добрались мы до лагеря совсем мокрыми.

Часов в 7 пополудни мы были уже на умпырской поляне. В течение всего вечера стояла отличная погода и, когда мы ложились спать, на небе блестели яркие звезды. Таким образом, в этот день погода нам в общем благоприятствовала и барометр, следовательно, не обманул нас; бурю же, продолжавшуюся всего лишь полчаса, можно и не принимать в расчет.

Другая поездка с Умпыря была предпринята мною на перевал, ведущий из долины Малой Лабы в долину Закана, впадающего в Большую Лабу. Из-под этого перевала вытекает и речка Умпырь. Выехал я из лагеря вместе с двумя егерями, которых управляющий Кубанской охотой послал объехать верховья Умпыря и посмотреть, не охотятся ли там горцы, пасущие свой скот на горных лугах. Выехали мы в полдень; перед вечером нас застал на дороге дождь и принудил остановиться и ночевать на одной из больших полян правой стороны долины Умпыря. Здесь я невольно обратил внимание на необыкновенно крупный оранжевого цвета мак, который, сколько помню, никогда не попадался мне в других местах Кавказа. В этот же день мне пришлось видеть в долине Умпыря тис или негной (Taxus baccata L.), который достигает здесь довольно значительной высоты и толщины почти в обхват. На следующий день рано утром мы отправились дальше, вверх по Умпырю. Проезжая по полянам, заросшим большим бурьяном, мы несколько раз вспугивали ланей. Так как на них здесь никогда не охотятся, то они часто подпускают к себе человека на самое близкое расстояние, а некоторые из них выскакивали из бурьяна чуть не из-под ног наших лошадей. Одна ланка таким образом не на шутку испугала мою лошадь, которая так сильно бросилась в сторону, что я едва усидел в седле. Приблизительно в полдень мы были на перевале. Он поднимается значительно выше верхней границы лесов и покрыт более или менее тощей травой, к которой примешивается много мхов и лишайников. Несколько ниже перевала находится большое пространство, густо заросшее рододендронами. На этой высоте встречается только один вид их, именно Rhododendron Caucasicum. На более тенистых местах рододендроны были еще покрыты множеством крупных белых цветов. Рядом с этими рододендронами и выше их лежали порядочные массы снега, а около них цвели хорошенькие маленькие альпийские цветочки, как, например, Gentiana Pyrenaica с чудными синими одиночными цветками, камнеломки (Saxifraga), роговик (Cerastium), Draba tridentata, Veronica и некоторые другие.

С этого перевала можно любоваться красивыми видами на целый лабиринт горных ущелий и хребтов. Они сильно напоминают те картины, которые открываются с гребня гор, ограничивающих долину Умпыря с северной стороны, но отличаются тем, что отсюда видна еще бесконечная панорама на восточное продолжение Главного Кавказского хребта, где горы достигают значительно большей высоты и покрыты гораздо большими массами вечных снегов.

С Умпырского перевала мы спустились тысячи на полторы футов в долину Закана, решив переночевать где-нибудь вблизи леса на восточном склоне хребта Магишо. Тропинка здесь идет косогором, пересекая и огибая несколько крутых балок. С нее хорошо видны верховья Закана, где он веерообразно разделяется на множество отдельных речек, вытекающих из очень многих довольно порядочных снежных полей, и долина Большой Лабы, покрытая дремучими хвойными лесами. Спускаясь по этой тропе, мы увидели вдали большого дикого кабана, который на наших глазах скрылся в отдельной небольшой балке, заросшей лесом, и не выходил из нее. Мы решили устроить на него облаву, причем я должен был зайти снизу, со стороны леса, а мои спутники пугнуть кабана от верховьев балки. Охота наша, однако, не удалась, так как кабан выскочил из балки прежде, чем мы успели занять свои места. При спуске с перевала мы вспугнули штук пять горных тетеревов, видели много альпийских ворон, снегирей, дроздов-деряб, грифов, в том числе грязного сипа (Neophoron percnopterus L.), и в нескольких местах слышали крик горных индеек.

Часа в два пополудни мы сделали привал верстах в 4 от перевала и недалеко от опушки лиса. Вокруг нас расстилались пышные горные луга, на которых горцы еще не успели выбить траву своей барантой; на них росли редкие деревья, главным образом пихты, сосны, осины и красивый, с красными, как кровь, летучками горный клен (Acer Trautvetteri Medw.). Под одним таким кленом мы разбили палатку. На расстоянии около версты от нас поднимались отвесной стеной высокие и крутые скалы хребта Магишо. Напившись чаю и отдохнув после довольно продолжительной езды, я думал отправиться с одним из егерей поискать кабанов или медведей, но в это время пошел дождь, который заставил нас безвыходно просидеть в палатке несколько часов. Он не переставал в течение целого вечера и почти всей ночи.

На следующий день погода была еще хуже. С раннего утра по всем высоким горам ползали густые свинцово-серые тучи, а часам к семи они разрослись настолько, что закрыли почти все вершины гор; еще несколько позднее густой туман спустился вниз, окутал нашу стоянку и все окружающее нас пространство. Вскоре пошел и дождь, который с небольшими перерывами продолжался до самого вечера. Весь день мы должны были сидеть как во тьме. Хотя у меня не было здесь особенного дела, но ехать отсюда назад, на Умпырь, в такую погоду, да еще через высокий перевал, было невозможно; приходилось волей-неволей оставаться на месте до следующего дня и ждать лучшей погоды. За час до захода солнца она вдруг начала быстро изменяться: горы стали освобождаться от туч и облаков, между ними показалось темно-синее небо, выглянуло солнце и облило своими лучами горы. В это время перед нашими глазами открылась такая дивная картина, которая своей красотой превосходила большую часть самых лучших видов, встречавшихся мне во время путешествия по наиболее высоким местам Кавказа. Особенную красоту придавало ей необыкновенно эффектное освещение косыми лучами заходящего солнца. Широкая, просторная долина Большой Лабы и преимущественно та часть ее, которая покрыта дремучими хвойными лесами и известна под именем Загдана, была превосходно видна на протяжении нескольких десятков верст. Вдали, где кончались леса, эта долина замыкалась гигантским барьером остроконечных зубчатых скал Главного Кавказского хребта. Они были испещрены широкими полосами снега, между которыми лежали кроме того большие снежные и глетчерные поля. Все это было освещено солнцем необыкновенно ярко и как будто бы горело в огне; самое же дно долины, начиная от подножья замыкающих ее скал, было наполнено густыми клубящимися облаками. По обеим сторонам этой долины тянулись высокие горы, внизу покрытые лесом, а наверху горными лугами, над которыми громоздились еще высокие обрывистые скалы. Все вершины их и большая часть склонов также были залиты необыкновенно ярким золотисто-желтым светом заходящего альпийского солнца. Темными и мрачными представлялись лишь густые хвойные леса, растущие по дну долины и наиболее низким местам ее. Когда солнце садилось, долины постепенно наполнялись синеватой полупрозрачной мглой, а окаймляющие их гребни гор еще с четверть часа продолжали блестеть, залитые лучами солнца. Почти в это же время из-за гор над верховьями Лабы показалась полная луна и облила горы своим магическим светом.

На следующее утро погода была прекрасная. Часа три мы употребили на осмотр окрестностей нашей стоянки, а затем отправились в обратный путь. Не доезжая до перевала, ведущего в долину Умпыря, мы свернули влево, проехали на юг версты полторы и здесь оставили лошадей. Отсюда мы отправились пешком вдоль хребта, ограничивающего долину Умпыря с юго-восточной стороны. Это и есть хребет Луган. Гребень его состоит частью из скал, частью из осыпей, на которых лежат во многих местах сугробы снега, но растительность на нем гораздо беднее, чем на хребте, ограничивающем долину Умпыря с правой стороны. Здесь часто попадались крошечные генцианы (Gentiana Pyrenaica), желтые фиалки (Viola Altaica), Campanula, Gnaphalium, много мхов, лишайников и т.д.; на обращенной же к северу теневой стороне этого хребта кавказский рододендрон образует густые сплошные заросли, которые тянутся на целые версты. Здесь же мы видели горных индеек, стадо серн и очень много турьих следов, но сами туры отсюда уже перекочевали, так как на склонах Лугана, обращенных к Закану, карачаевские пастухи уже пасли своих овец. Что касается ледников, то ни здесь, ни на соседних с Луганом хребтах мы их не видели вовсе.

Когда мы находились на гребне Лугана, то небо снова начало покрываться тучами. Мы поспешили к своим лошадям и благополучно добрались до них, но на перевале, ведущем в долину Умпыря, нас снова застала сильнейшая гроза с проливным дождем. Мы, не садясь на лошадей, спустились с перевала сажен на 150 и здесь решили переждать дождь. Вокруг нас сверкали молнии, а оглушительные удары грома раздавались над самыми ушами. Некоторые из них были необыкновенно сильны и сопровождались каким-то особенно резким и неприятным треском и раскатами. Очевидно, и теперь мы находились почти в центре грозовой тучи и не могли не опасаться, чтобы одна из молний не задела нас. Мы с полчаса стояли на месте в бурках и башлыках, каждый около своей лошади, до тех пор, пока ливень не сменился мелким дождем. Дальше по долине Умпыря мы ехали прежней нашей дорогой и к вечеру благополучно добрались до охотничьего лагеря, находящегося на умпырской поляне.

С Умпыря была совершена мною поездка и на «Кочергу». Я встал очень рано и, когда еще не совсем рассвело, отправился в путь вместе с двумя проводниками. Полтора часа мне пришлось

подниматься по крутой извилистой тропинке верхом на лошади, мои же проводники весь этот путь прошли пешком. Там, где начинаются березняки и подъем становится еще круче, я слез с лошади и отправил ее с одним из своих спутников назад, на Умпырь, а с другим пошел дальше. После этого мне пришлось еще почти целый час карабкаться на гору, прежде чем мы выбрались на гребень Кочерги. Обратный путь по этой же дороге я решил совершить пешком.

Гребень Кочерги очень узок и сильно заострен. Он представляет почти непрерывный ряд невысоких зубчатых скал и состоит из более или менее выветрившихся и легко разрушающихся гранитов и кварцитов. Только в самой восточной части этот гребень заметно притупляется, сплошь покрываясь травой с разбросанными по ней редкими деревьями. Оба склона Кочерги очень круты и сильно отличаются друг от друга по своей растительности. На северном склоне, тотчас за гребнем хребта, тянутся на целые версты сплошные густые заросли кавказского рододендрона; под ними находится широкий пояс березняков, а еще дальше высокоствольные леса, состоящие главным образом из пихты, ели и бука. Кое-где попадаются здесь можжевельники и вороница (Empetrum nigrum), а кавказская черника (Vaccinium Arctostaphylos L.) во многих местах также образует почти сплошные заросли высотою в рост человека. Преобладающей лесной породой для этой местности надо считать кавказскую пихту (Abies Nordmanniana Stev.). Горных лугов на северном склоне очень мало, а кое-где на нем лежат сугробы снега. Совершенно противоположным характером отличается южный склон Кочерги. Здесь на широком пространстве тянутся до самого гребня хребта прекрасные горные луга из различных альпийских трав высотою более чем по колено. По этим лугам разбросано много ярких цветов и местами красуются редкие сосновые рощи. Ниже горных лугов растут леса, состоящие преимущественно из сосны, к которой примешиваются пихта и различные лиственные породы.

Пробираясь по самому гребню Кочерги, мы видели, но очень далеко, одного медведя и много серн. Последние паслись довольно низко, вблизи леса и березовых зарослей, и, очевидно, уже собирались отправиться на отдых. Вблизи гребня Кочерги я наткнулся на крупную ярко окрашенную ядовитую змею. Основной цвет ее был рыжевато-белый и, кроме того, бока и спина испещрены черными, как уголь, крупными пятнами. Это был первый добытый мною на Северном Кавказе экземпляр Vipera xanthina Gray. Когда я старался посадить ее в склянку, она выбросила изо рта небольшую мышь, недавно ею проглоченную, и несколько раз с яростью кусала мою палку. Я думал, что она поломает свои тонкие длинные ядовитые зубы, но они оказались совершенно неповрежденными. Длина этой змеи равнялась полутора футам.

С Кочерги открываются очень красивые виды на долину Ачипсты, на Ятыргварту (9061 фут) с ее отрогами и многие другие горы. По гребню Кочерги мы прошли довольно далеко, именно до того места, где она поворачивает под прямым углом к югу. Здесь мы просидели часа два, любуясь горами и рассматривая их то в бинокль, то в подзорную трубу, а затем отправились в обратный путь. Вниз по гребню хребта мы прошли почти незаметно, так как идти было очень удобно и легко, но спуск с хребта мне показался бесконечным. Вероятно, это произошло главным образом по той причине, что половину его нам пришлось пройти после захода солнца, когда уже порядочно стемнело, а в густом лесу почти ничего не было видно. Последние версты две мы шли уже совсем ночью, ощупывая ногами дорогу, натыкаясь на пеньки или камни и спотыкаясь. На спуск с Кочерги мы употребили час и три четверти, причем нигде не отдыхали ни минуты, и в половине девятого пришли на Умпырь. Порядочно помучились мы от жажды, так как на Кочерге вовсе нет воды, а той, которую мы захватили в своей фляжке, было для двоих нас очень недостаточно.

Наиболее интересная поездка с Умпыря была предпринята нами к верховьям Лабенка, на перевал Аишхо, находящийся на Главном Кавказском хребте, и к истокам Мзымты. Тропинка от Умпыря к этим местам идет вверх по ущелью Малой Лабы, вдоль левого берега ее, то над самой рекой, то на некотором расстоянии от нее. Вблизи Умпыря она переходит через Ачипсту, имеющую здесь сажени 2 или 3 в ширину, а за Ачипстой вступает в чудный хвойный лес, состоящий из гигантских пихт и елей (Picea Orientalis Carr.). Многие из них достигают трех обхватов в толщину и огромной высоты, вероятно, не меньшей 80 или 90 аршин. Бук встречается здесь тоже в значительном количестве и, кроме того, часто попадаются места, густо заросшие исключительно молодыми осинами и березами. Очень много в этом ущелье жасмина, смородины, крыжовника и малины. Последняя на местах, хорошо согреваемых солнцем, была унизана спелыми плодами, которыми мы здесь и пользовались в изрядном количестве. По каменистым местам в этом ущелье растет очень много кавказской черники (Vaccinium Arctostaphylos L.), листья которой употребляются жителями ближайших станиц и поселков как чай. Папоротников тоже очень много. Вообще растительность этого влажного ущелья более или менее сильно напоминает растительность мест, лежащих между Черноречьем и Умпырем, но здесь сильно преобладают хвойные насаждения, а деревья, любящие более теплый климат, как, например, яблони, груши, боярышник, отсутствуют совершенно. Господствующей лесной породой и в этой местности надо считать кавказскую пихту.

От Умпыря до впадения в Малую Лабу речки Цахвоа тянется более или менее сносная, хотя местами и грязная тропинка; выше же этого места она сразу становится прескверной, а местами и довольно опасной. Крутые подъемы и спуски попадаются на ней почти на каждом шагу. Кроме того,

во многих местах она так завалена камнями, что лошадь с трудом выбирает место, куда можно было бы ступить. Часто эта тропинка вьется над такими кручами, свалившись с которых едва ли можно остаться в живых. Наконец, в некоторых местах на ней стоит топкая грязь, которая в это лето, вследствие почти ежедневных дождей, сделалась местами очень глубокой. Течение Лабенка здесь гораздо быстрее, чем вблизи Умпыря, и прерывается множеством красивых водопадов. Во многих местах речка со страшным ревом прорывается между громадными свалившимися с соседних гор каменными глыбами. Падение ее в этой части ущелья равняется средним числом 80 футам на одну версту; вода в ней имеет чудный голубой цвет. У водопадов она белая и блестит как серебро.

Верстах в 10 от Умпыря, на горе Цахвоа, находящейся вблизи северной оконечности упомянутого уже хребта, который разделяет ущелья Малой Лабы и реки Цахвоа, находится довольно много снега и один короткий, но широкий фирн-глетчер. Лед или обледенелый снег образует здесь довольно толстый пласт и оканчивается отвесным уступом, обращенным к долине Лабенка. По сторонам этого фирн-глетчера лежат еще широкие полосы снега. Очень высокая гора Цахвоа хорошо видна не только из Псебая, но и из мест, лежащих к северу от него. Она имеет высоту в 10969 футов и, следовательно, принадлежит к наиболее высоким в этой местности. В нескольких верстах от нее, на хребте, идущем с правой стороны ущелья Малой Лабы, находятся еще два глетчера значительно больших размеров. Густой лес мешает хорошо рассмотреть их с тропинки; но несравненно лучше видны они с ветеринарного поста, на который мы должны были приехать часа через два. Поэтому я скажу о них подробно при описании окрестностей этого поста.

За несколько верст до поста тропинка, ведущая к нему, становится просто отвратительной. Она пересекается множеством крутых и обрывистых балок и балочек, тянется по скользким косогорам и, кроме того, во многих местах сильно размыта водой; грязи на ней было также немало. Я почти всю ее прошел пешком. Всем нам она надоела страшно. На переезд от Умпыря до ветеринарного поста мы употребили пять часов и несказанно обрадовались, увидев наконец его. Нас принял очень радушно проживавший здесь по делам службы ветеринарный врач П.А. Петров, мой хороший знакомый. Для него в этом месте выстроен маленький деревянный домик в одну комнату, а для стражников деревянный барак.

Пост этот находится около самого берега Лабенка посреди небольшой поляны, расположенной на дне узкого глубокого ущелья на высоте 5000 футов над уровнем моря. От перевала Аишхо он отстоит верст на 8. Горы, которые тянутся по сторонам ущелья около поста, очень высоки и также покрыты густым хвойным лесом, состоящим главным образом из пихт довольно крупных размеров. Над этими лесами громоздятся высокие крутые скалы, а кое-где находится кроме того довольно широкая полоса горных лугов. На поляне около поста также растут стройные пихты и горный клен (Acer Trautvetteri Medw.).

Верстах в двух ниже поста в Лабенок впадает средних размеров горная речка. Довольно прямая долина ее на значительном протяжении покрыта хвойными лесами и березовыми зарослями и имеет верст 8 в длину. Я хорошо видел ее с гор, находящихся вблизи ледника, из которого вытекает западный исток Малой Лабы. Недалеко от верховьев речки долина ее разделяется на три больших и несколько меньших балок, начинающихся на склоне Главного Кавказского хребта. В них лежат довольно порядочные снежные поля, но нет вовсе ледников. Один стражник, которому недавно пришлось побывать в долине этой речки, также говорил мне, что в верховьях ее находятся только снежные поля, довольно пологие и лишенные трещин, но нигде не видно настоящего, синего, по его словам, льда. Вытекает эта речка из Главного Кавказского хребта верстах в 3 к востоку от горы Аишхо.

Пост занимает не особенно хорошее местоположение: его чересчур сильно теснят со всех сторон горы и лес. Но великим украшением ему служат те два глетчера, о которых я уже упоминал недавно. Хотя они отстоят от поста версты на четыре, но в ясную погоду видны превосходно. Они свешиваются с высокого хребта, находящегося по правую сторону ущелья маленькой речки, которая впадает в Лабенок с правой стороны верстах в 5 ниже поста. Ледники главным образом и питают эту речку. Один из них имеет довольно порядочные размеры. Верхняя часть его очень полога, тянется почти с востока на запад и почти сплошь покрыта снегом, из-под которого только кое-где проглядывает синеватый лед. Эта часть ледника имеет в длину, вероятно, версты полторы. Трещин на ней почти нет, а по обеим сторонам ее тянутся высокие гребни из черных остроконечных зубчатых скал, очень изящно украшенных извилистыми полосами снега, который на черном фоне скал выделяется очень рельефно. Спустившись до крутого уступа горы, ледник перегибается через него, поворачивает под прямым углом вправо и принимает направление почти с юга на север. Здесь он пересекается множеством глубоких трещин, большая часть которых совпадает с местом наиболее сильного перегиба ледника. На этом пороге ледник уже не покрыт снегом и имеет настоящий голубоватый или зеленовато-голубой цвет льда. Выступом скалы он разделяется в этом месте на два языка. Левый из них (если смотреть вниз) гораздо шире правого, но оба они спускаются до одной высоты и оканчиваются на крутых, почти голых скалах, которые лишь кое-где покрыты тощими березовыми кустиками. Судя по этому, можно думать, что ледник оканчивается на высоте около 7 или 7 $^1/_2$ тысяч футов. Он смело может быть отнесен к ледникам второго разряда. Вся длина его

равняется, вероятно, верстам 2 или 2 $^1/_2$. Величиною он, вероятно, превосходит прочие ледники верховьев Малой Лабы. Из него вытекает речка длиною версты в 4. Она имеет громадное падение и вся состоит из водопадов.

Рядом с этим ледником располагается другой, имеющий в несколько раз меньшие размеры и представляющий, в сущности, обледенелое снежное поле или фирн-глетчер. Длина его только раза в три превосходит ширину, а спускается он лишь до того крутого уступа горы, где первый ледник образует упомянутый перегиб. Около этого глетчера также лежит несколько широких и узких полос снега; они спускаются даже значительно ниже глетчера. Из-под нижнего конца этого последнего вытекает до десятка быстрых горных потоков, которые впадают в речку, получающую начало из первого глетчера. Между обоими глетчерами поднимаются очень крутые высокие черные скалы, также украшенные полосами и пятнами снега.

Левее меньшего глетчера, на одной с ним высоте, находится красивая покрытая зеленой травой балка с пологими склонами, в особенности в нижней ее части. В ней лежит довольно порядочное снежное поле, а также полосы и пятна снега; но все они, как говорили мне стражники, к концу лета стаивают совершенно. Балка эта, также как и ледник, очень трудно доступна, потому что обрывается к речке таким крутым уступом, по которому подняться человеку почти невозможно.

На посту мы видели снегирей, горных плисок, горных овсянок (Emberiza cia), кукушек и черноголовых соек (Garrulus Krinickii Bogd.). Я забыл еще сказать, что по дороге от Умпыря к посту мы вспугнули трех вальдшнепов и одного из них недалеко от поста. Несколько штук их я видел в долине Мзымты, а егеря Кубанской охоты говорили мне, что на умпырской поляне в сумерки, в летнее время, им не раз приходилось видеть перелеты вальдшнепов, напоминающие тягу. Наконец, управляющий Кубанской охотой Э.К. Ютнер наблюдал здесь настоящую тягу вальдшнепов, сопровождающуюся известным криком их («корканьем и цыканьем»), и охотился за ними в июне во время тяги, делая по нескольку выстрелов в вечер. Тяга бывает здесь в мае и июне. Все это доказывает, что вальдшнепы в этих местах гнездятся. Немало удивило меня присутствие на посту, на высоте 5000 футов, летающих вечером и ночью светляков (Lampyris splendens).

С поста мы предприняли сначала недалекую поездку к леднику, находящемуся в верховьях самого западного истока Лабенка, а затем уже на перевал Аишхо и к верховьям Мзымты.

Переночевав на посту, на следующий день, часов в 11 утра, мы отправились в путь. Чтобы дать отдохнуть своим лошадям, мы оставили их на посту, а для поездки к леднику наняли на полтора дня трех лошадей у ветеринарных стражников. Нам надо было проехать всего лишь несколько верст, но по очень скверной дороге, и, кроме того, переправиться вброд через 2—3 речки. Оставив влево тот исток Малой Лабы, который вытекает из-под Аишхо, мы направились вверх по долине западного истока ее. Он шире и многоводнее, чем первый, имеет всего лишь версты три в длину и начинается в красивой котловине, обставленной почти со всех сторон очень высокими горами. Особенно высок тот гребень, который ограничивает котловину эту с северо-западной стороны и отделяет ее от ущелья одного из истоков Уруштена. Широкое и ровное дно этой обширной котловины имеет очень слабый наклон к востоку и представляет роскошный альпийский луг, усеянный бесчисленным множеством пышных гераней (Geranium pretense), астранций (Astrantia helleborifolia и A. Biebersteiniana), аконитов (Aconitum Orientale), буковиц (Betonica grandiflora), бледно-розовых Polygonum Bistorta, генциан и т.д. Но особенно много здесь красивых и пахучих крупных незабудок. Их в четверть часа можно было бы набрать не букет, а целую вязанку. Снега — остатки свалившихся зимою и весною лавин — видны во многих местах на склонах гор, а кое-где они спускаются даже до самого дна котловины. По сторонам их растут березовые заросли и густые заросли кавказского рододендрона (Rhododendron Caucasicum). Речка, вытекающая из ледника, разбившись на несколько рукавов, извивается по дну котловины. В нее впадает еще несколько довольно больших горных ручьев, получающих начало на склонах гор, которые ограничивают с боков котловину. Все они текут довольно медленно вследствие слабой покатости дна долины. Посредине ее, приблизительно в версте от нижнего конца ледника, мы разбили свою палатку. Высота этого места, по приблизительному определению, равняется 6500 футов над уровнем моря. С него открывается, между прочим, прекрасный вид на те два ледника, которые находятся недалеко от поста. На этом месте мы должны были переночевать, чтобы на следующий день с рассветом предпринять восхождение на упомянутый уже очень высокий хребет, ограничивающий с левой стороны долину этого истока Лабенка, и, кроме того, побывать на леднике. Мои более молодые и нетерпеливые спутники задумали подняться на этот хребет, не дожидаясь следующего утра и отправились часа за три до захода солнца в путь, несмотря на то, что я указывал им на невозможность совершить восхождение на этот высокий гребень в такое короткое время. Сначала они пошли очень быстро, потом значительно тише и закончили восхождение тем, что, не добравшись и до половины горы, повернули назад.

На следующий день с рассветом на эту же гору отправился я, Г. С. В., и один из наших проводников. Подъем был очень крут и страшно длинен; кроме того, он пересекался во многих местах хотя и небольшими, но очень обрывистыми балками, перебираться через которые было нелегко. При начале подъема мы встретили довольно богатую растительность из различных трав, дости-

гавших роста в пояс человека и даже выше; здесь же попадались заросли рододендронов. Но, чем выше мы поднимались, тем растительность становилась все беднее и беднее, а уже на половине горы вместо высоких трав и бурьянов появились приземистые Draba scabra, Dryas octopetala с довольно крупными цветками, Saxifraga exarata, S. muscoides, S. cartilaginea, Cerastium, чудные темно-синие генцианы (Gentiana Pyrenaica), желтые фиалки (Viola Altaica), Fritillaria latifolia и т.д. На этих же местах, где каждую ночь бывает мороз, и зима властвует в продолжение месяцев девяти, я снова наткнулся на очень толстую и ярко окрашенную гадюку (Vipera xanthina Gray), гревшуюся на солнце. Она оказалась очень злой и несколько раз с остервенением хватала своими ядовитыми зубами за палку, прежде чем мне удалось сделать ей укол в голову кончиком ножа и посадить ее полуживою в мешочек, бывший у меня в кармане. Основной цвет этой гадюки был также светло-рыжий, даже рыжевато-белый, и по нему располагались правильными рядами круглые на боках и продолговатые на спине черные, как уголь, пятна. Нижняя сторона этой змеи синевато-черная с мелкими почти белыми пятнами и полосками.

Другая интересная находка этого дня заключалась в попадавшихся нам почти на каждом шагу следах, которые оставлены в этой долине древними ледниками. Обтертые, поцарапанные и отшлифованные льдом утесы, так называемые «бараньи лбы» (roche moutonnée) и «курчавые скалы» при восхождении на гору мы встречали в очень многих местах. Такие скалы я заметил еще вчера по дороге от поста к нашей стоянке. Недалеко от того места, где два истока Лабенка сливаются вместе, над самой тропой находится целая гора, сильно обтертая льдом и представляющая настоящую «курчавую скалу». Подобные же скалы, хотя гораздо меньших размеров, находятся и в других местах по сторонам этой тропинки. Очень много их я встретил при восхождении на гору на высоте сажен 50 над дном долины, а еще больше при дальнейшем восхождении, на значительно большей высоте. Находятся они и на противоположной стороне долины, но еще больше их вблизи нижнего конца ледника, из которого получает начало этот исток Лабенка. Во многих местах здесь довольно ясно заметны и древние морены. Все это показывает, что в ледниковый период почти вся эта долина была наполнена глетчерами, которые спускались в нее как с Главного Кавказского хребта, так и с гор, ограничивающих ее с боков.

Подъем на хребет вместе с очень непродолжительными остановками продолжался шесть часов. Когда до вершины гребня оставалось с час ходьбы, нам пришлось перебираться через снег и очень обрывистые скалистые балки. За ними потянулись осыпи, по которым мы поднимались еще не менее получаса. Гребень хребта был от нас, по-видимому, в нескольких десятках сажен, но расстояние до него во время нашего восхождения сокращалось крайне медленно, несмотря на то, что под конец мы шли, останавливаясь лишь на самое короткое время для того только, чтобы перевести дух. Наконец, после тяжелых трудов и долгого ожидания мы очутились на самом гребне хребта. Чудные виды, которые открылись в это время перед нашими глазами, послужили вознаграждением за наши труды. Отсюда я увидел множество гор, долин и ущелий, на которых бывал неоднократно, и теперь с удовольствием смотрел на них, как на своих старых знакомых. Горы между Большой и Малой Лабой, почти все долины и ущелья истоков Малой Лабы, перевал Аишхо, большая часть долины Уруштена, Ятыргварта, Чилипсы (Джуга), Чертовы ворота, Тхач и бесчисленное множество других более далеких гор — все это было видно прекрасно. В это время больше всего бросилось мне в глаза различие гор, возвышавшихся на западе и на востоке. На западе они были почти лишены снегов, за исключением лишь 2—3 отдельных горных групп, покрыты лесами и зелеными лугами, имели более или менее нежный, ласкающий взоры вид, и чем дальше, тем становились ниже и ниже. На востоке же тянулась бесконечная цепь более высоких остроконечных зубчатых гор, на склонах которых вместо лесов и лугов блестели вечные снега и льды.

За гребнем, в стороне, противоположной той, с которой мы поднимались, находилось необыкновенно глубокое ущелье. В нем течет довольно большой приток Уруштена с правой стороны. Он получает начало на склонах Главного хребта в той части его, которая находится между перевалами Аишхо и Псеашхо. Спуск в это ущелье был крут до невозможности. От самого гребня здесь обрывался почти отвесный уступ высотою, может быть, сажен в 300. Когда я стоял на краю его, то страшно и жутко было смотреть вниз, в эту бездну. Такие высокие и крутые скалы не часто приходится видеть в горах. Несмотря на страшную крутизну их, и здесь кое-где были заметны тропы и на них следы туров. По этим тропам туры перебирались, как заметно, с одной стороны гребня на другую, пользуясь самым узким карнизом или самым незначительным выступом скал.

Противоположная, то есть левая сторона находившегося перед нами ущелья была гораздо положе и почти всюду покрыта травой. Леса в этой части ущелья не растут, а в самом начале его на склонах Главного хребта находится два довольно порядочных снежных поля; глетчеров здесь нет вовсе.

Только что описанное восхождение на хребет не прошло для меня без пользы, так как с гребня его я мог осмотреть верховья упомянутого уже притока Уруштена[7], которых раньше не видел, почти с высоты птичьего полета осмотрел весь ледник, находящийся недалеко от того места, где разбита была моя палатка, и, наконец, хотя издали окинул взором все горы и ущелья вблизи перевала Аишхо и убедился, таким образом, в бедности глетчерами этой части Кавказа[8].

На спуск с хребта мы употребили часа три, но этот спуск наскучил мне гораздо больше, чем подъем. В одном месте я должен был перейти через небольшое, но очень крутое снежное поле, внизу которого были нагромождены острые угловатые обломки скал. Я шел по твердому снегу, вонзая в него свою палку, и, прежде чем сделать шаг, выбивал каблуком сапога ступеньку. Пройдя более половины снежного поля, я увидел, что в нижней части оно гораздо круче, чем казалось мне сверху. Спускаться по нему было очень трудно и небезопасно; взобраться же вверх, прежней дорогой, чтобы совершенно обойти снег, было еще опаснее, так как при подъеме, нельзя было опираться всей тяжестью тела на каблуки и таким образом избегать опасности поскользнуться и скатиться вниз. Волей-неволей пришлось продолжать путь в том же направлении. В это время я как-то нечаянно упустил свою палку, которая очень помогала мне спускаться, и она быстро покатилась вниз до конца снежного поля. Я очутился в очень неприятном положении и в первые минуты не знал даже, что предпринять. Надо заметить, что в это время со мною не было никого, так как мой проводник, желая заглянуть в одну балку, ушел в сторону. Подумав немного, я убедился, что и теперь для меня выбора никакого нет и что необходимо во что бы то ни стало продолжать спускаться. Надо было пройти с большой осторожностью еще шагов сорок по очень крутому откосу, состоящему из твердого слежавшегося снега, стараясь не поскользнуться и не полететь на острые камни. Балансируя на одной ноге и выбивая другой ступеньки в снегу, я благополучно добрался до конца снежного поля.

Спускаясь с хребта, я вспугнул несколько штук горных тетеревов и в том числе самок с цыплятами. Двух птенцов, ростом с перепелку, мы поймали, но тотчас же снова выпустили на волю. Живот у них был еще покрыт зеленоватым пушком, а спинка и крылья рыжевато-серыми перышками. Зверей в этой дикой местности мы видели очень мало, именно только трех серн. Эту скудость дичью надо приписать тому, что имеретины-пастухи уже пригнали сюда свой скот и, очевидно, распугали туров и серн. В этой местности мы видели несколько небольших, но очень красивых горных озер с чистой, прозрачной темно-зеленой водою.

К палатке мы возвратились часа в три пополудни. Отдохнув немного, я отправился к леднику. Сначала нужно было пройти с версту по ровному почти дну долины, а затем повернуть под прямым углом влево и, придерживаясь речки, вытекающей из ледника, подняться на крутой уступ, продолжение которого служит ложем леднику. Довольно большая и многоводная речка шириною аршин в 10 несется здесь с ужасной быстротою по узкой мрачной теснине, обставленной с боков высокими скалами. Дно теснины представляет непрерывный ряд больших порогов, с которых низвергается речка, образуя множество водопадов. Пробираться по этой теснине довольно трудно, и во многих местах приходится не идти, а карабкаться со скалы на скалу, употребляя в дело руки и ноги, и все время быть под дождем брызг, разлетающихся от речки. Своим ревом она наполняет все ущелье. Во многих местах речка скрывается под сугробами снега, а потом снова выходит на свет. Нижняя часть глетчера также завалена большой массой снега, поэтому нельзя с точностью указать, где именно оканчивается она. По моему приблизительному определению, этот глетчер, принадлежащий Главному Кавказскому хребту, спускается до высоты около 7300 футов над уровнем моря. Он тянется приблизительно с юга на север, но делает два пологих изгиба, напоминая, таким образом, букву S. В средней части он полог, а в верхней и самой нижней довольно крут. Большая часть его поверхности покрыта снегом, а голубовато-зеленый лед ясно обнаруживается в нижней половине ледника и вверху при начале его. Средняя ширина глетчера равняется саженям 100, а длина — верстам 1,5 или 2. Больших снежных полей около него нет вовсе. Для этой части Кавказа, бедной снегами, и такой глетчер должен считаться более или менее значительным. Небольшие морены лежат с левой стороны ледника; они также почти везде были покрыты снегом. С обеих сторон ледника поднимаются высокие, крутые, обрывистые скалы, на которых почти нигде нет ни клочка зелени.

III

Возвратившись с ледника, я вместе со своими спутниками в тот же день отправился на пост. Мы предполагали пробыть там день, а затем ехать на перевал. Накануне отъезда я велел своим проводникам рано утром отыскать наших лошадей и привести их на пост, но почти до полудня ждали мы их напрасно. Наконец, явился один из проводников и объявил, что двух лошадей он привел, но прочие три куда-то исчезли. Это нас очень обеспокоило, потому что лошади за двое суток могли уйти так далеко, что на розыски их пришлось бы употребить несколько дней; кроме того, они могли быть украдены и отведены куда-нибудь вроде Сухума, Адлера и там перепроданы. Наш гостеприимный хозяин П.А. Петров обещал нам отправить на следующий день своих стражников в поиски за лошадями и, действительно, сделал это, но мы снова напрасно прождали лошадей до полдня. Чтобы не терять времени и притом, может быть, в напрасных ожиданиях, я предложил своим спутникам совершить оставшуюся часть нашего путешествия пешком, употребив имеющихся у нас лошадей под вьюки из самых необходимых вещей, именно провизии, теплого платья и палатки. Все же прочее, не составлявшее предметов первой необходимости, я решил оставить на посту до нашего возвращения.

В число этих предметов попал, к большому сожалению, и мой фотографический аппарат. Хотя нам предстояло таким образом пройти не менее 120 верст по самым гористым местам и в то же время совершить переход через Главный Кавказский хребет, но никто против моего предложения не протестовал, и мы в тот же день с двумя лошадьми и двумя проводниками выступили с поста. П.А. обещал, впрочем, отправить по нашим следам лошадей, если они будут скоро найдены.

Версты две прошли мы по знакомой нам дорожке, перебравшись через речку, вытекающую из описанного уже мною ледника, а затем повернули влево, в долину того истока Лабенка, который вытекает из-под перевала Аишхо. Едва заметная тропинка, по которой имеретины гоняют на пастьбу свой скот, тянулась здесь по лесу то среди хаоса камней, то по грязи. Идти по ней было довольно плохо, а тут еще, на наше несчастье, пошел дождь, пощадивший нас каким-то образом в предыдущие два дня, когда мы ездили к леднику. Ущелье этой речки в нижней части покрыто лесом, состоящим из лиственных пород вроде бука, горного клена, вербы и т.д., перемешанных с кавказской пихтой; выше же оно делается скалистым и почти безлесным. Здесь тянутся только березовые перелески да заросли кавказского рододендрона. По сторонам тропинки нам попадались часто кустики шиповника (Rosa sp.) с бледно-розовыми довольно крупными цветами. В двух часах пути от поста мы увидели речку, которая вытекает из ледника довольно порядочных размеров и впадает в Лабенок с левой стороны. С тропы хорошо виден только нижний конец этого ледника; начинается же он почти там, где и другой, раньше описанный. Оба они составляют как бы один переметный ледник и направляются в противоположные стороны. Этот ледник имеет в ширину от 100 до 150 сажен, но, вероятно, вдвое короче первого и оканчивается отвесным уступом при начале крутого откоса горы, где растут на ней березки, рододендроны и можжевельник. С ледника вытекает много шумных ручьев, которые собираются в одну речку. Она обозначена на пятиверстной карте Кавказа в расстоянии верст трех от перевала Аишхо. В том месте, где эта речка бешено мчится с крутой горы, прыгая с камня на камень, и имеет в ширину аршин восемь, мы должны были перейти ее вброд. Эта переправа доставила нам немало хлопот и отняла порядочно времени, так как долго пришлось искать места, где вода не так глубока и течение не так быстро. Опираясь на палку и прыгая с камня на камень среди бушующих волн и пены, мы кое-как перебрались через речку.

Перед этой речкой, а в особенности за нею, тропинка тянется на протяжении около версты по грудам больших острых, угловатых камней, свалившихся с соседнего хребта. Во многих местах она едва заметна, а в некоторых даже не видна вовсе. Человеку пробираться по ней очень трудно, а лошади, конечно, еще труднее. Эта осыпь — самая скверная часть пути на всем протяжении от Псебая до перевала. Пройдя от нее версты полторы вверх по ущелью, мы выбрали хорошую, ровную лужайку и на самом берегу Лабенка разбили палатку. Место это находилось на высоте 6500 футов над уровнем моря. Здесь мы решили переночевать, чтобы на следующий день с рассветом двинуться в путь и рано утром, когда с большей вероятностью можно рассчитывать на хорошую погоду, перейти перевал Аишхо и спуститься в долину Мзымты. На этом месте нам готовился приятный сюрприз: едва успели мы снять с лошадей вьюки и развязать свои вещи, как вдруг видим, что с той стороны ущелья, откуда мы только что пришли, к нам приближаются два всадника вместе с нашими лошадями. Это очень обрадовало нас, так как теперь мы были избавлены от необходимости путешествовать пешком в течение, быть может, целой недели. Стражники, которые привели наших лошадей, сообщили нам, что они с трудом нашли их на горах между Малой Лабой и Уруштеном в нескольких верстах от поста. Они же сказали, что недалеко от нашей стоянки видели медведя. Я с одним из наших проводников перед вечером отправился на некоторое время побродить по горам в надежде встретить, если не этого, то, может быть, какого-нибудь другого медведя, но ни простым глазом, ни при помощи бинокля нам не удалось нигде увидеть никакого зверя. Причиною этого и здесь были имеретины, которые со своими стадами успели уже перебраться сюда из Сухумского округа Кутаисской губернии через перевал Аишхо. Птиц мы видели здесь также сравнительно мало. Из них особенно обращали на себя внимание две оляпки (Cinclus cashmiriensis), которые держались все время около нашей стоянки и охотились за водяными насекомыми, бросаясь с берега в речку. Здесь же в кучах камней оказалось много ящериц (Lacerta muralis Laur.), тождественных с теми, которых мы встречали раньше около Черноречья, Умпыря и во многих других местах долины Малой Лабы. Наконец, с этой же стоянки я обратил внимание на большие ярко-желтого цвета пятна, находящиеся на многих скалах, которые громоздятся по обе стороны ущелья. Особенно много их было видно на правом склоне. До некоторых из них было с полверсты, другие же находились гораздо дальше и, несмотря на это, сразу бросались в глаза. Я подумал, что, не обнажаются ли это жилы какой-нибудь руды, и потому попросил одного из своих проводников добраться до ближайшей из этих скал и отбить от нее кусок. Он отправился вместе с моим сыном и через полчаса принес мне несколько кусков кварцевой породы, покрытых на поверхности непрерывным слоем твердых лишайников ярко-желтого цвета. Они-то и придавали такую своеобразную окраску скалам. В некоторых местах эти лишайники сплошь или почти сплошь покрывали скалы на протяжении нескольких квадратных сажен.

Горы в верховьях Лабенка состоять из кристаллических сланцев и других кварцевых пород вроде гранита, гнейса, кварцита и т.д. Здесь же, между прочим, я нашел красивую кремнистую

брекчию, которая состоит из чередующихся друг с другом прослоек синеватого и почти белого цветов. Часто попадаются в этом ущелье песчаники, окрашенные окислами железа в бурый цвет, и, наконец, пласты рыхлой, легко рассыпающейся известковой породы чисто белого цвета. Аспидного сланца, так сильно распространенного в других частях Кавказа, здесь почти нет. Склоны ущелья в этих местах очень круты и состоят из скал, чередующихся с узкими карнизами, на которых растет зеленая трава, рододендроны, а кое-где и мелкие березки.

Отлично переночевав в палатке, мы на следующее утро отправились в дальнейший путь. Первые версты две нам пришлось ехать по тропинке с едва заметным подъемом, дальше же он сделался гораздо круче. Лабенок течет здесь в узкой расселине скал глубиною в несколько сажен. Все эти скалы, начиная почти от самого уровня воды в реке, покрыты густой зеленью кавказского рододендрона. Это придает речке очень красивый и оригинальный вид; особенно красива должна быть она в начале лета, когда течет среди сплошной массы крупных белых цветов, которыми бывают покрыты рододендроны.

Подъем на перевал Аишхо в общем довольно полог; исключение составляет одно место, простирающееся менее чем на полверсты. Его мы должны были пройти пешком. На значительном протяжении тропинка тянется здесь по топким болотистым местам, покрытым различными кислыми травами, например, осоками, ситниками и т.д.; на них часто встречается пушица (Eriophorum) с белыми шелковистыми султанами. Во многих местах находятся здесь настоящие болота, по которым не в состоянии идти лошадь. Ноги человека погружаются в них на несколько вершков, причем из-под зеленого травяного покрова выступает чистая, прозрачная вода. Эти болота тянутся на протяжении целых верст. По сторонам их на более сухих местах растет чемерица (Veratrum album) и красивая розовая ромашка (Pyrethrum roseum). Березовые заросли не доходят до перевала приблизительно на версту, а на самом перевале нет ни деревьев, ни кустарников, за исключением лишь рододендронов (Rh. Caucasicum), которые и перед перевалом покрывают почти все склоны гор на протяжении целых верст. Ни скал, ни обрывистых мест, ни осыпей вблизи перевала нет вовсе.

С тропы к перевалу открывается красивый вид на верховья крайнего правого истока Малой Лабы, вытекающего из-под горы Аишхо. Здесь сходится несколько балок, получающих начало на склонах Главного Кавказского хребта; все они, особенно в нижней половине, более или менее пологи, почти лишены скал и покрыты мелкой травой. Кроме того, на склонах их всюду видны красивые извилистые полосы снега, а также большие сугробы его, лежащие в тенистых котловинах, но нет ни одного даже самого маленького ледника. Со снегов, а также из родников вытекает здесь множество ручьев, которые составляют упомянутый уже исток Малой Лабы. Он имеет в длину верст пять и сливается с истоком, вытекающим из-под перевала Аишхо верстах в трех от последнего. Таким образом, о ледниках, находящихся в самых истоках Малой Лабы, можно сказать следующее: здесь имеется только три настоящих ледника — два на склонах Главного Кавказского хребта и один на горах по правую сторону ущелья Малой Лабы (недалеко от поста и верстах в 6—7 от гребня Главного хребта). Кроме них в этой местности есть еще два фирн-глетчера (оба на горах с правой стороны ущелья Малой Лабы). Один фирн-глетчер находится еще на хребте Луган. Глетчеров первого разряда, глубоко спускающихся в долины, здесь нет вовсе; далее, ни один из здешних глетчеров не достигает длины более 2 или 2 $^1/_2$ верст и не спускается ниже 7000 футов над уровнем моря. По словам одного ветеринарного стражника и имеретин, в верховьях реки Цахвоа есть еще три небольших фирн-глетчера, но мне не удалось видеть их, так как добраться до верховьев этой речки со стороны ущелья Малой Лабы невозможно.

Перевал Аишхо представляет широкую седловину с пологими, невысокими боками; на самой средине его находится небольшое озерцо, с которого мы вспугнули куличков-чернышей (Totanus ochropus). Высота этого перевала, по приблизительному определению посредством анероида и по температуре кипения воды, равняется 7700 футам; он, следовательно, выше соседнего с ним перевала Псеашхо слишком на 800 футов. С правой стороны его поднимается пологая, лишенная скал и сплошь поросшая зеленой травой низкая гора, а слива другая, более высокая, наверху скалистая, но покрытая снегом только в наиболее тенистых местах. К концу лета, как говорили мне, этот снег стаивает совершенно. Из гор и балок, окружающих перевал, вытекает упомянутый уже исток Малой Лабы, но он своей величиной уступает всем прочим ее истокам. В трех верстах к юго-востоку от перевала находится гора Аишхо, превосходящая своей высотою горы, которые окружают перевал. На ней довольно много скал, не отличающихся, впрочем, своими размерами, и осыпей, а рядом с ними лежат небольшие снежные поля. Кавказский хребет на месте перевала Аишхо сильно притуплен, — поэтому тропинка, проходя через самые высшие точки его, на протяжении не менее полуторы версты тянется почти по ровной местности, покрытой мокрыми лугами и болотами. Кое-где по сторонам ее лежали небольшие круговины снега, но на тропе его не было вовсе.

На самой высшей точке хребта мы сделали привал и с удовольствием провели здесь с час, если не больше. Я в это время занялся своим анероидом, вскипятил воду в сосуде гипсометрического термометра, собрал несколько мелких растений и после этого долго еще любовался чудными видами высоких гор и глубоких ущелий. Погода нам вполне благопр иятствовала: солнце ярко светило,

было тихо и очень тепло (+12° С.). На снегу, у самых верхних точек перевала, мы застали целое стадо альпийских ворон (Fregilus graculus). Они с присущей им веселостью прыгали и летали, гоняясь друг за другом и оглашая воздух своими громкими мелодичными криками.

Часов в девять мы двинулись с перевала вниз к долине Пслуха, довольно большой горной речки, получающей начало верстах в 10 отсюда из-под перевала Псеашхо и впадающей в Мзымту с правой стороны. С тропы, где только что начинается крутой спуск, открывается бесподобный вид с высоты птичьего полета на необыкновенно глубокие, покрытые сплошь целым морем девственных хвойных и лиственных лесов долины Мзымты и Пслуха, на горы, разделяющая их, и особенно замечательный вид на покрытый вечными снегами и льдами высокий хребет, который тянется по другую сторону долины Мзымты параллельно Главному хребту, верстах в 10 от него. Залитая сплошной зеленью лесов долина Мзымты извивается здесь между двумя высокими хребтами, покрытыми вечными снегами и глетчерами, которые при ярком освещении альпийского солнца горят, как в огне, и блестят, как серебро, выделяясь с поразительной ясностью на темно-зеленом фоне леса и темной синеве южного неба. Описать чудную красоту этого дивного вида решительно невозможно. Очень красивым представляется с перевала и хребет, возвышающийся между долинами Мзымты и Пслуха. Западный конец его низок и покрыт сплошным лесом, восточный же гораздо выше. Он представляет чудные изумрудно-зеленые альпийские луга, по которым растут одинокие или собранные в небольшие группы высокие изящные пихты. Я очень жалел, что должен был, отправляясь с поста всего лишь с двумя лошадями, оставить там свой фотографический аппарат, и теперь не мог сделать ни одного снимка с этих чудных мест.

Спуск с перевала Аишхо страшно крут, хотя вовсе лишен скал и на значительном протяжении идет но склонам, покрытым высокой сочной травой. Тропинка делает здесь много зигзагов, крутых поворотов и часто тянется вдоль очень крутых косогоров. Ехать по ней на лошади, пожалуй, возможно, но очень плохо, — поэтому мы прошли ее пешком. С нее мы увидели далеко внизу, на дне долины Мзымты, будущий город Романовск, известный гораздо больше под именем Красной Поляны. Он отстоит от перевала Аишхо по прямой линии на 20 верст и представляется с него маленьким светлым пятнышком, окруженным целым морем лесов. При помощи бинокля в нем можно различить несколько довольно больших белых зданий.

В стороне от тропы, недалеко от перевала, виднеются во многих местах заросли Rhododendron Caucasicum, но здесь их заметно меньше, чем на северном склоне; верстах же в двух от перевала на склонах Главного хребта уже начинаются настоящие леса. У верхней границы их преобладает береза, красивый горный клен, бук и высокие стройные пихты. Последние достигают здесь очень крупного роста, а бук в некоторых местах образует густые заросли из низких (аршина в 3 или 4) деревцев, так густо переплетающихся друг с другом своими ветвями, что человеку между ними пробраться почти невозможно. Довольно часто попадается верба, а из кустарников — кавказская черника, Viburnum Lantana, орешник и очень много высоких рододендронов с толстыми кожистыми блестящими листьями. Эти рододендроны представляют уже другой вид, именно Rhododendron Ponticum, свойственный наиболее влажной западной части Закавказья. Цветов на нем мы уже не застали. Из травянистых растений здесь больше всего обращают на себя внимание огромные колокольчики (Campanula) и высокий с белыми цветами аконитум. Папоротник-орляк попадается в этих местах в ограниченном количестве и не образует сплошных зарослей.

Верстах в трех от перевала тропа, ведущая в долину Мзымты, разделяется на две. Одна из них, именно левая, огибает верховья маленькой речки, впадающей в Пслух, и направляется самым кратчайшим путем к верховьям Мзымты; другая же, правая, спускается в самый низ долины Пслуха, тянется по ней почти до того места, где Пслух впадает в Мзымту, проходя мимо единственной в этой местности лесной караулки и одного из углекислых источников, затем переходит через хребет, разделяющий долины Пслуха и Мзымты и, наконец, повернув на юго-восток, направляется к верховьям Мзымты. Последний путь гораздо длиннее, но я отдал ему предпочтение, желая осмотреть на большем пространстве долину и побывать у минерального источника. Кроме того, по этому пути нам легче было добраться до истоков Мзымты, так как о нем мы собрали подробные сведения на ветеринарном посту от одного из стражников. Что касается наших проводников, то они знали места только до перевала; долина же Мзымты представляла для них terram incognitam.

Тропинка, которая тянулась по лесу, была очень плоха. Она во многих местах так сильно заросла высоким, как лес, бурьяном[9], что мы с трудом могли придерживаться ее; кроме того, она очень грязна и вьется по крутым местам. Мы должны были идти по ней пешком и вести за собой лошадей, причем несколько раз сбивались с нее и с трудом отыскивали ее вновь. На дне долины Пслуха она сделалась гораздо шире и во всех отношениях лучше. В этих местах уже почти не было чащи и высокого бурьяна, а стоял очень крупный высокоствольный лес, в котором кроме кавказской пихты, ели и бука встречаются громадные, обхвата в три и более толщиною, ясень, явор, остролистый клен, вяз, липа, дуб и многие другие деревья. Версты за две до лесной караулки, которая находится на высоте около 3000 футов над уровнем моря и верстах в пяти от впадения Пслуха в Мзымту, в этом лесу начали попадаться довольно большие поляны; на них была уже скошена трава. В час или два

пополудни мы добрались до караулки, которая построена на небольшой полянке, окруженной со всех сторон лесом и расположенной на высоте слишком 3000 футов над уровнем моря. Здесь нам надо было отдохнуть после непрерывного восьмичасового пути; кроме того, я надеялся от живущих на караулке полесовщиков добыть кое-какие сведения о зверях, водящихся в долине Мзымты.

На караулке мы застали только детей, которые, увидев нас, мгновенно попрятались в хату и заперли за собою двери. Живя среди леса, в глуши, они почти никогда не видят людей и боятся их. Часа через полтора после нашего приезда явились полесовщики-эстонцы, бывшие перед этим на покосе. У них мы добыли за очень умеренную цену масла, молока, сметаны, яиц и пополнили свой запас хлеба.

В то время, когда мы приехали на караулку, стояла очень хорошая погода. Предполагая ночевать на поляне, вблизи караулки, мы выбрали уже подходящее место около одного раскидистого дерева и разбили на нем палатку; но часов с четырех быстро начали собираться густые тучи, а вскоре загремел гром и засверкали молнии. Такая внезапная перемена погоды заставила нас изменить свое решение относительно ночлега, и мы сочли лучшим послушать совета полесовщиков и перебраться в караулку. В наше полное распоряжение была предоставлена большая довольно чистая комната, самовар и всякая посуда. Еще не успели мы перенести из палатки все наши вещи, как полил сильнейший дождь. Он раза два переставал, но вскоре снова принимался лить с прежней силой. Двор караулки и более ровные места окружающей ее поляны сплошь покрылись водой, а мы, очень довольные тем, что вовремя успели перебраться в караулку, под шум дождя покойно закусывали, пили чай и мирно беседовали.

Один полесовщик, служащий здесь уже лет пять, да проживший, кроме того, еще несколько лет на Красной Поляне, оказался охотником; от него я собрал некоторые сведения о зверях этой местности. Его сообщения подтвердились потом рассказами других лиц, например, пастухов-имеретин, охотников Красной Поляны, а также моими личными, хотя кратковременными, наблюдениями. Полесовщик сообщил мне, что зубры в долине Мзымты не водятся. Я знал об этом раньше и писал; расспрашивая же его теперь, хотел только лишний раз услышать подтверждение своего мнения. Тот же полесовщик сообщил мне, что за все время его скитаний по лесам долины Мзымты он лишь два раза видел следы зубров и притом оба раза в верховьях Пузико. Он уверен, что зубры, оставившие эти следы, случайно заходили сюда из Кубанской области через, очень низкий перевал Псеашхо (6870 футов) или через верховья Белой, на западе от Шугуса, где горы еще ниже. По следам можно было заметить, что зубры держались здесь недолго и, наверно, снова уходили на места, постоянно ими обитаемые, то есть в долину Уруштена, на Кишу и т.д. На Бзыби и вблизи моря, вопреки уверению некоторых, зубров также нет. Олени в долине Мзымты попадаются, но редко, — можно даже сказать, несравненно реже, чем в соседних частях Кубанской области. Они держатся довольно высоко на склонах гор, почти никогда не спускаясь в нижнюю часть долины. Главная причина почти полного отсутствия их в этой покрытой богатой растительностью и почти безлюдной долине заключается, по моему мнению, в необыкновенно глубоких снегах, которые выпадают здесь зимою. По словам полесовщика, года три тому назад здесь выпал однажды в течение суток снег в пять аршин глубиною, а в это же время на Красной Поляне — в три аршина. Оленю, животному более или менее грузному, двигаться по такому глубокому снегу, в особенности когда он немного затвердеет, очень трудно. Дикие козы или косули встречаются здесь гораздо чаще. Одна пара рожков, которую мне пришлось видеть на Красной Поляне, указывает на принадлежность этой косули к виду Capreolus caprea Gray; но, может быть, в лесах долины Мзымты встречается и Capr. pygagrus Pall. Следы коз я видел и на дороге по долине Мзымты. Серны водятся здесь на всех высоких местах как по Главному Кавказскому хребту, так и по горам, которые тянутся по левую сторону долины Мзымты и окаймляют ее с южной стороны. На горах между Пузико и Пслухом я, как будет сказано ниже, сам видел несколько стай серн и охотился за ними. Туры, по словам полесовщиков, встречаются на южном склоне Главного хребта; на южном склоне Шугуса их даже много, но на горах по другую сторону Мзымты они, будто бы, не живут вовсе; имеретины же пастухи, с которыми я беседовал по этому поводу в верховьях Мзымты, говорили, что и на этих горах туры водятся, но не везде, и что в самых верховьях Мзымты их очень много. Без сомнения, во всех этих местах водится тот самый вид, который живет в соседних частях Кубанской области, то есть Capra Sewertzowi Menz. Видев очень высокие, покрытые вечными снегами, а в некоторых местах даже ледниками горы, которые ограничивают долину Мзымты с левой стороны, я не думаю, чтобы на них не водились туры. Дикие свиньи в долине Мзымты попадаются в большом количестве. Их привлекает сюда обилие фруктов — груш, яблок, черешен, лычи, шишек (Mespilus Germanica), а в особенности волошских орехов и каштанов. Медведей здесь также много, но было гораздо больше в то время, когда еще не существовало на Красной Поляне эстонского поселка с его многочисленными охотниками-промышленниками. Некоторые из них прежде убивали по нескольку десятков медведей в год. Шакалы в эти места не заходят, хотя в низовьях Мзымты, как и везде по кавказскому берегу Черного моря, водятся в большом количестве. Часто попадаются по берегам Мзымты выдры или порешни. Ввиду того, что мне самому приходилось раза два слышать рассказы о существовании речного бобра (Castor fiber L.) в некоторых наиболее глухих и лесистых долинах Кавказа, я расспрашивал о бобрах здешних поле-

совщиков, рассказав им предварительно об особенностях этого животного, его замечательном образе жизни и о том, каким образом можно скорее всего открыть присутствие бобров в данной местности. Оба полесовщика на мои вопросы отвечали, что ни бобров, ни каких-либо признаков, указывающих на существование их в долине Мзымты, они никогда не находили.

Птичье население долины Мзымты не отличается разнообразием, но птицы некоторых видов встречаются здесь в очень большом количестве. В лесах недалеко от караулки мы видели много витютней (Palumbus torquatus Aldr.), горлиц, черноголовых соек (Garrulus Krinickii Bogd.), черных дроздов (Merula vulgaris Ray), певчих дроздов (Turdus musicus L.), иволг, крапивников, синиц, мухоловок (Butalis grisola L.), зябликов и других мелких птичек, а у верхней границы лесов и на горных лугах воронов (Corvus corax L.) дроздов-деряб (Turdus viscivorus), белозобых дроздов (Merula torquata L.), чеканов (Saxicola oenanthe L.) и Pratincola rubetra L., горных овсянок (Emberiza cia L.) и т.д. Дрозды-дерябы чаще всего держатся, как и в других местах, по редкому сосняку или ельникам, растущим у верхней границы горных лесов, а белолобые дрозды — в бурьянах, в особенности если они растут по каменистым местам или вблизи речек. Очень любят они места, заросшие конским щавелем (Rumex crispus), так как широкие листья этого растения отлично скрывают дроздов от глаз врагов, а, кроме того, отсутствие посторонних трав под густой тенью щавеля дает возможность дроздам беспрепятственно бегать по земле во всех направлениях и отыскивать корм. В другом бурьяне это делать не так удобно. Красивых каменных дроздов я здесь не видел ни разу. Горные тетерева и горные индейки живут на горах, окружающих долину Мзымты, — первые на высотах, начиная от 5 или 5 $^1/_2$ тысяч футов, а вторые редко спускаются ниже 7000 футов.

Чтобы проехать от караулки к истокам Мзымты, нам надо было спуститься по долине Пслуха еще версты 4, перебраться через западную оконечность хребта, разделяющего долины Пслуха и Мзымты, и затем уже продолжать путь вверх по долине последней. Нам пришлось почти целый день, то есть с раннего утра и до самого вечера ехать по сплошному лесу; только кое-где, как оазисы в пустыне, попадались в нем маленькие прогалинки, да несколько довольно больших полян мы встретили уже вблизи истоков Мзымты. Бесконечный лес с его всюду грязными тропинками нам порядочно наскучил, а длинный переезд сильно утомил нас физически; зато, впрочем, мы имели возможность ознакомиться более или менее обстоятельно с лесами долины Мзымты и видеть ее на значительном пространстве.

Около караулки и ниже ее по долине Пслуха древесная и кустарная растительность очень богата и разнообразна. Во многих местах она состоит здесь почти из одних фруктовых деревьев и кустарников: волошских орехов, каштанов, шишек (Mespilus Germanica), яблонь, груш, лычи, мелкой, но очень сладкой черешни, орешника, кизила и т.д. В других частях долины преобладают обыкновенный лесные породы: дуб, ясень, клен, явор и особенно бук. Здесь встречается также много лиан, которые переплетают деревья и взбираются на вершины их. Первое место между ними занимает так называемый обвойник (Periploca Graeca); он в виде длинных светло-серых веревок и канатов перебрасывается с одного дерева на другое и оплетает их со всех сторон. Еще гуще заплетаются деревья и в особенности кустарники ломоносом (Clemantis), но он не растет внутри густого леса, а по опушкам его и полянам. Хмель также здесь встречается часто. Гораздо богаче лианами места, лежащие ниже по долине Мзымты.

Из травянистых растений здесь бросаются в глаза огромные Inula, упомянутые уже колокольчики с очень крупными синими цветами, и особенно папоротник-орляк. Он в этих местах вполне уже вступил в права гражданства и завладел всеми полянами и вообще открытыми местами. Его огромные ветвистые и красивые вайи достигают такой высоты, что почти скрывают едущего на лошади человека.

Тропа от караулки вниз по Пслуху местами тоже очень плоха, так как на значительном протяжении тянется по заваленному камнями и карчами руслу речки. Верстах в трех от караулки, на левой стороне тропы, находится упомянутый уже мною минеральный источник. Он обозначен на пятиверстной карте Кавказа. Этот источник представляет собою колодец глубиною в два аршина с мутной, довольно холодной, грязноватой водой. Последняя имеет слегка кислый вкус и содержит в себе железо и свободный углекислый газ, который постоянно выделяется из воды в виде мелких пузырьков. Количество этих веществ в воде, однако, очень невелико, — поэтому едва ли можно думать, что источник будет когда-либо иметь особенное значение. Может быть, впрочем, надлежащая расчистка улучшит его качества. От караулки до источника мы ехали ровно час.

В версте от источника начинается подъем на гору. Полесовщик говорил нам, что этот подъем тянется на протяжении около полуторы версты. Хотя местами он был очень крут и вследствие почти ежедневных дождей порядочно грязен, тем не менее, я предполагал пройти его приблизительно в полчаса и потому часто посматривал на часы, утешая себя тем, что через несколько минут буду, наконец, на вершине горы. В действительности же случилось совсем не то: вместо предполагаемой полуторы версты длина подъема оказалась равной верстам пяти, и нам с трудом удалось одолеть его за два часа. Он порядочно утомил нас и сильно наскучил. Может быть, этот подъем и не показался бы нам таким длинным, если бы мы не были предварительно введены в заблуждение относительно

его протяжения. Я весь его прошел пешком, но, когда выбрался наверх, мое белье и даже пиджак были совершенно мокрыми, а по лицу текли целые ручьи пота.

На всем протяжении этого подъема тянется крупный высокоствольный лес; внизу он состоит из лиственных пород, среди которых бук занимает первое место, а по мере приближения к гребню хребта все чаще и чаще начинают попадаться пихты. Здесь же растет много каштанов. При подъеме на гору я в нескольких местах видел следы медведей и кабанов. Довольно сильно набитая тропа, по которой ежегодно гоняют к верховью Мзымты и обратно немало скота, спускается с гребня горы в долину Мзымты не сразу, а очень постепенно. Она на протяжении верст 12 тянется по косогорам на более или менее значительной высоте над дном долины и пересекает бесчисленное множество крутых балок и балочек. Здесь также немалое пространство пришлось нам пройти пешком, так как ехать по грязной скользкой тропинке, извивающейся над обрывами и кручами и пересекающейся несметным количеством очень крутых спусков и подъемов, было не безопасно, да притом и крайне неприятно. Все время эта тропинка тянулась по густому лесу, и только редко-редко можно было заглянуть с нее сквозь небольшую прогалину вдаль и увидеть противоположную сторону долины с возвышающимися над нею красивыми горами, которые мы видели еще с перевала. Эта тропинка наскучила нам еще больше, чем длинный подъем со дна долины Пслуха. По ней мы ехали часа четыре. Наконец, она пошла сильно вниз и вывела нас на самое дно долины Мзымты. Здесь стали попадаться довольно длинные поляны, которые располагаются между правым берегом реки и горами, ограничивающими долину ее с правой же стороны. Наибольшая из полян этой местности известна под именем Энгельманской. Она находится верстах в 15 от истоков Мзымты. Вдоль самого берега речки и здесь тянется узкой полосой лес, окаймляющий речку с обеих сторон. Энгельманская поляна и соседняя с нею были уже более или менее выбиты скотом, который пасется в этих местах или только проходит через них, когда его гонят на горные пастбища к верховьям Мзымты. На некоторых из этих полян сделаны из плетня базы для загона скота. За семи-восьмичасовое путешествие по лесу я видел в двух местах следы диких коз и местах в 4—5 следы кабанов и медведей; оленьих же следов в долине Мзымты мы не встречали вовсе. Птиц нам попадалось вообще мало, но чаще других сойки, черные дрозды и дятлы (Picus Pelzami Bogd.).

На Энгельманской поляне в нескольких десятках шагов от берега Мзымты мы сделали привал, чтобы отдохнуть, закусить и покормить своих лошадей. На дне долины здесь растут только лиственные леса, особенно много орешника (Corylus Avellana) и ольхи, на склонах же гор, окаймляющих долину Мзымты, очень много хвойных насаждений; особенно лесиста левая сторона ее, обращенная к северу. По ней на огромном пространстве тянутся густые пихтовые леса, вверху окаймленные, как везде в горах, широким поясом светло-зеленых березовых зарослей. Что касается самой речки, то она имеет здесь шагов 20—25 в ширину и течет очень быстро по заваленному камнями руслу. Течение ее, однако, гораздо медленнее, чем Лабенка выше Умпыря. Вода в ней очень чиста и имеет голубоватый цвет. Недалеко от Энгельманской поляны находится другой минеральный источник. Он также обозначен на пятиверстной карте и принадлежит к углекислым, но содержит, как мне сообщали, гораздо больше углекислого газа, чем тот, который находится вблизи караулки. К сожалению, нам не удалось видеть его, так как мы сами и наши проводники были здесь в первый раз и, руководствуясь одной лишь картой, не могли отыскать в лесу этот источник.

В незначительном расстоянии от Энгельманской поляны наша тропинка снова вошла в лес и снова начались кручи, балки и грязь. Нам пришлось то ехать, то плестись пешком по лесной тропе еще часа три, если не больше, с нетерпением ожидая, когда же наступит конец этому утомительному странствованию. Верстах в 10 от Энгельманской поляны лес начал заметно редеть и среди него начали чаще и чаще встречаться полянки. Кроме того, и характер его в этих местах значительно изменился: многие лиственные породы уже перестали попадаться на глаза, пихты спустились до самого дна ущелья и все чаще и чаще начал встречаться горный клен. Все это показывало, что лес уже кончается и что скоро должны начаться альпийские луга, так давно ожидаемые нами. Действительно, немного времени спустя, мы выехали на более или менее открытые места и, продолжая подвигаться вперед, могли уже осматривать соседние высокие горы и любоваться ими. Грязи, отравлявшей нам в этот день все удовольствие путешествия, здесь почти не было. Наконец, сплошной лес остался позади нас, начались красивые горные луга, среди которых росли только высокие одиночные пихты и небольшие рощицы горного клена, состоящие из очень красивых деревьев с пышной округленной кроной. Некоторые из них достигают более обхвата в толщину, имеют довольно значительную высоту и так сильно унизаны крылатками яркого розово-красного цвета, что издали кажутся не зелеными, а совсем красными. Еще выше, перед началом настоящих горных лугов, лес в верховьях Мзымты состоит почти исключительно из горного клена, а рядом с ним встречаются довольно большие пространства, покрытые мелким березняком. На многих полянах в этих местах бродил имеретинский скот и видны были балаганы пастухов. К одному из них мы подъехали часов в шесть вечера для того, чтобы спросить, далеко ли отсюда до истоков Мзымты и до озера Кардывича[10], о красоте которого я не раз слышал и которое очень хотели посмотреть все мои спутники. Нам ответили, что до озера осталось еще версты две и что оно лежит за березовым леском, видневшимся впереди нас.

Мы уже видели отчетливо те скалистые горы, которые замыкают высокой стеной долину Мзымты и дальше которых она не могла уже продолжаться. До этих гор было, по-видимому, очень близко, но я знал, как обманчиво бывает в горах расстояние, и потому не особенно доверял своим глазам.

Проехав от балагана версты две, а, может быть, и несколько больше, и не видя никаких признаков близости озера, мы решили спросить снова о расстоянии до него у имеретин, кош которых находился недалеко от дороги. Один солидный мужчина ответил нам, что до озера остается еще версты три или четыре, и прибавил при этом так же, как и спрошенный раньше, что озеро находится за тем леском, который был виден вдали. Этот ответ, в особенности в первый момент, немало смутил нас. В самом деле, за последние полчаса мы как будто бы не только не приблизились к озеру, а даже удалились от него версты на две. Но такой курьез объяснялся очень просто тем, что первый имеретин или обманул нас, или имел очень неверное представление о верстах, что и очень вероятно.

Проехав от последнего коша еще версты две, мы продолжали видеть впереди себя березовые лески, а озера все не было. Так как все мы были порядочно утомлены ездой и ходьбой в течение целого дня по скверным грязным тропинкам, да и лошади наши порядочно устали, то я решил было остановиться на одной поляне и отложить дальнейшее путешествие до следующего утра; но эта поляна оказалась такой неровной, что на ней нельзя было ни разбить палатки, ни расположиться сколько-нибудь сносно; кроме того, она была удалена от воды. Таким образом, надо было продолжать путь. Проехав еще сажен 150, мы нашли более удобное место в нескольких саженях от берега Мзымты и недалеко от одного имеретинского коша. Отсюда, как сообщили нам имеретины, хозяева баранты, ходившей неподалеку, надо было проехать не более трех-четырех верст по березовому лесу, да несколько десятков сажен по открытой местности, чтобы попасть на самый берег озера Кардывича. На этот раз нам сказали, наконец, правду, в чем мы сами вскоре убедились. Действительно, проехав через лесок по сильно заросшей и местами довольно грязной тропинке, мы увидели, наконец, чудное альпийское озеро, которое вместе с окружающей его местностью поразило нас своей необыкновенной красотой. Оно лежит у самого подножия Главного хребта в котловине, окруженной почти со всех сторон высокими горами, имеет около версты в длину и с полверсты в ширину. Вода в нем необыкновенно чиста, в высшей степени прозрачна и издали кажется не только темной, но почти черной. Озеро имеет более или менее крутые берега, за которыми расстилаются великолепные, свежие, изумрудно-зеленые альпийские луга с разбросанными по ним столетними пихтами. За этими лугами вниз по долине Мзымты тянется уже настоящий лес. Будучи защищено со всех сторон горами, это озеро почти никогда не волнуется ветром и имеет гладкую, как зеркало, поверхность воды, в которой отражаются все соседние предметы: деревья, луга, скалы и горы. Если стать на берегу озера, то сквозь прозрачные воды его можно видеть даже самые мелкие предметы, находящиеся на дне. По мере удаления от берегов глубина озера быстро увеличивается, доходя даже вблизи берега, вероятно, до нескольких сажен; еще дальше озеро представляется бездонной пучиной, наполненной черно-зеленой жидкостью[11]. Если бросить в озеро недалеко от берега камень, то можно наблюдать в течение нескольких секунд, как он погружается все глубже и глубже, постепенно теряясь из вида, но долго еще не доходит до дна. За горными лугами, окружающими озеро, громоздятся стены из черных зубчатых скал, на которых кое-где видна зелень, и, кроме того, спускаются длинные извилистые полосы снега; здесь же в некоторых местах лежат и порядочные снежные поля; с них устремляется вниз множество быстрых и блестящих, как серебро, горных ручьев. Все они несут чистую, прозрачную, как роса, воду и очень резко выделяются на темном фоне скал; соединившись в несколько значительных потоков, они направляются к озеру. С западной же стороны этого последнего медленно вытекает довольно порядочная речка, которая бесшумно катит свои воды по ровному дну, усыпанному мелкими гальками. Это и есть главнейший исток Мзымты, питаемый снегами Главного Кавказского хребта. Расположено озеро на высоте более 5600 футов над уровнем моря.

Возвратившись с озера к своей стоянке, мы отправились к соседнему имеретинскому кошу, чтобы купить там сыру и молока. Нас приветливо встретил высокий стройный молодой человек с очень приятным выразительным лицом. Каждому из нас он подал по огромной деревянной чашке очень вкусного кислого молока, которое мы тотчас же выпили с большим удовольствием. После этого мы попросили продать нам сыра и тотчас получили два порядочных круга его; но когда мой спутник Г. С. В. стал давать молодому человеку деньги за сыр, он не только не взял их, а жестами и выражением лица дал нам понять, что мы, предлагая деньги, обижаем его. Сколько мы ни уговаривали его взять с нас какую-нибудь плату, все это ни к чему не привело, и сыр пришлось принять, как подарок. Чтобы хоть сколько-нибудь отблагодарить любезного незнакомца, мы пригласили его вместе с братом к нам на чай утром и вечером. Чай и какао они пили с удовольствием, но сардинки, которыми мы надеялись доставить им удовольствие, они нашли совсем невкусными. При прощании мы подарили им немного пороху. Из наших вещей понравились им больше всего бинокль и моя американская магазинная винтовка, стреляющая бездымным порохом и пулями в мельхиоровой оболочке.

Наша стоянка находилась на правом берегу Мзымты, версты на две ниже озера Кардывича на высоте более 5400 футов над уровнем моря. Около нее расстилались пышные луга, на которых цвели пахучие лилии (Lilium monadelphum), Aster Caucasicus, незабудки (Myosotis alpestris), ако-

ниты (Aconitum Orientale и A. variegatum), Delphinium, водосборы (Aquilegia Olympica) и многие другие травянистые растения. Рядом с горными лугами росли леса и перелески, состоящие из березы, рябины, бука, пихты и горного клена. Гораздо большее пространство занимали леса на противоположной, то есть на левой стороне Мзымты. Там сплошные пихтовые насаждения тянулись на многие версты, а над ними поднимались высокие горы, на которых видны были не только снежные поля, но и довольно большие глетчеры. Наиболее высокую из этих гор имеретины называли Вадагаром. На ней лежит много снега, а правее ее находится другая очень высокая гора с двумя ледниками, спускающимися к долине Мзымты. Они имеют порядочные размеры, пересекаются множеством трещин, но оканчиваются очень высоко, и потому могут быть причислены только к ледникам второго разряда. Принадлежат они хребту, который тянется между долинами Мзымты и Псоу, но отстоят от верховьев Мзымты довольно далеко. Из птиц в верховьях Мзымты мы видели воронов, альпийских ворон (Fregilus graculus), альпийских галок (Pyrrhocorax alpinus Wiel.), пеночек, нескольких оляпок, снегирей и очень много белозобых дроздов (Merula torquata). Змей в долине Мзымты мне не попадалось вовсе, но имеретины говорили, что часто видят на горах толстых коротких испещренных черными пятнами змей. Очевидно, это Vipera xanthina Gray, которая живет и в верховьях Малой Лабы. Версты на три ниже нашей стоянки в Мзымту впадает небольшая горная речка, по ущелью которой тянется тропа на перевал Хехудар, ведущий из долины Мзымты к верховьям реки Уадхары, принадлежащей уже бассейну Бзыби. Ущелье этой речки тянется на протяжении всего лишь верст пяти и на большей части пространства покрыто лесами, в которых преобладают хвойные породы, именно пихта с примесью восточной ели (Picea Orientalis). Перевал Хехудар описан Н. Альбовым в упомянутой уже мною статье. Он принадлежит тому хребту, который представляет как бы перемычку между Главным Кавказским хребтом и хребтом, ограничивающим долину Мзымты с левой стороны. Хехудар сравнительно низок и едва достигает верхней границы леса. На нем растет горный клен, бук, орешник, рябина, береза и ивняк (Salix caprea). Ледников и вечных снегов на нем, конечно, не может быть. Так как через этот перевал прогоняют довольно много скота из Черноморской губернии в Сухумский округ, то у тропы, ведущей к нему со стороны Мзымты, поставлен ветеринарный пост. Что касается хребта, который тянется вправо от перевала параллельно Главному хребту и ограничивает долину Мзымты с левой стороны, то он отличается значительной высотой (некоторые вершины его поднимаются до 10700 футов). Отдельные части, покрытые вечными снегами и ледниками и известные под именем Адзитуко, Аюмга и т.д., вскользь описаны покойным Н. Альбовым и ждут еще исследователей.

С верховьев Мзымты мы должны были отправиться в обратный путь на перевал Аишхо, но на этот раз избрали более короткую дорогу, о которой я уже говорил при описании спуска с перевала. Нам надо было проехать прежним путем вниз по долине Мзымты верст 12, а около Энгельманской поляны круто повернуть вправо, на горы, ограничивающие долину Мзымты с правой же стороны. С верховьев Мзымты мы выступили в девятом часу утра и к полудню добрались до поляны, где наша новая дорога отделилась от старой. Здесь мы простояли до 4-го часа, так как в самое жаркое время дня подниматься на длинную и такую крутую гору было бы очень тяжело как для нас, так и для наших лошадей.

Первые сажен сто мы проехали верхами, а затем надо было спешиться и подниматься на кручу по открытой местности под палящими лучами солнца. Когда мы взошли в лес, тропинка потянулась в нем вдоль неглубокой балки, но вскоре отошла от нее в сторону. При начале леса она была довольно сильно убита, а дальше делалась все менее и менее заметной и часто терялась совершенно; тогда мы принуждены были идти лесной чащей, придерживаясь лишь известного направления, до тех пор, пока снова не попадали на тропинку. На значительной части своего протяжения она гораздо больше напоминала звериную тропу, по которой бродят волки или медведи, чем дорогу, находящуюся в пользовании человека. В некоторых местах она была кроме того завалена сломанными бурей деревьями. Надо заметить, что никто из нас в этой местности никогда не был, — поэтому нам особенно трудно было находить эту извивающуюся среди бесконечного леса едва заметную тропинку. Большую часть ее нам пришлось пройти пешком, так как во многих местах она очень круто поднималась на гору. Лес, окружающий ее, внизу, при начале подъема, состоял из различных лиственных пород, в средней части главным образом из крупных высокоствольных буковых насаждений, а еще выше из пихты с примесью бука.

По этой тропинке мы поднимались около трех часов и наконец выбрались на верх того отрога Главного Кавказского хребта, который отделяется от него у горы Аишхо и тянется между долинами Пслуха и Мзымты. Когда подъем почти кончался, стали попадаться небольшие поляны, заросшие высоким, как лес, бурьяном. Кроме того, все они были усеяны торчащими из земли острыми угловатыми камнями. Ехать по ним было невозможно, так как лошадь каждую минуту могла наткнутся на скрытый в бурьяне камень, упасть и искалечить не только себя, но и всадника. По таким местам нам пришлось пробираться без всякой дороги еще часа полтора или два и перейти несколько неглубоких котловин и балок. Одно место, представляющее целый хаос камней и почти сплошь заросшее высокими кустами кавказской черники, калины-гордовины и бурьяна, показалось нам особенно плохим. На нем мы и наши лошади едва не выломали себе ноги.

Перед вечером мы выбрались на самый гребень хребта и на чистом открытом месте разбили палатку. На севере, верстах в трех от нас, высокой стеной поднимался Главный Кавказский хребет. Он был виден от основания до самого гребня, но отделялся от нас глубокой долиной. На нем можно было узнать гору Аишхо и перевал, через который нам предстояло перебраться во второй раз. Во всех других направлениях от нашей стоянки также видно было много высоких гор и очень красивых ущелий, причем некоторыми из них мы могли любоваться с высоты птичьего полета.

Утром на следующий день мы встали очень рано. Так как небо было покрыто облаками, то я уговаривал своих спутников поскорее отправляться в путь, чтобы перебраться через перевал как можно раньше, когда с большей вероятностью можно было надеяться на сносную погоду. Так как по пути к перевалу нам предстояло перейти без всякой дороги через несколько балок, заросших громадным бурьяном и заваленных камнями, то мы договорили одного имеретина, жившего на коше, который находился недалеко от нашего ночлега, провести нас до того места, где нам не трудно будет находить дорогу без посторонней помощи.

Выступили мы в седьмом часу утра. Во многих местах на нашем пути не было ни малейших признаков тропинки и стоял бурьян вышиною не менее сажени. Особенно громадного роста он достигал в балках и котловинах. Камни, ямы и водомоины попадались в нем на каждом шагу. Без проводника, хорошего знакомого с этими местами, нам, действительно, было бы очень трудно найти дорогу. Пробираться по ним пришлось, впрочем, сравнительно недолго, так как за полтора часа мы прошли через все балки и выбрались на знакомую нам тропу, по которой спускались с перевала Аишхо несколько дней тому назад. Здесь идти было гораздо лучше, а кое-где можно было проехать верхом, но в это время нас накрыл такой густой туман, сквозь который нельзя было ничего видеть даже в 20 шагах, и, кроме того, с гребня Кавказского хребта навстречу нам подул сильный и холодный ветер. Так как в этом месте не существовало никакой другой тропы, кроме ведущей на перевал, то сбиться с нее мы не могли; но ветер для нас был крайне неприятен. Перелезая из балки в балку и взбираясь затем форсированным шагом на страшно крутую гору, которая тянулась на протяжении нескольких верст, мы были в сильнейшей испарине, а в это же время сырой холодный ветер насквозь пронизывал нас. Я шел в суконном пиджаке, довольно плотном, но его на мне как будто бы не было, а мокрая холодная рубашка при прикосновении к телу вызывала такое ощущение, точно к нему прикладывали лед или снег. Приблизительно то же испытывали, вероятно, и все мои спутники. Я невольно вспомнил в это время про различного рода фуфайки, к которым не прибегал еще ни разу во время своих путешествий. Особенно неприятно было то, что мы не могли остановиться ни на одну минуту, чтобы перевести дух и дать успокоиться сердцу, так как во время остановок холодный ветер еще сильнее давал себя чувствовать.

Когда до перевала оставалось версты полторы, ветер и холод усилились еще больше, и я принужден был надеть на себя еще другой суконный пиджак. Раньше сделать это было невыгодно, так как пришлось бы вспотеть еще больше, а теперь оказалось очень кстати. Часов в 11 дня, наконец, вступили мы в неглубокую седловину между двух гор и, когда туман немного рассеялся, тотчас узнали в ней перевал Аишхо. В это время на северном склоне стояла ясная погода, и мы с удовольствием могли смотреть на хорошо знакомые нам долины и ущелья Кубанской области. С перевала на протяжении верст двух или трех можно было ехать на лошади, но я предпочел пройти эту часть пути пешком, чтобы остыть постепенно и собственной теплотой высушить свое белье. Вниз шли мы гораздо быстрее и скоро добрались до того места, где несколько дней тому назад ночевали перед подъемом на перевал, затем перешли через осыпи и вступили в лес. Когда до ветеринарного поста оставалось с версту, нас захватил сильнейший дождь с грозой. Надеясь, что такой ливень кончится очень скоро, я слез с лошади и, чтобы переждать его, стал под густой столетней пихтой, которую, как казалось мне, никакой дождь пробить не может. В это время было несколько оглушительных ударов грома; раздаваясь с особенною силой в узком ущелье, они каждый раз наводили такой страх на мою лошадь, что я едва мог удерживать ее за повод; дождь же лил в это время как будто бы не каплями, а водяными веревками, свешивающимися из туч. Крутая гора, поднимавшаяся в нескольких шагах от меня, была почти не видна сквозь низвергавшиеся с неба потоки воды. Я простоял под пихтой минут двадцать: через нее начали уже падать на меня крупные капли, а дождь не только не прекращался, а временами даже заметно усиливался. Ждать мне надоело, с ветвей пихты начала все сильнее и сильнее течь вода, и я, не предвидя конца дождю, решил скорее ехать на пост. Добравшись до него, я застал там П.А. Петрова и своих спутников, уже успевших переодеться в сухое платье. Едва сбросил я с себя верхнюю одежду, как перестал и дождь.

На посту мы простояли около суток, так как должны были дать отдых лошадям, а потом отправились на Умпырь. Дорога к нему сделалась еще хуже, чем была прежде, а кое-где оказалась совершенно смытой во время последнего ливня. В одном месте над глубоким обрывом, где тропа пересекала небольшую балочку, вода нанесла на нее целые груды камня и щебня, по которым никак нельзя было провести лошадей. Кроме того, буря повалила здесь на тропу огромную пихту, разбившуюся на две части. Провести лошадей ни вправо, ни влево было невозможно, так как с одной стороны возвышалась круча, а, с другой находился крутой скалистый обрыв, свалившись с которого лошадь должна была бы погибнуть непременно. Над расчисткой этого места все мы, в числе пяти

человек, проработали полтора часа, потом перенесли на своих плечах все наши вьюки и после этого уже с немалым риском провели лошадей. Проехав версты две, мы встретили еще одно место, где тропа была испорчена, но здесь нам пришлось поработать всего лишь минут двадцать. Наконец, часа в три пополудни мы прибыли на Умпырь.

IV

Несколько лет тому назад, путешествуя в верховьях Белой, я посетил, между прочим, ущелье Уруштена. Тогда же мною было описано это ущелье[12], но, так как в то лето мне не удалось добраться до самых истоков речки и до перевала Псеашхо, то я предпринял вторую поездку в эти места, решив осмотреть кстати и ту часть долины Мзымты, которая находится непосредственно за перевалом Псеашхо. Описание последней поездки я начинаю с того момента, когда мы выступили из лагеря Великого Князя Сергея Михайловича, построенного на берегу Уруштена и у самой тропы, которая ведет из Псебая через Ятыргварту на перевал Псеашхо и Красную Поляну. Место это отстоит от перевала верст на 15.

Дорога на перевал Псеашхо выше уруштенского лагеря идет по узкому заросшему почти сплошь лесом ущелью, в котором кое-где только встречаются небольшие поляны. Тропа, находящаяся здесь, очень плоха, а в некоторых местах даже едва заметна, несмотря на то, что по ней давно уже производится сообщение между жителями Черноморской губернии, или бывшего Черноморского округа, и Кубанской области. Она тянется то по осыпям и кручам над самым берегом речки, то по топким болотистым местам и, кроме того, несколько раз переходит с одной стороны речки на другую.

Лес здесь более или менее мелкий на дне ущелья и довольно крупный на склонах его. Он состоит главным образом из лиственных пород: бука, клена (Acer platanoides и A. Trautvetteri), березы, вяза, орешника, калины, рябины и т.д. Встречаются также и пихты, а из мелких кустарников смородина, малина, рододендроны и жимолость. Из папоротников чаще всего попадается Struthiopteris Germanica Willd. На болотах во многих местах растут хвощи. Проезжая по этой тропинке, мы видели много медвежьих следов, а в одном месте вспугнули целый гурт диких свиней. На горах, окружающих это ущелье, водятся туры и серны.

Верстах в 10 от перевала долина Уруштена заметно расширяется и разделяется на три отдельных ущелья. Одно из них, по которому течет порядочная речка, впадающая в Уруштен с правой стороны, имеет верст 10—12 в длину и тянется в юго-восточном направлении[13]. На восток от нее ущелье ограничивается амфитеатром высоких зубчатых скал, на которых красивой сеткой, напоминающей ажурную работу, лежат полосы и пятна снега. Под ними в глубокой котловине, окруженной с трех сторон горами, находится маленький глетчер. Влево от этой котловины тянется еще другая. В ней также лежит снег, внизу переходящий в фирн-глетчер. От него вьется, направляясь вниз по крутому склону, узкая светлая полоска. Это речка, вытекающая из глетчера. На одной высоте с нижней частью его тянутся по скалам мелкие березовые заросли. Довольно порядочный лесок находится и в нескольких десятках сажен ниже глетчера. Из этих глетчеров и снегов вытекает много небольших быстрых горных потоков, которые впадают в только что упомянутый приток Уруштена. Самые верховья его отсюда, однако, не видны, так как его ущелье верстах в пяти выше соединения с ущельем Уруштена поворачивает сначала круто на юг, а потом на юго-запад. Здесь речка получает свое начало, как уже было сказано, из довольно больших снежных полей той части Главного Кавказского хребта, которая находится между перевалами Аишхо и Псеашхо. В нижней части это ущелье покрыто лесом, в котором растет много пихт; над лесами находятся горные луга, а гребни гор, окружающих ущелье, скалисты и безлесны. Путешествуя несколько лет тому назад по горам между истоками Белой и Уруштена, я с гребня их видел в описываемом ущелье небольшое озерцо[14].

Верстах в двух выше слияния этой речки с Уруштеном с левой стороны впадает в него же другая небольшая речка, которая вытекает множеством ручьев из довольно высокого гребня, разделяющего истоки Уруштена и Киши. Проехав от этих мест еще версты 3—4 вдоль правого берега Уруштена, мы добрались до того места, где он образуется из трех речек, составляющих уже самые истоки его. В этом месте ущелье Уруштена сильно расширяется и превращается в красивую долину, отчасти заросшую лесом, а отчасти покрытую горными лугами. Отсюда виден и наибольший глетчер истоков Уруштена; здесь же на возвышенном месте около слияния двух истоков Уруштена выстроен пост для ветеринарной стражи. Он находится на высоте около 5820 футов над уровнем моря и имеет небольшую комнатку для ветеринарного врача; ею нам предложил воспользоваться П.А. Петров дня на три, которые я предполагал употребить на осмотр глетчера и других соседних с перевалом мест.

На пост мы приехали часов в шесть вечера. В это время глетчер, находившийся к востоку от нас, был очень ярко и красиво освещен косыми лучами солнца, готового скрыться за гребнем гор. Только в одном месте на гребне зубчатого барьера скал, окружающих глетчер, висела густая свинцово-серая туча; все прочие горы были совершенно чисты. Прежде чем солнце зашло за горы, я успел сделать фотографический снимок с перевала и глетчера.

Переночевав на посту, мы встали в шестом часу утра. Погода была прекрасная; нигде на горах не было видно ни одного облачка, а небо имело чудный темно-синий цвет. Глетчер в это время еще

не был освещен солнцем и оставался погруженным в глубокую тень. Он представлялся синевато-серым и каким-то мрачным, холодным. Впереди нас находилась правильная, имеющая вид широкого конуса гора, возвышавшаяся на самом перевале вправо от тропы, которая ведет через него. На этой горе во многих местах уже блестело солнце. Термометр показывал в шестом часу только 5° тепла. Мы поспешили воспользоваться чудной погодой для осмотра перевала и его окрестностей.

Перевал Псеашхо принадлежит к сравнительно низким: высота его над уровнем моря равняется всего лишь 6870 футов. В этом отношении он только на 620 футов превосходит Белореченский или Шитлибский перевал и значительно уступает перевалам, находящимся в верховьях Большой Лабы. Подъем на него очень полог. На самом перевале нет ни скал, ни больших камней, а везде растет зеленая трава со множеством красивых цветов: буковиц (Betonica grandiflora), Polygonum Bistorta, персидской ромашки (Pyrethrum roseum), гераней, примул, вероники и т.д.; кроме того, здесь в изобилии встречается конский щавель (Rumex crispus) и чемерица (Veratrum album). Окружающие перевал склоны гор почти сплошь покрыты рододендронами. Перевал представляет довольно глубокую седловину, сильно удлиненную с севера на юг. По сторонам его возвышаются две довольно порядочные горы, имеющие вид более и менее правильных пирамид. Снега на них нет почти нигде, высота же их равняется приблизительно 8000 футов. На этом перевале, в нескольких шагах друг от друга, начинаются истоки Пслуха и Уруштена, направляющихся в совершенно противоположные стороны: первый течет на юг, в Мзымту и, следовательно, в Черное море, а второй на север, в Лабу, впадающую в Кубань. Пслух начинается на самом перевале маленьким, светлым, медленно текущим ручейком, в который вливаются вскоре множество других. Из них очень скоро составляется большая шумная речка, сразу уходящая в страшно глубокое и крутое ущелье, покрытое лесом. Это и есть самое начало ущелья Пслуха, о котором говорилось при описании пути с перевала Аишхо в долину Мзымты. Течет Пслух сначала на юго-восток, потом на юг, а затем постепенно поворачивает к западу юго-западу. Если проехать от перевала с версту на юг, то можно видеть большую часть этого ущелья и соседние с ним горы. На восток от перевала в гребне Главного хребта возвышается черная, высокая, крутая и скалистая гора высотою, вероятно, не менее 10 $^1/_2$ тысяч футов. На ней лежит немного снега. Еще дальше за ней виден целый ряд зубцов Главного хребта, а южнее их тянется глубокое и длинное ущелье Мзымты, с обеих сторон окаймленное высокими горами. Эти горы и здесь имеют такой же характер, как против Аишхо: вверху они состоять из скал, под ними тянется узкий пояс горных лугов, граничащий с поясом светло-зеленых березовых зарослей, а еще ниже вековые леса, которых почти не касалась рука человека. Вверху они состоять из пихтовых насаждений, но не совершенно чистых, а с большей или меньшей примесью бука и других лиственных пород. Чистых пихтовых насаждений, подобных насаждениям северного склона, здесь, как кажется, нет вовсе. Кроме того, их пояс в долине Мзымты довольно узок, по крайней мере, в сравнении с поясом этих насаждений в Кубанской области. На это влияет, конечно, не один климат, но и относительно большая крутизна гор южного склона.

С мест, лежащих немного южнее перевала, видна также красная Поляна или Романовск. Она представляется отсюда пестрым островком среди бесконечного моря лесов. Несмотря на то, что Красная Поляна расположена ниже перевала слишком на 5000 футов и отстоит от него верст на 15 по прямой линии, ее видно отлично, и кажется, что до нее не более 5–6 верст. С Псеашхо можно ясно различить, что она состоит из одной широкой улицы и нескольких десятков домиков с белыми крышами, разбросанных по бокам ее. Ниже их по долине Мзымты видна еще группа более солидных построек. Около поселка блестят золотисто-желтым цветом хлебные поля, а к западу от него поднимается высокая гора Ачишхо, которая только на самом верху не покрыта лесом. Широкая и притуплённая вершина ее почти лишена снегов. Высота Ачишхо равняется 7757 футов. Ниже и по сторонам Красной Поляны все горы покрыты сплошным лесом; редко-редко виднеется среди него какая-нибудь выдающаяся скала или небольшая осыпь.

Если проехать от перевала версты три на юг, то можно видеть южный склон той части Главного Кавказского хребта, которая тянется на запад от Псеашхо. Этот хребет необыкновенно крут, в особенности с южной стороны, где он на всем своем протяжении представляет почти отвесную черную стену высотою в целые тысячи футов. Зубчатый гребень его кажется острым, как настоящий нож или пила; по нему, наверно, не может пройти ни человек, ни зверь. У подножья этой черной стены тянется узкая полоска горных лугов, а под нею мелкий березняк и густые заросли низкорослого бука. Высота этого гребня, наверное, не меньше 10000 футов. Снега и небольшие глетчеры северного склона его питают Кишу (Чегс на пятиверстной карте Кавказа), впадающую в Белую; с южной же стороны его вытекает река Пузико, приток Мзымты. На востоке этот гребень оканчивается не особенно высокой и покрытой лишь небольшими пятнами снега горой Дзитаку, обозначенной на пятиверстной карте Кавказа и отстоящей версты на четыре от перевала Псеашхо; на западе же он образует пологий изгиб к северу и доходит таким образом до Шугуса, наиболее высокой горы этих мест (10642 фута). У восточного конца изгиба поднимается очень высокая и острая гора, на южной стороне которой, начиная от самой вершины, тянется большое снежное поле, разделенное гребнем черных скал на две неравные части. Это, вероятно, гора Ассара, также обозначенная на пятиверстной карте Кавказа. Что касается Шугуса, то он отсюда не виден, так как его закрывают ближайшие горы.

Почти у самого перевала к долине Уруштена с левой стороны подходит еще одна просторная, но короткая (версты в три) долина. С севера и юга она окаймлена высокими горами, дно же ее плоское, ровное и представляет почти сплошное болото. В некоторых местах на нем растут, как на настоящих торфяниках севера, почти одни только мхи, в других же различные болотные травы. Местами оно настолько топко, что по нему нельзя проехать на лошади. Эта долина едва возвышающейся узкой перемычкой отделяется от глубокого и крутого скалистого ущелья одного из истоков Пузико. На перевале Псеашхо находится еще несколько маленьких, но очень красивых и, по-видимому, довольно глубоких озерков. Они наполнены чистой прозрачной водой густого синего цвета. Одно из них имеет сажен 30 в длину и находится очень близко от тропы, ведущей через перевал, а два других в только что описанной боковой долине.

Деревья и кустарники доходят почти до самого перевала Псеашхо. Низкорослые корявые березы вблизи его образуют даже большие сплошные заросли; то же можно сказать и про низкорослый бук. Пихты лишь немного не доходят до перевала, а около ветеринарного поста, который расположен ниже перевала только на 1000 футов, растут отлично; на левой же стороне долины Уруштена они поднимаются даже футов на 1000 над постом и, следовательно, распространяются до высоты, равной высоте перевала.

Когда мы проехали на юг от перевала версты две, то на гребне, проходящем вдоль одного из истоков Пслуха, увидели небольшой, штук в 7 или 8, табунок серн. Я решил попытать счастья подкрасться к ним, хотя местность совсем не благоприятствовала этому: она представляла открытый чистый откос, среди которого, на виду у серн, находились мы. Когда я добрался до подножья скал, где были замечены серны, то одна из них, стоя на краю отвесного уступа, пристально смотрела вниз прямо на меня. До нее было шагов 300 и большая часть ее туловища закрывалась зубцом скалы, — поэтому я не решился стрелять по ней. Я знал, что к этой серне подойти уже не удастся, но думал, что другие, которые теперь меня не видят, могут остаться где-нибудь на скалах, и потому решил полезть вверх и там поискать их. Труды мои не увенчались успехом, хотя я с большой осторожностью осмотрел все скалы на протяжении не менее версты. Очевидно, серны испугались нас и ушли. В это же утро на перевале мы видели горную индейку (Tetraogallus caucasicus) с несколькими цыплятами. Последние не могли еще летать и быстро бежали за своей матерью вверх по грудам камней. Несмотря на близость людей, мать, очевидно, не хотела оставить своих птенцов и улететь. Мы с удовольствием смотрели, с какой ловкостью крошечные птенчики вскакивали на довольно высокие уступы. Их как будто бы подбрасывала вверх какая-нибудь пружина. На перевале мы видели много чеканов, альпийских ворон (Fregilus graculus), несколько белоголовых грифов (Gyps fulvus Gm.), сарычей (Buteo Menetriesi), много белозобых дроздов (Turdus torquatus), дроздов-деряб (Turdus viscivorus), снегирей и желтых плисок.

Наиболее интересным предметом в окрестностях перевала надо считать ледник Псеашхо, находящийся в верховьях восточного истока Уруштена. К этому леднику я отправился после осмотра прочих окрестностей перевала. Расстояние от поста до ледника равняется верстам 2 $^1/_2$ или 3. Идти к нему приходится почти все время открытой местностью, по долине довольно порядочной речки, и лишь полверсты по густому леску, состоящему из одних только низкорослых корявых берез, которые растут на каменистых косогорах, представляющих старые морены глетчера. За леском надо было пройти еще сажен сотню по грудам нагроможденных друг на друга камней прежде, чем приблизиться к самому глетчеру. Он имеет, вероятно, более версты в длину, вверху более или менее широк, но к нижнему концу очень сильно суживается. К главной ветви его с левой стороны присоединяется очень короткий обрывистый фирн-глетчер. Выше него с той же стороны находится другой фирн-глетчер, но не соединяющийся с главным. От него тянется к главной ветви только узкая полоса снега. Оканчивается ледник на высоте около 9600 футов, при основании крутого скалистого уступа, причем, только левая часть главной ветви сползает до самого подножья уступа. От этого последнего тянется уже заваленный каменными глыбами склон, который представляет частью конечную морену ледника, частью простую осыпь.

Ледник лежит в котловине, окруженной с трех сторон горами, а с четвертой (западной) — открытой. В летнее время над ним вовсе нет фирна, который бы мог питать его; поэтому глетчер летом, как сообщают стражники, сильно уменьшается. По их словам, в самом начале лета широкая полоса льда спускается до самого подножья упомянутого уступа, к концу же его глетчер сильно укорачивается. Кроме того, в это время ледник на половине своей длины образует перерыв, разделяясь на верхнюю и нижнюю части выступом скалы, которая раньше бывает скрыта подо льдом.

Из глетчера вырывается с сильнейшим шумом мутная речка, имеющая в ширину сажени 2—3. Она, прыгая с камня на камень, со страшной быстротой несется вниз по долине. Ниже глетчера находится много свежеобтертых льдом скал, указывающих на то, что даже в недавнее время глетчер был значительно длиннее. С правой (северной) стороны ледника лежит довольно порядочное снежное поле, внизу переходящее в ледник. Из него вытекает речка с чистой прозрачной водою. Вблизи ледника в березовом леске я видел нескольких черноголовых соек и был удивлен, встретив их в такой местности. Обтертые льдом скалы мне попадались в этой долине не только около ледника, но и на значительном расстоянии от него. Последнее указывает на то, что в далеком прошлом большая часть этой долины была наполнена глетчерными полями.

Я не сказал еще о том, что ветеринарный пост, на котором мы остановились, занимает очень живописное местоположение. Он расположен на небольшом возвышении, покрытом альпийскими лугами с разбросанными по ним редкими деревьями (пихтами и березами); почти во все стороны от него открывается более или менее широкая даль, на которой выступают картины одна лучше другой. С поста виден ледник, окруженный высокими красивыми горами, нижняя часть долины Уруштена, покрытое густым лесом ущелье, ведущее па перевал, и очень высокий скалистый гребень, ограничивающий долину Уруштена с западной стороны. На этом посту с удовольствием можно прожить несколько дней. Из зверей чаще других попадаются около него туры (Capra Sewertzowi Menzb.), а затем медведи и серны; олени и дикие кабаны держатся ниже поста по долине Уруштена.

После осмотра ледника и всех окрестностей перевала Псеашхо мы отправились на Красную Поляну. От поста нужно было проехать знакомой уже нам дорогой верст восемь, а затем спуститься в долину Пузико. При самом начале спуска есть одно очень нехорошее и довольно опасное место, где приходится сводить лошадей без всякой тропинки с обрывистой крутой скалы. Здесь, как сообщили мне ветеринарные стражники, скатилась под кручу и едва не убилась одна из лошадей Н.А. Буша и Н.Н. Щукина; нам же удалось это место пройти без всяких приключений. За ним тропа идет также по довольно крутому скалистому косогору вдоль западного склона хребта, отделяющего долину Пслуха от верховьев нескольких притоков Пузико с левой стороны. Проходя здесь, мы заметили на скалах, выше тропы, в двух местах серн, и я с одним из своих проводников отправился поохотиться за ними. Пробираясь по косогору, мы вспугнули одну серну; она была очень близко, но, заметив нас, быстро бросилась на гору. Довольно высокая трава и солнце, светившее мни прямо в глаза, не позволили выбрать удобный момент для выстрела. Вслед за этой серной мы увидели еще одну, находившуюся выше первой; но к ней подкрасться было невозможно, так как она стояла на совершенно открытом косогоре. Пройдя шагов сорок, я заметил еще 3—4 серны, и одна из них на наших глазах зашла под тень сосны и остановилась у самого ствола ее. Я подкрался к ней шагов на 170. Она стояла грудью ко мне, представляя небольшую сравнительно цель. Чтобы не сделать промаха при таких условиях, надо было целиться очень тщательно. Скрываясь за невысоким пригорком, я лег, положил винтовку на скалу и выстрелил. Серна тихо, как будто бы вовсе не задетая пулей и нисколько не испуганная, прошла шагов 20 и легла. Очевидно, она была так сильно ранена, что не могла бежать. Не показываясь серне на глаза, я прошел по направлению к ней еще шагов 30; она лежала с приподнятой головой, смотрела в мою сторону и, как мне казалось, заметила меня. Так как в нескольких шагах от нее была круча, в которую она могла скатиться при первой попытке бежать, то я счел за лучшее скорее добить ее и потому, добравшись до следующего пригорка, выстрелил в нее во второй раз. После этого серна скатилась под гору шагов на 10 и остановилась, зацепившись за камень. При осмотре ее оказалось, что первая пуля попала ей спереди в правую сторону груди и пошла вдоль тела, а вторая пронизала грудь наискось, ударив вблизи предпоследнего ребра и выйдя на противоположной стороне ее около лопатки.

Ободрав серну и разрезав ее на части, мы спустились к лошадям и затем пошли дальше, вниз по тропе. Вскоре мы вступили в лес, который покрывает гребень и склоны хребта Псекохо. Вначале он состоит из березы, рябины и горного клена, на высоте же около 4900 футов над уровнем моря преобладающей породой являются в нем пихты. Многие из них достигают на хребте Псекохо громаднейших размеров. Я нарочно измерил несколько самых крупных экземпляров, и при этом оказалось, что они имеют в окружности до 4 $^1/_2$ обхватов, то есть около 11 аршин. Таких гигантов я не видел раньше нигде, кроме долины Загдана, находящейся в верховьях Большой Лабы. Несколько ниже, почти на 4000 футов над уовнем моря, росли каштаны. Последнее обстоятельство указывает на теплый климат южных склонов здешних гор. На высоте 2 $^1/_2$ тысяч футов растет очень много черешен с мелкими, но очень сладкими черными плодами. В этом году урожай на них был такой сильный, что мы, пять человек, нагнувши одну толстую ветку, могли вдоволь насытиться черешнями. Еще ниже в лесу начинают на каждом шагу попадаться груши, каштаны, волошские орехи, лыча, шишки или мушмала (Mespilus Germanica), кизил, а также другие фруктовые деревья и кустарники. Здесь же лес переплетается множеством лиан, а на полянах и опушках его растут различный колючие растения. К первым принадлежат обвойник (Periploca Graeca) и ломонос (Clematis), который так густо заплетает деревья и кустарники, что за его листьями и белыми цветами совсем не видно растения, служащего ему опорой. Из колючих кустарников особенно замечателен Smilax excelsa. Он также вьется, имеет красивые зеленые ветви, но вооружен такими крепкими острыми и загнутыми колючками, которые неосторожному человеку могут нанести довольно серьезные ранения. Не менее замечательна в этом отношении и ожина (Rubus discolor). Она достигает в высоту более сажени, имеет стебли толщиною в палец, довольно вкусные плоды, но также очень большие острые и загнутые шины. Колючее держи-дерево (Paliurus aculeatus), любящее более сухие места, мне здесь не попадалось вовсе. В этих же лесах растет дуб, граб, хмелеграб, несколько видов клена, ясень, ольха, черноольха и т.д. Спуск с хребта Псекохо и вообще с Псеашхо очень крут, — поэтому почти весь его мы прошли пешком.

Пропутешествовав по лесу часа три, мы достигли реки Пузико. Дня два тому назад в верховьях ее прошел сильнейший дождь, после которого вода до сих пор оставалась очень мутной. По берегам Пузико были нагромождены подмытые водой деревья с зелеными еще листьями, карчи и груды кам-

ня, перемешанного с щебнем и илом. Вода продолжала размывать их и потому не могла очиститься. Несмотря на небольшую длину, не превышающую 20 верст, Пузико представляет довольно порядочную речку шириною шагов в 20-30. Она получает начало множеством горных потоков с горы Ачишхо и той части Главного Кавказского хребта, которая тянется на запад от перевала Псеашхо. По берегам Пузико попадаются кое-где маленькие полянки; ими очень дорожат жители Красной Поляны, окруженной со всех сторон сплошными лесами. Пройдя вдоль Пузико версты три, мы снова очутились на берегу Мзымты. Она и теперь была чиста и прозрачна и своим зеленовато-голубым цветом резко отличалась от грязного Пузико. Их воды довольно долго текли в общем русле, не смешиваясь друг с другом. Мы с удовольствием напились чистой свежей воды из Мзымты и поехали дальше. Теперь нам оставалось всего лишь верст 6 до Красной Поляны. Растительность здесь стала еще богаче и разнообразнее, но в то же время появилось много сорных трав. Из них особенно сильно распространена травянистая бузина (Sambucus Ebulus), заросли которой завладели всеми не покрытыми лесом местами по берегам Мзымты и отчасти проникли в леса.

После семичасового пути от перевала Псеашхо мы попали, наконец, на Красную Поляну, будущий город Романовск и курорт. Расположена она на высоте 1730 футов над уровнем моря. На улицах ее растут огромные волошские орехи, черешни, груши, лыча и т.д. Все они были унизаны огромным количеством плодов. Окрестности Красной Поляны замечательны своими минеральными источниками. Кроме того она отличается хорошим климатом. Здесь не бывает очень жарко, благодаря освежающим горным ветрам, ни очень холодно. Лихорадок здесь также нет. Но Красная поляна имеет один большой недостаток: она чересчур сильно стеснена со всех сторон высокими крутыми горами. Здесь почти нет ни сенокосных, ни пастбищных мест. Мы должны были заплатить 2 $^1/_2$ рубля за то, чтобы на ночь дали нашим лошадям сена, но и оно оказалось никуда не годным, состоящим из одних папоротников. Лошади его почти не ели.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества, книга XIX, 1898 год.

2. Обращенные к югу склоны Герпегема остаются без снега почти всю зиму.

3. Егерям Кубанской охоты лет за 10 удалось отравить всего двух шакалов и то не близко от Псебая, — одного на Кише (приток Белой), а другого на отрогах Ятыргварты.

4. Во время нашего пребывания на Умпыре сюда приехали три егеря Кубанской охоты и за неделю в долине Умпыря и Большой Лабы убили 8 медведей, считая в том числе и медвежат.

5. До 80-х годов о существовании клестов на Кавказе говорил только А. Нордман, путешествовавший по Кавказу в 1836 году. Он наблюдал клестов на Аджарских горах. В этом смысле упоминает о них и М.Н. Богданов (Птицы Кавказа, стр. 69, 1879 год). М.А. Мензбир говорит: «На Кавказе клест распространен, вероятно, во всех хвойных лесах, хотя пока находки его здесь не многочисленны». С первым положением, кажется, нельзя согласиться.

6. Подробное описание Vipera xanthina с указанием ее отличительных признаков находится в сочинении А.А. Штрауха «Die Schlängen des Russischen. Memoires de l' Acad. Imp. des sciensec de St.-Petersb. VII serie, tome XXI, №4». Этим сочинением пользовался главным образом и я при определении видов Vipera.

7. Он обозначен на пятиверстной карте Кавказа, но не назван никаким именем.

8. С этого же гребня мне удалось видеть истоки той небольшой речки, которая впадает в Лабенок немного ниже поста. Там лежат полосы и пятна снега, но также нет глетчеров.

9. По словам известного исследователя Абхазии покойного Н. Альбова, нигде в Абхазии нет такого огромного бурьяна, как в долине Мзымты. Отчет о ботанических исследованиях Абхазии, Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества, кн. XV.

10. Озеро это называется также другим именем — Мзымт-адзмыч (Н. Альбов. Отчет о ботанических исследованиях Абхазии в 1890 году).

11. Глубину озера, как сообщили мне имеретины, измерял посредством лота один из инженеров, делавших изыскания для проведения шоссе через перевал Аишхо. По его измерениям, наибольшая глубина озера оказалась равной 9 саженям, но мне кажется, что она должна быть еще больше.

12. Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества, книга XIX.

13. Это та самая речка, ущелье которой мы видели с гребня высокого хребта, находящегося вблизи одного из ледников долины Малой Лабы.

14. «Кубанская область в верховьях Белой и Уруштена». Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества, т. XIX, стр. 75.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èçäàíèþ:
Динник Н.Я. Верховье Малой Лабы и Мзымты // Записки Кавказского отделения Русского географического общества. — Тифлис, 1902. — Кн. 22. — Вып. 5. — С. 1–73.

ÊÀÂÊÀÇÑÊÈÉ ÎËÅÍÜ (CERVUS ELAPHUS MARAL OGILBY[1])

Олени, живущие в пределах Кавказа, изучены до сих пор еще очень недостаточно; особенно это можно сказать про тех из них, которые водятся в самых южных частях Кавказа, как, например, в Батумском округе, на юге Карской области, в Елизаветпольской губернии, а также в Ленкоранском уезде Бакинской губернии. Из русских зоологов, посещавших Кавказ, вероятно, только немногие имели случай видеть живого или недавно убитого кавказского оленя. Причина этого вполне понятна: добыть оленя, который держится по преимуществу в самых глухих местах, всеми силами старается избежать встречи с человеком и притом отличается необыкновенной чуткостью и осторожностью, очень трудно. Эти трудности увеличиваются еще тем, что олень вообще — животное более или менее редкое и только в очень немногих местах встречается в довольно значительном количестве. По этим причинам путешественник-зоолог может иногда целые месяцы искать оленя и не только не убить, но и не увидеть его. Если же при более благоприятных обстоятельствах и удастся добыть одни экземпляр оленя, то это слишком недостаточно, чтобы сделать точное описание животного или какие-либо обобщения. Музеи в этом отношении также не всегда помогают, потому что в большинстве случаев не отличаются богатством материала (в тифлисском музее, вовсе не бедном многими видами кавказских животных, имеются всего 3 или 4 чучела оленей и притом лишь из Тифлисской и соседней с нею Елисаветпольской губерний). Только рога оленей можно видеть в значительном количестве в музеях, у охотников и торговцев, но одних рогов также слишком недостаточно для решения очень многих вопросов, касающихся оленей. Наконец, часто бывает крайне турдно добыть рога оленей из определенной местности[2], а это иногда может иметь очень важное значение. В настоящее время можно иметь более или менее точные данные об оленях Кубанской области и окрестностей Боржома (Тифлисской губернии), где их до сих пор еще очень много. Наоборот, олени самых южных частей Кавказа, как уже было замечено, известны крайне мало, а потому говорить о них, не опасаясь впасть в ошибки, едва ли возможно. Таким образом, при настоящих знаниях кавказских оленей трудно даже сказать, водится ли здесь только один вид их (даже одна раса) или несколько (представителей рода Capreolus я не беру в расчет).

Лейдеккер, имевший, как мы увидим ниже, в своем распоряжении материал в виде чучел и рогов оленей как из южных частей Закавказья, так из Кубанской области, в своем обширном и капитальном труде об оленях всего света (The Deer of all lands) причисляет кавказского оленя к особой, именно каспийской расе европейского благородного оленя и называет его Cervus elaphus maral. Он дает следующую краткую характеристику оленей этой расы, водящихся на Кавказе, в Крыму, в Малой Азии и в прикаспийских частях Персии: они отличаются сравнительно крупным ростом, сильным телосложением, относительно толстой шеей, длинной головой, более заостренной мордой, большими, но сравнительно простого типа рогами, имеющими в большинстве случаев всего лишь 6 или 8 отростков, при чем второй отросток часто отличается слабым развитием, и, наконец, почти всегда пятнистой летней шерстью у не вполне зрелых особей[3]. Несколько ниже Лейдеккер приводит более подробное описание цвета шерсти оленей этой расы и особенностей их рогов, но к этим подробностям я возвращусь ниже, а пока займусь описанием кавказского оленя и его географического распространения в пределах Кавказа.

На Кавказе олени распространены до сих пор еще очень широко. В Кубанской области они встречаются везде, где есть большие леса, а в особенности на более высоких местах, в горной полосе. Северная граница их распространения проходит недалеко от станиц Усть-Джегутинской (20 верст к югу от Баталпашинска), Передовой, Каладжинской, Махошевской, потом идет севернее Майкопа, недалеко от станицы Пшехской, Черниговской и т.д. Вблизи Екатеринодара олени втречаются только в так называемом Красном лесу, находящемся вдали от гор, среди степи, на правом берегу Кубани. Но этот своего рода оазис в отношении распространения оленей, где охотятся на них очень редко и лишь с разрешения высшего местного начальства, показывает, как широко они были распространены на Кавказе в прежние времена.

Наибольшее количество оленей в Кубанской области водится в Майкопском отделе, именно в верховьях рек Белой и Большой и Малой Лабы, где охота на них также воспрещена. В этих местах мне самому неоднократно приходилось видеть более 2—3 десятков оленей и ланей[4] в течение одного дня. Группы ланей в 8—10 штук я видел много раз; встречал также табунки их штук в 15, а однажды зимою видел стаю самцов оленей в 13 экземпляров. Егеря же Кубанской охоты Великого Князя Сергия Михайловича неоднократно видали стада оленей штук в 40—50. Настолько много здесь оленей, видно из того, что в 1900 году во время охоты Великого Князя семью охотниками, не прибегавшими к облаве, убито за 2 $^1/_2$ недели 40 штук оленей. Довольно часто попадаются они в верховьях Пшехи, Курджипса и Пшиша (около станиц Самурской, Апшеронской, Нефтяной и Кубанской) и в

казенных лесах около Майкопа. Осенью рев их бывает очень часто слышен около Елисаветпольского поселка, расположенного у шоссе, которое ведет от Майкопа до Туапсе, а в особенности в верховьях Пшиша. В горах Баталпашинского отдела, Кубанской области, оленей гораздо меньше, чем в Майкопском. Замечательно, что в Черноморской губернии, лежащей рядом с Кубанской областью, отделяющейся от нее на большей части пограничной линии даже не особенно высокими горами (от 3 до 7 тысяч футов) и покрытой сплошными лесами, оленей почти нет[5].

В Терской области олени встречаются на большом пространстве. В предгорьях и нижнем поясе гор Нальчикского, Владикавказского и Грозненского округов они попадаются почти везде, где есть более или менее значительные леса; в самых же горах, по склонам главного хребта и его ближайших отрогов, их уже почти нет ни в Нальчикском, ни во Владикавказском округах. Причина этого заключается в крутизне гор, тесноте ущелий, а главное в густоте населения и в истреблении лесов. Встречаются олени в Терской области и вдали от гор, например, в низовьях Терека (около Кизляра), а также по нижнему течению Сулака (на границе Терской и Дагестанской областей); но, в общем, в Терской области их гораздо меньше, чем в Кубанской. В Ставропольской губернии оленей нет вовсе, но раньше (лет 60—70) они водились в лесах около Ставрополя, доказательством чему служат рога, попадавшиеся здесь еще недавно в балках и оврагах внутри лесов. В Дагестанской области олени встречаются не во всех округах, а по преимуществу в более лесистых, самых западных (например, в Андийском и Гунибском) и у побережья Каспийского моря, где также леса не составляют редкости. Всего чаще встречаются олени в Кайтаго-Табасаранском округе в очень лесистой местности недалеко от Маджалиса. В Самурском округе, очень гористом и почти безлесном, а вероятно и в Аварском, их нет вовсе. В Кутаисской губернии олени встречаются во многих местах; но они не живут в больших лесах верховьев Риона и в большей части Сванетии[6] (верховья Ингура и Цхенист-цхале). Нет их, по словам господина Радде, в дельте Риона, но много в нижней трети долины Ингура. Вблизи Батума они редки, но гораздо чаще встречаются около Борчхи (в 35 верстах от Батума по дороге к Артвину). В Тифлисской губернии они встречаются, хотя и в ограниченном количестве, во всех больших лесах, например, недалеко от Тифлиса, по Военно-Грузинской дороге, в нижнем участке ее (около станции Анаура более или менее часто и около Пассанаура редко), в долине Алазани, Иоры, Куры и т.д. В огромном количестве они водятся только вблизи Боржома, в Боржомском великокняжеском имении. В одно утро мне приходилось видеть их здесь маленькими группами, по 2, по 4 экземпляра, до 40 штук. В Бакинской губернии олени встречаются в очень немногих местах. В Ленкоранском уезде на склонах Талышского хребта, проходящего по границе России с Персией, оленей очень мало. Некоторые из местных охотников уверяли меня, что их здесь нет вовсе, хотя этому трудно верить, так как ленкоранские леса очень благоприятны для жизни оленей, да и они водятся, как известно, недалеко отсюда в пределах Персии. О нахождении оленей в этих местах говорит Г. Радде и К. Сатунин. Последний описывает и их рога. По его словам, олени довольно многочисленны в Карабахе, находящемся верстах в 80-ти к северо-западу от Талышских гор[7]. В гористой и более или менее богатой лесами Елисаветпольской губернии олени втстречаются часто. В Делижане и мне пришлось видеть маленького оленя, пойманного в соседних лесах, он, повидимому, ничем не отличался от оленят, виденных мною много раз в Кубанской области. От местных жителей я слышал, что олени водятся в здешних лесах и осенью иногда попадаются в руки охотников. То же мне говорили в Семеновке (на перевале к озеру Гокча) и по дороге от Делижан к Караклису (у границы Тифлисской, Эриванской и Елисаветпольской губерний). Встречаются также олени в северной части Эриванской губернии, именно в горах Новобаязетского уезда, например, вблизи Даричага. Вероятно, они водятся в некоторых местах южной части этой губернии, например, в Нахичеванском уезде. В безлесной Карской области оленей почти нет. Сколько мне известно, они встречаются только в самой южной части ее, вблизи турецкой границы, но и здесь, как рассказывали мне саракамышские охотники, их в последнее время стало очень мало.

Область вертикального распространения оленей на Кавказе очень велика. В тех местах, где сплошные леса доходят до самого берега моря, там спускаются очень низко и олени, например, в Дагестане. В Кубанской области они держатся часто на высоте всего лишь 500—600 футов над уровнем моря. Но гораздо больше можно встретить их на высотах 3—5 тысяч футов и даже выше. Чтобы избавиться от комаров, слепней и других насекомых, в летнее время олени часто поднимаются очень высоко и держатся нередко среди скал, осыпей и недалеко от вечных снего. В конце июня 1899 года в верховьях Умпыря, впадающего в Малую Лабу, я видел за полдня штук 30 ланей и нескольких оленей на совершенно открытых и безлесных местах на высоте от 8 до 9 тысяч футов. Штуки три их мы застали лежащими на осыпях вблизи крутых скал, где всегда держатся туры и серны, и на высоте даже большей 9000 футов. Зимою в Кубанской области я также встречал оленей на высоте около 5000 футов.

Кавказский олень достигает значительно более крупного роста, чем европейский благородный олень. Величина измеренного мною более или менее молодого самца, имевшего на одном роге только 4 отростка, а на другом 5 и убитого в горах Майкопского отдела Кубанской области, была следующая: длина всего тела 7 футов 11 дюймов; высота у загривка 5 футов 1 дюйм; у крестца

ровно 5 футов; длина головы, считая вдоль передней поверхности ее по прямой линии — 20 дюймов; расстояние от переднего угла до конца морда — 12 дюймов; длина уха — 9 дюймов. Олень этот принадлежал к не крупным и, вероятно, не достигшим полного роста. Весил он пудов 13. Другой олень, убитый там же 20 июля и не особенно жирный, весил без головы и внутренностей 13 пудов, а с ними, вероятно, около 15 или 15 $^1/_2$ пудов. На ребрах у него лежал слой сала толщиною в дюйм, а на ляжках дюйма в 1 $^1/_2$. Он был на дюйм или 1 $^1/_2$ дюйма выше предыдущего и на $^1/_3$ фута длиннее, но имел рога лишь средних размеров и еще не сформировавшиеся вполне (на одном роге у него было 5 отростков, на другом 6). Но, судя по виденным мною шкурам, отдельным частям тел убитых экземпляров и рассказам многих охотников, кавказский олень достигает часто еще большего роста. У двух оленей с очень хорошо развитыми рогами длина головы равнялась 21 и 21 $^1/_2$ дюймам. Оба эти оленя, наверно, были на целые $^1/_2$ фута длиннее измеренных мною и дюйма на 2 выше их. В верховьях реки Белой, также в Майкопском отделе Кубанской области, лет 10 тому назад было убито 2 оленя, из которых один весил без внутренностей и шкуры 16 пудов, а другой 18. Охотники уверяли меня, что им в самом начале осени, когда олени бывают особенно жирны, приходилось убивать таких крупных самцов, которые вытягивали без внутренностей до 20, даже 22 пудов. Ручаться за верность этого я, однако, не могу[8]. Обыкновенный же вес туши более или менее крупного оленя без кожи и внутренностей надо считать равным 14—15 пудам. Высота оленей Кубанской области, наверно, достигает иногда у загривка 5 $^1/_2$ футов, а в редких случаях, может быть, и больше. Таким образом эти олени по своему росту не уступают иногда американским вапити (5 футов 4 дюйма) и алтайскому маралу (5 футов 2 дюйма)[9].

Самые крупные олени встречаются на Кавказе в Кубанской области, именно в Майкопском отделе ее. Здесь в горных долинах и ущельях растут дремучие леса, в которых находится много полян, покрытых сочной, зеленой в течение значительной части года травой; богатейшая растительность покрывает и альпийские луга этой местности. Кроме того, здесь находятся обширные пространства, вовсе лишенные населения и почти никогда не посещаемые людьми; наконец, и охотятся в этих местах редко. По этим причинам олени, которых никто не тревожит, могут пастись целые сутки, пользоваться самым лучшим кормом и вести самую привольную жизнь. Все это, конечно, должно влиять в благоприятном смысле и на их рост. По словам охотников, некоторые из оленей бывают здесь ростом с крупную лошадь и весят почти столько, сколько порядочный бык. Рога у них, как увидим ниже, тоже развиваются гораздо сильнее, чем у оленей прочих местностей Кавказа. Лейдеккер также говорит, что Cervus elaphus maral отличается более крупным ростом в сравнении с типичным Cervus elaphus, но приводимая им высота первого (4 фута 6 дюймов) слишком мала и может быть смело увеличена на целые $^1/_2$ фута. Эту неточность надо приписать, вероятно, тому, что в его руках были по преимуществу более мелкие олени южных частей Закавказья и соседних с ней провинций Турции и Персии и что сравнительно мало пришлось ему познакомиться с оленями Северо-Западного Кавказа. Дж. Ст. Литльдель говорит, что кавказский олень по росту и по величине рогов стоит очень близко к крупным американским вапити. Его описание цитирует и Лейдеккер[10].

Насколько влияет на рост оленей и на развитие их рогов качество и больший или меньший недостаток в пище, можно видеть из следующего. В Боржомском парке, который имеет в окружности около 25 верст и обнесен проволочным забором, живет более 400 оленей, кроме того штук 70 туров и значительное количество южно-европейских ланей, или даниэлек (Dama platyceros Fitz.), которые вывезены сюда из Австрии и хорошо акклиматизировались здесь. Оленей в парке совсем не беспокоят, но они из года в год все более и более уничтожают годную для них траву и потому терпят недостаток в свежем корме. Зимою их подкармливают привозимым в парк сеном. Все эти олени отличаются малым ростом сравнительно с теми, которые живут в соседних лесах, не говоря уже про оленей Кубанской области, и имеют всегда гораздо более короткие и тонкие рога.

Самка кавказского оленя так же, как и всех его родичей, ростом сильно уступает самцу. Без внутренностей они весят обыкновенно 7—8 пудов. Один экземпляр, исследованный мною, имел следующие размеры: длина всего тела 6 футов 6 дюймов; высота у загривка 3 фута 8 дюймов; у крестца 3 фута 7 дюймов; длина туловища 3 фута 8 дюймов; длина шеи 17 дюймов; длина головы 17 $^1/_2$ дюймов; длина уха 8 дюймов. Эти размеры можно считать[11] средними для ланей Кубанской области, но иногда попадаются экземпляры и значительно больших размеров. Это можно заметить, смотря даже издали на табунок ланей: среди десятка их иногда одна или две оказываются сильно отличающимися своим большим ростом от всех прочих.

Так как цвет шерсти в семействе оленей имеет в некоторых случаях важное значение для распознавания видов, то я описываю его более или менее подробно.

Общий колорит кавказского оленя очень сильно меняется по временам года. Уже этим одним признаком кавказский олень сильно отличается от азиатского марала, имеющего в течение круглого года мало изменяющийся изжелта-серо-бурый цвет. Кавказские охотники определяют цвет оленя в зависимости от времен года следующим образом: летом олень бывает красным, осенью — половым (правильнее рыжевато-серым), а зимою — серо-бурым. Летняя шерсть, покрывающая верхнюю часть туловища и бока животного, особенно сильно отличается от зимней и имеет всегда рыжий

цвет, но не с таким ярким, красноватым оттенком, как, например, у серны в летнее время. Кроме того, этот цвет далеко не одинаков у различных особей, если бы даже они принадлежали одной и той же местности и были убыты в одно и то же время года. Так, один из двух оленей, убитых в начале августа недалеко от Самурской станицы (Майкопского отдела, Кубанской области), имел цвет желто-рыжий; на другом же шерсть была гораздо темнее (значительно темнее, чем летняя шерсть серны или дикой козы) и вовсе не имела желтоватого оттенка. Цвет ее скорее можно было бы назвать красновато-бурым или темно-гнедым, с каким-то особенным, очень заметным, красноватым или как будто бы переходящим в красный отливом. На спине и на боковых частях туловища оленей и ланей часто бывают заметны пятна, отличающиеся от общего фона гораздо более светлым, желто-рыжим цветом. Они дольше всего сохраняются на крестце и задней части спины и остаются часто очень долго. Их можно видеть очень часто у старых ланей, которые имеют уже телят, и у взрослых самцов. Так, например, пятна на спине, расположенные в 4 продольные ряда, были ясно видны у убитого мною оленя, имеющего уже 9 отростков на рогах (на одном роге 4, а на другом 5). Нижняя часть туловища, именно живот и грудь, бывает покрыта грязной рыжевато-белой шерстью. Впрочем, у некоторых экземпляров рыжеватый оттенок на этих местах бывает едва заметен. На крестце до самого корня хвоста шерсть имеет всегда чисто-рыжий и более яркий цвет, чем на прочих частях туловища. Это место с боков бывает всегда ограничено широкой (часто шириною в ладонь) черно-бурой полосой, которая в виде дуги или подковы, обращенной вогнутой стороной вниз, окаймляет ляжку и касается светлого пятна, находящегося на задней стороне бедер (зеркало). У некоторых оленей и ланей эта темная полоса лишь слегка заметна, у других же выражена настолько сильно, что бывает отличима даже на значительном расстоянии. Вблизи хребта Абаго (в Майкопском отделе, Кубанской области) в одном табунке ланей, который очень часто выходил пастись на безлесный гребень хребта, я даже на расстоянии полуверсты всегда мог узнавать одну лань, отличавшуюся очень темной окраской бедер. Вдоль позвоночного столба тянется по шее и туловищу оленя и лани темно-бурая или даже чисто черная полоса, шириною приблизительно в дюйм. Резче всего она бывает выражена на шее, а по мере приближения к поясничной части туловища постепенно стушевывается. Она доходит до крестца или только до средины спины, а иногда бывает почти не заметна. Короткий и голый снизу хвост покрыт с верхней стороны чисто рыжими волосами дюйма в два длиною. В пахах, а также на боках груди, позади локтевого сустава и плеча шерсть грязно-белого цвета, на задней же стороне ляжек чисто белого или почти белого. Это белое пятно часто бывает окружено рыжей каймой, отличающейся от общей окраски задней стороны туловища. На верхней стороне шеи цвет почти такой же, как на спине, или немного серее; на ее боках рыжевато-серый, иногда даже пепельно-серый, а на нижней стороне светло-серо-бурый. Горло светло-рыжевато-серое, а иногда почти белое, причем белое пространство бывает окружено кольцеобразно рыжеватой полосой, за которой следует иногда еще другая, более широкая и неясно выраженная темно-бурая кайма. На голове шерсть буровато-серая или рыжевато-серая, иногда даже, в особенности на верхней стороне головы, темнобурая; во всяком случае она гораздо серее, чем на спине и боках туловища. На боках головы она заметно светлее и имеет буровато-серый, рыжевато-серый или светло-бурый цвет. На подбородке и на нижней стороне морды шерсть грязно-белая с рыжеватым оттенком, а на темени и затылке темно-рыжая. Уши снаружи в летнее время покрыты очень редкими и короткими черно-бурыми волосами, а иногда бывают почти голыми; внутри же они одеты всегда белой, довольно длинной шерстью. При основании уха и по краям ушной раковины она образует как бы бахрому из слегка завивающихся волос длиною в 1—2 дюйма. Ресницы и длинные редкие волоски, растущие вокруг глаз, черного цвета. Голые части носа и губ почти черные, а радужная оболочка желтовато-бурого цвета. Слезные ямки, длиною около 1 $^1/_4$ дюйма, внутри не покрыты шерстью и содержат вязкое вещество желтовато-коричневого цвета. Ноги в области пястных, плюсневых костей и ниже их до самых копыт с передней стороны покрыты бурой или даже темно-бурой шерстью, а с боков более светлой, рыжевато-серой; на задней же поверхности ног она имеет рыжевато-белый или грязно-белый цвет. Копыта черно-рогового цвета, часто с прослойками светлорогового вещества.

С августа или начала сентября олень начинает постепенно утрачивать свой ярко-рыжий цвет, который заменяется сначала рыжевато-серым, а позднее серо-бурым. В эту же пору вся шерсть его становится значительно длиннее и особенно на шее, где во второй половине сентября она достигает 3 или 4 дюймов в длину и образует как бы гриву. На верхней стороне шеи она бывает даже длиннее 4 дюймов. В сентябре, во время рева шерсть на спине и боках оленя имеет рыжевато-серый, рыжевато-бурый или даже серо-бурый цвет и уже сильно отличается от ярко-рыжей летней шерсти. Некоторые олени, впрочем, сохраняют довольно долго темно-рыжую окраску, оставаясь такими и в октябре. Несколько раньше, то есть в начале осени, пятно на задней стороне бедер (зеркало), которое летом было покрыто редкой, чисто-белой шерстью, делается светло-рыжим с черно-бурой, иногда малозаметной каймой вокруг, а треугольное пространство около хвоста также приобретает рыжий, а иногда желто-бурый цвет. На наружной стороне бедер в это же время выступает темно-бурая полоса, которая в меньшей степени бывает часто заметна и в летнее время. Иногда она имеет почти черный цвет. Такого же цвета пятно появляется у многих оленей осенью и на лопатках. В па-

хах и на животе шерсть остается грязно-белой, а около половых органов самцов-оленей делается рыжей. На голове шерсть делается также бурее. На верхней стороне ее она приобретает осенью серо-бурый или темно-бурый цвет; еще темнее она становится на лбу, между рогами и на затылке. На боках головы цвет ее светло-серо-бурый, а вокруг глаз, слезных ямок, у рта и на горле грязно-белый. На подбородке шерсть бурого цвета. Шея сверху ржаво-серого, а иногда темно-рыжего цвета, снизу же серо-бурого.

О том, что у очень жирных и сильных оленей цвет шерсти во все времена года, а особенно летом, бывает всегда гуще и ярче, едва ли надо говорить. Это свойственно большинству зверей. Жирные особи раньше начинают и линять.

По мере приближения зимнего времени олень все более и более утрачивает рыжеватый цвет и становится более темным, серо-бурым. Эта окраска шерсти, впрочем, не особенно сильно отличается от той, которая бывает на нем во время рева. Рыжее пятно на задней стороне бедер зимою становится белым, такой же цвет имеет шерсть и около хвоста, а снизу все это белое пространство окаймляется рыжеватой полосой, более резкой и темной у старых оленей, менее темной у молодых и особенно мало заметной у ланей. Грудь с наружной стороны становится серой или даже черноватой. На лопатках и бедрах темный цвет выступает еще сильнее, чем осенью, особенно у самцов, которые вообще имеют более темную окраску, чем лани. На ногах шерсть в зимнее время также несколько темнее, чем в летнее. Самцы зимою имеют вообще более темную окраску, чем самки. С половины зимы шерсть на оленях начинает понемногу светлеть, и это продолжается до самого выпадения ее, когда она имеет некрасивый, чало-бурый цвет.

Оленей темно-аспидного цвета (dark slaty gray), как описывает их Лейдеккер, с почти черным животом, мне никогда не приходилось видеть. Судя по чучелам, хранящимся в тифлисском музее, можно думать, что олени Елисаветпольской и Тифлисской губернии отличаются более однообразным рыжим цветом шерсти в осеннее время. На всем теле они имеют шерсть однообразного ржаво-бурого цвета; такого же цвета шерсть покрывает и нижнюю часть передних и задних ног, где у оленей Северного Кавказа она всегда бывает бурой.

Из всего сказанного о цвете шерсти кавказских оленей видно, что они в этом отношении также отличаются от типичного Cervus elaphus. Различие это заключается в следующем: кавказский олень в летнее время имеет более светлую рыжую, желто-рыжую или красно-рыжую шерсть на большей части туловища, а не красно-бурую или красновато-коричневую, или как это бывает у Cervus elaphus; кроме того, кавказский олень сильнее изменяет цвет шерсти по временам года, и, наконец, он гораздо дольше сохраняет на летней шерсти желтые пятна, свойственные почти всем оленям в первый год их жизни. О последней особенности упоминает и Лейдеккер. В начале главы об оленях каспийской расы он говорит, что олени в незрелом возрасте часто, если не всегда, бывают покрыты желтоватыми пятнами, а несколько ниже описывает оленей, привезенных с Кавказа или Закавказья для парка в Woburn Abbey и отличающихся такой сильной пятнистостью, которые напоминают настоящих пятнистых оленей. Такие пятна были не только у ланей, но и у самцов-оленей. Зимою все олени и лани сделались темно-серыми с почти черными лопатками и бедрами, что показывает, что они были вполне взрослыми.

Рога кавказского оленя более или менее сильно подходят к рогам типичного Cervus elaphus, но отличаются от них значительно большей величиной, более слабым развитием кроны и вообще относительно меньшим числом отростком. По величине или, по крайней мере, по длине они заметно уступают рогам азиатского марала (Cervus Canadensis asiaticus), но превосходят их числом отростков, занимая таким образом среднее место между рогами названных двух видов оленей. Длина их при измерении главного ствола по поверхности, обращенной наружу, колеблется обыкновенно между 3 $^1/_4$ и 3 $^3/_4$ футов, а иногда достигает даже 4 футов; у маралов же она, по измерениям Н.А. Северцова, может доходить до 4 $^3/_4$ футов, то есть быть почти на целый фут длиннее, чем у кавказского оленя[12]. Толщиною рогов кавказский олень также превосходит европейского. Окружность рогов у их основания непосредственно над розеткой равняется часто 8 дюймам, иногда 9, 10 и даже почти 11[13], на средине же длины ствол рогов имеет обыкновенно в окружности от 7 до 9 дюймов. Самые тяжелые известные мне рога кавказского оленя весили 35 фунтов, имели 18 отростков и были добыты в Майкопском отделе Кубанской области[14]; но такие рога должны считаться большой редкостью. Несколько раз попадались здесь рога в 25—28 фунтов, обыкновенно же вес вполне развитых рогов равняется 18—20 фунтам. Главный ствол рогов кавказского оленя образует такие же колена, как и у Cervus elaphus; колена, на которые впервые обратил внимание и подробно описал Блазиус[15]. Главный ствол направляется сначала косвенно вверх и наружу, образуя у каждого отростка изгиб или колено и делая при этом все меньший и меньший угол с вертикальной плоскостью продольного сечения головы. Это продолжается до четвертого отростка, где ствол рога отклоняется уже назад и более или менее внутрь. Здесь у старых оленей отростки располагаются гуще и вместе с концом главного ствола образуют крону.

Первый или лобный отросток на более или менее развитых рогах, имеющих не менее 4 или 5 отростков, отделяется от главной ветви почти у самой розетки. Этот отросток бывает иногда очень

длинным, достигая 18 и 20 дюймов, и направляется или прямо вперед, или (как у азиатского марала) вперед и несколько наружу. В первом случае глазные отростки правого и левого рогов идут параллельно друг другу. Концы их всегда дугою загибаются вверх. В непосредственном соседстве с этим отростком сидит второй, направляющийся вперед и наружу, а затем также вверх. По словам Лейдеккера, рога каспийской расы благородного оленя отличаются, между прочим, тем, что второй отросток их часто бывает короче первого, а иногда даже отсутствует. Хотя Лейдеккер и сам говорит, что недоразвитие этого отростка никоим образом не может считаться постоянным, отличительным признаком этой расы оленей, и приводит в пример несколько пар рогов, не обладавших этим признаком[16], но я с своей стороны не могу не заметить, что очень слабое развитие второго отростка на рогах кавказского оленя представляет скорее исключение, чем правило, и должно считаться вообще более или менее редким явлением. Насколько мое мнение справедливо, видно из следующего: из 4 пар рогов, которые находятся перед моими глазами, ни одна пара этим признаком не обладает, и только на двух из десяти хорошо развитых непарных рогов, найденных в лесах Майкопского отдела и снятых мною при помощи фотографии, такая особенность имеется и притом лишь в слабой степени. Отсутствие второго отростка довольно часто наблюдается только на рогах самых старых оленей, организм которых уже сильно ослаблен. Рога у них развиваются плохо и совершенно неправильно; но такие рога нельзя уже принимать в расчет. У большей части рогов этот отросток не короче первого, а иногда имеет в длину более 18 дюймов. Средний отросток бывает обыкновенно хорошо развит и в большинстве случаев по величине равняется приблизительно первому и второму. Иногда он на конце разделяется на две ветви, даже на 3. Эту особенность наблюдал и К.А. Сатунин на рогах, добытых в Ленкоранском уезде[17]. Четвертый отросток бывает иногда отделен значительным промежутком от следующих за ним четырех или пяти отростков, составляющих крону, чаще же вместе с ними входит в состав ее. То и другое случается и у европейского благородного оленя. Иногда четвертый отросток развивается сильнее всех прочих, подобно тому, как это наблюдается обыкновенно у вапити, а иногда делится не только на две, но даже на три ветви. Что касается кроны или чаши, то она может состоять из различного числа отростков; 5–6 отростков можно видеть нередко. Тогда, следовательно, рог будет иметь один глазной или лобный отросток, два боковых и 5 или 6 отростков кроны. Таким образом, на нем будет 8 или 9 отростков, а на обоих рогах 16–18. Встречаются рога с 10, даже 11 отростками, и только один раз я видел не совсем правильно развившийся рог с 14 отростками; но рогов с большим числом их не встречал на Кавказе никогда, хотя и видел их такое количество, какое не каждому придется увидеть[18]. В сочинении А.Б. Мейера о рогах Морицбургского королевского замка[19] находятся изображения с 20 отростками на одном роге или с 50 и с лишком 60 отростками на обоих рогах вместе. Правда, Мейер считает за отростки даже сравнительно небольшие выступы кроны или раздвоение отростков, но, во всяком случае, рогов с такими сложными разветвлениями на Кавказе мы не встречаем, и этот признак нельзя не считать за одну из особенностей кавказских оленей, отличающую их от западно-европейских. Рога, у которых на месте кроны находится лопатообразное расширение, усеянное на краях многими зубцами или отростками, встречаются и на Кавказе. Они напоминают рога Морицбургского замка, изображенные в атласе Мейера на таблице 26 и 28 (у одной пары на правом роге 25 концов, а на левом 17; у другой на правом 33, на левом 29), но все же отличаются гораздо большей простотой и имеют обыкновенно только от 9 до 12 отростков. Вообще можно сказать, что рога, имеющие более 9 отростков, на Кавказе редки. Особенно это верно по отношению к оленям Закавказского края. Из записной книги боржомских охот, хранящейся в дворце В.К. Михаила Николаевича, я узнал следующее: из 19 оленей, убитых в окрестностях Боржома в 1897 году, только два имели по 8 отростков на каждом роге и 5 – по 6; прочие же олени – по 5 и менее; далее, из 24 оленей, убитых в 1898 году, один имел 8 отростков, четыре – по 7 и семь – по 6 отростков; наконец, из 26 оленей, убитых в 1899 году, четыре имели по 7 отростков и три – по 6 на каждом роге. Таким образом, из 69 оленей, убитых здесь за 3 года, не было ни одного, имевшего более 16 отростков на обоих рогах. Осматривая дигорские пещеры, в которые в течение целых столетий приносились рога и черепа различных зверей в жертву богам, я не нашел в них ни одной пары с особенно большим числом отростков. На основании того, что в этих пещерах находится очень много рогов, развившихся неправильно или уродливо, можно думать, что рога, оригинальные в каком бы то ни было отношении, считалось особенно ценным жертвоприношением; поэтому если бы в горах нынешнего Владикавказского округа в прежние времена, когда зверей было больше и им жилось привольнее, встречались олени с очень большим числом отростком на рогах, то рога их непременно попали бы и в священные пещеры дигорцев и осетин. Этого же, как было мною сказано, в действительности не оказывается.

Чем сильнее и крупнее олень, тем лучше рога носит он на своей голове; наоборот, у оленей слабых и больных или питающихся плохо рога бывают тонки и вообще не велики. Этим причинам надо, вероятно, приписать существование рогов с 10–12 концами (на обоих рогах вместе), но очень тонких и коротких. У очень старых оленей рога растут плохо и неправильно. Часто они бывают короткими, но сравнительно очень толстыми. Нередко такие рога состоят из одной только кривой палки длиною от 1 $^1/_2$ до 2 $^1/_2$ футов. Иногда при основании рога развиваются один или два от-

ростка (глазной и нижний боковой) или же эти отростки, а также средний, отсутствуют вовсе, а несколько штук их (4–5) располагаются на конце рога, образуя его крону. Изредка случается, что вместо первых двух отростков, сидящих на определенном месте, вырастает несколько мелких, разбросанных без определенного порядка. Вообще у очень старых оленей развивается по преимуществу главный ствол, отростки же, наоборот, бывают малы. Однажды мне пришлось видеть в Баталпашинском отделе Кубанской области пару рогов, принадлежавших очень старому оленю и имевших форму толстых пеньков или шишек длиною всего лишь дюймов в 8. Они были покрыты множеством низких, тупых бугров и совершенно лишены отростков. Иногда встречаются рога, верхняя половина которых сильно расширена и напоминает лопатообразное расширение Dama platiceros. Я видел такую лопату шириною в 5 $^1/_2$ дюймов. Может быть, они и подали повод утверждать, будто бы на Кавказе водятся лоси. Но за общее правило можно принять, что чем старее и крупнее олень, тем шире у него розетки и та поверхность, где рог отпадает. По этому признаку можно почти безошибочно судить о возрасте и величине оленя. Замечается, кроме того, на рогах кавказских оленей, как и всяких других, множество чисто случайных, индивидуальных отличий, которые иногда бросаются в глаза гораздо сильнее, чем расовые отличия, но их описывать нет надобности. Несколько пар интересных рогов имеется в тифлисском музее. Изображения их помещены в сочинении директора музея, Г.И. Радде, «Коллекции Кавказского музея» (Тифлис, 1899 год); на таблице 10 и 11 изображены рога с 18 и даже 21 отростками (на обоих рогах вместе), а на таблице 16 одна пара рогов с очень сложным разветвлением, другая же с странно-изогнутым правым и левым стволом и большими колбообразными утолщениями на концах отростков.

Осматривая довольно большую коллекцию рогов Боржомского дворца, я убедился, что никакими существенными особенностями эти рога не отличаются от рогов оленей Кубанской области. В Боржомских лесах попадаются также олени с хорошо развитой кроной, состоящей из отростков, идущих во все стороны. Попадаются также рога с малым сравнительно числом отростков, напоминающие рога алтайского марала, но их здесь не больше, чем в Кубанской области. Во Владикавказе я также видел в одном из магазинов коллекцию рогов пар в 50. При взгляде на них мне, прежде всего, бросилось в глаза преобладание рогов тонких, слабо развитых и с небольших числом отростков. Разница между ними и рогами из Кубанской области огромная. Было, однако, здесь пар 5–6 рогов подобных рогам Кубанской области и пары 3–4 небольших, но с хорошо развитой кроной из отростков, также направленных во все стороны. Хозяин магазина говорил мне, что все эти рога доставлены ему охотниками Терской области и особенно Кизлярского отдела. Никакими существенными признаками эти рога так же, как и боржомские, не отличаются от рогов, виденных мною на Северо-Западном Кавказе, и, без сомнения, принадлежат оленям одной и той же расы. Все это вместе с некоторыми другими данными показывает, что на Кавказе, за исключением, быть может, самых южных частей его, очень мало известных, водится один вид или даже одна раса оленей[20].

Хотя Лейдеккер и говорит, что рога взрослых оленей каспийской расы имеют в большинстве случаев по 6 отростков, и только в исключительных случаях до 8 и редко или почти никогда не приобретают той сложности разветвлений, какой отличаются хорошо развитые рога типичного Cervus elaphus или рога вымерших оленей Ирландии и Англии, но в то же время сам указывает на 7 оленьих черепов, привезенных с Северо-Западного Кавказа Дж. Стюартом Литльделем и имеющих на одном или на обоих рогах чашеобразные кроны и до 8 отростков[21]. Лейдеккер даже цитирует то место сочинения Литльделя, где он говорит, что на рогах кавказских оленей часто бывает такая же крона или чаша, как и на рогах настоящего благородного оленя; он приводит также свидетельство Уарда о рогах с 11 отростками (на одном роге). Все это наблюдал и я сам, но, конечно, должен признать, что по сложности разветвлений рога кавказских оленей уступает рогам европейского благородного оленя, хотя и не в такой степени, как думает от этом Лейдеккер. Нельзя не заметить, что здесь часто встречаются рога больших размеров и вполне развитые, но всего лишь с 6 или 7 отростками на каждом роге. Других же существенных отличий, кроме, впрочем, относительно большей величины, рога кавказского и европейского оленей не имеют и в то же время очень существенно отличаются от рогов азиатского марала.

Сбрасывают олени рога в конце зимы и в начале весны или, как говорят охотники, в великий пост. Это время обнимает, следовательно, довольно большой период, так же как для оленей Западной Европы, и наступает раньше для старых самцов и позднее для молодых. Так как в последние годы цена на оленьи рога страшно возросла, то в тех местностях Кавказа, где оленей очень много, возник своего рода промысел – собирание рогов. Благодаря этому, можно было добыть кое-какие сведения, касающиеся сбрасывания рогов. Больше всего собирается их за Псебаем, в районе Кубанской Великокняжеской охоты. Здесь в 1899 году было собрано и доставлено в контору Кубанской охоты более 100 пудов, да, может быть, столько же их попало в руки скупщиков, которые разъезжают по всем глухим местностям Кавказа и скупают шкуры и рога различных зверей. Сбрасывают олени рога не во всех местах, а по преимуществу в определенных участках леса, больше всего в ельниках, где олени держатся зимою. Собиратели рогов заметили, что там, где попалось 2–3 рога на более или менее ограниченном пространстве, всегда можно найти их довольно много. В таких

местах в день один человек находит иногда штук десять рогов, несмотря на лесную чащу и бурьян, скрывающий их от глаз. В других частях леса, наоборот, рога почти никогда не попадаются. Оба рога отпадают у оленя, конечно, не сразу, а через некоторый промежуток времени. Замечено также, что для мелких рогов он больше, а для больших меньше; поэтому собиратели рогов утверждают, что недалеко от того места, где найден один очень тяжелый рог, в большинстве случаев можно найти и другой, парный ему; о мелких же рогах этого сказать нельзя. То и другое происходит, вероятно, по следующей причине: олень, сбросивший один, очень тяжелый рог, чувствует себя неловко, так как оставшийся рог сильно перетягивает голову на одну сторону, и старается как можно скорее сбить его; наоборот, если рога были легки, то потеря одного их них не в такой степени чувствуется оленем, и он употребляет меньше усилий, чтобы избавиться от оставшегося рога.

Молодой олень в течение большей части первого года своей жизни остается без рогов. Только к концу этого года у молодых самцов появляются на лбу шишки или пеньки, которые в мае достигают 2 или 3 вершков в длину. В средине июня длина их доходит до четверти аршина, а в конце того же месяца или начале июля она равняется уже длине уха, то есть 9—10 дюймам. В это время рога бывают еще мягкими. В сентябре они вырастают уже до полу-аршина, но не образуют разветвлений. Рога старых оленей растут гораздо быстрее. Недели через две или три после отпадения старых рогов новые достигают уже полу-аршина в длину, а в средине мая длина их равняется почти аршину. У одного оленя, убитого 14 мая охотником Самурской станицы, рога были более трех четвертей аршина в длину, имели значительную толщину и по 4 отростка. Концы их оставались еще совершенно мягкими, студенистыми, а вблизи основания главный ствол имел уже хрящеватую консистенцию, но его можно было более или менее легко резать ножом. В конце мая нижняя часть ствола начинает уже окостеневать, но даже в первой половине июля концы рогов остаются обыкновенно мягкими. До половины июня рога почти всех оленей бывают покрыты кожей, а во второй половине июля олени начинают обдирать ее. Один олень среднего возраста, убитый также около Самурской станицы в первых числах августа, имел еще на рогах порядочные лоскуты кожи, но большая часть ее была уже ободрана; у другого же, убитого 18-го августа, рога имели темный цвет и такой вид, как будто бы кожа с них была ободрана уже очень давно. Первое время после удаления кожи рога бывают белыми и некрасивыми, а на многих местах их поверхности замечается запекшаяся кровь. Позднее они делаются все более и более темными. Концы отростков сначала тоже бывают не гладкими и имеют грязно-белый цвет, а потом вследствие постоянного стирания об стволы и ветви деревьев полируются и становятся гладкими, белыми и блестящими, как слоновая кость. Замечательно, что даже в тех местах, где оленей очень много, почти никогда не находят лоскутов кожи с их рогов на тех деревьях, о которые они чешутся рогами, чтобы ободрать их. Егеря Кубанской охоты говорили мне, что олень съедает эту кожу, как только оторвет ее, и что найти ее можно лишь в том случае, если испугать оленя в то время, когда он бывает занят обдиранием рогов.

В то время, когда у оленей начинают расти новые рога, они избегают людных мест и густых лесов, а где позволят обстоятельства, уходят в горы и держатся в редких ельниках или сосняках. Они выбирают, следовательно, такие места, где их не так часто могут беспокоить и где не так легко можно повредить рога, очень нежные в это время. Еще позднее, когда появятся слепни, оводы и комары, олени начинают отдавать предпочтение высоким, покрытым редким лесом гребням, где почти всегда дует сильный ветер, разгоняющий насекомых, беспокоящих самого оленя и его чувствительные, покрытые нежной кожей рога. В густых бурьянах, в высоких папоротниках олень в это время, как и во всякое другое, ложится редко; он, может быть, сознает, что длинные, торчащие над бурьяном рога могут выдать его. Он почти всегда предпочитает леса более или менее чистые, редкие, где издали можно услышать и увидеть своего врага. Замечу, кстати, что ланки в этом отношении ведут себя иначе. Мне много раз приходилось вспугивать их из густого бурьяна, охотясь на горных лугах за медведями и сернами, или наезжать на них, сидя на лошади. Лежа в бурьяне, они подпускают человека на несколько шагов.

Еще очень недавно некоторые предполагали, что на Кавказе встречается и азиатский марал (Cervus maral, Sev.). К.А. Сатунина натолкнули на эту мысль хранящиеся в Тифлисском музее чучела оленей, которые были убиты в Елизаветпольской губернии[22]. Эти олени своими длинными, но слабо ветвистыми рогами, действительно, довольно сильно напоминают азиатского марала; но совершенно такие рога и оленей с такими рогами я много раз видел в Кубанской области и могу сказать, что по яркому, красно-рыжему цвету летней шерсти эти олени совершенно отличны от азиатского марала и во всех отношениях сходны с обыкновенным оленем, водящимся на Кавказе. По этой причине упомянутые чучела тифлисского музея вовсе не могут считаться за доказательство существования на Кавказе азиатского марала. В последнем своем описании оленей К.А. Сатунин и сам говорит, что на Кавказе водится только один вид их[23]. Лейдеккер, указывая со слов Неринга на то, что находимые в плейстоценовых отложениях Европы большие оленьи рога принадлежат маралу (C. elaphus maral[24]), и что с этими рогами сходны рога Strongiloceros spelaeus Оуэна, рога Cervus elaphus antiqui, найденные в Тюрингене, а также рога C. Primigenius, жившего когда-то в Европе и более или менее родственного типичному C. elaphus, и, наконец, что рога с наиболее совершенными

разветвлениями встречаются только в позднейших тундровых отложениях Европы, выводит заключение, что в плейстоценовую эпоху в Европе жили олени типа, подобного современному Cervus elaphus maral, и что типичный C. elaphus есть позднейшая, обособившаяся на западе раса его. Если принять во внимание, с одной стороны, то, что в третичную эпоху современные Европа и Азия разделялись широким рукавом Ледовитого океана, который тянулся через нынешнюю западно-сибирскую низменность (Барабинскую, Ишимскую степь) и через Киргизские и Туркестанские степи и пустыни до Персии, а может быть, и еще дальше, с другой стороны, что приблизительно в то же время Северная Америка через места, занятые теперь Беринговым проливом, Курильскими и Алеутскими островами, соединялась с Азией, то нам станет понятным, почему пребывание на Кавказе азиатского марала (C. maral, Sev.) очень сомнительно и почему он стоит так близко к американскому вапити. Последним и объясняется несколько странно звучащее его название — Cervus Canadensis asiaticus. По словам Н.А. Северцова, впервые указавшего на это сходство и кровное родство, в предыдущие геологические эпохи на севере Азии и Америки жил, вероятно, один вид оленей и, может быть, только после разделения материков азиатский марал и американский вапити приобрели свои отличительные признаки[25]. Что же касается оленей каспийской расы, которые в течение целых геологических периодов были отделены от азиатского марала морем или степями и пустынями, то они должны сильно отличаться от последнего. Это наблюдается и в действительности. Азиатский марал имеет рога с иными разветвлениями и другой цвет шерсти; по этой причине его и европейских оленей давно уже считают принадлежащими к различным видам.

Населяя довольно значительную область, олени каспийской расы подверглись, как можно заметить и по опсанию Лейдеккера, изменениям в зависимости от климатических и других условий занимаемых ими местностей. Этому, вероятно, надо приписать некоторое несходство между описанием Лейдеккера и тем, что замечено мною относительно кавказских оленей. Последние, как уже было сказано, имеют значительно больший рост в сравнении в описанными Лейдеккером, более сильно ветвистые рога, несколько иную окраску (она не бывает темно-аспидно-серой, не имеет почти черного цвета шерсти на нижней стороне туловища и дольше сохраняет пятнистость летней шерсти). Голова оленя каспийской расы, изображенная у Лейдеккера на странице 76, также не похожа на голову кавказского оленя. Она представлена все-таки сравнительно короткой и имеет уши, не похожие на уши кавказского оленя, — они изображены сравнительно широкими и короткими[26].

Перехожу теперь к образу жизни оленя. Кавкавзский олень принадлежит к самым осторожным, бдительным и чутким животным. Особенно этими качествами отличаются самцы, которые держатся преимущественно в наиболее глухих и удаленных от человеческих жилищ местах. Там, где за ними более или менее часто охотятся, они даже почти никогда не показываются на открытых местах и выходят пасться на поляны и опушки лесов только с наступлением темноты. Ночью они бывают гораздо смелее и часто ложатся на совершенно открытых местах. Доказательством этому могут служить их лежки, встречающиеся часто на расстоянии целых верст от опушки леса. Лани всегда оказываются более смирными и доверчивыми, чем олени. Попадаются они на глаза человеку гораздо чаще и притом нередко в самом небольшом расстоянии от жилых мест, дорог и пр. Слух, зрение и обоняние у оленя превосходны, и потому подкрасться к нему труднее, чем ко всякоми другому зверю. По ветру олень, подобно медведю или кабану, может почуять человека более, чем за полверсты, но он имеет прекрасное зрение, чего недостает медведю и кабану. Кроме того, олень обладает способностью при первом взгляде узнать человека, в каком бы положении тот ни находился, поэтому подрадываться к нему надо с большой осторожностью и скрываясь за каким-нибудь предметом. Малейший шум, шорох, а тем более чьи-нибудь шаги заставляют лежащего оленя тотчас подняться на ноги и начать прислушиваться. Если шум повторится, то олень уходит рысью, иногда даже шагом, но по временам останавливается и прислушивается; если же он увидит или почует человека, то бросается бежать, делая огромные прыжки и не останавливаясь. Не только бег, но даже шаг оленя необыкновенно быстры. Мне неоднократно приходилось видеть, как быстро подвигается вперед олень, идущий, по-видимому, покойным, медленным шагом. За какие-нибудь 4—5 минут он уходит на целую версту.

Пищей оленям служат самые разнообразные растительные вещества. Зимою и летом он питается главным образом травой, осенью же на Кавказе, изобилующем различными фруктами, олени с удовольствием едят яблоки, груши, шишки (Mespilus germanica), а также жолуди и буковые (чинаровые орехи). Последних они много поедают и зимою на тех местах, где земля не бывает покрыта снегом. Кроме того, в зимнее время они едят почки, мох, лишайники, древесную кору, молодые ветки и очень любят зеленые круглый год листья ежевики, стелящейся в лесу по земле. В лесах, изобилующих оленями, те места, где растет много ежевики, всегда бывают истоптаны оленями. Сено, оставленное на зиму на полянах, олени, а в особенности лани, истребляют иногда очень сильно. Проезжая однажды зимою между Ширванской и Самурской станицами, я был удивлен необыкновенным множеством оленьих следов вокруг стогов сена, стоявших на поляне. Прежде, когда оленей было больше, жители принуждены бывали огораживать стоги, чтобы защитить их от оленей. Очень любят олени соль и потому усердно посещают соленые источники. В районе

Кубанской охоты ежегодно в известных местах кладут куски соли весом пуда в два или три. В тех местах, где лежит соль, толкутся постоянно олени и на пространстве в несколько десятков квадратных сажен совершенно выбивают траву.

Держатся лани иногда в одиночку, чаще же группами по несколько штук. Изредка они собираются стаями голов по 40; это случается обыкновенно зимою. В одиночку часто бродят лани, имеющие при себе теленка. Самцы также встречаются часто небольшими группами, но старые олени живут по большей части одиночно. Иногда лани, телята и молодые самцы соединяются в одну стаю.

Олени любят гористые места и встречаются часто в крутых и тесных ущельях; но на таких обрывистых и оголенных скалах, на которых любят держаться серны или туры, олени, конечно, жить не могут. Много раз, однако, мне самому приходилось встречать следы их на таких крутых местах, где человек проходит с большим трудом. Более всего любят олени большие леса, особенно если в них находятся поляны, покрытые хорошей травой. В местностях, где есть высокие горы, многие олени в летнее время забираются очень высоко и держатся у верхней границы лесов или, если их мало беспокоят, на горных лугах. Здесь они днем отдыхают в высоком бурьяне или в березняке, а утром, вечером и ночью бродят и кормятся сочными альпийскими травами. Когда наступают холода и выпадает на горах снег, олени спускаются вниз; но и зимою многие из них живут на средних высотах.

Самый интересный период в жизни оленя — это время его рева, когда нрав оленя изменяется коренным образом. Во всякое другое время олени так скрываются от человека, что можно прожить целые годы в тех местах, где они водятся, и ни разу не увидеть и не услышать их; в период же рева каждый без исключения взрослый олень непременно дает знать о своем пребывании в известной местности. Время это есть и самое интересное для охоты за оленями. Только в эту пору и можно с большей или меньшей вероятностью на успех охотиться за ними и надеяться убить на выбор крупного оленя с красивыми рогами, которые будут долгие годы украшать кабинет охотника; только в эту пору и можно вдоволь наслушаться тех приятных для охотничьего уха звуков, которые так волнуют душу охотника.

Рев оленей начинается на Кавказе обыкновенно с самых первых чисел сентября, иногда числа с 25 августа, а в некоторые годы — даже с половины его. 27 августа мне самому пришось однажды слышать около станицы Прусской (Майкопский отдел) сильный рев одного оленя. Возбужденное состояние начинает, однако, пробуждаться у них еще раньше. Олени делаются беспокойными, бродят с места на место, появляются там, где их раньше не встречали вовсе, часто бьют своими рогами по деревьям, сдирая с них кору или даже выворачивая с корнем небольшие деревца и кустики. В это же время они начинают выбивать так называемые точки, то есть, выходя каждое утро и вечер, а также ночью, на какое-нибудь открытое место, например, на поляну или опушку леса, долго топчатся на нем, роют землю копытами, а иногда и рогами, выражая таким образом свое возбужденное состояние, и совершенно выбивают траву на пространстве в 3—4 квадратные сажени. Такие точки часто приходится видеть в двадцатых числах августа. Иногда они делаются и в лесу. Каждый олень выбивает их по нескольку штук и притом нередко на пространтстве в какие-нибудь полверсты. Так как олень перед началом рева более или менее долго живет в одном, сравнительно небольшом районе, обходит его ежедневно и останавливается на одних и тех же точках, то они принимают довольно порядочные размеры, представляя совершенно лишенные травы круговины. Поведением своим олень в этом случает более или менее напоминает домашний рогатый скот, который свое возбужденное состояние также выражает ревом, копанием земли, стремлением наносить удары рогами и т.д. В разгар рева олень, оставшийся без ланей, на точках сильно злится, бросается на кусты и деревья и бьет их рогами.

Раньше начинают реветь олени в глухих ущельях, позднее же в местах более людных. В конце августа и в начале сентября они ревут обыкновенно не особенно громко, нечасто и непродолжительно, кроме того лишь ночью и зорями. Иной олень проревет с вечера раза три и замолчит на всю ночь. Позднее же рев их становится более и более громким, продолжительным и азартным, причем в глухих местах он бывает слышен в течение почти целых суток, а в неособенно глухих — ночью, утром часов до девяти и вечером часов с четырех.

Самый сильный, задорный рев бывает около двадцатого сентября. В это время в глухих местах олень ревет почти целые сутки и делается как бы сумасшедшим. Он утрачивает свою обычную осторожность и иногда даже не обращает внимания на выстрел.

Сильно ревут олени в ясные, лунные ночи, особенно когда бывает холодно или выпадает снег, что случается в горах в это время года довольно часто. В дурную погоду, в туман, дождь они ревут слабо или даже совсем умолкают. Охотники говорят, что если олени вдруг перестанут реветь в хорошую погоду, то можно быть уверенным, что скоро наступит ненастье. Замечательно, что в некоторые годы олени ревут особенно сильно, в другие же гораздо слабее. Так, в 1897 году в окрестностях Самурской станицы они ревели очень долго и сильно, причем многие из них за это поплатились жизнью; в 1898 же году рев был очень плох, хотя оленей держалось здесь немало.

В двадцатых числах сентября некоторые олени начинают уже мало-помалу успокаиваться и умолкать; но многие из них продолжают реветь приблизительно до половины октября, а иногда и

дольше. Вероятно, это случается по преимуществу с теми молодыми самцами, которым не удалось прибиться к ланям. В Боржоме молодые олени ревут до конца октября, а в виде редкого исключения, как сообщил мне Э.К. Ютнер, управляющий охотой, рев из можно слышать даже в ноябре. Долго ревут олени и там, где очень много ланей. Ревут не только взрослые самцы, но и самые молодые, то есть олени с неветвистыми еще рогами (спичаки), имеющие только около полутора года; но они ревут мало, а часто даже лишь издали безмолвно наблюдают за ланями, боясь приблизиться к ним и встретиться около них лицом к лицу с более сильными соперниками. Голос их слабый, тонкий, дребезжащий, совсем не похожий на громкий, густой рев крупного, вполне взрослого оленя. Сильнее ревут олени с двух или трехконечными рогами, но и их голос кажется жидким и в нем слышится что-то незрелое.

Рев оленя не одинаков в различные периоды течки. В самом начале ее он ревет редко и негромко; часто он даже не ревет, а как-будто бы стонет, издавая шипящие звуки, которые отчасти напоминают скрип старых ворот. В глухих местах такие звуки можно часто слышать и днем. Их издает олень, лежа в лесу или в бурьяне, через каждые четверть часа или более. Несколько позднее он начинает реветь уже настоящим голосом, но сначала редко и не так громко, а потом громче и чаще. Рев оленя часто более или менее напоминает рев быка, в других же случаях он мало похож на него и отличается своеобразными высокими нотами. Он представляет иногда короткий звук, чаще же непрерывно длится секунд 6–8 и повторяется то через небольшие промежутки времени, наприме, в 5–10 минут, то через полчаса или еще более. Некоторые олени даже в разгар рева ревут только в полночь и притом редко, с большими промежутками, другие же несравненно чаще. Обыкновенно, чем ближе время подходит к средине сентября, тем громче, страстнее и чаще ревут олени. В это время в голосе их слышатся нередко, как казалось, по крайней мере, мне, какие-то болезненные, выражающие срадание тоны. Может быть, такой особенностью отличается рев только тех оленей, которым не удалось найти ланей. Голоса различных особей по своей силе, густоте и тону очень сильно разнятся между собою; но иногда и у одного и того же оленя голос очень сильно меняется даже в короткое время. Так, 12 сентября 1898 года я долго слушал оленя, который ревел в долине реки Цеце (Майкопский отдел). Голос его в начале вечера был низким, очень могучим и, кроме того, отличался какими-то особенными дребежжащими нотами, которые вылетели из груди, как будто бы готовой разорваться на части; позднее, часов с 7, он начал делаться все выше и выше, а в девятом часу тот же олень издавал гораздо более протяжные и такие громкие, пронзительные и высокие звуки, которые можно было слышать на пространстве многих верст. Ревел он через каждые 3–4 минуты. Слушая этот рев и зная, насколько осторожен бывает олень во всякое другое время, как старательно скрывается он в самые глухие места и как боится обнаружить где бы то ни было свое присутствие, нельзя было не удивляться тому, что теперь под влиянием сильнейшего полового возбуждения он совершенно забывает об угрожающих ему опасностях и не боится реветь так громко, что его слышно на пространстве более двух десятков квадратных верст. Надо заметить, что это время есть действительно самое опасное в жизни взрослых оленей и что многие из них в период рева жестоко платятся за свое увлечение. Почти в десятом часу мы отправились к своей палатке, стоявшей по другую сторону высокой горы, но олень все еще продолжал реветь.

Когда возбуждение оленя достигнет своего апогея, он ревет очень часто, и рев продолжается без перерывов минуты 1 $^1/_2$, так что охотник, подходя к нему, может сделать более полусотни шагов, прежде чем олень замолчит. В это время он ревет в глухих местах всю ночь, утро и вечер и только в полдень умолкает часа на 3, на 4. В полдень лани спят где-нибудь, и недалеко от них располагается олень. Если же он ходит без ланок, то в самый разгар течки даже в полуденные часы не может успокоиться и, лежа в чаще, издает тот своеобразный стон, о котором уже было сказано. Этот стон бывает слышен шагов за 200 и нередко выдает оленя. Увидеть его, однако, в это время трудно, так как он ложится по большей части в высоком бурьяне или в густом лесу. Такие же звуки издает олень, когда недалеко от него ходит другой, более сильный самец, с ланями. Наконец, в то же время, когда возбужденное состояние оленя достигает высшей степени, к его реву, состоящему из более или менее протяжных нот, присоединяется еще целый ряд быстро следующих друг за другом коротких и отрывистых звуков. Охотники говорят, что олень в это время ревет и стонет и своим голосом выделывает такие колена, которые решительно невозможно передать на словах. Около речек, где сильно шумит вода, олени никогда не ревут.

Ревет олень чрезвычайно громко, и, кроме того, его голос отличается часто особенно резкими и высокими нотами. Медведя в этот отношении нельзя и сравнить с ним. Не даром охотники говорят, что если олень ревет близко, то кажется, будто земля дрожит от его могучего голоса. По их словам, рев оленя хорошо слышен верст за 5 или за 6. Находясь однажды ночью на горах одной стороны глубокой лесной долины, я слышал рев оленя на противоположной стороне ее, верстах в 7, если не более. Когда олень ревет за версту, то представляется иногда, что до него не более полусотни сажен.

Ревет олень на одном месте обыкновенно не более 3 дней, обходя ежедневно определенный район и стараясь всячески отыскать ланей. Ходит он часто, опустив низко голову, и нюхает землю,

надеясь найти где-нибудь следы их. Идет он большей частью быстрым, широким шагом, так что человеку догнать его, в особенности в гористой местности, очень трудно. На ходу он издает часто короткие звуки вроде мычания. Все это же время он посещает свои точки, останавливается на них на некоторое время и ревет. Охотники говорят, что там, где ревел олень с вечера, почти наверно можно встретить или услышать его и утром. В этом раза три убеждался и я сам. Проревев часов до 7 или 8 утра, а иногда и дольше, олень уходит обыкновенно версты за две или за три, отыскивает чащу и там ложится в ожидании вечера. Перед заходом солнца он снова отправляется и притом чаще в ту же сторону. На пути к лежке и от нее олень также время от времени издает более или менее громкий рев. Надо, однако, заметить, что поведение оленей в различных местностях далеко не одинаково и зависит главным образом от того, насколько сильно их преследуют и насколько много оленей и ланей держится в данной местности. Там, где их сильно беспокоят, они совершенно перестают реветь не только днем, но даже утром и вечером и ревут только ночью.

Если в течение 2–3 дней олень не найдет ланей, то переходит на другое место, отстоящеее от первого версты на 3, на 4, и на нем продолжает реветь. Нередко дней через 5–6 он возвращается на прежнее место. Там, где оленей очень много, иногда на пространстве одной или двух квадратных верст можно услышать рев 3–4 штук их, а в редких случаях и вдвое большего числа. Бывает это по преимуществу в те дни и годы, когда олени ревут особенно сильно. Около Самурской станицы лет 20 назад оленей было так много, что каждый вечер, стоя на улице, можно было слышать рев их в нескольких местах. Когда 2–3 оленя ревут на небольшом пространстве, то они, по-видимому, не только не подходят друг к другу, но как будто бы даже стараются избежать встречи.

Во время рева около оленя бывает обыкновенно по нескольку ланей, часто шутк 5–6, а иногда и до десятка. Один самурский охотник видел однажды во время рева 3 оленей с 15 штуками ланей, ходивших вместе. Можно считать за общее правило, что чем крупнее и сильнее олень, тем большее число ланок он будет иметь при себе. В это время олень ревет гораздо сильнее, чем тогда, когда ходит один или с малым числом ланей. Ревом он, вероятно, надеется устрашить других оленей, которые бы вздумали отбить у него часть его гарема. Если же он увидит где-нибудь недалеко другого оленя, то начинает реветь еще сильнее. Во время рева мне несколько раз приходилось видеть ланей без оленя или оленя без ланей. Это показывает, что отыскивать им друг друга не всегда легко. Лани часто переходят с места на место, за ними следует и олень. Он идет почти всегда позади их, иногда близко от них, а часто шагах в ста и наблюдает за ними. Если какая-нибудь из ланей отделится от других, то он тотчас заворачивает ее и пригоняет к прочим. Словом, он пасет их как жеребец свой косяк. В это время внимание оленя сосредоточено на ланях, все же прочее его интересует мало; лани же в эту пору остаются такими же бдительными, как и всегда, и очень мешают охотнику скрадывать оленя. Не малой помехой являются иногда в этом случае и те молодые самцы, которые ходят молча и держатся в почтительном расстоянии от ланей.

Когда около небольшого табунка ланей явятся 2 или 3 оленя, то сильнейший с ревом бросается на более слабых, гоняется за ними, угрожая им своими рогами, и старается прогнать их. Если же силы противников приблизительно одинаковы, то они долго не уступают друг другу; но, по-видимому, каждый из них старается избежать серьезной драки, вероятно, сознавая какие опасные раны может нанести ему противник своими острыми рогами. Они в это время сталкиваются друг с дургом, бьются рогами часто даже совсем не сильно, но всячески стараются не подставлять противнику свой бок. Если один из оленей обратится в бегство, то другой преследует его на протяжении нескольких десятков сажен, а затем снова возвращается к ланям. Э. Юнтер, хорошо знакомый с оленями Австрии, говорит, что кавказские олени дерутся реже и не с таким ожесточением, как австрийские, которые в драке иногда наносят друг другу смертельные раны. То же говорят и про сибирских оленей (например, Черкасов), но на Кавказе никто из охотников о подобных случаях мне не сообщал[27].

В августе олени бывают очень жирными: под кожей на туловище у них лежит слой сала толщиною иногда в вершок, а на ляжках еще толще. Во время же рева они так сильно худеют, что за неделю или недели за полторы делаются уже совсем тощими. Мясо их приобретает синеватый оттенок, очень неприятный мускусный запах, дурной вкус и становится почти не съедобным. В это время даже человек с его крайне плохим обонянием может услышать по ветру присутствие оленя шагов за 200. Так как во все время рева олень очень часто испускает мочу, то сильный, неприятный запах распространяется от его точков. Лани перед течкой бывают обыкновенно худее оленей, но зато и не худеют сильно во время течки.

Если в каком-нибудь месте за оленями будут охотиться в течение нескольких дней, то они на время делаются более осторожными, совершенно перестают реветь днем и очень мало ревут вечером, после захода солнца и на рассвете. 14 и 15 сентября 1898 года мне пришлось охотиться в верховьях реки Цеце, где оленей довольно много, но они ревели в это время, несмотря на прекрасную погоду, очень плохо: 14 числа перед рассветом один олень проревел два раза, а вечером один – только раз, другой – раза четыре. Ночью же они ревели довольно сильно, но начали реветь с двенадцатого часа. На следующие сутки ни утром, ни днем ни одни олень даже не отозвался.

Только после возвращения в Самурскую станицу я узнал, что в верховьях Цеце передо мною дня три охотились охотники из Мезмайского поселка и, очевидно, так напугали оленей, что они отважились реветь только в полночь.

Во время рева охотникам приходилось иногда видеть как на рев оленя бегут лани. Они являются иногда даже на звук трубы, которой охотник старается приманить оленя или заставить его отозваться и, таким образом, обнаружить свое присутствие. Следовательно, рев оленя, являющийся, с одной стороны, выражением его возбужденного состояния, а с другой, служащий для устрашения противника, может иногда принести ему пользу и в другом отношении.

Олени хорошо плавают и легко переплывают быстрые горные речки. Проезжая вдоль берега Большой Лабы, по долине Загдан, в дождливое время, когда Лаба представляла собою бурную речку, я вспугнул большого оленя, который на моих глазах бросился в воду, быстро переплыл речку и скрылся в лесу на противуположном берегу ее. Любят олени и купаться, в особенности весною, когда линяют, а также в средине лета, когда особенно сильно преследуют их мухи, оводы и слепни. Во вторую половину весны у оленей начинает выпадать длинная зимняя шерсть. В это время они усердно посещают источники, содержащие соленую воду, в особенности если вокруг них находятся топкие, грязные места. Здесь олени купаются или, правильнее, валяются в грязи, а затем отряхиваются и катаются по земле для того, чтобы скорее освободиться от зимней шерсти, которая отпадает целыми пучками или клоками вместе с липкой грязью. Чтобы избавиться от оводов и мух, олени иногда с разбега бросаются в воду, стараясь как можно больше наделать брызг, чтобы ими отогнать насекомых. На горах, между верховьями Большой и Малой Лабы, однажды я сам видел, как молодой олень, лежавший на осыпи, отправился к небольшому горному озерцу, вошел в воду по брюхо и начал так сильно бить передней ногой по воде, обдавая себя брызгами, что я, находясь в полуверсте от него, явственно слышал удары его ног по каменистому дну озерца. Несколько раз опускал он в воду свою морду, чтобы прогонять мух, которые, вероятно, особенно больно кусали его в непокрытые шерстью части носа и губ. В тот же день мне пришлось наблюдать табунок ланей штук в 10, которые с быстротой, свойственной всей оленьей породе, несколько раз принимались бегать взад и вперед, чтобы избавиться от мучивших их насекомых. Этими ланями я любовался очень долго. Они то паслись мирно минуть десять, то вдруг опрометью бросались в какую-нибудь сторону, но, пробежав сажен 100, поворачивали назад и снова начинали щипать траву. Этим способом лани освобождались, хотя на время, от целой тучи оводов, преследовавших их. В своих статьях об охотах на Кавказских горах я не раз упоминал о том, какая масса оводов встречается в некоторых местах, даже на таких высотах, где среди лета бывают морозы чуть не каждую ночь. Эти оводы жестоко преследуют в солнечные дни крупную дичь и заставляют ее забираться в непролазную чащу леса или в высокий, густой бурьн. Даже утром и вечером, когда еще более или менее прохладно и оводов летает не так много, олени и лани беспрерывно трясут своими длинными, почти голыми ушами и мотают головой, чтобы избавиться от укушений насекомых. Мне говорили, что в Боржомском парке или зверином отводе, где оленей очень много, необыкновенно сильно размножились и оводы. У оленей этой местности зимою кожа с внутренней стороны, на спине и на боках бывает почти сплошь усеяна их личинками, которые весною выпадают, прогрызая кожу.

Телятся лани в мае и, вероятно, в начале июня. Последнее предположение подтверждается тем, что даже в июле приходится встречать иногда очень маленьких телят или, как называют их на Кавказе, ланчуков. Двух телят у одной самку я никогда не видел. Телятся лани в густом, высоком бурьяне или в густой лесной чаще, словом, в таких местах, где маленький, беспомощный теленок лучше всего может быть скрыт от своих многочисленных врагов. В первые дни он оказывается настолько слабым, что мать бывает принуждена оставлять его на месте, уходя ни пастьбу; но, как только теленок скрепнет, то начинает всюду следовать за своей матерью. Призывая ее, он издает особенные, короткие, нежные звуки, напоминающие писк. Его часто можно слышать и от содержавщихся в неволе ланчуков. Маленький теленок бывает коричнево-бурого цвета и имеет туловище, покрытое несколькими продольными рядами белых пятен. В конце июля многие ланчуки достигают в высоту более аршина и по быстроте бега и способности прыгать мало уступают своей матери. Маленьких телят мать храбро защищает от врагов. Если теленка схватит человек и он начнет кричать, то лань подбегает к человеку очень близко и старается ударить его передней ногой, которой она бьет сверху, как плетью, и притом очень сильно. Иногда она таким образом одним ударом убивает собаку. Надо заметить, что задними ногами олень и лань вообще дерутся редко, а стараются повернуться лицом к врагу и ударить его передней ногой.

У молодых оленей немало врагов. Много маленьких ланчуков погибает от волков и медведей, которые, благодаря тонкости своего обоняния, могут издали почуять ланчука, а затем подкрасться к нему и схватить его на лежке. В меньшей степени страдают они от рысей и пантер; но нападают на них, без сомнения, дикие коты, шакалы и лисицы. Взрослые олени также имеют много врагов. Их страшно мучат оводы и слепни, душать волки, медведи, рыси и т.д., но, конечно, опаснейшим их врагом все-таки является человек. Доказательством этого могут служить многие безлюдные места, где, несмотря на изобилие всяких хищников, живет много оленей. После человека самым опасным

врагом оленя надо считать волков, в которых нигде на Кавказе нет недостатка. Зимою они часто преследуют оленей, а в особенности ланей, стараясь загнать их на лед. Если волкам это удастся, то смерть лани неизбежна. Егеря Кубанской охоты рассказывали мне, что им не раз приходилось видеть на льду кровь, шерсть и содержимое внутренностей лани, растерзанной волками. Если есть близко быстрая и более или менее глубокая речка, не покрытая льдом, то олени и лани, преследуемые волками, сами стараются скорее добраться до воды и стать на таком месте, где бы она доходила им до брюха или даже несколько выше. Здесь лань или олень может стоять свободно, несмотря на быстрое течение, а волк не будет в состоянии добраться до них, так как его снесет вода. Один из егерей видел, как волк несколько раз старался подплыть к стоявшей в реке лани, пользуясь течением воды, но лань каждый раз сторонилась немного, и вода быстро проносила волка в нескольких шагах от нее[28]. Часто волки загоняют оленей и ланей в скалистые места, где эти робкие и пугливые животные, боясь быть настигнутыми волками, бегут куда попало, прыгают и обрываются со скал, убиваются или ломают себе ноги и таким образом попадают в зубы хищникам. Такие случаи не раз наблюдались в районе Боржомской охоты. Мне говорил управляющий охотой, что если зимою по пороше придется найти след оленя и лани, за которыми гнались 3 или 4 волка, то можно быть уверенным, что, пройдя по их следам 2 или 3 версты, удастся почти всегда найти место, где волки и растерзали свою добычу.

Об охоте на оленей скажу лишь несколько слов. Больше всего убивают их во время рева. В последние годы, когда скупщики стали платить за хорошие рога от 20 до 30 рублей, а в исключительных случаях даже больше, в сентября все охотники-промышленники горных станиц и поселков начали ежегодно ополчаться на оленей, надеясь одним выстрелом заработать несколько десятков рублей. Такое истребление зверей, где имеется в виду лишь нажива, производится самым безобразным образом и ничего общего с охотой не имеет. Во время рева гибнет много оленей, причем алчные на деньги промышленники, убив оленя, берут только рога с частью лобной кости, все же прочее бросают. Даже кожу в таких случаях часто не снимают, чтобы не терять времени и не обременять себя лишней тяжестью. Лет 10—12 тому назад, когда оленьи рога стоили всего лишь 2—3 рубля, за оленями охотились сравнительно мало, отдавая предпочтение охоте за дикими кабанами; теперь же дело приняло иной оборот, и рога для оленя сделались таким же несчастием, как для слона его бивни. Можно с уверенностью сказать, что ланей теперь на Кавказе значительно больше, чем оленей. Наказным атаманом Кубанского Казачьего войска, Я.Д. Малама, года два тому назад приняты были меры против такого истребления оленей; они оказали должное воздействие в людных местах, но вследствие невозможности иметь надзор за охотой в глухих, безлюдных местах, там и теперь истребляют множество оленей из-за одних рогов.

Охотятся на оленей также с облавой, но в этом случае старые самцы попадают под пулю очень редко. Гораздо чаще страдали прежде и нередко старадают теперь самые молодые олени и лани. Последние, впрочем, тоже довольно осторожны и часто уходят раньше, чем охотники успеют занять свои места. Стреляют оленей также, скрадывая их утром и вечером, когда они выходят пастись на поляны и опушки лесов и, наконец, около соленых источников, куда они приходят пить. Такие источники посещают олени летом в очень сухую погоду, а в особенности весной, когда рога их не годятся и когда за ними охотятся мало.

Ïðèáàâëåíèå

В последнюю мою поездку по горам Кавказа, совершенную летом настоящего года, мне также пришлось видеть довольно много оленьих рогов и три шкуры оленей, убитых осенью и зимой.

Олень, убитый в средине сентября, имел грязно-рыжевато-серый цвет шерсти на спине, серо-бурый на боках, грязно-рыжевато-серый на животе, почти пепельно-серый на лопатках, рыжий на крестце и аспидно-серый вдоль срединной линии груди. Зеркало у него было чисто белого цвета, а с боков окаймлялось черно-бурой полосой, переходящей на боковую (внешнюю) поверхность ляжки. Две зимние шкуры имели значительно более темный, лишенный рыжеватого оттенка серо-бурый цвет, который на лопатках и ляжках переходит в почти черный. На груди и вообще нижней стороне тела шерсть была темно-серая, но отнюдь не почти черная, как описывает ее Лейдеккер. Зеркало на одной шкуре имело белый цвет, а на другой почти белый, но с слабым рыжеватым оттенком на некоторых местах. Таким образом, утверждение будто бы у оленей каспийской расы зеркало отличается более темным, желтым цветом, чем у европейского благородного оленя, также нельзя признать верным по отношению к оленям Северного Кавказа.

Волосы, образующие зеркало, имеют длину до 4 дюймов, растут не прямо, а слегка извилисты и имеют или на всем протяжении белый цвет, или же только концы их бывают окрашены в бледно-рыжеватый цвет. Добавляю эти подробности по той причине, что зимою я наблюдал оленей сравнительно редко и недостаточно подробно описал в настоящей статье их зимнюю шерсть.

Ï ðè ì å÷à í èÿ

1. В своей статье о млекопитающих горной полосы Кубанской области, напечатанной в пятом выпуске «Материалов к познанию фауны и флоры Российской империи», я относил кавказского оленя к виду Cervus elaphus L., так как с этим последним он сходен гораздо более, чем с азиатским маралом и другими видами оленей. Но тогда у меня не было в руках монографии Лейдеккера с ее новой до некоторой степени номенклатурой оленей. В настоящей статье я, разделяя мнение Лейдеккера о том, что кавказского оленя следует рассматривать как особую расу благородного европейского оленя, называю его Лейдеккеровским именем — Cervus elaphus maral. Таким образом Cervus elaphus L. моей первой статьи и C. elaphus maral настоящей означают одно и то же животное. Кроме того, в первой из этих статей (с. 24) азиатский или тяньшаньский марал назван Cervus maral Ogilby, но это название надо заменить другим, именно Cervus maral Sewerz. или еще лучше Лейдеккеровским Cervus Canadensis asiaticus. Так как после окончания первой статьи я имел возможность еще пополнить свои наблюдения над кавказскими оленями, то в настоящем описании их нашли место некоторые подробности, касающиеся роста, цвета шерсти и образа жизни кавказских оленей, не попавшие в первую статью. Наконец, она имела своим предметом животных, в том числе и оленей, только одной Кубанской области, в настоящей же статье описываются олени всего Кавказа.

2. В Ленкоранском уезде, Бакинской губернии, я пробыл в 1894 году целый месяц, но мне не удалось ни у кого из местных охотников увидеть даже одной пары рогов оленей.

3. R. Lydekker. The Deer of all lands. London. 1889, p. 75.

4. Местные охотники самку оленя называют ланкой или ланью. Для краткости я буду называть ее этим именем.

5. Между Туапсе и Карповкой охотники видели однажды 2 оленей, но об этом говорят как об очень редком событии. Редко встречаются олени и в горах Сочинского округа.

6. Отсутствие оленей, коз диких и кабанов почти во всех лесах верховьев Риона и его притоков объясняется глубочайшими снегами, выпадающими здесь в зимнее время. В горах они засыпают до самой верхушки деревья средней высоты.

7. K. Satunin. Vorläufige Mittheilungen über die Säugethierfauna der Kaukasusländer. Zoolog. Jahrbuchern. Herausg. Von prof. J.W. Spengel. 8 Bd. 1896. 309.

8. В недавнее сравнительно время в Галиции был убит олень весом в 298 килограммов или 18 пудов 25 футов (А. Брэм. «Иллюстрированная жизнь животных», т. III, стр. 494); поэтому нельзя считать невероятными приведенные мною данные о весе кавказских оленей.

9. Лейдеккер считает высоту марала равной 5 футам или даже 5 футам 2 дюймам (p. 108), а Н.А. Северцов в своем капитальном труде «Вертикальное и горизонтальное распространение туркестанских животных» (Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. VIII, вып. 3) говорит, что высота взрослого марала колеблется между 4 футами 10 дюймами и 5 футами. Но в описании марала, помещенном им в Annal. and Mag. Of Nat. Hist., он утверждает, как можно заключить из книги Лейдеккера, что рост тяньшанского марал доходит до 6 футов. Относительно этого Лейдеккер высказывает, впрочем, некоторое сомнение.

10. The Deer of all lands, p. 77.

11. Некоторые из этих данных, в особенности касающихся высоты животных, может быть и не лишены маленькой неточности, так как привести в совершенно естественное положение члены убитого животного во время измерения его очень трудно.

12. Н. Северцов. Вертикальное и горизонтальное распространение Туркестанских животных. стр. 106. У Cervus elaphus typicus рога редко бывают длиннее 3 или 3 $^1/_4$ футов.

13. Последняя цифра относится к необыкновенно красивым и правильным рогам с 21 отростком, принадлежавшим оленю, который был убит Великим Князем Сергием Михайловичем недалеко от истоков Киши, впадающей в Белую, также в Майкопский отдел Кубанской области. У Лейдеккера окружность рогов у основания показана только до 8 дюймов (p. 81). Очевидно, он не имел в руках рогов самых больших оленей.

14. Некоторые рога Морицбургского замка весят около 30 фунтов, а одни — даже около 37 фунтов.

15. Blasius. Die Säugethiere Deutschlands, S. 445.

16. The Deer of all lands, p. 77.

17. Охотничьи и промысловые звери России. Семейство Cervidae, стр. 18. Премия журналов «Природа и Охота» и «Охотничья Газета», 1900 г.

18. Не мене сотни пар рогов видел я в Боржоме и тифлисском музее, сотни две, если не более, в Осетии около осетинской часовни Реком и пар 500 их в дигорской священной пещере Олисай-дом, находящейся также во Владикавказском округе, Терской области, в долине реки Урух. Кроме того, неоднократно приходилось мне видеть по несколько сот пар рогов в Псебае, в конторе Кубанской охоты В.К. Сергия Михайловича. Туда некоторые годы доставляли их более 100 пудов. Большое количество рогов видел я и у скупщика. (Рога и черепа пещеры Олисай-дом мною описаны в статье

«Путешествие по Дигории». Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества, книга XIV, вып. 1-й, стр. 15–24.)

19. Директор Дрезденского зоологического музея А.Б. Мейер в своем сочинении «Die Hirschgeweich-Sammlung im Königl. Schlosse zu Moritzburg» описывает и приводит много рисунков рогов, развившихся более или менее правильно и имеющих от 24 до 32, даже до 36 отростков, и несколько пар рогов, неправильно развитых, с лопатообразным расширением на месте кроны и с еще большим числом отростков.

20. Про оленей, водящихся в Крыму, говорили, что они совершенно отличны от Cervus elaphus и сходны с азиатским маралом. Такое мнение высказывал академик Миддендорф и в последнее время А.М. Никольский (Позвоночные животные Крыма в LXVIII т. Записки Императорской Академии наук 1892 года, стр. 84). Мнение это едва ли можно считать справедливым, так как даже кавказский олень оказался совершенно отличным от C. maral, Sev. или от C. canadensis asiaticus по новейшей номенклатуре Лейдеккера. Лейдеккер, как уже было замечено, причисляет оленей крымских вместе с кавказскими к каспийской расе благородного оленя. К ней он относит оленей Малой Азии и Северной Персии, а Венгрию считает западной границей области распространения этой расы, где ее представители встречаются с C. elaphus typicus.

21. The Der of all lands, p. 76–78.

22. K. Satunin. Vorlaüfige Mittheil. über die Säugethierfauna der Kaukasusländer, S. 309.

23. К.А. Сатунин. Систематика оленей (премия журналов «Природа и Охота» и «Охотничья Газета», вып. 1-й, 1900 г.).

24. Под словом «maral» Лейдеккер разумеет оленей каспийской расы, азиатского марала он называет «Altai Wapiti».

25. Н.А. Северцов. Горизонтальное и вертикальное распространение туркестанских животных, стр. 106.

26. О внутренностях кавказского оленя скажу лишь несколько слов. Левое легкое у него двухлопастное, а правое – пятилопастное. Печень почти цельная, только одна маленькая лопасть ее отделена довольно глубокой бороздой, прочие же очень мелкими. Второй желудок испещрен множеством красивых клеток; некоторые из них очень мелки, другие же имеют линии 4 в диаметре. Третий желудок усеян множеством складок шириною дюйма в дна, а в четвертом находятся лишь небольшие, неправильно расположенные складки. Почти гладкие, не бугристые.

27. В Западной Европе не раз наблюдались случаи, когда дерущиеся олени так сплетались своими рогами, что не могли отцепиться друг от друга. О подобных случаях говорит Брэм, несколько их приводит Ленц (Die Säugethiere, S. 498) и другие. Даже после смерти оленей такие рога невозможно разнять, не отрезав несколько отростков. Два черепа с рогами, подвергшиеся такому сплетению, изображены в атласе Мейера на таблице 30. За все время своих путешествий по Кавказу я только раз слышал о подобном случае от одного из местных жителей. Это уже доказывает, что кавказские олени не дерутся с таким ожесточением, как веропейские.

28. Таким же образом олень и лань становятся в воду, если их очень долго гоняют гончие собаки.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èçäàíèþ:
Динник Н.Я. Кавказский олень (Cervus elaphus maral Ogilbi) // Материалы к познанию фауны и флоры Российской Империи. – 1902. – Вып. 6.

Ï Î ×Å× Í Å È ÄÀÃÅÑÒÀ Í Ó

I

Город Грозный и его климатические особенности. Природа окрестностей Грозного. Слобода Воздвиженская. Флора и фауна окружающих ее мест. Аргунское ущелье. Его леса. Шатой. Соной и его окрестности. Ущелье Аргуна выше Шатоя.

Город Грозный, в который я приехал в двадцатых числах июня 1904 года, был начальным пунктом моих путешествий по Чечне и Дагестану. О самом Грозном я скажу лишь несколько слов. Он расположен под 43°19' северной широты и 45°42' восточной долготы на высоте 125 метров над уровнем моря. Благоустройством город похвалиться не может, хорошим климатом и местоположением также не отличается. Малярия — самая обыкновенная здесь болезнь, а в летние месяцы частенько бывает и дизентерия. Ветры дуют в Грозном очень часто, а в течение почти всего лета стоит невыносимая жара. В июле средняя температура равняется здесь 24,3° Ц., а в августе 24,4°. В этом отношении Грозный превосходит все пункты Кавказа, метеорологические данные которых нам известны, за исключением Екатеринодара, Петровска, Дербента, Аралыха, Елисаветполя, Баку и Ленкорани. Даже в Сухуме, Кутаисе и Батуме лето в эти месяцы прохладнее, чем в Грозном! В Тифлисе средняя температура августа также ниже, чем в Грозном, а между тем Тифлис, точно так же, как Батум и Кутаис лежит на 3—4° южнее Грозного. Осадков в Грозном выпадает средним числом 502 мм в год.

Из Грозного я отправился на один день на грозненские нефтяные промыслы, которые начинаются от города верстах в 17 и тянутся верст на 5 или на 6. Местность от Грозного до промыслов ровная и имеет степной характер. Своей растительностью она очень напоминает степи Северного Кавказа. Здесь встречается низкорослый кустарник — Amygdalus nana, лакричник (Glycyrrhiza glabra), крушина (Rhamnus), несколько видов шалфея (Salvia nemorosa, S. verticillata, S. Sclarea), Phlomis pungens, Statice, Cichorium officinale, Solanum Dulcamara, Galium, Verbascum, колючие Xanthium spinosum, Centaurea iberica и Carduus nutans, далее Achillea Millefolium, Inula и проч. Все эти растения можно встретить и в степях Ставропольской губернии. На невысоких горах, окружающих Грозненскую равнину, растут кустарниковые заросли, состоящие по преимуществу из колючих кустарников вроде терна (Prunus spinosa), держидерева (Paliurus aculeatus) и крушины (Rhamnus). Птиц в Грозном, по дороге к нефтяным источникам, а также около них мне попадалось замечательно мало. В самом городе я видел только воробьев и одну ласточку, а по дороге к промыслам одного орла (вероятно, Aquila orientalis Cab.), одного скворца и около десятка хохлатых жаворонков (Alauda cristata L.). Мне не попалось здесь на глаза ни одной овсянки, ни одного чекана, ни луня, столь обыкновенных во всех степных местностях Кавказа. Не видел я ни одной ласточки, ни по дороге к промыслам, ни на них. Не знаю, всегда ли бывает здесь так мало птиц. От охотников, живущих на промыслах, я узнал, что в окрестностях Грозного водится довольно много перепелок, куропаток и порядочное количество фазанов. Последних иногда в день убивают до десятка на одно ружье. Зайцев здесь также довольно много.

Все грозненские нефтяные источники расположены на гребне хребта и на склонах его; на дне же долин, находящихся по обеим сторонам хребта, нефти не оказалось, несмотря на то, что в нескольких местах искали ее и закладывали очень глубокие буровые скважины. Вероятно, вдоль гребня хребта во время поднятия его произошел разрыв геологических пластов и через него нефть поднялась вверх. Многие здешние буровые скважины имеют, однако, от 200 до 250 сажен глубины. Фонтанирующий колодезь теперь имеется только один, прежде же их было несколько. По просьбе моего родственника, доктора И.В. Мартынова, служащего, между прочим, и на нефтяных промыслах мне очень любезно было показано здесь все, чем я интересовался; но в круг намеченных мною задач во время путешествия этого года вовсе не входило изучение и описание нефтяных промыслов, поэтому я говорю о них лишь несколько слов.

Из Грозного я отправился в слободу Воздвиженскую, отстоящую от города на 25 верст. Дорога идет здесь сначала по совершенно ровной, открытой степи, а потом входит в широкую, просторную долину (Хинкальское ущелье)[1], проходящую между двух гор — Сюир-корт и Бердыкель. Обе они покрыты лесом, который переходит и на равнину, подступая почти к самой дороге. В степной полосе здесь растет много желтой и белой Althaea, Malva с мелкими листьями и цветами, Solanum Dulcamara, Cichorium oflicinale, а из кустарников чаще всех других попадается держидерево (Paliurus aculeatus), красивое издали, но оказывающееся очень неприятным при ближайшем знакомстве с ним. Этот кустарник распространен здесь очень сильно и образует густые, труднопроходимые заросли, которые покрывают пространства иногда лишь в несколько сажен, а иногда в целые десятины. Одиночными экземплярами оно растет сравнительно редко. Рядом с держидеревом попадается часто крушина, боярышник (Crataegus), бересклет (Evonymus) и шиповник (Rosa). Здесь

встречается также виноград и много бузины двух видов — Sambucus nigra и S. Ebulus. Последняя местами также образует сплошные заросли. Там, где леса подступают к почтовой дороге, растут большие дубы, вязы, много груш, калина-гордовина (Viburnum Lantana), ясень и т.д. По берегам ручьев попадается много вербы.

За долиной, находящейся между упомянутыми двумя горами, дорога снова выходит на открытую местность, но уже несколько иного характера. По мере приближения к горам растительность ее становится все свежее и зеленее, и все чаще и чаще начинают попадаться среди открытой степи различные деревья и кустарники. С этих мест видны уже высокие горы, покрытые почти сплошными лесами, и Аргунское ущелье, недалеко от входа в которое расположена Воздвиженская слобода. По пути от Грозного к Воздвиженской мне попадалось очень мало птиц. Проехав 25 верст, я видел одного ворона, одного сорокопута-жулана (Enneoctonus collurio), одного сарыча и двух сивоворонок.

Во втором часу дня я приехал в Воздвиженскую и расположился на общественной квартире, а перед вечером отправился взглянуть на слободу, с которой был, впрочем, уже знаком по своим прежним поездкам в эти места. Несмотря на небольшое расстояние, отделяющее ее от Грозного, она в климатическом да и во многих других отношениях ничего общего с ним не имеет. Здесь нет летом ни жары, ни пыли, ни духоты, ни ветров, а вечера и ночи не только отличаются прохладой, но бывают даже холодными. Кроме того, вся Воздвиженская, можно сказать, утопает в зелени. На улицах, бульварах, в садах и на дворах растут огромные акации, липы, множество волошских орехов и уксусные деревья. Последние развиваются особенно роскошно в этом благодатном климате, причем листья их достигают в длину более аршина; не менее пышно растут и волошские орехи. Почти на всех дворах и в садах можно видеть, кроме того, много вишен, груш, сирени, ясень и т.д. Хмель вместе с повителью заплетает все заборы и плетни, совершенно скрывая их. Этому очень помогает и крапива (Urtica dioica), достигающая в Воздвиженской высоты более сажени. Обилием зелени Воздвиженская более или менее напоминает Сухум и Батум, но в ней недостает громадных папоротников, рододендронов и многих вьющихся растений, свойственных кавказскому побережью Черного моря. Бамбук, эвкалиптусы, павлонии, олеандры, кипарисы, магнолии и другие растения теплых или даже полутропических стран здесь расти, конечно, не могут вследствие более или менее холодной зимы, но они не растут в диком состоянии и в других более теплых местах Кавказа.

Воздвиженская занимает очень красивое местоположение. Она стоит на высоком и ровном левом берегу Аргуна, на высоте 377 метров (1238 футов) над уровнем моря, верстах в двух от гор и верстах в пяти от входа в Аргунское ущелье. Прежде она была крепостью, и в ней от времен кавказской войны уцелели крепостные постройки и, между прочим, две большие кирпичные башни. Вокруг крепости тянется бульвар с большими тенистыми липами. Кроме этого бульвара есть и другие. Восточный фас крепости располагается вдоль крутого и высокого обрыва, под которым течет Аргун. В зданиях, находящихся внутри крепостной стены, помещаются три батареи 21-ой артиллерийской бригады, а в слободе стоит еще одна или две роты пехоты. Когда-то здесь квартировала часть переяславского драгунского полка. Их красивые казармы и конюшни и теперь стоят у южной окраины слободы. В ней находится еще лесная школа и военное собрание. Водою снабжается Воздвиженская посредством водопровода, разветвления которого проходят по нескольким улицам.

Окрестности Воздвиженской также очень красивы и больше полугода бывают покрыты свежей зеленью. Кроме того, с них открывается очень живописный вид на целую систему горных хребтов, которые по мере удаления к югу становятся все выше и выше. Ближайшие из них покрыты сплошными лесами, на следующих за ними выступает уже пояс альпийских лугов, а еще дальше вверх по ущелью Аргуна видны два высокие скалистые гребня, на склонах которых извиваются красивые полосы и длинные змейки вечного снега. Климатические условия Воздвиженской далеко лучше, чем Грозного. Днем в летнее время в Воздвиженской хотя и бывает довольно жарко, но, начиная с вечера и до восхода солнца, дует с гор прохладный ветерок, заметно понижающий температуру воздуха; поэтому утром, вечером и ночью, как я уже говорил, здесь бывает всегда сравнительно прохладно. В 6 часов утра в самом конце июня я наблюдал обыкновенно температуру от 16 до 18° Ц., а 28 июня даже в 9 часов утра было только 15 $^1/_2$°. В Грозном в это время бывает обыкновенно более 20°. Вода в Воздвиженской лучше, чем в Грозном, а Аргун сравнивать по свежести воды с Сунжей даже невозможно. Принимая во внимание все это, нельзя не задать себе вопрос, почему окружным городом этой части Терской области сделана бывшая крепость, а впоследствии станица Грозная, а не Воздвиженская, которая несравненно лучше Грозного во всех отношениях и отстоит от него всего лишь на 25 верст? Воздвиженская своим местоположением и климатом напоминает Владикавказ, Алагир, Нальчик, и в нее многие, в особенности люди, любящие природу, ехали бы с удовольствием, тогда как из Грозного они стремятся бежать. Не томились бы там от жары и духоты в течение месяцев четырех дети служащих и вообще подрастающее поколение, которое росло и крепло бы под благодатным небом Воздвиженской гораздо лучше, чем в Грозном. Это особенно следовало бы иметь в виду потому, что в Грозном существует несколько учебных заведений и в том числе многолюдное в будущем реальное училище, и что число их с течением времени будет возрастать все больше и больше.

Раза два мне приходилось слышать о Воздвиженской, как о месте с лихорадочным климатом, но мне кажется, что мнение это несправедливо. Присматриваясь к жителям ее, я среди них вовсе не видел желтых изможденных лиц, которые так часто попадаются на глаза в лихорадочных местностях; кроме того расспрашивая жителей относительно лихорадок, я узнал, что болеют ею они сравнительно редко.

Во время моей поездки по Грозненскому округу в окрестностях Воздвиженской было так неспокойно, что жители слободы не без страха ездили на полевые работы за какие-нибудь 2—3 версты. В один месяц здесь было убито пять слобожан, и это приписывалось абрекам-чеченцам, бежавшим из грозненской тюрьмы. Последнее убийство было совершено за два дня до моего приезда в Воздвиженскую в 9 часов вечера на улице внутри слободы, в которой стоит, как уже было замечено, столько войск (артиллерия, пехота). Выстрелом из ружья был смертельно ранен пятнадцатилетний мальчик. Незадолго перед этим убили, также из ружья, в поле, верстах в двух от слободы старика, собиравшегося везти домой траву. Рассказы о всех этих событиях производили не особенно приятное впечатление, в особенности, когда надо было одному забираться в леса, балки, бурьяны, густые кустарники и т.д., где можно было на каждом шагу подвергнуться неожиданному нападению. Хотя, отправляясь в такие места, я имел всегда при себе ружье или револьвер, но при внезапном нападении, притом не в открытой местности, а в чаще, особенной помощи от них не всегда можно было бы ожидать.

На другой день по приезде в Воздвиженскую я рано утром отправился пешком верст за 7 или 8 на запад от нее, чтобы познакомиться с природой ее окрестностей. Растительность здесь очень разнообразна и богата. Благодаря обилию атмосферных осадков с одной стороны, а с другой — вследствие того, что сюда вовсе не проникают сухие восточные ветры, здесь все растет прекрасно и среди полей всюду разбросаны не только кустарники, но и большие деревья с пышными кронами. Особенно украшают здешние поля большие груши, которые попадаются всюду отдельными деревьями или небольшими группами. Очень много растет на полях алычи (Prunus divaricata Led.), с желтыми и красными плодами, и шишек (Mespilus germanica). Особенно много последних на правом берегу Аргуна, где чеченцы собирают их в огромном количестве и всю зиму носят для продажи в слободу и в Грозный. Русские делают из них вкусный квас. Алыча встречается около самой слободы в лесах и на всех полянах. Очень много растет здесь крушины, шиповника (Rosa canina и другие), огромные кусты которого образуют на полях сплошные заросли. Очень часто встречается бузина, особенно Sambucus Ebulus и ежевика (Rubus fruticosus). Она имеет белые цветы, крупные, почти черные плоды, но ростом своим сильно уступает ожине (Rubus discolor) Западного Кавказа; стебель ее значительно тоньше, не поднимается так высоко, а более или менее стелется по земле; кроме того и шипы, сидящие на нем, гораздо мельче. В лесах преобладающими породами являются бук (Fagus silvatica) и бучина или граб (Carpinus Betulus), но часто попадается липа, дикая черешня с горькими, почти черными плодами, орешник (Corylus Avellana), верба, кизиль (Cornus Mas), свидина (Cornus sanguinea), обыкновенная калина (Viburnum Opulus) и т.д.; дуб в ближайших к слободе лесах встречается редко, но его много на южных склонах ближайших гор в казенных лесах. Здесь из него заготовляется в изрядном количестве трость, из которой делаются бочки и бочонки. Яблони и груши в лесах встречаются очень часто, но среди них нет вовсе более или менее порядочных сортов, как это наблюдается в лесах Кубанской области и Черноморской губернии. Чеченцы, следовательно, никогда не разводили садов на полянах в своих лесах и на их опушках.

Травянистые растения окрестностей Воздвиженской представляют еще гораздо большее богатство и разнообразие. Из них я назову только те, которые встречаются наиболее часто и особенно обращают на себя внимание. К ним принадлежит Verbascum с огромными, почти в аршин длиною, кистями красивых крупных светло-желтых цветов, огромные Melilotus officinalis, Lotus corniculatus, Linum nervosum, Lamium maculatum с розоватыми или светло-лиловыми цветами, глухая крапива (Lamium album), клевер (Trifolium pratense), Leonurus Cardiaca, Delphinium с красивыми голубыми цветами, Circaea Luteciana, различные виды гераней, истоды (Polygala), зверобой (Hypericum perforatum), Seabiosa ochroleuca, розовая Althaea, Malva, синяк или румянка (Echium vulgare), конский щавель (Rumex crispus) и т.д. В общем растительность окрестностей Воздвиженской сильно отличается от степной растительности Грозного. Не встречается уже ни Amygdalus nana, ни Phlomis, ни Glycyr-rhiza; а Paliurus aculeatus попадается только к северу от слободы, то есть ниже нее. Рододендронов около Воздвиженской я не видал вовсе. Жители ее занимаются по преимуществу земледелием. Они сеют пшеницу, кукурузу, разводят картофель, и все это растет здесь прекрасно. Птиц в окрестностях Воздвиженской несравненно больше, чем около Грозного. Витютни (Palumbus torquatus Aldr.), обыкновенные дикие голуби (Columba livia Briss.) и горлицы (Turtur auritus Gray) утром и вечером летают здесь целыми стаями. Часто встречается и клинтух (Columba oenas Gm.). Ночуют и гнездятся все эти птицы в лесах и на окаймляющих ущелье Аргуна скалах, а когда начинает поспевать хлеб, и особенно, когда приступают к уборке его, они ежедневно в одиночку и целыми стаями летают на поля кормиться. Часов в 8—9 утра голуби возвращаются в леса на отдых, охотно останавливаясь на короткое время по берегам ручьев и речек, а с 4 или 5 часов пополудни

снова отправляются на поля и остаются там до самого вечера. За голубями здесь охотятся очень многие и убивают их немало. Порядочное количество горлиц я встречал на Аргуне, куда они прилетают пить. Перепелов в окрестностях Воздвиженской много, соек я не видел вовсе, сороки также не встречаются, но ворон и серая ворона не составляют редкости. Иволги (Oriolus galbula L.) и черные дрозды (Merula vulgaris Leach.) живут во всех садах Воздвиженской и попадаются, особенно дрозды, очень часто в окрестностях ее. Сорокопут-жулан (Enneoctonus collurio L.) представляет самую обыкновенную птицу, но других сорокопутов мне не попадалось здесь. Щеглы, полевые воробьи (Passer montanus Briss.) и зяблики всюду встречаются внутри слободы. Домашний воробей (Passer domesticus Briss.) попадается заметно реже. Овсянки (Emberiza hortulana Briss.) встречаются на полях, но не особенно часто; то же можно сказать об удоде (Upupa epops L.); щурка же (Merops apiaster L.), наоборот, попадается очень часто. Городская ласточка (Clielidon urbica L.) и деревенская (Hirundo rustica L.) встречаются как в поле, так и в слободе очень часто; то же можно сказать и относительно обыкновенного стрижа (Cypselus apus L.). На берегах Аргуна я встречал еще белых плисок (Motacilla alba L.). Из хищных птиц на полях и опушках лесов я наблюдал довольно много краснохвостых сарычей (Buteo Menetriezi Bogd.), видел несколько раз ястребов-перепелятников (Nisus communis) в самой слободе, а в поле еще двух хищников, по окраске, а также по форме крыльев и хвоста похожих на осоеда (Pernis apivorus L.). Серые куропатки, по словам охотников, встречаются здесь чаще зимою, чем летом, но вообще редки. Фазаны изредка встречаются и теперь около Аргуна по зарослям облепихи (Hippophae rhamnoides), а также выше слободы, за лагерем, и в зарослях около речки Гойт к юго-западу от слободы. Прежде, как мне говорили, фазанов было здесь много, но большую часть их погубила одна суровая зима в 80-х годах. После нее фазаны исчезли совершенно, а в последние годы стали понемногу размножаться. Весной во время перелета здесь много бывает вальдшнепов и коростедей (Crex pratensis L.). Зимою в окрестности Воздвиженской иногда накочевывает много дроф. Случается, впрочем, это довольно редко.

На следующий день я пешком предпринял другую экскурсию — вверх по Аргуну, также верст за 8 от слободы. Аргун течет здесь в довольно глубокой впадине и по выходе из гор разбивается на множество рукавов. Русло его вместе с берегами, заваленными камнем, и низкими островами имеет в ширину против Воздвиженской более полуверсты. Течет Аргун очень быстро и несет мутную воду. Температура ее 28 июня в 9 часов утра равнялась только 15 $^1/_2$° Ц. Берега Аргуна и большая часть островов покрыты лесом, заметно отличающимся от прочих лесов, которые растут в окрестностях Воздвиженской. Здесь встречается много ольхи (Alnus incana), черноольхи (A. glutinosa), тополя (Populus nigra), вербы различных видов и особенно облепихи (Hippophaë rhamnoides); попадается также осина, виноград и другие деревья и кустарники.

По левому берегу Аргуна проходит шоссейная дорога от Воздвиженской к Шатою. По сторонам ее тянутся поляны и растут леса. В них встречается много вяза (Ulmus catpestris), липы, боярышника (два вида), винограда, яблони, груши, Cornus sanguinea и т.д. Из травянистых растений здесь часто попадается Vincetoxicum, белена (Hyosciamus niger), Sambucus Ebulus, образующая целые заросли, Cichorium officinale, Lysimachia vulgaris и т.д. Из птиц я видел двух грязных сипов (Neophron percnopterus L.), нескольких орлов, одного коршуна (Milvus ater L.), луня (Circus cyaneus L.), пять воронов, одного черноухого чекана (Saxicola aurita Temm.) и довольно много горлиц, витютней и черных дроздов.

Из пресмыкающихся я встречал около Воздвиженской несколько раз степную гадюку (Vipera Renardi Christ.) и однажды едва не прижал ее нечаянно рукою, подкрадываясь к витютням. Неоднократно я находил убитых гадюк, валявшихся на дороге, а однажды в течение часов трех видел здесь двух живых гадюк, из которых одну поймал, да одну уже убитую. Все это показывает, что гадюка встречается здесь довольно часто; но случаев укушения ею людей, как сообщали мне жители слободы, не бывает. Довольно часто встречается вблизи Воздвиженской кольчатый уж (Tropidonotus natrix L.) и очень много ящериц. Горная ящерица (Lacerta muralis Laur.) попадается сравнительно редко и только по скалистым местам; чаще нее встречается зеленая ящерица (L. viridis L.), а еще гораздо чаще прыткая (L. agilis L.). На полях скошенного хлеба и в редкой траве последнюю можно видеть почти на каждом шагу. Собранные мною экземпляры ее имели по три узкие светлые полоски, проходящие вдоль спины. Одна из них тянется по самому хребту и разделяет темную спинную часть на две ровные половины, а другие две отделяют эту часть от боков, более светлых. Спина у этой ящерицы буровато-зеленоватая с продольными рядами крупных черных пятен; живот зеленоватый. По всем признакам эта ящерица подходит к L. agilis ar. orientalis, описанной для восточной России и Кавказа К.Ф. Кесслером[2]. По вечерам в Воздвиженской кричит много древесниц (Hyla arborea Wagl.), а в лесах очень часто попадается травяная лягушка (Rana temporaria L.). Из рыб в Аргуне водится пескарь, усач и, как говорили мне, изредка попадается шемая (Alburnus clupeoides L.). Форели около Воздвиженской нет, но она часто встречается почти во всех речках и ручьях, текущих в горах.

Чтобы закончить перечисление позвоночных животных, водящихся в окрестностях Воздвиженской, надо сказать хотя несколько слов о млекопитающих. Я познакомился с ними главным об-

разом не в последнюю описываемую мною поездку, а раньше, когда приезжал сюда зимою; многое о зверях этой местности я узнал от охотников, как русских, так и чеченцев, которых тщательно расспрашивал об этом предмете.

Кабаны очень редко встречаются в лесах, принадлежащих слободе, но в казенных еще и теперь их довольно много. Отсюда они часто отправляются на кукурузные поля, находящиеся на слободской земле, особенно, если они расположены недалеко от леса. В этом отношении кабаны приносят немало вреда, и жителям приходится каждую ночь караулить кукурузу во время ее созревания. Здесь же производится и ночная охота на кабанов. Убитых в этих местах кабанов я осматривал несколько раз. Они не отличаются никакими существенными признаками от кабанов западного Кавказа, но, в общем, уступают им по величине. Я видел здесь только одного довольно порядочного кабана, который в средине зимы, будучи сильно худым, весил пудов 5 и имел в длину около 5 футов. Но таких великанов, какие встречаются в Кубанской области, здесь, вероятно, нет вовсе, потому что нет для них такого приволья вследствие густоты населения в горах; кроме того, в лесах здесь фруктов гораздо меньше. Дикие козы попадаются в слободских лесах, но гораздо больше их в казенных. Убитых я видел только двух и обе они принадлежали к виду Capreolus pygargus Pall. Вероятно, здесь водится Capreolus caprea Gray. Довольно много свиных и козьих следов мне попадалось зимою на горе Чахтыр (3169 футов), северный склон которой покрыт лесами, принадлежащими слободе, а южный — казенными. Олени (Cervus elaphus maral Ogilby) встречаются в лесах в 10—15 верстах от слободы и притом в количестве сравнительно небольшом. Мне говорили, что довольно много их водится в больших сплошных лесах, растущих в верховьях Ассы и Фортанги, отстоящих от Воздвиженской версте на 40. Таких толстых, массивных рогов и притом с такими сильно развитыми кронами, какие часто встречаются у оленей Кубанской области, я здесь не видел вовсе. Медведи в лесах около Воздвиженской встречаются довольно часто и вместе с кабанами нередко производят порядочные опустошения на полях, засеянных кукурузой. Волки и лисицы также довольно обыкновенны в этих местах. Убитых лисиц мне приходилось видеть раза два. Они принадлежали к типичной Vulpes alopex L. и имели красноватую окраску, как вообще лисицы Северного Кавказа. Довольно много их добывается чеченцами, слобожане же за ними охотятся сравнительно мало. Рыси также встречаются в горах около Воздвиженской не особенно редко. Однажды во время облавы на одного моего приятеля вышло сразу три рыси и из них две были убиты им. К сожалению, здешней рыси мне не пришлось видеть. Дикие коты, барсуки и выдры или порешни также попадаются в окрестностях Воздвиженской, а, хорьки хотя и встречаются, но, как и везде в горной полосе, сравнительно редко. Убивали их иногда в самой слободе. Зайцев довольно много, и зимою здесь охотятся на них. В слободе же вечером летает очень много летучих мышей, но мне не удалось добыть их, поэтому не могу сказать, к каким родам и видам принадлежат они.

Из Воздвиженской мною было предпринято несколько поездок по окружающим ее местам, а также в Шатой, Евдокимовское и дальше в горы, расположенные вокруг верховьев Аргуна и его притоков.

Дорога от Воздвиженской к Шатою идет сначала по широкой долине Аргуна, где он вышел уже из гор и течет по плоскости, а на 8-й версте она входит в ущелье Аргуна. Здесь по обе стороны его поднимаются средней высоты горы, покрытые лесами. У подножья одной из этих гор, на правом берегу Аргуна, виднеется чеченский аул Дуба-юрт, а несколько выше него, на левом берегу реки находятся остатки бывшего Аргунского укрепления. Недалеко от него сливаются друг с другом два главнейшие истока Аргуна — Чанты-Аргун и Шаро-Аргун. В этом месте по длинному деревянному мосту шоссейная дорога переходит на правый берег Чанты-Аргуна и тянется по нему до самого Шатоя. От моста видна довольно высокая и крутая гора, которая составляет северную оконечность хребта, разделяющего два большие глубокие ущелья; по ним протекают оба только что упомянутые истока Аргуна. Верстах в четырех от моста, на левом берегу Шаро-Аргуна находится аул Дачу-барзой, а недалеко от него другой аул — Улускерт. Оба они расположены в лесистой местности. В окрестностях их мне не раз приходилось охотиться, поэтому я имел случай порядочно ознакомиться с животной и растительной природой их. В этих лесах растет много бука, но здешние буковые леса совсем не таковы, как на Западном Кавказе, где прямые и лишенные ветвей на протяжении сажен 15 от земли громадные стволы с светло-серой корой более похожи на какие-то исполинские колонны, чем на деревья. Дуб зимний (Quercus sessili-flora Gm.) встречается очень часто, но также не достигает такой толщины и особенно высоты и не образует таких чистых и сплошных насаждений, как, например, в горах Кубанской области. Дуб летний (Q. pedunculata Elirb.) встречается здесь значительно реже. По этим причинам заготовление трости для бочек и кадок, а также клепки в окрестностях Воздвиженской развито сравнительно слабо. В 90-х годах, по словам лесничего, заготовлялось всего лишь 2—3 тысячи тростей в год. На высоких местах дуб попадается еще реже, чем на плоскости и вообще на низких местах. Сплошные, чистые дубовые насаждения встречаются, впрочем, в горах Чечни, но на местах, более или менее удаленных от населенных пунктов, например, в лесах по левую сторону Чанты-Аргуна. Клен и ясень растут во всех лесах, но в небольшом сравнительно количестве. Обыкновенной ольхи и черноольхи (Alnus incana и A. glutinosa) очень много, причем последняя часто образует очень чистые насаждения с прямыми

и высокими деревьями. Липа попадается значительно чаще, чем клен или ясень, но вяз (Ulmus) сравнительно редок. Очень много растет в здешних лесах орешника (Corylus Avellana), который часто образует сплошные заросли. Рододендронов относительно не так много и рост их сравнительно невелик, но есть места, где они образуют такие обширные, густые заросли, через которые едва можно пробраться человеку. Плющ попадается в количестве гораздо меньшем, чем в лесах Кубанской области и Черноморской губернии, а падуб (llex Aquifolium), самшит или кавказская пальма (Buxus sempervirens) и Staphylea pinnata, составляющие принадлежность наиболее влажных местностей Западного Кавказа, здесь не встречаются вовсе. Не видел я и жасмина (Philadelphus coronarius). Наоборот, негной, или тисс (Taxus baccata), на возвышенных местах встречается довольно часто, хотя сильно истребляется. Его рубят даже для телеграфных столбов. Обыкновенная калина и калина-гордовина (Viburnum Opulus и V. Lantana) попадается часто, но последняя по преимуществу на высоких горах, у верхней границы лесов. Осина (Populus tremula) растет во многих местах отдельными куртинами. Боярышник с красными и черными ягодами распространен по преимуществу на опушках лесов, у подножья гор. Ожина (Rubus discolor) не встречается здесь вовсе; на полянах и опушках растет повсюду ежевика (R. fruticosus), а в тенистых лесах стелется по земле еще один вид ее — R. caesius. Папоротник-орляк (Pteris aquilina), с которым приходится жителям многих местностей Западного Кавказа вести самую упорную борьбу, здесь попадается редко и не достигает такого роста, как в Кубанской области или Черноморской и Кутаисской губерниях. Очень часто встречается другой вид папоротников — Struthiopteris germanica, который растет во всех лесах и на небольших сырых полянах в значительном количестве.

Несколько выше бывшего Аргунского укрепления начинается так называемое Аргунское ущелье, известное как по своей красоте, так и в истории Кавказской войны. По этому ущелью течет Чанты-Аргун, вдоль берега которого проведена шоссейная дорога до Шатоя и дальше до Евдокимовского. Перед въездом в это ущелье открывается красивый вид на покрытый почти сплошными лесами высокий хребет Даргендук, который тянется далеко на юго-восток между ущельями Шаро-Аргуна и речки Вашендерой, делается постепенно все выше и выше и переходит за верхнюю границу лесов. В южной части вблизи Нюй-корта и Ален-Джейран-корта высота его доходит до 7280 футов. На скалах Даргендука держатся кое-где серны, вообще редкие в этой местности, а на юго-восточном склоне его, на пригревах, недалеко от аулов Нюхой и Зильберой зимою бывает очень много диких свиней. Северный склон Даргендука покрыт сплошным лесом, в котором водятся еще дикие козы, олени, кабаны, медведи, волки и другие звери. Со склонов Даргендука и его продолжения вытекает много речек, впадающих частью в Шаро-Аргун, а главным образом в Вашендерой и Джалку. Вдоль подъема на Даргендук тянется очень широкая просека. Весною 1857 года по ней двигались русские войска, направлявшиеся к Шатою, на ней встречали праздник Пасхи. У подножья Даргендука и в долине речки Вашендерой я несколько раз охотился с моим приятелем, здешним лесничим, покойным Н.П. Борисенко. В этих местах, кроме лисиц и зайцев, мы также встречали медведей, диких коз и много кабанов. В одном гаю большой гурт свиней вышел на меня и Н.П., и три из них были убиты нами. В другой раз на одного охотника вышло сразу три медведя.

Аргунское ущелье от своего начала до Шатоя на протяжении верст 20 очень красиво. Река с темной мутной водой несется в глухой, мрачной теснине, прыгая с камня на камень и со скалы на скалу. По обеим сторонам ее поднимаются высокие, очень крутые горы, покрытые густыми лиственными лесами. Во многих местах над зеленью этих лесов выдаются то отдельные скалы, то группы их или даже целые ряды и галереи, расположенные друг над другом. Ущелье имеет вообще более или менее мягкий, ласкающий вид и лишено той дикости, которой отличаются многие ущелья Кавказа, окруженные высокими безлесными горами.

В 25 верстах от Воздвиженской ущелье Аргуна сильно расширяется вследствие того, что здесь в Аргун впадают с правой стороны две небольшие горные речки. В этом месте расположен Шатой, составляющий самый людный пункт горной Чечни. В нем стоит один батальон пехоты и батарея старых, с дула заряжающихся орудий. Ехать до Шатоя приходится все время по хорошему шоссе, по сторонам которого на протяжении нескольких десятков сажен лес расчищается для более безопасного проезда.

Шатой расположен на правом берегу Аргуна, на высоте приблизительно 2000 футов над уровнем моря. Он занимает красивое местоположение и окружен со всех сторон довольно высокими лесистыми горами. Из них, прежде всего, обращает на себя внимание гора Хайкалам (5859 футов). Она имеет широкую куполообразную вершину, подъем на которую начинается у самого Шатоя и непосредственно от шоссейной дороги. Большая часть этой горы покрыта густым некрупным лесом, в котором растет очень много дуба. На западной окраине Шатоя на дне глубокой с отвесными стенами балки течет Чанты-Аргун. Шатой населен частью русскими, частью туземцами-кистинами (чеченцами)[3]. В нем находятся казармы для солдат и много чистеньких, беленьких домиков с железными крышами. Эти домики делают очень красивыми вид на Шатой, если смотреть на него с соседних гор. Шатой отличается хорошим здоровым климатом. В лесах, окружающих его, также водится довольно много дичи — медведей, волков, лисиц, оленей, диких коз и свиней. Лет 10 тому назад медведь был убит почти в самом Шатое, а кабанов мне приходилось неоднократно видеть в

нескольких верстах от Шатоя. Они водятся и на Хайкаламе, куда привлекает их обилие желудей, а также густые дубовые заросли, не теряющие листьев даже зимою. В них свиньям очень хорошо укрываться от врагов.

Во время зимнего посещения этих мест я предпринял из Шатоя поездку в один из самых глухих аулов Чечни — в Соной, окруженный со всех сторон лесами. Он расположен к юго-востоку от Шатоя, но уже не в ущелье Чапты-Аргуна. Недалеко от Шатоя мы должны были проезжать через множество маленьких чеченских поселений (Памятой, Бекум-кале, Маршин-кале, Хали-кале и т.д.), дальше же дорога потянулась лесом, по совершенно глухой местности. Соной представляет маленький чеченский аульчик, расположенный очень высоко на небольшой поляне, которая окружена обширными лесами, состоящими по преимуществу из бука (Fagus silvatica). Он отстоит от Шаро-Аргуна по прямой линии всего лишь верст на шесть.

Из Соноя мы ездили несколько раз на охоту, но неудачно. Стрелять пришлось только одного большого кабана, который, будучи ранен, бросился на собаку и клыком рассек ей ногу. Во время поездок по окрестностям Соноя я видел довольно много птиц — воронов, обыкновенных ворон, сорок, соек (Garrulus-Krynickii Kalen.), снегирей, хохлатых жаворонков (Alauda cristata L.) и горных овсянок (Emberiza cia L.). Последние живут здесь зимою по преимуществу на дворах вместе с воробьями, а летом на полях, вблизи дорог, и вообще на открытых местах. Часто попадаются пестрые дятлы (Picus Poelzami Bogd.), которые летают на дворы и даже в сараи, как это наблюдал я сам. Около Соноя я видел ягнятника (Gypaetus barbatus L.) и двух дроф, которые высоко летели прямо на юг с очевидным намерением перебраться через Главный Кавказский хребет в Закавказье. По дороге к Соною 28 декабря попадались мне также дрозды-дерябы (Turdus viscivorus L.) и зяблики, которые, следовательно, зимуют здесь.

Во время одной облавной охоты недалеко от Соноя мне пришлось в ясный солнечный день сидеть в ожидании кабанов на вершине гребня, на высоте более 4000 футов у самого обрыва над глубоким ущельем Шаро-Аргуна. С занимаемого мною места открывались такие бесподобные картины, какие мне редко приходилось видеть. Надо заметить, что в это время все ущелье, все балки и горы, за исключением отвесных скал, были сплошь покрыты снегом и блестели как будто бы одетые серебром или усыпанные алмазами. На этом белом блестящем фоне необыкновенно красиво и с замечательной отчетливостью обрисовывались не только целые леса, но и отдельные деревья, находившиеся от нас на расстоянии целого десятка верст. Особенно красиво выделялись небольшие островки леса, растущего у самого верхнего пояса гор и окруженного со всех сторон снегами. Внизу, на дне ущелий, леса были серебристо-белыми от осевшего на деревья инея, а ближе к вершинам гор казались черно-синими или почти черными. Самые очертания гор были также замечательно красивы. В западной стороне возвышались две рядом стоящие громадные пирамиды, внизу покрытые лесом, а наверху белые, блестящие и без малейшего темного пятнышка. Левее и почти прямо на юге, над глубоким ущельем Шаро-Аргуна была видна еще одна высокая, покрытая снегом гора; вдоль склонов ее располагались в несколько параллельных ярусов черные уступы отвесных скал. На юго-востоке тянулся необыкновенно красивый кряж — Дайские горы[4], с длинным рядом стройных остроконечных пирамидальных вершин, а за ним виднелся еще более высокий хребет, с более плоскими и притуплёнными вершинами, сплошь покрытый снегом. Внизу, на дне глубокого ущелья, шумел Шаро-Аргун, имевший вид узкой и извилистой темно-зеленой ленты. Вследствие необыкновенно быстрого течения он никогда не бывает скован льдом. Очень красивы были и те скалы и кручи, которые поднимались над берегами Аргуна и составляли бока той теснины, по которой он течет. Летом, когда на всех этих горах снега почти нигде нет, они, без сомнения, представляются гораздо менее красивыми, чем в зимнее время.

За Шатоем долина Аргуна остается на некотором протяжении более или менее просторной и широкой, а затем быстро суживается, превращаясь в настоящую теснину. Здесь в ней есть много замечательных по красоте мест. Аргун течет в глубокой пропасти с совершенно отвесными белыми стенами из разделяющегося на тонкие горизонтальные пласты известняка. Над самым краем этой пропасти по узкому карнизу, высеченному в скалах, вьется шоссейная дорога, а над нею громоздятся еще более высокие белые же отвесные скалы. На самом верху их растет мелкий, но очень густой лес. С места, находящегося при начале этой теснины, открывается очень красивый вид на север — на Хайкалам, Шатой и все окружающие его горы.

Выше этих мест, находящихся всего лишь верстах в 5—6 от Шатоя, Аргунское ущелье становится еще более узким и тесным. Здесь находится аул Нихалой, а против него через страшно глубокую и необыкновенно узкую пропасть, на дне которой в темной мгле с ревом несется Аргун, переброшен узкий, зыбкий, сделанный из плетня мостик для пешеходов. Русские называют его Чертовым мостом. Он висит над водою на высоте не менее 30 сажен[5]. Когда проходишь по нему, он так сильно качается под ногами вверх и вниз, что чувствуешь себя как будто бы на качелях, но, конечно, далеко не так покойно. Мысль о том, что этот мостик легко может оборваться и что тогда придется вместе с ним полететь в такую страшную бездну, где течет не река, а бешеный мутный поток, способный в несколько секунд превратить человека в бесформенный кусок мяса, — мысль эта действует на нервы очень неприятно. Мостик в этом месте существовал, как говорят, еще во времена Шамиля.

II

Башин-кале. Ущелье Аргуна выше Башин-кале. Евдокимовское укрепление. Фауна и флора его окрестностей. Река Хельдихерой. Подъем к Санчхою. Аул Чамгой. Тюиллой и его обитатели. Котловина Мацехчу и окружающие ее горы. Охота за турами. Пойманный туренок.

Верстах в десяти от Шатоя, вверх по ущелью Чанты-Аргуна, находятся развалины укрепления Башин-кале. Перед ним Аргунское ущелье делается еще красивее, чем вблизи Шатоя, но приобретает уже более суровый и дикий характер. Оно окаймлено почти отвесными беловатыми скалами, напластование которых страшно перепутано. Очевидно, здесь когда-то происходили частые сильные сдвиги, смещения и разрывы геологических пластов. Против самого Башин-кале ущелье Аргуна снова расширяется, причем скалы отходят на задний план, а вместо них выступают более или менее пологие склоны гор, которые в начале лета бывают покрыты изумрудно-зеленой травой и хлебными полями. Среди них возвышаются кое-где красивые группы скал. Здесь же разбросаны отдельные домики чеченцев. Над этими местами виднеются уже вершины гор, покрытые лесами. От бывшего укрепления Башин-кале к Аргуну идет крытая камнем подземная галерея. По ней во время Кавказской войны наши солдаты ходили из укрепления к речке за водой, не подвергаясь при этом опасности попасть под неприятельские пули, которые пускались в них с соседних гор и лесов.

Тотчас за Башин-кале Аргунское ущелье очень сильно суживается, превращаясь в теснину с совершенно отвесными высокими стенами. В некоторых местах Аргун делается здесь таким узким, что через него можно было бы перепрыгнуть, если бы это не представляло особенной опасности. Есть места, где ширина его не превосходит 5–6 аршин. Зато с какой страшной быстротой и ревом мчится он между скалами! В этой теснине также переброшен через него на головокружительной высоте легкий качающийся мостик, который напоминает описанный уже Чертов мост. Недалеко от этого мостика мы в первый раз встретили в ущелье Шаро-Аргуна сосны.

Выше мостика ущелье Аргуна снова заметно расширяется, и здесь в нем находится много необыкновенно красивых мест. По берегу реки, которая бешено мчится между выступами скал и грудами камней, извивается шоссейная дорога, а над нею громоздятся высокие отвесные или даже нависшие скалы. В некоторых местах на них уцелели старинные четырехугольные каменные башни, защищавшие ущелье от вторжения неприятеля. В этой части ущелья лесов уже почти нет, но на скалах, а в особенности у подножья их растут различные кустарные породы. К ним принадлежат барбарис, которого местами даже очень много, один вид Spiraea (волжанка, из которой делают палки, кнутовища и ручки для плетей), можжевельник (особенно карликовый можжевельник – Juniperus nana) и, наконец, прославленная кузьмичева трава (Ephedra sp.). Кое-где встречаются здесь более или менее сплошные дубовые заросли, но они состоят по преимуществу из кривых низкорослых деревцев. Выше Башин-кале я видел, кажется, единственный в этой местности волошский орех. Из травянистых растений и здесь очень часто попадается Vincetoxicum nigrum.

Скалы, ограничивающие Аргунское ущелье, образовались из нептунических пород. На протяжении многих верст от Шатоя они состоят из известняков белого или светло-серого цвета. Внутри этой породы часто встречаются крупные и мелкие кристаллы известкового шпата, а в одном месте между толщами обыкновенных известняков (углекислая известь) залегают пласты алебастра, который и добывается здесь чеченцами для продажи. Еще выше, вдоль ущелья, за известняками тянутся песчаники, образующие также высокие скалы, но простирающееся не непрерывно, а чередуясь то с глинистыми сланцами, то с известняками. Глинистые сланцы имеют здесь серый или почти черный цвет, какой бывает обыкновенно у аспидного сланца, а известняки во многих местах сильно выветрились, потемнели и сделались рыхлыми и ноздреватыми. В одном месте, на левом берегу Аргуна, в скалы внедрено множество особого рода конкреций в виде правильных шарообразных бомб величиною с большой арбуз или даже порядочную тыкву. Они имеют почти тот же состав, как и заключающие их скалы, и, как кажется, никаких особенных образований внутри себя не содержат.

Верстах в 3–4 от Башин-кале, против небольшого аула Денкале, в Аргун впадает с правой и с левой стороны по одной речке, и Аргунское ущелье снова заметно расширяется; но и здесь оно имеет очень бедную растительность и потому отличается печальным, унылым видом. Еще выше, именно верстах в семи от Денкале, расположено на Аргуне Евдокимовское укрепление; за ним следует уже настоящая глушь, где русских совсем нет, а живут в самых маленьких горных аулах только чеченцы или, точнее, кистины.

Евдокимовское состоит из каменной башни, построенной на откосе горы, маленькой крепостцы и аула Итум-кале, населенного чеченцами. В крепости живет офицер и находящиеся под его командой солдаты, которые приходят сюда из Шатоя. Так как Евдокимовское не отличается жизненными удобствами, и пребывание в нем представляет своего рода ссылку, то офицер и находящиеся под его командой нижние чины (кажется, один взвод) присылаются сюда на короткое время (на один или на два месяца), по истечении которого возвращаются в Шатой и заменяются другими. Офицеру не с кем сказать здесь слова, так как русских, кроме солдата, нет вовсе, а че-

ченцы народ не только мало развитой, но даже полудикий. Таким образом, положение офицера в Евдокимовском укреплении оказывается скучным до невозможности.

Проезжая через укрепление, мы сделали визит офицеру, который принял нас очень любезно и, как заметно, был рад случаю поболтать с нами час или два. От него я, между прочим, услышал, что около Евдокимовского водится очень много скорпионов; сначала я с недоверием отнесся к этому сообщению, так как не встречал скорпионов ни около Шатоя, ни около Воздвиженской, то есть в местах более низких и теплых, чем Евдокимовское. Я высказал свое сомнение и спросил офицера, не принимает ли он за скорпионов каких-нибудь других пауков или насекомых. Чтобы разубедить меня, он тотчас показал мне коробочку, в которой сидел настоящий скорпион. На обратном пути я занялся около Евдокимовского ловлей этих животных, которых оказалось так много, что за один час мне удалось поймать их штук 50. Почти под каждым камнем можно было найти одного, а нередко двух или трех скорпионов. Это были маленькие, длиною от 4 до 5 $^1/_2$ сантиметров животные, принадлежащие к виду Buthus caucasicus. Они имели довольно темную окраску, в особенности на верхней стороне головогруди. Об укушении ими людей, как мне сообщали, здесь вовсе не слышно. Это можно отчасти объяснить тем, что чеченцы никогда в этой местности не ночуют на полях, предпочитая с работ вечером возвращаться домой; скорпионы же, как известно, днем сидят в своих темных убежищах и только ночью вылезают из них.

Аул Итум-кале, находящийся около крепости, состоит из маленьких невзрачных чеченских саклей. В нем есть, однако, несколько мелочных лавочек. Что касается самого ущелья, то оно около Евдокимовского не так узко и покрыто на большей части своего протяжения приземистой травкой, а кое-где и кустарником, который растет на местах, бывших прежде под лесом.

Около Башин-кале и Евдокимовского нам попадалось довольно много белых плисок (Motacilla alba L.), горных плисок (Motacilla boarula L.) и чеканов (Saxicola oenanthe L.); корольковые вьюрки (Serinus pusillus Pall.) попадаются здесь очень часто, своим голосом и веселым нравом очень оживляют эти мрачные и пустынные места и обращают на себя внимание красивым оперением, особенно самцы, имеющие, как известно, темя и лоб очень яркого огненно-красного цвета. Около Евдокимовского, преимущественно там, где есть кустарники и деревья, часто попадаются дрозды-дерябы (Turdus viscivorus L.), а вблизи скал носятся взад и вперед горные ласточки (Cotyle rupestris Scop.), своей мутно-серой, однообразной окраской очень напоминающие цвет скал. Ворон, серая ворона и красноносая альпийская ворона (Fregilus graculus L.) попадаются тоже довольно часто.

Вблизи Евдокимовского в Аргун впадает с правой стороны речка, которая течет по очень глубокому ущелью с крутыми склонами. Последние вблизи слияния этой речки с Аргуном покрыты мелким лесом, а кое-где более или менее скалисты; что же касается верховьев речки, то там виден крупный сплошной лес. Довольно порядочные и также более или менее сплошные леса растут и в других ущельях и балках. Вообще, около Евдокимовского по Аргуну и его притокам находится много лесов, которые составляют так называемую Евдокимовскую лесную дачу. В ней встречаются почти те же древесные и кустарные породы, которые свойственны лесам, растущим при начале Аргунского ущелья, с тем отличием, что ясень и клен, особенно остролистный попадаются значительно чаще; кроме того, на больших высотах, преимущественно у верхней границы лесов, в этой даче растет много березы, рябины и кавказского горного клена (Acer Trautvetteri Medw.). Издали его деревца, унизанные бесчисленным множеством крупных розово-красных крылаток, кажутся кровяно-красными, очень красивыми и оригинальными. В этих же лесах часто встречается сосна, а в нижней части ущелья дикие груши и яблони; кроме того, в тенистых местах растет крыжовник (Ribes Grossularia) и смородина (R. alpinum и R. petraeum). Можжевельник (Juniperus communis) и волжанка (Spiraea sp.) встречаются, конечно, и здесь, но преимущественно по освещенным солнцем каменистым местам.

В Евдокимовском мы отдохнули, покормили своих лошадей, переждали самые жаркие часы дня и, когда солнце уже заметно склонилось к западу, отправились дальше вверх по Чанты-Аргуну. Ущелье его около Евдокимовского поворачивает почти прямо на запад и вскоре значительно изменяет свой характер. Оно заметно расширяется, особенно нижняя часть его, вследствие чего Аргун течет здесь уже не в глубокой теснине, обставленной отвесными скалами, а по широкому, просторному дну ущелья и притом в низких берегах. Течение его, однако, и в этих местах очень быстро. Над плоским дном ущелья и здесь поднимаются высокие горы, но на них почти всюду зеленеют леса, между которыми видны пастбища и сенокосные места, а таких громадных голых скал, как около Башин-кале, нет вовсе. Верстах в 10 от Евдокимовского нам пришлось проезжать недалеко от аула Бечик, расположенного на горе по левую сторону Аргуна. Около Бечика ущелья и верховья небольших речек, впадающих в Аргун, также покрыты почти сплошными лесами. С дороги против этих мест открывается вид на глубокое и сравнительно длинное (верст 20) ущелье речки Кий, впадающей в Аргун с левой стороны. Оно тянется приблизительно с северо-запада на юго-восток; правая сторона его, обращенная на северо-восток, покрыта почти сплошными и довольно крупными лесами, а левая — более мелкими и редкими. Только самые верховья этой речки безлесны. В ущелье речки Кий водится, как сообщали мне, довольно много дичи и в особенности безоаровых козлов (Aegoceros aegagrus Pall.).

Против Бечика в Аргун с правой стороны впадает другая, довольно большая речка — Хельдихерой. В этом месте нам пришлось расстаться с Чанты-Аргуном, по ущелью которого мы проехали уже более полусотни верст. Вечером мы добрались до небольшого чеченского аула Курды и здесь остались ночевать. Весь этот аул состоит из нескольких десятков саклей, построенных из дерева и имеющих плоские крыши, которые усыпаны мелким шифером. Один из жителей Курды отвел нам свою кунацкую и принял нас очень любезно.

Так как из аула Курды нельзя проехать по тесному и крайне скалистому ущелью Хельдихероя в аул Тюиллой, куда мне хотелось попасть, чтобы из него отправиться на окружающие его горы, то мы должны были подняться на очень высокий хребет, находящийся по левую сторону ущелья Хельдихероя, проехать по хребту десятка два верст и потом уже снова спуститься к речке Тюиллой, составляющей один из истоков Хельдихероя. По дороге нам должны были встретиться еще два аула — Санчхой и Чамгой.

Из Курды мы выехали довольно рано с тем расчетом, чтобы подняться на упомянутый высокий хребет еще до наступления жары. Подъем этот начинается недалеко от слияния Аргуна с Хельдихероем, тянется на протяжении нескольких верст и так крут, что большую часть его мы должны были пройти пешком. В нижней половине его дорога идет большею частью лесом, делая множество зигзагов в ту и другую сторону; дальше она извивается то по лесу, то по полянам и, наконец, выходит на горные луга, занимающие более или менее обширное пространство. Во многих местах эту дорогу перелагают крутые балки. Лес, растущий по сторонам дороги, состоит из ольхи, осины, вербы, дуба, липы, березы, сосны и других пород. Липа встречается здесь очень часто, а многие сосны имеют более обхвата в толщину. В этих же местах растет можжевельник (Juniperus communis L.), много черники и рододендронов; но ели и пихты, которые составляют красу горных лесов западного Кавказа и являются там преобладающими лесными породами, здесь нет вовсе. Альпийские луга этих мест очень красивы и представляют пестрый ковер из разнообразных цветов, но по своей пышности заметно уступаюсь горным лугам Западного Кавказа. На них растет множество истодов (Polygala), разные виды Inula, много розовой персидской ромашки (Pyrethrum roseum), Polygonum Bistorta, Galium, Veratrum и т.д. Пышная, с большими светло-розовыми цветами Betonica grandiflora попадается и здесь, но гораздо реже, чем на альпийских лугах Западного Кавказа. Из горных пород в этих местах я видел только аспидный сланец.

Когда крутой подъем на гору кончился, тропинка потянулась вдоль косогора; на протяжении нескольких верст она шла по горным лугам, извиваясь нередко над самым краем глубоких обрывов или очень крутых откосов. В то время, когда мы поднимались на гору и проходили по горным лугам, шел довольно сильный дождь, наша тропинка сделалась очень скользкой и вследствие этого во многих местах небезопасной. Нам часто приходилось слезать с лошадей и пробираться пешком. В это время мы могли любоваться с птичьего полета чудной панорамой глубокого живописного ущелья Хельдихероя. Вдоль крутых обрывистых склонов его двигались, цепляясь за скалы, большие клубы и мелкие клочки облаков, которые ветер быстро гнал вверх по ущелью. В некоторых местах эти облака скоплялись в гораздо большем количестве и различные части ущелья то скрывались в них, то выступали снова. Кое-где, наконец, на склонах ущелья блестело солнце, ярко освещая скалы, луга и леса. На здешних горных лугах мы вспугнули небольшую стайку горных курочек (Perdix chukar Gray). Они сели недалеко от нас, но, когда один из моих проводников начал подкрадываться к ним, взлетели и скрылись из вида в глубокой балке.

За только что описанным косогором следовал спуск к Санчхою; он тянулся на пространстве около полутора версты. Санчхой расположен на значительной высоте и занимает очень красивое местоположение. С него открывается вид на пять довольно больших ущелий и несколько меньших. Почти все они соединяются друг с другом около Санчхоя, поэтому видны с него особенно хорошо. Некоторые из них замыкаются вдали очень высокими, скалистыми и покрытыми снегом горами. Самую высокую из них чеченцы называют Доко-корт и говорят, что на вершину ее никогда не всходил человек и может взлететь только птица. Руководствуясь картой, а также принимая во внимание некоторые другие обстоятельства, я с уверенностью могу сказать, что эта гора и есть Тебулос-мта — высочайшая вершина всей восточной половины Кавказа, отстоящая от Санчхою всего лишь на 15 верст. Под этим грузинским именем она значится на всех картах Кавказа, а высота ее равняется, как известно, 14781 футам (4506 метрам) Ближайшие к Санчхою горы покрыты лугами и лесом, а более далекие состоят из скал, на которых кое-где лежат, даже в летнее время, полосы и пятна снега.

Санчхой представляет маленький аул, населенный чеченцами. Заброшенные в глубину гор, они имеют очень мало годной для обработки земли, занимаются главным образом скотоводством и живут вообще бедно.

В нескольких верстах от Санчхоя находится другой маленький аул — Чамгой. Дорога к нему идет все время по горным лугам, с которых открывается чудный вид не только на соседние места, но и на далекие горы и, между прочим, на высокий, покрытый вечными снегами Пирикительский хребет. Чамгой расположен очень высоко — на высоте слишком 6 $^1/_2$ тысяч футов. Хорошего леса около него нет, поэтому все сакли его выстроены из каменных плит и имеют плоские крыши, усы-

панные мелким шифером. Из Чамгоя также открываются очень красивые виды на несколько ущелий, замыкающихся вдали высокими скалистыми и острозубчатыми гребнями гор. В одном месте, в довольно большой котловине, виднеются на них порядочные снежные поля, переходящие в нижней своей части в маленький глетчер. Из него вытекает блестящая, как серебро, речка, которая, прыгая с камня на камень и с уступа на уступ, несется с страшно крутой горы. Ниже глетчера видны нагроможденные кучи камней, то есть старые морены его, и длинная полоса снега, которая тянется вниз вдоль ущелья и на значительном протяжении скрывает под собой речку. Все прочие горы, видимые отсюда на юге и юго-западе, лишены снежных полей и тем более глетчеров, а украшены только пятнами, лентами и зубчатыми, извилистыми полосками снега, которые на черном фоне скал образуют необыкновенно изящную, блестящую, как серебро, сетку, напоминающую художественную, ажурную работу. Ближайшие к Чамгою горы покрыты то горными лугами, то перелесками, состоящими из березы, можжевельника и рододендронов. Недалеко от Чамгоя стоит несколько старинных четырехугольных каменных башен с бойницами. Они построены по две, одна около другой, на крутых уступах гор, возвышающихся над аулом.

Так как в Чамгой мы приехали незадолго до вечера и: притом в дурную погоду, то порешили остаться в нем ночевать. Один из местных жителей принял нас очень любезно и отдал в наше распоряжение чистую и просторную кунацкую, где мы отдохнули и отлично проспали до следующего утра.

Из Чамгоя нам надо было отправиться уже прямо в Тюиллой, последний аул в этой местности. Он отстоит от Чамгоя по прямой линии всего лишь на 6—7 верст, но дорога к нему так плоха, что большую часть ее приходится пройти пешком и употребить на это часа три. Эта дорога вьется по высоким горам, которые тянутся по левой стороне ущелья Хельдихероя. От Чамгоя она идет вначале круто вниз, в глубокую балку, находящуюся к югу от аула, переходит через небольшую речку, которая течет по дну этой балки, и снова поднимается на крутую гору. За балкой дорога на значительном протяжении тянется по лесу, большая часть которого растет на крутых скалах. Она и здесь очень плоха и так камениста, что ехать по ней почти невозможно. Местность по сторонам дороги и вдали от нее очень красива и более или менее лесиста Лес состоит из деревьев средних размеров; между ними преобладают сосны и, кроме того, часто попадается береза, рябина и бук. Из кустарных растений в нем растут можжевельник, жимолость (Lonicera), рододендроны, карликовая ива (Salix arbuscula) и некоторые другие. Здесь же встречается часто черника, брусника и красивая Daphne glomerata. Rhododendron ponticum я видел только в одном месте, но зато в очень большом количестве. Выше границы лесов на этих горах тянется широкая зона альпийских лугов, гораздо более пышных и красивых, чем вблизи Санчхоя и Чамгоя. На них встречается множество прекрасных, светло-голубых незабудок (Myosotis silvatica), несколько видов вероники, чудные темно-синие Gentiana pyrenaica, крупные светло-голубые колокольчики или водосбор (Aquilegia olympica) Silene, Polygala comosa, P. vulgaris, Asperula cynanchica, Galium verum, Viola altaica и т.д. В лесах, которые растут ниже дороги на крутых склонах ущелья Хельдихероя и на скалах, водятся безоаровые козлы. Один из наших спутников, не пожелавший идти по дороге и отправившийся более прямым путем через лес и скалы, видел двух таких козлов, но ему не удалось подкрасться к ним на выстрел. Еще в Чамгое мне говорили, что в этих местах, так мало удаленных от человеческих жилищ, водятся безоаровые козлы, но мне показалось такое сообщение маловероятным; после же, убедившись в справедливости его, я очень жалел, что отправился в Тюиллой не через скалы и леса, где мне, может быть, представился бы случай поохотиться за этой редкой и интересной дичью.

Проехав по горным лугам несколько верст, мы начали спускаться к аулу Тюиллой, который расположен на правом берегу реки Тюиллоя, составляющего, как было сказано, один из истоков Хельдихероя. Этот спуск также оказался очень крутым и каменистым. Тюиллой представляет маленький аульчик, заброшенный в самые глухие и дикие трущобы гор. Хотя он расположен на дне ущелья, но тем не менее лежит очень высоко — на высоте слишком 5900 футов. За ним по ущелью Хельдихероя следуют уже безлюдные горы; на них живут только звери и птицы, да в течение двух с половиной или трех летних месяцев кочуют чеченцы-пастухи со своими стадами. Тюиллой состоит всего лишь из нескольких жилищ, сложенных из шиферных плит и ими же покрытых. Материала этого имеется здесь под руками сколько угодно, и платить за него не приходится; поэтому некоторые из жителей Тюиллоя, несмотря на свою бедность, выстроили довольно порядочные по размерам сакли и содержат их очень чисто. Почти все они стоят на крутых косогорах, причем нередко своим задним фасадом упираются прямо в гору. Внутри они обмазаны глиной, что, безусловно, необходимо в здешнем холодном климате. Большая часть жителей Тюиллоя, в особенности женщины и дети, никогда не видели русских, и мы были[6], кажется, первыми, посетившими их аул. Понятно, какой переполох должен был произвести среди них наш совершенно неожиданный приезд. Через несколько минут все тюиллойцы, которые были дома, собрались смотреть на нас, как на какое-нибудь чудо. Мне пришла в голову мысль воспользоваться этим случаем и сделать с них несколько фотографических снимков; но, как оказалось, уговорить их сняться было нелегко. В кунацкой, где мы остановились, собралось в это время много народа — старики, старухи, молодые люди, девушки, женщины с грудными младенцами, дети и т.д. Переговоры с ними относительно фотографирования я поручил вести бывшему

с нами полесовщику-чеченцу, человеку, хорошо знакомому с большей частью жителей Тюиллоя и одной с ними национальности. После продолжительных переговоров он объявил мне, что соглашаются сняться только женщины, мужчины же не решаются сделать это из опасения, как бы мои снимки не причинили им впоследствии много бед. Они говорили, что я покажу свои карточки какому-нибудь начальству, а оно скажет, вот какие люди живут в Тюиллое, с ними надо то-то и то-то сделать и т.д. и т.д. Я от души пожалел этих запуганных бедняков, которые высшим счастием для себя считают жить так, чтобы о них никто не знал, не думал и не заботился. Женщин, среди которых поместился и патриарх Тюиллоя, старик лет 80, я снял под навесом у одной большой сакли. Здесь расположилось несколько девочек и мальчиков, и таким образом получилась более или менее интересная группа. Когда снялись женщины, в толпе мужчин начался очень шумный разговор. Я спросил нашего проводника-чеченца, о чем они толкуют. Он ответил мне, что некоторые мужчины, ободренные примером своих жен и сестер, также выражают желание сняться. Я попросил еще раз передать им, что никакие беды или неприятности угрожать им не могут, и, кроме того, обещал прислать в Тюиллой в подарок снимавшимся несколько их карточек. После более или менее длинных разговоров решили сняться и мужчины. Через несколько месяцев я выслал им карточки. Вероятно, они вызвали немало удивления, особенно среди женщин, которые, кроме Тюиллоя, никогда ничего не видели.

Жители Тюиллоя приняли нас очень любезно. Они отвели нам довольно чистую, просторную кунацкую, тотчас же согрели воды для чая, принесли молока, яиц и сыра, — словом, охотно сделали для нас все, что могли. При нашем отъезде они долго не соглашались взять с нас деньги за все, доставленное ими.

Скажу теперь несколько слов вообще о чеченцах, живущих в горах по Аргуну и его притокам. Мне не раз приходилось слышать о них, как о народе коварном, злом и крайне враждебно относящемся к русским. Не раз говорили мне, что чеченцы гораздо хуже, чем все прочие племена, живущие на Кавказе. Неоднократно уверяли меня, что отправиться путешествовать по Чечне очень опасно, что там легко могут не только обокрасть или ограбить, но и убить. Все эти рассказы, может быть, более или менее справедливы по отношению к ингушам и чеченцам, живущим на плоскости, а в особенности вблизи Владикавказа, в Назрановском ауле, в Сурхахи и т.д., но вовсе неверны по отношению к тем, которые населяют горы. Они, по моим личным наблюдениям ирассказам лиц, хорошо их знающих, совсем не похожи на чеченцев, живущих на плоскости. Чеченцы-горцы — народ бедный, но гораздо более трудолюбивый, смирный и честный. Они очень вежливы, любезны, предупредительны и гостеприимны. Я несколько раз останавливался и ночевал в Дачуборзое, Улускерте, Соное и других аулах и всегда пользовался полным вниманием своих хозяев. Неоднократно ездил ночью, как зимою, так и летом, по горам Чечни и никогда не случалось со мною ничего неприятного. Наоборот, вежливое и предупредительное отношение к себе я имел случай наблюдать на каждом шагу. Едва, например, успевал я достать папиросу, как кто-нибудь из чеченцев зажигал спичку и подносил ее мне. Плату за ночлег и самовар или что-нибудь съестное чеченцы почти всегда долго отказывались принять, говоря, что по их законам брать с гостя деньги не полагается и стыдно. В одном ауле хозяин сакли, в которой мы останавливались, наотрез отказался взять с нас деньги, и я был очень рад, что мог презентовать ему около фунта пороха. Другой подобный случай произошел в Улускерте, где я взял на день у одного из жителей верховую лошадь. От платы за нее он упорно отказывался, и, когда я, можно сказать, насильно сунул ему в карман рубль, он вынул его и обратно положил мне в карман. Конечно, чеченцы не могут вообще питать симпатий к русским и имеют немало причин относиться враждебно к нам, но они, вероятно, это скрывают и держат себя в большинстве случаев настоящими джентльменами.

Ущелье Туиллоя выше и ниже аула очень красиво, скалисто и круто. В более узких местах оно стеснено с боков поднимающимися к небу почти отвесными шиферными скалами, в более широких — они также образуют кручи градусов в 45 и более. Среди мрачных скал видны на всем протяжении ущелья красивые зеленые лужайки и карнизы, покрытые зеленой травой. Во многих местах на них растут кустики и деревья.

На правой, обращенной к северо-западной стороне ущелья здесь встречается почти одна береза, а на левой, солнечной, кроме нее виднеется много сосен, причем большая часть их имеет довольно порядочные размеры. В некоторых местах они образуют даже небольшие сплошные лески. На дне ущелья во многих местах царствует почти вечная тень, в которую только в полдень проникают лучи солнца. Когда уже наступили сумерки, мы увидели у опушки одного из растущих между скалами лесов самку безоарового козла с козленком. Они ходили на крутом склоне, на высоте нескольких сот футов над аулом. Идти за ними было уже поздно и, кроме того, непростительно было убивать самку, обрекая почти на верную смерть козленка. Один из чеченцев выстрелил-таки в козу, но, к моей радости, сделал промах. Попасть в нее на таком расстоянии из азиатской винтовки было, впрочем, и невозможно.

По дну ущелья вблизи аула течет с сильным шумом очень быстрая, покрытая пеной речка Тюиллой, составляющая, как уже было замечено, один из истоков Хельдихероя. Она несет чистую холодную воду, имеет в ширину аршин 15—20, и, кроме того, настолько многоводна и быстра, что

переезжать через нее верхом очень трудно и далеко не безопасно. Из аула Тюиллой видны более или менее и верховья этой речки, где ущелье ее замыкается с трех сторон высокими, крутыми, как стена, черными скалами; по ним тянутся во всех направлениях извилистые полоски и змейки снега.

Так как мне хотелось скорее добраться до самых истоков Хельдихероя и осмотреть хотя некоторые из них, то мы, отдохнув в Тюиллое часа два, отправились вверх по ущелью его. Оно тянется здесь почти по прямой линии с северо-запада на юго-запад на протяжении верст 3 или 4 и по нему идет довольно сносная тропинка. Только в одном месте ее заграждают скалы, которые отвесной стеною в несколько сажен высоты упираются прямо на реку. Чтобы объехать эти скалы, надо два раза перебраться вброд через Тюиллой, текущий здесь необыкновенно быстро. Один из моих спутников рассказывал мне, как он едва не погиб вместе со своею лошадью на этом переезде. Можно, впрочем, самому не переезжать речку, а перелезть через скалы, карабкаясь местами на четвереньках, а лошадей перегнать через речку, но на это уходит лишнее время. Мы совершили двукратный переезд через Тюиллой благополучно, хотя набрали в сапоги воды, подмочили вьюки и раза два были в таком положении, когда можно было опасаться, что вот-вот вода собьет лошадь и понесет ее.

Недалеко от этого переезда Тюиллой разбивается на две довольно порядочные речки, одна из которых течет почти с запада на восток, а другая с юго-запада на северо-восток. Обе они, в свою очередь, принимают по несколько притоков, сходящихся к одному месту и представляющих в общем веерообразное расположение. Вследствие этого здесь образуется большая, просторная и необыкновенно красивая котловина, прорезанная многими горными потоками, также сходящимися к одному месту, подобно радиусам круга. У местных жителей эта котловина известна под именем Мацехчу. В общем она очень скалиста и окружена очень высокими крутыми горами, но на склонах ее есть довольно много мест, покрытых прекрасными альпийскими лугами. В котловину Мацехчу скатываются с соседних гор обломки скал, поэтому нижняя часть ее довольно сильно камениста; но и на ней есть много мест, покрытых сочной изумрудно-зеленой травой со множеством мелких альпийских цветочков — генциан, незабудок, камнеломок (Saxifraga), роговика (Cerastium) и т.д. По этим причинам Мацехчу имеет довольно важное значение для жителей Тюиллоя, которые в летние месяцы пасут здесь свой скот. На лугах этой котловины растет в большом количестве чемерица (Veratrum album), конский щавель (Rumex crispus), водосбор (Aquilegia), Campanula, Veronica gentianoides, Ranunculus caucasicus, Trifolium repens, Alchemilla argentea и особенно много незабудок и розовых Polygonum Bistorta. Довольно часто попадается здесь, особенно на склонах, обращенных к солнцу, громадное травянистое растение борщевик (Heracleum pubescens). Деревца и кустарники также встречаются в этих местах, но из первых растет только рябина и береза, и притом в количестве довольно ограниченном. Размеры их также невелики, хотя, впрочем, некоторые березки и достигают вершков 3—4 в диаметре вблизи поверхности земли. В изрядном количестве встречается обыкновенный можжевельник (Juniperus communis), а казачий (J. sabina) значительно реже. Наконец, на тенистых склонах растет рододендрон (Azalea pontica).

Вид на котловину Мацехчу очень красив. Над зеленым дном ее поднимаются со всех сторон высочайшей, черной, как уголь, стеной зубчатые остроконечные горы. При ярком солнечном свете они блестят, как будто бы отполированные или смазанные маслом, а на темном фоне их ярко выступают блестящие, как серебро, пятна, полосы, ленты и извилистые змейки вечного снега. Ниже их видны во многих местах покрытые яркой зеленью склоны. Со всех гор, окружающих Мацехчу, с шумом скатываются вниз речки и ручьи с бесчисленным множеством водопадов и покрытые белой, как снег, блестящей пеной. Они, соединившись вместе, образуют речку Тюиллой. Над всем этим висит еще чудный глубокий прозрачный темно-голубой свод альпийского неба.

К отрицательным качествам котловины Мацехчу принадлежит то, что в зимнее время на склонах гор, окружающих ее, накопляется очень много снегов, которые весною и в начале лета образуют частые лавины. Падению их сильно способствует очень большая крутизна склонов и почти полное отсутствие на многих из них не только леса, но и одиночных деревьев. Перед входом в эту котловину мне показывали остаток небольшой землянки, в которой перед началом лета было засыпано и погибло под снегом восемь человек.

Часа за два до захода солнца мы добрались до сложенной из камня хижины, которая находилась почти в центре котловины Мацехчу и на высоте 8160 футов над уровнем моря. В ней помещалось несколько пастухов, которые пасли здесь своих овец и крупный рогатый скот. Прохладный, даже холодный вечер мы провели на открытом воздухе вблизи большого костра. Все мои спутники решили расположиться на ночлег в пастушьей хижине, а я отдал предпочтение своей палатке, которую разбил в нескольких шагах от хижины. В ней было хотя и холоднее, но гораздо чище.

Не раз я слышал, что на горах, окружающих Мацехчу, водится много туров, и потому, отправляясь в эти места, думал поохотиться здесь день или два, чтобы сколько-нибудь познакомиться с здешними турами, их образом жизни, и узнать, на каких местах они по преимуществу держатся. Пастухи говорили мне, что еще на днях они видели туров очень близко от своей стоянки и что вообще они попадаются здесь очень часто. Кроме того, я слышал, что, скорее всего, можно найти туров в широкой балке, которая тянется от западной части котловины. Это место, как лучшее, было обе-

щано мне для охоты, и я должен был отправиться туда на следующий день перед рассветом вместе с одним чеченцем-охотником. К сожалению, все касающееся охоты у нас шло не так, как следует. Из Воздвиженской отправилось нас, охотников, не двое, как я хотел, а трое; кроме того, два охотника из Тюиллоя, узнав, что мы отправляемся в Мацехчу и имеем в виду поохотиться за турами, вздумали сами отправиться туда, но совершенно самостоятельно. Эти два охотника полезли на горы из Тюиллоя и вечером спустились к нашей стоянке. Они видели туров и стреляли по ним на таком близком расстоянии, на котором, по их словам, можно было различить даже ресницы на глазах туров, но тем не менее ни одного из них не убили. Кроме того, один из тюиллойских нимвродов отправился в ту самую балку, в которую на следующее утро должен был идти я, и выгнал большое стадо туров. Когда ему стали говорить, что таким образом поступать он не должен был, так как хорошо знал, что это лучшее для охоты место было предназначено мне, как гостю, приехавшему сюда за несколько сот верст, — он отвечал, что виновато его пылкое охотничье сердце, которое не могло устоять от соблазна и заставило его пойти в балку, где туров можно встретить почти всегда, что к следующему утру они снова соберутся туда и т.д. Словом, он пустил в ход обычные в подобных случаях бессмысленные отговорки. Его поступок меня очень опечалил и в значительной степени уменьшил надежду удачно поохотиться за турами. Кроме того, охотиться за ними в одной и той же местности такому количеству охотников (5 человек), выстрелы которых будут греметь во всех направлениях, очень неудобно. В этом случае животное, столь осторожное, как тур, постарается, конечно, скорее убраться куда-нибудь подальше и не так скоро возвратится на свои излюбленные места.

При таких неблагоприятных обстоятельствах мне пришлось на следующий день еще до света отправиться в ту балку, о которой я только что говорил. Пошел туда я вместе с одним чеченцем-охотником. Нам надо было пройти версты две по дну котловины Мацехчу и перебраться через несколько небольших горных речек. Подвигаясь более получаса в юго-западном направлении, мы дошли до крутых гор, окружающих котловину, которая уже осталась позади нас. Здесь мы повернули довольно круто вправо и, долго поднимаясь по узкому скалистому ущелью, достигли наконец той широкой балки, где предполагали охотиться за турами. Эта сильно каменистая громадная балка также окаймляется высокими скалистыми стенами гор. На пути к ней мы видели в двух местах, на расстоянии нескольких десятков шагов от нас, горных индеек, но не стреляли по ним, опасаясь распугать туров, которых все еще надеялись встретить где-нибудь. Более часа лезли мы то по каменистым осыпям, то по крутым скалам, поднимаясь выше и выше вдоль правой стороны балки. Внимательно осматривая простым глазом и при помощи бинокля окружающие нас горы, мы увидели наконец одного тура: он находился гораздо выше нас, на склоне горы противоположной стороны балки, и очень далеко, но, как заметно было, уже успел увидеть нас. Когда мы присели и начали рассматривать его в бинокль, он быстро полез вверх на скалы и вскоре скрылся из глаз. Вероятно, это был один из тех туров, по которым стреляли вчера тюиллойские нимвроды. Ничем другим нельзя было объяснить его чрезмерную осторожность. После этой встречи мы прошли вверх еще довольно далеко, видели много свежих турьих следов, но их самих не встретили. Очевидно, их распугали охотники.

Пролазав по скалам еще часа два и не встретив нигде туров, мы решили отправиться к своей стоянке и добрались до нее уже после полудня. Неудача на охоте возмещалась по отношению ко мне тем, что я в этот день успел осмотреть довольно порядочно все горы, окружающие котловину Мацехчу. круты, скалисты и состоят из шиферных скал; но кое-где на поверхность их выступают и кристаллические горные породы. Этим объясняется присутствие довольно значительного количества кусков гранита, гнейса, кварцита и кварца во всех ручьях и речках, протекающих менее порядочные снежные поля на горах, окружающих Мацехчу, редки, но почти все горы на протяжении тысячи футов от их вершины покрыты, как уже было замечено, красивой сетью из зубчатых снежных полос и лент, которые заполняют все складки гор и все углубления и трещины скал. С них мне удалось сделать очень красивые фотографические снимки. Во многих местах по балкам и оврагам широкие полосы снега спускаются до самого дна котловины. Более значительные скопления его находятся на горах с южной и юго-западной стороны Мацехчу. Здесь через одну седловину проходит тропа в Тушетию, в долину Пирикительской Алазани. Над ней построена караулка, в которой в летнее время живут тушины, наблюдающие за тем, чтобы чеченцы не воровали скот на тушинской стороне и не угоняли его к себе. Растительность на тех местах, по которым мы проходили, отыскивая туров, очень бедна и состоит из низких, приземистых трав. Это объясняется, конечно, значительной высотой местности. Здесь встречаются по преимуществу мелкие растения, свойственные верхне-альпийской зоне — различные виды камнеломок (Saxifraga cartilaginea, S. sibirica, S. exarata), драб (Draba rigida, D. siliquosa), Gentiana pyrenaica, Alchemilla vulgaris, Alsine imbricata, Gnaphalium dioicum, маленькие Myosotis silvatica, Carex nigra и т.д. Из кустарников я видел в этих местах только карликовую иву (Salix arbuscula), поднимающуюся от земли всего лишь на фут или немного более.

Почти одновременно с нами возвратились к нашей стоянке прочие охотники. Из всех их только одному удалось сделать по молодому туру несколько выстрелов и убить его; другие вернулись назад ни с чем. Убитый молодой самец принадлежал к виду Capra cylindricornis Blyth. (Aegoceros

Pallasii Rouill), единственному из туров, водящихся в этой части Кавказа. Несмотря на небольшие размеры, рога его уже имели заметный винтообразный изгиб, резко отличающий их от рогов прочих видов кавказских горных или каменных козлов. Замечу кстати, что безоаровые козлы на этих горах не живут вовсе. Они для них слишком высоки, а, главное, вовсе лишены леса. Совершенно отсутствуют здесь и серны.

Отправляться на охоту на следующий день, то есть после того, как в течение двух предыдущих дней целая партия охотников обошла все лучшие места и распугала всех туров, не было смысла; поэтому утром я побродил еще часа три по склонам Мацехчу, а затем отправился в обратный путь. Когда мы проезжали через Чамгой, то узнали, что у одного из жителей этого аула есть молодой безоаровый козел и туренок. Мы, конечно, разыскали их. Безоаровый козленок был очень похож на маленьких домашних козлят; туренок же (самец) отличался от них гораздо больше. Он имел голову, утолщенную позади глаз очень сильно, можно сказать, до уродства; на этом месте впоследствии у взрослого тура должны вырасти большие, толстые рога. Цвет туренка был пепельно-серый, а вдоль спины и по передней стороне ног тянулись у него темно-бурые полосы. Он поражал нас необыкновенной легкостью и изяществом своих прыжков. Стоя вблизи окна или скамейки, он без всякого разбега, нисколько не приседая или не пригибаясь и без всякого видимого усилия, вскакивал на подоконник или скамейку, как будто бы его подбрасывала какая-нибудь пружина. Туренок этот прожил в ауле уже несколько дней и перестал бояться людей. Мы задумали взять его с собою, чтобы приручить и держать на дворе, и он был нам охотно уступлен; но, к великому нашему огорчению, дорогою его постигла горькая участь. Едва успели мы отъехать от Чамгоя верст 7–8, как козленок, бывший до того очень живым и веселым, вдруг сделался вялым и скучным. Спустя еще час или полтора от его живости не осталось и следов. По мере того, как мы спускались в ущелье Хельдихероя ниже и ниже, воздух, конечно, становился все более жарким и душным. Это, вероятно, еще больше расслабляло туренка – дитя высоких гор с чистым, свежим прохладным воздухом. Он уже не был в состоянии держать, как следует, голову, и она беспомощно свешивалась у него то в ту, то в другую сторону. Мы с болью в сердце смотрели на бедного козленка, который с каждой минутой делался все слабее и слабее и кончился когда мы подъезжали к реке Хельдихерою. Трудно допустить, что дорога подействовала на него так убийственно. Вероятно, что-нибудь другое было причиною его смерти, так как он начал обнаруживать признаки болезни слишком скоро после нашего отъезда из Чамгоя. Возможно, что он еще в ауле объелся чего-нибудь, как это часто случается с дикими животными, попадающими в несвойственные им условия, а вредные последствия такого отравления обнаружились только тогда, когда мы везли его.

III

Дорога из Воздвиженской в Ведено. Старая и Новая Атага. Переправа через Аргун. Шали. Эрсеноевская станция и ее окрестности. Ущелье Хулхулау. Ведено. Его климат и растительность. Горные луга. Фауна окрестностей Ведено. Поездка в Дарго. Аул Дарго. Поляна Иринцоу. Памятник убитым в Даргинской экспедиции.

Из Воздвиженской мною была предпринята еще поездка в Ведено, Ботлих и другие места, лежащие в соседних с ними частях Терской и Дагестанской областей. Из Воздвиженской в Ведено можно было проехать двумя путями: или возвратиться в Грозный и оттуда ехать по почтовому тракту на аул Устар-Гордой и станцию Эрсеноевскую, сделав таким образом лишних около полусотни верст, или же избрать более короткий путь, то есть переправиться вброд через Аргун, на земских (обывательских) лошадях доехать до Эрсеноевской станции и из нее уже отправиться в Ведено. Но переправа через такую большую и необыкновенно быструю речку, как Аргун, и притом в первой половине лета, то есть в период наиболее сильного таяния снегов на горах и наибольшего половодья рек, не безопасна. Правда, утонуть в такой реке, как Аргун, при умении плавать, некоторой находчивости и смелости, пожалуй, и не так легко, но выкупаться и лишиться всех своих вещей вполне возможно.

Возвращаться в Грозный мне ужасно не хотелось; поэтому утром в день предполагаемого отъезда из Воздвиженской я начал собирать справки о том, можно ли переехать на перекладной через Аргун, и узнал, что чеченцы в этот день переезжали через него, хотя и не без риска, так как в нем очень глубоко. Если переезжали чеченцы, думал я, то почему же и мне не рискнуть последовать их примеру?[7] В обед я выехал из Воздвиженской. На станции сказали, что мне, как имеющему открытый лист, полагается конвой и что лучше будет, если я не откажусь взять его, потому что в тех местах, через которые мне нужно будет проезжать, небезопасно, так же, как и около Воздвиженской; да кроме того, мне сказали, что конвой пособит нам переправиться через Аргун. Конвой, состоящий из двух всадников, которые были вооружены берданками и револьверами, присоединился к нам на посту, стоящем у дороги из Воздвиженской к Грозному и Старо-Атагинскому аулу. Через последний проходила и наша дорога.

Старо-Атагинский аул или, как его называют, Старая Атага отстоит от Воздвиженской всего лишь версты на две и расположен, как и она, на левом берегу Аргуна. Почти против него, но на противоположной стороне реки, находится Новая Атага. Оба эти аула раскинулись вблизи Аргуна, в низменной и, вероятно, не совсем здоровой местности; обилием зелени они более или менее напоминают Воздвиженскую. Прежде жители их разводили много турецкого табаку (атапшский табак) и продавали его, как контрабанду, копеек по 15—20 за фунт, но теперь разведением его почти перестали заниматься. Вызвано это, как сообщали мне, тем, что муллы успели внушить чеченцам, что курить табак и разводить его — большой грех.

В Старой Атаге аульный старшина откомандировал мне еще двух человек в проводники. Они должны были при переправе через реку поддерживать перекладную и не дать воде опрокинуть или снести ее. Таким образом, переправляться через Аргун мне пришлось в сопровождении четырех человек, не считая, конечно, ямщика. Аргун здесь, как и везде по выходе из гор, разделяется на несколько отдельных рукавов, которые в общей сложности составляют речку шириною аршин в 300 или, по крайней мере, в 250. Вода течет очень быстро, мутна и непрозрачна, как грязь. Во время нашей переправы один из конвойных ехал впереди и указывал дорогу; наблюдая за ним, мы могли видеть, насколько глубока речка в том или ином месте. Другой конвойный оставил свою лошадь на берегу и вместе с двумя атагинцами поддерживал перекладную, взявшись за грядки со стороны течения реки. Надо было удивляться необыкновенной ловкости, с какой они боролись с быстрым течением и поддерживали повозку. В некоторых местах вода при необыкновенно быстром течении была настолько глубока, что наливалась в перекладную, и, если бы не помощь чеченцев, то она, наверное, была бы опрокинута и унесена водою.

После переправы через Аргун мы проехали Новую Атагу и, поднявшись на горку, очутились в более или менее открытой местности, на которой так же, как и около Воздвиженской, росли кустарники и отдельно стоящие деревья, по преимуществу груши. Около Атагинских аулов попадается кое-где и держидерево. Здесь же более или менее большие пространства засеяны кукурузой.

В Новой Атаге нам дали других конвойных, и с ними я проехал верст 10 до следующего чеченского аула Шали. В нем лошадей не оказалось, и можно было получить их только часа через три или четыре. Но, так как мне хотелось в этот день добраться до Ведено и там более или менее солидно основаться, то я попросил нанять для меня какую-нибудь подводу, на которой я мог бы проехать до станции Эрсеной, отстоящей от Шали всего лишь на 7 или 8 верст. На базаре нашелся на мое счастие какой-то фургон и в нем я доехал до Эрсеноевской станции. Местность между Шали и этой станцией, так же, как та, которая тянется между Шали и Атагинским аулом, представляет холмистую, пересеченную неглубокими балками степь с редкими деревьями и зарослями кустарников. Из птиц в этой местности я видел щурок (Merops apiaster L.), несколько воронов, серых ворон, хохлатых жаворонков и очень много воробьев. Ни соек, ни сорок в ней мне вовсе не попадалось.

На Эрсеноевской станции я совершенно случайно встретил геолога Г.П. Михайловского, командированного в эту же часть Кавказа с ученой целью. Мы друг о друге слышали, знали друг друга по различным трудам и потому встретились, как добрые знакомые. Сейчас же нами было решено не только ехать до Ведено и поселиться там вместе, но вместе же предпринять несколько поездок в горы. Для меня эта встреча была очень приятна, и я с удовольствием вспоминаю недели две, проведенные с Г.П., очень приятным и веселым собеседником.

Эрсеноевская станция расположена на левом берегу Хулхулау, вблизи того места, где эта речка из гор выходить на плоскость. Около станции находится пост для охраны проезжающих по почтовой дороге от нападения чеченцев и недалеко от него аул Сержень-юрт. Верстах в двух от станции почтовая дорога, ведущая к Ведено, входит в тесное, узкое ущелье реки Хулхулау. Это ущелье очень красиво. При начале оно окаймляется не особенно высокими горами, но с каждой следующей верстой эти горы делаются выше и выше. Они от подошвы и до самых вершин покрыты густым лесом, в котором с дороги не видно ни одной полянки, ни одной прогалинки. Лес состоит здесь по преимуществу из высоких, стройных, с красивыми правильными кронами буковых деревьев, между которыми растут кустарники и другие, более низкоствольные древесные породы, как, например, клен, граб, дуб, яблони, груши, шишки, алыча, боярышник и т.д. Ущелье Хулхулау своим характером и в особенности обилием лесов очень напоминает красивые ущелья Западного Кавказа. В нем я совершенно неожиданно встретил в трех местах папоротник-орляк (Pteris aquilina), которым зарастают почти все поляны и опушки лесов в Черноморской и Кутаисской губерниях, а также в западной части Кубанской области. Одно из этих мест, где заросли папоротника-орляка образуют несколько порядочных сплошных круговин, находится при начале ущелья, а два другие уже в самом ущелье, вблизи дороги и верстах в трех от станции Эрсеной. Встретив папоротник-орляк в этой части Кавказа, я был порядочно удивлен, так как не думал, что он распространяется на восток так далеко. Местность, лежащая к югу и востоку от Эрсеноя, покрыта сплошными лесами, которые тянутся на многие версты. В этих лесах держится гораздо больше зверей, чем в глубине гор. Особенно много здесь диких кабанов. На полях около Эрсеноя в изобилии водятся серые куропатки. Мне говорили, что эти места даже арендуются для охоты одним русским охотником, живущим где-то недалеко от станции.

Из травянистых растений несколько выше Эрсеноя в ущелье Хулхулау начинают уже попадаться некоторые представители горной флоры, например, Betonica grandiflora, составляющая украшение горных лугов всего Кавказа. Здесь почему-то она спустилась сравнительно низко. Часто встречается в этих местах хвощ (Equisetum Telmateja). Особенно красивыми видами отличается ущелье Хулхулау на протяжении первых верст десяти от Эрсеноя, где высокие горы, имеющие очень изящные очертания, покрыты сплошными лесами. Выше этих мест ущелье уже заметно изменяет свой характер. На десятой или одиннадцатой версте леса становятся заметно реже, появляются более или менее порядочные пространства, покрытые травой, и, кроме того, открываются почти отвесные кручи, достигающие в некоторых местах высоты сажен в 60 или 70. В геологическом смысле это — обнажение мощных миоценовых пластов, которые состоят из гальки, сцементированной лессовидным суглинком. Подобные обнажения встречаются кое-где вблизи начала ущелья, но там они почти незаметны за сплошными лесами, не образуют таких толщ и принадлежат, как сообщил мне мой спутник, к плиоценовым образованиям. Приблизительно на половине пути от Эрсеноя до Ведено они сменяются миоценовыми, которые образуют упомянутые мощные отложения. Во многих местах здесь обнаруживаются пласты аспидного сланца, между которыми выступают еще прослойки из плотного желтовато-серого мергелистого сланца.

На полпути между Эрсеноем и Ведено в Хулхулау впадает с левой стороны довольно порядочная речка — Элистанжи, которая вытекает верстах в 40 от этих мест из высоких гор, находящихся вблизи озера Эзень-ам. В нее вливается другая довольно большая речка, получающая начало из хребта Бехечо-лам и упомянутой в первой главе вершины Ален-Джейран-корт. Эти речки принимают в себя еще много других, значительно меньших, а так как все они текут в глубоких балках и ущельях, то местность, окружающая их, имеет в высшей степени пересеченный характер. Через Элистанджи, при впадении ее в Хулхулау, переброшен мостик; около него ущелье несколько расширяется и здесь над дорогой построен пост. Другой такой же находится верстах в пяти ниже этого. Если эти посты не упразднены до сих пор, то, надо думать, дорога в Ведено и в настоящее время не совсем безопасна.

За мостом ущелье Хулхулау снова сильно суживается и остается таким на протяжении верст пяти. В этих местах лесов в нем уже не так много и, кроме того, качеством они значительно хуже. Здесь часто попадаются на глаза скалы и громадные отвесные или почти отвесные кручи с обнажением толстых пластов миоценовой формации. Проехав от самого начала ущелья верст 12, мы встретили первый на этом пространстве и к тому же очень маленький аул — Ца-Ведень. Верстах в 4 или 5 от него местность неожиданно принимает совершенно иной характер: между Хулхулау и небольшой впадающей в нее с левой стороны речкой Шаудан открывается чудная ровная поляна, имеющая верст 8 в длину и до двух верст в ширину. Она образует незначительный и даже незаметный для глаза уклон к северо-западу и со всех сторон окаймляется лесом, за которым следуют дальше высокие горы. Поляна эта представляет как бы узкий и длинный гигантских размеров зеленый язык, вытянувшийся между ущельями упомянутых двух речек и окаймляющими их горами. Эта ровная, чистая и гладкая, как стол, поляна, покрытая изумрудно-зеленой травой и раскинувшаяся среди лесов, круч, скал и бесчисленного множества гор, которые окружают ее со всех сторон и тянутся на десятки и даже сотни верст, так сильно отличается от всего окружающего ее, что представляется заброшенной сюда нечаянно каким-то чудом. Обе только что упомянутые речки текут лишь немного ниже поляны и потому она ограничивается с боков не особенно углубленными балками; но горы, которые тянутся по другую сторону их, поднимаются уже на целые тысячи футов над уровнем поляны и красивой зеленой стеной окаймляют ее с боков. На этой чудной поляне, расположенной среди живописных окрестностей, стоит слобода или укрепление Ведено, бывшее в течение 14 лет местопребыванием знаменитого Шамиля, имама Чечни и Дагестана, который 25 лет с большим или меньшим успехом боролся против русских. Надо отдать ему должную честь и за то, что он сумел выбрать для своей резиденции такое чудное место, как Ведено.

Путешествие от Эрсеноевской станции до Ведено доставило нам только удовольствие. Здесь на протяжении верст 25 нет ни одного места, где глаз мог бы оторваться от чудных видов на ущелье и окружающие его горы. На всем этом протяжении тянется хорошая шоссейная дорога.

В Ведено мы приехали незадолго до захода солнца и очень скоро нашли себе квартиру в две комнаты. Отдельный домик, который мы заняли, со всех сторон был окружен липами, черешнями, яблонями, розами и другими деревьями и кустарниками. Вся наша улица также была покрыта свежей зеленой травой.

По своему местоположению Ведено существенно отличается от Воздвиженской. Последняя расположена на плоскости, при начале гор или при входе в них; Ведено же лежит внутри гор и со всех сторон окружено ими. Кроме того, Ведено находится на целую тысячу футов выше Воздвиженской, а именно на высоте около 730 метров (2394 футов) над уровнем моря. Оно имеет чудный климат и отличается более здоровым, свежим и прохладным воздухом, чем Воздвиженская. В июле в девятом часу утра, при пасмурном небе, здесь бывало обыкновенно всего лишь 16° или 17° Ц. Утром, когда стоит хорошая погода, небо в Ведено часто бывает затянуто густыми серыми облаками, ко-

торые окутывают вершины всех высоких гор. Эти облака не служат, однако, как в других местах Кавказа, предвестниками дождя и вообще дурной погоды, так как они к полудню в большинстве случаев расходятся и с этого времени начинает светить яркое солнце, которое не скрывается до самого вечера. Ни одного жаркого дня за время моего пребывания в Ведено не было, а по вечерам часто делалось так прохладно, что приходилось надевать пальто. Осадков выпадает в Ведено средним числом 845 мм, наибольшее количество в июне (158,8 мм) и в июле (151,5 мм), а наименьшее в феврале (20,1 мм); число дней с осадками равняется 122. Обилием зелени Ведено напоминает Воздвиженскую, а может быть, даже превосходит ее. Всюду растут в нем на дворах, улицах и в садах огромные липы, акации, тутовые деревья, а также яблони, груши, вишни, черешни и множество роскошных волошских орехов. Один здешний сад представляет целый лес этих деревьев. На дворах Ведено много цветников, все стены и плетни скрываются в густой зелени хмеля, крапивы и других растений; на улицах всюду растет зеленая трава, а многие дома почти не видны за окружающими их садами и цветниками. В южной стороне слободы есть небольшой парк, состоящий из крупных и высоких лип, диких черешен и кленов. Ведено, как было уже сказано, окружено горами со всех сторон. Особенно высоки те из них, которые находятся к югу и юго-западу от укрепления. Они поднимаются почти тотчас за крайними дворами Ведено и имеют склоны, покрытые густыми сплошными лесами, а на вершинах их располагаются альпийские луга. Эти горы поднимаются до высоты 5–5 $^1/_2$ тысяч футов и тянутся по левую сторону ущелья Хулхулау. Подобные же им видны на юго-востоке, на правой стороне ущелья, но они более удалены от слободы. К западу и северо-западу от нее горы значительно ниже и на них находится больше не покрытых лесами мест. С любого места слободы открываются очень красивые виды на все эти горы. Слобода расположена почти по средине длины поляны у западной окраины ее и в нескольких десятках сажен от речки Шаудан, которая течет в покрытой лисами балке на несколько десятков футов ниже слободы. Речка Хулхулау прорезывает долину, на которой стоит Ведено, с юго-востока на северо-запад. В обеих речках хорошо купаться. Если ко всему сказанному о Ведено прибавить еще то, что в нем вовсе нет пыли, почти никогда не бывает ветра, зимы теплы, лихорадок также нет, то станет понятным, что укрепление Ведено могло бы служить прекрасным дачным местом и отличным курортом для больных.

Первые два дня пребывания в Ведено я употребил на осмотр окрестностей укрепления и отчасти его самого. Ведено было занято русскими в 1859 году и разрушено ими до основания, а позднее укреплено снова[8]. Вокруг него и теперь стоят толстые каменные стены с бойницами и батареями. Они должны были защищать слободу от нападения чеченцев и отчасти лезгин. Часть бывшей крепости занята и в настоящее время: в ней стоит рота пехоты и штук 12 полевых и горных орудий, из которых только одно стальное, более или менее современного типа, прочие же старинные, бронзовые и, за исключением трех или четырех горных, заряжаются с дула. В конце лета или в начале осени из них производится за слободой стрельба боевыми снарядами, главным образом, вероятно, для того, чтобы чеченцы не забывая, что у русских и в горах есть «зеленая арба», как называют они издавна пушки. Упряжных лошадей, однако, не имеется при орудиях и они только при помощи солдат могут быть вывозимы на позиции за слободу.

Древесной и кустарной растительностью Ведено сильно напоминает Аргунское ущелье вблизи Воздвиженской, но травянистые растения значительно отличаются. Здесь в диком состоянии растет очень много шишек (Mespilus germanica), яблок, груш, алычи (Prunus divaricata Ledb.), боярышника, орешника (Corylus Avellana), ольхи, черноольхи, граба, бука и т.д. Дуб попадается, но очень редко. Рододендронов, или, точнее, азалей (Azalea pontica), которых я не видел около Воздвиженской, здесь очень много; больше всего растет их по опушкам лесов. Часто встречается жимолость (Lonicera Caprifolium и L. Xylosteum). Из травянистых растений обращает на себя внимание Aruncus silvestri, поднимающаяся аршина на два от земли, Spiraea philipendula, Lysimachia vulgaris, Asperula odorata, Rumex crispus и т.д. Красивого, с огромными колосьями цветов Verbascum, который в изобилии растет около Воздвиженской, здесь нет вовсе. На большой поляне, где расположена слобода, больше всего растет мелкого приземистого клевера (Trifolium repens) и белой крупной ромашки (Chrysanthemum vulgare), которая поднимает свои головки довольно высоко над клевером. Нигде не встречал я это растение в таком огромном количестве, как вокруг Ведено. На многих местах оно растет так густо, что поверхность поляны представляется, когда смотришь на нее вдаль, почти белой. Папоротники встречаются около Ведено тоже в изобилии. На скалах по очень сырым и тенистым местам растет Scolopendrium officinale, Polypodium vulgare, Cystopteris fragilis и Asplenium Trichomanes, Anthyrium felix femina и Struthiopteris germanica. Паноротника-орляка я не видел в ущелье Хулхулау нигде, кроме упомянутых уже мест, находящихся недалеко от Эрсеноевской станции. Так как это единственный из кавказских папоротников, который растет на совершенно открытых местах, то при отсутствии его трава на полянах и опушках лесов в окрестностях Ведено оказывается гораздо более чистой и более пригодной для пастьбы скота и для сена, чем на горах Западного Кавказа.

Хулхулау, о которой я не сказал еще почти ни слова, протекает верстах в двух к востоку от Ведено. Она представляет средних размеров горную речку, которая довольно быстро катит свои

воды по широкому дну ущелья, заваленному белой известковой галькой и валунами. Самая речка имеет в ширину аршин 30, а дно ее ущелья шагов 100 и более. Во время сильных дождей все оно заливается водой. Над дном ущелья и здесь возвышаются отвесные кручи из мелких камней, сцементированных глиной. Встречаются кое-где и довольно толстые напластования из серого песчаника. Все эти образования принадлежат к третичным; вторичные же, именно меловые, начинаются, как сообщил мне Г.П. Михайловский, на горах в нескольких верстах к югу от Ведено, и там они уже вполне господствуют. Из них состоят все горы верховьев Хулхулау, окрестностей озера Эзень-ам и т.д.; третичных же образований на них нет. Из известняков меловой формации состоят и те валуны, которыми так щедро усыпано русло Хулхулау; но они, конечно, принесены сюда из более или менее далеких мест. Что касается речки Шаудан, то она течет к юго-западу от слободы, напоминает во всех отношениях Хулхулау, но значительно меньше ее. Шаудан вытекает многими ручьями из ближайших к слободе лесистых гор, тогда как истоки Хулхулау находятся гораздо дальше.

Вечером на второй день пребывания в Ведено я познакомился с большей частью здешней интеллигенции — с помощником окружного начальника А.И. Добровольским, с двумя артиллерийскими офицерами и т.д. Все они держали себя по отношению ко мне и моему спутнику Г.П. Михайловскому в высшей степени любезно и ежедневно приглашали нас на вечерний чай или ужин. Посетил я также здешнего коренного жителя-чеченца поручика Шамиля, который живет на хуторе в двух или трех верстах от слободы. Поездка к нему была интересна в том отношении, что вблизи места, занимаемого его хутором, жил когда-то Шамиль, вождь чеченцев и лезгин. Здесь мне показали место, где стоял его дом, где у него отливали пушки и т.д. Место это, расположенное несколько выше Ведено вблизи опушки леса, в течение 14 лет было, как я уже говорил, резиденцией имама. На хуторе поручика Шамиля мы встретили старика-чеченца, который был одним из сподвижников Шамиля. Ему в настоящее время уже лет 75. Он охотно рассказывает про былые времена, любит вспоминать Шамиля, разговаривать с ним можно только через переводчика.

Рано утром на следующий день я в сопровождении одного чеченца отправился на горы, возвышавшиеся к югу от Ведено, чтобы взглянуть на горные луга этой части Кавказа и познакомиться с их растительностью. Тотчас за хутором Шамиля мы въехали в лес и по нему начали подниматься выше и выше. Дорога местами была так крута, что нам приходилось слезать с лошадей и идти пешком. Чеченцы, однако, ухитряются возить по ней сено, которое косят на горных лугах. Лес состоит здесь преимущественно из деревьев средних размеров. Его нельзя назвать ни хорошим, ни плохим. В нем очень много бука, ясеня, остролистного клена (Acer platanoides), вяза (Ulmus campestris), липы и граба (Carpinus Betulus). Значительно реже попадаются дуб и различные виды вербы. Как благоприятны климат и почва этих мест для роста леса, можно судить по тому, насколько крупны, сочны и жирны листья и молодые побеги на здешних деревьях, особенно на липах, вязах и ясени. Из кустарников в этих лесах растет бузина (Sambucus nigra), жимолость и азалеи. Папоротник Struthiopteris germanica встречается на каждом шагу и образует сплошные заросли. Часто попадается Anthyrium felix femina и другие. У верхней границы лесов растет много роз с розовыми цветами, рядом с ними азалеи (Azalea pontica). Последних здесь, однако, очень мало. На некоторых кустах азалей были еще полуувядшие желтые цветы. Ни одной сосны, ели или пихты, которые составляют красу лесов Западного Кавказа и огромном количестве встречаются на границе их с альпийскими лугами, мы не встретили. Очевидно, их здесь и нет вовсе. Горные луга начинаются сравнительно невысоко, средним числом на высоте 4 $^1/_2$ или 5 тысяч футов над уровнем моря. Таких пышных цветов и высоких трав и бурьянов, как в Кубанской области, а также в Черноморской и Кутаисской губерниях, здесь тоже нет. Растительность этих горных лугов по своему составу сильно напоминает растительность горных лугов Западного Кавказа, но в некоторых отношениях отличается от нее. Здесь растет много истодов (Polygala), гераней, лютиков (Ranunculus polyanthemus), генциан, персидской ромашки (Pyrethrum roseum), клевера (Trifolium repens и T. pratense), часто попадается Alchemilla argentea, Campanula, Lotus corniculatus, Inula glandulosa, Orchis с белыми цветами, Spiraea philipendula и т.д. Но на здешних лугах гораздо реже встречается Betonica grandiflora, почти отсутствуют аконитьі, Delphinium, Rumex crispus и совершенно нет чемерицы (Veratrum)[9] — растения, которое встречается на каждом шагу на горных лугах Западного Кавказа. Spiraea philipendula, наоборот, там попадается гораздо реже, чем здесь. Замечу, однако, что белых аконитов растет много в лесу выше Ведено, но на горных лугах я их не видал вовсе.

С вершины Таузень-болу-корт и соседних с ним гор открываются очень красивые виды на множество ущелий, долин, балок и хребтов. Вдали на юго-восток по другую сторону глубокого ущелья Хулхулау хорошо видна шоссейная дорога, которая ведет из Ведено в Ботлих. Делая множество зигзагов и крутых поворотов взад и вперед, она в виде светло-серой ленты поднимается выше и выше на хребет Керкет, а затем переходит через перевал Хагалия (6993 фута) и спускается к озеру Эзень-ам. Не менее красив вид на ущелье одного из притоков Хулхулау, именно реки Ахкачу, как назвал мне ее мой проводник. Верховья ее окружены целым амфитеатром гор, с которых спускается множество глубоких балок, расположенных веерообразно. Все эти балки покрыты лесами, состоящими по преимуществу из бука, а вершины гор, окружающих балки и ущелья, горными лугами.

С этих же мест открывается красивый вид на Ведено. На него и окружающую его поляну приходится смотреть почти с птичьего полета. Говорят, на этих горах русские поставили артиллерии и обстреливали с них Ведено перед штурмом его.

По этим горным лугам я с своим проводником проездил целый день. Мы пробирались почти до аула Зивирхи, расположенного вблизи истоков реки Элистанжи. Мне говорили, что в окрестностях этого аула водится довольно много дичи — серн, медведей, кабанов и диких коз. Местность вокруг него очень гориста, местами труднодоступна, небедна лесом, а также скалами, поэтому могла бы служить надежным приютом для зверей; но на всех здешних горах так людно, что нельзя проехать по горным лугам одной версты, чтобы не встретить пастуха со стадами скота или какого-нибудь чеченца, идущего в Ведено или один из ближайших аулов. За весь день мы не видели ни одного зверя, хотя я перед заходом солнца, когда дичь выходит из леса на чистые места, обошел порядочное пространство вдоль лесных опушек. Только в двух местах у верхней границы лесов, обращенных к Ведено, мне попались свежие следы медведя. Внутри лесов, впрочем, звериных следов больше. Очевидно, звери здесь очень напуганы и боятся выходить на чистые места или выходят на них только ночью.

На горных лугах вблизи одного заброшенного и никем не обитаемого коша, на высоте около 5500 футов над уровнем моря мы сделали привал. Сюда привлек нас хорошенький родничок и обилие дров в виде старых полуразрушенных плетней и заборов. Здесь мы просидели часа два, напились чаю и дали отдохнуть нашим лошадям. Около этой стоянки было довольно много мелких птиц. Больше всего попадалось нам на глаза обыкновенных и луговых чеканов (Saxicola oenanthe L. и Pratincola rubetra L.), голос которых был слышен отовсюду. Несколько раз пролетали над нами и садились на камнях или плетнях маленькие стайки и отдельные парочки красивых королевских вьюрков (Serinus pussilus Pall.). Довольно много было горных овсянок (Emberiza cia L.); по плетням и крышам полуразвалившихся хижин прыгали горихвостки или черногрудки (Ruticilla ochruros Gm.), белозобые дрозды (Merula torquata L.) и чечевицы, или красногрудые воробьи (Carpodacus erythrinus Pall.). Здесь же я видел одного черного дрозда (Merula merula L.) и краснохвостого сарыча (Buteo Menetriesi Bogd.).

По дороге к горным лугам и вообще в окрестностях Ведено мне попадались кроме упомянутых птиц и другие. На лугах вокруг слободы, а в особенности по опушкам лесов, очень часто встречаются дрозды-дерябы (Turdus viscivorus L.); внутри же леса много черных дроздов, обыкновенных синиц (Parus major L.) и крапивников (Troglodytes parvulus L.). Белые плиски попадаются на лугах, а в особенности внутри слободы, где они и устраивают свои гнезда. Их можно видеть на каждом дворе и притом очень часто с кормом во рту для своих птенцов. Очень много белых плисок попадается также по берегам речек и ручьев. Здесь же по каменистым берегам бегают и горные плиски (Motacilla boarula L.). Дубоносов (Coccothraustes vulgaris Pall.) много во всех садах, где они снуют преимущественно по вишневым деревьям и питаются косточками вишен. Обыкновенный и луговой чеканы встречаются часто около слободы, черногрудки же (Ruticilla) здесь не попадались мне. Около Ведено я слышал крик горлиц, перепелов, коростелей и кроме того несколько раз видел ягнятника (Gypaetus barbatus L.), белоголовых грифов, (Gyps fulvus Gm.) и коршунов (Milvus ater Gm.). По словам охотников, серых куропаток около Ведено вовсе нет, перепелок очень мало, а вальдшнепов весною и осенью бывает много. Видел я диких голубей (Columba livia Briss.), но их, так же, как и витютней, в этих местах мало, вероятно, вследствие того, что хлебопашество здесь слабо развито. В садах и на дворах часто встречается обыкновенная синичка (Parus j major L.), лазоревка (Cyanistes coeruleus L.) и пеночка (вероятно, Phylloscopus trochilus L.), щеглы (Cardnelus elegans Steph.) и воробьи, причем полевой воробей (Passer montanus Briss.) встречается реже, чем домашний (P. domesticus Briss.).

Из млекопитающих в горах, окружающих Ведено, водятся те же роды и виды, которые встречаются в окрестностях Воздвиженской и Шатоя. Медведи (по-чеченски «ча») живут во всех лесах, и в довольно значительном количестве. То же можно сказать и о диких свиньях (по-чеченски «хека»). За ними охотятся не только русские, но и чеченцы, которые привозят их в Ведено и продают крупных и жирных кабанов по 7—8 рублей за штуку. Летом убивают их по преимуществу на кукурузных полях, которые в июле и августе, когда начинает поспевать кукуруза, приходится тщательно оберегать от нашествия кабанов. Зимою чеченцы стреляют их, выслеживая по снегу. Дикие козы («лу» по-чеченски) водятся также во всех лесах и притом в довольно значительном количестве. Олени («сей») уже истреблены в горах, окружающих Ведено. Серны встречаются изредка верстах в 15 от слободы, например, на горах около аула Зивирхи. Рога и шкуры здешних серн (две пары) я видел у одного полесовщика. Хотя эти рога принадлежали старым экземплярам, но были значительно тоньше и короче, чем рога серн Кубанской области. Очевидно, в густонаселенной Чечне этим животным нет того приволья, какое они находят на горах Западного Кавказа; поэтому они, как и их рога, уменьшились в росте. По словам полесовщика, ему никогда не приходилось видеть в этих местах серн, которые он мне показывал. Безоаровые козлы в окрестностях Ведено не водятся. Волк («бордз») всюду в лесах, а летом за стадами овец отправляется на горные пастбища. Шакалов около Ведено нет вовсе («цоогол»), довольно много в горах и на более низких местах. Попадаются здесь

типичные красные лисицы, серые горные и черно-бурого цвета. Очень часто видят серых лисиц около озера Эзень-ам (1869 метров над уровнем моря) и еще выше на окружающих его горах; много лисьих шкур привозят в Ведено из соседних частей Дагестанской области. Лисицы темно-бурого цвета ценятся здесь гораздо выше, чем серые и красные. Барсуки («даам») и дикие кошки («аакацицик») встречаются также довольно часто. Из шкур барсуков мне приходилось несколько раз видеть и чехлы на ружьях чеченцев. Куницы («салор») водятся в лесах около Ведено и в других местах; за ними охотятся чеченцы, но продают шкурки почему-то гораздо дешевле, чем в Кубанской области, именно по 4 и по 5 рублей за штуку. Речная выдра или порешня встречается по всем речкам окрестностей Ведено и часто добывается чеченцами. За зайцами («паагель») охотятся как русские, так и чеченцы. Последние, в противоположность горцам-магометанам Кубанской области и прочих местностей Терской области, употребляют мясо зайцев в пищу.

Из Ведено я вместе с Г.П. Михайловским отправился в Дарго. Помимо желания ознакомиться с природой его окрестностей мне хотелось посмотреть на аул и окружающую его местность еще и потому, что мне не раз приходилось слышать о знаменитой даргинской экспедиции и о том ужасном положении, в каком оказался большой русский отряд, состоявший под командой самого наместника Кавказа графа Воронцова, около Дарго летом 1845 года.

Дарго находится на западе от Ведено, отстоит от него по прямой линии всего лишь на одиннадцать верст, по дороге же расстояние до него равняется приблизительно верстам 16—18. Это происходит от того, что по пути к Дарго приходится пересечь и отчасти обогнуть несколько очень глубоких балок. Таким образом, добраться из Ведено в Дарго можно только часов за пять.

Верстах в двух от Ведено мы вброд переправились через Хулхулау, проехали аул Дышны-Ведень, расположенный на правом берегу упомянутой речки, и начали подниматься на гору дорогою, которая шла частью по более или менее открытой местности, частью по лесу. Когда мы поднялись на гребень горы, то перед нашими глазами открылась целая система балок, направляющихся с юга на север и дающих начало реки Гудермес. Все они покрыты лесами. На север от нас тянулись не очень высокие горы, на которых лесов было гораздо меньше, но виднелись чеченские аулы и много хлебных полей. Переезд через эти балки довольно утомителен и неприятен: едва успеешь выбраться из одной, как тотчас же приходится спускаться в другую и т.д. Спуски и подъемы здесь очень круты, поэтому значительную часть их мы должны были пройти пешком. Особенно длинен и крут спуск за последним истоком речки, на тот хребет, который разделяет верховья Гудермеса и Аксая. С этого хребта также открывается обширный вид на горы, чеченские аулы, представляющие своего рода орлиные гнезда, и знаменитые в истории войны с Шамилем Ичкеринские леса. На некотором протяжении дорога идет вдоль гребня этого хребта, покрытого кустами и редким мхом. Особенно поразило меня здесь необыкновенное обилие шишек или мушмулы (Mespilus germanica). В некоторых местах лес состоит только из одних их, и они окаймляют обе стороны дороги почти на всем ее протяжении.

С этого хребта начинается крутой спуск, который тянется вдоль изрытой глубокими оврагами местности и ведет в долину Аксая. Здесь мы остановились на короткое время, в течение которого мой спутник Г.П. Михайловский нашел в глинистых кручах и наносах много раковин миоценовой формации, особенно мактр (Mactra). Отсюда же открывается красивый вид на Дарго и окружающие его горы.

Перед самым Дарго в глубокой крутой балке течет довольно порядочная речка — один из истоков Аксая. Нам надо было переехать через него и затем подняться на очень крутой уступ, который был уже последним на нашем пути. За ним тотчас же начинается Дарго. Он расположен на высоте приблизительно 700 метров (2300 футов) над уровнем моря на более или менее возвышенном красивом выступе или мысе, который с восточной стороны ограничивается балками нескольких небольших речек, а с западной — долиной упомянутого уже притока Аксая. Над дном последней Дарго возвышается сажен на 20 или на 30, образуя везде очень крутые обрывы. Дарго представляет большой аул, который тянется с севера на юг версты на три. Жилые постройки в нем расположены на значительном расстоянии друг от друга, а между ними тянутся дворы, сады и огороды. Дарго, подобно Ведено, утопает в зелени. Вокруг всех домов, а отчасти и на улицах растут груши, алыча, шишки и особенно много волошских орехов. Они растут почти на каждом дворе и в каждом огороде и в некоторых из них образуют целые рощи. Вдоль улиц, вокруг садов и дворов в некоторых местах тянутся густые живые изгороди из боярышника и шиповника (Rosa). Жилые постройки в Дарго в общем довольно порядочные и чистые. Некоторые из них имеют покрытые травой земляные крыши, а большая часть — черепичные. Есть немало и довольно красивых домиков. На огородах разводится по преимуществу кукуруза. Вообще Дарго своим видом произвел на меня хорошее впечатление. Аул окружен со всех сторон не особенно высокими красивыми горами. На юге и особенно на юго-западе они покрыты порядочными лесами, на севере же представляют много открытых мест, по которым разбросаны чеченские аулы и растут небольшие лески и рощи.

В Дарго мы приехали часа за три до захода солнца, ходили по садам и огородам, а вечером ушли на окраину аула, желая избавиться от целой толпы чеченцев, которая собралась, чтобы смо-

треть на нас, как на чудо, в кунацкую помощника аульного старшины, у которого мы остановились. Возвратившись в кунацкую в десятом часу, мы снова застали в ней много любопытных. Говорят, впрочем, что оставлять гостей, по чеченским понятиям, неделикатно, — поэтому, может быть, они и толпились около нас; но я уверен, главную роль играло здесь любопытство. Вечером нас угостили ужином — супом и курицей, приготовленной с перцем, и притом превкусно. После ужина толпа чеченцев все еще не расходилась, и нам пришлось, наконец, через нашего проводника сказать им, что мы устали после дороги и желаем лечь спать. Замечательно, что в постелях чеченцев не оказалось никаких насекомых, и мы проспали на них до самого утра прекрасно.

На следующий день почти с восходом солнца я и Г.П. Михайловский отправились посмотреть еще на памятник убитым воинам, поставленный на том месте, где когда-то русские войска, терпевшие крайний недостаток в снарядах и провизии, были окружены чеченцами и под их выстрелами, раздававшимися в густом лесу из-за каждого дерева и куста, должны были сражаться в течение нескольких дней. Экспедиция в Дарго была задумана, как известно, в очень широких размерах по приказанию императора Николая I-го только что назначенным на Кавказ наместником графом Воронцовым в 1845 году с целью разрушения Дарго, где у Шамиля был арсенал и склады различных запасов. Целая армия под начальством самого Воронцова, приближаясь 6-го июля к Дарго с южной стороны, должна была на протяжении 6—7 верст пробираться по густому лесу, где все дороги были испорчены, перекопаны и перегорожены засеками и множеством завалов. Двигаться по этому лесу и брать завалы приходилось под жестоким огнем войск Шамиля, который причинил русским громадные потери. Только к ночи нашим войскам удалось пройти верст пять и добраться до Дарго, которое было сожжено и уже оставлено Шамилем. В следующие дни в том же лесу и на той же поляне русским снова пришлось штурмовать завалы, которые были взяты ими 6-го июля, а по уходе их тотчас возобновлены горцами. Здесь потерпела от жестокого огня чеченцев и лезгин колонна генерал-лейтенанта Клюге-фон-Клугенау, высланная Воронцовым из Дарго для встречи транспорта с провиантом и боевыми припасами. Очень сильно пришлось пострадать русским, пробираясь по узким ущельям, и на дальнейшем пути к северу от Дарго. Общие потери во время этой экспедиции выразились в 3 генералах, 141 офицере, а вместе с нижними чинами в 3631 человеке! Подобных потерь у русских в войне с горцами Кавказа никогда не случалось.

Чтобы попасть к упомянутому месту, оставившему по себе такую печальную память в истории Кавказской войны, мы должны были проехать все Дарго с севера на юг и затем, придерживаясь почти того же направления, подняться на довольно порядочную гору. Дорога на нее, окруженная с обеих сторон лесом, который успел со времен Шамиля значительно поредеть, выводит на длинную узкую поляну, простирающуюся вдоль притупленного гребня хребта. Проехав по этой поляне версты полторы, мы добрались до того места, на которое главным образом хотели посмотреть. Оно известно у местных жителей под именем Ахмет-Ирицоу и представляет собою луг, покрытый свежей зеленый травой и простирающийся в длину версты на две или на три, а в ширину приблизительно на полверсты. Этой поляной, расположенной на высоте приблизительно 1120 метров (3674 фута), жители Дарго очень дорожат, как хорошим покосным местом, — поэтому дорогу, которая идет через нее на находящиеся вдали горные пастбища, огораживают с боков плетнями и изгородями. На этом лугу, где также происходила отчаянная битва, и были погребены сотни, если не тысячи, убитых, поставлен в высшей степени скромный памятник, состоящий из простого белого каменного креста, врытого в землю в вертикальном положении. Он сделан из обыкновенного известняка или, может быть, доломита и имеет в высоту около 2 $^1/_2$ аршин. На одной стороне его высечена лаконическая надпись: «6—13 июля 1845 года. Куринцы и Кабардинцы павшим товарищам». Под нею находится изображение Георгиевского креста с Георгием Победоносцем, поражающим чудовище. На другой стороне памятника также высечена какая-то арабская надпись. В небольшом расстоянии от него кончается поляна и начинается тот густой лес, в котором русские войска дважды подвергались жестокому огню чеченцев, стрелявших почти в упор из-за завалов и деревьев. С поляны, на которой стоит памятник, открывается обширный вид на горы Чечни, долины, ущелья, на все Ичкеринские леса, которые с непролазной грязью их дорог составляли главный оплот Шамиля в войнах против русских[10], на множество аулов и на Ведено, которое представляется отсюда светлым пятнышком, окруженных морем лесов. Выше поляны также видны леса, которые образуют сравнительно неширокую полосу, и высокие горы, покрытые альпийскими лугами. С этой стороны подходили к Дарго русские войска, и должно были пройти упомянутую полосу лесов. Из древесных пород в них встречаются клен, граб, боярышник и рододендроны (Azalea pontica), растущие по преимуществу у опушек лесов.

В Дарго и его окрестностях встречается довольно много птиц. На огородах и дворах я видел соек (Garrulus Krinickii Kalen.), много черных дроздов, зябликов, городских ласточек (Hirundo rustica L.), серых мухоловок (M) (Muscicapa grisola L.), пеночек (Phylloscopus throchilus L.), а за аулом пестрых дятлов (Picus Pelzami Bogd.), дроздов-деряб (Turdus viscivorus L.) и краснохвостых сарычей (Buteo Menetriesi Bogd.). Недалеко от поляны, на которой стоит памятник, я встречал также корольковых вьюрков (Serinus pusillus Pall.) и грязных сипов (Neophron percnopterus L.).

IV

Поездка из Ведено к озеру Эзень-ам. Аул Хорочой. Подъем на хребет Керкет. Перевал Хагалия. Озеро Эзень-ам и его окрестности. Дорога к Ботлиху. Ботлих и его окрестности. Аул Ансалты. Хребет Индой-лам. Аул Будты. Возвратный путь.

Из Ведено мною была предпринята еще поездка к знаменитому озеру Эзень-ам, которое лежит, на границей Терской области с Дагестанской на высоте более 6000 футов над уровнем моря, и в Андийский округ Дагестанской области. Кроме меня и Г.П. Михайловского, к озеру отправлялись в этот же день два горных инженера, приехавших в Ведено из Грозного, и два офицера — наших новых знакомых. Так как все они должны были ехать на линейках, а я со своим проводником верхом, то мы двое отправились из Ведено часа на полтора раньше всей прочей компании.

Путь наш проходил по ущелью Хулхулау, вдоль которого проложена шоссейная дорога. На протяжении первых восьми верст она тянется левым берегом Хулхулау по самому дну ущелья, покрытому мелкой, приземистой травой. В нескольких шагах от дороги начинается лес, одевающий высокие крутые горы, которые составляют левый склон ущелья. Проехав восемь верст по такой местности, мы добрались до довольно порядочного чеченского аула Хорочой, расположенного на высоте 3326 футов вблизи того места, где река Хулхулау образуется из двух речек — Хорочой-эхки и Эри-эхки. Еще в Ведено я слышал много разговоров об ауле Хорочой, в котором скрывался тогда известный во всей этой местности абрек Залим-хан. Он в сообществе 2—3 чеченцев несколько раз нападал на проезжающих из Грозного в Ведено или Ботлих и, приставив дуло берданки к груди или голове своей жертвы, принуждал ее под страхом смерти отдать все свои деньги. Таким образом он ограбил одного купца и, как рассказывали мне, спустя некоторое время после этого взял с него выкуп, пообещав никогда больше не беспокоить купца во время его частых поездок за товаром в Грозный. Заплатив дань, купец начал ездить из Ведено во все стороны и во всякое время суток, не опасаясь уже встречи с Залим-ханом. В Хорочой мне показывали недостроенную саклю Залим-хана, а также саклю его брата, у которого будто бы Залим-хан часто ночует с тем расчетом, чтобы перед рассветом уйти в лес, где у него есть несколько надежных притонов. Перед моим приездом в Ведено начальствующие лица Терской области приезжали в Хорочой и требовали выдачи Залим-хана, угрожая в случае неисполнения этого требования поставить в аул войска. Не знаю, чем все это кончилось, но за время моего пребывания в Грозненском округе (более месяца) Залим-хан выдан не был. Ходил Залим, как сообщил мне мой проводник, хорошо знавший его, всегда с берданкой и револьвером, нося при себе до сотни патронов, чтобы иметь возможность отстреливаться и не продать дешево свою жизнь в том случай, если бы его окружили и пытались изловить. К чести Залим-хана надо отнести то, что он, занимаясь грабежом, не совершил ни одного убийства и не пролил ни одной капли крови. Мой проводник находил даже, что Залим-хана не за что судить и наказывать, так как он, будучи бедным, никогда не обижает подобных себе бедняков и отбирает деньги только у богатых.

Около Хорочоя шоссейная дорога переходит на противоположный берег речки и начинает подниматься на гору, возвышающуюся за правым берегом Хорочой-эхки. Здесь, как я уже видел раньше с вершины Таузень-болу-корта, она делает множество изгибов и поворотов, поднимаясь все выше и выше. В начале подъема эту дорогу окружают каменистые места, покрытые бедной растительностью, но дальше она становится все свежее и богаче. На высоте тысяч пяти футов над уровнем моря мы встретили здесь уже чудные альпийские луга, усеянные множеством красивых цветов. Несмотря на июль, трава отличалась здесь свежестью и имела прекрасный зеленый цвет. Особенно пышно растет на этих местах Betonica grandiflora с крупными розовыми цветами, а также генцианы, незабудки, пахучие желтые лилии (Lilium monadelphum). Здесь встречал я и чемерицу (Veratrum album), но не везде, а на некоторых более или менее тенистых местах. На протяжении первой половины подъема нам попадались островки леса, состоящего по преимуществу из березы и рябины, дальше же леса отсутствуют совершенно и притом на большом пространстве. Горы этой местности состоят из одних только известняков, имеющих сероватый цвет, сильно выветрившихся и потрескавшихся на всех обнаженных местах.

Верстах в 15 от Ведено на шоссе построена будка, в которой живет сторож, наблюдающий за дорогой. Около нее мы остановились на полчаса, чтобы дать отдохнуть нашим лошадям. Отъехав от этой будки еще верст восемь по дороге, которая и в этих местах извивается змеей, образуя множество зигзагов и поворотов, мы сделали еще остановку, чтобы подождать остальных членов нашей компании или, по крайней мере, узнать, едут ли они за нами.

С того места, где дорога на некотором протяжении вытянулась почти в прямую линию открывается в северную сторону чудный вид на покрытые зеленью верховья Хорочоя, Элистанжи и множество других ущелий, вершин, хребтов и балок Чечни. Прождав здесь с полчаса, я наконец увидел на одном из поворотов шоссе движущуюся темную полоску и, взглянув в бинокль, тотчас узнал линейки наших спутников. Мы поехали дальше, решив подождать их у следующей будки, до которой оставалось еще версты три.

Эта будка расположена, по определению анероидом, на высоте около 1900 метров (6230 футов) над уровнем моря, окружена альпийскими лугами и отстоит от перевала Хагалия только на 4 версты. Несмотря на большую высоту места, на котором стоит будка, вид с нее не так хорош, как с той части пути, на которой мы останавливались полчаса тому назад. Причиною этого являются ближайшие горы, скрывающие даль. Соседние с будкой вершины, например, Володам-инци, поднимаются до 7490 футов, следовательно, с лишком на 1200 футов выше места, занятого будкой. Надо заметить, что около нее дорога захватывает уже Дагестанскую область, но вблизи озера снова входит в Терскую. Через полчаса после отъезда из будки мы поднялись на высшую точку пути по дороге к озеру, на перевал Хагалия, находящийся на хребте Керкет, который тянется приблизительно с востока на запад и отделяет бассейн Хулхулау и Аргуна от бассейна Андийского Кой-су. Этот перевал имеет высоту, как уже было сказано раньше, 2132 метра или 6903 фута. С него открывается очень красивый вид на юг на горы, окружающие озеро, и на глубокую котловину, в которой оно лежит; если же пройти от перевала несколько десятков шагов, открывается далеко внизу блестящая темно-синяя полоса воды: это длинный северный залив озера. Что касается собственно перевала, то он ничего особенного не представляет. Горы, окружающие его, более или менее пологи, почти сплошь покрыты травой, а небольшие скалы встречаются на них как исключение. Снегов в летнее время нигде вблизи перевала нет.

Расстояние от перевала Керкет до озера по прямой линии едва ли превосходит две версты, но шоссе, спускаясь с перевала в глубокую котловину, и здесь делает так много зигзагов, что расстояние до озера увеличивается, по крайней мере, вдвое. Чтобы миновать эти зигзаги, я отдал лошадь своему проводнику и отправился к озеру почти по прямой линии. Мои сапоги, подбитые новыми, острыми швейцарскими гвоздями, дали мне возможность свободно спускаться с самых крутых откосов, — поэтому я сильно опередил всех своих спутников, ехавших на линейках. Часа за два до захода солнца все мы спустились уже к берегу озера, и оно раскинулось перед нашими глазами. Мы остановились на несколько минут, чтобы полюбоваться чудной картиной, а затем отправились дальше. Нам надо было объехать все озеро с правой стороны (западной), чтобы попасть к будке, стоящей у юго-западного конца его, и сделать таким образом по берегу озера еще версты четыре. Дорога здесь извивается над самым озером и в некоторых местах сажен на 25 выше уровня его; на значительном протяжении она высечена в сплошной скале. Ехали мы по ней с большим наслаждением, любуясь озером и окружающими его горами, которые были необыкновенно эффектно освещены лучами заходящего солнца. Наконец, за час до наступления вечера мы добрались до будки, проехав от Ведено 43 версты и употребив на дорогу вместе с остановками почти целый день.

Будка, имеющая кроме сеней и кухни еще две комнаты для остановки приезжающих на озеро, удалена от него шагов на 200 и стоит на несколько десятков футов выше уровня озера, который находится на высоте 1869 метров или 6130 футов над уровнем моря. В будке живет сторож-чеченец с женою: у него имеется самовар, чайная и обеденная посуда, подушки и т.д., — поэтому здесь можно остановиться и не терпеть недостатка в самом необходимом. Тотчас после приезда мы расположились под открытым небом около будки, чтобы пить чай на свежем воздухе; некоторые из моих спутников хлопотали далее о том, чтобы чайный стол был накрыт не на солнце, а в тени, хотя я и говорил, что высота с лишком в 6000 футов после захода солнца скоро даст себя почувствовать. Действительно, едва только скрылось за горами солнце, как уже многие из нас пожелали перебраться в караулку.

После чая при свете луны мы с наслаждением катались по озеру в лодке. В это время мальчишки-чеченцы успели наловить нам несколько десятков форелей, из которых в тот же вечер была сварена очень вкусная уха.

На следующее утро мы вместе напились чаю, погуляли около озера часа два, еще покатались на лодке, а затем вся наша компания, кроме меня и моего проводника, отправилась назад в Ведено; я же остался на озере, чтобы лучше осмотреть его, соседние с ним места и затем ехать дальше, в Андийский округ Дагестанской области.

Утром, при ярком сиянии солнца, озеро Эзень-ам показалось мне еще более красивым. Лежит оно, как уже было замечено, в очень глубокой котловине, окруженной со всех сторон высокими крутыми горами. Одна из них, например, Азал, находящаяся к востоку от озера, поднимается до высоты слишком в 8700 футов, а другие, отстоящие несколько дальше, своей высотой превосходят 9200 футов. Почти все эти горы покрыты лугами, но далеко не такими пышными, как те, по которым мы проезжали перед перевалом Хагалия. С альпийскими лугами Западного Кавказа их даже невозможно сравнивать. Скал на этих горах мало, а лесов и вечных снегов нет вовсе. Вследствие этого, как ни красиво озеро Эзень-ам, все же оно значительно уступает в этом отношении некоторым другим озерам Кавказа, например, озеру Кели, находящемуся в Душетском уезде Тифлисской губернии на высоте более 10000 футов над уровнем моря. Все окружающие озеро горы более или менее доступны для человека и почти везде на них пасутся стада баранов и крупного рогатого скота. Хотя мне говорили, что на них попадаются иногда безоаровые козлы, но этому я мало верю. Вода в озере очень чиста, прозрачна, имеет красивый темно-синий цвет и сильно напоминает воду морей, например, Черного, Мраморного и т.д. Температура ее вблизи берегов в июле в 5 часов утра равнялась 10° Ц.,

а в 4 часа пополудни 20° Ц. Чеченцы, которых мы застали около озера, говорили мне, что оно очень глубоко, но господин Завадский, измерявший глубину его лотом, нашел, что она, если не ошибаюсь, не превосходит 20 сажен. Эзень-ам имеет неправильную форму и состоит из более широкой юго-западной части и двух заливов. Один из них, более короткий, тянется на восток, другой, более длинный и узкий, почти на север. В этот последний впадает небольшая речка Харсум, через которую мы переехали, приближаясь к озеру. Эта речка вытекает из хребта Керкет и сильно заносит илом северный залив озера. В западный залив его впадает другая маленькая горная речка — Кауха. Они в значительной степени питают озеро, так как в сухое время и после того, когда снег уже стает на горах, в него почти ниоткуда не течет вода, кроме этих речек. В некоторых местах дно озера сплошь затягивает Polygonum amphium и Myriophyllum; кроме того в озере растут водоросли. В особенности их много вблизи устьев реки Харсум, где к ним присоединяются различные болотные травы, превращающие это место озера в болото, поверхность которого почти сплошь затянута листьями кувшинок (Nymphaea) и других водных растений. При беглом осмотре озера Эзень-ам можно подумать, что оно не выпускает из себя воды, но это оказывается несправедливыми. К северо-западу от озера, приблизительно в версте или двух от него, в глубокой балке, дно которой лежит ниже уровня озера, из земли бьет огромный родник, тотчас же превращающийся в целую речку, которая соединяется с другими речками, вытекающими из гор к востоку от озера, и направляется дальше через аул Ансалты к Андшскому Кой-су. Не может быть ни малейшего сомнения в том, что этот родник питается водами озера, которые проникают сюда подземным ходом и пробиваются затем на поверхность земли. По рассказам сторожа и других чеченцев, уровень воды в озере непостоянен. В конце весны и в начале лета он повышается, а к осени заметно понижается. Кроме того, в некоторые годы наблюдается более сильное колебание уровня воды. Вероятно, это совершается в зависимости от количества снега, выпадающего на горах, которые окружают озеро. Строение берегов, покрытых широкой полосой белых, более или менее обмытых кусков известняка, также указывает на колебание уровня воды в озере.

Говоря об озере Эзень-ам, нельзя не коснуться вопроса о наиболее вероятной причине происхождения его. Так как это озеро лежит в глубокой котловине и со всех сторон окружено горами, которые начинаются у самого берега и поднимаются на целые тысячи футов выше уровня его, то можно подумать, что причиной образования озера были вулканические или тектонические силы, какой-нибудь переворот, сброс, глубокое оседание пластов земли и т.п. Но, если присмотреться к тем скалам, которые выступают над покрытыми зеленью склонами гор и во многих местах тянутся неширокой полосой на целые версты, то нельзя не заметить, что залегание и падение пластов по обеим сторонам озера очень согласованы и однообразны, если не считать незначительных, второстепенных изгибов их. Дислокационные явления выразились здесь только в общем наклоне слоев в одну сторону. Все обнаженные скалы на горах, окружающих озеро, состоят только из осадочных пород известняков, и никаких других, не говоря уже про изверженные, здесь не оказывается вовсе. Все это доказывает, что происхождение озера должно быть совершенно иным. Без сомнения, прежде на месте озера было обыкновенное ущелье с речкой, протекавшей по дну его, но вблизи теперешнего южного озера произошел большой обвал, который завалил самую нижнюю часть ущелья (дно его), перегородил русло речки и запрудил ее. Вода начала мало-помалу накопляться в этой глубокой котловине и таким образом возникло озеро. Может быть, это случилось даже не особенно давно, в исторические времена; подтверждением этого предположения может служить отчасти чеченский миф о происхождении озера на месте какого-то аула, провалившегося под землю.

По дороге к озеру, а в особенности около него, мне попадалось довольно много птиц. Вблизи озера я несколько раз видел альпийских галок (Pyrrhocorax alpinus Wiell.) и клушиц (Fregilus graculus L.). Часто прилетают к озеру маленькими стайками и пьют из него воду дикие голуби (Columba livia L.). По скалам и кучам камней всюду попадаются корольковые вьюрки (Serinus pusillus Pall.) и особенно много чеканов. Из них чаще всего встречается обыкновенная каменка или чекан-попутчик (Saxicola oenanthe L.), который быстро прыгает по камням, забирается в расселины их или взлетает и ловит в воздухе насекомых. Очень часто встречается здесь и другой вид этого рода — черноухий чекан (Saxicola aurita Temm.). По дорогам и лугам снуют горные овсянки (Emberiza cia L.); здесь же небольшими стайками летают пестрые снежные вьюрки (Plectrofringilla alpicola Pall.). Вблизи озера я встретил еще несколько штук рогатых жаворонков (Otocoris penicillata Güld.), которые прежде мне почти никогда не попадались. Одного из них я застрелил и снял с него шкурку. На голове у него черные длинные торчащие перья образуют как бы два рога. Найдены были эти жаворонки на холмистой местности, покрытой низкой травой, и на высоте, превышающей лишь на несколько десятков футов высоту озера. Здесь же попадались хохлатые жаворонки (Alauda cristata L.) и коноплянки (вероятно, Linota bella Hemp. et Ehrb.). Недалеко от озера я видел еще довольно много белозобых дроздов (Merula torquata L.), стервятников или сипов (Neophron percnopterus L.) и белоголовых грифов (Gyps fulvus Gm.). Последние две птицы в этих местах встречаются вообще довольно часто, а значительно реже их черно-бурый гриф (Vultur monachus L.). Вблизи озера летает довольно много белобрюхих стрижей (Cypselus melba L.). Водных и болотных птиц на озере я не видел вовсе.

Все только что упомянутые птицы, за исключением снежных вьюрков и рогатых жаворонков, встречались нам и по дороге к озеру, между Хорочоем и перевалом Хагалия. Горных овсянок и корольковых выорков там мы видели даже больше, чем вблизи озера, соек же в той местности я не встречал вовсе. Завирушки (Accentor) и черногрудки (Rhuticilla) вблизи перевала попадаются довольно часто.

По словам пастухов, на горах, окружающих Эзень-ам, часто встречаются небольшие серые змеи с черными пятнами на спине. Они иногда кусают овец, отчего укушенная часть сильно распухает, животное болеет несколько дней и нередко издыхает. Без сомнения, это гадюки (Vipera berus L.) и, может быть, Renardi Christ., которую я неоднократно встречал на горах. Несколько красивых проворных горных ящериц (Lacerta muralis Laur.) я встретил по дороге к озеру выше Хорочоя, жаб находил вблизи озера, но лягушек в нем не видел вовсе и не слышал их крика. Из рыб в озере водится только форель. Вечером, сидя в одиночестве на берегу озера, я убедился, как много в нем этой рыбы, Плесканье ее было видно непрерывно во всех направлениях; при этом многие форели выскакивали из воды всем телом, подбрасывая его над поверхностью воды на фут, если не более. Водящаяся в Эзень-аме форель (Salmo fario L.) составляет описанную К.Ф. Кесслером дагестанскую разновидность речной форели[11]. Большая часть экземпляров, пойманных во время нашего пребывания на озере, имели длину от 7 до 9 дюймов (18—23 сантиметров); но здесь попадаются, по преимуществу вдали от берегов, и более крупные экземпляры, хотя, конечно, не такие, какие описываются некоторыми рыболовами[12].

Окрестности озера, без сомнения, отличаются очень здоровым климатом. В летнее время здесь всегда бывает более или менее прохладно, а ночью, утром и вечером даже холодно. В июле в 5 часов утра я наблюдал два раза температуру в 9—10° Ц. Зимою выпадает очень много снега, но во всяком случае, гораздо меньше, чем на высоких горах Западного Кавказа, — поэтому в караулке, находящейся около озера, сторожа живут в течение всего года. Замерзает озеро довольно поздно, именно в декабре. Вблизи озера сеют хлеба, по преимуществу ячмень, который здесь довольно хорошо вызревает.

Шоссейная дорога от озера Эзень-ам на Ботлих идет вначале по широкой долине почти прямо на юг и проходит через аул Хой, отстоящий от озера версты на три. Хой расположен почти на такой же высоте, как озеро. Лесов вокруг него нет вовсе и потому весь он построен из камня. Толстая каменная стена, высотою сажени в 4, с заворотами по обоим концам ее, находится в юго-восточной стороне аула и служила прежде своего рода крепостью. В ауле же находится высокая четырехугольная каменная башня, также служившая для его защиты. Населен Хой чеченцами, но он представляет уже последний в этой местности чеченский аул. Вблизи него и дальше на склонах ущелья всюду видны камни и скалы, состоящие из известняков. Хой расположен в ущелье маленькой речки, получающей начало близ перевала к Ботлиху. Она течет к западу, впадает в речку, питающуюся озером, и принадлежит, следовательно, бассейну Андийского Кой-су. В летнее время воды некоторых из этих речек не доходят, однако, до Кой-су, испаряясь в той жаркой пустынной и почти безводной котловине, в которой лежит Ботлих. Ущелье речки выше аула Хой очень тесно, скалисто и всюду завалено камнями. При воспоминании о нем мне, прежде всего, представляются камни на каждом шагу, а затем множество порхающих по ним мелких птичек — горных овсянок, корольковых вьюрков, чеканов различных видов (Saxicola oenanthe, S. aurita и S. morio), коноплянок и т.д. Они большими стайками весело летают, купаясь в ярком свете альпийского солнца и сверкая своим блестящим, красивым и очень пестрым оперением. Здесь часто попадаются на глаза клушицы (Fregilus graculus L.) и альпийские галки (Pyrhocorax alpinus Wieill).

По ущелью Хой дорога поднимается все выше и выше и выходит таким образом на горы с очень тупыми вершинами и гребнями, напоминающими плоскогорье. По нему проходит граница меду Терской областью и Андийским округом Дагестанской области. Все это плоскогорье покрыто мелкой, приземистой и, в общем, довольно тощей травкой. Здесь же цветут мелкие незабудки, лютики и клевер. Места эти расположены на высоте слишком 2 тысяч метров над уровнем моря, представляют в летнее время хорошие пастбища и потому на них всюду бродят стада овец и крупного рогатого скота. Такая местность тянется до самого перевала, ведущего к Ботлиху. Этот перевал находится вблизи гор Чанхо (7149 футов) и Абдал (8540 футов) и сам имеет высоту слишком в 7000 футов (около 2200 метров). На проезде до него от озера мы употребили ровно 2 $^1/_2$ часа.

На перевале я сделал небольшой отдых, чтобы осмотреть окружающую перевал местность и полюбоваться красивыми видами, которые открываются с него. Особенно замечателен вид на покрытые вечными снегами Богосский и Пирикительский хребты, отстоящие отсюда верст на сорок. Пирикительский хребет представляет группу снежных вершин, на которых видны два большие глетчера, а левее (восточнее) их огромные снежные поля, в нижней части переходящие в третий глетчер. На темно-синем безоблачном небе эти блестящие, как будто бы покрытые серебром, вершины обрисовываются необыкновенно ясно и красиво. С перевала открывается, хотя и не вполне, та глубокая котловина, в которой расположен Ботлих.

Дорога при самом начале спуска с перевала делает два длинные зигзага, тянется невдалеке от небольшого горного озерца и затем выходит к крутому откосу, с которого открывается уже вид на

самый Ботлих и всю окружающую его местность. Отсюда до Ботлиха по прямой линии всего лишь 6 верст и виден он так хорошо, как будто бы расстояние до него не превышает 2–3 верст. С этих мест Ботлих кажется маленьким оазисом или островком темной густой зелени. Он лежит почти на 4000 футов ниже перевала. Со всех сторон его окружает печальная, выжженная солнцем желто-серая пустыня, которая представляет поразительный контраст не только с самим Ботлихом, но и с теми горами, по которым мы только что проезжали. В восточной стороне Ботлиха видны красные крыши казарм и серые сакли аварцев; западная же часть его утопает в зелени садов.

Спуск к Ботлиху скучен, утомителен по своему однообразию и длинен до бесконечности. Он тянется, вероятно, верст на двадцать, делая бесчисленное множество зигзагов и напоминая в этом отношении Млетский спуск. Ботлих все время виден с дороги, но за целые часы пути расстояние до него как будто бы нисколько не сокращается. Этот спуск надоел мне до невозможности и под конец страшно утомил меня. Надо заметить, что склон горы, по которому он тянется, обращен прямо на юг, сильнейшим образом накаляется солнцем и еще до наступления полдня все скалы и камни его начинают дышать огнем. Проезжая здесь днем, испытываешь мучения от жары, а между тем воды нельзя найти нигде[13]. Мы ехали по этому спуску, имея все время перед глазами Ботлих, целые четыре часа. В начале спуска по сторонам шоссе было много свежей зелени, потом ее становилось все меньше и меньше, а верст за восемь или девять от Ботлиха мы вступили уже в настоящую пустыню с лишенной растительности глинистой почвой, с бесчисленным множеством промытых водою канав, балок, яров и оврагов, имеющих очень крутые или даже отвесные берега. Многие из них могли бы вместить в себе целую реку глубиною в несколько сажень, но нигде в них нельзя было найти ни одной лужи, ни одной капли воды. Вся она превращена в пар горячим дагестанским солнцем. Только кое-где торчат здесь кустики сухих, колючих, почти безлистных ксерофильных трав, настоящих детей пустыни, да изредка встречаются тощие кустики держидерева (Paliurus aculeatus). Местность более печальную, чем эта, трудно даже представить себе! А между тем в нескольких десятках верст от нее находятся места с богатейшей растительностью, каковы, например, окрестности Хорочоя и другие части горной Чечни. Со спуска к Ботлиху также видны Богосский и Пирикительский хребты. На них только и можно с удовольствием остановить свой взор.

Чтобы сократить путь, мы выбрасывали некоторые зигзаги шоссе и ехали по прямой линии, но раза два-три должны были раскаяться в этом, так как встречали такие глубокие овраги, через которые нельзя было ни проехать верхом, ни провести лошадей. В нескольких верстах от Ботлиха шоссе проходит мимо аула Тандо, стоящего на возвышенном хребте. Аул имеет очень оригинальный, даже красивый вид, весь состоит из высоких каменных построек, воздвигнутых амфитеатром одна над другой и непременно снабженных высокими крытыми галереями. Зато окрестности Тандо прямо ужасны: это пустыня с желто-серой глинистой, солончаковой почвой, усеянная бесчисленным множеством трещин, а также оврагов и канав; кроме того, она почти совершенно лишена растительности. Только кое-где попадаются здесь на глаза маленькие кустики таких колючих трав, к которым опасно даже прикоснуться. Особенно страшны в этом отношении астрагалы, усаженные острыми длинными (более дюйма) и тонкими, как настоящая иголка, колючками. Так как они очень хрупки и ломки, то могут причинить иногда более или менее серьезные поранения. Стараясь скорее добраться до Ботлиха, я решил собрать хотя некоторые из этих растений для своего гербария после, во время пребывания в Ботлихе или на возвратном пути из него. Вся местность от Тандо до Ботлиха представляет такую же пустыню, как окрестности Тандо. Спускаясь к Ботлиху, мы два раза вспугивали по паре горных курочек (Perdix chucar Gray), видели нескольких воронов (Corvus corax L.), сипов (Neophron percnopterus L.), много обыкновенных и черноухих чеканов (Saxicola oenanthe L., и S. aurita Temm.) и чеканов-плешанок (Saxieola mario Ehrb.). Последний попадался, впрочем, значительно реже, чем два предыдущие. Немного выше Ботлиха я видел трех удодов (Upupa epops L.), встречающихся в горах очень редко, и много корольковых вьюрков (Serinus pusillus Pall.).

На горах, по которым проходит шоссейная дорога к Ботлиху, и в непосредственном соседстве с ним встречаются обнажения очень разнообразных и, очевидно, имеющих различный возраст геологических отложений. Вершины гор и здесь состоят из известняков меловой формации, образующих очень мощные пласты. За ними следуют отложения крупнослойных мергелей, также достигающих очень значительной толщины; еще ниже лежат песчаники и темно-бурого цвета конгломераты, а между ними толстые слои глин. Необыкновенным богатством ископаемых остатков отличаются пласты, лежащие недалеко от самого Ботлиха (в западной стороне его, у самого шоссе). Они состоят почти исключительно из раковин крупных пластиножаберных моллюсков. Хотя многие из них более или менее раздроблены, но в общем сохранились очень хорошо. Даже перламутровый слой их не утратил ни блеска, ни цвета.

Часа за два до захода солнца мы добрались наконец до Ботлиха, представляющего административный центр Андийского округа Дагестанской области и лежащего в ущелье Андийского Кой-су на левой стороне его и на несколько сот футов над дном ущелья. Сама река отстоит от Ботлиха версты на 3 или на 4. В Ботлихе живет начальник округа, начальник участка и стоит немного войска.

Ботлих расположен на сильно пересеченной, неровной местности. Мы въехали в него с западной стороны, то есть с той, которая, как я уже говорил, утопает в зелени. Здесь почти все пространство занято садами с находящимися внутри их огородами, а сакли и домики аварцев или тавлинцев далеко отстоят друг от друга и почти не видны за густой зеленью. Даже хлебные поля, на которых растет высокая и густая колосистая пшеница, находятся в самом Ботлихе, внутри садов и огородов, за неимением других удобных для этого мест. Фруктовые деревья, хлебные и огородные растения развиваются здесь прекрасно, но, конечно, только при обильном искусственном орошении. Внутри каждого сада имеется одна или несколько оросительных канав. Из плодовых деревьев в садах Ботлиха растут по преимуществу волошские орехи, персики и абрикосы, реже яблони, груши, а на огородах разводят по преимуществу тыквы, редьку и картофель, растущий здесь очень хорошо. Арбузов и дынь почти не сеют. Дома и сакли Ботлиха состоят из высоких каменных построек и непременно с высокими же крытыми галереями, поддерживающимися деревянными столбами. В восточной части Ботлиха видны большие каменные постройки с красными железными крышами. Это крепость и казармы, в которых живут пластуны, солдаты-артиллеристы, а также стоят орудия.

Ботлих расположен на высоте почти 1000 метров (3174 футов) над уровнем моря; впрочем, различные части его подняты неодинаково, раньше я слышал о Ботлихе как о месте с очень жарким летом, но это оказалось несправедливым. Среди дня здесь, действительно, жарко, но вечером, а в особенности ночью и утром, бывает довольно прохладно. В дни моего пребывания в Ботлихе в половине июля в шестом часу утра бывало от 17 до 18° Ц. при сухой ясной погоде. Прохладный ветерок, дующий ночью как по ущелью Кой-су, так и со всех окружающих Ботлих высоких гор, сильно умеряет жару в Ботлихе. Значительная абсолютная высота местности, на которой стоит Ботлих, также не может не оказывать влияния на температуру его. Климат Ботлиха, расположенного на склоне горы и значительно выше дна ущелья, должен быть здоровым. Я расспрашивал местных жителей и, между прочим, одного азиатского лекаря Нур-Магомета Алхазова относительно лихорадок (малярии), и все они говорили, что лихорадками болеют здесь в настоящее время очень мало; в прежние же годы, когда по берегам Кой-су против Ботлиха и ниже его стояли болота, от малярии страдали гораздо больше. В этом отношении особенно плохую славу приобрело, как, может быть, известно читателю, бывшее Преображенское укрепление, стоящее на берегу Кой-су (2198 футов) в трех верстах от Ботлиха. Упорные повальные лихорадки, которыми не только болели сильнейшим образом люди, но от которых многие из них и умирали, заставили давно упразднить эту крепость. Теперь, как сообщили мне, Кой-су изменило свое русло и гораздо меньше заливает берега; поэтому прежние болота почти исчезли и климат этой местности стал гораздо здоровее. Около бывшего Преображенского укрепления построен хороший железный мост через Андийское Кой-су. По нему проходит дорога из Ботлиха в Хунзах и другие места Дагестанской области.

Население Ботлиха состоит почти исключительно из аварцев (тавлинцев), но есть здесь небольшое число чеченцев, евреев и очень мало, если исключить войска, русских.

По вечерам в Ботлихе, заброшенном в самую глубину гор Дагестана и окруженном со всех сторон сотнями чеченских и лезгинских аулов, в которых на протяжении многих десятков верст не встретишь почти ни одного русского человека, бывают слышны звуки гармоники и веселые солдатские песни, которые представляют очень странный диссонанс со всей окружающей обстановкой. Это обычное вечернее развлечение пластунов и солдат-артиллеристов. Нередко одновременно с их песнями раздаются в известный час заунывные монотонные возгласы муллы, призывающие правоверных на молитву.

В самом Ботлихе я встретил довольно много птиц. На улицах и на дворах в изобилии живут воробьи двух видов (Passer domesticus Briss. и P. montanus Briss.) и довольно много полудиких голубей, а в садах много горных овсянок (Emberiza cia L.), зябликов, щеглов и т.д. Здесь же летает много черных стрижей (Cypselus apus L.) и серых ворон (Corvus cornix L.). Замечательно, что в жарких окрестностях Ботлиха, местами сильно каменистых и пересеченных множеством оврагов, яров и канав, и притом с почвой, изборожденной бесконечным числом трещин, я не встретил ни одной змеи, ни одной ящерицы, несмотря на то, что, надеясь найти их здесь непременно, самым тщательным образом присматривался к каждому камню и каждому кустику травы. Ожидая встретить также скорпионов и фаланг, я перевертывал и выворачивал множество камней, но, кроме мелких многоножек и насекомых, ничего под ними не нашел. Все это я проделывал как по дороге к Ботлиху, так и по пути от него в другие места.

В 3–4 верстах ниже моста через Кой-су находятся два аула – Энхели и Куанхидатль, замечательные своими солеными источниками. Из их вод с давних времен тавлинцы добывают соль. Этой солью, как сообщали мне, оба аула платили дань Шамилю, – поэтому их назвали соляными аулами.

Окрестности Ботлиха, как неоднократно было замечено, очень пустынны: только на горах, окружающих его, притом на значительной высоте (5–7 тысяч футов), мы встречаем более или менее свежий и обильный травяной покров. В нескольких верстах от Ботлиха виднеются небольшие сосновые лески, но каждый из них занимает площадь приблизительно в 1/2 квадратных версты. Вероятно, и они скоро будут уничтожены совершенно, так как при большом недостатке в лес-

ном материале рубят их очень сильно, а сосновые пни не дают поросли. Разведение лесов вокруг Ботлиха было бы благодеянием для его жителей.

Осмотрев Ботлих и его ближайшие окрестности, я отправился на запад от него через аулы Ансалты и Зиберхали в Будты. Я хотел попасть в такие места, в которых водятся безоаровые козлы, почти единственное из копытных животных Кавказа, с которым до сих пор мне не удалось путем собственных наблюдений ознакомиться более или менее обстоятельно. Раньше мне говорили, что безоаровые козлы водятся очень близко от Ботлиха, но от местных жителей я узнал, что это несправедливо. Осмотр окрестностей Ботлиха убедил меня в том, что здесь и нет таких мест, где бы могли водиться эти животные. Слышал я также, что на горах около Зиберхали и в особенности около Будты можно найти этих козлов, а упомянутый уже мною азиатский врач Нур-Магомет, который приютил меня в своей квартире после моих неудачных попыток найти для себя в Ботлихе какое-нибудь пристанище, указал мне на одного хорошего охотника — прапорщика Иссу, живущего в Будты. Нур-Магомет уверял меня, что Исса с удовольствием возьмет меня, как охотника, под свое покровительство.

Выехал я рано утром, чтобы до наступления жары проехать пустынные окрестности Ботлиха. Дорога наша тянулась почти прямо на запад и проходила несколько южнее аула Тандо. Местность и здесь оказалась в высшей степени однообразной, скучной и пустынной: все те же овраги, канавы, трещины в почве и почти полное отсутствие растительности. Изредка попадаются здесь тощая полынь (Artemisia campestris), Knautia, колючие астрагалы, Xanthium spinosum, Peganum harmala, Centaurea trinervia и одно такое колючее растение, к которому даже страшно прикоснуться. Вероятно, это Noala spinosissima, растущая отделенными друг от друга большими колониями или кустами. Из птиц мы встретили здесь довольно много чеканов и несколько штук ворон. Пресмыкающиеся и в этот раз мне не попадались вовсе.

От Ботлиха до аула Ансалты по прямой линии не более 7 верст, но мы едва проехали это расстояние за 2 $^1/_2$ часа, потому что дорога и здесь делает множество зигзагов в обход балок, водомоин и яров. Аул Ансалты расположен значительно выше Ботлиха и отличается очень оригинальным и красивым видом. Он раскинулся по склону горы, все высокие каменные сакли его имеют, как и в Ботлихе, балконы или галереи с крышами, подпертыми деревянными столбами, и расположены по уступам горы друг над другом. Кроме того, все балконы их обращены в одну сторону, на восток, куда местность сильно понижается. Все это придает аулу очень своеобразный вид. Ниже дворов и жилых построек на значительном пространстве тянутся сады, внутри которых ярко блестят на солнце густые золотистые нивы пшеницы. Среди них, а в особенности между ними разбросано много деревьев, по преимуществу груш и тополей. После пустынь, по которым мы странствовали последнее время, Ансалты произвел на меня очень приятное впечатление. Особенно красивы его сады, где густые темно-зеленые кроны деревьев так рельефно выделяются на блестящем фоне хлебных полей. Конечно, эти сады и нивы орошаются напускной водой.

За Ансалты дорога поднимается все выше и выше, а растительность постепенно становится свежее и обильнее. Сначала появляется довольно много Vincetoxicum, а затем кустики роз и барбариса. Первым живется здесь, однако, очень плохо; они имеют маленький рост, мелкие листья и очень мелкие темно-розовые цветы. Еще выше начинают попадаться можжевельники (Juniperus communis L.) и облепиха (Hyppophae rhamnoides). Здесь же между кустиками встречаются маленькие роднички с чистой свежей водой и ручейки. В этих местах наша тропинка поднималась довольно круто, и мы должны были слезть с лошадей и идти пешком. Пройдя таким образом около версты, мы взошли наконец на пологий и сравнительно мало возвышающийся над ближайшей местностью перевал, за которым следовал короткий спуск к аулу Зиберхали. На перевале росла довольно порядочная и свежая травка; на ней мы сделали привал, чтобы отдохнуть, напиться чаю и покормить своих лошадей.

Перевал имеет в высоту 2000 метров и окружен почти со всех сторон покрытыми зеленью пологими склонами. Он находится в южной стороне и почти у самого подножья горы Индой, имеющей в высоту 2345 метров (7693 футов). Это острая, в верхней части очень скалистая и крутая, как стена, гора. Она состоит из белых известковых скал, осыпей и очень крутых зеленых откосов, по которым растут редкие сосны. На перевале я видел двух витютней (Palumbus torquatus Aldr.), много диких голубей (Columba livia L.) и с полдюжины сорок. Нахождение последних на такой высоте меня очень удивило, так как эта птица избегает гор и раньше никогда не попадалась мне на более или менее высоких местах Кавказа. Нигде по дороге к перевалу я не встретил ни ящериц, ни змей. Меня особенно поразило отсутствие горной ящерицы (Lacerta muralis), которые в горах на каменистых местах встречаются всюду. Когда мы отдыхали на перевале, с горы Индой донеслись до нас звуки двух выстрелов. Вероятно, кто-нибудь стрелял там по сернам, которые, как мне говорили, изредка встречаются на горе Индой.

Во время нашего пребывания на перевале к нам подошел один аварец, которому я предложил напиться чаю, чтобы расспросить его о здешних местах. К моему удовольствию, он оказался охотником. От него, между прочим, я узнал, что в окрестностях Зиберхали зверей вообще очень мало, безоаровых козлов нет, а серны лишь изредка попадаются на окружающих аул горах. По

словам охотника, дичи больше в окрестностях Будты, около находящегося верстах в 7 к востоку от него аула Киру, но много безоаровых козлов можно найти только около Хуланды — одного из отдаленнейших аулов Чечни, находящегося почти под самыми снегами Пирикительского хребта, в верховьях Шаро-Аргуна.

В очень небольшом расстоянии от перевала расположен маленький аул Зиберхали. Он сам по себе ничего особенного не представляет, но окружающая его местность очень недурна и совсем не похожа на окрестности Ботлиха, Тандо и даже Ансалты. Вся она покрыта свежей зеленью и мест с оголенной почвой глаз на ней нигде не встречает. На северном склоне гор, которые тянутся приблизительно с востока на запад, южнее Зиберхали есть даже порядочные сплошные лески, состоящие только из сосен или же из лиственных пород с сильным преобладанием березы. С противоположной, то есть северной стороны Зиберхали тянется далеко на запад хребет Индой-лам. Аул Зиберхали расположен на очень значительной высоте между двумя упомянутыми хребтами и окружен со всех сторон прекрасными горными лугами. Особенно роскошный вид они имеют верстах в пяти от Зиберхали по дороге к Будты. На них растут такие же пышные, как в Кубанской области или Черноморской губернии, герани, истоды (Polygala), лютики, Betonica grandiflora, Inula и т.д. Veratrum album встречается здесь, но сравнительно не особенно часто.

От Зиберхали нам пришлось подняться еще выше, еще раз перебраться через невысокий перевал в хребте, разделяющем ручьи и речки бассейнов Андийского Кой-су и Шаро-Аргуна. Этот перевал имеет в высоту 2273 метров (7455 футов) над уровнем моря. К северу от него и здесь длинной цепью протянулся хребет Индой-лам, имеющий высоту в этих местах от 8 до 8 $^1/_2$ тысяч футов. Гребень его отстоит от перевала по прямой линии всего версты на три. За этим перевалом начинается уже пологий спуск к Будты, который тянется на протяжении пяти верст.

На переезд от Ботлиха до Будты мы затратили 9 часов, включая в это время и один час, употребленный на отдых перед спуском к Зиберхали, и потому порядочно утомились. Расстояние между обоими упомянутыми пунктами по прямой лишь равняется всего лишь верстам 18, но дорога здесь, как и почти везде в горном Дагестане, делает так много зигзагов, что расстояние, определяемое по карте, надо увеличить по крайней мере раза в полтора, если необходимо определить время, которое потребуется на проезд его. Почти за целый день езды мы переместились на расстояние, равняющееся на пятиверстной карте только $^2/_3$ дюйма.

Когда мы добрались до Будты, мой проводник прежде всего начал расспрашивать, где живет отставной офицер Исса. На это нам ответили, что в Будты его нет и что он переселился на хутор, который виден из Будты, отстоит от него версты на полторы и отделяется довольно глубокой балкой. Таким образом, нам надо было ехать еще с полчаса. Когда до хутора оставалось не более версты, мой проводник заметил, что черкеска его, лежавшая на седле, потеряна. Это случилось в то время, когда он перед выездом в Будты слезал с лошади, чтобы отворить ворота, ведущие в аул. Он поехал искать черкеску, а я в ожидании его возвращения расположился на лужайке, с которой открывался хороший вид во все стороны и в особенности на Индой-лам. В это время ко мне подошел один старик, житель Будты, говоривший немного по-русски, и вступил со мною в разговор. Он, между прочим, рассказывал мне, что когда-то вместе с Шамилем воевал против русских, сражался под Дарго, Гергебилем и во многих других местах и был неоднократно ранен. В доказательство последнего он показал мне на голени большой рубец от пулевой раны. Меня очень удивило его в высшей степени любезное и добродушное отношение ко мне, гяуру и, кроме того, русскому. Во время нашей беседы явился мой проводник, но без черкески. Она была кем-то найдена и припрятана. Ее выручил на следующий день Исса, очевидно, пользующийся здесь влиянием.

В пятом часу вечера мы были, наконец, в его кунацкой. Исса когда-то служил в Петербурге в конвое, получил там чин, но, возвратившись в свой аул, совсем отрекся от всего, что вносит в жизнь цивилизация. На стене его кунацкой висело офицерское пальто с погонами, но сам он ходил в некрытой материей белой овчинной шубе, и поседевшая борода его была выкрашена очень плохо в мутный черный цвет. Рядом с офицерским пальто висели две берданки, с которыми охотился Исса за сернами и другими зверями, несколько хороших азиатских ружей, а также шашки и кинжалы, обделанные в серебро; но воздух в кунацкой был сильно пропитан особенным специфическим запахом, который так часто чувствуется в азиатских саклях. Мы приехали к Иссе не вовремя: от него на наших глазах только что уехало несколько человек гостей, проживших здесь дня три, и, кроме того, в предыдущие дни он был болен и не успел еще поправиться. Особенно опечалил меня разговор с ним об охоте. Исса сообщил, что в соседних с Будты местах водятся дикие козы (косули), в доказательство чего показал ветвистые рожки убитого им козла, изредка попадаются серны и вовсе нет интересовавшего меня безоарового козла. Не встречается он, по словам Иссы, и около Киру, где водился еще недавно. Терять время и, может быть, безрезультатно на охоту за козами или сернами мне было неинтересно, так как за этой дичью я мог поохотиться при гораздо лучших условиях в Кубанской области, отправляться же в Хуланды, где, как сообщил мне охотник, водится много безоаровых козлов, и употребив на это еще, по крайней мере, неделю, мне неудобно было по многим причинам, — поэтому попытку поохотиться за безоаровыми козлами пришлось отложить

до более удобного времени. Возможно, впрочем, что Исса несколько преувеличивал, рассказывая о бедности дичью окрестностей Будты, так как ему после болезни, вероятно, не особенно хотелось отправляться с нами на охоту. С самого начала разговора он выразил сомнение в том, что я могу лазать по таким высоким и труднодоступным местам, на которых водятся серны или безоаровые козлы, что мои сапоги не годятся для такой охоты и т.д. Но, когда я ему сказал, что охочусь за сернами ежегодно и убил их несколько десятков, показал ему охотничьи штиблеты, каких он никогда не видал, то он снова начал разговор о бедности дичью.

Остаток дня я употребил на осмотр ближайших окрестностей Будты и хутора, на котором мы остановились. Места эти очень красивы и сплошь покрыты зеленью. Будты представляет небольшой аул, расположенный на левой стороне долины и почти у самых верховьев одной небольшой речки, впадающей в Шаро-Аргун. Эта долина простирается с востока на запад. С южной стороны ее тянется довольно высокий хребет, покрытый в восточной части альпийскими лугами, а в западной густым мелким березовым лесом. Это первый на нашем пути после отъезда из Ведено сплошной и занимающей более или менее обширное пространство лес. Над ним возвышается еще ряд зубчатых остроконечных вершин. С северной стороны той же долины тянется другой хребет, именно Индой-лам. Южный склон его, обращенный к Будты, совершенно безлесен, но покрыт горными лугами до самого гребня. Кроме того, более пологие места его распаханы и засеяны хлебом. Недалеко от Будты на этом хребте находится много очень высоких обрывистых скал, на которых до сих пор изредка попадаются серны. Исса рассказывал мне, что за несколько дней до моего приезда в Будты он видал на этих скалах самку-серну, с маленьким козленком, но не хотел стрелять ее, чтобы не обрекать на верную смерть слабого и беззащитного козленка.

Перед вечером погода, все время благоприятствовавшая нам, как будто бы начала портиться. Все небо, которое было видно из Будты, покрылось густыми облаками; темные клубы их сначала окутали все вершины гор, а затем начали спускаться ниже и ниже. Эти облака не расходились в течение всей ночи, а перед восходом солнца сделались еще более темными и густыми. Оставаться в Будты мне ужасно не хотелось, а о вторичном ночлеге в той же кунацкой я думал даже со страхом и не один раз вспоминал свою палатку, в которой хотя и бывало по временам холодно и сыро, но зато всегда можно было дышать чистым и свежим воздухом. Еще с вечера я решил ехать из Будты на следующий день как можно раньше, чтобы воспользоваться утренними часами, более надежными в отношении погоды, Исса, впрочем, уверял, что тучи, которые устрашали меня, не предвещают дождя и что погода не помешает нам ехать; но я отчасти заподозрил искренность его слов, думая, не желает ли он скорее избавиться от гостей, которые ему, еще не успевшему выздороветь, были, вероятно, в тягость. Рано утром мы послали за своими лошадями, наскоро напились чаю и в 6 часов двинулись в путь. Ехать старой дорогой, да еще через такие места, как окрестности Ботлиха, мне не хотелось, поэтому я решил перебраться через Индой-лам немного восточнее Будты и новой дорогой выехать на Эзень-ам. Из двух перевалов, находящихся недалеко от Будты, мы выбрали ближайший, хотя и более высокий.

Первые полчаса нам надо было ехать на восток по знакомой уже долине, а затем круто повернуть на север. Тотчас за этим поворотом начинался очень крутой подъем на Индой-лам. Большую часть его мы принуждены были пройти пешком и употребили на это целый час. Таким образом, ровно в семь с половиной часов утра мы попали на гребень Индой-лама, на высоту, по моему приблизительному определению, в 2600 метров (8525 футов) над уровнем моря. Так как мой проводник знал эту дорогу плохо, то я очень боялся, чтобы туман и вообще непогода не застала нас на Индой-ламе; поэтому я все время шел очень быстро и сильно вспотел; в это же время дул такой холодный ветер, который насквозь пронизывал мое платье и леденил тело. На гребне хребта ветер был еще сильнее, поэтому я не мог пробыть там более пяти минут, в течение которых едва успел достать свой анероид и записать показание его. Над перевалом тогда неслась туча, но вдали, на юго-западе было видно темно-синее небо, и на нем чудно обрисовывался белоснежный Пирикительский хребет. Особенно красив был самый восточный пик его — Диклос-мта (14030 футов), представлявший тонкую острую пирамиду, с которой спускался большой глетчер. На запад от Диклос-мта тянулся еще целый ряд вершин, украшенных вечными снегами и ледниками,

Спуск с Индой-лама на север так крут, что мы должны были весь его пройти пешком, шагая, как по самой крутой лестнице, и за один час очутились на 800 метров или 2624 футов ниже гребня хребта. Пройдя еще с полчаса, мы выбрались на более или менее пологие места, здесь отдохнули с час и дальше поехали верхами. Вскоре нам пришлось спускаться в глубокое и страшно тесное ущелье, обставленное с боков отвесными скалами. Спуск в него был недлинен, но так крут, что по нему мы едва могли свести лошадей. Я думал, что нам надо будет только перейти через это ущелье, но оказалось, что тропинка шла по дну его, заваленному грудами камня, на протяжении целых верст. Она то тянулась по берегу речки, то по руслу ее, то поднималась на скалы.

Особенно плоха была тропинка на протяжении первой версты, где нам пришлось много раз слезать с лошадей, чтобы не сорваться вместе с ними под кручу. Еще мучительнее была ужасная жара в этом узком, тесном ущелье, скалы которого, раскаленные солнцем, испускали жар, как на-

топленная печь. Так мы ехали часа полтора, затем выбрались из ущелья и совершенно неожиданно для меня вдруг очутились вблизи озера Эзень-ам. По только что описанному ущелью текли те речки, которые, как уже было сказано, подземным каналом соединяются с озером.

На пути к озеру мы встречали много клушиц, альпийских галок, чеканов и нескольких горных грифов.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. Ущелье его, впрочем, нельзя назвать; это, скорее, пространство между двух гор.
2. Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Т. VIII, стр. 115.
3. Чеченцы, живущие по Аргуну и его притокам, составляют одну из ветвей чеченского племени и известны под именем кистин.
4. Дайские горы — местное название по аулу Дай.
5. Камень, брошенный с моста вниз, летит до воды 4 секунды.
6. В нашей компании было три русских и два чеченца-проводника.
7. Гораздо было бы безопаснее переправиться через Аргун верхом, но я этого не мог сделать, так как, отправляясь в горы на два месяца, имел с собою довольно много вещей.
8. Русские пришли к Ведено 8 февраля, проходя по липкой грязи по $^1/_2$ версты в час и со страшными усилиями перебираясь через горы. Подойдя рядом траншей к Ведено, генерал Евдокимов взял его штурмом 1 апреля. Для защиты Ведено туда было стянуто Шамилем от 6 до 7 тысяч воинов.
9. В других местах на горных лугах Чечни Veratrum встречается, но все же в меньшем количестве, чем на Западном Кавказе.
10. Говорят, Шамиль подвергал тяжелому наказанию каждого срубившего дерево без особой надобности.
11. К. Кесслер. Труды Арало-Каспийской экспедиции. Вып. IV, стр. 75.
12. В статье Сургутского (Природа и Охота, ноябрь 1903 года) упоминается о форелях из озера Эзень-ам, весящих 10, $10^1/_2$ и даже 21 фут. Такого веса достигает иногда особого вида форель (Salmo ischan Kess.), водящаяся в Гокче, но относительно речной это очень сомнительно. В. Сургутский сообщает также, что, по рассказам туземцев, форели Эзень-ама достигают иногда чудовищной величины («если два человека несут ее на палке, то хвост касается земли».)
13. Кажется, на всем пути есть только один родничок.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èçäàíèþ:
Динник Н.Я. По Чечне и Дагестану // Записки Кавказского отделения Русского географического общества. — Тифлис, 1906. — Кн. 25. — С. 1—78.

ÎÁÙÈÉ Î×ÅÐÊ ÔÀÓÍÛ ÊÀÂÊÀÇÀ

Первые исследования Кавказа в зоологическом и вообще естественноисторическом отношении начались с 1770 года, когда на Кавказ приехал со своей экспедицией академик Антон Гюльденштедт и почти вслед за ним другой член Академии наук Самуил Гмелин также во главе особой экспедиции. Если к этим двум исследователям присоединить еще ботаника Маршаля Биберштейна и Паласса, посетившего в 1793 году, между прочим, и степи Ставропольской губернии, то ими почти исчерпается перечень исследователей Кавказа XVIII столетия.

Насколько трудно было в те времена заниматься изучением Кавказа, можно видеть из того, что оба первые, очень солидные ученые, которые могли бы сильно расширить и обогатить сведения о Кавказе, не были даже в состоянии закончить свои первоначальные работы. Гюльденштедт заболел на Кавказе жестокой изнурительной лихорадкой, расстроившей его здоровье, и умер через пять лет по возвращении в Петербург, а Гмелин был взят в плен недалеко от Дербента, пробыл в плену почти 5 месяцев и скончался в ауле, не увидев снова свободы. Могила его с большим железным ажурным крестом, обнесенная простой изгородью из колючих растений и находящаяся почти у самой дороги на небольшом холме, вблизи аула Каякента, и теперь обращает внимание на себя каждого, едущего в Дешлагар.

С 20-х годов прошлого столетия Кавказ начал все чаще и чаще посещаться различными учеными. За 12 лет здесь перебывали Эйхвальд, Менетриэ, Криницкий, Эверсман, Нордман — все специалисты-зоологи. Сороковые и пятидесятые годы были гораздо беднее исследователями Кавказа, чем двадцатые и тридцатые годы прошлого столетия; но с 60-х, а особенно с 70-х годов, Кавказ начинает уже почти из года в год посещаться различными учеными и, кроме того, в его пределах начинают выступать местные исследователи. Труды их отличаются, по словам покойного — профессора М.Н. Богданова, занимавшегося изучением птиц Кавказа, новизной и научным интересом. Из целого ряда таких лиц укажу для примера на Гогенакера, скромного пастора немецких колоний Елизаветпольской губернии и лесничего Млокосевича, проработавшего многие годы в местечке Лагодехи Тифлисской губернии.

Первые исследователи Кавказа, как и всегда бывает в подобных случаях, стремились объехать, возможно, большее пространство, посетить, возможно, большее число интересных мест, собрать коллекции и обогатить науку новыми видами животных и растений, но они не могли, конечно, заняться детальным изучением особенностей фауны и флоры Кавказа, изучением разновидностей, вариететов, точным сравнением животных и растений Кавказа с их родственниками, живущими в соседних странах Европы и Азии, а также изучением географического распространения их как в пределах Кавказа, так и в окружающих его странах, то есть не могли заняться исследованиями столь важными для разъяснения очень многих интересных вопросов общего характера. Поэтому из трудов первых исследователей Кавказа можно было вывести заключение лишь о большом богатстве и разнообразии природы его; но только более основательные исследования последних 20—25 лет показали, что изучение фауны и флоры этой страны, через которую пролегали пути не только переселяющихся народов, но и пути, по которым распространялись шире и шире разные виды животных, представляет еще огромный научный интерес и в других отношениях, проливая, между прочим, свет на далекое прошлое современной Европы и Азии, на то, как и откуда населялся Кавказ живущими в нем растениями и животными, по каким путям совершалось расселение животным в современную и предыдущие геологические эпохи, на то почему фауна Кавказа имеет такую, а не иную физиономию и т.д.

Кавказ представляет местность с таким богатым и разнообразным животным населением, какое редко где можно встретить в других странах на таком сравнительно ограниченном пространстве. На Кавказе мы находим животных, свойственных самым разнообразным климатам, начиная почти с тропического и кончая очень холодным, почти полярным. Из зверей мы встречаем здесь, с одной стороны, гиену, тигра, пантеру, массу шакалов, индийского дикобраза, а с другой — снежную полевку (Microtus petrophilus Wagn), половину жизни проводящую под снегом, куниц, горностая и бурого медведя, то есть таких животных, которые живут по преимуществу в более или менее холодных странах. Особенно южным характером отличается фауна лесов окрестностей Ленкорани и Талышских гор, проходящих по границе России и Персии, где, по словам известного зоолога К.А. Сатунина, мы находим 45% индийских видов. Встречаются на Кавказе животные, свойственные по преимуществу средней Европе с ее мягким и более или менее влажным климатом, например европейская дикая коза, благородный олень (особая раса, гораздо более близкая к европейскому оленю, чем к азиатским), зубр, серна, живущая по преимуществу в горах западной Европы; но рядом с ними живут звери, свойственные крайне сухим и жарким в летнее и очень холодным в зимнее время азиатским пустыням, каковы например корсаки, сайгаки, отчасти джейраны (Antilope subgutturosa Pall), многие виды тушканчиков, земляных зайцев и т.д.

Почти рядом с животными, свойственными жарким низменностям, мы встречаем на Кавказе и высокогорные формы, проводящие всю жизнь вблизи вечных снегов и ледников, например упомянутую уже снежную полевку, туров или каменных козлов, серн и т.п. Подобное же смешение форм, свойственных самым разнообразным климатам, мы встречаем на Кавказе, конечно, не только среди млекопитающих, но и среди птиц, пресмыкающихся и других классов животных. В самом деле, вместе с великолепно окрашенной султанской курицей (Porphyrio poliocephalus Lath), розовым фламинго, щуркой (Merops), сивоворонкой (Coracius), имеющей такую чудную лазоревую окраску нижней стороны крыльев, какая может быть только у птиц тропических стран, зимородком, — такими близкими родственниками птиц тропического пояса — живут дети холодных, даже полярных стран, как например снегири, клесты (Loxia pityopsittacus Bechst), овсянки (Emberiza citrinella L.) и т.д. Среди пресмыкающихся Кавказа мы встречаем, например колчатого ужа, который живет в Петербургской, Новгородской и, вероятно, даже Олонецкой губерниях, обыкновенную гадюку, распространяющуюся до Архангельска, а на Скандинавском полуострове переходящую даже за полярный круг, и рядом с ними средиземноморскую гадюку (гюзда, Vipera lebetina L.), свойственную Алжиру, Египту, Месопотамии, Афганистану, Белуджистану, Кашмиру и т.д., песчаного удава (Eryx jaculus L.), много видов полозов (Zamenis, Elaphis), а из ящериц — стеллионов, агам, гекконов (Grymnodactylus), свойственных по преимуществу теплым странам Азии и Африке. Из отряда черепах рядом с европейской (Emys orbicularis L.), на Кавказе мы встречаем сухопутную кавказскую черепаху (Testudo ibera Pall.), водящуюся в Северной Африке, Сирии, Персии и нигде не встречающуюся на материке Европы.

Животный мир Кавказа отличается не меньшим богатством и разнообразием, а, вероятно, даже большим, чем растительный, но богатство и разнообразие последнего лишь сильнее бросаются в глаза. Сравним, например флору прикаспийских степей Северного Кавказа, где растет полынь да сухие, почти безлистные колючки с лесами окрестностей Ленкорани, Имеретии или Мингрелии с их вечнозелеными лаврами, самшитом или кавказской пальмой, лавровишнями, рододендронами, грецкими орехами, платанами, гранатами, винными ягодами и птерокариями, так густо заплетенными виноградом, ломоносом (Clematis), обвойником (Periploca) и другими лианами, что человек без топора или большого ножа не может сделать в них ни одного шага. Не менее поразит нас сравнение этих лесов с растительностью более или менее высоких гор, покрытых лесами, состоящими из берез, рябин, сосен, елей, пихт, рядом с которыми растет брусника, черника, голубика и другие кустарники или полукустарники северных стран.

Причин, вызывающих такое разнообразие и богатство, как животного, так и растительного мира Кавказа, очень много. К ним принадлежит, прежде всего, необыкновенный рельеф Кавказа, на котором мы встречаем с одной стороны низменности, лежащие даже ниже уровня океана (все Каспийское побережье), а с другой — горы, которые поднимаются до высоты, на несколько тысяч футов превышающей высоту нижней границы вечных снегов, (Эльбрус 18470 футов, Дыхь-тау 17054, Шхара, Коштантау и т.д.) Такой рельеф вместе с другими метеорологическими условиями является причиной необыкновенного разнообразия климата местностей Кавказа, которое в свою очередь не может не влиять на животный и растительный мир. Достаточно указать на Карс с его морозами, доходящими до 47° С. (самая низкая температура, наблюдавшаяся на Кавказе), а с другой стороны — Аралых, Дербент, Баку, Ленкорань, и даже Екатеринодар, где температура второй половины лета всего лишь на 2—3 градуса отличается от температуры многих мест, находящихся под экватором. Не меньшее разнообразие представляют различные пункты Кавказа в отношении влажности. В Батуме, например, выпадает в год влаги до 2370 мм., а в некоторые годы даже более 3000 мм., в Баку же, находящемся подобно Батуму на берегу моря, средним числом только 245 мм, то есть в десять раз меньше.

Другая причина необыкновенного разнообразия животного мира Кавказа заключается в том, что Кавказ, как мы увидим ниже, в прежние геологические эпохи служил мостом, по которому неоднократно совершались переселения животных севера на юг, а животных юга на север, причем как те, так и другие, находя иногда на Кавказе подходящие для себя условия жизни, поселялись в нем навсегда.

На Кавказе мы не встречаем, однако, нескольких животных, свойственных северу и распространяющихся даже далеко за полярный круг, но, несмотря на это, живущих до сих пор на высоких горах юго-западной Европы, например на Альпах и даже Пиренеях. К таким животным принадлежат заяц-беляк и тундровая куропатка. Но отсутствие их на Кавказе может быть объяснено довольно просто: эти животные севера, подобно многим другим, без сомнения, были отодвинуты с севера на юг во время ледникового периода, а при наступившем позднее повышении температуры и отступании ледников частью снова ушли на север, частью, встретив подходящие для себя по климату и другим жизненным условиям места на горах, остались на них. Но надо заметить, что в ледниковый период оледенение Западной Европы достигало гораздо больших размеров, чем Восточной, поэтому движение на юг животных севера в восточной части Европы, наверно, не было таким сильным, как в западной, и что многие из двигавшихся на юг животных севера в восточной части Европы хотя и

были оттеснены более или менее далеко на юг, но не дошли до гор Кавказа, и, следовательно, не могли поселиться там, несмотря на наличность подходящих условий. По мнению К.А. Сатунина, этому переселению животных мог помешать Манычский пролив, соединявший в ледниковый период прежнее Аралокаспийское море с нынешним Черным и Азовским. Для переселения птиц, впрочем, этот пролив едва ли мог составить серьезное препятствие, особенно в зимнее время, когда он, вероятно, покрывался льдом.

Надо еще заметить, что на Кавказе встречаются как среди зверей, так и среди других классов животных, виды, которые свойственны только Кавказу и в других странах не встречаются вовсе. К этим эндемическим кавказским видам принадлежат, например, все виды туров, некоторые виды землероек (например, Sorex Raddei Sat), несколько видов грызунов, может быть, кавказский дикий черный кот и т.д. Есть даже роды, свойственные исключительно Кавказу, например Prometheomys Satun. К эндемическим видам птиц принадлежит, например, красивый розово-красный горный щур (Carpodacus rubicilla Güld), кавказская горная индейка (Tetraogallus caucasicus Pall), кавказский горный тетерев (Tetrao Mlocosiewiczi Tacz) и некоторые другие.

Кавказ представляет еще интерес в том отношении, что в нем сохранилось много крупных животных, почти или даже совершенно истребленных в других цивилизованных странах или только искусственно сохраненных в них в парках в полуприрученном состоянии. На Кавказе, например, мы встречаем в диком состоянии не менее 14 видов одних копытных животных, тогда как на Альпах или Пиренеях в отдельности они живут в количестве только трех видов.

Достаточно вспомнить о зубрах, целых стадах туров, серн, безоаровых козлов, оленей, диких кабанов, об изрядном количестве медведей, о существовании на Кавказе даже тигров, чтобы согласиться с тем, что по количеству и разнообразию крупных животных Кавказ богаче многих других стран.

Что касается общей физиономии фауны Кавказа, то она имеет гораздо сильнее выраженный азиатский, восточный характер, чем европейский, и в тоже время южный характер. Первое особенно бросается в глаза при рассматривании класса птиц, пресмыкающихся, а также некоторых отрядов млекопитающих. Горные индейки, нигде не встречающиеся в Европе, живут в числе двух видов на Кавказе и водятся на большой части его высоких гор; они же в числе полудюжины видов встречаются на многих высоких горах Азии (на Алтае, Гималаях, Тянь-Шане, Копет-даге, в Малой Азии и т.д.). Фазаны представляют чисто азиатских птиц; они водятся в большей части Азии, включая и Зондские острова, в числе около сотни видов; в Африке они заменяются цесарками, вовсе не встречаются, за исключением разведенных искусственно, в Европе; но на Кавказе живут везде, где находят подходящие жизненные условия. Горная курочка (Perdix chukar Gray), очень обыкновенная на Кавказе, водится во многих местах Азии, а из европейских стран — только в Греции. Красная утка (гагара, по-нашему. Tadorna ratila Pall.), которая живет в большей части Азии до Японии включительно, и только изредка залетает в западную Европу, встречается и гнездится на Кавказе часто и во многих местах. Султанская курица (Porphyrio poliocephalus Lath.), свойственная главным образом Индии, также живет на Кавказе. Степной орел (Aquia orientalis Cab.), родиной которого считают китайскую зоографическую область и центральную Азию, почти никогда не гнездится в Европе вне России, но представляет самую обыкновенную птицу Кавказа, гнездящуюся очень часто в его степях.

Среди млекопитающих Кавказа мы знаем немало таких, первоначальной родиной которых была Азия и которые до сих пор сохранили свой чисто азиатский тип или чисто азиатскую физиономию. К ним принадлежат по преимуществу млекопитающие степей и пустынь Кавказа, а также некоторые лесные и горные звери. К первым принадлежит сайгак или степная антилопа (Saiga tatarica Pall.), которая, хотя и встречалась в доисторические времена в значительной части Европы, но должна считаться животным в настоящее время свойственным почти исключительно пустыням и степям Азиатского материка. Почти то же можно сказать про джейрана (Gazella subgutturosa Güld.) и также корсака или степную лисицу (Vulpes corsak), которые распространяются от Кавказа через Туркестан и Монгольскую пустыню до Амура. К подобным же животным принадлежат: перевязка (Putorius sarmaticus Pall), распространяющаяся от южнорусских степей через каспийскую область и Персию до Афганистана и западной Индии, многие грызуны, особенно земляные зайцы (Alactaga) и тушканчики (Scinthus), хомяки, слепцы, встречающиеся в изобилии почти во всех степях Центральной и Западной Азии и т.д. К лесным или таким, которые для своего местообитания не требуют строго определенной физиономии местности, горным зверям Кавказа, но также, без сомнения, переселившимся на Кавказ из Азии, принадлежат: тигр, пантера, гиена, камышовый кот (Felis chaus), сибирский хорек (Putorius ewersmani Lesson), индийский дикобраз и некоторые другие.

Что касается пресмыкающихся, живущих на Кавказе, то упомянутый уже раньше степной удаве (Eryx jaculus L.), свойственный западной Азии и нигде не попадающийся на материке Европы за исключением Турции, узорчатый полоз (Elaphis dione) и еще некоторые виды полозов, кроме того Vipera lebetina, агамы, круглоголовки (Phrynocephalus), Stellio, вовсе не встречающиеся на материке Европы, очень обыкновенны на Кавказе; с другой же стороны мы можем указать на целый ряд видов змей и ящериц, свойственных Западной Европе, но совершенно не встречающихся

на Кавказе. К таковым относится редиева гадюка (Vipera aspis L.), гадюковый уж (Tropidonotus viperinus Latr.), еще два вида ужей, глазчатая ящерица (Lacerta ocellata Daud), хамелеон (Chameleon vulgaris Daud.) и многие другие. В списке пресмыкающихся Западной и Восточной Европы в книге С. Шрейбера[1] насчитывается 13 видов пресмыкающихся, свойственных Западной Европе, но вовсе не встречающихся в России и на Кавказе.

Заметим, что преобладание азиатских форм млекопитающих даже в самой северной части Кавказа, то есть в его степной полосе, обнаруживается еще очень ясно. Если же включить из 45 видов млекопитающих, указанных для этой местности десять лет тому назад К.А. Сатуниным, летучих мышей, как могущих легко переселяться из одной местности в другую, крыс и домашних мышей, всюду следующих за человеком и потому вполне космополитных, да еще 3 вида эндемических, нигде кроме степей Северного Кавказа не встречающихся, то окажется, что из остальных 37 видов, живущих здесь млекопитающих, есть только 3 вида, которые встречаются как в Восточной, так и в Западной Европе и должны считаться вполне типичными европейскими,[2] и 5 видов таких, которые живут только в восточной Европе (заяц-русак, норка, один вид слепца (Spalax microphalmus), соня (Mioxus nilidula) и серый суслик (Spermophilus musicus). Все эти 8 видов надо, однако, считать европейскими. Замечательно, что некоторые из группы последних пяти, например, серый суслик и слепец, носят уже более или менее заметный азиатский отпечаток. Млекопитающих, свойственных как Европе, так и Азии, в степной полосе Кавказа считается К.А. Сатуниным 22 вида, но 6 из них не распространяются на запад дальше Восточной Европы. Их, строго говоря, надо считать азиатскими, которых они и напоминают во многих отношениях. Кроме перечисленных выше для степей Северного Кавказа К.А. Сатунин указывает еще на 7 видов, распространяющихся на западе только до реки Дона[3]. Это уже вполне азиатские животные, которые лишь в сравнительно недавнее время проникли в Европу. Последним обстоятельством, конечно, и объясняется их столь малое распространение на запад, в южнорусские степи, для жизни некоторых из них очень благоприятные. Таким образом, в степях Северного Кавказа мы имеем 3 вида общеевропейских, 5 видов восточноевропейских, 13 видов азиатских, 16 видов европейско-азиатских.

Азиатские виды преобладают, следовательно, над европейскими.

Особенности кавказской фауны делаются понятными после знакомства с далеким прошлым Кавказа. До начала ледникового периода, а в особенности в эпоху отложения сарматских пластов (миоценовый период) почти весь Северный Кавказ, значительная часть Закавказья так точно, как и все огромное пространство, начинавшееся от современной Австро-Венгрии и Дунайской низменности, до Аральского моря и азиатской пустыни Каракум были покрыты морем. Над поверхностью его в то время на Кавказе выступал Главный хребет и другие высокие горы; все же более низкие места скрывались под водою. Сухопутная фауна Кавказа в те времена не могла отличаться ни богатством, ни разнообразием и носила, вероятно, островной характер. Составить о ней более или менее точное понятие мы не в состоянии. Это будет возможно лишь после изучения Кавказа в палеонтологическом отношении. В ледниковый период Главный Кавказский хребет был покрыт огромными глетчерами, Аралокаспийское море соединялось посредством Манычского пролива с Азовским, а большая часть степей северо-Восточного Кавказа была покрыта морем, простиравшимся на запад почти до Ставрополя, а на севере — до Камы и Вятки. На Кавказе в это время жили мамонты, и, как совершенно основательно предполагает К.А. Сатунин, другие звери, не боящиеся холода, например медведи, куницы, волки, серны, туры и некоторые мелкие животные, по преимуществу, грызуны, живущие и теперь на больших высотах Кавказа. К ним принадлежат, например, снежная полевка, встречающаяся даже на высоте 11000 футов, серый суслик (Spermophylus musicus), поднимающийся на Эльбрусе до 8 $^1/_2$ тысяч футов, и некоторые виды хомяков, также живущие частью на высотах 7 $^1/_2$ и 8 тысяче футов; большая же часть современных зверей Кавказа явилась сюда с юга, из Азии в более позднее время, то есть в конце ледникового периода и в послеледниковое время. В самом деле, остатков туров, серн и многих других из только что упомянутых животных не найдено в ледниковых и послеледниковых отложениях России, поэтому нельзя допустить, что они попали на Кавказ с севера, то есть были оттеснены оттуда наступающими ледниками. Несравненно вероятнее предположение; что эти животные пришли на Кавказ с юга, что подтверждается и их южной, если можно так выразиться, физиономией. Такое переселение было возможно и в ледниковый период по той причине, что ни западная, ни восточная оконечности Кавказского хребта в то время не были покрыты ни ледниками, ни морем, и, следовательно, вдоль берегов морей, омывающих Кавказ, пути для переселения животных были открыты.

Теперь мне остается указать хотя на 2—3-х примерах справедливость высказанного уже положения, что только детальное изучение кавказских животных и их географического распространения в странах, окружающих Кавказ, могло пролить свет на происхождение фауны Кавказа. Заимствую большую часть данных по этому предмету из статьи К.А. Сатунина «О млекопитающих степей Северо-Восточного Кавказа». Изучение хомяков и слепцов, а также их географического распространения, привело Сатунина и профессора Неринга к заключению, что первоначальной родиной этих животных была Малая Азия, откуда они распространялись на юг до Египта (Spalax aegipticus

Nehring), а на севере в степи Восточной Европы. В последнюю они могли попасть двумя путями: через Кавказе в юго-восточный угол России и через Балканский полуостров, который в конце третичного периода был соединен сушей с Малой Азией[4], в другие части Европы. Часть переселяющихся слепцов осталась в Греции и там из них выработался особый виде — Spalax graecus Nehring, на Кавказе и в Закавказье обособилось три вида их, а кроме того часть слепцов расселявшихся на восток из Малой Азии, по юго-восточному побережью Каспийского моря перебралась в киргизские степи и там образовала еще новый вид Spalax kirgisorum Nehring. Справедливость этого предположения относительно расселения слепцов подтверждается тем, что кавказские и закавказские слепцы так близки друг к другу по своим признакам, что сомневаться в происхождении их от одного родича невозможно; киргизский же слепец отличается от них гораздо сильнее, так как его прародители рано отделились от тех, которые направились на Кавказ, жили в стороне от них, за морем, в другом климате и при иных жизненных условиях.

Подобные же данные можно было бы привести в отношении различных видов хомяков, также вышедших, как было замечено, из Малой Азии и живущих теперь в числе нескольких видов на Армянском нагорье, на высоких степях Закавказья, на Главном Кавказском хребте и на низменности Северного Кавказа. Заметим, что слепцов и хомяков в делювиальных отношениях Средней Европы не было найдено, следовательно, эти животные могли прийти на Кавказ с севера, а пришли именно только что указанным путем с юга. С юга же пришел, вероятно, сюда меньший из двух видов кавказских медведей (Ursus arctos mcridionalis Midd.), очень напоминающий сирийского медведя (Ursus siriacus Hempr. et Ehrenb), ушастый еж, шакал, живущий почти всюду в южной половине Азии и в Африке, перевязка, живущая в Персии, Афганистане, Сирии, Палестине и соседних с ними странах, гиена, пантера, тигр, дикобраз, снежная полевка, живущая также на горах Палестины, и многие другие.

Заселение Кавказа с юга прекрасно подтверждается еще нахождением в его пределах целой массы упомянутых раньше пресмыкающихся, живущих в Персии, Месопотамии, Сирии, Афганистане, Индии и даже Северной Африке и не встречающихся нигде на материке Европы. Еще раз напоминаю читателю сухопутную черепаху, огромную и очень опасную средиземноморскую гадюку, известную на Кавказе под именем гюрзы, ящериц-агам, круглоголовок, стелионов и других, не живущих нигде в Европе, кроме Кавказа.

Когда после ледникового периода перестал существовать Манычский пролив, тогда началось еще передвижение на Кавказ животных с севера и востока, из Западной Азии, но с этой стороны перешло на Кавказ, как оказывается, гораздо меньшее количество видов, чем с юга. К таковым относится, без сомнения, корсак или степная лисица, живущая в киргизских степях и вообще в Аралокаспийской низменности, начиная от южной Сибири и Байкала, сайгак, обыкновенный хорек и некоторые из грызунов.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. D-r. E. Schreiber. Herprtologia europea. Sistem. Bearb. der Amphib. u. Reptil. Braunschw, 1875, S. 566—571.
2. Слепой крот, дикая кошка и один вид сони (Mioxus glis).
3. Ушастый еж (Erinoceus auritus), корсак, камышовый кот или хаус (Felis Chaus), сайга, дикая коза (Capreolus pygargus Pall.) и некоторые другие грызуны.
4. В предплиоценовый и плиоценовый период. Только в послетретичный период Средиземное море соединяется с Черным.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èçäàíèþ:
Динник Н.Я. Общий очерк фауны Кавказа. — Ставрополь, 1910.

ÑÒÀÒÜÈ Í.ß. ÄÈÍÍÈÊÀ, ÎÏÓÁËÈÊÎÂÀÍÍÛÅ Â «ÝÍÖÈÊËÎÏÅÄÈ×ÅÑÊÎÌ ÑËÎÂÀÐÅ Ô.À. ÁÐÎÃÊÀÓÇÀ È È.À. ÅÔÐÎÍÀ»

Ñòàâðîïîëü Êàâêàçñêèé

Ставрополь Кавказский — губернский город на верховьях речки Ташлы, на высоте около 2000 футов, на сильно пересеченной местности. В окрестностях довольно много лесов. Питьевой водой город снабжается из родника посредством водопровода, проведенного в бассейны. Площадь, занимаемая Ставрополем вместе с предместьями, равна 25 кв. верстам, в том числе под поселением города 2514 десятин, под общественными садами и бульварами 496 десятин. Городской земли 17766 десятин, в том числе под пашнями и сенокосом 11414 десятин и под городскими лесами 1493 десятины.

Жителей 44679 (22951 мужчина и 21728 женщин). Дворов 4292. Главный контингент населения, преимущественно православного, составляют русские, затем следуют армяне, евреи, поляки, немцы и пр. Мещанского сословия 9100 семей, почетных граждан 47, купцов 71, дворянских фамилий 60. Главное занятие мещан — хлебопашество и огородничество.

Заводов 63, с 329 рабочими и с производством на 874895 руб.; всего более развито мукомольное производство. Торговых и промышленных заведений 597. Городской общественный банк, отделения банков государственного, азово-донского коммерческого и харьковского земельного, банковая контора, общество взаимного кредита.

Церквей 17, монастырь женский Иоанно-Мариинский. Учебных заведений 55, с 5596 учащимися. Мужская гимназия с реальным отделением (808 учеников), 2 женские гимназии (775 учениц), училища: городское 6-классное (363 учащихся), ремесленное (58 учащихся), общественное 2-классное (69 мальчиков, 20 девочек), городских одноклассных 10 (297 мальчиков, 158 девочек), благотворительных 2 (41 мальчик, 42 девочки), лютеранское 1 (26 мальчиков), католическое 1 (11 мальчиков, 9 девочек), частных учебных заведений 6 (96 мальчиков, 48 девочек), воскресная школа, вечерних и повторительных курсов для взрослых 11 (359 мужчин, 449 женщин). Духовные учебные заведения: семинария (293 человека), училища епархиальное женское (448 человек) и духовное (303 человека), образцовых школ 2 (71 мальчик, 53 девочки), церковно-приходских школ 13 (456 мальчиков и 343 девочки). Два благотворительных общества: Андреевско-Владимирское братство и Общество для содействия распространению народного образования. Первое имеет убежище для бесприютных детей (61 дитя), при нем школа (52 человека) с мастерской, бесплатную народную библиотеку-читальню, дом для беспомощных престарелых (12 мужчин, 25 женщин) и при нем 2 школы — для мальчиков (65 человек) и для девочек (50 человек), бесплатную столовую, книжный склад, снабжающий беднейшие школы учебными пособиями. Второе общество имеет 2 школы (89 человек) и при них послеобеденные классы (92 человека), 4 воскресные школы, 2 бесплатные библиотеки-читальни, 1 дешевую платную библиотеку имени В.Г. Белинского; оно устраивает народные чтения (62), которые в 1899 году посетило более 5000 человек. Городская общественная библиотека с 14564 томами, городских бесплатных библиотек-читален 3, книжных магазинов 4, типографий 5; газет издается 3 (одна — частным лицом).

Общества: церковно-археологическое, медицинское, ветеринарное, охотничье, для содействия защиты и воспитания детей, помощи бедным, вспомоществования беднейшим ученицам, с женской гимназией, вспомоществования недостаточным ученикам, с мужской гимназией. Богадельни 2, на 70 человек. 5 больниц при учебных заведениях, 1 при тюремном замке, больница приказа общественного призрения на 25 кроватей, 2 городские лечебницы для приходящих, 1 частная глазная лечебница, приемный покой при станции железной дороги. Вольнопрактикующих врачей 14, дантистов 4, аптек 3. По смете 1899 года поступило городских доходов 190802 рублей; израсходовано 178387 рублей, в том числе на содержание городского управления 34936 рублей, на народное образование 25239 рублей, на медицинскую, ветеринарную и санитарную части 10037 рублей, на общественное призрение 3915 рублей, на благоустройство города 25116 рублей, на содержание городской полиции 19823 рубля, на пожарную часть 8715 рублей. Ставрополь составляет конечный пункт Ставропольской ветви Владикавказской железной дороги.

Ставропольский уезд граничит с юго-западной стороны с Кубанской областью; занимает пространство в 6764,9 квадратных верст. Поверхность в южной части уезда гористая, пересеченная многими глубокими балками, в северной же части имеет чисто степной характер. В южной части многие пункты поднимаются до высоты 2000 футов и более (см. *Ставропольская губерния*); северная же сравнительно низка. Южная часть уезда имеет более или менее влажный климат, получает значительное количество атмосферных осадков и орошается многими, хотя и маленькими речками;

северная же отличается сухим климатом, совершенно безлесна и слабо орошена. Из речек наибольшее значение имеют Большой Егорлык, Кугульта, Ташла и Грачевка, но и в них воды много весной и в начале лета, осенью же они почти пересыхают. Южная часть отличается хорошими подпочвенными водами, а в северной части они содержат много солей. Климат более или менее здоровый (о почве, животном и растительном мире — см. *Ставропольская губерния*).

Жителей 129509 (65532 мужчины и 63977 женщин). Густота населения — 16 человек на 1 квадратную версту (1898). Главное занятие жителей — земледелие. Собрано (1898): озимой пшеницы 4298331 пуд, ржи 178023 пуда, овса 1213421 пуд, ячменя 1801475 пудов, проса 227864 пуда, льна 168026 пудов, конопли 18522 пуда. Средний урожай с 1 десятины: озимой пшеницы 49 пудов, овса 61 пуд, ячменя 74 пуда, льна 14 пудов. Крестьянских дворов 13988; из них не имеет волов 6466, лошадей 3662, овец 6297, никакого скота 759. От 6 до 12 пар волов имеют 3435 дворов, по 2 лошади 3368, по 11—50 овец 4431 двор. Под виноградниками только 800 квадратных саженей.

Заводов 521, с производством на 136440 рублей; первое место занимает мукомольное производство (11 паровых мельниц, 350 ветряных и водяных). Маслобойных заводов 30, овчинных 65, известковых 12, кирпичных 10, мыловаренный 1, кожевенный 1, горшечных 10, крупорушек 19. Разными промыслами и ремеслами занимаются 1798 лиц.

Всех селений 24, частных владений 64, казенных лесных участков 2. Более значительные селения: Безопасенское (12476 жителей), Терновское (10099), Михайловское (9744).

Церквей 22 (не считая города Ставрополя), аптека 1 (в селении Безопасенском), школ министерских 27, церковно-приходских 29.

Мирских расходов 165619 рублей, в том числе на народное образование 16530 рублей, на церковь 27858 рублей, на народное здравие 1669 рублей, на подводную повинность 33401 рублей, на жалованье должностным лицам 32413 рубля, на общественные здания 13857 рублей. На душу приходится мирских платежей 4 рубля 21 копейка, на 1 десятину — 39 копеек. Пожаров было 43, сумма убытков 12416 рублей (1898).

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èçäàíèþ:
Динник Н.Я. Ставрополь Кавказский // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. — СПб., 1900. — Т. 61. — С. 389—390.

Ñòàâðîïîëüñêàÿ ãóáåðíèÿ

Граничит с Кубанской областью на западе, с Землей Войска Донского и Астраханской губернией на севере и с Терской областью на юге и востоке. Наибольшая длина с северо-запада на юго-восток — 442 версты, наибольшая ширина — 202 версты. Ставропольская губерния лежит между 44° 6′ и 46° 35′ северной широты. Пространство ее — 53246 квадратных верст или около 5 $^1/_2$ миллиона десятин. Ставропольская губерния в своей северной части представляет обширную равнину, отделяющуюся едва заметной впадиной, по которой течет Маныч, а на небольшом протяжении и Средний Егорлык, от степей Астраханской губернии и Земли Донского Войска. На востоке Ставропольская губерния, постепенно понижаясь по мере приближения к Каспийскому морю, без резкой границы переходит в так называемые Караногайские степи, которые лишь в недавнее время (1888) отделены от нее и присоединены к Терской области. На западе и юге она также не отделяется никакими естественными преградами от Кубанской и Терской областей. Представляя в общем степной характер, Ставропольская губерния только в юго-западной части своей (вблизи города Ставрополя и по сторонам долины Калауса) прорезается невысокими горами. Они представляют самые северные выступы того отрога Эльбруса, который, простираясь в меридиональном направлении, проходит по границе Кубанской и Терской областей и отделяет бассейн Кубани от бассейна Терека и Кумы. В Ставропольской губернии этот отрог расширяется к востоку и западу, постепенно понижается, но и здесь служит водоразделом между речками бассейна Каспийского моря с одной стороны, и Черного с Азовским с другой. На восточной покатости этого отрога, на высоте 2000 футов, стоит и город Ставрополь. На севере, приблизительно на широте селений Безопасного и Предтеченского, этот отрог сливается уже с обширнейшими степными равнинами Ставропольской губернии и соседних с нею земель, а недалеко от станицы Темнолесской от него отделяется еще кряж, который по территории Ставропольской губернии направляется к востоку и доходит до реки Калауса у селения Сергиевского. Высочайшая точка этого отрога, гора Пикетная, имеет 2017 футов высоты. Параллельно правому берегу Калауса также тянется, постепенно понижаясь к Ставрополю, невысокий хребет гор, отдельные вершины которого, Брыковая и Главная, поднимаются выше 2200 футов. Этот хребет тянется на север так же далеко, как и предыдущий, доходя почти до самого селения Предтеченского. К востоку он быстро понижается, но тем не менее дает

начало многим небольшим речкам: Буйволе, Тумузловке, Карамыку и др. Вообще, оба названных хребта с их отрогами питают почти все реки, орошающие Ставропольскую губернию, за исключением лишь Кумы, получающей начало в горах Терской области, да некоторых мелких степных речек. Средняя высота местности Ставропольской губернии не превосходит нескольких сот футов над уровнем моря, но некоторые отдельные пункты ее поднимаются выше 1500, даже 2000 футов. К ним принадлежат упомянутые уже Брыковая гора, Главная, Пикетная, а также гора Средний Карамык (1902 фута), Бурундук (1617 футов), Острая (1615 футов) и др. Надо еще заметить, что в ближайших окрестностях города Ставрополя многие пункты поднимаются до высоты от 2000 до 2100 футов. Многие населенные пункты Ставропольской губернии расположены на высоте более 1000 футов, например город Ставрополь (2000 футов), Михайловское, Александровское (свыше 1300 футов), Бешпагирское (1183 фута), Ореховское (1039 футов) и некоторые др. Наиболее низкое положение занимают селения Дивное (около 70 футов), Зимняя Трухменская ставка (около 200 футов), Ачикулакская ставка и Урожайное селение (около 260 футов). Ставропольская губерния принадлежит к числу местностей, очень слабо орошенных. Самая большая из протекающих по ней рек — Кума. В пределах Ставропольской губернии Кума принимает в себя Карамык, Тумузловку, Буйволу и несколько более мелких речек. Из всех их Буйвола и Тумузловка имеют наиболее важное значение. Каждая из них течет на протяжении верст 100 по очень бедной водой степи и на своих берегах дает место нескольким селениям. Большой Егорлык считается второй по величине рекой Ставропольской губернии. В Егорлык впадают реки Гок, Большая и Малая Кугульта, Ташла, Калалы и др. Все они принадлежат к бедным водой степным речкам. Наибольшее значение имеет для Ставропольского уезда Большая Кугульта и Ташла. Третья по величине река Ставропольской губернии — Калаус, который получает начало у горы Брыковой (2250 футов), на протяжении верст 150 течет в меридиональном направлении и принимает в себя Большие и Малые Янкули, Грачевку и др. речки, затем поворачивает на восток и впадает в восточный Маныч. Длина Калауса 225 верст. Весной, а также во время сильных дождей, он довольно многоводен, а к концу лета почти пересыхает. Из притоков Калауса наиболее замечательна Грачевка, в которую вливаются все ручьи, вытекающие из Ставропольской возвышенности, а также речка Горькая, вытекающая из горы Пикетной. На берегах расположено много хуторов и несколько селений. Маныч протекает по северной границе Ставропольской губернии. Почти все речки Ставропольской губернии совершенно лишены хорошей, пресной, годной для питья, воды. Медленно протекая через глинистые, содержащие много различных солей толщи земли, эти воды делаются негодными для питья. В некоторых из них воду не пьют даже домашние животные. Только весной воды их, хотя и мутны, но более или менее свежи и лишены соленого вкуса. Кроме озер, упомянутых в статье Маныч, в Ставропольской губернии находятся еще и другие. К ним принадлежит озеро Рыбное, или Сингилеевское, Птичье озеро, недалеко от селений Птичьего и Безопасного, Джалгинское, Шавгур-Хагинское, Яшалта, Царик и еще много других меньших, находящихся в Манычской же впадине; несколько соленых озер около селений Донская балка и Калиновского и т.д. Наибольшие из этих озер Яшалтинское (длина около 12 верст) и Шавгур-Хагинское. Некоторые из озер Ставропольской губернии имеют важное значение, доставляя значительное количество поваренной соли. К ним принадлежат Джалгинское, Яшалтинское, Птичье, Бургон-Маджарское, соленое озеро, находящееся между селениями Петровским и Донской балкой, и еще одно, недалеко от селения Калиновского.

Представляя страну сухую, лишенную лесов, густых зарослей, а также, за малыми исключениями, и болот, Ставропольская губерния более или менее свободна от лихорадок, являющихся в большей части других местностей Кавказа самой распространенной болезнью. Вследствие большой сухости воздуха, климат имеет характер вполне континентальный со всеми его недостатками — жарким летом, суровой зимой и резкими суточными колебаниями температуры. Ветра, в особенности восточные, сухие и пыльные, дуют здесь очень часто, достигая нередко силы настоящей бури, и в летнее время порождают многие глазные заболевания. Наиболее холодным пунктом Ставропольской губернии надо считать город Ставрополь, где снег лежит обыкновенно 2—2 $^1/_2$ месяца, в исключительные годы — даже значительно больше. Первые заморозки здесь случаются около 10 сентября, а первый снег выпадает в октябре, но он лежит в это время очень недолго. Нередко падает снег и в начале апреля. В местах, отстоящих от Ставрополя на 15—20 верст, но лежащих гораздо ниже его, зимы гораздо теплее. Распределение температур в городе Ставрополе в различные месяцы следующее (наблюдения за 21 год): январь — 4,7°, февраль — 3,8°, март — 1,1°, апрель — 7,3°, май — 13,8°, июнь — 17,4°, июль — 19,9°, август — 20,0°, сентябрь — 14,7°, октябрь — 9,3°, ноябрь — 4,3°, декабрь — 0,7°, год — 8,2°. Количество выпадающего в Ставропольской губернии дождя сравнительно невелико. Исключение составляет только город Ставрополь и его окрестности, где оно, благодаря значительной высоте местности (2000 футов), достигает 719 мм в год; в других же местах дождя выпадает значительно меньше, например в селениях Безопасном — 549, Урожайном — 319, Дивном — 286 мм и т.д. В Дивном и число дней с осадками равняется всего лишь 56, тогда как в городе Ставрополе оно доходит до 147 в год (среднее 123). Самый богатый осадками

месяц в городе Ставрополе июль (99 мм), самый бедный — февраль (29 мм). Преобладающие ветра в Ставропольской губернии восточные. Зимой они сильно понижают температуру, а в летнее время приносят вред своей сухостью. В мае или июне пыльный, горячий восточный ветер иногда в 3—4 дня губит траву и хлеба, а в апреле убивает цветы плодовых деревьев. В июле и августе этот ветер иногда дует в течение целых недель и так переполняет воздух мельчайшей пылью, что он становится непрозрачным, туманным. Осенью восточный ветер выдувает из земли семена озимых хлебов и тем причиняет неурожаи. Вред, наносимый Ставропольской губернии этим ветром, громаден. Совершенно иным характером отличаются западные и юго-западные ветра. Они умеряют зимний холод и приносят влагу, выделяющуюся из воздуха в виде дождя и снега, одинаково необходимых для сухой Ставропольской губернии. Зимой, впрочем, и эти ветра достигают иногда очень большой силы и сопровождаются страшными метелями, которые особенно свирепствуют на возвышенных местах, каковы город Ставрополь и его окрестности, селение Калиновское и т.д.

Особенность Ставропольской губернии заключается в большой бедности лесами. Более или менее значительное количество их находится только в окрестностях Ставрополя, где казенные и городские леса занимают площадь около 7000 десятин. Кроме того, в Ставропольской губернии леса тянутся узкой полосой по берегам Кумы, Тумузловки и в некоторых других местах. Несколько шире они разрослись около селения Урожайного. В окрестностях Ставрополя леса состоят главным образом из ясеня, клена, дуба, граба, ильма, бука, груши и т.д.; из кустарников здесь растет кизил (Cornus mascula), терен, калина обыкновенная; калина-гордовина (Viburnum lantanum), боярышник, бирючина (Ligustrum vulgare), крушина и др. Леса, растущие по Куме, главным образом состоят из различных видов вербы, между которыми преобладает Salix alba. Из кустарников сильно распространен Tamarix. В степях часто попадается карликовый миндаль или бобовник (Amygdalus nana). В последнее время в Ставропольской губернии стали заниматься искусственным лесоразведением. Для укрепления сыпучих песков также разведены участки леса около некоторых селений. По флоре и фауне Ставропольская губерния сильно отличается от прочих местностей Кавказа и напоминает, с одной стороны, южнорусские степи, а с другой, более пустынные и сухие степи Азии. Нахождение в ней таких животных из класса млекопитающих, как сайгак (Saiga tatarica L.), корсак, или степная лисица (Vulpes Corsac Pall.), из птиц — черного жаворонка (Melanecorypha tatarica Pall.), белокрылого жаворонка (Mel. leucoptera Pall.) указывает на близость ее фауны к азиатской. То же можно сказать и относительно флоры. Обилие тамарисков по Куме и в некоторых других местах, обилие представителей рода Statice, наконец, присутствие таких растений как Tamarix Pallasii, Statice caspia, Stipa Lessingiana, которые так часто встречаются за Уралом, на Алтае и в других более далеких местах Сибири, указывают на близость флоры Ставропольской губернии к флоре Азии. Salsola, Salicornia, Sueda, а также Artemisia marit i ma, Kochia, Camphorosma суть наиболее характерные растения для солончаковых степей Ставропольской губернии. Наконец, в более возвышенных окрестностях Ставрополя встречается немало растений, свойственных по преимуществу горам Кавказа и некоторых других стран. Из млекопитающих в Ставропольской губернии встречаются дикие свиньи, дикие козы, зайцы, волки, лисицы, хорьки, дикие кошки и т.д. Дикая коза (Capreolus pugargus) до сих пор живет в некоторых лесах по Куме и недалеко от Ставрополя. Сайгаки в изобилии водились в северо-восточной и восточной частях Ставропольской губернии; здесь они встречаются и до сих пор, а корсак, или степная лисица (Vulpes Corsac), только в степях северной и северо-восточной части губернии. Звериных промыслов в Ставропольской губернии нет вовсе. Из птиц в Ставропольской губернии водятся по преимуществу степные (дрофы, стрепета, перепелки и т.д.); в некоторых же местах, например по Манычу и в низовьях Кумы, встречается много болотных и водных птиц, особенно во время осенних и весенних перелетов. По Куме до сих пор сохранились в Ставропольской губернии фазаны. Из хищных птиц здесь встречаются гриф белоголовый (Gips fulvus Gm.) и черно-бурый (Vultur manachus L.), несколько видов орлов, 4 вида луней, кобчик, пустельга, черный коршун, 2 вида ястребов и т.д. Из отряда змей встречаются: обыкновенная гадюка, или козюлька (Pelias berus L.), — единственная ядовитая змея здешних мест, уж кольчатый (Tropidonotus natrix L.), уж гладкий (Coronella austriaca Laur.) и желтопуз. Из черепах — только один вид — болотная черепаха (Emys europea Wagl.), а из ящериц — зеленая прыткая (Lacerta agilis L.), Podarcis variabilis Pall. и медянка (Anguis fragilis L.). Бесхвостые амфибии встречаются в числе около 10 видов, а из хвостатых почти всюду в прудах и болотах живет гребенчатый тритон (Triton cristatus Laur.). Рыбой Ставропольской губерния очень бедна.

Участок земной коры, занятый Ставропольской губернией, лишь в недавнюю геологическую эпоху выступил из-под уровня моря и потому все пространство губернии занято сравнительно новыми геологическими образованьями, относимыми к третичной и послетретичной системе. Наиболее древние отложения развиты в центральной, возвышенной части губернии, примыкающей к городу Ставрополю. В южной части этого пространства, на границе с Кубанской областью, выступают темно-серые сланцеватые глины с чешуйками Melletta и др. рыб, относимые большинством ученых к древнейшему палеогеновому отделу третичной системы и отчасти к нижнему миоцену.

Среди них у селения Канглы известны выходы изверженных пород, определенных как кварцевые порфиры. Глины в изобилии пропитаны легкорастворимыми солями, что обуславливает горько-соленый вкус воды в заложенных в них колодцах. К северо-востоку на глины с Meletta налегают широкой полосой, в истоках Калауса, Янкулей и Карамыка, отложения второго средиземноморского яруса, нижние горизонты которых слагаются из серых глин, верхние — из песчаных образований. Еще дальше на северо-восток, вся остальная часть возвышенного участка Ставропольской губернии занята отложениями сарматского яруса, также легко подразделяющимися на два горизонта: нижний, состоящий из сланцеватых глин с кремнистыми рухляками и гипсом, и верхний, слагающийся известняками и песчаниками, которым подчинены местами глины и пески. Нижний горизонт обнажается по преимуществу в речных долинах, верхний — занимает междуречные пространства и водоразделы. Сарматский известняк (раковистый известняк или степной известняк) представляет отличный строительный материал, из которого построен почти весь город Ставрополь, а также церкви, многие дома и изгороди в селениях. Кроме окрестностей Ставрополя, пласты сарматского известняка выступают и во многих местах Ставропольской губернии, например около селений Московского, Пелагиадского, Тугулука, Ново-Георгиевского, Петровского, Бурлацкого и др. Около селения Безопасного, а также между Летней Трухменской Ставкой, селениями Вознесенским, Рагулями и Арзгиром выступают еще более новые, так называемый понтические образования, относимые к плиоцену. Все третичные отложения занимают около $^1/_2$ всего пространства Ставропольской губернии и притом более возвышенную часть ее. На всей остальной пониженной площади выступает лёсс, степные суглинки, речные, озерные, лиманные, дельтовые и другие новейшие, послетретичные образования. Озерные или лиманные образования находятся всюду по течению Егорлыка, отчасти Калауса, по долине Кумы до Владимировки, по Большой Буйволе и почти всюду в приманычских степях. Эта формация состоит из глинистых и песчаных, исключительно пресноводных отложений. На сравнительно ограниченном протяжении узкой полоской в северо-восточной части губернии, где начинается однообразная, безжизненная, солонцевато-глинистая равнина, простирающаяся до самого берега моря, тянутся так называемые каспийские образования, представляющие обсохшее в геологически недавнее время дно Каспийского моря. Песчаники и известняки средиземноморского и сарматского ярусов служат водохранилищем большого количества пресных подпочвенных вод, которыми пользуются при посредстве обыкновенных и артезианских колодцев.

Ставропольская губерния разделяется на 4 уезда: Ставропольский, Александровский, Новогригорьевский и Медвеженский. Территория кочующих инородцев обнимает собой 19109 квадратных верст. Жителей, по данным 1898 года, 912639 (465557 мужчин и 447082 женщины), в том числе городских 51324. Густота населения 17 человек на 1 квадратную версту. Наибольшая густота населения приходится на Медвеженский уезд (38 человек), наименьшая — на территорию кочующих инородцев (2,4 человека на 1 квадратную версту). 2 города, 133 селения, 8 поселков, 177 частных владений, 6 казенных участков земли, один удельный, 11 железнодорожных станций и земли кочующих инородцев. Племенной состав (данные 1892 года): русских 90%, калмыков 1,7%, трухмен 2,8%, ногайцев 3,7%, остальные — армяне, грузины, греки, немцы, эстонцы, евреи, поляки и пр. Православных 89,2%; затем идут магометане, буддисты, раскольники, лютеране, армяне-григориане, евреи, католики. Крестьяне составляют 81% всего населения. За время с 1886 по 1897 год население Ставропольской губернии увеличилось на 210004 человека, то есть на 32%. 64% общей площади губернии занимает оседлое население, 36% — кочующее население. На пространство, занятое оседлым населением, приходится неудобных земель около 10% и площади под лесами и кустарниками 0,7%. Распределение земель оседлого населения по главнейшим категориям владельцев:

Земель крестьянского надела	3004567 десятин
Земель в личной собственности	406159 десятин
Городских	39926 десятин
Казенных	98015 десятин
Удельных	112755 десятин

Монастырских, церковных и других учреждений — 17202 десятины.

За крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, числится надела 19697 десятин. Наделы бывших помещичьих крестьян на наличную душу мужского пола — от 2 до 5 десятин. Величина душевых наделов бывших государственных крестьян выражается по уездам в следующих средних данных:

Ставропольский уезд	10,0 десятин
Александровский уезд	10,7 десятин
Новогригорьевский уезд	12,0 десятин
Медвеженский уезд	8,6 десятин

Распределение земель личной собственности по группам владения:

Дворяне	147873 десятин
Купцы и почетные граждане	71648 десятин
Мещане	65112 десятин
Крестьяне	121526 десятин

Кочующие инородцы в Ставропольской губернии, а именно все калмыки, часть трухмен и ногайцев, получили в общем 30-десятинный земельный надел на душу. Привилегированному классу калмыков было выдано: нойону 1500 десятин, аймачным зайсангам по 400 десятин и безаймачным зайсангам по 200 десятин. Остальные степи кочующих инородцев не разграничены между отдельными племенами и находятся в общем пользовании кочевников. Население Ставропольской губернии занимается главным образом земледелием и скотоводством. Главные посевные растения: озимая и яровая пшеница, затем рожь, овес, ячмень, просо. Из торговых растений возделывается лен и, в ничтожных размерах, конопля. Есть еще незначительные посевы арбузов, дынь, гречихи и картофеля. Вот данные о посеве возделываемых в губернии растений с 1892 по 1896 год:

Название растений	1892 год		1893 год		1894 год		1895 год		1896 год	
	Посеяно	Собрано	Посеяно	Собрано	Посеяно	Собрано	Посеяно	Собрано	Посеяно	Собрано
	Четвертей									
Озимая рожь	35277	338491	30246	313008	28334	209130	33387	264069	29624	97822
Озимая пшеница	252790	2431031	267255	2835333	246678	1742000	274843	2408071	300128	1361915
Яровая рожь	—	—	—	—	27	126	206	810	220	1560
Яровая пшеница	70258	659551	83215	905271	97630	722138	94309	674464	99430	470727
Овес	54870	447850	71596	793682	84748	501403	110274	772406	109627	596758
Ячмень	71305	645174	87475	919891	92015	637848	86129	777785	87382	549555
Просо	10601	168384	11756	268399	9762	136716	12267	291602	12979	324716
Картофель	23125	130992	25987	188307	34275	224998	26816	246252	29244	214294
Лен	25998	111219	29139	285281	25898	199704	35975	638847	66702	721580

Резкое влияние на урожаи оказывают неблагоприятные метеорологические условия, главным образом засухи, сопровождающиеся обыкновенно восточными и юго-восточными сухими ветрами. Влияние это усиливается отсутствием лесов и скудным орошением. Значительные повреждения наблюдаются также от развития ржавчинных грибков, саранчи и хлебного жука. Преобладающие системы полеводства — залежная и трехпольная. После снятия трех, редко четырех и более посевов, поля оставляются в залежь и под пастьбу скота на 3—6 лет, а затем вновь поступают под пашни. Господствующие орудия обработки земли — простые малороссийские плуги и деревянные бороны, но цифра усовершенствованных земледельческих орудий возрастает. В 1892 году молотилок паровых и конных, сеялок, плугов и т.п. орудий было 27315, а в 1898 году — 87888. Обширность степных пастбищ благоприятствует развитию скотоводства. Рогатый скот не только служит как рабочая

сила, но значительные гурты его отправляются в Петербург и Москву. Овцы делятся на 2 главные группы: простые и мериносовые или тонкорунные. В 1891 году в губернии считалось разного рода скота 3879773 головы; из этого числа оседлому населению принадлежали 3591198 (92,6 %), кочующему — 288575 (7,4 %). В 1896 году считалось 4322189 голов; в 1898 году число это упало до 3862132 голов, а именно:

	В 1896 году		В 1898 году	
	У оседлого населения	У кочующего населения	У оседлого населения	У кочующего населения
Лошадей	185136	20117	176644	22823
Рогатого скота	749551	60180	703953	56736
Овец простых (и коз)	1412546	171797	1239866	162724
Овец тонкорунных	1545290	15047	1380661	8442
Верблюдов	1096	5949	1862	6344
Свиней	155026	446	101982	95
Итого	4048645	273544	3604968	257164

Причинами значительной убыли скота в 1897 и 98 годах были неурожай хлебов и продолжительная, суровая зима 1898 года, с внезапно разразившимся в апреле месяце снежным бураном, который в несколько дней уничтожил более 200000 голов скота, выгнанного уже к тому времени на пастбища. Расширению скотоводства вредила также до последнего времени чумная эпизоотия. Распределение скота у оседлого населения:

	У городских жителей	У крестьян на надельных землях	У инородцев и арендаторов на территории кочующих народов	У частных владельцев
Всего скота	13406 голов	2 143868 голов	421777 голов	3604968 голов
В том числе тонкорунных овец	1701 голова	124205 голов	327282 головы	927473 головы

Подворное распределение скота у местных крестьян:

	Число дворов
Имеющих рабочих волов	44511
Не имеющих рабочих волов	45804
Имеющих лошадей	67865
Не имеющих лошадей	22450
Имеющих овец	41759
Не имеющих овец	48556

Дворов, не имеющих никакого скота, в 1898 году было 5027 или 5,6% [В 1898 году число дворов, имеющих от 1 до 10 овец, равнялось 15615; от 11 до 50 — 22038; от 51 до 100 — 2905; от 101 до 500 — 1069; от 501 до 1500 — 105, свыше 1500 — 27]. Видную, хотя и второстепенную роль играет виноградарство и виноделие. Оно сосредоточивается в юго-восточной части губернии, по реке Куме. Общая площадь, занятая виноградниками — 3404 десятины. Средний урожай винограда за 1892—96 годы 434600 пудов. Виноделие в примитивном состоянии; вино низкого качества («прасковейское»), главным образом потребляется местным крестьянством. Средняя стоимость вина — от 80 копеек до 2 рублей за ведро. В 1898 году выделано всего 296962 ведра.

Фабрично-заводская промышленность в Ставропольской губернии развита слабо. Всех действовавших в 1898 году заводов считалось 3578, при общем производстве в 2204085 рублей. Особенно выделяются производства: мукомольное, с оборотом в 886010 рублей; воскобойное и восковых свечей — 441745 рублей; маслобойное — 199470 рублей; винокуренное — 130000 рублей; кожевенное — 110380 рублей, кирпичное — 107945 рублей, скотобойное — 45290 рублей. Промыслов кустарно-ремесленного характера в губернии никаких не существует, кроме удовлетворяющих местные потребности. Отпускная торговля губернии состоит главным образом в вывозе зерновых

хлебов (преимущественно пшеницы), льна, простой и тонкорунной шерсти, кож и скота. Вывозная торговля направляется преимущественно в Новороссийск и Ростов-на-Дону. В 1898 году было отправлено 948811 четвертей разных хлебов и льна, 510513 пудов шерсти на сумму 3699392 рублей и кож 86596 штук. Обороты местной ярмарочной торговли составляли 1545677 рублей. По сведениям, сообщенным торговцами, их обороты достигали 6895986 рублей; торговля производилась в 2454 лавках. В общем, торговые обороты достигли суммы в 21600000 рублей.

О кредитных учреждениях в губернском городе — см. *Ставрополь Кавказский*. Сельские банки существуют в 26 селениях. К 1 января 1899 года в общественных магазинах состояло 115373 четверти хлеба; в ссудах было 136982 четверти. Общественные запашки производились в 79 селениях; с них собрано 26874 четверти хлеба. В общий по Империи продовольственный капитал на населении Ставропольской губернии числится долгу 69963 рублей. В 1898 году было застрахованных строений 111288, стоимостью по оценке 22294373 рублей и по обеспечению 10198506 рублей; получено премий 74057 рублей, выдано вознаграждений 6567 рублей, состояло налицо запасного капитала 909570 рублей, на содержание губернского страхового учреждения израсходовано 2499 рублей 40 копеек. Сельскими обществами на содержание пожарных обозов и снарядов израсходовано из мирских сумм 15977 рублей. В 1898 году пожаров было 188, сгоревших домов — 207, сумма убытков — 41685 рублей. Врачей гражданского ведомства, состоящих на государственной службе, в 1898 году было 22. На долю сельского населения приходится 4 уездных врача и 12 участковых сельских врачей, или 1 врач на 50946 человек и на 2133 квадратных верст; на долю кочующих инородцев — 1 врач на 46168 человек и на 19109 квадратных верст. Вольнопрактикующих врачей 22. О лечебных заведениях в губернском городе — см. *Ставрополь Кавказский*. Для сельского населения 1 лечебница в селении Медвежьем, на 5 кроватей. В 10 селениях фельдшерские пункты. На содержание медицинской части в Ставропольской губернии израсходовано в 1898 году 124040 рублей, в том числе сельскими обществами — 31154 рублей. Всех больных, обращавшихся за медицинской помощью, было 184304. Низший медицинский персонал гражданского ведомства в губернии в 1898 году состоял из 101 фельдшера и 18 повивальных бабок. Для борьбы с чумной эпизоотией в 1895 году назначены губернский ветеринар, 2 пунктовых ветеринара, 37 участковых и столько же фельдшеров. Теперь эпизоотия прекратилась. О благотворительных обществах и учреждениях — см. *Ставрополь Кавказский*. Учебных заведений в 1898 году было 578, в том числе в городе Ставрополе — 55, в заштатном городе Святого Креста — 8, в уездах — 520. Из низших школ в ведении министерства народного просвещения состоят 314, в ведении епархиального ведомства — 256. Среднеучебных заведений 5 (см. *Ставрополь Кавказский*). Духовное училище — 1, 6-классное — 1, трехклассное — 1, низшее ремесленное с трехгодичным курсом — 1, второклассное церковно-приходское — 1. Училищ сельских двуклассных — 7, одноклассных городских и сельских — 313, сельских начальных — 40, школ грамоты — 91, школ воскресных и для повторительных курсов — 107, частных и благотворительных — 10. Учащихся 30006, из них мужского пола 21893, женского пола 8113. На содержание среднеучебных заведений израсходовано 439337 рублей, на содержание школ с низшим образовательным курсом ведомства министерства народного просвещения 151698 рублей и на содержание таких же школ епархиального ведомства 80731 рубль. Сельскими обществами на содержание народных школ израсходовано 115211 рублей и, кроме того, на постройку новых училищ из мирских доходов отпущено 35772 рубля. Книжных магазинов в городе Ставрополе 3 и книжный склад при Андреевско-Владимирском братстве; типографий 3 (1 казенная, 2 частных). Издается 1 частная газета, 1 казенная и 1 епархиальная. Общества церковно-археологическое и медицинское. Монастырей 3, церквей 177. В Большедербетовском улусе учрежден миссионерский стан; при нем школа и детский приют.

К 1 января 1898 года на населении Ставропольской губернии оставалось в недоимке 196290 рублей, оклада подлежало к взысканию 700307 рублей. К 1 января 1899 года осталось в недоимке 160364 рублей. В 1898 году губернских земских сборов должно было поступить 162260 рублей, осталось в недоимке 35546 рублей. Мирские расходы сельских обществ в 1899 году равнялись 1228206 рублям. Наибольшая сумма расходов падает на жалованье должностным лицам — 245064 рублей (20%), затем на подводную повинность — 204142 рублей (16,6%); расходы на церковь составляли 11,6%, на народное образование — 9,3%. Неокладных сборов в 1898 году поступило 2066027 рублей, в том числе питейного сбора 1387061 рублей. Водных путей в Ставропольской губернии не имеется. Сообщение производится по почтовым трактам, проселочным дорогам и по шоссе от города Ставрополя до станции Невинномысской Владикавказской железной дороги. Общее протяжение железных дорог в пределах Ставропольской губернии около 200 верст; из них Владикавказская железная дорога прорезает губернию на расстоянии около 80 верст, Ставропольская ветвь на 30 верст, Тихорецко-Царицынская ветвь около 90 верст. 9 почтово-телеграфных контор, 21 почтовое отделение. В Ставрополе телефонная сеть.

Исторический обзор. В 1775 году была проектирована постройка ряда укреплений от Терека до Дона (так называемая Моздокско-Азовская линия). В 1777 году сооружено было 10 крепостей, в том числе Ставропольская, ныне губернский город. В 1785 году была устроена Кавказская губер-

ния из 6 уездов, в том числе Ставропольского. Губернским городом назначен Екатериноград. К концу 1787 года в Кавказской губернии насчитывалось уже до 30000 душ мужского пола и 34 селения. В 1790 году Кавказская губерния была упразднена и присутственные места переведены в Астрахань, но в 1804 году восстановлена, в составе 5 уездов, а губернским городом назначен Георгиевск. В 1822 году Кавказская губерния преобразована в область, а губернские правительственные места из города Георгиевска переведены в город Ставрополь. В 1825 году учреждено особое управление кочующими народами. В 1842 году учреждена кавказская епархия, с кафедрой в городе Ставрополе. В 1847 году Кавказская область вновь переименована в Ставропольскую губернию, а округи ее названы уездами. В разное время от губернии отчислено более 2 миллионов десятин. Колонизация территории, занимаемой ныне Ставропольской губернией, продолжалась безостановочно. В 1898 году Ставропольская губерния отделена в административном отношении от Кавказа. Ставропольская губерния принадлежит к числу местностей малоисследованных. В 1773 году ее посетил академик Гюльденштедт, а в 1793 году — Паллас. В геологическом отношении Ставропольская губерния изучалась членами Кумо-Манычской экспедиции 1860—61 годов, Данилевским (1856—62), Д. Ивановым, командированным в Ставропольскую губернию на 1885—86 годы. Иванову сопутствовал в качестве зоолога В. Фаусек. С этнографической и статистической точки зрения Ставропольскую губернию изучал И. Бентковский.

Литература. Барбот де Марни, «Исследования Кумо-Манычской экспедиции»; Бентковский, «Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Историко-статистическое обозрение инородцев магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы» (Ставрополь, 1883); его же, «Статистико-географический путеводитель по Ставропольской губернии» (1883); Фаусек, «К природе степей Северного Кавказа» («Известия Географического общества», XXIII т.); Иванов, «Влияние русской колонизации на природу Ставропольского края» («Известия Географического общества», XXII т.); его же, «Исследования в Ставропольской губернии в 1886 году» («Горный журнал», № 7, 1887); его же, «Маныч и прилежащие степи Кавказа» («Известия Географического общества», XXIII т.); его же, «Предварительный отчет по геологическим исследованиям Ставропольской губернии» («Известия Геологического комитета», т. V, 1886, № 7—8); «Памятная книжка Ставропольской губернии» на 1893 и 1897 годы» (изданная Ставропольским губернским статистическом комитетом); А. Твалчрелидзе, «Ставропольская губерния в статистико-географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях» (1897); «Кавказский календарь» на 1900 год (издание закавказского статистического комитета).

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èçäàíèþ:
Динник Н.Я. Ставропольская губерния // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. — СПб., 1900. — Т. 61. — С. 390–396.

Исследования, посвященные Н.Я. Диннику

Ñ. Ì . Ôåäîðîâ
Âûäàþùèéñÿ èññëåäîâàòåëü Êàâêàçà
Íèêîëàé ßêîâëåâè÷ Äèííèê[1]

I. Êðàòêàÿ áèîãðàôèÿ

Николай Яковлевич Динник родился 23 июня 1847 года в городе Ставрополе в семье Якова Григорьевича Динника, служащего палаты государственных имуществ. В семье он был старшим. Кроме него, у Я.Г. Динника был младший сын Владимир и дочь Лидия. Всё своё детство и юношеские годы Николай провёл в семье отца. В Ставрополе он получил среднее образование в местной гимназии.

Среди преподавателей этой гимназии выделялся учитель естественной истории Сергей Ларионович Кузьмин, внушавший своим воспитанникам интерес и любовь к окружающей природе. Ставропольская гимназия, благодаря исключительно удачному составу своих преподавателей, закладывала и элементы революционной деятельности у своих учеников, развивала у них желание продолжать своё образование. Это, безусловно, имело огромное значение в воспитании Николая Яковлевича.

В 1865 году восемнадцатилетним юношей Николай Яковлевич успешно окончил гимназию и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. В Московском университете наибольшее влияние на Николая Яковлевича оказали профессор Яков Андреевич Борзенков, читавший курс сравнительной анатомии и физиологии животных, и профессор Сергей Алексеевич Усов, читавший в университете зоологию позвоночных. Оба эти профессора были учениками известного биолога-эволюциониста профессора Московского университета К.Ф. Рулье и товарищами зоолога-эколога Н.А. Северцова. Они унаследовали и развивали экологические взгляды своего учителя. Обладая обширной эрудицией, эти профессора своими увлекательными лекциями не могли не вызвать у Николая Яковлевича любовь к природе и жажду к исследованиям её. Профессор Усов был одним из основателей Общества акклиматизации и одним из главнейших деятелей основанного им зоологического сада в Москве, редактором журнала «Вестник естественных наук» и одним из издателей журнала «Природа».

Заседания общества, посещения зоологического сада и интересные научные статьи в журналах своих учителей — все это влекло молодого Николая Яковлевича к живому общению с природой, к глубокому её познанию. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Николай Яковлевич ещё в университете развил в себе благородный интерес к науке о природе, сохранившийся у него до самой смерти. Не удивительно и то, что в противовес царившим тогда над русским обществом гнёту и темноте в молодой натуре Николай Яковлевич выросла любовь к свободе и свету, и он по своим взглядам принадлежал к передовым людям своего времени.

Окончил он университет не без препятствий. В мае 1869 года за несколько дней до окончания «кандидатских» экзаменов он был арестован как политически неблагонадёжный, исключён из университета и, по распоряжению министра внутренних дел, выслан под секретный полицейский надзор на родину в город Ставрополь.

Только в 1873 году с Николая Яковлевича надзор был снят, и 27 октября этого года он мог окончить университет. Окончил он его со степенью кандидата естественных наук.

После окончания Московского университета Николай Яковлевич возвратился в Ставрополь, где с 13 февраля 1874 года был зачислен на должность преподавателя Ольгинской женской гимназии. Поселился он в доме своего отца на так называемой Воробьёвке (впоследствии Лермонтовская улица, а сейчас улица имени Дзержинского № 181). В 1878 году он похоронил своего отца, умершего в возрасте 67 лет, и с этих пор должен был жить самостоятельно.

Ещё в свои студенческие годы Николай Яковлевич познакомился со своей землячкой по Ставрополю — Анной Васильевной Мартыновой, сестрой известного революционера, которая становится его женой. Анна Васильевна была женщиной образованной. Она окончила Бестужевские курсы и вполне сочувствовала увлечению Николая Яковлевича природой. Она сама принимала участие в научной работе Николая Яковлевича, переписывала его рукописи и была его личным секретарём. Перу её принадлежит работа «Лесная зона Северо-Западного Кавказа», помещённая в трудах Ставропольского общества по изучению Кавказского края (т. 1, 1911 год), в которой она описывает лесную растительность Западного Кавказа по данным её мужа Николая Яковлевича.

От брака с нею у Николая Яковлевича было два сына: старший, рождения 1876 года, Александр и меньший, рождения 1886 года, Лев. Александр, получив высшее образование, сделался выдающимся специалистом по теории упругости, впоследствии стал видным профессором, а затем и академиком Украинской Академии наук. Умер он в 1950 году в Киеве. Меньший, Лев, по окончании Ставропольской гимназии поступил в Киевский университет, но, не окончив его, уехал в Петербург, где вскоре преждевременно умер.

В Ставрополе Николай Яковлевич жил довольно обособленно. В обществе появлялся очень редко, был в высшей степени скромен и застенчив. Он всегда старался стоять в стороне и быть незамеченным. Впрочем, он был не чужд общественной деятельности и состоял много лет гласным Городской думы, но выступал в ней очень редко лишь по вопросам, которые знал хорошо.

По наружности он казался человеком суровым, но на самом деле был добр и мягок. В доме у него всегда жил кто-нибудь из близких. Это были дети лиц, пострадавших от самодержавия, сосланных или томящихся в тюрьме. Николай Яковлевич всегда был в очень хороших отношениях со своими спутниками по путешествиям, но местного общества не любил. Оторванный от общества, состоящего из отставных военных и мелких чиновников, интересы которых делились между службой и неизменным карточным столом, которого Николай Яковлевич не выносил, он полное удовлетворение находил в своих школьных занятиях, в охоте, которую любил до страсти, в путешествиях по Кавказу.

В Ольгинской гимназии Николаю Яковлевичу было поручено преподавание естественной истории и физики. По свидетельству ныне здравствующей его ученицы — Юлии Ивановны Пеньковской, Н.Я. Динник пользовался большим уважением своих учениц. «Неудовлетворительных отметок у него по его предметам не было, — вспоминает Ю.И. Пеньковская, — да и не могло быть, так как каждую малопонимающую ученицу он старался вызывать чаще других, а если это не помогало, то оставлял её на дополнительное занятие и добивался того, что она постигала непонятное». Преподавание своих предметов он вёл всегда спокойно и с большим достоинством. Кабинет его в школе был всегда в образцовом порядке. Г.Н. Прозрителев отмечает в своих воспоминаниях, что Николай Яковлевич, как преподаватель, был всегда привлекательным, доступным для учащихся и очень отзывчивым к их нуждам. Оценка Николая Яковлевича, как педагога, была совершенно различна со стороны учебного начальства и учащихся. Начальство находило, что, изучая Кавказ, Динник «занимался не своим делом» и преподавал «слишком скучно», — но учащиеся, напротив, весьма ценили и лично Николая Яковлевича, и его уроки, особенно те из учениц, которые впоследствии продолжали образование в области естествознания или медицины.

Впоследствии Н.Я. Динник был приглашён для преподавания естествоведения в Александровскую гимназию. Педагогом он оставался до самой глубокой старости.

Многогранную натуру Николая Яковлевича педагогическая работа удовлетворяла только отчасти. Помимо педагогической деятельности, Николай Яковлевич с редкой преданностью занимался другим, пожалуй, главным делом всей своей жизни — изучением природы Кавказа. В конце прошлого и в начале текущего столетия вряд ли кто из натуралистов, путешествующих по Кавказу, совершил столько маршрутов по самым диким местам, как Н.Я. Динник. Жил он скромно. Старожилы, близко знавшие его, отмечают, что он в своем домашнем хозяйстве был чрезвычайно бережлив в течение осени, зимы и весны, отказывал себе во многом, и все сбереженные средства копил с целью обеспечить себе очередное путешествие. На путешествия по Кавказу он средств не жалел и совершал их в каникулярное время, обычно с июня по август. В период учебного времени у Николая Яковлевича, кроме воскресенья, всегда был свободен от занятий четверг. В эти дни он с ружьем и биноклем уходил в окрестности города Ставрополя, которые знал очень хорошо. Всё виденное и найденное он записывал в свой дневник. Особенно большие материалы были им собраны по птицам и погоде в городе Ставрополе. Материалы по птицам были им опубликованы в ряде статей по орнитологии Кавказа. Летом Николай Яковлевич обычно исчезал из Ставрополя до самой глубокой осени. В это время он всего себя отдавал охоте и путешествиям по Кавказу. Сначала путешествия влекли его как любителя природы, но затем они приняли вполне научный характер, и Николай Яковлевич сделался лучшим знатоком Кавказа.

Последний более всего привлекал Николая Яковлевича потому, что дикая нетронутая горная природа давала путешественнику неисчерпаемый материал для его биологических наблюдений. Николай Яковлевич бывал в горах Кубанской области, в верховьях рек Уруштена и Белой, в верховьях Большого Зеленчука, на хребте Абишира-Ахуба, затем в ущельях Терской области, в Дигории, Осетии, Дагестане, в верховьях Риона, в Пшавии и Хевсурии, в Ленкорани и на Талышском хребте, в ущельях Кодора, на озере Кели в Закатальском округе, на Каспийском побережье и, наконец, в Закаспийской области. Короче говоря, Н.Я. Динник объездил и обследовал весь Кавказский хребет. В некоторых местах, для него особенно интересных, он побывал несколько раз. Всё виденное он и здесь заносил в свой дневник, так что ни географические, ни зоологические, ни ботанические и другие факты не были оставлены без внимания, ничто не пропало для науки, так как впоследствии все материалы были обработаны и опубликованы.

Н.Я. Динник помещал свои работы в следующих изданиях: в «Известиях» и «Записках Кавказского отдела Русского географического общества», в «Трудах СПб общества естествоиспытателей», в «Материалах к познанию флоры и фауны России» Московского общества испытателей природы, в журналах «Природа и охота», «Естествознание и география», «Садовод», «Северный Кавказ», «Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа», «Известиях Кавказского музея», «Записках Северо-Кавказского музея краеведения», в «Ставропольских губернских ведомостях», в «Трудах VIII съезда естествоиспытателей и врачей», в «Охотничьей газете», в газете «Псовая и ружейная охота», в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (I и II изд.) и в энциклопедическом словаре Граната, в которых он состоял сотрудником по разделу географии, в некоторых иностранных журналах.

Свыше 35 лет Н.Я. Динник посвятил прекрасной природе Кавказа. Из перечня научных работ Н.Я. Динника можно усмотреть, как разнообразны и глубоки были его интересы как исследователя. В своих исследовательских работах он вырисовывается прежде всего как даровитый натуралист-кавказовед, которому близки широкие общегеографические интересы. Свои наблюдения горных ландшафтов он умел передавать читателю в художественной и правдивой форме. В своих трудах Н.Я. Динник выступает как натуралист широкого профиля. Его работы по ледникам Кавказа обнаруживают в нём незаурядного специалиста-гляциолога, а мастерское описание растительности Кавказа говорит о прекрасных познаниях в ботанике, особенно в разделе флористики. В то же время можно с уверенностью утверждать, что все описанные путешествия были предприняты с целью изучения жизни зверей и птиц и что именно в биологии более всего Николая Яковлевича интересовала полевая зоология, тем более что он страстно любил и охоту. Такова многогранная и разносторонняя натура Н.Я. Динника.

В 1885 году в Ставрополе поселяется Георгий Константинович Праве — пытливый натуралист, у которого наша южная богатая природа, ещё совершенно не затронутая изучением, вызвала огромный интерес к собиранию коллекционного материала по всем разделам естествознания. Праве задумывает основать в Ставрополе естественно-исторический музей. Н.Я. Динник является первым помощником Праве в этом культурном начинании, много работает во вновь открывшемся музее, отдаёт туда свои экспонаты, которые до сих пор являются лучшим украшением естественно-исторического отдела. При музее было вскоре образовано общество для изучения Северо-Кавказского края, а город Ставрополь стал центром изучения всего Предкавказья.

Н.Я. Динник отличался хорошим здоровьем, что дало ему возможность совершить много горных путешествий. Всё же под конец своей жизни — на 70 году — сказались тяжёлые физические трудности и лишения, каким он подвергался в своих горных экскурсиях и на охотах. В мае 1917 года Н.Я. Динник впервые обнаружил у себя мучительную болезнь сердца, а в сентябре этого же года он скончался. Похоронен он на Даниловском кладбище в городе Ставрополе.

Н.Я. Динник состоял членом многих отечественных научных обществ: Кавказского отдела русского географического общества, Московского общества испытателей природы, Русского горного общества, Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей, Крымско-Кавказского горного клуба, общества по изучению Кавказа и других. В 1883 году Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей выразило Н.Я. Диннику благодарность за его деятельность. В 1885 году Русское географическое общество наградило его серебряной медалью за статью «Горы и ущелья Терской области». В 1888 году Кавказское отделение Русского географического общества наградило Николая Яковлевича золотой медалью за труды по кавказоведению. В 1890 году то же отделение выделило ему 200 рублей на расходы по горным изысканиям «как слабую и посильную дань признательности, соразмерную со скромными средствами отдела». В 1912 году за первую часть труда — «Звери Кавказа» Академия наук присудила ему Ахматовскую премию в 500 рублей.

Смерть Н.Я. Динника прошла в Ставрополе незаметно, несмотря на наличие здесь его многочисленных почитателей и друзей. В других местах она вызвала многочисленные отклики. Так, она была отмечена на страницах «Известия Кавказского музея», где дан краткий некролог и оценка его работ.

В городе Краснодаре смерть Н.Я. Динника была отмечена специальным заседанием библиографической секции Совета обследования и изучения Кубанского края. На этом заседании был зачитан некролог, после которого общее собрание секции постановило: 1) повесить в секции портрет покойного, 2) устроить

особый шкаф «имени Н.Я. Динника», где сосредоточить все произведения его, критические статьи о них и все материалы, относящиеся к его жизни, и 3) издать особый сборник, посвящённый памяти Н.Я. Динника с подробной его биобиблиографией.

Коллекции Николая Яковлевича по животным, помимо помещённых в краевом музее, поступили в количестве 598 номеров в Ставропольский сельскохозяйственный институт и хранятся в музее кафедры зоологии. Поступили они туда после смерти Николая Яковлевича по инициативе его жены — А.В. Динник, принесшей их в дар новому в Ставрополе высшему учебному заведению.

II. Í.ß. Äèííèê êàê íàòóðàëèñò-êàâêàçîâåä

Около трёх десятков статей Н.Я. Динника посвящено общегеографическому описанию Кавказа. Все они являются результатом его путешествий по горам и ущельям Кавказского хребта. Многие наиболее интересные места были посещены Николаем Яковлевичем не один, а несколько раз. Так, он сообщает, что в лесах верховьев реки Пшехи он бывал «из года в год», верховья реки Малой Лабы посещены им несколько раз. В верховьях реки Андрюка, притока Лабы, Николай Яковлевич охотился неоднократно. Сколько всех путешествий сделал Николай Яковлевич за свою жизнь, трудно поддаётся точному учёту. Вероятнее всего, что начал он путешествовать с самого начала своей педагогической работы в Ставрополе, то есть с 1874 года, так как уже в 1879 году у него был накоплен обширный материал для статьи «Горы и ущелья Северо-Западного Кавказа». Окончил он публиковать свои общегеографические статьи в 1909 году.

Ниже даются маршруты отдельных наиболее крупных его путешествий по Кавказу, причём транскрипция географических названий сохранена та, какая была у Н.Я. Динника.

Статья «Горы и ущелья Кубанской области», вышедшая в свет в 1877 году, содержит 4 раздела. В первом он описывает своё путешествие через Баталпашинск (ныне Черкесск), станицу Усть-Джегутинскую, «Мышиную тропу», Хомурскую крепость, гору Шоан, Тебердинский аул, в верховье реки Теберды.

Во втором разделе дано описание реки Марух, подъёма на гору Ажумгу, на Марухский ледник.

В третьем описаны путешествия в верховья рек Урупа и Лабы, в Кувинский аул и в станицы Передовую и Преградную.

В четвёртом описана экскурсия в долину реки Лабы и в станицу Псеменовскую.

Все эти путешествия осуществлены Николаем Яковлевичем в период с 1875 по 1877 годы.

6 июля 1881 года Николай Яковлевич совместно с Дементьевым побывал в городе Нальчике и оттуда совершил путешествие на отроги Эльбруса, был в ауле Бизинги, оттуда поднялся на ледники Бизинги и Мижирги, на вершину хребта в Чегеме, затем путешествовал по Баксанской долине, был в Урусбиевом ауле, на леднике Гара-баши. В этом путешествии он имел встречу с профессором Мушкетовым. Описание этого путешествия им дано в статье в 1884 году «Горы и ущелья Терской области», за которую получил от Географического общества серебряную медаль.

Путешествие в Дигорию Николай Яковлевич сделал в первых числах июля 1885 года вместе со студентом Дементьевым. Начал его с Алагира, откуда на лошадях отправился в Вольномагометанский аул, расположенный верстах в семи от реки Уруха. От аула на верховых лошадях по лесным тропам отправился к ущелью реки Уруха и по нему до дигорского аула Заделеск. Здесь он побывал в священной для дигорцев пещере — Олисаидом, причём был поражён обилием находящихся здесь черепов и рогов оленей, затем туров и козуль, наконец, бычьих, коровьих, козлиных и бараньих. Здесь же он нашёл 3 черепа верблюдов и 19 черепов зубров и их рога. Последняя находка служила доказательством того, что прежде эти животные водились около Заделеска или в лесах Дигории. Из Заделеска он отправился в Стур-Дигор. По дороге он посещает поляну Мацуту и ряд мелких горных речек, впадающих в Урух, ущелье Караголь и, наконец, аул Стур-Дигор, в окрестностях которого Николая Яковлевича поразили роскошные леса. Из аула Стур-Дигор он отправился на ледники ущелья реки Тана. Впервые здесь он встретил 2 ледника Саурте-Чете (Солёный ледник), посещаемые турами и сернами. Затем Николай Яковлевич поднялся в верховья реки Тана через альпийские луга на ледники Тана. Продолжая путешествие, Николай Яковлевич прошёл хребет между рекой Тана и долиной Харвес к долине реки Уруха, а затем на Урухский глетчер. В это путешествие Николай Яковлевич осмотрел ледники Харвес, Барту и Караголь.

Это путешествие описано Николаем Яковлевичем в статье «Путешествие по Дигории», напечатанной в записках Кавказского отделения русского географического общества, выпуск 1, книжка XIV, 1890 год.

Летом 1886 года Николай Яковлевич вновь вторично побывал в этих местах. Начал он своё путешествие в Нальчике. Из Нальчика отправился на Догуджоков аул, потом на гору Кошка-тау. В шести верстах от аула Кошка-тау он переехал очень бурную речку Черек-Тхахо, а в 12 верстах — другой горный поток Кара-Су (чёрная вода). Недалеко от Кара-Су нашёл горное озеро. Верстах в 10—12 от верхних аулов в озеро впадает многоводная речка Тутын-Су, на которой Николай Яковлевич тоже побывал. Ещё выше ущелья реки Тутын-Су река Черек состоит из двух речек — Дых-Су и Штулы. Последняя, в свою очередь, образуется из слияния

Ак-Су и Кара-Су, ущелья которых разделяются невысоким хребтом. Николаю Яковлевичу удалось побывать в верховьях Ак-Су и видеть глетчер Агштак-чирен — это ледник средних размеров (фирн-глетчер). Проехав вдоль всей Ак-Су, Николай Яковлевич перебрался в долину речки Кара-Су до того места, где из-под льда вытекает эта река, к леднику Кара-Су. Но продолжать путешествие дальше Николаю Яковлевичу помешали начавшиеся проливные дожди, которые заставили его вернуться.

Это путешествие описано в статье, вышедшей в 1890 году.

Так как во время путешествия 1886 года Николай Яковлевич не мог проникнуть в глухие и интересные места, то он решил сделать это в следующем 1887 году. В эту поездку Николаю Яковлевичу удалось осмотреть ледник и долину Дых-Су. Из Нальчика Николай Яковлевич поднялся новой дорогой, минуя Догуджоков аул, до долины реки Пхоу, по которой добрался до горы Кошка-Тау. Затем он спустился в долину реки Черека до горного озера в лесу (см. путешествие 1886 года). Озеро это носило название у горцев Шерек-яна, что означало «мать черека». От Шерек-яна Николай Яковлевич пробрался ещё к 2 озерам. Одно из них — Псехурей. Горцы называли эти озёра Унапахурей. Отсюда Николай Яковлевич отправился до аула Кундюма. Из Кундюма Николай Яковлевич поднялся вверх по ущелью Черека и посетил ущелье Тутын-Су, ущелье и ледник Дых-Су, ледник Агштан и перевал Гезевцик.

Описано это путешествие в статье, вышедшей в 1890 году.

Летом 1890 года Николай Яковлевич совершил путешествие по западной Осетии по маршруту: долина Ардона и Архона, река Латчин-дон, Архонский ледник, долина Джими-дона, река Фиат-дон, аул Лац, долина реки Гизель-дона, ледник Гизель-дон, Военно-Грузинская дорога между Балтой и Ларсом.

Это путешествие описано в статье «Путешествие по Западной Осетии», вышедшей в 1893 году.

Путешествие по Пшавии и Тушетии Николай Яковлевич начал со станицы Ананур Военно-Грузинской дороги и совершил его по маршруту: долина реки Белой Арагвы, горы между Арагвой и Иорой, Пьюнеты, Алазанская долина, перевал через Алазань, долина Штори, перевал Мтид-гверды, перевал Секинда-геле, долина Ори-цхали, Тушетия, село Бочарма, река Малая Качу, река Наровани, верховье Кахетинской Алазани, гора М. Борбало, верховье реки Аргуна, верховье Иоры и обратно через Аканошвили. Это путешествие описано в статье «Путешествие по Пшавии и Тушетии», вышедшей в 1893 году.

Путешествие, описанное в статье «Оштен и окружающие его части Кубанской области», изданной в 1894 году, Николай Яковлевич совершил в 1893 году. Начал он его со станицы Самурской, от которой направился к горе Оштен, которую он сначала отождествлял с горою Фишт. Позднее Николай Яковлевич утверждал, что эти горы различны, хотя стоят друг около друга: Оштен — 44° 57' 27" северной широты и 57° 35' 33" восточной долготы и Фишт — 43° 57' 27" северной широты и 57° 33' 58" восточной долготы. Их можно рассматривать как один горный массив, разделённый глубоким и узким ущельем с северо-запада на юго-восток. В это путешествие Н.Я. хорошо изучил природу станицы Самурской и горы Оштен.

Статья «Кубанская область в верховьях рек Уруштена и Белой», изданная в 1897 году, содержит 4 раздела и является результатом нескольких путешествий. В первом дан общий очерк верховья реки Белой и её долины — обширной, глухой, лесистой и безлюдной местности, богатой дичью и зверем. Чтобы осмотреть все горы, ущелья и долины верховья Белой, Николай Яковлевич должен был совершить несколько экскурсий — к Оштену и Фишту, по Белореченскому перевалу к хребту Курджисона и Цице, на гору Бзыш к реке Чуре, горе Куд и вдоль гребня Главного хребта.

Во втором разделе дано описание путешествия на пастбище и гору Абаго. Это путешествие совершено Николаем Яковлевичем из станицы Самурской через Нижегородскую, Мезмай, Даховскую и Сахрайский посёлок. Описаны гора Гуома, дорога к Даховской станице, долина реки Мезмая, Хамышки, дорога к Сахраю, местность от Сахрая до Киши, дорога от Киши до города Слесарни, затем долина реки Шиши, переправа через реку Киши и подъём на гору Пшекиш, затем леса долины Абаго и обратная дорога на Хамышки. В третьем разделе описаны поселение Хамышки, долмены в её окрестностях, дорога по реке Белой к хребту Абаго, хребет между реками Белой и Малчепой, его луга, затем восхождение на гору Абаго, Шугус и его окрестности, верховье Малчепы, Чесу и другие притоки реки Белой. В четвёртом разделе описаны путешествия Николая Яковлевича на горы между реками Киши и Уруштен, в одну из самых живописных местностей Западного Кавказа, замечательную в зоологическом отношении. Начал он его со станицы Псебай. В это путешествие Николай Яковлевич побывал в прославленном своею красотою ущелье реки Малой Лабы, или Шахгиреевском ущелье, в Капустиной балке, долине реки Малой Лабы и некоторых её притоков, в ущелье Уруштена, на горах Ачха, Скирде, в Бамбакском лагере, а затем на горе Чилипсы (Джуга), в верховьях реки Мастакана.

Летом 1898 года Николай Яковлевич путешествовал в верховьях Большого Зеленчука и на хребте Абишира-Ахуба, расположенном между рекой Зеленчуком и рекой Лабою, с целью окончательно выяснить вопрос, водятся ли в этих местах зубры. Путешествие это он начал со станицы Псебай. Около Псебая он переехал вброд через реку Малую Лабу, поехал вверх по реку Андрюку, отсюда километров за 20 до моста через реку Большую Лабу, сначала по болоту, затем по лесу и поляне, покрытой роскошной растительностью. Переехав по мосту через Лабу, Николай Яковлевич продолжал свой путь по её притоку Псемен, придерживаясь южного склона горы Шелох, доехал до станицы Преградной, расположенной на левом берегу

реки Урупа. Описав красивый вид на гору Баранаху и природу станицы Преградной, Николай Яковлевич переехал в станицу Сторожевую, а затем в станицу Зеленчукскую, от которой собственно и начал вместе с С.Ф. Давидовичем настоящее своё путешествие к верховьям реки Зеленчука. По пути Николай Яковлевич описывает природу мест в окрестностях монастыря «Зеленчукская Пустыня», урочища «Старое жилище», долин притоков Большого Зеленчука — Кизгыша, Псыжа и реки Софии, впадающей в Псыж. Отсюда Николай Яковлевич делает восхождение на хребет Абишира-Ахуба и дает описание географического положения и других особенностей этого хребта. Наконец Николай Яковлевич посещает долины маленьких рек Иркыза и Дукуа. Обратный путь с хребта Николай Яковлевич совершил через исток Дукуа по водоразделу между Зеленчуком и Большой Лабой.

Нигде в этих местах зубров и их следов Николай Яковлевич не встретил, хотя пройденные места представляют большие удобства для их жизни. Это путешествие описано в статье «Верховье Большого Зеленчука и хребет Абишира-Ахуба», изданной в 1899 году.

Путешествие, описанное в статье «Верховье Малой Лабы и Мзымты», изданной в 1902 году, было совершено Динником в промежуток времени 1900—1901 годов. Николай Яковлевич предпринял его вместе со своим сыном. Начал он его в Псейбайской станице, природу которой хорошо изучил, затем прошёл к верховьям М. Лабы, на перевал Аишхо и к истокам реки Мзымты. Новые места в этом путешествии начались с урочища Черноречья и ущелья реки М. Лабы, богатой разными рудами (цинковой, железной, тальком, горным льном и др.) и, особенно, лесом, состоящим в низинах из пород: бука, граба, ильма, клёна, ольхи, а на верхних уступах гор — из сосны, кавказской пихты, берёзы и других.

Из Черноречья Николай Яковлевич отправился вверх по ущелью реки М. Лабы к урочищу Умпырь, которое считается одним из самых красивых в природном отношении мест в горах всего Кубанского края. Это своего рода «земной рай». Здесь сходятся ущелья трёх горных речек: М. Лабы, Умпыря и Ачипсты, наблюдается необыкновенное разнообразие растительности и животного мира. С Умпырьской поляны Николай Яковлевич сделал несколько экскурсий в разные стороны. С Умпырьского перевала Николай Яковлевич спустился в долину Закана, а затем поднялся на хребет Магишо, побывал на гребне хребта Кочерги, затем перевалил Аишхо и вышел к верховьям Мзымты. Природу этих мест он тщательно изучил и описал.

Во второй половине июня 1902 года Николай Яковлевич предпринял путешествие в ущелье Кодора. Начал он это путешествие с Сухуми через села Ольгинское и Цебельду. Кроме описания природы города Сухуми и дороги от Сухуми до Ольгинского, Николай Яковлевич описал природу селения Краснинского, реки Амткела, впадающей в реку Кодор, окрестностей Цебельды, самого ущелья Кодора, поста Богатского, местечка Латы, урочища Чхалты и истоков реки Клыча. Особенно подробно изучена флора горных здешних мест, фауна птиц и млекопитающих и ледники. Это путешествие описано в статье «Ущелье Кодора», напечатанной в 1903 году.

Летом 1903 году Николай Яковлевич осуществил давно им задуманное путешествие в верховье Б. Лабы и перевал Цегеркер. Эти места Динник считал особенно замечательными украшениями природы с высокими горами, дремучими лесами, альпийскими лугами, голубыми глетчерами, вечными снегами и чудными горными речками и ручьями. Особенно его интересовали в этих местах ущелья рек: Дамхурца, Мамхурца и Макеры, притоков реки Б. Лабы. В этих местах в то время ещё не был ни один путешественник. Не менее интересны были перевал Цегеркер и истоки реки Бзыби. Динник начал это путешествие со станицы Псебай. Отсюда он проехал ущельем М. Лабы до урочища Умпырь, а оттуда поднялся на хребет между долинами рек Малой и Большой Лабы, затем побывал на Дамхурце, Загдане[2], Мамхурце и Макере и, наконец, на перевале Цегеркер. Николай Яковлевич дал прекрасное описание флоры, фауны и глетчеров этих мест. Это путешествие убедило Николая Яковлевича, что растительность этих мест Кавказа очень богата и разнообразна. Особенно замечательны здешние леса с их гигантскими деревьями. Он заметил отличие флоры этой местности от флоры верховьев рек Пшехи, Белой и ущелья реки Малой Лабы, то есть от флоры тех мест, которые лежат к западу от верховьев Большой Лабы, имеющих более влажный климат. Это путешествие описано в статье «Верховье Большой Лабы и перевал Цегеркер», напечатанной в 1905 году.

В 1904 году Николай Яковлевич совершил путешествие по Дагестану. Начал он его с города Грозного. Побывав на нефтяных промыслах, он переехал в станицу Воздвиженскую, где несколько дней охотился. Затем с Воздвиженской двинулся в Шатой, Аргунское ущелье, Евдокимовское укрепление, аул Чамгои, Шали, Ведено, аул Дарго, аул Хорочой, хребет Керкет, озеро Эзень-ам, Ботлих и обратно по этому пути. Значительную часть этого путешествия он сделал вместе с геологом Г.И. Михайловским, случайно с ним встретившись в дороге. Это путешествие описано в статье, изданной в 1906 году.

В период 1906—1908 годов Николай Яковлевич совершил длительное путешествие на Каспийское побережье Кавказа и в Закаспийскую область, о котором долго мечтал, но не мог выполнить вследствие того, что его надо было совершить ранней весной, а это время у него обычно было занято.

Выехав в третьей декаде марта из Ставрополя до станции железной дороги, он затем уже поездом проехал через всю Терскую область, ночью был в Петровске (ныне Махачкала). С утра следующего дня он начинает знакомиться с каспийским побережьем Кавказа из окна вагона и делая длительные остановки на

железнодорожных станциях, занося свои наблюдения в дневник. Он даёт описание местности до Дербента, Дербентскую стену, станций Каякент, Белиджи, Самур, Ялама, Худат, Хачмас, Дивичи, Кызыл-Бурун, Зарата, Сумгаита, Беледжары и города Баку.

Из Баку он на пароходе «Кропоткин» пересёк Каспийское море ночью и утром на следующий день уже был в Красноводске, где два дня посвятил ознакомлению с его природой. Из Красноводска он отправляется по железной дороге внутрь Средней Азии, давая описания природы на всём пути до Ашхабада, особенно окрестностей станций Кара-Тенгар, Белек, Джебель, Балла-Ишем, Айдин, Перевальной, хребта Копет-даг, ст. Ушак, Ахалтекинского оазиса, ст. Кызыл-Арват, Бами, Бахарден, крепости Геок-тепе, Безмеин и мест — Чули и Фирюза. Природу окрестностей Ашхабада Николай Яковлевич обследует более подробно. Из Ашхабада он делает несколько экскурсий в различных направлениях, во время которых собирает значительный материал по пресмыкающимся, птицам и млекопитающим. Большое собрание зоологических объектов он нашёл в местном областном музее, которым заведовал его хороший знакомый С.И. Билькевич. Из Ашхабада Николай Яковлевич отправился в город Мерв. По дороге он описывает ландшафты станций Баба-Дурмаз, Атекского оазиса, ст. Каахки, Душак, поселения Теджена и др. Природу и историю Мерва Николай Яковлевич описывает особенно подробно. Это путешествие Николай Яковлевич описал в труде: «Каспийское побережье Кавказа и Закаспийская область», опубликованном в «Известиях Кавказского отдела Русского географического общества», № 4 за 1908 год.

Летом 1909 года Николай Яковлевич совершил путешествие по Закатальскому округу и Дагестану. 28 июня он выехал из Ставрополя на лошадях до Невинномысской, а затем по железной дороге через Махачкалу до Евлаха в Закавказье. Далее опять на лошадях через Нуху до Закатал. Пробыв две с половиной недели в Закатальском округе, Николай Яковлевич решил перебраться через Главный Кавказский хребет в Дагестан и пересечь его с юго-запада на северо-восток. Он побывал в Гунибе, описал его окрестности. Из Гуниба он спустился вниз и закончил здесь своё путешествие. Это путешествие описано в статье «Путешествие по Закатальскому округу и Дагестану», изданной в 1911 году.

В перечисленных выше путешествиях Николай Яковлевич старается проникнуть в самые девственные глухие места Кавказа.

Так, в своих описаниях верховьев рек Уруштена и Белой Николай Яковлевич указывал, что «во многих местах здесь можно пробраться только пешком и то с немалыми трудностями», что «за последние лет тридцать, а, может быть, и гораздо больше на многих из этих мест наверно не ступала ни разу нога человека». Далее он сообщает: «Вообще об этой местности известно сравнительно мало, а самые глухие и отдалённые пункты её никем из путешественников не посещались». Действительно, очень многие места на Кавказе впервые посещены и описаны Н.Я. Динником в его общегеографических работах. Читая эти работы с картою в руках, можно изучить Кавказ в деталях, ознакомиться с его дорогами, тропами, реками, ледниками, растительностью животным миром и населяющими его племенами. В работах Н.Я. Кавказ представлен во всём своём многообразии и грандиозности.

Современные советские альпинисты, завоёвывая вершины Кавказа, часто бывают в тех местах, где некогда был Н.Я. Динник, в местах впервые им описанных, и часто вспоминают его. Так, в ежегоднике советского альпинизма «Побеждённые вершины» за 1950 год в своей статье «Из наблюдений оледенения Эльбрусского района» Я.И. Фролов, посетивший ледники Шхельды и Терскол, не раз вспоминает Н.Я. Динника, давшего первое красочное описание этих мест.

III. Í.ß. Äèííèê êàê îõîòíèê è çîîëîã

Домашняя обстановка, в которой жил Н.Я. Динник, была своеобразна. Отдаваясь всецело врождённой и рано пробудившейся страсти — охоте — Николай Яковлевич сделал свой дом домом охотника. В кабинете его всегда было много самого разнообразного оружия, которое он умел сам исправлять и даже готовить. Во дворе его было много охотничьих собак — Крушилок, Громилок и других, которые окружали Николая Яковлевича и всегда сопровождали его во время охоты.

По воскресеньям и четвергам, которые были у него свободны от школьных занятий, он с утра уходил на охоту. Проводить эти дни на охоте сделалось привычкой. Интересен в жизни Николая Яковлевича следующий курьёзный случай. Николай Яковлевич так сильно и безотчётно любил охоту, что предпочитал её всем другим удовольствиям и никогда не отступал от ранее заведенного порядка. После венца с Анной Васильевной он возвратился в свой дом с молодой женой, это было в воскресенье — день охоты, усадил её на диван и попросил: «Анечка, ты посиди здесь, а я схожу на охоту» и торопливо исчез из комнаты, оставив её в полном недоумении в ещё незнакомой квартире.

Как незаурядный охотник он знал хорошо места на Кавказе, богатые дичью. В своей статье «Кубанская область в верховьях рек Уруштена и Белой» Николай Яковлевич пишет об этих местах: «Не только во всём Кавказе, но и во всей России нет места, столь богатого дичью. Медведи, волки, горные козлы, дикие

свиньи, а в особенности серны, водятся здесь в огромном количестве. Кроме того, часто встречаются рыси, дикие козы, а значительно реже пантеры и зубры». В другом месте он пишет о долине реки Киши: «С поляны открывается живописный вид на покрытую дремучими, девственными лесами долину Киши, самое богатое дичью и особенно зубрами место на всём Кавказе». Он знал, где интереснее охотиться на диких свиней, где на коз, туров, медведей, где удачнее будет охота на серн, пантер, рысей, горных индеек и горных курочек. Он был вхож во все казённые леса и места бывшей царской охоты, хорошо знаком со всеми егерями, которые нередко его сопровождали во многих его путешествиях. Наконец, он ревностный сотрудник многих охотничьих журналов.

Но охота у него была, главным образом, только средством добыть зоологический объект, биологию которого он изучает. В области биологии Н.Я. Динника более всего интересовала полевая зоология, и добрая половина его работ касается наблюдений над жизнью животных. Можно даже утверждать, что здесь-то и лежало жизненное призвание, и географические работы его представляют, главным образом, описание путешествий, предпринятых с целью изучения жизни животных.

Он хорошо разбирался в систематике медведей, рысей и других животных, описал предкавказскую козулю, был знатоком кавказских горных козлов. Описывая кавказскую форму серны — Rupicarpa rupicarpa caucasica Din, он указывает, что она отличается от типичной альпийской несколько более крупными размерами и более насыщенной рыжей окраской летнего меха.

Но систематикой животных Николай Яковлевич занимался без увлечения. Главной задачей Николая Яковлевича было изучать непосредственно в природе жизнь зверей Кавказа, и в этом деле он успел как нельзя лучше. Трудами Николая Яковлевича достигнуто то, что биоэкология зверей Кавказа, особенно хищных, копытных и других известна лучше, чем в других местах нашей родины. С чувством настоящего удовлетворения наш современный крупный зоолог С.И. Огнев в своём труде «Экология млекопитающих» (1951 год) причисляет Н.Я. Динника к числу ревностных приверженцев экологического направления в зоологии. Действительно Динник сыграл большую роль, как эколог, лично наблюдавший жизнь диких животных и оставивший после себя прекрасное описание жизни туров, серн, оленей, кабанов и других труднодоступных для наблюдения животных. По сравнению с трудами других современных Диннику маммалиологов, его труды явились большим шагом вперёд, и они до сих пор остаются лучшими работами по млекопитающим Кавказа, привлекающими своею полнотою, тщательностью и точностью описания фактов. О работе Н.Я. Динника о горных козлах Е.А. Бихнер отзывается очень хорошо, отдаёт полную справедливость автору, который впервые метко охарактеризовал оба вида кавказских туров: западно-кавказского с серповидными рогами и восточного с винтообразными рогами. Мало этого, он указал местность, разграничивающую области их распространения — отрог хребта, на котором возвышаются Дых-тау и Коштан-тау. Первый из этих видов живёт к западу от указанного отрога и занимает все высокие горы Западного и Центрального Кавказа, второй — к востоку от этого отрога, распространяясь в восточной части Кавказского хребта. Оба вида тура живут только на Главном хребте. На Малом Кавказе водится третий вид тура (см. стр. 354—366, т. IX. Известия Кавказского отдела Русского географического Общества 1886—1888 годов). А.А. Насимович в своём труде «Очерк экологии западно-кавказского тура» (1949 год) подтверждает многие наблюдения Н.Я. Динника над этим животным. Верны его наблюдения над кавказской серной (1896 год). В своей работе «Новые данные по биологии серны на западном Кавказе» тот же исследователь во многих случаях ссылается на данные Николая Яковлевича. Интересны данные Динника о кавказском медведе (1897 год), о пантерах и рысях (1898 год), о диком кабане на Кавказе (1900 год), о кавказском олене (1902 год).

Лучшей работой о млекопитающих Кавказа является его работа «Звери Кавказа» (1910—1914 годы). Этот труд вышел в двух частях и остался незаконченным. В первой части его описаны из отряда китообразных — малый полосатик, обыкновенный дельфин, дельфин-незарнак, морская свинья; из копытных — дикий кабан, кавказская дикая коза, обыкновенная дикая коза, кавказский олень, кавказский зубр, малоазиатский горный баран, безоаровый козёл, дагестанский тур, тур Северцова и тур Динника, сайгак, джейран, кавказская серна, — всего 18 видов зверей. Во второй части — хорёк, норка, перевязка, кавказская ласка, закавказская ласка, лесная куница, каменная куница, барсук, кавказский медведь, кавказская гиена, волк, шакал, обыкновенная лисица, корсак, кавказская лисица, курдистанская лисица, оленья рысь, обыкновенная рысь, пардовая рысь, камышовый кот, дикая кошка, кавказский чёрный кот, кавказский тигр и пантера — всего 24 вида животных.

Первую рецензию на этот труд дал К.А. Сатунин в журнале «Охота» (№ 3, 1915 год). Отмечает достоинства этой работы и С.И. Огнев в своём труде «Экология млекопитающих» (1951 год), в котором он пишет: «Из его (Н.Я. Динника) трудов первое место занимает замечательная книга «Звери Кавказа», ч. I, 1910 год (китообразные и копытные), ч. II, 1914 год (хищные). В этом сочинении читатель найдёт очень много интересных, оригинальных наблюдений автора. Работа имеет ещё ту выдающуюся ценность, что фауна Кавказа сильно изменилась под влиянием культуры, и констатировать масштаб и характер этих перемен — задача очень важная для современного натуралиста. Добавим ко всему этому, что Николай Яковлевич был очень наблюдательным и ревностным исследователем; факты, сообщаемые им, в огромном большинстве случаев

тщательно проверены и точны». С.И. Огнев особенно подчёркивает значение его наблюдений над приспособлениями животных Кавказа к горным условиям жизни. «Приспособительно к жизни в горах изменяется строение конечностей. Эти изменения зачастую идут различными путями. Так, например, у серн, как правильно отмечает Н.Я. Динник (1910), ноги наилучшим образом приспособлены к лазанию по скалам. Копыта сравнительно с величиною животного очень большие, крепкие, относительно узкие и сильно заострённые на передней стороне. Подошва ноги более или менее мягка, но окаймлена с боков и спереди очень твёрдым выдающимся кантом копыта. Такая подошва и этот твёрдый кант дают возможность серне цепляться за самые незначительные неровности почти отвесной скалы. На задней стороне подошвы есть ещё небольшой выступ, позволяющий серне задерживаться, когда она скользит вниз по крутой скале. Копыта боковых пальцев также весьма сильны; они бывают всегда более или менее стёрты и исцарапаны. Серна пользуется ими, когда спускается с крутых скал; скользя, животное сильно расставляет задние конечности, почти садится на них. В это время копыта боковых пальцев, цепляясь за неровности скал, сильно замедляют движение животного».

В своем труде «Млекопитающие Кавказского края» (т. I — 1915 год, т. II — 1920 год) К.А. Сатунин большинство разделов об образе жизни животных в основном дал по исследованиям Н.Я. Динника и почти целиком заимствовал их из его труда «Звери Кавказа».

Последующие исследователи животных Кавказа тоже в значительной части используют, дополняют или подтверждают данные этого труда. Так Л.Б. Бёме в своей книге «По Кавказу» (1950 год) неоднократно ссылается на Н.Я. Динника (стр. 21, 48, 91, 107 и 165). Он же упоминает о Диннике в книге «Дикие звери Северокавказского края» (1936 год) и даёт прекрасную рекомендацию его трудов для начинающих натуралистов.

Надо отметить, что Николай Яковлевич не ограничивался изучением только зверей, что у него имеется много наблюдений над птицами Кавказа, в которых он достаточно хорошо разбирался. Описание природы горных мест у него всегда сопровождается перечислением встреченных птиц, причём указываются не только крупные промысловые и хищные виды, но и мелкие виды воробьиных: жаворонки, овсянки, снегири, чечётки, вьюрки, дубоносы, мухоловки, коньки, трясогузки, синицы, корольки, камышовки, пеночки, славки, горихвостки, чеканы, дрозды и другие. Когда на Умпыре он нашёл клеста-еловика, то писал: «О том, что на Умпыре водится много клестов, я давно слыхал, но в этом году мне в первый раз пришлось добыть этих птиц, и я убедился в существовании их на Кавказе». Клестов нашёл он в ущелье реки Макеры, в долине Зогдана, но не находил в других местах, например в верховьях реки Пшехи, в лесах Черноморской губернии и Терской области, там где были еловые леса; вот почему Николай Яковлевич был не согласен с мнением М.А. Мензбира, что клесты имеют широкое распространение во всех еловых лесах Кавказа, и считал их здесь птицами редкими. Как охотник Николай Яковлевич ведёт систематические орнитологические наблюдения на Кавказе и в Ставрополе. Эти наблюдения, быть может, недостаточно полны, но они заключают результаты исключительно собственных выводов автора, что особенно ценно. Наблюдения эти привели его к весьма интересному выводу относительно перелёта птиц через хребет. Вопреки господствовавшему в то время ошибочному мнению исследователи Кавказа Г. Радде о том, что птицы, пролетая на юг, обходят горы Кавказа, Динник первый собрал большой материал в пользу того, что многие птицы пролетают непосредственно через горы. Впоследствии его точка зрения была подтверждена другими исследователями (Бёме и Преображенской).[3]

Динник собирал материал по пресмыкающимся и земноводным, виды которых тоже хорошо различал. Так, найдя змею —Vipera Rinardi, он не только дал её описание, но указал отличие её от малоазийской змеи — Vipera xantina Grag по работе А.А. Штрауха. По пресмыкающимся он оставил сводку «Змеи Северного Кавказа», посмертно изданную в Записках Северо-Кавказского института краеведения (1926 год). По земноводным у Динника имеется работа «Несколько слов по поводу нахождения на Кавказе краснобрюхой жерлянки и чесночницы» (Известия Кавказского музея).

Объектами изучения Н.Я. Динника были, главным образом, промысловые животные. Своими работами Динник закладывал основы промыслового охотоведения. Он ясно представлял себе, что охотничий промысел на зверей и птиц являлся источником разнообразных ценных продуктов (пушнины, шкур и мяса) и имел очень большое значение для населения Кавказа, но велся хищнически. Некоторые животные буквально выбивались. Его путешествия по Кавказу показали, что уже в его время был почти выбит зубр, редки были олени, косули, серны, козлы и другие виды животных и птиц, что многие из них уже тогда нуждались в охране. Зоологические исследования территории нынешнего Кавказского заповедника начаты Н.Я. Динником задолго до его основания. Данные Данника легли в основу создания заповедников вообще и применения в них некоторых биотехнических мероприятий, например, подкормки, устройству искусственных солонцов и других.

В трудах Динника на лицо основы современного подхода к изучению животного мира, заложенные К.Ф. Рулье и его учениками, крупнейшими зоологами С.А. Усовым и Я.Л. Борзенковым — учителями Николая Яковлевича. Вот почему сводка Николая Яковлевича «Звери Кавказа» представляет и сейчас выдающийся труд в отечественной промыслово-биологической и прикладной зоологии и высоко ценится нашими промысловыми биологами наравне с трудами А.А. Силантьева, М.А. Мензбира, С.А. Батурлина, Б.М. Житкова и других. Конечно, одиночный полевой зоолог, хотя и исключительно талантливый, не мог охватить многого. Всестороннее комплексное изучение природы Кавказа стало возможным только с организацией, уже в

Советское время, заповедников. За годы Советской власти появились целые научные школы прикладных зоологов (Б.М. Житкова, А.Н. Формозова и др.) и выросли новые кадры, успешно продолжающие благородную работу Н.Я. Динника, заняв в этой области ведущее место в мировой науке.

В честь Н.Я. Динника его другом Сатуниным описано несколько географических рас животных. Так в зоологической литературе существуют — тур Динника — Capra dinnika Sat, восточно-кавказская ласка — Mustela nivalis dinniki Sat и предкавказский земляной зайчик — Alactagus acontion dinniki Sat.

Интересно здесь отметить, что исследования Н.Я. Динника дополняются работами его друга К.А. Сатунина. Первый изучал преимущественно Главный Кавказский хребет, Предкавказье и Дагестан, второй — Закавказье; первого интересовали крупные животные, второго — мелкие. Первый был по преимуществу биолог-эколог, второй — систематик и зоогеограф Кавказа.

Зоологические труды Н.Я. Динника были оценены Академией наук, которая присудила ему Ахматовскую премию за труд — «Звери Кавказа». Сейчас этот труд представляет библиографическую редкость.

IV. Í.ß. Äèíníèê êàê ãëÿöèîëîã

Н.Я. Динник очень увлекался исследованием ледников Кавказа и проводил его довольно планомерно. Основным руководящим центром исследования ледников в нашей стране была в то время ледниковая комиссия Русского географического общества, работавшая под руководством И.В. Мушкетона. Ко времени гляциологических работ Динника не было известно, сколько ледников на Кавказе и каковы они. Первый каталог Кавказских ледников принадлежит К.И. Подозёрскому и вышел в 1911 году. Н.Я. Динник является автором серьёзных работ о ледниках Большого Кавказа. Его первая работа «Ледники Кавказа» вышла в Трудах VIII Съезда Русских естествоиспытателей и врачей — это краткое (35—38 стр.) изложение сделанного им на съезде доклада о своих исследованиях. Значительно большая его работа (135 стр.) «Современные и древние ледники Кавказа» вышла в 1890 году в Записках Кавказского отдела Русского географического общества, в книге XIV, вып. I, стр. 282—417. К этой работе приложены карты ледников Бизинги, Дых-су, Башхаууз, Карагом.

В этой работе шесть следующих глав:

I. Высочайшие кавказские хребты. Части их, покрытые снегом.

II. Географическое распространение ледников в пределах Кавказа.

III. Высота снежной линии на горах Кавказа.

IV. Нижняя граница кавказских ледников и периодические изменения в положении её.

V. Древние ледники Кавказа.

VI. Замечательные ледники Кавказа.

Одно это перечисление глав основного труда Динника по ледникам Кавказа красноречиво говорит о том, как широко было предпринято исследование их.

В первой главе своей работы Николай Яковлевич подчёркивает, что Кавказский хребет по своему географическому положению и во многих других отношениях занимает промежуточное или переходное звено между горами Европы и Азии. Далее он даёт описание Главного хребта и его главнейших вершин на протяжении 1420 километров и доказывает, что часть этого хребта, лежащая между верховьями Большой Лабы и Военно-Грузинской дорогой протяжением около 300 километров, обладает всеми условиями для образования и развития глетчеров. Распространение ледников и вечных снегов не ограничивается этой зоной. Они имеются не только на Главном хребте, но и на Боковом. К таким принадлежат ледники гор: Казбека (5043 м), Джимарай-хох (4783 м), Сырху-Борзой (4153 м), Тепли (4422 м), Тебулос-Мта (4506 м), Большой Качу (4276 м) и другие.

Во второй главе он разбивает мнение швейцарца Агассица, что будто бы на Кавказе нет глетчеров. Здесь перечисляются все известные ледники Кавказа и даётся их описание.

В третьей главе Николай Яковлевич указывает на причины, оказывающие влияние на высоту снежной линии (влияние Чёрного и Каспийского морей, ветров главных направлении, количества атмосферных осадков, температуры и прочее), затем даёт некоторые подробности о высоте снежной линии на Кавказских горах.

В четвёртой главе он разбирает вопрос, до какой высоты спускаются ледники Кавказа. Он приводит таблицу, в которой показываются абсолютные высоты, до которых спускаются кавказские ледники в разных местах Кавказа. Приводим данные для главнейших: Карагом до 1930 м, Цейский — 1739 м, Бизинги — 2130 м, Дых-су — 2059 м, Девдоракссшй (Казбек) — 2239—2311 м, Адыл (Баксан) — 2225 м, Азау (Баксан) — 2325 м, Терскол (Эльбрус) — 2625 м.

В пятой главе своей работы Николай Яковлевич касается древних ледников Кавказа. Он указывает, что академик Абих, впервые посетивший Кавказ в 1844 году, вначале отвергал существование здесь следов ледникового периода, но впоследствии он изменил своё мнение. В доказательство существования на Кавказе древних ледников Николай Яковлевич приводит следы ледниковых морен и валунов, шлифовавших

скалы. В отношении богатства глетчерами Кавказ, по мнению Николая Яковлевича, и в ледниковую эпоху занимал среднее место между хребтами Европы и Азии.

В шестой главе он даёт описание замечательных ледников Кавказа. К таким ледникам он относит: Марухский, Даутский, Кугуртлю в Краснодарском крае; Азау и Адыл — ледники реки Баксана; ледники реки Чегема; ледники реки Черека-Тхахо-улу-ауз, Мижинги и Бизинги; ледники Черека-Дыхсу, Агштан и Штулу или Карасу; ледники реки Уруха-Харвес, Тава, Барту, Карагом и Фастак; ледники Адай-хоха-Цейский и Реком; ледники — Девдоракский и некоторые другие.

Главнейшие выводы этой работы:

1. Кавказский хребет по своему географическому положению и во многих других отношениях занимает промежуточное или переходное звено между горами Европы и Азии.

2. На Кавказе есть много глетчеров и некоторые из них величественны.

3. Линия вечных снегов на Кавказском хребте проходит в среднем на высоте 3200 метров над уровнем моря. Для главных ледников она колеблется в пределах 2625—1930 метров.

4. Существование древних ледников на Кавказе надо считать установленным.

5. На Кавказе имеется много замечательных ледников.

6. По количеству ледников и их величине Кавказ сильно уступает Каракоруму, Гималаям и Скандинавским горам, значительно — Альпам, но сильно превосходит прочие горы Европы и Азии.

Указанная работа Динника является первой сводкой по ледникам Кавказа после работ И.И. Стебницкого и академика Г.В. Абиха. В ней автор использовал и проверил весь прежний материал по ледникам Кавказа и систематизировал свои многочисленные наблюдения. Несмотря на наличие позднейших работ по ледникам Кавказа — Кузнецова, Буша, Подозёрского и других — работа Николая Яковлевича до сих пор не утратила своего значения. Она отличается особенно подробным, тщательно проверенным и точным описанием ледников. Таким образом, в своей работе о ледниках Кавказа Динник выступает как знаток специального раздела физической географии-гляциологии — науки о свойствах, развитии и работе ледников.

Неудивительно поэтому, что в русском переводе капитальной работы профессора М. Неймаера «История земли» в статье «Ледники Кавказа и других русских гор» описание главнейших кавказских ледников (стр. 629—635 первого тома) дано по Диннику.

V. Í.ß. Äèíííèê êàê áîòàíèê

Во всех работах Н.Я. Динника, наряду с общим описанием ландшафта, можно найти и довольно полное описание видового состава растительности. Эти описания, как правило, сделаны им мастерски и говорят о большом знакомстве Динника с систематикой растений. Описания растительности посещённых Николаем Яковлевичем мест Кавказа в общегеографических статьях представляет интерес для ботаников.

Вот как описывает Николай Яковлевич растительность реки Умпыря: «Кроме названных уже древесных пород около Умпыря растёт довольно много осины, дуба, бука (Fagus montanus Lips), пихты, черноольхи, орешника, рододендронов (Azalia pontuca), можжевельника и т.д. Из травянистых растений здесь обращают на себя внимание Epilobium angystifolium, Delphinium, Trifolium arvense, Companula glomerata, Spirea philipendula, Zychnis inflata, Acontinum orientalis и т.д.». Растительность на выносах реки Татын-су Николай Яковлевич описывает следующим образом: «Местность, занятая этими выносами, расположена на высоте 5100 футов над уровнем моря, но, несмотря на это, на ней растёт много деревьев, которые любят более или менее тёплый климат. Так, я встретил здесь, конечно, в диком состоянии, довольно много груш, алычи и черешен. По словам моих проводников, последние растения почти никогда не приносят плодов, тогда как на яблоне, алыче, груше они родят в изобилии. Кроме того, в этом месте растёт очень много орешника, на котором ежегодно бывает столько орехов, что они скупаются евреями, торгующими в аулах, и потом вывозятся на плоскость. Барбарис образует здесь сплошные заросли, часто попадается калина, гордовина (Viburnum lantanum), два вида можжевельника (Juniperus commuis), много берёзы, сосны, шиповника (Rosa canina) и, наконец, кое-где малина, смородина, крыжовник и рододендроны». А вот его описание растительности альпийских лугов: «Мы находились на дне глубокой и очень узкой долины, а вокруг нас расстилались превосходные альпийские пастбища, покрытые высокой сочной травою, перемешанной с множеством разнообразных цветов. В это время были в полом цвету: незабудки (Myosotis palustris L.), герани, скабиоза (Scabiosa ochroleuca, Sc. caucasica), колокольчики (Campanula Adami) с кистями синих замечательных крупных цветков, достигающих полутора вершка в длину, несколько видов орхидных, множество сложноцветных (Pyraetrum roseum, Anthemis Marshaliana), лютиковых (Aguilegria vulgaris, Delpphinium) и т.д.».

Работ с такими описаниями растительности Кавказа у Николая Яковлевича свыше тридцати пяти. Постоянные путешествия по Кавказу давали возможность Диннику обстоятельно знакомиться с флорой горных мест и собирать гербарий. Собирал гербарий он большей частью в альпийской зоне гор, причём посещал места труднодоступные, куда редко кто заглядывал. Собранные гербарии Динник передавал для

определения специалистам-систематикам. Так, ботанические сборы Динника по Кубанской и Терской областям были обработаны И.Ф. Шмальгаузеном, который в честь Динника назвал и описал новый вид камнеломки — Saxifraga Dinniki Schmal, найденный Николаем Яковлевичем на склонах реки Карасу в верхнем ущелье Суук-ауз на высоте 2600 метров. Это растение является эндемиком и реликтом Кавказа. Часть гербария Динника поступила ботанику В. Липскому, который использовал его в своих сводках по флоре Кавказа и Предкавказья. Между прочим, он нашёл возле Ставрополя в единственном месте на Северном Кавказе интересный вид морозника — Helleborus Kochii Schiff (H. caucasicus, H. colchicus). Вот что об этом растении пишет В. Липский в своём труде «Флора Предкавказья»: «Этой в высшей степени интересной находкой я обязан Н.Я. Диннику. Уж несколько лет тому назад во время своих охотничьих экскурсий он нашёл в глухом месте так называемого Казённого леса это растение. Оно было посажено в саду, хорошо принялось, цвело. Так как оно росло только в одном определённом и ограниченном месте, известном лишь ему, то по моей просьбе мы совершили туда экскурсию. На том месте в настоящее время идёт рубка леса; экземпляры, очутившиеся вне тени (в мае), имели жалкий вид. Так как по уверению Динника, знающего местность в совершенстве, в другом месте это растение нигде не встречается, то, очевидно, с дальнейшей порубкой леса ему грозит участь исчезнуть совершенно. А это пока единственное точно известное местонахождение этого вида по сю сторону Кавказского хребта. Мне удалось собрать лишь отцветшие экземпляры. Цветущими я обязан А.П. Норманну.[4] Экземпляры, собранные под Ставрополем, сверены с такими же экземплярами, собранными мною в Закавказье (например, возле Мцхета и в других местах). Кавказом ограничивается его распространение. Цветёт, если не ошибаюсь, в начале марта, ещё когда лежит снег (в Закавказье зимою). Ставропольская губерния: Ставрополь (Динник)».

Часть гербария Динника была передана А.П. Норманну и по предположению В. Липского осталась неописанной. К работам, в которых Н.Я. Динник специально описывает растительность, относятся его статьи: «Растительность ущелья Кодора и соседних с ним мест» (1904 год) и «Озеро Кели и его окрестности» (1893 год), а также работа его жены А.В. Динник — «Лесная зона Северо-Западного Кавказа», составленная по материалам Николая Яковлевича и опубликованная в «Трудах Ставропольского Общества для изучения Северо-Кавказского Края» за 1911 год, вып. I, стр. 15—27. Таким образом, Н.Я. Динник, не являясь узким флористом, сумел для этой науки оказать значительные услуги и обогатить её новыми фактами.

Труды Динника в значительной части используются современными исследователями Кавказа. Например, в своей работе «Тёмнохвойные леса Северного Кавказа» (1915 год) А.Я. Орлов указывает, что первые сведения о природе лесов, образуемых кавказской пихтой и восточной елью, мы находим в ботанико-географических и флористических исследованиях Н.Я. Динника, что он дал обстоятельные сведения о лесах по бассейну рек Лабы, Теберды, Большого и Малого Зеленчуков, Урупа и Пшехи.

В другой работе «Грушевые леса Северо-Западного Кавказа» (1915 год) И.Н. Елагин тоже отмечает, что Н.Я. Динник впервые находил в самых глухих местах, вдали от населенных пунктов массивы диких плодовых деревьев и обильную их примесь в составе широколиственных, по преимуществу дубовых, лесов.

Наконец, в труде Е.В. Шифферса «Растительность Северного Кавказа и природные кормовые угодия» 1953 года сказано: «Здесь особенно следует отметить сообщения о многочисленных поездках по горам Н.Я. Динника, давшего много ценных материалов для лакомства с природой Северного Кавказа»..., а в списке литературы указана статья А.В. Динник «Лесная зона Северо-Западного Кавказа (по статьям Н.Я. Динника)».

VI. Îñíîâíûå ìàòåðèàëû è èñòî÷íèêè ê áèîãðàôèè Í.ß. Äèííèêà

1) Богданов М.Н., О трудах Н.Я. Динника. Отчёт Русского географического общества за 1887 г., СПб., приложение, стр. 32—33. 1888.

2) «Ежегодник Русского горного общества», II, стр. 173—174. 1904.

3) «Известия Кавказского музея», т. XI, вып. 3—4, 1918, в отделе — разные известия. Некролог, стр. 310—312, без портрета и списка работ.

4) «Известия Совета обследования и изучения Кубанского края», вып. 6, 1918, 12 (25) ноября. Некролог, список работ (без портрета).

5) Липский В.И., Флора Кавказа, стр. 34—35 и 142. 1899.

6) Липский В.И., Флора Предкавказья. Записки Киевского общества естествоиспытателей, т. XIII, стр. 209—288.

7) Новый энциклопедический словарь О. Гранат, т. I—XXI, стр. 201—202.

8) Портреты Н.Я. Динника, чучела зверей и птиц, убитых Н.Я. Динником. Ставропольский музей краеведения. Ставрополь н/К.

9) Попов А.В., Г.А. Лопатин, Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 1 (библиография; 14 статей), стр. 87—112, 1949.

10) Словарь «Русские ботаники», т. 3, стр. 150—152, изд. Московского общества испытателей природы, 1950.

11) Семёнов П.П., История полувековой деятельности Русского Географического Общества (1845—1895), СПб, 1896.
12) Учёные записки С. Кавказ, Института краеведения, т. 1, 1926. (Портрет).
13) Флеров А.Ф., Список растений С. Кавказа и Дагестана. Ростов н/Д., стр. 640—641, 1938.
14) Огнев С.И., Экология млекопитающих. Московское общество испытателей природы, 1951.

VII. Ñïèñîê ïå÷àòíûõ ðàáîò, ñòàòåé è çàìåòîê Í.ß. Äèííèêà

1877

Горы и ущелья Северо-Западного Кавказа. Журнал «Природа», кн. II, стр. 47—77, издание Усова и Сабанеева.

1880

Несколько слов о Кавказском горном тетереве, «Кавказ» № 164, Эльбрус. Журнал «Природа и Охота», кн. VI. стр. 1—22.

Несколько слов о Кавказском горном тетереве. Журнал «Природа и Охота», кн. V, стр. 13—18.

1881

Орнитологические наблюдения в окрестностях г. Ставрополя. Зима и весна 1880 года. Журнал «Природа и Охота», кн. IV, стр. 68—71.

Эльбрус, его отроги и ущелья. Известия Кав. Отд. Русск. Геогр. Общ., том VI, № 3, стр. 265—286.

1882

Кавказские горные козлы. Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей т. XIII.

Эльбрус, его отроги и ущелья. Ставропольские Губернские ведомости стр. 12—14.

1884

Горы и ущелья Терской области. Записки Кавказского отдела Русского географического общества, т. XIII, вып. 1, стр. 1—48.

Осетия и верховье Риона. Записки Кавказского отдела Русского географического общества, т. XIII, вып. 1, стр. 49—100.

Горы и ущелья Кубанской области. Записки Кавказского отдела Русского географического общества, т. XIII, вып. 1, стр. 307—364.

Несколько слов о выписке ружья 1 Новотни. Журнал «Природа и Охота», кн. IX, стр. 46—49.

Кавказский горный козёл. Журнал «Природа и Охота», кн. III, стр. 1—14.

Кавказский тетерев. Журнал «Природа и Охота», кн. III, стр. 15—20.

1885

Из Европы в Азию. «Северный Кавказ», 21, 22.

1886

В снегах и льдах Кавказа. Журнал «Природа и Охота», кн. III, стр. 15—28.

Орнитологические наблюдения на Кавказе. Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей, т. XVII.

1887

Перелёт птиц через Кавказский хребет. Известия Кавказского отдела Русского географического общества, т. IX.

На ледниках Кавказа. Журнал «Природа и Охота», кн. III, стр. 1—20.

1888

Охотничье Эльдорадо. Журнал «Природа и Охота», кн. XII, стр. 76—90.

Перелёт птиц через Кавказский хребет. Журнал «Природа и Охота», кн. III, стр. 13—23.

По поводу заметки Радде, касающейся сообщения М.Н. Богданова на общем собрании Кавказского отдела Русского географического общества, Известия Кавказского отдела Русского географического общества, т. X, вып. 1.

1890

Путешествие в Дигорию. Записки Кавказского отдела Русского географического общества, кн. XIV, вып. 1, стр. 1—60.

На горах Западного Кавказа. Журнал «Природа и Охота», кн. VI, стр. 49 — 60; кн. VII, стр. 36—47; кн. VIII, стр. 88—89.

Ледники Кавказа. Труды VIII Съезда Русских естествоиспытателей и врачей, стр. 35—38.

Современные и древние ледники Кавказа. Записки Кавк. Отд. Русск. географ. общ., кн. XIV, вып. 1, стр. 282—417.

1891

Путешествие по Западной Осетии. Записки Кавказского отдела Русского географического общества, кн. XV, стр. 51—90.

1892

Замечательный медведь. Журнал «Природа и охота».

1893

Озеро Кели и его окрестности. Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа, т. XVII, вып. 1, стр. 44—72.

Путешествие по Пшавии и Тушетии. Записки Кавказского отдела Русского географического общества, кн. XV, стр. 91—147.

Из путешествий по Западному Кавказу. «Природа и Охота», кн. XII.

1894

Оштен и окружающие его части Кубанской области. Записки Кавказского отдела Русского географического общества, кн. XVI, стр. 357—421.

1896

О нахождении тетерева-косача в Кубанской области. «Охотничья газета» № 25.

Кавказская серна и её образ жизни. «Природа и Охота», кн. II.

1897

Кубанская область в верховьях рек Уруштена и Белой. Записки Кавказского отдела Русского географического общества, кн. XIX, стр. 1—81.

Медведь и его образ жизни на Кавказе. Материалы к познанию фауны и флоры Российской Империи. Отдел зоологии, вып. 3, МОИП.

1898

Несколько слов о кавказском зубре. Журнал «Естествознание и География», кн. II.

Пантеры и рыси в горах Кубанской области. Журнал «Природа и Охота», кн. II.

По поводу погибших на Кавказе путешественников-англичан. «Кавказ», № 303—304.

1899

Поездка в Ленкорань и на Талыш. Журнал «Естествознание и География» № 7, стр. 1—24.

На горах Кубанской области и Черноморской губернии. Журнал «Природа и Охота», книга 1, стр. 1—33.

Верховье Большого Зеленчука и хребет Абишира-Ахуба. Известия Кавказского отдела Русского географического общества, т. XII, вып. 3, стр. 251—287.

1900

Дикий кабан и его образ жизни на Кавказе. Журнал «Природа и Охота», кн. IV.

Ставропольская губерния. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 61, стр. 390—396.

Ставрополь-Кавказский. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 61, стр. 389—390.

1901

«Флора Кавказа» В.И. Липского. Рецензия. Известия Кавказского отдела Русского географического общества, стр. 90—92.

1902

Кавказский олень (Cervus elaphus maral Ogilby). Материалы к познанию фауны и флоры Российской Империи, вып. VI, МОИП.

Верховье Малой Лабы и Мзымты. Записки Кавк. Отд. Русск. Геогр. Общ., кн. XXII, вып. 5, стр. 1—73.

Ответ проф. Иловайскому. Известия Кавказского отдела Русского географического общества, т. XVI, вып. 1.

Лесная стража как истребитель дичи. Журнал «Природа и Охота», кн. II,

1903

Ущелье Кодора. Известия Кавказского отдела Географического общества, кн. XVI, вып. 3, стр. 36—69.

На горах Западного Кавказа. Журнал «Природа и охота», кн. IV, стр. 23—36; кн. V, стр. 24—31; кн. VI, стр. 27—34; кн. VII. стр. 13—20.

1904

Растительность ущелья Кодора и соседних с ним мест. Журнал «Садовод» № 4—5.

1905

Верховье Большой Лабы и перевал Цегеркер. Записки Кавказского отдела Русского географического общества, кн. XVIII, стр. 1—32.

1906

На горах западного Кавказа. Журнал «Природа и охота», кн. I, стр. 6—18; кн. II—III, стр. 4—13; кн. IV—IX, стр. 58—65.

По Чечне и Дагестану. Записки Кавказского отдела Русского географического общества, кн. XXV, стр. 1—78.

1907

Кавказские каменные козлы или туры. Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи. Отдел зоологии, вып. IX, МОИП.

1908

Охота за кабанами в Дагестане. Журнал «Природа и Охота», кн. III, V, VI.

1909

Несколько слов по поводу нахождения на Кавказе краснобрюхой жерлянки и чесночницы. Известия Кавказского музея, т. IV.

Млекопитающие горной полосы Кубанской области. Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи. МОИП.

Каспийское побережье Кавказа и Закаспийская область. Известия Кавказского отдела Русского географического общества, т. XIX, вып. 4.

Истребление дичи в горах Кубанской области. «Природа и охота», кн. X—XI.

1910

Общий очерк фауны Кавказа, Отдельное издание. Ставрополь. Звери Кавказа. Часть I. Китообразные и копытные. Записки Кэш. отдела Русского географического общества, кн. XXVII.

1911

Общие замечания о фауне Кавказа. Труды Ставропольского Общества для изучения Северо-Кавказского края в естественно-историческом, географическом и антропологическом отношении. СПб, вып. I, стр. 1—13.

1912

Путешествие по Закатальскому округу. Известия Кавказского отдела Русского географического общества, т. XXI, вып. II, стр. 1—60.

В горах Западного Кавказа. Журнал «Природа и охота», кн. I—II, стр. 11—21.

1914

Звери Кавказа. Часть II. Записки Кавказского отдела Русского географического общества. кн. XXVII.

1926

Звери Северного Кавказа. Записки Северо-Кавказского института краеведения, т. I, стр. 1—21.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. Вопрос об освещении жизни и деятельности известного натуралиста и исследователя Кавказа Н.Я. Динника возник у членов Совета Ставропольского общества краеведения, предложивших автору данной работы взять на себя труд по сбору материалов и составлению статьи. Результаты проделанной работы были доложены профессором С.М. Фёдоровым на одном из заседаний общества, где принято решение об издании их в «Сборнике материалов по изучению Ставропольского края». <...> Сбор материалов о жизни и деятельности Н.Я. Динника был связан с большими трудностями и лишь при помощи профессора Н.П. Гришковой-Динник, доцента В.Г. Гниловского, М.В. Лучник, Ю.П. Пеньковской и Г.Г. Гладко-Сацкой автору удалось получить тот материал, который лёг в основу предлагаемой работы. Ставропольское общество краеведения и автор выражают всем указанным лицам благодарность за оказанную ими помощь.

2. Загданом называется часть долины Большой Лабы.

3. Перелёт журавлей через хребет наблюдал известный топограф и альпинист А.В. Пастухов (1890 год).

4. Норман Август Петрович — житель города Ставрополя, местный фармацевт и ботаник.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïåðàòàþòñÿ ïî èçäàíèþ:

Федоров С.М. Выдающийся исследователь Кавказа Николай Яковлевич Динник // Материалы по изучению Ставропольского края. — Ставрополь, 1953. — Вып. 5. — С. 161—177; Вып. 6. — С. 309—324.

À. Í. Õîõëîâ, Ì.Ô. Òåðòûøíèêîâ
Êàâêàçñêèì è òðîïàìè

23 июня 1847 года в Ставрополе в семье губернского служащего Я.Г. Динника родился первенец, которого назвали Николаем и которому суждено было стать выдающимся исследователем природы Кавказа.

Николай Яковлевич всю свою жизнь прожил на улице Воробьевке (теперь улица Дзержинского, дом 183). Этот одноэтажный дом до сих пор сохранился. И сейчас, сразу же за домом, начинается типичный девственный кавказский лес с преобладающими в нем породами деревьев бука, граба, ясеня, клена.

Южная природа, увлеченно преподающий в местной гимназии естественную историю учитель С.Л. Кузьмин, рано пробудившаяся страсть к охоте развили у Николая Яковлевича интерес и любовь ко всему живому. Закончив в 1865 году Ставропольскую мужскую гимназию, он сразу же поступает на естественное отделение физико-математического факультета Московского императорского университета.

В годы учебы в университете Н.Я. Динник попал под сильнейшее влияние профессора Я.А. Борзенкова (ближайшего ученика выдающегося профессора К.Ф. Рулье). Борзенков вел исследования в области сравнительной анатомии, был основоположником этого научного направления в России. Это был принципиальный, трудолюбивый, отзывчивый и сердечный человек. Еще большее влияние на юношу оказал профессор С.А. Усов, читавший в университете курс зоологии позвоночных (также ученик профессора К.Ф. Рулье). В те годы только закладывался экологический подход в изучении животных. Большой эрудит — профессор С.А. Усов (он же редактор академического журнала «Вестник естественных наук», один из издателей журнала «Природа») увлек студента Динника и развил в нем жажду к исследовательской работе.

60-е годы прошлого столетия характеризуются отменой крепостного права, распространением нигилистических взглядов и идей народничества среди студентов высших учебных заведений страны. В мае 1869 года, когда до окончания учебы оставалось несколько дней, Н.Я. Динника арестовали и исключили из университета как политически неблагонадежного. Николай Яковлевич был выслан под полицейский надзор в Ставрополь. Университет он закончил в октябре 1873 года, когда был снят надзор. Закончил блестяще: со степенью кандидата естественных наук, что соответствует нынешнему «красному» диплому выпускника высшего учебного заведения. В 1874 году Н.Я. Динник был зачислен на должность преподавателя Ольгинской женской гимназии и затем продолжил педагогическую деятельность в Александровской мужской гимназии Ставрополя, где преподавал естественную историю, географию и физику. С этого времени Николая Яковлевича больше совершенно не волнует политика, кроме педагогической деятельности, он страстно увлекся изучением природы любимого им Кавказа.

В свободное от занятий время Н.Я. Динник почти ежегодно совершает путешествие в какой-нибудь район Кавказа. Затем обрабатывает и публикует свои материалы в «Известиях» и «Записках Кавказского отдела Русского географического общества», в «Трудах Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей», «Материалах к познанию флоры и фауны России», «Московском обществе испытателей природы», в журналах «Природа и охота», «Естествознание и география», «Северный Кавказ», «Известия Кавказского музея», «Записках Северо-Кавказского музея краеведения», «Охотничьей газете», в «Ставропольских губернских ведомостях», в энциклопедических словарях Брокгауза и Ефрона, в словаре Граната и других российских и иностранных изданиях. Всего его перу принадлежит около ста печатных работ.

За 35 лет Николай Яковлевич побывал множество раз в горах Карачаево-Черкессии, Адыгеи, Краснодарского края, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечне, Ингушетии, Дагестане, Азербайджане, Грузии, Абхазии. Он мечтал побывать в Закаспийской области (ныне — суверенной Туркмении), но это путешествие ему долго не удавалось совершить из-за того, что этот регион ему хотелось посетить ранней весной, когда этот край весь «в цвету». Наконец, в 60-летнем возрасте ему удалось осуществить эту мечту, и он побывал во многих точках Прикопетдажья. Результаты экспедиции он опубликовал в работе «Каспийское побережье Кавказа и Закаспийская область» (Известия Кавказского отдела Русского географического общества, т. XIX, вып. 4).

Большинство из опубликованных работ Н.Я. Динника написаны с общих географических позиций. Но в них значительное место занимают зоологические исследования и ботанические. Во многих статьях его можно обнаружить художественные повествования о горных ущельях, ледниках, девственных лесах, птицах, зверях. Словом, Николай Яковлевич в своих публикациях просматривается как натуралист широкого профиля. Если ученый еще и натуралист — это, в наших представлениях, — наивысшая черта в характеристике специалиста.

Н.Я. Динник является автором работ о ледниках Большого Кавказа. В одной из них — «Современные ледники Кавказа» объемом 8,5 печатных листа, вышедшей еще в 1890 году в «Записках Кавказского отдела Русского географического общества», он описывает распространение ледников в пределах Кавказа, высоту

снежной линии, границы кавказских ледников, их изменения, древние ледники. В этой работе видно, какой фундаментальной была подготовка выпускника Московского университета более 125 лет назад.

Для нас, ныне работающих зоологов Кавказа, увиденное и тщательным образом описанное Н.Я. Динником — это точка отсчета, возможность увидеть динамику фауны, изменения населения различных видов животных. В своих работах Н.Я. Динник касался всех групп наземных позвоночных животных. В наш век дробления зоологической науки приходится удивляться интересам и познаниям этого замечательного исследователя.

Всю жизнь Николай Яковлевич был азартным охотником. Настолько увлеченным, что даже после венца с Анной Васильевной (учительницей гимназии), он, возвратясь из Андреевского собора (действует и ныне) в свой дом с молодой женой (это было воскресенье — день охоты), усадил ее на диван и попросил: «Анечка, ты посиди здесь, а я схожу на охоту» и... торопливо исчез из комнаты, оставив ее в полном недоумении в еще незнакомой квартире (Федоров, 1954 г.). Но охота у него была, главным образом, только средством добыть зоологический объект, который он изучает, то есть научные интересы были на первом месте. При жизни Николай Яковлевич был одним из лучших териологов России (после К.А. Сатунина). Его интересовали преимущественно крупные млекопитающие. Он был одним из лучших в стране знатоков бурого медведя (добыл и исследовал многие десятки особей). Лучшей его научной работой является «Звери Кавказа» (Ч. 1. — Тифлис, 1910 г.; Ч. 2. — Тифлис, 1914 г.). Этот труд, к сожалению, остался незаконченным.

Во дворе Николая Яковлевича всегда было много охотничьих собак разных пород, которые его окружали в свободные минуты и всегда сопровождали во время охоты.

В 35-ти работах Николая Яковлевича мы находим обстоятельные описания растительности. Во время всех путешествий коллектировал не только животных, но и собирал гербарий (преимущественно флору горных районов). Свои сборы передавал для определения специалистам — систематикам. Его ботанические сборы обрабатывали крупные ученые-систематики И.Ф. Шмальгаузен, В. Липский. Последний пишет в одной из своих работ: «...возле Ставрополя, в единственном месте на Северном Кавказе растет морозник (Helleborus caucasicus). Этой интересной находкой я обязан Н.Я. Диннику, который нашел это растение в Казенном лесу».

Николай Яковлевич был тонким, наблюдательным и ревностным исследователем. В своих статьях он вступает в полемику с академиком, орнитологом М.А. Мензбиром (не соглашается с его мнением, что клесты имеют широкое распространение в еловых лесах Кавказа, и считал их птицами редкими). Вопреки господствовавшему в конце XIX века ошибочному мнению известному авторитету в орнитологии, директору Кавказского музея в Тифлисе Г.И. Радде о том, что птицы, пролетая на юг, обходят горы Кавказа, Динник первый собрал большие материалы и доказал, что многие виды мигрируют непосредственно через горы. Теперь это подтверждено в исследованиях многих ныне работающих кавказских орнитологов.

Н.Я. Динник свои путешествия совершал в союзе с егерями, местными охотниками. Со многими из них затем дружил и ценил эту дружбу превыше всего (в Ставрополе он вел очень уединенный образ жизни). Иногда брал в такие поездки студентов. Одно из путешествий, описанное в статье «Верховья Малой Лабы и Мзымты» (1902), было предпринято в 1900—1901 годах вместе с сыном Александром, выпускником Ставропольской мужской гимназии и затем Киевского императорского университета. Он был 1876 года рождения. Впоследствии стал выдающимся специалистом по теории упругости. Профессор, доктор наук, академик Академии наук Украины.

Научные труды Николая Яковлевича высоко ценили К.А. Сатунин, С.И. Огнев, И.Ф. Шмальгаузен, Е.А. Бихнер и многие другие крупные зоологи и ботаники нашей страны.

При жизни Динник много раз награждался за свои научные труды. Так, в 1884 году Русское географическое общество наградило его серебряной медалью за статью «Горы и ущелья Терской области». В 1888 году — и Кавказское отделение Русского географического общества наградило Николая Яковлевича золотой медалью за многочисленные труды по кавказоведению. В 1890 году это же отделение выделяет ему 200 рублей на расходы по горным изысканиям. Наконец, в 1912 году за первую часть своего самого замечательного труда «Звери Кавказа» Российская императорская Академия наук присудила ему Ахматовскую премию в 500 рублей. Что значили такие деньги в то время? Например, на эту сумму в Ставропольской губернии можно было купить 1 тонну мяса, 1 тонну муки, 1 тонну сахара, 0,5 тонны питьевого спирта, разведенного до 40 градусов (или вместо всего этого 400 граммов золота). Поэтому неудивительно, что Николай Яковлевич ежегодно в поле проводил до трех месяцев, финансируя сам свои путешествия. Не было для него проблемы содержать десяток собак разных охотничьих пород...

У Николая Яковлевича от природы было богатырское здоровье. Он был высокого роста, приятной славянской внешности. Но многочисленные путешествия в высокогорьях, видимо, подорвали его здоровье. Почти до семидесятилетнего возраста он ни что не жаловался. Потом сразу занемог, прихватило сердце, и 7 сентября 1917 года скончался. Вполне возможно, на его здоровье отразились и события, которые происходили в Отечестве. Похоронен Николай Яковлевич на Даниловском кладбище в городе Ставрополе.

После его кончины коллекцию чучел позвоночных животных вдова Анна Васильевна Динник передала в качестве дара в сельскохозяйственный институт (это был первый вуз, образованный в Ставрополь-

ском крае вскоре после октября 1917 года). В Ставропольском краеведческом музее им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве есть экспонаты его работы. Сохранилась часть коллекции и в зоомузее Ставропольской сельскохозяйственной академии. Итак, Н.Я. Динника мы знаем как ученого, как разностороннего исследователя природы Кавказа. Трудно себе представить, что такой тонкий исследователь и знаток природы Кавказа мог бы преподавать естественную историю хуже тех своих коллег, которые не занимались наукой. Ученики его очень уважали (есть опубликованные материалы). Неудовлетворительных отметок у него по его предметам не было. (Так писала Ю.И. Пеньковская — его ученица)... Г.Н. Прозрителев в своих статьях писал, что Николай Яковлевич, как преподаватель, был всегда привлекательным, доступным для учащихся и очень отзывчивым к их нуждам. Но руководство гимназии находило, что, изучая Кавказ, Н.Я. Динник «занимается не своим делом»...

Для ныне работающих естественников Николай Яковлевич Динник — образец служения науке.

В июне 1997 года экологи Ставропольского государственного университета и государственный комитет по охране окружающей среды Ставропольского края провел Всекавказскую научно-практическую конференцию «Актуальные вопросы экологии и охраны природы Кавказа», посвященную 150-летию Н.Я. Динника. В ней участвовали зоологи и ботаники, физико-географы, экологи России, Азербайджана, Грузии, Армении, Украины. Опубликованы научные труды в двух томах (более 20 п.л.).

Н.Я. Динник заслуживает того, чтобы в его честь была названа хотя бы улица в городе Ставрополе. Заметим, что при жизни он был почетным жителем краевого центра. На наш взгляд, его именем можно было бы назвать улицу, на которой он прожил всю свою жизнь.

Ëèòåðàòóðà î æèçíè è äåÿòåëüíîñòè Í.ß. Äèííèêà

Громова Е. Лучший знаток Кавказа: К 160-летию со дня рождения Почетного гражданина города Ставрополя Н. Динника // Ставропольские губернские ведомости. — 2007. — № 25. — С. 15.

Громова Е. Чтобы сохранить имя... дорогое имя для нашего общества: О Почетных гражданах города Ставрополя // Ставропольская правда. — 2007. — 20 апр. — С. 3.

Динник Александр Николаевич // Советский энциклопедический словарь. — М., 1990. — С. 396.

Динник Н.Я.: Некролог // Известия Кавказского отделения Русского географического общества. — Тифлис, 1917. — Т. 25. — № 2—3. — С. 366—368.

Затона Е.Г. Николай Яковлевич Динник: к 160-летию со дня рождения // Ставропольский хронограф. — 2007. — С. 161—166.

Несмачная С. История Кавказа в лицах: биографический словарь. — Ставрополь, 2006. — Т. V. — 280 с.

Попов К.П. Вклад Н.Я. Динника в изучение природы Северной Осетии // Научное наследие Н.Я. Динника и его роль в развитии современного естествознания. — Ставрополь, 1997. — С. 11—17.

Федоров С.М. Выдающийся исследователь Кавказа Николай Яковлевич Динник // Материалы по изучению Ставропольского края. — Ставрополь, 1953. — Вып. 5. — С. 161—177.

Федоров С.М. Выдающийся исследователь Кавказа Николай Яковлевич Динник // Материалы по изучению Ставропольского края. — Ставрополь, 1954. — Вып. 6. — С. 309—324.

Хе В.Х. Значение научной деятельности Н.Я. Динника в решении проблемы природопользования и охраны млекопитающих Кавказа // Современные проблемы науки и образования. — 2008. — № 6. — С. 11.

Хохлов А.Н., Тертышников М.Ф. Жизнь, научная и педагогическая деятельность Н.Я. Динника на Кавказе // Научное наследие Н.Я. Динника и его роль в развитии современного естествознания. — Ставрополь, 1997. — С. 4—10.

Хохлов А.Н., Тертышников М.Ф. Исследователю Кавказа Н.Я. Диннику — 150 лет // Охота и охотничье хозяйство. — 1997. — № 12. — С 31.

Энциклопедический словарь Ставропольского края / Гл. ред. В.А. Шаповалов. — Ставрополь, 2006.

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èçäàíèþ:

Хохлов А.Н., Тертышников М.Ф. Кавказскими тропами. К 150-летию Н.Я. Динника // Вестник Ставропольского государственного университета. — 1997. — Вып. 12. — С. 164—167.

Â.Õ. Õå «×óâñòâóþ ïðèðîäó ñåðäöåì, ëþáëþ Êàâêàçäî ñàìîçàáâåíèÿ...»: Ìàòåðèàëû êáèîãðàôèè Í.ß. Äèííèêà (1847—1917)

Выдающийся исследователь Кавказа второй половины XIX — начала XX веков, естествоиспытатель и путешественник Н.Я. Динник, отличавшийся широким спектром научных исследований, пожалуй, наиболее известен как охотник и зоолог, внесший огромный вклад в изучение кавказских млекопитающих, о которых он оставил особенно много ценных сведений. В частности, совершив многочисленные путешествия по верховьям Кубани, Лабы, Зеленчука, по Приэльбрусью, Дигории, горной Балкарии, Пшавии, Тушетии, Чечне, Дагестану, по ущельям Риони и Кодора, он написал и опубликовал 63 научные работы, содержащие ценные материалы по разным видам млекопитающих Кавказского региона.

Николай Яковлевич Динник родился 23 июня 1847 года в городе Ставрополе в семье служащего палаты государственных имуществ.

В Ставрополе будущий ученый получил среднее образование в местной гимназии, в которой впервые проявился его интерес и любовь к окружающей природе. В 1865 году Динник успешно окончил гимназию и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. В этом учебном заведении наибольшее влияние на Николая Яковлевича оказали профессор Я.А. Борзенков, читавший курс сравнительной анатомии и физиологии животных, а также профессор С.А. Усов, читавший в университете зоологию позвоночных.

Являясь учениками известного биолога-эволюциониста К.Ф. Рулье, развивавшими экологические взгляды своего учителя, обладая обширной эрудицией, эти ученые своими увлекательными лекциями не могли не вызвать у Динника любовь к природе и жажду к ее исследованиям. Заседания общества, посещения зоологического сада и интересные научные статьи в научных журналах своих учителей — все это влекло молодого исследователя к живому общению с природой, к ее глубокому познанию. Поэтому неудивительно, что Николай Яковлевич еще в университете развил в себе благородный интерес к науке о природе, сохранившийся у него до самой смерти.

Тем не менее, окончил университет Динник не без препятствий. В мае 1869 года, за несколько дней до окончания «кандидатских» экзаменов, он был арестован как политически неблагонадежный, был исключен из университета и, по распоряжению министра внутренних дел Российской империи, был выслан под секретный полицейский надзор на родину, в город Ставрополь (Федоров, 1953). Только в 1873 году с Николая Яковлевича был снят надзор и 27 октября этого же года он окончил университет со степенью кандидата естественных наук, после чего возвратился в Ставрополь. 13 февраля 1874 года Динник был зачислен на должность преподавателя Ольгинской женской гимназии.

Со Ставрополем была связана вся жизнь талантливого ученого-натуралиста. Дом Н.Я. Динника в этом губернском городе стал первым своеобразным музеем фауны на Кавказе, научным клубом. Здесь в небольших комнатах, сплошь заставленных чучелами птиц и животных Кавказа, коллекцией рогов, шкур редких животных, собирались ученые-краеведы и учащиеся. Необходимо отметить, что в Ставрополе Николай Яковлевич жил довольно обособленно. В обществе он появлялся очень редко, был в высшей степени скромен и застенчив. Он предпочитал оставаться в стороне и быть незаметным, полностью раскрываясь только на охоте и во время своих путешествий по различным районам Кавказа. Динник всегда был в очень хороших отношениях со своими спутниками по путешествиям, однако, местное общество не любил, считая, что его интересы делились между службой и неизменным карточным столом, которого Динник категорически не выносил. Напротив, полное удовлетворение он находил в своих школьных занятиях, на охоте, которую любил до страсти, а также в путешествиях по Кавказу.

Николай Яковлевич с редкой преданностью занимался главным делом всей своей жизни — изучением природы Кавказа. В конце XIX — начале XX века вряд ли кто из натуралистов, путешествовавших по Кавказу, совершил столько маршрутов по самым диким местам, как Н.Я. Динник, описывавший Кавказ как местность, с таким богатым и разнообразным животным населением, какое редко где можно встретить в других странах на таком сравнительно ограниченном пространстве. Он говорил, что на Кавказе можно увидеть животных, свойственных самым разнообразным климатам, начиная с почти тропического и оканчивая очень холодным, почти полярным.

Так, по его сведениям, из млекопитающих здесь можно встретить, с одной стороны, гиену, тигра, леопарда, шакала, индийского дикобраза, а с другой — снежную полевку, половину жизни проводящую под снегом, куниц, горностая и бурого медведя, то есть таких млекопитающих, которые обитают преимущественно в более или менее крупных странах. По описаниям Динника, встречаются на Кавказе и млекопитающие, свойственные

преимущественно Средней Европе, с ее мягким и более или менее влажным климатом, как например, европейская дикая коза, благородный олень, зубр, серна, обитающие в горах Западной Европы. Одновременно, рядом с ними обитают звери, свойственные крайне сухим и жарким в летнее и очень холодным в зимнее время азиатским пустыням, как например, корсаки, сайгаки, джейраны, тушканчики, земляные зайцы.

Рядом с животными, свойственными жарким низменностям, Динник отмечал на Кавказе и высокогорные формы, проводящие всю жизнь вблизи вечных снегов и ледников, как, например, снежная полевка, туры, серны. По мнению естествоиспытателя, причин, вызывающих подобное разнообразие и богатство животного мира Кавказа очень много. К ним он относит прежде всего необычный рельеф гор, на котором можно встретить с одной стороны, низменности, лежащие даже ниже уровня океана, а с другой — горы, которые поднимаются до высоты, на нескольких тысяч футов превышающей высоту нижней границы вечных снегов (Эльбрус, Дых-Тау, Шхара, Каштантау). Подобный рельеф вместе с другими метеорологическими условиями являлся, по Диннику, причиной необыкновенного разнообразия климата местностей Кавказа, которое в свою очередь не может не влиять на животный мир. Другой причиной необыкновенного разнообразия животного мира Кавказа, как считал Н.Я. Динник, является то, что Кавказ в прежние геологические эпохи служил местом, по которому неоднократно совершались переселения животных с севера на юг, и в обратном направлении, причем как те, так и другие, находя иногда на Кавказе подходящие для себя условия жизни, поселялись в нем навсегда.

Динник отмечал, что на Кавказе, как среди млекопитающих, так и среди других классов животных встречаются виды, свойственные только этому региону. К подобным эндемичным видам он причислял все виды туров, некоторые виды землероек (например, Sorex Raddei Sat.), несколько видов грызунов. Для Николая Яковлевича Кавказ представлял интерес в том отношении, что в нем сохранилось много крупных видов млекопитающих, почти, или даже совершенно истребленных в других цивилизованных странах, или только искусственно сохраненных в парках в полуприрученном состоянии. Достаточно вспомнить о зубрах, турах, сернах, безоаровых козлах, оленях, кабанах, медведях, о существовании на Кавказе тигров, чтобы согласиться с тем, что по количеству и разнообразию крупных животных Кавказ богаче многих других стран.

Что касается общей характеристики фауны Кавказа, то она, по мнению Динника, имеет гораздо более выраженный азиатский, восточный характер, чем европейский, и в то же время, южный характер. Среди млекопитающих Кавказа ученый выделяет немало таких, первоначальной родиной которых была Азия и, которые, до сих пор сохранили свой чисто азиатский тип. К ним Динник относит преимущественно млекопитающих степей и пустынь Кавказа, а также некоторых лесных и горных зверей: сайгака (Saiga tatarica Pall.), джейрана (Gazella subgutturosa Guld.), корсака (Vulpes corsak), перевязку (Putorius sarmaticus Pall.), земляного зайца (Alactaga), тушканчиков (Scinthus), хомяков, слепышей. К лесным млекопитающим, или таким, которые для своего местопребывания не требуют строго определенного характера местности, а также к горным зверям Кавказа, но, также без сомнения, переселившимся на Кавказ из Азии, по мнению Динника относятся тигр, леопард, гиена, камышовый кот (Felis chaus), сибирский хорек (Putorius ewersmani Lesson), индийский дикобраз и ряд других видов.

Н.Я. Динник замечал, что преобладание азиатских форм млекопитающих даже в самой северной части Кавказа, то есть в его степной полосе, обнаруживается еще очень ясно. Если же включить из 45 видов млекопитающих, указанных для этой местности в 1900 году К.А. Сатуниным летучих мышей, способных легко переселяться из одной местности в другую, а также крыс и домовых мышей, всюду следующих за человеком, упомянув еще 3 вида эндемичных млекопитающих, нигде кроме степей Северного Кавказа не встречающихся, то окажется, что из остальных 37 видов, обитающих здесь млекопитающих, есть только 3 вида зверей, встречающихся как в Восточной, так и Западной Европе. Эти упомянутые 3 вида: лесной кот, крот и соня (Mioxus glis) — Динник считал вполне типичными европейскими, к которым примыкают 5 видов, обитающих только в Восточной Европе — заяц-русак, норка, слепыш (Spalax microphtalmus), соня (Mioxus nilidula) и серый суслик (Spermophilus musicus). Несмотря на то, что все эти 8 видов Динник считал европейскими, однако, он все же считал, что некоторых из них (серый суслик и слепыш) носят уже более или менее заметный азиатский характер.

В целом, опираясь на свои наблюдения и расчеты, Н.Я. Динник был убежден в том, что основной внешней причиной необыкновенного разнообразия и богатства фауны Кавказа следует считать то, что различные его части поднимались со дна моря и превращались в сушу в различные геологические периоды, поэтому заселялись они неодновременно «пришельцами с различных сторон» (Динник, 1911). По представлениям ученого, большая часть Главного Кавказского хребта поднялась со дна моря в юрский геологический период, а соседствующие с ним высокие горы — в меловой, тогда как значительная часть низменностей Кавказа была покрыта водой во все эпохи третичной эры, а некоторые места даже в послетретичную и современную.

Домашняя обстановка, в которой жил зоолог, по сведениям С.М. Федорова (1954), была довольно своеобразна и, как нельзя лучше, свидетельствовала о врожденной и рано пробудившейся страсти Динника — охоте. По воспоминаниям людей, близко знавших ученого, жил Динник скромно, и в своем домашнем

хозяйстве был чрезвычайно бережлив в течение осени, зимы и весны, отказывал себе во многом, и все сбереженные средства копил с целью обеспечить себе очередное путешествие. На путешествия же по Кавказу он средств не жалел и совершал их в каникулярное время, обычно с июня по август. Все виденное и найденное во время вылазок на природу, Динник записывал в свой походный дневник. Летом же он обычно исчезал из Ставрополя до самой глубокой осени, отдавая всего себя охоте и путешествиям по Кавказу. Надо сказать, что вначале, путешествия влекли Николая Яковлевича как любителя природы, однако позже, они приняли вполне научный характер, и, Динник сделался лучшим знатоком Кавказа, который привлекал его дикой нетронутой горной природой, дававшей путешественнику неисчерпаемый материал для биологических наблюдений.

В 1879 году Н.Я. Динник побывал в окрестностях Эльбруса и Казбека на Северном Кавказе, где наблюдал за жизнедеятельностью туров и серн. Он отмечал, что горы состоят из кремнекислых пород, а ручей, вытекающий из под ледника, выносит большое количество тонкого глинистого вещества, образовавшегося в результате разрушения протогина. Это вещество осаждается по берегам ручья в виде светло-серого порошка, который с жадностью поедают туры и серны. Об этом свидетельствовали и многочисленные экскременты кавказских туров и серн, состоящие из смеси растительных веществ и этого осадка. По мнению Динника, «эта соль оказывает каким-нибудь образом механическую услугу пищеварению» (Динник, 1879).

Наблюдая за жизнью копытных в окрестностях Эльбруса, Динник отмечал, что серны зимой имеют темно-бурый цвет шерсти, иногда переходящий в черный, а летом — ярко-рыжий, который и выдает серну на каждом шагу. Динник проводил сравнение образа жизни серн с турами — он не раз долго смотрел на то место, где были туры и не замечал их, хотя до них было 500—600 шагов. А серна была заметна уже на расстоянии вдвое большем. И только в лесу, межу сосен, покрытых красноватой корой или среди пожелтевших сухих листьев, она не так бросается в глаза.

Динник считал, что Кавказские горы, с их роскошными альпийским пастбищами, бесчисленными лабиринтами скал, глетчерами и снежными полянами, дают убежище нескольким видам диких козлов. Так, по его предположению, один из них, Hircus aegagrus держится южнее прочих видов и отличается сплюснутыми, имеющими только две поверхности, рогами. Capra Pallasii он считал древнейшим типом, занимающим промежуточное положение между козлами и баранами и обитает он в самом центре Кавказа. Динник был убежден в том, что от этого вида и еще некоторых переходных форм, таких как Hemitragus jemlaicus и произошли современные виды козлов. На тот период времени было известно лишь о двух таких видах — Carpa caucasica Guld. и Carpa cylindricornis Blyth. И хотя первый вид козлов был открыт Гюльденштедтом еще в 1772 году, о нем имелись крайне скудные сведения, которые даже сто лет спустя ограничивались практически одной заметкой этого ученого, напечатанной после его смерти Палласом в Актах Академии наук (Pallas, 1779, p. 273). Динник отмечает, что в отношении описанного вида козлов Гюльденштедт совершил существенную ошибку, явившуюся следствием того, что в его время еще не знали о существовании на Кавказе других видов диких козлов, с которыми смешивали Carpa caucasica. Подробный анализ убитых животных, их шкур, черепов и рогов, полученных от местных охотников, дали Диннику основание предполагать возможность обитания на Кавказе четырех видов диких козлов: к уже известным Carpa caucasica Guld. и Carpa cylindricornis Blyth. он добавил Carpa Sewerzowi, Menzb. и Carpa Dinniki, Satunin.

Первый вид Capra caucasica (кубанский тур) Динник считал вполне типичным козлом, близкородственным к швейцарскому Capra Ibex L. и занимающим западную часть Кавказа. Два других вида, Carpa Sewerzowi, Menzb. и Carpa Dinniki, Satunin., по мнению ученого, держатся в основном в центральной части Главного Кавказского хребта. Наконец, козла с короткими толстыми рогами Carpa cylindricornis (дагестанский тур), обитающего в самой восточной части Кавказа, Динник считал особым четвертым видом.

Динник четко отделяет кубанского тура от дагестанского по ряду морфологических признаков. Так, в частности, рога кубанского тура черного цвета, загибаются почти правильной дугой, напоминающей серп, на их передней стороне находятся большие бугры. У дагестанского же тура, рога перед вершиной сильно загибаются внутрь (друг к другу) и более или менее напоминают спираль, приближаясь к рогам баранов.

Являясь великолепным знатоком кавказской фауны, Н.Я. Динник пишет, что «по способности карабкаться и прыгать по скалам, пропастям и кручам туры стоят выше всех животных, за исключением, может быть, только серны. Особенно тур поражает своей ловкостью тогда, когда он бросается вниз и, цепляясь за едва выдающиеся выступы, быстрыми смелыми прыжками спускается с почти отвесной скалы. Сбегая с крутых снежных полей, они иногда мчатся с такой быстротой, что снег из-под ног разлетается брызгами во все стороны» (Динник, 1909).

Материалы, полученные Динником во время этого путешествия, дали ему возможность дать подробное описание изученных видов, привести особенности их образа жизни, дать характеристики географического распространения видов. Описал Динник и удручающую картину катастрофического уменьшения численности диких козлов, связанную с их беспощадным истреблением. При этом, основными виновниками снижения численности этих горных копытных ученый считал не охотников-любителей, которые «охотятся за турами очень редко, так как для этого требуется время, деньги, особенное вооружение и многое другое» (Дин-

ник, 1909, с. 33). Напротив, массовое истребление диких козлов и другой дичи Динник приписывал местным охотникам-пастухам, которые ежегодно проводят несколько месяцев в тех местах, где эта дичь водится.

В июле 1885 года Н.Я. Динник предпринял поездку для изучения фауны живописных горных долин и ущелий притоков Кубани: Теберды, Зеленчука, Урупа и Лабы (Динник, 1885). В долине рек Джегута и Джаганас Динник отметил медведей, кабанов, оленей, косуль. Динник умело пользовался сведениями местных жителей и охотников, которые сообщили ему, что в верховьях Домбай-Ольгена водится много туров и серн. Однако, эти копытные оказались настолько скрытными и внимательными, что Диннику так и не удалось вживую увидеть этих горных обитателей. Вот что он пишет: «Почти целый день мы с Ожаем карабкались по страшным кручам, надеясь где-нибудь увидеть туров или серн, но безуспешно. Наши труды вознаградились только тем, что мы целый день имели перед глазами восхитительные виды» (Динник, 1885, с. 10). По рассказам местных охотников Динник знал также о существовании в этих местах барсов, однако сам их не встречал. В верховьях реки Маруха Динник отметил большое количество кабанов, которые наносили ощутимый вред полям местных жителей. В частности, он пишет: «…значительный вред полям наносили дикие кабаны, которые целыми стадами являлись ночью на поля и истребляли все посеянное. В особенности страдала от них кукуруза» (там же, с. 15). Помимо кабанов Диннику повстречались отдельные экземпляры кавказских оленей.

В верховьях реки Лабы Динник отметил из млекопитающих бобров, кавказских зубров, туров, серн, оленей. Более подробно Динник исследовал животный мир Кувы — небольшой речки, впадающей в Уруп с правой стороны. В самом деле, ученому встретилось множество кабанов, медведей, косуль, оленей и волков. В частности, он говорит, что «поднимаясь на Баранаху и проезжая вдоль многие поляны, мы встречали следы медведей чуть не на каждом шагу; часто попадались и следы свиней» (там же, с. 24).

Необходимо отметить, что во время своей поездки Динник неоднократно обращал внимание на хищническое истребление млекопитающих со стороны местных жителей, их зачастую грабительское отношение к природе Кавказа. Так, Динника очень поразил тот факт, что один знаменитый местный охотник ради нескольких ремней, которые он намеревался сделать из шкур оленя и их мяса, которое хотел заготовить впрок, убил трех великолепных самцов, хотя для реализации своих планов он мог бы обойтись и одним. Вот что сам Динник говорит по этому поводу: «…за неделю да нашего приезда Тормач в три дня сряду убил трех больших оленей. Мясо их он, конечно, не мог съесть и потому начал вялить на солнце; но так как здесь часто бывает сырая погода, то мясо не вялилось, а начало гнить, распространяя страшную вонь; во многих местах на нем копошились кучи червей». И далее: «Непростительной показалась мне и та жадность, с которой дикари Кавказа истребляют дичь. На что, например, Тормач в какие нибудь три дня убил трех огромных оленей! Разве только для того, чтобы сделать десяток ремней из кожи, а мясом накормить червей» (Динник, 1885, с. 33—34).

Отдельные строки в своем сочинении Динник посвятил редкому млекопитающему, водящемуся в верховьях Лабы и Урупа — зубру. Динник говорит, что неоднократно находившись в Загдане, он не встретил ни одного зубра, а лишь трижды видел их следы. Сведения о зубрах ученый собирал, расспрашивая о них каждого охотника, с которым ему приходилось встречаться. Несмотря на то, что Диннику не довелось самому увидеть зубра в дикой обстановке, он пишет: «На Кавказе зубров, вероятно, значительно больше, чем в Беловежской пуще и истребить их, пока горы в верховьях Лабы и Урупа остаются незаселенными, очень трудно. Жаль, все-таки, что охотники здесь не обращают никакого внимания на запрещение убивать этих животных» (Динник, 1885, с. 55).

В том же 1885 году Н.Я. Динник совершил путешествие в Осетию, начав его с Алагира, откуда на верховых лошадях по лесным тропам отправился к ущелью реки Уруха и по нему до дигорского аула Заделеск. Здесь он побывал в священной для дигорцев пещере — Олисаидом, причем был поражен обилием находящихся здесь черепов и рогов оленей, туров, косуль, а также бычьих, коровьих, козьих и бараньих черепов. Именно в этой пещере Динник обнаружил 3 черепа верблюдов и 19 черепов зубров, а также их рога. Последняя находка ученого служила доказательством того, что прежде эти животные обитали около Заделеска, или в лесах Осетии.

Летом 1886 года Николай Яковлевич вновь вторично побывал в этих местах, начав свое путешествие в Нальчике, а спустя четыре года Динник совершил путешествие по Западной Осетии по маршруту: долина Ардона и Архона, долина реки Латчин-дон, Архонский ледник, долина Джилин-дона, реки Флат-дон, аул Лац, долина реки Гизель-дона, ледник Гизель-дон, Военно-Грузинская дорога между Балтой и Ларсом.

В 1897 году Н.Я. Динник совершил путешествие в Кубанскую область в верховья рек Уруштена и Белой. Во время экспедиции ученый подробно исследовал верховья реки Белой и ее долины — обширные, глухие, лесистые и безлюдные местности, богатые млекопитающими. Динник совершил несколько экскурсий — к Оситеку и Фипсту, по Белореченскому перевалу к хребту Курджисона и Цице, на гору Бзыш к реке Куре, горе Куд и вдоль гребня Главного Кавказского хребта. Из этой поездки Николай Яковлевич привез особенно много интересных сведений о представителях куньих, в то время бывших весьма многочисленными во многих областях Кавказа. В частности, его дневниковые записи изобилуют описаниями внешних особенностей, повадок, внутри- и межвидовых отношений таких видов, как норка (Lutreola lutreola L.),

степной хорь (Putorius ewersmanni Lesson), горностай (Mustela erminea), лесная (Martes martes L.) и каменная куницы (Mustela foina Erxleben). Интересен тот факт, что Динник отмечает наличие на Кавказе своеобразных переходных форм между двумя последними видами куньих. Кроме того, несколько необычным выглядит то, что, судя по дневниковым записям этой поездки, Н.Я. Динник сам никогда горностая (Mustela erminea) на Кавказе не встречал, но, несмотря на это, также включал его в список кавказских млекопитающих, опираясь на сообщения охотников о том, что его много промышляют у устья реки Кумы. Ученый говорит лишь о том, что сведения о нахождении горностая на Кавказе, его распространении и образе жизни крайне бедны (Динник, 1914).

Летом 1898 года Динник путешествовал в верховьях Большого Зеленчука и на хребте Абишира-Ахуба, расположенном между реками Зеленчук и Лаба, для ознакомления с местной фауной, а также с целью окончательного выяснения вопроса: водятся ли в этих местах зубры. Естествоиспытатель начал свое путешествие со станицы Псебай. Далее, переехал вброд через реку Малая Лаба, далее — поднялся вверх по реке Андрюку, через реку Большая Лаба до станицы Преградная. Изучив природу в окрестностях Преградной, Динник переехал в станицу Сторожевую, а после — в станицу Зеленчукскую. Из млекопитающих отметил медведей, кабанов, диких коз, оленей, леопарда, дикого кота, серну. Динник пишет: «Недалеко отсюда крупный лес, растущий по ущельям, кончается, заменяясь березняками, за которыми виднеются невдалеке скалистые, совершенно безлесные горы, покрытые уже во многих местах снегом… В пройденной нами части леса дичи, как заметно было, держится…очень мало. Мы не видели здесь ни медвежьих, ни оленьих следов, а только местах в двух-трех — свиные покопы. Зубров в этих лесах, конечно, быть не может» (Динник, 1899, с. 19).

Итогом поездки Динника стало заключение о том, что как его личные наблюдения, так и расспросы многих охотников убедили ученого в том, что зубров нет в верховьях Большого Зеленчука и Урупа. Естествоиспытатель выяснил, что верховья Зеленчука представляют большие удобства для жизни зубров, но они их покинули лет 35—40 назад. По всей видимости, их вытеснила отсюда рубка леса и выпас домашнего скота. Он делает выводы, что в верховьях Урупа, покрытых обширными сплошными лесами зубры держались до 1880-х годов. Зато к западу от Большого Зеленчука Динник встречает уже много мест, где зубры обитают и в настоящее время. В частности, он говорит о том, что много зубров обитает в долинах и ущельях многочисленных истоков реки Белой, в местности, совершенно безлюдной и покрытой дремучими лесами.

В 1902 году Николай Яковлевич совершил путешествие в ущелье Кодора. Динник описал природу селения Краснинского, реки Амткела, впадающей в реку Кодор, окрестностей Цебельды, самого ущелья Кодор, местечка Лосты, урочища Чхалты и истоков реки Клыча. Особенно подробно ученым была изучены хищные млекопитающие перечисленных местностей. Так, по свидетельству Н.Я. Динника, на Северном Кавказе кавказский дикий кот (Felis sylvestris caucasicus Satun.) обитает всюду, где только есть леса, как на низменностях Ставропольской губернии, так и в предгорьях и горах Екатеринодарского, Майкопского, Лабинского и Баталпашинского отделов и всюду по долине реки Кубань (Динник, 1914). Кроме того, Динник указывает еще и район Кавказских Минеральных Вод, а также леса всего Дагестана.

Динник утверждает, что камышовый кот, или хаус (Catolynx chaus Guld.) широко распространен в пределах Кавказа (Динник, 1914). Говорит о том, что об образе жизни этого хищника на Кавказе, в частности, о размножении, известно очень мало. К сожалению, исследователь ничего не говорит о том, «как далеко идет камышовый кот от берега внутрь страны, то есть на запад, на Северном Кавказе» (Сатунин, 1915). Динник приводит рассуждения о пользе и вреде камышового кота: «Хотя камышовый кот истребляет и много грызунов, но во всяком случае, вред, причиняемый им истреблением дичи, сильно превосходит приносимую им пользу» (Динник, 1902). Также, Николай Яковлевич оставил сведения о том, что кавказская гиена (Hyaena vulgaris Desmarest) встречается на Северном Кавказе довольно редко (Динник, 1914).

Летом 1903 года Николай Яковлевич осуществил путешествие в верховья Большой Лабы и на перевал Цегеркер. Начал он путешествие со станицы Псебай. Отсюда он проехал ущельем Малой Лабы до урочища Умпырь, а оттуда — на хребет между долинами рек Малой и Большой Лабы, затем побывал на Джамхурце, Загдане, Матхурце и Макере, а также на перевале Цегеркер. Динник при этом дал прекрасное описание фауны этих мест.

В 1904 году Динник совершил путешествие по Дагестану. Начал он его с города Грозного, откуда держал свой путь в станицу Воздвиженскую, в окрестностях которой много охотился. Находясь в Чечне и Дагестане, ученый самым подробным образом изучил морфологию и образ жизни кавказских медведей, используя для этого как собственные наблюдения, так и охотничьи трофеи и рассказы местного населения. В частности, Н.Я. Динник встречал кавказских медведей (Ursus arctos meridionalis Middend.) с белым ошейником чаще в восточной части хребта, в Чечне и Дагестане.

Динник, изучая медведей Кавказа, установил, что в этом регионе встречается два подвида, или две их расы, которые он описал в 1897 году (Динник, 1897б). Сатунин был согласен с мнением Динника и признавал, что на Кавказе существует две разновидности бурого медведя: типичный крупный бурый медведь (Ursus arctos typicus) и его южная мелкая разновидность (U. arctos meridionalis Midd.). Николай Яков-

левич отмечает, что эти две разновидности отличаются друг от друга не только размерами тела, черепа, окраской меха и массой тела, но и образом жизни. Так, он пишет, что крупные медведи (Ursus arctos typicus) обитают преимущественно в лесах и сравнительно реже выходят на альпийские луга и скалы, а медведи другой разновидности (U. arctos meridionalis Midd.) в летнее время очень часто попадаются на почти голых скалах и осыпях, нередко их приходится видеть даже на самых снегах. Говорит и о том, что в гористых частях Кавказа встречаются местности с самым плотным населением, где медведь истреблен совершенно. Далее, он отмечает, что «теперь и на Кавказе кончаются золотые дни для угрюмого отшельника… В 1890-х годах, за недельное пребывание в горах…я видел каждый год не менее десятка медведей, а иногда и значительно больше, много оленей, довольно часто — кабанов, а в последнюю поездку, в 1910 году, — ничего, кроме серн» (Динник, 1914, с. 360).

Необходимо отметить, что, помимо медведей, Динник весьма детально и основательно занимался систематикой кавказских барсуков. Так, сравнивая черепа животных, добытых недалеко от Махачкалы, Грозного и Ставрополя с привезенными К.А. Сатуниным из других мест, он обнаружил, что кавказские барсуки размером черепов не только не уступают, но иногда даже превосходят барсуков, которые водятся в России и Западной Европе. Николай Яковлевич отмечал, что географическое распространение барсука в пределах Кавказа очень обширно. Так, по его данным, на Кавказе вертикальное распространение этого животного очень большое, в частности, он его обнаружил на каспийском побережье Кавказа и высоко в горах. Динник также отмечает, что на Кавказе барсук, «как всякий хищник… никогда не упустит случая съесть яйца или птенцов какой-нибудь птицы, если найдет ее гнездо где-нибудь на земле, на пеньке или на каком-нибудь кусте невысоко над землей. Также поступает он с зайчатами, попавшимися ему» (Динник, 1914).

В 1906—1908 годах ученый совершил длительное путешествие на Каспийское побережье Кавказа и в Закаспийскую область. Начал он свое путешествие из Ставрополя, поездом пересек всю Терскую область, и затем попал в окрестности Махачкалы. Во время нахождения на территории Дагестана, Динник делает описание природы и фауны окрестностей Дербента, станицы Кая-кент, Белиджи, Самур, Ялама, Худат, Хачмас, Дибичи, Кызил-Бурун, Зарата, Сумгаита, Беленджары, Баку. В описываемый период Николай Яковлевич совершил многочисленные экскурсии в различных направлениях, во время которых собрал весьма значительный материал в основном по мелким и средним млекопитающим, в частности, по ласке (Mustela nivalis), перевязке (Vormela sarmatica Pall.), выдре (Lutra lutra), волку (Canis lupus L.), шакалу (Canis aureus L.), лисице (Vulpes alopex Linn.). В отношении последней, Динник считал, что кавказские лисицы изучены недостаточно, так как на Кавказе кроме типичных рыжих лис водятся серые или темно-бурые, которых многие исследователи (Менетрие, Гогенакер, Коленати, Радде) принимали за караганок (Vulpes melanotus Pall., Vulpes caragana Gmel.). Позднее, Динник с уверенностью утверждал, что на Кавказе встречаются различные цветовые вариации обыкновенных лисиц. Он был уверен, что в пределах Кавказа лисицы распространены очень широко. Также он указывает на то, что на Кавказе лисицы хоть и встречаются еще в значительном количестве, однако, из-за роста цен на меха и активной добычи их промышленниками, эти млекопитающие стали встречаться гораздо реже.

Летом 1909 года Динник совершил путешествие по Закатальскому округу и Дагестану для ознакомления с местной фауной. Выехал из Ставрополя на лошадях, добрался до Невинномысской, а затем, по железной дороге через Махачкалу добрался до Евлаха, после которой перебрался через Нуху в Закатал. Пробыв две с половиной недели в Закатальском округе, Динник решил перебраться через Главный Кавказский хребет в Нагорный Дагестан, многие места которого до тех пор были совершенно неизведанными. Из млекопитающих были встречены кабаны, олени, дикие козлы, леопард, рысь, медведи, дикий кот, серны и туры. В отношении туров Динник отметил, что они вынуждены менять свой привычный образ жизни в связи с тем, что их беспокоят люди. В частности, он пишет: «Летом, когда в горах бывает особенно много людей, почти все туры покидают скалы и альпийские луга и переселяются в леса, спускаясь много ниже верхней границы их и не избегая даже густых и почти сплошных зарослей» (Динник, 1911, с. 24). К слову, именно эти неизведанные и таинственные уголки природы являлись местообитаниями редких кавказских леопардов (Leopardus pardus ciscaucasicus Satun.), которых Диннику посчастливилось изучать. Николай Яковлевич сам видел двух леопардов на высоте 8000 футов вблизи хребта Абаго и несколько раз слышал их рев на подобных же высотах в других местах Кавказа. Динник считал, что «главным условием для выбора местожительства леопарда является не характер местности, а обилие крупной дичи, входящей в рацион этого хищника, к которой относятся серны, туры, безоаровые козлы, горные бараны, олени, косули и др. Из мелких животных и птиц чаще других, попадают в зубы к леопарду зайцы, горные курочки и фазаны» (Динник, 1911). По словам ученого, этих хищников редко удается видеть на открытых местах; чаще это случается рано утром, а также за час или два до захода солнца, когда они отправляются на поиски добычи. Однако, большую часть своих похождений леопард совершает ночью.

Будучи страстным охотником, Н.Я. Динник великолепно знал места на Кавказе, изобиловавшие дичью. По его собственному признанию «…не только во всем Кавказе, но и во всей России нет места столь богатого дичью. Медведи, волки, горные козлы, дикие свиньи, а в особенности серны, водятся здесь в огромном ко-

личестве. Кроме того, часто встречаются рыси, дикие козы, а значительно реже пантеры и зубры» (Динник, 1897в). Чувствуя природу сердцем, любя Кавказ до самозабвения, Динник всегда точно знал, где интереснее охотиться на диких свиней, коз, туров, медведей, где удачнее и богаче будет охота на серн, пантер, рысей, горных индеек. Удавалось ему это благодаря прекрасному знанию всех окрестных лесов и мест бывшей царской охоты, замечательным знакомствам, а зачастую и дружбе со всеми егерями, нередко сопровождавшими зоолога во многих путешествиях. Немаловажным в прекрасном знании фауны Кавказа являлось и то, что Н.Я. Динник являлся активным сотрудником и читателем многих охотничьих журналов того времени.

И все-таки, близкие к Диннику коллеги и члены его семьи считали, что охота для него была не просто увлечением, которому натуралист отдавал большую часть своего времени, а, прежде всего средством, позволяющим добыть зоологический объект, биологию которого он изучал. Более всего Динника интересовала полевая зоология, о чем свидетельствует добрая половина его работ, посвященная наблюдениям за жизнью животных в природе. По- видимому, именно здесь и находилось жизненное призвание ученого, и вероятно, изобиловавшие описаниями путешествий его географические работы, предпринимались им прежде всего с целью изучения жизни животных.

Николай Яковлевич прекрасно разбирался в систематике медведей, пантер, рысей, кабанов, многих копытных, в частности, он первым описал предкавказскую косулю (Capreolus capreolus caucasicus), а в знании кавказских горных козлов и серн ему не было равных. Однако систематика животных была не единственным его увлечением. Главной своей задачей на протяжении всей своей жизни Динник считал изучение жизнедеятельности зверей Кавказа в естественных природных условиях. И так преуспел в этом, что и в настоящее время экологические особенности млекопитающих Кавказа, особенно хищных и копытных, изучены лучше, чем в других регионах России. По мнению крупнейшего советского зоолога С.И. Огнева, Н.Я. Динника по праву следует отнести «...к числу ревностных приверженцев экологического направления в зоологии» (Огнев, 1951). Действительно, Динник сыграл огромную роль, как териолог и эколог, воочию наблюдавший за повседневной жизнью диких млекопитающих и оставивший после себя великолепные описания экологических особенностей многих труднодоступных для наблюдений видов. Появившись на рубеже XIX и XX веков, труды Динника являлись передовыми по своей научной значимости и до сих пор они остаются лучшими работами по млекопитающим Кавказа, отличаясь полнотой, тщательностью и точностью изложения фактов.

Современники Динника с восторгом и восхищением отзывались о научных трудах зоолога, поражаясь их глубине и всеобъемлющей точности описания видов. Так, Е.А. Бихнер дает великолепную характеристику работе Динника, посвященную горным козлам Кавказа, в которой тот впервые метко охарактеризовал оба вида кавказских туров: западно-кавказского с серповидными рогами и восточно-кавказского с винтообразными рогами (Известия Кавказского Отделения Русского географического общества, 1886—1888). А.А. Насимович в своих работах также подтвердил многие факты из наблюдений Н.Я. Динника над турами и сернами (Насимович, 1949). Впоследствии он же неоднократно ссылался на данные Николая Яковлевича в своих многочисленных трудах (Насимович, 1950). Уникальны и интересны данные Динника о кавказском медведе (Динник, 1897б), пантерах и рысях (Динник, 1898б), диких свиньях Кавказа (Динник, 1900), кавказском олене (Динник, 1902).

Как уже говорилось ранее, все свои наблюдения Динник методично заносил в полевой дневник, и, таким образом, географические и зоологические факты не были оставлены им без внимания, ничто не пропало для науки, так как впоследствии все материалы были им обработаны и опубликованы.

Как правило, Динник помещал свои работы в таких изданиях, как «Известия», «Записки Кавказского отдела Русского географического общества», «Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей», «Материалы к познанию флоры и фауны России» Московского общества испытателей природы, в журналах «Природа и охота», «Естествознание и география», «Садовод», «Известия Кавказского Музея», «Охотничья газета», газете «Псовая и ружейная охота» и некоторых иностранных журналах, например, «Neue Baltische Waidmannsblatter». Он был автором статей в энциклопедических словарях Брокгауза и Ефрона, Гранат.

Свыше 35 лет Н.Я. Динник посвятил изучению прекрасной природы Кавказа. Из перечня научных работ ученого можно увидеть, насколько разнообразны и глубоки были его интересы как исследователя. Несмотря на то, что в своих трудах Динник выступает как натуралист широкого профиля, можно с уверенностью утверждать, что все описанные им путешествия были предприняты с целью изучения жизни зверей, и, что именно в биологии более всего Николая Яковлевича интересовала полевая зоология, тем более, что он страстно любил и охоту.

Несмотря на многочисленные работы Н.Я. Динника, лучшей из них до настоящего времени остается монография «Звери Кавказа» (Динник, 1910—1914). К сожалению, этот труд Николай Яковлевич не смог завершить до конца. В первой его части автором описаны представители отряда китообразные — малый полосатик, обыкновенный дельфин, дельфин-незарнак, морская свинья; из копытных приведены подробные сведения о кабане, кавказской косуле, кавказском олене, кавказском зубре, малоазиатском горном баране, безоаровом козле, дагестанском туре, турах Северцова и Динника, сайгаке, джейране, кавказской серне.

Вторая часть монографии была посвящена описанию 24 видов млекопитающих, таких как хорь, норка, перевязка, кавказская и закавказская ласки, лесная и каменная куницы, барсук, кавказский медведь, кавказская гиена, волк, шакал, обыкновенная, кавказская и курдистанская лисицы, корсак, оленья, обыкновенная и пардовая рыси, камышовый кот, кавказский дикий кот, кавказский тигр и пантера.

Одним из первых свою рецензию на этот труд Н.Я. Динника дал в 1915 году К.А. Сатунин. Позднее, С.И. Огнев, отмечая достоинства этой работы, напишет: «Из его (Н.Я. Динника) трудов первое место занимает замечательная книга «Звери Кавказа», в котором читатель найдет очень много интересных и оригинальных наблюдений автора. Работа имеет еще ту выдающуюся ценность, что фауна Кавказа сильно изменилась под влиянием культуры, и констатировать масштаб и характер этих перемен — задача очень важная для современного натуралиста. Добавим ко всему этому, что Николай Яковлевич был очень наблюдательным и ревностным исследователем, а факты, сообщаемые им, в огромном большинстве случаев тщательно проверены и точны» (Огнев, 1951).

Примечательно, что последующие исследователи млекопитающих Кавказа, неоднократно ссылаются на Н.Я. Динника, а в ряде случаев, в значительной степени используют, дополняют или подтверждают данные его многочисленных трудов. Так, К.А. Сатунин в своем труде «Млекопитающие Кавказского края» (Сатунин, 1915, 1920) большинство разделов об образе жизни млекопитающих в основном привел, основываясь на исследованиях Н.Я. Динника и почти целиком заимствовал их из его труда «Звери Кавказа». Л.Б. Беме также в своей книге «По Кавказу» (1936) неоднократно ссылается на Динника и дает прекрасные рекомендации его трудов для начинающих натуралистов в последующих работах (Беме, 1950).

Излюбленными объектами изучения Н.Я. Динника были, главным образом, промысловые животные, научными материалами о которых Динник заложил основы промыслового охотоведения. Николай Яковлевич четко осознавал, какое значение имел для населения Кавказа охотничий промысел зверей и птиц, являвшихся источником разнообразных ценных продуктов (пушнины, шкур, мяса). Однако ученый одновременно был живым свидетелем хищнического промысла животных, которые буквально начисто выбивались в отдельных районах своего распространения. Материалы его путешествий по Кавказу свидетельствуют о том, что уже в то время был практически уничтожен зубр, стали редки олени, косули, серны, дикие козлы и другие виды млекопитающих, уже тогда нуждавшихся в охране. Так, например, двести лет назад бурый медведь обитал в лесах около Ставрополя. Такие сведения можно обнаружить в первой книге о Ставрополье, написанной в 1809 году преподавателем Астраханской гимназии И.В. Ровинским. У Н.Я. Динника таких данных по бурому медведю, к сожалению, уже нельзя найти. Аналогичная ситуация складывалась и с копытными млекопитающими Кавказа. Так, Динник являлся живым свидетелем катастрофического сокращения численности и ареала кавказских зубров, особенно усилившегося в 80-е годы XIX века, когда предгорья Закубанского края, где еще обитали эти эндемичные копытные, начали осваивать новые поселенцы. В частности, он свидетельствует: «Огромное количество дичи, в том числе и зубров, гибнет от рук охотников, живущих в горах и предгорьях. В нижнем поясе гор они производят такое же страшное варварское истребление дичи, как пастухи на альпийских лугах и высоких скалах, причем истребляют зверей круглый или почти круглый год» (Динник, 1901). Примечательно еще одно его замечание: «Охотничьи законы для большей части этой братии не писаны, и они бьют без всякого сожаления коз и ланей даже тогда, когда они готовы отелиться или ходят с молодыми» (там же). В это же время началась промышленная заготовка леса, а высокогорные пастбища стали заполняться новыми стадами домашних животных. Именно в этот период сюда был занесен ящур, после эпизоотии которого, по словам Динника, «даже через десятки лет прежнего количества дичи охотникам уже не приходилось наблюдать» (Динник, 1900).

Зоологические исследования территории нынешнего Кавказского заповедника были начаты Н.Я. Динником задолго до его основания, а полученные на этой территории данные легли в основу создания ряда других заповедников, в частности, в области применения в них таких биотехнических мероприятий, как подкормки животных, устройство искусственных солонцов.

Научные труды Н.Я. Динника основываются на принципах современного подхода к изучению животного мира, заложенных К.Ф. Рулье и его учениками, крупнейшими зоологами С.А. Усовым и Я.Л. Борзенковым — учителями Николая Яковлевича Динника. Поэтому неудивительно, что труд Динника «Звери Кавказа» и по сей день вызывает огромный научный интерес в отечественной промыслово-биологической и прикладной зоологии и стоит в одном ряду с трудами А.А. Силантьева, М.А. Мензбира, С.А. Батурлина, Б.М. Житкова. Исследования Н.Я. Динника положили начало всестороннему комплексному изучению природы и териофауны Кавказа, зарождению и функционированию целых научных школ прикладных зоологов (Б.М. Житкова, А.Н. Формозова и др.), способствовали становлению зоологов, успешно продолжающих работы Динника, заняв в этой области ведущее место в мировой науке.

Коллегами и учениками Н.Я. Динника в честь своего наставника было описано несколько географических рас животных — тур Динника (Capra dinnika Sat.), восточно-кавказская ласка (Mustela nivalis dinniki Sat.) и предкавказский земляной зайчик (Alactagus acontion dinniki Sat.). Необходимо отметить, что исследования Николая Яковлевича, научные интересы которого лежали в области изучения биологии и эко-

логии крупных млекопитающих преимущественно Главного Кавказского хребта, Предкавказья и Дагестана органично дополнялись работами его коллеги и друга, систематика и зоогеографа Кавказа К.А. Сатунина, которого интересовали в основном мелкие звери Кавказского региона.

Николай Яковлевич состоял членом многих отечественных научных обществ: Кавказского отдела Русского Географического Общества, Московского общества испытателей природы, Русского Горного Общества, Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей, Крымско-Кавказского горного клуба, Общества по изучению Кавказа и др. Он был награжден серебряной медалью Русского географического общества и золотой медалью его Кавказского отделения, многочисленными дипломами. Одна из вершин Кавказа, которому он отдал 35 лет своей жизни, названа пиком Динника. Научно-просветительская деятельность Н.Я. Динника была по достоинству оценена Российской Академией наук, присудившей естествоиспытателю в 1912 году Ахматовскую премию в размере 500 рублей за труд «Звери Кавказа», в настоящее время являющийся библиографической редкостью.

Николай Яковлевич всегда отличался хорошим здоровьем, что дало ему возможность совершить много горных путешествий. И все же, под конец своей жизни, на 70-м году, сказались тяжелые физические трудности и лишения, которым он подвергался в своих экскурсиях и во время охот. В мае 1917 года Н.Я. Динник впервые обнаружил у себя мучительную болезнь сердца, а в сентябре этого же года он скончался.

Ëèòåðàòóðà

1. Беме Л.Б. Дикие звери Северо-Кавказского края. — Пятигорск, 1936. — 167 с.
2. Беме Л.Б. По Кавказу. — М., 1950.
3. Динник Н.Я. Горы и ущелья Северо-Западного Кавказа // Природа и охота. — Санкт-Петербург, 1879. — С. 1—13.
4. Динник Н.Я. Горы и ущелья Кубанской области // Извлечение из 1-го выпуска XIII книжки «Записок Кавказского отдела Императорского русского географического общества». — Тифлис, 1885.
5. Динник Н.Я. Медведь и его образ жизни на Кавказе // Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи. — 1897б. — Вып. 3.
6. Динник Н.Я. Кубанская область в верховьях рек Уруштена и Белой // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. — 1897в. — Кн. XIX. — С. 1—81.
7. Динник Н.Я. Пантеры и рыси в горах Кубанской области // Природа и охота. — 1898б. — Кн. 2.
8. Динник Н.Я. Верховья Большого Зеленчука и хребет Абишира-Ахуба. — Тифлис, 1899.
9. Динник Н.Я. Дикий кабан и его образ жизни на Кавказе // Природа и охота. — 1900. — Кн. IV.
10. Динник Н.Я. Млекопитающие горной полосы Кубанской области // Материалы к познанию фауны и флоры Российской Империи. — М., 1901. — Вып. V.
11. Динник Н.Я. Кавказский олень (Cervus elaphus maral Ogilby) // Материалы к познанию фауны и флоры Российской Империи. — М., 1902. — Вып. VI.
12. Динник Н.Я. Верховья Малой Лабы и Мзымты // Записки Кавказского отдела. — Кн. 22. — Вып. 5.
13. Динник Н.Я. Кавказские каменные козлы или туры // Материалы к познанию фауны и флоры Российской Империи. — М., 1909. — С. 1—48.
14. Динник Н.Я. Звери Кавказа. Китообразные и копытные. Ч. 1. — 1910.
15. Динник Н.Я. Общие замечания о фауне Кавказа // Труды Ставропольского общества для изучения Северо-Кавказского края в естественно-историческом, географическом и антропологическом отношении. — СПб., 1911. — Вып. 1. — С. 1—13.
16. Динник Н.Я. Звери Кавказа. Хищные. Ч. 2. — 1914.
17. Известия Кавказского Отделения Русского географического общества. — 1886—1888. — Т. IX. — С. 354—356.
18. Насимович А.А. Очерк экологии западно-кавказского тура. — 1949.
19. Насимович А.А. Новые данные по биологии серны на Западном Кавказе. — 1950.
20. Огнев С.И. Роль русских ученых в исследовании млекопитающих // Ученые записки Московского городского педагогического института имени В.П. Потемкина. — М., 1951. — Т. XVIII. — С. 5—22.
21. Сатунин К.А. Млекопитающие Кавказского края (Chiroptera, Insectivora, Carnivora). — М., 1915. — Т. 1.
22. Сатунин К.А. Млекопитающие Кавказского края (Pennipedia и часть Rodentia). — М., 1920. — Т. 2.
23. Федоров С.М. Выдающийся исследователь Кавказа Николай Яковлевич Динник // Материалы по изучению Ставропольского края. — Ставрополь, 1953. — Вып. 5. — С. 161—171.
24. Pallas P.S. Acta Acad. Imp. Des Sc. Tom III. P. 273. 1779.

Òåêñò ðóêîïèñè ïðåäîñòàâëåí àâòîðîì.

Ê.Ý. Øòàéí, Ä.È. Ïåòðåíêî
Âûäàþùèéñÿ êàâêàçîâåä Í.ß. Äèíííèê: Îòêðûòèÿ è ïðîçðåíèÿ ñïóñòÿ ñòî ëåò

Кажется странным, что в антологии, посвященной писателям, открывшим для мира Кавказ, большое место занимает публикация статей Н.Я. Динника, которого причисляют к выдающимся ученым-кавказоведам, посвятившим себя исследованию животного мира и природы Кавказа (см.: 17). На самом деле, ничего странного и, конечно же, ошибочного в этом нет. Спустя сто лет мы открываем для себя уникальное явление — произведения Н.Я. Динника, посвященные Кавказу, написанные серьезным ученым и выдающимся писателем. Со времени их выхода (1877—1926) они не переиздавались, да и о самом Н.Я. Диннике мы мало что знаем, написано о нем всего несколько статей.

Сочетание талантов в одном человеке позволило пробудить к нему интерес сейчас, в XXI веке, когда междисциплинарные исследования становятся наиболее значимым проблемным полем в науке, упрочиваются связи между наукой и искусством; ученые реально понимают, что художественное измерение в процессе исследования часто дает неожиданные результаты, как например, открытия в области квантовой механики, математики (законы симметрии), теории поля и т.д. Особенно важно это в исследовании природы, науках о жизни, куда человек включен в качестве действующего лица, активного наблюдателя. Именно в последние десятилетия стало понятным, что установка на антропоцентризм в исследованиях отделяет человека от природы, живого мира, космического пространства, куда, несомненно, встроен человек, взаимодействующий с миром и вселенной. Не случайно в последние десятилетия все явственнее горизонты новых дисциплин: геопоэтика, гуманистическая (гуманитарная) география, геософия, науки о живых системах, в которых делается установка на взаимосвязь всего сущего, системность подходов к изучению мира и человека в нем.

Хорошо известны работы Д.Н. Замятина, И.И. Митина, В.В. Абашеева и др., занимающихся гуманитарной географией. Гуманитарная география — «междисциплинарное научное направление, изучающее различные способы представления и интерпретации земных пространств в человеческой деятельности, включая мысленную (ментальную) деятельность» (13, с. 26). Гуманитарная география развивается во взаимодействии с такими научными областями и направлениями, как когнитивная наука, культурная антропология, культурология, филология, политология и международные отношения, геополитика и политическая география, искусствоведение, история.

За рубежом распространен термин «humanistic geography» («гуманистическая география»), к которой принадлежат географические работы феноменологической и экзистенциональной природы (см.: 20). В качестве наиболее значительного исследователя гуманистической географии зарубежные ученые называют Йи-Фу Туана (Yi-Fu Tuan). В обзоре проблем современной гуманистической географии, опубликованном на сайте Голландского научно-исследовательского университета Radboud University Nijmegen (город Неймеген) говорится о вкладе Йи-Фу Туана в развитие этого направления науки: «Гуманистическая география — одно из направлений гуманитарной географии, которое выделяется тем, что в исследованиях во главу угла ставятся осведомленность, информированность человека, его деятельность, самосознание и творческая активность.

Гуманистическая география появилась как самостоятельная дисциплина в англо-американской науке в 1970-х годах, и предполагалось, что она сможет предложить «широкий взгляд на то, что собой в действительности представляет человек и на что он способен» (Йи-Фу Туан). Введение этой дисциплины рассматривалось также как попытка «понять значение, ценность и смысл событий жизни для человека». Она была также, в некоторой степени, развитием бихевиористической географии.

Гуманистическая география пытается понять мир человека, анализируя связи человека с природой, особенности его географического поведения, мир чувств и идей человека в связи с его отношением к пространству и месту. <...> Бихевиористическая география использует количественные методы, гуманистическая география — качественные» (19).

Исследователи пишут, что Йи-Фу Туан родился в Китае в 1930 году, получал образование в Китае, Австралии, на Филиппинах и в Англии (в Оксфордском университете). В 1951 году он переехал в США, где работал в нескольких университетах (в частности Миннесотском университете и Висконсинском университете). Многочисленные путешествия, связанные с пребыванием в разных культурных средах, обусловили большой опыт Йи-Фу Туана.

Йи-Фу Туан определил направление исследований «гуманистической географии» для целого поколения, он изменил понимание гуманитарной географии как науки, изучающей «отношения человек — среда» («human-environment relationships»), в частности поставил более фундаментальные вопросы, связанные с поиском смысла существования человека в мире. В основе нового подхода — **понимание человечества как «пребывающего в мире нераздельно с ним» («being-in-the-world»)**, то есть жизнь человечества

находится в неразрывной связи с окружающим миром, определяется миром и нашим отношением к нему как в физическом, так и в эмоциональном смысле (имеется в виду феноменологическая интерпретация).

Туан ввел значимые термины для описания эмоционального отношения человека к месту: топофилия и топофобия. Топофилия определяется как любовь человека к географическому пространству, эмоциональная связь человека и места. Например, места, в котором он родился или откуда происходят его предки. Туан утверждает, что эта связь может изменяться в зависимости от индивидуальных особенностей личности и что особенности связи человека и места проявляются и на культурном уровне. Есть и биологический компонент привязанности человека к месту. Топофилия часто принимает форму эстетизирования места или ландшафта. Предполагается, что эстетическое восприятие места — главный способ отношения к среде многих людей. Другая важная форма топофилии — это привязанность к родине, степень которой может меняться в зависимости от отношения конкретного человека к целой стране, району, собственному дому. Туан предполагает, что такая привязанность может быть основана на каких-то воспоминаниях, гордости за свою собственность или объект собственного творчества. Топофилия, таким образом, это не только эмоциональная реакция, чувственный отклик человека на географическое пространство — человек под воздействием топофилии включается в процесс активного преобразования среды (места) (там же).

В противоположность топофилиии, топофобия — это отторжение от места. Отторгаемыми могут быть «страшные места», места, которые кажутся нам угрожающими. Например, место, где случилось нечто ужасное или где раньше было кладбище и т.д.

В работах современных отечественных ученых обращается внимание на структурирование «исконных» задач географии, осмысление их когнитивных особенностей. В частности, вводится понятие «синтеза комплексных географических характеристик», в основе которого лежит принцип структурирования всей информации как предмета анализа, создания описания того или иного географического пространства. В основе синтеза — отбор единиц информации и их структурирование. «Итогом наших поисков комплексности в комплексных географических характеристиках становится установка на описание мест по выделенным индивидуально для каждого места и субъективно каждым исследователем доминантам» и возможное их объединение, структурирование. Смысловое наполнение комплексных географических характеристик создает некую целостность, а в процессе интерпретации пространства создается пространственный миф» (см.: 14, с. 164).

В контексте новых исследований работы Н.Я. Динника поражают своими прозрениями в области общегеографических исследований. В них, несомненно, реализуется принцип понимания человечества как «пребывающего в мире нераздельно с ним» («being-in-the-world»), установка на системные исследования, когда любой объект природы анализируется во взаимосвязи с другими явлениями, имеются значимые экологические посылки и т.д. Особенностью работ Н.Я. Динника является естественный синтез трех аспектов в процессе создания текста: 1) научный «общегеографический» подход (С.М. Федоров: 17, с. 996); 2) подход, который в современных терминах можно определить с точки зрения «гуманистической географии»; и 3) художественный подход.

Научный подход во многом был определен возможностями образования Н.Я. Динника: он выпускник Московского университета, имевший степень кандидата естественных наук, вполне овладевший навыками глубокого научного «общегеографического» исследования, а также исследования в области биологии. По свидетельству С.М. Федорова, его учителя — выдающиеся ученые биологи-эволюционисты, зоологи, физиологи Я.А. Борзенков, С.А. Усов, К.Ф. Рулье, Н.А. Северцов и др. (см.: 17, с. 993).

С.М. Федоров отмечает, что «Н.Я. Динник объездил и обследовал весь Кавказский хребет. В некоторых местах, для него особенно интересных, он побывал несколько раз. Все виденное он и здесь заносил в свой дневник, так что **ни географические**, **ни зоологические**, **ни ботанические и другие факты не были оставлены без внимания** (здесь и далее выделено нами. — *К.Ш., Д.П.*), ничто не пропало для науки, так как впоследствии все материалы были обработаны и опубликованы» (там же, с. 995). Подход Н.Я. Динника к исследованию был системным, комплексным, включавшим в качестве объектов наблюдения географический, зоологический, ботанический и другие аспекты.

С.М. Федоров называет Н.Я. Динника натуралистом широкого профиля, он был гляциологом, ботаником, флористом, специалистом по изучению жизни зверей и птиц, полевой зоологии, географии и т.д. В результате его деятельности Ставрополь стал центром изучения всего Предкавказья. Не случайно, как отмечает С.М. Федоров, труды Н.Я. Динника получили высокое признание в научном сообществе конца XIX — начала XX века: «В 1883 году Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей выразило Н.Я. Диннику благодарность за его деятельность. В 1885 году Русское географическое общество наградило его серебряной медалью за статью «Горы и ущелья Терской области». В 1888 году Кавказское отделение Русского географического общества наградило Николая Яковлевича золотой медалью за труды по кавказоведению. В 1890 году то же отделение выделило ему 200 рублей на расходы по горным изысканиям «как слабую и посильную дань признательности, соразмерную со скромными средствами отдела». В 1912 году за первую часть труда — «Звери Кавказа» Академия наук присудила ему Ахматовскую премию в 500 рублей» (там же).

Отмечается, что Н.Я. Динник выбирал неизученные места, в которых в то время не был еще ни один путешественник, «самые девственные глухие места Кавказа» (там же, с. 999). Комплексный подход позволял «изучить Кавказ в деталях, ознакомиться с его дорогами, тропами, реками, ледниками, растительностью животным миром и населяющими его племенами. В работах Н.Я. Динника Кавказ представлен во всём своём многообразии и грандиозности» (там же).

Научный подход связан с систематикой животных, которая лежала в основе исследований Н.Я. Динника, но он постоянно расширял возможности их изучения: «Главной задачей Николая Яковлевича было изучать непосредственно в природе жизнь зверей Кавказа, и в этом деле он успел как нельзя лучше» (там же, с. 1000).

Ученые отмечают, что Н.Я. Динник опередил развитие такой науки, как биоэкология — исследование хищных, копытных и других зверей на Кавказе проведено лучше, чем в других местах России (там же). С.М. Федоров называет Н.Я. Динника экологом, «лично наблюдавшим жизнь диких животных и оставившим после себя прекрасное описание жизни туров, серн, оленей, кабанов и других труднодоступных для наблюдения животных» (там же).

Обратим внимание на то, что Н.Я. Динник часто разбивает внедренные стереотипы, нашедшие выражение в создании мифов, сказок, легенд о животных, о природе Кавказа. Так, говоря о характере и умственных способностях кавказского медведя, Н.Я. Динник проясняет некоторые особые черты этого вида, которые определил на основании обширных наблюдений: «На основании личных наблюдений я прихожу к тому заключению, что если медведи других стран по своей сообразительности приближаются к кавказскому, то **все рассказы**, в которых они являются существами более или менее смышлеными, догадливыми или находчивыми, должны быть отнесены к области **сказок**, причину возникновения которых надо приписать тому, что **медведь, благодаря своей силе, страшному виду и оригинальной наружности, занимал всегда человека, в особенности необразованного или полудикого, больше, чем какое-либо другое животное**. По моим личным наблюдениям, медведь очень ленив, крайне мало наблюдателен, ко всему равнодушен, трус и способен обнаруживать некоторую храбрость или смелость только в исключительных случаях. Такого мнения придерживаются и все те кавказские охотники, которым удалось познакомиться с медведем более или менее основательно; если же иногда и здесь приходится слышать **рассказы о необыкновенной сметливости или хитрости медведя**, то всегда от людей незнакомых с ним и его нравами, и повторяющих общеизвестные, **избитые сказки**» (10, с. 873).

Ученые отмечают достоверность, объективность исследований Н.Я. Динника, которые подтверждаются «полнотою, тщательностью и точностью описания фактов»: «Добавим ко всему этому, что Николай Яковлевич был очень наблюдательным и ревностным исследователем; факты, сообщаемые им, в огромном большинстве случаев **тщательно проверены и точны**» (17, с. 1000—1001). Не раз подчеркивается, что исследования Н.Я. Динника отличаются «особенно подробным, тщательно проверенным и точным описанием» явлений природы, животных, растений. Он вел систематические наблюдения на Кавказе и в Ставрополе за природой, а описания, сделанные предварительно в дневнике, «говорят о большом знакомстве Динника с систематикой растений» (там же, с. 1003). Особенно ценно то, что заключения Н.Я. Динника — «результаты исключительно собственных выводов автора» (там же, с. 1002).

Н.Я. Динник в своих метапосылках к тексту сам говорит о своем стремлении к достоверности и указывает возможности ее достижения. Так, в статье «Медведь и его образ жизни на Кавказе» (1897) он отмечает: «…зная, насколько неполно изучены млекопитающие Кавказа и вполне разделяя мнение академика Миддендорфа, что «зарывшейся в книги ученый в своем кабинете и свободный житель лесов должны в своих наблюдениях над жизнью животных общими средствами стремиться к одной цели», и что «**достоверность** наших познаний во всех наблюдательных науках зависит не только от верности, но вместе с тем и от **числа наблюдений**», я решил, пополнив пробелы в своих наблюдениях **тщательно проверенными** рассказами охотников и местных жителей, описать некоторых из числа наиболее интересных млекопитающих Кавказа. К этому меня побуждает также и следующее обстоятельство: сопоставляя свои **личные наблюдения** с тем, что мне известно из различных сочинений как зоологического, так и охотничьего характера, **я заметил**, что жизнь животных на Кавказе во многом настолько существенно отличается от жизни их в других странах, что уже в силу одного этого ее есть основание описать» (10, с. 868). Так рождались монографические исследования Н.Я. Динника о животных и птицах Кавказа: «Кавказские горные козлы» (1882), «Кавказский тетерев» (1884), «Кавказская серна и ее образ жизни» (1896), «Медведь и его образ жизни на Кавказе» (1897), «Дикий кабан и его образ жизни на Кавказе» (1900), «Кавказский олень (Cervus elaphus maral Ogilby)» (1902), «Звери Кавказа» (1914) и др.

Ярко выраженное открытое «я» исследователя находит отображение в текстах Н.Я. Динника: он опирается на свои наблюдения, конкретные факты, с которыми он имел дело не один раз. При этом его утверждения не категоричны, часто он использует модальность предположения. Так, в работе «Медведь и его образ жизни на Кавказе» (1897), рассуждая о черепе медведя, Н.Я. Динник отмечает: «Кроме того, медведи мелкие, с узким черепом живут, **как я заметил**, большею частью не там, где крупные, с высоким лбом и

сильно выдающимися скуловыми дугами. Последние придерживаются **по преимуществу** лесов и сравнительно редко выходят на альпийские пастбища, тогда как первые отдают **заметное предпочтение**, по крайней мере, летом, высоким горам, скалам и альпийским лугам. Наконец, почти все ходившие с медвежатами медведицы, **которых я видел** и убивал на горных лугах, имели малый рост, и **мне кажется**, что признать их всех молодыми, полувзрослыми, весьма **мало вероятности**. **По этим причинам, я думаю**, что крупные и мелкие кавказские медведи представляют две самостоятельные породы. **Такого мнения придерживаются почти все кавказские охотники**» (10, с. 869). Обратим внимание на то, что животное изображается в пространстве среды, изучаются его повадки и манеры, места обитания.

Интересно то, что многие результаты исследований Н.Я. Динника были внедрены в процессе развития промыслового охотоведения, создания заповедников, применения в них некоторых биотехнических мероприятий: подкормки, устройства искусственных солонцов и других (см.: 17, с. 1001).

Работы Н.Я. Динника наполнены научным содержанием: конкретными фактами, цифрами, подробным описанием ландшафтов, видового разнообразия флоры и фауны, — но это не делает их сухими, отстраненными от читателя, мы чувствуем желание не просто излагать факты, а говорить с людьми, делиться наблюдениями, открытиями, впечатлениями. Возьмем пример из статьи «По Чечне и Дагестану» (1906): «Местность по сторонам дороги и вдали от нее очень красива и более или менее лесиста. Лес состоит из деревьев средних размеров; между ними преобладают сосны и, кроме того, часто попадается береза, рябина и бук. Из кустарных растений в нем растут можжевельник, жимолость (Lonicera), рододендроны, карликовая ива (Salix arbuscula) и некоторые другие. Здесь же встречается часто черника, брусника и красивая Daphne glomerata. Rhododendron ponticum я видел только в одном месте, но зато в очень большом количестве. Выше границы лесов на этих горах тянется широкая зона альпийских лугов, гораздо более пышных и красивых, чем вблизи Санчхоя и Чамгоя. На них встречается множество прекрасных, светло-голубых незабудок (Myosotis silvatica), несколько видов вероники, чудные темно-синие Gentiana pyrenaica, крупные светло-голубые колокольчики или водосбор (Aquilegia olympica) Silene, Polygala comosa, P. vulgaris, Asperula cynanchica, Galium verum, Viola altaica и т.д.» (12, с. 957).

В процессе описания местности Н.Я. Динник вводит эстетический камертон: «местность… очень красива». Не раз этот камертон поддерживается тоном описания, введением цветовых характеристик: альпийские луга «пышные и красивые», незабудки «прекрасные», колокольчики «светло-голубые», «чудные темно-синие Gentiana pyrenaica» (Горечавка пиренейская). Восхищение природой, ее красотой, ее эстетизация — только оживляет очень строгое иерархическое системное описания растений лесной зоны (деревья: деревья средних размеров, сосна, береза, рябина, бук; кустарник: можжевельник, жимолость, рододендрон, карликовая ива, черника, брусника; цветы: незабудка, вероника, колокольчик и т.д.). Используются принципы биологической систематики, латинская терминология, ее интерпретация с помощью российской ботанической терминосистемы, которая тем не менее оживляется уместными точечными художественными зарисовками растений.

Интересно отметить, что в начале XX века шло активное обсуждение особенностей научных терминов, свойств научного текста. В дискуссии участвовали поэты, философы, ученые. Так, по отношению к «слову-термину» А. Белый категоричен, его дефиниции носят негативный характер: «…слово-термин – костяк… придавая терминологической значимости слова первенствующее значение, вместо побочного и служебного, мы убиваем речь, то есть живое слово» (3, с. 406); «…слово-термин — прекрасный и мертвый кристалл, образованный благодаря завершившемуся процессу разложения живого слова» (там же, с. 407). В определенной степени, его поддерживает философ П.А. Флоренский. Научная речь, по его мнению, — «выкованное из повседневного языка орудие, при помощи которого мы овладеваем предметом познания» (18, с. 229). Всякая наука — система терминов, главное в них — рациональность. П.А. Флоренский считает, что в научном, философском языке увлечение терминологией ведет к «окаменению» языка: создается такое впечатление, что вся «задача «философского языка» — «…навеки заморозить мысль в данном ее состоянии. Таков один путь потери языком своего равновесия» (там же, с. 165).

Язык, по мнению П.А. Флоренского, антиномичен, ему присущи два взаимоисключающих уклона, два противоположных стремления: творческое, индивидуальное, своеобразное в языке находится на одном полюсе, монументальное, общее, принятое исторической традицией — на другом. Это пара, пребывающая в сопряжении. Вне этого противоречия не существует языка. Для того, чтобы язык жил полноценной жизнью, нужно не ослаблять один из полюсов антиномии, а напротив, усиливать их оба. П.А. Флоренский вводит понятие «turgor vitalis» («жизненная крепость») как виталистическое определение характера жизни языка и слова: «Углубление, сгущение, оплотнение языка достигается чрез повышение его turgor vitalis, — когда самособирается, организуется и выкристаллизовывается его противоречивость. Культура языка **двуединым усилием подвигает его по двуединому пути зараз**, и только так может продвинуть к новым достижениям, не разрушая при этом самого существа его. Работа над языком имеет задачею своею: **железную антиномию его закалить в сталь, то есть сделать двойственность языка еще бесспорней, еще прочней**. Этой сталью должна быть и наука, и философия, — или вовсе не быть. **Тем и другим должно быть это слово**

зараз: столь же гибким, как и твердым, столь же индивидуальным, как и универсальным, столь же мгновенно-возникающим, как и навеки определенным исторически, столь же моим произволом, как и грозно стоящею надо мною принудительностью» (там же, с. 201, 203).

Язык исследований Н.Я. Динника характеризуется указанной антиномией: он строг и точен, и в то же время в нем находится место образности, выразительности, возможности передать чувства натуралиста, благоговеющего перед святыней красоты природы. Термин «turgor vitalis» («жизненная крепость») можно применить как к языку Н.Я. Динника, так и к его восприятию природы, жизни. В обыденной жизни он был очень динамичным, деятельным, активным человеком, мужем, отцом и в то же время великолепным учителем, пытливым, талантливым ученым, писателем. В основе его жизни лежали живая целенаправленная деятельность (целеполагание), большие волевые усилия, стремление к творчеству как в науке, так и в искусстве ее представления.

К способам представления научного знания Н.Я. Динником мы отнесли принципы «**гуманистической географии**», которую он предвосхитил своими трудами. Мы уже отмечали эстетизацию природы в описаниях Н.Я. Динника. Она характеризует связь человека с природой, дает возможность понять его мир, мир чувств и идей в связи с отношением к пространству и месту. Не случайно биограф Н.Я. Динника С.М. Федоров отмечает, что Н.Я. Динник дал «первое красочное описание» Кавказа (17, с. 999).

«Красивый» — одно из самых частотных слов в зарисовке пейзажей, обычно словом «красивый» Н.Я. Динник отмечает начало зарисовки. Таким образом, это слово становится текстообразующим, так как утверждение о «красоте» того или иного места далее подтверждается подробными элементами описания: «Аргунское ущелье от своего начала до Шатоя на протяжении верст 20 **очень красиво**. Река с темной мутной водой несется в глухой, мрачной теснине, прыгая с камня на камень и со скалы на скалу. По обеим сторонам ее поднимаются высокие, очень крутые горы, покрытые густыми лиственными лесами. Во многих местах над зеленью этих лесов выдаются то отдельные скалы, то группы их или даже целые ряды и галереи, расположенные друг над другом. Ущелье имеет вообще более или менее мягкий, ласкающий вид и лишено той дикости, которой отличаются многие ущелья Кавказа, окруженные высокими безлесными горами» (12, с. 952). Приемы контраста, метафоризация нисколько не умаляют точности и строгости описания. Так, в данном пейзаже в инициальной части дается довольно суровая зарисовка течения реки («темная мутная вода», «глухая, мрачная теснина»), а в финальной части Н.Я. Динник прибегает к мягким тонам и краскам («мягкий, ласкающий вид», «лишено той дикости»). Метафора «река… несется… прыгая с камня на камень и со скалы на скалу» снимает резкий контраст, придает оживленность, яркий динамичный радостный настрой пейзажу.

Слово «красивый» с указанием степени восприятия: «очень красивый», «необыкновенно красивый», «замечательно красивый», «менее красивый» и др. — создает особую тональность, настраивает на гармоническое восприятие природы и способствует тому, чтобы возвышенные чувства автора передались читателю.

«Красивый», по данным «Словаря русского языка» (МАС), — ’приятный на вид, отличающийся правильностью очертаний, гармонией красок, тонов, линий и т.п.’. В слове отображается особенность восприятия — ’приятный’, а также правильность, гармоническое соотношение красок, тонов, линий и т.д.

Это же касается и описания фауны Кавказа. Строгое терминологическое описание птиц подкрепляется деликатными живописными зарисовками: «…смешение форм, свойственных самым разнообразным климатам, мы встречаем на Кавказе, конечно, не только среди млекопитающих, но и среди птиц, пресмыкающихся и других классов животных. В самом деле, вместе с **великолепно окрашенной султанской курицей** (Porphyrio poliocephalus Lath), розовым фламинго, щуркой (Merops), сивоворонкой (Coracius), имеющей такую **чудную лазоревую окраску нижней стороны крыльев, какая может быть только у птиц тропических стран**, зимородком, — такими близкими родственниками птиц тропического пояса — живут дети холодных, даже полярных стран, как например снегири, клесты (Loxia pityopsittacus Bechst), овсянки (Emberiza citrinella L.) и т.д.» (11, с. 980). «Великолепно окрашенная султанская курица», «чудная лазоревая окраска» крыльев — эти штрихи помогают дать не только описание видов птиц, но и возможность «переживания предметности»: мы представляем себе эту красоту, включаемся в восприятие, начинаем проживать в системе того жизненного мира, который создает ученый. Обратим внимание на то, что прием контраста он использует не только в описаниях, близких к художественным, но и в процессе научного анализа, беря явление «в пределе его» на основе принципа дополнительности, соединяя как бы взаимоисключающие основания для определения. Так, «птицы тропического пояса» и «дети холодных полярных стран» на Кавказе, имеющем такие разнообразные природные формы, оказываются вместе. Такой охват природных явлений возможен только в том случае, когда ученый хорошо знает весь природный мир, схватывает его в одновременности, как бы находясь сверху, системно, что позволяет видеть части, их отношения в системе целого, делать на основании этого системного видения явлений смелые наблюдения и обобщения.

Как убедительно он говорит о причинах необычайного разнообразия форм жизни на Кавказе! «Причин, вызывающих такое разнообразие и богатство, как животного, так и растительного мира Кавказа, очень много. К ним принадлежит, прежде всего, необыкновенный **рельеф Кавказа**, на котором мы встречаем с одной стороны низменности, лежащие даже ниже уровня океана (все Каспийское побережье), а с дру-

гой — горы, которые поднимаются до высоты, на несколько тысяч футов превышающей высоту нижней границы вечных снегов, (Эльбрус 18470 футов, Дыхь-тау 17054, Шхара, Коштантау и т.д.) **Такой рельеф вместе с другими метеорологическими условиями является причиной необыкновенного разнообразия климата местностей Кавказа, которое в свою очередь не может не влиять на животный и растительный мир**. Достаточно указать на Карс с его морозами, доходящими до 47° С. (самая низкая температура, наблюдавшаяся на Кавказе), а с другой стороны – Аралых, Дербент, Баку, Ленкорань, и даже Екатеринодар, где температура второй половины лета всего лишь на 2–3 градуса отличается от температуры многих мест, находящихся под экватором. **Не меньшее разнообразие представляют различные пункты Кавказа в отношении влажности**. В Батуме, например, выпадает в год влаги до 2370 мм, а в некоторые годы даже более 3000 мм, в Баку же, находящемся подобно Батуму на берегу моря, средним числом только 245 мм, то есть в десять раз меньше.

Другая причина необыкновенного разнообразия животного мира Кавказа заключается в том, что Кавказ, как мы увидим ниже, **в прежние геологические эпохи служил мостом, по которому неоднократно совершались переселения животных севера на юг, а животных юга на север**, причем как те, так и другие, находя иногда на Кавказе подходящие для себя условия жизни, поселялись в нем навсегда» (там же).

Для серьезного ученого Кавказ — это необычайная лаборатория, которая дает возможность на сравнительно небольшом пространстве изучить практически все формы жизни на Земле. В силу этих особенностей Кавказ производит и яркое эстетическое впечатление, здесь собрано «все сразу», что сильно влияет на чувства, настроения, самочувствие, самосознание человека. Здесь он получает понятие о грандиозности живого мира, его разнообразии, находящемся в особой гармонии всех составляющих: природы, климата, атмосферы и т.д. Все это с живостью, интересом ко всему сущему отобразил в своих работах Н.Я. Динник.

При этом он не холодный наблюдатель, а человек, для которого природа — это грандиозный космический дом с его обитателями — человеком, зверем, птицами, деревьями, цветами. Описание характера зверей Н.Я. Динник часто сопровождает теплым чувством с элементами легкого юмора по отношению к повадкам животного. Так, например, рассуждения о развитии чувства вкуса у медведя Н.Я. Динник строит на основе рассказа о его «кулинарных» пристрастиях: «Что касается вкуса, развитие которого у животных находится обыкновенно в более или менее тесной связи с развитием обоняния, то медведь в этом отношении стоит, как и надо было ожидать, довольно высоко. Его **склонность покушать малины**, его путешествия на высокие деревья с целью **полакомиться** даже мелкими дикими черешнями, его несомненное **умение выбирать деревья с наиболее вкусными сливами, грушами, яблоками** и т.д., наконец его всегдашняя готовность **претерпеть немалые мучения, лишь бы отведать пчелиного меда**, все это говорит, конечно, в пользу хорошо развитого вкуса» (10, с. 874). «Покушать», «полакомиться», «отведать» — слова, отображающие теплые чувства исследователя по отношению к герою рассказа.

Направление исследований «гуманистической географии», как мы уже отмечали, связано с пониманием человечества как «пребывающего в мире нераздельно с ним» («being-in-the-world»), то есть жизнь человечества находится в неразрывной связи с окружающим миром, определяется миром и нашим отношением к нему как в физическом, так и в эмоциональном смысле. При этом человек и среда не противопоставлены друг другу, их нахождение в мире взаимообусловлено. Здесь мы хотели бы поставить восклицательный знак, говоря о трудах Н.Я. Динника! Его произведения всегда многоплановы, каждый объект природного мира находится в неразрывной связи со всем сущим, будь то сам человек, зверь, птица, дерево, цветок. Иначе человек не был бы человеком, зверь — зверем, птица — птицей, дерево — деревом. Нарушение всеобщей связи всегда ведет к катастрофе.

Указывая на многие природные факторы, связанные с исчезновение диких видов животных (нарушение естественного природного баланса, климатические изменения, нарушение пищевых цепей и т.д.), Н.Я. Динник обращается к проблеме истребления зверей и птиц человеком: «Посмотрим теперь, какие же причины вызывают такое страшное уменьшение количества дичи, явление столь **печальное**, как для охотников, так и для любителей природы… <…> Необыкновенно важным обстоятельством, стоящим в тесной связи с рассматриваемой причиной истребления дичи, является то, что пастухи… всегда выступают как самые **варварские**, **безжалостные** и **страшные** истребители зверей. Живя, можно сказать, в самом центре района, обитаемого дичью, и имея пропасть свободного времени, многие из них таскаются по горам с ружьем в руках изо дня в день, как в запрещенное, так и в запрещенное время и не щадят при этом ни стельных ланей или серн и туров, ни самок, за которыми следуют недавно появившиеся на свет беспомощные еще козлята или телята. Мне самому много раз приходилось слышать, как где-нибудь в горах кричал по целым часам осиротевший туренок или маленькая серна, тщетно призывая свою мать, погибшую, без сомнения, от пули варвара пастуха-охотника» (9, с. 72, 75). Не случайно утверждают, что Н.Я. Динник предвосхитил развитие биоэкологии, указал пути сохранения природы на Кавказе.

В центре исследований путешественника могли находится разные объекты (животные, птицы, растения, ледники), но описывались они в связи со всеми элементами природного мира. Это именно принцип «пребывания в мире нераздельно с ним» («being-in-the-world»), нахождения в неразрывной связи с окру-

жающим миром. Вот например, описание аула Итум-кале в работе «По Чечне и Дагестану» (1906): «Аул Итум-кале, находящийся около крепости, состоит из маленьких невзрачных чеченских саклей. В нем есть, однако, несколько мелочных лавочек. Что касается самого ущелья, то оно около Евдокимовского не так узко и покрыто на большей части своего протяжения приземистой травкой, а кое-где и кустарником, который растет на местах, бывших прежде под лесом.

Около Башин-кале и Евдокимовского нам попадалось довольно много белых плисок (Motacilla alba L.), горных плисок (Motacilla boarula L.) и чеканов (Saxicola oenanthe L.); корольковые вьюрки (Serinus pusillus Pall.) попадаются здесь очень часто, своим голосом и веселым нравом очень оживляют эти мрачные и пустынные места и обращают на себя внимание красивым оперением, особенно самцы, имеющие, как известно, темя и лоб очень яркого огненно-красного цвета. Около Евдокимовского, преимущественно там, где есть кустарники и деревья, часто попадаются дрозды-дерябы (Turdus viscivorus L.), а вблизи скал носятся взад и вперед горные ласточки (Cotyle rupestris Scop.), своей мутно-серой, однообразной окраской очень напоминающие цвет скал. Ворон, серая ворона и красноносая альпийская ворона (Fregilus graculus L.) попадаются тоже довольно часто.

Вблизи Евдокимовского в Аргун впадает с правой стороны речка, которая течет по очень глубокому ущелью с крутыми склонами. Последние вблизи слияния этой речки с Аргуном покрыты мелким лесом, а кое-где более или менее скалисты; что же касается верховьев речки, то там виден крупный сплошной лес. Довольно порядочные и также более или менее сплошные леса растут и в других ущельях и балках. Вообще, около Евдокимовского по Аргуну и его притокам находится много лесов, которые составляют так называемую Евдокимовскую лесную дачу» (12, с. 955).

В центре описания — птицы, которых Н.Я. Динник изучает, как всегда, обстоятельно, системно, описывает на основе принятой научной классификации, с применением русскоязычных и латинских терминов. При этом обращают на себя внимание мастерски данные портреты некоторых особей, например «корольковых вьюрков (Serinus pusillus Pall.)», говорится об их голосе, «веселом нраве», «красивом оперенье», цвете оперения самца. Или «горные ласточки», которые «мутно-серой, однообразной окраской» напоминают «цвет скал». Описание птиц ущелья занимает абзац, имеет относительно законченный характер, но ему предшествует указание на заселенность местности людьми, нахождение военной крепости, аула, короткое описание жилья, деталей быта («мелочные лавочки»), особенностей растительного мира этого ущелья («приземистая травка», «кустарник», «который растет на местах, бывших прежде под лесом»). А в последующем абзаце разворачивается масштабное географическое рассмотрение местности: горы, реки, ущелья, балки, леса Евдокимовской дачи.

Мы наблюдаем гармоничную взаимосвязь всего со всем, при этом каждый объект занимает свое собственное место в природной системе. Ущелье является обиталищем и для людей, и для растений, и для животных, которые бытийствуют в соседстве, взаимосвязи, координации друг с другом. Этот подход в описании можно отнести к энциклопедическому. Несмотря на сжатость, краткость изложения, оно всегда является достаточно полным, способствует рассмотрению всех аспектов описываемого объекта.

Не случайно Н.Я. Динник часто философски осмысляет мир как «книгу природы», где все ее компоненты пребывают во взаимосвязи, в гармоническом соответствии друг с другом. В очерке «Горы и ущелья Кубанской области» (1884) Н.Я. Динник отмечает, что при первом взгляде горный лес может представлять «хаотический беспорядок», «но присмотритесь к нему, и как много вам удастся **прочитать на страницах его раскрытой книги**: вы увидите громадные деревья, обхвата в три или четыре толщины, которые стоят уже целые столетия, мешая другим расти около себя. Чтобы пользоваться светом солнца, они гордо подняли свои верхушки на несколько десятков сажен от земли и значительно выше своих соседей. Рядом с ними стоят такие же великаны, но отжившие свой век. Верхние ветви их, более подверженные влиянию ветра и влаги, уже обломались, а кора кусками в целые квадратные аршины свешивается с их стволов. Росли они сотни лет, мешали расти другим, еще, может быть, простоят многие годы, но, наконец, придет время им превратиться в почву и своим бренным телом питать новое поколение. Тут же растут и молодые деревья; некоторым из них суждено впоследствии превратиться в великанов, другие же, желая пробиться на свободу, много лет будут чахнуть под тенью своих собратов, но умрут преждевременной смертью, не достигнув и десятой части того роста, какой могли бы иметь. Не менее замечательный вид представляет почва. В страшном беспорядке лежат на ней деревья, поваленные бурей или упавшие от старости. Некоторые из них, падая, захватили кого-либо из соседей и лежат рядом, сплетаясь друг с другом ветвями; другие, падая, зацепились и повисли, а третьи, ударившись о землю, разбились на части. Некоторые из них своим телом уже кормят группы мхов, папоротников и молодое поколение елей или пихт. Хоронить мертвецов здесь некому, поэтому во многих местах они представляют такие крепости и баррикады, через которые едва можно перебраться. Необыкновенное безмолвие и тишина царствуют всегда в таких лесах. Только изредка раздастся в них крик маленькой птички, послышится стук дятла или издалека донесется шум воды. Даже жужжание насекомых здесь никогда не бывает слышно, и ветер колеблет только верхушки деревьев, не распространяясь далеко вниз в вечный полумрак этого леса» (7, с. 861—862).

Это изумительное философское описание леса в его жизненном потоке. Лес представлен во внутреннем «драматизме», **в соотношении жизненных сил**, которые дают возможность деревьям стать великанами — «громадными деревьями, обхвата в три или четыре толщины, которые стоят уже целые столетия», высотой «несколько десятков сажен от земли», **и смерти как неизбежного спутника жизни**: «Верхние ветви их, более подверженные влиянию ветра и влаги, уже обломались, а кора кусками в целые квадратные аршины свешивается с их стволов»; «хоронить мертвецов здесь некому», они «бренным телом» будут «питать новое поколение». Это не только зарисовка дремучего леса, каких очень много в верховьях Кавказа, это гимн лесу, природе, жизни, которая, в понимании Н.Я. Динника, связана с невероятными усилиями, проявлением внутренней титанической энергии природы.

Свои наблюдения в этот раз, как и всегда, Н.Я. Динник вводит в научный контекст, показывая, что это лес, «как создала его природа», лес, до которого не дотрагивалась рука человека: «Рост деревьев, их появление на свет, более или менее продолжительное существование и, наконец, смерть, — все это управляется **единственным неумолимым фактором — борьбою за существование**, влияние которой не сказывается нигде в такой поразительной форме, как здесь» (там же, с. 861). Научный контекст обогащается философским и, конечно же, поэтическим, так как в описании леса Н.Я. Динник проявляет блистательное мастерство художника: «молодые деревья… некоторым из них суждено превратиться в великанов», «будут чахнуть под тенью своих собратов», «умрут преждевременной смертью», «необыкновенное безмолвие и тишина царствуют всегда в таких лесах».

Философский контекст связан с пониманием Н.Я. Динником мира как «книги природы». Это, как отмечает С.С. Аверинцев, «восходящее к древности представление о мире природы как некоем «тексте», подлежащем «чтению» и толкованию. <…> Средневековое христианство видело в природе создание того же самого Бога, который раскрыл себя людям в Библии; отсюда вытекает известный параллелизм природы и Библии как двух «книг» одного и того же автора (природа — мир как книга, Библия — книга как мир). Эта идея, одним из первых развитая Максимом Исповедником, остается популярной вплоть до эпохи барокко; она наивно выражена в стихах английского поэта XVII века Ф. Куарлеа: «Этот мир — книга ин фолио, в которой заглавными литерами набраны великие дела Божьи; каждое творение — страница, и каждое действие — красивая буква, безупречно отпечатанная». Однако если ортодоксальная традиция сопоставляла «книгу природы» и Библию, то неортодоксальные мыслители, начиная с эпохи Возрождения, противопоставляли их (например, предпочтение «живого манускрипта» природы «писанному манускрипту» Библии у Кампанеллы). «Книгу природы» можно было сопоставлять не только с Библией, но и с человеческой цивилизацией и книгой как ее символом. Просвещение (за исключением Руссо) вкладывает в образ «книги природы» свою веру в культуру, до конца согласную с природой, и в природу, до конца согласную с разумом. Движение «Бури и натиска», в частности ранний Гёте, а затем романтизм противопоставляет органическую мудрость «книги природы» механистическому рационализму и книжной учености. Это умонастроение выражено в стихах Ф.И. Тютчева:

«Где вы, о древние народы!
Ваш мир был храмом всех богов,
Вы книгу Матери-природы
Читали ясно без очков!» (2, с. 262).

Н.Я. Динник, по-видимому, разделял это мнение, его пытливый ум был направлен на прочтение, изучение «книги природы», почтение к ней, преклонение перед ней. Это говорит об очень зрелом подходе ученого, который видел сложный мир природы Кавказа в его целостности, единстве, поэтому мог так свободно, системно и глубоко его анализировать и описывать. В его повествованиях очень много интересных этнографических зарисовок, бытовых сценок, на которые он никогда не отвлекался подробно, но тем не менее давал, что способствовало многосторонности, энциклопедичности описания.

Ценными являются немногочисленные этнографические наблюдения Н.Я. Динника, которые позволяют судить о народах, населявших Кавказ, их образе жизни. Так, в очерке «По Чечне и Дагестану» (1906) дается описание жилища, быта горцев аула Тюиллой: «Тюиллой состоит всего лишь из нескольких жилищ, сложенных из шиферных плит и ими же покрытых. Материала этого имеется здесь под руками сколько угодно, и платить за него не приходится; поэтому некоторые из жителей Тюиллоя, несмотря на свою бедность, выстроили довольно порядочные по размерам сакли и содержат их очень чисто. Почти все они стоят на крутых косогорах, причем нередко своим задним фасадом упираются прямо в гору. Внутри они обмазаны глиной, что, безусловно, необходимо в здешнем холодном климате. Большая часть жителей Тюиллоя, в особенности женщины и дети, никогда не видели русских, и мы были, кажется, первыми, посетившими их аул» (12, с. 957).

С мягким юмором Н.Я. Динник пишет об эпизоде с предложением к местным жителям сфотографироваться, отмечает приветливость, любезность обитателей аула Тюиллой: «Жители Тюиллоя приняли нас очень любезно. Они отвели нам довольно чистую, просторную кунацкую, тотчас же согрели воды для чая, принесли молока, яиц и сыра, — словом, охотно сделали для нас все, что могли. При нашем отъезде они долго

не соглашались взять с нас деньги за все, доставленное ими» (там же, с. 958). Важно то, что в своих работах Н.Я. Динник разбивает некоторые сложившиеся стереотипы, страхи перед народами Кавказа. Так, и сейчас много предубеждений, связанных с ингушами, чеченцами. Эти предубеждения в особенности подкрепляются кавказскими войнами, возобновляющимися время от времени. Н.Я. Динник отмечает их, но в то же самое время создает позитивный яркий коллективный портрет чеченцев: «Чеченцы-горцы — народ бедный, но… трудолюбивый, смирный и честный. Они очень вежливы, любезны, предупредительны и гостеприимны. Я несколько раз останавливался и ночевал в Дачуборзое, Улускерте, Соное и других аулах и всегда пользовался полным вниманием своих хозяев. Неоднократно ездил ночью, как зимою, так и летом, по горам Чечни и никогда не случалось со мною ничего неприятного. Наоборот, вежливое и предупредительное отношение к себе я имел случай наблюдать на каждом шагу. Едва, например, успевал я достать папиросу, как кто-нибудь из чеченцев зажигал спичку и подносил ее мне. Плату за ночлег и самовар или что-нибудь съестное чеченцы почти всегда долго отказывались принять, говоря, что по их законам брать с гостя деньги не полагается и стыдно. В одном ауле хозяин сакли, в которой мы останавливались, наотрез отказался взять с нас деньги, и я был очень рад, что мог презентовать ему около фунта пороха. Другой подобный случай произошел в Улускерте, где я взял на день у одного из жителей верховую лошадь. От платы за нее он упорно отказывался, и, когда я, можно сказать, насильно сунул ему в карман рубль, он вынул его и обратно положил мне в карман. …чеченцы… держат себя в большинстве случаев настоящими джентльменами» (там же, с. 958).

Интересны и кулинарные впечатления, наблюдения, даже краткие рецепты блюд кавказских народов: «Вечером нас угостили ужином – супом и курицей, приготовленной с перцем, и притом превкусно» (там же, с. 968); «в это время мальчишки-чеченцы успели наловить нам несколько десятков форелей, из которых в тот же вечер была сварена очень вкусная уха» (там же, с. 970).

Трогательно выглядит эпизод встречи в горах Кавказа двух ученых: Н.Я. Динника и геолога Г.П. Михайловского, — свидетельствующий о содружестве членов научного сообщества, которые могут быть лично не знакомы, но хорошо знать друг друга по публикациям, исследованиям: «На Эрсеноевской станции я совершенно случайно встретил геолога Г.П. Михайловского, командированного в эту же часть Кавказа с ученой целью. Мы друг о друге слышали, знали друг друга по различным трудам и потому встретились, как добрые знакомые. Сейчас же нами было решено не только ехать до Ведено и поселиться там вместе, но вместе же предпринять несколько поездок в горы. Для меня эта встреча была очень приятна, и я с удовольствием вспоминаю недели две, проведенные с Г.П., очень приятным и веселым собеседником» (там же, с. 962).

Все это создает яркую полную картину происходящего, показывает открытость Н.Я. Динника как ученого, познающего субъекта, умеющего не только активно воспринимать происходящее в природе, но и блестяще донести до читателя свои впечатления.

Прекрасное владение русским языком позволяло Н.Я. Диннику делать яркие зарисовки, строить хорошо структурированное научное описание, мыслить глубоко, широко — научно, художественно, философски. Интересно то, что попутно Н.Я. Динник, по-видимому, осваивал языки тех народов, с которыми он вступал в общение. В его текстах много экзотизмов — слов из языков народов Кавказа, которые он вводил в свои исследования не для красного словца, не отягощая их, а по делу, например, при описании видов животных. В работе «По Чечне и Дагестану» (1906) он вводит чеченские названия, создавая колорит, присущий данному месту: «медведи (по-чеченски «ча») живут во всех лесах», «то же можно сказать и о диких свиньях (по-чеченски «хека»)», «дикие козы («лу» по-чеченски) водятся также во всех лесах», «олени («сей») уже истреблены в горах, окружающих Ведено», «волк («бордз») всюду в лесах, а летом за стадами овец отправляется на горные пастбища», «шакалов около Ведено нет вовсе («цоогол»), довольно много в горах и на более низких местах», «барсуки («даам») и дикие кошки («аакацицик») встречаются также довольно часто», «куницы («салор») водятся в лесах около Ведено и в других местах», «за зайцами («паагель») охотятся как русские, так и чеченцы» (там же, с. 966—967). Это не только интересно тем, кто живет на Кавказе, но и позволит ориентироваться в случае путешествий.

Если говорить о языке произведений Н.Я. Динника, то следует отметить, что они написаны богатым русским языком, который отображает элитарную языковую личность, способную не просто успешно общаться, но и создавать оригинальные произведения, а также вступать в коммуникацию с учеными, их работами, различными по степени сложности. Работы Н.Я. Динника являются небольшими по объему, но наполненными богатым содержанием и информацией. Они строго и четко организованы, всегда имеют внятную направленность — научную, познавательную, художественную.

Говоря о **степени художественности**, следует отметить, что первичная направленность произведений Н.Я. Динника — научно-познавательная; художественное измерение позволяет дать дополнительные возможности читателю не просто получить информацию о Кавказе, но ярко представить его флору, фауну, как бы побывать в тех местах, которые в конце XIX — начале XX века были труднодоступными и считались опасными для посещения.

Жанр основных произведений Н.Я. Динника можно определить как путешествие. Не случайно его работы так и называются: «Путешествие по Пшавии и Тушетии» (1893), «Из путешествий по Западному

Кавказу» (1893), «Путешествие по Закатальскому округу» (1912), «Поездка в Ленкорань и на Талыш» (1899), «По Чечне и Дагестану» (1906), «На горах Западного Кавказа» (1906), ««В горах Западного Кавказа» (1913) и др. Термины «путешествие», «поездка», «странствие» встречаются не только в названиях, но и в самих текстах. Например: «6 июля 1881 года я вместе со своим спутником, студентом Д., прибыл в Нальчик, чтобы здесь запастись от местного начальства предписанием, могущим гарантировать нас от разных неприятных случайностей во время **путешествия по горам**» (8, с. 825); «Подъем от Бизинги и спуск к Чегему очень круты, поэтому **путешествие на некованых лошадях** во время дождя, сделавшего дорогу грязной и скользкой, было отвратительно; а так как дорога все время тянулась над кручами, то очевидно была и далеко не безопасна» (там же, с. 831); «Мне приходилось бывать в Баталпашинске еще в то время, когда там жил Н.Г. Петрусевич, и я хорошо помню то участие, которое оказывал он мне, как **путешественнику**. В первый раз я явился к нему совсем неопытным и неподготовленным к **странствованиям по горам**, и он тогда предложил мне доехать вместе с ним до Хумары, снабдил меня на все время пребывания в горах своею буркою, подробными картами, биноклем и, кроме того, дал много дельных советов, касающихся **путешествия**» (7, с. 845).

Этот жанр у Н.Я. Динника восходит к традиционной форме научной литературы, связанной с изложением географических и этнографических сведений. Путешествие как форма изложения оказало влияние на развитие художественной литературы, выступило в качестве одного из наиболее распространенных способов организации композиции в повествовательных и описательных жанрах (см., напр.: 15). Этот термин так и определяется в «Словаре русского языка» (МАС): путешествие — ’поездка или передвижение пешком куда-либо далеко за пределы постоянного местожительства с научной, общеобразовательной, спортивной и другими целями’. Странствие — ’поездка или передвижение пешком куда-либо далеко за пределы постоянного местожительства; путешествие’ (МАС). В отличие от странствия, путешествие связано с определенной целью передвижения. Эта цель, как правило, и определяет сюжет. Путешествия Н.Я. Динника имеют внутренний сюжет, определенное целеполагание. Так, например, поездка по Чечне и Дагестану предпринимается с целью наблюдения и описания безоарового козла в процессе организации охоты за ним. Интересно, что Н.Я. Динник так и не встретился с интересовавшим его безоаровым козлом. В этом и заключается парадокс организации сюжета: «Исса сообщил, что в соседних с Будты местах водятся дикие козы (косули), в доказательство чего показал ветвистые рожки убитого им козла, изредка попадаются серны и вовсе нет интересовавшего меня безоарового козла. <…> …поэтому попытку поохотиться за безоаровыми козлами пришлось отложить до более удобного времени…» (12, с. 976). Это обусловливает некую интригу, делает повествование увлекательным и динамичным.

Чаще всего в задачи путешественника входит общегеографическое описание той или иной местности, особенно если она не была никем исследована. Здесь начинается и неизведанное, таинственное; значимыми оказываются трудности, невзгоды, преодоление которых ведет к открытию нового и неизвестного. В инициальной части исследования «Верховья Малой Лабы и Мзымты» (1902) Н.Я. Динник определяет особенности организации и цели путешествия: «За последние лет 30 их **не посетил ни один из путешественников**. <…> …мне удалось осмотреть и **таинственные истоки Малой Лабы**. Настоящее путешествие мое с обычными трудностями и невзгодами началось со станицы Псебайской, откуда мною было предпринято несколько поездок в разные стороны; но, прежде чем описывать их, скажу несколько слов о Псебае и о природе окружающих его мест» (6, с. 902).

Если в целом характеризовать это произведение, то можно сказать, что основная задача его — описание неизвестного в географическом, биологическом отношениях пространства: это климат, погода, горы, ледники, реки, ущелья, урочища, долины, поляны, леса, луга, флора и фауна. Н.Я. Динник ведет интересный рассказ о том, какие путешествия, экскурсии были предприняты им с целью исследования этого географического пространства, показывает обстоятельства, в которых они происходили, описывает некоторые «приключения», в которые приходилось попасть путешественникам, и часто это миниатюрные рассказы, имеющие самостоятельную художественную ценность. Вот, например, динамичный рассказ о том, как путешественники попали в бурю в горах, где наблюдается невероятно быстрая смена климатических событий. В такое время пребывание в горах сложно и опасно, но для серьезных путешественников испытания привычны, тем более что в горах на смену непогоде часто приходит яркое ласковое солнце, и все это переживается с большим волнением, радостью.

Приведем этот увлекательный рассказ. «Часа в три дня, когда мы находились у северо-западного конца хребта Магишо, погода начала заметно портиться. Еще позднее раза два нас окутывал на самом гребне хребта такой густой туман, что мы с трудом могли ориентироваться и узнавать направление, по которому нам нужно было идти к своим лошадям. В одном месте мы едва не заблудились и должны были просидеть довольно долго, пока туман не разошелся. Наконец, когда мы добрались до лошадей и хотели седлать их, чтобы поскорее ехать вниз, над гребнем хребта нависла темно-серая туча и внезапно разразилась буря. Сначала поднялся сильный порывистый ветер, потом посыпался град; град перешел в крупу, а вместе с нею полил проливной дождь. В то же время длинные, с ослепительным блеском молнии, сопровождавшиеся оглушительными ударами грома, которые потрясали, как казалось нам, всю гору, прорезывали одна за

другой воздух и ударяли в гребень хребта в самом небольшом расстоянии от нас. Удары грома слышали мы неоднократно вслед за блеском молний, — следовательно, расстояние до них было действительно очень малое. Лошади наши в испуге разбежались в разные стороны, да и наше пребывание на самом гребне горы всего лишь в нескольких саженях от грозовой тучи было рискованно. Чтобы напрасно не подвергать себя опасности, мы набросили непромокаемые плащи, бегом спустились шагов на 300 от гребня горы и уселись на траве, решив здесь переждать бурю. Когда мы сидели таким образом, еще несколько ярких молний ударили в гребень горы, но крупа уже прекратилась, хотя дождь продолжал лить по-прежнему. Прошло еще несколько минут, и он начал заметно уменьшаться, а вскоре и вовсе прекратился. В это же время стал затихать ветер и грозные тучи понеслись дальше на юг по ущелью Лабенка. Спустя еще минут 15–20 над нами было уже чистое темно-синее небо, на котором блестело яркое солнце; над ущельем же Лабенка клубились густые тучи, блистали молнии, раздавались раскаты грома и лил сильнейший дождь. Когда я взглянул на гребень, по которому мы пробирались часа три тому назад, и на хребет Магишо, то они оказались совсем белыми: на них выпал снег в то время, когда нас мочил дождь.

Спускаться с горы нам пришлось при блеске заходящего солнца и ясном небе; но в это время стоило коснуться какой-нибудь ветки или деревца, чтобы с него потекли на нас целые потоки воды. С высокой травы и бурьяна, который достигал здесь роста человека, лилось на нас воды еще больше, чем с деревьев и кустов; поэтому добрались мы до лагеря совсем мокрыми.

Часов в 7 пополудни мы были уже на умпырской поляне. В течение всего вечера стояла отличная погода и, когда мы ложились спать, на небе блестели яркие звезды. Таким образом, в этот день погода нам в общем благоприятствовала и барометр, следовательно, не обманул нас; бурю же, продолжавшуюся всего лишь полчаса, можно и не принимать в расчет» (там же, с. 909—910).

Как видим, Н.Я. Динник не испытывает сложности в описании многообразных изменчивых событий в горах, которые сами по себе невероятно разнообразны, впечатляющи. Обратим внимание на то, что он не пользуется большим количеством языковых тропов, фигур, других средств выразительности. Объем его словаря огромен, что позволяет ему применять разнообразную точную лексику в наименовании тех или иных предметов. Он строго обозначает место и обычные для такого рода событий действия: «хребет Магишо», «гребень хребта», «густой туман», «направление», «заблудились», «добрались до лошадей», «разразилась буря». В процессе описания он только точен, но именно эта точность способствует выразительности в создании картины: «сильный порывистый ветер», «посыпался град», «град перешел в крупу», «проливной дождь».

Яркие языковые средства изобразительности и выразительности он использует тогда, когда накал событий достигает предела: «длинные, с **ослепительным блеском** молнии», «**оглушительные удары** грома, которые **потрясали**, как казалось нам, **всю гору**, **прорезывали** одна за другой **воздух** и **ударяли в гребень хребта** в самом небольшом расстоянии от нас». Метафоры, применяемые Н.Я. Динником, являются скорее языковыми, общеупотребительными: «ослепительный блеск», «оглушительные удары», «ударяли в гребень хребта». Но их сгущение, предельно точная, напряженная организация повествования приводит к особой изобразительности, к тому, что мы начинает переживать предметность: слышать удары грома, видеть блеск молнии, — тем более что каждый человек имеет опыт общения со стихией.

В процессе повествования Н.Я. Динник как автор и наблюдатель открыт перед читателем, с жизнелюбием и радостью он рассказывает обо всем увиденном, пережитом, часто делая яркие зарисовки мест, которые он посещает. Эти зарисовки он называет «видами», «картинами» и замечательно рисует словом как художник. Вот описание горы, «которая известна у псебайцев под именем «Скирды»: «Вид на нее замечательно красив. Она имеет длинную ровную плоскую вершину, напоминающую скирду сена, и покрыта зеленой травой. «Скирда» окаймлена гигантским барьером совершенно отвесных темно-серых скал. Ниже их тянется очень крутой зеленый откос, по которому едва ли в состоянии пройти человек, а за ним еще целая серия чередующихся друг с другом уступов скал и карнизов, покрытых изумрудно-зеленой травой. Уруштен раза в два или три меньше Лабенка и несет более темную воду; в Лабенке же она очень чиста, прозрачна и имеет прекрасный сине-зеленый цвет» (там же, с. 904). В этом описании Н.Я. Динник идет от имени, которое распространено среди местных жителей. Описание строгое, системное, но дано оно неравнодушным к природе человеком, поэтому в процессе описания появляются оценочные, яркие образные вкрапления, связанные с цветовыми художественными деталями: «изумрудно-зеленая трава», «прекрасный сине-зеленый цвет».

Каждая работа Н.Я. Динника — это изумительное, захватывающее и в то же время серьезное познавательное чтение. Одна из причин — то, что это чтение **интересное**. Сам путешественник захвачен интересом к познанию, к осмыслению, к передаче впечатлений об изучаемом. И особенность его произведений такова, что этот интерес он сумел передать читателям. Слова «интерес», «интересный» часто встречаются в текстах Н.Я. Динника. Он говорит о научном интересе, интересе к местным жителям, горцам, конкретной местности, ее климату, историческим памятникам, историческим событиям, связанным с той или иной местностью. В системе научного описания, помимо слов «красивый», «прекрасный», «замечательный», «чудный», определяющих Н.Я. Динника как «топофила», текстообразующими являются и слова «интерес», «интересный»:

«…пути, по которым распространялись шире и шире разные виды животных, представляет еще огромный **научный интерес** и в других отношениях» (11, с. 979);

«**Интересны были его два спутника**, исполнявшие роль конвоя и прислуги» (8, с. 833)**;**

«…я узнал **интересные данные о климатических особенностях этой местности**, где они живут уже более десяти лет» (5, с. 888);

«Вторая ветвь (ущелья. — *К.Ш., Д.П.*) ничего особенного не представляет, **первая же**, называющаяся Шихильды, **интересна во многих отношениях**» **(8, с. 838);**

«Наиболее **интересным предметом** в окрестностях перевала надо считать **ледник Псеашхо**, находящийся в верховьях восточного истока Уруштена» (6, с. 928);

«Другая **интересная находка** этого дня заключалась в попадавшихся нам почти на каждом шагу следах, которые оставлены в этой долине древними ледниками» (там же, с. 915);

«…я пошел побродить по соседним местам в надежде **найти что-нибудь интересное**» (5, с. 887);

«На другой день по приезде в станицу я отправился к скалам, чтобы поохотиться и **поискать чего-нибудь интересного**» (7, с. 845).

Как видим, «интерес» часто является посылом к исследованию, путешествию. Интересное, вообще, — это довольно сложная философская категория. По мнению Я.Э. Голосовкера, «интересное» захватывает интеллектуальное воображение и… существует и интеллектуальная чувственность как интеллектуальная возбудимость от чисто интеллектуальных явлений: например, от новой научной гипотезы о происхождении космоса, которая интересна: она захватывает интеллектуальное воображение» (4, с. 74). «Интересное», по Голосовкеру, — это любопытное, необычное, необычайное, небывалое, нечто новое, оригинальное, удивительное, сверхъестественное, чудесное, чудовищное, часто ужасающее, потрясающее. «Интересное» — это и таинственное, загадочное, неведомое как нечто нас особенно волнующее, как наше тяготение к тайне (там же, с. 76).

Теоретически «интересное» «как интересное предмета» — «это, во-первых, — «интересное» по материалу, по идее, по теме, по проблеме, по смыслу. Во-вторых, — «интересное» по жанру, по ситуации, по постановке вопроса (например, по смелости постановки вопроса, по смелости темы) и т.п. Все это — «интересное» в аспекте качества и положения» (там же, с. 77).

Произведениям Н.Я. Динника присущи все составляющие «интересного»: ментально- или интеллектуально-интересное, соматически-интересное, этически-интересное (интересы чести, достоинства, принципа, убеждения и т.д.). Его произведения до сих пор волнуют нас радостью открытий, их осмыслением, переживанием ярких впечатлений, сильных чувств, и, конечно же, нас не может не восхищать личность самого ученого, который раскрывается перед нами искренне, во всей полноте мыслей и чувств с присущей ему цельностью, достоинством, убежденностью. Н.Я. Динник — исследователь, движимый долгом, благородно, честно и достойно выполнивший свою миссию учителя, ученого, человека на Земле.

Ëèòåðàòóðà

1. Абашев В.В. Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Пермский университет, 2000.

2. Аверинцев С.С. Книга природы // Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — С. 262.

3. Белый А. Магия слов // Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса. Антология: В 4 т. — Ставрополь: СГУ, 2005. — Т. 2. — С. 404—411.

4. Голосовкер Я.Э. Засекреченный секрет. — Томск: Водолей, 1998.

5. Динник Н.Я. Верховья Большого Зеленчука и хребет Абишира-Абуха // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. — Ставрополь: СГУ, 2011. — Т. 3. — С. 887—901.

6. Динник Н.Я. Верховья Малой Лабы и Мзымты // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. — Ставрополь: СГУ, 2011. — Т. 3. — С. 902—930.

7. Динник Н.Я. Горы и ущелья Кубанской области // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. — Ставрополь: СГУ, 2011. — Т. 3. — С. 845—867.

8. Динник Н.Я. Горы и ущелья Терской области // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. — Ставрополь: СГУ, 2011. — Т. 3. — С. 825—844.

9. Динник Н.Я. Истребление дичи в горах Кубанской области // Природа и охота. — 1909. — № 10—11. — С. 69—78.

10. Динник Н.Я. Медведь и его образ жизни на Кавказе // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. — Ставрополь: СГУ, 2011. — Т. 3. — С. 868—886.

11. Динник Н.Я. Общий очерк фауны Кавказа // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. — Ставрополь: СГУ, 2011. — Т. 3. — С. 979—983.

12. Динник Н.Я. По Чечне и Дагестану // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. — Ставрополь: СГУ, 2011. — Т. 3. — С. 947—978.
13. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. — 2010. — Т. 9. — № 3. — С. 26—50.
14. Митин И.И. От когнитивной географии к мифогеографии: интерпретации пространства и места // Первая российская конференция по когнитивной науке. Казань. 9—12 октября 2004 года. — Казань: Казанский государственный университет, 2004. — С. 163—165.
15. Сапрыкина Е.Ю., Шпагин П.И. Путешествие // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. — М.: Советская энциклопедия, 1962—1978. — Т. 6. — Стб. 86—89.
16. Словарь русского языка: В 4 т. — М.: Академия наук СССР, 1957—1961 (МАС).
17. Федоров С.М. Выдающийся исследователь Кавказа Николай Яковлевич Динник // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. — Ставрополь: СГУ, 2011. — Т. 3. — С. 993—1007.
18. Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Флоренский П.А. Сочинения: В 2 т. — М.: Правда, 1990. — Т. 2.
19. Geographical Approaces. Space. Place. Identity. [Электронное издание] // http://socgeo.ru-hosting.nl/html/files/geoapp/Werkstukken/SpacePlaceIdentity.pdf.
20. Pocock D.C.D. The paradox of humanistic geography // Area. — 1983. — Vol. 15. — № 4.

Òåêñò ðóêîïèñè ïðåäîñòàâëåí àâòîðàìè.

В.А.Романовский

ÑÎËÄÀÒÛ-ÄÅÊÀÁÐÈÑÒÛ ÍÀ ÊÀÂÊÀÇÅ

Исполнилось 130 лет со дня события, которое на десятилетия определило общественно-политические отношения в России XIX века. Россия увидела впервые открытое революционное выступление вооруженной массы против царского самодержавия, увидела и разгром этих первых зачинателей революционной борьбы.

Дворянские революционеры-декабристы «страшно далеки были от народа», по выражению В.И. Ленина. Это предопределило провал всего их дела. Но, несмотря на страх декабристов перед «ужасами народной революции» (выражение Рылеева. Восстание декабристов, т. I, стр. 188), они понимали, что солдатские массы необходимо привлечь для успеха дела.

В трудах историков вопрос об изучении взаимоотношений между декабристами и солдатами не ставился во всей широте и не получил определенного разрешения. Вокруг этого вопроса создалась даже известная путаница и разноголосица.

Следственный материал по делу декабристов дает нам официальную версию об обмане солдат декабристами: руководители восстания увлекли солдат на Сенатскую площадь обманом; солдаты же были и остаются верноподданными русского императора. Официальная историография царского времени, в первую очередь ее представитель Корф[1], решала этот вопрос очень примитивно: декабристы обманули солдат, пользуясь их темнотой и слепым преклонением перед принесенной Константину присягой. Когда раздавались крики восставших солдат: «Да здравствует Константин и конституция», то будто бы солдаты под конституцией понимали имя жены великого князя Константина. Сами привлеченные к следствию декабристы поддерживали версию о бессознательном участий солдат в движении, и понятно почему: сказать о привлечении солдат к заговору, о пропаганде среди них идей декабризма — значило подвергнуть «нижних чинов» величайшей опасности, еще более осложнить дело и свое собственное положение. Конечно, классовая дворянская ограниченность не позволяла декабристам опираться в своих действиях на народ; конечно, декабристы не вели массовой пропаганды среди солдат, не создавали опорных пунктов в полках и ротах, хотя в следственном деле Пестеля есть прямые указания, что он предлагал своим товарищам по организации вести прямую агитацию среди солдат[2].

Даже южные декабристы вели свою работу в среде подчиненных солдат крайне осторожно, и знаменитый солдатский катехизис Муравьева-Апостола не получил широкого распространения; однако привлечение солдатской массы на свою сторону не могло не интересовать декабристов, и они это делали, как могли и как умели. Главным средством привлечения на свою сторону солдат декабристы считали создание морального авторитета командира: честное выполнение долга, моральная чистота офицера, забота о бытовых нуждах подчиненных, справедливое отношение к солдату, — вот те качества, которые должны были обеспечить преданность «солдатской массы своим начальникам. О создании такого морального авторитета некоторые видные декабристы показывали на следствии. Так, один из офицеров лейб-гвардии Гренадерского полка Сутгоф показал, что ему «было сказано стараться заслужить любовь и уважение солдат». Другой офицер этого же полка Панов, который вместе с Сутгофом привел свои роты Гренадерского полка на Сенатскую площадь, сказал на следствии, что он «надеялся на любовь к нему солдат, тронул их всех с места и повел на площадь». О преданности солдат своим командирам-декабристам говорят многие участники восстания. Вот что

пишет декабрист Розен о своих бывших подчиненных, солдатах стрелковой роты. После долгих месяцев заключения в казематах Петропавловской крепости Розена повели в баню: «Недалеко от ворот стоял небольшой унтер-офицерский караул. Можно себе представить, как я обрадовался, когда увидел там моих стрелков; они поспешно собрались на платформу, дружно и громко ответили на мое приветствие, как бывало прежде в строю»[3].

Еще более волнующий рассказ мы находим у другого декабриста, Н.И. Лорера. Лорер также много месяцев сидел в той же Петропавловской крепости. Всем декабристам были уже объявлены приговоры. Вдруг приходит в камеру Лорера его тюремный служитель и вторично за этот день предлагает ему выйти на прогулку в крепостной дворик. Узник вышел на прогулку. Какое же было изумление Лорера, когда он увидел человек 15 солдат, бывших сврих подчиненных по Семеновскому гвардейскому полку, в котором Лорер служил до известного возмущения солдат в 1820 году. После первой мгновенной радости ужас охватил Лорера за судьбу солдат, буквально рисковавших жизнью за свое желание проститься с бывшим своим командиром, теперь несчастным узником-каторжанином. Чтобы уменьшить опасность расправы с солдатами за выражение сочувствия декабристу, Лорер предложил им выделить одного-двух, с которыми крепко обнялся, расцеловался и просил передать свою горячую благодарность остальным солдатам-семеновцам. Какое должно иметь мужество, какую безграничную преданность и уважение к человеку, чтобы рисковать собственной жизнью за выражение этих чувств.

Однако есть у нас и прямые свидетельства, что члены Северного общества не вели своих солдат на Сенатскую площадь обманом, что часть, по крайней мере, солдатского руководящего состава посвящена была в истинные цели восстания. «Правда и то, — писал в своих записках декабрист Розен, — что гренадерам и надежным унтер-офицерам были объявлены другие — истинные — причины, и в толпе посторонних хорошо знали эти причины»[4]. Розен признает, что Московский лейб-гвардии полк выведен был 14 декабря на Сенатскую площадь под предлогом защиты прав Константина. Таков был предлог, но не это двигало солдатские массы к восстанию. Как мы видели выше. Розен утверждает, что лейб-гвардии гренадерский полк осведомлен был о настоящих целях восстания. Таким образом, есть основания сомневаться в утверждении реакционных историков (в частности, барон Корф особенно яростно защищал такое утверждение), что все движение солдат-декабристов основано было на обмане их офицерами. Декабрист Каховский категорически отрицает, например, утверждение некоторых, будто толпа, кричавшая «да здравствует конституция», не понимала этого слова, и на вопрос, что это такое, из толпы ответили, что это супруга Константина. В письме к Левашову Каховский называет этот рассказ «забавной выдумкой». «Мы, — писал далее Каховский, — очень желали бы заменить слово конституция — словом закон и, кроме того, имели слово, потрясающее сердца равно всех сословий в народе, это слово — свобода»[5].

Ярким примером того, что верность присяге Константину была лишь простым предлогом, а что в действительности солдаты сочувствовали восстанию по другим, более веским — основаниям, свидетельствует то, что солдаты Гренадерского полка уже принесли присягу Николаю I, нарушив тем самым присягу Константину, и все же они пришли на Сенатскую площадь под знамена восставших. Совершенно понятно, что дело шло не о верности присяге. Ведь Сутгоф говорил о готовности гренадер поднять восстание сейчас же после смерти Александра I.

Солдаты-гренадеры действовали совсем не слепо и не из побуждений религиозной верности присяге или чувства наивного монархизма[6].

Об истинных целях восстания быстро узнала масса народа. Тот же мемуарист, декабрист Розен, сообщает в своих записках, что «люди рабочие и разночинцы, шедшие с площади, просили держаться еще часок и уверяли, что все пойдет ладно»[7].

Дело в том, что был уже второй час пополудни, декабрьский день уже готов был смениться сумерками, толпы народу прибывали со всех сторон. Верные Николаю войска подвергались нападению толпы, в войска бросали камни, поленья дров, палки. Народная масса выражала явное сочувствие восставшим войскам. Положение могло стать очень опасным, т.к. в наступившей темноте толпа могла оказать действительную помощь солдатам. Об этом-то и говорили Розену ремесленники и разночинцы. Это понял и Николай, когда приказал стрелять картечью.

Таким образом, не обманно вовлечены были солдаты в декабрьское вооруженное восстание, а, по крайней мере, часть войск осведомлена была об истинных целях движения, остальные пошли за своими командирами, авторитет которых стоял среди солдат высоко, благодаря безграничному уважению, которым пользовались командиры-декабристы.

Много часов простояли на морозе с ветром солдаты лейб-гвардии Московского полка, матросы гвардейского экипажа и лейб-гвардии Гренадерского полка, в одних мундирах, без шинелей, лишенные командования, стойко отражая атаки конной гвардии, не поддаваясь никаким уговорам и соблазнам, все еще грозя вырвать власть у Николая и поддержать военную революцию декабристов. Картечные залпы решили дело.

Какие же воинские части вышли 14 декабря на Сенатскую площадь? Когда утром 14 декабря пришла очередь присягать Николаю ротам лейб-гвардии Московского полка, здесь, в казармах, кро-

ме своих офицеров — членов Северного общества Михаила Бестужева и князя Щепина-Ростовского, находился также Александр Бестужев, адъютант кн. Вюртембергского. Командир гвардейского корпуса генерал Бистром долго не приезжал в Московский полк, и присяга немного задержалась. Тогда Михаил Бестужев и его брат Александр направились в 6-ю роту, которой командовал Щепин-Ростовский. Здесь Александр Бестужев произнес, обращаясь к солдатам, горячую речь и призвал солдат не присягать Николаю. Александр Бестужев был в парадной форме, и к нему как к незнакомому офицеру солдаты внимательно прислушивались. Затем выступил командир роты Щепин-Ростовский. Он заявил солдатам, что был с ними строг по приказанию начальства, теперь же должно все измениться, и он будет относиться к солдатам «как товарищ». Затем Щепин приказал людям своей роты ходить по другим ротам полка и убеждать их держаться «одного мнения», выходить из казарм и взять с собою боевые патроны.

Послав людей своей роты обходить команды Московского полка, Александр Бестужев и Щепин-Ростовский направились в помещение 3-й роты, которой командовал Михаил Бестужев. Здесь выступил Михаил Бестужев, призвал солдат вспомнить старый Семеновский полк «то-то были верные слуги!» В результате этих действий за декабристами вышли из казарм 671 человек, в том числе 1 фельдфебель, 47 унтер-офицеров, 7 музыкантов и 616 рядовых. В это время в Московском полку, состоявшем из трех батальонов, было общее число 1865 человек. 3-й батальон, насчитывавший 826 солдат, стоял в окрестностях Красного села под Петербургом и в событиях участия не принимал. I-й и II-й батальоны, нестроевая команда и инвалидная полурота № 7 стояли в Петербурге. Первая рота считалась ротой его императорского величества. Она, а также и 2-я гренадерская и 4-я фузилерная занимали одно из зданий казарм Семеновского полка. Прочие роты размещались в казармах Глебова дома. 251 человек занимали в этот роковой день караулы. Таким образом, братья Бестужевы и Щепин-Ростовский вывели из казарм только часть полка — 671 человека, и то с большим трудом, так как командир бригады Шеншин, командир полка Фридрихс и ряд офицеров оказали Щепину сопротивление. Щепин пустил в ход оружие, ранил бригадного генерала и командира полка, двух унтер-офицеров, батальонного полковника Хвощинского и с трудом вывел свою роту. За нею последовала рота Бестужева и еще несколько десятков солдат.

В лейб-гвардии Гренадерском полку подпоручик Кожевников призывал солдат соблюдать присягу Константину, но Кожевников успеха не имел, и полк начал присягать Николаю. Но вот в казармы полка приехал декабрист Одоевский и сообщил члену Северного общества, ротному командиру Сутгофу, что Московский полк вышел на Сенатскую площадь. Сутгоф, видя, что гренадеры не послушались Кожевникова и начали присягу, думал, что все дело пропало, но услышав о событиях в Московском полку, вывел свою роту из казарм и, переведя ее через Неву, привел прямо на Сенатскую площадь.

Через некоторое время поручик этого же гренадерского полка привлек к восстанию еще часть гренадерского полка. Всего гренадер оказалось на площади 1250 человек.

Наиболее решительную поддержку декабристам оказал гвардейский морской экипаж. Среди членов Северного общества был лишь один командир гвардейского экипажа, Арбузов. Но за несколько дней до 14 декабря в гвардейском морском экипаже удалось создать группу сочувствующих движению. Когда в гвардейском морском экипаже текст присяги стал читать генерал Шипов, раздались крики: «отставить». Шипов потребовал от офицеров объяснений. Часть командного состава во главе с Арбузовым объяснили, что недавно присягали Константину и, пока последний не освободит их от клятвы, они отказываются присягать Николаю. Командиры были арестованы. Но вот в казармы гвардейского экипажа прибыли Николай-Бестужев и Вильгельм Кюхельбекер и передали морякам, что произошло в Московском полку и у лейб-гренадеров. Моряки схватили знамя, освободили арестованных своих командиров и быстро двинулись на площадь. В гвардейском экипаже было в наличии 1280 моряков; из них на площади оказалось 1100 человек.

Таким образом, у декабристов оказалась сила около 3000 человек. Это сравнительно немного, но у них был громадный резерв — толпа сочувствующих горожан, ремесленников н много колеблющихся солдат других полков, даже тех, которые уже стояли на стороне Николая.

Декабрист Беляев пишет, что «во время стояния на площади из некоторых полков приходили посланные от солдат и просили нас держаться до вечера, когда все обещали присоединиться к нам, это были посланные от рядовых, которые без офицеров не решались возмутиться против начальства днем».

Многочисленные данные подтверждают сочувствие и солдат и народной массы восставшим. Однако под ружьем стояло пока что только 3000 человек. Когда после залпов восставшие дрогнули и побежали, то на площади, на улицах и на льду реки Невы лежало до сотни трупов. Над уцелевшими совершена была расправа.

Из солдат лейб-гвардии Московского полка захвачены были в плен 1 фельдфебель, 24 унтер-офицера, 3 музыканта и 341 рядовой. Когда восставшие разбежались, 20 унтер-офицеров, 4 музыканта и 264 рядовых добровольцев явились к власти и принесли раскаяние. К пленным присоединено было 6 человек арестованных за захват знамен. Все были судимы военным судом и наказаны переводом на службу в армейские полки на Кавказ.

В исторической литературе как-то слабо различались эти две части гвардейских полков: выступавшие с оружием в руках на Сенатской площади, и те части лейб-гвардии Московского полка, которые находились в караулах, не принимали фактически участия в восстании или принесли раскаяние сейчас же после первых картечных выстрелов. Именно из этих последних и был образован сводный лейб-гвардии полк, который был отправлен на Кавказ искупать свою вину, состоявшую для большинства в том, что их товарищи оказались более стойкими 14 декабря 1825 года. А между тем даже в последних работах, это различие двух групп солдат мятежных полков недостаточно ясно подчеркнуто. В январской книжке журнала «Вопросы истории» помещена статья А.В. Фадеева «Декабристы в отдельном Кавказском корпусе». Вот что сообщает автор этой статьи о солдатах-декабристах: «Из рядовых (солдат) гвардейских частей, вышедших по призыву офицеров-декабристов на Сенатскую площадь, был сформирован Сводный гвардейский полк. В августе 1826 года он прибыл в Тифлис в составе 38 офицеров и 1282 рядовых»[8].

Как увидим ниже, это совершенно не соответствует действительности: Сводный гвардейский полк не состоял, из всех восставших солдат-гвардейцев. А вот что пишет наиболее авторитетный знаток эпохи декабристов М.В. Нечнина в своей последней работе «Движение декабристов». «Всю подследственную солдатскую массу можно разбить на три группы: 1. Участники восстания 14 декабря 1825 года на Сенатской площади. 2. Участники восстания Черниговского полка. 3. «Вовлеченные в заговор» солдаты расположенных на Украине воинских частей[9].

Таким образом, автор не отделяет судьбу солдат-гвардейцев, «прикосновенных» к восстанию 14 декабря, от судьбы непосредственных участников восстания, что, на мой взгляд, искажает историческую перспективу, дает неправильную картину расправы, правительства Николая I с солдатами-декабристами.

По совершенно правильному заключению М.В. Нечкиной. правительство Николая I старалось по возможности уменьшить и даже совершенно затушевать широкое сочувствие солдат основным целям декабристского движения: ликвидации крепостного права и уничтожению самодержавия, поэтому усиленно поддерживалась версия о святости присяги, о совершенной преданности солдат царской власти; поэтому же и судили солдат-декабристов келейным способом, в полковых комиссиях. Никто из солдат не был присужден прямо к смертной казни, но не один десяток солдат, подвергся наказанию палками в 12 000, 10 000, 8 000 и меньше ударов, что фактически равносильно было смертной казни. Правительство Николая боялось сосредоточивать и смешивать в одних отрядах непосредственных участников восстания и солдат, входивших в полки, поднявшие восстание, однако не принимавших участия в движении. В приказе по гвардейскому корпусу от 17 февраля 1826 года, за № 22 сказано, что государь император даровал всемилостивейшее прощение участвовавшим в происшествии 14 прошедшего декабря нижним чинам некоторых рот л.-гв. Московского и Гренадерского полков в уважение, что и они были увлечены в сие преступление злоумышленниками по ложному понятию о присяге, — изволил решить: предоставить сим нижним чинам первый удобный случай изгладить и самое пятно минувшего своего заблуждения… Случай сей теперь представился. От командира Отдельного Кавказского корпуса получен рапорт, что продолжающийся в Чечне бунт принуждает генерала Ермолова с наступлением весны приступить к решительным мерам для наказания возмутившихся горцев. Поэтому император повелел сформировать два гвардейских батальона: один из л.-гв. Московского полка, а другой — из л.-гв. Гренадерского. По сформировании отправить эти два батальона под командою полковника Шипова на Кавказскую линию с тем, что по усмирении горцев они должны возвратиться в Петербург к прежним своим командам. Дальше в приказе говорится, что государь остается в полной надежде, что командируемые на Кавказ нижние чины восчувствуют оказанную им царскую милость, постараются своей усердной службой не только перед своими товарищами, но и перед лицом всей России показать, что мгновенное их заблуждение и уклонение от своих обязанностей было только последствием злобы и обмана злоумышленников и что они, познав сей обман, остаются навсегда верными своему государству»[10]*.

В этом царском приказе уже заключалась неправда. В нем было сказано, что в Гвардейский батальон должны быть включены «те самые нижние чины, которые во время происшествия 14 декабря увлечены были ложным истолкованием присяги. В действительности же солдаты-декабристы, как явствует из отзыва генерала Дибича командиру Отдельного Кавказского корпуса от 7 марта 1826 года за № 2333, разделены были на следующие отряды: 1. Сводный Гвардейский полк, составленный из л.-гв. Московского и Гренадерского полков. 2. Из нижних чинов, выключенных из полков-лейб-гвардии Московского; Гренадерского и морского гвардейского экипажа, находящихся в крепостях Выборгской и Кексгольмской но возмущению 14 декабря прошлого года. Этой были действительные участники восстания. 3. Всех нижних чинов Черниговского пехотного полка, участвовавших в мятеже[11].

---

* За указание материалов о декабристах в Кавказских сборниках приношу искреннюю благодарность доценту А.В. Попову (прим. автора).

Далее в этом отзыве Дибича излагается план отправки всех трех групп нижних чинов на Кавказ. Сводный Гвардейский полк выступит из Петербурга до города Рыбинска сухим путем, а от Рыбинска до Астрахани будет следовать по Волге водою на судах, специально для этого приготовленных.

Нижние чины, выключенные из полков, лейб-гвардии, выступят из крепостей Выборгской и Кексгольмской и следовать будут под особой командой до Рыбинска, а потом до Астрахани на судах. Выключенные из полков нижние чины будут следовать по этому маршруту двумя партиями под командой подполковника Макова. Для конвоирования этих исключенных из гвардии солдат прикомандированы унтер-офицеры и рядовые из Выборгского гарнизонного полка.

Отправление солдат Черниговского полка возложено на главнокомандующего Первой армией. О способе отправления и маршруте черниговцев будет сказано отдельно (см. таблицу на с. 1021).

В этом же документе подчеркнуто, что согласно царскому приказу Сводный гвардейский полк должен быть употреблен в действие против горцев в полном своем составе, а нижние чины, выключенные из состава гвардии и отправленные из Выборга и Кексгольма, так же как и черниговцы, по прибытию на Кавказскую линию, должны быть распределены в разные полки Кавказского корпуса, преимущественно в те, которые назначены были к военным действиям против горцев. Определен был и порядок следования эшелонов, причем Сводный гвардейский полк не должен ни в коем случае соприкасаться с эшелонами выключенных из лейб-гвардии солдат. Самое содержание и быт этих двух отрядов были различны. Сводно-гвардейский полк получал содержание по гвардейским нормам, а распределяемые по полкам бывшие гвардейцы получали армейское содержание. Насколько озабочено было начальство разъединением солдат Сводного полка, выключенных из гвардии, показывает предписание генералу Ермолову д том, чтобы «упоминаемый отряд ни в коем случае не сходился бы со Сводным полком, и если бы случилось последнему быть задержанным в пути, то чтобы и отряд остановился от оного в шести маршах»[12].

Первым был направлен, как уже было сказано, Сводный полк. Правительство проявило о нем внимание и распорядилось приготовить суда в Рыбинске, которые и доставили полк в Астрахань. Был составлен точный маршрут. Ермолов сообщает, что Сводный полк прибудет в Рыбинск 6 апреля, оттуда до Астрахани Волгой, по его мнению, на дорогу потребуется 35 суток. По прибытии полка в Астрахань командиру этого полка, полковнику Шилову, должно быть объявлено, чтобы он дожидался распоряжения Ермолова о дальнейшем следовании на Кавказскую линию. Предполагалось и дальше сводный полк отправить по Каспийскому морю, если же по какой-либо причине Сводному полку необходимо было бы идти степью, то об этом последует особое распоряжение. Отряд исключенных из гвардии будет следовать по тому же пути и прибудет в Рыбинск 17 апреля, откуда на отправку в Астрахань потребуется 35 суток. В своем предписании генерал Ермолов от 24 марта 1826 года вновь сообщает, что государю «угодно, чтобы отряд сей во время следования не сходился с Гвардейским полком», и во всего время, когда полк будет расположен в Астрахани, «ваше превосходительство извольте остановить отряд, в городе Царицыне»[13].

Генерал Зворыкин пишет Ермолову 3 апреля 1826 года, что если «крайность должна будет решить отправление отряда нижних чинов на степной тракт», то к осени будут большие затруднения с продовольствием, так как его запасы нужно будет доставлять на наемных подводах до самых селений Кавказской области. Далее Зворыкин пишет, что отряд может следовать из Царицына через селение Цацу на слободу Бургон-Маджары до реки Кумы, всего 374 версты. Тракт проезжий, по нему возят тяжести и строевой лес на Кавказскую линию, везут на волах, но погонщики запасают для себя на всю дорогу продовольствие из сухарей и пресной воды, так как воды для питья во многих местах нет. Гораздо лучше шлях на Кизляр: он короче и лучше обеспечен питьевой водой. После долгих раздумий решено отправить как Сводный полк, так и наказанный отряд гвардейцев морем: от Астрахани судами на Шандруковский берег. Доставка из Астрахани производилась на наемных судах. Суда доставили купцы города Астрахани. К 10 мая должны были доставить на Шандруковскую пристань весь Сводный полк в полном составе и оттуда направить его на Кавказскую линию. Однако дело задержалось. По прибытии в Рыбинск 8 апреля Сводный полк остановился, так как суда еще не были готовы, а потому и полк мог отправиться в Астрахань не раньше 8–9 мая. Команды же исключенных из гвардии солдат остановились в Устюжне, ожидая пока пройдет Сводный полк. Поэтому астраханский комендант был извещен, что Сводный полк прибудет в Астрахань лишь около 20 июня, а команды исключенных из гвардейцев – спустя несколько дней после этого. Представитель астраханского купечества докладывал губернатору, что им нанято у разных владельцев 20 мореходных судов для перевозки в один рейс всего Сводного полка. Этот полк прибыл в Астрахань 3 июля 1826 года. В составе этого полка находилось штаб-офицеров 3, обер-офицеров – 29, унтер-офицеров – 72, музыкантов – 35, рядовых – 1 107 человек и нестроевых 45 солдат, прочих 12 человек, денщиков 66, а всего 1 369 человек. Обоз состоял всего из 9 повозок.

Доставка Сводного полка и особого отряда бывших гвардейцев обошлась не дешево: для Сводного полка сначала было нанято 20 судов за 5 085 рублей до 20 мая, но к этому числу полк не прибыл, поэтому владельцам судов за простой заплачено было 2 000 рублей, а затем нанято было еще 11 судов за 2 100 рублей.

Маршрут
для шести рот Черниговского пехотного полка, следующих
в Кавказский корпус. От м[естечка] Белой Церкви до города Ставрополя

Места ночлегов и растахов		Места ночлегов и растахов	
От м[естечка] Белой Церкви Бланщины Винцентовка	 15 20	Дневка Гришина Новое Кисловское Васильевка	 28 20 28
Дневка Кагарлык Пивцы Трактомиров	 21 24 29	Дневка г. Бахмут Луганское	 30 24
Дневка (переправа через Днепр, г. Переяславль) Хоцки	 15 22	Дневка Чернухина Ивановка Есаульская	 17 35 25
Дневка Пещаное г. Золотоноша Крапивка	 25 16 16	Дневка Слобода Леонова-Исаева Платова-Лысогорская	 15 28,5
Дневка Ирклеев Жовнин	 17 37	Дневка Слобода Платова Крепинская Хутор Платов Тамерницкая	 18 19 19
Дневка Мозалеевка Градижск г. Кременчуг	 22 14 32	Дневка Оксайская Махинская	 20 11
Дневка Потоки Сохоново	 16 15	Дневка Ст. Ново-Кагальницкая Ст. Мечетинская Ст. Нижне-Егорлыцкая	 36 27,5 26
Дневка г. Кобыляки Алексополь, или Царичанка Чаплынка	 29 25 35	Дневка Средне-Егорлыцкая Пещаные Копани	 19,5 27,5
Дневка Спаское г. Новомосковск	 25 15	Дневка Летницкое Медвежье Преградный Стан	 30 18 13
Дневка Карабановка г. Павлоград Николаевка	 25 25 28	Дневка Редут Безопасный Донская	 25 22
Дневка Петропавловка Славянка	 18 20	Дневка Московская г. Ставрополь	 18 31 $^{3}/_{4}$
		Итого	1232 $^{3}/_{4}$ версты в 75 дней

Для особого отряда бывших гвардейцев надо было нанять 15 судов. Расходы на это были возложены на астраханское купечество. В особом отряде состояло выключенных из гвардии и отправленных из Выборга унтер-офицеров — 16, музыкантов — 7, рядовых — 262. Тоже из Кексгольма: унтер-офицеров 27, музыкантов 3, рядовых 352, итого 667 человек. Конвоиров и надзирателей при них состояло 68 рядовых, 7 унтер-офицеров и 9 офицеров.

6 июля Сводный полк отправился из Астрахани к Шандруковской пристани, куда и прибыл 10 июля. Полк этот в Астрахани расположен был на своих судах. На квартирах в городе не размещался; только один раз вошли гвардейцы церемониальным маршем в город, чтобы прослушать в кафедральном соборе молебен. Солдаты только по особому разрешению могли переезжать в город небольшими группами, но, как пишет Ермолову астраханский губернатор, «все происходило с сей стороны благопристойно».

Лейб-гвардии Сводный полк имел в своем составе солдат, лишь отчасти прикосновенных к восстанию 14 декабря, офицерский же состав в значительной мере был обновлен: командиром Сводного полка был назначен Шипов 2-й из Преображенского полка, зарекомендовавший себя верным слугой Николая. Так же точно и другие офицеры не вызывали у правительства никаких подозрений. В состав офицеров полка был включен и капитан Майборода, один из первых доносчиков царскому правительству о заговоре декабристов. Впоследствии, как явствует из дел этого полка, правительство Николая неоднократно давало награды и сверхординарные денежные суммы офицерам полка.

В работе Габаева «Гвардия в декабрьские дни 1825 года» при книге профессора Преснякова «14 декабря 1825 года» ив статье того же Габаева «Солдаты-участники заговора и восстания декабристов» в книге «Декабристы и их время» (издание общества политкаторжан, том II, Москва, 1932) приведены интересные данные о судьбу солдат-декабристов: по лейб-гвардии Московскому полку на каторгу сослано 2 человека, переведено в полки на Кавказ 369 человек, командировано в составе Сводного полка 459. По Гренадерскому полку на каторгу сослано 6 человек, шпицрутенами наказано через 1000 человек от 6 до 8 раз — 6 человек; переведено в полки Кавказского корпуса 277. человек, командировано в составе Сводного полка 807 человек. Матросов Гвардейского экипажа переведено в кавказские полки 52 человека, командировано в составе Сводного полка не свыше 70 человек, оставлено в Петербурге около 1000 человек.

Эти цифры несколько разнятся от приведенных мною, однако полагаю, что приведенные цифры из рапортов командира полка Шилова и командира отряда Макова более точны, так как выплата содержания и довольствия производилась именно по, этим рапортам.

Дежурный генерал в отзыве от 9 августа сообщает, что по имеющимся сведениям, Сводный гвардейский полк должен прибыть 21 июня в ст. Екатериноградскую, а оттуда выступить в Грузию, однако, как видим, еще 6 июля Сводный полк отправился только из Астрахани, 2 августа он прибыл в станицу Екатериноградскую, а, кроме того, 21 августа полковник Шипов сообщает о том, что Сводный полк благополучно прибыл в эту станицу[14].

Из Ставрополя 11 августа генерал Горчаков 2-й сообщает Ермолову, что из Екатеринограда Сводный полк в непродолжительном времени выступит в Тифлис. Горчаков просит дать ему возможность пополнить обоз и продовольствие. Но тут встретилось неожиданное затруднение: в Ставропольском провиантском управлении не оказалось в наличии благонадежного чиновника, кому можно было бы поручить денежную сумму на покупку и доставку Сводному полку мясных и винных порций. «Пришлось самому Шилову принять на себя эту обязанность[15].

Отдельно из Петербурга на Кавказ были отправлены заболевшие солдаты (возможно, наказанные шпицрутенами). Из них 30; человек, были направлены в распоряжение генерала Вельяминова для прикомандирования их в кавказские полки» 26 июля командир полка Шипов получил приказ спешно направиться в Грузию. От станицы Екатериноградской полк повернул на Военно-Грузинскую дорогу, в половине августа он прибыл в Тифлис.

Вскоре оказалось, что Сводный гвардейский полк назначается к боевым действиям не против горцев, а против персов в Закавказье. 16 июля 1826 года начались военные действия на границе с Персией. Персы имели большой перевес в силах и вторглись в двух пунктах: со стороны Эривани и по направлению к Шуше. У Ермолова было всего 12 батальонов пехоты. Были посланы подкрепления, в том числе и лейб-гвардии Сводный полк. 3 сентября персы понесли поражение на реке Шемхоре, а 13 сентября произошло новое поражение у Елизаветполя. Все ранее захваченные персами провинции были очищены от них. 15 октября отряд в 4500 человек, в том числе и лейб-гвардии Сводный полк, сосредоточился у Царских Колодцев, где и провел зиму.

В июне 1827 года полк снова выступил в составе главных сил против персов. Во время всего похода Сводный лейб-гвардии полк неоднократно участвовал в» боях и показал большую храбрость и выдержку, что и отмечалось приказами главнокомандующего. При осаде крепости Сардар-Абад Паскевич сообщает, что в ночь на 17 сентября прикрытие, состоявшее из Сводного гвардейского полка, под командой полковника Шилова, и рабочие собрались на сборном месте, на возвышении, за Сардарским садом. Когда стемнело, стрелки прикрытия сформировали цепь, осторожно подвинулись вперед и, пройдя таким образом около 300 саженей и узнав, что южная оконечность сада

отстоит от крепости более чем на 500 саженей, закрепились, произведя основательную разведку, и построили траншею. Во время этой разведки особенно отличились рядовой Петр Коновницын, разжалованный офицер-декабрист, и Пущин Михаил Иванович, рядовой, разжалованный из офицеров и переведенный в Кавказскую армию из сибирской ссылки. Вообще положение декабристов было совершенно необычным, в составе Кавказской армии: некоторые разжалованные в солдаты за недостатком сведущих офицеров исполняли обязанности штабных офицеров, так, например, названный уже выше М.И. Пущин, зачисленный рядовым в 8-й Пионерский батальон, исполнял обязанности корпусного инженера. Командир Нижегородского драгунского полка Н.Н. Краевский «наполнил свой штаб большей частью из декабристов и ссыльных офицеров»[16]. М.И. Пущин ходатайствовал перед начальством о переводе в тот батальон; где он служил, П.П. Коновницына и А.С. Гангеблова. Паскевич доносил, что «рядовые Пущин и Коновницын несколько раз рекогносцировали в Сардарском саду», проявляя храбрость. Осадные работы велись под непосредственным наблюдением Пущина[17]. Более определенно роль Пущина рисуется в «Воспоминаниях Гангеблова»[18]. При осаде Эривани, пишет Гангеблов, всеми инженерными работами фактически руководил разжалованный в солдаты Пущин, инициативе и опыту которого русское командование обязано было успехом. По словам этого же мемуариста, М. И. Пущин «руководил и мелкими и крупными работами, от вязания фашин и туров, от работ киркой и лопатой до устройства переправ и мостов… Кроме того, исполнял множество важных поручений. Он же в той же солдатской шинели присутствовал на военных советах у главнокомандующего, где его мнения почти всегда одерживали верх»[19].

Официальная реляция об осаде Сардар-Абада и Эривани сообщает о выдающихся подвигах, храбрости в исполнении своего долга разжалованных солдат-декабристов П. Коновницына, Н. Оржицкого, П. Бестужева, Ф. Вишневского, Н. Цебрийова. Н. Кожевникова, М. Лаппа и Е. Мусина-Пушкина[20].

Расскажем теперь об отправке на Кавказ солдат-черниговцев. Этого вопроса уже касались некоторые исследователи декабристского движения. Так, Михайловский-Данилевский — в своих воспоминаниях, напечатанных в «Русской старине» за 1899 год, книга II, стр. 408—499, сообщает о следовании солдат-черниговцев. Он выезжал дважды навстречу черниговцам и свидетельствует, что они проходили совершенно спокойно. Об этом же переходе через Полтавскую губернию сообщает на основании архивных материалов Полтавского губернского управления известный полтавский краевед И.Ф. Павловский[21]. Он очень кратко передает инструкцию, определявшую порядок следования Черниговцев на Кавказ, и говорит о тех страхах, какие вызвал этот переход среди местного начальства и помещиков. Полностью инструкция эта напечатана в изданиях Академии наук УССР, сборник № 37, Киев, 1926. Эта инструкция настолько интересна; что ее следует здесь пересказать, так как, во-первых, издание Академии наук УССР стало библиографической редкостью, а, во-вторых, маршрут, по которому следовали Черниговцы, имел конечным пунктом город Ставрополь на Кавказе.

Инструкция озаглавлена так: Штаб-офицеру, командированному для отвода в Кавказский корпус нижних чинов Черниговского пехотного полка. Далее говорится, что все отправляемые нижние чины разделяются на 6 рот. Рота строится в две шеренги и делится на 2 взвода, или на 4 полувзвода, а полувзводы — на отделения, или десятки. Каждое Отделение имеет 5 рядов, или 10 человек. Для надзора за отправляемыми солдатами к каждой роте прикомандировываются по два надежных и опытных офицера: старший из них — ротный командир, непосредственно отвечает за всю роту; младший командует вторым взводом. К каждой роте для надзора были прикомандированы по 5 унтер-офицеров и на каждых 10 черниговских солдат — по одному вооруженному рядовому, «отличной нравственности и твердости в виде унтер-офицера». Один из унтер-офицеров несет обязанности фельдфебеля, за выбор офицеров, унтер-офицеров и конвойных отвечают полковые их командиры, в случае если бы выбор был сделан недостаточно осторожно. Штаб-офицер, командующий всеми шестью ротами, принимает солдат и принадлежащие им вещи от командира дивизии и полкового командира. Далее инструкция определяет путевой порядок и предписывает следующее: каждая рота следует всегда в полном строевом порядке; офицеры должны быть всегда в строю и ни на шаг от роты не отлучаться; унтер-офицеры должны быть при своих полувзводах, а вице унтер-офицеры должны быть безотлучно на флангах своих отделений. На марше сохранять тишину и порядок; без позволения офицера и унтер-офицеров из рядов не выходить; на привалах не допускать никаких беспорядков и никаких отлучек. Офицерам внимательно наблюдать, чтобы солдаты на походе не вели непристойных и соблазнительных разговоров и «оные тотчас унимать». Унтер-офицеры и вице унтер-офицеры не должны входить в близкие с солдатами разговоры и связи. Остановки вблизи кабаков запрещались. Никаких попоек не допускалось. Квартирьеры высылались вперед и разводили солдат по квартирам. Запрещаются всякие самовольные сходбища и сборища. Вечером и утром производится перекличка. Ночью дежурный по роте производит проверку. В тех местах, где имеются воинские команды, от них требовать караул и. ночные патрули, а где войск нет, там посылается необходимый обывательский дозор. Унтер-офицерам запрещается стоять на одной квартире с солдатами. Далее от офицерского состава требуется внимательное наблюдение и сыск. Офицеры

должны внимательно наблюдать за тем, что происходит, и через унтер-офицеров должно знать все и доносить тотчас обо всем штаб-офицеру. Унтер-офицеры должны быть осторожны, наблюдать за всеми разговорами и поступками солдат. Если бы кто-нибудь из солдат нарушил эти правила, а паче всего оказал малейшее неповиновение или непокорность, такового тотчас заковать или забить в колодки и сдать местному воинскому начальству, а если такового нет, то — гражданскому или сельскому начальству для содержания под крепчайшим караулом. Штаб офицеру по получении о том донесения следует отправить такого преступника, если такой случай произойдет в Полтавской губернии, то — ближайшему полковому командиру одного из полков Третьего пехотного корпуса или Третьей кирасирской дивизии, а если в Екатеринославской губернии, то к командиру Екатеринославского внутреннего гарнизонного батальона для предания виновного военному суду, для чего подробно описать преступление его. Если бы подобное случилось в Земле Войска Донского или в Кавказской губернии, то сдать преступника местному начальству для пересылки его скованного в город Ставрополь. О всяком таком аресте тотчас доносить главнокомандующему.

Господа офицеры должны строго наблюдать порядок и дисциплину. Если бы случилось нарушение этого предписания, то и офицер должен быть арестован и отправлен к воинскому начальству. Командующему штаб-офицеру предписывается строго следить за порядком, проверять каждую роту и т.д. Штаб-офицер может сменить всякого ротного командира, который ему покажется ненадежным или подозрительным. Во всех случаях, когда нужна будет гражданская помощь, он должен обращаться к гражданскому чиновнику, сопровождающему роты, или к исправнику. От гражданских губернаторов сделано было распоряжение о наряде надежных чиновников и о том, чтобы вообще земские чиновники были поблизости следования солдат-черниговцев. По прибытии в Ставрополь явиться к командующему 22-й Пехотной дивизии генералу Горчакову и сдавать роты тем командирам, кому будет приказано их принять генералом Ермоловым. После сдачи рот нужно собрать всех сопровождавших офицеров и унтер-офицеров, конвойных солдат и составить из них роту, которую и отправить обратно в Главную квартиру.

По подсчетам Л.П. Добровольского, основная масса солдат Черниговского полка, отправляемая на Кавказ, состояла из 301 солдата. По более точным подсчетам, произведенным по 6 тому издания «Восстание декабристов», солдат-черниговцев, отправленных на Кавказ, было 805 человек; Так как на каждый десяток ссылаемых назначали одного вооруженного конвоира, то, не считая унтер-офицерского состава и офицеров, конвоиров было 80 человек, а с командным составом около 160 человек. Солдат-черниговцев так же, как и солдат других полков, вовлеченных в заговор по связи с членами Общества Соединенных славян и Сергеем Муравьевым-Апостолом, судила Белоцерковская Военно-Судная комиссия.

27 февраля 1828 года по царскому повелению в Сводный лейб-гвардии полк были откомандированы все бывшие в армейских полках солдаты Семеновского лейб-гвардии полка, разосланные в армейские полки Кавказского отдельного корпуса за участие в возмущении 1820 года. Командир Сводного гвардейского полка Шипов приказал составить из бывших Семеновцев сводную роту при первом батальоне л.-гвардии бывшего Московского полка. Командование ротой поручено было поручику Кушелеву.

В статье Габаева Г.С. (приложение к работе А.Е. Преснякова)[22] приведены сведения о том, из каких полков и сколько прибыло бывших солдат-семеновцев:

Из Ширванского пехотного	14 рядовых	2 унтер-офицера
Тенгинского	11 рядовых	3 унтер-офицера
Мингрельского	11 рядовых	1 унтер-офицер
Тифлисского	12 рядовых	2 унтер-офицера
Навагинского	12 рядовых	2 унтер-офицера
Кабардинского	11 рядовых	4 унтер-офицера
Севастопольского	1 рядовой	—
Куринского	13 рядовых	2 унтер-офицера
7 Кабардинского	2 рядовых	—
41 Егерского	3 рядовых	3 унтер-офицера
42 Егерского	7 рядовых	2 унтер-офицера
43 Егерского	14 рядовых	4 унтер-офицера
44 Егерского	7 рядовых	2 унтер-офицера

Интересно отметить, что ровно через год в Сводном гвардейском полку по семидневной полковой ведомости значилось уже 155 бывших семеновцев, следовательно, в течение года поступило в Сводный полк еще 10 бывших семеновских солдат (точнее, 7 человек, ибо в число 10 внесено 3 кантониста, которые по возрасту не могли быть старыми семеновскими солдатами)[23].

По сообщению Г.С. Габаева, в апреле 1828 года в Сводный гвардейский полк переведены были все солдаты лейб-гвардии Московского и Гренадерского полков. Они вошли, главным образом, в 3 гренадерскую роту I (Московского) батальона, командиром которого был Озерецковский[84]. Солдаты-декабристы были прикомандированы к армейским полкам и теперь возвращались в гвардию. Из 41-го Егерского полка возвращено было 154 человека, из 42 Егерского полка — 15 человек (московцев и гренадер) и 21 человек из гвардейского морского экипажа; из Ширванского полка 164 человека, из № Тифлисского полка 153 (московцев и гренадер) и 12 человек гвардейского экипажа из Нашебурского полка «19 человек, из Козловского пехотного — 12 человек, из Кабардинского пехотного — 20 чел., из 8-го Пионерского батальона 2 человека — (Московского и гренадерского) и 21 человек гвардейского экипажа — всего 581 человек, в том числе 54 человека гвардейского экипажа[25].

Еще раньше, в феврале 1828 года, в гвардейском Сводном полку числилось по семидневной ведомости в 1 батальоне 105 человек бывших гвардейцев, возвращенных из армейских полков, и 59 человек во втором батальоне. Всего 164 человека. Общая сумма солдат-декабристов, таким образом, достигает 745 единиц. Но, как мы знаем, в особом отряде солдат-декабристов, направленных в армейские полки из Выборга и Кексгольма, было только 667 человек. Очевидно, в подсчеты Г.С. Габаева вошло общее число солдат-декабристов, выключенных из гвардии и направленных в армейские полки. Поэтому в Сводном гвардейском полку оказалось 585 человек бывших гвардейцев из числа восставших, так стойко продержавшихся на Сенатской площади до самого конца. Предположительно 81 человек погиб в боях.

Вообще откомандирование в гвардию из армейских полков исполнялось, невзирая на царский приказ, очень медленно. Еще 30-го мая начальник штаба корпуса сообщал командиру 8-го Пионерского батальона, что он не имеет сведений, исполнен ли приказ об откомандировании «из вверенного зам батальона» в Сводный гвардейский полк «тех нижних чинов, причастных к происшествию 14-го декабря 1625 года, кои усердием по службе заслуживают перевода в гвардию[26]. Если это предписание еще не исполнено, «то прикажите немедленно отправить к полковнику Шилову, на основании прежде данного вам предписания, и всем таковым представить именной список»[27].

Таким образом выясняется еще одна деталь в судьбе солдат-декабристов.

В советской исторической науке давно уже поставлен вопрос о выяснении роли солдатских масс в движении декабристов, о судьбе этих безвестных героев. В VI томе монументального издания документов «Восстание декабристов» помещены полные списки около 1000 солдат Черниговского полка, восставших под командой Сергея Муравьева-Апостола. Там же помещены и имена свыше 150 солдат, участников движения в полках и артиллерийских ротах 8-й дивизии. В работе С. Гессена «Солдаты и матросы в восстании декабристов» (М., 1930) дан сводный материал по этим документам. Г.С. Габаев в своей работе «Солдаты — участники заговора и восстание декабристов»[28] дает общие подсчеты солдат-декабристов участников движения на юге России.

Что же касается данных о гвардейцах, участниках восстания на Сенатской площади, то автор этой интересной статьи Г.С. Габаев признает положение с выяснением списка гвардейцев «куда менее благоприятным». Фамилии этих гвардейцев установлены только для раненых, умерших от ран и понесших особо тяжелые наказания[29] (2 московца — каторга, 6 гренадер — каторга и шпицрутены).

Другим наказаниям были подвергнуты, вместе с указанными, 39 московцев и 23 гренадера. У гвардейских моряков выяснены еще фамилии убитых, без вести пропавших и переведенных на Кавказ — всего 96 человек. Из этого следует, что только небольшой процент солдат и матросов-гвардейцев выяснен персонально, так как вообще для гвардейцев такое выяснение — дело гораздо более трудное, чем для армейцев, восставших на юге. Дела последних разбирались в особой судной комиссий в городе Белой Церкви, передавались на конфирмацию главнокомандующему I армии, а затем Николаю I. Дела же гвардейцев в суде не разбирались, а производились келейно в полковых комиссиях: в Московском полку, Гренадерском и гвардейском экипаже. Разбирали дела и вели следствия офицеры этих же полков, и затем эти дела сдавались в полковые архивы. Много дел было утеряно и расхищено и только часть использована историками полков. Тем интереснее и важнее те данные, которые сохранил 27-й том «Кавказского сборника».

В ведомости от 15 ноября 1828 года, когда Сводный гвардейский полк уже следовал в Петербург и находился между Москвой и Петербургом (8 июля Сводный полк выступил из Тифлиса, во Владикавказе был 19—20 июля, в Ставрополе 14 августа, в Москве 4 ноября и в Петербург прибыл 11 декабря, а 12 декабря батальоны были отпущены по своим полкам и Сводный полк расформирован), сообщалось, что в Тифлисе оставались больные и раненые, не смогшие выступить с полком в Россию, но потом выздоровевшие. Среди них было 40 рядовых Сводного полка, 14 солдат бывших семеновцев 15 московцев, выключенных из гвардии в армейские полки и возвращенных в гвардию,

16 солдат Гренадерского полка, также вернувшихся в гвардию, 5 человек гвардейского экипажа и 14 солдат, выключенных из разных полков Кавказского корпуса и возвращенных в гвардию, — всего 104 человека. К сожалению, именной список этих солдат-декабристов не сохранился, но дополнительный список больных, не вошедших в упомянутую ведомость, имеется. В списке были: солдат Сводного полка Иван Тапаев, гренадер солдат Василий Петров и выключенный из гвардии в армейские кавказские полки Андрей Тиденко, который затем возвращен был в гвардию. Заболело в дороге и оставлено в госпиталях в Душетах, Новочеркасске, Воронеже и в Туле 90 человек.

Особо следует отметить унтер-офицера из вольноопределяющихся Михаила Белоусова. Он служил в Московском гвардейском полку, за взятие крепости Сардар-Абад получил георгиевский крест и за выслугу лет должен был быть представлен в офицеры, но заболел и был оставлен в Тифлисском госпитале. Кроме него, остались в том же госпитале барабанщик Емельян Мехоношини рядовые: Маркел Горошанин, Парфен Денисенко, Яков Петров, Павел Чебиряев, Семен Калинин, Ефим Михайлов, Алексей Иванов, Евстафий Анисимов, Илья Расторгуев, Василий Андреев, Федор Воронкин, Алексей Фомин, Максим Пискунов, Савелий Парфенов, Осип Харченко, Андрей Карпов, Моисей Распапонамарев, Игнатий Селиванов, Поликарп Емельянов, Никита Степанов, Петр Артемьев, Давид Юрьев, Розен Хамбеков, Яков Лобов, Иван Гаврилов, Иван Смирнов, Иван Саламатенко, Алексей Зеленский, Пехр Кравченко, Иван Григорьев, Яков Зайцев, Николай Антонов, Иван Андреев, Иван Буров, Степан Сергеев, Иван Тапаев, Федор Богданов, цирюльник Антон Алексеев, денщик Андрей Пермян.

В особенности важен следующий описок бывших семеновцев, направленных в армейские полки и потом возвращенных в Сводный гвардейский полк. Ведь именно эти семеновцы были тем элементом, на который опирались южные декабристы в своей пропаганде среди солдат. В списке значатся: 1. Ефим Ткаченко, 2. Алексей Яковлев, 3. Игнат Авдеев, 4. Архип Смирнов, 5. Андрей Ерохин, 6. Андрей Гурьев, 7. Афанасии Ткаченко, 8. Даниил Димченко, 9. Никита Левченко, 10. Парамон Шевелев, 11. Влас Савченко, 12. Евсей Архипов, 13, Семен Андреев, 14. Военный кантонист Андрей Леонов.

Кроме того, в списке помещены московцы, выключенные из «гвардий и направленные в армейские полки»: 1. Унтер-офицер Мокей Иванов. Рядовые: 2. Николай Корохов, 3. Яков-Фролов, 4. Филат Копчин, 5. Степан ШаЛукнов, 6. Емельян Ермолаев, 7. Прокоп Рощин, 8. Иван Борисов, 9. Прокоп Гаврилов, 10. Гаврила Юдин, 11. Захар Астафьев, 12. Илья Лебедев, 13. Кузьма Харитонов, 14. Сидор Бич, 15. Петр Стебенев.

Против некоторых фамилий стоит отметка: «от болезни слаб» (Денисенко, Воронкин, Артемьев, Сергеев, Богданов). Фамилия Авдеева отмечена: «по имеющейся ране следовать пеший не может».

Матросы гвардейского экипажа, выключенные из гвардии и направленные в полки Кавказского корпуса также имели больных, задержавшихся в госпитале. Фамилии их следующие: Федор Соколов (унтер-офицер), Владимир Гладков, Федор Волков, Иван Хватов и Андрей Магоров.

Из гвардейского Гренадерского полка не могли прибыть в Сводный полк Осип Игнатьев, Матвей Кожин (из-за ранения следовать пеший не может), Иван Переверткин, Петр Прохоров, Василий Петров, Алексей Пантелеев, Иван Пучков, Степан Исаев, Михаил Милованов, Василий Иванов, Михаил Петров, Алексей Менишев, Иван Яковлев, Алексей Павлов, Спиридон Петров, Лаврентий Рудаков, Петр Купцов.

Кроме того, возвращено в гвардию из разных полков 15 человек; два солдата Сводного полка Ларион Никитин и Фома Иванов также остались в Тифлисском госпитале. Херсонского гренадерского полка рядовой Лукьян Лаврентьев переводится в гвардию (вероятно, также бывший гвардеец гренадерского лейб-гвардии полка). Итого по ведомости значится: здоровых 100, слабых 7, в Тифлисском госпитале осталось 3 по болезни. Всего 110 человек.

Таким образом мы можем восстановить фамилии еще нескольких десятков солдат-декабристов и полутора-двух десятков бывших семеновцев. Однако это еще не все солдаты-декабристы, имена которых сохранили нам военные архивные материалы. В Петербурге, вследствие болезни остались 13 гвардейцев, которые должны были следовать вместе со Сводным полком[30]. Позже их доставили в село Михайловское, близ Ставрополя, и передали под команду офицера Тенгинского полка для отправки в Тифлис. Сохранился список этих солдат. Вот их фамилии: Викул Бабков, Василий Артемьев (унтер-офицеры); рядовые: Сав. Иванов, Федот Косов, Кир. Пугин, Евсей Юдин, Иван Баранов, Иван Савельев. Это все московцы. И 5 человек гренадер: Сав. Маркелов, Ст. Сергеев, Петр Ермолаев, Ст. Мартынов и Ант. Захаров (все рядовые).

Имеется еще список умерших гвардейцев, но список случайный, заключающий в себе только умерших в Тифлисском госпитале за январь 1828 года. Умерли Антон Макеев, Кузьма Иванов, Клим Росенко, Андрей Мусихин, Алексей Перескоков, Авдей Алексеев, Иван Малютин и Яков Жуков. Еще в 1826 году умер скоропостижно рядовой Сводного гвардейского полка Федор Николаев, о чем рапортом доносил Николаю I командир полка полковник Шипов[31].

В советской историографии, посвященной декабристам, в последнее время много внимания стало уделяться солдатской массе[32].

В последней работе М.В. Нечкиной имеется совершенно убедительное замечание о необыкновенной стойкости солдатской массы. «Нет сомнения, — пишет М.В. Нечкина, — что она (солдатская масса) знала много больше, чем показала на следствии».

Другой исследователь, Г.С. Габаев, замечает, что «для большинства солдат и списки, и приговоры обрисовывают только общий характер участия по группам и категориям, притом с юридически абстрактными, а не жизненно конкретными формулировками».

Далее автор этой же статьи в сборнике «Декабристы и их время», том II ставит вопрос о выяснении всего состава восставшей солдатской массы в Петербурге 14 декабря 1825 года.

Настоящая статья, можно надеяться, поможет выяснению некоторых вопросов, связанных с изучением истории декабризма.

Ëèòåðàòóðà è èñòî÷íèêè

1. Корф М.А. Восшествие на престол Николая I. СПб. 1857 год.
2. Восстание декабристов, том IV, стр. 20 и 173.
3. Розен А.Е. Записки декабриста. Изд. «Общественная польза». СПб. 1907, стр. 89.
4. Розен А.Е. Записки декабриста. Изд. «Общественная польза». СПб. 1907, стр. 70.
5. Статья П.Е. Щеголева в журнале «Былое» 1906, I, стр. 142.
6. Нечкина М.В. Восстание декабристов 14 декабря 1825 года. М., 1951, стр. 141.
7. Розен А.Е. Записки декабриста. Изд. «Общественная польза». СПб., 1907, стр. 65.
8. Вопросы истории, 1951 год, № 1, стр. 100.
9. М.В. Нечкина. Движение декабристов. М., 1955 год. Издательство Академии наук СССР, том II, стр. 411.
10. Кавказский сборник, том 27, стр. 110—111. Тифлис, 1908 год.
11. Там же, стр. 111.
12. Там же, стр. 116.
13. Там же, стр. 125.
14. Там же, стр. 177.
15. Там же, стр. 181.
16. Воспоминания братьев Бестужевых, СПб., 1917 стр. 87.
17. Кавказский сборник, том 28, стр. 15—16.
18. Воспоминания Гангеблова «Русский архив», 1866, № 2.
19. Там же, стр. 258.
20. Фадеев А.В. Декабристы в Отдельном Кавказском корпусе. «Вопросы истории», 1951, № 1, стр. 105.
21. Труды Полтавской Ученой архивной комиссии, вып. I, стр. 67—68.
22. Кавказский сборник, т. 27, стр. 221—225.
23. Там же.
24. Габаев Г.С. Укаванное сочинение.
25. Габаев Г.С. Указанное сочинение.
26. Кавказский сборник, 27 том, стр. 229.
27. Там же.
28. Декабристы и их время, том II, М., 1932 год.
29. Габаев Г.С. Цитир. соч.
30. Кавказский сборник, т. 27, стр. 193—194.
31. Там же, том 27, стр. 186—187.
32. Смотреть статьи С. Гессена «Солдаты и матросы в восстании декабристов», М., 1930. Одинцова — «Солдаты-декабристы». «Сибирские огни», 1928 год. Шебалов — «Солдаты Московского полка о 14 декабря». Красный архив и др. О.Д. Багалей. «Салдатские массы о декабристском движении». Подробная библиография в книге М.В. Нечкиной «Движение декабристов», том. 11, стр. 491.
33. Нечкина М.В. Движение декабристов, том II, стр. 415.

Òåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èçäàíèþ:

Романовский В.А. Солдаты-декабристы на Кавказе // Сборник трудов историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института. — Ставрополь, 1958. — Вып. 13. — С. 15—37.

Â Î ÑÑÒÀ Í ÈÅ Â ÑÅËÅ Ì ÀÑË Î Â ÊÓÒ Â 1853 Ã Î ÄÓ

Россия половины XIX века пережила тяжелое время: крепостной строй казался незыблемым, николаевская реакция торжествовала победу во всех отраслях жизни, во внешней политике Россия высилась непоколебимой скалой реакции. Все молчало, все преклонялось перед властью грозного самодержца. Так казалось.

Однако в глубинах народной жизни зрели революционные силы; все нестерпимее ощущался гнет крепостного права, все яснее сознавалась отсталость крепостной России а, прежде чем Крымская война воочию обнаружила эту отсталость, подспудное, скрытое от взоров постороннего наблюдателя, разрасталось крестьянское противокрепостническое движение, которое и создало к концу 50-х годов революционную ситуацию.

Одним из ярких проявлений крестьянского протеста явилось восстание крестьян в селе Маслов Кут Ставропольской губернии. Это восстание выделяется из ряда подобных движений и по упорству, и по стойкости, которые проявили восставшие, и по количеству убитых и раненых, оказавшихся на месте происшествия после применения усмирителями артиллерийского огня, и, наконец, по жестокости, проявленной царской администрацией.

Историей восстания в селе Маслов Кут занимались исследователи уже издавна. Едва ли не первая работа, касающаяся событий 1853 года, напечатана в июньском номере журнала «Киевская Старина» за 1884 год. Статья носит заголовок: «Из жизни малороссийских колонистов на Северном Кавказе». В статье пересказано содержание «сентенции» (заключения) от 5-го мая 1855 года военно-судебной комиссии, учрежденной при Ставропольском уездном суде «над зачинщиками, руководителями и главными виновниками возмущения маслокутских крестьян в 1853 году». Автор статьи скрыл свое имя под литерами И.С.-р-а. Пользовался он копией этой сентенции, но где она хранилась тогда и где находятся в настоящее время, неизвестно.

Затем, уже в XX веке, появились работы ставропольских краеведов Прозрителева «Дело крестьян селения Маслов Кут» (Ставрополь, 1909 год) и других.

Об исследователях дореволюционного времени следует сказать, что только анонимный автор, поместивший в журнале «Киевская Старина» статью о Масловом Куте, дал ценные сведения, использовав свежие данные о трагических событиях 1853 года, статья же Прозрителева лишена научного значения, так как в сущности представляет собой простой пересказ статьи, напечатанной в журнале «Киевская Старина».

В советской исторической литературе восстанию в селе Маслов Кут уделено большое внимание. В 1934 году в журнале «Борьба классов» № 12, помещена небольшая заметка о восстании крестьян помещиков Калантаровых. Затем Я.И. Линков впервые привлек к изучению этой темы материалы центральных архивов. Тот же автор вернулся к этой теме в издании 1952 года. Пересказ материалов этой же темы имеется в диссертации Крикунова В.П. «Крестьянская реформа 1861 года в Ставропольской губернии». Упоминает о событиях 1853 года и Краснов Г.Д. Еще больше внимания уделяют этому событию авторы диссертации по истории Ставрополья Н.И. Стащук и особенно Чекменев С.А. Последний использовал не только материалы Ставропольского государственного архива, но привлек также материалы других хранилищ (например, Астрахани) и дал наиболее полную картину событий в селе Маслов Кут.

В настоящей статье использованы преимущественно материалы местного архива (ГАСК) и дополнены материалами центрального архива (ЦГИАМ).

Чтобы правильно оценить значение маслокутских событий 1853 г., надо поставить их в связь с общим ходом исторического развития России. Только тогда значение использованных документов может быть правильно понято и оценено.

Протесты крестьян Маслова Кута против закрепощения начались еще в XVIII веке; высшей своей точки они достигли в 1853 году, но волнения продолжались, хотя и в другой форме, вплоть до начала XX века. Такое упорное сопротивление крестьян своим помещикам и царской администрации уже само по себе заслуживает внимания советских историков.

Заселение Северного Кавказа началось тогда, когда феодально-крепостническое хозяйство уже вступило в полосу своего кризиса, предвещавшего гибель всей крепостнической системы.

Общий кризис сельского хозяйства чувствовался во всем: в усиленном стремлении помещиков получить больше дохода от крепостного хозяйства, в поисках выхода на рынок для продуктов сельского хозяйства, в низких урожаях, в отсталой технике, в крайне низкой производительности труда, в обнищании крестьян, в нарастании их протестов и т.д. Рост городов, создание мануфактурной промышленности расширили внутренний рынок, а военные нужды еще более усиливали потребность в денежных средствах. Завоевательная политика XVIII века повела к присоединению плодоносных южных степей, что с овладением черноморскими портами открывало возможность быстрого развития хлебной торговли. В хлебном экспорте участвовали не только помещики южных губерний, но и землевладельцы центральных черноземных областей.

В.А.Романовский

Уже в XVII веке происходил захват свободных крестьянских земель. XVIII век довершил этот процесс. После Кучук-Кайнарджийского мира 1774 года Россия укрепила свои позиции на Северном Кавказе; Крым был признан независимым от Турции государством, а земли между реками Ея и Кубань, принадлежавшие ранее Крымскому ханству, частью отошли теперь к России (между Доном и рекою Ея).

Указом Екатерины II от 23 ноября 1775 года князь Г.А. Потемкин был назначен наместником и генерал-губернатором Новороссийским, Азовским и Астраханским. Уже 5 мая 1776 года он выработал и представил на утверждение царицы проект постройки укрепленной линии, которая должна была связать Моздок с Азовским побережьем линией крепостей. Это было необходимо ввиду постоянных набегов со стороны соседних вравдебных племен. С постройкой этой линии в 1777—1779 годах значительно усилился приток переселенцев.

Правительство Екатерины II скоро убедилось, что крепостническая политика не может обеспечить быстрого и прочного заселения края. Поэтому раздача пустопорожних земель хотя и производилась в широких масштабах, но заселение шло медленно, т.к. требовало больших средств. Даже крупные владельцы затруднялись переселять своих крестьян из владений в центральных губерниях, поэтому главная масса поселенцев на Северном Кавказе состояла из беглых крестьян, не вынесших крепостного гнета, который во второй половине XVIII века приобрел особенно тяжелые формы. Масса беглых крестьян оседала на свободных землях Предкавказья, пользуясь слабостью местной власти, близостью границы и возможностью свободно переходить с места на место, так как в этих новоосваиваемых землях много было уголков, где можно было укрываться от бдительности начальства.

Правительство Екатерины II всеми силами старалось проводить свою крепостническую политику, расширить крепостное право и на новоприсоединенные земли: 10 декабря 1786 года Сенат издал указ кавказскому наместническому управлению о строгом надзоре за беглыми крестьянами и о неукоснительном возвращении беглых на их прежде места[1]. Но это мало помогало делу. Крестьяне продолжали бежать в одиночку и целыми группами. Возвращать беглых с отдаленного Кавказа было затруднительно, а иногда и невыгодно местной администрации: цену земле давал крестьянский труд, он же был источником незаконных доходов местного начальства. Для удовлетворения желаний правящего дворянства правительство предложило в Указе от 30 сенбря 1788 года, чтобы помещики сами лично или через своих уполномоченных являлись в места, где проживают их беглые крестьяне и забирали своих крепостных. Если помещик пожелает оставить их на месте, то может получить за каждого молодого крестьянина рекрутскую квитанцию и при наборе рекрут там, в своем имении, освобождается от поставки очередного рекрута[2]. Такая постановка вопроса о возврате беглых уже свидетельствовала, что крепостническое правительство Екатерины II понимало всю трудность выдержать во всей полноте дворянскую крепостническую линию, понимало необходимость быстрого и прочного заселения богатого края, который все время находился под угрозой военном опасности. И вот неоднократно местное начальство обращается к Г.А. Потемкину не отсылать беглых на прежние места их жительства. Так, например, в ноябре 1786 года Кавказское наместничество просит Потемкина оставить в Екатериноградском уезде беглых «в числе прочих поселенцев» и получило от всесильного генерал-губернатора разрешение оставить беглецов на их новых местах[3]. 10 декабря того же года состоялось законодательное постановление, разрешавшее оставлять на Кавказе тех беглых, которые пришли сюда «не по причине продерзостей и преступлений». Им даже предоставлялась льгота на полтора года в уплате податей, если за них уплачивались подати на прежних местах жительства[4].Однако не следует думать, что поимка беглецов и отсылка их на родину в полное распоряжение помещиков, от которых они бежали, было редким или исключительным явлением. В цитированном уже исследовании С.А. Чекменева приведены многочисленные факты этого рода, когда беглецов возвращали целыми группами на свои родные места[5]. Но сила обстоятельств была такова, что приходилось идти навстречу жизни, и вот указом Сената от 18 января 1889 года предлагалось всех беглецов, поселившихся в кавказском наместничестве до издания этого указа, оставить на местах их нового жительства, а беглецов, ушедших от помещиков, зачесть в счет рекрутов и выдать помещикам рекрутские квитанции[6].

Указ этот имел большое значение для беглого населения Северного Кавказа и других мест, где оседали беглецы, В частности, по этому указу в селе Маслов Кут (Привольное тож) все поселенцы, в подавляющем большинстве беглецы из разных мест, были приписаны в число государственных крестьян, внесены в списки плательщиков налога и сами себя считали вольными. Это обстоятельство сыграло не последнюю роль в числе причин, вызвавших длительное и упорное сопротивление крестьян Маслов Кут своим помещикам.

Село Маслов Кут было поселено на землях, подаренных Екатериной II князю Потемкину. Интересно рассказывают старожилы-поселенцы об основании их села. «Старожилы наши старики, пришедшие еще на траву и поселявшиеся на оной… утверждают и полагают тому времени 52 года…», то есть время основания села Маслов Кут — 1774 год. В диссертации С.А. Чекменева высказано предположение, что на привольные Прикумские земли пришли в 1774 году беглецы из повстанческой армии Емельяна Пугачева после поражения её царскими регулярными войсками. Из документов нельзя привести достоверных доказательств этого факта, но само по себе предположе-

ние С.А. Чекменева весьма вероятно, т.к. время поселения маслокутцев, их неугасимое стремление к свободе, стойкость в антифеодальной борьбе, проявленная в течение многих десятилетий, вполне объясняется сохранившимися среди маслокутских крестьян традициями противокрепостнической борьбы, перешедшими еще от первых поселенцев, которые хорошо помнили время Пугачева.

Итак, село Маслов Кут (Привольное) начало заселяться в 1774 году. Земли же по обеим берегам Кумы были подарены Екатериной II Г.А. Потемкину в 1785 году[7]. Ему отведено было свыше 30000 десятин с указанием, что земля никем не населена и Потемкин должен принять меры к привлечению на пожалованные земли свободных поселенцев. Из показаний же старожилов мы знаем, что Маслов Кут начал заселяться уже с 1774 года.

Не удивительно, что управляющий князя Потемкина Ковалевский начал быстро и энергично привлекать крестьян на княжеские земли, сбавляя, по-видимому, и прежних свободных поселенцев новоселами. Уже в 1786 году, по сведениям губернатора Жукова, в Масловом Куте было 426 душ мужского пола. Не ясно юридическое положение беглецов-поселенцев. Указ разрешал принимать беглецов «польских выходцев», однодворцев из разных губерний и малороссийских поселенцев; но под видом «польских выходцев» приходили и беглые от помещиков из центральных губерний. Указ 1789 года разрешил, наконец, и вопрос о маслокутских поселенцах. На основании этого указа, поселенцы с. Привольного (Маслов Кут тож) записаны были в число государственных крестьян, то есть не считались принадлежащими помещику, на земле которого они жили. Это было совершенно законно; с крестьян Маслова Кута поступал и государственный оброк, вносимый также государственными крестьянами других селений; квитанции в приеме такого оброка выдавались крестьянам на руки и позже фигурировали в деле о волнениях в с. Маслов Кут как доказательство, что поселенцы этого села — крестьяне государственные, а не помещичьи.

Дальше события развивалась так: в 1791 году умер Потемкин — владелец имений на Северном Кавказе. По разделу наследства между племянниками Потемкина маслокутские земли достались генералу Высоцкому. По официальной справке в селе Привольном числилось 426 душ мужского пола и все они именовались государсственными и в раздельном акте о них ничего не упомянуто. Что земля считалась без крепостных душ, показывает и факт завязывающихся трагических событий — продажа генералом Высоцким маслокутского имения камер-фурьеру Захару Зотову. В купчей крепости на проданную землю сообщаются краткие сведения по истории этих владений. Раздел наследства произведен был 25 октября 1793 года, а укреплено это имение за покойным князем Потемкиным в 1788 году по указу Кавказского наместнического правления, причем сказано, что переданы эти земли «по обе стороны реки Кумы», при Масловом Куте лежащие, «сколько в оной в данных от наместнического правления плане, владенном указе и межевой книге, кои я, Высоцкий, ему Зотову при сем и выдал значит всю без остатка с пашнею, с лесом и со всякими угодьями и со всеми к той земле принадлежностями и законными присвоениями». Самая сумма — 6000 рублей, заплаченная Зотовым Высоцкому за маслокутские земли, показывает, что земля покупалась без крестьян. Так понимало дело и Кавказское наместническое правление, которое определило отобрать крестьян от нового владельца Маслова Кута, Зотова. Однако Зотов, пользуясь своим положением камер-фурьера, просил Екатерину II подарить ему и крестьян, сидящих на маслокутских землях и считающихся государственными. Результатом его просьбы был императорский указ от 30 сентября 1795 года правительствующему сенату и генерал-губернатору рязанскому, тамбовскому и кавказскому Гудовичу, где было сказано: «Всемилостивейше повелеваем: как означенную землю (Маслов Кут — *В.Р.*),так и поселившихся там жителей казенного ведомства и польских выходцев оставить во владении помянутого камер-фурьера, камердинера нашего Зотова, исключая из того числа 5 душ однодворцев из разных губерний зашедших, и которых перевести оттуда, в казенные селения». Об этом послано было уведомление и в казенную палату. Участь крестьян Маслова Кута была решена: они превратились в крепостных помещика Зотова, который, заплатив прежнему владельцу 6000 рублей, сделался собственником полумиллионного состояния. Так зародилась основа долголетней антифеодальной борьбы крестьян села Привольного против своих эксплуататоров.

У дореволюционных историков, писавших о крестьянском восстании 1853 года в селе Маслов Кут[8], сквозила мысль, что крестьяне незаконно, какими-то случайными обстоятельствами попали в крепостную зависимость от помещиков. Однако из всего вышеизложенного вытекает вывод, что Екатерина II как самодержица всероссийская, как дворянская царица «пожаловала» государственных крестьян, какими былк маслокутцы, своему камердинеру. Таков был законний порядок». Все последующие жалобы, протесты, выступления со стороны крестьян встречали эту непоколебимую тогда «законную» стену крепостного права и самодержавной воли.

Как только новый владелец Зотов послал управляющего в свое имение Маслов Кут, крестьяне заволновались и прогнали управляющего Аглаимова из своего села[9]. Зотов прислал нового укравляющего, который жестокими мерами стал наводить порядки в имении Маслов Кут. Однако крестьяне все же не признавали себя крепосетными Зотова, и управляющий Колпаков вместе с исправником Сегермарком объявили маслокутцев бунтовщиками. Для «усмирения» их прибыл генерал-майор Тучков с двумя ротами солдат и казаками. Тучков не производил никакого расследования, не слушал никаких объяснений, а по указаниям Колпакова и Сегермарка засек до смерти трех человек,

семь человек прогнал сквозь строй, 34 человека подвергнуты были жестокому наказанию. Так засвидетельствовали «лучшие старики» и подписались под этими показаниями[10].

Однако события конца XVIII века, связанные с переходом имения Маслов Кут к новому помещику Зотову, не были так просты, как об этом рассказывали позже «почетные старики». В Масловом Куте давно зрели семена антифеодального протеста. В 1798 году крестьяне послали прошение на имя императора Павла, где просили оставить их в ведении казенной палаты как государственных крестьян. Одновременно они жаловались на Колпакова, делавшего им «напасти и крайнее разорение». Но первая жалоба гражданскому губернатору (астраханскому, т. к. Маслов Кут в 1797 году входил в состав Астраханской губернии), была перехвачена Колпаковым, а ходоки, доставлявшие это прошение, били арестованы. Между тем волнения жителей маслокутского имения не утихали. Теперь там было уже 695 душ мужского пола и 539 душ женского. В ответ на жалобу царю крестьяне получили через прокурора извещение, помещенное в «Московских ведомостях» за 1798 год, 27 ноября, № 95, где сказано, что состоящим во владении камер-фурьера Зотова села Маслов Кут крестьянам, «утруждающим государя императора о переводе их в другие казенные селения, по высочайшему повелению отказывается, поелику они указом 1795 года утверждены во владении Зотова». Еще до объявления этого указа, ноября 25-го 1798 года, крестьяне села Маслов Кут составили на сходе общественный приговор, в котором они поручили своему односельчанину Недвигину ходатайствовать об освобождении маслокутцев из владения помещика. Управляющий имением Колпаков просил Земский суд допросить жалобщиков и прочих бунтовщиков. Недвигин, Сотников и Остапенко показали, что они беглые крестьяне из Пензенской, Орловской и Воронежской губерний, поселены в Масловом Куте по разрешению Моздокского земского суда в 1783 и 1790 годах, причислены затем в казенные крестьяне и не считают себя крепостными помещика Зотова. Эти крестьяне заявили, что маслокутцам никто не объявлял о переходе их во владение Зотова.

В январе 1799 года эти трое уполномоченных, вместе с двумя другими уполномоченными представителями крестьянского общества, явились в г. Георгиевск узнать, какой же ответ последовал на их жалобу, посланную царю. В городе они обратились к писарю Баркову, сделавшему им выписку из газеты «Московские ведомости», но исказившему смысл этой публикации. Страстное желание крестьян получить свободу побудило писаря Баркова толковать газетную публикацию в том смысле, что крестьяне не принадлежат Зотову. Все эти обстоятельства утвердили веру крестьян в своей правоте, и когда приехал земский суд для наведения порядка и приведения в подчинение помещику крестьян, все они заявили, что подчиняться ему не будут, хоть «головы сруби». Жалобы, которые крестьяне отправили на царское имя, были присланы в уездный суд и крестьян допрашивали, почему они не подчиняются помещику.

Крестьяне в своей жалобе царю писали, что они пришли на Кавказскую линию из разных мест Российской империи и поселены в селении Маслов Кутс разрешения начальства и уже 2 года вносят подати как государственные крестьяне, обзавелись хозяйством и даже выстроили церковь. Когда они узнали, что после смерти князя Потемкина земля, на которой они поселились, перешла к его племяннику, генералу Высоцкому, а последним продана Зотову, то в 1794 году они подали просьбу главнокомандующему графу Гудовичу о переселении их в другое место как государственных крестьян, и Гудович, будто бы, решил оставить их на прежнем месте и без его, Гудовича, на то разрешения никуда их не переселять. Дело по жалобе крестьян доходило до сената, от которого на имя гр. Самойлова был дан указ; копию этого указа крестьяне приложили к жалобе на имя царя, но с пропуском слов, поясняющих, что на землях помещика Зотова остаются вместе с польскими выходцами и другие крестьяне, слова же «жители казенного ведомства» (т.е. государственные крестьяне) были опущены. Таким образом получалось, что государственные крестьяне, какими считали себя маслокутцы, не переходят во владение Зотова.

К просьбе возвратить их в казенное ведомство крестьяне присоединили и жалобу на притеснение приказчика, назначенного Зотовым. Ссылаясь на свою жалобу, поданную астраханскому губернатору, оставленную последним без ответа, крестьяне просили царя повелеть, если указ, копию которого они приложили, существует, перевести их в «казенное ведомство».

Тем временем царское решение на жалобу крестьян было уже готово.

Однако на этом дело не кончилось. Еще до объявления этого указа через земский суд, крестьяне стали волноваться и примерымери, чтобы добиться свободы. В декабре 1798 года управляющий имением Маслов Кут Колпаков доставил в Георгиевский нижний земский суд крестьян Логина Сотникова и Павла Остапенко, которых назвал на допросе арестованный раньше Афанасий Недвнгов. Все арестованные заявили, что они государственные крестьяне и не знают «почему то село (Маслов Кут) почитается за помещиком Зотовым». Все три маслокутских жителя были арестованы за подачу прошения Павлу I, и вот как они об этом рассказывают во вторичном своем заявлении, поданном 17 января 1799 года: 14 января управляющий имением Колпаков ночью, вместе с сельским атаманом и писарем пришли к Остапенку; сначала ломились в двери, потом, выломав дыру, влезли в избу. Остапенко, испугавшись, хотел выскочить в окно, но застрял в нем. Колпаков выбежал к окну, выходившему на улицу, ухватил Остапенко за волосы и тащил на улицу, а атаман и писарь тащили его за ноги в избу. Все трое немилосердно ивбивали Остапенко при этом. На крик прибежал секретарь

нижнего вемского суда и стал уговаривать Колпакова прекратить избиение, но тот не внял уговорам, вытащил из окна Остапенко, изранившего свои руки о разбитое стекло, и повел его в сельскую ратущу. По дороге все продолжал избивать свою жертву. В ту же ночь арестованы были Сотников и Недвигов. Только через 5 дней арестованные были освобождены, так как исправник побоялся притеснять уполномоченных от маслокутцев делегатов, подавших прошение царю. Таким жестоким наказаниям подвергались выборные от крестьян, еще три месяца назад пославшие царю просьбу разобрать дело их односельчан.

В селе Маслов Кут было два крестьянских общества «великороссийское» и «украинское»; оба они действовали совместно и дружно, и 25 ноября 1798 г. составили письменный акт, который они назвали «общественным заговором». В этом акте указывалось, что маслокутцы избрали 14 уполномоченных и «дали руки крестьянину Недвигину» (то есть доверили ему) хлопотать об освобождении от крепостной зависимости всех жителей села Маслов Кут. Это общественное поручение и послужило причиной ареста Недвигина, Сотникова и Остапенко.

После освобождения из-под ареста эти уполномоченные вместе с выборными от сельских общин, русского и украинского, приехали в город Георгиевск, чтобы узнать о результатах своего прошения на царское имя. Вот тогда то в Георгиевеке они нашли писаря Баркова (солдата), согласившегося за 4 рубля написать им новое заявление и снять копию с газетной публикации, содержащей царский ответ на их жалобу Павлу I. Отдавая выписку из газеты, он читал её маслокутским депутатам и толковал её в том смысле, что маслокутцы помещику Зотову не принадлежат. Копии с газетной выписки Надвигин, Сотников и Остапенко немедленно переслали своим односельчанам. Поэтому, когда земский исправник 22 января приехал вместе с секретарем в Маслов Кут, чтобы объявить им официально об отрицательном ответе царя на их прошение, собрался мирской сход. Исправник потребовал у Недвигина бумаги. На сходе толпа была очень возбуждена, услышав совершенно противоположное решение на свое прошение. Послышались возгласы, чтобы не давать исправнику бумаг, дать только копии и потребовать расписку; земский суд назван был обманщиком. Крестьянин Старовойтенко хотел вырвать из рук исправника указ, оглашенный секретарем. Старовойтенко будто бы кричал: «У тебя одна голова и та скоро слетит», — толкнул исправника в грудь. Перепуганный исправник выдал сходу копию «повального обыска» (так назывался тогда поголовный опрос жителей), который произведен был в селе накануне мирского схода. Крестьяне возбужденно кричали: «У нас нет помещика, мы все казенные, и управителя ни в чем не слушаем, да здесь ему и жить незачем».

После этого исправник покинул Маслов Кут и послал ходатайство о присылке воинской команды. Пока последняя прибыла, в имении Зотова крестьяне уволили всех должностных лиц, назначили своего выборного. По отношению к тем, кто проявлял послушание приказчику Колпакову, «причиняли им всякие обиды», как доносил Колпаков начальству.

По предписанию военного начальства в Маслов Кут явился, как мы говорили, генерал-майор Тучков 2-ой; туда же прибыл 8 февраля 1799 года и земский суд. Находившиеся в Георгиевске 8 уполномоченных от маслокутских крестьян были арестованы. Земский исправник явился в Маслов Кут, чтобы объявить крестьянам царскую резолюцию на их просьбу. Исправник прочел на сельском сходе выписку из газеты об отказе крестьянам в их просьбе освободить их от крепостной зависимости, увещевая их подчиниться власти помещика Зотова, не бунтовать против закона. Привлечены были для уговаривания крестьян и попы местной церкви. Но крестьяне никому не верили, требовали собственноручного царского указа, кричали, что имеющаяся у них газетная выписка верна, а та, которую читал исправник, фальшива. Тогда 10 февраля генерал Тучков взял власть в свои руки, арестовал 22 крестьянина и передал их земскому суду. Хотя Тучков доносил начальству, что крестьяне Маслова Кута приведены к повиновению помещику, но это не вполне соответствовало истине, ибо 18 февраля вторично пришлось генералу созывать сельский сход, где снова 7 человек обнаружили упорное неповиновение, были арестованы и наказаны шпицрутенами. Главный зачинщик, Старовойтенко, скрывшийся было от ареста, был наконец пойман и отослан в уездный суд. Старовойтенко Иван Федорович считался главным зачинщиком неповиновения и упорного протеста, на него и обрушился гнев Тучкова 2-го, в результате которого Старовойтенко и умер в тюрьме.

Интересна его биография. Родился он в 1739 году, так что в момент ареста ему было уже 60 лет. Он был женат, имел двух сыновей и дочь. Родиной его был Сумской полк на Слободской Украине. Отец его «казенный мадороссиянин» жил в слободе Сыроватка. В 1769 году Старовойтенко ушел в Воронежскую губернию, в казенную слободу Куричевку, а в 1793 году прибыл в Маслов Кут, где и поселился на постоянное жительство. Управляющий Колпаков притеснял его, поэтому Старовойтенко, прослышав, что вышел указ о переселении государственных крестьян из помещичьих имений в казенные села, «стал о сем стараться», то есть стал добиваться переселения на государственные земли, хотя и знал, что начальство объявило жителям с. Маслов Кут о переходе их во владение Зотова. Старовойтенко был уверен, что он государственный крестьянин и Зотову принадлежать не должен. На допросе в Георгиевском нижнем земском суде 23 февраля Старовойтенко заявил, что «так как Зотову я не принадлежу, то посему и тех указов за действительные не почитаю, что и теперь в присутствии суда подтверждаю»[11]. Что же касается обвинения в том, что он, Старовойтенко, секретаря толкал в грудь, то Старовойтенко это решительно отрицал.

По приговору астраханской палаты уголовного суда 22 сентября 1799 года наказаны на месте 3 человека кнутом с вырезыванием ноздрей и поставлением штемпельных знаков на лице и ссылке в Нерчинск в каторжные работы, а 27 человек наказаны плетьми «нещадно», но оставлены на месте под поручительство местных жителей. Старовойтенко умер в тюрьме. Всем пережитым он был, видимо, и физически и морально раздавлен. Об этом свидетельствует его покаянное заявление, поданное начальству незадолго до смерти. Что же касается остальных арестованных по приказу генерала Тучкова, то они проявили большое мужество и стойкость в своих требованиях свободы от крепостной зависимости.

Арестованных допрашивали 2 раза: 1. В Георгиевском земском суде, где они сообщали о себе некоторые биографические данные (все они беглые, в большинстве б. помещичьи крестьяне, но были и монастырские, так наз. экономические. Пришли они из разных губерний: Воронежской, Тульской, Московской, Нижегородской губерний и др.). Интересно отметить, что среди арестованных мало заметно религиозных настроений, лиць два-три старика заявили, что у исповеди и причастия бывают ежегодно. Большинство же оказалось, что у исповеди бывают редко, пять лет и больше не были в церкви. По тогдашним обычаям гражданские власти привлекали себе в помощь и церковников для морального воздействия на протестующих крестьян. Так было и в данном случае, но арестованные не поддавались никаким уговорам и увещаниям, а один из них, Захар Землянский, прямо заявил, что за помещиком быть не желает и священника просил «и не увещевать его», т.к. он все равно останется при своем убеждении.

Первым был допрошен Яков Сидоров, сказавший, что верит той выписке из указа, где сказано, что они за помещиком Зотовым не числятся, и считает себя государственным крестьянином. Так показали и все остальные арестованные, но некоторые высказывались более решительно, так, Ананий Новиков сказал, что он «хотя в Сибирь отослан будет, но не желает быть в повиновении помещику своему Зотову»[12].

2. При вторичном допросе Новиков сказал, что «хоть голову сруби, а за помещиком быть не хочет»[13]. В тех же выражениях отвечали Федор Башкирцев, Дмитрий Васильев, Семен Бабченко сказал, что он согласен хоть кнутом быть битым, только бы не быть у помещика в поданных[14]. Землянский подтвердил, что лучше ему быть в ссылке, чем у помещика крепостным, Иван Зоря тоже сказал, что лучше ему голову срубить, чем он будет у помещика Зотова.

Все допрошенные в виде протеста отказались подписать протокол допроса, хотя и подтвердили все свои прежние показания.

Так закончилось первое выступление маслокутских крестьян против своих угнетателей. Крестьяне прекрасно понимали безнадежность своего положения. Им были показаны документы, предъявленные Зотовым, они знали об отрицательном ответе царя на их прошение об освобождении от крепостной зависимости, и тем не менее они держались за фальшивую копию газетной публикации, требовали подлинного царского указа, лишь бы не идти в крепостную кабалу; ссылаясь на свою принадлежность к числу государственных крестьян, маслокутцы не могли не знать, что государственные крестьяне сотнями тысяч раздавались в частные руки и Екатериной II, и Павлом I. Это были массовые раздачи, и крестьяне знали об этом. Если они протестовали, упорно подчеркивая свою принадлежность к государственным, то это был, как им казалось, удобный предлог протестовать против закрепощения, прикрываясь наивной верой, что царского указа, по которому они записаны в число государственных крестьян, нарушить нельзя.

Расправа генерала Тучкова 2-го была жестокой.

После этой экзекуции в Масловом Куте установилось относительное спокойствие, а жизнь шла своим чередом. Большинство селений края не принадлежало помещикам, край заселялся или государственными крестьянами, или однодворцами, то есть в основном вольной колонизацией. Конечно, крепостнический характер всей жизни налагал свой отпечаток на весь быт края, да и государственная деревня не была вовсе лишена крепостнического характера в экономике и быте, изменена была лишь только форма эксплуатации, так что государственная деревня подвергалась феодально-крепостническому гнету, как и частновладельческая. Однако государственные крестьяне пользовались все же большей свободой в своей экономической деятельности, да и в быту они чувствовали себя свободнее. Недаром маслокутцы так упорно доказывали свою принадлежность к числу государственных крестьян. Возможности у последних для ведения хозяйства были значительные именно потому, что они не имели досадного и ежеминутного контроля владельца помещика. Кроме того, государственные крестьяне имели движимое имущество, которое у них никто не отнимал, заводили мельницы и другие промышленные предприятия, получали значительные доходы, позволяющие им откупаться от жадной чиновной братии, которая управляла казенными крестьянами. Совершенно естественно, что крепостные, живя под властью своих владельцев, сильнее ощущали свое бесправие, а маслокутцы хорошо помнили свою утраченную свободу, когда они платили в казну подати наравне со всеми остальными государственными крестьянами.

Прежде чем перейти к изложению истории многолетней борьбы крестьян за свою свободу с 1825 года, необходимо ознакомиться с переменами в хозяйственном развитии края.

В последней четверти XVIII века и в начале XIX века на Северном Кавказе стали ясно обозначаться его хозяйственные успехи; увеличивалось население края, распахивались новые земли, увеличивались урожаи, развивались ремесла и промыслы. В 1785 году, когда была образована Кавказская губерния, она включала 5 городов, 17 сел, населенных государственными крестьянами, и три села, где жили помещичьи крестьяне. Общее число жителей «по гражданскому ведомству» составляло 22156 душ мужского пола[15].

В 1814 году население Кавказской губернии исчислялось в 89363 души обоего пола[16]. В период с 1820 по 1833 год одних государственных крестьян переселилось 105765 человек. Одновременно шло заселение и казачьими войсковыми людьми, и помещичьими крестьянами, и самовольными беглецами из центральных губерний[17].

В 1853 году в Ставропольской губернии насчитывалось 309348 душ обоего пола (без казаков)[18].

К середине XIX века крестьянами распахивалось свыше 10 миллионов десятин земли[19]. На юге России земледелие сочеталось с усиленным разведением тонкорунных овец. Продукты сельского хозяйства находили хороший сбыт через черноморские порты (Одесса, Херсон, Скадовск, крымские гавани). На Северном Кавказе таких гаваней тогда не было. Ближайшим портом был Таганрог, но доставка хлебных грузов туда обходилась дорого. Только в 1848 году по ходатайству князя Воронцова, тогдашнего наместника на Кавказе, открыт был порт в городе Ейске. Он стал отвлекать значительную часть грузов, направляемых раньше в Ростов и Таганрог. Еще в 1818 году сенатор Мертваго, ревизовавший Кавказскую губернию, назвал ее «хутором России», поставляющим в столицы скот, мясо и другие продукты[20].

К середине XIX века положение значительно изменилось. Упомянутый выше Воронцов писал в своем докладе царю: «Нынешняя Ставропольская губерния по обширному плодородию и быстро увеличивающемуся народонаселению вошла в число мест, снабжающих в значительной степени отечественными произведениями отпускную торговлю нашу за границу черев Азовское море[21]. Далее Воронцов перечисляет предметы вывоза: пшеницу, кожи, шерсть, маслосемена, коровье масло и проч. Кавказский наместник отмечает, что Ставрополье и все Черноморье направляют свою торговлю на Ростов, что очень невыгодно для купцов, т.к. цены стоят там низкие, а сухопутная перевозка до Ростова стоит дорого. Это вполне соответствовало действительности, и правительство скоро (6 марта 1848 года) открыло порт и основало новый город Ейск, через который и стали теперь направляться грузы из Ставрополья и Черноморья. Но сельхозпродукты шли в основном на внутренний рынок. Однако доставка продуктов сельского хозяйства к внутренним рынкам России обходилась тоже дорого и требовала значительных хлопот по перегону скота и организации сухопутных обозов. Поэтому помещики Ставропольской губернии уделяли мало внимания хлебопашеству, а больше переходили на животноводство и устройство разных промышленных предприятий: мельниц, винокурен, выделку вина, шелководство и проч. Скотоводство хотя и играло значительную роль в экономике края[22], но этой отраслью хозяйства занимались преимущественно государственные крестьяне и казаки. Подтверждает это «Военно-статистическое обозрение Ставропольской губернии» (СПб., 1851, с. 205).

В 1849 году казаки и государственные крестьяне продали скупщикам до 25000 голов крупного рогатого скота на общую сумму 250000 рублей серебром и до 30000 овец, стоимостью на 40000 рублей серебром[23].

Помещики на Ставрополье, как видно из архивных источников, искали более прибыльных статей дохода. Как сообщает Фадеев А.В. в цитированной выше работе, помещики Калантаров, Шангирей, Романович, Янков, Лукьянчиков и другие, в 40—50-х годах XIX века имели большие мельницы, приносившие им значительный доход. Калантаров, например, в 1853 году получил от принадлежащих ему 7 мельниц 8000 рублей серебром. В его имении Маслов Кут построены были заводы кожевенный, шелковый, винодельный, винокуренный, кирпичный, известковый. Эти предприятия давали помещику 3510 рублей серебром в год[24]. В этой же губернии помещик Ребров имел в имении Владимировке 3 мельницы, 4 винодельных завода, 1 шелковый, 2 кирпичных. Стоимость продукции этих предприятий определялась в том же 1853 году в 30470 рублей серебром. В имении Скаржинской было 2 мельницы, шелковый и винодельный заводы, дававшие дохода 2700 рублей серебром в год.

Хозяйственное развитие края явно требовало перемен в смысле широкого представления свободы, инициативы и, в конечном счете, ликвидации крепостного права. Крепостной труд становился невыгодным, нерентабельным. Этого не могли не видеть даже крепостники-помещики. В исторической литературе известен факт, когда один помещик Ставропольской губернии в середине XIX века, владея 1000 десятин земли, обработку этой земли и уборку урожая проводил наемными рабочими, а своих крепостных использовал в качестве надсмотрщиков. Помещик утверждал, что вспашка и посев обходились ему 8 рублей десятина, уборка от 4 до 3 рублей. За покрытием всех этих расходов ему, помещику, все же оставалось 15 рублей серебром с каждой десятины чистого дохода[25]. Один из хороших хозяев, помещик Ребров, также применил в своем имении вольнонаемный труд[26]. Но, конечно, помещики-крепостники далеки были от мысли о ликвидации крепостнических отношений. Для получения больших доходов со своих имений они не только увеличивали промышленные предприятия, строили мельницы, винокурни и проч., но и усиливали нажим на подвластных им крестьян, переводили их на «месячину», т.е. лишали крестьян их собственного хозяйства, выдавая им

месячный паек по определенной голодной норме и тем приравнивая крепостного к рабу. Перевод на «месячину» лишал крестьянина и того минимума заинтересованности в результате труда, какой он имел при обычном крепостном хозяйстве, обрабатывая и свое поле, и поле феодала; но особенно часто на Ставрополье применялась смешанная оброчно-барщинная система эксплуатации крестьян: помещику платили оброк, притом оброк немалый, но владелец имения не освобождал своих крестьян и от барщины. Таким образом крестьянин подвергался двойной эксплуатации. Так случилось и с маслокутскими крестьянами.

Тем временем наступил 1825 год, столь памятный в русской истории. В маслокутское имение дошли слухи, что их помещик Зотов собирается продать свое имение кизлярскому дворянину Калантарову. Маслокутцы снова заволновались. У них возникла мысль откупиться от помещичьего владения, уплатив 400000 рублей. Помещик желал получить всю сумму сразу, а не в рассрочку, поэтому маслокутцы подали прошение на имя царя, чтобы наемный банк выдал им эту сумму, обещая погасить этот банковский долг ежегодной выплатой по 50000 рублей. Уже одно это предложение показывает большой экономический рост Маслова Кута. В селе теперь уже было около 1000 ревизских душ. Сами крестьяне сообщали, что у них имеется свыше 25600 голов скота, владеют они лучшими в крае лесными массивами; кроме того, имеются у них мельницы, винокурни и другие промышленные предприятия. Естественно, что покупатель Калантаров поспешил заключить сделку и стал обладателем богатого имения. Между тем крестьяне принимали свои меры. Они приостановили платежи помещику, обратились к отставному титулярному советнику Алексееву с предложением взять на себя ходатайство по отысканию свободы от крепостной зависимости, за что заплатили Алексееву крупную по тому времени сумму в 5100 рублей. Этому поверенному крестья не передали все документы и справки по своему делу.

В марте и апреле 1825 года они отправили два прошения на царское имя, а кроме того, прошение на имя министра юстиции, финансов и главноуправляющему Грузии генералу Ермолову. Именно в прошении на имя Ермолова маслокутцы сообщают интересные подробности. Они говорят, что своему помещику они платят ежегодно оброка по 25000 рублей серебром, что их изнуряет работами приказчик Зотова Бурцев, жалуются на жестокое с ними обращение и т.д. В мае они подали такую же жалобу на Бурцева генералу Лисаневичу, бывшему начальнику области. Последний приказал немедленно произвести следствие, а Бурцева велел отстранить от управления имением. Такой оборот дела очень обрадовал маслокутцев, однако все заключалось в том, что в своих прошениях крестьяне скрывали все предшествовавшие факты. Так, не упомянут был ими и указ Павла от 26 сентября 1798 года, сенатский указ февраля 1798 года об оставлении крестьян за помещиком Зотовым и все последовавшие за этими указами события.

21 июля 1825 года кизлярский дворянин Варлам Калантаров предъявил в Кавказское областное правление купчую крепость на приобретенное им имение Маслов Кут и просил ввести его во владение этим имением. Это было исполнено при глухом протесте крестьян. Вот как происходило дело: 8 августа 1825 года в Маслов Кут приехал заседатель Люлин. Он два дня ожидал, что соберется сельский сход, но долго никто не появлялся. Только в исходе второго дня, под нажимом помещичьих приказчиков, прибыло на сход не более 40 человек, которым и объявлено было о переходе Маслова Кута к новому помещику. Раздавались голоса, что они переданы помещику неправильно. Подписки о том, что указ о переходе имения Калантарову им, крестьянам, объявлен ,никто не хотел дать.

Что касается обвинения Бурцева в жестокостях, разврате, поборах и прочее, следователи потребовали от крестьян «доказательств». Такими доказательствами считались показания «посторонних обывателей» жителей соседних сел, однодворцев, государственных крестьян и т.п., то есть лиц, не крепостных данного помещика. Конечно, таких «посторонних обывателей» маслокутцы выставить не могли. Крестьяне целым обществом «сделали исправнику ослушание» и дерзко назвали его разбойником. Исправник велел арестовать одного из крестьян, Богдана, который способствовал получению паспорта ходокам из односельчан, отправившихся в Москву. Тогда маслокутцы единодушно потребовали освобождения Богдана, а 17 человек хотели силой освободить арестованного, угрожали, что если Богдан не будет освобожден, то они перестанут платить оброк помещику. Защищая Богдана, крестьяне кричали, что он составил свидетельство для паспорта по их приказанию. Помещик Калантаров велел им разойтись, но крестьяне не повиновались ему, поэтому он возбудил ходатайство о принятии мер к их усмирению.

Тем временем пришел отрицательный ответ на просьбу маслокутцев дать им через заемный банк ссуду для выкупа имения. Другого ответа и быть не могло, ибо «на законном основании» маслокутцы принадлежали помещику, освободиться от крепостной неволи они могли только по милости помещика. Так комиссия по приему прошений на царское имя и ответила маслокутцам: «Поелику (то есть поскольку. — *В.Р.*) помещик имеет право сам располагать своею собственностью, поэтому в прошении сем отказать».

Маслокутцы не могли успокоиться таким ответом. Они прекрасно понимали, что формально, «по закону», они крепостные помещика Калантарова, но этот выход их совершенно не устраивал; у них был удобный предлог для протеста: они помнили, что 30 лет тому назад они были государственными крестьянами; теперь, ссылаясь на царский указ, что они хотя и бывшие беглые крестья-

не, но на законном основании приписаны были к государственным, требовали освобождения от власти помещика. Такое упорство в отыскании вольности и применение одного и того же предлога: «мы государственные крестьяне и помещику не принадлежим» — лишь одна из форм антикрепостнического выступления с. Маслов Кут. В этом убеждают нас и показания крестьян земскому суду в 1798 году и все последующие события 20-х и 50-х гг. XIX века.

Возникло новое дело о неповиновении крестьян, об оскорблении должностных лиц и т.д. В начале января 1826 года в с. Маслов Кут введена была рота солдат для приведения крестьян в повиновение помещику.

Между тем, получившие при помощи Богдана паспорта жители Маслова Кута Глущенко и Кондрашов, подали два прошения императору Александру I в Таганроге, а третий уполномоченный маслокутцев их односельчанин Остапенко отправился для подачи такого же прошения в Петербург. Чтобы отвлечь внимание помещика и полиции, посланцы симулировали свою гибель при переезде через реку. Это и позволило ходокам выиграть время и уйти от бдительного начальства.

Прибыв в Таганрог, где в это время был Александр I, ходоки Глущенко и Кондрашов подали прошение маслокутцев на царское имя начальнику главного штаба императора генералу Дибичу 18 октября 1825 года. Вскоре они узнали, что царь направляется в Крым. Тогда они составили новое прошение, отправились из Таганрога к первой станции на расстоянии от города в 25 верстах и 20 октября подали его лично царю. Александр I объявил им, что первое их прошение отправлено уже в Петербург. Никакого гнева царь при этом не высказал, а Дибич приказал канцелярии выдать ходокам расписку в получении прошения на царское имя. С этой распиской Глущенко и Кондрашов возвратились домой.

Одновременно подали прошение царю бывши атаман села Маслов Кут Захар Шевченко, выборный Гаврило Семенов, почетный старик Василий Макушенко и другие. Жалоба этих просителей дословно повторяла то, о чем писали Глущенко и Кондрашов. Все эти уполномоченные сельского общества Маслова Кута были арестованы по жалобе помещика Калантарова и отправлены в тюрьму. Маслокутцы жаловались не только на неправильное и незаконное, по их мнению, обращение их самих и их доверителей в крепостное состояние, но и на притеснения их помещиком Калантаровым и его управляющим Говоруном. Крестьяне указывали, что помещик берет с имения оброк в 25000 рублей, но одновременно все они отбывают барщину без всякой нормы («безвременную барщину», как пишут жалобщики). Все приобретенное крестьянами: избы, дворовое оборудование, построенные мельницы, сады, леса, винокурни — помещик объявил своей собственностью. В лесу не дают рубить дрова для отопления жилищ, грозят всех выморозить; отбирают заготовленный крестьянами хлеб и отправляют в г. Кизляр на продажу; берут у крестьян все, что захотят, и ничего за взятое не платят; отнимают у сборщиков собранные мирские деньги, предназначенные для уплаты казенных податей. От этого за крестьянами числится казенная недоимка; ловят поодиночке молодых ребят и отправляют их неизвестно куда. Крестьян приковывают за шеи цепями, заковывают в ножные кандалы и держат их в таком положении несколько дней, не отпуская в поле для выполнения сельхозработ, наказывают немилосердно палками и розгами в кровь и стращают ссылкой в Сибирь. Все это приводит крестьян в полное отчаяние и разорение[27].

По всем этим жалобам было наряжено следствие. Георгиевский нижний земский суд должен был рассмотреть прежде всего жалобу помещиков Калантаровых на своих крестьян Глущенко и Кондрашова, подбивавших крестьян к бунту и неповиновению своим законным владельцам. Земский суд удовлетворил прошение помещиков и арестовал Глущенко и Кондрашова. Затем земский суд расследовал жалобу крестьян о незаконном закрепощении жителей села Маслов Кут и о притеснениях и угнетении незаконными поборами крестьян, а также о жестоком обращении с крестьянами управляющего Говоруна.

Из протокола земского суда мы узнаем, что крестьяне-жалобщики приводят ряд ссылок на распоряжения и указы правительства, по которым не только не запрещается отыскивать свободу лицам, неправильно закрепощенным, но и прямо предписывается прокурорам и стряпчим оказывать содействие и покровительство всем тем, кто отыскивает свою вольность[28]. Кроме того, крестьяне, наученные горьким опытом, ссылаются уже теперь «на немалое количество мастеровых людей из околичных казенных сел: Прасковеи, Фролова Кута (села Нины) и Новогригорьевских жителей, на ротных начальников и нижних чинов тех частей, которые были вытребованы для усмирения волнующихся крестьян села Маслов Кут[29].

На всех этих свидетелей жалобщики ссылаются для доказательства, что они терпят притеснения и издевательства, но бунтов и самовольства никакого не учиняют.

Рассмотрев все эти жалобы, Кавказское областное правление обратилось к советнику Кавказской палаты уголовного и гражданского суда с предложением произвести тщательное расследование по этим жалобам, а арестованных крестьян немедленно освободить и передать помещику Калантарову с предписанием последнему не чинить крестьянам-жалобщикам насилий. Было похоже, что областное правление, произнеся хорошие слова о защите лиц, отыскивающих свободу, фактически зажимают рот жалобщикам маслокутцам, передавая их из тюремного заключении в руки помещика, известного всему краю своей жестокостью. Ведь в своем прошении жалобщики указывали, что мас-

локутцы «объявляли исправнику Ильинскому и предъявляли стряпчему Колчину избитого управителем Говоруном крестьянина в кровь, показывали тончащие в голове и теле его спицы от палок», но от этой жалобы с наглядными доказательствами ровно ничего не вышло[30].

Между тем еще один уполномоченный от маслокутцев, Илья Остапенко уже после ареста своих товарищей, подавших заявление в Таганроге царю, продолжает действовать в Москве, куда он направился для подачи прошения Николаю I во время его коронации. Удивительна настойчивость, с которой Остапенко добивается своей цели. Перед отправлением делегатов для подачи заявления царю, маслокутцы обязались собрать достаточную сумму денег на предстоящие расходы и на дорогу делегатам, а также обязались оказывать материальную помощь семьям этих своих делегатов. Расходы предстояли немалые, и маслокутцы предполагали собрать 6000 рублей. Часть этой суммы вручена была ходокам, но дорога в Москву и жизнь там стоили дорого, поэтому Остапенко, ожидая приезда Николая I в Москву, писал маслокутцам отчаянные письма, прося их выслать деньги на расходы. Писал Остапенко и крестьянскому поверенному Алексееву, прося его воздействовать на своих односельчан, чтобы они выслали деньги в Москву непременно к началу мая 1826 года. Все эти письма были перехвачены администрацией, приложены к делу и послужили важными уликами против Остапенко, при обвинении его в подстрекательстве маслокутцев к неповиновению помещику. Письма Остапенка интересны и в другом отношении: они отражают мысли и сокровенные чаяния крестьянства в то глухое крепостное время.

Россия переживала разгром первого революционного восстания (декабрь – январь 1825–1826 годов). Для темного, забитого крестьянства, не знавшего истинных целей декабрьского движение (ведь «декабристы страшно далеки были от народа») декабристы прежде всего были дворяне-помещики; и нужно отметить, с каким затаенным злорадством сообщает Остапенко своим землякам о политических новостях, слышанных им в Москве: «Государь теперь новый и сенат новый, в Москву на казнь везут 4000 дворян-чиновников, которых будут на площади казнить, вешать и расстреливать, за то, что они хотели извести всю царскую фамилию». С затаенной надеждой и злорадством Остапенко прибавляет: «Уже привезли сюда 18 человек самых первых министров и еще арестованных дворян везут 170 троек из Питера за крепким караулом, в числе коих нет ли и помещика Зотова». Все это, конечно, нелепые слухи, но они очень ярко отражают настроения крестьянских масс.

А тем временем, согласно с постановлением Кавказского областного правления, в селе Маслов Кут явились новые следователи для обнаружения обстоятельств, принудивших крестьян выступить с жалобами на своего помещика. Приехал советник Давидов и исправник Ильинский. Вот как рассказывает об этом Егор Сивокозов, один из крестьян с. Маслов Кут: «Начали забирать поодиночке жителей, сажать их под военный караул, потом собрали общество (сельский сход. – *В.Р.*), окружили пехотною ротою, вывели нас из-под караула, начали уговаривать, чтобы признать за собственного помещика и господина Калантарова. Общество же отвечало, что мы его признаем, платим по возможности оброк и на работе во всем повинуемся, но они не приняли наши слова[31]».

«Затем, – рассказывает тот же Сивокозов, – отобрали по указанию Калантарова 7 человек и отдали исправнику, который приказал жестоко наказать их розгами. Потом еще отделили 10 человек, заклепали в колодки и отправили в Георгиевский каземат. А затем наказанных и ненаказанных 18 человек посадили вновь под военный караул, держали 7 недель, потом выпустили на свободу[32]».

Эти показания Сивокозова подтвердили и другие допрошенные по этому делу крестьяне.

Все подобные допросы и передопросы, обследования и разъяснения были результатом жалобы маслокутцев высшим инстанциям и главноначальствующему в Грузии, министрам и самому царю.

Правительство обеспокоено было столь настойчивыми просьбами крестьян и по расследовании этих жалоб, хотя и не принимало мер к облегчению участи маслокутцев, но «секретно и без огласки» по указанию самого Николая I предлагало помещикам придерживаться «законных» рамок в применении своих прав к крестьянам. В рескрипте министру внутренних дел В.С. Ланскому Николай I прежде всего подчеркнул «непременное свое желание сохранить в государстве учрежденный законами порядок», (то есть крепостное право). Император заявляет, что он «не перестанет быть уверенным, что все помещики… видя волею моею права их охраняемые, будут по своему священному долгу помышлять о мере прав своих, всегда тщательно соблюдая их пределы, законами предписанные». «Но, – пишет далее царь, – к истинному моему сожалению доходят до моего сведения, несогласные с сим примеры, поэтому повелеваю вам поставить на вид означенную мою волю, кроме всех начальников губернии (то есть губернаторов. – *В.Р.*), в особенности всем предводителям и маршалам дворянства… вы им предпишите, что неуспешное исполнение сей достойной уважения их обязанности подвергнет их неизбежному взысканию по законам[33]».

Во втором рескрипте от 6 сентября того же года Николай I пишет, что лучше предупреждать зло, нежели преследовать его наказаниями, когда оно уже возникло: «Я совершенно удостоверен, – говорит он, – что дворянское сословие с прискорбием встречает каждый пример злоупотребления законной властью над крестьянами и с негодованием отвергает все крайности с отеческим началом сил власти несовместимые». После этого многословного и иногда маловразумительного вступления, царь возлагает на уездных предводителей дворянства обязанность «наведываться без огласки и без всякого письменного производства об обращении помещиков с их крестьянами, земские исправни-

ки обязаны сообщать для сведения уездным предводителям о всех случаях злоупотребления помещиков своей властью, и если окажется, что действительно помещик злоупотребляет непомерным распределением работ и повинностей и непомерным наказанием крестьян, то предводитель должен проверить все это «без огласки», а затем под благовидным предлогом пригласить помещика к себе или самому приехать к нему и «сделать ему внушение о перемене его обращения с крестьянами» и предупредить помещика, что если он не изменит своего отношения с крепостными, то дело будет передано губернским властям. Только после этой длительной процедуры губернский предводитель, получив сведения от уездного, может совместно с губернатором приступить «к мерам пресечения, порядком в существующих законах установленным».

После такого длинного вступления, в котором Кавказское областное правление делало ссылки на законы о крепостных людях еще по уложению 1649 года и позднейших указов XVIII и начала XIX века, Кавказское областное правление предложило вновь расследовать дело по жалобе маслокутцев. Изложение содержание законодательных актов и ссылки на царские рескрипты ясно свидетельствуют, что центральное правительство было очень обеспокоено ростом крестьянских антифеодальных выступлений, местные же власти упорно подчеркивают ослушание и дерзость крестьян села Маслов Кут.

В феврале 1829 года Кавказский областной суд осудил 10 человек «за неправильное возмечтание отыскивать свободу», за составление фальшивого свидетельства на получение паспорта, отлучку из селения без разрешения помещика, попытку освободить арестованного крестьянина Богдана, ослушание помещику, неповиновение советнику Давыдову. На их счастье, коронационный манифест Николая I освободил их от наказания. Зато депутат крестьянский Илья Остапенко был осужден за дерзости исправнику, отлучку в Москву, подстрекательство крестьян своими письмами к неповиновению помещику и приговорен к наказанию через палача 75 ударами и ссылке в Сибирь на поселение.

Палиенко Ефим и Яков Сивокоз за оскорбление помещика, за сбор денег «на мнимое ходатайство о свободе», за ослушание и грубость по отношению к предводителю Толмачеву и исправнику, а Антон Дикой — за оскорбление суда (обвинение суда в лихоимстве), за это Палиенко и Дикой приговариваются к 50 ударам плетью через палача, а Шевченко и Сивокоз по 35 ударов плетью, а потом всех их ссылают в Сибирь на поселение.

Глущенко, Иван Кондрашов и Лукьян Недвигин получили прощение по манифесту. Кроме того, Иван Белый, Яков Кирлюшев и Емельян Глущенко за намерение записаться в казаки присуждены к 35 ударам плетью; их оставили на месте прежнего жительства, но подчеркнуто было право помещика, если он пожелает, сослать названных крестьян в Сибирь. Когда судебный приговор приводился в исполнение в селе Маслов Кут, то вновь случилось неожиданное происшествие: из 4-х осужденных к наказанию плетьми, 3 были уже наказаны, а при казни четвертого, Захара Шевченко, присутствующие на сходе крестьяне стали кричать, что его бьют плетьми несправедливо, что все они виноваты; десяцкий, исполнявший обязанности палача, принужден был бросить плеть. Несколько человек из числа присутствующих были арестованы. Один из них громко кричал: «Не покинем вас, братцы». Произошло общее смятение.

После чтения судебного приговора и манифеста по случаю коронации Николая I, предводитель дворянства потребовал от крестьян подписки, что приговор им объявлен и они будут послушны своему помещику Калантарову, но такую подписку крестьяне решительно отказались дать. Дело маслокутцев, однако, этим не кончилось. Министерство внутренних дел потребовало, чтобы их судил военный суд, как это было установлено положением Комитета министров от 20 июня 1826 года. 27 февраля Кавказское областное правление постановило, что крестьянам Маслова Кута прочитаны были постановления суда и манифест, и чтобы они, крестьяне, дали подписку в повиновении помещику. 31 марта 1830 года предводитель, стряпчий и исправник донесли, что на сходе было 221 человек, из них 32 дали требуемую подписку, а 14 человек остались непреклонными и решительно отказались повиноваться властям и помещику; 64 крестьянина объявили себя единомышленниками этой группы, а 143 человека заявили, что они дадут подписку, если старшие подпишут. 14 маслокутцев тотчас же были арестованы.

4 июня открылся военный суд. На суде 37 человек заявили, что действительно на сельском сходе указ областного правления им читали, они его слышали, подписки же о повиновении правительству и помещику они дать не хотят, так как во владении Калантарова быть не желают. Из этой же группы Захар Шевченко заявил, что ожидает ответа на поданное государю прошение, а читанным указом недоволен и дальше будет добиваться свободы. Крестьянин Чернышов сказал, что ни правительству, ни помещику повиноваться не будет; 41 человек заявили, что они будут ожидать решения царя на свою жалобу, в справедливости же читанного указа сомневаются. 72 человека заявили, чтобы им дали копию прочитанного указа, а они посоветуются со своим поверенным Алексеевым или с другим кем-либо, кому они верят, а до этого подписывать обязательство подчиняться помещику не будут, 69 человек заявили, что подписки не дали, так как следовали примеру уважаемых стариков. Трое заявили, что подписки не давали, «боясь наказания».

Военный суд приговорил 15 человек, как решительно не желающих повиноваться, к наказанию 41 ударом кнута, клеймению лица и ссылке в Сибирь на каторжные работы. Сообщников их, в чис-

ле 17, «в страх и пример другим», прогнать шпицрутенами каждого через 500 человек по 4 раза и оставить на прежнем месте жительства, обязав подпиской о повиновении; 11 человек, ожидавших результатов своей жалобы царю, наказать шпицрутенами через 500 человек по 2 раза и оставить на жительство в Масловом Куте. Когда решение суда было направлено к генералу Эмануэлю, он нашел некоторые формальные упущения в проведении судебного разбирательства (например, при следствии опрошено было 224 человека, а в приговоре суда значится только 64), поэтому Эмануэль, отправляя дело на утверждение главнокомандующему в Грузии, предлагает несколько смягчить наказание: первому разряду — 15-ти обвиняемым — 31 удар плетью вместо 41 и т.д.

Дальнейший ход дела осложнился новым заявлением крестьян Маслова Кута. В декабре 1829 года крестьяне Мартин Гайворонский, Михаило Ручкин и Павел Заяц подали просьбу главнокомандующему в Грузии, где вновь кратко наложили историю закрепощения маслокутцев. Они указывали, что маслокутцы подавали свои прошения с разрешения высшего начальства — генерала Лисаневича еще до издания манифеста 1826 года, что крестьяне не бунтовали, не отказывались от несения повинностей и податей, не проявляли ослушания и проч., что местное начальство подкуплено Калантаровым. Поступки управляющего Бурцева были настолько явно противозаконны, что областной начальник генерал Лисаневич приказал Бурцева немедленно сменить и произвести над ним следствие. Это же было подтверждено и генералом Ермоловым. Жалобщики подтвердили показания крестьян о незаконных и жестоких действиях советника Давыдова.

Подавали крестьяне жалобу и командиру команды грузинского Гренадерского полка, но и он ничего не сделал, хотя жалоба заключала в себе факты жестокого притеснения крестьян управителями, назначенными Калантаровым, и обременения крестьян работами, факты истязаний и отбирания имущества и продуктов без всякой уплаты денег.

Жалобщики предъявили 4 подлинных письма, писанных приказчиком Калантарова к судье Подпалому, исправнику Коненко и стряпчему Колчину. Первому одновременно с письмом посылался подарок (взятка) в 40 пудов пшеничной муки, Колчину 40 пудов такой же муки и сундучок, исправнику тоже 40 пудов муки. Из 7 арестованных трое умерли в тюрьме, а четверо невинно наказаны плетью и сосланы в Сибирь. Исправник Коненко бил крестьян кулаками, требуя подписки, Толмачев, Колчин и исправник у жителей с. Маслов Кут брили половину правой стороны головы, брови, усы и бороды, заковав в кандалы, посадили под караул 240 человек и объявили, что арестованные преданы военному суду. Военный суд составлен был из майора Аносова, 2-х заседателей и офицера. Копии указов судьи отказались дать подсудимым, а последние отказались дать подписку. Аносов рассердился чрезмерно, кричал, матерно бранился, стучал кулаками, выгонял жителей вон, бил кулаками по лицу, отправлял под арест. Крестьяне никому не верили: священнику, которого вызвал суд для подписания заявления о покорности, крестьяне выразили недоверие, отстранили его, жаловались на него архирею. В заключение своей жалобы крестьяне пишут, что Калантаров всех чиновников подкупил подарками, а его свояченица выходит замуж за генерала Эмануэля, поэтому они просят прислать нового человека, не связанного с местным начальством.

Принимая во внимание эту новую жалобу крестьян, и то, что Калантаров действительно жестоко эксплуатировал крестьян, назначенные им управители вели себя как настоящие грабители, насильники и убийцы, а стряпчий Колчин и заседатель Фалеев насиловали жен и дочерей крестьянских, главнокомандующий в Грузии Паскевич в своем отношении на имя министра внутренних дел высказал следующее мнение о маслокутцах:

1. Необходимо для рассмотрения их дела назначить чиновников из Петербурга.
2. Взять имение Маслов Кут в опеку, отстранив от управления им помещика Калантарова.
3. Отстранить от какого-либо влияния на следствие кавказское начальство.
4. Предводителя Толмачева, стряпчего Колчина и исправника Коненко не только отстранить от производства следствия, но и подвергнуть законному наказанию.

Казалось, что для маслокутцев блеснул луч надежды на лучшее будущее, но дело окончилось пустяками: Маслов Кут был взят в опеку. Опекуном назначен был свой же брат — богатый помещик Ребров. Несколько иначе обернулось дело для управляющего имением Бурцева и его помощников. Даже пристрастные и подкупленные следователи и ревизоры не могли скрыть злоупотреблений, насилий и истязаний, какими подвергали крестьян Бурцев и его помощники.

Начальник Кавказской области 19 октября 1830 года писал министру внутренних дел, что следствием открыто и подтверждено многочисленными свидетельскими показаниями, что Бурцев брал к себе для песен и плясок крестьянских девок и женщин будто бы, как показывает сам Бурцев, «совершенно добровольно», но единогласными показаниями большого числа крестьян и посторонних людей свидетельствуется, что Бурцев такие собрания устраивал в ночное время и требовал от родителей их дочерей, а от мужьев жен принудительно, под угрозами и применением наказания для неповинующихся. Некоторые крестьянки сами показывали, что были насилованы Бурцевым. Бурцев изнурял крестьян ежедневной барщиной, заставляя работать в воскресенье и в праздники.

Интересно заключение начальника области по перечисленным преступлениям Бурцева: «За все перечисленные проступки он, Бурцев, хотя подлежал бы неминуемой и строгой ответственности, но так как все то происходило до издания манифеста Николая I 22 августа 1826 года, то его, Бурцева,

на основании статьи 1-й манифеста и «как в насильственном прелюбодеянии не признавшегося и совершенно недоказанного, учинить от всякого наказания свободным[34]». Это звучало уже явным издевательством над справедливостью и законом. Ведь сам же начальник области заявил, что преступления Бурцева подтверждены многочисленными свидетельствовами и признанием потерпевших женщин и девушек.

Подобным же образом и по обвинению в вымогательстве взяток, в получении незаконных сборов за освобождение от рекрутчины Бурцев был оставлен в «подозрении».

Помимо заключения главнокомандующего Кавказа (в Грузии) о предании суду взяточников и истязателей маслокутских крестьян, высшее начальство, осведомленное о нарастании крестьянских протестов, понимало необходимость обуздать произвол таких представителей «барства дикого, без чувства, без закона», присвоившего себе «насильственной лозой и труд, и собственность и время земледельца». Поэтому Ставропольский губернатор так характеризовал дело маслокутцев в своем отчете Николаю I о положении губернии в 1831 — 1836 гг.: «Крестьяне признаны по большей части виновными и остались без удовлетворения в жалобах своих, хотя они и были справедливыми[35]». Сообщая далее, что крестьяне представили доказательства продажности чиновников и что из прежних документов ясны «пристрастные действия чиновников и противозаконные решения судов, по которым не только не получили крестьяне никакого удовлетворения, но и некоторые из них наказаны и сосланы в Сибирь», губернатор предлагает: 1) пересмотреть дело о крестьянах, 2) взять имение Маслов Кут в опеку, 3) предать суду всех чиновников, виновных во взяточничестве и нарушении законов, 4) удовлетворить крестьян, потерпевших материально от незаконных действий помещика. Конечно, такая постановка вопроса вызвала бурный протест со стороны как местных властей, так и со стороны влиятельных крепостников. Возникла обширная переписка, в которой приняли участие такие лица: генерал-фельдмаршал Паскевич (Эриванский) писал 21 апреля 1831 года; генерал-адъютант Розен — 27 октября 1831 г.; генерал-лейтенант Вельяминов — 22 августа 1833 года и 3 июня 1836 года; министр внутренних дел — 31 января 1835 года и 27 февраля 1837 года, а также дал свое заключение и министр юстиции.

Тем временем генерал Вельяминов, наиболее сочувственно относившийся к маслокутцам, освободил всех заключенных по этому делу крестьян, в том числе и осужденных военным судом, от заключения и наказания своим приказом от 13 мая 1832 года, а 18 января 1833 года по приказанию того же Вельяминова имение Калантаровкх было взято в опеку. Однако маслокутцы не успокаивались. В мае этого же года они вновь жаловались Вельяминову на изнурительное для них опекунское управление. В 1834 году в село Маслов Кут введена была воинская команда. Помещик Калантаров, брат прежнего владельца имения, через несколько лет (в 1837 году) просил освободить имение от опеки, так как Варлаам Калантаров, действия которого повлекли за собой передачу с. Маслов Кут в опеку, умер. Прошение Калантарова поддержал барон Розен. В октябре 1837 года маслокутцы подали прошение проезжавшему через Ставрополь Николаю I, которому жаловались на отягощение работами крестьян опекуном Ребровым. Генерал Вельяминов лично представлял царю записку о положении маслокутцев. После отъезда царя Вельяминов доложил областному правлению, что решения по делу маслокутцев следует теперь ожидать от самого царя.

Результатом всех этих заявлений было снятие опеки с Маслова Кута. Крестьяне получили ту льготу, что недоимка с прежних лет, числившаяся за ними еще прежнему помещику Зотову, взыскивавшаяся в свою пользу Калантаровым, была снята с крестьян. Жалобы маслокутцев на опекуна Реброва признаны были неосновательными.

В ноябре 1838 года маслокутцы подали новую жалобу начальнику области, что помещики Калантаровы обременяют их требованием лошадей «на подставу», т.е. высылку лошадей вперед на перемену уставших. Пересылая эту жалобу в областное правление, генерал Граббе предлагал обратить внимание на «беспокойный дух просителей». В 1839 году начальник области получил уведомление об утверждении Николаем I постановления Комитета министров, что просьба маслокутцев о даровании им свободы от помещичьего владения отклонена, а дело об упорном отказе крестьян дать подписку постановлено было считать оконченным.

В 1842 году крестьяне подают новое заявление, где толкуют постановление Комитета министров в благоприятном для себя смысле. Вновь Граббе предлагает исследовать вопрос о подстрекателях, которые — де наталкивают крестьян на отыскание свободы. Граббе и ему подобные никак не могли понять, что главным «подталкивателем» крестьян к протестам и жалобам был прежде всего крепостной режим бесчеловечной эксплуатации, который применяли Калантаровы и их приказчики.

В 1844 году маслокутцы направляют в столицу новых ходоков Васильченко и Шульева, которые вручают Николаю I новую жалобу, повторяющую по содержанию предыдущие. Результат был анологичный: предводителю, исправнику и стряпчему поручено было расследовать жалобу и разъяснить точный смысл отзыва министра юстиции об окончании дела маслокутцев.

3-го сентября 1845 года проезжал через свое имение Воронцовку наместник Кавказа Воронцов. Маслокутцы собрались целой толпой в 100 человек и подали Воронцову новую жалобу. Содержание все то же. Воронцов объяснил крестьянам, что свободы они добиться не смогут и чтобы оставили напрасные искательства.

Желание как-нибудь успокоить крестьян подвинуло ставропольского гражданского губернатора Ольшанского посетить лично Маслов Кут и удостовериться, что является для крестьян особенно тягостным: оброк или барщина. По словам Ольшанского, крестьяне живут богато; помещик установил для них два вида оброка: 1) полный — 86 рублей ассигнациями в год с тягла[36], с обязательством запахать, засеять господским хлебом и собрать урожай с одной десятины земли; 2) половинный с уплатой 43 рублей ассигнациями с тягла, с отбыванием трехнедельной в год барщины. В первом оброке состояли 70 тягол, во втором — 300 тягол, а остальные отбывали барщину. Ольшанский розовыми красками рисует положение крестьян: они имеют огромное хозяйство, занимаются извозом, «крестьяне находятся в прекрасном состоянии, им выгоднее заплатить оброк, чем отбывать барщину».

Приходится удивляться наивности губернатора. Ведь он должен был понимать, что оброчные крестьяне не отбывают барщину. Таков обычай и таков закон. Во-вторых, переход на оброк — дело добровольного соглашения. Затем простой арифметический расчет показывает, что оброчные крестьяне полного 86-ти рублевого оброка должны обработать десятину земли и полностью свезти урожай помещику. Это займет около месяца работы, то есть 30 рабочих дней на человека, а на тягло 60 дней. А законных рабочих дней по указу Павла I в год приходилось 168 на человека. Таким образом Калантаров требовал больше одной трети нормы барщинных дней с оброчного хозяйства (из 168 — 60). Совершенно естественно, что крестьяне считали такое сочетание оброка и барщины для себя отяготительным. Наместник Кавказа Воронцов предложил губернскому начальству объявить крестьянам, что они могут по желанию или перейти на оброк, или отрабатывать барщину. Что же касается отыскания свободы, то нужно еще раз попытаться уверить крестьян, что Николай I отказал им в этом и они должны повиноваться Калантарову как своему законному владельцу.

Несколько раз командированы были в Маслов Кут чиновники для убеждения крестьян. Результат был один и тот же: «помещику повиноваться будем, но отыскивать свою свободу не перестанем». Для этого крестьяне просили позволения вновь отправить царю своих уполномоченных, чтобы лично услышать решение на свою просьбу.

Был спрошен и сам помещик Калантаров, обнаруживают ли крестьяне признаки неповиновения и отклонения от своих обязанностей. Калантаров заявил, что особых признаков отыскивания свободы его крестьяне не обнаруживают обязанности свои выполняют, хотя между крестьянами и есть небольшая группа, мечтающая получить свободу, но и эта группа не выходит из повиновения. Это заявление Калантаров сделал 12 января 1847 года гражданскому губернатору Норденстаму, заезжавшему в Маслов Кут убеждать крестьян.

Однако такое заявление лишь свидетельствовало, что Калантаров желал несколько ослабить то внимание, которое проявляло и центральное правительство, и областные власти к порядкам, установленным в имении Калантаровых Маслов Кут.

Опека с имения была снята после смерти Варлама Калантарова, и отставной штаб-ротмистр Герасим Калантаров поселился на постоянное местожительство в Масловом Куте. Какие он завел порядки, речь будет впереди. Но маслокутцы ничего хорошего не ожидали, и в имении было неспокойно. Когда 21 июня 1846 года помещик проезжал в свое имение с мельницы, в него были произведены два ружейных выстрела. Калантаров не пострадал, ранена была только лошадь, на которой он ехал. Произведенным следствием виновные не были обнаружены; по подозрению были арестованы два крестьянина, отрицавшие свою вину.

В декабре 1850 года Калантаров уведомил земского исправника, что некоторые крестьяне отказываются от работы, и просил принять меры. Исправник и заседатель приезжали в село Маслов Кут, разбирали это дело и наказали розгами 70 человек. Надо сказать, что эта жалоба и наказания имели особый характер.

29 декабря этого же года окружной начальник корпуса жандармов секретно доносил наместнику Кавказа Воронцову, что два крестьянина из села Маслов Кут Осип Карпенченко и Алексей Беляков сговорились между собой и привлекли к заговору еще 89 человек, с тем чтобы в ночь с 5 на 6 декабря поджечь господскую мельницу и, пользуясь суматохой, убить помещика Калантарова, его приказчика и эконома. Калантаров тогда был уже избран ставропольским дворянством в губернские предводители, то есть по должности и по положению в обществе был очень влиятельным лицом, история с покушением на его жизнь имеет много невыясненного и спорного. Непонятно, зачем инициаторы заговора составили список участников замышляемого преступления, зачем привлечено было так много людей, зачем от каждого требовалось принесение клятвы?

Все это больше похоже на опереточное злодейство, чем на серьезный сговор. Самое покушение должно было быть осуществлено тогда, когда будет подожжена мельница, а при такой тревоге сбежится много народу; даже если заговорщики все прибудут на место пожара, то число посторонних, служащих в имении и преданных Калантарову лиц наверное окажется больше числа заговорщиков. При таких обстоятельствах совершить нападение на помещика вряд ли кто-нибудь решится. Все это похоже на плохо придуманную провокацию, устроенную помещиком, чтобы расправиться с группой маслокутцев, настроенных к нему враждебно. В этом убеждают нас и последующие действия помещика. Главные организаторы заговора вдруг поверили словам Калантарова, что он их простит,

если они сложат оружие. Поверили и дали себя безропотно связать и передать властям, которым немедленно объявили всех 89 человек заговорщиками.

На другой день прибыл в Маслов Кут заседатель Филипьев и сейчас же наказал по просьбе Калантарова розгами до 70 человек, будто бы за отказ идти на работу. Филипьеву Калантарев даже не сказал о покушении крестьян на его жизнь. После экзекуции, проведенной заседателем, Калантаров отправил в Ставрополь шестерых «главных эаговорщиков», закованных в кандалы, одних для отправки в Сибирь на поселение, а других для отдачи в солдаты. Таким образом дело о заговоре крестьян не получило своего завершения через законное судебное следствие и судебный приговор. Секретное жандармское расследование вскоре обнаружило, что действительно никакого заговора на жизнь помещика не существовало[37]. Таковы были обстоятельства кануна события 1853 года.

А между тем ведение хозяйства в имении Калантаровых шло в том же направлении, чем и прежде. Помещик совершенно не считался с интересами крестьян и эксплуатировал их труд, игнорируя всякие законные нормы и обычаи; произвол помещика и его приказчика не знал границ. Как губернский предводитель Калантаров был избавлен даже от того иллюзорного контроля, который по мысли Николая I должен был сдерживать помещиков в их чрезмерном произволе.

Вот что установила комиссия, которой поручено было расследование причин, поведших к трагическим событиям января 1853 года. Следует помнить, что комиссия эта вовсе не склонна была защищать крестьян, но факты, установленные этой комиссией, говорят сами за себя.

В крепостное время земля считалась принадлежащей помещику. Он передавал крестьянам часть этой земли для обработки, получая от этого землепашца ренту. Часть же урожая крестьянин брал себе. В этом была одна из характернейших черт феодально-крепостнических отношений. Перевод земледельца на месячину характерен уже для поздней стадии феодализма: это предвестник ликвидации крепостного права, так как такой перевод на паек свидетельствовал об усиленном нажиме помещика на своих крепостных, которые уже не могли давать нормальной ренты своему феодалу; крепостническое хозяйство уже не могло существовать в привычных нормах эксплуатации, помещик, применяя обычные формы эксплуатации, уже не мог сводить концы с концами в своем хозяйстве. Он искал выхода в усилении эксплуатации крестьян.

Калантаровы изобрели новые формы эксплуатации: перевести крестьян только на оброк недостаточно; перевод на оброк — дело, по обычаю, добровольное, а, кроме того, оброк всегда выплачивался в определенной сумме, заранее обозначенной. Отсюда стремеление Калантаровых сочетать оброк с сохранением барщины. Но и в этом случае, по обычаю и по закону, помещик должен предоставить крестьянам участки земли для пользования. Тут мысль Калантарова заработала в направлении лишения крестьянина земли, и Калантаров придумал, как это сделать.

На Ставрополье свободных земель было много. Кроме того, было много земель, принадлежащих калмыкам. Калантаров брал в аренду эти земли, используя часть этих земель под выпасы для скота. Сумму годового платежа Калантаров распределял на крестьян по десятинам земли, которые крестьянин обрабатывал на себя. Сколько же Калантаров брал арендной платы за землю? Два рубля серебром за десятину, а платил он сам за арендную землю 8 копеек серебром. Значит, чистого дохода с каждой десятины арендуемой земли помещик получал один рубль 92 копейки серебром. Самим же крестьянам арендовать казенную или калмыцкую землю запрещалось. Таким образом помещик, мало того что лишал крестьян земли, которую он обязан был предоставлять им, но еще получал с тех же крестьян дополнительный налог.

А вот как обстояло дело с оброком, приведшим в такое восхищение губернатора Ольшанского. «Тягло», как известно, состояло из мужчины и женщины рабочего возраста. Но в семьях были и другие члены: отцы взрослых женатых сыновей, взрослые дети и т.д. Калантаров установил, что оброк платится в сумме 86 рублей ассигнациями с тягла. Кроме того, члены семьи — неженатые сыновья в возрасте 18 лет и выше — платят оброка столько же, а с детей от 12 до 18 лет — в половинном размере, то есть 43 рубля. С вдовы берется 42 рубля в год, с девочек от 12 лет и с девушек старше 17 лет взимается оброк 21 рубль. Кроме оброчных денег, каждое тягло должно было распахать десятину земли на помещика, обработать её, засеять и убрать урожай. Но такую же десятину должен был распахать и взрослый член семьи, мужчина в 18 лет и выше; мальчики от 12 до 18 лет распахивали половину десятины каждый. Таким образом семья, состоящая из одного тягла, одного сына старше 18 лет неженатого и двух сыновей моложе 18 лет должны были платить оброка не менее 300 рублей ассигнациями, кроме того, в закрома помещика засыпать не менее 450 мер пшеницы[38]. Этот пример взят, конечно, произвольно, но он показывает, что платила семья среднего состава; платежи исчислены только по оброку, а ведь еще были и подушная подать, и мирские сборы, и натуральные повинности. Даже по оброку учтено не все. Так, например, Калантаров заставлял крестьян перевозить на своих волах господский хлеб с оброчных земель, причем хозяева должны были бросать свою работу на уборке хлеба и перевозить господский. Помещик платил за такую работу 15-ю меру испорченным хлебом (проросшим, подгнившим и проч.). Крестьяне же за перевозку своего хлеба платили обычно 10-ю меру.

Малооброчные, платившие 43 рубля оброку, должны были отбывать барщину в течение 4-х недель, но работали несравненно больше, ибо помещик не засчитывая времени на переезд с полевого

участка, не засчитывал также дней в ненастье, когда работать в поле было невозможно; ездить же на работы приходилось за 70 верст и больше.

Помещик назначал «урок», то есть нормы выработки «свыше сил человеческих», как писала комиссия, расследовавшая причины восстания в селе Маслов Кут. В особенности Калантаров злоупотреблял назначением норм выработки для малолетних ребят в возрасте 12—15 лет. Дети не могли выполнить этих норм, но за них работали взрослые, что еще больше увеличивало их эксплуатацию помещиком.

Кроме этой бесчеловечной системы выжимания из крестьян последних сил, системы, разоряющей хозяйства крестьян, Калантаров использовал детский труд и еще одним способом. Зимой детей, имеющих 12 лет от роду, выгоняли на резку камыша в морозные дни. Дети, плохо одетые, уходил и за 12—15 верст от дома на заготовку камыша. Когда комиссия указала Калантарову на недопустимость применения детского труда в морозные дни и при отсутствии зимней одежды у ребят, Калантаров, явно издеваясь над комиссией, заявил, что резать камыш можно только в морозные дни, а одевать детей потеплее — обязанность их родителей. Детей, не выполняющих норм заготовки камыша, оставляли на ночь в открытом поле, причем с ними иногда оставались и их матери с грудными детьми. Жители соседних селений видели таких детей и женщин, изнуренных холодом и голодом за 15 верст от их жилищ, в лесу, на заготовках хвороста или на берегах рек на заготовке камыша.

Калантаров применял и такой прием эксплуатации: отдавая своих крепостных другим крестьянам в услужение и требовал от них полного и беспрекословного повиновения своим любимцам приказчикам, конторщикам и писарям, которым и передавал свои права владельца. Такая передача крепостных строго запрещена была законом, но Калантаров считал себя вправе поступать с крепостными, как ему заблагорассудится, не считаясь ни с какими законами.

В своих объяснениях комиссии Калантаров, этот бывший предводитель дворянства, на которого, вместе с другими предводителями, Николай I возлагал обязанность умерять произвол «барства дикого», доказывал, что закон о трехдневной барщине неудобен в здешнем крае, его можно применять к других работам, но не к полевым.

Крестьяне жаловались, что те из них, кто был переведен на тягло, все отягощены барщиной, хотя половина работников ежедневно работает на барина, следовательно, остальные должны быть свободны: ведь законная барщина должна быть ограничена тремя днями в неделю. Даже Калантаров не отрицал этих фактов. Все остальные жалобы подтвердили приказчики и управляющие помещика.

В имении введены были штрафы на крестьян. Штрафы налагались за невыполнение норм выработки, за опоздание на работу и т.д. и состояли в дополнительной сельхозработе: распашка, перевозка хлеба, вина, соломы, сена и проч. Это подтверждено приказчиками, заявившими, что штрафы введены с того времени, как помещик стал торговать хлебом. Он запрещал крестьянам продавать хлеб на сторону, молоть зерно крестьяне могли только на господской мельнице.

В Масловом Куте был большой винодельный завод. Для облегчения сбыта своего вина помещик раздавал его крестьянам для продажи, причем цена за вино плохого качества назначалась высокая: 1 рубль серебром за ведро, тогда как в соседних селах государственные крестьяне вино лучшего качества продавали по 1 руб. 50 коп. ассигнациями за ведро. Крестьянам запрещалось продавать свое вино в имении Калантарова, но дозволялось вывозить его на сторону. Вместе с тем им запрещалось на стороне покупать вино, хотя оно там было дешевле и лучше качеством. Приказчики Калантарова вполне подтвердили справедливость крестьянских жалоб. За разведение крестьянами виноградников помещик установил взнос по 25 рублей ассигнациями с каждого виноградника.

Калантаров злоупотреблял также и так называемыми «мирскими работами», как-то: исправление плотин при господских мельницах, почему-то он относил это к мирским работам, хотя по этим плотинам не пролегали проселочные или другие дороги общественного пользования. Мельницы принадлежали помещику, ему же одному принадлежали и все доходы от мельниц.

Если Калантаров ехал куда-либо, то вперед на дальние станции высылались крестьянские лошади. Комиссия, расследовавшая маслокутское восстание 1853 года, замечает по этому поводу, что «едва ли найдется другой пример, чтобы помещик разъезжал на лошадях своих крестьян».

Вопреки повсеместному обычаю, что помещики брали хлебные взносы у своих крестьян осенью, когда заканчивались полевые работы, Калантаров собирал эти взносы около Петрова дня (в начале июля. — *В.Р.*), когда крестьяне сами нуждались в хлебных продуктах.

Рекрутская повинность, сама по себе тяжелая и ненавистная крестьянам, у Калантарова была превращена в источник значительного дохода. Некоторые крестьяне жаловались комиссии, что с них взыскивались рекрутские деньги от 300 рублей до 600 рублей ассигнациями. За 1842 год таких рекрутских сборов взято было 7111 рублей 83 копейки серебром. Семейства, вносившие эти деньги, должны были, освободиться от рекрутчины, и тем не менее кз числа этих плательщиков некоторых помещик сдал в рекруты (таких оказалось 6 человек), то есть повинность была выполнена вдвойне. Калантаровские приказчики подтвердили эти факты.

Помещик часто принуждал своих крепостных перевозить его имущество и товары на крестьянских лошадях. Поклажа грузилась на повозки без учета силы запряженных в повозки лошадей и волов, что сплошь и рядом изнуряло скотину, которая калечилась или даже подыхала. Не было слу-

чая, чтобы Калантаров возмещал этот ущерб возчикам. Он заявил комиссии: «Хотя бы вся скотина пала, но владельческую повинность отбывать надо». Что крестьяне Калантарова были действительно отягощены сверх всякой меры работой, об этом свидетельствуют под присягой государственные крестьяне и духовные лица приходской маслокутской церкви.

Кроме отягощения работой, крестьяне испытывали на себе также произвол и помещика, и его приказчиков. У крестьян брали все, что в данный момент требовалось для нужд хозяйства помещика: повозки, ярма, бочки, кадки, хомуты и прочее. Калантаров заявил, что он об этом ничего не знает. Поэтому комиссия справедливо отметила, что в управлении имением господствует «крайний беспорядок и произвол».

Помещик завел в своем имении «почту» не только для разъездов членов земской полиции, но и для поездок управляющего имением, его помощников, приказчиков и конторщиков. Содержание такой почты ложилось дополнительным бременем на крестьян. Бесцеремонность Калантарова простиралась до того, что он все расходы по управлению: жалованье конторщикам, писарям и управляющему тоже возложил на своих крестьян.

Неудивительно, что и все собранные для уплаты государственных налогов суммы, Калантаров считал своим достоянием. Из общественной суммы в 20000 рублей ассигнациями помещик взял себе 13000 рублей ассигнациями. Когда комиссия захотела проверить сбор сумм по рекрутскому налогу и кассу общемирскую, то Калантаров отказался предъявить бухгалтерские книги. Приказчики, однако, подтвердили факт изъятия 13000 рублей из мирской кассы.

Жаловались крестьяне и на то, что помещик берет к себе в дом матерей-кормилиц, оставляя грудных младенцев без питания материнским молоком. Помещик отбирал у крестьян сады, усадьбы и избы и раздавал своим любимцам; брал подушную подать и за малолетних ребят, еще не записанных в ревизию.

Совершенно естественно, что жестокость, корыстолюбие и бесчеловечная эксплуатация соединились в этом имении и с жестокими наказаниями для всех тех, кто только пытался возражать против беззаконний помещика. Наказывал крестьян и сам помещик, и все его помощники равных рангов. Употребительны были так называемые «гребенчуковские розги». Это тонкие палки, связанные по три и больше в один пучок; употреблялись плети и кнуты; кроме того, били чем попало: руками, ногами, коленками. В особенности отличался жестокостью приказчик Яков Заика. Скотник Иван Погорелый наказал крестьянина так жестоко, что тот умер от побоев. Засек крестьянина до смерти и атаман Павел Лемешко. Сам Герасим Калантаров засек 4-х человек (Куцубу, Бабченко, Нацветайла и крестьянку Райченкову). Жестоко были наказаны, хотя и без смертельного исхода, Алабин, Новиков, Васильченко[39] (кроме того, отдан в солдаты), Шульев В.[39] (сослан в Сибирь), Васильчикова Лукерья, Погорелова Аграфена, Проститова Мария, Фенченкова Евдокия.

Комиссия обнаружила только случаи особенно жестоких наказаний, а всякие зуботычины, пинки, легкие побои, конечно, сыпались непрерывным потоком, были бытовым, ежедневным явлением; учитывать эти издевательства никто не пытался.

Не лучше дело обстояло и с развратом как самого помещика, так и его помощников по управлению имением. Калантаров при ответах комиссии, которая его допрашивала, «отвечал с упреком и в выражениях, не соответствующих ни важности предмета, ни приличию». «Очевидцев насилия предполагать нельзя, особеннно если насилие совершилось в комнатах владельца», — как пишет комиссия. Однако «предъявление тех самых лиц, которые подвергались насилию, подтверждение матерей или родственников и свидетельство местных приходских священнослужителей, а также... присяжные показания сторонних людей делают события эти вероятными», поругания же, «коему подвергались девицы, подтверждаются многими показаниями, в числе коих находятся и показания исполнителей оного». Как видно, комиссия не склонна была разбирать эти возмутительные случаи насилия и разврата, но из всей обстановки, какая выяснилась следователями, совершенно ясно, что Калантаров вел себя в своем имении как феодальный завоеватель в захваченном городе: грабил, где только мог, издевался, избивал, убивал, насильничал, не опасаясь никакой ответственности или даже морального осуждения. Наоборот, он, видимо, находил поддержку дворян-помещиков Ставропольской губернии, так как в январе 1853 года, уже после ужасной расправы с крестьянами Маслова Бута, на дворянских выборах Калантаров был вновь переизбран в губернские предводители дворянства. Это настолько было возмутительно, что даже Николай I не утвердил выборов, а ставропольское дворянство за свою поддержку Калантарова получило «высочайший выговор».

Таковы были условия жизни в имении Калантаровых Маслов Кут.

Хочется еще раз подчеркнуть, чтобы яснее представить себе тяжесть оброка: достаточно сравнить оброчный платеж с души в имении Калантаровых и суммой оброка в соседнем имении князя Воронцова, находившегося почти рядом, в том же Георгиевском уезде Ставропольской губернии, Александровской слободе. Воронцов, также как и другие помещики Ставрополья, увеличивал денежный оброк со своих крестьян. В 1801 году оброк равнялся трем рублям, в 1818 году он уже был равен 15 рублям, а в 1844 году достиг 26 рублей[40]. (Счет везде ведется в ассигнационных рублях). У Калантаровых оброк определен был с тягла 86 рублей. На душу нужно считать 43 рубля, что составляло почти в два раза больше, чем у Воронцова. Владения Воронцовых на Северном Кавказе

поставлены были на широкую ногу, и порядки в этой вотчине вовсе не были мягкими, и дисциплина была суровой. Эксплуатация крестьян была тщательно организована. У Калантаровых одна сумма оброка была несравненно больше, и мы видели, как велики были платежи по другим статьям, как беззастенчиво грабил крестьян Калантаров.

Не удивительно, что терпение крестьян истощилось. Они не видели иного выхода, как попытаться оказать сопротивление помещику вооруженной рукой.

Задолго до начала восстания они совещались на тайных сходках, намечали план действий. Главным руководителем всего движения был, по-видимому, Кикоть, избранный в самом начале восстания сельским атаманом (предводителем) села Маслов Кут. Он был убит в толпе во время артиллерийского обстрела. Это обезглавило восстание. Оставаясь без авторитетного руководства, толпа хотя и выдержала 14 артиллерийских залпов, но активных действий не предпринимала.

В предварительных совещаниях участвовали Заика Федор Павлович, Крутин Петр Григорьевич, Иванов Николай Яковлевич, Просолов Гаврила Федорович, Кондрашов Т.Ф., Мирошниченко К.В., Ткаченко А.Ф.

Кроме того, следствие обнаружило, что несомненно принимали участие в тайных совещаниях Шелест Ф.В., Бабченко П.П., у последнего в доме накануне Нового года и в ночь на 1-е и 2-е января состоялись совещания главных руководителей восстания. Как Шелест, так и Бабченко приговорены военным судом к наиболее жестоким наказаниям: первый к наказанию шпицрутенами сквозь строй через 500 человек 8 раз и, по лишении всех прав, к каторжным работам на 14 лет, второй к шпицрутенам через 500 человек 7 раз и к каторжным работам на 12 лет. Еще к более жестокому наказанию приговорен был Зайцев Петр Григорьевич (шпицрутены череа 500 человек 10 раз и к каторжным работам на 18 лет), но ни такое наказание назначено ему было за побег «от рекрутства», вторичный побег из-под караула и за «буйственное ведение».

Теперь возвратимся снова к начальному периоду восстания. Руководители понимали, что прежде всего надо устранить старых сельских начальников, поэтому избраны были новые лица: кроме атамана Кикотя, два «выборных», более 20 человек «стариков», составлявших совет при атамане и выборных. Затем назначены были 5 писарей, на обязанности которых лежало составление списков лиц, примкнувших к восстанию. Такие примкнувшие давали в знак согласия «руку» писарю, а тот заносил фамилию согласного в реестр. Все примкнувшие к восстанию давали торжественное обещание «скорее погибнуть всем, но помещику проклятому, который их угнетает, не повиноваться». Занесенные в списки не должны были выходить из круга под опасением побоев и даже смерти. Центром управления движением была избрана площадь перед церковью; поставлены были столы, образована особая канцелярия, помещавшаяся в отдельной избе.

Приняв эти организующие восстание меры, маслокутцы первое выступление подготовили так, что толпа участников его была малочисленной. Сделано это не без умысла: если бы сразу выступила тысячная толпа, это могло бы испугать администрацию имения, и приказчики, атаман сельский и прочие, просто заблаговременно скрылись бы, малое же число выступивших побудило атамана и приказчиков проявить свою власть и послать шесть человек своих помощников для привидения к повиновению восставашх; однако эти последние так избили усмирителей, что, как говорит официальный документ, «положили их на месте» и без «пособия других, усмирители не могли встать на ноги». Лишь к вечеру первого дня восстания толпа увеличилась до 300 человек.

Организовав свое управление, восставшие послали уполномоченных и в другие места сзывать отсутствующих маслокутских крестьян в свой круг «волею или неволею».

Посланы были уполномоченные и в соседние села с приглашением принять участие в восстании. В частности, новоизбранный атаман Кикоть со своими помощниками ездил в село Нины с целью привлечь жителей этого села к восстанию, но его агитация успеха не имела.

Руководители восстания позаботились также об укреплении своего лагеря. Они расположились так, что тыльной стороной примкнули к церковной каменной ограде, а с двух сторон устроили баррикады из возов с бочками, наполненными водой. У некоторых телег сняты были колеса. Установлен был свой караул, на ночь выставлена цепь парами.

Толпа восставших все увеличивалась и достигла 2000 человек. С 6 января никто из восставших мужчин уже не уходил с площади. Интересно отметить, что у всех в руках были дубины и палки, даже женщины и дети имели в руках палки, как знак участия в восстании.

Все эти детали организации движения и обороны несомненно свидетельствуют о сплоченности, дисциплине и решимости восставших добиться свободы. Вместе с тем все это говорит о заблаговременной подготовке действий.

Среди мятежников находились и два лица, имевших большую военную подготовку: это отставной унтер-офицер лейб-гвардии Московского полка Шелест и рядовой подвижного запасного парка 19 артиллерийской бригады Никита Величкин. Из дела явствует, что и Шелест и Величкин находились в толпе, на них были показания, что они подстрекали крестьян к восстанию, но прямых улик не было. Бывший гвардеец Шелест, житель села Новоархангельского, пришел в Маслов Кут 11 января и был в толпе восставших, но ему удалось избежать наказания, так как он, по его словам, пришел в Маслов Кут, чтобы вручить вещи своему сыну, примкнувшему к повстанцам, сам же он, Шелест,

не сочувствовал будто бы маслокутцам и «не дал благословения» сыну на участие в движении. Это подтвердила и жена Шелеста, и его соседи, но позволительно сомневаться в этих утверждениях: не сочувствовал намерению сына, а принес ему новые сапоги и зипун, вошел в толпу, уже окруженную вооруженными солдатами. На Величкина тоже были серьезные подозрения: у него в руках была какая-то бумага, которую он читал толпе, вооружен был дубиной и хотел ею ударить офицера. Это подтвердили свидетели. Но и Величкин отделался легко. Его спасла старость и плохое зрение.

Все эти подробности следует иметь в виду при выяснении опроса об организации защиты повстанцами своего лагеря: они, несомненно, пользовались чьими-то советами при устройстве фланговых баррикад и укреплении своего тыла. Советы эти поданы были людьми, кое-что понимавшими в вопросах военной защиты. Такими военными специалистами могли быть и Шелест и Величкин, оба отставные солдаты, прослужившие 25 лет в армии. Шелест, по вероятному предположению, мог быть и в числе восставших солдат Московского лейб-гвардии полка, вышедших на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 года. Во всяком случае он знал о восстании декабристов, мог сочувствовать и движению маслокутцев, но по опыту своему или своих товарищей знал какими тяжелыми последствиями могло грозить для него и его сына участие в восстании, поэтому он и «не благословил» сына, а свое сочувствие повстанцам проявляя с большой осторожностью. Если он подавал советы, то делал это очень умело, через третьих лиц.

Эти факты могут служить подтверждением хорошей организации всего дела восстания; следствие проходило без участия предателей, добровольно раскрывающих всю организационную структуру подготовительных мероприятий; следователи пользовались лишь случайными обмолвками привлеченных к ответственности крестьян-маслокутцев да показаниями холуйски преданных Калантарову приказчиков. Поэтому крестьяне соседних сел и деревень почти все оказались оправданными от обвинения в участии в восстании.

Писарь Абрам Кузнецов говорил на следствии, что он записывал в число восставших жителей сел Нины, Федоровки, Александровки, Архангельского, Прасковеи, Удельного, Отказного и Новозаведенного, но списки, в которые занесены были государственные крестьяне, и другие бумаги, бывшие в канцелярии повстанцев, не отыскались. Установлено, что списки были у писаря Бабенко (одного из руководителей восстания), но когда он был убит во время артиллерийского обстрела, то у него найдено было лишь два лоскутка окровавленной бумаги, все остальное исчезло. А ведь Кузнецов показал, что он «отбирал руки» у крестьян соседних деревень, т.е. последние формально и добровольно примкнули к восстанию. Скрыть свое участие в восстании жителям соседних сел помогло и то, что земская полиция будто бы пригласила их присутствовать в Масловом Куте в каестве «понятых». И таких «понятых» набралось до 400 человек.

Все вышесказанное дает нам основание сделать вывод, что восстание это было хорошо организоваво, многие детали продуманы; крестьяне действовали сплоченно и единодушно. Движение могло принять очень широкий размах, если бы крепостных владельческих крестьян было больше в этой части губернии и если бы не были сразу убиты главные руководители восстания Кикоть, Бабенко и другие.

Когда 2-го января вспыхнуло восстание, помещика Калантарова в имении не было, а приказчик и сельский атаман, видимо, сразу сообразили, что положение создалось серьезное и сейчас же сельское начальство известило земского исправника, уже 4-го января прибывшего в Маслов Кут с двумя заседателями и стряпчим. Это временное отделение земского суда пыталось уговорить маслокутцев разойтись и подчиниться власти помещика. Когда это ие удалось, земский суд вызвал войска. Всего солдат и офицеров прибыло около 900 человек при 4-х орудиях. Губернатор Волоцкой тоже пробовал уговорить восставших покориться властям; приглашенные попы, как местные, так и приезжие, развили усиленную агитацию среди крестьян — ничего не помогало. Крестьяне требовали воли. Волоцкой применил такой провокационный прием: он вместе со своим адъютантом въехал в самую середину толпы, а перед этим приказал артиллеристам навести пути в то место, где он будет беседовать с крестьянами, справедливо полагая, что к этому же месту соберутся и все главные руководители восстания, а когда он отъедет от толпы, руководители не успеют еще разойтись, и в этот момент артиллерия сделает свой первый залп картечью. Провокация эта удалась: при первом же выстреле были убиты и атаман Кикоть, и писарь Бабенко, и другие руководители.

Губернатор Волоцкой официально сообщал о своих действиях по «усмирению» восстания. Он откровенно признается в своей уверенности в том, что после первого картечного залпа «вся эта огромная масса людей рассеется. Но она даже не пошевелилась». Толпа подняла вверх свои дубины и кистени и кричала: «Ура, воля, ура!» Затем предприняты были две атаки волжских казаков. Но и это ее поколебало повстанцев. Артиллерийский обстрел продолжался. Произведено было 14 залпов, убито 86 мужчин и 35 женщин, ранено 106 мужчин и 34 женщины. Из числа раненых умерло 27 мужчин и 6 женщин маслокутцев. Из числа жителей окрестных сел убито 6 мужчин и ранено 4.

Таким образом общее число убитых и раненых достигло 291 человека. Так официально сообщал губернатор Волоцкой, главный каратель и организатор бойни. Другую цифру дает секретарь Кавказской духовной консистории, пославший от себя доношение в Петербург[41]. Секретарь называет

цифру пострадавших в 340 человек. Разногласие это можно было бы устранить, проверив метрические книги маслокутской церкви за 1853 год, но, к сожалению, церковные книги за этот год в архивах не сохранились.

Какая бы цифра ни была нами принята, все равно размеры бойни, произведенной озверелыми усмирителями, поражает советского читателя: полтораста убитых безоружных людей и только за то, что они требовали к себе человеческого отношения! Слухи о маслокутском избиении распространились по всему краю. Даже Николай I на докладной записке кн. Чернышева, которую последний составил для царя «по важности событий», был потрясен результатом «усмирения». «Ужасно, ежели справедливо», — сказал он. А на докладной записке командующего Кавказской линией Завадовского Николай написал: «Не могу поверить, чтобы нужно было столь большое кровопролитие для приведения в покорности буйной толпы; полагаю, что и ружейных выстрелов было бы довольно[42].

В исторической литературе нет единогласия в определении числа жертв маслокутской катастрофы 1853 года. Прозрителев пользовался докладной запиской губернатора Волоцкого, главного палача маслокутских крестьян, и определяет число убитых и раненых в 271 человек. Волоцкой составлял свою сводную ведомость о маслокутских делах уже спустя 4 года после расстрела. Хотя Волоцкой и заинтересован был в приуменьшении числа убитых и раненых, но и на местах, и в центре уже получены были точные данные о числе жертв маслокутской расправы, да, наконец, мы имеем и коллективное свидетельство о числе жертв. Через два года после катастрофы, седевшие в тюрьме маслокутские крестьяне в своем заявлении наместнику Кавказа сообщали, что от артиллерийского обстрела пострадало свыше двухсот человек. По докладу генерала Реада Николай I одобрил действия гражданских и военных властей по усмирению восстания, поэтому Волоцкому не было смысла приуменьшать число жертв, так как правительство уже имело сведения об истинном положении дела, и приуменьшение могло скомпрометировать все действия губернатора. Крикунов В.П. ссылается на работу Линкова, цитированную выше, и говорит, что «Лннкову удалось установить, что было произведено 16 залпов,а не 14, и в результате убито и ранено было 340 человек, а не 270, как утверждает Прозрителев». Последний взял данные из официального источника, а Линков ссылается на число жертв, показанное в донесении секретаря Ставропольской консистории. Почему мы должны верить последнему, автор не поясняет.

Все сказанное выше не может ни в какой степени утвердить нас в мысли, что записка губернатора Волоцкого заслуживает нашего доверия и составлена объективно. Наоборот, эта записка составлена крайне пристрастно и проникнута стремлением оправдать деятельность помещика Калантарова и во всем обвинить крестьян. Внимательный читатель легко может убедиться в этом, прочтя записку Волоцкого, но ведь, кроме этой записки, мы имеем ряд свидетельств, сообщающих данные, которые дополняют показания Волоцкого; имеем сведения жандармских властей, анонимный донос на Волоцкого, свидетельские показания и прочее. Действия военно-судной комиссии проверялись специальным чиновником Левенцовым, который был назначен по царскому указу «Презисом» (председателем) военно-судной комиссии, но приехал в Ставрополь, когда суд уже был закончен. Левенцов нашел целый ряд упущений в действиях суда, о чем и составил докладную записку.

Все это дает возможность исследователю выяснить истинную картину всей маслокутской эпопеи, поэтому кажется непонятным, почему у такого серьезного исследователя как Я.И. Линков допущены некоторые неточности в освещении событий. На странице 81 своей книги автор сообщает, что военный суд «приговорил 556 человек» к ссылке в Сибирь и 64 человека к отдаче в арестантские роты». Эти цифры совершенно не соответствуют действительности. В имении Маслов Кут было 1110 ревизских душ, убито около 150: ссылка в Сибирь и в арестантские роты более 600 человек разорила бы богатое имение, а его владельца Калантарова превратила бы в почти мелкопоместного хозяина. Конечно, классовый дворянский суд по самой своей сущности не мог бы этого допустить, а кроме того, мы имеем точные данные о приговоре военного суда, который осудил всего несколько десятков крестьян к каторжным работам и ссылке в Сибирь.

Восстание в селе Маслов Кут было грозным предвестником возникновения революционной ситуации в России. Верхи почувствовали, что они не могут уже управлять по-старому; поэтому хотя и наряжен был военный суд и привлечены к нему десятки крестьян, но правительство понимало, что калантаровские методы управления маслокутским имением уже не годятся: имение немедленно взято было в опеку. Комиссия выяснила все обстоятельства хозяйничанья калантаровской клики и хотя не привлекла к ответственности ни хозяина имения, ни его приказчиков, но принуждена была признать, что одной из причин, вызвавшей восстание крестьян, была безудержная эксплуатация их помещиком, его дикий произвол и жестокость.

Поставлен был вопрос о выкупе маслокутского имения в казну, то есть возникла мысль, которая уже 60 лет прельщала помыслы маслокутцев, быть государственными крестьянами и не принадлежать помещику.

Маслокутское восстание сильно встревожило и самого Николая I, понявшего, что размах этого движения мог быть значительно шире, чем он оказался в 1853 году. Из документов видно, что и в рядах усмирителей не было былой твердости: генерал-лейтенант Реад доносил, что среди казаков замечалась сдержанность в выполнении приказов карателей; в сотне хоперских казаков раздавались

недовольные голоса. Когда были вызваны охотники для действия против восставших крестьян, послышались возгласы: «Какие мы охотники? Разве это татары?» И в другой раз в той же роте при разговоре офицера о том, в каком случае надо будет открыть стрельбу, ему отвечали один или несколько казаков: «Стрелять-то уж мы не будем, это не чеченцы». Кто произносил эти слова, установить не удалось[43].

Все эти факты, видимо, сильно беспокоили правительство. Недаром сам Николай I уже давно занимался маслокутскими делами. О рескрипте императора Ланскому мы уже упоминали. О циркулярном письме министра внутренних дел Бибикова также говорилось выше, хотя Бибиков и не называл фамилии помещика Калантарова. Теперь вновь царь через министра Бибикова и сенат предлагал губернаторам и предводителям дворянства усилить надзор за теми помещиками, которые злоупотребляют своей властью над крестьянами[44].

Это возвышает маслокутское восстание до степени общероссийского события, оказавшего влияние на постановку крестьянского вопроса во всем его объеме в конце 50-х и начале 60-х годов XIX века.

Но вот отгремели артиллерийские залпы, положив в могилу 164 трупа тружеников-крестьян. Военный суд торжественно вынес свой приговор. По этому жестокому приговору Филип Шелест наказывался шпицрутенами 8 раз через 500 человек, а затем каторжные работы на 14 лез. 23 человека прогонялись сквозь строй под шпицрутенами 7 раз через 500 человек и отправлялись на каторгу на 12 лет, 26 человек присуждены были к наказанию розгами по 80 ударов, на один год в арестантские роты и к ссылке на поселение в Восточную Сибирь. Один крестьянин приговорен к 80 ударам розгами и арестантским ротам на 4 года. Наконец, 9 человек получили по 60 ударов розгами без тюремного заключения.

Из маслокутских сельских администраторов атаман Лемешко и Яков Заика приговорены к 1 году тюрьмы; последнему запрещено впредь занимать административные должности. Скотник Погорелов получил 7 месяцев тюрьмы. Зайченко и Сукачев от наказания освобождены. В тюрьме умерло 7 человек. Таков список крестьян, приговоренных к различным наказаниям. К счастью осужденных, царский манифест Александра II по случаю вступления на престол 27 марта 1855 года освободил их от телесных наказаний, этого варварского способа возмездия за преступления. Таким образом все осужденные на каторжные работы и в арестантские роты с последующей ссылкой в Сибирь должны были подвергнуться только этим наказаниям; шпицрутены, розги и плети были отменены. Те же из маслокутцев, кто должен был подвергнуться только телесным наказаниям, без отбытия тюремного заключения или ссылки в Сибирь, подлежали немедленному освобождению. Так закончился суд над маслокутцами: только 14 человек из 65 были вылущены на свободу.

Маслокутское восстание напугало дворянское правительство. Восстание это могло вылиться в грандиозное крестьянское движение, если бы руководители его выдвинули лозунги, способные объединить крестьянские массы. Такие лозунги были у Разина и Путачева, у маслокутцев их не нашлось. В самом деле, что мог предложить вождь восстания Кикоть, когда он со своими товарищами совершал агитационную поездку в село Нины перед трагическими событиями 12 января 1853 года? Маслокутцы заявляли и раньше и под картечными залпами усмирителей: «Мы хотим воли! Да здравствует воля! Ура!» Но что это конкретно означало: долой Калантарова, мы хотим быть государственными крестьянами! Но ведь жители окрестных сел уже были государственными. Поднимать восстание ради того, что они уже реально имели, было бессмысленно. Поэтому, несмотря на большое мужество, на упорство маслокутцев в борьбе, их значительную организованность и опытность в этой борьбе с помещиком, их дело, их царистская идеология, их пассивная тактика ожидания смерти от артиллерийской картечи (так напоминающая тактику декабристов на Сенатской площади в 1825 году), скорее могут быть характеризованы как завершение исторического этапа борьбы за предыдущий период, чем возвещение нового этапа борьбы революционной. Создается впечатление, что маслокутцы и их вожаки смотрели назад, а не вперед.

Конечно маслокутцы не могли добиться какого-нибудь успеха своим восстанием, успеха, который мог бы изменить или даже уничтожить крепостное право, во-первых, потому, что в России в это время еще не создалась революционная ситуация, а во-вторых, для успеха крестьянского восстания необходима была и помощь рабочего класса, которого тогда в России еще не было, в настоящем смысле этого слова. Но маслокутское восстание могло наделать гораздо больших хлопот дворянскому правительству того времени. Этого и боялись и царь и его советники.

После приведения приговора в исполнение, 51 человек должны были покинуть пределы родного края и направиться в Сибирь. Те, кто направился на поселение, получили возможность жить без помещика, без обязательной барщины.

Мы имеем сведения, что некоторые поселенцы чувствовали себя хорошо и довольны были своей судьбой. О положении ссыльно-поселенцев есть интересное свидетельство сосланного в 1829 году в Восточную Сибирь жителя села Маслов Кут Иова Остапенко. Он послал своим односельчанам в 1857 году письмо. После ряда обычных приветствий и поклонов родственникам, Остапенко сообщает, что он занимался домоводством и хлебопашеством, «но я не жил в Сибири, но в раю, затем, что у нас нет старосты и господ также. Первое — земли довольно для хлебопашества и лесов довольно». Дальше Остапенко пишет: «Я наслышан, что вы и теперича с помещиком не помири-

лись. Когда не мирилися, то и не миритесь и просите императора в Сибирь на поселение. В Сибири для господских людей рай»[45]. Это письмо было перехвачено и перепугало и опекуна имения Маслов Кут и самого кавказского наместника, князя Барятинского.

Как видно из документов, в положении осужденных маслокутцев в 1857 году произошли большие перемены. По манифесту большинство осужденных было освобождено из тюрьмы, их должны были взять на поруки односельчане; осужденные не имели права выезжать из своего села без разрешения начальства; заниматься своей работой они должны были, не тревожа начальство просьбами по делу, которое решено уже по закону. Только три человека оставлены были в тюрьме: Ф.В. Шелест, А.И. Богданов и П. Зайцев.

Предписывая губернатору Ставропольской губернии освободить осужденных военным судом маслокутцев, наместник Кавказа Барятинский обращает внимание губернатора на то, что в списке осужденных не значатся:

1. Отставной унтер-офицер Шелест из села Архангельского.
2. Отставной канонир Величкин из с. Маслов Кут.
3. Государственный крестьянин с. Новогригорьевского Никита Лепехин.
4. Того же села Ник.Свириденко.

Если эти люди не были арестованы по маслокутскому делу, то наместник приказывает губернатору немедленно сделать распоряжение о взятии их под стражу[46]. Видимо агентурные сведения, полученные наместником, давали серьезные основания для отмены решения военного суда, освободившего от наказания Шелеста, бывшего гвардейца, а также Величкина, отставного артиллериста.

Так закончилссь маслокутское восстание, но не прекратились волнения крестьян в имении Маслов Кут. Теперь крестьяне переданы были в опеку. Вновь посыпались жалобы на притеснение их опекунами. Для поддержания порядка в имении в село введена была команда казаков из 10 человек, увеличенная позже до 15. Бдительное начальство не один раз сообщало, что маслокутцы все еще мечтают освободиться от власти помещика. Наместник Кавказа Барятинский выдвинул предложение приобрести село в казну, то есть сделать маслокутцев государственными. К этой мысли склонился и Александр II, но когда стали вести об этом переговоры с Калантаровыми, то последние, а особенно Герасим, отставной штаб-ротмистр, запросил такую цену, что администрация сразу увидела невозможность договориться е помещиком о выкупе крестьян. 12 декабря 1859 года Барятинский распорядился вопрос о приобретении села Маслов Кут в казну оставить без последствия «впредь до обсуждения Ставропольским губернским комитетом общего по губернии крестьянского вопроса»[47].

Крестьянская реформа в Масловом Куте также прошла весьма своеобразно. Маслокутцы отказались подписать уставную грамоту с помещиками Калантаровыми, просили переселить их на государственные земли. Это и было сделано. Однако, когда Калантаровы в 1883 — 1884 гг. стали распродавать свое имение по частям, маслокутцы предъявили свои права на наделы, на которые они раньше имели право и от которых тогда отказались. Вновь посыпались жалобы, вновь ходоки ездили в Гатчину и вручили прошение Александру III. Конечно, из этих жалоб ничего не вышло. Снова произведены были аресты, несколько человек подверглись высылке из своих селений, где они были приписаны как государственные крестьяне.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция дала маслокутцам землю и волю.

Прежде всего крестьяне избавились от паразитических элементов, сидящих на их трудовой земле — исчезли и помещики и их прислужники — кулаки-мироеды. Вся земля передана трудовому народу.

Колхозный строй обеспечил трудовому крестьянству зажиточную жизнь, свободный труд и быстрый хозяйственный рост.

Давно забыты страдания дедов и прадедов, издевательства и унижение человеческого достоинства, ими испытанное. Но архивные документы хранят память об этих страданиях, о борьбе крестьян за лучшее будущее.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. Полное собрание законов (1-ое), т. XXII, № 16471.
2. Полное собрание законов (1-ое), т. XXII, № 16715.
3. Астраханский областной архив, ф. 475, д. 38, лл. 158—159. Цитирую по диссертации С.А. Чекменева «Заселение и основение Ставрополья», с. 97.
4. Полное собрание законов (1-ое), т. XXII, № 16471.
5. Чекменев С.А. Цитированное сочинение, с. 97 и следующие.
6. Полное собрание законов, т. XVIII, № 16743.
7. См. Вестник Европы, 1878, кн. 12. Братья Потемкины на Кавказе.

О колонизации Северного Кавказа.

См. Полное собрание законов. Том XX, № 14654-607 и XXI, № 15619, XXII, № 16401 и XXII, № 16194.

О беглых там же, XXII, № 16471, № 16715. «Ставропольские губернские ведомости», 1876, № 34, № 41.
8. Прозрителев, автор статьи в «Киевской Старине» и другие.
9. ГАСК, ф. 82, д. 13, лл. 158–159.
10. Изложение напечатано в журнале «Киевская Старина», 1884, VIII, с. 472.
11. ГАСК, фонд 39, дело 649, лист 1360.
12. ГАСК, фонд 39, дело 649, лист 108.
13. Там же, лист 119.
14. Там же, лист 121.
15. Кавказский сборник, Тифлис, 1824 год, с. 468.
16. ГАСК, ф. 87, д. 285, л. 3.
17. Подробные сведения о заселении Ставрополья имеютсяв трудах С.А. Чекменева, Н.И. Стащука и др., упомянутых выше.
18. Фадеев А.В. Очерки экономического развития Степного Предкавказья. М., 1957, с. 61.
19. Фадеев А.В. Очерки.., с. 61.
20. Акты Кавказской археографической комиссии, т. VI, ч. 2, с. 578.
21. Акты Кавказской археографической комиссии, т. X, с. 704.
22. Так ежегодно из Кавказской губернии отправлялись в центр до 20000 голов крупного рогатого скота, до 1000 лошадей и до 20000 овец. См. Очерки экономического развития Степного Предкавказья, с. 196. Автор ссылается на «Хозяйственное описание Астраханской губернии» Ровинского. СПб., 1803–1804 годы.
23. См. Фадеев А.В. Цитиров. соч., с. 197.
24. Фадеев А.В. Цитирован. соч., с. 125.
25. Крикунов В.П. – Крестьянская реформа 1861 г. на Ставрополье, с. 8.
26. Чекменев С.А. – Заселение и освоение Ставрополья (Рукопись, с. 127). Много и других фактов подобного рода приведено в книге Фадеева.
27. ГАСК, ф. 82, оп. 10, д. 13, лл. 98 – 124.
28. ГАСК, ф. 82, оп. 10, л. 98 – 128.
29. Там же.
30. ГАСК, ф. 82, оп. 10, л. 98 – 128.
31. ГАСК, ф. 82, оп. 10, д. 13, лл. 262 – 263.
32. ГАСК, ф. 82, оп. 10, д. 13, лл. 262 – 263.
33. ГАСК, ф. 82, оп. 10, д. 13, лл. 4 – 36.
34. ГАСК, ф. 79, оп. 1, д. 612, лл. 163 – 171.
35. ГАСК, ф. 79, оп. 1, д. 1059, лл. 42 – 43.
36. Тягло состояло из мужчин и женщин.
37. ЦГИАМ, ф. III, отд. 4, эксп. 1853, д. 113, лл. 54 и 55.
38. ЦГИАМ, ф. III, отд. 4, эксп. 1853, д. 113, лл. 58 – 80.
39. Васильченко и Шульев были уполномоченными ходаками, ездившими в столицу для подачи жалоб царю.
40. Индова Е.И. Крепостное хозяйство в начале XIX века. М., 1955, с. 172.
41. Данные из этого доенесения приведены в книге Линкова Я.И. «Очерки истории крестьянского движения в России в 1825–1861 годы». М., 1952 год, с. 83.
42. Крикунов В.И. Крестьянская реформа 1861 года в Ставропольской губернии. Ставрополь, 1948, с. 28.
43. ЦГВИА, фонд 1, оп. 1, д. 21283, л. 4–5 об.
44. Там же, л. 9.
45. ГАСК, ф. 101, оп. 1, д. № 3440, л. 33.
46. ГАСК, ф. 101, оп. 1, д. № 3440, л. 35–36.
47. Крикунов В.П. Крестьянская реформа 1861 года в Ставропольской губернии. Ставрополь, 1949, с. 34.

Òåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èçäàíèþ:
Романовский В.А. Восстание в селе Маслов Кут в 1853 году // К вопросам политического, хозяйственного и культурного развития Северного Кавказа. – Ставрополь: Ставропольский государственный педагогический институт, 1969. – С. 3–51.

Î ÁÇÎÐ ÄÈÑÑÅÐÒÀÖÈÉ Ï Î ÈÑÒÎÐÈÈ ÑÒÀÂÐÎ Ï Î ËÜß ÇÀ 40 ËÅÒ Ñ Î ÂÅÒÑÊÎÉ ÂËÀÑÒÈ

Исполняется 40 лет со времени установления Советской власти.

Этот юбилей торжественно празднуют не только советские люди, но и трудящиеся всего мира, как рубеж, как переломный момент в истории человечества.

Произошел коренной перелом и в развитии общественных наук; в частности, в разработке исторических дисциплин великую роль сыграла руководящая и направляющая роль Коммунистической партии, революционизирующая роль марксистско-ленинского учения.

В настоящей статье не ставится цель — дать обзор развития исторической науки за 40 лет Советской власти. Задача значительно скромнее: я хочу дать обзор тех диссертаций (в возможно сжатом виде) по истории Ставропольского края, которые за указанный период выполнены преподавателями Ставропольского педагогического института или другими лицами, не принадлежащими к преподавательскому коллективу института, но диссертации которых обсуждались на кафедрах нашего института или рецензировались членами кафедры, приглашенными в качестве официальных оппонентов Ростовским университетом и московскими педагогическими институтами: Областным, Библиотечным и Педагогическим институтом имени В.И. Ленина.

В дореволюционное время в провинциальных городах и даже значительных центрах, какими были губернские, города, обычно не было никаких периодических изданий, кроме так называемых «Губернских ведомостей» — маленьких, в большинстве даже не ежедневных газетных листков, где главную часть составляли официальные известия, то есть правительственные распоряжения и указы. В неофициальной части помещались иногда исторические справки, выдержки из исторических источников, относящихся к истории данного края. Лишь в некоторых значительных центрах издавались более солидные газеты. Научным изданием в некоторых губернских городах были записки или труды «Ученой архивной комиссии». В этих трудах публиковались редкие и случайные статьи местных любителей старины, зачастую имевшие очень малое научное значение. Правда, в Полтаве, Чернигове, Нижнем Новгороде и некоторых других городах печатались в трудах архивных комиссий более полноценные в научном отношении работы местных любителей истории.

Не составлял исключения в этом отношении и губернский город Ставрополь. Историческая наука представлена в нем немногими статьями в «Трудах Ставропольской губернской архивной комиссии».

Совершенно иную картину наблюдаем мы после Великой Октябрьской социалистической революции. Конечно, длительная и особенно ожесточенная гражданская война на Северном Кавказе задержала научную краеведческую работу в Ставрополе, но уже перед Отечественной войной появляется в Ставрополе журнал «Ставрополье», где помещается ряд ценных исследований Ф.М. Головенченко, Емельянова и др. Эти работы получили значение начальных, отправных точек для дальнейшего изучения истории края.

В 1931 году открывается в Ставрополе педагогический институт, несколько позже организуется Краеведческое общество при Краевом музее. В Пятигорске открывается также педагогический институт с историко-филологическим факультетом. Организуется архивное управление, главной задачей которого является упорядочение архивного дела в крае, хранение и изучение архивных материалов.

Отечественная война задержала развитие всех этих культурных учреждений, и лишь после войны появляется ряд специальных работ, посвященных серьезному научному изучению прошлого нашего края.

Этим вопросам посвящен ряд диссертаций, написанных и защищенных преподавателями Пятигорского, Ставропольского и других институтов.

Первой такой диссертацией была работа В.П. Крикунова — «Крестьянская реформа 1861 года в Ставропольской губернии». Диссертация защищена в 1948 году и частично напечатана в 1949 году Ставропольским книжным издательством. Построена диссертация на архивном материале, хотя и далеко не полно использованном. Наиболее ценными местами являются страницы о крестьянских выступлениях против помещичьего гнета, о подготовке реформы 1861 года и глава о самой реформе. Всё, что было известно о волнениях крестьян, В.П. Крикунов использовал в своей работе и значительно дополнил изложение новыми данными. Интересны данные о крестьянских чаяниях и требованиях этого периода. К сожалению, работа В.П. Крикунова охватывает лишь незначительную часть крестьянского населения Ставрополья (около 8000 ревизских душ) и не затрагивает основной массы земледельческого населения — государственных крестьян, которых было не менее 100000. Автор не дает анализа крестьянского крепостного хозяйства, не определяет числа барщинных и оброчных

крестьян, величину оброка последних, не определяет количества десятин крестьянской и барской запашки, вообще не выделяет имущественного положения крестьян, как вёл свое хозяйство крестьянин, какие культуры сеял, как велики были размеры имений помещиков, как распределялась земля по угодьям у барина и крестьянина и т.д. На Ставрополье земли было много, а рабочих рук мало. Некоторые помещики переводили крестьян на паек (месячину), совсем лишали крестьян земли и собственного хозяйства, превращая их в рабов. В.П. Крикунов не обратил внимания на эту форму эксплуатации крестьян и смешивает месячников с дворовыми крестьянами. Всё это недочеты в работе В.П. Крикунова, но это не умаляет значения всей диссертации, которая явилась первой марксистско-ленинской работой по истории крестьянства нашего края[1]. Заслуживает внимания попытка автора дать историю реформы 1861 года в нашем крае на фоне борьбы крестьянства за свое освобождение.

В последующие годы история Ставрополья и Северного Кавказа разрабатывается очень плодотворно. В 1950 году в Ростове-на-Дону Ю.И. Серый защитил диссертацию, посвященную событиям революции 1905 года на Владикавказской железной дороге, в Ставропольской губернии и в самом Ставрополе. Автор, впрочем, уделяет мало внимания ставропольским событиям 1905 года, на что и указано ему официальным оппонентом при защите диссертации; гораздо больше говорится о событиях в Минеральных Водах. Диссертация Ю.И. Серого, несомненно, имеет значительную научную ценность своими выводами и новыми данными, впервые введенными в научный оборот.

За этими двумя работами последовал ряд других исследований по истории нашего края; работы эти имеют неодинаковую научную ценность и касаются различных сторон исторического прошлого.

Обзор этих работ следует начать в хронологическом порядке.

Наиболее раннего периода истории Ставрополья касается диссертация доц. Пятигорского педагогического института С.А. Чекменева, посвященная истории заселения и хозяйственного освоения нашего края. Автор много поработал в архивах Ставрополя, Астрахани, Москвы и изучил очень обширный материал. В результате получилось весьма обстоятельное исследование по истории заселения края и его хозяйства, классовой борьбы поселенцев-крестьян с феодалами. О солидности исследования и количестве потраченного труда свидетельствует хотя бы тот факт, что автор пересмотрел и тщательно изучил свыше 2000 архивных дел, иногда весьма объемистых (по 500 и более листов). Количество скопированных документов и отдельных выписок составляет около 11000 листов. На этом монументальном основании и строил С.А. Чекменев свое исследование. Впервые в историко-краеведческое изучение Ставропольского края введена такая масса документального архивного материала. Предшественники С.А. Чекменева, разрабатывавшие вопросы истории заселения края (И.В. Бентковский, Тварчелидзе и др.), использовали случайный материал, иногда без всякой критической проверки. Работа С.А. Чекменева призвана пополнить пробел в истории нашего края, дать на прочном основании марксистско-ленинской науки историю заселения края, показать давнюю связь русского народа с народами Кавказа, значение освоения Кавказа как для русского народа, так и для кавказских народов и племен, изучить историю крестьянства далекой тогда окраины царской России, показать прогрессивное значение присоединения этих территорий к России. Автор дает полную картину заселения и освоения Предкавказья русскими поселенцами, показывает этапы этого заселения, историю трудной и упорной борьбы с природой, косным и хищным чиновничеством, с помещиками-колонизаторами. После работы С.А. Чекменева по истории крестьянства Северного Кавказа ни один исследователь этой части Советского Союза не, может обойтись без учета ее результатов. По массе собранного и изученного материала, по правильности и политической заостренности выводов диссертация С.А. Чекменева будет являться отправной точкой для последующих историков нашего края.

Из числа отдельных вопросов, разрешаемых автором, заслуживает внимания спорный и запутанный вопрос об основании Ставропольской крепости и о самом наименовании города Ставрополя. После исследования С.А. Чекменева должны быть навсегда похоронены легенды об основании Ставрополя великим русским полководцем А.В. Суворовым, о найденном будто бы при закладке города каменном кресте, что будто бы и дало повод назвать город Ставрополем (по-гречески — город святого креста) и т.д. Ставропольская крепость построена осенью 1777 года, а название Ставрополь дано Г.А. Потемкиным в проекте укрепленной линии крепостей, утвержденном Екатериной II в 1776 году еще до закладки крепости. Вопрос об основании города Ставрополя подвергался изучению почти одновременно Г.Д. Красновым и Г.В. Гниловским, причем выводы всех этих исследователей совпадают.

В своей работе С.А. Чекменев приводит интересные данные об отношении горцев к русским поселенцам, об их стремлении избавиться от гнета своих феодалов путем перехода в русское подданство. Рассматривается в этой работе военная колонизация края, с привлечением на сторону России горцев, армян, грузин и прочих народностей. Очень много внимания уделяет автор интересным данным о развитии земледелия, скотоводства, промыслов, торговли. Автор вносит новые данные в понимание кризиса крепостного хозяйства, который ясно обозначился уже в середине XVIII века в центральных районах Европейской России. В дальнейшем изложении автор рисует острую классовую борьбу с помещиками и крепостническим государством. Страницы, посвященные этим драматическим эпизодам, нельзя читать без волнения, горячего сочувствия крестьянам — борцам за свобо-

ду. Конечно, рамки кандидатской диссертации не позволили С.А. Чекменеву до конца исследовать некоторые вопросы взятой темы. Так, автор, не имея в руках так называемых вотчинных архивов, не мог дать должного анализа помещичьего хозяйства, раскрыть все стороны крестьянского земледелия, его технического оснащения, системы полеводства и других важных вопросов, но и то, что сделано, вызывает у читателя чувство удовлетворения.

Близко к этой диссертации примыкает и работа Н.И. Стащука, в которой автор исследует положение государственных крестьян на Ставрополье до реформы Киселева. Диссертация написана на архивном материале Ставропольского краевого архива и защищена в Ростовском-на-Дону государственном университете. Работа выполнена тщательно, изучен значительный материал, использована монографическая литература, журнальная литература. Тема у Н.И. Стащука несколько у́же, но зато он обратил большее внимание на международную обстановку того времени и прибавил много новых черт из истории закулисной борьбы английских колонизаторов за влияние на Северном Кавказе. В напечатанной в IV выпуске «Материалов по изучению Ставропольского края» (Ставрополь, 1952 год) части диссертации рассказана история шотландской колонии Каррас и интриги английских осведомителей и агентов в Ингушетии и Черкесии. В диссертации уделено внимание и развитию экономических связей Северного Кавказа с Россией.

Тесно примыкает к вышеуказанной теме и диссертация И.Б. Иловайского — «Государственные крестьяне Ставропольской губернии и реформа Киселева». Свое изложение автор доводит до половины XIX века. Работа выполнена очень хорошо и построена на обширном архивном материале. Автор тщательно исследует процесс дальнейшего заселения и хозяйственного освоения края, дает картину хозяйственного развития основной массы крестьянства, его борьбы за свой свободный труд с хищным чиновничеством, кулаками-мироедами и показывает «реформу Киселева» в действии. Диссертация защищена в Ростовском-на-Дону государственном университете.

Этой работай завершено основное изучение истории крестьянства Ставропольского края в дореформенную эпоху (до 1861 года).

Диссертацией П.А. Шацкого «Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве в 70—90-х годах XIX века в Ставропольской губернии» начинается исследование истории главного производящего класса на Северном Кавказе — крестьянства — в пореформенную эпоху. Диссертация П.А. Шацкого была представлена и защищена в Московском педагогическом институте имени В.И. Ленина в 1954 году. Выбор темы часто уже отражает научную ценность диссертации. Сочинение на тему научно-неактуальную обычно захватывает неглубоко поставленные вопросы: диссертант ограничивается общими обзорами, газетными статьями и заметками, некритически использует архивные материалы, пересказывает выводы и положения, давно признанные наукой.

Работа П.А. Шацкого носит совсем иной характер. Тема выбрана удачно, и, несмотря на кажущийся чисто краеведческий характер, она имеет общий интерес и освещает важнейший этап развития народного хозяйства России после крестьянской реформы 1861 года. Всеохватывающее исследование становления и развития капитализма в России мы имеем в блестящем труде В.И. Ленина — «Развитие капитализма в России» (Соч. Т. III). Как известно, в этой работе, составляющей эпоху в развитии исторической науки, показаны и особенности развития капиталистических отношений в тех южных и юго-восточных губерниях России второй половины XIX века, в которых меньше сохранилось остатков крепостничества, где капитализм развивался свободнее и быстрее, чем в центральных губерниях. Ставропольская губерния отличалась в этом отношении теми же признаками, как и южные губернии царской России. Здесь же была и еще одна специфическая черта — почти полное отсутствие помещиков. Все эти особенности Ставрополья делают его для исследователя очень интересным. Но у автора были свои особые трудности: Ставропольская губерния принадлежала к числу так называемых «неземских губерний», то есть таких, где не было введено в действие земское положение 1864 года, а значит, не было и земских статистических обследований. Автору пришлось пользоваться данными Губернского статистического комитета, что значительно затрудняло исследователя. Здесь же уместно отметить, что П.А. Шацкий весьма критически относился к статистическим таблицам Губернского комитета: всегда старался их сопоставить с другими данными. Часто ему приходилось переделывать всю систему использования «средних величин», которыми пестрят таблицы Губернского статистического комитета и против которых так горячо возражал В.И. Ленин. П.А. Шацкий приспосабливал полученные данные к ленинским группировкам по зажиточности крестьянских хозяйств, чтобы выявить социально-экономическое лицо бедняков, середняков и кулаков. Труд не малый, и он должен быть поставлен в заслугу диссертанту.

П.А. Шацкий начинает свое изложение с определения круга источников, которыми он пользовался. Сжато характеризует он архивные фонды, изученные им, дает им критическую оценку и помогает читателю определить ту доказательную силу, какую имеют приведенные данные. Методологической основой автор берет, конечно, классические работы В.И. Ленина: «Развитие капитализма в России», «Аграрный вопрос в России к концу XIX века», «Аграрная программа с.-д. в первой русской революции» и другие. Применяя систему расположения цифровых данных по ленинскому образцу, автор получил возможность полного и точного сопоставления Ставрополья с теми районами

России, которые специально исследовались В.И. Лениным. Автор ничего не доказывает цитатами; он исследует факты, анализирует цифровые таблицы и сопоставляет свои результаты с выводами В.И. Ленина, отчего у читателя получается полная уверенность в правильности всех выводов диссертации. Автор отмечает, что В.И. Ленин исследовал почти исключительно развитие капитализма «вглубь», то есть изучал рост капиталистического земледелия и капиталистической промышленности на данной определенной и замкнутой территории. Изучение развития капитализма «вширь», то есть распространение его на новые территории, по словам В.И. Ленина, имело чрезвычайно важное значение. «Сколько-нибудь полное изучение процесса колонизации окраин и расширения русской территории с точки зрения развития капитализма потребовало бы особой работы». (Соч. Т. III. Стр. 522). Вот частью такой большой, особой работы и является диссертация П.А. Шацкого. Автор много внимания уделяет истории крестьянского землевладения и землепользования — надельного и арендного — и особо останавливается на положении так называемых «иногородних» — крестьян-переселенцев из других губерний, не получивших земельных наделов и совершенно бесправных. П.А. Шацкий приводит яркие факты, рисующие бедственное положение этой группы крестьянства.

Ставропольский краевой госархив хранит в своих недрах гораздо большее количество архивных материалов, нежели их использовал автор. Диссертант напрасно так кратко изложил историю «иногородних». Во-первых, эта группа крестьян была достаточно велика (около 100 000 душ), во-вторых, «иногородние» были не только неисчерпаемым резервом батрачества, но и потенционально наиболее революционно настроенной частью крестьянства, что и выявилось в революции 1905—1907 годов и в Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года также в последующей за ней гражданской войне. Автор дает правильную оценку помещичьего хозяйства на Ставрополье в послереформенный период. Уже к началу 70-х годов XIX века у ставропольских помещиков осталось меньше 2 % удобной земли от общего земельного фонда губернии. Как правильно указывает объяснительная записка к отчету о деятельности Ставропольского отделения государственного банка за 1895 год, здесь нет дворянского землевладения в строгом смысле слова. Крупными землевладельцами были здесь крестьяне-собственники. Тем интереснее было бы познакомиться по материалам хозяйственных обследований, которые проводились банковскими инспекторами перед выдачей ссуд из банка, с тем, как вели хозяйство эти новые землевладельцы. Неиспользованным оказался и фонд № 323 (выдача владенных записей государственным крестьянам (1874—1881 годы). Конечно, от этих, может быть, невольно допущенных, пробелов основные выводы диссертации не пострадали, но яркость и доказательность изложения, несомненно, несколько ослабла. Хорошо и живо описаны волнения крестьян в селе Дербетовском, причем дано не только описание событий, но изучена также вся обстановка, приведшая к открытому выступлению крестьян.

В дальнейшем П.А. Шацкий рассматривает вопросы переселения крестьян на Ставрополье, применения наемного труда в сельском хозяйстве, машин и усовершенствованных орудий труда, уплаты крестьянами податей и выполнения ими различных повинностей. Данные о подворном распределении рабочего скота в Ставропольской губернии убедительно доказывают быстрые темпы разложения крестьянства. Здесь быстро росло число бедняцких хозяйств. Количество их значительно пополнялось еще и притоком «иногородних».

Весьма интересно сопоставление цифр роста сельхозмашин (в рублях) по 50 губерниям Европейской России и по Ставрополью.

В.И. Ленин установил, что в центральных губерниях за 18 лет применение машин увеличилось в 3,5 раза, а за 20 лет в Ставропольской губернии число машин возросло более чем в 16 раз. Вывод весьма убедительный, однако следует заметить, что автор взял для сравнения не совсем одинаковые отрезки времени: у В.И. Ленина взяты данные за 1876—1894 годы, а в работе П.А. Шацкого — за 1882—1902 годы. Между тем известно, что в 90-е годы XIX века и первые годы XX века темп развития капиталистических отношений значительно ускорился.

Автор правильно подчеркивает, что рабочей силой кулацких хозяйств была сельская беднота и «иногородние», массами приходившие ежегодно на заработки из центральной России. П.А. Шацкий сообщает много интересных данных о положении этих пришлых рабочих, о переселенческой политике царского правительства, о массовом расхищении царскими чиновниками свободных государственных земель, о тяжких страданиях и жертвах переселенцев, о большой смертности среди них и т.д.

К числу основных недочетов этой главы следует отнести некоторую оторванность изложения от общей реакционной политике царского правительства. Автор рассматривает положение крестьянства, определяет тяжесть податного обложения, тяжесть повинностей, лежавших исключительно на сельском населении. Результатом тяжести налогов и повинностей был рост недоимок. Приведена и таблица, причем оказывается, что платежи крестьян Ставропольской губернии, равно как и недоимки с них, были значительно ниже, чем у крестьян центральной России. Автор приводит интересные фактические данные о действительной тяжести налогов и платежей по отдельным селам и районам; однако он совершенно не ставит вопроса о тяжести косвенного обложения, о политике дворянского правительства и этой области. Здесь особенно ярко сказалась реакционно-помещичья политика угнетения крестьян. Достаточно привести два-три примера: налог на кофе, который пьет барин, составляет

15—20 % с цены, а чай, потребляемый широкими народными массами, обложен был от 50 до 100 % с цены. Налог на заграничные паспорта так и не был введен в действие, а вместо этого увеличен был гербовый сбор на 3,5 миллиона рублей. Махорка обложена была на 50 % с цены, а с железа взимался налог в 25 % цены. Путаница в смете доходов и расходов была такая, что действительное положение бюджета в 80-х годах XIX века не было известно и самому Министерству финансов. Это совершенно ясно делается всякому, кто ознакомится с трудом И.И. Кауфмана — «Статистика государственных финансов России». (Официальное издание Центрального статистического комитета.)

Наконец, автор изучает вопросы развития товарного животноводства, развития капиталистического сельского хозяйства в конце XIX и начале XX века. Очень показательны рост товарного зерна и влияние строительства железных дорог в крае на хлебную торговлю. Автор убедительно доказывает, что земледелие принимало здесь все более торговый, предпринимательский характер. В 70—80-х годах главным рыночным продуктом на Ставрополье были продукты животноводства. Крупный рогатый скот шел в Москву и Петербург. Автор приводит весьма убедительные данные о размерах торговых операций со скотом. С проведением Владикавказской железной дороги торговля скотом приобретает еще более широкий размах. Кроме рогатого скота, разводят тонкорунных овец. Отмечает автор и примитивный, экстенсивный характер животноводства. Но по мере роста спроса на пшеницу и ячмень на внутреннем и внешнем рынках ставропольские землевладельцы всё больше переходят к возделыванию зерновых культур, и в конце XIX и начале XX века Ставрополье заняло по производству зерна одно из ведущих мест на Северном Кавказе. Диссертант доказывает это убедительными цифрами и выводы свои строит на строго фактическом материале. Для большей яркости своих положений П.А. Шацкий сопоставляет цифры по Ставрополью с данными, которые приводит В.И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России». В этой главе как фактический материал, так и его обработка и выводы не могут вызвать возражений со стороны читателя. Автор вполне доказал свое умение работать, над архивным материалом, обнаружил способность конструктивно использовать первоисточники, применяя строго научный марксистско-ленинский метод. В этом его большая заслуга. Однако и в этой главе не все стороны вопроса освещены с достаточной полнотой. Например, диссертант отметил, что хлебная торговля получила большой толчок к развитию от постройки железных дорог и, в частности, от сооружения Владикавказской железной дороги в 1875 году. Такое чисто формальное упоминание совершенно недостаточно. Акционерное общество Владикавказской железной дороги — это огромное капиталистическое предприятие, оказавшее на экономическое развитие Кавказа большое влияние. К концу XIX века Владикавказская железная дорога превратилась в целый монополистический комбинат, имевший в своем распоряжении ряд подсобных предприятий: Грозненские нефтяные промыслы, Новороссийский порт, Ростовские железнодорожные мастерские. Этот комбинат оказывал могущественное давление на экономику края. Нельзя забывать указание В.И. Ленина, что «русский капитализм втягивал... Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости, — создавал себе рынок для своих фабрик. (Соч. Т. III. Стр. 521). В 90-х годах XIX века распашки на Северном Кавказе, особенно в районе железной дороги, удвоились и утроились и количество товарного хлеба составляло 50 — 60 % валового сбора. Вырос ряд новых городов: поселок Романовский (ныне город Кропоткин), Новороссийск, Армавир, Тихорецкая, Невинномысск выросли из небольших станиц в обширные поселки городского типа. За 30 лет эксплуатации Владикавказской железной дороги ее грузооборот вырос более чем в 91 раз, а перевозки хлеба выросли более чем в 43 раза. Удельный вес хлебных перевозок в общем грузообороте сократился более чем в два раза, что свидетельствует о росте промышленного производства. Из сказанного явствует, что автору следовала бы полнее использовать данные о Владикавказской железной дороге, так как к началу XX века ее протяженность достигала 2332 верст, все железные дороги Кавказа принадлежали ей. Здесь приходится повторить то, что говорилось о косвенных налогах. Диссертант не обязан отвлекаться от своей основной темы, ему не нужно было давать исследование о Владикавказской железной дороге, но ему следовало учесть в своей работе влияние на развитие сельского хозяйства такого мощного капиталистического гиганта, каким было «Акционерное общество Владикавказской железной дороги».

В заключение остановимся на более мелких недочетах работы П.А. Шацкого. Автор, цитируя журнальные и газетные статьи и заметки, не дает себе труда прибавить, что собой представляет цитируемая статья: заметка ли это хроникального характера, официальный отчет, правительственное постановление или письмо собственного корреспондента. Ведь научная ценность этих печатных материалов неодинакова, а, следовательно, различна и их доказательная сила. (См., например, 68, 121, 139, 141, 252 стр.). Вторым, более существенным, недостатком являются некоторые пропуски в библиографии. Автору осталась неизвестной «Пояснительная записка к проекту сооружения Ейской железнодорожной ветки» (Ейск, 1894 год). Много данных по экономике сельского хозяйства конца XIX и начала XX века сообщает и брошюра «Записки о потерях города Ставрополя в случае его обхода новыми железнодорожными линиями», изданная в Ставрополе в 1910 году.

Таковы положительные и отрицательные стороны данной работы.

Из всего сказанного явствует, что диссертация П.А. Шацкого обладает значительными достоинствами для освещения важной и интересной темы; использован богатый архивный материал; автор прекрасно изучил труды классиков марксизма-ленинизма и на этой теоретической основе дал хорошее и добросовестное исследование важнейшего переломного периода и истории крестьянства Ставропольского края.

Несколькими годами раньше работы П.А. Шацкого была написана работа Е.А. Мохова, хронологически продолжающая историю Ставрополья[2]. Своей теме он предпослал историко-экономический обзор развития Ставрополья в конце XIX и в начале XX веков. Однако его обзор не отличается глубиной. Для автора больший интерес представляла деятельность революционных организаций, воззвания, листовки, постановления и резолюции. В этой части диссертация Е.А. Мохова дает много новых фактов и подробно излагает ход событий до половины 1906 года. Подобно Ю.И. Серому, который мало связывал революционные выступления железнодорожников с крестьянским революционным движением, Е.А. Мохов опустил ряд весьма показательных деталей этого рода.

Автор рассматривает развитие сельского хозяйства в губернии и отмечает земледельческо-скотоводческий характер ее хозяйства. В работе использованы свежие, еще не введенные в научный оборот архивные материалы, представляющие значительный научный интерес, и ценность. Однако следует отметить и некоторые недочеты: диссертант при обрисовке хозяйственного положения в губернии пользуется только итоговыми данными губернаторских отчетов. Такие общие данные не дали автору возможности выяснить некоторые важные вопросы. Так наиболее революционными элементами среди крестьян были, несомненно, наименее экономически обеспеченные слои крестьянства, так называемые «иногородние», которых было, как уже упоминалось, свыше 100000, и значительная часть ремесленников. На них-то и следовало бы автору обратить особое внимание. Конечно, у него были значительные трудности при исследовании положения иногородних: земских статистических обследований Ставрополье не имело, как не было здесь и самого земства, поэтому пришлось бы автору привлечь данные крестьянского и дворянского поземельных банков, которые, обследуя покупщиков, имели такие данные. Это, конечно, дело трудное, но результаты исследования для диссертации могли оказаться весьма ценными. Также и для изучения имущественного положения ремесленников и кустарей имеется богатый материал в фонде ремесленной управы; для изучения торговли и торговых оборотов надо было привлечь фонды податных инспекторов. Это придало бы первой главе больший исследовательский характер, раскрыло бы социальное лицо каждой группы населения, принимавшей участие в революционном движении 1905—1907 годов. Было бы желательно теснее связать местные события с разворотом революции во всей России. Совершенно не показана связь местных большевиков с руководящим центром, не дана характеристика действующим лицам, не показана в действии та группа большевиков персонально, которая работала на Ставрополье. Можно возразить, что партийные архивы не сохранились, но ведь автор мог воспользоваться судебными и жандармскими материалами Ставропольского архива или архивов центральных. От этого полнота сведений значительно выиграла бы.

В заключительной главе «Аграрное движение в Ставропольской губернии» диссертант приводит интересные и важные факты из истории крестьянского революционного движения на Ставрополье в 1905—1907 годах. Здесь всё интересно: и широкий размах движения, и упорство крестьян, и их стойкость в борьбе за землю и волю. Подлинным трагизмом веет от страниц диссертации, где автор описывает жестокую расправу с крестьянами, учиненную генералом Литвиновым. Следует отметить, что всё же автор не дал подробного исследования об этом аграрном движении. Так, мы не знаем, кто же из крестьян был во главе движения, какие элементы поддерживали революционные выступления, как происходили события в отдельных пунктах Ставропольской губернии, кто были те безвестные герои, которые вели эту отчаянную борьбу. Укажем некоторые второстепенные упущения: автор приводит в приложениях ряд таблиц, анализа же этих таблиц в тексте он касается лишь слегка, отсылая читателя к самим таблицам, Такой способ использования цифрового материала неудобен и нецелесообразен. Таблицы — основной материал для аргументации: их расшифровка и хотя бы важнейшие цифровые данные должны быть помещены в тексте.

Здесь уместно добавить, что хорошим дополнением к диссертациям Ю.И. Серого и Е.А. Мохова явилась статья доцента А.П. Чевелева — «Революционное движение 1905—1907 годов на Ставрополье», напечатанная в «Материалах по изучению Ставропольского края» (Вып. 7. Ставрополь, 1955 год, стр. 203—233).

В указанной статье дан более глубокий анализ социально-экономических отношений перед революцией 1905 года и привлечены новые документальные данные о крестьянском революционном движении. Это необходимое дополнение к диссертации Е.А. Мохова, хотя и обрисовавшего широкий размах движения, упорство крестьян и их стойкость в борьбе, но сделавшего это слишком сжато, не показавшего конкретно героев этой эпопеи.

Диссертация Е.А. Мохова завершает круг тем, посвященных дооктябрьскому периоду истории Ставрополья. Остается без монографического изучения тема столыпинской реформы и развития хозяйства края в 1907—1917 годах. Над этой темой работает доцент А.П. Чевелев.

Другие же историки Ставрополья сосредоточили свое внимание на изучении событий революции 1917 года, истории гражданской войны, восстановления хозяйства в 1921—1926 годах и установления колхозного строя.

В ряду указанных тем первое место занимает диссертация П.И. Иванько, посвященная установлению Советской власти и крае и последовавшей затем гражданской войне. Н.И. Иванько давно уже занимается этой тематикой; ему принадлежит ряд статей и брошюр о деятельности героя гражданской войны К. Трунова.

Диссертация Н.И. Иванько «Борьба трудящихся Ставропольской губернии против белогвардейцев и интервентов в 1918—1920 годах» состоит из введения, четырех глав и заключения. Автор использовал документальные материалы Ставропольского краевого архива, ЦГАОР, Института марксизма-ленинизма, кроме того, печатные материалы, журнальные и газетные материалы.

Первая глава посвящена изучению социально-экономических отношений в крае и изучению классовой борьбы трудящихся до Великой Октябрьской социалистической революции. Обзор этот автор написал очень кратко и ограничился приведением данных, характеризующих степень разорения хозяйства за время империалистической войны. Для целей автора, пожалуй, и не требовалось большего, однако рост революционных настроений среди крестьянства требовал бы большего внимания и более точных формулировок. Так, автор не поясняет, почему он говорит о выкупных платежах, по его словам, «несмотря на их отмену в 1906 году». Это не точно. Выкупные платежи указом 3 ноября 1905 года снижены были на 50 %, а в 1907 году отменены полностью. Почему ставропольские крестьяне, по утверждению Н.И. Иванько, платили их до начала мировой войны (стр. 5 автореферата), — не понятно. Не точно говорит автор и о предвоенных выступлениях крестьян. В Ставропольской губернии большие волнения среди крестьян вызвало введение земства. В автореферате говорится, что «крестьяне отказывались платить высокие земские налоги, изгоняли, избивали и убивали земских агентов, представителей власти, жандармов и полицейских, категорически отказывались участвовать в выборах крестьянских представителей в землеустроительные комиссии» (стр. 16). Здесь всё перепутано и свалено в одну кучу. Какие это «земские агенты», которых убивали крестьяне? И почему автор характеризует земство как «послушного и ревностного проводника реакционной политики царизма на местах?» Неужели автор не знает, что земские налоги в случае неуплаты взыскивала полиция, жандармы же были политической полицией и никакого отношения к взысканию налогов и земских платежей никогда не имели? Такие неточные формулировки неуместны в диссертации. На той же странице Н.И. Иванько пишет: «Царское правительство с началом войны ввело в Ставропольской губернии положение «чрезвычайной охраны». После революции 1905—1907 годов вся Россия была на положении усиленной или чрезвычайной охраны. Эти «охраны» так и не снимались вплоть до февральской революции 1917 года. Подобным образом нельзя признать точным выражение автора, что до февральской революции ведущей силой революционного движения на Ставрополье был пролетариат во главе с Коммунистической партией (стр. 6). Это не подтверждает автор ни одним фактом, ни одним примером. Из предыдущего изложения явствует, что в промышленности Ставрополья было занято 0,7 % всего населения, да и промышленность эта была кустарной и ремесленной (стр. 3).

Из второй главы мы узнаем, что значительная часть трудящихся Ставрополья «оказалась вначале в плену у мелкобуржуазных соглашательских партий и большевикам пришлось вести борьбу за влияние на массы в весьма трудных условиях» (стр. 7). Всё это делает утверждение автора о руководящем значении Коммунистической партии весьма мало убедительным.

Дальнейшее изложение истории событий на Ставрополье производит хорошее впечатление: автор тщательно изучил источники и очень ярко изображает первые шаги Советской власти, ожесточенную борьбу за упрочение Советской власти, героическую борьбу против контрреволюции и против интервентов вплоть до марта 1920 года, когда восторжествовала Советская власть.

Многие страницы весьма живо рассказывают о могучем партизанском движении.

Заключительная часть диссертации посвящена изложению истории активного участия ставропольцев в разгроме интервентов и изгнании их из русской земли.

Автор отмечает три формы в борьбе ставропольских трудящихся:

1) оказание продовольственной и материальной помощи Красной Армии;

2) отправка пополнений на фронты войны;

3) непосредственное участие ставропольцев в разгроме интервентов и белых в составе 6 кавдивизии I Конармии и 32-й дивизии XI армии Кавказского фронта.

В этой работе Н.И. Иванько мы имеем обстоятельное исследование истории гражданской войны на территории Ставрополья и на отдаленных фронтах, где действовали ставропольцы.

На тему, близкую к теме диссертации Н.И. Иванько, представлена была работа аспиранта Пятигорского педагогического института С.С. Давиденко — «Ставропольская партийная организация в борьбе за упрочение Советской власти» (октябрь 1917 — июль 1918 года).

Автор отмечает важность и актуальность своей темы и особый ее интерес.

Ставропольская губерния, одна из окраинных губерний южной России, была отсталой в промышленном отношении; здесь преобладало крупное землевладение и кулацкое хозяйство, здесь же было сосредоточено большое число так называемых «иногородних» крестьян, не имевших надельной земли и попавших в тяжелую кабалу к кулакам и помещикам; иногородние поставляли массу батраков и поденщиков. Ставрополье со всех сторон было окружено казачьими войсковыми землями (Донская, Кубанская, Терская области), где особенно сильны были контрреволюционные настроения. Это придавало особую остроту борьбе за установление и упрочение Советской власти. Таким образом, несмотря на местный характер темы диссертации, она выходит за пределы локальной тематики и имеет общенаучное значение. В этом несомненная ценность диссертации.

Используя архивные и печатные материалы, периодическую печать, автор исследует этапы борьбы Ставропольской губернской партийной организации за установление Советской власти, показывает ликвидацию буржуазной власти и создание советского государственного аппарата, ликвидацию буржуазной печати, контрреволюционных партий, проведение в жизнь декретов о земле, мире, национализации промышленности, говорит о борьбе трудящихся за хлеб, за упрочение Советской власти. Использовав материалы архива Института марксизма-ленинизма, АОР, Центрального архива Советской Армии, Ставропольского краевого госархива и Ростовского-на-Дону областного партархива, товарищ Давиденко делает вывод из изученного материала в соответствии с указаниями классиков марксизма-ленинизма, труды которых диссертант изучил довольно основательно.

Во введении автор дает социально-экономический анализ обстановки, сложившейся на Ставрополье накануне Великой Октябрьской социалистической революции. В автореферате, а в значительной степени и в самой диссертации, эта обстановка рисуется лишь общими фразами и поверхностно. Автор не дает характеристики тех исторических источников, которыми он пользовался. Он совершенно игнорирует влияние империалистической войны 1914—1918 годов на хозяйство Ставрополья и без анализа и критики берет данные сельскохозяйственной переписи 1916 года. Необходимо было сопоставить владение землей по отдельным группам крестьян и по посевам. Естественно, что после двух лет изнурительной войны посевы резко сократились. Автор не дает группировки крестьян по количеству находившейся в их владении земли.

В обзоре литературы, относящейся к его теме, С.С. Давиденко называет лишь две-три работы, опуская важнейшие труды своих предшественников. Так, на стр. 3 названы: Хитров — автореферат диссертации «Борьба за Советскую власть на Ставрополье 1917—1920 годов»; Попик — «Героическая борьба трудящихся Ставрополья за победу Советской власти» и сборник «20 лет освобождения Ставрополья от белых банд».

Не использованы в работе, хотя в списке литературы названы: Канюков — «Очерки о первых этапах развития коллективного земледелия 1917—1925 годов», М., 1949 год; Ф.М. Головенченко — «Гражданская война в Ставропольской губернии 1918—1920 годов»; Скрыпнев Н. — «1917 год в Ставропольской губернии»; «Итоги деятельности Советской власти в цифрах 1917—1927 годов».

Опущены также: Доклад ставропольского губернского комиссара по земельным реформам, заслушанный губернским Советом рабочих депутатов 12 февраля 1918 года, Ставрополь, 1918 год; журнал заседаний Благодарненского уездного съезда Ставропольской губернии по организации уездной власти, село Благодарное, 1918 год.

Это главнейшие исследования и материалы, относящиеся непосредственно к теме, которую избрал диссертант.

Дореволюционная экономика вообще освещена очень поверхностно, а ведь это-то основное, что предопределило и упорство крестьянского населения, и его борьбу за победу Советской власти, и ожесточенный характер этой борьбы, и весь ход событий на Ставрополье в 1917—1919 годах.

Далее автор говорит о Ставропольской парторганизации и ее борьбе за установление Советской власти. Он начинает главу с изложения теоретических основ марксизма. Это неплохо, но следовало бы теснее увязать эти теоретические положения с практикой Ставропольского края.

Глава первая написана в основном по материалам Ставропольского краевого архива и представляет значительный интерес. Заканчивается глава выводами, сформулированными не совсем удачно, так как они не связаны с приведенным фактическим материалом, а представляют собой общую характеристику политических успехов партии большевиков во всесоюзном масштабе.

К числу недостатков второй главы следует отнести игнорирование автором трудностей, с которыми пришлось бороться Ставропольской парторганизации, а их было немало. Укажу лишь на один факт, о котором автор не упоминает, — это начавшаяся гражданская война на Северном Кавказе. Уже в июне 1918 года белые банды Шкуро захватили значительную часть Ставропольской губернии, а в следующие месяцы и сами губернские органы власти должны были покинуть город Ставрополь. Об обстоятельствах всех этих событий автору диссертации необходимо было рассказать. Весьма ценные факты о деятельности Ставропольской партийной организации содержатся в докладе ставропольского губернского комиссара о земельных реформах в губернии. Доклад этот сделан был 12 февраля 1918 года на заседании Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и напечатан в том же 1918 году.

Подобным образом и в «Журнале заседаний Благодарненского уездного съезда Ставропольской губернии по организации уездной власти» содержатся весьма интересные данные по истории первых шагов Советской власти на Ставрополье. Оба эти документа, к сожалению, остались не известны диссертанту. Справедливость, однако, требует подчеркнуть, что автор работы использовал архивный материал по земельной реформе в Ставропольской губернии (стр. 192 и след.) в форме постановлений земельного отдела.

Третья глава диссертации «Борьба за хлеб в первой половине 1918 года — важнейшее мероприятие партийной организации в борьбе за упрочение Советской власти на Ставрополье».

Вторая и третья главы являются основными в диссертации. Но второй главе автор делает обзор мероприятий по организации Советской власти на местах и освещает историю проведения на Ставрополье законов новой власти о земле, национализации промышленности и проч. В третьей главе автор излагает историю борьбы за хлеб.

Сообщив, что в Ставропольской губернии хлебные излишки исчислялись в 43 миллиона пудов, С.С. Давиденко в дальнейшем говорит об организации продовольственного дела, структуре продовольственных органов. Ставропольская парторганизация ставила своей целью осуществление трех первоочередных задач:

1) централизовать продовольственное дело;

2) объединить пролетариат в деле организации продовольственного снабжения;

3) организовать деревенскую бедноту.

Главная особенность Ставрополья заключалась в том, что социальная опора Советской власти в Ставропольской губернии была несравненно сильнее, чем в Кубанской и Терской областях, также обладавших значительными хлебными излишками.

Автор сжато, но содержательно излагает историю борьбы за хлеб на Ставрополье. Однако и в третьей главе трудности, стоявшие перед Советской властью в Ставропольской губернии, не освещены автором с той полнотой, какой они этого заслуживают. Так, автор недостаточно осветил вопрос о работе комитетов деревенской бедноты, созданных в России на основании декрета от 11 июня 1918 года. С.С. Давиденко увлекся общими соображениями, что комбеды повсеместно в РСФСР сыграли большую роль в борьбе за хлеб, и совершенно не учел того, что комбеды в Ставропольской губернии не имели того значения, как в центральных областях: в июле большая часть Ставрополья была занята белогвардейцами, в том числе и город Ставрополь. В этот момент происходила реорганизация всего управления Северным Кавказом. Под руководством Серго Орджоникидзе 2 июля в Екатеринодаре (Краснодаре) открылся Первый партийный съезд Кубано-Черноморской республики и Ставропольской губернии. Этот съезд объединил все партийные организации Северного Кавказа в единое целое. Был избран Краевой комитет партии. Почти одновременно состоялся и съезд Советов, провозгласивший Северо-Кавказскую республику.

Тем временем советский фронт на Ставрополье испытывал большой нажим белых банд. В мае 1918 года белый генерал Алексеев предъявил Медвеженскому уездному Совету Ставропольской губернии ультиматум —упразднить Советскую власть. Ультиматум был отвергнут. Так образовался Медвеженский фронт. Ставропольский губисполком послал отряд в 15 000 бойцов. 3 июня был издан декрет о мобилизации в Красную Армию. Но кулаки и их агентура, меньшевики и эсеры саботировали декрет о мобилизации, в чем им помогал предатель генерал Руднев, заведовавший оперативным отделом Главного Ставропольского штаба. В результате этого саботажа по Ставрополью в разных местах вспыхнули эсеровские восстания офицеров и кулаков. Положение на Медвеженском фронте ухудшалось, декрет о мобилизации пришлось отменить. Деникинцы прорвали Медвеженский фронт. 10 июля Шкуро был уже в Ставропольском уезде и начал наступление на самый город. В Ставрополе вспыхнул контрреволюционный мятеж. 21 июля Ставрополь был взят белыми. Хотя с августа организуется на Ставрополье партизанское движение, оно не могло поправить положения, несмотря на двукратные попытки партизан взять Ставрополь. Только в самом конце октября Таманская армия выбила белых из Ставрополя. Не удивительно, что комбеды на Ставрополье не были так широко организованы (на всю губернию их было около 30), как это было бы, если бы не было описанных событий. Они не только не могли оказать «большой помощи», как пишет автор (стр. 13 автореферата), но и вообще нужной поддержки власти дать не могли. Игнорирование автором реальной обстановки в губернии в первой половине 1918 года привело к явному искажению исторических фактов. За всем тем глава написана на основании архивных материалов Ставропольского краевого архива и дает научно-правильное освещение этой героической борьбе за хлеб.

Положительной стороной диссертации является также хорошее освещение некоторых вопросов партийного и советского строительства периода 1917—1918 годов.

Таким образом, мы имеем две солидные работы по истории революционного движения и гражданской войны. Это диссертации Н.И. Иванько и С.С. Давиденко; но этим не исчерпывается список диссертаций, посвященных данному периоду.

В конце сороковых годов в Ростовском университете П.И. Хитровым была защищена диссертация — «Борьба за Советскую власть на Ставрополье в 1917—1920 годах», а в 1953 году И.В. Ко-

рольков защитил в Московском областном педагогическом институте диссертацию «Победа трудящихся масс Терека над интервентами и внутренней контрреволюцией в 1918—1920 годах».

Работа П.И. Хитрова состоит из 6 глав и заключения. Автор использовал, кроме литературы печатной, неопубликованные документы Центрального госархива Октябрьской революции (ЦГАОР), архива Красной Армии (ЦГАКА), Ростовского областного партархива и Ставропольского краевого госархива. К сожалению, в автореферате нет ни одной ссылки на архивные материалы, нет характеристики архивных документов, нет указаний, что именно дали автору те или иные архивные дела.

Автореферат изображает революционный переворот как сплошное триумфальное шествие трудящихся от победы к победе. Если и были трудности и неудачи, то это дело случайное и легко преодолевалось партией. Это, конечно, не так было в действительности: гражданская война на Ставрополье носила весьма ожесточенный характер. Трудящиеся Ставрополья, как и всей России, пролили много крови, вложили много труда, пока добились победы. Ничего этого не показал автор в своей диссертации. Для примера приведем один факт, свидетельствующий о том, что П.И. Хитров не всегда задумывался над анализом исторических, событий, не вникал в обстоятельства, о которых он сам говорит в своей работе.

В первой главе автор характеризует социально-экономическую обстановку на Ставрополье накануне борьбы за Советскую власть, приводит цифры, показывающие, что средний размер земельного надела, посева и собираемого урожая, а также поголовья скота на душу населения «был выше, чем во многих других областях и губерниях сельскохозяйственного юга России» (стр. 3 автореферата). Для автора важны «средние числа», которые ничего не дают, что убедительно доказал В.И. Ленин. Если средние числа свидетельствуют о зажиточной жизни ставропольских крестьян, то кто же тогда шел за большевиками? Автор не задумывается над этим.

В диссертации встречаются прямые ошибки и неточности. П.И. Хитров, подобно товарищу Иванько, о чем было сказано выше, говорит о каких-то «выкупных платежах вплоть до 1914 года».

Автор приводит данные о снижении количества посевных площадей в 1916 и 1917 годах, беря военные годы за пример общего упадка крестьянского хозяйства, что конечно, также неверно. Тем не менее диссертация П.И. Хитрова имела то положительное значение, что она подвела общий итог изучению периода гражданской войны ко времени написания данной работы. После этого стало ясно, что необходимо более глубокое изучение новых материалов, что нельзя ограничиваться общими итогами.

Диссертация И.В. Королькова только отчасти касается Ставрополья. Основной интерес автора относится к территории, выходящей за пределы границ края.

Автор старался показать организующую роль американских империалистов в нападении интервентов на молодое советское государство. Для выполнения этой задачи необходимо было привлечь иностранные источники: как официальные протоколы заседаний конгресса, английского и французского парламентов, так и журнальные и газетные статьи того времени. И.В. Корольков этого сделать не мог, поэтому его труд во многом носит голословный, декларативный характер.

Международные отношения 1918—1920 годов очень сложны и динамичны, многие вопросы ставились по-разному, и постановка их менялась быстро, в течение короткого времени. Поэтому для освещения международной обстановки необходимо привлечь обширный и разнообразный материал. В доказательство своих положений автор часто ссылается на малоавторитетные источники (газетная заметка, сообщение селькора). Для подтверждения фактов времени 1919—1920 годов И.В. Корольков ссылается на журнальную статью 1952 года (стр. 83, 42 и др. автореферата). Автор затрагивает вопросы национальной политики белогвардейцев и очень мало использует так называемую «Терскую конституцию» (стр. 106 и след). Важный и интересный вопрос о провале деникинской земельной политики также освещен поверхностно. Однако в освещении хода военных событий, партизанского движения автор имеет значительные достижения, и в основном диссертация производит солидное впечатление.

Периоду гражданской войны на Северном Кавказе, в том числе и на Ставрополье, посвящена еще диссертация бывшего преподавателя Ставропольского пединститута Г.К. Долунца — «С.М. Киров на Северном Кавказе». Но, к сожалению, диссертация эта не обсуждалась на исторических кафедрах пединститута, автор даже не позаботился прислать в институт автореферат своей диссертации, поэтому я лишен возможности реферировать эту работу и дать ей хотя бы общую оценку.

Периоду восстановления хозяйства после гражданской войны посвящена работа старшего преподавателя института Т.И. Беликова.

Диссертация Т.И. Беликова представляет собой сжатое, компактное исследование по истории Ставрополья в чрезвычайно важный и интересный период истории советского государства. Тема ее: «Борьба трудящихся Ставрополья за восстановление сельского хозяйства в 1921—1926 годах».

Главной особенностью представленной работы является тщательность исследования экономической и политической жизни Ставрополья по материалам, требующим для своей обработки массу труда и времени. Автор пересмотрел и изучил большое количество архивных материалов, газет, журналов, статей, монографических исследований, статистических сборников, обзоров, отчетов, протоколов, решений и прочих официальных, и неофициальных изданий, трудов и сочинений.

В результате получился солидный историко-экономический очерк, рисующий Ставропольский край в один из ответственейших моментов истории. Автор правильно замечает, что исследуемый период 1921—1925 годов — важная веха в истории нашей Родины; не пройдя его, партия не могла практически ставить вопрос о строительстве социализма в нашей стране (1—2 стр.).

Однако этот этап важен не только в истории нашего Отечества. НЭП — не только чисто русский исторический процесс; он закономерно неизбежный этап социалистического строительства во всех странах.

Исходя из изложенного необходимо подчеркнуть важность и актуальность темы, выбранной автором для своей диссертации.

В первой главе, где автор изучает состояние сельского хозяйства Ставропольской губернии накануне перехода Советской республики к восстановлению народного хозяйства, дана краткая характеристика положения сельского хозяйства в губернии до Великой Октябрьской социалистической революции и в период становления рабоче-крестьянской власти до 1920 года включительно. Автор привлек большое количество совершенно нового, впервые им использованного материала и умело сочетал этот новый материал с теми данными, которые были уже привлечены к делу первыми исследователями истории Ставрополья этого периода (Головенченко Ф.М. и другие).

Т.И. Беликов приводит цифровой материал и материал переписей 1916 и 1920 годов, сопоставляет эти цифры по посевным площадям и по владению скотом и наглядно показывает как степень разорения сельского хозяйства в результате двух изнурительных войн — империалистической и гражданской, так и хозяйственные успехи в восстановлении экономики в результате мероприятий Советской власти после ее установления.

Необходимо здесь отметить, что диссертант, использовав в своей работе первоисточники, сумел отразить результаты исследования и в автореферате своей диссертации. Такое точное отражение текста диссертации в автореферате не всегда приходится наблюдать в нашей практике, весьма часто автореферат состоит из общих фраз и цитат классиков марксизма. В работе Т.И. Беликова мы имеем счастливое исключение.

Вторая глава диссертации также очень интересна и обнаруживает умение автора дать сжатую, точную и марксистски выдержанную характеристику изучаемых явлений. Автор в начале главы сообщает основные показатели упадка промышленности сельского хозяйства по всей России, затем сопоставляет данные по Ставрополью, приводит факты выражения недовольства политикой продразверстки и подчеркивает, что НЭП был принят не вследствие внезапного, навязанного случайными обстоятельствами решения, а вытекал из существа политики Советской власти. НЭП был поставлен на очередь еще в начале 1918 года в статье В.И. Ленина (Соч. Т. XXXII. Стр. 210). Обрисовав внутреннюю и внешнюю политическую обстановку и изложив обстоятельства борьбы В.И. Ленина за профсоюзы и крестьянство против уклонистов и врагов партии, Т.И. Беликов переходит затем к изучению условий борьбы за новую экономическую политику на Ставрополье. Автор тщательно изучает данные, характеризующие политику Советской власти на Ставрополье, и отношение трудящихся масс к этой политике. Так, он приводит размер продразверстки (20675000 пудов) и продналога (1335361 пуд). Понятно, что трудящееся крестьянство с большой радостью встретило новую экономическую политику. Автор приводит интересные данные о ликвидации антисоветских настроений и кулацких банд, рисует картину широкой разъяснительной работы, проделанной на Ставрополье агитаторами и пропагандистами (стр. 102). Все эти меры повели к мощному подъему трудовой активности крестьянства. Уже в весеннюю посевную кампанию 1921 года трудовое крестьянство засеяло 620697 десятин земли, то есть почти на 100000 десятин больше, чем в предыдущем году. В совхозах площадь посева увеличилась в 2,5 раза, а в колхозах — в 27,5 раза. Автор приводит интереснейшие данные об оказании помощи крестьянам Ставрополья. В особую заслугу автору следует поставить его постоянное стремление показать роль и творческую активность, масс. Он всегда старается поднять глыбы первичных архивных материалов: протоколы совещаний съездов, пленумов и очень редко ограничивается итоговыми материалами газетного характера. Так, например, в 1 главе, говоря о социализации земли, Т.И. Беликов приводит данные о переименовании земельных комитетов в земельные отделы и сообщает о конкретной работе многих зем. отделов (Терновка, Дубовка и др.). На стр. 25 сообщает данные о прирезке земель по многим селам. На стр. 16—19 приведены интересные детали об установлении Советской власти. Точно так же конкретные факты приведены Т.И. Беликовым о внутренней жизни партийной организации Ставрополья, по поводу профсоюзной дискуссии (69—74 стр.), об агрономических мероприятиях (43—46 стр.).

Во второй главе приведен прекрасный и детальный фактический материал о падении урожайности (стр. 120), о мерах борьбы с голодом (стр. 124—127), о землевладении (стр. 137—140) и др.

Третья глава — «Итоги борьбы трудящихся масс Ставропольской губернии за восстановление сельского хозяйства к концу восстановительного периода» (1923—1925 годы) — самая интересная и ценная в научном отношении.

Здесь приведен большой фактический материал, свидетельствующий о громадной работе трудового крестьянства под руководством партии по восстановлению сельского хозяйства. Автор очень

хорошо осветил работу правительственных органов по землеустройству. Прекрасно показаны мероприятия Советской власти по организации «смычки с селом». Интересны приводимые цифры затрат правительства по землеустройству. Так, по Ставрополью только в 1923—1925 годах на землеустройство было отпущено 114920 руб. золотом. Эффективными были и результаты этих мероприятий — расстояние от усадьбы крестьян до надела уменьшилось в среднем в 3 раза, а чистый доход на одно хозяйство увеличился на 64,75 рубля. Увеличилось число агрономов; в агрономические мероприятия вовлечено было 40,7 % населения губернии. Подготовлено специалистов сельского хозяйства 6222 человека. Увеличились урожаи, обводнено 20 % всей территории губернии.

Очень хорошо показано изменение налоговой политики, что значительно облегчило положение крестьян. Большая работа была проделана по укреплению кооперации. Укреплены были органы власти на местах — Советы. Все эти стороны жизни прекрасно освещены автором с привлечением местного архивного и печатного материала.

Свою диссертацию Т.И. Беликов начал с характеристики архивных фондов и отдельных дел и «единиц хранения». Эта, казалось бы на первый взгляд незначительная, деталь на самом деле вскрывает важную положительную сторону всей диссертации: работа построена на тщательном изучении большого архивного материала; просмотрено около пятидесяти пяти архивных фондов и из них непосредственно изучено и использовано 35. Автору в его работе сопутствовала особая удача: ему удалось отыскать и изучить ряд архивных материалов первостепенной важности, которые многими считались утерянными безвозвратно.

Так, автор нашел и использовал в своей диссертации интересные материалы о профсоюзной дискуссии 1921 г. (ГАСК, ф. 404, д. 157 и Отчет Ставропольского губернского совета профсоюзов к III губернскому съезду профсоюзов).

Подобным же образом впервые сообщено в диссертации о посылке к В.И. Ленину делегации крестьян Ставрополья; приведена таблица урожайности зерновых за 20 лет (стр. 119—120). Кстати, надо отметить, что автор приводит лишь среднеарифметический процент урожайности, а не средневзвешенные величины, как бы следовало. Кроме того, среднеарифметический процент по пшенице в таблице показан неверно. Следовало 49,4, а не 46,9, как показано на стр. 119.

Автор составил прекрасную библиографию истории изучаемого периода, привлек уникальные издания и умело их использовал. Во всем вышеуказанном несомненная и большая научная заслуга диссертанта. После работы Т.И. Беликова ни один автор, пишущий по истории Ставрополья за период 1921—1925 годов, не сможет пройти мимо выводов диссертации Беликова или игнорировать материалы и факты, использованные им в своей работе.

Работы историков должны быть построены на широком фундаментальном фактическом основании, но вместе с тем должны сочетаться с теоретическими выводами и обобщениями. Диссертация Т.И. Беликова в значительной мере обладает этими признаками. Пусть тема ограничена незначительной территорией Ставропольской губернии, пусть изучаемый период охватывает Небольшое количество лет, но ведь это всего кандидатская диссертация и в ней диссертант обнаружил умение разобраться в обширном материале, удачно его сгруппировал, сопоставил, привлек всю необходимую литературу и на прочном фундаменте марксистско-ленинской теории сделал правильные обобщения и выводы. В этом его несомненная заслуга.

Однако не следует думать, что диссертация Т.И. Беликова свободна от недочетов и промахов. Несмотря на то, что самая архитектоника работы в общем выдержана в надлежащих пропорциях и главы заключают в себе соразмерное содержанию число страниц (I и II — 135 стр., а III — как наиболее важная по содержанию — 122 стр.), в третьей главе содержатся факты и сведения, которым уместнее было бы быть в I главе. Именно I глава трактует о развитии дореволюционного сельского хозяйства, и логически в ней же поместить и анализ данных таблиц, помещенных в III главе на страницах 127 и 128. Для сопоставления же цифровых показателей упадка сельского хозяйства в связи с голодом 1921 года достаточно было бы сослаться на две-три цифры. Вообще следует отметить слишком краткий очерк хозяйственного развития Ставрополья в предреволюционный период и во время установления Советской власти. Автор имел в руках замечательный материал из истории хозяйственного развития Ставрополья и политических событий 1917—1921 годов. К сожалению, он очень сжато подал первую главу (не охарактеризовано в полной мере землепользование, положение так называемых «иногородних», влияние и значение столыпинского землеустройства и многое другое). Об этом можно пожалеть, так как соображение краткости вводной главы лишило возможности полностью оценить всё то, что сделала Советская власть в восстановительный период 1921—1925 годов.

Перехожу к более мелким недочетам. Прежде всего следует категорически возразить против метода глухих ссылок на газетные материалы. Об этом я уже говорил, рассматривая диссертации других авторов. Правда, следует признаться, что в самом тексте диссертации Т.И. Беликов большей частью поясняет, какой материал он использует, но это он делает далеко не всегда.

Второе замечание относится к ссылкам на архивные материалы. Многие факты, устанавливаемые автором, нашли отражение в разных фондах и разных документах архивных фондов Госархива Ставропольского края или Госархива Ростовской области или, наконец, в опубликованных

сборниках официальных материалов. Между тем автор не отражает в ссылках той работы, которую он проделал по сопоставлению и сравнению материалов разных фондов. Этого приема нельзя одобрить, так как диссертация автора, несомненно, будет служить и отравной точкой для многих краеведческих и общеисторических работ. С другой стороны, доказательная сила аргументов от этого сопоставления, несомненно, увеличилась бы.

Не свободен автор и от декларативных, мало убедительных утверждений. Так, например, на стр. 130, упоминая о деятельности пресловутой АРА, автор не приводит ни одного убедительного факта в подтверждение своих слов.

Подведем некоторые итоги. Как сказано было выше, диссертация Т.И. Беликова обладает значительными достоинствами и по выбору темы и по ее выполнению. Автор показал умение разобраться в сложных вопросах хозяйственного строительства, использовал большой архивный материал, дал верную историческую картину событий 1921—1925 годов на Ставрополье. Недочеты, отмеченные нами, легко устранимы и не умаляют научной ценности диссертации.

Следующий хронологический этап — переход к коллективизации сельского хозяйства на Ставрополье.

Ему посвящена диссертация В.А. Уланова — «Большевики Ставрополья в борьбе за ликвидацию кулачества как класса на основе сплошной коллективизации (1927—1931 годы)».

Работа состоит из предисловия, введения, первой главы «Большевистская политика ограничения и вытеснения кулачества»; второй главы, где рассматривается борьба за создание условий для перехода от политики вытеснения кулачества к политике его ликвидации как класса на основе сплошной коллективизации; третьей главы — «Большевики Ставрополья в борьбе за победу колхозного строя»; заканчивается работа заключением, где подводятся итоги изучения.

В конце работы помещен список литературы.

Как видно из сказанного, в работе соблюдена внутренняя стройность и логичность плана, что и следует поставить в заслугу автору.

Сама тема тоже выбрана удачно, так как рассматривается интересный и важный момент в истории нашей Родины.

Автор правильно отмечает, что эта тема «привлекала и продолжает привлекать внимание многих исследователей и ей посвящена обширная литература». Но тема далеко не исчерпана, так как мало работ, изучающих этот вопрос на основе местного материала.

Автор и ставит своей целью изучить проведение сплошной коллективизации на местном, ставропольском материале. Следует заметить, что с поставленной задачей автор прекрасна справился. В работе на материалах деятельности Ставропольской парторганизации показана теория коллективизации сельского хозяйства в действии. Дана картина проведения в жизнь ленинского учения о социалистической реконструкции сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Показана роль Советов, комсомола, кооперации, МТС в борьбе за социалистическое переустройство сельского хозяйства. Для успешного завершения диссертации: автор глубоко изучил в первую очередь труды В.И. Ленина. Во всей диссертации чувствуется уменье автора обобщать отдельные факты и наблюдения, давать им правильную марксистско-ленинскую оценку. Несмотря на большое обилие документального фактического материала, В.А. Уланов умело подчиняет этот материал теоретической мысли. Диссертация поэтому имеет стройное логическое построение, автор везде умело аргументирует свои положения, группируя факты и освещая их теоретическими обобщениями.

Во введении В.А. Уланов начинает свое изложение с выяснения принципиальных различий пролетарской и буржуазной революции и кратко излагает основные положения теории коллективизации сельского хозяйства. В заключительных строках введения автор совершенно правильно подчеркивает, что это краткое введение «не может претендовать на полное и всестороннее освещение всех вопросов теории коллективизации сельского хозяйства» и лишь привлечение местных, ставропольских, материалов позволит показать эту теорию в действии. Те теоретические вопросы, которые не были затронуты во введении или освещены в нем недостаточно, освещаются в последующих главах. Таким образом, конкретный фактический материал не отрывается от теоретических обобщений, что надо признать значительным достоинством диссертации.

В первой главе В.А. Уланов рассматривает большевистскую политику ограничения и вытеснения кулачества. Автор дает сжатый, но очень содержательный очерк истории строительства социалистических производственных отношений на Ставрополье. Уже самый выбор Ставрополья, как объекта исследования нельзя не признать удачным, так как Ставрополье и до первой мировой войны и после революции было типичным сельскохозяйственным районом: в 1929 году 92 % всего населения было занято в сельском хозяйстве; даже среди городского населения 22 % хозяйств занимались исключительно земледелием (16—17 стр.). Далее в главе говорится о том разорении, которому подверглось Ставрополье в первую мировую войну и во время гражданской войны. Автор приводит весьма показательные цифры упадка сельского хозяйства (сокращение посевных площадей на 74,4 %, уменьшение поголовья скота на 55,5 %, понижение урожайности). Далее дис-

сертант показывает, какую огромную помощь получило крестьянство Ставрополья от Советской власти деньгами, семенами, инвентарем. Автор привлек свежие, неопубликованные материалы из Ставропольского краевого архива, газетные данные и официальные отчеты. Глава написана живо и читается с большим интересом. К числу недочетов, замеченных в этой главе, отношу сравнительно малое внимание, проявленное автором к проведению в жизнь Ленинского кооперативного плана. В этой главе автор уделил больше внимания мерам прямого воздействия на кулаков, чем организации той общественно-экономической силы, которая неминуемо должна была уничтожить последний в СССР эксплуататорский класс. Второй недостаток состоит в том, что автор и этой главе (да и в остальных главах) использует газетный материал, иногда не давая необходимых сведений. Например, на стр. 30 автор сообщает, что из всех хозяйств края 15,4 % составляли кулацкие и зажиточные хозяйства, на которые, в 1928—1929 годах падало 59,1 % всей исчисленной по краю суммы налога. Эти цифры взяты из газеты «Молот» № 2261 от 12 февраля 1929 года. Для критической оценки этих данных совершенно не безразлично, взяты ли эти сведения из обзорной статьи в газете или авторитетного доклада на съезде, из официального отчета или из простой хроникальной заметки селькора. Глухая ссылка на газету лишает читателя возможности оценить значение сообщаемых фактов. Таких ссылок немало в работе (например, на стр. 41, 42, 62, 98 и др.), хотя есть и сообщения о более точных источниках: например, на стр. 28 автор ссылается на доклад товарища А.А. Андреева на V Северо-Кавказской краевой конференции ВКЛ (б), напечатанный в той же газете «Молот» № 2276 от 1 марта 1929 года.

Вторая глава представляет собой исследование создания условий для перехода от политики ограничения и вытеснения кулачества к политике его ликвидации как класса на основе сплошной коллективизации. Глава дает богатый материал для показа того, как на Ставрополье создавались те условия, которые позволили осуществить план сплошной коллективизации и ликвидировать кулачество. Автор говорит, что Ставрополье в 1927 году было коллективизировано на 6,5 %, причем из 325 коллективных хозяйств 257 были товариществами по совместной обработке земли. Автор дает анализ этих коллективов: 82 % были бедняцкими хозяйствами, середняков было лишь около 17 %. В.А. Уланов исследует роль колхозов и показывает процесс организации их, руководящую роль партии, определяет значение на Ставрополье совхозов, которые действительно явились становым хребтом перестройки старого уклада деревни, выясняет громадную роль МТС как опорных пунктов социалистического переустройства, рассказывает о громадной разъяснительной и агитационной работе, проведенной партией, в результате которой и как итог всего — наступил великий перелом. Здесь автор приводит те данные, которые читатель хотел бы видеть в I главе, данные о начальных стадиях колхозного движения на Ставрополье. Однако и эти сведения даются лишь суммарно, без анализа тех условий, в каких создавались первые колхозы. Конечно, в этой главе и нельзя было дать такого анализа, так как глава имеет целью показать создание условий для сплошной коллективизации, а не рассказать начальную историю коллективизации. II глава написана также хорошо, приведен обильный архивный материал, сделаны правильные выводы и обобщения.

Очень отрадно отметить, что свои выводы по Ставрополью автор часто сопоставляет с общесоюзными итогами (например, данные по итогам коллективизации).

Во II главе приведены интересные данные о росте колхозного движения по Ставрополью, о финансовой помощи государства колхозам, о строительстве совхозов, о той роли, которую совхозы сыграли в организации колхозов. Автор отмечает интересный факт, что в районах расположения совхозов процент коллективизации всегда был выше, чем в других районах. Так, в районе Медвеженского совхоза № 18 многие сёла коллективизированы были на 95 — 100 %. Интересны данные, приводимые автором о техническом оснащении сельского хозяйства Ставрополья, о росте МТС. Всё это убедительно показывает, какую гигантскую работу проделала партия по переводу сельского хозяйства на социалистический путь развития. Автор приводит свои выводы по этой главе в соответствие к общему итогу коллективизации по СССР.

1. Под сельское хозяйство подведена прочная техническая база.
2. Весь СССР покрылся сетью колхозов, совхозов и МТС.
3. Создана возможность замены кулацкого товарного хлеба и других сельскохозяйственных продуктов колхозными продуктами.
4. Крестьяне убедились в преимуществах крупного социалистического земледелия.
5. Партия разгромила врагов колхозного строя, которые препятствовали строительству социализма.
6. Достигнута полная изоляция кулачества и его экономическое ослабление.
7. Окреп и усилился союз рабочего класса и крестьянства. Середняки и бедняки сплотились вокруг партии.
8. Партия организовала мощный подъем колхозного движения, а это позволило перейти к политике ликвидации кулачества как класса.

Все эти выводы вытекают логически из приведенных в главе фактов, выводы хорошо аргументированы и подкреплены анализом партийных указаний и директив.

Третья глава начинается изложением теоретического обоснования перехода от политики ограничения и вытеснения кулачества к политике ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. В этой главе показана величайшая битва с последним эксплуататорским классом — кулачеством на победу колхозного строя. После Пленума ЦК ВКП(б) в ноябре 1929 года, ориентировавшего партию «на выкорчевывание корней капитализма в сельском хозяйстве», крайком ВКП(б) Северо-Кавказского края в конце ноября принял постановление «О сплошной коллективизации Северного Кавказа», а в начале декабря этого же года — соответствующее постановление было принято и Ставропольским окружкомом.

В Ставропольском округе, как и в других местах Союза, имели место левацкие заскоки, против которых необходимо было принять срочные меры. Партия и ее Центральный Комитет приняли соответствующие меры, которые быстро исправили положение. Автор приводит интересные данные о работе партии и этом отношении. На борьбу с искривлениями партийной линии из одного города Ставрополя было послано в село 800 коммунистов, заменено было руководство Окрзу, переизбраны два председателя райисполкомов, некоторые председатели сельсоветов. Все эти меры дали возможность улучшить положение. Весной 1930 года Ставрополье было коллективизировано на 67 %, а колхозные посевы достигли 75 % всей посевной площади крестьян округа. Эта глава является центральной в диссертации. Она показывает ведущую роль партии в деле социалистической перестройки деревни. Много внимания уделяет автор и организационным мероприятиям по строительству колхозов (посылке в колхозы 25-тысячников, из которых в Ставропольском округе работало 267 человек из Москвы, Одессы, Днепропетровска и других промышленных центров, чистке партийных рядов, культурной революции, перестройке партийной сети и др.). После XVI съезда партии приток крестьян в колхозы еще более усилился: к концу 1930 года Ставрополье было коллективизировано на 75 %, в каждом колхозе было в среднем 254 хозяйства.

И эта глава диссертации написана хорошо, построена она на изучении большого фактического материала, дает читателю интересную страницу из истории Ставрополья в знаменательную эпоху строительства социалистической деревни. Заканчивается глава подведением итогов коллективизации: к концу июля 1931 года Северный Кавказ был коллективизирован на 88 %, посевные площади колхозов составили 94 % всех посевных площадей. В 1931 году колхозы дали свыше 90 % всей товарной продукции сельского хозяйства края. Здесь имелось 130 МТС, 10000 тракторов, из которых 2000 работало на полях Ставрополья. Кулачество было ликвидировано и выслано за пределы края.

В заключении диссертации подводятся итоги всей работы и выясняется значение коллективизации не только для СССР, но и для дальнейшего развития мировой истории.

Таким образом, диссертация В.А. Уланова является самостоятельным исследованием истории коллективизации на Ставрополье. Она построена на твердом теоретическом основании марксизма-ленинизма, с привлечением документального и архивного материала.

Автор хорошо овладел литературой вопроса, показал умение проводить исследовательскую работу, аргументировать свои положения и пришел к правильным выводам.

Тесно примыкает к работе В.А. Уланова диссертация Ю.В. Новикова — «Комсомол Ставрополья — боевой помощник партии в борьбе за сплошную коллективизацию сельского хозяйства (1928—1930 годы)». Как пишет автор в автореферате, своей задачей он ставил «показать на примере комсомольской организации Ставрополья участие комсомола... в коллективизации сельского хозяйства» (стр. 1).

Диссертация написана главным образом на архивном материале архива ЦК ВЛКСМ, партийного архива Ростовского обкома КПСС, Ставропольского краевого и Ростовского областного государственных архивов.

В результате внимательного изучения архивных материалов, журнальных и газетных статей автор дал довольно полную картину деятельности комсомола за указанный период. Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения.

В первой главе обрисована борьба комсомольцев за выполнение решений XV съезда партии и подготовку условий для проведения сплошной коллективизации. Автор отмечает важное значение решения ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) 1928 года по докладу Северо-Кавказского крайкома партии о работе в деревне и постановления ЦК партии от 17 декабря 1928 года «О состоянии работы Ставропольской парторганизации». Ю.В. Новиков показывает на конкретных примерах активную роль ставропольского комсомола, выступившего 5 января 1929 года с призывом ко всем комсомольцам включиться во всесоюзный поход за урожай и коллективизацию деревни. Ставропольский комсомол и был инициатором проведения такого похода.

В дальнейшем изложении диссертант рассказывает о переходе партии к политике ликвидации кулачества на основе сплошной коллективизации, описывает участие комсомольцев в борьбе за дальнейшее развитие колхозного строя.

Автор приводит много примеров работы комсомольцев Ставрополья, приводит цифры, характеризует борьбу комсомольцев с искривлениями генеральной линии партии в колхозном строительстве, в цифрах показывает достижения комсомола в выполнении поставленных партией задач (чис-

ло комсомольских бригад, повышение производительности труда, передача лучших комсомольцев в партию, участие комсомольцев в проведении всеобщего обучения, организации хлебной эстафеты и многое другое).

Диссертант сумел избежать повторения и смешения фактов партийной жизни с фактами комсомольской деятельности. Ему удалось оттенить работу комсомола как активного помощника партии. В этом его заслуга.

Теневой стороной диссертации является стремление автора ограничиваться итоговыми данными, мало уделяет он внимания трудностям в работе комсомола, наконец, автор не дает анализа приведенным документальным данным и статистическим сведениям, по крайней мере это не отражено в автореферате диссертации.

Таковы важнейшие диссертации по истории Ставрополья.

Как видит читатель, они охватывают разнообразную тематику, имеют различную научную ценность, но нельзя отрицать, что историки Ставрополья проделали значительную работу и создали ряд сочинений, которые представляют историю трудящихся масс за полтора столетия, в частности, освещают классовую борьбу и революционные события XX века.

В особенности много внимания уделено истории гражданской войны и строительству социализма в нашем крае.

В свете руководящих указаний XX съезда КПСС теперь стало ясно, что сделано еще очень недостаточно, что предстоит еще большая работа по изучению, в первую очередь, истории советского общества и подведению итогов работы, проделанной за 40 лет Советской власти, что будет иметь большое значение для будущих исследователей истории родного края.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. Более подробный разбор брошюры В.П. Крикунова дан автором этих строк в газете «Ставропольская правда» за 1949 год, № 225 от 18 ноября.
2. Его диссертация на тему «Революция 1905—1907 годов в Ставропольской губернии».

Tåêñò è ïðèìå÷àíèÿ ïå÷àòàþòñÿ ïî èçäàíèþ:
Романовский В.А. Обзор диссертаций по истории Ставрополья за 40 лет Советской власти // Сборник трудов Ставропольского государственного педагогического института. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1957. — Вып. 12. — С. 3—34.

Â. Ï. ÊÐÈÊÓÍ Î Â. «ÊÐÅÑÒÜß Í ÑÊÀß ÐÅÔ Î Ð Ì À 1861 Ã Î ÄÀ Â ÑÒÀÂÐ Î Ï Î ËÜÑÊ Î É ÃÓÁÅÐ Í È È». ÐÅÖÅ Í ÇÈß Â.À. Ð Î Ì À Í Î ÂÑÊ Î Ã Î

Работа В.П. Крикунова «Крестьянская реформа 1861 года в Ставропольской губернии»* представляет собою, — как указывает автор, — переработанную для широкого круга пропагандистов, учителей, студентов и всех читателей кандидатскую диссертацию, защищенную в 1948 году. Тема работы, безусловно, заслуживает внимания и представляет интерес для читателей, прежде всего потому, что В.П. Крикунов взял на себя труд написать почти неисследованную в литературе историю крестьянства Ставропольского края в переломный момент его жизни.

Книга В.П. Крикунова имеет известную ценность. Она построена, главным образом, на архивном материале и дает яркие эпизоды из жизни крепостных крестьян, их борьбы против жестокой эксплуатации со стропы дворян, помещиков. В.П. Крикунов описывает издевательства дворян и помещиков над крестьянами, рассказывает о настроениях дворян перед реформой. Автор рисует революционную ситуацию, которая и была основной причиной крестьянской реформы. Он сообщает интересные сведения о проектах, выработанных помещиками для «освобождения» крепостных, дает оценку этим проектам.

При характеристике «Положения» 19 февраля 1861 года, равно как и при описании бытовых условий перед реформой и после нее, автор часто обращается к трудам классиков марксизма-ленинизма. Это, конечно, положительные черты его работы. Вообще описательная сторона книги сделала умело.

Содержание брошюры В.П. Крикунова не во всех ее частях одинаково ценно. Наиболее удачными местами следует признать главы о крестьянских выступлениях против помещичьего гнета, о подготовке реформы 1861 года и отчасти главу о самом проведении реформы.

Рассказывая о протестах крестьян против помещичьего гнета, автор использовал материалы, частично уже известные в науке, но дополнил их новыми данными и тем дал ценный описательный материал по истории крестьянских движений первой половины XIX века.

Глава о подготовке реформы 1861 года на Ставрополье также дает свежие сведения о дворянских настроениях и проектах «улучшить» быт крестьян, которыми владели и которых немилосердно эксплуатировали ставропольские крепостники-помещики. Очень интересны данные о крестьянских чаяниях и требованиях этого периода. В других главах хотя и используются некоторые новые материалы, но эти главы не исследуют глубоко и полно поставленных вопросов. Вот несколько замечаний но этому поводу.

Ставрополье имело свои особенности в быте и хозяйственном развитии. Эти особенности зависели, прежде всего, от окраинного положения губернии, обилия ее земельных просторов и крайне малой их заселенности. Вследствие этого крепостное население здесь было незначительным — всего 8000 ревизских душ (мужского пола).

Главная масса крестьянского населения принадлежала к категории так называемых «государственных крестьян». О последних автор ничего не говорит, хотя и этот разряд сельского населения подлежал его рассмотрению.

Отрывая крепостное население от основной массы, искусственно изолируя его, автор создал себе значительные трудности в объяснении многих сторон хозяйственной жизни крепостных крестьян. Так, например, не один раз автор упоминает об аренде крепостными угодий у «государственных крестьян», о работе по найму и проч. Автор только намекает об этих хозяйственных связях, но не выяснил их и не изучил.

Ограничив рамки своей работы только помещичьими крестьянами, автор мог сделать лишь узкие выводы. Незначительный в количественном отношении материал не позволял ему дать подробный анализ феодального хозяйства. В.И. Ленин в своем блестящем исследовании развития капитализма в России не раз подчеркивал важность тщательного изучения даже отдельных помещичьих имений. В.П. Крикунов от подобного тщательного изучения уклонился. Это повело к тому, что многие вопросы остались неосвещенными.

Так, например, товарищ Крикунов, по его словам, «дает анализ» крепостного крестьянского хозяйства. Что же это за анализ?

---

* В.П. Крикунов. «Крестьянская реформа 1861 года в Ставропольской губернии». Краевое книжное издательство. Ставрополь, 1949 год, стр. 82, цена 3 руб. 25 коп. (Прим. автора).

В этот анализ необходимо было бы включить такие важные вопросы, как определение числа барщинных и оброчных крестьян, величину оброка. Крайне важно было бы узнать, какова величина барской и крестьянской запашки и вообще земельное обеспечение крестьян, сколько у них было скота и как он распределялся по крестьянским хозяйствам. Как вел свое хозяйство крестьянин, какие культуры он сеял, велики ли были размеры имений помещиков, каково распределение земли по угодьям у барина и у крестьянина.

Весьма интересным явлением на Ставрополье было наличие «месячины», — так назывался перевод крестьян на паек при полном их обезземеливании. Об этом явлении В.П. Крикунов в книге говорит, но зачисляет «месячников» в общую группу дворовых, что, конечно, неверно. Упоминает автор и об общине, но совершенно не выясняет характерных черт ее, не говорит о переделах земли, об организационной структуре общины.

А ведь все это вопросы весьма существенные для анализа. Вместо действительного анализа хозяйства В.П. Крикунов сообщает проценты барщинных и оброчных крестьян по Ставропольскому, Пятигорскому и Кизлярскому уездам, не анализируя положение отдельных крестьянских групп, ссылаясь на общеизвестный факт, что крестьянам, принадлежавшим крупным владельцам, жилось лучше, чем крепостным у помещиков «типа гоголевской Коробочки». Вместо анализа автор прибегает к описанию отдельных фактов, примеров, что дает общее представление, но не дает научного анализа.

Конечно, для углубленного анализа надо было бы поднять архивный материал не одного-двух фондов, а исследовать хозяйство по всем 49 помещичьим имениям Ставрополья. Но В.П. Крикунов ссылается только на 20 архивных дел Ставропольского краевого архива, да и то, главным образом, дел общего отчетного характера. Ссылки на архивные материалы Ленинградского государственного архива немногочисленны.

Поэтому В.П. Крикунов охотно переходит к конкретным примерам по отдельным имениям, упоминая общие цифры и пользуясь, главным образом, сведениями, сообщаемыми самими помещиками (стр. 11—12). Получаются противоречивые и иногда неоправданные выводы. Например, по селу Бургун-Мажары В.П. Крикунов делает такое заключение: «Зажиточные крестьяне были единицами, основная же масса разорялась» (стр. 11), а строкой выше приводится цитата из документа: «У каждого хозяина есть жилая изба (у многих по две отдельные избы)». Чему же верить?

В Ставропольской губернии были особые условия — земли много, а рабочих рук мало. Помещики не останавливались перед привлечением наемных рабочих в свое хозяйство, а, с другой стороны, применяли самые зверские способы эксплуатации крепостных.

Но автор не заметил в этих условиях зарождения капиталистических элементов, которые во второй половине XIX века обеспечили быстрое развитие капитализма в южных степных губерниях, что прекрасно показано в работе В.И. Ленина «Развитие капитализма в России». Именно в этом замечательном труде В.И. Ленин подчеркивал, что переход к капиталистическому хозяйству в земледелии не мог совершиться сразу, так как не было кадров наемных рабочих, не было у помещика инвентаря и всего прочего необходимого оборудования для заведения своего собственного хозяйства.

На Ставрополье помещики еще в 50-х годах создавали эти условия, и было бы хорошо, если бы на эту сторону дела обратил внимание наш автор — дал бы действительный анализ помещичьего хозяйства, выяснил особенности его и на этом фоне показал положение крестьян не на отдельных примерах, а в цифрах и точных фактах.

Автор упоминает о пришлых наемных рабочих в сельском хозяйстве, но не говорит, сколько их было, откуда они приходили, на каких условиях работали, какую плату получали. А рассказать о них автор мог бы, если бы привлек побольше архивных материалов.

На стр. 17 он говорит об оброчных крестьянах по уездам: в Ставропольском на оброке было меньше двух процентов, в Пятигорском 50,67 процента, в Кизлярском 0,93 процента. Тут же приводятся и абсолютные цифры. А почему не дать общего процента по губернии, почему не объяснить, отчего такое неравномерное распределение оброчных по уездам? Какой размер оброка был господствующим, чем занимались оброчные? Все это в книге совершенно не объяснено.

Автор имел прекрасный материал для характеристики оброчных крестьян: здесь и данные о виноградных садах, и об аренде пахотных земель казенных, казачьих, ногайских, причем некоторые крестьяне арендовали по 5000—10000 десятин земли. Но В.П. Крикунов ограничился описанием. Он привел примеры и оставил читателя в неведении, — как широко и глубоко происходило расслоение крестьян? Он не показал в цифрах этот процесс.

Глава о проведении самой реформы в Ставропольской губернии, наряду с достоинствами, не лишена и недостатков. Как и в предыдущих главах, В.П. Крикунов дал описание введения в действие «Положения» 1861 года. Автор больше говорит о действиях мировых посредников, об организации «Присутствия по крестьянским делам», разделении губернии на волости и проч. Это, конечно, вещи интересные и нужные для истории реформы. А вот исследования так называемых «Уставных грамот» автор не дал.

Что еще важнее, — не изучено положение крестьян, покинувших свои наделы и перешедших на казенные земли. В.П. Крикунов ограничился пересказом отчетных данных за 1866 и 1872 годы. По-

мещики ограбили крестьян, отобрав у них 58,4 процента земли, которой они владели раньше. Этот важнейший факт остался не объясненным. Ведь товарищ Крикунов раньше причислил Ставропольскую губернию к числу тех, в которых капиталистические отношения развивались быстрее и полнее, чем в центральных губерниях. Если крестьяне потеряли при реформе больше половины земли, то здесь должны были создаться трудные условия для капиталистических хозяйств, если бы не было свободных казенных земель. На каких же условиях крестьяне получили эти земли, как изменилось благодаря этому крестьянское хозяйство? Об этом товарищ Крикунов ничего не говорит.

Недоработанность ряда основных вопросов крестьянской реформы 1861 года в Ставропольской губернии снижает, но не умаляет научных достоинств книги В.П. Крикунова. Заслуживает похвалы сама попытка автора дать историю реформы 1861 года в нашем крае на фоне истории борьбы крестьянства за освобождение, против крепостнического гнета.

Мы уверены, что дальнейшая работа В.П. Крикунова над источниками расширит и углубит его исследование по этому вопросу. Труд В.П. Крикунова показывает, в частности, что в нашем крае имеются значительные архивные материалы, которые могут послужить основой для многих научных исследований, к числу которых принадлежит и книга товарища Крикунова.

В.А. Романовский. Действительный член
Общества по распространению политических и научных знаний

Tåêñò ïå÷àòàåòñÿ ïî èñòî÷íèêó:
Романовский В.А. «Крестьянская реформа 1861 года в Ставропольской губернии». [Рецензия] // Ставропольская правда. 16 ноября 1949 года. № 225. С. 2.

ÂÈÊÒÎÐ ÀËÅÊÑÀÍÄÐÎÂÈ× ÐÎÌÀÍÎÂÑÊÈÉ. ÀÂÒÎÁÈÎÃÐÀÔÈß

Родился я в 1890 году в городе Глухове, теперь Сумской области на Украине, в семье крестьянина-бедняка, который после отбывания воинской повинности оставил свой надел и поселился в городе. Работал отец в земской управе сначала счетоводом, а потом бухгалтером.

После Октябрьской революции работал бухгалтером в земотделе исполкома.

Образование я получил в городской школе, а потом в гимназии города Глухова. На содержание гимназии давало средства Глуховское земство, где работал мой отец, поэтому во все время моего учения меня освобождали от платы за обучение. В 1909 году я закончил курс в гимназии и поступил в Киевский государственный университет, сначала на медицинский факультет а потом перешел на историко-филологический, который и окончил в 1914 году с золотой медалью, которую получил от университета за представленное сочинение.

Во время обучения на историческом отделении историко-филологического факультета я занимался под руководством известного профессора М.В. Довнар-Запольского, был секретарем научного студенческого исторического кружка, читал доклады на семинарах у профессора-руководителя. После окончания университета был оставлен при кафедре русской истории для подготовки к профессорской деятельности. В том же, 1914 году, напечатана была и моя первая научная работа «Хозяйства монастырских крестьян в 1767 году».

В семинаре профессора Довнар-Запольского много внимания уделялось изучению народного хозяйства и разрабатывались экономические вопросы. Члены кружка много работали над изучением писцовых книг, где ярко отражались данные о положении крестьян. Уже после окончания университета я тщательно отработал писцовую книгу по Белевскому уезду Тульской губернии. Начавшаяся война 1914—1918 годов несколько затянула сдачу так называемых «магистерских экзаменов», и я их закончил только в 1920 году. Преподавать в высшей школе я начал с 1916 года на Высших женских курсах, а с 1918 года в Киевском университете и в Археологическом институте. В вузах я читал курс русской историографии и источниковедения, вел занятия по «Русской правде» и по «Литовскому статуту». С 1918 года я стад читать общий курс по истории Украины.

С декабря месяца 1914 года я зачислен был на работу в Киевский центральный архив древних актов сначала помощником директора архива, а с 1921 года, января месяца, — директором этого же архива.

В архиве хранились акты и документы XIV—XVIII веков на латинском, польском и староукраинском языках. Работа в архиве послужила мне хорошей школой для ознакомления с первоисточниками по истории феодализма, тем более что руководителем моим по изучению палеографии и архивоведения был известный в России учёный, знаток этих наук И.М. Каманин.

С 1919 года была учреждена а Киеве Украинская академия наук, и первым её президентом был всемирно известный геолог, академик Всесоюзной академии наук В.И. Бернадский, по приглашению которого я занял в Академии наук Украины должность редактора одного из отделов биографического словаря писателей и ученых Украины.

Работу в Академии наук я совмещал с работой в архиве университета. За это время я подготовил к печати и напечатал ряд научных работ, из которых главнейшие: «Первопечатник Иван Федоров» по новонайденным документам; «Кто был Самовидец» и «Очерки архивоведения». За последнюю книгу я получил премию от Комитета содействия ученым в 1926 году.

В 1923 году по вызову Наркоминдела Киевский университет командировал меня в Москву для участия в работах смешанной советско-польской комиссии по выполнению Рижского мирного договора Советского Союза с Польшей. Я работал в Москве в Наркоминделе около месяца в комиссии под председательством товарища Войкова. Моя работа протекала столь успешно, что по моей экспертизе за Советским Союзом остались все культурные ценности на Украине, на которые претендовала панская Польша. За это я получил личную благодарность товарища Войкова.

В 1927 году я перешел на новую должность в Украинской академии наук, так как по конкурсу был избран учёным секретарём Археографической комиссии. Так предстояло организовать издание источников и журнала по археографии. В следующем, 1928 году, Украинская академия наук по новому конкурсу избирает меня руководителем Археографической комиссии. Кроме своей книги о переписи Украины 1666 года, я редактировал ряд изданий первоисточников и подготовил том Собрания грамот на магдебургское право украинским левобережным городам (40 печатных листов).

В 1933 году вышел из печати том «Переписных книг 1666 года» (Киев, 1933). Тогда же печатался и ряд моих статей по архивоведению в журналах «Архивное дело» и в «Записках Академии наук». Издана была под моей редакцией и книга, посвященная 75-летнему юбилею Киевского архива древних актов, директором которого я продолжал состоять. В этом же сборнике напечатаны и мои четыре статьи.

В 1934 году был закрыт исторический отдел Украинской академии наук. Еще раньше я оставил работу в Архиве древних актов и перешел ученым секретарем в Зерновой институт. В 1935 году я был выслан постановлением Особого совещания в Карагандинскую область. С 1940 по 1947 год работал преподавателем истории в Карагандинском учительском институте. В 1944 году Высшая аттестационная комиссия при Комитете по делам высшей школы присвоила мне учёное звание доцента по кафедре истории СССР. В этом же институте я состоял с 1944 по 1947 год заведующим кафедрой истории. В 1946 году я защитил диссертацию на степень кандидата исторических наук при Московском городском педагогическом институте им. В.П. Потёмкина, а в 1948 году в этом же институте защищена мною диссертация на степень доктора исторических наук. ВАК утвердил меня в звания профессора по кафедре истории СССР и в учёной степени доктора исторических наук.

В 1947 году по конкурсу я был принят на работу в Ставропольский педагогический институт, где с осени того же года заведую кафедрой методики преподавания истории и Конституции СССР.

По амнистии 1953 года с меня снята судимость и я восстановлен в своих гражданских правах.

С 1951 года по предложению Министерства просвещения РСФСР я руководил работой аспирантов Пятигорского педагогического института. Оба аспиранта успешно защитили свои диссертации и утверждены ВАК в учёных степенях. Ученый совет Ростовского университета свыше 15 раз приглашал меня выступать при защитах диссертаций официальным оппонентом. Мне приходилось выступать на защитах диссертаций и в московских институтах: Пединституте имени В.И. Ленина, Областном пединституте и в Московском библиотечном институте.

В 1953—54 годах Академия наук СССР пригласила меня участвовать в составлении сборника, посвященного 300-летнему юбилею воссоединения Украины с Россией. В сборнике напечатана моя статья об украинских городах (35 страниц).

Доктор исторических наук профессор Романовский В.А.
13 ноября 1954 года.

Òåêñò ðóêîïèñè ïðåäîñòàâëåí îòäåëîì ðåäêîé êíèãè íàó÷íîé áèáëèîòåêè
Ñòàâðîïîëüñêîãî ãîñóäàðñòâåííîãî óíèâåðñèòåòà.

Исследования, посвященные В.А.Романовскому

À.À. Àíèêåâà
Â.À. Ðîìàíîâñêèé – îñíîâàòåëü øêîëû
ïî îòå÷åñòâåííîé èñòîðèè íà Ñòàâðîïîëüå

Полагаю, что сегодня будет уместно поставить одну принципиально важную проблему — роль В.А. Романовского в создании научной школы по отечественной истории в нашем крае. Для этого сделаем краткий экскурс в краеведение.

Исторические исследования на Ставрополье зародились в середине XIX столетия. Включение Северного Кавказа в экономическую жизнь России, его заселение и освоение в конце XVIII — начале XIX века военнослужащими, казачеством, купцами, ремесленниками из центральных губерний повлекло глубокие перемены.

Рост военной и гражданской администрации, почтовых и транспортных связей с центральной Россией, организация первых учебных заведений, библиотек, театра, основание курортов на Кавказских Минеральных Водах, появление газет и журналов — все это способствовало пробуждению общественной мысли, повышенному интересу к изучению природы, экономики, истории и культуры края.[1]

Это не могло не найти отражения в исторической литературе. Как известно, первыми исследователями Северного Кавказа были члены Российской Академии наук И.А. Гильденштедт и П.С. Паллас, принимавшие участие в экспедициях, обследовавших юго-восточные области России. Первое описание ставропольских сел и городов составил директор народных училищ Астраханской губернии И.В. Ровинский по заданию Вольного экономического общества.[2]

Одним из крупных летописцев Ставрополья был историк, статистик, экономист, этнограф и краевед И.В. Бентковский, который в течение почти 40 лет (1853 по 1890 год) знакомился с архивами и литературными источниками, составлял библиографию и собирал статистический материал о развитии хозяйства, народонаселения ставропольских и кубанских земель. «Историко-статистические сведения о селении Безопасном» — так называлась первая работа И.В. Бентковского, положившая начало его многогранной и полезной деятельности на ниве краеведения. Затем были многочисленные статьи о кочующих народах губернии: калмыках, туркменах, ногайцах. И наконец фундаментальная работа И.В. Бентковского «Статистико-географический путеводитель по Ставропольской губернии».[3]

Выдающийся вклад в развитие ставропольского краеведения внес инспектор народных училищ А.И. Твалчрелидзе (1854—1952), который сравнительно молодым человеком (в возрасте 42 лет) в 1897 году издал крупный труд «Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях». В работе дано описание 137 селений Ставропольской губернии, а также земель кочующих народов Туркменского и Ачикулакского приставств. В поле зрения исследователя оказались не только исторические и экономические события, но и вероисповедание, общественное самоуправление, образование, медицинская помощь, пути сообщения.[4]

В нашей историографии сохраняется недооценка трудов Ф.А. Щербины (1849—1886), выпускника Ставропольской духовной семинарии, этнографа и историка, автора фундаментальной «Истории Кубанского казачьего войска» в двух томах. Именно в его работе мы находим богатейший материал по военной организации, управлению, землепользованию, традициям и быту кубанских и ставропольских казаков.[5]

Трудноценимую роль в изучении истории Ставропольской губернии внесла Ставропольская ученая архивная комиссия, которую длительное время возглавлял Г.Н. Прозрителев (1849—1933). Итогом научных изысканий автора явилась обобщающая работа о Ставропольской губернии в историческом, хозяйственном и бытовом отношениях.[6]

Таким образом, краткий анализ литературы второй половины XIX века и первой половины XX века показывает, что изучение истории Ставрополья носило в основном краеведческий характер. Это сказывалось и на тематике исследований, на круге привлеченных источников и на уровне теоретических обобщений.

Требовался принципиально новый подход к изучению истории края, анализу фактов региональной истории на широком общественно-политическом и экономическом фоне, в контексте истории России. И этот подход пришел в историографию края с прибытием в Ставрополь В.А. Романовского. Возглавив в 1947 году кафедру истории педагогического института, В.А. Романовский начинает систематически заниматься изучением истории Северного Кавказа. Под его руководством велась подготовка целой серии диссертаций и книг, которые затем легли в основу историографии Ставрополья. С.А. Чекменев, Н.И. Стащук, И.Б. Илловайский изучали историю крестьянства Ставропольской губернии в дореформенный период.[7] П.А. Шацкий, Е.А. Мохов, А.П. Чевелев, Н.И. Иванько, Ф.А. Тройно, А.С. Калмыков серьезно занимались различными аспектами истории Ставрополья после реформы 1861 года.[8]

Среди творческого наследия В.А. Романовского работ, посвященных Ставрополью, сравнительно немного (всего 16 публикаций). Причем значительная часть из них — это рецензии, обзоры диссертаций, статьи и главы в учебных пособиях.

Среди первых выделяется глубокая рецензия на монографию В.П. Крикунова «Крестьянская реформа 1861 года в Ставропольской губернии», опубликованная в Ставрополе в 1947 году. Рецензент анализирует актуальность и логику работы, ее источники, отмечает большой вклад автора в изучение подготовки и проведения реформы, а также крестьянских выступлений. Вместе с тем вскрывает и недостатки книги: нет анализа крепостного хозяйства, числа барщинных и оброчных крестьян и т.д.[9]

Одна из статей Романовского была посвящена судьбе солдат-декабристов на Кавказе. Эта работа имела большой общественный резонанс и была опубликована в сборнике трудов историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института в 1958 году.[10]

Разрабатывал ученый и проблему революционной ситуации в России в 1859—1861 и на материалах восстания крестьян в селе Маслов Кут. С докладом на эту тему он выступил в октябре 1962 года на научной сессии Северо-Кавказского совета по гуманитарным наукам в городе Ростове-на-Дону.[11]

Много сил и времени В.А. Романовский отдал подготовке учебного пособия по краеведению для школьников. Он одним из первых осознал роль регионального компонента в историческом образовании и реализовал это в пособии «Ставропольский край в истории СССР», которое претерпело два издания. Кроме общей редакции ученый написал для него главу о крестьянском движении.[12]

Из вышеназванных работ и докторской диссертации «Очерки по истории государственного хозяйства Украины XVII века», защищенной Романовским в период работы на нашем факультете, отчетливо видны основные методологические принципы его творчества: историзм и научная объективность. Особенно последовательно он боролся за правдивость исторических знаний, не желая втискивать факты в прокрустово ложе заранее заданных схем. И это, видимо, послужило одной из причин его сложной судьбы.

Несмотря на все превратности жизни, В.А. Романовской не утратил черты российского интеллигента, ученого и педагога. Очевидцы рассказывают о той творческой атмосфере, которая сложилась вокруг него. «Раз в неделю домой к Романовскому приходили преподаватели его кафедры: Петр Александрович Шацкий, Трофим Иванович Беликов, Николай Иванович Иванько, Федор Петрович Тройно, писавший в то время кандидатскую диссертацию, и другие».[13]

За 24 года работы на кафедре истории Ставропольского государственного педагогического института В.А Романовский воспитал большую группу ученых, создал научно-педагогическую школу по отечественной истории. Под его руководством было подготовлено и защищено свыше 20 кандидатских и несколько докторских диссертаций.

Романовский оказывал глубокое влияние на преподавателей, студентов и даже школьников. Преподаватели кафедры истории часто пользовались книгами из его огромной и тщательно подобранной библиотеки. Часто бывал у Романовского и ученик 10 класса Сергей Карпов. Обычно после прочтения книги они долго ее обсуждали. Ныне С.Л. Карпов — доктор исторических наук, декан исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, ученый с мировым именем.

Среди студентов Ставропольского государственного педагогического института В.А. Романовский особенно выделял И.Я. Фроянова. Он сумел привить ему глубокий интерес к истории русского феодализма. Под его руководством И.Я. Фроянов подготовил несколько блестящих студенческих работ. А после завершения обучения на факультете В.А. Романовский написал рекомендательное письмо известному ленинградскому медиевисту В.В. Мавродину. Опираясь на эти рекомендации, И.Я. Фроянов поступил в аспирантуру Ленинградского государственного университета и добился крупных результатов в изучении

истории феодализма. Ныне И.Я. Фроянов — доктор исторических наук профессор, декан исторического факультета Санкт-Петербургского университета.

С именем В.А. Романовского связано и становление исторического факультета в нашем институте. Не случайно многие выпускники и сотрудники говорят об открытии факультета в 1947 году, то есть времени, когда Виктор Александрович возглавил кафедру истории и методики преподавания. Хотя первый набор студентов состоялся раньше, в 1944 году.

Автор этих строк познакомился с В.А. Романовским уже будучи аспирантом Московского государственного педагогического института имени В.И. Ленина. В 1970 году требовалось пройти педагогическую практику, местом которой был избран Ставропольский пединститут (по месту жительства семьи). Специализируясь по новейшей истории Германии на кафедре академика А.Л. Нарочницкого, я не рассчитывал, что В.А. Романовский проявит интерес к моим занятиям. Однако представившись ему официально и получив разрешение на прохождение практики, я увидел его большую заинтересованность. Он посетил мою лекцию о внутренней и внешней политике ФРГ в послевоенные годы, сделал подробный ее анализ как с точки зрения содержания, так и методики. Эти советы впоследствии помогли мне в овладении педагогической профессией.

В.А. Романовский в 60—70-е годы принимал активное участие в известных симпозиумах по аграрной истории Восточной Европы. Часто выезжал с докладами на конференции этого научного сообщества. Вел обширную и интенсивную переписку с ведущими учеными нашей страны: Б.Д. Грековым, Н.М. Дружининым, А.А. Зиминым, С.Н. Вальком, Н.К. Гудзием, А.Л. Нарочницким, А.В. Черепненым, А.Л. Шапиро, С.О. Шмидтом и многими другими.[14]

К сожалению, в наши дни имя В.А. Романовского незаслуженно выпало из отечественной историографии и кавказоведения. Нет о нем статьи в библиографическом словаре «Историки России», изданном в Саратове в 1998 году, отсутствует упоминание о нем и в справочнике персоналий «Современное кавказоведение», опубликованном в Ростове-на-Дону в 1999 году. Хотя известно, что в Государственном архиве Ставропольского края имеется личный фонд Романовского, который содержит многочисленные рецензии на книги, статьи, диссертации, переписку ученого. Полагаю, что новые исследования восполнят образовавшийся пробел, и имя В.А. Романовского займет достойное место в отечественной историографии.

Ïðèìå÷àíèÿ

1. См. подробно: История народов Северного Кавказа. Т. 1—2. — М., 1988.

2. Очерки истории Ставропольского края. Т. 1. — Ставрополь, 1984. — С. 6.

3. Госданкер В.В. Историк-кавказовед И.В. Бентковский (1812—1890) // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 14. Ставропольское книжное издательство, 1976. С. 222—227.

4. См.: Твалчрелидзе А.И. Ставропольская губерния в сгагистическем, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. —Ставрополь, 1991.

5. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 1—2. — Екатеринодар, 1910—1913.

6. Прозрителев Г.Н. Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношении. — Ставрополь, 1925.

7 Чекменев С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополья и Кубани в конце XVIII и первой половины XIX века. — Пятигорск, 1967.

8. Шацкий П.А. Сельское хозяйство Предкавказья в 1861—1905 годы. —Ставрополь, 1970; Чевелев А.Н. Крестьянское движение в Ставропольской губернии в 1905—1907 годы // Ставрополье, 1955; Беликов Т.И. Борьба за установление Советской власти на Ставрополье // Сборник трудов Ставропольского государственного педагогического института. — Ставрополь, 1957.

9. Романовский В.А. Крестьянская реформа 1861 году в Ставропольской губернии // Ставропольская правда. 16 ноября 1949 года.

10. Романовский В.А. Солдаты-декабристы на Кавказе. // Сборник трудов историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института. — Ставрополь, 1958. — Вып. 12. — С. 3—34.

11. Романовский В.А. К вопросу о революционной ситуации 1859—1861 годов (восстание в селе Маслов Кут в январе 1853 года) // Тезисы докладов на научной сессии Северо-Кавказского совета по гуманитарным наукам. Октябрь 1962 года. — Ростов-на-Дону, 1962. — С. 144—147.

12. См.: Ставропольский край в истории СССР. Учебное пособие по краеведению для учащихся 7—8 классов. — Ставрополь, 1964; 2-е изд., 1975.

13. Захаров В.А. Романовский Виктор Александрович (1830—1971). Москва—Армавир, 2000. С. 7.

14. Там же. С. 6.

Òåêñò ðóêîïèñè ïðåäîñòàâëåí àâòîðîì.

Â.À. Çàõàðîâ
Âèêòîð Àëåêñàíäðîâè÷ Ðîìàíîâñêèé (1890–1971)

Виктор Александрович Романовский родился в 1890 году в старинном украинском городе Глухове. Он происходил из старого шляхетского рода Романовских. Его далекий предок получил потомственное дворянство от польского короля Владислава II Ягайло, после Грюнвальдской битвы и крошечное село, в котором было несколько крепостных. Тогда же был утвержден и герб рода Романовских. Однако уже в XVI веке Романовские потеряли свое село и крепостных, а ко времени рождения Виктора, его отец был мелким служащим земской управы.

В 1909 году В.А.Романовский закончил в Глухове гимназию и поступил в Киевский университет святого Владимира на медицинский факультет. Но посещение лекций профессора М.В. Довнар-Запольского, которые, как и многие другие, были тогда свободно открыты для всех студентов университета, настолько поразили и увлекли его, что он вскоре переходит на исторический факультет.

Увлечение историей Левобережной Украины, регулярные занятия под руководством М.В. Довнар-Запольского, приводят молодого историка в архив, где он изо дня в день занимается изучением так называемой «Румянцевской описи» Малороссии.

Проведенная в 1765—1769 годах перепись населения на части Левобережной Украины по приказу Президента Малороссийской Коллегии и генерал-губернатора Малороссии П.А. Румянцева-Задунайского, позволила правительству Екатерины II значительно увеличить поступление податей в государственную казну. Румянцевская опись содержала чрезвычайно ценный материал по 3,5 тысячам населенных пунктов Украины. Эти переписные листы послужили источником для изучения социально-экономических отношений на Украине во второй половине XVII — начале XVIII века.

Романовский, по сути, был первым, кто после Д. Багалея занялся этой мало разработанной темой. Его первая публикация — рецензия на статью «Казаки Полтавского полка по материалам Румянцевской Описи», опубликованную в вышедшем в Полтаве сборнике «Статистического бюро полтавского губернского земства», увидела свет в журнале «Украіна» в 1914 году. Рецензия показала основательные знания молодого ученого, его способность критически подходить к публикации не только документов, но и обобщающих исследований.

Виктор Александрович всегда говорил своим ученикам, что надо начинать не с публикации «научной статьи», а с написания рецензии, вспоминая, что его учитель М.В. Довнар-Запольский точно также учил своих учеников, да и сам Романовский никогда не стеснялся писать рецензии. Появление такого рода публикаций Романовский считал обязательным начальным этапом любой научной работы, поскольку в рецензии сразу же проявляется способность молодого исследователя к анализу, это и, одновременно, возможность показать свою эрудицию в данной области.

В том же 1914 году в историко-юбилейном сборнике историко-этнографического кружка выходит и первая статья Романовского: «Хозяйство монастырских крестьян Лебецкой сотни в 1767 году» — первый результат его изучения «Румянцевской описи».

С первых же лет обучения в Киевском университете Романовский сближается с Н.К. Зеровым и С.И. Масловым. Первые три студенческих года Романовский вместе с ними снимал небольшую квартиру в саманной хатке на Подоле. Весной, как рассказывал потом Романовский, они открывали утром маленькие оконца и занимались физкультурой. Тогда это было ново. Часто проходящие горожане останавливались и с удивлением наблюдали за молодыми людьми. Однажды они услышали такой разговор между «зрителями». Один крестьянин спрашивал у своего товарища: «А шо вони робят?». На что другой отвечал: «Та це вони так моляться. Віра у ніх така!».

Однако серьезные занятия в архиве заставили Романовского разъехаться с друзьями, хотя добрые отношения остались. Была и еще одна причина. Романовский всерьез стал ухаживать за слушательницей Высших женских курсов Леночкой Карпинской, которая вскоре стала его женой. И все же занятия в архиве были на первом месте. Юношеские увлечения друзей, студенческая жизнь, подготовка к экзаменам — все это нашло отражение в стихах, которые писал Зеров. В одном из них Николай Зеров так шутливо поэтически описал работу своего друга над «Румянцевской описью Малороссии»:

Из-за Елены пала Троя, погибли Гектор и Ахил,
И Одиссей, гоним судьбою, лет десять по морю бродил.
И ты, недаром ты — Елена! Жизнь за тебя я положу,
Но за Румянцевской смиренно, увы, лет десять просижу…

В 1914 году Романовский пишет университетское сочинение по истории Черниговщины XVII — XVIII веков, за которое ему была присуждена золотая медаль. В том же году он заканчивает обучение и оста-

ется при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории (так в то время называлась аспирантура).

Уже в те годы Романовский проявил себя большим специалистом и знатоком истории Украины, и в ноябре 1914 года его назначают помощником директора Киевского Центрального архива древних актов. Работа над документами XVI—XVII веков позволила расширить круг знаний молодого ученого. Он приобретает значительную начитанность в источниках по истории Украины, Литвы и Польши. Вместе с Н.П. Василенко Романовский готовит сборник Магдебургских грамот левобережным городам Украины. Для этих целей была использована Литовская Метрика, документы других архивов, разысканы целый ряд новых, неизвестных грамот, данных городам Переяславу, Стародубу, Мглину, Почепу, Пирятину, Кролевцу, Глухову и др. Десять печатных листов этого издания, рассчитанного на 35 листов печатного текста, были уже набраны, один даже напечатан, однако работу пришлось прервать в 1915 году, в связи с событиями Первой Мировой войны и эвакуацией Киевского университета в Саратов.

Вернувшись в Киев в 1916 году, Романовский прерывает работу над этим изданием еще и в связи с подготовкой к магистерским экзаменам (прототип нынешнего кандидатского минимума). Программа экзаменов, утвержденных историко-филологическим факультетом университета, включала необходимость серьезнейших знаний вопросов социально-экономической истории древней Руси, русского государства XVI—XVII веков, истории Великого княжества Литовского.

Подготовка к экзаменам была закончена лишь к началу 1917 года. Но еще раньше, в 1916 году Романовский был приглашен Советом профессоров Высших женских курсов в Киеве, вести преподавательскую работу. До 1919 года он читал лекции по историографии, вел практические (семинарские) занятия по летописям, «Русской Правде», Литовскому статуту, уставным грамотам Великого княжества Литовского, а с 1917 года преподавал историю Украины.

С открытием в 1918 году Археологического института в Киеве, Романовский избирается доцентом, а затем профессором и ведет в институте курс древнего периода русской истории, истории Великого княжества Литовского, истории Польши, русских древностей. Читает лекции по архивоведению, археографии и источниковедению.

В 1919 году В.А. Романовский избирается в Академию наук на должность редактора историко-биографического словаря, а в январе 1921 года назначается на должность директора Центрального Архива Древних Актов в Киеве. В этой должности он пробыл 10 лет, ведя огромную археографическую работу, создавая, по сути, советскую археографию.

В 1927 году в Харькове выходит книга В.А. Романовского «Нариси з архівознавства» («Очерки архивоведения») — первая в советской России книга по архивоведению. В этой работе впервые были изложены теоретические сведения об архивоведении как науке, об архивном деле, в широком аспекте состояния этих наук, как в России, так и в странах Западной Европы. Романовский подробно остановился на истории развития архивного дела на Украине, начиная с зачатков и доведя до создания архивов при Советской власти. В заключительной части книги были рассмотрены принципы архивоведения как науки.

Книга В.А. Романовского представляла собой и первый в Советском Союзе опыт систематического изложения истории архивного устройства и архивной техники. Долгое время книга служила учебником для молодых советских архивистов. За это издание автор был удостоен премии Всеукраинского комитета содействия ученым.

К этой же тематике следует отнести несколько работ по архивоведению, помещенных в сборнике «Центральний архів стародавніх актів у Київі». В четырех статьях Романовского («Архів стародавніх актів та його фонди», «Колекція, що надлежала Археографічній Комисії», «Збірка монастірских документов», «Новая серія») дается очерк истории и обзор фондов Киевского архива древних актов. Ценность этих статей велика еще и потому, что описанные в них документы погибли в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов, когда архив был сожжен фашистами.

Вообще истории архивов Украины посвящено немало исследований В.А. Романовского. Это статья в журнале «Архівна справа», в которой освещена история собирания актовых книг польских судов на Волыни, Подолье и в Киевщине XVI—XVIII веков, их хранение в Центральном архиве Древних актов (город Киев). В том же журнале в 1926 году была помещена статья, рассказывающая о пожаре в Глухове в 1748 году, посвященная истории архивных фондов на Украине.

В 1925 году В.А. Романовский публикует обширную статью «Друкарь іван Федорович, життя його та діяльність». В этом исследовании, прекрасно изданном и украшенном снимками с рукописей и заставками к тексту, автор на основании найденных им в Киевском архиве древних актов документов, рассказывает о жизни и деятельности знаменитого московского первопечатника Ивана Федорова, особенно останавливаясь на его деятельности после переезда на Волынь, а затем на Украину. Романовский нашел ряд новых сведений, которые позволили ему полнее осветить некоторые стороны пребывания первопечатника на Украине.

В.А. Романовский присоединился к мнению, что в Москве и до 1564 года печатались книги. Он исключает из биографии Ивана Федорова путешествие в славянские земли Турции, доказывая, что после издания

Апостола в 1574 году Иван Федоров сразу переехал из Львова к князю Константину Острожскому, служа сначала справцей Дерманского монастыря, а затем, в конце 1575 года, печатником в Остроге.

На основании найденных документов и актов автор раскрыл картину финансовых затруднений Ивана Федорова в период его острожской деятельности, имена его кредиторов, суммы долгов и источники покрытия задолженности. В их числе были экземпляры недопечатанных и дефектных изданий Библии 1580 года, которые вышли потом с новыми датами (1581 год) и набранными новым шрифтом листами. По сведениям В.А. Романовского, Иван Федоров, отнюдь, не был бедняком-эмигрантом в Львове и Остроге. Из Москвы он привез с собой значительные средства, много заработал у Ходкевича и легко находил кредит в Львове. Иван Федоров, по мнению В.А. Романовского, был энергичным организатором и энтузиастом своего великого дела. Романовский впервые в своей книге осветил бытовые условия его жизни и добавил новые интересные черты к его биографии.

Большой интерес представляет исследование В.А. Романовского «Война 1735—1739 годов и ее последствия для Украины». В ней автор на основании документов, обнаруженных им в Сенатском архиве по Малороссийской Экспедиции, в Отделе Рукописей Государственной Российской библиотеки, в Центральном архиве древних актов в Киеве и Харьковском центральном историческом архиве, впервые осветил экономические издержки турецкой войны Анны Иоановны, выпавшие на полки Левобережной Украины. Автор показал разорение государственного хозяйства, обнищание крестьян и казаков, в результате чего на Украине активно развивался процесс закрепощения, усиливавшийся обогащением украинской старшины за счет выплаты правительством крупных сумм за реквизиции и поставки для армии. В результате — старшина крепла экономически и обращалась в шляхетство, а селянство и свободные казаки закрепощались. Таков был неутешительный итог войны Миниха с турками для Левобережной Украины.

Среди ранних работ В.А. Романовского следует отметить историографический очерк «П.О. Кулиш і його «История воссоединения Руси», напечатанный в журнале «Наше минуло» в 1920 году. В нем автор оправдал Кулиша и его труд, отказ которого от националистических устремлений Н.И. Костомарова в свое время вызвал недовольство части украинской общественности. Рассматривая развитие исторической науки, Романовский пришел к выводу, что до Кулиша и его «Воссоединения» (1874—1877) украинская историография и, особенно, история украинского казачества, включая и знаменитые труды Костомарова, еще не знала критического отношения к источникам. Заслуга Кулиша, по мнению Романовского, состояла в том, что он первый выступил именно с критическим пересмотром источников, использованных Костомаровым, и хотя «История воссоединения Руси» не лишена многих недостатков, за П.А. Кулишом должна остаться слава первого научного критика украинской старины.

Изучение истории Украины середины XVII — начала XVIII века немыслимо без привлечения, можно сказать, основополагающего источника, каким является «Летопись Самовидца». Споры об авторе летописи шли долго. Всех исследователей интересовал аноним, скрывший себя под именем «Самовидец». Дело в том, что в этой казацкой летописи дана полная и наиболее достоверная картина освободительной воины украинского народа в 1648—1654 годах, в ней также содержится положительная оценка воссоединения Украины с Россией. В «Летописи Самовидца» показана роль реестрового казачества — главной движущей силы войны. «Самовидец» не только осуждает пропольскую и протурецкую ориентацию части казацкой старшины, но он прекрасно осведомлен даже о незначительных деталях борьбы старшинских группировок. «Летопись Самовидца» — один из выдающихся историографических памятников Украины и наиболее достоверный исторический источник XVII века. «Летопись Самовидца» является и оригинальным памятником украинского языка и литературы.

Раскрыть имя анонима Романовскому помогло обнаруженное им в архиве Московского Общества Истории и Древностей Российских письмо П.А. Кулиша к О.М. Бодянскому 1846 года. В нем содержалось свидетельство, что П. Сердюков в качестве автора летописи утверждает генерального подскарбия, брацлавского протопопа и стародубского священника Романа Ракушки-Романовского (около 1622 — 1703 год). Этот вывод так и не был тогда опубликован и сохранился только в бумагах Бодянского.

Конечно, не только письмо Кулиша помогло Романовскому. Занимаясь хозяйством Гетманщины XVII столетия, он хорошо изучил все документы эпохи, что позволило ему прийти к тому же выводу[1]. Появившиеся позже статьи Н.Н. Петровского и Н.А. Оглоблина лишь подтвердили правильность точки зрения Романовского, которому принадлежит честь открытия и опубликования разгадки анонима, о чем сейчас не очень-то любят вспоминать.

В 1929 году по конкурсу В.А. Романовский был избран старшим научным сотрудником Академии наук Украинской ССР и занимал должность секретаря Археографической комиссии, а с 1930 года, вновь по конкурсу, Академия наук Украинской ССР избирает его уже председателем Археографической комиссии. Романовский возглавляет работу по изданию источников. Внимание исследователя привлекли почти неизученные документы, среди них один из важнейших памятников по истории Украины XVII века — переписные книги 1666 года.

Составленные по предписанию Московского правительства и гетмана Ивана Брюховецкого в 1666 году, переписные книги дают довольно полную и яркую картину состояния городов и селений Левобережной Украины того времени.

В 1933 году издание переписных книг было подготовлено. Публикации, в которой было около 30 печатных листов, предшествовал самостоятельный очерк о гетмане Брюховецком и его времени. Романовский установил, что Брюховецкий не был выходцем из казацких низов, как считалось ранее, а являлся представителем старшины, хотя и был выдвинут силами бедняцкой части казачества и городского мещанства. Пойти на составление переписных книг и организацию сбор по ним податей вынудило его старшинство, свое согласие он письменно подтвердил перед избранием в гетманы. Восстание 1668 года, таким образом, было дело рук старшинских кругов, как и все остальные попытки нарушить решения Переяславской рады 1654 года о присоединении Украины к России.

К большому сожалению, издание это не увидело света. В 1932—1934 годах в связи с реорганизацией Академии наук, уменьшается издательская деятельность, и вскоре историко-социальный отдел Академии ликвидируется. Романовский переходит на работу в Облплан, где недолго заведует планированием научно-исследовательской работы в области. Последовавший затем необоснованный арест ученого вообще прекратил работу над книгой, набор был рассыпан. Единственный экземпляр книги, вернее гранки, чудом сохранились в личном собрании Романовского, которое хранится в библиотеке Ставропольского Государственного Университета. Гранки уже позже были переплетены в отдельную книгу. Вероятно, настала пора издать «Переписные книги 1666 года» по этому экземпляру, с авторской правкой, в репринтном варианте. Историческая наука от этого только выиграет, получив в оборот столь ценный и важный исторический источник.

Профессиональная и общественная деятельность В.А. Романовского связывала его с разными людьми.

В 1965 году Виктор Александрович рассказал мне о произошедшей в 20-е годы встрече с Г. Войковым, участвовавшем в убийстве царской семьи. В то время Г. Войков был посланником России в Польше. Романовский, работавший в те годы директором Центрального архива Древних Актов в Киеве, вошел в государственную комиссию по возвращению архивов, захваченных поляками и увезенных ими в годы Гражданской войны в Варшаву.

При одной из встреч Романовский задал Войкову вопрос о том, что же произошло в ночь на 17 июля 1918 года в Екатеринбурге. Войков, как рассказал Романовский, махнул рукой и сказал: «Знаете, мы такого страха натерпелись, даже вспоминать не хочется. Когда все спустились в нижнюю комнату, женщины несли подушки, свечи, мы им сказали, что это может быть надолго. А когда мы начали стрелять и свечи и подушки у них из рук выпал. Темно, пух из подушек летает, и вдруг мы чувствуем, что пули рикошетят. Ну, прямо какая-то чертовщина. И только потом, когда мы их сожгли, разгребая кострище, обнаружили куски спекшегося золота и драгоценных камней. Оказывается, у женщин в корсеты были зашиты драгоценности, в них-то пули попав, отскакивали. А мы сразу и не поняли в чем дело».

Пересказав мне это свидетельство Войкова, Виктор Александрович предупредил, чтобы я никогда и никому об этом не рассказывал.

В 1935 году В.А. Романовский был в третий раз арестован органами НКВД (первый в 1923, затем в 1930). Ему припомнили и участие в монархической организации «Азбука» в 1919 году, и что был членом Политической Рады в представительстве Добровольческой армии на Украине, и что при гетманском правительстве служил в Министерстве труда, где заведовал отделом печати. «За связь с историком-националистом М.С. Грушевским, и активное проведение буржуазной концепции исторического развития», как было написано в обвинительном заключении, по постановлению Особого совещания НКВД был осужден по статье 58, 10 и выслан на 5 лет в Карагандинский исправительно-трудовой лагерь. Выжить в лагере ему помогло некоторое знание медицины, полученные на первом курсе Киевского университета, а также его большая эрудиция: знание латыни, польского, немецкого языков, истории и литературы. Как вспоминал позже Виктор Александрович, начальник лагеря сделал его репетитором для своей дочери, которая оканчивала школу и готовилась к поступлению в вуз.

Работая в пересыльном лагере фельдшером, В.А. Романовский много рассказывал о встречах с очень интересными людьми, которые, почти не задерживаясь, следовали этапом дальше.

Так, в лагере к нему пришел мужчина и попросил зеркало и щипцы, хотел удалить зуб. Вернув их через некоторое время, он разговорился с Романовским. «Разрешите представиться — Андроников, если хотите, бывший князь Андроников» (Андроникошвили). Ему не хотелось уходить и во время этой кратковременной встречи с интересным человеком, каким для него оказался Романовский, Андроников хотел о многом рассказать и, в особенности, поведать разные дворцовые сплетни. «Вы знаете, у нас при дворе в 1904 году много говорили об интимной близости императрицы и графа Орлова — командира Преображенского полка. Больше того, именно его считали отцом царевича Алексея! Вы знаете, ведь он вскоре так таинственно скончался на пограничной станции, так и не успев выехать за границу», — рассказывал Андроников.

Отбыв срок заключения, Романовский с августа 1940 года в течение года работал заведующим учебной частью педагогических курсов подготовки учителей средней школы и читал лекции по истории СССР. Одно-

временно он вел курс истории на заочном секторе Карагандинского учительского института. Его жене Елене Павловне разрешили переехать с сыном в Караганду. Захватив немного вещей, она в большую часть багажа сложила книги и архивные выписки из чрезвычайно ценной личной библиотеки и архива мужа. Это помогло возобновить работу по написанию докторской диссертации. К сожалению, оставшаяся часть библиотеки погибла во время оккупации Киева.

С июля 1941 года В.А. Романовский состоял доцентом учительского института, читал курс истории СССР и историографии. Выезд из Караганды был ему запрещен. 26 февраля 1944 года Высшей Аттестационной комиссией Всесоюзного комитета по делам высшей школы был утвержден в звании доцента, а с июня 1944 года исполнял обязанности заведующего кафедрой истории Карагандинского учительского института. В 1948 году Романовский защищает докторскую диссертацию «Очерки по истории государственного хозяйства Украины XVII века».

Этот серьезный труд явился плодом долголетней исследовательской работы Романовского, в которой автор подвел итог всему сделанному и опубликованному в области финансовой истории Украины XVII века и дал стройную и глубокую концепцию финансового устройства Украины того времени. Основной темой диссертации было изучение и анализ событий второй половины XVII столетия. Диссертация состояла из пяти глав: 1. «Организация гетманского скарба в первые годы после восстания 1648 года». 2. «Вопрос о сборе доходов в царскую казну до 1665 года». 3. «Организация переписи податного населения гетманщины». 4. «Результаты переписи 1666 года». 5. «Гетманский скарб во второй половине XVII века».

Устанавливая в предисловии к диссертации свою тему, автор определил круг источников, метод исследования и литературу вопроса. Описывая так называемое «национальное» восстание украинского народа 1648 года, Романовский осветил доселе никем не затронутые вопросы о снабжении армий Богдана Хмельницкого и о зарождении «скарба», то есть финансового ведомства нарождавшегося украинского государства. Он говорит о «шкатуле войсковой», доменах, откупах и о системе налогов.

В своей работе В.А. Романовский доказал, что социальная структура украинского общества XVII столетия дает возможность определить политические отношения того времени. Романовский справедливо выдвинул на первое место как фактор политики присоединения к России интересы украинских городов, на которые сознательно опирался Богдан Хмельницкий, противопоставляя стремления городов к соединению настроениям своего старшинского окружения. Считал, что единственно объективным источником установления социальной структуры украинского общества XVII века является перепись 1666 года.

В этой огромной и чрезвычайно интересной работе В.А. Романовский дает характеристику исторических событий 1654–1663 годов, связанных с избранием гетмана Ивана Брюховецкого, а затем переходит к истории переписи 1666 года и ее результатам.

Впервые Левобережная Украина освещается в цифровых показателях, что для того времени было большим новшеством. Романовский пишет о числе податного населения Левобережной Украины и его размещении, о городах, как экономических центрах страны, характеризует различные группы городского и пашенного населения, о практике сбора с него налогов московским правительством по книгам 1666 года.

Подробно останавливаясь на восстании 1668 года, В.А. Романовский переходит к финансовой политике гетмана Даниила Многогрешного и впервые приводит сведения о бюджете Левобережной Украины 1678 года, останавливаясь в общих чертах на дальнейшем развитии гетманского скарба в XVII веке.

Труд Романовского был и, можно с уверенностью сказать, до сих пор является в полном смысле слова ценнейшим приобретением русской и украинской историографии. В нем все было проделано впервые. Так, впервые была дана характеристика и истолкование столь важного политического события, которым было присоединение Украины к России. Романовский впервые дал научный анализ социального состава украинского общества, из которого объясняются все события того времени и, в частности, впервые он освещает систему финансового хозяйства гетманщины в XVII веке.

К большому сожалению, диссертация В.А. Романовского не была опубликована отдельным изданием. Только в 1967 году ему удалось на собственные средства выпустить отдельной книжкой четвертую главу своей работы. Под грифом Ставропольского государственного педагогического института тиражом в 600 экземпляров она была напечатана под заглавием «Перепись населения Левобережной Украины 1666 года, ее организация и критическая оценка».

В 1947 году Романовскому с семьей разрешили поселиться в Ставрополе и с осени того же года Виктор Александрович становится профессором и заведующим кафедрой истории СССР в Ставропольском государственном педагогическом институте, в котором он проработал почти 25 лет.

Переехав в Ставрополь, Виктор Александрович серьезно начинает заниматься изучением истории Северного Кавказа.

В 1948 году В.П. Крикуновым была защищена первая на Ставрополье кандидатская диссертация «Крестьянская реформа 1861 года в Ставропольской губернии». Под тем же названием она была опубликована Ставропольским книжным издательством. Вскоре после выхода книги в газете «Ставропольская правда» появилась рецензия Романовского. Это был серьезный и требовательный разбор научного труда, в котором

Романовский отмечал общее построение исследования, использование архивного материала. В то же время в рецензии были отмечены наиболее ценные места работы — это страницы, повествующие о крестьянских выступлениях против помещичьего гнета, о подготовке реформы 1861 года и глава, посвященная проведению самой реформы. «Все, что было известно о волнениях крестьян, В.П. Крикунов использовал в своей работе и значительно дополнил изложение новыми данными. Интересны данные о крестьянских чаяниях и требованиях этого периода», — написано в рецензии.

Далее Виктор Александрович набрасывает план тех вопросов, которые необходимо было рассмотреть будущим исследователям этой темы. «К сожалению, — отмечает В.А. Романовский, — работа В.П. Крикунова охватывает лишь незначительную часть крестьянского населения Ставрополья (около 8000 ревизских душ) и не затрагивает основной массы земледельческого населения — государственных крестьян, которых было не менее 100000. Автор не дает анализа крестьянского крепостного хозяйства, не определяет числа барщинных и оброчных крестьян, величину оброка последних, не определяет количества десятин крестьянской и барской запашки, вообще не выделяет имущественного положения крестьян, как вел свое хозяйство крестьянин, какие культуры сеял, как велики были размеры имений помещиков, как распределялась земля по угодьям у барина и крестьянина и т.д. На Ставрополье земли было много, а рабочих рук мало. Некоторые помещики переводили крестьян на паек (месячину), совсем лишали крестьян земли и собственного хозяйства, превращая их в рабов. В.П. Крикунов не обратил внимания на эту форму эксплуатации крестьян и смешивает месячников с дворовыми крестьянами».

Такой детальный и серьезнейший разбор свидетельствует о том, что В.А. Романовский уже вплотную включился в проблемы истории Ставрополья и имел о них не поверхностное, а глубокое представление. Он даже знал о состоянии фонда по истории реформы 1861 года, находящемся в Ставропольском архиве.

Много лет спустя в своей большой статье «Обзор диссертаций по истории Ставрополья за 40 лет Советской власти», Романовский сделал анализ всех диссертаций, некоторые из которых были написаны уже его учениками, под его непосредственным руководством. Часть из них, как С.А. Чекменев, Н.И. Стащук и И.Б. Иловайский занимались изучением истории крестьянства Ставропольской губернии в дореформенный период. Другие же, как П.А. Шацкий, Е.А. Мохов, А.П. Чевелев, Н.И. Иванько серьезно разрабатывали различные вопросы истории Ставрополья после реформы 1861 года.

Следует отметить, что Виктор Александрович весьма серьезно относился к написанию рецензий. Он постоянно говорил своим ученикам, и это много раз говорилось мне: «Не стесняйтесь писать рецензии. Большую работу написать легко, а вот вы попытайтесь в маленькой статье, каковой и является рецензия, коротко, но ясно рассказать о заслугах автора рецензируемой вами книги, и в то же время изложить вашу точку зрения на то или иное историческое событие, показать себя знатоком данной темы, указать неиспользованную автором литературу или архивные источники».

Такая точка зрения Виктора Александровича была основана на уроках, полученных от своего учителя М.В. Довнар-Запольского, который точно так же учил своих учеников. Появление рецензий Романовский считал обязательным этапом любой научной работы, поскольку в них сразу же проявляется способность молодого исследователя к анализу.

Вообще статьи Романовского отличались великолепным знанием того, о чем он писал: будь то положение крестьян на Украине, или выступление крестьян в Ставропольской губернии перед реформой 1861 года.

По инициативе Романовского сотрудники кафедры истории Ставропольского пединститута и некоторые преподаватели города подготовили учебное пособие по краеведению для учащихся 7—8 классов. Эта небольшая книжка под названием «Ставропольский край в истории СССР» вышла в 1964 году к началу нового учебного года. Она сразу же стала бестселлером. Ее тираж — 50000 экземпляров был распродан по всему краю за один месяц. Главная ценность книги состояла в том, что она рассказывала обо всех основных периодах истории края, начиная с первобытнообщинного строя. На многие годы этот труд был великолепным подспорьем педагогам Ставропольского края на уроках краеведения.

В 1975 году, уже под редакцией профессора П.А. Шацкого, эта книга была выпущена вторым, дополненным изданием. В ней также была напечатана глава «Крестьянское движение», автором которой был В.А. Романовский.

Следует отметить, что проблемам положения крестьян и причинам восстания в селе Маслов-Кут Ставропольской губернии было посвящено несколько публикаций историка. Это, прежде всего, доклад, подготовленный к научной конференции, проходившей в университете Ростова-на-Дону. Тема звучала так: «К вопросу о революционной ситуации (1859–1861 годы). (Восстание в селе Маслов-Кут в январе 1853 года)». Второй работой явилась статья «К вопросу о положении крестьян села Маслов-Кут перед восстанием 1853 года», напечатанная после смерти ученого.

В начале 60-х годов была открыта аспирантура при кафедре истории в Ставропольском педагогическом институте, которую возглавил В.А. Романовский. Он воспитал большую группу ученых, которые затем преподавали в вузах Ставрополя, Краснодара, Грозного, Ростова-на-Дону и др. Под его руководством было подготовлено и защищено свыше двадцати кандидатских и несколько докторских диссертаций.

В 1958 году в сборнике трудов Ставропольского пединститута была опубликована статья историка «Солдаты-декабристы на Кавказе». Романовский вернулся к уже известному и, казалось бы, хорошо освещенному вопросу — участию солдат в декабрьском восстании и бунте солдат Черниговского полка в 1825—1826 годах. Действительно, на эту тему немало статей, однако у советских историков не доходили руки до того, чтобы внимательно изучить взаимоотношения декабристов и солдат. В этом вопросе возникала путаница.

Следственный материал по делу декабристов дает нам официальную версию: руководители восстания увлекли солдат на Сенатскую площадь обманом, да и сами привлеченные к следствию декабристы поддерживали версию о бессознательном участии солдат в движении.

В.А. Романовский блестяще справился с поставленной проблемой.

Прежде всего, автор серьезно проанализировал все известные источники. Он поправил многих исследователей, в том числе и А.В. Фадеева, приводившего неверные сведения о формировании Сводного гвардейского полка, состоявшего из осужденных солдат, отправленных служить на Кавказ, которые «должны были быть употреблены в действие против горцев». Романовский использовал большое количество редких документов, рассказывающих о порядке следования Сводного гвардейского полка, о прибытии его на Кавказскую линию и распределении рядовых в разные полки Кавказского корпуса.

В.А. Романовский детально рассмотрел вопросы, связанные с отправкой на Кавказ солдат-черниговцев. Он восстановил маршрут, по которому следовали шесть рот Черниговского полка от Белой Церкви до Ставрополя через землю Войска Донского и Кавказскую губернию, указывая все дневные переходы и ночевки.

Значение статьи велико, и это еще больше вызывает удивление: почему современные исследователи не обращают внимания на эти проблемы. Так, в недавно вышедшей книге О.И. Киянской ссылки на статью Романовского нет. Нет статьи и в обширном библиографическом списке источников и литературы[2].

Меня познакомил с Виктором Александровичем армавирский археолог Н.И. Навротский в 1963 году. Николай Иванович в это время уже учился в Ставропольском пединституте. Я закончил 10 классов и попытался поступить в институт, но не прошел по конкурсу. Зимой я получил от Виктора Александровича приглашение поработать на кафедре истории в качестве лаборанта. Дело в том, что в конце 50-х годов Романовский тяжело заболел. Его правая рука не могла выводить буквы, и его жена Елена Павловна печатала ему на пишущей машинке. Однако 4 сентября 1964 года ее не стало. Он тяжело перенес эту смерть. Я вызвался помогать Виктору Александровичу.

С гордостью могу сказать — мне выпала большая честь в течение трех лет быть личным секретарем Романовского. Я печатал под его диктовку письма ученым-историкам, послания друзьям и родственникам, научные статьи и даже рукопись книги о переписи 1666 года. В большом личном фонде Романовского, находящемся ныне в Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК)[3], сохранилась лишь часть обширной и весьма интересной переписки ученого. Там содержится вся дошедшая до нас переписка Виктора Александровича. Вот лишь неполный перечень имен, с которыми Романовский вел переписку: С.Н. Валк, Б.Д. Греков, Н.К. Гудзий, Н.М. Дружинин, А.А. Зимин, Б.Б. Кафенгауз, Е.Н. Кушева, Б.А. Ларин, С.И. Маслов, А.Л. Нарочницкий, В.П. Невская, П.П. Смирнов, И.Я. Фроянов, Л.В. Черепнин, А.Л. Шапиро, С.О. Шмидт, В.К. Яцунский и многие другие. Ежедневно я печатал от 3 до 5 писем.

В личном фонде Романовского сохранилась большая часть копий рецензий на книги и статьи, официальные отзывы на диссертации. Я виделся с Виктором Александровичем ежедневно, даже не уезжал домой в Армавир на каникулы, живя в его квартире. Каждый вечер мы гуляли с Виктором Александровичем по давно заведенному маршруту: от его квартиры, до драматического театра им. М.Ю. Лермонтова. Наш путь пролегал мимо популярного в преподавательской среде кафе. В этом уютном заведении часто собирались преподаватели кафедры русской литературы во главе с профессором А.В. Поповым, за чашкой кофе ученые мужи рассуждали о проблемах мировой литературы. Проходя мимо окон этого кафе В.А. Романовский, обращаясь ко мне, шутливо комментировал: «Идет заседание кафедры!».

Виктор Александрович очень любил музыку. У него было большое собрание долгоиграющих грампластинок. Многие партии из опер он знал наизусть, а некоторые арии он даже напевал. Слушая записи в исполнении Виталия Собинова, В.А. Романовский обычно вспоминал о встречах с великим певцом в Киеве. И каждый раз он вспоминал все новые и новые детали их знакомства.

Хорошо помню, как Виктор Александрович читал лекции. Он приходил всегда аккуратно одетый, в накрахмаленной белоснежной рубашке с галстуком-бабочкой. Я никогда не видел у него в руках конспектов, он воспроизводил все по памяти, цитировал наизусть многие документы. Память у Романовского действительно была великолепная.

Долгие годы он руководил работой студенческого исторического кружка, передавая свой опыт научного исследования. Виктор Александрович активно способствовал работе студентов над архивными документами. Уже на первом курсе многие из нас сидели в читальном зале Ставропольского архива на втором этаже мечети и листали старинные документы. Каждый год на заседаниях научного студенческого исторического кружка, зачитывалось и обсуждалось до 20 научных докладов. Студенты учились не только опыту работы с архивными источниками, но и анализу документов, критическому разбору исторических исследований.

Темы научных студенческих исследований были самыми разнообразными, но в большей степени они касались раскрытия различных вопросов истории Северного Кавказа. Мне Виктор Александрович предложил, например, заняться историей Ставропольской ученой архивной комиссии, а затем мой доклад был заслушан на одном из заседаний студенческого исторического общества. Этот доклад и стал моей первой печатной работой. Он вызвал высокую оценку руководителя[4].

Многие ученики В.А. Романовского оставили свой след в исторической науке. Среди них особое место занял Игорь Яковлевич Фроянов — ныне доктор исторических наук профессор, декан исторического факультета Санкт-Петербургского университета.

Раз в неделю домой к Романовскому приходили преподаватели его кафедры: Петр Андреевич Шацкий, Трофим Иванович Беликов, Николай Иванович Иванько, Федор Петрович Тройно, писавший в то время кандидатскую диссертацию, и другие. Нередки были встречи с профессором Андреем Васильевичем Поповым. Он всегда забавлял нас своими рассказами, а иногда и просто вымышленными байками. Это был большой весельчак, любивший немного пофантазировать.

Многие из коллег-преподавателей пединститута пользовались книгами из огромной и великолепно подобранной библиотеки Виктора Александровича, которая по завещанию досталась его родной кафедре. Нередко можно было встретить у Романовского ученика 10 класса Сергея Карпова. Обычно после прочтения Сергеем какой-нибудь книги, они подолгу её обсуждали. Сейчас С.П. Карпов — декан исторического факультета МГУ, доктор исторических наук, известнейший византинист с мировым именем.

В.А. Романовскому очень повезло, как он говорил, на интересных людей. Кого только он не встречал, с кем только не общался, вот почему каждый вечер в его доме превращался в вечер воспоминаний.

Виктор Александрович в течение многих лет был членом Ученого совета Государственного университета Ростова-на-Дону, и ему приходилось довольно часто выезжать туда на защиты диссертаций. А я не раз сопровождал его в этих поездках.

В 60—70-е годы В.А. Романовский систематически участвует в симпозиумах по аграрной истории Восточной Европы вместе со своими коллегами — членами кафедры истории Ставропольского пединститута. В круг научных интересов Романовского постоянно входили вопросы истории Северного Кавказа и Ставрополья. Я помню, с каким вниманием Виктор Александрович прочитывал присылаемые ему для редактирования рукописи, а они подчас были довольно объемистые. Им были сделано немало ценных замечаний и уточнений. Такой была, например, работа И.П. Хлыстова «Дон в эпоху капитализма 60-е середина 90-х годов XIX века. Очерки истории юга России», вышедшая отдельным изданием в Ростове-на-Дону в 1968 году.

Виктор Александрович редактировал книги по истории Дона, Карачаево-Черкесии, Ставрополья, Калмыкии. Даже простое перечисление названий книг показывает широту взглядов ученого: книга Т.И. Беликова «Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII — начало XIX века)», вышедшая в Элисте в 1965 году; «Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции» (Ставрополь, 1967); Калмыков А.С. «Введение земских учреждений в Ставропольской губернии и борьба крестьян против земства» (Ростов-на-Дону, 1970).

Не переставал заниматься В.А. Романовский и историей Украины. Его статьи по истории украинского крестьянства, о развитии городов Левобережной Украины появляются в сборниках и исторических журналах.

Так, к 250-летию Полтавской битвы институт истории АН СССР подготовил сборник статей — «Полтава». Здесь была опубликована статья В.А. Романовского «Феодально-крепостнические отношения и классовая борьба на Левобережной Украине в конце XVII — начале XVIII века». В ней не только были освящены общественные отношения на Украине в конце XVII — начале XVIII века, но и выявлена расстановка сил на Украине, определена политика господствующего класса. Автор раскрыл также причины враждебных народу выступлений части верхушки украинской старшины, ее отрыва от народных масс. Романовский убедительно доказал отсутствие социальной базы у гетмана Мазепы и неизбежность провала расчетов шведского короля Карла IX на сепаратистские устремления украинской старшины.

Мы уже отмечали, какое большое значение придавал Романовский работе над написанием рецензии. Часто рецензия превращалась не только в обобщающую работу, но, по сути, создавалась небольшая проблемная статья. Примером этому может служить рецензия Романовского на вышедшую на украинском языке книгу В.А. Дядиченко «Очерки общественно-политического строя Левобережной Украины конца XVII — начала XVIII века», которая была опубликована в 1960 году в журнале «История СССР». Романовский не только отметил определенные заслуги автора, указал на его ошибки, но поставил перед будущими историками истории Украины XVII—XVIII веков задачи, которые необходимо решить при дальнейшем изучении этой темы. И необходимо заметить, что замечания, сделанные Романовским, на неиспользованные архивные фонды, пропущенные исследования дореволюционных историков, актуальны до сих пор.

В течение нескольких лет Романовский занимался еще одной огромной работой. Он редактировал чрезвычайно интересный труд профессора Е.Д. Сташевского: «История докапиталистической ренты на Правобережной Украине в XVIII — первой половине XIX века».

Удивительна история этой рукописи. Е.Д. Сташевский только успел закончить свой труд, как был арестован, а затем вскоре расстрелян. Его вдова Татьяна Николаевна чудом сохранила рукописи. Она спасла их во время Великой Отечественной войны. Когда рукопись Е.Д. Сташевского попала к Романовскому, он по достоинству оценил ее уникальность. Дело в том, что Евгений Дмитриевич пользовался в основном архивными источниками на польском языке, он также делал выписки из многих других архивов. Уникальность рукописи оказалась в том, что практически все архивные источники, которые привел Сташевский в своем труде, буквально через несколько лет безвозвратно исчезли. Они погибли в пожарах в годы Великой Отечественной войны.

К большому сожалению, издательство Академии наук, где готовилась книга, вынуждена была сократить ее объем. И из почти 80 печатных листов вышло только 35. Но полная рукопись книги Е.Д. Сташевского в единственном экземпляре сохранилась, она находится в архиве В.А. Романовского в Ставрополе. Так что для будущих исследователей Правобережной Украины имеется эта уникальная рукопись, до сих пор полностью не известная историкам.

В день своего 75-летия свое ответное слово, произнесенное на заседании Ученого совета Ставропольского педагогического института, Виктор Александрович закончил словами украинского поэта:

Невеличке я поле зорав,
Та за плугом ніколи не спав… —

которые как нельзя лучше характеризуют всю полноту кипучей деятельности, жизнь Романовского.

Виктор Александрович скоропостижно скончался 16 февраля 1971 года.

Ñïèñîê ïå÷àòíûõ êàâêàçîâåä÷åñêèõ ðàáîò Â.À. Ðîìàíîâñêîãî

Крестьянская реформа 1861 года в Ставропольской губернии (рец. на книгу: Крикунов В.П. Крестьянская реформа 1861 года в Ставропольской губернии. Ставрополь, 1949) // «Ставропольская правда», 16 ноября, № 225.

Научная работа исторических кафедр Ставропольского педагогического института в 1949/50 учебном году // Вопросы истории. № 12. С. 162.

К истории украинского крестьянства времени воссоединения Украины с Россией // Сборник научных трудов Старопольского педагогического ин-та. — Ставрополь, 1955. Вып. 9. С. 115—127.

Обзор дисертаций по истории Ставрополья за 40 лет Советской власти // Сборник трудов Ставропольского педагогического ин-та — Ставрополь 1957. Вып 12. С. 3—34.

Солдаты-декабристы на Кавказе // Сборник трудов историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического ин-та. — Ставрополь, 1958. Вып 13. С. 15—37.

Куликовская битва // Конференция по итогам выполнения планов научно-исследовательской работы [СГПИ] за 1958—59 годы (18 апреля 1960 года). Тезисы докладов. — Ставрополь, 1960. С. 22—23.

Ред.: — И.П. Хлыстов. Дон в эпоху капитализма: 60-е середина 90-х годов XIX века. Очерки истории юга России. — Ростов-на-Дону. 332 с.

К вопросу о революционной ситуации (1859—1861 годов) (восстание в селе Маслов-Кут в январе 1853 года) // Тезисы докладов на научной сессии Северо-Кавказского совета по гуманитарным наукам, октябрь 1962 года. — Ростов-на-Дону, 1962. С 144—147.

Ред.: — Ставропольский край в истории СССР. Учебное пособие по краеведению для учащихся 7 — 8 классов. — Ставрополь, 1964. 176 с.

Выступление крестьян против угнетателей // Там же. С. 28—33 (без подписи автора).

К вопросу об организации сельского хозяйства на Левобережной Украине второй половины XVIII века // Тезисы докладов на научной конференции Ставропольского государственного педагогического института. Вып. 1 (Общественные и гуманитарные науки). — Ставрополь, 1964. С 41—44.

Ред.: — Т.И. Беликов. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII — начало XIX века). — Элиста: Калмгосиздат, 1965, 180 с.

Ред.: Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической революции. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1967. 600 с. с илл.

Перепись населения Левобережной Украины 1666 года, ее организация и критическая оценка. — Ставрополь [Ставропольский государственный педагогический институт], 1967. 127 с.

Рец.: Захаров В.О. В.А. Романовский. Перепись населения Левобережной Украины 1666 года, ее организация и критическая оценка. — Ставрополь, 1967 // Український Історичний Журнал, 1968. № 9. С. 145—146.

Ред.: Е.Д. Сташевский. История докапиталистической ренты на Правобережной Украине в XVIII — первой половине XIX века. — М.: Наука, 1968. 484 с.

К истории аренды на Левобережной Украине во второй половине XVII — начале XVIII века (к вопросу о первоначальном накоплении) // Некоторые вопросы социально-экономического развития Юго-Восточной России. — Ставрополь [Ставропольский государственный педагогический институт], 1970. С. 321—361.

Ред.: Калмыков А.С. Введение земских учреждений в Ставропольской губернии и борьба крестьян против земства. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Ростов н/Д. 1970. 224 с.

К вопросу о положении крестьян села Маслов-Кут перед восстанием 1853 года // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 12—13. — Ставрополь, 1971. С. 254—265.

Крестьянское движение // Ставропольский край в истории СССР. — Ставрополь, 1975. С. 31—36. [Совместно с С.А. Чекменевым.]

Ñòàòüè î Â.À. Ðî ìàí îâñêî ì

1. Поздравляем, Виктор Александрович [К 70-летию В.А. Романовского] // «Молодой ленинец» (Ставрополь), 1960, 23 января, № 16.

2. Ученый-педагог [Виктор Александрович Романовский] // «За педагога-ленинца», 1960, 14 января.

3. Шацький П.О. Ювілей В.О. Романовського // Украïський Історичний Журнал, 1965, № 3. С. 159.

4. Поздравляем, желаем здоровья, успехов... // «За педагога-ленинца», 1967, 24 января.

5. Виктор Александрович Романовский. Некролог // «Ставропольская правда», 1971, 17 февраля, № 40.

6. (В.О.Захаров). Віктор Олександрович Романовський. Некролог. // Украïський Історичний Журнал, 1971. № 4. С. 154.

7. Суслова Е. Судьба человека [Виктор Александрович Романовский] // «Молодой ленинец», 1990, 31 января, № 9.

8. Митрофаненко В.В., Суслова Е.С. Фонд В.А. Романовского в Государственном архиве Ставропольского края // Археографический ежегодник за 1991. — М., 1994.— С. 227—230.

9. Михальченко СИ. Киевская школа в российской историографии (В.В. Антонович, М.В. Довнар-Запольский). — М.: Прометей — Брянск: Изд-во БГПУ, 1997. [О В.А. Романовском: с. 4, 13, 141, 142, 154, 159.]

10. Воспоминания В.А. Романовского о встрече с убийцей Царской семьи Войковым. Захаров Владимир. К вопросу о так называемых царских останках // Время империи. — М., 1998. С. 9—10.

Ï ðè ì å÷à í èÿ

1. Полную историографию вопроса см.: Літопис Самовидця. Київ: «Наукова Думка», 1971. С. 9—21.

2. См.: Киянская О.И. Южный бунт. Восстание Черниговского пехотного полка 29 декабря 1825 — 3 января 1826. М.: РГГУ, 1997.

3. К большому сожалению, этот архив до конца еще не разобран. См.: Митрофаненко В.В., Суслова Е.С. Фонд В.А. Романовского в Государственном архиве Ставропольского края // Археографический Ежегодник за 1991. М., 1994. С. 227—230.

4. [Захаров В.А.] Ставропольская ученая архивная комиссия // Календарь памятных дат по Ставропольскому краю на 1966 год. Ставрополь, 1966. С. 20—21.

Òåêñò ïðåäîñòàâëåí àâòîðîì äëÿ ïóáëèêàöèè â ñáîðíèêå ñòàòåé, ïîñâÿùåííîì òâîð÷åñòâó Â.À. Ðî ìàí îâñêîãî; áèáëèîãðàôèÿ äàåòñÿ ïî èçäàíèþ:

Захаров В.А. Романовский Виктор Александрович (1890–1971). — Москва — Армавир: Армавирский государственный педагогический институт, 2000.

Ý.Â. Êåì ïèíñêèé
Âèêòîð Àëåêñàíäðîâè÷ Ðîìàíîâñêèé

Виктор Александрович Романовский прожил долгую, творчески насыщенную жизнь, несмотря на ее драматичность как в личном, так и в научном отношениях.

Родившись в 1890 году, он сформировался как ученый еще в досоветское время. До событий 1917 года российская историческая мысль развивалась в едином европейском историографическом пространстве. Глобальные социальные потрясения начала XX века оказали воздействие на историческое знание, прежде всего тем, что выдвинули в центр поисков новые проблемы о характере, глубине, масштабности этих потрясений. Не случайно стали интенсивно развиваться такие новые научные направления, как социальная и историческая психология, историческая демография, социальная и экономическая история, духовная жизнь общества. Научные интересы В.А. Романовского, сформировавшиеся под влиянием М.В. Довнар-Запольского, соответствовали этим приоритетным направлениям исторической науки. Он одним из первых обратился к изучению социально-экономических отношений, государственного хозяйства на Украине во второй половине XVII – начале XVIII века, анализу социальной структуры украинского общества того периода. Для своего исследования ученый привлек и проанализировал так называемую «Румянцевскую опись Малороссии» 1765–1769 годов.

Блестяще складывалась карьера молодого ученого:

1914 год — помощник директора Центрального архива древних актов (Киев).

1918 год — доцент Киевского университета.

1921 год — директор Центрального архива древних актов Украины.

1930 год — руководитель археографической комиссии Академии наук Украины.

В 1918 году защитил магистерскую диссертацию. К 1929 году подготовил докторскую.

Однако в 30-е годы с введением в научную практику определений И.В. Сталина историографическая ситуация изменилась. Партии и государству требовались историки, для которых политическая целесообразность была критерием более значимым, чем историческая правда. Уже в 1934 году в статье И. Сталина, А. Жданова и С. Кирова «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР» партией перед историками была поставлена цель «преподать нашей молодежи марксистские научно-обоснованные определения». Образцом данной интерпретации исторического процесса стал учебник «История ВКП (б). Краткий курс», подготовленный в 1938 году комиссией при ЦК ВКП (б).

Марксистское понимание истории в его сталинской концепции, по небезосновательному утверждению ученого И.Д. Ковальченко, стало не только государственной идеологией, и было не только абсолютизировано как единственно научная теория, но стало предельно догматизировано, что мешало всестороннему рассмотрению истории. Сталинская интерпретация марксизма-ленинизма привела к определенному снижению уровня исследований, к теоретической дезорганизации целого ряда поколений исследователей.

Не удивительно поэтому, что сохранить высокий профессионализм удалось немногим. И расплачиваться приходилось либо почти полным отлучением от активной научной деятельности, либо выдерживать десятилетия непрекращающейся критики и постоянных нападок, как, например, А.Я. Гуревичу, А.А. Зимину и многим другим. Ни истинный талант, ни официальное положение не являлись гарантией выживания для историков.

В 1935 году последовали арест В.А. Романовского по делу «Украинского национального центра» и 5 лет карагандинских лагерей. По окончании срока заключения В.А. Романовский был оставлен в Караганде. Эрудиция, профессионализм и научный уровень заметно выделяли его из числа окружающих. Всего лишь со справкой об освобождении он был принят на должность доцента учительского института. Осужденный по политической (58) статье и при жизни так и нереабилитированный, он преподавал в Высшей партийной школе при Карагандинском обкоме ВКП (б).

Не имея возможности выехать в Москву, Ленинград, Киев для сбора архивных материалов, В.А. Романовский пользовался своими записями, сделанными еще до 1935 года. Здесь добрым словом с искренней признательностью нужно вспомнить жену ученого Елену Павловну, которая бережно сохранила все рукописи Виктора Александровича и привезла их в Караганду. Ценность их подчеркивает то обстоятельство, что в ходе Великой Отечественной войны ряд архивов, коллекций города Киева были безвозвратно потеряны.

В 1946 году Виктор Александрович защитил кандидатскую диссертацию «Борьба за финансовую автономию Украины в 60-х годах XIX века». В 1948 году — докторскую диссертацию «Очерки по истории государственного хозяйства Украины в XVII века». Подготовленная еще в 1929 году, она не потеряла своей научной актуальности. В ней впервые была дана характеристика и истолкование столь важного политического события, которым являлось присоединение Украины к России. Дан научный анализ социального и экономического положения украинского общества, предопределившие воссоединение.

В полном объеме диссертация В.А. Романовского так и не была опубликована. В 30–40-е годы в СССР проблема понимания происходившего не была в числе первоочередных, и вся задача науки сводилась к подтверждению выводов основоположников. Историкам пришлось уяснить, что исторический процесс –

это подтверждение сталинских оценок. Дань этой историографической традиции 30 – начала 50-х годов вынужден был отдать и В.А. Романовский. В свете сталинских работ по языкознанию он рассматривал процесс происхождения русского, украинского и белорусского народов.

Научная трагедия ученого состоит в потере предмета своих многолетних исследований, невозможности реализации собственных научных интересов. Это характерно не только по отношению к В.А. Романовскому, но и в целом к проблеме «Историк и общество, ученый и власть, историк и время». Судьба Виктора Александровича тому яркий пример.

С 1947 года и вплоть до самой смерти в 1971 году В.А. Романовский связан с городом Ставрополем, Ставропольским государственным педагогическим институтом непосредственно. Лишенный и источниковой базы, и политических возможностей для продолжения своих традиционных исследований, Виктор Александрович искал новые темы.

«Не было бы счастья, да несчастье помогло», — гласит с оттенком грусти русская поговорка... Политические установки советского периода обусловили соответствующую историографическую проблематику, новый язык советской исторической науки. Формация, процесс, класс, партия, революция, закон, марксизм, пролетариат — вот основы нового исторического словаря. Но, пожалуй, самым популярным и наиболее распространенным термином советской историографии являлось слово «борьба». Отсюда же и формирование магистральных тем исторических исследований. На данное обстоятельство обратил внимание и В.А. Романовский, отмечая, что за 40 лет Советской власти на Ставрополье приоритетными темами являлись классовая борьба, революционные события XX века. Таковыми они оставались и после 1953 года вплоть до конца 80-х годов. Не остался в стороне от них и сам В.А. Романовский. Он подробно исследует восстание крестьян в ставропольском селе Маслов Кут, историю пребывания солдат-декабристов на Кавказе, их участие в декабрьском вооруженном восстании.

Региональный компонент стал фундаментом научной деятельности В.А. Романовского в ставропольский период. Результатом ее стала публикация в 1964 году под его редакцией учебного пособия «Ставропольский край в истории СССР» — первое в стране издание подобного типа. Крупное значение имела деятельность Виктора Александровича как одного из организаторов науки на Ставрополье. Он внес неоценимый вклад в становление ставропольской школы по отечественной истории. Под его руководством были защищены более 20 кандидатских исследований, он оказал помощь в подготовке ряда докторских диссертаций.

Гордостью и заслугой педагога, ученого являются научные достижения его учеников. Среди учеников Виктора Александровича — крупные современные отечественные историки, широко известные за пределами страны: ректор Ставропольского государственного университета, доктор социологических наук, профессор Владимир Александрович Шаповалов, декан исторического факультета Московского государственного университета, известнейший византинист академик Сергей Павлович Карпов, бывший декан исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, исследователь русской средневековой истории Игорь Яковлевич Фроянов, доктор исторических наук, профессор Белгородского университета Федор Петрович Тройно, доктор исторических наук, профессор Ставропольского государственного университета Николай Дмитриевич Судавцов, кандидат исторических наук Дмитрий Дмитриевич Кривенко, доцент Ставропольского государственного университета Анатолий Васильевич Найденко и многие другие.

В памяти студентов и учеников осталась энциклопедическая широта знаний, утонченность манер, импозантность, неизменная доброжелательность В.А. Романовского.

Скончался Виктор Александрович в 1971 году. Но его творческое наследие актуально и поныне. Заявленные им темы и проблемы могут и должны стать предметом научных исследований исторического факультета Ставропольского государственного университета. Среди них: развитие городского населения, архивоведение, методика преподавания истории и идейно-политическое воспитание молодежи, региональный компонент, история культуры России.

Обществом востребовано исследование роли России в объединении славянских земель. В.А. Романовский оценил воссоединение Украины и России в целом позитивно. С ним можно и должно согласиться. Объединение было исторически обусловлено и прогрессивно. В современных условиях данная тема, как и вообще славяноведение имеет научную и общественно-политическую актуальность.

Эволюция городов, роль городского населения в социально-экономическом, политическом, культурном развитии страны уже является одной из приоритетных тем научно-исследовательской работы исторического факультета Ставропольского государственного университета.

Вопросы культуры – важный аспект исследований по отечественной и по всеобщей истории. В условиях нашего многонационального региона изучение истории культуры народов Северного Кавказа приобретает повышенную общественно-политическую актуальность.

Считаю, что внимание к проблемам Северо-Кавказского региона, Ставрополья в частности, — дело чести и профессионализма каждого ученого, живущего в нашем регионе. Примером того является судьба В.А. Романовского, в течение двадцати пяти лет занимавшегося историей Ставрополья.

Òåêñò ðóêîïèñè ïðåäîñòàâëåí àâòîðîì.

Опальные: Русские писатели открывают Кавказ

Антология: В 3 т.

Том 3

Научные редакторы:
В.А. Шаповалов, К.Э. Штайн

Составление:
К.Э. Штайн, Д.И. Петренко

Подготовка текста
Д.И. Петренко, К.Э. Штайн, Е.Н. Золоторева, В.П. Ходус, Т.С. Шевченко, Ф.Р. Одекова, А.И. Темирболатова, Е.Д. Черникова

Корректор:
Б.Я. Альтус

Дизайн, обложка:
С.Ф. Бобылев

Верстка:
Е.Н. Золоторева, Д.И. Петренко